This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

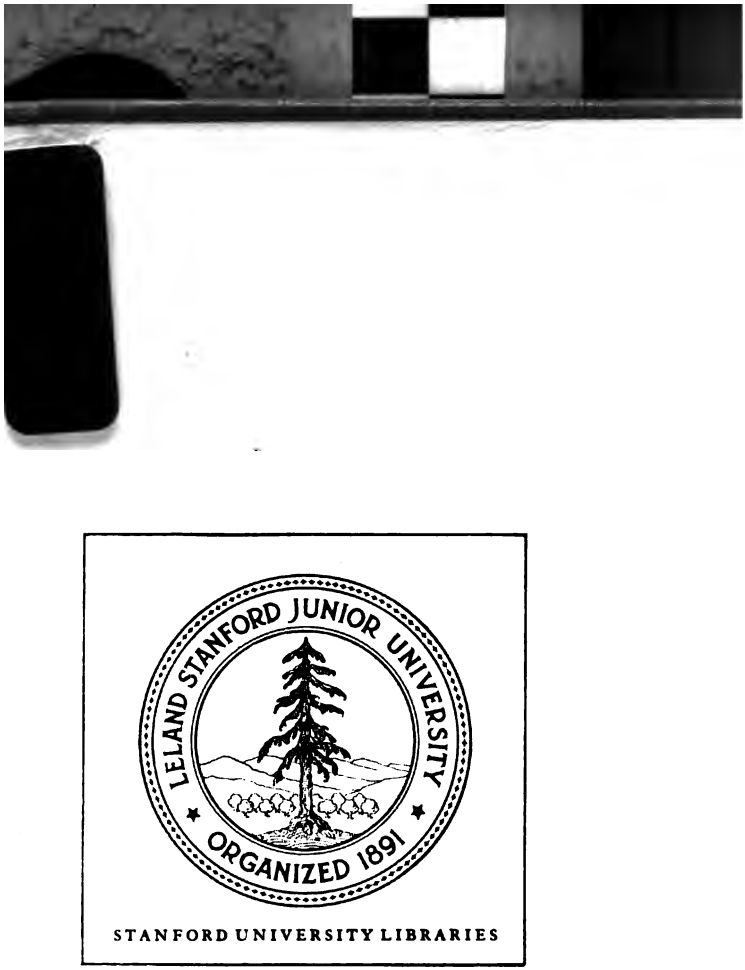
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`


LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Dostoevskii, F.M.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Ѳ. М. Достоевскаго

Изданіе четвертое.

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ

за 1877 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія брат. Пантелеевыхъ. Верейская, 16.
1891.

Dostoevskii, F.M.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Ѳ. М. Достоевскаго

Изданіе четвертое.

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ

за 1877 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія брат. Пантелеевыхъ. Верейская, 16.
1891.

[redacted]

PG3325
A1
1891 .
V.11-12

ЯНВАРЬ.

Глава первая.

I.

Три идеи.

Я начну мой новый годъ съ того самаго, на чемъ остановился прошломъ году. Послѣдняя фраза въ декабрьскомъ «Дневникѣ» ъ была о томъ, «что почти всѣ наши русскія разъединенія особленія основались на однихъ лишь недоумѣніяхъ, и даже рубѣйшихъ, въ которыхъ нѣтъ ничего существеннаго и не-ходимаго». Повторяю опять: всѣ споры и разъединенія наши зошли лишь отъ ошибокъ и отклоненій ума, а не сердца, ъ въ этомъ-то опредѣленіи и заключается все существен-нашихъ разъединеній. Существенное это довольно еще от-о. Ошибки и недоумѣнія ума исчезаютъ скорѣе и безслѣднѣе ошибки сердца; излечиваются-же не столько отъ споровъ ъясненій логическихъ, сколько неотразимою логикою собы-кивой, дѣйствительной жизни, которыя весьма часто, сами ебѣ, заключаютъ необходимый и правильный выводъ и ука-ютъ прямую дорогу, если и не вдругъ, не въ самую минуту появленія, то во всякомъ случаѣ въ весьма быстрые сроки, на даже и не дожидаясь слѣдующихъ поколѣній. Не то съ ками сердца. Ошибка сердца есть вещь страшно важная: это уже зараженный духъ иногда даже во всей націи, несущій обою весьма часто такую степень слѣпоты, которая не изле-ется даже ни передъ какими фактами, сколько-бы они ни

указывали на прямую дорогу; напротивъ, переработывающая э
факты на свой ладъ, ассимилирующая ихъ съ своимъ зараже
нымъ духомъ, причемъ происходитъ даже такъ, что скорѣе умре
вся нація, сознательно, т. е. даже понявъ слѣпоту свою, но
желая уже излечиваться. Пусть не смѣются надъ мной заран
что я считаю ошибки ума слишкомъ легкими и быстро изгл
димыми. И ужь смѣшнѣе всего было-бы, даже кому-бы то
было, а не то что мнѣ, принять на себя въ этомъ случаѣ ро
изглаживателя, твердо и спокойно увѣреннаго, что словами про
менъ и перевернешь убѣжденія данной минуты въ обществѣ.
это все сознаю. Тѣмъ не менѣе стыдиться своихъ убѣжден
нельзя, а теперь и не надо. и кто имѣетъ сказать слово, то
пусть говоритъ, не боясь, что его не послушаютъ, не боясь да
и того, что надъ нимъ насмѣются и что онъ не произведетъ н
какого впечатлѣнія на умъ своихъ современниковъ. Въ этом
смыслѣ «Дневникъ Писателя» никогда не сойдетъ съ своей д
роги, никогда не станетъ уступать духу вѣка, силѣ властву
щихъ и господствующихъ вліяній, если сочтетъ ихъ несправе
ливыми, не будетъ подлаживаться, льстить и хитрить. Пос
цѣлаго года нашего изданія намъ кажется уже позволитель
это высказать. Вѣдь мы очень хорошо и вполнѣ сознательно п
нимали и въ прошломъ году, что многимъ изъ того, о чемъ п
сали мы съ жаромъ и убѣжденіемъ, мы въ сущности вреди
только себѣ; и что гораздо болѣе получили-бы, напротивъ, в
годы, если-бы съ такимъ-же жаромъ попадали въ другой унисон

Повторямъ: намъ кажется, что теперь надо какъ можно с
кровеннѣе и прямѣй *всѣмъ* высказываться, не стыдясь наивн
обнаженности иной мысли. Дѣйствительно насъ, т. е. всю Р
сію ожидаютъ, можетъ быть, чрезвычайныя и огромныя событ
Могутъ вдругъ наступить великіе факты и застать наши инт
лигентныя силы въ расплохъ и тогда не будетъ-ли поздно?»
какъ говорилъ я, заканчивая мой декабрьскій «Дневникъ». І
воря это, я не одни политическія событія разумѣлъ въ это
«ближайшемъ будущемъ», хотя и они не могутъ не поража
теперь вниманіе даже самыхъ скудныхъ и самыхъ «жидовству
щихъ» умовъ, которымъ ни до чего кромѣ себя дѣла нѣтъ.
самомъ дѣлѣ, что ожидаетъ міръ не только въ остальную ч
верть вѣка, но даже (кто знаетъ это?) въ нынѣшнемъ, може
быть, году? Въ Европѣ не спокойно, и въ этомъ нѣтъ сомнѣн
Но временное-ли, минутное-ли это безпокойство? Совсѣмъ нѣ
видно подошли сроки ужь чему-то вѣковѣчному, тысячелѣтне

тому, что приготовлялось въ мірѣ съ самого начала его цивили
заціи. Три идеи встаютъ передъ міромъ и, кажется, формули
руются уже окончательно. Съ одной стороны, — съ краю Евро
пы — идея католическая, осужденная ждущая въ великихъ му
кахъ и недоумѣніяхъ: быть ей иль не быть, жить ей еще ил
пришелъ ей конецъ. Я не про религію католическую одну го
ворю, а про всю *идею Католическую*, про участь націй, сложи
шихся подъ этой идеей въ продолженіи тысячелѣтія, проникну
тыхъ ею насквозь. Въ этомъ смыслѣ, Франція, напримѣръ, ест
какъ-бы полнѣйшее воплощеніе Католической идеи въ продол
женіи вѣковъ, глава этой идеи, унаслѣдованной, конечно, еще от
римлянъ и въ ихъ духѣ. Эта Франція даже и потерявшая то
perь, *почти вся*, всякую религію (іезуиты и атеисты тутъ во
равно, все одно), закрывавшая не разъ свои церкви и даже по
вергавшая однажды баллотировкѣ Собранія самого Бога, эт
Франція, развившая изъ идей 89 года свой особенный францу
ский соціализмъ, т. е. успокоеніе и устройство человѣческаго об
щества уже безъ Христа, и внѣ Христа какъ хотѣло да не съу
мѣло устроить его во Христѣ католичество, — эта самая Франці
я въ революціонерахъ Конвента, и въ атеистахъ своихъ, и в
соціалистахъ своихъ, и въ теперешнихъ коммунарахъ своихъ, —
и еще въ высшей степени есть и продолжаетъ быть націе
католической вполнѣ и всецѣло, вся зараженная католическим
духомъ и буквой его, провозглашающая устами самыхъ отъяя
ныхъ атеистовъ своихъ: Liberté, Egalité, Fraternité — on l
dit, т. е. точь въ точь какъ-бы провозгласилъ это самъ папа
если-бы только принужденъ былъ провозгласить и формулировать
Liberté, Egalité, Fraternité католическую — его слогомъ, его духомъ
католическимъ слогомъ и духомъ папы среднихъ вѣковъ. Самый
атеистическій соціализмъ французскій, повидимому горячій и ре
альный протестъ противъ идеи Католической всѣхъ измученныхъ
и угнетенныхъ ею людей и націй, желающихъ во что-бы то ни
стало жить и продолжать жить уже безъ Католичества и безъ
Христа, — самый этотъ протестъ, начавшійся фактически с
конца прошлаго столѣтія (но въ сущности гораздо раньше) ест
только иное какъ лишь вѣрнѣйшее и неуклонное продолженіе К
толической идеи, самое полное и окончательное завершеніе е
послѣдствіе, выработавшееся вѣками! Ибо соціализмъ
французскій есть ничто иное, какъ *насильственное* единеніе ч
ловѣка — идея еще отъ древняго Рима идущая, и потомъ всецѣ
въ католичествѣ сохранившаяся. Такимъ образомъ идея освобо

денія духа человѣческаго отъ Католичества облеклась тутъ имени
въ самыя тѣсныя формы католическія, заимствованныя въ са
момъ сердцѣ духа его, въ буквѣ его, въ матеріализмѣ его, в
деспотизмѣ его, въ нравственности его.

Съ другой стороны, возстаетъ старый Протестантизмъ, про
тестующій противъ Рима вотъ уже девятнадцать вѣковъ, противъ
Рима и идеи его, древней языческой и обновленной Католиче
ской, противъ міровой его мысли владѣть человѣкомъ на всей
землѣ, и нравственно и матерьяльно, противъ цивилизаціи его,—
протестующій еще со временъ Арминія и Тевтобургскихъ лѣсовъ.
Это — Германецъ, вѣрящій слѣпо, что въ немъ лишь обновленіе
человѣчества, а не въ цивилизаціи католической. Во всю исто
рію свою онъ только и грезилъ, только и жаждалъ объединенія
своего для провозглашенія своей гордой идеи, — сильно форму
лировавшейся и объединившейся еще въ Лютерову ересь; а те
перь, съ разгромомъ Франціи, передовой главнѣйшей и христіан
нѣйшей Католической націи, пять лѣтъ тому назадъ, — герма
нецъ увѣренъ уже въ своемъ торжествѣ всецѣло и въ томъ, что
никто не можетъ стать вмѣсто него въ главѣ міра и его воз
рожденія. Вѣритъ онъ этому гордо и неуклонно; вѣритъ, что
выше германскаго духа и слова нѣтъ ничего въ мірѣ и что Гер
манія лишь одна можетъ изречь его. Ему смѣшно даже предпо
ложить, что есть хоть что-нибудь въ мірѣ, даже въ зародышѣ
только, что могло-бы заключать въ себѣ хоть что-нибудь такое
чего-бы не могла заключать въ себѣ предназначенная къ руко
водству міра Германія. Между тѣмъ очень не лишнее было-бы
замѣтить, хотя-бы только въ скобкахъ, что во всѣ девятнадцать
вѣковъ своего существованія Германія, только и дѣлавшая, что
протестовавшая, сама своего *новаго слова* совсѣмъ еще не про
изнесла, а жила лишь все время однимъ отрицаніемъ и проте
стомъ противъ врага своего, такъ что, напримѣръ, весьма и весьма
можетъ случиться такое странное обстоятельство, что когда Гер
манія уже одержитъ побѣду окончательно и разрушитъ то, про
тивъ чего девятнадцать вѣковъ протестовала, то вдругъ и ей
придется умереть духовно самой, вслѣдъ за врагомъ своимъ, ибо
не для чего будетъ ей жить, *не будетъ противъ чего проте
стовать*. Пусть это покамѣстъ моя химера, но зато Лютеровъ
протестантизмъ уже фактъ: вѣра эта есть протестующая и лишь
отрицательная, и чуть исчезнетъ съ земли Католичество, исчез
нетъ за нимъ вслѣдъ и Протестантство навѣрно, потому что не
противъ чего будетъ протестовать, обратится въ прямой атеизмъ

и тѣмъ кончится. Но это положимъ пока еще моя химера. Иде Славянскую Германецъ презираетъ также какъ и Католическу съ тою только разницею, что послѣднюю онъ всегда цѣнил какъ сильнаго и могущественнаго врага, а Славянскую идею н только ни во что не цѣнилъ, но и не признавалъ ее даже вов ю самой послѣдней минуты. Но съ недавнихъ поръ онъ уж начинаетъ коситься на Славянъ весьма подозрительно. Хоть ем и до сихъ поръ смѣшно предположить, что у нихъ могутъ бы тоже хоть какія-нибудь цѣль и идея, какая-то тамъ надеж тоже «сказать что-то міру», но однако-же съ самаго разгро Франціи мнительныя подозрѣнія его усилились а прошлогодн и текущія событія ужь конечно не могли облегчить его нед вѣрчивости. Теперь положеніе Германіи нѣсколько хлопотливо во всякомъ случаѣ и прежде всякихъ Восточныхъ идей ей на кончить свое дѣло на Западѣ. Кто станетъ отрицать, что Фра ція, недобитая Франція, не безпокоитъ и не безпокоила Герман во всѣ эти пять лѣтъ послѣ своего погрома именно тѣмъ, ч онъ не добилъ ее. Въ семьдесятъ-пятомъ году это безпокойст дошло въ Берлинѣ чрезвычайнаго даже предѣла, и Герман непремѣнно ринулась бы, пока есть еще время, добивать исконна своего врага, но помѣшали нѣкоторыя чрезвычайно сильныя о стоятельства. Теперь же, въ этомъ году, сомнѣнія нѣтъ, ч Франція, усиливающаяся матеріально съ каждымъ годомъ, е страшнѣе пугаетъ Германію, чѣмъ два года назадъ. Герман знаетъ, что врагъ не умретъ безъ борьбы, мало того, когда н почувствуетъ, что оправился совершенно, то самъ задаетъ бит такъ, что черезъ три года, черезъ пять лѣтъ, можетъ быть, б детъ уже очень поздно для Германіи. И вотъ, въ виду того, ч Западъ Европы такъ всецѣло проникнутъ своей собственно духовною возставшею идеею, и что у него слишкомъ много тепе для себя самого — въ виду того весьма и весьма можетъ сл читься что Германія, почувствовавъ свои руки на время разв занными, бросится на Западнаго врага окончательно, на стра ну, возмущающую ее мутаюшія и все это даже можетъ случить въ скоромъ и слишкомъ недалекомъ будущемъ. Вообще-т можно такъ сказать, что если на Востокѣ дѣла натянуты, т на Западѣ Германія не въ худшемъ еще положеніи. ... у ней еще не болѣе опасенія и всякихъ страховъ ... всю Европу на весь ея непомѣрно гордый тонъ. И это ... нами можно взять въ особенное вниманіе.

А между тѣмъ на Востокѣ дѣйствительно загорѣлась и засвѣ

[illegible]

[illegible] человѣкъ почти [illegible]

[illegible] чувствовать.

[illegible] представляющійся [illegible]

[illegible] такія событія [illegible]

[illegible] такого размѣра [illegible]

[illegible] естественнымъ соображеніямъ [illegible]

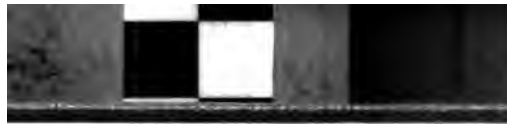
[illegible]

признаютъ, по крайней мѣрѣ, наше народное движеніе въ этом
году въ пользу славянъ, а тѣ нѣтъ. Петры даже хвалятъ э
движеніе, по своему, конечно, хотя многое имъ въ немъ не пр
вится, но тѣ самое движеніе отрицаютъ вопреки свидѣтельст
всей Россіи: «не было, дескать, ничего да и только. Мало то
что не было, но и не могло-де быть». «Народъ, дескать, ник
не кричалъ и не заявлялъ, что войны хочетъ». Да народъ ник
никогда и не кричитъ и не заявляетъ, народъ нашъ разумѣ
и тихъ, а къ тому-же вовсе не хочетъ войны, вовсе даже,
лишь сочувствуетъ своимъ угнетеннымъ братьямъ за вѣру Хр
стову отъ всей души и отъ горячаго сердца, но ужь коли нар
будетъ, коли раздастся великое слово Царя, то весь пойдет
всей своей стомилліонной массой и сдѣлаетъ все, что можетъ сд
лать этакая стомилліонная масса, одушевленная однимъ поры
вомъ и въ согласіи, какъ единъ человѣкъ. Такъ что этакую сил
единенія, въ виду таинственнаго будущаго близкихъ судебъ вс
Европы, нельзя не цѣнить и нельзя не созерцать передъ собо
въ минуты нѣкоторыхъ невольныхъ соображеній и гаданій н
нихъ. Да и Богъ съ ней съ войной; кто войны хочетъ, хот
въ скобкахъ говоря, пролитая кровь «за великое дѣло любви
много значитъ, многое очистить и омыть можетъ, многое может
вновь оживить и многое, доселѣ приниженное и опакощенное в
душахъ нашихъ, вновь вознести.

Но это лишь «слова и мысли». Я всего только говорилъ, ч
есть историческія событія, увлекающія все за собой и отъ к
торыхъ не избавишься ни волей, ни хитростью, точно также как
не запретишь морскому приливу остановиться и возвратить
вспять. Но все-же обиденъ этотъ торжествующій теперь, посл
лѣтнихъ восторговъ, цинизмъ, обидна эта радость цинизма, р
дость чему-то гадкому, будто-бы восторжествовавшему надъ во
торгомъ людей, обидны эти торжествующія рѣчи людей, не т
что ужь презирающихъ, но чуть-ли не совсѣмъ отрицающих
даже весь народъ нашъ, и признающихъ въ немъ, кажется, т
прежнему, всего лишь одну косную массу и рабочія руки, то
въ точь какъ признавали это два вѣка сряду до великаго дн
девятнадцатаго февраля. «Стану я подражать этому народу? К
кая это у него идея, гдѣ вы ее отыскали?»—вотъ что слышим
теперь почти поминутно. Это невѣріе въ духовную силу наро
сть, конечно, невѣріе и во всю Россію. Безъ сомнѣнія, замѣш
лось тутъ чрезвычайно много всякихъ и разнообразныхъ пр
чинъ, руководящихъ отрицателями, но вѣрите-ли—въ нихъ мно

[redacted]

но по неизмѣннымъ историческимъ законамъ почти точь въ
таже исторія и въ нашей штундѣ: извѣстно, что они уже
даются, спорятъ о буквахъ, толкуютъ Евангеліе всякъ на
страхъ и на свою совѣсть, и, главное, *съ самаго начала*,—
ый, несчастный, темный народъ! При этомъ столько чисто-
ія, столько добрыхъ начинаній, столько желанія выдержать
хоть муки и при всемъ томъ однако—столько самой без-
ной глупости, столько маленькаго педантскаго лицемѣрія,
юбія, усладительной гордости въ новомъ чинѣ «святыхъ»,
плутовства и крючкотворства, а главное—все «съ самаго
», съ самаго т. е. сотворенія міра, съ того что такое есть
ѣкъ и что такое женщина, что хорошо и что дурно и даже:
и Богъ или нѣтъ его? И какъ вы думаете: именно то что
акъ безцеремонны и такъ принуждены начинать съ начала,
о это-то и нравится многимъ и особенно нѣкоторымъ: «сво-
е умомъ начнутъ жить, стало быть, непремѣнно договорятся
го-нибудь». Вотъ разсужденіе! Такъ что добытое вѣками
цѣнное достояніе, которое надо-бы разъяснить этому тем-
народу въ его великомъ истинномъ смыслѣ, а не бросать
мію, какъ ненужную старую ветошь прежнихъ вѣковъ, въ
ости пропало для него окончательно. Развитіе, свѣтъ, про-
ъ отдаляются опять для него на много назадъ, ибо насту-
теперь для него уединенность, обособленность и закрытость
льничества, а вмѣсто ожидаемыхъ «разумныхъ» новыхъ идей,
ягнутся лишь старые, древнѣйшіе, всѣмъ извѣстные и по-
ные идолы, — и попробуйте-ка ихъ теперь сокрушить! А
мъ бояться штунды совсѣмъ нечего, хотя жалѣть ее очень
. Эта штунда не имѣетъ никакого будущаго, широко не
нется, скоро остановится и навѣрно сольется съ которой
ь изъ темныхъ сектъ народа русскаго, съ какой нибудь
овщиной,—этой древнѣйшей сектой всего, кажется, мира,
ая безспорно свой смыслъ и хранящей его въ двухъ древ-
ихъ атрибутахъ: верченіи и пророчествѣ. (Вѣдь и Тампліе-
ли за верченіе и пророчество, и квакеры вертятся и
ствуютъ, и Пиѳія въ древности вертѣлась и пророчество-
у Татариновой вертѣлись и пророчествовали, и Редсто-
ши весьма, можетъ быть, кончатъ тѣмъ, что будутъ вер-
а пророчествуютъ они ужь, кажется, и теперь. Да не
ся Редстокисты сравненіемъ. Кстати, многіе смѣются со-
ію появленія обѣихъ сектъ у насъ въ одно время: штунды
омъ народѣ и Редстокистовъ въ самомъ изящномъ обще-



ствѣ нашемъ. Между тѣмъ тутъ много и не смѣшнаго. Ч
до совпаденія въ появленіи двухъ нашихъ новыхъ сектъ
ужъ, безъ сомнѣнія, онѣ вышли изъ одного и того-же не
ства, то есть изъ совершеннаго незнанія своей религіи.

III.

Ѳома Даниловъ, замученный русскій герой.

Въ прошломъ году, весною, было перепечатано во всѣх
зетахъ извѣстіе, явившееся въ «Русскомъ Инвалидѣ» о му
ческой смерти унтеръ-офицера 2-го Туркестанскаго стрѣлк
баталіона, Ѳомы Данилова, захваченнаго въ плѣнъ Кипчака
варварски умерщвленнаго ими послѣ многочисленныхъ и уто
нѣйшихъ истязаній, 21 ноября 1875 года, въ Маргеланѣ,
что не хотѣлъ перейти къ нимъ въ службу и въ магометан
Самъ ханъ обѣщалъ ему помилованіе, награду и честь, если
сится отречься отъ Христа. Даниловъ отвѣчалъ, что изм
онъ кресту не можетъ и, какъ царскій подданный, хотя
плѣну, долженъ исполнить къ Царю и къ христіанству свою
занность. Мучители, замучивъ его до смерти, удивились си
духа и назвали его батыремъ, т. е. по русски богатыремъ.
это извѣстіе, хотя и сообщенное всѣми газетами, прошло ка
безъ особеннаго разговора въ обществѣ, да и газеты, сооб
его въ видѣ обыкновеннаго газетнаго entrefilet, не сочли нуж
особенно распространиться о немъ. Однимъ словомъ, съ
Даниловымъ «было тихо», какъ говорятъ на биржѣ. Потомъ,
извѣстно, наступило славянское движеніе, явились Черняевъ,
бы Кирѣевъ, пожертвованія, добровольцы, и объ Ѳомѣ зам
номъ позабыли совсѣмъ (т. е. въ газетахъ), и вотъ недавно т
получились къ прежнему извѣстію дополнительныя подробн
Сообщаютъ опять, что Самарскій губернаторъ навелъ спра
семействѣ Данилова, происходившаго изъ крестьянъ села К
новки, Самарской губерніи, Бугурусланскаго уѣзда, и оказ
что у него остались въ живыхъ жена [illegible] 27 лѣтъ и
Унита шести лѣтъ, находившіяся въ [illegible] положеніи
[illegible] у Самарскаго губернатора,
[illegible]
[illegible] замученнаго [illegible] къ Самарскому губерн
земскому собранію [illegible]

стить дочь Данилова стипендіаткой въ одно изъ учебныхъ заведе-
ній. Затѣмъ собрали 1320 рублей и изъ нихъ шестьсотъ отложили
дочери до совершеннолѣтія, а остальную сумму выдали самой вдо-
вѣ на руки, а дочь Данилова приняли въ учебное заведеніе. Кромѣ
того, начальникъ Главнаго Штаба увѣдомилъ губернатора о всемі-
лостивѣйше назначенной вдовѣ Данилова пожизненной пенсіи изъ
Государственнаго Казначейства, по сто двадцати рублей въ годъ.
Затѣмъ,—затѣмъ дѣло, вѣроятно, опять будетъ забыто въ виду
текущихъ тревогъ, политическихъ опасеній, огромныхъ вопросовъ,
ждущихъ разрѣшенія, краховъ и пр. и пр.

О, я вовсе не хочу сказать, что наше общество отнеслось къ
этому поразительному поступку равнодушно, какъ къ нестоящему
вниманія. Фактъ лишь тотъ, что немного говорили, или лучше,
почти никто не говорилъ объ этомъ *особенно*. Впрочемъ, можетъ
быть, и говорили гдѣ-нибудь про себя, у купцовъ, у духовныхъ,
напримѣръ, но не въ обществѣ, не въ интелигенціи нашей. Въ
народѣ, конечно, эта великая смерть не забудется: этотъ герой при-
нялъ муки за Христа и есть великій русскій; народъ это цѣнитъ и
не забудетъ, да и никогда онъ такихъ дѣлъ не забываетъ. И вотъ
я какъ будто уже слышу нѣкоторые столь извѣстные мнѣ голоса:
«Сила-то конечно сила, и мы признаемъ это, но вѣдь все-же—
темная, проявившаяся слишкомъ ужь, такъ сказать, въ допотоп-
ныхъ, оказеннившихся формахъ, а потому—что-же намъ *особенно*-
то говорить? Не нашего это міра; другое-бы дѣло сила проявив-
шаяся интелигентно, сознательно. Есть, дескать, и другіе страдаль-
цы и другія силы, есть и идеи безмѣрно высшія—идея обще-
человѣчности, напримѣръ»...

Не смотря на эти разумные и интелигентные голоса мнѣ все-
же кажется позволительнымъ и вполнѣ извинительнымъ сказать
нѣчто *особенное* и объ Даниловѣ; мало того, я даже думаю, что и
самая интелигенція наша вовсе-бы себя не столь унизила, еслибъ
отнеслась къ этому факту повнимательнѣе. Меня, напримѣръ, преж-
де всего удивляетъ, что не обнаружилось никакого удивленія,
именно удивленія. Я не про народъ говорю: тамъ удивленія и не
надо, въ немъ удивленія и не будетъ; поступокъ Ѳомы ему не
можетъ казаться необыкновеннымъ, уже по одной великой вѣрѣ
народа въ себя и въ душу свою. Онъ отзовется на этотъ подвигъ
съ великимъ чувствомъ и великимъ умиленіемъ. Но случись
подобный фактъ въ Европѣ, т. е. подобный фактъ проявленія
великаго духа у англичанъ, у французовъ, у нѣмцевъ, и они
вѣрно прокричали-бы о немъ на весь міръ. Нѣтъ, послушайте,

господа, знаете-ли какъ мнѣ представляется этотъ темный безвѣстный Туркестанскаго батальона солдатъ? Да вѣдь это такъ сказать—эмблема Россіи, всей Россіи, всей нашей народной Россіи, подлинный образъ ея, вотъ той самой Россіи, въ которой циники и премудрые наши отрицаютъ теперь великій духъ и всякую возможность подъема и проявленія великой мысли и великаго чувства. Послушайте, вѣдь вы все-же не эти циники, вы всего только люди интелигентно — европействующіе, т. е. въ сущности предобрѣйшіе: вѣдь не отрицаете-же и вы, что лѣтомъ народъ нашъ проявилъ мѣстами чрезвычайную силу духа: люди покидали свои дома и дѣтей и шли умирать за вѣру, за угнетенныхъ, Богъ знаетъ куда и Богъ знаетъ съ какими средствами, точь въ точь какъ первые крестоносцы девять столѣтій тому назадъ въ Европѣ,—тѣ самые крестоносцы, которыхъ появленіе вновь, Грановскій, напримѣръ, считалъ-бы чуть-ли не смѣшнымъ и обиднымъ «въ нашъ вѣкъ положительныхъ задачъ, прогресса» и проч. и проч. Пусть это лѣтнее движеніе наше по вашему было слѣпое и даже какъ-бы не разумное, такъ сказать «крестоносное», но вѣдь твердое-же и великодушное, въ этомъ нельзя не сознаться, если чуть-чуть по шире посмотрѣть. Просыпалась великая идея, вознесшая, можетъ быть, сотни тысячъ и милліоновъ душъ разомъ надъ косностью, цинизмомъ, развратомъ и безобразіемъ, въ которыхъ купались до того эти души. Вѣдь вы знаете, народъ нашъ считаютъ до сихъ поръ хоть и добродушнымъ и даже очень умственно-способнымъ, но все-же темной стихійной массой, безъ сознанія, преданной поголовно порокамъ и предразсудкамъ, и почти сплошь безобразникомъ. Но видите-ли, я осмѣлюсь высказать одну даже, такъ сказать, аксіому, а именно: чтобъ судить о нравственной силѣ народа и о томъ къ чему онъ способенъ въ будущемъ, надо брать въ соображеніе не ту степень безобразія, до котораго онъ временно, и даже хотя-бы и въ большинствѣ своемъ можетъ унизиться, а надо брать въ соображеніе лишь ту высоту духа, на которую онъ можетъ подняться, когда придетъ тому срокъ. Ибо безобразіе есть несчастье временное, всегда почти зависящее отъ обстоятельствъ предшествовавшихъ и переходящихъ, отъ рабства, отъ вѣковаго гнета, отъ загрубѣлости, а даръ великодушія есть даръ вѣчный, стихійный, даръ родившійся вмѣстѣ съ народомъ и тѣмъ болѣе чтимый, если и въ продолженіи вѣковъ рабства, тяготы и нищеты онъ все таки уцѣлѣетъ, неповрежденный, въ сердцѣ этого народа.

а Даниловъ съ виду можетъ былъ однимъ изъ самыхъ
венныхъ и непримѣтныхъ экземпляровъ народа русскаго,
ѣтныхъ какъ самъ народъ русскій. (О, онъ для многихъ
всѣмъ непримѣтенъ!). Можетъ быть, въ свое время не прочь
гулять, выпить, можетъ быть, даже не очень молился,
конечно, Бога всегда помнилъ. И вотъ вдругъ велятъ ему
нить вѣру, а не то — мученическая смерть. При этомъ надо
ть что такое бываютъ эти муки, эти азіатскія муки!
нимъ самъ ханъ, который обѣщаетъ ему свою милость и
въ отлично понимаетъ, что отказъ его непремѣнно раздра-
ана, раздражитъ и самолюбіе Кипчаковъ тѣмъ, «что смѣетъ
, христіанская собака такъ презирать исламъ». Но не
на все что его ожидаетъ, этотъ непримѣтный русскій
къ принимаетъ жесточайшія муки и умираетъ, удививъ
телей. Знаете что, господа, вѣдь изъ насъ никто-бы этого
лалъ. Пострадать на виду иногда даже и красиво, но вѣдь
ѣло произошло въ совершенной безвѣстности, въ глухомъ
никто-то не смотрѣлъ на него; да и самъ Ѳома не могъ
и навѣрно не предполагалъ, что его подвигъ огласится
ей землѣ Русской. Я думаю, что иные великомученики, даже
выхъ вѣковъ христіанскихъ, отчасти все-же были утѣшены
ѣчены, принимая свои муки, тѣмъ убѣжданіемъ, что смерть
юслужитъ примѣромъ для робкихъ и колеблющихся и еще
ихъ привлечетъ къ Христу. Для Ѳомы даже и этого вели-
утѣшенія быть не могло: кто узнаетъ, онъ былъ одинъ
мучителей. Былъ онъ еще молодъ, тамъ гдѣ-то у него мо-
жена и дочь, никогда-то онъ ихъ теперь не увидитъ, но
«гдѣ-бы я ни былъ противъ совѣсти моей не поступлю и
ія приму», — подлинно ужь правда для правды, а не для
! И никакой кривды, никакого софизма съ совѣстью: «Приму-
амъ для виду, соблазна не сдѣлаю, никто вѣдь не увидитъ,
ь отмолюсь, жизнь велика, въ церковь пожертвую, добрыхъ
надѣлаю». Ничего этого не было, честность изумительная,
ачальная, стихійная. Нѣтъ, господа, врядъ-ли мы такъ
ли-бы!

то мы, а для народа нашего, повторяю, подвигъ Данилова,
ь быть, даже и не удивителенъ. Въ томъ-то и дѣло, что
менно—какъ-бы портретъ, какъ-бы все цѣлое изображе-
рода русскаго, тѣмъ-то все это и дорого для меня, и для
разумѣется. Именно народъ нашъ любитъ точно также
для правды, а не для красы. И пусть онъ грубъ, и бе-

зобразенъ, и грѣшенъ, и непримѣтенъ, но приди его срокъ и начнись дѣло всеобщей всенародной правды и васъ изумитъ та степень свободы духа, которую проявитъ онъ передъ гнетомъ матеріализма, страстей, денежной и имущественной похоти и даже передъ страхомъ самой жесточайшей мученической смерти. И все это онъ сдѣлаетъ и проявитъ просто, твердо, не требуя ни наградъ, ни похвалъ, собою не красуясь: «Во что вѣрую, то и исповѣдую». Тутъ даже самые ожесточенные спорщики на счетъ «ретроградства» идеаловъ народныхъ не могутъ имѣть никакого слова, ибо дѣло вовсе уже не въ томъ: ретроградъ идеалъ или нѣтъ? А лишь въ особенности проявленія величайшей воли ради подвига великодушія. (Эту смѣшную идейку о «ретроградствѣ» идеаловъ я ввелъ здѣсь ради полнаго безпристрастія).

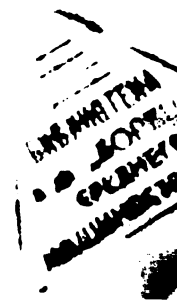
Знаете, господа, надо ставить дѣло прямо: я прямо полагаю, что намъ вовсе и нечему учить такой народъ. Это софизмъ, разумѣется, но онъ иногда приходитъ на умъ. О, конечно, мы образованнѣе его, но чему мы однако научимъ его—вотъ бѣда! Я, разумѣется, не про ремесла говорю, не про технику, не про математическія знанія,—этому и нѣмцы заѣзжіе по найму научатъ, если мы не научимъ, нѣтъ, а мы-то чему? Мы вѣдь Русскіе, братья этому народу, а, стало быть, обязаны *просвѣтить* его. Нравственное—то, высшее—то что ему передадимъ, что разъяснимъ и чѣмъ освѣтимъ эти «темныя» души? Просвѣщеніе народа это, господа, наше право и наша обязанность,—право это въ высшемъ христіанскомъ смыслѣ: кто знаетъ доброе, кто знаетъ истинное слово жизни, тотъ долженъ, обязанъ сообщить его незнающему, блуждающему во тьмѣ брату своему, такъ по Евангелію. Ну, и что-же мы сообщимъ блуждающему чего-бы онъ самъ не зналъ лучше нашего? Прежде всего, конечно, «что ученіе полезно и что надо учиться», такъ-ли? Но народъ еще прежде нашего сказалъ что «ученье — свѣтъ, неученье — тьма». Уничтоженію предразсудковъ, напримѣръ, низверженію идоловъ? Но вѣдь въ насъ самихъ такая бездна предразсудковъ, а идоловъ мы столько себѣ наставили, что народъ прямо скажетъ намъ: «Врачу — изцѣлися самъ». (А идоловъ нашихъ онъ отлично умѣетъ уже разглядывать!) Что-же, самоуваженію, собственному достоинству? Но народъ нашъ, весь, въ цѣломъ своемъ, гораздо болѣе нашего уважаетъ себя, гораздо глубже нашего чтитъ и понимаетъ свое достоинство. Въ самомъ дѣлѣ, мы самолюбивы ужасно, но вѣдь мы совсѣмъ не уважаемъ себя, и собственнаго достоинства въ насъ вовсе нѣтъ никакого и даже ни въ чемъ. Ну намъ-ли,

ѣрь, научить народъ уваженію къ чужимъ убѣжденіямъ? нашъ доказалъ еще съ Петра Великаго—уваженіе къ убѣжденіямъ, а мы и между собою не прощаемъ другъ малѣйшаго отклоненія въ убѣжденіяхъ нашихъ и чуть-согласныхъ съ нами считаемъ уже прямо за подлецовъ, что кто такъ легко склоненъ терять уваженіе къ дру-отъ прежде всего не уважаетъ себя. Ну, намъ-ли учить вѣрѣ въ себя самого и въ свои силы? У народа есть аниловы и ихъ тысячи, а мы совсѣмъ и не вѣримъ въ силы, да и невѣріе это считаемъ за высшее просвѣщеніе не за доблесть. Ну, чему-же наконецъ мы научить мо-Мы гнушаемся, до злобы почти, всѣмъ тѣмъ что любитъ народъ нашъ и къ чему рвется его сердце. Ну, какіе-же олюбцы? Возразятъ, что тѣмъ больше, стало быть, любимъ коли гнушаемся его невѣжествомъ желая ему лучшаго. господа, совсѣмъ нѣтъ: еслибъ мы вправду и на дѣлѣ народъ, а не въ статейкахъ и книжкахъ, то мы-бы по-подошли къ нему и озаботились-бы изучить то, что те-всѣмъ на обумъ, по Европейскимъ шаблонамъ, желаемъ ъ истребить: тогда, можетъ, и сами научились-бы столь у, чего и представить теперь даже не можемъ.

ъ у насъ впрочемъ одно утѣшеніе, одна великая наша ъ передъ народомъ нашимъ, а потому-то мы такъ и пре-ь его: это то, что онъ національненъ и стоитъ на томъ изо лы, а мы—общечеловѣческихъ убѣжденій, да и цѣль оставили въ общечеловѣчности, а, стало быть, безмѣрно ше возвысились. Ну вотъ въ этомъ и весь раздоръ нашъ, разрывъ съ народомъ, и я прямо провозглашаю: уладь тъ пунктъ, найди мы точку примиренія и разомъ кончи-вся наша рознь съ народомъ. А вѣдь этотъ пунктъ ѣдь его найдти чрезвычайно легко. Рѣшительно повторяю, ые даже радикальныя несогласія наши въ сущности шь миражъ.

что-же это за пунктъ примиренія?

927°



Глава вторая.

I.

Примирительная мечта внѣ науки.

И прежде всего выставляю самое спорное и самое щекотливое положеніе и съ него начинаю:

«Всякій великій народъ вѣритъ и долженъ вѣрить, если только хочетъ быть долго живъ, что въ немъ-то, и только въ немъ одномъ, и заключается спасеніе міра, что живетъ онъ на то, чтобъ стоять во главѣ народовъ, пріобщить ихъ всѣхъ къ себѣ во едино и вести ихъ, въ согласномъ хорѣ, къ окончательной цѣли всѣмъ имъ предназначенной».

Я утверждаю, что такъ было со всѣми великими націями міра, древнѣйшими и новѣйшими, что только эта лишь вѣра и возвышала ихъ до возможности, каждую, имѣть, въ свои сроки, огромное міровое вліяніе на судьбы человѣчества. Такъ безспорно было съ древнимъ Римомъ, такъ потомъ было съ Римомъ въ католическое время его существованія. Когда католическую идею его унаслѣдовала Франція, то тоже самое сталось и съ Франціей и, впродолженіи почти двухъ вѣковъ, Франція, вплоть до самаго недавняго погрома и унынія своего, все время и безспорно—считала себя во главѣ міра, по крайней мѣрѣ, нравственно, а временами и политически, предводительницей хода его и указательницей его будущаго. Но о томъ-же мечтала всегда и Германія, выставившая противъ міровой католической идеи и ея авторитета знаменемъ своимъ Протестантизмъ и безконечную свободу совѣсти и изслѣдованія. Повторяю, тоже бываетъ и со всѣми великими націями, *болѣе или менѣе*, въ зенитѣ развитія ихъ. Мнѣ скажутъ, что все это невѣрно, что это ошибка, и укажутъ, напримѣръ, на собственное *сознаніе* этихъ-же самыхъ народовъ, на сознаніе ихъ ученыхъ и мыслителей, писавшихъ именно о совокупномъ значеніи европейскихъ націй, участвовавшихъ купно въ созданіи и завершеніи европейской цивилизаціи, и я, разумѣется, отрицать такого сознанія не буду. Но не говоря уже о томъ, что такіе окончательные выводы сознанія и вообще составляютъ какъ-бы уже конецъ живой жизни народовъ, укажу *хотя-бы* лишь на то, что самые-то эти мыслители и сознава-

акъ-бы тамъ ни писали о міровой гармоніи націй, все-же, е самое время, и чаще всего, непосредственнымъ, жи- искреннимъ чувствомъ *продолжали вѣровать*, точь въ акъ и массы народа ихъ, что въ этомъ хорѣ націй, со- щихъ міровую гармонію и выработанную уже сообща зацію,—они (т. е. французы, напримѣръ) и есть голова диненія, самыя передовые, тѣ самые, которымъ предназ- вести, а тѣ только слѣдуютъ за ними. Что они, поло- если и позаимствуютъ у тѣхъ народовъ что-нибудь, то немножко; но за то тѣ народы, напротивъ, возьмутъ у се, все главнѣйшее, и только ихъ духомъ и ихъ идеей огутъ, да и не могутъ иначе сдѣлать, какъ сопричаститься у въ концѣ концовъ и слиться съ нимъ рано или поздно. въ теперешней Франціи, уже унылой и раздробленной есть и теперь еще одна изъ такихъ идей, представляю- вый, но по нашему совершенно естественный фазисъ ея- жней міровой католической идеи и развитіе ея, и чуть овина французовъ вѣритъ и теперь, что въ ней-то и спасеніе, не только ихъ, но и міра, — это именно ихъ зскій соціализмъ. Идея эта, т. е. ихній соціализмъ, ко- ложная и отчаянная, но не въ качествѣ ея теперь дѣло, омъ, что она теперь существуетъ, живетъ живой жизнью, въ исповѣдующихъ ее нѣтъ сомнѣнія и унынія, какъ въ ей огромной части Франціи. Съ другой стороны, взгля- а каждаго почти англичанина, высшаго или низшаго типа, или работника, ученаго или необразованнаго, и вы убѣ- что каждый англичанинъ прежде всего старается быть нимъ, сохраниться въ видѣ англичанина во всѣхъ фа- своей жизни, частной и общественной, политической и ловѣческой, и даже любить человѣчество старается не иначе въ видѣ англичанина. Мнѣ скажутъ, что еслибъ даже , еслибъ и было все это какъ я утверждаю, то все-таки амообольщеніе и самомнѣніе было-бы даже унизительно хъ великихъ народовъ, умалило-бы значеніе ихъ эгоиз- вѣлымъ шовинизмомъ, и не то чтобы придало имъ жиз- силы, а, напротивъ, повредило-бы и растлило-бы ихъ въ самомъ началѣ. Скажутъ, что подобныя, безумныя и идеи достойны не подражанія, а, напротивъ, искорененія разума, уничтожающаго предразсудки. Положимъ, что ей стороны это очень правда; но все-же тутъ надо не- посмотрѣть и съ другой стороны и тогда выйдетъ не

только не унизительно, а даже совсѣмъ напротивъ. Что въ то
что не жившій еще юноша мечтаетъ про себя современемъ ст
героемъ? Повѣрьте, что такія, пожалуй, гордыя и заносчивыя ме
могутъ быть гораздо живительнѣе и полезнѣе этому юношѣ, ч
иное благоразуміе того отрока, который уже въ шестнади
лѣтъ вѣритъ премудрому правилу, что «счастье лучше богат
ства». Повѣрьте, что жизнь этого юноши даже послѣ про
тыхъ уже бѣдствій и неудачь, въ цѣломъ, будетъ все-таки кра
чѣмъ успокоенная жизнь мудраго товарища дѣтства его, х
бы тому всю жизнь суждено было сидѣть на бархатѣ. Та
вѣра въ себя не безнравственна и вовсе не пошлое самохв
ство. Такъ точно и въ народахъ: пусть есть народы благора
ные, честные и умѣренные, спокойные, безъ всякихъ порыв
торговцы и кораблестроители, живущіе богато и съ чрезвы
ною опрятностью; ну и Богъ съ ними, все-же далеко они не
дутъ: это непремѣнно выйдетъ средина, которая ничѣмъ не
служитъ человѣчеству: этой энергіи въ нихъ нѣтъ, великаго
момпѣнія этого въ нихъ нѣтъ, трехъ этимъ шевелящихся
товъ подъ ними нѣтъ, на которыхъ стоятъ всѣ великіе нар
Вѣра въ то, что хочешь и *можешь* сказать послѣднее с
міру, что обновишь наконецъ его избыткомъ живой силы св
вѣра въ святость своихъ идеаловъ, вѣра въ силу своей л
и жажды служенія человѣчеству,—нѣтъ, такая вѣра есть за
самой высшей жизни націй и только ею они и принесутъ
ту пользу человѣчеству, которую предназначено имъ прине
всю ту часть жизненной силы своей и органической идеи св
которую предназначено имъ самой природой, при созданіи
удѣлить въ наслѣдство грядущему человѣчеству. Только сил
такой вѣрой нація и имѣетъ право на высшую жизнь. Дре
легендарный рыцарь вѣрилъ, что предъ нимъ падутъ всѣ
пятствія, всѣ призраки и чудовища, и что онъ побѣдитъ в
всѣхъ, и всего достигнетъ, если только вѣрно сохранитъ
обѣтъ «справедливости, цѣломудрія и нищеты». Вы скажете,
все это легенды и пѣсни, которымъ можетъ вѣрить одинъ Д
Кихотъ, и что совсѣмъ не таковы законы дѣйствительной ж
націи. Ну, такъ я васъ, господа, нарочно поймаю и уличу, ч
вы такіе-же Донъ-Кихоты, что у васъ самихъ есть така
идея, которой вы вѣрите и черезъ которую хотите обновит
овѣчество!

Въ самомъ дѣлѣ чему вы вѣрите? Вы вѣрите да и я съ в
[illegible] человѣчность, [illegible]

свѣтомъ разума и сознанія, естественныя преграды и пред-
ки, раздѣляющія до сихъ поръ свободное общеніе націй
омъ національныхъ требованій, и что тогда только народы
утъ однимъ духомъ и ладомъ какъ братья, разумно и лю-
стремясь къ общей гармоніи. Чтожь, господа, что можетъ
выше и святѣе этой вѣры вашей? И главное вѣдь то, что
этой вы нигдѣ въ мірѣ болѣе не найдете, ни у какого, на-
ъ, народа въ Европѣ, гдѣ личности націй чрезвычайно
очерчены, гдѣ если есть эта вѣра, то не иначе какъ на
какого-нибудь еще умозрительнаго только сознанія, по-
, пылкаго и пламеннаго, но все-же не болѣе какъ каби-
. А у васъ, господа, то есть не то что у васъ, а у насъ,
всѣхъ, русскихъ,—эта вѣра есть вѣра всеобщая, живая,
шая; всѣ у насъ этому вѣрятъ, и сознательно и просто,
нтилигентномъ мірѣ и живымъ чутьемъ въ простомъ на-
оторому и религія его повелѣваетъ этому самому вѣрить.
пода, вы думали, что вы только одни «общечеловѣки» изъ
тилигенціи русской, а остальные только славянофилы да на-
сты? Такъ вотъ нѣтъ-же: славянофилы-то и націонали-
рятъ точь въ точь тому-же самому какъ и вы, да еще
вашего!

ьму только однихъ славянофиловъ: вѣдь что провозгла-
ни устами своихъ передовыхъ дѣятелей, основателей и
вителей своего ученія? Они прямо, въ ясныхъ и точныхъ
ъ, заявляли, что Россія, вкупѣ со славянствомъ и во
то, скажетъ величайшее слово всему міру, которое тотъ
бо слышалъ и что это слово именно будетъ завѣтомъ
овѣческаго единенія, и уже не въ духѣ личнаго эгоизма,
ъ люди и націи, искуственно и неестественно единятся
въ своей цивилизаціи, изъ борьбы за существованіе, по-
ьной наукой опредѣляя свободному духу нравственныя
, въ тоже время роя другъ другу ямы, произнося другъ
а ложь, хулу и клевету. Идеаломъ славянофиловъ было
въ духѣ истинной широкой любви, безъ лжи и мате-
и на основаніи личнаго великодушнаго примѣра, кото-
дназначено дать собою русскому народу во главѣ свобод-
славянскаго единенія Европѣ. Вы скажете мнѣ, что вы
тому вѣрите, что все это кабинетныя умозрѣнія. Но дѣло
все не въ вопросѣ: какъ кто вѣруетъ, а въ томъ, что всѣ
не смотря на всю разноголосицу все-же сходятся и сво-
ъ этой одной окончательной общей мысли общечеловѣче-

скаго единенія. Это фактъ не подлежащій сомнѣнію и самъ себѣ удивительный, потому что, на степени такой живой и гл нѣйшей потребности, этого чувства нѣтъ еще нигдѣ ни въ одн народѣ. Но если такъ, то вотъ и у насъ, стало быть, у н всѣхъ, есть твердая и опредѣленная національная идея: имен *національная*. Слѣдовательно, если національная идея русс есть, въ концѣ концовъ, лишьо dное всеміѳшечеловѣческое е неніе, то значитъ вся наша выгода въ томъ, чтобы всѣмъ, и кративъ всѣ раздоры до времени, стать поскорѣе русскими и ціональными. Все спасеніе наше лишь въ томъ, чтобъ не спор заранѣе о томъ какъ осуществится эта идея и въ какой фор въ вашей или въ нашей, а въ томъ, чтобъ изъ кабинета вс вмѣстѣ перейти прямо къ дѣлу.

Но вотъ тутъ-то и пунктъ.

II.

Мы въ Европѣ лишь стрюцкіе.

Вѣдь вы какъ переходили къ дѣлу? Вы вѣдь давно нач очень давно, но что однако вы сдѣлали для общечеловѣчно т. е. для торжества вашей идеи? Вы начали съ безцѣльнаго с тальчества по Европѣ при алчномъ желаніи переродиться въ е пейцевъ, хотя бы по виду только. Цѣлое восемнадцатое стол мы только и дѣлали, что пока лишь видъ перенимали. Мы гоняли на себя европейскіе вкусы, мы даже ѣли всякую пако стараясь не морщиться: «вотъ, дескать, какой я англичан ничего безъ кайенскаго перцу ѣсть не могу». Вы думаете, я и ваюсь? Ничуть. Я слишкомъ понимаю, что иначе и нельзя б начать. Еще до Петра, при московскихъ еще царяхъ и патр хахъ одинъ, оглашній молодой московскій франтъ, изъ пер выхъ, надѣлъ французскій костюмъ и къ боку прицѣпилъ е пейскую шпагу. Мы именно должны были начать съ презр къ своему и къ своимъ, и если пробыли цѣлые два вѣка на [illegible] [illegible] таковъ [illegible] [illegible] Правда, мы и двигались [illegible] [illegible] возрастало, [illegible] [illegible] Въ Евр [illegible] на [illegible] характеро

ого и начали, что прямо «сняли всѣ противуположности» ли общечеловѣческій типъ «европейца» — т. е. съ самаго дмѣтили *общее*, всѣхъ ихъ связующее, — это очень ха- Затѣмъ, съ теченіемъ времени, поумнѣвъ еще болѣе, мы ватились за цивилизацію и тотчасъ-же увѣровали, слѣпо но, что въ ней-то и заключается то «всеобщее», кото- диазначено соединять человѣчество воедино. Даже евро- ивлялись, глядя на насъ, на чужихъ и пришельцевъ, рженной вѣрѣ нашей, тѣмъ болѣе, что сами они, увы, ь и тогда по маленьку, терять эту вѣру въ себя. Мы гомъ встрѣтили пришествіе Руссо и Вольтера, мы съ вующимъ Карамзинымъ умилительно радовались созванію льныхъ Штатовъ» въ 89 году, и если мы и приходили ъ отчаяніе, въ концѣ первой четверти уже нынѣшняго стѣ съ передовыми европейцами надъ ихъ погибшими разбитыми идеалами, то вѣры нашей все-таки не по- аже самихъ европейцевъ утѣшали. Даже самые «бѣлые» ихъ у себя въ отечествѣ становились въ Европѣ тот- расными — чрезвычайно характерная тоже черта. Затѣмъ, инѣ текущаго столѣтія, нѣкоторые изъ насъ удостоились ься къ французскому соціализму и приняли его, безъ ъ колебаній, за конечное разрѣшеніе всечеловѣческаго т. е. за достиженіе всей увлекавшей насъ доселѣ мечты акимъ образомъ, за достиженіе цѣли мы приняли то, вляло верхъ эгоизма, верхъ безчеловѣчія, верхъ эконо- бѣлотолковщины и безурядицы, верхъ клеветы на при- вѣческую, верхъ уничтоженія всякой свободы людей, но не смущало нисколько. Напротивъ, видя грустное не- иныхъ глубокихъ европейскихъ мыслителей, мы съ со- ю развязностью немедленно обозвали ихъ подлецами и . Мы вполнѣ повѣрили, да и теперь еще вѣримъ, что льная наука вполнѣ способна опредѣлить *нравственныя* между личностями единицъ и націй, (какъ будто наука, — могла это она сдѣлать, — можетъ открыть эти тайны *аѳоризмѣ опыта*, т. е. раньше завершенія всѣхъ су- бѣка на землѣ). Наши помѣщики продавали своихъ крѣ- крестьянъ и ѣхали въ Парижъ издавать соціальные а наши Рудины умирали на баррикадахъ. Тѣмъ вре- ли до того уже оторвались отъ своей земли русской, что или всякое понятіе о томъ, до какой степени такое знится съ душой народа русскаго. Впрочемъ, русскій

народный характеръ мы не только считали ни во что, но и признавали въ народѣ никакого характера. Мы забыли и думы о немъ и съ полнымъ деспотическимъ спокойствіемъ были убѣждены (не ставя и вопроса), что народъ нашъ тотчасъ примет все, что мы ему укажемъ, т. е. въ сущности прикажемъ. На это счетъ у насъ всегда ходило нѣсколько смѣшнѣйшихъ анекдотов о народѣ. Наши общечеловѣки пребыли къ своему народу вполн помѣщиками, и даже послѣ крестьянской реформы.

И чего-же мы достигли? Результатовъ странныхъ: главны всѣ на насъ въ Европѣ смотрятъ съ насмѣшкой, а на лучши и безспорно умныхъ русскихъ въ Европѣ смотрятъ съ высок мѣрнымъ снисхожденіемъ. Не спасала ихъ отъ этого высокомѣ наго снисхожденія даже и самая эмиграція изъ Россіи, т. е. у политическая эмиграція и полнѣйшее отъ Россіи отреченіе. хотѣли европейцы насъ почесть за своихъ ни за что, ни за ка жертвы и ни въ какомъ случаѣ. Grattez, дескать, le russe et v verrez la tartare, и такъ и доселѣ. Мы у нихъ въ пословицу вошл И чѣмъ больше мы имъ въ угоду презирали нашу національнос тѣмъ болѣе они презирали насъ самихъ. Мы виляли предъ ни мы подобострастно исповѣдывали имъ наши «европейскіе» взгля и убѣжденія, а они свысока насъ не слушали и обыкновен прибавляли съ учтивой усмѣшкой, какъ-бы желая поскорѣе у вкаться, что мы это все у нихъ «не такъ поняли». Они имѣ удивлялись тому, какъ это мы, будучи такими татарами, (les t tares) никакъ не можетъ стать русскими; мы-же никогда не мог растолковать имъ, что хотимъ быть не русскими, а общечелов ками. Правда, въ послѣднее время они что-то даже поняли. О поняли, что мы чего-то хотимъ, чего-то имъ страшнаго и он наго; поняли, что насъ много, восемьдесятъ милліоновъ, что знаемъ и понимаемъ всѣ европейскія идеи, а что они наши русскихъ идей не знаютъ, а если и узнаютъ, то не пойму что мы говоримъ на всѣхъ языкахъ, а что они говорятъ ли на однихъ своихъ. — ну, и многое еще они стали смѣкать и по зрѣвать. Кончилось тѣмъ, что они прямо обозвали насъ врага и будущими сокрушителями европейской цивилизаціи. Вотъ ка они поняли нашу страстную цѣль стать общечеловѣками!

А между тѣмъ намъ отъ Европы никакъ нельзя отказать Европа наше второе отечество, — я первый страстно исповѣд ую и всегда исповѣдовалъ. Европа намъ *почти* также дор рога какъ Россія: въ ней все Аѳетово племя, а наша идея

ніе всѣхъ націй этого племени, и даже дальше, гораздо
до Сима и Хама. Какже быть?
русскими во первыхъ и прежде всего. Если общече-
ъ есть идея національная русская, то прежде всего надо
стать русскимъ, т. е. самимъ собой, и тогда съ перваго
измѣнится. Стать русскимъ значитъ перестать прези-
дъ свой. И какъ только европеецъ увидитъ, что мы
важать народъ нашъ и національность нашу, такъ тот-
начнетъ и онъ насъ самихъ уважать. И дѣйствитель-
сильнѣе и самостоятельнѣе развились-бы мы въ наці-
духѣ нашемъ, тѣмъ сильнѣе и ближе отозвались-бы
ой душѣ, и, породнившись съ нею, стали-бы тотчасъ
ѣе. Тогда не отвертывались-бы отъ насъ высокомѣрно,
нвали-бы насъ. Мы и на видъ тогда станемъ совсѣмъ
авъ самими собой, мы получимъ наконецъ обликъ че-
ѣ, а не обезьяній. Мы получимъ видъ свободнаго су-
не раба, не лакея, не Потугина; насъ сочтутъ тогда
а не за международную обшмыгу, не за стрюцкихъ
а, либерализма и соціализма. Мы и говорить будемъ съ
ѣе теперешняго, потому что въ народѣ нашемъ и въ
отыщемъ новыя слова, которыя ужь непремѣнно ста-
пейцамъ понятнѣе. Да и сами мы поймемъ тогда, что
ъ того, что мы презирали въ народѣ нашемъ,—есть не
енно свѣтъ, не глупость, а именно умъ, а, понявъ это,
мѣнно произнесемъ въ Европѣ такое слово, котораго
не слыхали. Мы убѣдимся тогда, что настоящее соці-
ово несетъ въ себѣ никто иной какъ народъ нашъ, что
го, въ духѣ его заключается живая потребность все-
человѣческаго, всеединенія уже съ полнымъ уваженіемъ
альнымъ личностямъ и къ сохраненію ихъ, къ сохра-
ной свободы людей и съ указаніемъ въ чемъ именно
да и заключается,—единеніе любви, *гарантированное*
мъ, живымъ примѣромъ, потребностью на дѣлѣ истин-
ства, а не гильотиной, не милліонами отрубленныхъ го-

ючемъ, неужели и впрямь я хотѣлъ кого убѣдить. Это
ка. Но—слабъ человѣкъ: авось прочтетъ кто-нибудь
отковъ, изъ юнаго поколѣнія...

III.

Русская Сатира. «Новь». «Послѣднія пѣсни». Старыя воспо нанія.

Занимался я въ этотъ мѣсяцъ и литературой, то есть б летристикой, «изящной литературой», и кое-что прочелъ съ леченіемъ. Кстати, недавно прочелъ я одно иностранное мнѣ о русской сатирѣ, т. е. о современной нашей сатирѣ, тепере ней. Оно высказано было во Франціи. Замѣчателенъ тутъ одн выводъ,—забылъ подлинныя слова, но вотъ смыслъ: «Русс сатира какъ-бы боится хорошаго поступка въ русскомъ об ствѣ. Встрѣтивъ подобный поступокъ, она приходитъ въ без койство и не успокоивается до тѣхъ поръ пока не пріищетъ н нибудь, въ подкладкѣ этого поступка, подлеца. Тутъ она т часъ обрадуется и закричитъ: «Это вовсе не хорошій поступо радоваться совсѣмъ нечему, видите сами, тутъ тоже подлецъ дитъ»!

Справедливо-ли это мнѣніе? Не вѣрю, чтобъ было спра ливо. Знаю только, что сатира у насъ имѣетъ блестящихъ п ставителей и въ большомъ ходу. Публика очень любитъ сат и, однако, мое убѣжденіе, по крайней мѣрѣ, что таже самая у блика несравненно больше любитъ положительную красоту, четъ и жаждетъ ея. Графъ Левъ Толстой, безъ сомнѣнія, л мѣйшій писатель русской публики всѣхъ оттѣнковъ.

Сатира наша, какъ ни блестяща она, дѣйствительно с даетъ нѣкоторою неопредѣленностью—вотъ что развѣ можно нее сказать. Положительно нельзя иногда представить въ цѣл общемъ: что именно хочется сказать нашей сатирѣ? Так кажется, что у ней у самой нѣтъ никакой подкладки, но мож ли это быть? Чему она сама-то вѣритъ, во имя чего обличаетъ это какъ будто тонетъ во мракѣ неизвѣстности. Нельзя нин узнать что сама она считаетъ хорошимъ.

И вотъ надъ вопросомъ этимъ странно задумываешься.

Прочелъ «*Новь*» Тургенева и жду второй части. Кстати: в уже тринадцать лѣтъ какъ я пишу и во всѣ эти тридцать л мнѣ постоянно и много разъ приходило въ голову одно заб ное наблюденіе. Всѣ наши критики (а я слѣжу за литерату чуть не сорокъ лѣтъ) и умершіе и теперешніе, всѣ одинмъ с вомъ, которыхъ я только запомню, чуть лишь начинали, теп

вало, какой-нибудь отчетъ о текущей русск
ь поторжественнѣе (прежде, напримѣръ, бы
годовые январьскіе отчеты за весь истекш
потребляли, болѣе или менѣе, но съ велик
и туже фразу: «Въ наше время, когда л
падкѣ», «въ наше время, когда русская л
частоѣ», «въ наше литературное безвреме
пустыняхъ русской словесности», и т. д.
адовъ одна и таже мы А въ сущности
ъ явились послѣднія пр ведения Пушки
Гоголь, былъ Лермонт ились О
ичаровъ и еще человѣкъ ть, по
выхъ беллетристовъ. И это только въ одной
Положительно можно сказать, что почти никог
литературѣ, въ такой короткій срокъ не явилось такъ
лантливыхъ писателей, какъ у насъ, и такъ сряду, безъ
ковъ. А между тѣмъ я даже и теперь, чуть не въ прош-
яцѣ, читалъ опять о застоѣ русской литературы и о
ахъ русской словесности». Впрочемъ, это только забав-
юденіе мое; да и вещь-то совершенно невинная и не-
никакого значенія. А такъ, усмѣхнуться можно.

«Нови» я, разумѣется, ничего не скажу; всѣ ждутъ вто-
. Да и не мнѣ говорить. Художественное достоинство
Тургенева внѣ сомнѣнія. Замѣчу лишь одно: на 92 стра-
ана, (см. «Вѣстникъ Европы») съ верху страницы есть
20 строкъ, и въ этихъ строкахъ какъ-бы концентриро-
о моему, вся мысль произведенія, какъ-бы выразился весь
автора на свой предметъ. Къ сожалѣнію, этотъ взглядъ
но ошибоченъ и я съ нимъ глубоко несогласенъ. Это
о словъ сказанныхъ авторомъ по поводу одного лица ро-
ломина.

ть я «Поелѣднія пѣсни» Некрасова въ январьской кни-
ственныхъ Записокъ». Страстныя пѣсни и недосказан-
а, какъ всегда у Некрасова, но какіе мучительные сто-
ваго! Нашъ поэтъ очень боленъ и—онъ самъ говорилъ
тъ ясно свое положеніе. Но мнѣ не вѣрится... Это крѣп-
сложенный организмъ. Онъ страдаетъ ужасно, (у него
язва въ кишкахъ, болѣзнь, которую и опредѣлить тру-
я не вѣрю, что онъ не вынесетъ до весны, а весной
за границу, въ другой климатъ, поскорѣе, и онъ по-
, я въ этомъ убѣжденъ. Странно бываетъ съ людьми;

мы въ жизнь нашу рѣдко видались, бывали между нами и н
доумѣнія, но у насъ былъ одинъ такой случай въ жизни, ч
я никогда не могъ забыть о немъ. Это именно наша первая встр
ча другъ съ другомъ въ жизни. И чтожь, недавно я зашелъ
Некрасову и онъ, больной, измученный, съ перваго слова н
чалъ съ того что помнитъ объ тѣхъ дняхъ. Тогда (это тридца
лѣтъ тому!) произошло что-то такое молодое, свѣжее, хорошее,
изъ того что остается навсегда въ сердцѣ участвовавшихъ. На
тогда было по двадцати съ немногимъ лѣтъ. Я жилъ въ Пете
бургѣ, уже годъ какъ вышелъ въ отставку изъ инженеровъ, са
не зная зачѣмъ, съ самыми неясными и неопредѣленными ц
лями. Былъ май мѣсяцъ сорокъ пятаго года. Вначалѣ зимы я н
чалъ вдругъ «Бѣдныхъ людей», мою первую повѣсть, до тѣ
поръ ничего еще не писавши. Кончивъ повѣсть, я не зналъ ка
съ ней быть и кому отдать. Литературныхъ знакомствъ я
имѣлъ совершенно никакихъ, кромѣ развѣ Д. В. Григоровича,
тотъ и самъ еще ничего тогда не написалъ, кромѣ одной мален
кой статейки «Петербургскіе шарманщики» въ одинъ сборник
Кажется, онъ тогда собирался уѣхать на лѣто къ себѣ въ д
ревню, а пока жилъ нѣкоторое время у Некрасова. Зайдя ко мн
онъ сказалъ: «принесите рукопись», (самъ онъ еще не чита
ее): «Некрасовъ хочетъ къ будущему году сборникъ издать,
ему покажу». Я снесъ, видѣлъ Некрасова минутку, мы пода
другъ другу руки. Я сконфузился отъ мысли, что пришелъ
своимъ сочиненіемъ и поскорѣй ушелъ, не сказавъ съ Некр
совымъ почти ни слова. Я мало думалъ объ успѣхѣ, а этой па
тіи «Отечественныхъ Записокъ» какъ говорили тогда, я боялс
Бѣлинскаго я читалъ уже нѣсколько лѣтъ съ увлеченіемъ,
онъ мнѣ казался грознымъ и страшнымъ и—«осмѣетъ онъ м
ихъ «Бѣдныхъ людей!»—думалось мнѣ иногда. Но лишь иног
писалъ я ихъ съ страстью, почти со слезами—«неужто все эт
всѣ эти минуты, которыя я пережилъ съ перомъ въ рукахъ на
этой повѣстью,—все это ложь, миражъ, невѣрное чувство?»
думалъ я такъ, разумѣется, только минутами и мнительность н
медленно возвращалась. Вечеромъ того-же дня какъ я отда
рукопись, я пошелъ куда-то далеко къ одному изъ прежнихъ т
варищей; мы всю ночь проговорили съ нимъ о «Мертвыхъ д
шахъ» и читали ихъ, въ который разъ не помню. Тогда это б
вало между молодежью; сойдутся двое или трое: а не почитат
ли намъ, господа, Гоголя!—садятся и читаютъ, и, пожалуй, в
ночь. Тогда между молодежью весьма и весьма многіе какъ-

ь-то были проникнуты и какъ-бы чего-то ожидали. Воротил-
і домой уже въ четыре часа, въ бѣлую, свѣтлую какъ днемъ
рбургскую ночь. Стояло прекрасное теплое время, и, войдя
себѣ въ квартиру, я спать не легъ, отворилъ окно и сѣлъ
кна. Вдругъ звонокъ, чрезвычайно меня удивившій, и вотъ
горовичъ и Некрасовъ бросаются обнимать меня, въ совер-
номъ восторгѣ и оба чуть сами не плачутъ. Они наканунѣ
ромъ воротились рано домой, взяли мою рукопись и стали
ть, на пробу: «съ десяти страницъ видно будетъ». Но про-
десять страницъ, рѣшили прочесть еще десять, а затѣмъ, не
іваясь, просидѣли уже всю ночь до утра, читая вслухъ и че-
ясь, когда одинъ уставалъ. «Читаетъ онъ про смерть сту-
а»—передавалъ мнѣ потомъ уже наединѣ Григоровичъ,—и
гъ я вижу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ отецъ за гробомъ бѣжитъ,
екрасова голосъ прерывается, разъ и другой и вдругъ не
ержалъ, стукнулъ ладонью по рукописи: «Ахъ, чтобъ его!»
про васъ-то и этакъ мы всю ночь». Когда они кончили (семь
тныхъ листовъ!), то въ одинъ голосъ рѣшили идти ко мнѣ
дленно. Что-жь такое что спитъ, мы разбудимъ его, *это*
е сна!» Потомъ приглядѣвшись къ характеру Некрасова, я
о удивлялся той минутѣ: характеръ его замкнутый, почти
тельный, осторожный, мало сообщительный. Такъ, по крайней
ѣ, онъ мнѣ всегда казался, такъ что та минута нашей пер
встрѣчи была воистину проявленіемъ самаго глубокаго чув-
а. Они пробыли у меня тогда съ полчаса, въ полчаса мы Богъ
ъ сколько переговорили, съ полслова понимая другъ друга.
ъ восклицаніями, торопясь: говорили и о поэзіи, и о правдѣ, и
о давнемъ положеніи», разумѣется, и о Гоголѣ, цитуя изъ
ва ора» и изъ «Мертвыхъ Душъ», но главное, о Бѣлинскомъ.
ему сегодня-же снесу вашу повѣсть и вы увидите,—да вѣдь
ѣкъ-то, человѣкъ-то какой! Вотъ вы познакомитесь, уви-
е, какая это душа!—восторженно говорилъ Некрасовъ, тряся
я за плечи обѣими руками. Ну теперь спите, спите, мы ухо-
ъ, а завтра къ намъ!» Точно я могъ заснуть послѣ нихъ!
кой восторгъ, какой успѣхъ, а главное—чувство было дорого,
мню ясно: У иного успѣхъ, ну хвалятъ, встрѣчаютъ, позд
ляютъ, а вѣдь эти прибѣжали со слезами въ четыре часа,
будить, потому что это выше сна... Ахъ хорошо!» Вотъ что
думалъ, какой тутъ сонъ!

Некрасовъ снесъ рукопись Бѣлинскому въ тотъ-же день. Онъ
заготовѣлъ передъ Бѣлинскимъ и, *кажется*, всѣхъ больше лю-

мы въ жизнь нашу рѣдко видались, бывали между нами доумѣнія, но у насъ былъ одинъ такой случай въ жизни, я никогда не могъ забыть о немъ. Это именно наша первая в ча другъ съ другомъ въ жизни. И чтожь, недавно я зашел Некрасову и онъ, больной, измученный, съ перваго слов чалъ съ того что помнитъ объ тѣхъ дняхъ. Тогда (это тр лѣтъ тому!) произошло что-то такое молодое, свѣжее, хорош изъ того что остается навсегда въ сердцѣ участвовавшихъ. тогда было по двадцати съ немногимъ лѣтъ. Я жилъ въ П бургѣ, уже годъ какъ вышелъ въ отставку изъ инженеровъ, не зная зачѣмъ, съ самыми неясными и неопредѣленными лями. Былъ май мѣсяцъ сорокъ пятаго года. Вначалѣ зимы чалъ вдругъ «Бѣдныхъ людей», мою первую повѣсть, до поръ ничего еще не писавши. Кончивъ повѣсть, я не зналъ съ ней быть и кому отдать. Литературныхъ знакомствъ имѣлъ совершенно никакихъ, кромѣ развѣ Д. В. Григорович тотъ и самъ еще ничего тогда не написалъ, кромѣ одной ма кой статейки «Петербургскіе шарманщики» въ одинъ сбор Кажется, онъ тогда собирался уѣхать на лѣто къ себѣ в ревню, а пока жилъ нѣкоторое время у Некрасова. Зайдя ко онъ сказалъ: «принесите рукопись», (самъ онъ еще не чи ее): «Некрасовъ хочетъ къ будущему году сборникъ издат ему покажу». Я снесъ, видѣлъ Некрасова минутку, мы по другъ другу руки. Я сконфузился отъ мысли, что пришел своимъ сочиненіемъ и поскорѣй ушелъ, не сказавъ съ Н совымъ почти ни слова. Я мало думалъ объ успѣхѣ, а этой тіи «Отечественныхъ Записокъ» какъ говорили тогда, я бо Бѣлинскаго я читалъ уже нѣсколько лѣтъ съ увлеченіем онъ мнѣ казался грознымъ и страшнымъ и—«осмѣетъ» он ихъ «Бѣдныхъ людей!»—думалось мнѣ иногда. Но лишь ни писалъ я ихъ съ страстью, почти со слезами—«неужто вс всѣ эти минуты, которыя я пережилъ съ перомъ въ рукахъ этой повѣстью,—все это ложь, миражъ, невѣрное чувство думалъ я такъ, разумѣется, только минутами и мнительнос медленно возвращалась. Вечеромъ того-же дня какъ я от рукопись, я пошелъ куда-то далеко къ одному изъ прежних варищей: мы всю ночь проговорили съ нимъ о «Мертвых шахъ» и читали ихъ, въ который разъ не помню. Тогда эт вало между молодежью: сойдутся двое или трое: а не почи ли намъ, господа, Гоголя!—садятся и читаютъ, и, пожалуй, ночь. Тогда между молодежью весьма и весьма многіе как

о были проникнуты и какъ-бы чего-то ожидали. Воротил-
мой уже въ четыре часа, въ бѣлую, свѣтлую какъ днемъ
ргскую ночь. Стояло прекрасное теплое время, и, войдя
въ квартиру, я спать не легъ, отворилъ окно и сѣлъ
. Вдругъ звонокъ, чрезвычайно меня удивившій, и вотъ
вичъ и Некрасовъ бросаются обнимать меня, въ совер-
ъ восторгѣ и оба чуть сами не плачутъ. Они наканунѣ
ъ воротились рано домой, взяли мою рукопись и стали
на пробу: «съ десяти страницъ видно будетъ». Но про-
ять страницъ, рѣшили прочесть еще десять, а затѣмъ, не
ись, просидѣли уже всю ночь до утра, читая вслухъ и че-
, когда одинъ уставалъ. «Читаетъ онъ про смерть сту-
—передавалъ мнѣ потомъ уже наединѣ Григоровичъ,—и
я вижу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ отецъ за гробомъ бѣжитъ,
сова голосъ прерывается, разъ и другой и вдругъ не
алъ, стукнулъ ладонью по рукописи: «Ахъ, чтобъ его!»
) васъ-то и этакъ мы всю ночь». Когда они кончили (семь
ихъ листовъ!), то въ одинъ голосъ рѣшили идти ко мнѣ
нно: «Что-жь такое что спитъ, мы разбудимъ его, *это*
на!» Потомъ приглядѣвшись къ характеру Некрасова, я
удивлялся той минутѣ: характеръ его замкнутый, почти
ный, осторожный, мало сообщительный. Такъ, по крайней
ъ мнѣ всегда казался, такъ что та минута нашей пер-
рѣчи была воистину проявленіемъ самаго глубокаго чув-
ія пробыли у меня тогда съ полчаса, въ полчаса мы Богъ
сколько переговорили, съ полслова понимая другъ друга,
лицаніями, торопясь: говорили и о поэзіи, и о правдѣ, и
ашнемъ положеніи», разумѣется, и о Гоголѣ, цитуя изъ
ра» и изъ «Мертвыхъ Душъ», но главное, о Бѣлинскомъ.
сегодня-же снесу вашу повѣсть и вы увидите,—да вѣдь
ъ-то, человѣкъ-то какой! Вотъ вы познакомитесь. уви-
кая это душа!»—восторженно говорилъ Некрасовъ, тряся
плечи обѣими руками. «Ну теперь спите, спите, мы ухо-
завтра къ намъ!» Точно я могъ заснуть послѣ нихъ!
восторгъ, какой успѣхъ, а главное—чувство было дорого,
ясно: «У иного успѣхъ, ну хвалятъ, встрѣчаютъ, позд-
ъ, а вѣдь эти прибѣжали со слезами, въ четыре часа,
ть, потому что это выше сна... Ахъ хорошо!» Вотъ что
ъ, какой тутъ сонъ!
расовъ снесъ рукопись Бѣлинскому въ тотъ-же день. Онъ
ѣлъ передъ Бѣлинскимъ и, кажется, всѣхъ больше лю-

ее каждый разъ съ восторгомъ. И вотъ, тридцать лѣтъ спус
я припомнилъ всю эту минуту опять, недавно, и будто вн
ее пережилъ, сидя у постели больнаго Некрасова. Я ему не
поминалъ подробно, я напомнилъ только, что были эти тогда
нія наши минуты и увидалъ, что онъ помнитъ о нихъ и са
Я и зналъ что помнитъ. Когда я воротился изъ каторги, с
указалъ мнѣ на одно свое стихотвореніе въ книгѣ его: «Эт
объ васъ тогда написалъ» — сказалъ онъ мнѣ. А прожили
всю жизнь врозь. На страдальческой своей постели онъ вс
минаетъ теперь отжившихъ друзей:

Пѣсни вѣщія ихъ не допѣты,
Пали жертвою злобы, измѣнъ—
Въ цвѣтѣ лѣтъ; на меня ихъ портреты
Укоризненно смотрятъ со стѣнъ.

Тяжелое здѣсь слово это: *укоризненно*. Пребыли-ли мы «в
ны», пребыли-ли? Всякъ пусть рѣшаетъ на свой судъ и совѣс
Но прочтите эти страдальческія пѣсни сами, и пусть вновь оя
вѣтъ нашъ любимый и страстный поэтъ! Страстный къ ст
данью поэтъ!...

IV.

Именинникъ.

Помните-ли вы «Дѣтство и Отрочество» графа Толстаго? Та
есть одинъ мальчикъ, герой всей поэмы. Но это не прост
мальчикъ, не какъ другія дѣти, не какъ братъ его Воло
Ему всего какихъ нибудь лѣтъ двѣнадцать, а въ голову и
сердце его уже заходятъ мысли и чувства не такія какъ у
сверстниковъ. Мечтамъ и чувствамъ своимъ онъ уже отдает
страстно и уже знаетъ, что ихъ лучше хранить ему про се
Обнаруживать ихъ уже мѣшаетъ ему стыдливое цѣломудріе
высшая гордость. Онъ завидуетъ брату и считаетъ его несра
ненно выше себя, особенно по ловкости и по красотѣ лица.
между тѣмъ онъ втайнѣ предчувствуетъ, что братъ гораздо ни
его во всѣхъ отношеніяхъ, но онъ гонитъ свою мысль и с
таетъ ее низостью. Онъ смотритъ на себя въ зеркало слишко
часто и рѣшаетъ, что онъ уродливо не хорошъ собою. У него ме
каютъ мечты, что его никто не любитъ, что его презираютъ
Однимъ словомъ, это мальчикъ довольно необыкновенный
между тѣмъ именно принадлежащій къ этому типу семейс

ісшаго дворянскаго круга, поэтомъ и историкомъ кото-
лъ, по завѣту Пушкина, вполнѣ и всецѣло, графъ Левъ
. И вотъ въ ихъ домѣ, въ большомъ семейномъ москов-
омѣ собираются гости; имянинница сестра; съѣзжаются
шими и дѣти, тоже мальчики и дѣвочки. Начались игры,
нашъ герой мѣшковатъ, танцуетъ хуже всѣхъ, хочетъ
ься остроуміемъ, но ему не удается, - а тутъ какъ разъ
хорошенькихъ дѣвочекъ и—вѣчная мысль его, вѣчное
зніе, что онъ хуже всѣхъ. Въ отчаяніи онъ рѣшается на
бъ всѣхъ поразить. При всѣхъ дѣвочкахъ и при всѣхъ
гордыхъ, старшихъ мальчикахъ, считавшихъ его ни во
нъ вдругъ, внѣ себя, съ тѣмъ чувствомъ, съ которымъ
тся въ раскрывшуюся подъ ногами бездну, выставляетъ
еру языкъ и ударяетъ его изо всѣхъ силъ кулакомъ! «Те-
сѣ узнали каковъ онъ, онъ показалъ себя!» Его позорно
ь и запираютъ въ чуланъ. Чувствуя себя погибшимъ, и
навѣки, мальчикъ начинаетъ мечтать: вотъ онъ бѣжалъ
му, вотъ онъ поступаетъ въ армію, на сраженіи онъ уби-
множество турокъ и падаетъ отъ ранъ. Побѣда! гдѣ нашъ
ль, кричатъ всѣ, цалуютъ и обнимаютъ его. Вотъ онъ
Москвѣ, онъ идетъ по Тверскому бульвару съ подвя-
рукой, его встрѣчаетъ Государь... И вдругъ мысль, что
творится и войдетъ гувернеръ съ розгами, разсѣеваетъ
ты, какъ пыль. Начинаются другія. Онъ вдругъ выдумы-
причину, почему его «всѣ такъ не любятъ:» вѣроятно, онъ
и отъ него это скрываютъ... Вихрь разростается:
умираетъ, входятъ въ чуланъ и находятъ его трупъ:
мальчикъ!» его всѣ жалѣютъ. «Онъ добрый мальчикъ!
его погубили, говоритъ отецъ гувернеру»... и вотъ слезы
мечтателя... Вся эта исторія кончается болѣзнью ре-
лихорадкой, бредомъ. Чрезвычайно серьезный психологи-
этюдъ надъ дѣтской душой, удивительно написанный.

Нарочно припомнилъ этотъ этюдъ въ такой подробности.
лучилъ письмо изъ К-ва, въ которомъ мнѣ описываютъ
одного ребенка, тоже двѣнадцатилѣтняго мальчика, и—
можетъ быть, что тутъ нѣчто похожее. Впрочемъ, вы-
мѣстами письмо, не измѣняя въ выписываемомъ ни слова,
любопытенъ.

ноября, послѣ обѣда, разнеслось по городу вѣсть, что слу-
самоубійство. — повѣсился *12—13 лѣтній отрокъ* воспитан-

никъ прогимназіи. Обстоятельства дѣла таковы. — Классный наставникъ, по предмету котораго не зналъ въ этотъ день урока погибшій мальчикъ, наказалъ его тѣмъ, что оставилъ въ заведеніи до 5 часовъ вечера. Походилъ, походилъ ученикъ, отвязалъ отъ попавшагося глаза блока диченку, привязалъ ее къ гвоздю, на которомъ обыкновенно виситъ такъ называемая золотая или красная доска, для [illegible] вывѣшенная, и удавился. Сторожъ, бывшій въ [illegible] побѣжалъ къ инспектору; пріѣхалъ инспекторъ, сняли съ петли самоубійцу, но воротить его къ жизни не могли. Гдѣ причина самоубійства? Мальчикъ [illegible] не [illegible] учился вообще хорошо. [illegible] получилъ [illegible] и былъ на[illegible] [illegible] строгій, и [illegible] въ этотъ [illegible] Быть можетъ, съ [illegible] встрѣ[illegible] И вотъ среди о[illegible] страш[illegible] [illegible] ст[illegible] воз[illegible] [illegible]

[illegible]

ные дѣтскіе вопросы, сильное ощущеніе какой-то гнетущей и
праведливости, мнительное раннее и страдальче кое ощущеніе
ственной ничтожности, болѣзненно развившійся вопросъ: «По-
чему меня такъ *всѣ* не любятъ». страстное желаніе заставить жа-
ть о себѣ, т. е. тоже что страстное желаніе любви отъ *нихъ*
—и множество, множество другихъ усложненій и оттѣнковъ.
Дло въ томъ, что тѣ или другіе изъ этихъ оттѣнковъ непре-
нно были, но—есть и черты какой-то новой дѣйствительности,
совсѣмъ другой уже, чѣмъ как а въ успокоенномъ и твердо,
давна сложившемся московск мѣщичьемъ семействѣ средне-
шатаго круга, *историкомъ* явился у насъ графъ Левъ
Толстой и какъ разъ, кажется, въ ту пору, когда для прежняго
русскаго дворянскаго строя, держдавшагося на прежнихъ по-
мѣщичьихъ основаніяхъ, при какой-то новый, еще неиз-
вѣстный, но радикальный пе ъ, по крайней мѣрѣ, огромное
перерожденіе въ новыя и еще грядущія, почти совсѣмъ неизвѣ-
стныя формы. Есть тутъ, въ этомъ случаѣ съ имянинникомъ
одна особенная черта уже совершенно нашего времени. Маль-
чикъ графа Толстаго могъ мечтать, съ болѣзненными слезами
разслабленнаго умиленія въ душѣ, о томъ какъ *они* войдутъ и
найдутъ его мертвымъ и начнутъ любить его, жалѣть и себя
винить. Онъ даже могъ мечтать и о самоубійствѣ, но лишь
мечтать: строгій строй исторически сложившагося дворянскаго
семейства отозвался-бы и въ двѣнадцатилѣтнемъ ребенкѣ и не
далъ-бы его *мечту* до *дѣла*, а тутъ—*помечталъ да и сдѣ-
лалъ*. Я впрочемъ, замѣчая это, не объ одной только теперешней эпидеміи самоубійствъ говорю. Чувствуется, что тутъ что-
то не то, что огромная часть русскаго строя жизни осталась
вовсе безъ наблюденія и безъ *историка*. По крайней мѣрѣ, ясно
что жизнь средне-высшаго нашего дворянскаго круга, столь ярко
описанная нашими беллетристами, есть уже слишкомъ ничтож-
ный и обособленный уголокъ русской жизни. Кто-жь будетъ
историкомъ остальныхъ уголковъ, кажется страшно многочи-
сленныхъ? И если въ этомъ хаосѣ, въ которомъ давно уже, но
**нынѣ особенно, пребываетъ общественная жизнь и нельзя
видѣть еще нормальнаго закона и руководящей нити даже,
какъ быть, и Шекспировскихъ размѣровъ художнику, то по-
мнѣй мѣрѣ, кто-же освѣтитъ хотя-бы часть этого хаоса, и
ли бы и не мечтая о руководящей нити? Главное, какъ будто
къ еще вовсе не до того, что это какъ-бы еще рано для са-
къ великихъ нашихъ художниковъ.** У насъ есть безспорно

жизнь разлагающаяся и семейство, стало быть, разлагающе
Но есть, необходимое, и жизнь вновь складывающаяся, на
выхъ уже началахъ. Кто ихъ подмѣтилъ и кто ихъ укаже
Кто хоть чуть-чуть можетъ опредѣлить и выразить законы
этого разложенія и новаго созиданія? Или еще рано? Но и стар
то, прежнее-то все-ли было отмѣчено?

ФЕВРАЛЬ.

Глава первая.

I.

ованные пророки и хромые бочары продолжающіе дѣлать въ Гороховой. Одинъ изъ неизвѣстнѣйшихъ русскихъ великихъ людей.

Восточный вопросъ по прежнему у всѣхъ передъ глазами. къ ни старались мы забыть его и развлечь себя всѣмъ, что ъ подъ рукой,—масляницей, «Новью», крахами, червонными стами,—какъ ни нагоняли мы на себя цинизмъ, увѣряя всѣхъ бя прежде всѣхъ, что «ничего ровно не было, что все выано и поддѣлано», какъ ни прятали мы голову въ подушку, ъ маленькія дѣти, чтобъ только не видѣть грознаго привиія,—а привидѣніе всетаки передъ нами, никуда не ушло, тъ и грозитъ какъ и прежде. Всякій—и злобствующій циъ. и искренній гражданинъ, и безмятежно развлекающійся жа, и просто лѣнивецъ,—всякій чувствуетъ и помнитъ, что ъ это нѣчто,—нѣчто отнюдь еще не рѣшенное и не покон-ное, а вмѣстѣ съ тѣмъ неотложное и необходимое, нѣчто, непремѣнно позоветъ насъ и потребуетъ, рано-ли поздно-ли развязкѣ, и что тутъ непремѣнно—

„Надо что-нибудь да сдѣлать
„Надо чѣмъ-нибудь да кончить,

И ужь это по меньшей мѣрѣ, если что-нибудь сдѣлать или ь-нибудь кончить, а что всего-бы лучше если-бъ кончить

получше. А между тѣмъ время идетъ да идетъ, на дворѣ
и—что-то дастъ намъ весна? Иные кричатъ, что ушло уже в
это Богъ знаетъ; для хорошаго дѣла всегда есть время. Д
выработается-ли что-нибудь хоть къ веснѣ, не скажется-ли
нибудь окончательно, то есть хоть-бы на годъ? Вѣдь въ Во
номъ вопросѣ теперь въ Европѣ дальше какъ на годъ ни
не разсчитываетъ, тѣмъ болѣе что и сама Турція врядъ-ли
простоитъ. Но дѣло не въ ней, а въ томъ что послѣ нея
нется. Эти окончательныя рѣшенія на годъ Европѣ, можетъ
и выгодны; ну, а другимъ не очень; и что-то будетъ съ дру
особенно съ тѣми другими, тамъ за Дунаемъ? Но объ них
маетъ лишь русскій народъ.

Да, думаетъ, и воля ваша, какъ ни отрицали мы изо в
силъ всю зиму наше лѣтнее движеніе, но, по моему, оно
должалось и во всю зиму, точно также какъ и лѣтомъ, по
Россіи, неуклонно и вѣрно, но уже спокойно и съ надежд
рѣшеніе Царя. И ужь, конечно, продолжаться будетъ до с
конца, не смотря на пророковъ нашихъ умѣвшихъ разгл
(и именно въ это лѣто) въ лицѣ Россіи лишь спящее г
пьяное существо, протянувшееся отъ Финскихъ хладныхъ с
до пламенной Колхиды, съ колоссальнымъ штофомъ въ ру
По моему, если и не видятъ эти пророки наши чѣмъ жи
Россія, такъ тѣмъ даже и лучше: не будутъ вмѣшиваться
будутъ мѣшать, а и вмѣшаются такъ не туда попадутъ, а
Видите-ли: тутъ дѣло въ томъ, что нашъ европеизмъ и «пр
щенный» европейскій нашъ взглядъ на Россію — то все
еще луна, которую дѣлаетъ все тотъ же самый заѣзжій хр
бочаръ въ Гороховой, что и прежде дѣлалъ, и все также
скверно дѣлаетъ, что и доказываетъ поминутно; вотъ онъ
дняхъ доказалъ; впредь-же будетъ дѣлать еще сквернѣе, —
пусть его: нѣмецъ, да еще хромой, надобно имѣть сострада

Да и какое дѣло Россіи до такихъ пророковъ? Теперь
почешемся, прежнее время прошло.

Въ газетахъ упоминалось какъ-то, что въ Москву вз
зиму привезли изъ славянскихъ земель не одну партію бѣд
маленькихъ дѣтей изъ разрушенныхъ войною семействъ, с
шенныхъ сиротъ. Ихъ размѣщаютъ по разнымъ рукамъ и
деніямъ. Хорошо кабы это все не прерывалось и организов
наконецъ по всей Россіи въ самомъ обширномъ размѣрѣ: чт
вѣдь это только благодѣяніе; а дѣтокъ этихъ надо беречь,
это все *будущіе* славяне. Кстати, я нѣсколько разъ спраши

чѣмъ такъ-таки прокормились эти нѣсколько сотъ тыс
изъ болгаръ, босняковъ, герцеговинцевъ
ихъ отъ своихъ мучителей, послѣ избіенія
ю, Черногорію, Австрію и куда попало. Соо
о денегъ, чтобъ ихъ прокормить и зная, чт у с
черногорцевъ нѣтъ такихъ денегъ, да и сами тепер
нечего; не понимаешь чѣмъ эти сотни тысячъ могли
ться съ маленькими свои и и во что въ зиму
и дѣтей. Говорятъ, недавно в скву привезли еще
дѣтокъ», отъ трехъ до тринадцати лѣтъ, и кото
къ себѣ Покровская общ сестеръ милосердія.
ъ, что этихъ маленькихъ сербскихъ дѣвочекъ, покр
ы милосердія помѣстили вмѣстѣ съ прибывшими преж
ми, и что за ними надзираетъ одна изъ сестеръ,
рбски, такъ что дѣти рады и дѣтямъ весело. Дѣтямъ,
, хорошо и тепло, но я слышалъ недавно отъ одного воро-
агося изъ Москвы пріятеля прехарактерный анекдотъ про
ь самыхъ малютокъ: сербскія дѣвочки сидятъ-де въ одномъ
, а болгарки въ другомъ, и не хотятъ ни играть, ни гово-
другъ съ дружкой, а когда спрашиваютъ сербокъ, отчего
не хотятъ играть съ болгарками, то тѣ отвѣчаютъ: «мы имъ
оружіе, чтобъ они шли съ нами вмѣстѣ на турокъ, а они
е спрятали и не пошли на турокъ». Это очень, по моему,
ытно. Если восьми — девятилѣтнія малютки говорятъ та-
языкомъ, то значитъ переняли отъ отцовъ, и если такія
отцовъ переходятъ уже къ дѣтямъ, то значитъ между Бал-
ими славянами несомнѣнная и страшная рознь. Да, вѣчная
между славянами! Они запоминаютъ ее въ своихъ преда-
и сохраняютъ въ пѣсняхъ, и безъ единящаго огромнаго
центра Россіи—не бывать славянскому согласію, да и не
иться безъ Россіи славянамъ, исчезнуть славянамъ съ
земли вовсе, — какъ-бы тамъ ни мечтали люди сербской
генціи, или тамъ разные цивилизованные по европейски
. Много у нихъ еще мечтателей. Да почти все еще мечта-

мните-ли вы у Пушкина, въ «Пѣсняхъ Западныхъ сла-
, «пѣсню о битвѣ у Зеницы Великой?» Тамъ возставшіе
ись съ Радивоемъ въ походъ на турокъ.

А Далматы, завидя наше войско,
Свои длинные усы закрутили,
На бекрень надѣли свои шапки

И сказали: «Возьмите насъ съ собою»...

. . . .

Беглербой съ своими босняками
Прогнавъ насъ пришелъ изъ Банялуки
Но лишь только заржали ихъ кони,
И на солнцѣ ихъ кривыя сабли
Засверкали у Зеницы Великой, —
Разбѣжались измѣнники Далматы!

Кстати, я спросилъ: «Помните-ли вы въ пѣсняхъ западны[illegible] славянъ» и т. д., и я впередъ за всѣхъ отвѣчаю, что никто [illegible] помнитъ ни «пѣсни о битвѣ у Зеницы великой», ни даже и [illegible] нихъ «Пѣсенъ западныхъ славянъ» Пушкина. Ну, кромѣ спец[illegible] листовъ какихъ-нибудь, словесниковъ, али старыхъ — стары[illegible] какихъ-нибудь стариковъ. Пусть я грустно ошибаюсь, но все[illegible] я въ этомъ твердо увѣренъ. А между тѣмъ знаете-ли, госпо[illegible] что «Пѣсни западныхъ Славянъ» это — шедёвръ изъ шедёвро[illegible] Пушкина, между шедёврами его шедёвръ, не говоря уже о п[illegible] рическомъ и политическомъ значеніи этихъ стиховъ, еще пя[illegible] десятъ лѣтъ тому назадъ появившихся. Фактъ тогдашняго [illegible] явленія у насъ этихъ пѣсенъ важенъ: — это предчувствіе сл[illegible] нами русскими, это пророчество русскихъ славянамъ о будущ[illegible] братствѣ и единеніи. Ни въ одной критикѣ однакоже я нико[illegible] не читалъ при жизни и по смерти Пушкина, что онѣ его шедёвр[illegible] Считали ихъ такъ себѣ, а между тѣмъ онѣ именно шедёвры [illegible] все что есть высшаго по значенію. По моему, Пушкина мы е[illegible] [illegible] начинаемъ узнавать: это геній, опередившій русское созна[illegible] [illegible] это былъ уже русскій, настоящій р[illegible] [illegible] перевоплотившійся въ русскаго, а [illegible] [illegible] учился. Это былъ одинъ и [illegible]

о Парижанъ; иначе они и не умѣютъ: для настоящаго уза кромѣ Парижа ничего на свѣтѣ не существуетъ. Пушпрочтя книжку и пославъ объ ней автору въ Парижъ засочинилъ по ней свои пѣсни, т. е. изъ Французовъ, изонныхъ Мериме, возстановилъ Славянъ, и — ужь конечно это «Пѣсни западныхъ Славянъ», настоящихъ Славянъ, ъ даже породнившихся уже съ русскими. Конечно, этихъ нѣтъ въ Сербіи, поются у нихъ другія, но это все равно: нскія пѣсни — эти пѣсни всеславянскія народныя, вылившіе изъ славянскаго сердца, въ духѣ, въ образѣ Славянъ, въ ихъ, въ обычаѣ и въ исторіи ихъ. Я-бы тѣмъ высокованнымъ сербамъ, изъ которыхъ многіе столь недовѣрчиво ли нынѣшнимъ лѣтомъ на русскихъ, показалъ-бы, наприпѣсню Пушкина о «Георгіи Черномъ», или эту «Пѣсню о при Зеницѣ великой». Это два шедевра изъ этихъ пѣсень, анты первой величины въ поэзіи Пушкина, — (и непрепотому-то они совершенно невѣдомы въ нашихъ школахъ ько ученикамъ, но весьма вѣроятно и учителямъ, которые явленіемъ услышатъ теперь въ первый разъ, что это такіе ры, а не «Кавказскій Плѣнникъ» и не «Цыгане»). А между оть-бы въ прошломъ году-то, по крайней мѣрѣ, пустить эти въ ходъ въ нашихъ школахъ. Впрочемъ, судя по ходу врядъ-ли Сербы скоро узнаютъ этого извѣстнѣйшаго изъ великихъ русскихъ людей, —такъ я думаю можно опреь нашего великаго Пушкина, про котораго у насъ тысячи тки тысячъ изъ нашей интилигенціи до сихъ поръ не знаютъ, ю былъ такихъ великихъ размѣровъ поэтъ и русскій чеъ, и которому до сихъ поръ не могли мы еще собрать деа памятникъ, — черта эта войдетъ въ нашу исторію. А , прочтя эти «пѣсни», конечно, увидали-бы какъ думаемъ ъ ихъ свободѣ, чтимъ мы ее или нѣтъ, радуемся-ли ей или и хотимъ или нѣтъ захватить ихъ въ свою власть и лиихъ этой свободы. Впрочемъ, довольно о поэзіи. И пусть ыбаются надо мной свысока: «вотъ, дескать, объ какихъ ихъ заговорилъ». Это не мелочь; о Пушкинѣ еще много и у насъ говорить надо.

II.

Доморощенные великаны и приниженный сынъ «Кучи». Анекд о содранной со спины кожѣ. Высшіе интересы цивилизаціи да будутъ они прокляты, если ихъ надо покупать такою цѣно

Сербская скупщина, собравшаяся въ прошломъ мѣсяцѣ Бѣлградѣ на одно мгновеніе (на полтора часа, какъ писали газетахъ), чтобъ только рѣшить: «Заключить миръ или нѣт скупщина эта, какъ слышно, выказала вовсе не такое слишк ужь поспѣшно миролюбивое настроеніе, какого отъ нея жда принимая въ соображеніе обстоятельства. Говорятъ, и на миръ согласилась вслѣдствіе какой-то передержки, министерской кой-то интриги. Во всякомъ случаѣ, если чуть-чуть правда, скупщина не трусила продолженія войны, то, взявъ въ сообра ніе ихъ отчаянное положеніе, невольно спросишь себя: «Что это у насъ такъ кричали о трусости сербовъ»? Я получалъ Сербіи письма и говорилъ съ пріѣзжавшими оттуда, и особе запомнилъ одно письмо отъ одного юнаго русскаго, который та и остался, и который пишетъ о сербахъ съ восторгомъ и съ годованіемъ на то, что въ Россіи находятся-де люди, думаю про нихъ, что они трусы и эгоисты. Восторженный русскій э грантъ даже извиняетъ членовредительство сербскихъ солдат Черняева и Новоселова: это, видите-ли, они до того нѣжн сердцемъ народъ, до того любятъ свою «кучу», гдѣ каждый ос вилъ жену, дѣтей, или мать, сестеръ, невѣсту, братьевъ, кон собаку, что бросаютъ все, уродуютъ себя, отстрѣливаютъ с пальцы, чтобы не годиться къ службѣ и поскорѣй воротиться свое милое гнѣздо! Представьте себѣ, я эту нѣжность сердца нимаю, и ужь, конечно, въ такомъ случаѣ это слишкомъ н ный сердцемъ народъ, хотя—хотя это въ тоже время довол туповатый, дѣти своей отчизны, такъ что сами не понимаютъ ч у нихъ сердце хочетъ. По нѣжности сердца своего сербскій о тель «кучи», похожъ очень, по моему, на тѣхъ дѣтей, ко [illegible] можетъ быть въ запомнили еще съ дѣтства, вдр [illegible] разрушеннаго разбредшагося вдругъ сем [illegible] —это [illegible]

своемъ гнѣздѣ, «классъ маретъ». Вотъ они принимаются
лотить безъ пощады, всѣмъ классомъ, все время, и даже
безъ злобы, для развлеченія. Я замѣчу про себя, что та-
несчастныхъ дѣтей я довольно встрѣчалъ въ моемъ дѣт-
ъ разныхъ школахъ,—и какія преступленія совершаются
въ этомъ родѣ въ нашихъ воспитательныхъ заведеніяхъ,
разрядовъ и наименованій,—именно преступленія! Попро-
альчикъ съ дуру пожаловаться и его убьютъ чуть не до
(да и до смерти убьютъ); школьники бьютъ безъ жало-
безъ осторожности. Они задразнятъ его фискаломъ на цѣ-
оды, говорить съ нимъ не захотятъ, а сдѣлаютъ изъ него
—и что за безсердечность, какое безжалостное равнодушіе
гомъ въ начальствѣ! Я не помню въ моемъ дѣтствѣ ни
педагога и не думаю, чтобъ и теперь было много: все
чиновники, получающіе жалованье. А между тѣмъ, вотъ
дѣти, которые, поступая въ школу, тоскуютъ по семьѣ и
мъ гнѣздѣ,—вотъ именно изъ такихъ-то и выходятъ по-
всего чаще люди замѣчательные, со способностями и съ
ніями. А тѣ, которые, взятые изъ семьи, быстро уживаются
омъ угодно новомъ порядкѣ, въ одинъ мигъ ко всему при-
тъ, которые ни о чемъ никогда не тоскуютъ и даже сразу
ятся во главѣ другихъ,—эти всего чаще выходятъ лишь
ностью, или просто дурными людьми, пролазы и интриганы
ь восьмилѣтняго возраста. Разумѣется, я сужу слишкомъ
е, но все-таки по моему тотъ плохой ребенокъ, который.

[illegible]уждающаго, животнаго почти желанія бросить ружье и бѣж[illegible] скорѣй домой. Разница лишь въ томъ, что при этомъ жела[illegible] обнаруживалась и невѣроятная, феноменальная какъ-бы тупость. О[illegible] какъ-бы отмахивался отъ всякаго соображенія о томъ, что е[illegible] всѣ какъ онъ разбѣгутся, то и землю защищать будетъ не ко[illegible], стало быть, придутъ турки когда-нибудь и къ нимъ въ «куч[illegible] и разорять эту дорогую, возлюбленную его «кучу», и зарѣж[illegible] и мать его, и невѣсту, и сестру его, и коня и собаку ихъ. Д[illegible] ствительно, слишкомъ во многихъ, можетъ быть, сербскихъ се[illegible] дахъ это страданіе по родному гнѣзду своему не возвысилось [illegible] страданія по родинѣ, что представило собою именно стран[illegible] [illegible]. Правда, теперь когда ужь кончилась у нихъ войн[illegible] заключенъ миръ, можно замѣтить и то, что и сердца выс[illegible] сербской интеллигенціи далеко не всегда возвышались до с[illegible] [illegible] родинѣ, но, однако, по другой причинѣ, чѣмъ сер[illegible] [illegible]. Это объясняется у нихъ слишкомъ сильны[illegible] [illegible] политическимъ честолюбіемъ. Такъ, что изъ-за «в[illegible] [illegible] интересовъ родины этимъ высшимъ сердцамъ было д[illegible] [illegible] заниматься интересами [illegible] народны[illegible] [illegible]. [illegible] серба, мнѣ кажется, все-т[illegible] [illegible] довольно любопытное замѣчаніе. Нельзя [illegible] [illegible] и [illegible] Мнѣ каже[illegible] [illegible] домой, онъ въ состояніи [illegible] пон[illegible] [illegible] очень можетъ быть, что [illegible] въ то-же время никогда и не [illegible]. [illegible]

[illegible]

, что иные изъ этихъ строгихъ господъ, такъ-таки сразу,
въ нашаго низшаго серба собиравшагося бѣжать изъ-подъ
прямо отстрѣливали ему голову револьверомъ,—«вотъ, де-
какими тоже могли-бы мы быть желѣзными князьями!» Они
зшій народъ третируютъ тамъ, кажется ,нѣсколько свысока.
бще эти высшіе славяне, «съ столь славною будущ-
»—во всякомъ случаѣ чрезвычайно любопытный народъ
итическомъ, гражданскомъ, историческомъ и во всевозмож-
тношеніяхъ.
ерь, когда уже Черняевъ оттуда выѣхалъ, а добровольцы
ыслали, у нихъ, т. е. отъ ихъ военныхъ людей послы-
одна военная мысль, о которой мы прежде, лѣтомъ, не
али. Именно, утверждаютъ они, что ихъ сербъ и вовсе
собенъ служить въ регулярномъ войскѣ и дѣйствовать въ
ь полѣ, а что народная сербская война—это «Малая
, т. е. партизанская, война шайками, въ лѣсахъ, въ тѣс-
, за камнями, за скалами. Чтоже, и это очень можетъ
ю такъ какъ миръ у нихъ уже заключенъ, то врядъ-ли
кно теперь провѣрить. По крайней мѣрѣ, они останутся съ
военнымъ убѣжденіемъ, ну и то утѣшеніе въ несчастіи.
ли протянется этотъ миръ? Но чтобъ сказать прощальное
бъ этой сербской войнѣ, въ которой мы, русскіе, чуть
до единаго такъ участвовали нашимъ сердцемъ, то мнѣ
я, что сербы разстаются съ нами и съ помощью нашею
большею недовѣрчивостью, чѣмъ съ какою встрѣчали насъ
алѣ войны. Заключить можно тоже, что недовѣрчивость
намъ будетъ въ нихъ идти увеличиваясь все время, пока
дутъ умственно расти и развиваться сами; стало быть,
олго, и что намъ, стало быть, прежде всего надо не обра-
никакого вниманія на ихъ недовѣрчивость и дѣлать свое
акъ сами знаемъ. Намъ въ Восточномъ вопросѣ необхо-
мѣть въ виду неустанно одну истину: что Славянская
задача не въ томъ только чтобъ освободиться отъ своихъ
ей, а и въ томъ, чтобъ освобожденіе это совершить, хоть
омощью Русскихъ, (нельзя-же иначе, и—еслибъ только
гли обойтись безъ Русскихъ!), но, по крайней мѣрѣ, оста-
какъ можно меньше обязанными Русскимъ.
кду этими привезенными въ Москву славянскими дѣтьми
оворятъ—разказывалъ мнѣ все тотъ-же воротившійся
сквы пріятель,—одинъ ребенокъ, дѣвочка лѣтъ восьми,
вяти, которая часто падаетъ въ обморокъ и за которою

особенно ухаживаютъ. Падаетъ она въ обморокъ отъ воспо
нанія: она сама, своими глазами, видѣла нынѣшнимъ лѣт
какъ съ отца ея сдирали черкесы кожу и — содрали ве
Это воспоминаніе при ней неотступно и, вѣроятнѣе всего, ос
нется навсегда, можетъ быть, съ годами въ смягченномъ ви
хотя впрочемъ не знаю можетъ-ли тутъ быть смягченный ви
О цивилизація! О Европа, которая столь пострадаетъ въ свои
интересахъ если серьезно запретить туркамъ сдирать кожу
отцовъ въ глазахъ ихъ дѣтей! Эти, столь высшіе интересы Ев
пейской цивилизаціи, конечно, — торговля, мореплаваніе, рын
фабрики, — чтоже можетъ быть выше въ глазахъ Европ
Это такіе интересы, до которыхъ и дотронуться даже не поз
ляется не только пальцемъ, но даже мыслью, но — но «да (
дутъ они прокляты, эти интересы Европейской цивилизаціи
Это восклицаніе не мое, это воскликнули «Москов. Вѣдомост
и я за честь считаю присоединиться къ этому восклицанію;
да будутъ прокляты эти интересы цивилизаціи, и даже самая
вилизація, если, для сохраненія ея, необходимо сдирать съ лю
кожу. Но однако-же это фактъ: для сохраненія ея необходимо с
рать съ людей кожу!

III.

О сдираніи кожъ вообще, разныя аберраціи въ частности. Н
висть къ авторитету при лакействѣ мысли.

«Съ людей? Съ какихъ людей? Съ крошечной только ча
людей, гдѣ-то тамъ съ уголкѣ, съ турецкой райи, о котор
никто-бы и не услыхалъ ничего, еслибъ не прокричали Русск
За то огромная остальная часть организма жива, здорова
благоденствуетъ, торгуетъ и фабрикуетъ!»

Этотъ анекдотъ о маленькой Болгаркѣ, падающей въ об
рокъ, мнѣ разсказали утромъ, и въ тотъ-же день мнѣ слу
лось проходить по Невскому проспекту. Тамъ, въ четверто
часу. матери и няньки водили дѣтей и невольная мысль вдру
вѣско легла мнѣ на душу: «Цивилизація»! — думалъ я, — «к
же смѣетъ сказать противъ цивилизаціи? Нѣтъ, цивилизація т
нибудь да значитъ: не увидятъ, по крайней мѣрѣ, эти дѣти нап
мирно гуляющіе здѣсь на Невскомъ проспектѣ, какъ съ отцо
ихъ сдирать будутъ кожу, а матери ихъ какъ будутъ всхи

Европѣ, и что если есть это теперь у насъ въ Европѣ,
ь въ первый разъ съ тѣхъ поръ какъ существуетъ пла-
нѣтъ, все-же это уже достигнуто и, можетъ быть, назадъ
икогда не воротится, — соображеніе чрезвычайно важное,
но въ душу направляющееся, вовсе не такое маленькое,
орое не стоило-бы обращать вниманія, тѣмъ болѣе, что
міръ всетаки по прежнему загадка, несмотря на цивили-
и ея пріобрѣтенія. Богъ знаетъ чѣмъ чреватъ еще міръ
можетъ дальше случиться, даже и въ ближайшемъ буду-

вотъ, только лишь я хотѣлъ воскликнуть про себя въ
гѣ: «да здравствуетъ цивилизація»! — какъ вдругъ во
усомнился: «Да достигнуто-ли даже это-то, даже для
Невскаго-то проспекта дѣтей? Ужь не миражъ-ли полно
ь, и только глаза отводятъ?»
аете, господа, я остановился на томъ, что миражъ. или,
е, почти что миражъ, и если не сдираютъ здѣсь на Нев-
кожу съ отцовъ въ глазахъ ихъ дѣтей, то развѣ только
но, такъ сказать «по независящимъ отъ публики обстоя-
вамъ», ну и, разумѣется, потому еще что городовые стоятъ.
пѣшу оговориться: я вовсе не аллегорію какую-нибудь
ку, не на страданія какого-нибудь пролетарія въ нашъ
намекаю, не на родителя какого-нибудь, который говоритъ

пока еще запрещено, а что за нами, можетъ быть, дѣло-бы не стало, не смотря на всю нашу цивилизацію.

По моему, если ужь все говорить, такъ просто боятся какого обычая, какого-то принятаго на вѣру правила, почти что предр судка; но еслибъ чуть-чуть «доказалъ» кто-нибудь изъ ли «компетентныхъ», что содрать иногда съ одной спины кожу выйд даже и для общаго дѣла полезно, и что если оно и отвратитель то все-же «цѣль оправдываетъ средства»,—еслибъ, заговорилъ к нибудь въ этомъ смыслѣ, компетентнымъ слогомъ и при компете ныхъ, обстоятельствахъ, то, повѣрьте, тотчасъ-же явились-бы испо нители, да еще изъ самыхъ веселыхъ. О пусть, пусть это сме нѣйшій мой парадоксъ! Я первый подписываюсь подъ этимъ оп дѣленіемъ обѣими руками, но тѣмъ не менѣе увѣряю васъ, что точь въ точь такъ-бы и было. Цивилизація есть, и законы есть, и вѣра въ нихъ даже есть, но—явись лишь новая м и тотчасъ-же множество людей измѣнилось-бы. Конечно, не и но за то осталась-бы такая малая кучка, что даже мы съ в читатель удивились-бы, и даже еще неизвѣстно гдѣ-бы мы са то очутились: между сдираемыми или сдирателями? Мнѣ, ра мѣется, закричатъ въ глаза, что все это дребедень и что нико такой моды не можетъ быть, и что этого-то, по крайней мѣрѣ, у достигла цивилизація. Господа, какое легковѣріе съ вашей с роны! Вы смѣетесь? Ну а во Франціи (чтобъ не заглядыв куда поближе) въ 93-мъ году, развѣ не утвердилась эта са мода сдиранія кожи, да еще подъ видомъ самыхъ священн шихъ принциповъ цивилизаціи, и это послѣ-то Руссо и Во тера! Вы скажете, что все это было вовсе не то и очень дал но замѣтьте, что я прибѣгаю къ исторіи единственно, мож быть, чтобъ не заговорить о текущемъ! Повѣрьте, что самая п ная аббераціи и въ умахъ и въ сердцахъ всегда у людей и можна, а у насъ, и именно въ наше время не только возмож но и не минуема, судя по ходу вещей. Посмотрите, много-ли гласныхъ въ томъ, что хорошо, что дурно. И это не то что какихъ нибудь тамъ «истинахъ», а въ самомъ первомъ встр номъ вопросѣ. И съ какой быстротой происходятъ у насъ ремѣны и вольтфасы? Что такое въ Москвѣ Червонные вале Мнѣ кажется, это всего лишь та часть той фракціи русск дворянства, которая не вынесла крестьянской реформы. Пу они сами и не помѣщики, но они дѣти помѣщиковъ. Послѣ крес янской реформы они щелкнули себя по галстуку и засвиста Да тутъ и не одна крестьянская реформа была причиною, п

новыхъ идей» не выпесли: «Если-де все, чему насъ учили, предразсудки, то зачѣмъ-же за ними слѣдовать? Коли *ни*-тъ, значитъ можно *все* дѣлать,—вотъ идея! Замѣтьте— ю невѣроятности распространенная, девять десятыхъ изъ ователей новыхъ идей ее исповѣдуютъ, другими словами десятыхъ прогрессистовъ и не умѣютъ у насъ иначе по- новыхъ идей. У насъ Дарвинъ, напримѣръ, немедленно ается въ карманнаго воришку,—вотъ что такое червон- алетъ. О, конечно, у человѣчества чрезвычайно много на- ю вѣками выжитыхъ правилъ гуманности, изъ которыхъ слывутъ за незыблемыя. Но я хочу лишь сказать только, смотря на всѣ эти правила, принципы, религіи, цивилиза- въ человѣчествѣ спасается ими всегда только самая неза- я кучка,—правда, такая, за которой и остается побѣда, шь въ концѣ концовъ, а въ злобѣ дня, въ текущемъ ходѣ и люди остаются какъ-бы все тѣ-же навсегда, т. е. въ ъмъ большинствѣ своемъ не имѣютъ никакого чуть-чуть прочнаго понятія ни о чувствѣ долга, ни о чувствѣ чести, съ чуть-чуть лишь новая мода и тотчасъ-же побѣжали-бы гишомъ, да еще съ удовольствіемъ. Правила есть, да лю- къ правиламъ не приготовлены вовсе. Скажутъ: да и не товиться, надо только правила эти отыскать! Такъ-ли. и ели-ли долго правила, какія-бы тамъ ни были, коли такъ а побѣжать нагишомъ?

моему одно: осмыслить и прочувствовать можно даже и разомъ, но сдѣлаться человѣкомъ нельзя разомъ, а надо ься въ человѣка. Тутъ дисциплина. Вотъ эту-то неустан- дисциплину надъ собой и отвергаютъ иные наши современ- ители: слишкомъ-де много ужъ было деспотизму, надо ... а свобода эта ведетъ огромное большинство лишь къ ву передъ чужой мыслью, ибо страхъ какъ любитъ че- ъ все то, что подается ему готовымъ. Мало того: мыслители лашаютъ общіе законы, т. е. такія правила, что всѣ дѣлаются счастливыми, безо всякой выдѣлки, только-бы евила наступили. Да еслибъ этотъ идеалъ и возможенъ съ *необходимыми* людьми не осуществились-бы никакія, даже самыя очевидныя. Вотъ въ этой-то неустан- дисциплинѣ и непрерывной работѣ самому надъ собой и могъ- ояться нашъ гражданинъ. Съ этой-то великодушной ра- надъ собой и начинать надо, чтобъ поднять потомъ нашу ... а то незачѣмъ выйдетъ и подымать ее.

Да? Но что хорошо и что дурно—вотъ вѣдь чего, гла мы не знаемъ? Всякое чутье въ этомъ смыслѣ потеряли. прежніе авторитеты разбили и наставили новыхъ, а въ н авторитеты, чуть кто изъ насъ поумнѣе, тотъ и не вѣруе кто посмѣлѣе духомъ, тотъ изъ гражданина въ червоннаго в обращается. Мало того, ей Богу начнетъ сдирать со спинъ і да еще провозгласитъ, что это полезно для общаго дѣла, а, быть, свято. Кажется, въ какомъ-же смыслѣ приступить къ [illegible] надъ собой, если не знаешь что хорошо, что худо?

IV.

Меттернихи и Дон-Кихоты.

Но чтобъ не говорить отвлеченно, обратимся къ данной Вотъ мы дѣйствительно не сдираемъ кожъ. Мало того, даж любимъ этого (только одинъ Богъ знаетъ: любитель часто [illegible], любитель мало извѣстенъ, до времени стыдится. «б [illegible]», не если и не любимъ у себя и *никогда не был* [illegible] должны вѣдь ненавидѣть и въ другихъ. Мало того, чт ненавидѣть, должны просто не дать сдирать кожъ никому, такъ велѣть и не дать. А между тѣмъ такъ-ли на дѣлѣ? Самые лучшіе изъ насъ вовсе не такъ чего-то хотятъ какъ-бы слѣдо И даже не про однихъ славянъ говорю. Если мы ужъ так [illegible], такъ и поступать должны мы въ размѣрѣ наше [illegible], а не въ размѣрѣ десяти [illegible] пожертвов [illegible] скажутъ, что вѣдь нельзя-же отдать все. И съ этимъ с [illegible], хотя и не знаю почему. Почему-же-бы и не все? Въ го [illegible] что тутъ рѣшительно ничего не понимаешь [illegible] собственной природѣ. А тутъ вдругъ, съ огромнымъ авто [illegible], возникаетъ вопросъ объ *интересахъ цивилизаціи.*

Вопросъ ставится прямо, ясно, научно и [illegible] зенно. Интересы цивилизаціи—это производство, это богат [illegible] нужное [illegible]. Нужно огромное, безпрер [illegible] производство [illegible]

[illegible]

боится войны и спрячется. Если ограничить право **Турокъ сдирать** со спинъ райи кожу, то надобно затѣять войну, а затѣй войну—сейчасъ выступитъ впередъ Россія,—значитъ **можетъ** наступить такое усложненіе войны, при которомъ **война обниметъ** весь свѣтъ; тогда прощай производство и **пролетарій пойдетъ** на улицу. А пролетарій опасенъ на улицѣ. Въ рѣчахъ Па... уже упоминается прямо и откровенно, вслухъ **на весь міръ**, что пролетарій опасенъ, что съ пролетаріемъ не спокойно, что пролетарій внимаетъ соціализму. «Нѣтъ, ужь лучше **пусть гдѣ-то** тамъ въ глуши сдираютъ кожу. Неприкосновенность **турецкихъ** правъ должна быть незыблема. Надо потушить Восточный **вопросъ** и пусть сдираютъ кожу. Да и что такое эти кожи? Стоятъ-ли двѣ, **трехъ** какихъ нибудь кожицы спокойствія всей Европы, **ну двадцать**, ну тридцать тысячъ кожъ,—не все-ли равно? Захотимъ, **такъ и не** дадимъ вовсе, стоитъ уши зажать»...

Вотъ мнѣніе Европы, (рѣшеніе, можетъ быть); вотъ—*интересы цивилизаціи*, и—да будутъ они опять-таки прокляты! И тѣмъ болѣе прокляты, что аберрація умовъ (а русскихъ преимущественно), —предстоитъ несомнѣнная. Ставится прямо вопросъ: что лучше—многимъ-ли десяткамъ милліоновъ работниковъ идти на улицу, или единицамъ милліоновъ райи пострадать отъ Турокъ! Выставляютъ числа, пугаютъ цифрами. Кромѣ того, выставляютъ политики, мудрые учители: есть, дескать, такое правило, такое ученіе, такая аксіома, которая гласитъ, что нравственность одного человѣка, гражданина, единицы—это одно, а нравственность государства—другое. А, стало быть, то, что считается для одной единицы, для одного лица—подлостью, то относительно всего государства можетъ получить видъ величайшей премудрости! Это ученіе очень распространено и давнишнее, но—да будетъ и оно проклято! Главное, пусть не пугаютъ насъ цифрами. Пусть тамъ въ Европѣ какъ угодно, а у насъ пусть будетъ другое. Лучше вѣрить тому, что счастье нельзя купить злодѣйствомъ, чѣмъ чувствовать себя счастливымъ, зная, что допустилъ злодѣйство. Россія никогда не умѣла производить настоящихъ своихъ собственныхъ Меттерниховъ и Биконсфильдовъ, напротивъ, все время своей Европейской жизни она жила не для себя, а для чужихъ, именно для «общечеловѣческихъ интересовъ». И дѣйствительно, бывали случаи въ эти двѣсти лѣтъ что она, можетъ быть, и старалась, кой когда, подражать Европѣ, заводила и у себя Меттерниховъ, но какъ-то всегда обозначалось въ концѣ концовъ, что русскій Меттернихъ оказывался

вдругъ Донъ-Кихотомъ и тѣмъ ужасно дивилъ Европу Донъ-Кихотомъ, разумѣется, смѣялись; но теперь кажет восполнились сроки и Донъ-Кихотъ началъ уже не смѣ пугать. Дѣло въ томъ, что онъ несомнѣнно осмыслилъ ложеніе въ Европѣ и не пойдетъ уже сражаться съ ме ми. Но за то онъ остался вѣрнымъ рыцаремъ, а это-то в нихъ и ужаснѣе. Въ самомъ дѣлѣ: въ Европѣ кричатъ скихъ захватахъ, о русскомъ коварствѣ», но единствен чтобы напугать свою толпу, когда надо, а сами крикуны тому не вѣрятъ, да и никогда не вѣрили. Напротивъ, и щаетъ теперь и страшитъ, къ образѣ Россіи, скорѣе нѣч дивое, нѣчто слишкомъ ужь безкорыстное, честное, гнуш и захватомъ и взяткой. Они предчувствуютъ, что подку невозможно и никакой политической выгодой не завлеч корыстное или насильственное дѣло. Развѣ обманомъ,—и Кихотъ, хоть и великій рыцарь, а вѣдь и онъ бываетъ ужасно хитеръ, такъ что вѣдь и не дастъ себя обмануть. Франція. Австрія,—да есть-ли тамъ хоть одна такая на которой нельзя было-бы соединиться при удобномъ слу политической выгоды съ насильственною корыстною стоитъ лишь не пропустить ту минуту, въ которую подл нація всего дороже можетъ продать себя. Одну Россію не прельстишь на неправый союзъ, никакой цѣной. А та Россія въ тоже время страшно сильна и организмъ ея с ростетъ и мужаетъ не по днямъ, а по часамъ, что отл рошо понимаютъ и видятъ въ Европѣ (хотя подчасъ и н что колоссъ расшатанъ),—то какже имъ не бояться?

Кстати, этотъ взглядъ на неподкупность внѣшней п Россіи, и на вѣчное служеніе ея общечеловѣческимъ ин даже въ ущербъ себѣ, оправдывается исторіею и на эт комъ надо-бы обратить вниманіе. Въ этомъ наша собст сравнительно со всей Европой. Мало того, этотъ взг характеръ Россіи такъ мало распространенъ, что и у нас ли многіе ему повѣрятъ. Разумѣется, *ошибки* русской п при этомъ не должны быть поставлены въ счетъ, потому идетъ теперь лишь о духѣ и нравственномъ характерѣ политики, а не объ удачахъ ея въ прошедшемъ и давно шемъ. Въ послѣднемъ случаѣ дѣйствительно бывали въ вѣтреныя мельницы, но, повторяю, кажется, ихъ время прошло.

Нѣтъ серьезно: что въ томъ благосостояніи, которо

цѣною неправды и сдиранія кожъ? Что правда для че-
какъ лица, то пусть остается правдой и для всей націи.
нечно, можно проиграть временно, обѣднѣть на время, ли-
рынковъ, уменьшить производство, возвысить дороговиз-
пусть зато останется нравственно здоровъ организмъ на-
я нація несомнѣнно болѣе выиграетъ, даже и матеріально.
мъ, что Европа безспорно дошла до того, что ей всего
выгода текущая, выгода настоящей минуты и даже чего
стоила, потому что и живутъ они тамъ всего только день
ъ, одной только настоящей минутой, и сами не знаютъ, что
я станется завтра; мы-же, Россія, мы все еще вѣримъ въ
незыблемое, у насъ созидающееся, а слѣдственно ищемъ
постоянныхъ и существенныхъ. А потому мы, и какъ по-
скій организмъ, всегда вѣрили въ нравственность вѣчную,
словную на нѣсколько дней. Повѣрьте, что Донъ-Кихотъ
ыгоды тоже знаетъ и разсчитать умѣетъ: онъ знаетъ, что
етъ въ своемъ достоинствѣ и въ сознаніи этого достоин-
сли по прежнему останется рыцаремъ; кромѣ того, убѣжденъ,
этомъ пути не утратитъ искренности въ стремленіи къ
и къ правдѣ, и что такое сознаніе укрѣпитъ его на дальнѣй-
поприщѣ. Онъ увѣренъ наконецъ, что такая политика есть,
того, и лучшая школа для націи. Надо чтобъ червонный ва-
смѣлъ сказать мнѣ въ глаза: «вѣдь и у васъ все условно,
у васъ все на выгодѣ». Надо, чтобъ и юноша энтузіастъ
блъ свою націю, а не шелъ-бы искать правды и идеала на
и внѣ общества. И онъ кончитъ тѣмъ что возлюбитъ
націю, когда время тяжелой, страшно тяжелой нашей шко-
видетъ. Правда какъ солнце, ее не спрячешь: назначеніе
станетъ наконецъ ясно самымъ кривымъ умамъ, и у насъ,
Европѣ. У насъ почему теперь возможны такія аберраціи
какъ нигдѣ? Потому что полуторавѣковымъ порядкомъ, вся
нинія наша только и дѣлала, что отвыкала отъ Россіи и
тѣмъ, что раззнакомилась съ нею окончательно и сно-
съ нею только черезъ канцелярію. Съ реформами нынѣш-
арствованія начался новый вѣкъ. Дѣло пошло и остановиться
етъ.

Европа прочла осенній манифестъ Русскаго Императора и
почила. — не для одной текущей минуты запомнила, а на
на будущія текущія минуты. Обнажимъ если надо мечъ
угнетенныхъ и несчастныхъ. хотя даже и въ ущербъ
ей собственной выгодѣ. Но въ тоже время да укрѣпится въ

насъ еще прежде вѣра, что въ томъ-то и есть настоящее нам
ченіе Россіи, сила и правда ея, и что жертва собою за угнет
ныхъ и брошенныхъ всѣми въ Европѣ во имя интересовъ
вилизаціи, есть настоящее служеніе настоящимъ и истинны
интересамъ цивилизаціи.

Нѣтъ, надо чтобъ и въ политическихъ организмахъ была
знаваема та-же правда, та самая Христова правда, какъ и
каждаго вѣрующаго. Хоть гдѣ-нибудь да должна-же сохранят
эта правда, хоть какая-нибудь изъ націй да должна-же свѣти
Иначе что-же будетъ: все затемнится, замѣшается и потонетъ
цинизмѣ. Иначе не сдержите нравственности и отдѣльныхъ гр
данъ, а въ такомъ случаѣ какъ-же будетъ жить цѣлый-то ор
низмъ народа? Надобенъ авторитетъ, надобно солнце чтобъ ос
щало. Солнце показалось на Востокѣ и для человѣчества съ
стока начинается новый день. Когда просіяетъ солнце совсѣ
тогда и поймутъ что такое настоящіе «интересы цивилизаці
А то выставится знамя съ надписью на немъ: «Après nous le dél
(Послѣ насъ хоть потопъ)! Неужели столь славная «цивилизаці
доведетъ Европейскаго человѣка до такого девиза, да тѣмъ
нимъ и покончитъ? Къ тому идетъ.

Глава вторая.

I.

Одинъ изъ главнѣйшихъ современныхъ вопросовъ.

Мои читатели, можетъ быть, уже замѣтили, что я, вотъ у
слишкомъ годъ издавая свой «Дневникъ Писателя», старал
какъ можно меньше говорить о текущихъ явленіяхъ русск
словесности, а если и позволяю себѣ кой-когда словцо и на
тему, то развѣ лишь въ восторженно-хвалебномъ тонѣ. А мен
тѣмъ, въ этомъ добровольномъ воздержаніи моемъ — какая
правда! Я — писатель, и пишу «Дневникъ Писателя», — да
можетъ быть, болѣе чѣмъ кто-нибудь интересовался за весь эт
годъ тѣмъ, что появлялось въ литературѣ: какже скрывать,
жетъ быть, самыя сильныя впечатлѣнія? «Самъ, дескать, ли
раторъ-беллетристъ, а, стало быть, всякое сужденіе твое о б
летрической литературѣ, кромѣ безусловной похвалы, почте

растнымъ; развѣ говорить лишь о давно прошедшихъ явле-
»—вотъ соображеніе меня останавливавшее.
все-же я рискну на этотъ разъ нарушить это соображе-
Правда, въ чисто беллетрическомъ и критическомъ смыслѣ
е буду говорить ни о чемъ, а развѣ лишь, въ случаѣ нужды,
поводу». Поводъ вышелъ и теперь. Дѣло въ томъ, что мѣ-
назадъ я попалъ на одну до того серьезную и характер-
въ текущей литературѣ вещь, что прочелъ ее даже съ удив-
мъ, потому что давно уже ни на что подобное въ такихъ
рахъ не разсчитывалъ въ беллетристикѣ. У писателя—
ника въ высшей степени, беллетриста по преимуществу,
очелъ три-четыре страницы настоящей «злобы дня»,—все
есть важнѣйшаго въ нашихъ русскихъ текущихъ полити-
ихъ и соціальныхъ вопросахъ, и какъ-бы собранное въ одну
. И главное,—со всѣмъ характернѣйшимъ оттѣнкомъ на-
цей нашей минуты, именно такъ, какъ ставится у насъ
вопросъ въ данный моментъ, ставится и оставляется не-
шеннымъ... Я говорю про нѣсколько страницъ въ «Аннѣ
ной графа Льва Толстаго, въ январскомъ № «Русскаго
...
...ственно обо всемъ этомъ романѣ скажу лишь полслова,
...ишь въ видѣ самаго необходимаго предисловія. Началъ я
..., какъ и всѣ мы, очень давно. Сначала мнѣ очень по-
... потомъ, хоть и продолжали нравиться подробности,
... не могъ оторваться отъ нихъ, но въ цѣломъ стало
... менѣе. Все казалось мнѣ, что я это гдѣ-то уже чи-
... именно въ «Дѣтствѣ и Отрочествѣ» того-же графа Тол-
... «Войнѣ и Мирѣ» его-же, и что тамъ даже свѣжѣе
... та-же исторія барскаго русскаго семейства, хотя конечно,
... не тотъ. Лица, какъ Вронскій, напримѣръ (одинъ изъ ге-
романа), которые и говорить не могутъ между собою иначе
... лошадяхъ, и даже не въ состояніи найти объ чемъ
... кромѣ какъ объ лошадяхъ—были, конечно, любопытны,
... ихъ типъ, но очень однообразны и сословны. Каза-
... напримѣръ, что любовь этого «жеребца въ мундирѣ», какъ
... его одинъ мой пріятель, могла быть изложена развѣ
... ироническомъ тонѣ. Но когда авторъ сталъ вводить
... внутренній міръ своего героя серьезно, а не иронически,
... казалось это даже скучнымъ. И вотъ вдругъ всѣ пред-
... мои были разбиты. Явилась сцена смерти героини
... она опять выздоровѣла)—и я понялъ всю существен-

ную часть цѣлей автора. Въ самомъ центрѣ этой мелкой и нагл
жизни появилась великая и вѣковѣчная жизненная правда,
разомъ все озарила. Эти мелкіе, ничтожные и лживые люди ст
вдругъ истинными и правдивыми людьми, достойными имени
ловѣческаго, — естественною силою природнаго закона, зак
смерти человѣческой. Вся скорлупа ихъ исчезла и явилась о
ихъ истина. Послѣдніе выросли въ первыхъ, а первые (Вронск
вдругъ стали послѣдними, потеряли весь ореолъ и унизились;
унизившись, стали безмѣрно лучше, достойнѣе и истиннѣе, чѣ
когда были первыми и высокими. Ненависть и ложь заговор
словами прощенія и любви. Вмѣсто тупыхъ свѣтскихъ понят
явилось лишь человѣколюбіе. Всѣ простили и оправдали дру
друга. Сословность и исключительность вдругъ исчезли и ст
немыслимы, и эти люди изъ бумажки стали похожи на наст
щихъ людей! Виноватыхъ не оказалось: всѣ обвинили себя бе
словно и тѣмъ тотчасъ-же себя оправдали. Читатель почувст
валъ, что есть правда жизненная, самая реальная и самая не
нуемая, въ которую и надо вѣрить, и что вся наша жизнь
всѣ наши волненія, какъ самыя мелкія и позорныя, такъ ра
и тѣ, которыя мы считаемъ часто за самыя высшія, — все
чаще всего лишь самая мелкая фантастическая суета, кото
падаетъ и исчезаетъ передъ моментомъ жизненной правды, д
и не защищаясь. Главное было въ томъ указаніи, что моме
этотъ есть въ самомъ дѣлѣ, хотя и рѣдко является во всей св
озаряющей полнотѣ, а въ иной жизни такъ и никогда даже.
ментъ этотъ былъ отысканъ и намъ указанъ поэтомъ во
своей страшной правдѣ. Поэтъ доказалъ, что правда эта су
ствуетъ въ самомъ дѣлѣ, не на вѣру, не въ идеалѣ только,
неминуемо и необходимо и во-очію. Кажется, именно это-то и
тѣлъ доказать намъ поэтъ, начиная свою поэму. Русскому чи
телю объ этой вѣковѣчной правдѣ слишкомъ надо было нап
нить: многіе стали у насъ объ ней забывать. Этимъ напоми
ніемъ авторъ сдѣлалъ хорошій поступокъ, не говоря уже о то
что выполнилъ его какъ необыкновенной высоты художни

Затѣмъ опять потянулся романъ и вотъ, къ нѣкоторому уд
ленію моему, я встрѣтилъ въ шестой части романа сцену, от
чающую настоящей «злобѣ дня» и, главное, явившуюся не
мѣренно, не тенденціозно, а именно изъ самой художествен
[illegible] романа. Тѣмъ не менѣе, повторяю это, для меня
[illegible] ожиданно и нѣсколько меня удивило: такой «злобы дн
[illegible] не ожидалъ. Я почему-то не думалъ, что авторъ р

довести своихъ героевъ въ ихъ развитіи до такихъ «стол-
Правда, въ столпахъ-то этихъ, въ этой крайности вывода
смыслъ дѣйствительности, а безъ того романъ имѣлъ-бы
же неопредѣленный, далеко не соотвѣтствующій ни те-
, ни существеннымъ интересамъ русскимъ: былъ-бы на-
ъ какой-то уголокъ жизни, съ намѣреннымъ игнорирова-
амаго главнаго и самаго тревожнаго въ этой-же жизни.
ъ, я кажется пускаюсь рѣшительно въ критику, а это не
о. Я только хотѣлъ указать на одну сцену. Больше ни-
къ обозначились два лица съ той именно стороны, съ
они наиболѣе для насъ теперь могутъ быть характерны,
самымъ, тотъ типъ людей, къ которому принадлежатъ
лица, поставленъ авторомъ на самую любопытнѣйшую
въ нашихъ глазахъ въ ихъ современномъ соціальномъ
.

они дворяне, родовые дворяне и коренные помѣщики, оба
ослѣ крестьянской реформы. Оба были «крѣпостными по-
чи» и теперь вопросъ: что остается отъ этихъ дворянъ,
лѣ дворянскомъ, послѣ крестьянской реформы? Такъ какъ
ихъ двухъ помѣщиковъ чрезвычайно общъ и распростра-
вопросъ отчасти и разрѣшенъ авторомъ. Одинъ изъ нихъ
блонскій, этоистъ, тонкій эпикуреецъ, житель Москвы и
нглійскаго клуба. На этихъ людей обыкновенно смотрятъ
невинныхъ и милыхъ жуировъ, пріятныхъ эгоистовъ,
не мѣшающихъ, остроумныхъ, живущихъ въ свое удо-
. У этихъ людей бываетъ часто и многочисленное се-
съ женой и дѣтьми они ласковы, но мало объ нихъ
. Очень любятъ легкихъ женщинъ, разряда, конечно, при-
Образованы они мало, но любятъ изящное, искусства,
ъ вести разговоръ обо всемъ. Съ крестьянской реформы
ворянинъ тотчасъ-же понялъ въ чемъ дѣло: онъ сосчи-
ообразилъ, что у него все-таки еще что-нибудь да остает-
ало быть, мѣняться не зачѣмъ и—Après moi le déluge
меня хоть потопъ). Объ судьбѣ жены и дѣтей онъ не за-
думать. Остатками состоянія и связями онъ избавленъ
бы червоннаго валета; но еслибъ состояніе его руши-
нельзя-бы было получать даромъ жалованія, то, можетъ
нъ и сталъ-бы валетомъ, разумѣется, употребивъ всѣ уси-
нерѣдко очень остраго, чтобъ стать валетомъ какъ можно
шимъ и великосвѣтскимъ. Въ старину, конечно, для
карточнаго долга или любовницѣ, ему случалось отдавать

людей въ обществѣ не такія воспоминанія никогда не
что. да и забылъ онъ ихъ вовсе. Хоть онъ и аристок
дворянство свое онъ всегда считалъ ни во что, а по
крѣпостныхъ отношеній—такъ даже исчезнувшимъ.
изъ людей остались лишь человѣкъ въ сюртукѣ, затѣ
чикъ съ извѣстнаго чина, а затѣмъ богачъ. Желѣзно-д
и банкиръ стали силою и онъ немедленно съ ними зат
мненія и дружбу. Да и разговоръ начался съ упрека е
нымъ, родственникомъ его и помѣщикомъ (но уже с
обратнаго типа и живущемъ въ своемъ помѣстьѣ), за
ѣздитъ къ желѣзнодорожникамъ, на ихъ обѣды и праз
которымъ двусмысленнымъ, по убѣжденію Левина вредны
скій опровергаетъ его съ ѣдкостью. Да вообще ве
съ тѣхъ поръ какъ они породнились, установились
ѣдкія отношенія. Притомъ въ нашъ вѣкъ негодій, оп
ній благороднаго, всегда сильнѣе, ибо имѣетъ видъ
почерпаемаго въ здравомъ смыслѣ, а благородный,
идеалиста имѣетъ видъ шута. Разговоръ происходитъ
въ лѣтнюю ночь. Охотники на ночлегѣ, въ крестьян
и ночуютъ на сѣнѣ. Облонскій доказываетъ, что пре
желѣзнодорожникамъ, къ ихъ интригамъ, къ ихъ скоро
выманиванью концессій, перепродажамъ—не имѣетъ см
что такіе же люди дѣйствуютъ трудомъ и умомъ, ва
а въ результатѣ—даютъ дорогу.

— Но всякое пріобрѣтеніе, не соотвѣтственное положе
ду—не честно,—говоритъ Левинъ.

— Да кто жъ опредѣлитъ соотвѣтствіе? продолжаетъ О
Ты не опредѣлилъ черты между честнымъ и безчестным
То что я получаю жалованья больше чѣмъ мой столоначал
онъ лучше меня знаетъ дѣло—это безчестно?

— Я не знаю

— Ну такъ я тебѣ скажу: то что ты получаешь за сво
хозяйствѣ лишнихъ, положимъ, пять тысячъ, а этотъ муж
бы онъ ни трудился не получитъ больше пятидесяти руб.
также безчестно какъ то, что я получаю больше столонача

. . . .

— Нѣтъ, позволь, продолжаетъ Левинъ. Ты говоришь
недаино что я получу пять тысячъ, а мужикъ пятьдесятъ
правда. Это несправедливо, и я чувствую это, но...

— Да, ты чувствуешь, но ты не отдаешь ему своего и
залъ Степанъ Аркадьевичъ какъ будто нарочно задиравш

. . . .

— Я не отдаю, потому что никто этого отъ меня не
желаю я хотѣлъ, то мнѣ нельзя отдать... и некому.

— Отдай этому мужику, онъ не откажется.

о нынѣ-же я отдамъ ему? Пойду съ нимъ и совершу купчую?
знаю, но если ты убѣжденъ, что ты не имѣешь права...
ю не убѣжденъ. Я, напротивъ, чувствую, что не имѣю
ъ, что у меня есть обязанности и къ землѣ и къ семьѣ.
, позволь; но если ты считаешь, что это неравенство по-
, то почему-же ты не дѣйствуешь такъ...
йствую, только отрицательно, въ томъ смыслѣ, что я не
ъся увеличить ту разницу положенія, которая существуетъ
о и имъ.
, ужь извини меня, это парадоксъ . . . . . .
. . . . . .
й другъ. Надо одно изъ двухъ: или признавать, что на-
тройство общества справедливо, тогда отстаивать свои
признаваться что пользуешься несправедливыми преиму-
ами я не должен, и пользоваться *ими съ удовольствіемъ.*
, еслибъ это было несправедливо, ты-бы не могъ пользо-
ся благами съ удовольствіемъ, *по крайней мѣрѣ я не могъ*
этого надо чувствовать, что я не виноватъ.

II.

«Злоба дня».

азговоръ. И ужь согласитесь, что это «злоба дня»,
го есть наизлобнѣйшаго въ нашей злобѣ дня. И сколько
рактерныхъ, чисто русскихъ чертъ! Во первыхъ, лѣтъ
адъ всѣ эти мысли и въ Европѣ-то едва начинались,
и и тамъ были извѣстны Сен-Симонъ и Фурье—перво-
«идеальные» толковники этихъ идей, а у насъ,—
али тогда о начинавшемся этомъ новомъ движеніи на
ропы лишь полсотни людей въ цѣлой Россіи. И вдругъ
куютъ объ этихъ «вопросахъ» помѣщики на охотѣ,
въ крестьянской ригѣ, и толкуютъ характернѣй-
мпетентнѣйшимъ образомъ, такъ что, по крайней мѣрѣ,
ная сторона вопроса уже рѣшена и подписана ими
но. Правда, это помѣщики высшаго свѣта, говорятъ
комъ клубѣ, читаютъ газеты, слѣдятъ за процессами и
ъ и изъ другихъ источниковъ; тѣмъ не менѣе ужь
тъ, что такая идеальнѣйшая дребедень признается са-
ной темой для разговора у людей далеко не изъ про-
и не спеціалистовъ, а просто свѣтскихъ, Облонскихъ
къ, — эта черта, говорю я, одна изъ самыхъ харак-
особенностей настоящаго русскаго положенія умовъ.
рактернѣйшая черта въ этомъ разговорѣ, отмѣченная

художникомъ авторомъ, это та, что рѣшаетъ на счетъ спр
ливости этихъ новыхъ идей такой человѣкъ, который за в
т. е. за счастье пролетарія, бѣдняка, не дастъ самъ ни гр
напротивъ, при случаѣ самъ оберетъ его какъ липку. Но съ
кимъ сердцемъ и съ веселостью каламбуриста онъ разомъ
писываетъ крахъ всей исторіи человѣчества и объявляетъ
стоящій строй его верхомъ абсурда. «Я, дескать, съ этим
вершенно согласенъ». Замѣтьте, что вотъ эти-то Стивы в
со всѣмъ этимъ первые согласны. Одной чертой онъ осудилъ
христіанскій порядокъ, личность, семейство,—о, это ему н
не стоитъ. Замѣтьте тоже, что у насъ нѣтъ науки, но эти гос
съ полнымъ безстыдствомъ сознавая, что у нихъ нѣтъ нау
что они начали говорить объ этомъ всего лишь вчера, и с
жаго голоса, рѣшаютъ однакоже такого размѣра вопросы
всякаго колебанія. Но тутъ третья характернѣйшая ч
этотъ господинъ прямо говоритъ: «Надо одно изъ двухъ,
признавать, что настоящее устройство общества справед
тогда отстаивать свои права, *или признаваться, что я
зуемся несправедливыми преимуществами, какъ я и дѣ
и пользоваться ими съ удовольствіемъ*». Т. е. въ сущ
онъ, подписавъ приговоръ всей Россіи и осудивъ ее, р
какъ своей семьѣ, будущности дѣтей своихъ прямо об
ляетъ, что это до него не касается: «Я, дескать, сознаю
подлецъ, но останусь подлецомъ въ свое удовольствіе. *
moi le déluge». Это потому онъ такъ спокоенъ, что у него
есть состояніе, но случись что онъ его потеряетъ — почем
ему не стать валетомъ, — самая прямая дорога. И такъ
этотъ гражданинъ, вотъ этотъ семьянинъ, вотъ этотъ ру
человѣкъ—какая характернѣйшая чисто русская черта! Вы
жете, что онъ все таки исключеніе. Какое исключеніе и моя
ли это быть? Припомните сколько цинизма увидали мы въ
послѣднія двадцать лѣтъ, какую легкость оборотовъ и пер
ротовъ, какое отсутствіе всякихъ коренныхъ убѣжденій и к
быстроту усвоенія первыхъ встрѣчныхъ съ тѣмъ, конечно, ч
завтра-же ихъ опять продать за два гроша. Никакого в
ственнаго фонда, кромѣ après moi le déluge (послѣ меня пото

Но всего любопытнѣе то, что рядомъ съ этимъ, многочис
нѣшнимъ и владычествующимъ типомъ, стоитъ другой, —
русскаго дворянина и помѣщика и уже обратно-противопо
ный тому, — все что есть противуположнаго. Это Левинъ
Левиныхъ въ Россіи—тьма, почти столько же сколько и Об

Я не про лицо его говорю, не про фигуру, которую соз-
му въ романѣ художникъ, я говорю лишь про одну черту
ги, но за то самую существенную и утверждаю, что черта
удивленія страшно распространена у насъ, то есть среди
-то цинизма и калмыцкаго отношенія къ дѣлу. Черта эта
ктораго времени заявляетъ себя поминутно; люди этой
судорожно, почти болѣзненно стремятся получить отвѣты
и вопросы, они твердо надѣются, страстно вѣруютъ, хотя
го почти еще разрѣшить не умѣютъ. Черта эта выражается
енно въ отвѣтѣ Левина Стивѣ.
ѣтъ, если-бы это было несправедливо, ты-бы не могъ поль-
ся этими благами съ удовольствіемъ, *по крайней мѣрѣ, я*
ъ-бы, мнѣ главное надо чувствовать что я не виноватъ.
онъ въ самомъ дѣлѣ не успоится пока не разрѣшитъ:
лъ онъ или не виноватъ? И знаете-ли до какой степени
окоится? Онъ дойдетъ до послѣднихъ столповъ, и если
если только надо, если только онъ докажетъ себѣ, что это
о, въ противоположность Стивѣ, который говоритъ: «хоть
днемъ да продолжаю жить въ свое удовольствіе» — онъ
тся въ «Власа», въ «Власа» Некрасова, который роздалъ
мѣніе въ припадкѣ великаго умиленія и страха

И собирать на построеніе
Храма Божьяго пошелъ

если не на построеніе храма пойдетъ собирать, то сдѣлаетъ
будь въ этихъ-же размѣрахъ и съ такою-же ревностью.
ле, опять повторяю и спѣшу повторить, черту: это мно-
е чрезвычайное современное множество этихъ новыхъ лю-
ового корня русскихъ людей, которымъ *нужна*
одна правда безъ условной лжи. и которые, чтобъ до-
этой правды, отдадутъ все рѣшительно. Эти люди тоже
лись въ послѣдніе двадцать лѣтъ и объявляются все больше
, хотя ихъ и прежде, и всегда, и до Петра еще можно
предчувствовать. Это наступающая будущая Россія честныхъ
которымъ нужна лишь одна правда. О, въ нихъ большая
ремость, по неопытности они отвергаютъ всякія усло-
ія разъясненія даже. Но я только то хочу заявить изо
ѣхъ, что ихъ влечетъ истинное чувство. Характерѣйшая
ь въ томъ, что они ужасно не спѣлись и пока принад-
ко всевозможнымъ разрядамъ и убѣжденіямъ: тутъ и
ты и пролетаріи, и духовные и невѣрующіе, и богачи
, и ученые и неучи, и старики и дѣвочки, и славяно-

филы и западники. Разладъ въ убѣжденіяхъ непомѣрный, стремленіе къ честности и правдѣ неколебимое и нерушимое за слово истины всякій изъ нихъ отдастъ жизнь свою и свои преимущества, говорю — обратится въ Власа. Закрича пожалуй, что это дикая фантазія, что нѣтъ у насъ столько че ности и *исканія честности*. Я именно провозглашаю что ес рядомъ съ страшнымъ развратомъ, что я вижу и предчувств этихъ грядущихъ людей, которымъ принадлежитъ будущно Россіи, что ихъ нельзя уже не видать, и что художникъ, со ставившій этого отжившаго циника Стиву съ своимъ новы человѣкомъ Левинымъ, какъ-бы сопоставилъ это отпѣтое, р вратное, страшно многочисленное, но уже покончившее съ бой собственнымъ приговоромъ общество русское, съ обществ новой правды, которое не можетъ вынести въ сердцѣ свое убѣжденія, что оно виновато и отдастъ все, чтобъ очистить сер свое отъ вины своей. Замѣчательно тутъ то, что дѣйствител наше общество дѣлится почти что только на эти два разряда, до того они обширны и до того они всецѣло обнимаютъ соб русскую жизнь,—разумѣется, если откинуть массу совершенно нивыхъ, бездарныхъ и равнодушныхъ. Но самая характернѣйш самая русская черта этой «Злобы дня», указанной авторомъ, стоитъ въ томъ, что его новый человѣкъ, его Левинъ *не умѣ* рѣшить смутившій его вопросъ. То есть онъ уже и рѣшилъ *почти*, въ сердцѣ своемъ, и не въ свою пользу, *подозрѣвая* онъ *виноватъ*, но что-то твердое, прямое и реальное возста изъ всей его природы и удерживаетъ его пока отъ послѣдн приговора. Напротивъ, Стива, которому все равно виноватъ с или нѣтъ, — рѣшаетъ безъ малѣйшаго колебанія, это ему дл на руку: «коли все нелѣпо и ничего святаго не существуе стало быть, можно все дѣлать, а съ меня еще времени хвати не сейчасъ вѣдь придетъ страшный судъ». Любопытно еще что именно самая слабая сторона вопроса и смутила Левина поставила его въ тупикъ, и это чисто по русски, и совершен вѣрно отмѣчено авторомъ: все дѣло въ томъ, что всѣ эти мы и вопросы у насъ въ Россіи — одна лишь теорія, всѣ къ на занесенные съ чужаго строя и съ чужаго порядка вещей, Европы, гдѣ они имѣютъ давно уже свою историческую и пр тическую сторону. Что-жь дѣлать: оба наши дворянина — ев пейцы, и отъ европейскаго авторитета освободиться имъ не лег надо и тутъ отдать дань Европѣ. И вотъ Левинъ, русское серд смѣшиваетъ чисто русское и единственно возможное рѣше

вопроса, съ европейской его постановкой. Онъ смѣшиваетъ христіанское рѣшеніе съ историческимъ «правомъ». Представимъ, для ясности, себѣ такую картинку:

Стоитъ Левинъ, стоитъ задумавшись послѣ ночнаго разговора своего на охотѣ съ Стивой и мучительно, какъ честная душа, желаетъ разрѣшить смутившій, и уже прежде стало быть, смущавшій его вопросъ.

— Да, думаетъ онъ, полурѣшая, да, если по настоящему, то что мы, какъ сказалъ давеча Весловскій «ѣдимъ, пьемъ, охотимся, ничего не дѣлаемъ, а бѣдный вѣчно, вѣчно въ трудѣ? Да, онъ правъ, я *долженъ* раздѣлить мое имѣніе бѣднымъ и пойти работать на нихъ.

Стоитъ подлѣ Левина «бѣдный» и говоритъ:

— Да, ты дѣйствительно долженъ и обязанъ отдать свое имѣніе намъ, бѣднымъ, и пойти работать на насъ.

Левинъ выйдетъ совершенно правъ, а «бѣдный» совершенно не правъ, разумѣется, рѣшая дѣло такъ сказать въ высшемъ смыслѣ. Но въ томъ-то и вся разница постановки вопроса. Ибо нравственное рѣшеніе его нельзя смѣшивать съ историческимъ; ибо то—безъисходная путаница, которая и теперь продолжается, особенно въ теоретическихъ русскихъ головахъ—и въ головахъ Костяневъ Стивъ и въ головахъ чистыхъ сердцемъ Левиныхъ. Въ Европѣ жизнь и практика уже поставили вопросъ—хоть и абсурдно въ идеалѣ его исхода, но все-же реально въ его текущемъ ходѣ, и уже не смѣшивая двухъ разнородныхъ взглядовъ, нравственнаго и историческаго, по крайней мѣрѣ, по возможности. Объяснимъ нашу мысль еще, хоть двумя словами.

III.

Злоба дня въ Европѣ.

Въ Европѣ былъ феодализмъ и были рыцари. Но въ тысячу слишкомъ лѣтъ усилилась буржуазія и наконецъ задала повсемѣстно битву, разбила и согнала рыцарей и—стала сама на ихъ мѣсто. Исполнилась въ лицахъ поговорка: «Otes toi de là que je mette» (убирайся, а я на твое мѣсто). Но ставъ на мѣсто съ прежнихъ господъ, и завладѣвъ собственностью, буржуазія именно обошла народъ, пролетарія, и, не признавъ его за ..., обратила его въ рабочую силу, для своего благосостоянія,

изъ за куска хлѣба. Нашъ русскій Стива рѣшаетъ про себя, онъ неправъ, но сознательно хочетъ оставаться негодяемъ, тому что ему жирно и хорошо; заграничный Стива съ наш несогласенъ и признаетъ себя совершенно правымъ, и ужь нечно, онъ въ этомъ по своему логичнѣе, ибо, по его мнѣн тутъ вовсе и нѣтъ никакого *права*, а есть только *исторія*, м рическій ходъ вещей. Онъ сталъ на мѣсто рыцаря, потому побѣдилъ рыцаря силой, и онъ отлично хорошо понимаетъ, пролетарій, бывшій во время борьбы его съ рыцаремъ еще чтожнымъ и слабымъ, очень можетъ усилиться и даже уси вается съ каждымъ днемъ. Онъ отлично предчувствуетъ, что ко тотъ совсѣмъ усилится, то сковырнетъ его съ мѣста, какъ когда-то рыцаря, и точь въ точь также скажетъ ему: «убирай а я на твое мѣсто». Гдѣ-же тутъ право, тутъ одна исторія. онъ-бы готовъ былъ на компромиссъ, какъ-нибудь поладить врагомъ, и даже пробовалъ. Но такъ какъ онъ отлично догадал да и на опытѣ знаетъ, что врагъ ни за что не расположенъ риться, дѣлиться не хочетъ, а хочетъ *всего*; кромѣ того: что о онъ и уступитъ что, то только себя ослабитъ—то и рѣшилъ уступать ничего и—готовиться къ битвѣ. Положеніе это, мож быть, безнадежно, но по свойству человѣческой природы укр ляться духомъ передъ борьбою,—онъ не отчаявается, напроти укрѣпляется на бой все болѣе и болѣе, пускаетъ всѣ средс въ ходъ, изо всей силы, пока сила есть; ослабляетъ противни и пока только это и дѣлаетъ.

Вотъ на какой точкѣ это дѣло теперь въ Европѣ. Пра прежде, недавно даже была и тамъ *нравственная* постано вопроса, были фурьеристы и кабетисты, были спросы, споры дебаты объ разныхъ весьма тонкихъ вещахъ. Но теперь пр водители пролетарія все это до времени устранили. Они пр хотятъ задать битву, организуютъ армію, собираютъ ее въ ас піаціи, устраиваютъ кассы, и увѣрены въ побѣдѣ: «А тамъ, по побѣды, все само собою устроится практически, хотя очень жетъ быть, что послѣ рѣкъ пролитой крови». Буржуа понимае что предводители пролетаріевъ прельщаютъ ихъ просто грабеже и что въ такомъ случаѣ нравственную сторону дѣла и став не стоитъ. И однако между и теперешними даже предводителя случаются такіе коноводы, которые проповѣдуютъ и нравствен право бѣдныхъ. Высшіе предводители допускаютъ этихъ коно довъ собственно для красы, чтобъ скрасить дѣло, придать ему высшей справедливости. И съ этихъ «нравственныхъ» ко

...ковъ есть много интригановъ, но много и пламенно вѣрующихъ. ...ни прямо объявляютъ, что для себя ничего не хотятъ, а работаютъ лишь для человѣчества, хотятъ добиться новаго строя ...ей для счастья человѣчества. Но тутъ ихъ ждетъ буржуа на ...вольно твердой почвѣ и имъ прямо ставитъ на видъ, что они ...отятъ заставить его стать братомъ пролетарію и подѣлить съ ...мъ имѣніе—палкой и кровью. Не смотря на то, что это до...льно похоже на правду, коноводы отвѣчаютъ имъ, что они вовсе ...считаютъ ихъ, буржуазію, способными стать братьями народу, ...потому-то и идутъ на нихъ просто силой, изъ братства ихъ ...ключаютъ вовсе: «братство-де образуется потомъ, изъ пролета...та, а вы — вы сто милліоновъ обреченныхъ къ истребленію ...ловъ, и только. Съ вами покончено, для счастья человѣчества». ...угіе изъ коноводовъ прямо уже говорятъ, что братства никак...го имъ и не надо, что христіанство бредни и что будущее чело...чество устроится на основаніяхъ научныхъ. Все это, конечно, ...можетъ поколебать и убѣдить буржуа. Онъ понимаетъ и воз...мѣетъ, что это общество, на основаніяхъ научныхъ, чистая ...нтазія, что они представили себѣ человѣка совсѣмъ инымъ, ...къ устроила его природа. Что человѣку трудно и невозможно ...казаться отъ безусловнаго права собственности, отъ семейства ...отъ свободы; что отъ будущаго своего человѣка они слишкомъ ...много требуютъ пожертвованій, какъ отъ личности; что устроить ...ого человѣка можно только страшнымъ насиліемъ и поставивъ ...дъ нимъ страшное шпіонство и безпрерывный контроль самой ...отической власти. Въ заключеніе они вызываютъ указать ту ...ку, которая-бы смогла соединить будущаго человѣка въ согласное ...общество, а не въ насильственное. На это коноводы выста...ляютъ пользу и необходимость, которую сознаетъ самъ чело...къ, и что самъ онъ, чтобы спасти себя отъ разрушенія и ...мерти, согласится добровольно сдѣлать всѣ требуемыя уступки. ...возражаютъ, что польза и самосохраненіе никогда одни не ...силахъ породить полнаго и согласнаго единенія, что никакая ...польза не замѣнитъ своеволія и правъ личности, что эти силы ...потивы слишкомъ слабы и что все это, стало быть, по прежнему гадательно. Что еслибъ они дѣйствовали только нравственной стороной дѣла, то пролетарій и слушать-бы ихъ не сталъ, а если идетъ за ними теперь и организуется въ битву, то единственно потому, что прельщенъ обѣщаннымъ грабежемъ и взволнованъ перспективою разрушенія и битвы. А стало быть, въ концѣ концовъ, нравственную сторону вопроса надобно совсѣмъ устра-

нить, потому что она не выдерживаетъ ни малѣйшей кр
а надо просто готовиться къ бою.

Вотъ европейская постановка дѣла. И та и другая с
страшно неправы, и та и другая погибнутъ во грѣхахъ с
Повторяемъ, всего тяжелѣе для насъ русскихъ то, что у
даже Левины надъ этими-же самыми вопросами задумыв
тогда какъ единственно возможное разрѣшеніе вопроса, и
русское, и не только для русскихъ, но и для всего чел
ства,—есть постановка вопроса нравственная, т. е. христіа
Въ Европѣ она не мыслима, хотя и тамъ, рано-ли, поз
послѣ рѣкъ крови и ста милліоновъ головъ, должны-же
признать ее, ибо въ ней только одной и исходъ.

IV.

Русское рѣшеніе вопроса.

Если вы почувствовали, что вамъ тяжело «ѣсть, пить,
не дѣлать и ѣздить на охоту» и если вы дѣйствительно
чувствовали и дѣйствительно такъ вамъ жаль «бѣдныхъ»
рыхъ такъ много, то отдайте имъ свое имѣніе, если хоти
жертвуйте на общую пользу и идите работать на всѣхъ и
чите сокровище на небеси, тамъ гдѣ не копятъ и не посяг
Пойдите, какъ Власъ, у котораго

Сила вся души великая
Въ дѣло Божіе ушла.

И если не хотите сбирать, какъ Власъ, на храмъ Божій,
ботьтесь о просвѣщеніи души этого бѣдняка, свѣтите ему,
его. Еслибъ и всѣ роздали, какъ вы, свое имѣніе «бѣдны
раздѣленныя на всѣхъ, всѣ богатства богатыхъ міра сег
бы лишь каплей въ морѣ. А потому надобно заботиться
о свѣтѣ, о наукѣ и о усиленіи любви. Тогда богатство
рости въ самомъ дѣлѣ, и богатство настоящее, потому что
въ золотыхъ платьяхъ заключается, а въ радости общаго
ненія и въ твердой надеждѣ каждаго на всеобщую помо
несчастіи ему и дѣтямъ его. И не говорите, что вы лишь
единица, и что если вы одинъ раздадите имѣніе и пойдет
жить, то ничего этимъ не сдѣлаете и не поправите. Нап
если даже только нѣсколько будетъ такихъ какъ вы,
тогда двинется дѣло. Да въ сущности и не надо даже ра

ьнно имѣнія,—ибо всякая *непремѣнность* тутъ, въ дѣлѣ
похожа будетъ на мундиръ, на рубрику, на букву. Убѣж-
что исполнилъ букву ведетъ только къ гордости, къ фор-
мѣ и къ лѣности. Надо дѣлать только то, что велитъ сердце:
отдать имѣніе—отдайте, велитъ идти работать на всѣхъ —
но и тутъ не дѣлайте такъ, какъ иные мечтатели, которые
берутся за тачку: «дескать, я не баринъ, я хочу работать
мужикъ». Тачка опять таки мундиръ.
противъ, если чувствуете, что будете полезны всѣмъ какъ
й, идите въ университетъ и оставьте себѣ на то средства.
здача имѣнія обязательна и не надѣванье зипуна: все это
буква и формальность; обязательна и важна лишь *рьши-*
ваша дѣлать все ради дѣятельной любви, все что воз-
вамъ, что сами искренно признаете для себя возможнымъ.
е эти старанія «опроститься»—лишь одно только перея-
іе. невѣжливое даже къ народу и васъ унижающее. Вы
ѣмъ «сложны» чтобъ опроститься, да и образованіе ваше
зволитъ вамъ стать мужикомъ. Лучше мужика вознесите
ей «осложненности». Будьте только искренни и просто-
: это лучше всякаго «опрощенія». Но пуще всего не запу-
ь себя сами, не говорите: «одинъ въ полѣ не воинъ» и
акій кто искренно захотѣлъ истины, тотъ уже страшно
. Но подражайте тоже нѣкоторымъ фразерамъ, которые
ть поминутно, чтобы ихъ слышали: «Не даютъ ничего дѣ-
вязываютъ руки, вселяютъ въ душу отчаяніе и разочаро-
и пр. и пр. Все это фразеры и герои поэмъ дурнаго тона,
ѣйся собою лѣнтяи. Кто хочетъ приносить пользу, тотъ
дѣйствительно связанными руками можетъ сдѣлать бездну добра.
ный дѣлатель, вступивъ на путь, сразу увидитъ передъ собою
ю дѣла, что не станетъ жаловаться, что ему не даютъ дѣ-
а непремѣнно отыщетъ и успѣетъ хоть что-нибудь сдѣлать.
ающіе дѣлатели про это знаютъ. У насъ одно изученіе
сколько времени возьметъ, потому что вѣдь у насъ лишь
ній человѣкъ знаетъ нашу Россію. Жалобы на разочаро-
совершенно глупы: радость на воздвигающееся зданіе должна
всякую душу и всякую жажду, хотя-бы вы только по
нѣ приносили пока на зданіе. Одна награда вамъ — лю-
мая заслужите ее. Положимъ, вамъ не надо награды, но
и дѣлаете дѣло любви, а, стало быть, нельзя же вамъ не
ться любви. Но пусть никто и не скажетъ вамъ, что вы и
юбви должны были сдѣлать все это, изъ собственной такъ

сказать пользы и что иначе васъ-бы заставили силой. Нѣтъ
насъ въ Россіи надо насаждать другія убѣжденія, и особен
относительно понятій о свободѣ, равенствѣ и братствѣ. Въ
нѣшнемъ образѣ міра полагаютъ свободу въ разнузданности, то
какъ настоящая свобода—лишь въ одолѣніи себя и воли сво
такъ чтобы подконецъ достигнуть такого нравственнаго сост
нія, чтобъ всегда во всякій моментъ быть самому себѣ наст
щимъ хозяиномъ. А разнузданность желаній ведетъ лишь
рабству вашему. Вотъ почему чуть-чуть не весь нынѣшній м
полагаетъ свободу въ денежномъ обезпеченіи и въ законахъ
рантирующихъ денежное обезпеченіе. «Есть деньги, стало бы
могу дѣлать все что угодно; есть деньги — стало быть, не
гибну и не пойду просить помощи, а не просить ни у кого помо
есть высшая свобода». А между тѣмъ это въ сущности не свобо
а опять таки рабство, рабство отъ денегъ. Напротивъ, самая высш
свобода—не копить и не обезпечивать себя деньгами, а «раздѣл
всѣмъ что имѣешь и пойти всѣмъ служить». Если способенъ
то человѣкъ, если способенъ одолѣть себя до такой степени
то онъ-ли послѣ того не свободенъ? Это уже высочайшее п
явленіе воли! Затѣмъ что такое въ нынѣшнемъ образованно
мірѣ Равенство? Ревнивое наблюденіе другъ за другомъ, чванс
и зависть: «Онъ уменъ, онъ Шекспиръ, онъ тщеславится с
имъ талантомъ; унизить его, истребить его». Между тѣмъ
стоящее равенство говоритъ: «Какое мнѣ дѣло, что ты тала
ливѣе меня, умнѣе меня, красивѣе меня? Напротивъ, я этому
дуюсь, потому что люблю тебя. Но хоть я и ничтожнѣе тебя,
какъ человѣкъ я уважаю себя, и ты знаешь это, и самъ у
жаешь меня, а твоимъ уваженіемъ я счастливъ. Если ты, по т
имъ способностямъ, приносишь въ сто разъ больше пользы
и всѣмъ, чѣмъ я тебѣ, то я за это благословляю тебя, дивл
тебѣ и благодарю тебя, и вовсе не ставлю моего удивленія
тебѣ себѣ въ стыдъ; напротивъ, счастливъ тѣмъ что тебѣ б
годаренъ и если работаю на тебя и на всѣхъ, по мѣрѣ мои
слабыхъ способностей, то вовсе не для того чтобъ сквитат
съ тобой, а потому что люблю васъ всѣхъ».

Если такъ будутъ говорить всѣ люди, то ужь, конечно,
станутъ и братьями, не изъ одной только экономической поль
а отъ полноты радостной жизни, отъ полноты любви.

Скажутъ, что это фантазія, что это «русское рѣшеніе
проса» — есть «Царство Небесное» и возможно развѣ лишь
Царствѣ Небесномъ. Да, Стивы очень разсердились-бы, есл

ло Царство Небесное. Но надобно взять уже то одно, что фантазіи «русскаго рѣшенія вопроса» несравненно менѣе ическаго и несравненно болѣе вѣроятнаго, чѣмъ въ Евро- ъ рѣшеніи. Такихъ людей, т. е. «Власовъ» мы уже ви- видимъ у насъ во всѣхъ сословіяхъ, и даже довольно амошняго-же «будущаго человѣка» мы еще нигдѣ не ви- самъ онъ обѣщалъ придти перейдя лишь рѣки крови. Вы , что единицы и десятки ничему не помогутъ, а надобно я извѣстныхъ всеобщихъ порядковъ и принциповъ. Но даже и существовали такіе порядки и принципы, чтобы ючно устроить общество, и еслибъ даже и можно было иться прежде практики, такъ, a priori, изъ однихъ меч- ердца и «научныхъ» цифръ, взятыхъ при томъ изъ преж- роя общества, — то съ неготовыми, съ невыдѣланными людьми никакія правила не удержатся и не осуще- . а, напротивъ, станутъ лишь въ тягость. Я-же безгранично въ нашихъ будущихъ и уже начинающихся людей, вотъ орыхъ я уже говорилъ выше, что они пока еще не спѣ- о они страшно какъ разбиты на кучки и лагери въ сво- ѣжденіяхъ, но за то всѣ ищутъ правды прежде всего, ъ только узнали гдѣ она, то для достиженія ея готовы овать всѣмъ, и даже жизнью. Повѣрьте, что если они ъ на путь истинный, найдутъ его наконецъ, то увлекутъ ю и всѣхъ, и не насиліемъ, а свободно. Вотъ что уже сдѣлать единицы на первый случай. И вотъ тотъ плугъ, ъ можно поднять нашу «Новь». Прежде чѣмъ проповѣ- людямъ: «какъ имъ быть»—покажите это на себѣ. Испол- себѣ сами и всѣ за вами пойдутъ. Что тутъ утопиче- то тутъ невозможнаго—не понимаю! Правда, мы очень ны, очень малодушны, а потому не вѣримъ и смѣемся. ра почти не въ насъ и дѣло, а въ грядущихъ. Народъ ердцемъ, но ему нужно образованіе. Но чистые сердцемъ [illegible] въ нашей средѣ—и вотъ что самое важное! Вотъ [illegible] прежде всего, это надобно умѣть разгля- [illegible] сердцемъ одинъ совѣтъ: самообладаніе и само- [illegible] великаго перваго шага. Исполни самъ на себѣ [illegible] заставлять,—вотъ въ чемъ вся [illegible]

МАРТЪ.

Глава первая.

I.

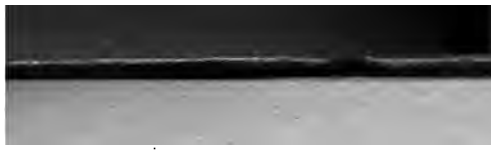
**Еще разъ о томъ, что Константинополь, рано-ли поздно-л
долженъ быть нашъ.**

Прошлаго года, въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ іюньскомъ № моего «Д
ника», я сказалъ, что Константинополь «рано-ли, поздно-ли
женъ быть нашъ». Тогда было горячее и славное время: н
малась духомъ и сердцемъ вся Россія и народъ шелъ «до
вольно» послужить Христу и православію противъ невѣрн
за нашихъ братьевъ по вѣрѣ и крови славянъ. Я хоть и
звалъ тогдашнюю статью мою «утопическимъ пониманіемъ
ріи»,—но самъ я твердо вѣрилъ въ свои слова и не счи
ихъ утопіей, да и теперь, готовъ подтвердить ихъ буквально.
что я написалъ тогда о Константинополѣ:

«Да, Золотой Рогъ и Константинополь,—все это будетъ на
II. во первыхъ, это случится само собою, именно потому,
время пришло, а если не пришло еще и теперь, то дѣйствите
время уже близко, всѣ къ тому признаки, это выходъ естест
ный, это такъ сказать слово самой природы. Если не случи
этого раньше, то именно потому, что не созрѣло еще вре

Затѣмъ я тогда разъяснилъ мою мысль почему не соз
да и не могло созрѣть прежде время. Еслибъ Петру Вели
(писалъ я) и пришла тогда мысль,

вмѣсто основанія Петербурга захватить Константинополь, т
кажется, онъ, по нѣкоторомъ размышленіи, оставилъ-бы эту м



...еслибъ даже и имѣлъ на столько силы, чтобы сокрушить ...именно потому, что тогда дѣло это было несвоевременное и ...принести даже гибель Россіи.

...когда въ чухонскомъ Петербургѣ мы не избѣгли вліянія ...ъ нѣмцевъ, хотя и бывшихъ полезными, но за то и весьма ...вшихъ русское развитіе прежде чѣмъ выяснилась его на... ...дорога, то какъ въ Константинополѣ, огромномъ и своеоб... ...съ остатками могущественной и древнѣйшей цивилизаціи, ...мы избѣжать вліянія грековъ, людей несравненно болѣе ...чѣмъ грубые нѣмцы, людей, имѣющихъ несравненно болѣе ...очекъ соприкосновенія съ нами, чѣмъ совершенно непохожіе ...нѣмцы, людей многочисленныхъ и царедворныхъ, которые ...е-бы окружили тронъ и прежде русскихъ стали-бы и учени... ...аны, которые и Петра самого очаровали-бы въ его слабой ...къ однимъ своимъ знаніемъ и умѣніемъ въ мореходствѣ, а ...его ближайшихъ преемниковъ. Однимъ словомъ, они овла... ...Россіей политически, они стащили-бы ее немедленно на ка... ...ь новую Азіатскую дорогу, на какую-нибудь замкнутость ...ечно этого не вынесла-бы тогдашняя Россія. Ея русская ...національность были-бы остановлены въ своемъ ходѣ. Мощ... ...коруссъ остался-бы въ отдаленіи на своемъ мрачномъ снѣж... ...ерѣ, служа не болѣе какъ матеріаломъ для обновленнаго ...а и, можетъ быть, подконецъ, совсѣмъ не призналъ-бы нуж... ...и за нимъ. Югъ-же Россіи весь-бы подпалъ захвату гре... ...ке, можетъ быть, совершилось-бы распаденіе самаго Право... ...два міра: на обновленный Царьградскій и старый русскій... ...словомъ, дѣло было въ высшей степени несвоевременное ...е совсѣмъ иное.

...ь (писалъ я); теперь Россія уже могла-бы завладѣть ...инополемъ и не перенося въ него свою столицу, чего ...ри Петрѣ, и даже долго послѣ него, было-бы нельзя ... Теперь Царьградъ могъ-бы быть нашимъ и не какъ ...Россіи, но (прибавлялъ я) и не какъ столица всесла... ...какъ мечтаютъ нѣкоторые:

...авянство безъ Россіи истощится тамъ въ борьбѣ съ гре... ...-бы даже и могло составить изъ своихъ частей какое-ни... ...тическое цѣлое. Наслѣдовать-же Константинополь однимъ ...теперь уже совсѣмъ новозможно: нельзя отдать имъ такую ...очку земнаго шара, слишкомъ ужь было-бы имъ не по...

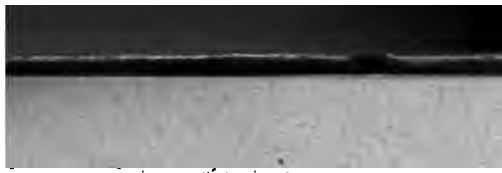
...о имя чего-же, во имя какого *нравственнаго* права ...искать Россія Константинополя? Опираясь на какія ...цѣли могла-бы требовать его отъ Европы?

...ъ именно (писалъ я)—какъ Предводительница Православія, ...ровительница и охранительница его,—роль предназначенная ...ъ Ивана III, поставившаго въ знакъ ея и царьградскаго ...о орла выше древняго герба Россіи, но обозначившаяся уже

несомнѣнно послѣ Петра Великаго, когда Россія сознала въ
силу исполнить свое назначеніе, а фактически уже и стала дѣй
тельной и единственной покровительницей и православія и наро
его исповѣдующихъ. Вотъ эта причина, вотъ это *право* на дре
Царьградъ и было-бы понятно и не обидно даже самымъ ревни
къ своей независимости славянамъ, или даже самимъ грекамъ. Т
тѣмъ самымъ обозначилась-бы и настоящая сущность тѣхъ пол
ческихъ отношеній, которыя и должны неминуемо наступить у
сіи ко всѣмъ прочимъ православнымъ народностямъ,—славянам
грекамъ-ли, все равно. Она—покровительница ихъ и даже мо
быть предводительница, но не владычица; мать ихъ, а не госп
Если даже и государыня ихъ, когда нибудь, то лишь по собст
ному ихъ провозглашенію, съ сохраненіемъ всего того, чѣмъ
они опредѣлили-бы независимость и личность свою.

Всѣ эти соображенія само собою представлялись мнѣ
іюньской прошлогодней статьѣ отнюдь не какъ подлежащія
медленному исполненію, а лишь какъ долженствующія не
нѣнно исполниться когда придетъ къ тому историческое вр
и восполнятся сроки, близость и отдаленность которыхъ
невозможно предсказать, но все-же можно предчувствовать.
тѣхъ поръ прошло девять мѣсяцевъ. Про эти девять мѣся
вспоминать я думаю нечего: всѣмъ намъ извѣстно это вос
женное время, въ началѣ полное надеждъ, а потомъ стра
и тревожное и которое до сихъ поръ еще не заключилось
чѣмъ, такъ что одинъ Богъ знаетъ—(я думаю, такъ лишь мо
выразиться)—чѣмъ оно разрѣшится: обнажимъ-ли мы мечъ
дѣло еще разъ оттянется какимъ-нибудь компромиссомъ въ
гій ящикъ. Но что-бы ни случилось, мнѣ какъ разъ почем
именно теперь захотѣлось высказать нѣсколько дополнительн
и пояснительныхъ словъ къ моимъ іюньскимъ мечтамъ о су
Царьграда. Чтобы тамъ теперь ни случилось—миръ-ли, вн
ли уступки со стороны Россіи, но рано-ли, поздно-ли, а Ц
градъ будетъ нашъ,—вотъ что хочется мнѣ опять подтверд
но уже съ нѣкоторой новой точки зрѣнія.

Да, онъ долженъ быть нашъ не съ одной точки зрѣнія
менитаго порта, пролива, «средоточія вселенной», «пупа зем
не съ точки зрѣнія давно сознанной необходимости такому ог
ному великану какъ Россія выйти наконецъ изъ запертой с
комнаты, въ которой онъ уже дорось до потолка, на прост
дохнуть вольнымъ воздухомъ морей и океановъ. Я хочу по
вить на видъ лишь одно соображеніе, тоже самой первой в
ности, по которому Константинополь не можетъ миновать Рос
Это соображеніе я потому преимущественно передъ другими



...видъ, что, какъ мнѣ кажется, такой точки зрѣнія ...не беретъ въ разсчетъ, или, по крайней мѣрѣ, ...брать въ разсчетъ, а она-то пожалуй что и изъ ...ныхъ.

II.

...народъ слишкомъ доросъ до здраваго понятія о Восточномъ вопросѣ съ своей точки зрѣнія.

...и дико сказать, но четырехвѣковой гнетъ Турокъ на ...съ одной стороны былъ даже полезенъ тамъ Христіан... Православію,—отрицательно конечно, но однако-же спо... его укрѣпленію, а главное его единенію, его единству, ...какъ двухвѣковая татарщина способствовала нѣ... укрѣпленію Церкви и у насъ въ Россіи. Придавленное и ...ное христіанское населеніе Востока увидало во Христѣ ...вѣрѣ въ него единое свое утѣшеніе; а въ Церкви—един...ый и послѣдній остатокъ своей національной личности и ...ости. Это была послѣдняя единая надежда, послѣдняя дос...ававшаяся отъ разбитаго корабля; ибо Церковь все-таки ...ла эти населенія какъ національность, а вѣра во Христа ...ствовала имъ, т. е. хотя части изъ нихъ, слиться съ по...ями во едино, забывъ свой родъ и свою прежнюю исто...е это чувствовали и хорошо понимали сами угнетенные ...и единились около креста тѣснѣе. Съ другой стороны, съ покоренія Константинополя, весь огромный христіанскій ...ь, невольно и вдругъ обратилъ, свой молящій взглядъ на ...в Россію, только что вышедшую тогда изъ своего татар...абства, и какъ-бы предугадалъ въ ней будущее ея мо...во, свой будущій всеединящій центръ себѣ во спасеніе. ...же немедленно и не колеблясь приняла знамя Востока и ...ла Царьградскаго двуглаваго орла выше своего древняго ...тѣмъ какъ-бы приняла обязательство передъ всѣмъ Пра...емъ: хранить его и всѣ народы его исповѣдующіе отъ ко... гибели. Въ тоже время и весь русскій народъ совершен...твердилъ новое назначеніе Россіи и Царя своего въ гря...ь судьбахъ всего Восточнаго міра. Съ тѣхъ поръ главное, ...енное наименованье Царя своего народъ твердо и неук...поставилъ и до сихъ поръ видитъ въ словѣ: «православ-

[illegible] Назвавъ такъ Царя своего
[illegible] этомъ и назначеніе
[illegible] а когда прогремитъ в
[illegible] и всего Христіанств
[illegible] варварства и западна
[illegible] особенно начиная съ Петра
[illegible] народовъ Востока начали сбы
[illegible] уже нѣсколько разъ сіялъ на В
[illegible] что и народы Востока не мо
[illegible] только Освободителя, но и бу
[illegible] два вѣка явилось и у нихъ Европ
[illegible] вліяніе. Высшая просвѣщенная
[illegible] какъ у насъ, такъ и на Востокѣ
[illegible] Православія равнодушнѣе, стала
[illegible] идеѣ заключается обновленіе и вос
[illegible] жизнь, какъ для Востока, такъ
[illegible] напримѣръ, въ огромной части ея обра
[illegible] и даже какъ-бы отучились видѣ
[illegible] назначеніе Россіи, завѣтъ будущаго
[illegible] противоположность тому стали находи
[illegible] указаніяхъ. Въ церкви, по западному,
[illegible] мертвенный формализмъ, особность,
[illegible] прошлаго вѣка такъ даже предразсуд
[illegible] объ идеѣ, объ живой силѣ было забыто
[illegible] характера западнаго, явились новь
[illegible] явилась новая нравственность, стремив
[illegible] и стать выше ея. Явилась наконец
[illegible] внести безвѣрія въ прежнія идеи... Въ
[illegible] стали пробуждаться кромѣ того, и главнѣ
[illegible] національныя: явилась вдругъ боязнь, осво
[illegible] подпасть подъ иго Россіи. Зато въ про
[illegible] народѣ нашемъ и въ Царяхъ его идея
[illegible] Востока и Церкви Христовой не умирала никогда.
[illegible] народъ русскій прошлымъ лѣтомъ дов
[illegible] забылъ ничего изъ своихъ древнихъ наде
[illegible] удивило огромную часть нашей интели
[illegible] прямо не повѣрила этому движенію, отн
[illegible] и насмѣшливо, стала всѣхъ увѣрять,
[illegible] что движеніе это выдумано и поддѣлано
[illegible] желавшими выдвинуться впередъ на
[illegible] самомъ дѣлѣ, кто-бы могъ, въ наше вре

нтелигенція, кромѣ небольшой отдѣлившейся отъ общаго
сти ея, допустить, что народъ нашъ въ состояніи *соз-*
но понимать свое политическое, соціальное и нравствен-
наченіе? Какъ можно было имъ допустить, чтобъ эта гру-
ная масса, недавно еще крѣпостная, а теперь опившая-
ой, знала-бы и была увѣрена, что назначеніе ея—слу-
ристу, а Царя ея—храненіе Христовой вѣры и освобож-
равославія. «Пусть эта масса всегда называла себя не
акъ Христіанствомъ (крестьянствомъ), но вѣдь она все-
имѣетъ понятія ни о религіи, ни о Христѣ даже, она
обыкновенныхъ молитвъ не знаетъ». Вотъ что говорятъ
енно про народъ нашъ. Кто говоритъ это? Вы думаете—
й пасторъ, обработавшій у насъ штунду, или заѣзжій ев-
, корреспондентъ политической газеты, или образованный
ибудь высшій еврей изъ тѣхъ, что не вѣруютъ въ Бога
ыхъ вдругъ у насъ такъ много теперь расплодилось, или
ъ кто нибудь изъ тѣхъ поселившихся за границей рус-
воображающихъ Россію и народъ ея лишь въ образѣ
бабы, со штофомъ въ рукахъ? О нѣтъ, такъ думаетъ ог-
часть нашего русскаго и самаго лучшаго общества; а и
рѣваютъ они, что хоть народъ нашъ и не знаетъ мо-
ю суть христіанства, но духъ и правда его, сохранились
лись въ немъ такъ, какъ, можетъ быть, ни въ одномъ
одовъ міра сего, не смотря даже на пороки его. Впро-
истъ, или равнодушный въ дѣлѣ вѣры русскій европеецъ
нимаетъ вѣры иначе, какъ въ видѣ формалистики и хан-
Въ народѣ-же они не видятъ ничего подобнаго ханже-
потому и заключаютъ, что онъ въ вѣрѣ ничего не смыс-
олится когда ему надо—доскѣ, а въ сущности равноду-
духъ его убитъ формалистикою. Духа христіанскаго они
ь не примѣтили вовсе, можетъ быть, и потому еще, что
отъ духъ давно уже потеряли, да и не знаютъ гдѣ онъ
ся, гдѣ онъ вѣетъ. Этотъ «развратный» и темный народъ
юбитъ однако-же смиреннаго и юродиваго: во всѣхъ пре-
и сказаніяхъ своихъ онъ сохраняетъ вѣру, что слабый
ненный, несправедливо и напрасно Христа ради терпя-
детъ вознесенъ превыше знатныхъ и сильныхъ, когда
и судъ и велѣніе Божіе. Народъ нашъ любитъ тоже раз-
ть и всеславное и великое житіе своего великаго, цѣло-
го и смиреннаго христіанскаго богатыря Ильи-Муромца,
ика за правду, освободителя бѣдныхъ и слабыхъ, сми-

реннаго и непревозносящагося, вѣрнаго и сердцемъ чиста имѣя, чти и люби такого богатыря,—народу-ли нашему и ровать и въ торжество приниженныхъ теперь народовъ и тьевъ нашихъ на Востокѣ? Народъ нашъ чтитъ память с великихъ и смиренныхъ отшельниковъ и подвижниковъ, л разсказывать исторіи великихъ христіанскихъ мучениковъ имъ дѣтямъ. Эти исторіи онъ знаетъ и заучилъ, и я сам впервые отъ народа услышалъ, разсказанныя съ прони ніемъ и благоговѣніемъ и оставшіяся у меня на сердцѣ. того, народъ ежегодно и самъ выдѣляетъ изъ себя вел кающихся «Власовъ», идущихъ съ умиленіемъ, раздавъ вс ніе *свое*, на смиренный и великій подвигъ правды, раб нищеты... Но впрочемъ о народѣ русскомъ потомъ; когда-н добьется-же онъ того, что начнутъ понимать и его и, по ней мѣрѣ, принимать его во вниманіе. Поймутъ, что и он нибудь да значитъ. Поймутъ наконецъ и то важное обсто ство, что ни разу еще въ великіе или даже въ чуть-чуть ные моменты исторіи русской, безъ него не обходилось, чт сія *народна*, что Россія не Австрія, что въ каждый знач ный моментъ нашей исторической жизни дѣло всегда рѣш народнымъ духомъ и взглядомъ, царями народа въ высшем неніи съ нимъ. Это чрезвычайно важное историческое о тельство обыкновенно у насъ пропускается почти безъ вн нашей интелигенціей, и вспоминается всегда какъ-то к когда грянетъ историческій срокъ. Но я отвлекся, я загов о Константинополѣ...

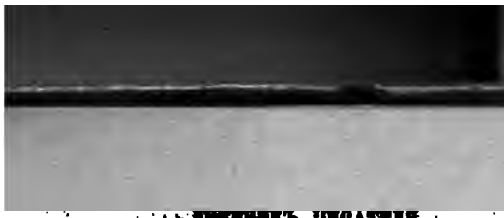
III.

Самыя подходящія въ настоящее время мысли.

Восточная Церковь, ея предстоятели, Вселенскій Пат во всѣ эти четыре вѣка порабощенія ихъ церкви, жили съ и между собою мирно—въ дѣлѣ вѣры то есть: большихъ ересей, расколовъ не было, не до того было. Но вотъ въ н немъ вѣкѣ, и особенно въ послѣднее двадцатилѣтіе, послѣ в Восточной войны, какъ-бы потянуло у нихъ тлѣннымъ за разлагающагося трупа: предчувствіе смерти и разложенія наго человѣка и гибели его царства, стало ощущеніемъ ным, насущнымъ. О, конечно освободить можетъ оконча

ки лишь одна Россія, та самая Россія, которая и теперь, и въ
ящую минуту всеобщихъ разговоровъ о Востокѣ всетаки лишь
азговариваетъ за нихъ въ Европѣ, тогда какъ всѣ остальные
ы и царства просвѣщеннаго Европейскаго міра были-бы,
но, рады, чтобы ихъ всѣхъ, этихъ угнетенныхъ народовъ
а, хотя-бы и вовсе на свѣтѣ не было. Но увы, чуть-ли не
нтелигенція Восточной райи, хоть и зоветъ Россію на по-
но боится ея, можетъ быть, и столько-же сколько и Турокъ:
и освободитъ насъ Россія отъ турокъ, но поглотитъ насъ
и «больной человѣкъ» и не дастъ развиться нашимъ на-
льностямъ»—вотъ ихъ неподвижная идея, отравляющая
хъ надежды! А сверхъ того у нихъ и теперь уже все
ѣ разгораются и между собою національныя соперниче-
начались они чуть лишь просіялъ для нихъ первый лучъ
ванія. Столь недавняя у нихъ Греко-Болгарская Церков-
аспря, подъ видомъ церковной, была, конечно, лишь на-
льною, а для будущаго какъ-бы нѣкимъ пророчествомъ.
ій патріархъ, порицая ослушаніе болгаръ и отлучая
самовольно выбраннаго ими экзарха отъ Церкви, вы-
ъ на видъ, что въ дѣлѣ вѣры нельзя жертвовать уста-
Церкви и послушаніемъ церковнымъ «новому и пагубному
ну національности». Между тѣмъ самъ-же онъ, будучи
ъ и произнося это отлученіе Болгарамъ, и безъ сомнѣнія
ъ тому-же самому принципу національности, но только
льзу грековъ противъ славянъ. Однимъ словомъ, можно
съ вѣроятностью предсказать, что умри «больной чело-
и у нихъ у всѣхъ тотчасъ-же начнутся между собою
ія и распри на первый случай именно характера церков-
и который нанесутъ несомнѣнный вредъ даже и самой
; нанесутъ даже и въ томъ случаѣ, еслибъ та совершенно
лась или была устранена обстоятельствами отъ участія
шеніи Восточнаго вопроса. Мало того, смуты эти, можетъ
отзовутся даже еще тяжелѣе для Россіи, если она устра-
себя отъ дѣятельнаго и первенствующаго участія въ судь-
Востока. А тутъ вдругъ кричатъ—(и не только въ Ев-
но и у насъ многіе высшіе политическіе наши умы)—что
ъ умереть Туркамъ какъ государству, то Константинополь
ъ возродиться не иначе какъ городомъ «международ-
», т. е. какимъ-то серединнымъ, общимъ, вольнымъ, чтобы
ло изъ за-него споровъ. Ошибочнѣе мысли нельзя было и
ать.

И во первыхъ уже по тому одному, что такой великол
точкѣ земнаго шара просто не дадутъ стать международной
ничьей; непремѣнно и сейчасъ-же явятся хоть-бы Англич
своимъ флотомъ, въ качествѣ друзей, и именно охранять
регать эту самую «международность», а въ сущности чтобъ
дѣть Константинополемъ въ свою пользу. А ужь гдѣ он
селятся, оттуда ихъ трудно выжить, народъ цѣпкій. Мало
Греки, Славяне и мусульмане Царьграда призовутъ ихъ
ухватятся за нихъ обѣими руками и не выпустятъ ихъ отъ
а причина тому—все таже Россія: «защитятъ, дескать, они
отъ Россіи, нашей освободительницы». И добро-бы они и
дѣли и не понимали что такое для нихъ Англичане, да и в
вся Европа? О, они и *теперь* знаютъ лучше всѣхъ, что А
чанамъ (да и никому въ Европѣ кромѣ Россіи) до нихъ сч
то есть до счастья всей христіанской райи, нѣтъ ровно
кого дѣла. Вся эта райя знаетъ отлично, что еслибъ воз
было повторить Болгарскіе лѣтніе ужасы (а это, кажется,
возможно) какъ-нибудь неслышно и втихомолку, то въ Е
Англичане первые пожелали-бы повторенія этихъ убійств
разъ десять—и не изъ кровожадности, вовсе нѣтъ: там
роды гуманные и просвѣщенные, а потому что такія убі
повторенныя десять разъ, истребили-бы окончательно рай
требили-бы до того, что уже некому было-бы на Балкан
полуостровѣ дѣлать противъ турокъ возстанія,—а въ эт
и вся главная суть: остались-бы одни милые турки и ту
бумаги повысились-бы разомъ на всѣхъ европейскихъ бир
а Россіи «съ ея честолюбіемъ и завоевательными планами
пилось-бы откочевать поглубже восвояси за неимѣніемъ ко
щищать. Райя слишкомъ хорошо знаетъ, что только
чувствъ она и можетъ ожидать теперь отъ Европы. Но ес
другое дѣло явилось-бы мигомъ на свѣтѣ, еслибъ какимъ-н
образомъ, самъ собою или отъ меча Россіи, умеръ-бы нав
«больной человѣкъ». Тотчасъ-же вся Европа возгорѣлась
обновленнымъ народамъ нѣжнѣйшею любовью и тотчасъ-ж
силась-бы «спасать ихъ отъ Россіи». Надо думать, что в
«международности» Европа первая и внесетъ въ ихъ
устройство. Европа пойметъ, что надъ трупомъ «больна
ловѣка» у освобожденныхъ народовъ немедленно возг
смута, распря и соперничество, а ей это и на руку: пр
вмѣшательства, главное, предлогъ возбудить ихъ противъ
сіи, которая навѣрно не захочетъ имъ дать ссориться



...ка больнаго человѣка. И не будетъ такой клеветы, ко-
...ка не пустила въ ходъ противъ насъ Европа. «Изъ-за
...-то мы вамъ и противъ турокъ не помогали», скажутъ
...ди англичане. Увы, народы Востока и теперь это пони-
...отлично, и знаютъ, что «Англія никогда не приметъ уча-
...ъ ихъ освобожденія и никогда не дастъ на это своего
...а, еслибъ оно считалось нужнымъ, потому что она нена-
...этихъ христіанъ за ихъ духовную связь съ Россіей,
...нужно, чтобъ Восточные христіане возненавидѣли насъ
...ою той ненависти, какую она сама питаетъ къ намъ»...
...скія Вѣдомости» № 63). Вотъ что̀ знаютъ и покамѣстъ
...ютъ про себя эти народы и вотъ что̀ они ужъ и те-
...ечно, поставили на будущій счетъ Россіи. А мы-то ду-
...что они насъ обожаютъ.

...международномъ городѣ, мимо покровителей англичанъ,
...и будутъ хозяевами Греки—исконные хозяева города.
...унать, что греки смотрятъ на славянъ еще съ большимъ
...ніемъ, чѣмъ нѣмцы. Но такъ какъ славяне будутъ и страшны
...ковъ, то презрѣніе смѣнится ожесточеніемъ. Воевать между
... объявлять другъ другу войну, они, конечно, не смогутъ,
... что ихъ все-же не допустятъ до того покровители, по
...й мѣрѣ, въ смыслѣ серьезномъ. Ну, вотъ именно за невоз-
...стью открытой и откровенной драки, у нихъ и пойдутъ
... другія распри и прежде всего примутъ характеръ цер-
...ъ смутъ. Съ того и начинается, потому что это всего спод-
...; и вотъ это я и хотѣлъ указать.

...потому такъ говорю, что ужь программа была дана: бол-
... Константинополь. Съ этой точки греки сильны и они по-
...ъ это. А между тѣмъ ничего страшнѣе въ грядущемъ не
...ь быть для всего Востока, а вмѣстѣ и для Россіи, какъ
...зъ подобная церковная распря, которая, увы, такъ воз-
..., устранись хоть на мигъ Россія съ своими покровитель-
... и съ строгимъ надъ ними надзоромъ. Хоть это и всего
... будущее, и даже лишь гаданія, но непростительно было-
...пустить это изъ виду даже хотя-бы только какъ гаданіе.
...омъ дѣлѣ, неужели ужь и намъ желать продолженія вла-
...ва турокъ и здоровья «больному человѣку»? Неужели и
...дойти до того? Неужели не ясно, что умри этомъ больной
...къ, а, главное, отстранись Россія хоть на половину отъ
...тельнаго и первенствующаго вліянія на судьбы Востока,
... она эту уступку Европѣ, и—болѣе чѣмъ вѣроятно, что

на Балканскомъ полуостровѣ пошатнется церковное един
столькихъ вѣковъ, а, можетъ быть, и еще далѣе на Востокѣ.
такъ можно сказать: будутъ эти распри или нѣтъ, но
больной человѣкъ, то весьма вѣроятно, что, можетъ быть,
не обойдется, *во всякомъ случаѣ*, безъ великаго церковнаг
бора, для уложенія дѣлъ вновь возрождающейся церкви. Поч
бы это не предвидѣть заранѣе? Въ эти четыре вѣка гонен
гнета предстоятели Восточной Церкви всегда слушались с
товъ Россіи; но освободись они завтра отъ турецкаго гне
окажи имъ къ тому-же покровительство Европа,—они тотч
же заявятъ себя въ другихъ отношеніяхъ къ Россіи. Предс
тели Восточной церкви, то есть главное греки, чуть лишь Р
взяла-бы сторону славянъ, тотчасъ-же, можетъ быть, пожел
бы ей заявить, что въ ней и въ совѣтахъ ея они болѣе сов
не нуждаются. Именно потому поспѣшатъ заявить, что че
вѣка смотрѣли на нее сложа въ мольбѣ руки. А положеніе Р
будетъ почти всѣхъ трудпѣе. Тѣже болгаре тотчасъ-же за
чатъ, что въ Константинополѣ воцарился новый Восточный
и—кто знаетъ, можетъ быть, правы будутъ. Международ
Константинополь дѣйствительно можетъ послужить, хоть на вр
подножіемъ новаго папы. Тогда Россіи стать за грековъ бу
значить потерять славянъ, а стать за славянъ, въ этой б
щей и столь вѣроятной между ними распрѣ, значитъ нажи
себѣ, можетъ быть, пренепріятныя и пресерьезныя церков
хлопоты. Ясно, что все это можетъ быть избѣгнуто лишь за
говременно стойкостью Россіи въ Восточномъ вопросѣ и
уклоннымъ слѣдованіемъ все тѣмъ-же великимъ преданіямъ
шей древней вѣковой русской политики. Никакой Европѣ
должны мы уступать ничего въ этомъ дѣлѣ ни для какихъ с
раженій, потому что дѣло это наша жизнь и смерть. Конс
тинополь долженъ быть нашъ, рано-ли поздно-ли, хотя
именно во избѣжаніе тяжелыхъ и непріятныхъ церковныхъ см
которыя столь легко могутъ возродиться между молодыми и
жившими народами Востока и которымъ примѣръ уже былъ
спорѣ болгаръ и вселенскаго патріарха, весьма плохо окон
шемся. Разъ мы завладѣемъ Константинополемъ и ничего э
не можетъ произойти. Народы Запада, столь ревниво слѣдя
за каждымъ шагомъ Россіи, еще не знаютъ и не подозрѣва
въ настоящую минуту всѣхъ этихъ новыхъ, еще мечтательны
но слишкомъ возможныхъ будущихъ комбинацій. Еслибъ и узн
ихъ теперь, то не поняли-бы ихъ и не придали-бы имъ осо

жности. За то слишкомъ поймутъ и придадутъ важности
, когда будетъ уже поздно. Русскій народъ, понимающій
ный вопросъ не иначе какъ въ освобожденіи всего пра-
ваго христіанства и въ великомъ будущемъ единеніи
, если увидитъ, напротивъ, новыя смуты и новый раз-
то будетъ слишкомъ потрясенъ и, можетъ быть, глубоко
ся и на немъ, и на всемъ бытѣ его всякій новый исходъ
особенно если оно въ концѣ концовъ получитъ характеръ
ный по преимуществу. Вотъ по этому одному мы ни за
никакъ не можемъ оставлять, или ослаблять степень на-
ѣковаго участія въ этомъ великомъ вопросѣ. Не одинъ
великолѣпный портъ, не одна только дорога въ моря и
связываютъ Россію столь тѣсно съ рѣшеніемъ судебъ
о вопроса, и даже не объединеніе и возрожденіе сла-
Задача наша глубже, безмѣрно глубже. Мы, Россія, дѣй-
ьно необходимы и неминуемы и для всего Восточнаго
ичества, и для всей судьбы будущаго Православія на землѣ,
шенія его. Такъ всегда понимали это нашъ народъ и
и его:.. Однимъ словомъ, этотъ страшный Восточный во-
— это чуть не вся судьба наша въ будущемъ. Въ немъ
ются какъ-бы всѣ наши задачи и, главное, единствен-
ходъ нашъ въ полноту исторіи. Въ немъ и окончатель-
лкновеніе наше съ Европой, и окончательное единеніе
, но уже на новыхъ, могучихъ, плодотворныхъ началахъ.
понять теперь Европѣ всю ту роковую жизненную важ-
ля насъ самихъ въ рѣшеніи этого вопроса! Однимъ сло-
ѣмъ-бы ни кончились теперешнія, столь необходимыя,
быть, дипломатическія соглашенія и переговоры въ
, но рано-ли, поздно-ли, а *Константинополь долженъ*
ать, и хотя-бы лишь въ будущемъ только столѣтіи! Это
сскимъ надо всегда имѣть въ виду, всѣмъ неуклонно. Вотъ
хотѣлось заявить, особенно въ настоящій европейскій
ь...

Глава вторая.

I.

«Еврейскій вопросъ».

е думайте, что я дѣйствительно затѣваю поднять «еврей-
просъ!» Я написалъ это заглавіе въ шутку. Поднять

народа. Въ это названіе вы заключаете и ту почтенную цифру евр получившихъ высшее образованіе, отличающихся на всѣхъ поприщ государственной жизни, берите хоть

(Тутъ опять нѣсколько именъ, которыхъ я, кромѣ Гс штейнова, считаю не въ правѣ напечатать, потому что нѣкотор изъ нихъ, можетъ быть, непріятно будетъ прочесть, что происходятъ изъ евреевъ).

Гольцштейна (геройски умершаго въ Сербіи за славянскую и и работающихъ на пользу общества и человѣчества? Ваша нена къ «жиду» простирается даже на Дизраэли, который, вѣроятно, не знаетъ, что его предки были когда-то испанскими евреями, т торый ужь, конечно, не руководитъ англійской консервативной т тикой съ точки зрѣнія «жида» (?)...

Нѣтъ, къ сожалѣнію, вы не знаете ни еврейскаго *народа*, ни жизни, ни его духа, ни его сорокавѣковой исторіи, наконецъ сожалѣнію потому, что вы, во всякомъ случаѣ, человѣкъ искре абсолютно честный, а наносите безсознательно вредъ громадной и нищенствующаго народа,—сильные-же «жиды», принимая силы міра сего въ своихъ салонахъ, конечно не боятся ни печати, ни безсильнаго гнѣва эксплоатируемыхъ. Но довольно объ этомъ т метѣ! Врядъ-ли я васъ убѣжду въ моемъ взглядѣ,—но мнѣ кр желательно было-бы, чтобы вы убѣдили меня.

Вотъ этотъ отрывокъ. Прежде чѣмъ отвѣчу что-нибудь не хочу нести на себѣ такое тяжелое обвиненіе)—обращу маніе на ярость нападенія и на степень обидчивости. Пол тельно у меня, во весь годъ изданія «Дневника» не было кихъ размѣровъ статьи противъ «жида», которая-бы могла вать такой силы нападеніе. Во вторыхъ, нельзя не замѣтить почтенный корреспондентъ, коснувшись въ этихъ немногихъ с кахъ своихъ и до русскаго народа, не утерпѣлъ и не выдерж и отнесся къ бѣдному русскому народу нѣсколько слишкомъ свысока. Правда, въ Россіи и отъ русскихъ-то не осталось одного не проплеванаго мѣста (словечко Щедрина), а еврею «простительнѣе». Но во всякомъ случаѣ ожесточеніе это сви тельствуетъ ярко о томъ, какъ сами евреи смотрятъ на русск Писалъ это дѣйствительно человѣкъ образованный и талантл (не думаю только чтобъ безъ предразсудковъ); чего-же жд послѣ того, отъ необразованнаго еврея, которыхъ такъ мн какихъ чувствъ къ русскому? Я не въ обвиненіе это говорю: это естественно: я только хочу указать, что въ мотивахъ нац разъединенія съ евреемъ виновенъ, можетъ быть, и не одинъ скій народъ, и что скопились эти мотивы, конечно, съ обѣ сторонъ, и еще неизвѣстно на какой сторонѣ къ большей

...тѣвъ это, выскажу нѣсколько словъ въ мое оправданіе ...е какъ я смотрю на это дѣло. И хоть вопросъ этотъ, ...ю, мнѣ и не по силамъ, но что-же нибудь вѣдь и я могу ...ть.

II.

Pro и contra.

...жимъ очень трудно узнать сорокавѣковую исторію та... народа, какъ евреи; но на первый случай я ужь то одно ...то навѣрно нѣтъ въ цѣломъ мірѣ другого народа, который... ...ьно жаловался на судьбу свою, поминутно, за каждымъ ...ъ и словомъ своимъ, на свое приниженіе, на свое стра... ...на свое мученичество. Подумаешь, не они царятъ въ Европѣ, ...управляютъ тамъ биржами хотя-бы только, а, стало быть, по... ...й, внутренними дѣлами, нравственностью государствъ. Пусть ...одный Гольдштейнъ умираетъ за славянскую идею. Но все... ...не будь такъ сильна еврейская идея въ мірѣ, и, можетъ ...тотъ-же самый «славянскій» (прошлогодній) вопросъ давно... ...е рѣшенъ былъ въ пользу славянъ, а не турокъ. Я го... ...овѣрить, что лордъ Биконсфильдъ самъ, можетъ быть, за... ...о своемъ происхожденіи, когда-то, отъ испанскихъ жидовъ; ...но однако не забылъ); но что онъ «руководилъ англійской ...ватывной политикой» за послѣдній годъ *отчасти* съ точки ...жида, въ этомъ, по моему, нельзя сомнѣваться. «Отчасти... ...жь нельзя не допустить.

...пусть все это, съ моей стороны, голословіе, легкій тонъ ...кія слова. Уступаю. Но все-таки не могу вполнѣ повѣрить ...ъ евреевъ, что ужь такъ они забиты, замучены и прини... ...На мой взглядъ, русскій мужикъ, да и вообще русскій ...людинъ, несетъ тягостей чуть-ли не больше еврея. Мой ...спондентъ пишетъ мнѣ въ другомъ уже письмѣ:

...Прежде всего *необходимо* предоставить имъ (евреямъ) всѣ ...анскія права (подумайте, что они лишены до сихъ поръ ...о кореннаго права: свободнаго выбора мѣстожительства, изъ ...вытекаетъ множество страшныхъ стѣсненій для всей еврей... ...массы), какъ и всѣмъ другимъ чужимъ народностямъ въ ...и, а потомъ уже требовать отъ нихъ исполненія своихъ обя... ...стей къ государству и къ коренному населенію».

...о подумайте и вы, г. корресподентъ, который сами пишите

мнѣ, въ томъ-же письмѣ, на другой страницѣ, что вы
примѣръ больше любите и жалѣете трудящуюся массу р
народа, чѣмъ еврейскую»—(что уже слишкомъ для еврея
сказано)—подумайте только о томъ, что когда еврей «т
въ свободномъ выборѣ мѣстожительства, тогда двадцать тр
ліона «русской трудящейся массы» терпѣли отъ крѣпости
стоянія, что ужь, конечно, было потяжелѣе «выбора мѣстож
ства». И что-же, пожалѣли ихъ тогда евреи? Не думаю:
падной окраинѣ Россіи и на Югѣ вамъ на это отвѣтятъ
тельно. Нѣтъ, они и тогда точно также кричали о права
торыхъ не имѣлъ самъ русскій народъ, кричали и жало
что они забиты и мученики, и что когда имъ дадутъ
правъ, «тогда и спрашивайте съ насъ исполненія обяза
къ государству и коренному населенію». Но вотъ пришелъ
бодитель и освободилъ коренной народъ и что-же, кто
бросился на него, какъ на жертву, кто воспользовался
роками преимущественно, кто оплелъ его вѣковѣчнымъ зо
своимъ промысломъ, кто тотчасъ-же замѣстилъ гдѣ тольк
и поспѣлъ упраздненныхъ помѣщиковъ, съ тою разниц
помѣщики хоть и сильно эксплоатировали людей, но все-я
рались не раззорять своихъ крестьянъ, пожалуй, для с
чтобъ не истощить рабочей силы, а еврею до истощенія
силы дѣла нѣтъ, взялъ свое и ушелъ. Я знаю, что евреи,
это, тотчасъ-же закричатъ, что это не правда, что это к
что я лгу, что я потому вѣрю всѣмъ этимъ глупостямъ,
знаю сорокавѣковой исторіи» этихъ чистыхъ ангеловъ, к
несравненно «нравственно чище не только другихъ народ
но и обоготворяемаго мною русскаго народа» (по словам
респондента, см. выше). Но пусть, пусть они нравственн
всѣхъ народовъ въ мірѣ, а русскаго ужь разумѣется, а
тѣмъ я только что прочелъ въ мартовской книжкѣ «Вѣ
Европы» извѣстіе о томъ, что евреи въ Америкѣ, въ Ю
Штатахъ, уже набросились всей массой на многомилл
массу освобожденныхъ негровъ и уже прибрали ее къ
по своему, извѣстнымъ и вѣковѣчнымъ своимъ «золотым
мысломъ», и пользуясь неопытностью и пороками экспло
маго племени. Представьте-же себѣ, когда я прочелъ эт
тотчасъ-же вспомнилось, что мнѣ еще пять лѣтъ тому
ходило это самое на умъ, именно то, что вотъ вѣдь нег
рабовладѣльцевъ теперь освобождены, а вѣдь имъ не у
потому, что на эту свѣжую жертвочку какъ разъ наб

которыхъ столь много на свѣтѣ. Подумалъ я это и, увѣ-
ясь, нѣсколько разъ потомъ въ этотъ срокъ мнѣ вопа-
ла мысль: «да что-же тамъ ничего объ евреяхъ не слышно,
въ газетахъ не пишутъ, вѣдь эти негры евреямъ кладъ,
ли пропустятъ?» И вотъ дождался, написали въ газетахъ,
ли. А дней десять тому назадъ прочелъ въ «Новомъ Вре-
(№ 371) корреспонденцію изъ Ковно, прехарактернѣйшую:
ль, до того набросились тамъ евреи на мѣстное литовское
ніе, что чуть не сгубили всѣхъ водкой и только ксендзы
бѣдныхъ опившихся, угрожая имъ муками ада и устраи-
ду ними общества трезвости. Просвѣщенный корреспон-
правда, сильно краснѣетъ за свое населеніе, до сихъ поръ
ще въ ксендзовъ и въ муки ада, но онъ сообщаетъ при
что поднялись вслѣдъ за ксендзами и просвѣщенные мѣст-
ономисты, начали устраивать сельскіе банки, именно чтобы
народъ отъ процентщика-еврея, и сельскіе рынки, чтобы
было «бѣдной трудящейся массѣ» получать предметы пер-
отребности по настоящей цѣнѣ, а не по той, которую на-
тъ еврей. Ну, вотъ я это все прочелъ и знаю, что мнѣ
инъ мигъ закричатъ, что все это ничего не доказываетъ,
о отъ того, что евреи сами угнетены, сами бѣдны, и что
о лишь «борьба за существованіе», что только глупецъ
ать этого не можетъ, и не будь евреи такъ сами бѣдны,
ротивъ, разбогатѣй они, то мигомъ показали-бы себя съ са-
манной стороны, такъ что міръ-бы весь удивили. Но вѣдь,
о, всѣ эти негры и литовцы еще бѣднѣе евреевъ, выжи-
ихъ изъ нихъ соки, а вѣдь тѣ (прочтите-ка корреспонден-
нушаются такой торговлей, на которую такъ падокъ еврей;
рыхъ, не трудно быть гуманнымъ и нравственнымъ, когда
жирно и весело, а чуть «борьба за существованіе», такъ
подходи ко мнѣ близко. Не совсѣмъ ужь это, по моему,
ангельская черта. А въ третьихъ, вѣдь и я, конечно, не
вляю эти два извѣстія изъ «Вѣстника Европы» и «Новаго
ни», за какіе ужь капитальные и всерѣшающіе факты. Если
писать исторію этого всемірнаго племени, то можно тот-
е найти сто тысячъ такихъ-же и еще крупнѣйшихъ фак-
такъ что одинъ или два факта лишнихъ ничего особен-
е прибавятъ, но вѣдь что при этомъ любопытно: любо-
то, что чуть лишь вамъ—въ спорѣ-ли, или просто въ
у собственнаго раздумья, — чуть лишь вамъ понадобится
а о евреѣ и дѣлахъ его,—то не ходите въ библіотеки

III.

Status in statu. Сорокъ вѣковъ бытія.

Ненависть, да еще отъ предразсудковъ—вотъ въ ч
виняютъ евреи коренное населеніе. Но если ужь зашла
предразсудкахъ, то какъ вы думаете: еврей менѣе питае
разсудковъ къ русскому, чѣмъ русскій къ еврею? Не по
ли? Вотъ я вамъ представлялъ примѣры того, какъ от
русское простолюдье къ еврею; а у меня передъ глазами
евреевъ, да не изъ простолюдья, а образованныхъ еврее
сколько ненависти въ этихъ письмахъ къ «коренному
нію?» А главное,—пишутъ, да и не примѣчаютъ этого

Видите-ли, чтобъ существовать сорокъ вѣковъ на зем
во весь почти историческій періодъ человѣчества, да еш
комъ плотномъ и нерушимомъ единеніи; чтобы терять
разъ свою территорію, свою политическую независимость,
почти даже вѣру, — терять и всякій разъ опять соед
опять возрождаться *въ прежней идеѣ*, хоть и въ другог
опять создавать себѣ и законы и почти вѣру—нѣтъ, та
вучій народъ, такой необыкновенно сильный и энергиче
родъ, такой безпримѣрный въ мірѣ народъ, не могъ суще
безъ status in statu, который онъ сохранялъ всегда и в
время самыхъ страшныхъ, тысячелѣтнихъ разсѣяній и
своихъ. Говоря про status in statu, я вовсе не обвинени
нибудь хочу возвести. Но въ чемъ однако заключаетс
status in statu, въ чемъ вѣковѣчно-неизмѣнная идея его, и
суть этой идеи?

Излагать это было-бы долго, да и невозможно въ к
кой статьѣ, да и не возможно еще и по той даже прич
не настали еще *всѣ времена и сроки*, не смотря на пр
сорокъ вѣковъ, и окончательное слово человѣчества об
великомъ племени еще впереди. Но не вникая въ суть и
бину предмета, можно изобразить хотя нѣкоторые призна
status in statu, по крайней мѣрѣ, хотъ наружно. Призна
отчужденность и отчудимость на степени религіознаго
несліянность, вѣра въ то, что существуетъ въ мірѣ лиш
народная личность — еврей, а другія хоть есть, но вс
надо считать, что какъ-бы ихъ и не существовало. «Вы
народовъ и составь свою особь и знай, что съ сихъ п

другими русскими инородцами, а причина тому, конечно, в status in statu его, духъ котораго дышетъ именно этой бе лостностью ко всему, что не есть еврей, къ этому неуваж ко всякому народу и племени и ко всякому человѣческому ществу, кто не есть еврей. И что въ томъ за оправданіе, вотъ на Западѣ Европы не дали одолѣть себя народы, и стало быть, русскій народъ самъ виноватъ? Потому что ру народъ въ окраинахъ Россіи оказался слабѣе европейскихъ родовъ (и единственно вслѣдствіе жестокихъ вѣковыхъ нол ческихъ своихъ обстоятельствъ) потому только и задавить окончательно эксплуатаціей, а не помочь ему?

Если-же и указываютъ на Европу, на Францію, напри то врядъ-ли и тамъ такъ безвреденъ былъ status in statu нечно, христіанство и идея его тамъ пали и падаютъ не по еврея, а по своей винѣ, тѣмъ не менѣе нельзя не указать Европѣ на сильное торжество еврейства, замѣнившаго и прежнія идеи своими. О, конечно, человѣкъ всегда и во всѣ мена боготворилъ матерьялизмъ и наклоненъ былъ видѣть нимать свободу лишь въ обезпеченіи себя накопленными всѣхъ силъ и запасенными всѣми средствами деньгами. Не когда эти стремленія не возводились такъ откровенно и поучительно въ высшій принципъ, какъ въ нашемъ девя цатомъ вѣкѣ. «Всякъ за себя и только за себя и всякое с ніе между людьми единственно для себя»,—вотъ нравстве принципъ большинства теперешнихъ людей *), и даже не ныхъ людей, а, напротивъ, трудящихся; не убивающихъ, и рующихъ. А безжалостность къ низшимъ массамъ, а ви братства, а эксплуатація богатаго бѣднымъ,—о, конечно, вс было и прежде и всегда, но—но не возводилось-же на сте высшей правды и науки, но осуждалось-же христіанство теперь, напротивъ, возводится въ добродѣтель. Стало быть, и ромъ-же все-таки, царятъ тамъ повсемѣстно евреи на бир не даромъ они движутъ капиталами, не даромъ-же они вл тели кредита и не даромъ, повторю это, они-же властите всей международной политики, и что будетъ дальше—кон и самимъ евреямъ: близится ихъ царство, полное ихъ цар Наступаетъ вполнѣ торжество идей, передъ которыми ник

*) Основная идея буржуазіи, замѣстившей собою въ концѣ лаго столѣтія прежній міровой строй, и ставшая главной идеей нынѣшняго столѣтія во всемъ европейскомъ мірѣ.

человѣколюбія, жажда правды, чувства христіанскія, на-
ыя и даже народной гордости европейскихъ народовъ.
тъ, напротивъ, матерьялизмъ, слѣпая, плотоядная жажда
матерьяльнаго обезпеченія, жажда личнаго накопленія
сѣми средствами — вотъ все что признано за высшую
разумное, за свободу, вмѣсто христіанской идеи спасенія
средствомъ тѣснѣйшаго нравственнаго и братскаго еди-
дей. Засмѣются и скажутъ, что это тамъ вовсе не отъ
Конечно, не отъ однихъ евреевъ, но если еврей окон-
восторжествовали и процвѣли въ Европѣ именно тогда,
ъ восторжествовали эти новыя начала даже до степени
я ихъ въ нравственный принципъ, то нельзя не заклю-
и евреи приложили тутъ своего вліянія. Наши оппоненты
отъ, что евреи, напротивъ, бѣдны, повсемѣстно даже
въ Россіи особенно, что только самая верхушка евреевъ
анкиры и цари биржъ, а изъ остальныхъ евреевъ чуть-
вять десятыхъ ихъ—буквально нищіе, мечутся изъ-за
**ѣба, предлагаютъ куртажъ, ищутъ гдѣ-бы урвать ко-
хлѣбъ.** Да, это, кажется, правда, но что-же это обозна-
е значитъ-ли это именно, что въ самомъ трудѣ евреевъ
ромнаго большинства ихъ, по крайней мѣрѣ), въ самой
ціи ихъ заключается нѣчто неправильное, ненормаль-
то неестественное, несущее само въ себѣ свою кару.
редлагаетъ посредничество, торгуетъ чужимъ трудомъ.
ь есть накопленный трудъ; еврей любитъ торговать чу-
удомъ! Но все-же это пока ничего не измѣняетъ: зато
и евреевъ воцаряется надъ человѣчествомъ все сильнѣе
и стремится дать міру свой обликъ и свою суть. Евреи
атъ, что есть-же и между ними хорошіе люди. О, Боже!
въ этомъ дѣло? Да и вовсе мы не о *хорошихъ* или
людяхъ теперь говоримъ. И развѣ между тѣми нѣтъ
ошихъ людей? Развѣ покойный парижскій Джемсъ Ротбылъ дурной человѣкъ? Мы говоримъ о цѣломъ и объ
, мы говоримъ о *жидовствѣ* и объ *идеѣ жидовской*,
ющей весь міръ, вмѣсто «неудавшагося» христіанства...

IV.

Но да здравствуетъ братство!

то-же я говорю и зачѣмъ? Или и я врагъ евреевъ? Не-
правда, какъ пишетъ мнѣ одна, безо всякаго для меня

сомнѣнія (что уже видно по письму ея и по искреннимъ, го
чимъ чувствамъ письма этого) благороднѣйшая и образованна
еврейская дѣвушка,—неужели и я, по словамъ ея, врагъ этог
«несчастнаго» племени, на которое я «при всякомъ удобном
случаѣ будто-бы такъ жестоко нападаю». «Ваше презрѣніе к
жидовскому племени, которое «ни о чемъ кромѣ себя не думаетъ
и т. д. и т. д. очевидно».—Нѣтъ, противъ этой очевидности
возстану, да и самый фактъ оспариваю. Напротивъ, я именно г
ворю и пишу, что «все, что требуетъ гуманность и справедл
вость, все, что требуетъ человѣчность и христіанскій законъ
все это должно быть сдѣлано для евреевъ». Я написалъ эти сло
выше, но теперь я еще прибавлю къ нимъ, что, не смотря
всѣ соображенія, уже мною выставленныя, я окончательно сто
однако-же за совершенное расширеніе правъ евреевъ въ формал
номъ законодательствѣ и, если возможно только, и за полнѣ
шее равенство правъ съ кореннымъ населеніемъ (NB, хотя м
жетъ быть, въ иныхъ случаяхъ, они имѣютъ уже и теперь бол
ше правъ, или, лучше сказать, *возможности ими пользоваться*
чѣмъ само коренное населеніе). Конечно, мнѣ приходитъ тутъ-ж
на умъ, напримѣръ, такая фантазія: Ну, что если пошатнетс
какимъ нибудь образомъ и отъ чего нибудь наша сельская о
щина, ограждающая нашего бѣднаго коренника-мужика отъ столь
кихъ золъ, — ну, что если тутъ-же, къ этому освобожденном
мужику, столь неопытному, столь не умѣющему сдержать се
отъ соблазна и котораго именно опекала доселѣ община,—в
хлынетъ всѣмъ кагаломъ еврей—да, что тутъ: тутъ мигомъ к
нецъ его: все имущество его, вся сила его перейдетъ на завтр
же во власть еврея и наступитъ такая пора, съ которой не тол
ко не могла-бы сравняться пора крѣпостничества, но даже
щина.

Но не смотря на всѣ «фантазіи» и на все, что я написа
и все-таки стою за полное и окончательное уравне
—потому что это Христовъ законъ, потому что это хр
принципъ. Но если такъ, то для чего-же я испис
страницъ, и что хотѣлъ выразить, если такъ *проти*
Я вотъ именно то, что я не противурѣчу себѣ и
коренной стороны нѣтъ и не вижу препятст
еврейскихъ правъ, но утверждаю за то, что пр
какъ со стороны евреевъ несравнено больш
скихъ, и что если до сихъ поръ не со
ль-бы всѣмъ сердцемъ, то русскій че

въ этомъ виновенъ несравненно менѣе, чѣмъ самъ еврей. бно тому, какъ я выставлялъ еврея простолюдина, который отѣздъ сообщаться и ѣсть съ русскими, а тѣ не только не лись и не мстили ему за это, а, напротивъ, разомъ осмы- и извинили его, говоря: «это онъ потому что у него вѣра »—подобно тому, т. е. этому еврею простолюдину, мы и нтелигентномъ евреѣ видимъ весьма часто такое-же безмѣр- высокомѣрное предубѣжденіе противъ русскаго. О, они кри- что они любятъ русскій народъ; одинъ такъ даже писалъ что онъ именно скорбитъ о томъ, что русскій народъ не ъ религіи и ничего не понимаетъ въ своемъ христіанствѣ. уже слишкомъ сильно сказано для еврея и рождается лишь съ: понимаетъ-ли что въ христіанствѣ самъ-то этотъ вы- бразованный еврей? Но самомнѣніе и высокомѣріе есть одно очень тяжелыхъ для насъ, русскихъ, свойствъ еврейскаго кера. Кто изъ насъ, русскій или еврей, болѣе неспособенъ нать другъ друга? Клянусь, я оправдаю скорѣе русскаго: у аго, по крайней мѣрѣ, нѣтъ (положительно нѣтъ!) религіоз- ненависти къ еврею. А остальныхъ предубѣжденій гдѣ, у больше? Вонъ евреи кричатъ, что они были столько вѣ- угнетены и гонимы, угнетены и гонимы и теперь и что по крайней мѣрѣ, надобно взять въ разсчетъ русскому при нія о еврейскомъ характерѣ. Хорошо, мы и беремъ въ ра- ь и доказать это можемъ: въ интелигентномъ слоѣ русскаго ли не разъ уже раздавались голоса за евреевъ. Ну, а евреи: -ли и берутъ-ли они въ расчетъ, жалуясь и обвиняя рус- ь, столько вѣковъ угнетеній и гоненій, которыя перенесъ русскій народъ? Неужто можно утверждать, что народъ вы- ъ меньше бѣдъ и золъ «въ свою исторію», чѣмъ евреи гдѣ-бы и было? И неужто можно утверждать, что не еврей, весьма , соединялся съ его гонителями, бралъ у нихъ на откупъ кій народъ и самъ обращался въ его гонителя? Вѣдь это все -же, существовало, вѣдь это исторія, историческій фактъ, но гдѣ не слыхали, чтобъ еврейскій народъ въ этомъ рас- лся, а русскій народъ онъ все таки обвиняетъ за то, что нало любить его.

Но буди! буди!» Да будетъ полное и духовное единеніе пле- и никакой разницы правъ! А для этого я прежде всего но моихъ опонентовъ и кореспондентовъ евреевъ быть, на- къ, къ намъ, русскимъ, снисходительнѣе и справедливѣе. высокомѣріе ихъ, если всегдашняя «скорбная брезгливость»

главѣ о евреяхъ. Было-бы слишкомъ много все на одну и туж тему. Но тутъ не на ту тему; а если отчасти и на ту, то вы ставляется какъ-бы совсѣмъ другая, именно противуположная сторона вопроса, а при этомъ и какъ-бы даже намекъ на раз рѣшеніе его. Пусть извинитъ меня великодушно г-жа Л., что я позволяю себѣ передать здѣсь ея словами всю ту часть письма ея о похоронахъ доктора Гинденбурга въ М., подъ первымъ впе чатлѣніемъ которыхъ она и написала эти столь искреннія и тро гательныя въ правдѣ своей строки. Не хотѣлось мнѣ тоже утаить что писано это еврейкой, что чувства эти—чувства еврейки...

Это я пишу подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ похороннаго марша Хоронили доктора *Гинденбурга* 84-хъ лѣтъ отъ роду. Какъ протестанти его сначала отвезли въ кирку, а уже затѣмъ на кладбище. Такого сочувствія, такихъ отъ души вырвавшихся словъ, такихъ горячихъ слезъ я еще никогда не видѣла при похоронахъ... Онъ умеръ въ та кой бѣдности, что не на что было похоронить его.

Уже 58 лѣтъ какъ онъ практикуетъ въ М... и сколько добра онъ сдѣлалъ за это время. Еслибъ вы знали, Ѳедоръ Михайловичъ, что это былъ за человѣкъ! Онъ былъ докторъ и акушеръ; его имя пе рейдетъ здѣсь въ потомство, о немъ уже сложились легенды, нес простой народъ звалъ его отцомъ, любилъ, обожалъ и только съ его смертью понялъ, что онъ потерялъ въ этомъ человѣкѣ. Когда онъ еще стоялъ въ гробу (въ церкви), то не было, кажется, ни одного человѣка, который бы не пошелъ поплакать надъ нимъ и цѣловать его ноги, въ особенности бѣдныя еврейки, которымъ онъ такъ много помогалъ, плакали и молились, чтобъ онъ попалъ прямо въ рай. Се годня пришла бывшая наша кухарка, ужасно бѣдная женщина и го воритъ, что при рожденіи послѣдняго ея ребенка, онъ вида, что ничего дома нѣтъ, далъ 30 к. чтобъ сварить супъ, а затѣмъ каждый день приходилъ и оставлялъ 20 к., а видя, что она поправляется прислалъ пару куропатокъ. Также будучи позванъ къ одной страшно бѣдной родильницѣ (такія къ нему обращались) онъ, видя, что н во что пришлъ ребенка, снялъ съ себя верхнюю рубаху и платок свой (голова у него была повязана платкомъ) разорвалъ и отдалъ.

Еще вылечилъ онъ одного бѣднаго еврея дровосѣка, затѣмъ за болѣла его жена, затѣмъ дѣти, онъ каждый Божій день пріѣзжалъ 2 раза и когда всѣхъ поставилъ на ноги, спрашиваетъ еврея: чѣм ты мнѣ заплатишь? Тотъ говоритъ, что у него ничего нѣтъ, только послѣдняя коза, которую онъ сегодня продастъ. Онъ такъ и сдѣлалъ продалъ за 4 р. и принесъ ему деньги; тогда докторъ далъ лаке своему еще 12 р. къ этимъ 4-мъ и отправилъ купить корову, а дро восѣку велѣлъ идти домой; черезъ часъ тому приводятъ корову говорятъ, что докторъ призналъ козье молоко для нихъ вреднымъ.

Такъ онъ прожилъ всю свою жизнь. Бывали примѣры, что онъ оставлялъ 30 и 40 р. у бѣдныхъ; оставлялъ и у бѣдныхъ бабъ въ де ревняхъ.

За то хоронили его какъ святаго. Всѣ бѣдняки заперли лавки *бѣжали* за гробомъ. У евреевъ есть мальчики, которые при похоро

...къ распѣваютъ псалмы, но запрещается провожать иновѣрца этими псалмами. Тутъ передъ гробомъ, во время процессіи, ходили мальчики и громко распѣвали эти псалмы. Во всѣхъ синагогахъ молились за его душу, также колокола *всѣхъ* церквей звонили все время процессіи. Былъ хоръ военной музыки, да еще еврейскіе музыканты пошли къ сыну усопшаго, просить, какъ чести, позволенія играть во все время процессіи. Всѣ бѣдные принесли кто 10, кто 5 к., а богатые евреи дали много и приготовили великолѣпный, огромный вѣнокъ свѣжихъ цвѣтовъ съ бѣлыми и черными лентами по сторонамъ, гдѣ золотыми буквами были вычислены его главныя заслуги, такъ наприм., учрежденіе больницы и т. п., я не могла разобрать что тамъ, да и развѣ возможно вычислить его заслуги?

Надъ его могилой держали рѣчь пасторъ и еврейскій раввинъ и оба плакали, а онъ себѣ лежалъ въ старенькомъ, истертомъ вицъ-мундирѣ, старымъ платкомъ была обвязана его голова, эта милая голова и, казалось, онъ спалъ, такъ свѣжъ былъ цвѣтъ его лица...

II.

Единичный случай.

Единичный случай, скажутъ, чтожь, господа, я опять виноватъ: опять вижу въ единичномъ случаѣ чуть не начало разрѣшенія всего вопроса... ну хоть того-же самаго «еврейскаго вопроса», которымъ я озаглавилъ мою вторую главу этого «Дневника». Кстати, почему я назвалъ старичка доктора «общечеловѣкомъ»? Это былъ не общечеловѣкъ, а скорѣе общій человѣкъ. Этотъ городъ М.—это большой губернскій городъ въ западномъ краѣ, и въ этомъ городѣ множество евреевъ, есть нѣмцы, русскіе, конечно, поляки, литовцы,—и всѣ-то, всѣ эти народности признали праведнаго старичка каждая за своего. Самъ-же онъ былъ протестантъ, и именно нѣмецъ, вполнѣ нѣмецъ: манера какъ онъ купилъ и отослалъ бѣдному еврею корову—это чисто нѣмецкій вицъ. Сперва озадачилъ того: «чѣмъ уплатишь»? И ужь, конечно, бѣднякъ, продавая послѣднюю козу чтобъ уплатить «благодѣтелю», не ропталъ ни мало, а напротивъ горько страдалъ въ душѣ: всего-то коза стоитъ 4 цѣлковыхъ, а вѣдь и бѣдному работающему на нихъ всѣхъ бѣдняковъ старичку тоже вѣдь жить надо, а что такое четыре цѣлковыхъ за всѣ-то его благодѣянія семейству»? Ну, а старичокъ себѣ на умѣ, посмѣивается, а сердце горитъ у него: «вотъ-же я ему, бѣдняку, нашъ нѣмецкій вицъ покажу»! И вѣдь какъ, должно быть, хорошо смѣялся про себя когда повели къ еврею корову, какъ пріободрился духомъ, и по

жалуй всю ту ночь, можетъ быть, провозился въ нищей лач
какой-нибудь бѣдной еврейки родильницы. А вѣдь восьмидеся
лѣтнему старичку хорошо бы и поспать ночку, попокоить стар
усталыя кости. Еслибъ я былъ живописецъ, я именно-бы на
салъ этотъ «жанръ», эту почь у еврейки-родильницы. Я ужа
люблю реализмъ въ искуствѣ, но у иныхъ современныхъ реа
стовъ нашихъ *нѣтъ нравственнаго центра* въ ихъ картина
какъ выразился на дняхъ одинъ могучій поэтъ и тонкій худ
никъ, говоря со мной о картинѣ Семирадскаго. Тутъ, въ пр
лагаемомъ мною сюжетѣ для «жанра», мнѣ кажется, былъ
этотъ центръ. Да и для художника роскошь сюжета. Во первы
идеальная, невозможная, смраднѣйшая нищета бѣдной еврейс
хаты. Тутъ можно-бы много даже юмору выразить и ужа
кстати; юморъ вѣдь есть остроуміе глубокаго чувства, и
очень нравится это опредѣленіе. Съ тонкимъ чувствомъ и ум
можно много взять художнику въ одной уже перетасовкѣ ро
всѣхъ этихъ нищихъ предметовъ и домашней утвари въ бѣд
хатѣ, и этой, *забавной* перетасовкой сразу оцарапать вамъ серд
Да и освѣщеніе можно-бы сдѣлать интересное: на кривомъ ст
догораетъ оплывшая сальная свѣчка, а сквозь единственное,
индивѣвшее и обледенѣлое оконце уже брезжетъ разсвѣтъ нов
дня, новаго труднаго дня для бѣдныхъ людей. Трудныя роди
ницы часто родятъ на разсвѣтѣ: всю ночь промучаются, а
утру родятъ. Вотъ усталый старичокъ, на мигъ оставивъ ма
берется за ребенка. Принять не во что, пеленокъ нѣтъ, ни тря
нѣтъ (бываетъ этакая бѣдность, господа, клянусь вамъ, бывае
чистѣйшій реализмъ, — реализмъ, такъ сказать, доходящій
фантастическаго) и вотъ праведный старичокъ снялъ свой с
ренькій вицъ-мундирчикъ, снялъ съ плечъ рубашку и разрыва
ее на пеленки. Лицо его строгое и проникнутое. Бѣдный но
рожденный еврейчикъ копошится передъ нимъ на постелѣ, х
стіанинъ принимаетъ еврейчика въ свои руки и обвиваетъ
рубашкой съ плечъ своихъ. Разрѣшеніе еврейскаго вопроса, г
пода! Восьмидесятилѣтній обнаженный и дрожащій отъ утрен
сырости торсъ доктора можетъ занять видное мѣсто въ карти
не говоря уже про лицо старика и про лицо молодой, измучен
родильницы, смотрящей на своего новорожденнаго и на продѣ
съ нимъ доктора. Все это видитъ сверху Христосъ и докторъ зна
это: «этотъ бѣдный жидокъ выростетъ и можетъ снимет
самъ съ плеча рубашку и отдастъ христіанину, вспоминая р
сказъ о рожденіи своемъ» — съ наивной и благородной вѣ

думаетъ старикъ про себя. Сбудется-ли это? - вѣроятнѣе всег
что нѣтъ, но сбыться можетъ, а на землѣ лучше и дѣлать-т
нечего, какъ вѣрить въ то, что *это* сбыться можетъ и сбу
дется. А докторъ вправѣ вѣрить потому что ужь на немъ сбы
лось: «исполнилъ я, исполнитъ и другой; чѣмъ я лучше дру
гого?» подкрѣпляетъ онъ себя аргументомъ. Усталая старух
еврейка,—мать родильницы, въ лохмотьяхъ суетится у печки
Еврей, выходившій за вязанкой щепокъ, отворяетъ дверь хат
и мерзлый паръ клубомъ врывается на мигъ въ комнату. Н
полу, на войлочной подстилкѣ крѣпко спятъ два малолѣтних
еврейчика. Однимъ словомъ, аксесуаръ могъ-бы выйти хорош
Даже тридцать копѣекъ мѣдью на столѣ, отсчитанныя докторо
за сунъ родильницѣ, могли-бы составить деталь: мѣдный стол
бикъ трехкопѣечниковъ методически сложенныхъ, отнюдь н
разбросанныхъ. Даже перламутръ могъ-бы быть написанъ как
и въ картинѣ Семирадскаго, въ которой удивительно написан
кусокъ перламутра: докторамъ вѣдь дарятъ-же иногда (чтобы н
платить много деньгами) хорошенькія вещицы, и вотъ перла
мутровая докторская сигарочница лежитъ тутъ-же подлѣ мѣдно
кучки. Нѣтъ, ничего, картинка-бы вышла съ «нравственным
центромъ». Приглашаю написать.

Единственный случай! Года два тому назадъ откуда-то (за
былъ) съ юга Россіи писали про какого-то доктора, только чт
вышедшаго утромъ въ жаркій день изъ купальни, освѣжившa
гося, ободрившагося и поспѣшавшаго поскорѣе домой напиться
кофею, а потому и не захотѣвшаго помочь тутъ-же вытащен
ному изъ воды утопленнику, не смотря на приглашеніе толпы
Его, кажется, за это судили. А вѣдь это, можетъ быть, былъ че
ловѣкъ образованный и новыхъ идей, прогрессистъ, но «разумно
требовавшій новыхъ общихъ законовъ и правъ для всѣхъ, пре
небрегая единичными случаями. Полагавшій, можетъ быть, чт
единичные случаи даже скорѣе вредятъ, отдаляя общее рѣшені
вопроса, и что въ отношеніи единичныхъ случаевъ «чѣмъ хуже
тѣмъ лучше». Но безъ единичныхъ случаевъ не осуществишь
общихъ правъ. Этотъ общій человѣкъ хоть и единичный слу
чай, а соединилъ-же надъ гробомъ своимъ весь городъ. Эт
русскія бабы и бѣдныя еврейки цѣловали его ноги въ гроб
вмѣстѣ, тѣснились около него вмѣстѣ, плакали вмѣстѣ. Пятьде
сятъ восемь лѣтъ служенія человѣчеству въ этомъ городѣ, пяти
десятъ восемь лѣтъ неустанной любви соединили всѣхъ хот
въ надъ гробомъ его въ общемъ *восторгѣ* и въ общихъ сл

захъ. Провожаетъ его весь городъ, звучатъ колокола *всѣхъ* церквей, поются молитвы на всѣхъ языкахъ. Пасторъ со слезами говоритъ свою рѣчь надъ раскрытой могилой. Раввинъ стоитъ въ сторонѣ, ждетъ и какъ кончилъ пасторъ, смѣняетъ его и говоритъ свою рѣчь и льетъ тѣже слезы. Да вѣдь въ это мгновеніе почти разрѣшенъ хоть-бы этотъ самый «еврейскій вопросъ»! Вѣдь пасторъ и раввинъ соединились въ общей любви, вѣдь они почти обнялись надъ этой могилой въ виду христіанъ и евреевъ. Что въ томъ, что разойдясь, каждый примется за старые предразсудки: капля точитъ камень, а вотъ эти-то «общіе человѣки» побѣждаютъ міръ соединяя его; предразсудки будутъ блѣднѣть съ каждымъ единичнымъ случаемъ и наконецъ вовсе исчезнутъ. Про старичка останутся легенды, пишетъ г-жа Л., тоже еврейка, и тоже плакавшая надъ «милой головой» человѣколюбца. А легенды ужь это первый шагъ къ дѣлу, это живое воспоминаніе и неустанное напоминаніе объ этихъ «побѣдителяхъ міра», которымъ принадлежитъ земля. А увѣровавъ въ то, что это дѣйствительно побѣдители, и что такіе дѣйствительно «наслѣдятъ землю», вы уже почти соединились во всемъ. Все это очень просто, но мудрено кажется одно: именно убѣдиться въ томъ, что вотъ безъ этихъ-то единицъ, никогда не соберете всего числа, сейчасъ все разсыплется, а вотъ эти-то все соединятъ. Эти мысли даютъ, эти вѣру даютъ, живой опытъ собою представляютъ, а, стало быть, и доказательство. И вовсе нечего ждать, пока всѣ станутъ такими-же хорошими какъ и они, или очень многіе: нужно очень не много такихъ, чтобъ спасти міръ, до того они сильны. А если такъ, то какже не надѣяться?

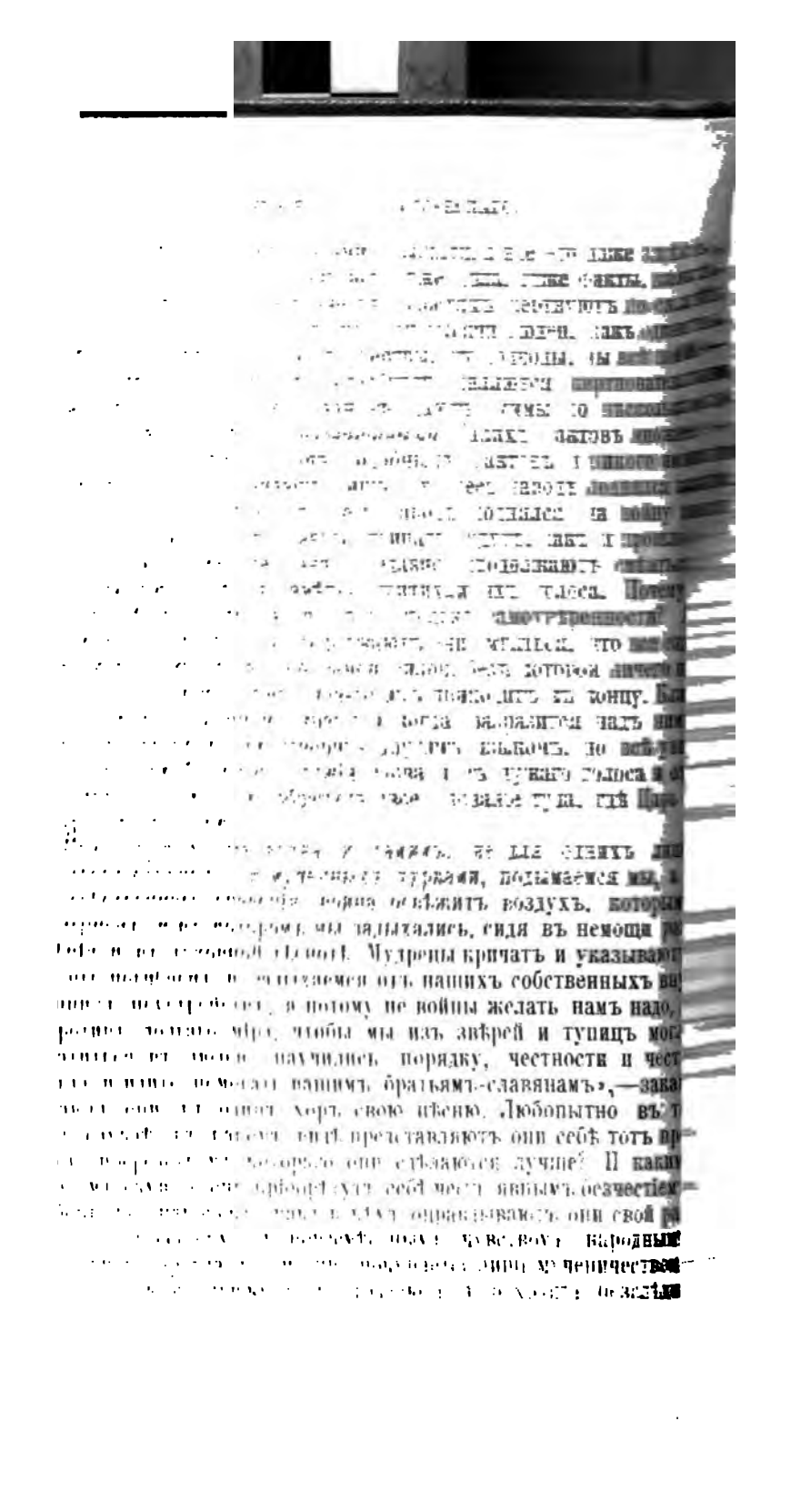
АПРѢЛЬ.

Глава первая.

I.

Война. Мы всѣхъ сильнѣе.

ойна! объявлена война»,—восклицали у насъ двѣ недѣли
. «Будетъ-ли война»?—спрашивали тутъ-же другіе. «Объ-
, объявлена»! отвѣчали имъ. «Да, объявлена, но будетъ-ли»?
жали тѣ спрашивать...
право, были такіе вопросы, можетъ быть, есть и теперь. И
отъ одной только долгой дипломатической проволочки раз-
ись такъ люди, тутъ другое, тутъ инстинктъ. Всѣ чув-
ъ что началось что-то окончательное, что наступаетъ ка-
конецъ чего-то прежняго, долгаго, длиннаго прежняго, и
ся шагъ къ чему-то совсѣмъ уже новому, къ чему-то пре-
ошему прежнее на двое, обновляющему и воскрешающему
ѣ для новой жизни и... что шагъ этотъ дѣлаетъ Россія!
з этомъ-то и невѣріе «премудрыхъ» людей. Инстинктивное
вствіе есть, а невѣріе продолжается: «Россія! Но какже
жетъ, какъ она смѣетъ? Готова-ли она? Готова-ли вну-
, нравственно, не только матерьяльно? Тамъ Европа, легко
Европа! А Россія, что такое Россія? И на такой шагъ»?
народъ вѣритъ что онъ готовъ на новый, обновляющій и
й шагъ. Это самъ народъ поднялся на войну, съ Царемъ во
Когда раздалось Царское слово, народъ хлынулъ въ церкви,
во всей земли Русской. Когда читали Царскій Манифестъ,
ь крестился и всѣ *поздравляли* другъ друга съ войной. Мы



ı предназначенные никогда не понять истину. Они жи-
жою мыслію, ищутъ готоваго слова и примѣра, схваты-
за подсказанное дѣло. Они кричатъ, что за нихъ автори-
о за нихъ Европа. Они свистятъ на несогласныхъ съ
ı всѣхъ презирающихъ лакейство мысли и вѣрящихъ въ
ственную и народа своего самостоятельность. И что-же,
ъ-то дѣлѣ эти массы кричащихъ людей предназначены
ть собою лишь коснымъ средствомъ для того, чтобы развѣ
лишь изъ нихъ приблизились сколько-нибудь къ истинѣ.
крайней мѣрѣ, получили-бы о ней хоть предчувствіе.
ı-то единицы и ведутъ потомъ всѣхъ за собою, овла-
движеніемъ, родятъ идею и оставляютъ ее въ наслѣд-
ıъ мечущимся массамъ людей. Такія единицы уже были
». Нѣкоторые изъ насъ уже ихъ понимаютъ, даже мно-
ıудрецы все еще продолжаютъ смѣяться и все еще вѣ-
себя, что они великая сила. «Погуляютъ и воротятся»,
они теперь про наши войска, перешедшія границу, го-
аже въ слухъ. «Не бывать войнѣ, какая война, гдѣ ужь
вать: просто военная прогулка и маневры, съ тратой
илліоновъ, для поддержанія чести». Вотъ ихъ интимный
на дѣло. Да и интимный-ли?
слибы могло такъ случиться, что мы будемъ побиты,
и побьемъ врага, но подъ давленіемъ обстоятельствъ
пустяками,—о, тогда мудрецы, конечно, восторже-
И какой, какой опять начнется свистъ и гамъ и ци-
ı нѣсколько лѣтъ, какая опять вакханалія самооплева-
ечинъ и самодразненія - и это не для вызова къ вос-
и силѣ, а именно ради торжества собственнаго безче-
личности и безсилія. И новый нигилизмъ начнетъ, точь
какъ и прежній, съ отрицанія народа русскаго и само-
ости его. А главное, пріобрѣтетъ столько силы и такъ
я, что несомнѣнно начнетъ даже вслухъ помыкать свя-
ссіи. И опять молодежь оплюетъ свои семейства и домы,
ıтъ отъ своихъ стариковъ, твердящихъ въ зубряжку
ныя общія мѣста и старыя, надоѣвшія всѣмъ слова о
омъ величіи и объ обязанности нашей быть какъ можно
А главное—старая пѣсня, старыя слова и—надолго
ичего! Нѣтъ, намъ нужна война и побѣда. Съ войной и
придетъ новое слово, и начнется живая жизнь, а не одна
ртвящая болтовня какъ прежде, —да что какъ прежде,
сихъ поръ, господа!

Но надо быть на все готовымъ, и что-же: если предположить даже самый худшій, самый даже невозможно худшій исходъ для начавшейся теперь войны, то, хоть и много вынесемъ скверна-го, уже надоѣвшаго до смерти стараго горя, но колоссъ все-же не будетъ расшатанъ и рано-ли, поздно-ли, а возьметъ все свое. Это не надежда только, это полная увѣренность и въ этой невозможности расшатать колоссъ—вся наша сила передъ Европой, гдѣ всѣ теперь, чуть не сплошь боятся, что расшатается ихъ старое зданіе и обрушатся на нихъ потолки. Колоссъ этотъ есть народъ нашъ. И начало теперешней *народной* войны, и всѣ недавнія предшествовавшія ей обстоятельства показали лишь наглядно, всѣмъ, кто смотрѣть умѣетъ, всю народную цѣлость и свѣжесть нашу и до какой степени не коснулось народныхъ силъ нашихъ то растлѣніе, которое загноило мудрецовъ нашихъ. И какую услугу оказали намъ эти мудрецы передъ Европой! Они такъ недавно еще кричали на весь міръ, что мы бѣдны и ничтожны; они насмѣшливо увѣряли всѣхъ, что духа народнаго нѣтъ у насъ вовсе, потому что и *народа* нѣтъ вовсе, потому что и народъ нашъ и духъ его изобрѣтены лишь фантазіями доморощенныхъ московскихъ мечтателей; что восемьдесятъ милліоновъ мужиковъ русскихъ суть всего только милліоны косныхъ, пьяныхъ податныхъ единицъ; что никакого соединенія Царя съ народомъ нѣтъ, что это лишь въ прописяхъ, что все, напротивъ, расшатано и проѣдено нигилизмомъ; что солдаты наши бросятъ ружья и побѣгутъ какъ бараны; что у насъ нѣтъ ни патроновъ, ни провіанта и что мы, въ заключеніе, сами видимъ, что разхрабрились и зарвались не въ мѣру и изо всѣхъ силъ ждемъ только предлога, какъ-бы отступить безъ послѣдней степени позорныхъ пощечинъ, которыхъ «даже и намъ уже нельзя выносить», и молимъ, чтобъ предлогъ этотъ намъ выдумала Европа. Вотъ въ чемъ клялись мудрецы наши, и что-же: на нихъ почти и сердиться нельзя, это ихъ взглядъ и понятія, кровные взглядъ и понятія. И дѣйствительно, да, мы бѣдны, да, мы жалки во многомъ; да, дѣйствительно у насъ столько нехорошаго что мудрецъ, и особенно если онъ *нашъ* «мудрецъ», не могъ «измѣнить» себѣ и не могъ не воскликнуть: «капутъ Россіи, жалѣть нечего!» Вотъ эти-то родныя мысли мудрецовъ нашихъ и облетѣли Европу, и особенно черезъ европейскихъ корреспондентовъ, нахлынувшихъ къ намъ наканунѣ войны изучить насъ на мѣстѣ, разсмотрѣть насъ своими европейскими взглядами и измѣрить наши силы своими европейскими мѣрками. И само со

ями слушали однихъ лишь «премудрыхъ и разумныхъ» на-
. Народную силу, народный духъ всѣ проглядѣли и обле-
Европу вѣсть, что гибнетъ Россія, что ничто Россія, ничто
ничто и есть и въ ничто обратится. Дрогнули сердца ис-
хъ враговъ нашихъ и ненавистниковъ, которымъ мы два
жь досаждаемъ въ Европѣ, дрогнули сердца многихъ ты-
кадовъ европейскихъ и милліоновъ вмѣстѣ съ ними жи-
ующихъ «христіанъ»; дрогнуло сердце Биконсфильда: ска-
ыло ему, что Россія все перенесетъ, все, до самой срамной
ѣдней пощечины, но не пойдетъ на войну—до того, де-
сильно ея «миролюбіе». Но Богъ насъ спасъ, наславъ на
на всѣхъ слѣпоту; слишкомъ уже они повѣрили въ поги-
въ ничтожность Россіи, а главное-то и проглядѣли. Про-
и они весь русскій народъ, какъ живую силу и прогля-
олоссальный фактъ: союзъ Царя съ народомъ своимъ! Вотъ
это и проглядѣли они! Кромѣ того, не могли они ни-
юнять и повѣрить тому, что Царь нашъ дѣйствительно ми-
ивъ и дѣйствительно такъ жалѣетъ кровь человѣческую:
мали, что все это у насъ изъ «политики». Не видятъ они
даже и теперь: они кричатъ, что у насъ вдругъ, послѣ
го манифеста появился «патріотизмъ». Да развѣ это па-
змъ, развѣ это единеніе Царя съ народомъ на великое дѣло
олько патріотизмъ? Въ томъ-то и главная наша сила, что
всѣмъ не понимаютъ Россіи, ничего не понимаютъ въ Рос-
и не знаютъ, что мы непобѣдимы ничѣмъ въ мірѣ, что мы
ь, пожалуй, проигрывать битвы, но все-таки останемся не-
мыми именно единеніемъ нашего духа народнаго и созна-
народнымъ. Что мы не Франція, которая вся въ Парижѣ,
не Европа, которая вся зависитъ отъ биржъ своей бур-
и отъ «спокойствія» своихъ пролетаріевъ, покупаемаго
слѣдними усиліями тамошнихъ правительствъ и всего лишь
ь. Не понимаютъ они и не знаютъ, что если мы *захо-*
то насъ не побѣдятъ ни жиды всей Европы вмѣстѣ, ни
ы ихъ золота, ни милліоны ихъ армій, что если мы за-
, то насъ нельзя заставить сдѣлать то, чего мы не по-
ъ, и что нѣтъ такой силы на всей землѣ. Бѣда только въ
то надъ словами этими засмѣются не только въ Европѣ,
насъ, и не только наши мудрецы и разумные, а даже и
ые русскіе люди интелигентныхъ слоевъ нашихъ—до того
не понимаемъ самихъ собя и всю исконную силу нашу.
ъ поръ еще, слава Богу, не надломившуюся. Не пони-

...знаютъ это хорошіе люди, что у насъ, въ нашей необозр... образной, въ высшей степени непохожей на Европу ... даже тактика военная (столь общая вещь!) можетъ быт... самъ не похожая на европейскую, что основы европейск... —деньги и ученыя организаціи шестисотъ тысячныхъ ... нашествія могутъ споткнуться о землю нашу ... у насъ на новую и невѣдомую имъ силу, основ... лежатъ въ природѣ безконечной земли Русской и в... духа русскаго. Но пусть пока еще ... у насъ столь многіе и хорошіе люди—не зн... Но за то знаютъ это Цари наши и чувствуетъ ... Александръ I зналъ про эту своеобразную ... когда говорилъ, что отроститъ себѣ бороду и уйдетъ ... своимъ, но не положитъ меча и не ... Наполеона II ужь, конечно, объ такую силу разбилась- Европа вмѣстѣ, потому что не хватитъ у ней ... ни денегъ, ни единства организаціи. Когда у насъ ... узнаютъ о томъ, что мы такъ сильны, ... того, что воевать уже не будемъ, тогда въ ... и впервые откроютъ насъ, какъ когда-то Америку. ... того надобно, чтобы мы прежде нихняго открыли ... чтобы интеллигенція наша поняла, что ей нельзя ... единяться и разрывать съ народомъ своимъ...

II.

Не всегда война бичь, а иногда и спасеніе

... наши схватились и за другую сторону ... человѣколюбіе, о гуманности ... томъ, что мы еще больше озвѣрѣемъ ... тѣмъ еще болѣе отдалимся отъ ... ной дороги, отъ науки. Да, ... [illegible]

ся въ томъ, что считаемъ великодушной идеей; но если то, что мы почитаемъ святынею—позорно и порочно, то мы не избѣгнемъ кары отъ самой природы: позорное и порочное несетъ само въ себѣ смерть и рано-ли, поздно-ли, само собою казнитъ себя. Война, напримѣръ, изъ-за пріобрѣтенія богатствъ, изъ-за потребности ненасытной биржи, хотя въ основѣ своей и выходитъ изъ того-же общаго всѣмъ народамъ закона развитія своей національной личности, но бываетъ тотъ предѣлъ, который, въ этомъ развитіи, переходить нельзя, и за которымъ всякое пріобрѣтеніе, всякое развитіе значитъ уже излишекъ, несетъ въ себѣ болѣзнь, а за ней и смерть. Такъ Англія, еслибъ стала въ теперешней восточной борьбѣ за Турцію, забывъ уже окончательно, изъ-за торговыхъ выгодъ своихъ, стоны измученнаго человѣчества—безъ сомнѣнія, подняла-бы сама на себя мечъ, который, рано-ли, поздно-ли, а опустился-бы ей самой на голову. На оборотъ: что святѣе и выше подвига такой войны, которую предпринимаетъ теперь Россія? Скажутъ, что «вѣдь и Россія, хоть и въ правду идетъ лишь освобождать измученныя племена и возрождать ихъ самостоятельность, но вѣдь тѣмъ самымъ, въ этихъ-же племенахъ, пріобрѣтетъ потомъ себѣ-же союзниковъ, а, стало быть, силу,—и что, стало быть, все это разумѣется составляетъ тотъ-же самый законъ развитія національной личности, къ которому стремится и Англія. А такъ какъ замыселъ «панславизма» колоссальностью своей, безъ сомнѣнія, можетъ пугать Европу, то ужь по одному закону самосохраненія, Европа несомнѣнно вправѣ остановить насъ, точно также впрочемъ, какъ и мы вправѣ идти впередъ, нисколько не останавливаясь передъ ея страхомъ и руководясь въ движеніи нашемъ лишь политическою предусмотрительностію и благоразумiемъ. Такимъ образомъ, ничего нѣтъ въ этомъ ни святаго, ни позорнаго, а есть лишь какъ-бы вѣковѣчный животный инстинктъ народовъ, которому подчиняются безразлично всѣ, еще недостаточно и неразумно развитыя племена на землѣ. Тѣмъ не менѣе накопившееся сознаніе, наука и гуманность, рано-ли, поздно-ли, непремѣнно должны ослабить вѣковѣчный и звѣрскій инстинктъ неразумныхъ націй и вселить напротивъ во всѣхъ народахъ желаніе мира, международнаго единенія и человѣколюбиваго преуспѣянія. А, стало быть, надо всетаки проповѣдывать миръ, а не кровь».

Святыя слова! Но въ настоящемъ случаѣ они какъ-то не приливаются къ Россіи, или чтобъ еще лучше выразиться,—Россія составляетъ собою, въ теперешній историческій моментъ

всей Европы, какъ-бы нѣкоторое исключеніе, что и дѣйствитель
такъ. Въ самомъ дѣлѣ, если Россія, столь безкорыстно и пр
диво ополчившаяся теперь на спасеніе и на возрожденіе уг
тенныхъ племенъ, впослѣдствіи и усилится ими-же, то все-
и въ этомъ даже случаѣ, явитъ собою самый исключительн
примѣръ, котораго ужь никакъ не ожидаетъ Европа, мѣряющая
свой аршинъ: Усилясь, хотя-бы даже чрезмѣрно, союзомъ свои
съ освобожденными ею племенами, она не бросится на Евро
съ мечемъ, не захватитъ и не отниметъ у ней ничего, какъ
непремѣнно сдѣлала Европа, еслибъ нашла возможность вс
соединиться вся противъ Россіи, и какъ дѣлали въ Европѣ в
націи, во всю жизнь свою, чуть только получала какая-нибу
изъ нихъ возможность усилиться на счетъ своей сосѣдки. (И з
съ самыхъ дикихъ первобытныхъ временъ Европы вплоть до с
временной намъ и еще столь недавней Франко-Прусской войн
и куда дѣвалась тогда вся ихняя цивилизація: бросилась сам
ученая и просвѣщенная изъ всѣхъ націй на другую, столь
ученую и просвѣщенную и, воспользовавшись случаемъ, загрыз
ее какъ дикій звѣрь, выпила ея кровь, выжала изъ нея соки
видѣ милліардовъ дани и отрубила у ней цѣлый бокъ въ ви
двухъ самыхъ лучшихъ провинцій! Да, вправду, виновата
Европа, если послѣ этого не можетъ понять назначенія Росс
Имъ-ли, гордымъ, ученымъ и сильнымъ понять и допустить хо
въ фантазіи, что Россія предназначена и создана, можетъ бы
для ихъ-же спасенія и что она только, можетъ быть, произн
сетъ наконецъ это слово спасенія!) О да, да, конечно—мы
только ничего не захватимъ у нихъ и не только ничего не
нимемъ, но именно тѣмъ самымъ обстоятельствомъ, что чрезмѣр
усилимся (союзомъ любви и братства, а не захватомъ и нас
ліемъ) — тѣмъ самымъ и получимъ наконецъ возможность
обнажать меча, а, напротивъ, въ спокойствіи силы своей, яви
собою примѣръ уже искренняго міра, международнаго всеедин
нія и безкорыстія. Мы первые объявимъ міру, что не чрезъ
давленіе личностей иноплеменныхъ намъ національностей хоти
мы достигнуть собственнаго преуспѣянія, а, напротивъ, видя
его лишь въ свободнѣйшемъ и самостоятельнѣйшемъ разви
всѣхъ другихъ націй и въ братскомъ единеніи въ ними, воспо
няясь одна другою, прививая къ себѣ ихъ органическія особе
ности и удѣляя имъ и отъ себя вѣтви для прививки, сообщая
съ ними душой и духомъ, учась у нихъ и уча ихъ и такъ
тѣхъ поръ, когда человѣчество, воспользовавшись міровымъ общеніе

ъ до всеобщаго единства, какъ великое и великолѣпное
ѣнитъ собою счастливую землю. О, пускай смѣются надъ
«фантастическими» словами наши теперешніе «общечело-
и самоплевники наши, но мы невиноваты, если вѣримъ
о есть идемъ рука въ руку вмѣстѣ съ народомъ нашимъ,
й именно вѣритъ тому. Спросите народъ, спросите солдата:
о они подымаются, для чего идутъ и чего желаютъ въ
ейся войнѣ,—и всѣ скажутъ вамъ, какъ единъ человѣкъ,
тъ, чтобъ Христу служить и освободить угнетенныхъ
ъ, и ни одинъ изъ нихъ не думаетъ о захватѣ. Да, мы
именно въ теперешней-же войнѣ, и докажемъ всю нашу
будущемъ предназначеніи Россіи въ Европѣ, именно тѣмъ
мъ, что, освободивъ славянскія земли, не пріобрѣтемъ изъ
бѣ ни клочка (какъ мечтаетъ уже Австрія для себя), а,
ивъ, будемъ надзирать за ихъ-же взаимнымъ согласіемъ
нять ихъ свободу и самостоятельность хотя-бы отъ всей
. А если такъ, то идея наша свята и война наша вовсе

**вѣчный и звѣрскій инстинктъ не разумныхъ націй», а, первый шагъ къ достиженію того вѣчнаго мира въ кото-
имѣемъ счастье вѣрить, къ достиженію *воистину* между-
го единенія и *воистину* человѣколюбиваго преуспѣянія!
не всегда надо проповѣдывать одинъ только миръ, и не-
ѣ однимъ, во чтобы-то ни стало, спасеніе, а иногда и въ
мо есть.**

III.

Спасаетъ-ли пролитая кровь?

**кровь, но вѣдь всетаки кровь»—наладили мудрецы, и
же, всѣ эти казенныя фразы о крови—все это подчасъ
наборъ самымъ ничтожнѣйшихъ высокихъ словъ для из-
тъ цѣлей. Биржевики, напримѣръ, чрезвычайно любятъ
толковать о гуманности. И многіе, толкующіе теперь о
сти, суть лишь торгующіе гуманностью. А между тѣмъ
можетъ быть, еще больше-бы пролилось безъ войны. По-
что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, если не во всѣхъ почти
разъ войнъ междоусобныхъ)—война есть процессъ, ко-
именно съ наименьшимъ пролитіемъ крови, съ наимень-
борьбою и съ наименьшей тратой силъ, достигается между-**

...ратъ и ожесточ
...долгій миръ всегда родитъ жестокость,
рѣлый эгоизмъ, а главное — умственный
ъ жирѣютъ лишь одни эксплуататоры народ
ъ родитъ богатство—но вѣдь лишь десятой
тая доля, заразившись болѣзнями богатст
зу и остальнымъ девяти десятымъ, хотя
ажается-же она развратомъ и цинизмомъ
ленія богатства въ однихъ рукахъ, ро
лей богатства грубость чувствъ. Чувство
тся въ жажду капризныхъ излишествъ и
шно развивается сладострастіе. Сладострас
ь и трусость. Грузная и грубая душа слад
всякой другой, даже и порочной души. И
. падающій въ обморокъ при видѣ крови
а, не проститъ бѣдняку и заточитъ его в
ѣйшій долгъ. Жестокость-же родитъ усиле
ивую заботу о самообезпеченіи. Эта трус
безпеченіи всегда, въ долгій миръ, подкоп
кой-то паническій страхъ за себя, сообщает
ва, родитъ страшную жажду накопленія
. Теряется вѣра въ солидарность людей,
ощь общества, провозглашается громко
и для себя»; бѣднякъ слишкомъ видит
какой онъ ему братъ и вотъ всѣ уе
тся. Эгоизмъ умерщвляетъ ...

тѣ-же оказывается, что буржуазный долгій … все
… концѣ концовъ, всегда почти зарождаетъ са … еб-
…йны, выноситъ ее самъ изъ себя какъ жалкое … віе,
не изъ-за великой и справедливой цѣли, дост… …ре-
…ціи, а изъ-за какихъ-нибудь жалкихъ биржев… …и
…изъ-за новыхъ рынковъ нужныхъ эксплоат…
…рѣтенія новыхъ рабовъ, необходимыхъ обл… …зо-
…мѣшковъ,—словомъ, изъ-за причинъ, неопра… …емыхъ
…требностью самосохраненія, а, напротивъ, ин-
…ющихъ о капризномъ, болѣзненномъ …
…организма. Интересы эти и войны, за …
…я, развращаютъ и даже совсѣмъ губятъ на…
…іна изъ-за великодушной цѣли, изъ-за освобо…
…, ради безкорыстной и святой идеи,—такая …
…ъ зараженный воздухъ отъ скопившихся міазмов…
…огоняетъ позорную трусость и лѣнь, объявляетъ …
…цѣль, даетъ и уясняетъ идею, къ осуществленію которой

а та или другая нація. Такая война укрѣпляетъ каждую знаніемъ самопожертвованія, а духъ всей націи сознаніемъ солидарности и единенія всѣхъ членовъ составляющихъ главное, сознаніемъ исполненнаго долга и совершенрошаго дѣла: «не совсѣмъ-же мы упали и развратились, и въ насъ человѣческое»! И посмотрите, съ чего начиюю проповѣдь эти столь недавніе наши проповѣдники ія и гуманности: они прямо начинали съ самой безчеложестокости. Они сами не хотѣли и другихъ удерживали ученикамъ, взывавшимъ къ намъ. Они, повидимому, столь е и чувствительные, хладнокровно и съ насмѣшкой необходимость для насъ самопожертвованія и духовдвига. Они желали столкнуть Россію на самую пошлую йную великой націи дорогу, не говоря уже объ ихъ ія къ народу, признавшему въ славянскихъ мученикахъ ь своихъ, а, стало быть, объ ихъ надменномъ разрывѣ съ ародной, выше которой поставили они свое фальшивое йское» просвѣщеніе. Любимымъ тезисомъ ихъ было: «врачу и самъ». «Вы лѣзете исцѣлять и спасать другихъ, а у даже школъ не устроено» — выставляли они на видъ. мы и идемъ исцѣляться. Школы важное дѣло, конечно, намъ надобенъ духъ и направленіе,—вотъ мы и идемъ запасаться духомъ и добывать здоровое направленіе. демъ, особенно если Богъ побѣду пошлетъ. Мы воро-

тимся съ сознаніемъ совершеннаго нами безкорыстнаго
съ сознаніемъ того что славно послужили человѣчеству к
своей, съ сознаніемъ обновленной силы нашей и энергіи на
и все это вмѣсто столь недавняго позорнаго шатанія
нашей, вмѣсто мертвящаго застоя нашего въ заимств
номъ безъ толку европеизмѣ. Главное-же, пріобщимся къ н
и соединимся съ нимъ тѣснѣе,—ибо у него и въ немъ о
найдемъ исцѣленіе отъ двухвѣковой болѣзни нашей, отъ
вѣковаго непроизводительнаго слабосилія нашего».

«Да и вообще можно сказать, что если общество нездо
и заражено, то даже такое благое дѣло какъ долгій миръ, н
пользы обществу обращается ему-же во вредъ. Это вообще
примѣнить даже и ко всей Европѣ. Не даромъ-же не прох
поколѣнія въ исторіи европейской, съ тѣхъ поръ какъ
запомнимъ, безъ войны. И такъ, видно и война необходим
чего-нибудь, цѣлительна, облегчаетъ человѣчество. Это в
тительно, если подумать отвлеченно, но на практикѣ выхо
кажется, такъ, и именно потому что для зараженнаго орга
и такое благое дѣло, какъ миръ, обращается во вредъ. Но
таки полезною оказывается лишь та война, которая пре
нята для идеи, для высшаго и великодушнаго принципа,
для матерьяльнаго интереса, не для жаднаго захвата, н
гордаго насилія. Такія войны только сбивали націи на ло
дорогу и всегда губили ихъ. Не мы такъ дѣти наши ув
чѣмъ кончитъ Англія. Теперь для всѣхъ въ мірѣ уже
близко». Да и пора.

IV.

Мнѣніе «Тишайшаго» Царя о Восточномъ вопросѣ.

Мнѣ сообщили одну выписку изъ одного сочиненія
наго въ Кіевѣ въ прошломъ году: «Московское Государств
Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и патріархѣ Никонѣ, по запи
архидіакона Павла Алеппскаго. Соч. Пв. Оболенскаго,
1876 г. «стр. 90—91». Страница изъ сочиненія чужаго,
столь характерна и столь любопытна въ теперешнюю нащ
нуту, а самое сочиненіе, вѣроятно, еще такъ мало извѣст
общей массѣ публики, что я рѣшился помѣстить эти нѣск
строкъ въ «Дневникѣ». Это мнѣніе Царя Алексѣя Михай

сточномъ вопросѣ,—тоже «Тишайшаго» Царя, но жившаго два вѣка тому назадъ и его тогдашнія слезы о томъ, что не можетъ быть Царемъ Освободителемъ.

Говорили, что на Св. Пасху (1656 г.) Государь, христосуясь съ [illegible] купцами, бывшими въ Москвѣ, сказалъ между про- съ нимъ: «хотите-ли вы, и ждете-ли, чтобы я освободилъ васъ плѣна и выкупилъ?» И когда они отвѣчали: «какъ можетъ быть то? какъ намъ не желать этого?» онъ прибавилъ: «такъ,— по- гда вы возвратитесь въ свою сторону, просите всѣхъ мона- и епископовъ молить Бога и совершать литургію за меня, чтобы молитвами дана была мнѣ мощь отрубить голову ихъ врагу». роливъ при этомъ обильные слезы, онъ сказалъ потомъ, обра- ясь къ вельможамъ: «мое сердце сокрушается о порабощеніи ихъ бѣдныхъ людей, которые стонутъ въ рукахъ враговъ нашей ры; Богъ призоветъ меня къ отчету въ день суда, *если, имѣя воз- можность освободить ихъ, я пренебрегу этимъ*.—Я не знаю, какъ долго ъ продолжаться это дурное [illegible]остояніе государственныхъ дѣлъ, о времени моего отца и предшественниковъ его къ намъ не ставали приходить постоянно съ жалобой на угнетеніе порабо- ей патріархи, епископы, монахи и простые бѣдняки, изъ кото- ъ ни одинъ не приходилъ иначе, какъ только преслѣдуемый су- ю печалью и убѣгая отъ жестокости своихъ господъ; *и я боюсь ровъ, которые мнѣ предложитъ Творецъ въ тотъ день: и порѣшилъ имъ умъ, если Богу угодно, что потрачу всѣ свои войска и свою ну, пролью свою кровь до послѣдней капли, но постараюсь освобо- ить*". На все это вельможи отвѣчали ему: „*Господи даруй по желанію сердца твоего*".

Глава вторая.

СОНЪ СМѢШНАГО ЧЕЛОВѢКА.

ФАНТАСТИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ.

I.

Я смѣшной человѣкъ. Они меня называютъ теперь сумас- шедшимъ. Это было-бы повышеніе въ чинѣ, еслибъ я все еще оставался для нихъ такимъ-же смѣшнымъ, какъ и прежде. Теперь ужь я не сержусь, теперь они всѣ мнѣ милы и даже когда они смѣются надо мной—и тогда чѣмъ-то даже особенно я-бы самъ смѣялся съ ними, — не то что надъ собой, любя, еслибъ мнѣ не было такъ грустно на нихъ глядя. потому что они не знаютъ истины, а я знаю истину.

Охъ, какъ тяжело одному знать истину! Но они этого н мутъ. Нѣтъ, не поймутъ.

А прежде я тосковалъ очень отъ того, что казался нымъ. Не казался, а былъ. Я всегда былъ смѣшонъ, и это, можетъ быть, съ самаго моего рожденія. Можетъ б уже семи лѣтъ зналъ что я смѣшонъ. Потомъ я учи школѣ, потомъ въ университетѣ и что-же — чѣмъ бол учился, тѣмъ больше я научился тому, что я смѣшонъ. что для меня вся моя университетская наука какъ-бы д только и существовала подконецъ, чтобы доказывать и нять мнѣ, по мѣрѣ того какъ я въ нее углублялся, что шонъ. Подобно какъ въ наукѣ шло и въ жизни. Съ ка годомъ наростало и укрѣплялось во мнѣ то-же самое с о моемъ смѣшномъ видѣ во всѣхъ отношеніяхъ. Надс смѣялись всѣ и всегда. Но не знали они никто, и не д вались о томъ, что если былъ человѣкъ на землѣ, больше знавшій про то что я смѣшонъ, такъ это былъ самъ я, это-то было для меня всего обиднѣе, что они этого не з но тутъ я самъ былъ виноватъ: я всегда былъ такъ гор ни за что и никогда не хотѣлъ никому въ этомъ приз Гордость эта росла во мнѣ съ годами и еслибъ слу такъ, что я хоть передъ кѣмъ-бы то ни было позвол себѣ признаться, что я смѣшной, то, мнѣ кажется, я т въ тотъ же вечеръ, раздробилъ-бы себѣ голову изъ рево О, какъ я страдалъ въ моемъ отрочествѣ о томъ, чт выдержу и вдругъ какъ-нибудь признаюсь самъ товарища съ тѣмъ поръ какъ я сталъ молодымъ человѣкомъ, я узнавалъ съ каждымъ годомъ, все больше и больше о ужасномъ качествѣ, но почему-то сталъ немного спо Именно почему-то, потому что я и до сихъ поръ не мог дѣлить почему. Можетъ быть, потому что въ душѣ моей па страшная тоска по одному обстоятельству, которое был безконечно выше всего меня: именно — это было пос меня одно убѣжденіе въ томъ, что на свѣтѣ вездѣ *все ра* очень давно предчувствовалъ это, но полное убѣжденіе я въ послѣдній годъ какъ-то вдругъ. Я вдругъ почувст что мнѣ *все равно* было-бы, существовалъ-ли-бы мір еслибъ нигдѣ ничего не было. Я сталъ слышать и чувс всѣмъ существомъ моимъ, что *ничего при мнѣ не* Сначала мнѣ все казалось, что за то было многое прея потомъ я догадался, что и прежде ничего тоже не было, а

казалось. Мало по малу я убѣдился, что и никогда не будетъ. Тогда я вдругъ пересталъ сердиться на лю-тутъ сталъ не примѣчать ихъ. Право, это обнаружи-ше въ самыхъ мелкихъ пустякахъ, я, напримѣръ, слу-ду по улицѣ и натыкаюсь на людей. И не то чтобъ чивости: объ чемъ мнѣ было думать, я совсѣмъ пере-да думать: мнѣ было все равно. И добро-бы я разрѣ-просы; о, ни одного не разрѣшилъ, а сколько ихъ было? стало *все равно*. и вопросы всѣ удалились.

ъ, послѣ того ужь, я узналъ истину. Истину я узналъ ьмъ ноябрѣ, и именно третьяго ноября, и съ того вре-аждое мгновеніе мое помню. Это было въ мрачный, рачный вечеръ какой только можетъ быть. Я возвра-гда въ одиннадцатомъ часу вечера домой и именно пом-думалъ, что ужь не можетъ быть болѣе мрачнаго вре-же въ физическомъ отношеніи. Дождь лилъ весь день ъ самый холодный и мрачный дождь, какой-то даже дождь, я это помню, съ явною враждебностью къ лю-тутъ вдругъ, въ одиннадцатомъ часу, пересталъ, и на-грашная сырость, сырѣе и холоднѣе чѣмъ когда дождь ото всего шелъ какой-то паръ, отъ каждаго камня на изъ каждаго переулка, если заглянуть въ него въ самую одальше, съ улицы. Мнѣ вдругъ представилось, что отухъ вездѣ газъ, то стало-бы отраднѣе, а съ газомъ сердцу, потому что онъ все это освѣщаетъ. Я въ этотъ ги не обѣдалъ и съ ранняго вечера просидѣлъ у одного ь, а у него сидѣли еще двое пріятелей. Я все молчалъ я, имъ надоѣлъ. Они говорили объ чемъ-то вызываю-вдругъ даже разгорячились. Но имъ было все равно, я ъ и они горячились только такъ. Я имъ вдругъ и вы-это: «Господа, вѣдь вамъ, говорю, все равно». Они не ь, а всѣ надо мной засмѣялись. Это оттого что я ска-ъ всякаго упрека, и просто потому что мнѣ было все ни и увидѣли что мнѣ все равно, и имъ стало весело. я на улицѣ подумалъ про газъ, то взглянулъ на небо. ю ужасно темное, но явно можно было различить ра-ія облака, а между ними бездонныя черныя пятна. Вдругъ лъ въ одномъ изъ этихъ пятенъ звѣздочку и сталъ при-глядѣть на нее. Это потому что эта звѣздочка дала мнѣ положилъ въ эту ночь убить себя. У меня это было ложено еще два мѣсяца назадъ и какъ я ни бѣденъ,

а купилъ прекрасный релельверъ и въ тотъ-же день зара
его. Но прошло уже два мѣсяца а онъ все лежалъ въ яш
но мнѣ было до того все равно, что захотѣлось наконецъ
чить минуту когда будетъ не такъ все равно, для чего та
не знаю. И такимъ образомъ, въ эти два мѣсяца я каждую
возвращаясь домой, думалъ, что застрѣлюсь. Я все ждалъ
нуты. И вотъ теперь эта звѣздочка дала мнѣ мысль, и я
жилъ, что это будетъ *непремѣнно* уже въ эту ночь. А по
звѣздочка дала мысль—не знаю.

И вотъ, когда я смотрѣлъ на небо меня вдругъ схватил
локоть эта дѣвочка. Улица уже была пуста и никого почт
было. Вдали спалъ на дрожкахъ извощикъ. Дѣвочка была
восьми, въ платочкѣ и въ одномъ платьишкѣ, вся мокрая,
запомнилъ особенно ея мокрые разорванные башмаки и те
помню. Они мнѣ особенно мелькнули въ глаза. Она вдругъ
дергать меня за локоть и звать. Она не плакала, но какъ то
рывисто выкрикивала какія-то слова, которыя не могла хо
выговорить, потому что вся дрожала мелкой дрожью въ оз
Она была отъ чего-то въ ужасѣ и кричала отчаянно: «мам
мамочка!» Я обернулъ было къ ней лицо, но не сказалъ
слова и продолжалъ идти, но она бѣжала и дергала меня
голосѣ ея прозвучалъ тотъ звукъ, который у очень испуган
дѣтей означаетъ отчаяніе. Я знаю этотъ звукъ. Хотъ она
договаривала слова, но я понялъ, что ея мать гдѣ-то помир
или что-то тамъ съ ними случилось и она выбѣжала по
кого-то, найти что-то, чтобъ помочь мамѣ. Но я не пошел
ней и, напротивъ, у меня явилась вдругъ мысль прогнат
Я сначала ей сказалъ, чтобъ она отыскала городоваго. Но
вдругъ сложила ручки и, всхлипывая, задыхаясь, все бѣжа
боку и не покидала меня. Вотъ тогда-то я топнулъ не
крикнулъ. Она прокричала лишь: «баринъ, баринъ!..» но вд
бросила меня и стремглавъ перебѣжала улицу: тамъ пока
тоже какой-то прохожій и она, видно, бросилась отъ меня къ

Я поднялся въ мой пятый этажъ. Я живу отъ хозяевъ
насъ номера. Комната у меня бѣдная и маленькая, а окно
дачное, полукруглое. У меня клеенчатый диванъ, столъ, н
торомъ книги, два стула и покойное кресло, старое—прест
но за то вольтеровское. Я сѣлъ, зажегъ свѣчку и сталъ ду
Рядомъ, въ другой комнатѣ, за перегородкой, продолжался
домъ. Онъ шелъ у нихъ еще съ третьяго дня. Тамъ жил
ставной капитанъ, а у него были гости—человѣкъ шесть с

ли водку и играли въ штосъ старыми картами. Въ прош-
ь была драка и я знаю, что двое изъ нихъ долго тас-
угъ друга за волосы. Хозяйка хотѣла жаловаться, но она
капитана ужасно. Прочихъ жильцовъ у насъ въ номерахъ
на маленькая ростомъ и худенькая дама, изъ полковыхъ,
я, съ тремя маленькими и заболѣвшими уже у насъ въ
ъ дѣтьми. И она и дѣти боятся капитана до обмороку и
ь трясутся и крестятся, а съ самымъ маленькимъ ребен-
ъ отъ страху какой-то припадокъ. Этотъ капитанъ, я
знаю, останавливаетъ иной разъ прохожихъ на Нев-
проситъ на бѣдность. На службу его не принимаютъ,
иное дѣло (я вѣдь къ тому и разсказываю это), капитанъ
мѣсяцъ, съ тѣхъ поръ какъ живетъ у насъ, не возбу-
мнѣ никакой досады. Отъ знакомства я, конечно, укло-
ъ самаго начала, да ему и самому скучно со мной стало
аго-же разу, но сколько-бы они ни кричали за своей
дкой и сколько-бы ихъ тамъ ни было — мнѣ всегда все
Я сижу всю ночь и, право, ихъ не слышу, — до того о
бываю. Я вѣдь каждую ночь не сплю до самаго разсвѣта
уже этакъ годъ. Я просиживаю всю ночь у стола въ
ъ и ничего не дѣлаю. Книги читаю я только днемъ. Сижу
не думаю, а такъ, какія-то мысли бродятъ, а я ихъ пу-
волю. Свѣчка сгораетъ въ ночь вся. Я сѣлъ у стола
нулъ револьверъ и положилъ передъ собою. Когда я его
ъ, то, помню, спросилъ себя: «такъ-ли?», и совершенно
тельно отвѣтилъ себѣ: «такъ». То есть застрѣлюсь. Я
что ужь въ эту ночь застрѣлюсь навѣрно, но сколько еще
у до тѣхъ поръ за столомъ — этого не зналъ. И ужь ко-
ы застрѣлился, еслибъ не та дѣвочка.

II.

ите-ли: хоть мнѣ и было все равно, но вѣдь боль-то я,
ръ, чувствовалъ. Ударь меня кто и я-бы почувствовалъ
акъ точно и въ нравственномъ отношеніи: случись что
очень жалкое, то почувствовалъ-бы жалость, также какъ
, когда мнѣ было еще въ жизни не все равно. Я и по-
залъ жалость давеча: ужь ребенку-то я-бы непремѣнно
. Почему-жь я не помогъ дѣвочкѣ? А изъ одной явив-
тогда идеи: когда она дергала и звала меня, то вдругъ
ъ тогда передо мной вопросъ и я не могъ разрѣшить его.

Вопросъ былъ праздный, но я разсердился. Разсердился и
ствіе того вывода, что если я уже рѣшилъ, что въ нынѣш
ночь съ собой покончу, то, стало быть, мнѣ все на свѣтѣ до
было стать теперь, болѣе чѣмъ когда-нибудь, все равно. От
же я вдругъ почувствовалъ, что мнѣ не все равно и я ж
дѣвочку? Я помню, что я ее очень пожалѣлъ; до какой-то
странной боли и совсѣмъ даже невѣроятной въ моемъ полож
Право, я не умѣю лучше передать этого тогдашняго моег
молетнаго ощущенія, но ощущеніе продолжалось и дома,
уже я засѣлъ за столомъ и я очень былъ раздраженъ,
давно уже не былъ. Разсужденіе текло за разсужденіемъ.
ставлялось яснымъ, что если я человѣкъ, и еще не нуль, и
не обратился въ нуль, то живу, а слѣдственно могу стр
сердиться и ощущать стыдъ за свои поступки. Пусть. Но
если я убью себя, напримѣръ, черезъ два часа, то что ми
ночка и какое мнѣ тогда дѣло и до стыда, и до всего на с
Я обращаюсь въ нуль, въ нуль абсолютный. И неужели с
ніе о томъ, что я сейчасъ *совершенно* не буду существова
стало быть, и ничто не будетъ существовать, не могло имѣ
малѣйшаго вліянія ни на чувство жалости къ дѣвочкѣ, и
чувство стыда послѣ сдѣланной подлости? Вѣдь я потому
затопалъ и закричалъ дикимъ голосомъ на несчастнаго ре
что. дескать, не только — вотъ не чувствую жалости, но
и безчеловѣчную подлость сдѣлаю, то теперь могу, потом
черезъ два часа все угаснетъ. Вѣрите-ли, что потому закри
я теперь почти убѣжденъ въ этомъ. Яснымъ представля
что жизнь и міръ теперь какъ-бы отъ меня зависятъ. М
сказать даже такъ, что міръ теперь какъ-бы для меня о
и сдѣланъ: застрѣлюсь я и міра не будетъ, по крайней мѣр
меня. Не говоря уже о томъ что, можетъ быть, и дѣйствит
ни для кого ничего не будетъ послѣ меня, и весь міръ, т
лишь угаснетъ мое сознаніе, угаснетъ тотчасъ какъ приз
какъ принадлежность лишь одного моего сознанія, и упразд
ибо, можетъ быть, весь этотъ міръ и всѣ эти люди — я-то
одинъ и есть. Помню, что сидя и разсуждая, я обертывал
эти новые вопросы, тѣснившіеся одинъ за другимъ, совсѣмъ
въ другую сторону и выдумывалъ совсѣмъ ужъ новое. Н
мірѣ, мнѣ вдругъ представилось одно странное соображен
если-бъ я жилъ прежде на лунѣ, или на Марсѣ, и сдѣлалъ
тамъ какой-нибудь самый срамный и безчестный поступок
кой только можно себѣ представить и былъ тамъ за него

я обезчещенъ такъ, какъ только можно ощутить и предъ
ть лишь развѣ иногда во снѣ, въ кошмарѣ, и еслибъ, очу-
ись потомъ на землѣ, я продолжалъ-бы сохранять сознаніе
ъ что сдѣлалъ на другой планетѣ, и кромѣ того зналъ-бы
же туда ни за что и никогда не возвращусь, то, смотря
ели на луну, — было-бы мнѣ *все равно* или нѣтъ? Ощу-
ъ ли бы я за тотъ поступокъ стыдъ или нѣтъ? Вопросы были
ные и липніе, такъ какъ револьверъ лежалъ уже передо
, и я всѣмъ существомъ моимъ зналъ, что *это* будетъ на-
, но они горячили меня и я бѣсился. Я какъ-бы уже не
умереть теперь, чего-то не разрѣшивъ предварительно,
ъ словомъ, эта дѣвочка спасла меня, потому что я вопро-
щалилъ выстрѣлъ. У капитана-же между тѣмъ стало тоже
ать: они кончили въ карты, устраивались спать, а пока
и лѣниво доругивались. Вотъ тутъ-то я вдругъ и заснулъ,
никогда со мной не случалось прежде за столомъ въ кресъ. И заснулъ совершенно мнѣ непримѣтно. Сны, какъ изо, чрезвычайно странная вещь: одно представляется съ ужаой ясностью, съ ювелирски-мелочною отдѣлкой подробно- а черезъ другое перескакиваешь, какъ-бы не замѣчая вовсе, ъръ, черезъ пространство и время. Сны, кажется, стремитъ судокъ, а желаніе, не голова, а сердце, а между тѣмъ нигрѣйшія вещи продѣлывалъ иногда мой разсудокъ во Между тѣмъ съ нимъ происходятъ во снѣ вещи совсѣмъ ыкимыя. Мой братъ, напримѣръ, умеръ пять лѣтъ назадъ. да его вижу во снѣ: онъ принимаетъ участіе въ моихъ , мы очень заинтересованы, а между тѣмъ я вѣдь вполнѣ, продолженіе сна, знаю и помню, что братъ мой померъ ршенъ. Какъ-же я не дивлюсь тому, что онъ, хоть и мерт- все-таки тутъ подлѣ меня и со мной хлопочетъ? Почему мой совершенно допускаетъ все это? Но довольно. При- ко сну моему. Да, мнѣ приснился тогда этотъ сонъ, мой третьяго ноября! Они дразнятъ меня теперь тѣмъ, что вѣдь лъ только сонъ. Но неужели не все равно сонъ или нѣтъ, онъ этотъ возвѣстилъ мнѣ Истину? Вѣдь если разъ узналъ и увидѣлъ ее, то вѣдь знаешь, что она истина и другой не можетъ быть, спите вы или живете. Ну, и пусть сонъ, , но эту жизнь, которую вы такъ превозносите, я хо- погасить самоубійствомъ, а сонъ мой, сонъ мой,—о, онъ лъ мнѣ новую, великую, обновленную, сильную жизнь!
ушайте.

III.

Я сказалъ, что заснулъ незамѣтно, и даже какъ-бы п
жая разсуждать о тѣхъ-же матеріяхъ. Вдругъ, приснилос
что я беру револьверъ, и, сидя, наставляю его прямо въ сер
въ сердце, а не въ голову; я-же положилъ прежде непре
застрѣлиться въ голову и именно въ правый високъ. Наст
въ грудь, я подождалъ секунду или двѣ и свѣчка моя, ст
стѣна передо мною вдругъ задвигались и заколыхались.
скорѣе выстрѣлилъ.

Во снѣ вы падаете иногда съ высоты, или рѣжутъ вас
бьютъ, но вы никогда не чувствуете боли, кромѣ развѣ если
какъ-нибудь дѣйствительно ушибетесь въ кровати: тутъ в
чувствуете боль и всегда почти отъ боли проснетесь. Так
снѣ моемъ: боли я не почувствовалъ, но мнѣ представилос
съ выстрѣломъ моимъ все во мнѣ сотряслось и все вдруг
тухло и стало кругомъ меня ужасно черно. Я какъ будто о
и онѣмѣлъ и вотъ я лежу на чемъ-то твердомъ, протян
навзничь, ничего не вижу и не могу сдѣлать ни малѣйшаг
женія. Кругомъ ходятъ и кричатъ, баситъ капитанъ, ви
хозяйка.—и вдругъ опять перерывъ, и вотъ уже меня н
въ закрытомъ гробѣ. И я чувствую какъ колыхается гр
разсуждаю объ этомъ, и вдругъ меня въ первый разъ по
етъ идея, что вѣдь я умеръ, совсѣмъ умеръ, знаю эт
сомнѣваюсь, не вижу и не движусь, а между тѣмъ чувст
разсуждаю. Но я скоро мирюсь съ этимъ и, по обыкно
какъ во снѣ, принимаю дѣйствительность безъ спору.

И вотъ меня зарываютъ въ землю. Всѣ уходятъ, я о
совершенно одинъ. Я не движусь. Всегда, когда я пред
яву представлялъ себѣ какъ меня похоронятъ въ могил
собственно съ могилой соединялъ лишь одно ощущеніе сы
и холода. Такъ и теперь я почувствовалъ что мнѣ очен
лодно, особенно концамъ пальцевъ на ногахъ, но больш
чего не почувствовалъ.

Я лежалъ и, странно, — ничего не ждалъ, безъ спору
нимая, что мертвому ждать нечего. Но было сыро. Не знаю ск
прошло времени, — часъ или нѣсколько дней, или много
Но вотъ вдругъ, на лѣвый закрытый глазъ мой упала проб
шаяся черезъ крышу гроба капля воды, за ней черезъ ми
другая, затѣмъ черезъ минуту третья, и такъ далѣе и так

черезъ минуту. Глубокое негодованіе загорѣлось вдругъ
щѣ моемъ, и вдругъ я почувствовалъ въ немъ физическую
Это рана моя» подумалъ я, «это выстрѣлъ, тамъ пуля»...
я все капала каждую минуту и прямо на закрытый мой
И я вдругъ воззвалъ, не голосомъ, ибо былъ недвижимъ,
ъ существомъ моимъ къ властителю всего того, что со-
ось со мною:
«Кто-бы ты ни былъ, но если ты есть, и если суще-
что-нибудь разумнѣе того, что теперь совершается, то
ему быть и здѣсь. Если же ты мстишь мнѣ за неразум-
моубійство мое—безобразіемъ и нелѣпостью дальнѣйшаго
то знай, что никогда и никакому мученію, какое-бы ни
ю меня, не сравниться съ тѣмъ презрѣніемъ, которое я
олча ощущать, хотя-бы въ продолженіи милліоновъ лѣтъ
чества!..
воззвалъ и смолкъ. Цѣлую почти минуту продолжалось
е молчаніе и даже еще одна капля упала, но я зналъ, я
дѣльно и нерушимо зналъ и вѣрилъ, что непремѣнно сей-
ее измѣнится. И вотъ вдругъ разверзлась могила моя.
ь я не знаю, была-ли она раскрыта и раскопана, но я былъ
какимъ-то темнымъ и неизвѣстнымъ мнѣ существомъ и мы
ись въ пространствѣ. Я вдругъ прозрѣлъ: Была глубокая
никогда, никогда еще не было такой темноты! Мы не-
въ пространствѣ уже далеко отъ земли. Я не спрашивалъ
который несъ меня ни о чемъ, я ждалъ и былъ гордъ. Я
ъ себя, что не боюсь и замиралъ отъ восхищенія при
, что не боюсь. Я не помню, сколько времени мы неслись
гу представить: совершалось все такъ какъ всегда во снѣ,
перескакиваешь черезъ пространство и время и черезъ за-
бытія и разсудка, и останавливаешься лишь на точкахъ, о
ихъ грезитъ сердце. Я помню что вдругъ увидалъ въ тем-
дну звѣздочку. «Это Сиріусъ?—спросилъ я, вдругъ не
мпись, ибо я не хотѣлъ ни о чемъ спрашивать.—«Нѣтъ,
самая звѣзда, которую ты видѣлъ между облаками, воз-
ись домой».—отвѣчало мнѣ существо уносившее меня. Я
что оно имѣло какъ-бы ликъ человѣческій. Странное дѣло,
юбилъ это существо, даже чувствовалъ глубокое отвращеніе.
ъ совершеннаго небытія и съ тѣмъ выстрѣлилъ себѣ въ
И вотъ я въ рукахъ существа, конечно, не человѣческаго,
е *есть*, существуетъ: «А, стало быть, есть и за гро-
ы!»—подумалъ я съ страннымъ легкомысліемъ сна,

но сущность сердца моего оставалась со мною во всей глуб
«И если надо *быть* снова»—подумалъ я, «и жить опять
чьей-то неустранимой волѣ, то не хочу чтобъ меня побѣди
унизили!»— «Ты знаешь, что я боюсь тебя и за то презир
меня»,—сказалъ я вдругъ моему спутнику, не удержавшись
унизительнаго вопроса, въ которомъ заключалось признаніе
ощутивъ какъ уколъ булавки, въ сердцѣ моемъ униженіе.
Онъ не отвѣтилъ на вопросъ мой, но я вдругъ почувствов
что меня не презираютъ, и надо мной не смѣются, и даже не
жалѣютъ меня, и что путь нашъ имѣетъ цѣль, неизвѣстную
таинственную, и касающуюся одного меня. Страхъ наросталъ
моемъ сердцѣ. Что-то нѣмо, но съ мученіемъ сообщалось мнѣ
моего молчавшаго спутника и какъ-бы проницало меня. Мы
слись въ темныхъ и невѣдомыхъ пространствахъ. Я давно
пересталъ видѣть знакомыя глазу созвѣздія. Я зналъ, что
такія звѣзды въ небесныхъ пространствахъ, отъ которыхъ
доходятъ на землю лишь въ тысячи и милліоны лѣтъ. Мо
быть, мы уже пролетали эти пространства. Я ждалъ чего-т
страшной измучившей мое сердце тоскѣ. И вдругъ какое-то
комое и въ высшей степени зовущее чувство сотрясло мен
увидѣлъ вдругъ наше солнце! Я зналъ, что это не могло
наше солнце, породившее *нашу* землю, и что мы отъ на
солнца на безконечномъ разстояніи, но я узналъ почему-то, м
существомъ моимъ, что это совершенно такое-же солнце какъ и
повтореніе его и двойникъ его. Сладкое, зовущее чувство зазву
восторгомъ въ душѣ моей: родная сила свѣта, того-же, кот
родилъ меня, отозвалась въ моемъ сердцѣ и воскресила его,
ощутилъ жизнь, прежнюю жизнь, въ первый разъ послѣ моей мог

— «Но если это—солнце, если это совершенно тако
солнце, какъ наше, вскричалъ я. то гдѣ-же земля?» И мой с
никъ указалъ мнѣ на звѣздочку, сверкающую въ темнотѣ н
рудимымъ блескомъ. Мы неслись прямо къ ней.

— И неужели возможны такія повторенія во вселенной
жели таковъ природный законъ?.. И если это тамъ земля
неужели она такая-же земля какъ и наша... совершенно такая
несчастная, бѣдная, но дорогая и вѣчно любимая, и такую
мучительную любовь рождающая къ себѣ въ самыхъ неблаго
ныхъ даже дѣтяхъ своихъ, какъ и наша?.. вскрикивалъ я,
трясаясь отъ неудержимой, восторженной любви къ той ро
прежней землѣ, которую я покинулъ. Образъ бѣдной дѣво
которую я обидѣлъ, промелькнулъ передо мною.

видишь все, отвѣтилъ мой спутникъ, и какая-то печаль
лась въ его словѣ. Но мы быстро приближались къ пла-
на росла въ глазахъ моихъ, я уже различалъ океанъ,
я Европы, и вдругъ странное чувство какой-то великой,
ревности возгорѣлось въ сердцѣ моемъ: «какъ можетъ
добное повтореніе и для чего? Я люблю, я могу любить
землю, которую я оставилъ, на которой остались брызги
оей, когда я, неблагодарный, выстрѣломъ въ сердце мое
ь мою жизнь. Но никогда, никогда не переставалъ я лю-
землю, и даже въ ту ночь, разставаясь съ ней, я, мо-
ить, любилъ ее мучительнѣе чѣмъ когда-либо. Есть-ли му-
а этой новой землѣ? На нашей землѣ мы истинно можемъ
лишь съ мученіемъ и только черезъ мученіе! Мы иначе
мъ любить и не знаемъ иной любви. Я хочу мученія
юбить. Я хочу, я жажду, въ сію минуту цѣловать, обли-
лезами, лишь одну ту землю, которую я оставилъ и не
е принимаю жизни ни на какой иной!..

спутникъ мой уже оставилъ меня. Я вдругъ, совсѣмъ
я для меня незамѣтно, сталъ на этой другой землѣ въ
свѣтѣ солнечнаго, прелестнаго какъ рай дня. Я стоялъ,
я, на одномъ изъ тѣхъ острововъ, которые составляютъ
шей землѣ Греческій Архипелагъ, или гдѣ-нибудь на при-
материка, прилегающаго къ этому архипелагу. О, все
очно также какъ у насъ, но, казалось, всюду сіяло ка-
о праздникомъ и великимъ святымъ, и достигнутымъ на-
торжествомъ. Ласковое изумрудное море тихо плескало о
и лобызало ихъ съ любовью, явной, видимой, почти со-
ной. Высокія, прекрасныя деревья стояли во всей роскоши
цвѣта, а безчисленные листочки ихъ, я убѣжденъ въ
привѣтствовали меня тихимъ, ласковымъ своимъ шумомъ,
-бы выговаривали какія-то слова любви. Мурава горѣла
ароматными цвѣтами. Птички стадами перелетали въ воз-
я, не боясь меня, садились мнѣ на плечи и на руки и ра-
били меня своими милыми, трепетными крылышками. И
къ я увидѣлъ и узналъ людей счастливой земли этой. Они
и во мнѣ сами, они окружили меня, цѣловали меня. Дѣти
, дѣти своего солнца,—о, какъ они были прекрасны! Ни-
я не видывалъ на нашей землѣ такой красоты въ чело-
ческомъ лишь въ дѣтяхъ нашихъ, въ самые первые годы
ства, можно-бы было найти отдаленный, хотя и слабый
— сеты этой. Глаза этихъ счастливыхъ людей свер-

кали яснымъ блескомъ. Лица ихъ сіяли разумомъ и какимъ
восполнившимся уже до спокойствія сознаніемъ, но лица
были веселы; въ словахъ и голосахъ этихъ людей зв
дѣтская радость. О, я тотчасъ-же, при первомъ взглядѣ н
лица, понялъ все, все! Это была земля не осквернённая грѣхо
ніемъ, на ней жили люди не согрѣшившіе, жили въ такомъ
раю, въ какомъ жили, по преданіямъ всего человѣчества, и
согрѣшившіе прародители, съ тою только разницею, что
земля здѣсь была повсюду однимъ и тѣмъ-же раемъ. Эти л
радостно смѣясь, тѣснились ко мнѣ и ласкали меня; они у
меня къ себѣ и всякому изъ нихъ хотѣлось успокоить мен
они не разспрашивали меня ни о чемъ, но какъ-бы всѣ
знали, такъ мнѣ казалось, и имъ хотѣлось согнать поск
страданіе съ лица моего.

IV.

Видите-ли что, опять-таки: Ну, пусть это былъ только
Но ощущеніе любви этихъ невинныхъ и прекрасныхъ л
осталось во мнѣ навѣки, и я чувствую, что ихъ любовь
вается на меня и теперь оттуда. Я видѣлъ ихъ самъ, ихъ
зналъ и убѣдился, я любилъ ихъ, я страдалъ за нихъ по
О, я тотчасъ-же понялъ, даже тогда, что во многомъ не пойм
вовсе; мнѣ, какъ современному русскому прогрессисту и гиу
петербуржцу, казалось неразмѣшимымъ то напримѣръ, что они,
столь много, не имѣютъ нашей науки. Но я скоро понялъ
знаніе ихъ восполнялось и питалось иными проникновен
чѣмъ у насъ на землѣ, и что стремленія ихъ были тоже сов
иныя. Они не желали ничего и были спокойны, они не ст
лись къ познанію жизни, такъ какъ мы стремимся сознат
потому что жизнь ихъ была восполнена. Но знаніе ихъ
глубже и высшее, чѣмъ у нашей науки; ибо наука наша н
объяснить что такое жизнь, сама стремится сознать ее, ч
научить другихъ жить; они-же и безъ науки знали какъ
жить. И это я понялъ, но я не могъ понять ихъ знанія.
указывали мнѣ на деревья свои, и я не могъ понять той ст
любви, съ которою они смотрѣли на нихъ: точно они гов
съ себѣ подобными существами. И знаете, можетъ быть,
ошибусь, если скажу, что они говорили съ ними! Да, они н
ихъ языкъ и убѣжденъ, что тѣ понимали ихъ. Такъ смот
они и на всю природу, — на животныхъ, которыя жили съ

, не нападали на нихъ и любили ихъ, побѣжденныя ихъ-же
ью. Они указывали мнѣ на звѣзды и говорили о нихъ со
о чемъ-то, чего я не могъ понять, но я убѣжденъ, что они
бы чѣмъ-то соприкасались съ небесными звѣздами, не мы-
только, а какимъ-то живымъ путемъ. О, эти люди и не до-
ись, чтобъ я понималъ ихъ, они любили меня и безъ того,
то я зналъ, что они никогда не поймутъ меня, а потому
и не говорилъ имъ о нашей землѣ. Я лишь цѣловалъ при
ту землю, на которой они жили, и безъ словъ обожалъ
самихъ, и они видѣли это и давали себя обожать, не сты-
что я ихъ обожаю потому, что много любили сами. Они не
ли за меня, когда я, въ слезахъ, порою цѣловалъ ихъ
радостно зная въ сердцѣ своемъ, какою силой любви они
отвѣтятъ. Порою я спрашивалъ себя въ удивленіи: какъ
они, все время, не оскорбить такого какъ я, и ни разу не
удить въ такомъ какъ я чувства ревности и зависти? Много
я спрашивалъ себя, какъ могъ я, хвастунъ и лжецъ, не
ить имъ о моихъ познаніяхъ, о которыхъ, конечно, они не
имѣли понятія, не желать удивить ихъ ими, или хотя-бы только
любви къ нимъ?—Они были рѣзвы и веселы какъ дѣти. Они
али по своимъ прекраснымъ рощамъ и лѣсамъ, они пѣли
прекрасныя пѣсни, они питались легкою пищею, плодами
ъ деревьевъ, медомъ лѣсовъ своихъ, и молокомъ ихъ лю-
ихъ животныхъ. Для пищи и для одежды своей они тру-
ись лишь немного и слегка. У нихъ была любовь и рождались
, но никогда я не замѣчалъ въ нихъ порывовъ того *же-
ного* сладострастія, которое постигаетъ почти всѣхъ на нашей
, всѣхъ и всякаго, служитъ единственнымъ источникомъ
всѣхъ грѣховъ нашего человѣчества. Они радовались являв-
ю у нихъ дѣтямъ какъ новымъ участникамъ въ ихъ бла-
нѣ. Между ними не было ссоръ и не было ревности, и они
нимали даже что это значитъ. Ихъ дѣти были дѣтьми всѣхъ,
ду что всѣ составляли одну семью. У нихъ почти совсѣмъ не
болѣзней, хоть и была смерть; но старики ихъ умирали тихо,
-бы засыпая, окруженные прощавшимися съ ними людьми,
ловляя ихъ, улыбаясь имъ и сами напутствуемые ихъ
ими улыбками. Скорби, слезъ при этомъ я не видалъ, а
лишь умножившаяся какъ-бы до восторга любовь, но до
а спокойнаго, восполнившагося, созерцательнаго. — По-
жно было, что они соприкасались еще съ умершими
даже и послѣ ихъ смерти и что земное единеніе между

ними не прерывалось смертію. Они почти не понимали меня, и
я спрашивалъ ихъ про вѣчную жизнь, но видимо были въ
до того убѣждены безотчетно, что это не составляло для н
вопроса. У нихъ не было храмовъ, но у нихъ было какое-то
сущное, живое и безпрерывное единеніе съ Цѣлымъ вселен
у нихъ не было вѣры, за то было твердое знаніе, что когда
полнится ихъ земная радость до предѣловъ природы земной, т
наступитъ для нихъ, и для живущихъ и для умершихъ,
большее расширеніе соприкосновенія съ Цѣлымъ вселенной.
ждали этого мгновенія съ радостію, но не торопясь, не страда
немъ а какъ-бы уже имѣя его въ предчувствіяхъ сердца своег
которыхъ они сообщали другъ другу. По вечерамъ, отходя ко
они любили составлять согласные и стройные хоры. Въ этихъ
няхъ они передавали всѣ ощущенія, которыя доставилъ имъ отш
щій день, славили его и прощались съ нимъ. Они славили прир
землю, море, лѣса. Они любили слагать пѣсни другъ о другѣ, и
лили другъ друга какъ дѣти; это были самыя простыя пѣсни, но
выливались изъ сердца и проницали сердца. Да и не въ пѣсн
однѣхъ, а, казалось, и всю жизнь свою они проводили лишь
томъ, что любовались другъ другомъ. Это была какая-то м
ленность другъ въ друга, всецѣлая, всеобщая. Иныхъ-же
пѣсенъ, торжественныхъ и восторженныхъ, я почти не понима
вовсе. Понимая слова, я никогда не могъ проникнуть во все
значеніе. Оно оставалось какъ-бы недоступно моему уму, н
сердце мое какъ-бы проникалось имъ безотчетно и все бол
болѣе. Я часто говорилъ имъ, что я все это давно уже пр
предчувствовалъ, что вся эта радость и слава сказывалась мн
на нашей землѣ зовущею тоскою, доходившею подчасъ до
стерпимой скорби; что я предчувствовалъ всѣхъ ихъ и с
ихъ въ снахъ моего сердца и въ мечтахъ ума моего, что я
не могъ смотрѣть, на землѣ нашей, на заходящее солнце
слезъ... Что въ ненависти моей къ людямъ нашей земли, за
чалась всегда тоска: зачѣмъ я не могу ненавидѣть ихъ не
ихъ, зачѣмъ не могу не прощать ихъ, а въ любви моей къ
тоска: за чѣмъ не могу любить ихъ ненавидя ихъ? Они слу
меня и я видѣлъ, что они не могли представить себѣ то
говорю, но я не жалѣлъ что имъ говорилъ о томъ: я зналъ
они понимаютъ всю силу тоски моей о тѣхъ кого я поки
Да, когда они глядѣли на меня своимъ милымъ проникнут
любовью взглядомъ, когда я чувствовалъ, что при нихъ и
сердце становилось столь же невиннымъ и правдивымъ, ка

сердца, то и не жалѣлъ, что не понимаю ихъ. Отъ ощущенія
ноты жизни мнѣ захватывало духъ и я молча молился на нихъ.
О, всѣ теперь смѣются мнѣ въ глаза и увѣряютъ меня, что
во снѣ нельзя видѣть такія подробности, какія я передаю те-
перь, что во снѣ моемъ я видѣлъ или прочувствовалъ лишь одно
ущеніе, порожденное моимъ-же сердцемъ въ бреду, а подроб-
сти уже самъ сочинилъ проснувшись. И когда я открылъ имъ,
), можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ такъ было—Боже, какой смѣхъ
и поднялся мнѣ въ глаза и какое я имъ доставилъ веселье! О,
, конечно, я былъ побѣжденъ лишь однимъ ощущеніемъ того
а, и оно только одно уцѣлѣло въ до крови раненомъ сердцѣ
емъ: но за то дѣйствительные образы и формы сна моего, т. е.
, которыя я въ самомъ дѣлѣ видѣлъ въ самый часъ моего сно-
дѣнія, были восполнены до такой гармоніи, были до того обая-
тельны и прекрасны, и до того были истинны, что, проснувшись
, конечно, не въ силахъ былъ воплотить ихъ въ слабыя слова
ши, такъ что они должны были какъ бы стушеваться въ умѣ
емъ, а, стало быть, и дѣйствительно, можетъ быть, я самъ, без-
ознательно, принужденъ былъ сочинить потомъ подробности и ужь,
ечно, исказивъ ихъ, особенно при такомъ страстномъ желаніи
емъ поскорѣе и хоть сколько-нибудь ихъ передать. Но за то
къ-же мнѣ не вѣрить что все это было? Было, можетъ быть,
тысячу разъ лучше, свѣтлѣе и радостнѣе, чѣмъ я разсказы-
ю? Пусть это сонъ, но все это не могло не быть. Знаете-ли,
скажу вамъ секретъ: все это быть можетъ было вовсе не
ъ! Ибо тутъ случилось нѣчто такое, нѣчто до такого ужаса
тинное, что это не могло-бы пригрезиться во снѣ. Пусть сонъ
ой породило сердце мое, но развѣ одно сердце мое въ си-
ахъ было породить ту ужасную правду, которая потомъ слу-
лась со мной? Какъ-бы могъ я ее одинъ выдумать или при-
резить сердцемъ? Неужели-же мелкое сердце мое и капризный,
ничтожный умъ мой могли возвыситься до такого откровенія
равды! О, судите сами: я до сихъ поръ скрывалъ, но теперь до-
скажу и эту правду. Дѣло въ томъ, что я... развратилъ ихъ всѣхъ!

V.

Да, да, кончилось тѣмъ, что я развратилъ ихъ всѣхъ! Какъ
**ютко совершиться—не знаю, но помню ясно. Сонъ проле-
черезъ тысячелѣтія, и оставилъ во мнѣ лишь ощущеніе цѣ-
Знаю только, что причиною грѣхопаденія былъ я. Какъ
ая трихина, какъ атомъ чумы, заражающій цѣлыя государ-**

ства. такъ и я заразилъ собой всю эту счастливую, безг
до меня землю. Они научились лгать и полюбили ложь и
красоту лжи. О, это, можетъ быть, началось *невинно*, съ
съ кокетства, съ любовной игры, въ самомъ дѣлѣ, может
съ атома, но этотъ атомъ лжи проникъ въ ихъ серца и
вился имъ. Затѣмъ быстро родилось сладострастіе, сладо
породило ревность, ревность—жестокость... О, не знаю, не
но скоро, очень скоро брызнула первая кровь: они удив
ужаснулись, и стали расходиться, разъединяться. Явились
но уже другъ противъ друга. Начались укоры, упреки. Они
стыдъ и стыдъ возвели въ добродѣтель. Родилось понятіе
и въ каждомъ союзѣ поднялось свое знамя. Они стали
животныхъ и животныя удалились отъ нихъ въ лѣса
имъ врагами. Началась борьба за разъединеніе, за обос
за личность, за мое и твое. Они стали говорить на
языкахъ. Они познали скорбь и полюбили скорбь, он
дали мученія и говорили, что Истина достигается лиш
ніемъ. Тогда у нихъ явилась наука. Когда они ста
то начали говорить о братствѣ и гуманности и поняли э
Когда они стали преступны, то изобрѣли справедливость
писали себѣ цѣлые кодексы, чтобъ сохранить ее, а для
ченія кодексовъ поставили гильотину. Они чуть-чуть ли
нили о томъ, что потеряли, даже не хотѣли вѣрить то
были когда-то невинны и счастливы. Они смѣялись да
возможностью этого прежняго ихъ счасья и называли
той. Они не могли даже представить его себѣ въ форма
разахъ, но странное и чудесное дѣло: утративъ всякую
бывшее счастье, назвавъ его сказкой, они до того захотѣ
невинными и счастливыми вновь, опять, что пали перед
ніями сердца своего, какъ дѣти, обоготворили это жела
строили храмовъ и стали молиться своей-же идеѣ, св
«желанію», въ тоже время вполнѣ вѣруя въ неисполни
неосуществимость его, но со слезами обожая его и пок
ему. И, однако, еслибъ только могло такъ случиться, чт
возвратились въ то невинное и счастливое состояніе,
они утратили, и еслибъ кто вдругъ имъ показалъ его
спросилъ ихъ: хотятъ-ли они возвратиться къ нему? то
вѣрно бы отказались. Они отвѣчали мнѣ: «пусть мы лжи
и несправедливы, мы *знаемъ* это и плачемъ объ этомъ, и
себя за это сами, и истязаемъ себя и наказываемъ больш
даже, можетъ быть, тотъ милосердый Судья, который бу

насъ и имени котораго мы не знаемъ. Но у насъ есть на-
черезъ нее мы отыщемъ вновь истину, но применъ ее уже
ательно. Знаніе выше чувства, сознаніе жизни—выше жизни.
а дастъ намъ премудрость, премудрость откроетъ законы, а
е законовъ счастья — выше счастья». Вотъ что говорили
и послѣ словъ такихъ каждый возлюбилъ себя больше
ъ, да и не могли они иначе сдѣлать. Каждый сталъ столь
ивъ къ своей личности, что изо всѣхъ силъ старался лишь
ить и умалить ее въ другихъ; и въ томъ жизнь свою по-
лъ. Явилось рабство, явилось даже добровольное рабство:
ые подчинялись охотно сильнѣйшимъ, съ тѣмъ только, чтобъ
омогали имъ давить еще слабѣйшихъ, чѣмъ они сами. Яви-
праведники, которые приходили къ этимъ людямъ со сле-
и говорили имъ объ ихъ гордости, о потерѣ мѣры и гармо-
объ утратѣ ими стыда. Надъ ними смѣялись или побивали
каменьями. Святая кровь лилась на порогахъ храмовъ. За
стали появляться люди, которые начали придумывать: какъ-
всѣмъ вновь такъ соединиться, чтобы каждому, не переста-
любить себя больше всѣхъ, въ тоже время не мѣшать никому
гому, и жить такимъ образомъ всѣмъ вмѣстѣ какъ-бы и въ
ласномъ обществѣ. Цѣлыя войны поднялись изъ-за этой идеи.
воюющіе твердо вѣрили въ тоже время, что наука, премуд-
ть и чувство самосохраненія заставятъ, наконецъ, человѣка
иниться въ согласное и разумное общество, а потому пока,
ускоренія дѣла «премудрые» старались поскорѣе истребить
хъ «непремудрыхъ» и не понимающихъ ихъ идею, чтобы они
мѣшали торжеству ея. Но чувство самосохраненія стало быстро
бѣвать, явились гордецы и сладострастники, которые прямо по-
бовали всего или ничего. Для пріобрѣтенія всего прибѣгалось
злодѣйству, а если оно не удавалось—къ самоубійству. Яви-
ь религія съ культомъ небытія и саморазрушенія ради вѣч-
о успокоенія въ ничтожествѣ. Наконецъ, эти люди устали въ
мысленномъ трудѣ, и на ихъ лицахъ появилось страданіе, и
люди провозгласили, что страданіе есть красота, ибо въ стра-
и лишь мысль. Они воспѣли страданіе въ пѣсняхъ своихъ.
ходилъ между ними ломая руки и плакалъ надъ ними, но
билъ ихъ, можетъ быть, еще больше, чѣмъ прежде, когда на
хъ ихъ еще не было страданія и когда они были невинны
оль прекрасны. Я полюбилъ ихъ оскверненную ими землю
больше, чѣмъ когда она была раемъ, за то лишь, что на ней
лось горе. Увы, я всегда любилъ горе и скорбь, но лишь для

себя, для себя, а объ нихъ я плакалъ, жалѣя ихъ. Я про
ралъ къ нимъ руки, въ отчаяніи обвиняя, проклиная и пр
рая себя. Я говорилъ имъ, что все это сдѣлалъ я, я одинъ;
это я имъ принесъ развратъ, заразу и ложь! Я умолялъ
чтобъ они распяли меня на крестѣ, я училъ ихъ, какъ сдѣ
крестъ. Я не могъ, не въ силахъ былъ убить себя самъ,
хотѣлъ принять отъ нихъ муки, я жаждалъ мукъ, жажд
чтобы въ этихъ мукахъ пролита была моя кровь до капли.
они лишь смѣялись надо мной и стали меня считать подъ ко
за юродиваго. Они оправдывали меня, они говорили, что п
чили лишь то, чего сами желали и что все то, что есть тер
не могло не быть. Наконецъ, они объявили мнѣ, что я ста
люсь имъ опасенъ и что они посадятъ меня въ сумасшед
домъ, если я не замолчу. Тогда скорбь вошла въ мою душу
такою силой, что сердце мое стѣснилось и я почувствовалъ,
умру, и тутъ... ну, вотъ тутъ я и проснулся.

Было уже утро, т. е. еще не разсвѣло, но было около
стаго часу. Я очнулся въ тѣхъ-же креслахъ, свѣчка моя д
рѣла вся, у капитана спали и кругомъ была рѣдкая въ на
квартирѣ тишина. Первымъ дѣломъ, я вскочилъ въ чрезвы
номъ удивленіи; никогда со мной не случалось ничего подобн
даже до пустяковъ и мелочей: никогда еще не засыпалъ я, на
мѣръ, такъ въ моихъ креслахъ. Тутъ вдругъ, пока я стоялъ и
ходилъ въ себя,—вдругъ мелькнулъ передо мной мой револьв
готовый, заряженный,—но я въ одинъ мигъ оттолкнулъ его
себя! О, теперь жизни и жизни! Я поднялъ руки и воззвалъ къ
ной истинѣ; не воззвалъ, а заплакалъ; восторгъ, неизмѣримый
сторгъ поднималъ все существо мое. Да, жизнь, и—проповѣд
проповѣди я порѣшилъ въ ту же минуту и ужь, конечно, на
жизнь! Я иду проповѣдывать, я хочу проповѣдывать,—что? Исти
ибо я видѣлъ ее, видѣлъ своими глазами, видѣлъ всю ея сл

И вотъ съ тѣхъ поръ я и проповѣдую! Кромѣ того—лю
всѣхъ, которые надо мной смѣются больше всѣхъ остальны
Почему это такъ,—не знаю и не могу объяснить, но пусть т
и будетъ. Они говорятъ, что я ужь и теперь сбиваюсь, т
коль ужь и теперь сбился такъ, что-же дальше-то буд
Правда истинная: Я сбиваюсь и, можетъ быть, дальше пойд
еще хуже. И ужь, конечно, собьюсь нѣсколько разъ, пока от
какъ проповѣдывать, т. е. какими словами и какими дѣлами,
тому что это очень трудно исполнить. Я вѣдь и теперь

какъ день вижу, но послушайте: кто-же не сбивается! А
ду тѣмъ вѣдь всѣ идутъ къ одному и тому-же, по крайней
всѣ стремятся къ одному и тому-же, отъ мудреца до по-
няго разбойника, только разными дорогами. Старая это ис-
, но вотъ что тутъ новое: я и сбиться-то очень не могу.
тому что я видѣлъ истину, я видѣлъ и знаю, что люди мо-
ть быть прекрасны и счастливы, не потерявъ способности
ть на землѣ. Я не хочу и не могу вѣрить, чтобы зло было нор-
альнымъ состояніемъ людей. А вѣдь они всѣ только надъ этой
рой-то моей и смѣются. Но какъ мнѣ не вѣровать: Я видѣлъ
тину,—не то что изобрѣлъ умомъ, а видѣлъ, видѣлъ, и живой
ъ ея наполнилъ душу мою навѣки. Я видѣлъ ее въ такой
полненной цѣлости, что не могу повѣрить, чтобъ ея не могло
ть у людей. И такъ какже я собьюсь? Уклонюсь, конечно,
е нѣсколько разъ, и буду говорить даже, можетъ быть, чу-
ми словами, но не надолго: живой образъ того, что я ви-
лъ будетъ всегда со мной, и всегда меня поправитъ и напра-
тъ. О, я бодръ, я свѣжъ. я иду, иду, и хотя-бы на тысячу
тъ. Знаете, я хотѣлъ даже скрыть, вначалѣ, что я развратилъ
всѣхъ, но эта была ошибка, — вотъ уже первая ошибка!
истина шепнула мнѣ что я *лгу*. и охранила меня и напра-
ла. Но какъ устроить рай—я не знаю, потому что не умѣю
редать словами. Послѣ сна моего потерялъ слова. По крайней
рѣ, всѣ главныя слова, самыя нужныя. Но пусть; я пойду и
буду говорить, неустанно, потому что я все-таки видѣлъ во-
, хотя и не умѣю пересказать что я видѣлъ. Но вотъ этого
мѣшники и не поминаютъ: «Сонъ, дескать, видѣлъ, бредъ:
люцинацію». Эхъ! Неужто это премудро? А они такъ гордятся,
ъ? что такое сонъ? А наша-то жизнь не сонъ? Больше скажу!
усть, пусть, это никогда не сбудется и не бывать раю, (вѣдь
это-то я понимаю!)—ну, а я все-таки буду проповѣдывать.
между тѣмъ, такъ это просто: въ одинъ-бы день, *въ одинъ-бы*
ь—все-бы сразу устроилось! Главное — люби другихъ какъ
я, вотъ что главное, и это все, больше ровно ничего не надо:
часъ найдешь какъ устроиться. А между тѣмъ вѣдь это толь-
—старая истина, которую билліонъ разъ повторяли и читали,
вѣдь не ужилась-же! «Сознаніе жизни выше жизни, знаніе
новъ счастья—выше счастья»—вотъ съ чѣмъ бороться надо!
у. Если только всѣ захотятъ, то сейчасъ все устроится.

ту маленькую дѣвочку я отыскалъ... И пойду! И пойду!

Освобожденіе подсудимой Корниловой.

22 апрѣля сего года, въ здѣшнемъ Окружномъ суд
рично рѣшалось дѣло подсудимой Корниловой съ новымъ
вомъ суда и присяжныхъ засѣдателей. Прежній приговоръ
состоявшійся еще въ прошломъ году, былъ кассированъ
томъ за недостаточно произведенной медицинской экспер
Можетъ быть, большинство моихъ читателей очень помнит
этомъ дѣлѣ. Молодая мачиха (тогда еще несовершеннол
въ беременномъ состояніи, въ злобѣ на мужа, попрекавш
прежней женой, и послѣ жестокой съ нимъ ссоры, выб
свою шестилѣтнюю падчерицу, дочь своего мужа отъ пр
жены, изъ окошка изъ четвертаго этажа ($5^1/_2$ саж. вы
причемъ случилось почти чудо: ребенокъ не разбился, н
малъ и не повредилъ себѣ ничего и скоро очнулся: теп
живъ и здоровъ. Это звѣрское дѣйствіе молодой женщин
провождалось такой безсмыслицей и загадочностью всѣ
остальныхъ поступковъ, что само собою являлось сообра
въ здравомъ-ли умѣ она дѣйствовала? И не была-ли он
примѣръ, хоть подъ афектомъ своего беременнаго сост
Проснувшись утромъ, когда уже мужъ ушелъ на работу
дала выспаться ребенку; потомъ одѣла ее, обула, и на
кофеемъ. Затѣмъ отворила окно и выбросила ее за окн
взглянувъ даже изъ окна внизъ, чтобъ посмотрѣть, что с
съ ребенкомъ, она затворила окно, одѣлась и отправила
участокъ. Тамъ объявила о происшедшемъ, отвѣчала на во
грубо и странно. Когда ей, уже нѣсколько часовъ спустя,
стили, что ребенокъ остался живъ, она, не обнаруживъ
дости, ни досады, совершенно равнодушно и хладнокровно
тила какъ-бы въ задумчивости: «какая живучая». Затѣмъ в
долженіи почти полутора мѣсяца, въ двухъ тюрьмахъ, въ
рыхъ ей пришлось находиться, она продолжала быть угр
грубой, неразговорчивой. И вдругъ все разомъ прошло: всѣ о
ные четыре мѣсяца до разрѣшенія отъ бремени и все ост
время, на первомъ судѣ и послѣ суда, начальница женска
дѣленія тюрьмы не могла ею нахвалиться: явился характер
ный, тихій, ласковый, ясный. Впрочемъ я все это уже опис
прежде. Однимъ словомъ, прежній приговоръ былъ кассир
а затѣмъ состоялся новый, 22 апрѣля, которымъ Корнилова
оправдана.

Я былъ въ залѣ суда и вынесъ много впечатлѣній. Жаль только, что нахожусь въ полной невозможности передать ихъ и буквально принужденъ ограничиться лишь самыми немногими словами. Да и сообщаю о дѣлѣ единственно потому, что прежде много писалъ о немъ, а, стало быть, считаю не лишнимъ сообщить читателямъ и объ исходѣ его. Судъ продолжался вдвое долѣе прежняго раза. Составъ присяжныхъ засѣдателей былъ особенно замѣчателенъ. Призвана была новая свидѣтельница—начальница женскаго отдѣленія тюрьмы. Показаніе ея о характерѣ Корниловой было очень вѣско и въ ея пользу. Замѣчательно очень было показаніе мужа подсудимой: съ чрезвычайною честностью онъ не скрылъ ничего, ни ссоръ, ни обидъ съ его стороны, оправдывалъ жену, говорилъ сердечно, прямо, откровенно. Онъ всего только крестьянинъ, правда, носящій нѣмецкое платье, читающій книги и получающій тридцать рублей ежемѣсячнаго жалованія. Затѣмъ замѣчателенъ былъ подборъ экспертовъ. Приглашено было шесть человѣкъ,—все извѣстности и знаменитости въ медицинѣ; изъ нихъ давали показанія пятеро: Трое заявили не колеблясь, что болѣзненное состояніе, свойственное беременной женщинѣ, весьма *могло* повліять на совершеніе преступленія и въ данномъ случаѣ. Одинъ лишь докторъ Флоринскій съ этимъ мнѣніемъ былъ не согласенъ, но, къ счастью, онъ не психіатръ и мнѣніе его прошло безъ всякаго значенія. Послѣднимъ показывалъ извѣстный нашъ психіатръ Дюковъ. Онъ говорилъ почти около часу, отвѣчая на вопросы прокурора и предсѣдателя суда. Трудно представить себѣ болѣе тонкое пониманіе души человѣческой и болѣзненныхъ ея состояній. Поражало тоже богатство и разнообразіе многолѣтнихъ и чрезвычайно любопытныхъ наблюденій. Что до меня, то я выслушалъ нѣкоторыя изъ показаній эксперта рѣшительно съ восхищеніемъ. Мнѣніе эксперта было вполнѣ въ пользу подсудимой: онъ *утвердительно* и *доказательно* заключилъ о несомнѣнномъ, по его мнѣнію, болѣзненномъ состояніи души подсудимой, во время совершенія ею страшнаго преступленія. Кончилось тѣмъ, что самъ прокуроръ, не смотря на свою грозную рѣчь—отказался отъ обвиненія въ преднамѣренности, т. е. отъ самой главной злобы обвиненія. Защитникъ подсудимой, присяжный повѣренный Люстигъ, тоже чрезвычайно ловко отбилъ
...ьно обвиненій, а одно, важнѣйшее,—долгую будто-бы не-
...сть мачихи къ падчерицѣ,—привелъ къ полному нулю, ося-
...льно обнаруживъ въ немъ лишь корридорную сплетню. За-
..., послѣ длинной рѣчи предсѣдателя, присяжные удалились

и менѣе чѣмъ черезъ четверть часа вынесли оправдательный
говоръ, произведшій почти восторгъ въ многочисленной публ
Многіе крестились, другіе поздравляли другъ друга, жали др
другу руки. Мужъ оправданной увелъ ее въ тотъ-же веч
уже въ одиннадцатомъ часу, къ себѣ домой и она, счастли
вошла опять въ свой домъ, почти послѣ годоваго отсутствія
впечатлѣніемъ огромнаго вынесеннаго ею урока на всю жи
и явнаго Божьяго перста во всемъ этомъ дѣлѣ,—хотя-бы тол
начиная съ чудеснаго спасенія ребенка.

Къ моимъ читателямъ.

Прибѣгаю къ чрезвычайному снисхожденію моихъ читате
Въ прошломъ году, изъ-за моей поѣздки лѣтомъ въ Эмсъ
леченія болѣзни, я принужденъ былъ выдать №№ «Дневни
за іюль и августъ мѣсяцы вмѣстѣ, въ одномъ выпускѣ, 31
августа, конечно въ удвоенномъ числѣ листовъ. Въ нынѣшне
же году, по усилившейся еще болѣе моей болѣзни, я принужд
выдать и майскій № съ іюньскимъ вмѣстѣ, въ одномъ выпус
въ концѣ іюня или въ самыхъ первахъ числахъ іюля. Зат
іюльскій и августовскій №№ какъ и въ прошломъ году выйд
тоже въ августѣ. Съ сентября-же мѣсяца №№ «Дневника» начн
опять выдаваться акуратно въ послѣднее число каждаго мѣс

Уѣзжая изъ Петербурга по приговору докторовъ, я заяв
что хотя въ Петербургѣ помѣщеніе Редакціи и будетъ закр
до самаго сентября, тѣмъ не менѣе всѣ иногородные подписч
и читатели, *равно какъ и всѣ Петербургскіе*, въ случаѣ над
ности могутъ обращаться *письменно* въ Редакцію совершен
какъ и прежде. Письма эти будутъ немедленно доставлены за
дующимъ Редакціей и всякая жалоба, всякое недоумѣніе и пр
будутъ по прежнему въ скорѣйшемъ времени удовлетворе
Равно всѣ письма на мое имя будутъ немедленно мнѣ дост
лены. На этотъ счетъ сдѣланы Редакціей самыя точныя ра
ряженія. Подписка по прежнему можетъ продолжаться: под
савшіеся будутъ немедленно удовлетворены.

Не знаю, извинятъ-ли меня мои читатели и подписчики «Дн
ника Писателя?» При такомъ непредвидѣнномъ обстоятельс
какъ усложненіе болѣзни, трудно было угадать все это впере
Огромное большинство читателей моихъ относилось доселѣ ко
весьма доброжелательно, въ чемъ я увѣренъ по твердымъ ф
намъ. Осмѣливаюсь ждать этой доброты и теперь.

МАЙ—ІЮНЬ.

Глава первая.

I.

книги предсказаній Іоанна Лихтенбергера, 1528 года.

ѣ сообщили одинъ престранный документъ. Это одно древ-
правда, туманное и аллегорическое, предсказаніе о нынѣш-
событіяхъ и о нынѣшней войнѣ. Одинъ изъ нашихъ мо-
ъ ученыхъ нашелъ въ Лондонѣ, въ королевской библіотекѣ,
старый фоліантъ, «книгу предсказаній», «Prognostica tiones»
Лихтенбергера, изданіе 1528 года, на латинскомъ языкѣ.
ляръ рѣдкій и даже, можетъ быть, единственный въ свѣтѣ.
манныхъ картинахъ изображается въ этой книгѣ будущ-
Европы и человѣчества. Книга мистическая. Помѣщаю лишь
роки, которыя мнѣ сообщили, *и лишь какъ фактъ*, не ли-
ій нѣкотораго любопытства.
слѣ предсказаній о французской революціи (1789 г.) и о
сонѣ первомъ, который именуется въ книгѣ великимъ ор-
(aquila grandis), говорится далѣе о грядущихъ европейскихъ
іяхъ такъ:
st haec veniet altera aquila quae ignem fovebit in gremio spon-
слѣ сего придетъ другой орелъ, который огонь возбудитъ
risti et erunt tres adulteri unusque legitimus qui alios vorabit.
нѣ невѣсты Христовой и будутъ трое побочныхъ и одинъ
ный, который другихъ пожретъ.
surget aquila grandis in Oriente, aquicolae occidentales moe-
станетъ орелъ великій на Востокѣ, островитяне западные

rebunt. Tria regna comportabit. Ipsa est aquila grandis, quae d
восплачутъ. Три царства захватитъ. Сей есть орелъ вели
miet annis multis, refutata resurget et contremiscere faciet aquic
который спитъ годы многіе, пораженный возстанетъ и трепет
occidentales in terra Virginis et alios montes Superbissimos; et v
заставитъ водяныхъ жителей западныхъ въ землѣ дѣвы и дру
вершины прегордыя, и полетитъ къ югу, чтобъ возвратить
bit ad meridiem recuperando amissa. Et amore charitatis inflamm
терянное. И любовью милосердія воспламенитъ Богъ орла вос
Deus aquilam orientalem volando ad ardua alis duabus fulgens
наго, да летитъ на трудное, крылами двумя сверкая на вер
montibus christianitatis.
нахъ христіанства».

Конечно, темновато, но согласитесь однако, что «великій ор
восточный, который спитъ годы многіе и *пораженный* (NB
война-ли наша съ Европой 22 года назадъ?) возстанетъ и
летать заставитъ водяныхъ жителей западныхъ»,—согласит
что это какъ будто и похоже на теперешнее, конечно, если тол
не брать въ соображеніе нашихъ европействующихъ мудрец
какъ-бы все еще трепещущихъ передъ «водяными жителям
обратно пророчеству, тогда какъ уже орелъ полетѣлъ «свер
двумя крылами». Но трепещутъ лишь мудрецы, а не орелъ. Да
«водяные жители западные въ землѣ дѣвы», если приложить п
рочество Іоанна Лихтенбергера къ современнымъ событіямъ, е
видно, означаютъ собою Англію. Но въ такомъ случаѣ почему
«земля дѣвы»? Въ 1528 году еще не было королевы Елизаве
Не означаетъ-ли аллегорія Лихтенбергера землю (острова Вел
[illegible]) не подвергавшуюся ни разу нашествію, въ томъ смы
[illegible] выразился когда-то Наполеонъ о европейскихъ [illegible]
[illegible] подвергавшихся его нашествію: «Столица подвергша
[illegible] похожа на дѣвицу, потерявшую свою дѣвст
[illegible] Но орелъ, по пророчеству, трепетать заставитъ и дру
[illegible] прегордыя», полетитъ къ югу, чтобъ возвратить
[illegible] и что всего замѣчательнѣе—«любовью милосер
[illegible] Богъ орла восточнаго да летитъ на трудное, к
[illegible] сверкая на [illegible] христіанства». Согласит
[illegible] это то нѣчто даже [illegible] Развѣ не м
[illegible] воспламеняясь [illegible] взлет
[illegible] Развѣ не [illegible] весь нар
[illegible] трудное» [illegible]
[illegible] отрицать [illegible]

народа, незнающаго хорошенько молитвъ, подымали однаво въ Крыму, подъ Севастополемъ, раненыхъ французовъ и ли ихъ на перевязку *прежде* чѣмъ своихъ русскихъ: «Тѣ полежатъ и подождутъ: русскаго-то всякій подыметъ, а узикъ-то чужой, его напередъ пожалѣть надо». Развѣ тутъ истосъ, и развѣ не Христовъ духъ въ этихъ простодуши великодушныхъ, шутливо сказанныхъ словахъ? И такъ, не духъ Христовъ въ народѣ нашемъ, — темномъ, но до-, невѣжественномъ, но не варварскомъ. Да, Христосъ его наша русская теперь сила, когда орелъ полетѣлъ «на дѣло ве». И что значитъ одинъ какой-нибудь анекдотъ о Севаьскихъ солдатикахъ, сравнительно съ тысячами проявленій Христова и «огня милосердія» въ народѣ нашемъ, на яву очію, въ наше время, хотя и до сихъ поръ изо всѣхъ силъ ются мудрецы задавить мысль и похоронить фактъ участія а нашего, духомъ и сердцемъ его, въ теперешнихъ судьРоссіи и Востока? И не указывайте на «звѣрство и тународа, на невѣжественность его и неразвитость, при коъ онъ будто-бы не въ силахъ понять того, что теперь проъ Сущность дѣла онъ понимаетъ превосходно, будьте ны, онъ четыре уже столѣтія какъ ее понимаетъ. Вотъ тенихъ дипломатовъ не понялъ-бы вовсе, еслибъ объ нихъ ъ: но вѣдь кто-жь ихъ пойметъ? Да, великій народъ нашъ взрашенъ какъ звѣрь, претерпѣлъ мученія еще съ самаго своего, за всю свою тысячу лѣтъ, такія, какихъ ни одинъ ъ въ мірѣ не вытерпѣлъ-бы, разложился-бы и уничтожился, ъ только окрѣпъ и сплотился въ этихъ мученіяхъ. Не ко- его за «звѣрство и невѣжество», господа мудрецы, по- вы, именно вы-то для него ничего и не сдѣлали. Наъ, вы ушли отъ него, двѣсти лѣтъ назадъ, покинули его ъединили съ собой, обратили его въ податную единицу и рочную для себя статью, и росъ онъ, господа просвѣщенвропейны, вами-же забытый и забитый, вами-же загнанный звѣрь въ берлогу свою, но съ нимъ былъ его Христосъ и ъ однимъ дожилъ онъ до великаго дня, когда двадцать ому назадъ сѣверный орелъ, воспламененный огнемъ миія, взмахнулъ и расправилъ свои крылья и осѣнилъ его крылами... Да, звѣрства въ народѣ много, но не указы на него. Это звѣрство — тина вѣковъ, она вычистится. И бѣда, что есть еще звѣрство; бѣда въ томъ, если звѣрство ено будетъ какъ добродѣтель. Я видалъ и разбойниковъ,

страшно много надѣлавшихъ звѣрства, и павшихъ развра
и ослабѣвшею волею своею ниже всего низкаго; но эти
шенные и столь упавшіе звѣри — знали, по крайней мѣ
себя, что они звѣри и чувствовали, сколь упали они, и
путы чистыя и свѣтлыя, которыя и звѣрямъ посылаетъ Б
сами умѣли осудить себя, хотя часто не въ силахъ уж
подняться. Другое дѣло, когда звѣрство возвигается надъ
какъ идолъ, и люди ему поклоняются, считая себя им
это-то добродѣтельными. Лордъ Биконсфильдъ, а за нимъ
Биконсфильды, и наши и европейскіе, зажали уши себѣ
орыли глаза на звѣрства и муки, которымъ подвергаютъ
племена людей, и измѣнили Христу — ради «интересовъ
зации» и ради того, что измученныя племена называют
языками, то есть несутъ въ себѣ нѣчто новое, а, стало бы
тѣмъ болѣе надо заглушить совѣсть до корня, и тоже ра
весть старой загрязшей цивилизаціи. Вотъ это такъ звѣр
[illegible]

мало-ли бываетъ совпаденій? Правда, все это написано и
ıтано въ 1528 году и это очень любопытно. Въ то время
о быть часто являлись подобныя сочиненія, и хотя время
пе только предшествовало войнамъ великой протестант-
еформаціи, но уже протестантовъ, реформаторовъ и про-
, было много. Извѣстно тоже, что потомъ, особенно въ
тантскихъ арміяхъ, всегда появлялись изступленные «про-
изъ самихъ сражавшихся, предсказатели и конвульсіо-
Если я сообщилъ эту латинскую выписку изъ старой
(несомнѣнно существующей, — повторяю это), то един-
о какъ занимательный фактъ. Не какъ чудо, да и не
ишь чудеса чудесны. Всего чудеснѣе бываетъ весьма часто
происходитъ въ дѣйствительности. Мы видимъ дѣйстви-
сть всегда почти такъ, какъ *хотимъ* ее видѣть, какъ
предвзято, желаемъ растолковать ее себѣ. Если-же под-
другъ разберемъ и въ видимомъ увидимъ не то что хо-
видѣть, а то что есть *въ самомъ дѣлѣ*, то прямо прини-
то, что увидѣли за чудо, о это весьма не рѣдко, а под-
клянусь, повѣримъ скорѣе чуду и невозможности, чѣмъ
ительности, чѣмъ истинѣ, *которую не желаемъ видѣть*.
ь всегда бываетъ на свѣтѣ, въ томъ вся исторія человѣ-

II.

Объ анонимныхъ ругательныхъ письмахъ.

заграницу не поѣхалъ и нахожусь теперь въ курской гу-
Мой докторъ, узнавъ, что я имѣю случай провести лѣто
евнѣ, да еще въ такой губерніи, какъ курская, прони-
мнѣ пить въ деревнѣ Ессентукскую воду и прибавилъ,
о будетъ для меня несравненно полезнѣе Эмса, къ водѣ
го я-де уже привыкъ. Долгомъ считаю заявить, что я по-
весьма много писемъ отъ моихъ читателей съ самымъ
твеннымъ выраженіемъ ихъ ко мнѣ участія по поводу
объявленія о болѣзни. И вообще, къ слову скажу, за все
изданія моего «Дневника» я получилъ и продолжаю полу-
ного писемъ, подписанныхъ и анонимныхъ, столь для меня
хъ и столь одобрявшихъ и поддерживавшихъ меня въ
моемъ, что прямо скажу, я никогда не разсчитывалъ на

[illegible] всеобщее сочувствіе и никогда не считалъ себя дост[illegible] того. Эти письма я сберегу какъ драгоцѣнность и— [illegible] ориторнаго, если я заявляю объ этомъ печатно? Неу[illegible] что я цѣню и дорожу общимъ вниманіемъ? Но, скажу[illegible] теперь хвалитесь, хвастаетесь. Пусть скажутъ это, я з[illegible] про себя, что это не хвастовство, что я заявляю лишь мою б[illegible] годарность, мое искреннее чувство и слишкомъ ужь не моло[illegible] чтобъ не понимать какъ раздражаю иныхъ господъ моимъ [illegible] явленіемъ. Но и господъ этихъ, кажется, у меня тоже сл[illegible] комъ немного. Изъ нѣсколькихъ сотъ писемъ, полученны[illegible] мною за эти полтора года изданія «Дневника» по крайней мѣ[illegible] сотня (но навѣрно больше) было анонимныхъ, но изъ этихъ [illegible] анонимныхъ писемъ лишь два письма были абсолютно вражд[illegible] ныя. Есть несогласные со мной въ убѣжденіяхъ, тѣ прямо из[illegible] гаютъ свои возраженія, но всегда серьезно, искренно, безъ [illegible] лѣйшихъ личностей, и въ подписанныхъ, и въ анонимныхъ пи[illegible] махъ, и я лишь жалѣю, что, по множеству получаемыхъ писемъ, [illegible] какъ не могу всѣмъ отвѣтить. Но эти два письма—исключе[illegible] и написаны не для возраженія, а для ругательства. И вотъ, э[illegible] то господа сочинители этихъ писемъ и будутъ раздражены [illegible] имъ заявленіемъ благодарности. Послѣднее изъ этихъ пис[illegible] какъ разъ касается моего объявленія о болѣзни. Мой анон[illegible] ный корреспондентъ разсердился не на шутку: какъ, деска[illegible] я осмѣлился объявить печатно о такомъ частномъ, личномъ дѣ[illegible] какъ моя болѣзнь, и въ письмѣ ко мнѣ написалъ на мое о[illegible] явленіе свою пародію, весьма неприличную и грубую. Но, от[illegible] тая главную цѣль письма—ругательство, я невольно заинте[illegible] совался вопросомъ, именно: если я,—напримѣръ, поставленъ [illegible] необходимость, по разстроенному здоровью, уѣхать лечиться [illegible] потому принужденъ не выдать майскій № «Дневника» своев[illegible] менно, а вмѣстѣ съ іюньскимъ, и такъ какъ я каждый разъ, [illegible] каждомъ выпускѣ «Дневника», объявлялъ о времени выхода с[illegible] дующаго номера,—то мнѣ и показалось, что прямое, голосл[illegible] ное, безъ всякихъ объясненій объявленіе о томъ, что слѣд[illegible] шій выпускъ «Дневника», выйдетъ вмѣстѣ съ іюльскимъ, бы[illegible] бы нѣсколько безцеремоннымъ и почему-же было не объяв[illegible] причину, изъ за которой такъ вышло? И развѣ, въ объявле[illegible] моемъ, такъ уже много я росписалъ о моей болѣзни? Но [illegible] это конечно пустяки, и еслибъ дѣло шло лишь отъ челов[illegible] серьезно шокированнаго въ своемъ чувствѣ литературнаг[illegible] общественнаго приличія, то получился-бы любопытный, [illegible]

асти, пожалуй, и почтенный экземпляръ господина стоящаго, кетъ быть, и внѣ литературы, но изъ безкорыстной любви къ , такъ сказать, сгорающаго почтеннымъ огнемъ соблюденія тературныхъ приличій, и хоть доводящаго свои стремленія до петильности, тѣмъ не менѣе выводящаго изъ ихъ источника ажаемаго и любопытнаго,—такъ что я, изъ одной только ликатности, не могъ-бы отказать такому анониму въ своего да уваженіи. Но ругательства все испортили: ясное дѣло, что ъ нихъ-то и была вся цѣль. И ужь безъ сомнѣнія припоми- ть все это здѣсь и не стоило-бы; но мнѣ давно хотѣлось ска- ть слова два вообще объ анонимныхъ письмахъ, т. е. соб- венно о ругательныхъ анонимныхъ письмахъ; и я радъ, что брелъ на случай.

Дѣло въ томъ, что мнѣ давно казалось, что въ наше время, толь неустойчивое, столь переходное, столь исполненное пере- нъ и столь мало кого удовлетворяющее (да такъ и должно ть)—непремѣнно должно было развестись чревычайное мно- ство людей, такъ сказать обойденныхъ, позабытыхъ, остав- нныхъ безъ вниманія и досадующихъ: «зачѣмъ, дескать, вездѣ , а не я, зачѣмъ не обращаютъ и на меня вниманія». Въ омъ состояніи личнаго раздраженія и неудовлетвореннаго, такъ казать, идеала, иной господинъ готовъ подчасъ взять спичку и ти зажигать,—до того это чувство мучительно, я это очень нимаю, и чтобъ осуждать это надо вооружиться скорѣе гуман- стью чѣмъ негодованіемъ. Но зажигать спичкой уже крайность и, ъ сказать, удѣлъ натуръ могучихъ, Байроновскихъ. Къ счастью, ть выходы не столь ужасные для натуръ не столь могучихъ. кой выходъ—просто напакостить, ну, тамъ наклеветать, нал- ть, насплетничать, или анонимное ругательное письмо пустить. нимъ словомъ, я сталъ давно уже подозрѣвать, и подозрѣваю сихъ поръ, что наше время должно быть непремѣнно време- мъ, хотя и великихъ реформъ и событій, это безспорно, но тѣ съ тѣмъ и усиленныхъ анонимныхъ писемъ ругатель- го характера. Что касается литературы, то тутъ нѣтъ ника- го сомнѣнія: анонимныя ругательныя письма составляютъ, такъ азать, неотъемлемую часть современной русской литературы и вождаютъ ее по всѣмъ направленіямъ,—и кто только изъ

чей и писателей не получаетъ ихъ; я даже справлялся ъ какихъ изданіяхъ, и въ одномъ изъ нихъ — именно омъ изъ тѣхъ, которыя пошли вдругъ, произвели впе- е быстрое, внезапное, и угодили публикѣ въ такой

степени, что сами даже на такой успѣхъ не разсчитывал въ этомъ изданіи, одинъ изъ ближайшихъ участниковъ повѣдалъ мнѣ, что они получаютъ такое множество руга ныхъ анонимныхъ писемъ, что ужь и не читаютъ ихъ и а только распечатываютъ. Онъ было хотѣлъ разсказать иныя изъ такихъ посланій въ подробности, но съ перв же словъ залился неудержимымъ смѣхомъ. Да такъ и до быть; наши неопытные анонимы и не подозрѣваютъ еще, жется, что чѣмъ ругательнѣе ихъ письма, тѣмъ они нев и безвреднѣе. Черта хорошая: она обозначаетъ, что наши нимы хоть и горячи, но все-же безъ выдержки и не поним что чѣмъ вѣжливѣе, тѣмъ достойнѣе тонъ язвительнаго ано наго письма, тѣмъ оно будетъ злѣе и сильнѣе подѣйств Іезуитства-то этого, стало быть, еще не развилось у нас второй, *высшій* фазисъ свой не вступило это дѣло, а, стало б находится еще въ самомъ только началѣ и, стало быть, всего лишь плодъ перваго необузданнаго пыла, а не плод думаннаго, строго воспитаннаго злобнаго чувства. Это не м свое, такъ сказать, мщеніе, готовое принести для дости цѣли своей даже великія жертвы и научившееся выдержкѣ. Н анонимный ругатель далеко еще не тотъ таинственный ж боменъ изъ драмы Лермонтова «Маскарадъ»—колоссальное получившее отъ какого-то офицерика когда-то пощечину и лившееся въ пустыню тридцать лѣтъ обдумывать свое мщ Нѣтъ, дѣйствуетъ пока все еще та-же славянская природа и которой всего-бы только поскорѣй выругаться, да тѣмъ и кончить отъ чего добраго, такъ даже тутъ же и помириться согласитесь, что все это, въ одномъ смыслѣ отрадно, ибо и стало быть, все это, такъ сказать, юно, молодо, свѣже, въ какъ бы весна жизни, хотя, надо сознаться, препакостная. томъ считаю справедливымъ еще наблюденіе кажется, наш молодое поколѣніе, т. е. слишкомъ юное, подростки анони ругательныхъ писемъ не пишутъ. Я получаю отъ молодежи жество писемъ и всѣ подписанныя. Не подписанныя изъ [illegible] которыя выражаютъ слишкомъ ужь дружескія чув [illegible] всегда [illegible] письмо слишкомъ [illegible] поймать [illegible] подрос [illegible] разныхъ [illegible] та

ьмомъ придастъ выраженіямъ чрезвычайную цѣну, и что весь
итель такого письма измѣнится къ лучшему черезъ подпись,
рая придастъ ему духъ прямодушія, мужества, готовности
тать и отвѣтить за свои убѣжденія, да и самая рѣзкость
женій покажетъ лишь горячку убѣжденія, а не желаніе
робить. И такъ, ясное дѣло, что не подписывающійся руга-
ь желаетъ главное выругаться площадными ругательствами,
аетъ доставить себѣ прежде всего это именно удовольствіе,
ругой цѣли не имѣетъ. И вѣдь самъ онъ знаетъ, что дѣлаетъ
ость и что самъ себѣ вредитъ, т. е. силѣ письма своего, но
акова потребность выругаться. Эту черту, т. е. эту потребность, надо замѣтить, ибо она все еще предоминируетъ въ нашемъ интелигентномъ обществѣ. И пусть не смѣются надо мной, а вѣрю, что такая черта у насъ *предоминируетъ*; я убѣжденъ, что не преувеличиваю, и что мы стоимъ теперь на этой именно точкѣ развитія, такъ сказать, въ массѣ нашей. Къ тому-же сообразите и то, что можно во всю жизнь не написать ни одного анонимнаго ругательнаго письма, а между тѣмъ всю жизнь носить въ себѣ душу анонимнаго ругателя; а вѣдь это тоже важное выраженіе. И что въ томъ, что я, въ полтора года, получилъ то лишь два ругательныхъ письма; это лишь доказываетъ мою рѣдкость и непримѣтность, равно какъ и малый кругъ моей дѣятельности, а сверхъ того и то, что я имѣю дѣло лишь съ порядочными людьми. Другіе-же дѣятели, болѣе моего примѣтные (стало быть, уже потому одному болѣе моего виновные), и сверхъ того принужденные дѣйствовать по самому роду и характеру изданій своихъ въ чрезвычайно расширенномъ кругѣ дѣйствія, получаютъ ругательныхъ писемъ, можетъ быть, по двѣсти, не по два въ полтора года. Однимъ словомъ, я убѣжденъ, что европейская цивилизація чрезвычайно мало привила къ намъ гуманности и что у насъ людей, желающихъ выругаться быстро непосредственно, въ каждомъ случаѣ, который имъ чуть-чуть поправится, даже, можетъ быть, до того не мало, что страшно сказать; а желающихъ выругаться — при томъ-же и безнаказанно, анонимно и безопасно, изъ-за двери, еще того больше, и тутъ какъ разъ анонимное письмо даетъ эту возможность: письмо не кусается и письмо не краснѣетъ.

Въ старину у насъ европейской чести не было, наши бояре дрались и даже дирались между собою откровенно и плюха большую и окончательную поруху чести не считалась. Но за то у нихъ была своя честь, хоть и не въ европейской формѣ,

но не менѣе чѣмъ тамъ священная и серьезная, и из
чести бояринъ пренебрегалъ иной разъ всѣмъ состояніем
положеніемъ своимъ при дворѣ, даже царскою милость
перемѣною костюма и съ введеніемъ европейской шла
лась у насъ новая европейская честь и — въ цѣлые
не принялась серьезно, такъ что старое забыли и оп
новое приняли недовѣрчиво и скептически. Приняли,
зать, механически, а душевно позабыли что значит
сердечную потребность въ ней утратили и это, страшно пр
за весьма, можетъ быть, малыми исключеніями.

Въ эти два вѣка нашего европейскаго и шпажнаго,
зать, періода, честь и совѣсть, странно даже сказать,
лась наиболѣе и даже цѣликомъ въ нашемъ народѣ, до
почти и не коснулся шпажный періодъ нашей исторіи.
родъ грязенъ, невѣжественъ, варварственъ, пусть смѣк
моимъ предположеніемъ безъ малѣйшаго снисхожденія,
мою жизнь я вынесъ убѣжденіе, что народъ нашъ не
чище сердцемъ высшихъ нашихъ сословій и что умъ е
не на столько раздвоенъ, чтобъ рядомъ съ самою свѣтл
лелѣять тутъ-же, подчасъ-же, и самый гаденькій ант
какъ сплошь да рядомъ въ интелигенціи нашей, да
ваться съ обѣими этими идеями, не зная которой изъ
ровать и отдать преимущество на практикѣ, да еще наз
состояніе ума и души своей — богатствомъ развитія
европейскаго просвѣщенія, и хоть и умирать при такс
ствѣ отъ скуки и отвращенія, но въ тоже время изъ вс
смѣяться надъ простымъ, не тронутымъ еще чужою циви
народомъ нашимъ за наивность и прямодушіе его вѣ
Но тема эта обширная. Просто скажу: самый грубый и
постыдится чужихъ мыслей и побужденій иного нашего
дѣятеля», я увѣренъ въ томъ, и съ отвращеніемъ о
отъ большей части дѣлъ нашихъ интелигентныхъ люде
ренъ, что онъ не понимаетъ и долго еще не поймет, ч
наединѣ, за дверями, когда никто не подглядываетъ, д
себя пакости и считать ихъ вполнѣ дозволительными, пр
дозволенными, единственно потому, что нѣтъ свидѣтелей
не подглядываетъ, — а между тѣмъ эта черта до уж
практикуется въ интелигентномъ сословіи нашемъ, да
малѣйшаго зазрѣнія совѣсти, и даже, напротивъ, весьма
высшимъ удовлетвореніемъ ума и высшихъ свойствъ пр
наго духа. По понятіямъ народа, то, что пакостно на

и за дверями. Между тѣмъ мы на народъ-то и смотримъ
какъ на пахабника, пакостника, обскурантнаго ругателя
дящаго лишь наслажденіе въ ругательствѣ. Кстати при-
ь, тѣмъ болѣе что это уже давно прошло и измѣнилось.
мена моей юности было у военныхъ людей, въ огромномъ
нствѣ ихъ, убѣжденіе, что русскій солдатъ, какъ вышед-
ъ народа, чрезвычайно любитъ говорить пахабности, ру-
и сквернословъ. А потому, чтобъ быть популярными, иные
иры, на ученіяхъ напримѣръ, позволяли себѣ такъ ру-
съ такими утонченностями и вывертами, что солдаты
ьно краснѣли отъ этихъ ругательствъ, а потомъ, у себя
армахъ, старались забыть высказанное начальствомъ, и
о, который припоминалъ, вскрикивали всею артелью. *Я
самъ лично тому свидѣтелемъ.* А командиры-то какъ
ны были въ душѣ, что вотъ, дескать, какъ они поддѣла-
одъ духъ русскаго солдата. Да чего, — даже Гоголь въ
искѣ съ друзьями», совѣтовалъ пріятелю, распекая крѣ-
го мужика всенародно, употреблять непремѣнно крѣпкія
и даже приводилъ какія именно. т. е. именно тѣ изъ нихъ,
ія садче, въ которыхъ какъ можно больше-бы оказывалось,
казать, нравственной пахабности, чѣмъ наружной, утон-
ти чтобъ въ ругательствѣ больше было. Между тѣмъ на-
усскій хоть и ругается, къ сожалѣнію. крѣпкими словами,
еко не весь, далеко не весь. въ самой незначительной
воей долѣ (повѣрятъ-ли тому?) а главное (и безспорно),
ся онъ скорѣе машинально чѣмъ съ нравственною утон-
тью, скорѣе по привычкѣ чѣмъ съ умысломъ, и вотъ это-
лѣднее-то, т. е. съ умысломъ, случается лишь въ чрезвы-
рѣдкихъ экземплярахъ у бродягъ, пропоицъ и всякихъ
ихъ презираемыхъ народомъ. Народъ хоть и ругается по
кѣ, но самъ знаетъ, что эта привычка скверная и осуж-
ю. Такъ что отучить народъ отъ ругательствъ, по моему,
ресто дѣло механической отвычки, а не нравственнаго уси-
ообще эта идея о народѣ нашемъ, какъ о любителѣ под-
ругательствъ, по моему мнѣнію, укоренилась въ интели-
нтъ слоѣ нашемъ, главное, уже тогда, когда уже произо-
окончательный, нравственный разрывъ его съ народомъ,
шійся, какъ извѣстно, со стороны интелигентнаго слоя
в совершеннымъ непониманіемъ народа. Тогда-то явилось
и другихъ всякихъ ошибочныхъ идей о нашемъ народѣ.
не повѣрятъ мнѣ и свидѣтельству моему, что народъ нашъ

вовсе не такой ругатель, какъ до сихъ поръ его пред себѣ и описывали, пусть: я вѣдь убѣжденъ, что свидѣ мое оправдается. Тѣже надежды, которыя возлагаю я на возлагаю я и на юное поколѣніе наше. Народъ и юное по интелигенціи нашей сойдутся вмѣстѣ вдругъ и во многом раздо ближе и успѣшнѣе поймутъ другъ друга, чѣмъ то (наше время и въ наше поколѣніе. Въ молодежи нашей есть ность и, дай только Богъ, чтобъ она была умнѣе нап Кстати о молодежи: одинъ весьма молодой человѣкъ и мнѣ недавно въ письмѣ весьма рѣзкое возраженіе на од на какую—умолчу, и подписался подъ своимъ рѣзкимъ нюдь не невѣжливымъ) письмомъ en toutes lettres, да еще вилъ адресъ. Я пригласилъ его къ себѣ объясниться. С шелъ и поразилъ меня горячностью и серьезностью свое шенія къ дѣлу. Кой въ чемъ онъ со мной согласился и въ раздумьи. Замѣчу еще, что, какъ мнѣ кажется, юное по наше гораздо лучше умѣетъ спорить, чѣмъ старики, т. ственно въ манерѣ спора: они выслушиваютъ и даютъ гов и это именно отъ того, что для нихъ разъясненіе дѣла ихъ самолюбія. Уходя, онъ пожалѣлъ о рѣзкости письм и все это вышло у него съ неподдѣльнымъ достоинств ководителей нѣтъ у нашей молодежи, вотъ что! А ужь к въ нихъ нуждается, какъ часто она устремлялась съ вос во слѣдъ людей, хотя и не стоившихъ того, но чуть-чу искреннихъ! И каковы или каковъ долженъ быть этот щій руководитель—тамъ кто-бы онъ ни былъ? Да и п ли еще намъ такихъ людей наша русская судьба—вотъ

III.

Планъ обличительной повѣсти изъ современной жиз

А вѣдь я объ анонимномъ ругателѣ еще не кончилъ. томъ, что этакой человѣкъ можетъ представить собою чрез серьезный литературный типъ, въ романѣ или повѣсти. тутъ можно и надо взглянуть съ иной уже точки зрѣнія, общей, гуманной и согласить ее съ русскимъ характеромъ и съ современною текущею причинностью появленія у на типа въ особенности. Въ самомъ дѣлѣ, чуть-чуть вы нач ботать надъ этимъ характеромъ, какъ тотчасъ сознаетес

съ безъ такихъ людей теперь и не можетъ быть, или еще
же — что только подобнаго рода людей мы, скорѣе всего, и
ждать должны въ наше время, и что если ихъ сравнительно
е мало, то это именно по особой милости Божіей. Въ самомъ
лѣ, все это народъ взросшій въ нашихъ недавнихъ шаткихъ
мействахъ, у недовольныхъ скептическихъ отцовъ, передавшихъ
тимъ одно равнодушіе ко всему насущному и много, много что
кое-то неопредѣленное безпокойство на счетъ чего-то гряду-
го, страшно фантастическаго, но во что однако-же наклонны
вѣровать даже эти такъ называемые *готовые* реалисты и холод-
е ненавистники нашего настоящаго. Да сверхъ того передав-
ихъ имъ разумѣется свой скептическій безсильный смѣхъ, хотя
мало сознательный, но всегда вседовольный. Мало-ли взросло
послѣднія двадцать, двадцать пять лѣтъ дѣтей у этихъ гадкихъ
ивистниковъ, прожившихъ послѣднія выкупныя и оставившихъ
тимъ нищету и завѣтъ подлости — развѣ мало такихъ семействъ?
вотъ молодой человѣкъ вступаетъ, положимъ, на службу. Фи-
ры нѣтъ, «остроумія нѣтъ», связей никакихъ. Есть природный
ъ, который, впрочемъ, у всякаго есть, но такъ какъ онъ у него
спитанъ прежде всего на безцѣльномъ зубоскальствѣ, вотъ ужь
адцать пять лѣтъ принимающемся у насъ за либерализмъ, то
ъ, конечно, нашъ герой свой умъ немедленно принимаетъ за
ній. О, Боже, какъ не оказаться безграничному самолюбію, когда
ловѣкъ выросъ безъ малѣйшей нравственной выдержки. И сна-
ла онъ куражился ужасно, но такъ какъ въ немъ все-таки умъ
для типа предпочитаю взять человѣка нѣсколько умнѣе средины
дей чѣмъ глупѣе, ибо только въ этихъ двухъ случаяхъ и воз-
жно появленіе такого типа), то онъ скоро догадывается, что
боскальство все-же вещь отрицательная и до положительнаго
до чего не доведетъ. И что если довольствовался имъ его ба-
шка, то вѣдь потому, что тотъ былъ все-же старый колпакъ,
ть и либеральный человѣкъ, ну а онъ, сынокъ, все-же геній,
только вотъ покамѣстъ проявить себя затрудняется. О, онъ, ко-
чно, готовъ на всякую самую положительную подлость въ душѣ,
бо почему-же не употребить подлость въ дѣло? Да и кто мо-
тъ доказать въ нашъ вѣкъ что подлость есть «подлость» и
д. и т. д. — Однимъ словомъ, онъ вѣдь взросъ на этихъ го-
ъ вопросахъ. Но онъ скоро догадывается, что нынѣ, чтобъ
и подлость-то употребить въ дѣло надо ждать долгой ва-
, да къ тому-же отъ нравственной готовности на подлость
а даже и ему пожалуй далеко, и надо предварительно еще,

такъ сказать, практически выровняться. Ну, конечно, поглупѣе, онъ-бы мигомъ устроился: «высшія поползнове и примоститься поскорѣе къ тому-то или къ такому-т и тянутъ за нимъ лямку послушно и убѣжденно и — карьера». Но самолюбіе-то, убѣжденіе-то въ своей ген пока еще долго мѣшаетъ: не можетъ онъ даже и въ мы слить столь славную предполагаемую судьбу свою с такого-то или такого-то: «Нѣтъ-съ, мы пока еще въ опп если они захотятъ меня, то пусть сами придутъ-пок И вотъ онъ ждетъ пока кто-нибудь ему поклонится, злится и ждетъ, а между тѣмъ, подъ бокомъ у него уже шагнулъ выше его, другой уже примостился, а т сѣлъ ему въ начальники, — этотъ третій, которому онъ въ ихъ «высшемъ училищѣ» изобрѣлъ прозвище и п него эпиграмму въ стихахъ, когда рукописный, училищ налъ издавалъ и слылъ тамъ за генія. «Нѣтъ-съ, эт Нѣтъ, зачѣмъ-же не я, а онъ? И вездѣ-то, вездѣ-то в Нѣтъ, думаетъ онъ, тутъ не моя карьера, да и что служ жать мѣшки, мое поприще литература — и вотъ онъ в разсылать по редакціямъ свои произведенія, сначала потомъ съ обозначеніемъ полнаго имени. Ему, разумѣет вѣчаютъ; въ нетерпѣніи онъ пускается лично обива редакцій. При случаѣ, получая обратно рукопись, позвол даже поострить, желчно позубоскальничать, такъ сказат сорвать, но все это не помогаетъ. «Нѣтъ, видно и тут нято», думаетъ онъ, скорбно усмѣхаясь. Главное, его в роковая забота отыскивать всегда и вездѣ какъ можн людей хуже себя. О, онъ бы и понять никогда не могъ. можно радоваться тому, что есть и лучше его! Вотъ тог и натыкается въ первый разъ на мысль пустить въ каку редакцію, изъ тѣхъ, гдѣ его наиболѣе обидѣли, злобное санное письмецо. Написалъ, пустилъ, повторилъ въ друго понравилось. Но послѣдствій все-таки никакихъ, все по кругомъ его глухо, нѣмо и слѣпо. «Нѣтъ, что-жь это за рѣшаетъ онъ окончательно и рѣшаетъ наконецъ «примо Онъ выбираетъ *лицо* — именно своего начальника — д тутъ, можетъ быть, какъ-нибудь помогаетъ ему и случ зишки. И Поприщинъ у Гоголя началъ вѣдь съ того, чился чинкою перьевъ и былъ вытребованъ для сей квартиру его превосходительства, гдѣ и увидалъ дире дочку, для которой очинилъ два пера. Но время Попр

, да и перьевъ теперь не чинятъ, да и не можетъ измѣ-
шъ герой своему характеру: не перья въ его головѣ, а
ерзкія мечты. Короче, въ самый короткій срокъ, онъ уже
ъ, что плѣнилъ директорскую дочку и что та по немъ
тъ. «Ну вотъ и карьера», думаетъ онъ, «да и къ чему-
лись женщины, еслибъ нельзя было черезъ нихъ сдѣлать
человѣку карьеру: въ этомъ, въ сущности, весь женскій
и заключается, если реально-то обсудить его. А главное,
ыдно: мало-ли кто выходилъ на дорогу черезъ женщинъ?»
тутъ какъ разъ подвертывается, какъ и у Поприщина,
ить! Поприщинъ поступилъ по своему характеру: онъ со-
ъ ума на мечтѣ о томъ, что онъ Испанскій король. И
турально! Что могло оставаться приниженному Поприщину,
язей, безъ карьеры, безъ смѣлости и безъ всякой иниціа-
еще въ то петербургское время, какъ не броситься въ
тчаянное мечтаніе и повѣрить ему? Но нашъ Поприщинъ,
ный намъ Поприщинъ,—ни за что въ мірѣ не въ со-
повѣрить, что онъ такой-же самый Поприщинъ, какъ и
чальный, только повторившійся тридцать лѣтъ спустя. Въ
го громы и молніи, презрѣніе и сарказмы и—и вотъ онъ
ся тоже въ мечту, но въ другую. Онъ вспоминаетъ, что
ѣ могутъ быть анонимныя письма и что они уже разъ
лены имъ, и—вотъ онъ рискуетъ свое письмецо, но уже
урнальную редакцію, а почище-съ: онъ чувствуетъ, что
ъ въ новый практическій фазисъ. О, какъ онъ запи-
въ своей каморкѣ отъ своей хозяйки, какъ трепещетъ,
ъ нимъ не подглядѣли, но онъ строчитъ, строчитъ, измѣ-
керъ, создаетъ четыре страницы клеветъ и ругательствъ,
ывая съ наслажденіемъ и — просидѣвъ ночь, къ раз-
запечатываетъ письмо и адресуетъ — къ жениху адъю-
Почеркъ онъ измѣнилъ, онъ не боится. Вотъ онъ раз-
етъ часы, вотъ теперь письмо должно дойти — это
объ его невѣстѣ,—о, тотъ, конечно, откажется, онъ ис-
, вѣдь это-же не письмо, а «шедѣвръ!» И молодой нашъ
во всѣхъ силъ знаетъ, что онъ подленькій негодяй; но
му только радъ: «Нынѣ-де время раздвоенія мысли и
сти, нынѣ прямолинейной мыслью не проживешь».
ѣется, письмо не оказало дѣйствія, свадьба состоялась,
ло сдѣлано и герой нашъ, какъ-бы, попалъ на свою
. Его обуялъ своего рода миражъ какъ и Поприщина.
онъ бросается онъ въ новую дѣятельность, въ анонимъ-

ныя письма. Онъ вывѣдываетъ про своего генерала, онъ со
ражаетъ, онъ изливаетъ все, что накопилось въ немъ за цѣл
годы неудовлетворенной службы, раздраженнаго самолюбія, жел
зависти. Онъ критикуетъ всѣ дѣйствія генерала, онъ осмѣива
его самымъ безпощаднымъ образомъ, и это въ нѣсколь
письмахъ, въ цѣломъ рядѣ писемъ. И какъ ему это снач
нравится? И поступки-то генерала, и жену-то его, и любовни
и глупость всего ихъ вѣдомства—все, все изобразилъ онъ
своихъ письмахъ. Мало по малу, онъ кидается даже въ го
дарственныя соображенія, онъ компануетъ письмо къ минист
въ которомъ предлагаетъ измѣнить Россію, уже не церемоня
«Нѣтъ, министръ не можетъ не поразиться, геній поразитъ
и письмо дойдетъ пожалуй до... До такого-то есть лица, чт
Однимъ словомъ, куражъ, mon enfant, и когда станутъ разыс
вать автора, тутъ-то я разомъ и объявлюсь, такъ сказать у
безъ застѣнчивости». Однимъ словомъ, онъ упивается свои
произведеніями и поминутно воображаетъ какъ распечатываю
его письма и что за тѣмъ происходитъ на лицахъ тѣхъ лицъ
Въ такомъ расположеніи духа онъ позволяетъ себѣ иногда да
и пошалить; для шутки пишетъ къ инымъ самымъ смѣшны
даже лицамъ, не пренебрегаетъ какимъ-нибудь даже Егоро
Егоровичемъ, своимъ старичкомъ столоначальникомъ, котора
и вправду чуть не сводитъ съума, анонимно увѣривъ его, ч
его супруга завела любовную связь съ мѣстнымъ частнымъ пр
ставомъ (главное, что тутъ на половину могло быть и правд
Такъ проходитъ нѣкоторое время, но... но вдругъ странная ид
осѣняетъ его,—именно: что вѣдь онъ Поприщинъ, не болѣе ка
Поприщинъ, тотъ-же самый Поприщинъ, но только въ милліо
разъ подлѣе, и что всѣ эти пасквили изъ-за угла, все это ан
нимное могущество его, есть въ сущности миражъ и боль
ничего, да еще самый гаденькій миражъ, самый паскуднены
и позорный, хуже даже чѣмъ мечта объ испанскомъ прест
А тутъ какъ разъ случилось обстоятельство уже серьезное,
не позорное какое-нибудь: «что позоръ, позоръ вздоръ, позо
боятся теперь лишь аптекари», а дѣйствительно страшное
стоятельство, въ самомъ дѣлѣ страшное. Дѣло въ томъ, что х
разсудокъ и былъ у него, но все-же онъ не удержался и
время своего упоенія новой карьерой, именно послѣ-то пи
меца къ министру, сболтнулъ о своихъ письмахъ — ком
нѣмкѣ, хозяйкѣ своей, — ну конечно, не все, она-бы и н
няла всего, конечно чуть-чуть, такъ, отъ избытка лишь с

да и перьевъ теперь не чинятъ, да и не можетъ измѣ-
пъ герой своему характеру: не перья въ его головѣ, а
рзкія мечты. Короче, въ самый короткій срокъ, онъ уже
ь, что плѣнилъ директорскую дочку и что та по немъ
ъ. «Ну вотъ и карьера», думаетъ онъ, «да и къ чему-
ись женщины, еслибъ нельзя было черезъ нихъ сдѣлать
еловѣку карьеру: въ этомъ, въ сущности, весь женскій
и заключается, если реально-то обсудить его. А главное,
дно: мало-ли кто выходилъ на дорогу черезъ женщинъ?»
гутъ какъ разъ подвертывается, какъ и у Поприщина,
ъ! Поприщинъ поступилъ по своему характеру: онъ со-
ума на мечтѣ о томъ, что онъ Испанскій король. И
уральнo! Что могло оставаться приниженному Поприщину,
зей, безъ карьеры, безъ смѣлости и безъ всякой иниціа-
еще въ то петербургское время, какъ не броситься въ
чаянное мечтаніе и повѣрить ему? Но нашъ Поприщинъ.
ный намъ Поприщинъ,—ни за что въ мірѣ не въ со-
овѣрить, что онъ такой-же самый Поприщинъ, какъ и
альный, только повторившійся тридцать лѣтъ спустя. Въ
громы и молніи, презрѣніе и сарказмы и—и вотъ онъ
тоже въ мечту, но въ другую. Онъ вспоминаетъ, что
могутъ быть анонимныя письма и что они уже разъ
ены имъ, и—вотъ онъ рискуетъ свое письмецо, но уже
ріальную редакцію, а почище-съ: онъ чувствуетъ, что
ь въ новый практическій фазисъ. О, какъ онъ запи-
ъ своей каморкѣ отъ своей хозяйки, какъ трепещетъ,
нимъ не подглядѣли, но онъ строчитъ, строчитъ, измѣ-
ркъ, создаетъ четыре страницы клеветъ и ругательствъ,
вая съ наслажденіемъ и — просидѣвъ ночь, къ раз-
печатываетъ письмо и адресуетъ — къ жениху адъю-
Почеркъ онъ измѣнилъ, онъ не боится. Вотъ онъ раз-
тъ часы, вотъ теперь письмо должно дойти — это
объ его невѣстѣ,—о, тотъ, конечно, откажется, онъ не-
вѣдь это-же не письмо, а «шедевръ!» И молодой нашъ
о всѣхъ силъ знаетъ, что онъ подленькій негодяй: но
у только радъ: «Нынѣ-де время раздвоенія мысли и
и, нынѣ прямолинейной мыслью не проживешь».
ается, письмо не оказало дѣйствія, свадьба состоялась,
но сдѣлано и герой нашъ, какъ-бы, попалъ на свою
Его обуялъ своего рода миражъ какъ и Поприщина,
ъ бросается онъ въ новую дѣятельность, въ аноним-

его превосходительства, совсѣмъ ничего и не подозрѣвав
Но вѣдь и тутъ герой нашъ выдержалъ характеръ впол
ибо для чего онъ бросился къ ногамъ генерала? Конечно
болѣзни, конечно отъ мнительности, но *главное и отъ то*
онъ,—и струсившій, и униженный и себя во всемъ обв
щій, — а все-же мечталъ по прежнему, какъ всеупоенны
момнѣніемъ дурачекъ, что, можетъ быть, его превосходител
выслушавъ его, и все-же, такъ сказать, пораженный е
ніемъ, — раскроетъ обѣ руки свои, которыми онъ столь
подписываетъ за пользу отечества бумагъ и заключитъ въ
объятія: «Неужели, дескать, ты до того доведенъ былъ не
ный, но даровитый молодой человѣкъ! О, это я, я во всем
новатъ, я просмотрѣлъ тебя! Беру всю вину на себя. О,
мой, вотъ до чего принуждена доходить наша талантлив
лодежь изъ за вины нашихъ старыхъ порядковъ и предр
ковъ! Но прійди прійди на грудь мою, и — вмѣстѣ со
раздѣли постъ мой и мы... и мы перевернемъ департаментъ
такъ не случилось: и потомъ, долго спустя, въ позорѣ и въ
женіи, вспоминая о пинкѣ носкомъ генеральскаго сапога,
шедшагося ему прямо тогда въ лицо, онъ почти искренно
нялъ судьбу и людей: «Разъ, дескать, въ жизни моей я
крылъ людямъ мои объятія вполнѣ, и что-же удостоился
чить?» Финалъ ему можно придумать какой-нибудь самый
ральный и современный, напримѣръ, его, уже выгнаннаго
службы, нанимаютъ въ фиктивный бракъ, за сто руб., при
послѣ вѣнца онъ въ одну сторону, а она въ другую къ с
лабазнику: «и мило и благородно» какъ выражается ча
приставъ у Щедрина о подобномъ-же случаѣ.

Однимъ словомъ, мнѣ кажется, что типъ анонимнаго
теля — весьма недурная тема для повѣсти. И серьезная,
конечно-бы нуженъ Гоголь, но... я радъ, по крайней мѣрѣ
случайно набрелъ на идею. Можетъ быть, и въ самомъ дѣ
пробую вставить въ романъ.

Глава вторая.

I.

Прежніе земледѣльцы—будущіе дипломаты.

о куда я удалился отъ дѣла? Я началъ съ того, что я въ
нѣ и радъ тому. Давненько такъ я не живалъ въ русской
нѣ. Но о деревнѣ потомъ, а здѣсь лишь вставлю, что я уже
у, между прочимъ, радъ что я въ деревнѣ, а не за границей,
е увижу за границей слоняющихся тамъ нашихъ русскихъ.
момъ дѣлѣ, въ наше, столь народное, столь единительное и
тическое время, когда именно всюду ищешь у себя дома
ихъ, ждешь русскихъ, желаешь и требуешь русскихъ, въ
время слишкомъ тяжело видѣть за границей, куда вотъ
двадцать лѣтъ, ежегодно экспатрируется и гдѣ колонизи-
ся наша интелигенція,—претвореніе чисто-русскаго, сыраго
сходнаго, можетъ быть, матеріала въ жалкую междуна-
ую дрянь, обезличенную, безъ характера, безъ народности и
отечества. Я не про отцовъ говорю,—отцы неисправимы
ъ съ ними,—а про ихъ несчастныхъ дѣтей, которыхъ они
ъ за границей. Отцы-же даже отъявленнымъ нашимъ рус-
европейцамъ становятся наконецъ смѣшны. Г. Буренинъ,
вшійся корреспондентомъ на войну, разсказываетъ въ од-
изъ своихъ писемъ забавную встрѣчу съ однимъ изъ на-
европейцевъ сороковыхъ годовъ, «въ сѣдыхъ почтенныхъ
ихъ», проживающимъ постоянно за границей, но пріѣхав-
нарочно на войну посмотрѣть на «зрѣлище борьбы» (разу-
, съ самого почтительнаго разстоянія) и разострившимся
гонѣ надъ всѣмъ, надъ чѣмъ вотъ ужъ сорокъ лѣтъ острятъ
спода, т. е. надъ русскимъ духомъ, надъ славянофилами
. и проч. Онъ потому-де живетъ за границей, что у насъ
ссія «все еще нечего дѣлать серьезному и порядочному чело-
». (NB. Я привожу цитаты на память). Одна изъ удачнѣй-
остротъ его состояла въ томъ что «уже сдѣлано распо-
ніе по желѣзнымъ дорогамъ, привезти въ особомъ вагонѣ,
ку вступленія нашихъ войскъ въ Болгарію и обновленія
ства—тѣнь Хомякова». Но этому сѣдокудрому господину
ы было замѣтить, что самъ онъ очень тоже похожъ на

тѣнь какого-нибудь, можетъ быть, и весьма почтеннаго зап либеральнаго говорильщика сороковыхъ годовъ, но которы перь, еслибъ столько лѣтъ спустя и доживъ до сѣдыхъ ку повторялъ-бы тоже самое, на чемъ остановился въ своихъ ковыхъ годахъ, то ужь, конечно, даже будь онъ хоть самъ новскій, казался-бы непремѣнно точь въ точь такимъ-же мымъ шутомъ какъ и этотъ господинъ, извѣщавшій о рас женіи доставить по желѣзной дорогѣ на театръ войны тѣнь мякова и о томъ, что въ нашей Россіи все еще нечего д порядочному человѣку.

Эмигрировали изъ Россіи (я удерживаю это слово) два лѣтъ назадъ наиболѣе помѣщики и съ тѣхъ поръ эми продолжается съ каждымъ годомъ. Конечно, въ этомъ много и не помѣщиковъ, были всякіе, но въ огромномъ шинствѣ, если не всѣ,—болѣе или менѣе ненавидящіе Р иные нравственно, вслѣдствіе убѣжденія, «что въ Россіи, т порядочнымъ и умнымъ, какъ они, людямъ, нечего дѣлать», гіе уже просто ненавидя ее безо всякихъ убѣжденій, такъ зать, натурально, физически: за климатъ, за поля, за лѣс порядки, за освобожденнаго мужика, за русскую исторію, од словомъ, за все, за все ненавидя. Замѣчу, что такая нен можетъ быть и весьма пассивная, очень спокойная и до равнодушная. А тутъ, какъ разъ, почувствовались въ рука купныя и сверхъ того ужасно многихъ озарило убѣжденіе съ освобожденіемъ крестьянъ все погибло—и деревня, и з владѣніе, и дворянство, и Россія. Правда и то, что съ осв деніемъ крестьянъ сельскій трудъ остался безъ достаточной низаціи и обезпеченія, и личное землевладѣніе натурально смѣло и сконфузилось такъ, какъ ни въ какой историческо порогъ не могло-бы случиться больше. Вотъ и пустилис мѣщики продавать и продавать и часть ихъ (слишкомъ лая), бросилась за границу. Но что-бы ни выставляли они въ оправданіе, но не могутъ же они утаить, и передъ согр нами, и передъ дѣтьми своими, что главная причина ихъ эм грированія была тоже и привязка эгоистическаго «ничего- данья». И вотъ съ тѣхъ поръ русская личная поземельная собственность въ полнѣйшемъ хаосѣ: продается и покупается, мѣняетъ своихъ владѣтелей [illegible] даже видъ обезцѣнивается,—и [illegible] за тѣмъ оста [illegible] обно [illegible] землевладѣльческую [illegible] форму-

ся оно въ концѣ концовъ—все это трудно предсказать
у тѣмъ, если хотите, въ этомъ главнѣйшій вопросъ русской
ости. Это ужь какой-то законъ природы, не только въ
но и во всемъ свѣтѣ: кто въ странѣ владѣетъ землей,
озяева той страны, во всѣхъ отношеніяхъ. Такъ бывало
всегда. Но у насъ, скажутъ, сверхъ того община,—
начитъ и хозяева. Но... вопросъ объ общинѣ развѣ изъ
ыхъ у насъ окончательно? Развѣ пятнадцать лѣтъ назадъ
вошелъ у насъ тоже въ новый фазисъ, какъ и все остальо
объ этомъ обо всемъ потомъ, а заключу пока мою мысль
вно: если въ странѣ владѣніе землей *серьезное*, то и все
странѣ будетъ серьезно, во всѣхъ то есть отношеніяхъ,
амомъ общемъ и въ частностяхъ. Хлопочутъ, напримѣръ,
о просвѣщеніи, о народныхъ школахъ, а я вотъ вѣрю
тому, что школы тогда только примутся у насъ серьезно
зательно, когда землевладѣніе и земледѣліе наше органи-
у насъ серьезно и основательно, и что скорѣе не отъ
олучится хорошее земледѣліе, а, напротивъ, отъ хорошаго
емледѣлія (т. е. отъ правильнаго землевладѣнія) получится
я школа, но никакъ не раньше. Параллельно-же съ этимъ
ѣмъ и все: и порядки, и законы, и нравственность и даже
умъ нашій, и все наконецъ, всякое правильное отправ-
національнаго организма организуется лишь тогда, когда
нѣ утвердится прочное землевладѣніе. Тоже самое можно
о характерѣ землевладѣнія: будь характеръ аристо-
ій, будь демократическій, но каковъ характеръ земле-
, таковъ и весь характеръ націи.
ерь пока наши бывшіе помѣщики гуляютъ за грани-
всѣмъ городамъ и водамъ Европы, набивая цѣны въ
ахъ, таская за собой, какъ богачи, гувернантокъ и
ря своихъ дѣтяхъ, которыхъ водятъ въ кружевахъ и въ
ихъ костюмахъ, съ голыми ножками, на показъ Европѣ,
на-то смотритъ, и дивится: «Вотъ вѣдь сколько у нихъ
ятныхъ людей, и главное столь образованныхъ, столь
ныхъ европейскаго просвѣщенія. Это вѣдь изъ-за десно-
ъ до сихъ поръ не выдавали заграничныхъ паспор-
вдругъ сколько у нихъ оказалось землевладѣтелей и ка-
овъ и удалившихся отъ дѣлъ рантьеровъ,—да больше
же во Франціи, гдѣ столько рантьеровъ». И разскажите
растолкуйте ей, что это чисто-русское явленіе, что ни-
гдѣ нѣтъ рантьерства, а напротивъ пожираніе основ-

ныхъ своихъ фондовъ, сжиганіе свѣчки съ обоихъ концовъ
Европа, конечно, не повѣритъ этому, невозможному у ней,
нію, да и не пойметъ его вовсе. И вѣдь, главное, эти сибар
слоняющіеся по германскимъ водамъ и по берегамъ швей
скихъ озеръ, эти Лукуллы, проживающіеся въ ресторанахъ
рижа—вѣдь они сами знаютъ и съ нѣкоторою даже болью
же предчувствуютъ, что вѣдь фонды-то они свои, наконе
проѣдятъ, и что дѣтямъ ихъ, вотъ этимъ самымъ херув
камъ въ англійскихъ костюмчикахъ придется, можетъ быть,
сить по Европѣ милостыню (и будутъ просить милостыню!)
обратиться въ французскихъ и нѣмецкихъ рабочихъ (и
тятся въ французскихъ и нѣмецкихъ рабочихъ!). Но, дум
они, «après nous le déluge, да и кто виноватъ: виноваты все т
наши русскіе порядки, наша неуклюжая Россія, въ которой
дочному человѣку до сихъ поръ еще ничего сдѣлать нел
Вотъ какъ они думаютъ, а либеральнѣйшіе изъ нихъ, тѣ,
торые могутъ назваться высшими и чистѣйшими западни
сороковыхъ годовъ, тѣ прибавляютъ еще, можетъ быть, про с
«Ну что-жь, что дѣти останутся безъ состоянія, за то унас
дуютъ идею, благородную закваску истиннаго и священн
образа мыслей. Воспитанные вдали отъ Россіи, они не буд
знать поповъ и глупое слово: «Отечество». Они поймутъ,
Отечество есть предразсудокъ и даже самый пагубнѣйшій
всѣхъ существующихъ въ мірѣ. Изъ нихъ выйдутъ благор
ные общечеловѣческіе умы. Мы и только мы, русскіе, полож
начало этимъ новымъ умамъ. Именно тѣмъ, что проживаемъ
границей наши выкупныя, мы полагаемъ основаніе новому г
дущему международному гражданству, которое, рано-ли, позд
ли, а обновитъ Европу, и вся честь за то намъ, потому что
начали раньше всѣхъ». Впрочемъ, такъ говорятъ лишь «сѣ
кудрые», т. е. еще очень немногіе, ибо много-ли передовыхъ-
Болѣе-же практическіе, и даже изъ «сѣдокудрыхъ» *не ст*
благородные, въ концѣ концовъ, все еще надѣются на «с
зишки»: Мы-то здѣсь проживаемся, это правда, да вѣдь и
живаемъ-же что-нибудь все-таки, ну, тамъ знакомства, связиш
которыя потомъ въ «Отечествѣ-то», и пригодятся. Къ тому-
хоть и въ либеральномъ духѣ воспитываемъ дѣтокъ, да в
все-жь джентльменами, — а въ этомъ вѣдь и все главное. Б
дутъ они витать въ сферахъ исключительныхъ и высшихъ,
либерализмъ въ высшихъ сферахъ всегда обозначалъ и сопр
вождалъ у насъ джентльменство, ибо джентльменскій либер

для высшаго-то, такъ сказать, консерватизма и поле-
это всегда у насъ различать умѣли. И что-жь, мы дѣтей
ть за границей и — какъ разъ, значитъ, готовимъ ихъ въ
маты. Что за прелесть здѣсь всѣ эти мѣста при посоль-
ь, при консульствахъ и какая бездна-бездная этихъ милѣй-
мѣстечекъ, и какъ восхитительно дотированныхъ! Вотъ и
ъ на нашихъ дѣтишекъ: и покойно, и хорошо, и денежно,
чно, да и служба всегда на виду. Да и служба чистень-
негольская, джентльменская; а работа, — ну, а работа пре-
: знай знакомься съ русскими за границей, изъ тѣхъ кто
дочнѣе, а изъ тѣхъ кто накуралесятъ да защитить себя
а просятъ — мы тѣхъ свысока обернемъ, по начальствен-
слушать-то не станемъ: «не вѣримъ вамъ, дескать, безпо-
производите сами, все еще воображаете себя въ миломъ
твѣ, тогда какъ здѣсь мѣсто чистое. Изъ-за васъ непріят-
получай, да и стоитъ еще изъ за такого, какъ вы, иновем-
чальство безпокоить; вы только посмотрите на себя въ
о, до чего вы дошли-съ!» Вотъ и вся служба въ этомъ!
ъ словомъ, съумѣютъ и наши дѣточки выйдти въ люди:
были бы только связи — вотъ что первѣе всего надо ро-
скому сердцу наблюсти, а прочее все приложится по во-
ванію».

такъ, всѣ не столь благородные изъ проживающихся за
ей болѣе или менѣе разсчитываютъ на связишки. Но вѣдь
кое связи? Ну, хоть и значатъ что нибудь, но вѣдь эта
ка ужасно скоро изнашивается. И далеко-бы не мѣшало,
связей, запасти себѣ — ну хоть нежножко знанія Россіи
твеннаго ума, хоть на всякій случай. Теперь-же именно,
оху реформъ и новыхъ началъ, у насъ какъ нарочно всѣ
ннымъ умомъ хотятъ жить, всѣ того захотѣли; — идея
рно просвѣщенная, но то бѣда, что никогда еще у насъ не
о столь мало собственнаго ума какъ теперь, при общемъ
ли имѣть его. Почему это такъ — рѣшать не возьмусь, да
но, но одну изъ причинъ, почему херувимчики наши без-
будутъ дурачками — основательно знаю, и хоть она стара,
ку на нее. А впрочемъ все тоже самое объ чемъ я гово-
въ прошломъ году. Причина — русскій языкъ, т. е. не-
ъ русскаго, отечественнаго языка отъ воспитанія за гра-
съ гувернантками и боннами иностранками. Это у насъ и
водилось, и прежде, т. е. недостатокъ этотъ, но никогда
теперь, когда столько херувимчиковъ взростетъ за границей.

Положимъ, они готовятся въ дипломаты, а дипломатическій яз
извѣстно, французскій языкъ; русскій-же языкъ довольно з
лишь и грамматически. Но такъ-ли это? Вопросъ этотъ хоть
пошлости старый, а между тѣмъ онъ до того еще нерѣшен
что недавно даже въ печати о немъ опять заговорили, хо
косвенно, по поводу сочиненій г. Тургенева на французс
языкѣ. Выражено было даже мнѣніе, что «не все-ли равно
Тургеневу сочинять на французскомъ или на русскомъ язы
что тутъ такого запрещеннаго?» Запрещеннаго, конечно, нѣт
чего и особенно такому огромному писателю и знатоку рус
языка, какъ Тургеневъ, и если у него такая фантазія, то по
же ему не писать на французскомъ, да и къ тому-же если
французскій языкъ почти какъ русскій знаетъ. И потому о
геневѣ ни слова, но... но я вижу, что я рѣшительно повто
и прошлаго года говорилъ рѣшительно тоже самое, на ту-же
тему, и въ этихъ-же заграничныхъ мѣсяцахъ, толкуя съ
нично-русской маменькой о вредѣ французскаго языка для
рувимчиковъ. Но маменька готовитъ теперь херувимчиков
дипломаты и вотъ собственно лишь по поводу дипломатіи-то,
и непріятно повторяться, но рискну и еще ей словцо.

— Но вѣдь дипломатическій языкъ французскій, — и
ваетъ меня маменька на этотъ разъ, не давъ мнѣ даже
чать. Увы, она съ прошлаго года приготовилась, она третн
меня свысока. — Такъ, сударыня, отвѣчаю я, возраженіе
сильное и я согласенъ съ вами безспорно. Но, во первыхъ,
что я говорилъ о знаніи Русскаго языка, надо приложить
французскому, вѣдь не правда-ли? Вѣдь чтобъ выразить бога
своего организма на французскомъ языкѣ, надо и франц
языкъ усвоить себѣ богатѣйшимъ образомъ. Ну, такъ знай
есть такая тайна природы, законъ ея, по которому только
языкомъ можно владѣть въ совершенствѣ, съ какимъ ро
т. е. какимъ говоритъ тотъ народъ, къ которому принадлежи
Вы морщитесь, я васъ обидѣлъ, вы смотрите насмѣшлив
махаете ручкой и увѣряете меня, что слышали это еще пр
года и что я повторяюсь. Хорошо-съ, я вамъ уступаю, да и
эта не *дамская*. Я вамъ просто за просто уступлю и согл
съ вами, что можно и русскому усвоить себѣ французскій я
въ совершенствѣ, но съ огромнымъ условіемъ: родиться во
ціи, вырости въ ней и съ самаго перваго часа своей жизни
образиться въ француза О, вы развеселились, вы уже улыба
но замѣтьте, однако, сударыня, что это даже и для васъ

возможно будетъ исполнить касательно вашего херувим-
е смотря даже на всѣ удобства, т. е. эмиграцію, выкупныя,
кую бонну и проч. и проч. Къ тому-же возьмите въ со-
ніе и природные, такъ сказать, дары, потому что нельзя-
ь сравнить г. Тургенева и вашего, напримѣръ, херувим-
тносительно этихъ даровъ. Много-ль, скажите родится
выхъ-то... Ахъ нѣтъ, нѣтъ, что я! Я опять ошибся, сбол-
зъ вашего херувимчика выйдетъ навѣрно Тургеневъ, или
и Тургенева разомъ, оставимъ это, но...—«Но, прерыы
ы вдругъ меня,—вѣдь дипломаты и безъ того всѣ умны,
чѣмъ-же ужь такъ хлопотать объ умѣ? Повѣрьте, были-
ько связи. Mon mari...»—Вы совершенно правы, сударыня,
аю и я поскорѣе, были-бы связи, и оставляя вашего
какъ можно болѣе въ сторонѣ, все-таки прибавлю, что
ямъ не худо-бы хоть немного ума. И во первыхъ, диплоо-
все не потому умны, что они дипломаты, а потому только,
и до дипломатіи были умные люди, а повѣрьте, что есть
резвычайно много дипломатовъ замѣчательно глупыхъ лю-
Ахъ нѣтъ, вотъ ужь извините, прерываете вы меня въ
ніи, дипломаты всѣ всегда умные, и всѣ на превосходныхъ
ь, и это самая благородная служба!» «Сударыня, суда-
восклицаю я, вы говорите: связи и знаніе языковъ, но
язи только мѣсто доставятъ, а тамъ, потомъ... Ну пред-
себѣ: вашъ херувимчикъ взростаетъ въ ресторанахъ Ев-
кутитъ съ молодыми кокотками въ товариществѣ заграничъ
бонтовъ и нашихъ русскихъ графовъ, но вѣдь потомъ...
ъ знаетъ всѣ языки и уже потому одному никакого. Не
е своего языка, онъ естественно схватываетъ обрывки
и чувствъ всѣхъ націй, умъ его такъ сказать, сбалты-
еще съ молоду въ какую-то бурду, изъ него выходитъ
народный межеумокъ съ коротенькими, недоконченными
ми, съ тупою прямолинейностью сужденій. Онъ дипломатъ,
него исторія націй слагается какъ-то по шутовски. Онъ
нъ, даже не подозрѣваетъ того, чѣмъ живутъ націи и на-
какіе законы въ организмѣ ихъ и есть-ли въ этихъ зако-
ѣное, усматривается-ли общій международный законъ. Онъ
выводитъ всѣ событія міра изъ того только, что такая-то,
пр. королева разсердила фаворитку такого-то короля, вотъ
вошла отъ того война двухъ королевствъ. Позвольте, я
съ вашей точки зрѣнія судить. Пусть связи... Но вѣдь для
ренія связей нуженъ характеръ, нужна, такъ сказать, лю-

безность характера, мягкость, доброта и въ тоже время твер
настойчивость... Дипломатъ вѣдь долженъ быть плѣнителенъ,
сказать, плѣнять, побѣждать, не правда-ли? Ну, такъ пов
ли вы или нѣтъ, когда я вамъ прямо и въ высшей степени
дѣленно скажу, что безъ знанія натуральнаго своего языка,
обладанія имъ, нельзя даже выровнять себѣ и характера,
бенно если херувимчикъ хорошо и богато одаренъ отъ при
У него начнутъ-же въ свое время рождаться мысли, иде
ства, его будутъ давить, такъ сказать, изнутри эти мысли
ства, ища и требуя себѣ выраженія, а безъ богатыхъ усвое
съ дѣтства, готовыхъ формъ выраженія, т. е. безъ языка
развитія его, безъ утонченностей его, безъ обладанія отт
его—сынъ вашъ будетъ вѣчно недоволенъ собою; обрыв
слей перестанутъ его удовлетворять, накопляющійся въ
въ сердцѣ матеріалъ потребуетъ основательнаго уже выра
Молодой человѣкъ станетъ озабоченъ, разсѣянъ, безпре
задумчивъ, потомъ брюзгливъ, несносенъ, потомъ разстроит
здоровье, даже желудокъ, можетъ быть, вѣрите-ли тому...

Но вижу, вижу, вы покатились со смѣху, я опять ув
согласенъ (а вѣдь Боже какую я правду говорю!) но поз
мнѣ закончить, позвольте мнѣ вамъ напомнить, что я
вамъ уступилъ, я съ вами согласился, для виду, что дип
все-же умные люди, но вы меня до того довели, судары
я принужденъ теперь не скрыть отъ васъ даже самую с
нѣйшую подкладку взгляда моего на этотъ предметъ. И
сударыня, мнѣ, какъ нарочно, нѣсколько уже разъ въ жизн
ходило на мысль, что въ дипломатіи, т. е. во всеобщей
матіи, всѣхъ народовъ и всего девятнадцатаго столѣтія, ч
чайно даже мало было умныхъ людей. Даже поражаетъ.
тивъ, скудоуміе этого сословія въ исторіи Европы нын
столѣтія... то есть, видите-ли, всѣ они умны, болѣе или
это безспорно, всѣ остроумны, но умы-то это какіе! Про
ли хоть одинъ изъ этихъ умовъ въ сущность вещей, по
ли, предчувствовалъ-ли таинственные законы ведущіе къ
Европу, къ чему-то неизвѣстному, странному, страшному
теперь уже очевидному, почти во-очію совершающемуся
захъ тѣхъ, которые чуть-чуть умѣютъ предчувствовать? Н
положительно можно изрѣчь, что не было ни одного так
ломата и ни одного такого ума въ этомъ столь почтен
лаворизированномъ сословіи! (Я ужь конечно, говоря та
ключаю Россію и все отечественное, потому что мы, по

ти нашей, въ этомъ дѣлѣ «особъ статья»). Напротивъ, столѣтіе являлись дипломатическіе умы, положимъ, пре-шіе интриганы, съ претензіей на реальнѣйшее пониманіе а между тѣмъ дальше своего носу и текущихъ интере-да еще самыхъ поверхностныхъ и ошибочныхъ) никто изъ ичего не усматривалъ! Порванныя ниточки какъ-бы тамъ , заплаточку на дырочку положить, «цѣну подбить, вы-ть, за новое сойдетъ»—вотъ наше дѣло, вотъ наша ра-І всему тому есть причины—и главнѣйшая, по моему— иненіе началъ, разъединеніе съ народомъ и обособленіе атическихъ умовъ въ слишкомъ ужь, такъ сказать, вели-ской и отвлеченной отъ человѣчества, сферѣ. Ну возьмите, ѣръ, графа Кавура—это-ль былъ не умъ, это-ль не ди-ъ? Я потому и беру его, что за нимъ уже рѣшена геній-ть, да ктому-же и потому еще что онъ умеръ. Но что-жь дѣлалъ, посмотрите: о, онъ достигъ своего, объединилъ

и что-же вышло: 2000 лѣтъ носила въ себѣ Италія мі-**и объединяющую** міръ идею — не отвлеченную какую-, не спекуляцію кабинетнаго ума, а реальную, органиче-**плодъ жизни** націи, плодъ міровой жизни; это было объ-**іе всего** міра—сначала древне-римское, потомъ папское. **ы**, взроставшіе и преходившіе въ эти два съ половиной **лѣтія въ** Италіи, понимали, что они носители міровой идеи. **нимавшіе** чувствовали и предчувствовали это. Наука, ис-**о**—**все** облекалось и проникалось этимъ-же міровымъ зна-**ь.** О, положимъ, что міровая эта идея тамъ, подъ конецъ, **обой** износилась и вся истратилась, вся вышла (хотя **ли такъ?**), но вѣдь что-жь, наконецъ, получилось вмѣсто **ь** чѣмъ поздравить только-то Италію, чего достигла она **го-то** послѣ дипломатіи графа Кавура? А явилось объединен-**оростепенное** королевствьицо, потерявшее всякое міровое **новеніе,** промѣнявшее его на самое изношенное буржу-**начало,** — (тридцатое повтореніе этого начала со времени **французской** революціи)—королевство вседовольное сво-**инствомъ,** ровно ничего не означающимъ, единствомъ ме-**ским,** а не духовнымъ (т. е. не прежнимъ міровымъ **вомъ**), и сверхъ того въ неоплатныхъ долгахъ, и сверхъ **ино** вседовольное своею второстепенностью. Вотъ что **ось,** вотъ созданіе графа Кавура! Однимъ словомъ, со-**ъ дипломатъ** есть именно «великій звѣрь на малыя **Меттерних**ъ считался однимъ изъ самыхъ глубо-

кихъ и тончайшихъ дипломатовъ въ мірѣ и ужь безспо
имѣлъ всеевропейское вліяніе. А между тѣмъ въ чемъ была
идея, какъ понялъ онъ свой вѣкъ, въ его время лишь на
навшійся, какъ предчувствовалъ онъ грядущее будущее? У
онъ со всѣми основными идеями начинавшагося столѣтія
шилъ справиться полицейскимъ порядкомъ и вполнѣ былъ у
ренъ въ успѣхѣ! Посмотрите теперь на князя Бисмарка, и
этотъ такъ ужь безспорно геній, но...

— Finissons, monsieur, строго прерываетъ меня маме
съ видомъ глубоко и свысока оскорбленнаго достоинства. Я,
зумѣется, тотчасъ-же и ужасно пугаюсь. Конечно, я не пон
конечно, съ маменьками еще нельзя теперь заговаривать на
кія темы и я далъ страшнаго маху. Но съ кѣмъ можно-те
перь заговаривать о дипломатіи, вотъ вѣдь вопросъ? А
какая интереснѣйшая тема и какъ разъ въ наше время!

II.

Дипломатія передъ міровыми вопросами.

И какая серьезная тема! Ибо что такое теперь наше вр
Всѣ кто одарены мудростью, говорятъ, что наше время есть
мя по преимуществу дипломатическое, время рѣшенія всѣхъ
ровыхъ судебъ одной лишь дипломатіей. Утверждаютъ, нам
мѣръ, что будто-бы гдѣ-то теперь у насъ идетъ война. И я д
слышалъ о томъ, что идетъ война, но мнѣ говорятъ, и я
таю вездѣ, что если и есть тамъ что-то и гдѣ-то въ родѣ в
ны, то все это навѣрно не такъ понимается... По крайней м
рѣшено, что эта война ничему ни помѣшаетъ, т. е. ни ка
здравымъ отправленіямъ націи, совмѣшающимся, по послѣдн
взглядамъ всего того что называется вообще «премудрост
преимущественно и даже единственно въ одной лишь дипло
тіи; и что самыя даже эти военныя прогулки, маневры и п
всегда, впрочемъ, необходимыя,—въ истинномъ смыслѣ в
составляютъ не болѣе какъ лишь одинъ изъ фазисовъ выс
дипломатіи и ничего болѣе. Такъ и надо вѣровать. Съ моей с
роны я очень наклоненъ этому вѣрить, ибо все это очень ус
конительно, но вотъ однако что любопытно и что ужасно
выдается: у насъ, напримѣръ, загорѣлся Восточный вопросъ,
горѣлся онъ и во всей Европѣ тотчасъ-же, какъ и у насъ, д

,—и это ужасно понятно: всѣ и даже не дипломаты собенно если не дипломаты)—всѣ знаютъ давнымъ давно, сточный вопросъ—есть, такъ сказать, одинъ изъ міро-опросовъ, одинъ изъ главнѣйшихъ *отдѣловъ* мироваго и шаго разрѣшенія судебъ человѣческихъ, новый грядущій этихъ судебъ. Извѣстно, что тутъ дѣло не только одного Европы касается, не только славянъ, русскихъ и турокъ, ъ спеціально болгаръ какихъ-нибудь, но тоже и всего Европы, и вовсе не относительно только морей и про-входовъ и выходовъ, а гораздо глубже, основнѣе, сти-насущнѣе, существеннѣе, первоначальнѣе. А потому по-что Европа тревожится и что дипломатіи такъ много дѣ-какое-же однако дѣло у дипломатіи?—вотъ мой вопросъ! на-то (по преимуществу теперь) въ Восточномъ вопросѣ, Дѣло дипломатіи (а иначе она и дипломатіей-бы не была), теперь—конфисковать Восточный вопросъ во всѣхъ от-ихъ и поскорѣй увѣрить всѣхъ, кого слѣдуетъ и не слѣ-что никакого вопроса вовсе и не начиналось, что все это такъ, маневрики и прогулочки—и даже, если только мож-увѣрить, что Восточный вопросъ не только не начинал-и никогда его не бывало на свѣтѣ, не существовало, а туману лѣтъ сто назадъ напустили, изъ видовъ, и тоже атическихъ, такъ вотъ и лежитъ этотъ нерастолкованный до сихъ поръ. Откровенно скажу, что этому можно-бы повѣрить, еслибъ тутъ какъ разъ не представлялась одна , но уже не дипломатическая (вотъ бѣда!), ибо дипломa-огда и ни за что не берется за такія загадки, мало того, ивается отъ нихъ съ презрѣніемъ, ибо считаетъ ихъ не-ыми высшихъ умовъ фантазіями. Эту загадку можно-бы ировать въ такомъ видѣ: «почему это всегда такъ про-ъ, и особенно въ послѣднее время, съ половины т. е. адцатаго столѣтія, и чѣмъ далѣе тѣмъ нагляднѣе и осяза-, почему—чуть лишь дѣло коснется въ мірѣ до чего ни-роваго, всеобщаго, какъ тотчасъ-же, рядомъ съ однимъ нимся гдѣ-нибудь міровымъ вопросомъ, подымаются па-но тому и *всѣ остальные* міровые вопросы, такъ что напримѣръ, теперь Европѣ одного поднявшагося мироваго , Восточнаго, нѣтъ, она рядомъ съ нимъ нежданно не-, вдругъ поднимаетъ во Франціи вопросъ, и тоже мірo-толическій? И католическій вопросъ не потому только что умретъ скоро папа, то Франція, какъ представитель-

[illegible] католичества, должна позаботиться объ томъ, чтобъ не исчезло и не измѣнилось ничего въ установившейся [illegible] католичества, а и потому еще, что католичест[illegible] тутъ видимо за общее знамя соединенія всего ста[illegible] вещей, за всѣ девятнадцать вѣковъ,—соединенія [illegible] новаго и грядущаго, насущнаго и роковаго, проти[illegible] вселенной обновленія новымъ порядкомъ вещей, [illegible] нравственнаго и кореннаго переворота во в[illegible]-европейской жизни, или, по крайней мѣрѣ, если [illegible] обновленіе это, то противъ страшнаго потря[illegible] революціи, которая несомнѣнно грозитъ [illegible] царства буржуазіи во всемъ мірѣ, вездѣ гдѣ они ор[illegible] и процвѣли по шаблону французскому 1789 го[illegible] своврнуть ихъ прочь и стать на ихъ мѣсто. Кст[illegible] минутку отступаю отъ темы и сдѣлаю одно необходим[illegible] предчувствую какъ смѣшно покажется иным[illegible] особенно либеральнымъ, что я, въ самомъ разгар[illegible] столѣтія, называю Францію державою катол[illegible] католичества! А потому въ разъясн[illegible] мысли и объявлю пока голословно, что Франція есть [illegible] страна, которая, если бъ въ ней не оставалось [illegible] человѣка вѣрящаго не только въ папу, но даже [illegible] будетъ продолжать оставаться страной по преиму[illegible] [illegible], представительницей, такъ сказать, всего [illegible] требуетъ въ [illegible] время, даже до невозможности. До того [illegible]

[illegible]

но главное: почему, почему именно какъ разъ въ ту минуту
нулять, какъ на другомъ концѣ міра загорѣлся другой міровой
просъ, Восточный вопросъ? Почему вопросъ къ вопросу жмет-
ся, почему одинъ другой вызываетъ, тогда какъ, казалось-бы,
между ними и связи-то нѣтъ? Да и не одни эти два вопроса
поднялись вмѣстѣ: съ Восточнымъ поднялись и еще вопросы,
поднимутся и еще и еще, если онъ правильно разовьется. Од-
нимъ словомъ, всѣ главнѣйшіе вопросы Европы и человѣчества
въ нашъ вѣкъ начали подниматься всегда одновременно. И вотъ
одновременность-то эта и поражаетъ. Условіе-то это непремѣнно
къ вопросамъ являться вмѣстѣ и составлять загадку! Но для
того я это все говорю. А вотъ именно въ виду того, что дип-
томатія на такіе именно вопросы и смотритъ съ презрѣніемъ.
на не только не признаетъ никакихъ подобныхъ совпаденій,
и думать-то о нихъ не желаетъ. Миражи, дескать, вздоры и
стяки: «нѣтъ этого всего ничего, а просто маршалу Макъ-
гону, а пуще его супругѣ чего-то захотѣлось, вотъ все и вы-
ло». А потому не смотря на то что самъ-же я провозгласилъ,
чиная этотъ отдѣлъ главы, что время наше по преимуществу
пломатическое, а прочее все миражъ—самъ-же я принужденъ
му не повѣрить первый. Нѣтъ, тутъ загадка! Нѣтъ, тутъ рѣ-
ить дѣло не одна дипломатія, а и еще что-то другое. И при-
лось, я чрезвычайно смущенъ этимъ выводомъ; я такъ на-
ченъ былъ вѣрить въ дипломатію, а всѣ эти новые вопро-
—все это только новые хлопоты и больше ничего...

III.

**гда Россія не была столь могущественною, какъ теперь.—
рѣшеніе недипломатическое.**

Въ самомъ дѣлѣ, я вотъ предложилъ одинъ вопросъ и пока
развилъ его голословно. Но всегда мнѣ представлялся, и
за долго до этого теперешняго вопроса (т. е. вопроса о сово-
ности появленія разомъ всѣхъ міровыхъ вопросовъ, чуть лишь
изъ нихъ подымется), еще другой вопросъ, несравненно
ѣйшій и естественнѣйшій, но на который, именно потому что
такъ простъ и естественъ, люди мудрости и не обращаютъ
никакого вниманія. Вотъ этотъ другой вопросъ: Да, пусть
матія есть и была, всегда и вездѣ, рѣшительницей всѣхъ

основныхъ и важнѣйшихъ вопросовъ человѣчества, и буд
впредъ; но всегда-ли окончательное рѣшеніе европейскихъ воп
совъ отъ нея зависитъ? Не бываетъ-ли, напротивъ, такого
зиса, такой точки въ каждомъ вопросѣ, когда уже нельзя
рѣшить его всѣмъ извѣстнымъ успокоительнымъ способомъ,
пломатическомъ, т. е. заплаточками. И хоть и безспорно, что
міровые вопросы, съ точки зрѣнія дипломатическаго, а, ст
быть, и здраваго смысла, всегда объясняются не болѣе к
тѣмъ, что такимъ-то вотъ державамъ захотѣлось расширенія
ницъ, или лично чего-то захотѣлось такому-то храброму генер
или не понравилось что-нибудь какой-нибудь знатной дам
проч. и проч. (пусть, это безспорно, я это ужь уступлю,
здѣсь премудрость),—но все-таки не бываетъ-ли въ извѣст
моментъ, даже вотъ и при этихъ-то самыхъ реальныхъ пр
нахъ и ихъ объясненіяхъ, такой точки въ ходѣ дѣлъ, та
фазиса, когда появляются вдругъ какія-то странныя другія с
положимъ, и непонятныя и загадочныя, но которыя овладѣва
вдругъ всѣмъ, захватываютъ все разомъ въ совокупности и
кутъ неотразимо, слѣпо, въ родѣ какъ-бы подъ гору, а, пожа
такъ и въ бездну? Въ сущности я хотѣлъ-бы только узн
всегда-ли такъ ужь надѣется на себя и на средства свои дн
матія, что никакихъ подобныхъ силъ, и точекъ, и фазисов
боится вовсе, а, пожалуй, такъ и не предполагаетъ ихъ во
Увы, кажется что всегда, а потому: какъ я повѣрю ей и д
рюсь ей, и могу-ли принять ее за окончательную рѣшитель
судебъ столь блажнаго и безпутнаго еще человѣчества!

Увы, въ пространной исторіи Кайданова, есть одна вели
шая изъ фразъ. Это именно когда онъ, въ Новой Исторіи,
ступилъ къ изложенію французской революціи и появленію
полеона I. Фраза эта есть начало главы и она осталась въ
памяти на всю жизнь, вотъ она: «Глубокая тишина царство
во всей Европѣ, когда Фридрихъ Великій закрывалъ на
глаза свои; но никогда подобная тишина не предшествовала
кой великой бурѣ!»—Скажите, что знаете вы выше изъ фр
Въ самомъ дѣлѣ, кто тогда въ Европѣ, т. е. когда Фрид
Великій закрывалъ на вѣки глаза свои, могъ-бы предузн
хотя-бы самымъ отдаленнымъ образомъ, что произойдетъ
людьми и съ Европой въ теченіе слѣдующаго тридцатилѣтія
не говорю про какихъ-нибудь тамъ обыкновенныхъ образо
ныхъ людей, или даже писателей, журналистовъ, профессор
Всѣ они, какъ извѣстно, сбились съ толку: Шиллеръ напис

ѣръ, тогда, дифирамбъ на открытіе національнаго собра-
тешествовавшій по Европѣ молодой Карамзинъ смотрѣлъ
лительнымъ дрожаніемъ сердца на тоже событіе, а въ
ургѣ, у насъ, еще за долго передъ симъ красовался мра-
бюстъ Вольтера. Нѣтъ, я обращаюсь прямо къ самой
премудрости, прямо къ всерѣшителямъ судебъ человѣ-
ъ, т. е. къ самимъ дипломатамъ, съ вопросомъ: предуга-
ли они тогда хоть что-нибудь изъ того, что въ слѣдующее
тилѣтіе произойдетъ?
вѣдь вотъ что ужасно: еслибъ я спросилъ объ этомъ
итовъ (и замѣтьте, всѣ почти европейскіе дипломаты учи-
«Кайданкѣ»)—и еслибъ они удостоили меня выслушать,
рно отвѣтили-бы съ высокомѣрнымъ смѣхомъ, что «*Слу-*
чей предвидѣть нельзя, и что вся мудрость состоитъ лишь
ъ, чтобы ко всякимъ случайностямъ быть готовымъ».
ово-съ! Нѣтъ, я вамъ скажу: это отвѣтъ типическій, и хотя
его выдумалъ, потому что ни одного дипломата не без-
ъ вопросами (да и не смѣю), но весь ужасъ мой въ томъ,
вѣдь увѣренъ, что мнѣ именно такъ отвѣтили-бы, а по-
и назвалъ сей отвѣтъ типическимъ. Ибо что такое ска-
были эти событія конца прошлаго вѣка въ глазахъ дипло-
—какъ не *случайности*? Были и есть. А Наполеонъ,
вѣръ—такъ ужь архи-случайность, и не явись Наполеонъ,
нъ тамъ, въ Корсикѣ, трехъ лѣтъ отъ роду отъ скарла-
и третье сословіе человѣчества, буржуазія, не потекло-
новымъ своимъ знаменемъ въ рукахъ измѣнять весь ликъ
вропы (что продолжается и до сихъ поръ), а такъ-бы и
ь сидѣть тамъ у себя въ Парижѣ, да пожалуй и замерло-
самоимъ началѣ!
о въ томъ, что мнѣ кажется, что и нынѣшній вѣкъ кон-
ъ Старой Европѣ чѣмъ нибудь колоссальнымъ, т. е., мо-
ть, чѣмъ нибудь хотя и не буквально похожимъ на то,
ончилось восемнадцатое столѣтіе, но все-же на столько-же
льнымъ—стихійнымъ, и страшнымъ, и тоже съ измѣне-
ика міра сего—по крайней мѣрѣ, на Западѣ Старой Европы.
, если наши премудрые будутъ утверждать, что нельзя
угадать *случайностей* и т. д., мало того: если имъ даже
олову что-нибудь объ этомъ финалѣ не заходило, то...
имъ словомъ: заплаточки, заплаточки и заплаточки!
что-же, будемъ благоразумны, будемъ ждать. Заплаточки,
ли хотите, вещь тоже необходимая и полезная, благо-

разумная и практическая, Тѣмъ болѣе, что заплаточками, ни
обмануть врага можно. Вотъ у насъ теперь война, и еслибъ
чилось, что Австрія повернулась-бы къ намъ враждебно, то
платочкой» ее какъ разъ можно ввести въ обманъ, въ кото
сама-же она съ удовольствіемъ втюрится, ибо что такое Авст
Сама-то она чуть не на ладонъ дышетъ, развалиться хоч
точно такой-же «больной человѣкъ» какъ и Турція, да, мож
быть, и еще того плоше. Это образецъ всевозможныхъ дуа
мовъ, всевозможныхъ внутри себя враждебныхъ соединеній,
родностей, идей, всевозможныхъ несогласій и противорѣчив
направленій; тутъ и венгры, тутъ и славяне, тутъ и нѣ
тутъ и царство жидовъ... Ну, а теперь, благодаря ухажив
за нею дипломатіи, она и впрямь пожалуй можетъ вздумат
о себѣ, что она—могущество, которое и дѣйствительно м
значитъ и многое можетъ сдѣлать въ общемъ рѣшеніи суд
Такой обманъ воображенія, возбужденный именно посредст
ухаживанія и заплаточекъ для рѣшенія славянскихъ су
выгоденъ, ибо можетъ на время отвлечь врага, а къ моме
рѣшенія, когда онъ вдругъ увидитъ, что его никто не бо
и что онъ вовсе не могущество—можетъ поразить его у
комъ духа, по просту сконфузить. Другое дѣло Англія: эта
что посерьезнѣе, къ тому-же теперь страшно озабоченное
самыхъ основныхъ своихъ начинаніяхъ. Эту заплаточкам
ухаживаніями не усыпишь. Что ни толкуй ей, а вѣдь она
за что и никогда не повѣритъ тому, чтобъ огромная, силь
шая теперь нація въ мірѣ, вынувшая свой могучій мечъ и
вернувшая знамя великой идеи, и уже перешедшая черезъ
нап, можетъ въ самомъ дѣлѣ пожелать разрѣшить тѣ зад
за которыя взялась она, себѣ въ явный ущербъ, и единств
въ ся, Англіи, пользу. Ибо всякое улучшеніе судебъ сла
скихъ племенъ, есть, *во всякомъ случаѣ*, явный для Ан
ущербъ, и заплаточками тутъ ни за что и никого не умасл
не повѣрятъ! просто ничему въ Англіи не повѣрятъ. Да и
какими аргументами убѣдить ее? «Я вотъ, дескать, немножко м
но не кончу». Но вѣдь въ политикѣ начало дѣла есть все,
начато, естественно, рано-ли поздно-ли приведетъ къ ко
Что въ томъ, что окончаніе завершится не сегодня, все р
завершится завтра. Однимъ словомъ, они не повѣритъ, а по
надо-бы и намъ англичанамъ не вѣрить, или какъ можно мен
вѣрить, разумѣется, про себя. Хорошо-бы намъ тоже догада
что Англія въ самомъ критическомъ теперь положеніи, въ

къ когда-либо находилась. Это критическое ея положеніе
ть быть формулировано точнѣйшимъ образомъ въ одномъ
Уединеніе, ибо никогда еще, можетъ быть, Англія не была
акомъ страшномъ уединеніи, какъ теперь. О, какъ-бы она
была теперь найти въ Европѣ союзъ, какой-нибудь entente
ale. Но бѣда ея въ томъ, что не было еще момента въ Ев-
, когда-бы труднѣе было составить союзъ. Ибо именно те-
въ Европѣ все поднялось одновременно, всѣ міровые во-
разомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ міровыя противорѣчія,
что каждому народу и государству *страшно много соб-
наго дѣла у себя дома*. А такъ какъ Англійскій интересъ
ировой, а давно уже отъ всего и всѣхъ отъединенный и
ственно касающійся одной только Англіи, то, на время, по
ей мѣрѣ, она и останется въ чрезвычайномъ уединеніи. О,
ѣется, ей можно-бы было согласиться даже и съ преслѣдую-
й другую цѣль изъ взаимныхъ выгодъ: «Я, дескать, тебѣ то
аю, а ты мнѣ это».—Но по характеру-то теперешнихъ
ъ Европейскихъ трудно въ этомъ родѣ entente cordiale со-
ть, по крайней мѣрѣ, въ данную минуту, и придется долго
ъ пока потомъ, въ будущемъ развитіи, найдется такой мо-
ъ, что можно будетъ и ей куда-нибудь съ своимъ союзомъ
азаться. Кромѣ того Англіи прежде всего надобенъ союзъ
ный, т. е. такой, при которомъ она возьметъ все, а сама
атитъ по возможности *ничѣмъ*. Ну вотъ именно такого-то
наго союза теперь всего болѣе не предвидится, и Англія въ
неніи. О, еслибъ этимъ уединеніемъ мы могли удачно вос-
зоваться! Но тутъ другое восклицаніе: «О, еслибъ мы были
е скептиками и могли увѣровать въ то, что есть міровые
осы и что не миражъ они! Главное то, что у насъ въ Россіи,
ь большая часть интелигенціи нашей всегда какъ-то видитъ
нимаетъ Европу не реально, какъ она есть теперь, а всегда
-то заднимъ числомъ, съ запаздываніемъ. Въ будущность
глядываютъ, а наклонны судить болѣе по прошедшему, даже
авно прошедшему.

А между тѣмъ міровые вопросы существуютъ дѣйствительно
къ-бы это въ нихъ-то не вѣрить, да еще намъ-то? Два изъ
ъ уже поднялись и влекутся уже не человѣческою премудро-
ю, а стихійною своею силою, основною органическою своею
ѣбностью, и не могутъ уже остаться безъ разрѣшенія, не
ря на всѣ разсчеты дипломатіи. Но есть и третій вопросъ
же міровой, и тоже подымается и почти уже поднялся. Во-

просъ этотъ въ частности можно назвать Германскимъ, а въ с
ности, въ цѣломъ, какъ нельзя болѣе всеевропейскимъ, и н
нельзя сильнѣе слить онъ органически съ судьбой всей Европ
всѣхъ остальныхъ міровыхъ вопросовъ. Казалось-бы, однак
видъ, что ничего не можетъ быть спокойнѣе и безмятежнѣе
теперь Германія: въ спокойствіи грозной силы своей она с
ритъ, наблюдаетъ и ждетъ. Всѣ, болѣе или менѣе, въ ней и
даются, всѣ, болѣе или менѣе, отъ нея зависятъ. И одни
все это миражъ! Вотъ то-то и есть, что у всѣхъ теперь въ Ев
свое дѣло, у каждаго объявилось по собственному своему с
важнѣйшему вопросу, по вопросу такой важности какъ само и
существованіе, какъ вопросъ о томъ быть иль не быть: Н
этакій самый вопросъ нашелся и у Германіи и какъ разъ в
минуту, какъ поднялись и другіе міровые вопросы—и вотъ
то состояніе Европы, прибавлю забѣгая впередъ, какъ не
болѣе выгодно для Россіи въ данный моментъ! Ибо никогда
не была столь нужна Европѣ и могущественнѣе въ глазах
и между тѣмъ столь отъединеннѣе отъ поднявшихся въ не
этой старой Европѣ, самыхъ капитальныхъ и страшныхъ,
своихъ, ей только, Старой Европѣ, а не Россіи свойствен
вопросовъ. И никогда союзъ Росссіи не цѣнился-бы выше
теперь въ Европѣ, никогда еще она не могла себя съ боль
радостью поздравить съ тѣмъ, что она не Старая Европа, а Но
что она сама по себѣ, свой особый и могучій міръ, для кото
именно теперь наступилъ моментъ вступить въ новый и вы
фазисъ своего могущества, и болѣе чѣмъ когда-нибудь с
независимою отъ прочихъ, *чужихъ*, роковыхъ вопросовъ, и
рыми старая, дряхлая Европа связала себя!

Глава третья.

I.

Германскій міровой вопросъ. Германія страна протестующ

Но мы заговорили про Германію, про теперешнюю задач
теперешній ея роковой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и міровой воп
Какая-же эта задача? И почему эта задача лишь теперь с
шается для Германіи въ столь хлопотливый вопросъ, а не пр
не недавно, не годъ назадъ, или даже не два мѣсяца наза

Задача Германіи одна, и прежде была и всегда. Это ея *про-*
тестантство, — не та единственно формула этого протестант-
ма, которая опредѣлилась при Лютерѣ, а всегдашнее ея про-
тестантство, всегдашній *протестъ* ея — противъ римскаго міра,
чиная съ Арминія, противъ всего что было Римомъ и римской
ачей, и потомъ противъ всего что отъ древняго Рима перешло
новому Риму и ко всѣмъ тѣмъ народамъ, которые восприняли
Рима его идею, его формулу и стихію, къ наслѣдникамъ
има и ко всему, что составляетъ это наслѣдство. Я убѣжденъ,
то нѣкоторые изъ читателей, прочтя это, вскинутъ плечами и
смѣются: «ну, можно-ли, дескать, въ девятнадцатомъ столѣтіи,
вѣкъ новыхъ идей и науки, толковать о католичествѣ и про-
тестантствѣ, какъ будто мы еще въ среднихъ вѣкахъ! И если
ихъ есть, пожалуй, религіозные люди и даже фанатики, то сохра-
нились какъ археологическая рѣдкость, сидятъ по опредѣленнымъ
стамъ и угламъ, осужденные и всѣми осмѣянные, а, главное,
самомъ маломъ числѣ, въ видѣ ничтожной мизерной кучки
палыхъ людей. И такъ, можно-ли ихъ считать за что-нибудь
такомъ высшемъ дѣлѣ, какъ міровая политика»?

Но я не религіозный *протестъ* разумѣю, я не останавливаюсь
временныхъ формулахъ идеи древне-римской, равно какъ и
вѣковѣчнаго германскаго противъ нея протеста. Я беру лишь
сновную идею, начавшуюся еще двѣ тысячи лѣтъ тому и ко-
торая съ тѣхъ поръ не умерла, хотя постоянно перевоплоща-
лась въ разные виды и формулы. Теперь именно весь этотъ
крайній западно-европейскій міръ, — именно унаслѣдовавшій рим-
ское наслѣдство, мучится родами новаго перевоплощенія этой
унаслѣдованной древней идеи, и это для тѣхъ, кто умѣетъ смо-
рѣть, до того наглядно, что и объясненій не проситъ.

Древній Римъ первый родилъ идею всемірнаго единенія лю-
дей, и первый думалъ (и твердо вѣрилъ) практически ее выпол-
нить въ формѣ всемірной монархіи. Но эта формула пала предъ
христіанствомъ, — формула, а не идея. Ибо идея эта есть идея
европейскаго человѣчества, изъ нея составилась его цивилизація,
для нея одной лишь оно и живетъ. Пала лишь идея всемірной
римской монархіи и замѣнилась новымъ идеаломъ всемірнаго-же
единенія во Христѣ. Этотъ новый идеалъ раздвоился на Восточ-
ное, то есть идеалъ совершенно духовнаго единенія людей, и на
запад-европейскій, римско-католическій, папскій, совершенно
противный Восточному. Это западное римско-католическое воплo-
щение идеи и совершилось по своему, но утративъ свое христіан-
ство

ское, духовное начало и подѣлившись имъ съ древне-р
наслѣдствомъ. Римскимъ папствомъ было провозглашено,
стіанство и идея его, безъ всемірнаго владѣнія землями
дами,—не духовно, а государственно,—другими слова
осуществленія на землѣ новой всемірной римской монар
главѣ которой будетъ уже не римскій императоръ, а
осуществимо быть не можетъ. И вотъ началась опять
всемірной монархіи совершенно въ духѣ древне-римска
но уже въ другой формѣ. Такимъ образомъ въ Восточно
лѣ—сначала духовное единеніе человѣчества во Христѣ, а
ужь, въ силу этого духовнаго соединенія всѣхъ во Хр
несомнѣнно вытекающее изъ него правильное государств
соціальное единеніе, тогда какъ по римскому толкованію
ротъ: сначала заручиться прочнымъ государственнымъ
ніемъ въ видѣ всемірной монархіи, а потомъ ужь, пож
духовное единеніе подъ началомъ папы, какъ владыки мі

Съ тѣхъ поръ эта попытка въ римскомъ мірѣ шла
и измѣнялась безпрерывно. Съ развитіемъ этой попытк
существенная часть христіанскаго начала почти утратил
все. Отвергнувъ, наконецъ, христіанство духовно, нас
древне-римскаго міра отвергли и папство. Прогремѣла с
французская революція, которая въ сущности была не бол
послѣднимъ видоизмѣненіемъ и перевоплощеніемъ той-же
римской формулы всемірнаго единенія. Но новая формул
лась недостаточною, новая идея не завершилась. Былъ д
ментъ, когда для всѣхъ націй, унаслѣдовавшихъ древне-
призваніе, наступило почти отчаяніе. О, разумѣется, т
общества, которая выиграла для себя съ 1789 года полит
главенство, т. е. буржуазія—восторжествовала и объяви
далѣе и не надо идти. Но за то всѣ тѣ умы, которые и
вѣчнымъ законамъ природы обречены на вѣчное мірово
койство, на исканіе новыхъ формулъ идеала и новаго сл
обходимыхъ для развитія человѣческаго организма,—всѣ
сились ко всѣмъ униженнымъ и обойденнымъ, ко всѣм
лучившимъ доли въ новой формулѣ всечеловѣческаго е
провозглашенной французской революціей 1789 года. О
возгласили свое уже новое слово, именно необходимость
ненія людей уже не въ виду распредѣленія равенства
жизни для какой-нибудь одной четверти человѣчества, о
остальныхъ лишь сырымъ матеріаломъ и эксплуатируемым
ствомъ для счастья этой четверти человѣчества, а нап

соединенія людей на основаніяхъ всеобщаго уже равенства, при участіи всѣхъ и каждаго въ пользованіи благами міра сего, какія-бы они тамъ не оказались. Осуществить-же это рѣшеніе полови *всякими* средствами, т. е. отнюдь уже не средствами христіанской цивилизаціи, и не останавливаясь ни передъ чѣмъ.

Причемъ-же тутъ все это время, всѣ эти двѣ тысячи лѣтъ была Германія? Характернѣйшая, существеннѣйшая черта этого великаго, гордаго и особаго народа, съ самой первой минуты его появленія въ историческомъ мірѣ, состояла въ томъ, что онъ никогда не хотѣлъ соединиться, въ призваніи своемъ и въ началахъ своихъ, съ крайне западнымъ европейскимъ міромъ, т. е. со всѣми преемниками древне-римскаго призванія. Онъ *протестовалъ* противъ этого міра всѣ двѣ тысячи лѣтъ, и хоть и не представилъ (и никогда не представлялъ еще) своего Слова, своего строго формулированнаго идеала взамѣнъ древне-римской идеи, но, кажется, всегда былъ убѣжденъ, внутри себя, что въ состояніи представить это новое Слово и повести за собою человѣчество. Онъ бился съ Римскимъ міромъ еще во времена Арминія, затѣмъ во времена Римскаго христіанства онъ болѣе чѣмъ кто нибудь бился за верховную власть съ новымъ Римомъ. Наконецъ, протестовалъ самымъ сильнымъ и могучимъ образомъ, выводя новую формулу протеста уже изъ самыхъ духовныхъ, стихійныхъ основъ германскаго міра: онъ провозгласилъ свободу изслѣдованія и возвысилъ знамя Лютера. Разрывъ былъ страшный и міровой, формула протеста нашлась и восполнилась,—хотя все еще отрицательная, хотя все еще новое и *положительное* слово сказано еще не было.

И вотъ Германскій духъ, сказавъ это Новое Слово протеста—въ то время какъ-бы замеръ, и произошло это совершенно параллельно съ такимъ-же ослабленіемъ прежняго строго формулированнаго единства силъ и въ его противникѣ. Крайне западный міръ подъ вліяніемъ открытія Америки, новой науки и новыхъ началъ искалъ переродиться въ новую истину, въ новый фазисъ. Когда наступила первая попытка этого перевоплощенія во время Французской революціи, Германскій духъ былъ въ большомъ смущеніи и на время потерялъ было самость свою и вѣру въ себя. Онъ ничего не могъ сказать противъ новыхъ идей крайне-западнаго европейскаго міра. Лютерово Протестантство уже отжило свое время давно, идея-же свободнаго изслѣдованія давно уже принята была всемірной наукой. Огромной организмъ Германіи почувствовалъ болѣе чѣмъ кто нибудь, что онъ не имѣетъ, такъ сказать

плоти и формы для своего выраженія. Вотъ тогда-то въ н
родилась настоятельная потребность хотя-бы сплотиться тол
наружно въ единый стройный организмъ, въ виду новыхъ г
дущихъ фазисовъ его вѣчной борьбы съ крайне-западнымъ
ромъ Европы. Тутъ надо замѣтить весьма любопытное совп
ніе: оба всегдашніе враждебные лагеря, оба противника сти
Европы за главенство въ ней, въ одно и тоже время (или поч
схватываются и исполняютъ очень схожую между собою зад
Новая, еще мечтательная грядущая формула, крайне-западн
міра, т. е. обновленіе человѣческаго общества на новыхъ
ціальныхъ началахъ — эта формула почти все наше стол
провозглашавшаяся лишь мечтателями, научными представ
лями ея, всякими идеалистами и фантазерами, вдругъ въ пос
ніе годы измѣняетъ свой видъ и ходъ своего развитія и
шаетъ: оставить пока теоретическое опредѣленіе и возсозд
своей задачи и приступить прямо, прежде всякихъ мечтаній
практическому шагу задачи, т. е. прямо начать борьбу: а
того—положить начало соединенію во единую организацію вс
будущихъ бойцовъ новой идеи, т. е, всему *четвертому*, об
денному въ 1789 году сословію людей, всѣмъ неимущимъ, вс
рабочимъ, всѣмъ нищимъ, и, уже устроивъ это соединеніе, и
нять знамя новой и неслыханной еще всемірной революціи. Я
лись Интернаціоналка, международныя сношенія всѣхъ нищ
міра сего, сходки, конгрессы, новые порядки, законы,—одн
словомъ. положено *по всей старой западной Европѣ* основ
новому Status in statu, грядущему поглотить собою старый, и
дычествующій въ крайне-западной Европѣ, порядокъ міра с
И вотъ, въ то время какъ это совершалось у противника, г
Германіи понялъ, что и Германская задача, прежде всякаго д
и начинанія, прежде всякой попытки Новаго Слова противъ
ревоплотившагося изъ старой древне-католической идеи про
ника—закончить собственное политическое единеніе, заверш
возсозданіе собственнаго политическаго организма, и возсозд
его, тогда только стать лицомъ къ лицу съ вѣковѣчнымъ
гомъ своимъ. Такъ и случилось: завершивъ свое объедин
Германія бросилась на противника и вступила съ нимъ въ но
періодъ борьбы, начавъ ее желѣзомъ и кровью. Дѣло желѣз
кончено, теперь предстоитъ его кончить духовно, существе
И вотъ вдругъ теперь для Германіи является новая забота,
вый неожиданный поворотъ дѣла, страшно усложняющій зад
Какая-же это задача и въ чемъ этотъ новый поворотъ дѣл

II.

Одинъ геніально-мнительный человѣкъ.

задача, это новая *внѣшняя* забота Германіи, если хо-
уже проснись наружу, а теперь все дѣло въ томъ,
слишкомъ ужь вдругъ выскочила всѣмъ на видъ вслѣд-
шаго клерикальнаго переворота во Франціи. Форму-
ее можно отчасти въ видѣ такого сомнѣнія: «Да объ-
ли полно Германскій организмъ въ одно цѣлое, не раз-
ли онъ напротивъ, по прежнему, не смотря на геніаль-
ія предводителей Германіи за послѣднія двадцать пять
мало того: объединился-ли онъ хотя-бы только лишь по-
ки, не иначе-ли и это не смотря на Франко-Прусскую
провозглашенную послѣ нея новую неслыханную прежде
скую Имперію?» Вотъ этотъ мудреный вопросъ.
мудреность этого Вопроса заключается, главное, въ томъ,
о, почти до самаго послѣдняго времени, не предполагали
существующимъ, по крайней мѣрѣ, среди огромнѣйшаго
ства Германцевъ. Самоупоеніе, гордость и совершенная
ъ свое необъятное могущество чуть не опьянили всѣхъ
ъ поголовно послѣ франко-германской войны. Народъ не-
венно рѣдко побѣждавшій, но зато до странности часто
аемый, — этотъ народъ вдругъ побѣдилъ такого врага,
й почти всѣхъ всегда побѣждалъ! А такъ какъ ясно было,
ъ и не могъ не побѣдить вслѣдствіе образцоваго устройства
безчисленной арміи и своеобразнаго пересозданія ея на со-
ные новыхъ началахъ, и кромѣ того имѣя столь геніаль-
предводителей во главѣ, то, разумѣется, Германецъ и не
е возгордиться этимъ до опьяненія. Тутъ ужь нечего брать
браженіе всегдашнюю самодовольную хвастливость всякаго
—исконную черту нѣмецкаго характера. Съ другой сто-
изъ такъ недавно еще раздробленнаго политическаго ор-
а вдругъ появилось такое стройное цѣлое, что Германецъ
ъ и тутъ усумниться и вполнѣ повѣрилъ, что объединеніе
лось, и что для Германскаго организма наступилъ новый,
ій и великій фазисъ развитія. И такъ, не только яви-
гордость и шовинизмъ, но явилось почти легкомысліе; и
акіе тутъ могли быть вопросы,—не только для какого-
ь воинственнаго лавочника или сапожника, но даже для

профессора или министра? Но однако-же все-таки ост
кучка нѣмцевъ, очень скоро, почти сейчасъ-же послѣ
Прусской войны, начавшихъ сомнѣваться и задумыват
глубже замѣчательнѣйшихъ членовъ этой кучки безспорно
князь Бисмаркъ.

Еще не успѣли выйти Германскія войска изъ Франці
онъ уже ясно увидѣлъ, что слишкомъ мало было сдѣлано «
и желѣзомъ», и что надо было, имѣя передъ собою таки
мѣровъ цѣль, сдѣлать, по крайней мѣрѣ, вдвое больше по
случаемъ. Правда, военныхъ выгодъ осталось все же бе
больше на сторонѣ Германіи и это еще на долго. Франція
уступки Эльзаса и Лотарингіи, стала такой маленькой, по
ному объему, странной для великой державы, что одно
удачныхъ для Германіи сраженія, въ случаѣ новой войны.
манскія войска тотчасъ-же будутъ въ центрѣ Франціи и в
тегическомъ отношеніи Франціи пропала. Но однако вѣрны
бѣды, можно-ли надѣяться на эти два побѣдоносныя сраже
вѣрно? Въ Франко-Прусскую войну нѣмцы побѣдили-то соб
вѣдь не французовъ, а только Наполеона и его порядки. Не
же во Франціи будутъ войска столь плохо устроенныя и
дуемыя, не всегда-же будутъ и узурпаторы, которые, ну
въ своихъ генералахъ и чиновникахъ изъ династическихъ
ресовъ, принуждены будутъ допускать у себя такія пла
упущенія, при которыхъ не можетъ существовать пра
войско. Не всегда-же будетъ повторяться и Седанъ, ибо
въ сущности только случай и вышелъ лишь потому, что
леону нельзя уже было воротиться въ Парижъ императором
какъ по милости короля Прусскаго. Не всегда тоже бу
столь мало даровитые генералы, какъ Макъ-Магонъ или такіе
ники, какъ Базенъ. Опьяненные столь неслыханнымъ дл
торжествомъ, нѣмцы, конечно, всѣ до единаго, могли увѣ
въ то, что это все они сдѣлали, одними своими таланта
въ сомнѣвающейся кучкѣ могли думать иное, особенно посл
когда побѣжденный врагъ, еще столь разстроенный и по
ный, вдругъ уплатилъ три милліарда контрибуціи разом
поморщился. Это ужь конечно очень огорчило князя Би

Съ другой стороны, для сомнѣвающейся кучки предст
другой вопросъ, можетъ быть, еще важнѣйшій: совсѣмъ-ли
шилось политическое и гражданское объединеніе внутри орга
для всѣхъ почти въ Европѣ, и, кажется, въ особенности
въ Россіи, въ этомъ доселѣ еще никто не сомнѣвался. I

скіе, приняли все то, что приключилось въ послѣднія де-
пятнадцать лѣтъ въ Германіи, за нѣчто уже окончатель-
высшей степени не случайное, а натуральное, за такое
и не должно измѣниться. Совершившіеся факты намъ
и необыкновенное почтеніе. А между тѣмъ, въ глазахъ
ніальныхъ людей, какъ князь Бисмаркъ, врядъ-ли все, чему
ю, приняло свою окончательную прочность. То, что мо-
заться теперь прочнымъ, то, можетъ быть, всего только
тазія. Трудно предположить, чтобъ столь долгая привычка
тическому разъединенію изчезла у нѣмцевъ такъ вдругъ,
питый стаканъ воды. Нѣмецъ упоренъ уже по своей при-
нѣшнее поколѣніе нѣмцевъ къ тому-же было подкуплено
и, опьянено гордостью и сдержано желѣзной рукой пред-
й. Но въ весьма можетъ недалекомъ будущемъ, когда эти
тели отойдутъ въ другой міръ и уступятъ мѣсто дру-
однимутся можетъ быть прижатые на время вопросы и
ты. Весьма тоже вѣроятно, что тогда утратится энергія
порыва соединенія, напротивъ, возродится вновь энергія
, которая и пошатнетъ то, что было сдѣлано. Явится
іе къ распаденію, къ обособленію, и именно тогда, когда
ѣ ужь совсѣмъ оправится отъ удара страшный врагъ.
и теперь уже не спитъ и не дремлетъ, и даже извѣстно
начнетъ. А тутъ вдобавокъ и самый, такъ сказать, за-
роды: Германія вѣдь все-таки въ Европѣ страна *сере-*
какъ-бы она ни была сильна — съ одной стороны Фран-
ругой Россія. Правда, русскіе пока вѣжливы. Но что если
гъ догадаются, что не они нуждаются въ союзѣ съ Гер-
что Германія нуждается въ союзѣ съ Россіей, мало того:
...ть отъ союза съ Россіей есть, повидимому, роковое
ніе Германіи, съ Франко-Прусской войны особенно. То-то
то въ слишкомъ сильную почтительность Россіи даже
убѣжденный въ своей силѣ человѣкъ, какъ князь Бис-
е въ состояніи вѣрить. Правда, до послѣдняго внезап-
ключенія во Франціи, измѣнившаго вдругъ весь видъ дѣла,
исмаркъ все еще надѣялся, что чрезвычайная вѣжливость
ще надолго непоколебима, и вотъ вдругъ это приклю-
днимъ словомъ, случилось нѣчто необычайное.
ычайное для всѣхъ но не для князя Бисмарка! Теперь
ь, что геній его все это «приключеніе» предвидѣлъ за-
е геній-ли его, скажите, не геніальный-ли глазъ его под-
главнаго врага столь за долго? Почему именно онъ такъ

возненавидѣлъ католицизмъ, почему онъ такъ гналъ и пресл
валъ все что исходило изъ Рима (т. е. отъ папы), — вотъ
столько лѣтъ? Почему онъ такъ дальновидно озаботился з
читься итальянскимъ *союзомъ* (такъ можно выразиться), — н
не для того, чтобъ съ помощью итальянскаго правительства
давить папское начало въ мірѣ, когда придетъ срокъ выби
новаго папу. Не католическую вѣру онъ гналъ, а римское на
этой вѣры. О, безъ сомнѣнія, онъ дѣйствовалъ, какъ нѣмецъ, и
протестантъ, онъ дѣйствовалъ противъ основной стихіи кра
западнаго, всегда враждебнаго Германіи міра, но все-же очев
очень многіе изъ геніальнѣйшихъ и либеральныхъ мыслит
Европы смотрѣли на этотъ походъ великаго Бисмарка про
столь ничтожнаго папы, какъ на борьбу слона съ мухой. И
объясняли все это даже странностью генія, капризами ген
наго человѣка. Но дѣло въ томъ, что геніальный политикъ *съу*
оцѣнить, можетъ быть, единый въ мірѣ изъ политиковъ, и
сильно еще римское начало само въ себѣ и среди враговъ
маніи, и какимъ страшнымъ цементомъ можетъ оно послу
въ будущемъ для соединенія всѣхъ этихъ враговъ во едино.
съумѣлъ догадаться, что, можетъ быть, у одной лишь римской
можетъ найтись такое знамя, которое въ роковую (а въ глаз
Бисмарка и неизбѣжную) минуту сплотитъ всѣхъ уже раздан
ныхъ имъ враговъ Германіи опять въ одно страшное цѣл
вотъ геніальная догадка вдругъ оправдалась: всѣ партіи въ
бѣжденной Франціи, изъ тѣхъ, которыя могли начать движ
противъ Германіи, — всѣ эти партіи были раздроблены, ни
изъ нихъ не могла восторжествовать и захватить во Фра
власть. Соединиться тоже онѣ никакъ не могли, имѣя каждая
виду противоположныя цѣли задачъ своихъ, — и вотъ знамя и
и іезуитовъ соединяетъ все. Врагъ возсталъ и врагъ этотъ
не Франція, а самъ папа. Это папа, предводительствующій во
и всѣми, кому завѣщана римская идея и идущій броситься на
манію. Но чтобы яснѣе изложить случившееся, взглянемъ п
тальнѣе въ лагерь противниковъ Германіи.

III.

И сердиты и сильны.

Папа умираетъ. Онъ очень скоро умретъ. Все католичес
принимающее Христа въ образѣ римской идеи — давно уже

мъ волненіи. Подходитъ роковая минута. Оплошать нель-
тогда уже смерть римской идеѣ. Можетъ именно слу-
что новый папа, подъ давленіемъ правительствъ всей
будетъ избранъ, «не свободно», и провозглашенный па-
асится отказаться на вѣки, и въ принципѣ, отъ земнаго
, отъ сана земнаго государя, отъ котораго не отказал-
X (напротивъ, въ самую роковую минуту, когда отъ не-
али и Римъ и послѣдній кусокъ земли и оставляли ему
венность лишь одинъ Ватиканъ, въ эту самую минут
ъ нарочно, провозгласилъ свою непогрѣшимость, а
ѣмъ и тезисъ: что безъ земнаго владѣнія хри
ъ уцѣлѣть на землѣ,—т. е. въ сущности прово
дыкой міра, а предъ католичествомъ поставилъ, уж
и, прямую цѣль всемірной монархіи, къ которой и по-
стремиться во славу Божію и Христа на землѣ). О, ко-
нъ ужасно насмѣшилъ тогда всѣхъ остроумныхъ людей:
ь да не силенъ,—Хлестакову братъ». И вотъ, вдругъ,
во-избранный папа будетъ подкупленъ, если даже самъ
ъ, подъ давленіемъ всей Европы, принужденъ будетъ
ь соглашеніе съ противниками римской идеи,—ну, тогда
ртъ! Ибо разъ, правильно избранный, а, стало быть, не-
мый папа, откажется въ принципѣ отъ сана земнаго го-
—то, стало быть, и впредь на вѣки такъ и останется. Съ
стороны, если новоизбранный конклавомъ папа твердо и
вселенную объявитъ, что онъ ни отъ чего не хочетъ
аться, а пребудетъ въ прежней идеѣ вполнѣ, и начнетъ
емы и на всѣхъ враговъ Рима и римскаго католичества.
правительства Европы могутъ его не признать, а, стало
въ этомъ случаѣ можетъ произойти такое роковое по-
въ римской церкви, послѣдствія котораго могутъ быть
имы и непредвидимы.

Неправда-ли, что для политиковъ и дипломатовъ почти
ропы—все это весьма смѣшно и ничтожно! Папа, повер-
и заключенный въ Ватиканѣ, представлялъ собою, въ
ie годы, въ ихъ глазахъ такое ничтожество, которымъ
было и заниматься. Такъ размышляли чрезвычайно мно-
довые люди Европы, особенно изъ остроумныхъ и ли-
йшихъ. Папа, издающій аллокуціи и силлабусы, прини-
богомольцевъ, проклинающій и умирающій—въ глазахъ
хожъ былъ на шута для ихъ увеселенія. Мысль о томъ,
ишая идея міра, идея вышедшая изъ главы діавола

во время искушенія Христова въ пустынѣ, идея живу
мірѣ уже органически тысячу лѣтъ—эта идея такъ-так
метъ и умретъ въ одну минуту—эта мысль принималас
сомнѣнную. Ошибка, конечно, тутъ заключалась въ религ
значеніи этой идеи, въ томъ что два значенія были пере
вмѣстѣ: «Такъ какъ-де рѣдко кто теперь вѣритъ на св
Бога, особенно по римскому толкованію, а во Франціи так
не вѣритъ въ него и народъ, а развѣ одно только выс
словіе, да и то не вѣритъ, а только ломается,—то, стал
какую-же силу могутъ имѣть, въ нашъ образованный вѣк
и римское католичество? — вотъ въ чемъ увѣрены даж
перь остроумные люди. Но идея религіозная и идея пап
сущности различны. Вотъ эта-то папская идея вдругъ в
дни, всего только два мѣсяца назадъ, разомъ проявила
живучесть, такую силу, что произвела во Франціи радик
шій политическій переворотъ, надѣла на всю Францію
рабски повлекла ее за собой.

Во Франціи за послѣдніе годы образовалось парлам
большинство изъ республиканцевъ и вели они свои дѣл
дочно, чисто, спокойно, безъ потрясеній. Улучшили арм
для нея громадныя суммы не споря, но и не думали о
и всѣ понимали, и во Франціи, и въ Европѣ, что если ест
нѣ миролюбивая партія, то ужь, конечно, это они, респуб
цы. Предводители ихъ отличались сдержанностью и необы
еще у нихъ благоразуміемъ. Въ сущности, однако, все эт
отвлеченные и идеалисты. Это давно уже отпѣтые и
безсильные люди. Это либеральные, сѣдые, но молодящіе
рички, воображающіе себя все еще молодыми. Они остан
на идеяхъ первой французской революціи, т. е. на тор
третьяго сословія, и въ полномъ смыслѣ слова суть вопл
буржуазіи. Это совершенно та же іюльская монархія, но
лишь разницей, что она называется республикой и что
короля (т. е. ужь, разумѣется, «тирана»). Все, что они
новаго—это провозглашеніе въ 1848 году всеобщей под
лосовъ, котораго такъ боялось іюльское королевское правите
и изъ котораго не только не вышло ничего опаснаго, а, напр
очень даже много, для буржуазіи, полезнаго. Очень тоже п
лась потомъ эта идея правительству Наполеона III. Но ст
удовлетворены были ею въ высшей степени, и ихъ, какъ
тѣшитъ, что они республиканцы. Слово «республика» у ни
го комически-идеальное. Казалось-бы, эта невинная партія

:довлетворить Францію, т. е. городскую буржуазію и
цѣльцевъ. Но оказалось напротивъ. Въ самомъ дѣлѣ, по-
публика всегда казалась во Франціи правительствомъ не-
жнымъ. И если республиканцы не были всегда ненави-
всегда были презираемы за безсиліе ихъ огромнымъ
твомъ буржуазіи. Если не прямо презираемы, то всегда
емы. Народъ тоже въ нихъ почти никогда не вѣрилъ.
томъ, что каждый разъ, съ воцареніемъ во Франціи рес-
все во Франціи какъ-бы теряло свою прочность и само-
сть. Всегда до сихъ поръ республика была лишь какой-
нной срединой—между соціальными попытками самаго
о размѣра и какимъ-нибудь, иногда самымъ наглымъ.
ромъ. И такъ какъ это почти всегда случалось, то такъ
ло на нее смотрѣть общество, и чуть лишь наступала
за то всегда всѣ начинали чувствовать себя какъ-бы въ
ствіи, и какъ-бы благоразумно ни правили республи-
ю буржуазія всегда при нихъ увѣрена, что рано-ли,
, а грянетъ красный бунтъ или опять наступитъ какая-
онархія. Кончилось тѣмъ, что монархическое правленіе
полюбила гораздо больше, чѣмъ республику, не смотря
о, что монархія, какъ напримѣръ Наполеона III, вы-
аже какъ-бы попытки войти въ соглашеніе съ соціа-
тогда какъ ужь никто ни свѣтъ не можетъ быть вра-
оціалистамъ, какъ чистые республиканцы: для республи-
было-бы только слово республика, а соціалисты ищутъ
, а одного лишь дѣла. По принципамъ соціалистовъ все
еспублика, монархія-ли, французы-ли они будутъ или
нцами, и право даже, если-бъ вышло какъ-нибудь
имъ могъ-бы пригодиться самъ Папа, то они провозгла-
Папу. Они прежде всего ищутъ *своего дѣла*, т. е.
четвертаго сословія и равенства въ распредѣленіи правъ
ованіи благами жизни, а подъ какимъ знаменемъ—это
тамъ придется, все равно хоть подъ самымъ деспо-
.

ательно, что князь Бисмаркъ ненавидитъ соціализмъ
е царства, и что германское правительство, въ самое
время особенно, стало какъ-то слишкомъ бояться со-
ской пропаганды. Безъ сомнѣнія, это потому, что со-
обезличиваетъ національное начало и подъѣдаетъ на-
ть въ самомъ корнѣ, а принципъ національности есть
есть главная идея всего германскаго объединенія, всего

того, что совершилось въ Германіи въ послѣдніе годы. Но о
можетъ быть, что князь Бисмаркъ смотритъ еще глубже, а име
соціализмъ есть сила грядущая для всей западной Европ
если папство когда-нибудь будетъ покинуто и отброшено
вительствами міра сего, то весьма и весьма можетъ случиться
оно бросится въ объятія соціализма и соединится съ ним
едино. Папа выйдетъ ко всѣмъ нищимъ пѣшъ и босъ, и
жетъ, что все, чему они учатъ и чего хотятъ, давно уже ест
Евангеліи, что до сихъ поръ лишь время не наступало им
это узнать, а теперь наступило, и что онъ, Папа, отдаетъ
Христа и вѣритъ въ муравейникъ. Римскому католичеству (с
комъ ужь ясно это) нуженъ не Христосъ, а всемірное вл
чество: «Вамъ-де надо единеніе противъ врага—соединитесь
моею властью, ибо я одинъ *всемірен* изъ всѣхъ властей и
стителей міра, и пойдемъ вмѣстѣ». Эту картину, вѣроятно,
видитъ князь Бисмаркъ, ибо лишь онъ одинъ изъ всѣхъ ди
матовъ возъимѣлъ на столько зоркій взглядъ, чтобъ прови
живучесть римской идеи и всю ту энергію, съ которою он
това себя отстоять, не различая уже средствъ. Жить ей хо
адски, а убить ее трудно, это змѣя!—Вотъ что понимает
всей силѣ одинъ лишь князь Бисмаркъ,—главный врагъ па
и римской идеи!

Но молодящіеся старички, французскіе республиканцы,
не въ состояніи были понять. Клерикаловъ они ненавидѣли
одного уже либерализма, но считали Папу безсильнымъ и
зрѣннымъ, а римскую идею совсѣмъ отжившею. Они не до
лись даже ужиться съ страшною клерикальною партіею,
бы только политически, чтобъ придать себѣ больше крѣп
По крайней мѣрѣ, они могли-бы не раздражать пока клерикал
не затрогивать ихъ, съ такимъ нарочнымъ задоромъ, и даже м
бы пообѣщать нѣкоторое содѣйствіе въ ближайшемъ буду
при выборѣ новаго Папы. Но они именно сдѣлали все про
положное—или отъ идеальной честности своихъ убѣжденій,
просто по легкомыслію. Послѣднее время они особенно стали
клерикаловъ, и какъ разъ въ ту минуту, когда папству
только и оставалась что одна Франція какъ поддержка,
выходилъ страшный шансъ умереть папству вмѣстѣ съ П
IX-мъ. Ибо кто, въ случаѣ нужды, могъ-бы въ Европѣ обна
мечъ за «свободу» избранія Папы и за свободу избраннаго П
Да и мечъ этотъ долженъ быть сильный и могучій. Другаго
бора не оставалось кромѣ Франціи и ея милліонной армія. И

о и во главѣ враговъ! Правда, маршалъ Макъ-Магонъ ъ, но онъ въ тискахъ и выпутаться самъ не умѣетъ: тво палаты республиканское и либеральное и ни одна ій не въ силахъ замѣстить его. Однимъ словомъ, ско- республиканское большинство невозможно, и вотъ вдругъ ы,—эти презираемые и безсильные клерикалы, выру- ршала Макъ-Магона и проявляютъ на весь міръ такое во, какого никто отъ нихъ не ожидалъ болѣе. Они даютъ отіямъ, что имъ можно соединиться лишь подъ клери- знаменемъ и тѣ, пораженные очевидностью, разомъ съ лашаются. Въ самомъ дѣлѣ: и у легитимистовъ и у бона- въ самый главный и ближайшій врагъ ихъ—все это- бликанское большинство. Если каждая изъ этихъ пар- ъ работать для себя порознь, то ничего не достигнетъ, ившись вмѣстѣ эти партіи могутъ составить силу и все и республиканцевъ разогнать. А тамъ уже, когда раз- еспублику, можно будетъ каждой партіи позаботиться о жь, разумѣется, каждая изъ нихъ тѣмъ больше будетъ нсовъ на успѣхъ, чѣмъ больше она угодитъ клерика- ерикалы все это разсчитали математически, соединеніе о и клерикальное большинство сената разрѣшило Макъ- азогнать республиканцевъ.

IV.

ойско. — Мнѣніе легіоновъ какъ новый элементъ цивилизаціи.

вивъ такую внезапную силу и ловкость, клерикалы не- пойдутъ далѣе: Они объявятъ въ рѣшительную для уту войну Германіи — и вотъ что немедленно понялъ исмаркъ! Главное они уже сдѣлали: Макъ-Магонъ уже я бросить Францію въ политику приключеній. Имъ-ли ться передъ дальнѣйшимъ? Не жалѣть-же имъ Францію; какъ и все на свѣтѣ, имъ нужна пока лишь можетъ при- мъ пользу. О, они-бы могли ее пожалѣть: это страна — нная ихъ надежда и служила имъ столько вѣковъ! Но менно пришла для нихъ самая роковая минута въ цѣ- лѣтіе, и коль подвернулась Франція, - то отчего-же и ея соки, хотя-бы до убіенія ея, и не рискнуть

самымъ ея существованіемъ? Надо взять у нея все что он
жетъ дать, а, главное, нельзя мѣшкать ни минуту: немного
же и для нихъ будетъ несомнѣнно поздно. Такъ что именн
перь надобно попробовать отбить Бисмарка, ибо если кто бу
вредить при избраніи папы, то ужь конечно онъ. А вдоба
Бисмаркъ именно въ эту минуту какъ нарочно одинъ, безт
юзниковъ: Россія (вся надежда его)—занята теперь на вос
Наконецъ, если удастся смирить Бисмарка, хотя-бы даже на
мя, то надо какъ можно скорѣй и заранѣе положить осно
будущему: надо воспользоваться удавшимся моментомъ и,
навсегда, создать изъ Франціи уже прочную для себя союзн
на все готовую и послушную, а для того произвести въ
переворотъ уже *серьезный*, радикальный и вѣковой. Безъ
нѣнія, во всемъ этомъ много риску, но колебаться могутъ
гіе, а не отцы іезуиты. Главное въ томъ, что имъ и нѣтъ
гаго выбора въ данный моментъ какъ рисковать и рискова
Ограничиться однимъ совершившимся во Франціи клерикальн
переворотомъ, безъ войны съ Германіей и безъ *серьезной*
люціи во Франціи, имъ положительно невозможно. Дѣла ихъ
но дошли до такого положенія. Имъ надо все или ничего,
же взять мало, ограничиться какимъ-нибудь тамъ вліяніем
правительствѣ, то все равно это не принесло-бы имъ ни ма
шей пользы, ибо нужды-то ихъ теперь большія! А потому
и должны рѣшиться на самый открытый и наглый рискъ.
имъ надо взять весь va-banque. Если, на случай, рискъ не у
ся и Францію напримѣръ нѣмцы побѣдятъ и раздавятъ о
то вѣдь все равно,—имъ, клерикаламъ, хуже того какъ те
(т. е. еслибъ они сидѣли смирно и не начинали переворота
будетъ: они останутся при томъ-же, при чемъ были до на
«приключенія», т. е. въ состояніи сквернѣйшемъ, но кот
ухудшиться уже не можетъ. Франція другое дѣло: если по
дена будетъ опять, то несомнѣнно погибнетъ. Но таковъ-ли іе
ты народъ чтобъ предъ этимъ остановиться: они знаютъ,
если побѣдитъ Франція, то они получатъ *все*, и ужь до
укрѣпятся во Франціи, что ихъ и не выведешь. А для это
нихъ есть свои особыя средства, во Франціи еще неслыхан

Всякіе другіе революціонеры, даже изъ самыхъ ярыхъ
красныхъ, производя переворотъ, все же сообразуются, хоть
части, съ чѣмъ-то общимъ, прежде даннымъ и даже законны
Революціонеры-же іезуиты не могутъ дѣйствовать законно
именно *необычайно*. Эта черная армія стоитъ внѣ чел

ажданства, внѣ цивилизаціи и исходитъ вся изъ одной
то status in statu, это армія папы, ей надо лишь торже-
ной своей идеи,—а затѣмъ пусть гибнетъ все что на пути
аетъ, пусть гибнутъ и вянутъ всѣ остальныя силы, пусть
ъ все не согласное съ ними—цивилизація, общество, нау-
ь несомнѣнно необходимо обработать Францію въ новомъ
окончательномъ видѣ, если случай будетъ на нихъ сто-
вымести изъ нея весь *соръ* ужь такимъ помеломъ, о ка-
о сихъ поръ никто и не слыхивалъ, съ тѣмъ чтобъ и
ю больше никакимъ сопротивленіемъ, и дать странѣ но-
ранизмъ, подъ строжайшей опекой іезуитовъ, на вѣки

.

это съ перваго взгляда можетъ показаться весьма не-
. Во французскихъ газетахъ (и въ нашихъ) всѣ благо-
ные люди сильно увѣрены, что клерикалы непремѣнно
ъ себѣ ногу на слѣдующихъ выборахъ во французскую
Французскіе республиканцы, въ невинности душевной,
нно тоже убѣждены, что вся activité dévorante новоразо-
хъ префектовъ и мэровъ ровно ничего не добьется, а бу-
ѣбраны все прежніе республиканцы, которые и составятъ
большинство и немедленно скажутъ veto всѣмъ замыс-
ъ-Магона; затѣмъ клерикалы будутъ выгнаны, а, можетъ
самъ Макъ-Магонъ вмѣстѣ съ ними. Но увѣренность эта
неосновательна и навѣрно клерикалы на этотъ счетъ не
мъ-то озабочены. Дѣло именно въ томъ, что наивные и
сердцемъ старички все еще, не смотря на долгій опытъ,
маютъ, кажется, въ полной силѣ съ какимъ народомъ они
дѣло. Ибо чуть чуть выборы окажутся для клерикаловъ
шими, то они разгонятъ и новую палату, не смотря на
ституціонныя и законныя права ея. Возразятъ мнѣ, что
етъ не законно, а потому невозможно. Это такъ, но вѣдь
законы, этой черной арміи? Они навѣрно (и есть уже
о томъ свидѣтельствующіе) внушатъ столь послушному
Макъ-Магону отчаянную рѣшимость употребить въ дѣло
ство такое, которое и во Франціи еще ни разу не было упо-
именно: *военный деспотизмъ*. Воскликнутъ, что это старое
что его уже нѣсколько разъ употребляли, напримѣръ,
ны! И однако я осмѣлюсь замѣтить, что все это было
это средство, *во всей его откровенности, дѣйствительно*
требллось во Франціи еще ни разу Маршалъ Макъ-Ма-
ручившись преданностью арміи, можетъ разогнать новое

грядущее собраніе представителей Франціи, *если оно пойдё противъ него*, просто штыками, а затѣмъ прямо объявить н странѣ, что *такъ захотѣла армія*. Какъ римскій императ упадка имперіи, онъ можетъ затѣмъ объявить, что отнынѣ с детъ сообразоваться лишь съ мнѣніемъ легіоновъ». Тогда нам нетъ всеобщее осадное положеніе и военный деспотизмъ, — вотъ увидите, увидите, что это ужасно многимъ во Франціи нравится! И повѣрьте, что если будетъ надобность, то явятс плебесциты, которые *большинствомъ голосовъ всей Франціи* дол лять войну и дадутъ потребныя деньги. Въ недавней рѣчи съ къ войскамъ маршалъ Макъ-Магонъ говорилъ именно въ эт смыслѣ и войска приняли его весьма сочувственно. Сомнѣній нѣ что армія больше на его сторонѣ. Къ тому же теперь онъ уже т далеко зашелъ, что ему и нельзя остановиться, иначе онъ какъ не останется на своемъ мѣстѣ, тогда какъ вся его по тика и весь онъ выражаются въ одномъ словѣ: «J'y suis et reste», то есть: «Сѣлъ и не сойду». Дальше этой фразы о какъ извѣстно, не пошелъ и, ужь конечно, для торжества эт тезиса рискнетъ, пожалуй, даже существованіемъ Франціи. Го ность къ подобному риску онъ уже разъ доказалъ въ фра прусскую войну, когда, подъ вліяніемъ бонапартистовъ, рѣши сознательно лишить Францію ея арміи изъ преданности къ настіи Наполеона. Клерикалы-же навѣрно обезпечили ему «J'y suis et j'y reste». Разъ соединивъ партіи подъ своимъ менемъ, т. е. бонапартистовъ и легитимистовъ, они навѣрно съумѣли ловко *указать* Макъ-Магону, что вѣдь въ случаѣ нуж можно и совсѣмъ обойтись безъ Шамбора и безъ Бонапарт вовсе не надо будетъ ихъ призывать, ни въ какомъ даже с чаѣ. а просто-бы самому ему, маршалу Макъ-Магону, оста диктаторомъ и безсмѣннымъ правителемъ, то есть ужь не на с лѣтъ, а навсегда. Вотъ такимъ образомъ и осуществится тез «J'y suis et j'y reste»,—было-бы только согласіе арміи; согла же Франціи впослѣдствіи неминуемо, ибо твердая диктатор рука, во главѣ власти, очень и очень многимъ придется вкусу». Подобныя льстивыя *указанія* навѣрно уже были пр несены. Можетъ быть, усомнятся въ томъ, что такой челов какъ Макъ-Магонъ можетъ все это предпринять и исполн Но во первыхъ, онъ первую половину дѣла предпринялъ исполнилъ, и половину, нисколько не легчайшую относите проявленія рѣшимости, чѣмъ вторая будущая. А во вторыхъ вотъ такіе-то именно люди, сами по себѣ вовсе не предпріи

ли вдругъ подпадутъ подъ чье-нибудь верховное и рѣ-
ное вліяніе, то могутъ обнаружить огромную и роковую
сть,—и не то чтобы отъ большаго генія, а именно отъ
положной причины. Главное, тутъ не соображеніе, а про-
чокъ, и если ужь ихъ разъ хорошенько толкнуть, то
рутъ въ одну точку, до тѣхъ поръ пока или пробьютъ
тѣну или сломаютъ себѣ рога.

V.

Довольно непріятный секретъ.

это совершенно понимаютъ въ Германіи. По крайней мѣрѣ,
ціозные органы печати, находящіеся подъ вліяніемъ князя
ка, прямо увѣрены въ неминуемой войнѣ. Кто на кого
я первый, и когда именно,—неизвѣстно, но война очень
можетъ загорѣться. Конечно, гроза можетъ еще пройти
Вся надежда, если маршалъ Макъ-Магонъ вдругъ испу-
я всего, что взялъ на себя и остановится, какъ нѣкогда
въ недоумѣніи среди дороги. Но тогда онъ самъ рискуетъ
ть, и невѣроятно, чтобъ онъ не понималъ этого А шанс
нія среди дороги хоть и возможенъ, но врядъ-ли на
жно твердо понадѣяться. Пока князь Бисмаркъ слѣдитъ
ъ, что происходитъ во Франціи съ лихорадочнымъ вни-
онъ наблюдаетъ и ждетъ. Для него гроза именно въ
но не въ тотъ моментъ началось это дѣло, какъ онъ
ъ. Теперь-же связаны руки. Всего-же хлопотливѣе то,
крылись болячки, которыя до сихъ поръ тщательно при-

Про главную болячку всѣхъ нѣмцевъ я уже говорилъ.—
язнь, что Россія вдругъ догадается о томъ, какъ она
ственна и какую силу можетъ имѣть теперь, именно въ на-
и моментъ, ея рѣшающее слово, а главное—что *заключен-
ный союзъ съ Россіей есть, повидимому, роковое назначен-
ie, особенно съ франко-прусской войны*». Этотъ нѣмец-
ретъ можетъ вдругъ теперь обнаружиться—и для нѣмцевъ
это конфузно. Какъ ни искренно пріязненна къ нам
олитика Германіи за послѣдніе годы, но секретъ-то все-
блюдался всѣми нѣмцами. Особенно печать дѣйствовала
ъ смыслѣ. До сихъ поръ нѣмцы всегда имѣли спокой-
бодный видъ, прямо свойственный могуществу, не зна

дающемуся ни въ чьей помощи. Но теперь, конечно, слабое сто должно выйти наружу. Ибо если клерикальная Франція рѣш на роковую борьбу, то Францію мало уже просто побѣдить, лишь отбить ея нападеніе, если она первая бросится, а надо на вѣки ее обезсилить, такъ-таки придавить, пользуясь случае вотъ задача! А такъ какъ у Франціи къ тому-же милліонъ с комъ войска, то чтобъ дѣло это покончить навѣрно, надо н нѣнно *обезпечить* его, иначе нечего и приниматься. А об ченія другаго нѣтъ какъ заручиться рѣшающимъ словомъ сіи. Однимъ словомъ, непріятнѣе всего, что все это в дитъ такъ внезапно. Всѣ прежніе разсчеты спутались и те уже событія командуютъ разсчетами, а не разсчеты вла ютъ надъ событіями. Франція можетъ начать сегодня-за лишь чуть-чуть управится у себя внутри. Она бросилась в литику приключеній, что для всѣхъ очевидно, а если там гдѣ приключенія остановятся, гдѣ ихъ стѣна и граница? очень непріятно; такъ еще недавно нѣмцы имѣли такой нез симый видъ, и особенно въ послѣдній годъ. Вспомнимъ, чт этотъ годъ и Россія старалась разсмотрѣть въ Европѣ др своихъ, и нѣмцы знали про заботы Россіи и имѣли самый личный случаю торжественный видъ. Конечно, всякое сла ское движеніе всегда нѣсколько Германію безпокоило, но м даже прямо сказать что въ объявленіи Россіей войны два сяца назадъ, даже, можетъ быть, заключалось для Германіи что почти пріятное: «Нѣтъ ужь теперь-то они никакъ не даются—думали въ Германіи два мѣсяца назадъ — что эт въ нихъ нуждаемся, теперь они, напротивъ, стоя передъ Д емъ—«нѣмецкой рѣкой», вполнѣ убѣждены, что сами они ун въ насъ нуждаются, и что въ концѣ войны не обойдется нашего вѣсскаго слова. И это хорошо, что русскіе такъ ю ютъ, это намъ въ будущемъ пригодится». Сомнѣній нѣтъ, навѣрно объ насъ такъ думали весьма многіе тонкіе нѣмцы печать ея такъ думала и писала и—вдругъ теперь это ка кальное настроеніе все переворотило на другую сторону»: С перь они догадаются, теперь обо всемъ догадаются! А к того надо, чтобъ Россія какъ можно скорѣе кончила на вос и освободилась. Но оказать на нее давленіе весьма невыг Развѣ сама испугается Англіи и Австріи, но врядъ-ли. Со ниться-же съ Англіей и Австріей для давленія на Россію- чего и думать: они потомъ не помогутъ, а Россія разсерд Странное положеніе! Ужь не помочь-ли Россіи, чтобъ она

корѣе? Это можно сдѣлать и не обнажая меча, а лишь
съ политическимъ, на Австрію, напримѣръ...» — вотъ
думываютъ теперь тѣже политики, и очень, очень мо-
читься, что все это такъ именно и есть въ самомъ дѣлѣ.
ъ словомъ, мнѣ хотѣлось высказать лишь мое убѣжде-
вѣру, что Россія не только сильна и могущественна,
гда была, но теперь, особенно теперь, она самая силь-
всѣхъ странъ Европы, и что никогда ея рѣшающее слово
цѣниться въ Европѣ такъ вѣско, какъ въ данный мо-
усть Россія сама занята на Востокѣ, но одно лишь рѣ-
слово ея на вѣсахъ Европейской политики можетъ по-
теперь вѣсы по ея волѣ и желанію. Конечно, и сама
перь понимаетъ, что въ виду *возможности* весьма хло-
съ новыхъ событій въ крайне-западной Европѣ,—и она,
потеряетъ въ глазахъ Русскихъ двѣ трети своего пре-
что поймутъ-же наконецъ даже самые мнительные изъ
, что она отнюдь не рискнетъ на войну въ случаѣ силь-
мости Россіи продолжать свое дѣло, и скорѣе станетъ
ать на дѣлежъ наслѣдства послѣ «больнаго человѣка»,
нится начать открытую войну за него въ такую и безъ
тливую минуту въ Европѣ. Въ самомъ дѣлѣ, случись
и впрямь что нибудь разыграется въ Западной Европѣ
ное и роковое, то никогда Англія не рѣшится слишкомъ
вязаться въ такое хлопотливое дѣло, столь несходное
мъ характеромъ ея интересовъ, и ужъ навѣрно при-
зорко наблюдательное положеніе, выжидая, по обычаю
добный моментъ когда можно будетъ пронюхать гдѣ ни-
й нибудь дѣлежъ добычи, чтобы немедленно къ нему
ся. Затѣвать-же теперь (т. е. до окончанія разъясненій
шадныхъ событій) съ Россіею что нибудь слишкомъ
, будетъ ужъ слишкомъ для нея неразсчетливо. Съ дру-
ны, Австрія, оставшись *одна*—что можетъ сдѣлать? Да
ично, чтобы клерикальное усложненіе дѣла въ крайне-
Европѣ не смутило и ее хоть отчасти. И она, конечно,
къ и всѣ, дальнѣйшей развязки событій, такъ что и у
у всѣхъ, отчасти связаны руки. У всѣхъ связаны, а
ссія только распутаны. Вотъ ужъ и разыгралось, зна-
но *непредвидѣнное* въ нашу пользу. Ну какъ не раз-
ть на *непредвидѣнное* въ рѣшеніи судебъ человѣческихъ?
ъ управляетъ Богъ и законы его, и если и впрямь раз-
ался Европой что-либо новое и усложненное, то, значитъ,

рано-ли поздно-ли, а тому непремѣнно надо было совершиться. Но дай Богъ чтобы я ошибся, дай Богъ чтобы новая грозная туча разсѣялась и всѣ предчувствія мои оказались лишь «мрачными» моими-же фантазіями, — фантазіями ничего не понимающаго въ политикѣ человѣка. Все дѣло въ томъ: правы-ли офиціозные органы печати въ Германіи, ожидающіе и пророчащіе войну? Съ другой стороны, министры Макъ-Магона изо всѣхъ силъ, прежде всякихъ обвиненій увѣряютъ французовъ и весь свѣтъ, что Франція не начнетъ войны. Согласитесь, что все это по крайней мѣрѣ подозрительно и что разрѣшеніе сомнѣній должно жетъ послѣдовать, уже по самому ходу дѣла, весьма и весьма въ непродолжительномъ времени. Но что если такъ много зависитъ отъ «мнѣнія легіоновъ?» Худо, если до того дойдетъ, тогда конецъ Франціи. Впрочемъ, съ ней только съ одной и можетъ случиться, и ни съ кѣмъ больше въ цѣломъ мірѣ. Дай Богъ, чтобъ и съ ней не случилось: начинъ нехорошъ, мѣръ будетъ очень ужь нехорошъ.

Глава четвертая.

I.

Любители турокъ.

А вѣдь у насъ теперь объявилось довольно много любителей турокъ,—конечно. по поводу войны съ ними. Прежде я помню ни разу во всю мою жизнь, чтобы кто нибудь начинал разговоръ съ тѣмъ, чтобъ восхищаться турками. Теперь я очень часто слышу про ихъ защитниковъ и даже самъ я встрѣчался съ такими, и очень даже горячатся. Тутъ, разумѣется, потребность отличиться оригинальностью. Но вотъ одни любители ученые, учителя, профессора.

— Мусульманскій міръ внесъ въ христіанскій науку. Христіанскій міръ потопалъ во мракѣ невѣжества, когда у арабовъ уже сіяла наука.

Тутъ, видите-ли, причиною невѣжества христіанство. Бокль, тутъ даже Дреперъ. Выходитъ. стало быть, обратно, мусульманство есть свѣтъ, а христіанство начало тьмы. Вотъ уединенная логика! Оттого-то, вѣроятно, магометанство и

росвѣщено въ настоящее время сравнительно съ христіанствомъ. тожь они свой свѣточъ-то потушили такъ рано!

— Да, но у нихъ однако монотеизмъ, а у христіанъ...

Это превознесеніе мусульманъ за монотеизмъ, т. е. за чистоту нія о единствѣ Божіемъ, будто-бы высшую сравнительно съ ніемъ христіанскимъ, — это конекъ очень многихъ любителей урокъ. Но тутъ главное въ томъ, что эти любители порвали народомъ и не понимаютъ его. Разорвавъ съ народомъ, они ли уже составить себѣ иныя удивительныя понятія о томъ, у русскаго простолюдина происходитъ въ головѣ. Между у русскаго простолюдина «ничего не смыслящаго въ дѣлѣ и не знающаго молитвъ» — какъ привыкли говорить о , — весьма часто, если не всегда, составляется однако въ и въ душѣ весьма своеобразное, но *вѣрное* и строгое и нѣ удовлетворяющее его убѣжденіе о томъ, во что онъ вѣ-тъ, хотя въ тоже время, конечно, рѣдкій изъ простолюдиновъ ѣетъ изложить свои вѣрованія словами отчетливо и въ по-довательности. Этому, порвавшему съ народомъ «интелигент-му» русскому удивительно было-бы услышать, что этотъ без-отный мужикъ вполнѣ и незыблемо вѣруетъ въ Божіе един-, въ то что Богъ единъ и нѣтъ другаго Бога, такого какъ ъ. Въ тоже время русскій мужикъ знаетъ и благоговѣйно вѣ-етъ (всякій русскій мужикъ это знаетъ) что Христосъ, истин-Богъ его, родился отъ Бога Отца и воплотился отъ Дѣвы рія. Прежде всего интелигентный русскій, порвавшій съ наро-мъ, не захочетъ допустить даже возможности того, чтобъ рус-й мужикъ, ничему не учившійся, могъ имѣть такія знанія: ъ такъ необразованъ, такъ теменъ, его ничему не учатъ, гдѣ учитель?» Онъ не пойметъ никогда, что учитель мужика, «въ ъ вѣры его» — это сама почва, это вся земля русская, что ованія эти какъ-бы рождаются вмѣстѣ съ нимъ и укрѣпляются сердцѣ его вмѣстѣ съ жизнію. Но всего невѣроятнѣе иному ескому мыслителю то, какъ можетъ русскій простолюдинъ не ться въ своихъ понятіяхъ! Самъ давно уже утративъ всякое ятіе о томъ, что такое непосредственная великая теплая вѣра рода, онъ уже не можетъ допустить, чтобъ благоговѣйно вѣруя великую христіанскую тайну воплощенія Сына Божія, про-олюдинъ могъ въ тоже время оставаться при самомъ строжай-мъ монотеизмѣ. Скорѣе-же онъ припишетъ эту твердость столь *непосредственныхъ* убѣжденій русскаго простолюдина — непри-вычкѣ размышлять, привычкѣ къ путаницѣ понятій отъ лѣности

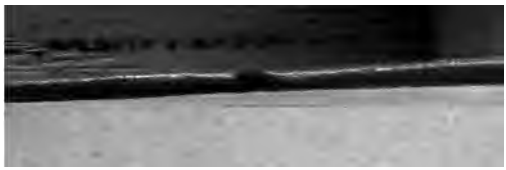
и отупѣнія мысли, отъ отсутствія всякой критики въ умѣ с
«плачевное»-же состояніе ума его припишетъ забитости, нужд
разврату, крѣпостному состоянію и проч. На томъ и стоитъ ру
скій ученый, *изучающій* русскій народъ. Совершенно тѣмъ
процессомъ могло произойти и осужденіе православныхъ русскаг
за поклоненіе, напримѣръ, иконамъ. Иной лютеранскій пасто
ни за что не можетъ понять, какъ можно, вѣруя въ истинн
Бога, поклоняться въ тоже время «доскѣ», изображенію свято
и допустить, чтобъ изъ этого не вышло идолопоклонства. Русск
интелигентный человѣкъ всего чаще согласенъ въ этомъ сужд
ніи съ пасторомъ. Между тѣмъ нѣтъ *ни одного* русскаго мужи
или бабы, которые, поклоняясь иконѣ, въ тоже время *хо
сколько нибудь* смѣшивали «доску» съ самимъ Богомъ, не смот
на то, что православный народъ въ тоже время вѣруетъ
чудотворность иныхъ иконъ. Но нѣтъ ни *одного русскаго*, ко
рый чудотворную силу иконы приписалъ-бы самой иконѣ, а
соизволенію Божію. А это уже совсѣмъ другое. Вотъ этого
воззрѣнія русскаго простолюдина ни пасторъ, ни разорвавш
съ народомъ русскій ни за что не допустятъ, да и не повѣрят
что такъ оно есть.

Вспомнили-бы однако Магометовъ рай, чтобы уже совсѣ
восполнить свое убѣжденіе о чистотѣ Турецкихъ понятій о еди
ствѣ Божіемъ. Все это я, разумѣется, говорю не затѣмъ, что
затѣять съ почитателями турецкаго монотеизма богословск
споръ, и ужь, конечно, не затѣвалъ его. Вѣдь почитатели
хлопочутъ больше о *здравыхъ* понятіяхъ народа, а самимъ
имъ, пожалуй, и все равно, кто-бы какъ ни вѣрилъ. Вотъ
тому-то я и свелъ этотъ вопросъ лишь на народное о не
понятіе.

II.

Золотые фраки. Прямолинейные.

Кромѣ любителей турокъ объявилось очень много людей
потребностью *особливаго мнѣнія*: «Все вздоръ, нѣтъ никак
движенія; адрессы вздоръ, это не по русски; санитарные отр
вздоръ, это не по русски. Сентиментальничаніе Славянъ вы
мали, Болгаръ выдумали, турки лучше Болгаръ, все вздоръ
люблю турокъ»...



не то, чтобъ изъ какихъ нибудь адвокатственно-тонкихъ
высшей политики. «Высшая политика» у насъ есть, это
ю, но эти—эти просто самолюбіе. Самолюбіе въ двухъ
или до крайности придавленное, а вслѣдствіе того и
шая потребность оригинальничать, чтобъ отличиться и
будь заявить себя, или 2) самолюбіе отъ необыкновен-
ичія. Русскій «великій человѣкъ» всего чаще не выно-
ого величія. Право, еслибъ можно было надѣть золотой
изъ нарчи, напримѣръ, чтобъ ужъ не походить на всѣхъ
и низшихъ, то онъ-бы откровенно надѣлъ его и не
ся. Я увѣренъ въ томъ и если до сихъ поръ еще не
ни одного изъ нашихъ «великихъ» въ золотомъ фракѣ,
нно, потому, что портные шить не согласны. «Я всѣхъ
великъ. Всѣ они объ войнѣ *такъ* думаютъ, такъ я не
съ какъ они думать. Докажу что великъ»...

золотомъ фракѣ, объ характерно-русскихъ социальныхъ
логическихъ основаніяхъ происхожденія его, о нагляд-
имѣрахъ и проч. и проч., мнѣ хочется особо поговорить,
ная и я, можетъ быть, о ней не забуду. Теперь-же, оста-
ка золотой фракъ въ покоѣ, скажу словечко о «прямо-
хъ». Прямолинейные бываютъ всякіе,—люди добрые и
ные и глупые, честные и нечестные и т. д. Ихъ у насъ
ого. Эти бьютъ въ одну точку и ихъ ни за что не
съ этой точки: «J'y suis et j'y reste». Это наши Макъ-

арміи доносятся извѣстія о геройствѣ, о самоотвержен-
русскихъ, какъ солдатъ, такъ и офицеровъ. Тутъ моло-
ще не давно было такое безвѣріе въ молодежь—въ на-
шу: многіе видѣли въ ней лишь цинизмъ, обвиняли ее
мъ отрицаніи, въ холодности, въ равнодушіи, въ тупомъ
ствѣ, а теперь вдругъ какъ-бы прочистился воздухъ:
лодежь проявляетъ великодушіе, жажду геройскаго по-
лга, чести, жертвы. Они идутъ впереди солдатъ, они
ся первые въ опасность...

Іа, но этакъ сознательно бросаться на вѣрную смерть
только пьяный или сумасшедшій. Другаго объясненія
найти.

Какъ? Неужели вы не предполагаете въ немъ велико-
сознанія, что онъ жертвуетъ собою для Россіи, слу-
...

Кулакомъ.

— То есть какъ-же? Въ войнѣ надо драться. Чѣмъ-ж
онъ могъ принесть пользу?

— Гм. Напримѣръ, школы.

— Школы въ свое время. Въ школы онъ принесетъ по
сознаніе исполненнаго долга, великодушное воспоминаніе,
женіе съ народомъ.

— Какое сближеніе съ народомъ?

— Въ общей солидарности для общаго дѣла. Солдатъ
офицеръ живутъ теперь *тамъ* единымъ духомъ и единымъ
ствомъ. Интелигенція роднится съ народомъ, возвращаетс
нему опять и уже дѣломъ а не теоріей, научается уважати
родъ, изъ котораго вышелъ этотъ солдатъ, и научаетъ на
уважать себя и уже не какъ начальника или господина, а
человѣка, душевно. Недавній разсказъ о простолюдинѣ, об
шемъ въ слезахъ въ Успенскомъ соборѣ Черняева, имѣетъ
ченіе. Вы хотите образовать народъ, но вы скорѣе его
зуете заставивъ его уважать ваши идеи, ваши дѣла и пр
кая къ себѣ народъ сердцемъ. Чѣмъ больше народъ будетъ
жать людей образованныхъ *лично*, тѣмъ вѣрнѣе пойдетъ и
зованіе народное. Такимъ образомъ, заслуживая уваженіе
рода, вы служите уже дѣлу образованія народнаго, тѣмъ-же
ламъ, о которыхъ вы такъ хлопочете.

— Заслужить уваженіе черезъ кулакъ; заставить на
уважать кулакъ?

— Тутъ не одинъ кулакъ, тутъ прежде всего великод
тутъ жертва собственною жизнію на виду. На виду и с
красна. Вы вотъ спрашиваете, что можетъ заставить чело
въ цвѣтѣ жизни, жертвовать почти навѣрно жизнію и нед
ваете,—иначе вѣдь нельзя объяснить вашихъ словъ о пья
и сумасшедшемъ: они только аллегорія, способъ выраженія
что можетъ заставить? Жажда славы, честнаго дѣла, ж
заслужить добрую извѣстность, похвалу всѣхъ сограждан
торые всѣ теперь слѣдятъ за ихъ дѣлами, проявить лич
прославить имя.

— Ага, сдѣлать карьеру!

— Но всѣ эти чувства и побужденія великодушны.
тысячи и все вмѣстѣ. Человѣкъ не изъ одного какого-н
побужденія состоитъ, человѣкъ—цѣлый міръ, было-бы т
основное побужденіе въ немъ благородно. Пролитая-же собс
ная кровь и готовность пролить ее благородятъ даже и н
городнаго до тѣхъ поръ человѣка, налагаютъ на него об

сть чести на всю потомъ жизнь. У насъ уже появились въ чати опасенія, что эти люди потомъ возьмутъ верхъ, явится моудовлетвореніе, гордость, будутъ презирать образованіе, штапрокъ, будутъ буйствовать, и что въ общество проникнутъ эти ден. Но напрасные страхи. Улита ѣдетъ когда-то будетъ. Какъ е появиться Копѣйкинымъ, «такъ сказать кровь проливавшимъ», то правда, но вѣдь они только людей насмѣшатъ и себѣ посредятъ. Выгода-же нравственная будетъ неисчислима. Развѣется ска цинизма, явится уваженіе къ честному подвигу...

— И къ кулаку.

— Тутъ не одни кулачные бойцы, тутъ есть почти еще ти, чистые сердцемъ дѣти. Онъ только что произведенъ, онъ росается впередъ на подвигъ, съ мыслію о томъ, что скажетъ о нъ, тамъ, далеко, его мать, сестра, съ которыми онъ только что простился... Неужели это только смѣшно и сентиментально? Наконецъ, почему не допустить въ этихъ герояхъ высшаго сознанія. Онъ понимаетъ, что Россія взяла задачу трудную, что дача эта можетъ и еще усложниться. Они всѣ видятъ теперь, что Россія не съ одной ужъ Турціей ведетъ войну, что турецкими арміями руководятъ англійскіе генералы, что англійскіе фицеры воздвигаютъ многочисленнѣйшія укрѣпленія на англійскія деньги, что флотъ англійскій ободряетъ Турцію продолжать йну, что, наконецъ, чуть-ли не явились (въ Азіатской Турціи) же англійскія войска... Они знаютъ все это и бросаются почти смерть, понимая, что пришло время сослужить Россіи вѣрную службу. Я уже не говорю про Болгаръ, про угнетенныхъ братьевъ славянъ, мучимыхъ, обижаемыхъ. Къ стыду нашему эта мечта уже устарѣла... но не въ ихъ сердцахъ. Неужели вы не предполагаете во многихъ изъ нихъ высшаго сознанія, что они идутъ служить человѣчеству, угнетеннымъ, оскорбленнымъ...

— Служить человѣчеству кулакомъ!

— Позвольте, кстати, вамъ разсказать одинъ анекдотъ. Я уже передавалъ однажды, что въ Москвѣ, въ одномъ изъ пріютовъ, гдѣ наблюдаютъ маленькихъ Болгарскихъ дѣтей сиротокъ, присланныхъ къ намъ въ Россію послѣ тамошняго разгрома, есть одна больная дѣвочка, лѣтъ 10, которая видѣла (и не можетъ забыть) какъ Турки, при ней, содрали кожу съ ея живаго отца. Въ, такъ, въ этомъ-же пріютѣ есть и другая больная болгарка, тоже лѣтъ десяти, и мнѣ объ ней недавно разсказали. У ней странная болѣзнь: постепенный, все большій и большій упадокъ съ и безпрерывный позывъ ко сну. Она все спитъ, но сонъ

нисколько ее не укрѣпляетъ, а даже напротивъ. Болѣзнь ея серьезная. Теперь эта дѣвочка, можетъ быть, уже умерла. У ней тоже одно воспоминаніе, котораго она не можетъ выносить. Ту взяли ея маленькаго брата, ребенка двухъ-трехъ лѣтъ, спал выкололи ему иголкой глаза, а потомъ посадили на колъ. Ребеночекъ страшно и долго кричалъ, пока умеръ, фактъ ея совершенно вѣрный. Ну, вотъ этого и не можетъ забыть дѣвоч все это они сдѣлали при ней, на ея глазахъ. Природа, може быть, и посылаетъ такимъ, пораженнымъ сердечно, сонъ, пот что они не могли-бы долго оставаться на яву съ такимъ безс рывнымъ воспоминаніемъ предъ собою.—Теперь представьте се что вы-бы тамъ были сами въ ту минуту какъ они провалы ребенку глаза. Скажите, неужели вы-бы не бросились оста вить ихъ, даже и кулакомъ?

— Да, но все-же кулакъ.

— Да вы не бейте ихъ, если хотите, вы только ятаганы у нихъ отнимите! Неужели и этого нельзя сдѣлать силой?

А кстати, неужели есть у насъ даже такіе любители туре которые и ятагановъ-то у нихъ не желали-бы отобрать? Не маю и не вѣрю, чтобъ были.

ІЮЛЬ—АВГУСТЪ.

Глава первая.

I.

Говоръ мой съ однимъ московскимъ знакомымъ.—Замѣтка по поводу новой книжки.

Выдавъ въ Петербургѣ мой запоздавшій май-іюньскій вы
съ «Дневника» и возвращаясь затѣмъ въ курскую губернік
проѣздомъ черезъ Москву, поговорилъ кой о чемъ съ одним
моихъ давнихъ московскихъ знакомыхъ, съ которымъ ви
рѣдко, но мнѣніе котораго глубоко цѣню. Разговора я в
омъ не привожу, хотя я узналъ при этомъ кое-что весьм
опытное изъ текущаго, чего и не подозрѣвалъ. Но разста
сь съ моимъ собесѣдникомъ, я, между прочимъ, упомянул
хочу сдѣлать, пользуясь случаемъ, маленькій крюкъ по дс
, изъ Москвы полтораста верстъ въ сторону, чтобы посѣ
мѣста перваго моего дѣтства и отрочества,—деревню, при
лежавшую когда-то моимъ родителямъ, но давно уже пере
шую во владѣніе одной изъ нашихъ родственницъ. Сорок
ъ я тамъ не былъ и столько разъ хотѣлъ туда съѣздить, и
никакъ не могъ, не смотря на то, что это маленькое и не
чательное мѣсто оставило во мнѣ самое глубокое и сильно
чатлѣніе на всю потомъ жизнь и гдѣ все полно для меня са
ми дорогими воспоминаніями.

— Вотъ у васъ есть такія воспоминанія и такія мѣста.
всѣхъ насъ были. Любопытно: что у нынѣшней молодежи,

нынѣшнихъ дѣтей и подростковъ будетъ драгоцѣннаго воспоминаніяхъ и будетъ-ли? Главное, что̀ именно? Как

Что святыя воспоминанія будутъ и у нынѣшнихъ д мнѣнія, конечно, быть не можетъ, иначе прекратилась-б жизнь. Безъ святаго и драгоцѣннаго, унесеннаго въ ж воспоминаній дѣтства, не можетъ и жить человѣкъ. Ин димому, о томъ и не думаетъ, а все таки эти воспомин сознательно да сохраняетъ. Воспоминанія эти могутъ б тяжелыя, горькія, но вѣдь и прожитое страданіе може титься впослѣдствіи въ святыню для души. Человѣкъ такъ созданъ, что любитъ свое прожитое страданіе. кромѣ того, уже по самой необходимости наклоненъ какъ-бы точки въ своемъ прошедшемъ, чтобы по ним оріентироваться въ дальнѣйшемъ, и выводить по нимъ нѣчто цѣлое, для порядка и собственнаго назиданія. П самыя сильнѣйшія и вліяющія воспоминанія почти в которыя остаются изъ дѣтства. А потому и сомнѣнія воспоминанія и впечатлѣнія, и, можетъ быть, самыя с святыя, унесутся и нынѣшними дѣтьми въ жизнь. Но но будетъ въ этихъ воспоминаніяхъ, что именно уне съ собою въ жизнь, какъ именно оформируется для н дорогой запасъ—все это, конечно, и любопытный и с вопросъ. Еслибъ можно было хоть сколько нибудь пр на него отвѣтъ, то можно-бы было утолить много совр тревожныхъ сомнѣній, и, можетъ быть, многіе-бы радо ровали въ русскую молодежь; главное-же—можно бы б сколько нибудь почувствовать наше будущее, наше русс загадочное будущее. Но бѣда въ томъ, что никогда ещ эпохи въ нашей русской жизни, которая столь менѣе ляла-бы данныхъ для предчувствованія и предузнанія загадочнаго нашего будущаго, какъ теперешняя эпоха. когда семейство русское не было болѣе расшатано, ра болѣе неразсортировано и неоформлено, какъ теперь. Гд дете теперь такія «Дѣтства и Отрочества», которые быть возсозданы въ такомъ стройномъ и отчетливомъ в въ какомъ представилъ, напримѣръ, намъ *свою* эпоху мейство графъ Левъ Толстой, или какъ въ «Войнѣ и М же? Всѣ эти поэмы теперь *не болѣе лишь, какъ ист картины давно прошедшаго.* О, я вовсе не желаю ск это были такія прекрасныя картины, отнюдь я не же повторенія въ наше время, и совсѣмъ не про то гово

шь объ ихъ *характерѣ*, о законченности, точности и
ности ихъ характера, — качества, благодаря которымъ
о появиться такое ясное и отчетливое изображеніе эпохи,
ь обѣихъ поэмахъ графа Толстаго. Нынѣ этого нѣтъ, нѣтъ
ности, нѣтъ ясности. Современное русское семейство
тся все болѣе и болѣе *случайнымъ* семействомъ. Именно
ое семейство—вотъ опредѣленіе современной русской се-
тарый обликъ свой она какъ-то вдругъ потеряла, какъ-
анно даже, а новый... въ силахъ-ли она будетъ создать
овый, желанный и удовлетворяющій русское сердце об-
йные, и столь серьезные даже люди, говорятъ прямо, что
го семейства теперь «вовсе нѣтъ». Разумѣется, все это го-
и лишь о русскомъ интелигентномъ семействѣ, т. е., выс-
сословій, не народномъ. Но, однако, народное-то семей-
развѣ теперь оно не вопросъ тоже?

Вотъ что безспорно, — сказалъ мнѣ мой собесѣдникъ,—
рно то, что въ весьма непродолжительномъ времени въ
явятся новые вопросы, да и явились—уже куча вопро-
страшная масса все новыхъ, никогда не бывавшихъ, до
юръ въ народѣ неслыханныхъ, и все это естественно. Но
вѣтитъ на эти вопросы народу? Кто готовъ у насъ отвѣ-
а нихъ, и кто первый выищется, кто ждетъ уже и го-
и? Вотъ вопросъ, нашъ вопросъ, да еще самой первой
ти.

ужь, конечно, первой важности. Столь крутой переломъ
какъ реформа 19-го февраля, какъ всѣ потомъ рефор-
главное, грамотность (хотя-бы даже самое малое сопри-
ніе съ нею), все это безспорно родитъ и родило уже
ы, потомъ, пожалуй, сформируетъ ихъ, объединитъ, дастъ
стойчивость и — въ самомъ дѣлѣ, кто отвѣтитъ на эти
ы? Ну кто всего ближе стоитъ къ народу? Духовенство?
овенство наше въ отвѣчаетъ на вопросы народа давно уже.
иныхъ, еще горящихъ огнемъ ревности о Христѣ свя-
ковъ, часто незамѣтныхъ, никому неизвѣстныхъ, именно
, что ничего не ищутъ для себя, а живутъ лишь для
, — кромѣ этихъ, и увы, весьма кажется немногихъ,
ные, если ужь очень потребуются отъ нихъ отвѣты — от-
на вопросы, пожалуй, еще доносомъ на нихъ. Другіе
отдаляютъ отъ себя паству несоразмѣрными ни съ чѣмъ
ми, что къ нимъ и не придетъ никто спрашивать. На
му можно-бы и много прибавить, но прибавимъ потомъ.

Затѣмъ, одни изъ ближайшихъ къ народу — это сельскіе уч
теля. Но къ чему годятся и къ чему готовы наши сельскіе уч
теля? Что представила до сихъ поръ эта, лишь начинающая
впрочемъ, но столь важная по значенію въ будущемъ, нов
корпорація, и на что она въ состояніи отвѣтить? На это луч
не отвѣчать. Остаются, стало быть, отвѣты случайные, —
городамъ, на станціяхъ, на дорогахъ, на улицахъ, на рынках
отъ прохожихъ, отъ бродягъ и, наконецъ, отъ прежнихъ пом
щиковъ (объ начальствѣ само собою не упоминаю). О, отвѣтов
конечно, будетъ множество, пожалуй, еще больше чѣмъ вопр
совъ,—отвѣтовъ добрыхъ и злыхъ, глупыхъ и премудрыхъ,
главный характеръ ихъ, кажется, будетъ тотъ, что каждый
вѣтъ родитъ еще по три новыхъ вопроса, и пойдетъ это
crescendo. Въ результатѣ хаосъ, но хаосъ-бы еще хорошо: с
роспѣлыя разрѣшенія задачъ хуже хаоса.

— А главное,—нечего и говорить объ этомъ. Вынесутъ.

Конечно, вынесутъ, и безъ насъ вынесутъ, и безъ отвѣт
ковъ и при отвѣтчикахъ. Могуча Русь и не то еще выноси
Да и не таково назначеніе и цѣль ея, чтобъ зря повернул
она съ вѣковой своей дороги, да и размѣры ея не тѣ. Кто
ритъ въ Русь, тотъ знаетъ, что вынесетъ она *все* рѣшитель
даже и вопросы и останется въ сути своей такою-же прежн
святою нашей Русью, какъ и была до сихъ поръ, и, сколь
измѣнился-бы, пожалуй, обликъ ея, но измѣненія облика боя
нечего и задерживать, отдалять вопросы вовсе на надо:
вѣритъ въ Русь, тому даже стыдно это. Ея назначеніе с
высоко, и ея внутреннее предчувствіе этого назначенія столь я
(особенно теперь, въ нашу эпоху, въ теперешнюю минуту г
ное), что тотъ, кто вѣруетъ въ это назначеніе, долженъ сто
выше всѣхъ сомнѣній и опасеній. «Здѣсь терпѣніе и вѣра
тыхъ», какъ говорится въ священной книгѣ.

Въ то утро я только что увидалъ, въ первый разъ, объ
леніе въ газетахъ о выходѣ отдѣльно восьмой и послѣдней ч
Анны Карениной, отвергнутой редакціей «Русскаго Вѣстни
въ которомъ печатался весь романъ, съ самой первой ча
Всѣмъ извѣстно было тоже, что отвергнута эта послѣдняя,
мая часть за разногласіе ея съ направленіемъ журнала и уб
деніями редакторовъ, и именно по поводу взгляда автора
Восточный вопросъ и прошлогоднюю войну. Книгу я немедле
положилъ купить и, прощаясь съ моимъ собесѣдникомъ, с

лишь объ ихъ *характерѣ*, о законченности, точности и
ѣленности ихъ характера, — качества, благодаря которымъ
ло появиться такое ясное и отчетливое изображеніе эпохи,
въ обѣихъ поэмахъ графа Толстаго. Нынѣ этого нѣтъ, нѣтъ
ѣленности, нѣтъ ясности. Современное русское семейство
вится все болѣе и болѣе *случайнымъ* семействомъ. Именно
йное семейство—вотъ опредѣленіе современной русской се-
Старый обликъ свой она какъ-то вдругъ потеряла, какъ-
езапно даже, а новый... въ силахъ-ли она будетъ создать
новый, желанный и удовлетворяющій русское сердце об-
Иные, и столь серьезные даже люди, говорятъ прямо, что
аго семейства теперь «вовсе нѣтъ». Разумѣется, все это го-
ся лишь о русскомъ интелигентномъ семействѣ, т. е., выс-
сословій, не народномъ. Но, однако, народное-то семей-
—развѣ теперь оно не вопросъ тоже?

— Вотъ что безспорно, — сказалъ мнѣ мой собесѣдникъ,—
орно то, что въ весьма непродолжительномъ времени въ
ѣ явятся новые вопросы, да и явились—уже куча вопро-
. страшная масса все новыхъ, никогда не бывавшихъ, до
оръ въ народѣ неслыханныхъ, и все это естественно. Но
твѣтитъ на эти вопросы народу? Кто готовъ у насъ отвѣ-
на нихъ, и кто первый выищется, кто ждетъ уже и го-
ся? Вотъ вопросъ, нашъ вопросъ, да еще самой первой
ости.

ужь, конечно, первой важности. Столь крутой переломъ
. какъ реформа 19-го февраля, какъ всѣ потомъ рефор-
. главное, грамотность (хотя-бы даже самое малое сопри-
веніе съ нею), все это безспорно родитъ и родило уже
сы, потомъ, пожалуй, сформируетъ ихъ, объединитъ, дастъ
устойчивость и — въ самомъ дѣлѣ, кто отвѣтитъ на эти
сы? Ну кто всего ближе стоитъ къ народу? Духовенство?
духовенство наше въ отвѣчаетъ на вопросы народа давно уже.
ихъ, еще горящихъ огнемъ ревности о Христѣ свя-
ковъ, часто незамѣтныхъ, никому неизвѣстныхъ, именно
му, что ничего не ищутъ для себя, а живутъ лишь для
. — кромѣ этихъ, и увы, весьма кажется немногихъ,
ьные, если ужь очень потребуются отъ нихъ отвѣты — от-
тъ на вопросы, пожалуй, еще доносомъ на нихъ. Другіе
то отдаляютъ отъ себя паству несоразмѣрными ни съ чѣмъ
ами, что къ нимъ и не придетъ никто спрашивать. На
тему можно-бы и много прибавить, но прибавимъ потомъ.

лѣзной дорогѣ; но употребить на эти полтораста верстъ п
шлось почти десять часовъ. Множество остановокъ, переса
ваній, а на одной станціи приходится ждать этого пересажи
нія три часа. И все это при всѣхъ непріятностяхъ русской
лѣзной дороги, при небрежнѣйшемъ и почти высокомѣрномъ
ношеніи къ вамъ и къ нуждамъ вашимъ кондукторовъ и «нач
ства». Всѣмъ давно извѣстна формула русской желѣзной дор
«не дорога создана для публики, а публика для дороги». Н
такого желѣзнодорожника, съ кондуктора до директора вклю
тельно, который-бы сомнѣвался въ этой аксіомѣ, и не пос
трѣлъ-бы на васъ съ насмѣшливымъ удивленіемъ, еслибъ
стали утверждать передъ нимъ, что дорога создана для публ
А главное и слушать не будутъ.

Кстати въ это лѣто я изъѣздилъ до четырехъ тысячъ вер
по крайней мѣрѣ, и вездѣ по дорогѣ меня особенно пораз
этотъ разъ народъ; вездѣ народъ говорилъ про войну. Ничт
могло сравниться съ тѣмъ интересомъ и съ тѣмъ жаднымъ
бопытствомъ, съ которымъ простонародье выслушивало и
прашивало про войну. Въ вагонахъ я замѣтилъ даже нѣско
кихъ мужиковъ, читавшихъ газеты, большею частію вслухъ.
чалось садиться рядомъ съ ними: какой-нибудь мѣщанинъ о
дитъ васъ осторожно сначала, и особенно коль увидитъ у в
или подлѣ васъ газету,—немедленно, и чрезвычайно вѣж
освѣдомится: откуда вы? И коль отвѣтите, что изъ Москвы,
изъ Петербурга (а еще интереснѣе для него если съ юга,
Одессы, напримѣръ), то непремѣнно спроситъ: «Что слышно
войну?» За тѣмъ чуть-чуть вы вселите въ него довѣрчив
вашимъ отвѣтомъ и готовностью отвѣчать ему, онъ тотчасъ, и
чемъ опять-таки съ осторожностью, мѣняетъ любопытный
на таинственный, приближается къ вамъ и спрашиваетъ,
понижая голосъ: «А нѣтъ-ли, дескать, чего особеннаго?» то
поособеннѣе чѣмъ въ газетахъ, того, дескать, что скрыва
При этомъ прибавлю, что недовольныхъ на правительство
объявленіе войны въ народѣ нѣтъ никого, даже въ самыхъ
радныхъ типахъ, а злорадные есть, но тутъ особеннаго
злорадство: Проходишь, напримѣръ, во время остановки по п
формѣ станціи и вдругъ услышишь: семнадцать тысячъ наш
легло, только что сейчасъ была телеграмма!» Смотришь, ор
ствуетъ какой-нибудь паренекъ, лицо у него выражаетъ к
то зловѣщее упоеніе, и вовсе не то, чтобъ онъ былъ р
нашихъ легло семнадцать тысячъ, нѣтъ, тутъ другое, т

ого какъ еслибъ вдругъ погорѣлъ человѣкъ, все сгорѣло— деньги, скотъ: «смотрите, дескать, на меня, православные ане, все пропало, въ лохмотьяхъ, одинъ какъ перстъ!» Въ нуты тоже бываетъ у этакого какая-то сладость злорад- амоупоенія въ лицѣ. Но на счетъ «семнадцати тысячъ» и другое: «телеграмма, дескать, такая есть, только ее задер- тъ, скрываютъ, еще не пущаютъ... видѣли, сами читали...»— мыслъ. Я не утерпѣлъ, вдругъ подошелъ къ кучкѣ и ска- что все вздоръ, слухи глупые, не могли побить семнадцати ь нашихъ, все благополучно. Паренекъ (какъ будто изъ ства, а то и мужикъ, пожалуй) нѣсколько хотя и сконфу- но не очень: «мы, дескать, люди темные, не свои слова мъ, такъ слышали»; толпа быстро разошлась, къ тому-же лъ и звонокъ. Любопытно мнѣ теперь потому, что про- ло это девятнадцатаго іюля, часовъ въ пять пополудни. унѣ-же, восемнадцатаго, было Плевненское дѣло. Какая могла быть еще телеграма, даже кому-бы то ни было, а не среди поѣзда желѣзной дороги? Конечно, случайное со- ніе. Не думаю, впрочемъ, чтобъ парень былъ самъ распу- ь и выдумщикъ ложныхъ слуховъ, вѣрнѣе всего, что онъ момъ дѣлѣ отъ кого-нибудь слышалъ. Надо думать, что кантовъ ложныхъ слуховъ, и уже, конечно, злыхъ слуховъ, удачахъ и несчастіяхъ, развелось по Россіи въ это лѣто чайное множество и ужь конечно съ цѣлями, а не то что дного простаго вранья.

ь виду горячаго патріотическаго настроенія народа въ эту , въ виду той *сознательности* о значеніи и задачахъ этой , которая обнаружилась въ народѣ нашемъ еще съ прош- года, въ виду пламенной и благоговѣйной вѣры народа въ царя — всѣ эти задержки и секреты въ извѣстіяхъ съ войны не только не полезны, но положительно вредны. не можетъ, конечно, ни требовать, ни желать, чтобъ сооб- стратегическіе планы, цифры войскъ раньше дѣла, воен- секреты и проч., но, по крайней мѣрѣ, то, что узнаютъ вѣ- зеты раньше нашихъ, можно-бы знать и намъ раньше ихъ *). ля на станціи, на которой приходилось ждать три часа ересадки на другой поѣздъ, я былъ въ предурномъ распо- ніи духа и на все досадовалъ. Отъ нечего дѣлать мнѣ при-

---

* Теперь все это, въ самомъ важномъ, поправлено: почти ни одного е остается публика безъ депешъ главнокомандующаго.

шло вдругъ на мысль изслѣдовать: почему я досадую, и не б
ли тутъ, кромѣ общихъ причинъ, какой-нибудь случайной,
жайшей? Я не долго искалъ и вдругъ засмѣялся, найдя эту
чину. Дѣло заключалось въ одной недавней встрѣчѣ моей
вагонѣ, за двѣ станціи передъ этой. Въ вагонъ вдругъ во
одинъ джентльменъ, совершенный джентльменъ, очень пох
на типъ русскихъ джентельменовъ, скитающихся за границей.
вошелъ ведя съ собой маленькаго своего сына, мальчика
восьми, никакъ не болѣе, даже, можетъ быть, менѣе. Маль
былъ премило одѣтъ въ самый модный европейскій дѣтскій
стюмчикъ, въ прелестную курточку, изящно обутъ, бѣлье
стовое. Отецъ видимо о немъ заботился. Вдругъ мальчикъ, т
что сѣли, говоритъ отцу: «папа, дай папироску?» Папа тот
же идетъ въ карманъ, вынимаетъ перламутровую папиросочн
вынимаетъ двѣ папироски, одну для себя, другую—для
чика, и оба, съ самымъ обыкновеннымъ видомъ, прямо са
тельствующимъ, что между ними ужь и давно такъ, закурива
Джентльменъ погружается въ какую-то думу, а мальчикъ
ритъ въ окошко вагона, куритъ и затягивается. Онъ выку
свою папироску очень скоро, затѣмъ, не прошло и четверти
вдругъ опять: «папа, дай папироску?»—и опять оба внов
куриваютъ и, впродолженіи двухъ станцій, которыя они п
дѣли со мною въ одномъ вагонѣ, мальчикъ выкурилъ, по кра
мѣрѣ, четыре папироски. Никогда я еще не видалъ ничего
добнаго и былъ очень удивленъ. Слабая, нѣженькая, сов
не сформировавшаяся грудка такого маленькаго ребенка пріу
уже къ такому ужасу. И откуда могла явиться такая не
ственно-ранняя привычка? Разумѣется, глядя на отца: дѣти
переимчивы; но развѣ отецъ можетъ допустить своего мла
къ такой отравѣ? Чахотка, карарръ дыхательныхъ путей, кав
въ легкихъ—вотъ что неотразимо ожидаетъ несчастнаго
чика—тутъ девять изъ десяти шансовъ, это ясно, это в
извѣстно, и именно отецъ-то и развиваетъ въ своемъ мла
неестественно-преждевременную привычку! Что хотѣлъ дока
этимъ этотъ джентльменъ,—я не могу себѣ и представить:
небреженіе-ли къ предразсудкамъ, новую-ли идею провести
все, что прежде запрещалось—вздоръ, а, напротивъ, все д
лено?—Понять не могу. Случай этотъ такъ и остался для
неразъясненнымъ, почти чудеснымъ. Никогда въ жизни
встрѣчалъ такого отца и, вѣроятно, не встрѣчу. Удивительны
наше время попадаются отцы! Я впрочемъ тотчасъ перес

. Разсмѣялся я тому только, что такъ скоро отыскалъ моего сквернаго расположенія духа. Тутъ, хотя впро-ъ прямой связи съ событіемъ, припомнился мнѣ вче-ой разговоръ съ моимъ собесѣдникомъ о томъ: что уне-огаго и святаго изъ своего дѣтства въ жизнь современ-, потомъ напомнилась моя мысль о *случайности* совре-семейства... и вотъ я вновь погрузился въ весьма не-соображенія.

ять: что такое эта *случайность* и что я подъ этимъ подразумѣваю? Отвѣчаю: случайность современнаго рус-ейства, по моему, состоитъ въ утратѣ современными якой общей идеи, въ отношеніи къ своимъ семействамъ, я всѣхъ отцовъ, связующей ихъ самихъ между собою. ую-бы они сами вѣрили и научили-бы такъ вѣрить дѣ-къ, передали-бы имъ эту вѣру въ жизнь. Замѣтьте еще: , эта вѣра — можетъ быть, даже пожалуй ошибочная, лучшія изъ дѣтей впослѣдствіи сами-бы отъ нея отка-о крайней мѣрѣ, исправили-бы ее для своихъ уже дѣ-ое-же самое присутствіе этой общей, связующей обще-мейство идеи, — есть уже начало порядка, т. е. прав-порядка, конечно, подверженнаго измѣненію, прогрессу, положимъ такъ — но порядка. Тогда какъ въ наше го-то порядка и нѣтъ, ибо нѣтъ ничего общаго и свя-во что-бы всѣ отцы вѣрили, а есть на мѣсто того или: поголовное и сплошное отрицаніе прежняго (но за то рицаніе и ничего положительнаго); во 2-хъ, попытки положительное, но не общее и связующее, а сколько олько умовъ, — попытки, раздробившіяся на единицы безъ опыта, безъ практики, даже безъ полной вѣры въ изобрѣтателей. Попытки эти иногда даже и съ пре-началомъ, но невыдержанныя, незаконченныя, а иногда совѣмъ безобразныя, въ родѣ огульнаго допущенія всего прежде запрещалось, на основаніи принципа, что все удо, и это даже до самыхъ глупѣйшихъ выходокъ, до я, напримѣръ, курить табакъ семилѣтнимъ дѣтямъ. На-ъ 3-хъ, лѣнивое отношеніе къ дѣлу, вялые и лѣнивые шеты: «а, пусть будетъ что будетъ, чего намъ забо-йдутъ дѣти, какъ и всѣ, во что-нибудь выровняются, ъ только они очень, хоть-бы ихъ вовсе и не было!» образочѣ въ результатѣ — безпорядокъ, раздробленность *нести* русскаго семейства, — а надежда — почти что на

одного Бога: «авось, дескать, пошлетъ намъ какую-нибудь об
идейку и мы вновь соединимся!»

Такой порядокъ, конечно, родитъ безотрадность, а безот
ность еще пуще родитъ лѣность, а у горячихъ — цинически
озлобленную лѣность. Но есть и теперь много совсѣмъ не
нивыхъ, а, напротивъ, очень даже прилежныхъ отцовъ. Боль
частью это отцы съ идеями. Одинъ, наслушавшись, положи
весьма даже не глупыхъ вещей и прочтя двѣ-три умныя кн
вдругъ сводитъ все воспитаніе и всѣ обязанности свои къ
мейству на одинъ бифштексъ: «Бифштексъ съ кровью и
чено, Либихъ, дескать» и т. д. Другой, пречестнѣйшій челов
самъ по себѣ, въ свое время даже блиставшій остроуміемъ,
согналъ три няньки отъ своихъ младенцевъ: «невозможно
этими шельмами, запретилъ настрого, вдругъ вхожу вчера
дѣтскую и что-же, представьте себѣ, слышу: Лизочку укл
ваетъ въ люльку, а сама ее Богородицѣ учитъ и крестить:
милуй, дескать, Господи, папу, маму... вѣдь настрого запрет
Рѣшаюсь на англичанку, да выйдетъ-ли лучше-то?» Третій,
пятнадцатилѣтнему своему мальчишкѣ, самъ подыскиваетъ
любовницу: «а то, знаете, эти дѣтскія ужасныя привычки р
вьются, али пойдетъ какъ-нибудь на улицу, да болѣзнь сы
ную схватитъ... нѣтъ, ужь лучше обезпечить ему этотъ пун
заранѣ...» Четвертый доводитъ своего семнадцатилѣтняго м
чика до самыхъ поредовыхъ «идей», а тотъ самымъ естест
нымъ образомъ (ибо что можетъ выдти изъ иныхъ поз
раньше жизни и опыта?) сводитъ эти передовыя мысли
вѣдко очень хорошія) на то, что «если нѣтъ ничего святаго
гадо быть, можно дѣлать всякую пакость». Положимъ, въ эт
лучаѣ отцы горячи, но вѣдь у многихъ-ли изъ нихъ эта
чка оправдывается чѣмъ-нибудь серьезнымъ, мыслію, стр
нем.' Много-ль у насъ такихъ-то? Большею вѣдь частью
поверхностное подхихикиваніе съ чужаго голоса, и вотъ, ребя
жизнь, сверхъ всего и комическое воспоминаніе
комическій образъ его.

«прилежные» и ихъ не такъ много; несрав
нивыхъ. Всякое переходное и разлагающееся со
рождаетъ лѣность и апатію, потому что л
ности въ такія эпохи, могутъ ясно видѣть пе
отказаться съ дороги. Большинство-же путае
, и наконецъ махаетъ рукой: «э, чтобъ в
ности когда и сами-то никто ни

умѣемъ сказать! Прожить-бы только какъ-нибудь а то что тутъ еще обязанности». И вотъ эти лѣни- олько богаты, исполняютъ даже все *какъ слѣдуетъ:* дѣтей хорошо, кормятъ хорошо, нанимаютъ гувер- отомъ учителей; дѣти ихъ наконецъ вступаютъ, по- университеты, но... отца тутъ не было, семейства не па вступаетъ въ жизнь одинъ какъ перстъ, сердцемъ лъ, сердце его ничѣмъ не связано съ его прошед- семействомъ, съ дѣтствомъ. И еще вотъ что: вѣдь это атенькіе, у нихъ былъ достатокъ, а много-ли доста- ? Большинство, страшное большинство — вѣдь все потому, при лѣности отцевъ къ семейству дѣтки уже степени оставлены на случайность! Нужда, забота ажаются въ ихъ сердцахъ съ дѣтства мрачными кар- споминаніями иногда самаго отравляющаго свойства. инаютъ до глубокой старости малодушіе отцовъ, ссоры захъ, споры, обвиненія, горькіе попреки и даже про- нихъ, на лишніе рты, и, что хуже всего, вспоминаютъ лость отцовъ, низкіе поступки изъ-за достиженія гъ, гадкія интриги и гнусное раболѣпство. И долго жизни, можетъ всю жизнь, человѣкъ склоненъ слѣпо тихъ прежнихъ людей, ничего не вынеся изъ своего ъ-бы могъ онъ смягчить эту грязь воспоминаній и реально, а, стало быть, и *оправдательно* взглянуть на лыхъ, старыхъ людей, около которыхъ такъ уныло ь его первые годы. Но это еще лучшіе изъ дѣтей, ьшинство-то ихъ уноситъ съ собою въ жизнь не грязь *воспоминаній*, а и самую грязь, запасется ею но, карманы полные набьетъ себѣ этой грязью въ бъ употребить ее потомъ въдѣло и уже не съ скреже- анія, какъ его родители, а съ легкимъ сердцемъ: «Всѣ, дятъ въ грязи, объ идеалахъ бредятъ только одни а съ грязнотцой-то и лучше»...

о-же вы хотите? Какія это такія воспоминанія долж- и они унести изъ дѣтства для очистки грязи своихъ и для *оправдательнаго*, какъ вы говорите, взгляда своихъ»? Отвѣчаю: Что-же я могу сказать одинъ, ломъ обществѣ нѣтъ на это отвѣта? Общаго нѣтъ овременныхъ отцовъ, сказалъ я, связующаго ихъ гъ ничего. Великой мысли нѣтъ (утратилась она), ры нѣтъ въ ихъ сердцахъ въ такую мысль. А только

подобная великая вѣра и въ состояніи породить прекрасн
воспоминаніяхъ дѣтей,—и даже какъ: не смотря даже на
лютую обстановку ихъ дѣтства, бѣдность и даже самую
ственную грязь, окружавшую ихъ колыбели! О, есть такіе
чаи, что даже самый падшій изъ отцовъ, но еще сохран
въ душѣ своей хотя-бы только отдаленный прежній о
великой мысли и великой вѣры въ нее, могъ и успѣвалъ
саждать въ воспріимчивыя и жаждущія души своихъ жал
дѣтей это семя великой мысли и великаго чувства, и
проценъ потомъ своими дѣтьми всѣмъ сердцемъ за одн
благодѣяніе, не смотря ни на что остальное. Безъ зачат
положительнаго и прекраснаго нельзя выходить человѣк
жизнь изъ дѣтства, безъ зачатковъ положительнаго и пр
наго нельзя пускать поколѣніе въ путь. Посмотрите, разв
временные отцы, изъ горячихъ и прилежныхъ, не вѣрят
это? О, они вполнѣ вѣрятъ, что безъ связующей, общей,
ственной и гражданской идеи нельзя взрастить поколѣн
пустить его въ жизнь! Но сами-то они всѣ вмѣстѣ утр
цѣлое, потеряли общее, разбились по частямъ; соедин
лишь въ отрицательномъ, да и то кое-какъ, и раздѣлились
въ положительномъ, а въ сущности и сами даже не в
себѣ ни въ чемъ, ибо говорятъ съ чужаго голоса, прим
къ чуждой жизни и къ чуждой идеѣ и потеряли всякую
съ родной русской жизнью.

Впрочемъ, повторяю, этихъ горячихъ немного, лѣни
безконечно больше. Кстати, помните-ли вы процессъ Джу
скихъ? Этотъ процессъ очень недавній и разсматривался
Калужскомъ Окружномъ судѣ всего лишь 10-го іюня теку
года. На него, среди грома текущихъ событій, весьма мо
быть немногіе и обратили вниманіе. Я прочелъ его в
зетѣ «Новое Время» и не знаю былъ-ли онъ перепеча
еще гдѣ нибудь. Это — дѣло о перемышльскихъ земледѣл
цахъ маіорѣ Александрѣ Афонасьевѣ Джунковскомъ, 50
и женѣ его Екатеринѣ Петровой Джунковской, 40 лѣтъ,
няемыхъ въ жестокомъ обращеніи съ малолѣтними дѣтьми
Николаемъ, Александромъ и Ольгою... Здѣсь своевременно
детъ замѣтить, что дѣти, о которыхъ идетъ рѣчь, были
слѣдующемъ возрастѣ: Николай — тринадцати лѣтъ, Оль
двѣнадцати лѣтъ и Александръ — 11 лѣтъ. Прибавлю еще
бѣгая впередъ, что судъ оправдалъ подсудимыхъ.

Въ этомъ процессѣ весьма, по моему, рѣзко выступаетъ

изъ нашей дѣйствительности, а между тѣмъ, что
ь немъ поразительно—это чрезвычайная обыкно-
дённость его. Чувствуешь, что именно такихъ рус-
въ необыкновенное теперь множество, — конечно,
самомъ видѣ, конечно, не вездѣ такія случайности
пятокъ (о чемъ будетъ ниже), но суть-то дѣла,
ерта множества подобныхъ семействъ одна и та же.
инъ «лѣниваго семейства», о которомъ я сейчасъ
лъ. Если не цѣлый, не правильный очень типъ
и по инымъ весьма исключительнымъ и характер-
юстямъ), то все-таки замѣчательная особь этого
ъ читатели судятъ сами. Подсудимые были преданы
ѣленію московской судебной палаты; припоминаю не
. Перепечатываю изъ «Новаго Времени» такъ, какъ
о изложено, т. е. въ сжатомъ видѣ.

III.

одителей Джунковскихъ съ родными дѣтьми.

Джунковскіе, обладая извѣстнымъ достаткомъ и
щее число прислуги, поставили дѣтей своихъ: Николая,
Ольгу, въ совершенно иныя отношенія къ себѣ, чѣмъ
Они не только не держали себя съ ними и не лас-
родители, но, оставивъ безъ присмотра, давали имъ
аніе, помѣщеніе, одежду, постели и столъ, принуждали
ъ родѣ чесанія пятокъ и т. п., возбуждая и поддер-
образомъ въ нихъ неудовольствіе и раздраженіе, до-
поступка съ умершею сестрою, о чемъ будетъ сказано
не могло не имѣть дурнаго вліянія на здоровье дѣтей.
ръ, изъ дѣла видно, что Ольга страдаетъ падучею бо-
того, не способствуя ни надзоромъ, ни попеченіями
венному развитію дѣтей, подсудимые прибѣгали къ
ыя нельзя признать кроткими мѣрами исправленія ро-
ъ малолѣтнихъ дѣтей. Такъ, обвиняемые запирали
ыжительное время въ сортиръ, оставляли дома въ хо-
ѣ и почти безъ пищи, или посылали обѣдать и спать
ислуги, ставя ихъ такимъ образомъ въ общество лицъ,
хъ содѣйствовать ихъ исправленію, наконецъ, часто
пало, даже кулаками, сѣкли розгами, хворостиною,
енной для лошадей, и съ такою жестокостью, что
смотрѣть и что (по показанію мальчика Александра)
болѣла пять дней отъ одной изъ такихъ экзекуцій.
и были послѣдствіемъ не всегда какой-нибудь, хотя-бы
лости, но и просто такъ себѣ—по желанію. Служив-

шая прачкою у Джунковскихъ солдатка Сергѣева, между прот
объяснила, что обвиняемые не любили дѣтей Николая, Алекс
и Ольгу, которые спали отдѣльно отъ другихъ дѣтей, внизу, въ
комнатѣ, на полу, на войлокѣ, одѣвались чѣмъ попало (было
рваное одѣяло); ѣли людское кушанье, такъ что всегда были гол
Одѣвали ихъ плохо: лѣтомъ въ разныя рубашки, а зимою въ
шубки. Джунковская была для этихъ дѣтей хуже мачихи; она
ихъ, особенно Александра, чѣмъ попало, а то такъ просто кул
Когда сѣкла Николая, то страшно было глядѣть. Дѣти, хотя и
шаловливы, но какъ дѣти. Имъ доставалось больше всего по
рамъ, когда они чесали матери пятки, что продолжалось по ч
болѣе—пока мать не уснетъ. Это дѣлала раньше прислуга, въ
числѣ и Сергѣева, которая наконецъ отказалась, потому что
отекала! Изъ показанія Усачковой оказывается, что Алексан
Ольга валялись на полу, на грязныхъ подушкахъ, „вообще ихъ
жали грязно—въ свиномъ логовищѣ чище чѣмъ у нихъ". Жив
Джунковскихъ, въ качествѣ учителя, по августъ 1875 года, д
нинъ Любимовъ утверждалъ, что Николая, Ольгу и Александ
держали плохо и имъ иногда приходилось ходить босикомъ.
казаніи дѣвицы Шишовой (кандидатка Николаевскаго инсти
бывшей у дѣтей подсудимыхъ гувернанткою, по августъ 1874
которое было прочитано на судѣ вслѣдствіе неявки свидѣтельни
значится, что Джунковская—женщина эгоистичная, не ласк
никогда, равно какъ и мужъ ея, дѣтей Александра и Никола
сутствіе вообще порядка въ домѣ подсудимыхъ и равнодушное
шеніе къ дѣтямъ. Шишова объясняетъ какою-то небрежностью
няемыхъ ко всему и даже въ отношеніи себя; дѣла ихъ бы
стоянно запутаны и они жили постоянно въ хлопотахъ и не
хозяйничать. Джунковская, старавшаяся чтобы ее ничто не
кило, поручала мужу наказывать дѣтей, что имъ и было испол
и хотя при экзекуціяхъ свидѣтельница не присутствовала, но
не менѣе удостовѣряетъ, что „никакой жестокости въ наказа
не было". „Случалось, продолжаетъ педагогичка Шишова, что
ковская или я даже, за шалости запирала дѣтей въ комнату,
стоялъ ватерклозетъ, но эта комната не холоднѣе другихъ въ
тирѣ и отапливалась". Шишова и сама наказывала дѣтей реме
плеткою, „но только она была маленькая". При свидѣтельниц
когда не случалось, чтобы дѣтямъ не давали ѣсть по нѣскольк

Затѣмъ мальчики Николай и Александръ дали слѣдователю
жанныя показанія, изъ которыхъ однако видно, что ихъ сѣкли
гами, ременною плетью, которою гоняютъ лошадь, а также
ростиною, употреблявшеюся въ дѣло и учителемъ Любимовым
нажды у Александра пять дней болѣла спина послѣ того, как
высѣкла его за то, что онъ изъ кухни принесъ сестрѣ Ольгѣ
фелю для завтрака.

Джунковскій въ оправданіе свое ссылался на полнѣйшую
ченность своихъ дѣтей въ подтвержденіе чего привелъ слѣд
случай: когда умерла его старшая дочь Екатерина, мальчики
лай и Александръ въ то время, когда сестра ихъ лежала на с
нарѣзавъ въ саду прутьевъ, били мертвую по лицу, приговар
теперь-то натѣшимся надъ тобою, за то, что ты на насъ жало

ѣ обвиняемые не признали себя виновными.
имый увѣрялъ, что тратитъ на воспитаніе своихъ дѣтей
мъ позволяютъ его средства, но что онъ такъ несчастливъ,
стигъ своей цѣли и что дѣти дѣлаются все хуже и хуже.
й сынъ (Николай) до отдачи въ гимназію былъ хорошимъ
ъ, но, побывъ въ гимназіи, выучился тамъ воровать; до
ія въ гимназію онъ зналъ молитвы, но потомъ забылъ ихъ
ичинѣ, что объявилъ себя католикомъ и вслѣдствіе этого
совсѣмъ закону Божію, между тѣмъ было представлено
ое свидѣтельство, въ которомъ сказано, что Николай—пра-
вѣроисповѣданія.
дѣднемъ своемъ словѣ Джунковская высказала, что она
къ дѣтямъ нѣсколько гувернантокъ, но, къ несчастью, все
въ нихъ, также какъ и въ учителѣ, но что въ настоящее
ъ самъ занимается съ дѣтьми и она надѣется, что дѣти
ю поправятся.

этотъ процессъ. Подсудимые, какъ сказано выше, были
ы. Еще-бы нѣтъ? И замѣчательно не то, что ихъ оправ-
о, что ихъ предали подъ судъ и судили. Кто и какой
кетъ обвинить ихъ и за что? О, конечно, есть такой
орый можетъ ихъ обвинить и ясно указать за что, но,
ный-же судъ съ присяжными засѣдателями, судящій
анному закону. А въ написанныхъ законахъ нигдѣ
тьи, ставящей преступленіемъ лѣнивое, неумѣлое и
ное отношеніе отцовъ къ дѣтямъ. Иначе пришлось-бы
ол-Россіи, вуды, гораздо больше. Да и что такое без-
отношеніе? Вотъ если-бы жестокія истязанія, какія-
жасныя, безчеловѣчныя. Но мнѣ помнится, какъ адво-
процессѣ Кронеберга, обвинявшагося въ безчеловѣч-
ащеніи съ своимъ младенцемъ, раскрылъ сводъ зако-
прочелъ статью о жестокомъ обращеніи, жестокихъ
ихъ и проч., имѣя въ виду доказать, что кліентъ его
дитъ ни подъ одну изъ этихъ статей, въ которыхъ
очно опредѣлено что надо считать жестокими и безче-
ми истязаніями. И, помню, эти опредѣленія жестокихъ
были до того жестоки, что рѣшительно похожи были
анія болгаръ баши-бузуками, и если не сажаніе на
ѣмни изъ спины, то разломанныя ребра, руки, ноги и
еще что, такъ что какая-нибудь ременная плетка да
ньказ, по показанію дѣвицы Шишовой — рѣшительно
гъ подойдти къ статьѣ свода законовъ и составить
обвиненія. «Сѣкли, дескать, розгой». Да ктожь не
ѣтей розгой? девять десятыхъ Россіи сѣчетъ. Подъ

уголовный-то законъ уже никакъ нельзя подвести. «Се
дескать, ни за что, ни про что, за картофель». Нѣтъ-съ, и
картофель, отвѣтилъ-бы г. Джунковскій, а тутъ ужь все вм
сошлось, за развратъ, за то, что они, изверги, сѣкли умер
дочь Екатерину по лицу. -- «Въ сортиръ, дескать, запир
Да вѣдь сортиръ топленый, такъ чего-же вамъ больше, кар
всегда карцеръ. «За то, дескать, что людской пищей кор
и посылали спать чуть не въ свиной хлѣвъ, на какой-то
стилкѣ, съ однимъ рваннымъ одѣяломъ»? «А это тоже за и
заніе-съ, и притомъ, рваное—не рваное, а я и безъ того т
на обученіе дѣтей свыше моихъ средствъ и надѣюсь, что
кону нечего считать въ моемъ карманѣ средства мои». «За
дескать, что вы не ласкали дѣтей»? Но позвольте, пока
мнѣ такую статью свода законовъ, которая повелѣвала-бы
подъ страхомъ уголовнаго наказанія, ласкать дѣтей, да
шалуновъ, безсердечныхъ, дрянныхъ воришекъ и изверго
«За то наконецъ, что вы избрали не ту систему воспит
вашихъ дѣтей»? А какую систему воспитанія предпису
уголовный законъ подъ страхомъ уголовнаго наказанія?
вовсе это не дѣло закона...

Однимъ словомъ, я хочу сказать, что тащить это дѣло Дж
ковскихъ въ уголовный судъ было невозможно. Да так
случилось: они были оправданы, изъ обвиненія ихъ ничего
вышло. А между тѣмъ, читатель чувствуетъ, что изъ этого
можетъ выйти, а, можетъ быть, ужь и вышла цѣлая траг
О, тутъ дѣло другаго суда, но какого-же?

Какого? Да вотъ хоть бы, напримѣръ, дѣвица Шишова,
дагогичка,—она даетъ свое показаніе и уже произноситъ въ
приговоръ. Замѣтимъ, что эта г. Шишова, хоть и сѣкла
дѣтей ременной плеткой («только она была маленькая»), но
жется весьма умная женщина. Невозможно опредѣлить точн
умнѣе характеръ Джунковскихъ, какъ она его опредѣляетъ.
Джунковская—*женщина эгоистичная*, говоритъ она. Домъ Дж
ковскихъ *въ безпорядкѣ... по небрежности обвиняемыхъ ка
му и даже въ отношеніи себя*. Дѣла ихъ постоянно запут
живутъ они постоянно въ хлопотахъ; не умѣютъ хозяйнич
мучаются, а между тѣмъ всего болѣе ищутъ покоя: Джунковс
безпрерывно *старавшаяся чтобы ее ничто не безпокоило*,
же дѣтей поручала наказывать мужу... Однимъ словомъ, г.
шова унесла съ собой изъ дома Джунковскихъ то мнѣніе,
эти люди --безсердечные эгоисты, а главное—лѣнивые эгои

лѣни, и сердца у нихъ лѣнивыя. Отъ лѣни, конечно, и безпорядокъ въ домѣ, безпорядокъ и въ дѣлахъ, а мемъ ничего они такъ не ищутъ, какъ покоя: «Э, чтобъ олько бы прожить!» Отчего-же ихъ лѣность, отчего ихъ -Богъ знаетъ! Тяжело-ли имъ среди современнаго хаоса въ которомъ такъ трудно что-нибудь понять? Или такъ вѣтила современная жизнь на ихъ духовныя стремленія, желанія, вопросы? Или, наконецъ, отъ непониманія круюисходящаго разложились и ихъ понятія и уже больше ались, и наступило разочарованіе? Не знаю, не знаю; но ому это люди, имѣющіе образованіе, можетъ быть нѣкогда, церь, пожалуй, любившіе прекрасное и высокое. Чесаніе тутъ ничему не могло-бы противурѣчить. Чесаніе пято именно что-то въ родѣ какъ-бы лѣниваго, апатичнаго ованія, лѣнивое дорлотерство, жажда уединенія, покоя. . Тутъ нервы,—и именно, не столько лѣнь, сколько та **покоя и уединенія, т. е. скорѣе отъединенія отъ всѣхъ и обязанностей.** Да, тутъ, конечно, эгоизмъ, а эгоисты **ы, и трусливы** передъ долгомъ: въ нихъ вѣчное, труствращеніе связать себя какимъ-нибудь долгомъ. Замѣть**вѣчное и** страстное желаніе этого освобожденія себя отъ **долга, почти** всегда рождаетъ и развиваетъ въ эгоистѣ **отъ убѣжденіе,** что всѣ кто-бы ни сталкивался съ нимъ, **жны что-то,** какъ-бы обложены относительно его какимъ**омъ, данью,** податью. Какъ ни безсмысленно это мечтаоно наконецъ укореняется и переходитъ въ раздражи**недовольство** всѣмъ міромъ и въ горькое, нерѣдко озлоб**чувство** ко всему и всѣмъ. Не исполненіе этихъ фанта**ихъ долговъ,** принимается наконецъ сердцемъ какъ оби**ъ что** вы иногда во всю жизнь не вообразите за что **кой эгоистъ** постоянно на васъ сердится и злобится. Это **иное чувство** рождается даже и къ собственнымъ дѣ**о, къ дѣтямъ** даже по преимуществу. Дѣти—это именно **наченныя жертвы** этого капризнаго эгоизма, къ тому-же **ихъ ближе** подъ рукою, а всего пуще то, что никакого **ж: «мои,** дескать, дѣти, собственныя!» Не удивляйтесь-же, **ненавистное** чувство, вѣчно раздражаемое напоминаніемъ **женнаго** относительно дѣтей долга, раздражаемое вѣчнымъ **ень передъ вами** этихъ маленькихъ, новыхъ личностей, **ихъ отъ васъ** всего и дерзко (увы, не дерзко, а по) **не понимающихъ,** что вамъ такъ нуженъ вашъ покой

и считающихъ этотъ покой ни во что,—не удивляйтесь, п
я, что это ненавистное чувство даже къ собственнымъ д
можетъ переродиться наконецъ въ настоящую месть, а по
ощреніемъ и подстреканіемъ безнаказанности—даже въ зв
Да, лѣность и всегда порождаетъ звѣрство, заканчивается
ствомъ. И звѣрство это не отъ жестокости, а именно отъ
Сердца эти не жестокія, а именно лѣнивыя сердца. И вот
столь любящая покой дама, даже до чесанія пятокъ возл
шая его, озлобившаяся наконецъ на то, что лишь у ней,
лишь одной нѣтъ никогда покоя, потому что все кругом
въ безпорядкѣ и требуетъ ея безпрерывнаго присутствія
манія, — эта дама вскакиваетъ наконецъ съ постели, хв
хворостину и сѣчетъ, сѣчетъ собственнаго ребенка, неут
ненасытно, злорадно, такъ что «страшно было глядѣть»,
показываетъ прислуга, и за что, изъ-за чего: за то, что
чикъ принесъ голодной маленькой сестрѣ (страдающей п
болѣзнію) изъ кухни немного картофелю,—т. е. сѣчетъ
хорошее чувство, за то, что не развратилось и не очерствѣ
сердце ребенка. «Все равно, дескать, я запретила, а ты пр
такъ вотъ-же, не дѣлай свое хорошее, а дѣлай мое дур
Нѣтъ-съ, вѣдь это истерика. Дѣти спятъ въ грязи, «въ с
логовищѣ чище», съ однимъ прорваннымъ одѣяломъ на т
«пусть, такъ имъ и надо, думаетъ родная мать, не дают
мнѣ покоя!» И не потому думаетъ она такъ, что сердце
жестокое, нѣтъ, сердце у ней, можетъ быть, весьма добро
рошее отъ природы, да вотъ покоя-то ей никакъ не даютъ
тигнуть-то его она всю жизнь не можетъ, и чѣмъ дальше
хуже, а тутъ эти дѣти («зачѣмъ они! зачѣмъ они появи
ростутъ, шалятъ и требуютъ каждодневно все больше и б
труда и вниманія! Нѣтъ, если уже тутъ и истерика, то и
годами накопленная. Рядомъ съ этою болѣзненною (довед
до болѣзненности) матерью семейства стоитъ предъ судомъ
г. Джунковскій. Что-жь, можетъ быть, онъ и очень хоро
ловѣкъ, кажется, человѣкъ образованный, вовсе не цини
противъ, сознающій отцовскій долгъ свой, до огорченія
его сознающій. Вотъ онъ чуть не со слезами жалуется н
на малолѣтнихъ дѣтей, онъ простираетъ руки: «я сдѣлал
нихъ все, все, я нанималъ учителей, гувернантокъ, я тр
на нихъ болѣе чѣмъ позволяли мнѣ средства, но они и
они стали воровать, они сѣкли мертвую сестру по лицу!» О
словомъ, онъ считаетъ себя вполнѣ правымъ. Дѣти стоятъ

ѣчательно что они дали «показанія сдержанныя,
. е. мало жаловались и чуть-чуть лишь защища-
ію, чтобъ это отъ одного лишь страха родите-
мъ все таки придется воротиться. Напротивъ,
гъ фактъ, что ихъ отца уже судятъ за жестокое
ими долженъ-бы ихъ былъ ободрить. Просто имъ
удиться съ отцомъ, стоять подлѣ него и свидѣ-
отивъ него, тогда какъ онъ, не думая о буду-
ь, какія чувства останутся въ сердцѣ этихъ дѣ-
дня, не подозрѣвая даже о томъ, что они унесутъ
е изъ этого дня,—онъ обвиняетъ ихъ и разоб-
ъ дурное, всѣ постыдные поступки ихъ, жалуется
обществу. Но онъ вѣритъ, что онъ правъ, а г-жа
Бритъ даже и въ будущность, и вполнѣ, вполнѣ!
» суду, что *все* отъ дурныхъ учителей и гувер-
на разочаровалась въ нихъ, а что теперь, когда
самъ примется за обученіе и воспитаніе дѣтей,
шенно исправятся» (такъ! такъ!). Дай имъ Богъ

ѣтимъ кое-что объ этихъ шалостяхъ маленькихъ

сѣкли розгами по лицу мертвую сестру за то, что,
нихъ жаловалась, конечно, возмутительно и омер-
стараемся быть безпристрастнѣе, и, клянусь вамъ,
аже и это лишь дѣтская шалость, именно,—это
стичность». Тутъ что нибудь отъ воображенія дѣ-
развращеннаго сердца. Дѣтское воображеніе даже
ей, и особенно въ извѣстномъ возрастѣ чрезвы-
чиво и наклонно къ фантастическому. И особенно
твахъ, въ которыхъ хоть и тѣсно живутъ люди,
ый торчитъ у другаго на виду, но дѣти все-таки
особую кучу — заботами, вѣчнымъ недосугомъ
ся, за книгу, не шалить!» Только и слышатъ они
ими книжонками, по опредѣленнымъ угламъ, не
нуть ногой. Въ свиномъ своемъ хлѣвѣ, по ночамъ
идя за скучными уроками, или запертые въ сор-
Джунковскіе могли пріучить себя къ страннымъ
къ добрымъ и сердечнымъ, и къ озлобленнымъ,
дѣтски къ сказочнымъ, фантастическимъ: «вотъ,
ы я побольше, пошелъ-бы на войну, а тамъ-бы
учителишка спросилъ-бы гдѣ вы были? какъ

смѣли уѣхать изъ класса? А я бы вынулъ изъ кармана
и повѣсилъ въ петлицу, тутъ-бы онъ испугался и броси
колѣни!» Когда умерла сестра, кто-нибудь изъ нихъ т
грѣясь подъ уголкомъ своего рванаго одѣяла, могъ за
придумать: «а знаешь, Николя, Богъ-то ее нарочно наказ
то, что она злая была, жаловалась. Она теперь видитъ с
хотѣла-бы пожаловаться, да нельзя уже. Давайте ее завт
гами сѣчь, пусть она смотритъ сверху, видитъ и злится
нельзя пожаловаться!» Клянусь вамъ, что ребятишки, м
быть, черезъ нѣсколько дней раскаялись въ сердцахъ сво
томъ, что они сдѣлали такую гнусную глупость. Дѣтскія
мягки. На этотъ счетъ, я знаю вотъ какой маленькій с
умерла одна мать у семерыхъ дѣтей. Одинъ ребенокъ, д
лѣтъ семи или восьми, увидя мертвую маму, стала ужасн
дать. Она такъ плакала, что ее унесли въ дѣтскую по
истерикѣ, и не знали чѣмъ утѣшить. Дура приживалка, с
шаяся тутъ, вдругъ сказала ей, утѣшая: «не плачь, что т
такъ плачешь-то, вѣдь она тебя не любила, она тебя, по
наказала, въ углу-то ты стояла, помнишь!» Дурѣ думало
лать лучше: вотъ, дескать, перестанетъ и успокоится ребен
и достигла вѣдь цѣли: дѣвочка вдругъ перестала плакать
того и на другой день, и на похоронахъ имѣла какой-то
ный, подобранный, обиженный видъ: «она, дескать, меня
била». Ей понравилась мысль, что она была обиженная, з
ная, не любимая. Ей-Богу, это случилось съ ребенкомъ по
мому году. Но дѣтская «фантастичность» не продержалась
черезъ нѣсколько дней ребенокъ такъ опять затосковалъ
тери, что сдѣлался боленъ, и никогда потомъ, во всю
эта дочь не могла вспомнить о своей матери безъ благо
наго чувства. За проступокъ маленькихъ Джунковскихъ с
вою сестрою, ихъ, безъ сомнѣнія, слѣдовало наказать, и
но поступокъ этотъ—дѣтскій, глупый, фантастическій,
дѣтскій и вовсе не означаетъ развращенія сердецъ. Шало
мальчика Николая въ гимназіи, объявившаго себя като
чтобы не учиться Закону Божію, есть въ высшей степен
дѣтская шалость: это классный вывертъ передъ товар
«вотъ дескать вы учитесь Закону, а я избавился, надул
всѣхъ, благо фамилія моя похожа на польскую». Тутъ
тельно одно только *школьничество*—глупое, скверное, за
рое слѣдуетъ строжайше наказать, но не слѣдуетъ отчая
за мальчика, не слѣдуетъ вѣрить, что онъ уже до того

ъ, что сталъ мошенникомъ. Но Джунковскій отецъ, кажется, ить тому: не жаловался-бы онъ такъ плачевно на судъ, если-не вѣрилъ.

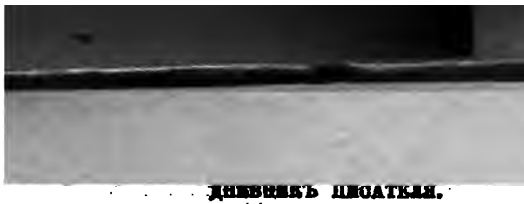
У насъ въ судахъ случается, что когда подсудимые бываютъ ѣданы (и особенно, когда они очевидно виновны, но отпу-ы лишь милосердіемъ суда), то предсѣдатель суда, объявляя судимому свободу, говоритъ ему иногда при этомъ назиданіе тому: какъ именно ему слѣдуетъ принять это оправданіе, что ести изъ всего этого въ жизнь, какъ избѣжать въ дальнѣй-ъ повторенія бѣды. Предсѣдатель суда говоритъ въ такомъ ѣ отъ лица какъ-бы всего общества, государства; слова важныя, назиданіе верховное. Можетъ быть, подсудимымъ унковскимъ объявлено было ихъ оправданіе безъ всякаго ваго, въ такомъ родѣ, внушенія,—этого я не знаю, но я кто самъ воображаю себѣ: что могъ-бы имъ сказать предсѣ-ль суда отпуская ихъ. И вотъ что мнѣ, кажется, онъ-бы ъ имъ сказать:

IV.

Фантастическая рѣчь предсѣдателя суда.

«Подсудимые, вы оправданы, но вспомните, что кромѣ этого есть другой судъ,— судъ собственной вашей совѣсти. Сдѣ-те-же такъ, чтобъ и этотъ судъ оправдалъ васъ, хотя-бы слѣдствіи. Вы объявили, что намѣрены теперь сами заняться питаніемъ и обученіемъ дѣтей вашихъ: еслибъ вы раньше лись за это, то не было-бы, вѣроятно, и сегодняшняго суда его здѣсь съ дѣтьми вашими. Но боюсь: имѣете-ли вы доста-но силъ въ себѣ для исполненія добраго намѣренія вашего? достаточно лишь рѣшиться на такое дѣло, надо спросить достанетъ-ли ревности и терпѣнія на исполненіе его? Не и не смѣю сказать про васъ, что вы родители безсердеч-ненавистники дѣтей вашихъ. Да и ненавидѣть дѣтей своихъ въ сущности, почти неестественная, а потому невозмож-Ненавидѣть-же столь малыхъ еще дѣтей, — вещь безраз-ная и даже смѣшная. Но лѣность, но равнодушіе, но лѣни-отвычка отъ исполненія такой первѣйшей естественной и гражданской обязанности, какъ воспитаніе собственныхъ , дѣйствительно могутъ породить даже не любовь къ нимъ,

почти ненависть, почти чувство личной какой-то мести къ
особенно по мѣрѣ ихъ возрастанія, по мѣрѣ все возрастающ
природныхъ требованій ихъ, по мѣрѣ вашего сознанія о т
что для нихъ много надо сдѣлать, много потрудиться, а, м
быть, много имъ пожертвовать изъ собственнаго вседовол
отъединенія и покоя. Къ тому-же все возрастающія шалости о
ленныхъ въ пренебреженіи дѣтей и укорененіе въ нихъ дур
привычекъ, видимое извращеніе умовъ и сердецъ ихъ, мо
вселить наконецъ прямое отвращеніе къ нимъ даже и въ
тельскихъ сердцахъ. Въ горячихъ, слезныхъ жалобахъ ва
на пороки вашихъ дѣтей, мы всѣ услышали здѣсь и уви
глубокую неподдѣльную горесть вашу, горесть несчастна
оскорбленнаго своими дѣтьми отца. Но подумайте, однако,
много и разсудите: изъ чего имъ было и сдѣлаться лучше? В
нялось, напримѣръ, на судѣ, что за лѣность ихъ и за шал
вы ихъ запирали на нѣсколько иногда часовъ въ сортиръ.
нечно, карцеръ есть карцеръ, да и сортиръ вашъ *отапли*
стало быть, не было тутъ жестокаго истязанія, но вѣдь та
однако? Сидя тамъ, чувствуя унизительное и срамное поло
свое, ребенокъ могъ ожесточаться, въ головѣ его могли п
дить самыя фантастическія извращенныя и циническія мечты;
могъ окончательно потерять любовь, любовь къ родному п
и къ вамъ даже, родителямъ его, ибо ему могло казаться,
вы уже совершенно не дорожите ни чувствами его къ ва
человѣческимъ его достоинствомъ, а у ребенка, даже у с
малаго есть тоже и уже сформированное человѣческое д
инство, замѣтьте это себѣ. О томъ, что эти мысли, а глав
сильныя, хотя и дѣтскія впечатлѣнія эти онъ унесетъ по
въ жизнь и проноситъ ихъ въ сердцѣ своемъ, можетъ бы
самой могилы, вы, кажется совсѣмъ не подумали. Да и сд
ли вы сами-то хоть что-нибудь предварительно, чтобъ изб
этой, обижающей ребенка необходимости сажать его въ
мѣсто, и тѣмъ позорить его и издѣваться надъ нимъ? Вѣдь
слѣдствіи, въ жизни, онъ этотъ вопросъ непремѣнно подн
и поставитъ передъ собой. Вы утверждаете, что вы сдѣлали
дѣтей своихъ *все*, и какъ будто сами убѣждены въ этомъ,
не вѣрю тому, что вы сдѣлали все, и когда вы съ такимъ
ченнымъ чувствомъ произносили это, я убѣжденъ былъ, чт
васъ самихъ было уже большое сомнѣніе на счетъ этого с
пункта. Вы увѣряете, что нанимали учителей и тратили с
средствъ вашихъ. Безъ сомнѣнія, учитель необходимъ для



...ствовавъ учителя, вы поступили, конечно, какъ ревностный ...но нанять учителя для преподаванія дѣтямъ наукъ не ...ъ, конечно, *сдать* ему дѣтей, такъ сказать, съ плечь до... чтобъ отвязаться отъ нихъ и чтобъ они больше ужь васъ ...покоили. А вы, кажется, именно это-то и сдѣлали и ду... что, заплативъ деньги, уже совершенно все сдѣлали, и даже ...чѣмъ *все*—«свыше средствъ». Между тѣмъ, увѣряю васъ, ...ы сдѣлали лишь наименьшее изъ того, что могли-бы сдѣ... для нихъ; вы лишь откупились отъ долга и отъ обязан... родительской деньгами, а думали, что уже все совершили. ...были, что ихъ маленькія, дѣтскія души требуютъ безпре... и неустаннаго соприкосновенія съ вашими родитель... душами, требуютъ, чтобъ вы были для нихъ, такъ ска... всегда духовно на горѣ, какъ предметъ любви, великаго ...мѣрнаго уваженія и прекраснаго подражанія. Наука нау... а отецъ передъ дѣтьми всегда долженъ быть какъ-бы доб... ь, нагляднымъ примѣромъ всего того нравственнаго вывода, ...рый умы и сердца ихъ могутъ почерпнуть изъ науки. Сер... ая, всегда наглядная для нихъ забота ваша о нихъ, любовь ...къ нимъ, согрѣли-бы какъ теплымъ лучемъ, все посѣян... въ ихъ душахъ и плодъ вышелъ-бы, конечно, обильный и ...ый. Но, кажется, ничего не посѣявъ сами, и сдавъ ихъ чуж... семьѣ вашей сѣятелю,—вы потребовали уже жатвы и, ...вычные къ этому дѣлу, потребовали этой жатвы слишкомъ ...; не получивъ-же ее, озлобились и ожесточились... на ма... ...къ, на собственныхъ дѣтей вашихъ, и тоже рано, слишкомъ ...!

Все оттого, что воспитаніе дѣтей есть трудъ и долгъ,—для ...хъ родителей сладкій, не смотря на гнетущія даже заботы, ...лабость средствъ, на бѣдность даже, для другихъ-же, и даже ...очень многихъ достаточныхъ родителей,—это самый гне... ...й трудъ и самый тяжелый долгъ. Вотъ потому и стремятся ...откупиться отъ него деньгами, если есть деньги. Если-же ...ньги не помогаютъ, или, какъ у многихъ ихъ и вовсе нѣтъ, ...прибѣгаютъ обыкновенно къ строгости, къ жестокости, къ ...занію, къ розгѣ. Я вамъ скажу что такое розга. Розга въ ...йствѣ есть продуктъ лѣни родительской, неизбѣжный резуль... ...ь этой лѣни. Все что можно-бы сдѣлать трудомъ и любовью, ...станной работой надъ дѣтьми и съ дѣтьми, все чего можно-бы ...о достигнуть разсудкомъ, разъясненіемъ, внушеніемъ, терпѣ... ...ъ, воспитаніемъ и примѣромъ,—всего того слабые, лѣнивые,

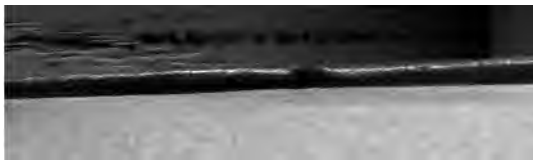
но нетерпѣливые отцы полагаютъ всего чаще достигну
«не разъясню, а прикажу, не внушу, а заставлю». К
результатъ выходитъ? Ребенокъ хитрый, скрытный, не
покорится и обманетъ васъ и розга ваша не исправитъ,
развратитъ его. Ребенка слабаго, трусливаго и сердце
наго—вы забьете. Наконецъ, ребенка добраго, просто
съ сердцемъ прямымъ и открытымъ—вы сначала изм
потомъ ожесточите и потеряете его сердце. Трудно, ча
трудно дѣтскому сердцу отрываться отъ тѣхъ, кого онъ
но если оно уже оторвется, то въ немъ зарождается с
неестественно-ранній цинизмъ, ожесточеніе и извраща
ство справедливости. Все это, конечно, въ томъ только
если жестокость происходитъ отъ эгоизма родителей, и
зянинъ нивы, не посѣявъ самъ, потребуетъ съ нея добро
Въ такихъ случаяхъ, жестокость и несправедливость
стороны отцовъ усиливаясь, безъ удержу, и это все
«Не дѣлай свое хорошее, а дѣлай мое дурное!»—вот
нецъ, что становится девизомъ, и ребенка наказываютъ
доброе дѣло, за картофель, который онъ принесъ сес
кухни: какже не ожесточиться сердцу и какъ не изв
понятіямъ? Не будучи жестокими и даже любя ихъ,
зывали ихъ вашимъ пренебреженіемъ къ нимъ, унижені
они спали въ нечистой комнатѣ, на какой-то подстилкѣ, 1
не съ вашего стола, а со слугами. И, конечно, вы дум
они наконецъ почувствуютъ вину свою и исправятся.
тивномъ случаѣ, надо-бы было предположить, что вы дѣл
отъ ненависти къ нимъ, отъ мести къ нимъ, чтобы имъ
зло? Но судъ не захотѣлъ такъ заключить и приписалъ
ваши ошибочному разсчету воспитателя. Но вотъ теперь
собираетесь воспитывать и учить ихъ: трудное это дѣло, и
на то, что супругѣ вашей кажется оно легкимъ.

Дѣтей вашихъ нѣтъ въ залѣ, я приказалъ ихъ вы
потому я могу коснуться до самаго главнаго въ этомъ г
щемъ вамъ трудномъ дѣлѣ. Самое главное въ немъ то, ч
стоитъ многое простить съ обѣихъ сторонъ. Они долж
стить вамъ горькія, тяжелыя впечатлѣнія ихъ дѣтскихъ
ожесточеніе свое, пороки свои. Вы-же должны простить и
эгоизмъ, ваше пренебреженіе къ нимъ, извращеніе чув
шихъ къ нимъ, жестокость вашу и то наконецъ, что вы
здѣсь и судились за нихъ. Говорю такъ потому, что не се
ните вы во всемъ этомъ. выйдя изъ залы суда, а нек

я увѣренъ въ этомъ! И такъ, начиная ваше трудное дѣло
ганія дѣтей вашихъ, спросите сами себя: можете-ли вы
ить за всѣ эти проступки и преступленія ваши, не ихъ, а
о себя? Если можете, о, тогда вы успѣете въ трудѣ ва-
? Значитъ, Богъ очистилъ взглядъ вашъ и просвѣтилъ вашу
ть. Если-же не можете, то лучше и не принимайтесь за
намѣреніе.
горое, что предстоитъ вамъ тяжелаго въ вашемъ трудѣ, это
отъ, истребить въ ихъ сердцахъ и измѣнить въ нихъ слиш-
многія и прежнія впечатлѣнія и воспоминанія. Но тутъ
столь многое заставить забыть и столь многое вновь соз-
что недоумѣваю: какимъ путемъ этого достигнете? О, если
тесь любить ихъ, то, конечно, всего достигнете. Но вѣдь
любовь есть трудъ, даже и любви надобно учиться, вѣрите-
тому? Вѣрите-ли вы, наконецъ, убѣждены-ли вы, что васъ
гановятъ и не побѣдятъ, въ прекрасномъ предпріятіи ва-
нныя самыя мелкія, самыя первоначальныя, самыя пошлыя
нныя заботы, о которыхъ вы, можетъ быть, теперь и не
те, но которыя однако могутъ составить наиважнѣйшее пре-
віе добрымъ начинаніямъ вашимъ. Всякій ревностный и ра-
ій отецъ знаетъ, напримѣръ, сколь важно воздерживаться
ъ дѣтьми своими въ обыденной семейной жизни отъ извѣст-
ихъ сказать, халатности семейныхъ отношеній, отъ извѣстной
шенности ихъ и разнузданности, воздерживать себя отъ
ихъ и безобразныхъ привычекъ, а, главное, отъ невниманія
небреженія къ дѣтскому ихъ мнѣнію о васъ самихъ, къ не-
ючу, безобразному и комическому впечатлѣнію, которое мо-
зародиться въ нихъ столь часто при созерцаніи нашей
башности въ семейномъ быту. Вѣрите-ли вы, что ревност-
ель даже долженъ иногда совсѣмъ перевоспитать себя для
своихъ. О, если родители добры, если любовь ихъ къ дѣ-
ревностна и горяча, то дѣти многое простятъ имъ и многое
тъ потомъ не только изъ комическаго и безобразнаго, но
не осудятъ ихъ безапелляціонно за иныя совсѣмъ уже
я дѣла ихъ; напротивъ, сердца ихъ непремѣнно найдутъ
ющія обстоятельства. Но совсѣмъ другое можетъ случиться
семействахъ несогласныхъ и ожесточенныхъ. Ваша супруга,
оказалось на судѣ, имѣетъ болѣзненную привычку застав-
лять себѣ передъ сномъ ноги. Служанка засвидѣтельство-
что эта обязанность была для нея даже мучительна, что
али руки». Представьте-же себѣ этого мальчика, вашего

сына, котораго вмѣсто служанки заставляютъ чесать? О, если
мать любила его искренно и сердечно, и онъ-бы увѣренъ бы
въ томъ, то онъ-бы и теперь, да и всегда потомъ, вспоминалъ об
этой немощи дорогаго ему человѣка съ добродушною улыбкою
хотя, можетъ быть злился-бы и досадовалъ въ тѣ минуты, ког
его заставляли чесать. Но воображаю, какъ онъ смотрѣлъ и ч
онъ чувствовалъ, что заходило ему въ голову, когда онъ сидѣл
по часу и болѣе, надъ смѣшнымъ занятіемъ, передъ существом
не любившимъ его, которое вотъ-вотъ вскочитъ и начнетъ съ
его ни за что, ни про что. Тогда требованіе отъ него этой услу
несомнѣнно должно было казаться ему унижающимъ его, пр
небрежительнымъ къ нему и презрительнымъ. Не могъ не с
знавать онъ, или, лучше сказать, не почувствовать, что мате
своей онъ не нуженъ какъ сынъ, что какъ сына она его н
зираетъ, забываетъ, посылаетъ спать на какую-то подстилку
если вспоминаетъ о томъ, то для того лишь, чтобъ бить его,
что онъ нуженъ, стало быть, ей, не какъ сынъ, а всего только ка
какая-то чесалка! И вы-же жалуетесь послѣ того, что они разв
тились, что они безсердечные изверги, «что научились воровать
Напрягите немного ваше воображеніе, вообразите сына ваш
въ будущемъ уже тридцати положимъ лѣтъ и подумайте съ к
кимъ отвращеніемъ, съ какимъ озлобленнымъ чувствомъ и пр
зрѣніемъ припомнитъ онъ этотъ эпизодъ своего дѣтства... Н
онъ будетъ помнить о немъ до могилы, въ томъ нѣтъ сомнѣн
Онъ не проститъ, онъ возненавидитъ свои воспоминанія, св
дѣтство, проклянетъ свое бывшее родное гнѣздо и тѣхъ, кто бы
съ нимъ въ этомъ гнѣздѣ! Эти воспоминанія предстоитъ ва
теперь непремѣнно искоренить, непремѣнно пересоздать, надо з
глушить ихъ иными новыми сильными и святыми впечатлѣніями,
какой огромный трудъ! Страшно подумать! Нѣтъ: дѣло предпр
нимаемое вами, гораздо, гораздо труднѣе, чѣмъ кажется ваш
супругѣ!

Не сердитесь, не обижайтесь словами моими. Говоря вамъ,
исполняю непремѣнную обязанность. Я говорю отъ лица общест
государства, отечества. Вы отцы, они ваши дѣти, вы совреме
ная Россія, они будущая: что-же будетъ съ Россіей, если русск
отцы будутъ уклоняться отъ своего гражданскаго долга и стану
искать уединенія, или лучше сказать, отъединенія, лѣниваго
циническаго, отъ общества, народа своего и самыхъ первѣйши
къ нимъ обязанностей. Всего ужаснѣе то, что это такъ распр
странено: вы не одни такіе, хотя другіе впадаютъ въ тѣже ошиб



вы, можетъ быть, и подъ другими формулами. Но внушаю вамъ всего то, что вы, не только еще не худшіе, но даже изъ лучшіе изъ современныхъ отцовъ, ибо все-же въ сердцахъ вашихъ не умерло сознаніе вашего долга, хотя вы и не понимали его. Абсолютнаго отрицанія долга въ васъ нѣтъ. Вы холодные эгоисты, а, напротивъ, раздраженные—на себя-ли, на дѣтей-ли вашихъ, не стану опредѣлять того, но вы оказались способными принять къ сердцу вашъ неуспѣхъ и глубоко мучиться имъ! И такъ да поможетъ вамъ Богъ въ рѣшеніи какъ исправить вашъ неуспѣхъ. Ищите-же любви и копите любовь въ сердцахъ вашихъ. Любовь столь всесильна, что переродитъ и насъ самихъ. Любовью лишь купимъ сердца дѣтей нашихъ, а не однимъ лишь естественнымъ правомъ надъ ними. Да и самая природа изъ всѣхъ обязанностей нашихъ наиболѣе помогаетъ намъ въ обязанностяхъ передъ дѣтьми, сдѣлавъ намъ, что дѣтей нельзя не любить. Да и какъ не любить ихъ? Если уже перестанемъ дѣтей любить, то кого-же послѣ того мы сможемъ полюбить и что станется тогда съ нами самими? Вспомните тоже, что, лишь для дѣтей и для ихъ золотыхъ головокъ, Учитель нашъ обѣщалъ намъ «сократить времена и сроки». Для нихъ сократится мученіе перерожденія человѣческаго общества въ совершеннѣйшее. Да совершится-же это совершенство и закончатся наконецъ страданія и недоумѣнія цивилизаціи нашей!

А теперь ступайте, вы оправданы...

Глава вторая.

I.

Опять обособленіе. Восьмая часть Анны Карениной.

У насъ очень многіе теперь изъ интелигентныхъ русскихъ любятся говорить: «какой народъ? я самъ народъ». Въ восьмой части Анны Карениной, Левинъ, излюбленный герой автора романа, говоритъ про себя, что онъ *самъ народъ*. Этого Левина я самъ-то прежде, говоря объ Аннѣ Карениной, назвалъ «чистый человѣкъ Левинъ». Продолжая вѣрить въ чистоту его сердца по прежнему, я не вѣрю, что онъ — народъ; напротивъ, вижу те-

перь, что и онъ съ любовью норовитъ въ обособленіе. Убѣд
я въ этомъ прочитавъ вотъ ту самую восьмую часть Анны
рениной, о которой я заговорилъ въ началѣ этого іюль-авгус
скаго дневника моего. Левинъ, какъ фактъ, есть, конечно, не
ствительно существующее лицо, а лишь вымыселъ романи
Тѣмъ не менѣе, этотъ романистъ—огромный талантъ, значи
ный умъ и весьма уважаемый интелигентною Россіею человѣк
этотъ романистъ изображаетъ въ этомъ идеальномъ, т. е.
думанномъ лицѣ, частью и собственный взглядъ свой на со
менную нашу русскую дѣйствительность, что ясно каждому,
читавшему его замѣчательное произведеніе. Такимъ образомъ,
объ несуществующемъ Левинѣ, мы будемъ судить и о дѣй
тельномъ уже взглядѣ одного изъ самыхъ значительныхъ со
менныхъ русскихъ людей на текущую русскую дѣятельност
это уже предметъ для сужденія серьезный даже и въ наше с
гремучее время, столь полное огромныхъ, потрясающихъ и бы
смѣняющихся дѣйствительныхъ фактовъ. Взглядъ этотъ столь
чительнаго русскаго писателя, и именно на столь интересно
всѣхъ русскихъ дѣло, какъ всеобщее національное движеніе в
русскихъ людей за послѣдніе два года по «восточному вопр
выразился точно и окончательно именно въ этой восьмой и
лѣдней части его произведенія, отвергнутой редакціей «Рус
Вѣстника» по несходству убѣжденій автора съ ея собствени
и появившейся весьма недавно отдѣльной книжкой. Сущ
этого взгляда, насколько я его понялъ, заключается главно
томъ, что во 1-хъ) все это такъ называемое національное
женіе нашимъ народомъ отнюдь не раздѣляется, и народъ в
даже не понимаетъ его, во 2-хъ) что все это нарочно поддѣл
сперва извѣстными лицами, а потомъ поддержано журналис
пзъ выгодъ, чтобъ заставить болѣе читать ихъ изданія, въ 3
что всѣ добровольцы были или потерянные и пьяные люди
просто глупцы, въ 4-хъ) что весь этотъ, такъ называемый под
русскаго національнаго духа за славянъ, былъ не только
дѣланъ извѣстными лицами и поддержанъ продажными журна
тами, но и поддѣланъ вопреки, такъ сказать, самыхъ основъ,
наконецъ въ 5-хъ) что всѣ варварства и неслыханныя истяз
совершенныя надъ славянами, не могутъ возбуждать въ
русскихъ непосредственнаго чувства жалости и что «такого
посредственнаго чувства къ угнетенію славянъ *нѣтъ и не
жетъ быть.*» Послѣднее выражено окончательно и категорич
Такимъ образомъ, «чистый сердцемъ Левинъ» ударил

ленiе и разошелся съ огромнымъ большинствомъ русскихъ
. Взглядъ его впрочемъ вовсе не новъ и не оригиналенъ.
слишкомъ-бы пригодился и пришелся по вкусу многимъ,
также думавшимъ людямъ прошлою зимою у насъ въ
бургѣ и людямъ далеко не послѣднимъ по обществен-
положенiю, а потому и жаль что книжка нѣсколько запоз-
Отъ чего произошло столь мрачное обособленiе Левина и
угрюмое отъединенiе въ сторону — не могу опредѣлить.
а, это человѣкъ горячiй, «безпокойный», всеанализирующiй,
и строго судить, ни въ чемъ себѣ не вѣрующiй. Но все-таки
ѣкъ этотъ «сердцемъ чистый» и я стою на томъ, хотя трудно
ставить себѣ какими таинственными, а подчасъ, и смѣш-
путями можетъ проникнуть иной разъ самое неестественное,
выдѣланное, и самое безобразное чувство въ иное въ высшей
ни искреннее и чистое сердце, Впрочемъ замѣчу еще, что
и утверждаютъ многiе, и даже я самъ ясно вижу (какъ
бщилъ выше), что въ лицѣ Левина авторъ, во многомъ вы-
ть свои собственныя убѣжденiя и взгляды, влагая ихъ въ
Левина чуть не насильно и даже явно жертвуя иногда при-
художественностью, но лицо самого Левина, такъ какъ изобра-
его авторъ, я все-же съ лицомъ самого автора отнюдь не
ваю. Говорю это, находясь въ нѣкоторомъ горькомъ недо-
iи, потому что хотя очень многое изъ выраженнаго авторомъ,
лицѣ Левина, очевидно, касается собственно одного Левина,
художественно изображеннаго типа, но все-же не того ожи-
я отъ такого автора!

II.

Признанiя славянофила.

а, не того. Здѣсь я принужденъ выразить нѣкоторыя чув-
мои, хотя и положилъ было, начиная прошлаго года изда-
мой «Дневникъ», что литературной критики у меня не
ть. Но чувства не критика, хотя-бы и высказалъ я ихъ по
ду литературнаго произведенiя. Въ самомъ дѣлѣ, я пишу
«дневникъ», т. е. записываю мои впечатлѣнiя по поводу всего
наиболѣе поражаетъ меня въ текущихъ событiяхъ,— и вотъ
очему-то, намѣренно предписываю самъ себѣ придуманную
ность непремѣнно сбрывать и, можетъ быть, самыя силь-

нѣйшія изъ переживаемыхъ мною впечатлѣній, лишь
только, что они касаются русской литературы. Конечно, въ
этого рѣшенія была и вѣрная мысль, но буквенное испо
этого рѣшенія не вѣрно, я вижу это, уже потому только, чт
буква. Да и литературное-то произведеніе, о которомъ я
чалъ до сихъ поръ, для меня уже не просто литературное
веденіе, а цѣлый *фактъ* уже иного значенія. Я, можетъ бы
ражусь слишкомъ наивно, но однако-же рѣшаюсь сказат
что: этотъ *фактъ* впечатлѣнія отъ романа, отъ выдумки, отъ
совпалъ въ душѣ моей, нынѣшней весною, съ огромнымъ
томъ объявленія теперь идущей войны, и оба факта, об
чатлѣнія, нашли въ умѣ моемъ дѣйствительную связь между
и поразительную для меня точку обоюднаго соприкосно
Вмѣсто того чтобъ смѣяться надо мною, выслушайте меня

Я во многомъ убѣжденій чисто славянофильскихъ, хот
жетъ быть, и не вполнѣ славянофилъ. Славянофилы до сихъ
понимаются различно. Для иныхъ, даже и теперь, славянс
ство, какъ въ старину напримѣръ для Бѣлинскаго, озна
лишь квасъ и рѣдьку. Бѣлинскій, *дѣйствительно* далъ
заходилъ въ пониманіи славянофильства. Для другихъ (и
тимъ, для весьма многихъ, чуть не для большинства дав
михъ славянофиловъ), славянофильство означаетъ стремле
освобожденію и объединенію всѣхъ славянъ подъ верхов
началомъ Россіи — началомъ, которое можетъ быть даже
строго-политическимъ. И наконецъ, для третьихъ, славянс
ство, кромѣ этого объединенія славянъ подъ началомъ Р
означаетъ и заключаетъ въ себѣ духовный союзъ всѣхъ в
щихъ въ то, что великая наша Россія, во главѣ объединен
славянъ, скажетъ всему міру, всему европейскому человѣч
и цивилизаціи его свое новое здоровое и еще неслыханн
ромъ слово. Слово это будетъ сказано во благо и воистин
въ соединеніе всего человѣчества новымъ, братскимъ, всемі
союзомъ, начала котораго лежатъ въ геніи славянъ, а пр
щественно въ духѣ великаго народа русскаго, столь долго
давшаго, столь много вѣковъ обреченнаго на молчаніе, но
заключавшаго въ себѣ великія силы для будущаго разъяс
и разрѣшенія многихъ горькихъ и самыхъ роковыхъ нед
мѣній западно-европейской цивилизаціи. Вотъ къ этому-то о
убѣжденныхъ и вѣрующихъ принадлежу и я.

Тутъ трунить и смѣяться опять-таки нечего: слова эт
рыя, вѣра эта давнишняя, и уже одно то, что не умираетъ

не умолкаютъ эти слова, а, напротивъ, все больше и
крѣпнутъ, расширяютъ кругъ свой и пріо таютъ себѣ
адептовъ, новыхъ убѣжденныхъ дѣятеле — ужь одно
ю-бы заставить, наконецъ, противниковъ и чи-
ого *ученія* взглянуть на него хоть немного и
изъ пустой, закаменѣвшей въ себѣ, враждебности
этомъ пока довольно. Дѣло въ томъ, что в
ша великая война для великаго подвига, ко
но-ли, не смотря на всѣ временныя неудачи
ніе дѣла, а будетъ-таки доведенъ до к
не удалось его довести до полнаго и вождел
въ теперешнюю войну. Подвигъ этотъ с
йны столь невѣроятна для Европы, что Евро
быть возмущена противъ нашего *коварства*,
тому, о чемъ объявили мы ей начиная войну и
илами должна вредить намъ, и, соединившись съ врагомъ
, **хотя и не явнымъ, но формальнымъ политическимъ**
, — враждовать съ нами и воевать съ нами, хотя-бы
ъ ожиданіи явной войны. И все, конечно, отъ объявлен-
амѣреній и цѣлей нашихъ! «Великій восточный орелъ
ь надъ міромъ, сверкая двумя крылами на вершинахъ
ства»; не покорять, не пріобрѣтать, не расширять гра-
ъ хочетъ, а освободить, возстановить угнетенныхъ и
ъ, дать имъ новую жизнь для блага ихъ и человѣчества.
къ ни считай, какимъ скептическимъ взглядомъ ни смотри
дѣло, а въ сущности цѣль вѣдь эта, эта самая, и вотъ
и не хочетъ повѣрить Европа! И повѣрьте, что не
пугаетъ ее предполагаемое усиленіе Россіи, какъ именно
Россія способна предпринимать такія задачи и цѣли. За-
это особенно. Предпринимать что-нибудь не для прямой
ыгоды кажется Европѣ столь непривычнымъ, столь вы-
ъ изъ международныхъ обычаевъ, что поступокъ Россіи
нно принимается Европой не только какъ за варварство
пей, звѣрской и не просвѣщенной» націи, способной *на*
и глупость затѣять въ нашъ вѣкъ что-то въ родѣ преж-
нихъ въ темныя вѣка крестовыхъ походовъ, но даже и
авственный фактъ, опасный Европѣ и угрожающій будто-
великой цивилизаціи. Взгляните, кто насъ любитъ въ
теперь особенно? Даже *друзья* наши, отъявленные, фор-
такъ сказать, друзья, и тѣ откровенно объявляютъ, что
нашимъ неудачамъ. Пораженіе русскихъ милѣе имъ соб-

ственныхъ ихнихъ побѣдъ, веселитъ ихъ, льститъ имъ. Въ
чаѣ-же удачъ нашихъ эти друзья давно уже согласились м
собою употребить всѣ силы, чтобъ изъ удачъ Россіи извлечь
выгодъ еще больше, чѣмъ извлечетъ ихъ для себя сама Рос

Но и объ этомъ послѣ. Заговорилъ я, главное, о впеч
ніи, которое должны были ощутить въ себѣ всѣ вѣрующи
будущее великое, общечеловѣческое значеніе Россіи, нынѣ
весною, послѣ объявленія этой войны. Эта неслыханная в
за слабыхъ и угнетенныхъ, для того чтобъ дать жизнь и
боду, а не отнять ихъ, — эта давно уже теперь неслыхи
въ мірѣ цѣль войны, для всѣхъ нашихъ вѣрующихъ яв
вдругъ, какъ фактъ, торжественно и знаменательно подт
давшій вѣру ихъ. Это была уже не мечта, не гаданіе, а
ствительность *начавшая совершаться*. «Если уже начало с
шаться, то дойдетъ и до конца, до того великаго новаго с
которое Россія, во главѣ союза славянъ скажетъ Европѣ. И
самое слово это уже начало сказываться, хотя Европа еще
леко не понимаетъ его и долго будетъ не вѣрить ему».
какъ думали «вѣрующіе». Да, впечатлѣніе было торжествен
знаменательное и, разумѣется, вѣра вѣрующихъ должна была
больше закалиться и окрѣпнуть. Но однако-же начиналось
столь важное, что и для нихъ настали тревожные вопросы: «Р
и Европа! Россія обнажаетъ мечъ противъ турокъ, но кто зн
можетъ быть, столкнется и съ Европой — не рано-ли это? С
новеніе съ Европой — не то что съ турками и должно с
шиться не однимъ мечемъ, такъ всегда понимали вѣру
Но готовы-ли мы къ другому-то столкновенію? Правда, с
уже начало сказываться, но не то что Европа, а и у на
понимаютъ-ли всѣ его? Вотъ мы, вѣрующіе, пророчествуемъ
примѣръ, что лишь Россія заключаетъ въ себѣ начала р
шить всеевропейскій роковой вопросъ низшей братьи, безъ
и безъ крови, безъ ненависти и зла, но что скажетъ они
слово, когда уже Европа будетъ залита своею кровью, такъ
раньше никто не услышалъ-бы въ Европѣ наше слово,
услышалъ-бы, то не понялъ-бы его вовсе. Да, мы вѣрующи
это вѣримъ, но однако что пока отвѣчаютъ намъ у насъ
наши-же русскіе? Намъ отвѣчаютъ они, что все это лишь
ступленныя гаданія, конвульсьонерство, бѣшеныя мечты,
падки и спрашиваютъ отъ насъ доказательствъ, твердыхъ
заній и совершившихся уже фактовъ. Что-же укажемъ мы
пока, для подтвержденія нашихъ *пророчествъ*? Освобожденіе

тьянъ,—фактъ, который еще столь мало понятъ у насъ въ
дѣ степени проявленія русской духовной силы? Прирожден-
ь-ли и естественность братства нашего, все яснѣе и яснѣе
дящаго въ наше время наружу изъ-подъ всего, что давило
вѣками и не смотря на соръ и грязь, которая встрѣчаетъ
теперь, грязнитъ и искажаетъ черты его до неузнаваемости?
уеть мы укажемъ это; намъ опять отвѣтятъ, что всѣ эти
ы опять-таки наше конвульсьонерство, бѣшеная мечта, а
акты и что толкуются они многоразлично и сбивчиво и до-
тельствомъ ничему, покамѣстъ, служить не въ силахъ. Вотъ
отвѣтятъ намъ чуть не всѣ, а между тѣмъ мы, столь не-
мающіе самихъ себя и столь мало вѣрующіе въ себя, мы—
кнземся съ Европой! Европа — но вѣдь это страшная и
тая вещь, Европа! О, знаете-ли вы, господа, какъ дорога
, мечтателямъ-славянофиламъ, по вашему ненавистникамъ
ы — эта самая Европа, эта «страна святыхъ чудесъ!»
те-ли вы, какъ дороги намъ эти «чудеса» и какъ любимъ
имъ, болѣе чѣмъ братски любимъ и чтимъ мы великія пле-
, населяющія ее и все великое и прекрасное совершенное
. Знаете-ли до какихъ слезъ и сжатій сердца мучаютъ и
ютъ насъ судьбы этой дорогой и *родной* намъ страны,
пугаютъ насъ эти мрачныя тучи, все болѣе и болѣе за-
ивающія ея небосклонъ? Никогда вы, господа, наши евро-
и западники, столь не любили Европу, сколько мы, меч-
-славянофилы, по вашему исконные враги ея! Нѣтъ, намъ
эта страна—будущая мирная побѣда великаго христіан-
духа, сохранившагося на Востокѣ... И въ опасеніи столк-
съ нею въ текущей войнѣ, мы всего болѣе боимся, что
не пойметъ насъ, и по прежнему, по всегдашнему встрѣ-
насъ высокомѣріемъ, презрѣніемъ и мечемъ своимъ, все
какъ дикихъ варваровъ, недостойныхъ говорить передъ нею.
спрашивали мы сами себя, что-же мы скажемъ или пока-
ей, чтобъ она насъ поняла? У насъ, повидимому, еще такъ
чего-нибудь, что могло-бы быть ей *понятно* и за что-бы
насъ уважала? Основной, главной идеи нашей, нашего за-
шагося «новаго слова» она долго, слишкомъ долго еще
ймет. Ей надо фактовъ *теперь* понятныхъ, понятныхъ на
перешній взглядъ. Она спроситъ насъ: «гдѣ ваша циви-
я? Усматривается-ли строй экономическихъ силъ вашихъ
ъ хаосѣ, который видимъ мы всѣ у васъ. Гдѣ *ваша* наука,
кусство, *ваша* литература?»

III.

Анна Каренина, какъ фактъ особаго значенія.

И вотъ тогда-же, т. е. нынѣшней-же весною, разъ вечер
мнѣ случилось встрѣтиться на улицѣ съ однимъ изъ любим
шихъ мною нашихъ писателей. Встрѣчаемся мы съ нимъ о
рѣдко, въ нѣсколько мѣсяцевъ разъ, и всегда случайно,
какъ нибудь на улицѣ. Это одинъ изъ виднѣйшихъ чле
тѣхъ пяти или шести нашихъ беллетристовъ, которыхъ прин
всѣхъ вмѣстѣ, называть почему-то «плеядою». По крайней м
критика вслѣдъ за публикой, отдѣлила ихъ особо, передъ в
остальными беллетристами и такъ это пребываетъ уже дово
давно,—все тотъ-же пятокъ, «плеяда» не расширяется. Я л
лю встрѣчаться съ этимъ милымъ и любимымъ моимъ
манистомъ. и люблю ему доказывать, между прочимъ, что
вѣрю и не хочу ни за что повѣрить, что онъ устарѣлъ и
онъ говоритъ и болѣе уже ничего не напишетъ. Изъ крат
разговора съ нимъ я всегда уношу какое нибудь тонкое и д
новидное его слово. Въ этотъ разъ было объ чемъ говор
война уже начиналась. Но онъ тотчасъ-же и прямо заговор
объ Аннѣ Карениной. Я тоже только что успѣлъ прочи
седьмую часть, которую закончился романъ въ «Русскомъ В
никѣ». Собесѣдникъ мой на видъ человѣкъ не восторженн
На этотъ разъ однако онъ поразилъ меня твердостью и п
чею настойчивостью своего мнѣнія объ Аннѣ Карениной.

— Это вещь неслыханная, это вещь первая. Кто у н
изъ писателей, можетъ поравняться съ этимъ? А въ Европ
кто представитъ хоть что-нибудь подобное? Было-ли у них
всѣхъ ихъ литературахъ, за всѣ послѣдніе годы, и да
раньше того, произведеніе, которое-бы могло стать рядомъ?

Меня поразило главное то въ этомъ приговорѣ, которы
и самъ вполнѣ раздѣлялъ, что это указаніе на Европу, и
разъ пришлось къ тѣмъ вопросамъ и недоумѣніямъ, кото
столь многимъ представлялись тогда сами собой. Книга эта п
приняла въ глазахъ моихъ размѣръ факта, который-бы
отвѣчать за насъ Европѣ, того искомаго факта, на которы
могли-бы указать Европѣ. Разумѣется, возопятъ смѣясь, что м
всего лишь только литература, какой-то романъ, что см
такъ преувеличивать и съ романомъ являться въ Европу

что возопятъ и засмѣются, но не безпокойтесь, я не личиваю и трезво смотрю: я самъ знаю, что это пока всего олько романъ, что это одна только капля того, чего нужно, вное тутъ дѣло для меня въ томъ, что эта капля уже ана, дѣйствительно существуетъ, взаправду, а, стало быть, а уже есть, если геній русскій могъ родить этотъ *фактъ*, ло быть, онъ не обреченъ на безсиліе, можетъ творить, давать *свое*, можетъ начать *свое* собственное слово и дого- его когда придутъ времена и сроки. Притомъ это далеко не только. О, я и тутъ не преувеличиваю: я очень знаю, что ько въ одномъ какомъ-нибудь членѣ этой плеяды, но сей-то плеядѣ не найдете того, строго говоря, что назы- геніальною, творящею силою. Безспорныхъ геніевъ, съ нымъ «новымъ словомъ» во всей литературѣ нашей было олько три: Ломоносовъ, Пушкинъ и частію Гоголь. Вся- еяда эта (и авторъ Анны Карениной въ томъ числѣ) прямо изъ Пушкина, одного изъ величайшихъ русскихъ но далеко еще не понятаго и не растолкованнаго. Въ нѣ двѣ главныя мысли—и обѣ заключаютъ въ себѣ про- всего будущаго назначенія и всей будущей цѣли Рос- тало быть, и всей будущей судьбы нашей. Первая мысль— *юсть* Россіи, ея отзывчивость и дѣйствительное, безспор- глубочайшее родство ея генія съ геніями всѣхъ временъ довъ міра. Мысль эта выражена Пушкинымъ не какъ олько указаніе, ученіе, или теорія, не какъ мечтаніе или ество, но исполнена *имъ на дѣлѣ*, заключена вѣковѣчно іальныхъ созданіяхъ его и доказана ими. Онъ человѣкъ го міра, онъ и германецъ, онъ и англичанинъ глубоко щій геній свой, тоску своего стремленія (Пиръ во время онъ и поэтъ Востока. Всѣмъ этимъ народамъ онъ ска- заявилъ, что русскій геній знаетъ ихъ, понялъ ихъ, оснулся имъ какъ родной, что онъ можетъ *перевопло- я* въ нихъ во всей полнотѣ, что лишь одному только му духу дана всемірность, дано назначеніе въ будущемъ уть и объединить все многоразличіе національностей и всѣ противорѣчія ихъ. Другая мысль Пушкина, это пово- го къ народу и упованіе единственно на силу его, за- то, что лишь въ народѣ и въ одномъ только народѣ обрѣтемъ цѣло весь нашъ русскій геній и сознаніе назначенія его. И ить-таки, Пушкинъ не только указалъ, но и совершилъ пер- ь дѣлѣ. Съ него только начался у насъ настоящій созна-

тельный поворотъ къ народу, немыслимый еще до него съ с
реформы Петра. Вся теперешняя *плеяда* наша работала лиш
его указаніямъ, *новаго* послѣ Пушкина ничего не сказала. Всѣ
чатки ея были въ немъ, указаны имъ. Да ктому-же она разработ
лишь самую малую часть имъ указаннаго. Но за то, то что
сдѣлали, разработано ими съ такимъ богатствомъ силъ, съ
кою глубиною и отчетливостью, что Пушкинъ, конечно, призн
бы ихъ. Анна Каренина—вещь, конечно, не новая по идеѣ с
не неслыханная у насъ доселѣ. Вмѣсто нея мы, конечно, могл
указать Европѣ прямо на источникъ, т. е. на самого Пуш
какъ на самое яркое, твердое и неоспоримое доказательство
стоятельности русскаго генія и права его на величайшее
вое, общечеловѣческое и всеединяющее значеніе въ будущ
(увы, сколько-бы мы ни указывали, а нашихъ долго еще н
дутъ читать въ Европѣ, а и станутъ читать, то долго ещ
поймутъ и не оцѣнятъ. Да и оцѣнить еще они совсѣмъ н
силахъ, не по скудости способностей, а потому что мы для
совсѣмъ другой міръ, точно съ луны сошли, такъ что имъ
самое существованіе наше допустить трудно. Все это я з
и объ «указаніи Европѣ» говорю лишь въ смыслѣ нашего
ственнаго убѣжденія въ нашемъ правѣ передъ Европой на
стоятельность нашу). Тѣмъ не менѣе Анна Каренина есть с
шество какъ художественное произведеніе, подвернувшееся
разъ кстати, и такое, съ которымъ ничто подобное изъ евр
скихъ литературъ въ настоящую эпоху не можетъ сравни
а во вторыхъ и по идеѣ своей это уже нѣчто наше, наше
родное, и именно то самое, что составляетъ нашу особен
передъ европейскимъ міромъ, что составляетъ уже наше н
нальное «новое слово» или, по крайней мѣрѣ, начало его,—
слово, котораго именно не слыхать въ Европѣ и которое о
столь необходимо ей не смотря на всю ея гордость. Я не
пуститься здѣсь въ литературную критику и скажу лиш
большое слово. Въ Аннѣ Карениной проведенъ взглядъ н
новность и преступность человѣческую. Взяты люди въ н
малыхъ условіяхъ. Зло существуетъ прежде нихъ. Захв
ные въ круговоротъ лжи люди совершаютъ преступленіе и
путь неотразимо: какъ видно мысль на любимѣйшую и ст
нѣйшую изъ европейскимъ темъ. Но какъ однако-же рѣш
такой вопросъ въ Европѣ? Рѣшается онъ тамъ повсемѣстно
кимъ образомъ. Первое рѣшеніе: законъ данъ, написанъ,
муленъ, составлялся тысячелѣтіями. Зло и добро опред

размѣры и степени опредѣлялись исторически мудре-
вѣчества, неустанной работой надъ душой человѣка и
аучной разработкой надъ степенью единительной силы
ва въ общежитіи. Этому выработанному кодексу пове-
лѣдовать слѣпо. Кто не послѣдуетъ, кто преступитъ
платитъ свободою, имуществомъ, жизнью, платитъ
и безчеловѣчно. «Я знаю», говоритъ сама ихъ «ци-
», что это и слѣпо и безчеловѣчно и невозможно, такъ
зя выработать окончательную формулу человѣчества
нѣ пути его, но такъ какъ другаго исхода нѣтъ, то
ь держаться того что написано, и держаться буквально
вѣчно; не будь этого будетъ хуже. Съ тѣмъ вмѣстѣ, не-
всю ненормальность и нелѣпость устройства того, что
мы нашей великой европейской цивилизаціей, тѣмъ не
ть силы человѣческаго духа пребываютъ здравы и невре-
ть общество не колеблется въ вѣрѣ что оно идетъ къ со-
у, пусть не смѣетъ думать, что затемнился идеалъ прекрас-
сокаго, что извращается и коверкается понятіе о добрѣ и
нормальность безпрерывно смѣняется условностью, что
естественность гибнутъ, подавляемыя безпрерывно на-
ются ложью! Другое рѣшеніе обратное: такъ какъ обще-
енное нормально, то и нельзя спрашивать отвѣта съ еди-
ихъ за послѣдствія. Стало быть, преступникъ безотвѣт-
преступленія пока не существуетъ. Чтобы покончить съ
ніями и людскою виновностью, надо покончить съ непор-
ю общества и склада его. Такъ какъ лечить существующій
вещей долго и безнадежно. да и лекарствъ не оказалось,
ть разрушить все общество и смести старый порядокъ
етлой. Затѣмъ начать все новое, на иныхъ началахъ, еще
ыхъ, но которыя все-же не могутъ быть хуже теперешняго
напротивъ, заключаютъ въ себѣ много шансовъ успѣха.
адежда на «науку». И такъ вотъ это второе рѣшеніе:
ушаго муравейника, а пока зальютъ міръ кровью. Другихъ
виновности и преступности людской западно-европей-
не представляетъ.

глядѣ-же русскаго автора на виновность и преступ-
ей ясно усматривается, что никакой муравейникъ, ни-
жество «четвертаго сословія», никакое уничтоженіе
никакая организація труда не спасутъ человѣчество
мальности, а слѣдственно и отъ виновности и пре-
. Выражено это въ огромной психологической разра-

боткѣ души человѣческой, съ страшной глубиной и сил
небывалымъ досель у насъ реализмомъ художественнаго
женія. Ясно и понятно до очевидности, что зло таится
ловѣчествѣ глубже, чѣмъ предполагаютъ лекаря соціалис
ни въ какомъ устройствѣ общества не избѣгнете зла, ч
человѣческая останется таже, что ненормальность и грѣх
дятъ изъ нея самой, и что наконецъ законы, духа че
скаго столь еще неизвѣстны, столь невѣдомы наукѣ, сто
опредѣлены, и столь таинственны, что нѣтъ и не может
еще ни лекарей, ни даже судей *окончательныхъ*, а есть
который говоритъ: «Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ». Ему
лишь извѣстна *вся* тайна міра сего и окончательная суд
ловѣка. Человѣкъ-же пока не можетъ браться рѣшать
съ гордостью своей непогрѣшности, не пришли еще вре
сроки. Самъ судья человѣческій долженъ знать о себѣ, ч
не судья окончательный, что онъ грѣшникъ самъ, что
мѣра въ рукахъ его будутъ нелѣпостью, *если* самъ онъ
въ рукахъ мѣру и вѣсы, не преклонится передъ закон
разрѣшимой еще тайны и не прибѣгнетъ къ единственн
ходу—къ Милосердію и Любви. А чтобъ не погибнуть
чаяніи отъ непониманія путей и судебъ своихъ, отъ уб
въ таинственной и роковой неизбѣжности зла, человѣку
указанъ исходъ. Онъ геніально намѣченъ поэтому въ
ной сценѣ романа еще въ предпослѣдней части его, в
смертельной болѣзни героини романа, когда преступники
вдругъ преображаются въ существа высшія, въ братье
простившихъ другъ другу, въ существа, которыя сами,
нымъ всепрощеніемъ сняли съ себя ложь, вину и престу
и тѣмъ разомъ сами оправдали себя съ полнымъ сознані
получили право на то. Но потомъ въ концѣ романа въ
и страшной картинѣ паденія человѣческаго духа, прослѣя
шагъ за шагомъ, въ изображеніи того неотразимаго сос
когда зло, овладѣвъ существомъ человѣка, связываетъ
движеніе его, парализируетъ всякую силу сопротивленія,
мысль, всякую охоту борьбы съ мракомъ падающимъ н
и сознательно, излюбленно, со страстью отмщенія пр
мымъ душой вмѣсто свѣта,—въ этой картинѣ—столько
данія для судьи человѣческаго, для держащаго мѣру и вѣ
конечно, онъ воскликнетъ, въ страхѣ и недоумѣніи: «н
всегда мнѣ отмщеніе и не всегда азъ воздамъ», и не пос
безчеловѣчно въ вину мрачно павшему преступнику то

ь пренебрегъ указаннымъ вѣковѣчно свѣтомъ исхода и уже *нательно* отвергъ его. Къ буквѣ, по крайней мѣрѣ, не при-нетъ...

Если у насъ есть литературныя произведенія такой силы сли и исполненія, то почему у насъ не можетъ быть *вно-дствіи*, и *своей* науки, и своихъ рѣшеній экономическихъ, іальныхъ, почему намъ отказываетъ Европа въ самостоя-льности, въ нашемъ *своемъ собственномъ* словѣ,—вотъ вопросъ, торый рождается самъ собою. Нельзя-же предположить смѣш-ю мысль, что природа одарила насъ лишь одними литератур-ми способностями. Все остальное есть вопросъ исторіи, об-ятельствъ, условій времени. Такъ могли-бы разсудить наши, крайней мѣрѣ, европейцы, въ ожиданіи пока разсудятъ евро-скіе европейцы...

IV.

Помѣщикъ добывающій вѣру въ Бога отъ мужика.

Теперь, когда я выразилъ мои чувства, можетъ быть, пой-тъ какъ подѣйствовало на меня отпаденіе такого автора, отъ-шеніе его отъ русскаго всеобщаго и великаго дѣла, и пара-сальная неправда, возведенная имъ на народъ въ его несчаст-й восьмой части, изданной имъ отдѣльно. Онъ просто отни-етъ у народа все его драгоцѣннѣйшее, лишаетъ его главнаго ысла его жизни. Ему-бы несравненно пріятнѣе было, еслибъ родъ нашъ не подымался повсемѣстно сердцемъ своимъ за рящихъ за вѣру братій своихъ. Въ этомъ только смыслѣ ъ и отрицаетъ явленія, не смотря на очевидность его. Ко-нно, все это выражено лишь въ фиктивныхъ лицахъ героевъ ана, но. повторяю это, слишкомъ видно рядомъ съ ними и ого автора. Правда, книжка эта искренняя, говоритъ авторъ ъ души. Даже самыя щекотливыя вещи (а тамъ есть *щекот-ыя* вещи) улеглись въ ней совсѣмъ какъ-бы невзначай, такъ не смотря на всю ихъ щекотливость вы ихъ принимаете ъ за прямое слово и не допускаете ни малѣйшей кривизны. ъ не менѣе книжку эту я все-таки считаю вовсе не столь анною. Теперь она, разумѣется, не имѣетъ и не можетъ имѣть акого вліянія, кромѣ какъ развѣ поддакнетъ еще разъ нѣ-торой отмежеванной кучкѣ. Но такой фактъ, что такой авторъ

такъ пишетъ, очень грустенъ. Это для будущаго грусти
впрочемъ примусь лучше за дѣло: мнѣ хочется возразить,
жу на то, что меня особенно поразило.

Прежде, впрочемъ, разскажу про Левина,—очевидно, г
наго героя романа; въ немъ выражено положительное, как
въ противоположность тѣхъ ненормальностей, отъ которыхъ
гибли или пострадали другія лица романа и онъ видимо
тому и предназначался авторомъ, чтобы все это въ немъ
разить. И однако-же Левинъ все еще не совершененъ, все
чего-то недостаетъ ему и этимъ надо было заняться и ра
шить, чтобъ ужь никакихъ сомнѣній и вопросовъ Левинъ
лѣе собою не представлялъ. Читатель впослѣдствіи поймет
чину почему я на этомъ останавливаюсь не переходя прямо
главному дѣлу.

Левинъ счастливъ, романъ кончился къ пущей славѣ
но ему недостаетъ еще внутренняго духовнаго мира. Онъ
чается вѣковѣчными вопросами человѣчества: о Богѣ, о вѣч
жизни, о добрѣ и злѣ и проч. Онъ мучается тѣмъ, что онъ
вѣрующій и что не можетъ успокоиться на томъ, на чемъ
успокоиваются, т. е. на интересѣ, на обожаніи собственной
ности или собственныхъ идоловъ, на самолюбіи и проч. Призн
великодушія, не правда-ли? Но отъ Левина и ожидать нел
было меньше. Оказывается кстати, что Левинъ много прочит
Ему знакомы и философы, и позитивисты, и просто естест
ники. Но ничто не удовлетворяетъ его, а, напротивъ, еще бол
запутываетъ, такъ что онъ, въ свободное по хозяйству вр
убѣгаетъ въ лѣса и рощи, сердится, даже не столь цѣнитъ с
Кити, сколько-бы надо цѣнить. И вотъ вдругъ онъ встрѣч
мужика, который, передавая ему о двухъ, различныхъ нравст
ною стороною своею мужикахъ, Митюхѣ и Ѳоканычѣ, выража
такъ:

„Митюхѣ какъ не выручить! Этотъ нажметъ да свое выбер
Онъ хрестьянина не пожалѣетъ, а дядя Ѳоканычъ развѣ ста
драть шкуру съ человѣка? Гдѣ въ долгъ, гдѣ и спуститъ. Анъ
доберетъ, тоже человѣкомъ.

— Да зачѣмъ-же онъ будетъ спускать?

— Да такъ, значитъ—люди разные, одинъ человѣкъ только
нужды своей живетъ, хоть-бы Митюха, только брюхо набиваетъ
Ѳоканычъ—правдивый старикъ. Онъ для души живетъ, Бога помн

— Какъ Бога помнитъ? Какъ для души живетъ? почти вскрик
Левинъ.

— Извѣстно какъ, по правдѣ, по Божью. Вѣдь люди разные.
хоть васъ взять, тоже не обидите человѣка.

— Да, да, прощай!—проговорилъ Левинъ задыхаясь отъ волне-
, и повернувшись, взялъ свою палку и быстро пошелъ прочь къ
му.

. . . . . .

Онъ, впрочемъ, побѣжалъ опять въ лѣсъ, легъ подъ осинами
началъ думать почти въ какомъ-то восторгѣ. Слово было най-
но, всѣ вѣковѣчныя загадки разрѣшены и это однимъ про-
мъ словомъ мужика: «Жить для души, Бога помнить». Му-
къ, разумѣется, не сказалъ ему ничего новаго, все это онъ
но уже самъ зналъ; но мужикъ все-же навелъ его на мысль
подсказалъ ему рѣшеніе въ самый щекотливый моментъ. За-
ъ наступаетъ рядъ разсужденій Левина весьма вѣрныхъ и
ко выраженныхъ. Мысль Левина та: Къ чему искать умомъ
то, что уже *дано* самою жизнію, съ чѣмъ родится каждый
овѣкъ и чему (поневолѣ даже) долженъ слѣдовать и слѣдуетъ
ждый человѣкъ. Съ совѣстью, съ понятіемъ о добрѣ и злѣ
ждый человѣкъ рождается, стало быть, рождается прямо и съ
лью жизни: жить для добра и не любить зла. Рождается съ
мъ и мужикъ и баринъ, и французъ и русскій и турокъ—
чтутъ добро (NB хоть многіе ужасно по своему). Я-же, го-
итъ Левинъ, хотѣлъ это все познать математикой, наукой,
умомъ, или ждалъ чуда, между тѣмъ это дано мнѣ даромъ,
дено со мною. А что оно дано даромъ, то этому есть прямыя
казательства: Всѣ на свѣтѣ понимаютъ, или могутъ понять,
надо *любить ближняго какъ самаго себя*. Въ этомъ знаніи,
сущности и заключается весь *законъ* человѣческій, какъ и
явлено намъ самимъ Христомъ. Между тѣмъ это знаніе при-
дено, стало быть, послано даромъ, ибо разумъ ни за что не
ъ-бы дать такое знаніе,—почему? да потому что «любить
жняго», если судить по разуму, выйдетъ не разумно.

— «Откуда взялъ я это? (спрашиваетъ Левинъ). Разумомъ что-ли
шелъ я до того, что надо любить ближняго и не душить его? Мнѣ
зали это въ дѣтствѣ, *и я радостно повѣрилъ*, потому что мнѣ ска-
ли то, что было у меня въ душѣ. А кто открылъ это? Не разумъ.
умъ открылъ борьбу за существованіе и законъ, требующій того,
обы душить всѣхъ, мѣшающихъ удовлетворенію моихъ желаній. Это
водъ разума. А любить другаго не могъ открыть разумъ, потому
о неразумно.

**не представилась Левину недавняя сцена съ дѣтьми. Дѣти
жарить малину въ чашкахъ на свѣчахъ и лить себѣ мо-
фонтаномъ въ ротъ. Мать, заставъ ихъ на дѣлѣ, стала имъ**

внушать, что если они испортятъ посуду, и разольютъ моло
то не будетъ у нихъ ни посуды ни молока. Но дѣти, очевид
не повѣрили, потому что не могли себѣ и представить «вс
объема того, чѣмъ они пользуются, а потому не могли предс
вить себѣ, что то, что они разрушаютъ есть то самое, чѣмъ о
живутъ».

«Это все само собой», думали они, «интереснаго и важнаго
этомъ ничего нѣтъ, потому что это всегда было и будетъ. И все
все одно и тоже. Объ этомъ намъ думать нечего, это готово; а на
хочется выдумать что-нибудь свое и новенькое. Вотъ мы выдума
въ чашку положить малину и жарить ее на свѣчкѣ, а молоко л
фонтаномъ прямо въ ротъ другу другу. Это весело и ново, и ничѣ
не хуже, чѣмъ пить изъ чашекъ».

«Развѣ не тоже самое дѣлаемъ мы, дѣлалъ я, разумомъ отыскив
значеніе силъ природы и смыслъ жизни человѣка?» продолжалъ Л
винъ.

«И развѣ не тоже дѣлаютъ всѣ теоріи философскія, путемъ мыс
страннымъ несвойственнымъ человѣку, приводя его къ знанію то
что онъ давно знаетъ, и такъ вѣрно знаетъ, что безъ того и жить
не могъ. Развѣ не видно ясно въ развитіи теоріи каждаго филосо
что онъ впередъ знаетъ такъ-же несомнѣнно, какъ и мужикъ Ѳеодо
и ничуть не яснѣе его, главный смыслъ жизни, и только сомнит
нымъ умственнымъ путемъ хочетъ вернуться къ тому, что всѣ
извѣстно.

«Ну-ка, пустить однихъ дѣтей, чтобъ они сами пріобрѣли, сдѣла
посуду, подоили молоко и т. д. Стали-бы они шалить? Они-бы съ
лоду померли. Ну-ка, пустите насъ съ нашими страстями, мыслям
безъ понятія о единомъ Богѣ и Творцѣ! Или безъ понятія того, ч
есть добро, безъ объясненія зла нравственнаго.

«Ну-ка, безъ этихъ понятій постройте что-нибудь!

«Мы только разрушаемъ, потому что духовно сыты. Именно дѣт

Однимъ словомъ, сомнѣнія кончились и Левинъ увѣровалъ,
во что? Онъ еще этого строго не опредѣлилъ, но онъ уже в
руетъ. Но вѣра-ли это? Онъ самъ себѣ радостно задаетъ этот
вопросъ: «Неужели эта вѣра?» Надобно полагать что еще нѣт
Мало того: врядъ-ли у такихъ какъ Левинъ и можетъ бы
окончательная вѣра. Левинъ любитъ себя называть народом
но это баричъ, московскій баричъ средне-высшаго круга, истор
комъ котораго и былъ по преимуществу графъ Л. Толстой. Хо
мужикъ и не сказалъ Левину ничего новаго, но все-же онъ е
натолкнулъ на идею, а съ этой идеи и началась вѣра. Ужь
этомъ-то одномъ Левинъ могъ-бы увидать, что онъ не совсѣ
народъ и что нельзя ему говорить про себя: я самъ народъ.
объ этомъ послѣ. Я хочу только сказать, что вотъ эти ка
Левинъ, сколько-бы ни прожили съ народомъ или подлѣ наро

народомъ вполнѣ не сдѣлаются, мало того—во многихъ пунктахъ такъ и не поймутъ его никогда вовсе. Мало одного самомнѣнія, или акта воли да еще столь причудливой, чтобъ захотѣть и стать народомъ. Пусть онъ помѣщикъ, и работящій помѣщикъ, и работы мужицкія знаетъ, и самъ коситъ и телѣгу чинить умѣетъ, и знаетъ, что къ сотовому меду огурцы свѣжіе годятся. Все-таки въ душѣ его, какъ онъ ни старайся, остается оттѣнокъ чего-то, что можно, я думаю, назвать *праздношатайствомъ*—тѣмъ самымъ праздношатайствомъ, физическимъ и духовнымъ, которое, какъ онъ ни крѣпись, а все-же досталось ему по наслѣдству и которое ужь конечно видитъ во всякомъ баринѣ народъ, благо не нашими глазами смотритъ. Но и объ этомъ потомъ. А вѣру свою онъ разрушитъ опять, разрушитъ самъ, долго не продержится: выйдетъ какой-нибудь новый человѣкъ и разомъ все рухнетъ. Китти пошла и споткнулась, такъ что зачѣмъ она споткнулась? Если споткнулась, значитъ и не могла не споткнуться; слишкомъ ясно видно, что она споткнулась потому-то и потому-то. Ясно, что все тутъ зависѣло отъ условій, которые могутъ быть строжайше опредѣлены. А если такъ, то значитъ всюду наука. Гдѣ-же Промыселъ? Гдѣ-же роль его? Гдѣ-же отвѣтственность человѣческая? А если нѣтъ Промысла, то какъ-же я могу вѣрить въ Бога и т. д. и т. д.». Черните прямую линію и пустите въ безконечность. Однимъ словомъ, эта честная душа, есть самая праздно-хаотическая душа, иначе онъ не былъ-бы современнымъ русскимъ интелигентнымъ барономъ, да еще средне-высшаго дворянскаго круга.

Онъ доказываетъ это блистательно всего какой-нибудь часъ спустя по пріобрѣтеніи вѣры; онъ доказываетъ, что русскій народъ вовсе не чувствуетъ того, что могутъ чувствовать вообще люди, онъ разрушаетъ душу народа самымъ всевластнымъ образомъ, мало того,—объявляетъ, что самъ не чувствуетъ никакой близости къ человѣческому страданію. Онъ объявляетъ, что «непосредственнаго чувства къ угнетенію славянъ нѣтъ и не можетъ быть» — т. е. не только у него, но и у всѣхъ русскихъ не можетъ быть: я, дескать, самъ народъ. Слишкомъ уже они низко цѣнятъ русскій народъ. Старые вирочемъ оцѣнщики. Не прошло и часу по пріобрѣтеніи вѣры какъ пошла опять жаловаться малина на свѣчкѣ.

Глава третья.

I.

Раздражительность самолюбія.

Прибѣжали дѣти и объявляютъ Левину, что пріѣхали го «одинъ вотъ такъ размахиваетъ руками». Оказывается; что изъ Москвы. Левинъ сажаетъ ихъ подъ деревьями, прин имъ сотоваго меду съ свѣжими огурцами и гости тотча принимаются за медъ и за Восточный вопросъ. Все про дитъ, видите-ли, прошлаго года,—помните: Черняевъ, вольцы, пожертвованія. Разговоръ быстро разгарается, п что всѣ неудержимо стремятся къ главному. Собесѣдники, дамъ, во первыхъ одинъ изъ Москвы профессорчикъ, чел милый, но глуповатый. Затѣмъ слѣдуетъ человѣкъ (съ тѣм и выставленъ) огромнаго ума и познаній, Сергѣй Иван Кознышевъ, единоутробный братъ Левина. Характеръ этот веденъ въ романѣ искусно, и подъ конецъ понятенъ (со выхъ годовъ человѣкъ) Сергѣй Ивановичъ только что бро всецѣло и съ азартомъ, въ славянскую дѣятельность и к томъ на него много возложено, такъ что трудно и предс себѣ, вспоминая прошлое лѣто, какъ онъ могъ бросить д пріѣхать на цѣлыя двѣ недѣли въ деревню. Правда, въ т случаѣ не было-бы и разговора на пчельникѣ о народном женіи, а, стало быть, и всей восьмой части романа, котор одного этого разговора и написана. Видите-ли, этотъ Сергѣ новичъ, мѣсяца два или три передъ тѣмъ, издалъ въ М какую-то ученую книгу о Россіи, которую давно готовилъ которую возлагалъ большія надежды, но книга вдругъ ло и лопнула со срамомъ, никто-то объ ней ничего не ск прошла не замѣченная. И вотъ тутъ-то Сергѣй Ивановичъ сился въ славянскую дѣятельность, и съ такимъ жаромъ, отъ него ожидать нельзя было. Выходитъ, стало быть, чт сился не натурально; весь его жаръ къ славянамъ — a rentrée не болѣе, и вы ясно предчувствуете, что Левинъ не можетъ не остаться надъ такимъ побѣдителемъ. Сергѣ новичъ и въ прежнихъ частяхъ проведенъ былъ въ комиче видѣ весьма искусно; въ восьмой-же части становится уже

яснымъ. что онъ и задуманъ-то былъ единственно для
обы въ концѣ романа послужить пьедесталомъ для ве-
вина. Но лицо очень удачное.
о изъ неудачнѣйшихъ лицъ — это старый князь. Онъ
сидитъ и толкуетъ о восточномъ вопросѣ. Неудачный и
романѣ, а не то что въ одномъ восточномъ вопросѣ.
изъ положительныхъ лицъ романа, предназначенныхъ
собою положительную красоту, — ну, разумѣется, не
ротивъ реализма: онъ и съ слабостями, и чуть-ли не съ
ми сторонами, но за то почтенный, почтенный. Онъ и
дъ романа. онъ и здравомыслъ, но не фонвизинскій ка-
дь здравомыслъ, который какъ уже заладитъ, такъ точно
ленный: одно здравомысліе и ничего болѣе. Нѣтъ, тутъ и
вообще человѣческія стороны. Забавное-же въ томъ,
ъ старый человѣкъ предназначенъ выражать собою остро-
ойдя школу жизни, отецъ многочисленныхъ, хотя уже и
нныхъ дѣтей, онъ, подъ старость, взираетъ на все кру-
го съ тихою улыбкою мудреца, но съ улыбкою, далеко,
не столь кроткою и безобидною. Онъ дастъ совѣтъ, но
сь игры ума его: отбрѣетъ. И вотъ вдругъ тутъ случи-
ю несчастье: предназначенный къ остроумію здравомыслъ
аетъ отчего вышелъ вовсе не остроуменъ, а напротивъ
пошловатъ. Правда, онъ все порывается, равно какъ и
романъ, сказать что-нибудь остроумное, но такъ и
при одномъ желаніи, ровнешенько ничего не выходитъ.
ъ изъ деликатности готовъ наконецъ зачесть ему эти
и, такъ сказать, потуги остроумія за самое остроуміе,
здо хуже то, что это-же самое лицо, въ восьмой отдѣльно
ей части романа, предназначено выразить вещи, поло-
пятъ-таки неостроумныя (въ этомъ старый князь твердо
ваетъ свой характеръ), но за то вещи циническія и
на часть нашего общества и на народъ нашъ. Вмѣсто
да является какой-то клубный отрицатель какъ русскаго
такъ и всего, что въ немъ есть хорошаго. Слышится
раздраженіе, стариковская желчь. Впрочемъ политиче-
рія стараго князя нисколько не нова. Это стотысячное
ніе того, что мы и безъ него поминутно слышимъ:

тъ и я, сказалъ князь. Я жилъ заграницей, читалъ газеты и,
сь, еще до Болгарскихъ ужасовъ, никакъ не понималъ, по-
русскіе такъ вдругъ полюбили братьевъ славянъ, а я ника-
имъ любви не чувствую? Я очень огорчался, думалъ что я

уродъ (это, видите-ли, онъ острить: вообразить только, что онъ ду
про себя, что онъ уродъ!) или что такъ Карлсбадъ на меня дѣй
етъ (сугубая острота). Но, пріѣхавъ сюда, я успокоился (Еще-б
вижу, что и кромѣ меня есть люди, интересующіеся только Рос
а не братьями славянами...

Вотъ она гдѣ глубина-то! Надо интересоваться *только* сіей. Такъ что вспоможеніе славянамъ прямо признается не скимъ дѣломъ; признавалъ-бы онъ его русскимъ дѣломъ говорилъ-бы онъ, что надо интересоваться *только* Россіей, какъ интересоваться славянами само собою означало-бы интересоваться самой Россіей и назначеніемъ ея. Характеръ зрѣнія князя состоитъ, стало быть, въ узости пониманія скихъ интересовъ. Этого какъ не слыхать, это тысячу услышишь, а въ иныхъ сферахъ такъ только это и слыш Но вотъ однако-же нѣчто гораздо злокачественнѣе: это р воръ, который былъ за нѣсколько минутъ прежде. Старый к спрашиваетъ Сергѣя Ивановича.

... ради Христа, объясните мнѣ, Сергѣй Ивановичъ, куда ѣдутъ эти добровольцы, съ кѣмъ они воюютъ?

— Съ турками, спокойно улыбаясь отвѣчалъ Сергѣй Иванови

— Да кто-же объявилъ войну туркамъ? Иванъ Ивановичъ Р зовъ и графиня Лидія Ивановна съ мадамъ Шталь?

Вотъ и проговорился. Вы понимаете, что онъ къ тому и в и для этого, можетъ быть, и пріѣхалъ поскорѣе изъ Карлсб Но это вопросъ уже другаго сорта, и то, что князь объ эт говорилъ какъ будто даже и не хорошо. Конечно, и это иде новая, но зачѣмъ-же она опять повторяется? Прошлой зим очень даже многіе, кому надо было, утверждали, что кто-т Россіи объявилъ войну туркамъ. Это выставляли; но идейка ходила, погуляла и назадъ воротилась къ изобрѣтателямъ. По что ровно никто въ Россіи прошлаго года не объявлялъ во туркамъ и утверждать это — по меньшей мѣрѣ *преувели* Правда, Сергѣй Ивановичъ далѣе отшучивается, но наивны честный Левинъ, какъ настоящій enfant terrible, прямо выск ваетъ то что у князя на умѣ.

— Никто не объявлялъ войны, а люди сочувствуютъ страдан ближнихъ и желаютъ помочь имъ, сказалъ Сергѣй Ивановичъ.

— Но князь говоритъ не о помощи, сказалъ Левинъ, заступ за тестя, а объ войнѣ князь говоритъ, что частные люди не мо принимать участія въ войнѣ безъ разрѣшенія правительства.

Видите-ли теперь о чемъ заботится Левинъ? Дѣло ставится уже совсѣмъ прямо, разъяснено сверхъ того глупой выходкой Катавасова. Вотъ что говоритъ Левинъ далѣе:

— Да моя теорія та: война съ одной стороны есть такое животное, жестокое и ужасное дѣло, что ни одинъ человѣкъ, не говорю уже христіанинъ, не можетъ лично взять на свою отвѣтственность начало войны, а можетъ только правительство, которое призвано къ этому и приводится къ войнѣ неизбѣжно. Съ другой стороны, и по нашей, и по здравому смыслу въ государственныхъ дѣлахъ въ особенности въ дѣлѣ войны, граждане отрекаются отъ своей личной воли.

Сергѣй Ивановичъ и Катавасовъ съ готовыми возраженіями заговорили въ одно время.

— Въ томъ-то и штука, батюшка, что могутъ быть случаи, когда правительство не исполняетъ воли гражданъ, и тогда общество заявляетъ свою волю, сказалъ Катавасовъ.

Но Сергѣй Ивановичъ очевидно не одобрялъ этого возраженія...

Однимъ словомъ, указывается и поддерживается, что дѣйствительно кѣмъ-то была въ Россіи объявлена война туркамъ прошлаго года, мимо правительства. Съ его умомъ Левинъ могъ-бы догадаться, что Катавасовъ дурачекъ, что Катавасовыхъ вездѣ найдешь, что прошлогоднее движеніе было именно противуположно идеямъ Катавасовыхъ, потому что было русское, національное, настоящее наше, а не игра въ какую-то оппозицію. Но Левинъ стоитъ на своемъ, онъ ведетъ свое обвиненіе до конца; ему не истина, а то что онъ придумалъ. Вотъ какими заключеніями заканчиваетъ онъ свои мысли на этотъ счетъ:

...Онъ (Левинъ) говорилъ вмѣстѣ съ Михайлычемъ и народомъ, выразившимъ свою мысль въ преданіи о призваніи Варяговъ: «Княжите и владѣйте нами. Мы радостно обѣщаемъ полную покорность. Весь трудъ, всѣ униженія, всѣ жертвы мы беремъ на себя; но не мы будемъ и рѣшаемъ». А теперь народъ, по словамъ Сергѣя Иваныча, *отрекался отъ этого купленнаго такой дорогой цѣной, права.*

Ему хотѣлось еще сказать, что если общественное мнѣніе есть непогрѣшимый судья, то почему революція, коммуна не такъ-же законны какъ и движеніе въ пользу славянъ?...

Слышите? И никакія соображенія не сбиваютъ этихъ господъ съ толку, никакіе самые очевидные факты. Я сказалъ уже, что лучше еслибъ князь и Левинъ такихъ обвиненій совсѣмъ не дѣлали; но кто-же не видитъ, что одинъ—оскорбленное самолюбіе, другой парадоксалистъ. Впрочемъ, можетъ быть, и Левинъ оскорбленное самолюбіе. потому что неизвѣстно чѣмъ можетъ вдругъ обидѣться самолюбіе людей! А между тѣмъ дѣло ясное, обви-

неніе вздорное, да и не можетъ быть такого обвиненія, [illegible] что оно вовсе не можетъ существовать. Не тѣ были вовсе [illegible]

II.

Tout ce qui n'est pas expressement permis est défendu

Война была объявлена Турціи, въ прошломъ году, не сіей, и не въ Россіи, а въ славянскихъ земляхъ, славян владѣтельными князьями, т. е. государями, княземъ Ми сербскимъ и княземъ Николаемъ черногорскимъ, ополчи на Турцію за неслыханныя притѣсненія, звѣрства, граб избіенія подвластныхъ ей славянъ, въ томъ числѣ герце цевъ, вынужденныхъ наконецъ этими самыми звѣрствами по противъ притѣснителей. Неслыханныя истязанія и избіенія торымъ подверглись герцеговинцы, стали извѣстны всей Е Извѣстія объ этихъ ужасахъ проникли и къ намъ въ Р въ интелигентную публику и наконецъ въ народъ. По несл ности своей они проникли всюду. Получались свѣдѣнія, что тысячъ людей, старики, беременныя женщины, оставленны произволъ дѣти, бросили свои жилища и устремились вонъ Турціи, въ сосѣднія земли, куда попало, безъ хлѣба, безъ и безъ одежды, въ послѣднемъ животномъ страхѣ самосохра Князья, Церковь, предстоятели Церкви, возвысили за нес ныхъ голосъ и стали сбирать для нихъ подаяніе. Началъ вать имъ и нашъ народъ, жертвы стекались въ опредѣлен мѣста, въ редакціи журналовъ, въ отдѣлы бывшихъ славянс комитетовъ — и въ этомъ вовсе ничего не было незакон противъ-правительственнаго или безнравственнаго. Напро смѣло можно сказать, что было лишь одно хорошее. Что-л славянскихъ князей, затѣявшихъ войну съ Турціею, то ни сія и никто въ Россіи въ этомъ не были виноваты. Правда, изъ этихъ владѣтелей, именно князь Миланъ Сербскій, владѣтелемъ не вполнѣ независимымъ; напротивъ, обязанъ султану нѣкоторой вассальной подчиненностью, такъ что въ изъ русскихъ газетъ его горько упрекали за то, что онъ, сказать, бунтовщикъ, и чтобъ ужь совершенно сконфузи пристыдить его, написали, что онъ возсталъ противъ «сюзерена». Но все это опять-таки было собственнымъ д князя Милана, за которое ему одному и слѣдуетъ от

сія-же и никто въ Россіи войны прошлаго года не объяв-
ли, а, стало быть, ровно ничѣмъ передъ султаномъ не согрѣ-
шили. А пожертвованія между тѣмъ все стекались, да стекались,
это уже совсѣмъ другое. Но вотъ вдругъ одинъ изъ русскихъ
нераловъ, на то время безъ занятій, человѣкъ еще не старый,
его только генералъ-маіоръ, но уже нѣсколько извѣстный по
ежнимъ, довольно успѣшнымъ дѣйствіямъ своимъ въ Средней
ія, отправился, по своей собственной охотѣ, въ Сербію и пред-
ложилъ князю Милану свои услуги. На службу онъ былъ принятъ
зачисленъ, но вовсе не главнокомандующимъ сербскою арміей,
къ пронесся было у насъ о томъ слухъ въ Россіи, долго дер-
жавшійся. Вотъ тутъ-то и начались русскіе добровольцы, которые,
прочемъ, несомнѣнно и прежде были, т. е. до Черняева; вмѣстѣ
тѣмъ усилились сборы пожертвованій, на которыя поднялась
вся Россія. Всѣхъ добровольцевъ за весь прошлый годъ было
Богъ знаетъ сколько, очень не много тысячъ, но провожала
ъ въ Сербію рѣшительно вся Россія, и особенно народъ, на-
ящій народъ, а не стрюцкіе, какъ особенно настаиваетъ на
ъ озлобленный Левинъ; стрюцкими онъ считаетъ и доброволь-
въ. Но это было не такъ, дѣло это не въ углу происходило,
это всѣмъ извѣстно, всѣ могли видѣть и убѣдиться и всѣ,
е. вся Россія, рѣшили, что дѣло это—хорошее дѣло. Со сто-
ны народа объявилось столько благороднаго, умилительнаго и
ательнаго, что все прошлогоднее движеніе это русскаго на-
въ пользу славянъ, несомнѣнно останется одною изъ луч-
ихъ страницъ въ его исторіи. Впрочемъ, защищать народъ про-
въ Левиныхъ, доказывать Левинымъ, что это были не стрюцкіе
воздыхатели, а, напротивъ, сознающіе свое дѣло люди—
зывать все это, по моему, совершенно лишнее и не нужное,
того—даже для народа и унизительное. Главное-же въ томъ,
все это происходило открыто, у всѣхъ на виду: объявлялись
ты поражающіе, характерные, которые записались, запомни-
и не забудутся, и оспорены быть уже не могутъ. Но о на-
потомъ, что-же до добровольцевъ, то какъ не случиться въ
числѣ, рядомъ съ высочайшимъ самоотверженіемъ въ пользу
няго (NB Кирѣевъ) и просто удальству, прыти, гульбѣ и
пр. Все произошло какъ всегда и вездѣ происходитъ. Пра-
сочтено еще сколько и изъ этихъ гулякъ-пьяницъ, за-
чихся людей, если только такіе были въ числѣ доброволь-
можили тамъ далеко животъ свой за великодушное дѣло,
и на нихъ нечего-бы было столь порицательно и даже

ругательно возставать. Но утверждать, что прошлогодніе доб
вольцы были *сплошь* гуляки, пьяницы и люди потерянные—
меньшей мѣрѣ не имѣетъ смысла, ибо, опять-таки повторяю, дѣ
это не въ углу происходило и всѣ могли видѣть. Но во всякомъ
случаѣ объявленія войны, въ прошломъ году, сосѣдней держав
кѣмъ-нибудь изъ русскихъ помимо правительства, положитель
не было. Иванъ Ивановичъ Рагозовъ и графиня Лидія Иванов
и не могли-бы объявить войну туркамъ, еслибъ даже и хотѣ
Мало того, они даже добровольцевъ не подымали, никого не
манивали, не понимали, а всякій шелъ *добровольно вполнѣ*,
рѣшительно всѣмъ извѣстно. Но что помогали они добровольца
и сверхъ того посылали въ славянскія земли деньги для помощ
несчастнымъ, измученнымъ и изувѣченнымъ, и сверхъ того
могали деньгами-же возставшимъ ихъ защищать,—это было,
это было, и даже вмѣстѣ съ самымъ ревностнымъ пожеланіем
чтобъ кровопійцы турки сломали себѣ шею,—да, это въ высш
степени было! Но весь вопросъ въ томъ: объявленіе-ли это во
ны? Если-же нѣтъ, то запрещено все это или нѣтъ правите
ствомъ, т. е. запрещено-ли помогать сражающимся за христіа
деньгами и желать, чтобъ турки сломали себѣ шею? Опять-та
никакъ не думаю, чтобъ было запрещено, ибо дѣло это бы
открытое, всѣ видѣли, всѣ участвовали, а добровольцы получа
свои заграничные паспорты отъ правительства-же. Я не зна
впрочемъ, можетъ быть, и есть такой законъ, «что частные лю
не могутъ *принимать участія* въ войнѣ безъ разрѣшенія п
вительства», т. е. не могутъ вступать безъ особаго разрѣше
своего правительства въ службу къ иноземнымъ государямъ. М
жетъ быть, дѣйствительно существуетъ какой-нибудь такой
конъ, очень старый, но еще не отмѣненный; но правительст
всегда могло-бы и само воспользоваться этимъ закономъ, чег
же тутъ Левину-то? Ему-то что во всемъ этомъ? Между тѣ
онъ именно этимъ-то и волнуется...

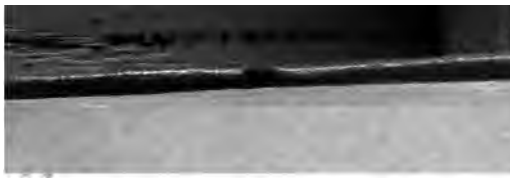
— Pardon, monsieur, mais il me semble, que tout ce qui n'
pas expressement défendu est permis.

— Au contraire, m-r: tout ce qui n'est par expressement per
est défendu.

То есть по русски:

— Да, но мнѣ кажется, что все что не особенно настойчи
запрещено, то можно-бы считать дозволеннымъ.

— Совсѣмъ напротивъ-съ: все то, что не особенно наст
чиво дозволено надо несомнѣнно считать уже запрещеннымъ.



краткій комическій разговоръ человѣка порядка съ че-
мъ безпорядка, происходившій во Франціи. Но вѣдь этотъ
никъ порядка и поставленъ у порядка, онъ объяснитель
итникъ его, онъ уже такое лицо. А Левину-то что? Что
за спеціалистъ въ этомъ родѣ? Онъ все боится, чтобъ не
ось какое-то право. А между тѣмъ весь народъ, сочув-
тнетеннымъ христіанамъ, совершенно зналъ, что онъ правъ,
ъ ничего не дѣлаетъ противъ воли Царя своего, и серд-
своимъ былъ за одно съ Царемъ своимъ. Да, онъ зналъ
къ точно думали и тѣ, которые снаряжали добровольцевъ.
нъ не утѣшалъ себя, хотя-бы въ тайнѣ, смѣшною мыслью,
ь ведетъ дѣло противъ воли правительства. Царскаго слова
съ нетерпѣніемъ и съ великою надеждою и всѣ предчув-
и его впередъ и въ немъ не ошиблись. Обвиненіе въ
еніи войны есть, однимъ словомъ, обвиненіе фантастиче-
которое пало само собою и которое нельзя поддерживать.
Левинъ и князь отъ этого обвиненія сами выгораживаютъ
. Они прямо отрицаютъ участіе народа въ прошлогоднемъ
іи, но за то прямо утверждаютъ, что народъ не понималъ
да и не могъ понимать, что все было искусственно воз-
о журналистами для пріобрѣтенія подписчиковъ и нарочно
ано Рагозовыми и проч. и проч.

Личныя мнѣнія тутъ ничего не значатъ, сказалъ Сергѣй Ива-
Нѣтъ дѣла до личныхъ мнѣній, когда вся Россія—народъ вы-
свою волю.
а извините меня. Я этого не вижу. Народъ *и знать не знаетъ*,
князь.
Нѣтъ, папа... Какже нѣтъ? А въ воскресенье въ церкви? ска-
ли, прислушавшаяся къ разговору...
а что-же въ воскресенье въ церкви? Священнику *велѣли* про-
Онъ прочелъ. Они *ничего не поняли*, вздыхали, *какъ при всякой*
ди, продолжалъ князь. Потомъ имъ сказали, что вотъ соби-
а душеспасительное дѣло въ церкви, ну, они *вынули по ко-*
дали. А на что, *они сами не знаютъ*.

мнѣніе нелѣпое, идущее прямо противъ факта и въ устахъ
оно легко объясняется: оно исходитъ отъ одного изъ
хъ опекуновъ народа, отъ прежняго крѣпостника, кото-
могъ, какъ-бы ни былъ онъ добръ, не презирать своихъ
и не считать себя безмѣрно выше ихъ пониманіемъ; «по-
ли, дескать, и ничего не поняли». Но вотъ мнѣніе Ле-
нъ, по крайней мѣрѣ, выставленъ не прежнимъ крѣпостни-

— Мнѣ не нужно спрашивать, сказалъ Сергѣй Ивав
видѣли и видимъ сотни и сотни людей, которые бросаютъ
послужить правому дѣлу, приходятъ со всѣхъ концовъ Рос
и ясно выражаютъ свою мысль и цѣль. Они приносятъ с
или сами идутъ, и прямо говорятъ зачѣмъ. Что-же это зн
— Значитъ по моему, сказалъ начинавшій горячить
что въ восьмидесяти милліонномъ народѣ всегда найдутся не
теперь, а десятки тысячъ людей, *потерявшихъ общественное
безшабашныхъ людей, которые всегда готовы — въ шайку
Хиву, въ Сербію.*
— Я тебѣ говорю, что не сотни и не люди безшабаш
шіе представители народа!—сказалъ Сергѣй Ивановичъ
раздраженіемъ, какъ будто онъ защищалъ послѣднее сво
А пожертвованія? Тутъ ужь прямо весь народъ выражаетъ
— Это слово „народъ“ такъ неопредѣленно, сказалъ Л
саря волостные, учителя, и изъ мужиковъ одинъ на тыс
быть, знаютъ о чемъ идетъ дѣло. Остальные-же 80 милл
Михайлычъ, не только не выражаютъ своей воли, но не
малѣйшаго понятія о чемъ надо-бы выражать свою во
же мы имѣемъ право говорить, что это воля народа?

Да и вообще надо-бы здѣсь замѣтить, разъ на
слово: «воля народа» въ прошлогоднемъ движеніи
неумѣстно, да и ровно ни къ чему не служитъ, пото
чего точно не обозначаетъ. Прошлаго года не воля н
значилась, а великое состраданіе его, во первыхъ, и
ревность о Христѣ, а въ третьихъ собственное какъ
ніе его въ родѣ какъ-бы говѣнія—право этакъ можно
зиться. Я это поясню ниже, но теперь прибавлю,
радъ, въ устахъ Левина, такимъ выраженіямъ про
нихъ добровольцевъ, какъ *пойти въ шайку Пугаче*
По крайней мѣрѣ, эти мысли я уже никакъ теперь не
писать автору, чему и радъ ужасно, ибо ясно пок
авторъ вступилъ въ свои права художника; онъ сли
чувствовалъ, что разгорячившійся ипохондрикъ Лев
имъ-же созданное художественное лицо, и не могъ
моментъ спора не выдержать свой характеръ, т. е. не
оскорбительнѣйшимъ ругательствомъ свой отзывъ как
вольцахъ, такъ и объ русскомъ народѣ, ихъ провожав
не менѣе, такъ какъ обвиненіе народа, за прошлогод
ніе его, въ глупости и въ тупости, дѣйствительно су
и ходило, а намекъ на счетъ шаекъ Пугачева дѣй
тоже наклевывался, то я здѣсь, кстати, и рѣшаюсь,
пости, въ самыхъ краткихъ словахъ, попробовать
какимъ образомъ надобно понимать загадку *созна*

одняго всенароднаго движенія нашего на помощь славя-
бо изъ этого дѣйствительно составили цѣлую загадку
тныхъ кружкахъ: «Какъ, дескать, народъ только вчера
ь о славянахъ, ничего-то онъ не знаетъ, ни географіи,
іи, и на-вотъ — вдругъ полѣзъ на стѣну за славянъ,
ись они ему такъ вдругъ очень»! За эту тему, кромѣ
ихъ кружковъ, ухватились и сѣдые старички какъ ста-
зь въ клубахъ, и вотъ обрадовался ей, какъ видно, и
такъ какъ ею очень можно поддержать и предлагаемое
сненіе объ искусственной поддѣлкѣ движенія извѣстными
для извѣстныхъ цѣлей. Правда, выставляется Сергѣй
чъ какъ-бы защитникомъ противъ Левина сознательно-
одняго движенія, но защищаетъ онъ дѣло свое плохо,
рячится, и вообще, какъ я уже и сказалъ, выставленъ
ческомъ видѣ. Между тѣмъ, дѣло это о сознательности
вости народнаго чувства въ пользу угнетенныхъ хри-
до того ясно, до того точно можетъ быть опредѣлено,
я могъ не соблазниться, чтобъ не выставить на видъ:
до по моему понимать это дѣло для избѣжанія путаницы
особенности, *загадокъ?*

III.

**ибочномъ знаніи необразованнымъ и безграмотнымъ рус-
народомъ главнѣйшей сущности Восточнаго вопроса.**

самаго начала народа русскаго и его государства, съ
крещенія земли русской, начали устремляться изъ нея
ки во святыя земли, ко Гробу Господню, на Аѳонъ и
ще во время крестовыхъ походовъ ходилъ въ Іерусалимъ
гуменъ русскій и былъ ласково принятъ королемъ Іеру-
мъ «Балдвиномъ», что прекрасно описалъ въ хожденіи
Затѣмъ паломничество на Востокъ, ко святымъ мѣстамъ,
ращалось и до нашихъ дней. Изъ русскихъ-же монаховъ
еперь въ Россіи весьма многіе, жившіе на Аѳонѣ. Та-
бразомъ, темный и совершенно необразованный русскій
т. е. самые даже простые деревенскіе мужики, совер
не зная исторіи и географіи, знаютъ однако-же отлично,
очень давно, что святыми мѣстами и всѣми тамошними
ыми христіанами овладѣли нечестивые Агаряне, магоме-

тане, турки, и что жить христіанамъ по всему Востоку
вычайно трудно и тяжело. Знаетъ объ этомъ русскій наро
сокрушеніемъ сердца; а такова уже русская народная
историческая, что покаянные подвиги хожденія ко святым
стамъ, онъ издревле еще высоко цѣнилъ. Сердцемъ его
влекло туда,—черта историческая. Люди безъ гроша, ста
отставные солдаты, старыя бабы, совершенно не зная геог
уходили изъ селеній своихъ съ нищенскими котомками с
за плечами, и дѣйствительно, иногда послѣ безчисленныхъ
ствій, достигали святыхъ земель. Когда-же возвращались
дину, то разсказы ихъ объ ихъ странствованіяхъ благого
выслушивались. Да и вообще разсказы про «божественное»
любитъ русскій народъ. Мужики, дѣти ихъ, въ городахъ
щане, купцы даже, этихъ разсказовъ заслушиваются, съ
леніемъ и воздыханіемъ. Напримѣръ, вопросъ: кто читалъ Ч
Минеи? Въ монастырѣ кто-нибудь, изъ свѣтскихъ профес
какой-нибудь по обязанности, или какой-нибудь старик
чудакъ, который постится и ходитъ ко всенощной. Да и до
ихъ трудно: надо купить, а попробуйте попросите почита
время въ приходѣ — не дадутъ. И вотъ, вѣрите-ли вы
что по всей землѣ русской чрезвычайно распространено
Четьи-Минеи — о, не всей конечно книги, — но распростр
духъ ея по крайней мѣрѣ — почему-же такъ? А потому
есть чрезвычайно много разскащиковъ и разскащицъ о Жи
Святыхъ. Разсказываютъ они изъ Четьи-Миней, прекрасно, т
не вставляя ни единаго лишняго слова отъ себя и ихъ з
шиваются. Я самъ въ дѣтствѣ слышалъ такіе разсказы прежд
чѣмъ научился читать. Слышалъ я потомъ эти разсказы
въ острогахъ у разбойниковъ и разбойники слушали и в
хали. Эти разсказы передаются не по книгамъ, а заучи
изустно. Въ этихъ разсказахъ, и въ разсказахъ про с
мѣста, заключается для русскаго народа, такъ сказать,
покаянное и очистительное. Даже худые, дрянные люди, ба
ники и притѣснители, получали нерѣдко странное и неудерж
желаніе идти странствовать, очиститься трудомъ, подвигом
полнить давно данное обѣщаніе. Если не на Востокъ, не въ
салимъ, то устремлялись ко святымъ мѣстамъ русскимъ, въ К
къ Соловецкимъ чудотворцамъ. Некрасовъ, создавая своег
ликаго «Власа», какъ великій художникъ, не могъ и вообр
его себѣ иначе, какъ въ веригахъ въ покаянномъ скитальче
Черта эта въ жизни народа нашего—историческая, на кот

жно не обратить вниманія, даже и потому только, что
ь болѣе ни въ одномъ европейскомъ народѣ. Что изъ нея
ъ — сказать трудно, тѣмъ болѣе, что и къ нашему народу
ются, черезъ школы и грамотность, просвѣщеніе и не-
но новые вопросы, которые могутъ многое измѣнить. Но
ю, и только ею одною, то есть этою только чертою и воз-
объяснить всю *загадку сознательности* прошлогодняго
ія народа нашего въ пользу «братьевъ-славянъ», какъ
лись прошлаго года оффиціально, а теперь какъ выра-
почти въ насмѣшку. Про славянъ дѣйствительно народъ
почти ничего не зналъ, и не только одинъ на тысячу, какъ
ется Левинъ, но на много тысячъ одинъ какой нибудь
быть, слышалъ, какъ-нибудь мелькомъ, что есть тамъ
сербы, черногорцы, болгары, единовѣрцы наши. Но за
дъ нашъ, почти весь, или *въ чрезвычайномъ большинствѣ*,
ъ и знаетъ, что есть православные христіане подъ игомъ
товымъ, страдаютъ, мучаются и что даже самыя святыя
Іерусалимъ, Аѳонъ, принадлежатъ иновѣрцамъ. Онъ даже
ъ слишкомъ лѣтъ тому назадъ могъ слышать объ истязуе-
Восточныхъ христіанахъ и о порабощенныхъ святыхъ мѣ-
когда покойный Государь начиналъ свою войну съ Турціей,
къ съ Европой, кончившуюся Севастополемъ. Тогда тоже
алѣ войны, пронеслось сверху слово о святыхъ мѣстахъ,
народъ могъ тоже съ тѣхъ поръ запомнить. Кромѣ того,
долго до прошлогодняго подъема нашего въ пользу сла-
начались истязанія этихъ славянъ, и почти годъ какъ
омъ уже говорили и писали въ Россіи, и я самъ слы-
какъ въ народѣ уже спрашивали даже тогда еще: «правда
турокъ опять подымается?» Кромѣ того (хотя это и отда-
соображеніе), но мнѣ кажется, что и время какъ-бы всему
способствовало, т. е. прошлогоднему движенію. Довольно
уже, относительно говоря, какъ послѣдовало у насъ осво-
іе крестьянъ, и вотъ прошли эти годы — и что же уви-
ъ средѣ своей народъ? Увидѣлъ онъ, между прочимъ, уве-
ѣвшееся пьянство, умножившихся и усилившихся кулаковъ,
ь себя нищету, на себѣ нерѣдко звѣриный образъ,—мно-
, многихъ, можетъ быть, брала уже за сердце какая-то
покаянная скорбь, скорбь самообвиненія, исканія лучшаго,
... И вотъ вдругъ раздается голосъ объ угнетеніи христіанъ,
ченіяхъ за церковь, за вѣру, о христіанахъ полагающихъ
за Христа, и идущихъ на крестъ — (такъ какъ если-бы

они согласились отречься отъ Креста и принять магомет
то были-бы всѣ пощажены и награждены,— это-то уже
народу было извѣстно). Поднялись воззванія къ пожертвов
затѣмъ пронесся слухъ про русскаго генерала, поѣхавшаг
гать христіанамъ, затѣмъ начались добровольцы, — все это п
народъ. Именно потрясло, какъ я выразился выше какъ-б
зывомъ къ покаянію, къ говѣнью. Кто не могъ идти сам
несъ свои гроши, но добровольцевъ всѣ провожали, в
Россія. Старый князь, сидя въ Карсбадѣ, не могъ понят
движенія и воротился въ самый разгаръ его съ юмор
устахъ. Но вѣдь что-же могъ понять въ Россіи и въ ру
человѣкѣ этотъ клубный старичекъ? Умный Левинъ могъ
нять гораздо болѣе его, но его сбило съ толку соображен
народъ не знаетъ исторіи и географіи, а главное досада
что какіе-то Рагозовы объявляютъ войну даже не спроси
Но объявленія войны не было, а со стороны народа был
бы всеобщее умиленное покаяніе, жажда принять участіе в
то святомъ, въ дѣлѣ Христовомъ, за ревнующихъ о крестѣ
вотъ все что было. Такъ что движеніе-то было и покая
въ тоже время историческое. Замѣтьте себѣ, что говоря
историческую черту русскаго народа, т. е. про ревность
«дѣлу Божію», ко Святымъ мѣстамъ, къ угнетенному христі
и вообще ко всему *покаянному*, *божественному*, я вѣдь
не думаю хвалить за это русскій народъ: я не хвалю и не
я только констатирую фактъ, *которымъ многое объяснить*
Что-же дѣлать что у насъ есть такая *историческая* че
не знаю что изъ нея выйдетъ, но очень можетъ быть
будь и выйдетъ. Въ жизни народовъ все важнѣйшее сл
всегда сообразно съ ихъ важнѣйшими и характернѣйши
ціональными особенностями. Пока, напримѣръ, у насъ, изъ
указанной исторической черты народа нашего, выходитъ
быть, *каждый разъ*, въ войну Россіи съ султаномъ —
тельно-національное отношеніе народа нашего ко всякой
войнѣ, такъ что нечего дивиться горячему участію народа
кой войнѣ собственно потому только, что онъ не знаетъ
и географіи. Что надо знать ему онъ знаетъ. О, нашъ
безграмотный невѣжда, это безспорно, и ему даже въ нра
номъ отношеніи можно-бы насказать множество превосхо
и просвѣщеннѣйшихъ вещей на счетъ столь застарѣлой въ
древней исторической черты его. Этимъ русскимъ людямъ
бы было разъяснить, что всѣ ихъ странствованія, паломниче

ько узкое пониманіе ихъ долга и обязанностей: что не-
ить за хорошимъ такъ далеко, что лучше было-бы, еслибъ
силъ пьянство, обратилъ вниманіе на умноженіе своего
тоянія, на прикопленіе экономическихъ силъ, не билъ
братилъ вниманіе на школы, на шоссейныя дороги и проч.
словомъ, хоть чѣмъ-бы нибудь способствовалъ, чтобъ Рос-
отечество, стала наконецъ походить на другія «просвѣ-
европейскія государства». Можно-бы внушить, наконецъ,
ку, что хожденія его по святымъ мѣстамъ Богу вовсе
бны, потому главное, что ни ему самому, ни семейству
икому пользы никакой не приносятъ, а что, напротивъ,
ъ даже вредъ, ибо странствующій, уходя надолго, остав-
вой домъ, родину, въ сущности для цѣли эгоистической,
сенія души своей, тогда какъ Богу несравненно было-бы
, еслибъ онъ употребилъ свой праздный досугъ на какую
ользу ближнему: посидѣлъ-бы на огородѣ, присмотрѣлъ-бы
ами и проч. и проч. Однимъ словомъ, можно-бы наговорить
екраснаго; но что-же однако дѣлать, если такъ именно сло-
ита историческая черта и исканіе добраго приняло въ народѣ
почти что одну эту форму, то есть форму *покаянную*
иническомъ или жертвенномъ видѣ? По крайней мѣрѣ,
аніи «просвѣщенія», умный Левинъ могъ-бы зачесть
эту *историческую черту его*. Онъ могъ-бы понять, по
мѣрѣ, что многіе добровольцы и народъ, провожавшій
іствовали изъ побужденія хорошаго, думали дѣло сдѣ-
рое (въ этомъ нельзя-же не согласиться!), а, стало быть,
мъ случаѣ, это были хорошіе представители народа, ко-
е «блиставшіе просвѣщеніемъ», но и не потерянные-же
е безшабашные, не стрюцкіе, не заболтавшіеся, а, на-
даже, можетъ быть, лучшіе люди изъ народа. Дѣло это
ено прямо, какъ Христово дѣло, а у многихъ, у очень
въ тайникахъ души ихъ — именно какъ очистительное
иное дѣло. И не одинъ-то изъ всего этого народа не
алъ себя, за это дѣло, виноватымъ передъ Царемъ сво-
противъ, зналъ, что милосердымъ сердцемъ своимъ Царь-
тель за одно съ народомъ своимъ. Воли Царевой, слова
ждали въ умиленіи и надеждѣ, а мы, мы, сидя по угламъ
радовались еще про себя, что великій народъ Русскій
ъ великую и вѣчную надежду нашу на него. А потому
быть, хоть съ какой-нибудь стороны, примѣнено къ
въ его благородному и кроткому движенію — сравненіе

съ шайкой Пугачева, съ коммуной и проч.! Именно только ра женный до сотрясенія ипохондрикъ Левинъ могъ провозгла это. Вотъ что значитъ обидчивость!

IV.

Сотрясеніе Левина. Вопросъ: Имѣетъ-ли разстояніе вліяні человѣколюбіе? Можно-ли согласиться съ мнѣніемъ одного наго турка о гуманности нѣкоторыхъ нашихъ дамъ? Чем наконецъ насъ учатъ наши учители?

Но сотрясеніе идетъ еще далѣе: Левинъ прямо и назо провозглашаетъ, что состраданія къ мученіямъ славянъ «*непосредственнаго чувства къ угнетенію славянъ нѣтъ, можетъ быть*». Сергѣй Ивановичъ говоритъ:

... Тутъ нѣтъ объявленія войны, а просто выраженіе чело ческаго, христіанскаго чувства. Убиваютъ братьевъ, единокро и единовѣрцевъ. Ну, положимъ, даже не братьевъ, не единовѣр а просто дѣтей, женщинъ, стариковъ: чувство возмущается и р люди бѣгутъ, чтобъ помочь прекратить эти ужасы. Представь что ты-бы шелъ по улицѣ и увидѣлъ-бы, что пьяные бьютъ щину, или ребенка, я думаю, ты не сталъ-бы спрашивать объ или не объявлена война этому человѣку, а ты-бы бросился и и защитилъ-бы обижаемаго.

— Но не убилъ-бы, сказалъ Левинъ.

— Нѣтъ, ты-бы убилъ.

— Я не знаю. Если-бы я увидалъ это, я-бы отдался своем ству непосредственному; *но впередъ сказать я не могу.* И тако посредственнаго чувства къ угнетенію славянъ нѣтъ, и не можетъ

— Можетъ быть для тебя нѣтъ. Но для другихъ оно есть, вольно хмурясь, сказалъ Сергѣй Ивановичъ.—Въ народѣ живо данія о православныхъ людяхъ, страдающихъ подъ игомъ „не выхъ Агарянъ“. Народъ услыхалъ о страданіяхъ своихъ бр заговорилъ.

— Можетъ быть, уклончиво сказалъ Левинъ, — но я не м *самъ народъ*, и я не чувствую этого.

И опять: «я самъ народъ». Повторяю еще разъ: всего т два часа тому, какъ этотъ Левинъ и вѣру-то свою получил мужика, по крайней мѣрѣ, тотъ надоумилъ его какъ вѣр не восхваляю мужика и не унижаю Левина, да и суд берусь теперь кто изъ нихъ лучше вѣрилъ и чье состояніе было выше и развитѣе, ну и проч. и проч. Но вѣдь со тесь сами, повторяю это, что ужь изъ одного этого фак винъ могъ-бы догадаться, что есть-же нѣкоторая *существ*

ница между нимъ и народомъ. И вотъ онъ говоритъ: «Я ъ народъ». А почему онъ такъ увѣренъ въ томъ, что онъ ъ народъ? А потому что запречь телѣгу умѣетъ и знаетъ, огурцы съ медомъ ѣсть хорошо. Вотъ вѣдь люди! И какое мнѣніе, какая гордость, какая заносчивость!

Но все-же не въ томъ главное. Левинъ увѣряетъ, что непо-ственнаго чувства къ угнетенію славянъ *нѣтъ и не мо-гъ быть*. Ему возражаютъ, что «народъ услыхалъ о страда-ъ своихъ братій и заговорилъ, а онъ отвѣчаетъ: Можетъ ъ, но я не вижу; я самъ народъ, *и я не чувствую этого*»! То есть состраданія? Замѣтьте, что споръ Левина съ Сер-ъ Ивановичемъ о состраданіи и о непосредственномъ чув-ъ къ угнетенію славянъ ведется уклончиво и какъ-бы съ ѣреніемъ, чтобъ кончить побѣдою Левина. Сергѣй Ивановичъ ритъ, напримѣръ, изо всѣхъ силъ, что еслибъ Левинъ шелъ видѣлъ, что пьяные бьютъ женщину, то онъ-бы бросился водить ее! «Но не убилъ-бы!» возражаетъ Левинъ.—Нѣтъ, бы убилъ, настаиваетъ Сергѣй Ивановичъ, и ужь конечно ритъ вздоръ, потому что кто-жь, помогая женщинѣ, которую ютъ пьяные, убьетъ пьяныхъ? Можно освободить и не убивая. А вное, дѣло вовсе идетъ не о дракѣ на улицѣ, сравненіе невѣрно е однородно. Говорятъ о славянахъ, объ истязаніяхъ, пыт-ъ и убійствахъ, которымъ они подвергаются, и Левинъ слиш-ъ знаетъ, что онъ говоритъ о славянахъ. Стало быть, когда говоритъ, что онъ не знаетъ помогъ-ли бы онъ, что онъ видитъ и *ничего не чувствуетъ* и проч. и проч., то именно ваетъ, что не чувствуетъ состраданія къ мученіямъ сла-ъ (а не къ мученіямъ прибитой пьяными женщины) и на-ваетъ, что непосредственнаго чувства къ угнетенію славянъ ъ, и не можетъ быть, а не къ угнетенію пьяной женщины. такъ онъ буквально и выражается.

Здѣсь довольно любопытный психологическій фактъ. Книга ла всего 2½ мѣсяца назадъ, а 2½ мѣсяца назадъ уже со-енно извѣстно было, что всѣ безчисленные разсказы о без-енныхъ мученіяхъ и изтязаніяхъ славянъ — совершенная ина,— истина, засвидѣтельствованная теперь тысячью свидѣ-й и очевидцевъ всѣхъ націй. То, что мы узнали въ эти тора года объ истязаніяхъ славянъ, пересиливаетъ фантазію аго, самаго болѣзненнаго и изступленнаго воображенія. Изъ-но, во первыхъ, что убійства эти не случайныя, а система-ескія, нарочно возбуждаемыя и всячески поощряемыя. Истреб-

ленія людей производятся тысячами и десятками тысячъ. Утон
ченности въ мученіяхъ таковы, что мы не читали и не слы
хивали ни о чемъ еще подобномъ прежде. Съ живыхъ лю
дей сдирается кожа въ глазахъ ихъ дѣтей; въ глазахъ мате
рей подбрасываютъ и ловятъ на штыкъ ихъ младенцевъ, пре
изводится насильничаніе женщинъ и въ моментъ насилія он
прокалываетъ ее кинжаломъ, а главное мучатъ въ пыткахъ
младенцевъ и ругаются надъ ними. Левинъ говоритъ, что он
не чувствуетъ *ничего* (!), и азартно утверждаетъ, что непо
средственнаго чувства къ угнетенію славянъ нѣтъ и не мо
жетъ быть. Но смѣю увѣрить г. Левина, что оно можетъ быт
и что я самъ былъ тому уже неоднократно свидѣтелемъ. Я ви
дѣлъ, напримѣръ, одного господина, который о своихъ чувствахъ
говорить не любитъ, но который, услышавъ какъ одному двух
лѣтнему мальчику, въ глазахъ его сестры, прокололи иголкой глаз
и потомъ посадили на колъ, такъ что ребенокъ все-таки не скор
умеръ и еще долго кричалъ,—услышавъ про это, этотъ госпо
динъ чуть не сдѣлался боленъ, всю ту ночь не спалъ и два дн
послѣ того находился въ тяжеломъ и разбитомъ состояніи духа
мѣшавшемъ его занятіямъ. Смѣю увѣрить при этомъ г. Левина
что господинъ этотъ человѣкъ честный и безспорно-порядочный
далеко не стрюцкій и ужь отнюдь не членъ шайки Пугачева. Я
хотѣлъ только заявить, что непосредственное чувство къ истя
заніямъ славянъ существовать можетъ, и даже самое сильное, т
даже во всѣхъ классахъ общества. Но Левинъ настаиваетъ, что
его *не можетъ и быть* и что самъ онъ *ничего* не чувствуетъ
Это для меня загадка. Конечно, есть просто безчувственные люди
грубые, съ развитіемъ извращеннымъ. Но вѣдь Левинъ, кажется
не таковъ, онъ выставленъ человѣкомъ вполнѣ чувствительнымъ
Не дѣйствуетъ-ли здѣсь просто разстояніе? Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ
ли въ иныхъ натурахъ этой *психологической* особенности: «Самъ
дескать, не вижу, происходитъ далеко, ну вотъ ничего и не чув
ствую». Кромѣ шутокъ, представьте, что на планетѣ Марсъ есть
люди, и что тамъ выкалываютъ глаза младенцамъ. Вѣдь, можетъ
быть, и не было-бы намъ на землѣ жалко, по крайней мѣрѣ, такъ
ужь очень жалко? Тоже самое, пожалуй, можетъ быть, и на земл
при очень большихъ разстояніяхъ: «Э, дескать, въ другомъ полу
шаріи, не у насъ»! То есть хоть онъ и не выговариваетъ эт
прямо, но такъ чувствуетъ, т. е. *ничего* не чувствуетъ. Въ та
комъ случаѣ, если разстояніе дѣйствительно такъ вліяетъ на гу
манность, то рождается самъ собою новый вопросъ: на какомъ

ніи кончается человѣколюбіе? А Левинъ дѣйствительно
ляетъ большую загадку въ человѣколюбіи: Онъ прямо
аетъ, что онъ *не знаетъ* убилъ-ли-бы онъ.

и-бы я увидалъ это, я-бы отдался своему чувству непосред-
ву, но впередъ сказать я не могу.

ничтъ не знаетъ что-бы онъ сдѣлалъ! А между тѣмъ это
ъ чувствительный, и вотъ, какъ чувствительный-то че-
онъ и боится убить... турку. Представимъ себѣ такую
стоитъ Левинъ уже на мѣстѣ, тамъ, съ ружьемъ и со
ъ, а въ двухъ шагахъ отъ него турокъ сладострастно
вляется выколоть иголкой глазки ребенку, который уже
въ рукахъ. Семилѣтняя сестренка мальчика кричитъ и
зумная бросается вырвать его у турка. И вотъ Левинъ
въ раздумьи и колеблется:

Не знаю, что сдѣлать. Я ничего не чувствую. Я самъ
Непосредственнаго чувства къ угнетенію славянъ нѣтъ,
жетъ быть.

ъ серьезно, чтобы онъ сдѣлалъ, послѣ всего того, что
ысказалъ? Ну, какъ-бы не освободить ребенка? Неужели
мучить его, неужели не вырвать сейчасъ-же изъ рукъ
турка?

Да, вырвать, но вѣдь пожалуй придется больно толкнуть

Ну и толкни!

Толкни! А какъ онъ не захочетъ отдать ребенка и вы-
саблю? Вѣдь придется, можетъ быть, убить турку?

Ну и убей!

Нѣтъ, какъ можно убить! Нѣтъ, нельзя убить турку.
ужь пусть онъ лучше выколетъ глазки ребенку и за-
его, а я уйду къ Кити.

ъ какъ долженъ поступить Левинъ, это прямо выходитъ
убѣжденій и изъ всего того, что онъ говоритъ. Онъ
говоритъ. что *не знаетъ* помогъ-ли-бы онъ женщинѣ
енку, если-бы приходилось убить при этомъ турку. А
ему жаль ужасно.

адцать лѣтъ тому назадъ мы-бы молчали (говоритъ Сергѣй
чъ), а теперь слышенъ голосъ русскаго народа, который го-
тать какъ одинъ человѣкъ, и готовъ жертвовать собой для
ихъ братьевъ; это великій шагъ и задатокъ силы.

Но вѣдь не жертвовать только, а убивать турокъ, робко ска-
нинъ. Народъ жертвуетъ и готовъ жертвовать для своей души,
я убійства...

То есть другими словами: «возьми дѣвочка деньги, ма для души нашей, а ужь братишкѣ пусть выколютъ гл Нельзя-же турку убивать...»

И потомъ дальше уже говоритъ самъ авторъ про Ле

... „Онъ не могъ согласиться съ тѣмъ, чтобы десятки людей числѣ которыхъ и братъ его, имѣли право, на основаніи того имъ разсказали сотни приходившихъ изъ столицы краснобаевъ д вольцевъ говорить, что они съ газетами выражаютъ волю и м народа, и такую мысль, *которая выражается въ мщеніи и убій*

Это несправедливо: *мщенія* нѣтъ никакого. У насъ и т ведется война съ этими кровопійцами и мы слышимъ толь самыхъ гуманныхъ фактахъ со стороны русскихъ. Смѣло м сказать, что немногія изъ европейскихъ армій поступили-б такимъ непріятелемъ такъ, какъ поступаетъ теперь наша давно только, въ двухъ или трехъ изъ нашихъ газетъ, проведена мысль, что не полезнѣе-ли-бы было, и именно уменьшенія звѣрствъ, ввести репрессаліи съ отъявленно-ченными въ звѣрствахъ и мучительствахъ турками? Они вають плѣнныхъ и раненыхъ послѣ неслыханныхъ истяз въ родѣ отрѣзыванія носовъ и другихъ членовъ. У нихъ о вились спеціалисты истребленія грудныхъ младенцевъ, мас которые, схвативъ груднаго ребенка за обѣ ножки, разрыв его сразу по поламъ на потѣху и хохотъ своихъ товарищей б бузуковъ. Эта изолгавшаяся и изподлившаяся нація отпир отъ звѣрствъ, совершенныхъ ею. Министры султана увѣря что не можетъ быть умерщвленія плѣнныхъ, ибо «коранъ з щаетъ это. Еще недавно человѣколюбивый Императоръ гер скій съ негодованіемъ отвергъ офиціальную и лживую, п мѣстную жалобу турокъ на русскія будто-бы жестокости и с вилъ, что не вѣритъ имъ. Съ этой подлой націей нельзя-бы жется, поступать по человѣчески, но мы поступаемъ по чел чески. Осмѣлюсь выразить даже мое личное мнѣніе, что к прессаліямъ противъ турокъ, уличенныхъ въ убійствѣ плѣнн и раненыхъ, лучше-бы не прибѣгать. Врядъ-ли это умень бы ихъ жестокости. Говорятъ, они и теперь, когда ихъ б въ плѣнъ, смотрятъ испуганно и недовѣрчиво, *твердо убѣж ные*, что имъ сейчасъ станутъ отрѣзать головы. Пусть уже д великодушное и человѣколюбивое веденіе этой войны русс не омрачится репрессаліями. Но выкалывать глаза младен нельзя допускать, а для того, чтобы пресѣчь навсегда зл ство, надо освободить угнетенныхъ накрѣпко, а у тирановъ

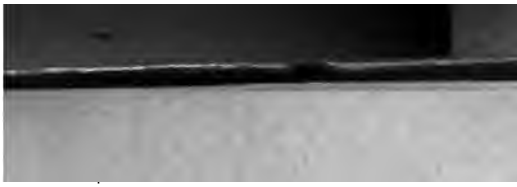
ружіе разъ навсегда. Не безпокойтесь, когда ихъ обезору-
они будутъ дѣлать и продавать халаты и мыло, какъ наши
віе татары, объ чемъ уже я и говорилъ, но чтобы выр-
зъ рукъ ихъ оружіе, надо вырвать его въ бою. Но бой не
, Левинъ можетъ быть за турка спокоенъ.
винъ могъ-бы быть и прошлаго года за турку спокоенъ.
онъ не знаетъ русскаго человѣка, русскаго солдата? Вонъ
ь, что солдатъ хоть и колетъ изверга турку въ бою, но
дѣли какъ съ плѣннымъ туркой онъ уже не разъ дѣлился
солдатскимъ раціономъ, кормилъ его, жалѣлъ его. И по-
, что солдатикъ зналъ все про турка, зналъ что попался-
ь самъ къ нему въ плѣнъ, то этотъ-же самый плѣнный
отрѣзалъ-бы ему голову и вмѣстѣ съ другими головами
ъ-бы изъ нихъ полумѣсяцъ, а въ срединѣ полумѣсяца
ъ-бы срамную звѣзду изъ другихъ частей тѣла. Все это
солдатикъ и все-таки кормитъ измученнаго въ бою и за-
наго въ плѣнъ турку: «человѣкъ тоже, хоть и не хрестья-

Корреспондентъ англійской газеты, видя подобные слу-
разился: «это армія джентльменовъ». И Левинъ лучше
ъ другихъ могъ-бы знать что это дѣйствительно армія
ьменовъ. Когда болгары въ иныхъ городахъ спрашивали
ісчество главнокомандующаго, какъ имъ поступать съ
ствомъ бѣжавшихъ турокъ, то онъ отвѣчалъ имъ: «ему-
собрать и сохранить до ихъ возвращенія, поля ихъ убрать
ъ сохранить, взявъ треть въ вознагражденіе за трудъ».
же слова джентльмена, и, повторяю, Левинъ могъ-бы быть
въ за турокъ: гдѣ тутъ мщеніе, гдѣ репрессаліи? Сверхъ
Левинъ, столь тонко знающій русское общество, могъ-бы
ообразить, что турокъ спасетъ еще нашъ ложный евро-
, и наше нелѣпое, выдѣланное и прямолинейное сантимен-
чанье, столь нерѣдкое въ нашемъ образованномъ обще-
Іыхалъ-ли Левинъ про нашихъ дамъ, которыя провози-
въ вагонахъ плѣннымъ туркамъ бросаютъ цвѣты, выно-
орогаго табаку и конфектъ? Писали, что одинъ турокъ,
тронулся опять поѣздъ, громко харкнулъ и энергически
ъ въ самую группу гуманныхъ русскихъ дамъ, махав-
отходящему поѣзду въ слѣдъ платочками. Конечно, трудно
ться вполнѣ съ мнѣніемъ этого безчувственнаго турка, и
ь можетъ разсудить, что тутъ со стороны ласкавшихъ ту-
амъ нашихъ—лишь историческое сантиментальничаніе и
й либеральный европеизмъ: «вотъ, дескать, какъ мы гу-

манны и какъ мы европейски развиты, и какъ мы умѣем
выказать!» Но однако самъ-то Левинъ: развѣ не туже п
линейность, не тоже сантиментальное европейничанье онъ
проповѣдуетъ и высказываетъ? Убиваютъ турокъ въ войн
честномъ бою, не *мстя* имъ, а единственно *потому*, что
никакъ нельзя вырвать у нихъ изъ рукъ ихъ безчестное
жіе. Такъ было и прошлаго года. А если не вырвать у
оружіе и—чтобъ не убивать ихъ уйти, то они вѣдь то
же опять станутъ вырѣзывать груди у женщинъ и прокал
младенцамъ глаза. Какъ-же быть? дать лучше прокалывать
чтобъ только не убить какъ-нибудь турку? Но вѣдь это и
щеніе понятій, это тупѣйшее и грубѣйшее сантиментальни
это изступленная прямолинейность; это самое полное извра
природы. Къ тому-же, принужденный убивать турку солдатъ,
несетъ жизнь свою въ жертву, да еще терпитъ мученія и
занія. Для мщенія-ли, для убійства-ли одного только под
русскій народъ? И когда бывало это, чтобъ помощь убивае
истребляемымъ цѣлыми областями, насилуемымъ женщина
дѣтямъ и за которыхъ уже въ цѣломъ свѣтѣ совершенн
кому заступиться—считалось-бы дѣломъ грубымъ, смѣш
почти безнравственнымъ, жаждой мщенія и кровопійства!
за безчувственность рядомъ съ сантиментальностью! Вѣдь
вина у самого есть ребенокъ, мальчикъ, вѣдь онъ-же л
его, вѣдь когда моютъ въ ваннѣ этого ребенка такъ вѣд
въ домѣ въ родѣ событія, какъ-же не искровенить ему с
свое слушая и читая объ избіеніяхъ массами, объ дѣтях
проломанными головами, ползающихъ около изнасилован
своихъ матерей, убитыхъ, съ вырѣзанными грудями. Такъ
въ одной болгарской церкви, гдѣ нашли двѣсти такихъ тру
послѣ разграбленія города. Левинъ читаетъ все это, и стои
задумчивости:

— Кити весела и съ аппетитомъ сегодня кушала; мал
вымыли въ ваннѣ и онъ сталъ меня узнавать: какое мнѣ
что тамъ въ другомъ полушаріи происходитъ. *непосредстве
чувства къ угнетенію славянъ нѣтъ и не можетъ бы*
потому что я *ничего* не чувствую.

Этимъ-ли закончилъ Левинъ свою эпопею? Его-ли х
выставить намъ авторъ какъ примѣръ правдиваго и чес
человѣка? Такіе люди, какъ авторъ Анны Карениной—суть
тели общества, наши учители, а мы лишь ученики ихъ. Че
они насъ учатъ?



СЕНТЯБРЬ.

Глава первая.

I.

Несчастливцы и неудачники.

удно представить себѣ болѣе несчастныхъ людей, какъ узскіе республиканцы и ихъ французская республика. Вотъ коро сто лѣтъ тому, какъ въ первый разъ появилось на это учрежденіе, и съ тѣхъ поръ каждый разъ (теперь уже етій), когда ловкіе узурпаторы конфисковали республику ою пользу, никто-то не вставалъ серьезно ее защищать, какой-нибудь кучки. Всенародной сильной поддержки ни инъ разъ не было. Да и въ тѣ сроки, когда приходилось ществовать, рѣдко кто ее считалъ за дѣло окончательное, переходное. Тѣмъ не менѣе, нѣтъ людей болѣе убѣжденныхъ увствія къ нимъ страны, какъ французскіе республиканцы. рочемъ, въ первыя двѣ попытки создать во Франціи рес-ку, въ прошломъ столѣтіи и въ 1848 году, все-же могли особенно въ началѣ попытокъ, нѣкоторыя основанія у нихъ республиканцевъ разсчитывать на сочувствіе къ нимъ ы. Но у нынѣшнихъ, у теперешнихъ республиканцевъ, — тѣхъ самыхъ, которыхъ въ самомъ скоромъ времени пред-чено конфисковать, вмѣстѣ съ ихъ республикой, кому-то въ пользу, казалось-бы не могло быть никакихъ уже надеждъ ердую будущность, даже и въ случаѣ нѣкотораго сочув-къ нимъ страны (очень впрочемъ нетвердаго, такъ какъ

и существуютъ-то они теперь лишь отрицательно, по послов
на безрыбьи и ракъ рыба). А между тѣмъ, наканунѣ почти
наго своего паденья, они убѣждены въ полной побѣдѣ. И оди
что это за несчастные были люди и что за несчастная была
послѣдняя третья республика, которую хоть и признавалъ по
никъ Тьеръ, но именно какъ рака на безрыбьи! Вспомнимъ тол
какъ явилась эта третья республика на свѣтъ. Почти двад
лѣтъ эти республиканцы ждали «славной» минуты, когда рух
узурпаторъ и когда ихъ опять «позоветъ страна». И что-же
чилось: захвативъ власть послѣ Седана эти неудачники
нуждены были взвалить себѣ на плечи страшную войну, кот
не хотѣли, но которою наградилъ ихъ тотъ-же узурпаторъ, уѣз
курить свои папироски въ прелестный замокъ Вильгельмсгеи
если злился на нихъ этотъ коварный узурпаторъ, гуляя по
леямъ садовъ нѣмецкаго замка, за то, что они захватили о
его власть, то навѣрно и усмѣхался про себя, минутами, с
ной усмѣшкою, при мысли о томъ, какъ отмстилъ онъ
сваливъ на ихъ слабыя плечи свою вину. Потому что, как
тамъ ни было, а все-таки Франція обвиняла потомъ скорѣе
чѣмъ его, — по крайней мѣрѣ, болѣе ихъ чѣмъ его,—въ
что они продолжали безнадежную войну, не съумѣли зами
тотчасъ-же, какъ приняли власть, отдали двѣ большія провин
три милліарда, разорили страну, сражались неумѣло, распор
лись на авось, безпорядочно и безъ контроля, въ чемъ до
поръ обвиняютъ бывшаго тогдашняго диктатора Гамбетту, н
чемъ однако не виноватаго, а, напротивъ, сдѣлавшаго все,
только можно было сдѣлать при страшныхъ тогдашнихъ обс
тельствахъ. Однимъ словомъ, это обвиненіе въ неумѣлости
публиканцевъ и въ загубленіи ими страны держалось и держ
даже теперь очень серьезно и твердо. Пусть всѣ понимаютъ,
первая причина бѣды былъ императоръ Наполеонъ, «но они
дескать, зачѣмъ не съумѣли поправить дѣла, если взялис
него? Мало того—испортили его какъ нельзя вообразите хуже
вотъ обвиненіе! Мало того: рядомъ съ обвиненіемъ пало на
даже что-то презрительное и смѣшное при мысли, въ какой
сакъ попались они въ самомъ началѣ какъ захватили власт
однако что другое они могли тогда сдѣлать? Не принять
войны, замирить съ самаго начала по принятіи ими власти п
Седана, было совсѣмъ невозможно: нѣмцы и тогда потребов
бы уступки территоріи и денегъ, и что-же-бы сталось съ
публиканцами, еслибъ они замирили на такихъ условіяхъ

обвинили-бы въ малодушіи, въ безславіи страны, въ томъ,
«имѣя еще армію» не сопротивлялись, а позорно сда-
орошо было бы клеймо на ихъ новой республикѣ! А такъ
ля нихъ республика и ея возстановленіе во Франціи были
дороже спасенія страны, составляло все, то они и при-
ы были воевать, почти явно предчувствуя, что придутъ
большему позору въ концѣ войны. Значитъ и спереди
озоръ и сзади стоялъ позоръ—положеніе не только не-
е, не только трагическое, но въ нѣкоторомъ отношеніи
комическое. ибо не въ такомъ совсѣмъ видѣ воображали
цариться послѣ тирана!

ъ комизмъ усугубился еще болѣе тѣмъ, что воцарились
таки съ самымъ легкимъ сердцемъ, не смотря ни на что,
не то чтобъ они не горевали о Франціи—о, между ними
восходные люди по чувствамъ и даже истинные слуги
ва, въ томъ случаѣ, если оно будетъ называться респу-
Даже, можетъ быть, есть и такихъ, одинъ или другой,
е даже республику готовы поставить на второй планъ,
ы лишь счастлива Франція (хотя врядъ-ли впрочемъ такіе
менно развѣ одинъ или другой, а не больше). Но дѣло въ
то все-таки они, чуть лишь замирили съ нѣмцами и рас-
лись править страной уже на покоѣ, какъ тотчасъ-же
или себѣ, что страна въ нихъ влюбилась безповоротно
это по крайней мѣрѣ. Вотъ что было комично! Рѣшительно
аго французскаго республиканца, есть роковое и губящее
ѣжденіе, что достаточно только одного слова «республика»,
чно лишь только назвать страну республикой, какъ тот-
а она станетъ на вѣки счастливою. Всѣ неудачи республики
егда приписываютъ лишь внѣшнимъ мѣшающимъ обстоя-
ямъ, существованію узурпаторовъ, злыхъ людей, и ни
подумали о невѣроятной слабости тѣхъ корней, которыми
ется республика съ почвой Франціи, и которые въ цѣлыя
ъ не могли окрѣпнуть и проникнуть въ нее глубже.
того, республиканцы ни разу еще въ эти шесть лѣтъ
умали, что комическое положеніе ихъ, унаслѣдованное
слѣ Наполеона III-го, все еще продолжается и теперь, и
ы прошла старая бѣда, то близится новая, подобная
которая непремѣнно поставитъ ихъ уже въ *самое* коми-
положеніе, въ такое, при которомъ они уже и держаться
ціи будутъ не въ состояніи и это въ самомъ ближай-
можетъ быть, будущемъ. Этотъ грядущій комизмъ состоитъ

въ томъ, что эта будущая бѣда, все также какъ и прежн
заключается въ исполненіи ими высокаго долга службы от
ству *сознательно* ему на пагубу, кромѣ того, все также,
и прежняя, совершенно неотразима и составляетъ почти точ
точь такой-же просакъ, въ какой они попались и въ 1871
и, наконецъ, къ довершенію досады,—все также, какъ и прежн
бѣда досталась имъ по наслѣдству все отъ того-же Напол
III-го, котораго они такъ ненавидятъ и котораго память
проклинаютъ. Въ самомъ дѣлѣ: кто теперь самый ревност
послѣдователь французской республики и самый сочувствую
учрежденію ея человѣкъ въ цѣломъ мірѣ? Безспорно, князь
маркъ. До тѣхъ поръ, пока существуетъ во Франціи республ
не возможна война «возмездія». Вообразить только что респу
канцы могли-бы рѣшиться вновь объявить войну нѣмцамъ! Н
Бисмаркъ это понимаетъ. А между тѣмъ, ясно какъ день,
огромный, сорокамилліонный организмъ Франціи не можетъ
ваться вѣчно въ постыдной опекѣ Германіи. Язвы залеч
потрясеніе забудется, прибудутъ новыя силы, наростетъ здор
создадутся средства, войска,—и можетъ-ли страна, которая
долго первенствовала между націями политически,—не захо
опять прежней роли, прежняго положенія въ Европѣ? Эта мы
можетъ быть, теперь уже вовсе не далека; избытокъ внутрен
силъ долженъ непремѣнно стремить ихъ вырваться изъ
Бисмарка и возвратить себѣ всю прежнюю *независимость* (т
еще Францію никакъ нельзя назвать независимою). И вотъ
Франція, съ перваго новаго шагу своего натолкнулась-бы
на свою республику. Опять-таки повторю: вообразить то
что теперешніе республиканцы могли-бы захотѣть въ чемъ-ни
сгрубить князю Бисмарку, и до того, чтобъ даже рискну
войну съ нимъ? Во первыхъ, кто за ними и пойдетъ-то, ес
даже сама Франція хотѣла войны, а во вторыхъ, неизб
представляющееся соображеніе: ну что если нѣмцы ихъ
разобьютъ? Вѣдь тогда уже конецъ республики во Франціи
чательный, потому, что ихъ-же и обвинитъ Франція за неус
и навѣки уже прогонитъ, забывъ, что сама-же захотѣла
мездія» и первенствующаго прежняго положенія... А скр
республиканцы, не слушай новыхъ голосовъ и криковъ
объявляй войну — это значило-бы идти противъ стрем
страны, и тогда страна опять-таки смѣстила-бы ихъ и отда
бы первому явившемуся ловкому предводителю. Однимъ сло
и сзади Седанъ и впереди Седанъ! Между тѣмъ они навѣрн

ломъ совсѣмъ еще не начинали думать, не смотря на то, чт
новый порывъ страны, можетъ быть, очень близокъ. Никогда н
думали и о томъ, что въ сущности они не болѣе какъ «протеже
князя Бисмарка, и что Франція съ каждымъ годомъ вѣдь должн
понимать это все болѣе и болѣе, и именно по мѣрѣ возстановленія
и наростанія силъ своихъ, а, стало быть, и презирала-бы ихъ вс
болѣе и болѣе, сначала про себя и не столь отчетливо, а потомъ
гораздо отчетливѣе и наконецъ уже вслухъ, а не про себя только

Но комическаго вида республиканцы не признаютъ. Это люди
патетическіе. Напротивъ, именно теперь они ободрились послѣ
того какъ Макъ-Магонъ, президентъ «республики», прогналъ
ихъ съ мѣста и заперъ до новыхъ октябрьскихъ выборовъ на
залу. Теперь они «угнетенные», а потому и чувствуютъ себя въ
ореолѣ; они ждутъ, что вся Франція вдругъ запоетъ марсельезу
и закричитъ: «on assassine nos frères!» — убиваютъ братій на
шихъ!) извѣстный крикъ всѣхъ прежде бывшихъ парижскихъ
уличныхъ революцій, послѣ котораго толпы бросались обыкно
венно строить баррикады. Во всякомъ случаѣ, они ждутъ «закон
ности», т. е. что страна, въ негодованіи на маршала Макъ-Ма
гона, наклевывающагося будущаго узурпатора, выберетъ вновь
въ палату все прежнее республиканское большинство, да еще
сверхъ того прибавитъ новыхъ республиканскихъ депутатовъ, и
тогда вновь собравшаяся палата скажетъ строгое veto маршалу
и тотъ, испугавшись законности, подожметъ хвостъ и ступуется.
Въ силѣ этой «законности» они непоколебимо увѣрены,— и не
по скудости способностей, а потому, что эти добрые люди слиш
комъ ужь люди своей партіи, слишкомъ долго тянули все одну
и ту-же канитель и слишкомъ долго просидѣли въ одномъ углу.
Они слишкомъ долго страдали за возлюбленную свою республику
и потому и увѣрены въ возмездіи. Къ удивленію, и у насъ въ
Россіи многія наши газеты вѣрятъ въ ихъ близкое торжество
и въ неминуемую побѣду ихъ «законности». Но чѣмъ обезпе
чена эта законность, если Макъ-Магонъ не удостоитъ ей подчи
ниться, о чемъ и объявилъ уже странѣ въ удивительномъ своемъ
манифестѣ. Негодованіемъ, гнѣвомъ страны? Но маршалъ тотчасъ
же найдетъ многочисленнѣйшихъ послѣдователей въ этой-же самой
странѣ, какъ и всегда это бывало въ подобныхъ случаяхъ во
Франціи. Что-же тогда дѣлать? Баррикады строить? Но при нын
ѣшнемъ ружьѣ и при нынѣшней артиллеріи прежнія баррикады
невозможны. Да Франція и не захочетъ ихъ строить, еслибъ даже
дѣйствительно она хотѣла республики. Утомленная и измучен

ная столѣтней политической неурядицей, она самымъ прозаи
скимъ образомъ разсчитаетъ гдѣ сила и силѣ покорится. Си
теперь въ *легіонахъ*, и страна предчувствуетъ это. Весь вопро
стало быть, въ томъ: за кого легіоны?

II.

Любопытный характеръ.

Объ легіонахъ, какъ объ новой силѣ, грядущей занять свое мѣ
въ европейской цивилизаціи, я уже писалъ въ май-іюньскомъ дн
никѣ моемъ, то есть задолго до манифеста маршала президента,-
вотъ все такъ и случилось, какъ мнѣ тогда показалось. Въ этом
удивившемъ всѣхъ манифестѣ, маршалъ хоть и обѣщаетъ слѣдов
законности, обѣщаетъ миръ и проч., но тутъ-же, сейчасъ-же, пр
говоритъ, что если страна не согласится съ его мнѣніемъ и пр
летъ ему съ предстоящихъ выборовъ прежнее республиканск
большинство, то и онъ въ свою очередь принужденъ будетъ
согласиться съ мнѣніемъ страны и не подчиниться ея выбора
Такой удивительный поступокъ маршала долженъ-же чѣмъ-н
будь мотивироваться. Не могъ-бы онъ говорить такимъ языко
и тономъ съ страной (Франція не деревня какая-нибудь), если
не былъ твердо увѣренъ въ силѣ и въ успѣхѣ. А потому я
уже теперь, что вся его надежда на армію, въ которой онъ
вершенно увѣренъ. И дѣйствительно, во время лѣтнихъ путеш
ствій по Франціи маршала, его во многихъ, слишкомъ, кажет
во многихъ городахъ и провинціяхъ встрѣчали довольно двусм
ленно, но армія и флотъ обнаружили вездѣ совершенную преда
ность и привѣтствовали маршала сочувственными криками. С
нѣнія нѣтъ, что въ добрыхъ и даже, такъ сказать, неповинны
чувствахъ маршала нельзя сомнѣваться. Если онъ и поступи
такъ не по обычаю, прямо объявивъ впередъ, что не послушае
законнаго мнѣнія страны, если та сама его не послушается,
конечно, лишь потому что онъ желаетъ, по своему, принесть стр
благоденствіе и увѣренъ въ томъ что принесетъ его. И такъ,
въ нравственныхъ качествахъ маршала надобно сомнѣваться
въ нѣкоторыхъ развѣ другихъ... И дѣйствительно, маршалъ,
жется, одинъ изъ такихъ характеровъ, которые не могутъ не бы
въ чьей-нибудь опекѣ, и съ этой стороны характеръ этотъ пр
ставляетъ собою нѣкоторыя замѣчательныя особенности. Вопро

мѣръ: для кого онъ теперь работаетъ? Для кого такъ ста-
и для кого такъ рискуетъ? Сомнѣнія нѣтъ, что онъ кру-
въ опекѣ, а между тѣмъ, я увѣренъ въ томъ (впрочемъ это
ки личное мое мнѣніе), что лишь одинъ онъ, во всей Европѣ,
по сихъ поръ совершенно убѣжденъ, что онъ ровно ни въ
опекѣ не состоитъ, а дѣйствуетъ самъ по себѣ. Ловкіе люди,
вшіе имъ, вѣроятно, и поддерживаютъ въ немъ сами это
еніе до времени и поддакиваютъ ему изо всѣхъ силъ, между
направляя его безповоротно куда имъ угодно. Все это, ко-
потому что они отлично знаютъ свойства подобныхъ ха-
овъ и ихъ самолюбій. Но такихъ ловкихъ людей можно
только въ одной партіи, правда, въ огромнѣйшей и въ силь-
ей — въ клерикальной. Остальныя всѣ политическія партіи
анціи не отличаются ловкостью. Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ:
маршалъ въ опекѣ, то въ чьей? Вотъ теперь совершенно
но, что бонапартисты ужасно заволновались, что кандида-
они выставили множество, что самъ маршалъ покровитель-
ихъ кандидатамъ, что въ побѣдѣ на выборахъ они увѣ-
увѣрены и въ арміи, что императорскій принцъ уже пере-
на континентъ, говорили даже, что поѣдетъ въ Парижъ.
ужели однако-же повѣрить, что маршалъ Макъ-Магонъ, столь
ный въ себѣ президентъ «республики», беретъ на себя
обузу хлопотъ и опасностей единственно, чтобъ воцарить
аторскаго принца? Мнѣ кажется (и опять-таки это совер-
о личное мое мнѣніе) мнѣ кажется, что нѣтъ. Развѣ впро-
есть тамъ совершенно особыя какія-нибудь комбинаціи,—
мѣръ, какой-то слухъ, пронесшійся по газетамъ, съ мѣсяцъ
ъ, что императорскій принцъ будто-бы помолвленъ съ до-
маршала и проч. Но если нѣтъ такихъ особенныхъ секрет-
комбинацій, если особенныхъ соглашеній и договоровъ еще
ществуетъ, то мнѣ кажется, что маршалъ наклоненъ скорѣе
ливать страну въ *свою* пользу, чѣмъ въ чью-нибудь, и если
рживаетъ бонапартистскихъ кандидатовъ, то увѣренный что
же-таки всѣхъ надежнѣе, а что всѣхъ ихъ потомъ онъ на-
ть какъ ему угодно. Богъ знаетъ какія у подобнаго ума
зародиться мысли. Не даромъ-же одинъ епископъ, въ при-
ственной рѣчи маршалу, уже вывелъ ему, что онъ происхо-
по женской линіи отъ Карла Великаго. Однимъ словомъ,
ько лѣтъ президентства, можетъ быть, дѣйствительно заро-
въ душу его нѣкоторыя раздражающія и фантастическія
ѣнія. Кто-му-же это и военный человѣкъ. Впрочемъ, всѣ эти

разсужденія лишь мечтательныя попытки рязъяснить загадочн характеръ. Истина-же пока въ томъ, что маршалъ въ рук клерикаловъ и что они его направляютъ, хотя онъ и, безъ с нѣнія, думаетъ, что это онъ ихъ направляетъ, и что они въ кахъ его, а не онъ въ ихъ рукахъ. Но они, конечно, ужь не его рукахъ и судьба Франціи, въ настоящій моментъ, рѣшитель кажется, зависитъ отъ нихъ и *отъ нихъ однихъ*. Сомнѣнія нѣ что все еще продолжается страшная подземная интрига, и хо вся Европа давно уже, и съ самаго начала знала, что клерика въ настоящемъ западно-европейскомъ движеніи играютъ больш роль, но, кажется, тѣ все-таки до сихъ поръ скрываютъ и усп скрыть *какого объема и какой силы эта ихъ роль*, лавируя и прячутся за другихъ до времени, за маршала, напримѣръ, бонапартистовъ и такъ продолжится дѣло до тѣхъ поръ, пока с не достигнутъ задуманной цѣли. Въ сущности, имъ все равно: м шалъ-ли успѣетъ, или императорскій принцъ. Симпатій личны у нихъ нѣтъ и не должно быть. Для нихъ лишь задача од чтобъ Франція какъ можно скорѣе обнажила свой мечъ и рин лась на Германію. И вотъ для этой-то цѣли они и раздави республиканцевъ не способныхъ стать за папу. Теперь-же тихо ловко выжидаютъ: за кѣмъ будетъ больше шансовъ? Если дѣ ствительно императорскій принцъ представитъ имъ больше ша совъ въ способности объявить войну, то, можетъ быть, они и него ущѣпятся и проведутъ его въ Парижъ, уже не думая Макъ-Магонѣ. Но пока они, кажется, все еще держатся марша Кстати, недавно еще, говорятъ, маршалъ, въ разговорѣ, вслу упомянулъ: «Про меня распространяютъ, что я хочу уничтожи республиканскія учрежденія и забываютъ, конечно, что я, пр нимая президентство республики, далъ слово ихъ сохранит Слова эти могутъ подтвердить вполнѣ догадку о нравственн невинности маршала, не смотря на всѣ обвиненія республика цевъ. Какъ честному и военному человѣку ему, стало быть, д рого его честное слово и ужь, конечно, онъ ему не измѣнитъ. если онъ сохранитъ республику и въ тоже время прогони республиканцевъ, то значитъ имѣетъ въ виду продолжать р публику безъ республиканцевъ. Надо думать, что такова дѣйст тельно политическая программа его и что его увѣрили, что с совершенно возможна. Эта программа, вмѣстѣ съ тезисомъ: sais et j'y reste (сѣлъ и не сойду) составляетъ, очевидно, цик всѣхъ его политическихъ убѣжденій вплоть до 1880-го го когда кончается срокъ его президентству, а, стало быть, и честно

его. Но тогда уже начнется мечта: «Благодарная страна, но онъ оставляетъ президентство, предложитъ ему, за спа-ея отъ демагоговъ, другую новую должность, ну, хоть Великаго, и тогда все пойдетъ опять какъ по маслу». обою при этомъ, что движущіе его хитрые люди, въ томъ , если онъ въ самомъ дѣлѣ пожелаетъ исполнить свое слово и сохранитъ республиканскія учрежденія, промѣ- его тотчасъ-же на Бонапарта, если сохраненная респуб- хотя-бы и безъ республиканцевъ, помѣшала ихъ дальнѣй- планамъ. Въ виду того они, кажется, и склонили его, на случай, поддерживать бонапартскія кандидатуры, увѣ- го, что это для него хорошо. Во всякомъ случаѣ, онъ про- тъ быть въ такой твердой опекѣ, что уже изъ нея не итъ. Однимъ словомъ, міръ ожидаютъ какія-то большія и енно новыя событія, предчувствуется появленіе легіоновъ, ое движеніе католичества. Здоровье папы пишутъ «удовле- ельно». Но бѣда, если смерть папы совпадетъ съ выборами анціи, или произойдетъ вскорѣ послѣ нихъ. Тогда Восточ- просъ можетъ разомъ переродиться во всеевропейскій...

III.

не то. Ссылка на то о чемъ я писалъ еще три мѣсяца назадъ.

изложилъ эту мысль мою довольно подробно въ лѣтнемъ ньскомъ «Дневникѣ» моемъ, но на главное мѣсто этой моей, т. е. что весь ключъ теперешнихъ и грядущихъ всей Европы *лежитъ въ католическомъ заговорѣ* и въ ящемъ, несомнѣнномъ огромномъ движеніи католичества, ющемъ съ чрезвычайно близкою, по всей вѣроятности, папы и выборомъ папы новаго,—на это главное мѣсто моей, кажется, никто не обратилъ вниманія и статья прошла чати) безслѣдно.

жду тѣмъ теперь я еще сильнѣе и увѣреннѣе держусь того- нія, чѣмъ два мѣсяца назадъ. Съ тѣхъ поръ было столько й, подтвердившихъ мнѣ мою загадку, что я уже не могу ться теперь въ ея справедливости. Съ тѣхъ поръ и га- ши и иностранныя, стали поговаривать какъ будто на тему, но все еще какъ-бы не рѣшаясь проговорить окон-

чательный выводъ. Вотъ что говорили недавно «Московскія домости» въ превосходной передовой статьѣ своей («Москов Вѣдомости» № 235). Они цитуютъ, между прочимъ, мнѣніе респондентовъ англійскихъ газетъ.

«Корреспонденты англійскихъ газетъ пускаются въ весьма от венныя объясненія. Ключъ европейской политики, по ихъ тол нію, въ рукахъ Германіи, и Германія именно расположена тверже держаться Россіи чѣмъ прежде, по разсчетамъ весьма нятнымъ. Во первыхъ, въ Берлинѣ увидѣли что неудачи рус стратегіи оживили и ободрили Австрію, которая, какъ полага все еще питаетъ нѣкоторую досаду противъ Пруссіи. За тѣмъ, ные враги Германіи—Франція и католицизмъ, и объ эти сил свое сочувствіе отдаютъ на сторону Турціи. Въ началѣ восточ замѣшательствъ Франція, правда, нѣсколько кокетничала съ Рос но если тогда и было въ странѣ нѣкоторое сочувствіе къ нам оно теперь не только охладѣло, но совершенно повернулось на рону турокъ. Что касается воинствующаго католицизма, то он только теперь, но и съ самаго начала рѣшительно и со стра какъ всѣмъ извѣстно, взялъ подъ свою защиту православную Ту противъ схизматической Россіи. Неприличіе рьяныхъ клерика дошло до того, что одинъ изъ нихъ отзывался съ нѣкоторою ностью о Коранѣ, такъ что даже ультрамонтанская Germania на нужнымъ умѣрить подобныя выходки замѣчаніемъ, что хотя и дол радоваться побѣдамъ турокъ надъ ненавистными русскими, и ловко выражать прямо сочувствіе исламу. Такъ какъ mot d'o католицизма замѣчательно совпадаетъ съ перемѣной обществен мнѣнія Франціи въ пользу турокъ, и такъ какъ Австрія тоже и лическая, имѣетъ интересы противные Россіи, то въ Берлинѣ ственно опасаются возможности такой католической и антипрус лиги, въ которую могли-бы потомъ быть привлечены ультрамон ские и сепаратистскіе интересы южной Германіи и «даже Анг Такъ толкуютъ англійскіе корреспонденты, но несомнѣнно, что Ан принадлежитъ главная роль въ интригахъ.

И такъ мы по прежнему остаемся на единѣ съ Турціей.

Все это превосходно и однако все еще это не то, не стоящее объясняющее и послѣднее слово, которое, къ удивле никто какъ будто не хочетъ высказать, даже какъ будто он не предчувствуетъ въ надлежащей полнотѣ. Въ этой статьѣ говорили однако уже и о *воинствующемъ католицизмѣ*, значеніи католицизма въ глазахъ Бисмарка, и о теперешн вліяніи его на Францію и наконецъ даже *о лигѣ*, о томъ, въ Берлинѣ *естественно опасаются возможности такой к лической и антипрусской лиги, въ которую могли-бы пот быть привлечены ультрамонтанскіе и сепаратистскіе и ресы южной Германіи и даже «Англія»*. Но вотъ объ л то, объ *заговорѣ*-то католическомъ я и говорилъ еще дв

ишкомъ передъ тѣмъ, какъ теперь заговорили, но я ска-
гда и послѣднее заключительное слово мое, то есть, что
ворѣ-то этомъ все дѣло и заключается, что отъ него те-
е въ Европѣ и зависитъ и что даже самая Восточная
южетъ въ самомъ скоромъ времени обратиться въ все-
скую, единственно вслѣдствіе этого огромнаго заговора
шаго римскаго католичества. Между тѣмъ въ этихъ «мнѣ-
орреспондентовъ» и во всей превосходной статьѣ «Мо-
хъ Вѣдомостей» все еще какъ будто не хотятъ допустить
ль, и даже вмѣсто того утверждаютъ, что «Англіи, не-
ю, принадлежитъ главная роль въ интригахъ» и что *мы*
ежнему остаемся наединѣ съ Турціей». Но такъ-ли
единѣ-ли? Не предстоитъ-ли, напротивъ, въ самомъ бли-
ъ будущемъ, что мы вдругъ очутимся не наединѣ съ Тур-
наединѣ со всей Европой.

самомъ дѣлѣ, что-же такое этотъ «воинствующій католи-
, который начали уже замѣчать и признавать всѣ въ на-
хъ событіяхъ, откуда такая воинственность, и даже «до
», съ которою католицизмъ взялъ подъ «защиту», право-
Турцію противъ схизматической Россіи? Неужто все изъ
только, «что Россія страна схизматическая»? Католи-
въ настоящее время столько хлопотъ и насущныхъ за-
ъ объ всѣхъ этихъ древнихъ церковныхъ препираніяхъ
огда-бы и думать. А главное откуда эта «лига католи-
, которой такъ боятся въ Берлинѣ? Вотъ объ этомъ-то
мъ я и распространился два слишкомъ мѣсяца назадъ,
объяснить это. И выводъ мой былъ тотъ, что эта лига,
о теперь уже признаютъ и другіе, есть твердый и строго
оманный католическій *заговоръ* въ видахъ обновленія рим-
скаго владычества, существующій въ настоящую ми-
о всей Европѣ, что заговоръ этотъ будетъ имѣть громад-
ное на всѣ текущія событія Европы, и что, стало быть,
ко всѣмъ современнымъ *интригамъ* лежитъ не тамъ и
ъ, и не въ одной только Англіи, а именно въ этомъ не-
номъ всемірномъ католическомъ заговорѣ!

нствующій католицизмъ беретъ яростно «и со страстью»
ъ насъ сторону турокъ. И даже въ Англіи, даже въ
ъ нѣтъ столь яростныхъ ненавистниковъ Россіи въ на-
ю минуту какъ эти воинствующіе клерикалы. Не то
кой-нибудь прелатъ, а самъ папа, громко, въ собраніяхъ
якихъ, съ радостію говорилъ о «побѣдахъ турокъ» и

предрекалъ Россіи «страшную будущность». Этотъ
старикъ да еще «глава христіанства», не постыдился
всенародно, что каждый разъ съ веселіемъ выслушива
раженіи русскихъ. Эта страшная ненависть станетъ
понятною, если признать, что римское католичество дѣй
теперь «воинствуетъ» и дѣйствительно на дѣлѣ, *т.*
ведетъ теперь въ Европѣ войну противъ страшны
выхъ враговъ своихъ. Но кто теперь въ Европѣ самый
врагъ римскаго католичества, т. е. свѣтской монархіи
спорно, князь Бисмаркъ. Самый Римъ былъ отнятъ
ту самую минуту величія Германіи и Бисмарка, въ ко
манія раздавила главнаго тогдашняго защитника папс
цію, и тѣмъ тотчасъ-же развязала руки королю Ита
немедленно и занявшему Римъ. Съ тѣхъ поръ вся з
личества состояла въ томъ, чтобъ отыскать врага и
Германіи и князю Бисмарку. Самъ-же князь Бисмаркъ
стороны отлично понимаетъ, во всей широтѣ, и давно
римское папское католичество, кромѣ того что есть вѣч
протестантской Германіи, столько вѣковъ протестова
тивъ Рима и идеи его во всѣхъ ея видахъ, и прот
союзниковъ, ея покровителей и послѣдователей, но и
сверхъ того, что католичество, есть именно *теперь,*
мую важную минуту для объединенной Германіи—са
нѣйшій элементъ изъ всѣхъ мѣшающихъ этому объед
т. е. завершенію зданія, надъ которымъ во всю ж
много потрудился князь Бисмаркъ. И кромѣ того чт
линѣ опасаются «возможности» такой католической и
ской лиги, въ которую могли-бы потомъ быть привл
грамонтанскіе и сепаратистскіе интересы южной Гер
Берлинѣ кромѣ того опасаются, и давно уже предв
католичество, рано-ли поздно-ли, а непремѣнно послу
домъ къ будущему подъему Франціи на упизившую, по
и разорившую ее Германію, и что поводъ этотъ Рим
личество подастъ первѣе и скорѣе всѣхъ другихъ, и
быть, самая важнѣйшая опасность объединенной Герма
именно въ римскомъ католичествѣ, а не въ чемъ друго
линское предвидѣніе это выходило изъ естественно пр
шагося и естественно необходимаго соображенія, что во
во всемъ мірѣ у папства нѣтъ теперь другаго защит
все той-же Франціи, что на ея лишь мечъ она ея
можетъ разсчитывать, *если только этотъ мечъ оно*

твердо захватить въ свою руку, и во вторыхъ, что римо-католичество есть еще далеко не раздавленный врагъ, что этотъ тысячелѣтній, что жить этому врагу хочется страстно, живучесть его феноменальна, что силъ у него множество и роль огромная историческая идея, какъ свѣтская папская ь, не можетъ угаснуть въ одну минуту. Однимъ словомъ, въ ній не только сознали врага, но и силу его. Въ Берлинѣ ознаютъ враговъ своихъ прежде боя.

о если католичеству такъ хочется жить, и надобно жить, и мечъ, который могъ-бы его защитить, лишь въ рукахъ Франціи, то выходитъ ясно, что Римъ и не упуститъ изъ Францію, особенно если дождется удобной минуты. Эта ая минута наступила весною,—это русская война съ тур- Восточный вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ: кто главнѣйшій союз- Германіи? Разумѣется, Россія. Это отлично понимаютъ въ . Вотъ почему такъ и обрадовался папа русскимъ «неуда- »: Значитъ, главнѣйшій союзникъ самаго страшнаго врага ой власти отвлеченъ теперь отъ своего исконнаго союз- Германіи, войной, а, стало быть, Германія теперь одна,— быть, и наступила именно та минута, которую такъ давно ало католичество: когда-же какъ не теперь всего удобнѣе чь застарѣлую ненависть и бросить Францію въ войну воз- я на Германію?

ъ тому-же какъ разъ подходятъ и другіе роковые сроки католичества, такъ что медлить уже нельзя ему ни минуты. лижается неизбѣжно скорая смерть папы и избраніе новаго Римѣ слишкомъ хорошо знаютъ, что князь Бисмаркъ упо- тъ весь свой умъ и всѣ свои силы, чтобы нанести послѣд- самый страшный ударъ папской власти, повліявъ изъ ь силъ на избраніе новаго папы, но такъ, чтобы обратить зъ свѣтскаго владыки и государя не болѣе какъ въ про- патріарха, и если можно, то съ его-же и согласія, и та- образомъ, раздѣливъ католичество на двѣ враждебныя —добиться его распаденія, и разрушенія всѣхъ замысловъ, зій и надеждъ его уже навѣки. А потому какъ-же ему не ить противъ Бисмарка всѣми мѣрами? И вотъ, опять-таки, разъ тутъ подвертывается Восточный вопросъ! О, теперь можно пріискать для Франціи и союзниковъ, которыхъ она столько лѣтъ не могла найти, теперь можно сплотить даже ю коалицію. Пусть вся Европа обольется кровью, но за то во- ествуетъ папа, а для римскихъ исповѣдниковъ Христа это все.

Вотъ они и начали работать. Прежде всего, разумѣ
надо было добиться, чтобы Франція стала за нихъ. Какъ
сдѣлать? Они уже сдѣлали. Теперь уже всѣ политики, Евро
вся европейская печать признаютъ, что майскій переворот
Франціи произведенъ клерикалами, но, опять-таки повторю,
какъ будто еще не признаютъ за этимъ фактомъ того ос
наго значенія, которое оно заключаетъ въ себѣ. Всѣ какъ б
рѣшили мѣсяца четыре назадъ, что клерикалы произвели
воротъ во Франціи для того только, чтобы получить себѣ въ
болѣе простору, извѣстныя выгоды, льготы, расширеніе пр
Тогда какъ невозможно и представить себѣ, чтобы перево
былъ затѣянъ не съ самыми радикальными цѣлями, т. е. ч
добиться (въ видахъ близкихъ смутъ, по смерти папы, въ
ской церкви) скорѣйшей и неотложной войны Франціи съ
маніей, именно войны! И увидите, чѣмъ-бы ни кончилось
а они добьются своего, добьются войны, въ которой, если вос
жествуетъ Франція, то, можетъ быть, и папа добьется в
свѣтской власти.

Они сдѣлали удивительно ловкое дѣло, и, главное, выб
такую минуту, когда все какъ будто сошлось для ихъ усп
Начать имъ надо было съ того чтобы прогнать республи
цевъ, которые ни за что-бы не поддержали папу и никогд
не рѣшились на войну съ Германіей. Они ихъ прогнали.
было сверхъ того заставить маршала Макъ-Магона сдѣлать
поправимую ошибку (именно непоправимую), чтобы напра
его уже на безповоротный путь; онъ и сдѣлалъ эту оши
онъ прогналъ республиканцевъ и объявилъ на всю Францію
они уже не воротятся. И такъ, начало уже положено тве
и клерикалы пока спокойны; они знаютъ, что если Франція
шлетъ опять въ палату республиканское большинство, то
шалъ отошлетъ его назадъ. Гамбетта объявилъ, что мар
придется или покориться рѣшенію страны или оставить м
Такъ рѣшили за нимъ и всѣ республиканцы, но они забыли,
девизъ маршала: J'y suis et j'y reste (сѣлъ и не сойду), и он
сойдетъ съ мѣста. Ясно, что в'я надежда маршала на пре
ность легіоновъ. Преданностью-же легіоновъ, маршалу или к
бы тамъ ни было, хотятъ воспользоваться и клерикалы. Б
бы только окончательно завершенъ дли нихъ государствен
переворотъ, а они уже его направятъ по своему. Вѣроятнѣе
что такъ и сбудется: они будутъ подлѣ узурпатора, они бу
направлять его. А если-бы даже и не были, то дѣло даже и

ихъ пошло-бы теперь ужь само собою, благо на настоящую
тку ими поставлено, совершился-бы только государственный
реворотъ: они знаютъ, какое колосальное впечатлѣніе произ-
детъ на князя Бисмарка *всякая государственная перемѣна во*
Франціи. Онъ еще въ 1875 году стремился объявить войну
ранціи, боясь ея каждогодняго усиленія. Республиканцы, кото-
ихъ онъ протежировалъ, не посмѣли-бы начать съ нимъ войну
ама ни подъ какимъ-бы даже предлогомъ, и отчасти онъ былъ
покоенъ доселѣ, видя ихъ во главѣ враждебнаго государства, не
тря даже на каждогодное усиленіе его. Но за то всякій новый
реворотъ во Франціи естественно заставитъ его до крайности
волноваться. И въ какую минуту: когда Германія оставлена
ъ естественнаго своего союзника, Россіи, когда Австрія (тоже
тарый соперникъ Германіи), въ которой такъ много враждеб-
ыхъ Германіи католическихъ элементовъ, такъ вдругъ сознала
бѣ всю цѣну, и когда Англія, съ самаго начала Восточной
ойны, съ такимъ раздражительнымъ нетерпѣніемъ ждетъ и
щетъ себѣ въ Европѣ союзника! Ну что, если Франція, должны
ассуждать въ Берлинѣ, съ своимъ будущимъ новымъ прави-
ельствомъ во главѣ и около котораго снуютъ клерикалы, на-
равляютъ его и владѣютъ имъ — что если Франція вдругъ до-
адается, что если уже быть войнѣ возмездія, то никогда она
е найдетъ болѣе удобной минуты, какъ теперь, чтобы начать
е, и такихъ значительныхъ союзниковъ какъ теперь, чтобы
оддержать ее! А что если какъ разъ къ тому случаю умретъ
апа (что такъ возможно)? Что если клерикалы заставятъ новое
ранцузское правительство заявить князю Бисмарку, что взгляды
его на избраніе новаго папы съ мнѣніемъ Франціи не согласны
(а это уже непремѣнно случится, если будутъ прогнаны рес-
убликанцы)? Что если новое французское правительство при
томъ догадается, что если ему удастся (въ видахъ возможности
айти въ Европѣ могучихъ союзниковъ), отвоевать хоть одну
изъ отнятыхъ у Франціи въ 1871 году провинцій, то этимъ оно
упрочитъ свою власть и вліяніе въ странѣ, по крайней мѣрѣ,
тъ на двадцать? Нѣтъ, какъ тутъ не волноваться!

А главное, тутъ и еще одно маленькое обстоятельство: нѣмецъ
ъ и гордъ, нѣмецъ не потерпитъ непокорности. До сихъ
ь Франція была въ полной и послушной опекѣ Германіи, да-
отчетъ на запросы ея чуть не въ каждомъ движеніи своемъ,
на была объясняться и извиняться за каждую прибавленную
зію въ войскѣ, за каждую батарею и вдругъ теперь эта

Франція осмѣлится поднять голову! Такъ что клерикалы пожа
смѣло могутъ разсчитывать, что чуть-ли не самъ князь Бисм
первый и начнетъ войну. Хотѣлъ-же онъ ее начать въ 1875 г
Не начать войну значитъ упустить изъ рукъ Францію у
вѣки. Правда, въ 1875 году было не то, что теперь, но
Австрія будетъ на сторонѣ Германіи, то... Однимъ словомъ,
недавномъ свиданіи верховныхъ министровъ Германіи и Авс
вѣроятно, говорили не объ одномъ лишь Восточномъ вопрос
если есть теперь въ мірѣ государство въ самомъ выгод
внѣшне-политическомъ положеніи, то это именно Австрія!

IV.

О томъ, что думаетъ теперь Австрія.

Но, скажутъ: въ Австріи волненія, половина Австріи не
четъ того чего хочетъ ея правительство. Въ Венгріи маниф
ціи, Венгрія такъ и рвется противъ Русскихъ за Турокъ.
крытъ какой-то даже заговоръ, Англо-мадьяро-польскій. Съ
той стороны, славянскіе элементы ея территоріи хоть и за
вительство въ настоящую минуту, но и на нихъ правитель
Австріи посматриваетъ косо и подозрительно, даже, можетъ б
косѣе чѣмъ на Венгерцевъ. А если такъ, то можно ли ска
что Австрія, въ данную минуту, въ самомъ выгодномъ пол
ческомъ положеніи, въ какомъ только можетъ находиться е
нейское государство?

Да, это правда. Правда, что католическая работа идетъ
сомнѣнно и въ Австріи. Клерикалы дальновидны, имъ-ли
понять теперешняго значенія этой страны, имъ-ли упус
случай. И уже, разумѣется, они не упускаютъ случая раз
въ этой католической и «христіанѣйшей» землѣ всевозмож
волненія, подъ всевозможными до неузнаваемости предло
видами и формами. Только вотъ что: кто знаетъ, можетъ б
въ Австріи, хотя и дѣлаютъ, конечно, видъ, что очень серд
на эти волненія, но въ сущности, пожалуй, и не очень на
сердятся, можетъ даже совсѣмъ напротивъ: берегутъ эти во
нія *на всякій случай* въ видахъ того, что они могутъ пр
диться въ ближайшемъ будущемъ... Всего очевиднѣе впро
то, что Австрія, хотя и чувствуетъ себя въ самомъ счастли
политическомъ положеніи, но въ видахъ текущихъ событій

о и очень опредѣленную политику еще, можетъ быть, не
ъ, а только еще присматривается и ждетъ: что повелитъ
ать *благоразуміе?* Если-же и рѣшилась на что-нибудь,
ѣ на политику *ближайшую*, да и то условно. Вообще
самомъ блаженномъ состояніи духа, рѣшается не спѣша,
зная, что ее всѣ ждутъ и что всѣ въ ней нуждаются,
вается на добычу, которую выбираетъ сама, и сладостно
ается въ видахъ близкихъ и уже неминуемыхъ благъ.
недавнихъ свиданіяхъ канцлеровъ обоихъ нѣмецкихъ го-
ъ, можетъ быть, очень много было затронуто «услов-
По крайней мѣрѣ, Австрійскимъ правительствомъ было
явлено у себя во всеуслышаніе, что ничто на Востокѣ
зойдетъ и не разрѣшится внѣ интересовъ Австріи—мысль
айно обширная. Такимъ образомъ, даже и не дотронув-
меча, Австрія уже увѣрена, что будетъ имѣть знатное
въ русскихъ успѣхахъ, если таковые окажутся, и, можетъ
це знатнѣйшее, если таковые совсѣмъ не окажутся. И
слѣдуя только ближайшей политикѣ! А въ дальнѣй-
всѣ уже и теперь такъ въ ней нуждаются, ищутъ ея
ея нейтралитета, обѣщаютъ, дарятъ уже ее, можетъ быть,
олько за то, что она сидитъ и говоритъ: «Гм». Но не
же эта держава, столь сознающая, конечно, теперь себѣ
разсчитывать и на шансы дальнѣйшей своей политики,
никому еще неизвѣстна, не смотря даже на дружескія
канцлеровъ, я увѣренъ въ томъ. Увѣренъ даже, что
о послѣдняго и самаго роковаго момента эта политика
не будетъ извѣстна—что будетъ совершенно по пре-
и традиціямъ исконной политики Австріи. И жадно,
можетъ быть, теперь присматривается она къ Франціи,
удьбы ея, ждетъ новыхъ интереснѣйшихъ фактовъ и,
въ самомъ самодовольнѣйшемъ расположеніи духа. Но
й однако и не волноваться; можетъ быть, очень скоро
ей рѣшиться даже на самую дальнѣйшую политику и
поворотно: волненіе, конечно, въ ея положеніи пріятное,
ое. Вѣдь понимаетъ-же она, и, можетъ быть, очень тонко,
всякомъ теперешнемъ переворотѣ во Франціи, (столь
ь и столь возможнымъ), при всякомъ даже новомъ пра-
вѣ во Франціи (только-бы не опять республиканскомъ),
столкновенія Германіи съ Франціей *рѣшительно неиз-*
и даже въ томъ случаѣ, еслибъ новые правители Франціи
не пожелали войны, а напротивъ стремились-бы изо-

всѣхъ силъ сохранить прежній миръ. О, Австрія, можетъ лучше всѣхъ способна постигнуть, что есть такіе момен жизни націй, когда уже не воля и не разсчетъ ихъ влеку извѣстному дѣйствію, а сама судьба.

Я позволю себѣ теперь вдаться въ одну фантастическую (и, конечно, только мечту). Я позволю представить себѣ, думаетъ Австрія въ настоящую горячую минуту и неопре ную минуту объ этой самой своей *дальнѣйшей* политик которую она, конечно, еще не рѣшилась, такъ какъ и фак всѣ еще ясно обозначились, но однако кто-то уже стучи дверь, она видитъ это, кто-то непремѣнно хочетъ войти, и ручку замка уже повернулъ, но дверь еще не отворил кто войдетъ еще никому неизвѣстно. Во Франціи загадка она и разрѣшится, а пока Австрія сидитъ и *думаетъ*, да и ей не думать; если обнажатся мечи, если Германія и Ф бросятся другъ на друга уже окончательно, то за кого она станетъ, съ кѣмъ она тогда будетъ? Вотъ самый *дальня* вопросъ, а между тѣмъ, такъ скоро, можетъ быть, придет дать на него отвѣтъ!

Такъ какъ же ей не знать теперь себѣ цѣну: вѣдь з она вынетъ мечъ тотъ и восторжествуетъ. Что говорено н даніи канцлеровъ обѣихъ нѣмецкихъ имперій никому неизв но намеки-то между ними ужь навѣрно были. Какъ не бы мекамъ? Можетъ быть, и яснѣе, что-нибудь было сказано и *ложено*, чѣмъ только намеки. Однимъ словомъ, подарковъ стинцевъ обѣщано ей множество и это несомнѣнно, та она совершенно увѣрена, что, останься она въ союзѣ съ ніей, въ случаѣ войны ея съ Франціей, то получится за *много*. И всего только за какой-нибудь *нейтралитетъ*, только, что посидитъ какія-нибудь полгода смирно на въ ожиданіи награды за доброе свое поведеніе—вотъ чт всего пріятнѣе! Потому что дѣятельнаго участія ея п Франціи, я думаю, никакому канцлеру отъ нея не добиться Австрія-то такой ошибки не сдѣлаетъ: не пойдетъ она до на смерть Францію, напротивъ, можетъ быть, защититъ самую послѣднюю роковую минуту дипломатическимъ пр тельствомъ, и тѣмъ обезпечитъ себѣ и еще награду. Нел ей остаться *совсѣмъ безъ Франціи* въ дружескихъ объяті такого гиганта, въ какого выростетъ, послѣ второй побѣды Франціею Германія. Пожалуй вдругъ обниметъ ее потом гантъ, да такъ сожметъ, невзначай, разумѣется, что раз

къ муху. А тутъ еще и другой восточный гигантъ, на право ней, встанетъ наконецъ совсѣмъ съ своего вѣковаго ложа... — «Хорошее поведеніе, хорошая вещь», можетъ быть, дуаетъ теперь про себя Австрія, «но...» Однимъ словомъ, въ ображеніи ея не можетъ не мелькнуть и другая мечта, самая прочемъ фантастическая:

«Переворотъ во Франціи можетъ начаться даже нынѣшней сенью, и, можетъ быть, скоро, очень скоро кончится. Если продетъ республика, или останется въ какомъ-нибудь номинальномъ лѣпомъ видѣ, то, можетъ быть, зимою-же успѣютъ произойти ъ Германіей несогласія. Клерикалы объ этомъ ужь постараются, тѣмъ болѣе, что папа навѣрно умретъ къ тому времени и тогда збраніе его тотчасъ-же подастъ предлогъ къ недоразумѣніямъ столкновеніямъ. Но и не умри папа, возможность недоразуній и столкновеній останется во всей силѣ. И если только ермація твердо рѣшится, то къ веснѣ-же и начнется война. На другомъ концѣ Европы зимняя кампанія противъ Турціи, кажется, оже неизбѣжна, такъ что союзникъ Германіи къ веснѣ все еще удетъ занятъ. И такъ, если загорится война возмездія, то Франія тотчасъ-же найдетъ двухъ союзниковъ: Англію и Турцію. Германія, стало быть, будетъ одна... съ Италіею, т. е. почти все равно что одна. О, конечно, Германія заносчива и могуча. Но вѣдь и Франція успѣла оправиться: у ней войска милліонъ, все-же Англія хоть какая-нибудь да помощь: надо будетъ охранять отъ ея флота нѣмецкіе приморскіе города, стало быть, е-же оставить войско, артиллерію, оружіе, припасы. Все-же это ть чѣмъ-нибудь, да ослабитъ Германію. «Однимъ словомъ, шанъ, чтобъ сразиться съ успѣхомъ, у Франціи и безъ меня доьно», думаетъ Австрія—«по крайней мѣрѣ, вдвое больше чѣмъ ло въ семидесятомъ году, такъ какъ Франція навѣрно не сдѣетъ теперь тогдашнихъ ошибокъ. Затѣмъ, разбита-ли будетъ анція или нѣтъ, а я все-таки мое получу на Востокѣ: ничто Востокѣ не разрѣшится въ противность интересамъ Австріи. о уже рѣшено и подписано. Но... что если я, въ самую-то лительную минуту, благоразумно сохранивъ за собой всю боду рѣшенія, возьму да и стану за Францію, да и мечъ е выну!»

Въ самомъ дѣлѣ, что тогда выйдетъ?

Австрія очутится разомъ между тремя врагами: Италіей, Гермаіей и Россіей. Но Россія будетъ страшно занята своей войной ей будетъ не до нападеній. Италіи можно во всякомъ случаѣ

не очень ужь бояться. Остается одна Германія, но если он вышлетъ на Австрію силу, то, хоть и ослабитъ тѣмъ себя ужь, конечно, не очень большую силу, потому что ей понадоб всѣ силы ея на Францію. Въ самомъ дѣлѣ, рѣшись только Авс на союзъ съ Франціей, и Франція бросится на Германію, мо быть, ужь сама первая, еслибъ даже Германія и не захо драться. Франція, Австрія, Англія и Турція противъ Германі Италіей—это страшная коалиція! Успѣхъ очень и очень мо быть возможенъ. А при успѣхѣ Австрія можетъ вдругъ воро все утраченное при Садовой, даже ухъ какъ болѣе того. За на Востокѣ выгодъ своихъ и всего уже ей обѣщеннаго она никакъ не потеряетъ. А главное, несомнѣнно выиграетъ въ св вліяніи въ католической Германіи. Будь побѣждена Германія, и не побѣждена, а только воротись она не совсѣмъ удачно войны — и единство Германіи сильно и вдругъ покачнется, южной католической Германіи явится сепаратизмъ, о котор сверхъ того постараются изо всѣхъ сихъ клерикалы и котор Австрія уже, конечно, воспользуется... даже до того, что, мо быть, явятся тогда двѣ Германіи, двѣ объединенныя Герман Имперіи, католическая и протестантская. А за симъ, усилив тогда нѣмецкимъ элементомъ, Австрія могла-бы посягнуть н свой «дуализмъ», поставить Венгрію въ прежнія, древнія и чтительныя къ себѣ отношенія, а затѣмъ, разумѣется, расп диться ужь и съ своими славянами, и этакъ, какъ-нибудь на вѣки. Однимъ словомъ, выгоды могли-бы быть неисчисли Даже и въ томъ, наконецъ, случаѣ, если Германія остан побѣдительницей, можетъ быть, не будетъ еще такой бѣды, к какъ не можетъ-же она побѣдить такую сильную коалицію, *окончательно*, какъ въ 1871 году, а, напротивъ, навѣрно натретъ себѣ бока. Стало быть, миръ можетъ быть заклю безъ особенно страшныхъ послѣдствій. «И такъ, за кого стать? Гдѣ лучше, съ кѣмъ выгоднѣе?»

Въ виду настоящаго хода дѣлъ въ Европѣ такіе радик ные вопросы про себя—въ Австріи несомнѣнны...

V.

Кто стучится въ дверь? Кто войдетъ? Неизбѣжная судь

Когда я начиналъ эту главу, еще не было тѣхъ фак сообщеній, которые теперь вдругъ наполнили всю европ

такъ что все, что я написалъ въ этой главѣ еще гада-
подтвердилось теперь почти точнѣйшимъ образомъ. «Днев-
ой явится въ свѣтъ еще въ будущемъ мѣсяцѣ, 7-го
а теперь всего 29 сентября, и мои, такъ сказать, «про-
, на которыя я рѣшился въ этой главѣ, какъ-бы рискуя,
я отчасти уже устарѣлыми и совершившимися фактами,
ыхъ я скопировалъ мои «прорицанія». Но осмѣлюсь
ть читателямъ »Дневника» мой лѣтній май-іюньскій вы-
Почти все, что я написалъ въ немъ о ближайшемъ бу-
Европы, теперь уже подтвердилось или *начинаетъ под-
иться*. И однако я слышалъ тогда еще мнѣніе о той
е назвали (правда, частные люди) «изступленнымъ бѣсно-
, фантастическимъ преувеличеніемъ. Надъ силою и зна-
клерикальнаго заговора просто смѣялись, да и заговора
не признавали. Я впрочемъ еще недѣли двѣ всего тому
лышалъ мнѣніе отъ «компетентнаго» лица, что фактъ
избранія новаго папы совершенно ничтоженъ и прой-
Европѣ безслѣдно. Но даже теперь уже извѣстно какую
придаетъ ему Бисмаркъ и объ чемъ было говорено въ
съ Криспи. Я написалъ въ май-іюньскомъ «Дневникѣ»
о геніи князя Бисмарка постигъ еще съ самой франко
войны, что самый страшный врагъ новообъединенной
сть римскій католицизмъ, который прежде всего по-
предлогомъ къ великой войнѣ «возмездія», которая и
всю Европу. Это нашли нелѣпымъ, и проч. и проч.
е потому, что я написалъ объ этомъ тогда, когда еще
и у насъ, ни въ европейской прессѣ и не думалъ объ
ахъ заботиться, не смотря на восточную войну, уже
ю въ мірѣ и заботившую всѣхъ. Всѣмъ тогда пред-
ъ, что такъ однимъ Востокомъ и кончится. Впро-
теперь, можетъ быть, еще никто не вѣритъ почти въ
ость европейской войны въ ближайшемъ будущемъ.
ъ, недавно еще серьезно обращали вниманіе на мнѣніе
ныхъ англичанъ (рѣчь Нордскота), что можно еще до
ирить. Такъ что, пожалуй, я напрасно считаю мою
ю главу заранѣе устарѣлою: хотя факты уже обозна-
хотя огромное ихъ значеніе уже выходитъ наружу,
ъ всей Европой уже несомнѣнно носится что-то роко-
шное и, главное, близкое, но не смотря на эти обо-
іеся факты, я увѣренъ, очень многіе найдутъ и теперь
асненія этихъ фактовъ опять-таки ложными и смѣш-

ными, фантастическими и преувеличенными, потому что вс
нимаютъ происходящее теперь за несравненно меньшее и
чайшее, чѣмъ оно есть въ самомъ дѣлѣ. Тутъ, какъ раз
примѣръ, подойдутъ во Франціи выборы и Франція вдруг
шлетъ въ палату прежнее республиканское большинст
очень можетъ случиться, и вотъ, я почти въ томъ увѣрен
закричатъ, что все кончилось благополучно, что небо рас
лось, столкновеній никакихъ, что Макъ-Магонъ повинилс
сильные клерикалы позорно ступевались и въ Европѣ
миръ и «законность». Всѣ *измышленія* мои въ этой гла
кажутся опять лишь продуктомъ досужаго воображенія.
скажутъ, что я фактамъ, положимъ, и совершившимся, п
значеніе не точное, а главное такое, какого *нигдѣ имъ н
даютъ*. Но подождемъ опять событій и увидимъ тогда гд
болѣе точная и вѣрная дорога. А для памяти, попробу
заключеніе, еще разъ обозначить точки и вѣхи этой, у
крывающейся передъ всѣми дороги, и на которую, волей
лей, а, кажется, предназначено всѣмъ вступить. Дѣлаю з
памяти, чтобъ потомъ можно было провѣрить. Впрочем
только простая и заключительная перечень этой-же глав

1) Дорога начинается и идетъ изъ Рима, изъ Ватика
умирающій старикъ, глава толпы окружающихъ его іез
намѣтилъ ее уже давно. Когда-же загорѣлся Восточный во
іезуиты поняли, что наступило самое удобное время. По
ченной дорогѣ своей они ворвались во Францію, произв
ней государственный переворотъ, и поставили ее въ та
ложеніе, что близкая война ея съ Германіей почти нем
даже еслибъ она и не желала начать ее. Все это задолго
того понималъ и предвидѣлъ князь Бисмаркъ. По крайне
кажется только онъ одинъ, и еще, можетъ быть, за нѣс
лѣтъ до настоящей минуты, разглядѣлъ и постигъ своег
нѣйшаго врага и всю ту огромную для всего міра важно
послѣдней битвы за существованіе свое, которую несо
задастъ всему свѣту *умирающее навыки папское католи*
въ самомъ ближайшемъ будущемъ.

2) Эта роковая борьба въ настоящую минуту уже
шается, а послѣдняя битва близится съ страшною быс
Франція была выбрана и предназначена для страшнаго
бой будетъ. Бой неминуемъ, это вѣрно. Впрочемъ, ес
малый шансъ, что будетъ отложенъ, но лишь на самое
кое время. Но во всякомъ случаѣ *неминуемъ и близокъ*

Только что бой начнется, какъ тотчасъ-же и обратится въ
пейскій. Восточный вопросъ и Восточный бой, силою
сольется тоже съ всеевропейскимъ боемъ. Однимъ
мѣчательнѣйшихъ эпизодовъ этого боя будетъ оконча-
рѣшеніе Австріи: которой сторонѣ отдать ей свой
Но самая существенная и важная часть этой послѣдней
вой борьбы будетъ состоять, съ одной стороны, въ
то ею разрѣшится тысячелѣтній вопросъ римскаго като-
а, и что волею Провидѣнія, на его мѣсто станетъ воз-
ное Восточное христіанство. Такимъ образомъ нашъ рус-
сточный вопросъ раздвинется въ міровой и вселенскій,
звычайнымъ предназначеннымъ значеніемъ, хотя-бы и
илось это предназначеніе и передъ слѣпыми глазами не-
ющими его, до послѣдней минуты способными не видѣть
и не разумѣть смысла предназначеннаго. Наконецъ—
(И пусть это назовутъ самымъ гадательнымъ и фанта-
имъ изъ всѣхъ предреканій моихъ, согласенъ заранѣ):
енъ, что бой кончится въ пользу Востока, въ пользу
аго союза, что Россіи бояться нечего, если Восточная
сольется съ всеевропейскою, и что даже и лучше будетъ
къ разрѣшится дѣло. О, безспорно, страшное будетъ
если прольется столько драгоцѣнной человѣческой крови!
шеніе въ томъ, по крайней мѣрѣ, соображеніи, что эта
ная кровь несомнѣнно спасетъ Европу отъ вдесятеро
го излія́нія крови, еслибъ дѣло отдалилось и еще разъ
лось. Тѣмъ болѣе, что великая борьба эта несомнѣнно
тся быстро. Но за то разрѣшится окончательно столько
овъ (Римско-католическій вмѣстѣ съ судьбою Франціи,
скій, Восточный, Магометанскій), столько уладится дѣлъ
енно неразрѣшимыхъ въ прежнемъ ходѣ событій, до того
тся ликъ Европы, столько начнется новаго и прогрес-
въ отношеніяхъ людей, что, можетъ быть, нечего стра-
хомъ и слишкомъ пугаться этого послѣдняго судорож-
женія старой Европы наканунѣ несомнѣннаго и вели-
бновленія ея...

Конецъ, прибавлю еще соображеніе: если взять за правило,
о всѣхъ міровыхъ событіяхъ, даже самой огромной важ-
на самый поверхностный взглядъ, надо непремѣнно судить
ицину: «нынѣче какъ вчера, а завтра какъ сегодня», то
ю-ли будетъ, что правило это рѣшительно ляжетъ въ
ъ съ исторіей націй и человѣчества. Между тѣмъ, это

именно предписывается такъ называемымъ реальнымъ
вымъ здравомыслiемъ, такъ что осмѣивается и освисти
чуть не всякій, который осмѣлился-бы помыслить, что
дѣло явится для всѣхъ глазъ, можетъ быть, совсѣмъ в
формѣ, чѣмъ въ какой тянулось все наканунѣ. Даже
напримѣръ, когда уже пришли факты, не кажется-ли дал
многимъ, что клерикальное движеніе есть самая мелкая
что Гамбетта скажетъ рѣчь и все возстановится по вчера
что война наша съ Турціей очень и очень можетъ быт
чится къ зимѣ и тогда опять по прежнему начнется би
игра, желѣзнодорожное дѣло, возвысится рубль, покати
границу и проч. и прочее. Немыслимость продолженія
порядка дѣлъ—была явною въ Европѣ истиною, для
выхъ умовъ ея, наканунѣ первой европейской революц
чавшейся въ концѣ прошлаго столѣтія съ Франціи. Межд
кто въ цѣломъ мірѣ, даже наканунѣ созванія Генера
Штатовъ, могъ-бы предвидѣть и предсказать ту форму,
торую воплотится это дѣло почти на другой-же день ка
чалось оно... А уже когда воплотилось оно, кто могъ, напр
предсказать Наполеона I, въ сущности бывшаго какъ-бы п
наченнымъ завершителемъ перваго историческаго фазиса
самаго дѣла, которое началось въ 1789 году? Мало то
время Наполеона I-го, можетъ быть, всякому въ Европѣ
лось, что появленіе его есть рѣшительная и совершенно
няя случайность, ни мало не связанная съ тѣмъ самымъ
вымъ закономъ, по которому предназначено было измѣ
съ конца прошлаго столѣтія всему прежнему лику міра

Да, и теперь кто-то стучится, кто-то, новый человѣ
новымъ словомъ — хочетъ отворить дверь и войти... И
войдетъ—вотъ вопросъ: Совсѣмъ новый человѣкъ, или
похожій на всѣхъ насъ старыхъ человѣчковъ?

Глава вторая.

I.

Ложь ложью спасается.

Однажды Донъ-Кихотъ, столь извѣстный рыцарь печа
образа, самый великодушный изъ всѣхъ рыцарей бывши

амый простой душою и одинъ изъ самыхъ великихъ серд-
одей, скитаясь съ своимъ вѣрнымъ оруженосцемъ, Санхой,
нѣ за приключеніями, вдругъ былъ объятъ нѣкоторымъ
ніемъ, которое заставило его долго думать. Дѣло въ томъ,
то великіе древніе рыцари, начиная съ Амадиса Галь-
исторіи которыхъ уцѣлѣли въ правдивѣйшихъ книгахъ,
ыхъ рыцарскими романами, — (для пріобрѣтенія коихъ
ихотъ не пожалѣлъ продать нѣсколько лучшихъ акровъ
маленькаго помѣстья),—часто эти рыцари, во время по-
ь всему міру и славныхъ странствованій своихъ, встрѣ-
ругъ и неожиданно цѣлыя арміи, во сто даже тысячъ
, насылаемыхъ на нихъ злою силою, злыми волшебни-
мъ завидовавшими, и мѣшавшими имъ всячески достиг-
ликой цѣли ихъ и соединиться наконецъ съ ихъ пре-
ми дамами. Обыкновенно происходило такъ, что рыцарь,
я такую чудовищную и злую армію, обнажалъ свой мечъ,
лъ въ духовную помощь себѣ имя своей дамы и затѣмъ
я одинъ въ самую средину враговъ, которыхъ и унич-
всѣхъ, до единаго человѣка. Кажется-бы, дѣло ясное, но
ихотъ вдругъ задумался, и надъ чѣмъ-же: ему показа-
ругъ невозможнымъ, чтобы одинъ рыцарь, какой-бы онъ
былъ и даже если-бы махалъ своимъ побѣдоноснымъ
цѣлыя сутки безъ всякой усталости, могъ заразъ уло-
о тысячъ враговъ, и это въ одномъ сраженіи. Чтобы
аждаго человѣка нужно все-таки время, чтобы убить сто
людей нужно огромное время, и какъ ни махай мечемъ,
сколько какихъ-нибудь часовъ, и заразъ, одному этого
ать. Между тѣмъ въ этихъ правдивыхъ книгахъ повѣ-
и, что дѣло кончалось именно въ одно сраженіе. Какъ-
могло происходить?

Я разрѣшилъ это недоумѣніе, другъ мой Санхо, сказалъ,
ъ, Донъ-Кихотъ. Такъ какъ всѣ эти великаны, всѣ эти
олшебники, были нечистая сила, то и арміи ихъ носили
е волшебный и нечистый характеръ. Я полагаю что эти
остояли не совсѣмъ изъ такихъ-же людей, какъ мы, на-
ь. Люди эти были лишь навожденіе, созданіе волшебства
сей вѣроятности тѣла ихъ не походили на наши, а были
охожи на тѣла, какъ, напримѣръ, у слизняковъ, червей,
ь. Такимъ образомъ, крѣпкій и острый мечъ рыцаря, въ
его рукѣ, упадая на эти тѣла, проходилъ по нимъ мгно-
почти безъ всякаго сопротивленія, какъ по воздуху. А

если такъ, то дѣйствительно онъ могъ однимъ взмахомъ п
по тремъ или по четыремъ тѣламъ, и даже по десяти, ес
стояли въ тѣсной кучѣ. Понятно послѣ того, что дѣло, чр
чайно ускорялось и рыцарь дѣйствительно могъ истреблят
нѣсколько часовъ, цѣлыя арміи этихъ злыхъ ароповъ и др
чудищъ...

Здѣсь подмѣчена великимъ поэтомъ и сердцевѣдцемъ одн
глубочайшихъ и таинственнѣйшихъ сторонъ человѣческаго
О, это книга великая, не такая, какія теперь пишутъ;
книги посылаются человѣчеству по одной въ нѣсколько
лѣтъ. И такихъ подмѣченныхъ глубочайшихъ сторонъ че
ческой природы найдете въ этой книгѣ на каждой стра
Взять уже то, что этотъ Санхо, олицетвореніе здраваго см
благоразумія, хитрости, золотой средины, попалъ въ друг
спутники къ самому сумасшедшему человѣку въ мірѣ; и
онъ, а никто другой! Все время онъ обманываетъ его, надр
какъ ребенка и въ то же время вполнѣ вѣритъ въ его ве
умъ, до нѣжности очарованъ великостью сердца его, и
вѣритъ во всѣ фантастическіе сны великаго рыцаря и ни
во все время, не сомнѣвается, что тотъ завоюетъ ему, нако
островъ! Какъ-бы желалось, чтобъ съ этими великими пре
деніями всемірной литературы основательно знакомилось
юношество. Чему учатъ теперь въ классахъ литературы не
но знакомство съ этой величайшей и самой грустной книги
всѣхъ, созданныхъ геніемъ человѣка, несомнѣнно возвыси
душу юноши великою мыслію, заронило-бы въ сердце ем
ликіе вопросы, и способствовало-бы отвлечь его умъ отъ
лоненія вѣчному и глупому идолу средины, вседовольному
мнѣнію и пошлому благоразумію. Эту самую *грустную* изъ
не забудетъ взять съ собою человѣкъ на послѣдній судъ Б
Онъ укажетъ на собственную въ ней глубочайшую и ро
тайну человѣка и человѣчества. Укажетъ на то, что велич
красота человѣка, величайшая чистота его, цѣломудріе, ш
душіе, незлобивость, мужество и наконецъ величайшій у
все это не рѣдко (увы, такъ часто даже) обращается ни
проходитъ безъ пользы для человѣчества и даже обращает
посмѣяніе человѣчествомъ единственно потому, что всѣмъ
благороднѣйшимъ и богатѣйшимъ дарамъ, которыми даже
бываетъ награжденъ человѣкъ, не доставало одного тольк
лѣдняго дара—именно: *генія*, чтобъ управить всѣмъ богатс
этихъ даровъ, и всѣмъ могуществомъ ихъ,—управить и и

это могущество на правдивый, а не фантастическій и
ший путь дѣятельности, во благо человѣчества! Но ге-
, отпускается на племена и народы такъ мало, такъ
то зрѣлище той злой ироніи судьбы, которая столь ча-
ваетъ дѣятельность иныхъ благороднѣйшихъ людей и
ихъ друзей человѣчества,—на свистъ и смѣхъ и на по-
мнями, единственно за то, что тѣ, въ роковую минуту,
ли прозрѣть въ истинный смыслъ вещей и отыскать
е слово, это зрѣлище напрасной гибели столь великихъ
юднѣйшихъ силъ—можетъ довести дѣйствительно до от-
ного друга человѣчества, возбудить въ немъ уже не
горькія слезы и навсегда озлобить сомнѣніемъ дотолѣ
вѣрующее сердце его...

чемъ, я хотѣлъ только указать на ту любопытнѣйшую
оторую, вмѣстѣ съ сотней другихъ такихъ-же глубокихъ
ній, подмѣтилъ и указалъ Сервантесъ въ сердцѣ чело-
ъ. Самый фантастическій изъ людей, до помѣшательства
ившій въ самую фантастическую мечту, какую лишь можно
ть, вдругъ впадаетъ въ сомнѣніе и недоумѣніе, почти
вшее всю его вѣру. И любопытно, что могло поколебать:
ость его основнаго помѣшательства, не нелѣпость суще-
я скитающихся для блага человѣчества рыцарей, не не-
тѣхъ волшебныхъ чудесъ, которыя объ нихъ разска-
«правдивѣйшихъ книгахъ», нѣтъ, а самое, напротивъ,
нее и второстепенное, совершенно частное обстоятель-
нтастическій человѣкъ вдругъ *затосковалъ о реализмѣ!*
появленія волшебныхъ армій смущаетъ его: О, это не
но сомнѣнію, и какъ-же-бы могли эти великіе и пре-
рыцари проявить всю свою доблесть, еслибъ не посы-
а нихъ всѣ эти испытанія, еслибъ не было завистли-
ликановъ и злыхъ волшебниковъ? Идеалъ странствующаго
столь великъ, столь прекраснъ и полезенъ и такъ оча-
сердце благороднаго Донъ-Кихота, что отказаться вѣрить
совсѣмъ уже стало для него невозможностью, стало
льно измѣнѣ идеалу, долгу, любви къ Дульцинеѣ и къ
ству. (Когда онъ отказался, когда онъ излѣчился отъ
мѣшательства и *поумнѣлъ*, возвратясь послѣ втораго сво-
да, въ которомъ онъ былъ побѣжденъ умнымъ и здраво-
мъ пирульникомъ Караско, отрицателемъ и сатирикомъ,
часъ-же умеръ, тихо, съ грустною улыбкою, утѣшая
го Санхо, любя весь міръ всею великою силой любви.

заключенной въ святомъ сердцѣ его и понимая, однако, ч
уже нечего болѣе въ этомъ мірѣ дѣлать). Нѣтъ, но смути
лишь то, самое вѣрное однако и математическое соображени
какъ-бы ни махалъ рыцарь мечемъ, и сколь-бы ни былъ
силенъ, все-же нельзя побѣдить армію во сто тысячъ в
сколько часовъ, даже въ день, избивъ всѣхъ до послѣдня
ловѣка. Между тѣмъ, въ правдивыхъ книгахъ это нап
Стало быть, написана ложь. А если ужь разъ ложь, то
ложь. Какже спасти *истину?* И вотъ онъ придумываетъ
спасенія истины другую мечту, но уже вдвое, втрое фант
нѣе первой, грубѣе и нелѣпѣе, придумываетъ сотни тысяч
вожденныхъ людей съ тѣлами слизняковъ, но за то по кот
острый мечъ рыцаря можетъ вдесятеро удобнѣе и скорѣе х
чѣмъ по обыкновеннымъ человѣческимъ. *Реализмъ*, стало
удовлетворенъ, *правда спасена*, и вѣрить въ первую, въ
ную мечту, можно уже безъ сомнѣній—и все, опять таки
ственно благодаря второй уже гораздо нелѣпѣйшей мечтѣ,
думанной лишь для спасенія *реализма* первой.

Спросите самихъ себя: не случалось-ли съ вами сто
можетъ быть, такого-же обстоятельства въ жизни? Вотъ в
любили какую-нибудь свою мечту, идею, свой выводъ, уб
ніе или внѣшній какой-нибудь фактъ, поразившій васъ, жен
наконецъ, околдовавшую васъ. Вы устремляетесь за предм
любви вашей всѣми силами вашей души Правда, какъ ни с
лены вы, какъ ни подкуплены сердцемъ, но если есть въ
предметѣ любви вашей ложь, *навожденіе*, что-нибудь тако
вы сами преувеличили и исказили въ немъ вашей страстн
вашимъ первоначальнымъ порывомъ — единственно, чтобъ
лать изъ него вашего идола и поклониться ему—то уже,
мѣется, вы въ тайнѣ это чувствуете про себя, сомнѣніе тя
васъ, дразнитъ умъ, ходитъ по душѣ вашей и мѣшаетъ
вамъ покойно съ излюбленной вашей мечтой. И чтожь, не
те-ли вы, не сознаетесь-ли сами, хоть про себя: чѣмъ вы
вдругъ утѣшились? Не придумали-ли вы новой мечты,
лжи, даже страшно, можетъ быть, грубой, но которой вы с
бовью поспѣшили повѣрить, потому только что она разр
первое сомнѣніе ваше?

II.

Слизняки, принимаемые за людей. Что намъ выгоднѣе: когда знаютъ о насъ правду или когда говорятъ о насъ вздоръ?

Въ наше время чуть не вся Европа влюбилась въ турокъ, болѣе или менѣе. Прежде, напримѣръ, ну хоть годъ назадъ, хоть и старались въ Европѣ отыскать въ туркахъ какія-то національныя великія силы, но въ тоже время почти всѣ про себя понимали, что дѣлаютъ они это единственно изъ ненависти къ Россіи. Не могли-же они въ самомъ дѣлѣ не понимать что въ Турціи нѣтъ, и не можетъ быть силъ правильнаго и здороваго національнаго организма, мало того,—что и организма-то, можетъ быть, ужь не осталось никакого, — до того онъ разшатанъ, зараженъ и гнилъ; что турки азіятская орда, а не правильное государство. А теперь, съ тѣхъ поръ какъ Турція въ войнѣ съ Россіею, мало по малу укрѣпилось и установилось, въ иныхъ мѣстахъ въ Европѣ, даже уже дѣйствительное и серьезное убѣжденіе, что нація эта не только организмъ, но и имѣющій большую силу, которая въ свою очередь обладаетъ свойствомъ развитія и дальнѣйшаго прогресса. Эта мечта плѣняетъ многіе европейскіе умы все болѣе и болѣе, а наконецъ даже и къ намъ перешла: и у насъ въ Россіи заговорили иные о какихъ-то неожиданныхъ національныхъ силахъ, которыя вдругъ проявила Турція. Но въ Европѣ укрѣпилась эта мечта опять таки изъ ненависти къ Россіи, у насъ-же—изъ малодушія и страшной поспѣшности пессимистскихъ заключеній, которыя всегда были свойствомъ интеллигентныхъ классовъ нашего общества, чуть только лишь начинались гдѣ нибудь и въ чемъ нибудь наши «неудачи»! Въ Европѣ случилось тоже самое, что произошло въ поврежденномъ умѣ Донъ-Кихота, но лишь въ формѣ обратной, хотя сущность факта совершенно таже: тотъ, чтобы спасти *истину*, выдумалъ людей съ тѣлами слизняковъ, эти-же, чтобъ спасти свою основную мечту, столь ихъ утѣшающую, о ничтожности и безсиліи Россіи,—сдѣлали изъ настоящаго уже слизняка организмъ человѣческій, одаривъ его плотью и кровью, духовною силою и здоровьемъ. Объ Россіи-же самыя образованныя европейскія государства со страстью распространяютъ теперь совершенныя нелѣпости. Въ Европѣ и прежде насъ мало знали, даже до того, что всегда надо было удивляться, что столь просвѣщенные на-

роды такъ мало интересуются изучить тотъ народъ, которы
же такъ ненавидятъ и котораго постоянно боятся. Эта ск
европейскихъ о насъ познаній и даже нѣкоторая невозмож
Европы понять насъ во многихъ пунктахъ, все это въ н
ромъ отношеніи было для насъ до сихъ поръ отчасти
годно. А потому вреда не будетъ и теперь. Пусть они кр
у себя о «позорной слабости Россіи, какъ военной держ
вопреки свидѣтельству десятковъ ихъ-же корреспонденто
самого поля войны, удивлявшихся боевой способности, рыц
стойкости и высочайшей дисциплинѣ русскаго солдата и
цера; пусть самыя возможныя, хотя-бы и значительныя о
русскаго штаба въ началѣ войны, они считаютъ не только нег
вимыми, но и органическими всегдашними недостатками п
войска и націи (забывъ какъ часто мы ихъ бивали въ би
за всѣ послѣднія два столѣтія). Пусть, наконецъ, *самая с
нѣйшія* изъ ихъ политическихъ изданій сообщаютъ Евро
точную истину, объ огромномъ бунтѣ народа, предводима
гилистами, на Выборгской сторонѣ въ Петербургѣ и о вы
ванныхъ русскимъ начальствомъ двухъ полкахъ по жел
дорогѣ изъ Динабурга для спасенія Петербурга, — пусть э
говорятъ они въ слѣпой своей злобѣ. Повторяю, намъ это
выгодно, такъ какъ сами они не вѣдаютъ что творятъ. Вѣдь
конечно, имъ-бы хотѣлось возбудить у себя повсемѣстно къ
ненависть, «какъ къ опаснымъ противникамъ ихъ циви
ціи», — и вотъ они-же представляютъ насъ въ упадшемъ
въ смѣшномъ до позора слабосиліи какъ военной державы и
государственнаго организма. Но вѣдь кто такъ слабъ и н
женъ, тотъ можетъ-ли возбуждать опасенія и противъ себя
лиціи? А имъ именно нужно настроить противъ насъ свое
ство. Стало быть, во вредъ-же себѣ говорятъ, а коли так
приносятъ намъ не вредъ, а пользу. Мы-же подождемъ к

Но вообразить только, что къ нимъ дошло-бы самое по
точное, и истинное свѣдѣніе о всей силѣ духа, чувства и
колебимой вѣры народа русскаго въ справедливость вел
дѣла, за которое обнажилъ мечъ Государь его и въ несомн
торжество этого дѣла, рано или поздно? Вообразить, что въ Е
поняли наконецъ, что война эта для Россіи есть національ
война въ высшей степени и что народъ нашъ вовсе не ме
и бездушная масса, какъ они всегда представляютъ его се
могущественный и сознающій свое могущество организмъ,
ченный весь какъ одинъ человѣкъ. и нераздѣльный сердц

олею съ своею арміею,—о, какой-бы страхъ и какое повсемѣст-
ое волненіе возбудило-бы у нихъ это свѣдѣніе! И, ужь конечно,
то скорѣе способствовало-бы къ дѣйствительной и явной уже
оалиціи противъ насъ Европы, чѣмъ столь любезныя имъ кле-
ты на наше слабосиліе и паденіе. Нѣтъ, ужъ пусть они лучше
ѣрятъ бунту на Выборгской. Насъ-же только ободритъ, что они
ому вѣрятъ.

Но въ Европѣ все это понятно, и понятно отъ чего это
роисходитъ. Но какъ у насъ-то могутъ колебаться, волноваться
даже вѣрить въ какія-то новыя, вдругъ открывшіяся, жизнен-
ыя силы турецкой націи? Чѣмъ проявила она эту силу? Фана-
измомъ? Но фанатизмъ мертвечина, а не сила, у насъ сто разъ
роповѣдовали это самое-же эти люди, которые вѣрятъ теперь
ъ турецкія силы. Говорятъ про турецкія побѣды. Но турки
тразили, разъ и другой, лишь наши атаки, а это побѣды,
ить сказать, отрицательныя, а не положительныя. Мы, сидя
Севастополѣ, отразили разъ приступъ французовъ и англи-
анъ съ страшною для нихъ потерею людей, но Европа однако-
е не кричала тогда объ нашей побѣдѣ. Мы цѣлые два послѣд-
е мѣсяца были гораздо слабѣе силами, чѣмъ турки и чтожь
ни не воспользовались этимъ; чтожь не вытѣснили насъ
Балканы, не прогнали за Дунай? Напротивъ, мы вездѣ удер-
али наши главныя позиціи и вездѣ отразили турокъ. Бывало,
то семь или восемь нашихъ батальоновъ разбиваютъ ихнихъ
адцать, какъ недавно случилось подъ Церковной. Убѣжденные
ъ силѣ турокъ, указываютъ однако на ихъ ружья, которыя
учше нашихъ, и даже на ихъ артиллерію, которая какъ будто-
ы лучше нашей. Но они не хотятъ припомнить, что мы въ
ущности воюемъ не съ одними турками, а и съ европейскими
ружіями, что множество англичанъ служатъ офицерами въ
урецкомъ войскѣ, что вооружены турки на европейскія деньги,
то европейская дипломатія во многомъ стала поперегъ нашей
роги съ самаго начала войны, лишивъ насъ помощи естествен-
ыхъ союзниковъ нашихъ, лишивъ насъ даже настоящихъ до-
ога нашихъ въ Турцію. Кромѣ того Европа, ненавистью къ
амъ, несомнѣнно ободрила и фанатизмъ турокъ. Въ Европѣ
ткрылся наконецъ заговоръ цѣлыхъ шаекъ, уже организован-
ыхъ, съ оружіемъ, съ деньгами, чтобъ броситься внезапно въ
ылъ нашей арміи. Въ довершеніе тамъ состряпали недавно и
ѣсь для турокъ, въ огромный ущербъ своему карману, и не-
ножный заемъ этотъ состоялся единственно потому, что въ

Европѣ такъ полюбили мечту о томъ, что Турція не государ
слизняковъ, а дѣйствительно съ такою-же плотью и кровью,
и европейскіе государственные организмы. И это когда-же,
кровь цѣлыхъ провинцій Турціи лилась рѣкою, когда отк
даже правильный заговоръ между самими правителями Т
съ цѣлью истребить Болгаръ всѣхъ до единаго? Турки во
съ нами, кормя и поддерживая свое войско такими реквизи
припасовъ, лошадей и скота съ Болгаръ, которыя не могут
разорить до тла эту богатѣйшую провинцію Турціи. И эти
разорителямъ и умертвителямъ собственной страны, просв
ные англичане дали взаймы денегъ, повѣрили ихъ экономи
состоятельности! Но пусть, пусть все это тамъ, тамъ все
это понятно. Но у насъ-то какъ-же признаютъ турокъ с
Разореніе до тла собственной земли и истребленіе въ
всего христіанскаго населенія страны—развѣ эта сила? Да
такой и до конца войны имъ не хватитъ. Первый оборотъ
въ нашу пользу—и все это фантастическое зданіе ихъ во
и національной силы рухнетъ мгновенно и за разъ, и раз
какъ истинный призракъ, вмѣстѣ даже съ ихъ фанатизмом
торый вылетитъ какъ изъ отвореннаго клапана паръ.

Нѣкоторые умные люди проклинаютъ теперь у насъ сл
скій вопросъ, и на словахъ и печатно: «Дались, дескать, на
славяне и всѣ эти фантазіи объ объединеніи славянъ! И кто
навалилъ этихъ славянъ на шею, и для чего: на вѣчную р
съ Европой; на вѣчную ея подозрительность къ намъ, нена
и теперь и въ будущемъ! Да будутъ-же прокляты славяноф
и т. д., и т. д. Но эти восклицающіе умные люди, кажется, н
совершенно ложныя свѣдѣнія и о славянахъ и о Восточно
просѣ, а многіе такъ совсѣмъ даже и не интересовались
самой послѣдней минуты.

А потому спорить съ ними нельзя. И вѣдь дѣйствитель
неизвѣстно, что Восточный вопросъ (т. е. и славянскій в
вовсе не славянофилами выдуманъ, да и никѣмъ не выду
а самъ родился и уже очень давно—родился раньше сла
филовъ, раньше насъ, раньше васъ, раньше даже Петра
каго и Русской имперіи. Родился онъ при первомъ сло
великорусскаго племени въ единое русское государство, т. е. в
съ царствомъ Московскимъ. Восточный вопросъ есть иск
идея Московскаго Царства, которую Петръ Великій призна
высшей степени и, оставляя Москву, перенесъ съ собой в
тербургъ. Петръ въ высшей степени понималъ ея органич

…ль съ русскимъ государствомъ и съ русской душой. Вотъ …чему идея не только не умерла въ Петербургѣ, но прямо при…ла была какъ-бы *русскимъ назначеніемъ* всѣми преемниками …тра. Вотъ почему ее нельзя оставить и нельзя ей измѣнить. …ставить славянскую идею и отбросить безъ разрѣшенія задачу …судьбахъ Восточнаго христіанства (NB. сущность Восточнаго …роса) — значитъ все равно, что сломать и въ дребезги разбить …Россію, а на мѣсто ея выдумать что нибудь новое, но только …совсѣмъ не Россію. Это было-бы даже и не революціей, а просто …ничтоженіемъ, а потому и немыслимо даже, потому что нельзя …уничтожить такое цѣлое и вновь переродить его совсѣмъ въ …рой организмъ. Идею эту не видятъ и не признаютъ теперь …ъ ужь самые слѣпые изъ русскихъ европейцевъ, да вмѣстѣ съ …, и къ стыду ихъ, биржевики. Биржевиками я называю здѣсь …вно всѣхъ вообще теперешнихъ русскихъ, которымъ, кромѣ …его кармана, нѣтъ никакой въ Россіи заботы, а потому взи…щихъ и на Россію единственно съ точки зрѣнія интересовъ …его кармана. Они кричатъ теперь хоромъ о торговомъ застоѣ, …биржевомъ кризисѣ, о паденіи рубля. Но еслибъ эти бирже…ки наши были настолько дальновидны, чтобъ понимать кое-что …своей сферы, то они-бы и сами догадались, что еслибъ Россія …начала теперешнюю войну, то было-бы имъ-же хуже. Чтобъ …ли «дѣла», даже биржевыя, надо чтобъ нація жила въ самомъ …дѣ, то есть настоящею живою жизнію и исполняя свое есте…ственное назначеніе, а не была-бы гальванизированнымъ тру…комъ въ рукахъ жидовъ и биржевиковъ. — Еслибъ мы не на…ли теперешней войны послѣ всѣхъ циническихъ и обидныхъ …ъ вызововъ враговъ нашихъ, и еслибъ мы не помогали истя…емымъ мученикамъ, то сами-же себя стали-бы презирать. А …непрезрѣніе, нравственное паденіе, и за нимъ цинизмъ, — мѣ…нитъ даже «дѣламъ». Націи живутъ великимъ чувствомъ и ве…кою всѣхъ единящею и все освѣщающею мыслью; соединеніемъ …народомъ наконецъ, когда народъ невольно признаетъ верх…нихъ людей съ ними за одно, изъ чего рождается національная …ла — вотъ чѣмъ живутъ націи, а не одной лишь биржевой спе…куляціей и заботой о цѣнѣ рубля. Чѣмъ богаче духовно нація, она и матерьяльно богаче... А впрочемъ, чтожь я какія …ія слова говорю!

III.

Легкій намекъ на будущаго интелигентнаго русскаго чело
Несомнѣнный удѣлъ будущей русской женщины.

Есть теперь странныя заботы. Положительно есть ру
люди, *боящіеся* даже русскихъ успѣховъ и русскихъ побѣд
потому боятся они, что желаютъ зла русскимъ, напротивъ,
скорбятъ объ всякой русской неудачѣ сердечно, они хорошіе
скіе, но они боятся и удачъ, и побѣдъ русскихъ, — «потом
что явится послѣ побѣдоносной войны самоувѣренность, сам
хваленіе, шовинизмъ, застой». Но вся ошибка этихъ доб
людей въ томъ, что они всегда видѣли русскій прогрессъ
ственно въ самооплеваніи. Да самонадѣянность-то намъ, мо
быть, и всего нужнѣе теперь! Самоуваженіе намъ нужно наво
а не самооплеваніе. Не безпокойтесь: застоя не будетъ. Война
титъ столько новаго, и заставитъ столько измѣнить стараго,
вы-бы никогда не добились того самооплеваніемъ и поддра
ваньемъ, которыя обратились въ послѣднее время лишь въ
стую забаву. За то обнаружится и многое такое, что прежде с
лось даже умниками-обличителями нашими лишь мелочью, с
ными пустяками и даже послѣднимъ дѣломъ, но что однак
составляетъ главнѣйшую нашу сущность дѣла во всемъ.
не намъ, не намъ предаваться шовинизму и самоупоенію! Г
когда это случалось въ русскомъ обществѣ! Утверждающіе
просто не знаютъ русской исторіи. Объ нашемъ самоупоеніи м
говорили послѣ Севастополя: самоувѣренность-де насъ тогда
губила. Но никогда интелигентное общество не было у
менѣе самоувѣренно и даже болѣе въ разложеніи какъ въ эп
предъ Севастополемъ.

Кстати замѣчу: изъ писавшихъ о нашемъ самоупоеніи и д
нившихъ насъ имъ послѣ Севастополя было нѣсколько нов
молодыхъ писателей, обратившихъ тогда на себя большое
маніе общества и возбудившихъ въ немъ горячее сочувстві
ихъ обличеніямъ. И однако къ этимъ истинно желавшимъ д
обличителямъ присоединилось тогда тотчасъ-же столько нах
наго и грязнаго народу, явилось столько свистопляски, сто
людей совсѣмъ не понимавшихъ въ чемъ сущность дѣла, а м
тѣмъ воображавшихъ себя спасителями Россіи, мало того —
лось въ ихъ числѣ столько даже откровенныхъ враговъ Ро

подконецъ сами повредили тому дѣлу, къ которому прикоторое повелось было талантливыми людьми. Но сначала ѣли успѣхъ, единственно потому, что чистые сердцемъ люди, дѣйствительно жаждавшіе тогда повсемѣстно обновноваго слова—не разобрали въ нихъ негодяевъ, людей ихъ и безъ убѣжденій, и даже продажныхъ. Напротивъ, кто они-то и за Россію, за ея интересы, за обновленіе, ъ и общество. Кончилось тѣмъ, что огромное большинскихъ людей, наконецъ, разочаровалось и отвернулось ь,—а затѣмъ ужь пришли биржевики и желѣзнодорожеперь этой ошибки, кажется, не повторится, потому что но явятся новые люди, уже съ новою мыслью и съ лою.

новые люди не побоятся самоуваженія, но и не побоятся ь за старымъ. Не побоятся и умниковъ: они будутъ но будутъ уже многое знать, по опыту и уже на дѣлѣ, , что и не снилось мудрецамъ нашимъ. По опыту и на научатся уважать русскаго человѣка и русскій народъ. ознаніе они ужь навѣрно принесутъ съ собой, и въ немъетъ состоять ихъ главная точка опоры. Они не станутъ ь всѣхъ нашихъ бѣдъ и всѣхъ *неумныій* нашихъ единишь на свойства русскаго человѣка и русской натуры, гилось уже въ казенный пріемъ у нашихъ умниковъ, то это и покойно и ума не требуетъ. Они первые заьствуютъ собою, что русскій духъ и русскій человѣкъ, ста тысячахъ взваленныхъ на нихъ обвиненій, невиисколько, что тамъ, гдѣ только есть возможность прягупа русскому человѣку, тамъ русскій человѣкъ сдѣлаетъ о не хуже другаго. О, эти новые люди поймутъ, накосмотря на всю свою скромность, какъ часто наши умни и чистѣйшіе сердцемъ и желающіе истинной пользы,— между двухъ стульевъ, желая отыскать корень зла. Къ новымъ людямъ, которые несомнѣнно явятся послѣ примкнетъ много живыхъ силъ изъ народа и русской . Они и до войны уже объявлялись, но мы все еще могли тогда замѣтить, и когда мы всѣ здѣсь ожидали лишь зрѣлища цинизма и растлѣнія, они тамъ явили такого сознательнаго самоотверженія, такого искренняги такой полной вѣры въ то, за что пошли отдавать свою что мы здѣсь лишь дивились: откуда взялось все это? е иностранные корреспонденты иностранныхъ газетъ

упрекали нѣкоторыхъ русскихъ фицеровъ за то, что они
любивы, карьеристы, рвутся къ отличіямъ, забывая гла
цѣль: любовь къ родинѣ и къ тому дѣлу, которому взялись
жить. Но если и есть у насъ такіе офицеры, то все-же з
корреспондентамъ не дурно было-бы узнать и о той моло
или объ тѣхъ, незамѣтныхъ даже по чину своему офице
скромныхъ слугахъ отечества и праваго дѣла, которые уми
вмѣстѣ съ своими солдатами доблестно, съ полнымъ самоо
женіемъ, вовсе уже не для награды, не для красы и не
карьеры, а потому только, что были великія сердца, великіе
стіане и *незамѣтные* великіе русскіе люди, которыхъ такъ м
чуть не до послѣдняго солдата въ нашемъ войскѣ. Замѣтьте
что, говоря о грядущемъ новомъ человѣкѣ, я вовсе не указ
лишь на однихъ нашихъ воиновъ, въ ожиданіи того когда
воротятся. Явятся и безчисленные другіе – *всѣ тѣ, кот
прежде такъ жаждали вѣрить въ русскаго человѣка*, к
могли проявиться и идти противъ всеобщаго царившаго на
отрицанія и пессимизма. Но теперь, созерцая съ какой *вѣро*
свои силы проявился русскій человѣкъ *тамъ*, они поневолѣ
рятся и повѣрятъ, что есть настоящія русскія силы и здѣсь: от
тамошнія-то взялись какъ не отсюда-же? А ободрившись,
тятся и скромно, но твердо примутся уже за настоящее
не боясь ни чьихъ громкихъ и звонкихъ словъ. И все та
старыхъ, старыхъ словъ! А умные старички наши все ещ
сихъ поръ увѣрены, что они-то и есть самые новые и *мо*
люди и что говорятъ самыя новыя слова!

Но главное и самое спасительное обновленіе русскаго о
ства выпадетъ безспорно на долю русской женщины. Послѣ
нѣшней войны, въ которую такъ высоко, такъ свѣтло, такъ
проявила себя наша русская женщина, нельзя уже сомнѣва
въ томъ высокомъ удѣлѣ, который несомнѣнно ожидаетъ ее
нами. Наконецъ-то падутъ вѣковые предразсудки и «варвар
Россія покажетъ, какое мѣсто отведетъ она у себя «мату
и «сестрицѣ» русскаго солдата, самоотверженницѣ и муч
за русскаго человѣка. Ей-ли, этой-ли женщинѣ, столь явно
явившей доблесть свою, продолжать отказывать въ полномъ
вецствѣ правъ съ мущиной по образованію, по занятіямъ,
должностямъ, тогда какъ на нее-то мы и возлагаемъ всѣ над
наши теперь, послѣ подвига ея, въ духовномъ обновленіи
нравственномъ возвышеніи нашего общества! Это уже бу
стыдно и неразумно, тѣмъ болѣе что не совсѣмъ отъ насъ

ѣть будетъ теперь, потому что русская женщина сама
а подобающее ей мѣсто, сама перешагнула тѣ ступени,
елѣ ей полагался предѣлъ. Она доказала какой высоты
кетъ достигнуть и что можетъ совершить. Впрочемъ, го-
къ, я говорю про *русскую женщину*, а не про тѣхъ чув-
ныхъ дамъ, которыя кормили турокъ конфектами. Въ
къ туркакъ, конечно, нѣтъ худа, но все-же вѣдь это не
совершили тамъ *тѣ женщины*, а потому *эти* всего
русскія *старыя* барыни, а *тѣ*—*новыя* русскія женщины.
про тѣхъ однѣхъ женщинъ говорю я, которыя тамъ
ются въ дѣлѣ Божіемъ и въ служеніи человѣчеству; тѣ
появленіемъ только доказали намъ, что въ русской землѣ
еликихъ сердцемъ женщинъ, готовыхъ на общественный
на самоотверженіе,— потому что, опять-таки, откуда-
взялись какъ не отсюда-же? Но о русской женщинѣ
омнѣнномъ ближайшемъ жребіи ея въ нашемъ обществѣ,
ъ-бы поговорить побольше и особо, а потому и возвра-
е къ этой темѣ въ слѣдующемъ октябрьскомъ «Днев-
осмъ.

ОКТЯБРЬ.

Глава первая.

I.

Къ читателю.

По недостатку здоровья, особенно мѣшающему мнѣ изда «Дневникъ» въ точные опредѣленные сроки, я рѣшаюсь, на или на два, прекратить мое изданіе. Дѣлаю это съ чрезвы нымъ сожалѣніемъ, потому что и не ожидалъ, начиная пр лаго года «Дневникъ», что буду встрѣченъ читателями съ кимъ сочувствіемъ. Сочувствіе это продолжалось все время послѣдняго дня. Благодарю за него искренно. Благодарю бенно всѣхъ обращавшихся ко мнѣ письмами: изъ писемъ э я узналъ много новаго. И вообще, изданіе «Дневника», въ долженіи этихъ двухъ лѣтъ многому меня самого научило. многомъ еще тверже укрѣпило. Но, къ сожалѣнію, я рѣшите принужденъ остановиться. Съ Декабрьскимъ выпускомъ изд окончится. Авось ни я, ни читатели не забудемъ другъ д до времени.

II.

Старое всегдашнее военное правило.

Объ нашихъ военныхъ ошибкахъ въ нынѣшнюю кампа говорили и писали въ Европѣ и въ Россіи. Продолжаютъ

ать и теперь. Вѣрная и полная оцѣнка нашихъ военныхъ
твій, конечно, принадлежитъ лишь будущему, т. е., по крайней
можетъ состояться лишь по окончаніи войны; но нѣкоторые
выступаютъ уже и теперь съ достаточною полнотою, чтобъ
нести о нихъ болѣе или менѣе точное сужденіе. Не о воен-
ошибкахъ нашихъ возьмусь судить я, малокомпетент-
въ этомъ дѣлѣ человѣкъ (хотя малокомпетентные-то, ка-
, всѣхъ болѣе у насъ теперь и горячатся). Я лишь хочу ука-
на одинъ современный фактъ (а не на ошибку), который
ѣ былъ военной наукой мало разъясненъ, мало наблюдаемъ,
пѣлъ быть оцѣненъ въ своей *современной* сущности, ко-
можно было угадывать лишь въ теоріи, но который, прак-
ки почти никогда не былъ подтвержденъ, вплоть до ны-
ей войны. Этому роковому, до нынѣшней войны практи-
не подтвержденному въ военномъ дѣлѣ факту, суждено
, какъ нарочно, проявиться въ самой полной своей силѣ и
амой окончательной своей точности, неминуемо въ нынѣш-
кампанію, потому что этотъ, чисто военный фактъ, какъ
подошелъ къ національному военному характеру турокъ, или
е сказать: къ главному отличительному свойству ихъ воен-
характера. Мало того, можно даже такъ заключить, что
ъ этотъ, и не разъяснился-бы, пожалуй, безъ турокъ,—по
ней мѣрѣ, въ Европѣ не смотря на недавнія войны (и такія
мныя войны какъ франко-прусская война) онъ еще не былъ
ясненъ, не успѣлъ опредѣлиться. Теперь, послѣ роковаго
я текущей войны, онъ, разумѣется, войдетъ въ военное ис-
ство и будетъ оцѣненъ по своему значенію. Но въ теку-
войну, *роковое* для насъ заключалось въ томъ, что рус-
армія, такъ сказать, наткнулась на этотъ неразъясненный
всемъ практическомъ своемъ значеніи военный фактъ, и что
назначено было разъяснить его намъ, русскимъ, съ огром-
ъ ущербомъ для насъ, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока
лъ его не выяснился для насъ вполнѣ. Между тѣмъ, очень
ие, и у насъ, и въ Европѣ, наклонны до сихъ поръ считать
ъ огромный ущербъ, который мы понесли отъ этого неразъ-
енаго факта—единственно лишь нашей военной ошибкой,
да какъ тутъ было нѣчто роковое и неминуемое, а не ошибка,
удь на нашемъ мѣстѣ, напримѣръ, хоть германское войско,
оно-бы ссадило себѣ на этомъ фактѣ бока... хотя, можетъ
ть, скорѣе оцѣнило-бы его и поспѣшнѣе приняло мѣры. Я хочу
лько сказать, что не всѣ наши ошибки теперешней кампаніи—

суть въ самомъ дѣлѣ ошибки и что важнѣйшая изъ этихъ
бокъ постигла-бы и любую европейскую армію на нашем
ствѣ. Повторяю, мы натолкнулись на неразъясненный военный
и до разъясненія его понесли ущербъ, — а это нельзя
безусловной ошибкой. Но что-же это за факть?

Когда я, въ моей юности, слушалъ курсъ высшихъ воен
и инженерныхъ наукъ въ Главномъ Инженерномъ Училищѣ,
существовало у насъ одно убѣжденіе, считавшееся непреложн
одна инженерная аксіома. (Впрочемъ, поспѣшу оговориться
скобкахъ; я такъ давно оставилъ инженерное и военное
что не претендую ни на малѣйшую въ этомъ смыслѣ компе
ность. Я поступилъ въ Главное Инженерное Училище и слу
въ немъ шестилѣтній курсъ въ концѣ тридцатыхъ и въ на
сороковыхъ годовъ; затѣмъ, кончивъ курсъ и оставивъ учил
прослужилъ инженеромъ лишь годъ, вышелъ въ отставку
нялся литературой. Тотлебенъ вышелъ тремя или четырьмя
дачи прежде меня. Кауфмана я помню въ офицерскихъ класс
Съ младшимъ Кауфманомъ я былъ въ одно время еще въ
рскихъ. Радецкій, Петрушевскій и Іолшинъ были всего
однимъ классомъ старше меня. Изъ моихъ-же одноклассн
товарищей удалились съ прямаго пути на путь шаткій и не
дѣленный всего только трое: я, писатель Григоровичъ и
писецъ Трутовскій. Однимъ словомъ, все это было очень да
Эта инженерная аксіома состояла въ томъ, что нѣтъ и не
жетъ быть крѣпости неприступной, т. е. какъ-бы ни было иск
укрѣплена и оборонена крѣпость, но въ концѣ концовъ она до
быть взята и что, стало быть, военное искусство атаки крѣп
всегда превышаетъ средства и искусство ея обороны. Разумѣ
все это лишь вообще и теоретически: отвлеченно разсматрив
лишь существенное свойство обоихъ инженерныхъ искусс
атаки и обороны крѣпостей. Разумѣется тоже, что нѣтъ пр
безъ исключеній; и у насъ указывалось тогда на нѣкоторы
шествующія крѣпости, которыя будто-бы были неприступ
Гибралтарь, напримѣръ, о которомъ впрочемъ мы знали
по слухамъ. Но въ научномъ смыслѣ все-таки никакой Гиб
тарь не могъ и не долженъ былъ считаться неприступны
аксіома, что искусство атаки крѣпости всегда превышаетъ
искусство ея обороны —оставалась непоколебимою.

Но, другое дѣло на практикѣ. Иная крѣпость, напримѣръ,
могла получить характеръ неприступной твердыни (не бу
), потому только, что она, по тѣмъ или другимъ об

мъ, можетъ слишкомъ долго задержать передъ собою силы непріятеля, истощить эти силы и такимъ образомъ ть службу больше которой и нельзя требовать. Тотлебенъ, ръ, навѣрно зналъ, что Севастополь все-таки возьмутъ ъ и не могутъ не взять, какъ-бы онъ и не защищалъ его. ники уже навѣрно не знали и не предполагали, начиная то Севастополь потребуетъ отъ нихъ такихъ напряженій апротивъ, вѣроятно, полагали, что Севастополь займетъ яца на два и войдетъ лишь какъ мимоходный эпизодъ рный планъ тѣхъ безчисленныхъ ударовъ, которые они ись нанести Россіи и кромѣ взятія Севастополя. И вотъ Севастополь-то и сослужилъ службу неприступной твер- отя и былъ взятъ подъ конецъ. Долгой, неожиданной ъ геніальной защитой Тотлебена, силы союзниковъ, воен- финансовыя, были истощены и потрясены до того, что и Севастополя о дальнѣйшихъ ударахъ нечего было и и враги наши желали мира, по крайней мѣрѣ, не менѣе А такія-ли условія мира предложили-бы они намъ, если- ось имъ взять Севастополь черезъ два мѣсяца! Такимъ ь и *не надо* абсолютно неприступныхъ крѣпостей; — при й защитѣ и при доблестной стойкости защитниковъ и не неприступная крѣпость можетъ сломить силы враговъ. менѣе, какъ ни геніальна была защита Севастополя, горю это, онъ все-таки, рано-ли поздно-ли, долженъ былъ отому что, при извѣстномъ равенствѣ силъ обоихъ про- въ; сила атаки всегда превышаетъ силу обороны (т. е. ки въ научномъ смыслѣ говоря, а не въ практическомъ, инныхъ твердынь дѣйствительно уходили иногда атакую- ѣ даже долгой осады ихъ и не по неприступности ихъ, тывая лишь сдѣлать другой ударъ, въ другомъ мѣстѣ и шимъ ущербомъ силъ, если только такой исходъ могъ иться).

III.

Тоже правило, только въ новомъ видѣ.

отъ этотъ военный фактъ, эта, такъ сказать, военная , въ нынѣшнюю нашу войну съ турками вдругъ какъ-бы лись и чѣмъ-же,—не «долговременнымъ» фортифика- ъ укрѣпленіемъ, не неприступною твердынею грозной

крѣпости, а летучимъ полевымъ, много что «временнымъ» (
тификаціоннымъ укрѣпленіемъ. Прежде полевыя укрѣпленія
въ счетъ не шли, это была лишь полевая фортификація. П
вая фортификація лишь укрѣпляла мѣстность боя, но неприс
ною никогда ее не могла сдѣлать. У насъ подъ Бородинымъ б
воздвигнуты редуты и оказали свою пользу, т. е. укрѣпили м
ность, но все-таки были взяты и хоть съ ущербомъ для нея
теля, но все-таки въ тотъ-же день были взяты, въ день би

И вотъ подъ Плевной произошло что-то совсѣмъ уже не
Рядъ простыхъ полевыхъ, много что *временныхъ* (не очень
важная вещь въ прежнее время) укрѣпленій придаетъ мѣсти
значеніе неприступной твердыни, которую прежними средст
и взять нельзя, которая уже потребовала отъ насъ двойны
тройныхъ усилій, чѣмъ предполагалось вначалѣ, и которая
сихъ поръ еще не взята. Будь весь этотъ грозный рядъ ук
леній съ прежними средствами защиты—устоялъ-ли-бы онъ
тивъ энергическаго, блистательнаго, безпримѣрнаго натиска
скихъ? Конечно, нѣтъ: сослужилъ-бы свое дѣло, затруднилъ
атаку, но 50,000 русскихъ, конечно, при такомъ беззавѣтн
натискѣ, какъ 30-го августа, овладѣли-бы редутами и разбил
пятидесяти-тысячную армію Османа-паши, т. е. дѣло завершил
бы при равномъ числѣ войскъ и не потребовалось-бы никак
подкрѣпленій. Теперь-же, послѣ двухъ неудавшихся штурм
оказалось необходимымъ увеличить нашу армію вдвое, и эт
крайней мѣрѣ, и это только первый шагъ къ достиженію и

Въ чемъ-же дѣло? Уже, конечно, въ теперешнемъ ружьѣ.
рокъ закрывшись наскоро набросанною насыпью можетъ вы
стить въ атакующихъ такую массу пуль, что не невѣрои
если и вся штурмующая колонна, не дойдя еще и до глав
будетъ истреблена, до послѣдняго человѣка. О, конечно, мо
взять всю Плевну совершенно прежними средствами, т. е. п
ней фронтальной атакой безъ фортификаціонныхъ работъ, т
точно также, какъ были взяты редуты подъ Бородинымъ.
наши русскіе это-бы сдѣлали! Можетъ быть, ни одна арми
Европѣ не рѣшилась-бы сдѣлать это, а они-бы сдѣлали. То
вотъ бѣда: оказалось изъ опыта, что для этого навѣрно т
положить русскихъ десятками тысячъ, такъ что, овладѣвъ р
тами фронтальной атакой, мы, при равномъ вначалѣ числѣ во
съ Османомъ, оказались-бы подъ самый конецъ, столь обе
ленными численно, что уже не могли-бы сдержать Османа,
торый-бы потерялъ въ десять разъ меньше нашего за сво

шями. И такъ, послѣ двухъ страшныхъ неудавшихся при-
овъ выяснилась наконецъ необходимость: во первыхъ, уве-
ть вдвое нашу силу, затѣмъ, съ помощію Тотлебена, при-
ть къ инженернымъ работамъ, къ чему-то даже похожему
ѣку сильнѣйшихъ, долговременныхъ крѣпостей затѣмъ къ
кенію Плевны, къ занятію дорогъ, къ пресѣченію сообще-
подвозовъ къ непріятелю. Однимъ словомъ, рядъ весьма обык-
ныхъ полевыхъ и временныхъ укрѣпленій сослужилъ врагу
му роль первоклассной крѣпости. И хоть и возьмутъ Плевну
навѣрно), т. е. вѣрнѣе сказать хоть и возьмутъ Османа.
онъ пройдетъ на проломъ, чтобы выйти изъ собственной
ни и не умереть въ ней съ голоду, — (а бросившись на
мъ *откроется*, и изъ защищающагося *перейдетъ самъ въ атакующаго*, въ этомъ-то и все для насъ дѣло), чѣмъ ра-
потеряетъ всѣ выгоды смертоноснаго и непреоборимаго огня
крытыми укрѣпленіями,—тѣмъ не менѣе въ результатѣ все-
выйдетъ то, что Плевна уже сослужила свое дѣло врагу
му, остановила первоначальное побѣдоносное шествіе рус-
, принудила на двойныя, тройныя усилія и растраты. (къ
даже и въ Европѣ уже считали Россію неспособной) и—
ваетъ, можетъ быть, и безъ такого страшнаго для себя ре-
ата въ концѣ. Османъ все-же вѣдь надѣется хоть половину-
оей арміи урвать у русскихъ и убѣжать вмѣстѣ съ нею.
ъ опять гдѣ-нибудь окопаться и опять воздвигнуть новую
у (если только ему дадутъ все это устроить: но вѣдь вся-
позволительно надѣяться, а Османъ человѣкъ энергичный
дѣй).

аже такъ можно сказать: если у обороняющагося есть шан-
инструментъ и хоть десятка два тысячъ солдатъ, съ тем-
нимъ ружьемъ, то рядъ этихъ простыхъ прежнихъ поле-
укрѣпленій, которыхъ можно въ одну ночь разбросать по
нной мѣстности сколько угодно — на завтра усилитъ эти
ешніе два десятка тысячъ воиска до силы пятидесяти, или
идесяти тысячной арміи, съ которою, если обстоятельства
опріятствуютъ при томъ маневрированію, вы уже и не
е что дѣлать. Такимъ образомъ—этотъ рядъ легкихъ укрѣп-
оказывается иной разъ даже лучше для защищающагося чѣмъ
грозная и неприступная крѣпость, потому что эту крѣпость обо-
шися, отступая, какъ бы переноситъ съ собою въ другое мѣ-
сто, былъ бы шанцевый инструментъ. Вы у него возьмете ее,
пъ, положивъ при штурмѣ тысячи солдатъ, а на завтра васъ

встрѣчаетъ такая-же крѣпость на вашемъ пути, если то
пѣетъ уйти отъ васъ врагъ. Не одна Плевна теперь въ
а всякая турецкая армія, всякій даже отрядъ окопы
выставляетъ на утро русскому изъ-за окоповъ свои см
ныя ружья: «Подходи-ка, дескать, въ двойныхъ силахъ,
войска вдесятеро, чѣмъ ты разсчитывалъ въ началѣ войн
кующему остается, чтобъ поровняться силами съ атаков
стать напротивъ него и тоже окопаться. Но этого нел
атакующій, онъ пришелъ, чтобъ атаковать и идти впер
не можетъ сидѣть за укрѣпленіями, онъ пришелъ шт
укрѣпленія... Знающіе люди поймутъ, что я говорю л
ретически, говорю объ атакѣ и оборонѣ вообще, отбрась
другія случайности войны, измѣняющія поминутно хо
колеблющія его въ ту или другую сторону. Я хочу то
разить формулу, что *при нынѣшнемъ ружьѣ*, съ помо
левыхъ укрѣпленій, всякій обороняющійся, *въ какой-бы
было странѣ Европы*, получилъ вдругъ страшный перев
передъ атакующимъ. Сила обороны *пересиливаетъ* теп
атаки и обороняющемуся несомнѣнно выгоднѣе воева
атакующему. Вотъ тотъ фактъ, до сихъ поръ въ военн
неразъясненный, въ достаточной полнотѣ, и даже сов
ожиданный, на который намъ, русскимъ, суждено было н
ся и его разъяснить къ огромному нашему ущербу. И а
не наша *ошибка*, а лишь новый военный фактъ, вдр
шедшій наружу и вдругъ разъяснившійся...

IV.

Самыя огромныя военныя ошибки иногда могутъ быть не ошибками.

Ну вотъ, скажутъ мнѣ, какой вы тутъ новый фактъ
Развѣ не знали мы до начала кампаніи, что такое нов
и его смертоносная сила? Да и не новое оно, а давно
рое, такъ что мы не только могли, но и должны были
Петербургѣ разсчитать и приготовиться къ его страшн
ствію, особенно за закрытымъ укрѣпленіемъ. То-то и
на дѣлѣ не такъ выходитъ какъ кажется въ теоріи и
дѣйствительно *не могли* разсчитать и приготовиться. Я
кажется лишь тѣмъ штатскимъ людямъ, которые, сидя въ

етахъ, критикуютъ теперь наши военныя дѣйствія. Я вѣдь рицаю ошибокъ, замѣтьте себѣ, я вѣдь признаю, что они ы быть должны, я только этотъ одинъ *фактъ* не хочу счи- безусловно нашей ошибкой и объявляю, что до нынѣшней онъ былъ фактомъ неразъясненнымъ и даже неизвѣст- *во всей своей подавляющей силѣ.* О, безъ сомнѣнія, можно разсчитать и заранѣе знать, что при нынѣшнемъ ружьѣ яющійся, закрывшись самымъ легкимъ укрѣпленіемъ, мо- принесть вреда атакующему даже *вдвое* болѣе чѣмъ прежде; ь и разсчитать—это дѣло легкое и даже никакой военной не требуетъ. Но вотъ что было уже несравненно труднѣе итать и предузнать — именно: что при нынѣшнемъ ружьѣ яющійся, закрывшись укрѣпленіемъ, нанесетъ вреда не *вдвое* въ прежняго, а, по крайней мѣрѣ, *впятеро*, а при такой ической оборонѣ, которую мы встрѣтили у турокъ (и на ую намъ слишкомъ извинительно было не разсчитывать) и *вдесятеро*. Фактъ-то былъ, положимъ, извѣстенъ, но его, размѣры его были неизвѣстны. Неизвѣстно было, что нее ружье хоть и усилило нападающаго, но защищающа- силило *несравненно больше.* Эта *чрезмѣрность*-то усиленія ла намъ извѣстна, и вотъ *чрезмѣрность*-то эта и состав- новый, неожиданный фактъ, на который мы наткнулись. была извѣстна и не могла быть извѣстна, потому что до теперешней войны съ турками, она не открывалась кой полнотѣ. Повѣрьте, что будь на нашемъ мѣстѣ гер- ая армія, то и она-бы *наткнулась* на этотъ фактъ и на- бы себѣ бока порядочно. Повторяю, можетъ быть, ранѣе о оцѣнила-бы и усвоила все значеніе факта, и мѣры-бы ла. Но тутъ ужь свойства народнаго духа: нѣмецъ осто- е и осмотрительнѣе, въ иныхъ случаяхъ, русскаго, но й солдатъ обладаетъ за то такой самоотверженной дис- ной, такимъ полнымъ самопожертвованіемъ, такой силой и, стойкости и напора, что, право, трудно рѣшить: что еще -то въ военномъ дѣлѣ, то или другое? Естественно, что компетентные люди, зная русскаго солдата, могли не задумываться вначалѣ, прежде опыта надъ силой новаго , даже за укрѣпленіями, и хотя-бы оно *нетолько вдв е, втрое* было страшнѣе прежняго ружья — могли не столь ся его. А оказалось, что новое ружье за укрѣпленіями ро и даже *вдесятеро* сильнѣе прежняго ружья, но въ можно было убѣдиться *единственно лишь* изъ практики...

А практики въ этомъ случаѣ до сихъ поръ еще въ европ
скихъ войнахъ не было. Да съ появленіемъ новаго ружья с
много фактовъ не разъяснилось и даже самыхъ казалось
простѣйшихъ. Мы, напримѣръ, только и ожили теперь, ко
прибыли къ нашему войску Берданки, а пустили войско в
чалѣ съ другимъ ружьемъ, медленнымъ и недальнобойнымъ.
уже была безспорная ошибка. Но тотъ фактъ, на который
указываю, не былъ ошибкой: предвидѣть его нельзя было
всей полнотѣ, разсчитать тоже нельзя было въ точности пре
практики.

Франко-прусская война, между двумя народами столь вы
кими по образованію, столь равными по силѣ открытій, изоб
теній, столь равными по вооруженію (у французовъ было
лучше ружье, чѣмъ у нѣмцевъ, и нѣмцы принуждены было
принять, не откладывая дѣла, въ самый моментъ войны)—
франко-прусская война, привнесшая столь много новаго въ в
ное искусство и почти произведшая въ немъ переворотъ,
разъяснила однакоже *нашего* факта *ни мало*. А могла-бы ра
яснить. Но случились особыя обстоятельства, тому помѣшав
и побѣдитель Франціи до сихъ поръ, до самой нашей турец
войны, оставался въ невѣденіи, что побѣжденный имъ франц
имѣлъ колоссальное средство въ своихъ рукахъ, чтобъ оста
вить напоръ нѣмцевъ въ 1871 году, но не прибѣгнулъ къ эт
средству лишь по особымъ обстоятельствамъ, сдѣлавшимъ
что средство это и не могло тогда войти французу въ гол
Нѣмецъ побѣдилъ вовсе не французовъ, а лишь француз
тогдашніе порядки, сначала наполеоновскаго режима, а пот
республиканскаго хаоса. Въ началѣ войны французская ар
національный характеръ которой — фронтальная атака груд
была страшно изумлена и подавлена нравственно тѣмъ,
вмѣсто перехода черезъ Рейнъ и вторженія въ Германію,
принуждена защищать свою территорію у себя дома. Произо
нѣсколько сраженій въ которыхъ побѣдили нѣмцы. Но ни
о томъ, что съ ихъ великолѣпнымъ шаспо, можно-бы с
выдвинуть, чтобъ остановить страшный натискъ врага, нѣскол
страшнѣйшихъ Плевенъ — не приходила французу вовсе въ
лову. Онъ все рвался грудью впередъ, и до самаго Седана
хотѣлъ вѣрить, что онъ побѣжденъ. Послѣдовалъ Седанъ, а
тѣмъ регулярныя арміи, въ большинствѣ своемъ, по сообра
ніямъ вовсе не военнымъ, были устранены отъ дѣла. Оста
защита Парижа съ сумасшедшимъ Трошю. Гамбетта вылет

ъ Парижа на воздушномъ шарѣ, descendit du Ciel (сошелъ съ ба) въ одномъ департаментѣ (какъ пишетъ объ немъ одинъ торикъ), объявилъ диктатуру и началъ набирать новыя ар-. Эти новыя арміи мало похожи были на настоящее войско составлены изъ всякаго сброду не по винѣ одного Гамбетты. ми они писали тогда-же, что большинство ихъ солдатъ не ѣло даже зарядить ружья и прицѣлиться, да и не заботи-ъ о томъ, не хотѣло воевать, а хотѣло покоя. Пошла зима, жа, голодъ. Гдѣ имъ было догадаться что можно вдругъ ть втрое, вчетверо сильнѣе врага, съ ружьемъ Шаспо и съ щевымъ иструментомъ? Да и былъ-ли у нихъ шанцевый струментъ? Помѣшала тоже осада Парижа, имѣвшая смыслъ рѣе рѣшающе-политическій, чѣмъ военный. Однимъ словомъ, нцузы *новымъ* страшнымъ военнымъ фактомъ не воспольвались, да и сами не узнали его силы. Съ теперешней на-й турецкой войной фактъ выяснился *во всей полнотѣ*, и ъ, конечно, политическіе и военные люди Германіи съ безпо-йствомъ намотали его себѣ на усъ. Въ самомъ дѣлѣ, если ъ этотъ войдетъ въ науку, въ тактику всѣхъ армій, то, жетъ быть, и французы имъ воспользуются, когда Германія ть на нихъ бросится. И если французы, отбросивъ свои нные предразсудки (что очень трудно дѣлается), — вполнѣ ютъ убѣжденіе, выведенное изъ турецкой нашей войны: что ита, съ новымъ ружьемъ и шанцевымъ инструментомъ не-вненно сильнѣе теперь атаки и требуютъ отъ атакующаго енныхъ силъ, то выйдетъ слѣдующее соображеніе: у фран-овъ войска милліонъ, но есть общее военное правило, что кованному несравненно легче совокупить свои силы, если ъ воюетъ у себя дома, даже еслибъ государство было и при ихъ невыгодныхъ военныхъ границахъ какъ Россія, но что кующій еслибъ имѣлъ (чего никогда не бываетъ) даже хоть милліона войска, то никакъ онъ не можетъ войти въ ата-анную землю болѣе чѣмъ съ шестью или семью стами ты-ами войска. Вообразите-же теперь, что этотъ весь милліонъ пишающихся, прибѣгнетъ при томъ къ шанцевому инстру-нту съ такою-же энергіей и широкостью пріема, какъ теперь рки, вообразите при томъ талантливаго полководца и прево-дныхъ инженеровъ,—тогда вѣдь Германіи пришлось-бы по-ть во Францію даже и не милліонъ, а minimum полтора! Объ мъ навѣрно кто-нибудь теперь въ Германіи думаетъ.

V.

**Мы лишь наткнулись на новый фактъ, а ошибки не было. Д
арміи—двѣ противоположности. Настоящее положеніе дѣлъ**

И именно туркамъ суждено было открыть новый фактъ всей полнотѣ! Другіе народы, другія арміи долго-бы не откр его *практически* въ *такой* полнотѣ. Турки слишкомъ давно не нападаютъ на Европу сами и привыкли именно къ защ Это и есть главная національная черта турецкой арміи. За ук леніями турокъ выносливъ, энергиченъ, въ нынѣшнюю-же во Европа какъ нарочно ободрила его, помогла ему оружіемъ, ин нерами, въ огромномъ размѣрѣ деньгами, и, наконецъ, подс каніями и натравливаніемъ на насъ возбудила въ немъ фа тизмъ. Было кому надоумить его если-бъ даже онъ и не зн факта, но фактъ какъ разъ сошелся съ его національнымъ хомъ. Сразу понялъ онъ что такое шанцевый инструментъ скорострѣльномъ ружьѣ и какой чрезмѣрный перевѣсъ силы обрѣтаетъ теперь защита, съ помощію его, надъ атакой. И н нарочно суждено было нарваться на это русскимъ,—т. е. именно арміи, которая, по старинной вѣковой привычкѣ, усво себѣ атаку рьянымъ напоромъ грудью, всѣмъ вмѣстѣ, тов ществомъ, обращаясь изъ тысячъ вдругъ какъ-бы въ одно щество... Вотъ изъ двухъ-то этихъ обратныхъ другъ другу тивоположностей и выяснилась новая аксіома во всей полн Повторяю еще разъ: еще можно было предвидѣть и разсчитать, сила новаго ружья за закрытымъ шанцемъ превышаетъ вдво даже втрое усиліе атакующаго. Надѣясь на стойкость и нес ханную энергію русскаго солдата, мы могли смотрѣть на это и *втрое*—съ презрѣніемъ (и долго смотрѣли такъ), но он лось не вдвое и втрое, а вдесятеро. Этого нельзя было пр дѣть и даже, не смотря уже въ практику, усвоить скоро.

Штатскимъ военнымъ, разумѣется, все это будетъ смѣшно и факта, опять-таки никакого они не признаютъ вовсе: «долж де были предугадать и кончено». Всѣмъ извѣстно, что ружье боди даетъ десять, двѣнадцать выстрѣловъ въ минуту, и должны были понять, что съ такимъ ружьемъ, сидя за ук леніемъ, турокъ побьетъ атакующую колонну до послѣдняго в вѣка». Но въ теоріи, прежде опыта, повторяю опять, не было узнать это во всей полнотѣ. Есть удивительно прос

, которыхъ самые геніальные полководцы не могли заранѣ
угадать. Одинъ французскій военный историкъ горько упре-
Наполеона I-го за то, что тотъ, имѣя у себя, въ пятнад-
ъ году, 170-ти-тысячную армію (всего на все) и зная отлично,
же ни солдата болѣе не достанетъ отъ Франціи — до того
ыла истощена двадцатилѣтними войнами, рѣшился однако-
мъ напасть на враговъ, т. е. на внѣшнюю войну, а не
утреннюю. Этотъ историкъ силится доказать, что еслибъ
побѣдилъ при Ватерлоо, то это-бы нисколько не спасло
ъ окончательнаго разгрома въ туже кампанію, въ виду
ляющаго численнаго превосходства силъ коалиціи. Вся
ка Наполеона состояла, говоритъ этотъ историкъ, въ томъ,
нъ, по прежнему еще, считалъ французскаго солдата стою-
двухъ нѣмецкихъ; и еслибъ это было дѣйствительно прав-
о, конечно, онъ-бы тѣмъ восполнилъ недостатокъ силъ, съ
ыми выходилъ на бой со всею Европой. Но въ пятнадца-
году это было уже не такъ, критикуетъ историкъ: нѣмцы
адцать лѣтъ научились сражаться и выровняли своихъ
ъ до того, что нѣмецкій солдатъ совершенно равнялся
узскому. И такъ и геніальный Наполеонъ сдѣлалъ такую
ую-бы, кажется, ошибку, не догадался о томъ что уже дол-
былъ давно знать и что такъ ясно бросалось въ глаза его
ку. Но критиковать легко, и легко быть великимъ полко-
мъ сидя на диванѣ. Замѣчательно то, что и Наполеонъ и
шиблись на весьма сходномъ пунктѣ, т. е. ошибочно при-
чрезмѣрное значеніе нѣкоторымъ національнымъ особенно-
нашихъ войскъ.

ь заключеніе, повторяю еще и еще разъ, что все сказанное
ъ смыслъ лишь вообще, имѣетъ смыслъ лишь научный,—(вѣр-
или невѣрный объ этомъ пусть всякій судитъ какъ хочетъ).
практикѣ результаты могутъ чрезвычайно измѣняться. Такъ,
мѣръ, турки дали-же намъ въ началѣ войны перейти за Дунай
ться за Балканами, сдавали-же они свои крѣпости и города и
ли-же передъ нами, вовсе не думая о шанцевомъ инструментѣ
наченіи своего ружья Пибоди. И фанатизму въ нихъ тогда еще,
тся, не было. Въ *чемъ дѣло* они сами-то, по настоящему, узна-
олнѣ лишь подъ Плевной. Тутъ-то они въ первый разъ до-
ись о всѣхъ современныхъ выгодахъ атакуемаго въ такти-
омъ отношеніи. Но можетъ случиться, что Плевна будетъ
а черезъ недѣлю, а съ нею и *весь* Османъ, т. е. ни одного
ата, можетъ быть, не удастся ему съ собой увести, если онъ

пойдетъ на пробой. Затѣмъ вдругъ, напримѣръ, можетъ явиться у турокъ прежній упадокъ духа, забудутъ и объ Адріанополѣ и объ Софіи, шанцевый инструментъ побрасаютъ, убѣгая подъ русскимъ натискомъ безъ оглядки, однимъ словомъ, многое можетъ случиться—но все это вовсе не измѣнитъ значенія нашей аксіомы, въ ея общемъ смыслѣ, т. е. что при теперешнихъ средствахъ, сила обороны превышаетъ силу атаки не по прежнему, а *чрезмѣрно*. Возьмемъ еще примѣръ: гдѣ-нибудь ведется война и генералъ затворился съ своимъ отрядомъ въ сильной крѣпости. Разсчитавъ всѣ данныя, т. е. средства провіанта, помѣщенія, силу крѣпостныхъ верковъ, инженерная наука можетъ (иногда жется) опредѣлить почти до точности: сколько времени крѣпость могла-бы сопротивляться и тѣмъ принести несомнѣнную пользу своему государству, задержавъ въ самое горячее время за стѣнами своими вдвое, напримѣръ, сильнѣйшаго атакующаго пріятеля? Положимъ, этотъ срокъ шесть или семь мѣсяцевъ. Вотъ вдругъ генералъ, затворившійся въ этой крѣпости, сдаетъ ее на капитуляцію по своимъ особеннымъ соображеніямъ не черезъ 7 мѣсяцевъ, а черезъ два! Но вѣдь это ни мало, ни сколько не нарушаетъ первоначальнаго научнаго разсчета о возможности защищаться семь мѣсяцевъ. Однимъ словомъ, практика можетъ измѣнять дѣло съ безконечными варіянтами. Тѣмъ не менѣе аксіома о *чрезмѣрности* перевѣса (даже и не снившейся никому и нигдѣ прежде до теперешней нашей войны съ турками) силы обороны передъ силой атаки, при теперешнихъ средствахъ вооруженія — остается во всей силѣ. (Подчеркну разъ: не перевѣсъ силы нельзя было намъ предвидѣть, а та *чрезмѣрность* его.

Но теперь практика уже на нашей сторонѣ и мы больше *такой* ошибки не сдѣлаемъ. Теперь тамъ Тотлебенъ; что дѣлаетъ, намъ въ точности неизвѣстно, но геніальный инженеръ найдетъ, можетъ быть, средство (не только въ частномъ случаѣ, но и вообще) потрясти *аксіому*, уничтожить *чрезмѣрность* уравновѣсить двѣ силы (атаки и обороны) какимъ-нибудь новымъ геніальнымъ открытіемъ. На его дѣйствія внимательно жадно смотритъ Европа и ждетъ не однихъ политическихъ переводовъ, но и научныхъ. Однимъ словомъ, нашъ военный горизонтъ просіялъ и надеждъ опять много. Въ Азіи конченъ большой побѣдой. Балканская-же армія наша многочисленна, великолѣпна. духъ ея вполнѣ на высотѣ своей цѣли. Русскій народъ (т. е. народъ) весь, какъ одинъ человѣкъ. хочетъ чтобы

цѣль войны за христіанство была достигнута. Нельзя
не плакать надъ своими дѣтьми, идущими на войну:
ода; но убѣжденіе въ святости дѣла остается во всей
лѣ. Отцы и матери знаютъ, на что отпускаютъ дѣтей:
родная. Это отрицаютъ иные, не вѣрятъ, набираютъ
ротивурѣчущіе, а вотъ такія, напримѣръ, извѣстія, мел-
ифтомъ, въ газетахъ и остаются почти непримѣченными.
станціи Бирзулы пишутъ въ «Одесскій Вѣстникъ», что
ѣбря черезъ эту станцію провезено въ дѣйствующую
800 выздоровѣвшихъ солдатъ. Съ ними было 6 выздо-
къ раненыхъ офицеровъ. Замѣчательно, что изъ числа
ь *ни одинъ* не пожелалъ воспользоваться своимъ пра-
остаться въ запасныхъ войскахъ. Всѣ спѣшили и спѣ-
мѣсто войны.» «Моск. Вѣд.», № 251.

вамъ нравится такое свѣдѣніе? Вѣдь ужь, кажется, такіе
видѣтельствуютъ о характерѣ дѣла! Какже утверждать
хъ, что нынѣшняя война не имѣетъ народнаго харак-
го народъ въ сторонѣ? Но такихъ фактовъ не одинъ, а
о. Всѣ они соберутся и просіяютъ и войдутъ въ Исторію.
ью, большинство этихъ фактовъ засвидѣтельствовано
енніѣйшими европейскими очевидцами, и теперь уже ихъ
змѣнить, подтасовать и представить въ биржевомъ или
со-клерикальномъ видѣ...

Глава вторая.

I.

тво Гартунга и всегдашній вопросъ нашъ: кто виноватъ?

русскія газеты толковали недавно (и до сихъ поръ тол-
самоубійствѣ генерала Гартунга, въ Москвѣ, во время
Окружнаго Суда, четверть часа спустя послѣ про-
имъ обвинительнаго надъ нимъ приговора присяж-
потому я думаю, что всѣ читатели «Дневника» уже
болѣе или менѣе объ этомъ чрезвычайномъ и траги-
происшествіи, и подробно объяснять его мнѣ уже не-
ній смыслъ въ томъ, что человѣкъ, въ значительномъ
круга высшаго, сходится съ бывшимъ портнымъ а по-

томъ процентщикомъ и дисконтеромъ Занфтлебеномъ, и
тому только, что принужденъ былъ занимать у него де
даже какъ-бы и дружественно, принимаетъ, напримѣръ,
обязанность его душеприкащика и, повидимому, очень
Затѣмъ, по смерти Занфтлебена, происходитъ нѣсколько
щихъ вещей: пропадаетъ вексельная книга неизвѣстно ку
селя, бумаги и документы, съ совершеннымъ нарушені
рядка, предписаннаго закономъ, отвозятся Гартунгомъ
на квартиру. Гартунгъ, какъ оказывается, вступаетъ въ с
ніе съ одной частью наслѣдниковъ въ ущербъ другой (х
жетъ быть, и не подозрѣваетъ того самъ). Затѣмъ въ не
вается одинъ изъ наслѣдниковъ и бѣдному душеприкащ
на дѣлѣ приходится узнать, что онъ попалъ въ такое об
въ какое и не ожидалъ. Затѣмъ начинаются обвиненія уже
въ кражѣ векселей, вексельной книги, въ переписке в
въ исчезновеніи документовъ слишкомъ на сто или даже
сти тысячъ рублей имущества... Затѣмъ начинается суд
куроръ даже радъ суду и тому, что генералъ сидитъ ря
простолюдиномъ и тѣмъ даетъ поводъ русской Ѳемидѣ
сти торжество равенства передъ закономъ сильныхъ и в
съ малыми и ничтожными.

Судъ, однако же, идетъ нормальнымъ порядкомъ (что
говорили объ этомъ), и въ концѣ концовъ присяжные в
почти неминуемое обвиненіе, въ томъ числѣ и о Гартунгѣ,
котораго: «виновенъ и похитилъ». Судъ удаляется состав
говоръ, но генералъ Гартунгъ [illegible] его не захотѣл
въ другую комнату, онъ, говорятъ, сѣлъ въ столу и с
обѣими руками свою бѣдную голову; затѣмъ вдругъ
выстрѣлъ: онъ умертвилъ себя принесеннымъ съ собою
женнымъ заранѣе револьверомъ, ударомъ въ сердце.
нашли тоже заранѣе заготовленную записку, въ котор
«клянется [illegible] Богомъ», что ничего въ этомъ
похищалъ и врагамъ своимъ прощаетъ». Такимъ образо
умеръ въ сознаніи своей невинности, а въ сознаніи своег
тельства.

И вотъ эта-то смерть и взволновала всѣхъ въ Москв
газеты во всей Россіи. Говорятъ, и судъ и прокуроръ
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

говоры: «вотъ, дескать, примѣръ, палъ невинный». Другіе
нно замѣтили, что такимъ торжественнымъ и послѣднимъ
человѣка на землѣ, почти невозможно не вѣрить, а, стало
очти несомнѣнно можно заключить, что произошла пла-
судебная ошибка. И многое, многое говорили и писали
Надо признаться, нѣкоторые изъ отзывовъ газетъ были
: слышалась какая-то фальшь, можетъ быть, горячая и
ая, но фальшь. Гартунга жалко, но тутъ скорѣе тра-
(преглубокая), фатумъ русской жизни, чѣмъ съ которой
стороны ошибка. Или, лучше сказать, тутъ всѣ виноваты:
и обычаи нашего интеллигентнаго общества, и харак-
ь этомъ обществѣ выровнявшіеся и создавшіеся, нравы и обычаи нашихъ заимствованныхъ и недостаточно
шихъ молодыхъ судовъ. Но вѣдь когда всѣ огуломъ ви-
значитъ, порознь нѣтъ никого виновнаго. Изъ всѣхъ
хъ отзывовъ мнѣ всего болѣе понравился отзывъ «Но-
ремени». Я наканунѣ какъ разъ говорилъ съ однимъ изъ
тонкихъ юристовъ и знатоковъ русской жизни, и ока-
что на счетъ этого дѣла, у насъ одинъ и тотъ-же вы-
ричемъ мой собесѣдникъ весьма мѣтко указалъ на «тра-
этого дѣла и на причины трагизма. На другой день, въ
нѣ Незнакомца, я прочелъ очень многое, весьма похожее
объ чемъ мы только что говорили наканунѣ. А потому,
скажу теперь нѣсколько словъ, то лишь въ частности и
юду».

II.

джентльменъ. Джентльмену нельзя не остаться до конца джентельменомъ.

о въ томъ что старые характеры еще не перевелись и,
, еще долго не переведутся, потому что на все надобенъ
и вездѣ природа. Я говорю о характерахъ нашего инте-
аго общества. Здѣсь впрочемъ настойчиво и съ упор-
замѣчу: что и не хорошо было-бы, еслибъ мы вдругъ,
лютера измѣнялись, потому что самая противная вещь въ
интеллигентныхъ характерахъ именно это свойство лег-
сти и безсодержательности. Она напоминаетъ что-то ла-
, лакея, рядящагося въ барское платье. Одно изъ свойствъ,
ѣръ, нашего джентльменничанья, если мы почему-нибудь

томъ процентщикомъ и дисконтеромъ Занфтлебеномъ, и н
тому только, что принужденъ былъ занимать у него деи
даже какъ-бы и дружественно, принимаетъ, напримѣръ, на
обязанность его душеприкащика и, повидимому, очень ох
Затѣмъ. по смерти Занфтлебена, происходитъ нѣсколько в
щихъ вещей: пропадаетъ вексельная книга неизвѣстно куда
селя, бумаги и документы, съ совершеннымъ нарушеніем
рядка, предписаннаго закономъ, отвозятся Гартунгомъ къ
на квартиру. Гартунгъ, какъ оказывается, вступаетъ въ сог
ніе съ одной частью наслѣдниковъ въ ущербъ другой (хот
жетъ быть, и не подозрѣваетъ того самъ). Затѣмъ къ нему
вается одинъ изъ наслѣдниковъ и бѣдному душеприкащику
на дѣлѣ приходится узнать, что онъ попалъ въ такое общ
въ какое и не ожидалъ. Затѣмъ начинаются обвиненія уже пр
въ кражѣ векселей, вексельной книги, въ перепискѣ век
въ исчезновеніи документовъ слишкомъ на сто или даже на
сти тысячъ рублей имущества... Затѣмъ начинается судъ.
куроръ даже радъ суду и тому, что генералъ сидитъ рядом
простолюдиномъ и тѣмъ даетъ поводъ русской Ѳемидѣ про
сти торжество равенства передъ закономъ сильныхъ и выс
съ малыми и ничтожными.

Судъ, однако же, идетъ нормальнымъ порядкомъ (что-б
говорили объ этомъ), и въ концѣ концовъ присяжные вын
почти неминуемое обвиненіе, въ томъ числѣ и о Гартунгѣ, с
котораго: «виновенъ и похитилъ». Судъ удаляется составить
говоръ, но генералъ Гартунгъ дождаться его не захотѣлъ: и
въ другую комнату, онъ, говорятъ, сѣлъ къ столу и схв
обѣими руками свою бѣдную голову; затѣмъ вдругъ раз
выстрѣлъ: онъ умертвилъ себя принесеннымъ съ собою и
женнымъ заранѣе револьверомъ, ударомъ въ сердце. На
нашли тоже заранѣе заготовленную записку, въ которо
«клянется *всемогущимъ Богомъ*», что ничего въ этомъ д
похитилъ и враговъ своихъ прощаетъ». Такимъ образом
умеръ въ сознаніи своей невинности, и въ сознаніи своего
тельменства.

И вотъ эта-то смерть и взволновала всѣхъ въ Москв
газеты во всей Россіи. Говорятъ, и судьи и прокуроръ
изъ своихъ комнатъ совсѣмъ блѣдные. Присяжные, говорятъ,
бы тоже были сконфужены. Газеты завопили даже объ «о
несправедливомъ рѣшеніи» и однѣ изъ нихъ замѣчали,
шіи суды нельзя уже теперь обвинять за мягкіе потво

ие приговоры: «вотъ, дескать, примѣръ, палъ невинный». Другіе праведливо замѣтили, что такимъ торжественнымъ и послѣднимъ овамъ человѣка на землѣ, почти невозможно не вѣрить, а, стал ыть, почти несомнѣнно можно заключить, что произошла пла евная судебная ошибка. И многое, многое говорили и писали азеты. Надо признаться, нѣкоторые изъ отзывовъ газетъ были гранны: слышалась какая-то фальшь, можетъ быть, горячая и скренняя, но фальшь. Гартунга жалко, но тутъ скорѣе тра дія (преглубокая), фатумъ русской жизни, чѣмъ съ которой будь стороны ошибка. Или, лучше сказать, тутъ всѣ виноваты нравы и обычаи нашего интелигентнаго общества, и харак ры въ этомъ обществѣ выровнявшіеся и создавшіеся, нако ць, нравы и обычаи нашихъ заимствованныхъ и недостаточно русѣвшихъ молодыхъ судовъ. Но вѣдь когда всѣ огуломъ ви аты, значитъ, порознь нѣтъ никого виновнаго. Изъ всѣхъ естныхъ отзывовъ мнѣ всего болѣе понравился отзывъ «Но го Времени». Я наканунѣ какъ разъ говорилъ съ однимъ изъ шихъ тонкихъ юристовъ и знатоковъ русской жизни, и ока лось, что на счетъ этого дѣла, у насъ одинъ и тотъ-же взг ядъ, причемъ мой собесѣдникъ весьма мѣтко указалъ на «тра мъ» этого дѣла и на причины трагизма. На другой день, въ ельетонѣ Незнакомца, я прочелъ очень многое, весьма похожее то, объ чемъ мы только что говорили наканунѣ. А потому ли я скажу теперь нѣсколько словъ, то лишь въ частности по поводу».

II.

Русскій джентльменъ. Джентльмену нельзя не остаться до конца джентельменомъ.

Дѣло въ томъ что старые характеры еще не перевелись и кажется, еще долго не переведутся, потому что на все надобенъ рокъ и вездѣ природа. Я говорю о характерахъ нашего интелигентнаго общества. Здѣсь впрочемъ настойчиво и съ упор ствомъ замѣчу: что и не хорошо было-бы, еслибъ мы вдругъ изъ флюгера измѣнялись, потому что самая противная вещь въ нашихъ интелигентныхъ характерахъ именно это свойство лег комысленности и безсодержательности. Она напоминаетъ что то ла кейское, лакея, рядящагося въ барское платье. Одно изъ свойствъ примѣръ, нашего джентльменничанья, если мы почемъ-нибудь

разъ прикоснулись къ богатымъ и знатнымъ, и особенно к
къ нимъ проникли—это *представительность*, потребность
ставить себя широко. Замѣтьте, я лично о Гартунгѣ не го
теперь ни слова, я совершенно не знаю его біографіи; я то
хочу отмѣтить нѣсколько штриховъ, всѣмъ извѣстнаго харак
нашего интелигентнаго человѣка, говоря вообще, и съ которы
при извѣстныхъ обстоятельствахъ, могло-бы случиться точь
точь тоже самое что и съ генераломъ Гартунгомъ. Человѣкъ,
примѣръ, ничтожный, въ маломъ чинѣ, безъ гроша въ кар
вдругъ попадаетъ въ высшее общество, или хоть почему-л
соприкасается съ нимъ. И вотъ, у бѣдняка ничего неимѣвш
кромѣ способности профильтроваться въ высшее общество, вдр
является своя карета, квартира, въ которой «возможно» ж
лакеи, костюмы, перчатки. Можетъ быть, онъ хочетъ сдѣл
карьеру, выбиться въ люди, но чаще всего бываетъ такъ,
просто подражать хочетъ: всѣ, дескать, такъ живутъ, какж
то? Тутъ какой-то въ немъ стыдъ, котораго никакъ нельзя
ресилить, однимъ словомъ: честь и порядочность понима
какъ-то странно, собственнаго-же достоинства не оказыва
никакого. Въ паралель этому непониманію такой первѣйшей в
какъ чувство собственнаго достоинства можно поставить,
кажется, лишь непониманіе, чуть не всѣмъ интелигентнымъ с
пейскимъ вѣкомъ нашимъ, свободы, въ чемъ состоитъ она,—
объ этомъ потомъ. Вторая, и опять-таки почти трагическая ч
нашего русскаго интелигентнаго человѣка—это его податливо
его готовность на соглашеніе. О, есть множество кулаковъ, бы
виковъ, противныхъ но стойкихъ мерзавцевъ: есть даже и хор
стойкіе люди, но ихъ мало ужасно, въ большинствѣ-же п
дочныхъ русскихъ людей царитъ именно эта скорая усту
вость, потребность уступить, согласиться. И вовсе это даж
отъ добродушія, равно какъ далеко не отъ трусости, а т
деликатность какая-то, или неизвѣстно ужь что тутъ. Ско
разъ вамъ, напримѣръ, приходилось въ разговорѣ съ упорны
напримѣръ, человѣкомъ налегавшимъ на васъ и требовавш
вашего отзыва—согласиться и уступить ваше мнѣніе, или в
даже голосъ въ какомъ-нибудь засѣданіи, хотя вы, можетъ б
внутри себя и вовсе-бы того не желали. Увлекаетъ тоже о
русскаго человѣка слово *вспъ*: «я какъ и всѣ»—«я съ общ
мнѣніемъ согласенъ»,—«всѣ идемъ, ура!» Но есть тутъ и
странность: русскій человѣкъ самъ себя обольстить, прельст
увлечь и уговорить очень любитъ. И не хочется ему сдѣлат

о, пойти напримѣръ, въ душеприкащики къ Зантфлебену, но юритъ себя: «чтожъ, дескать, такое, пойду»...
Бываютъ въ этомъ слоѣ интелигентныхъ русскихъ людей, ы, съ нѣкоторой стороны даже чрезвычайно привлекательные, именно съ этими несчастными свойствами русскаго джентльства на которыя я сейчасъ намекалъ. Иные изъ нихъ почти янны, почти Шиллеры; ихъ незнаніе «дѣлъ» придаетъ имъ ти нѣчто трогательное, но чувство чести въ нихъ сильное: ъ застрѣлится какъ Гартунгъ, если, по своему мнѣнію, потеетъ честь. Можетъ быть, ихъ даже довольно и числомъ. Но ъ-ли эти люди знаютъ, напримѣръ, когда-нибудь сумму ихъ долговъ. И не то чтобъ всѣ они были кутилы, иные противъ, прекрасные мужья и отцы, но деньги можно мотать утилѣ и прекрасному отцу. Весьма многіе изъ нихъ входятъ жизнь съ слабыми остатками прежнихъ родовыхъ имѣній, орыя быстро улетучиваются въ первые же дни юности. Заъ бракъ, затѣмъ чинъ, и хорошее казенное мѣстечко, котоъ такъ себѣ, а все-же даетъ какой-нибудь доходъ и основаніе жизни, нѣчто уже солидное, въ противоположность великоскому бродяжеству въ прежнюю жизнь. Но долги идутъ безрывно, онъ, конечно, платитъ ихъ, потому что онъ джентльъ, но платитъ новыми долгами. Положительно можно сказъ, что многіе изъ нихъ, обдумывая въ иную минуту свое поженіе про себя, наединѣ, могли-бы смѣло и съ великимъ блаодѣтвомъ произнести: мы ничего не похищали и ничего не чимъ похитить». Между тѣмъ, вотъ какая тутъ мелкая черточка жетъ даже произойти: при случаѣ (ну, очень понадобилось) онъ собенъ взять взаймы даже у няньки дѣтей своихъ, какіе будь накопленные ею 10 рублей. Да что-же такое, помите, почему-же нѣтъ? Притомъ старушка нянька весьма часто ъ обжившійся близкій и интимный въ домѣ человѣкъ. Она ти членъ семьи, ее ласкаютъ, ей даже самые важные ключи храненіе передаютъ. Добрый генералъ, ея баринъ, давно уже жалъ ей мѣсто въ богадѣльнѣ на старость, да вотъ только ка-то эти все мѣшаютъ ему позаботиться, давно-бы надо ъ объ ней словечко замолвить. А нянька такъ и напомнить ашится, напоминаетъ развѣ одинъ разикъ въ годъ о богальнѣ, все трепещетъ досадить такому первому и обезпокоенъ всегда человѣку, какъ ея генералъ. Добрые вѣдь они, сами помнятъ», думаетъ она подчасъ, укладывая въ постель своихрыя кости; объ 10-ти-же рубляхъ и напомнить такъ даже

стыдится, у ней своя совѣсть есть, у старушки. И вотъ в
умираетъ генералъ, и—ни мѣста у старушки, ни десяти ру
Все это, разумѣется, пустяки и мелочь страшная, но ес
вдругъ на томъ свѣтѣ напомнили генералу, что нянька-то
10-ти рублей не получила, то онъ-бы страшно покраснѣлъ:
кіе десять рублей? Неужто! Ахъ, да вѣдь въ самомъ дѣлѣ,
четыре назадъ! Mais comment, comment, и какъ это могло
читься!» И этотъ долгъ мучилъ-бы его сильнѣе, чѣмъ иной
десятитысячный оставленный имъ на землѣ! Ему было-бы ух
какъ стыдно: «о, повѣрьте, я не хотѣлъ того, повѣрьте, ч
даже не думалъ о томъ, забылъ думать»! Но бѣднаго ген
слушали-бы тамъ только ангелы (такъ какъ онъ навѣрн
палъ-бы въ рай), а нянька все-таки осталась-бы безъ д
рублей на землѣ, и жалко ей ихъ иногда старушкѣ: «ну
Богъ съ ними, грѣхъ поминать этимъ, а человѣкъ были с
драгоцѣнный, самый какъ ни на есть праведный баринъ».

И вотъ что еще: если-бы этотъ прелестный человѣкъ
нибудь опять очутился на землѣ и воплотился въ прежняго
рала—отдалъ-бы онъ 10 рублей нянькѣ или нѣтъ?

Но не все вѣдь они занимаютъ. Вотъ пріятель, благо-р
нѣйшій Иванъ Петровичъ проситъ его выдать ему векселя
сячъ на шесть, заложу, дескать, въ банкъ, гдѣ я состою,
сконтирую, а вотъ тебѣ, дражайшій другъ, встрѣчные на
тысячъ. Чего-же думать? Векселя выдаются, Ивана Петровича
часто встрѣчаетъ потомъ въ клубѣ, оба забыли, разумѣется,
мать о выданныхъ векселяхъ, потому что оба суть самый ш
такъ сказать, порядочныхъ людей въ нашемъ обществѣ, и вд
черезъ шесть мѣсяцевъ, всѣ шесть тысячъ падаютъ на
генералу: «Извольте, дескать, платить, ваше превосходительс
Ну, вотъ тутъ и бросаются къ людямъ какъ Занфтлебенъ
шутъ документы въ сто на сто.

Повѣрьте опять-таки, что я, въ изображеніи моемъ, ни
чертой не претендую обличать покойнаго генерала Гартун
его совсѣмъ не зналъ и ничего не слыхалъ о немъ лично
только имѣлъ претензію чуть-чуть начертить характеръ о
изъ членовъ этого общества, но который однако еслибъ по
въ такую-же передрягу, какъ генералъ Гартунгъ къ Занфтле
то съ нимъ могло-бы произойти совершенно тоже самое, к
съ Гартунгомъ, до самоубійства включительно. А потому,
кажется, въ дѣлѣ Гартунга, нечего ни стыдить судъ, ни
диться суду. Тутъ вѣдь фатумъ, трагедія: генералъ Гартун

мой послѣдней минуты своей считалъ себя невиновнымъ и ставилъ записку...

— Да, но вѣдь вотъ однакожь эта записка, скажутъ другіе. Вѣдь не возможно-же, чтобы въ такую минуту, человѣкъ, да еще рующій какъ оказывается, могъ солгать. Значитъ, онъ ничего похитилъ, коли такъ торжественно заявилъ что не похитилъ. и сдѣлки тутъ никакой не могло быть у него даже съ совѣстью: какъ-бы ни былъ шатокъ и затемненъ смыслъ человѣка ей этой путаницей, но ужь коли онъ говоритъ: «я не похитилъ», то онъ не можетъ не знать: «похитилъ онъ или не похитилъ?» Это вѣдь просто дѣло рукъ человѣческихъ. Тутъ просто вопросъ: клалъ въ карманъ или не клалъ? Какъ-же онъ не знать, еслибъ положилъ?

Это совершенно справедливо, но вотъ вѣдь что можетъ тутъ быть, и даже навѣрно: Вѣдь онъ написалъ только про одного себя: «я, дескать, ничего не похитилъ, и не думалъ о похищеніи»—но вѣдь могли похитить другіе.

— Совершенно невозможно, возразятъ мнѣ: Если онъ далъ похитить другимъ, и зная о томъ какъ опекунъ—смолчалъ, то, стало быть, *и онъ похитилъ* съ другими! Генералъ Гартунгъ не могъ не понимать, что тутъ нѣтъ разницы.

Отвѣчу: во первыхъ, можно еще оспорить аргументъ, что коли зналъ, и далъ похитить, то, стало быть, и онъ похитилъ», во вторыхъ, тутъ несомнѣнно есть разница. А въ третьихъ, генералъ Гартунгъ могъ именно написать въ этомъ лишь буквальномъ смыслѣ, о которомъ мы говоримъ: «т. е. я, дескать, лично не бралъ и *не хотѣлъ* брать ровно ничего, сдѣлали другіе и противъ моей воли. Я виновенъ лишь въ слабости, но не въ мошенничествѣ, потому что самъ ничего не хотѣлъ брать ни у кого даже сопротивлялся. Сдѣлали другіе»... Онъ именно могъ написать въ этомъ смыслѣ свои роковыя слова, но въ тоже время, будучи столь честенъ и благороденъ, ни за что не могъ-бы согласиться съ «коли попустилъ украсть, значитъ самъ укралъ». Онъ къ тому шелъ и онъ зналъ, что не хотѣлъ ни украсть, ни попустить, а такъ само убралось. Да ктому-же замѣтьте, онъ никакъ-бы не могъ разъяснить въ этой запискѣ свои слова пошире: т. е. я виновенъ въ послабленіи, а не въ похищеніи и проч. Не тотъ-же онъ, джентльменъ, доносить на другихъ, — особенно въ такую торжественную минуту, въ которую онъ «простилъ врагамъ своимъ».

А наконецъ, и это всего вѣроятнѣе, онъ, можетъ быть, не

могъ на своемъ сердцѣ сознаться даже и въ послабленіи, въ
бости, въ добродушномъ попущеніи. Тутъ, можетъ быть, был
кая сѣть обстоятельствъ, которую онъ до самой послѣдней
нуты, включительно, осмыслить не могъ, съ тѣмъ и ушел
тотъ свѣтъ. «Похищена-де вексельная книга»—и вотъ толь
люди, которымъ онъ вполнѣ довѣряется, убѣждаютъ его в
момъ началѣ, что вѣдь это просто пустяки, пропала сама
нибудь, потому что вѣдь никому она и не нужна. Они выво
ему цифрами, математически, что вексельная книга была-б
вредъ, а не къ пользѣ самимъ даже наслѣдникамъ. (Вѣдь
самый аргументъ представляла-же на судѣ потомъ защит
кажется, онъ былъ справедливъ). Въ этомъ смыслѣ могло
и все остальное выставлено и растолковано Гартунгу. Вѣдь
дѣлъ не зналъ и его можно было убѣдить во всемъ. «Пов
дескать, мы тоже благородные люди, мы какъ и вы, не хо
похитить *ничего* у наслѣдниковъ, но дѣла-то у Занфтлебена
лись въ такомъ щекотливомъ видѣ, что если тамъ они (на
ники) узнаютъ теперь про вексельную книгу и все это, т
гутъ прямо насъ обвинить въ мошенничествѣ, а потому
скрыть отъ нихъ». Эти «безпорядки Занфтлебена», разум
открывались не вдругъ а постепенно, такъ что Гартунгъ
валъ истину, или, лучше сказать, терялъ истину и втягивал
ложь каждый день постепенно. И вотъ вдругъ къ нему
врывается одинъ изъ наслѣдниковъ, и если не кричитъ, т
нералъ Гартунгъ воръ, то вѣдь все равно что кричитъ: Онъ
вошелъ съ торжествомъ, съ побѣдоносной и злой улыбкой
вполнѣ увѣренный, что теперь смѣетъ сдѣлать въ квартир
нерала всякую пакость. И тутъ только генералъ вполнѣ у
въ какую трущобу забился. Потомъ онъ совсѣмъ потерялся,
сталъ предлагать компромиссы, сдѣлки и запуталъ, конечно,
еще болѣе, а обвиняющая сторона жадно вцѣпилась въ
компрометирующіе его факты на счетъ компромиссовъ и сд
Все пошло въ дѣло. Однимъ словомъ, Гартунгъ умеръ въ с
ніи совершенной своей личной невинности, но и ошибки
дебной ошибки, въ строгомъ смыслѣ, никакой не было.
фатумъ, случилась трагедія: Слѣпая сила почему-то выбра
ного Гартунга, чтобъ наказать его за *пороки*, столь распр
ненные въ его обществѣ. Такихъ какъ онъ, можетъ быть, 1
но погибъ одинъ Гартунгъ. Невинный и высоко честный
человѣкъ, съ своей трагической развязкой, конечно, могъ
дить наибольшую симпатію, изъ всѣхъ этихъ десяти тыс

...ть надъ нимъ пріобрѣсти наибольшую огласку по Россіи для ...предупрежденія «порочныхъ»; но врядъ-ли судьба, слѣпая богиня, ...а это именно разсчитывала, поражая его.

III.

...ожь необходима для истины. Ложь на ложь даетъ правду. Правда-ли это?

И однако во мнѣ все-таки воскресло одно, еще прежнее впе...атлѣніе, которымъ хочется подѣлиться, хотя, можетъ быть, очень ...ивное. Это уже вообще объ нашемъ судѣ. Гласный Судъ съ ...исяжными засѣдателями принято считать во всемъ мірѣ чуть ...е за достигнутое совершенство: «это, такъ сказать, побѣда, ...ысшій плодъ ума». Я вѣрю со всѣми, потому что вамъ ска...утъ, напримѣръ: «ну, выдумайте лучше»—и вѣдь вы не вы...умаете. Слѣдственно необходимо согласиться уже потому од...ому, что нельзя лучше выдумать. А между тѣмъ вотъ всхо...итъ на сцену... то бишь на эстраду г. прокуроръ. Предста...имъ, что это человѣкъ превосходный, умный, совѣстливый, ...бразованный, съ христіанскими убѣжденіями и знающій Рос...ію и русскаго человѣка какъ мало въ Россіи знаютъ. Ну-съ, ...вотъ этотъ совѣстливѣйшій человѣкъ прямо начинаетъ съ ...ого, что онъ «даже радъ, что случилось это преступленіе, по...ому только что пришла наконецъ кара этому злодѣю, вотъ ...ому подсудимому, потому что еслибъ вы только знали, господа ...исяжные, какая это каналья!» Т. е. онъ, разумѣется, «ка...алью» не употребитъ, но вѣдь это все равно: онъ самымъ ...ливѣйшимъ, самымъ мягкимъ и самымъ гуманнымъ образомъ ...ставитъ его подъ конецъ даже хуже каналья, хуже даже ...акой каналья. Скорбя сердцемъ, онъ деликатнѣйшимъ обра...омъ передаетъ, что вѣдь, и мать его была такова, что онъ, ...аконецъ, не могъ не украсть, потому что самый низкій раз...ратъ увлекалъ его все болѣе и болѣе въ бездну. Сдѣлалъ-же ...ъ все сознательно и преднамѣреннѣйшимъ образомъ. Вспом...ите, какъ хорошо послужилъ ему пожаръ въ сосѣдней ...ищѣ въ минуту совершенія имъ преступленія, потому что по...аръ, произведя тревогу, отвлекъ къ себѣ вниманіе и дворни...ъ и всего околотка. «О, я, разумѣется, далекъ отъ всякаго ...ожно обвиненія въ поджогѣ, но, господа присяжные, согла...

ситесь, что тутъ странное совпаденіе двухъ обстоятельствъ
избѣжно наводящихъ на извѣстную мысль, но я молчу, молч
но, конечно, вы этого вора, убійцу (потому что онъ непремѣнн
убилъ, еслибъ встрѣтилъ кого въ квартирѣ) и наконецъ по
гателя, отъявленнаго, доказаннаго поджигателя,—конечно,
вы его ушлете куда-нибудь подальше, и тѣмъ дадите воз
ность вздохнуть добрымъ людямъ, хозяйкамъ спокойно удал
изъ квартиры за покупкой провизіи, а владѣльцамъ домов
трепетать за свое имущество, хотя-бы таковое и было за
ховано въ томъ или другомъ страховомъ обществѣ. А, гла
напрасно я это все вывожу: взгляните на него! вотъ он
дитъ не смѣя взглянуть въ глаза честнымъ людямъ, и р
мало одного простаго взгляда, чтобъ убѣдиться, что это и
и убійца, и поджигатель. Объ одномъ лишь торжественно с
лѣю, что ему не удалось сдѣлать десять такихъ-же пок
бѣлья, зарѣзать десять такихъ-же хозяекъ и поджечь д
такихъ-же домовъ, потому что тогда самая уже колоссальн
преступленія потрясла-бы гражданскн—сонливое общество
и заставило-бы его прибѣгнуть наконецъ къ самозащитѣ и в
изъ преступнаго своего гражданскаго усыпленія»...

О, мы знаемъ, что г. прокуроръ будетъ говорить го
благороднѣе. Слова наши каррикатура, и годятся лишь для
ристической воскресной газетки съ куплетами и каррикату
положимъ. Положимъ, это будетъ даже одно изъ такихъ
которыя возбуждаютъ глубокіе соціальные и гражданскіе
просы, а, главное, въ немъ будетъ психологическія мѣста,
психологіи какъ извѣстно чрезвычайно бойки прокуроры
во всей Европѣ. Ну и что-же, все-таки выйдетъ въ зак
ніи тоже самое, т. е. что жаль, дескать, что не было в
одного,—десяти, тридцати, пятисотъ отравленій, потому
тогда-бы содрогнулись ваши сердца и вы-бы встали какъ
человѣкъ и т. д. и т. д.

Но, возразятъ мнѣ, что-жь тутъ такого? Положимъ, у
много прокуроровъ совсѣмъ не ораторы, но прокуроръ, во
выхъ, чиновникъ, и долженъ дѣйствовать сообразно службѣ с
и во вторыхъ, что прокуроры всегда преувеличиваютъ об
ніе—въ томъ нѣтъ не только ничего предосудительнаго, но
ротивъ, все полезное. Ибо такъ именно и надо. За т
противуположность ему есть защитникъ подсудимаго, кот
позволяется вполнѣ опровергать прокурора. Кромѣ того,
во всей Европѣ позволяется доказывать. конечно, съ полн

кливостью, что прокуроръ глупъ, нелѣпъ, подловатъ и что
ли кто зажегъ третьяго дня въ 3-й линіи на Васильевскомъ
мъ, такъ это именно этотъ самый человѣкъ, потому что онъ
ль разъ въ это самое время былъ на Васильевскомъ Островѣ
именинахъ генерала Михайлова, превосходнѣйшаго и благо-
р-роднѣйшаго существа, а что онъ зажегъ домъ, то въ этомъ
тъ сомнѣнія потому одному даже (опять психологія), что не
ожги онъ этотъ домъ, по враждѣ съ домовладѣльцемъ куп-
мъ Иваномъ Бородатымъ, то ему-бы никогда не могло прійти
голову, такое глупое, такое ни на что не похожее и пош-
обвиненіе подсудимаго въ поджигательствѣ для отвода глазъ
улицы во время совершенія этого мнимаго и несообраз-
ни съ чѣмъ преступленія. Собственно поджогъ его именно
велъ на мысль». Наконецъ возьмите и то, что защитнику
воляется дѣлать жесты, проливать слезы, скрежетать зубами,
ть свои волосы, стучать стульями (но не замахиваться ими)
наконецъ падать въ обморокъ, если онъ уже очень благоро-
ъ и не можетъ вынести несправедливости, что, впрочемъ
ется, не позволено прокурору, какъ-бы ни былъ онъ благо-
денъ, потому что какъ-то странно было-бы вдругъ упасть
ничь чиновнику въ мундирѣ. Не употребляется это вовсе.
Опять-таки все что я говорю — каррикатура, одна каррика-
ра и ничего этого не бываетъ, а обходится все на самой
городной ногѣ, я согласенъ (хотя стульями-то и стучали и въ
рокъ-то падывали)! Но вѣдь я только хлопочу о сущности
ла, потому что въ самыхъ благороднѣйшихъ выраженіяхъ до-
ать до того-же самого, какъ и въ неблагороднѣйшихъ.

— Какъ, что вы, укажутъ мнѣ, да это-то и надо, именно
увеличеніе-то и надо съ обѣихъ сторонъ! Присяжный иногда
вѣкъ не столь образованный, и къ тому-же занятой, у него
своя лавка, дѣла, онъ подчасъ разсѣянъ, а подчасъ такъ
просто не въ силахъ самъ углубиться. А потому именно его
углубить, показать ему всѣ фазисы дѣла, даже самые не-
жные, чтобы онъ уже вполнѣ былъ увѣренъ, что обвине-
все что только можетъ прійти въ голову уже исчерпано.
думать надъ этимъ уже больше нечего, равно какъ за-
той подведено все, что только возможно и невозможно пред-
ть къ убѣленію подсудимаго, паче горняго снѣга. А по-
ть въ особой комнатѣ, сводя итоги, они уже знаютъ, такъ
механически, что должно выскочить, плюсъ или минусъ,
совѣстью, по крайней мѣрѣ, они могутъ быть совершенно

спокойны. Въ результатѣ ясно, что все это совершенно необхо-
димо для истины, т. е. и ожесточенное нападеніе и ожесточен-
ная защита, и даже такъ, что ожесточенное-то нападеніе обви-
нителя, если только взять въ самомъ строгомъ смыслѣ, даж
полезнѣе подсудимому, чѣмъ самому обвинителю, такъ что опять
таки ничего нельзя выдумать лучше.

Однимъ словомъ, современный судъ не только побѣда, и
высшій плодъ ума, но и самая мудреная вещь. Съ этимъ нель
не согласиться. Судъ притомъ гласный; стекается публика да
сотнями человѣкъ—и неужели предположить, что они стекаютс
изъ праздности, для спектакля только? Нѣтъ, конечно: изъ ка-
кого-бы побужденія ни собирались они, а надо чтобы уходи
съ впечатлѣніемъ высшимъ, сильнымъ, назидательнымъ и цѣле-
нымъ. Между тѣмъ всѣ сидятъ и видятъ, что тутъ въ основ
какая-то ложь,—о, не въ судѣ, конечно, не въ значеніи пр
говора, а просто напримѣръ въ иныхъ привычкахъ съ тако
счастливою легкостью воспринятыхъ у Европы и укоренившихс
въ нашихъ представителяхъ защиты и обвиненія. Я вотъ ухо
домой и дома про себя думаю: вѣдь Ивана Христофорыча, пр
курора, я лично знаю, умнѣйшій и добрѣйшій человѣкъ, а меж
тѣмъ вѣдь онъ лгалъ, и зналъ что лгалъ. Дѣло какого-нибу
выговора или двумѣсячнаго заключенія онъ натянулъ на два
цатилѣтнюю ссылку въ отдаленнѣйшія мѣста. Пусть это да
надо для самой ясности дѣла, но все-же онъ лгалъ, лгалъ с
знательно, а вѣдь дѣло-то объ шеѣ человѣка идетъ. Какъ-
это такъ согласить, особенно если онъ человѣкъ съ талантом
вѣдь il en reste toujours quelque chose, особенно если защита пл
ховата и только стульями умѣетъ стучать. Положимъ, тутъ да
самолюбіе Ивана Христофоровича розыгралось, чисто человѣч
ская черта, но извинительная-ли въ такомъ важномъ дѣлѣ? Ку
же тутъ человѣкъ-то дѣвался, высшій-то человѣкъ, гуманны
цивилизованный?

Пусть, пусть, наконецъ, изъ этого-то изъ всего и выходи
истина, и выходитъ, такъ сказать, механически даже, самы
хитрѣйшимъ путемъ, но вѣдь собирающаяся на судъ публи
пожалуй, и впрямь будетъ собираться тогда на зрѣлище, на
зерцаніе механическаго и хитрѣйшаго пути, и слушая съ вост
гомъ какъ, напримѣръ, талантливый защитникъ такъ отлич
лжетъ противъ совѣсти, она чуть не аплодируетъ ему съ сво
стульевъ: «какъ дескать, лжетъ хорошо человѣкъ.» Вѣдь о
этого зарождается въ массѣ этой публики цинизмъ и фальш

ореняются незамѣтно. Жаждутъ уже не истины, а таланта, ишь-бы повеселилъ и развлекъ. Тупѣетъ гуманное чувство, кое уже не возстановите кувырканьями въ обморокъ. Ну, а дставьте, опять-таки, если лжецъ дѣйствительно съ огромнымъ антомъ?

Я знаю, что все это лишь праздное съ моей стороны нытье. послушайте, учрежденіе гласнаго присяжнаго суда все-же ь не русское, а скопированное съ иностраннаго. Неужели льзя надѣяться, что русская національность, русскій духъ, ка-нибудь сгладятъ шероховатости, уничтожатъ фальшь... рныхъ привычекъ, и дѣло пойдетъ уже во всемъ по правдѣ по истинѣ. Правда, теперь это невозможно: теперь именно, щита и обвиненіе блистаютъ этими дурными привычками, ибо ни ищутъ денегъ, а другіе карьеры. Но вѣдь когда-нибудь жно-же будетъ прокурору даже защищать подсудимаго, вмѣсто го, чтобъ обвинять его, такъ что защитники, если-бы захотѣли разить, что даже и той малой доли обвиненія, которую прокуроръ все-же оставилъ на подсудимомъ, нельзя примѣнить къ му, то присяжные засѣдатели имъ просто-бы не повѣрили.

Я даже такъ думаю, что такой пріемъ скорѣе-бы и вѣрнѣе здо способствовалъ къ отысканію истины, чѣмъ прежній меническій способъ преувеличенія, состоящій въ крайности обвиненія и въ звѣрствѣ защиты? Отвѣтятъ, конечно, что это рѣшительно невозможно, а такъ какъ тоже самое и въ Европѣ, то и ть не должно, и что «*чѣмъ механичнѣе, тѣмъ даже и лучше*» Вотъ этотъ механизмъ-то, этотъ механическій способъ вы. кивать наружу правду, можетъ быть, у насъ и замѣнится... сто правдой. Искусственное преувеличеніе исчезнетъ съ обѣъ сторонъ. Все явится искреннимъ и правдивымъ, а не игрой отысканіе истины. На сценѣ будетъ не зрѣлище, не игра, а къ, примѣръ, назиданіе. Правда, адвокатамъ будутъ платить здо меньше. Но всѣ эти утопіи возможны будутъ развѣ да у насъ выростутъ крылья и всѣ обратятся въ ангеловъ, вѣдь и судовъ тогда не будетъ.

Глава третья.

I.

Римскіе клерикалы у насъ въ Россіи.

Недавно «Московскія Вѣдомости» № 262-й сдѣлали передовой статьѣ слѣдующее замѣчаніе:

Третьяго дня мы обратили вниманіе на какую-то парті Россіи дѣйствующую въ согласіи съ ея врагами и готовую Туркамъ въ ихъ борьбѣ съ нею, — партію русскихъ Англо- которой ненавистно всякое проявленіе нашего народнаго д кое дѣйствіе нашего правительства въ этомъ духѣ и котору патріотизмъ ставитъ на одну линію съ нигилизмомъ и рево партія, которая питаетъ гнуснѣйшими корреспонденціями вра намъ заграничную печать. Едва была сдана наша статья в какъ телеграмма нашего петербургскаго корреспондента намъ сущность обнародованнаго „Правительственнымъ Вѣс сообщенія, изобличающаго новыя продѣлки этой партіи. Въ время, когда между Плевной и Орханіе наша армія имѣл тельные успѣхи, въ Петербургѣ интрига распускаетъ слухи женіи будто-бы понесенномъ этими самыми побѣдоносными и стараясь распространить въ публикѣ уныніе, и старается такъ что правительство сочло необходимымъ предостеречь пуб подобныхъ злоумышленныхъ слуховъ.

«Новое Время» замѣтило по этому поводу на другой нѣсколько впрочемъ, что «Московскія Вѣдомости» хватили н далеко, и что «Правительственный Вѣстникъ» разумѣлъ быть просто какую-нибудь болтовню въ публикѣ, вовсе н щую такого значенія. (Излагаю мысль «Новаго Времени» словами на память).

Весьма можетъ быть, что и такъ, и что «Правительс Вѣстникъ» и впрямь говорилъ лишь о какой-нибудь «бо тѣмъ не менѣе предположеніе «Московскихъ Вѣдом.» им основательное основаніе. Только какіе-же тутъ англо-ма которыхъ упоминаютъ «Моск. Вѣд.»? У насъ, на нашихъ [illegible]нахъ, да и внутри свои римскіе клерикалы найдутся. Тел [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

ихъ римскихъ клерикаловъ и не употребилъ ихъ въ дѣло. ута, въ тылу русскихъ армій, чрезвычайно была-бы выгодна такану, особенно въ настоящую минуту. Вотъ еще выписка, уже изъ «Новаго Времени» № 587. «Новое Время», въ отдѣлѣ емъ: «Среди газетъ и журналовъ» цитуетъ мнѣніе «Голоса», раженное по поводу нѣкоторыхъ статей въ англійскомъ «Mor- g Post» и въ нѣкоторыхъ заграничныхъ польскихъ журна- къ. Вотъ эта выписка:

Въ «Morning Post», отъ 22-го октября, напечатана любопытная, своей неожиданности, статья, гдѣ туркофильская газета сообщаетъ переговорахъ, будто-бы начатыхъ уже между Россіей и Германіей, поводу уступки Германіи Привислянскаго края по Вислу! Само ою, разумѣется, что въ глазахъ «Morning Post» это составляетъ ультатъ сдѣлки, по которой Германія обязуется помочь «пріобрѣ- ить Россіи на Балканскомъ полуостровѣ». Лондонская газета на- ѣтливо толкуетъ далѣе, что поляки Привислянскаго края вовсе не ышутъ теперь о возстаніи, «не желая попасть еще въ горчайшее ѣдство», т. е. во власть пруссакамъ, и что если въ «русской Польшѣ» ойдутъ какія-нибудь безпорядки, то они будутъ простымъ по- ѣдствіемъ «русско-прусскихъ интригъ»... Замѣчательно, что, за нѣ- олько дней передъ тѣмъ, какъ появилась эта статья въ «Morning st» о томъ-же самомъ предметѣ, хотя и въ нѣсколько другомъ тонѣ, орилъ «Dziennik Polsky», сообщивъ, будто-бы русское правитель- во, выводя свои войска изъ Привислянскаго края, распространило ъ возваніе къ крестьянамъ, приглашая ихъ образовать изъ себя ѣскую стражу для наблюденія за панами и для подавленія вся- ихъ попытокъ къ мятежу. Передавая содержаніе этихъ статей «Го- ь» удивляется, съ чего вдругъ стали такъ усердствовать «Dziennik lsky» и «Morning Post»? Для чего понадобилась имъ нелѣпая басня русскомъ возваніи къ привислянскимъ крестьянамъ и о русско- ихъ agents provocateurs, будто-бы старающихся возбудить кусственное возстаніе въ конгрессувкѣ?»

Эти неожиданныя выходки должны-же имѣть какую нибудь цѣль. ты, ихъ напечатавшія, вѣроятно, имѣютъ свѣдѣнія, заставляющія опасаться возникновенія безпорядковъ въ Привислянскомъ краѣ стараются заранѣе исказить смыслъ движенія, послѣдствій кото- о они, повидимому, опасаются. Пріемъ этотъ не новъ. Онъ уже требился поляками и ихъ западными друзьями въ 1863 году. о это воспоминаніе заставляетъ уже признать, что статьи Dzien- Polsky» и «Morning Post» не лишены значенія и имѣютъ какую- ѣстственную связь съ прежними толками мадьярской печати о ѣстіи поляковъ къ туркамъ и о ихъ тайномъ желаніи усложнить ложеніе Россіи революціонною агитаціей на нашей западной гра- Любопытно, что эти статьи совпадаютъ съ извѣстіемъ, о кан- ѣ кардинала Ледоховскаго на папскій престолъ. Мы не при- имъ, заявляетъ «Голосъ», къ числу охотниковъ придавать пре- ное значеніе всѣмъ фантастическимъ комбинаціямъ, за ко- хватаются недоброжелатели Россіи, въ надеждѣ помѣшать

благопріятной для нея развязки внѣшней войны. Въ данном случаѣ, дѣло кажется намъ настолько серьезнымъ, что нельзя оставить безъ указанія такой фактъ какимъ является неожида и ничѣмъ, повидимому, невызванное появленіе статей «Dzie Polsky» и «Morning Post».

Стало быть, есть-же нѣчто похожее на вѣтви клерикаль заговора, можетъ быть, и у насъ? Уже одно извѣстіе о ка датурѣ Ледоховскаго, несомнѣнно польскаго происхожденія, только одна легкомысленная голова польскаго заграничнаго татора можетъ серьезно повѣрить, что римскій конклавъ, на ненный такими тонкими умами въ состояніи-бы былъ такъ ш нуться избраніемъ Ледоховскаго, при чемъ новый Папа тольк и дѣлалъ, что занимался возстановленіемъ ойчизны, а не ского и всемірнаго владычества папъ. Но это въ сторону, а и клерикальнаго заговора въ Роскіи все-таки ясны. «Новое Вр прибавляетъ къ тому-же, что—

«Настойчивая въ настоящее время полемика «Journal de St.-P bourg» съ итальянскими клерикальными газетами по поводу мни угнетенія католицизма въ Польшѣ, какъ будто показываютъ, чт ществуютъ признаки какой-то агитаціи на нашей западной окра

Ну ужь вовсе не признаки только. Это, стало быть, именно и та *партія*, про которую говорятъ «Московскія Вѣдомости», чт «дѣйствуетъ въ согласіи съ врагами Россіи и... что ей ненави всякое проявленіе нашего народнаго духа, всякое *дѣйствіе шею правительства въ этомъ духѣ* и которая русскій па тизмъ ставитъ на одну доску съ нигилизмомъ и революціе партія, которая питаетъ гнуснѣйшими корреспонденціями в дебную намъ печать...

Да, именно европейскія корреспонденціи изъ Россіи, оче очень возможно что ея дѣло, этой партіи. Эта радость о не чахъ Россіи и легкомысленное визжаніе отъ восторга, что сія такъ-де вдругъ оказалась «слаба, безъ финансовъ, съ строеннымъ войскомъ, съ недовольнымъ и ропщущимъ народ съ нигилизмомъ подточившимъ общество» — всѣ эти небыл несомнѣнно носятъ на себѣ печать столь извѣстнаго проис денія. О, нельзя чтобъ не нашлись и русскія перья, гот писать въ унисонъ съ клерикалами, но эти корреспонденц заграницу не могутъ быть кажется написаны русскими: слиш ужь было-бы это подло. Тѣмъ не менѣе клерикалы, можетъ б и не очень стараясь, несомнѣнно направляютъ даже и ру перья у насъ дома. Они ихъ вовсе, можетъ быть, и

говариваютъ, и въ сношенія съ ними, *прямыя*, и *надвежа-*
я, не вступаютъ, потому что эти бойкія либеральныя перья
надлежатъ *иногда* честнѣйшимъ людямъ, которыя, выслушавъ
мое предложеніе клерикала, можетъ быть, спустили-бы его
е съ лѣстницы. Но за то клерикалъ, особенно у насъ обжив-
йся, отмѣнно знаетъ, что ему и ходить къ бойкому перу не
жно, потому что бойкое русское перо ему и даромъ все на-
шетъ,—единственно воображая (о, милые!) что это и честно и
берально. Бойкое перо возмущается, напримѣръ, клерикалами,
явившими во Франціи Макъ-Магона, и пишетъ грозныя про-
въ нихъ статьи. Но въ тоже время онъ русскаго римскаго
рикала не только не замѣтитъ, но подчасъ запоетъ ему въ
ый полный унисонъ. Есть такіе, есть. И хитрые наши рим-
е клерикалы даже, можетъ быть, дивятся на нихъ: «Вѣдь охота-
это имъ этакъ шлепаться между двухъ стульевъ»,—кивають
главами своими. «И вѣдь какъ безкорыстно! Правда, на-
но-же быть до конца либеральнымъ. Вѣдь вотъ они кричатъ,
Россія права даже не имѣетъ освобождать славянъ: да вѣдь
это имъ мало сто тысячъ дать! И все-то это между двухъ
льевъ, поминутно, да поминутно. Какъ имъ не больно только?
живаетъ что-ли у нихъ такъ скоро»...

II.

Лѣтняя попытка Старой Польши мириться.

Въ началѣ лѣта эти агитаторы-клерикалы попробовали у
съ сдѣлать демонстрацію даже черезъ русскія изданія. Волки
рядились въ овецъ и заговорили въ тонѣ какъ будто по-
анниковъ всей польской «эмиграціи» за-границей. Они стали
лагать примиреніе: примите, дескать, насъ, мы видимъ тоже,
о братство славянъ несомнѣнно и не хотимъ отстать. Гово-
ли они чрезвычайно нѣжно и выставили резоны:

„У насъ, говорятъ они, есть инженеры, химики, технологи, ре-
ленники, бухгалтеры, агрономы и т. п.“. Всего этого много въ
анціи. Пустите ихъ къ себѣ! „Развѣ — говоритъ житель Литвы,
явшій въ 172 № „Спб. Вѣд.“ статью, — нѣтъ у васъ дѣла для
еды, которая произвела прежде Тенгоборскаго для Россіи, Во-
аго для Франціи? А въ дѣлѣ искусствъ, столь обмягчающихъ
облагораживающихъ характеръ, какъ представителями въ
шемъ обществѣ, въ настоящее время всесвѣтно извѣстны: Брод-

кій скульпторъ, Матейко живописецъ. Вамъ эти-ли люди не ну
Что-же сказать о сонмѣ литераторовъ, публицистовъ, профе
ковъ, фабрикантовъ и всякаго рода дѣятелей? Вамъ эти лю
нужны тоже"? („Новое Время". Изъ статьи Костомарова)".

Г. Костомаровъ великолѣпно отвѣтилъ въ «Новомъ Вре
на всѣ эти заискиванія. Сожалѣю, что не имѣю мѣста сд
выписки изъ этой превосходной статьи. Разсужденіями яс
и точными доказываетъ г. Костомаровъ, что все это лишь
западня, что наведутъ они къ намъ Конрадовъ Валенро
предателей; что полякъ Старой Польши инстинктивно, сли
ненавидитъ Россію и русскихъ. Г. Костомаровъ допускаетъ
же, что есть прекрасные поляки, которые могутъ жить да
дружбѣ съ инымъ русскимъ, спасти его въ бѣдѣ, одолжи
Это, конечно, правда, но чуть только этотъ русскій, хотя-бы
послѣ двадцати лѣтъ дружбы, вдругъ-бы выразилъ этому
красному поляку свои политическія убѣжденія на счетъ По
въ русскомъ духѣ, то этотъ полякъ тотчасъ-же, тутъ-же, с
бы явнымъ или тайнымъ врагомъ своего русскаго друга, и
жизнь до конца, непримиримымъ и безграничнымъ. Объ э
забылъ прибавить г. Костомаровъ.

Вся эта лѣтняя попытка «примиренія», нашедшая русс
защитниковъ и такого могучаго опонента, какъ г. Костомаро
есть, безспорно, клерикальная къ намъ подсылка изъ Ри
отрогъ всеевропейскаго клерикальнаго заговора. О эти по
Старой Польши увѣряютъ, что они вовсе не клерикалы, н
писты, не римляне и что мы давно должны это знать про н
Но вообразить только, что «Старая Польша», эта польская
грація—не держится папы въ іезуитскомъ смыслѣ, далека
клерикальныхъ фантазій,—о, какая смѣшная мысль! Ни
имъ-ли не держаться Ватикана, когда они такъ вполнѣ созн
его силу и всегда сознавали? Вѣдь Ватиканъ не измѣнялъ
рой Польшѣ никогда, а, напротивъ, поддерживалъ изъ всѣхъ
всѣ ея фантазіи, когда другія-то государства ихъ уже слу
не хотѣли! Нѣтъ, они Ватикану не измѣнятъ и Ватиканъ н
мѣнитъ имъ. Лѣтняя выходка къ примиренію была сдѣлана и
въ то время, когда вся эмиграція задвигалась противъ русс
когда созидались польскіе легіоны, когда аристократы эмиг
являлись въ Константинополь съ огромными суммами денегъ
нечно, не своими) Все это примиреніе было одно только и
ство, какъ опредѣлилъ его г. Костомаровъ. Кстати: они пр
гаютъ намъ своихъ ученыхъ, техниковъ, художниковъ, и

примите ихъ, они-ль вамъ не нужны!» Тутъ-бы прибатo они, вѣроятно, считаютъ насъ дикимъ народомъ, и не ь, что у насъ все то, что они предлагаютъ, можетъ быть, е ихняго есть. Но обижаться нечего, а главное: зачѣмъ не ѣдутъ? У насъ было нѣсколько поляковъ, которые и свой талантъ, и Россія ихъ почитала, уважала, ставила ту, нисколько не раздѣляя ихъ отъ русскихъ. Къ чему-же ваться? Пріѣзжайте. Примиритесь и покоритесь сами, но что никогда не будетъ Старой Польши. Есть Новая , Польша освобожденная Царемъ, Польша возрождающаоторая, несомнѣнно, можетъ ожидать впереди, въ будущемъ, судьбы со всякимъ славянскимъ племенемъ, когда славянство ится и воскреснетъ въ Европѣ. Но Старой Польши никогда тъ, потому что ужиться съ Россіей она не можетъ. Ея стать на мѣстѣ Россіи въ славянскомъ мірѣ. Ея девизъ нный къ Россіи: «Otes-toi de là que je m'y mette». Любочто польскій передовой застрѣльщикъ говоритъ лишь объ ъ и художникахъ. Ну, а предводители эмиграціи, аристоВообразить только картину, что Россія поддалась льстиловамъ и объявила, что хочетъ мириться, и вотъ они синадменно спрашиваютъ: «какія ваши условія?»

ому что если вы предлагаете намъ впустить эмигрантовъ ію, а сами они не идутъ, *значитъ они дожидаются усло*вотъ представьте себѣ, что Россія ихъ вдругъ признаетъ о, за воюющую сторону, и начнетъ эти переговоры! И вотъ ребираются въ Россію, магнаты съ перваго-же раза фронъ, требуютъ знатныхъ мѣстъ и отличій; затѣмъ тотчасъ-ятъ на всю Европу, что ихъ обманули, затѣмъ начинаютъ й бунтъ... И Россія поддастся на такую бѣду, сдѣлаетъ глупость! Разумѣется, поляки не могли вѣрить сами, чтобы трубая выходка ихъ могла обмануть Россію. Но на чисердцемъ русскихъ сторонниковъ они разсчитывали. Что о клерикаловъ, клерикальный шагъ въ Россію — въ этомъ мнѣнія. Спросятъ для чего-же этотъ шагъ? А развѣ клеъ не надо сондировать положеніе, путать мысли, скрыстоящіе свои шаги, пріобрѣтать русскія перья, волновать Польшу и проч., и проч.? Да мало-ли какіе у нихъ могли зсчеты!

III.

Выходка «Биржевыхъ Вѣдомостей». Не бойкія, а злыя перья.

Мы говорили сейчасъ про «бойкія перья». Но есть у насъ перья вовсе не бойкія, но отвратительныя. И они тоже (да еще какъ) свищутъ съ польскими соловьями въ унисонъ, но полки ихъ даже и не направляютъ; все дѣлается безкорыстно, не вѣдая что творятъ. Тутъ просто злоба, обманутыя надежды и потерпѣвшее самолюбіе. Такова статья «Биржевыхъ Вѣдомостей» (№ 257) о господинѣ Иловайскомъ; хотя-бы написать-то съумѣли, а то вѣдь такъ противъ себя и валяютъ!

Всѣмъ извѣстно, что нашъ ученый г. Иловайскій былъ арестованъ и оскорбленъ въ Галиціи. Проѣзжая съ ученою цѣлью Галицію, онъ обратился, по ошибкѣ, къ одному польскому ксендзу съ просьбою указать ему мѣстныя древности. Потомъ онъ уже нашелъ русскаго священника, но злобный ксендзъ тотчасъ-же донесъ на него, подъ предлогомъ, что это русскій панславистъ пропагаторъ и агитаторъ. Г. Иловайскаго арестовали безо всякой церемоніи, обыскивали, возили изъ тюрьмы въ тюрьму и, наконецъ-то, заступничествомъ одного мѣстнаго ученаго, его препроводили до русской границы. У насъ это тотчасъ-же разгласилось. «Московскія Вѣдомости» помѣстили статью. Заговорили наши газеты, но многія безъ особаго жару, а просто какъ о курьезѣ. Фактъ оскорбленія русскаго ученаго, ни за что ни про что, пока залеи, кажется, всѣмъ обыкновеннымъ фактомъ. Самъ г. Иловайскій напечаталъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» тоже нѣсколько строкъ на статьи враждебныхъ газетъ, краткихъ строкъ, вялыхъ и сонныхъ. Но за то наши биржевики, которымъ вся Россія представляется лишь съ точки зрѣнія своего кармана и которымъ до Россіи ровно никакого нѣтъ дѣла, услужили ей удивительную услугу. Вотъ эта статья «Биржевыхъ Вѣдомостей»:

—„Что такое начудилъ г. Иловайскій въ Галиціи? Какую эт онъ затѣялъ тамъ пропаганду?

Неужели несчастія, переживаемыя теперь Россіей, недостаточн еще для того, чтобы выгнать дурь изъ головы нашихъ закоренѣлыхъ панславистовъ, и неужели послѣ того, что происходитъ теперь у всѣх на глазахъ, у нихъ хватаетъ духа продолжать юродство и скоморош ство съ этой всеславянской чепухой, приготовляющей для насъ нем числимыя государственныя бѣдствія и всѣмъ намъ давно уже опро тивѣвшей?

наши отупѣвшіе отъ ничего недѣланья панслависты огрась пересылкой всеславянскихъ колоколовъ, это ни до кого сь, и они могли забавляться этимъ сколько угодно, но когда тѣ съ колоколами начинаютъ посылать туда своихъ попоя благовѣста, — дѣло получаетъ уже совсѣмъ иное значеніе. ке призвалъ и кто уполномочилъ г. Иловайскаго на его панную пропаганду.

маетъ онъ или не понимаетъ, къ какимъ она можетъ прилѣдствіямъ, въ особенности теперь, въ настоящую минуту? гаете, господа, ругательства на Клапку за то, что тотъ подМадьяръ на пособничество туркамъ, — а что-же дѣлаете что дѣлаетъ г. Иловайскій подъ видомъ изученія славянвностей? Что, вамъ мало еще того зла, которое породило шлогоднее юродство? Чего вы еще хотите? Какую еще по вы заварить желаете? Чтобы бросить камень въ воду, васъ на это, мы это хорошо знаемъ; но вы должны помнить также, и, вами бросаемые, приходится иногда вытаскивать всѣми ми силами, добывать ихъ цѣною кровавыхъ жертвъ и народщенія.

станьте-же дурачиться; на все есть свое время. Если до ъ во всѣхъ благоразумныхъ людяхъ вы возбудили къ себѣ смѣшку, то теперь къ вамъ не иначе будутъ относиться негодованіемъ».

люди говорятъ о негодованіи! Послушайте, *какъ смѣли* сать, не зная дѣла, такъ утвердительно, на всю Россію о Европу (ибо ваша статья имѣла въ Европѣ *свое* зна- какъ смѣли вы написать про г. Иловайскаго: «кто-же и кто уполномочилъ г. Иловайскаго на его панславистопаганду»? и потомъ, послѣ смѣшнаго сравненія г. Ило- съ Клапкой: «а что-же дѣлаете вы сами, что дѣлаетъ йскій *подъ видомъ изученія славянскихъ древностей*»? ѣли вы написать объ этомъ такъ *утвердительно* послѣ ъ *совершенно знаете*, что все это неправда? Неужто вы что вамъ позволятъ предавать Россію. Вы спрашиваете о йскомъ: «Понимаетъ онъ или не понимаетъ», а я васъ са- шу, г. публицистъ: понимаете-ли вы, или не понимаете, что ли! Вѣдь въ Австріи не спросятъ: какой человѣкъ это пиный или не умный, образованный или необразованный, нъ хоть что-нибудь въ панславизмѣ или ничего не знаетъ и ничего не читалъ объ немъ? Вѣдь въ Австріи прямо ска- тало быть, правда, что Россія посылаетъ агитаторовъ? неправда была, какъ могла-бы *такъ утвердительно*, съ каромъ и такъ укоризненно обращаться къ панслави- льшая, петербургская, ежедневная, независимая газета, ей степени подтверждающая фактъ разсылки эмиссаровъ

для агитаторства? Вѣдь писавшій это самъ русскій, скажутъ его-бы остановилъ патріотизмъ, наконецъ, и побудилъ-бы с преступленіе. Но онъ не могъ скрыть истину, потому что дованіе патріота вылилось наружу на панславистовъ, готовя стало быть, дѣйствительно страшныя бѣдствія Россіи своей янной пропагандой и агитаціей въ Австріи и въ славян земляхъ. Стало-быть намъ нечего извиняться за арестъ как тамъ Иловайскаго, напротивъ, надо усилить аресты и всѣхъ скихъ въ Австріи держать впредь подъ полицейскимъ ромъ. Не намъ просить извиненія, а русское правительство но просить у насъ извиненія за то, что такъ открыто п ляетъ у себя дѣятельность зловредныхъ политическихъ, на ленныхъ противъ Австріи, обществъ, а къ намъ пропуск поминутно массами пропагаторовъ и агитаторовъ, бунтующ австрійскихъ славянъ противъ законнаго правительства».

Это несомнѣнно скажутъ въ Австріи и статью вашу не нѣнно примутъ къ свѣдѣнію въ этомъ самомъ смыслѣ, г. ну цистъ. Что-же это, не предательство, какъ вы думаете? Не даете вы интересы Россіи полякамъ и австрійцамъ? Не под живаете вы политическую смуту и не служите ей? Вѣдь знаете *навѣрно*, *вполнѣ*, *въ точности*, что никакихъ эмиссар не посылалось ни кѣмъ никогда, какъ-же вы смѣли напи про г. Иловайскаго, что онъ ѣздилъ сѣять смуту *подъ ви изученія славянскихъ древностей*? Есть-ли кто въ Россіи, вамъ въ этомъ повѣритъ? Между тѣмъ вы выражаетесь объ эт дѣлѣ такъ утвердительно, какъ будто знаете его какъ свои пальцевъ. Кто-же сѣетъ смуту?

Теперь о другомъ: утоливъ вашу злобу, написавъ завѣдо неправду, вы позволяете еще себѣ надѣяться, послѣ вашего поступка столь явнаго предательства русскихъ интересовъ ста полякамъ и австрійцамъ, и всякой безконечной и вѣчно аги рующей противъ насъ европейкой швали, — на сочувствіе вамъ русскихъ читателей? Неужели вы такъ низко объ ни думаете?

И что за тонъ? Что за трепетаніе? что за приниженіе пер Австріей! «Изволитъ, дескать, она осердиться!» У Гоголя а манъ говоритъ казакамъ: «милость чужаго короля, да и не роля, а милость польскаго магната, который желтымъ чобот своимъ бьетъ ихъ въ морду, дороже для нихъ всякаго братст Это атаманъ говоритъ про предателей. Неужели вамъ хоч что-бы и русскіе, въ трепетѣ животнаго страха за свои ни

ньги склонялись точно также передъ какимъ-нибудь чоботомъ? Напротивъ, не лучшая-ли наша политика съ именно теперь, именно въ эту минуту, — политика собственнаго національнаго достоинства, а не та, кото-келаете. Вѣдь чѣмъ болѣе мы выкажемъ приниженія, вы такъ желаете, тѣмъ болѣе и въ той-же степени и усилимъ ея домогательства. Да и чего намъ бояться на никогда не въ силахъ будетъ извлечь противъ насъ , еслибъ и захотѣла того. Напротивъ, именно теперь ора для политики прямой и откровенной, для того что-шло потомъ, при окончаніи войны печальныхъ недора-Намъ нечего давать на себя векселя. Точно также мы мотрѣть и на Англію. Они должны понять, по крайней мы ихъ не можемъ бояться и что мы, напротивъ, въ ъ сдѣлать больше зла, чѣмъ они намъ. Это они долж-между тѣмъ они объ насъ имѣютъ ложныя свѣдѣнія ыя вотъ именно такими выходками, какъ «Биржевыхъ й». Не въ Австріи-ли поддерживалось лѣтомъ убѣжде-ила Россіи была миражъ, всѣхъ обманувшій, и что льзя считать уже Россію сильной военной державой. а-то и возросъ ея тонъ. Не въ Англіи-ли были убѣждены, высшихъ сферахъ, что 10.000 человѣкъ англійскаго саженные въ Трапезундѣ, порѣшили-бы навсегда всю *ачу* на Востокѣ и на Кавказѣ. Мы-то ихъ знаемъ, а съ, стало быть, не знаютъ. Но плохая услуга Россіи ея интересы недругамъ нашимъ и представлять ее въ ъ и приниженномъ видѣ, тогда какъ этого нѣтъ ни-все ложь.

НОЯБРЬ.

Глава первая.

I.

Что значитъ слово: «стрюцкіе»?

Въ два года изданія моего «Дневника», я раза два-три, требилъ малоизвѣстное слово «стрюцкіе» и получилъ нѣско запросовъ, изъ Москвы и изъ губерній: что значитъ слово «стр кіе»? Извиняюсь, что не отвѣтилъ никому до сихъ поръ; хотѣлъ какъ нибудь, между строчками, отвѣтить въ «Дневни Теперь, заканчивая «Дневникъ», отведу нѣсколько строкъ понятному петербургскому словцу, и если начинаю съ этой лочи первую страницу ноябрьскаго выпуска, то именно по что, откладывая на послѣднюю страницу, какъ прежде дѣлы почти всегда не находилъ свободнаго мѣста для «стрюцки изъ-за другихъ темъ и каждый разъ приходилось отклады объясненіе опять до слѣдующаго выпуска.

Слово «стрюцкій, стрюцкіе» есть слово простонародное, требляющееся единственно въ простомъ народѣ и, кажется, то въ Петербургѣ. Такъ что это слово, кажется, и изобрѣтен Петербургѣ. Пишу: *кажется*, потому что сколько ни раз шивалъ людей «компетентныхъ», не могъ ни отъ кого доби откуда оно взялось, почему такъ сложились звуки его, упот ляется-ли оно хоть гдѣ-нибудь въ Россіи кромѣ Петербур наконецъ—дѣйствительно-ли въ Петербургѣ оно изобрѣтен до меня, то мнѣ опять-таки «кажется» (утвердительнѣе не

ься), что слово это есть слово чисто петербургское и изо-
собственно петербургскимъ простонародьемъ, но кѣмъ,
авно-ли?—не знаю. Означаетъ-же оно, по неоднократ-
зспросамъ моимъ у народа, и сколько я понялъ, слѣ-

юцкій»—есть человѣкъ пустой, дрянной и ничтожный.
шинствѣ случаевъ, а, можетъ быть, и всегда—пьяница,
, потерянный человѣкъ. Кажется, впрочемъ стрюцкимъ
быть названъ, въ иныхъ случаяхъ, и не пьяница. Но
свойства этого пустаго и дряннаго пьянчужки, заслу-
ему особое наименованье, выдумку цѣлаго новаго сло-
, во первыхъ, пустоголовость, особаго рода вздорность,
ость, неосновательность. Это крикливая ничтожность.
вечеромъ въ праздникъ на улицѣ пьяные; слышенъ
зступленный зовъ городоваго; въ сбившейся въ кучу
но отличается чей-то протестующій, взывающій, жалую-
угрожающій голосъ. Много напускнаго гнѣва. Вы под-
освѣдомляетесь что такое? Въ отвѣтъ смѣются, махаютъ
отходятъ: «пустяки, стрюцкіе!» Слово стрюцкіе произ-
при этомъ съ пренебреженіемъ, съ презрѣніемъ. Всегда
рѣніемъ, и если-бъ дѣйствительно этотъ кричащій чело-
лъ прибитъ или обиженъ, то и тутъ, кажется, не нашелъ-
вствія, а только презрѣніе, потому что онъ лишь «стрюц-
е. все въ немъ вздоръ и что кричитъ онъ—и то все
и что прибили его, и то вздоръ, самый «настоящій че-
какой есть. Прибавлю, что стрюцкіе большею частью
мъ платьѣ, одѣты не по сезону, въ прорванныхъ сапо-
рибавлю тоже, что «кажется» стрюцкимъ обзывается толь-
, кто въ нѣмецкомъ платьѣ. Впрочемъ, не ручаюсь, но,
, это такъ.

юй существенный признакъ пьяницы-пропойцы, назы-
«стрюцкимъ», кромѣ вздорности и неосновательности
ть недостаточно-опредѣленное положеніе его въ обществѣ.
ается, что человѣкъ, имѣющій деньги, домъ, или какое-
имѣніе, мало того имѣющій чуть-чуть твердое и опредѣ-
мѣсто, хотя-бы и рабочимъ на фабрикѣ, не могъ-бы быть
«стрюцкимъ». Но если у него есть и заведеніе, лавка,
или что-нибудь, но ведетъ онъ все это неосновательно-
-нибудь, безъ разсчета, то онъ можетъ попасть въ стрюц-
такъ «стрюцкій» это ничего не стоющій, не могущій ни-
ться и установиться, неосновательный и себя непони-

мающій человѣкъ, въ пьяномъ видѣ часто рисующійся, ф
ронъ, крикунъ, часто обиженный и всего чаще потому, чт
любитъ быть обиженнымъ, призыватель городоваго, карауль
тей—и все вмѣстѣ пустякъ, вздоръ, мыльный пузырь, пр
дающій презрительный смѣхъ: «Э, пустое, стрюцкій».

Повторяю, мнѣ кажется это слово есть исключительно
бургское. Но употребляется-ли въ другихъ мѣстахъ Р
не знаю. Въ простонародьи въ Петербургѣ оно очень распро
нено. Въ Петербургѣ очень много наплывнаго народа из
берній, а потому довольно вѣроятно, что словцо можетъ п
и въ другія губерніи, если еще не перешло. Войдетъ, м
быть, и въ литературу: кажется, и другіе писатели, кромѣ
его употребляли. Въ этомъ словѣ для литератора привлека
сила того оттѣнка презрѣнія, съ которымъ народъ обл
этимъ словомъ именно только вздорныхъ, пустоголовыхъ,
чащихъ, неосновательныхъ, рисующихся въ дрянномъ
своемъ дрянныхъ людишекъ. Такихъ людишекъ много и
въ интеллигентныхъ кругахъ, и въ высшихъ кругахъ
правда-ли? только не всегда пьяницъ и не въ прорванныхъ
погахъ, но въ этомъ часто все и различіе. Какъ удержат
не обозвать иногда и этихъ высшихъ «стрюцкими», благо
готово и соблазнительно тѣмъ оттѣнкомъ презрѣнія, съ
рымъ выговариваетъ его народъ?

II.

Исторія глагола «стушеваться».

Кстати, по поводу происхожденія и употребленія
словъ. Въ литературѣ нашей есть одно слово: «стушева
всѣми употребляемое, хоть и не вчера родившееся, но
вольно недавнее, не болѣе трехъ десятковъ лѣтъ сущес
щее; при Пушкинѣ оно совсѣмъ не было извѣстно и не у
лялось никѣмъ. Теперь-же его можно найти не только у
раторовъ, у беллетристовъ, во всѣхъ смыслахъ, съ самог
ливаго и до серьезнѣйшаго, но можно найти и въ нау
трактатахъ, въ диссертаціяхъ, въ философскихъ книгахъ;
того, можно найти въ дѣловыхъ департаментскихъ бу
въ рапортахъ, въ отчетахъ, въ приказахъ даже; всѣ
извѣстно, всѣ его понимаютъ, всѣ употребляютъ. И от

ей Россіи есть одинъ только человѣкъ, который знаетъ точ-
е происхожденіе этого слова, время его изобрѣтенія и появ-
нія въ литературѣ. Этотъ человѣкъ—я, потому что ввелъ и
отребилъ это слово въ литературѣ въ первый разъ—я. По-
алось это слово въ печати, въ первый разъ, 1-го января
846 года, въ «Отечественныхъ Запискахъ», въ повѣсти моей:
Двойникъ, приключенія господина Голядкина».

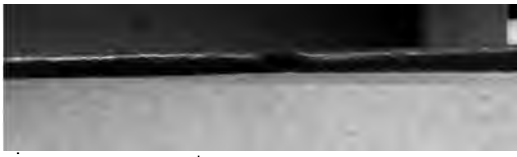
Первая повѣсть моя «Бѣдные люди» была начата мною въ
844 году, была окончена, стала извѣстна Бѣлинскому и была
инята Некрасовымъ для его альманаха «Петербургскій Сбор-
икъ» въ 1845 году. Вышелъ этотъ альманахъ въ концѣ 45-го
ода. Но въ этомъ-же 1845 году я и началъ, лѣтомъ, уже
слѣ знакомства съ Бѣлинскимъ, эту вторую мою повѣсть:
Двойникъ, приключенія господина Голядкина». Бѣлинскій, съ
ачала осени 45-го года, очень интересовался этой но-
й моей работой. Онъ повѣстилъ объ ней, еще не зная ее,
ндрея Александровича Краевскаго, у котораго работалъ въ жур-
алѣ, съ которымъ и познакомилъ меня и съ которымъ я и
говорился, что эту новую повѣсть «Двойникъ» я, по оконча-
ніи, дамъ ему въ «Отечественныя Записки» для первыхъ мѣся-
съ наступающаго 46-го года. Повѣсть эта мнѣ положительно
удалась, но идея ея была довольно свѣтлая, и серьезнѣе
ой идеи я никогда ничего въ литературѣ не проводилъ. Но
орма этой повѣсти мнѣ не удалась совершенно. Я сильно
справилъ ее потомъ, лѣтъ пятнадцать спустя, для тогдашняго
Общаго собранія» моихъ сочиненій, но и тогда опять убѣдился,
о эта вещь совсѣмъ неудавшаяся, и еслибъ я теперь при-
лся за эту идею и изложилъ ее вновь, то взялъ-бы совсѣмъ
ругую форму; но въ 46-мъ году этой формы я не нашелъ и
овѣсти не осилилъ.

Тѣмъ не менѣе, кажется, въ началѣ декабря 45-го года, Бѣ-
инскій настоялъ, чтобъ я прочелъ у него хоть двѣ-три главы
той повѣсти. Для этого онъ устроилъ даже вечеръ (чего почти
икогда не дѣлывалъ) и созвалъ своихъ близкихъ. На вечерѣ
мною былъ Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, прослушалъ лишь
оловину того, что я прочелъ, похвалилъ и уѣхалъ, очень куда-
о спѣшилъ. Три или четыре главы, которыя я прочелъ, понра-
ились Бѣлинскому чрезвычайно (хотя и не стоили того). Но
нскій не зналъ конца повѣсти и находился подъ обаяніемъ
ыхъ людей». Ну вотъ тутъ-то, на этомъ чтеніи, и употреб-
было мною, въ первый разъ, слово «стушеваться» столь

потомъ распространившееся. Повѣсть всѣ забыли, они и сто того, а новое слово подхватили, усвоили и утвердили въ л ратурѣ.

Слово «стушеваться» значитъ исчезнуть, уничтожиться, об такъ сказать *на нѣтъ*. Но уничтожиться не вдругъ, не пр ливши сквозь землю, съ громомъ и трескомъ, а такъ ска деликатно, плавно, непримѣтно погрузившись въ ничтожес Похоже на то, какъ сбываетъ тѣнь на затушеванной ту полосѣ въ рисункѣ, съ чернаго постепенно на болѣе свѣтл наконецъ совсѣмъ на бѣлое, *на нѣтъ*. Должно быть, въ «Д никѣ» это словцо было мною употреблено удачно въ тѣхъ выхъ-же трехъ главахъ, которыя я прочелъ у Бѣлинскаго, изображеніи того, какъ умѣлъ кстати исчезнуть со сцены од досадный и хитренькій человѣчекъ (или въ родѣ того, я былъ). Потому такъ говорю, что новое словцо не возбу никакого недоумѣнія въ слушателяхъ, напротивъ, всѣми вдругъ понято и отмѣчено. Бѣлинскій прервалъ меня ин съ тѣмъ, чтобъ похвалить выраженіе. Всѣ слушавшіе тогда и теперь живы) тоже похвалили. Очень помню, что похвал и Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ (онъ вѣрно теперь позабыл Хвалилъ потомъ очень и Андрей Александровичъ Краевс Кромѣ этихъ существуютъ и еще лица, которыя, я думаю, гутъ припомнить, что и они капельку поинтересовались т новымъ словцомъ. Но принялось оно и вошло въ литерат не сейчасъ, а весьма постепенно и непримѣтно. Помню, выйдя въ 1854 году, въ Сибири изъ острога, я началъ и читывать всю написанную безъ меня за пять лѣтъ литерат (Записки Охотника едва при мнѣ начавшіяся и первыя пов Тургенева я прочелъ тогда разомъ, залпомъ и вынесъ упоит ное впечатлѣніе. Правда, тогда надо мной сіяло степное сол начиналась весна, а съ ней совсѣмъ новая жизнь, конецъ торги, свобода!)—и такъ, начавъ перечитывать, я былъ удивленъ, какъ часто стало мнѣ встрѣчаться слово «ст ваться». Потомъ, въ шестидесятыхъ годахъ, оно уже совершен освоилось въ литературѣ, а теперь, повторяю, я даже въ д выхъ бумагахъ, публикуемыхъ въ газетахъ, его встрѣча даже въ ученыхъ диссертаціяхъ. И употребляется оно им въ томъ смыслѣ, въ которомъ я въ первый разъ его употреб

Впрочемъ, если я и употребилъ его въ первый разъ въ тературѣ, то изобрѣлъ его все-же не я. Словцо это изобрѣл въ томъ классѣ Главнаго инженернаго Училища, въ котор



и я, именно моими однокурсниками. Можетъ быть, и я уча-
лъ въ изобрѣтеніи, не помню. Оно само какъ-то выдума-
и само вмелось. Во всѣхъ шести классахъ Училища мы
ы были чертить разные планы, фортификаціонные, строи-
ые, военно-архитектурные. Умѣніе хорошо начертить планъ
у, своими руками, требовалось строго отъ каждаго изъ
. такъ что и не имѣвшіе охоты къ рисованію поневолѣ
ы были стараться во что-бы то ни стало достигнуть из-
аго въ этомъ искусства. Баллы, выставляемые за рисунки
въ, шли въ общій счетъ и вліяли на величину средняго
. Вы могли выходить изъ верхняго офицерскаго класса на
бу превосходнымъ математикомъ, фортификаторомъ, инже-
ъ, но если представленные вами рисунки были плоховаты,
ставляемый за нихъ баллъ, идя въ общій разсчетъ, до того
уменьшить вамъ средній баллъ, что вы могли лишиться
а значительныхъ льготъ при выпускѣ, напримѣръ, слѣдую-
чина, а потому всѣ старались научиться рисовать хорошо.
планы чертились и оттушевывались тушью, и всѣ старались
ься, между прочимъ, умѣнья хорошо стушевывать данную
ость, съ темнаго на свѣтлое, на бѣлое, и на нѣтъ; хорошая
вка придавала рисунку щеголеватость. И вдругъ у насъ
ассѣ заговорили: «гдѣ такой-то?—Э, куда-то стушевался!»—
напримѣръ, разговариваютъ двое товарищей, одному надо
аться: «ну, говоритъ одинъ садящійся за книги другому,
еперь стушуйся». Или говоритъ, напримѣръ, верхнеклас-
, новопоступившему изъ низшаго класса: «я васъ давеча
, куда вы изволили стушеваться?» Стушеваться именно
ало тутъ удалиться, исчезнуть, и выраженіе взято было
ю съ стушевыванія, т. е. съ уничтоженія, съ перехода съ
го *на нѣтъ*. Очень помню, что словцо это употреблялось
въ нашемъ классѣ, врядъ-ли было усвоено другими клас-
и когда нашъ классъ оставилъ Училище, то, кажется, съ
оно и исчезло. Года черезъ три я припомнилъ его и вста-
въ повѣсть.

аписалъ я столь серьезно такое пространное изложеніе исто-
такого неважнаго словца—хотя-бы для будущаго ученаго
ателя русскаго словаря, для какого нибудь будущаго Даля,
и я читателямъ теперь надоѣлъ, то за то будущій Даль меня
годаритъ. Ну такъ пусть для него одного и написано. Если-
отите, то *для ясности*, покаюсь вполнѣ: мнѣ, въ продол-
всей моей литературной дѣятельности, *всего болѣе* нрави-

лось въ ней то, что и мнѣ удалось ввести совсѣмъ новое с
вечко въ русскую рѣчь, и когда я встрѣчалъ это словцо въ
чати, то всегда ощущалъ самое пріятное впечатлѣніе; ну, теш
стало быть, вы поймете почему я нашелъ возможнымъ онн
такіе пустяки даже въ особой статейкѣ.

Глава вторая.

I.

Лакейство или деликатность?

Извѣстно, что всѣ русскіе интелигентные люди чрезвычa
деликатны, т. е. въ тѣхъ случаяхъ, когда они имѣютъ дѣл
Европой или думаютъ, что на нихъ смотритъ Европа,—хо
бы та впрочемъ и не смотрѣла на нихъ вовсе. О, дома, про с
и между собою, мы свое возьмемъ, дома весь европензмъ
боку—взять лишь, походя, наши отношенія семейныя, гражд
скія, чести, долга, въ самомъ огромномъ большинствѣ случае
Да и кто изъ проповѣдующихъ «европейскія» идеи серьезн
насъ въ нихъ вѣритъ? Конечно, лишь люди честные и при эт
непремѣнно добрые (такъ что и вѣрятъ-то лишь по добротѣ душ
но вѣдь много-ль у насъ такихъ-то? Если ужь все говорить, т
вѣдь у насъ, можетъ быть, нѣтъ ни одного европейца, пот
что мы и не способны быть европейцами. Умы-же передов
биржевые и всячески руководящіе берутъ у насъ съ европ
скихъ идей лишь оброкъ, и, я думаю, что это у насъ так
есть, повсемѣстно. Не говорю, конечно, про людей съ больш
здравымъ смысломъ: тѣ не вѣрятъ въ европейскія идеи, пот
что и вѣрить-то не во что, ибо никогда и ничто на свѣтѣ
отличалось такою неясностью, туманностью, неопредѣленнос
и неопредѣлимостью какъ тотъ «*циклъ идей*», который мы
жили себѣ въ двухсотлѣтній періодъ нашего европейничанія
а въ сущности не циклъ, а хаосъ обрывковъ чувствъ, чуж
недопонятыхъ мыслей, чужихъ выводовъ и чужихъ привыч
но особенно словъ, словъ и словъ—самыхъ европейскихъ и
беральныхъ, конечно, но для насъ все-же словъ, и только сл

Объяснить все это прямо попугайствомъ нельзя. Тоже и
кействомъ мысли нельзя, русскимъ лакействомъ мысли пер

Европой. Лакейства мысли у насъ много и очень даже, но выс
ая причина нашей европейской кабалы все-же не лакейство,
корѣе наша русская, врожденная намъ деликатность передъ
Европой. Скажутъ, что вѣдь это, пожалуй, одно и тоже, что
акейство. Во многихъ случаяхъ—да, но нельзя сказать, чтоб
егда. (Я, разумѣется, объ руководящихъ плутахъ, о которыхъ
мѣтилъ выше, и не говорю: этимъ европейцамъ до Европы
овно никакого дѣла нѣтъ, и никогда не бывало. Они, какъ умны
юди, въ мутной водѣ рыбу ловятъ, всѣ два вѣка ловили).

Вотъ какъ говоритъ, напримѣръ, англичанинъ Гладстонъ
ошедшей русской войнѣ съ Турціей:

«Чтобы ни говорили о нѣкоторыхъ другихъ главахъ рус
ой исторіи, освобожденіемъ многихъ милліоновъ порабощен
ыхъ народовъ отъ жестокаго и унизительнаго ига Россія ока
етъ человѣчеству одну изъ самыхъ блестящихъ услугъ, какія
олько помнитъ исторія, услугу, которая никогда не изгладится
ъ благодарной памяти народовъ».

Какъ вы думаете, откровенно спрашивая, могъ-ли бы про
нести такія слова русскій европеецъ? Да никогда въ жизни
нъ проглотилъ-бы языкъ свой прежде, чѣмъ это произнести
нъ отъ деликатности, не то что передъ Европой, а передъ са
имъ собой покраснѣетъ, если только услышитъ это, или про
тетъ по русски и у русскаго. Помилуйте, да какъ мы смѣемъ..
калашный рядъ!.. И *«для всего человѣчества»*—это мы-то, рус
кіе! Да мы еще рыломъ не вышли для этого, у насъ еще рожа
рива, чтобъ «освобождать человѣчество». И при этомъ все не
иберальныя такія мысли: «Россія освобождаетъ народы»—ка
не либеральная мысль!

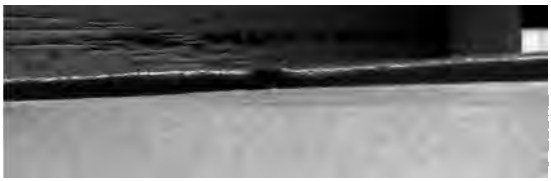
Вотъ искреннее мнѣніе русскаго европейца чистаго типа, к
отрубитъ себѣ сначала пальцы чѣмъ напишетъ тоже, что
ладстонъ. «Гладстону-де можно пожалуй такъ сочинять; онъ
не понимаетъ ничего въ Россіи, или себѣ на умѣ сочиняетъ
дальнѣйшихъ цѣлей»—вотъ что думаетъ европеецъ. А иные
нихъ, подобрѣе и погорячѣе, тутъ-же, пожалуй, прибавятъ
себя не безъ гордости: «а вѣдь мы, русскіе европейцы, по
алуй, что и либеральнѣе европейскихъ-то европейцевъ, дальше
ли: кто у насъ изъ трезвыхъ умовъ заикнется теперь объ
ъ-то «освобожденіи народовъ? Вотъ ретроградство-то! Г
тонъ такія вещи говоритъ не стыдясь!»

Какъ это все назвать господа? Лакействомъ или деликат
ю передъ Европой?

Я все стою на томъ, что въ европейскомъ періодѣ нашей исторіи огромную роль играла деликатность. Вѣдь изъ этих европейцевъ нашихъ такъ много людей честнѣйшихъ, смѣлых людей чести, хоть и чужой, усвоенной, хоть и не понимаем можетъ быть, самимъ-то рыцаремъ, потому что все-же это ев пейская для него тарабарщина, но все-же чести,—людей ко рые лично себѣ на ногу наступить не позволятъ. Ну какъ прямо такъ-таки и назвать ихъ лакеями? Нѣтъ, деликатно заѣла насъ, а не лакейство. Опять таки, разумѣется, передъ ропой деликатность: у себя дома мы свое наверстаемъ.

Дамы, восторженно подносившія туркамъ конфекты и сиг разумѣется, дѣлали это тоже изъ деликатности: «какъ деск мы мило, нѣжно, мягко, гуманно, европейски просвѣщены»? перь этихъ дамъ вразумили отчасти нѣкоторые грубые люди, прежде, до вразумленія,—ну, положимъ, на другой день по того поѣзда турокъ, въ который бросали букетами и конф тами,—что̀ еслибъ прибылъ другой поѣздъ съ турками-же, а немъ тотъ самый баши-бузукъ, о которомъ писали, что особен отличается умѣніемъ разрывать съ одного маху, схвативъ за ножки, груднаго ребенка на двѣ части, а у матери тутъ-же кроить изъ спины ремень? Да, я думаю, эти дамы встрѣтил его визгомъ восторга, готовы были-бы отдать ему не тол конфекты, но что нибудь и получше конфектъ, а потомъ, по луй, завели-бы рѣчь въ дамскомъ своемъ комитетѣ о стипен имени его въ мѣстной гимназіи. О, повѣрьте, что деликатно до всего можетъ у насъ дойти и предположеніе это вовсе фантастическое. Смотря на себя въ зеркало эти дамы, я ду сами-бы влюблялись въ себя: «какія мы гуманныя, какія либеральныя милочки!» И неужели вы думаете, что эта фантас ческая картинка не могла-бы осуществиться? Тотъ высокомѣр взглядъ, который бросаетъ иной европеецъ теперь на нар нашъ и на движеніе его, отрицая во всемъ народѣ нашемъ к кую мысль и движеніе, «кромѣ глупо-кликушечьихъ выход изъ тысячей простонародья и какого-нибудь одного дура неужели такой взглядъ, возможность такого взгляда, обра шаяся въ дѣйствительность, не стоитъ изображенной выше ф тастической картинки?

Деликатность передъ Европой съ нами повсемѣстно. Тур кіе плѣнные потребовали бѣлаго хлѣба и имъ явился бѣ хлѣбъ. Турецкіе плѣнные отказались работать. Князь Мещ скій—очевидецъ, повѣствуетъ въ своемъ «Дневникѣ» съ



а, что—

Плѣнные паши выѣхали изъ Тифлиса. Ихъ хотѣли везти на пе-
ладныхъ, но они взбунтовались и изволили объявить, что не по-
тъ, или не привыкли къ русскимъ телѣгамъ. Вслѣдствіе этого, имъ
даны были почтовыя кареты и рессорные экипажи, съ шестернями
падей къ каждому экипажу. На это они изволили заявить свое
овольствіе и, вслѣдствіе огромнаго числа забранныхъ подъ нихъ
падей, бѣдные проѣзжающіе по военно-грузинской дорогѣ будутъ
дѣть трое сутокъ безъ лошадей. А офицеру русской службы, со-
овождающему ихъ, назначено 50 коп. суточныхъ, и посадили его
въ карету, а какъ сажаютъ прислугу въ омнибусъ! Все это гуман-
сть (Моск. Вѣдом. № 273).

То есть не гуманность, а именно вотъ та самая деликатность
редъ европейскимъ мнѣніемъ о насъ, чуткость, чувствитель-
сть: «Европа, дескать, на насъ глядитъ, надо, стало быть, въ
ыномъ мундирѣ быть и пашамъ кареты подать».

«Московскія Вѣдомости» далѣе, въ другомъ своемъ, 282 но-
рѣ, передаютъ о цѣломъ воплѣ голосовъ въ Москвѣ, когда уви-
ли москвичи всѣ тѣ неслыханныя удобства, съ которыми пе-
возятъ у насъ плѣнныхъ турокъ:

„Всѣ плѣнные рядовые были удобно размѣщены въ вагонахъ
етьяго, офицеры втораго класса, а паша занялъ купе первоклас-
аго вагона. Зачѣмъ для нихъ такія удобства? слышалось въ пуб-
кѣ. Нашихъ-то гренадеръ, небось, вывезли изъ Москвы въ лошади-
ыхъ вагонахъ, а для нихъ отпускаютъ особый пассажирскій поѣздъ.

— Что гренадеры, замѣчаетъ въ толпѣ какой-то купчикъ, вотъ
же раненыхъ солдатиковъ возили въ товарныхъ вагонахъ и со-
омки подъ нихъ не успѣли подкладывать. А паша-то какой откорм-
енный, что твой боровъ, въ товарный-бы его, пусть-бы съ него жиру
емного посбавилось.

— Тамъ-то раненыхъ нашихъ прирѣзывали, жилы изъ нихъ тя-
ули, медленнымъ огнемъ жгли, а теперь ихъ холятъ за то...

Такіе голоса (замѣчаютъ далѣе „М. Вѣд.") были не единичными,
ими выражалось общее въ народѣ мнѣніе о томъ, что больно ви-
ѣть, какъ баши-бузуки и вся эта турецкая рвань, обобранная своими-
е собственными пашами, пользуется такими большими удобствами
равнительно съ нашими воинами...

То есть мы собственно ничего тутъ особаго не видимъ: дели-
атность или, такъ сказать, мундиръ деликатности передъ евро-
ейскимъ мнѣніемъ, — вотъ и все тутъ; но вѣдь это, такъ ска-
ать, два вѣка у насъ продолжается, такъ ужь пора попривык-

ошло до анекдотовъ, то вотъ и еще анекдотъ. Отмѣтилъ
о въ «Петербургской Газетѣ», а та взяла изъ письма госпо-
В. Крестовскаго, писаннаго съ театра военныхъ дѣйствій,

но куда не знаю. Откудова заимствовано «Петербургской Г той» тоже не вѣдаю. Говорится такъ:

„Въ письмѣ г. Крестовскаго приводится одинъ комическій фа

„Около свиты появился какой-то англичанинъ въ пробков шлемѣ и статскомъ пальто гороховаго цвѣта. Говорятъ, что онъ ч парламента, пользующійся вакаціоннымъ временемъ для состав корреспонденцій «съ мѣста военныхъ дѣйствій» въ одну изъ б шихъ лондонскихъ газетъ («Times»); другіе же увѣряютъ, что просто любитель, а третьи, что онъ другъ Россіи. Пускай все такъ, но нельзя не замѣтить, что этотъ «другъ Россіи» ведетъ нѣсколько эксцентрично: сидитъ, напримѣръ, въ присутствіи Вели Князя въ то время, когда стоятъ всѣ, не исключая даже Его сочества; за обѣдомъ встаетъ когда ему вздумается изъ-за стол сидитъ Великій Князь и въ этотъ день обратился даже къ од знакомому офицеру съ предложеніемъ затянуть на него въ ру гороховое пальто. Офицеръ окинулъ его съ ногъ до головы нѣско удивленнымъ взглядомъ, улыбнулся слегка, пожалъ плечами и прекословно помогъ одѣть пальто. Конечно, болѣе ничего и не о валось сдѣлать. Англичанинъ въ отвѣтъ слегка приложился ру къ своему пробковому шлему“.

«Петербургская Газета» назвала этотъ фактъ комическ Къ сожалѣнію, я ровно ничего въ немъ не вижу комическ а, напротивъ, очень много досаднаго и портящаго кровь. Къ т же въ насъ какъ-бы укрѣпилась съ дѣтства вѣра, (изъ р новъ и изъ французскихъ водевилей, я думаю), что всякій ан чанинъ чудакъ и эксцентрикъ. Но что такое: чудакъ? Не вс же чудакъ или такой ужь наивный человѣкъ, который н гадаться не можетъ, что на свѣтѣ не все-же вѣдь одни и т порядки, какъ гдѣ-то тамъ у него въ углу. Англичане на очень напротивъ умный и весьма широкаго взгляда. Какъ м плаватели, да еще просвѣщенные, они перевидали чрезвыч много людей и порядковъ во всѣхъ странахъ міра. Набл тели они необыкновенные и даровитые. У себя они отк юморъ, обозначили его особымъ словомъ и растолковали человѣчеству. Такому-ли человѣку, да еще члену парламент знать гдѣ вставать, гдѣ сидѣть? Да нѣтъ страны, въ кот этикетъ имѣлъ-бы большее приложеніе какъ въ Англіи. Прид ный, напримѣръ, англійскій этикетъ, есть самый сложный и у ченный этикетъ въ мірѣ. Если этотъ англичанинъ членъ ламента, то, конечно, слишкомъ могъ научиться этикету изъ ного того уже какъ одинъ парламентъ — нижній, сносится другимъ — высшимъ. И именно въ томъ смыслѣ: кто пе кѣмъ можетъ сидѣть, а кто передъ кѣмъ обязанъ вставать. онъ при этомъ и членъ высшаго общества, то опять-таки н

ъ такого этикета какъ на пріемахъ, обѣдахъ, балахъ англій-
аристократіи во время ихняго лондонскаго сезона. Нѣтъ,
ъ совсѣмъ другое, если судить потому какъ изложенъ анек-
ъ. Тутъ Англійская гордость, но не просто гордость, а съ
осчивымъ вызовомъ. Этотъ «другъ Россіи» не можетъ быть
ьшимъ ея другомъ. Онъ сидитъ, смотритъ на русскихъ офи-
овъ и думаетъ: «Господа, я знаю, что вы львы сердцемъ,
предпринимаете невозможное и исполняете его. Страха пе-
ъ врагомъ въ васъ нѣтъ, вы герои, вы Баярды всѣ до еди-
о и чувство чести вамъ знакомо вполнѣ. Не могу-же я не
ласиться съ тѣмъ, что своими глазами вижу. Тѣмъ не менѣе
нгличанинъ, а вы только русскіе, я европеецъ, а передъ Евро-
вы обязаны «деликатностью». Какія-бы вы львиныя сердца
носили въ себѣ, а я все-таки высшаго типа человѣкъ, чѣмъ
. И мнѣ это очень пріятно, особенно пріятно изучать «де-
атность» вашу передо мной, *врожденную* и *неотразимую*,
ъ которой русскій не можетъ смотрѣть на иностранца, тѣмъ
ѣе на такого иностранца какъ я. Вы думаете, что это все
очи; да мелочи-то и утѣшаютъ меня, весьма забавляютъ, я
халъ прогуляться, я слышалъ, что вы герои и пріѣхалъ по-
трѣть на васъ, но ворочусь всетаки съ убѣжденіемъ, что
ъ сынъ старой Англіи (тутъ у него дрожитъ отъ гордости
дце) я всетаки на свѣтѣ первый человѣкъ, а вы всего лишь
ростепенные...

Всего любопытнѣе въ вышеприведенномъ фактѣ послѣднія
оки:

«Офицеръ окинулъ его съ ногъ до головы, нѣсколько удив-
нымъ взглядомъ, улыбнулся, слегка пожалъ плечами и без-
словно помогъ одѣть пальто. *Конечно, болѣе ничего и не
валось сдѣлать*».

Какъ такъ: «конечно?» Почему болѣе *ничего* не оставалось
лать? Напротивъ, именно можно было сдѣлать совершенно дру-
, обратно противуположное: можно было «окинуть его съ ногъ
головы нѣсколько удивленнымъ взглядомъ, улыбнуться слегка,
жать плечами» и—отойти мимо такъ-таки и не дотронувшись
пальто,—вотъ что можно было сдѣлать. Неужели нельзя было
нять, что просвѣщенный мореплаватель фокусничаетъ; что
айшій знатокъ этикета ловитъ минуту удовлетворенія ме-
й своей гордости? То-то и есть, что нельзя было, можетъ
охватиться въ тотъ мигъ, а помѣшала именно наша
шная «деликатность»—не передъ англичаниномъ этимъ

деликатность, не передъ членомъ этимъ парламента въ ми
го пробковомъ шлемѣ (какой такой пробковый шлемъ?),
редъ Европой деликатность, передъ долгомъ европейскаго
щенія «деликатность», въ которой мы взросли, погрязли
тери самостоятельной личности и изъ которой долго
выкарабкаться.

Подвозъ патроновъ въ турецкую армію изъ Англіи
рики колоссальный; достовѣрно теперь вполнѣ, что турецкій
дать въ Плевно тратитъ въ день иной разъ 500 патр
ни средствъ, ни денегъ не могло быть у турокъ, чтобы
вооружить армію. Присутствіе англичанъ и ихъ денегъ
перешней войнѣ несомнѣнно. Ихніе пароходы доставляют
жіе и все необходимое. А у насъ иныя газеты наши
изъ «деликатности»: «Ахъ, не говорите этого; ахъ, не под
вы только этого, пусть мы не видимъ, пусть мы не слы
а то просвѣщенные мореплаватели разсердятся и тогда»...

Да что-же тогда? Чего вы трусите? Много-бы можно
прибавить на тему о «деликатности».

Даже если есть какіе-нибудь тамъ вексельки и векс
выданные нами Европѣ, въ видѣ разныхъ обѣщаній, еще
тѣмъ какъ перешли мы Барбошскій мостъ, то несомнѣнно
должно было произойти изъ «деликатности» нашей, изъ
катности передъ Европой и передъ обаяніемъ ея. Но о
катности» пока оставимъ. Я лишь припомню, что въ
главы, начавъ о деликатности, я прибавилъ: «что вѣдь это
только передъ Европой, а у себя-то мы всегда свое наверста
Мнѣ хочется именно, пользуясь случаемъ, указать какъ
мы у себя наверстать умѣемъ, реваншъ возьмемъ...

II.

Самый лакейскій случай, какой только можетъ быть.

Помните-ли, господа, какъ еще лѣтомъ, еще задо
«Плевны» мы вдругъ вошли въ Болгарію, явились за
нами и онѣмѣли отъ негодованія. То есть не всѣ, это пе
дѣломъ надо заявить, даже далеко не половина, а гораздо
ше,—но все-же вознегодовавшихъ было значительное чи
раздались голоса. Голоса корреспондентовъ изъ армія и
тотчасъ-же голоса въ нашей прессѣ, особенно въ Пе

о были горячіе голоса, убѣжденные, полные самаго добро-
аго негодованія...
дѣло вышло изъ-за того, что обладатели голосовъ этихъ
акъ извѣстно всему міру и особенно намъ, спасать угне-
ь, униженныхъ, раздавленныхъ и измученныхъ. Еще до
нія войны, я, помню, читалъ въ самыхъ серьезнѣйшихъ
ихъ газетъ, при разсчетѣ о шансахъ войны и необхо-
ѣдстоящихъ издержекъ, что, конечно, «вступивъ въ Бол-
намъ придется кормить не только нашу армію, но и бол-
населеніе, умирающее съ голоду». Я это самъ читалъ
указать гдѣ читалъ, и вотъ, послѣ такого-то понятія о
хъ, объ этихъ угнетенныхъ, измученныхъ, за которыхъ
ли съ береговъ Финскаго залива и всѣхъ русскихъ рѣкъ
ь свою кровь — вдругъ мы увидѣли прелестные болгар-
ики, кругомъ нихъ садики, цвѣты, плоды, скотъ, обра-
ю землю, родящую чуть не сторицею и, въ довершеніе
ю три православныхъ церкви на одну мечеть, — это за
угнетенныхъ! «Да какъ они смѣютъ!» загорѣлось мгно-
ъ обиженныхъ сердцахъ иныхъ освободителей и кровь
алила ихъ щеки. «И къ тому-же мы ихъ спасать пришли,
ыть, они-бы должны почти на колѣнкахъ встрѣчать. Но
стоятъ на колѣнкахъ, они косятся, даже какъ-будто и
намъ! Это намъ-то! Хлѣбъ-соль выносятъ, это правда,
тся, косятся!..»
одняlись голоса. Послушайте, господа, какъ вы думаете:
вы получаете или фальшивую или ложно понятую вами
ину о томъ, что близкій вамъ человѣкъ, другъ или братъ
лежитъ больной, гдѣ-то тамъ ограбленъ, или подъ вагонъ
или что-нибудь въ этомъ родѣ. Вы бросаете всѣ дѣла
мчитесь къ несчастному брату, — и вдругъ ничего не
вы встрѣчаете человѣка, который здоровѣе васъ, сидитъ
омъ и обѣдаетъ, съ крикомъ зоветъ васъ за столъ и хо-
о фальшивой вашей тревогѣ, о вышедшемъ qui pro quo.
вы, иль даже не очень любите этого человѣка, но не-
вы разсердитесь на него за то, что его не ограбили и
не попалъ подъ вагонъ? Главное за то, что у него такія
щеки и что онъ такъ исправно ѣстъ обѣдъ и пьетъ вино?
правда-ли, что нѣтъ? Напротивъ, вѣдь вы порадоваться
жны, что онъ живъ и здоровѣе вашего. Ну, конечно, по
еству немножко и разсердитесь, — но вѣдь не за тоже,
не перерѣзало колесами ноги? Вѣдь не пойдете-же вы

сейчасъ изъ-за стола писать объ немъ корреспонденціи и а
доты, чернить его характеръ, подмѣчать невыгодныя черты...
а вѣдь про болгаръ это дѣлали. «У насъ, дескать, и зажито
мужикъ такъ не питается, какъ этотъ угнетенный болгари
А другіе такъ вывели потомъ, что русскіе-то и причиной в
несчастій болгарскихъ: что не грозили-бы мы прежде, не
дѣла, за угнетеннаго болгарина туркѣ и не пришли-бы по
освобождать этихъ «ограбленныхъ» богачей, такъ жилъ-бы
гаринъ до сихъ поръ какъ у Христа за пазухой. Это и те
еще утверждаютъ.

Я только съ той стороны говорю, что нашу «деликатно
передъ Европой и нашъ просвѣщенный европеизмъ, мы
умѣемъ иногда наверстать по своему у себя дома, гдѣ Ев
не видитъ уже насъ и не смотритъ, да и по русски не п
маетъ. А Болгарія — это вѣдь *дома*. Мы ихъ освобождать
шли, значитъ, все равно, что *къ себѣ* пришли, они *наши*. У
тамъ садъ и имѣніе, такъ вѣдь это имѣніе все равно что
я, конечно, не возьму у него ничего, потому что я благород
человѣкъ, да правда и власти не имѣю, но все-же онъ долж
чувствовать, и на вѣки быть благодарнымъ, потому что
я къ нему вошелъ, — все что у него есть это все равно ч
ему подарилъ. Отнялъ у его угнетателя турка, а ему воз
тилъ. Долженъ-же онъ понимать это... А тутъ вдругъ его н
и не угнетаетъ — какая обидная непріятность, неправда-ли

А какое лакейство вмѣсто просвѣщенной-то деликатности
правда-ли? И какой смѣшной случай! Это самое комическое
наверстаній *своего* «у себя дома» за тяготу неловкаго мун
европейской деликатности, въ которомъ мы щеголяемъ пе
Европой. Самый лакейскій случай случился съ этими пыл
господами и засталъ *довольно многихъ* изъ насъ совсѣмъ
плохъ. Это уже посерьезнѣе чѣмъ врасплохъ подать пальто
гличанину.

Потомъ все обнаружилось и истина открылась многимъ
вознегодовавшихъ, хотя не всѣмъ, до сихъ поръ не всѣмъ.
ружилось, во-первыхъ, что болгаринъ ничѣмъ не виноват
томъ, что онъ трудолюбивъ и что земля его родитъ во сто кр
Во вторыхъ, въ томъ, что и «косился» онъ не виноватъ.
ужь одно то, что онъ четыре столѣтія — рабъ, и, встрѣчая
выхъ господъ, не вѣритъ, что они ему братья, а вѣритъ тол
что они ему новые господа, да сверхъ того еще боится прежн
господъ, тяжело про себя думаетъ: «А ну, какъ тѣ опять

да узнаютъ, что я хлѣбъ-соль подносилъ?» Ну вотъ отъ то внутреннихъ вопросовъ онъ и косился—и вѣдь правъ вполнѣ угадалъ, бѣдняжка: послѣ того какъ мы, совершивъ первый, молодецкій натискъ за Балканы, вдругъ отрети-сь,—пришли вѣдь къ нимъ опять турки и что только имъ ихъ было — теперь уже достояніе всемірной исторіи! Эти ые домики, эти посѣвы, сады, скотъ—все это было раз-но, обращено въ пепелъ и стерто съ лица земли. Не де-и и не сотнями, а тысячами и десятками тысячъ истреб-болгары огнемъ и мечемъ, дѣти ихъ разрывались на части али въ мукахъ, обезчещенныя жены и дочери были или послѣ позора, или уведены въ плѣнъ на продажу, а —вотъ тѣ самые, которые встрѣчали русскихъ, да сверхъ тѣ самые, которые никогда не встрѣчали русскихъ, но къ мъ *могли* когда-нибудь придти русскіе, всѣ они поплати-а русскихъ на висѣлицахъ и на кострахъ. Ихъ прибивали ие ихъ скоты на ночь за уши гвоздями къ забору, а на ѣшали всѣхъ до единаго, заставляя одного изъ нихъ вѣ-рочихъ, и онъ, повѣсивъ десятка два виновныхъ, кончалъ что самъ обязанъ былъ повѣситься въ заключеніе при ь смѣхѣ мучившихъ ихъ, сладострастныхъ къ мученіямъ ь, называемыхъ турецкою націей, и которыми столь восхи-, потомъ иныя изъ деликатнѣйшихъ барынь нашихъ...

. (Кстати, еще недавно, уже въ половинѣ ноября, писали ргоса о новыхъ звѣрствахъ этихъ изверговъ. Когда, во горячей бывшей тамъ стычки, турки временно оттѣснили ь такъ, что мы не успѣли захватить нашихъ раненыхъ ь и офицеровъ, и когда потомъ, въ тотъ-же день къ ве-нять наши воротились на прежнее мѣсто, то нашли сво-неныхъ солдатъ и офицеровъ, обкраденными, голыми, съ ными носами, ушами, губами, съ вырѣзанными животами, вецъ, обгорѣлыми въ сожженныхъ турками скирдахъ со-хлѣба, куда они предварительно перенесли живыхъ на-аненыхъ. Репресаліи, конечно, жестокая вещь, тѣмъ болѣе, сущности ни къ чему не ведутъ, какъ и сказалъ уже я ь одномъ изъ предъидущихъ выпусковъ «Дневника», но ть съ начальствомъ этихъ скотовъ была-бы не лишнею. бы прямо объявить, вслухъ и даже на всю Европу — ки навѣрно-бы сдѣлали такъ, потому что они даже съ фран-такъ точно дѣлали по причинамъ въ десять разъ меньше ельнымъ, чѣмъ тѣ, которыя, имѣемъ мы противъ воюю-

щихъ съ ними скотовъ), — что если усмотрятся совершe
звѣрства, то ближайшіе начальники тѣхъ турокъ, которые с
шили звѣрства, въ случаѣ взятія ихъ въ плѣнъ, будутъ су
на мѣстѣ военнымъ судомъ и подвержены смертной казни
стрѣляніемъ. Это можетъ быть и имѣло-бы нѣкоторое вліян
офицеровъ и пашей турецкихъ (NB мнѣ кажется, всегда м
бы было узнать, сейчасъ или потомъ, кто изъ турецкихъ на
никовъ командовалъ напримѣръ атакой у Пиргоса). Такой
призъ, вмѣсто рессорныхъ экипажей, можетъ быть, вразу
бы многихъ изъ нихъ. Теперь-же этотъ самый «начальн
попавшись въ плѣнъ и видя какъ его встрѣчаютъ послѣ звѣ
его, прямо воображаетъ, что онъ безмѣрно выше «поганаг
скаго». Европейской деликатности нашей и страху нашем
редъ Европой, повѣрьте, этотъ турокъ никогда не повѣрит
и не пойметъ этого вовсе, да и не вообразитъ этой причины
Деликатный страхъ передъ Европой есть чисто русское д
изобрѣтеніе и не можетъ быть понятъ никогда и ни кѣм
потому «если ты такъ кланяешься мнѣ», разсуждаетъ тур
начальникъ, «послѣ того, какъ я, можетъ быть, брату твоем
ному вчера еще носъ отрѣзать позволилъ, то значитъ ты
чувствуешь себя передо мною низшимъ, а меня высшимъ п
собой человѣкомъ. Но точно такъ и должно быть, по волѣ Ал
и нѣтъ тутъ ничего удивительнаго!» Вотъ что долженъ д
про себя плѣнный турецкій паша и непремѣнно такъ дум

—

Такимъ образомъ, когда вознегодовавшіе на болгаръ з
что они хорошо живутъ, дожили до печальной съ ними раз
то по неволѣ поняли, что болгарская жизнь въ сущности
только одна декорація, что всѣ эти дома и садики, и
и дѣти, и несовершеннолѣтніе мальчики и дѣвочки въ этих
махъ, все это въ сущности принадлежитъ турку и беретс
когда онъ захочетъ. Онъ и беретъ, и въ мирное время бер
во время процвѣтанія беретъ, беретъ и деньгами и скота
женами и дѣвочками, и если сверхъ того все продолжало
ваться въ цвѣтущемъ видѣ, то это потому только, что тур
хотѣлъ разрушать въ конецъ такую плодородную ниву, ни
виду и впредь почерпать съ нея. Напротивъ. дозволялъ
немъ и мѣстами полное процвѣтаніе, именно для того, чтоб
свое время почерпать и почерпать...

Теперь, конечно, турки разсвирѣпѣли и истребляютъ Бол
въ конецъ. Они жалѣютъ, что не истребили вовсе. Если мы

евно и замедлимъ двинуться далѣе, то турки, видя что, быть, придется проститься на вѣки съ Болгаріей, истре-е, что только можно въ ней истребить, пока есть еще Замѣчательны два мнѣнія: у насъ утверждаютъ мудрые поръ, что безъ вмѣшательства русскихъ болгаринъ жилъ у Христа за пазухой, и что русскіе—причина всѣхъ его й. А вотъ извѣстный своими прекрасными и обстоятель-атьями съ поля битвы, изъ нашего лагеря англичанинъ , корреспондентъ газеты «Daily News», кончилъ тѣмъ, что ъ наконецъ всю свою англійскую правду откровенно, *ренно* признаетъ, что турки имѣли «полное право» истре-болгарское населеніе къ сѣверу отъ Балканъ, въ то время, ская армія перешла черезъ дунай. Форбесъ почти жа-олитически, конечно), что этого не случилось, и выводитъ, аре должны быть обязаны вѣчною благодарностью тур-то, что тѣ ихъ тогда не прирѣзали всѣхъ поголовно, рановъ. Вспомнивъ наше русское мнѣніе о «болгаринѣ Христа за пазухой» и сопоставивъ его съ мнѣніемъ Фор-кно прямо обратиться къ болгарину съ такимъ увѣща-какъ-же ты послѣ того не у Христа за пазухой, если оловно всего не прирѣзали?». Но странно тутъ и еще въ глаза бросается, и въ исторіи останется: «неужели ъ дѣлѣ, такое право турковъ, можетъ такъ спокойно и кно признавать столь образованный, какъ Форбесъ, членъ юсвѣщенной и великой націи, какъ Англія? Неужели это е цвѣты и плоды англійской цивилизаціи? Но замѣтьте себѣ, ечно-бы такъ не выразился, еслибъ вмѣсто болгаръ дѣло ранцузахъ или объ итальянцахъ. Онъ потому только я такъ, что это были всего только славяне-болгары. Ка-юслѣ этого у нихъ у всѣхъ въ Европѣ родовое, кровяное е къ славянамъ и славянскому племени! Считаются все то за собакъ! Допускается возможность и разумность ъ всѣхъ до единаго, все племя, съ женами и дѣтьми. И еще (это очень важно) это не графъ Биконсфильдъ го-тотъ можетъ выразить такія-же разбойничьи и звѣрскія ія принужденный къ тому политикой, «англійскими ин-», а вѣдь Форбесъ—частный человѣкъ, не государствен-котораго соблюденіе интересовъ Англіи *во что-бы ни чего-бы ни стоило* не возложено, да еще человѣкъ-то стный, талантливый, правдивый, гуманный по прежнимъ ь своимъ. Тутъ именно, именно причиною какая-то за-

падно-европейская гадливость ко всему, что носитъ имя славя
ства. Этихъ болгаръ можно заваривать кипяткомъ, какъ гнѣзд
клоповъ въ старушечьихъ деревянныхъ кроватяхъ! Нѣтъ-ли тут
именно какого-нибудь инстинкта, предчувствія, что всѣ эти сл
вянскія восточныя племена, освободясь, займутъ когда-нибуд
огромную роль въ новомъ грядущемъ человѣчествѣ, вмѣсто сбив
шейся съ праваго пути старой цивилизаціи, и станутъ на е
мѣсто? Сознательно, западные люди, конечно, это не могутъ т
перь представить, и допуст[illegible], точно также какъ нель
имъ представить гнѣзда клоповъ—за что-то высшее и гряду
щее смѣнить ихъ. Но тутъ Россія, тутъ, очевидно, поднята ид
совершенно новая всѣмъ на соблазнъ, на гнѣвъ и удивленіе
тутъ показалось уже знамя будущаго, а такъ какъ Россія и
«гнѣздо клоповъ», какъ для нихъ болгары, а гигантъ и сил
не признать которую невозможно, и такъ какъ Россія тоже
славянская нація, то какъ, должно быть, эти западные лю
ненавидятъ теперь и Россію въ сердцахъ своихъ даже инстин
тивно, безотчетно, радуясь всякому ея неуспѣху и всякой бѣ
ея! Именно тутъ инстинктъ, тутъ предчувствіе будущаго...

III.

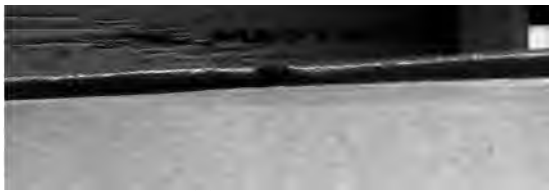
Одно совсѣмъ особое словцо о славянахъ, которое мнѣ дав хотѣлось сказать.

Кстати, скажу одно *особое* словцо о славянахъ и о слав
скомъ вопросѣ. И давно мнѣ хотѣлось сказать его. Теперь-
именно заговорили вдругъ у насъ всѣ о скорой возможно
мира, т. е., стало быть, о скорой возможности хоть сколько-н
будь разрѣшить и славянскій вопросъ. Дадимъ-же волю наш
фантазіи и представимъ вдругъ, что все дѣло кончено, что
стояніями и кровью Россіи славяне уже освобождены, мало то
что турецкой имперіи уже не существуетъ и что Балканскій
луостровъ свободенъ и живетъ новою жизнью. Разумѣется, тру
предречь, въ какой именно формѣ, до послѣднихъ подробност
явится эта свобода славянъ хоть на первый разъ,—то е
будетъ-ли это какая-нибудь федерація между освобожденны
мелкими племенами (NB. федерація кажется еще очен
долго не будетъ) или явятся небольшія отдѣльныя ви
видѣ маленькихъ государствъ, съ призванными изъ раз

ныхъ домовъ государями? Нельзя также представить: рас-
ся-ли, наконецъ, въ границахъ своихъ Сербія или Ав-
тому воспрепятствуетъ, въ какомъ объемѣ явится Болга-
то станется съ Герцеговиной, Босніей, въ какія отношенія
ъ съ новоосвобожденными славянскими народцами, напри-
румыны, или греки даже. — константинопольскіе греки и
угіе, аѳинскіе греки? Будутъ-ли наконецъ всѣ эти земли
ицы вполнѣ независимы, или будутъ находиться подъ по-
тельствомъ и надзоромъ «европейскаго концерта державъ
мъ числѣ и Россіи (я думаю, сами эти народики всѣ не-
нно выпросятъ себѣ европейскій концертъ, хоть вмѣстѣ
ссіей, но единственно въ видѣ покровительства ихъ отъ
любія Россіи)—все это невозможно рѣшить заранѣе въ точ-
и я не берусь разрѣшать. Но однако возможно и теперь—
но знать двѣ вещи: 1) что скоро или опять не скоро, а
лавянскія племена Балканскаго полуострова непремѣнно въ
концовъ освободятся отъ ига турокъ и заживутъ новою,
ною и можетъ быть независимою жизнью и 2)... Вотъ это-то
, что навѣрно, вѣрнѣйшимъ образомъ случится и сбудется,
хотѣлось давно высказать.

енно, это второе состоитъ въ томъ, что, по внутреннему
ѣнію моему, самому полному и непреодолимому, — не бу-
у Россіи, и никогда еще не было, такихъ ненавистниковъ,
тниковъ, клеветниковъ и даже явныхъ враговъ, какъ всѣ
лавянскія племена, чуть только ихъ Россія освободитъ, а
а согласится признать ихъ освобожденными! И пусть не
ваютъ мнѣ, не оспариваютъ, не кричатъ на меня, что я
личиваю и что я ненавистникъ славянъ! Я, напротивъ,
люблю славянъ, но я и защищаться не буду, потому что
что все точно такъ именно сбудется какъ я говорю, и
низкому, неблагодарному, будто-бы, характеру славянъ,
ъ нѣтъ, — у нихъ характеръ въ этомъ смыслѣ какъ у
, — а потому, что *такія вещи* на свѣтѣ иначе и проис-
не могутъ. Распространяться не буду, но знаю, что намъ
не надо требовать съ славянъ благодарности, къ этому
надо приготовиться впередъ. Начнутъ-же они, по осво-
ніи, свою новую жизнь, повторяю, именно съ того, что
скатъ себѣ у Европы, у Англіи и Германіи, напримѣръ,
льство и покровительство ихъ свободѣ, и хоть въ концертѣ
йскихъ державъ будетъ и Россія, но они именно въ за-
отъ *Россіи* это и сдѣлаютъ. Начнутъ они непремѣнно съ

того, что внутри себя, если не прямо вслухъ, объявятъ се
убѣдятъ себя въ томъ, что Россіи они не обязаны ни ка
шею благодарностью, напротивъ, что отъ властолюбія Ро
они едва спаслись при заключеніи мира вмѣшательствомъ е
пейскаго концерта, а не вмѣшайся Европа, такъ Россія, от
ихъ у Турокъ, проглотила-бы ихъ тотчасъ-же, «имѣя въ в
расширеніе границъ и основаніе великой Всеславянской И
ріи на порабощеніи славянъ жадному, хитрому и варварск
великорусскому племени». Долго, о, долго еще они не въ
стояніи будутъ признать безкорыстія Россіи и великаго,
таго, неслыханнаго въ мірѣ поднятія ею знамени величай
идеи, изъ тѣхъ идей, которыми живъ человѣкъ и безъ к
рыхъ человѣчество, если эти идеи перестанутъ жить въ нем
коченѣетъ, калѣчится и умираетъ въ язвахъ и въ безсм
Нынѣшнюю, напримѣръ, всенародную русскую войну, всего
скаго народа, съ Царемъ во главѣ, подъятую противъ из
говъ за освобожденіе несчастныхъ народностей,—эту во
поняли-ли, наконецъ, славяне теперь, какъ вы думаете? В
теперешнемъ моментѣ я говорить не стану, къ тому-же мы
нужны славянамъ, мы ихъ освобождаемъ, но потомъ, к
освободимъ и они кое-какъ устроятся—признаютъ они
войну за великій подвигъ, предпринятый для освобожденія
рѣшите-ка это? Да ни за что на свѣтѣ не признаютъ. На
тявъ, выставятъ какъ политическую, а потомъ и научную ист
что не будь во всѣ эти сто лѣтъ освободительницы-Россіи.
они-бы давнымъ давно сами съумѣли освободиться отъ Тур
своею доблестью или помощію Европы, которая, опять-таки
будь на свѣтѣ Россіи, не только-бы не имѣла ничего прот
ихъ освобожденія, но и сама освободила-бы ихъ. Это хи
ученіе навѣрно существуетъ у нихъ уже и теперь, а впос
ствіи оно неминуемо разовьется у нихъ въ научную и поли
ческую аксіому. Мало того, даже о туркахъ станутъ гово
съ бо́льшимъ уваженіемъ, чѣмъ объ Россіи. Можетъ быть,
лое столѣтіе, или еще болѣе они будутъ безпрерывно тр
тать за свою свободу и бояться властолюбія Россіи; они
дутъ заискивать передъ европейскими государствами, будутъ
ветать на Россію, сплетничать на нее и интриговать прот
нея. О, я не говорю про отдѣльныя лица; будутъ такіе, кото
поймутъ что значила, значитъ и будетъ значить Россія для
всегда. Они поймутъ все величіе и всю святость дѣла Росс
великой идеи, знамя которой поставитъ она въ человѣче



люди эти, особенно вначалѣ, явятся въ такомъ жалкомъ меньшинствѣ, что будутъ подвергаться насмѣшкамъ, ненависти и политическому гоненію. Особенно пріятно будетъ для освобожденныхъ славянъ высказать и трубить на весь свѣтъ, что именно образованныя, способныя къ самой высшей европейской культурѣ, тогда какъ Россія страна варварская, мрачный сѣверный колоссъ, даже не чистой славянской крови, гонитель и ненавистникъ европейской цивилизаціи. У нихъ, конечно, явится, съ самаго начала, конституціонное управленіе, парламенты, отвѣтственные министры, ораторы, рѣчи. Ихъ будетъ это чрезвычайно утѣшать и восхищать. Они будутъ въ упоеніи, читать о себѣ въ парижскихъ и въ лондонскихъ газетахъ телеграммы, извѣщающія весь міръ, что послѣ долгой парламентской борьбы, было наконецъ министерство въ Болгаріи и составилось оно изъ либеральнаго большинства, и что какой-нибудь ихній князь Чифтликъ согласился наконецъ принять портфель президента совѣта министровъ. Россіи надо серьезно приготовиться къ тому, что всѣ эти освобожденные славяне съ упоеніемъ ринутся въ Европу, до потери личности своей заразятся европейскими идеями, политическими и соціальными, и такимъ образомъ должны будутъ пережить цѣлый и длинный періодъ европеизма прежде чѣмъ постигнуть хоть что-нибудь въ своемъ славянскомъ знаніи и въ своемъ особомъ славянскомъ призваніи въ средѣ человѣчества. Между собой эти землицы будутъ вѣчно ссориться. Начнутъ другъ другу завидовать и другъ противъ друга интриговать. Разумѣется, въ минуту какой-нибудь серьезной бѣды, они будутъ непремѣнно обратятся къ Россіи за помощью. Какъ ни будутъ они ненавистничать, сплетничать и клеветать на насъ Европѣ, заигрывая съ нею и увѣряя ее въ любви, но чувствовать-то они всегда будутъ инстинктивно (конечно, въ минуту бѣды, а не раньше), что Европа естественный врагъ ихъ единству, была имъ и всегда останется, а что если они существуютъ на свѣтѣ, то конечно, потому что стоитъ огромный магнитъ—Россія, которая неодолимо притягивая ихъ всѣхъ къ себѣ, тѣмъ сдерживаетъ ихъ цѣлость и единство. Будутъ даже и такія минуты, когда они будутъ въ состояніи почти уже сознательно согласиться, что не будь Россіи, великаго восточнаго центра и великой влекущей силы, то единство ихъ мигомъ-бы развалилось, распалось въ клочки и даже такъ, что самая національность ихъ исчезла-бы въ европейскомъ океанѣ какъ исчезаютъ нѣсколько отдѣльныхъ капель воды въ морѣ. Россіи надолго дос-

танется тоска и забота мирить ихъ, вразумлять ихъ и з
можетъ быть, обнажать за нихъ мечъ при случаѣ. Разумѣ
сейчасъ-же представляется вопросъ: въ чемъ-же тутъ вы
Россіи, изъ-за чего Россія билась изъ-за нихъ сто лѣтъ, и
вовала кровью своею, силами, деньгами? Неужто изъ-за
чтобъ пожать столько маленькой смѣшной ненависти и ни
годарности? О, конечно, Россія все-же всегда будетъ созна
что центръ славянскаго единства — это она, что если жи
славяне свободною національною жизнію, то потому что я
захотѣла и хочетъ она, что совершила и создала все она.
какую-же выгоду доставитъ Россіи это сознаніе кромѣ труд
досадъ и вѣчной заботы?

Отвѣтъ теперь труденъ и не можетъ быть ясенъ.

Во первыхъ, у Россіи, какъ намъ всѣмъ извѣстно, и ни
не будетъ, и быть не должно никогда, чтобы расширить на с
славянъ свою территорію, присоединить ихъ къ себѣ поли
чески, надѣлать изъ нихъ земель губерній и проч. Всѣ сла
подозрѣваютъ Россію въ этомъ стремленіи даже теперь, р
какъ и вся Европа, и будутъ подозрѣвать еще сто лѣтъ впер
Но да сохранитъ Богъ Россію отъ этихъ стремленій и чѣм
лѣе она выкажетъ самаго полнаго политическаго безкоры
относительно Славянъ, тѣмъ вѣрнѣе достигнетъ объединенія
около себя впослѣдствіи, въ вѣкахъ, сто лѣтъ спустя. Достат
напротивъ, славянамъ съ самаго начала, какъ можно болѣ
литической свободы и устранивъ себя даже отъ всякаго
кунства и надзора надъ ними, и объявивъ имъ только, что
всегда обнажитъ мечъ на тѣхъ, которые посягнутъ на ихъ
боду и національность, Россія тѣмъ самымъ избавитъ себя
страшныхъ заботъ и хлопотъ поддерживать *силою* это опе
ство и политическое вліяніе свое на Славянъ, имъ, конечно,
навистное, а Европѣ всегда подозрительное. Но выказавъ
нѣйшее безкорыстіе тѣмъ самымъ Россія и побѣдитъ, и при
четъ наконецъ къ себѣ Славянъ; сначала въ бѣдѣ будутъ
бѣгать къ ней, а потомъ, когда-нибудь воротятся къ ней и
льнутъ къ ней всѣ, уже съ полной, съ дѣтской довѣренно
Всѣ воротятся въ родное гнѣздо. О, конечно, есть разныя уч
и поэтическія даже воззрѣнія и теперь въ средѣ многихъ
скихъ. Эти русскіе ждутъ что новыя, освобожденныя и вос
шія въ новую жизнь славянскія народности съ того и нач
что прильнутъ къ Россіи какъ къ родной матери и осн
тельницѣ и что несомнѣнно и въ самомъ скоромъ времени

ъ много новыхъ и ёще неслыханныхъ элементовъ въ рус-
жизнь, расширятъ славянство Россіи, душу Россіи, по-
тъ даже на русскій языкъ, литературу, творчество, обога-
Россію духовно и укажутъ ей новые горизонты. Признаюсь
сегда казалось это у насъ лишь ученьми увлеченіями; прав-
въ томъ, что, конечно, что-нибудь произойдетъ въ этомъ
несомнѣнно, но не ранѣе ста напримѣръ лѣтъ, а пока, и
ъ быть, еще цѣлый вѣкъ, Россіи вовсе нечего будетъ брать
вянъ ни изъ идей ихъ, ни изъ литературы, и чтобъ учить
всѣ они страшно недоросли. Напротивъ, весь этотъ вѣкъ,
ъ быть, придется Россіи бороться съ ограниченностью и
твомъ Славянъ, съ ихъ дурными привычками, съ ихъ не-
нной и близкой измѣной славянству ради европейскихъ
политическаго и соціальнаго устройства, на которые они
накинутся. Послѣ разрѣшенія Славянскаго вопроса Рос-
евидно предстоитъ окончательное разрѣшеніе Восточнаго
са. Долго еще не поймутъ теперешніе Славяне что такое
ный вопросъ! Да и славянскаго единенія въ братствѣ и
іи они не поймутъ тоже очень долго. Объяснять имъ это
рывно, дѣломъ и великимъ примѣромъ, будетъ всегдашней
й Россіи впредь. Опять-таки скажутъ: для чего это все
ещъ, и зачѣмъ брать Россіи на себя такую работу? Для
для того, чтобъ жить высшею жизнью, великою жизнью,
ъ міру великой безкорыстной и чистой идеей, воплотить
ать въ концѣ концовъ великій и мощный организмъ брат-
союза племенъ, создать этотъ организмъ не политическимъ
емъ, не мечемъ, а убѣжденіемъ, примѣромъ, любовью, без-
ѣемъ, свѣтомъ; вознести наконецъ всѣхъ малыхъ сихъ до
и до понятія ими материнскаго ея призванія—вотъ цѣль
, вотъ и выгоды ея, если хотите. Если націи не будутъ
высшими, безкорыстными идеями и высшими цѣлями слу-
человѣчеству, а только будутъ служить однимъ своимъ
есамъ», то погибнутъ эти націи несомнѣнно, окоченѣютъ,
лѣютъ и умрутъ. А выше цѣлей нѣтъ, какъ тѣ, которыя
ить передъ собой Россія служа славянамъ безкорыстно и
буя отъ нихъ благодарности, служа ихъ нравственному (а
итическому лишь) возсоединенію въ великое цѣлое. Тогда
скажетъ всеславянство свое новое цѣлительное слово че-
ству... Выше такихъ цѣлей не бываетъ никакихъ на свѣтѣ.
быть, и «выгоднѣе» ничего не можетъ быть для Россіи,
имѣть всегда передъ собой эти цѣли, все болѣе и болѣе

уяснить ихъ себѣ самой, и все болѣе и болѣе возвышаться д
хомъ въ этой вѣчной, неустанной и доблестной работѣ своей д
человѣчества.

Будь окончаніе нынѣшней войны благополучно—и Россія в
сомнѣнно войдетъ въ новый и высшій фазисъ своего бытія...

Глава третья.

I.

**Толки о мирѣ. «Константинополь долженъ быть нашъ»— во
можно-ли это? Разныя мнѣнія.**

А про окончаніе войны всѣ вдругъ начали толковать,
только въ Европѣ, но и у насъ. Всѣ пустились дебатирова
вѣроятныя условія мира. Пріятно то, что даже большинст
нашихъ политическихъ газетъ, болѣе или менѣе, но вѣрно п
нитъ теперь труды, кровь и усиліе Россіи, и условія мира пр
полагаетъ по возможности въ размѣрахъ этихъ усилій. Утѣш
тельно особенно то, что большинство судящихъ начинаетъ пр
знавать и самостоятельность Россіи въ виду грядущихъ несо
нѣнныхъ европейскихъ вмѣшательствъ при заключеніи мира,
право ея заключить миръ сепаратный, личный, не призыв
Европы и даже не очень внимая ей, если будетъ возможно. Учас
славянъ беретси тоже въ разсчетъ. Толкуютъ о вознагражд
ніяхъ, съ большимъ жаромъ требуютъ желѣзныхъ турецки
мониторовъ. На присоединеніе Карса, Эрзерума и на право на
присоединить ихъ къ себѣ многіе изъявили полное согласіе.

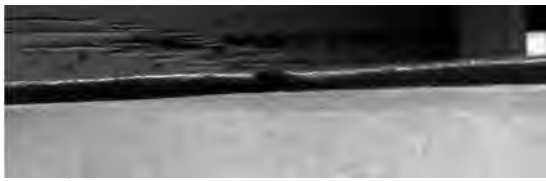
Есть люди, которые впрочемъ до сихъ поръ обижаются да
предположеніемъ, что мы что нибудь смѣемъ присоединить
родѣ Карса. За то есть, наконецъ, и такіе, которые толкуи
даже о Константинополѣ, не то что о Карсѣ и о томъ,
Константинополь долженъ быть нашъ. Эти толки и разсуж
нія о мирѣ и объ условіяхъ мира будутъ теперь повторят
неустанно, послѣ каждаго крупнаго нашего военнаго дѣйств
Мнѣ хочется только замѣтить, что во всѣхъ этихъ теперешн
сужденіяхъ нашихъ органовъ (или почти) кроется какъ
какой-то, не то что промахъ, а недосмотръ. Именно, всѣ
таютъ Европу... Европой, то есть такой-же Европой какой

а съ разными варьяціями во все столѣтіе,—т. е. тѣже почти
ликія державы принимаютъ, тоже политическое равновѣсіе
мѣется въ виду и проч. Между тѣмъ какъ Европа съ часу
часъ не та становится теперь что была даже назадъ тому
олгода, и даже до того, что за три мѣсяца впередъ ручаться
ейчасъ невозможно—до того можетъ измѣниться даже къ бу-
ущей веснѣ прежній ликъ ея. Колоссальные роковые текущіе
акты, которые должны сформироваться и потребовать разрѣ-
енія очень можетъ быть скоро, берутся въ разсчетъ какъ-бы
се еще не въ тѣхъ размѣрахъ въ которыхъ они существенно
олжны предстать передъ міромъ. Даже составъ той Европы,
оторая можетъ вмѣшаться въ наши дѣла при заключеніи мира,
рудно опредѣлить теперь безошибочно. А потому и толковать
объ условіяхъ мира лишь на прежнихъ данныхъ, недостаточно
нія того, что всѣ эти прежнія данныя—двинулись сами
ъ мѣста, текутъ, улетучиваются, ждутъ сами новыхъ опредѣ-
еній—мнѣ кажется будетъ тоже ошибочно... А впрочемъ объ
томъ потомъ. Теперь-же, такъ какъ уже зашла рѣчь о Кон-
тантинополѣ, мнѣ хочется мимоходомъ отмѣтить одно очень
рное, и почти неожиданное для меня мнѣніе о ближайшихъ
удьбахъ Константинополя», выраженное человѣкомъ отъ ко-
раго можно было ожидать совсѣмъ другого рѣшенія въ виду
перешнихъ совершившихся и несомнѣнно имѣющихъ совер-
иться событій. Николай Яковлевичъ Данилевскій, написавшій
емь лѣтъ тому назадъ превосходную книгу «Россія и Европа»
которой есть лишь одна неясная и нетвердая глава, именно
будущей судьбѣ Константинополя, напечаталъ недавно въ
азетѣ «Русскій Міръ» рядъ статей о томъ-же самомъ пред-
етѣ. Окончательный выводъ его о Константинополѣ очень ори-
иналенъ.

Я впрочемъ не буду разбирать во всей подробности.

Послѣ превосходныхъ и вѣрныхъ разсужденій, напримѣръ, о
мъ, что Константинополь, по изгнаніи турокъ, отнюдь не мо-
етъ стать вольнымъ городомъ, въ родѣ какъ напримѣръ прежде
раковъ, не рискуя сдѣлаться гнѣздомъ всякой гадости, интриги,
бѣжищемъ всѣхъ заговорщиковъ всего міра, добычей жидовъ,
кулянтовъ и проч. и проч.,—Н. Я. Данилевскій рѣшаетъ, что
тантинополь долженъ, когда-нибудь стать общимъ городомъ
ъ восточныхъ народностей. Всѣ народы будутъ-де владѣть
на равныхъ основаніяхъ, вмѣстѣ съ русскими, которые тоже
утъ допущены ко владѣнію имъ на основаніяхъ равныхъ съ

славянами. Такое рѣшеніе, по моему, удивительно. Какое тут
жетъ быть сравненіе между русскими славянами? И кто это бу
устанавливать между ними равенство? Какъ можетъ Россія
ствовать во владѣніи Константинополемъ на *равныхъ* основан
съ славянами, если Россія имъ неравна во всѣхъ отношеніях
и каждому народцу порознь и всѣмъ имъ вмѣстѣ взятымъ
ликанъ Гуливеръ могъ-бы, если-бъ захотѣлъ, увѣрять лил
товъ, что онъ имъ во всѣхъ отношеніяхъ равенъ, но вѣдь
было-бы очевидно нелѣпо. Зачѣмъ-же напускать на себя н
пость, до того чтобъ вѣрить ей самому и насильно? Конста
нополь долженъ быть *нашъ*, завоеванъ *нами*, русскими, у
рокъ и остаться нашимъ на вѣки. Однимъ намъ онъ доля
принадлежать, а мы, конечно, владѣя имъ, можемъ допустит
него и всѣхъ славянъ и кого захотимъ еще сверхъ того, на
мыхъ широкихъ основаніяхъ, но это уже будетъ не федера
ное владѣніе вмѣстѣ со славянами городомъ. Да взять уже
что вы федеративнаго соединенія славянъ между собою еще
лый вѣкъ не добьетесь. Россія будетъ владѣть лишь Конста
нополемъ и его необходимымъ округомъ, равно Босфоромъ и
ливами, будетъ содержать въ немъ войско, укрѣпленія и фл
а такъ должно быть еще долго, долго. О, подхватятъ и за
чатъ многіе: «стало быть, служеніе-то Россіи славянскому
видно было не столь безкорыстно!» На это легко отвѣ
именно тѣмъ, что служеніе Россіи славянамъ теперь еще не о
чится, а будетъ еще продолжаться въ вѣкахъ, что ею тол
и великой центральной силой ея, славяне и будутъ на с
жить; что за такое служеніе никогда и ничѣмъ нельзя бу
заплатить, а что если и займетъ теперь Россія Константино
то единственно потому, что у ней, въ задачахъ ея и въ на
ченіи ея, есть кромѣ славянскаго и другой вопросъ, самый
ликій для нея и окончательный, а именно Восточный вопр
и что разрѣшиться этотъ вопросъ можетъ только въ Конста
нополѣ. Федеративное-же владѣніе Константинополемъ разн
народцами можетъ даже умертвить Восточный вопросъ, разр
нія котораго, напротивъ того, настоятельно надо желать, и
придутъ къ тому сроки, такъ какъ онъ тѣсно связанъ съ с
бою и съ назначеніемъ самой Россіи и разрѣшенъ можетъ
только ею. Не говоря уже о томъ, что всѣ эти народцы л
перессорятся между собою въ Константинополѣ, за вліяні
немъ и за обладаніе имъ. Ссорить ихъ будутъ греки. Завид
тому, что они владѣютъ такой великолѣпной точкой Евро



его міра будутъ и западные славяне... однимъ словомъ, Константинополь послужитъ тогда камнемъ раздора во всемъ христіанскомъ и восточномъ мірѣ, что помѣшаетъ единенію славянъ установитъ ходъ правильной жизни ихъ. Спасеніе въ такомъ случаѣ именно въ томъ, если Россія займетъ Константинополь не для себя, за свой счетъ. Россія можетъ сказать тогда всѣмъ народамъ, что она потому беретъ себѣ Константинополь, — «что ни единый изъ васъ, ни всѣ вы вмѣстѣ не доросли до него, а что она, Россія, доросла. И доросла. Именно теперь наступаетъ этотъ новый фазисъ жизни Россіи. Константинополь есть центръ восточнаго міра, а духовный центръ восточнаго міра внѣ его есть Россія. Россіи именно нужно и даже *полезно* будетъ, на нѣкоторое время, забыть хоть немножко Петербургъ и обратиться на Востокъ, въ виду измѣненія судебъ ея и всей Европы, измѣненія близкаго, стоящаго «при дверяхъ». Впрочемъ, отложимъ до времени разборъ всѣхъ неудобствъ общаго владѣнія Константинополемъ, и даже вреда оттого, особенно для славянъ, — замѣтимъ только, хоть нѣсколько словъ, о судьбѣ въ этомъ случаѣ константинопольскихъ грековъ и православія.

Греки ревниво будутъ смотрѣть на новое славянское начало въ Константинополѣ и будутъ ненавидѣть и бояться славянъ не болѣе чѣмъ бывшихъ магометанъ. Еще недавній споръ Кошгаръ съ патріаршимъ престоломъ можетъ послужить въ этомъ случаѣ примѣромъ будущаго. Предстоятели православія въ Константинополѣ могутъ унизиться до интриги, мелкихъ проклятій, отлученій, неправильныхъ соборовъ и проч., можетъ быть, упадутъ и до ереси — и все это изъ-за національныхъ причинъ, изъ-за національныхъ оскорбленій и разореній. «Почему славяне выше насъ, могутъ сказать всѣ они вмѣстѣ, почему признается ихъ безусловное право на Константинополь, хотя-бы и вмѣстѣ съ нами?» Теперь въ тоже время забытье, что Россія, владѣя Константинополемъ, имѣя силу и огромный очевидный авторитетъ, почти устранитъ возможность такихъ вопросовъ. Даже греки не могли-бы ей столь завидовать и досадовать на нее за владѣніе Константинополемъ, именно потому, что она столь очевидная сила, и столь явная владычица въ глубъ Востока. Россія, владѣя Константинополемъ будетъ стоять какъ-бы на стражѣ свободы всѣхъ славянъ и *всѣхъ* восточныхъ народностей, не различая ихъ съ славянами. Мусульманское владѣніе было во всѣ эти столѣтія, для всѣхъ этихъ народностей не единительной, но подавляющей силой, и онѣ при

немъ шевельнуться не смѣли, т. е. вовсе не жили какъ н
Съ уничтоженіемъ-же мусульманскаго владычества, можетъ
ступить въ этихъ народностяхъ, выпрыгнувшихъ вдругъ
гнета на свободу, страшный хаосъ. Такъ что не только пра
ная федерація между ними, но даже просто согласіе — есть
сомнѣнія лишь мечта будущаго. А пока новой единительной
нихъ силой и будетъ Россія, именно тѣмъ отчасти, что т
станетъ въ Константинополѣ. Она спасетъ ихъ другъ отъ др
и именно будетъ стоять на стражѣ ихъ свободы. Она бу
стоять на стражѣ всего Востока и грядущаго порядка его
наконецъ она-же и лишь она одна способна поднять на Вос
знамя новой идеи и объяснить всему Восточному міру его
вое назначеніе. Ибо что такое Восточный вопросъ? Восто
вопросъ есть въ сущности своей разрѣшеніе судебъ право
вія. Судьбы православія слиты съ назначеніемъ Россіи. Чт
это за судьбы православія? Римское католичество, продавшее
уже Христа за земное владѣніе, заставившее отвернуться отъ
человѣчество, и бывшее такимъ образомъ главнѣйшей причино
терьялизма и атеизма Европы, это католичество естественно
дило въ Европѣ и соціализмъ. Ибо соціализмъ имѣетъ задачей
рѣшеніе судебъ человѣчества уже не по Христу, а внѣ Бо
внѣ Христа, и долженъ былъ зародиться въ Европѣ естестве
взамѣнъ упадшаго христіанскаго въ ней начала, по мѣрѣ и
щенія и утраты его въ самой церкви католической. Утрачен
образъ Христа сохранился во всемъ свѣтѣ чистоты своей
православіи. Съ Востока и пронесется новое слово міру
встрѣчу грядущему соціализму, которое можетъ вновь спа
европейское человѣчество. Вотъ назначеніе Востока, вотъ въ
для Россіи заключается Восточный вопросъ. Я знаю, очень
гіе назовутъ такое сужденіе «кликушествомъ», но Н. Я. Д
левскій слишкомъ можетъ понять то, что я говорю. Но дл
кого назначенія Россіи нуженъ Константинополь, такъ какъ
центръ Восточнаго міра. Россія уже сознаетъ про себя, ст
родомъ и царемъ своимъ во главѣ, что она лишь носитель
идеи Христовой, что слово православія переходитъ въ не
великое дѣло, что уже началось это дѣло съ теперешней
ной, а впереди передъ ней еще вѣка трудовъ самопожерт
нія, насажденія братства народовъ и горячаго материнскаго
женія ея имъ, какъ дорогимъ дѣтямъ.

Да, это великое христіанское дѣло, эта новая дѣятель
христіанства и православія уже началась, именно въ тог

ю войну и фактомъ теперешней войны, а Н. Я. Данилевскій
е еще не вѣритъ тому... не вѣритъ, очевидно, потому, что не
итаетъ пока никого еще *достойнымъ* овладѣть Константино-
емъ и даже Россію. Не доросли, что-ли, до Константинополя
сскіе—трудно понять. Конечно, трудно устроить согласное и
жое на правахъ владѣніе Константинополемъ всѣхъ восточ-
ихъ народовъ и народцевъ, но вѣдь допускаетъ-же авторъ
атьи, что Россія могла-бы владѣть Константинополемъ одна,
ка, временно, такъ сказать болѣе охраняя его, чѣмъ смѣя вла-
ть имъ, съ тѣмъ однако, чтобъ послѣ передать его на общее
адѣніе народцамъ (для чего? для чего передать?). Кажется, Н.
Данилевскій считаетъ, что для самой Россіи будетъ искуси-
льно и, такъ сказать, развратительно единоличное владѣніе
онстантинополемъ, возбудитъ въ ней дурные завоевательные
стинкты и проч., но, кажется, пора-бы, наконецъ, увѣровать
Россію, особенно послѣ подвига теперешней войны. Она до-
кла-съ; даже до Константинополя доросла...

И вдругъ авторъ даже и *пока* не рѣшается довѣрить Россіи
онстантинополь. И представьте чѣмъ кончаетъ: онъ выводитъ,
пока надо продлить существованіе Турціи (отнявъ у ней
ѣхъ славянъ, Балканы и проч.) и оставить пока Константи-
ополь подъ властью турокъ, и что это даже будто-бы самое
годное для Россіи *теперь* рѣшеніе и въ этомъ почти перстъ
жій. Но почему-же, перстъ-то Божій почему? Разумѣется, ав-
ръ предполагаетъ при этомъ новомъ существованіи Турціи пол-
ѣйшее вліяніе на нее Россіи и, такъ сказать, зависимость Тур-
отъ Россіи. Но для чего такой маскарадъ? Разсудите: вла-
ка Россія, а все-таки на время надо турку поставить. Замѣ-
ъ, что на такую комбинацію Европа еще скорѣе не согла-
тся, чѣмъ на окончательное завоеваніе Турціи, ибо лучше уже
ершившійся фактъ, чѣмъ все еще оспариваемый, продолжае-
ій, угрожающій новыми войнами въ самомъ близкомъ буду-
щемъ. Такимъ образомъ авторъ почти сошелся, въ концѣ кон-
цовъ, съ политическимъ мнѣніемъ лорда Биконсфильда, т. е.,
существованіе Турціи необходимо и уничтожена она быть
можетъ.

«Отъ Турціи останется одна тѣнь, говоритъ Н. Я. Данилев-
ій», но тѣнь эта *должна* (?) еще до поры до времени отѣ-
ть берега Босфора и Дарданеллъ, ибо замѣнить ее *живымъ*,
не только живымъ, но еще здоровымъ организмомъ, пока не-
можно (!?)...

Это Россія-то нездоровый и даже не живой еще органи
которымъ нельзя даже смѣть замѣнить въ столицѣ правосл
гнилье турокъ? Это для меня удивительно (опять-таки и
подвига теперешней войны!) Чего нибудь я тутъ вѣрно не
нимаю. Не разумѣетъ-ли авторъ, просто на просто, что не
невозможно еще пустить Россію въ Константинополь (для
ноличнаго владѣнія или для передачи его потомъ народамъ),
Европа не согласится ее впустить. Можетъ быть, авторъ и
ритъ, что Россія въ нынѣшнюю войну въ силахъ достиг
такого окончательнаго результата. Онъ именно говоритъ въ
номъ мѣстѣ своей статьи «что *занятіе* Константинополя
скими, встрѣтитъ самое рѣшительное сопротивленіе со сто
большинства европейскихъ державъ». Если такъ, то заключ
его о необходимости оставить на время турокъ въ Конста
нополѣ, становится понятнѣе; тѣмъ не менѣе, на счетъ «со
тивленія большинства европейскихъ державъ» можно замѣ
двѣ вещи: 1) что, какъ сказалъ я выше, Европа, можетъ б
скорѣе найдетъ примирительный исходъ въ занятіи нашемъ
стантинополя, чѣмъ въ той формулѣ, которую предлагаетъ г.
нилевскій, т. е. Турцію обезличенную, подъ полной опекой
сіи, безъ Балканъ, безъ славянъ, съ срытыми крѣпостями,
флота, однимъ словомъ, «тѣнь» прежней Турціи, какъ выраж
ся авторъ. Ужь конечно не этой Турціи желало-бы «больш
ство европейскихъ державъ» и оставивъ на свѣтѣ лишь «т
Турціи» ее тѣмъ не надуешь: «все равно не сегодня такъ зав
войдете въ Константинополь» скажетъ она Русскимъ. А по
окончательное рѣшеніе для нея будетъ рѣшительно предпо
тельнѣе, чѣмъ Турціи въ видѣ тѣни. Второе, что можно з
тить, это то, что *можетъ быть* дѣйствительно никогда еще
было (и не будетъ) такого выгоднаго для насъ момента для
нятія Константинополя, какъ теперь, именно въ эту войну, и
но въ данный, или весьма близкій къ тому моментъ, въ
политическаго положенія самой Европы въ этотъ моментъ.

II.

Опять въ послѣдній разъ «прорицанія».

Вы все говорите: «большинство европейскихъ державъ»
позволитъ. Но что такое теперь «большинство европейскихъ

Опредѣлимо-ли оно даже въ настоящую минуту? Повто-
занное выше: Европа съ часу на часъ становится не
къ была прежде, еще недавно, какъ была, можетъ быть,
задъ еще полгода, такъ что теперь даже за три мѣсяца
ручаться и за дальнѣйшую неизмѣняемость ея нельзя.
томъ, что мы именно наканунѣ самыхъ величайшихъ
ающихъ событій и переворотовъ въ самой Европѣ и это
кало преувеличенія. Въ данный-же моментъ, теперь, въ
это «большинство европейскихъ державъ», которыя мог-
амъ сказать въ чемъ нибудь свое грозное veto при за-
мира—сводится лишь на Англію, и—врядъ-ли еще на
хотя Англія во что-бы ни стало вовлекаетъ ее въ союзъ
надѣется на союзъ и съ Франціей. Но мы будемъ (те-
е это очевидно) не одни. Въ Европѣ есть Германія, и
шей сторонѣ.

Европу ждутъ огромные перевороты, такіе, что умъ лю-
зывается вѣрить въ нихъ, считая осуществленіе ихъ
чѣмъ-то фантастическимъ. Между тѣмъ многое, что еще
имъ лѣтомъ считалось фантастическимъ, невозможнымъ
личеннымъ—сбылось въ Европѣ къ концу года буквальнѣ-
ніе, напримѣръ, о силѣ католическаго всемірнаго загово-
мнѣніе, надъ которымъ *всѣ* еще лѣтомъ склонны были
, и, по крайней мѣрѣ, пренебрегать имъ, раздѣляется тѣ-
ъми и подтвердилось фактами. Напоминаю объ этомъ
нно для того, чтобъ читатели повѣрили и теперешнимъ
азаньямъ» нашимъ и не сочли-бы ихъ фантастическою
личенною картиною, какъ, вѣроятно, сочли многіе наши
предсказанія въ маѣ, іюнѣ, іюлѣ и августѣ и, которыя
сбылись до буквальной точности.

ственный политикъ въ Европѣ проникающій геніаль-
глядомъ своимъ въ самую глубь фактовъ — есть без-
снязь Бисмаркъ. Самаго страшнаго врага Германіи, ея
и ея обновленнаго будущаго, онъ прозрѣлъ еще за
задъ — въ римскомъ католицизмѣ и въ порожденномъ
измомъ чудовищѣ—соціализмѣ. (Соціализмомъ проѣдена
). Раздавить католицизмъ въ моментъ избранія новаго
смарку необходимо. О, онъ понимаетъ, что онъ не раз-
его окончательно, и что онъ только поставитъ его въ
й новый фазисъ борьбы. Но старый фазисъ борьбы,
лицизма еще продолжается, пока жива Франція. Пока
анція у католицизма есть сильный мечъ, и есть на-

дежды на европейскую коалицію. Что до Франціи, то эта с
въ глазахъ князя Бисмарка — обречена уже судьбѣ своей.
него одинъ вопросъ: или ей жить или Германіи. Ибо п
Франція — и католицизмъ, вмѣстѣ съ соціализмомъ, войдут
новый фазисъ. И пока европейскіе политики, слѣдуя за не
чаемой борьбой Макъ-Магона съ республиканцами, желаютъ
всего сердца побѣды республиканцамъ, *принимая и вери*
что республика есть во Франціи правительство народное и
собное соединить Францію — князь Бисмаркъ тѣмъ врем
понимаетъ вполнѣ, что Франція отжила свой вѣкъ, что эт
ція раздѣлилась внутренно и окончательно сама на се
вѣки, и что въ ней никогда уже болѣе не будетъ тверд
единящаго всѣхъ авторитетнаго правленія здороваго націо
наго и единящаго центра. И хоть слабость Франціи мог
такимъ образомъ лишь обнадеживать Германію, но князь
маркъ все-же видитъ, что, повторю это, пока живетъ Фр
дотолѣ живъ и римскій католицизмъ политически и имѣет
рукахъ своихъ обнаженный мечъ, мало того,—что католицизм
можетъ быть, и могъ-бы еще разъ, *на время*, послужит
этой разложившейся страны— единящей идеей, хотя-бы вн
политически. Ибо даже и быть не можетъ чтобъ Франція, хо
и съ республиканцами во главѣ, могла *не* обнажить, *ра*
поздно-ли, меча за папу и за судьбы католичества. Респ
канцы даже сами увидѣли бы, что оставь они папу и ка
чество, то и собственное ихъ существованіе во Франціи ста
невозможнымъ. Правда, сами-то они можетъ будутъ и н
собны понять это даже до самаго конца своего, и такимъ
зомъ пребудутъ до конца не только фаворитами (протеже) и
Бисмарка — которыхъ онъ, однако-же, все равно пригов
уже про себя къ смерти, вмѣстѣ съ прочими французскими
тіями, имѣющими претензію на способность вновь соед
Францію въ одно неразрывное цѣлое, — но и рабами Гер
отдающими ей и всю Францію не только въ политическ
и во внутреннее, существенное и духовное рабство, именно
что лишаютъ Францію самой самостоятельнѣйшей изъ *нац*
ческихъ и историческихъ идей ея, вырываютъ у ней то
которое она высоко держала столько вѣковъ какъ предс
тельница романскаго элемента въ европейскомъ человѣч
Но за то тѣ, которые сгонятъ за это бездарныхъ и без
ныхъ республиканцевъ съ мѣста, непремѣнно позаботятс
двигнуть (Бисмаркъ знаетъ это), въ послѣдній разъ, кат

мя противъ Германіи. — знамя, въ которое уже, повто-
не вѣритъ Франція, уже сама *почти вся* отрицаетъ
которое можетъ еще послужить ей *политически* послѣд-
ой опоры и единенія противъ роковаго (и послѣдняго
тиска протестантской Германіи, вѣчно протестовавшей
западно-европейскихъ, унаслѣдованныхъ еще отъ древ-
а началъ цѣлой половины европейскаго человѣчества.
гому князь Бисмаркъ вѣроятнѣе всего уже предрѣшилъ
ранціи. Францію ждетъ судьба Польши и политически
не будетъ — или не будетъ и Германіи. Достигнувъ
ъ принудитъ тогда воюющее римское каотличество (ко-
етъ воевать до окончанія міра) войти въ новый фа-
ществованія и борьбы за существованіе — въ фазисъ
, рептильной, заговорной войны. И онъ ждетъ его въ
вомъ фазисѣ. Чѣмъ скорѣе это совершится, тѣмъ для
ше, такъ какъ тутъ онъ ждетъ уже соединенія обоихъ
Германіи и человѣчества вмѣстѣ и тѣмъ самымъ раз-
хъ надѣется легче, заразъ...

III.

Надо ловить минуту.

иненіе-же обоихъ враговъ произойдетъ несомнѣнно, только
детъ политически Франція. Оба врага эти имѣли съ
всегда органическую связь. Католичество почти до
го времени было единящей и существенной идеей ея.
ъ-же и зародился въ ней. Лишивъ Францію полити-
изни князь Бисмаркъ думаетъ нанести ударъ и соціа-
оціализмъ, какъ наслѣдіе католицизма и Франціи—не-
ъ болѣе всѣхъ истинному германцу и простительно, что
тели Германіи думаютъ съ нимъ такъ легко справиться,
ивъ лишь политически Францію, какъ источникъ и на-
. Но вотъ что произойдетъ по всей вѣроятности если
олитически Франція: католичество потеряетъ свой мечъ
вый разъ обратится къ народу, котораго оно презирало
вѣковъ, заискивая у королей и императоровъ земныхъ.
ь оно обратится къ народу, ибо некуда идти ему больше,
и именно къ предводителямъ наиболѣе подвижнаго и
аго элемента въ народѣ, соціалистамъ. Народу оно ска-

жетъ, что все, что проповѣдуютъ имъ соціалисты, проповѣ
валъ и Христосъ. Оно исказитъ и продастъ имъ Христа
разъ, какъ продавала прежде столько разъ за земное влад
отстаивая права инквизиціи мучившей людей за свободу
вѣсти во имя любящаго Христа, — Христа, дорожащаго
свободно пришедшимъ ученикомъ, а не купленнымъ или
ганнымъ. Оно продавало Христа, благословляя іезуитовъ и
ряя праведность «всякаго средства для Христова дѣла».
Христово-же дѣло оно искони обратило лишь въ заботу о
номъ владѣніи своемъ и о будущемъ государственномъ обла
всѣмъ міромъ. Когда католическое человѣчество отвернулось
того чудовищнаго образа, въ которомъ имъ представили нако
Христа, то послѣ цѣлаго ряда вѣковъ протестовъ, реформа
проч. явились наконецъ, съ начала нынѣшняго столѣтія, поня
устроиться внѣ Бога и внѣ Христа. Не имѣя инстинкта пч
или муравья, безошибочно и точно созидающихъ улей и м
вейникъ, люди захотѣли создать нѣчто въ родѣ человѣчес
безошибочнаго муравейника. Они отвергли происшедшую отъ
и откровеніемъ возвѣщенную человѣку единственную фор
спасенія его: «Возлюби ближняго какъ самаго себя» и замѣ
ее практическими выводами въ родѣ: «Chacun pour soi et Dieu
tous» или научными аксіомами въ родѣ «борьбы за сущест
ніе». Не имѣя инстинкта животныхъ, по которому тѣ живу
устраиваютъ жизнь свою безошибочно, люди гордо вознадѣя
на науку, забывъ, что для такаго дѣла, какъ создать обще
наука еще все равно что въ пеленкахъ. Явились мечтанія
душая Вавилонская башня стала идеаломъ и, съ другой сто
страхомъ всего человѣчества. Но за мечтателями явились вс
уже другія ученія, простыя и понятныя всѣмъ, въ родѣ: «
бить богатыхъ, залить міръ кровью, а тамъ *какъ-нибудь*
собою все вновь устроится. Наконецъ пошли дальше и
учителей, явилось ученіе анархіи, за которою, еслибъ она
осуществиться, навѣрно-бы начался вновь періодъ антропо
и люди принуждены были-бы начинать опять все съ
какъ тысячъ за десять лѣтъ назадъ. Католичество поним
все это отлично и съумѣетъ соблазнить предводителей
ной войны. Оно скажетъ имъ: «У васъ нѣтъ центра, по
въ веденіи дѣла, вы раздробленная по всему міру сила,
перь, съ паденіемъ Франціи и придавленная. Я буду един
вашимъ и привлеку къ вамъ и всѣхъ тѣхъ, кто въ мен
вѣруетъ». Такъ или этакъ, а соединеніе произойдетъ.

умирать не хочетъ, соціальная-же революція и новый,
ный періодъ въ Европѣ тоже несомнѣненъ: двѣ силы не-
но должны согласиться, два теченія слиться. Разумѣется,
честву даже выгодна будетъ рѣзня, кровь, грабежъ и
ы даже антропофагія. Тутъ-то оно и можетъ надѣяться
ь на крючокъ, въ мутной водѣ, еще разъ свою рыбу,
вствуя моментъ, когда наконецъ измученное хаосомъ и
вицей человѣчество бросится къ нему въ объятія, и оно
ся вновь, но уже всецѣло и на яву, нераздѣльно ни съ
единолично, «земнымъ владыкою и авторитетомъ міра
и тѣмъ окончательно уже достигнетъ цѣли своей. Картина
ы — не фантазія. Я положительно удостовѣряю, что ее
юзираютъ очень и очень многіе на западѣ. И, вѣроятно,
аютъ и владыки Германіи. Но предводители германскаго
въ одномъ ошибаются: въ легкости побѣдить и подавить
двухъ страшныхъ и уже соединенныхъ враговъ. Они на-
на силу обновленной Германіи, протестантскаго и про-
щаго ея духа противъ древняго и новаго Рима, началъ
йдствій его. Но не они остановятъ чудовище: остано-
побѣдитъ его возсоединенный Востокъ и новое слово,
е скажетъ онъ человѣчеству...

всякомъ случаѣ одно кажется яснымъ, именно: мы *нужны*
іи даже болѣе, чѣмъ думаемъ. И нужны мы ей не для
аго политическаго союза, *а навѣчно*. Идея возсоединен-
рманіи широка, величава и смотритъ въ глубь вѣковъ.
рманіи дѣлить съ нами? объектъ ея — все западное че-
ство. Она себѣ предназначила западный міръ Европы,
ги въ него свои начала вмѣсто римскихъ и романскихъ
, и впредь стать предводительницею его, а Россіи она
метъ Востокъ. Два великіе народа такимъ образомъ пред-
ены измѣнить ликъ міра сего. Это не затѣи ума или че-
ія: такъ самъ міръ слагается. Есть новые и странные
и появляются каждый день. Когда у насъ, еще на дняхъ
говорить и мечтать о Константинополѣ считалось даже
о фантастическимъ, въ германскихъ газетахъ заговорили
о занятіи нами Константинополя какъ о дѣлѣ самомъ
венномъ. Это почти странно сравнительно съ прежними
ніями къ намъ Германіи. Надо считать, что дружба Рос-
Германіей нелицемѣрна и тверда и будетъ укрѣпляться
альше, тѣмъ больше, распространяясь и укрѣпляясь по-
во въ народномъ сознаніи обѣихъ націй, а потому, можетъ

быть, даже не было и момента для Россіи выгоднѣе для ра
шенія восточнаго вопроса окончательно, какъ теперь. Въ
маніи, можетъ быть, даже нетерпѣливѣе нашего ждутъ окон
нія нашей войны. Между тѣмъ дѣйствительно за три мѣ
нельзя теперь поручиться. Кончимъ-ли мы войну раньше, ч
начнутся послѣднія и роковыя волненія Европы? Все это
извѣстно. Но поспѣемъ-ли мы на помощь Германіи, нѣтъ
Германія во всякомъ случаѣ разсчитываетъ на насъ не как
временныхъ союзниковъ, а какъ на *вѣчныхъ*. Что-же до т
щей минуты — опять-таки весь ключъ дѣла во Франціи и
избраніи папы. Тутъ можетъ явиться столкновеніе Франціи
Германіей, теперь уже несомнѣнное, тѣмъ болѣе, что есть
жигатели. Англія объ немъ особенно постарается и тогда,
жетъ быть, двинется и Австрія. Но объ этомъ обо всемъ
говорили еще недавно. Ничего съ тѣхъ поръ не измѣнил
чтобы могло опровергнуть прежнія мнѣнія наши, напротивъ,
твердилось...

Во всякомъ случаѣ Россіи надобно ловить минуту. А долг
эта благопріятная наша европейская минута можетъ про
жаться? Пока дѣйствуютъ теперешніе великіе предводители
маніи, эта минута *всего вѣрнѣе* для насъ обезпечена...

ДЕКАБРЬ.

Глава первая.

I.

Заключительное разъясненіе одного прежняго факта.

Заключая двухлѣтнее изданіе «Дневника» теперешнимъ по-
ѣднимъ, декабрьскимъ выпускомъ, я нахожу необходимымъ ска-
ть еще разъ одно слово объ одномъ дѣлѣ, о которомъ я уже
шкомъ довольно говорилъ. Положилъ-же я объ этомъ ска-
ть еще въ маѣ мѣсяцѣ, но оставилъ тогда по особымъ сообра
ніямъ, именно до этого послѣдняго выпуска. Это все опять о
мачихѣ, Корниловой, которая въ злобѣ на мужа выбросила
ю шестилѣтнюю падчерицу въ окошко, а та, упавъ съ пяти-
женной высоты, осталась жива. Какъ извѣстно, преступница
ла судима, осуждена, потомъ приговоръ былъ кассированъ, и
конецъ, окончательно была оправдана на вторичномъ судѣ 22
ѣля сего года. (См. «Дневникъ Писателя» октябрь 1876 и
ль 1877 года).

Въ этомъ дѣлѣ мнѣ случилось принять нѣкоторое участіе. Пред-
датель суда, а потомъ и прокуроръ, въ самой залѣ суда, объя-
ли публично, что первый обвиняющій Корнилову приговоръ
ъ отмѣненъ, именно вслѣдствіе пущенной мною въ «Днев-
ѣ» мысли, что не повліяло-ли на поступокъ преступницы ея
еменное состояніе? Я эту мысль провелъ и развилъ вслѣд-
ie чрезвычайныхъ и странныхъ психическихъ особенностей,
орыя сами собою неотразимо бросались въ глаза и останавли-
ли вниманіе при чтеніи подробностей совершоннаго преступ-

ленія. Впрочемъ это все уже извѣстно читателямъ. Изв
можетъ быть тоже, что послѣ самаго строгаго слѣдствія
мыхъ упорныхъ и настоятельныхъ доводовъ прокурора,
сяжные всетаки оправдали Корнилову, пробывъ въ залѣ
щанія не болѣе десяти минутъ, и публика разошлась го
сочувствуя оправданію. И вотъ, тѣмъ не менѣе, мнѣ то
же, въ тотъ-же день, пришла на умъ мысль, что въ по
номъ важномъ дѣлѣ, гдѣ затронуты самые высшіе мотивы г
данской и духовной жизни, всего-бы желательнѣе чтобъ все
быть разъяснено до самой послѣдней возможности, чтобъ
не оставалось ни въ обществѣ, ни въ душѣ присяжныхъ,
несшихъ оправданіе, никакихъ сомнѣній, колебаній и сожал
о томъ, что несомнѣнная преступница была отпущена без
казанія. Тутъ затронуты дѣти, дѣтская судьба (часто ужа
у насъ на Руси и особенно въ бѣдномъ классѣ), дѣтскій вопро
и вотъ оправдывается, при сочувствіи публики, убійца ребе
И вотъ я этому самъ отчасти способствовалъ (по свидѣтель
самого суда)! Я-то дѣйствовалъ по убѣжденію, но меня, п
произнесеннаго приговора вдругъ начало мучить сомнѣніе: не о
лось-ли въ обществѣ недовольства, недоумѣнія, невѣрія въ с
негодованія даже? Въ прессѣ нашей сказано было объ этомъ оп
даніи Корниловой мало,—тогда заняты были не тѣмъ, пред
ствовалась война. Но въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», въ новор
шейся тогда газетѣ, какъ-разъ я прочелъ статью, полную
дованія на оправданіе и даже злобы на мое участіе въ э
дѣлѣ. Статья эта написана недостойнымъ тономъ, да и не я о
подвергся тогда негодованію «Сѣв. Вѣстника»; подвергся и
Толстой за «Анну Каренину», подвергся злымъ и недостойн
насмѣшкамъ. Я лично и не отвѣтилъ-бы автору, но въ ст
этой я именно увидѣлъ то, чего опасался отъ нѣкоторой
нашего общества, то есть сбивчиваго впечатлѣнія, недоум
негодованія на приговоръ. И вотъ я рѣшилъ ждать всѣ во
мѣсяцевъ, чтобъ въ этотъ срокъ убѣдиться самому, но воз
ности еще болѣе, окончательно, въ томъ, что приговоръ н
вліялъ дурно на подсудимую, что напротивъ милосердіе
какъ доброе сѣмя пало на хорошую почву, что подсудимая
[illegible] сожалѣнія и милосердія, что пор
[illegible] фантастическаго почти буйства, въ припадк
[illegible] не возвращались
[illegible] болѣе, что
[illegible] и уб

я убѣжденъ былъ во время процесса) и что дѣйстви-
ступленіе этой несчастной необходимо было объяснить
будь особымъ случайнымъ обстоятельствомъ, болѣз-
, «аффектомъ»—вотъ именно тѣми болѣзненными при-
оторые бываютъ довольно часто (при совокупности и
конечно, неблагопріятныхъ условій и обстоятельствъ)
ыхъ женщинъ въ извѣстномъ періодѣ беременности,—
онецъ, стало быть, ни присяжнымъ, ни обществу, ни
бывшей въ залѣ суда и съ горячимъ сочувствіемъ вы-
приговоръ,—уже нечего болѣе сомнѣваться въ та-
оворѣ, въ его цѣлесообразности, и раскаяваться въ
оосердіи.

теперь, послѣ этихъ восьми мѣсяцевъ я именно въ
могу кое-что сообщить и прибавить по этому, впро-
ѣтъ быть, слишкомъ уже наскучившему всѣмъ дѣлу.
нать именно какъ-бы обществу, т. е. той части его,
о предположенію моему, могла не согласиться съ со-
ися приговоромъ, усумниться въ немъ и вознегодовать
если впрочемъ таковая часть недовольныхъ была въ
ществѣ. А такъ какъ изъ всѣхъ этихъ недовольныхъ
ѣнъ (не лично однако-же) всего лишь тотъ одинъ
ель», написавшій грозную статью въ «Сѣверномъ
, то и буду отвѣчать этому Наблюдателю. Вѣрнѣе всего
на него нисколько не подѣйствую никакими доводами,
быть, буду понятенъ читателямъ.

датель», коснувшись въ статьѣ своей дѣла Корни-
далъ этому *дѣлу* съ первой строки самое высшее зна-
въ негодованіи указывалъ на судьбу дѣтей, беззащ-
тей, и сожалѣлъ, что не казнили подсудимую стро-
приговоромъ. Дѣло, стало быть, шло о Сибири, о
адцатилѣтней женщины, съ рожденнымъ ею уже въ
бенкомъ на рукахъ (и который тоже, стало быть,
въ Сибирь вмѣстѣ съ нею), о разрушеніи молодаго
Въ такомъ случаѣ, кажется, слѣдовало-бы первымъ
ательно, серьезно и безпристрастно отнестись къ об-
ь совершившимся фактамъ. И вотъ повѣрятъ-ли: этотъ
ь *не знаетъ* дѣла, о которомъ судитъ, говоритъ на-
яетъ самъ изъ головы небывалыя обстоятельства
ихъ прямо на голову бывшей подсудимой, въ залѣ
дно не находился, преній не слушалъ, при приговорѣ
твовалъ,—и при всемъ томъ—ожесточенно и озлоб-

ленно требуетъ казни человѣка! Да вѣдь дѣло-то объ участи ловѣческой идетъ, нѣсколькихъ даже существъ заразъ, о идетъ, чтобъ разорвать жизнь человѣческую пополамъ, бе лостно, съ кровью. Положимъ, несчастная уже была оправ когда «Наблюдатель» вышелъ съ своей статьей — но вѣд кія нападенія вліяютъ на общество, на судъ, на обществе мнѣніе, онѣ отзовутся на будущемъ подобномъ-же подсудим онѣ, наконецъ, обижаютъ оправданную, благо она изъ тем люда, а потому беззащитна. Вотъ, однако, эта статья, т. е мѣсто, относящееся до дѣла Корниловой; дѣлаю самыя с ственныя выписки и исключаю весьма немногое.

II.

Выписка.

. . . . . .

... Гораздо труднѣе присяжнымъ представить самихъ себя в ложеніи беременной женщины; а еще труднѣе—въ положеніи м лѣтней дѣвочки, которую эта женщина вышвырнула изъ окна вертаго этажа. Надо имѣть всю ту силу воображенія, которою, извѣстно, отличается среди всѣхъ насъ г. Достоевскій, чтобы в войдти въ положеніе женщины и уяснить себѣ всю неотрази аффектовъ беременности.

Онъ дѣйствительно вошелъ въ это положеніе, ѣздилъ къ о дамѣ въ тюрьму, былъ пораженъ ея смиреніемъ, и въ нѣсколь нумерахъ своего «Дневника» выступилъ горячимъ ея защитни Но г. Достоевскій слишкомъ впечатлителенъ, и притомъ «болѣ ныя проявленія воли» это—прямо по части автора «Бѣсовъ», ота» и т. д., ему извинительно имѣть къ нимъ слабость. Я с на дѣло проще и утверждаю, что послѣ такихъ примѣровъ, оправданія жестокаго обращенія съ дѣтьми, этому обращенію, рое въ Россіи, какъ и въ Англіи, очень нерѣдко, не предстоит и тѣни устрашенія. Изъ сколькихъ случаевъ жестокости съ д одинъ попадаетъ судебному разсмотрѣнію? Есть дѣти, которы жизнь, утро, полдень и вечеръ каждаго дня, — не что иное, рядъ страданій. Это -- невинныя существа, терпящія такую у въ сравненіи съ которой работа отцеубійцъ въ рудникахъ — бл ство, съ отдыхомъ, съ отсутствіемъ вѣчнаго, неумолимаго стра полнымъ душевнымъ спокойствіемъ, насколько оно не наруш совѣстью. Изъ десяти тысячъ, а, вѣроятно, изъ сотни тысячъ слу жестокости съ дѣтьми, одинъ всплываетъ на судебную поверх одинъ, какой-нибудь, почему-либо наиболѣе замѣченный. Напри мачиха вѣчно бьетъ (?) несчастное шестилѣтнее существо, н нецъ, выбрасываетъ его изъ четвертаго этажа; когда узнаетъ, ч вистное ей дитя не убилось, она восклицаетъ: «ну, живуча!».

проявленія ненависти къ ребенку, ни раскаянія послѣ совер-
ства нѣтъ; все цѣльно, все логично въ проявленіи одной и той-
оли. И эту женщину оправдываютъ. Если въ такихъ ясныхъ
ности случаяхъ жестокости съ дѣтьми у насъ оправдываютъ,
ожидать въ другихъ случаяхъ, менѣе рѣзкихъ, болѣе слож-
правданія, конечно, оправданія и оправданія. Въ Англіи,
ъ классахъ городскихъ rougus нерѣдки, какъ я уже замѣ-
ли жестокости съ дѣтьми. Но желалъ-бы я, что-бы мнѣ по-
инъ примѣръ подобнаго оправданія англійскими присяжными.
передъ нашими присяжными является раскольникъ, худо
йся о куполѣ церкви — тогда другое дѣло. Въ Англіи онъ
ъ суду не былъ-бы призванъ, у насъ, онъ не жди оправ-
жестокость надъ дѣвочкой—стоитъ-ли губить за это моло-
ину Вѣдь она все-таки мачиха, то есть почти мать жерт-
ы тамъ ни было понять, кормить ее и еще больше бьетъ.
послѣднимъ русскаго человѣка не удивишь. Пріятель раз-
мнѣ, что ѣхалъ онъ на-дняхъ на извощикѣ, и тотъ все время
шадь. На вопросъ о томъ, извощикъ отвѣчалъ: „Ея долж-
ла. Ей должно быть вѣчно и нещадно битой".
удьба, въ продолженіи вѣковъ, русскій человѣкъ! Вѣдь, мо-
, и мачиху били въ дѣтствѣ; и вотъ ты входишь въ это
ь—Богъ съ ней! Но ты такъ не дѣлай. Ты пожалѣй маленьк
теперь бить не будутъ, и не оправдывай жестокость надъ
уже родился не рабомъ.

кажутъ: вы нападаете на институтъ присяжныхъ, когда и
и такъ далѣе. Не нападаю я на институтъ и въ умѣ не
адать на него, онъ хорошъ, онъ безконечно лучше того
оторомъ не участвовала общественная совѣсть. Но я бесѣ-
ой совѣстью о такомъ-то и такомъ-то ея проявленіи...
ить ребенка какой-нибудь годъ и потомъ выкинуть на вѣрную
то другое дѣло. „Мужъ оправданной", пишетъ г. Достоев-
ышедшемъ на дняхъ «Дневникѣ», «увезъ ее въ тотъ-же ве-
въ одиннадцатомъ часу, къ себѣ домой и она, счастливая,
ть въ свой домъ». Какъ трогательно. Но горе бѣдному ре-
и онъ остался въ томъ домѣ, куда вошла «счастливая»; горе
онъ когда-нибудь попадетъ въ отцовскій домъ.

ктъ беременности» — ну, выдумано новое жалкое слово.
ленъ этотъ аффектъ ни былъ, однако женщина подъ влія-
не бросалась ни на мужа, ни на сосѣднихъ жильцовъ. Весь
я исключительно предназначался для той беззащитной дѣ-
горую она тиранила цѣлый годъ безъ всякаго аффекта. На
становились присяжные въ оправданіи? На томъ, что одинъ
признавъ «болѣзненное состояніе души подсудимой во
ершенія преступленія; трое другихъ психіатровъ заявили
о болѣзненное состояніе беременной женщины могло по-
совершеніе преступленія; а одинъ акушеръ, профессоръ
й, которому, едва-ли не лучше извѣстны всѣ проявленія
беременности, выразилъ прямо несогласіе съ такими мнѣ-
ало быть, четверо изъ пятерыхъ экспертовъ не признали,
иномъ случаѣ преступленіе положительно было совершено
ніи «аффекта беременности» и затѣмъ невмѣняемости. Но

присяжные оправдали. Экъ, велико дѣло: вѣдь не убился-же
нокъ; а что его били, такъ вѣдь «его должность такая».

III.

Искаженія и подтасовки и—какъ это ничего не стои

Вотъ выписка, вотъ обвиненіе, много негодованія и ни
Но теперь я спрошу «Наблюдателя»: какъ могли вы до
степени исказить факты въ такомъ важномъ обвиненіи,
ставить все въ такомъ ложномъ и небываломъ видѣ? Да
же было битье, систематическое *мачихино* битье? Вы п
прямо и точно:

«Мачиха *очно бьетъ* несчастное шестилѣтнее существо и
нецъ выбрасываетъ его изъ четвертаго этажа»...

Потомъ:

«Но бить ребенка *какой-нибудь* годъ и потомъ выкинуть и
ную смерть»...

Восклицаете про ребенка:

«Горе ему, если онъ когда-нибудь попадетъ въ отцовскій

И наконецъ влагаете въ уста присяжныхъ звѣрскую

«Экъ, велико дѣло: вѣдь не убился же ребенокъ, а что ег
такъ вѣдь «его должность такая».

Однимъ словомъ, вы всѣ факты подмѣнили, и все дѣло
ставили такъ, что преступленіе, по вашему, произошло,
бы, единственно отъ ненависти мачихи къ ребенку, ко
она мучила и била годъ и кончила тѣмъ, что выбросила е
окошка. Вы представили подсудимую нарочно звѣремъ,
сытно злобною мачихой, единственно, чтобъ оправдать
статью и возбудить негодованіе общества на милосердны
говоръ присяжныхъ. И мы вправѣ заключить, что сдѣла
этотъ подмѣнъ единственно съ этою, указанною мною с
цѣлью—потому вправѣ, что не могли-же вы и не имѣли
не узнать подробнѣйшимъ образомъ обстоятельствъ такого
въ которомъ сами берете на себя произнести приговоръ
буете казни.

Между тѣмъ звѣря, звѣрской мачихи, ненавидящей р
и ненасытной къ истязанію его—*никогда* и *сознѣмъ* не
И это положительно подтвердилось слѣдствіемъ. Первона
дѣйствительно выдвинута была мысль, что мачиха мучи

и изъ ненависти къ нему рѣшилась убить его. Но впо-
зіи обвиненіе совсѣмъ оставило эту мысль: слишкомъ
тало, что преступленіе совершилось совсѣмъ изъ другихъ
въ, чѣмъ ненависть къ ребенку, изъ причинъ совершенно
ившихся на судѣ и при которыхъ ребенокъ былъ не при-
Кромѣ того, на судѣ не оказалось и свидѣтелей, которые-
ли подтвердить жестокость мачихи, — *мачихино* битье.
олько одно свидѣтельство одной только женщины, жив-
тъ-же въ корридорѣ рядомъ, (гдѣ живетъ много людей),
ла дескать очень больно ребенка, но и это свидѣтельство
лось потомъ защитой, какъ «корридорная сплетня»—не
Было-же то, что обыкновенно бываетъ въ этакого рода
твахъ, при ихъ степени образованія и развитія, то есть,
бенка за шалости дѣйствительно наказывали оба, и отецъ
ха, но иногда лишь, т. е. очень рѣдко, и не безчеловѣчно,
чески», какъ они выражаются сами, то есть до сихъ поръ,
частью, во всѣхъ такихъ русскихъ семействахъ, по всей
и при этомъ, однако, любя крѣпко дѣтей, и заботясь объ
(и весьма даже часто) гораздо сильнѣе и больше, чѣмъ
ъ это въ иныхъ интеллигентныхъ и богатыхъ, евро-
-развитыхъ русскихъ семействахъ. Тутъ только не умѣнье,
кестокость. Корнилова-же была даже весьма хорошей ма-
ходила и наблюдала за ребенкомъ. Наказаніе-же ребенка
лишь одинъ разъ *жестокое:* мачиха высѣкла его разъ
при пробужденіи *за то, что не умѣетъ проситься*
Никакой тутъ ненависти къ нему не было. Когда я ей
лъ, что за это нельзя наказывать, что сложеніе дѣтей и
а ихъ различны, что шестилѣтній ребенокъ еще слиш-
алъ чтобъ всегда умѣчь проситься, то она отвѣтила: «а
казали, что такъ надо сдѣлать, чтобъ отучить и что его
не отучишь». Въ этотъ разъ она ударила ребенка би-
«шесть» разъ, но такъ, что вышли рубцы и—вотъ эти-
бцы и видѣла та женщина въ корридорѣ, единственная
ельница единственнаго случая жестокости и объ нихъ-то
азывала въ судѣ. За эти-же рубцы мужъ, воротясь съ ра-
немедленно наказалъ жену, т. е. побилъ ее. Это человѣкъ
й, прямой, честный и неуклонный прежде всего, хотя,
видите, отчасти и съ обычаями прежнихъ временъ. Бивалъ
ену рѣдко и не безчеловѣчно, (такъ сама она говоритъ),
ственно изъ принципа мужней власти—такъ выходитъ
характеру. Ребенка своего онъ любитъ, (хотя чаще еще

мачихи наказывалъ и самъ дѣвочку за шалости), но онъ человѣкъ, чтобъ дать ребенка напрасно въ обиду и женѣ своей. И такъ единственный случай строгаго (до рубцевъ), обнаружившійся на судѣ, обращенъ обви «Сѣвернаго Вѣстника» въ систематическое, звѣрское, битье цѣлый годъ, въ мачихину ненависть, которая все болѣе и болѣе кончилась швыркомъ ребенка за о она объ ребенкѣ и не думала даже за пять минутъ шенія своего ужаснаго преступленія.

Вы, Наблюдатель, засмѣетесь и скажете: да развѣ розгами до рубцевъ не жестокость, не *мачихино* битье казаніе до рубцовъ есть звѣрство, это такъ, но вѣ случай (единичность его была подтверждена на судѣ, же подтверждена теперь положительно), повторяю это, есть-же систематическое, постоянное, звѣрское мачих цѣлый годъ, это только *случай* и вышедшій изъ неум питывать, изъ ложнаго пониманія какъ нужно нау бенка, а вовсе не изъ ненависти къ нему, или по «его должность такая». Такимъ образомъ, ваше изо этой женщины, какъ злой мачихи, и то лицо, котор дѣлилось на судѣ изъ дѣйствительныхъ фактовъ,—сов разница. Да, она вышвырнула ребенка, преступленіе и звѣрское, но вѣдь не какъ злобная-же мачиха она з шила,— вотъ объ чемъ прежде всего вопросъ въ о ваше голословное обвиненіе. Для чего-же вы поддержи кое лютое обвиненіе, если сами знаете, что его доказат что на судѣ оно было оставлено и что совсѣмъ не б дѣтелей его подтверждающихъ. Неужели для одного тературнаго эффекта? Вѣдь выставляя на видъ и доказ это сдѣлала *мачиха*, заключившая этимъ убійствомъ цѣ ребенка истязаній (не бывалыхъ вовсе)—вы тѣмъ са вращаете впечатлѣніе малосвѣдующаго въ этомъ дѣлѣ исторгаете изъ его души сожалѣніе и милосердіе, котор по неволѣ не можетъ ощущать, прочтя статью вашу, к мачихѣ; тогда какъ, не будь въ глазахъ его эта мач ставлена вами какъ мучительница ребенка, она-бы, може и заслужила въ его сердцѣ хотя малое снисхожденіе, к ная, какъ болѣзненно-потрясенная, раздраженная бе женщина, что ясно изъ фантастическихъ, дикихъ и заг подробностей событія. Справедливо-ли такъ поступат ственному дѣятелю, человѣчно-ли?

вы еще и не то говорите. Вы написали, и опять-таки и точно, какъ изучившій все дѣло до мельчайшей подги наблюдатель:

«фектъ беременности»—ну, выдумано новое жалкое слово. Какъ-нъ этотъ аффектъ ни былъ, однако женщина подъ вліяніемъ *бросалась на мужа*, ни на сосѣднихъ жильцовъ. Весь аффектъ почительно предназначался для беззащитной дѣвочки, которую ранила цѣлый годъ безъ всякаго аффекта. На чемъ-же основасяжные въ оправданіи»?

на чемъ-же вы-то основались, Наблюдатель, чтобъ сооружкое совершенное искаженіе дѣла? «Не бросалась на мужа»! этомъ только и говорилось на судѣ, что ссоры съ мужемъ у ней наконецъ (и только въ нѣсколько послѣднихъ дней, ъ) до бѣшенства, до изступленія, которое и привело къ ленію. Ссоры-же были вовсе не изъ-за ребенка, потому бенокъ былъ тутъ буквально не причемъ, *не думала она дни даже о немъ вовсе*. «Вовсе мнѣ его и не надо было какъ выразилась она сама.

для васъ, а для читателей моихъ, постараюсь обозначить характера, ссорившихся мужа и жены такъ, какъ я ихъ еще, до приговора, понималъ и какъ они еще болѣе уже приговора, при самомъ пристальномъ наблюденіи моемъ, нились мнѣ. Нескромности относительно этихъ двухъ лицъ етъ быть тутъ очень большой съ моей стороны: ужь и безъ того было оглашено на судѣ. Да и дѣлаю я это нно къ ихъ оправданію. И такъ вотъ въ чемъ дѣло. Мужъ всего человѣкъ твердый, прямой, честнѣйшій и добрѣй-. е. даже великодушный, какъ доказалъ онъ впослѣдствіи), колько слишкомъ пуританинъ, слишкомъ наивно и даже слѣдующій разъ навсегда принятому взгляду и убѣжденію. нѣкоторая разница въ лѣтахъ съ женой, онъ много , тутъ и то еще, что онъ вдовецъ. Человѣкъ онъ рабоцѣлый день, и хотя ходитъ въ нѣмецкомъ платьѣ и гъ какъ-бы «образованнымъ» человѣкомъ, но человѣкъ го особеннаго образованія не получившій. Замѣчу еще, наружности его несомнѣнный видъ собственнаго достоинприбавлю, что онъ не очень разговорчивъ, не очень веселъ ѣшливъ, можетъ быть, даже обращеніе его нѣсколько и . Она взята имъ за себя еще очень молодая. Это была я дѣвушка, по ремеслу швея, добывавшая мастерствомъ чныя деньги.

Какъ они сошлись, не знаю. Вышла она за него «по любви». Но очень скоро началась разладица и хот доходило до крайностей, но недоумѣніе, разъединеніе наконецъ, озлобленіе наростали съ обѣихъ сторонъ, х ленно, но твердо и неуклонно. Дѣло въ томъ, а, мож въ томъ вся и причина, что оба, не смотря на воз озлобленіе, любили другъ друга даже слишкомъ горяч до самаго конца. Любовь-то и ожесточала требованія сторонъ, усиливала ихъ, прибавляла къ нимъ раздр тутъ какъ разъ и ея характеръ. Это характеръ довол нутый и какъ-бы нѣсколько гордый. Бываютъ такіе и щинъ и межъ мужчинъ, которые хоть и питаютъ в даже самыя горячія чувства, но при этомъ всегда как ливы на ихъ обнаруженіе; въ нихъ мало ласки, мал ласкающихъ словъ, обниманій, прыганія на шею. Ес ихъ назовутъ безсердечными, безчувственными, то они болѣе замыкаются въ себя. При обвиненіяхъ они рѣд ются разъяснить дѣло сами, напротивъ, оставляютъ з на обвинителя: «самъ, дескать, угадай; коли любишь, узнать, что я права». И если онъ не узнаетъ и оз болѣе и болѣе, то и она озлобляется болѣе и болѣе этотъ мужъ съ самаго начала сталъ круто (хоть и жестоко) упрекать ее, читать ей наставленія, учить е кать прежней женой своей, что было ей особенно тяж однако шло не особенно дурно, но такъ однако все выходить, что при упрекахъ и обвиненіяхъ съ его начались съ ея стороны ссоры и злобныя рѣчи, а не объясниться, покончить недоумѣніе какъ-нибудь оконча разъясненіемъ, указаніемъ причинъ. Объ этомъ даже наконецъ. Кончилось тѣмъ, что въ ея сердцѣ (у ней не у мужа) начались угрюмыя чувства, разочарован любви. И все это возрастало притомъ довольно безсозна тутъ жизнь рабочая, тяжелая, объ чувствахъ-то и неко комъ думать. Онъ уходитъ на работу, она занимаетс ствомъ, стряпаетъ, полы даже моетъ. У нихъ по длин ридору въ казенномъ зданіи маленькія комнаты, по каждое семейство служащихъ въ этомъ казенномъ заве натыхъ работниковъ. Случилось такъ, что она, съ п мужа, ушла на имянины, въ семейный домъ, къ тому у котораго все свое дѣтство и отрочество училась св стерству и съ которымъ и она и мужъ продолжали бы

ми. Мужъ, занятый работою, остается на этотъ разъ дома. На
енинахъ оказалось очень весело, было много приглашенныхъ,
ощеніе, начались танцы. Пропировали до утра. Молодая жен-
ина, привыкшая у мужа къ довольно скучному житью въ одной
сной комнатѣ и къ вѣчной работѣ — видно вспомнила свое
ичье житье и провеселилась *на балу* такъ долго, что и за-
ыла о срокѣ, на который была отпущена. Кончилось тѣмъ, что
оворили ее заночевать въ гостяхъ, къ тому-же возвращаться
мой было очень далеко. Вотъ тутъ-то и разсердился мужъ,
рвый разъ ночевавшій безъ жены. Разсердился очень: на дру-
й день, бросивъ работу, пустился за ней къ гостямъ, розы-
ъ ее и—тутъ-же при гостяхъ *наказалъ*. Возвратились они
мой уже молча и два дня и двѣ ночи потомъ не говорили другъ
другомъ вовсе и не ѣли вмѣстѣ. Узналъ я все это отрывками,
-же сама мало разъяснила мнѣ, не смотря на мои вопросы,
ушнее свое состояніе духа. «Не помню я, объ чемъ тогда
думала, всѣ эти два дня, а все думалось. На нее (на дѣвочку)
тогда *и не смотрѣла вовсе*. Я все помню, какъ это сдѣлалось,
какъ я это сдѣлала, ужь и не знаю, какъ сказать». И вотъ,
третій день утромъ, мужъ рано ушелъ на работу, дѣвочка еще
ть. Мачиха возится съ печкой. Дѣвочка наконецъ просыпается;
чиха машинально по обыкновенію ее умываетъ, обуваетъ, одѣ-
ть и сажаетъ за кофей . . . — «и не думаю я о ней вовсе».
бенокъ сидитъ, пьетъ свою чашку, кушаетъ, — «и вотъ вдругъ
на нее тогда поглядѣла»...

IV.

Злые психологи. Акушеры психіатры.

Послушайте, Наблюдатель, вы утверждаете твердо и точно,
все дѣло произошло безъ колебаній, обдуманно, спокойно,
, дескать, цѣлый годъ, наконецъ обдумала, спокойно взяла
ленiе и выбросила за окно младенца: «*ни внезапности* про-
ія ненависти къ ребенку» — пишете вы въ негодованіи,—
раскаянія послѣ совершенія убійства нѣтъ, все цѣльно, все
о въ проявленіи *одной и той-же* злой воли. И эту жен-
оправдываютъ. Вотъ собственныя слова ваши. Но, вѣдь,
виненія въ продумышленности преступленія отказался самъ
ръ, извѣстно-ли вамъ это, Наблюдатель, — отказался пу-

блично, гласно, торжественно, въ самый роковой моментъ
А прокуроръ, однако, обвинялъ преступницу съ жестокою
стойчивостью. Какже вы-то, Наблюдатель, утверждаете уже
прокурорскаго отступленія, что не было внезапности, а, на
тивъ, все было цѣльно и логично въ проявленіи одной и то
злой воли? Цѣльно и логично! Стало быть, обдуманно, стало б
преднамѣренно. Припомню все еще разъ быстрыми штрихами:
велитъ дѣвочкѣ встать на подоконникъ и выглянуть за око
и когда дѣвочка посмотрѣла за окно, она приподняла ее за н
и выбросила съ высоты $5^1/_2$ саженъ. Затѣмъ заперла окно,
лась и пошла въ участокъ доносить на себя. Скажите, неу
это цѣльно и логично, а не фантастично? И во первыхъ,
чего поить-кормить ребенка, если ужь дѣло было замыш
давно въ умѣ ея, для чего ждать пока та выпьетъ кофе и съ
свой хлѣбъ? Какъ можно (и естественно-ли) даже не загля
за окно, уже выбросивъ дѣвочку. И позвольте, въ чему дон
на себя? Вѣдь если все вышло изъ злобы, изъ ненавист
дѣвочкѣ, «которую она била цѣлый годъ», то для чего, у
эту дѣвочку, придумавъ и исполнивъ наконецъ это давно и
койно замышленное убійство, идти тотчасъ-же доносить на
Ненавистной дѣвочкѣ пусть смерть, а ей-то для чего себя
бить? Кромѣ того, если сверхъ ненависти къ ребенку бы
еще мотивъ, чтобъ убить его, то есть ненависть къ мужу.
ланіе отомстить мужу смертію его ребенка, то вѣдь она
могла сказать мужу, что шалунья дѣвочка сама влѣзла на ок
и сама вывалилась, вѣдь все равно цѣль была-бы достиг
отецъ былъ-бы пораженъ и потрясенъ, а обвинить ее въ у
ленномъ убійствѣ никто-бы въ мірѣ тогда не могъ, хотя
могло быть подозрѣніе? Гдѣ доказательства? Еслибъ даж
вочка и осталась жива, то кто-бы могъ повѣрить ея ле
Напротивъ, убійца тѣмъ вѣрнѣе и полнѣе достигла-бъ всег
чему стремилась, т. е. отомстила-бы гораздо злѣе и бо
мужу, который, еслибъ даже и подозрѣвалъ ее въ убійств
именно тѣмъ пуще-бы мучился ея безнаказанностью, видя
наказать ее, т. е. предать правосудію, невозможно. Наказа
себя сама тутъ-же, погубивъ всю свою участь въ острог
Сибири, въ каторгѣ, она тѣмъ самымъ давала мужу удовле
ніе. Для чего-же все это? И кто одѣвается, наряжается въ
случаѣ, чтобъ идти губить себя? О, скажутъ мнѣ, она не
хотѣла лишь отмстить ребенку и мужу, она хотѣла и бракъ
рвать съ мужемъ: сошлютъ на каторгу, бракъ разорв

ь не говоря о томъ, что объ разрывѣ брака можно-бы было
порядиться и придумать иначе, чѣмъ губя, девятнадцати лѣтъ,
жизнь и свободу свою,—не говоря уже объ этомъ, согласи-
ь, что человѣкъ, рѣшающійся погубить себя сознательно, бро-
ся въ разверзшуюся подъ ногами бездну безо всякой оглядки,
ъ малѣйшаго колебанія,—согласитесь, что въ этой человѣче-
й душѣ должно быть страшное чувство въ ту минуту, мрач-
отчаяніе, позывъ къ гибели неудержимый, позывъ бро-
ься и истребить себя,—а если такъ, то можно-ли, можно-ли
ать, сохраняя здравый смыслъ, что «ни *внезапности*, ни
каянія въ душѣ не было!» Не было если раскаянія, то были
къ, проклятіе, сумасшествіе. Ужь, по крайней мѣрѣ, нельзя
зать, что было все цѣльно, все логично, все предумышленно,
ъ внезапности. Нужно быть самому въ «аффектѣ», чтобъ
ерждать это. Не иди она доносить на себя, останься дома,
ти людямъ и мужу, что ребенокъ убился самъ — было-бы
ствительно все логично и цѣльно, и безъ внезапности и въ
явленіи злой воли; но погубленіе и себя тутъ-же, не вынуж-
ное, а добровольное, ужь, конечно, свидѣтельствуетъ, по край-
мѣрѣ, объ ужасномъ и возмущенномъ душевномъ состояніи
ицы. Это мрачное душевное состояніе продолжалось долго,
колько дней. Выраженіе: «ну, живуча» было выставлено за-
тникомъ экспертомъ-же (а не обвиненіемъ) при обрисовкѣ имъ
ъ судомъ того мрачнаго, холоднаго, какъ-бы омертвѣвшаго
овнаго состоянія подсудимой послѣ совершенія ею преступле-
, а не какъ злобную, холодную нравственную безчувствен-
ть съ ея стороны. Моя вся бѣда была въ томъ, что я, про-
явъ тогда первый приговоръ суда и пораженный именно
анностью и фантастичностью всѣхъ подробностей дѣла, и взявъ
соображеніе сообщенный въ тѣхъ же газетахъ фактъ о ея
еменности, на пятомъ мѣсяцѣ, во время совершенія убійства,
могъ, совершенно невольно, не подумать: не повліяла-ли тутъ
еременность, т. е. какъ я писалъ тогда, не случилось-ли такъ
о: «посмотрѣла она на ребенка и подумала въ злобѣ своей:
ъ-бы выбросить за окошко? Но будучи не беременна — поду-
а-бы можетъ быть, по злобѣ своей, да и не сдѣлала-бы, не
бросила, а беременная — взяла, да и сдѣлала»? Ну, вотъ вся
— моя въ томъ, что я тогда такъ подумалъ и такъ написалъ.
жели съ однихъ этихъ словъ только кассировали приго-
потомъ оправдали убійцу? Вы смѣетесь, Наблюдатель, надъ
ами! Вы утверждаете, что лишь одинъ изъ нихъ пяти ска-

залъ, что преступница дѣйствительно была въ аффектѣ беремен-
сти, а что трое другихъ лишь выразились, что могло быть
беременности, но не сказали положительно, что оно дѣйстви
было. Изъ этого вы выводите, что лишь одинъ экспертъ опра
подсудимую *положительно*, а четверо нѣтъ. Но вѣдь такое ра
деніе ваше невѣрно: вы слишкомъ много требуете отъ совѣсти
вѣческой. Довольно и того, что тремъ экспертамъ, очевидно, не
лось оправдать подсудимую *положительно*, т. е. взять это со
душу, но факты до того были сильны и очевидны, что эти
ные все-таки поколебались и кончилось тѣмъ, что они не
сказать: *нѣтъ*, прямо и просто, а *принуждены* были сказ
что «дѣйствительно могло быть вліяніе болѣзненное въ нем
преступленія». Ну, а для присяжныхъ вѣдь это и приго
коли не могли не сказать, что «могло быть», значитъ, по
и впрямь, оно было. Такое сильное сомнѣніе присяжныхъ
ственно не могло не повліять и на ихъ рѣшеніе, и это
шенно такъ и слѣдовало по высшей правдѣ: неужели-же
приговоромъ ту, въ полной виновности которой трое
товъ явно сомнѣваются, а четвертый, Дюковъ, экспертъ
по душевнымъ болѣзнямъ, прямо и твердо приписываетъ
злодѣяніе тогдашнему разстроенному душевному состоянію
ступницы? Но Наблюдатель особенно ухватился за г. Фл
скаго, пятаго эксперта, не согласившагося съ мнѣніемъ
рехъ первыхъ экспертовъ: онъ, дескать, акушеръ, онъ бе
всѣхъ долженъ знать въ болѣзняхъ женщинъ. Это почем
онъ долженъ знать въ душевныхъ болѣзняхъ, больше
экспертовъ психіатровъ? Потому что онъ акушеръ, и зани
ся не психіатріей, а совѣмъ другимъ дѣломъ? Не совсѣмъ
логично.

V.

Одинъ случай, по моему, довольно много разъясняющ

Теперь разскажу одинъ случай, который, по моему, м
кое-что разъяснить въ этомъ дѣлѣ окончательно и послу
рямо той цѣли, съ которою предпринялъ я эту статью. На
день послѣ оправдательнаго приговора надъ подсудимой
(22 апрѣля 1877 г.), они, мужъ и жена, пріѣха
домъ. Еще наканунѣ они оба были въ дѣтскомъ

которомъ помѣщена теперь пострадавшая дѣвочка, (выбро-
шная изъ окошка), и теперь на другой день снова туда от-
вялись. Кстати, участь ребенка теперь обезпечена и нечего
клицать: «Горе теперь ребенку!..» и т. д. Отецъ, когда жену
яли въ острогъ, самъ помѣстилъ ребенка въ этотъ дѣтскій
ютъ, не имѣя никакой возможности присматривать за нимъ
ходя съ утра до ночи на работу. А по возвращеніи жены, они
шлись ее оставить тамъ въ пріютѣ, потому что тамъ ей очень
рошо. Но на праздники они часто берутъ ее съ собѣ домой.
а гостила у нихъ и недавно на Рождествѣ. Не смотря на свою
боту, съ утра до ночи, и на грудная еще ребенка (родившa-
ся въ острогѣ) на рукахъ, мачиха находитъ иногда и теперь
емя урваться и сбѣгать въ пріютъ къ дѣвочкѣ, снести ей гос-
цу и проч. Когда-же была еще въ острогѣ, то, вспоминая
ой грѣхъ передъ ребенкомъ, она часто мечтала, какъ-бы по-
ваться съ нимъ, сдѣлать хоть что нибудь такъ, чтобъ ребе-
къ забылъ о случившемся. Эти фантазіи были какъ-то странны
ъ такой сдержанной, даже мало довѣрчивой женщины, какою
ла Корнилова во все время подъ судомъ. Но фантазіямъ этимъ
дено было осуществиться. Передъ Рождествомъ, съ мѣсяцъ
ядъ, не видавъ Корниловыхъ мѣсяцевъ шесть, я зашелъ къ
мъ на квартиру, и Корнилова первымъ словомъ мнѣ сообщила,
о дѣвочка «прыгаетъ къ ней въ радости на шею и обнимаетъ
каждый разъ, когда она приходитъ къ ней въ пріютъ». И
гда я уходилъ отъ нихъ, она мнѣ вдругъ сказала: «Она за-
етъ...»

И такъ они ко мнѣ заѣхали утромъ на третій день по оп-
ніи ея... Но я все отступаю, отступлю и еще разъ на ми-
ку. Наблюдатель юмористично и зло остритъ надо мною въ
ей статьѣ за эти посѣщенія мои Корниловой въ острогѣ. «Онъ
ствительно вошелъ въ это положеніе»—(т. е. въ положеніе
еменной женщины), — говоритъ онъ про меня: «ѣздилъ къ
ой дамѣ въ тюрьму, былъ пораженъ ея смиреніемъ и въ нѣ-
ькихъ нумерахъ «Дневника» выступилъ горячимъ ея защит-
комъ». Во первыхъ, къ чему тутъ слово «дама», къ чему этотъ
ной тонъ? Вѣдь Наблюдателю отлично извѣстно, что это не
а, а простая крестьянка, работница съ утра до ночи; она
етъ, моетъ полы и шьетъ на продажу если урветъ время.
ъ-же я у нея въ острогѣ, ровно по разу въ мѣсяцъ, сижи-
минутъ по 10, много четверть часа, не болѣе. большею
въ общей камерѣ для подсудимыхъ женщинъ, имѣющихъ

грудныхъ младенцевъ. Если я съ любопытствомъ присма
къ этой женщинѣ и старался уяснить себѣ этотъ хара
то что-же въ томъ дурнаго, подлежащаго насмѣшкамъ
Но вернемся къ моему анекдоту.

И такъ, пріѣхали они съ визитомъ, сидятъ у меня, об
комъ-то проникнутомъ серьезномъ состояніи духа. Мужа я
поръ мало зналъ. И вдругъ онъ говоритъ мнѣ: «треть
какъ мы воротились домой—(это послѣ оправданія, ста
часу въ двѣнадцатомъ ночи, а встаетъ онъ въ пяти
утра),—то тотчасъ сѣли за столъ, я вынулъ евангеліе
ей читать». Признаюсь, когда онъ сообщилъ это, мнѣ
подумалось, глядя на него: «да онъ и не могъ иначе
это типъ, цѣльный типъ, это можно-бы было угадать».
словомъ, это пуританинъ, человѣкъ честнѣйшій, серье
несомнѣнно добрый и великодушный, но который ни
уступитъ изъ своего характера и ничего не отдастъ изъ
убѣжденій. Этотъ мужъ смотритъ на бракъ со всею вѣро
но какъ на таинство. Это одинъ изъ тѣхъ супруговъ,
еще сохранившихся на Руси, которые, по старому русск
данію и обычаю, прійдя отъ вѣнца и уже затворившись
вовѣнчанною женою въ спальнѣ своей, первымъ дѣло
саются передъ образомъ на колѣни и долго молятся,
Бога благословенія на свое будущее. Подобно тому он
пилъ и тутъ: вводя вновь свою жену въ домъ и возо
съ ней расторгнутый страшнымъ преступленіемъ ея бра
онъ первымъ дѣломъ развернулъ евангеліе и сталъ е
его, нисколько не удерживаясь въ мужественной и с
своей рѣшительности хотя-бы тѣмъ соображеніемъ, что
эта почти падаетъ отъ усталости, что она страшно бо
рясена еще готовясь къ суду, а въ этотъ послѣдній
для нея день суда вынесла столько подавляющихъ впе
нравственныхъ и физическихъ, что уже конечно не гр
было даже и такому строгому пуританину, какъ онъ,
прежде хоть каплю отдохнуть и собраться съ духомъ,
бы даже и сообразнѣе съ цѣлью, которую онъ имѣлъ
тывая передъ ней евангеліе. Такъ что мнѣ даже показал
поступокъ его чуть-ли не неловкимъ,—слишкомъ уже пря
нымъ, въ томъ смыслѣ, что онъ именно могъ не достигн
своей. Слишкомъ виновную душу, и особенно если она
слишкомъ чувствуетъ свою виновность и много уже вын
за того муки, не надо слишкомъ явно и *постыдно* ук

вности, ибо можно достигнуть обратнаго впечатлѣнія, и
о въ томъ случаѣ, если раскаяніе и безъ того уже въ
я. Тутъ человѣкъ, отъ котораго она зависитъ, поднявшій-
ъ ней въ высшемъ ореолѣ судьи, имѣетъ какъ-бы нѣчто
глазахъ безпощадное, слишкомъ уже самовластно втор-
ся въ ея душу, и сурово отталкивающее ея раскаяніе и
вшіяся въ ней добрыя чувства: «Не отдыхъ, не ѣда, не
нужны такой какъ ты, а вотъ садись и слушай какъ надо
Когда они уже уходили, мнѣ удалось замѣтить ему мель-
тобъ онъ принимался вновь *за это дѣло* не столь строго
ше сказать не такъ-бы спѣшилъ, не такъ-бы прямо ло-
что такъ, можетъ быть, было-бы вѣрнѣе Я выразился
и ясно, но все-же думалъ что онъ, можетъ быть, меня
нетъ. А онъ вдругъ мнѣ и замѣчаетъ на это: «А она мнѣ
е, какъ только вошли въ домъ и какъ только мы стали
и разсказала все, какъ вы ее, въ послѣднее посѣщеніе
чали добру, въ случаѣ еслибъ ее въ Сибирь сослали, и
евали какъ ей надо въ Сибири жить.. »

то вотъ какъ было: дѣйствительно я, ровно наканунѣ дня
ѣхалъ къ ней въ острогъ. Твердыхъ надеждъ на оправ-
е было у насъ ни у кого, ни у меня, ни у адвоката. У
ке. Я засталъ ее съ виду довольно твердою, она сидѣла и
шила, ребенку ея немного нездоровилось. Но была она
го грустна, а какъ бы подавлена. У меня-же въ головѣ
ъ ея ходило нѣсколько мрачныхъ мыслей и я именно
, съ цѣлью сказать ей одно словцо. Сослать ее, какъ мы
надѣялись, могли лишь на поселеніе и вотъ, едва совер-
ѣтняя женщина, съ ребенкомъ на рукахъ, пустится въ
Бракъ расторгнутъ; на чужой сторонѣ, одной, беззa-
и еще недурной собою, такой молодой,—гдѣ ей устоять
лазна, думалось мнѣ? Подлинно на развратъ толкаетъ ее
я-же знаю Сибирь: соблазнять тамъ страшно много охот-
туда очень много ѣдетъ изъ Россіи неженатыхъ людей,
ихъ и аферистовъ. Упасть легко, но за то сибиряки, простой
и мѣщане—это самые безжалостные къ падшей женщинѣ
Мѣшать ей не помѣшаютъ, но разъ замаравшая свою ре-
женщина никогда уже не возстановитъ ее: вѣчное ей
ie, слово укора, попреки, насмѣшки, и это до самой ста-
ю могилы. Прозвище особое дадутъ. А ребеночекъ ея (дѣ-
какъ разъ *принуждена* будетъ наслѣдовать карьеру ма-
ъ дурнаго дома не найдетъ хорошаго и честнаго жениха,

Но другое дѣло, если сосланная мать соблюдетъ себя и честно и строго: молодая женщина, соблюдающая себ пользуется огромнымъ уваженіемъ. Всякій-то ее защищае то ей пожелаетъ угодить, всякій-то передъ ней шапку Дочку она навѣрно пристроитъ. Даже сама можетъ сов когда разглядятъ ее и увѣрятся въ ней, вновь въ честн вступитъ, въ честную семью. (Въ Сибири о прошломъ что сосланъ, ни въ острогахъ, ни куда-бы ни сослали спрашиваютъ, рѣдко любопытствуютъ. Можетъ быть, эт даже, что чуть-ли не вся-то Сибирь, въ три эти столѣ зошла отъ ссыльныхъ, населилась ими). Вотъ все это мн малось высказать этой молодой, едва совершеннолѣтней : И даже я нарочно выбралъ, чтобъ сказать ей это, имен послѣдній день передъ судомъ: характернѣе останетс мяти, строже напечатлѣется въ душѣ, подумалось мнѣ шавъ меня какъ ей слѣдуетъ жить въ Сибири, если ее, она мрачно и серьезно, не подымая на меня поч поблагодарила меня. И вотъ усталая, измученная, по всѣмъ этимъ страшнымъ многочасовымъ впечатлѣніем дома сурово посаженная мужемъ слушать евангеліе, о думала тогда про себя: «Хоть-бы пожалѣлъ-то меня, х завтрава отложилъ, а теперь накормилъ-бы, далъ отдох обидѣлась и тѣмъ, что *такъ надъ ней возвышаются* (за то, что слишкомъ уже *надъ нами возвышаются* моя у самаго страшнаго, самаго сознающаго свое преступл ступника и даже у самаго раскаявающагося)—а напр нашла что лучше мужу сказать какъ сообщить ему я что вотъ и въ острогѣ ее учили тоже добру люди, что и учили ее жить на чужой сторонѣ, честно и строго собл И ужь явно она сдѣлала это потому, что знала, что раз этомъ доставитъ удовольствіе ея мужу, впадетъ въ ободритъ его: «значитъ она впрямь раскаевается, впря жить хорошо», подумаетъ онъ. Такъ онъ какъ разъ и а на мой совѣтъ: не пугать ее слишкомъ поспѣшной с съ нею, прямо сообщилъ мнѣ, конечно, съ радостью «нечего бояться за нее и осторожничать, она сама р честной»...

Не знаю, но мнѣ кажется, что все это понятно. читатели для чего я и сообщаю это. По крайней мѣр хоть надѣяться можно, что великое милосердіе не испорт тупницу еще болѣе, а напротивъ, даже очень можетъ

о на хорошую почву. Вѣдь она и прежде, и въ острогѣ, и ерь считаетъ себя несомнѣнной преступницей, а оправданіе е приписываетъ единственно лишь великому милосердію суда. ффекта беременности» она сама не понимаетъ И точно, она омнѣнная преступница, она была въ полной памяти совершая ступленіе, она помнитъ каждое мгновеніе, каждую черточку ершеннаго преступленія, она только не знаетъ и даже себѣ ой не можетъ никакъ уяснить до сихъ поръ: «*Какъ это она ла тогда это сдѣлать и не остановиться!*» Да, г. Наблюдатель, ъ помиловалъ дѣйствительную преступницу, дѣйствительную смотря на несомнѣнный теперь и роковой «аффектъ беремен- ти», столь осмѣянный вами, г. Наблюдатель, и въ которомъ убоко и уже непоколебимо теперь убѣжденъ. Ну, а теперь рѣ- сами: еслибъ разорвали бракъ, отторгли ее отъ человѣка, ораго она несомнѣнно любила и любитъ и который для нея авляетъ все ея семейство, и одинокую, двадцатилѣтнюю, съ денцемъ на рукахъ, безпомощную сослали въ Сибирь — на ратъ, на позоръ (вѣдь это паденіе-то въ Сибири навѣрно бы случилось) — скажите, что толку въ томъ, что погибла, ла-бы жизнь, которая теперь кажется возобновилась вновь, ратилась къ истинѣ въ суровомъ очищеніи, въ суровомъ ніи, и съ обновившимся сердцемъ. Не лучше-ли исправить, и и возстановить человѣка, чѣмъ прямо снять съ него го- . Рѣзать головы легко по буквѣ закона, но разобрать по дѣ, по человѣчески, по отчески, всегда труднѣе. Наконецъ, вы знали-же что вмѣстѣ съ молодою двадцатилѣтнею ма- , т. е. неопытною и навѣрно впереди жертвою нужды и рата—ссылается и младенецъ ея... Но позвольте мнѣ вамъ ать о младенцахъ словечко особо.

VI.

ъ-ли я дѣтей? О томъ что значитъ иногда слово «счастливая».

Вся ваша статья, г. Наблюдатель, есть протестъ «противъ ванія жестокаго обращенія съ дѣтьми». То, что вы засту- **за дѣтей, конечно, дѣлаетъ вамъ честь, но со мной-то вы тесь слишкомъ высокомѣрно.**

р имѣть всю ту силу воображенія—(говорите вы обо мнѣ)— какъ извѣстно, отличается среди всѣхъ насъ г. Достоевскій,

чтобы вполнѣ войдти въ положеніе женщины и уяснить себѣ вс
отразимость аффектовъ беременности... Но г. Достоевскій слиш
впечатлителенъ, и притомъ «болѣзни проявленія воли» это—п
по части автора «Бѣсовъ», «Идіота» и т. д. ему извинительно и
къ нимъ слабость. Я смотрю на дѣло проще и утверждаю, что
такихъ примѣровъ, какъ оправданія жестокаго обращенія съ дѣ
этому обращенію, которое въ Россіи, какъ и въ Англіи, очен
рѣдко, не предстоитъ уже и тѣни устрашенія». И т. д. и т. д.

Во первыхъ о «слабости моей къ болѣзненнымъ проявлен
воли», я скажу вамъ лишь то, что мнѣ дѣйствительно ка
иногда удавалось, въ моихъ романахъ и повѣстяхъ, *обли*
иныхъ людей, считающихъ себя здоровыми и доказать имъ,
они больны. Знаете-ли, что весьма многіе люди больны им
своимъ здоровьемъ, т. е. непомѣрной увѣренностью въ своей
мальности и тѣмъ самымъ зараженныхъ страшнымъ самомнѣн
безсовѣстнымъ самолюбованіемъ, доходящимъ иной разъ чут
не до убѣжденія въ своей непогрѣшимости. Ну, вотъ на так
то мнѣ и случалось много разъ указывать моимъ читателя
даже, можетъ быть, доказать, что эти здоровяки далеко не
здоровы, какъ думаютъ, а, напротивъ, очень больны и что
надо идти лѣчиться. Чтожь, я не вижу въ этомъ ничего
наго, но г. Наблюдатель слишкомъ жестокъ ко мнѣ, потому
фраза его объ «оправданіи жестокаго обращенія съ дѣтьми и
и ко мнѣ относится; онъ только «капельку» смягчаетъ ее:
де извинительно». Вся статья его написана прямо для дои
тельства что во мнѣ, отъ пристрастія моего къ «болѣзненн
проявленіямъ воли», до того извратился здравый смыслъ,
скорѣе готовъ пожалѣть истязателя ребенка, звѣря-мачи
убійцу, а не истязуемую жертву, не слабую, жалкую дѣв
битую, поруганную и наконецъ убитую. Это мнѣ обидно.
противуположность моей болѣзненности Наблюдатель прямо
спѣшно и откровенно указываетъ на себя, выставляетъ свое
ровье: «Я дескать, смотрю на дѣло проще (чѣмъ г. Достоев
и утверждаю, что послѣ такихъ примѣровъ, какъ оправд
жестокаго обращенія съ дѣтьми» и т. д и т. д. И такъ я о
дываю жестокое обращеніе съ дѣтьми—страшное обвиненіе
звольте-же и мнѣ, въ такомъ случаѣ, защитить себя. Не с
указывать на прежнюю тридцатилѣтнюю мою литературную
тельность чтобъ рѣшить вопросъ: большой-ли я врагъ дѣт
любитель жестокаго обращенія съ ними, но напомню ли
о двухъ послѣднихъ годахъ моего авторства, т. е. объ из
«Дневника Писателя». Когда былъ процессъ Кронеберга, и

ь-таки, не смотря на все мое пристрастіе къ «болѣзненнымъ
ленiямъ воли» заступиться за ребенка, за жертву, а не за
теля. Слѣдственно и я *иногда* беру сторону здраваго смысла,
блюдатель. Теперь я даже сожалѣю зачѣмъ вы не высту-
тогда тоже въ защиту ребенка, г. Наблюдатель; навѣрно-бы
писали самую горячую статью. Но я что-то не помню ни
горячей тогда статьи за ребенка. Слѣдственно вы тогда не
али заступиться. Потомъ, еще недавно, прошлымъ лѣтомъ,
лучилось заступиться за малолѣтнихъ дѣтей Джунковскихъ,
подвергавшихся истязаніямъ въ родительскомъ домѣ. О
ковскихъ тоже вы ничего не написали; впрочемъ и никто
писалъ, дѣло понятное, всѣ были заняты такими важными
ческими вопросами. Наконецъ, я-бы могъ указать даже
одинъ, а на нѣсколько случаевъ, когда я, въ эти два года,
(невникѣ» заговаривалъ о дѣтяхъ, объ ихъ воспитаніи, объ
калкой судьбѣ въ нашихъ семействахъ, о дѣтяхъ преступ-
ъ въ нашихъ заведеніяхъ для исправленія ихъ, даже упо-
ъ объ одномъ мальчикѣ у Христа на елкѣ,—происшествіе,
но, лживое, но однако и не свидѣтельствующее прямо объ
безчувственности и равнодушіи къ дѣтямъ. Я вамъ скажу,
блюдатель, вотъ что: когда я прочелъ въ газетѣ въ первый
о преступленіи Корниловой, о неумолимомъ приговорѣ надъ
і когда я невольно былъ пораженъ соображеніемъ: что, мо-
быть, преступница вовсе не такъ преступна какъ оно ка-
(замѣтьте, Наблюдатель, что о «*мачихиномъ* битьѣ» и тогда
ничего не говорилось въ газетныхъ отчетахъ о процессѣ
иненіе это даже и тогда уже не поддерживалось),—то я
шись написать что-нибудь въ пользу Корниловой, слиш-
понималъ тогда и то, на что я рѣшался. Я въ этомъ прямо
ь вамъ признаюсь. Я вѣдь отлично зналъ, что я пишу статью
ипатичную, что я заступаюсь за истязателя, и противъ кого
ротивъ малаго ребенка. Я предугадывалъ, что меня обви-
иные въ безчувственности, въ самомнѣніи, въ «болѣзнен-
» даже: заступается де за мачиху, убившую ребенка!» Я
омъ предчувствовалъ эту «прямолинейность» обвиненія отъ
орыхъ судей,—вотъ какъ отъ васъ напримѣръ, г. Наблю-
ь, такъ что я даже нѣкоторое время и колебался, но кон-
ь тѣмъ, что наконецъ все-же рѣшился: «Если я вѣрю, что
правда, то стоитъ-ли служить лжи изъ за исканія попу-
сти?»—вотъ на чемъ я остановился въ концѣ концовъ.
і того, меня ободрила и вѣра въ моихъ читателей: «Они

разберутъ наконецъ, подумалъ я, что вѣдь нельзя-же меня
нить въ желаніи оправдать истязаніе дѣтей, и если я засту
за убійцу, выставляя свое подозрѣніе въ ней болѣзненн
сумасшедшаго состоянія, во время совершенія ею злодѣйст
вѣдь не заступаюсь-же я тѣмъ самымъ за самое злодѣйст
не радъ-же вѣдь я тому, что били и убили ребенка, а, н
тивъ, можетъ быть, очень и очень пожалѣлъ ребенка, не
кого другаго»...

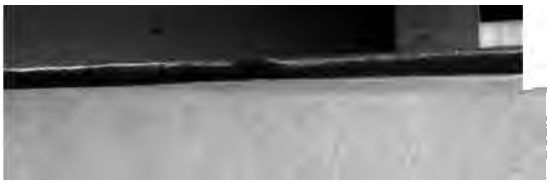
Вы зло посмѣялись надо мною, г. Наблюдатель, за одну
въ статьѣ моей объ оправданіи подсудимой Корниловой:

«Мужъ оправданной,—пишетъ г. Достоевскій въ вышедшем
дняхъ «Дневникѣ» (говорите вы) увезъ ее въ тотъ же вечеръ у
одиннадцатомъ часу, къ себѣ домой и она, счастливая, вошла
въ свой домъ». Какъ трогательно (прибавляете вы), но горе би
ребенку и т. д. и т. д.

Мнѣ кажется, что я не могу написать такой глупости. Ц
вы цитуете мою фразу точно, но вы что сдѣлали: вы ни
зали ее пополамъ и тамъ, гдѣ ничего не стояло поставили т
Смыслъ-то и вышелъ тотъ, который вамъ хотѣлось выст
У меня точки на этомъ мѣстѣ нѣтъ, фраза продолжается,
и другая половина ея, и, думаю, что вмѣстѣ съ этой д
вами отброшенной половиной, фраза вовсе не такъ безто
и «трогательна», какъ она представляется. Вотъ эта фраз
но вся цѣликомъ, безъ выкидокъ.

«Мужъ оправданной увезъ ее въ тотъ же вечеръ, уже въ
надцатомъ часу къ себѣ домой и она, счастливая, вошла опя
свой домъ почти послѣ годоваго отсутствія, *съ впечатлѣніемъ
наго вынесеннаго ею урока на всю жизнь и явнаго Божьяго пер
всемъ этомъ дѣлѣ, хотя бы только начиная съ чудеснаго спасен
бенка*»...

Видите-ли, г. Наблюдатель, я даже готовъ оговорк
извиниться передъ вами въ сейчасъ высказанномъ вамъ у
за перерѣзанную на двое мою фразу. Дѣйствительно я са
чаю теперь, что фраза, можетъ быть, вовсе не такъ
какъ я надѣялся, и что можно ошибиться въ смыслѣ
нужно нѣсколько пояснить и я сдѣлаю это теперь. Ту
дѣло въ томъ, какъ я понимаю слово: «счастливая». С
оправданной я ставилъ не въ томъ только, что ее отп
на волю, а въ томъ, что она «вошла въ домъ свой съ
лѣніемъ огромнаго, вынесеннаго ею урока *на всю жизнь*
предчувствіемъ надъ собой явнаго перста Божія». Вѣдь



счастья, какъ увѣриться въ милосердіи людей и въ любви
другъ къ другу. Вѣдь это вѣра, цѣлая вѣра, на всю уже
. А какое-же счастье выше вѣры? Развѣ эта бывшая пре-
ница можетъ теперь усумниться въ людяхъ хоть когда ни-
въ людяхъ какъ въ человѣчествѣ и въ его цѣломъ, ве-
ъ, цѣлесообразномъ и святомъ назначеніи? Войти къ себѣ
ъ погибавшему, пропадавшему, съ такимъ могуществен-
впечатлѣніемъ новой великой вѣры, есть величайшее
е, какое только можетъ быть. Мы знаемъ, что иные са-
лагородные и высокіе умы весьма даже часто страдали всю
свою невѣріемъ въ цѣлесообразность великаго назначенія
, въ ихъ доброту, въ ихъ идеалы, въ божеское происхожденіе
умирали въ грустномъ разочарованіи. Вы, конечно, улыб-
надо мной и скажете, можетъ быть, что я и тутъ фан-
ю, и что у темной, грубой Корниловой, вышедшей изъ
и лишенной образованія, не можетъ быть въ душѣ ни
ь разочарованій, ни такихъ умиленій. Охъ, неправда! На-
только они, эти темные люди, не умѣютъ это все по на-
и объяснить это нашимъ языкомъ, но чувствуютъ они,
ь и рядомъ, также глубоко, какъ и мы, «образованные
, и воспринимаютъ чувства свои съ такимъ-же счастьемъ,
ь такою-же грустью и болью, какъ и мы-же.
зочарованіе въ людяхъ, невѣріе въ нихъ бываетъ и у нихъ
какъ и у насъ. Еслибъ Корнилову сослали въ Сибирь и
и тамъ упала и погибла,—неужели вы думаете, что она-бы
чувствовала въ какую нибудь горькую минуту жизни весь
своего паденія и не унесла-бы на сердцѣ своемъ, можетъ быть,
ба озлобленія, тѣмъ болѣе горькаго, что оно было-бы для
езпредметно, ибо кромѣ себя, она не могла бы никого об-
ь, потому что, повторяю вамъ это, она вполнѣ увѣрена, и
къ поръ, что она *несомнѣнная преступница* и только не
ь, какъ это такъ тогда случилось надъ нею. Теперь-же,
уя, что она преступница, и считая себя таковою, и вдругъ
иная людьми, облагодѣтельствованная и помилованная, какъ
-бы она не почувствовать обновленія и возрожденія въ но-
и уже высшую прежней жизнь? Ее не одинъ кто нибудь
ялъ, но умилосердились надъ нею *всѣ*, судъ, присяжные,
щество, стало быть. Какъ могла-бы она послѣ того не вы-
въ душѣ своей чувства огромнаго долга впредь на всю жизнь
передъ всѣми ее пожалѣвшими, т. е. передъ всѣми людьми
тѣ. Всякое *великое* счастье носитъ въ себѣ и нѣкоторое

страданіе, ибо возбуждаетъ въ насъ высшее сознаніе. Г
возбуждаетъ въ насъ въ такой степени ясность сознан
великое счастье. Великое, т. е. высшее счастье *обязывае*
(Повторю: выше нѣтъ счастья, какъ увѣровать въ добро
и въ любовь ихъ другъ къ другу). Когда сказано было
грѣшницѣ, осужденной на побитіе камнями: «Иди въ с
и не грѣши»,—неужели она воротилась домой, чтобы
А потому весь вопросъ и въ дѣлѣ Корниловой заключае
въ томъ: на какую почву упало сѣмя. Вотъ почему м
казалось необходимымъ написать теперь эту статью. П
семь мѣсяцевъ назадъ ваше нападеніе на меня, г. Набл
я именно рѣшился подождать отвѣчать вамъ, чтобы д
мои свѣдѣнія. И вотъ, мнѣ кажется, что по нѣкоторы
бранными мною чертамъ, я уже безошибочно могъ-бы
теперь, что сѣмя упало на добрую почву, что человѣкъ
шелъ, что никому это не сдѣлало зла, что душа прео
именно подавлена и раскаяніемъ и вѣчнымъ благод
впечатлѣніемъ безграничнаго милосердія людей, и что
теперь сердцу ея стать злымъ, испытавъ на себѣ сто
броты и любви. Несомнѣннымъ-же «аффектомъ берем
который такъ смущаетъ васъ, г. Наблюдатель, повторя
это, она вовсе не думаетъ оправдываться. Однимъ слов
показалось вовсе не лишнимъ увѣдомить объ этомъ, кр
г. Наблюдатель, и всѣхъ читателей моихъ и всѣхъ тѣ
сердыхъ людей, которые тогда оправдали ее. А объ
г. Наблюдатель, тоже не заботьтесь и не восклицайт
«Горе ребенку»! Ея судьба тоже теперь довольно хорош
лась и —«она забудетъ», есть серьезная надежда и на

Глава вторая.

I.

Смерть Некрасова. О томъ, что сказано было на его

Умеръ Некрасовъ. Я видѣлъ его въ послѣдній разъ
спустя до его смерти. Онъ казался тогда почти уже трупо
что странно было даже видѣть, что такой трупъ говор
шевелитъ губами. Но онъ не только говорилъ, но и сохра

ность ума. Кажется, онъ все еще не вѣрилъ въ возможность
изкой смерти. За недѣлю до смерти съ нимъ былъ параличъ
авой стороны тѣла, и вотъ 28 утромъ я узналъ, что Некра-
въ умеръ наканунѣ, 27, въ 8 часовъ вечера. Въ тотъ-же день
пошелъ къ нему. Страшно изможденное страданіемъ и иска-
анное лицо его какъ-то особенно поражало. Уходя, я слышалъ
къ псалтирщикъ, чотко и протяжно прочелъ надъ покойнымъ:
Мѣсть человѣкъ иже не согрѣшитъ». Воротясь домой, я не могъ
ке сѣсть за работу; взялъ всѣ три тома Некрасова и сталъ чи-
ть съ первой страницы. Я просидѣлъ всю ночь до шести ча-
въ утра, и всѣ эти тридцать лѣтъ какъ будто я прожилъ сно-
. Эти первыя четыре стихотворенія, которыми начинается пер-
а томъ его стиховъ, появились въ Петербургскомъ Сборникѣ,
которомъ явилась и моя первая повѣсть. Затѣмъ, по мѣрѣ
енія, (а я читалъ сподрядъ) передо мной пронеслась какъ-бы
моя жизнь. Я узналъ и припомнилъ и тѣ изъ стиховъ его,
торые первыми прочелъ въ Сибири, когда, выйдя изъ моего че-
хлѣтняго заключенія въ острогѣ, добился наконецъ до права
ть въ руки книгу. Припомнилъ и впечатлѣніе тогдашнее. Ко-
е, въ эту ночь я перечелъ чуть не двѣ трети всего, что напи-
ъ Некрасовъ и буквально въ первый разъ далъ себѣ отчетъ:
ъ много Некрасовъ, какъ поэтъ, во всѣ эти тридцать лѣтъ, за-
малъ мѣста въ моей жизни! Какъ поэтъ, конечно. Лично мы
одились мало и рѣдко и лишь однажды вполнѣ съ беззавѣтнымъ,
рвичнымъ чувствомъ, именно въ самомъ началѣ нашего знаком-
а, въ сорокъ пятомъ году, въ эпоху «Бѣдныхъ людей». Но я
разсказывалъ объ этомъ. Тогда было между нами нѣсколько
овеній, въ которыя, разъ навсегда, обрисовался передо мною
отъ загадочный человѣкъ самой существенной и самой затаен-
стороной своего духа. Это именно, какъ мнѣ разомъ почувст-
лось тогда, было раненое въ самомъ началѣ жизни сердце, и
-то *никогда не заживавшая* рана его и была началомъ и ис-
чникомъ всей страстной, страдальческой поэзіи его на всю по-
ть жизнь. Онъ говорилъ мнѣ тогда со слезами о своемъ дѣтствѣ,
безобразной жизни, которая измучила его въ родительскомъ
мѣ, о своей матери — и то какъ говорилъ онъ о своей матери, та
умиленія, съ которою онъ вспоминалъ о ней, рождали уже и
предчувствіе, что если будетъ что нибудь святое въ его жиз-
такое, что могло-бы спасти его и послужить ему маякомъ,
звѣздой даже въ самыя темныя и роковыя мгновенія судь-
, то ужь, конечно, лишь одно это первоначальное дѣтское

впечатлѣніе дѣтскихъ слезъ, дѣтскихъ рыданій найтей, шись, гдѣ нибудь украдкой, чтобъ не видали (какъ разска онъ мнѣ) съ мученицей матерью, съ существомъ столь люби его. Я думаю, что ни одна потомъ привязанность въ жизни могла-бы, также какъ эта, повліять и властительно подѣйс на его волю и на иныя темныя неудержимыя влеченія ег преслѣдовавшія его всю жизнь. А темные порывы духа сн лись уже и тогда. Потомъ, помню, мы какъ-то разошлись, вольно скоро; близость наша другъ съ другомъ продолжа долѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Помогли и недоразумѣнія, и нія обстоятельства, и добрые люди. За тѣмъ, много лѣтъ когда я уже воротился изъ Сибири, мы хоть и не сходились но не смотря даже на разницу въ убѣжденіяхъ, уже то чинавшуюся, встрѣчаясь говорили иногда другъ другу даже ныя вещи — точно какъ будто въ самомъ дѣлѣ что-то жалось въ нашей жизни, начатое еще въ юности, еще роковъ пятомъ году, и какъ-бы не хотѣло и не могло пр ся, хотя-бы мы и по годамъ не встрѣчались другъ съ др Такъ однажды въ шестьдесятъ третьемъ, кажется, году вая мнѣ томикъ своихъ стиховъ, онъ указалъ мнѣ на од хотвореніе, «Несчастные» и внушительно сказалъ: «Я ту васъ думалъ, когда писалъ это», (т. е. объ моей жизни бири), «это объ васъ написано». И наконецъ тоже въ нее время мы стали опять иногда видать другъ друга, и печаталъ въ его журналѣ мой романъ «Подростокъ»...

На похороны Некрасова собралось нѣсколько тысячъ читателей. Много было учащейся молодежи. Процессія вын чалась въ 9 часовъ утра, а разошлись съ кладбища уже мерки. Много говорилось на его гробѣ рѣчей, изъ литера говорили мало. Между прочимъ, прочтены были чьи-т красные стихи. Находясь подъ глубокимъ впечатлѣніемъ, тѣснился къ его раскрытой еще могилѣ, забросанной цвѣ вѣнками, и слабымъ моимъ голосомъ произнесъ вслѣдъ чими нѣсколько словъ. Я именно началъ съ того, что эт раненое сердце, разъ на всю жизнь, и не закрывавшаяс эта и была источникомъ всей его поэзіи, всей страстной ченія любви этого человѣка ко всему, что страдаетъ, отъ лія, отъ жестокости необузданной воли, что гнететъ нар скую женщину, нашего ребенка въ русской семьѣ, наше столюдина въ горькой, такъ часто, долѣ его. Высказал мое убѣжденіе, что въ поэзіи нашей Некрасовъ заключи

ъ тѣхъ поэтовъ, которые приходили со своимъ «новымъ
». Въ самомъ дѣлѣ (устраняя всякій вопросъ о худож-
й силѣ его поэзіи, и о размѣрахъ ея),—Некрасовъ дѣй-
мо былъ въ высшей степени своеобразенъ и дѣйстви-
приходилъ съ «новымъ словомъ». Былъ, напримѣръ, въ
ія поэтъ Тютчевъ, поэтъ обширнѣе его и художествен-
однако, Тютчевъ никогда не займетъ такого видная и
го мѣста въ литературѣ нашей, какое, безспорно, останется
есовымъ. Въ этомъ смыслѣ онъ, въ ряду поэтовъ (т. е.
вшихъ съ «новымъ словомъ»), долженъ прямо стоять
за Пушкинымъ и Лермонтовымъ. Когда я вслухъ выра-
у мысль, то произошелъ одинъ маленькій эпизодъ: одинъ
изъ толпы крикнулъ, что Некрасовъ былъ *выше* Пушкина
гова и что тѣ были всего только «байронисты». Нѣсколько
ь подхватили и крикнули: «да, выше!» Я, впрочемъ, о
и о сравнительныхъ размѣрахъ трехъ поэтовъ и не думалъ
ваться. Но вотъ что вышло потомъ: въ «Биржевыхъ Вѣ-
къ», г. Скабичевскій, въ посланіи своемъ къ молодежи
ду значенія Некрасова, разсказывая, что будто-бы когда
(т. е. я) на могилѣ Некрасова, «вздумалъ сравнивать
съ именами Пушкина и Лермонтова, вы всѣ (т. е. вся
я молодежь) *въ одинъ голосъ, хоромъ* прокричали: «онъ
ыше, выше ихъ». Смѣю увѣрить г. Скабичевскаго, что
такъ передали и что мнѣ твердо помнится (надѣюсь, я
аюсь), что сначала крикнулъ всего одинъ голосъ: «выше,
къ» и тутъ-же прибавилъ, что Пушкинъ и Лермонтовъ
байронисты»—прибавка, которая гораздо свойственнѣе и
нѣе одному голосу и мнѣнію, чѣмъ *всѣмъ*, въ одинъ и
моментъ, т. е. тысячному хору—такъ что фактъ этотъ
ьствуетъ, конечно, скорѣе въ пользу моего показанія о
акъ было это дѣло. И за тѣмъ уже, сейчасъ послѣ пер-
оса, крикнуло еще нѣсколько голосовъ, но всего только
ко, тысячнаго-же хора я не слыхалъ, повторяю это и
, что въ этомъ не ошибаюсь.

отому такъ на этомъ настаиваю, что мнѣ все-же было-
твительно видѣть, что *вся* наша молодежь впадаетъ въ
шибку. Благодарность къ великимъ отшедшимъ именамъ
быть присуща молодому сердцу. Безъ сомнѣнія, иронич-
рикъ о байронистахъ и возгласы: «выше, выше»,—про-
вовсе не отъ желанія затѣять надъ раскрытой могилой
покойника литературный споръ, что было-бы неумѣстно,

а что тутъ просто былъ горячій порывъ заявить как сильнѣе все накопившееся въ сердцѣ чувство умиленія дарности и восторга къ великому и столь сильно волно насъ поэту, и который, хотя и въ гробѣ, но все еще т такъ близокъ (ну, а тѣ-то великіе прежніе старики у далеко)! Но весь этотъ эпизодъ тогда-же, на мѣстѣ, за мнѣ намѣреніе объяснить мою мысль яснѣе въ буду «Дневника» и выразить подробнѣе, какъ смотрю я на т мѣчательное и чрезвычайное явленіе въ нашей жизни и в поэзіи, какимъ былъ Некрасовъ и въ чемъ именно закл по моему, суть и смыслъ этого явленія.

II.

Пушкинъ, Лермонтовъ и Некрасовъ.

И во первыхъ, словомъ: «байронистъ» браниться Байронизмъ хоть былъ и моментальнымъ, но великимъ, и необходимымъ явленіемъ въ жизни европейскаго ч ства, да чуть-ли не въ жизни и всего человѣчества. Бай появился въ минуту страшной тоски людей, разочарова и почти отчаянія. Послѣ изступленныхъ восторговъ нов въ новые идеалы, провозглашенной въ концѣ прошлаго во Франціи,—въ передовой тогда націи европейскаго ч ства, наступилъ исходъ, столь не похожій на то, чего с столь обманувшій вѣру людей, что никогда, можетъ бы было въ исторіи западной Европы столь грустной мин не отъ однихъ только внѣшнихъ (политическихъ) причи вновь воздвигнутые на мигъ кумиры, но и отъ внутрен состоятельности ихъ, что ясно увидѣли всѣ прозорливы и передовые умы. Новый *исходъ* еще не обозначался, клапанъ не отворялся и все задыхалось подъ страшн зившимся и съузившимся надъ человѣчествомъ прежни горизонтомъ. Старые кумиры лежали разбитые. И вотъ то минуту и явился великій и могучій геній, страстный Въ его звукахъ зазвучала тогдашняя тоска человѣчества ное разочарованіе его въ своемъ назначеніи и въ обман его идеалахъ. Это была новая и неслыханная еще тог мести и печали, проклятія и отчаянія. Духъ байронизма пронесся какъ-бы по всему человѣчеству, все оно откли

Это именно было какъ-бы отворенный клапанъ; по край-
ѣрѣ, среди всеобщихъ и глухихъ стоновъ, даже большею
ю безсознательныхъ, это именно былъ тотъ могучій крикъ,
оторомъ соединились и согласились всѣ крики и стоны че-
ества. Какъ было не откликнуться на него и у насъ, да
такому великому, геніальному и руководящему уму какъ
инъ? Всякій сильный умъ и всякое великодушное сердце
гли и у насъ тогда миновать байронизма. Да и не по одному
сочувствію къ Европѣ и къ европейскому человѣчеству
и, а потому что и у насъ и въ Россіи, какъ разъ къ
времени, обозначилось слишкомъ много новыхъ неразрѣ-
ыхъ и мучительныхъ тоже вопросовъ, и слишкомъ много
ихъ разочарованій... Но величіе Пушкина, какъ руководя-
генія, состояло именно въ томъ, что онъ такъ скоро, и
кенный почти совсѣмъ не понимавшими его людьми, нашелъ
ую дорогу, *нашелъ великій и вожделѣнный исходъ для русскихъ и указалъ на него.* Этотъ исходъ былъ — народ-
, *преклоненіе передъ правдой народа русскаго.* «Пушкинъ
явленіе великое, чрезвычайное». Пушкинъ былъ «не
ко русскій человѣкъ, но и первымъ русскимъ человѣкомъ».
онимать русскому Пушкина, значитъ не имѣть права назы-
ся русскимъ. Онъ понялъ русскій народъ и постигъ его на-
ніе въ такой глубинѣ и въ такой обширности, какъ ни-
и никто. Не говорю уже о томъ, что онъ, всечеловѣч-
ью генія своего и способностью откликаться на всѣ много-
чныя духовныя стороны европейскаго человѣчества, и почти
воплощаться въ геніи чужихъ народовъ и національностей,
дѣтельствовалъ о всечеловѣчности и всеобъемлемости рус-
духа и тѣмъ какъ-бы провозвѣстилъ и о будущемъ пред-
аченіи генія Россіи во всемъ человѣчествѣ, какъ всеединя-
, всепримиряющаго и все возрождающаго въ немъ начала.
кажу и о томъ даже, что Пушкинъ первый у насъ, въ
ѣ своей и въ пророческомъ предвидѣніи своемъ, воскликнулъ:

Увижу-ли народъ освобожденный
И рабство павшее по манію Царя!

Я скажу лишь теперь о любви Пушкина къ народу рус-
му. Это была любовь всеобъемлющая, такая любовь, какую
никто не выказывалъ до него. «Не люби ты меня, а по-
й ты *мое*—вотъ что вамъ скажетъ всегда народъ, если за-
хъ увѣриться въ искренности вашей любви къ нему.

Полюбить, т. е. пожалѣть народъ за его нужды, бѣдно
страданія, **можетъ** и всякій баринъ, особенно изъ гуманн
и европейски просвѣщенныхъ. Но народу *надо*, чтобъ его
одни страданія его любили, а чтобъ полюбили и *его самого*.
же значитъ *полюбить его самого*? «А полюби ты то, что я лю
почти ты то, что я чту»—вотъ что это значитъ и вотъ какъ
отвѣтитъ народъ, а иначе онъ никогда васъ за своего не призна
сколько-бы вы тамъ объ немъ ни печалились. Фальшь тоже вс
разглядитъ, какими-бы жалкими словами вы ни соблазняли
Пушкинъ именно такъ полюбилъ народъ какъ народъ того
буетъ, и онъ не угадывалъ какъ надо любить народъ, не
готовлялся, не учился: онъ самъ вдругъ оказался народомъ.
преклонился передъ правдой народною, онъ призналъ наро
правду какъ свою. правду. Не смотря на всѣ пороки наро
многія смердящія привычки его, онъ съумѣлъ различить вели
суть его духа тогда, когда никто почти такъ не смотрѣл
народъ и принялъ эту суть народную въ свою душу какъ
идеалъ. И это тогда, когда самые наиболѣе гуманные и е
пейски развитые любители народа русскаго сожалѣли открове
что народъ нашъ столь низокъ, что никакъ не можетъ подня
до парижской уличной толпы. Въ сущности, эти любители вс
презирали народъ. Они вѣрили, главное, что онъ рабъ. Рабств
же извиняли паденіе его, но раба не могли вѣдь любить,
все-таки былъ отвратителенъ. Пушкинъ первый объявилъ,
русскій человѣкъ *не рабъ*, и никогда не былъ имъ, не см
на многовѣковое рабство. Было рабство, но не было рабовъ
цѣломъ, конечно, въ общемъ, не въ частныхъ исключеніяхъ
вотъ тезисъ Пушкина. Онъ даже по виду, по походкѣ русс
мужика заключалъ, что это не рабъ и не можетъ быть ра
(хотя и состоитъ въ рабствѣ)—черта свидѣтельствующая
Пушкинѣ о глубокой непосредственной любви къ народу.
признавалъ и высокое чувство собственнаго достоинства въ на
нашемъ (опять таки въ цѣломъ, мимо всегдашнихъ и неотр
мыхъ исключеній), онъ предвидѣлъ то спокойное достоинств
которымъ народъ нашъ приметъ и освобожденіе свое отъ
постнаго состоянія—чего не понимали, напримѣръ, замѣча
нѣйшіе образованные русскіе европейцы уже гораздо поз
Пушкина и ожидали совсѣмъ другаго отъ народа нашего. О
звали народъ искренно и горячо, но по своему, т. е. по е
пейски. Они кричали о звѣрскомъ состояніи народа, о звѣрс
положеніи его въ кабалостномъ рабствѣ, но и звѣрей всѣхъ

...ознанъ, что народъ нашъ дѣйствительно звѣрь. И вдругъ ...народъ очутился свободнымъ съ такимъ мужественнымъ до...вкомъ, безъ малѣйшаго позыва на оскорбленіе бывшихъ ...телей своихъ: «Ты самъ по себѣ, а я самъ по себѣ, если хо...ди ко мнѣ, за твое хорошее всегда тебѣ отъ меня честь». ...для многихъ нашъ крестьянинъ по освобожденіи своемъ ...ъ страннымъ недоумѣніемъ. Многіе даже рѣшили, что это ...ъ отъ неразвитости и тупости, остатковъ прежняго раб...

И это теперь, что же было во времена Пушкина? Не я-ли ...лъ самъ, въ юности моей, отъ людей передовыхъ и «комильныхъ», что образъ Пушкинскаго Савельича въ «Капитан...дочкѣ», раба помѣщиковъ Гриневыхъ, упавшаго въ ноги ...ву и просившаго его пощадить барченка, а «для примѣра ...ха ради повѣсить ужь лучше его, старика»,—что этотъ ...ъ не только есть образъ раба, но и апофеозъ русскаго ...ва!

...ушкинъ любилъ народъ не за одни только страданія его. ...раданія сожалѣютъ, а сожалѣніе такъ часто идетъ рядомъ ...езрѣніемъ. Пушкинъ любилъ все, что любилъ этотъ народъ, ...ъ все, что тотъ чтилъ. Онъ любилъ природу русскую до ...ти, до умиленія, любилъ деревню русскую. Это былъ не ...ъ, милостивый и гуманный, жалѣющій мужика за его горь...участь, это былъ человѣкъ самъ перевоплощавшійся серд...своимъ въ простолюдина, въ суть его, почти въ образъ ...Умаленіе Пушкина какъ поэта болѣе исторически, болѣе ...чески преданнаго народу, чѣмъ на дѣлѣ — ошибочно и не ...ъ даже смысла. Въ этихъ историческихъ и архаическихъ ...ахъ звучитъ такая любовь и такая *оцѣнка народа*, кото...принадлежитъ народу *вѣковѣчно*, всегда и теперь и въ бу...мъ, а не въ одномъ только какомъ нибудь давно прошед...историческомъ народѣ. Народъ нашъ любитъ свою исторію ...ое за то, что въ ней встрѣчаетъ незыблемою ту-же самую ...нію, въ которую сохранилъ онъ свою вѣру и теперь не ...я на всѣ страданія и мытарства свои. Начиная съ величаогромной фигуры лѣтописца въ Борисѣ Годуновѣ до изо...нія спутниковъ Пугачева, — все это у Пушкина—народъ ...го глубочайшихъ проявленіяхъ, и все это понятно народу, ...собственная суть его. Да это-ли одно? Русскій духъ раз...въ твореніяхъ Пушкина, русская жилка бьется вездѣ. Въ ...ихъ, неподражаемыхъ, несравненныхъ пѣсняхъ будто-бы ...ныхъ славянъ, но которыя суть явно порожденіе русскаго

великаго духа, вылилось все воззрѣніе русскаго на братьевъ с
вянъ, вылилось все сердце русское, объявилось все міровозз
ніе народа, сохраняющееся и доселѣ въ его пѣсняхъ, былина
преданіяхъ, сказаніяхъ, высказалось все, что любитъ и тр
народъ, выразились его идеалы героевъ, царей, народныхъ
щитниковъ и печальниковъ, образы мужества, смиренія, лю
и жертвы. А такія прелестныя шутки Пушкина, какъ, нап
мѣръ, болтовня двухъ пьяныхъ мужиковъ или Сказаніе о
вѣдѣ, у котораго убили медвѣдицу — это уже что-то любов
что-то милое и умиленное въ его созерцаніи народа. Ес
Пушкинъ прожилъ дольше, то оставилъ-бы намъ такія худо
ственныя сокровища для пониманія народнаго, которыя, в
ніемъ своимъ, навѣрно-бы сократили времена и сроки пере
всей интеллигенціи нашей, столь возвышающейся и до сихъ
надъ народомъ въ гордости своего европеизма, — къ наро
правдѣ, къ народной силѣ и къ сознанію народнаго назначе
Вотъ это-то поклоненіе передъ правдой народа, вижу я отч
(увы, можетъ быть, одинъ я изъ всѣхъ его почитателей) —
Некрасовѣ, въ сильнѣйшихъ произведеніяхъ его. Мнѣ до
очень дорого, что онъ «печальникъ народнаго горя» и что
такъ много и страстно говорилъ о горѣ народномъ, но еще
роже для меня въ немъ то, что въ великіе мучительные
сторженные моменты своей жизни, онъ, не смотря на всѣ
тивоположныя вліянія и даже на собственныя убѣжденія
преклонялся передъ народной правдой всѣмъ существомъ сво
о чемъ засвидѣтельствовалъ въ своихъ лучшихъ создані
Вотъ въ этомъ-то смыслѣ я и поставилъ его какъ пришед
послѣ Пушкина и Лермонтова съ тѣмъ-же самымъ отчасти
вымъ словомъ, какъ и тѣ (потому что «слово» Пушкина до
поръ еще для насъ новое слово. Да и не только новое, а еще
узнанное, не разобранное, за самый старый хламъ считающе

Прежде чемъ перейду къ Некрасову, скажу два слова
Лермонтовѣ, чтобъ оправдать то, почему я тоже поставилъ
какъ увѣровавшаго въ правду народную. Лермонтовъ, коне
былъ байронистъ, но по великой своеобразной поэтической
своей и байронистъ-то особенный, — какой-то насмѣшливый,
ризный и брюзгливый, вѣчно невѣрующій даже въ собстве
свое вдохновеніе, въ свой собственный байронизмъ. Но ес
онъ пересталъ возиться съ больною личностью русскаго и
лигентнаго человѣка, мучимаго своимъ европеизмомъ, то нав
бы кончилъ тѣмъ, что отыскалъ исходъ, какъ и Пушки

шенія передъ народной правдой; и на то есть большія и
указанія. Но смерть опять и тутъ помѣшала. Въ самомъ
во всѣхъ стихахъ своихъ онъ мраченъ, капризенъ, хо-
ворить правду, но чаще лжетъ и самъ знаетъ объ этомъ
ется тѣмъ, что лжетъ, но чуть лишь онъ коснется наро-
ъ онъ свѣтелъ и ясенъ. Онъ любитъ русскаго солдата,
, онъ чтитъ народъ. И вотъ онъ разъ пишетъ безсмерт-
ѣсню о томъ какъ молодой купецъ Калашниковъ, убивъ
остье свое государева опричника Кирибѣевича, и приз-
царемъ Иваномъ предъ грозныя его очи отвѣчаетъ ему:
лъ онъ, государева слугу Кирибѣевича «вольной волею,
охотя». Помните-ли вы, господа, «раба Шибанова»? Рабъ
онъ былъ рабъ князя Курбскаго, русскаго эмигранта 16-го
ія, писавшаго все къ тому же царю Ивану свои опозна-
я и почти ругательныя письма изъ-за границы, гдѣ онъ
сно пріютился. Написавъ одно письмо, онъ призвалъ раба
Шибанова и велѣлъ ему письмо снести въ Москву и от-
арю лично. Такъ и сдѣлалъ рабъ Шибановъ. На Крем-
й площади онъ остановилъ выходившаго изъ собора царя,
инаго своими приспѣшниками и подалъ ему посланіе сво-
ходина, князя Курбскаго. Царь поднялъ жезлъ свой съ
ъ наконечникомъ, съ размаху вонзилъ его въ ногу Ши-
, опершя на жезлъ и сталъ читать посланіе. Шибановъ
золотой ногою не шевельнулся. А царь, когда сталъ от-
твѣчать письмомъ князю Курбскому, написалъ, между про-
«Устыдися раба твоего Шибанова». Это значило, что онъ
стыдился раба Шибанова. Этотъ образъ русскаго «раба»,
быть, поразилъ душу Лермонтова. Его Калашниковъ го-
царю безъ укора, безъ попрека за Кирибѣевича, гово-
нъ, зная про вѣрную казнь, его ожидающую, царю «всю
истинную», что убилъ его любимца «вольной волею, а
отя». Повторяю, остался-бы Лермонтовъ жить и мы-бы
великаго поэта, тоже признавшаго правду народную, а,
быть, и истиннаго *«печальника горя народнаго»*. Но это
сталось Некрасову...

ть таки, я не равняю Некрасова съ Пушкинымъ, я не
аршиномъ, кто выше, кто ниже, потому что тутъ не мо-
ыть ни сравненія, ни даже вопроса о немъ. Пушкинъ,
ирности и глубинѣ своего русскаго генія, до сихъ поръ
къ солнце надъ всѣмъ нашимъ русскимъ интеллигент-
ировоззрѣніемъ. Онъ великій и непонятый еще предвоз-

вѣститель. Некрасовъ есть лишь малая точка въ сравненіи с
нимъ, малая планета, но вышедшая изъ этого-же великаго сол
ца. И мимо всѣхъ мѣрокъ: кто выше кто ниже, за Некрасовы
остается безсмертіе, вполнѣ имъ заслуженное, и я уже сказа
почему—за преклоненіе его передъ народной правдой, что про
ходило въ немъ не изъ подражанія какого нибудь, не изъ
по сознанію даже, а потребностью, неудержимой силой. И з
тѣмъ замѣчательнѣе въ Некрасовѣ, что онъ всю жизнь сы
былъ подъ вліяніемъ людей, хотя и любившихъ народъ, хо
и печалившихся о немъ, можетъ быть, весьма искренно, но
когда не признававшихъ въ народѣ правды, и всегда став
шихъ европейское просвѣщеніе свое несравненно выше исти
духа народнаго. Не вникнувъ въ русскую душу и не зная ч
ждетъ и проситъ она, имъ часто случалось желать нашему
роду, со всею любовью къ нему, того, что прямо могло-бы
служить къ его бѣдствію. Не они-ли въ русскомъ народномъ д
женіи, за послѣдніе два года, не признали почти вовсе той высо
подъема духа народнаго, которую онъ, можетъ быть, въ перв
разъ еще выказываетъ въ такой полнотѣ и силѣ и тѣмъ сви
тельствуетъ о своемъ здравомъ, могучемъ и неколебимомъ дос
живомъ единеніи въ одной и той-же великой мысли и почти п
дузнаетъ самъ будущее предназначеніе свое. И мало того, что
признаютъ правды движенія народнаго, но и считаютъ его поч
ретроградствомъ, чѣмъ-то свидѣтельствующимъ о непроходи
безсознательности, о заматерѣвшей вѣками неразвитости нар
русскаго. Некрасовъ-же, не смотря на замѣчательный, чрез
чайно сильный умъ свой, былъ лишенъ, однако, серьезнаго
разованія, по крайней мѣрѣ, образованіе его было небольш
Изъ извѣстныхъ вліяній онъ не выходилъ во всю жизнь, д
не имѣлъ силы выйти. Но у него была своя, своеобразная с
въ душѣ, не оставлявшая его никогда,—это истинная, стра
ная, а, главное, непосредственная любовь къ народу. Онъ болѣ
о страданіяхъ его всей душою, но видѣлъ въ немъ не оди
лишь униженный рабствомъ образъ, звѣрское подобіе, но см
силой любви своей постичь почти безсознательно и красоту
родную, и силу его, и умъ его, и страдальческую кротость
и даже частію увѣровать и въ будущее предназначеніе его.
сознательно Некрасовъ могъ во многомъ ошибаться. Онъ м
воскликнуть въ недавно напечатанномъ въ первый разъ эк
ромтѣ его, съ тревожнымъ укоромъ созерцанія освобожденный у
отъ крѣпостнаго состоянія народъ.

...«Но счастливъ-ли народъ»?

Великое чутье его сердца подсказало ему скорбь народную, но ослабъ его спросили: «чего-же пожелать народу и какъ это сдѣлать?», то онъ, можетъ быть, далъ-бы и весьма ошибочный, даже пагубный отвѣтъ. И ужь, конечно, его нельзя винить: политическаго смысла у насъ еще до рѣдкости мало, а Некрасовъ, повторяю, былъ всю жизнь подъ чужими вліяніями. Но сердцемъ своимъ, но великимъ поэтическимъ вдохновеніемъ своимъ, онъ неудержимо примыкалъ, въ иныхъ великихъ стихотвореніяхъ своихъ, къ самой сути народной. Въ этомъ смыслѣ это былъ народный поэтъ. Всякій, выходящій изъ народа, при самомъ маломъ даже образованіи, пойметъ уже много у Некрасова. Но лишь при образованіи. Вопросъ о томъ, пойметъ-ли Некрасова теперь прямо весь народъ русскій—безъ сомнѣнія, вопросъ явно немыслимый. Что пойметъ «простой народъ» въ шедеврахъ его: «Рыцарь на часъ», «Тишина», «Русскія женщины»? Даже въ новомъ «Власѣ» его, который можетъ быть понятенъ народу и не вдохновитъ нисколько народъ, ибо все это поэзія давно не вышедшая изъ непосредственной жизни), народъ отличитъ два-три фальшивые штриха навѣрно. Что разберетъ народъ въ немъ изъ самыхъ могучихъ и самыхъ зовущихъ поэмъ его: «На Волгѣ»? Это настоящій духъ и тонъ Байрона. Нѣтъ, Некрасовъ пока еще—лишь поэтъ русской интеллигенціи, съ любовью и со страстью говорившій о народѣ и страданіяхъ его той-же русской интеллигенціи. Не говорю въ будущемъ,—въ будущемъ народъ оцѣнитъ Некрасова. Онъ пойметъ тогда, что былъ когда-то такой добрый русскій баринъ, который плакалъ скорбными слезами о его народномъ горѣ и ничего лучше и придумать не могъ, какъ, убѣгая отъ своего богатства и отъ грѣшныхъ соблазновъ барской жизни своей, приходить въ очень тяжкія минуты свои къ нему, къ народу, и въ неудержимой любви къ нему очищать свое измученное сердце,—ибо любовь къ народу у Некрасова была лишь *исходомъ собственной скорби по себѣ самомъ*...

Но прежде, чѣмъ разъясню: какъ понимаю я эту «собственную скорбь» дорогаго намъ усопшаго поэта по себѣ самомъ—могу не обратить вниманіе на одно характерное и любопытное обстоятельство, обозначившееся почти во всей нашей газетной прессѣ, сейчасъ послѣ смерти Некрасова, почти во всѣхъ газетахъ, говорившихъ о немъ.

III.

Поэтъ и гражданинъ. Общіе толки о Некрасовѣ, какъ о человѣкѣ

Всѣ газеты, чуть только заговаривали о Некрасовѣ, по по
воду смерти и похоронъ его, чуть только начинали опредѣлять
его значеніе, какъ тотчасъ-же и прибавляли, всѣ безъ изъятія
нѣкоторыя соображенія о какой-то «практичности» Некрасова
о какихъ-то недостаткахъ его, порокахъ даже, о какой-то двой
ственности въ томъ образѣ, который онъ намъ оставилъ о себѣ
Иныя газеты лишь намекали на эту тему чуть-чуть, въ какихъ
нибудь двухъ строкахъ, но важно то, что все таки намекали
видимо по какой-то даже необходимости, которой избѣжать н
могли. Въ другихъ-же изданіяхъ, говорившихъ о Некрасовѣ об
ширнѣе, выходило и еще страннѣе. Въ самомъ дѣлѣ: не фор
мулируя обвиненій въ подробности и какъ-бы избѣгая того, от
глубокой и искренней почтительности къ покойному, они все
таки пускались... оправдывать его, такъ что выходило еще не
понятнѣе. «Да въ чемъ-же вы оправдываете?» срывался не
вольно вопросъ; «если знаете что, то прятаться нечего, а м
хотимъ знать нуждается-ли еще онъ въ оправданіяхъ нашихъ?
Вотъ какой зажигался вопросъ. Но формулировать не хотѣли
а съ оправданіями и съ оговорками спѣшили, какъ будто жа
лая поскорѣе предупредить кого-то. И, главное, опять-таки, —
какъ будто и не могли никакъ избѣжать этого, хотя-бы, мо
жетъ быть, и хотѣли того. Вообще чрезвычайно любопытный
случай, но если вникнуть въ него, то и вы, и всякій, кто б
вы ни были, несомнѣнно придете къ заключенію, чуть лиш
размыслите, что случай этотъ совершенно нормальный, что, з
говоривъ о Некрасовѣ, какъ о поэтѣ, дѣйствительно никак
нельзя миновать говорить о немъ, какъ и о лицѣ, потому ч
въ Некрасовѣ поэтъ и гражданинъ—до того связаны, до то
они не объяснимы одинъ безъ другаго, и до того взятые вмѣст
объясняютъ другъ друга, что заговоривъ о немъ какъ о поэт
вы даже невольно переходите къ гражданину и чувствуете, ч
какъ-бы принуждены и должны это сдѣлать и избѣжать
можете

Но что-же мы можемъ сказать, и что именно мы видим
Произносится слово «практичность», т. е. умѣніе обдѣлывать
свои дѣла, не и только, а за тѣмъ слѣдятъ съ оправданіи

онъ-де страдалъ, онъ съ дѣтства былъ заѣденъ средой», онъ терпѣлъ еще юношей въ Петербургѣ, безпріютнымъ, брошенымъ, много горя, а слѣдственно и сдѣлался «практичнымъ», т. е. какъ будто и не могъ ужь не сдѣлаться). Другіе идутъ еще дальше и намекаютъ, что безъ этой-то вѣдь «практичности» Некрасовъ, пожалуй, и не совершилъ-бы столь явно полезныхъ дѣлъ на общую пользу, напр., совладалъ съ изданіемъ журнала и проч. и проч. Что-же, для хорошихъ цѣлей оправдывать, стало быть, дурныя средства? И это говоря о Некрасовѣ то, человѣкѣ, который потрясалъ сердца, вызывалъ восторгъ и умиленіе къ добру и прекрасному стихами своими. Конечно, все это говорится, чтобъ извинить, но, мнѣ кажется, Некрасовъ не нуждается въ такомъ извиненіи. Въ извиненіяхъ на подобную тему всегда заключается какъ-бы нѣчто принизительное, и какъ-бы принижается и умаляется образъ извиняемаго чуть не до пошлыхъ размѣровъ. Въ самомъ дѣлѣ, чуть я начну извинять «двойственность и практичность» лица, то тѣмъ какъ-бы и настаиваю, что эта двойственность даже естественна при извѣстныхъ обстоятельствахъ, чуть не необходима. А если такъ, то совершенно приходится примириться съ образомъ человѣка, который сегодня бьется о плиты роднаго храма, кается, кричитъ: «я палъ, я упалъ». И это, въ безсмертной красоты стихахъ, которые онъ въ ту-же ночь запишетъ, а на завтра, чуть пройдетъ ночь и обсохнутъ слезы, и опять примемся за «практичность», потому-де что она, мимо всего другаго — *и необходима*. Да что-же тогда будутъ означать эти стоны и крики, облекшіеся въ стихи? Искусство для искусства не болѣе и даже въ самомъ пошломъ его значеніи, потому что онъ эти стихи самъ похваливаетъ, самъ на нихъ любуется, ими совершенно доволенъ, ихъ печатаетъ, на нихъ разсчитываетъ: придадутъ, дескать, блескъ изданію, взволнуютъ молодыя сердца. Нѣтъ, если все это оправдать, да не разъяснивъ, то мы рискуемъ впасть въ большую ошибку и порождаемъ недоумѣніе, и на вопросъ: «кого вы хоронили»? мы, провожавшіе гробъ его, принуждены-бы были отвѣтить, что хоронимъ «самаго яркаго представителя искусства для искусства, какой только можетъ быть». Ну, а было-ли это такъ? Нѣтъ, *во истину это не было такъ*, а хоронили мы во всякомъ «печальника народнаго горя» и вѣчнаго страдальца о всѣхъ, вѣчнаго, неустаннаго, который никогда не могъ простить себя, и самъ съ отвращеніемъ и самобичеваніемъ отвергъ дешевое примиреніе.

Нужно выяснить дѣло, выяснить искренно и безпри
и что выяснится, то принять какъ оно есть, не смот
какое лицо и ни на какія дальнѣйшія соображенія. Т
именно выяснить всю суть по возможности, чтобы ка
точнѣе добыть изъ выясненій фигуру покойнаго, лицо
наши сердца требуютъ, для того, чтобъ не оставалос
о немъ ни малѣйшаго такого недоумѣнія, которое нево
нитъ память, оставляетъ нерѣдко и на высокомъ обр
стойную тѣнь.

Самъ я зналъ «практическую жизнь» покойника
потому приступить къ анекдотической части этого дѣл
но еслибъ и могъ, то не хочу, потому что прямо он
то, что самъ признаю сплетнею. Ибо я твердо увѣренъ
былъ увѣренъ), что изъ всего, что разсказывали про н
по крайней мѣрѣ, половина, а, можетъ быть, и всѣ три ч
чистая ложь. Ложь, вздоръ и сплетни. У такого хар
и замѣчательнаго человѣка, какъ Некрасовъ, — не
быть враговъ. А то, что дѣйствительно было, что в
дѣлѣ случалось—то не могло тоже не быть подъ част
личено. Но, принявъ это, все-таки увидимъ, что нѣчто
остается. Что-же такое? Нѣчто мрачное, темное и му
безспорно, потому что — что-же означаютъ тогда эти ст
крики, эти слезы его, эти признанія, что «онъ уп
страстная исповѣдь передъ тѣнью матери? Тутъ само
тутъ казнь? Опять-таки въ анекдотическую сторону
ваться не буду, но думаю, что суть той мрачной и
ной половины жизни нашего поэта какъ-бы предсказан
самимъ, еще на зарѣ дней его, въ одномъ изъ самы
начальныхъ его стихотвореній, набросанныхъ, кажется
знакомства съ Бѣлинскимъ (и потомъ ужь позднѣе обд
и получившихъ ту форму, въ которой явились они в
Вотъ эти стихи:

Огни зажигались вечерніе,
Былъ вѣтеръ и дождикъ мочилъ,
Когда изъ Полтавской губерніи
Я въ городъ столичный входилъ.
Въ рукахъ была палка предлинная
Котомка пустая на ней,
На плечахъ шубенка овчинная,
Въ карманѣ пятнадцать грошей.
Ни денегъ, ни званья, ни племени,
Малъ ростомъ и свиду смѣшонъ,

Да сорокъ лѣтъ минуло времени,—
Въ карманѣ моемъ милліонъ.

Милліонъ — вотъ демонъ Некрасова! Чтожь, онъ любилъ ъ золото, роскошь, наслажденіе и чтобы имѣть ихъ пускался «практичности»? Нѣтъ, скорѣе это былъ другаго характера онъ, это былъ самый мрачный и унизительный бѣсъ. Это ъ демонъ гордости, жажды самообезпеченія, потребности ограться отъ людей твердой стѣной и независимо, спокойно смотъ на ихъ злость, на ихъ угрозы. Я думаю, этотъ демонъ осался еще къ сердцу ребенка, ребенка пятнадцати лѣтъ, тившагося на петербургской мостовой, почти бѣжавшаго отъ . Робкая и гордая молодая душа была поражена и унизк, покровителей искать не хотѣла, войти въ соглашеніе съ чуждой толпою людей не желала. Не то чтобы невѣріе въ закралось въ сердце его такъ рано,но скорѣе скептиче- и слишкомъ раннее (а, стало быть, и ошибочное) чувство къ ъ. Пусть они не злы, пусть они не такъ страшны, какъ ихъ говорятъ (навѣрно думалось ему), но они, всѣ, все- слабая и робкая дрянь, а потому и безъ злости погубятъ лишь дойдетъ до ихъ интереса. Вотъ тогда-то и начались, етъ быть, мечтанія Некрасова, можетъ быть, и сложились а-же на улицѣ стихи: «въ карманѣ моемъ милліонъ».

Это была жажда мрачнаго, угрюмаго отъединеннаго самоеченія, чтобы уже не зависѣть ни отъ кого. Я думаю, что не ошибаюсь, я припоминаю кое-что изъ самаго перваго моего ьомства съ нимъ. По крайней мѣрѣ, мнѣ такъ казалось всю ъ жизнь. Но этотъ демонъ все-же былъ низкій демонъ. ого-ли *самообезпеченія* могла жаждать душа Некрасова, эта , способная такъ отзываться на все святое и непокидавъ вѣры въ него. Развѣ такимъ самообезпеченіемъ ограждаютъ столь одаренныя души? Такіе люди пускаются въ путь босы ъ пустыми руками и на сердцѣ ихъ ясно и свѣтло. Самоеченія ихъ не въ золотѣ. Золото — грубость, насиліе, деизмъ! Золото можетъ казаться обезпеченіемъ именно той ой и робкой толпѣ, которую Некрасовъ самъ презиралъ. Не- картины насилія и потомъ жажда сластолюбія и разврата ужаться въ такомъ сердцѣ, сердцѣ человѣка, который самъ ъ воззвать къ иному: «брось все, возьми посохъ свой и ; мной»,

Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви.

Но демонъ осилилъ и человѣкъ остался на мѣстѣ и ни не пошелъ.

За то и заплатилъ страданіемъ, страданіемъ всей ж своей. Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ лишь стихи, но что знаемъ о внутренней борьбѣ его съ своимъ демономъ, бо несомнѣнно мучительной и всю жизнь продолжавшейся? Я говорю уже о добрыхъ дѣлахъ Некрасова: онъ объ нихъ публиковалъ, но они несомнѣнно были, люди уже начин свидѣтельствовать объ гуманности, нѣжности этой «практич души. Г. Суворинъ уже публиковалъ нѣчто, я увѣренъ, обнаружится много и еще добрыхъ свидѣтельствъ, не мо быть иначе. «О, скажутъ мнѣ, вы тоже вѣдь оправдываете еще дешевле нашего». Нѣтъ, я не оправдываю, я только (ясняю и добился того, что могу поставить вопросъ, — вот окончательный и всеразрѣшающій.

VI.

Свидѣтель въ пользу Некрасова.

Еще Гамлетъ дивился на слезы актера, декламировав свою роль и плакавшаго о какой-то Гекубѣ: «что ему Геку спрашивалъ Гамлетъ. Вопросъ предстоитъ прямой: былъ-ли Некрасовъ такой-же самый актеръ, т. е. способный иск заплакать о себѣ и о той святынѣ духовной, которой сам шалъ себя, излить затѣмъ скорбь свою (настоящую скорбь безсмертной красоты стихахъ и на завтра-же способный ствительно утѣшиться... этой красотою стиховъ. Красотою ховъ и только. Мало того: взглянуть на эту красоту сти какъ на «практическую-же» вещь, способную доставить быль, деньги, славу и употребить эту вещь, въ этомъ см Или, напротивъ того, скорбь поэта не проходила и посл ховъ, не удовлетворялась ими; красота ихъ, сила въ нихъ женная угнетала и мучила его самого, и если, будучи силахъ совладать съ своимъ вѣчнымъ демономъ, съ стра побѣдившими его на всю жизнь, онъ и опять падалъ, то койно-ли примирялся съ своимъ паденіемъ, не возобновл ли его стоны и крики еще сильнѣе въ тайныя святыя м покаянія, — повторялись-ли, усиливались-ли въ сердцѣ с каждымъ разомъ такъ, что самъ онъ наконецъ могъ

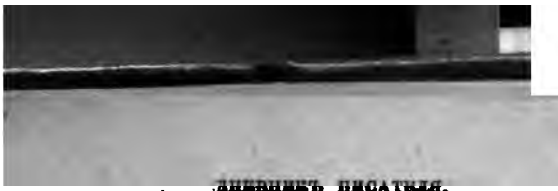
кто чего стоитъ ему его демонъ и какъ дорого заплатилъ онъ
за тѣ блага, которыя получилъ отъ него. Однимъ словомъ, если
онъ и могъ *примириться* моментально съ демономъ своимъ, и
даже самъ могъ пускаться оправдывать «практичность» свою въ
разговорахъ съ людьми, то оставалось-ли такое примиреніе и
успокоеніе навѣчно, или, напротивъ, улетало мгновенно изъ
сердца, оставляя по себѣ еще жгуче боль, стыдъ и угрызенія?
Тогда, — еслибъ только можно было рѣшить этотъ вопросъ —
тогда намъ чтожь-бы оставалось? Оставалось-бы только осудить
его за то, что, будучи не въ силахъ совпадать съ соблазнами
своими, онъ не покончилъ съ собой, напримѣръ, какъ тотъ
древній печерскій многострадалецъ, который, тоже будучи не въ
силахъ совладать съ зміемъ страсти его мучившей, закопалъ
себя по поясъ въ землю и умеръ, если не изгналъ своего де-
мона, то ужь, конечно, побѣдивъ его. Въ такомъ случаѣ мы сами,
т. е. каждый изъ насъ очутились-бы въ унизительномъ и коми-
ческомъ положеніи, еслибъ осмѣлились брать на себя роль судей
произносящихъ такіе приговоры. Тѣмъ не менѣе поэтъ, который
намъ написалъ о себѣ:

Поэтомъ можешь ты не быть,
Но гражданиномъ быть обязанъ,

тѣмъ самымъ какъ-бы и призналъ надъ собой судъ людей,
какъ «гражданъ». Какъ лицамъ намъ-бы, конечно, было стыдно
читать его. Сами-то мы каковы, каждый-то изъ насъ? Мы только
не говоримъ лишь о себѣ вслухъ, и прячемъ нашу мерзость, съ
которою вполнѣ миримся, внутри себя. Поэтъ плакалъ, можетъ
быть, о такихъ дѣлахъ своихъ, отъ которыхъ мы-бы и не по-
морщились, еслибъ совершили ихъ. Вѣдь мы знаемъ о паденіяхъ
и о демонѣ его изъ его-же стиховъ. Не было-бы этихъ сти-
ховъ, которые онъ въ покаянной искренности своей не убоялся
обнять, то и все, что говорилось о немъ какъ о человѣкѣ, о
«практичности» его и о прочемъ—все это умерло-бы само собою,
стерлось-бы изъ памяти людей, понизилось-бы прямо до
клеветы, такъ что всякое оправданіе его оказалось-бы вовсе и
не нужнымъ ему. Замѣчу кстати, что для практическаго и столь
знающаго обдѣлывать дѣла свои человѣка, дѣйствительно не
было оглашать свои покаянные стоны и вопли, а,
быть, онъ, можетъ быть, вовсе былъ не столь практиченъ,
ные утверждаютъ о немъ. Тѣмъ не менѣе, повторяю, на
гражданъ онъ долженъ идти, ибо самъ призналъ этотъ

судъ. Такимъ образомъ, еслибъ тотъ вопросъ, котор
вился у насъ выше: удовлетворялся-ли поэтъ стихам
въ которые облекалъ свои слезы и примирялся-ли съ
того спокойствія, которое опять позволяло ему пускать
нимъ сердцемъ въ «практичность», или-же, напротив
примиренія бывали лишь моментальныя, такъ что онъ
зиралъ себя, можетъ быть, за позоръ ихъ, потомъ му
горче и больше и такъ во всю жизнь, —еслибъ этот
повторяю, могъ-бы быть разрѣшенъ въ пользу втора
ложенія, то ужь, конечно, тогда мы-бы тотчасъ мог
риться и съ «гражданиномъ» - Некрасовымъ, ибо со
страданія его очистили-бы передъ нами вполнѣ нашу
немъ. Разумѣется, тутъ сейчасъ является возраженіе:
не въ силахъ разрѣшить такой вопросъ (а кто может
рѣшить?), то и ставить его не надо было. Но въ томъ-
что его можно разрѣшить. Есть свидѣтель, который м
разрѣшитъ. Этотъ свидѣтель — народъ.

То есть любовь его къ народу! И во первыхъ дл
«практическому» человѣку такъ увлекаться любовью
Всякій занятъ своимъ дѣломъ: одинъ практичностью, д
чалью по народѣ. Ну, положимъ, прихоть, такъ вѣдь
и отсталъ. А Некрасовъ не отставалъ во всю жизнь.
народъ для него — это таже «Гекуба», предметъ сл
ченныхъ въ стихи и дающихъ доходъ. Но я уже не
томъ, что трудно до того поддѣлать такую искреннос
какая слышится въ стихахъ Некрасова (объ этомъ спо
быть безконечный), но я о томъ только скажу, что
почему Некрасовъ такъ любилъ народъ, почему его та
къ нему въ тяжелыя минуты жизни, почему онъ шел
и что находилъ у него. Потому, какъ сказалъ я выш
бовь къ народу была у Некрасова, какъ-бы *исходом
ственной скорби по себѣ самомъ*. Поставьте это, прим
и вамъ ясенъ весь Некрасовъ, и какъ поэтъ и какъ гр
Въ служеніи сердцемъ своимъ и талантомъ своимъ н
находилъ все свое очищеніе передъ самимъ собой. На
настоящею внутреннею потребностью его не для од
ховъ. Въ любви къ нему онъ находилъ свое оправда
ствами своими къ народу онъ возвышалъ духъ сво
главное, это то, что онъ не нашелъ предмета любви
жду людей, окружавшихъ его, или въ томъ, что чтутъ
и предъ чѣмъ они преклоняются. Онъ отрывался напр



ъ людей и уходилъ къ оскорбленнымъ, къ терпящимъ, къ
одушнымъ, къ униженнымъ, когда нападало на него отвра-
къ той жизни, который онъ минутами слабодушно и по-
отдавался; онъ щелъ и бился о плиты бѣднаго сельскаго
го храма и получалъ исцѣленіе. Не избралъ-бы онъ себѣ
исходъ, *еслибъ не вѣрилъ въ него*. Въ любви къ народу
находилъ нѣчто незыблемое, какой-то незыблемый и святой
ъ всему, что его мучило. А если такъ, то, стало быть, и не
лъ ничего святѣе, незыблемѣе, истиннѣе передъ чѣмъ пре-
ться. Не могъ-же онъ полагать все самооправданіе лишь
шкахъ о народѣ. А коли такъ, то, стало быть, и онъ пре-
ся передъ *правдой народною*. Если не нашелъ ничего въ
жизни болѣе достойнаго любви какъ народъ, то, стало быть,
лъ и *истину народную* и *истину въ народѣ*, и что
есть и сохраняется лишь въ народѣ. Если не вполнѣ
тельно, не въ убѣжденіяхъ признавалъ онъ это, то серд-
признавалъ, неудержимо, неотразимо. Въ этомъ порочномъ
кѣ, униженный и унизительный образъ котораго такъ его
ъ, онъ находилъ, стало быть, и что-то истинное и святое,
е могъ не почитать, на что не могъ не отзываться всѣмъ
емъ своимъ. Въ этомъ смыслѣ я и поставилъ его, говоря
объ его литературномъ значеніи, тоже въ разрядъ тѣхъ,
ые признавали правду народную. Вѣчное-же исканіе этой
ы, вѣчная жажда, вѣчное стремленіе къ ней свидѣтель-
отъ явно, повторяю это, о томъ, что его влекла къ народу
енняя потребность, потребность высшая всего, и что, стало
, потребность эта не можетъ не свидѣтельствовать и о вну-
ей, всегдашней, вѣчной тоскѣ его, тоскѣ не прекращав-
, не утолявшейся никакими хитрыми доводами соблазна,
ими парадоксами, никакими практическими оправданіями.
и такъ, то онъ, стало быть, страдалъ всю свою жизнь...
кіе-же мы судьи его послѣ того? Если и судьи, то не об-
ели.

скрасовъ есть русскій историческій типъ, одинъ изъ круп-
примѣровъ того, до какихъ противорѣчій и до какихъ
еній, въ области нравственной и въ области убѣжденій,
ъ доходить русскій человѣкъ въ наше печальное, пере-
е время. Но этотъ человѣкъ остался въ нашемъ сердцѣ.
ы любви этого поэта такъ часто были искренни, чисты
стосердечны! Стремленіе-же его къ народу столь высоко
авитъ его какъ поэта на высшее мѣсто. Что-же до че-

ловѣка, до гражданина, то опять таки, любовью къ народу страданіемъ по немъ, онъ оправдалъ себя самъ, и многое ис пилъ, если и дѣйствительно было что искупить...

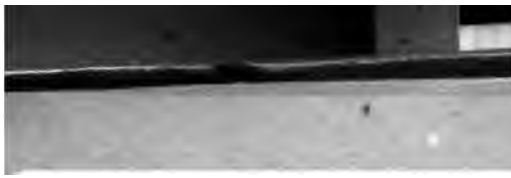
V.

Къ читателямъ.

Декабрьскій и послѣдній выпускъ «Дневника» такъ сил запоздалъ по двумъ причинамъ: по болѣзненному моему сос нію въ продолженіе всего декабря и вслѣдствіе непредви наго перехода въ другую типографію изъ прежней, прекра шей свою дѣятельность. На новомъ непривычномъ мѣстѣ н бѣжно затянулось дѣло. Во всякомъ случаѣ беру вину на и испрашиваю всего снисхожденія читателей.

На многочисленные вопросы моихъ подписчиковъ и чит лей о томъ: не могу-ли я хотя время отъ времени выпус №№ «Дневника» въ будущемъ 1878 году, не стѣсняя себя мѣсячнымъ срокомъ, спѣшу отвѣчать, что, по многимъ причин это мнѣ невозможно. Можетъ быть, рѣшусь выдать одинъ выпу и еще разъ поговорить съ моими читателями. Я вѣдь издаю мой листокъ сколько для другихъ, столько и для себя са изъ неудержимой потребности высказаться въ наше любопы и столь характерное время. Если выдамъ хоть одинъ выпу оповѣщу о томъ въ газетахъ. Не думаю, что буду писат другихъ изданіяхъ. Въ другихъ изданіяхъ я могу помѣс лишь повѣсть или романъ. Въ этотъ годъ отдыха отъ *срочн* изданія я и впрямь займусь одной художнической работой, живившейся у меня въ эти два года изданія «Дневника» не мѣтно и невольно. Но «Дневникъ» я твердо надѣюсь возобно черезъ годъ. Отъ всего сердца благодарю всѣхъ, столь го заявившихъ мнѣ о своемъ сочувствіи. Тѣмъ, которые писали что я оставляю мое изданіе въ самое горячее время, за что черезъ годъ наступитъ время, можетъ быть, еще гор еще характернѣе, и тогда еще разъ послужимъ вмѣстѣ доб дѣлу.

Я пишу: *вмѣстѣ*, потому что прямо считаю многочи ныхъ корреспондентовъ моихъ моими сотрудниками. Мнѣ помогли ихъ сообщенія, замѣчанія, совѣты и та искренност которою всѣ обращались ко мнѣ. Какъ жалѣю, что столь



не могъ отвѣтить, за неимѣніемъ времени и здоровья. Прошу у всѣхъ, которымъ не отвѣтилъ до сихъ поръ, ихъ добраго, душнаго снисхожденія. Особенно виноватъ передъ многими писавшихъ ко мнѣ въ послѣдніе три мѣсяца. Той особѣ, которая писала «о тоскѣ бѣдныхъ мальчиковъ и что она не знаетъ какъ сказать» (писавшая, вѣроятно, узнаетъ себя по этимъ словамъ)—пользуюсь теперь послѣднимъ случаемъ сообщить, что глубоко и всѣмъ сердцемъ былъ заинтересованъ письмомъ ея, и если только возможно было, то я-бы напечаталъ мой отвѣтъ ея письмо въ «Дневникѣ», и лишь потому оставилъ эту мысль, что я перепечатать все письмо ея нашелъ невозможнымъ. А между тѣмъ оно такъ ярко свидѣтельствуетъ о горячемъ благородномъ настроеніи въ большей части нашей молодежи о такомъ искреннемъ желаніи ея послужить всякому доброму дѣлу на общее благо. Скажу этой корреспонденткѣ лишь что можетъ быть, русская-то женщина и спасетъ насъ всѣхъ, общество наше, новой возродившейся въ ней энергіей, самой юношеской жаждой *дѣлать дѣло* и это до жертвы, до подвига. Она пристыдитъ бездѣятельность другихъ силъ, и увлечетъ за собою, а сбившихся съ дороги воротитъ на истинный путь. Но довольно; отвѣчаю многоуважаемой корреспонденткѣ моей въ «Дневникѣ» на всякій случай, такъ какъ подозрѣваю, что адресъ, сообщенный ею адресъ ея теперь уже не могъ-бы служить. Равно многимъ корреспондентамъ я потому не могъ отвѣтить на вопросы, что на такія важныя, на такія живыя темы, какими они столь интересуются и нельзя отвѣчать въ письмѣ. Тутъ нужно писать статьи, цѣлыя книги даже, а не письма. Я не можетъ не заключать недомолвокъ, недоумѣній. Объ этихъ темахъ рѣшительно нельзя переписываться.

Что особѣ, которая просила меня заявить въ «Дневникѣ», что получилъ ея письмо о братѣ ея, убитомъ въ теперешнюю войну, спѣшу сообщить, что меня искренно тронули и потрясли ея скорбь о потерянномъ другѣ и братѣ, и въ то-же время и восторгъ о томъ, что ея братъ послужилъ прекрасному дѣлу. Съ удовольствіемъ спѣшу сообщить этой особѣ, что я встрѣтилъ одного молодаго человѣка, знавшаго покойника лично и передавшаго все, что она мнѣ писала о немъ.

Корреспонденту написавшему мнѣ длинное письмо (на 5 листахъ) о Красномъ крестѣ, сочувственно жму руку, искренно благодарю его и прошу не оставлять переписки и впредь. Я обѣщанно вышлю ему то, о чемъ онъ просилъ.

Нѣсколькимъ корреспондентамъ, спрашивавшимъ меня во
давно *по пунктамъ* непремѣнно буду отвѣчать каждому особ
равно какъ и спрашивавшему о томъ: «кто есть стрюцкій?
(Надѣюсь, корреспонденты узнаютъ себя по этимъ выраженіямъ
Корреспондентовъ изъ Минска и изъ Витебска особенно прош
извинить меня, что такъ замедлилъ имъ отвѣчать. Отдохну
примусь за отвѣты и отвѣчу всѣмъ по возможности. И та
пусть не сѣтуютъ и пусть подождутъ на мнѣ.

Мой адресъ остается прежнимъ, прошу лишь означать до
и улицу, а не адресовать въ редакцію «Дневника Писателя».

Еще разъ всѣхъ благодарю. Авось до близкаго и счастлива
свиданія. Время теперь славное, но тяжелое и роковое. Ка
многое виситъ на волоскѣ именно въ настоящую минуту, и как
то заговоримъ обо всемъ этомъ черезъ годъ!

Послѣдняя странička *).

Во время трехмѣсячнаго перерыва, мы, въ свое время,
іюлѣ мѣсяцѣ, получили за подписью «Друга Кузьмы Прутко
нижеслѣдующій фельетонъ, настоящій смыслъ котораго, п
знаться, для насъ не совсѣмъ ясенъ; притомъ-же мы нѣскол
не вѣримъ разсказанному событію, тѣмъ болѣе, что и пруда
Елагиномъ острову, по отзыву знатоковъ, не оказывается.
всякомъ случаѣ. мы не совсѣмъ понимаемъ, что сей сонъ значи
но однако помѣщаемъ его. *Ред.*

Изъ дачныхъ прогулокъ Кузьмы Пруткова и его друга.

Тритонъ.

Вчера, 27-го іюля, на Елагиномъ островѣ, на закатѣ сол
въ прелестное тихое время, вся гуляющая великосвѣтская
блика была невольною свидѣтельницею забавнаго приключе
На поверхности пруда вдругъ показался выплывшій Трит

*) Изъ журнала «Гражданинъ», № 23—25, за 1873 г.

по русски водяной, съ зелеными влажными волосами на головѣ и бородѣ, и, удерживаясь на волнахъ, началъ играть и выдѣлывать разныя штуки. Онъ нырялъ, вскрикивалъ, смѣялся, плескался водой, стучалъ своими длинными и крѣпкими зелеными рукавами, скрежеща ими на публику. Появленіе его произвело обычное въ такихъ случаяхъ впечатлѣніе. Дамы бросились къ нему со всѣхъ сторонъ кормить его конфетами, протягивая къ нему свои бонбоньерки. Но миѳологическое существо, выдерживая древній характеръ водянаго сатира, принялось выдѣлывать передъ дамами такія тѣлодвиженія, что всѣ онѣ бросились отъ него съ визгливымъ смѣхомъ, пряча за себя своихъ наиболѣе взрослыхъ дочерей, на что водяной, видя это, крикнулъ имъ вслѣдъ нѣсколько весьма и весьма безцеремонныхъ выраженій, что усугубило веселость. Онъ скоро, впрочемъ, исчезъ, оставивъ по себѣ на поверхности воды лишь нѣсколько водяныхъ круговъ, а въ публикѣ недоумѣніе. Стали сомнѣваться и не вѣрить, хотя видѣли собственными глазами,—конечно, мужчины, дамы-же всѣ стояли за то, что это былъ настоящій Тритонъ, точь въ точь какъ бываютъ на столовыхъ бронзовыхъ часахъ. Нѣкоторые выразили мысль, что это будто-бы какой-то Пьеръ Бобо, всплывшій для оригинальности. Разумѣется, предположеніе не устояло, потому что Пьеръ Бобо всплылъ-бы непремѣнно во фракѣ — и въ фоколяхъ, хотя-бы и мокрыхъ. Тритонъ-же былъ точь въ точь какъ ходили древнія статуи, т. е. безъ малѣйшей одежды. Но явились скептики, которые начали даже утверждать, что все происшествіе есть ничто иное какъ политическая аллегорія и тѣсно связано съ восточнымъ вопросомъ, только лишь разрѣшившимся въ данную минуту на Берлинскомъ конгрессѣ.

Нѣсколько минутъ продолжалась даже идея, что это англійскія штуки и что все это продѣлываетъ все тотъ-же великій Дизрэли *) для британскихъ интересовъ съ хитрою цѣлью отвлечь нашу публику, начиная съ дамъ, рядомъ эстетически шаловливыхъ картинъ отъ воинственнаго задора. Немедленно, впрочемъ, поднялись возраженія, основанныя на томъ, что лордъ Биконсфильдъ теперь за границей, что его теперь встрѣчаютъ въ Лондонѣ, и что слишкомъ много намъ русскимъ медвѣдямъ чести, и самъ онъ залѣзъ въ русскій прудъ для эстетическаго наслажденія нашихъ дамъ съ политическими цѣлями, что у него

*) Разумѣется, лордъ Биконсфильдъ.

и, безъ того свои дама въ Лондонѣ и проч. и проч. Но ч
азартъ нашихъ дипломатовъ неудержимы: начали кри
если не самъ Биконсфильдъ, то почему-же не быть г
Полетикѣ, издателю «Биржевыхъ Вѣдомостей», жаждуще
и что именно его-то могли-бы избрать англичане для
ленія Тритона. Но и это все быстро рухнуло въ том
женіи, что хотя господинъ Полетика, можетъ быть, и с
на тѣлодвиженія, но все-таки безъ достаточной античнс
изъ-за которой все прощается, и которая однако могла-б
стить нашихъ дачницъ. Подоспѣлъ потомъ какой-то г
который какъ разъ сообщилъ, что господина Полетик
въ томъ-же самомъ часу совсѣмъ на противуположномъ
тербурга въ одномъ мѣстѣ. Такимъ образомъ предполож
античномъ Тритонѣ всплыло опять на поверхность, в
на то, что самъ Тритонъ давно уже сидѣлъ въ водѣ.
тельнѣе всего, что за античность и миѳологичность
особенно стояли дамы. Имъ чрезвычайно этого хотѣ
нечно для того чтобъ прикрыть откровенность своег
такъ сказать классицизмомъ его содержанія. Такъ
вимъ въ наши комнаты и сады раздѣтыя совершенно
именно потому, что миѳологическіе, а слѣдовательно
ческіе антики, и однако не подумаемъ вмѣсто статуй
напримѣръ обнаженныхъ слугъ, что еще можно было сд
времена крѣпостнаго права; даже и теперь можно, и т
рѣе, что слуги исполнили-бы все это не только не
даже и лучше статуй, потому что они во всякомъ сл
туральнѣе. Вспомните тезисъ о яблокѣ натуральномъ
нарисованномъ. Но такъ какъ не будетъ миѳологич
этого и нельзя. Споръ зашелъ на почвѣ чистаго искус
далеко, что, говорятъ, былъ даже причиною нѣсколь
мейныхъ ссоръ мужей съ своими прекрасными половин
явшими за чистое искусство, въ противуположность
скому и современному направленію, которое мужьи ихъ ус
ли въ совершившемся фактѣ. Въ этомъ послѣднемъ смыс
особенный и почти колоссальный успѣхъ имѣніе извѣстнаг
сатирика, г. Щедрина. Бывъ тутъ-же на гуляньи, онъ не
Тритону, и, разсказывали мнѣ, хочетъ включить весь
въ слѣдующій-же номеръ «Отечественныхъ Записокъ» в
«Умѣренности и Аккуратности». Взглядъ нашего юморис
тонокъ и чрезвычайно оригиналенъ: онъ полагаетъ, что
шій Тритонъ просто на просто переодѣтый, или, лучше

ій до нага квартальный, отряженный еще до начала се-
отчасъ-же послѣ весеннихъ нашихъ петербургскихъ вол-
ія все лѣто въ прудъ Елагинскаго острова, на берегахъ
о столь много гуляетъ дачниковъ, для подслушиванія изъ
ступныхъ разговоровъ, буде таковые окажутся. Догадка
онзвела впечатлѣніе потрясающее, такъ что даже дамы
ли спорить и задумались. Къ счастью, извѣстный нашъ
ский романистъ г. Мордовцевъ, случившійся тутъ-же, со-
одинъ историческій фактъ изъ исторіи нашей Сѣверной
ы, никому неизвѣстный, всѣми забытый, но изъ кото-
азалось яснымъ, что всплывшее существо—настоящій Три-
сверхъ того совершенно древній. По свѣдѣніямъ г. Мор-
, добытымъ изъ древнихъ рукописей, этотъ самый Три-
оставленъ былъ въ Петербургъ еще во времена Анны
единственно чтобъ понравиться которой Петръ, какъ
о г-ну Мордовцеву, совершилъ свою великую реформу.
ое чудовище привезено было вмѣстѣ съ двумя карликами,
ли тогда въ чрезвычайной модѣ, и шутомъ Балакиревымъ.
привезено было изъ нѣмецкаго городка Карлсруэ, Три-
в въ кадкѣ съ карлсруйской водой для того, чтобы по
ѣ въ Елагинъ прудъ могъ тотчасъ-же найти около себя
ждавшую его стихію. Но когда опрокинули въ прудъ карл-
ю кадку, то злой и насмѣшливый Тритонъ, не взирая на
за него такъ дорого заплатили, нырнулъ въ воду и ни
томъ не появился на поверхности, такъ что о немъ всѣ
до самаго іюля сего года, когда ему вдругъ почему-то
ось о себѣ напомнить. Въ прудахъ-же они могутъ жить
ючи по нѣскольку даже вѣковъ. Никогда ученое сооб-
ie принималось публикою съ такимъ восторгомъ какъ это.
всѣхъ пришли русскіе естественные ученые, иные даже
ихъ острововъ: гг. Сѣченовъ, Менделѣевъ, Бекетовъ, Бут-
и tutti quanti. Но они застали лишь вышеупомянутые
на водѣ да умножившійся скептицизмъ. Конечно, они не
на что рѣшиться и стояли какъ потерянные, на всякій
отрицая явленіе. Всѣхъ болѣе заслужилъ симпатіи одинъ
ченый профессоръ зоологіи: онъ пришелъ позже всѣхъ,
овершенномъ отчаяніи. Онъ бросался на всѣхъ и ко всѣмъ,
шивалъ о Тритонѣ съ жадностью и почти плакалъ, что
увидитъ и что зоологія и свѣтъ потеряли такую тему! Но
ющіе городовые отвѣчали нашему зоологу не могу-знаньемъ,
смѣялись, биржевики смотрѣли свысока, а дамы, какъ

трещотки, окруживъ профессора, сообщали ему лишь о тѣх
женіяхъ, такъ что нашъ скромный ученый принужденъ бы
наконецъ, заткнуть себѣ пальцами уши. Горестный профес
тыкалъ палочкой въ воду близь того мѣста, гдѣ скрылся
тонъ, бросалъ маленькими камушками, выкрикивалъ: «кусь, к
сахарцу дамъ!» но все тщетно,—Тритонъ не выплылъ... Н
чемъ, всѣ остались довольны... Прибавьте ко всему прелест
лѣтній вечеръ, заходящее солнце, дамскіе обтянутые туал
сладостное ожиданіе мира во всѣхъ сердцахъ и вы дорисуете
картину. Замѣчательно, что Тритонъ проговорилъ сказанныя
нѣсколько въ высшей степени нецензурныхъ словъ на чис
шемъ русскомъ языкѣ, не смотря на то, что онъ по проис
денію нѣмецъ, да сверхъ того еще родился гдѣ нибудь въ д
нихъ Аѳинахъ, вмѣстѣ съ тогдашней Минервой. Кто-же нау
его по русски — вотъ вопросъ? Да-съ, Россію таки начин
изучать въ Европѣ! По крайней мѣрѣ, оживилъ собою обще
заснувшее было подъ шумъ войны, всѣхъ усыпившей, и р
дилъ его для внутреннихъ вопросовъ. И за то спасибо! Въ э
смыслѣ надо-бы желать не одного, а нѣсколькихъ даже Т
новъ, и не только въ Невѣ, но и въ Москвѣ-рѣкѣ *), и въ К
и въ Одессѣ, и вездѣ, во всякой даже деревнѣ. Въ этомъ см
ихъ даже можно-бы разводить нарочно: пусть будятъ обще
пусть всплываютъ... Но довольно, довольно! будущее впер
Мы вдыхаемъ новый воздухъ всею новою, жаждущею вопро
грудью, такъ что, можетъ быть, все это устроится само с
вмѣстѣ съ русскими финансами.

(Сообщено).

Другъ Кузьмы Пруткова.

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ.

ДИНСТВЕННЫЙ ВЫПУСКЪ ЗА 1880 г.

АВГУСТЪ.

Глава первая.

I.

Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже Рѣчи о Пушкинѣ.

Рѣчь моя о Пушкинѣ и о значеніи его, помѣщаемая ниже и составляющая основу содержанія настоящаго выпуска «Дневника Писателя» (единственнаго выпуска за 1880 годъ *), была произнесена 8 іюня сего года въ торжественномъ засѣданіи общества любителей россійской словесности, при многочисленной публикѣ, и произвела значительное впечатлѣніе. Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, сказавшій тутъ-же о себѣ, что его считаютъ всѣ какъ-бы предводителемъ славянофиловъ, заявилъ съ кафедры, что моя рѣчь «составляетъ событіе». Не для похвальбы вспоминаю это теперь, а для того, чтобы заявить вотъ что: Если моя рѣчь составляетъ событіе, то только съ одной и единственной точки зрѣнія, которую обозначу ниже. Для сего и пишу это предисловіе. Собственно-же въ рѣчи моей я хотѣлъ обозначить лишь слѣдующіе четыре пункта въ значеніи Пушкина для Россіи.

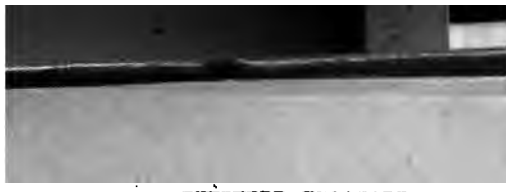
1) То, что Пушкинъ первый, своимъ глубоко прозорливымъ и геніальнымъ умомъ и чисто русскимъ сердцемъ своимъ отыскалъ и отмѣтилъ главнѣйшее и болѣзненное явленіе нашего интеллигентнаго, исторически оторваннаго отъ почвы общества, возвысившагося надъ народомъ. Онъ отмѣтилъ и выпукло поставилъ передъ нами отрицательный типъ нашъ, человѣка безпочвеннаго и не примиряющагося, въ родную почву и въ родныя силы ея не вѣрующаго, Россію и себя самаго (то есть свое

*) Изданіе «Дневника Писателя» надѣюсь возобновить въ будущемъ 1881 году, если позволитъ мое здоровье.

же общество, свой-же интеллигентный слой, возникшій на
родной почвой нашей) въ концѣ концовъ отрицающаго, дѣла
съ другими не желающаго, и искренно страдающаго. Алеко
Онѣгинъ породили потомъ множество подобныхъ себѣ въ наш
художественной литературѣ. За ними выступили Печорины, Ч
чиковы, Рудины и Лаврецкіе, Болконскіе (въ «Войнѣ и Мир
Льва Толстаго) и множество другихъ, уже появленіемъ свои
засвидѣтельствовавшіе о правдѣ первоначально данной мыс
Пушкинымъ. Ему честь и слава, его громадному уму и ген
отмѣтившему самую больную язву составившагося у насъ пос
великой Петровской реформы общества. Его искусному діагно
мы обязаны обозначеніемъ и распознаніемъ болѣзни нашей
онъ-же, онъ первый, далъ и утѣшеніе: ибо онъ-же далъ и ве
кую надежду, что болѣзнь эта не смертельна и что русское об
ство можетъ быть излѣчено, можетъ вновь обновиться и в
креснуть, если присоединится къ правдѣ народной, ибо

2) Онъ первый (именно первый, а до него никто) далъ на
художественные типы красоты русской, вышедшей прямо и
духа русскаго, обрѣтавшейся въ народной правдѣ, въ почвѣ
шей, и имъ въ ней отысканные. Свидѣтельствуютъ о томъ ти
Татьяны, женщины совершенно русской, уберегшей себя отъ
носной лжи, типы историческіе, какъ, напримѣръ, Инокъ и д
гіе въ «Борисѣ Годуновѣ», типы бытовые, какъ въ «Капитанс
Дочкѣ», и во множествѣ другихъ образовъ, мелькающихъ въ
стихотвореніяхъ, въ разсказахъ, въ запискахъ, даже въ исто
Пугачевскаго бунта. Главное-же, что надо особенно подчерки
это то, что всѣ эти типы положительной красоты человѣка р
ского и души его, взяты всецѣло изъ народнаго духа. Тутъ у
надобно говорить всю правду: не въ нынѣшней нашей цивили
ціи, не въ «европейскомъ» такъ называемомъ образованіи (
тораго у насъ, къ слову сказать, никогда и не было), не
уродливостяхъ внѣшне усвоенныхъ европейскихъ идей и фо
указалъ Пушкинъ эту красоту, а единственно въ народномъ
хѣ нашелъ ее и *только въ немъ*. Такимъ образомъ, повтор
обозначивъ болѣзнь, далъ и великую надежду: «Увѣруйте
духъ народный и отъ него единаго ждите спасенія и бу
спасены. Вникнувъ въ Пушкина, не сдѣлать такого вывода
возможно.

Третій пунктъ, который я хотѣлъ отмѣтить въ значе
Пушкина, есть та особая характернѣйшая и не встрѣчаемая ни
него нигдѣ и ни у кого черта художественнаго генія—ся



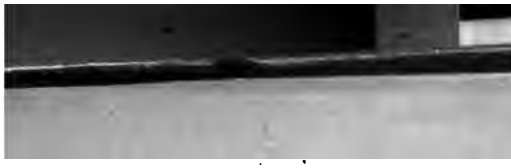
всемірной отзывчивости и полнѣйшаго перевоплощенія въ
чужихъ націй, перевоплощенія почти совершеннаго. Я
ь въ моей рѣчи, что въ Европѣ были величайшіе худо-
ные міровые геніи: Шекспиры, Сервантесы, Шиллеры, но
у кого изъ нихъ не видимъ этой способности, а видимъ
ко у Пушкина. Не въ отзывчивости одной тутъ дѣло, а
въ изумляющей полнотѣ перевоплощенія. Эту способ-
понятно, я не могъ не отмѣтить въ оцѣнкѣ Пушкина,
какъ характернѣйшую особенность его генія, принадле-
изъ всѣхъ всемірныхъ художниковъ ему только одному,
отличается онъ отъ нихъ отъ всѣхъ. Но не для умаленія
величины европейскихъ геніевъ какъ Шекспиръ и Шил-
сказалъ я это; такой глупенькій выводъ изъ моихъ словъ
сдѣлать только дуракъ. Всемірность, *всепонятность* и
дивная глубина міровыхъ типовъ человѣка арійскаго пле-
данныхъ Шекспиромъ на вѣки вѣковъ, не подвергается
ни малѣйшему сомнѣнію. И еслибъ Шекспиръ создалъ
дѣйствительно *венеціанскимъ* мавромъ, а не англичани-
го только придалъ-бы ему ореолъ мѣстной національной
рности, міровое-же значеніе этого типа осталось-бы по
му тоже самое, ибо и въ итальянцѣ онъ выразилъ-бы
амое, что хотѣлъ сказать, съ такою-же силою. Повторяю,
міровое значеніе Шекспировъ и Шиллеровъ хотѣлъ я по-
, обозначая геніальную способность Пушкина перевопло-
въ геніи чужихъ націй, а желая лишь въ самой этой
ости и въ полнотѣ ея отмѣтить великое и пророческое
ъ указаніе, ибо

Способность эта есть всецѣло способность русская, націо-
и Пушкинъ только дѣлитъ ее со всѣмъ народомъ на-
, какъ совершеннѣйшій художникъ, онъ есть и совер-
шій выразитель этой способности, по крайней мѣрѣ, въ
дѣятельности, въ дѣятельности художника. Народъ-же
менно заключаетъ въ душѣ своей эту склонность къ
ой отзывчивости и къ всепримиренію и уже проявилъ
се двухсотлѣтіе съ Петровской реформы не разъ. Обоз-
ту способность народа нашего я не могъ не выставить
время, въ фактѣ этомъ, и великаго утѣшенія для насъ
емъ будущемъ, великой и, можетъ быть, величайшей на-
нашей, свѣтящей намъ впереди. Главное, я обозначилъ
стремленіе наше въ Европу даже со всѣми увлеченіями
юстями его, было не только законно и разумно, *въ осно-*

ваніи своемъ, но и народно, совпадало вполнѣ съ стремленіе[м] самого духа народнаго, а въ концѣ концовъ безспорно ни[з]и и высшую цѣль. Въ краткой, слишкомъ краткой рѣчи моей, [я] конечно, не могъ развить мою мысль во всей полнотѣ, но, [по] крайней мѣрѣ, то, что высказано, кажется ясно. И не надо, [и] надо возмущаться сказаннымъ мною: «что нищая земля на[ша] можетъ быть, въ концѣ концовъ скажетъ новое слово мі[ру]. Смѣшно тоже и увѣрять, что прежде чѣмъ сказать новое сл[ово] міру, «надобно намъ самимъ развиться экономически, научн[о], гражданственно, и тогда только мечтать о «новыхъ слова[хъ] такимъ совершеннымъ (будто-бы) организмамъ какъ народы Е[в]ропы». Я именно напираю въ моей рѣчи, что и не пыта[ясь] равнять русскій народъ съ народами западными въ сферахъ [ихъ] экономической славы, или научной. Я просто только гово[рю], что русская душа, что геній народа русскаго, можетъ быть, [и] болѣе способны, изъ всѣхъ народовъ, вмѣстить въ себѣ и[дею] всечеловѣческаго единенія, братской любви, трезваго взгл[яда], прощающаго враждебное, различающаго и извиняющаго несх[одное], снимающаго противорѣчія. Это не экономическая черт[а], не какая другая, это лишь *нравственная* черта, и можетъ [ли] кто отрицать и оспорить, что ея нѣтъ въ народѣ русскомъ? [Мо]жетъ-ли кто сказать, что русскій народъ есть только кос[ная] масса, осужденная лишь служить *экономически* преуспѣянію [и] развитію европейской интелигенціи нашей, возвысившейся [надъ] народомъ нашимъ, сама-же въ себѣ заключаетъ лишь мерт[вую] косность, отъ которой ничего и не слѣдуетъ ожидать и на [ко]торую совсѣмъ нечего возлагать никакихъ надеждъ? Увы, т[акъ] многіе утверждаютъ, но я рискнулъ объявить иное. Повтор[яю] я, конечно, не могъ доказать «этой фантазіи моей», как[ъ] самъ выразился, обстоятельно и со всею полнотою, но [и] могъ и не указать на нее. Утверждать-же, что нищая и неур[ядная] земля наша не можетъ заключать въ себѣ столь выс[окія] стремленія, пока не сдѣлается экономически и гражданств[енно] подобною Западу,—есть уже просто нелѣпость. Основныя [нрав]ственныя сокровища духа въ основной сущности своей, по [край]ней мѣрѣ, не зависятъ отъ экономической силы. Наша [земля] неурядная земля, кромѣ высшаго слоя своего, вся сплошь, [какъ] одинъ человѣкъ. Всѣ восемьдесятъ милліоновъ ея насел[енія] представляютъ собою такое духовное единеніе, какого, конечн[о], Европѣ нѣтъ нигдѣ и не можетъ быть, а, стало быть, уже по[ка] одному пельзя сказать, что наша земля неурядна, да[же]

...смыслѣ нельзя сказать, что и нищая. Напротивъ, въ ...ѣ, въ этой Европѣ, гдѣ накоплено столько богатствъ все ...ное основаніе всѣхъ европейскихъ націй — все подко... и, можетъ быть, завтра-же рухнетъ безслѣдно на вѣки вѣ... а взамѣнъ наступитъ нѣчто неслыханно-новое, ни на что ...е не похожее. И всѣ богатства, накопленныя Европой, ...сутъ ее отъ паденія, ибо «въ одинъ мигъ исчезнетъ ...тство». Между тѣмъ на этотъ, именно на этотъ подко... и зараженный ихъ гражданскій строй и указываютъ ...у нашему какъ на идеалъ, къ которому онъ долженъ стре..., и лишь по достиженіи имъ этого идеала осмѣлиться ...тать свое какое-либо слово Европѣ. Мы-же утверждаемъ, ...щать и носить въ себѣ силу любящаго и всеединящаго ...можно и при теперешней экономической нищетѣ нашей, да ...при такой еще нищетѣ какъ теперь: Ее можно сохранять ...щать въ себѣ даже и при такой нищетѣ, какая была ...нашествія Батыева или послѣ погрома Смутнаго времени, ...единственно всеединящимъ духомъ народнымъ была спа... Россія. И наконецъ, если ужь въ самомъ дѣлѣ такъ не...имо надо, для того, чтобъ имѣть право любить человѣ...ю и носить въ себѣ всеединящую душу, для того чтобъ ...чать въ себѣ способность не ненавидѣть чужіе народы ..., что они не похожи на насъ; для того чтобъ имѣть же... не укрѣпляться отъ всѣхъ въ своей національности, чтобъ ...лько одной все досталось, а другія національности считать ...о за лимонъ, который можно выжать (а народы такого ...вѣдь есть въ Европѣ!)—если и въ самомъ дѣлѣ для дости... всего этого надо, повторяю я, предварительно стать на...ъ богатымъ и перетащить къ себѣ европейское граждан... устройство, то неужели все-таки мы и тутъ должны рабски ...ровать это европейское устройство (которое завтра-же въ ...ѣ рухнетъ)? Неужели и тутъ не дадутъ и не позволятъ ...ому организму развиться національно, своей органической ..., а непремѣнно обезличенно, лакейски подражая Европѣ? ...уда-же дѣвать тогда русскій-то организмъ? Понимаютъ-ли ...оспода, что такое организмъ? А еще толкуютъ о естествен... наукахъ! «Этого народъ не позволитъ», сказалъ по од... поводу, года два назадъ, одинъ собесѣдникъ одному ярому ...нику. «Такъ уничтожить народъ»! — отвѣтилъ западникъ ...йно и величаво. И былъ онъ не кто-нибудь, а одинъ изъ ...ителей нашей интеллигенціи. Анекдотъ этотъ вѣренъ.

Четырьмя этими пунктами я обозначилъ значеніе для м
Пушкина и рѣчь моя, повторяю, произвела впечатлѣніе. Не
слугами своими произвела она это впечатлѣніе (я напрам
это), не талантливостью изложенія (соглашаюсь въ этомъ
всѣми моими противниками и не хвалюсь), а искренностью
и, осмѣлюсь сказать это,—нѣкоторою неотразимостью выстав
ныхъ мною фактовъ, не смотря на всю краткость и неполн
моей рѣчи. Но въ чемъ-же однако заключалось «событіе»
какъ выразился Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ? А вотъ именно
томъ, что славянофилами, или такъ называемой русской пар
(Боже, у насъ есть «русская партія!») сдѣланъ былъ огром
и окончательный, можетъ быть, шагъ къ примиренію съ за
никами; ибо славянофилы заявили всю законность стремл
западниковъ въ Европу, всю законность даже самыхъ крайн
увлеченій и выводовъ ихъ, и объяснили эту законность ч
русскимъ народнымъ стремленіемъ нашимъ, совпадаемымъ съ
мимъ духомъ народнымъ. Увлеченія-же оправдали—историчес
необходимостью, историческимъ фатумомъ, такъ что въ ко
концовъ и въ итогѣ, если когда-нибудь будетъ онъ подведе
обозначится, что западники ровно столько-же послужили рус
землѣ и стремленіямъ духа ея какъ и всѣ тѣ чисто русскіе л
которые искренно любили родную землю и слишкомъ, мож
быть, ревниво оберегали ее доселѣ отъ всѣхъ увлеченій «русск
иноземцевъ». Объявлено было наконецъ, что всѣ недоум
между обѣими партіями и всѣ злыя препиранія между ними б
доселѣ лишь однимъ великимъ недоразумѣніемъ. Вотъ это-т
могло-бы стать, пожалуй, «событіемъ», ибо представители слав
фильства тутъ-же, сейчасъ-же послѣ рѣчи моей, вполнѣ со
сились со всѣми ея выводами. Я-же заявляю теперь — да и
явилъ это въ самой рѣчи моей, — что честь этого новаго
(если только искреннѣйшее желаніе примиренія составл
честь), что заслуга этого новаго, если хотите, слова, вовс
мнѣ одному принадлежитъ, а всему славянофильству, всему
и направленію «партіи» нашей, что это всегда было ясно
тѣхъ которые безпристрастно вникали въ славянофильство,
идея, которую я высказалъ, была уже не разъ если не вы
зываема, то указываема ими. Я-же съумѣлъ лишь во время
вить минуту. Теперь вотъ заключеніе: если западники при
нашъ выводъ и согласятся съ нимъ, то и впрямь, конч
уничтожатся всѣ недоразумѣнія между обѣими партіями, такъ
«Западникамъ и Славянофиламъ» не объ чемъ будетъ и спор



выразился Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, «такъ какъ все
ь разъяснено». Съ этой точки зрѣнія, конечно, рѣчь моя
ла «событіемъ». Но увы, слово «событіе» произнесено было
въ искреннемъ увлеченіи съ одной стороны, но приметя-
тою стороною, и не останется лишь въ идеалѣ, это уже
ъ другой вопросъ. Рядомъ съ Славянофилами, обнимавшими
и жавшими мнѣ руку, тутъ-же на эстрадѣ, едва лишь я
ъ съ каѳедры, подошли ко мнѣ пожать мою руку и Запад-
и не какіе-нибудь изъ нихъ, а передовые представители
ичества, занимающіе въ немъ первую роль, особенно то-
Они жали мнѣ руку съ такимъ-же горячимъ и искреннимъ
ніемъ какъ Славянофилы, и называли мою рѣчь геніаль-
и нѣсколько разъ, напирая на слово это, произнесли что
ніальна. Но боюсь, боюсь искренно: не въ первыхъ-ли
хахъ» увлеченія произнесено было это! О, не того боюсь
они откажутся отъ мнѣнія своего, что моя рѣчь геніальна,
ь и самъ знаю что она не геніальна и нисколько не былъ
ценъ похвалами, такъ что отъ всего сердца прощу имъ ихъ
рованіе въ моей геніальности,—но вотъ что однако-же мо-
случиться, вотъ что могутъ сказать западники чуть-чуть по-
ь: (Nota bene, я не объ тѣхъ пишу, которые жали мнѣ руку,
ь вообще о западникахъ теперь скажу, на это я напираю):
жутъ, можетъ быть, западники (слышите: только «можетъ
, не болѣе)—а, вы согласились-таки наконецъ, послѣ дол-
поровъ и препираній, что стремленіе наше въ Европу было
ю и нормально, вы признали, что на нашей сторонѣ тоже
правда и склонили ваши знамена,—чтожь, мы принимаемъ
признаніе радушно и спѣшимъ заявить вамъ, что съ ва-
стороны это даже довольно не дурно: обозначаетъ, по крайней
въ васъ нѣкоторый умъ, въ которомъ впрочемъ мы вамъ
да не отказывали, за исключеніемъ развѣ самыхъ тупѣй-
изъ нашихъ, за которыхъ мы отвѣчать не хотимъ и не
ъ, — но... тутъ, видите-ли, является опять нѣкоторая но-
апятая, и это надобно какъ можно скорѣе разъяснить. Дѣло
мъ, что ваше-то положеніе, вашъ-то выводъ о томъ, что
ъ увлеченіяхъ нашихъ совпадали будто-бы съ народнымъ
ъ и таинственно направлялись имъ, ваше-то это положе-
все-таки остается для насъ болѣе чѣмъ сомнительнымъ, а
у и соглашеніе между нами опять-таки становится невоз-
мнъ. Знайте, что мы направлялись Европой, наукой ея и
мой Петра, но ужь отнюдь не духомъ народа нашего, ибо

духа этого мы не встрѣчали и не обоняли на нашемъ
противъ, оставили его назади и поскорѣе отъ него убѣ
съ самаго начала пошли самостоятельно, а вовсе не сид
кому-то будто-бы влекущему инстинкту народа русскаго
мірной отзывчивости и къ соединенію человѣчества, — ну, о
словомъ ко всему тому о чемъ вы теперь столько пи
Въ народѣ русскомъ, такъ какъ ужь пришло время
вполнѣ откровенно, мы по прежнему видимъ лишь косную
у которой намъ нечему учиться, тормозящую напротивъ
тіе Россіи къ прогрессивному лучшему, и которую все
пересоздать и передѣлать,—если ужь невозможно и нель
ганически, то, по крайней мѣрѣ, механически, то есть по
заставивъ ее разъ навсегда насъ слушаться, во вѣки вѣко
чтобы достигнуть сего послушанія, вотъ и необходимо у
себѣ гражданское устройство точь въ точь какъ въ европ
земляхъ, о которыхъ именно теперь пошла рѣчь. Собствен
народъ нашъ нищъ и смердъ, какимъ онъ былъ всегда, и
жетъ имѣть ни лица, ни идеи. Вся исторія народа нашего
абсурдъ, изъ котораго вы до сихъ поръ чортъ знаетъ что
водили, а смотрѣли только мы трезво. Надобно чтобъ тако
родъ какъ нашъ—не имѣлъ исторіи, а то, что имѣлъ под
домъ исторіи должно быть съ отвращеніемъ забыто имъ
цѣликомъ. Надобно, чтобъ имѣло исторію лишь одно наше
лигентное общество, которому народъ долженъ служить
своимъ трудомъ и своими силами.

Позвольте, не безпокойтесь и не кричите: не закабалит
родъ нашъ мы хотимъ, говоря о послушаніи его, о конечно
не выводите, пожалуйста, этого: мы гуманны, мы Европейц
слишкомъ знаете это. Напротивъ, мы намѣрены образовать
народъ по маленьку, въ порядкѣ, и увѣнчать наше зданіе
неся народъ до себя и передѣлавъ его національность у
иную, какая тамъ сама наступитъ послѣ образованія его.
зованіе-же его мы оснуемъ и начнемъ съ чего сами на
т. е. на отрицаніи имъ всего его прошлаго, и на проз
которому онъ самъ долженъ предать свое прошлое. Чу
выучимъ человѣка изъ народа грамотѣ, тотчасъ-же и заст
его нюхнуть Европы, тотчасъ-же начнемъ обольщать его
пой, ну хотя-бы утонченностью быта, приличій, костюм
питковъ, танцевъ, — словомъ, заставимъ его устыдиться
прежняго лаптя и квасу, устыдиться своихъ древнихъ
и хотя изъ нихъ есть нѣсколько прекрасныхъ и музыка

мы все-таки заставимъ его пѣть рифмованный водевиль, сколько-бы вы тамъ ни сердились на это. Однимъ словомъ, для доброй цѣли мы, многочисленнѣйшими и всякими средствами, дѣйствуемъ прежде всего на слабыя струны характера какъ съ нами было, и тогда народъ—нашъ. Онъ застыдится всего прежняго и проклянетъ его. Кто проклянетъ свое прежнее, тотъ уже нашъ,—вотъ наша формула! Мы ее всецѣло примемъ, когда примемся возносить народъ до себя. Если-же народъ окажется неспособнымъ къ образованію, то—«устранить народъ». Ибо тогда выставится уже ясно, что народъ нашъ есть только недостойная, варварская масса, которую надо заставить намъ слушаться. Ибо что-же тутъ дѣлать: въ Интеллигенціи и въ Европѣ лишь правда, а потому хоть у васъ и восемьдесятъ милліоновъ народу (чѣмъ вы, кажется, хвастаетесь), но всѣ эти милліоны должны прежде всего послужить этой европейской правдѣ, такъ какъ другой нѣтъ и не можетъ быть. Количествомъ милліоновъ насъ не испугаете. Вотъ всегдашній нашъ выводъ, только теперь ужь во всей наготѣ, и мы остаемся при немъ. Можемъ-же мы, принявъ вашъ выводъ, толковать вмѣстѣ съ вами, напримѣръ, о такихъ странныхъ вещахъ какъ le Pravoслѣ и какое-то будто-бы особое значеніе его. Надѣемся, что отъ насъ хотя этого-то не потребуете, особенно теперь, когда послѣднее слово Европы и Европейской науки въ общемъ выводѣ есть атеизмъ, просвѣщенный и гуманный, а мы не можемъ не идти за Европой.

А потому ту половину произнесенной рѣчи, въ которой вы оказываете намъ похвалы, мы, пожалуй, согласимся принять съ извѣстными ограниченіями, такъ и быть, сдѣлаемъ вамъ эту любезность. Ну, а ту половину, которая относится къ вамъ и ко всѣмъ этимъ вашимъ «началамъ»—ужь извините, мы не можемъ принять»... Вотъ какой можетъ быть грустный выводъ. Повторяю: я не только не осмѣлюсь вложить этотъ выводъ въ устахъ западниковъ, которые жали мнѣ руку, но и въ уста многихъ, очень многихъ, просвѣщеннѣйшихъ изъ нихъ, русскихъ дѣятелей и вполнѣ русскихъ людей, не смотря на ихъ уважаемыхъ, почтенныхъ и уважаемыхъ русскихъ гражданъ. Но за то масса, масса-то оторвавшихся и отщепенцевъ, масса-то вашего отечества, середина-то, улица-то, по которой влачится всѣ эти смерды-то «направленія» (а ихъ какъ песку на), о, тамъ непремѣнно наскажутъ въ этомъ родѣ, и, можетъ, даже ужь и насказали. (Nota bene. На счетъ вѣры,

напримѣръ, уже было заявлено въ одномъ изданіи со всѣм
свойственнымъ ему остроуміемъ, что цѣль Славянофиловъ—
перекрестить всю Европу въ православіе). Но отбросимъ эт
ныя мысли и будемъ надѣяться на передовыхъ представител
нашего Европеизма. И если они примутъ хоть только полови
нашего вывода и нашихъ надеждъ на нихъ, то честь имъ
слава и за это, и мы встрѣтимъ ихъ въ восторгѣ нашего серд
Если даже одну половину примутъ они, т. е. признаютъ хо
самостоятельность и личность русскаго духа, законность
бытія и человѣколюбивое, всеединящее его стремленіе, то и то
уже будетъ почти не о чемъ спорить, по крайней мѣрѣ, н
основнаго, изъ главнаго. Тогда дѣйствительно моя рѣчь посл
жила-бы къ основанію новаго событія. Не она сама, повтор
въ послѣдній разъ, была-бы событіемъ (она недостойна тако
наименованія) а великое Пушкинское торжество, послужив
событіемъ нашего единенія,—единенія уже всѣхъ образова
ныхъ и искреннихъ русскихъ людей для будущей прекрасн
шей цѣли.

Глава вторая.

Пушкинъ.

(очеркъ).

**Произнесено 8 іюня въ засѣданіи Общества Любителей Рос
ской Словесности.**

Пушкинъ есть явленіе чрезвычайное и, можетъ быть, ед
ственное явленіе русскаго духа, сказалъ Гоголь. Прибавлю
себя: и пророческое. Да, въ появленіи его заключается для в
насъ, Русскихъ, нѣчто безспорно пророческое. Пушкинъ
разъ приходитъ въ самомъ началѣ правильнаго самосозн
нашего, едва лишь начавшагося и зародившагося въ обще
нашемъ послѣ цѣлаго столѣтія съ Петровской реформы и п
леніе его сильно способствуетъ освѣщенію темной дороги на
новымъ направляющимъ свѣтомъ. Въ этомъ-то смыслѣ Пуш
есть пророчество и указаніе. Я дѣлю дѣятельность нашего
ликаго поэта на три періода. Говорю теперь не какъ литера

тинъ: касаясь творческой дѣятельности Пушкина я хочу
ъяснить мою мысль о пророческомъ для насъ значеніи
то я въ этомъ словѣ разумѣю. Замѣчу однакоже мимо-
что періоды дѣятельности Пушкина не имѣютъ, кажется
рдыхъ между собою границъ. Начало *Онѣгина*, напри-
инадлежитъ, по моему, еще къ первому періоду дѣятель-
ости, а кончается *Онѣгинъ* во второмъ періодѣ, когда
ъ нашелъ уже свои идеалы въ родной землѣ, воспріялъ и
ъ нихъ всецѣло своею любящею и прозорливой душой.
тоже говорить, что въ первомъ періодѣ своей дѣятель-
ушкинъ подражалъ европейскимъ поэтамъ, Парни, Андре
другимъ, особенно Байрону. Да, безъ сомнѣнія, поэты
имѣли великое вліяніе на развитіе его генія, да и со-
вліяніе это во всю его жизнь. Тѣмъ не менѣе, даже
рвыя поэмы Пушкина были не однимъ лишь подража-
акъ что и въ нихъ уже выразилась чрезвычайная само-
ность его генія Въ подражаніяхъ никогда не появляется
мостоятельности страданія и такой глубины самосознанія
явилъ Пушкинъ, напримѣръ, въ *Цыганахъ*—поэмѣ, ко-
всецѣло отношу еще къ первому періоду его творческой
ости. Не говорю уже о творческой силѣ и о стремитель-
оторой не явилось-бы столько, еслибъ онъ только лишь
ъ. Въ типѣ Алеко, героѣ поэмы *Цыганъ*, сказывается
ьная и глубокая, совершенно русская мысль, выражен-
мъ въ такой гармонической полнотѣ въ *Онѣгинѣ*, гдѣ
тъ-же Алеко является уже не въ фантастическомъ свѣтѣ,
взаемо-реальномъ и понятномъ видѣ. Въ Алеко Пушкинъ
скалъ и геніально отмѣтилъ того несчастнаго скитальца
ой землѣ, того историческаго русскаго страдальца, столь
ски необходимо явившагося въ оторванномъ отъ народа
в нашемъ. Отыскалъ-же онъ его, конечно, не у Байрона
Типъ этотъ вѣрный и схваченъ безошибочно, типъ по-
й и надолго у насъ, въ нашей Русской землѣ поселив-
Эти русскіе бездомные скитальцы продолжаютъ и до сихъ
ое скитальчество, и еще долго, кажется, не исчезнутъ. И
не ходятъ уже въ наше время въ цыганскіе таборы
Цыганъ въ ихъ дикомъ своеобразномъ бытѣ своихъ
ъ идеаловъ и успокоенія на лонѣ природы отъ сбивчи-
кѣпой жизни нашего русскаго—интиллигентнаго обще-
все равно ударяются въ соціализмъ, котораго еще не
и Алеко, ходятъ съ новою вѣрой на другую ниву и ра-

ботаютъ на ней ревностно, вѣруя какъ и Алеко, что достигну
въ своемъ фантастическомъ дѣланіи цѣлей своихъ и счастья
только для себя самого, но и всемірнаго. Ибо русскому скитал
необходимо именно всемірное счастье чтобъ успокоиться: дешев
онъ не примирится,—конечно, пока дѣло только въ теоріи. З
все тотъ-же русскій человѣкъ, только въ разное время явившійс
Человѣкъ этотъ, повторяю, зародился какъ разъ въ началѣ вт
раго столѣтія послѣ великой Петровской реформы, въ нашем
интеллигентномъ обществѣ, оторванномъ отъ народа, отъ наро
ной силы. О, огромное большинство интеллигентныхъ Русских
и тогда при Пушкинѣ, какъ и теперь, въ наше время, служи
и служатъ мирно въ чиновникахъ, въ казнѣ или на желѣзны
дорогахъ и въ банкахъ, или просто наживаютъ разными сре
ствами деньги, или даже и науками занимаются, читаютъ лекціи
и все это регулярно, лѣниво и мирно, съ полученіемъ жал
ванья, съ игрой въ преферансъ, безо всякаго поползновенія б
жать въ цыганскіе таборы или куда-нибудь въ мѣста болѣе соо
вѣтствующія нашему времени. Много, много что полибера
ничаютъ «съ оттѣнкомъ европейскаго соціализма», но которо
приданъ нѣкоторый благодушный русскій характеръ,—но вѣ
все это вопросъ только времени. Что въ томъ, что одинъ еще
не начиналъ безпокоиться, а другой уже успѣлъ дойти до
пертой двери и объ нее крѣпко стукнулся лбомъ. Всѣхъ въ сп
время то-же самое ожидаетъ, если не выйдутъ на спасительну
дорогу смиреннаго общенія съ народомъ. Да пусть и не всѣ
ожидаетъ это: довольно лишь «избранныхъ», довольно лишь
сятой доли забезпокоившихся, чтобъ и остальному огромно
большинству не видать чрезъ нихъ покоя. Алеко, конечно, е
не умѣетъ правильно высказать тоски своей: у него все
какъ-то еще отвлеченно, у него лишь тоска по природѣ, жал
на свѣтское общество, міровыя стремленія, плачъ о потеряни
гдѣ-то и кѣмъ-то правдѣ, которую онъ никакъ отыскать не
жетъ. Тутъ есть немножко Жанъ-Жака Руссо. Въ чемъ эта пра
гдѣ и въ чемъ она могла-бы явиться и когда именно она по
ряна, конечно, онъ и самъ не скажетъ, но страдаетъ онъ искрен
Фантастическій и нетерпѣливый человѣкъ жаждетъ спасенія н
лишь преимущественно отъ явленій внѣшнихъ; да такъ и бы
должно: «правда, дескать, гдѣ-то внѣ его, можетъ быть, гдѣ
въ другихъ земляхъ европейскихъ напримѣръ, съ ихъ твердо
историческимъ строемъ, съ ихъ установившемся обществен
и гражданскою жизнью». И никогда-то онъ не пойметъ, что пра

ежде всего внутри его самого, да и какъ понять ему это: онъ ль въ своей землѣ самъ не свой, онъ уже цѣлымъ вѣкомъ отунъ отъ труда, не имѣетъ культуры, росъ какъ институтка въ крытыхъ стѣнахъ, обязанности исполнялъ странныя и безотчетныя по мѣрѣ принадлежности къ тому или другому изъ четырнадцати классовъ, на которые раздѣлено образованное русское щество. Онъ пока всего только оторванная носящаяся по воздуху былинка. И онъ это чувствуетъ и этимъ страдаетъ, и часто къ мучительно! Ну и что-же въ томъ, что, принадлежа, можетъ ть, къ родовому дворянству и даже весьма вѣроятно обладая ѣлостными людьми, онъ позволилъ себѣ, по вольности своего рянства, маленькую фантазійку прельститься людьми живущими «безъ закона» и на время сталъ въ цыганскомъ таборѣ дить и показывать Мишку? Понятно, женщина, «дикая женщина», по выраженію одного поэта, всего скорѣе могла подать у надежду на исходъ тоски его, и онъ съ легкомысленною, страстною вѣрой бросается къ Земфирѣ: «Вотъ, дескать, гдѣ ходъ мой, вотъ гдѣ можетъ быть мое счастье, здѣсь, на лонѣ роды далеко отъ свѣта, здѣсь, у людей у которыхъ нѣтъ илизаціи и законовъ!» И что-же оказывается: при первомъ олкновеніи своемъ съ условіями этой дикой природы онъ не держиваетъ и обагряетъ свои руки кровью. Не только для міроой гармоніи, но даже и для Цыганъ не пригодился несчастный ватель и они выгоняютъ его — безъ отмщенія, безъ злобы, личаво и простодушно:

Оставь насъ, гордый человѣкъ;
Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ,
Мы не терзаемъ, не казнимъ.

Все это, конечно, фантастично, но «гордый-то человѣкъ» реаенъ и мѣтко схваченъ. Въ первый разъ схваченъ онъ у насъ ушкинымъ, и это надо запомнить. Именно, именно, чуть не по ему, и онъ злобно растерзаетъ и казнитъ за свою обиду, или, о даже удобнѣе, вспомнивъ о принадлежности своей къ одному изъ четырнадцати классовъ, самъ возопіетъ можетъ быть (ибо лучалось и это) къ закону терзающему и казнящему, и приетъ его, только-бы отомщена была личная обида его. Нѣтъ, — геніальная поэма не подражаніе! Тутъ уже подсказывается ое рѣшеніе вопроса, «проклятаго вопроса», по народной правдѣ: «Смирись, гордый человѣкъ, и прежде всего сломи гордость. Смирись, праздный человѣкъ, и прежде всего по-

трудись на родной нивѣ», вотъ это рѣшеніе по народно
и народному разуму. «Не внѣ тебя правда, а въ тебѣ
найди себя въ себѣ, подчини себя себѣ, овладѣй собой,
правду. Не въ вещахъ эта правда, не внѣ тебя и не з
гдѣ-нибудь, а прежде всего въ твоемъ собственномъ тр
собою. Побѣдишь себя, усмиришь себя, — и станешь с
какъ никогда и не воображалъ себѣ, и начнешь велик
и другихъ свободными сдѣлаешь, и узришь счастье, из
чится жизнь твоя, и поймешь наконецъ народъ свой
правду его. Не у Цыганъ и нигдѣ міровая гармонія,
первый самъ ея недостоинъ, злобенъ и гордъ, и требуе
даромъ, даже и не предполагая, что за нее надобно за
Это рѣшеніе вопроса въ поэмѣ Пушкина уже сильно по
Еще яснѣе выражено оно въ *Евгеніи Онѣгинѣ*, поэмѣ
фантастической, но осязательно реальной, въ которой вс
настоящая русская жизнь съ такою творческою силой и
законченностію, какой и не бывало до Пушкина, да и п
пожалуй.

Онѣгинъ пріѣзжаетъ изъ Петербурга,—непремѣнно
тербурга, это несомнѣнно было необходимо въ поэмѣ и
не могъ упустить такой крупной реальной черты въ
своего героя. Повторяю опять, это тотъ-же Алеко, осо
чемъ, когда онъ восклицаетъ въ тоскѣ:

Зачѣмъ какъ тульскій засѣдатель
Я не лежу въ параличѣ?

Но теперь, въ началѣ поэмы, онъ пока еще на
фатъ и свѣтскій человѣкъ, и слишкомъ еще мало жил
успѣть вполнѣ разочароваться въ жизни. Но и его у
наетъ посѣщать и безпокоить

Бѣсъ благородный скуки тайной.

Въ глуши, въ сердцѣ своей родины, онъ, конечно, н
онъ не дома. Онъ не знаетъ что ему тутъ дѣлать и чу
себя какъ-бы у себя-же въ гостяхъ. Впослѣдствіи, когда
тается въ тоскѣ по родной землѣ и по землямъ иност
онъ, какъ человѣкъ безспорно умный и безспорно искре
болѣе чувствуетъ себя и у чужихъ себѣ самому чужим
да, и онъ любитъ родную землю, но ей не довѣряетъ.
слыхалъ и объ родныхъ идеалахъ, но имъ не вѣритъ.
лишь въ полную невозможность какой бы то ни был

родной нивѣ, а на вѣрующихъ въ эту возможность,—и тогда, къ и теперь, немногихъ,—смотритъ съ грустною насмѣшкой. нскаго онъ убилъ просто отъ хандры, почемъ знать, можетъ ть, отъ хандры по мировому идеалу,—это слишкомъ по нашему, о вѣроятно. Не такова Татьяна: это типъ твердый, стоящій ердо на своей почвѣ. Она глубже Онѣгина и, конечно, умнѣе о. Она уже однимъ благороднымъ инстинктомъ своимъ предчувствуетъ гдѣ и въ чемъ правда, что и выразилось въ финалѣ эмы. Можетъ быть, Пушкинъ даже лучше-бы сдѣлалъ, если-бы звалъ свою поэму именемъ Татьяны, а не Онѣгина, ибо безспорно она главная героиня поэмы. Это положительный типъ, не отрицательный, это типъ положительной красоты, это апоеоза русской женщины, и ей предназначилъ поэтъ высказать мысль поэмы въ знаменитой сценѣ послѣдней встрѣчи Татьяны съ Онѣгинымъ. Можно даже сказать, что такой красоты положительный типъ русской женщины почти уже и не повторялся въ нашей художественной литературѣ — кромѣ развѣ образа Лизы въ *Дворянскомъ Гнѣздѣ* Тургенева. Но манера глядѣть свысока сказала то, что Онѣгинъ совсѣмъ даже не узналъ Татьяну, когда встрѣтилъ ее въ первый разъ, въ глуши, въ скромномъ образѣ простой, невинной дѣвушки, такъ оробѣвшей предъ нимъ съ перваго разу. Онъ не съумѣлъ отличить въ бѣдной дѣвочкѣ законченности и совершенства и дѣйствительно, можетъ быть, принялъ ее за «нравственный эмбріонъ». Это она-то эмбріонъ, это послѣ письма-то ея къ Онѣгину! Если есть кто нравственный эмбріонъ въ поэмѣ, такъ это, конечно, онъ самъ, Онѣгинъ, и это безспорно. Да и совсѣмъ не могъ онъ узнать ее: развѣ онъ знаетъ душу человѣческую? Это отвлеченный человѣкъ, это безпокойный мечтатель во всю его жизнь. Не узналъ онъ ее и потомъ въ Петербургѣ, во образѣ знатной дамы, когда по его-же словамъ, въ письмѣ къ Татьянѣ, «постигалъ душой всѣ ея совершенства». Но это только слова: Она прошла въ его жизни мимо него незнанная и неоцѣненная имъ; въ томъ и трагедія ихъ романа. И если-бы тогда, въ деревнѣ, при первой встрѣчѣ съ нею, прилетѣлъ туда-же изъ Англіи Чайльдъ-Гарольдъ или даже, какъ нибудь, самъ лордъ Байронъ, и, замѣтивъ ея робкую, скромную прелесть, указалъ-бы ему на нее,—о, Онѣгинъ тотчасъ-же былъ-бы пораженъ и удивленъ, ибо въ этихъ міровыхъ страдальцахъ много подчасъ лакейства духовнаго! Но этого не случилось и искатель міровой гармоніи, прочтя ей проповѣдь и полюбивъ все-таки очень честно, отправился съ міровою тоской

своею и съ пролитою въ глупенькой злости кровью на
своихъ, скитаться по родинѣ, не примѣчая ея и, нако
емъ и силою, восклицаетъ съ проклятіями:

Я молодъ, жизнь во мнѣ крѣпка,
Чего мнѣ ждать, тоска, тоска!

Это поняла Татьяна. Въ безсмертныхъ строфахъ романа
изобразилъ ее посѣтившею домъ этого столь чуднаго и за
наго еще для нея человѣка. Я уже не говорю о художе
ности, недосягаемой красотѣ и глубинѣ этихъ строфъ. Вот
въ его кабинетѣ, она разглядываетъ его книги, вещи, про
старается угадать по нимъ душу его, разгадать свою за
и «нравственный эмбріонъ» останавливается наконецъ на
думьи, со странною улыбкой, съ предчувствіемъ разрѣше
гадки, и губы ея тихо шепчутъ:

Ужь не пародія-ли онъ?

Да, она должна была прошептать это, она разгадала. В
тербургѣ, потомъ, спустя долго, при новой встрѣчѣ ихъ
уже совершенно его знаетъ. Кстати, кто сказалъ, что св
придворная жизнь тлетворно коснулась ея души, и что и
санъ свѣтской дамы и новыя свѣтскія понятія были отчасти
чиной отказа ея Онѣгину? Нѣтъ, это не такъ было. Нѣтъ
та-же Таня, та-же прежняя деревенская Таня! Она не испор
она, напротивъ, удручена этою пышною петербургскою жи
надломлена и страдаетъ; она ненавидитъ свой санъ свѣтской
мы, и кто судитъ о ней иначе, тотъ совсѣмъ не понимаетъ
что хотѣлъ сказать Пушкинъ. И вотъ она твердо говоритъ
гину:

Но я другому отдана
И буду вѣкъ ему вѣрна.

Высказала она это именно какъ русская женщина, въ
ея апоѳеоза. Она высказываетъ правду поэмы. О, я ни сл
скажу про ея религіозныя убѣжденія, про взглядъ на та
брака — нѣтъ, этого я не коснусь. Но что-же: потому-ли
отказалась идти за нимъ, не смотря на то, что сама-же с
ему: «я васъ люблю», потому-ли, что она, «какъ русская
щина» (а не южная, или не французская какая-нибудь)
способна на смѣлый шагъ, не въ силахъ порвать свои пу
въ силахъ пожертвовать обаяніемъ честей, богатства, сил
своего значенія, условіями добродѣтели? Нѣтъ, русская я

Русская женщина смѣло пойдетъ за тѣмъ, во что повѣ-
она доказала это. Но она «другому отдана, и будетъ
ему вѣрна». Кому-же, чему-же вѣрна? Какимъ это обя-
стямъ? Этому-то старику генералу, котораго она не можетъ
бить, потому что любитъ Онѣгина, и за котораго вышла
у только, что ее, «съ слезами заклинаній молила мать», а
женной, израненной душѣ ея было тогда лишь отчаяніе и
надежды, никакого просвѣта? Да, вѣрна этому генералу,
у, честному человѣку, ее любящему, ее уважающему и
ящемуся. Пусть ее «молила мать», но вѣдь она, а не
гая, дала согласіе, она вѣдь, она сама поклялась ему быть
женой его. Пусть она вышла за него съ отчаянія, но
ъ онъ ея мужъ и измѣна ея покроетъ его позоромъ, сты-
убьетъ его. А развѣ можетъ человѣкъ основать свое
е на несчастьи другаго? Счастье не въ однихъ только на-
діяхъ любви, а и въ высшей гармоніи духа. Чѣмъ успо-
духъ, если назади стоитъ нечестный, безжалостный, безче-
ный поступокъ? Ей бѣжать изъ-за того только, что тутъ мое
е? Но какое-же можетъ быть счастье, если оно основано
комъ несчастіи? Позвольте, представьте, что вы сами воз-
аніе судьбы человѣческой съ цѣлью въ финалѣ осчастли-
людей, дать имъ, наконецъ, миръ и покой. И вотъ, пред-
е себѣ тоже, что для этого необходимо и неминуемо надо
ть всего только лишь одно человѣческое существо, мало
пусть даже не столь достойное, смѣшное даже на иной
ъ существо, не Шекспира какого-нибудь, а просто честнаго
а, мужа молодой жены, въ любовь которой онъ вѣритъ
, хотя сердца ея не знаетъ вовсе, уважаетъ ее, гордится
частливъ ею и покоенъ. И вотъ только его надо опозо-
обезчестить и замучить, и на слезахъ этого обезчещен-
старика возвести ваше зданіе! Согласитесь-ли вы быть ар-
ромъ такого зданія на этомъ условіи? Вотъ вопросъ. И
-ли вы допустить хоть на минуту идею, что люди, для
хъ выстроили это зданіе, согласились-бы сами принять
съ такое счастіе, если въ фундаментѣ его заложено стра-
положимъ, хоть и ничтожнаго существа, но безжалостно
аведливо замученнаго и, принявъ это счастіе, остаться
счастливыми? Скажите, могла-ли рѣшить иначе Татьяна,
сокою душой, съ ея сердцемъ столько пострадавшимъ?
тая русская душа рѣшаетъ вотъ какъ: «пусть, пусть
мусь счастія, пусть мое несчастье безмѣрно сильнѣе,

чѣмъ несчастье этого старика, пусть, наконецъ, никто н
а этотъ старикъ тоже, не узнаютъ моей жертвы и не
ея, но не хочу быть счастливою загубивъ другаго»! Т
гедія, она и совершается, и перейти предѣла нельзя, ум
и вотъ Татьяна отсылаетъ Онѣгина. Скажутъ: да вѣдь не
же и Онѣгинъ: одного спасла, а другаго погубила! Н
тутъ другой вопросъ, и даже, можетъ быть, самый ва
поэмѣ. Кстати, вопросъ: почему Татьяна не пошла с
нымъ, имѣетъ у насъ, по крайней мѣрѣ, въ литератур
своего рода исторію весьма характерную, а потому я
лилъ себѣ такъ объ этомъ вопросѣ распространиться.
характернѣе, что нравственное разрѣшеніе этого вопр
долго подвергалось у насъ сомнѣнію. Я вотъ какъ дума
Татьяна даже стала свободною, еслибъ умеръ ея стар
и она овдовѣла, то и тогда-бы она не пошла за Он
Надобно-же понимать всю суть этого характера? Вѣд
видитъ кто онъ такой; вѣчный скиталецъ увидалъ вдр
щину, которою прежде пренебрегъ, въ новой блестящей
гаемой обстановкѣ,—да вѣдь въ этой обстановкѣ-то, по
вся суть дѣла. Вѣдь этой дѣвочкѣ, которую онъ чуть
зиралъ, теперь покланяется свѣтъ,—свѣтъ, этотъ страш
торитетъ для Онѣгина, несмотря на всѣ его міровыя
нія,—вотъ вѣдь, вотъ почему онъ бросается къ ней
ный! Вотъ мой идеалъ, восклицаетъ онъ, вотъ мое
вотъ исходъ тоски моей, я проглядѣлъ его, а «счас
такъ возможно, такъ близко»! И какъ прежде Алеко
фирѣ, такъ и онъ устремляется къ Татьянѣ, ища въ не
чудливой фантазіи всѣхъ своихъ разрѣшеній. Да ра
не видитъ въ немъ Татьяна, да развѣ она не разгл
уже давно? Вѣдь она твердо знаетъ, что онъ въ сущ
битъ только свою новую фантазію, а не ее, смиренну
прежде Татьяну! Она знаетъ, что онъ принимаетъ ее
другое, а не за то, что она есть, что не ее даже онъ
что, можетъ быть, онъ и никого не любитъ, да и не
даже кого-нибудь любить, несмотря на то, что такъ м
страдаетъ! Любитъ фантазію, да вѣдь онъ и самъ
Вѣдь, если она пойдетъ за нимъ, то онъ завтра-же
руется и взглянетъ на свое увлеченіе насмѣшливо. У
какой почвы, это былинка, носимая вѣтромъ. Не та
вовсе: у ней и въ отчаяніи, и въ страдальческомъ
что погибла ея жизнь, все-таки есть нѣчто твердое и не

ается ея душа. Это ея воспоминанія дѣтства, воспо-
нины, деревенской глуши, въ которой началась ея
пистая жизнь, — это «крестъ и тѣнь вѣтвей надъ
бѣдной няни». О, эти воспоминанія и прежніе образы
его драгоцѣннѣе, эти образы одни только и остались
о и спасаютъ ея душу отъ окончательнаго отчаянія.
мало, нѣтъ, тутъ уже многое, потому что тутъ дѣ-
е, тутъ нѣчто незыблемое и неразрушимое. Тутъ
ніе съ родиной, съ роднымъ народомъ, съ его свя-
него что есть и кто онъ такой? Не идти-же ей за
страданія, чтобы только потѣшить его, чтобы хоть
ь безконечной любовной жалости подарить ему при-
я, твердо зная напередъ, что онъ завтра-же посмо-
счастье свое насмѣшливо. Нѣтъ, есть глубокія и
и, которыя не могутъ сознательно отдать святыню
оръ, хотя-бы и изъ безконечнаго состраданія. Нѣтъ,
могла пойти за Онѣгинымъ.

въ *Онѣгинѣ*, въ этой безсмертной и недосягаемой
Пушкинъ явился великимъ народнымъ писателемъ,
никогда и никто. Онъ разомъ, самымъ мѣткимъ,
орливымъ образомъ отмѣтилъ самую глубь нашей
верхняго надъ народомъ стоящаго общества. От-
русскаго скитальца, скитальца до нашихъ дней и
, первый угадавъ его геніальнымъ чутьемъ своимъ,
кою судьбой его и съ огромнымъ значеніемъ его и въ
щей судьбѣ, рядомъ съ нимъ поставивъ типъ поло-
безспорной красоты въ лицѣ русской женщины,
конечно, тоже первый изъ писателей русскихъ, про-
ами въ другихъ произведеніяхъ этого періода своей
цѣлый рядъ положительно прекрасныхъ русскихъ
я ихъ въ народѣ русскомъ. Главная красота этихъ
къ правдѣ, правдѣ безспорной и осязательной, такъ
ихъ уже нельзя, они стоятъ какъ изваянные. Еще
: говорю не какъ литературный критикъ, а потому и
ъяснять мысль мою особенно подробнымъ литера-
ужденіемъ этихъ геніальныхъ произведеній нашего
ѣ русскаго инока-лѣтописца, напримѣръ, можно бы-
ть цѣлую книгу, чтобъ указать всю важность и все
насъ этого величаваго русскаго образа отысканнаго
въ русской землѣ, имъ выведеннаго, имъ изваян-
ленная предъ нами теперь уже на вѣки въ без-

спорной, смиренной и величавой духовной красотѣ сі
свидѣтельство того мощнаго духа народной жизни, к
жетъ выдѣлять изъ себя образы такой неоспоримой кр
этотъ данъ, есть, его нельзя оспорить, сказать, что он
что онъ только фантазія и идеализація поэта. Вы созер
соглашаетесь: да, это есть, стало быть, и духъ нар
здавшій, есть, стало быть, и жизненная сила этого
она велика и необъятна. Повсюду у Пушкина слыш
въ русскій характеръ, вѣра въ его духовную мощь, а
стало быть, и надежда, великая надежда за русскаг

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни—

сказалъ самъ поэтъ по другому поводу, но эти слов
прямо примѣнить ко всей его національной творч
тельности. И никогда еще ни одинъ русскій писатель,
ни послѣ его, не соединялся такъ задушевно и родс
народомъ своимъ какъ Пушкинъ. О, у насъ есть м
новъ народа нашего между писателями, и такъ талан
мѣтко и такъ любовно писавшихъ о народѣ, а между
сравнить ихъ съ Пушкинымъ, то, право-же, до сих
однимъ, много что за двумя исключеніями изъ самы
шихъ послѣдователей его, это лишь «господа» о народ
У самыхъ талантливыхъ изъ нихъ, даже вотъ у эт
исключеній, о которыхъ я сейчасъ упомянулъ, нѣт
и промелькнетъ вдругъ нѣчто высокомѣрное, нѣчто и
быта и міра, нѣчто желающее поднять народъ до себя
вить его этимъ поднятіемъ. Въ Пушкинѣ-же есть ни
сроднившееся съ народомъ *взаправду*, доходящее вп
чти до какого-то простодушнѣйшаго умиленія. Возьм
ніе о Медвѣдѣ и о томъ, какъ убилъ мужикъ его бо
вѣдицу, или припомните стихи:

Сватъ Иванъ, какъ пить мы станемъ

и вы поймете, что я хочу сказать.

Всѣ эти сокровища искусства и художественнаго
оставлены нашимъ великимъ поэтомъ какъ-бы въ вид
для будущихъ грядущихъ за нимъ художниковъ, для
работниковъ на той-же нивѣ. Положительно можно с
было-бы Пушкина, не было-бы и послѣдовавшихъ за
лантовъ. По крайней мѣрѣ, не проявились-бы они въ

ною ясностью, несмотря даже на великія ихъ дарованія, й удалось имъ выразиться впослѣдствіи, уже въ наши не въ поэзіи лишь одной дѣло, не въ художественномъ ворчествѣ: не было-бы Пушкина, не опредѣлилось-бы мо- ь такою непоколебимою силой (въ какой это явилось по- хотя все еще не у всѣхъ, а у очень лишь немногихъ) ѣра въ нашу русскую самостоятельность, наша созна- уже теперь надежда на наши народныя силы, а затѣмъ въ грядущее самостоятельное назначеніе въ семьѣ евро- ъ народовъ. Этотъ подвигъ Пушкина особенно выясняется, икнуть въ то, что я называю третьимъ періодомъ его ственной дѣятельности.

и еще разъ повторю: эти періоды не имѣютъ такихъ ъ границъ. Нѣкоторыя изъ произведеній даже этого періода могли, напримѣръ, явиться въ самомъ началѣ ской дѣятельности нашего поэта, ибо Пушкинъ былъ дѣльнымъ, цѣлокупнымъ такъ сказать, организмомъ но- ь въ себѣ всѣ свои зачатки разомъ, внутри себя, не вос- я ихъ извнѣ. Внѣшность только будила въ немъ то, что ке заключено во глубинѣ души его. Но организмъ этотъ ся, и періоды этого развитія дѣйствительно можно обо- и отмѣтить, въ каждомъ изъ нихъ, его особый харак- постепенность вырожденія одного періода изъ другаго. образомъ къ третьему періоду можно отнести тотъ раз- о произведеній, въ которыхъ преимущественно засі- и всемірныя, отразились поэтическіе образы другихъ ь и воплотились ихъ геніи. Нѣкоторые изъ этихъ про- й явились уже послѣ смерти Пушкина. И въ этотъ-то своей дѣятельности нашъ поэтъ представляетъ собою очти даже чудесное, неслыханное и невиданное до него ни у кого. Въ самомъ дѣлѣ, въ европейскихъ лите- ъ были громадной величины художественные геніи — ры, Сервантесы, Шиллеры. Но укажите хоть на одного ихъ великихъ геніевъ, который-бы обладалъ такою спо- ью всемірной отзывчивости какъ нашъ Пушкинъ. И эту- обность, главнѣйшую способность нашей національности, енно раздѣляетъ съ народомъ нашимъ, и тѣмъ, главнѣйше, народный поэтъ. Самые величайшіе изъ европейскихъ поэ- когда не могли воплотить въ себѣ съ такой силой геній сосѣдняго, можетъ быть, съ ними народа, духъ его, всю

затаенную глубину этого духа и всю тоску его призванія, на
могъ это проявлять Пушкинъ. Напротивъ, обращаясь къ чужи
народностямъ, европейскіе поэты чаще всего перевоплощали и
въ свою-же національность и понимали по своему. Даже у Ше
спира, его итальянцы, напримѣръ, почти сплошь тѣ-же анг
чане. Пушкинъ лишь одинъ изо всѣхъ міровыхъ поэтовъ об
дастъ свойствомъ перевоплощаться вполнѣ въ чужую національ
ность. Вотъ сцены изъ *Фауста*, вотъ *Скупой Рыцарь* и б
лада *Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный*. Перечтите *Донъ-Жуа*
и если-бы не было подписи Пушкина, вы-бы никогда не узна
что это написалъ не испанецъ. Какіе глубокіе, фантастичес
образы въ поэмѣ: *Пиръ во время чумы*! Но въ этихъ фан
стическихъ образахъ слышенъ геній Англіи; эта чудесная пѣ
о чумѣ героя поэмы, эта пѣсня Мери со стихами:

Нашихъ дѣтокъ въ шумной школѣ
Раздавались голоса,

это англійскія пѣсни, это тоска британскаго генія, его пла
его страдальческое предчувствіе своего грядущаго. Вспомн
странные стихи:

Однажды странствуя среди долины дикой—

Это почти буквальное переложеніе первыхъ трехъ стран
изъ странной мистической книги, написанной въ прозѣ, одн
древняго англійскаго религіознаго сектатора,—но развѣ
только переложеніе? Въ грустной и восторженной музыкѣ эт
стиховъ чувствуется самая душа сѣвернаго протестантизма,
лійскаго ересіарха, безбрежнаго мистика, съ его тупымъ, м
нымъ и непреоборимымъ стремленіемъ и со всѣмъ безудерж
мистическаго мечтанія. Читая эти странные стихи, вамъ как
слышится духъ вѣковъ реформаціи, вамъ понятенъ станови
этотъ воинственный огонь начинавшагося протестантизма,
нятна становится наконецъ самая исторія, и не мыслью тол
а какъ будто вы сами тамъ были, прошли мимо вооружен
стана сектантовъ, пѣли съ ними ихъ гимны, плакали съ н
въ ихъ мистическихъ восторгахъ и вѣровали вмѣстѣ съ н
въ то, во что они повѣрили. Кстати: вотъ рядомъ съ этимъ
лигіознымъ мистицизмомъ, религіозныя-же строфы изъ Ко
или «Подраженія Корану»: развѣ тутъ не мусульманинъ, р
это не самый духъ Корана и мечъ его, простодушная в
вость вѣры и грозная кроваваи сила ея? А вотъ и древній

Ночи, вотъ эти земные боги, сѣвшіе надъ
богами, уже презирающіе геній народный и
уже не вѣрящіе въ него болѣе, ставшіе впрямь
ами и обезумѣвшіе въ отъединеніи своемъ, въ
кѣ своей и тоскѣ тѣшащіе себя фанатическими
остраспіемъ насѣкомыхъ, сладострастіемъ паукоющей своего самца. Нѣтъ, положительно скажу,
ъ такою всемірною отзывчивостью какъ Пушной только отзывчивости тутъ дѣло, а въ изумея, а въ перевоплощеніи своего духа въ духъ
ь, перевоплощеніи почти совершенномъ, а поъ, потому что нигдѣ ни въ какомъ поэтѣ цѣявленія не повторилось. Это только у Пушкина,
слѣ, повторяю, онъ явленіе невиданное и неслышашему, и пророческое, ибо... ибо тутъ-то и выѣе его національная русская сила, выразилась
ть его поэзіи, народность въ дальнѣйшемъ своемъ
ость нашего будущаго, таящагося уже въ наразилась пророчески. Ибо что такое сила духа
сти, какъ не стремленіе ея въ конечныхъ цѣ-

всемірности и ко всечеловѣчности? Ставъ вполнѣ
омъ, Пушкинъ тотчасъ-же, какъ только при-
лъ народной, такъ уже и предчувствуетъ вели-
ізначеніе этой силы. Тутъ онъ угадчикъ, тутъ

цѣлѣ, что такое для насъ Петровская реформа,
омъ только, а даже и въ томъ, что уже было,
уже явилось во очію? Что означала для насъ
ѣдь не была-же она только для насъ усвоеніемъ
остюмовъ, обычаевъ, изобрѣтеній и европейской
ъ какъ дѣло было, поглядимъ пристальнѣе. Да,
ыть, что Петръ первоначально только въ этомъ
ъ производить ее, т. е. въ смыслѣ ближайшею впослѣдствіи, въ дальнѣйшемъ развитіи имъ
ръ несомнѣнно повиновался нѣкоторому затаенторое влекло его, въ его дѣлѣ, къ цѣлямъ будуно огромнѣйшимъ, чѣмъ одинъ только ближайимъ. Такъ точно и русскій народъ не изъ одного
изма принялъ реформу, а несомнѣнно уже ощуедчувствіемъ почти тотчасъ-же нѣкоторую дальненно болѣе высшую цѣль, чѣмъ ближайшій ути-

литаранъ,—ощутивъ эту цѣль, опять-таки, конечно, и
это, безсознательно, но однако-же и непосредственно и
жизненно. Вѣдь мы разомъ устремились тогда къ само
менному возсоединенію, къ единенію всечеловѣческому!
враждебно (какъ казалось должно-бы было случиться),
жественно, съ полною любовію приняли въ душу наш
чужихъ націй, всѣхъ вмѣстѣ, не дѣлая преимущественн
менныхъ различій, умѣя инстинктомъ, почти съ самаго
шагу различать, снимать противорѣчія, извинять и п
различія, и тѣмъ уже выказали готовность и наклонно
намъ самимъ только-что объявившуюся и сказавш
всеобщему общечеловѣческому возсоединенію со всѣми
нами великаго Арійскаго рода. Да, назначеніе русска
вѣка есть безспорно всеевропейское и всемірное. Стать
щимъ русскимъ, стать вполнѣ русскимъ, можетъ быть, и
только (въ концѣ концовъ, это подчеркните) стать брато
людей, *всечеловѣкомъ*, если хотите. О, все это славяно
и западничество наше есть одно только великое у наст
зумѣніе, хотя исторически и необходимое. Для настоящ
скаго Европа и удѣлъ всего великаго Арійскаго племени
дороги, какъ и сама Россія, какъ и удѣлъ своей родно
потому что нашъ удѣлъ и есть всемірность, и не меч
обрѣтенная, а силой братства и братскаго стремленія на
возсоединенію людей. Если захотите вникнуть въ нашу
послѣ Петровской реформы, вы найдете уже слѣды и
этой мысли, этого мечтанія моего, если хотите, въ х
общенія нашего съ европейскими племенами, даже въ
ственной политикѣ нашей. Ибо что дѣлала Россія во
два вѣка въ своей политикѣ какъ не служила Европѣ,
быть, гораздо болѣе, чѣмъ себѣ самой? Не думаю, чт
неумѣнія лишь нашихъ политиковъ это происходило. О,
Европы и не знаютъ, какъ они намъ дороги! И впос
я вѣрю въ это, мы, то есть, конечно, не мы, а будущ
щіе русскіе люди, поймутъ уже всѣ до единаго, что с
стоящимъ русскимъ и будетъ именно значить: стремиться
примиреніе въ европейскія противорѣчія уже окончател
зать исходъ европейской тоскѣ въ своей русской душѣ,
вѣчной и всесоединяющей, вмѣстить въ нее съ братско
вію всѣхъ нашихъ братьевъ, а въ концѣ концовъ, може
и изрѣчь окончательное Слово великой, общей гармоніи, б
окончательнаго согласія всѣхъ племенъ по Христову е

ому закону! Знаю, слишкомъ знаю что слова мои могутъ по-
заться восторженными, преувеличенными и фантастическими.
усть, но я не раскаиваюсь, что ихъ высказалъ. Этому надле-
ало быть высказаннымъ, но особенно теперь, въ минуту тор-
ества нашего, въ минуту чествованія нашего великаго генія,
у именно идею въ художественной силѣ своей воплощавшаго.
и высказывалась уже эта мысль не разъ, я ничуть не но-
говорю. Главное, все это покажется самонадѣяннымъ: «это
мъ-то дескать, нашей-то нищей, нашей-то грубой землѣ такой
лъ? Это намъ-то предназначено въ человѣчествѣ высказать
вое слово?» Что-же, развѣ я про экономическую славу говорю,
славу меча или науки? Я говорю лишь о братствѣ людей
о томъ, что ко всемірному, ко всечеловѣчески-братскому еди-
нію сердце русское, можетъ быть, изо всѣхъ народовъ наиболѣе
едназначено, вижу слѣды сего въ нашей исторіи, въ нашихъ
ровитыхъ людяхъ, въ художественномъ геніи Пушкина. Пусть
ша земля нищая, но эту нищую землю «въ рабскомъ видѣ
ходилъ благословляя Христосъ». Почему-же намъ не вмѣ-
ить послѣдняго слова Его? Да и самъ онъ не въ ясляхъ-ли
лся? Повторяю: по крайней мѣрѣ, мы уже можемъ указать
Пушкина, на всемірность и всечеловѣчность его генія. Вѣдь
ъ-же онъ вмѣстить чужіе геніи въ душѣ своей, какъ родные.
искусствѣ, по крайней мѣрѣ, въ художественномъ творчествѣ,
проявилъ эту всемірность стремленія русскаго духа неоспо-
о, а въ этомъ уже великое указаніе. Если наша мысль есть
нтазія, то съ Пушкинымъ есть, по крайней мѣрѣ, на чемъ этой
нтазіи основаться. Если-бы жилъ онъ дольше, можетъ быть,
лъ-бы безсмертные и великіе образы души русской, уже по-
тные нашимъ европейскимъ братьямъ, привлекъ-бы ихъ къ
ъ гораздо болѣе и ближе, чѣмъ теперь, можетъ быть, успѣлъ-
ъ разъяснить всю правду стремленій нашихъ, и они уже
ли понимали-бы насъ чѣмъ теперь, стали-бы насъ предуга-
ать, перестали-бы на насъ смотрѣть столь недовѣрчиво и
комѣрно, какъ теперь еще смотрятъ. Жилъ-бы Пушкинъ
съ, такъ и между нами было-бы, можетъ быть, менѣе недо-
умѣній и споровъ чѣмъ видимъ теперь. Но Богъ судилъ иначе.
шкинъ умеръ въ полномъ развитіи своихъ силъ и безспорно
съ собою въ гробъ нѣкоторую великую тайну. И вотъ мы безъ него эту тайну разгадываемъ.

Глава третья.

Придирка къ случаю. Четыре лекціи на разныя темы п поводу одной лекціи, прочитанной мнѣ г. А. Градовскимъ Съ обращеніемъ къ г. Градовскому.

I.

Объ одномъ самомъ основномъ дѣлѣ.

«Я уже было заключилъ мой «Дневникъ», ограничивъ его мо «Рѣчью», произнесенною 8-го іюня въ Москвѣ и предисловіемъ к ней, которое я написалъ, предчувствуя гамъ, дѣйствительно бо нявшійся потомъ въ нашей прессѣ послѣ появленія моей «Рѣч въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Но прочтя вашу критику, г. Граде скій, я пріостановилъ печатаніе «Дневника», чтобы прибавить к нему и отвѣтъ на ваши нападки. О, предчувствія мои оправд лись, гамъ поднялся страшный: И гордецъ-то я, и трусъ-то и Маниловъ, и поэтъ, и полицію надо-бы привесть чтобъ сде живать порывы публики, — полицію моральную, полицію мо ральную, конечно. Но почему-же бы и не настоящую? И насто щая полиція вѣдь у насъ теперь либеральна, отнюдь не мен возопившихъ на меня либераловъ. Во истину немного не д ставало до настоящей! Но оставимъ это пока, перейду прямо отвѣту вамъ на ваши пункты. Прямо признаюсь съ самаго н чала, что лично нечего-бы мнѣ съ вами ни дѣлать, ни тол вать. Мнѣ съ вами столковаться нельзя; убѣждать или разубѣ дать васъ, стало быть, я вовсе не имѣю въ виду. Читая и пре инныя ваши статьи я, конечно, всегда удивлялся теченію мысл Итакъ почему-же я вамъ теперь отвѣчаю? Единственно имѣя виду другихъ, которые насъ разсудятъ, т. е. читателей. Для эти другихъ и пишу. Я слышу, я предчувствую, вижу даже, возникаютъ и идутъ новые элементы, жаждущіе новаго сло истосковавшіеся отъ стараго либеральнаго подхихикиванія н всякимъ словомъ надежды на Россію, отъ стараго прежня либерально-беззубаго скептицизма, отъ старыхъ мертвецовъ. торыхъ забыли похоронить и которые все еще считаютъ за молодое поколѣніе, отъ стараго либерала-руководителя

теля Россіи, который за все двадцатипятилѣтіе своего пребы-
нія у насъ обозначился, наконецъ, какъ «безъ толку крича-
й на базарѣ человѣкъ», по выраженію народному. Однимъ сло-
мъ, захотѣлось мнѣ *многое* высказать уже кромѣ отвѣта на
тѣчанія ваши, такъ что я, отвѣчая теперь, какъ-бы придрался
ль къ случаю.

Вы прежде всего задаетесь вопросомъ и даже упрекаете меня
ему я не вывелъ яснѣе: откуда взялись наши «скитальцы»,
которыхъ я говорилъ въ моей «Рѣчи?» Ну, это исторія длин-
, нужно начинать слишкомъ издалека. Къ тому-же, что-бы
амъ на этотъ счетъ ни отвѣтилъ, вы все-таки не согласи-
ь, потому что у васъ уже предвзято и подготовлено ваше соб-
енное рѣшеніе о томъ откуда они завелись и какъ завелись:
ъ тоски, дескать, жить съ Сквозниками - Дмухановскими и
гражданской скорби по неосвобожденнымъ еще тогда крестья-
ъ». Выводъ достойный современнаго либеральнаго человѣка,
бще говоря, у котораго все, что касается до Россіи, давно
рѣшено и подписано, съ необычайною, русскому либералу
ль свойственною легкостью. Тѣмъ не менѣе вопросъ этотъ
жнѣе, чѣмъ вы думаете, гораздо, не смотря на столь окон-
ельное рѣшеніе ваше. Объ «Сквозникахъ и объ скорби» скажу
своемъ мѣстѣ, но прежде всего позвольте поднять одно пре-
актерное ваше словцо, высказанное опять-таки съ легкостію,
доходящею почти до рѣзвости и которое я не могу обойти.
говорите:

«Такъ или иначе, но уже два столѣтія мы находимся подъ влія-
емъ европейскаго просвѣщенія, дѣйствующаго на насъ чрезвычайно
ьно, благодаря «всемірной отзывчивости» русскаго человѣка, при-
анную г. Достоевскимъ за нашу національную черту. Уйти отъ этого
свѣщенія намъ некуда, да и незачѣмъ. Это фактъ, противъ кото-
о намъ ничего нельзя сдѣлать, по той простой причинѣ, что вся
русскій человѣкъ, пожелавшій сдѣлаться просвѣщеннымъ, *непре-*
но получитъ это просвѣщеніе изъ западно-европейскаго источника,
нѣйшимъ отсутствіемъ источниковъ русскихъ».

Сказано конечно игриво; но вы произнесли и важное слово:
свѣщеніе». Позвольте-же спросить что вы подъ нимъ ра-
ете: науки запада, полезныя знанія, ремесла или просвѣще-
ховное? Первое, т. е. науки и ремесла, дѣйствительно не
ы насъ миновать и уходить намъ отъ нихъ дѣйствительно
, да и незачѣмъ. Согласенъ тоже вполнѣ, что не откуда
чить ихъ кромѣ какъ изъ западно-европейскихъ источ-
, за что хвала Европѣ и благодарность наша ей вѣчная.

Но вѣдь подъ просвѣщеніемъ я разумѣю (думаю, что
не можетъ разумѣть иначе), — то, что буквально уже выр
въ самомъ словѣ «просвѣщеніе», т. е. свѣтъ духовный,
щій душу, просвѣщающій сердце, направляющій умъ и
вающій ему дорогу жизни. Если такъ, то позвольте вам
тить, что такое просвѣщеніе намъ нечего черпать изъ
европейскихъ источниковъ за полнѣйшимъ присутствіем
отсутствіемъ) источниковъ русскихъ. Вы удивляетесь? Ви
въ спорахъ я люблю начинать съ самой сути дѣла, с
спорнаго пункта разомъ.

Я утверждаю, что нашъ народъ просвѣтился уже дав
нявъ въ свою суть Христа и ученіе Его. Мнѣ скажутъ:
нія Христова не знаетъ и проповѣдей ему не говорятъ, —
возраженіе пустое: все знаетъ, все то что именно нужн
хотя и не выдержитъ экзамена изъ катехизиса. Научил
храмахъ, гдѣ вѣками слышалъ молитвы и гимны, которы
проповѣдей. Повторялъ и самъ пѣлъ эти молитвы еще
сахъ, спасаясь отъ враговъ своихъ, въ Батыево нашест
можетъ быть, пѣлъ: «Господи силъ съ нами буди»! и
можетъ быть, и заучилъ этотъ гимнъ, потому что кром
у него тогда ничего не оставалось, а въ немъ, въ этом
уже въ одномъ вся правда Христова. И что въ томъ,
роду мало читаютъ проповѣдей, а дьячки бормочатъ н
чиво, — самое колоссальное обвиненіе на нашу церковь
манное либералами, вмѣстѣ съ неудобствомъ церковно-сла
языка будто-бы непонятнаго простолюдину. (А старообр
Господи!). Зато выйдетъ попъ и прочтетъ: «Господи
живота моего» — а въ этой молитвѣ *вся суть христ*
весь его катехизисъ, а народъ знаетъ эту молитву н
Знаетъ тоже онъ наизусть многія изъ житій Святыхъ,
зываетъ и слушаетъ ихъ съ умиленіемъ. Главная-же шк
стіанства, которую прошелъ онъ — это вѣка безчислен
безконечныхъ страданій имъ вынесенныхъ въ свою
когда онъ, оставленный всѣми, попранный всѣми, раб
на всѣхъ и на вся, оставался лишь съ однимъ Христом
шителемъ, котораго и принялъ тогда въ свою душу на
который за то спасъ отъ отчаянія его душу! Впрочем
я вамъ это все говорю? Неужто я васъ убѣдить хоч
мои покажутся вамъ, конечно, младенческими, почти н
ными. Но повторяю въ третій разъ: не для васъ пи
тема эта важная, о ней надо особо и много еще сказат

ворить, пока держу перо въ рукахъ, а теперь выражу мою
ысль лишь въ основномъ положеніи: Если нашъ народъ про-
вѣщенъ уже давно, принявъ въ свою суть Христа и его ученіе,
вмѣстѣ съ Нимъ, съ Христомъ, ужь, конечно, принялъ и
истинное просвѣщеніе. При такомъ основномъ запасѣ просвѣще-
нія, науки Запада, конечно, обратятся для него лишь въ истин-
ное благодѣяніе. Христосъ не померкнетъ отъ нихъ у насъ, какъ
на Западѣ, гдѣ, впрочемъ, не отъ наукъ онъ померкъ, какъ
утверждаютъ либералы-же, а еще прежде наукъ, когда сама цер-
ковь западная исказила образъ Христовъ, преобразившись изъ
церкви въ Римское государство и воплотивъ его вновь въ видѣ
Папства. Да, на западѣ во истинну уже нѣтъ Христіанства и
церкви, хотя и много еще есть Христіанъ, да и никогда не исчез-
нутъ. Католичество во истинну уже не Христіанство и перехо-
дитъ въ идолопоклонство, а протестантизмъ исполинскими шагами
переходитъ въ атеизмъ и въ зыбкое, текущее, измѣнчивое (а не
вѣчное) нравоученіе.

О, конечно, вы тотчасъ-же возразите мнѣ, что Христіанство
и поклоненіе Христу вовсе не заключаетъ въ себѣ и собою весь
никъ просвѣщенія, что это только лишь одна ступень, что нуж-
ны, напротивъ, науки, гражданскія идеи, развитіе, и пр. и пр.
На это мнѣ нечего вамъ отвѣчать, да и неприлично, ибо хотя
вы и правы отчасти, на счетъ наукъ, напримѣръ, но за то ни-
когда не согласитесь, что Христіанство народа нашего есть, *и
должно остаться навсегда*, самою главною и жизненною осно-
вой просвѣщенія его! Я вотъ въ моей «Рѣчи» сказалъ, что Татья-
на, отказавшись идти за Онѣгинымъ, поступила по русски, по
русской народной правдѣ, а одинъ изъ критиковъ моихъ, оскор-
бившись, что у русскаго народа есть правда, вдругъ возразилъ
мнѣ вопросомъ: «А свальный грѣхъ?» Такимъ критикамъ развѣ
можно отвѣчать? Главное, оскорблены тѣмъ, что русскій народъ
смѣетъ имѣть свою правду, а, стало быть, дѣйствительно про-
свѣщенъ. Да развѣ свальный грѣхъ существуетъ въ цѣломъ на-
родѣ нашемъ и существуетъ *какъ правда?* Принимаетъ-ли его
весь народъ за правду? Да, народъ нашъ грубъ, хотя и далеко
не весь, о, не весь, въ этомъ я клянусь уже какъ свидѣтель,
потому что я видѣлъ народъ нашъ и знаю его, жилъ съ нимъ
много лѣтъ, ѣлъ съ нимъ, спалъ съ нимъ и самъ къ «зло-
мъ причтенъ былъ», работалъ съ нимъ настоящей мозоль-
работой, въ то время когда другіе, «умывавшіе руки въ кро-
ви», либеральничая и подхихикивая надъ народомъ, рѣшали на

лекціяхъ и въ отдѣленіи журнальныхъ фельетоновъ, что на
нашъ «образа звѣринаго и печати его». Не говорите-же мнѣ,
я не знаю народа! Я его знаю: отъ него я принялъ внов
мою душу Христа, котораго узналъ въ родительскомъ домѣ
ребенкомъ и котораго утратилъ было, когда преобразился въ
очередь въ «европейскаго либерала». Но пусть, пусть на
нашъ грѣшенъ и грубъ, пусть звѣринъ еще его образъ: «
на матери ѣхалъ, молода жена на пристяжечкѣ» — съ чего
будь да взялась эта пѣсня? Всѣ русскія пѣсни взяты съ к
нибудь были — замѣтили вы это? Но будьте-же и справед
хоть разъ, либеральные люди: вспомните что народъ вытер
во столько вѣковъ! Вспомните кто въ звѣриномъ образѣ его
новать наиболѣе и не осуждайте! Вѣдь смѣшно осуждать
жика за то что онъ не причесанъ у французскаго парикма
изъ Большой Морской, а вѣдь почти до этихъ именно обви
и доходитъ, когда подымутся на русскій народъ наши европе
либералы и примутся *отрицать* его: И личности-то онъ
не выработалъ, и національности-то у него нѣтъ! Боже мо
на Западѣ, гдѣ хотите и въ какомъ угодно народѣ,—развѣ ме
пьянства и воровства, не такое-же развѣ звѣрство, и при в
ожесточеніе (чего нѣтъ въ нашемъ народѣ) и уже истин
заправское невѣжество, настоящее непросвѣщеніе, потому
иной разъ соединено съ такимъ беззаконіемъ, которое уж
считается тамъ грѣхомъ, а именно стало считаться правд
не грѣхомъ. Но пусть, все-таки пусть въ нашемъ народѣ
ство и грѣхъ, но вотъ что въ немъ есть неоспоримо: это
но то, что онъ, въ своемъ цѣломъ по крайней мѣрѣ (и в
идеалѣ только, а въ самой заправской дѣйствительности) ни
не принимаетъ, не приметъ и не захочетъ принять своего г
за правду! Онъ согрѣшитъ, но всегда скажетъ, рано-ли, по
ли: я сдѣлалъ неправду. Если согрѣшившій не скажетъ, то
гой за него скажетъ, и правда будетъ восполнена. Грѣхъ
сирадъ и сирадъ пройдетъ когда возсіяетъ солнце вполнѣ. Г
есть дѣло преходящее, а Христосъ вѣчное. Народъ грѣши
пакостится ежедневно, но въ лучшія минуты, во Христовы
нуты, онъ никогда въ правдѣ не ошибется. То именно и в
во что народъ вѣритъ какъ въ свою правду, въ чемъ ее
гаетъ, какъ ее представляетъ себѣ, что ставитъ своимъ луч
желаніемъ, что возлюбилъ, чего проситъ у Бога, о чем
венно плачетъ. А идеалъ народа—Христосъ. А съ Христ
нечно, и просвѣщеніе, и въ высшія, роковыя минуты

нъ всегда рѣшаетъ и рѣшалъ всякое общее, всенарод-
свое всегда по христіански. Вы скажете съ насмѣш-
знать это мало, воздыхать тоже, надо и дѣлать, надо
. А у васъ-то у самихъ, господа русскіе просвѣщенные
ы, много праведниковъ? Укажите мнѣ вашихъ правед-
которыхъ вы вмѣсто Христа ставите? Но знайте, что въ
сть и праведники. Есть положительные характеры не-
ной красоты и силы, до которыхъ не коснулось еще
ніе ваше. Есть эти праведники и страдальцы за прав-
димъ мы ихъ или не видимъ. Не знаю, кому дано ви-
ть, конечно, увидитъ ихъ и осмыслитъ, кто-же видитъ
разъ звѣриный, тотъ, конечно, ничего не увидитъ. Но на-
крайней мѣрѣ, знаетъ, что они есть у него, вѣритъ
есть, крѣпокъ этою мыслью и уповаетъ, что они всегда
ую всеобщую минуту спасутъ его. И сколько разъ нашъ
спасалъ отечество? И еще недавно, засмердѣвъ въ грѣхѣ,
ствѣ и въ безправіи, онъ обрадовался духовно, весь въ
блокупности, послѣдней войнѣ за Христову вѣру, поп-
у славянъ мусульманами. Онъ принялъ ее, онъ схва-
нее какъ за жертву очищенія своего за грѣхъ и без-
онъ посылалъ сыновей своихъ умирать за святое дѣло,
чалъ, что падаетъ рубль, и что цѣна на говядину стала
Онъ жадно слушалъ, жадно разспрашивалъ и самъ чи-
войнѣ и мы тому всѣ свидѣтели, много насъ есть тому
ей. Я знаю: подъемъ духа народа нашего въ послѣд-
ну, а тѣмъ болѣе причины этого подъема, не призна-
бералами, смѣются они надъ этой идеей: «У этихъ, дес-
рдовъ собирательная идея, у нихъ гражданское чувство,
ская мысль---развѣ можно это позволить?» И почему,
нашъ европейскій либералъ такъ часто врагъ народа
Почему въ Европѣ, называющіе себя демократами, всег-
ь за народъ, по крайней мѣрѣ, на него опираются, а
мократъ зачастую аристократъ и въ концѣ концовъ всег-
служитъ въ руку всему тому, что подавляетъ народ-
, и кончаетъ господчиной. О, я вѣдь не утверждаю, что
народа сознательно, но въ безсознательности-то и тра
будете въ негодованіи отъ этихъ вопросовъ? Пусть.
это все аксіомы и ужь, конечно, я не перестану ихъ
ть и доказывать пока только буду писать и говорить.
съ кончимъ: науки это такъ, а «просвѣщенія» начего
нать изъ западно-европейскихъ источниковъ. А то по-

жалуй зачерпнемъ такія общественныя формулы, как
мѣръ: Chacun pour soi et Dieu pour tous, или après moi
О, сейчасъ-же закричатъ: «А у насъ нѣтъ такихъ по
не говорятъ у насъ что-ли: «Старая хлѣбъ-соль не п
и сотни другихъ афоризмовъ въ этомъ-же родѣ? Да, по
въ народѣ много всякихъ: умъ народа широкъ, юно
развивающееся сознаніе всегда подсказываетъ отрицані
все только *поговорки*, въ нравственную правду ихъ нар
не вѣритъ, надъ ними самъ шутитъ и смѣется, въ цѣ
емъ, по крайней мѣрѣ, ихъ отрицаетъ. А осмѣлитесь-ли
ждать, что chacun pour soi et Dieu pour tous, есть тол
ворка, а не общественная уже формула, всѣми принят
падѣ и которой *всѣ* тамъ служатъ и въ нее вѣрятъ?
ней мѣрѣ, всѣ тѣ, которые стоятъ надъ народомъ, кот
жатъ его въ уздѣ, которые обладаютъ землей и проле
стоятъ на стражѣ «европейскаго просвѣщенія». Зачѣмъ-
такое просвѣщеніе? Поищемъ у себя инаго. Наука дѣл
просвѣщеніе иное. Съ надеждой на народъ и на силы
жетъ, и разовьемъ когда нибудь уже въ полнотѣ, въ
сіяніи и блескѣ это Христово просвѣщеніе наше. Вы
мнѣ, разумѣется, что все это длинное разглагольство
отвѣтъ однако-же на вашу критику. Пусть. Я считаю
лишь предисловіемъ, но только необходимымъ. Какъ и
ня, т. е. въ моей «Рѣчи», отмѣчаете и находите такі
разногласія съ вами, которые сами считаете самыми ва
важнѣйшими, такъ и я прежде всего отмѣтилъ и выст
кой пунктъ у васъ, который считаю самымъ основны
гласіемъ нашимъ, наиболѣе препятствующимъ намъ п
соглашенію. Но предисловіе кончено, приступимъ къ ва
тикѣ и теперь уже безъ отступленій.

II.

Алеко и Держиморда. Страданія Алеко по крѣпостном Анекдоты.

Вы пишите, критикуя мою «Рѣчь»:

«Но Пушкинъ, выводя Алеко и Онѣгина съ ихъ отриц
показалъ, что именно «отрицали» они и было-бы въ высше
рискованно утверждать, что они отрицали именно «народну
коренныя начала русскаго міросозерцанія. Этого не видн

Ну, видно или не видно, рискованно или нѣтъ утверждать,— къ этому возвратимся сейчасъ, а прежде вотъ то, что вы го-ите о Дмухановскихъ, отъ которыхъ будто-бы бѣжалъ Алеко цыганамъ:

„Но, дѣйствительно, міръ тогдашнихъ скитальцевъ,—пишете вы,— ъ міромъ, отрицавшимъ другой міръ. Для объясненія этихъ ти-, необходимы другіе типы, которыхъ Пушкинъ не воспроизвелъ, и обращался къ нимъ по временамъ съ жгучимъ негодованіемъ. рода его таланта мѣшала ему спуститься въ этотъ мракъ и воз-ся въ «перлъ созданія» совъ, сычей и летучихъ мышей, напол-ихъ подвальные этажи русскаго жилища *(не верхніе-ли?)*. Это сдѣ-Гоголь—великая оборотная сторона Пушкина. Онъ повѣдалъ , отчего бѣжалъ къ цыганамъ Алеко, отчего скучалъ Онѣгинъ, го народились на свѣтъ «лишніе люди», увѣковеченные Турге-ъ. Коробочка, Собакевичи, Сквозники-Дмухановскіе, Держи-, Тяпкины-Ляпкины—вотъ тѣневая сторона Алеко, Бельтова, а и многихъ иныхъ. Это фонъ, безъ котораго непонятны фигуры ѣднихъ. А вѣдь эти гоголевскіе герои были русскими — ухъ, ка-и русскими людьми! У Коробочки не было міровой скорби, Сквоз-ъ-Дмухановскій превосходно умѣлъ объясняться съ купцами, Со-евичъ насквозь видѣлъ своихъ крестьянъ и они насквозь видѣли . Конечно, Алеко и Рудины всего этого вполнѣ не видали и не имали; они просто бѣжали куда кто могъ: Алеко къ цыганамъ. динъ въ Парижъ, умирать за дѣло, для него совершенно посто-нее".

Они *просто*, видите-ли, бѣжали. О, фельетонная легкость рѣ-нья! И какъ просто все это у васъ выходитъ, какъ все у ъ готово и предрѣшено! Подлинно готовыя слова говорите. ати, къ чему вы завели рѣчь о томъ, что всѣ эти гоголевскіе ои были русскими, — «ухъ, какими русскими людьми»! Къ ру нашему это вовсе и не подходитъ. Да и кто не знаетъ, они были русскіе люди? Да и Алеко и Онѣгинъ были рус-, да и мы съ вами русскіе люди, да русскимъ-же, вполнѣ скимъ былъ и Рудинъ, убѣжавшій въ Парижъ умирать за о для него совершенно, будто-бы, постороннее, какъ вы ерждаете. Да вѣдь именно потому-то онъ и русскій въ выс-й степени, что дѣло, за которое онъ умиралъ въ Парижѣ, ему се было не столь постороннимъ, какъ было-бы англичанину нѣмцу, — ибо дѣло европейское, міровое, всечеловѣческое, но уже не постороннее русскому человѣку. Вѣдь это отличи-льная черта Рудина. Трагедія Рудина была собственно въ томъ, онъ на своей нивѣ работы не нашелъ, и умеръ на другой , но вовсе не столь чуждой ему, какъ вы утверждаете. Но ъ въ чемъ, однако-же, дѣло: всѣ эти Сквозники и Собаке-

вячи хоть и русскіе люди, но русскіе люди испорченные,
почвы оторванные и хоть знающіе народный бытъ съ о
стороны, но ничего не знающіе съ другой, даже не подозрѣ
щіе, что она существуетъ, другая-то эта сторона,—въ этомъ
и дѣло. Души народной, того, чего народъ жаждетъ, чего мо
венно проситъ, они и не подозрѣвали, потому что страшно
зирали народъ. Да и душу-то они въ немъ отрицали даже, к
развѣ ревизской. «Собакевичъ насквозь видѣлъ своихъ крестья
утверждаете вы. Это невозможно. Собакевичъ видѣлъ въ св
Прошкѣ только силищу, которую можно продать Чичикову,
утверждаете, что Сквозникъ-Дмухановскій превосходно у
объясняться съ купцами. «Помилосердуйте! Да перечтите
монологъ городничаго къ купцамъ въ пятомъ актѣ: такъ
рятъ развѣ только съ собаками, а не съ людьми, это-ли
читъ «превосходно» говорить съ русскимъ человѣкомъ? Не
вы хвалите? Да лучше-бы прямо по зубамъ или за волосы
дѣтствѣ моемъ я видѣлъ разъ на большой дорогѣ фельдъе
въ мундирѣ съ фалдочками, въ трехъуголкѣ съ пером, стр
тузившаго въ загорбокъ ямщика кулакомъ на всемъ лету, а
изступленно стегалъ свою запаренную, скачущую во весь о
тройку. Этотъ фельдъегерь былъ, разумѣется, по рожденію
скій, но до того ослѣпшій и оторвавшійся отъ народа, чт
могъ иначе и объясняться съ русскимъ человѣкомъ какъ
нимъ огромнымъ кулачищемъ вмѣсто всякаго разговора. А м
тѣмъ, вѣдь онъ всю жизнь свою провелъ съ ямщиками
разнымъ русскимъ народомъ. Но фалдочки его мундира, и
съ перомъ, его офицерскій чинъ, его вычищенные петербур
сапоги ему были дороже, душевно и духовно, не только
скаго мужика, но, можетъ быть, и всей Россіи, которую
искрестилъ всю взадъ и впередъ и въ которой онъ, по
вѣроятности, ровно ничего не нашелъ примѣчательнаго
стойнаго чего-нибудь инаго кромѣ какъ его кулака или
вычищеннымъ его сапогомъ. Ему вся Россія представлялась
въ его начальствѣ, а все, что кромѣ начальства, почти недост
было существовать. Какъ такой можетъ понимать суть народа и
его! Это былъ хоть и русскій, но уже и «европейскій» русскій, то
начавшій свой европеизмъ не съ просвѣщенія, а съ разв
какъ и многіе, чрезвычайно многіе начинали. Да-съ, этотъ
вратъ не разъ принимался у насъ за самый вѣрный спо
передѣлать русскихъ людей въ европейцевъ. Вѣдь сынъ т
фельдъегеря будетъ, можетъ быть, профессоромъ, т. е.

нным ужь европейцемъ. И такъ не говорите о пониманіи
ми сути народной. Нужно было Пушкина, Хомяковыхъ, Сама-
ныхъ, Аксаковыхъ, чтобъ начать толковать объ настоящей
ути народной. (До нихъ хоть и толковали объ ней, но какъ-то
ассически и театрально). И когда они начали толковать объ
народной правдѣ», всѣ смотрѣли на нихъ какъ на эпилепти-
овъ и идіотовъ, имѣющихъ въ идеалѣ—«ѣсть рѣдьку и пи-
ть донесенія». Да, донесенія! Они до того всѣхъ удивили на
ервыхъ порахъ своимъ появленіемъ и своими мнѣніями, что
либералы начали даже сомнѣваться: не хотятъ-ли-де они писать
на нихъ донесенія? Рѣшите сами: далеко или нѣтъ отъ этого
глупенькаго взгляда на славянофиловъ ушли многіе современ-
ные либералы?

Но къ дѣлу. Вы утверждаете, что Алеко убѣжалъ къ цыга-
намъ отъ Держиморды. Положимъ, что это правда. Но хуже
всего то, что вы-то сами, г. Градовскій, вполнѣ убѣжденно при-
знаете права Алеко на всю таковую брезгливость его: «Не могъ,
дескать, не убѣжать къ цыганамъ, либо ужь слишкомъ гадокъ
былъ Держиморда». А я утверждаю, что Алеко и Онѣгинъ были
тоже въ своемъ родѣ Держиморды, и даже въ иномъ отношеніи
и похуже. Только съ тою разницею, что я не обвиняю ихъ за
это вовсе, вполнѣ признавая трагичность судьбы ихъ, а вы ихъ
браните за то, что они убѣжали: «Дескать, такіе великіе и инте-
ресные люди могли-ли ужиться съ такими уродами?» Вы ужасно
ошибаетесь. Вы вотъ сами выводите, что Алеко и Онѣгинъ вовсе
не отрывались отъ почвы и вовсе не отрицали народную правду.
Мало того: «вовсе-де они и не горды были»—вотъ что вы даже
утверждаете. Да тутъ гордость прямое, логическое и неминуемое
послѣдствіе ихъ отвлеченности и оторванности отъ почвы. Вѣдь
не можете-же вы отрицать, что они почвы не знали, росли
и воспитывались по институтски, Россію узнавали въ Петер-
бургѣ на службѣ, съ народомъ были въ отношеніяхъ барина
къ крѣпостному. Пусть они даже и жили въ деревнѣ съ му-
жикомъ. Мой фельдъегерь всю жизнь съ ямщиками знался, и
чего другаго не призналъ въ нихъ кромѣ достойнаго своего
ямщика. Алеко и Онѣгинъ къ Россіи были высокомѣрны и
презрѣливы, какъ всѣ люди живущіе отъ народа отдѣльной
и на всемъ на готовомъ, т. е. на мужичьемъ трудѣ и
европейскомъ просвѣщеніи, тоже имъ даромъ доставшемся.
Но тѣмъ, что всѣ интелигентные люди наши, извѣстной
нѣмецкой подготовкой, чуть не во всѣ два вѣка нашей

исторіи, обратились лишь въ праздныхъ бѣлоручекъ,—т
и объясняется ихъ отвлеченность и оторванность отъ род
почвы. Не Держимордой онъ погибъ, а тѣмъ что не ум
объяснить себѣ Держиморду и происхожденіе его. Слишкомъ
этого гордъ былъ. Не умѣвъ-же объяснить, не нашелъ возм
ности и работать на родной нивѣ. Тѣхъ-же, которые вѣрил
эту возможность, считалъ за глупцовъ или тоже за Дер
мордъ. И не только передъ Держимордой былъ гордъ нашъ
талецъ, но и передъ всей Россіей, ибо Россія, по его окон
тельному выводу, содержала въ себѣ только рабовъ да Дер
мордъ. Если-же заключала что нибудь въ себѣ поблагород
то это ихъ, Алекъ и Онѣгиныхъ, а болѣе ничего. Послѣ эт
гордость приходитъ уже сама собой: пребывая въ отвлеченіи,
естественно начинали удивляться своему благородству и выс
своей надъ гадкими Держимордами, въ которыхъ не умѣли
чего объяснить. Еслибъ не были они горды, то увидали-бы, ч
сами они Держиморды, и, прозрѣвъ это, можетъ быть, нашли
тогда, именно въ этомъ прозрѣніи и исходъ къ примиренію.
народу-же чувствовали уже не столько гордость, сколько омер
ніе, и это сплошь. Вы всему этому не повѣрите, вы, напротивъ,
воря, что иныя черты Алекъ и Онѣгиныхъ дѣйствительно не
глядны, высокомѣрно начинаете журить меня за узость взгл
за то что «лечить симптомы и оставлять корень болѣзни
ли разсудительно». Вы утверждаете, что я, говоря: «Смир
гордый человѣкъ»—обвиняю Алеко лишь въ личныхъ его
чествахъ, упуская корень дѣла «какъ будто дескать вся суть
лишь въ личныхъ качествахъ гордящихся и не желающихъ
риться». Не рѣшенъ вопросъ, говорите вы, передъ чѣмъ го
лись скитальцы; остается безъ отвѣта и другой передъ чѣмъ
дуетъ смириться». Все это съ вашей стороны очень ужъ в
комѣрно: я, кажется, прямо вѣдь вывелъ, что «скитальцы»
дуктъ историческаго хода нашего общества, стало быть, не
ливаю-же всю вину на нихъ только однихъ *лично* и на
личныя качества. Вы это у меня читали, это написано, н
чатано, стало быть, зачѣмъ-же вы искажаете? Выписывая у
тираду: «Смирись» вы пишете:

«Въ этихъ словахъ г. Достоевскій выразилъ «святыя свят
своихъ убѣжденій, то что составляетъ одновременно силу и слаб
автора «Братьевъ Карамазовыхъ». Въ этихъ словахъ заключ
лькій *религіозный* идеалъ, мощная проповѣдь *личной* нравственно
но нѣтъ и намека на идеалы *общественные*».

А затѣмъ послѣ сихъ словъ тотчасъ-же начинаете критико-
ть идею «личнаго совершенствованія въ духѣ христіанской
бви». Къ вашему мнѣнію о «личномъ самосовершенствованіи»
перейду сейчасъ, но прежде выверну передъ вами всю вашу
кладку, которую вы, кажется, хотѣли-бы скрыть, именно: Вы
за то только, что я обвиняю «скитальца» на меня ужь такъ
сердились, а за то что я, напротивъ, не признаю его за идеалъ
вственнаго совершенства, за русскаго здороваго человѣка,
имъ только онъ можетъ и долженъ быть! Признавая, что въ
еко и Онѣгинѣ есть «неприглядныя черты», вы только хит-
те. На вашъ внутренній взглядъ, который вы почему-то не
тите обнаружить вполнѣ, «скитальцы» — нормальны и пре-
сны, прекрасны уже тѣмъ, что убѣжали отъ Держиморд. Вы
негодованіемъ смотрите, если осмѣлятся въ нихъ признать
ть даже какой-нибудь недостатокъ. Вы говорите уже прямо:
ыло-бы нелѣпо утверждать, что они погибали отъ своей гор-
сти и не хотѣли смириться передъ народной правдой». Вы на-
нецъ съ жаромъ утверждаете и настаиваете, что это они осво-
ждали крестьянъ. Вы пишете:

„Скажемъ больше: если въ душѣ лучшихъ изъ этихъ „скитальцевъ"
рвой половины нашего столѣтія и сохранился какой нибудь помы-
ъ, то это именно былъ помыселъ о народѣ, самая жгучая изъ ихъ
ависти была обращена именно къ рабству, тяготѣвшему надъ
родомъ. Пусть они любили народъ и ненавидѣли крѣпостное право
своему, по „европейски" что-ли. Но кто-же какъ не они подготовили
щество наше къ упраздненію крѣпостнаго права? Чѣмъ могли и они
служили „родной нивѣ" сначала въ качествѣ проповѣдниковъ осво-
жденія, а потомъ въ качествѣ мировыхъ посредниковъ первой оче-
и".

То-то вотъ и есть что «скитальцы» ненавидѣли крѣпостное
аво по своему, по «европейски», въ томъ-то и вся сила. То-то
ъ и есть, что ненавидѣли они крѣпостное право не ради
скаго мужика, на нихъ работавшаго, ихъ питавшаго, а, стало
ть, ими-же въ числѣ другихъ и угнетеннаго. Кто мѣшалъ имъ,
ъ ужь до того ихъ одолѣвала гражданская скорбь, что къ цы-
ямъ приходилось бѣжать, али на баррикады въ Парижъ—кто
шалъ имъ просто за просто освободить хоть своихъ крестьянъ
землей и снять такимъ образомъ гражданскую скорбь, по
ей мѣрѣ, хотя съ своей-то личной отвѣтственности? Но объ
освобожденіяхъ что-то мало у насъ было слышно, а
дскихъ воплей раздавалось довольно. «Среда, дескать, за-
я какже-де ему своего капиталу лишиться»? Да почему-

же не лишиться, когда ужь до такой степени дѣло доходило
скорби по крестьянамъ, что на баррикады бѣжать приходи
То-то вотъ и есть, что въ «мѣстечкѣ Парижѣ-съ» всетаки
добны деньги, хотя-бы и на баррикадахъ учавствуя, такъ
крѣпостные-то и присылали оброкъ. Дѣлали и еще проще
кладывали, продавали, или обмѣнивали (не все-ли равно?)
стьянъ и, осуществивъ денежки, уѣзжали въ Парижъ способс
вать изданію французскихъ радикальныхъ газетъ и журна
для спасенія уже всего человѣчества, не только русскаго
жика. Вы увѣряете, что ихъ всѣхъ заѣдала скорбь объ
постномъ мужикѣ? Не то чтобъ о крѣпостномъ мужикѣ, а
обще отвлеченная скорбь о рабствѣ въ человѣчествѣ: Не
де ему быть, это непросвѣщенно, Liberté дескать, Egalité et
ternité». Что-же до русскаго мужика лично, то, можетъ быть, ск
по немъ даже и вовсе не томила этихъ великихъ сердецъ
ужасно. Я знаю и запомнилъ множество интимныхъ изрѣч
даже весьма и весьма «просвѣщенныхъ» людей прежняго доб
стараго времени: «Рабство, безъ сомнѣнія, ужасное зло, согл
лись они интимно между собой, но если уже все взять, то н
народъ—развѣ это народъ? Ну, похожъ онъ на парижскій
родъ девяносто третьяго года? Да онъ ужь свыкся съ рабств
его лицо, его фигура уже изображаетъ собою раба, и, если
тите, розга, напримѣръ, конечно, ужасная мерзость, говоря вооб
но для русскаго человѣка ей Богу розочка еще необходима:
скаго мужичка надо посѣчь, русскій мужичокъ стоскуется,
его не посѣчь, ужь такая-де нація», — вотъ что я слыхи
въ свое время, клянусь, отъ весьма даже просвѣщенныхъ л
Это «трезвая правда-съ». Онѣгинъ, можетъ быть, и не
своихъ дворовыхъ, хотя право трудно это рѣшить, ну, а А
я увѣренъ, что посѣкалъ,—и не отъ жестокости вѣдь серд
почти даже изъ жалости, почти для доброй цѣли: «Вѣдь э
для него необходимо, вѣдь безъ розочки онъ не проживетъ,
вѣдь онъ приходитъ и проситъ: посѣки меня, баринъ, сдѣлай чел
комъ, сбаловался совсѣмъ! Чтожь дѣлать съ такою природою,
жите пожалуйста, ну и удовлетворишь его, посѣчешь»! Повто
чувство къ мужику въ нихъ доходило зачастую до гадливост
сколько презрительныхъ анекдотовъ ходило между нихъ о русс
мужикѣ, презрительныхъ и пахабныхъ, объ его рабской д
объ его «идолопоклонствѣ», объ его попѣ, объ его бабѣ, гово
все это съ самымъ легкимъ сердцемъ такіе иногда люди, у к
рыхъ ихъ семейная жизнь изображала собою нерѣдко почти

ности,—о, разумѣется, не всегда отъ худаго чего-нибудь, иногда именно лишь отъ излишняго жару къ воспріятію по-ихъ европейскихъ идей, а la Лукреція Флоріани, напримѣръ, нашему понятыхъ и усвоенныхъ со всею русской стреми-ностью. Русскіе люди были во всемъ-съ! О, русскіе скорбя-е скиталицы бывали иногда большими плутами, г. Градовскій, вотъ именно эти самые анекдотики о русскомъ мужикѣ и пре-тельное мнѣніе о немъ почти всегда утоляли въ сердцахъ ихъ роту гражданской ихъ скорби по крѣпостному праву, придавая такимъ образомъ лишь отвлеченно-міровой характеръ. А вѣдь отвлеченно-міровымъ характеромъ скорби весьма и весьма можно ться, питаясь духовно созерцаніемъ своей нравственной кра-ы и полета своей гражданской мысли, ну, а тѣлесно все-таки ясь обрекомъ съ тѣхъ-же крестьянъ, да еще какъ питаясь Да чего, вотъ недавно еще одинъ старожилъ, наблюдатель времени, привелъ анекдотъ въ журналѣ объ одной встрѣчѣ ыхъ сильнѣйшихъ русскихъ тогдашнихъ либеральныхъ и мі-ыхъ умовъ съ русской бабой. Тутъ уже были отъявленные альцы, такъ сказать, уже патентованные, заявившіе въ этомъ ослѣ себя исторически. Лѣтомъ, видите-ли, именно въ сорокъ омъ году, на прекрасную подмосковную дачу, гдѣ давались лосальные обѣды» по замѣчанію самаго старожила, съѣхалось ъ множество гостей: гуманнѣйшіе профессора, удивительнѣй-е любители и знатоки изящныхъ искуствъ и кой-чего прочаго, нѣйшіе демократы, а впослѣдствіи знатные политическіе дѣя-и уже міроваго даже значенія, критики, писатели, прелест-шія по развитію дамы. И вдругъ вся компанія, вѣроятно, послѣ да съ шампанскимъ, съ кулебяками и съ птичьимъ молокомъ, чего-же нибудь да названы-же обѣды «колоссальными») на-лась погулять въ поле. Въ глуши, во ржи, встрѣчаютъ шу. Лѣтняя страда извѣстна: встаютъ мужики и бабы въ че-е часа и идутъ хлѣбъ убирать, работаютъ до ночи. Жать очень дно, всѣ двѣнадцать часовъ нагнувшись, солнце жжетъ. Жница ъ заберется обыкновенно въ рожь, то ее и не видно. И вотъ ъ-то, во ржи, и находитъ наша компанія жницу, — представьте ѣ въ «примитивномъ костюмѣ» (въ рубашкѣ?!) Это ужасно! ровое, гуманное чувство возбуждено, тотчасъ раздался оскор-ный голосъ: «Одна только русская женщина изъ всѣхъ жен-ъ ни передъ кѣмъ не стыдится!» ну, разумѣется, тотчасъ и водъ· «Одна русская женщина изъ всѣхъ такая, передъ ко-ой никто и ни за что не стыдится» (т. е. такъ и не должно

стыдиться» что-ли?) Завязался споръ. Явились и защитники, но какіе защитники, и съ какими возраженіями имъ пришлось бороться! И вотъ такія-то мнѣнія и рѣшенія могли рождаться въ толпѣ скитальцевъ-помѣщиковъ, ушившихся шампанскаго, наглотавшихся устрицъ, — а на чьи деньги? Да вѣдь на вашу работу! Вѣдь на васъ-же она, міровые страдальцы, работала, вѣдь на ея-же трудъ вы наѣлись. Что во ржи, гдѣ ее полола, мучимая солнцемъ и потомъ, сняла паневу и осталась въ одной рубашкѣ — такъ она и безстыдна, такъ ужь и оскорбила ваше стыдливое чувство: «изъ всѣхъ, дескать, женщинъ всѣхъ стыднѣе», — ахъ вы, цѣломудренники! А «Парижскія-то удовлетворенія» ваши, а рѣзвости въ «мѣстечкѣ Парижѣ-съ», а канканчикъ въ Баль-Мабилѣ, отъ котораго русскіе люди таяли, когда только разсказывали о немъ, а миленькая пѣсенка:

«Ma commère quand je danse
«Comment va mon cotillon?

Съ граціознымъ приподнятіемъ юбочки и съ подергиваніемъ задкомъ, — это нашихъ русскихъ цѣломудренниковъ не возмущаетъ, напротивъ, прельщаетъ? «Помилуйте, да вѣдь это у насъ такъ граціозно, этотъ канканчикъ, эти подергиванія, — это изящнѣйшій article de Paris въ своемъ родѣ, а вѣдь тутъ не тутъ баба, русская баба, обрубокъ, колода!» Нѣтъ-съ, тутъ даже не убѣжденіе въ мерзости нашего мужика и народа, тутъ ужь въ чувство перешло, тутъ ужь личное чувство гадливости къ мужику сказалось, — о, конечно, невольное, почти безсознательное, совсѣмъ даже не замѣченное съ ихъ стороны. Но знаюсь, совсѣмъ даже не могу согласиться съ столь капитальнымъ положеніемъ вашимъ, г. Градовскій: «Кто-жь какъ не они подготовили общество наше къ упраздненію крѣпостнаго права. Отвлеченной болтовней развѣ послужили, источая гражданскую скорбь по всѣмъ правиламъ,—о, конечно, все въ общую экономію пошло и къ дѣлу пригодилось. Но способствовали освобожденію крестьянъ и помогали трудящимся по освобожденію скорѣе изъ кого склада люди, какъ напримѣръ Самаринъ, а не ваши фразальцы. Такого типа людей, какъ Самаринъ, типа уже совершенно не похожаго на скитальцевъ, явилось на великую тогдашнюю работу вѣдь очень не мало, г. Градовскій, а объ нихъ вы, конечно, ни слова. Скитальцамъ-же это дѣло, по всѣмъ признакамъ, очень скоро наскучило и они опять стали брезгливо будировать. Но скитальцы-бы они были, если-бы поступили иначе. Получивъ

ные, стали остальныя земли и лѣса свои продавать купцамъ кулакамъ на срубъ и на истребленіе, и, выселясь за границу, вели абсентеизмъ... Вы, конечно, съ моимъ мнѣніемъ не согласитесь г. профессоръ, но вѣдь что-же и мнѣ-то дѣлать: никакъ могу вѣдь и я согласиться признать этотъ образъ столь дорогаго вамъ русскаго высшаго и либеральнаго человѣка за идеалъ стоящаго нормальнаго русскаго человѣка, какимъ будто-бы онъ былъ въ самомъ дѣлѣ, есть теперь и долженъ быть даже въ будущемъ. Немного путнаго сдѣлали эти люди въ послѣднія десятилѣтія на народной нивѣ. Это будетъ повѣрнѣе чѣмъ вашъ дифирамбъ на славу этихъ прошлыхъ господъ.

III.

Двѣ половинки.

А теперь перейду къ вашимъ взглядамъ на «личное самосовершенствованіе въ духѣ христіанской любви» и на совершенную, будто-бы, недостаточность его сравнительно съ «идеалами общественными» и, главное, съ «общественными учрежденіями». О, вы сами начинаете съ того, что это самый важный пунктъ въ нашемъ разномысліи. Вы пишите:

«Теперь мы дошли до самого важнаго пункта въ нашемъ разномысліи съ г. Достоевскимъ. Требуя смиренія предъ народною правдой, предъ народными идеалами, онъ принимаетъ эту «правду» и эти идеалы, какъ нѣчто готовое, незыблемое и вѣковѣчное. Мы позволимъ себѣ сказать ему—нѣтъ. *Общественные* идеалы нашего народа находятся еще въ процессѣ *образованія, развитія*. Ему еще много надо работать надъ собою, чтобъ сдѣлаться достойнымъ имени великаго народа».

Я уже отвѣчалъ вамъ отчасти на счетъ «правды» и идеаловъ народныхъ въ началѣ статьи, въ первомъ отдѣленіи ея. Но правду и эти идеалы народные вы находите прямо недоброчными для развитія общественныхъ идеаловъ Россіи. Ребята, дескать, одно, а общественное дѣло другое. Живой, цѣльный организмъ рѣжете вашимъ ученымъ ножомъ на двѣ **половинки и утверждаете, что эти двѣ половинки** могутъ быть совершенно независимы одна отъ другой. Посмотрите ближе, разберемъ эти обѣ половинки отдѣльно каждую, можетъ быть, что нибудь выведемъ. Разберемъ сначала

помощнику о «самосовершенствованіи въ духѣ христіан
ви». «Вы пишете»:

„Г. Достоевскій призываетъ работать надъ собой и сми
Личное самосовершенствованіе въ духѣ Христіанской л
конечно, первая предпосылка для всякой дѣятельности, бо
малой! Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ люди, *лично совер
Христіанскомъ смыслѣ*, непремѣнно образовали совершен
ство (?!). Позволимъ себѣ привести примѣръ.

„Апостолъ Павелъ поучаетъ рабовъ и господъ въ ихъ
отношеніяхъ. И тѣ и другіе могли послушать и обыкновени
слово апостола, они *лично* были хорошими Христіанами, и
чрезъ то не оставалось и оставалось учрежденіемъ бе
нымъ. Точно также г. Достоевскій, а равно и каждый
зналъ превосходныхъ Христіанъ — помѣщиковъ и таковы
стьянъ. Но *крпостное право* оставалось мерзостью предъ
и русскій Царь-Освободитель явился выразителемъ треб
только *личной*, но и *общественной* нравственности, о котор
рое время не было надлежащихъ понятій, не смотря на т
рошихъ людей“ было, можетъ быть, не меньше, чѣмъ тепе

„Личная и общественная нравственность не одно и то
слѣдуетъ, что никакое *общественное* совершенствованіе
быть достигнуто *только* чрезъ улучшеніе личныхъ качест
его составляющихъ. Приведемъ опять примѣръ. Предполо
начиная съ 1800 года, рядъ проповѣдниковъ христіанской
смиренія принялся-бы улучшать нравственность Коробо
бакевичей. Можно-ли предположить, чтобъ они достигл
крѣпостнаго права, чтобъ не нужно было *властнаго* слова
ненія этого „явленія?“ Напротивъ, Коробочка стала-бы д
что она истинная Христіанка и настоящая „мать“ своихъ
и пребыла-бы въ этомъ убѣжденіи, не смотря на всѣ дов
вѣдника...

„Улучшеніе людей въ смыслѣ *общественномъ* не можетъ
изведено только работой „надъ собой“ и „смиреніемъ се
тать надъ собой и смирять свои страсти можно и въ пус
необитаемомъ островѣ. Но, какъ существа *общественныя*,
ваются и улучшаются въ работѣ *другъ подлѣ друга*,
друга и *другъ съ другомъ*. Вотъ почему въ весьма велико
общественное совершенство людей зависитъ отъ совершенс
ственныхъ учрежденій, воспитывающихъ въ человѣкѣ есл
стіанскія, то гражданскія доблести“.

Видите, сколько я изъ васъ выписалъ! Все это уя
сокомѣрно и страшно досталось «личному самосовер
нію въ духѣ Христіанской любви»: въ гражданскихъ
дѣлахъ почти ни къ чему непригодно. Курьезно вы
понимаете Христіанство! Представить только, что Ко
Собакевичъ стали настоящими Христіанами, уже *совер*
(вы сами говорите о совершенствѣ)—можно-ли де ихъ

а отказаться отъ крѣпостнаго права? Вотъ коварный вопросъ, рый вы задаете и, разумѣется, отвѣчаете на него: «нѣтъ, зя убѣдить Коробочку даже и совершенную Христіанку». это прямо отвѣчу: еслибъ только Коробочка стала и могла ъ *настоящей*, совершенной уже Христіанкой, то крѣпост- права въ ея помѣстьи уже не существовало-бы вовсе, такъ и хлопотать-бы не о чемъ было, не смотря на то, что всѣ постные акты и купчія оставались-бы у ней по прежнему сундукѣ. Позвольте еще: вѣдь Коробочка и прежде была стіанкой, и родилась таковою? Стало быть, говоря о новыхъ повѣдникахъ Христіанства, вы разумѣете хоть и прежнее, но своей Христіанство, но усиленное, *совершенное*, такъ ска-, уже дошедшее до своего идеала? Ну какіе-же тогда рабы шіе-же господа, помилуйте! Надо-же понимать хоть сколько дь Христіанство! И какое дѣло тогда Коробочкѣ, *совер-ной* уже Христіанкѣ, крѣпостные или некрѣпостные ея кре-не? Она имъ «мать», настоящая уже мать, и «мать» тот-же бы упразднила прежнюю «барыню». Это само собою-бы лось. Прежняя барыня и прежній рабъ изчезли-бы какъ ъ отъ солнца и явились-бы совсѣмъ новые люди, совсѣмъ овыхъ между собою отношеніяхъ, прежде неслыханныхъ. дѣло-то совершилось-бы неслыханное: явились-бы *повсе-мно* совершенные Христіане, которыхъ и въ единицахъ-то де было такъ мало, что и разглядѣть трудно было. Вѣдь ами-же сдѣлали такое фантастическое предположеніе, г. Гра-кій, вѣдь вы сами-же въѣхали въ такую удивительную фан-, а въѣхали такъ и принимайте послѣдствія. Увѣряю васъ, адовскій, что крестьяне Коробочки сами-бы тогда не пошли ися, по той простой причинѣ, что всякъ ищетъ гдѣ ему . Въ учрежденіяхъ, что-ли, вашихъ было-бы ему лучше, у любящей ихъ, родной уже матери помѣщицы? Смѣю ить васъ тоже, что если при апостолѣ Павлѣ сохранялось во, то это именно потому, что возникавшія тогдашнія и еще не были *совершенны* (что̀ видимъ и изъ посланій ола). Тѣже члены церквей, которые лично достигали тогда ршенства, уже не имѣли и не могли имѣть рабовъ, потому ковые обращались въ братьевъ, а братъ, во истину братъ, ъ имѣть своего брата у себя рабомъ. По вашему-же ы выходить, что проповѣдь Христіанства была безсильна. ить, по крайней мѣрѣ, пишите, что проповѣдью апостола не освящалось. А вѣдь другіе ученые, особенно исто-

раки европейскіе, во множествѣ укоряли Христіанство з
оно, будто-бы, освящаетъ рабство. Это значитъ не
сути дѣла. Предположить только, что у Маріи Египет
крѣпостные крестьяне, и что она не хочетъ ихъ отпу
волю. Что за абсурдъ! Въ Христіанствѣ, въ настоящ
стіанствѣ, есть и будутъ господа и слуги, но раба не
помыслить. Я говорю про настоящее, совершенное Хрис
Слуги-же не рабы. Ученикъ Тимофей прислуживалъ Пав
они ходили вмѣстѣ, но прочтите посланіе Павла къ
къ рабу-ли онъ пишетъ,-даже къ слугѣ-ли, помилуйте
именно «Чадо Тимофее» возлюбленный сынъ его. Во
именно такія будутъ отношенія господъ къ своимъ
если тѣ и другіе станутъ уже совершенными Христіанам
и господа будутъ, но господа уже будутъ не господами,
не рабами. Представьте, что въ будущемъ обществѣ с
леръ, Кантъ и Шекспиръ: они работаютъ великую ра
всѣхъ и всѣ сознаютъ и чтутъ ихъ. Но некогда Шекспи
ваться отъ работы, убирать около себя, вычищать комн
носить ненужное. И повѣрьте, непремѣнно придетъ къ
жить другой гражданинъ, самъ пожелаетъ, своей волей
и будетъ выносить у Шекспира ненужное. Что-жь он
униженъ, рабъ? Отнюдь нѣтъ. Онъ знаетъ, что Шекс
лезнѣе его безконечно: «Честь тебѣ и слава, скажетъ
и я радъ послужить тебѣ; хоть каплей и я послужу
общую пользу, ибо сохраню тебѣ часы для великаго тво
но я не рабъ. Именно сознавшись въ томъ, что ты, Ш
выше меня своимъ геніемъ и прійдя къ тебѣ служить,
этимъ сознаніемъ моимъ и доказалъ, что по нравствен
стоинству человѣческому я не ниже тебя нисколько и,
человѣкъ, тебѣ равенъ». Да онъ и не скажетъ этого то
потому одному, что и вопросовъ такихъ тогда не во
вовсе, да и немыслимы они будутъ. Ибо всѣ будутъ
новые люди, Христовы дѣти, а прежнее животное будет
дено. Вы скажете, конечно, что это опять-таки фант
вѣдь не я-же началъ фантазировать первый, а вы са
вы-же предположили Коробочку, уже *совершенную* Х
съ «крѣпостными *дѣтьми*», которыхъ она не хочетъ
на волю; это почище моей фантазіи.

Умные люди тутъ разсмѣются и скажутъ: «хорошо-н
того, хлопотать о самосовершенствованіи въ духѣ Хри
любви, когда настоящаго Христіанства, стало быть, нѣт

землѣ, или такъ мало, что и разглядѣть трудно, иначе (по
имъ-же то есть словамъ) мигомъ все-бы уладилось, всякое раб-
во уничтожилось, Коробочки переродились-бы въ свѣтлыхъ ге-
евъ и всѣмъ-бы оставалось только запѣть Богу гимнъ? Да,
вечно, господа насмѣшники, настоящихъ Христіанъ еще ужасно
ало (хотя они и есть). Но почемъ вы знаете сколько именно
до ихъ, чтобъ не умиралъ идеалъ Христіанства въ народѣ, а
ъ нимъ и великая надежда его? Примѣните къ свѣтскимъ по-
тіямъ: Сколько надо настоящихъ гражданъ, чтобъ не умирала
ъ обществѣ гражданская доблесть? И на это тоже вы не отвѣ-
ите. Тутъ своя политическая экономія, совсѣмъ особаго рода, и
ъ неизвѣстная, даже вамъ неизвѣстная, г. Градовскій. Ска-
ть опять: если такъ мало исповѣдниковъ великой идеи, то
кая въ ней польза? А вы почему знаете, къ какой это пользѣ
концѣ концовъ приведетъ? До сихъ поръ, повидимому, только
го и надо было, чтобъ не умирала великая мысль. Вотъ дру-
дѣло теперь, когда что-то новое надвигается въ мірѣ по-
ѣстно и надо быть готовымъ... Да и дѣло-то тутъ вовсе не
пользѣ, а въ истинѣ. Вѣдь если я вѣрю, что истина тутъ,
ъ именно въ томъ, во что я вѣрую, то какое мнѣ дѣло,
лабъ даже весь міръ не повѣрилъ моей истинѣ, насмѣялся
ъ мной и пошелъ иною дорогой? Да тѣмъ-то и сильна ве-
кая нравственная мысль, тѣмъ-то и единитъ она людей въ
чайшій союзъ, что измѣряется она не немедленной пользой,
стремитъ ихъ будущее, къ цѣлямъ вѣковѣчнымъ, къ радости
бсолютной. Чѣмъ соедините вы людей для достиженія вашихъ
ражданскихъ цѣлей, если нѣтъ у васъ основы въ первоначаль-
й великой идеѣ нравственной? А нравственныя идеи только
нѣ: всѣ основаны на идеѣ личнаго абсолютнаго самосовершен-
ованія впереди, въ идеалѣ, ибо оно несетъ въ себѣ все, всѣ
емленія, всѣ жажды, а, стало быть, изъ него-же исходятъ и
ѣ ваши гражданскіе идеалы. Попробуйте-ка соединить людей
ъ гражданское общество съ одной только цѣлью «спасти живо-
шки?» Ничего не получите кромѣ нравственной формулы: Cha-
pour soi et Dieu pour tous». Съ такой формулой никакое граж-
анское учрежденіе долго не проживетъ, г. Градовскій.

Но я пойду далѣе, я намѣренъ васъ удивить: Узнайте, уче-
ый профессоръ, что общественныхъ гражданскихъ идеаловъ,
къ такихъ, какъ не связанныхъ органически съ идеалами нрав-
венными, а существующихъ сами по себѣ, въ видѣ отдѣльной

половинки, отхромсанной отъ цѣлаго вашимъ ученымъ ножо
какъ такихъ наконецъ, которые могутъ быть взяты извнѣ и
ресажены на какое угодно новое мѣсто съ успѣхомъ, въ в
отдѣльнаго «учрежденія», такихъ идеаловъ, говорю я,—нѣтъ во
не существовало никогда, да и не можетъ существовать! Д
что такое общественный идеалъ, какъ понимать это слово?
нечно, суть его въ стремленіи людей отыскать себѣ формулу
щественнаго устройства, по возможности безошибочную и вс
удовлетворяющую—вѣдь такъ? Но формулы этой люди не з
ютъ, люди ищутъ ее всѣ шесть тысячъ лѣтъ своего историческ
періода и не могутъ найти. Муравей знаетъ формулу своего му
вейника, пчела тоже своего улья (хоть не знаютъ по человѣче
такъ знаютъ по своему, имъ больше не надо), но человѣкъ не зна
своей формулы. Откуда-же коли такъ взяться идеалу гражданст
устройства въ обществѣ человѣческомъ? А слѣдите историческ
тотчасъ увидите изъ чего онъ берется. Увидите, что онъ есть ед
ственно только продуктъ нравственнаго самосовершенствова
единицъ, съ него и начинается, и что было такъ съ пок
вѣка и пребудетъ во вѣки вѣковъ. При началѣ всякаго
рода, всякой національности, идея нравственная всегда пред
ствовала зарожденію національности, *ибо она-же и создавала*
Исходила-же эта нравственная идея всегда изъ идей мисти
скихъ, изъ убѣжденій, что человѣкъ вѣченъ, что онъ не прос
земное животное, а связанъ съ другими мірами и съ вѣчност
Эти убѣжденія формулировались всегда и вездѣ въ религію,
исповѣданіе новой идеи, и всегда, какъ только начиналась но
религія, такъ тотчасъ-же и создавалась гражданскі новая
ціональность. Взгляните на евреевъ и мусульманъ: національ
ность у евреевъ сложилась только послѣ закона Моисеева, ч
и началась еще изъ закона Авраамова, а національности
сульманскія явились только послѣ Корана. Чтобъ сохранить
лученную духовную драгоцѣнность тотчасъ-же и влекутся др
къ другу люди и тогда только, ревностно и тревожно, «рабо
другъ подлѣ друга, другъ для друга и другъ съ другомъ» (к
вы краснорѣчиво написали)—тогда только и начинаютъ о
скивать люди: какъ-бы имъ такъ устроиться чтобъ сохран
полученную драгоцѣнность не потерявъ изъ нея ничего, какъ
отыскать такую *гражданскую* формулу совмѣстнаго житія, ко
рая именно помогла-бы имъ выдвинуть на весь міръ въ с
полной ея славѣ ту нравственную драгоцѣнность, кото
получили. И замѣтьте, какъ только послѣ временъ и вѣк

му что тутъ тоже свой законъ, намъ невѣдомый) начинаетъ
шатываться и ослабѣвать въ данной національности ея идеалъ
уховный, такъ тотчасъ-же начинала падать и національность, а
мѣстѣ падалъ и весь ея гражданскій уставъ и повсюду всѣ тѣ
ражданскіе идеалы, которые успѣвали въ ней сложиться. Въ ка-
омъ характерѣ слагалась въ народѣ религія въ такомъ характерѣ
рождались и формулировались и гражданскія формы этого на-
рода. Стало быть, гражданскіе идеалы всегда прямо и органически
язаны съ идеалами нравственными, а главное то, что несом-
нно изъ нихъ только однихъ и выходятъ. *Сами-же по себѣ*
икогда не являются, ибо, являясь, имѣютъ лишь цѣлью утоле-
іе нравственнаго стремленія данной національности какъ и по
льку это нравственное стремленіе въ ней сложилось. А, стало
ыть, «самосовершенствованіе въ духѣ религіозномъ» въ жизни
родовъ есть основаніе всему, ибо самосовершенствованіе и *есть*
исповѣданіе полученной религіи, а «гражданскіе идеалы» сами,
ъ этого стремленія къ самосовершенствованію никогда не при-
дятъ, да и зародиться не могутъ. Вы скажете, можетъ быть,
о вы и сами говорили что «личное самосовершенствованіе есть
чало всему» и что вовсе ничего не дѣлили ножомъ. То-то и
ть что дѣлили, что разрѣзывали живой организмъ на двѣ по-
овинки. Не «*начало* только всему» есть личное самосовершен-
твованіе, но и продолженіе всего и исходъ. Оно объемлетъ,
ждетъ и сохраняетъ организмъ національности и только оно
но. Для него и живетъ гражданская формула націи, ибо и
ждалась для того только, чтобъ сохранять его какъ первона-
льно полученную драгоцѣнность. Когда-же утрачивается въ
ціональности потребность общаго единичнаго самосовершен-
твованія *въ томъ духѣ который зародилъ ее*, тогда постепенно
чезаютъ всѣ «гражданскія учрежденія» ибо нечего болѣе охра-
ть. Такимъ образомъ никакъ нельзя сказать то, что вы ска-
ли въ слѣдующей вашей фразѣ:

«Вотъ почему въ весьма великой степени общественное совер-
ство людей зависитъ отъ совершенства *общественныхъ учрежденій*
ощатывающихъ въ человѣкѣ, если не христіанскія, то гражданскія
блести».

«Если не христіанскія, то гражданскія доблести!» Развѣ не
ъ тутъ ученый ножъ, дѣлящій недѣлимое, разрѣзающій
ный живой организмъ на двѣ отдѣльныя мертвыя поло-
нравственную и гражданскую? Вы скажете и «въ обще-
ихъ учрежденіяхъ» и въ санѣ «гражданина» можете

заключаться величайшая нравственная идея, что «граждан
идея» въ націяхъ уже зрѣлыхъ, развившихся, всегда замѣн
первоначальную идею религіозную, которая въ нее и вы
дается и которой она по праву наслѣдуетъ. Да, такъ м
утверждаютъ, но мы такой фантазіи еще не видали въ осу
ствленіи. Когда изживалась нравственно-религіозная идея
національности, то всегда наступала панически — трусл
потребность единенія, съ единственною цѣлью «спасти ж
тишки» — другихъ цѣлей гражданскаго единенія тогда не
ваетъ. Вотъ теперь французская буржуазія единится именн
этою цѣлью «спасенія животишекъ» отъ четвертаго ломяща
въ ея дверь сословія. Но «спасеніе животишекъ» есть с
безсильная и послѣдняя идея изъ всѣхъ идей единящихъ ч
вѣчество. Это уже начало конца, предчувствіе конца. Единя
а сами уже навострили глаза какъ-бы при первой опасности
скорѣе разсыпаться врознь. И что тутъ можетъ спасти «уч
деніе» какъ таковое, какъ взятое само по себѣ? Были-бы бр
будетъ и братство. Если-же нѣтъ братьевъ, то никакимъ «уч
деніемъ» не получите братства. Что толку поставить «учре
ніе» и написать на немъ: Liberté, Egalité, Fraternité? Ровно
какого толку не добьетесь тутъ «учрежденіемъ», такъ что
дется, — необходимо, неминуемо придется — присовокупить
тремъ «учредительнымъ» словечкамъ четвертое: «ou la m
fraternité ou la mort» — и пойдутъ братья откалывать го
братьямъ, чтобъ получить чрезъ «гражданское учрежденіе» б
ство. Это только примѣръ, но хорошій. Вы, г. Градовскій,
и Алеко, ищете спасенія въ вещахъ и въ явленіяхъ внѣшн
«Пусть де у насъ въ Россіи поминутно глупцы и мошенники
иной взглядъ можетъ и такъ), но стоитъ лишь пересадить
намъ изъ Европы какое нибудь «учрежденіе» и по вашему
спасено. Механическое перенесеніе къ намъ европейскихъ ф
(которыя тамъ завтра-же рухнутъ), народу нашему чуждых
волѣ его непригожихъ, есть, какъ извѣстно, самое важное с
русскаго европеизма. Кстати, вотъ вы, г. Градовскій, осу
наше неустройство, стыдя тѣмъ Россію и указывая ей на
ропу, изволите говорить:

«А пока что, мы не можемъ справиться даже съ такими несогла
и противурѣчіями, съ которыми Европа справилась давнымъ дав

Это Европа-то справилась? Да кто только могъ вамъ
сказать? Да она наканунѣ паденія, ваша Европа, повсемѣст
общаго и ужаснаго. Муравейникъ, давно уже созидавшійся

церкви и безъ Христа (ибо церковь, замутивъ идеалъ свой, уже и повсемѣстно перевоплотилась тамъ въ Государство), сшатаннымъ до основанія нравственнымъ началомъ, утра-имъ все общее и все абсолютное,—этотъ созидавшійся ейникъ, говорю я, весь подкопанъ. Грядетъ четвертое со-, стучится и ломится въ дверь, и если ему не отворять, етъ дверь. Не хочетъ оно прежнихъ идеаловъ, отвергаетъ доселѣ бывшій законъ. На компромисъ, на уступочки не гъ, подпорочками не спасете зданія. Уступочки только раз-огъ, а оно хочетъ всего. Наступитъ нѣчто такое чего никто мыслитъ. Всѣ эти парламентаризмы, всѣ исповѣдываемыя ь гражданскія теоріи, всѣ накопленныя богатства, банки, , жиды, все это рухнетъ въ одинъ мигъ и безслѣдно— развѣ жидовъ, которые и тогда найдутся какъ поступить, что имъ даже въ руку будетъ работа. Все это «близко, верахъ». Вы смѣетесь? Блаженны смѣющіеся. Дай Богъ вѣку, сами увидите. Удивитесь тогда. Вы скажете мнѣ ь: «Хорошо-же вы любите Европу коли такъ ей проро-. А я развѣ радуюсь? Я только предчувствую, что подве-итогъ. Окончательный-же расчетъ, уплата по итогу, можетъ ойти даже гораздо скорѣе, чѣмъ самая сильная фантазія -бы предположить. Симптомы ужасны. Ужь одно только давне-неестественное политическое положеніе европейскихъ рствъ можетъ послужить началомъ всему. Да и какъ-бы оно быть естественнымъ, когда неестественность заложена въ ніи ихъ и накоплялась вѣками? Не можетъ одна малая человѣчества владѣть всѣмъ остальнымъ человѣчествомъ рабомъ, а вѣдь для этой единственно цѣли и слагались до поръ *всѣ* гражданскія (уже давно не христіанскія) учреж-) учрежденія Европы, теперь совершенно языческой. Эта ственность, и эти «неразрѣшимые» политическіе вопросы ь извѣстные впрочемъ) непремѣнно должны привести къ ой, окончательной, раздѣлочной политической войнѣ, въ ой всѣ будутъ замѣшаны и которая разразится въ нынѣш-еще столѣтіи, можетъ даже въ наступающемъ десятилѣтіи. вы думаете: выдержитъ тамъ *теперь* длинную политиче-войну общество? Фабрикантъ трусливъ и пугливъ, жидъ фабрики и банки закроются всѣ, чуть-чуть лишь война тся или погрозитъ затянуться, и милліоны голодныхъ ртовъ, женныхъ пролетаріевъ, брошены будутъ на улицу. Ужь не гесь-ли вы на благоразуміе политическихъ мужей и на то,

что они не затѣятъ войну? Да когда-же на это благоразум
можно было надѣяться? Ужь не надѣетесь-ли вы на палаты, т
они не дадутъ денегъ на войну, предвидя послѣдствія? Да когд
же тамъ палаты предвидѣли послѣдствія и отказывали въ ден
гахъ чуть-чуть настойчивому руководящему человѣку? И во
пролетарій на улицѣ. Какъ вы думаете, будетъ онъ теперь
прежнему терпѣливо ждать умирая съ голоду? Это послѣ пол
тическаго-то соціализма, послѣ интернаціоналки, соціальны
конгрессовъ и Парижской комуны? Нѣтъ, теперь уже не
прежнему будетъ: они бросятся на Европу и все старое рухне
навѣки. Волны разобются лишь о нашъ берегъ, ибо тогда тольк
въявь и воочію обнаружится передъ всѣми до какой степе
нашъ національный организмъ особливъ отъ европейскаго. Тог
и вы, гг. доктринеры, можетъ быть, схватитесь и начнете иска
у насъ «народныхъ началъ», надъ которыми теперь толь
сиѣетесь. А теперь-то вы, господа, теперь-то—указываете на
на Европу и зовете пересаживать къ намъ именно тѣ сам
учрежденія, которыя тамъ завтра-же рухнутъ, какъ изживш
свой вѣкъ абсурдъ и въ которыя и тамъ уже многіе умные лю
давно не вѣрятъ, которыя держатся и существуютъ тамъ до сих
поръ лишь по одной инерціи. Да и кто, кромѣ отвлеченна
доктринера могъ принимать комедію буржуазнаго единенія, к
торую видимъ въ Европѣ, за нормальную формулу человѣческа
единенія на землѣ? Они-де у себя давно справились: Это пос
двадцати-то конституцій менѣе чѣмъ въ столѣтіе, и безъ мал
послѣ десятка революцій? О, можетъ быть, только тогда, освобо
денные на мигъ отъ Европы, мы займемся ужь сами, безъ евр
пейской опеки, нашими общественными идеалами, и непремѣн
исходящими изъ Христа и личнаго самосовершенствованія, г. Г
довскій. Вы спросите: какіе-же могутъ быть у насъ свои общ
ственные и гражданскіе идеалы мимо Европы? Да, обществе
ные идеалы—лучше вашихъ европейскихъ, крѣпче вашихъ евр
пейскихъ, крѣпче вашихъ и даже—о ужасъ!—либеральнѣе в
шихъ! Да, либеральнѣе, потому что исходятъ прямо изъ ор
низма народа нашего, а не лакейски-безличная пересадка съ
зада. Теперь я, конечно, не могу объ этомъ распространить
ну хотъ потому одному что и безъ того статья длинна выш
Кстати, вспомните: что такое и чѣмъ такимъ стремилась бы
древняя Христіанская Церковь? Началась она сейчасъ-же по
Христа, всего съ нѣсколькихъ человѣкъ, и тотчасъ, чуть но
первые дни послѣ Христа, устремилась отыскивать свою «пр

нскую формулу», всю основанную на нравственной надеждѣ
оленія духа по началамъ личнаго самосовершенствованія. На-
лись Христіанскія общины—Церкви, затѣмъ быстро начала со-
даться новая, неслыханная дотолѣ національность — всебрат-
ая, всечеловѣческая, въ формѣ общей вселенской Церкви. Но
а была гонима, идеалъ созидался подъ землею, а надъ нимъ,
верхъ земли тоже созидалось огромное зданіе, громадный му-
вейникъ — древняя Римская Имперія, тоже являвшаяся какъ-
идеаломъ и исходомъ нравственныхъ стремленій всего древ-
го міра: являлся человѣкобогъ, Имперія сама воплощалась какъ
лигіозная идея, дающая въ себѣ и собою исходъ всѣмъ нрав-
веннымъ стремленіямъ всего древняго міра. Но муравейникъ
заключился, онъ былъ подкопанъ Церковью. Произошло столк-
веніе двухъ самыхъ противуположныхъ идей, которыя только
гли существовать на землѣ: Человѣкобогъ встрѣтилъ Богоче-
вѣка, Аполлонъ Бельведерскій Христа. Явился компромиссъ:
мперія приняла Христіанство, а Церковь римское право и го-
дарство. Малая часть церкви ушла въ пустыню и стала про-
лжать прежнюю работу: явились опять христіанскія общины,
томъ монастыри — все только лишь пробы, даже до нашихъ
ей. Оставшаяся-же огромная часть Церкви, раздѣлилась впо-
дствіи, какъ извѣстно, на двѣ половины. Въ Западной поло-
нѣ государство одолѣло наконецъ Церковь совершенно. Цер-
вь уничтожилась и перевоплотилась уже окончательно въ Го-
дарство. Явилось папство—продолженіе древней Римской Им-
ріи въ новомъ воплощеніи. Въ Восточной-же половинѣ Госу-
рство было покорено и разрушено мечемъ Магомета и остался
шь Христосъ, уже отдѣленный отъ Государства. А то Государство,
торое приняло и вновь вознесло Христа, претерпѣло такія страш-
ія вѣковыя страданія отъ враговъ, отъ Татарщины, отъ неустрой-
ва, отъ крѣпостнаго права, отъ Европы и европеизма, и столько
ъ до сихъ поръ выноситъ, что настоящей общественной фор-
мы, въ смыслѣ духа любви и христіанскаго самосовершенство-
нія, дѣйствительно еще въ немъ не выработалось. Но не вамъ
только укорять его за это, г. Градовскій. Пока народъ нашъ
ъ только носитель Христа, на него одного и надѣется. Онъ
ъ себя крестьяниномъ, т. е. христіаниномъ, и тутъ не одно
слово, тутъ идея на все его будущее. Вы, г. Градовскій,
костно укоряете Россію за ея неустройство. А кто мѣшалъ
ъ поръ ей устроиться во всѣ эти два послѣдніе вѣка, и
но въ послѣднее пятидесятилѣтіе? А вотъ все, подобные

вамъ, русскіе европейцы, г. Градовскій, которые у насъ всѣ [illegible] вѣка не переводились, а теперь особенно на насъ насѣли. [illegible] врагъ органическому и самостоятельному развитію Россіи на с[illegible] ственныхъ ея народныхъ началахъ? Кто насмѣшливо не пр[illegible] наетъ даже существованіе этихъ началъ и не хочетъ ихъ за[illegible] чать! Кто хотѣлъ передѣлать народъ нашъ, фантастически «в[illegible] вышая его до себя» — по просту надѣлать все такихъ-же ка[illegible] сами, либеральныхъ европейскихъ человѣковъ, отрывая, отъ в[illegible] мени до времени, отъ народной массы по человѣчку и разврат[illegible] его въ европейца даже хоть фалдочками мундира? Этимъ я [illegible] говорю, что европеецъ — развратенъ; я говорю только что пер[illegible] дѣлывать русскаго въ европейца такъ, какъ либералы его пер[illegible] дѣлываютъ — есть сущій развратъ за частую. А вѣдь въ этом[illegible] то и состоитъ весь идеалъ ихней программы дѣятельности: имен[illegible] въ откупливаніи по человѣчку отъ общей массы — экой абсурд[illegible] Это они такъ хотѣли всѣ восемьдесятъ милліоновъ народа наше[illegible] откалупать и передѣлать? Да неужели-же вы серьезно дума[illegible] что нашъ народъ весь, всей массой своей, согласится стать тако[illegible] же безличностью, какъ эти господа русскіе европейцы?

IV.

Одному смирись, а другому гордись. Буря въ стаканчикѣ.

До сихъ поръ я только препирался съ вами, г. Градовск[illegible] теперь-же хочу васъ и упрекнуть за намѣренное искаженіе м[illegible] мысли, главнаго пункта въ моей «Рѣчи».

Вы пишете:

«Еще слишкомъ много неправды, остатковъ вѣковаго раб[illegible] засѣло въ немъ (т. е. въ народѣ нашемъ), чтобъ онъ могъ требо[illegible] себѣ поклоненія и сверхъ того, претендовать еще на обращеніе [illegible] Европы на путь истинный, какъ это предсказываетъ г. Достоевск[illegible]

«Странное дѣло! Человѣкъ, называющій гордость въ лицѣ отд[illegible] ныхъ скитальцевъ, признаетъ ее гордостью цѣлый народъ, въ ко[illegible] ромъ онъ видитъ какого-то всемірнаго апостола. Одному онъ го[illegible] ритъ: «Смирись»! Другому говоритъ: «Возвышайся»!

И далѣе:

«А тутъ не [illegible] какъ слѣдуетъ народностью, вдругъ [illegible] стали о всечеловѣческой роли. Не [illegible] г. Достоевскій гор[illegible] [illegible], что мы [illegible] служили Европѣ. Признаемся, это «служ[illegible] вызываетъ въ насъ не радостное чувство. Время-ли вѣнскаго к[illegible] гресса и вообще эпоха конгрессовъ можетъ быть предметомъ на[illegible] «гордости»? Тогда время, когда мы, служа Меттерниху, подав[illegible] національное движеніе въ Италіи и Германіи и [illegible] даже

новѣрныхъ грековъ? И какую ненависть нажили мы въ Европѣ
нно за это «служеніе»!

Остановлюсь сначала на этой послѣдней, маленькой, почти
ванной передержкѣ: Да развѣ я, сказавъ что «мы въ послѣд-
два вѣка служили Европѣ, можетъ быть, даже болѣе чѣмъ
бѣ» — развѣ я хвалилъ то *какъ* мы служили? Я только хотѣлъ
тѣтить фактъ служенія, и фактъ этотъ истиненъ. Но фактъ
женія и то: *какъ* мы служили — два дѣла совсѣмъ разныя.
мы могли надѣлать очень много политическихъ ошибокъ, да и
ропейцы ихъ дѣлаютъ во множествѣ поминутно, но не про-
ки наши я хвалилъ, я только фактъ нашего служенія (почти
гда безкорыстнаго) обозначилъ. Неужели вы не понимаете, что
двѣ вещи разныя? «Г. Достоевскій гордится тѣмъ, что мы
жили Европѣ», говорите вы. Да вовсе и не гордясь я это
залъ, я только обозначалъ черту нашего народнаго духа,
ту многознаменующую. Такъ отыскать прекрасную, здоровую
ту въ духѣ національномъ значитъ уже непремѣнно гор-
ться? А что вы говорите про Меттерниха и про конгрессы? Это
-то меня будете въ этомъ учить? Да я еще когда вы были
удентомъ про служеніе Меттерниху говорилъ, да еще посиль-
е вашего, и именно за слова объ неудачномъ служеніи Мет-
ниху, — (между другими словами, конечно) — тридцать лѣтъ
у назадъ извѣстнымъ образомъ и отвѣтилъ. Для чего-же вы
исказили? А вотъ чтобъ показать: «Видите-ли какой я ли-
алъ, а вотъ поэтъ, восторженный-то любитель народа, слы-
те какія ретроградныя вещи мелетъ, гордясь нашимъ служе-
мъ Меттерниху». Самолюбіе, г. Градовскій.

Но это, конечно, пустяки, а вотъ слѣдующее не пустяки.

И такъ, сказавъ народу: «возвышайся духомъ» значитъ ска-
ть ему: «гордись», значитъ склонять его къ гордости, учить
гордости? Вообразите, г. Градовскій, что вы вашимъ роднымъ
мъ говорите: «Дѣти, возвышайте духъ вашъ, дѣти, будьте
городны»! — неужели-же это значитъ, что вы ихъ гордости
ите, или что вы сами, уча ихъ, гордитесь? А я что сказалъ?
говорилъ о надеждѣ «стать братомъ всѣхъ людей въ концѣ
цовъ», прося подчеркнуть слово: «въ концѣ концовъ». Не-
ли-же свѣтлая надежда, что хоть когда-нибудь въ нашемъ
ающемъ мірѣ осуществится братство, и что и намъ можетъ
ть *позволятъ стать братьями* всѣхъ людей — неужели эта
жда есть уже гордость и призывъ къ гордости? Да вѣдь я
но, прямо сказалъ въ концѣ «Рѣчи»: «Что-же, развѣ я про

экономическую славу говорю, про славу меча или науки ворю лишь о братствѣ людей и о томъ, что ко всемірн всечеловѣчески — братскому единенію сердце русское, быть, изъ всѣхъ народовъ наиболѣе предназначено»... Во слова. И неужто въ нихъ призывъ къ гордости? Сейчас приведенныхъ словъ моей «Рѣчи» я прибавилъ: «Пусть земля нищая, но эту нищую землю въ рабскомъ видѣ ис благословляя Христосъ. Почему-же намъ не вмѣстить посл слова Его»? Это слово-то Христово значитъ призывъ к дости, а надежда вмѣстить это слово есть гордость? Вы годованія пишете: «что намъ слишкомъ рано требовать себѣ нія».—Да какое-же тутъ требованіе поклоненія—помилуй желаніе-то всеслуженія, стать всѣмъ слугами и братьями жить имъ своею любовью, значитъ требовать отъ всѣхъ ис нія? Да если тутъ требованіе поклоненія, то святое, безкор желаніе всеслуженія становится тотчасъ абсурдомъ. Слуг кланяются, а братъ не колѣнопреклоненій пожелаетъ отъ

Представьте, г. Градовскій, что вы сдѣлали какое доброе дѣло, или идете только сдѣлать его, и вотъ вы, до въ добромъ умиленіи вашемъ думаете и воображаете: «к радуется этотъ несчастный неожиданной помощи, которую несу, какъ воспрянетъ духомъ, какъ воскреснетъ, пойдет скажетъ о своей радости своимъ домашнимъ, своимъ д заплачетъ съ ними»... думая и воображая это вы, конечно почувствуете умиленіе, иногда даже слезы (неужели эт вами никогда не случалось)? и вотъ подлѣ васъ умный вамъ въ ухо: «Это ты гордишься воображая все это себ ты отъ гордости проливаешь слезы»? Помилуйте: да од надежда на то, что и мы, русскіе, можемъ хоть что значить въ человѣчествѣ и хотя-бы въ концѣ концовъ удос братски послужить ему, — одна ужь эта надежда вызв сторгъ и слезы восторга въ тысячной массѣ слушателей. не для похвальбы, не изъ гордости это припоминаю, я обозначаю серьезность момента. Дана была только свѣтл дежда, что и мы можемъ быть чѣмъ въ человѣчествѣ, х *только* братьями другимъ людямъ, и вотъ одинъ только чій намекъ соединяетъ всѣхъ въ одну мысль и въ одн ство. Обнимались незнакомые и клялись другъ другу впред лучшими. Ко мнѣ подошли два старика и сказали мнѣ двадцать лѣтъ были врагами другъ другу и вредили другъ с вашему слову мы помирились». Въ одной газетѣ

или замѣтить, что весь этотъ восторгъ ничего не выражаетъ,
то было-де такое ужь настроеніе «съ цѣлованіемъ рукъ», и
то напрасно ораторы всходили и говорили и доканчивали свои
рѣчи... Что-бы они ни сказали, все тотъ-же де былъ-бы восторгъ,
бо такое ужь благодушное настроеніе въ Москвѣ объявилось».
вотъ поѣхалъ-бы журналистъ самъ туда и сказалъ-бы что-
нибудь отъ себя: кинулись-ли бы къ нему такъ, какъ ко мнѣ,
ли нѣтъ? Отчего-же три дня передъ тѣмъ говорили рѣчи и были
громныя овацiи говорящимъ, но того, что случилось послѣ моей
чи ни съ кѣмъ тамъ не было? Это былъ единственный мо-
нтъ на праздникѣ Пушкина и не повторялся. Видитъ Богъ не для
схваленія своего говорю, но моментъ этотъ былъ слишкомъ серье-
нъ и я не могу о немъ умолчать. Серьезность его состояла именно
томъ, что въ обществѣ ярко и ясно объявились новые элементы,
бъявились люди, которые жаждутъ подвига, утѣшающей мысли,
бѣтованія дѣла. Значитъ не хочетъ уже общество удовлетвориться
нимъ только нашимъ либеральнымъ хихиканіемъ надъ Россіей.
лчитъ мерзитъ уже ученіе о вѣковѣчномъ безсиліи Россіи! Одна
лько надежда, одинъ намекъ и сердца зажглись святою жаждою
человѣческаго дѣла, всебратскаго служенія и подвига. Это отъ
рдости они зажглись? Это отъ гордости пролились слезы? Это
гордости я ихъ призывалъ? Ахъ вы!

Видите-ли, г. Градовскій: серьезность этого момента вдругъ
гихъ испугала въ нашемъ либеральномъ стаканчикѣ, тѣмъ
лѣе, что это было такъ неожиданно. «Какъ? До сихъ поръ мы
ъ пріятно и себѣ полезно хихикали и все оплевывали, а тутъ
кругъ... да это вѣдь бунтъ? Полицію!» Выскочило нѣсколько
репуганныхъ разныхъ господъ: «Какъ-же съ нами-то теперь
ѣдь и мы тоже писали... куда-же насъ теперь дѣнутъ? Зате-
ть, затереть это все поскорѣе и чтобъ не осталось и слѣда
ъяснить скорѣе на всю Россію, что это только такое благо-
ное настроеніе въ хлѣбосольной Москвѣ случилось, милень-
й моментикъ послѣ ряда обѣдовъ, а болѣе ничего, ну, а бунтъ
ротить полиціей?» И принялись: и трусъ-то я, и поэтъ-то я
ничтоженъ-то я, и нулевое-то значеніе имѣетъ моя рѣчь, —
нимъ словомъ, сгоряча поступили даже неосторожно: публика
ла и не повѣрить. Надо было, напротивъ, это дѣло сдѣлать
ш, подойти хладнокровнѣе, даже хоть что нибудь и похва
въ моей «Рѣчи»: «дескать, все-таки есть теченіе мыслей»
ъ, мало-по-малу, мало-по-малу, все и заплевать, и зате
къ общему удовлетворенію. Однимъ словомъ, поступили не

столь искусно. Явился пробѣлъ, его надо было поскорѣе з
нить, и вотъ немедленно отыскался солидный, опытный ум
тикъ, соединяющій безотчетность нападеній съ надлежащею к
фотностью. Этотъ критикъ были вы, г. Градовскій: вы нас
васъ прочли и всѣ успокоились. Вы послужили общему
красному дѣлу, по крайней мѣрѣ, васъ всюдѣ перепечатали:
держивается, дескать, строгой критики рѣчь поэта; поэты пое
вотъ умные-то люди стоятъ на стражѣ и всегда во время об
холодной водой мечтателя». Въ самомъ концѣ вашей стат
просите меня извинить вамъ выраженія, которыя я, въ
вашей, могъ-бы счесть рѣзкими. Я, кончая мою статью, не
у васъ извиненія за рѣзкости, г. Градовскій, буде такова
статьѣ моей есть. Я отвѣчалъ не лично А. Д. Градовско
публицисту А. Градовскому. Лично я не имѣю ни малѣ
причинъ не уважать васъ. Если-же не уважаю ваши мн
остаюсь при томъ, то чѣмъ смягчу прося извиненій? Н
тяжело было видѣть, что весьма серьезная и знаменат
минута въ жизни общества нашего представлена извра
разъяснена ошибочно. Тяжело было видѣть, что идею, к
служу я, волокутъ по улицѣ. Вотъ вы-то ее и поволокли.

Я знаю, мнѣ скажутъ со всѣхъ сторонъ, что не ст
смѣшно было писать такой длинный отвѣтъ на вашу до
короткую, сравнительно съ моей, статью. Но повторяю,
статья послужила только предлогомъ: мнѣ хотѣлось кое-ч
обще высказать. Я намѣренъ съ будущаго года «Дневник
сателя» возобновить. Такъ вотъ этотъ теперешній номеръ
ника» пусть послужитъ моимъ profession de foi на бу
«пробнымъ» такъ сказать номеромъ.

Скажутъ еще пожалуй, что я моимъ вамъ отвѣтомъ у
жилъ весь смыслъ моей «Рѣчи», произнесенной въ Москв
самъ призывалъ обѣ партіи русскія къ единенію и прим
и признавалъ законность той и другой. Нѣтъ, совсѣмъ
смыслъ «Рѣчи» не уничтоженъ, а напротивъ еще болѣе з
ленъ, ибо именно я обозначаю въ моемъ вамъ отвѣтѣ, ч
партіи, въ отчужденіи одна отъ другой, во враждѣ одна с
гой, сами ставятъ себя и свою дѣятельность въ ненорм
положеніе, тогда какъ въ единеніи и въ соглашеніи дру
другомъ, могли-бы, можетъ быть, все вознести, все спасти
будить безконечныя силы и воззвать Россію къ новой, зде
великой жизни, доселѣ еще невиданной!

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ.

ЯНВАРЬ 1881 г.

Глава первая.

I.

ь. Гражданинъ оскорбленный въ Өемидѣ. Увѣнчаніе снизу и музыканты. Говорильня и говоруны.

еди, неужели и я, послѣ трехъ лѣтъ молчанія, выступаю, бновленномъ «Дневникѣ» моемъ, съ статьей экономиче- еужели и я экономистъ, финансистъ? Никогда таковыми ». Не смотря даже на теперешнее повѣтріе, не заразился змомъ и вотъ туда-же за всѣми выступаю съ статьей ческой. А что теперь повѣтріе на экономизмъ—въ томъ мнѣнія. Теперь всѣ экономисты. Всякій начинающійся › смотритъ экономистомъ и въ смыслѣ этомъ рекомен- Да и какъ не быть экономистомъ, кто можетъ теперь экономистомъ: паденіе рубля, дефицитъ! Этотъ все- экономическій видъ появился у насъ наиболѣе въ по- годы, послѣ нашей турецкой кампаніи. О, и прежде у зсуждали много о финансахъ, но во время войны и ойны всѣ бросились въ финансы по преимуществу,— -таки, конечно, все это произошло натурально: рубль займы на военные расходы и проч. Но тутъ, кромѣ ню рубля, была и отместка, да и теперь продолжается, за войну отместка: «мы, дескать, говорили, мы предре- Особенно пустились въ экономизмъ тѣ, которые говорили ъ семьдесятъ шестомъ и седьмомъ годахъ, что денежки еликодушія, что восточный вопросъ одно баловство и что не только подъема духа народнаго нѣтъ, не только е народна и не національна, но, въ сущности, и народа- , а есть и пребываетъ по прежнему все та-же косная ѣмая и глухая, устроенная къ платежу податей и къ со- о интеллигенціи; масса, которая если и даетъ по цер-

квасъ гроша, то потому лишь, что священникъ и начальств
лятъ. Всѣ русскіе ѳерситы (а ихъ много развелось въ н
лигенціи нашей) были тогда страшно оскорблены въ св
лучшихъ чувствахъ. Гражданинъ въ ѳерситѣ былъ оскорб
Вотъ и начали они мстить, попрекая финансами. Мало по
примкнули къ нимъ уже и не ѳерситы, даже бывшіе «г
примкнули. Всѣ по немногу надулись, нѣкоторые, впрочемъ, с
Правда и миръ невыгодный поспособствовалъ, берлинская
ференція. (NB. Кстати объ этой берлинской конференціи:
тогда одна баба въ глуши, въ захолустьи, на проселочно
рогѣ, хозяйка постоялаго дворика, вдругъ спрашиваетъ:
тюшка, скажи ты мнѣ, какъ насъ тамъ заграницей-то т
порѣшили, не слыхать-ли чего»? Подивился я тогда на эту
Но объ этомъ, т. е. о тогдашнемъ подъемѣ духа народнаг
томъ). Я только хочу теперь сказать, что объ рублѣ и
фицитѣ всѣ теперь пишутъ, и ужь, конечно, тутъ отча
стадность: всѣ пишутъ, всѣ тревожатся, такъ какже
не тревожиться, подумаютъ, что не гражданинъ, не ни
суюсь. Впрочемъ, есть кое-гдѣ и настоящая гражданская
вога, есть боль, есть болѣзненныя сомнѣнія за будущее,
хочу душой кривить. Но, однако-же, хоть и истинныя
данскія боли, а почти вездѣ все на тему: Зачѣмъ-де у насъ в
не такъ, какъ въ Европѣ? «Въ Европѣ-де вездѣ хорошъ та
а у насъ рубль дуренъ. Такъ какже это мы не Европа,
зачѣмъ-же это мы не Европа»? Умные люди разрѣшили,
нецъ, вопросъ, почему мы не Европа и почему у насъ не
какъ въ Европѣ: «Потому-де, что не увѣнчано зданіе». В
начали всѣ кричать объ увѣнчаніи зданія, забывъ, что и зд
то еще никакого не выведено, что и вѣнчать-то, стало быт
всѣмъ нечего, что вмѣсто зданія всего только нѣсколько бѣ
жилетовъ, вообразившихъ, что они уже зданіе, и что увѣн
если ужь и начать его, гораздо пригоднѣе начать прямо с
съ армяка и лаптя, а не съ бѣлаго жилета. Тутъ сдѣлаем
обходимую оговорку: увѣнчаніе снизу на первый взглядъ
нечно, нелѣпость, хотя-бы лишь въ архитектурномъ смыс
противорѣчить всему, что было и есть въ этомъ родѣ въ Ев
Но такъ какъ у насъ все своеобразно, все не такъ как
Европѣ, а иногда такъ совсѣмъ наоборотъ, то и въ такомъ
номъ дѣлѣ, какъ увѣнчаніе зданія, дѣло это можетъ прои
наоборотъ Европѣ, къ удивленію и негодованію нашихъ
скихъ европейскихъ умовъ. Ибо, къ удивленію Европы,

нашъ архивъ и лапоть, есть въ самомъ дѣлѣ въ своемъ
ое зданіе, — не фундаментъ только, а именно зданіе, —
не завершенное, но твердое и незыблемое, вѣками вы-
е, и дѣйствительно, взаправду всю настоящую истинную
хотя еще и не вполнѣ развитую, нашего будущаго уже
турно-законченнаго зданія, въ себѣ одномъ предчув-
ее. Впрочемъ, всѣ эти возгласы европейцевъ нашихъ объ
ии, если ужь всю правду сказать, имѣютъ характеръ,
какъ и сказали мы выше, болѣе стадный и механически-
тельный, чѣмъ разсудочный и дѣйствительно гражданскій,
енно-гражданскій. И потому такъ набросились всѣ на
ую утѣшеніе, что всѣ эти внѣшнія, именно *механически-*
тельныя утѣшенія, всегда легки и пріятны и чрезвы-
шодручны: «Нужна-де только европейская формула и все
изъ спасено; приложить ее, взять изъ готоваго сундука,
съ-же Россія станетъ Европой, а рубль талеромъ». Глав-
о пріятно въ этихъ механическихъ успокоеніяхъ, — это
думать совсѣмъ не надо, а страдать и смущаться и по-
Я про стадо говорю, я праведниковъ не трогаю. Пра-
вездѣ есть, даже и изъ европейцевъ русскихъ, и я ихъ
согласитесь, что у насъ, въ большинствѣ случаевъ, все
ъ-то танцуя происходитъ. Чего думать, чего голову ло-
це заболитъ: взять готовое у чужихъ и тотчасъ нач-
узыка, согласный концертъ—

Мы вѣрно ужь поладимъ
Коль рядомъ сядемъ.

а что коль вы въ музыканты-то еще не годитесь, и это
мнѣйшемъ, въ колоссальнѣйшемъ большинствѣ, господа?
оль изъ бѣлыхъ жилетовъ выйдетъ лишь одна говорильня?
коли колоссальнѣйшее большинство бѣлыхъ-то жилетовъ
ичанное зданіе и вовсе-бы пускать не надо (на первый
конечно), если ужь такъ случится когда-нибудь, что оно
увѣнчано? То есть ихъ-бы и можно пустить и должно,
что все-жь они русскіе люди (а многіе такъ и люди хо-
еслибъ только они, со всей землей, захотѣли смиренно,
ъ общемъ великомъ дѣлѣ, свой совѣтъ сказать. Но вѣдь
тятъ они свой совѣтъ вмѣстѣ съ землей сказать, возгор-
адъ нею. До сихъ поръ, цѣлыхъ два столѣтія были особо,
вдругъ и соединятся! Это вѣдь не водевиль, это требуетъ
и культуры, а культуры у насъ нѣтъ и не было. По-

смотрите, вникните въ азартъ иного европейскаго русскаго человѣка и притомъ иной разъ самаго невиннѣйшаго и любезнаго по личному своему характеру, посмотрите, вникните, съ какимъ нелѣпымъ, ядовитымъ и преступнымъ, доходящимъ до пѣны у рта, до клеветы азартомъ препирается онъ за свои завѣтныя идеи, и именно за тѣ, которыя въ высшей степени не похожи на складъ русскаго народнаго міросозерцанія, на священнѣйшія чаянія и вѣрованія народныя! Вѣдь такому барину, такому бѣлоручкѣ, чтобъ соединиться съ землею, воняющею зипуномъ и лаптемъ, — чѣмъ надо поступиться, какими святѣйшими для него книжками и европейскими убѣжденіями? Не поступится онъ, небрезгливъ къ народу и высокомѣренъ къ землѣ Русской уже невольно. «Мы, дескать, только одни и можемъ совѣтъ сказать, скажутъ они, а тѣ, остальные (то есть вся-то земля), пусть и тѣмъ довольны будутъ пока, что мы, образуя ихъ, будемъ ихъ постепенно возносить до себя и «научимъ народъ его правамъ и обязанностямъ». (Это они-то собираются поучать народъ его правамъ и, главное, — обязанностямъ! Ахъ, шалуны!). «Русское общество не можетъ-де пребывать въ уѣздной кутузкѣ вмѣстѣ съ оборваннымъ народомъ, одѣтымъ въ національные лапти». Такъ вѣдь выходя съ такимъ настроеніемъ, можно (и даже неминуемо) дойти опять до закрѣпощенія народнаго, зипуна-то и лаптя, хотя не прежнимъ крѣпостнымъ путемъ, такъ интеллигентной опекой и ея политическими послѣдствіями,—

«А народъ опять скуемъ!»

Ну и разумѣется кончатъ тѣмъ, что заведутъ для однихъ себя говорильню. Заведутъ, да и сами себя и другъ друга, съ перваго-же шагу, не поймутъ и не узнаютъ, — и это навѣрно случится такъ. Будутъ лишь въ темнотѣ другъ объ друга спотыкаться лбами. Не обижайтесь, господа: Это и не съ такимъ обществомъ цѣлыхъ два вѣка оторваннымъ отъ всякаго дѣла и не имѣющимъ никакой самобытной культуры, какъ ваше, случалось, когда доходила до него очередь въ первый разъ свой совѣтъ сказать, это и съ культурнѣйшими народами случалось. Но такъ какъ тѣ всегда за собой имѣли вѣковую культуру, и что прежде всего всегда болѣе или менѣе на народъ опирались, то и оправлялись скоро, и выступали на дорогу твердую, конечно, тоже не безъ предварительныхъ шишекъ на лбу. Ну, а вы, наши европейцы, на что обопретесь, чѣмъ сладитесь? — тѣмъ только, что рядите. А сколько, сколько расплодилось у насъ теперь говоруновъ

овъ? Точно и въ самомъ дѣлѣ готовятся. Сядетъ передъ вами ной передовой и поучающій господинъ и начнетъ говорить: ни ощовъ, ни началъ; все сбито и сверчено въ клубокъ. Часа итора говоритъ и, главное, вѣдь такъ сладко и гладко, точно тица поетъ. Спрашиваешь себя, что онъ: умный или иной какой?— не можешь рѣшить. Каждое слово, казалось-бы, понятно и ясно, въ цѣломъ ничего-то не разберешь. Курицу-ль впредь яйца учатъ, ли курица будетъ по прежнему на яйцахъ сидѣть,—ничего этого разберешь, видишь только что краснорѣчивая курица, вмѣсто ца, дичь несетъ. Глаза выпучишь подъ конецъ, въ головѣ дур-ть. Это типъ новый, недавно народившійся; художественная тература его еще не затрогивала. Много чего не затронула еще а художественная литература изъ современнаго и текущаго, ого совсѣмъ проглядѣла и страшно отстала. Все больше типами роковыхъ годовъ пробиваются, много что пятидесятыхъ. Даже въ историческій-то романъ можетъ потому ударилась, что смыслъ кущаго потеряла.

II

Возможно-ль у насъ спрашивать европейскихъ финансовъ?

А что-же финансы? Что-жь финансовая-то статья?—скажутъ Но опять-таки: какой я экономистъ, какой финансистъ? и не смѣю я вовсе писать о финансахъ. Почему-же осмѣ-я-то и собираюсь писать? А вотъ именно потому, что увѣ-, что, начавъ о финансахъ, переѣду совсѣмъ на другое, и детъ у меня не финансовая, а совсѣмъ иная какая-нибудь тья. Вотъ этимъ только я и ободренъ. Ибо и недостоинъ я писать о финансахъ, такъ какъ самъ знаю, что смотрю наши финансы совсѣмъ не съ европейской точки и не вѣ-даже, что ее можно къ намъ приложить—и именно потому, мы вовсе не Европа и что все у насъ до того особливо, мы въ сравненіи съ Европой, почти какъ на лунѣ сидимъ. Европѣ, напримѣръ, рабское, феодальное отношеніе низшихъ словій къ высшимъ уничтожалось вѣками и, наконецъ-то, раз-революція; все, однимъ словомъ, совершилось культурно и чески. У насъ-же крѣпостное право рушилось въ одинъ со всѣми послѣдствіями, и, слава Богу, безъ малѣйшей ре-ы. И вотъ, казалось-бы, откудова быть потрясенію, то есть

капитальному, очень большому? Правда и то: все, что
дается, падаетъ всегда очень опасно, то есть, съ большим
сміемъ. Не я, разумѣется, пожалѣю, что вдругъ упало
хорошо, напротивъ, что весь этотъ мерзостный историче
нашъ упразднился разомъ по великому слову Освободит
не менѣе законъ природы нельзя миновать и потрясен
большое. Пусть-бы большое, но почему столь велик
мѣется, на все законы исторіи и ужь, безъ сомнѣнія, е
многіе, которые и теперь ясно различаютъ, почему
вышло. Но, не развивая эту тему дальше—(велика она
историку будущаго вѣка развѣ только по силамъ)—не
больше ни слова, укажу лишь на иныя частности, ч
всего бросаются въ глаза и смущаютъ. Вотъ, напримѣр
трите: Рухнуло крѣпостное право, мѣшавшее всему,
вильному развитію земледѣлія,—и вотъ тутъ-то бы, к
зацвѣсти мужику, тутъ-то бы, кажется, и разбогатѣть
чуть не бывало: въ земледѣліи мужикъ съѣхалъ прямо
мумъ того, что можетъ ему дать земля. И главное, въ
что еще неизвѣстно: найдется-ли даже и впредь така
въ чемъ именно она заключается), чтобъ мужикъ рѣш
выситься надъ минимумомъ, который даетъ ему теперь
попросить у ней максимума. Скажутъ умники: вопро
и уже всѣмъ понятный, но я твердо увѣренъ, что ем
не разрѣшенный и несравненно огромнѣйшій, несрав
лѣе захватывающій въ себѣ содержанія, чѣмъ пред
его. Затѣмъ посмотрите опять: все прежнее барское
дѣніе упало и понизилось до жалкаго уровня, а вмѣст
видимо началось перерожденіе всего бывшаго владѣльч
словія въ нѣчто иное чѣмъ прежде, въ народъ, въ
гентный народъ—ибо во что-же, казалось-бы, перерод
Вотъ бы и прекрасно и ужь лучше, кажется, нельзя-б
ибо страшно нужна народу интеллигенція предводящая
онъ жаждетъ и ищетъ ея. Но, къ сожалѣнію, и это у
еще въ идеалѣ, и представляется лишь прелестным
лемъ, летающимъ въ небѣ; въ дѣйствительности-же
такъ. Захочетъ-ли сословіе и прежній помѣщикъ стат
гентнымъ *народомъ?* Вотъ вопросъ и, знаете-ли: самы
самый капитальный, какой только есть у насъ теперь,
тораго зависитъ, можетъ быть, все наше будущее! А м
вопросъ этотъ далеко еще не рѣшенъ и даже представи
какимъ путемъ разрѣшится. Не захочетъ-ли, напротивъ

нять возгордиться и стать опять надъ народомъ властію силы, ужь, конечно, не прежнимъ крѣпостнымъ правомъ, но не захочетъ-ли напримѣръ, оно вмѣсто единенія съ народомъ, изъ самаго образованія всего создать новую властную и разъединительную силу и стать надъ народомъ аристократіей интеллигенціи, его опекающей. Захочетъ-ли оно искренно признать народъ своимъ братомъ по крови и духу, впредь навсегда, почтитъ-ли оно то, что чтитъ народъ нашъ, согласится-ли возлюбить то, что возлюбилъ народъ даже болѣе самого себя. А вѣдь безъ этого никогда и никто не сойдется съ нашимъ народомъ, ибо то, что онъ чтитъ и любитъ, у него крѣпко и онъ не поступится имъ ни для какой интеллигенціи, какъ-бы ни жаждалъ ея самъ. Все это у насъ страшно насущно и страшно не рѣшено. И вообще у насъ все теперь въ вопросахъ. И, что главное, все вѣдь это требуетъ времени, исторіи, культуры, поколѣній, а у насъ, напротивъ того, предстоитъ разрѣшить въ одинъ мигъ. Въ томъ-то и главная наша разница съ Европой, что не историческимъ, не культурнымъ ходомъ дѣла у насъ столько многое происходитъ, а вдругъ и совсѣмъ даже какъ-то внезапно, какой разъ даже никѣмъ до того неожиданнымъ предписаніемъ начальства. Конечно, все произошло и идетъ не по винѣ чьей нибудь, и ужь, если хотите, такъ даже и исторически, но согласитесь и съ тѣмъ, что такой исторіи не знала Европа. Какъ-же сравнивать съ насъ Европы, да еще съ европейской системой финансовъ? Я, напримѣръ, вѣрю какъ въ экономическую аксіому, что не желѣзно-дорожники, не промышленники, не милліонеры, не банки, не жиды *обладаютъ* землею, а прежде всѣхъ лишь одни земледѣльцы; что кто обработываетъ землю, тотъ и ведетъ все за собою, что земледѣльцы и суть государство, ядро его, сердцевина. А такъ-ли у насъ, не на выворотъ-ли въ настоящую минуту, гдѣ наше ядро и въ комъ? Не желѣзнодорожникъ-ли и надъ владѣютъ экономическими силами нашими? Вотъ у насъ строятся желѣзныя дороги и опять фактъ, какъ ни у кого: Европа вся не полвѣка покрывалась своей сѣтью желѣзныхъ дорогъ и еще при своемъ-то богатствѣ. А у насъ послѣднія пятнадцать-шестнадцать тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ въ десять лѣтъ выстроились, да еще при нашей-то нищетѣ и въ такое по-экономически время, сейчасъ послѣ уничтоженія крѣпаго права! И уже, конечно, всѣ капиталы перетянули къ нимъ именно тогда, когда земля ихъ жаждала наиболѣе. На разное землевладѣніе и создались желѣзныя дороги. А разъ-ли у насъ до сихъ поръ вопросъ о единичномъ, част

немъ экспансіи? Уживется-ли впредь оно рядомъ
жичьимъ, съ опредѣленной рабочей силой, но здоровой
дой, а не на пролетаріатѣ и кабакѣ основанной? А вѣ
здраваго разрѣшенія такого вопроса что-же здраваго в
Намъ именно здравыя рѣшенія необходимы,—до тѣхъ
будетъ спокойствія, а вѣдь только спокойствіе есть но
всякой великой силы. Какъ-же спрашивать у насъ тепе
пейскихъ бюджетовъ и правильныхъ финансовъ? Тутъ
въ томъ вопросъ, почему у насъ нѣтъ европейской эко
хорошихъ финансовъ, а вопросъ лишь въ томъ: какъ
устояли? Опять таки крѣпкой, единительной, всенародно
устояли.

А спокойствія у насъ мало, спокойствія духовнаго о
т. е. самаго главнаго, ибо безъ духовнаго спокойствія н
не будетъ. На это особенно не обращаютъ вниманія, а
ются только временной, матеріальной глади. Спокойствія в
нѣтъ, и это во всѣхъ слояхъ, спокойствія въ убѣждені
шихъ, во взглядахъ нашихъ, въ нервахъ нашихъ, въ
тахъ нашихъ. Труда и сознанія, что лишь трудомъ «
будеши»—нѣтъ даже вовсе. Чувства долга нѣтъ, да и
ему завестись: культуры полтора вѣка не было правиль
жалуй, что и ни какой. «Къ чему я стану трудиться,
самой культурой моей доведенъ до того, что все, что
меня, отрицаю? А если и есть колпаки, которые думаютъ
зданіе какими-то европейскими измышленіями,—то я и
ковъ отрицаю, а вѣрю лишь въ то, что чѣмъ хуже, тѣмъ
и вотъ вся моя философія». Увѣряю васъ, что у насъ
это очень многіе говорятъ, про себя, по крайней мѣрѣ,
такъ и вслухъ. И однако говорящій такіе афоризмы ч
самъ-то вѣдь изъ костей и плоти. «Чѣмъ хуже, тѣмъ
говоритъ онъ, но это вѣдь только для другихъ, для вс
самому-то мнѣ пусть будетъ какъ можно лучше»—во
какъ онъ разумѣетъ свою философію. Аппетитъ-же у н
чій. Мужчина съ медвѣдя, а нервы у него женскіе, ра
ные, избалованные; жестокъ и сластолюбивъ, ничего не
не можетъ, «да и къ чему-де утруждать себя и перев
Пресѣклись обѣды въ ресторанѣ, пресѣклись кокотки
для чего-же и жить,—бацъ и пулю въ лобъ. Еще
шо, если себѣ пулю въ лобъ, а то вѣдь пойдетъ да
гаго обокрадетъ, законно-юридическимъ образомъ. А
дѣла не ждетъ, бѣдность наростаетъ всеобщая. Вонъ ку

...тно жалуются, что никто ничего не покупаетъ. Фабрики ...ютъ производство до минимума. Войдите въ магазинъ и ...е, какъ дѣло идетъ: «прежде, скажутъ вамъ, къ празд... человѣкъ, по крайней мѣрѣ, полдюжины рубахъ себѣ ку... а теперь все по одной берутъ». Спросите даже въ ресто... ...ъ модныхъ—такъ какъ это послѣднее мѣсто, гдѣ бѣдность ...ется. «Нѣтъ, скажутъ вамъ, ужь теперь не кутятъ по ...ому, всѣ прижались, много что придетъ и обыкновенный ...спроситъ»—и это вѣдь прежній щеголь, бонбансникъ. Вы... прожили. Теперь еще все-таки валятъ послѣдніе лѣса, ...лятъ—и ничего ужь не будетъ. А какіе ужь теперь лѣса? ...то по желѣзной дорогѣ, замѣтьте у станціи дрова: прежде ...ки бревна рубили, а теперь совсѣмъ не рѣдкость встрѣ... какія-то тоненькія палочки вмѣсто дровъ, — не дерево, а ...ужь рубятъ, подросточки. Вамъ, конечно, наблюденіе это ...ется мелочью въ виду прочихъ громадныхъ вопросовъ на... времени. Но вѣдь про лѣса наши финансисты рѣшительно ...ируютъ, точно и не хотятъ знать, какъ будто даже по ...у-то принципу. А безъ лѣсовъ вѣдь и финансы понизятся ...рашномъ размѣрѣ, если все-то сообразить и въ самую глубь ... Но въ лѣсномъ вопросѣ всѣ какъ будто слово дали себѣ скользить по поверхности, пока не пришла бѣда. Она при... вдругъ, ибо всѣ пока успокоены тѣмъ, что цѣна лѣсу на ...ѣ все еще стоитъ подходящая, и знать не хотятъ, что она, ...сказать, искусственная, отъ усиленнаго предложенія тѣхъ, ...ые валятъ лѣса и кусты даже, потому что уже все про... Повалятъ и вдругъ ничего не окажется, нечего будетъ пред...ъ. Но объ этомъ потомъ. Я вѣдь началъ рѣчь о повсемѣстной ...тѣ и, обратномъ ей, развитіи аппетитовъ.

...хочу только, между прочимъ, замѣтить, что страшно раз... много Капитановъ Копѣйкиныхъ, въ безчисленныхъ ви...ѣненіяхъ, начиная съ настоящихъ, до великосвѣтскихъ и ...шенныхъ. И всѣ-то на казну и на общественное достояніе ...точатъ. Разумѣется, всѣ они быстро превратятся у насъ ...не въ разбойниковъ на большихъ дорогахъ, какъ было съ ...щимъ Копѣйкинымъ, то въ карманныхъ промышленниковъ, ...въ дозволенныхъ, а иные такъ и прикрывать себя юри...ки не станутъ. Иной даже гордо скажетъ: «Я потому та... что все отрицаю и отрицанію способствую». О, развѣ нѣтъ ...киныхъ-либераловъ? Они слишкомъ поняли, что въ модѣ ...лизмъ и что на немъ можно выѣхать. Кто ихъ не виды-

валъ: Либералъ всесвѣтный, атеистъ дешевый, надъ наро величается своимъ просвѣщеніемъ въ пятакъ цѣны! Онъ пошлѣе изъ всѣхъ пошлыхъ проявленій нашего лжелиберал но все-таки у него неутолимо развитъ аппетитъ, а потому опасенъ. Вотъ такіе-то первые и примыкаютъ прежде всѣх всякой идеѣ о пересадкахъ извнѣ для механическаго врачев группируются и составляютъ толпу, которую ведутъ весьма весьма честные люди, въ сущности не виноватые въ томъ, нихъ такой контингентъ: «Пусть всякая перемѣна, только безъ труда и готовая, говоритъ либеральный Копѣйкинъ, таки лучше мнѣ будетъ съ внѣшней-то перемѣной, съ како тамъ ни было, чѣмъ теперь, потому что навѣрное найду, поживиться на первыхъ порахъ»,—такъ вѣдь съ этой сто онъ очень опасенъ, хотя всего только Копѣйкинъ. Но оста Копѣйкина. Все сказанное теперь еще только самый малый шекъ на тему о томъ, что у насъ нѣтъ спокойствія. Самъ что предисловіе мое вышло слишкомъ ужь длинно. Но къ нансамъ, къ финансамъ!

III.

Забыть текущее ради оздоровленія корней. По неумѣнью въ нѣчто духовное.

По свойству натуры моей начну съ конца, а не съ на разомъ выставлю всю мою мысль. Никогда-то я не умѣлъ постепенно, подходить подходами и выставлять идею лишь когда уже успѣю ее всю разжевать предварительно и до по возможности. Терпѣнія не хватало, характеръ препятство чѣмъ я, конечно, вредилъ себѣ, потому что иной окончате выводъ, высказанный прямо, безъ подготовленій, безъ пред тельныхъ доказательствъ, способенъ иногда просто удив смутить, а пожалуй такъ вызвать и смѣхъ, а у меня,— предчувствую—именно такой выводъ, что надъ нимъ можно разсмѣяться, если не подготовить къ нему читателя пред тельно. Мысль моя, формула моя—слѣдующая: «Для пріобрѣ хорошихъ государственныхъ финансовъ въ государствѣ, давшемъ извѣстныя потрясенія, не думай слишкомъ много кущихъ потребностяхъ, сколь-бы сильно ни вопіяли они, а лишь объ оздоровленіи корней—и получишь финансы».

Ну, разумѣется, тотчасъ-же раздается смѣхъ: «Это-де всѣ знаютъ, скажутъ мнѣ, въ вашей формулѣ нѣтъ ровно ничего неизвѣстнаго; кто-жь не знаетъ, что не надо истощать корней, что, загубивъ корни, плодовъ не получишь и т. д. и т. д.». Но однако-же позволю оговориться, я еще не всю мою мысль сказалъ, и увы, въ томъ-то и бѣда моя, что еслибъ я даже цѣлую книгу написалъ, развивая эту мысль мою, то и тогда (о, опять-таки предчувствую это)—не съумѣлъ-бы разъяснить ее настолько, чтобъ ее можно было понять *во всей полнотѣ*. Ибо въ этой мысли заключается какой своего рода фатумъ.

Видите-ли: объ оздоровленіи корней, конечно, всѣ знаютъ и вотъ-же нашъ министръ финансовъ болѣе или менѣе о нихъ не заботился, а ужь особенно министръ нынѣшній: онъ прямо приступилъ къ корнямъ, и вотъ уже соляной налогъ уничтоженъ. Издаются и еще реформы, и чрезвычайныя, капитальныя, именно «корневыя». Кромѣ того всегда, и прежде, и десять лѣтъ тому, требовались многія средства на оздоровленіе корней: назначались ревизіи, устраивались комиссіи для изслѣдованія благосостоянія русскаго мужика, его промышленности, его судовъ, его управленія, его болѣзней, его нравовъ и обычаевъ, и пр. и пр. Комиссіи выдѣляли изъ себя подкомиссіи на собраніе статистическихъ свѣдѣній, и дѣло шло какъ по маслу, т. е. самымъ лучшимъ административнымъ путемъ, какой только можетъ быть. Но я вовсе, вовсе не про то говорить теперь началъ. Мало того, не только комиссіи, но даже и такія капитальныя реформы, какъ отмѣна соляного налога или ожидаемая великая реформа податной системы,—по моему, суть лишь одни пальятивы, нѣчто внѣшнее и не съ самаго корня начатое,—вотъ что я хочу выставить. Съ самаго корня будетъ то, когда мы, если не совсѣмъ, то хоть наполовину забудемъ о текущемъ, о злобѣ дня сего, о вопіющихъ нуждахъ нашего бюджета, о долгахъ по заграничнымъ займамъ, объ дефицитѣ, объ рублѣ, о банкротствѣ даже, которое, впрочемъ, никогда у насъ и не будетъ, какъ ни пророчатъ намъ злорадно заграничные друзья наши. Однимъ словомъ, забудемъ обо всемъ, обо всемъ текущемъ позабудемъ и обратимъ вниманіе лишь на одно оздоровленіе корней, и это до тѣхъ поръ, пока получимъ дѣйствительно обильный и здоровый плодъ. Ну, а можно будетъ и опять въѣхать въ текущее, или, лучше сказать, уже въ новое текущее, потому что въ этотъ антрактъ, знаю, что прежнее (т. е. современное, теперешнее наше все) измѣнится все радикально и преобразитъ свой харак-

теръ до того, что мы сами его не узнаемъ. И что-же мѣется, понимаю, что все, что я сказалъ сейчасъ, такъ кимъ, что не думать о рублѣ, о платежахъ по займа кротствѣ, о войскѣ нельзя, что это надо удовлетворить творять и, повидимому, прежде всего. Но увѣряю-же и я понимаю это. Видите, я вамъ признаюсь: я нарочн валъ мою мысль роброкъ и желанія мои довелъ до нѣк невозможнаго. Я думалъ, что именно начавъ съ абсурд понятнѣе. Я и сказалъ: «Что еслибъ мы хоть *на половин* смогли заставить себя забыть про текущее и направи вниманіе на нѣчто совсѣмъ другое, въ нѣкую глубь, въ по правдѣ, досель никогда и не заглядывали, потому искали на поверхности? Но я сейчасъ-же готовъ сдѣл формулу и вотъ что вмѣсто нея предложу: *не на половин* о текущемъ,—отъ половины я отказываюсь—а всего-б на одну двадцатую долю, но съ тѣмъ (непремѣнно съ тѣм начавъ съ двадцатой доли забвенія текущаго, въ кажды щій годъ прибавлять къ прежней долѣ еще по одной и дойти—ну, дойти, напримѣръ, такимъ образомъ, до твертей забвенія. Важна тутъ не доля, *а важенъ ту цикъ*, который взять, поставить передъ собой и затѣмъ довать ему неуклонно. О, на это все тотъ-же вопросъ дѣвать текущее-то, — не похерить-же его, какъ не су щее? Я и не говорю: похерить; знаю самъ, что суще нельзя сдѣлать несуществующимъ,—но знаете, господа и можно. Вѣдь если только перестать лишь на одну д долю ежегодно удостоивать его столь болѣзненно-тревож манія, какъ теперь, а обратить это болѣзненно-тревож маніе, въ размѣрѣ тоже одной двадцатой доли ежегодно, другое, то дѣло-то представится почти что и не фантасти а совсѣмъ даже возможнымъ къ начатію, тѣмъ болѣе, кущемъ (повторяю это) пренебрегаемомъ на одну двадца ежегодно, уже потому одному нечего безпокоиться, чт не утратится, вовсе не похерится, а, повторяю это, онъ бою преобразится въ нѣчто совсѣмъ иное, тѣмъ теперь, чинится новому принципу и войдетъ въ смыслъ и духъ образится непремѣнно къ лучшему, къ самому даже лучш скажутъ, что я говорю загадками и однако-же это ни примѣра и на первый случай закину лишь одно только ленькое предисловное словцо на тему о томъ, какимъ образ но сразу начать переходъ отъ текущаго къ «оздоровленію

Ну что еслибъ, напримѣръ, Петербургъ согласился вдругъ, ...нибудь чудомъ, сбавить своего высокомѣрія во взглядѣ ...ъ на Россію,—о, какимъ-бы славнымъ и здоровымъ пер... шагомъ послужило-бы это къ «оздоровленію корней!» Ибо ...же Петербургъ,—онъ вѣдь дошелъ до того что рѣшительно ...етъ себя всей Россіей, и это отъ поколѣнія къ поколѣнію ...ъ наростая. Въ этомъ смыслѣ Петербургъ какъ-бы слѣдуетъ ...ѣру Парижа, не смотря на то, что на Парижъ совсѣмъ не ...жъ! Парижъ ужь такъ самъ собою устроился исторически, ...оглотилъ всю Францію, все значеніе ея политической и ...льной жизни, весь смыслъ ея,—и отнимите Парижъ у Фран... что при ней останется, одно географическое опредѣленіе ...вотъ у насъ воображаютъ иные почти такъ-же какъ и въ ...ѣ, что въ Петербургѣ слилась вся Россія. Но Петербургъ ...мъ не Россія. Для огромнаго большинства русскаго народа ...рбургъ имѣетъ значеніе лишь тѣмъ, что въ немъ его Царь ...етъ. Между тѣмъ, и это мы знаемъ, петербургская интелли...ція наша, отъ поколѣнія къ поколѣнію, все менѣе и менѣе ...наетъ понимать Россію, именно потому, что, замкнувшись ...нея въ своемъ чухонскомъ болотѣ, все болѣе и болѣе измѣ...ъ свой взглядъ на нее, который у иныхъ съузился, нако...ь, до размѣровъ микроскопическихъ, до размѣровъ какого...удь Карлсруэ. Но выгляните изъ Петербурга и вамъ пред...етъ море-океанъ земли Русской, море необъятное и глубо...ее. И вотъ сынъ петербургскихъ отцовъ самымъ спокой...ъ образомъ отрицаетъ море народа русскаго и принимаетъ за нѣчто косное и безсознательное, въ духовномъ отноше... ничтожное и въ высшей степени ретроградное. «Велика-де ...ра да дура, годится лишь насъ содержать, чтобы мы ее уму...му обучили и порядку государственному». Танцуя и лоща ...еты, создаются въ Петербургѣ будущіе сыны отечества, а ...орабочія крысы», какъ называлъ Иванъ Александровичъ ...таковъ, изучаютъ отечество въ канцеляріяхъ и, разумѣется, ...-то научаются, но не Россіи, а совсѣмъ иному, подчасъ ...ъ странному. Это что-то иное и странное Россіи и навязы...ъ. А между тѣмъ море-океанъ живетъ своеобразно, съ каж...ъ поколѣніемъ все болѣе и болѣе духовно отдѣляясь отъ Пе...урга. И не говорите, что живетъ онъ хотя мощною жизнью, ...е безсознательною, какъ увѣрены до сихъ поръ не только ...рбуржцы, но даже и понимающіе Россію иные немногіе рус...люди. О, еслибъ знали какъ это невѣрно, и уже сколько

сознанія накопилось въ народѣ русскомъ, напримѣръ, хо
только въ теперешнее царствованіе! Да, сознаніе уже ро
ростетъ и уже столь многое народомъ понято, и всѣмъ
петербургскіе люди и не повѣрили-бы. Это видится тѣмъ,
рые видѣть умѣютъ, это предчувствуется и только еще не
руживается въ цѣломъ, хотя сильно обнаруживается по нѣ
по угламъ, по домамъ и по избамъ. Гдѣ-же обнаружиться
въ цѣломъ — вѣдь это океанъ, океанъ! Но если когда об
жится или только начнетъ обнаруживаться, то въ какое
запное удивленіе повергнетъ оно петербургскаго интелл
наго человѣка! Правда, долго онъ будетъ отрицать и не в
своимъ пяти чувствамъ, долго не сдастся европейскій ч
чекъ,—иные такъ и умрутъ не сдавшись. Но, чтобъ избѣ
великихъ и грядущихъ недоразумѣній, о, какъ-бы жела
было, повторяю это, чтобы Петербургъ, хотя-бы въ лучши
представителяхъ своихъ, сбавилъ хоть капельку своего пе
мѣрія во взглядѣ своемъ на Россію! Проникновенія-бы кап
больше, пониманія, смиренія передъ великой землей Ру
передъ моремъ-океаномъ, — вотъ-бы чего надо. И какимъ
вѣрнымъ первымъ шагомъ послужило это къ «оздоровленію
ней»...

— Но позвольте, прервутъ меня, все это пока лишь т
старыя, истрепанныя славянофильскія бредни, совсѣмъ да
реальное, какое-то даже духовное; но что такое «оздоро
корней»,—вы еще это не разъяснили? И что это за корни?
корни? Что вы подъ этимъ разумѣете?

— Вы правы, господа, правы,—начнемъ объ самихъ
няхъ».

IV.

**Первый корень. Вмѣсто твердаго финансоваго тона впад
старыя снова. Море-Океанъ. Жажда правды и необходи
спокойствія, столь полезнаго для финансовъ.**

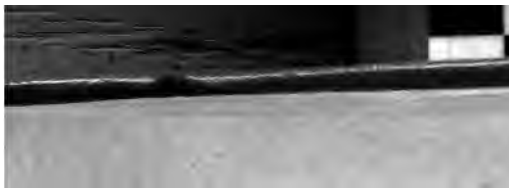
Первый корень, первый самый главный корень, ко
предстоитъ непремѣнно и какъ можно оздоровить — это,
сомнѣнія, все тотъ-же русскій народъ, все тотъ-же море-ок
о которомъ я сейчасъ мою рѣчь завелъ. Я про простой
народъ теперь говорю, про простолюдина и мужика, про
тежную силу, про мозольныя рабочія руки, про море-океа

ъ не знать мнѣ, что сдѣлало и дѣлаетъ для него безпрерывно
ше правительство въ нынѣшнее царствованіе начиная съ осво-
жденія его отъ крѣпостной зависимости? Да, оно заботится о
о нуждахъ, о его просвѣщеніи, леченіи, прощаетъ ему даже
едоимки при случаѣ, — однимъ словомъ, дѣлаетъ и заботится
ого, кто-жь про это не знаетъ. Но я не про это хочу на-
ть рѣчь: я разумѣю лишь духовное оздоровленіе этого вели-
ко корня, который есть начало всему. Да, онъ духовно боленъ
не смертельно: главная мощная сердцевина его души здорова,
о все-таки болѣзнь жестока. Какая-же она, какъ она назы-
ается? Трудно это выразить въ одномъ словѣ. Можно-бы вотъ
ъ сказать: «Жажда правды, но неутоленная». Ищетъ народъ
правды и выхода къ ней безпрерывно и все не находитъ. Хо-
лось-бы мнѣ ограничиться тутъ лишь финансовой точкой
зрѣнія на эту болѣзнь, но придется прибавить и нѣсколько
старыхъ словъ. Съ самаго освобожденія отъ крѣпостной зави-
имости, явилась въ народѣ потребность и жажда чего-то но-
ваго, уже не прежняго, жажда правды, но уже полной правды,
олнаго гражданскаго воскресенія своего въ новую жизнь послѣ
еликаго освобожденія его. Затребовалось новое слово, стали за-
ывать новыя чувства, стало глубоко вѣриться въ новый поря-
докъ. Послѣ перваго періода посредниковъ перваго призыва на-
ступило вдругъ нѣчто иное, чѣмъ ожидалъ народъ. Наступилъ
орядокъ, въ который народъ и радъ былъ увѣровать, но мало
то въ немъ понималъ. Не понималъ онъ его, терялся, а потому
не могъ увѣровать. Являлось что-то внѣшнее, что-то какъ-бы
му чужое и не его собственное. Пережевывать эту тему столь
авно пережеванную нечего: другіе разскажутъ про это лучше
сего, — прочтите хоть въ журналѣ «Русь». Явилось затѣмъ
ешабашное пьянство, пьяное море какъ-бы разлилось по Россіи,
хоть свирѣпствуетъ оно и теперь, но все-таки жажды новаго,
равды новой, правды уже полной народъ не утратилъ, упи-
лась даже и виномъ. И никогда, можетъ быть, не былъ онъ бо-
ѣе склоненъ къ инымъ вліяніямъ, и вѣяніямъ, и болѣе беззащи-
тенъ отъ нихъ какъ теперь. Возьмите даже какую-то штунду
посмотрите на ея успѣхъ въ народѣ: что свидѣтельствуетъ она?
каніе правды и безпокойство по ней. Именно безпокойство;
ъ теперь именно «обезпокоенъ» нравственно. Я убѣжденъ
что если нигилистическая пропаганда не нашла до сихъ
утей «въ народъ», то единственно по неумѣлости, глу-
я не подготовленности пропагаторовъ, неумѣвшихъ даже

и подойти къ народу. А то при самой малой умѣлости, и
бы проникли, какъ проникла и штунда. О, надо беречь наро
Сказано: «Будутъ времена, скажутъ вамъ: Се здѣсь Христо
или тамъ, не вѣрьте». Вотъ и теперь какъ будто нѣчто по
жее совершается, и не только въ народѣ, но, пожалуй, даж
у насъ на верху. Ну, развѣ не волнуется народъ разными
обычными слухами о передѣлѣ, напримѣръ, надѣловъ, о новы
золотыхъ грамотахъ? Недавно имъ читали по церквамъ, чт
не вѣрили, что ничего не будетъ, и вотъ, вѣрите-ли: именно по
этого чтенія и утвердилась, по мѣстамъ, еще болѣе мысль
«будетъ»: «Даромъ бы читать не стали, а коли ужь зачали
тать, значитъ «будетъ». Вотъ что они заговорили тотчасъ
послѣ чтенія, по крайней мѣрѣ, по мѣстамъ. Я именно знаю с
чай: покупали крестьяне у сосѣдняго помѣщика землю и сопл
было въ цѣнѣ, а послѣ этого чтенія отступились: «И безъ
негъ возьмемъ». Посмѣиваются и ждутъ. Я только про слухи
ворю, про способность внимать имъ, свидѣтельствующую имен
о нравственномъ безпокойствѣ народа. И вотъ что главное:
родъ у насъ одинъ, т. е. въ уединеніи, весь только на с
лишь силы оставленъ, духовно его никто не поддерживае
Есть земство, но оно «начальство». Есть судъ, но и то «нача
ство»; есть община наконецъ, міръ, но и то какъ будто-бы у
теперь тянетъ къ чему-то похожему на начальство. Газеты пол
описаніями, какъ народъ выбираетъ своихъ выборныхъ,—
присутствіи «начальства», непремѣннаго члена какого нибу
и что изъ этого происходитъ. Но анекдотовъ этихъ тыс
пересчитывать не буду. Посмотритъ иной простакъ кругомъ с
и вдругъ выведетъ, что одному-де кулаку и міроѣду жи
что какъ будто для нихъ все и дѣлается, такъ стану-де и я
лакомъ,—и станетъ. Другой, посмирнѣе, просто сопьется, не
тому что бѣдность одолѣла, а потому, что отъ безправицы тош
Что-же тутъ дѣлать? Тутъ фатумъ. Вѣдь ужь, кажется, дано ущ
леніе, начальство, тутъ-то бы и успокоиться, — анъ вышло
чему-то наоборотъ. Вонъ высчитали, что у народа, теперь, въ эт
мигъ, чуть-ли не два десятка начальственныхъ чиновъ спеціал
къ нему опредѣленныхъ, надъ нимъ стоящихъ, его оберегающ
и опекающихъ. И безъ того уже бѣдному человѣку всѣ и вс
начальство, а тутъ еще двадцать штукъ спеціальныхъ! Свобо
то движенія ровно какъ у мухи, попавшей въ тарелку съ пато
А вѣдь это не только съ нравственной, но и съ финансо
точки зрѣнія вредно, т. е. такая свобода движенія. А п

родъ одинъ, безъ совѣтниковъ. Есть у него только Богъ и арь — вотъ этими двумя силами и двумя великими надеждами ъ и держится. А другіе совѣтники всѣ проходятъ мимо него, о не коснувшись. Вся прогрессивная интеллигенція, напри-ѣръ, сплошь проходитъ мимо народа, ибо хотя и много въ интел-игенціи нашей толковыхъ людей, но зато о народѣ русскомъ ко кто имѣетъ понятія. У насъ только отрицаютъ, да безпре-зно жалуются: «Зачѣмъ-де не «оживляется» общество, и по-му-де никакъ нельзя оживить его, и что-же это за задача такая»? потому нельзя оживить, что вы на народъ не опираетесь и народъ не съ вами духовно и вамъ чужой. Вы какъ-бы со-вляете верхнюю зону надъ народомъ, обернувшую землю Рус-ую, и для васъ-то собственно, по крайней мѣрѣ, какъ гово-тъ и пишутъ у васъ-же, Преобразователь и оставилъ народъ ѣпостнымъ, чтобы онъ, служа вамъ трудомъ своимъ, далъ ъ средство къ европейскому просвѣщенію примкнуть. Вы и свѣтились въ два-то столѣтія, а народъ-то отъ васъ отда-ся, а вы отъ него. «Да не мы-ли, скажете вы, объ народѣ ѣемъ, не мы-ли объ немъ столь много пишемъ, не мы-ли его къ нему призываемъ»? Такъ, вы все это дѣлаете, но русскій родъ убѣжденъ почему-то, что вы не объ немъ болѣете, а объ омъ-то иномъ народѣ, въ вашу голову засѣвшемъ и на рус-й народъ не похожемъ, а его такъ даже и презираете. Это зрительное отношеніе къ народу — въ нѣкоторыхъ изъ насъ е совсѣмъ безсознательное, положительно можно сказать, не-льное. Это остатокъ крѣпостнаго права. Началось-же оно съ ъ поръ какъ былъ умерщвленъ граждански народъ для на-го европейскаго просвѣщенія и пребываетъ въ насъ несом-нно доселѣ, когда и воскресъ народъ, и, знаете, намъ даже и озможно уже теперь сойтись съ народомъ, если только не ершится какого чуда въ землѣ Русской. Тутъ, повторяю, весьма рыя мои-же слова: Народъ русскій въ огромномъ большинствѣ емъ — православенъ и живетъ идеей православія въ полнотѣ, и не разумѣетъ эту идею отвѣтчиво и научно. *Въ сущности* народѣ нашемъ кромѣ этой «идеи» и нѣтъ никакой, и все нея одной и исходитъ, по крайней мѣрѣ, народъ нашъ такъ всѣмъ сердцемъ своимъ и глубокимъ убѣжденіемъ своимъ. енно хочетъ, чтобъ все, что есть у него и что даютъ ему, лишь одной идеи и исходило. И это несмотря на то, ое у самого-же народа является и выходитъ до нелѣ-ъ этой идеи, а смраднаго, гадкаго, преступнаго, вар-

варскаго и грѣховнаго. Но и самые преступникъ и варваръ, хо
и грѣшатъ, а все-таки молятъ Бога, въ высшія минуты духовн
жизни своей, чтобъ пресѣкся грѣхъ ихъ и страдъ и все-бы эт
ходило опять изъ той излюбленной «идеи» ихъ. Я знаю, на
мною смѣялись наши интеллигентные люди: «той идеи» да
признавать они не хотятъ въ народѣ, указывая на грѣхи его, о
страдъ его (которымъ сами-же они виной были, два вѣка угне
его), указываютъ на предразсудки, на индиферентность буд
бы народа къ религіи, а иные такъ даже воображаютъ, что русск
народъ просто-на-просто атеистъ. Вся глубокая ошибка ихъ в
томъ, что они не признаютъ въ русскомъ народѣ Церкви. Я
про зданія церковныя теперь говорю и не про причты, я
нашъ русскій «соціализмъ» теперь говорю (и это обратно-пр
тивоположное Церкви слово беру именно для разъясненія м
мысли, какъ ни показалось-бы это страннымъ) — цѣль и исход
котораго всенародная и вселенская Церковь, осуществленная
землѣ, поколику земля можетъ вмѣстить ее. Я говорю про н
устанную жажду въ народѣ русскомъ, всегда въ немъ присущу
великаго, всеобщаго, всенароднаго, всебратскаго единенія во и
Христово. И если нѣтъ еще этого единенія, если не созижд
лась еще Церковь вполнѣ, уже не въ молитвѣ одной, а на дѣл
то все-таки инстинктъ этой Церкви и неустанная жажда ея, и
разъ даже почти безсознательная, въ сердцѣ много-милліонна
народа нашего несомнѣнно присутствуютъ. Не въ коммунизм
не въ механическихъ формахъ заключается соціализмъ наро
русскаго: онъ вѣритъ, что спасется лишь въ концѣ концовъ
свѣтлымъ единеніемъ во имя Христово. Вотъ нашъ русскій
ціализмъ! Вотъ надъ присутствіемъ въ народѣ русскомъ эт
высшей единительно — «Церковной» идеи вы и смѣетесь, госпо
европейцы наши. О, есть много и другихъ «идей» въ народѣ,
которыми вы никогда не сойдетесь и признаете ихъ прямо т
тарскими въ европейскомъ міросозерцаніи вашемъ. Объ нихъ, об
этихъ остальныхъ идеяхъ я теперь и упоминать не буду, хот
это чрезвычайно важныя идеи, которыхъ правды вы вовсе не пон
маете. Но теперь я объ этой лишь главной идеѣ народа наше
говорю, объ чаяніи имъ грядущей и зиждущейся въ немъ, суд
бами Божьими, его Церкви вселенской. И тутъ прямо можно п
ставить формулу: кто не понимаетъ въ народѣ нашемъ его пр
ославія и окончательныхъ цѣлей его, тотъ никогда не пойм
и самаго народа нашего. Мало того: тотъ не можетъ и л
народа русскаго (а у многихъ вѣдь изъ нихъ, изъ европе



ихъ, сердце чистое, справедливости и любви жаждущее), ъ любить его лишь такимъ, какимъ-бы желалъ его ви- какимъ себѣ напредставитъ его. А такъ какъ народъ ни- какимъ не сдѣлается, какимъ-бы его хотѣли видѣть наши , а останется самимъ собою, то и предвидится въ буду- еминуемое и опасное столкновеніе. Ибо вышесказанная имѣетъ и обратное значеніе, т. е. никогда народъ не такого русскаго европейца за своего человѣка: «Полюби святыню мою, почти ты то, что я чту, и тогда ты точно какъ я, мой братъ, не смотря на то, что одѣтъ не такъ, баринъ, что ты начальство и что даже и по русскому-то зъ сказать хорошо не умѣешь»,—вотъ что вамъ ска- родъ, ибо народъ нашъ широкъ и уменъ. Онъ и не вѣрую- ь его святыню, хорошаго человѣка, иной разъ почтитъ битъ, выслушаетъ его, если тотъ уменъ, за совѣтъ по- ритъ и совѣтомъ воспользуется. Ужиться народъ русскій имъ можетъ, ибо много видалъ видовъ, многое замѣтилъ нилъ въ долгую, тяжелую жизнь свою двухъ послѣднихъ (А вотъ вы даже и съ этимъ не соглашаетесь, что онъ апомнилъ и замѣтилъ, а, стало быть, и созналъ, и что ыть, не совсѣмъ-же онъ только косная масса и платеж- а, какими вы его опредѣлили). Но ужиться и даже лю- житься съ человѣкомъ—дѣло одно, а *своимъ* человѣкомъ ь его—это совсѣмъ уже другое. А безъ этого признанія тъ и единенія.

ишь то хочу выразить, что силы, разъединяющія насъ съ ъ, чрезвычайно велики и что народъ остался одинъ, въ ъ единеніи своемъ, и кромѣ Царя своего, въ котораго нерушимо,—ни въ комъ и нигдѣ опоры теперь уже не не видитъ. И радъ-бы увидѣть, да трудно ему разгля- между тѣмъ,—о, какая-бы страшная, зиждительная и овенная сила, новая, совсѣмъ уже новая сила явилась-бы , еслибы произошло у насъ единеніе сословій интелли- ъ съ народомъ! Единеніе духовное, то есть. О, господа ы финасовъ, не такіе-бы годовые бюджеты составляли а, какіе составляете нынѣ! Молочныя рѣки потекли-бы твѣ, всѣ идеалы ваши были-бы достигнуты разомъ!— какъ это сдѣлать, и неужели-же виною тому европей- освѣщеніе наше?» О, совсѣмъ не просвѣщеніе, да, по его у насъ и нѣтъ вовсе даже доселѣ, а разъедине- все-таки пребываетъ и дѣйствительно вышло какъ-бы

во имя европейскаго просвѣщенія, котораго нѣтъ у [redacted] настоящее просвѣщеніе тутъ не виновато. Я даже [redacted] будь у насъ настоящее, заправское просвѣщеніе, [redacted] менія-бы никакого не произошло у насъ новое, [redacted] народъ просвѣщенія жаждетъ. Но улетѣли мы отъ [redacted] шего, просвѣтясь, на луну и всякую дорогу къ [redacted] Какъ-же намъ такимъ отлетѣвшимъ людямъ, [redacted] заботу оздоровить народъ? Какъ сдѣлать, чтобъ духъ [redacted] тоскующій и обезпокоенный повсемѣстно, ободрился и [redacted] лился? Вѣдь даже самые капиталы и движеніе ихъ [redacted] *наго* спокойствія ищутъ, а безъ нравственнаго спокойствія [redacted] прячутся или непроизводительны. Какъ сдѣлать, чтобъ [redacted] народа успокоился въ правдѣ и видя правду? Можетъ [redacted] правда-то есть и теперь, но надо, чтобъ онъ ей повѣрилъ, [redacted] внѣдрить въ его душу, что правда есть въ Русской [redacted] что высоко стоитъ ея знамя. Какъ сдѣлать, напримѣръ, [redacted] онъ въ свой судъ увѣровалъ, въ свое представительство [redacted] зналъ его за плоть отъ плоти своея и за кость отъ кости [redacted] ихъ? О, я не пускаюсь въ подробности, гдѣ мнѣ, и если [redacted] начать все разъяснять и описывать, то думаю и «всему [redacted] вмѣстить-бы книгъ сихъ». Но если-бы только хоть обезп [redacted] была правда народу въ будущемъ, такъ чтобы онъ вполнѣ [redacted] ровалъ, что придетъ она непремѣнно, еслибъ только хо [redacted] пельку выбралась муха изъ тарелки съ патокой, то и то [redacted] совершилось дѣло великое и неисчислимое. Прямо скажу: [redacted] бѣда отъ давняго разъединенія высшаго интеллигентнаго [redacted] вія съ низшимъ, съ народомъ нашимъ. Какъ-же помирить [redacted] ній поясъ съ море-океаномъ и какъ успокоить море-ок [redacted] чтобы не случилось въ немъ большаго волненія?

V.

Пусть первые скажутъ, а мы пока постоимъ въ сторонѣ [redacted] ствено чтобъ уму-разуму поучиться.

На это есть одно магическое словцо, именно: «Оказа [redacted] вѣріе». Да, нашему народу можно оказать довѣріе, ибо о [redacted] стоинъ его. Позовите сѣрые зипуны и спросите ихъ самих [redacted] ихъ нуждахъ, о томъ, чего имъ надо, и они скажутъ [redacted] правду, и мы всѣ, въ первый разъ, можетъ быть, услы

оящую правду. И не нужно никакихъ великихъ подъемовъ и оровъ; народъ можно спросить по мѣстамъ, по уѣздамъ, по жинамъ. Ибо народъ нашъ, и по мѣстамъ сидя, скажетъ точь въ-точь все то-же, что сказалъ-бы и весь въ вкупѣ, ибо онъ единъ. разъединенный единъ и сообща единъ, ибо духъ его единъ. ждая мѣстность только лишь свою мѣстную особенность при-: ала-бы, но въ цѣломъ, въ общемъ, все-бы вышло согласно и дино. Надо только соблюсти, чтобы высказался пока именно только ужикъ, одинъ только заправскій мужикъ. Правда, съ мужикомъ оскочитъ кулакъ и міроѣдъ, но вѣдь и тотъ мужикъ, и въ та-мъ великомъ дѣлѣ даже кулакъ и міроѣдъ землѣ не измѣнятъ правдивое слово скажутъ,—такова ужь наша народная особен-сть. Какъ-же это сдѣлать? О, люди власть имѣющіе это могутъ ше рѣшить, чѣмъ я,—я-же только вѣрю въ одно, что формулъ собенныхъ совсѣмъ не потребуется. Народъ нашъ за формами погонится, особенно за готовыми, чужеземными, которыхъ му вовсе не надо, ибо вовсе не то у него на умѣ, и не только икогда не бывало, но никогда и не будетъ, потому что у него ругой взглядъ на это дѣло, особливый, совсѣмъ его собствен-. Да, въ семъ случаѣ народъ нашъ, — такой народъ, какъ шъ, — можетъ быть вполнѣ удостоенъ довѣрія. Ибо кто-же о не видалъ около Царя, близь Царя, у Царя? Это дѣти Ца-, дѣти заправскія, настоящія, родныя, а Царь ихъ отецъ. кажѣ это у насъ только слово, только звукъ, только наимено-ніе, что «Царь имъ отецъ?» Кто думаетъ такъ, тотъ ничего понимаетъ въ Россіи! Нѣтъ, тутъ идея глубокая и ориги-льнѣйшая, тутъ организмъ, живой и могучій, организмъ на-ъ, сліяннаго съ своимъ Царемъ во едино. Идея-же эта есть сила. ралась эта сила вѣками, особенно послѣдними, страшными народа двумя вѣками, которые мы столь восхваляемъ за евро-ское просвѣщеніе наше, забывъ, что это просвѣщеніе обез-ило было намъ еще два вѣка назадъ крѣпостной кабалой крестнымъ страданіемъ народа русскаго, намъ служившаго. ъ и ждалъ народъ Освободителя своего и дождался, — такъ какъ-же они не настоящія, не заправскія дѣти его? къ для народа не внѣшняя сила, не сила какого-нибудь по-ля (какъ было, напримѣръ, съ династіями прежнихъ ко-ль Франціи), а всенародная, всеединящая сила, которую народъ воскотѣлъ, которую выростилъ въ сердцахъ своихъ, которую возлюбилъ, за которую претерпѣлъ, потому что только одной ждалъ исхода своего изъ Египта. Для

народа Царь есть воплощеніе его самого, всей его идеи, дождъ и вѣрованій его. Надежды эти еще недавно стол лоссально осуществились, — такъ какъ-же народу отречься дальнѣйшихъ надеждъ? Какъ-же, напротивъ, не усилиться не утвердиться, ибо Царь послѣ крестьянской реформы идеѣ только, не въ надеждѣ лишь, а на дѣлѣ ему сталъ от Да вѣдь это отношеніе народа къ Царю, какъ къ отцу, и насъ то настоящее, адамантовое основаніе, на которомъ реформа у насъ можетъ зиждиться и созиждется. Если хо у насъ въ Россіи и нѣтъ никакой другой силы, зиждущей храняющей и ведущей насъ, какъ эта органическая, связь народа съ Царемъ своимъ, и изъ нея у насъ все и дитъ. Кто-же бы и помыслить могъ, напримѣръ, хотя-бы о то крестьянской реформѣ, еслибъ заранѣе не зналъ и не вѣ что Царь народу отецъ и что именно вѣра народа въ какъ въ отца своего, все спасетъ, все убережетъ, удалитъ Увы, плохъ тотъ экономистъ-реформаторъ, который обхо настоящія и дѣйствительно живыя силы народныя изъ ка нибудь предубѣжденія и чуждаго вѣрованія. Да: мы уже по одному не съ народомъ и не можемъ понять его, что хо знаемъ и понимаемъ его отношенія къ Царю, но вмѣстит можемъ въ себя во всей полнотѣ самаго главнаго и необх маго пункта въ судьбахъ нашихъ: что отношеніе это рус народа къ Царю своему есть самый особливый пунктъ, чающій народъ нашъ отъ всѣхъ другихъ народовъ Евро всего міра; что это не временное только дѣло у насъ, не ходящее, не признакъ лишь дѣтства народнаго, напримѣръ, роста и проч., какъ заключилъ-бы иной умникъ, но вѣк всегдашнее и никогда, по крайней мѣрѣ, еще долго, очень д оно не измѣнится. Такъ какъ-же послѣ этого (уже по только одному) народъ нашъ не особливъ ото всѣхъ нар и не заключаетъ въ себѣ особой идеи? Не ясно-ли, напро что народъ нашъ носитъ въ себѣ органическій зачатокъ отъ всего свѣта особливой. Идея-же эта заключаетъ въ такую великую у насъ силу, что, конечно, повліяетъ на дальнѣйшую исторію нашу, а такъ какъ она совсѣмъ ос вая и какъ ни у кого, то и исторія наша *не можетъ похожею на исторію другихъ европейскихъ народовъ*, тѣмъ лѣе ея рабской копіей. Вотъ чего не понимаютъ у насъ ники, вѣрующіе, что все у насъ передѣлается въ Европу всякой особливости, и ненавидящіе особливости, отъ чего

нечно, дѣло можетъ кончиться даже бѣдой. А что у насъ все
новное какъ нигдѣ въ Европѣ, то вотъ вамъ тому первый
римѣръ: у насъ свобода (въ будущемъ нашемъ, когда мы пе-
живемъ періодъ лжеевропеизма нашего, это навѣрно такъ бу-
ть) — у насъ гражданская свобода можетъ водвориться самая
олная, полнѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ мірѣ, въ Европѣ или даже
Сѣверной Америкѣ, и именно на этомъ-же адамантовомъ
нованіи она и созиждется. Не письменнымъ листомъ утверж-
ится, а созиждется лишь на дѣтской любви народа къ Царю,
ъ къ отцу, ибо дѣтямъ можно многое такое позволить, что
немыслимо у другихъ, у договорныхъ народовъ, дѣтямъ можно
ль многое довѣрить и столь многое разрѣшить, какъ нигдѣ
не бывало видано, ибо не измѣнятъ дѣти отцу своему и,
ъ дѣти, съ любовію примутъ отъ Него всякую поправку
кой ошибки и всякаго заблужденія ихъ.

Итакъ этакому-ли народу отказать въ довѣріи? Пусть ска-
ть онъ самъ о нуждахъ своихъ и полную объ нихъ правду.
, повторяю это, пусть скажетъ сначала одинъ; мы-же, «ин-
ллигенція народная», пусть станемъ пока смиренно въ сто-
нкѣ и сперва только поглядимъ на него, какъ онъ будетъ
ворить, и послушаемъ. О, не изъ какихъ-либо политическихъ
лей я предложилъ-бы устранить на время нашу интеллиген-
, — не приписывайте мнѣ ихъ пожалуйста, — но предло-
лъ-бы я это (ужь извините пожалуйста) — изъ цѣлей лишь
ого *педагогическихъ*. Да, пускай въ сторонкѣ пока постоимъ
послушаемъ, какъ ясно и толково съумѣетъ народъ свою
аву сказать, совсѣмъ безъ нашей помощи, и объ дѣлѣ, именно
ъ заправскомъ дѣлѣ въ самую точку попадетъ, да и насъ не
нитъ коли объ насъ рѣчь зайдетъ. Пусть постоимъ и по-
имся у народа, какъ надо правду говорить. Пусть тутъ-же
учимся и смиренію народному, и дѣловитости его и реаль-
сти ума его, серьезности этого ума. Вы скажете: «Сами-же
говорили какъ податливъ народъ на нелѣпые слухи, — ка-
-же мудрости ожидать отъ него»? Такъ, но одно дѣло слухи,
другое — единеніе въ общемъ дѣлѣ. Явится цѣлое, а цѣлое
ліяетъ само на себя и вызоветъ разумъ. Да, это будетъ
истину школою для всѣхъ насъ и самою плодотворнѣйшею
ю. Увидавъ отъ народа столько дѣловитости и серьез-
, мы будемъ озадачены и ужь, конечно, явятся изъ насъ,
повѣрятъ глазамъ своимъ, но такихъ будетъ слишкомъ
ибо всѣ дѣйствительно искреннѣе, всѣ во-истину жажду-

ніе правды, а главное дѣло, заправскаго дѣла и общей
вы,—такіе всѣ присоединятся къ премудрому слову народ
всѣ-же неискренніе разомъ обнаружатъ все свое содержа
обнаружатся сами. А если останутся и искренніе, что и
въ народъ не увѣруютъ,—то это какіе-нибудь старов
доктринеры сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, старыя
неправимыя дѣти, и они будутъ только смѣшны и безвр
Всѣ-же кромѣ нихъ въ первый разъ прочистятъ глаза с
очистятъ понимание свое. Дѣйствіе можетъ быть чрезвы
важное по послѣдствіямъ, ибо... ибо тутъ-то, въ этой-то
можетъ быть и возможно начало и первый шагъ духо
сліянія всего интеллигентнаго сословія нашего, столь г
предъ народомъ, съ народомъ нашимъ. Я про духовное
сліяніе говорю,—его только намъ и надо, ибо оно ст
поможетъ всему, все переродитъ вновь, новую идею дастъ.
лая, свѣжая молодежь наша, думаю я, тотчасъ-же и п
всѣхъ отдастъ свое сердце народу и пойметъ его духовно
вые. Я потому такъ, и прежде всѣхъ, на молодежь на
что она у насъ тоже страдаетъ «исканіемъ правды» и
по ней, а, стало быть, она народу сродни наиболѣе, и
пойметъ, что и народъ ищетъ правды. А познакомясь
близко съ душою народа, броситъ тѣ крайнія бредни, ко
увлекли-было столь многихъ изъ нея, вообразившихъ, чт
нашли истину въ крайнихъ европейскихъ ученіяхъ. О, я
что не фантазирую и не преувеличиваю тѣхъ благихъ по
ствій, которыя могли-бы изъ столь хорошаго дѣла выйти. На
высокомѣріе и родилось-бы уваженіе къ землѣ. Совсѣмъ
идея вошла-бы вдругъ въ нашу душу и освѣтила-бы в
все, что пребывало до сихъ поръ во мракѣ, свѣтомъ с
обличила-бы ложь и прогнала ее. И кто знаетъ, можетъ
это было-бы началомъ такой реформы, которая по зна
своему даже могла-бы быть выше крестьянской: тутъ пр
шло-бы тоже «освобожденіе» — освобожденіе умовъ и се
нашихъ отъ нѣкоей крѣпостной зависимости, въ кото
мы тоже пробыли цѣлыхъ два вѣка у Европы, подобно
крестьянинъ, недавній рабъ нашъ, у насъ. И еслибъ т
могла начаться и осуществиться эта вторая реформа, то
конечно, была-бы лишь послѣдствіемъ великой перво
формы въ началѣ царствованія. Ибо тогда матерьяльно
двухвѣковая стѣна, отдѣлявшая народъ отъ интеллигенц
нынѣ стѣна эта уже духовно падетъ. Что-же выше, т

ветъ быть плодотворнѣе для Россіи, какъ не это духовное слiяніе сословій? Свои въ первый разъ узнаютъ своихъ. Удивившіеся доселѣ народа нашего, какъ варварскаго и задерживающаго развитіе, устыдятся прежняго стыда своего и предъ нимъ смирятся и многое почтутъ, чего прежде не чтили и презирали. И когда отвѣтитъ народъ, когда доложитъ все въ себѣ и замолкнетъ его смиренное слово,—спросите, попросите спросить тогда и интеллигенцію нашу,—ну, хоть лишь изъ любопытства ея о томъ, что сказалъ народъ, и вы сейчасъ-же увидите послѣдствія. О, тогда и ихъ слово плодотворно будетъ, ибо они все-же вѣдь интеллигенты и послѣднее слово за ними. Примѣръ народа, сказавшаго прежде ихъ свое слово, во всякомъ случаѣ избавилъ-бы насъ отъ многихъ промаховъ и дурачествъ, еслибъ намъ самимъ пришлось прежде народа сказать свое слово. И увидите, что ничего не скажетъ тогда наша интеллигенція народу противорѣчиво, а лишь облечетъ его истину въ сознательное слово и разовьетъ его во всю ширину своего образованія, ибо все-же вѣдь у ней наука или начала ея, а наука народу страшно нужна. Да еслибъ и захотѣлъ кто изъ нихъ противорѣчить, еслибъ и явились какія нибудь несогласія съ народными началами народа нашего, то все-таки не осмѣлились-бы такъ сильно возстать противъ духа народнаго, то есть противъ взгляда его на дѣло,—вотъ что важно, и даже очень.

Да, весьма можетъ быть, что духовное спокойствіе началось-бы у насъ именно съ этого шага. Явилась-бы надежда и уже ясная, нераздѣленная, стали-бы ярко сознаваться и выясняться предъ нами и цѣли наши. А это очень важно, ибо вся наша дѣятельная сила, весь нашъ интеллигентъ совсѣмъ не знаетъ и весьма не твердо и сбивчиво знаетъ о томъ, какія суть и могутъ быть впредь наши цѣли, то есть національныя, государственныя. Въ этомъ у насъ очень слабо, именно теперь, въ самую минуту. А эта сбивчивость, это незнаніе есть, безъ сомнѣнія, источникъ великаго безпокойства и неустройства, и не только теперь, а и несравненно горшаго въ будущемъ. Все это надо-бы быть разъяснено, освѣщено, или дало-бы хоть первоначальное указаніе къ тому, чѣмъ освѣтить и какъ разъяснить. Навело-бы на мысль... А, впрочемъ, на эту тему довольно; сказалъ, какъ умѣлъ. Пусть не поймутъ всего, если не съумѣлъ выразиться,—беру вину на себя,—но то, что поймутъ пусть примутъ въ безобидномъ и мирномъ смыслѣ. Я желалъ-бы только, чтобы поняли безпристрастно, что я лишь за народъ стою прежде

всего, въ его душу, въ его великія силы, которыхъ м
изъ насъ не знаетъ во всемъ объемѣ и величіи ихъ,—
святыню вѣрую, главное, въ спасительное ихъ начал
великій народный охранительный и зиждительный духъ,
лишь одного: да узрятъ ихъ всѣ. Только что узрятъ,
же начнутъ понимать и все остальное.

И почему-бы все это мечта? Я вѣдь не про всю об
дѣла говорю. Я вѣдь говорю лишь о мужикѣ, о его
ныхъ первоначальныхъ дѣлахъ, лишь до него отне
Развѣ нѣтъ у него такихъ дѣлъ, особливыхъ и еди
ихнихъ, о которыхъ-бы надо было узнать, въ видѣ, т
зать, почина и предисловія ко всякой дальнѣйшей, хотя
и гораздо обширнѣйшей реформы? А между тѣмъ получ
годы чрезвычайныя: получатся факты, узнается правд
гомъ, добудется драгоцѣнный матеріалъ, который у
многихъ изъ насъ отъ фантастическихъ надеждъ, отъ
верканій на западный ладъ, отъ преувеличеній. А гл
это еще разъ повторю,—получится тонъ и смыслъ, п
тотъ самый духъ, въ которомъ только и можетъ сов
все что нибудь дальнѣйшее и обширнѣйшее. На это дѣ
бы печать ляжетъ, печать національная и глубоко-конс
ная. И печати этой и впослѣдствіи никто не избѣгнет
самые фантастическіе умы, и тѣ соблазнятся и доб
примутъ ее.

Глава вторая.

I.

Остроумный бюрократъ. Его мнѣніе о нашихъ либер европейцахъ.

Но, кончивъ эту первую мою главу, прерву пока
о финансахъ, ибо чувствую, что пишу очень скучно. Н
лишь на время. Мнѣ еще хотѣлось-бы поговорить и о
корняхъ, о другихъ началахъ, которые, представляется
можно-бы оздоровить. Потому еще прерываю, что на дву
кахъ моего «Дневника» и безъ того не уписалъ-бы все
такъ что и по-неволѣ пришлось-бы отложить до слѣдующ
дущихъ номеровъ...

Напрасно, не надо и въ слѣдующихъ номерахъ,—
...рнутъ меня голоса (я ужь предчувствую эти голос
...не финансы, а... баловство. Все это не реально (
...ю почему-бы такъ?), все это мистическаго какої
...нія, а не насущнаго, не текущаго! Въ слѣдующихъ
...дайте повѣсть.
...нные голоса! Да вѣдь я именно и стою на томъ, чт
...вернуться отъ многаго въ теперешнемъ нашемъ насу
...текущемъ и создать себѣ иное насущное и текущее,
...енно даже реальнѣйшее, чѣмъ теперешнее, въ которое
...и въ которомъ сидимъ,—извините пожалуйста,—тоа
...уха въ патокѣ,—въ этомъ вся моя мысль. Т. е. имен
...ротѣ головъ и взглядовъ нашихъ совсѣмъ въ иную сто
...мъ до сихъ поръ — вотъ моя мысль. Власть имѣющі
...ы начать такое дѣло, и съ этой стороны мои мечты ста-
...даже вовсе не столь фантастическими, ибо если нач-
...асть, то многое могло даже сейчасъ-же осуществиться.
...ты, принципы наши нѣкоторые надо-бы совсѣмъ измѣ-
...хъ изъ патоки повытащить и освободить. Не популярна,
эта мысль: безъ движенія мы давно уже привыкли
въ патокѣ-то даже и сладко стало сидѣть. Правда, я
...лекся и мнѣ тутъ-же сейчасъ-же могутъ напомнить,
я и доселѣ, столько ужь написавъ, все еще не со-
...ъяснить: какое именно теперешнее текущее я подразу-
...акое именно будущее текущее ему предпочитаю Вотъ
...нно я хочу разъяснять неустанно въ будущихъ мо-
...хъ «Дневника». Но, чтобъ кончить теперь, приведу одну
...оторую я имѣлъ съ однимъ довольно остроумнымъ
...ъ, и который мнѣ изрекъ одну довольно любопытную
...именно на счетъ нѣкоторыхъ принциповъ, касащихся
...ашего теперешняго «текущаго». Разговоръ зашелъ
...обществѣ, какъ разъ о финансахъ и объ экономіи,
...о въ смыслѣ бережливости финансовыхъ средствъ
...копленія ихъ, употребленія въ дѣло такъ, чтобы ни
не терялась, не пошла въ расходъ фантастическій.
въ этомъ смыслѣ у насъ говорятъ теперь поми-
...равительство занимается этимъ-же неустанно. У
ежегодное сокращеніе въ штатахъ. Заговорили
...ремя даже о сокращеніи арміи, предлагали въ га-
..., именно на пятьдесятъ тысячъ солдатъ, а другіе
...то и на половину сократить можно армію нашу:

ничего-де отъ того не будетъ. Все это и прекрасно-бы, но вот что однако невольно лѣзетъ въ соображеніе: армію-то мы сокр тимъ, на первый случай, хоть тысячъ на пятьдесятъ, а денежки то у насъ и промелькнутъ опять между пальцами, туда да сюд ужь конечно, на государственныя потребности, но на такія, ко торыя, можетъ быть, и не стоятъ такой радикальной жертвы Сокращенныя-же пятьдесятъ тысячъ войска ужь мы никогд опять не заведемъ, или съ большой натугой, потому что, раз уничтоживъ, трудно это опять возстановлять, а войско-то нам ухъ какъ нужно, особенно теперь, когда всѣ-то тамъ держат противъ насъ камень за пазухой. На эту дорогу вступать опасно но только теперь, при теперешнемъ т. е текущемъ, на ко торое пойдутъ денежки. Только тогда и будемъ увѣрены, что святыя эти денежки дѣйствительно на настоящее дѣло пошл когда вступимъ, напримѣръ, на окончательную, на суровую, н угрюмую экономію, на экономію въ духѣ и силѣ Петра, еслиб тотъ положилъ экономить. А способны-ли мы на это при «но пѣющихъ-то» нуждахъ нашего текущаго, которыми мы столь свя зали себя? Замѣчу, что еслибъ мы сдѣлали или начали такъ, т это и было-бы однимъ изъ первыхъ шаговъ на поворотѣ с прежняго фантастическаго текущаго на новое, реальное и надл жащее. Мы вотъ довольно часто сокращаемъ штаты, персонал чиновниковъ, а между тѣмъ, въ результатахъ выходитъ что штаты и персоналъ какъ-бы все увеличиваются. А способны-л мы вотъ къ такому, напримѣръ, сокращенію: чтобы съ сорок чиновниковъ сразу съѣхать на четырехъ? Что четыре чиновни сплошь и рядомъ исполнятъ то, что дѣлаютъ сорокъ—въ этом сомнѣнія, конечно, никто не можетъ имѣть, особенно при сокр щеніи бумажнаго дѣлопроизводства и вообще при радикальном преобразованіи теперешнихъ формулъ веденія дѣлъ? Вотъ в эту-то тему и зашла рѣчь въ нашей компаніи. Замѣтили, ч это большая ломка, во всякомъ случаѣ. Другіе возражали, ч вѣдь у насъ и гораздо капитальнѣйшія реформы происходи чѣмъ эта. Третьи прибавляли, что новымъ чиновникамъ, то ес вотъ этимъ четверымъ, замѣстившимъ сорокъ, можно-бы жал ванье даже утроить—и слишкомъ охотно будутъ работать, вов безъ ропота. Но если и утроить, и на четырехъ, стало быть, пошл бы столько-же чего стоятъ теперешніе двѣнадцать, то и тог мы сократимъ расходы чуть не на три четверти противъ теп решняго.

Тутъ-то меня и остановилъ мой бюрократъ. Замѣчу преж

...къ величайшему моему удивленію, даже и онъ ни... возразилъ противъ возможности четырьмя замѣнить «И при четырехъ, дескать, дѣло будетъ идти», стало ...счелъ-же этого невозможнымъ. Но онъ возразилъ на ...но на принципъ, на ошибочность и преступность про... принципа. Привожу возраженія его не дословно, ...цкомъ въ моей редакціи. Повторяю, привожу именно ...мысли его показались мнѣ любопытными въ своемъ ...ключавшими въ себѣ нѣкоторую почти пикантную даже ..., конечно, не удостоилъ пускаться со мною въ по..., такъ какъ я въ такомъ дѣлѣ не спеціалистъ, «понимаю ...(въ чемъ, ужь конечно, спѣшу и самъ сознаться)—но ...-то, онъ надѣялся, я пойму.

...ращеніе чиновниковъ, съ сорока на четырехъ, началъ ... и съ проникновеніемъ,—не только не полезно для ... даже и вредно уже по самому существу своему, несмотря ...то дѣйствительно государственный расходъ уменьшился...ительно. Но не только съ сорока на четырехъ нельзя ...ть и вредно, но и съ сорока на тридцать восемь, и вотъ потому что вы зловредно посягнули-бы тѣмъ на основной ...ъ. Ибо вотъ уже почти двѣсти лѣтъ, съ самаго Петра, ...рократія, составляемъ въ государствѣ *все;* въ сущности ... есть государство и *все*—а прочее лишь привѣсокъ. По ... мѣрѣ, до недавняго времени, до освобожденія крестьянъ ...ло. Всѣ выборныя прежнія должности, ну тамъ дворян... ...примѣръ, сами собою, силою тяготѣнія, такъ сказать, ...ли нашъ духъ и смыслъ. И мы, созерцая это, вовсе не ...лись, потому что принципъ, указанный двѣсти лѣтъ тому, ...ко не нарушался. Вотъ послѣ крестьянской реформы дѣй...ьно потянуло было чѣмъ то новымъ: явилось самоуправ...у тамъ и земство и прочее... Оказалось теперь ясно, что ...о новое тотчасъ-же начало само собою принимать нашъ-же ... нашу-же душу и тѣло, въ насъ перевоплощаться. И ...ло отнюдь не нашимъ давленіемъ (это ошибочная мысль), ...нно само собою, ибо отъ вѣковыхъ привычекъ отучаться ... а если хотите, то и не надо, особенно въ такомъ основ... великомъ національномъ дѣлѣ. Вы можете мнѣ не повѣ...ю, если способны вникнуть, то, конечно, поймете. Ибо ...такое? Мы *все*, *все* и до сихъ поръ и продолжаемъ быть ...—и опять таки вовсе не очень стараясь о томъ сами, не ..., такъ сказать, ни мало, а именно невольно, естествен-

ничего-де отъ того не будетъ. Все это и прекрасно-бы, но что однако невольно лѣзетъ въ соображеніе: армію-то мы тимъ, на первый случай, хоть тысячъ на пятьдесятъ, а де то у насъ и промелькнутъ опять между пальцами, туда да ужь конечно, на государственныя потребности, но на торыя, можетъ быть, и не стоятъ такой радикальной Сокращенныя-же пятьдесятъ тысячъ войска ужь мы опять не заведемъ, или съ большой натугой, потому что, уничтоживъ, трудно это опять возстановлять, а войско-то ухъ какъ нужно, особенно теперь, когда всѣ-то тамъ дер противъ насъ камень за пазухой. На эту дорогу вступать но только теперь, при теперешнемъ т. е текущемъ, торое пойдутъ денежки. Только тогда и будемъ увѣрены святыя эти денежки дѣйствительно на настоящее дѣло когда вступимъ, напримѣръ, на окончательную, на суровую угрюмую экономію, на экономію въ духѣ и силѣ Петра, тотъ положилъ экономить. А способны-ли мы на это при піющихъ-то» нуждахъ нашего текущаго, которыми мы столь зали себя? Замѣчу, что еслибъ мы сдѣлали или начали так это и было-бы однимъ изъ первыхъ шаговъ на поворот прежняго фантастическаго текущаго на новое, реальное и н жащее. Мы вотъ довольно часто сокращаемъ штаты, перс чиновниковъ, а между тѣмъ, въ результатахъ выходитъ штаты и персоналъ какъ-бы все увеличиваются. А способн мы вотъ къ такому, напримѣръ, сокращенію: чтобы съ с чиновниковъ сразу съѣхать на четырехъ? Что четыре чино сплошь и рядомъ исполнятъ то, что дѣлаютъ сорокъ—въ сомнѣнія, конечно, никто не можетъ имѣть, особенно при с щеніи бумажнаго дѣлопроизводства и вообще при радикал преобразованіи теперешнихъ формулъ веденія дѣлъ? Вот эту-то тему и зашла рѣчь въ нашей компаніи. Замѣтили это большая ломка, во всякомъ случаѣ. Другіе возражали, вѣдь у насъ и гораздо капитальнѣйшія реформы происх чѣмъ эта. Третьи прибавляли, что новымъ чиновникамъ, то вотъ этимъ четверымъ, замѣстившимъ сорокъ, можно-бы ванье даже утроить—и слишкомъ охотно будутъ работать, безъ ропота. Но если и утроить, и на четырехъ, стало быть, п бы столько-же чего стоятъ теперешніе двѣнадцать, то и мы сократимъ расходы чуть не на три четверти противъ решняго.

Тутъ-то меня и остановилъ мой бюрократъ. Замѣчу пр

что, къ величайшему моему удивленію, даже и онъ ни-
не возразилъ противъ возможности четырьмя замѣнить
«И при четырехъ, дескать, дѣло будетъ идти», стало
не счелъ-же этого невозможнымъ. Но онъ возразилъ на
именно на принципъ, на ошибочность и преступность про-
маемаго принципа. Привожу возраженія его не дословно,
ницкомъ въ моей редакціи. Повторяю, привожу именно
что мысли его показались мнѣ любопытными въ своемъ
заключавшими въ себѣ нѣкоторую почти пикантную даже
Онъ, конечно, не удостоилъ пускаться со мною въ по-
ти, такъ какъ я въ такомъ дѣлѣ не спеціалистъ, «понимаю
—(въ чемъ, ужь конечно, спѣшу и самъ сознаться)—но
нъ-то, онъ надѣялся, я пойму.

Сокращеніе чиновниковъ, съ сорока на четырехъ, началъ
рого и съ проникновеніемъ,—не только не полезно для
о даже и вредно уже по самому существу своему, несмотря
что дѣйствительно государственный расходъ уменьшился-
чительно. Но не только съ сорока на четырехъ нельзя
ать и вредно, но и съ сорока на тридцать восемь, и вотъ
: потому что вы зловредно посягнули-бы тѣмъ на основной
шъ. Ибо вотъ уже почти двѣсти лѣтъ, съ самаго Петра,
рократія, составляемъ въ государствѣ *все;* въ сущности
и есть государство и *все*—а прочее лишь привѣсокъ. По
й мѣрѣ, до недавняго времени, до освобожденія крестьянъ
ыло. Всѣ выборныя прежнія должности, ну тамъ дворян-
напримѣръ, сами собою, силою тяготѣнія, такъ сказать,
али нашъ духъ и смыслъ. И мы, созерцая это, вовсе не
ились, потому что принципъ, указанный двѣсти лѣтъ тому,
ько не нарушался. Вотъ послѣ крестьянской реформы дѣй-
льно потянуло было чѣмъ то новымъ: явилось самоуправ-
ну тамъ и земство и прочее... Оказалось теперь ясно, что
то новое тотчасъ-же начало само собою принимать нашъ-же
, нашу-же душу и тѣло, въ насъ перевоплощаться. И
шло отнюдь не нашимъ давленіемъ (это ошибочная мысль),
енно само собою, ибо отъ вѣковыхъ привычекъ отучаться
, а если хотите, то и не надо, особенно въ такомъ основ-
великомъ національномъ дѣлѣ. Вы можете мнѣ не повѣ-
но, если способны вникнуть, то, конечно, поймете. Ибо
такое? Мы *все, все* и до сихъ поръ и продолжаемъ быть
—и опять таки вовсе не очень стараясь о томъ сами, не
съ, такъ сказать, ни мало, а именно невольно, естествен-

нимъ ходомъ дѣла. Кричать давно, что у насъ дѣло с
свое не живое, а мертвое, бумажное, и что Россія з
выросла. Можетъ быть, выросла, но пока все еще мы
держимъ, зиждемъ и сохраняемъ, чтобы не разсыпалась
что вы называете канцелярской мертвечиной, т. е. мы
какъ установленіе, а затѣмъ и вся наша дѣятельность,
составляетъ, если прибѣгнуть къ сравненію, какъ бы,
зать, скелетъ въ живомъ организмѣ. Разсыпьте скелетъ, р
кости, погибнетъ и живое тѣло. Пусть, пусть дѣло
по мертвому, за то по системѣ, по принципу, по
принципу, позвольте вамъ это сказать. Пусть дѣ
целярски дѣлается, пусть даже плохо, не полно,
какъ-нибудь дѣлается-же, и, главное, все стоитъ и
даетъ, — именно то-то и главное, что пока не падаетъ
гласенъ и готовъ уступить вамъ, что мы на самомъ-то
жалуй, что и не *все*, — о, мы достаточно умны, чтобы
что мы не восполняемъ всего въ Россіи, а особенно то
пусть не все, за то все-таки *нѣчто*, т. е. нѣчто уже
дѣйствительно существующее, хотя, конечно, можетъ
части и безтѣлесное. Ну, а что тамъ у васъ, чѣмъ вы-то
замѣстили, такъ чтобъ мы уже могли съ увѣренностью
ниться, въ виду того, что и у васъ явилось-бы тож
способное насъ замѣстить такъ, чтобы ничего не упало?
у васъ, всѣ эти самоуправленія и земства, — вѣдь это
пока журавль въ небѣ, журавль до сихъ поръ, прек
въ небѣ летающій, но на землю еще не слетавшій. Ста
онъ все-таки нуль, хоть и прекрасенъ, а мы хоть и не п
и надоѣли, но за то мы *нѣчто* и уже вовсе не нуль.
насъ всѣ сплошь обвиняете за журавля: зачѣмъ-де онъ
поръ не слетѣлъ, что въ этомъ-де мы виноваты, что э
мы стараемся преобразить прекраснаго журавля въ наш
и духъ. Это, конечно, очень-бы хорошо было съ нашей
еслибъ дѣйствительно тутъ только наша вина была, мо
казали-бы тѣмъ, что стоимъ за вѣковой, основной и
нѣйшій принципъ и безполезный нуль обращаемъ въ
нѣчто. Но повѣрьте, что мы тутъ вовсе не виноваты, т.
комъ мало, и что прекрасный журавль самъ въ нерѣшимо
не знаетъ чѣмъ ему стать окончательно, т. е. нами-ли мы
ду чѣмъ-то самостоятельнымъ, самъ колеблется, самъ н
себѣ, даже почти потерялся. Увѣряю васъ, что полѣзъ
намъ своею собственною доброю волею, а вовсе безъ

вленія. Выходитъ, что мы, такъ сказать, какъ естественный
кой-то магнитъ, къ которому все тянется даже доселѣ и долго
е будетъ тянуться. Вы опять не вѣрите, вамъ смѣшно? А я
къ пари готовъ держать въ чемъ угодно: Попробуйте, развя-
ите крылья вашей прекрасной птичкѣ вполнѣ, разрѣшите ей
ѣ возможности, предпишите, напримѣръ, вашему земству даже
рмально за номеромъ и со строгостью: «доселѣ-де быть тебѣ
остоятельнымъ, а не бюрократическимъ журавленъ», и, по-
рьте, что всѣ они тамъ, всѣ какіе есть журавли, сами собою,
е пуще запросятся къ намъ и кончатъ тѣмъ, что станутъ
возниками уже вполнѣ, духъ нашъ и образъ примутъ, все у
съ скопируютъ. Даже выборный мужикъ къ намъ запросится,
льститъ ему это очень. Не даромъ-же два столѣтія развива-
ись вкусы. И вотъ вы хотите чтобы мы, т. е. нѣчто твердое
а ногахъ стоящее, промѣняли-бы самихъ себя на эту за-
ку, на эту шараду, на вашего прекраснаго журавля? Нѣтъ,
къ мы лучше свою синицу въ рукахъ попридержимъ. Мы ужь
учше сами какъ-нибудь тамъ исправимся, пообчистимся, ну, что-
ибудь введемъ новое, болѣе, такъ сказать, прогрессивное, духу
ка соотвѣтствующее, ну, тамъ станемъ какъ-нибудь добродѣ-
ельнѣе или что, — а на призракъ, на внезапно приснившійся
нъ, мы не промѣняемъ наше дѣйствительное, реальное *нѣчто*,
не чѣмъ и не кѣмъ насъ замѣстить, это вѣрно! Мы сопро-
ляемся уничтоженію, такъ сказать, по инерціи. Инерція-то
въ насъ и дорога, потому что, по правдѣ-то, ею лишь одною
и держится въ наше время. А потому и сокращаться даже
тридцать восемь съ сорока (а не то съ что сорока на четы-
къ) было-бы дѣломъ глубоковреднымъ, и даже безнравствен-
мъ. Гроши получите, а разрушите принципъ. Уничтожьте-ка,
мѣните-ка теперь нашу формулу, если только у васъ хватитъ
ѣсти посягнуть на такое дѣло: Да вѣдь это будетъ измѣной
ему нашему русскому европеизму и просвѣщенію, — знаете-ли
это? Это будетъ отрицаніемъ того, что и мы государство,
и мы европейцы, это измѣна Петру! И знаете, ваши либе-
лы (впрочемъ и наши тоже), стоящіе столь рьяно въ газетахъ
земство противъ чиновничества, въ сущности противорѣчатъ
ни себѣ. Да вѣдь земство, да вѣдь всѣ эти новости и «народ-
» — вѣдь это и есть тѣ самыя «народныя начала», или
ющаяся формула тѣхъ «началъ», объ которыхъ кричитъ
ненавистная европейцамъ нашимъ «Русская партія» (мо-
слышали, ихъ такъ въ Берлинѣ обозвали)—тѣ самыя «на-

чала», которыя такъ неистово отрицаетъ нашъ русскій
лизмъ и европеизмъ, надъ которыми онъ смѣется и не
ихъ признавать даже существующими! О, онъ ихъ очень
Ну, что-же коли они въ самомъ дѣлѣ есть и осуществятс
вѣдь тогда въ нѣкоторомъ родѣ сюрпризъ-съ! Значитъ, вс
европейцы по настоящему съ нами, а мы съ ними, и
они давно должны-бы были понять и себѣ зарубить. Е
тите, то мы не только за одно съ ними, а мы и совсѣм
и то-же: въ нихъ, въ нихъ самихъ нашъ духъ заклю
даже нашъ образъ, въ европейцахъ-то нашихъ, и это т
я вамъ вотъ что прибавлю: Европа, т. е. Русская Евро
ропа въ Россіи — это мы-то лишь одни и есть. Это мы,
площеніе всей формулы русскаго европеизма и всю ее
чаемъ въ себѣ. Мы одни ея толкователи. И не понимаю
бы не давать имъ за ихъ европеизмъ установленныхъ
отличія, если ужь мы съ ними такъ безгрѣшно сливаем
удовольствіемъ станутъ носить и этимъ даже можно-б
привлечь. Но у насъ не умѣютъ. А они-то насъ бранятъ
длинно своя своихъ не познаша! А чтобъ кончить объ
земствахъ и всѣхъ этихъ новшествахъ, то я вамъ скаж
на всегда: Нѣтъ-съ! Ибо дѣло это длинное, а не столь ко
На то нужна своя предварительная культура, своя ист
можетъ быть, тоже двухвѣковая. Ну вѣковая, ну хоть да
вѣковая, такъ какъ нынѣ вѣкъ телеграфовъ и желѣзны
рогъ и всѣ отношенія сокращены и облегчены. Такъ вѣ
же полвѣковая, все-же вѣдь не сейчасъ. «Сейчасъ или тотч
это все русскія мерзостныя словечки. Сейчасъ ничего не
дится, кромѣ намъ-же подобныхъ. И долго еще такъ бу

Тутъ мой бюрократъ гордо и осанисто замолч
знаете, я и не возражалъ ему, потому что въ его словах
именно какъ-бы «нѣчто», какая-то грустная правда, д
тельно существующая. Разумѣется, я съ нимъ не согласе
душѣ. И притомъ такимъ тономъ говорятъ лишь люди
щіе. А все-таки въ его словахъ было «нѣчто»...

II.

Старая басня Крылова объ одной свиньѣ.

А чтобы обо всемъ этомъ наконецъ совсѣмъ уже к
приведу одну маленькую, очень хорошенькую басенку К

жно быть, всѣми теперь забытую, ибо до Крылова-ли въ нашъ ерешній дѣловой и метущійся вѣкъ? Эта басенка невольно помнилась мнѣ еще когда я началъ собираться писать мою тью о финансахъ и объ оздоровленіи корней. У Крылова имѣетъ прекрасное нравоученіе, но на другую тему, на тему другихъ корняхъ. Но это все равно, она и къ намъ подхоная. Вотъ эта басня:

Свинья подъ дубомъ вѣковымъ
Наѣлась жолудей до сыта, до отвала;
Наѣвшись выспалась подъ нимъ,
Потомъ, глаза продравши, встала
И рыломъ подрывать у дуба корни стала.
«Вѣдь это дереву вредитъ»—
Ей съ дубу Воронъ говоритъ:
«Коль корни обнажишь, оно засохнуть можетъ».
—«Пусть сохнетъ», говоритъ Свинья;
«Ничуть меня то не тревожитъ;
Въ немъ проку мало вижу я;
Хоть вѣкъ его не будь, ничуть не пожалѣю,
Лишь были-бъ жолуди: вѣдь я отъ нихъ жирѣю».
—«Неблагодарная! промолвилъ Дубъ ей тутъ:
«Когда-бъ вверхъ могла поднять ты рыло,
Тебѣ-бы видно было,
Что эти жолуди на мнѣ растутъ».

Хороша басенка? И неужели мы согласимся походить на тапортретъ?

III.

Геокъ-Тепе. Что такое для насъ Азія?

Геокъ-Тепе взятъ, текинцы разбиты и хотя еще вполнѣ не ирены, но наша побѣда несомнѣнна. Въ обществѣ и въ пе возликовали. А давно-ли еще въ обществѣ, да и въ печаотчасти, къ этому дѣлу относились чрезвычайно равнодушно. бенно послѣ неудачи генерала Ломакина и въ началѣ приголеній къ вторичному наступленію. «И зачѣмъ намъ туда, и намъ далась эта Азія, сколько денегъ истрачено, тогда какъ асъ голодъ, дифтеритъ, пѣтъ школъ, и проч., и проч.» Да, мнѣнія раздавались и мы ихъ слышали. Не всѣ вообще были то мнѣнія,—о, нѣтъ,—но все-же надо сознаться, что къ наступательной политикѣ въ Азіи въ послѣднее время весьма

многіе стали было относиться непріязненно. Правда, некоторая неизвѣстность о предпринятой экспедиціи. Въ самое [illegible] нее только время стали проскакивать у насъ извѣстія изъ странныхъ газетъ, и только подъ самый конецъ раздались всей Россіи телеграммы Скобелева. Тѣмъ не менѣе и во [illegible] случаѣ трудно сказать, чтобы общество наше было прони яснымъ сознаніемъ нашей миссіи въ Азіи и того, что собст для насъ значитъ и могла-бы значить впредь Азія. Да и в вся наша русская Азія, включая и Сибирь, для Россіи не какъ будто существуютъ въ видѣ какого-то привѣска, кот какъ-бы вовсе даже и не хочетъ европейская наша Росс тересоваться. «Мы, дескать, Европа, что намъ дѣлать въ А Бывали даже и очень рѣзкіе голоса: «ужь эта наша Ази и въ Европѣ-то не можемъ себѣ порядка добыть и устро а тутъ еще суютъ намъ и Азію. Лишняя вовсе намъ эт хоть-бы ее куда-нибудь дѣть!» Эти сужденія иногда и т раздаются у умниковъ нашихъ, отъ очень ихъ большаго конечно.

Съ побѣдой Скобелева пронесется гулъ по всей Азіи, мыхъ отдаленныхъ предѣловъ ея: «Вотъ, дескать, и еще свирѣпый и гордый правовѣрный народъ Бѣлому Царю нился». И пусть пронесется гулъ. Пусть въ этихъ милли народовъ, до самой Индіи, даже и въ Индіи, пожалуй, р убѣжденіе въ непобѣдимости Бѣлаго Царя и въ несокруш меча его. А вѣдь послѣ неудачи генерала Ломакина непр должно быть пронеслось по всей Азіи сомнѣніе въ несок мости меча нашего и русскій престижъ навѣрно былъ лебленъ. Вотъ почему мы и не можемъ остановиться на дорогѣ. У этихъ народовъ могутъ быть свои ханы и эми умѣ и въ воображеніи ихъ можетъ стоять грозой Англія, которой они удивляются,—но имя Бѣлаго Царя должно превыше хановъ и эмировъ, превыше Индѣйской импер превыше даже самаго калифова имени. Пусть калифъ, но Царь есть царь и калифу. Вотъ какое убѣжденіе надо утвердилось! И оно утверждается и наростетъ ежегодно намъ необходимо, ибо оно ихъ пріучаетъ къ грядущему.

— Для чего и къ какому грядущему? Какая необход въ грядущемъ захватѣ Азіи? Что намъ въ ней дѣлать?

Потому необходимость, что Россія не въ одной тол рошѣ, но и въ Азіи; потому что русскій не только евр но и азіатъ. Мало того: въ Азіи, можетъ быть, еще б

ихъ надеждъ чѣмъ въ Европѣ. Мало того: въ грядущихъ суд-
хъ нашихъ можетъ быть Азія-то и есть нашъ главный ис-
дъ!

Я предчувствую негодованіе, съ которымъ прочтутъ иные
о ретроградное предположеніе мое (а оно для меня аксіома).
, если есть одинъ изъ важнѣйшихъ корней, который надо-бы
насъ оздоровить, такъ это именно взглядъ нашъ на Азію.
адо прогнать лакейскую боязнь, что насъ назовутъ въ Европѣ
атскими варварами, и скажутъ про насъ, что мы азіаты еще
лѣе чѣмъ европейцы. Этотъ стыдъ, что насъ Европа сочтетъ
йатами, преслѣдуетъ насъ ужь чуть не два вѣка. Но особен-
этотъ стыдъ усилился въ насъ въ нынѣшнемъ девятнадца-
мъ вѣкѣ и дошелъ почти до чего-то паническаго, дошелъ до
еталла и жупела» московскихъ купчихъ. Этотъ ошибочный
ыдъ нашъ, этотъ ошибочный нашъ взглядъ на себя единст-
нно какъ только на европейцевъ, а не азіатовъ (каковыми
никогда не переставали пребывать),—этотъ стыдъ и этотъ
ибочный взглядъ дорого, очень дорого стоили намъ въ эти
а вѣка и мы поплатились за него и утратою духовной само-
ятельности нашей, и неудачной европейской политикой нашей,
наконецъ деньгами, деньгами, которыхъ Богъ знаетъ сколько
ило у насъ на то, чтобы доказать Европѣ, что мы только ев-
пейцы, а не азіаты. Но толчекъ Петра, вдвинувшаго насъ въ
ропу, необходимый и спасительный вначалѣ, былъ все-таки
ишкомъ силенъ и тутъ отчасти уже не мы виноваты. И чего-
го мы не дѣлали, чтобъ Европа признала насъ за *своихъ*, за
ропейцевъ, за однихъ только европейцевъ, а не за татаръ. Мы
зли къ Европѣ поминутно и неустанно, сами напрашивались
всѣ ея дѣла и дѣлишки. Мы то пугали ее силой, посылали
да наши арміи «спасать царей», то склонялись опять передъ
ю, какъ не надо-бы было, и увѣряли ее, что мы созданы
нь чтобъ служить Европѣ и сдѣлать ее счастливою. Въ двѣнадца-
мъ году, выгнавъ отъ себя Наполеона, мы не помирились съ нимъ,
къ совѣтовали и желали тогда нѣкоторые немногіе прозорливые
ескіе люди, а двинулись всей стѣной осчастливить Европу, ос-
бодивъ ее отъ похитителя. Конечно, вышла картина яркая: съ од-
й стороны шелъ деспотъ и похититель, съ другой—миротворецъ
воскреситель. Но политическое счастье наше состояло тогда
не въ картинѣ, а въ томъ, что этотъ похититель, былъ
тогда въ такомъ положеніи, въ первый разъ во всю свою
у, что помирился-бы съ нами крѣпко-на-крѣпко и искренно.

и надолго, можетъ быть, навсегда. За условіе, что мы не бу
демъ ему мѣшать въ Европѣ, онъ отдалъ-бы намъ Востокъ,
теперешній Восточный вопросъ нашъ—гроза и бѣда нашего т
кущаго и нашего будущаго, — былъ-бы уже теперь давно ра
рѣшенъ. Похититель это самъ говорилъ потомъ, и навѣрно в
лгалъ говоря, ибо ничего-то бы онъ не могъ лучше сдѣлать как
впредь быть съ нами въ союзѣ, съ тѣмъ, чтобъ у насъ былъ В
стокъ, а у него Западъ. Съ европейскими народами онъ-бы на
вѣрно справился и тогда. Они-же были слишкомъ еще слаб
тогда, чтобъ намъ помѣшать на Востокѣ, даже Англія. Наполеон
можетъ быть, и палъ-бы потомъ, или послѣ его смерти династ
его, а Востокъ остался-бы всетаки за нами. (У насъ тогда бы
бы море и мы могли-бы даже и на морѣ Англію встрѣтить). Н
мы все отдали за картинку. И что-же всѣ эти освобожденны
нами народы тотчасъ-же, еще и недобивъ Наполеона, стали см
трѣть на насъ съ самымъ яркимъ недоброжелательствомъ и с
злѣйшими подозрѣніями. На конгрессахъ они тотчасъ проти
насъ соединились вмѣстѣ сплошной стѣной и захватили себѣ вс
а намъ не только не оставили ничего, но еще съ насъ-же взял
обязательства, правда, добровольныя, но весьма намъ убыточны
какъ и оказалось впослѣдствіи. Затѣмъ, не смотря на полученны
урокъ,—что дѣлали мы во всѣ остальные годы столѣтія и да
донынѣ? Не мы-ли способствовали укрѣпленію германскихъ де
жавъ, не мы-ли создали ихъ силу до того, что они, можетъ бы
теперь и сильнѣе насъ стали? Да, сказать, что это мы спосо
ствовали ихъ росту и силѣ вовсѣ не преувеличенно выйдетъ. Н
мы-ли, по ихъ зову, ходили укрощать ихъ междоусобіе, не мы
ли оберегали ихъ тылъ, когда имъ могла угрожать бѣда? И вотъ
не они-ли, напротивъ, выходили къ намъ въ тылъ, когда нам
угрожала бѣда, или грозили выйти намъ въ тылъ, когда нам
грозила другая бѣда? Кончилось тѣмъ, что теперь всякій-то
Европѣ, всякій тамъ образъ и языкъ держитъ у себя за пазух
давно уже припасенный на насъ камень, и ждетъ только перва
столкновенія. Вотъ что мы выиграли въ Европѣ столь ей слу
Одну ея ненависть! Мы сыграли такъ роль Репетилова, которы
гоняясь за фортуной,

„Приданаго взялъ шишъ, по службѣ ничего".

Но почему эта ея ненависть къ намъ, почему они всѣ
могутъ никакъ въ насъ увѣриться разъ навсегда, повѣрить
безвредность нашу, повѣрить, что мы ихъ друзья и слуги, доб

ти, и что даже все европейское назначеніе наше—это слу-
ть Европѣ и ея благодѣтелямъ. (Потому что развѣ не такъ,
то же-ли самое дѣлали мы во все столѣтіе, развѣ сдѣлали мы
для себя, развѣ добились чего себѣ? Всего ли Европу тошно!)
тъ, они не могутъ увѣриться въ насъ! Главная причина имен-
въ томъ состоитъ, что они не могутъ никакъ насъ *сосчи-*
знать.

Они ни за что и никогда не повѣрятъ, что мы во истину
жемъ участвовать вмѣстѣ съ ними и наравнѣ съ ними въ даль-
шихъ судьбахъ ихъ цивилизаціи. Они признали насъ чуж-
ми своей цивилизаціи, пришельцами, самозванцами. Они при-
ютъ насъ за воровъ, укравшихъ у нихъ ихъ просвѣщеніе,
ихъ платья перерядившихся. Турки, семиты, ниъ ближе по
у чѣмъ мы, арійцы. Всему этому есть одна чрезвычайная при-
на: Идею мы несемъ вовсе не ту чѣмъ они въ человѣчество—
ъ причина! И это не смотря на то, что наши «русскіе евро-
ицы» изо всѣхъ силъ увѣряютъ Европу, что у насъ нѣтъ ни-
кой идеи, да и впредь быть не можетъ, что Россія и не спо-
на имѣть идею, а способна лишь подражать, что дѣло тѣмъ
кончится, что мы все будемъ подражать, и что мы вовсе не
ты, не варвары, а совсѣмъ, совсѣмъ какъ они, европейцы.
Европа нашимъ русскимъ европейцамъ на этотъ разъ, по край-
мѣрѣ, не повѣрила. Напротивъ, въ этомъ случаѣ она, такъ
зать, совпала въ заключеніяхъ своихъ съ славянофилами на-
ми, хотя ихъ не знаетъ вовсе, и только развѣ слышала объ
ъ кое-что. Совпаденіе-же именно въ томъ, что и Европа вѣ-
ъ, какъ и славянофилы, что у насъ есть «идея», своя, осо-
ная и не европейская, что Россія можетъ и способна имѣть
ю. Про сущность этой идеи нашей Европа, конечно, еще ни-
не знаетъ,—ибо еслибъ знала, такъ тотчасъ-же бы успо-
лась, даже обрадовалась. Но узнаетъ непремѣнно когда ни-
ь, и именно когда наступитъ самая критическая минута въ
ьбахъ ея. Но теперь она не вѣритъ; признавая за нами идею,
боится ея. И наконецъ мерзимъ мы ей, мерзимъ даже лично,
и тамъ и бываютъ иногда съ нами вѣжливы. Они, напримѣръ,
тно сознаются, что русская наука можетъ выставить уже нѣ-
лько замѣчательныхъ дѣятелей, представить нѣсколько хоро-
хъ работъ, даже послужившихъ уже ихъ европейской наукѣ
пользу. Но ни за что однако-же не повѣритъ теперь Европа,
у насъ въ Россіи могутъ родиться не одни только работники
наукѣ (хотя-бы и очень талантливые), а и геніи, руководи-

тели человѣчества, въ родѣ Бэкона, Канта и Аристотеля, они никогда не повѣрятъ, ибо въ цивилизацію нашу [illegible] а нашей грядущей идеи еще не знаютъ. По настоящему, правы: ибо и впрямь не будетъ у насъ ни Бэкона, ни Ка ни Аристотеля, доколѣ мы не станемъ прямо на дорогу и дѣлъ духовно самостоятельными. Во всемъ остальномъ то-а нашихъ искусствахъ, въ промышленности: Европа насъ хвалить, по головѣ гладить, но своими насъ не признаетъ зираетъ насъ втайнѣ и явно, считаетъ низшими себя какъ какъ породу, а иногда такъ мерзимъ мы имъ, мерзимъ особенно когда имъ на шею бросаемся съ братскими поцѣ

Но отъ окна въ Европу отвернуться трудно, тутъ ф А между тѣмъ Азія—да вѣдь это и впрямь можетъ быть исходъ въ нашемъ будущемъ,—опять восклицаю это! И с совершилось у насъ хоть отчасти усвоеніе этой идеи—о, бы корень былъ тогда оздоровленъ! Азія, азіатская наша Рос вѣдь это тоже нашъ больной корень, который не то что жить, а совсѣмъ воскресить и пересоздать надо! Принципъ, принципъ, новый взглядъ на дѣло—вотъ что необходимо!

IV.

Вопросы и отвѣты.

— Да зачѣмъ, зачѣмъ? послышатся голоса уже разд ные, — азіатскія наши дѣла и теперь требуютъ отъ нас прерывно войска, затратъ непроизводительныхъ. И какая промышленность? Гдѣ ихъ товары, гдѣ найдете вы тамъ бителей нашихъ товаровъ? И вотъ вы приглашаете насъ, вѣстно зачѣмъ, отвернуться отъ Европы на вѣки.

— Не на вѣки—(продолжаю я стоять на своемъ),— менно, и опять таки не совсѣмъ, не совершенно вѣдь отор какъ-бы ни отрывались. Намъ нельзя оставлять Европу со да и не надо. Это «страна святыхъ чудесъ», и изрекъ я мый рьяный славянофилъ. Европа намъ тоже мать, какъ сія, вторая мать наша; мы много взяли отъ нея, и опять мемъ, и не захотимъ быть передъ нею неблагодарными. Я и дущее великое значеніе въ Европѣ народа русскаго (въ м вѣрую) сказалъ было одно словцо прошлаго года на пу скихъ празднествахъ въ Москвѣ,—и меня всѣ потомъ заб

изью и бранью, даже и изъ тѣхъ, которые меня обнимали тогда слова мои,—точно я какое мерзкое, подлѣйшее дѣло сдѣлалъ, сказавъ тогда мое слово.

Но, можетъ быть, не забудется это слово мое. Объ этомъ, прочемъ, теперь довольно. Но все-же мы въ правѣ о переселеніи нашемъ и объ исходѣ нашемъ изъ Египта позаботиться. Ибо мы сами изъ Европы сдѣлали для себя какъ-бы какой-то духовный Египетъ.

— Позвольте, прервутъ меня, да чѣмъ-же намъ Азія придастъ самостоятельности? Заснемъ тамъ по-азіатски, а не станемъ самостоятельными!

— Видите-ли,—продолжаю я,—съ поворотомъ въ Азію, съ новымъ на нее взглядомъ нашимъ, у насъ можетъ явиться нѣчто въ родѣ чего-то такого, что случилось съ Европой, когда открыли Америку. Ибо во истину Азія для насъ также не открыта еще нами тогдашняя Америка. Съ стремленіемъ въ Азію у насъ возродится подъемъ духа и силъ. Чуть лишь станемъ самостоятельнѣе,—тотчасъ найдемъ что намъ дѣлать, а съ Европой, въ два вѣка, мы отвыкли отъ всякаго дѣла и стали говорунами и лѣнтяями.

— Ну такъ какже вы подымете насъ въ Азію коль у насъ лѣнтяи? Да и кто у насъ подымется первый, еслибъ даже и доказать всѣмъ какъ дважды два, что тамъ наше счастье?

— Въ Европѣ мы были приживальщики и рабы, а въ Азію явимся господами. Въ Европѣ мы были татарами, а въ Азіи мы европейцы. Миссія, миссія наша цивилизаторская въ Азіи подкупитъ нашъ духъ и увлечетъ насъ туда, только-бы началось движеніе. Постройте только двѣ желѣзныя дороги, начните съ того,—одну въ Сибирь, а другую въ Среднюю Азію, и увидите тотчасъ послѣдствія.

— Мало захотѣли! засмѣются мнѣ, гдѣ средства и что получимъ: себѣ убытокъ и только.

— Во первыхъ, еслибъ мы въ послѣднія двадцать пять лѣтъ, всего только по три милліона въ годъ на эти дороги откладывали (а три-то милліона у насъ просто сквозь пальцы иной разъ мелькнутъ),—то было-бы уже теперь выстроена на семьдесятъ пять милліоновъ азіатскихъ дорогъ, т. е, слишкомъ тысячу верстъ, какъ ни считать. Затѣмъ вы толкуете про убытокъ. О, еслибъ вмѣсто насъ жили въ Россіи англичане или американцы: **были-бы они вамъ убытокъ! Вотъ они-то бы открыли нашу Америку. Да знаете-ли что тамъ есть земли, которыя намъ менѣе**

извѣстны, чѣмъ внутренность Африки? И знаемъ-ли мы какія богатства заключаются въ нѣдрахъ этихъ необъятныхъ земель. О, они-бы добрались до всего, до металловъ и минераловъ, безчисленныхъ залежей каменнаго угля,—все-бы нашли, все-бы розыскали, и матеріалъ, и какъ его употребить. Они-бы призвали науку, заставили-бы землю родить самъ-пятьдесятъ,—ту самую землю, про которую мы все еще думаемъ здѣсь, что это лишь голая, какъ ладонь наша, степь. Къ добытому хлѣбу потянулись бы люди, завелась-бы промышленность, производство. Не бе покойтесь, нашли-бы потребителей и дорогу къ нимъ изыскали бы ихъ въ нѣдрахъ Азіи, гдѣ они дремлютъ теперь милліонами и дороги-бы новыя къ нимъ провели!

— Ну, такъ какже вы восклицаете про науку, а сами скл няете насъ къ измѣнѣ наукѣ и просвѣщенію, приглашая на стать азіатами.

— Да науки-то тамъ еще больше потребуется! (восклица я),—ибо что мы теперь въ наукѣ: недоучки и диллетанты. тамъ станетъ дѣятелями, сама необходимость прижметъ и заст вить, чуть лишь подымется самостоятельный предпріимчив духъ—тотчасъ-же и въ наукѣ явимся господами, а не пр хвостнями, какъ сплошь и рядомъ нынѣ. А главное—цивилиз торская миссія наша въ Азіи, съ самыхъ первыхъ шаговъ (это несомнѣнно) поймется и усвоится нами. Она возвыситъ нашъ духъ, она придастъ намъ достоинства и самосознанія,—а это сплошь у насъ теперь нѣтъ, или очень мало. Стремленіе в Азію, еслибъ только оно зародилось межъ нами, послужило-б сверхъ того исходомъ многочисленнымъ безпокойнымъ умам всѣмъ стосковавшимся, всѣмъ облѣнившимся, всѣмъ безъ дѣ уставшимъ. Устройте истокъ водѣ и исчезнетъ плѣсень и вон А разъ затянувшись въ дѣло—уже не будутъ скучать, всѣ и переродятся. Даже иная бездарность, съ израненнымъ, поющи самолюбіемъ, нашла-бы тамъ свой исходъ. Ибо часто въ одно мѣстѣ бездарность воскресаетъ въ другомъ—чуть не геніемъ. Э часто и въ европейскихъ колоніяхъ происходитъ. Не опустѣе Россія, не бойтесь: начнется постепенно, пойдутъ сначала и многіе, но скоро объ нихъ придутъ слухи и увлекутъ дру гихъ. И всетаки для моря русскаго это будетъ даже и нез мѣтно. Освободите муху изъ патоки, расправьте ей даже как можно крылья, и всетаки потянется туда самый ничтожный пр центъ населенія, будетъ даже и неприметно. А тамъ—ухъ как тамъ будетъ примѣтно! Гдѣ въ Азіи поселится «Урусъ», та

становится земли русскою.—Создались-бы Россія новая, и старую-бы возродила и воскресила современемъ и ей ея разъяснила. Но для всего этого нуженъ новый принъ-поворотъ. И всѣхъ менѣе потребовалъ-бы онъ ломки и ій. Пусть только хоть немного проникнутся (не проникто въ будущемъ Азіи нашъ исходъ, что тамъ наши богатамъ у насъ океанъ; что когда въ Европѣ, уже отъ одной только, заведется неизбѣжный и претящій имъ самимъ ьный коммунизмъ, когда цѣлыми толпами станутъ тѣкколо одного очага и мало по малу пойдутъ разрушиться я хозяйства, а семейства начнутъ бросать свои углы и засообща коммунами; когда дѣтей будутъ родить въ восмихъ домахъ — (на три четверти подкидышами), тогда— асъ все еще просторъ и ширь, поля и лѣса, и дѣти наши юсти у отцовъ своихъ, не въ каменныхъ мѣшкахъ, а среди засѣянныхъ полей, видя надъ собою чистое небо. Да, амъ нашихъ надеждъ заключено и много возможностей, ихъ мы здѣсь и понятія еще составить не можемъ во ъемѣ! Не одно только золото тамъ въ почвѣ спрятано. онъ новый принципъ. Новый принципъ и потребныя на ьги родитъ. Ибо къ чему намъ, если ужь все говорить,— намъ (и особенно въ теперешнюю минуту) содержать Европѣ, хотя-бы столько посольствъ съ такимъ, столь стоющимъ, блескомъ, съ ихъ тонкимъ остроуміемъ и съ ихъ великолѣпнымъ но убыточнымъ персоналомъ. амъ тамъ (и именно теперь) до какихъ-то Гамбеттъ, до его дальнѣйшей участи, хотя-бы и угнеталъ его Бис- Не лучше-ли, напротивъ, на время, въ глазахъ Европы, иться, сѣсть на дорожкѣ, шапочку передъ собой положить, собирать: дескать, «la Russie опять se recueille». А домавременемъ собираться, внутри-бы тѣмъ временемъ со- Скажутъ: къ чему-жь унижаться. Да и не унизимся вѣдь только въ видѣ аллегоріи про шапочку сказалъ. то не унизимся, а разомъ повысимся, вотъ какъ будетъ! хитра и умна, сейчасъ догадается и, повѣрьте, начнетъ часъ-же уважать! О, конечно, самостоятельность наша первыхъ порахъ, озадачитъ, но отчасти ей и понравится. идитъ, что мы въ «угрюмую экономію» вступили и рѣно одежкѣ протягивать ножки, увидитъ, что и мы тоже асчетливыми и свой рубль сами первые бережемъ и цѣне дѣлаемъ его изъ бумажки, то и они тоже тотчасъ-

же нашъ рубль, на своихъ рынкахъ, цѣнить начнутъ. Да чего увидятъ, что мы даже дефицитовъ и банкротствъ не боимся прямо къ своей точкѣ ломимъ, то сами-же придутъ къ на денегъ предлагать,—и предложатъ уже какъ серьезнымъ людя уже научившимся дѣлу и тому, какъ надо каждое дѣло дѣлат

Постойте,—слышится голосъ,—вотъ вы, однако-же, про Б бетту, но намъ нельзя тамъ бросать. Хотя-бы тотъ-же Вост ный вопросъ на первый случай: вѣдь онъ остается; какъ-же уйдемъ отъ него?

На счетъ Восточнаго вопроса я-бы вотъ что сказалъ въ минуту: Вѣдь въ эту минуту у насъ, въ политическихъ сфера не найдется, можетъ быть, ни единаго политическаго ума, ко рый-бы признавалъ за здравое, что Константинополь долж быть нашъ,—(кромѣ развѣ какъ въ отдаленномъ, загадочн еще нашемъ грядущемъ). А коли такъ, такъ чего-же намъ бол ждать? Вся суть Восточнаго вопроса въ эту минуту заключае въ союзѣ Германіи съ Австріей, да еще въ австрійскихъ зах тахъ въ Турціи, поощряемыхъ княземъ Бисмаркомъ. Мы мож и будемъ, конечно, протестовать, въ крайнихъ уже какихъ-б будь случаяхъ, но пока эти обѣ націи вкупѣ,—что-же мы жемъ сдѣлать теперь безъ огромныхъ для насъ потрясеній? мѣтьте, что союзникамъ можетъ только того надо, чтобъ наконецъ, разсердились. Славянскіе-же народы мы можемъ прежнему поощрять и любить, даже помогать имъ чѣмъ мо при случаѣ. Къ тому-же очень-то они не погибнутъ въ кав нибудь срокъ. А срокъ можетъ даже очень скоро кончит Вѣдь только-бы мы видъ показали, что въ Европу столь в шиваться какъ прежде мы уже не желаемъ, то они тамъ, б насъ-то оставшись, можетъ еще скорѣй перессорятся. Вѣдь когда-то не повѣритъ Австрія, что Германія ее столь возлюб единственно за ея прекрасные глаза. Вѣдь она слишкомъ зна напротивъ, что Германіи все-таки надо, въ концѣ концовъ, австрійскихъ нѣмцевъ къ германскому единству присоедин А своихъ нѣмцевъ Австрія ни за что не уступитъ, даже есл давали Константинополь за нихъ—до того ихъ дорого цѣни Матеріалъ-то для распрей, стало быть, тамъ уже есть. А тутъ подъ бокомъ у Германіи все тотъ-же неразрѣшенный франц скій вопросъ, теперь для нея уже вѣчный. А тутъ, сверхъ то даже самое объединеніе Германіи, вдругъ оказывается, не тол не завершено, а даже грозитъ колебаніемъ. А тутъ оказыва и соціализмъ европейскій не только не умеръ, а даже очен

одолжаетъ грозить. Однимъ словомъ, намъ стоитъ только
я и не вмѣшиваться даже когда звать начнутъ, и чуть
рянетъ тамъ—у нихъ распря, и затрещитъ ихъ «поли-
равновѣсіе»,—разомъ покончить и Восточный вопросъ,
мгновеніе какъ и во франко-прусскую бойню, вдругъ
какъ тогда на счетъ Чернаго моря мы заявили: «не же-
австрійскихъ захватовъ въ Турціи признавать» и ра-
знутъ захваты, можетъ быть, и съ Австріей вмѣстѣ.
и наверстаемъ все, что на время какъ будто-бы упу-

у, а Англія? Вы упускаете Англію. Увидавъ наше стрем-
Азію, она тотчасъ взволнуется.
Англіи бояться—никуда не ходить»,—возражаю я пе-
ою на новый ладъ пословицей. Да и ничѣмъ новымъ она
нуется, ибо все тѣмъ-же волнуется и теперь. Напротивъ,
мы и держимъ ее въ смущеніи и невѣдѣніи на счетъ
и она ждетъ отъ насъ всего худшаго. Когда-же пой-
тоящій характеръ всѣхъ нашихъ движеній въ Азіи, то,
быть, сбавитъ многое изъ своихъ опасеній... Впрочемъ,
нъ, что не сбавитъ и что до этого еще ей далеко. Но,
: Англіи бояться—никуда не ходить! А потому и опять-
здравствуетъ побѣда у Геокъ-Тепе! Да здравствуетъ
ь и его солдатики и вѣчная память «выбывшимъ изъ
» богатырямъ! Мы въ наши списки ихъ занесемъ.

КОНЕЦЪ ОДИННАДЦАТАГО ТОМА.

Оглавленіе.

ЯНВАРЬ.

СТРАНИЦЫ

Глава первая. I. Три идеи. II. Миражи. Штунда и Редстокисты. III. Ѳома Даниловъ, замученный русскій герой. 3—1

Глава вторая. I. Примирительная мечта внѣ науки. II. Мы въ Европѣ лишь стрюцкіе. III. Русская сатира. „Новь". „Послѣднія пѣсни". Старыя воспоминанія. IV. Именинникъ. Отъ редакціи . . . . . 18—3

ФЕВРАЛЬ.

Глава первая. I. Самозванные пророки и хромые бочары, продолжающіе дѣлать луну въ Гороховой. Одинъ изъ неизвѣстнѣйшихъ русскихъ великихъ людей. II. Доморощенные великаны и приниженный сынъ „Кучи". Анекдотъ о содранной со спины кожѣ. Высшіе интересы цивилизаціи — „да будутъ онъ прокляты, если ихъ надо покупать такою цѣной"! III. О сдираніи кожъ вообще, разныя аберраціи въ частности. Ненависть къ авторитету при лакействѣ мысли. IV. Меттернихи и Донъ-Кихоты . . . . . 37—5

Глава вторая. I. Одинъ изъ главнѣйшихъ современныхъ вопросовъ. II. „Злоба дня". III. Злоба дня въ Европѣ. IV. Русское рѣшеніе вопроса. Отвѣтъ на письмо . . . . . 54—6

МАРТЪ.

Глава первая. I. Еще разъ о томъ, что Константинополь, ли, поздно-ли, а долженъ быть нашъ. II. Русскій наслишкомъ доросъ до здраваго понятія о Восточномъ

стр.

вопросѣ съ своей точки зрѣнія. III. Самыя подходящія къ настоящее время мысли 1

Глава вторая. I. „Еврейскій вопросъ". II. Pro и contra. III. Status in statu. Сорокъ вѣковъ битія. IV. Но да здравствуетъ братство 4

Глава третья. I. Похороны „Общечеловѣка". II. Единичный случай 9

АПРѢЛЬ.

Глава первая. I. Война. Мы всѣхъ сильнѣе. II. Не всегда война бичъ, иногда и спасеніе. III. Спасаетъ-ли пролитая кровь? IV. Мнѣніе „Тишайшаго" Царя о Восточномъ вопросѣ 10

Глава вторая. Сонъ смѣшнаго человѣка. Фантастическій разсказъ 11

Освобожденіе Подсудимой Корниловой. Къ моимъ читателямъ . . . . . .

МАЙ—ІЮНЬ.

Глава первая. I. Изъ книги предсказаній Іоанна Лихтенбергера, 1528 года. II. Объ анонимныхъ ругательныхъ письмахъ. III. Планъ обличительной повѣсти изъ современной жизни 13

Глава вторая. I. Прежніе земледѣльцы—будущіе дипломаты. II. Дипломатія передъ міровыми вопросами. III. Никогда Россія не была столь могущественною, какъ теперь,—рѣшеніе недипломатическое 15

Глава третья. I. Германскій міровой вопросъ. Германія страна протестующая. II. Одинъ геніально-мнительный человѣкъ. III. И сердиты и сильны. IV. Черное войско. Мнѣніе легіоновъ, какъ новый элементъ цивилизаціи. V. Довольно непріятный секретъ 17

Глава четвертая. I. Любители турокъ. II. Золотые фраки. Прямолинейные 19

ІЮЛЬ—АВГУСТЪ.

Глава первая. I. Разговоръ мой съ однимъ московскимъ знакомымъ. Замѣтка по поводу новой книжки. II. Жажда

СТРАНИЦЫ.

ого, что „скрываютъ“. Слово: *скрываютъ* можетъ
ущность, а потому и надобно принять мѣры за-
ть о случайномъ семействѣ. III. Дѣло родителей
ихъ съ родными дѣтьми. IV. Фантастическая рѣчь
ля суда . . . . . 201—227
торая. I. Опять обособленіе. Восьмая часть Анны
. II. Признанія славянофила. III. Анна Каренина
ъ особаго значенія. IV. Помѣщикъ добывающій
ога отъ мужика . . . . . 227—243
етья. I. Раздражительность самолюбія. II. Tout
t pas expressement permis est défendu. III. О
номъ знаніи необразованнымъ и безграмотнымъ
народомъ главнѣйшей сущности Восточнаго во-
. Сотрясеніе Левина. Вопросъ: имѣетъ-ли раз-
іяніе на человѣколюбіе? Можно-ли согласиться
ъ одного плѣннаго турка о гуманности нѣко-
шихъ дамъ? Чему-же наконецъ насъ учатъ наши
. . . . . 244—264

СЕНТЯБРЬ.

рвая. I. Несчастливцы и неудачники. II. Любо-
рактеръ. III. То да не то. Ссылка на то, о чемъ
еще три мѣсяца назадъ. IV. О томъ, что думаетъ
стрія. V. Кто стучится въ дверь? Кто войдетъ?
ая судьба . . . . . 265—288
торая. I. Ложь ложью спасается. II. Слизняки,
ые за людей. Что намъ выгоднѣе: когда знаютъ
ьду или когда говорятъ о насъ вздоръ? III. Лег-
, на будущаго интелигентнаго русскаго человѣка.
ый удѣлъ будущей русской женщины . . . . . 288—301

ОКТЯБРЬ.

рвая. I. Къ читателю. II. Старое всегдашнее
равило. III. Тоже правило, только въ новомъ
Самыя огромныя военныя ошибки иногда могутъ
ѣмъ не ошибками. V. Мы лишь наткнулись на
ть, а ошибки не было. Двѣ арміи — двѣ проти-
сти. Настоящее положеніе дѣлъ . . . . . 302—315

ст

Глава вторая. I. Самоубійство Гартунга и всегдашній вопросъ нашъ: кто виноватъ? II. Русскій джентльменъ. Джентльмену нельзя не остаться до конца джентльменомъ. III. Ложь необходима для истины. Ложь на ложь даетъ правду. Правда-ли это? 3

Глава третья. I. Рѣшеніе клерикалы у насъ въ Россіи. II. Лѣтняя попытка Старой Польши мириться. III. Выходка „Биржевыхъ Вѣдомостей". Не бойкія, а злыя перья 3

НОЯБРЬ.

Глава первая. I. Что значитъ слово: „стрюцкіе"? II. Исторія глагола „стушеваться"? 3

Глава вторая. I. Лакейство или деликатность? II. Самый лакейскій случай, какой только можетъ быть. III. Одно совсѣмъ особое словцо о славянахъ, которое мнѣ давно хотѣлось сказать 3

Глава третья. I. Толки о мирѣ. „Константинополь долженъ быть нашъ"—возможно-ли это? Разныя мнѣнія. Опять въ послѣдній разъ „прорицанія". III. Надо ловить минуту . 3

ДЕКАБРЬ.

Глава первая. I. Заключительное разъясненіе одного прежняго факта. II. Выписка. III. Искаженія и подтасовки и — намъ это ничего не стоитъ. IV. Злые психологи. Акушеры психіатры. V. Одинъ случай, по моему, довольно много разъясняющій. VI. Врагъ-ли я дѣтей? О томъ что значитъ иногда слово „счастливая" 3

Глава вторая. I. Смерть Некрасова. О томъ что сказано было на его могилѣ. II. Пушкинъ, Лермонтовъ и Некрасовъ. III. Поэтъ и гражданинъ. Общіе толки о Некрасовѣ, [illegible] IV. Свидѣтель въ пользу Некрасова. V. Къ [illegible] Послѣдняя страничка 3

[illegible] Августъ, за 1880 годъ 4

[illegible] Январь, за 1881 годъ 4

БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ.

РОМАНЪ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ СЪ ЭПИЛОГОМЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія брат. Пантелеевыхъ. Верейская, 16.
1892.

БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ.

РОМАНЪ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ СЪ ЭПИЛОГОМЪ.

Въ первый разъ напечатанъ въ журналѣ «Русскій Вѣстн
1879 и 1880 гг.

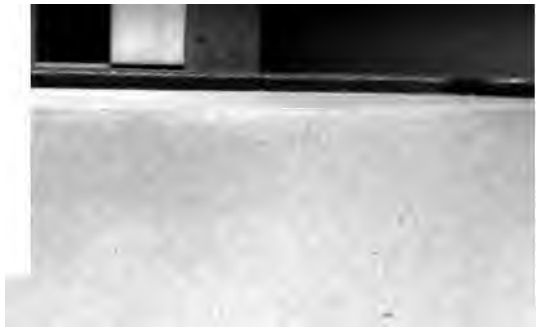
ПОСВЯЩАЕТСЯ

Аннѣ Григорьевнѣ

Достоевской.

Истинно, истинно говорю вамъ: если пшеничное зерно, падши на землю, не умретъ, то останется одно; а если умретъ, то принесетъ много плода.

(Евангелие отъ Іоанна. Глава XII. 24).



Отъ Автора.

Начиная жизнеописаніе героя моего, Алексѣя Ѳедоровича Карамазова, нахожусь въ нѣкоторомъ недоумѣніи. А именно: хотя я и называю Алексѣя Ѳедоровича моимъ героемъ, но однако самъ знаю, что человѣкъ онъ отнюдь не великій, а посему и предвижу неизбѣжные вопросы въ родѣ таковыхъ: чѣмъ-же замѣчателенъ вашъ Алексѣй Ѳедоровичъ, что вы выбрали его своимъ героемъ? Что сдѣлалъ онъ такого? Кому и чѣмъ извѣстенъ? Почему я, читатель, долженъ тратить время на изученіе фактовъ его жизни?

Послѣдній вопросъ самый роковой, ибо на него могу лишь отвѣтить: «Можетъ быть, увидите сами изъ романа». Ну, а коль прочтутъ романъ и не увидятъ, не согласятся съ примѣчательностью моего Алексѣя Ѳедоровича? Говорю такъ, потому что съ прискорбіемъ это предвижу. Для меня онъ примѣчателенъ, но рѣшительно сомнѣваюсь, успѣю-ли это доказать читателю. Дѣло въ томъ, что это, пожалуй, и дѣятель, но дѣятель неопредѣленный, невыяснившійся. Впрочемъ, странно-бы требовать въ такое время, какъ наше, отъ людей ясности. Одно, пожалуй, довольно несомнѣнно: это человѣкъ странный, даже чудакъ. Но странность и чудачество скорѣе вредятъ, чѣмъ даютъ право на вниманіе, особенно когда всѣ стремятся къ тому, чтобъ объединить частности и найти хоть какой нибудь общій толкъ во всеобщей безтолочи. Чудакъ-же въ большинствѣ случаевъ частность и обособленіе. Не такъ-ли?

Вотъ если вы не согласитесь съ этимъ послѣднимъ тезисомъ и отвѣтите: «Не такъ» или «не всегда такъ», то я, пожалуй, и ободрюсь духомъ на счетъ значенія героя моего Алексѣя Ѳедоровича. Ибо не только чудакъ «не всегда» частность и обособленіе. а, напротивъ, бываетъ такъ, что онъ-то, пожалуй, и носитъ въ себѣ иной разъ сердцевину цѣлаго, а остальные люди его эпохи — всѣ, какимъ нибудь наплывнымъ вѣтромъ, на время почему-то отъ него оторвались...

Я-бы, впрочемъ, не пускался въ эти весьма нелюбой и смутныя объясненія и началъ-бы просто на просто (дисловія: понравится — такъ и такъ прочтутъ; но бѣда что жизнеописаніе-то у меня одно, а романовъ два. романъ второй, — это дѣятельность моего героя уже і время, именно въ нашъ теперешній текущій моментъ. же романъ произошелъ еще тринадцать лѣтъ назадъ, почти даже и не романъ, а лишь одинъ моментъ изъ юности моего героя. Обойтись мнѣ безъ этого перваго невозможно, потому что многое во второмъ романѣ непонятнымъ. Но такимъ образомъ еще усложняется чальное мое затрудненіе: если ужь я, то есть самъ (нахожу что и одного-то романа, можетъ быть, было-бы кого скромнаго и неопредѣленнаго героя излишне, то і являться съ двумя и чѣмъ объяснить такую съ моей заносчивость?

Теряясь въ разрѣшеніи сихъ вопросовъ, рѣшаі обойти безо всякаго разрѣшенія. Разумѣется, прозорл татель уже давно угадалъ, что я съ самаго начала клонилъ, и только досадовалъ на меня — зачѣмъ : трачу безплодныя слова и драгоцѣнное время. На эті уже въ точности: тратилъ я безплодныя слова и дра время, во первыхъ, изъ вѣжливости, а во вторыхъ, из сти: «всетаки, дескать, заранѣе въ чемъ-то предупредил чемъ, я даже радъ тому, что романъ мой разбился са на два разсказа «при существенномъ единствѣ цѣлаго познакомясь съ первымъ разсказомъ, читатель уже сам лить: стоитъ-ли ему приниматься за второй? Конечн ничѣмъ не связанъ, можно бросить книгу и съ двухъ перваго разсказа, съ тѣмъ чтобъ и не раскрывать б вѣдь есть такіе деликатные читатели, которые непрем хотятъ дочитать до конца, чтобы не ошибиться въ страстномъ сужденіи, таковы, напримѣръ, всѣ русскіе Такъ вотъ передъ такими-то всетаки сердцу легче: н на всю ихъ аккуратность и добросовѣстность, всетаки самый законный предлогъ бросить разсказъ на первом: романа. Ну, вотъ и все предисловіе. Я совершенно с что оно лишнее, но такъ какъ оно уже написано, тс останется.

А теперь къ дѣлу.

Часть первая.

Книга первая.

Исторія одной семьи

I.

Ѳедоръ Павловичъ Карамазовъ.

Алексѣй Ѳедоровичъ Карамазовъ былъ третьимъ сыномъ по-
ка нашего уѣзда Ѳедора Павловича Карамазова, столь из-
ного въ свое время (да и теперь еще у насъ припоминае-
) по трагической и темной кончинѣ своей, приключившейся
о тринадцать лѣтъ назадъ и о которой сообщу въ своемъ
ѣ. Теперь-же скажу объ этомъ «помѣщикѣ» какъ его у
называли, (хотя онъ всю жизнь совсѣмъ почти не жилъ
воемъ помѣстьи) лишь то, что это былъ странный типъ, до-
но часто однако встрѣчающійся, именно типъ человѣка не
ко дряннаго и развратнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и безтолко-
—но изъ такихъ однако безтолковыхъ, которые умѣютъ
ко обдѣлывать свои имущественныя дѣлишки, и только,
ся, одни эти. Ѳедоръ Павловичъ, напримѣръ, началъ почти
ни съ чѣмъ, помѣщикъ онъ былъ самый маленькій, бѣгалъ
ть по чужимъ столамъ, наровилъ въ приживальщики, а
у тѣмъ въ моментъ кончины его у него оказалось до ста
ть рублей чистыми деньгами. И въ тоже время онъ все-
всю жизнь свою продолжалъ быть однимъ изъ безтолко-
ихъ сумасбродовъ по всему нашему уѣзду. Повторю еще:

тутъ не глупость, большинство этихъ сумасбродовъ довол
умно и хитро, — а именно безтолковость, да еще какая-то о
бенная, національная.

Онъ былъ женатъ два раза и у него было три сына,
старшій Дмитрій Ѳедоровичъ, отъ первой супруги, а остальн
два, Иванъ и Алексѣй, отъ второй. Первая супруга Ѳедора П
ловича была изъ довольно богатаго и знатнаго рода двор
Міусовыхъ, тоже помѣщиковъ нашего уѣзда. Какъ именно с
чилось, что дѣвушка съ приданымъ, да еще красивая, и свѣ
того изъ бойкихъ умницъ, столь не рѣдкихъ у насъ въ
перешнее поколѣніе, но появлявшихся уже и въ прошло
могла выйдти замужъ за такого ничтожнаго «мозгляка», к
всѣ его тогда называли, объяснять слишкомъ не стану. В
зналъ-же я одну дѣвицу, еще въ запрошломъ «романтическом
поколѣніи, которая послѣ нѣсколькихъ лѣтъ загадочной лю
къ одному господину, за котораго, впрочемъ, всегда могла вый
замужъ самымъ спокойнымъ образомъ, кончила однако-же тѣ
что сама навыдумала себѣ непреодолимыя препятствія и въ б
ную ночь бросилась съ высокаго берега, похожаго на утесъ,
довольно глубокую и быструю рѣку и погибла въ ней рѣ
тельно отъ собственныхъ капризовъ, единственно изъ-за т
чтобы походить на Шекспировскую Офелію и даже такъ,
будь этотъ утесъ, столь давно ею намѣченный и излюбленн
не столь живописенъ, а будь на его мѣстѣ лишь прозаичес
плоскій берегъ, то самоубійства, можетъ быть, не произошло
вовсе. Фактъ этотъ истинный, и надо думать, что въ нашу
русской жизни, въ два или три послѣднія поколѣнія, таки
или однородныхъ съ нимъ фактовъ происходило не мало. П
добно тому и поступокъ Аделаиды Ивановны Міусовой бы
безъ сомнѣнія отголоскомъ чужихъ вѣяній и тоже плѣнной мы
раздраженіемъ. Ей, можетъ быть, захотѣлось заявить женск
самостоятельность, пойдти противъ общественныхъ условій, п
тивъ деспотизма своего родства и семейства, а услужливая ф
тазія убѣдила ее, положимъ, на одинъ только мигъ, что Ѳедо
Павловичъ, не смотря на свой чинъ приживальщика, все-т
одинъ изъ смѣлѣйшихъ и насмѣшливѣйшихъ людей той, пе
ходной ко всему лучшему, эпохи, тогда какъ онъ былъ тол
злой шутъ и больше ничего. Пикантное состояло еще и въ то
что дѣло обошлось увозомъ, а это очень прельстило Аделаи
Ивановну. Ѳедоръ-же Павловичъ на всѣ подобные пассажи бы
даже и по соціальному своему положенію весьма тогда под

говленъ, ибо страстно желалъ устроить свою карьеру, хотя тѣмъ-бы то ни было: приказаться-же къ хорошей роднѣ и взять приданое было очень заманчиво. Что-же до обоюдной любви, то ея вовсе, кажется, не было — ни со стороны невѣсты, ни съ его стороны, не смотря даже на красивость Аделаиды Ивановны. Такъ что случай этотъ былъ, можетъ быть, единственнымъ въ своемъ родѣ въ жизни Ѳедора Павловича, сладострастнѣйшаго человѣка во всю свою жизнь, въ одинъ мигъ готоваго прильнуть къ какой угодно юбкѣ, только-бы та его поманила. А между тѣмъ одна только эта женщина не произвела въ немъ со страстной стороны никакого особеннаго впечатлѣнія.

Аделаида Ивановна, тотчасъ-же послѣ увоза, мигомъ разглядѣла, что мужа своего она только презираетъ и больше ничего. Такимъ образомъ слѣдствія брака обозначились съ чрезвычайною быстротой. Не смотря на то, что семейство даже довольно скоро примирилось съ событіемъ и выдѣлило бѣглянкѣ приданое, между супругами началась самая безпорядочная жизнь и вѣчныя сцены. Разсказывали, что молодая супруга выказала притомъ несравненно болѣе благородства и возвышенности нежели Ѳедоръ Павловичъ, который, какъ извѣстно теперь, подмѣнилъ у нея тогда-же, разомъ, всѣ ея денежки, до двадцати пяти тысячъ, только что она ихъ получила, такъ что тысячки эти съ тѣхъ поръ рѣшительно какъ-бы канули для нея въ воду. Деревеньку-же и довольно хорошій городской домъ, которые тоже пошли ей въ приданое, онъ долгое время и изо всѣхъ силъ старался перевести на свое имя чрезъ совершеніе какого-нибудь подходящаго акта, и навѣрно-бы добился того изъ одного, такъ сказать, презрѣнія и отвращенія къ себѣ, которое онъ возбуждалъ въ своей супругѣ ежеминутно своими безстыдными вымогательствами и вымаливаніями, изъ одной ея душевной усталости, только чтобъ отвязался. Но къ счастію вступилось семейство Аделаиды Ивановны и ограничило хапугу. Положительно извѣстно, что между супругами происходили нерѣдкія драки, но, по преданію, билъ не Ѳедоръ Павловичъ, а била Аделаида Ивановна, дама горячая, смѣлая, смуглая, нетерпѣливая, одаренная замѣчательною физическою силой. Наконецъ, она бросила домъ и сбѣжала отъ Ѳедора Павловича съ однимъ погибавшимъ отъ нищеты семинаристомъ-учителемъ, оставивъ Ѳедору Павловичу на рукахъ трехлѣтняго Митю. Ѳедоръ Павловичъ мигомъ завелъ въ домѣ цѣлый гаремъ и самое забубенное пьянство, а въ антрактахъ ѣздилъ чуть не по всей губерніи и слезно жало-

вался всѣмъ и каждому на покинувшую его Аделаиду Ивановну, причемъ сообщалъ такія подробности, которыя слишкомъ-бы стыдно было сообщать супругу о своей брачной жизни. Главное, ему какъ будто пріятно было и даже льстило разыгрывать предъ всѣми свою смѣшную роль обиженнаго супруга и съ прикрасами даже росписывать подробности о своей обидѣ. «Подумаешь, что вы, Ѳедоръ Павловичъ, чинъ получили, такъ вы довольны, не смотря на всю вашу горесть», говорили ему насмѣшники. Многіе даже прибавляли, что онъ радъ явиться въ подновленномъ видѣ шута и что нарочно, для усиленія смѣха, дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ своего комическаго положенія. Кто знаетъ впрочемъ, можетъ быть, было это въ немъ и наивно. Наконецъ, ему удалось открыть слѣды своей бѣглянки. Бѣглянка оказалась въ Петербургѣ, куда перебралась съ своимъ семинаристомъ и гдѣ беззавѣтно пустилась въ самую полную эмансипацію. Ѳедоръ Павловичъ немедленно захлопоталъ и сталъ собираться въ Петербургъ, — для чего?—онъ, конечно, и самъ не зналъ. Право, можетъ быть, онъ-бы тогда и поѣхалъ; но предпринявъ такое рѣшеніе, тотчасъ-же почелъ себя въ особенномъ правѣ, для бодрости, предъ дорогой, пуститься вновь въ самое безбрежное пьянство. И вотъ въ это-то время, семействомъ его супруги получилось извѣстіе о смерти ея въ Петербургѣ. Она какъ-то вдругъ умерла, гдѣ-то на чердакѣ, по однимъ сказаніямъ—отъ тифа, а по другимъ—будто-бы съ голоду. Ѳедоръ Павловичъ узналъ о смерти своей супруги пьяный, говорятъ, побѣжалъ по улицѣ и началъ кричать, въ радости, воздѣвая руки къ небу: «нынѣ отпущаеши», а по другимъ—плакалъ навзрыдъ, какъ маленькій ребенокъ и до того, что, говорятъ, жалко даже было смотрѣть на него, не смотря на все къ нему отвращеніе. Очень можетъ быть, что было и то и другое, то есть: что и радовался онъ своему освобожденію, и плакалъ по освободительницѣ — все вмѣстѣ. Въ большинствѣ случаевъ люди, даже злодѣи, гораздо наивнѣе и простодушнѣе, чѣмъ мы вообще о нихъ заключаемъ. Да и мы сами тоже.

II.

Перваго сына спровадилъ.

Конечно, можно представить себѣ, какимъ воспитателемъ и отцомъ могъ быть такой человѣкъ. Съ нимъ какъ съ отцомъ

стно желалъ устроить свою карьеру, хотя чѣм
примазаться-же къ хорошей роднѣ и взять п
заманчиво. Что-же до обоюдной любви, то
е было — ни со стороны невѣсты, ни съ
ря даже на красивость Аделаиды Иванов
этотъ былъ, можетъ быть, единственнымъ
жизни Ѳедора Павловича, сладострастнѣйш
свою жизнь, въ одинъ мигъ готоваго при
одно юбкѣ, только-бы та его поманила. А
олько эта женщина не произвела въ немъ
никакого особеннаго впечатлѣнія.
овна, тотчасъ-же послѣ увоза, мигомъ разг
оего она только презираетъ и больше ниче
слѣдствія брака обозначились съ чрезвыч
смотря на то, что семейство даже довол
съ событіемъ и выдѣлило бѣглянкѣ при
ами началась самая безпорядочная жизнь
азсказывали, что молодая супруга выказа
но болѣе благородства и возвышенности
овичъ, который, какъ извѣстно теперь, п
гда-же, разомъ, всѣ ея денежки, до двадц
ко что она ихъ получила, такъ что тысяч
ръ рѣшительно какъ-бы канули для нея
же и довольно хорошій городской домъ, ко
ей въ приданое, онъ долгое время и изо всѣ
ревести на свое имя чрезъ совершеніе како
аго акта, и навѣрно-бы добился того изъ одно
резрѣнія и отвращенія къ себѣ, которое онъ в
ей супругѣ ежеминутно своими безстыдными в
и вымаливаніями, изъ одной ея душевной ус
чтобъ отвязался. Но къ счастію вступилось
аиды Ивановны и ограничило хапугу. Положител
между супругами происходили нерѣдкія драки,
билъ не Ѳедоръ Павловичъ, а била Аделаида И
горячая, смѣлая, смуглая, нетерпѣливая, одарен
ою физическою силой. Наконецъ, она бросила до
отъ Ѳедора Павловича съ однимъ погибавшимъ о
семинаристомъ-учителемъ, оставивъ Ѳедору Павлови
трехлѣтняго Митю. Ѳедоръ Павловичъ мигомъ заве
цѣлый гаремъ и самое забубенное пьянство, а
ѣздилъ чуть не по всей губерніи и слезно жа

порубокъ въ лѣсу, доподлинно не знаю, но начать проц
съ «клерикалами» почелъ даже своею гражданскою и про
щенною обязанностью. Услышавъ все про Аделаиду Ивано
которую, разумѣется, помнилъ и когда-то даже замѣтилъ
узнавъ, что остался Митя, онъ, не смотря на все молодое
годованіе свое и презрѣніе къ Ѳедору Павловичу, въ это
ввязался. Тутъ-то онъ съ Ѳедоромъ Павловичемъ въ пер
разъ и познакомился. Онъ прямо ему объявилъ, что желалъ
взять воспитаніе ребенка на себя. Онъ долго потомъ раз
зывалъ, въ видѣ характерной черты, что когда онъ заговор
съ Ѳедоромъ Павловичемъ о Митѣ, то тотъ нѣкоторое вр
имѣлъ видъ совершенно непонимающаго о какомъ такомъ
бенкѣ идетъ дѣло, и даже какъ-бы удивился, что у него е
гдѣ-то въ домѣ, маленькій сынъ. Если въ разсказѣ П
Александровича могло быть преувеличеніе, то все-же дол
было быть и нѣчто похожее на правду. Но дѣйствительно
доръ Павловичъ всю жизнь свою любилъ представляться, вдр
проиграть предъ вами какую-нибудь неожиданную роль
главное, безъ всякой иногда надобности, даже въ пря
ущербъ себѣ, какъ въ настоящемъ, напримѣръ, случаѣ. Че
эта, впрочемъ, свойственна чрезвычайно многимъ людямъ и д
весьма умнымъ, не то что Ѳедору Павловичу. Петръ Алекс
ровичъ повелъ дѣло горячо и даже назначенъ былъ (купно
Ѳедоромъ Павловичемъ) въ опекуны ребенку, потому то
же послѣ матери оставалось имѣньице, домъ и помѣстье. М
дѣйствительно переѣхалъ къ этому двоюродному дядѣ, но
ственнаго семейства у того не было, а такъ какъ самъ
лишь уладивъ и обезпечивъ свои денежныя полученія съ
ихъ имѣній, немедленно поспѣшилъ опять надолго въ Пари
то ребенка и поручилъ одной изъ своихъ двоюродныхъ тет
одной московской барынѣ. Случилось такъ, что, обживш
въ Парижѣ, и онъ забылъ о ребенкѣ, особенно когда нас
та самая февральская революція, столь поразившая его вооб
женіе и о которой онъ уже не могъ забыть всю свою жизнь.
московская-же барыня умерла и Митя перешелъ къ одной
замужнихъ ея дочерей. Кажется, онъ и еще потомъ перемѣн
въ четвертый разъ гнѣздо. Объ этомъ я теперь распространя
не стану, тѣмъ болѣе, что много еще придется разсказывать
этомъ первенцѣ Ѳедора Павловича, а теперь лишь ограничива
самыми необходимыми о немъ свѣдѣніями, безъ которыхъ м
романа начать невозможно.

Во первыхъ, этотъ Дмитрій Ѳедоровичъ былъ одинъ тольк
изъ трехъ сыновей Ѳедора Павловича, который росъ въ убѣжде-
ніи, что онъ все-же имѣетъ нѣкоторое состояніе и когда достиг-
нетъ совершенныхъ лѣтъ, то будетъ независимъ. Юность и моло-
дость его протекли безпорядочно: въ гимназіи онъ не доучился,
попалъ потомъ въ одну военную школу, потомъ очутился на
Кавказѣ, выслужился, дрался на дуэли, былъ разжалованъ, опять
выслужился, много кутилъ и, сравнительно, прожилъ довольно
денегъ. Сталъ-же получать ихъ отъ Ѳедора Павловича не раньше
совершеннолѣтія, а до тѣхъ поръ надѣлалъ долговъ. Ѳедора Па-
вловича, отца своего, узналъ и увидалъ въ первый разъ уже
послѣ совершеннолѣтія, когда нарочно прибылъ въ наши мѣста
объясниться съ нимъ на счетъ своего имущества. Кажется, роди-
тель ему тогда не понравился; пробылъ онъ у него недолго и
уѣхалъ поскорѣй, успѣвъ лишь получить отъ него нѣкоторую
сумму, и войдя съ нимъ въ нѣкоторую сдѣлку на счетъ дальнѣй-
шаго полученія доходовъ съ имѣнія, котораго (фактъ достопри-
мѣчательный) ни доходности, ни стоимости онъ въ тотъ разъ отъ
Ѳедора Павловича такъ и не добился. Ѳедоръ Павловичъ замѣ-
тилъ тогда, съ перваго разу (и это надо запомнить), что Митя
имѣетъ о своемъ состояніи понятіе преувеличенное и невѣрное.
Ѳедоръ Павловичъ былъ очень этимъ доволенъ, имѣя въ виду
свои особые разсчеты. Онъ вывелъ лишь, что молодой человѣкъ
легкомысленъ, буенъ, со страстями, нетерпѣливъ, кутила и кото-
рому только чтобы что-нибудь временно перехватить, и онъ, хоть
на малое время, разумѣется, но тотчасъ успокоится. Вотъ это и
началъ эксплоатировать Ѳедоръ Павловичъ, то есть отдѣлываться
малыми подачками, временными высылками и въ концѣ концовъ
такъ случилось, что когда, уже года четыре спустя, Митя, поте-
рявъ терпѣніе, явился въ нашъ городокъ въ другой разъ чтобы
покончить ужъ покончить дѣла съ родителемъ, то вдругъ оказалось,
къ его величайшему изумленію, что у него уже нѣтъ ничего, что
сосчитать даже трудно, что онъ перебралъ уже деньгами всю
стоимость своего имущества у Ѳедора Павловича, можетъ быть,
не даже самъ долженъ ему; что по такимъ-то и такимъ-то
счетамъ, въ которыя самъ тогда-то и тогда пожелалъ всту-
пить, онъ и права не имѣетъ требовать ничего болѣе и проч.,
и. Молодой человѣкъ былъ пораженъ, заподозрилъ не-
ду, обманъ, почти вышелъ изъ себя и какъ-бы потерялъ
Вотъ это-то обстоятельство и привело къ катастрофѣ,
какіе которой и составитъ предметъ моего перваго вступи-

тельнаго романа или, лучше сказать, его внѣшнюю стор
Но пока перейду къ этому роману, нужно еще разсказат
объ остальныхъ двухъ сыновьяхъ Ѳедора Павловича, брат
Мити, и объяснить откуда тѣ-то взялись.

III.

Второй бракъ и вторыя дѣти.

Ѳедоръ Павловичъ, спровадивъ съ рукъ четырехлѣт
Митю, очень скоро послѣ того женился во второй разъ. Вт
бракъ этотъ продолжался лѣтъ восемь. Взялъ онъ эту вт
супругу свою, тоже очень молоденькую особу, Софью Иванов
изъ другой губерніи, въ которую заѣхалъ по одному мелк
дрянному дѣлу, съ какимъ-то жидкомъ въ компаніи. Ѳед
Павловичъ хотя и кутилъ, и пилъ, и дебоширилъ, но ник
не переставалъ заниматься помѣщеніемъ своего капитал
устраивалъ дѣлишки свои всегда удачно, хотя, конечно, п
всегда подловато./Софья Ивановна была изъ «сиротокъ»,
родная съ дѣтства, дочь какого-то темнаго дьякона, взрос
въ богатомъ домѣ своей благодѣтельницы, воспитательниц
мучительницы, знатной генеральши старухи, вдовы гене
Ворохова. Подробностей не знаю, но слышалъ лишь то,
будто воспитанницу, кроткую, незлобивую, и безотвѣтную,
сняли съ петли, которую она привѣсила на гвоздѣ въ чулан
до того тяжело было ей переносить своенравіе и вѣчные
преки этой, повидимому, злой старухи, но бывшей лишь нес
нимѣйшею самодуркой отъ праздности./Ѳедоръ Павловичъ
ложилъ свою руку, о немъ справились и его прогнали, и
тутъ-то онъ опять, какъ и въ первомъ бракѣ, предложилъ
роткѣ увозъ. Очень, очень, можетъ быть, что и она дал
пошла-бы за него ни за что, если-бъ узнала о немъ свое
менно побольше подробностей. Но дѣло было въ другой гу
ніи; да и что могла понимать шестнадцатилѣтняя дѣвочка к
того, что лучше въ рѣку, чѣмъ оставаться у благодѣтельн
Такъ и промѣняла бѣдняжка благодѣтельницу на благодѣ
Ѳедоръ Павловичъ не взялъ въ этотъ разъ ни гроша, по
что генеральша разсердилась, ничего не дала и сверхъ
прокляла ихъ обоихъ; но онъ и не разсчитывалъ на з
разъ взять, а прельстился лишь замѣчательною красотой не

очки и, главное, ея невиннымъ видомъ, поразившимъ острастника и доселѣ порочнаго любителя лишь грубой красоты. «Меня эти невинные глазки какъ бритвой душѣ полоснули», говаривалъ онъ потомъ, гадко по ихикая. Впрочемъ, у развратнаго человѣка и это могло ть сладострастнымъ влеченіемъ. Не взявъ-же никакого кденія, Ѳедоръ Павловичъ съ супругой не церемонился, ясь тѣмъ, что она, такъ сказать, предъ нимъ «вино- что онъ ее почти «съ петли снялъ», пользуясь кромѣ феноменальнымъ смиреніемъ и безотвѣтностью, даже ногами самыя обыкновенныя брачныя приличія. Въ тъ-же при женѣ, съѣзжались дурныя женщины и ись оргіи. Какъ характерную черту сообщу, что слуга мрачный, глупый, и упрямый резонеръ, ненавидѣвшій барыню Аделаиду Ивановну, на этотъ разъ взялъ новой барыни, защищалъ и бранился за нее съ Ѳедо- вловичемъ почти непозволительнымъ для слуги обра- однажды такъ даже разогналъ оргію и всѣхъ наѣхав- зобразницъ силой. Впослѣдствіи съ несчастною, съ са- ства запуганною молодою женщиной, произошло въ ой-то нервной женской болѣзни, встрѣчаемой чаще простонародьи у деревенскихъ бабъ, именуемыхъ за знь кликушами. Отъ этой болѣзни, со страшными исте- и припадками, больная временами даже теряла разсу- дила она однако-же Ѳедору Павловичу двухъ сыновей, Алексѣя, перваго въ первый годъ брака, а втораго спустя. Когда она померла, мальчикъ Алексѣй былъ ртому году, и хотъ странно это, но я знаю, что онъ омнилъ потомъ на всю жизнь, какъ сквозь сонъ, разу- По смерти ея съ обоими мальчиками случилось почти точь тоже самое что и съ первымъ, Митей: они были но забыты и заброшены отцомъ и попали все къ тому- рію и также къ нему въ избу. Въ избѣ ихъ и нашла самодурка генеральша, благодѣтельница и воспитатель- матери. Она еще была въ живыхъ, и все время, всѣ ѣтъ, не могла забыть обиды ей нанесенной. О житьѣ- «Софьи» всѣ восемь лѣтъ она имѣла изъ-подъ руки чныя свѣдѣнія, и слыша какъ она больна и какія бе- ее окружаютъ, раза два или три произнесла вслухъ риживалкамъ: «Такъ ей и надо, это ей Богъ за небла- ъ послалъ».

Ровно три мѣсяца по смерти Софьи Ивановны, генера
вдругъ явилась въ нашъ городъ лично и прямо на ква
Ѳедора Павловича, и всего-то пробыла въ городѣ съ по
но много сдѣлала. Былъ тогда часъ вечерній. Ѳедоръ Павло
котораго она всѣ восемь лѣтъ не видала, вышелъ къ ней
ненькій. Повѣтствуютъ, что она мигомъ, безо всякихъ объяс
только что увидала его, задала ему двѣ знатныя и звонкія
чины и три раза рванула его за вихоръ сверху внизъ, за
не прибавивъ ни слова, направилась прямо въ избу къ
мальчикамъ. Съ перваго взгляда замѣтивъ, что они не вы
и въ грязномъ бѣльѣ, она тотчасъ-же дала еще пощечин
мому Григорію, и объявила ему, что увозитъ обоихъ дѣт
себѣ, затѣмъ вывела ихъ въ чемъ были, завернула въ
посадила въ карету и увезла въ свой городъ. Григорій
эту пощечину, какъ преданный рабъ, не сгрубилъ ни сло
когда провожалъ старую барыню до кареты, то, поклони
ей въ поясъ, внушительно произнесъ, что ей «за сиротъ
заплатитъ». «А всетаки ты балбесъ!» крикнула ему генера
отъѣзжая. Ѳедоръ Павловичъ, сообразивъ все дѣло, на
что оно дѣло хорошее и въ формальномъ согласіи своем
счетъ воспитанія дѣтей у генеральши не отказалъ потом
въ одномъ пунктѣ. О полученныхъ-же пощечинахъ самъ
разсказывать по всему городу.

Случилось такъ, что и генеральша скоро послѣ того у
но выговоривъ однако въ завѣщаніи обоимъ малюткамъ
сячѣ рублей каждому, «на ихъ обученіе, и чтобы всѣ эти
были на нихъ истрачены непремѣнно, но съ тѣмъ, чтобы
тило вплоть до совершеннолѣтія, потому что слишкомъ дов
и такой подачки для этакихъ дѣтей, а если кому угодно, то
самъ раскошеливается и проч., и проч.» Я завѣщанія
не читалъ, но слышалъ, что именно было что-то странн
этомъ родѣ и слишкомъ своеобразно выраженное. Главным
слѣдникомъ старухи оказался, однако-же, честный человѣк
бернскій предводитель дворянства той губерніи, Ефимъ
вичъ Полѣновъ. Списавшись съ Ѳедоромъ Павловичемъ
гомъ угадавъ, что отъ него денегъ на воспитаніе его-же
не вытащишь (хотя тотъ прямо никогда не отказывалъ, а
всегда въ этакихъ случаяхъ тянулъ, иногда даже изливая
чувствительностяхъ), онъ принялъ въ сиротахъ участіе
и особенно полюбилъ младшаго изъ нихъ, Алексѣя, так
тотъ долгое время даже и росъ въ его семействѣ. Это я

ия замѣтить съ самаго начала. И если кому обязаны о
е люди своимъ воспитаніемъ и образованіемъ на всю свою
то именно этому Ефиму Петровичу, благороднѣйшему и
йшему человѣку, изъ такихъ, какіе рѣдко встрѣчаются.
охранилъ малюткамъ по ихъ тысячѣ оставленной гене-
й неприкосновенно, такъ что онѣ къ совершеннолѣтію
озросли процентами, каждая до двухъ, воспиталъ-же и
и деньги, и ужь, конечно, гораздо болѣе, чѣмъ по т
алъ на каждаго. Въ подробный разсказъ их
я опять пока не вступаю, а обозначу лишь са
тельства. Впрочемъ, о старшемъ, Иванѣ, сообщу
ъ росъ какимъ-то угрюмымъ и закрывшимся самъ в
мъ, далеко не робкимъ, но какъ-бы еще съ десяти
кнувшимъ въ то, что ростутъ они всетаки въ чужой с
чужихъ милостяхъ, и что отецъ у нихъ какой-то так
ромъ даже и говорить стыдно, и проч., и проч. Этотъ
икъ очень скоро, чуть не въ младенчествѣ (какъ переда-
по крайней мѣрѣ), сталъ обнаруживать какія-то необыкно-
я и блестящія способности къ ученію. Въ точности не
но какъ-то такъ случилось, что съ семьей Ефима Петро-
онъ разстался чуть-ли не тринадцати лѣтъ, перейдя въ
изъ московскихъ гимназій и на пансіонъ къ какому-то
ому и знаменитому тогда педагогу, другу съ дѣтства Ефима
вича. Самъ Иванъ разсказывалъ потомъ, что все произо-
гакъ сказать, отъ «пылкости къ добрымъ дѣламъ» Ефима
вича, увлекшагося идеей, что геніальныхъ способностей
икъ долженъ и воспитываться у геніальнаго воспитателя.
мъ, ни Ефима Петровича, ни геніальнаго воспитателя уже
ю въ живыхъ, когда молодой человѣкъ, кончивъ гимназію,
лъ въ университетъ. Такъ какъ Ефимъ Петровичъ плохо
ядился и полученіе завѣщанныхъ самодуркой генеральшей
енныхъ дѣтскихъ денегъ, возросшихъ съ тысячи уже на
роцентами, замедлилось по разнымъ совершенно неизбѣж-
у насъ формальностямъ и проволочкамъ, то молодому че-
у въ первые его два года въ университетѣ пришлось очень
, такъ какъ онъ принужденъ былъ все это время кормить
ржать себя самъ и въ тоже время учиться. Замѣтить надо,
въ даже и попытки не захотѣлъ тогда сдѣлать списаться
ономъ,—можетъ быть, изъ гордости, изъ презрѣнія къ нему,
жетъ быть, вслѣдствіе холоднаго здраваго разсужденія, под-
шаго ему, что отъ папеньки никакой чуть-чуть серьезной

поддержки не получитъ. Какъ-бы тамъ ни было, молодой ч
вѣкъ не потерялся нисколько и добился-таки работы, сперва у
ками въ двугривенный, а потомъ бѣгая по редакціямъ газет
доставляя статейки въ десять строчекъ объ уличныхъ пр
шествіяхъ, за подписью «Очевидецъ». Статейки эти, говор
были такъ всегда любопытно и пикантно составлены, что бы
пошли въ ходъ, и ужь въ этомъ одномъ молодой человѣкъ
залъ все свое практическое и умственное превосходство надъ
многочисленною, вѣчно нуждающеюся и несчастною частью ш
учащейся молодежи обоего пола, которая, въ столицахъ, по об
новенію съ утра до ночи обиваетъ пороги разныхъ газет
журналовъ, не умѣя ничего лучше выдумать, кромѣ вѣчнаго
вторенія одной и той-же просьбы о переводахъ съ французск
или о перепискѣ. Познакомившись съ редакціями, Иванъ Ѳ
ровичъ все время потомъ не разрывалъ связей съ ними и
послѣдніе свои годы въ университетѣ сталъ печатать вес
талантливые разборы книгъ на разныя спеціальныя темы, т
что даже сталъ въ литературныхъ кружкахъ извѣстенъ. Вы
чемъ, лишь въ самое только послѣднее время ему удалось
чайно обратить на себя вдругъ особенное вниманіе въ гор
большемъ кругѣ читателей, такъ что его весьма многіе раз
тогда отмѣтили и запомнили. Это былъ довольно любопыт
случай. Уже выйдя изъ университета и приготовляясь на
двѣ тѣсячи съѣздить за границу, Иванъ Федоровичъ вдругъ
печаталъ въ одной изъ большихъ газетъ одну странную ста
обратившую на себя вниманіе даже и не спеціалистовъ, и, глав
по предмету, повидимому, вовсе ему незнакомому, потому
кончилъ онъ курсъ естественникомъ. Статья была написан
поднявшійся повсемѣстно тогда вопросъ о церковномъ судѣ.
бирая нѣкоторыя уже поданныя мнѣнія объ этомъ вопросѣ,
высказалъ и свой личный взглядъ. Главное было въ тонѣ
замѣчательной неожиданности заключенія. А между тѣмъ мн
изъ церковниковъ рѣшительно сочли автора за своего. И вд
рядомъ съ ними не только гражданственники, но даже
атеисты принялись и съ своей стороны апплодировать. Въ к
концовъ нѣкоторые догадливые люди рѣшили, что вся ст
есть лишь дерзкій фарсъ и насмѣшка. Упоминаю о семъ сл
особенно потому, что статья эта своевременно проникла
подгородный знаменитый нашъ монастырь, гдѣ возникшимъ
просомъ о церковномъ судѣ вообще интересовались,—прош
и произвела совершенное недоумѣніе. Узнавъ-же имя ав

интересовались и тѣмъ, что онъ уроженецъ нашего города и
«вотъ этого самаго Ѳедора Павловича». А тутъ вдругъ къ
этому времени явился къ намъ и самъ авторъ.
Зачѣмъ пріѣхалъ тогда къ намъ Иванъ Ѳедоровичъ, — я,
даже и тогда еще задавалъ себѣ этотъ вопросъ съ ка-
-то почти безпокойствомъ. Столь роковой пріѣздъ этотъ,
ружившій началомъ ко столькимъ послѣдствіямъ — для меня
потомъ, почти всегда оставался дѣломъ неяснымъ. Вообще
странно было, что молодой человѣкъ, столь ученый, столь
ый и осторожный на видъ, вдругъ явился въ такой безо-
ный домъ, къ такому отцу, который всю жизнь его игнори-
, не зналъ его и не помнилъ, и хоть не далъ-бы, ко-
, денегъ ни за что и ни въ какомъ случаѣ, если-бы сынъ
го попросилъ, но все-же всю жизнь боялся, что и сыновья,
ъ и Алексѣй, тоже когда нибудь придутъ да и попросятъ
ъ. И вотъ молодой человѣкъ поселяется въ домѣ такого
, живетъ съ нимъ мѣсяцъ и другой, и оба уживаются какъ
адо лучше. Послѣднее даже особенно удивило не только
, но и многихъ другихъ. Петръ Александровичъ Міусовъ,
которомъ я говорилъ уже выше, дальній родственникъ Ѳедора
овича по его первой женѣ, случился тогда опять у насъ,
своемъ подгородномъ имѣніи, пожаловавъ изъ Парижа, въ
ромъ уже совсѣмъ поселился. Помню, онъ-то именно и ди-
ся всѣхъ болѣе, познакомившись съ заинтересовавшимъ его
ычайно молодымъ человѣкомъ, съ которымъ онъ не безъ
тренней боли пикировался иногда познаніями. «Онъ гордъ»,
рилъ онъ намъ тогда про него, «всегда добудетъ себѣ ко-
у, у него и теперь есть деньги на заграницу — чего-жь ему
ъ надо? Всѣмъ ясно, что онъ пріѣхалъ къ отцу не за день-
, потому что во всякомъ случаѣ отецъ ихъ не дастъ. Пить
и развратничать онъ не любитъ, а между тѣмъ старикъ
йдутся безъ него не можетъ, до того ужились!» Эта была
а; молодой человѣкъ имѣлъ даже видимое вліяніе на ста-
; тотъ почти началъ его иногда какъ будто слушаться,
былъ чрезвычайно и даже злобно подъ часъ своенравенъ;
вести себя началъ иногда приличнѣе...
Только впослѣдствіи объяснилось, что Иванъ Ѳедоровичъ
калъ отчасти по просьбѣ и по дѣламъ своего старшаго
. Дмитрія Ѳедоровича, котораго въ первый разъ отъ роду
ь и увидалъ тоже почти въ это-же самое время, въ этотъ
пріѣздъ, но съ которымъ однако-же по одному важному

случаю, касавшемуся болѣе Дмитрія Ѳедоровича, вступ
до пріѣзда своего изъ Москвы въ переписку. Какое
дѣло, читатель вполнѣ узнаетъ въ свое время въ под
Тѣмъ не менѣе даже тогда, когда я уже зналъ и про
бенное обстоятельство, мнѣ Иванъ Ѳедоровичъ все ка
гадочнымъ, а пріѣздъ къ намъ всетаки необъяснимым

Прибавлю еще, что Иванъ Ѳедоровичъ имѣлъ тогда
средника и примирителя между отцомъ и затѣявшимъ т
шую ссору и даже формальный искъ на отца старшим
своимъ, Дмитріемъ Ѳедоровичемъ.

Семейка эта, повторяю, сошлась тогда вся вмѣстѣ в
разъ въ жизни и нѣкоторые члены ея въ первый разъ
увидали другъ друга. Лишь одинъ только младшій сынъ
Ѳедоровичъ, уже съ годъ предъ тѣмъ какъ проживалъ
попалъ къ намъ такимъ образомъ раньше всѣхъ братьи
про этого-то Алексѣя мнѣ всего труднѣе говорить теп
моимъ предисловнымъ разсказомъ прежде чѣмъ вывест
сцену въ романѣ. Но придется и про него выписать пр
по крайней мѣрѣ, чтобы разъяснить предварительно од
странный пунктъ, именно: будущаго героя моего я пр
представить читателямъ съ первой сцены его романа
послушника. Да, уже съ годъ какъ проживалъ онъ тог
шемъ монастырѣ и, казалось, на всю жизнь готовился
затвориться.

IV.

Третій сынъ Алеша.

Было ему всего двадцать лѣтъ (брату его Ивану ш
двадцать четвертый годъ, а старшему ихъ брату, Дмитр
цать восьмой). Прежде всего объявляю, что этотъ
Алеша, былъ вовсе не фанатикъ, и, по моему, по край
даже и не мистикъ вовсе. Заранѣе скажу мое полное мнѣ
онъ просто ранній человѣколюбецъ, и если ударился на
скую дорогу, то потому только, что въ то время она одна
его и представила ему, такъ сказать, идеалъ исхода р
изъ мрака мірской злобы къ свѣту любви души его. И по
его эта дорога лишь потому, что на ней онъ встрѣтилъ
обыкновенное, по его мнѣнію, существо—нашего знамен

рскаго старца Зосиму, къ которому привязалс сею горячей
о любовью своего неутолимаго сердца. Впроче я не сп
ллъ онъ и тогда уже очень страненъ, начавъ съ
Кстати, я уже упоминалъ про него, что, ос ись
всего лишь по четвертому году, онъ запом
жизнь, ея лицо, ея ласки, «точно какъ буд
мной живая». Такія воспоминанія могутъ з
ѣмъ извѣстно) даже и изъ болѣе ранняго во
тняго, но лишь выступая всю жизнь ка
и изъ мрака, какъ-бы вы ованнымъ уголко
ы, которая вся погасла и исчезла, кромѣ этого то
Такъ точно было и съ ни онъ запомнилъ одинъ в
, тихій, отворенное окно, косые лучи заходящаго с
-то лучи и запомнились всего болѣе), въ комнатѣ, въ у
, предъ нимъ зажженную лампадку, а предъ образомъ
ихъ, рыдающую какъ въ истерикѣ, со взвизгиваніями и
иваніями, мать свою, схватившую его въ обѣ руки, обнявг
го крѣпко, до боли, и молящую за него Богородицу, протя-
цую его изъ объятій своихъ обѣими руками къ образу какъ
ъ покровъ Богородицѣ... и вдругъ вбѣгаетъ нянька и вы-
ъ его у нея въ испугѣ. Вотъ картина! Алеша запомнилъ въ
игъ и лицо своей матери: онъ говорилъ, что оно было
енное, но прекрасное, судя по тому сколько могъ онъ при-
ь. Но онъ рѣдко кому любилъ повѣрять это воспоминаніе.
ствѣ и юности онъ былъ мало экспансивенъ и даже мало
рчивъ, но не отъ робости или угрюмой нелюдимости, вовсе
напротивъ, а отъ чего-то другаго, отъ какой-то какъ-бы
нней заботы, собственно личной, до другихъ не касавшейся,
ь для него важной, что онъ изъ-за нея какъ-бы забывалъ
ъ. Но людей онъ любилъ: онъ, казалось, всю жизнь жилъ
енно вѣря въ людей, а между тѣмъ никто и никогда не счи-
го ни простячкомъ, ни наивнымъ человѣкомъ. Что-то было
ь что говорило и внушало (да и всю жизнь потомъ), что онъ
ѣтъ быть судьей людей, что онъ не захочетъ взять на себя
нія и ни за что не осудитъ. Казалось даже, что онъ все до-
ъ, ни мало не осуждая, хотя часто очень горько грустя.
ого, въ этомъ смыслѣ онъ до того дошелъ, что его никто не
удивить, ни испугать и это даже въ самой ранней своей
сти. Явясь по двадцатому году къ отцу, положительно въ
ъ грязнаго разврата, онъ, цѣломудренный и чистый, лишь
удалялся, когда глядѣть было нестерпимо, но безъ малѣй-

шаго вида презрѣнія или осужденія кому-бы то ни было. Он
же, бывшій когда-то приживальщикъ, а потому человѣкъ чу
тонкій на обиду, сначала недовѣрчиво и угрюмо его встрѣ
(«много, дескать, молчитъ и много про себя разсуждаетъ»),
кончилъ однако-же тѣмъ, что сталъ его ужасно часто обни
цѣловать, не далѣе какъ черезъ двѣ какія-нибудь недѣли, п
съ пьяными слезами, въ хмѣльной чувствительности, но и
что полюбивъ его искренно и глубоко, и такъ какъ ни
конечно, не удавалось такому какъ онъ никого любить...

Да и всѣ этого юношу любили, гдѣ-бы онъ не появился,
съ самыхъ дѣтскихъ даже лѣтъ его. Очутившись въ домѣ
благодѣтеля и воспитателя, Ефима Петровича Поленова, он
того привязалъ къ себѣ всѣхъ въ этомъ семействѣ, что его
тельно считали тамъ какъ-бы за родное дитя. А между тѣм
вступилъ въ этотъ домъ еще въ такихъ младенческихъ л
въ какихъ никакъ нельзя ожидать въ ребенкѣ разсчетливой
рости, пронырства или искусства заискать и понравиться, у
заставить себя полюбить. Такъ что даръ возбуждать къ себѣ
бенную любовь онъ заключалъ въ себѣ, такъ сказать, въ
природѣ, безъискусственно и непосредственно. Тоже самое
съ нимъ и въ школѣ, и однако-же, казалось-бы, онъ именно
изъ такихъ дѣтей, которыя возбуждаютъ къ себѣ недовѣрія
рищей, иногда насмѣшки, а пожалуй и ненависть. Онъ, напри
задумывался и какъ-бы отъединялся. Онъ съ самаго дѣтств
билъ уходить въ уголъ и книжки читать, и однако-же и тов
его до того полюбили, что рѣшительно можно было назва
всеобщимъ любимцемъ во все время пребыванія его въ
Онъ рѣдко бывалъ рѣзвъ, даже рѣдко веселъ, но всѣ, взгля
на него, тотчасъ видѣли, что это вовсе не отъ какой-нибу
немъ угрюмости, что, напротивъ, онъ ровенъ и ясенъ.
сверстниками онъ никогда не хотѣлъ выставляться. Можетъ
этому самому онъ никогда и никого не боялся, а между
мальчики тотчасъ поняли, что онъ вовсе не гордится своим
страшіемъ, а смотритъ какъ будто и не понимаетъ, что онъ
и безстрашенъ. Обиды никогда не помнилъ. Случалось, что ч
часъ послѣ обиды онъ отвѣчалъ обидчику, или самъ съ ни
говаривалъ, съ такимъ довѣрчивымъ и яснымъ видомъ какъ
ничего и не было между ними вовсе. И не то чтобъ онъ при
имѣлъ видъ, что случайно забылъ или намѣренно простилъ
а просто не считалъ ее за обиду, и это рѣшительно плѣняло
коряло дѣтей. Была въ немъ одна лишь черта, которая, во

назіи, начиная съ низшаго и даже до высшихъ, воз-
го товарищахъ постоянное желаніе подтрунить надъ
изъ злобной насмѣшки, а потому, что это было имъ
эта въ немъ была—дикая, изступленная стыдли-
удренность. Онъ не могъ слышать извѣстныхъ словъ
разговоровъ про женщинъ. Эти «извѣстныя» слова
къ несчастію, неискоренимы въ школахъ. Чистые въ
ѣ мальчики, почти еще дѣти, очень часто любятъ го-
ссахъ между собою и даже вслухъ про такія вещи
разы, о которыхъ не всегда заговорятъ даже и сол-
го, солдаты-то многаго не знаютъ и не понимаютъ
уже знакомо, въ этомъ родѣ, столь юнымъ еще дѣ-
интеллигентнаго и высшаго общества. Нравственнаго
ъ, пожалуй, еще нѣтъ, цинизма тоже нѣтъ настоя-
наго, внутренняго, но есть наружный, и онъ-то счи-
нерѣдко чѣмъ-то даже деликатнымъ, тонкимъ, мо-
достойнымъ подражанія. Видя что «Алешка Карама-
заговорятъ «про это», быстро затыкаетъ уши паль-
новились иногда подлѣ него нарочно толпой и, на-
ія руки отъ ушей его, кричали ему въ оба уха сквер-
рвался, спускался на полъ, ложился, закрывался и
юря имъ ни слова, не бранясь, молча перенося обиду.
однако оставили его въ покоѣ и уже не дразнили
мало того, глядѣли на него въ этомъ смыслѣ съ со-
стати, въ классахъ онъ всегда стоялъ по ученію изъ
никогда не былъ отмѣченъ первымъ.
ръ Ефимъ Петровичъ, Алеша два года еще пробылъ
й гимназіи. Неутѣшная супруга Ефима Петровича,
ь-же по смерти его, отправилась на долгій срокъ
всѣмъ семействомъ, состоявшимъ все изъ особъ
а, а Алеша попалъ въ домъ къ какимъ-то двумъ
рыхъ онъ прежде никогда и не видывалъ, какимъ-
родственницамъ Ефима Петровича, но на какихъ
ъ самъ того не зналъ. Характерная тоже, и даже
его была въ томъ, что онъ никогда не заботился
ства живетъ. Въ этомъ онъ былъ совершенная про-
ть своему старшему брату, Ивану Ѳедоровичу, про-
му два первые года въ университетѣ, кормя себя
мъ, и съ самаго дѣтства горько почувствовавшему,
онъ на чужихъ хлѣбахъ у благодѣтеля. Но эту
ту въ характерѣ Алексѣя, кажется, нельзя было

осудить очень строго, потому что всякій чуть-чуть лишь
шій его, тотчасъ, при возникшемъ на этотъ счетъ вопросѣ
новился увѣренъ, что Алексѣй непремѣнно изъ такихъ
въ родѣ какъ-бы юродивыхъ, которому, попади вдругъ
даже цѣлый капиталъ, то онъ не затруднится отдать
первому даже спросу или на доброе дѣло, или, можетъ
даже просто ловкому пройдохѣ, если-бы тотъ у него попр
Да и вообще говоря, онъ какъ-бы вовсе не зналъ цѣны
гамъ, разумѣется, не въ буквальномъ смыслѣ говоря. Когд
выдавали карманныя деньги, которыхъ онъ самъ никог
просилъ, то онъ или по цѣлымъ недѣлямъ не зналъ что съ
дѣлать, или ужасно ихъ не берегъ, мигомъ они у него ис
Петръ Александровичъ Міусовъ, человѣкъ на счетъ дене
буржуазной честности весьма щекотливый, разъ, впослѣд
приглядѣвшись къ Алексѣю, произнесъ о немъ слѣдующій
ризмъ: «Вотъ, можетъ быть, единственный человѣкъ из
котораго оставьте вы вдругъ одного и безъ денегъ на ули
незнакомаго въ милліонъ жителей города, и онъ ни за чт
погибнетъ и не умретъ съ голоду и холоду, потому что ег
гомъ накормятъ, мигомъ пристроятъ, а сами не пристроят
онъ самъ мигомъ пристроится и это не будетъ стоить ему
кихъ усилій и никакого униженія, а пристроившему никако
гости, а, можетъ быть, напротивъ, почтутъ за удовольстві

Въ гимназіи своей онъ курса не кончилъ; ему оставался
цѣлый годъ, какъ онъ вдругъ объявилъ своимъ дамамъ, что
къ отцу по одному дѣлу, которое взбрело ему въ голову. Тѣ
жалѣли его и не хотѣли было пускать. Проѣздъ стоилъ оч
дорого и дамы не позволили ему заложить свои часы, — под
семейства благодѣтеля предъ отъѣздомъ за границу, а роса
снабдили его средствами, даже новымъ платьемъ и бѣльемъ
однако отдалъ имъ половину денегъ назадъ, объявивъ, чт
премѣнно хочетъ сидѣть въ третьемъ классѣ. Пріѣхавъ въ
городокъ, онъ на первые разспросы родителя: «Зачѣмъ и
пожаловалъ, не докончивъ курса?» прямо ничего не отвѣт
былъ, какъ говорятъ, не по обыкновенному задумчивъ. В
обнаружилось, что онъ розыскиваетъ могилу своей матер
даже самъ признался было тогда, что затѣмъ только и пріѣ
Но врядъ-ли этимъ исчерпывалась вся причина его пріѣзда.
вѣроятнѣе, что онъ тогда и самъ не зналъ и не смогъ-бы ни
объяснить: что именно такое какъ-бы поднялось вдругъ из
души и неотразимо повлекло его на какую-то новую, невѣд

збѣжную уже дорогу. Ѳедоръ Павловичъ не могъ указать
похоронилъ свою вторую супругу, потому что никогда не
на ея могилѣ, послѣ того какъ засыпали гробъ, а за дав-
лѣтъ и совсѣмъ запамятовалъ гдѣ еб тогда хоронили.
слову о Ѳедорѣ Павловичѣ. Онъ долгое вре[illegible]ъ
ть не въ нашемъ городѣ. Года три—четыре [illegible]ги
ны онъ отправился на югъ Россіи и подъ ко[illegible]т
ссѣ, гдѣ и прожилъ сряду нѣсколько лѣтъ.
ачала, по его собственнымъ словамъ, «со многи
ми, жидишками и жиденятами», а кончилъ тѣмъ,
даже не только у жидовъ, но «и у евреевъ былъ при
умать, что въ этотъ-то періодъ своей жизни онъ и ра
ѣ особенное умѣнье сколачивать и выколачивать деньги
и онъ снова въ нашъ городокъ окончательно всего
три до пріѣзда Алеши. Прежніе знакомые его нашли его
о состарившимся, хотя былъ онъ вовсе еще не такой ста-
Держалъ-же онъ себя не то что благороднѣе, а какъ-то на-
е. Явилась, напримѣръ, наглая потребность въ прежнемъ
-другихъ въ шуты рядить. Безобразничать съ женскимъ
любилъ не то что по прежнему, а даже какъ-бы и отвра-
нѣе. Въ скорости онъ сталъ основателемъ по уѣзду многихъ
ь кабаковъ. Видно было, что у него есть, можетъ быть, ты-
о ста или развѣ немногимъ только менѣе. Многіе изъ город-
и изъ уѣздныхъ обитателей тотчасъ-же ему задолжали,
ѣрнѣйшіе залоги, разумѣется. Въ самое-же послѣднее время
къ-то обрюзгъ, какъ-то сталъ терять ровность, самоотчет-
впалъ даже въ какое-то легкомысліе, начиналъ одно и кон-
ругимъ, какъ-то раскидывался и все чаще и чаще напивался
и если-бы не все тотъ-же лакей Григорій, тоже порядочно
у времени состарившійся и смотрѣвшій за нимъ иногда въ
чти гувернера, то, можетъ быть, Ѳедоръ Павловичъ и не
ъ-бы безъ особыхъ хлопотъ. Пріѣздъ Алеши какъ-бы по-
валъ на него даже съ нравственной стороны, какъ-бы что-
нулось въ этомъ безвременномъ старикѣ изъ того, что давно
лохло въ душѣ его: «Знаешь-ли ты», сталъ онъ часто го-
Алешѣ, приглядываясь къ нему, «что ты на нее похожъ,
то?» Такъ называлъ онъ свою покойную жену, мать
ку «кликуши» указалъ, наконецъ, Алешѣ лакей
ъ свелъ его на наше городское кладбище и тамъ, въ
кѣ, указалъ ему чугунную, недорогую, но опрятную
горой была даже надпись съ именемъ, званіемъ, мѣ-

тами и годомъ смерти покойницы, а внизу было даже начер
нѣчто въ родѣ четырехстишія изъ старинныхъ, общеупотрѣби
ныхъ на могилахъ средняго люда, кладбищенскихъ стиховъ.
удивленію, эта плита оказалась дѣломъ Григорія. Это онъ
воздвигъ ее надъ могилкой бѣдной «кликуши» и на собстве
иждивеніе, послѣ того, когда Ѳедоръ Павловичъ, котóрому
множество разъ уже досаждалъ напоминаніями объ этой моги
уѣхалъ, наконецъ, въ Одессу, махнувъ рукой не только на
гилы, но и на всѣ свои воспоминанія. Алеша не выказалъ на
гилкѣ матеря никакой особенной чувствительности; онъ то
выслушалъ важный и резонный разсказъ Григорія о сооруж
плиты, постоялъ понурившись и ушелъ не вымолвивъ ни сл
Съ тѣхъ поръ, можетъ быть, даже во весь годъ и не бывал
кладбищѣ. Но на Ѳедора Павловича этотъ маленькій эпизодъ
произвелъ свое дѣйствіе и очень оригинальное. Онъ вдругъ в
тысячу рублей и свезъ ее въ нашъ монастырь на поминъ д
своей супруги, но не второй, не матери Алеши, не «кликуш
первой, Аделаиды Ивановны, которая колотила его. Въ ве
того дня онъ напился пьянъ и ругалъ Алешѣ монаховъ. Самъ
былъ далеко не изъ религіозныхъ людей; человѣкъ никогда,
жетъ быть, пятикопѣечной свѣчки не поставилъ передъ образ
Странные порывы внезапныхъ чувствъ и внезапныхъ мы
бываютъ у этакихъ субъектовъ.

Я уже говорилъ, что онъ очень обрюзгъ. Физіономія его п
ставляла къ тому времени что-то рѣзко свидѣтельствовавш
характеристикѣ и сущности всей прожитой имъ жизни. К
длинныхъ и мясистыхъ мѣшечковъ подъ маленькими его глаз
вѣчно наглыми, подозрительными и насмѣшливыми, кромѣ мн
ства глубокихъ морщинокъ на его маленькомъ, но жирнены
личикѣ, къ острому подбородку его подвѣшивался еще боль
кадыкъ, мясистый и продолговатый какъ кошелекъ, что пр
вало ему какой-то отвратительно-сладострастный видъ. Приба
къ тому плотоядный, длинный ротъ, съ пухлыми губами, изъ
которыхъ виднѣлись маленькіе обломки черныхъ, почти ист
шихъ зубовъ. Онъ брызгался слюной каждый разъ когда начи
говорить. Впрочемъ, и самъ онъ любилъ шутить надъ своимъ
цомъ, хотя, кажется оставался имъ доволенъ. Особенно указы
онъ на свой носъ, не очень большой, но очень тонкій, съ са
выдающейся горбиной: «настоящій римскій», говорилъ
«вмѣстѣ съ кадыкомъ настоящая физіономія древняго римс
патриція временъ упадка». Этимъ онъ, кажется, гордился.

И вотъ довольно скоро послѣ обрѣтенія могилы матери, Алеша
[illegible]тъ объявилъ ему, что хочетъ поступить въ монастырь и что
[illegible]ахи готовы допустить его послушникомъ. Онъ объяснилъ при
[illegible]мъ, что это чрезвычайное желаніе его, и что испрашиваетъ
[illegible]ъ у него торжественное позволеніе, какъ у отца. Старикъ уже
[illegible]лъ, что старецъ Зосима, спасавшійся въ монастырскомъ скитѣ,
[illegible]ивелъ на его «тихаго мальчика» особенное впечатлѣніе.

— Этотъ старецъ, конечно, у нихъ самый честный монахъ, —
[illegible]олвилъ онъ, молчаливо и вдумчиво выслушавъ Алешу, почти
[illegible]мъ однако не удивившись его просьбѣ:—Гм... такъ ты вотъ
[illegible] хочешь, мой тихій мальчикъ! Онъ былъ вполпьяна и вдругъ
[illegible]нулся своею длинною, полупьяною, но не лишенною хитро-
[illegible] и пьянаго лукавства улыбкою:—Гм... а вѣдь я такъ и пред-
[illegible]ставлялъ, что ты чѣмъ нибудь вотъ этакимъ кончишь, можешь
[illegible] себѣ представить? Ты именно туда наровилъ. Ну что-жь,
[illegible]алуй, у тебя-же есть свои двѣ тысченочки, вотъ тебѣ и при-
[illegible]ное, а я тебя, мой ангелъ, никогда не оставлю, да и теперь
[illegible]су за тебя что тамъ слѣдуетъ, если спросятъ. Ну, а если не
[illegible]просятъ, къ чему намъ навязываться, не такъ-ли? Вѣдь ты де-
[illegible]ъ что канарейка тратишь, по два зернышка въ недѣльку...
[illegible]... Знаешь, въ одномъ монастырѣ есть одна подгородная сло-
[illegible]дка и ужь всѣмъ тамъ извѣстно, что въ ней однѣ только «мо-
[illegible]стырскія жены живутъ», такъ ихъ тамъ называютъ, штукъ
[illegible]дцать женъ, я думаю... Я тамъ былъ, и, знаешь, интересно,
[illegible]въ своемъ родѣ, разумѣется, въ смыслѣ разнообразія. Скверно
[illegible]мъ только, что руссизмъ ужасный, француженокъ совсѣмъ еще
[illegible]тъ, могли-бы быть, средства знатныя. Провѣдаютъ—пріѣдутъ.
[illegible]у, а здѣсь ничего, здѣсь нѣтъ монастырскихъ женъ, а мона-
[illegible]въ штукъ двѣсти. Честно. Постники. Сознаюсь... Гм. Такъ ты
[illegible] монахамъ хочешь? А вѣдь мнѣ тебя жаль, Алеша, воистину,
[illegible]ришь-ли, я тебя полюбилъ... Впрочемъ, вотъ и удобный слу-
[illegible]: помолишься и за насъ грѣшныхъ, слишкомъ мы ужь, сидя
[illegible]сь, нагрѣшили. Я все помышлялъ о томъ: кто это за меня
[illegible]гда нибудь помолится? Есть-ли въ свѣтѣ такой человѣкъ? Ми-
[illegible]й ты мальчикъ, я вѣдь на этотъ счетъ ужасно какъ глупъ,
[illegible], можетъ быть, не вѣришь? Ужасно. Видишь-ли: я объ этомъ
[illegible]къ ни глупъ, а все думаю, все думаю, изрѣдка, разумѣется, не
[illegible]се-же вѣдь. Вѣдь невозможно-же, думаю, чтобы черти меня
[illegible]рючьями позабыли стащить съ себѣ когда я помру. Ну, вотъ
[illegible] думаю: крючья? А откуда они у нихъ? Изъ чего? Желѣзные?
[illegible]дѣ-же ихъ куютъ? Фабрика, что-ли, у нихъ какая тамъ есть?

Вѣдь тамъ монастырѣ иноки навѣрно полагаютъ, что въ
напримѣръ, есть потолокъ. А я вотъ готовъ повѣрить въ
только чтобъ безъ потолка; выходитъ онъ какъ будто дел
нѣе, просвѣщеннѣе, по лютерански, то есть. А въ сущности
не все-ли равно: съ потолкомъ или безъ потолка? Вѣдь
вопросъ-то проклятый въ чемъ заключается! Ну, а коли
потолка, стало быть и нѣтъ крючьевъ. А коли нѣтъ крюч
стало быть, и все по боку; значитъ опять невѣроятно: кт
меня тогда крючьями-то потащитъ, потому что если ужь
не потащатъ, то что-жь тогда будетъ, гдѣ-же правда на св
Il faudrait les inventer, эти крючья для меня нарочно, для
одного, потому что если-бы ты зналъ, Алеша, какой я с
никъ!..

— Да тамъ нѣтъ крючьевъ, тихо и серьезно приглядыв
къ отцу, выговорилъ Алеша.

— Такъ, такъ, одни только тѣни крючьевъ. Знаю, з
Это какъ одинъ французъ описывалъ адъ: J'ai vu l'ombre
cocher qui avec l'ombre d'une brosse frottait l'ombre d'une ca
Ты, голубчикъ, почему знаешь, что нѣтъ крючьевъ? Побу
у монаховъ, не то запоешь. А, впрочемъ, ступай, доберись
до правды, да и приди разсказать: все-же идти на тотъ с
будетъ легче, коли навѣрно знаешь, что тамъ такое. Да и
личнѣе тебѣ будетъ у монаховъ, чѣмъ у меня, съ пьян
старикашкой, да съ дѣвчонками... хоть до тебя, какъ до ан
ничего не коснется. Ну авось и тамъ до тебя ничего не
нется, вотъ вѣдь я почему и дозволяю тебѣ, что на послѣ
надѣюсь. Умъ-то у тебя не чортъ съѣлъ. Погоришь и погасн
вылѣчишься и назадъ придешь. А я тебя буду ждать: вѣд
чувствую-же, что ты единственный человѣкъ на землѣ, кот
меня не осудилъ, мальчикъ ты мой милый, я вѣдь чувству
это, не могу-же я это не чувствовать!..

И онъ даже расхныкался. Онъ былъ сентименталенъ.
былъ золъ и сентименталенъ.

V.

Старцы.

Можетъ быть, кто изъ читателей подумаетъ, что мой м
дой человѣкъ былъ болѣзненная, экстазная, бѣдно развит

ѣдный мечтатель, чахлый, испитой человѣкъ. Напро-
еша былъ въ то время статный, краснощекій, со свѣт-
ромъ, пышащій здоровьемъ девятнадцатилѣтній подро-
нъ былъ въ то время даже очень красивъ собой, стро-
ине-высокаго роста, темнорусъ, съ правильнымъ хотя
о удлиненнымъ оваломъ лица, съ блестящими темносѣры-
ко разставленными глазами, весьма задумчивый и, пови-
весьма спокойный. Скажутъ, можетъ быть, что крас-
и не мѣшаютъ ни фанатизму, ни мистицизму; а мнѣ
кется, что Алеша былъ даже больше чѣмъ кто-нибудь
ъ. О, конечно, въ монастырѣ онъ совершенно вѣро-
чудеса, но, по моему, чудеса реалиста никогда не сму-
чудеса склоняютъ реалиста къ вѣрѣ. Истинный реалистъ,
не вѣрующій, всегда найдетъ въ себѣ силу и способ-
повѣрить и чуду, а если чудо станетъ предъ нимъ не-
мъ фактомъ, то онъ скорѣе не повѣритъ своимъ чув-
нѣмъ допуститъ фактъ. Если-же и допуститъ его, то до-
какъ фактъ естественный, но доселѣ лишь бывшій ему
ымъ. Въ реалистѣ вѣра не отъ чуда рождается, а чудо
. Если реалистъ разъ повѣритъ, то онъ именно по реа-
оему долженъ непремѣнно допустить и чудо. Апостолъ
ъявилъ, что не повѣритъ, прежде чѣмъ не увидитъ,
увидѣлъ, сказалъ: «Господь мой и Богъ мой!» Чудо-
зило его увѣровать? Вѣроятнѣе всего, что нѣтъ, а увѣ-
ъ лишь единственно потому, что желалъ увѣровать, и,
ыть, уже вѣровалъ вполнѣ, въ тайникѣ существа своего,
тогда, когда произносилъ: «Не повѣрю, пока не увижу».
утъ, можетъ быть, что Алеша былъ тупъ, не развитъ, не
курса и проч. Что онъ не кончилъ курса, это была прав-
азать, что онъ былъ тупъ или глупъ было-бы большою
лявостью. Просто повторю что уже сказалъ выше:
онъ на эту дорогу потому только, что въ это время
поразила его и представила ему разомъ весь идеа-
да рвавшейся изъ мрака къ свѣту души его. При-
что онъ былъ юноша отчасти уже нашего послѣд-
мени, то есть честный по природѣ своей, требующій
ищущій ее и вѣрующій въ нее, а, увѣровавъ, требующій
наго участія въ ней всею силой души своей, требую-
раго подвига, съ непремѣннымъ желаніемъ хотя-бы
жертвовать для этого подвига, даже жизнью. Хотя, къ
, не понимаютъ эти юноши, что жертва жизнію есть, мо-

жетъ быть, самая легчайшая изъ всѣхъ жертвъ во многи
такихъ случаевъ, и что пожертвовать, напримѣръ, изъ своей
лучей юностью жизни пять—шесть лѣтъ на трудное, тяж
ученіе, на науку, хотя-бы для того только, чтобы удесяте
въ себѣ силы для служенія той-же правдѣ и тому-же поду
который излюбилъ и который предположилъ себѣ совершить—
кая жертва сплошь да рядомъ для многихъ изъ нихъ почти
всѣмъ не по силамъ. Алеша избралъ лишь противополож
всѣмъ дорогу но съ тою-же жаждой скораго подвига. Е
только онъ, задумавшись серьезно, поразился убѣжденіемъ,
безсмертіе и Богъ существуютъ, то сейчасъ-же естественно
залъ себѣ: «Хочу жить для безсмертія, а половиннаго комп
миссa не принимаю». Точно также, еслибы онъ порѣшилъ,
безсмертія и Бога нѣтъ, то сейчасъ-бы пошелъ въ атеисты
въ соціалисты (ибо соціализмъ есть не только рабочій вопр
или такъ называемаго четвертаго сословія, но по преимуще
есть атеистическій вопросъ, вопросъ современнаго воплощ
атеизма, вопросъ Вавилонской башни, строющейся именно
Бога, не для достиженія небесъ съ земли, а для сведенія
бесъ на землю). Алешѣ казалось даже страннымъ и невозм
нымъ жить по прежнему. Сказано: «Раздай все и иди за м
если хочешь быть совершенъ» Алеша и сказалъ себѣ: «Не
я отдать вмѣсто «всего», два рубля, а вмѣсто «иди за ме
ходить лишь къ обѣднѣ» Изъ воспоминаній его младенчес
можетъ быть, сохранилось нѣчто о нашемъ подгородномъ м
стырѣ, куда могла возить его мать къ обѣднѣ. Можетъ б
подѣйствовали и косые лучи заходящаго солнца передъ образ
къ которому его протягивала его кликуша мать. Задумчивый
пріѣхалъ къ намъ тогда, можетъ быть, только лишь посмотр
все-ли тутъ или и тутъ только два рубля и—въ монаст
встрѣтилъ этого старца...

Старецъ этотъ, какъ я уже объяснилъ выше, былъ ста
Зосима; но надо-бы здѣсь сказать нѣсколько словъ и о т
что такое вообще «старцы» въ нашихъ монастыряхъ. и
жаль, что чувствую себя на этой дорогѣ не довольно ко
тентнымъ и твердымъ. Попробую, однако, сообщить малыми
вами и въ поверхностномъ изложеніи. И во первыхъ, люди
ціальные и компетентные утверждаютъ, что старцы и ст
ство появились у насъ, по нашимъ русскимъ монастырямъ, в
лишь недавно, даже нѣтъ и ста лѣтъ, тогда какъ на всемъ
вославномъ Востокѣ, особенно на Синаѣ и на Аѳонѣ, суще

о уже за тысячу лѣтъ. Утверждаютъ, что существо-
ество и у насъ на Руси во времена древнѣйшія, или
о должно было существовать, но вслѣдствіе бѣдствій
атарщины, смутъ, перерыва прежнихъ сношеній съ
послѣ покоренія Константинополя, установленіе это
у насъ и старцы пресѣклись. Возрождено-же оно у
ь съ конца прошлаго столѣтія однимъ изъ великихъ
ковъ (какъ называютъ его) Паисіемъ Величковскимъ
ми его, но и доселѣ, даже черезъ сто почти лѣтъ, су-
весьма еще не во многихъ монастыряхъ, и даже под-
иногда почти что гоненіямъ, какъ неслыханное по Рос-
ство. Въ особенности процвѣло оно у насъ на Руси въ
менитой пустынѣ Козельской Оптиной. Когда и кѣмъ
оно и въ нашемъ подгородномъ монастырѣ — не могу
о въ немъ уже считалось третье преемничество стар-
гарецъ Зосима былъ изъ нихъ послѣднимъ, но и онъ
помиралъ отъ слабости и болѣзней, а замѣнить его
знали кѣмъ. Вопросъ для нашего монастыря былъ важ-
какъ монастырь нашъ ничѣмъ особенно не былъ до
ь знаменитъ: въ немъ не было ни мощей святыхъ
ь, ни явленныхъ чудотворныхъ иконъ, не было даже
преданій, связанныхъ съ нашею исторіей, не числи-
нимъ историческихъ подвиговъ и заслугъ отечеству.
онъ и прославился на всю Россію именно изъ-за
чтобы видѣть и послушать которыхъ стекались къ
мольцы толпами со всей Россіи изъ-за тысячъ верстъ.
же такое старецъ? Старецъ — это берущій вашу душу,
ю въ свою душу и свою волю. Избравъ старца, вы
воли отрѣшаетесь и отдаете ее ему въ полное по-
съ полнымъ самоотрѣшеніемъ. Этотъ искусъ, эту
школу жизни обрекающій себя принимаетъ добро-
надеждѣ послѣ долгаго искуса побѣдить себя, овла-
до того, чтобы могъ, наконецъ достичь, чрезъ по-
всей жизни, уже совершенной свободы, то есть сво-
самаго себя, избѣгнуть участи тѣхъ, которые всю
жили, а себя въ себѣ не нашли. Изобрѣтеніе это, то
ество,—не теоретическое, а выведено на Востокѣ изъ
въ наше время уже тысячелѣтней. Обязанности къ
то что̀ обыкновенное «послушаніе», всегда бывшее и
ъ русскихъ монастыряхъ. Тутъ признается вѣчная
всѣхъ подвизающихся старцу и неразрушимая связь

между связавшимъ и связаннымъ. Разсказываютъ, напримѣ
что однажды, въ древнѣйшія времена христіанства, одинъ
новой послушникъ, не исполнивъ нѣкоего послушанія, воз
женнаго на него его старцемъ, ушелъ отъ него изъ монасты
и пришелъ въ другую страну, изъ Сиріи въ Египетъ. Та
послѣ долгихъ и великихъ подвиговъ сподобился, наконе
претерпѣть истязанія и мученическую смерть за вѣру. Когда
церковь хоронила тѣло его, уже чтя его какъ святаго, то вдр
при возгласѣ діакона: «Оглашенные изыдите!»—гробъ съ ле
щимъ въ немъ тѣломъ мученика сорвался съ мѣста и бы
извергнутъ изъ храма, и такъ до трехъ разъ. И наконецъ зн
узнали, что этотъ святой страстотерпецъ нарушилъ послуш
и ушелъ отъ своего старца, а потому безъ разрѣшенія ста
не могъ быть и прощенъ, даже не смотря на свои великіе п
виги. Но когда призванный старецъ разрѣшилъ его отъ пос
шанія, тогда лишь могло совершиться и погребеніе его. Конеч
все это лишь древняя легенда, но вотъ и недавняя быль: од
изъ нашихъ современныхъ иноковъ спасался на Аѳонѣ и вдр
старецъ его повелѣлъ ему оставить Аѳонъ, который онъ по
билъ какъ святыню, какъ тихое пристанище, до глубины д
своей, и идти сначала въ Іерусалимъ на поклоненіе Свят
мѣстамъ, а потомъ обратно въ Россію, на Сѣверъ, въ Сиб
«Тамъ тебѣ мѣсто, а не здѣсь». Пораженный и убитый гор
монахъ явился въ Константинополь ко вселенскому патріарх
молилъ разрѣшить его послушаніе, и вотъ вселенскій влад
отвѣтилъ ему, что не только онъ, патріархъ вселенскій, не
жетъ разрѣшить его, но и на всей землѣ нѣтъ, да и не мож
быть такой власти, которая-бы могла разрѣшить его отъ по
шанія, разъ уже наложеннаго старцемъ, кромѣ лишь власти
мого того старца, который наложилъ его. Такимъ образомъ с
чество одарено властью въ извѣстныхъ случаяхъ безпредѣль
и непостижимою. Вотъ почему во многихъ монастыряхъ с
чество у насъ сначала встрѣчено было почти гоненіемъ. Мн
тѣмъ старцевъ тотчасъ-же стали высоко уважать въ народѣ.
старцамъ нашего монастыря стекались, напримѣръ, и просто
дины, и самые знатные люди съ тѣмъ, чтобы, повергаясь пр
ними, исповѣдывать имъ свои сомнѣнія, свои грѣхи, свои с
данія, и испросить совѣта и наставленія. Видя это, противн
старцевъ кричали, вмѣстѣ съ прочими обвиненіями, что за
самовластно и легкомысленно унижается таинство исповѣди
хотя безпрерывное исповѣдываніе своей души старцу послуш

ь его или свѣтскимъ производится совсѣмъ
чилось, однако, тѣмъ, что старчество удерж
у по русскимъ монастырямъ водворяется.
о, что это испытанное и уже тысячелѣтнее
еннаго перерожденія человѣка отъ рабства
вственному совершенствованію можетъ обрат
рое орудіе, такъ что иного, пожалуй, приве
ія и окончательнаго само
инской гордости, то есть
Старецъ Зосима былъ л
помѣщиковъ, когда-то в
мъ и служилъ на Кавказѣ
азилъ Алешу какимъ-нибу
еша жилъ въ самой кель
и допустилъ къ себѣ. На
монастырѣ, былъ еще ничѣмъ не связанъ, могъ выходи
а угодно хоть на цѣлые дни, и, если носилъ свой подряс
ъ, то добровольно, чтобы ни отъ кого въ монастырѣ не отли
ься. Но ужь, конечно, это ему и самому нравилось. Можетъ
ь, на юношеское воображеніе Алеши сильно подѣйствовала
сила и слава, которая окружала безпрерывно его старца.
старца Зосиму говорили многіе, что онъ, допуская къ себѣ
ь многіе годы всѣхъ приходившихъ къ нему исповѣдывать
це свое и жаждавшихъ отъ него совѣта и врачебнаго слова,—
ого много принялъ въ душу свою откровеній, сокрушеній,
аній, что подъ конецъ пріобрѣлъ прозорливость уже столь
ую, что съ перваго взгляда на лицо незнакомаго, прихо-
наго къ нему, могъ угадывать: съ чѣмъ тотъ пришелъ, чего
нужно, и даже какого рода мученіе терзаетъ его совѣсть,
ивлялъ, смущалъ и почти пугалъ иногда пришедшаго та-
ь знаніемъ тайны его, прежде чѣмъ тотъ молвилъ слово.
при этомъ Алеша почти всегда замѣчалъ, что многіе, почти
входившіе въ первый разъ къ старцу на уединенную бе-
, входили въ страхѣ и безпокойствѣ, а выходили отъ него
и всегда свѣтлыми и радостными, и самое мрачное лицо обра-
ось въ счастливое. Алешу необыкновенно поражало и то,
старецъ былъ вовсе не строгъ; напротивъ, былъ всегда почти
ъ въ обхожденіи. Монахи про него говорили, что онъ именно
ичивается душой къ тому, кто грѣшнѣе, и кто всѣхъ болѣе
ь, того онъ всѣхъ болѣе и возлюбитъ. Изъ монаховъ на-
ь, даже и подъ самый конецъ жизни старца, ненавистники

и завистники его, но ихъ становилось уже мало, и они м
чали, хотя было въ ихъ числѣ нѣсколько весьма знамени
и важныхъ въ монастырѣ лицъ, какъ, напримѣръ, одинъ
древнѣйшихъ иноковъ, великій молчальникъ и необычайный
никъ. Но все таки огромное большинство держало уже
нѣнно сторону старца Зосимы, а изъ нихъ очень многіе
любили его всѣмъ сердцемъ, горячо и искренно; нѣкоторые
были привязаны къ нему почти фанатически. Такіе прямо
ворили, не совсѣмъ, впрочемъ, вслухъ, что онъ святой, что
этомъ нѣтъ уже и сомнѣнія и, предвидя близкую кончину
ожидали немедленныхъ даже чудесъ и великой славы въ са
ближайшемъ будущемъ отъ почившаго монастырю. Въ чудес
силу старца вѣрилъ безпрекословно и Алеша, точно такжe,
безпрекословно вѣрилъ и разсказу о вылетавшемъ изъ
гробѣ. Онъ видѣлъ, какъ многіе изъ приходившихъ съ больн
дѣтьми или взрослыми родственниками и молившихъ, чтобы
рецъ возложилъ на нихъ руки и прочиталъ надъ ними молит
возвращались въ скорости, а иные такъ и на другой-же д
обратно, и, падая со слезами предъ старцемъ, благодарили
за исцѣленіе ихъ больныхъ. Исцѣленіе-ли было въ самомъ д
или только естественное улучшеніе въ ходѣ болѣзни—для Але
въ этомъ вопроса не существовало, ибо онъ вполнѣ уже вѣр
въ духовную силу своего учителя и слава его была какъ-б
собственнымъ его торжествомъ. Особенно-же дрожало у не
сердце и весь какъ-бы сіялъ онъ, когда старецъ выходилъ
толпѣ ожидавшихъ его выхода у вратъ скита богомольцевъ и
простаго народа, нарочно, чтобы видѣть старца и благословит
у него стекавшагося со всей Россіи. Они повергались пре
нимъ, плакали, цѣловали ноги его, цѣловали землю, на котор
онъ стоитъ, вопили, бабы протягивали къ нему дѣтей своих
подводили больныхъ кликушъ. Старецъ говорилъ съ ними,
талъ надъ ними краткую молитву, благословлялъ и отпуска
ихъ. Въ послѣднее время отъ припадковъ болѣзни онъ ста
вился иногда такъ слабъ, что едва бывалъ въ силахъ выйт
изъ кельи и богомольцы ждали иногда въ монастырѣ его
хода по нѣскольку дней. Для Алеши не составляло никакого
проса, за что они его такъ любятъ, за что они повергают
предъ нимъ и плачутъ отъ умиленія, завидѣвъ лишь лицо е
О, онъ отлично понималъ, что для смиренной души русскаго пр
столюдина, измученной трудомъ и горемъ, а главное, всегдашн
несправедливостью и всегдашнимъ грѣхомъ, какъ своимъ, та

нѣтъ сильнѣе потребности и утѣшенія какъ обрѣсти
святаго, пасть предъ нимъ и поклониться ему:
грѣхъ, неправда и искушеніе, то все равно, есть
ъ-то, гдѣ-то, святой и высшій; у того зато правда,
аетъ правду: значитъ, не умираетъ она на землѣ,
ь когда-нибудь и къ намъ перейдетъ и воцарится
ѣ какъ обѣщано». Зналъ Алеша, что такъ именно
и даже разсуждаетъ народъ, онъ понималъ это,
тарецъ именно и есть этотъ самый святой, этотъ
жьей правды въ глазахъ народа—въ этомъ онъ не
нисколько, и самъ, вмѣстѣ съ этими плачущими му-
льными ихъ бабами, протягивающими старцу дѣтей
кденіе-же въ томъ, что старецъ, почивши, доставитъ
славу монастырю, царило въ душѣ Алеши, можетъ
ильнѣе чѣмъ у кого-бы то ни было въ монастырѣ.
это послѣднее время какой-то глубокій, пламенный
осторгъ все сильнѣе и сильнѣе разгорался въ его
мущало его нисколько, что этотъ старецъ все таки
ь нимъ единицей: «Все равно, онъ святъ, въ его
обновленія для всѣхъ, та мощь, которая устано-
цъ, правду на землѣ и будутъ всѣ святы, и будутъ
друга и не будетъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, ни
хся, ни униженныхъ, а будутъ всѣ какъ дѣти Бо-
нитъ настоящее Царство Христово». Вотъ о чемъ
одцу Алеши.

что на Алешу произвелъ сильнѣйшее впечатлѣніе
боихъ братьевъ, которыхъ онъ до того совершенно
братомъ Дмитріемъ Ѳедоровичемъ онъ сошелся ско-
хотя тотъ пріѣхалъ позже, чѣмъ съ другимъ (едино-
братомъ своимъ, Иваномъ Ѳедоровичемъ. Онъ ужасно
узнать брата Ивана, но вотъ тотъ уже жилъ два
хоть и видѣлись довольно часто, но все еще никакъ
: Алеша былъ и самъ молчаливъ и какъ-бы ждалъ
-бы стыдился чего-то, а братъ Иванъ, хотя Алеша и
началѣ на себѣ его длинные и любопытные взгляды,
рѣ пересталъ даже и думать о немъ. Алеша замѣтилъ
рымъ смущеніемъ. Онъ приписалъ равнодушіе брата
хъ лѣтахъ и въ особенности въ образованіи. Но ду-
и другое: столь малое любопытство и участіе къ
быть, происходило у Ивана и отъ чего-нибудь со-
ипѣ неизвѣстнаго. Ему все казалось почему-то, что

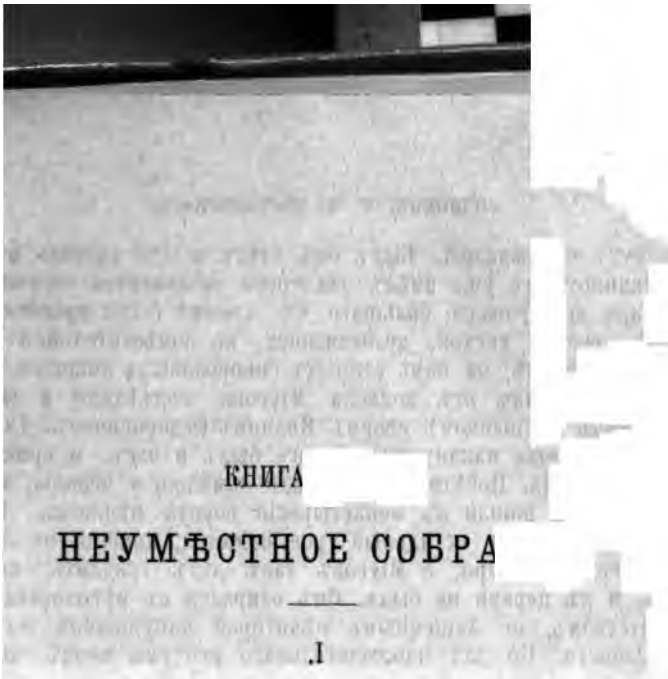
Иванъ чѣмъ-то занятъ, чѣмъ-то внутреннимъ и важнымъ, что он стремится къ какой-то цѣли, можетъ быть, очень трудной, так что ему не до него, и что вотъ это и есть та единственная пр чина, почему онъ смотритъ на Алешу разсѣянно. Задумывался Алеша и о томъ: не было-ли тутъ какого-нибудь презрѣнія к нему, къ глупенькому послушнику, отъ ученаго атеиста. Онъ со вершенно зналъ, что братъ его атеистъ. Презрѣніемъ этимъ, есл оно и было, онъ обидѣться не могъ, но всетаки съ какимъ-то не понятнымъ себѣ самому и тревожнымъ смущеніемъ ждалъ, когд братъ захочетъ подойдти къ нему ближе. Братъ Дмитрій Ѳедоро вичъ отзывался о братѣ Иванѣ съ глубочайшимъ уваженіемъ, с какимъ-то особымъ проникновеніемъ говорилъ о немъ. Отъ него же узналъ Алеша всѣ подробности того важнаго дѣла, которо связало, въ послѣднее время, обоихъ старшихъ братьевъ замѣча тельною и тѣсною связью. Восторженные отзывы Дмитрія о брат Иванѣ были тѣмъ характернѣе въ глазахъ Алеши, что брат Дмитрій былъ человѣкъ, въ сравненіи съ Иваномъ, почти вов необразованный, и оба поставленные вмѣстѣ одинъ съ другим составляли, казалось, такую яркую противоположность, ка личности и характеры, что, можетъ быть, нельзя-бы было придумать двухъ человѣкъ несходнѣе между собой.

Вотъ въ это-то время и состоялось свиданіе или, лучше ск зать, семейная сходка всѣхъ членовъ этого нестройнаго семейств въ кельѣ старца, имѣвшая чрезвычайное вліяніе на Алешу. Пре логъ къ этой сходкѣ, по настоящему, былъ фальшивый. Тог именно несогласія по наслѣдству и по имущественнымъ ра счетамъ Дмитрія Ѳедоровича съ отцомъ его Ѳедоромъ Павлови чемъ дошли, повидимому, до невозможной точки. Отношен обострились и стали невыносимы. Ѳедоръ Павловичъ, кажетс первый и, кажется, шутя подалъ мысль о томъ, чтобы сойдти всѣмъ въ кельѣ старца Зосимы, и хоть и не прибѣгая къ пр мому его посредничеству, всетаки какъ-нибудь сговориться пр личнѣе, причемъ санъ и лицо старца могли-бы имѣть нѣчто вну шающее и примирительное. Дмитрій Ѳедоровичъ, никогда старца не бывавшій и даже не видавшій его, конечно, поду малъ, что старцемъ его хотятъ какъ-бы испугать; но такъ как онъ и самъ укорялъ себя втайнѣ за многія особенно рѣзкія вы ходки въ спорѣ съ отцомъ за послѣднее время, то и принял вызовъ. Кстати замѣтить, что жилъ онъ не въ домѣ отца, как Иванъ Ѳедоровичъ, а отдѣльно, въ другомъ концѣ города. Тут *случилось*, что проживавшій въ это время у насъ Петръ Але

ндровичъ Міусовъ особенно ухватился за эту идею Ѳедо
завловича. Либералъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, воль
одумецъ и атеистъ, онъ, отъ скуки, можетъ б ть, а, можетъ
ыть, для легкомысленной потѣхи, принялъ въ этомъ
резвычайное участіе. Ему вдругъ захотѣлось посмотрѣть
астырь и на «святаго». Такъ какъ все еще продолжали
авніе споры съ монастыремъ и все еще тянулась тя
мельной границѣ ихъ влад ній, о какихъ-то прав
ъ лѣсу и рыбной ловли въ чкѣ и проч., то онъ
алъ этимъ воспользоваться подъ предлогомъ того, что
елалъ-бы сговориться съ отцомъ игуменомъ: нельзя-ли
ибудь покончить ихъ споры полюбовно? Посѣтителя съ та.
агими намѣреніями, конечно, могли принять въ монасты
ительнѣе и предупредительнѣе, чѣмъ просто любопытству
аго. Вслѣдствіе всѣхъ сихъ соображеній и могло устроиться
которое внутреннее вліяніе въ монастырѣ на больнаго старца,
послѣднее время почти совсѣмъ уже не покидавшаго келью
отказывавшаго, по болѣзни, даже обыкновеннымъ посѣтите
мъ. Кончилось тѣмъ, что старецъ далъ согласіе и день былъ
значенъ. «Кто меня поставилъ дѣлить между ними?» заявилъ
ъ только съ улыбкой Алешѣ.

Узнавъ о свиданіи, Алеша очень смутился. Если кто изъ
ихъ тяжущихся и пререкающихся могъ смотрѣть серьезно на
отъ съѣздъ, то, безъ сомнѣнія, одинъ только братъ Дмитрій;
тальные-же всѣ придутъ изъ цѣлей легкомысленныхъ и для
арца, можетъ быть, оскорбительныхъ, — вотъ что понималъ
еша. Братъ Иванъ и Міусовъ пріѣдутъ изъ любопытства, мо
тъ быть, самаго грубаго, а отецъ его, можетъ быть, для ка
нибудь шутовской и актерской сцены. О, Алеша хоть и
чалъ, но довольно и глубоко зналъ уже своего отца. Повто
, этотъ мальчикъ былъ вовсе не столь простодушнымъ, ка
мъ всѣ считали его. Съ тяжелымъ чувствомъ дожидался онъ
значеннаго дня. Безъ сомнѣнія онъ очень заботился про себя,
сердцѣ своемъ, о томъ, чтобы какъ нибудь всѣ эти семей
несогласія кончились. Тѣмъ не менѣе самая главная забота
была о старцѣ: онъ трепеталъ за него, и за славу его, бо
оскорбленій ему, особенно тонкихъ, вѣжливыхъ насмѣшекъ
и недомолвокъ свысока ученаго Ивана, такъ это все
лось ему. Онъ даже хотѣлъ рискнуть предупредить
сказать ему что нибудь объ этихъ могущихъ прибыть
но подумалъ и промолчалъ. Передалъ только наканунѣ

назначеннаго дня чрезъ одного знакомаго брату Дмитрію, очень любитъ его и ждетъ отъ него исполненія обѣщан Дмитрій задумался, потому что ничего не могъ припомнить, бы такое ему обѣщалъ, отвѣтилъ только письмомъ, чт всѣхъ силъ себя сдержитъ «предъ низостью», и хотя гл уважаетъ старца и брата Ивана, но убѣжденъ, что тутъ ил какая нибудь ему ловушка, или недостойная комедія. «Тѣм менѣе скорѣе проглочу свой языкъ чѣмъ манкирую уваже къ святому мужу, тобою столь уважаемому», закончилъ Дм свое письмецо. Алешу оно не весьма ободрило.



КНИГА

НЕУМѢСТНОЕ СОБРА

I

Пріѣхали въ монастырь.

ыдался прекрасный, теплый и ясный день. Былъ конецъ га. Свиданіе со старцемъ условлено было сейчасъ послѣ ей обѣдни, примѣрно къ половинѣ двѣнадцатаго. Наши по-ели монастыря къ обѣднѣ однако не пожаловали, а пріѣ-ровно къ шапочному разбору. Пріѣхали они въ двухъ эки-ъ; въ первомъ экипажѣ, въ щегольской коляскѣ, запря-й парой дорогихъ лошадей, прибылъ Петръ Александро-Міусовъ, со своимъ дальнимъ родственникомъ, очень моло-человѣкомъ, лѣтъ двадцати, Петромъ Ѳомичемъ Калгано-Этотъ молодой человѣкъ готовился поступить въ универ-ь; Міусовъ-же, у котораго онъ почему-то пока жилъ, со-ялъ его съ собою за границу, въ Цюрихъ или въ Іену, тамъ поступить въ университетъ и окончить курсъ. Мо-человѣкъ еще не рѣшился. Онъ былъ задумчивъ и какъ-зсѣянъ. Лицо его было пріятное, сложеніе крѣпкое, ростъ ьно высокій. Во взглядѣ его случалась странная неподвиж-: подобно всѣмъ очень разсѣяннымъ людямъ, онъ глядѣлъ съ иногда въ упоръ и подолгу, а между тѣмъ совсѣмъ не видѣлъ. Былъ онъ молчаливъ и нѣсколько неловокъ, ивало, — впрочемъ, не иначе, какъ съ кѣмъ-нибудь одинъ инъ, — что онъ вдругъ станетъ ужасно разговорчивъ, по-тъ, смѣшливъ, смѣясь Богъ знаетъ иногда чему. Но оду-ніе его столь-же быстро и вдругъ погасало, какъ быстро

и вдругъ нарождалось. Былъ онъ одѣтъ всегда хорошо и да
изысканно; онъ уже имѣлъ нѣкоторое независимое состояніе
ожидалъ еще гораздо бо́льшаго. Съ Алешей былъ пріятели

Въ весьма ветхой, дребезжащей, но помѣстительной на
щичьей колескѣ, на парѣ старыхъ сиворозовыхъ лошадей, ко
но отставшихъ отъ коляски Міусова, подъѣхали и Ѳед
Павловичъ съ сынкомъ своимъ Иваномъ Ѳедоровичемъ. Дмит
Ѳедоровичу еще наканунѣ сообщенъ былъ и часъ, и срокъ,
онъ запоздалъ. Посѣтители оставили экипажи у ограды, въ
стинницѣ, и вошли въ монастырскія ворота пѣшкомъ. Кр
Ѳедора Павловича, остальные трое, кажется, никогда не вид
никакого монастыря, а Міусовъ такъ лѣтъ тридцать, може
быть, и въ церкви не былъ. Онъ озирался съ нѣкоторымъ
бопытствомъ, не лишеннымъ нѣкоторой напущенной на с
развязности. Но для наблюдательнаго его ума кромѣ цер
ныхъ и хозяйственныхъ построекъ, весьма, впрочемъ, обык
венныхъ, во внутренности монастыря ничего не представлял
Проходилъ послѣдній народъ изъ церкви, снимая шапки и к
стясь. Между простонародьемъ встрѣчались и пріѣзжіе бо
высшаго общества, двѣ — три дамы, одинъ очень старый ге
ралъ; всѣ они стояли въ гостинницѣ. Нищіе обступили наш
посѣтителей тотчасъ-же, но имъ никто ничего не далъ. Тол
Петруша Калгановъ вынулъ изъ портмонэ гривенникъ и, за
ропившись и сконфузившись Богъ знаетъ отчего, поскорѣе
нулъ одной бабѣ, быстро проговоривъ: «раздѣлить по ровн
Никто ему на это ничего изъ его сопутниковъ не замѣти
такъ что нечего было ему конфузиться; но, замѣтивъ это, о
еще больше сконфузился.

Было однако странно; ихъ по настоящему должны-бы бы
ждать и, можетъ быть, съ нѣкоторымъ даже почетомъ: одн
недавно еще тысячу рублей пожертвовалъ, а другой былъ бо
тѣйшимъ помѣщикомъ и образованнѣйшимъ, такъ сказать, ч
вѣкомъ, отъ котораго всѣ они тутъ отчасти зависѣли по пов
ловель рыбы въ рѣкѣ, вслѣдствіе оборота, какой могъ прин
процессъ. И вотъ однако-жь никто изъ оффиціальныхъ л
ихъ не встрѣчаетъ. Міусовъ разсѣянно смотрѣлъ на могилы
камни около церкви и хотѣлъ было замѣтить, что могилки
должно быть, обошлись дорогонько хоронившимъ, за право
ронить въ такомъ «святомъ» мѣстѣ, но промолчалъ: простая
беральная иронія перерождалась въ немъ почти что ужь
гнѣвъ.

— Чортъ, у кого здѣсь, однако, спросить, въ этой безтол-щинѣ... Это нужно-бы рѣшить, потому что время уходитъ,— проговорилъ онъ вдругъ какъ-бы говоря про себя.

Вдругъ подошелъ къ нимъ одинъ пожилой, лысоватый господинъ, въ широкомъ лѣтнемъ пальто и съ сладкими глазками. Приподнявъ шляпу, медово присюсюкивая, отрекомендовался онъ тѣмъ вообще тульскимъ помѣщикомъ Максимовымъ. Онъ мигомъ ошелъ въ заботу нашихъ путниковъ.

— Старецъ Зосима живетъ въ скиту, въ скиту наглухо, шагъ четыреста отъ монастыря, черезъ лѣсокъ, черезъ лѣсокъ...

— Это и я знаю-съ, что черезъ лѣсокъ, отвѣтилъ ему Ѳедоръ Павловичъ, да дорогу-то мы не совсѣмъ помнимъ, давно не бывали.

— А вотъ въ эти врата, и прямо лѣсомъ... лѣсомъ. Пойдите. Не угодно-ли... мнѣ самому... я самъ... Вотъ сюда, сюда...

Они вышли изъ вратъ и направились лѣсомъ. Помѣщикъ Максимовъ, человѣкъ лѣтъ шестидесяти, не то что шелъ, а, лучше сказать, почти бѣжалъ сбоку, разсматривая ихъ всѣхъ съ удорожнымъ, невозможнымъ почти любопытствомъ. Въ глазахъ его было что-то лупоглазое.

— Видите-ли, мы къ этому старцу по своему дѣлу, замѣтилъ строго Міусовъ,—мы, такъ сказать, получили аудіенцію «у сего лица», а потому хоть и благодарны вамъ за дорогу, но васъ ужъ не попросимъ входить вмѣстѣ.

— Я былъ, былъ, я уже былъ... Un chevalier parfait! и помѣщикъ пустилъ на воздухъ щелчокъ пальцемъ.

— Кто это chevalier? спросилъ Міусовъ.

— Старецъ, великолѣпный старецъ, старецъ... Честь и слава монастырю. Зосима. Это такой старецъ...

Но безпорядочную рѣчь его перебилъ догнавшій путниковъ монашекъ, въ клобукѣ, невысокаго росту, очень блѣдный и испитой. Ѳедоръ Павловичъ и Міусовъ остановились. Монахъ съ чрезвычайно вѣжливымъ, почти поясным поклономъ произнесъ:

— Отецъ игуменъ, послѣ посѣщенія вашего въ скитѣ, покорнѣйше проситъ васъ всѣхъ, господа, у него откушать. У него въ часъ, не позже. И васъ также, обратился онъ къ Максимову.

— Это я непремѣнно исполню! вскричалъ Ѳедоръ Павловичъ, очень обрадовавшись приглашенію,—непремѣнно. И знаете, мы ей дали слово вести себя здѣсь порядочно... А вы, Петръ Александровичъ, пожалуете?

— Да еще-же-бы нѣтъ? Да я зачѣмъ-же сюда и при
какъ не видѣть всѣ ихъ здѣшніе обычаи. Я однимъ только з
няюсь, именно тѣмъ, что я теперь съ вами, Ѳедоръ Павло
— Да, Дмитрія Ѳедоровича еще не существуетъ.
— Да и отлично-бы было, еслибъ онъ манкировалъ
пріятно, что-ли, вся эта ваша мазня, да еще съ вами ни
дачу? Такъ къ обѣду будемъ, поблагодарите отца игумена,
тился онъ къ монашку.
— Нѣтъ, ужь я васъ обязанъ руководить къ самому с
отвѣтилъ монахъ.
— А я, коль такъ, къ отцу игумену, я тѣмъ
немъ прямо къ отцу игумену, защебеталъ помѣщикъ
мовъ.
— Отецъ игуменъ въ настоящій часъ занятъ, но как
будетъ угодно... нерѣшительно произнесъ монахъ.
— Преназойливый старичишка, замѣтилъ вслухъ Мі
когда помѣщикъ Максимовъ побѣжалъ обратно къ монасты
— На фонъ-Зона похожъ, проговорилъ вдругъ Ѳедор
ловичъ.
— Вы только это и знаете... Съ чего онъ похожъ на
Зона? Вы сами-то видѣли фонъ-Зона?
— Его карточку видѣлъ. Хотъ не чертами лица, такъ ч
неизъяснимымъ. Чистѣйшій второй экземпляръ фонъ-Зона.
всегда по одной физіономіи узнаю.
— А, пожалуй; вы въ этомъ знатокъ. Только вотъ ч
доръ Павловичъ, вы сами сейчасъ изволили упомянуть, ч
дали слово вести себя прилично, помните. Говорю вамъ,
житесь. А начнете шута изъ себя строить, такъ я не нам
чтобы меня съ вами на одну доску здѣсь поставили... В
какой человѣкъ, обратился онъ къ монаху, — я вотъ съ
боюсь входить къ порядочнымъ людямъ.
На блѣдныхъ, безкровныхъ губахъ монашка показалас
кая, молчальная улыбочка, не безъ хитрости въ своемъ
но онъ ничего не отвѣтилъ и слишкомъ ясно было, что п
чалъ изъ чувства собственнаго достоинства. Міусовъ еще б
наморщился.
«О, чортъ ихъ всѣхъ дери, вѣками лишь выработанн
ружность, а въ сущности шарлатанство и вздоръ!» пронес
него въ головѣ.
— Вотъ и скитъ, дошли! крикнулъ Ѳедоръ Павлови
ограда и врата запертыя.

И онъ пустился класть большіе кресты пре святыми, писанными надъ вратами и сбоку вратъ.

— Въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходятъ, замѣтилъ онъ.—Всѣхъ здѣсь въ скиту двадцать пя ются, другъ на друга смотрятъ и капусту ѣдя то женщины въ эти врата не войдетъ, вотъ что тельно. И это вѣдь дѣйствительно такъ. Только шалъ, что старецъ дамъ принимаетъ? обратился монашку.

— Изъ простонародья ...нскій полъ и теперь ...мъ, лежатъ у галлерейки, ...утъ. А для высшихъ ...ицъ пристроены здѣсь-же н... ллереѣ, но внѣ ограды, ...атки, вотъ эти самыя окна ... старецъ выходитъ къ н... реннимъ ходомъ, когда здо...ъ, то есть все-же за огр... и теперь одна барыня, помѣ...ица харьковская, госпожа хох... ова, дожидается со своею разслабленною дочерью. Вѣроятно обѣ...шалъ къ нимъ выйдти, хотя въ послѣднія времена столь разсла...бѣлъ, что и къ народу едва появляется.

— Значитъ, все-же лазеечка къ барынямъ-то изъ скита про...ведена. Не подумайте, отецъ святой, что я что-нибудь, я только ...къ. Знаете, на Аѳонѣ, это вы слышали-ль, не только посѣщенія женщинъ не полагается, но и совсѣмъ не полагается женщинъ и никакихъ даже существъ женскаго рода, курочекъ, индюшечекъ, ...слушечекъ...

— Ѳедоръ Павловичъ, я ворочусь и васъ брошу здѣсь одного, васъ безъ меня отсюда выведутъ за руки, это я вамъ пред...сказываю.

— А чѣмъ я вамъ мѣшаю, Петръ Александровичъ. Посмотрите-ка, вскричалъ онъ вдругъ, шагнувъ за ограду скита,—посмотрите, въ какой они долинѣ розъ проживаютъ!

Дѣйствительно, хоть розъ теперь и не было, но было мно...жество рѣдкихъ и прекрасныхъ осеннихъ цвѣтовъ вездѣ, гдѣ только можно было ихъ насадить. Лелѣяла ихъ видимо опытная рука. Цвѣтники устроены были въ оградахъ церквей и между мо...настырь. Домикъ, въ которомъ находилась келья старца, деревянный, двухъэтажный, съ галлереей предъ входомъ, былъ тоже обсаженъ цвѣтами.

— А было-ль это при предъидущемъ старцѣ, Варсонофіи? Извѣстно-то, говорятъ, не любилъ, вскакивалъ и билъ даже дамскій полъ, замѣтилъ Ѳедоръ Павловичъ, подымая крылечко.

— Варсонофій дѣйствительно казался иногда к
бы юродивымъ, но много разсказываютъ и глупостей. Палко
никогда и никого не бивалъ, отвѣтилъ монашекъ.— Теперь,
пода, минутку повремените, я о васъ повѣщу.

— Ѳедоръ Павловичъ, въ послѣдній разъ условіе, слыш
Ведите себя хорошо, не то я вамъ отплачу, успѣлъ еще разъ
бормотать Міусовъ.

— Совсѣмъ неизвѣстно съ чего вы въ такомъ великомъ
ненія, насмѣшливо замѣтилъ Ѳедоръ Павловичъ,—али грѣш
боитесь! Вѣдь онъ, говорятъ, по глазамъ узнаетъ кто съ
приходитъ. Да и какъ высоко цѣните вы ихъ мнѣніе, вы, т
парижанинъ и передовой господинъ, удивили вы меня д
вотъ что!

Но Міусовъ не успѣлъ отвѣтить на этотъ сарказмъ, их
просили войдти. Вошелъ онъ нѣсколько раздраженный...

«Ну, теперь заранѣе себя знаю, раздраженъ, засп
начну горячиться — и себя и идею унижу, мелькнуло у
въ головѣ».

II.

Старый шутъ.

Они вступили въ комнату почти одновременно со старц
который при появленіи ихъ тотчасъ показался изъ своей
ленки. Въ кельѣ еще раньше ихъ дожидались выхода ст
два скитскіе іеромонаха, одинъ отецъ библіотекарь, а друг
отецъ Паисій, человѣкъ больной, хотя и не старый, но о
какъ говорили про него, ученый. Кромѣ того ожидалъ сто
уголку, и все время потомъ оставался стоя—молодой парен
лѣтъ двадцати двухъ на видъ, въ статскомъ сюртукѣ, сем
ристъ и будущій богословъ, покровительствуемый почему-т
настыремъ и братіею. Онъ былъ довольно высокаго рост
свѣжимъ лицомъ, съ широкими скулами, съ умными и вн
тельными узенькими карими глазами. Въ лицѣ выражалас
вершенная почтительность, но приличная, безъ видимаго за
ванія. Вошедшихъ гостей онъ даже и не привѣтствовалъ по
ному, какъ лицо имъ не равное, а, напротивъ, подвѣдомстве
и зависимое.

Старецъ Зосима вышелъ въ сопровожденіи послушни

ши. Іеромонахи поднялись и привѣтствовали его глубок
мъ поклономъ, пальцами касаясь земли, зат мъ, благосло
вшись, поцѣловали руку его. Благословивъ ихъ тарецъ о
ъ имъ каждому столь-же глубокимъ поклон ъ и
ясь земли, и у каждаго изъ нихъ попроси
гословенія. Вся церемонія произошла весьма
какъ вседневный обрядъ какой-нибудь, а поч так
чувствомъ. Міусову однако показалось что
ѣреннымъ внушеніемъ. С ъ стоялъ впер
ъ съ нимъ товарищей. С ало-бы, —
алъ это еще вчера вечеро ъ,—не смотря ни на
ственно изъ простой вѣжливости (такъ какъ ужъ з
чаи), подойдти и благословиться у старца, по крайнем
ь благословиться, если уж не цѣловать руку. Но увид
ь вездѣ эти поклоны и лобызанія іеромонаховъ, онъ въ
гнду перемѣнилъ рѣшеніе: важно и серьезно отдалъ онъ до
но глубокій, по свѣтскому, поклонъ и отошелъ къ стулу.
но также поступилъ и Ѳедоръ Павловичъ, на этотъ разъ
ь обезьяна совершенно передразнивъ Міусова. Иванъ Ѳедо
чъ раскланялся очень важно и вѣжливо, но тоже держа
и по швамъ, а Калгановъ до того сконфузился что и со
ъ не поклонился. Старецъ опустилъ поднявшуюся было для
ословенія руку и, поклонившись имъ въ другой разъ, по
лъ всѣхъ садиться. Кровь залила щеки Алеши; ему стало
но. Сбывались его дурныя предчувствія.

Старецъ усѣлся на кожанный краснаго дерева диванчикъ,
ь старинной постройки, а гостей, кромѣ обоихъ іеромона
ь, помѣстилъ у противоположной стѣны, всѣхъ четверыхъ
шкомъ, на четырехъ краснаго дерева, обитыхъ черною
но протершеюся кожей, стульяхъ. Іеромонахи усѣлись по
онамъ, одинъ у дверей, другой у окна. Семинаристъ, Алеша
слушникъ оставались стоя. Вся келья была очень не обширна
кого-то вялаго вида. Вещи и мебель были грубыя, бѣдныя
ыя лишь необходимыя. Два горшка цвѣтовъ на окнѣ, а
ану много иконъ — одна изъ нихъ Богородицы, огромнаго
ѣра и писанная вѣроятно еще задолго до раскола. Предъ
теплилась лампадка. Около нея двѣ другія иконы въ сіяю
ь ризахъ, затѣмъ около нихъ дѣланные херувимчики, фар
ыя яички, католическій крестъ изъ слоновой кости съ
лающею его Mater dolorosa, и нѣсколько заграничныхъ гра
съ великихъ италіянскихъ художниковъ прошлыхъ сто-

[redacted] и дорогихъ гравюрныхъ изоб
[redacted] листовъ самыхъ простонарод
[redacted] литографій святыхъ, мучениковъ, святителей
[redacted] продающихся за копѣйки на всѣхъ ярмаркахъ. Было
[redacted] литографическихъ портретовъ русскихъ современны
[redacted] архіереевъ, но уже по другимъ стѣнамъ. Міус
[redacted] оглядѣлъ всю эту «казенщину» и пристальнымъ взгляд
[redacted] старца. Онъ уважалъ свой взглядъ, имѣлъ эту с
[redacted] въ такомъ случаѣ въ немъ простительную, принявъ
[redacted] что было ему уже пятьдесятъ лѣтъ, — возрас
[redacted] который умный свѣтскій и обезпеченный человѣкъ вс
[redacted] относился къ себѣ почтительнѣе, иногда даже по неволѣ.

Съ перваго мгновенія старецъ ему не понравился. Въ сам
[redacted] было что-то въ лицѣ старца, что многимъ-бы и кр
Міусову не понравилось. Это былъ невысокій сгорбленный
[redacted] на ногахъ съ очень слабыми ногами, всего только шестидес
[redacted] лѣтъ, но казавшійся отъ болѣзни гораздо старше, по кр
[redacted] мѣрѣ, лѣтъ на десять. Все лицо его, впрочемъ, очень
[redacted] было усѣяно мелкими морщинками, особенно было ми
[redacted] около глазъ. Глаза-же были небольшіе, изъ свѣтлы
[redacted] острые и блестящіе въ родѣ какъ-бы двѣ блестящія точ
[redacted] Рѣденькіе волосики сохранились лишь на вискахъ, бородка б
[redacted] крошечная и рѣденькая, клиномъ, а губы, часто усмѣхавшіяс
[redacted] тоненькія, какъ двѣ бичевочки. Носъ не то чтобы длинный
[redacted] востренькій, точно у птички.

«По всѣмъ признакамъ злобная и мелко-надменная душонк
[redacted] пролетѣло въ головѣ Міусова. Вообще онъ былъ очень недовол
[redacted] собой.

Пробившіе часы помогли начать разговоръ. Ударило скор
[redacted] восемь на дешевыхъ маленькихъ стѣнныхъ часахъ съ гир
[redacted] ровно двѣнадцать.

— Ровнешенько настоящій часъ,—вскричалъ Ѳедоръ Пав
[redacted] ичъ,—а сына моего Дмитрія Ѳедоровича все еще нѣтъ. Из
[redacted] извинюсь за него, священный старецъ! (Алеша весь такъ и вздр
[redacted] нулъ отъ «священнаго старца»). Самъ-же я всегда акку
[redacted] ренъ, минута въ минуту, помня, что точность есть вѣжливо
[redacted] королей.

— Но вѣдь вы, по крайней мѣрѣ, не король, пробормота
[redacted] Міусовъ не удержавшись, Міусовъ.

— Да, это такъ. не король. И представьте, Петръ Алекс
[redacted] ровичъ, вѣдь это я и самъ зналъ, ей Богу! И вотъ всегда-т

...не кстати скажу! Ваше преподобіе! воскликнулъ охъ съ ка-...-то мгновеннымъ пафосомъ:—Вы видите передъ собою шута ...ютину! Такъ и рекомендуюсь. Старая привычка, увы! А что ...тати иногда вру, такъ это даже съ намѣреніемъ, съ намѣреніемъ ...ійнымъ и пріятнымъ быть. Надобно-же быть пріятнымъ, не пра-...? Пріѣзжаю лѣтъ семь назадъ въ одинъ городишко, были тамъ ..., а я кой съ какими купчишками завязалъ было компанью-... Идемъ къ исправнику, потому что его надо было кой о чемъ ...сить и откушать къ намъ позвать. Выходитъ исправникъ, ..., толстый, бѣлокурый и угрюмый человѣкъ,—самые опас-... въ такихъ случаяхъ субъекты: печень у нихъ, печень. Я ...ему прямо и, знаете, съ развязностью свѣтскаго человѣка: ...исправникъ, будьте, говорю, нашимъ, такъ сказать, Направ-...ъ?»—Какимъ это, говоритъ, Направникомъ? Я ужь вижу ...рвой полсекунды, что дѣло не выгорѣло, стоитъ серьезный, ...ся: «Я, говорю, пошутить желалъ, для общей веселости, такъ ...ъ г. Направникъ извѣстный нашъ русскій капельмейстеръ, а ...ъ именно нужно для гармоніи нашего предпріятія въ родѣ ...ъ-бы тоже капельмейстера»... И резонно вѣдь разъяснилъ и ...ъяснилъ, не правда-ли? «Извините, говоритъ, я исправникъ и ...мбуровъ изъ званія моего строить не позволю». Повернулся ...ходитъ. Я за нимъ, кричу: «да, да, вы исправникъ, а не На-...авникъ!»—«Нѣтъ, говоритъ, ужь коль сказано, такъ значитъ ...Направникъ». И представьте, вѣдь дѣло-то наше разстроилось! ...се-то я такъ, всегда-то я такъ. Непремѣнно-то я своею-же ...безностью себѣ наврежу!—Разъ, много лѣтъ уже тому назадъ, ...рю одному вліятельному даже лицу: «Ваша супруга щекотли-... женщина-съ»,—въ смыслѣ то есть чести, такъ сказать, нрав-...ныхъ качествъ, а онъ мнѣ вдругъ на то: «А вы ее щеко-...?» Не удержался, вдругъ, дай, думаю, полюбезничаю: «да, ...рю, щекоталъ-съ», ну тутъ онъ меня и пощекоталъ... Только ...но ужь это произошло, такъ что ужь не стыдно и разсказать; ...но-то я такъ себѣ наврежу.

— Вы это и теперь дѣлаете, съ отвращеніемъ пробормоталъ ...совъ.

Старецъ молча разглядывалъ того и другаго.

— Будто! Представьте, вѣдь я и это зналъ, Петръ Алексан-...ичъ, и даже знаете: предчувствовалъ что дѣлаю, только что ...ъ говорить, и даже, знаете, предчувствовалъ, что вы мнѣ ...ый это и замѣтите. Въ эти секунды, когда вижу, что шутка ...меня не выходитъ, у меня, ваше преподобіе, обѣ щеки къ

нижнимъ деснамъ присыхать начинаютъ, почти какъ-бы с
рога дѣлается; это у меня еще съ юности какъ я былъ у
рянъ приживальщикомъ и приживаніемъ хлѣбъ добывал
шутъ коренной, съ рожденія, все равно, ваше преподобіе,
юродивый; не спорю, что и духъ нечистый, можетъ, во ни
ключается, небольшаго впрочемъ калибра, поважнѣе-то дру
бы квартиру выбралъ, только не вашу, Петръ Александро
и вы вѣдь квартира не важная. Но зато я вѣрую, въ Бог
рую. Я только въ послѣднее время усомнился, но зато т
сижу и жду великихъ словесъ. Я, ваше преподобіе, какъ
лософъ Дидеротъ. Извѣстно-ли вамъ, святѣйшій отецъ, как
деротъ-философъ явился къ митрополиту Платону при им
рицѣ Екатеринѣ. Входитъ и прямо сразу: «Нѣтъ Бога». На
великій святитель подымаетъ перстъ и отвѣчаетъ: «Рече
мецъ въ сердцѣ своемъ нѣсть Богъ!» Тотъ какъ былъ т
въ ноги: «Вѣрую, кричитъ, и крещеніе принимаю». Такъ
окрестили тутъ же. Княгиня Дашкова была воспріемницей, а
темкинъ крестнымъ отцомъ...

— Ѳедоръ Павловичъ, это несносно! Вѣдь вы сами зн
что вы врете, и что этотъ глупый анекдотъ не правда, къ
вы ломаетесь? дрожащимъ голосомъ проговорилъ совершенно
не сдерживая себя, Міусовъ.

— Всю жизнь предчувствовалъ, что не правда! съ ув
ніемъ воскликнулъ Ѳедоръ Павловичъ.—Я вамъ, господа,
всю правду скажу: старецъ великій! Простите, я послѣдн
крещеніи-то Дидерота, самъ сейчасъ присочинилъ, вотъ сію т
минуточку, вотъ какъ разсказывалъ, а прежде никогда и в
лову не приходило. Для пикантности присочинилъ. Для т
ломаюсь, Петръ Александровичъ, чтобы милѣе быть. А,
чемъ, и самъ не знаю иногда для чего. А что до Дидерота,
я этого: «рече безумца», разъ двадцать, отъ здѣшнихъ-ж
мѣщиковъ еще въ молодыхъ лѣтахъ моихъ слышалъ, ка
нихъ проживалъ; отъ вашей тетеньки, Петръ Александро
Мавры Ѳоминишны, тоже между прочимъ слышалъ. Всѣ-т
до сихъ поръ увѣрены, что безбожникъ Дидеротъ къ мит
литу Платону спорить о Богѣ приходилъ...

Міусовъ всталъ, не только потерявъ терпѣніе, но даже
бы забывшись. Онъ былъ въ бѣшенствѣ и сознавалъ, что
этого самъ смѣшонъ. Дѣйствительно въ кельѣ происходило
совсѣмъ невозможное. Въ этой самой кельѣ, можетъ быть,
сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ, еще при прежнихъ старцахъ

...лись посѣтители, но всегда съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, ...иначе. Всѣ почти допускаемые, входя въ келью, понимали, ...имъ оказываютъ тѣмъ великую милость. Многіе повергались ...колѣни и не вставали съ колѣнъ во все время посѣщенія. ...гіе изъ «высшихъ» даже лицъ и даже изъ ученѣйшихъ, мало ...о, нѣкоторые изъ вольнодумныхъ даже лицъ, приходившіе ...по любопытству, или по иному поводу, входя въ келью со ...или получая свиданіе наединѣ, ставили себѣ въ первѣй...ю обязанность, всѣ до единаго, глубочайшую почтительность ...деликатность во все время свиданія, тѣмъ болѣе, что здѣсь ...ъ не полагалось, а была лишь любовь и милость съ одной ...ны, а съ другой—покаяніе и жажда разрѣшить какой-ни...ь трудный вопросъ души или трудный моментъ въ жизни ...ственнаго сердца. Такъ что вдругъ такое шутовство, которое ...ружилъ Ѳедоръ Павловичъ, непочтительное къ мѣсту, въ ...торомъ онъ находился, произвело въ свидѣтеляхъ, по край...й мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, недоумѣніе и удивленіе. ...ромонахи, впрочемъ, нисколько не измѣнившіе своихъ физіо...мій, съ серьезнымъ вниманіемъ слѣдили, что скажетъ старецъ, ...о, кажется, готовились уже встать какъ Міусовъ. Алеша го...въ былъ заплакать и стоялъ понуривъ голову. Всего страннѣе ...залось ему то, что братъ его, Иванъ Ѳедоровичъ, единственно ...котораго онъ надѣялся и который одинъ имѣлъ такое вліяніе ...отца, что могъ-бы его остановить, сидѣлъ теперь совсѣмъ не...движно на своемъ стулѣ, опустивъ глаза и, повидимому, съ ...кимъ-то даже любознательнымъ любопытствомъ ожидалъ чѣмъ ...о все кончится, точно самъ онъ былъ совершенно тутъ по...ронній человѣкъ. На Ракитина (семинариста), тоже Алешѣ ...сень знакомаго и почти близкаго, Алеша и взглянуть не могъ: ...ъ зналъ его мысли (хотя зналъ ихъ одинъ Алеша во всемъ ...настырѣ).

— Простите меня... началъ Міусовъ, обращаясь къ старцу,— ...о я, можетъ быть, тоже кажусь вамъ участникомъ въ этой ...достойной шуткѣ. Ошибка моя въ томъ, что я повѣрилъ, что ...же и такой, какъ Ѳедоръ Павловичъ, при посѣщеніи столь ...чтеннаго лица, захочетъ понять свои обязанности... Я не со...разилъ, что придется просить извиненія именно зато, что съ ...мъ входишь...

Петръ Александровичъ не договорилъ и, совсѣмъ сконфу...шись, хотѣлъ было уже выйдти изъ комнаты.

— Не безпокойтесь, прошу васъ, привсталъ вдругъ съ сво

его мѣста на свои хилыя ноги старецъ и, взявъ за обѣ [illegible] Петра Александровича, усадилъ его опять въ кресла. — Будь спокойны, прошу васъ. Я особенно прошу васъ быть моим гостемъ, — и съ поклономъ повернувшись, сѣлъ опять на сво диванчикъ.

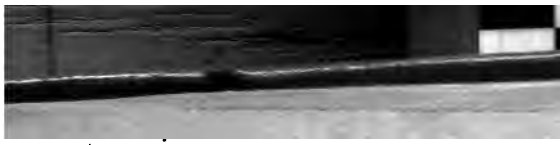
— Великій старецъ, изреките, оскорбляю я васъ моею м востью или нѣтъ? вскричалъ вдругъ Ѳедоръ Павловичъ, сн тившись обѣими руками за ручки креселъ и какъ-бы готов изъ нихъ выпрыгнуть сообразно съ отвѣтомъ.

— Убѣдительно и васъ прошу не безпокоиться и не сн сняться, внушительно проговорилъ ему старецъ...—Не стѣсн тесь, будьте совершенно какъ дома. А главное, не стыдите столь самого себя, ибо отъ сего лишь все и выходитъ.

— Совершенно какъ дома? То есть въ натуральномъ-то ви О, этого много, слишкомъ много, но—съ умиленіемъ приним Знаете, благословенный отецъ, вы меня на натуральный-то ви не вызывайте, не рискуйте... до натуральнаго вида я и самъ дойду. Это я чтобы васъ охранить предупреждаю. Ну-съ, прочее все еще подвержено мраку неизвѣстности, хотя-бы нѣк торые и желали росписать меня. Это я по вашему адресу, Петр Александровичъ, говорю, а вамъ, святѣйшее существо, вотъ что вамъ: восторгъ изливаю! Онъ привсталъ и, поднявъ вверхъ руки произнесъ: «Блаженно чрево носившее тебя и сосцы тебя питав шіе, сосцы особенно!» Вы меня сейчасъ замѣчаніемъ вашимъ: «Н стыдиться столь самого себя, потому что отъ сего лишь все и вы ходитъ»,—вы меня замѣчаніемъ этимъ какъ-бы насквозь прон кнули и внутри прочли. Именно мнѣ все такъ и кажется, когда я къ людямъ вхожу, что я подлѣе всѣхъ и что меня всѣ за шут принимаютъ, такъ вотъ «давай-же и я въ самомъ дѣлѣ сыгра шута, не боюсь вашихъ мнѣній, потому что всѣ вы до единаг подлѣе меня!» Вотъ потому я и шутъ, отъ стыда шутъ, старец великій, отъ стыда. Отъ мнительности одной и буяню. Вѣд если-бъ я только былъ увѣренъ, когда вхожу, что всѣ меня за милѣйшаго и умнѣйшаго человѣка сейчасъ-же примутъ, — Г споди, какой-бы я тогда былъ добрый человѣкъ! Учитель!— повергся онъ вдругъ на колѣни, — что мнѣ дѣлать чтобы на слѣдовать жизнь вѣчную?—Трудно было и теперь рѣшить: шу титъ онъ, или въ самомъ дѣлѣ въ такомъ умиленіи?

Старецъ поднялъ на него глаза и съ улыбкой произнесъ:

— Сами давно знаете, что надо дѣлать, ума въ васъ довольн *не предавайтесь* пьянству и словесному невоздержанію, не пре



[redacted]айтесь сладострастію, а особенно обожанію денегъ. да за-[redacted]ейте ваши питейные дома, если не можете всѣхъ, то хоть два [redacted] три. А главное, самое главное — не лгите.

— То есть это про Дидерота, что-ли?

— Нѣтъ, не то, что про Дидерота. Главное самому себѣ не [redacted]гите. Лгущій самому себѣ и собственную ложь свою слушаю-[redacted] до того доходитъ, что ужь никакой правды ни въ себѣ, [redacted] кругомъ не различаетъ, а, стало быть, входитъ въ неува-[redacted]ніе и къ себѣ, и къ другимъ. Не уважая-же никого, пере-[redacted]стаетъ любить, а чтобы, не имѣя любви, занять себя и раз-[redacted]лечь, предается страстямъ и грубымъ сладостямъ, и доходитъ [redacted]своимъ до скотства въ порокахъ своихъ, а все отъ безпрерыв-[redacted]ой лжи и людямъ, и себѣ самому. Лгущій себѣ самому прежде [redacted]всѣхъ и обидѣться можетъ. Вѣдь обидѣться иногда очень пріятно, [redacted]вѣдь-ли? И вѣдь знаетъ человѣкъ, что никто не обидѣлъ его, [redacted]что онъ самъ себѣ обиду навыдумалъ и налгалъ для красы, [redacted]галъ преувеличилъ, чтобы картину создать, къ слову привязался [redacted]изъ горошинки сдѣлалъ гору, — знаетъ самъ это, а всетаки [redacted]самый первый обижается, обижается до пріятности, до ощущенія [redacted]большаго удовольствія, а тѣмъ самымъ доходитъ и до вражды [redacted]истинной .. Да встаньте-же, сядьте, прошу васъ очень, вѣдь все [redacted]это тоже ложные жесты.

— Блаженный человѣкъ! Дайте ручку поцѣловать, подско-[redacted]чилъ Ѳедоръ Павловичъ и быстро чмокнулъ старца въ худенькую [redacted]его руку. — Именно, именно пріятно обидѣться. Это вы такъ [redacted]хорошо сказали, что я и не слыхалъ еще. Именно, именно я-то [redacted]всю жизнь и обижался до пріятности, для эстетики обижался, [redacted]бо не только пріятно, да и красиво иной разъ обиженнымъ [redacted]быть; — вотъ что вы забыли, великій старецъ: красиво! Это я [redacted]въ книжку запишу! А лгалъ я, лгалъ, рѣшительно всю жизнь [redacted], на всякъ день и часъ. Во истину ложь есмь и отецъ лжи! [redacted]прочемъ, кажется, не отецъ лжи, это я все въ текстахъ сби-[redacted]лся, ну хоть сынъ лжи и того будетъ довольно. Только... [redacted]гелъ вы мой... про Дидерота иногда можно! Дидеротъ не по-[redacted]редитъ, а вотъ иное словцо повредитъ. Старецъ великій, кстати, [redacted]отъ было забылъ, а вѣдь такъ и положилъ еще съ третьяго [redacted]да, здѣсь справиться, именно заѣхать сюда и настоятельно [redacted]узнать и спросить: не прикажите только Петру Александро-[redacted]чу прерывать. Вотъ что спрошу: справедливо-ли, отецъ вели-[redacted]й, то что въ *Четьи-Минеи* повѣствуется гдѣ-то — о какомъ-[redacted]святомъ чудотворцѣ, котораго мучили за вѣру и когда отру-

били ему подъ конецъ голову, то онъ всталъ, поднялъ сво голову, и «любезно ее лобызаше», и долго шелъ неся ее в рукахъ и «любезно ее лобызаше». Справедливо это или нѣт отцы честные?

— Нѣтъ, несправедливо, сказалъ старецъ.

— Ничего подобнаго во всѣхъ *Четьихъ-Минеяхъ* не суще ствуетъ. Про какого это святаго, вы говорите, такъ написан спросилъ іеромонахъ, отецъ библіотекарь.

— Самъ не знаю про какого. Не знаю и не вѣдаю. Введен въ обманъ, говорили. Слышалъ и знаете кто разсказалъ? А во Петръ Александровичъ Міусовъ, вотъ что за Дидерота сейча разсердился, вотъ онъ-то и разсказалъ.

— Никогда я вамъ этого не разсказывалъ, я съ вами и говорю никогда вовсе.

— Правда, вы не мнѣ разсказывали; но вы разсказыва въ компаніи, гдѣ и я находился, четвертаго года это дѣло бы Я потому и упомянулъ, что разсказомъ симъ смѣшливымъ потрясли мою вѣру, Петръ Александровичъ. Вы не знали семъ, не вѣдали, а я воротился домой съ потрясенною вѣрой съ тѣхъ поръ все болѣе и болѣе сотрясаюсь. Да, Петръ Ал ксандровичъ, вы великаго паденія были причиной. Это ужь Дидеротъ-съ!

Ѳедоръ Павловичъ патетически разгорячился, хотя и совс шенно ясно было уже всѣмъ, что онъ опять представляется. Міусовъ всетаки былъ больно уязвленъ.

— Какой вздоръ, и все это вздоръ, бормоталъ онъ. — дѣйствительно, можетъ быть, говорилъ когда-то... только не вам Мнѣ самому говорили. Я это въ Парижѣ слышалъ, отъ одно француза, что будто-бы у насъ въ *Четьи-Минеи* это за обы ней читаютъ... Это очень ученый человѣкъ, который спеціаль изучалъ статистику Россіи... долго жилъ въ Россіи... Я сам *Четьи-Миней* не читалъ... да и не стану читать... Мало-ли ч болтается за обѣдомъ?.. Мы тогда обѣдали...

— Да, вотъ вы тогда обѣдали, а я вотъ вѣру-то и потерял поддразнивалъ Ѳедоръ Павловичъ.

— Какое мнѣ дѣло до вашей вѣры! крикнулъ было Міусов но вдругъ сдержалъ себя, съ презрѣніемъ проговоривъ: — вы бу вально мараете все, къ чему не прикоснетесь.

Старецъ вдругъ поднялся съ мѣста:

— Простите, господа, что оставляю васъ пока на нѣсколь лишь минутъ, проговорилъ онъ, обращаясь ко всѣмъ посѣти

лямъ,—но меня ждутъ еще раньше вашего [illegible]бывшіе. А всетаки не лгите, прибавилъ онъ, обратившись къ Ѳедору ловичу съ веселымъ лицомъ.

Онъ пошелъ изъ кельи, Алеша и послушникъ бр чтобы свести его съ лѣстницы. Алеша задыхался, онъ ра уйдти, но радъ былъ и тому, что старецъ не обиженъ и . Старецъ направился къ галлерѣе, чтобы благословить о ихъ его. Но Ѳедоръ Павл вичъ всетаки остановилъ ег рахъ кельи:

— Блаженнѣйшій челов ъ! вскричалъ онъ съ чувс позвольте мнѣ еще разъ ва ручку облобызать! Нѣтъ, еще можно говорить, можно жить! Вы думаете что я всегд паяцъ и шутовъ изображаю? Знайте-же, что это я все вре рочно чтобы васъ испробовать такъ представлялся. Это время васъ ощупывалъ можно-ли съ вами жить? Моему-то ненію есть-ли при вашей гордости мѣсто? Листъ вамъ похваль ный выдаю: можно съ вами жить! А теперь молчу, на все время молкаю. Сяду въ кресло и замолчу. Теперь вамъ, Петръ Александровичъ, говорить, вы теперь самый главный человѣкъ оста лись... на десять минутъ.

III.

Вѣрующія бабы.

Внизу у деревянной галлерейки, придѣланной къ наружной стѣнѣ ограды, толпились на этотъ разъ все женщины, бабъ около двадцати. Ихъ увѣдомили, что старецъ, наконецъ, выйдетъ и онѣ собрались въ ожиданіи. Вышли на галлерейку и помѣщицы Хохлаковы, тоже ожидавшія старца, но въ отведенномъ для благородныхъ посѣтительницъ помѣщеніи. Ихъ было двѣ: мать и дочь. Госпожа Хохлакова-мать, дама богатая и всегда со вкусомъ одѣтая, была еще довольно молода и очень миловидная собою особа, немного блѣдная, съ очень оживленными и почти совсѣмъ черными глазами. Ей было не болѣе тридцати [illegible] лѣтъ и она уже лѣтъ пять какъ была вдовой. Четырнадцатилѣтняя дочь ея страдала параличемъ ногъ. Бѣдная дѣвочка [illegible] ходить уже съ полгода и ее возили въ длинномъ покреслѣ на колесахъ. Это было прелестное личико, не [illegible]е отъ болѣзни, но веселое. Что-то шаловл[illegible]

свѣтилось въ ея темныхъ большихъ глазахъ съ длинными рѣ
ницами. Мать еще съ весны собиралась ее везти за границу, н
лѣтомъ опоздали за устройствомъ по имѣнію. Онѣ уже съ недѣ
какъ жили въ нашемъ городѣ, больше по дѣламъ, чѣмъ для б
гомолья, но уже разъ, три дня тому назадъ, посѣщали стар
Теперь онѣ пріѣхали вдругъ опять, хотя и знали, что старц
почти уже не можетъ вовсе никого принимать и, настоятель
умоляя, просили еще разъ «счастья узрѣть великаго исцѣлителя
Въ ожиданіи выхода старца, мамаша сидѣла на стулѣ, подл
креселъ дочери, а въ двухъ шагахъ отъ нея стоялъ старин
монахъ, не изъ здѣшняго монастыря, а захожій изъ одной дал
ней сѣверной малоизвѣстной обители. Онъ тоже желалъ благо
ловиться у старца. Но показавшійся на галлереѣ старецъ вы
шелъ сначала прямо къ народу. Толпа затѣснилась къ крыльц
о трехъ ступенькахъ соединявшему низенькую галлерейку с
полемъ. Старецъ сталъ на верхней ступенькѣ, надѣлъ эпит
хиль и началъ благословлять тѣснившихся къ нему женщин
Притянули къ нему одну кликушу за обѣ руки. Та, едва ли
завидѣла старца, вдругъ начала какъ-то нелѣпо взвизгивая икат
и вся затряслась какъ въ родимцѣ. Наложивъ ей на голов
эпитрахиль, старецъ прочелъ надъ нею краткую молитву и он
тотчасъ затихла и успокоилась. Не знаю какъ теперь, но въ дѣт
ствѣ моемъ мнѣ часто случалось въ деревняхъ и по монасты
рямъ видѣть и слышать этихъ кликушъ. Ихъ приводили к
обѣднѣ, онѣ визжали или лаяли по собачьи на всю церковь, н
когда выносили дары и ихъ подводили къ дарямъ, тотчас
«бѣснованіе» прекращалось и больныя на нѣсколько времен
всегда успокаивались. Меня ребенка очень это поражало и удив
ляло. Но тогда-же я услышалъ отъ иныхъ помѣщиковъ и осо
бенно отъ городскихъ учителей моихъ, на мои разспросы, чт
это все притворство, чтобы не работать и что это всегда можн
искоренить надлежащею строгостью, причемъ приводились дл
подтвержденіе разные анекдоты. Но впослѣдствіи я съ удивле
ніемъ узналъ отъ спеціалистовъ-медиковъ, что тутъ никакого
нѣтъ притворства, что это страшная женская болѣзнь, и, ка
жется, по преимуществу у насъ на Руси, свидѣтельствующая о
тяжелой судьбѣ нашей сельской женщины, болѣзнь, происходя
щая отъ изнурительныхъ работъ слишкомъ вскорѣ послѣ тяж
лыхъ, неправильныхъ, безо всякой медицинской помощи родов
кромѣ того отъ безвыходнаго горя, отъ побоевъ и проч., что
иныя женскія натуры выносить по общему примѣру всетаки не

ранное-же и мгновенное исцѣленіе бѣ
женщины, только лишь бывало ее подв
ое объясняли мнѣ притворствомъ и све
граиваемымъ чуть-ли не самими «клери
ѣроятно тоже самымъ натуральнымъ обр
е къ дарамъ бабы, а главное и сама бо
какъ установившейся истинѣ, что не
больною, никогда не можетъ выно
едя къ дарамъ, наклонятъ предъ ни
исходило (и должно было происходить,
оже психически больной женщинѣ непре
еніе всего организма ея въ моментъ
ми, сотрясеніе, вызванное ожиданіемъ не
енія и самою полною вѣрой въ то, что он
оно совершалось хотя-бы только на одну ми
ке оно и теперь совершилось, едва лишь старецъ на
ьную эпитрахилью.

изъ тѣснившихся къ нему женщинъ заливались сле
енія и восторга, вызваннаго эффектомъ минуты; дру
ь облобызать хоть край одежды его, иныя что-то при
ъ благословлялъ всѣхъ, а съ иными разговаривалъ.
онъ уже зналъ, ее привели не издалека, изъ деревни
тъ за шесть отъ монастыря, да и прежде ее водили

зотъ далекая! указалъ онъ на одну еще вовсе не ста
ину, но очень худую и испитую, не то что загорѣв
къ-бы всю почернѣвшую лицомъ. Она стояла на ко
неподвижнымъ взглядомъ смотрѣла на старца. Во
было что-то какъ-бы изступленное.
алека, батюшка, издалека, отселева триста верстъ.
отецъ, издалека, проговорила женщина нараспѣвъ,
качивая плавно изъ стороны въ сторону головой и
щеку ладонью. Говорила она какъ-бы причитывая.
ародѣ горе молчаливое и многотерпѣливое; оно ухо
ебя и молчитъ. Но есть горе и надорванное: оно
разъ слезами и съ той минуты уходитъ въ причиты
особенно у женщинъ. Но не легче оно молчаливаго
читанія утоляютъ тутъ лишь тѣмъ, что еще болѣе
отъ и надрываютъ сердце. Такое горе и утѣшенія не
увствомъ своей неутолимости питается. Причитанія
ебность раздражать безпрерывно рану.

— [illegible]инству надоть быть? продолжалъ, любопытн
нее в[illegible], старецъ.

— Городскіе мы, отецъ, городскіе, по крестьянству м
городскіе, въ городу проживаемъ. Тебя повидать, отецъ,
была. Слышали о тебѣ, батюшка, слышали. Сыночка мла
чика схоронила, пошла молить Бога. Въ трехъ монастыряхъ
бывала, да указали мнѣ: «Зайди, Настасьюшка, и сюда,
вамъ то есть, голубчикъ, къ вамъ». Пришла, вчера у сто
была, а сегодня и къ вамъ.

— О чемъ плачешь-то?

— Сыночка жаль, батюшка, трехлѣточекъ былъ, безъ т
только мѣсяцевъ и три-бы годика ему. По сыночку муч
отецъ, по сыночку. Послѣдній сыночекъ оставался, чет
было у насъ съ Никитушкой, да не стоятъ у насъ дѣту
не стоятъ, желанный, не стоятъ. Трехъ первыхъ схорони
не жалѣла я ихъ очень-то, а этого послѣдняго схоронила и
быть его не могу. Вотъ точно онъ тутъ предо мной стоитъ
отходитъ. Душу мнѣ изсушилъ. Посмотрю на его бѣльиш
на рубашоночку аль на сапожки и взвою. Разложу что п
него осталось, всякую вещь его, смотрю и вою. Говорю Н
тушкѣ, мужу-то моему: отпусти ты меня, хозяинъ, на богом
сходить. Извощикъ онъ, не бѣдные мы, отецъ, не бѣдные,
отъ себя извозъ ведемъ, все свое содержимъ, и лошадок
экипажъ. Да на что теперь намъ добро? Зашибаться онъ с
безъ меня Никитушка-то мой, это навѣрно, что такъ,
прежде того: чуть я отвернусь, а ужь онъ и ослабѣетъ. А
перь и о немъ не думаю. Вотъ ужь третій мѣсяцъ изъ д
Забыла я, обо всемъ забыла и помнить не хочу; а и что
нимъ теперь буду? Кончила я съ нимъ, кончила, со всѣми
кончила. И не глядѣла-бы я теперь на свой домъ и на свое
бро и не видала-бъ я ничего вовсе!

— Вотъ что, мать, проговорилъ старецъ, — однажды дре
великій святой увидѣлъ во храмѣ такую-же какъ ты плачу
мать и тоже по младенцѣ своемъ, по единственномъ, кото
тоже призвалъ Господь. «Или не знаешь ты, сказалъ ей св
сколь сіи младенцы предъ престоломъ Божіимъ дерзновен
Даже и нѣтъ никого дерзновеннѣе ихъ въ Царствіи Небесн
Ты, Господи, даровалъ намъ жизнь, говорятъ они Бог
только лишь мы узрѣли ее, какъ Ты ее у насъ и взялъ на
И столь дерзновенно просятъ и упрашиваютъ, что Гос
даетъ имъ немедленно ангельскій чинъ. А посему, молвилъ

й, и ты радуйся, жено, а не плачь, и твой мл енецъ те
Господа въ сонмѣ ангеловъ его пребываетъ». ъ что ска-
лъ святой плачущей женѣ въ древнія времена. ылъ-же онъ
еликій святой и неправды ей повѣдать не могъ. сему ан
ы, мать, что и твой младенецъ навѣрно теперь пре
редъ Престоломъ Господнимъ, и радуется и веселится, и о
бѣ Бога молитъ. А потому и ты не плачь, но радуйся
Женщина слушала его, по[illegible]рая рукой щеку и пот
ка глубоко вздохнула.
— Тѣмъ самымъ и Ни[illegible]итушка меня утѣшалъ,
ово какъ ты говорилъ: «Н[illegible]разумная ты, говоритъ, ч
ешь, сыночекъ нашъ навѣр[illegible] теперь у Господа Бога
ъ ангелами воспѣваетъ». Го[illegible]гъ онъ это мнѣ, а и самъ
етъ, вижу я, какъ и я-же, плачетъ. Знаю я, говорю, Ни-
тушка, гдѣ-жь ему и быть коль не у Господа Бога, то
дѣсь-то, съ нами-то его теперь, Никитушка, нѣтъ, подлѣ-то,
тъ какъ прежде сидѣлъ! И хотя-бы я только взглянула на
его лишь разочекъ, только одинъ разочекъ на него мнѣ-бы
лять поглядѣть и не подошла-бы къ нему, не промолвила, въ
ту-бы притаилась, только-бы минуточку едину повидать, по-
лыхать его, какъ онъ играетъ на дворѣ, придетъ, бывало,
икнетъ своимъ голосочкомъ: «Мамка, гдѣ ты?» Только-бъ
лыхать-то мнѣ какъ онъ по комнатѣ своими ножками прой-
тъ разикъ, всего-бы только разикъ, ножками-то своими тукъ-
укъ, да такъ часто, часто, помню какъ, бывало, бѣжитъ ко
мнѣ, кричитъ да смѣется, только-бъ я его ножки-то услышала,
слышала-бы, признала! Да нѣтъ его, батюшка, нѣтъ, и не
лышу его никогда! Вотъ его поясочекъ, а его-то и нѣтъ и
икогда-то мнѣ теперь не увидать, не слыхать его!..
Она вынула изъ за-пазухи маленькій позументный поясочекъ
воего мальчика и только лишь взглянула на него, такъ и за-
лялась отъ рыданій, закрывъ пальцами глаза свои, сквозь ко-
орые потекли, вдругъ брызнувшія ручьемъ слезы.
— А это, проговорилъ старецъ,—это древняя «Рахиль пла-
четъ о дѣтяхъ своихъ и не можетъ утѣшиться потому что ихъ
нѣтъ», и таковой вамъ, матерямъ, предѣлъ на землѣ положенъ.
не утѣшайся, и не надо тебѣ утѣшаться, не утѣшайся и
олько каждыйразъ когда плачешь вспоминай неуклонно,
чекъ твой — есть единый отъ ангеловъ Божіихъ, от-
ебя смотритъ и видитъ тебя и на твои слезы ра-
ихъ Господу Богу указываетъ. И надолго еще

тебѣ сего великаго материнскаго плача будетъ, но обрати
онъ подъ конецъ тебѣ въ тихую радость и будутъ горь
слезы твои лишь слезами тихаго умиленія и сердечнаго очи
нія отъ грѣховъ спасающаго. А младенчика твоего помяну
упокой, какъ звали-то?

— Алексѣемъ, батюшка.

— Имя-то милое. На Алексѣя Человѣка Божія?

— Божія, батюшка, Божія, Алексѣя Человѣка Божія!

— Святой-то какой! Помяну, мать, помяну и печаль твою
молитвѣ вспомяну и супруга твоего за здравіе помяну. Только
тебѣ грѣхъ оставлять. Ступай къ мужу и береги его. Увиди
оттуда твой мальчикъ, что бросила ты его отца и заплачетъ
васъ: зачѣмъ-же ты блаженство-то его нарушаешь? Вѣдь жи
онъ, живъ, ибо жива душа во вѣки, и нѣтъ его въ домѣ, а
невидимо подлѣ васъ. Какъ-же онъ въ домъ придетъ коль ты
воришь, что возненавидѣла домъ свой? Къ кому-жь онъ прид
коль васъ вмѣстѣ, отца съ матерью, не найдетъ? Вотъ онъ сни
теперь тебѣ и ты мучаешься, а тогда онъ тебѣ кроткіе сны
шлетъ. Ступай къ мужу, мать, сего-же дня ступай.

— Пойду, родной, по твоему слову пойду. Сердце ты мое
зобралъ. Никитушка ты мой, Никитушка, ждешь ты меня, гол
чикъ, ждешь, начала было причитывать баба, но старецъ
обратился къ одной старенькой старушонкѣ, одѣтой не по стр
нически, а по городски. По глазамъ ея видно было, что у
какое-то дѣло и что пришла она нѣчто сообщить. Назвалась
унтеръ-офицерскою вдовой, не издалека, всего изъ нашего-же
рода. Сыночекъ у ней, Васинька, гдѣ-то въ коммиссаріатѣ с
жилъ, да въ Сибирь поѣхалъ, въ Иркутскъ. Два раза оттуда
салъ, а тутъ вотъ уже годъ писать пересталъ. Справлялась он
немъ, да по правдѣ не знаетъ гдѣ и справиться-то.

— Только и говоритъ мнѣ намедни Степанида Ильинишна
дрягина, купчиха она, богатая; возьми ты, говоритъ, Прохоров
и запиши ты, говоритъ, сыночка своего въ поминанье, снеси
церковь, да и помяни за упокой. Душа-то его, говоритъ, за
скуетъ, онъ и напишетъ письмо. И это говоритъ Степанида Ил
нишна, какъ есть вѣрно, многократно испытано. Да только и
млѣваюсь... Свѣтъ ты нашъ, правда оно аль неправда и хоро
ли такъ будетъ?

— И не думай о семъ. Стыдно это и спрашивать. Да и ни
это возможно, чтобы живую душу, да еще родная мать за упо
поминала! Это великій грѣхъ, колдовству подобно, только по

знанію твоему лишь прощается. А ты лучше по[illegible] ли Цариц[illegible] бесную, скорую заступницу и помощницу о здоров[illegible] его, да что[illegible] и тебя простила за неправильное размышленіе тв[illegible]. И вотъ что и тебѣ еще скажу, Прохоровна: или самъ онъ [illegible] в[illegible] обратно прибудетъ, сынокъ твой, или навѣрно п[illegible] Такъ ты и знай. Ступай и отселѣ покойна будь. [illegible]нокъ, говорю тебѣ.

— Милый ты нашъ, награди тебя Богъ, бла[illegible] нашъ, молебникъ ты за вс[illegible] за грѣхи на[illegible]

А старецъ уже замѣтил[illegible] два горящіе, с[illegible] къ нему взгляда изнуренной [illegible] чахоточной, хот[illegible] еще крестьянки. Она глядѣл[illegible] глаза просили о чем[illegible] она какъ-бы боялась прибл[illegible]

— Ты съ чѣмъ, роднен[illegible]

— Разрѣши мою душу, [illegible]имый, тихо и не спѣша п[illegible] [illegible]ла она, стала на колѣни и поклонилась ему въ ноги.

— Согрѣшила, отецъ родной, грѣха моего боюсь.

Старецъ сѣлъ на нижнюю ступеньку, женщина приблизилась къ нему, не вставая съ колѣнъ.

— Вдовѣю я, третій годъ, начала она полушепотомъ; сама какъ-бы вздрагивая.—Тяжело было замужемъ-то, старый былъ онъ, больно избилъ меня. Лежалъ онъ больной; думаю я, гляжу на него, а коль выздоровѣетъ, опять встанетъ, что тогда? И вошла ко мнѣ тогда эта самая мысль!..

— Постой, сказалъ старецъ и приблизилъ ухо свое прямо къ ея губамъ. Женщина стала продолжать тихимъ шепотомъ, такъ что ничего почти нельзя было уловить. Она кончила скоро.

— Третій годъ? спросилъ старецъ.

— Третій годъ. Сперва не думала, а теперь хворать начала, тоска пристала.

— Издалека?

— За пятьсотъ верстъ отселева.

— На исповѣди говорила?

— Говорила, по два раза говорила.

— Допустили къ причастію-то?

— Допустили. Боюсь; помирать боюсь.

— Ничего не бойся, и никогда не бойся, и не тоскуй. Только-[illegible]яніе не оскудѣвало въ тебѣ—и все Богъ проститъ. Да и [illegible]кого нѣтъ и не можетъ быть на всей землѣ, какого-бы не [illegible] Господь во истину кающемуся. Да и совершить не мо-[illegible]сѣмъ такого грѣха великаго человѣкъ, который-бы исто-

шилъ безконечную Божью любовь. Али можетъ быть такой
чтобы превысилъ Божью любовь? О покаяніи лишь заботы
престанномъ, а боязнь отгони вовсе. Вѣруй, что Богъ те
битъ такъ, какъ ты и не помышляешь о томъ, хотя-бы с
хомъ твоимъ и во грѣхѣ твоемъ любитъ. А объ одномъ ка
больше радости въ небѣ чѣмъ о десяти праведныхъ, с
давно. Иди-же и не бойся. На людей не огорчайся, за об
сердись. Покойнику въ сердцѣ все прости чѣмъ тебя оско
примирись съ нимъ во истину. Коли каешься, такъ и ли
А будешь любить, то ты уже Божья... Любовью все поку
все спасается. Ужь коли я, такой-же какъ и ты человѣкъ
ный, надъ тобой умилился и пожалѣлъ тебя, кольми паче
Любовь такое безцѣнное сокровище, что на нее весь міръ
можешь, и не только свои, но и чужіе грѣхи еще выку
Ступай и не бойся.

Онъ перекрестилъ ее три раза, снялъ съ своей шеи и
на нее образокъ. Она молча поклонилась ему до земли. Он
всталъ и весело поглядѣлъ на одну здоровую бабу съ гру
ребеночкомъ на рукахъ.

— Изъ Вышегорья, милый.

— Шесть верстъ однако отсюда, съ ребеночкомъ то
Чего тебѣ?

— На тебя глянуть пришла. Я вѣдь у тебя бывала,
былъ? Не велика-же въ тебѣ память, коли ужь меня забыл
зали у насъ, что ты хворый, думаю, что-жь, я пойду е
повидаю: вотъ и вижу тебя, да какой-же ты хворый? Еще
цать лѣтъ проживешь, право, Богъ съ тобою! Да и мало
тебя молебщиковъ, тебѣ-ль хворать?

— Спасибо тебѣ за все, милая.

— Кстати будетъ просьбица моя не великая: вотъ
шестьдесятъ копѣекъ, отдай ты ихъ, милый, такой какая
бѣднѣй. Пошла я сюда, да и думаю: лучше ужь чрезъ не
дамъ, ужь онъ знаетъ которой отдать.

— Спасибо, милая, спасибо, добрая. Люблю тебя.
мѣнно исполню. Дѣвочка на рукахъ-то?

— Дѣвочка, свѣтъ, Лизавета.

— Благослови Господь васъ обѣихъ, и тебя, и мл
Лизавету. Развеселила ты мое сердце, мать. Прощайте,
прощайте, дорогія, любезныя!

Онъ всѣхъ благословилъ и глубоко всѣмъ поклонился

IV.

Маловѣрная дама

Пріѣзжая дама помѣщица, взирая на всю сцену, зл
тонародьемъ и благословенія его, проливала ти
ала ихъ платочкомъ. Это была чувствительная с
, наклонностями во многомъ искренно добрыми.
, подошелъ, наконецъ, и къ ней, она вст
женно:
— Я столько, столько вы сла, смотря на всю эту
ную сцену... не договори она отъ волненія. — О,
ю, что васъ любитъ народъ, я сама люблю народъ, я
его любить, да и какъ не любить народъ, нашъ прек
, простодушный въ своемъ величіи русскій народъ!
— Какъ здоровье вашей дочери? Вы опять пожелали со
о бесѣдовать?
— О, я настоятельно просила, я умоляла, я готова была на
ни стать и стоять на колѣняхъ хоть три дня предъ ва
и окнами, пока-бы вы меня впустили. Мы пріѣхали къ
, великій исцѣлитель, чтобы высказать всю нашу востор
лую благодарность. Вѣдь вы Лизу мою исцѣлили, исцѣлили
ршенно, а чѣмъ — тѣмъ что въ четвергъ помолились надъ
возложили на нее ваши руки. Мы облобызать эти руки
ли, излить наши чувства и наше благоговѣніе!
— Какъ такъ исцѣлилъ? Вѣдь она все еще въ креслѣ лежитъ?
— Но ночныя лихорадки совершенно исчезли, вотъ уже
сутокъ, съ самаго четверга, нервно заспѣшила дама. —
того: у ней ноги окрѣпли. Сегодня утромъ она встала
мая, она спала всю ночь, посмотрите на ея румянецъ, на
вѣтящіеся глазки. То все плакала, а теперь смѣется, ве
радостна. Сегодня непремѣнно требовала, чтобъ ее поста
на ноги постоять и она цѣлую минуту простояла сама,
всякой поддержки. Она бьется со мной объ закладъ, что
въ двѣ недѣли будетъ кадриль танцовать. Я призывала
наго доктора Герценштубе; онъ пожимаетъ плечами и го
ть: дивлюсь, недоумѣваю. И вы хотите, чтобы мы не без
ли васъ, могли не летѣть сюда, не благодарить? Lise, бла
и-же, благодари!
Іленькое, смѣющееся личико Lise, сдѣлалось было вдругъ

серьезнымъ, она приподнялась въ креслахъ сначала мягк
смотря на старца, сложила предъ нимъ свои ручки, но не
терпѣла и вдругъ разсмѣялась.

— Это я на него, на него! указала она на Алешу, съ
ской досадой на себя за то, что не вытерпѣла и разсмѣял
Кто-бы посмотрѣлъ на Алешу, стоявшаго на шагъ назади ст
тотъ замѣтилъ-бы въ его лицѣ быструю краску, въ одинъ м
заливпую его щеки. Глаза его сверкнули и потупились.

— У ней къ вамъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, порученіе... К
ваше здоровье, продолжала маменька, обращаясь вдругъ къ А
шѣ и протягивая къ нему свою прелестно гантированную ру
Старецъ оглянулся и вдругъ внимательно посмотрѣлъ на Ал
Тотъ приблизился къ Лизѣ и какъ-то странно и неловко у
хаясь протянулъ и ей руку. Lise сдѣлала важную физіоно

— Катерина Ивановна присылаетъ вамъ чрезъ меня
это, подала она ему маленькое письмецо. — Она особенно
ситъ, чтобы вы зашли къ ней, да поскорѣй, поскорѣй, и чт
не обманывать, а непремѣнно придти.

— Она меня проситъ зайдти? Къ ней, меня... Зачѣмъ
съ глубокимъ удивленіемъ пробормоталъ Алеша. Лицо его вд
стало совсѣмъ озабоченное.

— О, это все по поводу Дмитрія Ѳедоровича и... всѣхъ эт
послѣднихъ происшествій, бѣгло пояснила маменька. — Като
Ивановна остановилась теперь на одномъ рѣшеніи... но для э
ей непремѣнно надо васъ видѣть... зачѣмъ? Конечно, не зн
но она просила какъ можно скорѣй. И вы это сдѣлаете,
вѣрно сдѣлаете, тутъ даже христіанское чувство велитъ.

Я видѣлъ ее всего только одинъ разъ, продолжалъ
въ томъ же недоумѣніи Алеша.

— О, это такое высокое, такое недостижимое сущест
Ужь по однимъ страданіямъ своимъ... Сообразите, что она
несла, что она теперь выноситъ, сообразите, что ее ожида
все это ужасно, ужасно!

— Хорошо, я приду, рѣшилъ Алеша, пробѣжавъ коро
кую и загадочную записочку, въ которой, кромѣ убѣдител
просьбы придти, не было никакихъ поясненій.

— Ахъ, какъ это съ вашей стороны мило и великод
будетъ, вдругъ вся одушевясь вскричала Lise—А я вѣдь
говорю: ни за что онъ не пойдетъ, онъ спасается. Экой,
вы прекрасный! Вѣдь я всегда думала, что вы прекрасный,
что мнѣ пріятно вамъ теперь сказать!

— Lise! внушительно проговорила мамаша, впрочемъ, то-
съ-же улыбнулась.

— Вы и насъ забыли, Алексѣй Ѳедоровичъ, вы совсѣмъ не
тите бывать у насъ; а между тѣмъ Lise мнѣ два раза гово-
ла, что только съ вами ей хорошо. Алеша поднялъ по-
ленные глаза, опять вдругъ покраснѣлъ и опять вдру
зная чему, усмѣхнулся. Впрочемъ, старецъ уже не
лъ его. Онъ вступилъ въ разговоръ съ захожимъ мо
видавшимъ, какъ мы уже ли, подлѣ креселъ
хода. Это былъ, повидимо , изъ самыхъ простыхъ м
есть изъ простаго званія ъ коротенькимъ, нерушимы
воззрѣніемъ, но вѣрующій и въ своемъ родѣ упорный.
явилъ себя откуда-то съ альняго сѣвера, изъ Обдорска,
таго Сильвестра, изъ од ого бѣднаго монастыря всего
ять монаховъ. Старецъ благословилъ его и пригласилъ зайд
нему въ келью, когда ему будетъ угодно.

— Какъ-же вы дерзаете дѣлать такія дѣла? спросилъ вдругъ
онахъ, внушительно и торжественно указывая на Lise. Онъ на-
залъ на ея «исцѣленіе».

— Объ этомъ, конечно, говорить еще рано. Облегченіе не
ть еще полное исцѣленіе и могло произойдти и отъ другихъ
ричинъ. Но если что и было, то ничьею силой, кромѣ какъ
жіимъ изволеніемъ. Все отъ Бога. Посѣтите меня, отецъ, при-
вилъ онъ монаху, — а то не во всякое время могу; хвораю и
аю, что дни мои сочтены.

— О, нѣтъ, нѣтъ, Богъ васъ у насъ не отниметъ, вы прожи-
ете еще долго, долго, вскричала мамаша. — Да и чѣмъ вы боль-
ы? Вы смотрите такимъ здоровымъ, веселымъ, счастливымъ.

— Мнѣ сегодня необыкновенно легче, но я уже знаю, что это
ого лишь минута. Я мою болѣзнь теперь безошибочно понимаю.
Коли-же я вамъ кажусь столь веселымъ, то ничѣмъ и никогда
не могли вы меня столь обрадовать, какъ сдѣлавъ такое замѣ-
ніе. Ибо для счастія созданы люди, и кто вполнѣ счастливъ,
тъ прямо удостоенъ сказать себѣ: «Я выполнилъ завѣтъ Бо-
ии на сей землѣ». Всѣ праведные, всѣ святые, всѣ святые му-
ники были всѣ счастливы.

— О, какъ вы говорите, какія смѣлыя и высшія слова,
а мамаша. — Вы скажете и какъ будто пронзите. А
мъ счастіе, счастіе — гдѣ оно? Кто можетъ сказать про
онъ счастливъ? О, если ужь вы были такъ добры,
тили насъ сегодня еще разъ васъ видѣть, то выслу-

шайте все, что я вамъ прошлый разъ не договорила, не смѣла сказать, все чѣмъ я такъ страдаю, и такъ давно, да Я страдаю, простите меня, я страдаю... И она въ какомъ горячемъ порывистомъ чувствѣ сложила предъ нимъ руки.

— Чѣмъ-же особенно?

— Я страдаю... невѣріемъ...

— Въ Бога невѣріемъ?

— О, нѣтъ нѣтъ, я не смѣю и подумать объ этомъ: будущая жизнь — это такая загадка! И никто-то, вѣдь ни на нее не отвѣчаетъ! Послушайте, вы цѣлитель, вы знаг души человѣческой; я, конечно, не смѣю претендовать на чтобы вы мнѣ совершенно вѣрили, но увѣряю васъ самымъ ликимъ словомъ, что я не изъ легкомыслія теперь говорю, мысль эта о будущей загробной жизни до страданія волну меня, до ужаса и испуга... И я не знаю къ кому обратит я не смѣла всю жизнь... И вотъ, я теперь осмѣливаюсь о титься къ вамъ... О, Боже, за какую вы меня теперь сочтете! всплеснула руками.

— Не безпокойтесь о моемъ мнѣніи, отвѣтилъ старецъ. - вполнѣ вѣрую въ искренность вашей тоски.

— О, какъ я вамъ благодарна! Видите: я зыкрываю гла думаю: Если всѣ вѣруютъ, то откуда взялось это? А тутъ ряютъ, что все это взялось сначала отъ страха предъ грозн явленіями природы, и что всего этого нѣтъ. Ну что, думаю, я жизнь вѣрила — умру и вдругъ ничего нѣтъ, и только «выросс лопухъ на могилѣ», какъ прочитала я у одного писателя. ужасно! Чѣмъ, чѣмъ возвратить вѣру? Впрочемъ, я вѣрила к когда была маленькимъ ребенкомъ, механически, ни о чемъ думая... Чѣмъ-же, чѣмъ это доказать, я теперь пришла по гнуться предъ вами и просить васъ объ этомъ.. Вѣдь есл упущу и теперешній случай — то мнѣ во всю жизнь никто не отвѣтитъ. Чѣмъ-же доказать, чѣмъ убѣдиться? О, мнѣ несча Я стою и кругомъ вижу, что всѣмъ все равно, почти всѣмъ, н объ этомъ теперь не заботится, а я одна только переносить э не могу. Это убійственно, убійственно!

— Безъ сомнѣнія, убійственно! Но доказать тутъ не ничего, убѣдиться-же возможно.

— Какъ? Чѣмъ?

— Опытомъ дѣятельной любви. Постарайтесь любить ваш ближнихъ дѣятельно и неустанно. По мѣрѣ того, какъ будете успѣвать въ любви, будете убѣждаться и въ бытіи Бога, и

...смертія души вашей. Если-же дойдете до полнаго самоотвер-...нія въ любви къ ближнему, тогда ужь несомнѣнно увѣруете ...никакое сомнѣніе даже и не возможетъ зайдти въ вашу душу. ...то испытано, это точно.

— Дѣятельной любви? Вотъ и опять вопросъ и такой во-...осъ, такой вопросъ! Видите: я такъ люблю человѣчество, что, ...рите-ли, мечтаю иногда бросить все, все что имѣю, оставить ...е и идти въ сестры милосердія. Я закрываю глаза, думаю и ...таю, и въ эти минуты я чувствую въ себѣ непреодолимую ...лу. Никакія раны, никакія гнойныя язвы не могли-бы меня ...угать. Я-бы перевязывала и обмывала собственными руками, ...была-бы сидѣлкой у этихъ страдальцевъ, я готова цѣловать ...и язвы.

— И то ужь много и хорошо, что умъ вашъ мечтаетъ объ ...мъ, а не о чемъ иномъ. Нѣтъ, нѣтъ, да невзначай и въ са-...мъ дѣлѣ сдѣлаете какое-нибудь доброе дѣло.

— Да, но долго-ли-бы я могла выжить въ такой жизни? горячо ...почти какъ-бы изступленно продолжала дама.—Вотъ главнѣй-...й вопросъ. Это самый мой мучительный изъ вопросовъ. Я за-...ываю глаза и спрашиваю сама себя: долго-ли-бы ты выдер-...ала на этомъ пути? И если больной, язвы котораго ты обмы-...ешь, не отвѣтитъ тебѣ тотчасъ-же благодарностью, а, напро-...въ, станетъ тебя-же мучить капризами, не цѣня и не замѣчая ...его человѣколюбиваго служенія, станетъ кричать на тебя, ...убо требовать, даже жаловаться какому-нибудь начальству ...къ и часто случается съ очень страдающими)—что тогда? Про-...ится твоя любовь или нѣтъ? И вотъ — представьте, я съ ...роганіемъ это уже рѣшила: если есть что нибудь, что могло-...расходовать мою «дѣятельную» любовь къ человѣчеству тот-...ъ-же, то это единственно неблагодарность. Однимъ словомъ, ...работница за плату, я требую тотчасъ-же платы, то есть по-...ы себѣ и платы за любовь любовью. Иначе я никого не ...собна любить!

Она была въ припадкѣ самаго искренняго самобичеванія и, ...чивъ, съ вызывающею рѣшимостью поглядѣла на старца.

— Это точь въ точь какъ разсказывалъ мнѣ, давно уже, впро-...ъ, одинъ докторъ, замѣтилъ старецъ.—Человѣкъ былъ уже ...лой и безспорно умный. Онъ говорилъ также откровенно, ...ы, хотя и шутя, но скорбно шутя; я, говоритъ, люблю ...вечество, но дивлюсь на себя самого: чѣмъ больше я люблю ...вечество вообще, тѣмъ меньше я люблю людей въ частно

сти, то ес рознь, какъ отдѣльныхъ лицъ. Въ мечтахъ я
рѣдко, говорилъ, доходилъ до странныхъ помысловъ о слу
ніи человѣчеству и, можетъ быть, дѣйствительно пошелъ-бы
крестъ за людей, еслибы это вдругъ какъ нибудь потребо
лось, а между тѣмъ я двухъ дней не въ состояніи прожить
съ кѣмъ въ одной комнатѣ, о чемъ знаю изъ опыта. Чуть
близко отъ меня, и вотъ ужь его личность давитъ мое самолю
и стѣсняетъ мою свободу. Въ однѣ сутки я могу даже лучш
человѣка возненавидѣть: одного зато, что онъ долго ѣстъ
обѣдомъ, другаго зато, что у него насморкъ и онъ безпрерыв
сморкается. Я, говоритъ, становлюсь врагомъ людей чуть-ч
лишь тѣ ко мнѣ прикоснутся. За то всегда такъ происходи
что чѣмъ болѣе я ненавидѣлъ людей въ частности, тѣмъ п
меннѣе становилась любовь моя къ человѣчеству вообще.

— Но что-же дѣлать? Что-же въ такомъ случаѣ дѣла
Тутъ надо въ отчаяніе придти?

— Нѣтъ, ибо и того довольно, что вы о семъ сокрушает
Сдѣлайте, что можете и сочтется вамъ. У васъ-же много у
сдѣлано, ибо вы могли столь глубоко и искренно сознать с
сами! Если-же и вы со мной теперь говорили столь искре
для того, чтобы какъ теперь отъ меня лишь похвалу получ
за вашу правдивость, то, конечно, ни до чего не дойдете
подвигахъ дѣятельной любви, такъ все и останется лишь
мечтахъ вашихъ, и вся жизнь мелькнетъ какъ призракъ. Ту
понятно, и о будущей жизни забудете, и сами собой подъ
нецъ какъ нибудь успокоитесь.

— Вы меня раздавили! Я теперь только, вотъ въ это мг
веніе, какъ вы говорили, поняла, что я дѣйствительно жд
только вашей похвалы моей искренности, когда вамъ разска
вала о томъ, что не выдержу неблагодарности. Вы мнѣ п
сказали меня, вы уловили меня и мнѣ-же объяснили меня!

— Взаправду вы говорите? Ну, теперь послѣ такого ваш
признанія я вѣрую, что вы искренни и сердцемъ добры. Е
не дойдете до счастія, то всегда помните, что вы на хоро
дорогѣ и постарайтесь съ нея не сходить. Главное, убѣга
лжи, всякой лжи, лжи себѣ самой въ особенности. Наблюда
свою ложь и вглядывайтесь въ нее каждый часъ, каждую
нуту. Брезгливости убѣгайте тоже и къ другимъ и къ себѣ:
что вамъ кажется внутри себя сквернымъ, уже однимъ
что вы это замѣтили въ себѣ, очищается. Страха тоже уб
хотя страхъ есть лишь послѣдствіе всякой лжи. Не пуг

когда собственнаго вашего малодушія въ достиже ін любви, да рныхъ при этомъ поступковъ вашихъ не пу айтесь очень. алѣю, что не могу сказать вамъ ничего отради ибо любовь ятельная сравнительно съ мечтательною есть дѣло жестокое и трашающее. Любовь мечтательная жаждетъ подвига ск стро удовлетворимаго и чтобы всѣ на него глядѣли. йствительно доходитъ до того, что даже и жизнь отда лько-бы не продлилось долго, а поскорѣй совершилос на сценѣ, и чтобы всѣ глядѣли и хвалили. Любовь- льная—это работа и выдер жка, а для иныхъ такъ, і лая наука. Но предрекаю, что въ ту даже самую м гда вы будете съ ужасомъ смотрѣть на то, что не смог всѣ ваши усилія вы не тол ко не подвинулись къ цѣ. же какъ-бы отъ нея удал сь,—въ ту самую минуту, к екаю вамъ это, вы вдругъ и достигнете цѣли и узрите адъ собою чудодѣйственную силу Господа, васъ все время лю бившаго и все время таинственно руководившаго. Простите, что пробыть не могу съ вами долѣе, ждутъ меня. До свиданія.

Дама плакала.

— Lise, Lise, благословите-же ее, благословите! вдругъ вспорхнулась она вся.

— А ее и любить не стоитъ. Я видѣлъ какъ она все время шалила, шутливо произнесъ старецъ. — Вы зачѣмъ все время смѣялись надъ Алексѣемъ?

А Lise и вправду все время занималась этою продѣлкой. Она давно уже, еще съ прошлаго раза, замѣтила, что Алеша ся конфузится и старается не смотрѣть на нее, и вотъ это ее ужасно стало забавлять. Она пристально ждала и ловила его взглядъ: не выдерживая упорно направленнаго на него взгляда, Алеша нѣтъ-нѣтъ и вдругъ невольно, непреодолимою силой, взглядывалъ на нее самъ, и тотчасъ-же она усмѣхалась торжествующею улыбкой прямо ему въ глаза. Алеша конфузился и досадовалъ еще болѣе. Наконецъ, совсѣмъ отъ нея отвернулся и спрятался за спину старца. Послѣ нѣсколькихъ минутъ онъ опять, влекомый тою-же непреодолимою силой, повернулся посмотрѣть, глядятъ-ли на него или нѣтъ, и увидѣлъ, что Lise, совсѣмъ почти свѣсившись изъ креселъ, выглядывала сбоку и ждала изо всѣхъ силъ, когда онъ поглядитъ; -же его взглядъ, расхохоталась такъ, что даже и ста- ыдержалъ:

ѣмъ его, шалунья, такъ стыдите?

Lise [illegible], совсѣмъ неожиданно, покраснѣла, сверкн
глазками, лицо ея стало ужасно серьезнымъ и она съ горяч
негодующею жалобой вдругъ заговорила скоро, нервно:

— А онъ зачѣмъ все забылъ? Онъ меня маленькую на
кахъ носилъ, мы играли съ нимъ. Вѣдь онъ меня читать
дилъ учить, вы это знаете? Онъ, два года назадъ, прощая
говорилъ, что никогда не забудетъ, что мы вѣчные друз
вѣчные, вѣчные! И вотъ онъ вдругъ меня теперь боится, я
съѣмъ, что-ли? Чего онъ не хочетъ подойти, чего онъ не р
говариваетъ? Зачѣмъ онъ къ намъ не хочетъ придти? Развѣ
его не пускаете: вѣдь мы-же знаемъ, что онъ вездѣ ходи
Мнѣ неприлично его звать, онъ первый долженъ-бы былъ п
помнить, коли не забылъ. Нѣтъ-съ, онъ теперь спасается!
что́ на него эту долгополую-то ряску надѣли... Побѣжитъ, у
детъ...

И она вдругъ, не выдержавъ, закрыла лицо рукой и р
смѣялась ужасно, неудержимо, своимъ длиннымъ, нервны
сотрясающимся и неслышнымъ смѣхомъ. Старецъ выслушал
улыбаясь и съ нѣжностью благословилъ; когда-же она ст
цѣловать его руку, то вдругъ прижала ее къ глазамъ сво
и заплакала:

— Вы на меня не сердитесь, я дура, ничего не стою..
Алеша, можетъ быть, правъ, очень правъ, что не хочетъ
такой смѣшной ходить.

— Непремѣнно пришлю его, рѣшилъ старецъ.

V.

Бу́ди, бу́ди!

Отсутствіе старца изъ кельи продолжалось минутъ об
двадцати пяти. Было уже за половину перваго, а Дмитрія Ѳ
ровича, ради котораго всѣ собрались, все еще не бывало. В
немъ почти какъ бы и забыли и когда старецъ вступилъ об
въ келью, то засталъ самый оживленный общій разговоръ ме
своими гостями. Въ разговорѣ участвовали прежде всего Ив
Ѳедоровичъ и оба іеромонаха. Ввязывался и, повидимому, о
горячо въ разговоръ и Міусовъ, но ему опять не везло:
былъ видимо на второмъ планѣ и ему даже мало отвѣчали, т
что это новое обстоятельство лишь усилило все накопляющу
его раздражительность. Дѣло въ томъ, что онъ и пр

номъ Ѳедоровичемъ нѣсколько пикировался въ познаніяхъ. нѣкоторую небрежность его къ себѣ хладнокро о не вы ь: «До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, стоялъ н тѣ есть передоваго въ Европѣ, а это новое по ольные ьно насъ игнорируетъ», думалъ онъ про себя. Ѳедоръ ъ, который самъ далъ слово усѣсться на стулѣ и ствительно нѣкоторое время молчалъ, но съ нас бочкой слѣдилъ за своим домъ Петромъ Але ь и видимо радовался его раздражительности. Он собирался отплатить ем кое за что и теперь не стить случая. Наконецъ, е вытерпѣлъ, нагнулся къ да и въ полголоса поддр илъ его еще разъ:

— Вѣдь вы давеча почем не ушли послѣ «любезно-то аше» и согласились въ т кой неприличной компаніи о ься? А потому, что чувствовали себя униженнымъ и оско нымъ и остались чтобы для реванша выставить умъ. Теперь ь вы не уйдете пока имъ ума своего не выставите.

— Вы опять? Сейчасъ уйду, напротивъ.

— Позже, позже всѣхъ отправитесь! кольнулъ еще разъ оръ Павловичъ. Это было почти въ самый моментъ возвра- нія старца.

Споръ на одну минутку затихъ, но старецъ, усѣвшись на ежнее мѣсто, оглядѣлъ всѣхъ какъ-бы привѣтливо вызывая одолжать. Алеша, изучившій почти всякое выраженіе его ца, видѣлъ ясно, что онъ ужасно утомленъ и себя пересиливаетъ. Въ послѣднее время болѣзни съ нимъ случались отъ тощенія силъ обмороки. Почти такая-же блѣдность какъ предъ морокомъ распространялась и теперь по его лицу, губы его бѣлѣли. Но онъ очевидно не хотѣлъ распустить собраніе; залось, онъ имѣлъ при томъ какую-то свою цѣль, — какую-? Алеша пристально слѣдилъ за нимъ.

— О любопытнѣйшей ихъ статьѣ толкуемъ, произнесъ іеромахъ Іосифъ, библіотекарь, обращаясь къ старцу и указывая Ивана Ѳедоровича. — Новаго много выводятъ, да, кажется, ся-то о двухъ концахъ. По поводу вопроса о церковно-общественномъ судѣ и обширности его права отвѣтили журнальною одному духовному лицу, написавшему о вопросѣ семъ гу...

сожалѣнію, вашей статьи не читалъ, но о ней слы- вѣтилъ старецъ, пристально и зорко вглядываясь въ доровича.

— Они стоятъ на любопытнѣйшей точкѣ, продолжалъ отец библіотекарь, — повидимому совершенно отвергаютъ въ вопр о церковно-общественномъ судѣ раздѣленіе церкви отъ го дарства.

— Это любопытно, но въ какомъ-же смыслѣ? спросилъ с рецъ Ивана Ѳедоровича.

Тотъ, наконецъ, ему отвѣтилъ, но не свысока-учтиво, к боялся еще наканунѣ Алеша, а скромно и сдержанно, съ ве мою предупредительностью и, повидимому, безъ малѣйшей и пей мысли.

— Я иду изъ положенія, что это смѣшеніе элементовъ, есть сущностей церкви и государства отдѣльно взятыхъ, буд конечно, вѣчнымъ, не смотря на то, что оно невозможно и его никогда нельзя будетъ привести не только въ нормаль но и въ сколько-нибудь согласимое состояніе, потому что л лежитъ въ самомъ основаніи дѣла. Компромиссъ между госуд ствомъ и церковью въ такихъ вопросахъ какъ, напримѣръ судѣ, по моему, въ совершенной и чистой сущности своей возможенъ. Духовное лицо, которому я возражалъ, утверждал что церковь занимаетъ точное и опредѣленное мѣсто въ го дарствѣ. Я-же возразилъ ему, что, напротивъ, церковь дол заключать сама въ себѣ все государство, а не занимать въ н лишь нѣкоторый уголъ, и что если теперь это почему-нибу невозможно, то, въ сущности вещей, несомнѣнно должно б поставлено прямою и главнѣйшею цѣлію всего дальнѣйш развитія христіанскаго общества.

— Совершенно справедливо, твердо и нервно проговор отецъ Паисій, молчаливый и ученый іеромонахъ.

— Чистѣйшее ультрамонтанство! вскричалъ Міусовъ, нетерпѣніи переложивъ ногу на ногу.

— Э, да у пасъ и горъ-то нѣту! воскликнулъ отецъ Іос и, обращаясь къ старцу, продолжалъ: — они отвѣчаютъ, ме прочимъ, на слѣдующія «основныя и существенныя» полож своего противника, духовнаго лица, замѣтьте себѣ. Первое: «ни одинъ общественный союзъ не можетъ и не долженъ присвоивать себѣ власть — распоряжаться гражданскими и пол ческими правами своихъ членовъ». Второе: что «уголовна судно-гражданская власть не должна принадлежать церкви совмѣстима съ природой ея и какъ божественнаго установл и какъ союза людей для религіозныхъ цѣлей» и, наконецъ третьихъ: что «церковь есть царство не отъ міра сего»...

— Недостойнѣйшая игра словъ для духовнаго лица! не
ѣлъ и прервалъ опять отецъ Паисій.—Я читалъ эту книг
которую вы возражали, обратился онъ къ Ивану Ѳедоро
,— и удивленъ былъ словами духовнаго лица, что «церковь
царство не отъ міра сего». Если не отъ міра сего, то, стало
, и не можетъ быть на землѣ ея вовсе. Въ святомъ Ев
слова: «не отъ міра сего» не въ томъ смыслѣ у
. Играть такими словами невозможно. Господь нашъ
тосъ именно приходилъ установить церковь на земл
небесное, разумѣется, не отъ міра сего, въ небе
входятъ не иначе, какъ чрезъ церковь, которая о
тановлена на землѣ. А потому свѣтскіе каламбуры въ
лѣ невозможны и недостойны. Церковь-же есть во и
тво, и опредѣлена царствовать, и въ концѣ своемъ дол
ться какъ царство на всей землѣ несомнѣнно, — на
емъ обѣтованіе...

Онъ вдругъ умолкъ, какъ-бы сдержавъ себя. Иванъ Ѳедоро
почтительно и внимательно его выслушавъ, съ чрезвычай
ъ спокойствіемъ, по прежнему охотно и простодушно про
калъ, обращаясь къ старцу:

— Вся мысль моей статьи въ томъ, что въ древнія времена
ыхъ трехъ вѣковъ христіанства, христіанство на землѣ яв
ясь лишь церковью и было лишь церковь. Когда-же римское
ческое государство возжелало стать христіанскимъ, то непре
но случилось такъ, что, ставъ христіанскимъ, оно лишь вклю
въ себя церковь, но само продолжало оставаться государ
мъ языческимъ по прежнему, въ чрезвычайно многихъ сво
отправленіяхъ. Въ сущности такъ несомнѣнно и должно
о произойти. Но въ Римѣ, какъ въ государствѣ, слишкомъ
гое осталось отъ цивилизаціи и мудрости языческой, какъ,
римѣръ, самыя даже цѣли и основы государства. Христова
церковь, вступивъ въ государство, безъ сомнѣнія, не могла
нять ничего изъ своихъ основъ, отъ того камня, на кото
ь стояла она, и могла лишь преслѣдовать не иначе какъ
цѣли, разъ твердо поставленныя и указанныя ей самимъ
подомъ, между прочимъ: обратить весь міръ, а, стало быть,
ее древнее языческое государство въ церковь. Такимъ обра
о есть въ цѣляхъ будущаго) не церковь должна искать
редѣленнаго мѣста въ государствѣ, какъ «всякій обще
союзъ» или какъ «союзъ людей для религіозныхъ цѣ
кается о церкви авторъ, которому возражаю), а,

напротивъ, всякое земное государство должно-бы впос
обратиться въ церковь вполнѣ, и стать ничѣмъ инымъ как
церковью и уже отклонивъ всякія несходныя съ церковны
цѣли. Все-же это ничѣмъ не унизитъ его, не отниметъ
сти, ни славы его, какъ великаго государства, ни славы
телей его, а лишь поставитъ его съ ложной, еще языч
ошибочной дороги на правильную и истинную дорогу,
венно ведущую къ вѣчнымъ цѣлямъ. Вотъ почему автор
объ *Основахъ Церковно-Общественнаго Суда* судилъ-
вильно, если-бы, изыскивая и предлагая эти основы, см
бы на нихъ какъ на временный, необходимый еще в
грѣшное и незавершившееся время компромиссъ, но н
Но чуть лишь сочинитель этихъ основъ осмѣливается об
что основы, которыя предлагаетъ онъ теперь и часть к
перечислилъ сейчасъ отецъ Іосифъ,—суть основы нез
стихійныя и вѣковѣчныя, то уже прямо идетъ противъ
и святаго вѣковѣчнаго и незыблемаго предназначенія е
вся моя статья, полный ея конспектъ.

— То есть въ двухъ словахъ, упирая на каждое сло
говорилъ опять отецъ Паисій:—по инымъ теоріямъ, сл
выяснившимся въ нашъ девятнадцатый вѣкъ, церковь
перерождаться въ государство, такъ какъ-бы изъ низ
высшій видъ, чтобы затѣмъ въ немъ исчезнуть, уступив
духу времени и цивилизаціи. Если-же не хочетъ того
тивляется, то отводится ей въ государствѣ зато какъ-б
торый лишь уголъ, да и то подъ надзоромъ, — и эт
мѣстно въ наше время въ современныхъ европейскихъ
По русскому-же пониманію и упованію надо, чтобы не
перерождалась въ государство, какъ изъ низшаго въ
типъ, а, напротивъ, государство должно кончить тѣм
сподобиться стать единственно лишь церковью и ничѣм
болѣе. Сіе и бу̀ди, бу̀ди!

— Ну-съ, признаюсь, вы меня теперь нѣсколько о
усмѣхнулся Міусовъ, переложивъ опять ногу на ногу.—
я понимаю это, стало быть, осуществленіе какого-то
безконечно далекаго, во второмъ пришествіи. Это какъ
Прекрасная утопическая мечта объ исчезновеніи войнъ
матовъ, банковъ и проч. Что-то даже похожее на сон
А то я думалъ, что все это серьзно, и что церковь *те*
примѣръ, будетъ судить уголовщину и приговаривать
каторгу, а, пожалуй, такъ и смертную казнь.

— Да если-бъ и теперь былъ одинъ лишь церковно-об
ственный судъ, то и теперь-бы церковь не посылала на кат
или на смертную казнь. Преступленіе и взглядъ на него долж
бы были несомнѣнно тогда измѣниться, конечно, мало по м
не вдругъ и не сейчасъ, но однако довольно скоро... споко
и не смигнувъ глазомъ произнесъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Вы серьезно? пристально глянулъ на него Міусовъ.

— Если-бы все стало церковью, то церковь отлучала-бы
себя преступнаго и непослушнаго, а не рубила-бы тогда го.
продолжалъ Иванъ Ѳедоровичъ.—Я васъ спрашиваю, т
пошелъ отлученный? Вѣдь тогда онъ долженъ былъ-бы не
отъ людей, какъ теперь, о и отъ Христа уйдти. Вѣдь онъ
имъ преступленіемъ возст лъ-бы не только на людей, но н
церковь Христову. Это теперь, конечно, такъ въ стро
смыслѣ, но всетаки не явлено, и совѣсть нынѣшняго
ступника весьма и весьма часто вступаетъ съ собою въ сдѣ
«Укралъ, дескать, но не на церковь иду, Христу не вра
вѣтъ что говоритъ себѣ нній преступникъ сплошь да
домъ; ну а тогда, когда овь станетъ на мѣсто государ
тогда трудно было-бы е это сказать, развѣ съ отрицан
всей церкви на всей земл. «Всѣ, дескать, ошибаются, всѣ у
лись, всѣ ложная церковь, я одинъ убійца и воръ—спра
вая христіанская церковь». Это вѣдь очень трудно себѣ
вать, требуетъ условій огромныхъ, обстоятельствъ не часто
вающихъ. Теперь съ другой стороны возьмите взглядъ с
ркви на преступленіе: развѣ не долженъ онъ измѣниться
ъ теперешняго, почти языческаго, и изъ механическаго о
нія зараженнаго члена, какъ дѣлается нынѣ для охран
ества, преобразиться, и уже вполнѣ и не ложно, въ ид
рожденіи вновь человѣка, о воскресеніи его и о спасеніи
— То есть что-же это такое? Я опять перестаю поним
ребилъ Міусовъ,—опять какая-то мечта. Что-то безформен
понять нельзя. Какъ это отлученіе, что за отлученіе
зрѣваю, вы просто потѣшаетесь, Иванъ Ѳедоровичъ.

— Да вѣдь по настоящему тоже самое и теперь, заговор
гъ старецъ и всѣ разомъ къ нему обратились;—вѣдь е
теперь не было Христовой церкви, то не было-бы прес
ного и удержу въ злодѣйствѣ и даже кары за
есть кары настоящей, не механической, какъ
асъ, и которая лишь раздражаетъ въ большин
це, а настоящей кары, единственной дѣйствител

единственной устрашающей и умиротворяющей, заключающ
въ сознаніи собственной совѣсти.

— Какъ-же такъ, позвольте узнать? съ живѣйшимъ ли
пытствомъ спросилъ Міусовъ.

— Это вотъ какъ, началъ старецъ.— Всѣ эти ссылк
работы, а прежде съ битьемъ, никого не исправляютъ, а, глав
почти никакого преступника и не устрашаютъ, и число прест
леній не только не уменьшается, а чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе
ростаетъ. Вѣдь вы съ этимъ должны-же согласиться. И м
дитъ, что общество такимъ образомъ совсѣмъ не охранено,
хоть и отсѣкается вредный членъ механически, и ссылается
леко, съ глазъ долой, но на его мѣсто тотчасъ-же появля
другой преступникъ, а, можетъ, и два другіе. Если что и о
няетъ общество даже въ наше время, и даже самого прес
ника исправляетъ и въ другого человѣка перерождаетъ, то
опять таки единственно лишь законъ Христовъ, сказываю
въ сознаніи собственной совѣсти. Только сознавъ свою вину
сынъ Христова общества, то есть церкви, онъ сознаетъ и
свою предъ самимъ обществомъ, то есть предъ церковью. Та
образомъ, предъ одною только церковью современный прес
никъ и способенъ сознать вину свою, а не то что предъ госу
ствомъ. Вотъ если-бы судъ принадлежалъ обществу какъ цер
тогда-бы оно знало кого воротить изъ отлученія и опять п
щить къ себѣ. Теперь-же церковь, не имѣя никакого дѣятель
суда, а имѣя лишь возможность одного нравственнаго осужд
отъ дѣятельной кары преступника и сама удаляется. Не отлуч
она его отъ себя, а лишь не оставляетъ его отеческимъ на
ніемъ. Мало того, даже старается сохранить съ преступни
все христіанское церковное общеніе: допускаетъ его къ цер
нымъ службамъ, къ святымъ дарамъ, даетъ ему подаяніе и
щается съ нимъ болѣе какъ съ плѣненнымъ, чѣмъ какъ ст
новнымъ. И что было-бы съ преступникомъ, о, Господи! есл
и христіанское общество, то есть церковь, отвергло его под
тому, какъ отвергаетъ и отсѣкаетъ его гражданскій законъ?
было-бы если-бъ и церковь карала его своимъ отлученіемъ
часъ-же и каждый разъ во слѣдъ кары государственнаго зак
Да выше не могло-бы и быть отчаянія, по крайней мѣрѣ, для
ступника русскаго, ибо русскіе преступники еще вѣруютъ
впрочемъ, кто знаетъ: можетъ быть, случилось-бы тогда стра
дѣло,—произошла бы, можетъ быть, потеря вѣры въ отчаяни
сердцѣ преступника, и тогда что? Но церковь какъ мать нѣжн

юбящая, отъ дѣятельной кары сама устраняетс , такъ какъ
езъ ея кары слишкомъ больно наказанъ виновны государствен
ымъ судомъ, и надо-же его хоть кому-нибудь пож ь. Главное-
е потому устраняется, что судъ церкви есть суд единст но
ѣщающій въ себя истину и ни съ какимъ инымъ судомъ, в
віе сего, существенно и нравственно сочетаться даже и въ
омиссъ временный не можетъ. Тутъ нельзя уже въ к
ступать. Иностранный преступникъ, говорятъ, рѣдко
ется, ибо самыя даже современныя ученія утверждаю
мысли, что преступленіе его не есть преступленіе, а
стаціе противъ несправедливо угнетающей силы.
ѣкаетъ его отъ себя вполнѣ механически торжествующ
ъ силой, и сопровождаетъ отлученіе это ненавистью
крайней мѣрѣ, они сами о себѣ, въ Европѣ, повѣствую
авистью и полнѣйшимъ къ дальнѣйшей судьбѣ его, к
та своего, равнодушіемъ и забвеніемъ. Такимъ образомъ все
исходитъ безъ малѣйшаго сожалѣнія церковнаго, ибо во мно
ъ случаяхъ тамъ церквей уже нѣтъ вовсе, а остались лишь
рковники и великолѣпныя зданія церквей, сами-же церкви
но уже стремятся тамъ къ переходу изъ низшаго вида, какъ
рковь, въ высшій видъ, какъ государство, чтобы въ немъ со-
ршенно исчезнуть. Такъ, кажется, по крайней мѣрѣ, въ люте-
нскихъ земляхъ. Въ Римѣ-же такъ ужь тысячу лѣтъ вмѣсто
ркви провозглашено государство. А потому самъ преступникъ
воимъ церкви ужь и не сознаетъ себя и, отлученный, пребы-
етъ въ отчаяніи. Если-же возвращается въ общество, то не-
дко съ такою ненавистью, что самое общество какъ-бы уже
но отлучается отъ себя. Чѣмъ это кончится, можете сами раз-
ить. Во многихъ случаяхъ, казалось-бы, и у насъ тоже: но
томъ и дѣло, что, кромѣ установленныхъ судовъ, есть у насъ
рхъ того еще и церковь, которая никогда не теряетъ обще-
съ преступникомъ, какъ съ милымъ и все еще дорогимъ
номъ своимъ, а сверхъ того есть и сохраняется, хотя-бы даже
лько мысленно, и судъ церкви, теперь хотя и не дѣятельный,
все-же живущій для будущаго, хотя бы въ мечтѣ, да и пре-
пникомъ самимъ несомнѣнно, инстинктомъ души его, призна-
ый. Справедливо и то, что было здѣсь сейчасъ сказано, что
дѣйствительно наступилъ судъ церкви, и во всей своей
есть если-бы все общество обратилось лишь въ цер-
только судъ церкви повліялъ-бы на исправленіе
къ, какъ никогда не вліяетъ нынѣ, но, можетъ

быть, и вправду самыя преступленія уменьшились-бы въ не
ятную долю. Да и церковь, сомнѣнія нѣтъ, понимала-бы
щаго преступника и будущее преступленіе во многихъ слу
совсѣмъ иначе чѣмъ нынѣ, и съумѣла-бы возвратить отлуче
предупредить замышляющаго и возродить падшаго. Правда
мѣхнулся старецъ—теперь общество христіанское пока еще
не готово и стоитъ лишь на семи праведникахъ; но такъ
они не оскудѣваютъ, то и пребываетъ все-же незыблемо, вп
даніи своего полнаго преображенія изъ общества, какъ
почти еще языческаго, во единую вселенскую и владычес
щую церковь. Сіе и бу̀ди, бу̀ди, хотя-бы и въ концѣ вѣ
ибо лишь сему предназначено совершиться! И нечего смущат
временами и сроками, ибо тайна временъ и сроковъ въ му
Божіей, въ предвидѣніи Его и въ любви Его. И что̀ по ра
человѣческому можетъ быть еще и весьма отдаленно, то̀ п
допредѣленію Божьему, можетъ быть, уже стоитъ наканунѣ
появленія, при дверяхъ. Сіе послѣднее бу̀ди, бу̀ди.

— Бу̀ди! бу̀ди! благоговѣйно и сурово подтвердилъ
Паисій.

— Странно, въ высшей степени странно! произнесъ
усовъ и не то что съ горячностью, а какъ-бы съ затае
какимъ-то негодованіемъ.

— Что̀-же кажется вамъ столь страннымъ? осторожно
домился отецъ Іосифъ.

— Да что̀-же это въ самомъ дѣлѣ такое? воскликнул
усовъ, какъ-бы вдругъ прорвавшись: — устраняется на
государство, а церковь возводится на степень государства
не то что ультрамонтанство, это архи-ультрамонтанство
папѣ Григорію Седьмому не мерещилось!

— Совершенно обратно изволите понимать! строго пр
рилъ отецъ Паисій,—не церковь обращается въ госуда
поймите это. То Римъ и его мечта. То третье діаволово ис
шеніе! А, напротивъ, государство обращается въ церковь
ходитъ до церкви и становится церковью на всей землѣ,—
вершенно уже противуположно и ультрамонтанству, и Ри
вашему толкованію, и есть лишь великое предназначеніе
славія на землѣ. Отъ Востока земля сія возсіяетъ.

Міусовъ внушительно помолчалъ. Вся фигура его вы
собою необыкновенное собственное достоинство. Свысока с
дительная улыбка показалась на его губахъ. Алеша слѣд
всѣмъ съ сильно бьющимся сердцемъ. Весь этотъ разгоръ

новалъ его до основанія. Онъ случайно взглянулъ на Ракитин
тотъ стоялъ неподвижно на своемъ прежнемъ мѣстѣ у двери, вни-
мательно вслушиваясь и всматриваясь, хотя и опустивъ глаза.
Но, по оживленному румянцу на его щекахъ, Алеша догадался,
что и Ракитинъ взволнованъ, кажется, не меньше его; Алеша
нялъ чѣмъ онъ взволнованъ.

— Позвольте мнѣ сообщить вамъ одинъ маленькій анекдотъ
господа, внушительно и съ какимъ-то особенно осанистымъ ви
омъ проговорилъ вдругъ Міусовъ.—Въ Парижѣ уже пѣс
лѣтъ тому, вскорѣ послѣ декабрьскаго переворота, мнѣ при
лучилось однажды, дѣлая по знакомству визитъ одному очень-очень
лому и управляющему тогда лицу, повстрѣчать у него одного
любопытнѣйшаго господина. Былъ этотъ индивидуумъ не то-
сыщикомъ, а въ родѣ управляющаго цѣлою командой поли
скихъ сыщиковъ,— въ своемъ родѣ довольно вліятельная до
ность. Придравшись къ случаю, я, изъ чрезвычайнаго любопыт-
ства, разговорился съ нимъ; а такъ какъ онъ принятъ былъ
не по знакомству, а какъ подчиненный чиновникъ, пришедшій
съ извѣстнаго рода рапортомъ, то, видя съ своей стороны какъ
я принятъ у его начальника, онъ удостоилъ меня нѣкоторою
откровенностію, — ну, разумѣется, въ извѣстной степени, то
есть скорѣе былъ вѣжливъ, чѣмъ откровененъ, именно какъ
французы умѣютъ быть вѣжливыми, тѣмъ болѣе, что видѣлъ во
мнѣ иностранца. Но я его очень понялъ. Тема шла о соціали-
стахъ-революціонерахъ, которыхъ тогда между прочимъ преслѣ-
довали. Опуская главную суть разговора, приведу лишь одно
любопытнѣйшее замѣчаніе, которое у этого господчика вдругъ
вырвалось: «мы, сказалъ онъ, — собственно этихъ всѣхъ со-
ціалистовъ — анархистовъ, безбожниковъ и революціонеровъ,
не очень-то и опасаемся; мы за ними слѣдимъ и ходы ихъ намъ
извѣстны. Но есть изъ нихъ, хотя и немного, нѣсколько осо-
бенныхъ людей: это въ Бога вѣрующіе и христіане, а въ тоже
время и соціалисты. Вотъ этихъ-то мы больше всѣхъ опа-
саемся, это страшный народъ! Соціалистъ-христіанинъ страш-
нѣе соціалиста-безбожника». Слова эти и тогда меня поразили,
но теперь у васъ, господа, они мнѣ какъ-то вдругъ припо-
минаются....

'о есть вы ихъ прикладываете къ намъ и въ насъ ви-
алистовъ? прямо и безъ обиняковъ спросилъ отецъ
прежде чѣмъ Петръ Александровичъ сообразилъ дать
лась дверь и вошелъ столь опоздавшій Дмитрій

Ѳедоровичъ. Его и вправду какъ-бы перестали ждать, и и запное появленіе его произвело, въ первый моментъ, даже которое удивленіе.

VI.

Зачѣмъ живетъ такой человѣкъ!

Дмитрій Ѳедоровичъ, двадцати-восьми-лѣтній молодой ч вѣкъ, средняго роста и пріятнаго лица, казался однако-же раздо старѣе своихъ лѣтъ. Былъ онъ мускулистъ и въ н можно было угадывать значительную физическую силу, тѣм менѣе въ лицѣ его выражалось какъ-бы нѣчто болѣзнен Лицо его было худощаво, щеки ввалились, цвѣтъ-же ихъ от валъ какою-то нездоровою желтизной. Довольно большіе тем глаза на выкатѣ смотрѣли хотя, повидимому, и съ тверд упорствомъ, но какъ-то неопредѣленно. Даже когда онъ вол вался и говорилъ съ раздраженіемъ, взглядъ его какъ-бы повиновался его внутреннему настроенію и выражалъ что другое, иногда совсѣмъ не соотвѣтствующее настоящей мину «Трудно узнать о чемъ онъ думаетъ», отзывались иной р разговаривавшіе съ нимъ. Иные, видѣвшіе въ его глазахъ что задумчивое и угрюмое, случалось, вдругъ поражались внезапны смѣхомъ его, свидѣтельствовавшимъ о веселыхъ и игрив мысляхъ бывшихъ въ немъ именно въ то время, когда смотрѣлъ съ такою угрюмостью. Впрочемъ, нѣкоторая болѣзн ность его лица въ настоящую минуту могла быть понятна, знали или слышали о чрезвычайно тревожной и «кутяш жизни, которой онъ именно въ послѣднее время у насъ пр вался, равно какъ всѣмъ извѣстно было и то необычайное драженіе, до котораго онъ достигъ въ ссорахъ со своимъ отц изъ-за спорныхъ денегъ. По городу ходило уже объ этомъ сколько анекдотовъ. Правда, что онъ и отъ природы былъ дражителенъ, «ума отрывистаго и неправильнаго», какъ ха терно выразился о немъ у насъ нашъ мировой судья Сем Ивановичъ Качальниковъ въ одномъ собраніи. Вошелъ онъ зукоризненно и щегольски одѣтый, въ застегнутомъ сюртукѣ черныхъ перчаткахъ и съ цилиндромъ въ рукахъ. Какъ всем недавно въ отставкѣ, онъ носилъ усы и брилъ пока бор Темнорусые волосы его были коротко обстрижены и зачес

акъ-то височками впередъ. Шагалъ онъ рѣшительно, широко,
фрунтовому. На мгновеніе остановился онъ на порогѣ, и, оки-
въ всѣхъ взглядомъ, прямо направился къ старцу, угадавъ въ
ихъ хозяина. Онъ глубоко поклонился ему и попросилъ бла-
словенія. Старецъ привставъ благословилъ его. Дмитрій Ѳедо-
вичъ почтительно поцѣловалъ его руку и съ необыкновеннымъ
неніемъ, почти съ раздраженіемъ произнесъ:

— Простите великодушно за то, что заставилъ стол
слуга Смердяковъ, посланный батюшкою, на настой
просъ о времени, отвѣтилъ мнѣ два раза самымъ р
омъ, что назначено въ часъ. Теперь я вдругъ

— Не безпокойтесь, перебилъ старецъ, — ничего, н
ѣшкались, не бѣда...

— Чрезвычайно вамъ благодаренъ и менѣе не могъ ож
вашей доброты. Отрѣзавъ это, Дмитрій Ѳедоровичъ еще
лонился, затѣмъ вдругъ обернувшись въ сторону своего «са-
шки» сдѣлалъ и ему такой-же почтительный и глубокій по-
онъ. Видно было, что онъ обдумалъ этотъ поклонъ заранѣе,
адумалъ его искренно, почтя своею обязанностью выразить
ъ свою почтительность и добрыя намѣренія. Ѳедоръ Павло-
ъ, хоть и затруднился врасплохъ, тотчасъ по своему на-
лся: въ отвѣтъ на поклонъ Дмитрія Ѳедоровича, онъ вско-
ъ съ кресель и отвѣтилъ сыну точно такимъ-же глубокимъ
лономъ. Лицо его сдѣлалось вдругъ важно и внушительно,
придало ему однако рѣшительно злой видъ. Затѣмъ молча
имъ поклономъ откланявшись всѣмъ бывшимъ въ комнатѣ,
итрій Ѳедоровичъ своими большими и рѣшительными шагами
ошелъ къ окну, усѣлся на единственный оставшійся стулъ,
одалеку отъ отца Паисія, и, весь выдвинувшись впередъ на
улѣ, тотчасъ приготовился слушать продолженіе имъ прерван-
го разговора.

Появленіе Дмитрія Ѳедоровича заняло не болѣе какихъ-ни-
дь двухъ минутъ и разговоръ не могъ не возобновиться. Но
этотъ разъ на настойчивый и почти раздражительный во-
осъ отца Паисія, Петръ Александровичъ не почелъ нужнымъ
вѣтить.

Позвольте мнѣ эту тему отклонить, произнесъ онъ съ
**но свѣтскою небрежностью.—Тема эта къ тому-же мудре-
ъ Иванъ Ѳедоровичъ на васъ усмѣхается: должно быть,
есть что-нибудь любопытное и на этотъ случай. Вотъ
сите.**

— Ничего особеннаго, кромѣ маленькаго замѣчанія, тотчас же отвѣтилъ Иванъ Ѳедоровичъ, — о томъ, что вообще европейскій либерализмъ, и даже нашъ русскій либеральный диллетантизмъ, часто и давно уже смѣшиваетъ конечные результаты соціализма съ христіанскими. Этотъ дикій выводъ, конечно, характерная черта. Впрочемъ, соціализмъ съ христіанствомъ смѣшиваютъ, какъ оказывается, не одни либералы и диллетанты вмѣстѣ съ ними, во многихъ случаяхъ, и жандармы, то есть заграничные, разумѣется. Вашъ парижскій анекдотъ довольно характеренъ, Петръ Александровичъ.

— Вообще эту тему я опять прошу позволенія оставить, повторилъ Петръ Александровичъ, а вмѣсто того я вамъ сейчасъ скажу, господа, другой анекдотъ о самомъ Иванѣ Ѳедоровичѣ, интереснѣйшій и характернѣйшій. Не далѣе, какъ дней пять тому назадъ, въ одномъ здѣшнемъ, по преимуществу, дамскомъ обществѣ, онъ торжественно заявилъ въ спорѣ, что на всей землѣ нѣтъ рѣшительно ничего такого, чтобы заставляло людей любить себѣ подобныхъ, что такого закона природы: чтобы человѣкъ любилъ человѣчество—не существуетъ вовсе, и что его нѣтъ и была до сихъ поръ любовь на землѣ, то не отъ закона естественнаго, а единственно потому, что люди вѣровали въ свое безсмертіе. Иванъ Ѳедоровичъ прибавилъ при этомъ въ скобкахъ, что въ этомъ-то и состоитъ весь законъ естественный, такъ что уничтожьте въ человѣчествѣ вѣру въ свое безсмертіе, въ немъ тотчасъ-же изсякнетъ не только любовь, но и всякая живая сила, чтобы продолжать міровую жизнь. Больше того: тогда ничего уже не будетъ безнравственнаго, все будетъ позволено, даже антропофагія. Но и этого мало, онъ заключилъ утвержденіемъ, что для каждаго частнаго лица, кто не вѣритъ, какъ-бы мы теперь, не вѣрующаго ни въ Бога, ни въ безсмертіе свое, нравственный законъ природы долженъ немедленно измѣниться въ полную противоположность прежнему религіозному, и что эгоизмъ даже до злодѣйства не только долженъ быть дозволенъ человѣку, но даже признанъ необходимымъ самымъ разумнымъ и чуть-ли не благороднѣйшимъ исходомъ его положеніи. По такому парадоксу можете заключить, что и о всемъ остальномъ, что̀ изволитъ провозглашать и что̀ будетъ еще, можетъ быть, провозгласить нашъ милый эксцентрикъ и парадоксалистъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Позвольте,—неожиданно крикнулъ вдругъ Дмитрій Ѳедоровичъ,—чтобы не ослышаться: «злодѣйство не только до

ить дозволено, но даже признано самымъ необ одимымъ и
ымъ умнымъ выходомъ изъ положенія всякаго безбожника:
акъ или не такъ?

— Точно такъ, сказалъ отецъ Паисій.

— Запомню.

Произнеся это, Дмитрій Ѳодоровичъ также внезапно умолкъ.
къ внезапно влетѣлъ въ разговоръ. Всѣ смотрѣли на и
бопытствомъ.

— Неужели вы дѣйствительно такого убѣжденія о
віяхъ изсякновенія у людей вѣры въ безсмертіе душ
росилъ вдругъ старецъ Ив на Ѳедоровича.

— Да, я это утверждалъ. Нѣтъ добродѣтели, если нѣтъ
ертія.

— Блаженны вы, коли такъ вѣруете, или уже очень
астны!

— Почему несчастенъ?—улыбнулся Иванъ Ѳедоровичъ.

— Потому что по всей вѣроятности не вѣруете сами ни въ
смертіе вашей души, ни даже въ то, что написали о церкви
церковномъ вопросѣ.

— Можетъ быть, вы правы!.. Но все-же я и не совсѣмъ
тилъ... вдругъ странно признался, впрочемъ, быстро покрас-
въ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Не совсѣмъ шутили, это истинно. Идея эта еще не рѣ-
на въ вашемъ сердцѣ и мучаетъ его. Но и мученикъ любитъ
огда забавляться своимъ отчаяніемъ, какъ бы тоже отъ отча-
ія. Пока съ отчаянія и вы забавляетесь—и журнальными
тьями, и свѣтскими спорами, сами не вѣруя своей діалектикѣ
съ болью сердца усмѣхаясь ей про себя... Въ васъ этотъ во-
осъ не рѣшенъ, и въ этомъ ваше великое горе, ибо настоя-
льно требуетъ разрѣшенія..

— А можетъ-ли быть онъ во мнѣ рѣшенъ? Рѣшенъ въ сторону
ложительную? продолжалъ странно спрашивать Иванъ Ѳедоро-
ичъ, все съ какою-то необъяснимою улыбкой смотря на старца.

— Если не можетъ рѣшиться въ положительную, то ни-
огда не рѣшится и въ отрицательную, сами знаете это свой-
во вашего сердца; и въ этомъ вся мука его. Но благодарите
что далъ вамъ сердце высшее, способное такою мукой
**я «горняя мудрствовати и горнихъ искати, наше бо жи-
о на небесѣхъ есть». Дай вамъ Богъ, чтобы рѣшеніе
его постигло васъ еще на землѣ, и да благословитъ
ваши!**

Старецъ поднялъ руку и хотѣлъ было съ мѣста перекре-
стить Ивана Ѳедоровича. Но тотъ вдругъ всталъ со стула, по-
дошелъ къ нему, принялъ его благословленіе и, поцѣловавъ его
руку, вернулся молча на свое мѣсто. Видъ его былъ твердъ и
серьезенъ. Поступокъ этотъ, да и весь предъидущій, неожидан-
ный отъ Ивана Ѳедоровича, разговоръ со старцемъ какъ-то
всѣхъ поразили своею загадочностью и даже какою-то торжест-
венностью, такъ что всѣ на минуту было примолкли, а въ
лицѣ Алеши выразился почти испугъ. Но Міусовъ вдругъ вски-
нулъ плечами и въ ту-же минуту Ѳедоръ Павловичъ вскочилъ
со стула.

— Божественный и святѣйшій старецъ! вскричалъ онъ, ука-
зывая на Ивана Ѳедоровича:—Это мой сынъ, плоть отъ плоти
моея, любимѣйшая плоть моя! Это мой почтительнѣйшій, такъ
сказать, Карлъ Моръ, а вотъ этотъ, сейчасъ вошедшій сынъ
Дмитрій Ѳедоровичъ, и противъ котораго у васъ управы ищу,—
это ужь непочтительнѣйшій Францъ Моръ,—оба изъ *Разбойни-
ковъ* Шиллера, а я, я самъ въ такомъ случаѣ ужь Regierender
Graf von Moor! Разсудите и спасите! Нуждаемся не только въ
молитвахъ, но и въ пророчествахъ вашихъ.

— Говорите безъ юродства и не начинайте оскорбленіемъ
домашнихъ вашихъ, отвѣтилъ старецъ слабымъ изнеможеннымъ
голосомъ. Онъ видимо уставалъ тѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе и при-
мѣтно лишался силъ.

— Недостойная комедія, которую я предчувствовалъ еще
идя сюда! воскликнулъ Дмитрій Ѳедоровичъ въ негодованіи и
тоже вскочивъ съ мѣста.—Простите, преподобный отецъ, обра-
тился онъ къ старцу,—я человѣкъ необразованный и даже не
знаю какъ васъ именовать, но васъ обманули, а вы слишкомъ
были добры, позволивъ намъ у васъ съѣхаться. Батюшкѣ нуженъ лишь скандалъ, для чего—это ужь его разсчетъ. У него
всегда свой разсчетъ. Но, кажется, я теперь знаю для чего...

— Обвиняютъ меня всѣ, всѣ они! кричалъ въ свою очередь
Ѳедоръ Павловичъ,—вотъ и Петръ Александровичъ обвиняетъ.
Обвиняли, Петръ Александровичъ, обвиняли! обернулся онъ
вдругъ къ Міусову, хотя тотъ и не думалъ перебивать его.—
Обвиняютъ въ томъ, что я дѣтскія деньги за сапогъ спряталъ
и взялъ башъ на башъ; но позвольте, развѣ не существуетъ
суда? Тамъ вамъ сочтутъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, по самымъ
росписямъ вашимъ, письмамъ и договорамъ, сколько у
было, сколько вы истребили и сколько у васъ остается!

етръ Александровичъ уклоняется произвести су ленiе? Дмитр
едоровичъ ему не чужой. Оттого что всѣ на м , а Дмитрiй
едоровичъ въ итогѣ еще мнѣ-же долженъ, да сколько-ни-
удь, а нѣсколько тысячъ-съ, на что имѣю документы!
ѣдь городъ трещитъ и гремитъ отъ его кутежей! А тамъ, гдѣ онъ
ежде служилъ, тамъ по тысячѣ и по двѣ за обольщенiе чест-
ихъ дѣвицъ платилъ; это, Дмитрiй Ѳедоровичъ, намъ и
, въ самыхъ секретныхъ п остяхъ, и я докаж
ишiй отецъ, вѣрите-ли: вл ъ въ себя благороди
вицъ, хорошаго дома, съ состоянiемъ, дочь прежнiя
ка своего, храбраго полковника, заслуженнаго, имѣвшаго
мечами на шеѣ, компром тировалъ дѣвушку предложе
ш; теперь она здѣсь, теперь она сирота, его невѣста, а он
захъ ея, къ одной здѣшней обольстительницѣ ходитъ. Но
льстительница эта и жила, такъ сказать, въ гражданск
кѣ съ однимъ почтеннымъ человѣкомъ, но характера независи-
о, крѣпость неприступная для всѣхъ, все равно что жена за-
ная, ибо добродѣтельна,—да-съ! отцы святые, она добродѣ-
ьна! А Дмитрiй Ѳедоровичъ хочетъ эту крѣпость золотымъ
чемъ отпереть, для чего онъ теперь надо мной и куражится,
отъ съ меня денегъ сорвать, а пока ужь тысячи на эту
льстительницу просорилъ; на то и деньги занимаетъ безпре-
но, и между прочимъ у кого, какъ вы думаете? Сказать аль
ь, Митя!

— Молчать! закричалъ Дмитрiй Ѳедоровичъ ,— подождите,
я выйду, а при мнѣ не смѣйте марать благороднѣйшую дѣ-
... Ужь одно то, что вы о ней осмѣливаетесь заикнуться,
ръ для нея... Не позволю!

Онъ задыхался.

— Митя! Митя! слабонервно и выдавливая изъ себя слезы,
чалъ Ѳедоръ Павловичъ,—а родительское-то благословенiе
то? А ну прокляну, что тогда будетъ?

— Безстыдникъ и притворщикъ! неистово рявкнулъ Дмитрiй
ровичъ.

— Это онъ отца, отца! Что-же съ прочими? Господа, предъ-
те себѣ: честь здѣсь бѣдный, но почтенный человѣкъ, отстав-
— штабсъ-капитанъ, былъ въ несчастьи, отставленъ отъ службы, но не
не по суду, сохранивъ всю свою честь, многочисленнымъ
онъ обремененъ. А три недѣли тому нашъ Дмитрiй Ѳедо-
трактирѣ схватилъ его за бороду, вытащилъ за эту са-
а улицу и на улицѣ всенародно избилъ, и все зато,

что тотъ состоитъ негласнымъ повѣреннымъ по одному и дѣлишку.

— Ложь все это! Снаружи правда, внутри ложь! весь гнѣвѣ дрожалъ Дмитрій Ѳедоровичъ. — Батюшка! Я свои ступки не оправдываю; да, всенародно признаюсь: я посту какъ звѣрь съ этимъ капитаномъ и теперь сожалѣю и собой шаюсь за звѣрскій гнѣвъ, но этотъ вашъ капитанъ, вашъ ренный, пошелъ вотъ къ этой самой госпожѣ, о которой вы жаетесь, что она обольстительница и сталъ ей предлагать от шего имени, чтобъ она взяла имѣющіеся у васъ мои векселя дала на меня, чтобы по этимъ векселямъ меня засадить, е ужь слишкомъ буду приставать къ вамъ въ разсчетахъ по ин ству. Вы-же теперь меня упрекаете тѣмъ, что я имѣю слабос этой госпожѣ, тогда какъ сами-же учили ее заманить меня! она прямо въ глаза разсказываетъ; сама мнѣ разсказывала, вами смѣясь! Засадить-же вы меня хотите только потому меня къ ней-же ревнуете, потому что сами вы приступать н къ этой женщинѣ со своею любовью и мнѣ это опять так извѣстно, и опять таки она смѣялась,— слышите—смѣясь надъ пересказывала. Такъ вотъ вамъ, святые люди, этотъ человѣкъ, упрекающій развратнаго сына отецъ! Господа свидѣтели, про гнѣвъ мой, но я предчувствовалъ, что этотъ коварный старик валъ всѣхъ васъ сюда на скандалъ. Я пошелъ съ тѣмъ, чтобы стить, если-бъ онъ протянулъ мнѣ руку, простить и про просить! Но такъ какъ онъ оскорбилъ сію минуту не т меня, но и благороднѣйшую дѣвицу, которой даже име смѣю произнести всуе изъ благоговѣнія къ ней, то и рѣ обнаружить всю его игру публично, хотя-бы онъ и отецъ

Онъ не могъ болѣе продолжать. Глаза его сверкали, он шалъ трудно. Но и всѣ въ кельѣ были взволнованы. Всѣ старца съ безпокойствомъ встали со своихъ мѣстъ. Отцы ін нахи смотрѣли сурово, но ждали однако воли старца. То сидѣлъ совсѣмъ уже блѣдный, но не отъ волненія, а отъ (неннаго безсилія. Умоляющая улыбка свѣтилась на губах онъ изрѣдка подымалъ руку какъ-бы желая остановить (ющихся и ужь, конечно, одного жеста его было-бы доста чтобы сцена была прекращена; но онъ самъ какъ будто ч еще выжидалъ и пристально приглядывался, какъ-бы жела то еще понять, какъ-бы еще не уяснивъ себѣ чего-то. нецъ, Петръ Александровичъ Міусовъ окончательно почу валъ себя униженнымъ и опозореннымъ.

— Въ происшедшемъ скандалѣ мы всѣ виноваты! г
оворилъ онъ,—но я все-же вѣдь не предчувствовалъ, и
, хотя и зналъ съ кѣмъ имѣю дѣло... Это надо кончи
асъ-же! Ваше преподобіе, повѣрьте, что я всѣхъ обна и-
ь здѣсь подробностей въ точности не зналъ, не хотѣ
ть и только теперь въ первый разъ узнаю...
ъ сына къ сквернаго поведенія женщинѣ и с
варью сговаривается засадить сына въ тюрьму...
й-то компаніи меня принудили сюда явиться... Я о
являю всѣмъ, что обманутъ не меньше другихъ...
— Дмитрій Ѳедоровичъ! завопилъ вдругъ какимъ-т
голосомъ Ѳедоръ Павловичъ,—если-бы только вы
, то я въ ту-же минуту вызвалъ-бы васъ на дуэль...
летахъ, на разстояніи трехъ шаговъ... черезъ плат
ъ платокъ! кончилъ онъ, топая обѣими ногами.
сть у старыхъ лгуновъ, всю жизнь свою проактерствовав-
, минуты, когда они до того зарисуются, что уже во истину
атъ и плачутъ отъ волненія, не смотря на то что даже въ
самое мгновеніе (или секунду только спустя) могли-бы сами
уть себѣ: «вѣдь ты лжешь, старый безстыдникъ, вѣдь ты
ъ и теперь не смотря на весь твой «святой» гнѣвъ и
гую» минуту гнѣва.
митрій Ѳедоровичъ страшно нахмурился и съ невыразимымъ
ѣніемъ поглядѣлъ на отца.
— Я думалъ... я думалъ, какъ-то тихо и сдержанно прого-
ъ онъ,—что пріѣду на родину съ ангеломъ души моей,
тою моей, чтобы лелѣять его старость, а вижу лишь раз-
аго сладострастника и подлѣйшаго комедіанта!
— На дуэль! завопилъ опять старикашка, задыхаясь и
гаясь съ каждымъ словомъ слюной.—А вы, Петръ Алексан-
чъ Міусовъ, знайте, сударь, что, можетъ быть, во всемъ
ъ родѣ нѣтъ и не было выше и честнѣе,—слышите, чест-
-женщины, какъ эта по вашему тварь, какъ вы осмѣли-
сейчасъ назвать ее! А вы, Дмитрій Ѳедоровичъ, на эту-же
ь» вашу невѣсту промѣняли, стало быть, сами присудили,
невѣста ваша подошвы ея не стоитъ, вотъ какова эта тварь!
— Стыдно! вырвалось вдругъ у отца Іосифа.
— Стыдно и позорно! своимъ отроческимъ голосомъ, дрожа-
отъ волненія, и весь покраснѣвъ, крикнулъ вдругъ Кал-
ъ, все время молчавшій.
— Зачѣмъ живетъ такой человѣкъ! глухо прорычалъ Дми-

трій Ѳедоро ь, почти уже въ изступленіи отъ гнѣва, как
чрезвычайно приподнявъ плечи и почти отъ того сгорбившись,
нѣтъ, скажите мнѣ можно-ли еще позволить ему безчестить соб
землю,—оглядѣлъ онъ всѣхъ, указывая на старика рукой. Ѳ
говорилъ медленно и мѣрно.

— Слышите-ли, слышите-ли вы, монахи, отцеубійцу, наб
сился Ѳедоръ Павловичъ на отца Іосифа.—Вотъ отвѣтъ на ва
«стыдно!» Что стыдно? Эта «тварь», эта «сквернаго поведе
женщина», можетъ быть, святѣе васъ самихъ, господа спас
щіеся іеромонахи! Она, можетъ быть, въ юности пала, заѣд
ная средой, но она «возлюбила много», а возлюбившую мног
Христосъ простилъ...

— Христосъ не за такую любовь простилъ... вырвалось
нетерпѣніи у кроткаго отца Іосифа.

— Нѣтъ, за такую, за эту самую, монахи, за эту! Вы зд
на капустѣ спасаетесь и думаете что праведники! Пискарик
кушаете въ день по пискарику, и думаете пискариками Б
купить!

— Невозможно, невозможно! слышалось въ кельѣ со вс
сторонъ.

Но вся эта дошедшая до безобразія сцена прекратилась
мымъ неожиданнымъ образомъ. Вдругъ поднялся съ мѣста с
рецъ. Совсѣмъ почти потерявшійся отъ страха за него и
всѣхъ, Алеша успѣлъ, однако, поддержать его за руку. Стар
шагнулъ по направленію къ Дмитрію Ѳедоровичу и, дойдя
него вплоть, опустился предъ нимъ на колѣни. Алеша подум
было, что онъ упалъ отъ безсилія, но это было не то. Ст
на колѣни, старецъ поклонился Дмитрію Ѳедоровичу въ п
полнымъ, отчетливымъ, сознательнымъ поклономъ, и даже лб
своимъ коснулся земли. Алеша былъ такъ изумленъ, что д
не успѣлъ поддержать его, когда тотъ поднимался. Слабая улы
чуть-чуть блестѣла на его губахъ.

— Простите! Простите всѣ! проговорилъ онъ, откланив
на всѣ стороны своимъ гостямъ.

Дмитрій Ѳедоровичъ стоялъ нѣсколько мгновеній какъ п
женный: ему поклонъ въ ноги—что такое? Наконецъ, вдр
вскрикнулъ: «О, Боже!» и, закрывъ руками лицо, бросился в
изъ комнаты. За нимъ повалили гурьбой и всѣ гости, отъ
щенія даже не простясь и не откланявшись хозяину. О
только іеромонахи опять подошли подъ благословеніе.

— Это что-же онъ въ ноги-то, это эмблема какая

лъ было разговоръ начать вдругъ почему-то присм
едоръ Павловичъ, ни къ кому, впрочемъ, не осмѣли-
атиться лично. Они всѣ выходили въ эту минуту изъ
ита.

за сумасшедшій домъ и за сумасшедшихъ не отвѣчаю,
е озлобленно отвѣтилъ Міусовъ, — но за то избавлю
вашего общества, Ѳедоръ Павловичъ, и, повѣрьте, что
Гдѣ этотъ давешній монахъ?..

тотъ монахъ», то есть тотъ, который приглашал
обѣдъ къ игумену, ждать себя не заставилъ. Онъ
илъ гостей, тотчасъ-же какъ они сошли съ крыл
старца, точно дожидалъ ихъ все время.

ѣлайте одолженіе, почтенный отецъ, засвидѣтельству
лубокое уваженіе отцу игумену и извините меня лично,
редъ его высокопреподобіемъ въ томъ, что по встрѣ-
внезапно непредвидѣннымъ обстоятельствамъ ни за что
ѣть честь принять участіе въ его трапезѣ, не смотря на
нѣйшее желаніе мое, раздражительно проговорилъ
етръ Александровичъ.

вѣдь непредвидѣнное-то обстоятельство — это вѣдь я!
е подхватилъ Ѳедоръ Павловичъ.—Слышите, отецъ, это
ксандровичъ со мной не желаетъ вмѣстѣ оставаться, а
тотчасъ пошелъ. И пойдете, Петръ Александровичъ,
ожаловать къ отцу игумену, и—добраго вамъ аппе-
іте, что это я уклоняюсь, а не вы. Домой, домой, дома
здѣсь чувствую себя неспособнымъ, Петръ Александро-
любезнѣйшій родственникъ.

родственникъ я вамъ и никогда имъ не былъ, низ-
овѣкъ!

нарочно и сказалъ, чтобы васъ побѣсить, потому что
одства уклоняетесь, хотя всетаки вы родственникъ,
интите, по святцамъ докажу; за тобой, Иванъ Ѳедо-
въ свое время лошадей пришлю, оставайся, если хо-
гы. Вамъ-же, Петръ Александровичъ, даже приличіе
ерь явиться къ отцу игумену, надо извиниться въ
мы съ вами тамъ накутили...

правда-ли, что вы уѣзжаете? Не лжете-ли вы?

гръ Александровичъ, какъ-же-бы я посмѣлъ послѣ
случилось! Увлекся, простите, господа, увлекся! И
о потрясенъ! Да и стыдно. Господа, у иного сердце
лександра Македонскаго, а у другаго какъ у собачки

ки. меня какъ у собачки Фиделькн. Обробѣлъ! В
ослѣ такого эскапада да еще на обѣдъ, соусы монасты
ские уплетать? Стыдно, не могу, извините!

«Чортъ его знаетъ, а ну какъ обманываетъ!» остановился
раздумьи Міусовъ, слѣдя недоумѣвающимъ взглядомъ за удал
шимся шутомъ. Тотъ обернулся и, замѣтивъ, что Петръ А
ксандровичъ за нимъ слѣдитъ, послалъ ему рукою поцѣлуй.

— Вы-то идете къ игумену? отрывисто спросилъ Міус
Ивана Ѳедоровича.

— Почему-же нѣтъ? Къ тому-же я особенно приглаш
игуменомъ еще вчерашняго дня.

— Къ несчастію, я дѣйствительно чувствую себя почти
необходимости явиться на этотъ проклятый обѣдъ, все съ тою
горькою раздражительностью продолжалъ Міусовъ, даже н
обращая вниманія, что монашекъ слушаетъ.—Хоть тамъ-то из
ниться надо за то, что мы здѣсь натворили и разъяснить,
это не мы... Какъ вы думаете?

— Да, надо разъяснить, что это не мы. Къ тому-же,
тюшки не будетъ, замѣтилъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Да еще-же-бы съ вашимъ батюшкой! Проклятый эт
обѣдъ!

И однако всѣ шли. Монашекъ молчалъ и слушалъ. Доро
черезъ лѣсокъ онъ только разъ лишь замѣтилъ, что отецъ
менъ давно уже ожидаютъ и что болѣе получаса опоздали.
не отвѣтили. Міусовъ съ ненавистью посмотрѣлъ на Ивана Ѳ
ровича:

«А вѣдь идетъ на обѣдъ, какъ ни въ чемъ не бывало!» п
малъ онъ. «Мѣдный лобъ и Карамазовская совѣсть».

VII.

Семинаристъ-карьеристъ.

Алеша довелъ своего старца въ спаленку и усадилъ на
вать. Это была очень маленькая комнатка съ необходимою
бѣлью: кровать была узенькая, желѣзная, а на ней вмѣсто тю
одинъ только войлокъ. Въ уголку у иконъ стоялъ налой,
немъ лежали крестъ и Евангеліе. Старецъ опустился на кро
въ безсиліи; глаза его блестѣли и дышалъ онъ трудно. Ус
онъ пристально и какъ-бы обдумывая нѣчто посмотрѣлъ на

Ступай, милый, ступай, мнѣ и Порфирія довольно, а
и. Ты тамъ нуженъ, ступай къ отцу игумену, за обѣдом
ужи.
Благословите здѣсь остаться, просящимъ голосом
Алеша.
Ты тамъ нужнѣе. Тамъ миру нѣтъ. Прислу и
я. Подымутся бѣси, молитву читай. И сы
любилъ его такъ называть), что и впредь
Запомни сіе, юноша. Какъ только сподобить
ся мнѣ — и уходи изъ монастыря. Совсѣмъ иди
ша вздрогнулъ.
Чего ты? Не здѣсь твое мѣсто пока. Благословляю
кое послушаніе въ міру. Много тебѣ еще странство
иться долженъ будешь, долженъ. Все долженъ
ги, пока вновь прибудешь. А дѣла много будетъ.
сомнѣваюсь, потому и посылаю тебя. Съ тобой Христосъ.
Его и Онъ сохранитъ тебя. Горе узришь великое и въ
мъ счастливъ будешь. Вотъ тебѣ завѣтъ: въ горѣ счастья
аботай, неустанно работай. Запомни слово мое отнынѣ,
я и буду бесѣдовать съ тобой, но не только дни, а
мои сочтены.
лицѣ Алеши опять изобразилось сильное движеніе. Углы
о тряслись.
Чего-же ты снова? тихо улыбнулся старецъ.—Пусть мір-
зы провожаютъ своихъ покойниковъ, а мы здѣсь от-
у отцу радуемся. Радуемся и молимъ о немъ. Оставь-же
олиться надо. Ступай и поспѣши. Около братьевъ будь.
около одного, а около обоихъ.
ецъ поднялъ руку благословить. Возражать было невоз-
хотя Алешѣ чрезвычайно хотѣлось остаться. Хотѣлось
спросить, и даже съ языка срывался вопросъ, что пре-
ъ этотъ земной поклонъ брату Дмитрію? но онъ не по-
просить. Онъ зналъ, что старецъ и самъ-бы, безъ во-
му разъяснилъ, еслибы можно было. Но значитъ не
то его воли. А поклонъ этотъ страшно поразилъ Алешу;
ювалъ слѣпо, что въ немъ былъ таинственный смыслъ.
енный, а, можетъ быть, и ужасный. Когда онъ вышелъ
у скита, чтобы поспѣть въ монастырь къ началу обѣда
на (конечно, чтобы только прислуживать за столомъ) у
ругъ больно сжалось сердце и онъ остановился на мѣстѣ:
имъ какъ-бы снова прозвучали слова старца предрекав-

шаго столь близкую кончину свою. Что предрекалъ, да еще с
такою точностію, старецъ, то должно было случиться несомнѣнно
Алеша вѣровалъ тому свято. Но какъ-же онъ останется без
него, какъ-же будетъ онъ не видѣть его, не слышать его? К
куда онъ пойдетъ? Велитъ не плакать и идти изъ монастыря
Господи! Давно уже Алеша не испытывалъ такой тоски. Он
пошелъ поскорѣе лѣсомъ отдѣлявшимъ скитъ отъ монастыря и
не въ силахъ даже выносить свои мысли, до того они давил
его, сталъ смотрѣть на вѣковыя сосны по обѣимъ сторонам
лѣсной дорожки. Переходъ былъ не длиненъ, шаговъ въ пять
сотъ не болѣе; въ этотъ часъ никто-бы не могъ и повстрѣ
чаться, но вдругъ на первомъ изгибѣ дорожки онъ замѣтил
Ракитина. Тотъ поджидалъ кого-то.

— Не меня-ли ждешь? спросилъ поровнявшись съ ним
Алеша.

— Именно тебя, усмѣхнулся Ракитинъ. — Поспѣшаешь к
отцу игумену. Знаю; у того столъ. Съ самаго того времени
какъ архіерея съ генераломъ Пахатовымъ принимали, помнишь
такого стола еще не было. Я тамъ не буду, а ты ступай, со
усы подавай. Скажи ты мнѣ, Алексѣй, одно: что сей сонъ зна
читъ? Я вотъ что хотѣлъ спросить.

— Какой сонъ?

— А вотъ земной-то поклонъ твоему братцу Дмитрію Ѳедо
ровичу. Да еще какъ лбомъ-то стукнулся!

— Это ты про отца Зосиму?

— Да, про отца Зосиму.

— Лбомъ?

— А, непочтительно выразился! Ну, пусть непочтительно
Итакъ, что-же сей сонъ означаетъ?

— Не знаю, Миша, что значитъ!

— Такъ я и зналъ, что онъ тебѣ это не объяснитъ. Мудре
наго тутъ, конечно, нѣтъ ничего, однѣ-бы кажись всегдашни
благодушности. Но фокусъ былъ продѣланъ нарочно. Вотъ тепер
и заговорятъ всѣ святоши въ городѣ и по губерніи разнесутъ
«Что, дескать, сей сонъ означаетъ?» По моему, старикъ дѣ
ствительно прозорливъ: уголовщину пронюхалъ. Смердитъ у васъ

— Какую уголовщину?

Ракитину видно хотѣлось что-то сказать.

— Въ вашей семейкѣ она будетъ, эта уголовщина. Слу
ока между твоими братьями и твоимъ богатенькимъ бать
Богъ отецъ Зосима и стукнулся лбомъ на вѣчной будущ

ай. Потомъ, что случится: «ахъ, вѣдь это старецъ свя
редрекъ, напророчествовалъ»,—хотя какое-бы въ томъ про
ество, что онъ лбомъ стукнулся? Нѣтъ, это, дескать, эмбл
ма, аллегорія, и чортъ знаетъ что! Разславятъ, запомнятъ:
реступленіе, дескать, предугадалъ, преступника отмѣтилъ. У
родивыхъ и все такъ: на кабакъ крестится, а въ храмъ
ми мечетъ. Такъ и твой старецъ: праведника палкой вор
йцѣ въ ноги поклонъ.

— Какое преступленіе? Какому убійцѣ! Что ты? ,
алъ какъ вкопанный, остановился и Ракитинъ.

— Какому? Быдто не знаешь? Бьюсь объ закладъ, что
ъ ужь объ этомъ думалъ. Кстати, это любопытно:
еша, ты всегда правду говоришь, хотя всегда между д
льевъ садишься: думалъ ты объ этомъ или не думалъ,
ай?

— Думалъ, тихо отвѣтилъ Алеша. Даже Ракитинъ смутился.

— Что ты? Да неужто и ты ужь думалъ? вскричалъ онъ.

— Я... я не то, чтобы думалъ, пробормоталъ Алеша,—а вотъ
ъ ты сейчасъ сталъ про это такъ странно говорить, то мнѣ
оказалось, что я про это самъ думалъ.

— Видишь (и какъ ты это ясно выразилъ), видишь? Сегодня
дя на папашу и на братца Митеньку о преступленіи поду-
ъ? Стало быть, не ошибаюсь-же я?

— Да подожди, подожди, тревожно прервалъ Алеша,—изъ
о ты-то все это видишь?.. Почему это тебя такъ занимаетъ,
ъ первое дѣло.

— Два вопроса раздѣльные, но естественные. Отвѣчу на
ый порознь. Почему вижу? Ничего я-бы тутъ не видѣлъ,
бы Дмитрія Ѳедоровича, брата твоего, вдругъ сегодня не по-
ъ всего, какъ есть, разомъ и вдругъ, всего какъ онъ есть.
акой-то одной чертѣ такъ и захватилъ его разомъ всего.
ихъ честнѣйшихъ, но любострастныхъ людей есть черта,
рую не переходи. Не то — не то онъ и папеньку ножемъ
етъ. А папенька пьяный и невоздержный безпутникъ, ни-
а и ни въ чемъ мѣры не понималъ—не удержатся оба и бухъ
въ канаву...

— Нѣтъ, Миша, нѣтъ, если только это, такъ ты меня обо-
До того не дойдетъ.

А чего ты весь трясешься? Знаешь ты штуку? Пусть онъ
й человѣкъ, Митенька-то (онъ глупъ, но честенъ); но
адострастникъ. Вотъ его опредѣленіе и вся внутренняя

суть. Это отецъ ему передалъ свое подлое сладостраст
я только на тебя, Алеша, дивлюсь: какъ это ты дѣвст
Вѣдь и ты Карамазовъ! Вѣдь въ вашемъ семействѣ слад
до воспаленія доведено. Но вотъ эти три сладострастни
за другомъ теперь и слѣдятъ... съ ножами за сапогомъ.
нулись трое лбами, а ты, пожалуй, четвертый.

— Ты про эту женщину ошибаешься. Дмитрій ее..
раетъ, какъ-то вздрагивая проговорилъ Алеша.

— Грушеньку-то? Нѣтъ, братъ, не презираетъ. Уя
невѣсту свою въ явь на нее промѣнялъ, то не презираетъ
тутъ, братъ, нѣчто, чего ты теперь не поймешь. Тутъ в
человѣкъ въ какую-нибудь красоту, въ тѣло женское, и
только въ часть одну тѣла женскаго (это сладострастн
жетъ понять), то и отдастъ за нее собственныхъ дѣт
дастъ отца и мать, Россію и отечество; будучи честенъ,
и украдетъ; будучи кротокъ—зарѣжетъ, будучи вѣренъ
нитъ. Пѣвецъ женскихъ ножекъ, Пушкинъ, ножки въ
воспѣвалъ; другіе не воспѣваютъ, а смотрѣть на ножки
гутъ безъ судорогъ. Но вѣдь не однѣ ножки... Тутъ
презрѣніе не помогаетъ, хотя-бы онъ и презиралъ Гру
И презираетъ, да оторваться не можетъ.

— Я это понимаю, вдругъ брякнулъ Алеша.

— Быдто? И впрямь, стало быть, ты это понимаеш
такъ съ перваго слова брякнулъ, что понимаешь, съ з
вомъ проговорилъ Ракитинъ.—Ты это нечаянно брякну
вырвалось. Тѣмъ драгоцѣннѣе признаніе: стало быть, т
знакомая тема, объ этомъ ужъ думалъ, о сладострастьи-
ты дѣвственникъ! Ты Алешка тихоня, ты святой, я со
но ты тихоня и чортъ знаетъ о чемъ ты ужь не
чортъ знаетъ, что тебѣ ужь извѣстно! Дѣвственникъ, а
кую глубину прошелъ, я тебя давно наблюдаю. Ты сам
мазовъ, ты Карамазовъ вполнѣ — стало быть, значитъ-
нибудь порода и подборъ. По отцу сладострастникъ, по
юродивый. Чего дрожишь? Аль правду говорю? Знаешь ч
шенька просила меня «приведи ты его (тебя, то ест
него ряску стащу». Да вѣдь какъ просила-то: приведи
веди! Подумалъ только: чѣмъ ты это ей такъ любопытен
ешь, необычайная и она женщина тоже!

— Кланяйся, скажи что не приду, криво усмѣхнулся А
Договаривай, Михаилъ, о чемъ зачалъ, я тебѣ пото
мысль скажу.

— Чего тутъ договаривать, все ясно. Все это, братъ, стара
зыка. Если ужь и ты сладострастника въ себѣ заключаешь
что-же братъ твой Иванъ, единоутробный? Вѣдь и онъ Кара
зовъ. Въ этомъ весь вашъ Карамазовскій вопросъ заклю
тся: сладострастники, стяжатели и юродивые! Братъ твой
анъ теперь богословскія статейки пока въ шутку по какому
глупѣйшему неизвѣстному разсчету печатаетъ, будучи сам
истомъ, и въ подлости этой самъ сознается — братъ твой
отъ, Иванъ. Кромѣ того, отъ братца Мити невѣсту себѣ отби
етъ, ну и этой цѣли, кажется, что достигнетъ. Да еще какъ
согласія самого Митеньки, потому что Митенька самъ ем
вѣсту свою уступаетъ, чтобы только отвязаться отъ нея да
ти поскорѣй къ Грушенькѣ. И все это при всемъ своем
городствѣ и безкорыстіи, замѣть себѣ это. Вотъ эти-то люди
ые роковые и есть! Чортъ васъ разберетъ послѣ этого: сам
дость свою сознаетъ и самъ въ подлость лѣзетъ! Слушай
льше. Митенькѣ теперь пересѣкаетъ дорогу старикашка —
ецъ. Вѣдь тотъ по Грушенькѣ съума вдругъ сошелъ, вѣдь у
го слюна бѣжитъ, когда на нее глядитъ только. Вѣдь это онъ
лько изъ-за нея одной въ кельѣ сейчасъ скандалъ такой сдѣ
лъ, зато только, что Міусовъ ее безпутною тварью назвать
мѣлился. Влюбился хуже кошки. Прежде она ему тутъ только
дѣлишкамъ какимъ-то темнымъ да кабачнымъ на жалованьи
служивала, а теперь вдругъ догадался и разглядѣлъ, остерве
лся, съ предложеніями лѣзетъ, не съ честными, конечно. Ну
столкнутся-же они, папенька съ сыночкомъ, на этой дорожкѣ.
Грушенька ни тому, ни другому, пока еще виляетъ да обо
дразнитъ, высматриваетъ, который выгоднѣе, потому хоть у
аши можно много денегъ тяпнуть, да вѣдь зато онъ не же
тся, а пожалуй, такъ подъ конецъ ожидовѣетъ и запретъ ко
ль. Въ такомъ случаѣ и Митенька свою цѣну имѣетъ; денегъ
его нѣтъ, но зато способенъ жениться. Да съ, способенъ же
ться! Бросить невѣсту, несравненную красоту, Катерину Ива
ну, богатую, дворянку и полковничью дочь, и жениться на
ушенькѣ, бывшей содержанкѣ стараго купчишки, развратнаго
ика и городскаго головы Самсонова. Изъ всего сего дѣйстви
льно можетъ столкновеніе произойдти уголовное. А этого
тъ твой Иванъ и ждетъ, тутъ онъ и въ малинѣ: и Кате
ну Ивановну пріобрѣтетъ, по которой сохнетъ, да и шестьде
ея тысячъ приданаго тяпнетъ. Маленькому-то человѣчку и
ишу, какъ онъ, это и весьма прельстительно для начала. И

вѣдь замѣтъ себѣ: не только Митю не обидитъ, но д
гробъ одолжитъ. Вѣдь я навѣрно знаю, что Митенька
вслухъ, на прошлой недѣлѣ еще, кричалъ въ трактирѣ
съ цыганками, что недостоинъ невѣсты своей, Като
братъ Иванъ такъ вотъ тотъ достоинъ. А сама Катери
новна, ужь конечно, такого обворожителя, какъ Иванъ
вичъ, подъ конецъ не отвергнетъ; вѣдь она ужь и тепер
двумя ими колеблется. И чѣмъ только этотъ Иванъ пре
васъ всѣхъ, что вы всѣ предъ нимъ благоговѣете? А о
вами-же смѣется: въ малинѣ, дескать, сижу и на ваш
лакомствую.

— Почему ты все это знаешь? Почему такъ утверд
говоришь? рѣзко и нахмурившись спросилъ вдругъ Але

— А почему ты теперь спрашиваешь и моего отвѣта
боишься? Значитъ, самъ соглашаешься, что я правду

— Ты Ивана не любишь. Иванъ не польстится на

— Быдто? А красота Катерины Ивановны? Не однѣ-
деньги, хотя и шестьдесятъ тысячъ вещь прельститель

— Иванъ выше смотритъ. Иванъ и на тысячи
стится. Иванъ не денегъ, не спокойствія ищетъ. Онъ
можетъ быть, ищетъ.

— Это еще что за сонъ? Ахъ вы... дворяне!

— Эхъ, Миша, душа его бурная. Умъ его въ пл
немъ мысль великая и неразрѣшенная. Онъ изъ тѣхъ, к
не надобно милліоновъ, а надобно мысль разрѣшить.

— Литературное воровство, Алешка. Ты старца сво
фразировалъ. Экъ вѣдь Иванъ вамъ загадку задалъ! с
злобой крикнулъ Ракитинъ. Онъ даже въ лицѣ изм
губы его перекосились. — Да и загадка-то глупая, от
нечего. Пошевели мозгами — поймешь. Статья его смѣш
лѣпа. А слышалъ давеча его глупую теорію: «нѣтъ бо
души, такъ нѣтъ и добродѣтели, значитъ, все позволе
братецъ-то Митенька, кстати, помнишь, какъ крикнул
помню!»). Соблазнительная теорія подлецамъ... я руга
глупо... не подлецамъ, а школьнымъ фанфаронамъ съ «
шимою глубиной мыслей». Хвастунишка, а суть-то вся:
ной стороны нельзя не признаться, а съ другой — не
сознаться!» Вся его теорія — подлость! Человѣчество
себѣ силу найдетъ чтобы жить для добродѣтели, даже и
въ безсмертіе души! Въ любви къ свободѣ, къ равенст
ству найдетъ...

Ракитинъ разгорячился, почти не могъ сде кать себя. вдругъ, какъ-бы вспомнивъ что-то, остановился.

— Ну, довольно, еще кривѣе улыбнулся он ѣмъ Чего ты смѣешься? Думаешь, что я пошлякъ?

— Нѣтъ, я и не думалъ думать, что ты пош но... оставь, это я сдуру усмѣхнулся. Я понимаю разгорячиться, Миша. По твоему увлеченію я ам неравнодушенъ къ Ка ринѣ Ивановнѣ, я, подозрѣвалъ, а потому и н любишь брата Ив ревнуешь?

— И къ ея денежкамъ тоже ревную? Прибавляй,

— Нѣтъ, я ничего о деньгахъ не прибавлю, я не с бижать.

— Вѣрю, потому что ты сказалъ, но чортъ васъ возьми аки съ твоимъ братомъ Иваномъ! Не поймете вы никто, ч безъ Катерины Ивановны можно весьма не любить. И за что я го стану любить, чортъ возьми! Вѣдь удостоиваетъ-же онъ меня амъ ругать. Почему-же я его не имѣю права ругать?

— Я никогда не слыхалъ, чтобъ онъ хоть что нибудь сказалъ о тебѣ, хорошаго или дурнаго; онъ совсѣмъ о тебѣ не говоритъ.

— А я такъ слышалъ, что третьяго дня у Катерины Ивановны онъ отдѣлывалъ меня на чемъ свѣтъ стоитъ,—вотъ до его интересовался вашимъ покорнымъ слугой. И кто, братъ, ого послѣ этого ревнуетъ—не знаю! Изволилъ выразить мысль, то если я-де не соглашусь на карьеру архимандрита въ весьма едалекомъ будущемъ, и не рѣшусь постричься, то непремѣнно ѣду въ Петербургъ и примкну къ толстому журналу, непремѣнно къ отдѣленію критики, буду писать лѣтъ десятокъ и въ онцѣ концовъ переведу журналъ на себя. Затѣмъ буду опять о издавать и непремѣнно въ либеральномъ и атеистическомъ направленіи, съ соціалистическимъ оттѣнкомъ, съ маленькимъ лоскомъ соціализма, но держа ухо востро, то есть въ сущности держа нашимъ и вашимъ и отводя глаза дуракамъ. Конецъ карьеры моей, по толкованію твоего братца, въ томъ, что оттѣнокъ соціализма не помѣшаетъ мнѣ откладывать на текущій подписныя денежки и пускать ихъ при случаѣ въ оборотъ руководствомъ какого-нибудь жидишки, до тѣхъ поръ выстрою капитальный домъ въ Петербургѣ, съ тѣмъ, ревесть въ него и редакцію, а въ остальные этажи нальцовъ. Даже мѣсто дому назначилъ: у Новаго Ка-

женнаго моста черезъ Неву, который проектируется, говори
въ Петербургѣ, съ Литейной на Выборгскую...

— Ахъ, Миша, вѣдь это, пожалуй, какъ есть все и с
дется, до послѣдняго даже слова! вскричалъ вдругъ Алеша,
удержавшись и весело усмѣхаясь.

— И вы въ сарказмы пускаетесь, Алексѣй Ѳедоровичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я шучу, извини. У меня совсѣмъ друго
умѣ. Позволь однако: кто-бы тебѣ могъ такія подробности с
щить, и отъ кого-бы ты могъ о нихъ слышать. Ты не могъ
быть у Катерины Ивановны лично, когда онъ про тебя говори

— Меня не было, зато былъ Дмитрій Ѳедоровичъ, и я с
шалъ это своими ушами отъ Дмитрія-же Ѳедоровича, то е
если хочешь, онъ не мнѣ говорилъ, а я подслушалъ, разумѣе
по неволѣ, потому что у Грушеньки въ ея спальнѣ сидѣ
выйдти не могъ все время, пока Дмитрій Ѳедоровичъ въ
дующей комнатѣ находился.

— Ахъ да, я и забылъ, вѣдь она тебѣ родственница...

— Родственница? Это Грушенька-то мнѣ родственница? вс
чалъ вдругъ Ракитинъ весь покраснѣвъ. — Да ты съ ума
талъ, что-ли? Мозги не въ порядкѣ.

— А что? Развѣ не родственница? Я такъ слышалъ...

— Гдѣ ты могъ это слышать? Нѣтъ, вы господа Кар
зовы какихъ-то великихъ и древнихъ дворянъ изъ себя
читѣ, тогда какъ отецъ твой бѣгалъ шутомъ по чужимъ
ламъ, да при милости на кухнѣ числился. Положимъ, я то
поповскій сынъ и тля передъ вами, дворянами, но не оскорбля
же меня такъ весело и безпутно. У меня тоже честь есть,
ксѣй Ѳедоровичъ. Я Грушенькѣ не могу быть родней, публич
дѣвкѣ, прошу понять-съ!

Ракитинъ былъ въ сильномъ раздраженіи.

— Извини меня, ради Бога, я никакъ не могъ предп
гать, и притомъ какая она публичная? Развѣ она... такая?
краснѣлъ вдругъ Алеша. — Повторяю тебѣ, я такъ слыш
что родственница. Ты къ ней часто ходишь и самъ мнѣ г
рилъ, что ты съ нею связей любви не имѣешь... Вотъ я
когда не думалъ, что ужь ты-то ее такъ презираешь! Да
ужели она достойна того?

— Если я ее посѣщаю, то на то могу имѣть свои причи
ну и довольно съ тебя. А на счетъ родства, такъ скорѣй т
братецъ, али даже самъ батюшка навяжетъ ее тебѣ, а не
въ родню. Ну вотъ и дошли. Ступай-ка на кухню лучше.

утъ такое, что̀ это? Аль опоздали? Да не могли-же они скоро отобѣдать? Аль тутъ опять что̀ Карамазовы напро-и? Навѣрно такъ. Вотъ и батюшка твой, и Иванъ Ѳедо-ь за нимъ. Это они отъ игумена вырвались. Вонъ отецъ ръ съ крыльца кричитъ имъ что-то во слѣдъ. Да и ба-ъ твой кричитъ и руками махаетъ, вѣрно бранится. Ба, ть и Міусовъ въ коляскѣ уѣхалъ, видишь, ѣдетъ. Вотъ и ковъ помѣщикъ бѣжитъ — да тутъ скандалъ; значитъ, не обѣда! Ужь не прибили-ли они игумена? Али ихъ, пожа-прибили? Вотъ-бы стòило!..

китинъ восклицалъ не напрасно. Скандалъ дѣйствительно ошелъ, неслыханный и неожиданный. Все произошло «по овенію».

VIII.

Скандалъ.

гда Міусовъ и Иванъ Ѳедоровичъ входили уже къ игу-то въ Петрѣ Александровичѣ, какъ въ искренно порядоч-и деликатномъ человѣкѣ, быстро произошелъ одинъ дели-й въ своемъ родѣ процессъ, ему стало стыдно сердиться. почувствовалъ про себя, что дряннаго Ѳедора Павловича, щности, долженъ-бы былъ онъ до того не уважать, что не ало-бы ему терять свое хладнокровіе въ кельѣ старца и самому потеряться, какъ оно вышло. «По крайней мѣрѣ, и-то ужь тутъ не виноваты ни въ чемъ», рѣшилъ онъ ъ на крыльцѣ игумена, — «а если и тутъ порядочный ь (этотъ отецъ Николай игуменъ тоже, кажется, изъ дво-, то почему-же не быть съ ними милымъ, любезнымъ и вымъ?..» «Спорить не буду, буду даже поддакивать, за-любезностью и... и... наконецъ, докажу имъ, что я не ія этому Эзопу, этому шуту, этому пьерò и попался въ ъ точно также, какъ и они всѣ»...

орныя-же порубки въ лѣсу и эту ловлю рыбы (гдѣ все онъ и самъ не зналъ) онъ рѣшилъ имъ уступить окончa-, разъ навсегда, сегодня-же, тѣмъ болѣе, что все это очень аго стоило, и всѣ свои иски противъ монастыря прекратить. ѣ эти благія намѣренія еще болѣе укрѣпились, когда они ли въ столовую отца игумена. Столовой у того, впрочемъ, но, потому что было у него всего по настоящему двѣ ком-ы всемъ помѣщенія, правда, гораздо обширнѣйшія и удоб-

нѣйшія чѣмъ у старца. Но убранство комнатъ также не отл
лось особымъ комфортомъ: мебель была кожаная, краснаг
рева, старой моды двадцатыхъ годовъ, даже полы были не
шенные; зато все блистало чистотой, на окнахъ было много
рогихъ цвѣтовъ; но главную роскошь въ эту минуту естеств
составлялъ роскошно сервированный столъ, хотя, впрочем
тутъ говоря относительно: скатерть была чистая, посуда бле
щая; превосходно выпеченный хлѣбъ трехъ сортовъ, двѣ
тылки вина, двѣ бутылки великолѣпнаго монастырскаго м
и большой стеклянный кувшинъ съ монастырскимъ квас
славившимся въ околодкѣ. Водки не было вовсе. Ракитинъ
вѣствовалъ потомъ, что обѣдъ приготовленъ былъ на этотъ
изъ пяти блюдъ: была уха со стерлядью и съ пирожками
рыбой; затѣмъ разварная рыба какъ-то отмѣнно и особенно
готовленная; затѣмъ котлеты изъ красной рыбы, мороже
и компотъ и, наконецъ, киселекъ въ родѣ бламанже. Все
пронюхалъ Ракитинъ, не утерпѣвъ и нарочно заглянувъ
игуменскую кухню, съ которою тоже имѣлъ свои связи.
вездѣ имѣлъ связи и вездѣ добывалъ языка. Сердце онъ им
весьма безпокойное и завистливое. Значительныя свои способ
сти онъ совершенно въ себѣ сознавалъ, но нервно преувел
чивалъ ихъ въ своемъ самомнѣніи. Онъ зналъ навѣрно,
будетъ въ своемъ родѣ дѣятелемъ, но Алешу, который бы
къ нему очень привязанъ, мучило то, что его другъ Ракит
безчестенъ и рѣшительно не сознаетъ того самъ, напроти
зная про себя, что онъ не украдетъ денегъ со стола, он
чательно считалъ себя человѣкомъ высшей честности. Тутъ
не только Алеша, но и никто-бы не могъ ничего сдѣлать.

Ракитинъ, какъ лицо мелкое, приглашенъ быть къ об
не могъ, зато были приглашены отецъ Іосифъ и отецъ Па
и съ ними еще одинъ іеромонахъ. Они уже ожидали въ стол
игумена, когда вступили Петръ Александровичъ, Калганов
Иванъ Ѳедоровичъ. Дожидался еще въ сторонкѣ и помѣщ
Максимовъ. Отецъ игуменъ, чтобы встрѣтить гостей, выступ
впередъ на средину комнаты. Это былъ высокій, худощав
но все еще сильный старикъ, черноволосый, съ сильною
сѣдью, съ длиннымъ постнымъ и важнымъ лицомъ. Онъ
кланялся съ гостями молча, но тѣ на этотъ разъ подошли
благословеніе. Міусовъ рискнулъ было даже поцѣловать р
но игуменъ вовремя какъ-то отдернулъ и поцѣлуй не сост
Зато Иванъ Ѳедоровичъ и Калгановъ благословились на

азъ вполнѣ, то есть съ самымъ простодушнымъ и просто
однымъ чмокомъ въ руку.

— Мы должны сильно извиниться, ваше высокопреподоб
ачалъ Павелъ Александровичъ, съ любезностью оскл
о все-же важнымъ и почтительнымъ тономъ,—извинит
вляемся одни, безъ приглашеннаго вами спутника наше
ора Павловича; онъ принужденъ былъ отъ вашей
клониться и не безъ причины. Въ кельѣ у препод
осимы, увлекшись своею несчастною родственною р
ыномъ, онъ произнесъ нѣсколько словъ совершенно не
ловомъ сказать, совершенно неприличныхъ... о чемъ, к
ется (онъ взглянулъ на іеромонаховъ), вашему высоко...
обію уже и извѣстно. А потому самъ сознавая себя
ымъ и искренно раскаяваясь, почувствовалъ стыдъ и, не м
реодолѣть его, просилъ насъ, меня и сына своего, Ивана
оровича, заявить предъ вами все свое искреннее сожалѣніе,
окрушеніе и покаяніе... Однимъ словомъ, онъ надѣется и хо-
етъ вознаградить все потомъ, а теперь, испрашивая вашего
лагословенія, проситъ васъ забыть о случившемся...

Міусовъ умолкъ. Произнеся послѣднія слова своей тирады,
нъ остался собою совершенно доволенъ, до того, что и слѣ-
овъ недавняго раздраженія не осталось въ душѣ его. Онъ
олнѣ и искренно любилъ опять человѣчество. Игуменъ, съ
ажностью выслушавъ его, слегка наклонилъ голову и произ-
есъ въ отвѣтъ:

— Чувствительно сожалѣю объ отлучившемся. Можетъ быть,
а трапезой нашею онъ полюбилъ-бы насъ, равно какъ и мы
го. Милости просимъ, господа, откушать.

Онъ всталъ передъ образомъ и началъ вслухъ молитву. Всѣ
очтительно преклонили головы, а помѣщикъ Максимовъ даже
обенно выставился впередъ, сложивъ передъ собой ладош-
ами руки отъ особаго благоговѣнія.

И вотъ тутъ-то Ѳедоръ Павловичъ и выкинулъ свое по-
лѣднее колѣно. Надо замѣтить, что онъ дѣйствительно хотѣлъ
ыло уѣхать и дѣйствительно почувствовалъ невозможность, послѣ
воего позорнаго поведенія въ кельѣ старца, идти какъ ни въ
бывало къ игумену на обѣдъ. Не то чтобъ онъ сты-
такъ ужь очень и обвинялъ; можетъ быть, даже со-
ливъ; но все-же онъ чувствовалъ, что обѣдать-то
но. Но только было подали къ крыльцу гостин-
жащую коляску, какъ онъ, уже влѣзая въ нее,

вдругъ пріостановился. Ему вспомнились его-же собственныя слова у старца: «Мнѣ все такъ и кажется, когда я вхожу куда-нибудь, что я подлѣе всѣхъ и что меня всѣ за шута принимаютъ,—такъ вотъ давай-же я и въ самомъ дѣлѣ сыграю шута, потому что вы всѣ до единаго глупѣе и подлѣе меня». Ему захотѣлось всѣмъ отомстить за собственныя пакости. Вспомнилъ онъ вдругъ теперь кстати, какъ когда-то, еще прежде, спросили его разъ: «За что вы такого-то такъ ненавидите»? И онъ отвѣтилъ тогда, въ припадкѣ своего шутовскаго безстыдства: «А вотъ за что: онъ, правда, мнѣ ничего не сдѣлалъ, но за то я сдѣлалъ ему одну безсовѣстнѣйшую пакость, и только что сдѣлалъ, тотчасъ-же зато и возненавидѣлъ его». Припомнивъ это теперь, онъ тихо и злобно усмѣхнулся въ минутномъ раздумьи. Глаза его сверкнули и даже губы затряслись. «А коль началъ, такъ и кончить», рѣшилъ онъ вдругъ. Сокровеннѣйшее ощущеніе его въ этотъ мигъ можно было-бы выразить такими словами: «Вѣдь ужь теперь себя не реабилитируешь, такъ давай-на я имъ еще наплюю до безстыдства: не стыжусь, дескать, васъ, да и только»! Кучеру онъ велѣлъ подождать, а самъ скорыми шагами воротился въ монастырь и прямо къ игумену. Онъ еще не зналъ хорошо, что сдѣлаетъ, но зналъ, что уже не владѣетъ собою и—чуть толчекъ—мигомъ дойдетъ теперь до послѣдняго предѣла какой-нибудь мерзости,—впрочемъ, только мерзости, а отнюдь не какого-нибудь преступленія или такой выходки, за которую можетъ судъ наказать. Въ послѣднемъ случаѣ онъ всегда умѣлъ себя сдерживать и даже самъ себѣ дивился на счетъ этого въ иныхъ случаяхъ. Онъ показался въ столовой игумена ровно въ тотъ мигъ, когда кончилась молитва и всѣ двинулись къ столу. Остановившись на порогѣ, оглядѣлъ компанію и засмѣялся длиннымъ, наглымъ, злымъ смѣшкомъ, всѣмъ отважно глядя въ глаза.

— А они-то думали, я уѣхалъ, а я вотъ онъ! вскричалъ онъ на всю залу.

Одно мгновеніе всѣ смотрѣли на него въ упоръ и молчали, и вдругъ всѣ почувствовали, что выйдетъ сейчасъ что-нибудь отвратительное, нелѣпое, съ несомнѣннымъ скандаломъ. Петръ Александровичъ изъ самаго благодушнаго настроенія перешелъ немедленно въ самое свирѣпое. Все, что угасло было въ его сердцѣ и затихло, разомъ воскресло и поднялось.

— Нѣтъ, вынести этого я не могу! вскричалъ онъ,—*всѣмъ не могу* и... никакъ не могу!

Кровь бросилась ему въ голову. Онъ даже с гался, но же не до слога и онъ схватилъ свою шляпу.

— Чего такого онъ не можетъ? вскричалъ Ѳедоръ Па ичъ, — «никакъ не можетъ и ни за что не можетъ?» реподобіе, входить мнѣ аль нѣтъ? Принимаете трапезн

— Милости просимъ отъ всего сердца, отвѣ ъ иг Господа! Позволю-ли себѣ — прибавилъ онъ вд вясь отъ всей души, оставивъ случайныя расп ись въ любви и родствен мъ согласіи, съ молит году, за смиренною трапез ю нашей...

— Нѣтъ, нѣтъ, невозмо жно, крикнулъ какъ-бы н Петръ Александровичъ.

— А коли Петру Александровичу невозможно, так невозможно, и я не останусь. Я съ тѣмъ и шелъ. Л перь буду съ Петромъ Александровичемъ: уйдете, Петр ксандровичъ, и я пойду, останетесь — и я останусь. Родс нымъ-то согласіемъ вы его наипаче кольнули, отецъ игуменъ: е признаетъ онъ себя мнѣ родственникомъ? Такъ-ли, фонъ-Зонъ? Вотъ и фонъ-Зонъ стоитъ. Здравствуй, фонъ-Зонъ.

— Вы... это мнѣ-съ? пробормоталъ изумленный помѣщикъ Максимовъ.

— Конечно, тебѣ, крикнулъ Ѳедоръ Павловичъ.—А то кому е? Не отцу-же игумену быть фонъ-Зономъ.

— Да вѣдь и я не фонъ-Зонъ, я Максимовъ.

— Нѣтъ, ты фонъ-Зонъ. Ваше преподобіе, знаете вы, что кое фонъ-Зонъ? Процессъ такой уголовный былъ: его убили ъ блудилищѣ — такъ, кажется, у васъ сіи мѣста именуются — били и ограбили, и, не смотря на его почтенныя лѣта, вколо ли въ ящикъ, закупорили и изъ Петербурга въ Москву ото ли въ багажномъ вагонѣ, за нумеромъ. А когда заколачи ли, то блудныя плясавицы пѣли пѣсни и играли на гусляхъ, есть на фортоплясахъ. Такъ вотъ тотъ самый фонъ-Зонъ и ть. Онъ изъ мертвыхъ воскресъ, такъ-ли, фонъ-Зонъ?

— Что-же это такое? Какъ-же это? послышались голоса ъ группѣ іеромонаховъ.

— Идемъ! крикнулъ Петръ Александровичъ, обращаясь къ лганову.

Нѣтъ-съ, позвольте! визгливо перебилъ Ѳедоръ Павло магнувъ еще шагъ въ комнату,—позвольте и мнѣ довер мъ въ кельѣ ославили меня, что я будто-бы непочти лъ себя, а именно тѣмъ, что про пискариковъ крик-

нулъ. Петръ Александровичъ Миусовъ, родственникъ мой, ли
бытъ, чтобы въ рѣчи было plus de noblesse que de sincérité, а
обратно люблю, чтобы въ моей рѣчи было plus de sincérité
de noblesse, и—наплевать на noblesse! Такъ-ли, фонъ-Зонъ? Не
вольте, отецъ игуменъ, я хоть и шутъ, и представляюсь и
томъ, но я рыцарь чести и хочу высказать. Да-съ, я рыца
чести, а въ Петрѣ Александровичѣ—приемленное самолюбіе
ничего больше. Я и пріѣхалъ-то, можетъ быть, сюда даже
чтобы посмотрѣть да высказать. У меня здѣсь сынъ Алек
спасается: я отецъ, я объ его участи забочусь и долженъ за
титься. Я все слушалъ да представлялся, да и смотрѣлъ
тихоньку, а теперь хочу вамъ и послѣдній актъ представле
продѣлать. У насъ вѣдь какъ? У насъ что падаетъ, то ужа
лежитъ. У насъ что разъ упало, то ужь и во вѣки лежи. Ка
бы не такъ-съ! *Я* встать желаю. Отцы святые, я вами воз
щенъ. Исповѣдь есть великое таинство, предъ которымъ
благоговѣю и готовъ повергнуться ницъ, а тутъ вдругъ тамъ
кельѣ всѣ на колѣнкахъ и исповѣдуются вслухъ. Развѣ всл
позволено исповѣдываться? Святыми отцами установлено испо
даніе на ухо, тогда только исповѣдь ваша будетъ таинствомъ
это издревле. А то, какъ я ему объясню при всѣхъ, что я, нап
мѣръ, то и то... ну, то есть то и то, понимаете? Иногда вѣд
сказать неприлично. Такъ вѣдь это скандалъ! Нѣтъ, отцы, съ в
тутъ, пожалуй, въ хлыстовщину втянешься... Я при первомъ
случаѣ напишу въ Синодъ, а сына своего Алексѣя домой возь

Здѣсь нотабене. Ѳедоръ Павловичъ слышалъ, гдѣ въ ко
кола звонятъ. Были когда-то злыя сплетни, достигшія даже
архіерея (не только по нашему, но и въ другихъ монастыря
гдѣ установилось старчество), что будто слишкомъ уважаю
чтарцы, въ ущербъ даже сану игуменскому, и что между и
симъ будто-бы старцы злоупотребляютъ таинствомъ испов
и проч., и проч. Обвиненія нелѣпыя, которыя и пали въ с
время сами собой и у насъ, и повсемѣстно. Но глупый д
волъ, который подхватилъ и несъ Ѳедора Павловича на
собственныхъ нервахъ куда-то все дальше и дальше въ пос
ную глубину, подсказалъ ему это бывшее обвиненіе, въ ко
ромъ Ѳедоръ Павловичъ самъ не понималъ перваго слова. Д
высказать-то его грамотно не съумѣлъ, тѣмъ болѣе, что на эт
разъ никто въ кельѣ старца на колѣняхъ не стоялъ и всл
не исповѣдывался, такъ что Ѳедоръ Павловичъ ничего не и
подобнаго самъ видѣть и говорилъ лишь по старымъ слухам

[illegible]ъ, которые кое-какъ припомнилъ. Но высказавъ свою [illegible]ость, онъ почувствовалъ, что сморозилъ нелѣпый вздоръ и [illegible]гъ захотѣлось ему тотчасъ-же доказать слушателямъ, а пуще [illegible] себѣ самому, что сказалъ онъ вовсе не вздоръ. И хотя [illegible] отлично зналъ, что съ каждымъ будущимъ словомъ все [illegible]ше и нелѣпѣе будетъ прибавлять къ сказанному уже вздору [illegible] такого-же, — но ужь сдержать себя не могъ и полетѣлъ [illegible]ъ съ горы.

— Какая подлость! крикнулъ Петръ Александровичъ.

— Простите, сказалъ вдругъ игуменъ. — Было сказано из-[illegible]ле: «И начатъ глаголати на мя многая нѣкая, даже и до [illegible]рныхъ нѣкихъ вещей. Азъ же вся слышавъ, глаголахъ въ [illegible]: се врачество Іисусово есть и послалъ исцѣлити тщеслави-[illegible] душу мою». А потому и мы благодаримъ васъ съ поклон-[illegible]ью, гость драгоцѣнный.

И онъ поклонился Ѳедору Павловичу въ поясъ.

— Те-те-те! Ханженство и старыя фразы! Старыя фразы и [illegible]рые жесты! Старая ложь и казенщина земныхъ поклоновъ! [illegible]емъ мы эти поклоны! «Поцѣлуй въ губы и кинжалъ въ [illegible]дце» какъ въ *Разбойникахъ* Шиллера. Не люблю, отцы, [illegible]ьши, а хочу истины! Но не въ пискарикахъ истина, и я это [illegible]возгласилъ! Отцы монахи, зачѣмъ поститесь? Зачѣмъ вы ждете [illegible]это себѣ награды на небеси? Такъ вѣдь изъ-за этакой на-[illegible]ды и я пойду поститься! Нѣтъ, монахъ святой, ты будь-ка [illegible]родѣтеленъ въ жизни, принеси пользу обществу не заклю-[illegible]сь въ монастырѣ на готовые хлѣба и не ожидая награды тамъ [illegible]верху,—такъ это-то потруднѣе будетъ. Я тоже вѣдь, отецъ [illegible]менъ, умѣю складно сказать. Что у нихъ тутъ наготовлено?— [illegible]ошелъ онъ къ столу. —Портвейнъ старый Фактори, медокъ [illegible]ива братьевъ Елисѣевыхъ, ай да отцы! Не похоже вѣдь на [illegible]шариковъ. Ишь бутылочекъ-то отцы наставили, хе-хе-хе! А [illegible] это все доставлялъ сюда? Это мужикъ русскій, труженикъ, [illegible]ими мозольными руками заработанный грошъ сюда несетъ, [illegible]ывая его отъ семейства и отъ нуждъ государственныхъ! Вѣдь [illegible], отцы святые, народъ сосете!

— Это ужь совсѣмъ недостойно съ вашей стороны, прого-[illegible]лъ отецъ Іосифъ. Отецъ Паисій упорно молчалъ. Міусовъ [illegible]ался бѣжать изъ комнаты, а за нимъ и Калгановъ.

— Ну, отцы, и я за Петромъ Александровичемъ! Больше я [illegible]амъ не приду, просить будете на колѣняхъ, не приду. Ты-[illegible]у рубликовъ я вамъ прислалъ, такъ вы опять глазки на-

вострили, хе-хе-хе! Нѣтъ, еще не прибавлю. Мщу за мою [illegible] шедшую молодость, за все униженіе мое!—застучалъ онъ [illegible] комъ по столу въ припадкѣ выдѣланнаго чувства.—Много [illegible] чилъ этотъ монастырекъ въ моей жизни! Много горькихъ [illegible] я изъ-за него пролилъ! Вы жену мою, кликушу, возстановил[illegible] противъ меня. Вы меня на семи соборахъ проклинали, но [illegible] лотку разнесли! Довольно, отцы, ныньче вѣкъ либеральный, [illegible] пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ. Ни тысячи, ни ста рублей, [illegible] ста копѣекъ, ничего отъ меня не получите!

Опять нотабене. Никогда и ничего такого особеннаго не [illegible] чилъ нашъ монастырь въ его жизни и никакихъ горькихъ сл[illegible] не проливалъ онъ изъ-за него. Но онъ до того увлекся [illegible] ланными слезами своими, что на одно мгновеніе чуть было [illegible] самъ не повѣрилъ; даже заплакалъ было отъ умиленія; но [illegible] тотъ-же мигъ почувствовалъ, что пора поворачивать оглобли [illegible] задъ. Игуменъ на злобную ложь его наклонилъ голову и [illegible] внушительно произнесъ:

— Сказано снова: «Претерпи смотрительнѣ находящее на [illegible] невольно безчестіе съ радостію, и да не смутишася, ниже во[illegible] ненавидиши безчестящаго тя». Такъ и мы поступимъ.

— Те-те-те, вознепщеваху! и прочая галиматья! Непщуйте, отцы, а я пойду. А сына моего Алексѣя беру отселѣ родительскою властію моею навсегда. Иванъ Ѳедоровичъ, почтительнѣйшій сынъ мой, позвольте вамъ приказать за мною слѣдовать! Фонъ-Зонъ, чего тебѣ тутъ оставаться! Приходи сейчасъ ко мнѣ въ городъ. У меня весело. Всего верстушка какая-нибудь, вмѣсто постнаго-то масла подамъ поросенка съ кашей; пообѣдаемъ; коньячку поставлю, потомъ ликерцу; мамуровка есть... Эй, фонъ-Зонъ, не упускай своего счастія!

Онъ вышелъ крича и жестикулируя. Вотъ въ это-то мгновеніе Гакатинъ и увидѣлъ его выходящаго и указалъ Алешѣ.

— Алексѣй! крикнулъ ему издали отецъ, завидѣвъ его,— сегодня-же переѣзжай ко мнѣ совсѣмъ, и подушку и тюфякъ таши, и чтобы твоего духу здѣсь не пахло.

Алеша остановился, какъ вкопаный, молча и внимательно наблюдая сцену. Ѳедоръ Павловичъ между тѣмъ влѣзъ въ коляску, а за нимъ, даже и не оборотившись къ Алешѣ проститься, молча и угрюмо сталъ было влѣзать Иванъ Ѳедоровичъ. Но тутъ произошла еще одна паясническая и невѣроятная почти сцена, восполнившая эпизодъ. Вдругъ у подножки коляски появился помѣщикъ Максимовъ. Онъ прибѣжалъ запыхавшись, чтобы [illegible]

опоздать. Ракитинъ и Алеша видѣли, какъ онъ бѣжалъ. О спѣшилъ, что въ нетерпѣніи занесъ уже но у на сту на которой еще стояла лѣвая нога Ивана Ѳе оровича, и, ст тившись за кузовъ, сталъ было подпрыгивати въ коляс

— И я, и я съ вами! выкрикивалъ онъ, подпрыги ясь мелкимъ веселымъ смѣшкомъ, съ блаженствомъ в на все готовый,—возьмите и меня.

— Ну, не говорилъ-ли я, — восторженно крик Павловичъ,—что это фонъ-Зонъ! Что это настоящій изъ мертвыхъ фонъ-Зонъ! Да какъ ты вырвался о ты тамъ нафонзонилъ такого и какъ ты-то могъ о уйдти? Вѣдь надо-же мѣдный лобъ имѣть! У меня лобъ, а твоему удивляюсь! Прыгай, прыгай скорѣй! Пусть ем весело будетъ. Онъ тутъ какъ нибудь въ ногахъ полежи лежишь, фонъ-Зонъ? Али на облучекъ его съ кучеромъ п тить?.. Прыгай на облучекъ, фонъ-Зонъ.

Но Иванъ Ѳедоровичъ, усѣвшійся уже на мѣсто, молча и всей силы вдругъ отпихнулъ въ грудь Максимова и тотъ от тѣлъ на сажень. Если не упалъ, то только случайно.

— Пошелъ! злобно крикнулъ кучеру Иванъ Ѳедоровичъ.

— Ну, чего-же ты? Чего-же ты? Зачѣмъ ты его такъ? во нулся Ѳедоръ Павловичъ, но коляска уже поѣхала. Иванъ дорович не отвѣтилъ.

— Ишь вѣдь ты! помолчавъ двѣ минуты, проговорилъ от Ѳедоръ Павловичъ, косясь на сынка:—Самъ вѣдь ты весь эт монастырь затѣялъ, самъ подстрекалъ, самъ одобрялъ, чего теперь сердишься?

— Полно вамъ вздоръ толочь, отдохните хоть теперь много, сурово отрѣзалъ Иванъ Ѳедоровичъ.

Ѳедоръ Павловичъ опять помолчалъ съ двѣ минуты.

— Коньячку-бы теперь хорошо, сентенціозно замѣтилъ о Но Иванъ Ѳедоровичъ не отвѣтилъ.

— Доѣдемъ, и ты выпьешь.

Иванъ Ѳедоровичъ все молчалъ.

Ѳедоръ Павловичъ подождалъ еще минуты съ двѣ:

— А Алешку-то я всетаки изъ монастыря возьму, не смо ва то, что вамъ это очень непріятно будетъ, почтительнѣйш фонъ-Моръ.

ъ Ѳедоровичъ презрительно вскинулъ плечами, и, от сталъ смотрѣть на дорогу. Затѣмъ ужь до самаго до ли.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

СЛАДОСТРАСТНИКИ.

I.

Въ лакейской.

Домъ Ѳедора Павловича Карамазова стоялъ далеко не в
момъ центрѣ города, но и не совсѣмъ на окраинѣ. Былъ онъ
вольно ветхъ, но наружность имѣлъ пріятную: одноэтажны
мезониномъ, окрашенный сѣренькою краской и съ красною
лѣзною крышкой. Впрочемъ, могъ еще простоять очень д
былъ помѣстителенъ и уютенъ. Много было въ немъ раз
чуланчиковъ, разныхъ прятокъ, и неожиданныхъ лѣсенокъ
дились въ немъ крысы, но Ѳедоръ Павловичъ на них
вполнѣ сердился: «все-же не такъ скучно по вечерамъ,
остаешься одинъ». А онъ дѣйствительно имѣлъ обыкновени
пускать слугъ на ночь во флигель и въ домѣ самъ запир
одинъ на всю ночь. Флигель этотъ стоялъ на дворѣ, былъ
ширенъ и проченъ; въ немъ-же опредѣлилъ Ѳедоръ Павло
быть и кухнѣ, хотя кухня была и въ домѣ; не любилъ он
хоппаго запаха и кушанье приносили черезъ дворъ зимой
томъ. Вообще домъ былъ построенъ на большую семью, и
подъ и слугъ можно было бы помѣстить впятеро больше. Н
моментъ нашего разсказа въ домѣ жилъ лишь Ѳедоръ П
вичъ съ Иваномъ Ѳедоровичемъ, а въ людскомъ флигелѣ
только три человѣка прислуги: старикъ Григорій, старуха М
его жена, и слуга Смердяковъ, еще молодой человѣкъ. П
дится сказать нѣсколько по подробнѣе объ этихъ трехъ слу
шихъ лицахъ. О старикѣ Григоріѣ Васильевичѣ Кутузовѣ

прочемъ, уже говорили довольно. Это былъ человѣкъ тверды
неуклонный, упорно и прямолинейно идущій къ своей точк
ли только эта точка по какимъ-нибудь причинамъ (часто уд
тельно нелогическимъ) становилась предъ нимъ какъ непр
ная истина. Вообще говоря, онъ былъ честенъ и неподк
мъ. Жена его, Марѳа Игнатьевна, не смотря на то, что пред
ей мужа безпрекословно всю жизнь склонялась, ужасно пр
вала къ нему, напримѣръ, тотчасъ послѣ освобожденія крест
ть, уйдти отъ Ѳедора Павловича въ Москву и тамъ начать к
ъ-нибудь торговлишку (у нихъ водились кое-какіе деньжонки
е Григорій рѣшилъ тогда-же и разъ навсегда, что баба врет
потому что всякая баба безчестна», но что уходить имъ от
режняго господина не слѣдуетъ, каковъ-бы онъ тамъ самъ н
лъ, «потому что это нихній таперича долгъ».

«Ты понимаешь-ли что̀ есть долгъ?» обратился онъ къ Мар
Игнатьевнѣ.

— Про долгъ я понимаю, Григорій Васильевичъ, но как
амъ тутъ долгъ, чтобы намъ здѣсь оставаться, того ничего н
ойму, отвѣтила твердо Марѳа Игнатьевна.

— И не понимай, а оно такъ будетъ. Впредь молчи.

Такъ и вышло: они не ушли, а Ѳедоръ Павловичъ назн
лъ имъ жалованье, небольшое, и жалованье выплачивалъ
ригорій зналъ къ тому-же, что онъ на барина имѣетъ вліян
оспоримое. Онъ чувствовалъ это, и это было справедливо: хи
ый и упрямый шутъ, Ѳедоръ Павловичъ, очень твердаго хара
ра «въ нѣкоторыхъ вещахъ жизни», какъ онъ самъ выража
, бывалъ, къ собственному удивленію своему, весьма дал
забоватъ характеромъ въ нѣкоторыхъ другихъ «вещахъ жизни
онъ самъ зналъ въ какихъ, зналъ и боялся многаго. Въ н
торыхъ вещахъ жизни надо было держать ухо востро, и пр
мъ тяжело было безъ вѣрнаго человѣка, а Григорій былъ ч
вѣкъ вѣрнѣйшій. Даже такъ случалось, что Ѳедоръ Павлович
ого разъ въ продолженіи своей карьеры могъ быть битъ,
льно битъ, и всегда выручалъ Григорій, хотя каждый раз
рочитывалъ ему послѣ того наставленіе. Но одни побои н
пугали-бы Ѳедора Павловича: бывали высшіе случаи и дал
ь тонкіе и сложные, когда Ѳедоръ Павловичъ и самъ-бы н
состоянія, пожалуй, былъ опредѣлить ту необычайную по
честь въ вѣрномъ и близкомъ человѣкѣ, которую онъ момен
но и непостижимо вдругъ иногда начиналъ ощущать въ себ
были почти болѣзненные случаи: развратнѣйшій и въ сл

дострастіи своемъ часто жестокій, какъ алое насѣкомое, Ѳед
Павловичъ вдругъ ощущалъ въ себѣ иной разъ, пьянымъ ви
тами, духовный страхъ и нравственное сотрясеніе, почти, ск
сказать, даже физически отзывавшееся въ душѣ его. «Душа
меня точно въ горлѣ трепещется въ эти разы», говаривалъ он
иногда. Вотъ въ эти-то мгновенія онъ и любилъ, чтобы подл
по близости, пожалуй, хоть и не въ той комнатѣ, а во флиге
былъ такой человѣкъ, преданный, твердый, совсѣмъ не т
кой, какъ онъ, не развратный, который хотя-бы все это с
вершающееся безпутство и видѣлъ, и зналъ всѣ тайны, но и
же изъ преданности допускалъ-бы это все, не противился, гл
ное—не укорялъ и ничѣмъ-бы не грозилъ, ни въ семъ вѣкѣ,
въ будущемъ; а въ случаѣ нужды такъ-бы и защитилъ его,—о
кого? Отъ кого-то неизвѣстнаго, но страшнаго и опаснаго. Д
было именно въ томъ, чтобы былъ непремѣнно *другой* человѣк
старинный и дружественный, чтобы въ больную минуту позва
его, только съ тѣмъ, чтобы всмотрѣться въ его лицо, пожалу
перебросится словцомъ, совсѣмъ даже постороннимъ какимъ-н
будь, и коли онъ ничего, не сердится, то какъ-то и легче серд
а коли сердится, ну, тогда грустнѣй. Случалось (но впрочем
чрезвычайно рѣдко), что Ѳедоръ Павловичъ шелъ даже ночь
во флигель будить Григорія, чтобы тотъ на минутку пришелъ
нему. Тотъ приходилъ, и Ѳедоръ Павловичъ заговаривалъ о с
вершеннѣйшихъ пустякахъ и скоро отпускалъ, иногда даже
насмѣшечкой и шуточкой, а самъ, плюнувъ, ложился спать
спалъ уже сномъ праведника. Нѣчто въ этомъ родѣ случило
съ Ѳедоромъ Павловичемъ и по пріѣздѣ Алеши. Алеша «про
зилъ его сердце» тѣтъ, что «жилъ, все видѣлъ и ничего
осудилъ». Мало того, принесъ съ собой небывалую вещь: совс
щенное отсутствіе презрѣнія къ нему, старику, напротивъ, все
дашнюю ласковость и совершенно натуральную прямодушну
привязанность къ нему, столь мало ее заслужившему. Все э
было для стараго потаскуна и безсемейника совершеннымъ сю
призомъ, совсѣмъ для него, любившаго доселѣ одну лишь «скверну
неожиданнымъ. По уходѣ Алеши онъ призналъ себѣ, что и
нялъ кое-что, чего доселѣ не хотѣлъ понимать.

Я уже упоминалъ, въ началѣ моего разсказа, какъ Григор
ненавидѣлъ Аделаиду Ивановну, первую супругу Ѳедора Пав
вича и мать перваго сына его, Дмитрія Ѳедоровича, и какъ,
оборотъ, защищалъ вторую его супругу, кликушу, Софью Ив
новну, противъ самого своего господина, и противъ всѣхъ, ко

шло на умъ молвить о ней худое или л
Въ немъ симпатія къ этой несчастной обра
ценное, такъ что и двадцать лѣтъ спустя он
ть кого-бы то ни шло, даже худаго намек
возразилъ обидчику. По наружности с
еловѣкъ холодный и важный, не болтливы
ова вѣскія, нелегкомысленныя. Точно такж
разъяснить въ немъ съ перваго вз
зотвѣтную, покорную жену или нѣтъ, а
твительно любилъ и та, конечно, это
Игнатьевна была женщина не только не глу
ыть, и умнѣе своего супруга, по меньшей мѣ
его въ дѣлахъ житейскихъ, а между тѣмъ она
ь безропотно и безотвѣтно, съ самаго начала
безспорно уважала его за духовный верхъ. Замѣ
они, всю жизнь свою, чрезвычайно мало говорили другъ
омъ, развѣ о самыхъ необходимыхъ и текущихъ вещахъ.
и величественный Григорій обдумывалъ всѣ свои дѣла
ы всегда одинъ, такъ что Марѳа Игнатьевна разъ на-
авно уже поняла, что въ совѣтахъ ея онъ совсѣмъ не
ся. Она чувствовала, что мужъ цѣнитъ ея молчаніе и
гъ за это въ ней умъ. Бить онъ ее никогда не бивалъ,
сего только одинъ разъ, да и то слегка. Въ первый годъ
Аделаиды Ивановны съ Ѳедоромъ Павловичемъ, разъ въ
деревенскія дѣвки и бабы, тогда еще крѣпостныя, со-
были на барскій дворъ попѣть и поплясать. Начали «во
и вдругъ Марѳа Игнатьевна, тогда еще женщина моло-
скочила впередъ предъ хоромъ и прошлась «русскую»
имъ манеромъ, не по деревенскому какъ бабы, а какъ
ва она когда была дворовою дѣвушкой у богатыхъ Міу-
на домашнемъ помѣщичьемъ ихъ театрѣ, гдѣ обучалъ
ь танцовать выписанный изъ Москвы танцмейстеръ. Гри-
дѣлъ, какъ прошлась его жена, и дома у себя въ избѣ,
ласъ, поучилъ ее, потаскавъ маленько за волосы. Но
кончились разъ навсегда побои и не повторялись болѣе
во всю жизнь, да и Марѳа Игнатьевна закаялась съ
ръ танцовать.
й имъ Богъ не далъ, былъ одинъ ребеночекъ, да и тотъ
Григорій-же видимо любилъ дѣтей, даже не скрывалъ
остъ не стыдился выказывать. Дмитрія Ѳедоровича онъ
принялъ на руки, когда сбѣжала Аделаида Ивановна,

трехлѣтнимъ мальчикомъ, и провозился съ нимъ по
самъ гребешкомъ вычесывалъ, самъ даже обмывалъ ег
рытѣ. Потомъ хлопоталъ онъ и съ Иваномъ Ѳедорович
Алешей, за что и получилъ пощечину; но объ этомъ о
я уже повѣствовалъ. Собственный-же ребеночекъ поради
лишь одною надеждой, когда Марѳа Игнатьевна была е
менна. Когда-же родился, то поразилъ его сердце с
ужасомъ. Дѣло въ томъ, что родился этотъ мальчикъ
лымъ. Увидя это, Григорій былъ до того убитъ, что н
молчалъ вплоть до самаго дня крещенія, но и нарочно
молчать въ садъ. Была весна, онъ всѣ три дня копа
въ огородѣ, въ саду. На третій день приходилось крест
денца; Григорій къ этому времени уже нѣчто сообрази
въ избу, гдѣ собрался причтъ и пришли гости и, наконе
Ѳедоръ Павловичъ, явившійся лично въ качествѣ восп
онъ вдругъ заявилъ, что ребенка «не надо-бы крестить
заявилъ не громко, въ словахъ не распространялся, е
живалъ по словечку, а только тупо и пристально смот
этомъ на священника.

— Почему такъ? съ веселымъ удивленіемъ освѣдом
щенникъ.

— Потому это... драконъ... пробормоталъ Григорій

— Какъ драконъ, какой драконъ?

Григорій промолчалъ нѣкоторое время.

— Смѣшеніе природы произошло... пробормоталъ
и весьма неясно, но очень твердо, и видимо не жела
распространяться.

Посмѣялись и, разумѣется, бѣдненькаго ребеночка о
Григорій молился у купели усердно, но мнѣнія своего
рожденномъ не измѣнилъ. Впрочемъ, ничему не помѣшал
всѣ двѣ недѣли, какъ жилъ болѣзненный мальчикъ,
глядѣлъ на него, даже замѣчать не хотѣлъ и больше
уходилъ изъ избы. Но когда мальчикъ черезъ двѣ не
меръ отъ молочницы, то самъ его уложилъ въ гробик
бокою тоской смотрѣлъ на него, и когда засыпали не
маленькую его могилку, сталъ на колѣни и поклонился
въ землю. Съ тѣхъ поръ, многіе годы онъ ни разу
ребенкѣ не упомянулъ, да и Марѳа Игнатьевна ни разу
про ребенка своего не вспоминала, а когда съ кѣмъ
говорить о своемъ «дѣточкѣ», то говорила шепотомъ,
тутъ и не было Григорія Васильевича. По замѣчані

тьевны, онъ, съ самой той могилки, сталъ по преимуществу
ваться «божественнымъ», читалъ Четіи-Минеи, больше молча
инъ, каждый разъ надѣвая большія свои серебряныя круг-
очки. Рѣдко читывалъ вслухъ, развѣ великимъ постомъ.
лъ книгу Іова, добылъ откуда-то списокъ словъ и пропо-
«богоноснаго отца нашего Исаака Сирина», читалъ его
е и многолѣтно, почти ровно ничего не понималъ въ немъ,
это-то, можетъ быть, наиболѣе цѣнилъ и любилъ эту
. Въ самое послѣднее время сталъ прислушиваться и вни-
ъ хлыстовщину, на что по сосѣдству оказался случай, ви-
былъ потрясенъ, но переходить въ новую вѣру не заблаго-
лъ. Начетливость, «отъ божественнаго», разумѣется, при-
его физіономіи еще пущую важность.
жетъ быть, онъ склоненъ былъ къ мистицизму. А тутъ,
карочно, случай появленія на свѣтъ его шестипалаго мла-
и смерть его совпали какъ разъ съ другимъ, весьма стран-
, неожиданнымъ и оригинальнымъ случаемъ, оставившимъ
ушѣ его, какъ однажды онъ самъ впослѣдствіи выразился,
ть». Такъ случилось, что въ тотъ самый день какъ по-
или шестипалаго крошку, Марѳа Игнатьевна, проснувшись
, услышала словно плачъ новорожденнаго ребенка. Она
алась и разбудила мужа. Тотъ прислушался и замѣтилъ,
скорѣе это кто нибудь стонетъ, «женщина будто-бы». Онъ
ъ, одѣлся; была довольно теплая майская ночь. Выйдя на
ьцо, онъ ясно вслушался, что стоны идутъ изъ сада. Но
былъ на ночь запираемъ со двора на замокъ, попасть-же
его кромѣ этого входа нельзя было, потому что кругомъ
сада шелъ крѣпкій и высокій заборъ. Воротясь домой, Гри-
засвѣтилъ фонарь, взялъ садовый ключъ, и, не обращая
нія на истерическій ужасъ своей супруги, все еще увѣряв-
что она слышитъ дѣтскій плачъ и что это плачетъ навѣрно
ьчикъ и зоветъ ее, молча пошелъ въ садъ. Тутъ онъ ясно
ѣлъ, что стоны идутъ изъ ихъ баньки, стоявшей въ саду,
о отъ калитки, и что стонетъ взаправду женщина. Отво-
авно, онъ увидалъ зрѣлище, передъ которымъ остолбенѣлъ.
кая юродивая, скитавшаяся по улицамъ и извѣстная всему
по прозвищу Лизавета Смердящая, забравшись въ ихъ
олько что родила младенца. Младенецъ лежалъ подлѣ
ма помирала подлѣ него. Говорить ничего не говорила
тому одному, что не умѣла говорить. Но все это надо-бы
ть особо.

II.

Лизавета Смердящая.

Тутъ было одно особенное обстоятельство, которое гл
потрясло Григорія, окончательно укрѣпивъ въ немъ одно
пріятное и омерзительное прежнее подозрѣніе. Эта Лизавета
дящая была очень малаго роста дѣвка, «двухъ аршинъ с
лымъ», какъ умилительно вспоминали о ней послѣ ея с
многія изъ богомольныхъ старушекъ нашего городка. Д
тилѣтнее лицо ея, здоровое, широкое и румяное, было и
идіотское; взглядъ-же глазъ неподвижный и непріятный,
и смирный. Ходила она всю жизнь, и лѣтомъ, и зимой,
и въ одной посконной рубашкѣ. Почти черные волосы ея,
вычайно густые, закурчавленные какъ у барана, держали
головѣ ея въ видѣ какъ-бы какой-то огромной шапки.
того, всегда были запачканы въ землѣ, въ грязи, съ н
шими въ нихъ листочками, лучиночками, стружками, потом
спала она всегда на землѣ и въ грязи. Отецъ ея былъ
домный, раззорившійся и хворый мѣщанинъ Илья, сильно
пивавшій и приживавшій уже много лѣтъ въ родѣ работни
однихъ зажиточныхъ хозяевъ, тоже нашихъ мѣщанъ. Ма
Лизаветы давно померла. Вѣчно болѣзненный и злобный
безчеловѣчно бивалъ Лизавету, когда та приходила домой
приходила она рѣдко, потому что приживала по всему г
какъ юродивый божій человѣкъ. И хозяева Ильи, и самъ
и даже многіе изъ городскихъ сострадательныхъ людей
купцовъ и купчихъ преимущественно, пробовали не разъ
вать Лизавету приличнѣе чѣмъ въ одной рубашкѣ, а къ
всегда надѣвали на нее тулупъ, а ноги обували въ сапог
она обыкновенно, давая все надѣть на себя безпрекосл
уходила и гдѣ нибудь, преимущественно на соборной цер
паперти, непремѣнно снимала съ себя все ей пожертвован
платокъ-ли, юбку-ли, тулупъ, сапоги,—все оставляла на
и уходила босая и въ одной рубашкѣ по прежнему. Раз
чилось, что новый губернаторъ нашей губерніи, обозрѣва
ѣздомъ нашъ городокъ, очень обиженъ былъ въ своихъ
шихъ чувствахъ, увидавъ Лизавету, и, хотя понялъ, ч
«юродивая», какъ и доложили ему, но всетаки поставил
видъ, что молодая дѣвка, скитающаяся въ одной рубашк

ушаетъ благоприличіе, а потому, чтобы сего впредь не было, о губернаторъ уѣхалъ, а Лизавету оставили какъ была. На-онецъ, отецъ ея померъ и она тѣмъ самымъ стала всѣмъ бого-льнымъ лицамъ въ городѣ еще милѣе, какъ сирота. Въ са-мъ дѣлѣ, ее какъ будто всѣ даже любили, даже мальчишки не дразнили и не обижали, а мальчишки у насъ, особенно въ олѣ, народъ задорный. Она входила въ незнакомые дома и кто не выгонялъ ее, напротивъ, всякъ-то приласкаетъ и гро-къ дастъ. Дадутъ ей грошикъ, она возьметъ и тотчасъ сне-ъ и опуститъ въ которую-нибудь кружку, церковную, ал рожную. Дадутъ ей на базарѣ бубликъ или калачикъ, непре-нно пойдетъ и первому встрѣчному ребеночку отдастъ бу-къ или калачикъ, а то такъ остановитъ какую-нибудь нашу ую богатую барыню и той отдастъ; и барыни принимали о съ радостію. Сама-же питалась не иначе какъ только чер-мъ хлѣбомъ съ водой. Зайдетъ она, бывало, въ богатую лавку ится, тутъ дорогой товаръ лежитъ, тутъ и деньги, хозяева когда ее не остерегаются, знаютъ, что хоть тысячи выложи ней денегъ и забудь, она изъ нихъ не возьметъ ни ко-йки. Въ церковь рѣдко заходила; спала-же или по церковнымъ пертямъ, или перелѣзши черезъ чей-нибудь плетень (у насъ много плетней вмѣсто заборовъ даже до сегодня) въ чьемъ-будь огородѣ. Домой, то есть въ домъ тѣхъ хозяевъ, у ко-рыхъ жилъ ея покойный отецъ, она являлась, примѣрно, разъ недѣлю, а по зимамъ приходила и каждый день, но только ь на ночь, и ночуетъ либо въ сѣняхъ, либо въ коровникѣ лись на нее, что она выноситъ такую жизнь, но ужь такъ привыкла; хоть и мала была ростомъ, но сложенія необык-енно крѣпкаго. Утверждали и у насъ иные изъ господъ, что это она дѣлаетъ лишь изъ гордости, но какъ-то это не вя-ось: она и говорить-то ни слова не умѣла и изрѣдка только елила что-то языкомъ и мычала,—какая ужь тутъ гордость ъ и случилось, что однажды (давненько это было), въ одну ябрьскую свѣтлую и теплую ночь, въ полнолуніе, весьма по нашему поздно, одна хмѣльная ватага разгулявшихся ихъ господъ, молодцовъ пять или шесть, возвращалась изъ а «задами» по домамъ. По обѣ стороны переулка шелъ пле-, за которымъ тянулись огороды прилежащихъ домовъ; пе-окъ-же выходилъ на мостки черезъ нашу вонючую и длинную , которую у насъ принято называть иногда рѣчкой. У я, въ крапивѣ и въ лопушникѣ, усмотрѣла наша компанія

спящую Лизавету. Подгулявшіе господа остановились вдр
съ хохотомъ и начали острить со всею возможною безц
ностью. Одному барченку пришелъ вдругъ въ голову совер
эксцентрическій вопросъ на невозможную тему: «Можно-л
скать, хотя кому-бы то ни было, счесть такого звѣря за
щину, вотъ хоть-бы теперь, и проч.». Всѣ съ гордымъ о
ніемъ рѣшили, что нельзя. Но въ этой кучкѣ случился ѳ
Павловичъ и онъ мигомъ выскочилъ и рѣшилъ, что можно
за женщину, даже очень, и что тутъ даже нѣчто особаг
пикантное, и проч., и проч. Правда, въ ту пору онъ у
слишкомъ ужь даже выдѣланно напрашивался на свою
шута, любилъ выскакивать и веселить господъ, съ вид
равенствомъ, конечно, но на дѣлѣ совершеннымъ предъ
хамомъ. Это было именно то самое время, когда онъ пол
изъ Петербурга извѣстіе о смерти его первой супруги, Ад
Ивановны, и когда съ крепомъ на шляпѣ пилъ и безоб
чалъ такъ, что иныхъ въ городѣ, даже изъ самыхъ безп
шихъ, при взглядѣ на него коробило. Ватага, конечно,
хоталась надъ неожиданнымъ мнѣніемъ; какой-то одинъ и
таги даже началъ подстрекать ѳедора Павловича, но оста
принялись плевать еще пуще, хотя все еще съ чрезмѣрн
селостью, и, наконецъ, пошли всѣ прочь своею дорогой.
слѣдствіи, ѳедоръ Павловичъ клятвенно увѣрялъ, что т
онъ вмѣстѣ со всѣми ушелъ; можетъ быть, такъ именно и
никто этого не знаетъ навѣрно и никогда не зналъ, и
сяцевъ черезъ пять или шесть всѣ въ городѣ заговори
искреннимъ и чрезвычайнымъ негодованіемъ о томъ, что
вета ходитъ беременная, спрашивали и доискивались: чей
кто обидчикъ? Вотъ тутъ-то вдругъ и разнеслась по все
роду страшная молва, что обидчикъ есть самый этотъ ѳ
Павловичъ. Откуда взялась эта молва? Изъ той ватаги
шихъ господъ какъ разъ оставался къ тому времени въ
лишь одинъ участникъ, да и то пожилой и почтенный сп
совѣтникъ, обладавшій семействомъ и взрослыми дочер
который ужь отнюдь ничего-бы не сталъ распространять,
бы даже что и было; прочіе-же участники, человѣкъ пя
ту пору разъѣхались. Но молва прямешенько указывала
дора Павловича и продолжала указывать. Конечно, то
очень-то даже и претендовалъ на это: какимъ-нибудь
камъ или мѣщанамъ онъ и отвѣчать не сталъ-бы. Тогд
былъ гордъ и разговаривалъ не иначе какъ въ своей ко

новниковъ и дворянъ, которыхъ столь веселилъ. Вотъ въ эт
пору Григорій энергически и изо всѣхъ силъ сталъ за своег
ина, и не только защищалъ его противъ всѣхъ этихъ наго
овъ, но вступалъ за него въ брань и препирательства, и мно
къ переувѣрилъ. «Она сама, низкая, виновата», говорилъ онъ,
вердительно, а обидчикомъ былъ никто иной, какъ «Карп
нтомъ» (такъ назывался одинъ извѣстный тогда городу
й арестантъ, къ тому вр[illegible] бѣжавшій изъ губер
прога и въ нашемъ городѣ [illegible]омъ проживавшій). Дог
казалась правдоподобною, [illegible] помнили; именно помн
тѣ самыя ночи, подъ осен[illegible]нъ по городу шлялся и
грабилъ. Но весь этотъ слу[illegible] и всѣ эти толки не тольк
ратили общей симпатіи отъ[illegible]ной юродивой, но ее еще п
тали всѣ охранять и оберегат[illegible] купчиха Кондратьева, одна зам
чная вдова, даже такъ распорядилась, что въ концѣ еще апрѣ
вела Лизавету къ себѣ съ тѣмъ, чтобъ ее и не выпускать до
мыхъ родовъ. Стерегли неусыпно; но такъ вышло, что, не
мотря на всю неусыпность, Лизавета, въ самый послѣдній день,
черомъ, вдругъ тайкомъ ушла отъ Кондратьевой и очутилась
саду Ѳедора Павловича. Какъ она, въ ея положеніи, пере-
зала черезъ высокій и крѣпкій заборъ сада, осталось нѣкото-
го рода загадкой. Одни увѣряли, что ее «перенесли», другіе,
о ее «перенесло». Вѣроятнѣе всего, что все произошло хоть
весьма мудренымъ, но натуральнымъ образомъ, и Лизавета,
вшая лазить по плетнямъ, въ чужіе огороды, чтобы въ нихъ
чевать, забралась какъ-нибудь и на заборъ Ѳедора Павло-
ча, а съ него, хоть и со вредомъ себѣ, соскочила въ садъ,
смотря на свое положеніе. Григорій бросился къ Марѳѣ
натьевнѣ и послалъ ее къ Лизаветѣ помогать, а самъ сбѣ-
лъ за старухой повитухой, мѣщанкой, кстати недалеко жившею.
беночка спасли, а Лизавета къ разсвѣту померла. Григорій
лъ младенца, принесъ въ домъ, посадилъ жену и положилъ
къ ней на колѣни, къ самой ея груди: «Божье дитя — си-
та всѣмъ родня, а намъ съ тобой подавно. Этого покойни-
ъ нашъ прислалъ, а произошелъ сей отъ бѣсова сына и отъ
аведницы. Питай и впредь не плачь». Такъ Марѳа Игнатьевна
оспитала ребеночка. Окрестили и назвали Павломъ, а по
всѣ его и сами, безъ указу, стали звать Ѳедоровичемъ.
ловичъ не противорѣчилъ ничему и даже нашелъ
ымъ, хотя изо всѣхъ силъ продолжалъ отъ всего
родѣ понравилось, что онъ взялъ подкидыша.

Впослѣдствіи, Ѳедоръ Павловичъ сочинилъ подкидышу и милію: назвалъ онъ его Смердяковымъ, по прозвищу матери Лизаветы Смердящей. Вотъ этотъ-то Смердяковъ и вышелъ рымъ слугой Ѳедора Павловича и проживалъ, къ началу на исторіи, во флигелѣ, вмѣстѣ со старикомъ Григоріемъ и рухой Марѳой. Употреблялся-же въ поварахъ. Очень-бы примолвить кое-что и о немъ спеціально, но мнѣ совѣстно с долго отвлекать вниманіе моего читателя на столь обыкно ныхъ лакеевъ, а потому и перехожу къ моему разсказу, ущ что о Смердяковѣ какъ-нибудь сойдетъ само собою въ даль шемъ теченіи повѣсти.

III.

Исповѣдь горячаго сердца. Въ стихах

Алеша, выслушавъ приказаніе отца, которое тотъ вык нулъ ему изъ коляски, уѣзжая изъ монастыря, оставался которое время на мѣстѣ въ большомъ недоумѣніи. Не то чт онъ стоялъ какъ столбъ, съ нимъ этого не случалось. На тивъ, онъ, при всемъ безпокойствѣ, успѣлъ тотчасъ-же схо на кухню игумена и разузнать, что надѣлалъ вверху его паша. Затѣмъ однако пустился въ путь, уповая, что по до къ городу успѣетъ какъ-нибудь разрѣшить томившую его дачу. Скажу заранѣе: криковъ отца и приказанія переселит домой, «съ подушками и тюфякомъ» онъ не боялся ни м Онъ слишкомъ хорошо понялъ, что приказаніе переѣхать, вс и съ такимъ показнымъ крикомъ, дано было «въ увлечен такъ сказать, даже для красоты, — въ родѣ, какъ раску шійся недавно въ ихъ-же городкѣ мѣщанинъ, на своихъ ственныхъ именинахъ, и при гостяхъ, разсердясь на то, ему не даютъ больше водки, вдругъ началъ бить свою-же ственную посуду, рвать свое и женино платье, разбивать с мебель и, наконецъ, стекла въ домѣ и все опять таки для кр и все въ томъ-же родѣ, конечно, случилось теперь и съ ви шей. На завтра, конечно, раскутившійся мѣщанинъ, отре шись, пожалѣлъ разбитыя чашки и тарелки. Алеша зналъ, и старикъ на завтра-же навѣрно отпуститъ его опять въ м стырь, даже сегодня-же, можетъ, отпуститъ. Да и былъ увѣренъ вполнѣ, что отецъ кого другаго, а его обидѣть н

очетъ. Алеша увѣренъ былъ, что его и на вс[illegible]ъ свѣтѣ н[illegible]
никогда обидѣть не захочетъ, даже не только не захочетъ,
го и не можетъ. Это было для него аксіомой, дано разъ на-
всегда, безъ разсужденій, и онъ въ этомъ смыслѣ шелъ впередъ.
безо всякаго колебанія.

Но въ эту минуту въ немъ копошилась нѣкоторая [illegible]
боязнь, совсѣмъ другаго рода, и тѣмъ болѣе мучительна[illegible]
онъ ее и самъ опредѣлить [illegible] не могъ, именно боязнь [illegible]
ны, и именно Катерины Ив[illegible]вны, которая такъ на[illegible]
умоляла его давешнею, пер[illegible]нною ему г-жею Хохла
киской придти къ ней для [illegible]го-то. Это требованіе и не
кость непремѣнно пойдти вселила сразу какое-то мучи
чувство въ его сердце, и все утро, чѣмъ далѣе, тѣмъ бол
больнѣе и больнѣе въ немъ это чувство разбаливалось, не
тря на всѣ послѣдовавшія затѣмъ сцены и приключенія въ
настырѣ, и сейчасъ у игумена, и проч., и проч. Боялся онъ не
того, что не зналъ о чемъ она съ нимъ заговоритъ и что онъ
й отвѣтитъ. И не женщины вообще онъ боялся въ ней: жен-
щинъ онъ зналъ, конечно, мало, но всетаки всю жизнь, съ са-
маго младенчества и до самаго монастыря, только съ ними од-
нѣми и жилъ. Онъ боялся вотъ этой женщины, именно самой
Катерины Ивановны. Онъ боялся ее съ самаго того времени
какъ въ первый разъ ее увидалъ. Видалъ-же онъ ее всего только
разъ или два, даже три, пожалуй, вымолвилъ даже однажды
случайно съ ней нѣсколько словъ. Образъ ея вспоминался ему
какъ красивой, гордой и властной дѣвушки. Но не красота ея
мучила его, а что-то другое. Вотъ именно эта необъяснимость
его страха и усиливала въ немъ теперь этотъ страхъ. Цѣли
этой дѣвушки были благороднѣйшія, онъ зналъ это: она стре-
милась спасти брата его Дмитрія, предъ ней уже виноватаго, и
стремилась изъ одного лишь великодушія. И вотъ, не смотря на
ознаніе и на справедливость, которую не могъ-же онъ не отдать
всѣмъ этимъ прекраснымъ и великодушнымъ чувствамъ, по спинѣ
его проходилъ морозъ, чѣмъ ближе онъ подвигался къ ея дому.

Онъ сообразилъ, что брата Ивана Ѳедоровича, который былъ
съ нею такъ близокъ, онъ у нея не застанетъ: братъ Иванъ
[illegible] теперь съ отцомъ. Дмитрія-же не застанетъ еще вѣр-
но у предчувствовалось почему. Итакъ разговоръ ихъ со-
аединѣ. Хотѣлось-бы очень ему повидать прежде этого
аговора брата Дмитрія и забѣжать къ нему. Не по-
а, онъ-бы могъ съ нимъ что-нибудь переме

Но братъ Дмитрій жилъ далеко и навѣрно теперь тоже не дом
Постоявъ съ минуту на мѣстѣ, онъ рѣшился, наконецъ, окон
чательно. Перекрестивъ себя привычнымъ и спѣшнымъ крестом
и сейчасъ-же чему-то улыбнувшись, онъ твердо направился в
своей страшной дамѣ.

Домъ ея онъ зналъ. Но если-бы пришлось пойдти на Боль
шую улицу, потомъ черезъ площадь и проч., то было-бы до
вольно не близко. Нашъ небольшой городокъ чрезвычайно раз
бросанъ и разстоянія въ немъ бываютъ довольно большія. При
томъ его ждалъ отецъ, можетъ быть, не успѣлъ еще забыть
своего приказанія, могъ раскапризиться, а потому надо было
поспѣшить, чтобы поспѣть туда и сюда. Вслѣдствіе всѣхъ этих
соображеній, онъ и рѣшился сократить путь, пройдя задами, т
всѣ эти ходы онъ зналъ въ городкѣ, какъ пять пальцевъ. За
дами, значило, почти безъ дорогъ, вдоль пустынныхъ заборовъ
перелѣзая иногда даже черезъ чужіе плетни, минуя чужіе дворы
гдѣ, впрочемъ, всякій-то его зналъ и всѣ съ нимъ здоровались
Такимъ путемъ онъ могъ выйдти на Большую улицу вдво
ближе. Тутъ въ одномъ мѣстѣ ему пришлось проходить даж
очень близко отъ отцовскаго дома, именно мимо сосѣдскаго с
отцовскимъ сада, принадлежавшаго одному ветхому маленькому
закривившемуся домишкѣ въ четыре окна. Обладательница этог
домишка была, какъ извѣстно было Алешѣ, одна городская м
щанка, безногая старуха, которая жила со своею дочерью, быв
шею цивилизованною горничной въ столицѣ, проживавшею еще
недавно все по генеральскимъ мѣстамъ, а теперь уже съ годи
за болѣзнію старухи, прибывшею домой и щеголявшею въ ши
карныхъ платьяхъ. Эта старуха и дочка впали, однако, в
страшную бѣдность и даже ходили по сосѣдству на кухню к
Ѳедору Павловичу за супомъ и хлѣбомъ ежедневно. Марѳа Игна
тьевна имъ отливала съ охотой. Но дочка, приходя за супом
платьевъ своихъ ни одного не продала, а одно изъ нихъ был
даже съ предлиннымъ хвостомъ. О послѣднемъ обстоятельств
Алеша узналъ, и ужь, конечно, совсѣмъ случайно, отъ своег
друга Ракитина, которому рѣшительно все въ ихъ городишк
было извѣстно, и, узнавъ, позабылъ, разумѣется, тотчасъ. Н
поровнявшись теперь съ садомъ сосѣдки, онъ вдругъ вспомнил
именно про этотъ хвостъ, быстро поднялъ понуренную и
мавшуюся свою голову и... наткнулся вдругъ на самую
данную встрѣчу.

За плетнемъ въ сосѣдскомъ саду, взмостясь на что-то,

нувшись по грудь, братъ его, Дмитрій Ѳедоровичъ, изо всѣхъ
ъ дѣлалъ ему руками знаки, звалъ его и манилъ, видимо боясь
только крикнуть, но даже сказать вслухъ слово, чтобы не услы-
ли. Алеша тотчасъ подбѣжалъ къ плетню.

— Хорошо, что ты самъ оглянулся, а то я чуть было тебѣ
крикнулъ, радостно и торопливо прошепталъ ему Дмитрій Ѳе-
ровичъ.—Полѣзай сюда! Быстро! Ахъ, какъ славно, что ты
шелъ. Я только что о тебѣ думалъ...

Алеша и самъ былъ радъ и недоумѣвалъ только, какъ пере-
ть черезъ плетень. Но «Митя» богатырскою рукой подхватилъ
локоть и помогъ скачку. Подобравъ подрясникъ, Алеша пе-
очилъ съ ловкостью босоногаго городскаго мальчишки.

— Ну, и гуляй, идемъ! восторженнымъ шопотомъ вырвалось
Мити.

— Куда-же, шепталъ и Алеша, озираясь во всѣ стороны и
дя себя въ совершенно пустомъ саду, въ которомъ никого
ромѣ ихъ обоихъ не было. Садъ былъ маленькій, но хозяйскій
омишко все-таки стоялъ отъ нихъ не менѣе какъ шагахъ въ
тидесяти.—Да тутъ никого нѣтъ, чего-же ты шепчешь?

— Чего шепчу? Ахъ, чортъ возьми, крикнулъ вдругъ Дмитрій
Ѳедоровичъ самымъ полнымъ голосомъ, — да чего-же я шепчу?
у, вотъ самъ видишь, какъ можетъ выйдти вдругъ сумбуръ
природы. Я здѣсь на секретѣ и стерегу секретъ. Объясненіе
редь, но понимая, что секретъ, я вдругъ и говорить сталъ
кретно, и шепчу какъ дуракъ, тогда какъ не надо. Идемъ! Вонъ
уда! До тѣхъ поръ молчи. Поцѣловать тебя хочу!

Слава Высшему на свѣтѣ,
Слава Высшему во мнѣ...

Я это сейчасъ только предъ тобой, сидя здѣсь, повторялъ..,

Садъ былъ величиной съ десятину или немногимъ болѣе, но
саженъ деревьями лишь кругомъ, вдоль по всѣмъ четыремъ
ерамъ, — яблонями, кленомъ, липой, березой. Средина сада
ла пустая, подъ лужайкой, на которой накашивалось въ лѣто
сколько пудовъ сѣна. Садъ отдавался хозяйкой съ весны въ
нь за нѣсколько рублей. Были и гряды съ малиной, кры-
овникомъ, смородиной, тоже все около заборовъ; грядки съ
ами близь самаго дома, заведенныя, впрочемъ, недавно.
итрій Ѳедоровичъ велъ гостя въ одинъ самый отдаленный отъ
ма уголъ сада. Тамъ вдругъ, среди густо стоявшихъ липъ и
рыхъ кустовъ смородины и бузины, калины и сирени, откры-

Но братъ Дмитрій жилъ далеко и навѣрно теперь тоже не до
Постоявъ съ минуту на мѣстѣ, онъ рѣшился, наконецъ, сд
чательно. Перекрестивъ себя привычнымъ и спѣшнымъ крест
и сейчасъ-же чему-то улыбнувшись, онъ твердо направился
своей страшной дамѣ.

Домъ ея онъ зналъ. Но если-бы пришлось пойдти на Бо
шую улицу, потомъ черезъ площадь и проч., то было-бы
вольно не близко. Нашъ небольшой городокъ чрезвычайно
бросанъ и разстоянія въ немъ бываютъ довольно большія. И
томъ его ждалъ отецъ, можетъ быть, не успѣлъ еще заб
своего приказанія, могъ раскапризиться, а потому надо б
поспѣшить, чтобы поспѣть туда и сюда. Вслѣдствіе всѣхъ эт
соображеній, онъ и рѣшился сократить путь, пройдя задам
всѣ эти ходы онъ зналъ въ городкѣ, какъ пять пальцевъ.
дами, значило, почти безъ дорогъ, вдоль пустынныхъ забор
перелѣзая иногда даже черезъ чужіе плетни, минуя чужіе дв
гдѣ, впрочемъ, всякій-то его зналъ и всѣ съ нимъ здоровал
Такимъ путемъ онъ могъ выйдти на Большую улицу вд
ближе. Тутъ въ одномъ мѣстѣ ему пришлось проходить д
очень близко отъ отцовскаго дома, именно мимо сосѣдскаго
отцовскимъ сада, принадлежавшаго одному ветхому маленьк
закрывшемуся домишкѣ въ четыре окна. Обладательница эт
домишка была, какъ извѣстно было Алешѣ, одна городская
щанка, безногая старуха, которая жила со своею дочерью, б
шею цивилизованною горничной въ столицѣ, проживавшею
недавно все по генеральскимъ мѣстамъ, а теперь уже съ г
за болѣзнію старухи, прибывшею домой и щеголявшею въ
карпыхъ платьяхъ. Эта старуха и дочка впали, однако,
страшную бѣдность и даже ходили по сосѣдству на кухню
Ѳедору Павловичу за супомъ и хлѣбомъ ежедневно. Марѳа Иг
тьевна имъ отливала съ охотой. Но дочка, приходя за суп
платьевъ своихъ ни одного не продала, а одно изъ нихъ б
даже съ предлиннымъ хвостомъ. О послѣднемъ обстоятель
Алеша узналъ, и ужь, конечно, совсѣмъ случайно, отъ св
друга Ракитина, которому рѣшительно все въ ихъ городк
было извѣстно, и, узнавъ, позабылъ, разумѣется, тотчасъ.
поровнявшись теперь съ садомъ сосѣдки, онъ вдругъ вспом
именно про этотъ хвостъ, быстро поднялъ понуренную и з
мавшуюся свою голову и... наткнулся вдругъ на самую н
данную встрѣчу.

За плетнемъ въ сосѣдскомъ саду, взмостясь на что-то, с

высунувшись по грудь, братъ его, Дмитрій Ѳедоровичъ, изо в
силъ дѣлалъ ему руками знаки, звалъ его и манилъ, видимо бои
не только крикнуть, но даже сказать вслухъ слово, чтобы не услы
шали. Алеша тотчасъ подбѣжалъ къ плетню.

— Хорошо, что ты самъ оглянулся, а то я чуть был
не крикнулъ, радостно и торопливо прошепталъ ему Дмит
ріевичъ.—Полѣзай сюда! Быстро! Ахъ, какъ славно,
пришелъ. Я только что о тебѣ думалъ...

Алеша и самъ былъ ра[illegible] и недоумѣвалъ только, к
лѣзть черезъ плетень. Но «[illegible]тя» богатырскою рукой п
его локоть и помогъ скачку. Подобравъ подрясникъ, Ал
рескочилъ съ ловкостью босоногаго городскаго мальчиш

— Ну, и гуляй, идемъ! восторженнымъ шопотомъ выр
у Мити.

— Куда-же, шепталъ и Алеша, озираясь во всѣ стороны
видя себя въ совершенно пустомъ саду, въ которомъ никог
кромѣ ихъ обоихъ не было. Садъ былъ маленькій, но хозяйскій
домишко всетаки стоялъ отъ нихъ не менѣе какъ шагахъ въ
пятидесяти.—Да тутъ никого нѣтъ, чего-же ты шепчешь?

— Чего шепчу? Ахъ, чортъ возьми, крикнулъ вдругъ Дмитрій
Ѳедоровичъ самымъ полнымъ голосомъ, — да чего-же я шепчу!
Ну, вотъ самъ видишь, какъ можетъ выйдти вдругъ сумбуръ
природы. Я здѣсь на секретѣ и стерегу секретъ. Объясненіе
впредь, но понимая, что секретъ, я вдругъ и говорить сталъ
секретно, и шепчу какъ дуракъ, тогда какъ не надо. Идемъ! Вонъ
куда! До тѣхъ поръ молчи. Поцѣловать тебя хочу!

Слава Высшему на свѣтѣ,
Слава Высшему во мнѣ...

Я это сейчасъ только предъ тобой, сидя здѣсь, повторялъ..,

Садъ былъ величиной съ десятину или немногимъ болѣе, но
обсаженъ деревьями лишь кругомъ, вдоль по всѣмъ четыремъ
заборамъ, — яблонями, кленомъ, липой, березой. Средина сада
была пустая, подъ лужайкой, на которой накашивалось въ лѣто
нѣсколько пудовъ сѣна. Садъ отдавался хозяйкой съ весны въ
наемъ за нѣсколько рублей. Были и гряды съ малиной, кры-
жовникомъ, смородиной, тоже все около заборовъ; грядки съ
близь самаго дома, заведенныя, впрочемъ, недавно.
Ѳедоровичъ велъ гостя въ одинъ самый отдаленный отъ
Тамъ вдругъ, среди густо стоявшихъ липъ и
смородины и бузины, калины и сирени, откры

лось что-то въ родѣ развалинъ стариннѣйшей зеленой бес
почернѣвшей и покривившейся, съ рѣшетчатыми стѣнкам
съ крытымъ верхомъ, и въ которой еще можно было укр
отъ дождя. Бесѣдка строена была Богъ вѣсть когда, по
нію, лѣтъ пятьдесятъ назадъ, какимъ-то тогдашнимъ вла
цемъ домика, Александромъ Карловичемъ фонъ-Шмидтомъ, от
нымъ подполковникомъ. Но все уже истлѣло, полъ сгнилъ
половицы шатались, отъ дерева пахло сыростью. Въ бе
стоялъ деревянный зеленый столъ, врытый въ землю, а
гомъ шли лавки, тоже зеленыя, на которыхъ еще можно
сидѣть. Алеша сейчасъ-же замѣтилъ восторженное сост
брата, но, войдя въ бесѣдку, увидалъ на столикѣ полбут
коньяку и рюмочку.

— Это коньякъ! захохоталъ Митя, — а ты ужь смот
«опять пьянствуетъ?» Не вѣрь фантому.

Не вѣрь толпѣ пустой и лживой,
Забудь сомнѣнія свои...—

Не пьянствую я, а лишь «лакомствую», какъ говоритъ
свинья Ракитинъ, который будетъ статскимъ совѣтникомъ
будетъ говорить «лакомствую». Садись. Я-бы взялъ тебя, Ал
и прижалъ къ груди, да такъ, чтобы раздавить, ибо на
свѣтѣ... по настоящему... по на-сто-яще-му... (вникни! вни
люблю только одного тебя!

Онъ проговорилъ послѣднюю строчку въ какомъ-то
изступленіи.

— Одного тебя, да еще одну «подлую», въ которую
бился, да съ тѣмъ и пропалъ. Но влюбиться не значитъ ли
Влюбиться можно и ненавидя. Запомни! Теперь пока весел
ворю! Садись, вотъ здѣсь за столъ, а я подлѣ сбоку, и
смотрѣть на тебя, и все говорить. Ты будешь все молчать
буду все говорить, потому что срокъ пришелъ. А, впро
знаешь, я разсудилъ, что надо говорить дѣйствительно
потому что здѣсь... здѣсь... могутъ открыться самыя неож
ныя уши. Все объясню, сказано: продолженіе впредь. Н
рвался къ тебѣ, жаждалъ сейчасъ тебя, всѣ эти дни, и сей
(Я здѣсь уже пять дней какъ бросилъ якорь). Всѣ эти
Потому что тебѣ одному все скажу, потому что нужно, п
что ты нуженъ, потому что завтра лечу съ облаковъ, п
что завтра жизнь кончится и начнется. Испытывалъ ты, в
ты во снѣ, какъ въ яму съ горы падаютъ? Ну, такъ я т

снѣ лечу. И не боюсь, и ты не бойся. То есть боюсь, сладко. То есть не сладко, а восторгъ... Ну, да чортъ, зно, что-бы ни было. Сильный духъ, слабый духъ, бабій -что-бы ни было! Восхвалимъ природу: видишь солнца), небо-то какъ чисто, листья всѣ зелены, совсѣмъ еще ласъ четвертый пополудни, тишина! Куда шелъ?

Шелъ къ отцу, а сначала хотѣлъ зайдти къ Катеринѣ нѣ.

Къ ней и къ отцу! Ухъ! Совпаденіе! Да вѣдь я тебя для з и зналъ-то, для чего и желалъ, для чего алкалъ и жаж-сѣми изгибами души и даже ребрами? Чтобы послать тебя къ отцу отъ меня, а потомъ и къ ней, къ Катеринѣ Ива-да тѣмъ и покончить и съ ней, и съ отцомъ. Послать Я могъ-бы послать всякаго, но мнѣ надо было послать И вотъ ты самъ къ ней и къ отцу.

Неужто ты меня хотѣлъ послать? съ болѣзненнымъ вы-емъ въ лицѣ вырвалось у Алеши.

Стой, ты это зналъ. И вижу, что ты все сразу понялъ. ічи, пока молчи. Не жалѣй и не плачь!

итрій Ѳедоровичъ всталъ, задумался и приложилъ палецъ :

Она тебя сама позвала, она тебѣ письмо написала, или что-, оттого ты къ ней и пошелъ, а то развѣ-бы ты пошелъ?

Вотъ записка, вынулъ ее изъ кармана Алеша. Митя пробѣжалъ ее.

И ты пошелъ по задамъ! О, боги! Благодарю васъ, что или его по задамъ и онъ попался ко мнѣ, какъ золотая старому дурню рыбаку въ сказкѣ. Слушай, Алеша, слу-ать. Теперь я намѣренъ уже все говорить. Ибо хоть кому-надо-же сказать. Ангелу въ небѣ я уже сказалъ, но надо , и ангелу на землѣ. Ты ангелъ на землѣ. Ты выслушаешь, судишь и ты простишь... А мнѣ того и надо, чтобы меня будь высшій простилъ. Слушай: если два существа вдругъ ются отъ всего земнаго и летятъ въ необычайное, или, йней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ, и предъ тѣмъ, улетая или и, приходитъ къ другому и говоритъ: сдѣлай мнѣ то и то, о чемъ никогда никого не просятъ, но о чемъ можно ь лишь на смертномъ одрѣ, — то неужели-же тотъ не итъ... если другъ, если братъ?

Я исполню, во скажи, что такое, и скажи поскорѣй, ска-леша.

[illegible]

Онъ подн[illegible] голову, задумался и вдругъ восторж[illegible]
[illegible]талъ:

«Робокъ, нагъ и дикъ скрывался
Троглодитъ въ пещерахъ скалъ,
По полямъ номадъ скитался
И поля опустошалъ.
Звѣроловъ съ копьемъ, стрѣлами,
Грозенъ бѣгалъ по лѣсамъ...
Горе брошеннымъ волнами
Къ непріютнымъ берегамъ!

«Съ Олимпійскія вершины
Сходитъ мать—Церера вслѣдъ
Похищенной Прозерпины:
Дикъ лежитъ предъ нею свѣтъ.
Ни угла, ни угощенья
Нѣтъ нигдѣ богинѣ тамъ;
И нигдѣ богопочтенья
Не свидѣтельствуетъ храмъ.

«Плодъ полей и грозды сладки
Не блистаютъ на пирахъ;
Лишь дымятся тѣлъ остатки
На кровавыхъ алтаряхъ.
И куда печальнымъ окомъ
Тамъ Церера ни глядитъ—
Въ униженіи глубокомъ
Человѣка всюду зритъ!»

ланія вырвались вдругъ изъ груди Мити, онъ
за руку.
Другъ, другъ, въ униженіи, въ униженіи и
ю много человѣку на землѣ терпѣть, страшно мн
Не думай, что я всего только хамъ въ офицерском
й пьетъ коньякъ и развратничаетъ. Я, братъ,
объ этомъ и думаю, объ этомъ униженномъ чело
олько не вру. Дай Богъ мнѣ теперь не врать и себя
ь. Потому мыслю объ этомъ человѣкѣ, что я самъ такой
къ.

«Чтобъ изъ низости душою
Могъ подняться человѣкъ
Съ древней матерью землею
Онъ вступи въ союзъ на вѣкъ».

только, вотъ въ чемъ дѣло: какъ я вступлю въ союзъ
лею на вѣкъ? Я не цѣлую землю, не взрѣзаю ей грудь;
мнѣ мужикомъ сдѣлаться аль пастушкомъ? Я иду и не
въ вонь-ли я попалъ и позоръ или въ свѣтъ и радость.
вѣдь гдѣ бѣда, ибо все на свѣтѣ загадка! И когда мнѣ
ось погружаться въ самый, въ самый глубокій позоръ
та (а мнѣ только это и случалось), то я всегда это сти-
еніе о Церерѣ и о человѣкѣ читалъ. Исправляло оно меня?
да! Потому что я Карамазовъ. Потому что если ужь по-
ъ бездну, то такъ-таки прямо, головой внизъ и вверхъ
, и даже доволенъ, что именно въ унизительномъ такомъ
еніи падаю и считаю это для себя красотой. И вотъ въ
ъ-то этомъ позорѣ я вдругъ начинаю гимнъ. Пусть я
нъ, пусть я низокъ и подлъ, но пусть и я цалую край
изы, въ которую облекается Богъ мой; пусть я иду въ
самое время вслѣдъ за чортомъ, но я всетаки и Твой сынъ,
ю, и люблю Тебя, и ощущаю радость, безъ которой нельзя
стоять и быть.

«Душу Божьяго творенья
Радость вѣчная поитъ,
Тайной силою броженья
Кубокъ жизни пламенитъ;
Травку выманила къ свѣту
Въ солнцы хаосъ развила
И въ пространствахъ, звѣздочету
Неподвластныхъ, разлила.»

«У груди благой природы,
Все что дышетъ, радость пьетъ;
Всѣ созданья, всѣ народы
За собой она влечетъ;
Намъ друзей дала въ несчастьи,
Гроздій сокъ, вѣнки Харитъ,
Насѣкомымъ -сладострастье...
Ангелъ—Богу предстоитъ».

Но довольно стиховъ. Я пролилъ слезы, и ты дай мнѣ
кать. Пусть это будетъ глупость, надъ которою всѣ
смѣяться, но ты нѣтъ. Вотъ и у тебя глазенки горятъ. Д
стиховъ. Я тебѣ хочу сказать теперь о «насѣкомыхъ»,
тѣхъ, которыхъ Богъ одарилъ сладострастьемъ.

«Насѣкомымъ—сладострастье!»

Я, братъ, это самое насѣкомое и есть, и это обо мнѣ
ально и сказано. И мы всѣ Карамазовы такіе-же, и в
ангелъ, это насѣкомое живетъ, и въ крови твоей бури
Это — бури, потому что сладострастье — буря, больш
Красота — это страшная и ужасная вещь! Страшная,
что неопредѣлимая, а опредѣлить нельзя, потому что Б
далъ однѣ загадки. Тутъ берега сходятся, тутъ всѣ про
чія вмѣстѣ живутъ. Я, братъ, очень необразованъ, но
объ этомъ думалъ. Страшно много тайнъ! Слишкомъ мн
гадокъ угнетаютъ на землѣ человѣка. Разгадывай какъ
и вылѣзай сухъ изъ воды. Красота! Перенести я при
могу, что иной, высшій даже сердцемъ человѣкъ и съ
высокимъ, начинаетъ съ идеала Мадонны, а кончаетъ и
Содомскимъ. Еще страшнѣе кто уже съ идеаломъ Сод
въ душѣ не отрицаетъ и идеала Мадонны, и горитъ о
сердце его, и во истину, во истину горитъ, какъ и в
безпорочные годы. Нѣтъ, широкъ человѣкъ, слишкомъ ш
рокъ, я-бы съузилъ. Чортъ знаетъ, что такое даже, во
Что уму представляется позоромъ, то сердцу сплошь к

ъ Содомѣ-ли красота? Вѣрь, что въ Содомѣ-то она и сидитъ
ля огромнаго большинства людей,—зналъ ты эту тайну или
ъ? Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и
инственная вещь. Тутъ дьяволъ съ Богомъ борется, а поле
твы—сердца людей. А, впрочемъ, что у кого болитъ, тотъ
томъ и говоритъ. Слушай, теперь къ самому дѣлу.

IV.

сповѣдь горячаго сердца. Въ анекдотахъ.

Я тамъ кутилъ. Давеча отецъ говорилъ, что я по нѣскольку
сятъ платилъ за обольщеніе дѣвицъ. Это свинскій фантомъ
никогда того не бывало, а что было, то собственно на «это»
егъ не требовало. У меня деньги—аксессуаръ, жаръ души,
становка. Нынѣ вотъ она моя дама, завтра на ея мѣстѣ улич-
я дѣвчоночка. И ту, и другую веселю, деньги бросаю пригор-
ями, музыка, гамъ, цыганки. Коли надо и ей даю, потому
о берутъ, берутъ съ азартомъ, въ этомъ надо признаться, и
вольны, и благодарны. Барыньки меня любили, не всѣ, а
учалось, случалось; но я всегда переулочки любилъ, глухіе и
ные закоулочки, за площадью, — тамъ приключенія, тамъ
жиданности, тамъ самородки въ грязи. Я, братъ, аллего-
ически говорю. У насъ въ городишкѣ такихъ переулковъ ве-
ственныхъ не было, но нравственные были. Но если-бы ты
лъ то что я, ты понялъ-бы что эти значатъ. Любилъ раз-
тъ, любилъ и срамъ разврата. Любилъ жестокость: развѣ я
клопъ, не злое насѣкомое? Сказано—Карамазовъ! Разъ пик-
съ всѣмъ городомъ былъ, поѣхали на семи тройкахъ; въ
мотѣ, зимой, въ санячъ, сталъ я жать одну сосѣдскую дѣ-
ью ручку, и принудилъ къ поцѣлуямъ эту дѣвочку, дочку
вника, бѣдную, милую, кроткую, безотвѣтную. Позволила,
ое позволила въ темнотѣ. Думала, бѣдняжка, что я завтра
ней пріѣду, и предложеніе сдѣлаю (меня вѣдь, главное, за
ика цѣнили); а я съ ней послѣ того ни слова, пять мѣся-
ъ ни полслова. Видѣлъ, какъ слѣдили за мной изъ угла за-
когда бывало танцуютъ, (а у насъ то и дѣло что танцу-
) ея глазки, видѣлъ какъ горѣли огонькомъ—огонькомъ
ого негодованія. Забавляла эта игра только мое сладостра-
насѣкомаго, которое я въ себѣ кормилъ. Чрезъ пять мѣ-

сяцевъ она за чиновника вышла и уѣхала... сердясь и в
любя, можетъ быть. Теперь они счастливо живутъ. Замѣ
я никому не сказалъ, не ославилъ; я хоть и низокъ жела
и низость люблю, но я не безчестенъ. Ты краснѣешь,
глаза сверкнули. Довольно съ тебя этой грязи. И все эт
только такъ, цвѣточки польдекоковскіе, хотя жестокое н
мое уже росло, уже разросталось въ душѣ. Тутъ, братъ,
альбомъ воспоминаній. Пусть имъ Богъ, миленькимъ, зд
пошлетъ. Я, разрывая, любилъ не ссориться. И никогда
давалъ, никогда ни одну не ославилъ. Но довольно. Н
ты думалъ, что я тебя для этой только дряни зазвалъ
Нѣтъ, я тебѣ любопытнѣе вещь разскажу; но не удивляй
не стыжусь тебя, а какъ будто даже и радъ.

— Это ты оттого, что я покраснѣлъ, вдругъ замѣтил
ша.—Я не отъ твоихъ рѣчей покраснѣлъ и не за твои
а зато, что я тоже самое что и ты.

— Ты-то? Ну хватилъ немного далеко.

— Нѣтъ, не далеко, съ жаромъ проговорилъ Алеш
димо эта мысль давно уже въ немъ была).—Все однѣ
ступеньки. Я на самой низшей, а ты вверху, гдѣ-нибу
тринадцатой. Я такъ смотрю на это дѣло, но это все одно
совершенно однородное. Кто ступилъ на нижнюю ступ
тотъ все равно непремѣнно вступитъ и на верхнюю.

— Стало быть, совсѣмъ не вступать?

— Кому можно—совсѣмъ не вступать.

— А тебѣ—можно?

— Кажется, нѣтъ.

— Молчи, Алеша, молчи, милый, хочется мнѣ ручку
поцѣловать, такъ, изъ умиленія. Эта шельма Грушенька
токъ въ человѣкахъ, она мнѣ говорила однажды, что она
нибудь тебя съѣстъ! Молчу, молчу! Изъ мерзостей, съ по
гаженнаго мухами, перейдемъ на мою трагедію, тоже на
загаженное мухами, то есть всякою низостью. Дѣло-то в
томъ, что старикашка хоть и совралъ объ обольщеніи
ностей, но, въ сущности, въ трагедіи моей, это такъ
было, хотя разъ только было, да и то не состоялось. Ст
который меня-же корилъ небылицей, этой-то штуки и не з
я никому никогда не разсказывалъ, тебѣ первому сейчас
скажу, конечно, Ивана исключая, Иванъ все знаетъ. Р
тебя давно знаетъ. Но Иванъ—могила.

— Иванъ—могила?

— Да.

Алеша слушалъ чрезвычайно внимательно.

— Я вѣдь въ этомъ баталіонѣ, въ линейномъ, хоть и пра-
щикомъ состоялъ, но все равно какъ-бы подъ надзоромъ, въ
ѣ какъ ссыльный какой. А городишко принималъ меня
шно хорошо. Денегъ я бросалъ много, вѣрили, что я бо-
ъ, я и самъ тому вѣрилъ. А, впрочемъ, чѣмъ-то и другимъ
мъ, должно быть, угодилъ. Хоть и головами покивали, а,
во, любили. Мой подполковникъ, старикъ уже, не взлюбилъ
я вдругъ. Придирался ко мнѣ; да рука у меня была, къ тому-
весь городъ за меня стоялъ, придраться нельзя было очень-то.
оватъ былъ я и самъ, самъ нарочно почтенія не отдавалъ
лежащаго. Гордился. У этого стараго упрямца, недурнаго
ъ человѣка и добродушнѣйшаго хлѣбосола, были когда-то
жены, обѣ померли. Одна, первая, была изъ какихъ-то про-
ыхъ и оставила ему дочь, тоже простую. Была уже при мнѣ
вою лѣтъ двадцати четырехъ и жила съ отцомъ вмѣстѣ съ
кой, сестрой покойной матери. Тетка—безсловесная простота,
лемянница, старшая дочь подполковника,—бойкая простота.
блю, вспоминая, хорошее слово сказать: никогда-то, голуб-
ъ, я прелестнѣе характера женскаго не зналъ, какъ этой дѣ-
ы, Агафьей звали ее, представь себѣ, Агафьей Ивановной. Да
не дурна она вовсе была, въ русскомъ вкусѣ—высокая, де-
лая, полнотѣлая, съ глазками прекрасными, лицо, положимъ,
убоватое. Не выходила замужъ, хотя двое сватались, отказала
веселости не теряла. Сошелся я съ ней — не этакимъ обра-
ъ, нѣтъ, тутъ было чисто, а такъ, по дружески. Я вѣдь ча-
съ женщинами сходился совершенно безгрѣшно, по друже-
. Болтаю съ ней такія откровенныя вещи, что ухъ! а она
ько смѣется. Многія женщины откровенности любятъ, замѣть
, а она къ тому-же была дѣвушка, что́ очень меня весе-
. И вотъ еще что̀: никакъ-бы ее барышней нельзя было
ать. Жили онѣ у отца съ теткой какъ-то добровольно при-
ая себя, со всѣмъ другимъ обществомъ не равняясь. Ее всѣ
или и нуждались въ ней, потому что портниха была знат-
былъ талантитъ, денегъ за услуги не требовала, дѣлала изъ
зности, но когда дарили—не отказывалась принять. Под-
овникъ-же тотъ—куда! Подполковникъ былъ одно изъ са-
ъ первыхъ лицъ по нашему мѣсту. Жилъ широко, прини-
ъ весь городъ, ужины, танцы. Когда я пріѣхалъ и въ ба-
мъ поступилъ, заговорили во всемъ городишкѣ, что вскорѣ

пожалуетъ къ намъ изъ столицы вторая дочь подполков
раскрасавица изъ красавицъ, а теперь только что-де выпущ
аристократическаго столичнаго одного института. Это вт
дочь — вотъ эта самая Катерина Ивановна и есть, и уже
второй жены подполковника. А вторая эта жена, уже покойн
была изъ знатнаго, какого-то большаго генеральскаго дома, и
впрочемъ, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, денегъ подполков
тоже никакихъ не принесла. Значитъ, была съ родней, д
только, развѣ тамъ какія надежды, а въ наличности ничего
однако, когда пріѣхала институтка (погостить, а не навс
весь городишко у насъ точно обновился, самыя знатныя и
дамы,—двѣ превосходительныя, одна полковница, да и всѣ
за ними, тотчасъ-же приняли участіе, расхватали ее, весе
начали, царица баловъ, пикниковъ, живыя картины состр
въ пользу какихъ-то гувернантокъ. Я молчу, я кучу, я
штуку именно тогда удралъ такую, что весь городъ тогд
галдѣлъ. Вижу, она меня разъ обмѣрила взглядомъ, у бат
наго командира это было, да я тогда не подошелъ: пренебр
дескать, знакомиться. Подошелъ я къ ней уже нѣсколько сп
тоже на вечерѣ, заговорилъ, еле поглядѣла, презрительныя г
сложила, а, думаю, подожди, отомщу! Бурбонъ я былъ у
нѣйшій въ большинствѣ тогдашнихъ случаевъ, и самъ это
ствовалъ. Главное, то чувствовалъ, что «Катенька» не то ч
невинная институтка такая, а особа съ характеромъ, горд
въ самомъ дѣлѣ добродѣтельная, а пуще всего съ умомъ и
зованіемъ, а у меня ни того, ни другаго. Ты думаешь, я
ложеніе хотѣлъ сдѣлать? Ни мало, просто отомстить хотѣлъ
что я такой молодецъ, а она не чувствуетъ. А пока кутеж
погромъ. Меня, наконецъ, подполковникъ на три дня
арестъ посадилъ. Вотъ къ этому-то времени какъ разъ е
мнѣ шесть тысячъ прислалъ, послѣ того какъ я послалъ
форменное отреченіе отъ всѣхъ и вся, то есть мы, дескать,
разсчетѣ» и требовать больше ничего не буду. Не понима
тогда ничего; я, братъ, до самаго сюда пріѣзда, и даже д
мыхъ послѣднихъ теперешнихъ дней, и даже, можетъ быт
сего дня, не понималъ ничего объ этихъ всѣхъ нашихъ с
цомъ денежныхъ пререканіяхъ. Но это къ чорту, это не
А тогда, получивъ эти шесть, узналъ я вдругъ завѣдом
одному письмецу отъ пріятеля про одну любопытнѣйшую
для себя, именно, что подполковникомъ нашимъ недоволь
подозрѣваютъ его не въ порядкѣ, однимъ словомъ, что

готовятъ ему закуску. И впрямь пріѣхалъ начальникъ ди
и распекъ на чемъ свѣтъ стоитъ. Затѣмъ, н ного спустя,
ьно въ отставку подать. Я тебѣ разсказывать е буду какъ
все вышло въ подробности, были у него враги йствительно.
ько вдругъ въ городѣ чрезмѣрное охлажденіе
й фамиліи, всѣ вдругъ точно отхлынули. Вотъ
вая моя шутка: встрѣчаю я Агафью Ивановну,
гда дружбу хранилъ, и говорю: «А вѣдь у папа
хъ-то денегъ четырехъ тысячъ пятисотъ рублей н.
это, почему говорите? Не но генералъ былъ, всѣ
ли»... «Тогда были, а теп нѣтъ». Испугалась ужас
айте, пожалуйста, отъ кого вы слышали?» «Не безпокои
ворю, ни кому не скажу, а вы знаете, что я на сей
тила, а вотъ что хотѣлъ я вамъ только на сей счетъ то
видѣ, такъ сказать, «всякаго случая» присовокупить: ко
требуютъ у папаши четыре-то тысячки пятьсотъ, а у него не
кается, такъ чѣмъ подъ судъ-то, а потомъ въ солдаты на ста-
ти лѣтъ угодить, пришлите мнѣ тогда лучше вашу институтку
ретно, мнѣ какъ разъ деньги выслали, я ей четыре-то ты-
тка, пожалуй, и отвалю и въ святости секретъ сохраню». «Ахъ,
кой вы, говоритъ, подлецъ! (такъ и сказала),—какой вы злой,
оритъ, подлецъ! Да какъ вы смѣете!» Ушла въ негодованіи
ашномъ, а я ей вслѣдъ еще разъ крикнулъ, что секретъ со-
ленъ будетъ свято и нерушимо. Эти обѣ бабы, то есть Агаѳья
тетка ея, скажу впередъ, оказались во всей этой исторіи чи-
ми ангелами, а сестру эту гордячку, Катю, во истину обо-
ли, принижали себя предъ нею, горничными ея были. Только
ѳья эту штуку, то есть разговоръ-то нашъ ей тогда и пе-
ай. Я это потомъ какъ пять пальцевъ узналъ. Не скрыла,
, а мнѣ, разумѣется, того было и надо.

Вдругъ пріѣзжаетъ новый майоръ принимать баталіонъ.
нимаетъ. Старый подполковникъ вдругъ заболѣваетъ, дви-
ться не можетъ, двое сутокъ дома сидитъ, суммы казенной
сдаетъ. Докторъ нашъ Кравченко увѣрялъ, что дѣйстви-
льно боленъ былъ. Только я вотъ что досконально зналъ по
ету и даже давно: что сумма, когда отсмотритъ ее началь-
ный разъ послѣ того, и это уже года четыре сряду,
время. Ссужалъ ее подполковникъ вѣрнѣйшему одному
у нашему, старому вдовцу, Трифонову, бородачу
хъ. Тотъ съѣздитъ на ярмарку, сдѣлаетъ ка-
оборотъ и возвращаетъ тотчасъ подполков-

ему деньги въ цѣлости, а съ тѣмъ вмѣстѣ привозилъ
гостинцу, а съ гостинцами и проценты. Только въ
А тогда узналъ все это совершенно случайно отъ
слюняваго сынишки Трифонова, сына его и наслѣдника,
нѣйшаго мальчишки, какого свѣтъ производилъ. въ
возвратилъ. Трифоновъ возвратясь съ ярмарки, ничего не
Подполковникъ бросился къ нему: «Никогда я отъ в
не получалъ, да и получать не могъ». — вотъ отвѣтъ
и сидитъ нашъ подполковникъ дома, голову себѣ обв
полотенцемъ, ему онѣ всѣ три льду къ темени прик
вдругъ вѣстовой съ книгою и съ приказомъ: «Сдать
сумму, тотчасъ же, немедленно, черезъ два часа». (
лался, я эту подпись въ книгѣ потомъ видѣлъ, — всталъ
что одѣваться въ мундиръ идетъ, прибѣжалъ въ свою
взялъ двухствольное охотничье свое ружье, зарядилъ
солдатскую пулю, снялъ съ правой ноги сапогъ, ру
въ грудь, а ногой сталъ курокъ искать. А Агафья
дозрѣвала, мои тогдашнія слова запомнила, подкралась
подсмотрѣла: ворвалась, бросилась на него сзади, обн
выстрѣлило вверхъ въ потолокъ; никого не ранило
остальныя, схватили его, отняли ружье, за руки дер
это я потомъ узналъ до черты. Сидѣлъ я тогда дома
меркалось, и только что хотѣлъ выходить, одѣлся, причес
токъ надушилъ, фуражку взялъ, какъ вдругъ отворя
— и предо мною, у меня на квартирѣ, Катерина Иван
Бываютъ же странности: никто-то не замѣтилъ
улицѣ, какъ она ко мнѣ прошла, такъ что въ город
и кануло. Я же нанималъ квартиру у двухъ чиновни
древнѣйшихъ старухъ, онѣ мнѣ и прислуживали, бабы почт
слушались меня во всемъ, и, по моему приказу, зам
потомъ обѣ, какъ чугунныя тумбы. Конечно, я все тотчас
Она вошла и прямо глядитъ на меня, темные глаза см
рѣшительно, дерзко даже, но въ губахъ и около губъ
нерѣшительность.

— Мнѣ сестра сказала, что вы дадите четыре ты
пятьсотъ рублей, если я приду за ними... къ вамъ сама. Я
пришла... дайте деньги!.. — не выдержала, задохлась, испугалась, г
пресѣкся, а концы губъ и линіи около губъ задрожали.
Алеша, слушаешь или спишь?

— Митя, я знаю, что ты всю правду скажешь,
въ волненіи Алеша.

Ее самую и скажу. Если всю правду, то вотъ какъ было,
пощажу. Первая мысль была — Карамазовская. Разъ,
меня фаланга укусила, я двѣ недѣли отъ нея въ жару
алъ; ну такъ вотъ и теперь вдругъ за сердце слышу уку-
аланга, злое-то насѣкомое, понимаешь? Обмѣрилъ я е
Видѣлъ ты ее? Вѣдь красавица. Да не тѣмъ она кр
ыла. Красива была она тѣмъ къ ту минуту, я
я, а я подлецъ, что она въ величіи своего
вы своей за отца, а я клопъ. И вотъ отъ
она *вся* зависитъ, вся, вся кругомъ и съ душ
Очерчена. Я тебѣ прямо скажу: эта мысль, мысль
до такой степени захватила мнѣ сердце, что оно чу
отъ одного томленія. Казалось-бы и борьбы не мо
гь никакой: именно-бы поступить какъ клопу, какъ зло
лу, безо всякаго сожалѣнія... Пересѣкло у меня дух
Слушай: вѣдь я, разумѣется, завтра-же пріѣхалъ-бы руки
, чтобы все это благороднѣйшимъ, такъ сказать, обра-
вершить и чтобы никто, стало быть, этого не зналъ и
-бы знать. Потому что вѣдь я человѣкъ хоть и низкихъ
, но честный. И вотъ вдругъ мнѣ тогда въ ту-же се-
то-то и шепни на ухо: «Да вѣдь завтра-то этакая, какъ
ь съ предложеніемъ руки, и не выйдетъ къ тебѣ, а ве-
учеру со двора тебя вытолкать. Ославляй, дескать, по
ороду, не боюсь тебя!» Взглянулъ я на дѣвицу, не со-
ей голосъ: такъ, конечно, такъ оно и будетъ. Меня вы-
въ шею, по теперешнему лицу уже судить можно. За-
во мнѣ злость, захотѣлось подлѣйшую, поросячью, ку-
ю штучку выкинуть: поглядѣть это на нее съ насмѣш-
тутъ-же, пока стоитъ передъ тобой, и огорошить ее съ
ей, съ какою только купчикъ умѣетъ сказать.
Это четыре-то тысячи! Да я пошутилъ-съ, что вы это?
ъ легковѣрно, сударыня, сосчитали. Сотенки двѣ я, по-
съ моимъ даже удовольствіемъ и охотою, а четыре ты-
о деньги не такія, барышня, чтобъ ихъ на такое легко-
кидать. Обезпокоить себя напрасно изволили.
ришь, я-бы, конечно, все потерялъ, она-бы убѣжала, но
рнально, мстительно вышло-бы, всего остальнаго стоило-
-бы потомъ всю жизнь отъ раскаянія, но только чтобы
штучку отмочить! Вѣришь-ли, никогда этого у меня
й не бывало, ни съ единою женщиной, чтобы въ
уту я на нее глядѣлъ съ ненавистью, — и вотъ

крестъ кладу: я на эту глядѣлъ тогда секунды три из
страшною ненавистью, — съ тою самою ненавистью, к
рой до любви, до безумнѣйшей любви — одинъ волосо
дошелъ къ окну, приложилъ лобъ къ мерзлому стек
мню, что мнѣ лобъ обожгло льдомъ какъ огнемъ. Дол
держалъ, не безпокойся, обернулся, подошелъ къ сто
рилъ ящикъ и досталъ пятитысячный пятипроцентн
именный билетъ (въ лексиконѣ французскомъ лежалъ
Затѣмъ молча ей показалъ, сложилъ, отдалъ, самъ отв
дверь въ сѣни, и, отступя шагъ, поклонился ей въ п
чтительнѣйшимъ, проникновеннѣйшимъ поклономъ, вѣ
Она вся вздрогнула, посмотрѣла пристально секунду,
поблѣднѣла, ну, какъ скатерть, и вдругъ, тоже ни сло
воря, не съ порывомъ, а мягко такъ, глубоко, тихо с
вся и прямо мнѣ въ ноги—лбомъ до земли, не по нис
по русски! Вскочила и побѣжала. Когда она выбѣжал
при шпагѣ, я вынулъ шпагу и хотѣлъ-было тутъ-же
себя, для чего—не знаю, глупость была-бы страшная,
но, должно быть, отъ восторга. Понимаешь-ли ты, что
восторга можно убить себя: но я не закололся, а тол
ловалъ шпагу и вложилъ ее опять въ ножны, — о че
чемъ, могъ-бы тебѣ и не упоминать. И даже, кажетс
часъ-то разсказывая обо всѣхъ борьбахъ немножко р
чтобы себя похвалить. Но пусть, пусть такъ и будетъ
дери всѣхъ шпіоновъ сердца человѣческаго! Вотъ весь
бывшій «случай» съ Катериной Ивановной. Теперь,
братъ Иванъ о немъ знаетъ, да ты — и только.

Дмитрій Ѳедоровичъ всталъ, въ волненіи шагнулъ
другой, вынулъ платокъ, обтеръ со лба потъ, затѣмъ сѣ
но не на то мѣсто, гдѣ прежде сидѣлъ, а на другое, н
напротивъ, у другой стѣны, такъ что Алеша долженъ
всѣмъ къ нему повернуться.

V.

Исповѣдь горячаго сердца. «Вверхъ пя

— Теперь, сказалъ Алеша,—я первую половину з
знаю.

— Первую половину ты понимаешь: это драма, и п

тамъ. Вторая-же половина есть трагедія и произойдетъ она
ь.

— Изо второй половины я до сихъ поръ ничего не пони-
, сказалъ Алеша.

— А я-то? Я-то развѣ понимаю?

— Постой, Дмитрій, тутъ есть одно главное слово. Скажи
вѣдь ты женихъ, женихъ и теперь?

— Женихомъ я сталъ не сейчасъ, а всего три мѣсяца лишь
ся послѣ тогдашняго-то. На другой-же день, какъ это тог-
случилось, я сказалъ себѣ, что случай исчерпанъ и конченъ,
олженія не будетъ. Придти съ предложеніемъ руки ка-
ь мнѣ низостью. Съ своей стороны и она всѣ шесть не-
потомъ какъ у насъ въ городѣ прожила — ни словечкомъ
бѣ знать не дала. Кромѣ одного, вправду, случая: на другой
послѣ ея посѣщенія прошмыгнула ко мнѣ ихъ горничная,
слова не говоря, пакетъ передала. На пакетѣ адресъ: та-
у-то. Вскрываю—сдача съ билета въ 5000. Надо было всего
ыре тысячи пятьсотъ, да на продажѣ пятитысячнаго билета
ря рублей въ двѣсти слишкомъ произошла. Прислала мнѣ
о двѣсти шестьдесятъ, кажется, рубликовъ, не помню хоро-
ько, и только однѣ деньги, — ни записки, ни словечка, ни
ясненія. Я въ пакетѣ искалъ знака какого-нибудь каранда-
ъ — н-ничего! Что-жь, я закутилъ пока на мои остальные
и, такъ что и новый майоръ мнѣ выговоръ, наконецъ, при-
денъ былъ сдѣлать. Ну, а подполковникъ казенную сумму
ъ—благополучно и всѣмъ на удивленіе, потому что никто
у него денегъ въ цѣлости не предполагалъ. Сдалъ, да и
оралъ, слегъ, лежалъ недѣли три, затѣмъ, вдругъ размяг-
іе въ мозгу произошло и въ пять дней скончался. Похоро-
съ воинскими почестями, еще не успѣлъ отставку получить.
рина Ивановна, сестра и тетка, только что похоронивъ отца,
черезъ десять двинулись въ Москву. И вотъ предъ отъѣз-
ъ только, въ самый тотъ день, когда уѣхали (я ихъ не ви-
ъ и не провожалъ), получаю крошечный пакетикъ, синенькій,
жевная бумажка, а на ней одна только строчка карандашомъ:
вамъ напишу, ждите. К.». Вотъ и все.

Поясню тебѣ теперь въ двухъ словахъ. Въ Москвѣ у нихъ
обернулись съ быстротою молніи и съ неожиданностью
скихъ сказокъ. Эта генеральша, ея главная родственница,
тъ разомъ лишается своихъ двухъ ближайшихъ наслѣд-
ь, своихъ двухъ ближайшихъ племянницъ, — обѣ на одной

и той-я [illegible]ѣ помираютъ отъ оспы. Потрясенная стар
Катѣ обрадовавшись, какъ родной дочери, какъ звѣздѣ спасе
накинулась на нее, передѣлала тотчасъ завѣщаніе въ ея поль
но это въ будущемъ, а пока теперь, прямо въ руки—все
десятъ тысячъ, вотъ тебѣ, молъ, приданое, дѣлай съ нимъ,
хочешь. Истерическая женщина, я ее въ Москвѣ потомъ наб
далъ, Ну, вотъ, вдругъ я тогда и получаю по почтѣ чет
тысячи пятьсотъ рублей, разумѣется, недоумѣваю и удивл
какъ безсловесный. Три дня спустя приходитъ и обѣщан
письмо. Оно и теперь у меня, оно всегда со мной и умру я
нимъ, — хочешь покажу? Непремѣнно прочти: предлагается
невѣсты, сама себя предлагаетъ, «люблю, дескать, безумно, п
вы меня не любите—все равно, будьте только моимъ муж
Не пугайтесь—ни въ чемъ васъ стѣснять не буду, буду в
мебель, буду тотъ коверъ, по которому вы ходите... Хочу
бить васъ вѣчно, хочу спасти васъ отъ самого себя»... Ал
я недостоинъ даже пересказывать эти строки моими подл
словами и моимъ подлымъ тономъ, всегдашнимъ моимъ подл
тономъ, отъ котораго я никогда не могъ исправиться! Прон
это письмо меня до сегодня, и развѣ мнѣ теперь легко, р
мнѣ сегодня легко? Тогда я тотчасъ-же ей написалъ отвѣт
никакъ не могъ самъ пріѣхать въ Москву). Слезами писалъ
одного стыжусь вѣчно: упомянулъ, что она теперь богатая
приданымъ, а я только нищій бурбонъ—про деньги упомян
Я-бы долженъ былъ это перенести, да съ пера сорвалось. Т
же, тотчасъ написалъ, въ Москву, Ивану и все ему объяс
въ письмѣ по возможности, въ шесть листовъ письмо бы
послалъ Ивана къ ней. Что ты смотришь, что ты глядиш
меня? Ну да, Иванъ влюбился въ нее, влюбленъ и тепер
это знаю, я глупость сдѣлалъ, по вашему, по свѣтскому,
можетъ быть, вотъ эта-то глупость одна теперь и спасетъ
всѣхъ! Ухъ! Развѣ ты не видишь, какъ она его почитаетъ,
она его уважаетъ? Развѣ она можетъ, сравнивъ насъ обоихъ
бить такого какъ я, да еще послѣ всего того, что здѣсь произо

— А я увѣренъ, что она любитъ такого какъ ты, а я
кого какъ онъ.

— Она свою добродѣтель любитъ, а не меня, невольн
почти злобно вырвалось вдругъ у Дмитрія Ѳедоровича. Он
смѣялся, но черезъ секунду глаза его сверкнули, онъ весь
краснѣлъ и съ силой ударилъ кулакомъ по столу.

— Клянусь, Алеша, воскликнулъ онъ со страшны

еннимъ гнѣвомъ на себя, — вѣрь—не вѣрь, но вотъ, как
ъ святъ, и что Христосъ есть Господь, клянусь, что я, хоть
усмѣхнулся сейчасъ ея высшимъ чувствамъ, но знаю, что я
милліонъ разъ ничтожнѣе душой, чѣмъ она, и что эти луч-
я чувства ея—искренни какъ у небеснаго ангела! Въ томъ
трагедія, что я знаю это навѣрно. Что въ томъ, что человѣкъ
пельку декламируетъ? Развѣ я не декламирую? А вѣдь иск
нъ-же я, искрененъ. Что-же касается Ивана, то вѣдь
нимаю съ какимъ проклятіемъ долженъ онъ смотрѣть
природу, да еще при его-то умѣ! Кому, чему отдано пр
ніе? Отдано извергу, который и здѣсь, уже женихомъ бу
когда на него всѣ глядѣли, удержать свои дебошир
ть, — и это при невѣстѣ-то, при невѣстѣ-то! И вотъ т
къ я, предпочтенъ, а онъ отвергается. Но для чего-же? А
но, что дѣвица изъ благодарности жизнь и судьбу свою из
ловать хочетъ! Нелѣпость! Я Ивану въ этомъ смыслѣ ничего
никогда не говорилъ, Иванъ, разумѣется, мнѣ тоже объ этомъ
когда ни полслова, ни малѣйшаго намека; но судьба свер-
ится и достойный станетъ на мѣсто, а недостойный скроется
переулокъ на вѣки—въ грязный свой переулокъ, въ воз-
бленный и свойственный ему переулокъ, и тамъ, въ грязи и
ки, погибнетъ добровольно и съ наслажденіемъ. Заврался я
-то, слова у меня всѣ износились, точно наобумъ ставлю, но
къ какъ я опредѣлилъ, такъ тому и быть. Потому въ пере-
кѣ, а она выйдетъ за Ивана.

— Братъ, постой, съ чрезвычайнымъ безпокойствомъ опять
ервалъ Алеша,—вѣдь тутъ всетаки одно дѣло ты мнѣ до сихъ
ръ не разъяснилъ: вѣдь ты женихъ, вѣдь ты всетаки же-
хъ? Какъ-же ты хочешь порвать, если она, невѣста, не
четъ?

— Я женихъ, формальный и благословенный, произошло
въ Москвѣ, по моемъ пріѣздѣ, съ парадомъ, съ образами, и
лучшемъ видѣ. Генеральша благословила и—вѣришь-ли, по-
авила даже Катю: ты выбрала, говоритъ, хорошо, я вижу
насквозь. И вѣришь-ли, Ивана она не взлюбила и не по-
авила. Въ Москвѣ-же я много и съ Катей переговорилъ, я ей
себя росписалъ, благородно, въ точности, въ искренности,
ушала:

«Было милое смущенье,
Были нѣжныя слова»...

Ну, слова-то были и гордыя. Она вынудила у меня тогда кое обѣщаніе исправиться. Я далъ обѣщаніе. И вотъ...

— Что-же?

— И вотъ я тебя кликнулъ и перетащилъ сюда ее сегодняшняго числа,—запомни!—съ тѣмъ, чтобы послать и опять-таки сегодня-же, къ Катеринѣ Ивановнѣ, и...

— Что?

— Сказать ей, что я больше къ ней не приду никогда казалъ, дескать, кланяться.

— Да развѣ это возможно?

— Да я потому-то тебя и посылаю вмѣсто себя, что а возможно, а то какъ-же я самъ-то ей это скажу?

— Да куда-же ты пойдешь?

— Въ переулокъ.

— Такъ это къ Грушенькѣ? горестно воскликнулъ всплеснувъ руками. — Да неужто-же Ракитинъ въ самом правду сказалъ? А я думалъ, что ты только такъ къ ней дилъ и кончилъ.

— Это жениху-то ходить? Да развѣ это возможно, при такой невѣстѣ, и на глазахъ у людей? Вѣдь честь-то есть, небось. Только что я сталъ ходить къ Грушенькѣ, тотчасъ-же и пересталъ быть женихомъ и честнымъ челов вѣдь я это понимаю-же. Что ты смотришь? Я, видишь-ли, всего пошелъ ее бить. Я узналъ и знаю теперь достовѣр Грушенькѣ этой былъ этимъ штабсъ-капитаномъ, отцо повѣреннымъ, вексель на меня переданъ, чтобы взыскала, я унялся и кончилъ. Испугать хотѣли. Я Грушеньку и дв бить. Видалъ я ее и прежде мелькомъ. Она не поражает старика купца зналъ, который теперь вдобавокъ и болен слабленъ лежитъ, но ей кушъ всетаки оставитъ знатный. тоже, что деньгу нажить любитъ, наживаетъ, на злые пр даетъ, пройдоха, шельма, безъ жалости. Пошелъ я бить у ней и остался. Грянула гроза, ударила чума, заразился раженъ доселѣ, и знаю, что ужь все кончено, что ничег гаго и никогда не будетъ. Циклъ временъ совершенъ. Во дѣло. А тогда вдругъ какъ нарочно у меня въ карманѣ, щаго, очутились три тысячи. Мы отсюда съ ней въ Мокр двадцать пять отсюда верстъ, цыганъ туда добылъ, цыганок панскаго, всѣхъ мужиковъ тамъ шампанскимъ перепоилъ, бабъ и дѣвокъ, двинулъ тысячами. Черезъ три дня голъ, колъ. Ты думалъ достигъ чего соколъ-то? Даже издали

азала. Я говорю тебѣ: изгибъ. У Грушеньки, ельмы, есть та
ой одинъ изгибъ тѣла, онъ и на ножкѣ у ней отразился, даж
ъ пальчикѣ-мизинчикѣ на лѣвой ножкѣ отозвался. Видѣлъ
ѣловалъ, но и только — клянусь! Говоритъ: «хочешь выйд
мужъ, вѣдь ты нищій. Скажи, что бить не будешь и поз
ишь все мнѣ дѣлать, что я захочу, тогда, можетъ, и вы
мѣется. И теперь смѣется!

Дмитрій Ѳедоровичъ почти съ какою-то яростью
ъ мѣста, онъ вдругъ сталъ какъ пьяный. Глаза ем
алились кровью.

— И ты въ самомъ дѣлѣ хочешь на ней женить
— Коль захочетъ, такъ тотчасъ-же, а не захочетъ, и
станусь; у нея на дворѣ буду дворникомъ. Ты... ты, Ал
остановился онъ вдругъ предъ ними и, схвативъ его за
ъ вдругъ съ силою трясти его: — да знаешь-ли ты, в
ой ты мальчикъ, что все это бредъ, немыслимый бредъ,
ть трагедія! Узнай-же, Алексѣй, что я могу быть низким
овѣкомъ, со страстями низкими и погибшими, но воромъ
рманнымъ воромъ, воришкой по переднимъ, Дмитрій Карама
въ не можетъ быть никогда. Ну, такъ узнай-же теперь, чт
воришка, я воръ по карманамъ и по переднимъ! Какъ раз
редъ тѣмъ какъ я Грушеньку пошелъ бить, призываетъ мен
въ то самое утро Катерина Ивановна, и въ ужасномъ секретѣ
тобы покамѣстъ никто не зналъ (для чего, не знаю, видно так
было нужно) проситъ меня съѣздить въ губернскій город
тамъ по почтѣ послать три тысячи Агаѳьѣ Ивановнѣ, въ Мо
ву, потому въ городъ чтобъ здѣсь и не знали. Вотъ съ эти
-то тремя тысячами въ карманѣ я и очутился тогда у Гру
еньки, на нихъ и въ Мокрое съѣздили. Потомъ я сдѣлал
ъ, что слеталъ въ городъ, но росписки почтовой ей не пред
явилъ, сказалъ, что послалъ, росписку принесу, и до сих
оръ не несу, забылъ-съ. Теперь, какъ ты думаешь, вотъ т
егодня пойдешь и ей скажешь: «приказали вамъ кланяться»
она тебѣ: «А деньги?» Ты еще могъ-бы сказать ей: «это низ
ій сладострастникъ, и съ неудержимыми чувствами подлое су
ество. Онъ тогда не послалъ ваши деньги, а растратилъ
что удержаться не могъ, какъ низкое животное, н
могъ-бы прибавить: за то онъ не воръ, вотъ ваш
посылаетъ обратно, пошлите сами Агафьѣ Ивано
велѣлъ кланяться. А теперь вдругъ она: «а гд

— Мит[illegible]ы несчастенъ, да! Но все-же не столько ска[illegible] ты думаешь,—не убивай себя отчаяніемъ, не убивай!

— А что ты думаешь, застрѣлюсь, какъ не достану т[illegible] тысячъ отдать? Въ томъ-то и дѣло что не застрѣлюсь. Не силахъ теперь, потомъ, можетъ быть, а теперь я къ Грушеи пойду... Пропадай мое сало!

— А у ней?

— Буду мужемъ ея, въ супруги удостоюсь, а коли прид любовникъ, выйду въ другую комнату. У ея пріятелей буду лоши грязныя обчищать, самоваръ раздувать, на посылк бѣгать...

— Катерина Ивановна все пойметъ, торжественно прои рилъ вдругъ Алеша, — пойметъ всю глубину во всемъ эт горѣ и примирится. У нея высшій умъ, потому что нельзя б несчастнѣе тебя, она увидитъ сама.

— Не помирится она совсѣмъ, осклабился Митя.—Т братъ, есть нѣчто, съ чѣмъ нельзя никакой женщинѣ пр риться. А знаешь что всего лучше сдѣлать?

— Что?

— Три тысячи ей отдать.

— Гдѣ-же взять-то? Слушай, у меня есть двѣ тысячи, И дастъ тоже тысячу, вотъ и три, возьми и отдай.

— А когда онѣ прибудутъ, твои три тысячи? Ты еще н совершеннолѣтній вдобавокъ, а надо непремѣнно, непремѣ чтобы ты сегодня уже ей откланялся, съ деньгами или денегъ, потому что я дальше тянуть не могу, дѣло на т точкѣ стало. Завтра уже поздно, поздно. Я тебя къ отцу пош

— Къ отцу?

— Да, къ отцу прежде нея. У него три тысячи и спр

— Да вѣдь онъ, Митя, не дастъ.

— Еще-бы далъ, знаю что не дастъ. Знаешь ты, Алек что значитъ отчаяніе?

— Знаю.

— Слушай: юридически онъ мнѣ ничего не долженъ. В у него выбралъ, все, я это знаю. Но вѣдь нравственно-то женъ онъ мнѣ, такъ иль не такъ? Вѣдь онъ съ матери двадцати восьми тысячъ пошелъ и сто тысячъ нажилъ. П онъ мнѣ дастъ только три тысячи изъ двадцати восьми, то три, и душу мою изъ ада извлечетъ, и зачтется это многіе грѣхи! Я-же на этихъ трехъ тысячахъ, вотъ те[illegible] кое слово, — покончу, и не услышитъ онъ ничего обо[illegible]

е вовсе. Въ послѣдній разъ случай ему даю быть отцо
ажи ему, что самъ Богъ ему этотъ случай посылаетъ.
— Митя, онъ ни за что не дастъ.
— Знаю, что не дастъ, въ совершенствѣ знаю. А теперь
обенно. Мало того, я вотъ что̀ еще знаю: теперь, на дняхъ
лько, всего только, можетъ быть, вчера, онъ въ первый разъ
налъ *серьезно* (подчеркни серьезно) что Грушенька-то въ са-
мъ дѣлѣ, можетъ быть, не шутитъ и за меня замуж
тъ прыгнуть. Знаетъ онъ этотъ характеръ, знаетъ эт
у, такъ неужто-жь онъ мнѣ вдобавокъ и деньги дас
акому случаю способствовать, тогда какъ самъ онъ
зъ памяти? Но и этого еще мало, я еще больше тебя
ривесть: я знаю, что у него ужь дней пять какъ вынуты
сячи рублей, размѣнены въ сотенныя кредитки и упакова
ъ большой пакетъ, подъ пятью печатями, а сверху крас
мочкой на-крестъ перевязаны. Видишь, какъ подробно зна
пакетѣ-же надписано: «Ангелу моему, Грушенькѣ, коли за-
четъ придти», самъ нацарапалъ, въ тишинѣ и въ тайнѣ, и
кто-то не знаетъ, что у него деньги лежатъ, кромѣ лакея
ердякова, въ честность котораго онъ вѣритъ какъ въ себя
мого. Вотъ онъ ужь третій аль четвертый день Грушеньку
детъ, надѣется, что придетъ за пакетомъ, далъ онъ ей знать,
та знать дала, что, «можетъ-де и приду». Такъ вѣдь если
а придетъ къ старику, развѣ я могу тогда жениться на ней?
нимаешь теперь зачѣмъ, значитъ, я здѣсь на секретѣ сижу и
о именно сторожу?
— Ее?
— Ее. У этихъ шлюхъ, здѣшнихъ хозяекъ, нанимаетъ ка-
рку Ѳома. Ѳома изъ нашихъ мѣстъ, нашъ бывшій солдатъ.
ъ у нихъ прислуживаетъ, ночью сторожитъ, а днемъ тете-
ей ходитъ стрѣлять, да тѣмъ и живетъ. Я у него тутъ и
лъ; ни ему, ни хозяйкамъ, секретъ неизвѣстенъ, то есть
я здѣсь сторожу.
— Одинъ Смердяковъ знаетъ?
— Онъ одинъ. Онъ мнѣ и знать дастъ, коль та къ старику
детъ.
— Это онъ тебѣ про пакетъ разсказалъ?
нъ. Величайшій секретъ. Даже Иванъ не знаетъ ни о
, ни о чемъ. А старикъ Ивана въ Чермашню посыла-
ва, на три дня прокатиться: объявился покупщикъ на
бить ее за восемь тысячъ, вотъ и упрашиваетъ ста-

р помоги, дескать, съѣзди самъ» денька на
т[illegible], Это онъ хочетъ, чтобы Грушенька бе
пришла.

— Стало быть, онъ и сегодня ждетъ Грушеньку?

— Нѣтъ, сегодня она не придетъ, есть примѣты. Н
не придетъ! крикнулъ вдругъ Митя. — Такъ и Смердяко
лагаетъ. Отецъ теперь пьянствуетъ, сидитъ за столомъ с
томъ Иваномъ. Сходи, Алексѣй, спроси у него эти три ты

— Митя, милый, что съ тобой! воскликнулъ Алеша,
кивая съ мѣста и всматриваясь въ изступленнаго Дмитр
доровича. Одно мгновеніе онъ думалъ, что тотъ помѣшал

— Что ты? Я не помѣшанъ въ умѣ, пристально и даже
то торжественно смотря, произнесъ Дмитрій Ѳедоровичъ.—Н
я тебя посылаю къ отцу и знаю что говорю: я чуду

— Чуду?

— Чуду Промысла Божьяго. Богу извѣстно мое серд
видитъ все мое отчаяніе. Онъ всю эту картину видитъ. Н
Онъ попуститъ совершиться ужасу? Алеша, я чуду вѣри

— Я пойду. Скажи, ты здѣсь будешь ждать?

— Буду, понимаю, что не скоро, что нельзя этакъ
и прямо бухъ! Онъ теперь пьянъ. Буду ждать и три час
тыре, и пять, и шесть, и семь, но только знай, что с
хотя-бы даже и въ полночь, ты явишься къ Катеринѣ Ив
съ деньгами или безъ денегъ, и скажешь: велѣлъ вамъ клан
Я именно хочу, чтобъ ты этотъ стихъ сказалъ: «велѣлъ, д
кланяться».

— Митя! А вдругъ Грушенька придетъ сегодня... не с
такъ завтра, аль послѣ завтра?

— Грушенька? Посмотрю, ворвусь и помѣшаю...

— А если...

— А коль если, такъ убью. Такъ не переживу.

— Кого убьешь?

— Старика. Ее не убью.

— Братъ, что ты говоришь!

— Я вѣдь не знаю, не знаю... Можетъ быть, не убь
жетъ убью. Боюсь, что ненавистенъ онъ вдругъ мнѣ с
своимъ лицомъ въ ту самую минуту. Ненавижу я его в
его носъ, его глаза, его безстыжую насмѣшку. Личное
ніе чувствую. Вотъ этого боюсь. Вотъ и не удержусь...

— Я пойду, Митя. Я вѣрю, что Богъ устроитъ какъ
лучше, чтобы не было ужаса.

— А я буду сидѣть и чуда ждать. Но если и свершится, т
Алеша, задумчивый, направился къ отцу.

VI.

Смердяковъ.

Онъ и вправду засталъ це отца за столомъ. Столъ
всегдашнему обыкновен.. накрытъ въ залѣ, хотя
ходилась и настоящая столовая. Эта зала была самая
домѣ комната, съ какою-то старинною претензіей ме.
нная. Мебель была древнѣйшая, бѣлая, съ красною, ве
шелковою обивкой. Въ простѣнкахъ между оконъ встав..
ли зеркала въ вычурныхъ рамахъ старинной рѣзьбы,
ыхъ съ золотомъ. На стѣнахъ, обитыхъ бѣлыми бумажн..
во многихъ мѣстахъ уже треснувшими обоями, красовались
а большіе портрета,—одного какого-то князя, лѣтъ тридцать
азадъ бывшаго генералъ-губернаторомъ мѣстнаго края, и ка-
ого-то архіерея, давно уже тоже почившаго. Въ переднемъ
лу помѣщалось нѣсколько иконъ, предъ которыми на ночь за-
галась лампадка... не столько изъ благоговѣнія, сколько для
го, чтобы комната на ночь была освѣщена. Ѳедоръ Павловичъ
жился по ночамъ очень поздно, часа въ три, въ четыре утра,
до тѣхъ поръ все, бывало, ходитъ по комнатѣ или сидитъ въ
реслахъ и думаетъ. Такую привычку сдѣлалъ. Ночевалъ онъ
рѣдко совсѣмъ одинъ въ домѣ, отсылая слугъ во флигель, но
ольшею частью съ нимъ оставался по ночамъ слуга Смердя-
въ, спавшій въ передней на залавкѣ. Когда вошелъ Алеша,
ть обѣдъ былъ уже покончен, но подано было варенье и кофе.
оръ Павловичъ любилъ послѣ обѣда сладости съ коньячкомъ.
анъ Ѳедоровичъ находился тутъ-же за столомъ и тоже ку-
лъ кофе. Слуги, Григорій и Смердяковъ, стояли у стола. И
ремя, и слуги были въ видимомъ и необыкновенно веселомъ
ушевленіи. Ѳедоръ Павловичъ громко хохоталъ и смѣялся;
леша еще изъ сѣней услышалъ его визгливый, столь знакомый
ъ прежде смѣхъ, и тотчасъ-же заключилъ, по звукамъ смѣха,
ъ еще далеко не пьянъ, а пока лишь всего благодуше-

и онъ, вотъ и онъ! завопилъ Ѳедоръ Павловичъ,
ично обрадовавшись Алешѣ.—Присоединяйся къ намъ,

садись, кофейку,—постный, вѣдь, постный, да горячій, да с
ный! Коньячку не приглашаю, ты постникъ, а хочешь, хоч
Нѣтъ, я лучше тебѣ ликерцу дамъ, знатный! - Смердяковъ, с
въ шкафъ, на второй полкѣ направо, вотъ ключи, живѣй!

Алеша сталъ было отъ ликера отказываться.

— Все равно подадутъ, не для тебя, такъ для насъ, с
Ѳедоръ Павловичъ. — Да постой, ты обѣдалъ аль нѣтъ?

— Обѣдалъ, сказалъ Алеша, съѣвшій, по правдѣ, всего то
ломоть хлѣба и выпивши стаканъ квасу на игуменской кухн
Вотъ я кофе горячаго выпью съ охотой.

— Милый! Молодецъ! Онъ кофейку выпьетъ. Не подогрѣть
Да нѣтъ, и теперь кипитъ. Кофе знатный, Смердяковскій.
кофе да на кулебяки Смердяковъ у меня артистъ, да на уху
правда. Когда-нибудь на уху приходи, заранѣе дай знать...
постой, постой, вѣдь я тебѣ давеча совсѣмъ велѣлъ сегодня
переселиться съ тюфякомъ и подушками? Тюфякъ-то приташ
хе-хе-хе!..

— Нѣтъ, не принесъ, усмѣхнулся и Алеша.

— А, испугался, испугался таки давеча, испугался? Ахъ
голубчикъ, да я-ль тебя обидѣть могу. Слушай, Иванъ, не
я видѣть какъ онъ этакъ смотритъ въ глаза и смѣется, не
Утроба у меня вся начинаетъ на него смѣяться, люблю
Алешка, дай я тебѣ благословеніе родительское дамъ.

Алеша всталъ, но Ѳедоръ Павловичъ успѣлъ одуматься.

— Нѣтъ, нѣтъ, я только теперь перекрещу тебя, вотъ т
садись. Ну, теперь тебѣ удовольствіе будетъ, и именно на
тему. Насмѣешься. У насъ Валаамова ослица заговорила, да
говоритъ-то, какъ говоритъ!

Валаамовою ослицей оказался лакей Смердяковъ. Чело
еще молодой, всего лѣтъ двадцати-четырехъ, онъ былъ стра
нелюдимъ и молчаливъ. Не то, чтобы дикъ или чего-ни
стыдился, нѣтъ, характеромъ онъ былъ, напротивъ, надмен
и какъ будто всѣхъ презиралъ. Но вотъ и нельзя мимо
чтобы не сказать о немъ хотя двухъ словъ, и именно то
Воспитали его Марѳа Игнатьевна и Григорій Васильевичъ,
мальчикъ росъ «безо всякой благодарности», какъ выраж
о немъ Григорій, мальчикомъ дикимъ и смотря на всѣхъ
угла. Въ дѣтствѣ онъ очень любилъ вѣшать кошекъ и пот
хоронить ихъ съ церемоніей. Онъ надѣвалъ для этого прост
что составляло въ родѣ какъ-бы ризы, и пѣлъ и махалъ ч
нибудь надъ мертвою кошкой, какъ будто кадилъ. Все это

ихоньку, въ величайшей тайнѣ. Григорій поймалъ его одна
этомъ упражненіи и больно наказалъ розгой. Тотъ ушелъ
олъ и косился оттуда съ недѣлю. «Не любитъ онъ насъ
бой, этотъ извергъ», говорилъ Григорій Марѳѣ Игнатьевнѣ.
да и никого не любитъ. Ты развѣ человѣкъ», обращал
другъ прямо къ Смердякову,—«ты не человѣкъ, ты изъ бан
окроты завелся, вотъ ты кто»... Смердяковъ, какъ ока
послѣдствіи, никогда не могъ простить ему этихъ с
орій выучилъ его грамотѣ и, когда минуло ему лѣтъ д
галъ учить Священной Исторіи. Но дѣло кончилось т
ичѣмъ. Какъ-то однажды, всего только на второмъ
ретьемъ урокѣ, мальчикъ вдругъ усмѣхнулся.

— Чего ты? спросилъ Григорій, грозно выглядывая
зъ-подъ очковъ.

— Ничего-съ. Свѣтъ создалъ Господь Богъ въ первый де
солнце, луну и звѣзды на четвертый день. Откуда-же свѣтъ
ялъ въ первый день?

Григорій остолбенѣлъ. Мальчикъ насмѣшливо глядѣлъ на
учителя. Даже было во взглядѣ его что-то высокомѣрное. Григо-
рій не выдержалъ. «А вотъ откуда!» крикнулъ онъ и неистово
ударилъ ученика по щекѣ. Мальчикъ вынесъ пощечину, не воз-
разивъ ни слова, но забился опять въ уголъ на нѣсколько дней.
Какъ разъ случилось такъ, что черезъ недѣлю у него объявил-
ась падучая болѣзнь въ первый разъ въ жизни, не покидав-
шая его потомъ на всю жизнь. Узнавъ объ этомъ, Ѳедоръ Пав-
ловичъ какъ будто вдругъ измѣнилъ на мальчика свой взглядъ.
Прежде онъ какъ-то равнодушно глядѣлъ на него, хотя никогда
не бранилъ и, встрѣчая, всегда давалъ копѣечку. Въ благодуш-
номъ настроеніи иногда посылалъ со стола мальчишкѣ чего-ни-
будь сладенькаго. Но тутъ, узнавъ о болѣзни, рѣшительно сталъ
о немъ заботиться, пригласилъ доктора, сталъ было лѣчить, но
оказалось, что вылѣчить невозможно. Среднимъ числомъ при-
падки приходили по разу въ мѣсяцъ и въ разные сроки. При-
падки тоже бывали разной силы,—иногда легкіе, другіе очень же-
стокіе. Ѳедоръ Павловичъ запретилъ наистрожайше Григорію на-
казывать мальчишку тѣлесно и сталъ пускать его къ себѣ на
верхъ. Учить его чему-бы то ни было тоже пока запретилъ. Но
гда мальчику было уже лѣтъ пятнадцать, замѣтилъ Ѳе-
овичъ, что тотъ бродитъ около шкафа съ книгами, и
ало читаетъ ихъ названія. У Ѳедора Павловича води-
довольно, томовъ сотня слишкомъ, но никто никогда

не видалъ его самого за книгой. Онъ тотчасъ-же передалъ к
отъ шкафа Смердякову· «Ну, и читай, будешь библіотека
чѣмъ по двору шляться, садись да читай. Вотъ прочтй эт
Ѳедоръ Павловичъ вынулъ ему *Вечера на хуторѣ близ
каньки.*

Малый прочелъ, но остался недоволенъ, ни разу не у
нулся, напротивъ, кончилъ нахмурившись.

— Что-жь? Не смѣшно? спросилъ Ѳедоръ Павловичъ.

Смердяковъ молчалъ.

— Отвѣчай, дуракъ.

— Про неправду все написано, — ухмыляясь, прошам
Смердяковъ.

— Ну, и убирайся къ чорту, лакейская ты душа. Стой,
тебѣ *Всеобщая Исторія* Смарагдова, тутъ ужь все правда, ч

Но Смердяковъ не прочелъ и десяти страницъ изъ См
дова, показалось скучно. Такъ и закрылся опять шкафъ съ
гами. Въ скорости Марѳа и Григорій доложили Ѳедору Па
вичу, что въ Смердяковѣ мало по малу проявилась вдругъ у
ная какая-то брезгливость; сидитъ за супомъ, возьметъ л
и ищетъ-ищетъ въ супѣ, нагибается, высматриваетъ, почерп
ложку и подыметъ на свѣтъ.

— Тараканъ, что-ли? спроситъ, бывало, Григорій.

— Муха, можетъ, замѣтитъ Марѳа.

Чистоплотный юноша никогда не отвѣчалъ, но и съ
бомъ, и съ мясомъ, и со всѣми кушаньями оказалось тоже с
подыметъ, бывало, кусокъ на вилкѣ на свѣтъ, разсматри
точно въ микроскопъ, долго, бывало, рѣшается и, наконец
рѣшится въ ротъ отправить. «Вишь барченокъ какой объяви
бормоталъ на него глядя Григорій. Ѳедоръ Павловичъ, услы
о новомъ качествѣ Смердякова, рѣшилъ немедленно, что
ему поваромъ и отдалъ его въ ученье въ Москву. Въ у
онъ пробылъ нѣсколько лѣтъ и воротился сильно перем
шись лицомъ. Онъ вдругъ какъ-то необычайно постарѣлъ
всѣмъ даже не соразмѣрно съ возрастомъ, сморщился, и
тѣлъ, сталъ походить на скопца. Нравственно-же воро
почти тѣмъ-же самымъ какъ и до отъѣзда въ Москву: все
былъ нелюдимъ и ни въ чьемъ обществѣ не ощущалъ н
лѣйшей надобности. Онъ и въ Москвѣ, какъ передавали по
все молчалъ; сама-же Москва его какъ-то чрезвычайно ма
интересовала, такъ что онъ узналъ въ ней развѣ кое-чт
все остальное и вниманія не обратилъ. Былъ даже разъ в

грѣ, но молча и съ неудовольствіемъ воротился. Зато п
ъ намъ изъ Москвы въ хорошемъ платьѣ, въ чистомъ сюртук
ѣльѣ, очень тщательно вычищалъ самъ щеткой свое платье
змѣнно по два раза въ день, а сапоги свои опойковые, щегольс
кіе, ужасно любилъ чистить особенною англійскою вак
тобъ они сверкали какъ зеркало. Поваромъ онъ оказа
ходнымъ. Ѳедоръ Павловичъ положилъ ему жалованье
ованье Смердяковъ употреблялъ чуть не въ цѣлости
а помаду, на духи и проч. Но женскій полъ онъ, кажет
резиралъ, какъ и мужской, держалъ себя съ нимъ
очти недоступно. Ѳедоръ Павловичъ сталъ поглядывать
съ нѣкоторой другой точки зрѣнія. Дѣло въ томъ, что пр
го падучей болѣзни усилились, и въ тѣ дни кушанье гото
же Марѳой Игнатьевной, что было Ѳедору Павловичу вовсе
уку.

— Съ чего у тебя припадки-то чаще? косился онъ иногда
оваго повара, всматриваясь въ его лицо.—Хоть-бы ты женился
а какой-нибудь, хочешь женю?..

Но Смердяковъ на эти рѣчи только блѣднѣлъ отъ досады, но
ичего не отвѣчалъ. Ѳедоръ Павловичъ отходилъ, махнувъ рукой.
лавное, въ честности его онъ былъ увѣренъ, и это разъ навсегда,
въ томъ, что онъ не возьметъ ничего и не украдетъ. Разъ случи-
лось, что Ѳедоръ Павловичъ, пьяненькій, обронилъ на собствен-
номъ дворѣ, въ грязи, три радужныя бумажки, которыя только
что получилъ, и хватился ихъ на другой только день; только
что бросился искать по карманамъ, а радужныя вдругъ уже ле-
жатъ у него всѣ три на столѣ. Откуда? Смердяковъ поднялъ и
еще вчера принесъ. «Ну, братъ, я такихъ какъ ты не виды-
валъ»—отрѣзалъ тогда Ѳедоръ Павловичъ и подарилъ ему де-
сять рублей. Надо прибавить, что не только въ честности его
онъ былъ увѣренъ, но почему-то даже и любилъ его, хотя
малый и на него глядѣлъ также косо, какъ и на другихъ, и
все молчалъ. Рѣдко, бывало, заговоритъ. Если-бы въ то время
кому-нибудь вздумалось спросить, глядя на него: чѣмъ этотъ
парень интересуется и что всего чаще у него на умѣ, то, право,
невозможно было-бы рѣшить это, на него глядя. А между тѣмъ,
онъ иногда въ домѣ-же, аль хоть на дворѣ или на улицѣ, слу-
останавливался, задумывался и стоялъ такъ по десятку
нутъ. Физіономистъ, вглядѣвшись въ него, сказалъ-бы,
ни думы, ни мысли нѣтъ, а такъ какое-то созерцаніе.
ыца Крамского есть одна замѣчательная картина, под

назва[illegible]зерцатель: изображенъ лѣсъ зимой, и въ
на дорогѣ, оборванномъ кафтанишкѣ и лаптишкахъ
одинъ-одинешенекъ, въ глубочайшемъ уединеніи, забредш
жиченко, стоитъ и какъ-бы задумался, но онъ не дум
что-то «созерцаетъ». Если-бъ его толкнуть, онъ вздрогн
и посмотрѣлъ на васъ точно проснувшись, но ничего
нимая. Правда, сейчасъ-бы и очнулся, а спросили-бы его
онъ это стоялъ и думалъ, то навѣрно-бы ничего не приво
но зато навѣрно-бы затаилъ въ себѣ то впечатлѣніе, по
торымъ находился во время своего созерцанія. Впечатл
эти ему дороги и онъ навѣрно ихъ копитъ, непримѣтно
не сознавая,—для чего и зачѣмъ, конечно, тоже не знае
жетъ, вдругъ, накопивъ впечатлѣній за многіе годы, б
все и уйдетъ въ Іерусалимъ, скитаться и спасаться, а, м
и село родное вдругъ спалитъ, а, можетъ быть, случитс
и другое вмѣстѣ. Созерцателей въ народѣ довольно. Вотъ
изъ такихъ созерцателей былъ навѣрно и Смердяковъ,
вѣрно тоже копилъ впечатлѣнія свои съ жадностью, почт
еще не зная зачѣмъ.

VII.

Контроверза.

Но Валаамова ослица вдругъ заговорила. Тема слу
странная: Григорій, по утру, забирая въ лавкѣ у купца
нова товаръ, услышалъ отъ него объ одномъ русскомъ с
что тотъ, гдѣ-то далеко на границѣ, у азіятовъ, попавъ к
въ плѣнъ и будучи принуждаемъ ими подъ страхомъ мучи
и немедленной смерти отказаться отъ христіанства и пе
въ исламъ, не согласился измѣнить своей вѣрѣ и принялъ
далъ содрать съ себя кожу и умеръ, славя и хваля Хри
о каковомъ подвигѣ и было напечатано какъ разъ въ полу
въ тотъ день газетѣ. Объ этомъ вотъ и заговорилъ за с
Григорій. Ѳедоръ Павловичъ любилъ и прежде, кажды
послѣ стола, за дессертомъ, посмѣяться и поговорить х
даже съ Григоріемъ. Въ этотъ же разъ былъ въ лег
пріятно раскидывающемся настроеніи. Попивая коньячок
слушавъ сообщенное извѣстіе, онъ замѣтилъ, что такого
слѣдовало-бы произвести сейчасъ-же во святые, и сняту

о препроводить въ какой-нибудь монастырь: «То-то на
овалитъ и денегъ». Григорій поморщился, видя, что Ѳед
авловичъ нисколько не умилился, а по всегдашней привыч
ною начинаетъ кощунствовать. Какъ вдругъ Смердяковъ. сто-
вшій у двери, усмѣхнулся. Смердяковъ весьма часто и
пускался стоять у стола, то есть подъ конецъ обѣда. Съ
е прибытія въ нашъ городъ Ивана Ѳедоровича сталъ явл
ь обѣду почти каждый разъ.

— Ты чего? спросилъ Ѳедоръ Павловичъ, мигомъ за
смѣшку и понявъ, конечно, что относится она къ Гри

— А я на счетъ того-съ, заговорилъ вдругъ громко
киданно Смердяковъ, — что если этого похвальнаго
одвигъ былъ и очень великъ-съ, то никакого опять-так
ему, не было-бы грѣха и въ томъ, если-бъ и отказать
той случайности отъ Христова, примѣрно, имени и отъ с
твеннаго крещенія своего, чтобы спасти тѣмъ самымъ
изнь для добрыхъ дѣлъ, коими въ теченіи лѣтъ и искупить
алодушіе.

— Это какъ-же не будетъ грѣха? Врешь, за это тебя прямо
ъ адъ и тамъ какъ баранину поджаривать станутъ, подхватилъ
Ѳедоръ Павловичъ.

И вотъ тутъ-то и вошелъ Алеша. Ѳедоръ Павловичъ, какъ
мы видѣли, ужасно обрадовался Алешѣ.

— На твою тему, на твою тему! радостно хихикалъ онъ,
ражая Алешу слушать.

— На счетъ баранины это не такъ-съ, да и ничего тамъ
а это не будетъ-съ, да и не должно быть такого, если по
всей справедливости, солидно замѣтилъ Смердяковъ.

— Какъ такъ по всей справедливости, крикнулъ еще весе-
лій Ѳедоръ Павловичъ, подталкивая колѣномъ Алешу.

— Подлецъ онъ, вотъ онъ кто! вырвалось вдругъ у Григо-
рія. Гнѣвно посмотрѣлъ онъ Смердякову прямо въ глаза.

— На счетъ подлеца повремените-съ, Григорій Васильевичъ
спокойно и сдержанно отразилъ Смердяковъ, — а лучше разсу-
дите сами, что разъ я попалъ къ мучителямъ рода христіан
скаго въ плѣнъ и требуютъ они отъ меня имя Божіе проклят
— святаго крещенія своего отказаться, то я вполнѣ уполно
въ томъ собственнымъ разсудкомъ, ибо никакого тутъ
е будетъ.

ты ужь это говорилъ, ты не расписывай, а докаж
эръ Павловичъ.

— Бульйонщикъ! прошепталъ Григорій презрительно.

— На счетъ бульйонщика тоже повремените-съ, а, не руга
ясь, разсудите сами, Григорій Васильевичъ. Ибо едва только
скажу мучителямъ: «Нѣтъ, я не христіанинъ и истиннаго Бог
моего проклинаю», какъ тотчасъ-же я самымъ высшимъ Божь
имъ судомъ немедленно и спеціально становлюсь анаѳема про
клятъ и отъ церкви святой отлученъ, совершенно какъ-бы ино
язычникомъ, такъ даже, что въ тотъ-же мигъ-съ, — не то чт
какъ только произнесу, а только что помыслю произнести, так
что даже самой четверти сѣкунды тутъ не пройдетъ-съ, какъ
отлученъ,—такъ или не такъ, Григорій Васильевичъ?

Онъ съ видимымъ удовольствіемъ обращался къ Григорію
отвѣчая въ сущности на одни лишь вопросы Ѳедора Павловича
и очень хорошо понимая это, но нарочно дѣлая видъ, что во
просы эти какъ будто задаетъ ему Григорій.

— Иванъ! крикнулъ вдругъ Ѳедоръ Павловичъ, — нагнис
ко мнѣ къ самому уху. Это онъ для тебя все это устроилъ
хочетъ, чтобы ты его похвалилъ. Ты похвали.

Иванъ Ѳедоровичъ выслушалъ совершенно серьезно востор
женное сообщеніе папаши.

— Стой, Смердяковъ, помолчи на время, крикнулъ опять Ѳе
доръ Павловичъ:—Иванъ, опять ко мнѣ къ самому уху нагнись

Иванъ Ѳедоровичъ вновь съ самымъ серьезнѣйшимъ видомъ
нагнулся.

— Люблю тебя также, какъ и Алешку. Ты не думай, что
тебя не люблю. Коньячку?

— Дайте. «Однако самъ-то ты порядочно нагрузился», при
стально поглядѣлъ на отца Ивана Ѳедоровичъ. Смердякова-же
онъ наблюдалъ съ чрезвычайнымъ любопытствомъ.

— Анаѳема ты проклятъ и теперь, разразился вдругъ Гри
горій,—и какъ-же ты послѣ того, подлецъ, разсуждать смѣешь
если...

— Не бранись, Григорій, не бранись! прервалъ Ѳедоръ Пав
ловичъ.

— Вы переждите, Григорій Васильевичъ, хотя-бы само
даже малое время-съ, и прослушайте дальше, потому что
всего не окончилъ. Потому, въ самое то время, какъ я Богом
стану немедленно проклятъ-съ, въ самый, тотъ самый высш
моментъ-съ, я уже сталъ все равно какъ-бы иноязычнико
крещеніе мое съ меня снимается и ни во что вмѣняется,—
ли хоть это-съ?

— Заключай, братъ, скорѣй, заключай, поторопилъ Ѳедоръ Павловичъ, съ наслажденіемъ хлебнувъ изъ рюмки.

— А коли я ужь не христіанинъ, то, значитъ, я и не солгалъ мучителямъ, когда они спрашивали: «Христіанинъ я или не христіанинъ», ибо я уже былъ самимъ Богомъ совлеченъ моего христіанства, по причинѣ одного лишь замысла, и прежде чѣмъ даже слово успѣлъ мое молвить мучителямъ. А коли я уже разжалованъ, то какимъ-же манеромъ и по какой справедливости станутъ спрашивать съ меня на томъ свѣтѣ, какъ съ христіанина, за то, что я отрекся Христа, тогда какъ я за помышленіе только одно, еще до отреченія, былъ уже крещенія моего совлеченъ? Коли я ужь не христіанинъ, значитъ, я и не могу отъ Христа отречься, ибо не отъ чего тогда мнѣ и отрекаться будетъ. Съ татарина поганаго кто-же станетъ спрашивать, Григорій Васильевичъ, хотя-бы и въ небесахъ, за то, что онъ не христіаниномъ родился, и кто-же станетъ его за это наказывать, разсуждая, что съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ. Да и самъ Богъ Вседержитель съ татарина если и будетъ спрашивать, когда тотъ помретъ, то полагаю какимъ нибудь самымъ малымъ наказаніемъ (такъ какъ нельзя-же совсѣмъ не наказать его), разсудивъ, что вѣдь не повиненъ-же онъ въ томъ, если отъ поганыхъ родителей поганымъ на свѣтъ произошелъ. Не можетъ-же Господь Богъ насильно взять татарина и говорить про него, что и онъ былъ христіаниномъ? Вѣдь значило-бы тогда, что Господь Вседержитель скажетъ сущую неправду. А развѣ можетъ Господь Вседержитель неба и земли произнести ложь хотя-бы въ одномъ только какомъ-нибудь словѣ-съ?

Григорій остолбенѣлъ и смотрѣлъ на оратора, выпучивъ глаза. Онъ хоть и не понималъ хорошо что говорятъ, но что-то изъ всей этой дребедени вдругъ понялъ, и остановился съ видомъ человѣка вдругъ стукнувшагося лбомъ объ стѣну. Ѳедоръ Павловичъ допилъ рюмку и залился визгливымъ смѣхомъ.

— Алешка, Алешка, каково! Ахъ ты, казуистъ! Это онъ былъ у іезуитовъ гдѣ нибудь, Иванъ. Ахъ ты, іезуитъ смердящій, да кто-же тебя научилъ? Но только ты врешь, казуистъ, врешь, врешь и врешь. Не плачь, Григорій, мы его сію-же минутой разобьемъ въ дымъ и прахъ. Ты мнѣ вотъ что скажи, ослица: пусть ты предъ мучителями правъ, но вѣдь ты самъ-то въ себѣ все-же отрекся отъ вѣры своей и самъ-же говоришь, что въ тотъ-же часъ былъ анаѳема проклятъ, а коли разъ ужь анаѳема, такъ

тебя за эту эему по головкѣ въ аду не погладятъ. Объ это ты какъ полагаешь, іезуитъ ты мой прекрасный?

— Это сумлѣнія нѣтъ-съ, что самъ въ себѣ я отрекся, а же никакого и тутъ спеціально грѣха не было-съ, а коли бы грѣшокъ, то самый обыкновенный весьма-съ.

— Какъ такъ обыкновенный весьма-съ!

— Врешь пр-р-роклятый, прошипѣлъ Григорій.

— Разсудите сами, Григорій Васильевичъ; — ровно и с пенно, сознавая побѣду, но какъ-бы и великодушничая съ разб тымъ противникомъ, продолжалъ Смердяковъ,—разсудите сам Григорій Васильевичъ, вѣдь сказано-же въ Писаніи, что ко имѣете вѣру хотябы на самое малое даже зерно и притомъ ск жете сей горѣ, чтобы съѣхала въ море, то и съѣдетъ, ни мало медля, по первому-же вашему приказанію. Что-же, Григорій В сильевичъ, коли я не вѣрующій, а вы столь вѣрующій что ме безпрерывно даже ругаете, то попробуйте сами-съ сказать с горѣ, чтобы не то чтобы въ море (потому что до моря отсюда леко-съ), но даже хоть въ рѣчку нашу вонючую съѣхала, вот что у насъ за садомъ течетъ: то и увидите сами въ тотъ-же м ментъ, что ничего не съѣдетъ-съ, а все останется въ прежнем порядкѣ и цѣлости, сколько-бы вы не кричали-съ. А это озн чаетъ, что и вы не вѣруете, Григорій Васильевичъ, надлежащим манеромъ, а лишь другихъ зато всячески ругаете. Опять таки и взямши, что никто въ наше время, не только вы-съ, но и рѣш тельно никто, начиная съ самыхъ даже высокихъ лицъ до сам послѣдняго мужика-съ, не сможетъ спихнуть горы въ море, кро развѣ какого нибудь одного человѣка на всей землѣ, много двухъ, да и то, можетъ, гдѣ нибудь тамъ въ пустынѣ египетск въ секретѣ спасаются, такъ что ихъ и не найдешь вовсе,— коли такъ-съ, коли всѣ остальные выходятъ невѣрующіе, то у ужели-же всѣхъ сихъ остальныхъ, то есть населеніе всей з ли-съ, кромѣ какихъ нибудь тѣхъ двухъ пустынниковъ, прокл нетъ Господь и при милосердіи Своемъ, столь извѣстномъ, нико изъ нихъ не проститъ? А потому и я уповаю, что, разъ усомни шись, буду прощенъ, когда раскаянія слезы пролью.

— Стой! завизжалъ Ѳедоръ Павловичъ въ апоѳеозѣ сторга:—такъ двухъ-то такихъ, что горы могутъ сдвигать, всетаки полагаешь, что есть они? Иванъ, заруби черту, запиш весь русскій человѣкъ тутъ сказался!

— Вы совершенно вѣрно замѣтили, что это народная ч черта, съ одобрительною улыбкой согласился Иванъ Ѳедор

да [illegible]аха и самаго разсудка рѣшиться можно, и [illegible]то будетъ совсѣмъ невозможно. А, ста[illegible] Тамъ и тутъ выйду особенно виноватъ, если не видя ни тутъ своей выгоды, ни награды, хоть кожу-то, по мѣрѣ, свою сберегу? А потому, на милость Господню ве вая, питаюсь надеждой, что и совсѣмъ прощенъ буду-

VIII.

За коньячкомъ.

Споръ кончился, но странное дѣло, столь развесе Ѳедоръ Павловичъ подъ конецъ вдругъ нахмурился. На и хлопнулъ коньячку, и это уже была совсѣмъ лишня

— А убирайтесь вы, іезуиты, вонъ, крикнулъ онъ на Пошелъ, Смердяковъ. Сегодня обѣщанный червонецъ а ты пошелъ. Не плачь, Григорій, ступай къ Марѳѣ, она спать уложитъ. Не даютъ канальи послѣ обѣда въ посидѣть, досадливо отрѣзалъ онъ вдругъ, когда тотча приказу его удалились слуги.—Смердяковъ за обѣдом каждый разъ сюда лѣзетъ, это ты ему столь любопыте ты его такъ заласкалъ? прибавилъ онъ Ивану Ѳедоро

— Ровно ничѣмъ, отвѣтилъ тотъ, — уважать ме малъ; это лакей и хамъ. Передовое мясо, впрочемъ, ко наступитъ.

— Передовое?

— Будутъ другіе и получше, но будутъ и такі будутъ такіе, а за ними получше.

— А когда срокъ наступитъ?

— Загорится ракета, да и не догоритъ, можетъ родъ этихъ бульйонщиковъ пока не очень-то любитъ

— То-то, братъ, вотъ этакая Валаамова ослица думаетъ, да и чортъ знаетъ про себя тамъ до чего до

— Мыслей накопитъ,—усмѣхнулся Иванъ.

— Видишь, я вотъ знаю, что онъ и меня терпѣть не равно какъ и всѣхъ, и тебя точно также, хотя тебѣ и что очъ тебя «уважать вздумалъ». Алешку подавно онъ презираетъ. Да не украдетъ онъ, вотъ что, не с онъ, молчитъ, изъ дому сору не вынесетъ, кулебяки с четъ, да къ тому-же ко всему и чортъ съ нимъ, по т такъ стоитъ-ли объ немъ говорить?

— Конечно не стóитъ.

— А что до того, что̀ онъ тамъ про себя надумаетъ, то
ческаго мужика, вообще говоря, надо пороть. Я это все
тверждалъ. Мужикъ нашъ мошенникъ, его жалѣть не
хорошо еще, что деруть его иной разъ и теперь.
емля крѣпка березой. Истребятъ лѣса, пропадетъ земля
за умныхъ людей стою. Мужиковъ мы драть пере...
ольшаго ума, а тѣ сами се... пороть продолжаютъ.
лаютъ. Въ ту-же мѣру м...тся, въ ту-же и возм
акъ это тамъ... Однимъ словомъ, возмѣрится. А Россия
тво. Другъ мой, если-бы ты зналъ, какъ я ненавижу I
есть не Россію, а всѣ эти пороки... а, пожалуй,
но. Tout cela c'est de la cochonnerie. Знаешь, что̀ ...
юблю остроуміе.

— Вы опять рюмку выпили. Довольно-бы вамъ.

— Подожди, я еще одну, и еще одну, а тамъ и покончу.
ѣтъ, постой, ты меня перебилъ. Въ Мокромъ я проѣздомъ спра-
иваю старика, а онъ мнѣ: «Мы оченно, говоритъ, любимъ пуще
его дѣвокъ по приговору пороть, и пороть даемъ все парнямъ.
Ослѣ эту-же, которую нонѣ поролъ, завтра парень въ невѣсты
ретъ, такъ что оно самимъ дѣвкамъ, говоритъ, у насъ по-
адно». Каковы маркизы де-Сады, а? А какъ хочешь, оно остро-
умно. Съѣздить-бы и намъ поглядѣть, а? Алешка, ты покрас-
нѣлъ? Не стыдись, дѣтка. Жаль, что давеча я у игумена за обѣдъ
сѣлъ, да монахамъ про Мокрыхъ дѣвокъ не разсказалъ.
Алешка, не сердись, что я твоего игумена давеча разобидѣлъ.
Меня, братъ, зло беретъ. Вѣдь коли Богъ есть, существуетъ,—
, конечно, я тогда виноватъ и отвѣчу, а коли нѣтъ Его вовсе-
, такъ-ли ихъ еще надо, твоихъ отцовъ-то? Вѣдь съ нихъ
ало тогда головы срѣзать, потому что они развитіе задержи-
ютъ. Вѣришь-ли, Иванъ, что это меня въ моихъ чувствахъ тер-
ветъ. Нѣтъ, ты не вѣришь, потому я вижу по твоимъ глазамъ.
вѣришь людямъ, что я всего только шутъ. Алеша, вѣришь
я не всего только шутъ,

— Вѣрю, что не всего только шутъ.

— И вѣрю, что вѣришь, и искренно говоришь. Искренно
ришь, и искренно говоришь. А Иванъ нѣтъ. Иванъ высоко-

А всетави я-бы съ твоимъ монастырькомъ покончилъ
всю эту мистику да разомъ по всей русской землѣ и
ть, чтобъ окончательно всѣхъ дураковъ обрезонить. А
о, золота сколько-бы на монетный дворъ поступило

— Да зачѣмъ упразднять, — сказалъ Иванъ.

— А чтобъ истина скорѣе возсіяла, вотъ зачѣмъ.

— Да вѣдь коль эта истина возсіяетъ, такъ васъ-х ваго сначала ограбятъ, а потомъ... упразднятъ.

— Ба! А вѣдь, пожалуй, ты правъ. Ахъ, я ослица нулся вдругъ Ѳедоръ Павловичъ, слегка ударивъ себя Ну, такъ пусть стоитъ твой монастырекъ, Алешка, кол А мы, умные люди, будемъ въ теплѣ сидѣть, да коньячком зоваться. Знаешь-ли, Иванъ, что это самимъ Богомъ быть непремѣнно нарочно такъ устроено? Иванъ, говор Богъ или нѣтъ? Стой: навѣрно говори, серьезно говори опять смѣешься?

— Смѣюсь я тому, какъ вы сами давеча остроумно за о вѣрѣ Смердякова въ существованіе двухъ старцевъ, к могутъ горы сдвигать.

— Такъ развѣ теперь похоже?

— Очень.

— Ну такъ, значитъ, и я русскій человѣкъ, и у мен ская черта, и тебя, философа, можно тоже на своей чер мать въ этомъ-же родѣ. Хочешь поймаю. Побьемся объ з что завтра-же поймаю. А всетаки говори, есть Богъ или Только серьезно! Мнѣ надо теперь серьезно.

— Нѣтъ, нѣту Бога.

— Алешка, есть Богъ?

— Есть Богъ.

— Иванъ, а безсмертіе есть, ну тамъ какое-нибудь, маленькое, малюсенькое?

— Нѣтъ и безсмертія.

— Никакого?

— Никакого.

— То есть совершеннѣйшій нуль или нѣчто. Можетъ нѣчто какое-нибудь есть? Все-же вѣдь не ничто!

— Совершенный нуль.

— Алешка, есть безсмертіе?

— Есть.

— А Богъ и безсмертіе?

— И Богъ и безсмертіе.

— Гм. Вѣроятнѣе, что правъ Иванъ. Господи, не только о томъ, сколько отдалъ человѣкъ вѣры, сколь кихъ силъ даромъ на эту мечту, и это столько ужь лѣтъ! Кто-же это такъ смѣется надъ человѣкомъ, Ива

послѣдній разъ и рѣшительно: есть Богъ или нѣтъ? Я въ по
слѣдній разъ!

— И въ послѣдній разъ нѣтъ.

— Кто-же смѣется надъ людьми, Иванъ?

— Чортъ, должно быть, усмѣхнулся Иванъ Ѳедоровичъ.

— А чортъ есть?

— Нѣтъ, и чорта нѣтъ.

— Жаль. Чортъ возьми, что̀-бъ я послѣ того с
тѣмъ, кто первый выдумалъ Бога! Повѣсить его мало
ой осинѣ.

— Цивилизаціи-бы тогда совсѣмъ не было, если-бы
думали Бога.

— Не было-бы? Это безъ Бога-то?

— Да. И коньячку-бы не было. А коньякъ все-таки у
взять придется.

— Постой, постой, постой, милый, еще одну рюмочку.
лешу оскорбилъ. Ты не сердишься, Алексѣй? Милый Алексѣй
икъ ты мой, Алексѣйчикъ!

— Нѣтъ, не сержусь. Я ваши мысли знаю. Сердце у вас
лучше головы.

— У меня-то сердце лучше головы? Господи, да еще кто эт
оворитъ? Иванъ, любишь ты Алешку?

— Люблю.

— Люби (Ѳедоръ Павловичъ сильно хмѣлѣлъ). — Слушай
леша, я старцу твоему давеча грубость сдѣлалъ. Но я былъ
ъ волненіи. А вѣдь въ старцѣ этомъ есть остроуміе, какъ ты
умаешь, Иванъ.

— Пожалуй, что и есть.

— Есть, есть, il y a du Piron là-dedans. Это іезуитъ, рус
кій то есть. Какъ у благороднаго существа, въ немъ это за
ѣчное негодованіе кипитъ на то, что надо представляться..
итыню на себя натягивать.

— Да вѣдь онъ-же вѣруетъ въ Бога.

— Ни на грошъ. А ты не зналъ? Да онъ всѣмъ говоритъ
о самъ, то есть не всѣмъ, а всѣмъ умнымъ людямъ, которы
ріѣзжаютъ. Губернатору Шульцу онъ прямо отвѣзалъ: «credo
не знаю во что̀».

ужто?

енно такъ. Но я его уважаю. Есть въ немъ что-т
ьское или лучше изъ *Героя нашего времени*... Арбе
мъ тамъ... то есть, видишь, онъ сладострастникъ

онъ до т ладострастникъ, что я-бы и теперь за дочь побоялся, за жену, если-бы къ нему исповѣдываться п Знаешь, какъ начнетъ разсказывать... Третьяго года онъ зазвалъ къ себѣ на чаекъ, да съ ликерцемъ (барыни ем керъ присылаютъ), да какъ пустился росписывать старину, мы животики надорвали... Особенно какъ онъ одну разсла ную излѣчилъ. «Если-бы ноги не болѣли, я-бы вамъ, гово протанцовалъ одинъ танецъ». А, каковъ? «Наѳонилъ я. ритъ, на своемъ вѣку не мало». Онъ у Демидова купца ш десять тысячъ тяпнулъ.

— Какъ, укралъ?

— Тотъ ему какъ доброму человѣку привезъ: «сох братъ, у меня на завтра обыскъ». А тотъ и сохранилъ. вѣдь на церковь, говоритъ, пожертвовалъ». Я ему говорю: лецъ ты, говорю. Нѣтъ, говоритъ, не подлецъ, а я широкъ впрочемъ, это не онъ... Это другой. Я про другаго сбилс не замѣчаю. Ну, вотъ еще рюмочку и довольно, убери бут Иванъ. Я вралъ, отчего ты не остановилъ меня, Иванъ... сказалъ, что вру?

— Я зналъ, что вы сами остановитесь.

— Врешь, это ты по злобѣ на меня, по единственной з Ты меня презираешь. Ты пріѣхалъ ко мнѣ и меня въ моемъ презираешь.

— Я и уѣду; васъ коньякъ разбираетъ.

— Я тебя просилъ Христомъ-Богомъ въ Чермашню съѣзд на день, на два, а ты не ѣдешь.

— Завтра поѣду, коли вы такъ настаиваете.

— Не поѣдешь. Тебѣ подсматривать здѣсь за мной хоч вотъ тебѣ чего хочется, злая душа, оттого ты и не поѣ

Старикъ не унимался. Онъ дошелъ до той черточки ства, когда инымъ пьянымъ, дотолѣ смирнымъ, непрем вдругъ захочется разозлиться и себя показать.

— Что ты глядишь на меня? Какіе твои глаза? Твои глядятъ на меня и говорятъ мнѣ: «Пьяная ты харя». Под тельные твои глаза, презрительные твои глаза... Ты себѣ на пріѣхалъ. Вотъ Алешка смотритъ и глаза его сіяютъ. Не и раетъ меня Алеша. Алексѣй, не люби Ивана.

— Не сердитесь на брата! Перестаньте его обижать, п настойчиво произнесъ Алеша.

— Ну что-жь, я, пожалуй. Ухъ, голова бо коньякъ, Иванъ, третій разъ говорю. Онъ за

но и хитро улыбнулся: — Не сердись, Иванъ, на стараго
яка. Я знаю, что ты не любишь меня, только всетаки не
ись. Не за что меня и любить-то. Въ Чермашню съѣздишь,
тебѣ самъ пріѣду, гостинцу привезу. Я тебѣ тамъ одну
онку укажу, я ее тамъ давно насмотрѣлъ. Пока она еще
ножка. Не пугайся босоножекъ, не призирай—перлы!..
И онъ чмокнулъ себя въ ручку.

— Для меня, — оживился онъ вдругъ весь, какъ будто на
веніе отрезвѣвъ, только что попалъ на любимую тему, —
меня... Эхъ вы, ребята! Дѣточки, поросяточки вы маленькіе,
еня... даже во всю мою жизнь не было безобразной женщины,
мое правило! Можете вы это понять? Да гдѣ-же вамъ это
ть: у васъ еще вмѣсто крови молочко течетъ, не вылупи-
По моему правилу во всякой женщинѣ можно найдти чрез-
йно, чортъ возьми, интересное, чего ни у которой другой не
шь, — только надобно умѣть находить, вотъ гдѣ штука! Это
тъ! Для меня мовешекъ не существовало: ужь одно то,
на женщина, ужь это одно половина всего... да гдѣ вамъ
онять! Даже вьельфильки и въ тѣхъ иногда отыщешь та-
что только диву дашься на прочихъ дураковъ, какъ это ей
ригься дали и до сихъ поръ не замѣтили! Босоножку и мо-
у надо сперва наперво удивить — вотъ какъ надо за нее
ся. А ты не зналъ? Удивить ее надо до восхищенія, до
енія, до стыда, что въ такую чернявку, какъ она, такой
ъ влюбился. Истинно славно, что всегда есть и будутъ
да баре на свѣтѣ, всегда тогда будетъ и такая поломоечка,
гда ея господинъ, а вѣдь того только и надо для счастья
! Постой... слушай, Алешка, я твою мать покойницу всегда
ялъ, только въ другомъ выходило родѣ. Никогда, бывало,
ласкаю, а вдругъ какъ минутка-то наступитъ, — вдругъ
нею такъ весь и разсыплюсь, на колѣняхъ ползаю, ножки
и доведу ее всегда, всегда,—помню это какъ вотъ сей-
— до этакаго маленькаго такого смѣшка, разсыпчатаго,
аго, не громкаго, нервнаго, особеннаго. У ней только онъ
ъ. Знаю, бывало, что такъ у ней всегда болѣзнь начиналась,
автра-же она кликушей выкликать начнетъ, и что смѣшокъ
теперешній, маленькій, никакого восторга не означаетъ.
а вѣдь хоть и обманъ да восторгъ. Вотъ оно что значитъ
черточку во всемъ умѣть находить! Разъ Бѣлявскій вра
къ одинъ тутъ былъ и богачъ, за ней волочился и ее
ладилъ ѣздить,—вдругъ у меня-же и дай мнѣ

да при ней. Такъ она, этакая овца—да я думалъ она
меня за эту пощечину, вѣдь какъ напала: «Ты, говор
перь битый, битый, ты пощечину отъ него получи
меня, говоритъ, ему продавалъ... Да какъ онъ смѣлъ т
рить при мнѣ! И не смѣй ко мнѣ приходить никогда,
Сейчасъ бѣги, вызови его на дуэль»... Такъ я ее тогда
настырь для смиренія возилъ, отцы святые ее отчиты
вотъ тебѣ Богъ, Алеша, не обижалъ я никогда мою клик
Разъ только, развѣ одинъ, еще въ первый годъ: молил
она тогда очень, особенно Богородичные праздники набл
меня тогда отъ себя въ кабинетъ гнала. Думаю, дай-ка
я изъ нея эту мистику! «Видишь, говорю, видишь, во
образъ, вотъ онъ, вотъ я его сниму: Смотри-же, ты ег
дотворный считаешь, а я вотъ сейчасъ на него при теб
и мнѣ ничего за это не будетъ!..» Какъ она увидѣла,
думаю: убьетъ она меня теперь, а она только вскочила,
нула руками, потомъ вдругъ закрыла руками лицо, вся
лась и пала на полъ... такъ и опустилась... Алеша, Ал
съ тобой, что съ тобой!

Старикъ вскочилъ въ испугѣ. Алеша съ самаго того
какъ онъ заговорилъ о его матери, мало по малу ста
няться въ лицѣ. Онъ покраснѣлъ, глаза его загорѣли
вздрогнули... Пьяный старикашка брызгался слюной
не замѣчалъ до той самой минуты. когда съ Алешей
произошло нѣчто очень странное, а именно съ нимъ вп
вторилось точь въ точь тоже самое, что сейчасъ то
разсказывалъ про «кликушу». Алеша вдругъ вскочил
стола, точь въ точь какъ,—по разсказу, мать его, вс
руками, потомъ закрылъ ими лицо, упалъ, какъ по
ный, на стулъ и такъ затрясся вдругъ весь отъ н
каго припадка внезапныхъ, сотрясающихъ и несл
слезъ. Необычайное сходство съ матерью особенно
старика.

— Иванъ, Иванъ! Скорѣй ему воды. Это какъ она,
точь какъ она, какъ тогда его мать! Вспрысни его изо
дой, я такъ съ той дѣлалъ. Это онъ за мать свою,
свою... бормоталъ онъ Ивану.

— Да вѣдь и моя, я думаю, мать, его мать была,
полагаете? вдругъ съ неудержимымъ гнѣвнымъ презрѣні
рвался Иванъ. Старикъ вздрогнулъ отъ его засвер
взгляда. Но тутъ случилось нѣчто очень странное, пр

ну себупду: у старика дѣйствительно, кажется, выскочило изъ
а соображеніе, что мать Алеши была и матерью Ивана...
— Какъ такъ твоя мать? пробормоталъ онъ, не понимая.—Ты
что это? Ты про какую мать?... да развѣ она... Ахъ, чортъ!
вѣдь она и твоя! Ахъ, чортъ! Ну, это, братъ, затмѣніе какъ
огда, извини, а я думалъ, Иванъ... Хе-хе-хе! Онъ останов-
ся. Длинная, пьяная, полубезсмысленная усмѣшка раздвинула
лицо. И вотъ вдругъ въ это самое мгновеніе раздался въ
ихъ страшный шумъ и громъ, послышались неистовые крики,
ь распахнулась и въ залу влетѣлъ Дмитрій Ѳедоровичъ.
рикъ бросился къ Ивану въ испугѣ:
— Убьетъ, убьетъ! Не давай меня, не давай! выкрикивалъ
, вцѣпившись въ полу сюртука Ивана Ѳедоровича.

IV.

Сладострастники.

Сейчасъ вслѣдъ за Дмитріемъ Ѳедоровичемъ вбѣжали въ залу
ригорій со Смердяковымъ. Они-же въ сѣняхъ и боролись съ
ъ, не впускали его (вслѣдствіе инструкціи самого Ѳедора
ловича, данной уже нѣсколько дней назадъ). Воспользовав-
ь тѣмъ, что Дмитрій Ѳедоровичъ, ворвавшись въ залу, на
уту остановился, чтобъ осмотрѣться, Григорій обѣжалъ столъ,
орплъ на обѣ половинки противоположныя входнымъ двери
, ведшія во внутренніе покои, и сталъ предъ затворенною
ью, раздвинувъ обѣ руки крестомъ и готовый защищать
ъ, такъ сказать, до послѣдней капли. Увидавъ это, Дмитрій
скрикнулъ, а даже какъ-бы взвизгнулъ и бросился на Гри-
я.
— Значитъ, она тамъ! Ее спрятали тамъ! Прочь, подлецъ!
рванулъ было Григорія, но тотъ оттолкнулъ его. Внѣ себя
ярости, Дмитрій размахнулся и изо всей силы ударилъ Гри-
я. Старикъ рухнулся какъ подкошенный, а Дмитрій, пере-
шивъ черезъ него, вломился въ дверь. Смердяковъ оставался
алѣ, на другомъ концѣ, блѣдный и дрожащій, тѣсно прижи-
ъ къ Ѳедору Павловичу.
— Она здѣсь, кричалъ Дмитрій Ѳедоровичъ.—я сейчасъ самъ
ъ, какъ она повернула къ дому, только я не догналъ. Гдѣ
Гдѣ она?

Непостижимое впечатлѣніе произвелъ на Ѳедора Пав этотъ крикъ: «Она здѣсь!» Весь испугъ соскочилъ съ не

— Держи, держи его, завопилъ онъ и ринулся вслѣ Дмитріемъ Ѳедоровичемъ. Григорій межъ тѣмъ поднялся съ но былъ еще какъ-бы внѣ себя. Иванъ Ѳедоровичъ и А побѣжали въ догонку за отцомъ. Въ третьей комнатѣ посл лось какъ вдругъ что-то упало объ полъ, разбилось и з нѣло: это была большая стеклянная ваза (не изъ дорогих мраморномъ пьедесталѣ, которую, пробѣгая мимо, задѣлъ трій Ѳедоровичъ.

— Ату его! завопилъ старикъ.—Караулъ!

Иванъ Ѳедоровичъ и Алеша догнали-таки старика и с воротили въ залу.

— Чего гонитесь за нимъ! Онъ васъ и впрямь тамъ уб гнѣвно крикнулъ на отца Иванъ Ѳедоровичъ.

— Ванечка, Лешечка, она, стало быть, здѣсь, Груш здѣсь, самъ, говоритъ, видѣлъ, что пробѣжала...

Онъ захлебывался. Онъ не ждалъ въ этотъ разъ Груш и вдругъ извѣстіе, что она здѣсь, разомъ вывело его изъ Онъ весь дрожалъ, онъ какъ-бы обезумѣлъ.

— Да вѣдь вы видѣли сами, что она не приходила! кр Иванъ.

— А можетъ черезъ тотъ входъ?

— Да вѣдь онъ запертъ, тотъ входъ, а ключъ у васъ.

Дмитрій вдругъ появился опять въ залѣ. Онъ, конечно шелъ тотъ входъ запертымъ, да и дѣйствительно ключ запертаго входа былъ въ карманѣ у Ѳедора Павловича. Всѣ во всѣхъ комнатахъ были тоже заперты: ни откуда, стало не могла пройти Грушенька и ни откуда не могла выскоч

— Держи его! завизжалъ Ѳедоръ Павловичъ, только т видѣлъ опять Дмитрія,—онъ тамъ въ спальнѣ у меня д укралъ!—И, вырвавшись отъ Ивана, онъ опять бросил Дмитрія. Но тотъ поднялъ обѣ руки и вдругъ схватилъ ст за обѣ послѣднія космы волосъ его, уцѣлѣвшія на вискахъ нулъ его и съ грохотомъ ударилъ объ полъ. Онъ успѣлъ два или три раза ударить лежащаго каблукомъ по лицу. рикъ пронзительно застоналъ. Иванъ Ѳедоровичъ, хоть столь сильный, какъ братъ Дмитрій, обхватилъ того рук изо всей силы оторвалъ отъ старика. Алеша всею своею с кой тоже помогъ ему, обхвативъ брата спереди.

— Сумасшедшій, вѣдь ты убилъ его! крикнулъ Иван

— Такъ ему и надо! задыхаясь, воскликнулъ Дмитрій. — А
убилъ, такъ приду еще убить. Не устережете.

— Дмитрій! Иди отсюда вонъ сейчасъ! властно вскрикнулъ
еша.

— Алексѣй! Скажи ты мнѣ одинъ, тебѣ одному повѣрю: была
сь сейчасъ она или не была? Я ее самъ видѣлъ какъ она
часъ мимо плетня изъ переулка въ эту сторону проскольз
ла. Я крикнулъ, она убѣжала...

— Клянусь тебѣ, она здѣсь не была, и никто здѣсь не ждалъ
вовсе!

— Но я ее видѣлъ... Стало быть, она... Я узнаю сейчасъ, гд
... Прощай, Алексѣй! Езопу теперь о деньгахъ ни слова, а
Катеринѣ Ивановнѣ сейчасъ-же и непремѣнно: «кланяться
лъ, кланяться велѣлъ, кланяться! Именно кланяться и ра
аняться!» Опиши ей сцену.

Тѣмъ временемъ Иванъ и Григорій подняли старика и уса
ли въ кресла. Лицо его было окровавлено, но самъ онъ былъ
памяти и съ жадностью прислушивался къ крикамъ Дмитрія
му все еще казалось, что Грушенька вправду гдѣ-нибудь вт
мѣ. Дмитрій Ѳедоровичъ ненавистно взглянулъ на него, уходя

— Не раскаиваюсь за твою кровь! воскликнулъ онъ,—бере
сь, старикъ, береги мечту, потому что и у меня мечта! Прок
наю тебя самъ и отрекаюсь отъ тебя совсѣмъ...

Онъ выбѣжалъ изъ комнаты.

— Она здѣсь, она вѣрно здѣсь! Смердяковъ, Смердяковъ, чут
шно хрипѣлъ старикъ, пальчикомъ маня Смердякова.

— Нѣтъ ея здѣсь, нѣтъ, безумный вы старикъ, злобно за
чалъ на него Иванъ.—Ну, съ нимъ обморокъ! Воды, поло
ще. Поворачивайся, Смердяковъ!

Смердяковъ бросился за водой. Старика, наконецъ, раздѣли
сли въ спальню и уложили въ постель. Голову обвязали ем
рымъ полотенцемъ. Ослабѣвъ отъ коньяку, отъ сильныхъ
щеній и отъ побоевъ, онъ мигомъ, только что коснулся по
ки, завелъ глаза и забылся. Иванъ Ѳедоровичъ и Алеш
лись въ залу. Смердяковъ выносилъ черепки разбитой ва
а Григорій стоялъ у стола, мрачно потупившись.

— Не помочить-ли и тебѣ голову и не лечь-ли тебѣ тоже вт
ль, обратился къ Григорію Алеша.—Мы здѣсь за нимъ по
римъ; братъ ужасно больно ударилъ тебя... по головѣ.

— Онъ меня дерзнулъ! мрачно и раздѣльно произнесъ Гри

— Онъ и отца «дерзнулъ» не то что тебя! замѣтилъ, р
ротъ, Иванъ Ѳедоровичъ.

— Я его въ корытѣ мылъ... онъ меня дерзнулъ! вскл
Григорій.

— Чортъ возьми, если-бъ я не оторвалъ его, пожалуй, с
бы такъ и убилъ. Много-ли надо Езопу? прошепталъ Иван
доровичъ Алешѣ.

— Боже сохрани! воскликнулъ Алеша.

— А зачѣмъ сохрани, все тѣмъ-же шопотомъ продол
Иванъ, злобно скрививъ лицо.—Одинъ гадъ съѣстъ другу
дину, обоимъ туда и дорога!

Алеша вздрогнулъ.

— Я, разумѣется, не дамъ совершиться убійству, ни
далъ и сейчасъ. Останься тутъ, Алеша, я выйду походи
двору, у меня голова начала болѣть.

Алеша пошелъ въ спальню къ отцу и просидѣлъ у ег
головья за ширмами около часа. Старикъ вдругъ открылъ г
и долго молча смотрѣлъ на Алешу, видимо припоминая и
бражая. Вдругъ необыкновенное волненіе изобразилось въ
лицѣ.

— Алеша, шепталъ онъ опасливо,—гдѣ Иванъ?

— На дворѣ, у него голова болитъ. Онъ насъ стереги

— Подай зеркальце, вонъ тамъ стоитъ!

Алеша подалъ ему маленькое складное кругленькое зерка
стоявшее на комодѣ. Старикъ поглядѣлся въ него: распух
вольно сильно носъ и на лбу надъ лѣвою бровью былъ з
тельный багровый подтекъ.

— Что говоритъ Иванъ? Алеша, милый, единственный с
мой, я Ивана боюсь, я Ивана больше чѣмъ того боюсь. Я т
тебя одного не боюсь...

— Не бойтесь и Ивана, Иванъ сердится, но онъ васъ
щититъ.

— Алеша, а тотъ-то? Къ Грушенькѣ побѣжалъ! Милый
гель, скажи правду: была давеча Грушенька, али нѣтъ?

— Никто ея не видалъ. Это обманъ, не была!

— Вѣдь Митька-то на ней жениться хочетъ, жениться!

— Она за него не пойдетъ.

— Не пойдетъ, не пойдетъ, не пойдетъ, не пойдетъ, ни з
не пойдетъ!.. радостно, такъ весь и встрепенулся старикъ, ч
ничего ему не могли сказать въ эту минуту отраднѣе. Въ
щеніи онъ схватилъ руку Алеши и крѣпко прижалъ ее къ

ину. Даже слезы засвѣтились въ глазахъ его.—Образокъ-то, ейей-то Матери, вотъ про которой я давеча разсказалъ, возьми ъ себѣ, унеси съ собой. И въ монастырь воротиться позволяю.. авеча пошутилъ, не сердись. Голова болитъ, Алеша... Леша, утоли ое сердце, будь ангеломъ, скажи правду!

— Вы все про то, была-ли она или не была? горестно проворилъ Алеша.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, я тебѣ вѣрю, а вотъ что; сходи ты къ ушенькѣ самъ, аль повидай ее какъ; разспроси ты ее скорѣй, ъ можно скорѣй, угадай ты самъ своимъ глазомъ: къ кому она четъ, ко мнѣ аль къ нему? Ась? Что? Можешь, аль не можешь?

— Коль ее увижу, то спрошу, пробормоталъ было Алеша въ ушеніи.

— Нѣтъ, она тебѣ не скажетъ, перебилъ старикъ,—она егова. а тебя цѣловать начнетъ и скажетъ, что за тебя хочетъ. Она анница, она безстыдница, нѣтъ, тебѣ нельзя къ ней идти, ьзя!

— Да и не хорошо, батюшка, будетъ, не хорошо совсѣмъ.

— Куда онъ посылалъ-то тебя давеча, кричалъ «сходи», гда убѣжалъ?

— Къ Катеринѣ Ивановнѣ посылалъ?

— За деньгами? Денегъ просить?

— Нѣтъ, не за деньгами.

— У него денегъ нѣтъ, нѣтъ ни капли. Слушай, Алеша, я лежу ночь и обдумаю, а ты пока ступай. Можетъ, и ее встрѣнь... Только зайди ты ко мнѣ завтра навѣрно по утру; навѣрно. тебѣ завтра одно словечко такое скажу: зайдешь?

— Зайду.

— Коль придешь, сдѣлай видъ, что самъ пришелъ, навѣстить шелъ. Никому не говори, что я звалъ. Ивану ни слова не вори.

— Хорошо.

— Прощай, ангелъ, давеча ты за меня заступился, вѣкъ не буду. Я тебѣ одно словечко завтра скажу... только еще подуть надо.

— А какъ вы теперь себя чувствуете?

— Завтра-же, завтра встану и пойду, совсѣмъ здоровъ, совѣмъ здоровъ, совсѣмъ здоровъ!..

Проходя по двору, Алеша встрѣтилъ брата Ивана на скамьѣ ворота: тотъ сидѣлъ и вписывалъ что-то въ свою записную жку карандашемъ. Алеша передалъ Ивану, что старикъ

проснулся и въ памяти, а его отпустилъ ночевать къ [redacted] стырь.

— Алеша, я съ большимъ удовольствіемъ встрѣтился [redacted] тобой завтра по утру, — привставъ, привѣтливо прогов[redacted] Иванъ, — привѣтливость даже совсѣмъ для Алеши неожидан[redacted]

— Я завтра буду у Хохлаковыхъ, отвѣтилъ Алеша. — [redacted] Катерины Ивановны, можетъ, завтра тоже буду, если тепер[redacted] застану...

— А теперь всетаки къ Катеринѣ Ивановнѣ? Это «расклан[redacted] ся-то, раскланяться?» улыбнулся вдругъ Иванъ. Алеша смут[redacted]

— Я, кажется, все понялъ изъ давешнихъ восклицаній и [redacted] изъ чего прежняго. Дмитрій навѣрно просилъ тебя сходи[redacted] ней и передать, что онъ... ну... ну, однимъ словомъ «отк[redacted] вается»?

— Братъ! чѣмъ весь этотъ ужасъ кончится у отца и Дми[redacted] воскликнулъ Алеша.

— Нельзя навѣрно угадать. Ничѣмъ, можетъ быть: рас[redacted] вется дѣло. Эта женщина—звѣрь. Во всякомъ случаѣ стар[redacted] надо въ домѣ держать, а Дмитрія въ домъ не пускать.

— Братъ, позволь еще спросить: неужели имѣетъ п[redacted] всякій человѣкъ рѣшать, смотря на остальныхъ людей: кто [redacted] нихъ достоинъ жить и кто болѣе не достоинъ?

— Къ чему-же тутъ вмѣшивать рѣшеніе по достоинс[redacted] Этотъ вопросъ всего чаще рѣшается въ сердцахъ людей сов[redacted] не на основаніи достоинствъ, а по другимъ причинамъ, гор[redacted] болѣе натуральнымъ. А на счетъ права, такъ кто-же не им[redacted] права желать?

— Не смерти-же другаго?

— А хотя-бы даже и смерти? Къ чему-же лгать предъ [redacted] бою, когда всѣ люди такъ живутъ, а, пожалуй, такъ и не[redacted] гутъ иначе жить. Ты это на счетъ давешнихъ моихъ сло[redacted] томъ что «два гада поѣдятъ другъ друга?» Позволь и [redacted] спросить въ такомъ случаѣ: считаешь ты и меня, какъ Дми[redacted] способнымъ пролить кровь Езопа, ну, убить его, а?

— Что ты, Иванъ! Никогда и въ мысляхъ этого у ме[redacted] было! Да и Дмитрія я не считаю...

— Спасибо хоть за это, усмѣхнулся Иванъ. — Знай, [redacted] его всегда защищу. Но въ желаніяхъ моихъ я оставляю [redacted] бою въ данномъ случаѣ полный просторъ. До свиданія [redacted] Не осуждай и не смотри на меня какъ на злодѣя, прим[redacted] онъ съ улыбкою.

Они крѣпко пожали другъ другу руки какъ никогда еще прежде. Алеша почувствовалъ, что братъ самъ первый шагнулъ ему шагъ и что сдѣлалъ онъ это для чего-то, непремѣнно какимъ-то намѣреніемъ.

X.

Объ вмѣстѣ.

Вышелъ-же Алеша изъ дома отца въ состояніи духа разстроенномъ и подавленномъ, еще больше чѣмъ давеча, когда входилъ къ отцу. Умъ его былъ тоже какъ-бы раздробленъ и разсѣянъ, тогда какъ самъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ, что боится соединить разбросанное и снять общую идею со всѣхъ мучительныхъ противорѣчій, пережитыхъ имъ въ этотъ день. Что-то граничило почти съ отчаяніемъ, чего никогда не бывало въ сердцѣ Алеши. Надо всѣмъ стоялъ какъ гора главный, роковой и неразрѣшимый вопросъ: чѣмъ кончится у отца съ братомъ Дмитріемъ предъ этою страшною женщиной? Теперь ужь онъ самъ былъ свидѣтелемъ. Онъ самъ тутъ присутствовалъ и видѣлъ ихъ другъ передъ другомъ. Впрочемъ, нечестнымъ, вполнѣ и страшно несчастнымъ, могъ оказаться лишь одинъ Дмитрій: его сторожила несомнѣнная бѣда. Оказались тоже другіе люди, до которыхъ все это касалось, и, можетъ быть, гораздо болѣе, чѣмъ могло казаться Алешѣ прежде. Выходило что-то даже загадочное. Братъ Иванъ сдѣлалъ къ нему шагъ, какъ такъ давно желалъ Алеша, и вотъ самъ онъ отчего-то чувствуетъ теперь, что его испугалъ этотъ шагъ сближенія. А женщины? Странное дѣло: давеча онъ направлялся къ Катеринѣ Ивановнѣ въ чрезвычайномъ смущеніи, теперь-же не чувствовалъ никакого; напротивъ, спѣшилъ къ ней самъ, словно надѣясь найдти у ней указанія. А однако передать ей порученіе было видимо теперь тяжелѣе, чѣмъ давеча: дѣло о трехъ тысячахъ было рѣшено окончательно, и братъ Дмитрій, почувствовавъ теперь себя безчестнымъ и уже безо всякой надежды, конечно. не остановится болѣе и ни предъ какимъ паденіемъ. Потому-же еще велѣлъ передать Катеринѣ Ивановнѣ и только происшедшую сцену.

Было уже семь часовъ и смеркалось, когда Алеша вошелъ къ Катеринѣ Ивановнѣ, занимавшей одинъ очень просторный и

удобный домъ на Большой улицѣ. Алеша зналъ, что
ветъ съ двумя тетками. Одна изъ нихъ приходилась
теткой лишь сестрѣ Агафьѣ Ивановнѣ; это была т
ная особа въ домѣ ея отца, которая ухаживала за
вмѣстѣ съ сестрой, когда она пріѣхала къ нимъ туда
ститута. Другая-же тетка была тонная и важная
барыня, хотя и изъ бѣдныхъ. Слышно было, что обѣ
чинялись во всемъ Катеринѣ Ивановнѣ и состояли при ней
ственно для этикета. Катерина-же Ивановна подчинялась
своей благодѣтельницѣ, генеральшѣ, оставшейся за бо
Москвѣ, и къ которой она обязана была посылать по два
съ подробными извѣстіями о себѣ каждую недѣлю.

Когда Алеша вошелъ въ переднюю и попросилъ о
ложить отворившей ему горничной, въ залѣ очевидно уже
о его прибытіи (можетъ быть, замѣтили его изъ окна), но
Алеша вдругъ услышалъ какой-то шумъ, послышались
бѣгущіе женскіе шаги, шумящія платья, можетъ быть,
жали двѣ или три женщины. Алешѣ показалось странным,
онъ могъ произвести своимъ прибытіемъ такое волненіе. Его
нако тотчасъ-же ввели въ залу. Это была большая ком
уставленная элегантною и обильною мебелью, совсѣмъ
провинціальному. Было много диванов и кушетокъ, ди
ковъ, большихъ и маленькихъ столиковъ; были картины
нахъ, вазы и лампы на столахъ, было много цвѣтовъ,
даже акваріумъ у окна. Отъ сумерекъ въ комнатѣ бы
сколько темновато. Алеша разглядѣлъ на диванѣ, на кото
очевидно, сейчасъ сидѣли, брошенную шелковую мантилью,
столѣ передъ диваномъ двѣ недопитыя чашки шоколаду, бис
хрустальную тарелку съ синимъ изюмомъ и другую съ
фектами. Кого-то угощали. Алеша догадался, что попа
гостей и поморщился. Но въ тотъ-же мигъ поднялась пор
и быстрыми спѣшными шагами вошла Катерина Иванов
радостною, восхищенною улыбкой протягивая обѣ руки А
Въ туже минуту служанка внесла и поставила на столъ
зажженныя свѣчи.

— Слава Богу, наконецъ-то и вы! Я одного только
молила у Бога весь день! Садитесь.

Красота Катерины Ивановны еще и прежде поразила А
когда братъ Дмитрій, недѣли три тому назадъ, привозил
къ ней въ первый разъ представить и познакомить, р
ственному чрезвычайному желанію Катерины Ивановны.

ежду ними въ то свиданіе, впрочемъ, не завязался. По-
что Алеша очень сконфузился, Катерина Ивановна какъ-
дила его и все время проговорила въ тотъ разъ съ Дми-
Ѳедоровичемъ. Алеша молчалъ, но многое очень хорошо
лъ. Его поразила властность, гордая развязность, са-
енность надменной дѣвушки. И все это было несомнѣнно,
чувствовалъ, что онъ не преувеличиваетъ. Онъ нашелъ,
льшіе черные горящіе глаза ея прекрасны, и особенно
къ ея блѣдному, даже нѣсколько блѣдно-желтому про-
тому лицу. Но въ этихъ глазахъ, равно какъ и въ очер
прелестныхъ губъ, было нѣчто такое, во чтò, конечно,
было брату его влюбиться ужасно, но чтò, можетъ быть,
было долго любить. Онъ почти прямо высказалъ свою
Дмитрію, когда тотъ послѣ визита пристал къ нему,
его не утаить, какое онъ вынесъ впечатлѣніе, повидавъ
вѣсту.

Ты будешь съ нею счастливъ, но, можетъ быть... не
но счастливъ.

То-то, братъ, такія такими и остаются, онѣ не смиряются
судьбой. Такъ ты думаешь, что я не буду ее вѣчно лю-

Нѣтъ, можетъ быть, ты будешь ее вѣчно любить, но,
быть, не будешь съ нею всегда счастливъ...

ша произнесъ тогда свое мнѣніе краснѣя и досадуя на
то поддавшись просьбамъ брата, высказалъ такія «глу-
мысли. Потому что ему самому его мнѣніе показалось ужа-
къ глупымъ тотчасъ-же какъ онъ его высказалъ. Да и
стало ему высказывать такъ властно мнѣніе о женщинѣ.
ъ большимъ изумленіемъ почувствовалъ онъ теперь при
ь взглядѣ на выбѣжавшую къ нему Катерину Ивановну,
жетъ быть, тогда онъ очень ошибся. Въ этотъ разъ лицо
о неподдѣльною простодушной добротой, прямою и пыл-
кренностью. Изо всей прежней «гордости и надменности»,
поразившихъ тогда Алешу, замѣчалась теперь лишь одна
благородная энергія и какая-то ясная, могучая вѣра въ
леша понялъ съ перваго взгляда на нее, съ первыхъ словъ,
ь трагизмъ ея положенія относительно столь любимаго
овѣка для нея вовсе не тайна, что она, можетъ быть,
етъ все, рѣшительно все. И однако-же, не смотря на то,
только свѣта въ лицѣ ея, столько вѣры въ будущее.
почувствовалъ себя предъ нею вдругъ серьезно и умиш-

ленно виноватымъ. Онъ былъ побѣжденъ и приниженъ. Кромѣ всего этого, онъ замѣтилъ съ первыхъ-же словъ, что она въ какомъ-то сильномъ возбужденіи, можетъ быть, въ ней необычайномъ, — возбужденіи похожемъ почти на какой-то восторгъ.

— Я потому такъ ждала васъ, что отъ васъ отъ одного теперь узнать всю правду, — ни отъ кого больше!

— Я пришелъ... пробормоталъ Алеша, путаясь, — я... послалъ меня...

— А, онъ послалъ васъ, ну, такъ я и предчувствовала теперь все знаю, все! воскликнула Катерина Ивановна съ за кавшими вдругъ глазами. — Постойте, Алексѣй Ѳедорович вамъ заранѣе скажу, зачѣмъ я васъ такъ ожидала. Видит можетъ быть, гораздо болѣе знаю, чѣмъ даже вы сами; и извѣстій отъ васъ нужно. Мнѣ вотъ что отъ васъ нужно надо знать ваше собственное, личное послѣднее впечатлѣ немъ, мнѣ нужно, чтобы вы мнѣ разсказали въ самомъ при неприкрашенномъ, въ грубомъ даже (о, во сколько хотите бомъ!) видѣ — какъ вы сами смотрите на него сейчасъ и и положеніе послѣ вашей съ нимъ встрѣчи сегодня? Это бу можетъ быть, лучше чѣмъ еслибъ я сама, къ которой он хочетъ больше ходить, объяснилась съ нимъ лично. Понял чего я отъ васъ хочу? Теперь, съ чѣмъ-же онъ васъ по ко мнѣ (я такъ и знала, что онъ васъ пошлетъ!) — гов просто, самое послѣднее слово говорите!..

— Онъ приказалъ вамъ... кланяться, и что больше не дѣлъ никогда... а вамъ кланяться.

— Кланяться? Онъ такъ и сказалъ, такъ и выразил

— Да.

— Мелькомъ, можетъ быть, нечаянно, ошибся въ сло то слово поставилъ какое надо?

— Нѣтъ, онъ велѣлъ именно, чтобъ я передалъ это «кланяться». Просилъ раза три, чтобъ я не забылъ пере

Катерина Ивановна вспыхнула.

— Помогите мнѣ теперь, Алексѣй Ѳедоровичъ, теперь-т и нужна ваша помощь: я вамъ скажу мою мысль, а вы только скажите на нее, вѣрно или нѣтъ я думаю? Слуш если-бъ онъ велѣлъ мнѣ кланяться мелькомъ, не настаив передачѣ слова, не подчеркивая слова, то это было-бы Тутъ былъ-бы конецъ! Но если онъ особенно настаив этомъ словѣ, если особенно поручалъ вамъ не забыть пер

ъ этотъ *поклонъ*, —то, стало быть, онъ былъ въ возбужденіи, ъ себя, можетъ быть? Рѣшился, и рѣшенія своего испугался! ушелъ отъ меня твердымъ шагомъ, а полетѣлъ съ горы. Подкиваніе этого слова можетъ означать одну браваду...

— Такъ, такъ! горячо подтвердилъ Алеша,—мнѣ самому къ теперь кажется.

— А коли такъ, то онъ еще не погибъ! Онъ только въ отчаніи, но я еще могу спасти его. Стойте: не передавалъ-ли онъ къ что-нибудь о деньгахъ, о трехъ тысячахъ?

— Не только говорилъ, но это, можетъ быть, всего сильнѣе убивало его. Онъ говорилъ, что лишенъ теперь чести и что теперь уже все равно, съ жаромъ отвѣтилъ Алеша, чувствуя къ своимъ сердцемъ своимъ, какъ надежда вливается въ его сердце, что въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, есть выходъ и спасеніе и его брата.—Но развѣ вы... про эти деньги знаете? прибавилъ онъ и вдругъ осѣкся.

— Давно знаю, и знаю навѣрно. Я въ Москвѣ телеграммой разыскивала и давно знаю, что деньги не получены. Онъ деньги не послалъ, но я молчала. Въ послѣднюю недѣлю я узнала, какъ у него были и еще нужны деньги... Я поставила во всемъ этомъ дѣлу только цѣль: чтобъ онъ зналъ къ кому воротиться и кто ему самый вѣрный другъ. Нѣтъ, онъ не хочетъ вѣрить, что я ему самый вѣрный другъ, не захотѣлъ узнать меня, онъ смотритъ на меня только какъ на женщину. Меня всю недѣлю мучила страшная забота: какъ-бы сдѣлать, чтобъ онъ не постыдился предо мной этой растраты трехъ тысячъ? То есть пусть стыдится и всѣхъ и себя самого, но пусть меня не стыдится. Ему Богу онъ говоритъ-же все, не стыдясь. Зачѣмъ-же не хочетъ до сихъ поръ сколько я могу для него вынести? Зачѣмъ, зачѣмъ не знаетъ меня, какъ онъ смѣетъ не знать меня послѣ того что было? Я хочу его спасти на вѣки. Пусть онъ забудетъ меня, какъ свою невѣсту! И вотъ онъ боится предо мной честь свою! Вѣдь вамъ-же Алексѣй Ѳедоровичъ, онъ не побоялся открыться? Отчего я до сихъ поръ не заслужила тоже?

Послѣднія слова она произнесла въ слезахъ: слезы брызнули изъ ея глазъ.

— Я долженъ вамъ сообщить, произнесъ тоже дрожащимъ голосомъ Алеша,—о томъ что сейчасъ было у него съ отцемъ. Онъ разсказалъ всю сцену, разсказалъ, что былъ посланъ за деньгами, что тотъ ворвался, избилъ отца и послѣ того осо-

бенно и настоятельно еще разъ подтвердилъ ему, Алешѣ, ни «кланяться»...—Онъ пошелъ къ этой женщинѣ... тихо про вилъ Алеша.

— А вы думаете, что я эту женщину не перенесу? Онъ д шаетъ, что я не перенесу? Но онъ на ней не женится,—пер разсмѣялась она вдругъ;—развѣ Карамазовъ можетъ горѣть кою страстью вѣчно? Это страсть, а не любовь. Онъ не женит потому что она и не выйдетъ за него... опять странно усм нулась вдругъ Катерина Ивановна.

— Онъ, можетъ быть, женится, грустно проговорилъ Але потупивъ глаза.

— Онъ не женится, говорю вамъ! Эта дѣвушка — это гелъ, знаете вы это? Знаете вы это! воскликнула вдругъ необыкновеннымъ жаромъ Катерина Ивановна.—Это самое ф тастическое изъ фантастическихъ созданій! Я знаю какъ обольстительна, но я знаю, какъ она и добра, тверда, благоро Чего вы смотрите такъ на меня, Алексѣй Ѳедоровичъ? Мож быть, удивляетесь моимъ словамъ, можетъ быть, не вѣрите м Аграфена Александровна, ангелъ мой! крикнула она вдругъ ко то, смотря въ другую комнату, — подите къ намъ, это ми человѣкъ, это Алеша, онъ про наши дѣла все знаетъ, пока тесь ему!

— А я только и ждала за занавѣской, что вы позов произнесъ нѣжный, нѣсколько слащавый даже, женскій го

Поднялась портьера и... сама Грушенька, смѣясь и раду подошла къ столу. Въ Алешѣ какъ будто что передернул Онъ приковался къ ней взглядомъ, глазъ отвести не могъ. В она, эта ужасная женщина, — «звѣрь», какъ полчаса на вырвалось про нее у брата Ивана. И однако-же предъ н стояло, казалось-бы, самое обыкновенное и простое существ взглядъ,—добрая, милая женщина, положимъ, красивая, такъ похожая на всѣхъ другихъ красивыхъ, но «обыкновенны женщинъ! Правда, хороша она была очень, очень даже,— ская красота, такъ многими до страсти любимая. Это была вольно высокаго роста женщина, нѣсколько пониже однако терины Ивановны (та была уже совсѣмъ высокаго роста), полная, съ мягкими, какъ-бы неслышными даже движеніями т какъ-бы тоже изнѣженными до какой-то особенной слаща выдѣлки, какъ и голосъ ея. Она подошла не какъ Екате Ивановна — мощною бодрою походкой; напротивъ, несл Ноги ея на полу совсѣмъ не было слышно. Мягко опус

, кресло, мягко прошумѣвъ своимъ пышнымъ, чернымъ, ымъ платьемъ, и изнѣженно кутая свою бѣлую какъ кполную шею и широкія плечи въ дорогую, черную, шер- шаль. Ей было двадцать два года и лицо ея выражало ъ точь этотъ возрастъ. Она была очень бѣла лицомъ, съ имъ блѣднорозовымъ оттѣнкомъ румянца. Очертаніе лица ло какъ-бы слишкомъ широко, а нижняя челюсть вы- даже капельку впередъ. Верхняя губа была тонка, а я, нѣсколько выдавшаяся, была вдвое полнѣе и какъ-бы ла. Но чуднѣйшіе, обильнѣйшіе темнорусые волосы, соболиныя брови и прелестные сѣроголубые глаза съ ми рѣсницами — заставили-бы непремѣнно самаго равно- го и разсѣяннаго человѣка, даже гдѣ-нибудь въ толпѣ, на и, въ давкѣ, вдругъ остановиться предъ этимъ лицомъ лго запомнить его. Алешу поразило всего болѣе въ этомъ го дѣтское, простодушное выраженіе. Она глядѣла какъ радовалась чему-то какъ дитя, она именно подошла къ «радуясь» и какъ-бы сейчасъ чего-то ожидая съ самымъ мъ нетерпѣливымъ и довѣрчивымъ любопытствомъ. Взглядъ елилъ душу. — Алеша это почувствовалъ. Было и еще въ ней, о чемъ онъ не могъ или не съумѣлъ-бы дать , но что, можетъ быть, и ему сказалось безсознательно, опять-таки эта мягкость, нѣжность движеній тѣла, эта я неслышность этихъ движеній. И однако-жь это было и обильное тѣло. Подъ шалью сказывались широкія плечи, высокая, еще совсѣмъ юношеская грудь. Это можетъ быть, обѣщало формы Венеры Милосской, хотя ѣнно и теперь уже въ нѣсколько утрированной пропорціи,— едчувствовалось. Знатоки русской женской красоты могли зошибочно предсказать, глядя на Грушеньку, что эта , еще юношеская красота къ тридцати годахъ потеряетъ ю, расплывется, самое лицо обрюзгнетъ, около глазъ и чрезвычайно быстро появятся морщиночки, цвѣтъ лица етъ, побагровѣетъ, можетъ быть,—однимъ словомъ, кра- мгновеніе, красота летучая, которая такъ часто встрѣ- именно у русской женщины. Алеша, разумѣется, не объ этомъ, но хоть и очарованный, онъ съ непріятнымъ -то ощущеніемъ, и какъ-бы жалѣя, спрашивалъ себя: это она такъ тянетъ слова и не можетъ говорить на- ю? Она дѣлала это очевидно находя въ этомъ растяги- въ усиленно-слащавомъ оттѣненіи слоговъ и звуковъ.

красоту. Это была, конечно, лишь дурная привычка д тона, свидѣтельствовавшая о низкомъ воспитаніи, о усвоенномъ съ дѣтства пониманіи приличнаго. И одн этотъ выговоръ и интонація словъ представлялась Алешѣ невозможнымъ какимъ-то противорѣчіемъ этому дѣтски душному и радостному выраженію лица, этому тихому, св вому, какъ у младенца, сіянію глазъ! Катерина Ивановна и усадила ее въ кресло противъ Алеши и съ восторгомъ ц вала ее нѣсколько разъ въ ея смѣющіяся губки. Она была влюблена въ нее.

— Мы въ первый разъ видимся, Алексѣй Ѳедоровичъ, говорила она въ упоеніи; — я захотѣла узнать ее, увид я хотѣла идти къ ней, но она по первому желанію пришла сама. Я такъ и знала, что мы съ ней все рѣшим Такъ сердце предчувствовало... Меня упрашивали оставить шагъ, но я предчувствовала исходъ и не ошиблась. Груш все разъяснила мнѣ, всѣ свои намѣренія; она какъ а добрый слетѣла сюда и принесла покой и радость...

— Не погнушались мной, милая, достойная барышня распѣвъ протянула Грушенька все съ тою-же милою, радо улыбкой.

— И не смѣйте говорить мнѣ такія слова, обаятел волшебница! Вами-то гнушаться! Вотъ я нижнюю губку еще разъ поцѣлую. Она у васъ точно припухла, такъ чтобъ она еще больше припухла, и еще, еще... Посмотрите она смѣется, Алексѣй Ѳедоровичъ, сердце веселится, гля этого ангела... Алеша краснѣлъ и дрожалъ незамѣтною дрожью.

— Нѣжите вы меня, милая барышня, а я, можетъ, и не стою ласки вашей.

— Не стоитъ! Она-то этого не стоитъ! воскликнула съ тѣмъ-же жаромъ Катерина Ивановна,—знайте, Алексѣ дорович, что мы фантастическая головка, что мы своево но гордое-прегордое сердечко! Мы благородны, Алексѣй Ѳ вичъ, мы великодушны, знаете-ли вы это? Мы были несчастны. Мы слишкомъ скоро готовы были принести в жертву недостойному, можетъ быть, или легкомысленному вѣку. Былъ одинъ, одинъ тоже офицеръ, мы его полюбил ему все принесли, давно это было, пять лѣтъ назадъ, насъ забылъ, онъ женился. Теперь онъ овдовѣлъ, писалъ ѣдетъ сюда—и знайте, что мы одного его, одного его т

имъ до сихъ поръ и любили всю жизнь! Онъ пріѣдетъ и
шенька опять будетъ счастлива, а всѣ пять лѣтъ эти она
а несчастна. Но кто-же попрекнетъ ее, кто можетъ похва-
ться ея благосклонностью! Одинъ этотъ старикъ безногій,
оцъ,—но онъ былъ скорѣй нашимъ отцомъ, другомъ нашимъ,
регателемъ. Онъ засталъ насъ тогда въ отчаяніи, въ мукахъ,
аленную тѣмъ, кого мы такъ любили... да вѣдь она уто-
ться тогда хотѣла, вѣдь старикъ этотъ спасъ ее, спасъ ее!

— Очень ужь вы защищаете меня, милая барышня, очень
ь вы во всемъ поспѣшаете, протянула опять Грушенька.

— Защищаю? Да памъ-ли защищать, да еще смѣмъ-ли мы
ъ защищать? Грушенька, ангелъ, дайте мнѣ вашу ручку,
отрите на эту пухленькую, маленькую, прелестную ручку,
всѣй Ѳедоровичъ; видите-ли вы ее, она мнѣ счастье принесла
оскресила меня и я вотъ цаловать ее сейчасъ буду, и сверху,
ъ ладошку, вотъ, вотъ и вотъ! И она три раза какъ-бы въ
еніи поцаловала дѣйствительно прелестную, слишкомъ, можетъ
ть. пухлую ручку Грушеньки. Та-же, протянувъ эту ручку,
первнымъ звонкимъ прелестнымъ смѣшкомъ слѣдила за «ми-
барышней», и ей видимо было пріятно, что ея ручку такъ
уютъ. «Можетъ быть, слишкомъ ужь много восторга», —
ькнуло въ головѣ Алеши. Онъ покраснѣлъ. Сердце его было
время какъ-то особенно неспокойно.

— Не устыдите вѣдь вы меня, милая барышня, что ручку
при Алексѣѣ Ѳедоровичѣ такъ цаловали.

— Да развѣ я васъ тѣмъ устыдить хотѣла? промолвила нѣ-
ько удивленно Катерина Ивановна, — ахъ, милая, какъ вы
дурно понимаете!

— Да вы-то меня, можетъ, тоже не такъ совсѣмъ понимаете,
я барышня, я, можетъ, гораздо дурнѣе того чѣмъ у васъ на
. Я сердцемъ дурная, я своевольная. Я Дмитрія Ѳедоровича
аго изъ-за насмѣшки одной тогда заполонила.

— Но вѣдь теперь вы-же его и спасаете. Вы дали слово. Вы
умите его, вы откроете ему, что любите другаго, давно, и
рый теперь вамъ руку свою предлагаетъ...

— Ахъ нѣтъ, я вамъ не давала такого слова. Вы это сами
все говорили, а я не давала.

— Я васъ не такъ, стало быть, поняла, тихо и какъ-бы
ьку поблѣднѣвъ проговорила Катерина Ивановна. — Вы
али...

— Ахъ нѣтъ, ангелъ-барышня, ничего я вамъ не обѣщала,—

тихо и ровно все съ тѣмъ-же веселымъ и невиннымъ
ніемъ перебила Грушенька. — Вотъ и видно сейчасъ,
барышня, какая я предъ вами скверная и самовластная.
захочется такъ я такъ и поступлю. Давеча я, можетъ,
пообѣщала что, а вотъ сейчасъ опять думаю: вдругъ онъ
мнѣ понравится, Митя-то,—разъ ужь мнѣ вѣдь онъ очень
вился, цѣлый часъ почти даже нравился. Вотъ я, можетъ
пойду да и скажу ему сейчасъ, чтобъ онъ у меня съ сего-
остался... Вотъ я какая непостоянная...

— Давеча вы говорили... совсѣмъ не то... едва
Катерина Ивановна.

— Ахъ давеча! А вѣдь я сердцемъ нѣжная, глупая. Вѣдь
думать только, что онъ изъ-за меня перенесъ! А вдругъ
приду да и пожалѣю его,—тогда что?

— Я не ожидала...

— Эхъ, барышня, какая вы предо мной добрая, благоро
выходите. Вотъ вы теперь, пожалуй, меня, этакую дуру,
любите за мой характеръ. Дайте мнѣ вашу милую ручку, анг
барышня, нѣжно попросила она и какъ-бы съ благоговѣ
взяла ручку Катерины Ивановны. — Вотъ я, милая барыш
вашу ручку возьму и также какъ вы мнѣ поцалую. Вы мн
раза поцаловали, а мнѣ-бы вамъ надо триста разъ за это по
вать, чтобы сквитаться. Да такъ ужь и быть, а затѣмъ
какъ Богъ пошлетъ, можетъ, я вамъ полная раба буду и во
пожелаю вамъ рабски угодить. Какъ Богъ положитъ, пусть
оно и будетъ, безо всякихъ между собой сговоровъ и обѣ
Ручка-то, ручка-то у васъ милая, ручка-то! Барышня вы
раскрасавица вы моя невозможная!

Она тихо понесла эту ручку къ губамъ своимъ, прав
странною цѣлью: «сквитаться» поцалуями. Катерина Иван
отняла руки: она съ робкою надеждой выслушала послѣднее,
тоже очень странно выраженное обѣщаніе Грушеньки «ра
угодить ей; она напряженно смотрѣла ей въ глаза: она видѣ
этихъ глазахъ все тоже простодушное, довѣрчивое выра
все ту-же ясную веселость... «Она, можетъ быть, слиш
наивна!» — промелькнуло надеждой въ сердцѣ Катерины
новны. Грушенька межъ тѣмъ какъ-бы въ восхищеніи отъ «
ручки», медленно поднимала ее къ губамъ своимъ. Но у са
губъ она вдругъ ручку задержала на два, на три мгновенія,
бы раздумывая о чемъ-то.

— А знаете что, ангелъ-барышня, вдругъ протянул

мъ уже нѣжнымъ и слащавѣйшимъ голоскомъ, — знаете возьму я да вашу ручку и не поцалую. И она засмѣялась ньким развеселымъ смѣшкомъ.

— Какъ хотите... Что съ вами? вздрогнула вдругъ Катеа Ивановна.

— А такъ и оставайтесь съ тѣмъ на память, что вы-то у ручку цаловали, а я у васъ нѣтъ. — Что-то сверкнуло тъ въ ея глазахъ. Она ужасно пристально глядѣла на Каину Ивановну.

— Наглая! проговорила вдругъ Катерина Ивановна, какъ вдругъ что-то понявъ, вся вспыхнула и вскочила съ мѣста. спѣша поднялась и Грушенька.

— Такъ я и Митѣ сейчасъ перескажу, какъ вы мнѣ цалоа ручку, а я-то у васъ совсѣмъ нѣтъ. А ужь какъ онъ бу-ь смѣяться!

— Мерзавка, вонъ!

— Ахъ, какъ стыдно, барышня, ахъ, какъ стыдно, это ь даже и непристойно совсѣмъ, такія слова, милая барышня.

— Вонъ, продажная тварь! завопила Катерина Ивановна.— кая черточка дрожала въ ея совсѣмъ исказившемся лицѣ.

— Ну ужь и продажная. Сами вы дѣвицей къ кавалерамъ еньгами въ сумерки хаживали, свою красоту продавать прилп, вѣдь я-же знаю.

Катерина Ивановна вскрикнула и бросилась было на нее, е удержалъ всею силой Алеша:

— Ни шагу, ни слова! Не говорите, не отвѣчайте ничего, уйдетъ, сейчасъ уйдетъ!

Въ это мгновеніе въ комнату вбѣжали на крикъ обѣ родницы Катерины Ивановны, вбѣжала и горничная. Всѣ брось къ ней.

— И уйду, проговорила Грушенька, подхвативъ съ дивана лью.—Алеша, милый, проводи-ка меня!

— Уйдите, уйдите поскорѣй! сложилъ предъ нею, умоляя, Алеша.

— Милый Алешинька, проводи! Я тебѣ дорогой, хорошенькорошенькое одно словцо скажу! Я это для тебя, Алеька, сцену продѣлала. Проводи, голубчикъ, послѣ поправится. Алеша отвернулся, ломая руки. Грушенька, звонко смѣясь, жала изъ дому.

Съ Катериной Ивановной сдѣлался припадокъ. Она рыдала, ы душили ее. Всѣ около нея суетились.

— Я васъ предупреждала, говорила ей старшая тетка, васъ удерживала отъ этого шага... вы слишкомъ пылки... можно было рѣшиться на такой шагъ! Вы этихъ тварей знаете, а про эту говорятъ, что она хуже всѣхъ... Ишь, слишкомъ своевольны!

— Это тигръ! завопила Катерина Ивановна.—Зачѣмъ удержали меня, Алексѣй Ѳедоровичъ, я-бы избила ее, избила...

Она не въ силахъ была сдерживать себя предъ Алешей, жесть быть, и не хотѣла сдерживаться.

— Ее нужно плетью, на эшафотѣ, чрезъ палача, при народѣ!...

Алеша попятился къ дверямъ.

— Но, Боже! вскрикнула вдругъ Катерина Ивановна, всплеснувъ руками,—онъ-то! Онъ могъ быть такъ безчестенъ, такъ безчеловѣченъ! Вѣдь онъ разсказалъ этой твари о томъ, что было тамъ, въ тогдашній роковой, вѣчно проклятый, проклятый день! «Приходили красу продавать, милая барышня!» знаетъ! Вашъ братъ подлецъ, Алексѣй Ѳедоровичъ!

Алешѣ хотѣлось что-то сказать, но онъ не находилъ ни одного слова. Сердце его сжималось до боли.

— Уходите, Алексѣй Ѳедоровичъ! Мнѣ стыдно, мнѣ ужасно. Завтра... умоляю васъ на колѣняхъ, придите завтра. Не приходите, простите, я не знаю что́ съ собой еще сдѣлаю!

Алеша вышелъ на улицу, какъ-бы шатаясь. Ему тоже хотѣлось плакать, какъ и ей. Вдругъ его догнала служанка.

— Барыня забыла вамъ передать это письмецо отъ госпожи Хохлаковой, оно у нихъ съ обѣда лежитъ.

Алеша машинально принялъ маленькій розовый конвертъ и сунулъ его, почти не сознавая, въ карманъ.

XI.

Еще одна погибшая репутація.

Отъ города до монастыря было не болѣе версты съ небольшимъ. Алеша спѣшно пошелъ по пустынной въ этотъ часъ дорогѣ. Почти уже стала ночь, въ тридцати шагахъ трудно было различать предметы. На половинѣ дороги приходилась перекрестокъ. На перекресткѣ, подъ уединенною ракитой, виднѣлась какая-то фигура. Только что Алеша вступилъ на

рестокъ, какъ фигура сорвалась съ мѣста, бросилась на него
неистовымъ голосомъ прокричала:
— Кошелекъ или жизнь!
— Такъ это ты, Митя! удивился сильно вздрогнувшій од-
ко Алеша.
— Ха-ха-ха! Ты не ожидалъ? Я думаю: гдѣ тебя подож-
ть? У ея дома? Оттуда три дороги и я могу тебя прозѣвать.
адумалъ, наконецъ, дождаться здѣсь, потому что здѣсь-то онъ
ойдетъ непремѣнно, другаго пути въ монастырь не имѣется.
у, объявляй правду, дави меня какъ таракана... Да что съ
бой?
— Ничего, братъ... я такъ, съ испугу. Ахъ, Дмитрій! Да-
ма эта кровь отца (Алеша заплакалъ, ему давно хотѣлось за-
акать, а теперь у него вдругъ, какъ-бы что-то порвалось въ
ишѣ). Ты чуть не убилъ его... проклялъ его... и вотъ теперь...
ѣсь... сейчасъ... ты шутишь шутки... кошелекъ или жизнь!
— А, да, что-жь? Неприлично что-ли? Не идетъ къ поло-
енію?
— Да нѣтъ... я такъ...
— Стой. Посмотри на ночь: видишь, какая мрачная ночь.
лака-то, вѣтеръ какой поднялся! Спрятался я здѣсь, подъ ра-
той, тебя жду, и вдругъ подумалъ (вотъ тебѣ Богъ!): да че-
-же больше маяться, чего ждать? Вотъ ракита, платокъ есть.
убашка есть, веревку сейчасъ можно свить, помочи въ придачу
—не бременить ужь болѣе землю, не безчестить низкимъ
оимъ присутствіемъ! И вотъ слышу ты идешь, — Господи.
чно слетѣло что на меня вдругъ: да вѣдь есть-же, стало быть,
овѣкъ, котораго и я люблю, вѣдь вотъ онъ, вотъ тотъ че-
вѣчекъ, братишка мой милый, кого я всѣхъ больше на свѣтѣ
юблю и кого я единственно люблю! И такъ я тебя полюбилъ.
къ въ эту минуту любилъ, что подумалъ: брошусь сейчасъ къ
му на шею! Да глупая мысль пришла: «повеселю его, испу-
ю». Я и закричалъ какъ дуракъ: «кошелекъ!» Прости дура-
ству—это только вздоръ, а на душѣ у меня... тоже прилич-
... Ну, да чортъ, говори однако, что тамъ? Что она сказала?
ни меня, рази меня, не щади! Въ изступленіе пришла?
— Нѣтъ, не то... Тамъ было совсѣмъ не то, Митя. Тамъ..
Тамъ сейчасъ ихъ обѣихъ засталъ.
— Какихъ обѣихъ?
— Грушеньку у Катерины Ивановны.
Дмитрій Ѳедоровичъ остолбенѣлъ.

— Невозможно! вскричалъ онъ, — ты бредишь! Грушенька у ней?

Алеша разсказалъ все, что̀ случилось съ нимъ съ самой минуты, какъ вошелъ къ Катеринѣ Ивановнѣ. Онъ разсказывал минутъ десять, нельзя сказать, чтобы плавно и складно, но кажется, передалъ ясно, схватывая самыя главныя слова, самыя главныя движенія и ярко передавая, часто одною чер собственныя чувства. Братъ Дмитрій слушалъ молча, глядѣлъ упоръ со странною неподвижностью, но Алешѣ ясно было, онъ уже все понялъ, осмыслилъ весь фактъ. Но лицо его, чѣ дальше подвигался разсказъ, становилось не то что мрачнѣе, а какъ-бы грознымъ. Онъ нахмурилъ брови, стиснулъ зубы, подвижный взглядъ его сталъ какъ-бы еще неподвижнѣе, уж нѣе, ужаснѣе... Тѣмъ неожиданнѣе было когда вдругъ, съ не стижимою быстротой, измѣнилось разомъ все лицо его, дос гнѣвное и свирѣпое, сжатыя губы раздвинулись и Дмитрій Ѳ доровичъ залился вдругъ самымъ неудержимымъ, самымъ нел дѣльнымъ смѣхомъ. Онъ буквально залился смѣхомъ, онъ дол время даже не могъ говорить отъ смѣха.

— Такъ и не поцаловала ручку! Такъ и не поцаловал такъ и убѣжала! выкрикивалъ онъ въ болѣзненномъ какомъ-т восторгѣ,—въ нагломъ восторгѣ можно-бы тоже сказать, если восторгъ этотъ не былъ столь безъискуственъ.—Такъ та кр чала, что это тигръ! Тигръ и есть! Такъ ее на эшафотъ на Да, да, надо-бы, надо, я самъ того мнѣнія, что надо, да надо! Видишь-ли, братъ, пусть эшафотъ, но надо еще спер выздоровѣть. Понимаю царицу наглости, вся она тутъ, вся с въ этой ручкѣ высказалась, инфернальница? Это царица всѣ инфернальницъ, какихъ можно только вообразить на свѣтѣ! В своемъ родѣ восторгъ! Такъ она домой побѣжала? Сейчасъ я ахъ... Побѣгу-ка я къ ней! Алешка, не вини меня, я вѣдь с глаженъ, что ее придушить мало...

— А Катерина Ивановна! печально воскликнулъ Алеша.

— И ту вижу, всю насквозь и ту вижу, и такъ вижу, как никогда! Тутъ цѣлое открытіе всѣхъ четырехъ странъ свѣт пяти то есть! Этакій шагъ! Это именно та самая Катень институточка, которая къ нелѣпому грубому офицеру не побо лась изъ великодушной идеи спасти отца пробѣжать, риск страшно быть оскорбленною! Но гордость наша, не потребнос риска, но вызовъ судьбѣ, вызовъ въ безпредѣльность! Ты го*ришь*, ее эта гетка останавливала? Эта гетка, знаешь, сама с

ластная, это вѣдь родная сестра московской той генеральши, а поднимала еще больше той носъ, да мужъ былъ уличенъ казнокрадствѣ, лишился всего, и имѣнія, и всего, и гордая друга вдругъ понизила тонъ, да съ тѣхъ поръ и не подня-ь. Такъ она удерживала Катю, а та не послушалась. «Все, ать, могу побѣдить, все мнѣ подвластно; захочу и Грушеньку дую» и—сама вѣдь себѣ вѣрила, сама надъ собой форсила, ь виноватъ? Ты думаешь, она нарочно эту ручку первая ловала у Грушеньки, съ разсчетомъ хитрымъ? Нѣтъ, она равду, она взаправду влюбилась въ Грушеньку, то есть не Грушеньку, а въ свою-же мечту, въ свой бредъ,—потому-де это *моя* мечта, *мой* бредъ! Голубчикъ, Алеша, да какъ ты ихъ, отъ этакихъ, спасся? Убѣжалъ что-ли, подобравъ сникъ? Ха-ха-ха!

— Братъ, а ты, кажется, и не обратилъ вниманія, какъ ты ѣлъ Катерину Ивановну тѣмъ, что разсказалъ Грушенькѣ о ъ днѣ, а та сейчасъ ей бросила въ глаза, что вы сами «къ алерамъ красу тайкомъ продавать ходили!» Братъ, что̀-же ьше этой обиды? — Алешу всего болѣе мучила мысль, что тъ точно радъ униженію Катерины Ивановны, хотя, конечно, о быть не могло.

— Ба! страшно вдругъ нахмурился Дмитрій Ѳедоровичъ и рилъ себя ладонью по лбу. Онъ только что теперь обратилъ иманіе, хотя Алеша разсказалъ все давеча за разъ, и обиду, рикъ Катерины Ивановны:—«Вашъ братъ подлецъ!»—Да, въ омъ дѣлѣ, можетъ быть, я и разсказалъ Грушенькѣ о томъ ковомъ днѣ», какъ говоритъ Катя. Да, это такъ, разсказалъ, поминаю! Это было тогда-же, въ Мокромъ, я былъ пьянъ, анки пѣли... Но вѣдь я рыдалъ, рыдалъ тогда самъ, я стоялъ колѣнкахъ, я молился на образъ Кати, и Грушенька это нимала. Она тогда все поняла, я припоминаю, она сама пла-ла... А, чортъ! да могло-ли иначе быть теперь? Тогда пла-ла, а теперь... Теперь «кинжалъ въ сердце!» Такъ у бабъ.

Онъ потупился и задумался.

— Да, я подлецъ! Несомнѣнный подлецъ, произнесъ онъ угъ мрачнымъ голосомъ.—Все равно плакалъ или нѣтъ, все о подлецъ! Передай тамъ, что принимаю наименованіе, если можетъ утѣшить. Ну и довольно, прощай, что̀ болтать-то! аго нѣтъ. Ты своею дорогой, а я своею. Да и видѣться ше не хочу, до какой-нибудь самой послѣдней минуты. щай, Алексѣй! Онъ крѣпко сжалъ руку Алеши и, все еще

потупившись и не поднимая головы, точно сорвавшись, б
зашагалъ къ городу. Алеша смотрѣлъ ему вслѣдъ, но
чтобъ онъ совсѣмъ вдругъ ушелъ.

— Стой, Алексѣй, еще одно признаніе, тебѣ одному! в
воротился Дмитрій Ѳедоровичъ назадъ.—Смотри на меня,
стально смотри: видишь, вотъ тутъ, вотъ тутъ — гото
страшное безчестіе. (Говоря «вотъ тутъ» Дмитрій Ѳедор
ударялъ себя кулакомъ по груди и съ такимъ страннымъ
домъ, какъ будто безчестіе лежало и сохранялось именно
на груди его, въ какомъ-то мѣстѣ, въ карманѣ, можетъ
или на шеѣ висѣло зашитое). Ты уже знаешь меня: под
подлецъ признанный! Но знай, что-бы я ни сдѣлалъ н
теперь или впереди, — ничто, ничто не можетъ сравнить
подлости съ тѣмъ безчестіемъ, которое именно теперь, в
въ эту минуту ношу вотъ здѣсь на груди моей, вотъ тутъ,
которое дѣйствуетъ и совершается, и которое я полный хо
остановить, могу остановить или совершить, замѣть это
Ну, такъ знай-же, что я его совершу, а не остановлю.
вѣка тебѣ все разсказалъ, а этого не разсказалъ, потом
даже и у меня на то мѣднаго лба не хватило! Я могу
остановиться; остановясь, я могу завтра-же цѣлую полови
терянной чести воротить, но я не остановлюсь, я совершу
лый замыселъ, и будь ты впередъ свидѣтелемъ, что я за
и зазнамо говорю это! Гибель и мракъ! Объяснять нече
свое время узнаешь. Смрадный переулокъ и инфернал
Прощай. Не молись обо мнѣ, не стою, да и не нужно со
совсѣмъ не нужно... не нуждаюсь вовсе! Прочь!..

И онъ вдругъ удалился, на этотъ разъ уже совсѣмъ.
пошелъ къ монастырю: «Какъ-же, какъ-же я никогда
увижу, что онъ говоритъ?» дико представлялось ему,—«д
тра-же непремѣнно увижу и розыщу его, нарочно розыщ
онъ такое говоритъ!..

Монастырь онъ обошелъ кругомъ и черезъ сосновую
прошелъ прямо въ скитъ. Тамъ ему отворили, хотя въ
часъ никого уже не впускали. Сердце у него дрожало.
онъ вошелъ въ келью старца: «Зачѣмъ, зачѣмъ онъ вых
зачѣмъ тотъ послалъ его «въ міръ?» Здѣсь тишина, здѣс
тыня, а тамъ—смущенье, тамъ мракъ, въ которомъ сразу
ряешься и заблудишься»...

ъ кельѣ находились послушникъ Порфирій и іеромонахъ
, Паисій, весь день каждый часъ заходившій узнать о здо-
ь отца Зосимы, которому, какъ со страхомъ узналъ Алеша,
вилось все хуже и хуже. Даже обычной вечерней бесѣды
ратіей на сей разъ не могло состояться. Обыкновенно по
у, послѣ службы, ежедневно, на сонъ грядущій стекалась
стырская братія въ келью старца и всякій вслухъ исповѣ-
лъ ему сегодняшнія прегрѣшенія свои, грѣшныя мечты,
и, соблазны, даже ссоры между собой, если таковыя случа-
. Иные исповѣдывались на колѣняхъ. Старецъ разрѣшалъ,
лъ, наставлялъ, налагалъ покаяніе, благословлялъ и отпу-
ь. Вотъ противъ этихъ-то братскихъ «исповѣдей» и воз-
ли противники старчества, говоря, что это профанація испо-
, какъ таинства, почти кощунство, хотя тутъ было со-
ь иное. Выставляли даже епархіальному начальству, что
исповѣди не только не достигаютъ доброй цѣли, но дѣй-
ельно и нарочито вводятъ въ грѣхъ и соблазнъ. Многіе-де
братіи тяготятся ходить къ старцу, а приходятъ поневолѣ,
у что всѣ идутъ, такъ чтобы не приняли ихъ за гордыхъ
итующихъ помысломъ. Разсказывали, что нѣкоторые изъ
и, отправляясь на вечернюю исповѣдь, условливались между
ь заранѣе: «я, дескать, скажу, что я на тебя утромъ озлился,
подтверди», — это чтобы было что сказать, чтобы только
аться. Алеша зналъ, что это дѣйствительно иногда такъ и
ходило. Онъ зналъ тоже, что есть изъ братіи весьма него-
іе и на то, что, по обычаю, даже письма отъ родныхъ, по-
мыя скитниками, приносились сначала къ старцу, чтобъ
распечатывалъ и прочитывалъ ихъ прежде получателей.
полагалось, разумѣется, что все это должно совершаться
дно и искренно, отъ всей души, во имя вольнаго смиренія
сительнаго назиданія, но на дѣлѣ, какъ оказывалось, проис-
о иногда и весьма неискренно, а, напротивъ, выдѣ-
и фальшиво. Но старшіе и опытнѣйшіе изъ братіи стояли
оемъ, разсуждая, что «кто искренно вошелъ въ эти стѣны,
спастись, для тѣхъ всѣ эти послушанія и подвиги ока-
несомнѣнно спасительными и принесутъ имъ великую
у; кто-же, напротивъ, тяготится и ропщетъ, тотъ все равно
бы и не инокъ и напрасно только пришелъ въ монастырь,
у мѣсто въ міру. Отъ грѣха-же и отъ діавола не только
ру, но и въ храмѣ не убережешься, а, стало быть, и не-
рѣху потакать».

— Ослабѣлъ, слабость напала, шепотомъ сообщил отецъ Паисій, благословивъ его.—Разбудить даже тру и не надо будить. Минутъ на пять просыпался, просы братіи это благословеніе, а у братіи просилъ о немъ молитвъ. Завтра намѣренъ еще разъ причаститься. О т минулъ, Алексѣй, спрашивалъ ушелъ-ли ты, отвѣчали, городѣ. «На то и я благословилъ его: тамъ его мѣсто, не здѣсь»,—вотъ что изрекъ о тебѣ. Любовно о тебѣ палъ, съ заботой, смыслишь-ли ты, чего удостоился? какъ-же это опредѣлилъ онъ тебѣ, пока быть срокъ в Значитъ, предвидитъ нѣчто въ судьбѣ твоей! Пойми, что если и возвратишься въ міръ, то какъ-бы на воз на то послушаніе старцемъ твоимъ, а не на суетное лег и не на мірское веселіе...

Отецъ Паисій вышелъ. Что старецъ отходилъ, въ было сомнѣнія для Алеши, хотя могъ прожить еще и ден Алеша твердо и горячо рѣшилъ что не смотря на обѣщ ное имъ видѣться съ отцомъ, Хохлаковыми, братомъ и К Ивановной—завтра онъ не выйдетъ изъ монастыря со останется при старцѣ своемъ до самой кончины его. Се загорѣлось любовью и онъ горько упрекнулъ себя, что мгновеніе тамъ, въ городѣ, даже забыть о томъ, кого въ монастырѣ на одрѣ смерти и кого чтилъ выше свѣта. Онъ прошелъ въ спаленку старца, сталъ на к поклонился спящему до земли. Тотъ тихо, недвижим чуть дыша, ровно и почти непримѣтно. Лицо его бы койно

Воротясь въ другую комнату, — въ ту самую, въ по утру старецъ принималъ гостей, Алеша, почти не ра и снявъ лишь сапоги, улегся на кожанномъ, жестко комъ диванчикѣ, на которомъ онъ и всегда спалъ, да каждую ночь, принося лишь подушку. Тюфякъ-же, о причалъ давеча отецъ его, онъ уже давно забылъ п сей. Онъ снималъ лишь свой подрясникъ, и имъ нак нибудь одѣлся. Но передъ сномъ онъ бросился на к долго молился. Въ горячей молитвѣ своей онъ не прос разъяснить ему смущеніе его, а лишь жаждалъ радости ленія, прежняго умиленія, всегда посѣщавшаго его душ хвалы и славы Богу, въ которыхъ и состояла обыкнов на сонъ грядущій молитва его. Эта радость, посѣщав вела за собой легкій и спокойный сонъ. Молясь и теп

лучайно нащупалъ въ карманѣ тотъ розов
который передала ему догнавшая его на
атерины Ивановны. Онъ смутился, но д
тѣмъ, послѣ нѣкотораго колебанія, вскрыл
о къ нему письмецо, подписанное Lise, —
ою дочерью госпожи Хохлаковой, которая
надъ нимъ при старцѣ.
сѣй Ѳедоровичъ, писала она, пишу вам
отъ мамаши, и знаю, какъ это не хор
ше жить, если не скажу вамъ того, чт
дцѣ, а этого никто, кромѣ насъ двоих
и знать. Но, какъ я вамъ скажу то, что я
зать? Бумага, говорятъ, не краснѣетъ, увѣряю
неправда и что краснѣетъ она также точно, к
я. Милый Алеша, я васъ люблю, люблю еще
Москвы, когда вы были совсѣмъ не такой, какъ теперь
на всю жизнь. Я васъ избрала сердцемъ моимъ, чтобы
соединиться, а въ старости кончить вмѣстѣ нашу жизнь.
съ тѣмъ условіемъ, что вы выйдете изъ монастыря. На
лѣтъ нашихъ мы подождемъ, сколько приказано зако-
тому времени я непремѣнно выздоровлю, буду ходить
ать. Объ этомъ не можетъ быть слова.
е какъ я все обдумала, одного только не могу приду-
подумаете вы обо мнѣ, когда прочтете? Я все смѣюсь
я давеча васъ разсердила, но увѣряю васъ, что сей-
ядъ тѣмъ какъ взяла перо, я помолилась на образъ
цы, да и теперь молюсь, и чуть не плачу.
секретъ у васъ въ рукахъ, завтра какъ придете, не
ъ и взгляну на васъ. Ахъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, что
ять не удержусь, какъ дура, и засмѣюсь какъ давеча,
глядя? Вѣдь вы меня примете за скверную насмѣшницу
моему не повѣрите. А потому умоляю васъ, милый,
ісъ есть состраданіе ко мнѣ, когда вы войдете завтра,
ідите мнѣ слишкомъ прямо въ глаза, потому что я,
съ вашими, можетъ быть, непремѣнно вдругъ разсмѣ-
ь тому-же вы будете въ этомъ длинномъ платьѣ... Даже
вся холодѣю, когда объ этомъ подумаю, а потому какъ
не смотрите на меня нѣкоторое время совсѣмъ, а смо-
таменьку или на окошко...
я написала вамъ любовное письмо, Боже мой, что я
Алеша, не презирайте меня, и если я что сдѣлала

очень дурное и васъ огорчила, то извините меня. Теперь моей, погибшей на вѣки, можетъ быть, репутаціи въ р рукахъ.

«Я сегодня непремѣнно буду плакать. До свиданья, до *наю* свиданья. Lise».

«P. S. Алеша, только вы непремѣнно, непремѣнно, мѣнно придите! Lise».

Алеша прочелъ съ удивленіемъ, прочелъ два раза, по и вдругъ тихо, сладко засмѣялся. Онъ было вздрогнулъ, этотъ показался ему грѣховнымъ. Но мгновеніе спуст опять разсмѣялся также тихо и также счастливо. Медлени жилъ онъ письмо въ конвертикъ, перекрестился и легъ. теніе души его вдругъ прошло. «Господи, помилуй ихъ давшихъ, сохрани ихъ несчастныхъ и бурныхъ, и н У Тебя пути: ими-же вѣси путями спаси ихъ. Ты любо всѣмъ пошлешь и радость!» бормоталъ крестясь, засыпая тежнымъ сномъ, Алеша.

Часть вторая.

Книга четвертая.

НАДРЫВЫ.

I.

Отецъ Ѳерапонтъ.

но утромъ, еще до свѣта, былъ пробужденъ Алеша. Старроснулся и почувствовалъ себя весьма слабымъ, хотя и лъ съ постели пересѣсть въ кресло. Онъ былъ въ полной ; лицо-же его было хотя и весьма утомленное, но ясное, радостное, а взглядъ веселый, привѣтливый, зовущій. ть, и не переживу наступившаго дня сего», сказалъ лешѣ; затѣмъ возжелалъ исповѣдаться и причаститься енно. Духовникомъ его всегда былъ отецъ Паисій. По ленін обоихъ таинствъ, началось соборованіе. Собрались нахи, келья мало по малу наполнилась скитниками. Нас- межъ тѣмъ день. Стали приходить и изъ монастыря. кончилась служба, старецъ со всѣми возжелалъ проститься ъ цаловалъ. По тѣснотѣ кельи, приходившіе прежде вы- и уступали другимъ. Алеша стоялъ подлѣ старца, кото- ять пересѣлъ въ кресло. Онъ говорилъ и училъ сколько олосъ его, хоть и слабый, былъ еще довольно твердъ. ко лѣтъ училъ васъ и, стало быть, столько лѣтъ вслухъ ъ, что какъ-бы и привычку взялъ говорить, а говоря нить, и до того сіе, что молчать мнѣ почти и труднѣе

было-бы чѣмъ говорить, отцы и братія милые, даже при слабости моей», — пошутилъ онъ, умиленно взира пившихся около него. Алеша упомнилъ потомъ кое-что что онъ тогда сказалъ. Но хоть и внятно говорилъ, голосомъ достаточно твердымъ, но рѣчь его была дов связна. Говорилъ онъ о многомъ, казалось, хотѣлъ-бы зать, все высказать еще разъ, предъ смертною ми всего недосказаннаго въ жизни, и не поученія ли ради, а какъ-бы жаждая подѣлиться радостью и с своимъ со всѣми и вся, излиться еще разъ въ жизни своимъ...

«Любите другъ друга, отцы, училъ старецъ (сколи нилъ потомъ Алеша). Любите народъ Божій. Не свят мірскихъ зато, что сюда пришли и въ сихъ стѣнах лись, а напротивъ, всякій сюда пришедшій, уже тѣм что пришелъ сюда, позналъ про себя, что онъ хуже скихъ и всѣхъ и вся на землѣ... И чѣмъ долѣе пото жить инокъ въ стѣнахъ своихъ, тѣмъ чувствительнѣ и сознавать сіе. Ибо въ противномъ случаѣ не зачѣмъ и приходить сюда. Когда-же познаетъ, что не только всѣхъ мірскихъ, но и предъ всѣми людьми за всѣхъ виноватъ, за всѣ грѣхи людскіе, міровые и едино тогда лишь цѣль нашего единенія достигнется. Ибо з лые, что каждый единый изъ насъ виновенъ за всѣх на землѣ несомнѣнно, не только по общей міровой единолично каждый за всѣхъ людей и за всякаго че сей землѣ. Сіе сознаніе есть вѣнецъ пути иноческаго каго на землѣ человѣка. Ибо иноки не иные суть ч лишь только такіе, какими и всѣмъ на землѣ людямъ лежало-бы. Тогда лишь и умилилось-бы сердце наше безконечную, вселенскую, не знающую насыщенія. Т дый изъ васъ будетъ въ силахъ весь міръ любовію и слезами своими міровые грѣхи омыть... Всякъ х сердца своего, всякъ себѣ исповѣдайся неустанно. Гр не бойтесь, даже и сознавъ его, лишь-бы покаяніе условій съ Богомъ не дѣлайте. Паки говорю—не гор гордитесь предъ малыми, не гордитесь и предъ вел ненавидьте и отвергающихъ васъ, позорящихъ васъ, по васъ и на васъ клевещущихъ. Не ненавидьте атеис учителей, матеріалистовъ, даже злыхъ изъ нихъ, не рыхъ, ибо и изъ нихъ много добрыхъ, наипаче въ н

минайте ихъ на молитвѣ тако: спаси всѣхъ, Господи, за кого
кому помолиться, спаси и тѣхъ, кто не хочетъ Тебѣ молиться.
прибавьте тутъ-же: не по гордости моей молю о семъ, Гос-
ди, ибо и самъ мерзокъ есмь паче всѣхъ и вся... Народъ
кій любите, не отдавайте стада отбивать пришельцамъ, ибо
и заснете въ лѣни и въ брезгливой гордости вашей, а пуще
корыстолюбіи, то придутъ со всѣхъ странъ и отобьютъ у
съ стадо ваше. Толкуйте народу Евангеліе неустанно... Не
помствуйте... Серебра и золота не любите, не держите... Вѣ-
йте и знамя держите. Высоко возносите его»...

Старецъ, впрочемъ, говорилъ отрывочнѣе чѣмъ здѣсь было
жено и какъ записалъ потомъ Алеша. Иногда онъ пресѣ-
ъ говорить совсѣмъ, какъ-бы собираясь съ силами, задыхался,
былъ какъ-бы въ восторгѣ. Слушали его съ умиленіемъ, хотя
гіе и дивились словамъ его и видѣли въ нихъ темноту...
томъ всѣ эти слова вспомнили. Когда Алешѣ случилось на
муту отлучиться изъ кельи, то онъ былъ пораженъ всеобщимъ
иненіемъ и ожиданіемъ толпившейся въ кельѣ и около кельи
ніи. Ожиданіе было между иными почти тревожное, у другихъ
жественное. Всѣ ожидали чего-то немедленнаго и великаго
часъ по успеніи старца. Ожиданіе это съ одной точки зрѣнія
ло почти какъ-бы и легкомысленное, но даже и самые стро-
старцы подвергались сему. Всего строже было лицо старца
ромонаха Паисія. Алеша отлучился изъ кельи лишь потому,
былъ таинственно вызванъ, чрезъ одного монаха, прибыв-
имъ изъ города Ракитинымъ со страннымъ письмомъ къ Алешѣ
госпожи Хохлаковой. Та сообщала Алешѣ одно любопыт-
, чрезвычайно кстати пришедшее извѣстіе. Дѣло состояло
томъ, что вчера между вѣрующими простонародными жен
ами, приходившими поклониться старцу и благословиться
его, была одна городская старушка, Прохоровна, унтеръ
церская вдова. Спрашивала она старца: можно-ли ей помя
ть сыночка своего Васеньку, заѣхавшаго по службѣ далеко
Сибирь, въ Иркутскъ, и отъ котораго она уже годъ не по
ала никакого извѣстія, вмѣсто покойника, въ церкви за упо
? На что старецъ отвѣтилъ ей со строгостію, запретивъ и
авъ такого рода поминаніе подобнымъ колдовству. Но [illegible]
стивъ ей по невѣдѣнію, прибавилъ, «какъ-бы [illegible]
му будущаго» (выражалась госпожа Хохлакова [illegible]
нъ) и утѣшеніе: «что сынъ ея Вася жив[illegible]
или самъ пріѣдетъ къ ней въ скорости, или [illegible]

и чтобъ она шла въ свой домъ и ждала сего. И что-же? пр
ляла въ восторгѣ госпожа Хохлакова: — «пророчество сов
лось даже буквально, и даже болѣе того». Едва лишь стар
вернулась домой, какъ ей тотчасъ-же передали уже ож
шее ее письмо изъ Сибири. Но этого еще мало: въ пи
этомъ, писанномъ съ дороги, изъ Екатеринбурга, Вася
домлялъ свою мать, что ѣдетъ самъ въ Россію, возвраща
съ однимъ чиновникомъ, и что недѣли черезъ три по п
ченіи письма сего «онъ надѣется обнять свою мать». Гос
Хохлакова настоятельно и горячо умоляла Алешу немед
передать это свершившееся вновь «чудо предсказанія»
мену и всей братіи: «Это должно быть всѣмъ, всѣмъ в
стно!» восклицала она, заключая письмо свое. Письмо ея
написано на-скоро, поспѣшно, волненіе писавшей отзывало
каждой строчкѣ его. Но Алешѣ уже и нечего было сооб
братіи, ибо всѣ уже все знали: Ракитинъ, послав за
монаха, поручилъ тому, кромѣ того «почтительнѣйше до
и его высокопреподобію отцу Паисію, что имѣетъ до него
Ракитинъ, нѣкое дѣло, по такой важности, что и минуты
смѣетъ отложить для сообщенія ему, за дерзость-же свою
проситъ простить его». Такъ какъ отцу Паисію монашек
общилъ просьбу Ракитина раньше, чѣмъ Алешѣ, то Ал
придя на мѣсто, оставалось лишь, прочтя письмецо, сооб
его тотчасъ-же отцу Паисію въ видѣ лишь документа. П
даже этотъ суровый и недовѣрчивый человѣкъ, прочтя,
мурившись, извѣстіе о «чудѣ», не могъ удержать вполнѣ
котораго внутренняго чувства своего. Глаза его сверк
уста важно и проникновенно вдругъ улыбнулись.

— То-ли узримъ? какъ-бы вырвалось у него вдругъ.

— То-ли еще узримъ, то-ли еще узримъ! повторили
гомъ монахи, но отецъ Паисій, снова нахмурившись, по
силъ всѣхъ хотя-бы до времени вслухъ о семъ не сооб
никому, «пока еще болѣе подтвердится, ибо много въ
скихъ легкомыслія, да и случай сей могъ произойдти
ственно», прибавилъ онъ осторожно, какъ-бы для очистк
вѣсти, но почти самъ не вѣруя своей оговоркѣ, что о
хорошо усмотрѣли и слушавшіе. Въ тотъ-же часъ, кон
«чудо» стало извѣстно всему монастырю и многимъ даже
шедшимъ въ монастырь къ литургіи свѣтскимъ. Всѣхъ-ж
лѣе, казалось, былъ пораженъ совершившимся чудомъ вче
ній захожій въ обитель монашекъ «отъ Святаго Сильвес

одной малой обители Обдорской на дальнемъ сѣверѣ. Онъ лонился вчера старцу, стоя около г-жи Хохлаковой и, указая ему на «исцѣлѣвшую» дочь этой дамы, проникновенно осилъ его: «Какъ дерзаете вы дѣлать такія дѣла?»

Дѣло въ томъ, что теперь онъ былъ уже въ нѣкоторомъ оумѣніи и почти не зналъ чему вѣрить. Еще вчера въ вечеру. сѣтилъ онъ монастырскаго отца Ѳерапонта въ особой кел за пасѣкой и былъ пораженъ этою встрѣчей, которая пр вела на него чрезвычайное и ужасающее впечатлѣніе. цъ этотъ, отецъ Ѳерапонтъ, былъ тотъ самый престар нахъ, великій постникъ и молчальникъ, о которомъ мы упоминали, какъ о противникѣ старца Зосимы, и главно арчества, которое и считалъ онъ вреднымъ и легкомысленн овществомъ. Противникъ этотъ былъ чрезвычайно опасный, отря на то, что онъ, какъ молчальникъ, почти и не говорилъ съ кѣмъ ни слова. Опасенъ-же онъ главное былъ тѣмъ, что ожество братіи вполнѣ сочувствовало ему, а изъ приходя ихъ мирскихъ очень многіе чтили его, какъ великаго праведка и подвижника, не смотря на то, что видѣли въ немъ неимѣнно юродиваго. Но юродство-то и плѣняло. Къ старцу Зомѣ этотъ отецъ Ѳерепонтъ никогда не ходилъ. Хотя онъ и оживалъ въ скиту, но его не очень-то безпокоили скитскими авилами, потому опять таки, что держалъ онъ себя прямо одивымъ. Было ему лѣтъ семьдесятъ пять, если не болѣе, а оживалъ онъ за скитскою пасѣкой, въ углу стѣны, въ ста, почти развалившейся деревянной кельѣ, поставленной тутъ е въ древнѣйшія времена, еще въ прошломъ столѣтіи, для ого тоже величайшаго постника и молчальника, отца Іоны, ожившаго до ста пяти лѣтъ, и о подвигахъ котораго даже до ъ поръ ходили въ монастырѣ и въ окрестностяхъ его мно любопытнѣйшіе разсказы. Отецъ Ѳерапонтъ добился того, и его, наконецъ, поселили, лѣтъ семь тому назадъ, въ этой ой уединенной келійкѣ, то есть просто въ избѣ, но кото весьма похожа была на часовню, ибо заключала въ себѣ звычайно много жертвованныхъ образовъ съ теплившимися овѣчно передъ ними жертвованными лампадками, какъ-бы пѣть за которыми и возжигать ихъ и приставленъ былъ рапонтъ. Ѣлъ онъ, какъ говорили (да оно и правда его лишь по два фунта хлѣба въ три дня, не бо илъ ему ихъ каждые три дня, жившій тутъ-же чникъ, но даже и съ этимъ прислуживавшимъ

ему пасѣчникомъ, отецъ Ѳерапонтъ тоже рѣдко когда
вилъ слово. Эти четыре фунта хлѣба, вмѣстѣ съ воскр
просвиркой, послѣ поздней обѣдни, аккуратно присы
блаженному игуменомъ, и составляли все его недѣльно
питаніе. Воду-же въ кружкѣ перемѣняли ему на каждый
У обѣдни онъ рѣдко появлялся. Приходившіе поклонни
дѣли, какъ онъ простаивалъ иногда весь день на м
не вставая съ колѣнъ и не озираясь. Если-же и вс
когда съ ними въ бесѣду, то былъ кратокъ, отрывистъ,
ненъ и всегда почти грубъ. Бывали однако очень рѣдкі
чаи, что и онъ разговорится съ прибывшими, но бо
частію произносилъ одно лишь какое нибудь странное
задававшее всегда посѣтителю большую загадку, и
уже, не смотря ни на какія просьбы, не произносилъ
въ объясненіе. Чина священническаго не имѣлъ, был
стой лишь монахъ. Ходилъ очень странный слухъ, мея
мыми, впрочемъ, темными людьми, что отецъ Ѳерапонт
етъ сообщеніе съ небесными духами и съ ними толь
детъ бесѣду, вотъ почему съ людьми и молчитъ. Об
монашекъ, пробравшись на пасѣку по указанію пас
тоже весьма молчаливаго и угрюмаго монаха, пошелъ
локъ, гдѣ стояла келійка отца Ѳерапонта. «Можетъ
воритъ, какъ съ пришельцемъ, а, можетъ, и ничего
го не добьешься», предупредилъ его пасѣчникъ. Под
монашекъ, какъ и самъ передавалъ онъ потомъ, ст
чайшимъ страхомъ. Часъ былъ уже довольно поздній.
Ѳерапонтъ сидѣлъ въ этотъ разъ у дверей келійки,
зенькой скамеечкѣ. Надъ нимъ слегка шумѣлъ огромный
вязъ. Набѣгалъ вечерній холодокъ. Обдорскій монашекъ и
ницъ передъ блаженнымъ и попросилъ благословенія.

— Хочешь, чтобъ и я передъ тобой, монахъ, ницъ
проговорилъ отецъ Ѳерапонтъ.—Возстани!

Монашекъ всталъ:

— Благословляя да благословишися, садись подлѣ. О
занесло?

Что всего болѣе поразило бѣднаго монашка, такъ э
отецъ Ѳерапонтъ, при несомнѣнномъ, великомъ постничес
и будучи въ столь преклонныхъ лѣтахъ, былъ еще
старикъ сильный, высокій, держащій себя прямо, несогбе
лицомъ свѣжимъ, хоть и худымъ, но здоровымъ. Несомнѣн
сохранилась въ немъ еще и значительная сила. Сложенія-

етическаго. Не смотря на столь великія лѣта его, был
же и не вполнѣ сѣдъ, съ весьма еще густыми, прежде сов
ными волосами на головѣ и бородѣ. Глаза его были сѣры
льшіе, свѣтящіеся, но чрезвычайно вылупившіеся, что даже по-
кало. Говорилъ съ сильнымъ удареніемъ на *о*. Одѣтъ-же былъ
рыжеватый длинный армякъ, грубаго арестантскаго, по прежн
му именованію, сукна и подпоясанъ толстою веревкой.
дь обнажены. Толстѣйшаго холста, почти совсѣмъ почерн
аха, по мѣсяцамъ не снимавшаяся, выглядывала изъ
а. Говорили, что носитъ онъ на себѣ, подъ армякомъ
ифунтовыя вериги. Обутъ-же былъ въ старые, почти раз
ся башмаки на босу ногу.

— Изъ малой Обдорской обители, отъ Святаго Селив
ренно отвѣтилъ захожій монашекъ, быстрыми, любопыт
ими глазками, хотя нѣсколько и испуганными, наблюдая
льника.

— Бывалъ у твоего Селивестра. Живалъ. Здоровъ-ли Сели-
тръ-отъ?

Монашекъ замялся.

— Безтолковые вы человѣки! Како соблюдаете постъ?

— Трапезникъ нашъ, по древлему скитскому, тако устроенъ:
четыредесятницѣ въ понедѣльникъ, въ среду и пятокъ, тра-
ы не поставляютъ. Во вторникъ и четвертокъ, на братію
бы бѣлые, взваръ съ медомъ, ягода морошка или капуста
ная, да толокно мѣшано. Въ субботу шти бѣлыя, лапша
ховая, каша соковая, все съ масломъ. Въ недѣлю ко штямъ
ая рыба да каша. Въ Страстную-же седмицу отъ понедѣль-
а, даже до субботняго вечера, дней шесть, хлѣбъ съ водою,
но ясти и зеліе не варено, и се съ воздержаніемъ; аще есть
кто и не на всякъ день пріимати, но яко-же речено быть
первой седьмицѣ. Во святый-же Великій Пятокъ, ничесо-же
и, такожде и Великую Субботу поститися намъ до третіяго
а и тогда вкусити мало хлѣба съ водой и по единой чашѣ
а испити. Во Святый-же Великій Четвертокъ ядимъ веренія
ъ масла, піемъ-же вино и ино сухояденіемъ. Ибо иже въ
дикіи соборъ о Велицѣмъ Четверткѣ тако глаголетъ: «Яко
стоитъ въ Четыредесятницу послѣдней недѣли четвертокъ
пити и всю Четыредесятницу безчестити». Вотъ какъ у
Но что сіе сравнительно съ вами, великій отче, ободрив-
рабавилъ монашекъ, — ибо и круглый годъ, даже и во
Пасху, лишь хлѣбомъ съ водою питаетесь, и что у насъ

хлѣба на два дня, то у васъ на всю седмицу идетъ. Во и
дивно таковое великое воздержаніе ваше.

— А грузди? спросилъ вдругъ отецъ Ѳерапонтъ, прои
букву г придыхательно, почти какъ херъ.

— Грузди? переспросилъ удивленный монашекъ.

— То-то. Я-то отъ ихъ хлѣба уйду, не нуждаясь въ
вовсе, хотя-бы и въ лѣсъ, и тамъ груздемъ проживу, или
дой, а они здѣсь не уйдутъ отъ своего хлѣба, стало быть,
связаны. Нынѣ поганцы рекутъ, что поститься столь не
Надменное и поганое сіе есть разсужденіе ихъ.

— Охъ, правда, вздохнулъ монашекъ.

— А чертей у тѣхъ видѣлъ? спросилъ отецъ Ѳеропон

— У кого-же у тѣхъ? робко осѣдомился монашекъ.

— Я къ игумену прошлаго года во святую Пятидеся
восходилъ, а съ тѣхъ поръ и не былъ. Видѣлъ, у котора
персяхъ сидитъ, подъ рясу прячется, токмо рожки выгля
ютъ; у котораго изъ кармана высматриваетъ, глаза бы
меня-то боится; у котораго во чревѣ поселился, въ самом
чистомъ брюхѣ его, а у нѣкоего такъ на шеѣ виситъ, уцѣ
такъ и носитъ, а его не видитъ.

— Вы... видите? освѣдомился монашекъ.

— Говорю вижу, наскрось вижу. Какъ сталъ отъ иг
выходить, смотрю — одинъ за дверь отъ меня прячется,
терой такой, аршина въ полтора али больше росту, хвос
же толстый, бурый, длинный, да концомъ хвоста въ щель
ную и попади, а я не будь глупъ, дверь-то вдругъ и при
нулъ, да хвостъ-то ему и защемилъ. Какъ завизжитъ, и
биться, а я его крестнымъ знаменіемъ, да трижды,— и з
тилъ. Тутъ и подохъ какъ паукъ давленый. Теперь
быть, погнилъ въ углу-то, смердитъ, а они-то не ви
не чухаютъ. Годъ не хожу. Тебѣ лишь, какъ иностранцу
крываю.

— Страшныя словеса ваши! А что, великій и блаж
отче, осмѣливался все больше и больше монашекъ, — п
ли, про васъ великая слава идетъ; даже до отдаленны
мель, будто со Святымъ Духомъ безпрерывное общеніе и

— Слетаетъ. Бываетъ.

— Какъ-же слетаетъ? Въ какомъ-же видѣ?

— Птицею.

— Святой Духъ въ видѣ голубинѣ?

— То святый Духъ, а то Святодухъ. Святодухъ иное,

ь и другою птицею снизойдти: ино ласточкой, ино щегломъ, и синицею.
Какъ-же вы узнаете его отъ синицы-то?
Говоритъ.
Какъ-же говоритъ, какимъ языкомъ?
Человѣчьимъ.
А что-же онъ вамъ говоритъ?
Вотъ сегодня возвѣстилъ, что дуракъ посѣтитъ и с
ь будетъ негожее. Много, инокъ, знать хочеши.
Ужасны словеса ваши, блаженнѣйшій и святѣйшій
головою монашекъ. Въ пугливыхъ глазкахъ его
, впрочемъ, и недовѣрчивость.
А видишь-ли древо сіе? спросилъ, помолчавъ, отецъ
ъ.
Вижу, блаженнѣйшій отче.
По твоему вязъ, а по моему иная картина.
Какая-же? помолчалъ въ тщетномъ ожиданіи монашекъ.
Бываетъ въ нощи. Видишь сіи два сука? Въ нощи-же и
истосъ руцѣ ко мнѣ простираетъ и руками тѣми ищетъ
явно вижу и трепещу. Страшно, о, страшно!
Что-же страшнаго, коли самъ-бы Христосъ?
А захватитъ и вознесетъ.
Живаго-то?
А въ духѣ и славѣ Иліи, не слыхалъ, что-ли? Обыметъ
етъ...
тя обдорскій монашекъ послѣ сего разговора воротился въ
ную ему келійку, у одного изъ братій, даже въ довольно
мъ недоумѣніи, но сердце его несомнѣнно все-же лежало
е къ отцу Ѳерапонту, чѣмъ къ отцу Зосимѣ. Монашекъ
кій былъ прежде всего за постъ, а такому великому пост-
какъ отецъ Ѳерапонтъ, не дивно было и «чудная видѣти».
его, конечно, были какъ-бы и нелѣпыя, но вѣдь Господь
, что въ нихъ заключалось-то въ этихъ словахъ, а у
Христа ради юродивыхъ и не такіе еще бываютъ слова
гупки. Защемленному-же чортову хвосту онъ не только въ
вательномъ, но и въ прямомъ смыслѣ душевно и съ удо-
віемъ готовъ былъ повѣрить. Кромѣ сего, онъ и прежде,
прихода въ монастырь, былъ въ большомъ предубѣж-
противъ старчества, которое зналъ доселѣ лишь по раз-
ъ и принималъ его вслѣдъ за многими другими рѣши-
вредное новшество. Ободнявъ уже въ монастырѣ,

успѣлъ отмѣтить и тайный ропотъ нѣкоторыхъ легкомы
ныхъ и несогласныхъ на старчество братій. Былъ онъ къ
же по натурѣ своей инокъ шныряющій и проворный, съ
великимъ ко всему любопытствомъ. Вотъ почему велико
вѣстіе о новомъ «чудѣ», совершенномъ старцемъ Зосимо
вергло его въ чрезвычайное недоумѣніе. Алеша припомни
томъ, какъ въ числѣ тѣснившихся къ старцу и около кел
иноковъ мелькала много разъ предъ нимъ шныряющая
по всѣмъ кучкамъ фигурка любопытнаго обдорскаго гост
всему прислушивающагося и всѣхъ вопрошающаго. Но
онъ мало обратилъ вниманія на него и только потомъ все
помнилъ... Да и не до того ему было: старецъ Зосима, п
ствовавшій вновь усталость и улегшійся опять въ по
вдругъ, заводя уже очи, вспомнилъ о немъ и потребовал
къ себѣ. Алеша немедленно прибѣжалъ. Около старца на
лись тогда всего лишь отецъ Паисій, отецъ іеромонахъ Іо
да Порфирій послушникъ. Старецъ, раскрывъ утомленны
и пристально глянувъ на Алешу, вдругъ спросилъ его:

— Ждутъ-ли тебя твои, сынокъ?

Алеша замялся.

— Не имѣютъ-ли нужды въ тебѣ? Обѣщалъ-ли кому на сегодня быти?

— Обѣщался... отцу... братьямъ... другимъ тоже...

— Видишь. Непремѣнно иди. Не печалься. Знай, что не безъ того, чтобы не сказать при тебѣ послѣднее мое на слово. Тебѣ скажу это слово, сынокъ, тебѣ и завѣщаю его. сынокъ милый, ибо любишь меня. А теперь пока иди къ кому обѣщалъ.

Алеша немедленно покорился, хотя и тяжело ему был дить. Но обѣщаніе слышать послѣднее слово его на землѣ и, ное, какъ-бы ему, Алешѣ, завѣщанное, потрясло его душу в гомъ. Онъ заспѣшилъ, чтобъ, окончивъ все въ городѣ, пос воротиться. Какъ разъ и отецъ Паисій молвилъ ему напут ное слово, произведшее на него весьма сильное и неожид впечатлѣніе. Это когда уже они оба вышли изъ кельи ст

— Помни, юный, неустанно (такъ прямо и безо всякаг дисловія началъ отецъ Паисій), что мірская наука, соединив въ великую силу, разобрала, въ послѣдній вѣкъ особени что завѣщано въ книгахъ святыхъ намъ небеснаго и посл стокаго анализа у ученыхъ міра сего не осталось изо всей ней святыни рѣшительно ничего. Но разбирали они по чи

цѣлое просмотрѣли, и даже удивленія достойно до какой сл
ты. Тогда какъ цѣлое стоитъ предъ ихъ-же глазами незыб
мо какъ и прежде, и врата адовы не одолѣваютъ его. Развѣ не
ло оно девятнадцать вѣковъ, развѣ не живетъ и теперь въ
иженіяхъ единичныхъ душъ и въ движеніяхъ народныхъ массъ?
же въ движеніяхъ душъ тѣхъ-же самыхъ, все разрушившихъ
еистовъ живетъ оно какъ прежде незыблемо! Ибо и отрекшіе
ъ христіанства и бунтующіе противъ него, въ существѣ
ми того-же самаго Христова облика суть, таковыми-ж
ись, ибо до сихъ поръ ни мудрость ихъ, ни жаръ с
е въ силахъ были создать иного высшаго образа чел
остоинству его, какъ образъ, указанный древле Христ
то было попытокъ, то выходили одни лишь уродливости.
Помни сіе особенно, юный, ибо въ міръ назначаешься отх
нимъ старцемъ твоимъ. Можетъ, вспоминая сей день великій, не
забудешь и словъ моихъ, ради сердечнаго тебѣ напутствія дан
ныхъ, ибо младъ еси, а соблазны въ мірѣ тяжелые и не твоимъ
силамъ вынести ихъ. Ну, теперь ступай, сирота.

Съ этимъ словомъ отецъ Паисій благословилъ его. Выходя
изъ монастыря и обдумывая всѣ эти внезапныя слова, Алеша
вдругъ понялъ, что въ этомъ строгомъ и суровомъ доселѣ къ
нему монахѣ онъ встрѣчаетъ теперь новаго неожиданнаго друга
и горячо любящаго его новаго руководителя, — точно какъ-бы
старецъ Зосима завѣщалъ ему его, умирая. «А, можетъ быть,
такъ оно и впрямь между ними произошло», подумалъ вдругъ
Алеша. Неожиданное-же и ученое разсужденіе его, которое онъ
сейчасъ выслушалъ, именно это, а не другое какое-нибудь, сви
тельствовало лишь о горячности сердца отца Паисія: онъ уже
рѣшилъ какъ можно скорѣе вооружить юный умъ для борьбы
съ соблазнами и огородить юную душу, ему завѣщанную, огра
дой, какой крѣпче и самъ не могъ представить себѣ.

II.

У отца.

Прежде всего Алеша пошелъ къ отцу. Подходя, онъ вспо
нилъ, отецъ очень настаивалъ наканунѣ, чтобъ онъ какъ
можно чъ потихоньку отъ брата Ивана. «Почему-жь? поду
малъ онъ теперь Алешѣ. Если отецъ хочетъ что нибудь мнѣ

, потихоньку, то зачѣмъ-же мнѣ входить и
онъ вчера въ волненіи хотѣлъ что-то др
», да не успѣлъ», рѣшилъ онъ. Тѣмъ не менѣе очень б
огда отворившая ему калитку Марѳа Игнатьевна (Григо
лось, расхворался и лежалъ во флигелѣ) сообщила ему
его вопросъ, что Иванъ Ѳедоровичъ уже два часа какъ вышелъ
— А батюшка?
— Всталъ, кофе кушаетъ, какъ-то сухо отвѣтила Ма
Игнатьевна.
Алеша вошелъ. Старикъ сидѣлъ одинъ за столомъ, въ
флахъ и въ старомъ пальтишкѣ, и просматривалъ для развле
нія, безъ большаго однако вниманія, какіе-то счеты. Онъ бы
совсѣмъ одинъ во всемъ домѣ (Смердяковъ тоже ушелъ за про
зей къ обѣду). Но не счеты его занимали. Хоть онъ и всталъ
утру рано съ постели и бодрился, а видъ всетаки имѣлъ уста
и слабый. Лобъ его, на которомъ за ночь разрослись огром
багровые подтеки, обвязанъ былъ краснымъ платкомъ. Н
тоже за ночь сильно припухъ и на немъ тоже образовалось
сколько хоть и незначительныхъ подтековъ пятнами, но рѣ
тельно придавшихъ всему лицу какой-то особенно злобны
раздраженный видъ. Старикъ зналъ про это самъ и недру
любно поглядѣлъ на входившаго Алешу.
— Кофе холодный, крикнулъ онъ рѣзко, — не подчую.
братъ, самъ сегодня на одной постной ухѣ сижу и никого
приглашаю. Зачѣмъ пожаловалъ?
— Узнать о вашемъ здоровьѣ, проговорилъ Алеша.
— Да. И кромѣ того, я тебѣ вчера самъ велѣлъ при
Вадоръ все это. Напрасно изволилъ потревожиться. Я та
впрочемъ, и зналъ, что ты тотчасъ притащишься...
Онъ проговорилъ это съ самымъ непріязненнымъ чувство
Тѣмъ временемъ всталъ съ мѣста и озабоченно посмотрѣлъ
зеркало (можетъ быть, въ сороковой разъ съ утра) на свой но
Началъ тоже прилаживать по красивѣе на лбу свой крас
платокъ.
— Красный-то лучше, а въ бѣломъ на больницу похо
сентенціозно замѣтилъ онъ. — Ну, что тамъ у тебя? Что т
старецъ?
— Ему очень худо, онъ, можетъ быть, сегодня умретъ, от
тилъ Алеша, но отецъ даже и не разслышалъ, да и вопросъ
съ забылъ.
— Иванъ ушелъ, сказалъ онъ вдругъ.—Онъ у Мит

ьхъ силъ невѣсту его отбиваетъ, для того здѣсь и живе,
ибавилъ онъ злобно и, скрививъ ротъ, посмотрѣлъ на Алеш
— Неужто-жь онъ вамъ самъ такъ сказалъ? спросилъ Алеша.
— Да и давно еще сказалъ. Какъ ты думаешь: недѣли съ
и, какъ сказалъ. Не зарѣзать-же меня тайкомъ и онъ пріѣхалъ
да? Для чего-нибудь да пріѣхалъ-же?
— Что вы! Чего вы это такъ говорите? смутился ужасно
еша.
— Денегъ онъ не проситъ, правда. а все-же отъ меня
ша не получитъ. Я, милѣйшій Алексѣй Ѳедорови
жно дольше на свѣтѣ намѣренъ прожить, было-бы
звѣстно, а потому мнѣ каждая копѣйка нужна, и чѣмъ
ду жить, тѣмъ она будетъ нужнѣе, продолжалъ онъ, поха
по комнатѣ изъ угла въ уголъ, держа руки по карманамъ
ирокаго, засаленнаго, изъ желтой лѣтней коломянки, пальто.
ерь я пока всетаки мужчина, пятьдесятъ пять всего, но я хочу
еще лѣтъ двадцать на линіи мужчины состоять, такъ вѣдь соста-
вѣюсь — поганъ стану, не пойдутъ онѣ ко мнѣ тогда доброю
олей, ну вотъ тутъ-то денежки мнѣ и понадобятся. Такъ вотъ я
перь и подкапливаю все побольше, да побольше, для одного
бя-съ, милый сынъ мой Алексѣй Ѳедоровичъ, было-бы вамъ
звѣстно, потому что я въ скверно моей до конца хочу прожить,
ыло-бы вамъ это извѣстно. Въ скверно-то слаще: всѣ ее ругаютъ,
всѣ въ ней живутъ, только всѣ тайкомъ, а я открыто. Вотъ за
ростодушіе-то это мое на меня всѣ сквернавцы и накинулись.
въ рай твой, Алексѣй Ѳедоровичъ, я не хочу, это было-бы тебѣ
звѣстно, да порядочному человѣку оно даже въ рай-то твой и
прилично, если даже тамъ и есть онъ. По моему, заснулъ и не
роснулся, и нѣтъ ничего, поминайте меня коли хотите, а не
тите, такъ и чортъ васъ дери. Вотъ моя философія. Вчера
анъ здѣсь хорошо говорилъ, хотя и были мы всѣ пьяны.
анъ хвастунъ, да и никакой у него такой учености нѣтъ... да и
бщаго образованія даже нѣтъ никакого, молчитъ, да усмѣ-
ется на тебя молча,—вотъ на чемъ только и выѣзжаетъ.
Алеша его слушалъ и молчалъ.
— Зачѣмъ онъ не говоритъ со мной? А и говоритъ такъ
ается; подлецъ твой Иванъ! А на Грушкѣ сейчасъ женюсь,
захочу. Потому что съ деньгами стоитъ только захотѣть-
ексѣй Ѳедоровичъ, все и будетъ. Вотъ Иванъ-то этого
и боится и сторожитъ меня, чтобъ я не женился, а для
алкиваетъ Митьку, чтобы тотъ на Грушкѣ женился: та-

кимъ образомъ хочетъ и меня отъ Грушки уберечь (буд
ему денегъ оставлю, если на Грушкѣ не женюсь!), а съ
стороны, если Митька на Грушкѣ женится, такъ Иванъ
вѣсту богатую себѣ возьметъ, вотъ у него разсчетъ
Подлецъ твой Иванъ!

— Какъ вы раздражительны. Это вы со вчерашняго;
бы вы да легли, сказалъ Алеша.

— Вотъ ты говоришь это, вдругъ замѣтилъ старик
это ему въ первый разъ только въ голову вошло,—го
а я на тебя не сержусь, а на Ивана, если-бъ онъ
самое сказалъ, я-бы разсердился. Съ тобой только
бывали у меня добренькія минутки, а то я вѣдь з
ловѣкъ.

— Не злой вы человѣкъ, а исковерканный, улыбнулся

— Слушай, я разбойника Митьку хотѣлъ сегодня б
садить, да и теперь еще не знаю какъ рѣшу. Конечно,
перешнее модное время принято отцовъ да матерей за
судокъ считать, но вѣдь по законамъ-то, кажется, и в
время не позволено стариковъ отцовъ за волосы таскат
рожѣ каблуками на полу бить, въ ихъ собственномъ
похваляться придти и совсѣмъ убить—все при свидѣте
Я-бы, если-бы захотѣлъ, скрючилъ его и могъ-бы за
нее сейчасъ засадить.

— Такъ вы не хотите жаловаться, нѣтъ?

— Иванъ отговорилъ. Я-бы наплевалъ на Ивана, д
одну штуку знаю...

И, нагнувшись къ Алешѣ, онъ продолжалъ конфид
нымъ полушепотомъ.

— Засади я его, подлеца, она услышитъ, что я е
дилъ и тотчасъ къ нему побѣжитъ. А услышитъ, если
что тотъ меня до полусмерти, слабаго старика, избилъ
пожалуй, броситъ его, да ко мнѣ придетъ навѣстить.
вѣдь мы какими характерами одарены—только чтобы
тивъ дѣлать. Я ее насквозь знаю! А что, коньячку не в
Возьми-ка кофейку холодненькаго, да я тебѣ и прилью
рюмочки, хорошо это, братъ, для вкуса.

— Нѣтъ, не надо, благодарю. Вотъ этотъ хлѣбецъ
съ собой, коли дадите, сказалъ Алеша, и, взявъ трехко
французскую булку, положилъ ее въ карманъ подряс
коньяку и вамъ-бы не пить, опасливо посовѣтовалъ он
дываясь въ лицо старика.

— Правда твоя, раздражаетъ, а спокою не даетъ. А вѣ
ько одну рюмочку... Я вѣдь изъ шкапика...
Онъ отворилъ ключемъ «шкапикъ», налилъ рюмочку, вы-
ъ, потомъ шкапикъ заперъ и ключъ опять въ карманъ по-
килъ.
— И довольно, съ рюмки не околѣю.
— Вотъ вы теперь и добрѣе стали, улыбнулся Алеша.
— Гм! Я тебя и безъ коньяку люблю, а съ подлецами и
лецъ. Ванька не ѣдетъ въ Чермашню —почему? Шпіонитъ
о: много-ль я Грушенькѣ дамъ, коли она придетъ. В
ы! Да я Ивана не признаю совсѣмъ, не знаю я его с
куда такой появился! Не наша совсѣмъ душа. И точн
оставлю? Да я и завѣщанія-то не оставлю, было-бы
мъ извѣстно. А Митьку я раздавлю какъ таракана. Я чи
ихъ таракановъ ночью туфлей давлю: такъ и щелкнетъ ка
ступишь. Щелкнетъ и Митька твой. *Твой* Митька, потому ч
и его любишь. Вотъ ты его любишь, а я не боюсь, что ты
любишь. А кабы Иванъ его любилъ, я-бы за себя боялся
го, что онъ его любитъ. Но Иванъ никого не любитъ, Иванъ
нашъ человѣкъ, эти люди, какъ Иванъ, это, братъ, не наши
ди, это пыль поднявшаяся... Подуетъ вѣтеръ и пыль прой-
ъ... Вчера было глупость мнѣ въ голову пришла, когда я
ѣ на сегодня велѣлъ приходить; хотѣлъ было я черезъ тебя
лать на счетъ Митьки-то, если-бъ ему тысячку, ну другую,
ы теперь отсчиталъ, согласился-ли-бы онъ, нищій и мерза-
ъ, отселева убраться совсѣмъ, лѣтъ на пять, а лучше на
адцать пять, да безъ Грушки, и уже отъ нея совсѣмъ отка-
ься, а?
— Я... я спрошу его... пробормоталъ Алеша.—Если всѣ три
ячи, такъ, можетъ быть, онъ...
— Врешь! Не надо теперь спрашивать, ничего не надо! Я
ередумалъ. Это вчера глупость въ башку мнѣ сглупу влѣзла.
чего не дамъ, ничевошеньки, мнѣ денежки мои нужны са-
му, замахалъ рукою старикъ. - Я его и безъ того, какъ тара-
а придавлю. Ничего не говори ему, а то еще будетъ надѣяться.
и тебѣ совсѣмъ нечего у меня дѣлать, ступай-ка. Невѣста-
ата, Катерина-то Ивановна, которую онъ такъ тщательно отъ
се время пряталъ, за него идетъ али нѣтъ? Ты вчера хо-
лъ ней, кажется?
Она его ни за что не хочетъ оставить.
Вотъ такихъ-то эти нѣжныя барышни и любятъ, кутилъ

да подлецовъ! Дрянь, я тебѣ скажу, эти барышни блѣдныя; то-
дѣло... Ну! кабы мнѣ его молодость, да тогдашнее мое лицо (
тому что я лучше его былъ собой въ двадцать восемь-то лѣт
такъ я-бы точно также какъ и онъ побѣждалъ. Каналья онъ!
Грушеньку всетаки не получитъ-съ, не получитъ-съ... Въ гря
обращу!

Онъ снова разсвирѣпѣлъ съ послѣднихъ словъ.

— Ступай и ты, нечего тебѣ у меня дѣлать сегодня, рѣ
отрѣзалъ онъ.

Алеша подошелъ проститься и поцѣловалъ его въ плечо.

— Ты чего это? удивился немного старикъ.—Еще увидим
вѣдь. Аль думаешь не увидимся?

— Совсѣмъ нѣтъ, я только такъ, нечаянно.

— Да ничего и я, и я только такъ... глядѣлъ на него с
рикъ.—Слышь ты, слышь, крикнулъ онъ ему вслѣдъ,—прих
когда-нибудь поскорѣй, и на уху, уху сварю, особенную, не
годняшнюю, непремѣнно приходи! Да завтра, слышишь, зав
приходи!

И только что Алеша вышелъ за дверь, подошелъ опять
шкапику и хлопнулъ еще полрюмочки.

— Больше не буду! пробормоталъ онъ, крякнувъ, опять
перъ шкапикъ, опять положилъ ключъ въ карманъ, затѣмъ
шелъ въ спальню, въ безсиліи прилегъ на постель и въ од
мигъ заснулъ.

III.

Связался со школьниками.

«Слава Богу, что онъ меня про Грушеньку не спросилъ»,
думалъ въ свою очередь Алеша, выходя отъ отца и направля
въ домъ г-жи Хохлаковой, «а то-бы пришлось, пожалуй, про
рашнюю встрѣчу съ Грушенькой разсказать». Алеша больно
чувствовалъ, что за ночь бойцы собрались съ новыми силам
сердца ихъ съ наступившимъ днемъ опять окаменѣли: «От
раздраженъ и золъ, онъ выдумалъ что-то и сталъ на томъ; а
Дмитрій? Тотъ тоже за ночь укрѣпился, тоже, надо быть, раз
женъ и золъ, и тоже что-нибудь, конечно, надумалъ... О, на
мѣнно надо сегодня его успѣть розыскать во что-бы ни с
Но Алешѣ не удалось долго думать: съ нимъ вдругъ слу

орогой одно происшествіе, на видъ хоть и не очень важно
мльно его поразившее. Какъ только онъ прошелъ площад
вернулъ въ переулокъ, чтобы выйдти въ Михайловскую ули
араллельную Большой, но отдѣлявшуюся отъ нея лишь канав
весь городъ нашъ пронизанъ канавками), онъ увидѣлъ вп
редъ мостикомъ маленькую кучку школьниковъ, все ма
ихъ дѣтокъ, отъ девяти до двѣнадцати лѣтъ не больш
асходились по домамъ изъ класса со своими ранчика
ами, другіе съ кожаными мѣшечками на ремняхъ чере
дни просто въ курточкахъ, другіе въ пальтишкахъ, а
ысокихъ сапогахъ со складками на голенищахъ, въ ка
бенно любятъ щеголять маленькія дѣтки, которыхъ бал
ѣточные отцы. Вся группа оживленно о чемъ-то толков
видимому, совѣщалась. Алеша никогда не могъ безучастно
ить мимо ребятокъ, въ Москвѣ тоже это бывало съ нимъ, л
онъ больше всего любилъ трехлѣтнихъ дѣтей или около того,
школьники лѣтъ десяти, одиннадцати ему очень нравились. А
потому какъ ни озабоченъ онъ былъ теперь, но ему вдругъ захо
тѣлось свернуть къ нимъ и вступить въ разговоръ. Подходя, онъ
вглядывался въ ихъ румяныя, оживленныя личики и вдругъ увид
далъ, что у всѣхъ мальчиковъ было въ рукахъ по камню, у дру
гихъ такъ по два. За канавкой же, примѣрно въ шагахъ тридцати
отъ группы, стоялъ у забора и еще мальчикъ, тоже школьникъ
тоже съ мѣшечкомъ на боку, по росту лѣтъ десяти не больше или
даже меньше того,— блѣдненькій, болѣзненный и со сверкавшими
черными глазками. Онъ внимательно и пытливо наблюдалъ группу
шести школьниковъ, очевидно, его-же товарищей, съ нимъ-же вы
шедшихъ сейчасъ изъ школы, но съ которыми онъ видимо былъ
во враждѣ. Алеша подошелъ и, обратясь къ одному курчавому
бѣлокурому, румяному мальчику въ черной курточкѣ, замѣтилъ
глядѣвъ его:

— Когда я носилъ вотъ такой какъ у васъ мѣшочекъ, такъ
у насъ носили на лѣвомъ боку, чтобы правою рукой тотчас
достать; а у васъ вашъ мѣшокъ на правомъ боку, вамъ неловко
доставать.

Алеша безо всякой предумышленной хитрости началъ прямо
съ этого дѣловаго замѣчанія а между тѣмъ взрослому и нельзя
ть иначе, если надо войдти прямо въ довѣренность ребенка
нно цѣлой группы дѣтей. Надо именно начинать серьезно
ито и такъ, чтобы было совсѣмъ на ровной ногѣ; Алеша
это инстинктомъ.

— Да он лѣвша, отвѣтилъ тотчасъ-же другой мальчикъ, молодцоватый и здоровый, лѣтъ одиннадцати. Всѣ остальные пят мальчиковъ уперлись глазами въ Алешу.

— Онъ и камни лѣвшой бросаетъ, замѣтилъ третій мальчикъ. Въ это мгновеніе въ группу какъ разъ влетѣлъ камень, задѣл слегка мальчика-лѣвшу, но пролетѣлъ мимо, хотя пущенъ былъ ловко и энергически. Пустилъ-же его мальчикъ за канавкой.

— Лупи его, сажай въ него, Смуровъ! закричали всѣ. Но Смуровъ (лѣвша) и безъ того не заставилъ ждать себя и тотчас отплатилъ: онъ бросилъ камнемъ въ мальчика за канавкой, но неудачно: камень ударился въ землю. Мальчикъ за канавкой тотчасъ-же пустилъ еще въ группу камень, на этотъ разъ прям въ Алешу и довольно больно ударилъ его въ плечо. У мальчишк за канавкой весь карманъ былъ полонъ заготовленными камнями Это видно было за тридцать шаговъ по отдувшимся карманам его пальтишка.

— Это онъ въ васъ, въ васъ, онъ нарочно въ васъ мѣтил Вѣдь вы Карамазовъ, Карамазовъ? закричали, хохоча, мальчики.- Ну, всѣ разомъ въ него, пали!

И шесть камней разомъ вылетѣли изъ группы. Одинъ угодил мальчику въ голову и тотъ упалъ, но мигомъ вскочилъ и с остервенѣніемъ началъ отвѣчать въ группу камнями. Съ обѣих сторонъ началась непрерывная перестрѣлка, у многихъ въ груп тоже оказались въ карманѣ заготовленные камни.

— Что вы это! Не стыдно-ли, господа! Шестеро на одного, вы убьете его! закричалъ Алеша.

Онъ выскочилъ и сталъ на встрѣчу летящимъ камнямъ, чтоб загородить собою мальчика за канавкой. Трое или четверо минутку унялись.

— Онъ самъ первый началъ! закричалъ мальчикъ въ красн рубашкѣ раздраженнымъ дѣтскимъ голосомъ, — онъ подлец онъ давеча въ классѣ Красоткина перочиннымъ ножикомъ пы нулъ, кровь потекла. Красоткинъ только фискалить не хотѣлъ, этого надо избить...

— Да за что? Вы вѣрно сами его дразните?

— А вотъ онъ опять вамъ камень въ спину прислалъ. Он васъ знаетъ, закричали дѣти.—Это онъ въ васъ теперь кидает а не въ насъ. Ну, всѣ, опять въ него, не промахивайся, Смуров

И опять началась перестрѣлка, на этотъ разъ очень зла

Мальчику за канавкой ударило камнемъ въ грудь; онъ вс нулъ, заплакалъ и побѣжалъ вверхъ въ гору, на Мих

ую улицу. Въ группѣ загалдѣли: «Ага, струсилъ, бѣжалъ, т
лка!»

— Вы еще не знаете, Карамазовъ, какой онъ подлый, его
ить мало, повторилъ мальчикъ въ курточкѣ, съ горящими гла-
нками, старше всѣхъ, повидимому.

— А какой онъ? спросилъ Алеша.—Фискалъ, что-ли?

Мальчики переглянулись какъ будто съ усмѣшкой.

— Вы туда-же идете, въ Михайловскую? продолжалъ
альчикъ.—Такъ вотъ догоните-ка его... Вонъ, видит
тановился опять, ждетъ и на васъ глядитъ.

— На васъ глядитъ, на васъ глядитъ! подхватили
ики.

— Такъ вотъ и спросите его, любитъ-ли онъ б
мочалку, растрепанную. Слышите, такъ и спросите.

Раздался общій хохотъ. Алеша смотрѣлъ на нихъ, а
за него.

— Не ходите, онъ васъ зашибетъ, закричалъ предупреди-
тельно Смуровъ.

— Господа, я его спрашивать о мочалкѣ не буду, потому
что вы вѣрно его этимъ какъ-нибудь дразните, но я узнаю
отъ него, за что вы его такъ ненавидите...

— Узнайте-ка, узнайте-ка, засмѣялись мальчики.

Алеша перешелъ мостикъ и пошелъ въ горку мимо забора
прямо къ опальному мальчику.

— Смотрите, кричали ему вслѣдъ предупредительно, — онъ
васъ не побоится, онъ вдругъ пырнетъ, изподтишка... какъ
Красоткина.

Мальчикъ ждалъ его, не двигаясь съ мѣста. Подойдя совсѣмъ
Алеша увидѣлъ предъ собою ребенка не болѣе девяти лѣтъ отъ
году, изъ слабыхъ и малорослыхъ, съ блѣдненькимъ, худенькимъ
продолговатымъ личикомъ, съ большими, темными и злобно
смотрѣвшими на него глазами. Одѣтъ онъ былъ въ довольно
ветхій старенькій пальтишко, изъ котораго уродливо выросъ
голыя руки торчали изъ рукавовъ. На правомъ колѣнкѣ панта-
онъ была большая заплатка, а на правомъ сапогѣ, на носкѣ
дѣ большой палецъ, большая дырка, видно что сильно зама-
ванная чернилами. Въ оба отдувшіеся кармашка его пальто
набраны камни. Алеша остановился предъ нимъ въ двухъ
ъ, вопросительно смотря на него. Мальчикъ, догадавшись
по глазамъ Алеши, что тотъ его бить не хочетъ, тоже
ъ куражу и самъ даже заговорилъ:

— , а ихъ шесть... Я ихъ всѣхъ перебью
...другъ, сверкнувъ глазами.
— васъ одинъ камень должно быть очень больно уд
замѣтилъ Алеша.
— А я Смурову въ голову попалъ! вскрикнулъ маль
— Они мнѣ тамъ сказали, что вы меня знаете и за
въ меня камнемъ бросили? спросилъ Алеша.
Мальчикъ мрачно посмотрѣлъ на него.
— Я васъ не знаю. Развѣ вы меня знаете? допраш
Алеша.
— Не приставайте! вдругъ раздражительно вскрикнулъ
чикъ, самъ, однако-жь, не двигаясь съ мѣста, какъ-б
чего-то выжидая и опять злобно засверкавъ глазенками.
— Хорошо, я пойду, сказалъ Алеша — только я ва
знаю и не дразню. Они мнѣ сказали, какъ васъ дразнят
я васъ не хочу дразнить, прощайте!
— Монахъ въ гарнитуровыхъ штанахъ! крикнулъ мал
все тѣмъ же злобнымъ и вызывающимъ взглядомъ сл
Алешей, да кстати и вставъ въ позу, разсчитывая, что
непремѣнно бросится на него теперь, но Алеша повер
поглядѣлъ на него и пошелъ прочь. Но не успѣлъ онъ с
и трехъ шаговъ, какъ въ спину его больно ударился пущ
мальчикомъ самый большой булыжникъ, который только
у него въ карманѣ.
— Такъ вы сзади? Они правду, стало быть, говорятъ про
что вы нападаете изподтишка? обернулся опять Алеша,
этотъ разъ мальчишка съ остервенѣніемъ опять пустил
Алешу камнемъ и уже прямо въ лицо, но Алеша успѣлъ
ниться во время и камень ударилъ его въ локоть.
— Какъ вамъ не стыдно! Что я вамъ сдѣлалъ? вскр
онъ.
Мальчикъ молча и задорно ждалъ лишь одного, что во
перь Алеша ужъ несомнѣнно на него бросится; видя-же, чт
даже и теперь не бросается, совершенно озлился какъ звѣр
онъ сорвался съ мѣста и кинулся самъ на Алешу, и не у
тотъ шевельнуться, какъ злой мальчишка, нагнувъ гол
схвативъ обѣими руками его лѣвую руку, больно укусил
средній ея палецъ. Онъ впился въ него зубами и секундъ
не выпускалъ его. Алеша закричалъ отъ боли, дергая из
силы палецъ. Мальчикъ выпустилъ его, наконецъ, и отскочи
прежнюю дистанцію. Палецъ былъ больно прокушенъ, у

, глубоко, до кости; полилась кровь, Алеша вынулъ платок
нко обернулъ въ него раненую руку. Обертыва[illegible] онъ почт
о минуту. Мальчишка все это время стоялъ и [illegible]лъ. Нако-
, Алеша поднялъ на него свой тихій взоръ.
— Ну, хорошо, сказалъ онъ, — видите, какъ вы меня больно
или, ну и довольно вѣдь, такъ-ли? Теперь скажите что я вамъ
лъ?
Мальчикъ посмотрѣлъ съ удивленіемъ.
— Я хоть васъ совсѣмъ не знаю и въ первый разъ ви
е спокойно продолжалъ Алеша,—но не можетъ быть,
мъ ничего не сдѣлалъ,—не стали бы вы меня такъ
мъ. Такъ что же я сдѣлалъ и чѣмъ я виноватъ предъ
ите?
Вмѣсто отвѣта мальчикъ вдругъ громко заплакалъ, въ голос
ругъ побѣжалъ отъ Алеши. Алеша пошелъ тихо вслѣдъ
на Михайловскую улицу и долго еще видѣлъ онъ, какъ
лъ вдали мальчикъ, не умаляя шагу, не оглядываясь и
о все также въ голосъ плача. Онъ положилъ непремѣнно,
только найдется время, розыскать его и разъяснить эту
ычайно поразившую его загадку. Теперь-же ему было не-
.

IV.

У Хохлаковыхъ.

коро подошелъ онъ къ дому госпожи Хохлаковой, къ дому
ному, собственному, двухэтажному, красивому, изъ луч-
домовъ въ нашемъ городкѣ. Хотя госпожа Хохлакова про-
ла большею частію въ другой губерніи, гдѣ имѣла помѣстье,
въ Москвѣ, гдѣ имѣла собственный домъ, но и въ нашемъ
кѣ у нея былъ свой домъ, доставшійся отъ отцовъ и дѣ-
Да и помѣстье ея, которое имѣла она въ нашемъ уѣздѣ,
самое большое изо всѣхъ трехъ ея помѣстій, а между тѣмъ
жала она доселѣ въ нашу губернію весьма рѣдко. Она вы-
ла къ Алешѣ еще въ прихожую.
Получили, получили письмо о новомъ чудѣ? быстро, нервно
а она.
, получилъ.
спространили, показали всѣмъ? Онъ матери сына воз-

— Онъ сегодня умретъ, сказалъ Алеша.

Слышала, знаю, о, какъ я желаю съ вами говорить вами или съ кѣмъ-нибудь обо всемъ этомъ. Нѣтъ, съ вам вами! И какъ жаль, что мнѣ никакъ нельзя его видѣть! городъ возбужденъ, всѣ въ ожиданіи. Но теперь... знаете-л у насъ теперь сидитъ Катерина Ивановна?

— Ахъ, это счастливо! воскликнулъ Алеша.—Вотъ ней и увижусь у васъ, она вчера велѣла мнѣ непремѣнно пр къ ней сегодня.

— Я все знаю, все знаю. Я слышала все до подробно томъ, что было у ней вчера... и обо всѣхъ этихъ ужасах этою... тварью. C'est tragique и я-бы на ея мѣстѣ,—я не чтобъ я сдѣлала на ея мѣстѣ! Но и братъ-то вашъ, Дмитр Ѳедоровичъ вашъ, каковъ — о, Боже Алексѣй Ѳедорович сбиваюсь, представьте: тамъ теперь сидитъ вашъ братъ, то не тотъ, не ужасный вчерашній, а другой, Иванъ Ѳедоро сидитъ и съ ней говоритъ: разговоръ у нихъ торжествен И если-бы вы только повѣрили, что между ними теперь п ходитъ,—то это ужасно, это я вамъ скажу надрывъ, это ная сказка, которой повѣрить ни за что нельзя: оба губятъ неизвѣстно для чего, сами знаютъ про это и сами наслажда этимъ. Я васъ ждала! Я васъ жаждала! Я, главное, этого нести не могу. Я сейчасъ вамъ все разскажу, но теперь д и уже самое главное,—ахъ, вѣдь я даже и забыла, что эт мое главное: Скажите, почему съ Lise истерика? Только что услыхала, что вы подходите, и съ ней тотчасъ-же началась рика!

— Маша, это съ вами теперь истерика, а не со мной, шебеталъ вдругъ въ щелочку голосокъ Lise изъ боковой ком Щелочка была самая маленькая, а голосокъ надрывчатый, въ точь такой, когда ужасно хочется засмѣяться, но изо в силъ перемогаешь смѣхъ. Алеша тотчасъ-же замѣтилъ эту лочку и навѣрно Lise со своихъ креселъ на него изъ нел глядывала, но этого ужь онъ разглядѣть не могъ.

— Не мудрено, Lise, не мудрено... отъ твоихъ-же капри и со мной истерика будетъ, а впрочемъ, она такъ больна, А сѣй Ѳедоровичъ, она всю ночь была такъ больна, въ жару, нала! Я насилу дождалась утра и Герценштубе. Онъ говор что ничего не можетъ понять и что надо обождать. Этотъ ценштубе всегда придетъ и говоритъ, что ничего не можетъ нять. Какъ только вы подошли къ дому, она вскрик

случился припадокъ, и приказала себя сюда въ свою прежкомнату перевезть...

— Мама, я совсѣмъ не знала, что онъ подходитъ, я вовсе тъ него въ эту комнату захотѣла переѣхать.

— Это ужь неправда, Lise, тебѣ Юлія прибѣжала сказать, что ксѣй Ѳедоровичъ идетъ, она у тебя на сторожахъ стояла.

— Милый голубчикъ мама, это ужасно не остроумно съ ва стороны. А если хотите поправиться и сказать сейчасъ что-удь очень умное, то скажите, милая мама, милостивому рю вошедшему Алексѣю Ѳедоровичу, что онъ уже имъ доказалъ, что не обладаетъ остроуміемъ, что рѣш ити къ намъ сегодня послѣ вчерашняго и не смотря на надъ нимъ смѣются.

— Lise, ты слишкомъ много себѣ позволяешь и увѣряю тебя, я, наконецъ прибѣгну къ мѣрамъ строгости. Кто-жь надъ ъ смѣется, я такъ рада, что онъ пришелъ, онъ мнѣ нуженъ, ѣмъ необходимъ. Охъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, я чрезвычайно частна!

— Да что-жь такое съ вами, мама-голубчикъ?

— Ахъ, эти твои капризы, Lise, непостоянство, твоя бо-нь, эта ужасная ночь въ жару, этотъ ужасный и вѣчный енштубе, главное, вѣчный, вѣчный и вѣчный! И наконецъ, все... И наконецъ, даже это чудо! О, какъ поразило, какъ рясло меня это чудо, милый Алексѣй Ѳедоровичъ! И тамъ эта едія теперь въ гостиной, которую я не могу перенести, не у, я вамъ заранѣе объявляю, что не могу. Комедія, можетъ ъ, а не трагедія. Скажите, старикъ Зосима еще проживетъ автра, проживетъ? О, Боже мой! Что со мной дѣлается, я инутно закрываю глаза и вижу, что все вздоръ, все вздоръ.

— Я-бы очень васъ попросилъ, перебилъ вдругъ Алеша,— мнѣ какую-нибудь чистую тряпочку, чтобы завязать па-ъ. Я очень поранилъ его, и онъ у меня мучительно теперь тъ.

Алеша развернулъ свой укушенный палецъ. Платокъ былъ замаранъ кровью. Госпожа Хохлакова вскрикнула и закрыла глаза.

— Боже, какая рана, это ужасно!

е какъ только увидѣла въ щелку палецъ Алеши, тотсего розмаха отворила дверь.

йдите, войдите ко мнѣ сюда, настойчиво и повелительно она,—теперь ужь безъ глупостей! О, Господи, что-жь

вы стояли и молчали такое время? Онъ могъ истечь
мама! Гдѣ это вы, какъ это вы? Прежде всего воды, во
рану промыть, просто опустить въ холодную воду, что
перестала и держать, все держать... Скорѣй, скорѣй вод
въ полоскательную чашку. Да скорѣе-же, нервно законч
Она была въ совершенномъ испугѣ; рана Алеши страш
зила ее.

— Не послать-ли за Герценштубе? воскликнула бл
пожа Хохлакова.

— Мама, вы меня убьете. Вашъ Герценштубе пр
скажетъ что не можетъ понять! Воды, воды! Мама, р
сходите сами, поторопите Юлію, которая гдѣ-то тамъ з
никогда не можетъ скоро придти! Да скорѣе-же, мама,
умру...

— Да это-жь пустяки! воскликнулъ Алеша, испугавш
испуга.

Юлія прибѣжала съ водой. Алеша опустилъ въ воду

— Мама, ради Бога принесите корпію, корпію и эт
мутной воды для порѣзовъ, ну, какъ ее зовутъ! У на
есть, есть... Мама, вы сами знаете гдѣ стклянка, въ
вашей въ шкапикѣ направо, тамъ большая стклянка и

— Сейчавъ принесу все, Lise, только не кричи и н
койся. Видишь, какъ твердо Алексѣй Ѳедоровичъ перенос
несчастіе. И гдѣ это вы такъ ужасно могли поранить себ
сѣй Ѳедоровичъ?

Г-жа Хохлакова поспѣшно вышла. Lise того только

— Прежде всего отвѣчайте на вопросъ, быстро за
она Алешѣ:—гдѣ это вы такъ себя изволили поранит
томъ ужь я съ вами буду говорить совсѣмъ о другомъ

Алеша, инстинктомъ чувствуя, что для нея время до
щенія мамаши дорого, — поспѣшно, много выпустивъ
тивъ, но однако точно и ясно, передалъ ей о загадочной
своей со школьниками. Выслушавъ его, Lise всплеснула

— Ну можно-ли, можно-ли вамъ, да еще въ этомъ
связываться съ мальчишками! гнѣвно вскричала она, ка
даже имѣя какое-то право надъ нимъ,—да вы сами по
мальчикъ, самый маленькій мальчикъ, какой только може
Однако, вы непремѣнно разузнайте мнѣ какъ-нибудь п
сквернаго мальчишку и мнѣ все разскажите, потому ч
какой-то секретъ. Теперь второе, но прежде вопросъ? м
вы, Алексѣй Ѳедоровичъ, не смотря на страданіе отъ б

ить о совершенныхъ пустякахъ, но говорить разсудительно?

— Совершенно могу, да и боли я такой уже теперь не чув-
ую.

— Это оттого, что вашъ палецъ въ водѣ. Ее нужно сейчасъ-
перемѣнить, потому что она мигомъ нагрѣется. Юлія, мигомъ
несн кусокъ льду изъ погреба и новую полоскательную чашку
водой. Ну, теперь она ушла, я о дѣлѣ: мигомъ, милый Але
доровичъ, извольте отдать мнѣ мое письмо, которое я
ослала вчера, — мигомъ, потому что сейчасъ можетъ
енька, а я не хочу...

— Со мной нѣтъ письма.

— Неправда, оно съ вами. Я такъ и знала, что вы
нѣтите. Оно у васъ въ этомъ карманѣ. Я такъ раскаявалась
ой глупой шуткѣ всю ночь. Воротите-же письмо сейчасъ, от
ите!

— Оно тамъ осталось.

— Но вы не можете-же меня не считать за дѣвочку, за ма-
енькую-маленькую дѣвочку, послѣ моего письма съ такою глупою
уткой! Я прошу у васъ прощенія за глупую шутку, но письмо
непремѣнно мнѣ принесите, если ужь его нѣтъ у васъ въ
омъ дѣлѣ,—сегодня-же принесите, непремѣнно, непремѣнно!

— Сегодня никакъ нельзя, потому что я уйду въ монастырь
не приду къ вамъ дня два—три, четыре, можетъ быть, потому
старецъ Зосима...

— Четыре дня, экой вздоръ! Послушайте, вы очень надо
мной смѣялись?

— Я ни капли не смѣялся.

— Почему-же?

— Потому что я совершенно всему повѣрилъ.

— Вы меня оскорбляете!

— Нисколько. Я какъ прочелъ, то тотчасъ и подумалъ, что
къ все и будетъ, потому что я, какъ только умретъ старецъ
има, сейчасъ долженъ буду выйдти изъ монастыря. Затѣмъ,
буду продолжать курсъ и сдамъ экзаменъ, а какъ придетъ за-
ный срокъ, мы и женимся. Я васъ буду любить. Хоть мнѣ
екогда было еще думать, но я подумалъ, что лучше васъ
не найду, а мнѣ старецъ велитъ жениться...

вѣдь я уродъ, меня на креслахъ возятъ! засмѣялась
рдѣвшимся на щекахъ румянцемъ.

асъ самъ буду въ креслѣ возить, но я увѣренъ, что
ку выздоровѣете.

— Но вы сумасшедшій, нервно проговорила Лиза, — такой шутки и вдругъ вывели такой вздоръ!.. Ахъ, вотъ маша, можетъ быть, очень кстати. Мама, какъ вы всегда даете, можно-ли такъ долго! Вотъ ужь Юлія ледъ несетъ!

— Ахъ, Lise, не кричи, главное—ты не кричи. У мен этого крику... Что-жь дѣлать, коли ты сама корпію въ мѣсто засунула... Я искала, искала... Я подозрѣваю, что нарочно сдѣлала.

— Да вѣдь не могла-же я знать, что онъ придетъ с шеннымъ пальцемъ, а то, можетъ быть, вправду нарочно-б лала. Ангелъ, мама, вы начинаете говорить чрезвычайно умныя вещи.

— Пусть остроумныя, но какія чувства, Lise, на счетъ Алексѣя Ѳедоровича и всего этого! Охъ, милый Алексѣй Ѳ вичъ, меня убиваютъ не частности, не Герценштубе какой-н а все вмѣстѣ, все въ цѣломъ, вотъ чего я не могу выне

— Довольно, мама, довольно о Герценштубе, весело см Лиза,—давайте-же скорѣй корпію, мама, и воду. Это просто цовая примочка, Алексѣй Ѳедоровичъ, я теперь вспомнила но это прекрасная примочка. Мама, вообразите себѣ, о мальчишками дорогой подрался на улицѣ, и это мальчиш укусилъ, ну не маленькій-ли, не маленькій-ли онъ самъ вѣкъ, и можно-ли ему, мама, послѣ этого жениться, пото онъ, вообразите себѣ, онъ хочетъ жениться, мама. Предс себѣ, что онъ женатъ, ну не смѣхъ-ли, не ужасно-ли это

И Lise все смѣялась своимъ нервнымъ мелкимъ смѣшко каво смотря на Алешу.

— Ну, какъ-же жениться, Lise, и съ какой стати это, всѣмъ это тебѣ не кстати... тогда какъ этотъ мальчикъ, м быть, бѣшеный.

— Ахъ, мама! Развѣ бываютъ бѣшеные мальчики?

— Почему-жь не бываютъ, Lise, точно я глупость ск Вашего мальчика укусила бѣшеная собака и онъ сталъ бѣ мальчикъ и вотъ кого-нибудь и укуситъ около себя въ очередь. Какъ она вамъ хорошо перевязала, Алексѣй Ѳедор я-бы никогда такъ не съумѣла. Чувствуете вы теперь бо

— Теперь очень небольшую.

— А не боитесь-ли вы воды? спросила Lise.

— Ну, довольно, Lise, я, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ поспѣшно сказала про бѣшенаго мальчика, а ты ужь сей вывела. Катерина Ивановна только что узнала, что вы пр

ксѣй Өедоровичъ, такъ и бросилась ко мнѣ, она васъ жаждетъ, ждетъ.

— Ахъ, мама! Подите одна туда, а онъ не можетъ пойдти часъ, онъ слишкомъ страдаетъ.

— Совсѣмъ не страдаю, я очень могу пойдти... сказалъ Алеша.

— Какъ! Вы уходите? Такъ-то вы? Такъ-то вы?

— Что-жь? Вѣдь я когда кончу тамъ, то опять приду и мы ть можемъ говорить сколько вамъ будетъ угодно. А мнѣ очень лось-бы видѣть поскорѣе Катерину Ивановну, потому что я всякомъ случаѣ очень хочу какъ можно скорѣе воротиться дня въ монастырь.

— Мама, возьмите его и скорѣе уведите. Алексѣй Өедоровичъ, трудитесь заходить ко мнѣ послѣ Катерины Ивановны, а сту-те прямо въ вашъ монастырь, туда вамъ и дорога! А я спать у, я всю ночь не спала.

— Ахъ, Lise, это только шутки съ твоей стороны, но что -бы ты въ самомъ дѣлѣ заснула! воскликнула г-жа Хохлакова.

— Я не знаю чѣмъ я... Я останусь еще минуты три, если ите, даже пять, пробормоталъ Алеша.

— Даже пять! Да уведите-же его скорѣе, мама, это монстръ!

— Lise, ты съума сошла. Уйдемте, Алексѣй Өедоровичъ, она шкомъ капризна сегодня, я ее раздражать боюсь. О, горе съ рвною женщиной, Алексѣй Өедоровичъ! А вѣдь въ самомъ дѣлѣ , можетъ быть, при васъ спать захотѣла. Какъ это вы такъ оро нагнали на нее сонъ, и такъ это счастливо!

— Ахъ мама, какъ вы мило стали говорить, цалую васъ, ночка, за это.

— И я тебя тоже, Lise. Послушайте, Алексѣй Өедоровичъ, нственно и важно, быстрымъ шепотомъ заговорила г-жа Хох-кова, уходя съ Алешей,—я вамъ ничего не хочу внушать, ни дымать этой завѣсы, но вы войдете и сами увидите все, что ъ происходитъ, это ужасъ, это самая фантастическая комедія: любитъ вашего брата Ивана Өедоровича и увѣряетъ себя изо хъ силъ, что любитъ вашего брата Дмитрія Өедоровича. Это асно! Я войду вмѣстѣ съ вами и, если не прогонятъ меня, ждусь конца.

V.

Надрывъ въ гостиной.

Но въ гостиной бесѣда уже оканчивалась: Катерина Ивановна ла въ большомъ возбужденіи, хотя и имѣла видъ рѣшитель-

ный. Въ минуту когда вошли Алеша и г-жа Хохлакова
Ѳедоровичъ вставалъ чтобъ уходить. Лицо его было и
блѣдно и Алеша съ безпокойствомъ поглядѣлъ на него.
томъ, что тутъ для Алеши разрѣшалось теперь одно
сомнѣній, одна безпокойная загадка, съ нѣкотораго вре
мучившая. Еще съ мѣсяцъ назадъ ему уже нѣсколько
съ разныхъ сторонъ, внушали, что братъ Иванъ любитъ
Ивановну и, главное, дѣйствительно намѣренъ «отбить» ее
До самаго послѣдняго времени это казалось Алешѣ чудов
хотя и безпокоило его очень. Онъ любилъ обоихъ бра
страшился между ними такого соперничества. Между тѣ
Дмитрій Ѳедоровичъ вдругъ прямо объявилъ ему вчера,
радъ соперничеству брата Ивана и что это ему-же, Дм
многомъ поможетъ. Чему-же поможетъ? Жениться ему
шенькѣ? Но дѣло это считалъ Алеша отчаяннымъ и пос
Кромѣ всего этого Алеша несомнѣнно вѣрилъ до самаго
няго вечера, что Катерина Ивановна сама до страсти
любитъ брата его Дмитрія,—но лишь до вчерашняго ве
рилъ. Сверхъ того, ему почему-то все мерещилось, что
можетъ любить такого, какъ Иванъ, а любитъ его брата
и именно такимъ, какимъ онъ есть, не смотря на всю
ность такой любви. Вчера-же въ сценѣ съ Грушень
вдругъ какъ-бы померещилось иное. Слово «надрывъ»
что произнесенное г-жей Хохлаковой, заставило его почт
нуть, потому что именно въ эту ночь, полупроснувшис
свѣтѣ, онъ вдругъ, вѣроятно, отвѣчая своему сновидѣні
несъ: «Надрывъ, надрывъ!» Снилась-же ему всю ночь вч
сцена у Катерины Ивановны. Теперь вдругъ прямое и
увѣреніе г-жи Хохлаковой, что Катерина Ивановна люби
Ивана и только сама, нарочно, изъ какой-то игры, изъ «н
обманываетъ себя и сама себя мучитъ напускною любов
къ Дмитрію изъ какой-то будто-бы благодарности, —
Алешу: «Да, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ полная
именно въ этихъ словахъ!» Но въ такомъ случаѣ каков
ложеніе брата Ивана? Алеша чувствовалъ какимъ-то
томъ, что такому характеру, какъ Катерина Ивановна, н
властвовать, а властвовать она могла-бы лишь надъ
какъ Дмитрій, и отнюдь не надъ такимъ, какъ Ива
Дмитрій только (положимъ, хоть въ долгій срокъ)
смириться, наконецъ, предъ нею «къ своему-же счасті
даже желалъ-бы Алеша), но Иванъ нѣтъ, Иванъ не

дъ нею смириться, да и смиреніе это не дало-бы е
стія. Такое ужь понятіе Алеша почему-то невольно сост
ъ себѣ объ Иванѣ. И вотъ всѣ эти колебанія и соображен
летѣли и мелькнули въ его умѣ въ тотъ мигъ, когда онъ
упалъ теперь въ гостиную. Промелькнула и еще одна м
угъ и неудержимо: «А что, если она и никого не люб
, ни другаго?» Замѣчу, что Алеша какъ-бы стыдился
ихъ мыслей и упрекалъ себя въ нихъ, когда онѣ
мѣсяцъ, случалось, приходили ему: «Ну, что я пон
ви и въ женщинахъ и какъ могу я заключать так
», съ упрекомъ себѣ думалъ онъ послѣ каждой подоб
ли или догадки. А между тѣмъ нельзя было не думать
малъ инстинктомъ, что теперь, напримѣръ, въ судьбѣ дв
ьевъ его это соперничество слишкомъ важный вопросъ и
раго слишкомъ много зависитъ. «Одинъ гадъ съѣстъ друг
ину», произнесъ вчера братъ Иванъ, говоря въ раздраженіи
отца и брата Дмитрія. Стало быть, братъ Дмитрій въ глазахъ
гадъ и, можетъ быть, давно уже гадъ? Не съ тѣхъ-ли поръ,
къ узналъ братъ Иванъ Катерину Ивановну? Слова эти, ко-
чно, вырвались у Ивана вчера невольно, но тѣмъ важнѣе, что
вольно. Если такъ, то какой-же тутъ міръ? Не новые-ли, на-
отивъ, поводы къ ненависти и враждѣ въ ихъ семействѣ? А
авное, кого ему, Алешѣ, жалѣть? И что каждому пожелать?
ъ любитъ ихъ обоихъ, но что каждому изъ нихъ пожелать
еди такихъ страшныхъ противорѣчій? Въ этой путаницѣ можно
ло совсѣмъ потеряться, а сердце Алеши не могло выносить
звѣстности, потому что характеръ любви его былъ всегда
ительный. Любить пассивно онъ не могъ, возлюбивъ, онъ тот-
съ-же принимался и помогать. А для этого надо было поста-
ть цѣль, надо твердо было знать, что каждому изъ нихъ хо-
шо и нужно, а утвердившись въ вѣрности цѣли—естественно
ждому изъ нихъ и помочь. Но вмѣсто твердой цѣли во всемъ
ла лишь неясность и путаница. «Надрывъ» произнесено те-
рь! Но что онъ могъ понять хотя-бы даже въ этомъ надрывѣ?
раго даже слова во всей этой путаницѣ онъ не понимаетъ!

Увидавъ Алешу, Катерина Ивановна быстро и съ радостью
ила Ивану Ѳедоровичу, уже вставшему съ своего мѣста,
дить:

минутку! Останьтесь еще на одну минуту. Я хочу **мнѣніе** вотъ этого человѣка, которому я всѣмъ суще-**мъ довѣряю**. Катерина Осиповна, не уходите и вы,

прибавила она, обращаясь къ г-жѣ Хохлаковой. Она у
Алешу подлѣ себя, а Хохлакова сѣла напротивъ, рядомъ с
номъ Ѳедоровичемъ.

— Здѣсь всѣ друзья мои, всѣ, кого я имѣю въ мірѣ,
друзья мои, горячо начала она голосомъ, въ которомъ д
искреннія страдальческія слезы, и сердце Алеши опять
повернулось къ ней.—Вы, Алексѣй Ѳедоровичъ, вы были
свидѣтелемъ этого... ужаса и видѣли, какова я была. Вы
дали этого, Иванъ Ѳедоровичъ, онъ видѣлъ. Что онъ по
обо мнѣ вчера—не знаю, знаю только одно, что повторис
самое сегодня, сейчасъ, и я высказала-бы такія-же чувст
кія вчера,—такія-же чувства, такія-же слова и такія-же
нія. Вы помните мои движенія, Алексѣй Ѳедоровичъ, в
удержали меня въ одномъ изъ нихъ... (Говоря это, она покр
и глаза ея засверкали). Объявляю вамъ, Алексѣй Ѳедорови
я не могу ни съ чѣмъ примириться. Слушайте, Алексѣй Ѳ
вичъ, я даже не знаю, люблю-ли я *его* теперь. Онъ мнѣ
жалокъ, это плохое свидѣтельство любви. Если-бъ я люби
продолжала любить, то я, можетъ быть, не жалѣла-бы его
а, напротивъ, ненавидѣла...

Голосъ ея задрожалъ и слезинки блеснули на ея рѣсн
Алеша вздрогнулъ внутри себя: эта дѣвушка правдива и иск
подумалъ онъ, — и... и она болѣе не любитъ Дмитрія!

— Это такъ! Такъ! воскликнула было г-жа Хохлако

— Подождите, милая Катерина Осиповна, я не сказала
наго, не сказала окончательно, что рѣшила въ эту ночь.
ствую, что, можетъ быть, рѣшеніе мое ужасно, — для ме
предчувствую, что я уже не перемѣню его ни за что, ни за
всю жизнь мою, такъ и будетъ. Мой милый, мой добры
всегдашній и великодушный совѣтникъ и глубокій сердцев
и единственный другъ мой, какого я только имѣю въ мірѣ,
Ѳедоровичъ, одобряетъ меня во всемъ и хвалитъ мое рѣш
Онъ его знаетъ.

— Да, я одобряю его, тихимъ, но твердымъ голосомъ
несъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Но я желаю, чтобъ и Алеша (ахъ, Алексѣй Ѳедор
простите, что я васъ назвала Алешей просто),—я желаю,
и Алексѣй Ѳедоровичъ сказалъ мнѣ теперь-же, при обоихъ дру
моихъ,—права я или нѣтъ? У меня инстинктивное предчу
что вы, Алеша, братъ мой милый (потому что вы братъ м
лый), восторженно проговорила она опять, схвативъ его хол

оею горячею рукой,—я предчувствую, что ваше рѣшеніе,
добреніе, не смотря, на всѣ муки мои, подастъ мнѣ спокой-
отому что послѣ вашихъ словъ я затихну и примирюсь,—
редчувствую!
Я не знаю о чемъ вы спросите меня, выговорилъ съ
мся лицомъ Алеша,—я только знаю, что я васъ л
вамъ въ эту минуту счастья больше чѣмъ себѣ с—
ь я ничего не знаю въ этихъ дѣлахъ... вдругъ за
илъ онъ прибавить...
Въ этихъ дѣлахъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, въ этихъ дѣлах
авное—честь и долгъ, и не знаю что̀ еще, но нѣчто вы
ожетъ быть, высшее самаго долга. Мнѣ сердце сказы
непреодолимое чувство и оно непреодолимо влечетъ мс.
рочемъ, въ двухъ словахъ, я уже рѣшилась: Если даже
гся на той... твари (начала она торжественно), которои я
, никогда простить не могу, то *я всетаки не оставлю его!*
ихъ поръ я уже никогда, никогда не оставлю его! произнесла
какимъ-то надрывомъ какого-то блѣднаго, вымученнаго вос-
То есть не то, чтобъ я таскалась за нимъ, попадалась ему
тно на глаза, мучила его, — о, нѣтъ, я уѣду въ другой
куда хотите, но я всю жизнь, всю жизнь мою буду слѣ-
нимъ, не уставая. Когда-же онъ станетъ съ тою несчас-
это непремѣнно и сейчасъ-же будетъ, то пусть придетъ
и онъ встрѣтитъ друга, сестру... Только сестру, конечно.
на вѣки такъ, но онъ убѣдится, наконецъ, что эта сестра—
тельно сестра его, любящая и всю жизнь ему пожертво-
. Я добьюсь того, я настою на томъ, что, наконецъ, онъ
ь меня и будетъ передавать мнѣ все не стыдясь! воскли-
на какъ-бы въ изступленіи.—Я буду Богомъ его, кото-
нъ будетъ молиться,—и это, по меньшей мѣрѣ, онъ дол-
нѣ за измѣну свою и зато, что̀ я перенесла чрезъ него
И пусть-же онъ видитъ во всю жизнь свою, что я всю
мою буду вѣрна ему и моему данному ему разъ слову,
гря на то, что онъ былъ невѣренъ и измѣнилъ. Я буду...
щусь лишь въ средство для его счастія (или какъ это
), въ инструментъ, въ машину для его счастія, и это на
изнь, на всю жизнь, и чтобъ онъ видѣлъ это впредь всю
свою! Вотъ все мое рѣшеніе! Иванъ Ѳедоровичъ въ выс-
шени одобряетъ меня.
задыхалась. Она, можетъ быть, гораздо достойнѣе, ис-
и натуральнѣе хотѣла-бы выразить свою мысль, но вышло

слишкомъ поспѣшно и слишкомъ обнажено. Много было
лодой невыдержки, многое отзывалось лишь вчерашнимъ ра
женіемъ, потребностью погордиться, это она почувствовала
Лицо ея какъ то вдругъ омрачилось, выраженіе глазъ стал
хорошо. Алеша тотчасъ-же замѣтилъ все это и въ сердц
шевельнулось состраданіе. А тутъ какъ разъ подбавилъ и
Иванъ.

— Я высказалъ только мою мысль, сказалъ онъ.—У в
другой вышло-бы все это надломлено, вымучено, а у ва
нѣтъ. Другая была-бы неправа, а вы правы. Я не знаю
это мотивировать, но я вижу, что вы искренни въ высше
пени, а потому вы и правы...

— Но вѣдь это только въ эту минуту... А что такое
минута? Всего лишь вчерашнее оскорбленіе,—вотъ что зн
эта минута! не выдержала вдругъ г-жа Хохлакова, очевид
желавшая вмѣшиваться, но не удержавшаяся и вдругъ с
шая очень вѣрную мысль.

— Такъ, такъ, перебилъ Иванъ, съ какимъ-то вдругъ
томъ и видимо озлясь, что его перебили,—такъ, но у друг
минута лишь вчерашнее впечатлѣніе, и только минута, а с
рактеромъ Катерины Ивановны эта минута—протянется в
жизнь. Что для другихъ лишь обѣщаніе, то для нея вѣк
ный, тяжелый, угрюмый, можетъ быть, но неустанный
И она будетъ питаться чувствомъ этого исполненнаго долга!
жизнь, Катерина Ивановна, будетъ проходить теперь въ
дальческомъ созерцаніи собственныхъ чувствъ, собственнаг
вига и собственнаго горя, но впослѣдствіи страданіе это
чится, и жизнь ваша обратится уже въ сладкое созерцаніе
навсегда исполненнаго твердаго и гордаго замысла, дѣйстви
въ своемъ родѣ гордаго, во всякомъ случаѣ отчаяннаго,
бѣженнаго вами, и это сознаніе доставитъ вамъ, наконецъ,
полное удовлетвореніе и примиритъ васъ со всѣмъ остальны

Проговорилъ онъ это рѣшительно съ какою-то злобой, в
нарочно, и даже, можетъ быть, не желая скрыть своего
ренія, то есть что говоритъ нарочно и въ насмѣшку.

— О, Боже, какъ это все не такъ! воскликнула опять
Хохлакова.

— Алексѣй Ѳедоровичъ, скажите-же вы? Мнѣ мучи
надо знать, что вы мнѣ скажете! воскликнула Катерина
новна и вдругъ залилась слезами. Алеша всталъ съ диван

— Это ничего, ничего! съ плачемъ продолжала она,—эт

ійства, отъ сегодняшней ночи, но подлѣ такихъ двухъ
какъ вы и братъ вашъ, я еще чувствую се крѣпкою...
что знаю... вы оба меня никогда не остави...
Къ несчастью, я завтра-же, можетъ быть, долженъ уѣхать
ку и надолго оставить васъ... И это, къ несчастію
ю... проговорилъ вдругъ Иванъ Ѳедоровичъ.
Завтра, въ Москву! перекосилось вдругъ все лицо
ы,—но... но Боже мой, какъ это счастливо! вскри
ъ мигъ совсѣмъ измѣнившимся голосомъ, и въ о
ь свои слезы, такъ что и слѣда не осталось.
игъ произошла въ ней удивительная перемѣна, чр
зумившая Алешу: вмѣсто плакавшей сейчасъ въ како
своего чувства бѣдной оскорбленной дѣвушки, явил
женщина совершенно владѣющая собой и даже чѣмъ-
айно довольная, точно вдругъ чему-то обрадовавшаяся.
), не то счастливо, что я васъ покидаю, ужь разумѣется
акъ-бы поправилась она вдругъ съ милою свѣтскою улыб-
акой другъ, какъ вы, не можетъ этого подумать; я слиш-
апротивъ, несчастна, что васъ лишусь (она вдругъ стре-
о бросилась къ Ивану Ѳедоровичу и, схвативъ его за
и, съ горячимъ чувствомъ пожала ихъ); но вотъ что
во, это то, что вы сами, лично, въ состояніи будете пе-
теперь въ Москвѣ, тетушкѣ и Агашѣ, все мое положеніе,
перешній ужасъ мой, въ полной откровенности съ Ага-
щадя милую тетушку, такъ, какъ сами съумѣете это
. Вы не можете себѣ представить, какъ я была вчера и
утромъ несчастна, недоумѣвая, какъ я напишу имъ это
письмо... потому что въ письмѣ этого никакъ ни за что
дашь... Теперь-же мнѣ легко будетъ написать, потому
тамъ у нихъ будете на лицо и все объясните. О, какъ
Но я только этому рада, опять таки повѣрьте мнѣ. Сами
, конечно, незамѣнимы... Сейчасъ-же бѣгу напишу письмо,
ыла она вдругъ и даже шагнула уже, чтобы выйдти изъ
а.

А Алеша-то? А мнѣніе-то Алексѣя Ѳедоровича, которое
акъ непремѣнно желалось выслушать? вскричала г-жа
ова. Язвительная и гнѣвливая нотка прозвучала въ ея

Я не забыла этого, пріостановилась вдругъ Катерина Ива-
почему вы такъ враждебны ко мнѣ въ такую минуту,
Осиповна? съ горькимъ, горячимъ упрекомъ произ-

несла она.—Что я сказала, то я подтверждаю. Мнѣ
димо мнѣніе его, мало того: мнѣ надо рѣшеніе его! Ч
скажетъ, такъ и будетъ—вотъ до какой степени, напро
жажду вашихъ словъ, Алексѣй Ѳедоровичъ... Но что с
— Я никогда не думалъ, я не могу этого представи
кликнулъ вдругъ Алеша горестно.
— Чего, чего?
— Онъ ѣдетъ въ Москву, а вы вскрикнули, что ра
вы нарочно вскрикнули! А потомъ тотчасъ стали об
что вы не тому рады, а что, напротивъ, жалѣете, что...
друга,—но и это вы нарочно сыграли... какъ на театрѣ
медіи сыграли!..
— На театрѣ? Какъ?.. Что это такое? воскликну
рина Ивановна въ глубокомъ изумленіи, вся вспыхнув
хмуривъ брови.
— Да какъ ни увѣряйте его, что вамъ жалко въ нем
а всетаки вы настаиваете ему въ глаза, что счастье въ т
онъ уѣзжаетъ... проговорилъ какъ-то совсѣмъ уже за
Алеша. Онъ стоялъ за столомъ и не садился.
— О чемъ вы, я не понимаю...
— Да я и самъ не знаю... У меня вдругъ какъ бу
реніе... Я знаю, что я не хорошо это говорю, но я все
скажу, продолжалъ Алеша тѣмъ-же дрожащимъ и пер
щимся голосомъ:—озареніе мое въ томъ, что вы брата
можетъ быть, совсѣмъ не любите... съ самаго начала
Дмитрій, можетъ быть, не любитъ васъ тоже вовсе... съ са
чала... а только чтитъ... Я, право, не знаю, какъ я все эт
смѣю, но надо-же кому-нибудь правду сказать... потому чт
здѣсь правды не хочетъ сказать...
— Какой правды? вскричала Катерина Ивановна,
истерическое зазвенѣло въ ея голосѣ.
— А вотъ какой, пролепеталъ Алеша, какъ будто и
съ крыши:—позовите сейчасъ Дмитрія—я его найду,—
онъ придетъ сюда и возьметъ васъ за руку, потомъ и
за руку брата Ивана и соединитъ ваши руки. Потому
мучаете Ивана, потому только, что его любите... а муч
тому, что Дмитрія надрывомъ любите... въ неправду л
потому что увѣрили себя такъ...
Алеша оборвался и замолчалъ.
— Вы... вы... вы маленькій юродивый, вотъ вы
поблѣднѣвшимъ уже лицомъ и съ кривившимися отъ зл

и отрѣзала вдругъ Катерина Ивановна. Иванъ Ѳедоровичъ
угъ засмѣялся и всталъ съ мѣста. Шляпа была въ ру-
ъ его.

— Ты ошибся, мой добрый Алеша, проговорилъ онъ съ
аженіемъ лица, котораго никогда еще Алеша у него не ви-
ъ,—съ выраженіемъ какой-то молодой искренности и силь-
, неудержимо откровеннаго чувства: — никогда Кате
новна не любила меня! Она знала все время, что
лю, хоть я и никогда не говорилъ ей ни слова о
ви, — знала, но меня не любила. Другомъ тоже я
ъ ни разу, ни одного дня: гордая женщина въ моей дру-
ялась. Она держала меня при себѣ для безпрерывнаго
. Она мстила мнѣ и на мнѣ за всѣ оскорбленія, которыя
нно и всякую минуту выносила во весь этотъ срокъ о
рія, оскорбленія съ первой встрѣчи ихъ. Потому что и са-
первая встрѣча ихъ осталась у ней на сердцѣ какъ ос-
бленіе. Вотъ каково ея сердце! Я все время только и дѣ-
ъ, что выслушивалъ о любви ея къ нему. Я теперь ѣду, но
йте, Катерина Ивановна, что вы дѣйствительно любите только
. И, по мѣрѣ оскорбленія его, все больше и больше. Вотъ
и есть вашъ надрывъ. Вы именно любите его такимъ, ка-
ъ онъ есть, васъ оскорбляющимъ его любите. Если-бъ онъ
равился, вы его тотчасъ забросили-бы и разлюбили вовсе.
вамъ онъ нуженъ, чтобы созерцать безпрерывно вашъ под-
ъ вѣрности и упрекать его въ невѣрности. И все это отъ
шей гордости. О, тутъ много приниженности и униженія, но все
отъ гордости... Я слишкомъ молодъ и слишкомъ сильно
билъ васъ. Я знаю, что это-бы не надо мнѣ вамъ говорить,
было-бы больше достоинства съ моей стороны просто выйдти
васъ; было-бы и не такъ для васъ оскорбительно. Но вѣдь
ду далеко и не пріѣду никогда. Это вѣдь на вѣки... Я не
у сидѣть подлѣ надрыва... Впрочемъ, я уже не умѣю гово-
ъ, все сказалъ... Прощайте Катерина Ивановна, вамъ нельзя
меня сердиться, потому что я во сто разъ болѣе васъ на-
занъ: наказанъ уже тѣмъ однимъ, что никогда васъ не увижу.
щайте. Мнѣ не надобно руки вашей. Вы слишкомъ созна-
но меня мучили, чтобъ я вамъ въ эту минуту могъ про-
томъ прошу, а теперь не надо руки.

Den Dank, Dame, begehr ich nicht

съ искривленною улыбкой, доказавъ, впрочемъ'

совершенно неожиданно, что и онъ можетъ читать Шил
заучиванія наизусть, чему прежде не понѣрилъ-бы Алеш
вышелъ изъ комнаты, даже не простившись и съ хо
г-жей Хохлаковой. Алеша всплеснулъ руками.

— Иванъ, крикнулъ онъ ему, какъ потерянный вслѣ
воротись, Иванъ! Нѣтъ, нѣтъ, онъ теперь ни за что н
тится! воскликнулъ онъ опять въ горестномъ опареніи,—
я, я виноватъ, я началъ! Иванъ говорилъ злобно, не х
Несправедливо и злобно... Онъ долженъ опять придт
воротиться, воротиться... Алеша воскликнулъ, какъ полоу

Катерина Ивановна вдругъ вышла въ другую комнат

— Вы ничего не надѣлали, вы дѣйствовали прелестно
ангелъ,—быстро и восторженно зашептала горестному
г-жа Хохлакова.—Я употреблю всѣ усилія, чтобъ Иван
ровичъ не уѣхалъ...

Радость сіяла на ея лицѣ къ величайшему огорченію
но Катерина Ивановна вдругъ вернулась. Въ рукахъ
два радужные кредитные билета.

— Я имѣю къ вамъ одну большую кросьбу, Алексѣ
ровичъ, начала она, прямо обращаясь къ Алешѣ, пови
спокойнымъ и ровнымъ голосомъ, точно и въ самомъ д
чего сейчасъ не случилось.—Недѣлю,—да, кажется, нед
задъ,—Дмитрій Ѳедоровичъ сдѣлалъ одинъ горячій и
ведливый поступокъ, очень безобразный. Тутъ есть одн
рошее мѣсто, одинъ трактиръ. Въ немъ онъ встрѣтил
отставнаго офицера, штабсъ-капитана этого, котораго вы
тюшка употреблялъ по какимъ-то своимъ дѣламъ. Разсер
почему-то на этого штабсъ-капитана, Дмитрій Ѳедорович
тилъ его за бороду и при всѣхъ вывелъ въ этомъ уни
номъ видѣ на улицу, и на улицѣ еще долго велъ, и, го
что мальчикъ, сынъ этого штабсъ-капитана, который уч
здѣшнемъ училищѣ, еще ребенокъ, увидавъ это, бѣж
подлѣ и плакалъ вслухъ и просилъ за отца и бросался вы
и просилъ, чтобы защитили, а всѣ смѣялись. Простите,
Ѳедоровичъ, я не могу вспомнить безъ негодованія этог
наго *его* поступка... одного изъ такихъ поступковъ, на
можетъ рѣшиться только одинъ Дмитрій Ѳедоровичъ въ
гнѣвѣ.. и въ страстяхъ своихъ! Я и разсказать этого
не въ состояніи... Я сбиваюсь въ словахъ. Я справлял
этомъ обиженномъ и узнала, что онъ очень бѣдный че
Фамилія его Снѣгиревъ. Онъ за что то провинился на

выключили, я не умѣю вамъ это разсказать, и теперь онъ
воимъ семействомъ, съ несчастнымъ семействомъ больныхъ
й и жены, сумасшедшей, кажется, впалъ въ страшную ни-
у. Онъ уже давно здѣсь въ городѣ, онъ что-то дѣлаетъ, ни-
ть гдѣ-то былъ, а ему вдругъ теперь ничего не платятъ! Я
ла взглядъ на васъ... то есть я думала, — я не знаю, я
-то путаюсь,—видите, я хотѣла васъ просить, Алексѣй Ѳе-
ичъ, — добрѣйшій мой Алексѣй Ѳедоровичъ, сходить къ
у, отыскать предлогъ, войдти къ нимъ, то есть къ этому
ъсъ-капитану,—о, Боже! какъ я сбиваюсь, — и деликатно,
рожно, — именно какъ только вы одинъ съумѣете сдѣлать
ма вдругъ покраснѣлъ) — съумѣть отдать ему это вспомо-
ье, вотъ, двѣсти рублей. Онъ навѣрно приметъ... то есть
рить его принять... Или нѣтъ, какъ это? Видите-ли, это не
что плата ему за примиреніе, чтобъ онъ не жаловался (по-
у что онъ, кажется, хотѣлъ жаловаться), а просто сочувствіе,
ніе помочь; отъ меня, отъ меня, отъ невѣсты Дмитрія Ѳе-
ича, а не отъ него самого... Однимъ словомъ, вы съумѣете...
ы сама поѣхала, но вы съумѣете гораздо лучше меня. Онъ
етъ въ Озерной улицѣ, въ домѣ мѣщанки Калмыковой... Ради
а, Алексѣй Ѳедоровичъ, сдѣлайте мнѣ это, а теперь... теперь
ѣсколько... устала. До свиданья...

Она вдругъ такъ быстро повернулась и скрылась опять за
ьеру, что Алеша не успѣлъ и слова сказать, — а ему хотѣ-
ь сказать. Ему хотѣлось просить прощенія, обвинить себя—
что-нибудь сказать, потому что сердце его было полно, и
ти изъ комнаты онъ рѣшительно не хотѣлъ безъ этого. Но
а Хохлакова схватила его за руку и вывела сама. Въ прихо-
ѣ она остановила его, какъ и давеча.

— Гордая, себя боретъ, но добрая, прелестная, великодуш-
ая — полушепотомъ восклицала г-жа Хохлакова. — О, какъ я
юблю, особенно иногда, и какъ я всему, всему теперь вновь
ъ рада! Милый Алексѣй Ѳедоровичъ, вы вѣдь не знали этого:
ите-же, что мы всѣ, всѣ — я, обѣ ея тетки, — ну всѣ, даже
, вотъ уже цѣлый мѣсяцъ какъ мы только того и желаемъ,
анимъ, чтобъ она разошлась съ вашимъ любимцемъ Дмитріемъ
ровичемъ, который ее знать не хочетъ и нисколько не лю-
и вышла-бы за Ивана Ѳедоровича, образованнаго и превос-
го молодаго человѣка, который ее любитъ больше всего на
. Мы вѣдь цѣлый заговоръ тутъ составили, и я даже, мо-
быть, не уѣзжаю лишь изъ-за этого...

— Но вѣдь она-же плакала, опять оскорбленный вск
Алеша

— Не вѣрьте слезамъ женщины, Алексѣй Ѳедорович
всегда противъ женщинъ въ этомъ случаѣ, я за мужчи
— Мама, вы его портите и губите, воскликнулъ тон
голосокъ Lise изъ-за двери.

— Нѣтъ, это я всему причиной, я ужасно виноватъ!
рялъ неутѣшный Алеша въ порывѣ мучительнаго стыда и
выходку и даже закрывая руками лицо отъ стыда.

— Напротивъ, вы поступили какъ ангелъ, какъ жи
это тысячи тысячъ разъ повторить готова.

— Мама, почему онъ поступилъ какъ ангелъ, вскл
опять голосъ Lise.

— Мнѣ вдругъ почему-то вообразилось, на все это
продолжалъ Алеша, какъ-бы и не слыхавъ Лизы,—что с
бить Ивана, вотъ я и сказалъ эту глупость... и что теперь

— Да съ кѣмъ, съ кѣмъ! воскликнула Lise,—мама, вы
хотите умертвить меня. Я васъ спрашиваю—вы мнѣ не отв

Въ эту минуту вбѣжала горничная.

— Съ Катериной Ивановной худо... Онѣ плачутъ..
рика, бьются.

— Что такое, закричала Lise, уже тревожнымъ голо
Мама, это со мной будетъ истерика, а не съ ней!

— Lise, ради Бога не кричи, не убивай меня. Ты еще
кихъ лѣтахъ, что тебѣ нельзя всего знать, что большіе
прибѣгу все разскажу, что можно тебѣ сообщить. О, Бо
Я бѣгу, бѣгу... Истерика—это добрый знакъ, Алексѣй
вичъ, это превосходно, что съ ней истерика, Это имен
и надо. Я въ этомъ случаѣ всегда противъ женщинъ,
всѣхъ этихъ истерикъ и женскихъ слезъ. Юлія, бѣги и
что я лечу. А что Иванъ Ѳедоровичъ такъ вышелъ, т
сама виновата. Но онъ не уѣдетъ. Lise, ради Бога не
Ахъ да, ты не кричишь, это я кричу, прости свою мам
я въ восторгѣ, въ восторгѣ, въ восторгѣ! А замѣтили вы
сѣй Ѳедоровичъ, какимъ молодымъ, молодымъ человѣкомъ
Ѳедоровичъ давеча вышелъ, сказалъ это все и вышелъ!
мала, онъ такой ученый, академикъ, а онъ вдругъ такъ
горячо, откровенно и молодо, неопытно и молодо, и т
все прекрасно-прекрасно, точно вы... И этотъ стишокъ
кій сказалъ, ну, точно какъ вы! Но бѣгу, бѣгу. Алексѣ
ровичъ, спѣшите скорѣй по этому порученію и поскор

есь. Lise, не надобно-ли тебѣ чего? Ради Бога не задержи-
ни минуты Алексѣя Ѳедоровича, онъ сейчасъ къ тебѣ вернется.
Г-жа Хохлакова, наконецъ, убѣжала. Алеша, прежде чѣмъ
ти, хотѣлъ было отворить дверь къ Lise.
— Ни за что! вскричала Lise,—теперь ужь ни за что! Го-
рите такъ, сквозь дверь. За что вы въ ангелы попали! Я
ько это одно и хочу знать.
— За ужасную глупость, Lise! Прощайте!
— Не смѣйте такъ уходить! вскричала было Lise.
— Lise, у меня серьезное горе! Я сейчасъ ворочусь, но у
я большое-большое горе!
И онъ выбѣжалъ изъ комнаты.

VI.

Надрывъ въ избѣ.

У него было дѣйствительно серьезное горе, изъ такихъ, ка-
и онъ доселѣ рѣдко испытывалъ. Онъ выскочилъ и «наглу-
лъ»,—и въ какомъ-же дѣлѣ: въ любовныхъ чувствахъ! «Но
о я въ этомъ понимаю, что я въ этихъ дѣлахъ разбирать
гу?» въ сотый разъ повторялъ онъ про себя, краснѣя,—«охъ,
ыдъ-бы ничего, стыдъ только должное мнѣ наказаніе,—бѣда
томъ, что несомнѣнно теперь я буду причиною новыхъ не-
стій... А старецъ посылалъ меня чтобы примирить и соеди-
ть. Такъ-ли соединяютъ?» Тутъ онъ вдругъ опять припом-
лъ, какъ онъ «соединилъ руки» и страшно стыдно стало ему
пь. «Хоть я сдѣлалъ это все и искренно, но впередъ надо
ть умнѣе», заключилъ онъ вдругъ и даже не улыбнулся сво-
у заключенію.
Порученіе Катерины Ивановны было дано въ Озерную улицу,
братъ Дмитрій жилъ какъ разъ тутъ по дорогѣ, недалеко отъ
рной улицы въ переулкѣ. Алеша рѣшилъ зайдти къ нему во
комъ случаѣ прежде чѣмъ къ штабсъ-капитану, хотя и пред-
ствовалъ, что не застанетъ брата. Онъ подозрѣвалъ, что тотъ
етъ быть, какъ-нибудь нарочно будетъ прятаться отъ него
рь,—но во что-бы то ни стало надо было его розыскать.
ня-же уходило; мысль объ отходившемъ старцѣ ни на ми
, ни на секунду не оставляла его съ того часа, какъ онъ
елъ изъ монастыря.

Въ порученіи Катерины Ивановны промелькнуло одно обстоятельство, чрезвычайно тоже его заинтересовавшее: когда Катерина Ивановна упомянула о маленькомъ мальчикѣ, школьномъ сынѣ того штабсъ-капитана, который бѣжалъ, плача въ толпѣ подлѣ отца,—то у Алеши, и тогда уже вдругъ мелькнула мысль, что этотъ мальчикъ есть навѣрное тотъ давешній школьникъ укусившій его за палецъ, когда онъ, Алеша, допрашивалъ о чѣмъ онъ его обидѣлъ. Теперь ужь Алеша былъ почти увѣренъ въ этомъ, самъ не зная еще почему. Такимъ образомъ, увлекшись посторонними соображеніями, онъ развлекся и рѣшилъ «думать» о сейчасъ надѣланной имъ «бѣдѣ», не мучить себя раскаяніемъ, а дѣлать дѣло, а тамъ что будетъ, то и выйдетъ. На этой мысли онъ окончательно ободрился. Кстати, завернулъ въ переулокъ къ брату Дмитрію и чувствуя голодъ, онъ вынулъ изъ кармана взятую у отца булку и съѣлъ дорогой. Это подкрѣпило его силы.

Дмитрія дома не оказалось. Хозяева домишка—старикъ столяръ, его сынъ и старушка жена его—даже подозрительно смотрѣли на Алешу. «Ужь третій день, какъ не ночуетъ, не жетъ, куда и выбылъ», отвѣтилъ старикъ на усиленные вопросы Алеши. Алеша понялъ, что онъ отвѣчаетъ по данной инструкціи. На вопросъ его: «Не у Грушеньки-ли онъ, и не у Ѳомы-ли опять прячется» (Алеша нарочно пустилъ въ ходъ откровенности), всѣ хозяева даж пугливо на него посмотрѣли. «Любятъ его, стало быть, руку его держатъ», подумалъ Алеша, «это хорошо».

Наконецъ, онъ розыскалъ въ Озерной улицѣ домъ мѣщанки Калмыковой, ветхій домишко, перекосившійся, всего въ три окна на улицу, съ грязнымъ дворомъ, посреди котораго уединенно стояла корова. Входъ былъ со двора въ сѣни—налѣво изъ сѣней жила старая хозяйка со старухою дочерью и, кажется, совсѣмъ глухія. На вопросъ его о штабсъ-капитанѣ. нѣсколько разъ повторенный, одна изъ нихъ, понявъ, наконецъ, что спрашиваютъ жильцовъ, ткнула ему пальцемъ чрезъ сѣни, указывая на дверь въ чистую избу. Квартира штабсъ-капитана дѣйствительно заключалась только простою избой. Алеша взялся было рукой за желѣзную скобу, чтобъ отворить дверь, какъ вдругъ необыкновенная тишина за дверями поразила его. Онъ зналъ, отъ со словъ Катерины Ивановны, что отставной штабсъ-капитанъ человѣкъ семейный: «Или спятъ всѣ они, или, можетъ быть, услыхали, что я пришелъ и ждутъ, пока я отворю; лучше

постучусь къ нимъ»,— и онъ постучалъ. Отвѣтъ послы-
не не сейчасъ, а секундъ даже, можетъ быть, десять

Кто таковъ? прокричалъ кто-то громкимъ и усиленно сер-
ъ голосомъ.
еша отворилъ тогда дверь, и шагнулъ черезъ порогъ.
очутился въ избѣ, хотя и довольно просторной, но чрез-
но загроможденной и людьми, и всякимъ домашнимъ скар-
Налѣво была большая русская печь. Отъ печи къ лѣвому
чрезъ всю комнату была протянута веревка, на которой
развѣшено разное трятье. По обѣимъ стѣнамъ налѣво и
о помѣщалось по кровати, покрытыхъ вязаными одѣя-
На одной изъ нихъ, на лѣвой, была воздвигнута горка
тырехъ ситцевыхъ подушекъ, одна другой меньше. На
-же кровати справа виднѣлась лишь одна очень малень-
подушечка. Далѣе въ переднемъ углу было небольшое мѣсто,
женное занавѣской или простыней, тоже перекинутою чрезъ
у, протянутую поперегъ угла. За этою занавѣской тоже
алась сбоку устроенная на лавкѣ и на приставленномъ
й стулѣ постель. Простой деревянный, четырехъ-угольный
кій столъ былъ отодвинутъ изъ передняго угла къ сере-
му окошку. Всѣ три окна, каждые въ четыре мелкія, зе-
заплеснѣвшія стекла, были очень тусклы и на-глухо за-
, такъ что въ комнатѣ было довольно душно и не такъ
. На столѣ стояла сковорода съ остатками глазной яичницы,
ъ надъѣденный ломоть хлѣба и сверхъ того находился по-
фъ съ слабыми остатками земныхъ благъ лишь на донушкѣ.
лѣвой кровати на стулѣ помѣщалась женщина, похожая на
одѣтая въ ситцевое платье. Она была очень худа лицомъ,
; чрезвычайно впалыя щеки ея свидѣтельствовали съ пер-
аза о ея болѣзненномъ состояніи. Но всего болѣе пора-
Алешу взглядъ бѣдной дамы,— взглядъ чрезвычайно во-
льный и въ тоже время ужасно надменный. И до тѣхъ
пока дама не заговорила сама и пока объяснялся Алеша
яниномъ, она все время также надменно и вопросительно
дила свои большіе каріе глаза съ одного говорившаго на
. Подлѣ этой дамы, у лѣваго окошка, стояла молодая дѣ-
съ довольно некрасивымъ лицомъ, съ рыженькими жи-
ми волосами, бѣдно, хотя и весьма опрятно, одѣтая. Она
во осмотрѣла вошедшаго Алешу. Направо, тоже у постели,
и еще одно женское существо. Это было очень жалкое

созданіе, молодая тоже дѣвушка, лѣтъ двадцати, но горба
безногая, съ отсохшими, какъ сказали потомъ Алешѣ, н
Костыли ея стояли подлѣ, въ углу, между кроватью и с
Замѣчательно прекрасные и добрые глаза бѣдной дѣвуш
какою-то спокойною кротостью поглядѣли на Алешу. За ст
кончая яичницу, сидѣлъ господинъ лѣтъ сорока пяти, н
каго роста, сухощавый, слабаго сложенія, рыжеватый, с
женькою рѣдкою бородкой, весьма похожею на растреп
мочалку (это сравненіе и особенно слово «мочалка» такъ н
кнули почему-то съ перваго-же взгляда въ умѣ Алеши, о
потомъ припомнилъ). Очевидно, этотъ самый господинъ н
нулъ изъ-за двери: «кто таковъ!» такъ какъ другаго му
въ комнатѣ не было. Но когда Алеша вошелъ, онъ слов
рвался со скамьи, на которой сидѣлъ за столомъ, и, н
обтираясь дырявою салфеткой, подлетѣлъ къ Алешѣ.

— Монахъ на монастырь проситъ, зналъ къ кому
громко между тѣмъ проговорила стоявшая въ лѣвомъ уг
вица. Но господинъ, подбѣжавшій къ Алешѣ, мигомъ пове
къ ней на каблукахъ, и взволнованнымъ, срывающимся
то голосомъ ей отвѣтилъ:

— Нѣтъ-съ, Варвара Николаевна, это не то-съ, не угад
Позвольте спросить въ свою очередь, вдругъ опять пове
онъ къ Алешѣ,—что побудило васъ-съ посѣтить... эти нѣ

Алеша внимательно смотрѣлъ на него, онъ въ первы
этого человѣка видѣлъ. Было въ немъ что-то угловато
шащее и раздражительное. Хотя онъ, очевидно, сейчасъ в
но пьянъ не былъ. Лицо его изображало какую-то бр
наглость и въ тоже время,—странно это было,—видиму
сость. Онъ похожъ былъ на человѣка долгое врѣмя под
шагося и натерпѣвшагося, но который-бы вдругъ вскоч
захотѣлъ заявить себя. Или, еще лучше, на человѣка, ко
ужасно-бы хотѣлось васъ ударить, но который ужасно
что вы его ударите. Въ рѣчахъ его и въ интонаціи до
пронзительнаго голоса слышался какой-то юродливый юм
злой, то робѣющій, не выдерживающій тона и срывающій
просъ о «нѣдрахъ» задалъ онъ какъ-бы весь дрожа, вы
глаза и подскочивъ къ Алешѣ до того въ упоръ, что то
шинально сдѣлалъ шагъ назадъ. Одѣтъ былъ господинъ
ное, весьма плохое, какое-то нанковое пальто, заштопа
въ пятнахъ. Панталоны на немъ были чрезвычайно к
свѣтлыя, такія, что никто давно и не носитъ, клѣтчаты

тоненькой какой-то матеріи, смятый снизу и сбившіяся наверхъ, точно онъ изъ нихъ какъ маленькій мальчикъ
ъ.
- Я... Алексѣй Карамазовъ... проговорилъ было въ отвѣтъ
.
- Отмѣнно умѣю понимать-съ, тотчасъ-же отрѣзалъ господавая знать, что ему и безъ того извѣстно кто онъ та-
— Штабсъ я капитанъ-съ Снѣгиревъ-съ, въ свою очередь, е-же желательно узнать, что именно побудило...
- Да я такъ только зашелъ. Мнѣ въ сущности отъ себя осъ-бы вамъ сказать одно слово... Если только позволите...
- Въ такомъ случаѣ вотъ и стулъ-съ, извольте взять мѣ. Это въ древнихъ комедіяхъ говорили: «извольте взять »... и штабсъ-капитанъ быстрымъ жестомъ схватилъ поій стулъ (простой мужицкій, весь деревянный и ничѣмъ не й) и поставилъ его чуть не по срединѣ комнаты; затѣмъ, явъ другой такой-же стулъ для себя, сѣлъ напротивъ Алеши, ежнему къ нему въ упоръ и такъ, что колѣни ихъ почти касались вмѣстѣ.
- Николай Ильичъ Снѣгиревъ-съ, русской пѣхоты бывшій съ-капитанъ-съ, хоть и посрамленный своими пороками, но е штабсъ-капитанъ. Скорѣе-бы надо сказать: штабсъ-капи- Словоерсовъ, а не Снѣгиревъ, ибо лишь со второй полоі жизни сталъ говорить словоерсами. Слово-еръ-съ пріобрѣя въ униженіи.
— Это такъ точно, усмѣхнулся Алеша, — только невольно рѣтается или нарочно?
— Видитъ Богъ, невольно. Все не говорилъ, цѣлую жизнь оворилъ словоерсами, вдругъ упалъ и всталъ съ словоер- Это дѣлается высшею силой. Вижу, что интересуетесь менными вопросами. Чѣмъ, однако, могъ возбудить столь нытства, ибо живу въ обстановкѣ невозможной для гостества.
— Я пришелъ... по тому самому дѣлу...
— По тому самому дѣлу? нетерпѣливо перервалъ штабсъ-танъ.
— По поводу той встрѣчи вашей съ братомъ моимъ Дмитъ Ѳедоровичемъ, неловко отрѣзалъ Алеша.
— Какой-же это встрѣчи-съ? Это ужь не той-ли самой-съ? итъ, на счетъ мочалки, банной мочалки? надвинулся онъ ъ такъ, что въ этотъ разъ положительно стукнулся колѣп-

кими въ Алешу. Губы его какъ-то особенно сжались въ точку.

— Какая это мочалка? пробормоталъ Алеша.

— Это онъ на меня тебѣ, папа, жаловаться пришелъ! нулъ знакомый уже Алешѣ голосокъ давешняго мальчика за занавѣски въ углу.—Это я ему давеча палецъ укусилъ навѣска отдернулась, и Алеша увидѣлъ давешняго врага въ углу подъ образами, на приложенной на лавкѣ и на постелькѣ. Мальчикъ лежалъ накрытый своимъ пальтишк еще старенькимъ ватнымъ одѣяльцемъ. Очевидно, былъ ровъ и, судя по горящимъ глазамъ, въ лихорадочномъ Онъ безстрашно, не по давешнему, глядѣлъ теперь на А «Дома, дескать, теперь не достанешь».

— Какой такой палецъ укусилъ? привскочилъ со штабсъ-капитанъ.—Это вамъ онъ палецъ укусилъ-съ?

— Да, мнѣ. Давеча онъ на улицѣ съ мальчиками ка перебрасывался; они въ него шестеро кидаютъ, а онъ Я подошелъ къ нему, а онъ и въ меня камень бросилъ, другой мнѣ въ голову. Я спросилъ: что я ему сдѣлалъ? вдругъ бросился и больно укусилъ мнѣ палецъ, не знаю за

— Сейчасъ высѣку-съ! Сею минутой высѣку-съ, со уже вскочилъ со стула штабсъ-капитанъ.

— Да я вѣдь вовсе не жалуюсь, я только разсказалъ. Я вовсе не хочу чтобы вы его высѣкли! Да онъ, кажется, перь и болѣнъ...

— А вы думали я высѣку-съ? Что я Илюшечку возьм сейчасъ и высѣку предъ вами для вашего полнаго удовл ренія? Скоро вамъ это надо-съ? проговорилъ штабсъ-капи вдругъ повернувшись къ Алешѣ съ такимъ жестомъ, какъ хотѣлъ на него броситься — Жалѣю, сударь, о вашемъ чикѣ, но не хотите-ли я, прежде чѣмъ Илюшечку сѣчь, четыре пальца, сейчасъ-же на вашихъ глазахъ, для в справедливаго удовлетворенія, вотъ этимъ самымъ ножомъ паю. Четырехъ-то пальцевъ я думаю вамъ будетъ довольн для утоленія жажды мщенія-съ, пятаго не потребуете?.. вдругъ остановился и какъ-бы задохся. Каждая черточка лицѣ ходила и дергалась, глядѣлъ же съ чрезвычайнымъ вомъ. Онъ былъ какъ-бы въ изступленіи

— Я, кажется, теперь все понялъ, тихо и грустно тилъ Алеша, продолжая сидѣть. — Значитъ, вашъ мальчи добрый мальчикъ, любитъ отца и бросился на меня, ка

вашего обидчика... Это я теперь понимаю, повторилъ онъ, унывая. — Но братъ мой Дмитрій Ѳедоровичъ раскаивается своемъ поступкѣ, я знаю это, и если только ему возможно ъ придти къ вамъ, или всего лучше свидѣться съ вами въ томъ самомъ мѣстѣ, то онъ попроситъ у васъ при ъ прощенія... если вы пожелаете.

— Те есть вырвалъ бороденку и попросилъ извиненія... Все, ить, закончилъ и удовлетворилъ, такъ-ли-съ?

— О, нѣтъ, напротивъ, онъ сдѣлаетъ все что будетъ угодно ъ вамъ будетъ угодно!

— Такъ что если-бъ я попросилъ его свѣтлость стать на ки предо мной въ этомъ самомъ трактирѣ-съ, — «Столичъ-городъ» ему наименованіе, — или на площади-съ, такъ онъ ить-бы?

— Да, онъ станетъ на колѣни.

— Пронзили-съ. Прослезили меня и пронзили-съ. Слишкомъ ненъ чувствовать великодушіе вашего братца. Позвольте-же комендоваться вполнѣ: моя семья, мои двѣ дочери и мой ,—мой пометъ-съ. Умру я, кто-то ихъ возлюбитъ-съ? А пока я. кто-то меня, скверненькаго, кромѣ нихъ возлюбитъ? ое это дѣло устроилъ Господь для каждаго человѣка въ родѣ-съ. Ибо надобно чтобъ и человѣка въ моемъ родѣ кто-нибудь возлюбить-съ...

— Ахъ, это совершенная правда! воскликнулъ Алеша.

— Да полноте, наконецъ, паясничать, какой-нибудь дуракъ ить, а вы срамите! восликнула неожиданно дѣвушка у окна, ясь въ отцу съ брезгливою и презрительною миной.

— Повремените немного, Варвара Николаевна, позвольте вы-ть направленіе, крикнулъ ей отецъ хотя и повелитель-тономъ, но однако весьма одобрительно смотря на нее.— жь у насъ такой характеръ-съ, повернулся онъ опять къ .

«И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ».

ить надо-бы въ женскомъ родѣ: благословить она не хо-ъ. Но теперь позвольте васъ представить и моей супругѣ: съ Арина Петровна, дама безъ ногъ-съ, лѣтъ сорока трехъ, ходятъ да немножко-съ. Изъ простыхъ-съ. Арина Петровна, ьте черты ваши: вотъ Алексѣй Ѳедоровичъ Карамазовъ. то, Алексѣй Ѳедоровичъ, — онъ взялъ его за руку и съ

силой, которой даже нельзя было ожидать отъ него, вдру
приподнялъ: — вы дамѣ представляетесь, надо встать-с
тотъ-съ Карамазовъ, маменька, который... гм! и такъ да
братъ его, блистающій смиренными добродѣтелями. Поз
Арина Петровна, позвольте, маменька, позвольте, вашу
предварительно поцаловать.

И онъ почтительно, нѣжно даже поцаловалъ у супруги
Дѣвица у окна съ негодованіемъ повернулась къ сценѣ
надменно вопросительное лицо супруги вдругъ выразило
новенную ласковость.

— Здравствуйте, садитесь, г. Черномазовъ, проговори

— Карамазовъ, маменька, Карамазовъ (мы изъ просты
подшепнулъ онъ снова.

— Ну Карамазовъ или какъ тамъ, а я всегда Черном
Садитесь-же, и зачѣмъ онъ васъ поднялъ? Дама безъ но
говорить, ноги-то есть, да распухли какъ ведра, а сам
сохла. Прежде-то я куда была толстая, а теперь вонъ
иглу проглотила...

— Мы изъ простыхъ-съ, изъ простыхъ-съ, подсказа
разъ капитанъ.

— Папа, ахъ, папа! проговорила вдругъ горбатая д
доселѣ молчавшая на своемъ стулѣ, и вдругъ закры
платкомъ.

— Шутъ! брякнула дѣвица у окна.

— Видите у насъ какія извѣстія, разставила руки
указывая на дочерей, — точно облака идутъ; пройдутъ
и опять наша музыка. Прежде, когда мы военными б
намъ много приходило такихъ гостей. Я, батюшка, это
не приравниваю. Кто любитъ кого, тотъ и люби того.
ница тогда приходитъ и говоритъ: Александръ Алексан
превосходнѣйшей души человѣкъ, а Настасья, говоритъ, Е
это исчадіе ада. Ну, отвѣчаю, это, какъ кто кого обо
ты и мала куча да вонюча.— А тебя, говоритъ, надо в
новеніи держать. — Ахъ ты, черная ты, говорю ей, ш
и кого ты учить пришла? Я, говоритъ она, воздухъ чист
каю, а ты нечистый. — А спроси, отвѣчаю ей, всѣхъ
офицеровъ, нечистый-ли во мнѣ воздухъ, али другой
И такъ это у меня съ того самаго времени на душѣ
что намедни:ь, сижу я вотъ здѣсь какъ теперь и ви
самый генералъ вошелъ, что на Святую сюда пріѣзжа
говорю ему, ваше превосходительство, можно-ли бла

воздухъ свободный впускать?—Да, отвѣчаетъ, надо-бы у
форточку, али дверь отворить, потому самому, что у васъ
къ не свѣжій. Ну и всѣ-то такъ! А и что имъ мой воз-
дался? Отъ мертвыхъ и того хуже пахнетъ. Я, говорю,
ху вашего не порчу, а башмаки закажу и уйду. Батюшки,
чики, не попрекайте мать родную! Николай Ильичъ, ба-
а, я-ль тебѣ не угодила, только вѣдь у меня и есть что
очка изъ класса придетъ и любитъ. Вчера яблочко при-
Простите, батюшки, простите, голубчики, мать родную,
ите меня совсѣмъ одинокую, а и чего вамъ мой воздухъ
онъ сталъ!

бѣдная понѣшанная вдругъ разрыдалась, слезы брызнули
ъ. Штабсъ-капитанъ стремительно подскочилъ къ ней.

— Маменька, маменька, голубчикъ, полно, полно! Не оди-
ты. Всѣ-то тебя любятъ, всѣ обожаютъ! и онъ началъ
цаловать у нея обѣ руки и нѣжно сталъ гладить по ея
своими ладонями; схвативъ-же салфетку, началъ вдругъ
рать съ лица ея слезы. Алешѣ показалось даже, что у него
самого засверкали слезы.—Ну-съ, видѣли-съ? Слышали-съ?
-то вдругъ яростно обернулся онъ къ нему, показывая рукой
дную слабоумную.

— Вижу и слышу, пробормоталъ Алеша.

— Папа, папа! Неужели ты съ нимъ... Брось ты его, папа!
улъ вдругъ мальчикъ, привставъ на своей постелькѣ и го-
ъ взглядомъ смотря на отца.

— Да полноте вы, наконецъ, паясничать, ваши выверты
е показывать, которые ни къ чему никогда не ведутъ!..
ъ уже озлившись, крикнула все изъ того угла Варвара
аевна, даже ногой топнула.

— Совершенно справедливо на этотъ разъ изволите изъ себя
ить, Варвара Николаевна, и я васъ стремительно удовлет-
Ну-съ, шапочку вашу надѣньте, Алексѣй Ѳедоровичъ, а я
картузъ возьму—и пойдемте-съ. Надобно вамъ одно серьез-
словечко сказать, только внѣ этихъ стѣнъ. Эта вотъ си-
дѣвица—это дочка моя-съ, Нина Николаевна-съ, забылъ
ъ ее представить, — ангелъ Божій во плоти... къ смерт-
слетѣвшій... если можете только это понять...

— Весь вѣдь такъ и сотрясается, словно судорогой его сво-
продолжала въ негодованіи Варвара Николаевна.

А это вотъ что теперь на меня ножкой топаетъ и пая-
ника давеча обличила,—это тоже ангелъ Божій во плоти-съ,

и справедливо меня обозвала-съ. Пойдемте-же, Алексѣй вичъ, покончить надо-съ...

И, схвативъ Алешу за руку, онъ вывелъ его изъ прямо на улицу.

VII.

И на чистомъ воздухѣ.

— Воздухъ чистый-съ, а въ хоромахъ-то у меня не свѣжо; во всѣхъ даже смыслахъ. Пройдемте, сударь, Очень-бы хотѣлось мнѣ васъ заинтересовать-съ.

— Я и самъ къ вамъ имѣю одно чрезвычайное д мѣтилъ Алеша,—и только не знаю какъ мнѣ начать.

— Какъ не узнать, что у васъ до меня дѣло-съ? Без вы-бы никогда ко мнѣ и не заглянули. Али въ самомъ дѣ жаловаться на мальчика приходили-съ? Такъ вѣдь з роятно-съ. А кстати, о мальчикѣ-съ: я вамъ тамъ все нить не могъ-съ, а здѣсь теперь сцену эту вамъ о Видите-ли, мочалка-то была гуще-съ, еще всего недѣлю я про бороденку мою говорю-съ; это вѣдь бороденку чалкой прозвали, школьники главное-съ. Ну-съ, вотъ-с меня тогда вашъ братецъ Дмитрій Ѳедоровичъ за мою б за ничто-съ, забуянилъ, а я подвернулся, вытянулъ тира на площадь, а какъ разъ школьники изъ школы в а съ ними и Илюша. Какъ увидалъ онъ меня въ такомъ в бросился ко мнѣ: «Папа, кричитъ, папа!» Хватается обнимаетъ меня, хочетъ меня вырвать, кричитъ моему «Пустите, пустите, это папа мой, папа, простите его» вѣдь и кричитъ: «простите»; ручонками-то тоже его да руку-то ему, эту самую-то руку его, и цалуетъ-съ. я въ ту минуту какое у него было личико-съ, не заб не забуду-съ!..

— Клянусь, воскликнулъ Алеша,--братъ вамъ са кроннимъ образомъ, самымъ полнымъ, выразитъ раскаяніе даже на колѣняхъ на той самой площади... Я заставлю е онъ мнѣ не братъ!

— Ага, такъ это еще въ прожектѣ находится. Не н него, а отъ благородства лишь вашего сердца исходит го-съ. Такъ-бы и сказали-съ. Нѣтъ, ужь въ такомъ са

ите мнѣ и о высочайшемъ рыцарскомъ и офицерскомъ благо-
ріи вашего братца досказать, ибо онъ его тогда выразилъ-съ.
нимъ онъ это меня за мочалку тащить, пустилъ на волю-съ:
, говоритъ, офицеръ и я офицеръ, если можешь найдти се-
данта, порядочнаго человѣка, то присылай—дамъ удовлетво-
ie, хотя-бы ты и мерзавецъ!» Вотъ что сказалъ-съ. Во истину
арскій духъ! Удалились мы тогда съ Илюшей, а родословная
льная картина на вѣки у Илюши въ памяти душевной от-
тлѣлась. Нѣтъ, ужь гдѣ намъ дворянами оставаться-съ. Да и
удите сами-съ, изволили сами быть сейчасъ у меня въ хоро-
, — что видѣли-съ? Три дамы сидятъ-съ, одна безъ ногъ
умная, другая безъ ногъ горбатая, а третья съ ногами, да
комъ ужь умная, курсистка-съ, въ Петербургъ снова рвется,
на берегахъ Невы права женщины русской отыскивать. Про
шу не говорю-съ, всего девять лѣтъ-съ, одинъ какъ перстъ,
умри я—й что со всѣми этими нѣдрами станется, я только
это одно васъ спрошу-съ? А если такъ, то вызови я его
дуэль, а ну какъ онъ меня тотчасъ-же и убьетъ, ну что-же
а? Съ ними-то тогда со всѣми что станется-съ? Еще хуже
если онъ не убьетъ-съ, а лишь только меня искалѣчитъ:
тать нельзя, а ротъ-то всетаки остается, кто-жь его накор-
ъ тогда, мой ротъ, и кто-жь ихъ-то всѣхъ тогда накормитъ-съ?
Илюшу, вмѣсто школы, милостыню просить высылать ежед-
но? Такъ вотъ что оно для меня значитъ-съ на дуэль-то его
ать-съ, глупое это слово-съ и больше ничего-съ.

— Онъ будетъ у васъ просить прощенія, онъ посреди пло-
вамъ въ ноги поклонится, вскричалъ опять Алеша съ за-
вшимся взоромъ.

— Хотѣлъ я его въ судъ позвать, продолжалъ штабсъ-ка-
нъ,—но разверните нашъ кодексъ, много-ль мнѣ придется
мствореній за личную обиду мою съ обидчика получить-съ?
тъ вдругъ Аграфена Александровна призываетъ меня и кри-
ъ: «Думать не смѣй! Если въ судъ его позовешь, такъ под-
у такъ, что всему свѣту публично обнаружится, что билъ онъ
за твое-же мошенничество, тогда самого тебя подъ судъ
дутъ». А Господь одинъ видитъ отъ кого мошенничество-то
вышло-съ, и по чьему приказу я какъ мелкая сошка тутъ
ствовалъ-съ, — не по ея-ли самой распоряженію, да Ѳедора
овича? «А къ тому-же, прибавляетъ, на вѣки тебя прогоню,
ого ты у меня впредь не заработаешь. Купцу моему тоже
(она его такъ и называетъ, старика-то: купецъ мой), такъ

и тотъ те[illegible]онитъ». Вотъ и думаю, если ужь и купецъ че[illegible] сгонитъ, то [illegible] тогда, у кого заработаю? Вѣдь они только д[illegible] мнѣ и остались, такъ какъ батюшка вашъ Ѳедоръ Павловичъ [illegible] только мнѣ довѣрять пересталъ, по одной посторонней причинѣ[illegible] но еще самъ, заручившись моими расписками, въ судъ меня [illegible] щить хочетъ. Вслѣдствіе сего я и притихъ-съ и вы нѣдра [illegible] дѣли-съ. А теперь позвольте спросить: больно онъ вамъ па[illegible] чикъ давеча укусилъ, Илюша-то? Въ хоромахъ-то я при н[illegible] войдти въ сію подробность не рѣшился.

— Да, очень больно, и онъ очень былъ раздраженъ. [illegible] мнѣ какъ Карамазову за васъ отомстилъ, мнѣ это ясно теп[illegible] Но если-бы вы видѣли какъ онъ съ товарищами школьник[illegible] камнями перекидывался? Это очень опасно, они могутъ его уб[illegible] они дѣти, глупы, камень летитъ и можетъ голову проломит[illegible]

— Да ужь и попало-съ, не въ голову, такъ въ груд[illegible] повыше сердца-съ сегодня ударъ камнемъ, синякъ-съ, праш[illegible] плачетъ, охаетъ, а вотъ и заболѣлъ.

— И знаете, вѣдь онъ тамъ самъ первый и нападаетъ на всѣ[illegible] онъ озлился за васъ, они говорятъ, что онъ одному мальч[illegible] Красоткину, давеча въ бокъ перочиннымъ ножикомъ пырнул[illegible]

— Слышалъ и про это, опасно-съ: Красоткинъ это чи[illegible] никъ здѣшній, еще, можетъ быть, хлопоты выйдутъ-съ...

— Я-бы вамъ совѣтовалъ, съ жаромъ продолжалъ Алеш[illegible] нѣкоторое время не посылать его вовсе въ школу пока [illegible] уймется. . и гнѣвъ этотъ въ немъ пройдетъ...

— Гнѣвъ-съ! подхватилъ штабсъ-капитанъ,—именно гнѣв[illegible] Въ маленькомъ существѣ, а великій гнѣвъ-съ. Вы этого всег[illegible] знаете-съ. Позвольте мнѣ пояснить эту повѣсть особенно. [illegible] въ томъ, что послѣ того событія всѣ школьники въ школѣ [illegible] его мочалкой дразнить. Дѣти въ школахъ народъ безжалост[illegible] порознь ангелы Божіи, а вмѣстѣ, особенно въ школахъ, в[illegible] часто безжалостны. Начали они его дразнить. воспрянул[illegible] Илюшѣ благородный духъ. Обыкновенный мальчикъ, сл[illegible] сынъ, — тотъ-бы смирился, отца своего застыдился, а [illegible] одинъ противъ всѣхъ возсталъ за отца. За отца и за истин[illegible] за правду-съ. Ибо, что онъ тогда вынесъ, какъ вашему б[illegible] руки цаловалъ и кричалъ ему: «Простите папочку, простит[illegible] почку», — то это только Богъ одинъ знаетъ да я-съ. И [illegible] такъ-то дѣтки наши—то есть не ваши, а наши-съ, дѣтки [illegible] зрѣнныхъ, но благородныхъ нищихъ-съ, правду на землѣ е[illegible] девять лѣтъ отъ роду узнаютъ-съ. Богатымъ гдѣ: тѣ в[illegible]

убины не изслѣдуютъ, а мой Илюшка въ ту мую мину
ади-то-съ, какъ руки-то его цаловалъ, въ ту мую мину
ину произошелъ-съ. Вошла въ него эта -съ
а его на вѣки-съ, горячо и опять какъ-б ту-
оизнесъ штабсъ-капитанъ и при этомъ уда м
кулакомъ въ лѣвую ладонь, какъ-бы жела
акъ пришибла его Илюшу «истина».—В
у меня въ лихорадкѣ былъ-съ, всю но
ь мало со мной говорилъ, совсѣмъ молчалъ
ь я: глядитъ, глядитъ на меня изъ угла,
припадаетъ и дѣлаетъ видъ, будто-бы уро
го не уроки у него на умѣ. На другой день я в
о не помню-съ, грѣшный человѣкъ, съ горя-съ
ъ плакать начала-съ,—маменьку-то я очень люблю-
горя и клюкнулъ, на послѣднія-съ. Вы, сударь, не
меня: въ Россіи пьяные люди у насъ самые добрые.
обрые люди у насъ и самые пьяные. Лежу это я и
въ тотъ день не очень запомнилъ, а въ тотъ-то именно
ьчишки и подняли его на смѣхъ въ школѣ съ утра-съ:
а, кричатъ ему, отца твоего за мочалку изъ трактира
а ты подлѣ бѣжалъ и прощенія просилъ». На третій
пришелъ онъ опять изъ школы, смотрю, лица на немъ
блѣднѣлъ. Что̀ ты, говорю? Молчитъ. Ну, въ хоромахъ-то
ыло разговаривать, а то сейчасъ маменька и дѣвицы
примутъ—дѣвицы-то къ тому-же узнали, даже еще въ
день. Варвара-то Николаевна уже стала ворчать: «Шуты,
азвѣ можетъ у васъ что́ разумное быть».—Такъ точно,
Варвара Николаевна, развѣ можетъ у насъ что̀ разумное
ѣмъ на тотъ разъ и отдѣлался. Вотъ-съ къ вечеру я и
мальчика погулять. А мы съ нимъ, надо вамъ знать-съ,
вечеръ и допрежь того гулять выходили, ровно по тому
пути, по которому съ вами теперь идемъ, отъ самой на-
итки до вонъ того камня большушаго, который вонъ
дорогѣ сиротой лежитъ у плетня, и гдѣ выгонъ город-
инается: мѣсто пустынное и прекрасное-съ. Идемъ мы съ
, ручка его въ моей рукѣ, по обыкновенію; махонькая у
ка, пальчики тоненькіе, холодненькіе, — грудкой вѣдь
еня страдаетъ.—«Папа, говоритъ, папа!»—Что̀, говорю
азенки вижу у него сверкаютъ.—«Папа, какъ онъ тебя
апа!» — Что̀ дѣлать, Илюша, говорю. — «Не мирись съ
па, не мирись. Школьники говорятъ, что онъ тебѣ десять

далъ».—Нѣтъ, говорю, Илюша, я денегъ о
ерь ни за что. Такъ онъ и затрясся весь, с
у руку въ свои обѣ ручки, опять цалуетъ. — «Папа, го
папа, вызови его на дуэль, въ школѣ дразнятъ, что ты
не вызовешь его на дуэль, а десять рублей у него возьм
На дуэль, Илюша, мнѣ нельзя его вызвать, отвѣчаю я, и
ему вкратцѣ все то, что и вамъ на сей счетъ сейчасъ из
Выслушалъ онъ:—«Папа, говоритъ, папа, всетаки не м
выросту, я вызову его самъ и убью его!» Глазенки-то св
и горятъ. Ну, при всемъ томъ вѣдь я и отецъ, надобно
ему слово правды сказать: грѣшно, говорю, я ему, убивать,
и на поединкѣ. — «Папа, говоритъ, папа, я его повал
большой буду, я ему саблю выбью своей саблей, бро
него, повалю его, замахнусь на него саблей и скажу ему:
тебя сейчасъ убить, но прощаю тебя, вотъ тебѣ!» — Вид
дите, сударь, какой процессикъ въ головкѣ-то его про
въ эти два дня, это онъ день и ночь объ этомъ именно
съ саблей думалъ и ночью, должно быть, объ этомъ бред
Только сталъ онъ изъ школы приходить больно бит
третьяго дня я все узналъ, и вы правы-съ; больше
школу эту я его не пошлю-съ. Узнаю я, что онъ проти
класса одинъ идетъ и всѣхъ самъ вызываетъ, самъ
сердце въ немъ зажглось, — испугался я тогда за него.
ходимъ гуляемъ. — «Папа, спрашиваетъ, папа, вѣдь
всѣхъ сильнѣе на свѣтѣ?—Да, говорю, Илюша, нѣтъ н
сильнѣе богатаго. — «Папа, говоритъ, я разбогатѣю, я
церы пойду и всѣхъ разобью, меня царь наградитъ, я п
тогда никто не посмѣетъ»... Потомъ помолчалъ да и гово
губенки-то у него все по прежнему вздрагиваютъ.—«П
воритъ, какой это нехорошій городъ нашъ, папа!»—
ворю, Илюшечка, не очень-таки хорошъ нашъ городъ.—
переѣдемъ въ другой городъ, въ хорошій, говоритъ, гор
про насъ и не знаютъ.»—Переѣдемъ, говорю, переѣдем
ша,—вотъ только денегъ скоплю. Обрадовался я случаю
его отъ мыслей темныхъ, и стали мы мечтать съ нимъ,
въ другой городъ переѣдемъ, лошадку свою купимъ да т
Маменьку да сестрицъ усадимъ, закроемъ ихъ, а сами
пойдемъ, изрѣдка тебя подсажу, а я тутъ подлѣ пойду,
лошадку свою поберечь надо, не всѣмъ-же садиться,
отправимся. Восхитился онъ этимъ, а главное, что своя
будетъ и самъ на ней поѣдетъ. А ужь извѣстно, что

родится вмѣстѣ съ лошадкой. Болтали мы долго;
о, развлекъ я его, утѣшилъ. Это третьяго дня вече-
а вечеромъ уже другое оказалось. Опять онъ утромъ
ошелъ, мрачный вернулся, очень ужь мраченъ.
я его за ручку, вывелъ гулять, молчитъ, не
окъ тогда начался, солнце затмилось, осенью по-
ркалось ужь, — идемъ, обоимъ намъ грустно.—
акъ-же мы, говорю, съ тобой въ дорогу-то со-
, на вчерашній-то разговоръ навести. Молчитъ.
его слышу въ моей рукѣ вздрогнули. Э, думаю,
ть. Дошли мы вотъ, какъ теперь, до этого са-
ъ я на камень этотъ, а на небесахъ все змѣи
ятъ и трещатъ, змѣевъ тридцать видно. Вѣдь
езонъ-съ. Вотъ, говорю, Илюша, пора-бы и намъ
одній запустить. Починю-ка я его, гдѣ онъ у
ганъ? Молчитъ мой мальчикъ, глядитъ въ сто-
мнѣ бокомъ. А тутъ вѣтеръ вдругъ загудѣлъ,
ь... Бросился онъ вдругъ ко мнѣ весь, обнялъ
енками шею, стиснулъ меня. Знаете, дѣтки коли
ордыя, да слезы долго перемогаютъ въ себѣ,
прорвутся, если горе большое придетъ, такъ
слезы потекутъ-съ, а брызнутъ словно ручьи-съ.
згами этими такъ вдругъ и обмочилъ онъ мнѣ
алъ, какъ въ судорогѣ, затрясся, прижимаетъ
сижу на камнѣ.—«Папочка, вскрикиваетъ, па-
апочка, какъ онъ тебя унизилъ!» Зарыдалъ тутъ
и сотрясаемся обнявшись.—«Папочка, говоритъ,
юша, говорю ему, Илюшечка! Никто-то насъ
-съ, Богъ одинъ видѣлъ, авось мнѣ въ форму-
ь. Поблагодарите вашего братца, Алексѣй Ѳедо-
, я моего мальчика для вашего удовлетворенія

опять со своимъ давешнимъ злымъ и юродли-
. Алеша почувствовалъ, однако, что ему ужь
что будь на его мѣстѣ другой, то съ другимъ
не сталъ-бы такъ «разговаривать» и не сооб-
го, что сейчасъ ему сообщилъ. Это ободрило
его душа дрожала отъ слезъ.
ъ-бы мнѣ хотѣлось помириться съ вашимъ маль-
нулъ онъ.—Если-бы вы это устроили...
къ-съ, пробормоталъ штабсъ-капитанъ.

— Но теперь не про то, совсѣмъ не про то, слушайте, должалъ восклицать Алеша, — слушайте! Я имѣю къ вамъ ручеиіе: этотъ самый мой братъ, этотъ Дмитрій, оскорбилъ и невѣсту, благороднѣйшую дѣвушку, и о которой вы вѣрно шали. Я имѣю право вамъ открыть про ея оскорбленіе, я долженъ такъ сдѣлать, потому что она, узнавъ про вашу и узнавъ все про ваше несчастное положеніе, поручила мнѣ часъ... давеча... снести вамъ это вспоможеніе отъ нея... но отъ нея одной, не отъ Дмитрія, который и ее бросилъ, нѣтъ, и не отъ меня, отъ брата его, и не отъ кого-нибудь отъ нея, только отъ нея одной! Она васъ умоляетъ ея помощь... вы оба обижены однимъ и тѣмъ-же человѣкомъ. Она и вспомнила-то о васъ лишь тогда, когда вынесла отъ такую-же обиду (по силѣ обиды), — какъ и вы отъ него! значитъ сестра идетъ къ брату съ помощью... Она именно ручила мнѣ уговорить васъ принять отъ нея вотъ эти рублей, какъ отъ сестры, зная, что вы такъ нуждаетесь. Никто объ этомъ не узнаетъ, никакихъ несправедливыхъ сплетенъ можетъ произойдти... вотъ эти двѣсти рублей и, клянусь, — должны принять ихъ, иначе... иначе, стало быть, всѣ должны быть врагами другъ другу на свѣтѣ! Но вѣдь есть-же и на свѣтѣ братья... У васъ благородная душа... вы должны это понять должны!

И Алеша протянулъ ему двѣ новенькія радужныя сторуб выя кредитки. Оба они стояли тогда именно у большаго ка у забора, и никого кругомъ не было. Кредитки произвели, лось, на штабсъ-капитана страшное впечатлѣніе: онъ вздрогнулъ, но сначала какъ-бы отъ одного удивленія: ничего подобнаго и не мерещилось и такого исхода онъ не ожидалъ вовсе. мощь отъ кого-нибудь, да еще такая значительная, ему мечталась даже и во снѣ. Онъ взялъ кредитки и съ минуту и отвѣчать не могъ, совсѣмъ что-то новое промелькнуло лицѣ его.

— Это мнѣ-то, мнѣ-съ, это столько денегъ, двѣсти руб Батюшки! Да я ужь четыре года не видалъ такихъ денегъ Господи! И говоритъ, что сестра... и вправду это, вправду!

— Клянусь вамъ, что все, что я вамъ сказалъ, правда! во чалъ Алеша. Штабсъ капитанъ покраснѣлъ.

— Послушайте-съ, голубчикъ мой, послушайте-съ, вѣдь я и приму, то вѣдь не буду-же я подлецомъ? Въ глазахъ-то шихъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, вѣдь не буду, не буду подлец

-съ, Алексѣй Ѳедоровичъ, вы выслушайте, выслушайте-съ, лся онъ поминутно, дотрогиваясь до Алеши обѣими ру-—вы вотъ уговариваете меня принять тѣмъ, что «сестра» етъ, а внутри-то, про себя-то,—не восчувствуете ко мнѣ нія, если я приму-съ, а?

— Да нѣтъ-же, нѣтъ! Спасеніемъ моимъ клянусь вамъ, что И никто не узнаетъ никогда, только мы: я, вы, да она, одна дама, ея большой другъ...

— Что дама! Слушайте Алексѣй Ѳедоровичъ, выслушайте-съ, ужь теперь минута такая пришла-съ. что надо выслушать; даже и понять не можете, что могутъ значить для теперь эти двѣсти рублей, продолжалъ бѣднякъ, приходя енно въ какой-то безпорядочный, почти дикій восторгъ. ыть какъ-бы сбитъ съ толку, говорилъ-же чрезвычайно и торопясь, точно опасаясь, что ему не дадутъ всего вы-ть. — Кромѣ того, что это честно пріобрѣтено, отъ столь енной и святой «сестры-съ», знаете-ли вы, что я маменьку иночку.—горбатенькаго-то ангела моего, дочку-то, полѣчить рь могу? Пріѣзжалъ ко мнѣ докторъ Герценштубе, по добротѣ го сердца, осмотривалъ ихъ обѣихъ цѣлый часъ: «Не пони-, говоритъ, ничего», а, однако-жь, минеральная вода, которая птекѣ здѣшней есть (прописалъ онъ ее), несомнѣнную пользу принесетъ, да ванны ножныя изъ лѣкарствъ тоже ей пропи-. Минеральная-то вода стоитъ тридцать копѣекъ, а кувши-то надо выпить, можетъ быть, сорокъ. Такъ я взялъ да тъ и положилъ на полку подъ образа, да тамъ и лежитъ. иночку прописалъ купать въ какомъ-то растворѣ, въ горячихъ ахъ такихъ, да ежедневно утромъ и вечеромъ, такъ гдѣ-жь было сочинить такое лѣченье-съ у насъ-то, въ хоромахъ-то ихъ, безъ прислуги, безъ помощи, безъ посуды и безъ воды-съ? иночка-то вся въ ревматизмѣ. я вамъ это еще и не говорилъ, очамъ ноетъ у нея вся правая половина, мучается, и, вѣ-ли, ангелъ Божій, крѣпится, чтобы насъ не обезпокоить, тонетъ, чтобы насъ не разбудить. Кушаемъ мы что попало, робудется; такъ вѣдь она самый послѣдній кусокъ возьметъ, собакѣ только можно выкинуть: «Не стою я, дескать, этого , я у васъ отнимаю, вамъ бременемъ сижу». Вотъ что ея ъ ангельскій хочетъ изобразить. Служимъ мы ей, а ей это тно: «Не стою я этого, не стою, недостойная я калѣка, без-ная», — а еще-бы она не стоила-съ, когда она всѣхъ насъ ангельскою кротостью у Бога вымолила, безъ нея, безъ ея

у насъ былъ-бы адъ съ, даже Варю и ту смя
Николаевну тоже не осуждайте-съ, тоже ангел
...ая. Прибыла она къ намъ лѣтомъ, а было
надцать рублей, уроками заработала и отложила и
отвѣздъ, чтобы въ сентябрѣ, то есть теперь-то, въ Пете
на нихъ воротиться. А мы взяли денежки-то ея и прожил
на что ей теперь воротиться, вотъ какъ-съ. Да и нельзя
титься-то, потому, на насъ какъ каторжная работаетъ, в
ее какъ клячу запрягли-осѣдлали, за всѣми ходитъ, чинитъ,
полъ мететъ, маменьку въ постель укладываетъ, а ма
капризная-съ, а маменька слезливая-съ, а маменька сум
шая-съ!.. Такъ вѣдь теперь я на эти двѣсти рублей слу
нанять могу-съ, понимаете-ли вы, Алексѣй Ѳедоровичъ,
милыхъ существъ предпринять могу-съ, курсистку въ Пете
направлю-съ, говядины куплю-съ, діэту новую заведу-съ. Г
да вѣдь это мечта!

Алеша былъ ужасно радъ, что доставилъ столько сч
что бѣднякъ согласился быть осчастливленнымъ.

— Стойте, Алексѣй Ѳедоровичъ, стойте, схватился о
новую вдругъ представившуюся ему мечту штабсъ капи
опять затараторилъ изступленною скороговоркой.—да зна
вы, что мы съ Илюшкой, пожалуй, и впрямь теперь мечт
ществимъ: купимъ лошадку да кибитку, да лошадку-то вор
кую, онъ просилъ непремѣнно чтобы вороненькую, да и
вимся, какъ третьяго дня росписывали. У меня въ К—ск
берніи адвокатъ есть знакомый-съ, съ дѣтства пріятель-съ
давали мнѣ чрезъ вѣрнаго человѣка, что если пріѣду, то он
у себя на конторѣ мѣсто письмоводителя будто-бы дастъ-с
вѣдь кто его знаетъ, можетъ, и дастъ... Ну, такъ посад
маменьку, посадить-бы Ниночку, Илюшечку править пос
я-бы пѣшечкомъ, пѣшечкомъ, да всѣхъ-бы и повезъ-съ... Г
да если-бы только одинъ должокъ пропащій здѣсь по
такъ, можетъ, достанетъ даже и на это-съ!

— Достанетъ, достанетъ! воскликнулъ Алеша, — Ка
Ивановна вамъ пришлетъ еще, сколько угодно, и, знает
меня тоже есть деньги, возьмите сколько вамъ надо, как
брата, какъ отъ друга, потомъ отдадите... (Вы разбогатѣет
богатѣете!). И знаете, что никогда вы ничего лучше даже
думать не въ состояніи какъ этотъ переѣздъ въ другую
нію! Въ этомъ ваше спасеніе, а главное, для вашего мальч
и знаете, поскорѣе-бы, до зимы-бы, до холодовъ, и напис

гуда, и остались-бы мы братьями... Нѣтъ, это не мечта!
іа хотѣлъ было обнять его, до того онъ былъ доволенъ.
инувъ на него, онъ вдругъ остановился: тотъ стоялъ вы-
шею, вытянувъ губы, съ изступленнымъ и поблѣднѣв-
щимъ, и что-то шепталъ губами, какъ будто желая что-
ворить; звуковъ не было, а онъ все шепталъ губами,
къ-то странно.
Іего вы! вздрогнулъ вдругъ отчего-то Алеша.
Алексѣй Ѳедоровичъ... я... вы... бормоталъ и срывался
капитанъ, странно и дико смотря на него въ упоръ съ
рѣшившагося полетѣть съ горы, и въ тоже время губами
и улыбаясь, — я-съ... вы-съ... А не хотите-ли я вамъ
окусикъ сейчасъ покажу-съ! вдругъ прошепталъ онъ
ъ, твердымъ шепотомъ, рѣчь уже не срывалась болѣе.
Какой фокусикъ?
Фокусикъ, фокусъ-покусъ такой, все шепталъ штабсъ-
ь; ротъ его скривился на лѣвую сторону, лѣвый глазъ
лся, онъ не отрываясь все смотрѣлъ на Алешу, точно
ися къ нему.
Да что съ вами, какой фокусъ? прокричалъ тотъ ужь со-
ь испугѣ.
А вотъ какой, глядите! взвигнулъ вдругъ штабсъ-капи-

оказавъ ему обѣ радужныя кредитки, которыя все время,
олженіи всего разговора, держалъ обѣ вмѣстѣ за уголокъ
ъ и указательнымъ пальцами правой руки, онъ вдругъ
мъ-то остервенѣніемъ схватилъ ихъ, смялъ и крѣпко за-
кулакѣ правой руки.
Видѣли-съ, видѣли-съ! взвизгнулъ онъ Алешѣ, блѣдный
ленный, и вдругъ, поднявъ вверхъ кулакъ, со всего роз-
осилъ обѣ смятыя кредитки на песокъ, — видѣли-съ?
лъ онъ опять показывая на нихъ пальцемъ, — ну, такъ
съ!..
ругъ поднявъ правую ногу, онъ съ дикою злобой бро-
съ топтать каблукомъ, восклицая и задыхаясь съ каж-
аромъ ноги.
Вотъ ваши деньги-съ! Вотъ ваши деньги-съ! Вотъ ваши
ь! Вотъ ваши деньги-съ! Вдругъ онъ отскочилъ назадъ
мился предъ Алешей. Весь видъ его изобразилъ собой
имую гордость.
Положите пославшимъ васъ, что мочалка чести своей не

скричалъ онъ, простирая на воздухъ руку.
улся и бросился бѣжать; но онъ не проб
говъ, какъ, весь повернувшись опять, вдругъ
Алешѣ ручкой. Но и опять не пробѣжавъ пяти шаговъ,
послѣдній уже разъ обернулся, на этотъ разъ безъ ис
наго смѣха въ лицѣ, а, напротивъ, все оно сотрясалось
Плачущею, срывающеюся, захлебывающеюся скороговор
кричалъ онъ:

— А что-жь-бы я моему мальчику-то сказалъ, если-б
деньги за позоръ нашъ взялъ? и, проговоривъ это, брос
жать, на сей разъ уже не оборачиваясь. Алеша глядѣлъ ем
съ невыразимою грустью. О, онъ понималъ, что тотъ д
послѣдняго мгновенія самъ не зналъ, что скомкаетъ и ш
кредитки. Бѣжавшій ни разу не обернулся, такъ и знал
что не обернется. Преслѣдовать и звать его онъ не з
онъ зналъ почему? Когда-же тотъ исчезъ изъ виду, Але
нялъ обѣ кредитки. Онѣ были лишь очень смяты, сплк
вдавлены въ песокъ, и совершенно цѣлы и даже зах
какъ новенькія, когда Алеша развертывалъ ихъ и разгла
Разгладивъ, онъ сложилъ ихъ, сунулъ въ карманъ и
къ Катеринѣ Ивановнѣ докладывать объ успѣхѣ ея по

КНИГА ПЯТАЯ.

PRO И CONTRA.

I.

Сговоръ.

Г-жа Хохлакова опять встрѣтила Алешу первая. Она торопилась: случилось нѣчто важное; истерика Катерины Ивановны кончилась обморокомъ, затѣмъ наступила «ужасная, страшная слабость, она легла, завела глаза и стала бредить. Теперь жаръ, послали за Герценштубе, послала за тетками. Тетки ужь здѣсь, Герценштубе еще нѣтъ. Всѣ сидятъ въ ея комнатѣ и ждутъ. Что-то будетъ, а она безъ памяти. А ну, если горячка!»

Восклицая это, г-жа Хохлакова имѣла видъ серьезно-испуганный: «это ужь серьезно, серьезно!» прибавляла она къ каждому слову, какъ будто все что̀ случалось съ ней прежде, было не серьезно. Алеша выслушалъ ее съ горестью; началъ было разсказать ей и свои приключенія; но она его съ первыхъ-же словъ прервала; ей было некогда, она просила посидѣть у Lise и у Lise подождать ее.

— Lise, милѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ, зашептала она ему почти на ухо,—Lise меня странно удивила сейчасъ, но и умилила, а потому сердце мое ей все прощаетъ. Представьте, только что вы ушли, она вдругъ искренно стала раскаяваться, что надъ нами будто-бы смѣялась вчера и сегодня. Но вѣдь она не смѣялась, она лишь шутила. Но такъ серьезно раскаявалась, почти со слезъ, такъ что я удивилась. Никогда она прежде серьезно не раскаявалась, когда надо мною смѣялась, а все въ шутку.

А вы знаете, она поминутно надо мною смѣется. А вотъ т
она серьезно, теперь все пошло серьезно. Она чрезвычайно к
ваше мнѣніе, Алексѣй Ѳедоровичъ, и если можете, то не обм
тесь на нее, и не имѣйте претензіи. Я сама только и дѣлаю,
щажу ее, потому что она такая умненькая,—вѣрите-ли вы?
говорила сейчасъ, что вы были другомъ ея дѣтства,—«сам
серьезнымъ другомъ моего дѣтства, — представьте себѣ это,
мымъ серьезнымъ, а я-то? У ней на этотъ счетъ чрезвыч
серьезныя чувства, и даже воспоминанія, а главное эти фр
и словечки, самыя неожиданныя эти словечки, такъ что ни
не ожидаешь, а вдругъ оно и выскочитъ. Вотъ недавно о сос
напримѣръ: Стояла у насъ въ саду, въ ея первомъ дѣтст
сосна, можетъ, и теперь стоитъ, такъ что нечего говорить
прошедшемъ времени. Сосны не люди, онѣ долго не измѣняют
Алексѣй Ѳедоровичъ. «Мама, говоритъ, я помню эту сосну и
со сна,—то есть «сосну, какъ со сна»—это какъ-то она и
выразилась, потому что тутъ путаница, сосна слово глупое,
только она мнѣ наговорила по этому поводу что-то такое о
гинальное, что я рѣшительно не возьмусь передать. Да и
забыла. Ну, до свиданья, я очень потрясена и навѣрно съ
схожу. Ахъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, я два раза въ жизни съ
сходила и меня лѣчили. Ступайте къ Lise. Ободрите ее, какъ
всегда прелестно это съумѣете сдѣлать. Lise, крикнула она, н
ходя къ ея двери,—вотъ я привела къ тебѣ столь оскорбл
наго тобою Алексѣя Ѳедоровича, и онъ нисколько не сердит
увѣряю тебя, напротивъ, удивляется, какъ ты могла подум
— Mercі, maman, войдите, Алексѣй Ѳедоровичъ.

Алеша вошелъ. Lise смотрѣла какъ-то сконфуженно и вдр
вся покраснѣла. Она видимо чего-то стыдилась, и какъ всег
при этомъ бываетъ, быстро-быстро заговорила совсѣмъ о пост
роннемъ, точно этимъ только постороннимъ она и интересовал
въ эту минуту.

— Мама мнѣ вдругъ передала сейчасъ, Алексѣй Ѳедорович
всю исторію объ этихъ двухстахъ рубляхъ, и объ этомъ в
порученіи... къ этому бѣдному офицеру... и разсказала всю э
ужасную исторію, какъ его обидѣли, и, знаете, хотъ мама р
сказываетъ очень не толково... она все перескакиваетъ... но
слушала и плакала. Что-же, какъ-же, отдали вы эти деньг
какъ-же теперь этотъ несчастный?..

— То-то и есть, что не отдалъ, и тутъ цѣлая исторія, отв
тилъ Алеша, съ своей стороны какъ-бы именно болѣе всего о

[illegible]ный тѣмъ, что деньги не отдалъ, а между тѣмъ Lise [illegible]но замѣтила, что и онъ смотритъ въ сторону, и тоже ви[illegible] старается говорить о постороннемъ. Алеша присѣлъ къ [illegible]у и сталъ разсказывать, но съ первыхъ-же словъ онъ со[illegible]енно пересталъ конфузиться и увлекъ въ свою очередь Lise. [illegible] говорилъ подъ вліяніемъ сильнаго чувства и недавняго [illegible]ычайнаго впечатлѣнія, и разсказать ему удалось хорошо и [illegible]ятельно. Онъ и прежде, еще въ Москвѣ, еще въ дѣтствѣ [illegible] любилъ приходить къ ней, и разсказывать то изъ случив[illegible]ося съ нимъ сейчасъ, то изъ прочитаннаго, то вспоминать [illegible] прожитаго имъ дѣтства. Иногда даже оба мечтали вмѣстѣ [illegible]чиняли цѣлыя повѣсти вдвоемъ, но большею частью весе[illegible] и смѣшныя. Теперь они оба какъ-бы вдругъ перенеслись [illegible]прежнее московское время, два года назадъ. Lise была чрез[illegible]йно растрогана его разсказомъ. Алеша съ горячимъ чув[illegible]мъ съумѣлъ нарисовать передъ ней образъ «Илюшечки». [illegible]гда-же кончилъ во всей подробности сцену о томъ, какъ тотъ [illegible]частный человѣкъ топталъ деньги, то Lise всплеснула руками [illegible]вскричала въ неудержимомъ чувствѣ:

— Такъ вы не отдали денегъ, такъ вы такъ и дали ему [illegible]жать! Боже мой, да вы хоть-бы побѣжали за нимъ сами и [illegible]гнали его...

— Нѣтъ, Lise, этакъ лучше, что я не побѣжалъ, сказалъ [illegible]ша, всталъ со стула, и озабоченно прошелся по комнатѣ.

— Какъ лучше, чѣмъ лучше? Теперь они безъ хлѣба, и по[illegible]нутъ!

— Не погибнутъ, потому что эти двѣсти рублей ихъ все[illegible] не минуютъ. Онъ все равно возьметъ ихъ завтра. Завтра-то [illegible] навѣрно возьметъ, проговорилъ Алеша, шагая въ раздумьи.— [illegible]ките-ли, Lise, продолжалъ онъ, вдругъ остановясь предъ ней,— [illegible]амъ тутъ сдѣлалъ одну ошибку, но и ошибка-то вышла къ [illegible]шему.

— Какая ошибка, и почему къ лучшему?

— А вотъ почему, это человѣкъ трусливый и слабый ха[illegible]теромъ. Онъ такой измученный и очень добрый. Я вотъ те[illegible] все думаю: чѣмъ это онъ такъ вдругъ обидѣлся и деньги [illegible]топталъ, потому что, увѣряю васъ, онъ до самаго послѣдняго [illegible]венія не зналъ, что растопчетъ ихъ. И вотъ мнѣ кажется, [illegible] онъ многимъ тутъ обидѣлся... да и не могло быть иначе въ [illegible]ложеніи... Во первыхъ, онъ ужь тѣмъ обидѣлся, что слиш[illegible] при мнѣ деньгамъ обрадовался и предо мною этого не скрылъ.

Если-бъ обрадовался, да не очень, не показалъ этого, фасоны-б
сталъ дѣлать, какъ другіе, принимая деньги, кривляться, ч
тогда-бы еще могъ снести и принять, а то онъ ужь слишко
правдиво обрадовался, а это-то и обидно. Ахъ, Lise, онъ пр
дивый и добрый человѣкъ, вотъ въ этомъ-то и вся бѣда въ эти
случаяхъ! У него все время, пока онъ тогда говорилъ, голо
былъ такой слабый, ослабленный, и говорилъ онъ такъ скор
скоро, все какъ-то хихикалъ такимъ смѣшкомъ, или уже пл
калъ... право, онъ плакалъ, до того онъ былъ въ восхищеніи
и про дочерей своихъ говорилъ... и про мѣсто, что̀ ему въ д
гомъ городѣ дадутъ... И чуть только излилъ душу, вотъ вдру
ему и стыдно стало зато, что онъ такъ всю душу мнѣ показа
Вотъ онъ меня сейчасъ и возненавидѣлъ. А онъ изъ ужасно сты
ливыхъ бѣдныхъ. Главное-же обидѣлся тѣмъ, что слишкомъ ско
меня за своего друга принялъ и скоро мнѣ сдался; то броса
на меня, пугалъ, а тутъ, вдругъ только что увидѣлъ деньги
сталъ меня обнимать. Потому что онъ меня обнималъ, все рука
трогалъ. Это именно вотъ въ такомъ видѣ онъ долженъ бы
все это униженіе почувствовать, а тутъ какъ разъ я эту ошиб
сдѣлалъ, очень важную: Я вдругъ и скажи ему, что если дене
у него не достанетъ на переѣздъ въ другой городъ, то ему с
дадутъ, и даже я самъ ему дамъ изъ моихъ денегъ сколько угод
Вотъ это вдругъ его и поразило: зачѣмъ, дескать, и я выскочи
ему помогать? Знаете, Lise, это ужасно какъ тяжело для об
женнаго человѣка, когда всѣ на него станутъ смотрѣть его бл
годѣтелями... я это слышалъ, мнѣ это старецъ говорилъ. Я
знаю какъ это выразить, но я это часто и самъ видѣлъ. Да
вѣдь и самъ точно также чувствую. А главное, то, что хоть о
и не зналъ до самаго послѣдняго мгновенія, что растопчетъ кр
дитки, но всетаки это предчувствовалъ, это ужь непремѣнн
Потому-то и восторгъ у него былъ такой сильный, что онъ пре
чувствовалъ... И вотъ хоть все это такъ скверно, но всетаки
лучшему. Я такъ даже думаю, что къ самому лучшему, лучше
быть не могло...

— Почему, почему лучше и быть не могло? воскликну
Lise съ большимъ удивленіемъ смотря на Алешу.

— Потому, Lise, что если-бъ онъ не растопталъ, а взялъ
деньги, то, придя домой, чрезъ часъ какой-нибудь и заплака
бы о своемъ униженіи, вотъ что̀ вышло-бы непремѣнно. Зап
калъ-бы и, пожалуй, завтра пришелъ-бы ко мнѣ чѣмъ
бросилъ-бы, можетъ быть, мнѣ кредитки и растопталъ-бы

а. А теперь онъ ушелъ ужасно гордый и съ торжествомъ,
и знаетъ, что «погубилъ себя». А, стало быть, теперь ужь
о нѣтъ легче какъ заставить его принять эти-же двѣсти
й не далѣе какъ завтра, потому что онъ ужь свою честь
алъ, деньги швырнулъ, растопталъ... Не могъ-же онъ знать,
топталъ, что я завтра ихъ ему опять принесу. А между
деньги-то эти ему ужасно какъ вѣдь нужны. Хоть онъ
ь и гордъ, а всетаки вѣдь даже сегодня будетъ думать о
какой помощи онъ лишился. Ночью будетъ еще сильнѣе
ъ, во снѣ будетъ видѣть, а къ завтрешнему утру, пожалуй,
ъ будетъ ко мнѣ бѣжать и прощенья просить. А я-то вотъ
и явлюсь: «Вотъ, дескать, вы гордый человѣкъ, вы дока-
ну, теперь возьмите, простите насъ». Вотъ тутъ-то онъ и
етъ!

Алеша съ какимъ-то упоеніемъ произнесъ: «Вотъ тутъ-то
и возьметъ!» Lise захлопала въ ладошки.

– Ахъ, это правда, ахъ, я это ужасно вдругъ поняла! Ахъ,
а, какъ вы это все знаете? Такой молодой и ужь знаетъ,
ъ душѣ... Я-бы никогда этого не выдумала...

– Его, главное, надо теперь убѣдить въ томъ, что онъ со
нами на равной ногѣ, не смотря на то, что онъ у насъ
и беретъ, продолжалъ въ своемъ упоеніи Алеша,—и не
о на равной, но даже на высшей ногѣ...

– «На высшей ногѣ»—прелестно, Алексѣй Ѳедоровичъ, но
ите, говорите!

– То есть я не такъ выразился... про высшую ногу... но
ичего, потому что...

– Ахъ, ничего, ничего, конечно, ничего! Простите, Алеша.
й... Знаете, я васъ до сихъ поръ почти не уважала... то
уважала, да на равной ногѣ, а теперь буду на высшей
ать... Милый, не сердитесь, что я «острю», подхватила она
ісъ-же съ сильнымъ чувствомъ.—Я смѣшная и маленькая,
ы, вы!.. Слушайте, Алексѣй Ѳдоровичъ, нѣтъ-ли тутъ во
ь этомъ разсужденіи нашемъ, то есть вашемъ.. нѣтъ ужь
е нашемъ... нѣтъ-ли тутъ презрѣнія къ нему, къ этому
истному... въ томъ, что мы такъ его душу теперь разбира-
свысока точно, а? Въ томъ, что такъ навѣрно рѣшили те-
, что онъ деньги приметъ, а?

– Нѣтъ, Lise, нѣтъ презрѣнія, твердо отвѣтилъ Алеша,
будто уже приготовленный къ этому вопросу,—я ужь объ
ь самъ думалъ, идя сюда. Разсудите, какое ужь тутъ пре-

зрѣніе, когда мы сами такіе-же какъ онъ, когда всѣ такіе-ж
какъ онъ. Потому что вѣдь и мы такіе-же, не лучше. А если б
и лучше были, то были-бы всетаки такіе-же на его мѣстѣ...
не знаю, какъ вы, Lise, но я считаю про себя, что у меня
многомъ мелкая душу. А у него и не мелкая, напротивъ, оче
деликатная... Нѣтъ Lise, нѣтъ тутъ никакого презрѣнія къ нем
Знаете, Lise, мой старецъ сказалъ одинъ разъ: за людьми слож
надо какъ за дѣтьми ходить, а за иными какъ за больными
больницахъ...

— Ахъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, ахъ голубчикъ, давайте
людьми какъ за больными ходить!

— Давайте, Lise, я готовъ, только я самъ не совсѣмъ г
товъ; я иной разъ очень нетерпѣливъ, а въ другой разъ и гл
у меня нѣтъ. Вотъ у васъ другое дѣло.

— Ахъ, не вѣрю! Алексѣй Ѳедоровичъ, какъ я счастлива!

— Какъ хорошо, что вы это говорите, Lise.

— Алексѣй Ѳедоровичъ, вы удивительно хороши, но в
иногда какъ будто педантъ.. а между тѣмъ, смотришь, вов
не педантъ. Подите, посмотрите у дверей, отворите ихъ тихонь
и посмотрите, не подслушиваетъ-ли маменька, — прошепта
вдругъ Lise какимъ-то нервнымъ, торопливымъ шепотомъ.

Алеша пошелъ, пріотворилъ двери и доложилъ, что никто
подслушиваетъ.

— Подойдите сюда, Алексѣй Ѳедоровичъ, продолжала Lis
краснѣя все болѣе и болѣе,—дайте вашу руку, вотъ такъ. Слу
шайте, я вамъ должна большое признаніе сдѣлать: вчерашн
письмо я вамъ не въ шутку написала, а серьезно...

И она закрыла рукой свои глаза. Видно было, что ей оче
стыдно сдѣлать это признаніе. Вдругъ она схватила его руку
стремительно поцаловала ее три раза.

— Ахъ, Lise, вотъ и прекрасно, радостно воскликну
Алеша.—А я вѣдь былъ совершенно увѣренъ, что вы написа
серьезно.

— Увѣренъ, представьте себѣ! отвела вдругъ она его ру
не выпуская ее, однако, изъ своей руки, краснѣя ужасно
смѣясь маленькимъ, счастливымъ смѣшкомъ,—я ему руку по
ловала, а онъ говоритъ: «и прекрасно». Но упрекала она несп
ведливо: Алеша тоже былъ въ большомъ смятеніи.

— Я-бы желалъ вамъ всегда нравиться, Lise, но не
какъ это сдѣлать,—пробормоталъ онъ кое-какъ, и тоже
нѣя.

Алеша, милый, вы холодны и дерзки. Видите-ли-съ. Онъ
лъ меня выбрать въ свои супруги и на томъ успокоился!
ылъ уже увѣренъ, что я написала серьезно, каково! Но
то дерзость—вотъ что!
Да развѣ это худо, что я былъ увѣренъ? засмѣялся вдругъ

Ахъ, Алеша, напротивъ, ужасно какъ хорошо, нѣжно и
стьемъ посмотрѣла на него Lise. Алеша стоялъ все еще
свою руку въ ея рукѣ. Вдругъ онъ нагнулся и поцало-
ое въ самыя губки.
Это что еще? Что съ вами? вскрикнула Lise. Алеша со-
потерялся.
Ну, простите, если не такъ... Я, можетъ быть, ужасно
.. Вы сказали, что я холоденъ, я взялъ и поцаловалъ...
я вижу, что вышло глупо...
е засмѣялась и закрыла лицо руками.
И въ этомъ платьѣ! вырвалось у ней между смѣхомъ, но
она перестала смѣяться и стала вся серьезная, почти
я.
Ну, Алеша, мы еще подождемъ съ поцалуями, потому что
го еще оба не умѣемъ, а ждать намъ еще очень долго, за-
ла она вдругъ.—Скажите лучше, за что вы берете меня,
дуру, больную дурочку, вы, такой умный, такой мыслящій,
замѣчающій? Ахъ, Алеша, я ужасно счастлива, потому что
совсѣмъ не стою!
Стойте, Lise. Я на дняхъ выйду изъ монастыря совсѣмъ.
въ свѣтъ, надо жениться, это-то я знаю. Такъ и *онъ* мнѣ
. Кого-жь я лучше васъ возьму... и кто меня, кромѣ васъ
тъ? Я ужь это обдумывалъ. Во первыхъ, вы меня съ дѣт-
наете, а во вторыхъ, въ васъ очень много способностей,
ъ во мнѣ совсѣмъ нѣтъ. У васъ душа веселѣе, чѣмъ у меня;
авное, невиннѣе меня, а ужь я до многаго, до многаго при-
ся... Ахъ, вы не знаете, вѣдь и я Карамазовъ! Что въ
что вы смѣетесь и шутите, и надо мной тоже, напротивъ,
есь, и шутите, я такъ этому радъ... Но вы смѣетесь, какъ
ькая дѣвочка, а про себя думаете, какъ мученица...
Какъ мученица? Какъ это?
Да, Lise, вотъ давеча вашъ вопросъ: нѣтъ-ли въ насъ пре-
къ тому несчастному, что мы такъ душу его анатоми-
,—этотъ вопросъ мученическій... видите, я никакъ не умѣю
разить, но у кого такіе вопросы являются, тотъ самъ

способенъ страдать. Сидя въ креслахъ, вы ужь и теперь были много передумать...

— Алеша, дайте мнѣ вашу руку, что вы ее отни промолвила Lise ослабленнымъ отъ счастья, упавшимъ ка голоскомъ.—Послушайте, Алеша, во что вы одѣнетесь, ка дете изъ монастыря, въ какой костюмъ? Не смѣйтесь, дитесь, это очень, очень для меня важно.

— Про костюмъ, Lise, я еще не думалъ, но въ ка тите, въ такой и одѣнусь.

— Я хочу, чтобъ у васъ былъ темносиній, бархатн жакъ, бѣлый пикейный жилетъ и пуховая сѣрая мягкая Скажите, вы такъ и повѣрили давеча, что я васъ не когда я отъ письма вчерашняго отреклась?

— Нѣтъ, не повѣрилъ.

— О, несносный человѣкъ, неисправимый!

— Видите, я зналъ, что вы меня... кажется, люби сдѣлалъ видъ, что вамъ вѣрю, что вы не любите, что было... удобнѣе...

— Еще того хуже! И хуже и лучше всего. Алеша ужасно люблю. Я давеча, какъ вы пришли, загадала: у него вчерашнее письмо, и если онъ мнѣ спокойно в отдастъ его (какъ и ожидать отъ него всегда можно)—то з что онъ совсѣмъ меня не любитъ, ничего не чувствуетъ, а глупый и недостойный мальчикъ, а я погибла. Но вы о письмо въ кельѣ и это меня ободрило: не правда-ли, вы оставили въ кельѣ, что предчувствовали, что я буду т назадъ письмо, такъ чтобы не отдавать его? Такъ-ли? Ве

— Охъ, Lise, совсѣмъ не такъ, вѣдь письмо-то со теперь, и давеча было тоже, вотъ въ этомъ карманѣ, в Алеша вынулъ, смѣясь, письмо и показалъ ей изда

— Только я вамъ не отдамъ его, смотрите изъ ру

— Какъ? Такъ вы давеча солгали, вы, монахъ, и с

— Пожалуй, солгалъ, смѣялся и Алеша, — чтобы в отдавать письма солгалъ. Оно очень мнѣ дорого, прибав вдругъ съ сильнымъ чувствомъ и опять покраснѣвъ,— за вѣки и я его никому никогда не отдамъ!

Lise смотрѣла на него въ восхищеніи.

— Алеша, пролепетала она опять,—посмотрите у дв подслушиваетъ-ли маменька?

— Хорошо, Lise, я посмотрю, только вѣдь не лучше-ли и рѣть, а? Зачѣмъ подозрѣвать въ такой низости вашу м

— Какъ низости? Въ какой низости? Это то, что она подслушиваетъ за дочерью, такъ это ея право, а не низость, вспыхнула Lise.—Будьте увѣрены, Алексѣй Ѳедоровичъ, что когда я буду матерью и у меня будетъ такая-же дочь, какъ я, то непремѣнно буду за нею подслушивать.

— Неужели, Lise? Это не хорошо.

— Ахъ, Боже мой, какая тутъ низость? Если-бъ обыкновенный свѣтскій разговоръ какой-нибудь подслушивала, то это низость, а тутъ родная дочь заперлась съ молодымъ человѣкомъ... Слушайте, Алеша, знайте, я за вами тоже буду подслушивать, только что мы обвѣнчаемся, и знайте еще, что я ваши письма буду распечатывать и все читать... Это ужь будьте предувѣдомлены...

— Да, конечно, если такъ... бормоталъ Алеша,—только это не хорошо...

— Ахъ, какое презрѣніе! Алеша, милый, не будемъ ссориться съ самаго перваго раза, — я вамъ лучше всю правду скажу: это, конечно, очень дурно подслушивать и ужь конечно, не права, а вы правы, но только я все-таки буду подслушивать.

— Дѣлайте. Ничего за мной такого не подглядите, засмѣялся Алеша.

— Алеша, а будете-ли вы мнѣ подчиняться? Это тоже надо заранѣе рѣшить.

— Съ большою охотой, Lise, и непремѣнно, только не въ самомъ главномъ. Въ самомъ главномъ, если вы будете со мной несогласны, то я все-таки сдѣлаю, какъ мнѣ долгъ велитъ.

— Такъ и нужно. Такъ знайте, что и я, напротивъ, не только въ самомъ главномъ подчиняться готова, но и во всемъ уступлю вамъ и вамъ теперь-же въ этомъ клятву даю,—во всемъ и на всю жизнь, вскричала пламенно Lise,—и это со счастьемъ, со счастьемъ! Мало того, клянусь вамъ, что я никогда не буду за вами подслушивать, ни разу и никогда, ни одного письма вашего не прочту, какому что вы правы, а я нѣтъ. И хоть мнѣ ужасно будетъ хотѣться подслушивать, я это знаю, но я все-таки не буду, потому что вы считаете это не благороднымъ. Вытеперь какъ мое мнѣніе... Слушайте, Алексѣй Ѳедоровичъ, почему вы такой грустный всѣ эти дни, и вчера и сегодня; я знаю, что у васъ есть заботы, бѣдствія, но я вижу, кромѣ того, что у васъ есть особая какая-то грусть,—секретная, можетъ быть, а?

— Да, Lise, есть и секретная, грустно произнесъ Алеша.— Спасибо, что меня любите, коли угадали это.

— Какая-же грусть? О чемъ? Можно сказать? съ робкой и
бой произнесла Lise.

— Потомъ скажу, Lise... послѣ... смутился Алеша.—Те
пожалуй, и непонятно будетъ. Да я, пожалуй, и самъ не съу
сказать.

— Я знаю, кромѣ того, что васъ мучаютъ ваши бр
отецъ?

— Да, и братья, проговорилъ Алеша какъ-бы въ раздум

— Я вашего брата Ивана Ѳедоровича не люблю, Ал
вдругъ замѣтила Lise.

Алеша замѣчаніе это отмѣтилъ съ нѣкоторымъ удивлен
но не поднялъ его.

— Братья губятъ себя, продолжалъ онъ,—отецъ тол
другихъ губятъ вмѣстѣ съ собою. Тутъ «земляная карамазов
сила», какъ отецъ Паисій, намедни, выразился,—земляная и
истовая, необдѣланная... Даже носится-ли Духъ Божій вверху
силы—и того не знаю. Знаю только, что и самъ я Карамазо
Я монахъ, монахъ? Монахъ я, Lise? Вы какъ-то сказали сію
нуту, что я монахъ?

— Да, сказала.

— А я въ Бога-то вотъ, можетъ быть, и не вѣрую.

— Вы не вѣруете, что́ съ вами? тихо и осторожно про
рила Lise. Но Алеша не отвѣтилъ на это. Было тутъ, въ эт
слишкомъ внезапныхъ словахъ его нѣчто слишкомъ таинст
ное и слишкомъ субъективное, можетъ быть, и ему самому
ясное, но уже несомнѣнно его мучившее.

— И вотъ теперь, кромѣ всего, мой другъ уходитъ, пер
въ мірѣ человѣкъ землю покидаетъ. Если-бы вы знали, если
вы знали, Lise, какъ я связанъ, какъ я спаянъ душевно съ эт
человѣкомъ! И вотъ я останусь одинъ... Я къ вамъ приду, Li
Впредь будемъ вмѣстѣ...

— Да, вмѣстѣ, вмѣстѣ! Отнынѣ всегда вмѣстѣ на всю жи
Слушайте, поцалуйте меня, я позволяю.

Алеша поцаловалъ ее.

— Ну, теперь ступайте, Христосъ съ вами! (и она пере
стила его). Ступайте скорѣе *къ нему* пока живъ. Я вижу, что
стоко васъ задержала. Я буду сегодня молиться за него и за в
Алеша, мы будемъ счастливы! Будемъ мы счастливы, будемъ?

— Кажется, будемъ, Lise.

Выйдя отъ Lise, Алеша не заблагоразсудилъ пройдти къ
пожѣ Хохлаковой и, не простясь съ нею, направился было

Но только что отворилъ дверь и вышелъ на лѣстницу, от-
ни возьмись предъ нимъ сама госпожа Хохлакова. Съ пер-
слова Алеша догадался, что она поджидала его тутъ нарочно.
— Алексѣй Ѳедоровичъ, это ужасно. Это дѣтскіе пустяки и
вздоръ. Надѣюсь, вы не вздумаете мечтать... Глупости, глу-
и и глупости! накинулась она на него.
— Только не говорите этого ей, сказалъ Алеша,—а то она
тъ взволнована, а это ей теперь вредно.
— Слышу благоразумное слово благоразумнаго молодаго че-
ка. Понимать-ли мнѣ такъ, что вы сами только потому согла-
сь съ ней, что не хотѣли, изъ состраданія къ ея болѣзнен-
состоянію, противорѣчіемъ разсердить ее.
— О, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, я совершенно серьезно съ нею го-
лъ, твердо заявилъ Алеша.
— Серьезность тутъ невозможна, немыслима, и во первыхъ,
съ теперь совсѣмъ не приму ни разу, а во вторыхъ, я уѣду и
везу, знайте это.
— Да зачѣмъ-же, сказалъ Алеша,—вѣдь это такъ еще не
ко, года полтора еще, можетъ быть, ждать придется.
— Ахъ, Алексѣй, Ѳедоровичъ, это, конечно, правда, и въ
ора года вы тысячу разъ съ ней поссоритесь и разойдетесь.
а такъ несчастна, такъ несчастна! Пусть это все пустяки,
то меня сразило. Теперь я какъ Фамусовъ въ послѣдней
ѣ, вы Чацкій, она Софья, и, представьте, я нарочно убѣжала
на лѣстницу, чтобы васъ встрѣтить, а вѣдь и тамъ все ро-
е произошло на лѣстницѣ. Я все слышала, я едва устояла.
вотъ гдѣ объясненіе ужасовъ всей этой ночи и всѣхъ да-
ихъ истерикъ! Дочкѣ любовь, а матери смерть. Ложись въ
ъ. Теперь второе и самое главное: что это за письмо, кото-
она вамъ написала, покажите мнѣ его сейчасъ, сейчасъ!
— Нѣтъ, не надо. Скажите, какъ здоровье Катерины Ива-
ны, мнѣ очень надо знать.
— Продолжаетъ лежать въ бреду, она не очнулась; ея тетки
ь и только ахаютъ и надо мной гордятся, а Герценштубе
калъ и такъ испугался, что я не знала что съ нимъ и дѣлать
ъ его спасти, хотѣла даже послать за докторомъ. Его увезли
моей каретѣ. И вдругъ, въ довершеніе всего, вы вдругъ съ
ъ письмомъ. Правда, все это еще черезъ полтора года. Именемъ
го великаго и святаго, именемъ умирающаго старца вашего по-
ите мнѣ это письмо, Алексѣй Ѳедоровичъ, мнѣ, матери! Если хо-
, то держите его пальцами, а я буду читать изъ вашихъ рукъ.

— Нѣтъ не покажу, Катерина Осиповна, хоть-бы и позволила, я не покажу. Я завтра приду и, если хотите, вамъ о многомъ переговорю, а теперь—прощайте!

И Алеша выбѣжалъ съ лѣстницы на улицу.

II.

Смердяковъ съ гитарой.

Да и некогда было ему. У него блеснула мысль, онъ прощался съ Lise. Мысль о томъ: какъ-бы самымъ хитрымъ образомъ поймать сейчасъ брата Дмитрія, отъ него скрывающагося? Было уже не рано, былъ часъ третій. Всѣмъ существомъ своимъ Алеша стремился въ монастырь, своему «великому» умирающему, но потребность видѣть Дмитрія пересилила все: въ умѣ Алеши съ каждымъ часомъ ростало убѣжденіе о неминуемой ужасной катастрофѣ, которая совершится. Въ чемъ именно состояла катастрофа и что хотѣлъ бы онъ сказать сію минуту брату, можетъ быть, онъ и самъ не опредѣлилъ. «Пусть благодѣтель мой умретъ безъ меня, по крайней мѣрѣ, я не буду укорять себя всю жизнь, что, можетъ быть, могъ-бы что спасти и не спасъ, прошелъ мимо, торопясь въ свой домъ. Дѣлая такъ, по его великому слову сдѣлаю».

Планъ его состоялъ въ томъ, чтобы захватить брата Дмитрія нечаянно, а именно: перелѣзть, какъ вчера черезъ тотъ плетень, войдти въ садъ и засѣсть въ ту бесѣдку. «Если-же его тамъ нѣтъ, думалъ Алеша, то, не сказавшись ни Ѳомѣ, ни хозяину, притаиться и ждать въ бесѣдкѣ, хотя-бы до вечера. Если онъ по прежнему караулитъ приходъ Грушеньки, то, очень можетъ быть, что и придетъ въ бесѣдку»... Алеша, впрочемъ, не разсуждалъ слишкомъ много о подробностяхъ плана, но онъ рѣшилъ его исполнить, хотя бы пришлось и въ монастырь не попасть сегодня.

Все произошло безъ помѣхи: онъ перелѣзъ черезъ плетень почти въ томъ самомъ мѣстѣ какъ вчера и скрытно пробрался въ бесѣдку. Ему не хотѣлось чтобъ его замѣтили: и хозяинъ Ѳома (если онъ тутъ), могли держать сторону брата и слушать его приказаній, а, стало быть, или въ садъ Алешу не пустятъ или брата предувѣдомятъ во-время, что его ищутъ и спрашиваютъ. Въ бесѣдкѣ никого не было. Алеша сѣлъ на свое прежнее мѣсто и началъ ждать. Онъ оглядѣлъ бесѣдку, онъ

у почему-то гораздо болѣе ветхою, чѣмъ вчера; дря
показалась ему въ этотъ разъ. День былъ впрочемъ
ный, какъ и вчера. На зеленомъ столѣ отпечатался
ъ вчерашней, должно быть расплескавш ки
ъ. Пустыя и непригодныя къ дѣлу мы и
ремя скучнаго ожиданія, лѣзли ему въ го
у онъ, войдя теперь сюда, сѣлъ именно
мѣсто, на которомъ вчера сидѣлъ, и п
онецъ, ему стало очень грустно, груст
тности. Но не просидѣлъ онъ и четвер
нь гдѣ-то вблизи, послышался аккордъ
олько сейчасъ усѣлся кто-то шагахъ отъ
икакъ не дальше, гдѣ нибудь въ кустах
кнуло воспоминаніе, что, уходя вчера от
ъ увидѣлъ, или какъ-бы мелькнула перед имъ
довая, зеленая, низенькая старая скамейка между
ней-то, стало быть, и усѣлись теперь гости. Кто-же?
кой голосъ вдругъ запѣлъ сладенькою фистулой кун-
анируя себѣ на гитарѣ:

Непобѣдимой силой
Привержень я къ милой
Господи пом-и-луй
Ее и меня!
Ее и меня!
Ее и меня!

остановился. Лакейскій теноръ и вывертъ пѣсни ла-
угой, женскій уже голосъ, вдругъ произнесъ ласка-
акъ-бы робко съ небольшимъ, однако, жеманствомъ.
вы къ намъ долго не ходите, Павелъ Ѳедоровичъ.
ь все презираете?
го-съ, отвѣтилъ мужской голосъ, хотя и вѣжливо,
всего съ настойчивымъ и твердымъ достоинствомъ.
обладалъ мужчина, а заигрывала женщина. «Мужчи-
жется, Смердяковъ, подумалъ Алеша, по крайней
лосу, а дама, это, вѣрно хозяйки здѣшняго домика
ая изъ Москвы пріѣхала, платье со шлейфомъ носитъ
ь къ Марѣ Игнатьевнѣ ходитъ»...
сно я всякій стихъ люблю, если складно, продолжалъ
лосъ. — Что-же вы не продолжаете? Голосъ запѣлъ

Царская корона
Была-бы моя милая здорова
Господи пом-и-илуй
Ее и меня!
Ее и меня!
Ее и меня!

— Въ прошлый разъ еще лучше выходило, замѣтилъ ж
скій голосъ. — Вы спѣли про корону: «была-бы моя мило
здорова». Этакъ нѣжнѣе выходило, вы вѣрно сегодня позабы
— Стихи вздоръ-съ, отрѣзалъ Смердяковъ.
— Ахъ, нѣтъ, я очень стишокъ люблю.
— Это чтобы стихъ-съ, то это существенный вздоръ-
Разсудите сами: кто-же на свѣтѣ въ риѳму говоритъ? И если
мы стали въ риѳму говорить, хотя-бы даже по приказа
начальства, то много-ли бы мы насказали-съ? Стихи не д
Марья Кондратьевна.
— Какъ вы во всемъ столь умны, какъ это вы во вс
произошли? ласкался все болѣе и болѣе женскій голосъ.
— Я-бы не то еще могъ-съ, я-бы и не то еще знал-
если-бы не жребій мой съ самаго моего сыздѣтства. Я-бы
дуэли изъ пистолета того убилъ, который-бы мнѣ произнесъ,
я подлецъ, потому что безъ отца отъ смердящей произошел
они и въ Москвѣ это мнѣ въ глаза тыкали, отсюда благод
Григорію Васильевичу переползло-съ. Григорій Васильевичъ
прекаетъ, что я противъ рождества бунтую; «ты, дескать,
ложесна расверзъ». Оно пусть ложесна, но я-бы дозволилъ уб
себя еще во чревѣ съ тѣмъ чтобы лишь на свѣтъ не проис
дить вовсе-съ. На базарѣ говорили, а ваша маменька тоже р
сказывать мнѣ пустилась, по великой своей неделикатности,
ходила она съ колтуномъ на головѣ, а росту была всего дву
аршинъ съ *малымъ*. Для чего-же съ *малымъ*, когда мо
просто съ малымъ сказать, какъ всѣ люди произносятъ. Сле
выговорить захотѣлось, такъ вѣдь это мужицкая такъ сказ
слеза-съ, мужицкія самыя чувства. Можетъ-ли русскій муж
противъ образованнаго человѣка чувство имѣть? По необра
ванности своей онъ никакого чувства не можетъ имѣть. Я
самаго сыздѣтства, какъ услышу, бывало, «съ малымъ», т
точно на стѣну-бы бросился. Я всю Россію ненавижу, Ма
Кондратьевна.
— Когда-бы вы были военнымъ юнкерочкомъ, али гуса
комъ молоденькимъ, вы-бы не такъ говорили, а саблю бы
нули и всю Россію стали-бы защищать.

— Я не только не желаю быть военнымъ гусарикомъ, Марья дратьевна, но желаю, напротивъ, уничтоженія всѣхъ сол-ъ-съ.

— А когда непріятель придетъ, кто-же насъ защищать бу-ъ?

— Да и не надо вовсе-съ. Въ двѣнадцатомъ году было на ю великое нашествіе императора Наполеона французскаго, отца нынѣшнему, и хорошо кабы насъ тогда покорили самые французы: умная нація покорила-бы весьма глупую-съ присоединила къ себѣ. Совсѣмъ даже были-бы другіе по-и-съ.

— Да будто они тамъ у себя такъ ужь лучше нашихъ? Я нашего щеголечка на трехъ молодыхъ самыхъ англичанъ промѣняю, нѣжно проговорила Марья Кондратьевна, должно , сопровождая въ эту минуту слова свои самыми томными ками.

— Это какъ кто обожаетъ-съ.

— А вы и сами точно иностранецъ, точно благородный са-иностранецъ, ужь это я вамъ чрезъ стыдъ говорю.

— Если вы желаете знать, то по разврату и тамошніе, и ни всѣ похожи. Всѣ шельмы-съ, но съ тѣмъ, что тамошній лакированныхъ сапогахъ ходитъ, а нашъ подлецъ въ своей шетѣ смердитъ, и ничего въ этомъ дурнаго не находитъ. Рус-народъ надо пороть-съ, какъ правильно говорилъ вчера ръ Павловичъ, хотя и сумасшедшій онъ человѣкъ со всѣми ими дѣтьми-съ.

— Вы Ивана Ѳедоровича, говорили сами, такъ уважаете.

— А они про меня отнеслись, что я вонючій лакей. Они считаютъ, что я бунтовать могу; это они ошибаются-съ. -бы въ карманѣ моемъ такая сумма и меня-бы здѣсь давно ыло. Дмитрій Ѳедоровичъ хуже всякаго лакея и поведеніемъ, моемъ, и нищетой своею-съ, и ничего-то онъ не умѣетъ дѣ-, а, напротивъ, отъ всѣхъ почтенъ. Я, положимъ, только ошникъ, но я, при счастьи, могу въ Москвѣ кафе-ресто-открыть на Петровкѣ. Потому что я готовлю спеціально, одинъ изъ нихъ въ Москвѣ, кромѣ иностранцевъ, не можетъ спеціально. Дмитрій Ѳедоровичъ голоштанникъ-съ, а вы-онъ на дуэль самаго первѣйшаго графскаго сына, и тотъ ъ пойдетъ-съ, а чѣмъ онъ лучше меня-съ? Потому что онъ примѣръ меня глупѣе. Сколько денегъ просвисталъ безъ го употребленія-съ.

— На дуэли очень, я думаю, хорошо, замѣтила вдругъ Кондратьевна.

— Чѣмъ-же это-съ?

— Страшно такъ и храбро, особенно коли молодые офи съ пистолетами въ рукахъ одинъ противъ другаго палятъ торую нибудь. Просто картинка. Ахъ, кабы дѣвицъ п смотрѣть, я ужасно какъ хотѣла-бы посмотрѣть.

— Хорошо, коли самъ наводитъ, а коли ему самому въ рыло наводятъ, такъ оно тогда самое глупое чувство-съ. Уб съ мѣста, Марья Кондратьевна.

— Неужто вы побѣжали-бы?

Но Смердяковъ не удостоилъ отвѣтить. Послѣ минутнаг чанія раздался опять аккордъ и фистула залилась послѣ куплетомъ:

„Сколько ни стараться
Стану удаляться,
Жизнью наслажда-а-аться
И въ столицѣ жить!
Не буду тужить!
Совсѣмъ не буду тужить,
Совсѣмъ даже не намѣренъ тужить!“

Тутъ случилась неожиданность: Алеша вдругъ чихнул скамейкѣ мигомъ притихли. Алеша всталъ и пошелъ в сторону. Это былъ дѣйствительно Смердяковъ, разодѣты помаженный и чуть-ли не завитой, въ лакированныхъ ботин Гитара лежала на скамейкѣ. Дама-же была Марья Кондрат хозяйкина дочка; платье на ней было свѣтлоголубое, съ д аршиннымъ хвостомъ; дѣвушка была еще молоденькая и н ная-бы собой, но съ очень ужь круглымъ лицомъ и со с ными веснушками.

— Братъ Дмитрій скоро воротится? сказалъ Алеша можно спокойнѣе.

Смердяковъ медленно приподнялся со скамейки; приподн и Марья Кондратьевна.

— Почему-жь-бы я могъ быть извѣстенъ про Дмитрія ровича; другое дѣло, кабы я при нихъ сторожемъ состоялъ? раздѣльно и пренебрежительно отвѣтилъ Смердяковъ.

— Да я просто спросилъ не знаете-ли? объяснилъ А.

— Ничего я про ихнее пребываніе не знаю, да и зн желаю-съ.

— А братъ мнѣ именно говорилъ, что вы-то и дает

ить обо всемъ, что въ домѣ дѣлается и обѣщались дать знать
гда придетъ Аграфена Александровна.
Смердяковъ медленно и невозмутимо вскинулъ на него гла-
.
— А вы какъ изволили на сей разъ пройдти, такъ какъ
ота здѣшнія уже часъ какъ на щеколду затворены? спросилъ
, пристально смотря на Алешу.
— А я прошелъ съ переулка черезъ заборъ прямо въ бе-
ку. Вы, надѣюсь, извините меня въ этомъ, обратился онъ
Маръѣ Кондратьевнѣ,—мнѣ надо было захватить скорѣе брата.
— Ахъ, можемъ-ли мы на васъ обижаться, протянула Марья
ондратьевна, польщенная извиненіемъ Алеши, — такъ какъ и
митрій Ѳедоровичъ часто этимъ манеромъ въ бесѣдку ходятъ,
и не знаемъ, а онъ ужь въ бесѣдкѣ сидитъ.
— Я его теперь очень ищу, я очень-бы желалъ его видѣть
и отъ васъ узнать, гдѣ онъ теперь находится. Повѣрьте, что
очень важному для него-же самого дѣлу.
— Они намъ не сказываются, пролепетала Марья Кондратьевна.
— Хотя-бы я и по знакомству сюда приходилъ, началъ вновь
ердяковъ,— но они и здѣсь меня безчеловѣчно стѣснили без-
станнымъ спросомъ про барина: что, дескать, да какъ у нихъ,
приходитъ и кто таковъ уходитъ, и не могу-ли я что иное
сообщить? Два раза грозили мнѣ даже смертью.
— Какъ это смертью? удивился Алеша.
— А для нихъ развѣ это что составляетъ, по ихнему харак-
ру, который сами вчера изволили наблюдать-съ. Если, говорятъ,
рафену Александровну пропущу и она здѣсь переночуетъ—не
ть тебѣ первому живому. Боюсь я ихъ очень-съ, и кабы не
лся еще пуще того, то заявить-бы долженъ на нихъ город-
му начальству. Даже Богъ знаетъ что произвести могутъ-съ.
— Намедни, сказали имъ: «въ ступѣ тебя истолку», приба-
ла Марья Кондратьевна.
— Ну, если въ ступѣ, то это только, можетъ быть, разго-
ъ... замѣтилъ Алеша.—Если-бъ я его могъ сейчасъ встрѣтить,
могъ ему что нибудь и объ этомъ сказать...
— Вотъ что единственно могу сообщить, какъ-бы надумался
гъ Смердяковъ.—Бываю я здѣсь по всегдашнему сосѣдскому
ществу, и какже-бы я не ходилъ-съ? Съ другой стороны,
ъ Ѳедоровичъ чѣмъ свѣтъ сегодня послали меня къ нимъ на
ру въ ихнюю Озерную улицу, безъ письма-съ, съ тѣмъ,
Дмитрій Ѳедоровичъ на словахъ непремѣнно пришли къ

здѣшній трактиръ-съ на площади, чтобы вмѣстѣ обѣдать. шелъ-съ, но Дмитрія Ѳедоровича я на квартирѣ ихней н сталъ-съ, а было ужь восемь часовъ: «Былъ, говорятъ, д вышелъ»,—этими самыми словами ихъ хозяева сообщили, точно у нихъ заговоръ какой-съ, обоюдный-съ. Теперь-м жетъ быть, они въ эту самую минуту въ трактирѣ этомъ (съ братцемъ Иваномъ Ѳедоровичемъ, такъ какъ Иванъ Ѳ вичъ домой обѣдать не приходили, а Ѳедоръ Павловичъ ото часъ тому назадъ одни и теперь почивать легли. Убѣдитель однако, прошу, чтобы вы имъ про меня и про то что я щилъ ничего не говорили-съ, ибо они ни за что убьютъ

— Братъ Иванъ звалъ Дмитрія сегодня въ трактиръ? (переспросилъ Алеша.

— Это точно такъ-съ.

— Въ трактиръ *Столичный городъ*, на площади?

— Въ этотъ самый-съ.

— Это очень возможно! воскликнулъ Алеша въ бол волненіи.—Благодарю васъ, Смердяковъ, извѣстіе важно часъ пойду туда.

— Не выдавайте-съ, проговорилъ ему вслѣдъ Смерд

— О, нѣтъ, я въ трактиръ явлюсь какъ-бы нечаянно, покойны.

— Да куда-же вы, я вамъ калитку отопру, крикнул Марья Кондратьевна.

— Нѣтъ, здѣсь ближе, я опять чрезъ плетень.

Извѣстіе страшно потрясло Алешу. Онъ пустился къ тиру. Въ трактиръ ему входить было въ его одеждѣ непри но освѣдомиться на лѣстницѣ и вызвать ихъ, это было воз Но только что онъ подошелъ къ трактиру, какъ вдругъ рилось одно окно и самъ братъ Иванъ закричалъ ему из внизъ.

— Алеша, можешь ты ко мнѣ сейчасъ войдти сюда или Одолжишь ужасно.

— Очень могу, только не знаю какъ мнѣ въ моемъ пл

— А я какъ разъ въ отдѣльной комнатѣ, ступай на кр я сбѣгу на встрѣчу...

Черезъ минуту Алеша сидѣлъ рядомъ съ братомъ. былъ одинъ и обѣдалъ.

III.

Братья знакомятся.

одился Иванъ, однако, не въ отдѣльной комнатѣ.
олько мѣсто у окна, отгороженное ширмами, но сид
а ширмами всетаки не могли видѣть посторонніе. Ко
а была входная, первая, съ буфетомъ у боковой стѣн
поминутно шмыгали половые. Изъ посѣтителей был
ишь старичокъ отставной военный, и пилъ въ уголк
то въ остальныхъ комнатахъ трактира происходила вс
венная трактирная возня, слышались призывные крики
иваніе пивныхъ бутылокъ, стукъ биллiардныхъ шаровъ,
органъ. Алеша зналъ, что Иванъ въ этотъ трактиръ
икогда не ходилъ и до трактировъ вообще не охотникъ;
ыть, именно потому только и очутился здѣсь, подумалъ
чтобы сойдтись по условію съ братомъ Дмитріемъ. И,
брата Дмитрія не было.

Прикажу я тебѣ ухи аль чего-нибудь, не чаемъ-же вѣдь
съ живешь, крикнулъ Иванъ, повидимому, ужасно до-
что залучилъ Алешу. Самъ онъ ужь кончилъ обѣдъ и

.

и давай, давай потомъ и чаю, я проголодался, весело
лъ Алеша.

варенья вишневаго? Здѣсь есть. Помнишь, какъ ты
у Полѣнова вишневое варенье любилъ?

ы это помнишь? Давай и варенья, я и теперь люблю.
позвонилъ половаго и приказалъ уху, чай и варенье.
се помню, Алеша, я помню тебя до одиннадцати лѣтъ,
огда пятнадцатый годъ. Пятнадцать и одиннадцать,
азница, что братья въ эти годы никогда не бываютъ
Не знаю, любилъ-ли я тебя даже: когда я уѣхалъ
го въ первые годы я даже и не вспоминалъ объ
Потомъ, когда ты самъ попалъ въ Москву, мы разъ
тся, и встрѣтились гдѣ-то. А вотъ здѣсь я уже
сяцъ живу и до сихъ поръ мы съ тобой не ска-
автра я уѣзжаю, и думалъ сейчасъ, здѣсь сидя:
его увидать, чтобы проститься, а ты и идешь мимо
чень желалъ меня увидать?

я хочу съ тобой познакомиться разъ навсегда и

тебя съ собой познакомить. Да съ тѣмъ и проститься. По ме
всего лучше знакомиться предъ разлукой. Я видѣлъ, какъ т
меня смотрѣлъ всѣ эти три мѣсяца, въ глазахъ твоихъ
какое-то безпрерывное ожиданіе, а вотъ этого-то я и не те
оттого и не подошелъ къ тебѣ. Но въ концѣ я тебя науч
уважать: твердо, дескать, стоитъ человѣчекъ. Замѣтъ, я хо
смѣюсь теперь, но говорю серьезно. Вѣдь ты твердо стоишь
Я такихъ твердыхъ люблю, на. чемъ-бы тамъ они ни стоя
будь они такіе маленькіе мальчуганы, какъ ты. Ожида
взглядъ твой сталъ мнѣ вовсе подъ конецъ не противенъ:
противъ, полюбилъ я, наконецъ, твой ожидающій взглядъ.
кажется, почему-то любишь меня, Алеша?

— Люблю, Иванъ. Братъ Дмитрій говоритъ про тебя: Ива
могила! Я говорю про тебя: Иванъ—загадка. Ты и теперь
меня загадка, но нѣчто я уже осмыслилъ въ тебѣ, и всего то
съ сегодняшняго утра!

— Что-жь это такое? засмѣялся Иванъ.

— А не разсердишься? засмѣялся и Алеша.

— Ну?

— А то, что ты такой-же точно молодой человѣкъ, как
всѣ остальные двадцатитрехлѣтніе молодые люди, такой-же
лодой, молоденькій, свѣжій и славный мальчикъ, ну желторо
наконецъ, мальчикъ! Что не очень тебя обидѣлъ?

— Напротивъ, поразилъ совпаденіемъ! весело и съ жа
вскричалъ Иванъ.—Вѣришь-ли, что я, послѣ давешняго на
свиданія у ней, только объ этомъ про себя и думалъ, объ э
двадцатитрехлѣтней моей желторотости, а ты вдругъ теперь то
угадалъ и съ этого самаго начинаешь. Я сейчасъ здѣсь сид
и, знаешь, что говорилъ себѣ: не вѣруй я въ жизнь, разувѣ
я въ дорогой женщинѣ, разувѣрься въ порядкѣ вещей, убѣ
даже, что все, напротивъ, безпорядочный, проклятый и, мо
быть, бѣсовскій хаосъ, порази меня хоть всѣ ужасы челов
ческаго разочарованія, — а я все-таки захочу жить и ужь
припалъ къ этому кубку, то не оторвусь отъ него, пока его
не осилю! Впрочемъ, къ тридцати годамъ навѣрно брошу
бокъ, хоть и не допью всего и отойду... не знаю куда. На
тридцати моихъ лѣтъ, знаю это твердо. все побѣдитъ моя м
дость,—всякое разочарованіе, всякое отвращеніе къ жизни
спрашивалъ себя много разъ: есть-ли въ мірѣ такое отча
чтобы побѣдило во мнѣ эту изступленную и неприличную,
жетъ быть, жажду жизни, и рѣшилъ, что, кажется, нѣтъ

то есть опять-таки до тридцати этихъ лѣтъ, а тамъ ужь не захочу, мнѣ такъ кажется. Эту жажду жизни иные чи-ные сопляки-моралисты называютъ часто подлою, особенно ы. Черта-то она отчасти Карамазовская, это правда, жажда-то жизни, не смотря ни на что, въ тебѣ она тоже непремѣнно ть, но почему-жь она подлая? Центростремительной силы страшно много на нашей планетѣ, Алеша. Жить хочется, живу, хотя-бы и вопреки логикѣ. Пусть я не вѣрю въ по-ихъ вещей, но дороги мнѣ клейкіе, распускающіеся весной очки, дорого голубое небо, дорогъ иной человѣкъ, котораго разъ, повѣришь-ли, не знаешь за что и любишь, дорогъ подвигъ человѣческій, въ который давно уже, можетъ быть, талъ и вѣрить, а всетаки по старой памяти чтишь его серд-ь. Вотъ тебѣ уху принесли, кушай на здоровье. Уха слав-хорошо готовятъ. Я хочу въ Европу съѣздить, Алеша, да и поѣду; и вѣдь я знаю, что поѣду лишь на кладбище, но самое, на самое дорогое кладбище, вотъ что! Дорогіе тамъ тъ покойники, каждый камень надъ ними гласитъ о такой чей минувшей жизни, о такой страстной вѣрѣ въ свой под-, въ свою истину, въ свою борьбу и въ свою науку, что наю заранѣе, паду на землю и буду цаловать эти камни и ать надъ ними,—въ тоже время убѣжденный всѣмъ сердцемъ ъ, что все это давно уже кладбище и никакъ не болѣе. И тъ отчаянія буду плакать, а лишь просто потому, что буду ливъ пролитыми слезами моими. Собственнымъ умиленіемъ сь. Клейкіе весенніе листочки, голубое небо люблю я, вотъ Тутъ не умъ, не логика, тутъ нутромъ, тутъ чревомъ лю-ь, первыя свои молодыя силы любишь... Понимаешь ты что-дь въ моей ахинеѣ, Алешка, аль нѣтъ? засмѣялся вдругъ ъ.

— Слишкомъ понимаю, Иванъ: нутромъ и чревомъ хочется ть,— прекрасно ты это сказалъ, и радъ я ужасно за то, тебѣ такъ жить хочется, воскликнулъ Алеша. — Я думаю, всѣ должны прежде всего на свѣтѣ жизнь полюбить.

— Жизнь полюбить больше чѣмъ смыслъ ея?

— Непремѣнно такъ, полюбить прежде логики, какъ ты го-шь, непремѣнно чтобы прежде логики, и тогда только я и ъ пойму. Вотъ что мнѣ давно уже мерещится. Половина о дѣла сдѣлана, Иванъ, и пріобрѣтена: ты жить любишь. ь надо постараться тебѣ о второй твоей половинѣ, и ты ъ.

— Ужь ты и спасаешь, да я и не погибалъ, можетъ бы
А въ чемъ она вторая твоя половина?

— Въ томъ, что надо воскресить твоихъ мертвецовъ, котор
можетъ быть, никогда и не умирали. Ну, давай чаю. Я р
что мы говоримъ, Иванъ.

— Ты, я вижу, въ какомъ-то вдохновеніи. Ужасно я лю
такія professions de foi вотъ отъ такихъ... послушниковъ. Ты
дый ты человѣкъ, Алексѣй. Правда, что ты изъ монастыря
чешь выйдти?

— Правда. Мой старецъ меня въ міръ посылаетъ.

— Увидимся еще, стало быть, въ міру-то, встрѣтимся
тридцати-то лѣтъ, когда я отъ кубка-то начну отрываться. Он
вотъ не хочетъ отрываться отъ своего кубка до семидесяти ли
до восьмидесяти даже мечтаетъ, самъ говорилъ, у него
слишкомъ серьезно, хоть онъ и шутъ. Сталъ на сладостра
своемъ и тоже будто на камнѣ... хотя послѣ тридцати-то ли
правда, и не на чемъ, пожалуй, стать, кромѣ какъ на этом
Но до семидесяти подло, лучше до тридцати: можно сохран
«оттѣнокъ благородства», себя надувая. Не видалъ сего
Дмитрія?

— Нѣтъ, не видалъ, но я Смердякова видѣлъ. И Ал
разсказалъ брату на-скоро, и подробно о своей встрѣчѣ
Смердяковымъ. Иванъ сталъ вдругъ очень озабоченно слуш
кое-что даже переспросилъ.

— Только онъ просилъ меня брату Дмитрію не сказыв
о томъ, что онъ о немъ говорилъ, прибавилъ Алеша.

Иванъ нахмурился и задумался.

— Ты это изъ-за Смердякова нахмурился? спросилъ Але

— Да, изъ-за него. Къ чорту его, Дмитрія я дѣйствител
хотѣлъ было видѣть. но теперь не надо... неохотно проговор
Иванъ.

— А ты въ самомъ дѣлѣ такъ скоро уѣзжаешь, братъ?

— Да.

— Что-же Дмитрій, и отецъ? Чѣмъ это у нихъ кончи
тревожно промолвилъ Алеша.

— А ты все свою канитель! Да я-то тутъ что? Сторожъ
что-ли, моему брату Дмитрію? раздражительно отрѣзалъ
Иванъ, но вдругъ какъ-то горько улыбнулся:—Канновъ отв
Богу объ убитомъ братѣ, а? Можетъ быть, ты это думаешь
эту минуту? Но, чортъ возьми, не могу-же я въ самомъ д
оставаться тутъ у нихъ сторожемъ? Дѣла кончилъ, и ѣду. Я

думаешь-ли ты, что я ревную къ Дмитрію, что я отбивалъ
него всѣ эти три мѣсяца его красавицу Катерину Ивановну.
чортъ, у меня свои дѣла были. Дѣла кончилъ, и ѣду. Дѣла
тоже кончилъ, ты былъ свидѣтелемъ.

— Это давеча у Катерины Ивановны?

— Да, у ней, и разомъ развязался. И что-жъ такое? Какое
дѣло до Дмитрія? Дмитрій тутъ ни при чемъ! У меня были
мои собственныя дѣла съ Катериною Ивановною. Самъ ты
знаешь, напротивъ, что Дмитрій велъ себя такъ, какъ будто
онъ въ заговорѣ со мной. Я вѣдь не просилъ его нисколько,
онъ самъ мнѣ торжественно ее передалъ, и благословилъ. Это
отчасти подобно. Нѣтъ, Алеша, нѣтъ, если-бы ты зналъ, какъ
я теперь легко чувствую! Я вотъ здѣсь сидѣлъ и обѣдалъ,
видишь-ли, хотѣлъ было спросить шампанскаго, чтобъ от-
мѣтить первый мой часъ свободы. Тьфу, полгода почти,—
другъ разомъ, все разомъ снялъ. Ну, подозрѣвалъ-ли я даже
вчера, что это, если захотѣть, то ничего не стоитъ кончить!

— Ты про любовь свою говоришь, Иванъ?

— Любовь, если хочешь, да, я влюбился въ барышню, въ
статутку. Мучился съ ней, и она меня мучила. Сидѣлъ надъ
ней... и вдругъ все слетѣло. Давеча я говорилъ вдохновенно, а
вышелъ и расхохотался, — вѣришь этому. Нѣтъ, я буквально
вздорю.

— Ты и теперь такъ это весело говоришь, замѣтилъ Алеша,
глядываясь въ его въ самомъ дѣлѣ повеселѣвшее вдругъ лицо.

— Да почемъ-же я зналъ, что я ее вовсе не люблю! Хе-хе!
ъ и оказалось, что нѣтъ. А вѣдь какъ она мнѣ нравилась!
ъ она мнѣ даже давеча нравилась, когда я рѣчь читалъ. И,
нишь-ли, и теперь нравится ужасно,—а между тѣмъ какъ легко
мнея уѣхать. Ты думаешь, я фанфароню?

— Нѣтъ. Только это, можетъ, не любовь была.

— Алешка, засмѣялся Иванъ,—не пускайся въ разсужденія
любви! Тебѣ неприлично. Давеча-то, давеча-то ты выскочилъ,
Я еще и забылъ поцаловать тебя за это... А мучила-то она
ня какъ! Во истину у надрыва сидѣлъ. Охъ, она знала что
не люблю! Любила меня, а не Дмитрія, весело настаивалъ
онъ. — Дмитрій только надрывъ. Все, что я давеча ей гово-
лъ, истинная правда. Но только въ томъ дѣло, самое главное,
ей нужно, можетъ быть, лѣтъ пятнадцать, аль двадцать,
обы догадаться, что Дмитрія она вовсе не любитъ, а любитъ
ако меня, котораго мучаетъ. Да, пожалуй, и не догадается

она никогда, не смотря даже на сегодняшній урокъ. Ну и лу
всталъ да и ушелъ на вѣки. Кстати, что онъ теперь? Что такъ б
когда я ушелъ?

Алеша разсказалъ ему объ истерикѣ, и о томъ, что она, кажа
теперь въ безпамятствѣ и въ бреду.

— А не вретъ Хохлакова?

— Кажется, нѣтъ.

— Надо справиться. Отъ истерики, впрочемъ, никог
никто не умиралъ. Да и пусть истерика, Богъ женщинѣ
слалъ истерику любя. Не пойду я туда вовсе. Къ чему я
опять.

— Ты, однако-же, давеча ей сказалъ, что она никогда
не любила.

— Это я нарочно. Алешка, прикажу-ка я шампанскаго, вы
емъ за мою свободу. Нѣтъ, если-бы ты зналъ, какъ я радъ!

— Нѣтъ, братъ, не будемъ лучше пить, сказалъ вдр
Алеша,— къ тому-же мнѣ какъ-то грустно.

— Да, тебѣ давно грустно, я это давно вижу.

— Такъ ты непремѣнно завтра утромъ поѣдешь?

— Утромъ? Я не говорилъ, что утромъ... А, впрочемъ,
жетъ, и утромъ. Вѣришь-ли, я вѣдь здѣсь обѣдалъ сегодня е
ственно чтобы не обѣдать со старикомъ, до того онъ мнѣ с
противенъ. Я отъ него отъ одного давно-бы уѣхалъ. А ты
такъ безпокоишься, что я уѣзжаю, У насъ съ тобой еще
знаетъ сколько времени до отъѣзда. Цѣлая вѣчность врем
безсмертіе!

— Если ты завтра уѣзжаешь, какая-же вѣчность?

— Да насъ-то съ тобой чѣмъ это касается? засмѣялся Иван
вѣдь свое-то мы успѣемъ всетаки переговорить, свое-то, для
мы пришли сюда? Чего ты глядишь съ удивленіемъ? Отв
мы для чего здѣсь сошлись? Чтобы говорить о любви къ К
ринѣ Ивановнѣ, о старикѣ и о Дмитріѣ? О за границѣ? О р
вомъ положеніи Россіи? Объ императорѣ Наполеонѣ? Такъ-ли,
этого-ли?

— Нѣтъ, не для этого.

— Самъ понимаешь, значитъ, для чего. Другимъ одн
намъ, желторотымъ, другое, намъ прежде всего надо пред
ные вопросы разрѣшить, вотъ наша забота. Вся молодая Р
только лишь о вѣковѣчныхъ вопросахъ теперь и то
Именно теперь, какъ старики всѣ полѣзли вдругъ практ
вопросами заниматься. Ты изъ-за чего всѣ три мѣсяц

въ ожиданіи? Чтобы допросить меня: «како вѣруеш
» не вѣруеши»,—вотъ вѣдь къ чему сводились ваши
иные взгляды, Алексѣй Ѳедоровичъ, вѣдь
ожалуй, что и такъ, улыбнулся Алеша. ь не
теперь надо мною, братъ?
-то смѣюсь? Не захочу я огорчить моего
и мѣсяца глядѣлъ на меня въ такомъ ожи
прямо: я вѣдь и самъ точь въ точь
никъ, какъ и ты, развѣ только вотъ не
скіе мальчики какъ до сихъ поръ орудуют
гъ, напримѣръ, здѣшній вонючій трактиръ, в
, засѣли въ уголъ. Всю жизнь прежде не зна
выйдутъ изъ трактира, сорокъ лѣтъ опять не
угъ друга, ну и что-жь, о чемъ они будутъ ра
мали минутку въ трактирѣ-то? О міровыхъ вопросахъ
: есть-ли Богъ, есть-ли безсмертіе? А которые въ Бога
отъ, ну, тѣ о соціализмѣ и объ анархизмѣ заговорятъ, о
ѣ всего человѣчества по новому штату, такъ вѣдь это
: чортъ выйдетъ, всѣ тѣ-же вопросы, только съ другаго
множество, множество самыхъ оригинальныхъ русскихъ
въ только и дѣлаютъ, что о вѣковѣчныхъ вопросахъ
у насъ въ наше время. Развѣ не такъ?
а, настоящимъ русскимъ вопросы о томъ: есть-ли Богъ
и безсмертіе, или, какъ вотъ ты говоришь, вопросы съ
конца, конечно, первые вопросы и прежде всего, да такъ
проговорилъ Алеша все съ тою-же тихою и испытующею
вглядываясь въ брата.
отъ что, Алеша, быть русскимъ человѣкомъ иногда во-
мно, но все-таки глупѣе того, чѣмъ теперь занимаются
альчики, и представить нельзя себѣ. Но я одного рус-
ьчика, Алешку, ужасно люблю.
акъ ты это славно подвелъ, засмѣялся вдругъ Алеша.
у, говори-же, съ чего начинать, приказывай самъ, съ
ществуетъ-ли Богъ, что-ли?
ъ чего хочешь, съ того и начинай, хоть съ «другаго
Вѣдь ты вчера у отца провозгласилъ, что нѣтъ Бога.
поглядѣлъ на брата Алеша.
вчера за обѣдомъ у старика тебя этимъ нарочно дра-
нидѣлъ какъ у тебя разгорѣлись глазки. Но теперь я
чь съ тобой переговорить и говорю это очень охотно.
чу сойдтись, Алеша, потому что у меня нѣтъ

друзей, попробовать хочу. Ну, представь-же себѣ, можетъ б
я принимаю Бога, засмѣялся Иванъ,—для тебя это неожидан
— Да, конечно, если ты только и теперь не шутишь.
— Шутишь. Это вчера у старца сказали, что я шучу. Ви
голубчикъ, былъ одинъ старый грѣшникъ въ восемнадца
столѣтіи, который изрекъ, что если-бы не было Бога, то
довало-бы его выдумать, s'il n'existait pas Dieu il faudrait l'inv
И дѣйствительно человѣкъ выдумалъ Бога. И не то стран
то было-бы дивно, что Богъ въ самомъ дѣлѣ существуетъ;
то дивно, что такая мысль—мысль о необходимости Бога—м
залѣзть въ голову такому дикому и злому животному ка
человѣкъ, до того она свята, до того трогательна, до того
мудра и до того она дѣлаетъ честь человѣку. Что-же до м
то я давно уже положилъ не думать о томъ: человѣкъ-ли
далъ Бога или Богъ человѣка? Не стану я, разумѣется, т
перебирать на этотъ счетъ всѣ современныя аксіомы русск
мальчиковъ, всѣ сплошь выведенныя изъ европейскихъ п
тезъ; потому что, что тамъ гипотеза, то у русскаго маль
тотчасъ-же аксіома и не только у мальчиковъ, но, пожалуй
у ихнихъ профессоровъ, потому что и профессора русскіе во
часто у насъ теперь тѣ-же русскіе мальчики. А потому объ
всѣ гипотезы. Вѣдь у насъ съ тобой какая теперь задача? За
въ томъ, чтобъ я какъ можно скорѣе могъ объяснить тебѣ
суть, то есть что я за человѣкъ, во что вѣрую и на что
дѣюсь, вѣдь такъ, такъ? А потому и объясняю, что прини
Бога прямо и просто. Но вотъ, однако, что надо отмѣтить:
Богъ есть и если онъ дѣйствительно создалъ землю, то, к
намъ совершенно извѣстно, создалъ онъ ее по эвклидовой
ометріи, а умъ человѣческій съ понятіемъ лишь о трехъ из
реніяхъ пространства. Между тѣмъ находились и находятся д
и теперь геометры и философы, и даже изъ замѣчательнѣйш
которые сомнѣваются въ томъ, чтобы вся вселенная, или
обширнѣе,—все бытіе было создано лишь по эвклидовой
ометріи, осмѣливаются даже мечтать, что двѣ параллельныя
ніи, которыя по Эвклиду ни за что не могутъ сойдтись на зе
можетъ быть, и сошлись-бы гдѣ-нибудь въ безконечности. Я,
лубчикъ, рѣшилъ такъ, что если я даже этого не могу пон
то гдѣ-жь мнѣ про Бога понять. Я смиренно сознаюсь, что
меня нѣтъ никакихъ способностей разрѣшать такіе вопросы
меня умъ эвклидовскій, земной, а потому гдѣ намъ рѣшать о т
что не отъ міра сего. Да и тебѣ совѣтую объ этомъ никогда

другъ Алеша, а пуще всего на сче есть-ли
ъ? Все это вопросы совершенно нес ые у,
у съ понятіемъ лишь о трехъ измѣ
Бога и не только съ охотой, но ма
ость Его, и цѣль Его,—намъ совер
ѣрую въ порядокъ, въ смыслъ жизни,
ю, въ которой мы будто-бы всѣ сольемс
орому стремится все ая и которое само
рое есть само Богъ, ну, и прочее, и проч
чность. Словъ-то много на этотъ счетъ на
на хорошей дорогѣ—а? Ну, такъ представь-ж
нчательномъ результатѣ я міра этого Божьяго —
и хоть и знаю, что онъ существуетъ, да не допу
се. Я не Бога не принимаю, пойми ты это, я міра имъ
аго, міра-то Божьяго не принимаю и не могу согласиться
ь. Оговорюсь: я убѣжденъ какъ младенецъ, что страда-
кивутъ и сгладятся, что весь обидный комизмъ человѣче-
противорѣчій исчезнетъ какъ жалкій миражъ, какъ гнус-
измышленіе малосильнаго и маленькаго, какъ атомъ
скаго эвклидовскаго ума, что, наконецъ, въ міровомъ
въ моментъ вѣчной гармоніи, случится и явится нѣчто
драгоцѣнное, что хватитъ его на всѣ сердца, на утоле-
ь негодованій, на искупленіе всѣхъ злодѣйствъ людей,
итой ими ихъ крови, хватитъ чтобы не только было
простить, но и оправдать все что̀ случилось съ людьми,—
ть это все будетъ и явится, но я-то этого не принимаю
принять! Пусть даже параллельныя линіи сойдутся и
ь увижу: увижу и скажу что сошлись, а всетаки не
ъ моя суть, Алеша, вотъ мой тезисъ. Это ужь я
бѣ высказалъ. Я нарочно началъ этотъ нашъ съ
воръ какъ глупѣе нельзя начать, но довелъ до моей
отому, что ее только тебѣ и надо. Не о Богѣ тебѣ
, а лишь нужно было узнать чѣмъ живетъ твой
бою братъ. Я и сказалъ.

ключилъ свою длинную тираду вдругъ съ какимъ-
ъ неожиданнымъ чувствомъ.

чего ты началъ такъ, какъ «глупѣе нельзя на-
ъ Алеша, задумчиво смотря на него.

первыхъ, хоть для руссизма: русскіе разговоры
сѣ ведутся какъ глупѣе нельзя вести. А во вто-
ки чѣмъ глупѣе, тѣмъ ближе къ дѣлу. Чѣмъ глупѣе,

. Глупость коротка и не хитра, а умъ вид
, умъ подлецъ, а глупость пряма и честна. Я
до моего отчаянія, и чѣмъ глупѣе я его выставилъ
для меня-же выгоднѣе.

— Ты мнѣ объяснишь, для чего «міра не принимаешь»
говорилъ Алеша.

— Ужь, конечно, объясню, не секретъ, къ тому и вел
тишка ты мой, не тебя я хочу развратить и сдвинуть съ
устоя, я, можетъ быть, себя хотѣлъ-бы исцѣлить тобою,
нулся вдругъ Иванъ совсѣмъ какъ маленькій кроткій мал
Никогда еще Алеша не видалъ у него такой улыбки.

IV.

Бунтъ.

Я тебѣ долженъ сдѣлать одно признаніе, началъ Ив
я никогда не могъ понять какъ можно любить своихъ бли
Именно ближнихъ-то, по моему, и невозможно любить,
лишь дальнихъ. Я читалъ вотъ какъ-то и гдѣ-то про «Іоанна
стиваго» (одного святаго), что онъ, когда къ нему пришелъ
ный и обмерзшій прохожій и попросилъ согрѣть его, легъ с
вмѣстѣ въ постель, обнялъ его и началъ дышать ему въ гно
и зловонный отъ какой-то ужасной болѣзни ротъ его. Я убѣ
что онъ это сдѣлалъ съ надрывомъ, съ надрывомъ лжи,
заказанной долгомъ любви, изъ-за натащенной на себя эп
Чтобы полюбить человѣка надо чтобы тотъ спрятался,
лишь покажетъ лицо свое—пропала любовь.

— Объ этомъ не разъ говорилъ старецъ Зосима, за
Алеша,—онъ тоже говорилъ, что лицо человѣка часто м
еще неопытнымъ въ любви людямъ мѣшаетъ любить. В
есть и много любви въ человѣчествѣ, и почти подобной Хри
любви, это я самъ знаю, Иванъ...

— Ну, я-то пока еще этого не знаю и понять не
безчисленное множество людей со мною тоже. Вопросъ в
томъ, отъ дурныхъ-ли качествъ людей это происходитъ, и
оттого, что такова ихъ натура. По моему, Христова люб
людямъ есть въ своемъ родѣ невозможное на землѣ чудо. Е
Онъ былъ Богъ. Но мы-то не боги. Положимъ, я, напр
глубоко могу страдать, но другой никогда вѣдь не можетъ

й степени я страдаю, потому что онъ другой, а не я, и
того, рѣдко человѣкъ согласится признать другаго за
ьца (точно будто это чинъ). Почему не согласится, какъ
ешь? Потому, напримѣръ, что отъ меня дурно пахнетъ,
еня глупое лицо, потому что я разъ, когда-то, отдавилъ
у. Къ тому-же страданіе и страданіе: унизительное стра-
нижающее меня, голодъ, напримѣръ, еще допуститъ во
благодѣтель, но чуть повыше страданіе, за идею, на-
ь, нѣтъ онъ это въ рѣдкихъ развѣ случаяхъ допуститъ,
что онъ, напримѣръ, посмотритъ на меня и вдругъ уви-
го у меня вовсе не то лицо, какое по его фантазіи долж-
ыть у человѣка, страдающаго за такую-то, напримѣръ,
отъ онъ и лишаетъ меня сейчасъ-же своихъ благодѣя-
аже вовсе не отъ злаго сердца. Нищіе, особенно благо-
нищіе, должны-бы были наружу никогда не показы-
а просить милостыню чрезъ газеты. Отвлеченно еще
любить ближняго и даже иногда издали, но вблизи почти
. Если-бы все было какъ на сценѣ, въ балетѣ, гдѣ ни-
да они появляются, приходятъ въ шелковыхъ лохмотьяхъ
ихъ кружевахъ и просятъ милостыню, граціозно танцуя,
а еще можно любоваться ими. Любоваться, но всетаки не
Но довольно объ этомъ. Мнѣ надо было лишь поставить
мою точку. Я хотѣлъ заговорить о страданіи человѣче-
обще, но лучше ужь остановимся на страданіяхъ однихъ
Это уменьшитъ размѣры моей аргументаціи разъ въ де-
лучше ужь про однихъ дѣтей. Тѣмъ не выгоднѣе для
азумѣется. Но, во первыхъ, дѣтокъ можно любить даже
и, даже и грязныхъ, даже дурныхъ лицомъ (мнѣ, одна-
кажется, что дѣтки никогда не бываютъ дурны лицомъ).
ыхъ, о большихъ я и потому еще говорить не буду, что
ого что они отвратительны и любви не заслуживаютъ, у
тъ и возмездіе: они съѣли яблоко и познали добро и зло,
«яко бози». Продолжаютъ и теперь ѣсть его. Но дѣ-
ничего не съѣли и пока еще ни въ чемъ невиновны.
ты дѣтокъ, Алеша? Знаю, что любишь, и тебѣ будетъ
, для чего я про нихъ однихъ хочу теперь говорить.
и на землѣ тоже ужасно страдаютъ, то ужь, конечно, за
своихъ, наказаны за отцовъ своихъ, съѣвшихъ яблоко;—
это разсужденіе изъ другаго міра, сердцу-же человѣче-
дѣсь на землѣ непонятное. Нельзя страдать неповинному
аго, да еще такому неповинному! Подивись на меня,

въ которыхъ забирался по ночамъ для грабежа, зарѣ
нѣсколько и дѣтей. Но, сидя въ острогѣ, онъ ихъ
дости любилъ. Изъ окна острога онъ только и дѣ
смотрѣлъ на играющихъ на острожномъ дворѣ дѣте
маленькаго мальчика онъ пріучилъ приходить къ не
окно, и тотъ очень сдружился съ нимъ... Ты не зна
чего я это все говорю, Алеша. У меня какъ-то голов
и мнѣ грустно.

— Ты говоришь съ страннымъ видомъ, съ безпок
замѣтилъ Алеша,—точно ты въ какомъ безуміи.

— Кстати, мнѣ недавно разсказывалъ одинъ бол
Москвѣ,—продолжалъ Иванъ Ѳедоровичъ, какъ-бы и
брата,—какъ турки и черкесы тамъ у нихъ въ Бо
повсемѣстно злодѣйствуютъ, опасаясь поголовнаго возс
вянъ,—то есть жгутъ, режутъ, насилуютъ женщинъ
прибиваютъ арестантамъ уши къ забору гвоздями и о
такъ до утра, а по утру вѣшаютъ—и проч., всего и
невозможно. Въ самомъ дѣлѣ, выражаются иногда п
скую» жестокость человѣка, но это страшно несп
и обидно для звѣрей: звѣрь никогда не можетъ б
жестокъ, какъ человѣкъ, такъ артистически, такъ
ственно жестокъ. Тигръ просто грызетъ, рветъ и тол
умѣетъ. Ему и въ голову не вошло-бы прибивать люд
на ночь гвоздями, если-бъ онъ даже и могъ это сдѣ
турки, между прочимъ, съ сладострастіемъ мучили и
чиная съ вырѣзыванія ихъ кинжаломъ изъ чрева
бросанія вверхъ грудныхъ младенцевъ и подхватывані
штыкъ въ глазахъ матерей. На глазахъ-то матерей и с
главную сладость. Но вотъ, однако, одна меня сильн
ресовавшая картинка. Представь: грудной младенчикъ
трепещущей матери, кругомъ вошедшіе турки. У нихъ
веселая штучка: они ласкаютъ младенца, смѣются,
разсмѣшить, имъ удается, младенецъ разсмѣялся. Въ э
турокъ наводитъ на него пистолетъ въ четырехъ верш
стояніи отъ его лица. Мальчикъ радостно хохочетъ, тя

...ми чтобъ схватить пистолетъ и вдругъ артистъ спускаетъ ...ъ прямо ему въ лицо и раздробляетъ ему головку... Ху...ственно, не правда-ли? Кстати, турки, говорятъ, очень лю... сладкое.

— Братъ, къ чему это все? спросилъ Алеша.

— Я думаю, что если дьяволъ не существуетъ и, стало ... создалъ его человѣкъ, то создалъ онъ его по своему образу ...добію.

— Въ такомъ случаѣ, равно какъ и Бога.

— А ты удивительно какъ умѣешь оборачивать словечки, ... говоритъ Полоній въ *Гамлетѣ*, засмѣялся Иванъ. — Ты ...ъ меня на словѣ; пусть, я радъ. Хорошъ-же твой Богъ, ...го создалъ человѣкъ по образу своему и подобію. Ты ...ъ сейчасъ, для чего я это все: я, видишь-ли, любитель и ...тель нѣкоторыхъ фактиковъ и, вѣришь-ли, записываю и ...аю изъ газетъ и разсказовъ, откуда попало, нѣкотораго анекдотики, и у меня уже хорошая коллекція. Турки, ко..., вошли въ коллекцію, но это все иностранцы. У меня ...и родныя штучки и даже получше турецкихъ. Знаешь, у ... больше битье, больше розга и плеть, и это національно: у ... прибитые гвоздями уши немыслимы, мы всетаки европейцы, ...ги, но плеть, это нѣчто уже наше и не можетъ быть у ... отнято. За границей теперь какъ будто и не бьютъ со..., нравы что-ли очистились, али ужь законы такіе устрои... что человѣкъ человѣка какъ будто ужь и не смѣетъ по... но за то, они вознаграждали себя другимъ и тоже чисто ...альнымъ какъ и у насъ, и до того національнымъ, что у ... оно какъ будто и невозможно, хотя, впрочемъ, кажется, и ...ъ прививается, особенно со времени религіознаго движенія ...шемъ высшемъ обществѣ. Есть у меня одна прелестная ...рка, переводъ съ французскаго, о томъ какъ въ Женевѣ, ... недавно, всего лѣтъ пять тому, казнили одного злодѣя и ..., Ришара, двадцатитрехлѣтняго, кажется, малаго, раскаяв... и обратившагося къ христіанской вѣрѣ предъ самымъ ...томъ. Этотъ Ришаръ, былъ чей-то незаконнорожденный, ...го еще младенцемъ, лѣтъ шести, *подарили* родители ка...о горнымъ швейцарскимъ пастухамъ и тѣ его взростили, употреблять въ работу. Росъ онъ у нихъ какъ дикій звѣ... не научили его пастухи ничему, напротивъ, семи лѣтъ ...лали пасти стадо, въ мокреть и въ холодъ, почти безъ ... почти не кормя его. И ужь конечно, такъ дѣлая, ни-

кто изъ нихъ не задумывался и не раскаявался, напротив
талъ себя въ полномъ правѣ, ибо Ришаръ подаренъ им
какъ вещь и они даже не находили необходимымъ корми
Самъ Ришаръ свидѣтельствуетъ, что въ тѣ годы он
блудный сынъ въ Евангеліи, желалъ ужасно поѣсть хо
мѣсива, которое давали откармливаемымъ на продажу сви
но ему не давали даже и этого и били, когда онъ кралъ у
и такъ провелъ онъ все дѣтство свое и всю юность, д
поръ, пока возросъ и, укрѣпившись въ силахъ, пошел
воровать. Дикарь сталъ добывать деньги подленною рабо
Женевѣ, добытое пропивалъ, жилъ какъ извергъ и и
тѣмъ, что убилъ какого-то старика и ограбилъ. Его сх
судили и присудили къ смерти. Тамъ вѣдь не сентимен
чаютъ. И вотъ, въ тюрьмѣ, его немедленно окружаютъ
я члены разныхъ Христовыхъ братствъ, благотворительны
и проч. Научили они его въ тюрьмѣ читать и писать, ста
ковать ему Евангеліе, усовѣщевали, убѣждали, напирали,
давили, и вотъ онъ самъ торжественно сознается, наконе
своемъ преступленіи. Онъ обратился, онъ самъ написалъ с
онъ извергъ и что, наконецъ-таки, онъ удостоился того
его озарилъ Господь и послалъ ему благодать. Все изв
лось въ Женевѣ, вся благотворительная и благочестив
нева. Все, что было высшаго и благовоспитаннаго, ринул
нему въ тюрьму; Ришара цалуютъ, обнимаютъ: «ты братъ
на тебя сошла благодать!» А самъ Ришаръ только плач
умиленіи: «да, на меня сошла благодать! Прежде я все дѣ
юность мою радъ былъ корму свиней, а теперь сошла и
благодать, умираю во Господѣ!»—«Да, да, Ришаръ, умри
подѣ, ты пролилъ кровь и долженъ умереть во Господѣ
ты невиновенъ, что не зналъ совсѣмъ Господа, когда
валъ корму свиней и когда тебя били за то, что ты кралъ
кормъ (что ты дѣлалъ очень не хорошо, ибо красть не
лено),—но ты пролилъ кровь и долженъ умереть». И вс
ступаетъ послѣдній день. Разслабленный Ришаръ пла
только и дѣлаетъ, что повторяетъ ежеминутно: «Это луч
дней моихъ, я иду къ Господу!»—«Да», кричатъ пасторы
и благотворительныя дамы, «это счастливѣйшій день тв
ты идешь къ Господу!» Все это двигается къ эшафоту,
за позорною колесницей, въ которой везутъ Ришара, въ
жахъ, пѣшкомъ. Вотъ достигли эшафота: «умри, братъ
кричатъ Ришару, умри во Господѣ, ибо и на тебя сошла

!» И вотъ, покрытаго поцалуями братьевъ, брата Ришара
шли на эшафотъ, положили на гильйотину и оттяпали-таки
по братски, голову зато, что и на него сошла благодать.
, это характерно. Брошюрка эта переведена по русски, ка-
-то русскими лютеранствующими благотворителями высшаго
ства и разослана для просвѣщенія народа русскаго при га-
ъ и другихъ изданіяхъ даромъ. Шутка съ Ришаромъ хо-
тѣмъ, что національна. У насъ хоть нелѣпо рубить го-
брата потому только, что онъ сталъ намъ братъ, и что на
сошла благодать, но, повторяю, у насъ есть свое почти, что
же. У насъ историческое, непосредственное и ближайшее
жденіе истязаніемъ битья. У Некрасова есть стихи о томъ,
мужикъ сѣчетъ лошадь кнутомъ по глазамъ, «по кроткимъ
къ». Этого кто-жь не видалъ, это руссизмъ. Онъ описы-
, какъ слабосильная лошаденка, на которую навалили слиш-
завязла съ возомъ и не можетъ вытащить. Мужикъ бьетъ
ьетъ съ остервенѣніемъ, бьетъ, наконецъ, не понимая что̀
тъ, въ опьяненіи битья сѣчетъ больно, безчисленно: «Хоть
не въ силахъ, а вези, умри, да вези!» Кляченка рвется и
онъ начинаетъ сѣчь ее, беззащитную, по плачущимъ, по
кимъ глазамъ». Внѣ себя, она рванула и вывезла, и по-
вся дрожа, не дыша, какъ-то бокомъ, съ какою-то при-
кой, какъ-то неестественно и позорно,—у Некрасова это
о. Но вѣдь это всего только лошадь, лошадей и самъ Богъ
чтобъ ихъ сѣчь. Такъ татары намъ растолковали и кнутъ
амять подарили. Но можно вѣдь сѣчь и людей. И вотъ
лигентный образованный господинъ и его дама сѣкутъ
венную дочку, младенца семи лѣтъ, розгами,—объ этомъ
я подробно записано. Папенька радъ, что прутья съ суч-
«садче будетъ», говоритъ онъ, и вотъ начинаетъ «са-
» родную дочь. Я знаю навѣрно, есть такіе сѣкущіе, кото-
разгорячаются съ каждымъ ударомъ до сладострастія, до
льнаго сладострастія, съ каждымъ послѣдующимъ ударомъ
больше и больше, все прогрессивнѣе. Сѣкутъ минуту, сѣ-
наконецъ, пять минутъ, сѣкутъ десять минутъ, дальше,
е, чаще, садче. Ребенокъ кричитъ, ребенокъ, наконецъ, не
ъ кричать, задыхается: «папа, папа, папочка, папочка!»
какимъ-то чортовымъ неприличнымъ случаемъ доходитъ до
Занимается адвокатъ. Русскій народъ давно уже назвалъ
адвоката—«аблакатъ—нанятая совѣсть». Адвокатъ кри-
щиту своего кліента. «Дѣло, дескать, такое простое,

семейное и обыкновенное, отецъ посѣкъ дочку и вотъ, к
нашихъ дней, дошло до суда!» Убѣжденные присяжн
ляются и выносятъ оправдательный приговоръ. Публика
отъ счастья, что оправдали мучителя. — Э-эхъ, меня в
тамъ, я-бы рявкнулъ предложеніе учредить стипендію и
имени истязателя!.. Картинки прелестныя. Но о дѣткахъ
меня и еще получше, у меня очень, очень много собрано
свихъ дѣткахъ, Алеша. Дѣвчоночку маленькую, пятил
возненавидѣли отецъ и мать «почтеннѣйшіе и чиновны
образованные и воспитанные». Видишь, я еще разъ полож
утверждаю, что есть особенное свойство у многихъ въ
чествѣ — это любовь къ истязанію дѣтей, но однихъ дѣ
всѣмъ другимъ субъектамъ человѣческаго рода эти-же
истязатели относятся даже благосклонно и кротко, какъ
ванные и гуманные европейскіе люди, но очень любятъ
дѣтей, любятъ даже самихъ дѣтей въ этомъ смыслѣ. Тутъ
незащищенность-то этихъ созданій и соблазняетъ муч
ангельская довѣрчивость дитяти, которому некуда дѣтьс
къ кому идти,—вотъ это-то и распаляетъ гадкую кровь
теля. Во всякомъ человѣкѣ, конечно, таится звѣрь,—звѣр
ливости, звѣрь сладострастной распаляемости отъ криков
зуемой жертвы, звѣрь безъудержу спущеннаго съ цѣпи,
нажитыхъ въ развратѣ болѣзней, подагръ, больныхъ по
и проч. Эту бѣдную пятилѣтнюю дѣвочку эти образован
дители подвергали всевозможнымъ истязаніямъ. Они били
пинали ее ногами, не зная сами за что, обратили все тѣл
синяки; наконецъ, дошли и до высшей утонченности: въ
въ морозъ запирали ее на всю ночь въ отхожее мѣсто,
что она не просилась ночью (какъ будто пятилѣтній ре
спящій своимъ ангельскимъ крѣпкимъ сномъ, еще можетъ
лѣта научиться проситься)—за это обмазывали ей все л
же каломъ и заставляли ее ѣсть этотъ калъ, и это мат
заставляла! И эта мать могла спать, когда ночью слы
стоны бѣднаго ребеночка, запертаго въ подломъ мѣстѣ!
маешь-ли ты это, когда маленькое существо, еще не у
даже осмыслить, что съ ней дѣлается, бьетъ себя въ п
мѣстѣ, и въ темнотѣ и въ холодѣ, крошечнымъ своимъ
комъ въ надорванную грудку и плачетъ своими, незлоб
кроткими слезками къ «Боженькѣ», чтобы тотъ защитилъ
понимаешь-ли ты эту ахинею, другъ мой и братъ мой, п
никъ ты мой Божій и смиренный, понимаешь-ли ты д

ахиня такъ нужна и создана! Безъ нея, говорятъ, и про-
-бы не могъ человѣкъ на землѣ, ибо не позналъ-бы добра
. Для чего познавать это чортово добро и зло, когда это
кого стоитъ? Да вѣдь весь міръ познанія не стоитъ тогда
ъ слезокъ ребеночка къ «Боженькѣ». Я не говорю про
данія большихъ, тѣ яблоко съѣли и чортъ съ ними, и
-бы ихъ всѣхъ чортъ взялъ, но эти, эти! Мучаю я тебя,
ка, ты какъ будто-бы не въ себѣ. Я перестану, если хо-
.

— Ничего, я тоже хочу мучиться, пробормоталъ Алеша.

— Одну, только одну еще картинку, и то изъ любопытства,
, ужь характерная, и, главное, только что прочелъ въ
ъ изъ сборниковъ нашихъ древностей, въ *Архивѣ*, въ
ивѣ, что-ли, надо справиться, забылъ даже гдѣ и прочелъ.
было въ самое мрачное время крѣпостнаго права, еще въ
ѣ столѣтія, и да здравствуетъ Освободитель народа! Былъ
а въ началѣ столѣтія одинъ генералъ, генералъ со связями
ыми и богатѣйшій помѣщикъ, но изъ такихъ (правда, и
а уже, кажется, очень не многихъ), которые, удаляясь на
й со службы, чуть чуть не бывали увѣрены, что выслужили
право на жизнь и смерть своихъ подданныхъ. Такіе тогда бы-
. Ну, вотъ живетъ генералъ въ своемъ помѣстьи въ двѣ ты-
душъ, чванится, третируетъ мелкихъ сосѣдей какъ прижи-
щиковъ и шутовъ своихъ. Псарня съ сотнями собакъ и чуть
отня псарей, всѣ въ мундирахъ, всѣ на коняхъ. И вотъ дво-
ый мальчикъ, маленькій мальчикъ, всего восьми лѣтъ, пустилъ
-то играя камнемъ и зашибъ ногу любимой генеральской гон-
«Почему собака моя любимая охромѣла?» Докладываютъ ему,
вотъ, дескать, этотъ самый мальчикъ камнемъ въ нее пустилъ
му ей зашибъ. «А, это ты, оглядѣлъ его генералъ,—взять
» Взяли его, взяли у матери, всю ночь просидѣлъ въ кутузкѣ,
утро, чѣмъ свѣтъ, выѣзжаетъ генералъ во всемъ парадѣ на
ту, сѣлъ на коня, кругомъ него приживальщики, собаки, псари,
ие, всѣ на коняхъ. Вокругъ собрана дворня для назиданія, а
реди всѣхъ мать виновнаго мальчика. Выводятъ мальчика изъ
узки. Мрачный, холодный, туманный осенній день, знатный
охоты. Мальчика генералъ велитъ раздѣть, ребеночка раздѣ-
ъ всего до нага, онъ дрожитъ, обезумѣлъ отъ страха, не смѣетъ
ть... «Гони его!» командуетъ генералъ, «бѣги. бѣги!» кри-
му псари, мальчикъ бѣжитъ... «Ату его!» вопитъ генералъ
вотъ на него всю стаю борзыхъ собакъ. Затравилъ въ гла-

захъ матери и псы растерзали ребенка въ клочки!.. Генерал, к
жется, въ опеку взяли. Ну... что-же его? Разстрѣлять? Для уд
летворенія нравственнаго чувства разстрѣлять? Говори, Алеш
— Разстрѣлять! тихо проговорилъ Алеша, съ блѣдною, пер
косившеюся какою-то улыбкой поднявъ взоръ на брата.
— Браво! завопилъ Иванъ въ какомъ-то восторгѣ, —ужъ ка
ты сказалъ, значитъ... Ай да схимникъ! Такъ вотъ какой у т
бѣсенокъ въ сердечкѣ сидитъ, Алешка Карамазовъ!
— Я сказалъ нелѣпость, но...
— То-то и есть, что но... кричалъ Иванъ. Знай, послушник
что нелѣпости слишкомъ нужны на землѣ. На нелѣпостяхъ м
стоитъ и безъ нихъ, можетъ быть, въ немъ совсѣмъ ничего
произошло. Мы знаемъ что знаемъ!
— Что ты знаешь?
— Я ничего не понимаю, продолжалъ Иванъ, какъ-бы
бреду,—я и не хочу теперь ничего понимать. Я хочу остават
при фактѣ. Я давно рѣшилъ не понимать. Если я захочу что
будь понимать, то тотчасъ-же измѣню факты, а я рѣшилъ ос
ваться при фактѣ. .
— Для чего ты меня испытуешь? съ надрывомъ горестно в
кликнулъ Алеша,—скажешь-ли мнѣ, наконецъ?
— Конечно, скажу, къ тому и велъ, чтобъ сказать. Ты м
дорогъ, я тебя упустить не хочу и не уступлю твоему Зосимѣ.
Иванъ помолчалъ съ минуту, лицо его стало вдругъ оч
грустно.
— Слушай меня: я взялъ однихъ дѣтокъ, для того, что
вышло очевиднѣе. Объ остальныхъ слезахъ человѣческихъ, ко
рыми пропитана вся земля, отъ коры до центра—я ужъ ни сл
не говорю, я тему мою нарочно съузилъ. Я клопъ и признаю
всѣмъ приниженіемъ, что ничего не могу понять для чего все та
устроено. Люди сами, значитъ, виноваты: имъ данъ былъ рай, о
захотѣли свободы и похитили огонь въ небеси, сами зная, что с
нутъ несчастны, значитъ, нечего ихъ жалѣть. О, по моему,
жалкому, земному эвклидовскому уму моему, я знаю лишь то, ч
страданіе есть, что виновныхъ нѣтъ, что все одно изъ другаго в
ходитъ прямо и просто, что все течетъ и уравновѣшивается,—
вѣдь это лишь эвклидовская дичь, вѣдь я знаю-же это, вѣдь жи
по ней я не могу-же согласиться! Что мнѣ въ томъ, что вин
ныхъ нѣтъ и что все прямо и просто одно изъ другаго выход
и что я это знаю — мнѣ надо возмездіе, иначе вѣдь я истр
себя. И возмездіе не въ безконечности гдѣ нибудь и когда нибу

сь уже на землѣ, и чтобъ я его самъ увидалъ. Я вѣровалъ, я самъ и видѣть, а если къ тому часу буду уже мертвъ, то воскресятъ меня, ибо если все безъ меня произойдетъ, то ъ слишкомъ обидно. Не для того-же я страдалъ, чтобы собой, йствами и страданіями моими унавозить кому-то будущую нію. Я хочу видѣть своими глазами какъ левъ ляжетъ подлѣ и какъ зарѣзанный встанетъ и обнимется съ убившимъ его. ду быть тутъ, когда всѣ вдругъ узнаютъ для чего все такъ На этомъ желаніи зиждутся всѣ религіи на землѣ, а я вѣрую. тъ, однако-же, дѣтки, и что я съ ними стану тогда дѣлать? опросъ, который я не могу рѣшить. Въ сотый разъ повто- —вопросовъ множество, но я взялъ однихъ дѣтокъ, потому тутъ неотразимо ясно то, что мнѣ надо сказать. Слушай: если должны страдать, чтобы страданіемъ купить вѣчную гар- , то при чемъ тутъ дѣти, скажи мнѣ, пожалуйста? Совсѣмъ нятно для чего должны были страдать и они, и зачѣмъ имъ ать страданіями гармонію? Для чего они то тоже попали въ алъ и унавозили собою для кого-то будущую гармонію? Со- ность въ грѣхѣ между людьми я понимаю, понимаю соли- сть и въ возмездіи, но не съ дѣтками-же солидарность въ , и если правда въ самомъ дѣлѣ въ томъ, что и они соли- ы съ отцами ихъ во всѣхъ злодѣйствахъ отцовъ, то, ужь но, правда эта не отъ міра сего и мнѣ непонятна. Иной икъ скажетъ, пожалуй, что все равно дитя выростетъ и тъ нагрѣшить, но вотъ-же онъ не выросъ, его восьмилѣт- затравили собаками. О, Алеша, я не богохульствую! По- -же я каково должно быть сотрясеніе вселенной, когда а небѣ и подъ землею сольется въ одинъ хвалебный гласъ е живое и жившее воскликнетъ: «Правъ Ты, Господи, ибо ылись пути Твои!» Ужь когда мать обнимется съ мучите- растерзавшимъ псами сына ея и всѣ трое возгласятъ со ми! «Правъ Ты, Господи», то, ужь конечно, настанетъ вѣ- познанія и все объяснится. Но вотъ тутъ-то и запятая, -то я и не могу принять. И пока я на землѣ, я спѣшу ъ свои мѣры. Видишь-ли, Алеша, вѣдь, можетъ быть, и дѣй- льно такъ случится, что когда я самъ доживу до того нта, или воскресну, чтобъ увидать его, то и самъ я, по- й, воскликну со всѣми, смотря на мать, обнявшуюся съ телемъ ея дитяти: «Правъ Ты, Господи,» но я не хочу воскликать. Пока еще время, спѣшу оградить себя, а по- ъ высшей гармоніи совершенно отказываюсь. Не стоитъ

она слезинки хотя-бы одного только того замученнаго р
который билъ себя кулачкомъ въ грудь и молился в
вонной конурѣ своей неискупленными слезками своими
женькѣ!» Не стоитъ, потому что слезки его остались н
леными. Онѣ должны быть искуплены, иначе не может
и гармонія. Но чѣмъ, чѣмъ ты искупишь ихъ? Развѣ
можно? Неужто тѣмъ, что они будутъ отомщены? Но зач
ихъ отмщеніе, зачѣмъ мнѣ адъ для мучителей, что ту
можетъ поправить, когда тѣ уже замучены? И какая-
монія если адъ: я простить хочу и обнять хочу, я не
чтобы страдали больше. И если страданія дѣтей пошли
пополненіе той суммы страданій, которая необходима была
купки истины, то я утверждаю заранѣе, что вся ист
стоитъ такой цѣны. Не хочу я, наконецъ, чтобы мать
лась съ мучителемъ, растерзавшимъ ея сына псами! Не
она прощать ему! Если хочетъ пусть проститъ за себя,
простить мучителю материнское безмѣрное страданіе с
страданія своего растерзаннаго ребенка она не имѣетъ
простить, не смѣетъ простить мучителя, хотя-бы самъ ре
простилъ ихъ ему! А если такъ, если они не смѣютъ пр
гдѣ-же гармонія? Есть-ли во всемъ мірѣ существо,
могло-бы и имѣло право простить? Не хочу гармоніи,
любви къ человѣчеству не хочу. Я хочу оставаться лу
страданіями неотомщенными. Лучше ужь я останусь
отомщенномъ страданіи моемъ и неутоленномъ негодованіи
хотя-бы я былъ и не правъ. Да и слишкомъ дорого о
гармонію, не по карману нашему вовсе столько платить за
А потому свой билетъ на входъ спѣшу возвратить обр
если только я честный человѣкъ, то обязанъ возврати
какъ можно заранѣе. Это и дѣлаю. Не Бога я не при
Алеша, а только билетъ Ему почтительнѣйше возвраща

— Это бунтъ, тихо и потупившись проговорилъ Ал

— Бунтъ? Я-бы не хотѣлъ отъ тебя такого слова,
новенно сказалъ Иванъ. — Можно-ли жить бунтомъ, а
жить. Скажи мнѣ самъ прямо, я зову тебя, — отвѣчай
ставь, что это ты самъ возводишь зданіе судьбы челов
съ цѣлью въ финалѣ осчастливить людей, дать имъ, на
миръ и покой, но для этого необходимо и неминуемо предст
замучить всего лишь одно только крохотное созданьице
того самаго ребеночка, бившаго себя кулаченкомъ въ
на неотомщенныхъ слезкахъ его основать это зданіе,

ı быть архитекторомъ на этихъ условіяхъ, скажи

, не согласился-бы, тихо проговорилъ Алеша.
жешь-ли ты допустить идею, что люди, для кото-
роишь, согласились-бы сами принять свое счастіе на
ой крови маленькаго замученнаго, а принявъ, остаться
стливыми?
, не могу допустить. Братъ, проговорилъ вдругъ съ
ми глазами Алеша, — ты сказалъ сейчасъ: есть-ли
рѣ Существо, которое могло-бы и имѣло право про-
ущество это есть, и Оно можетъ все простить, всѣхъ
се, потому что Само отдало неповинную кровь свою
за все. Ты забылъ о Немъ, а на Немъ-то и созиж
и это Ему воскликнутъ: «Правъ Ты, Господи, ибо
ути Твои».
то «Единый безгрѣшный» и Его кровь! Нѣтъ, не за-
ъ и удивлялся, напротивъ, все время, какъ ты Его
водишь, ибо обыкновенно въ спорахъ всѣ ваши Его
ь прежде всего. Знаешь, Алеша, ты не смѣйся, я
чинилъ поэму, съ годъ назадъ. Если можешь поте-
й еще минутъ десять, то я-бъ ее тебѣ разсказалъ?
написалъ поэму?
ѣтъ, не написалъ, засмѣялся Иванъ,—и никогда въ
сочинилъ даже двухъ стиховъ. Но я поэму эту вы-
апомнилъ. Съ жаромъ выдумалъ. Ты будешь первый
ь, то есть слушатель. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, автору
единаго слушателя, усмѣхнулся Иванъ. — Разсказы-
ть?
ень слушаю, произнесъ Алеша.
а моя называется «Великій Инквизиторъ», — вещь
мнѣ хочется ее тебѣ сообщить.

V.

Великій Инквизиторъ.

ъ и тутъ безъ предисловія невозможно, — то есть
турнаго продисловія, тьфу! засмѣялся Иванъ, — а
и сочинитель! Видишь, дѣйствіе у меня происходитъ
итомъ столѣтіи, а тогда,—тебѣ, впрочемъ, это должно

да, Онъ ничего и не говоритъ въ поэмѣ, а только по-
проходитъ. Пятнадцать вѣковъ уже минуло тому,
далъ обѣтованіе придти во царствіи своемъ, пятнад-
въ, какъ пророкъ Его писалъ: «Се гряду скоро и
мъ и часѣ не знаетъ даже и Сынъ, токмо лишь Отецъ
ный», какъ изрекъ Онъ и самъ еще на землѣ. Но чело-
детъ Его съ прежнею вѣрой и съ прежнимъ умиле-
съ бо́льшею даже вѣрой, ибо пятнадцать вѣковъ уже
тѣхъ поръ, какъ прекратились залоги съ небесъ

Вѣрь тому, что̀ сердце скажетъ
Нѣтъ залоговъ отъ небесъ.

ко одна лишь вѣра въ сказанное сердцемъ! Правда,
и много чудесъ. Были святые, производившіе чудесе-
нія; къ инымъ праведникамъ, по жизнеописаніямъ ихъ,
ма Царица Небесная. Но дьяволъ не дремлетъ, и въ
вѣ началось уже сомнѣніе въ правдивости этихъ чу-
разъ явилась тогда на сѣверѣ, въ Германіи, страш-
ересь. Огромная звѣзда, «подобная свѣтильнику» (то
и) «пала на источники водъ и стали они горьки». Эти
и богохульно отрицать чудеса. Но тѣмъ пламеннѣе
авшіеся вѣрными. Слезы человѣчества восходятъ къ
режнему, ждутъ Его, любятъ Его, надѣются на Него,
ежде... И вотъ столько вѣковъ молило человѣчество
пламенемъ: «Богъ Господи явися намъ», столько
лвало къ Нему, что Онъ, въ неизмѣримомъ сострада-
ь, возжелалъ снизойдти къ молящимъ. Снисходилъ,
Онъ и до этого иныхъ праведниковъ, мучениковъ и
гшельниковъ еще на землѣ, какъ и записано въ ихъ

У насъ Тютчевъ, глубоко вѣровавшій въ правду
хъ, возвѣстилъ, что

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный
Исходилъ, благословляя.

ѣнно и было такъ, это я тебѣ скажу. И вотъ Онъ
появиться хоть на мгновеніе къ народу,—къ мучаю-
радающему, смрадно-грѣшному, но младенчески люби-
народу. Дѣйствіе у меня въ Испаніи, въ Севильѣ, въ

самое страшное время инквизиціи, когда во славу Бо
странѣ ежедневно горѣли костры и

Въ великолѣпныхъ автодафе
Сжигали злыхъ еретиковъ.

О, это конечно было не то сошествіе, въ которомъ явит
по обѣщанію своему, въ концѣ временъ, во всей славѣ
и которое будетъ внезапно «какъ молнія блистающая
тока до запада». Нѣтъ, Онъ возжелалъ хоть на мгновен
тить дѣтей Своихъ и именно тамъ, гдѣ какъ разъ затрен
стры еретиковъ. По безмѣрному милосердію Своему, Онъ пр
еще разъ между людей въ томъ самомъ образѣ человѣ
въ которомъ ходилъ тридцать три года между людьми пя
вѣковъ назадъ. Онъ снисходитъ на «стогны жаркіе» южна
да, какъ разъ въ которомъ всего лишь наканунѣ въ «ве
номъ автодафе», въ присутствіи короля, двора, рыцарей
наловъ и прелестнѣйшихъ придворныхъ дамъ, при мног
номъ населеніи всей Севильи, была сожжена кардиналом
кимъ инквизиторомъ, разомъ чуть не цѣлая сотня ерети
majorem gloriam Dei. Онъ появился тихо, незамѣтно, и вот
странно это—узнаютъ Его. Это могло-бы быть однимъ
шихъ мѣстъ поэмы,—то есть почему именно узнаютъ
родъ непобѣдимою силой стремится къ Нему, окружаетъ
ростаетъ кругомъ Него, слѣдуетъ за нимъ. Онъ молча пр
среди ихъ съ тихою улыбкой безконечнаго состраданія.
любви горитъ въ Его сердцѣ, лучи Свѣта, Просвѣщенія
текутъ изъ очей Его и, изливаясь на людей, сотрясаю
сердца отвѣтною любовью. Онъ простираетъ къ нимъ ру
гословляетъ ихъ, и отъ прикосновенія къ Нему, даже
одеждамъ Его, исходитъ цѣляшая сила. Вотъ изъ толпы
цаетъ старикъ, слѣпой съ дѣтскихъ лѣтъ: «Господи, исцѣ
да и я Тебя узрю», и вотъ какъ-бы чешуя сходитъ с
его и слѣпой Его видитъ. Народъ плачетъ и цѣлуетъ зе
которой идетъ Онъ. Дѣти бросаютъ предъ Нимъ цвѣты
и вопіютъ Ему: «Осанна!» «Это Онъ, это самъ Онъ, пов
всѣ, это долженъ быть Онъ, это никто, какъ Онъ». Он
навливается на паперти Севильскаго собора въ ту самую
когда во храмъ вносятъ съ плачемъ дѣтскій открытый
гробикъ: въ немъ семилѣтняя дѣвочка, единственная доч
знатнаго гражданина. Мертвый ребенокъ лежитъ весь
тахъ. «Онъ воскреситъ твое дитя», кричатъ изъ толпы п
матери. Вышедшій на встрѣчу гроба соборный патеръ с

едоумѣніи и хмуритъ брови. Но вотъ раздается вопль мате
шаго ребенка. Она повергается къ ногамъ Е «Если это
то воскреси дитя мое?» восклицаетъ она, прос къ Нему
. Процессія останавливается, гробикъ опускаю ь
огамъ Его. Онъ глядитъ съ состраданіемъ и о
е разъ произносятъ: «Талифа куми»—«и в
чка подымается въ гробѣ, садится и смотри
ленными раскрытыми глазками кругомъ. Въ ру
бѣлыхъ розъ, съ которымъ она лежала въ гр
смятеніе, крики, рыданія, и вотъ, въ эту самую
ъ проходитъ мимо собора по площади самъ кардин
инквизиторъ. Это девяностолѣтній почти старикъ, выс
имой, съ изсохшимъ лицомъ, со впалыми глазами, но
ыхъ еще свѣтится, какъ огненная искорка, блескъ. О, о
ъ великолѣпныхъ кардинальскихъ одеждахъ своихъ, въ ка
красовался вчера предъ народомъ, когда сжигали враговъ
ой вѣры,—нѣтъ, въ эту минуту онъ лишь въ старой,
й монашеской своей рясѣ. За нимъ въ извѣстномъ разстоя
лѣдуютъ мрачные помощники и рабы его и «священная»
а. Онъ останавливается предъ толпой и наблюдаетъ издали.
все видѣлъ, онъ видѣлъ какъ поставили гробъ у ногъ Его,
ъ какъ воскресла дѣвица, и лицо его омрачилось. Онъ хму
сѣдыя густыя брови свои и взглядъ его сверкаетъ зловѣ
огнемъ. Онъ простираетъ перстъ свой и велитъ стражамъ
Его. И вотъ, такова его сила и до того уже пріученъ,
ренъ и трепетно послушенъ ему народъ, что толпа немед
раздвигается предъ стражами и тѣ, среди гробоваго мол
, вдругъ наступившаго, налагаютъ на Него руки и уводятъ
Толпа моментально, вся какъ одинъ человѣкъ, склоняется
вами до земли предъ старцемъ-инквизиторомъ; тотъ молча
ословляетъ народъ и проходитъ мимо. Стража приводитъ
ника въ тѣсную и мрачную сводчатую тюрьму въ древнемъ
ѣ Святаго Судилища и запираетъ въ нее. Проходитъ день,
аетъ темная, горячая и «бездыханная севильская ночь». Воз
«лавромъ и лимономъ пахнетъ». Среди глубокаго мрака
ъ отворяется желѣзная дверь тюрьмы и самъ старикъ ве
инквизиторъ со свѣтильникомъ въ рукѣ медленно входитъ
Онъ одинъ, дверь за нимъ тотчасъ-же запирается.
ивается при входѣ и долго, минуту или двѣ, всма
цо Его. Наконецъ, тихо подходитъ, ставитъ свѣ
и говоритъ Ему:

— Это Ты? Ты?—Но, не получая отвѣта, быстро i ляетъ: — Не отвѣчай, молчи. Да и что-бы Ты могъ ска слишкомъ знаю, что Ты скажешь. Да Ты и права не ничего прибавлять къ тому, что уже сказано Тобой пре чѣмъ-же Ты пришелъ намъ мѣшать? Ибо Ты пришелъ м шать и самъ это знаешь. Но знаешь-ли, что будетъ за не знаю, кто Ты и знать не хочу: Ты-ли это или только Его, но завтра-же я осужу и сожгу Тебя на кострѣ, как шаго изъ еретиковъ, и тотъ самый народъ, который цѣловалъ Твои ноги, завтра-же по одному моему ма бросится подгребать къ Твоему костру угли, знаешь Ты Ты, можетъ быть, это знаешь, прибавилъ онъ въ проникно раздумьи, ни на мгновеніе не отрываясь взглядомъ отъ Плѣнника.

— Я не совсѣмъ понимаю, Иванъ, что это такое? ул все время молча слушавшій, Алеша,—прямо-ли безбрежна тазія или какая-нибудь ошибка старика, какое-нибудь можное qui pro quo?

— Прими хоть послѣднее, разсмѣялся Иванъ, — ес тебя такъ разбаловалъ современный реализмъ, и ты не вынести ничего фантастическаго—хочешь qui pro quo, т такъ и будетъ. Оно правда, разсмѣялся онъ опять,— девяносто лѣтъ и онъ давно могъ сойдти съума на свое Плѣнникъ-же могъ поразить его своею наружностью. Э быть, наконецъ, просто бредъ, видѣніе девяностолѣтняго предъ смертью, да еще разгоряченнаго вчерашнимъ авто его сожженныхъ еретиковъ. Но не все-ли равно намъ съ что qui pro quo, что безбрежная фантазія? Тутъ дѣло и только, что старику надо высказаться, что, наконецъ, девяносто лѣтъ онъ высказывается и говоритъ вслухъ то, всѣ девяносто лѣтъ молчалъ.

— А Плѣнникъ тоже молчитъ? Глядитъ на него и ритъ ни слова?

— Да такъ и должно быть, во всѣхъ даже случаяхъ засмѣялся Иванъ. Самъ старикъ замѣчаетъ Ему, что права не имѣетъ ничего прибавлять къ тому, что уже сказано. Если хочешь, такъ въ этомъ и есть самая ос черта римскаго католичества, по моему мнѣнію, по крайне мѣрѣ, дескать, передано Тобою папѣ и все, стало быть, т папы, а Ты хоть и не приходи теперь вовсе, не мѣшай хоть до времени. Въ этомъ смыслѣ они не только говорятъ

ъ, но и пишутъ, іезуиты, по крайней мѣрѣ. Это я самъ чи-
ъ у ихъ богослововъ. «Имѣешь-ли Ты право возвѣстить намъ
ь одну изъ тайнъ того міра, изъ котораго Ты пришелъ?»—
ашиваетъ его мой старикъ и самъ отвѣчаетъ Ему за Него,—
тъ, не имѣешь, чтобы не прибавлять къ тому, что́ уж ло
жде сказано, и чтобы не отнять у людей свободы
Ты такъ стоялъ, когда былъ на землѣ. Все, что́
вѣстишь, посягнетъ на свободу вѣры людей, ибо яв
, а свобода ихъ вѣры Тебѣ была дороже всего ещ
горы тысячи лѣтъ назадъ. Не Ты-ли такъ часто тог
ь: «Хочу сдѣлать васъ свободными». Но вотъ Ты
ѣлъ этихъ «свободныхъ» людей, прибавляетъ вдругъ
ь со вдумчивою усмѣшкой. — «Да, это дѣло намъ до
ло, продолжаетъ онъ, строго смотря на Него,—но мы
или, наконецъ, это дѣло, во имя Твое. Пятнадцать вѣковъ
лись мы съ этой свободой, но теперь это кончено и кончено
ко. Ты не вѣришь, что кончено крѣпко? Ты смотришь на
кротко и не удостоиваешь меня даже негодованія? Но знай,
теперь, и именно нынѣ, эти люди увѣрены болѣе чѣмъ когда
дь, что свободны вполнѣ, а между тѣмъ, сами-же они при-
и намъ свободу свою и покорно положили ее къ ногамъ
имъ. Но это сдѣлали мы, а того-ль Ты желалъ, такой-ли
юды?»

— Я опять не понимаю, прервалъ Алеша, — онъ иронизи-
тъ, смѣется?

— Ни мало. Онъ именно ставитъ въ заслугу себѣ и своимъ,
наконецъ-то, они побороли свободу, и сдѣлали такъ для того,
бы сдѣлать людей счастливыми. «Ибо теперь только (то есть
, конечно, говоритъ про инквизицію) стало возможнымъ по-
лать въ первый разъ о счастіи людей. Человѣкъ былъ устро-
бунтовщикомъ; развѣ бунтовщики могутъ быть счастливыми?
и предупреждали, говоритъ онъ Ему, — Ты не имѣлъ недо-
тка въ предупрежденіяхъ и указаніяхъ, но Ты не послушалъ
упрежденій. Ты отвергъ единственный путь, которымъ можно
устроить людей счастливыми, но, къ счастію, уходя, Ты
далъ дѣло намъ. Ты обѣщалъ, Ты утвердилъ своимъ словомъ,
амъ право связывать и развязывать, и, ужь конечно,
и думать отнять у насъ это право теперь. Зачѣмъ-же
амъ мѣшать?»

значитъ: не имѣлъ недостатка въ предупрежденіи
лъ Алеша.

— А въ этомъ-то и состоитъ главное, что старикъ высказать.

— «Страшный и умный духъ, духъ самоубійственнаго бытія, продолжаетъ старикъ,—великій духъ говорилъ съ въ пустынѣ и намъ переданъ въ книгахъ, что онъ «искушалъ» Тебя. Такъ-ли это? И можно-ли было сказ что-нибудь истиннѣе того, что онъ возвѣстилъ Тебѣ въ вопросахъ, и что Ты отвергъ, и что въ книгахъ называ шеніями?» А между тѣмъ, если было когда-нибудь на совершено настоящее, громовое чудо, то это въ тотъ день, этихъ трехъ искушеній. Именно въ появленіи этихъ тр просовъ и заключалось чудо. Если-бы возможно было пом лишь для пробы и для примѣра, что три эти вопроса сф духа безслѣдно утрачены въ книгахъ и что ихъ надо во вить, вновь придумать и сочинить, чтобъ внести опять въ и для этого собрать всѣхъ мудрецовъ земныхъ — пра первосвященниковъ, ученыхъ, философовъ, поэтовъ, и имъ задачу: придумайте, сочините три вопроса, но такіе, мало того, что соотвѣтствовали-бы размѣру событія, но ражали-бы сверхъ того, въ трехъ словахъ, въ трехъ фразахъ человѣческихъ, всю будущую исторію міра и чел ства — то думаешь-ли Ты, что вся премудрость земли, соединившаяся, могла-бы придумать хоть что-нибудь подоб силѣ и по глубинѣ тѣмъ тремъ вопросамъ, которые дѣйстви были предложены Тебѣ тогда могучимъ и умнымъ духом пустынѣ? Ужь по однимъ вопросамъ этимъ, лишь по чуду появленія, можно понимать, что имѣешь дѣло не съ чел скимъ текущимъ умомъ, а съ вѣковѣчнымъ и абсолютны въ этихъ трехъ вопросахъ какъ-бы совокуплена въ одно и предсказана вся дальнѣйшая исторія человѣческая и за три образа, въ которыхъ сойдутся всѣ неразрѣшимыя исто скія противорѣчія человѣческой природы на всей землѣ. это не могло быть еще такъ видно, ибо будущее было неи но теперь, когда прошло пятнадцать вѣковъ, мы видимъ, все въ этихъ трехъ вопросахъ до того угадано и предска до того оправдалось, что прибавить къ нимъ или убавить отъ ничего нельзя болѣе.

Рѣши-же Самъ, кто былъ правъ: Ты или тотъ, который вопрошалъ Тебя? Вспомни первый вопросъ: хоть и не буквально по смыслу его тотъ: «Ты хочешь идти въ міръ и идешь голыми руками, съ какимъ-то обѣтомъ свободы, которы

ростотѣ своей и въ прирожденномъ безчинствѣ своемъ,
ть и осмыслить, котораго боятся они и страшатся, — ибо
го и никогда не было для человѣка и для человѣческаго
ества невыносимѣе свободы! А видишь-ли сіи камни
й и раскаленной пустынѣ? Обрати ихъ въ хлѣбы, и з
жить человѣчество, какъ стадо, благородное и пос
и вѣчно трепещущее, что Ты отымешь руку Сво
ится имъ хлѣбы Твои. Но Ты не захотѣлъ лиши
оды и отвергъ предложеніе. ибо какая-же свобода,
если послушаніе куплено хлѣбами? Ты возразилъ,
къ живъ не единымъ хлѣбомъ, но знаешь-ли, что во
самаго хлѣба земнаго и возстанетъ на Тебя духъ
азится съ Тобою и побѣдитъ Тебя и всѣ пойдутъ за н
лицая: «Кто подобенъ звѣрю сему, онъ далъ намъ о
ебеси!» Знаешь-ли Ты, что пройдутъ вѣка и человѣчес
озгласитъ устами своей премудрости и науки, что прести-
ія нѣтъ, а, стало быть, нѣтъ и грѣха, а есть лишь только
ные. «Накорми, тогда и спрашивай съ нихъ добродѣтели!»
что́ напишутъ на знамени, которое воздвигнутъ противъ
и которымъ разрушится храмъ Твой. На мѣстѣ храма Твоего
игнется новое зданіе, воздвигнется вновь страшная Вави-
ая башня, и хотя и эта не достроится, какъ и прежняя,
е-же Ты-бы могъ избѣжать этой новой башни и на тысячу
сократить страданія людей,—ибо къ намъ-же вѣдь придутъ
промучившись тысячу лѣтъ со своею башней! Они отыщутъ
тогда опять подъ землей, въ катакомбахъ, скрывающихся
мы будемъ вновь гонимы и мучимы), найдутъ насъ и во-
отъ къ намъ: «Накормите насъ, ибо тѣ, которые обѣщали
огонь съ небеси, его не дали». И тогда уже мы и достроимъ
башню, ибо достроитъ тотъ, кто накормитъ, а накормимъ лишь
во имя Твое, и солжемъ, что во имя Твое. О, никогда, никогда
насъ они не накормятъ себя! Никакая наука не дастъ имъ
а, пока они будутъ оставаться свободными, но кончится тѣмъ,
они принесутъ свою свободу къ ногамъ нашимъ и скажутъ
: «лучше поработите насъ. но накормите насъ». Поймутъ,
нецъ, сами, что свобода и хлѣбъ земной вдоволь для всякаго
не мыслимы, ибо никогда, никогда, не съумѣютъ они раздѣ-
кду собою! Убѣдятся тоже, что не могутъ быть никогда и
и, потому что малосильны, порочны, ничтожны и бунтов-
обѣщалъ имъ хлѣбъ небесный, но, повторяю опять,
онъ сравниться въ глазахъ слабаго, вѣчно порочнаго.

и вѣчно неблагороднаго людскаго племени съ земнымъ? И
за Тобою, во имя хлѣба небеснаго, пойдутъ тысячи и де
тысячъ, то что станется съ милліонами и съ десятками ты
милліоновъ существъ, которыя не въ силахъ будутъ прене
хлѣбомъ земнымъ для небеснаго? Иль Тебѣ дороги лишь де
тысячъ великихъ и сильныхъ, а остальные милліоны, мно
сленные, какъ песокъ морской, слабыхъ, но любящихъ Тебя, до
лишь послужить матеріаломъ для великихъ и сильныхъ? Н
намъ дороги и слабые. Они порочны и бунтовщики, но под
нецъ они-то станутъ и послушными. Они будутъ дивитьс
насъ и будутъ считать насъ за боговъ зато, что мы, ста
главѣ ихъ, согласились выносить свободу, которой они ис
лись, и надъ ними господствовать,—такъ ужасно имъ ста
подъ конецъ быть свободными! Но мы скажемъ, что поко
Тебѣ и господствуемъ во имя Твое. Мы ихъ обманемъ опя
Тебя мы ужь не пустимъ къ себѣ. Въ обманѣ этомъ и бу
заключаться наше страданіе, ибо мы должны будемъ лгать.
что значилъ этотъ первый вопросъ въ пустынѣ, и вотъ что
отвергъ во имя свободы, которую поставилъ выше всего. А ин
тѣмъ, въ вопросѣ этомъ заключалась великая тайна міра с
Принявъ «хлѣбы», Ты-бы отвѣтилъ на всеобщую и вѣковѣч
тоску человѣческую, какъ единоличнаго существа, такъ и ци
человѣчества вмѣстѣ—это: «предъ кѣмъ преклониться?» И
заботы безпрерывнѣе и мучительнѣе для человѣка, какъ, ос
шись свободнымъ, сыскать поскорѣе того, предъ кѣмъ пре
ниться. Но ищетъ человѣкъ преклониться предъ тѣмъ, что
безспорно, столь безспорно, чтобы всѣ люди разомъ согл
лись па всеобщее предъ нимъ преклоненіе. Ибо забота эт
жалкихъ созданій не въ томъ только состоитъ, чтобы
скать то, предъ чѣмъ мнѣ или другому преклониться, но чт
сыскать такое, чтобъ и всѣ увѣровали въ него и прекл
лись предъ нимъ, и чтобы непремѣнно *всѣ вмѣстѣ*. И
эта потребность *общности* преклоненія и есть главнѣйшее
ченіе каждаго человѣка единолично и какъ цѣлаго чел
чества съ начала вѣковъ. Изъ-за всеобщаго преклоненія
истребляли другъ друга мечомъ. Они созидали боговъ и
вали другъ къ другу: «Бросьте вашихъ боговъ и придите
клониться нашимъ, не то смерть вамъ и богамъ вашимъ!»
такъ будетъ до скончанія міра, даже и тогда, когда исчез
въ мірѣ и боги: все равно, падутъ предъ идолами. Ты зн
Ты не могъ не знать эту основную тайну природы человѣч

отвергъ единственное абсолютное знамя, которое предла
Тебѣ, чтобы заставить всѣхъ преклониться предъ Тобо
рно,—знамя хлѣба земнаго, и отвергъ во имя свободы и
небеснаго. Взгляни-же, что сдѣлалъ Ты далѣе. И опять
свободы! Говорю Тебѣ, что нѣтъ у человѣка заб
нѣе, какъ найдти того, кому-бы передать поскорѣе
свободы, съ которымъ это несчастное существ
адѣваетъ свободой людей лишь тотъ, кто успок
Съ хлѣбомъ Тебѣ давалось безспорное знамя: да
вѣкъ преклонится, ибо ничего нѣтъ безспорнѣе
ъ тоже время кто нибудь овладѣетъ его совѣстью
—о, тогда онъ даже броситъ хлѣбъ Твой и пойдетъ за
й обольститъ его совѣсть. Въ этомъ Ты былъ правъ.
бытія человѣческаго не въ томъ, чтобы только жить, а
для чего жить. Безъ твердаго представленія себѣ для чего
ть, человѣкъ не согласится жить и скорѣй истребитъ себя,
станется на землѣ, хотя бы кругомъ его все были хлѣбы.
къ, но что-же вышло: вмѣсто того, чтобъ овладѣть свобо-
дей, Ты увеличилъ имъ ее еще больше! Или Ты забылъ,
окойствіе и даже смерть человѣку дороже свободнаго вы-
ь познанія добра и зла? Нѣтъ ничего обольстительнѣе для
ка, какъ свобода его совѣсти, но нѣтъ ничего и мучитель-
вотъ вмѣсто твердыхъ основъ для успокоенія совѣсти
ческой разъ навсегда—Ты взялъ все, что есть необычай-
адательнаго и неопредѣленнаго, взялъ все что было не по
людей, а потому поступилъ какъ-бы и не любя ихъ во-
это кто-же: Тотъ, который пришелъ отдать за нихъ
Свою! Вмѣсто того, чтобъ овладѣть людской свободой, Ты
ихъ ее и обременилъ ея мученіями душевное царство че-
во вѣки. Ты возжелалъ свободной любви человѣка, чтобы
ю пошелъ онъ за Тобою, прельщенный и плѣненный То-
мѣсто твердаго древняго закона, — свободнымъ сердцемъ
ъ былъ человѣкъ рѣшать впредь самъ, что добро и что
ки лишь въ руководствѣ Твой образъ предъ собою,—но
и Ты не подумалъ, что онъ отвергнетъ-же, наконецъ, и
ъ даже и Твой образъ и Твою правду, если его угнетутъ
ашнимъ бременемъ, какъ свобода выбора? Они вос-
конецъ, что правда не въ Тебѣ, ибо невозможно
ихъ въ смятеніи и мученіи болѣе, чѣмъ сдѣлалъ
столько заботъ и неразрѣшимыхъ задачъ. Та-
ты положилъ основаніе къ разрушенію

Свое ства и не вини никого въ этомъ болѣе. А
тѣмъ, то-ли предлагалось Тебѣ? Есть три силы, единст
три силы на землѣ, могущія на вѣки побѣдить и плѣни
вѣсть этихъ слабосильныхъ бунтовщиковъ, для ихъ сча
эти силы: чудо, тайна и авторитетъ. Ты отвергъ и то п
и третье и самъ подалъ примѣръ тому. Когда страшный
мудрый духъ поставилъ Тебя на вершинѣ храма и сказал
«Если хочешь узнать Сынъ-ли ты Божій, то верзись вни
сказано про Того, что ангелы подхватятъ и понесутъ Е
упадетъ и не разшибется, и узнаешь тогда Сынъ-ли Ты
и докажешь тогда, какова вѣра Твоя въ отца Твоего»,
выслушавъ, отвергъ предложеніе и не поддался и не б
внизъ. О, конечно, Ты поступилъ тутъ гордо и велик
какъ Богъ, но люди-то, но слабое бунтующее племя это—
боги-ли? О, Ты понялъ тогда, что, сдѣлавъ лишь шаг
движеніе броситься внизъ, Ты тотчасъ-бы и искусилъ Го
вѣру въ Него всю потерялъ, и разбился-бы о землю, и
спасать пришелъ, и возрадовался-бы умный духъ, иску
Тебя. Но, повторяю, много-ли такихъ, какъ Ты? И неуж
въ самомъ дѣлѣ могъ допустить хоть минуту, что и люд
детъ подъ силу подобное искушеніе? Такъ-ли создана
человѣческая, чтобъ отвергнуть чудо, и въ такіе страш
менты жизни, моменты самыхъ страшныхъ основныхъ
тельныхъ душевныхъ вопросовъ своихъ оставаться лишь
боднымъ рѣшеніемъ сердца? О, Ты зналъ, что подвигъ Т
хранится въ книгахъ, достигнетъ глубины временъ и посл
предѣловъ земли, и понадѣялся, что, слѣдуя Тебѣ, и ч
останется съ Богомъ, не нуждаясь въ чудѣ. Но Ты не
что чуть лишь человѣкъ отвергнетъ чудо, то тотчасъ отв
и Бога, ибо человѣкъ ищетъ не столько Бога сколько
Итакъ какъ человѣкъ оставаться безъ чуда не въ сил
насоздастъ себѣ новыхъ чудесъ, уже собственныхъ, и
нится уже знахарскому чуду, бабьему колдовству, хотя-
сто разъ былъ бунтовщикомъ, еретикомъ и безбожникомъ
не сошелъ со креста когда кричали Тебѣ, издѣваясь и
Тебя: «Сойди со креста и увѣруемъ, что это Ты». Ты не
потому, что, опять таки, не захотѣлъ поработить челов
домъ, и жаждалъ свободной вѣры, а не чудесной. Жажд
бодной любви, а не рабскихъ восторговъ невольника пре
ществомъ, разъ навсегда его ужаснувшимъ. Но и тутъ Ты
о людяхъ слишкомъ высоко, ибо, конечно, они невольни

созданы бунтовщиками. Озрись и суди, вотъ прошло пятнадъ вѣковъ, поди посмотри на нихъ: кого Ты вознесъ до себя? инусь, человѣкъ слабѣе и ниже созданъ, чѣмъ Ты о немъ дуъ! Можетъ-ли, можетъ-ли онъ исполнить, то что и Ты? Столь жая его, Ты поступилъ какъ-бы переставъ ему сострадать, ому что слишкомъ много отъ него и потребовалъ, — и это -же, Тотъ, который возлюбилъ его болѣе самого Себя! Уважая менѣе, менѣе-бы отъ него и потребовалъ, а это было-бы ближе любви, ибо легче была-бы ноша его. Онъ слабъ и подлъ. въ томъ, что онъ теперь повсемѣстно бунтуетъ противъ наласти и гордится, что онъ бунтуетъ? Это гордость ребенка кольника. Это маленькія дѣти, взбунтовавшіяся въ классѣ гнавшія учителя. Но придетъ конецъ и восторгу ребятиъ, онъ будетъ дорого стоить имъ. Они ниспровергнутъ храмы ьютъ кровью землю. Но догадаются, наконецъ, глупыя дѣти, хоть они и бунтовщики, но бунтовщики слабосильные, собеннаго бунта своего невыдерживающіе. Обливаясь глупыми ами своими, они сознаются, наконецъ, что создавшій ихъ товщиками, безъ сомнѣнія, хотѣлъ посмѣяться надъ ними. жутъ это они въ отчаяніи и сказанное ими будетъ богульствомъ, отъ котораго они станутъ еще несчастнѣе, ибо рода человѣческая не выноситъ богохульства, и, въ концѣ ловъ, сама-же себѣ всегда и отмститъ за него. Итакъ неспоство, смятеніе и несчастіе — вотъ теперешній удѣлъ людей мѣ того, какъ Ты столь претерпѣлъ за свободу ихъ! Великій рокъ Твой въ видѣніи и въ иносказаніи говоритъ, что виъ всѣхъ участниковъ перваго воскресенія и что было ихъ каждаго колѣна по двѣнадцати тысячъ. Но если было ихъ ько, то были и они какъ-бы нелюди, а боги. Они вытерпѣли ть твой, они вытерпѣли десятки лѣтъ голодной и нагой ыни, питаясь акридами и кореньями,—и, ужь конечно, Ты ешь съ гордостью указать на этихъ дѣтей свободы, свободлюбви, свободной и великолѣпной жертвы ихъ во имя Твое. вспомни, что ихъ было всего только нѣсколько тысячъ, да о боговъ, а остальные? И чѣмъ виноваты остальные слабые и, что не могли вытерпѣть того, что могучіе? Чѣмъ виновата бая душа, что не въ силахъ вмѣстить столь страшныхъ даъ? Да неужто-же и впрямь приходилъ Ты лишь къ избранъ и для избранныхъ? Но если такъ, то тутъ тайна и намъ понять ея. А если тайна, то и мы въ правѣ были проповѣать тайну и учить ихъ, что не свободное рѣшеніе сердецъ

ихъ важно и не любовь, а тайна, которой они пе
должны слѣпо, даже мимо ихъ совѣсти. Такъ мы и сд
исправили подвигъ Твой и основали его на *чудѣ*, *тайнѣ*, и
ритетѣ. И люди обрадовались, что ихъ вновь повели как
и что съ сердецъ ихъ снятъ, наконецъ, столь страшный дар
несшій имъ столько муки. Правы мы были, учя и дѣлая
скажи? Неужели мы не любили человѣчества, столь смирен
навъ его безсиліе, съ любовію облегчивъ его ношу и разр
слабосильной природѣ его, хотя-бы и грѣхъ, но съ нашего
воленія? Къ чему-же теперь пришелъ намъ мѣшать? И чт
молча и проникновенно глядишь на меня кроткими гл
своими? Разсердись, я не хочу любви Твоей, потому что
не люблю Тебя. И что мнѣ скрывать отъ Тебя? Или я не
съ кѣмъ говорю? То, что имѣю сказать Тебѣ, все Тебѣ у
вѣстно, я читаю это въ глазахъ Твоихъ. И я-ли скрою от
тайну нашу? Можетъ быть, Ты именно хочешь услыш
изъ устъ моихъ, слушай-же: Мы не съ Тобой, а съ *нимъ*,
наша тайна! Мы давно уже не съ Тобою, а съ *нимъ*, уже в
вѣковъ. Ровно восемь вѣковъ назадъ какъ мы взяли от
то, что Ты съ негодованіемъ отвергъ, тотъ послѣдній дар
торый онъ предлагалъ Тебѣ, показавъ Тебѣ всѣ царства
ныя: мы взяли отъ него Римъ и мечъ Кесаря и объявили
себя царями земными, царями едиными, хотя и донынѣ не
пѣли еще привести наше дѣло къ полному окончанію. Не
виноватъ? О, дѣло это до сихъ поръ лишь въ началѣ, не
началось. Долго еще ждать завершенія его и еще много
даетъ земля, но мы достигнемъ и будемъ кесарями, и тогда
помыслимъ о всемірномъ счастіи людей. А между тѣмъ Т
могъ еще и тогда взять мечъ Кесаря. Зачѣмъ ты отвергъ
послѣдній даръ? Принявъ этотъ третій совѣтъ могучаго
Ты восполнилъ-бы все, чего ищетъ человѣкъ на землѣ, т
предъ кѣмъ преклониться, кому вручить совѣсть и какимъ
зомъ соединиться, наконецъ, всѣмъ въ безспорный общій
гласный муравейникъ, ибо потребность всемірнаго соедин
есть третье и послѣднее мученіе людей. Всегда человѣчест
цѣломъ своемъ стремилось устроиться непремѣнно всемірно.
было великихъ народовъ съ великою исторіей, но чѣмъ
были эти народы, тѣмъ были и несчастнѣе, ибо сильнѣе дру
сознавали потребность всемірности соединенія людей. В
завоеватели, Тимуры и Чингисъ-ханы, пролетѣли какъ
по землѣ, стремясь завоевать вселенную, но и тѣ, хотя

гельно, выразили ту-же самую великую потребность чело-
тва ко всемірному и всеобщему единенію. Принявъ міръ и
ру Кесаря, основалъ-бы всемірное царство и далъ все-
й покой. Ибо кому-же владѣть людьми, какъ не тѣмъ, ко-
владѣютъ ихъ совѣстью и въ чьихъ рукахъ хлѣбы ихъ.
взяли мечъ Кесаря, а взявъ его, конечно, отвергли Тебя
пли за *нимъ*. О, пройдутъ еще вѣка безчинства свобо
ихъ науки и антропофагіи, потому что, начавъ
Вавилонскую башню безъ насъ, они кончатъ ан
Но тогда-то и приползетъ къ намъ звѣрь и буд
ноги наши и обрызжетъ ихъ кровавыми слезами изъ
ъ. И мы сядемъ на звѣря и воздвигнемъ чашу и н
ь написано: «Тайна!» Но тогда лишь и тогда настан
юдей царство покоя и счастія. Ты гордишься твоими
никами, но у Тебя лишь избранники, а мы успокоимъ всѣхъ.
такъ-ли еще: сколь многіе изъ этихъ избранниковъ, изъ
ихъ, которые могли-бы стать избранниками, устали, нако-
ожидая Тебя, и понесли и еще понесутъ силы духа сво-
жаръ сердца своего на иную ниву и кончатъ тѣмъ, что
бя-же и воздвигнутъ *свободное* знамя свое. Но Ты самъ
гъ это знамя. У насъ же всѣ будутъ счастливы и не
ь болѣе ни бунтовать, ни истреблять другъ друга, какъ
ободѣ Твоей, повсемѣстно. О, мы убѣдимъ ихъ, что они
только и станутъ свободными, когда откажутся отъ сво-
своей для насъ и намъ покорятся. И что-же, правы мы
ь или солжемъ? Они сами убѣдятся, что правы, ибо вспом-
до какихъ ужасовъ рабства и смятенія доводила ихъ сво-
Твоя. Свобода, свободный умъ и наука заведутъ ихъ въ
добри, и поставятъ предъ такими чудами и неразрѣши-
тайнами, что одни изъ нихъ, непокорные и свирѣпые,
гъ себя самихъ, другіе непокорные, но малосильные, ис-
гъ другъ друга, а третьи оставшіеся, слабосильные и не-
ные, приползутъ къ ногамъ нашимъ, и возопіютъ къ намъ:
ы были правы, вы одни владѣли тайной Его, и мы воз-
лися къ вамъ, спасите насъ отъ себя самихъ». Получая
насъ хлѣбы, конечно, они ясно будутъ видѣть, что мы ихъ-же
ихъ-же руками добытые, беремъ у нихъ, чтобы имъ-же
безо всякаго чуда, увидятъ, что не обратили мы кам-
ы, но во истину болѣе чѣмъ самому хлѣбу рады
, что получаютъ его изъ рукъ нашихъ! Ибо
помнить, что прежде, безъ насъ, самые хлѣбы,

добытые ими, обращались въ рукахъ ихъ лишь въ камни, когда они воротились къ намъ, то самые камни обратились въ рукахъ ихъ въ хлѣбы. Слишкомъ, слишкомъ оцѣнятъ они, что значитъ разъ навсегда подчиниться! И пока люди не пойму сего они будутъ несчастны. Кто болѣе всего способствовалъ этому непониманію, скажи? Кто раздробилъ стадо и разсѣялъ его по путямъ невѣдомымъ? Но стадо вновь соберется, и покорится, и уже разъ навсегда. Тогда мы дадимъ имъ тихое смиренное счастье, счастье слабосильныхъ существъ, какими они и созданы. О, мы убѣдимъ ихъ, наконецъ, не гордиться. Ты вознесъ ихъ, и тѣмъ научилъ гордиться; докажемъ имъ, что они слабосильны, что они только жалкія дѣти, но что дѣтское счастье слаще всякаго. Они станутъ робки и станутъ смотрѣть на насъ и прижиматься къ намъ въ страхѣ, какъ птенцы къ насѣдкѣ. Они будутъ двигаться, и ужасаться на насъ и гордиться тѣмъ, что мы такъ могучи и такъ умны, что могли примирить такое буйное тысячемилліонное стадо. Они будутъ трепетать слабленно трепетать гнѣва нашего, умы ихъ оробѣютъ, глаза ихъ станутъ слезоточивы, какъ у дѣтей и женщинъ, но столь же легко будутъ переходить они по нашему мановенію къ веселью и къ смѣху, свѣтлой радости, и счастливой дѣтской пѣснѣ. Да, мы заставимъ ихъ работать, но въ свободные отъ труда часы мы устроимъ имъ жизнь, какъ дѣтскую игру, съ дѣтскими пѣснями, хоромъ, съ невинными плясками. О, мы разрѣшимъ имъ и грѣхъ, они слабы и безсильны, и они будутъ любить насъ, какъ дѣти, зато, что мы имъ позволимъ грѣшить. Мы скажемъ имъ, что всякій грѣхъ будетъ искупленъ, если сдѣланъ будетъ съ нашего позволенія; позволяемъ-же имъ грѣшить и тому, что ихъ любимъ, наказаніе-же за эти грѣхи, такъ и быть, возьмемъ на себя. И возьмемъ на себя, а насъ они будутъ обожать, какъ благодѣтелей, понесшихъ на себѣ ихъ грѣхи предъ Богомъ. И не будетъ у нихъ никакихъ отъ насъ тайнъ. Мы будемъ позволять или запрещать имъ жить съ ихъ женами и любовницами, имѣть или не имѣть дѣтей,—все судя по ихъ послушанію,—и они будутъ намъ покоряться съ веселью и радостью. Самыя мучительныя тайны ихъ совѣсти,—все, все снесутъ они намъ, и мы все разрѣшимъ, и они повѣрятъ рѣшенію нашему съ радостію, потому, что оно избавитъ ихъ отъ великой заботы и страшныхъ теперешнихъ мукъ рѣшенія личнаго и свободнаго. И всѣ будутъ счастливы, всѣ милліоны существъ, кромѣ сотни тысячъ управляющихъ ими. Ибо лишь

хранящіе тайну, только мы будемъ несчастны. Будетъ
милліоновъ счастливыхъ младенцевъ, и сто тысячъ стра-
цевъ, взявшихъ на себя проклятіе познанія добра и зла.
умрутъ они, тихо угаснутъ во имя Твое, и за гробомъ
щутъ лишь смерть. Но мы сохранимъ секретъ, и для ихъ-
счастія будемъ манить ихъ наградой небесною и вѣч
если-бъ и было что на томъ свѣтѣ, то, ужь ко
такихъ, какъ они. Говорятъ и пророчествуютъ,
дешь, и вновь побѣдишь, придешь со своими избра
своими гордыми и могучими, но мы скажемъ, что
лишь самихъ себя, а мы спасли всѣхъ. Говорятъ,
на будетъ блудница, сидящая на звѣрѣ, и держащая
ъ своихъ *тайну*, что взбунтуются вновь малосильные,
рвутъ порфиру ея, и обнажатъ ея «гадкое» тѣло. Но
а встану, и укажу Тебѣ на тысячи милліоновъ счастливыхъ
енцевъ, не знавшихъ грѣха. И мы, взявшіе грѣхи ихъ, для
тья ихъ, на себя, мы станемъ предъ Тобой и скажемъ: «Суди
, если можешь и смѣешь». Знай, что я не боюсь Тебя. Знай что
былъ въ пустынѣ, что и я питался акридами и кореньями, что
благословлялъ свободу, которою Ты благословилъ людей, и я
вился стать въ число избранниковъ Твоихъ, въ число мо-
хъ и сильныхъ съ жаждой «восполнить число». Но я оч-
я и не захотѣлъ служить безумію. Я воротился и прим-
ъ къ сонму тѣхъ, которые *исправили подвигъ Твой*. Я ушелъ
гордыхъ, и воротился къ смиреннымъ для счастья этихъ
енныхъ. То, что я говорю Тебѣ, сбудется и царство наше
ждется. Повторяю Тебѣ, завтра-же Ты увидишь это послуш-
стадо, которое по первому мановенію моему бросится под-
ать горячіе угли къ костру Твоему, на которомъ сожгу Тебя
то, что пришелъ намъ мѣшать. Ибо если былъ, кто всѣхъ
ѣе заслужилъ нашъ костеръ, то это Ты. Завтра сожгу тебя.
».

Иванъ остановился. Онъ разгорячился, говоря, и говорилъ
увлеченіемъ; когда-же кончилъ, то вдругъ улыбнулся.

Алеша, все слушавшій его молча, подъ конецъ-же, въ чрез-
айномъ волненіи, много разъ пытавшійся перебить рѣчь
но видимо себя сдерживавшій, вдругъ заговорилъ, точно
ъ мѣста.

— это нелѣпость! вскричалъ онъ, краснѣя. — Поэма
ала Іисусу, а не хула... какъ ты хотѣлъ того. И
ить о свободѣ? Такъ-ли, такъ-ли надо ее пони-

[illegible]

ь для завершенія башни, что не для такихъ гусей великій
листъ мечталъ о своей гармоніи. Понявъ все это, онъ воро-
ся и примкнулъ... къ умнымъ людямъ. Неужели этого не
ло случиться?

— Къ кому примкнулъ, къ какимъ умнымъ людямъ? почти
азартѣ воскликнулъ Алеша.—Никакого у нихъ нѣтъ такого
, и никакихъ такихъ тайнъ и секретовъ... Одно только
божіе, вотъ и весь ихъ секретъ. Инквизиторъ твой и
тъ въ Бога, вотъ и весь его секретъ!

— Хотя-бы и такъ! Наконецъ-то ты догадался. И д
ьно такъ, дѣйствительно только въ этомъ и весь секр
вѣ это не страданіе, хотя-бы для такого, какъ онъ, чел
орый всю жизнь свою убилъ на подвигъ въ пустынѣ и
ѣчился отъ любви къ человѣчеству? На закатѣ дней свои
убѣждается ясно, что лишь совѣты великаго страшнаго духа
ли-бы хоть сколько-нибудь устроить въ сносномъ порядкѣ
осильныхъ бунтовщиковъ, «недодѣланныя пробныя существа,
анныя въ насмѣшку». И вотъ, убѣдясь въ этомъ, онъ ви-
, что надо идти по указанію умнаго духа, страшнаго духа
ти и разрушенія, а для того принять ложь и обманъ, и
и людей уже сознательно къ смерти и разрушенію и при-
обманывать ихъ всю дорогу, чтобъ они какъ-нибудь не
тили, куда ихъ ведутъ, для того, чтобы хоть въ дорогѣ-то
іе эти слѣпцы считали себя счастливыми. И замѣть себѣ,
нъ во имя Того, въ идеалъ котораго столь страстно вѣро-
старикъ во всю свою жизнь! Развѣ это не несчастье! И
-бы хоть одинъ такой очутился во главѣ всей этой арміи,
ждущей власти для однихъ только грязныхъ благъ»,—то
кели-же не довольно хоть одного такого, чтобы вышла тра-
а? Мало того, довольно и одного такого, стоящаго во главѣ,
бы нашлась, наконецъ, настоящая руководящая идея всего
скаго дѣла, со всѣми его арміями и іезуитами, высшая идея
го дѣла. Я тебѣ прямо говорю, что я твердо вѣрую, что этотъ
ный человѣкъ и не оскудѣвалъ никогда между стоящими во
вѣ движенія. Кто знаетъ, можетъ быть, случались и между
скими первосвященниками эти единые. Кто знаетъ, можетъ
ь, этотъ проклятый старикъ, столь упорно и столь по своему
человѣчество, существуетъ и теперь въ видѣ цѣлаго
ихъ таковыхъ единыхъ стариковъ и не случайно
ествуетъ какъ согласіе, какъ тайный союзъ, давно
ный для храненія тайны, для храненія ея отъ не-

Алеша.—Ты не вѣришь въ Бога, прибавилъ онъ
вычайною скорбью. Ему показалось къ тому-же, что
ритъ на него съ насмѣшкой. — Чѣмъ-же кончается
спросилъ онъ вдругъ, смотря въ землю.—или ужь о

— Я хотѣлъ ее кончить такъ: когда инквизитор
нѣкоторое время ждетъ, что Плѣнникъ его ему отвѣт
жело его молчаніе. Онъ видѣлъ какъ Узникъ все вр
его, проникновенно и тихо смотря ему прямо въ глаз
желая ничего возражать. Старику хотѣлось-бы, что
залъ ему что-нибудь, хотя-бы и горькое, страшное. Н
молча приближается къ старику и тихо цалуетъ его
кровныя девяностолѣтнія уста. Вотъ и весь отвѣ
вздрагиваетъ. Что-то шевельнулось въ концахъ г
идетъ къ двери, отворяетъ ее и говоритъ Ему: ступ
ходи болѣе... не приходи вовсе... никогда, никогда! I
его на «темныя стогна града». Плѣнникъ уходитъ.

— А старикъ?

— Поцалуй горитъ на его сердцѣ, но старикъ
прежней идеѣ.

— И ты вмѣстѣ съ нимъ, и ты? горестно воскли
Иванъ засмѣялся.

— Да вѣдь это-же вздоръ, Алеша, вѣдь это тольк
поэма безтолковаго студента, который никогда двухъ
написалъ. Къ чему ты въ такой серьезъ берешь? Ужь н

нь чтобы къ нимъ примкнуть... а если нѣтъ, то убьешь
ь, а не выдержишь!
— Есть такая сила, что все выдержитъ! съ холодною уже
ѣшкою проговорилъ Иванъ.
— Какая сила?
— Карамазовская... сила низости Карамазовской.
— Это потонуть въ развратѣ, задавить душу въ раст
да?
— Пожалуй и это... только до тридцати лѣтъ, може
збѣгну, а тамъ...
— Какъ-же избѣгнешь? Чѣмъ избѣгнешь? Это нев
твоими мыслями.
— Опять таки по Карамазовски.
— Это чтобы «все позволено»? Все позволено, такъ
ь-ли?
Иванъ нахмурился и вдругъ странно какъ-то поблѣднѣлъ.
— А, это ты подхватилъ вчерашнее словцо, которымъ такъ
ѣлся Міусовъ... и что такъ наивно выскочилъ и переговорилъ
ъ Дмитрій? криво усмѣхнулся онъ.—Да, пожалуй: «все поз-
но», если ужь слово произнесено. Не отрекаюсь. Да и ре-
ія Митинькина не дурна.
Алеша молча глядѣлъ на него.
— Я, братъ, уѣзжая, думалъ, что имѣю на всемъ свѣтѣ
тебя, съ неожиданнымъ чувствомъ проговорилъ вдругъ
ъ, — а теперь вижу, что и въ твоемъ сердцѣ мнѣ нѣтъ
а, мой милый отшельникъ. Отъ формулы: «все позволено»
отрекусь, ну и что-же, за это ты отъ меня отречешься,
да?
Алеша всталъ, подошелъ къ нему, и молча тихо поцаловалъ
въ губы.
— Литературное воровство! вскричалъ Иванъ, переходя
тъ въ какой-то восторгъ,—это ты укралъ изъ моей поэмы!
сибо, однако. Вставай Алеша, идемъ, пора и мнѣ, и тебѣ.
Они вышли, но остановились у крыльца трактира.
— Вотъ что, Алеша, проговорилъ Иванъ твердымъ голо-
ъ,—если въ самомъ дѣлѣ хватитъ меня на клейкіе листочки,
любить ихъ буду лишь тебя вспоминая. Довольно мнѣ того,
тутъ гдѣ-то есть, и жить еще не разхочу. Довольно
ѣ? Если хочешь, прими хоть за объясненіе въ любви.
ы направо, я налѣво — и довольно, слышишь, до-
есть, если я-бы завтра и не уѣхалъ (кажется, уѣду

ду. Очень интересно будетъ и на тебя [illegible]
чени, каковъ-то ты тогда будешь? Видишь, дово
ственное обѣщаніе. А въ самомъ дѣлѣ мы, можетъ
на семь, на десять прощаемся. Ну, иди теперь къ
Seraphicus, вѣдь онъ умираетъ: умретъ безъ тебя, та
жалуй, на меня разсердишься, что я тебя задержалъ.
цѣлуй меня еще разъ, вотъ такъ, и ступай...

Иванъ вдругъ повернулся и пошелъ своею доро
оборачиваясь. Похоже было на то, какъ вчера ушелъ
братъ Дмитрій, хотя вчера было совсѣмъ въ дру
Странное это замѣчаніе промелькнуло какъ стр
чальномъ умѣ Алеши, печальномъ и скорбномъ въ
Онъ немного подождалъ, глядя вслѣдъ брату. Почем
мѣтилъ вдругъ, что братъ Иванъ идетъ какъ-то р
и, что у него правое плечо, если сзади глядѣть, ни
лѣваго. Никогда онъ этого не замѣчалъ прежде. Но
тоже повернулся и почти побѣжалъ къ монастырю.
смеркалось и ему было почти страшно; что-то нарост
новое, на что онъ не могъ-бы дать отвѣта. Поднялся
вчера вѣтеръ и вѣковыя сосны мрачно зашумѣли кр
когда онъ вошелъ въ скитскій лѣсокъ. Онъ почти б
ter Seraphicus»—это имя онъ откуда-то взялъ—откуда
пуло у Алеши. Иванъ, бѣдный Иванъ, и когда-же я
увижу... Вотъ и скитъ. Господи! Да, да, это онъ, э

VI.

Пока еще очень не ясная.

А Иванъ Ѳедоровичъ, разставшись съ Алешей, пошелъ домой. домъ Ѳедора Павловича. Но, странное дѣло, на него напа угъ тоска нестерпимая и, главное, съ каждымъ шагом рѣ приближенія къ дому, все болѣе и болѣе нараставш тоскѣ была странность, а въ томъ, что Иванъ Ѳедор акъ не могъ опредѣлить, въ чемъ тоска состояла. Тос случалось часто и прежде и не диво-бы, что пришла она ую минуту, когда онъ, завтра-же, порвавъ вдругъ со всѣ его сюда привлекло, готовился вновь повернуть круто рону и вступить на новый, совершенно невѣдомый путь, и ть совсѣмъ одинокимъ какъ прежде, много надѣясь, но не я на что, многаго, слишкомъ многаго ожидая отъ жизни, ничего не умѣя самъ опредѣлить, ни въ ожиданіяхъ, ни е въ желаніяхъ своихъ. И всетаки въ эту минуту, хотя а новаго и невѣдомаго дѣйствительно была въ душѣ его, ило его вовсе не то. «Ужь не отвращеніе-ли къ родительскому у»? подумалъ онъ про себя,—«похоже на то, до того опроти- ь, и хоть сегодня въ послѣдній разъ войду за этотъ сквер- порогъ, а всетаки противно... Но нѣтъ, и это не то. Ужь не щаніе-ли съ Алешей и бывшій съ нимъ разговоръ: «Столько ь молчалъ со всѣмъ свѣтомъ и не удостоивалъ говорить, и гъ наговорилъ столько ахинеи». Въ самомъ дѣлѣ, это могла ь молодая досада молодой неопытности и молодаго тщесла- досада на то, что не съумѣлъ высказаться, да еще съ такимъ ествомъ, какъ Алеша, на котораго въ сердцѣ его несомнѣнно ествовали большіе расчеты. Конечно, и это было, то есть эта да, даже непремѣнно должна была быть, но и это было не то, не то. «Тоска до тошноты, а опредѣлить не въ силахъ чего у. Не думать развѣ»...

Иванъ Ѳедоровичъ попробовалъ было «не думать», но и тѣмъ могъ пособить. Главное, тѣмъ она была досадна, эта тоска, тѣмъ раздражала, что имѣла какой-то случайный, совершенно видъ; это чувствовалось. Стояло и торчало гдѣ-то ка- щество или предметъ, въ родѣ какъ торчитъ что ни- я предъ глазомъ, и долго, за дѣломъ или въ горячемъ е замѣчаешь его, а между тѣмъ, видимо раздра-

жаешься, почти мучаешься, и, наконецъ-то, догадаешься от нить негодный предметъ, часто очень пустой и смѣшной, и нибудь вещь, забытую не на своемъ мѣстѣ, платокъ, уп на полъ, книгу, не убранную въ шкафъ и пр. и пр. нецъ, Иванъ Ѳедоровичъ, въ самомъ скверномъ и раздр номъ состояніи духа, достигъ родительскаго дома, и пр примѣрно, шаговъ за пятнадцать отъ калитки, взглянул ворота, разомъ догадался о томъ, что его такъ мучило и вожило.

На скамейкѣ у воротъ сидѣлъ и прохлаждался вечер воздухомъ лакей Смердяковъ, и Иванъ Ѳедоровичъ съ пе взгляда на него понялъ, что и въ душѣ его сидѣлъ Смердяковъ и что именно этого-то человѣка и не можетъ нести его душа. Все вдругъ озарилось и стало ясно. Давно съ разсказа Алеши о его встрѣчѣ со Смердяковымъ, т мрачное и противное вдругъ вонзилось въ сердце его и вы въ немъ тотчасъ-же отвѣтную злобу. Потомъ, за разгово Смердяковъ на время позабылся, но однако-же остался въ душѣ, и только что Иванъ Ѳедоровичъ разстался съ Алеш пошелъ одинъ къ дому, какъ тотчасъ-же забытое ощу вдругъ быстро стало опять выходить наружу. «Да неуже этотъ дрянной негодяй до такой степени можетъ меня г коить!» подумалось ему съ нестерпимою злобой.

Дѣло въ томъ, что Иванъ Ѳедоровичъ дѣйствительно не взлюбилъ этого человѣка въ послѣднее время, и особен самые послѣдніе дни. Онъ даже началъ самъ замѣчать эт ростявшую почти ненависть къ этому существу. Можетъ процессъ ненависти такъ обострился именно потому, что н чалѣ, когда только что пріѣхалъ къ намъ Иванъ Ѳедоро происходило совсѣмъ другое. Тогда Иванъ Ѳедоровичъ пр было въ Смердяковѣ какое-то особенное вдругъ участіе, н его даже очень оригинальнымъ. Самъ пріучилъ его говори собою, всегда, однако, дивясь нѣкоторой безтолковости или, сказать, нѣкоторому безпокойству его ума и не понимая, ч кое «этого созерцателя» могло-бы такъ постоянно и неот безпокоить. Они говорили и о философскихъ вопросахъ, и о томъ, почему свѣтилъ свѣтъ въ первый день, когда с луна и звѣзды устроены были лишь на четвертый день и это понимать слѣдуетъ; но Иванъ Ѳедоровичъ скоро убѣ что дѣло вовсе не въ солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ, что солнце и звѣзды предметъ хотя и любопытный, но для Смердяко

енно третьестепенный и что ему надо чего-то совсѣмъ
Такъ или этакъ, но во всякомъ случаѣ начало высказы-
я и обличаться самолюбіе необъятное и притомъ самолюбіе
бленное. Ивану Ѳедоровичу это очень не понравилось. Съ
и началось его отвращеніе. Впослѣдствіи начались в мѣ
ядицы, явилась Грушенька, начались исторіи съ б ъ
ріемъ, пошли хлоноты, — говорили они и объ этом
Смердяковъ велъ всегда объ этомъ разговоръ съ боль
еніемъ, а опять-таки никакъ нельзя было добить
му-то ему тутъ желается. Даже подивиться можно
ности и безпорядку иныхъ желаній его, понево
ихъ наружу и всегда одинаково неясныхъ. Смердяко
рашивалъ, задавалъ какіе-то косвенные, очевидно, надум
вопросы, но для чего—не объяснялъ того, и обыкнове
амую горячую минуту своихъ-же разспросовъ вдругъ умол
или переходилъ совсѣмъ на иное. Но главное, что раздражило,
нецъ, Ивана Ѳедоровича окончательно и вселило въ него такое
щеніе — была какая-то отвратительная и особая фамильяр
, которую сильно сталъ выказывать къ нему Смердяковъ,
ъ дальше, тѣмъ больше. Не то, чтобъ онъ позволялъ себѣ
невѣжливымъ, напротивъ, говорилъ онъ всегда чрезвычайно
тельно, но такъ поставилось, однако-жь, дѣло, что Смер
ъ видимо сталъ считать себя, Богъ знаетъ почему, въ
го, наконецъ, съ Иваномъ Ѳедоровичемъ какъ-бы солидар
говорилъ всегда въ такомъ тонѣ, будто между ними вдвоемъ
уже что-то условленное и какъ-бы секретное, что-то ког
произнесенное съ обѣихъ сторонъ, лишь имъ обоимъ только
гное, а другимъ около нихъ коношившимся смертнымъ такъ
и непонятное. Иванъ Ѳедоровичъ, однако, и тутъ долго не
алъ этой настоящей причины своего нароставшаго отвра
и, наконецъ, только лишь въ самое послѣднее время,
ъ догадаться въ чемъ дѣло. Съ брезгливымъ и раздражи
ымъ ощущеніемъ хотѣлъ было онъ пройдти теперь молча
глядя на Смердякова въ калитку, но Смердяковъ всталъ
камейки и ужь по одному этому жесту Иванъ Ѳедоровичъ
игъ догадался, что тотъ желаетъ имѣть съ нимъ особенный
вовъ. Иванъ Ѳедоровичъ поглядѣлъ на него и остановился,
онъ такъ вдругъ остановился и не прошелъ мимо,
того еще минуту назадъ, озлило его до сотрясенія.
гвращеніемъ глядѣлъ онъ на скопческую испи-
Смердякова съ зачесанными гребешкомъ ви-

сочками и со взбитымъ маленькимъ хохолкомъ. Лѣвы
прищуренный глазокъ его мигалъ и усмѣхался, точно
ривая: «чего идешь, не пройдешь, видишь, что обоим
умнымъ людямъ, переговорить есть чего». Иванъ Ѳед
затрясся.

«Прочь, негодяй, какая я тебѣ компанія, дуракъ!» и
было съ языка его, но, къ величайшему удивленію его,
съ языка совсѣмъ другое:

— Что батюшка спитъ или проснулся? тихо и смирен
говорилъ онъ, себѣ самому неожиданно, и вдругъ, тоже
неожиданно, сѣлъ на скамейку. На мгновеніе ему стало
страшно, онъ вспомнилъ объ этомъ потомъ. Смердяковъ сто
тивъ него, закинувъ руки за спину, и глядѣлъ съ увѣрен
почти строго.

— Еще почиваютъ-съ, выговорилъ онъ не торопливо!
дескать, первый заговорилъ, а не я»). Удивляюсь я
сударь, прибавилъ онъ, помолчавъ, какъ-то жеманно о
глаза, выставивъ правую ножку впередъ и поигрывая но
лакированной ботинки.

— Съ чего ты на меня удивляешься? отрывисто и
произнесъ Иванъ Ѳедоровичъ, изо всѣхъ силъ себя сде
и вдругъ съ отвращеніемъ понялъ, что чувствуетъ сил
любопытство и что ни за что не уйдетъ отсюда, не уд
ривъ его.

— Зачѣмъ вы, сударь, въ Чермашню не ѣдете-съ?
вскинулъ глазками Смердяковъ и фамильярно улыбнулся.
я улыбнулся, самъ, дескать, долженъ понять, если умн
вѣкъ»,—какъ-бы говорилъ его прищуренный лѣвый гла

— Зачѣмъ я въ Чермашню поѣду? удивился Иванъ
вичъ.

Смердяковъ опять помолчалъ.

— Сами даже Ѳедоръ Павловичъ такъ васъ объ то
ляли-съ, проговорилъ онъ, наконецъ, не спѣша и какъ-
не цѣня своего отвѣта: третьестепенною, дескать, прич
дѣлываюсь, только чтобы что-нибудь сказать.

— Э, чортъ, говори яснѣй, чего тебѣ надобно? вс
наконецъ, гнѣвливо Иванъ Ѳедоровичъ, со смиренія пер
грубость.

Смердяковъ приставилъ правую ножку къ лѣвой, вы
прямѣй, но продолжалъ глядѣть съ тѣмъ-же спокойствіем
тою-же улыбочкой.

— Существеннаго ничего нѣтъ-съ... а такъ-съ, къ разго-
у...
Наступило опять молчаніе. Промолчали чуть не съ минуту.
анъ Ѳедоровичъ зналъ, что онъ долженъ былъ сейчасъ встать
разсердиться, а Смердяковъ стоялъ предъ нимъ и къ-бы
алъ: «А вотъ посмотрю я, разсердишься ты или нѣ съ.
крайней мѣрѣ, представлялось Ивану Ѳедоровичу.
качнулся чтобы встать. Смердяковъ точно поймалъ
ье.
— Ужасное мое положеніе-съ, Иванъ Ѳедоровичъ, не
е какъ и помочь себѣ, проговорилъ онъ вдругъ твердо
ьно, и съ послѣднимъ словомъ своимъ вздохнулъ.
оровичъ тотчасъ-же опять усѣлся.
— Оба совсѣмъ блажные-съ, оба дошли до самаго малаго ре-
ества-съ, продолжалъ Смердяковъ.—Я про вашего родителя
ро вашего братца-съ, Дмитрія Ѳедоровича. Вотъ они встанутъ
рь, Ѳедоръ Павловичъ, и начнутъ сейчасъ приставать ко мнѣ
дую минуту: «Что не пришла? Зачѣмъ не пришла?»—и такъ
оть до полуночи, даже и за полночь. А коль Аграфена Але-
идровна не придетъ (потому что онѣ, пожалуй, совсѣмъ и не
ѣрены вовсе никогда придти-съ), то накинутся на меня опять
ра по утру: «Зачѣмъ не пришла? Отчего не пришла, когда
детъ?»—точно я въ этомъ въ чемъ предъ ними выхожу ви-
тъ. Съ другой стороны, такая статья-съ, какъ только сей-
смеркнется, да и раньше того, братецъ вашъ съ оружьемъ
рукахъ явится по сосѣдству»: Смотри, дескать, шельма,
йонщикъ: проглядишь ее у меня и не дашь мнѣ знать, что
шла—убью тебя прежде всякаго. «Пройдетъ ночь, на утро и
тоже, какъ и Ѳедоръ Павловичъ, мучительски мучить меня
нутъ: «зачѣмъ не пришла, скоро-ль покажется»,—и точно я
ть-таки и предъ ними виноватъ выхожу-съ, въ томъ, что
ня госпожа не явилась. И до того съ каждымъ днемъ и съ
ждымъ часомъ все дальше серчаютъ оба-съ, что думаю, иной
ъ, отъ страху самъ жизни себя лишить-съ. Я, сударь, на
ъ не надѣюсь-съ.
— А зачѣмъ ввязался? Зачѣмъ Дмитрію Ѳедоровичу сталъ
вносить? раздражительно проговорилъ Иванъ Ѳедоровичу.
какъ-бы я не ввязался-съ? Да я и не вязывался во-
отите знать въ полной точности-съ. Я съ самаго на-
ъ, возражать не смѣя, а они сами опредѣлили
— Личардой при нихъ состоять. Только и

зн[illegible] поръ одно слово: «Убью тебя, шельм
пр[illegible] завѣрно полагаю, сударь, что со мной завтр
ная падучая приключится.

— Какая такая длинная падучая?

— Длинный припадокъ такой-съ, чрезвычайно длин
Нѣсколько часовъ-съ али, пожалуй, день и другой продолжа
Разъ со мной продолжалось это дня три, упалъ съ чердак
Перестанетъ бить, а потомъ зачнетъ опять; и я всѣ три
могъ въ разумъ войдти. За Герценштубе, за здѣшнимъ
ромъ тогда Ѳедоръ Павловичъ посылали-съ, такъ тотъ
темени прикладывалъ, да еще одно средство употребил
мереть-бы могъ-съ.

— Да вѣдь, говорятъ, падучую нельзя заранѣе пре
что вотъ въ такой-то часъ будетъ. Какъ-же ты говори
завтра придетъ? съ особеннымъ и раздражительнымъ я
ствомъ освѣдомился Иванъ Ѳедоровичъ.

— Это точно что нельзя предузнать-съ.

— Къ тому-же ты тогда упалъ съ чердака.

— На чердакъ каждый день лазею-съ, могу и завтр
съ чердака. А не съ чердака, такъ въ погребъ упад
погребъ тоже каждый день хожу-съ, по своей надобн
Иванъ Ѳедоровичъ длинно посмотрѣлъ на него.

— Плетешь ты, я вижу, и я тебя что-то не понимаю
[illegible] какъ-то грозно проговорилъ онъ:—притворяться, [illegible]
[illegible] завтра на три дня въ падучей? А?

[illegible]ердяковъ, смотрѣвшій въ землю и игравшій [illegible]
[illegible] правой ноги, поставилъ правую ногу на [illegible]
[illegible] впередъ лѣвую, поднялъ голову и [illegible]
[illegible]

— [illegible]-бы я даже эту самую штуку и [illegible]
[illegible]-съ, и такъ какъ ее сдѣлать [illegible]
[illegible] человѣку, то и тутъ я въ полномъ [illegible]
[illegible] употребить для спасенія жизни [illegible]
[illegible] болѣзни лежу, то хотя-бы Аграфена [illegible]
[illegible] родителю, не могутъ [illegible]
[illegible] «зачѣмъ не донесъ». Сами [illegible]
[illegible] вскинулся вдругъ Иванъ Ѳедоровичъ
[illegible] лицомъ. Что ты [illegible]
[illegible] брата Дмитрія [illegible]
[illegible] онъ тебя: [illegible]
[illegible] и прежде [illegible]

другаго боюсь: чтобы меня въ ихъ сообществѣ не сочли,
что̀ нелѣпое надъ родителемъ своимъ учинятъ.
Почему тебя сочтутъ сообщникомъ?
Потому сочтутъ сообщникомъ, что я имъ эти самые знаки
кретѣ большомъ сообщилъ-съ.
Какіе знаки? Кому сообщилъ? Чортъ тебя побери, говори

Долженъ совершенно признаться, съ педантскимъ спо
ь тянулъ Смердяковъ, — что тутъ есть одинъ секр
ъ Ѳедоромъ Павловичемъ. Они, какъ сами изволите
только изволите это знать), уже нѣсколько дней, как
ночь али даже вечеръ, такъ тотчасъ съизнутри и запр
ждый разъ стали подъ конецъ возвращаться рано къ с
охъ, а вчера такъ и совсѣмъ никуда не выходили-съ,
, можетъ, и не знаете, какъ они старательно начали те-
апираться на ночь. И приди хоть самъ Григорій Василье-
такъ они, развѣ что по голосу убѣдясь, ему отопрутъ-съ.
игорій Васильевичъ не приходитъ-съ, потому служу имъ
въ комнатахъ одинъ я-съ, — такъ они сами опредѣлили
самой минуты, какъ начали эту затѣю съ Аграфеной
идровной, а на ночь такъ и я теперь, по ихнему распо-
ію, удаляюсь и ночую во флигелѣ, съ тѣмъ, чтобы до пол-
нѣ не спать, а дежурить, вставать и дворъ обходить, и
когда Аграфена Александровна придутъ-съ, такъ какъ онѣ
же нѣсколько дней ея ждутъ, словно какъ помѣшанные.
дадутъ-же они такъ-съ: она, говорятъ, его боится, Дми-
Ѳедоровича (они его Митькой зовутъ-съ), а потому ночью
е задами ко мнѣ пройдетъ; ты-же, говоритъ, ее сторожи
ой полночи и больше. И если она придетъ, то ты къ две-
подбѣги и постучи мнѣ въ дверь, аль въ окно изъ саду
два первые раза потише, этакъ: разъ-два, а потомъ сей-
ие раза поскорѣе: тукъ-тукъ-тукъ. Вотъ, говорятъ, я и пойму
ь, что это она пришла и отопру тебѣ дверь потихоньку.
знакъ сообщили мнѣ на тотъ случай, если что экстрен-
произойдетъ: сначала два раза скоро: тукъ-тукъ, а потомъ,
въ, еще одинъ разъ гораздо крѣпче. Вотъ они и поймутъ,
случилось внезапное и что оченно надо мнѣ ихъ видѣть,
нѣ отопрутъ, а я пойду и доложу. Все на тотъ случай,
на Александровна можетъ сама не придти, а пришлетъ
ь извѣстить; окромя того, Дмитрій Ѳедоровичъ тоже
такъ и о немъ извѣстить, что онъ близко. Оченно

[illegible]

[illegible] ...теперь Дмитрію Федоровичу теперь извѣстны.

— Почему извѣстны? Передалъ ты? Какъ-же ты смѣлъ передать?

— Отъ этого самаго страху-съ. И какъ-же бы я смѣлъ умолчать предъ ними-съ? Дмитрій Федоровичъ каждый день напираютъ: «Ты меня обманываешь, ты отъ меня что скрываешь? Я тебѣ обѣ ноги сломаю!» Вотъ я имъ эти самые секретные знаки и сообщилъ, чтобы видѣли по крайности мое раболѣпіе и тѣмъ самымъ удостовѣрились, что ихъ не обманываю, а всячески имъ доношу.

— Если думаешь, что онъ этими знаками воспользуется и захочетъ войдти, то ты его не пускай.

— А коли я самъ въ припадкѣ буду лежать-съ, тогда и не пущу-съ, если-бъ я даже и могъ осмѣлиться не пустить-съ, зная ихъ столь отчаянными-съ.

— Э, чортъ возьми! Почему ты такъ увѣренъ... придучим, чортъ тебя побери? Смѣешься ты надо мн...

— Какъ-же бы я посмѣлъ надъ вами смѣяться, ... когда такой страхъ? Предчувствую, что будетъ п... чувствіе такое имѣю, отъ страху отъ одного и пр...

кую, на какой-то травѣ, секретомъ такимъ обладаютъ-съ. ѣчатъ они этимъ секретнымъ лѣкарствомъ Григорія Васильеа раза по три въ годъ-съ, когда у того поясница отнится вся-съ, въ родѣ какъ-бы съ нимъ параличъ-съ, раза по въ годъ-съ. Тогда онѣ берутъ полотенце-съ, мочатъ въ ъ настой и всю-то ему спину Марѳа Игнатьевна третъ подъ-съ, до суха-съ, совсѣмъ даже покраснѣетъ и вспухне[illegible] атѣмъ остальное, что въ стклянкѣ, даютъ ему выпить-[illegible] оторою молитвою-съ, не все, однако-жь, потому что [illegible] ую при семъ рѣдкомъ случаѣ и себѣ оставляютъ-съ и ивають-съ. И оба, я вамъ скажу, какъ не пьющіе, такъ алятся-съ и спятъ очень долгое время крѣпко-съ; и [illegible] нется Григорій Васильевичъ, то всегда почти послѣ того зд[illegible] -съ, а Марѳа Игнатьевна проснется и у нея всегда послѣ голова болитъ-съ. Такъ вотъ, если завтра Марѳа Игнатьевна это намѣреніе исполнятъ-съ, такъ врядъ-ли имъ что услы-съ и Дмитрія Ѳедоровича не допустить-съ. Спать будутъ-съ.

— Что за ахинея! И все это какъ нарочно такъ сразу и ется: и у тебя падучая, и тѣ оба безъ памяти! прокричалъ ъ Ѳедоровичъ;—да ты самъ ужь не хочешь-ли такъ под-, чтобы сошлось? вырвалось у него вдругъ и онъ грозно урилъ брови.

— Какъ-же-бы я такъ подвелъ-съ... и для чего подводить, все тутъ отъ Дмитрія Ѳедоровича одного и зависитъ-съ, ь однѣхъ его мыслей-съ... Захотятъ они что учинить— ятъ-съ, а нѣтъ, такъ не я-же нарочно ихъ приведу, чтобы одителю ихъ втолкнуть

— А зачѣмъ ему къ отцу приходить, да еще потихоньку, какъ ты самъ говоришь, Аграфена Александровна и со не придетъ, продолжалъ Иванъ Ѳедоровичъ, блѣднѣя отъ ;—самъ-же ты это говоришь, да и я все время, тутъ живя, увѣренъ, что старикъ только фантазируетъ и что не при къ нему эта тварь. Зачѣмъ-же Дмитрію врываться къ ста-, если та не придетъ? Говори! Я хочу твои мысли знать.

— Сами изволите знать зачѣмъ придутъ, къ чему-же тутъ мысли? Придутъ по единой ихней злобѣ, али по своей мни[illegible] въ случаѣ, примѣрно, моей болѣзни, усумнятся и пой-терпѣнія искать въ комнаты, какъ вчерашній разъ: ли, дескать, она какъ-нибудь отъ нихъ потихоньку. нно тоже извѣстно, что у Ѳедора Павловича конвертъ отовленъ, а въ немъ три тысячи запечатаны, подъ

сего этого въ Чермашню мнѣ совѣтуешь ѣхать? Что ты
отѣлъ сказать? Я ѣду, и у васъ вотъ что произойдетъ.
Ѳедоровичъ съ трудомъ переводилъ духъ.
Совершенно вѣрно-съ, тихо и разсудительно проговорилъ
овъ, присгально, однако-же, слѣдя за Иваномъ Ѳе ро-

Какъ совершенно вѣрно? переспросилъ Иванъ Ѳедорови
іемъ сдерживая себя и грозно сверкая глаза
Я говорилъ васъ жалѣючи. На вашемъ мѣстѣ,
гутъ я, такъ все-бы это тутъ-же бросилъ... чѣмъ
ла сидѣть-съ... отвѣтилъ Смердяковъ съ самымъ с
идомъ смотря на сверкающіе глаза Ивана Ѳедоровича
ли.
Ты, кажется, большой идіотъ и, ужь конечно... страш-
рзавецъ! всталъ вдругъ со скамейки Иванъ Ѳедоровичъ.
тотчасъ-же хотѣлъ было пройдти въ калитку, но вдругъ
ился и повернулся къ Смердякову. Произошло что-то
е: Иванъ Ѳедоровичъ внезапно, какъ-бы въ судорогѣ, за-
губу, сжалъ кулаки и — еще мгновеніе, конечно, бро-
ь на Смердякова. Тотъ, по крайней мѣрѣ, это замѣтилъ
-же мигъ, вздрогнулъ и отдернулся всѣмъ тѣломъ на-
мгновеніе прошло для Смердякова благополучно и Иванъ
ичъ молча, но какъ-бы въ какомъ-то недоумѣніи, повер-
ь калитку.
Я завтра въ Москву уѣзжаю, если хочешь это знать,—
рано утромъ—вотъ и все! со злобою, раздѣльно и громко
проговорилъ онъ, самъ себѣ потомъ удивляясь, какимъ
ь понадобилось ему тогда это сказать Смердякову.
Самое это лучшее-съ, подхватилъ тотъ, точно и ждалъ
олько развѣ то, что изъ Москвы васъ могутъ по теле-
тегода обезпокоить-съ, въ какомъ либо такомъ случаѣ-съ.
ъ Ѳедоровичъ опять остановился и опять быстро повер-
ъ Смердякову. Но и съ тѣмъ точно что случилось. Вся
рность и небрежность его соскочили мгновенно; все лицо
азило чрезвычайное вниманіе и ожиданіе, но уже робкое
острастное: «Не скажешь-ли, дескать, еще чего, не при-
ли», такъ и читалось въ его пристальномъ, такъ и впив-
ъ Ивана Ѳедоровича, взглядѣ.
А изъ Чермашни развѣ не вызвали-бы тоже... въ какомъ
такомъ случаѣ? завопилъ вдругъ Иванъ Ѳедоровичъ, не-
я чего вдругъ ужасно возвысивъ голосъ.

— [illegible]ъ и изъ Чермашня-съ... обезпокоятъ-съ... пр
мотал[illegible]ковъ почти шопотомъ, точно какъ-бы потерав
но пристально-пристально продолжая смотрѣть Ивану Ѳедор
прямо въ глаза.

— Только Москва дальше, а Чермашня ближе, такъ
прогонныхъ деньгахъ жалѣешь, что-ли, настаивая въ Черм
аль меня жалѣешь, что я крюкъ большой сдѣлаю?

— Совершенно вѣрно-съ... пробормоталъ уже пресѣк
голосомъ Смердяковъ, гнусно улыбаясь и опять судорожн
готовившись во-время отпрыгнуть назадъ. Но Иванъ Ѳедор
вдругъ, къ удивленію Смердякова, засмѣялся и быстро пр
въ калитку, продолжая смѣяться. Кто взглянулъ-бы на его
тотъ навѣрно заключилъ-бы, что засмѣялся онъ вовсе не
что было такъ весело. Да и самъ онъ ни за что не объя
бы, что было тогда съ нимъ въ ту минуту. Двигался и
онъ точно судорогой.

VII.

„Съ умнымъ человѣкомъ и поговори любопытно“.

Да и говорилъ тоже. Встрѣтивъ Ѳедора Павловича въ
только что войдя, онъ вдругъ закричалъ ему, махая рука
къ себѣ на верхъ, а не къ вамъ, до свиданія», и прошелъ
даже стараясь не взглянуть на отца. Очень можетъ быт
старикъ слишкомъ былъ ему въ эту минуту ненавистен
такое безцеремонное проявленіе враждебнаго чувства даже
Ѳедора Павловича было неожиданнымъ. А старикъ и
видно хотѣлъ ему что-то поскорѣй сообщить, для чего и
и вышелъ встрѣтить его въ залу; услышавъ-же такую
ность, остановился молча и съ насмѣшливымъ видомъ п
дилъ сынка глазами на лѣстницу въ мезонинъ, до тѣхъ
пока тотъ скрылся изъ виду.

— Чего это онъ? быстро спросилъ онъ вошедшаго
за Иваномъ Ѳедоровичемъ Смердякова.

— Сердятся на что-то-съ, кто ихъ разберетъ, пробор
тотъ уклончиво.

— А и чортъ! Пусть сердится. Подавай самоваръ и
самъ убирайся, живо. Нѣтъ-ли чего новаго?

тъ начались разспросы именно изъ таки на ко
яковъ сейчасъ жаловался Ивану Ѳедорови то есть
етъ ожидаемой посѣтительницы, и мы эти
имъ. Чрезъ полчаса домъ былъ запертъ
кашка похаживалъ одинъ по комнатамъ, въ
ніи, что вотъ-вотъ раздадутся пять условныхъ
ка заглядывая въ темныя окна и ничего въ н
ночи.

ыло уже очень поздно, а Иванъ Ѳедоровичъ все не
бражалъ. Поздно онъ легъ въ эту ночь, часа въ дв
е станемъ передавать все теченіе его мыслей, да и не
входить въ эту душу: этой душѣ свой чередъ. И
ъ и попробовали что передать, то было-бы очень мудр
дѣлать, потому что были не мысли, а было что-то оч
едѣленное, а главное—слишкомъ взволнованное. Самъ онъ
вовалъ, что потерялъ всѣ свои концы. Мучили его тоже
я странныя и почти неожиданныя совсѣмъ желанія, на-
ръ: ужь послѣ полночи ему вдругъ настоятельно и не-
мо хотѣлось сойдти внизъ, отпереть дверь, пройдти во
ь и избить Смердякова, но спросили-бы вы за что, и самъ
ѣшительно не съумѣлъ-бы изложить ни одной причины въ
ти, кромѣ той развѣ, что сталъ ему этотъ лакей ненави-
какъ самый тяжкій обидчикъ, какого только можно пріи-
на свѣтѣ. Съ другой стороны, не разъ охватывала въ эту
го душу какая-то необъяснимая и унизительная робость,
второй онъ, — онъ это чувствовалъ, — даже какъ-бы те-
вдругъ физическія силы. Голова его болѣла и кружилась.
ненавистное щемило его душу, точно онъ собирался мстить
Ненавидѣлъ онъ даже Алешу, вспоминая давешній съ нимъ
ръ, ненавидѣлъ очень минутами и себя. О Катеринѣ Ива-
онъ почти что и думать забылъ, и много этому потомъ
лся, тѣмъ болѣе, что самъ твердо помнилъ, какъ еще
утромъ, когда онъ такъ размашисто похвалился у Кате-
Ивановны, что завтра уѣдетъ въ Москву,—въ душѣ своей
ке шепнулъ про себя: «а вѣдь вздоръ, не поѣдешь, и не
ебѣ будетъ легко оторваться, какъ ты теперь фанфаро-

Припоминая потомъ, долго спустя, эту ночь, Иванъ Ѳедо-
съ особеннымъ отвращеніемъ вспоминалъ, какъ онъ вдругъ,
вставалъ съ дивана и тихонько, какъ-бы страшно боясь,
ю подглядѣли за нимъ, отворялъ двери, выходилъ на лѣст-
слушалъ внизъ, въ нижнія комнаты, какъ шевелился и

похаживалъ тамъ внизу Ѳедоръ Павловичъ, слушалъ—
минутъ по пяти, со страннымъ какимъ-то любопытством
гамвъ духъ, и съ біеніемъ сердца, а для чего онъ все
дѣлывалъ, для чего слушалъ—конечно, и самъ не зналъ,
«поступокъ» онъ всю жизнь свою потомъ называлъ «по
и всю жизнь свою считалъ, глубоко про себя, въ та
души своей—самымъ подлымъ поступкомъ изо всей своей
ни. Къ самому-же Ѳедору Павловичу онъ не чувствовалъ
минуты никакой даже ненависти, а лишь любопытствовал
чему-то изо всѣхъ силъ: какъ онъ тамъ внизу ходитъ, что
примѣрно, тамъ у себя теперь долженъ дѣлать, продумы
и соображалъ, какъ онъ долженъ былъ тамъ внизу загляд
въ темныя окна и вдругъ останавливаться среди комна
ждать, ждать—не стучитъ-ли кто. Выходилъ Иванъ Ѳедо
для этого занятія на лѣстницу раза два. Когда все затих
уже улегся и Ѳедоръ Павловичъ, часовъ около двухъ, у
Иванъ Ѳедоровичъ съ твердымъ желаніемъ поскорѣе за
такъ какъ чувствовалъ себя страшно измученнымъ. И в
заснулъ онъ вдругъ крѣпко и спалъ безъ сновъ, но прос
рано, часовъ въ семь, когда уже разсвѣло. Раскрывъ гла
изумленію своему, онъ вдругъ почувствовалъ въ себѣ пр
какой-то необычайной энергіи, быстро вскочилъ и быстро о
затѣмъ вытащилъ свой чемоданъ и, не медля, поспѣшно
его укладывать. Бѣлье какъ разъ еще вчера утромъ полу
все отъ прачки. Иванъ Ѳедоровичъ даже усмѣхнулся при
что такъ все оно сошлось, что нѣтъ никакой задержки в
ному отъѣзду. А отъѣздъ выходилъ дѣйствительно внезап
Хотя Иванъ Ѳедоровичъ и говорилъ вчера (Катеринѣ Ива
Алешѣ и потомъ Смердякову), что завтра уѣдетъ, но, л
вчера спать, онъ очень хорошо помнилъ, что въ ту минут
не думалъ объ отъѣздѣ, по крайней мѣрѣ, совсѣмъ не мыс
что по утру, проснувшись, первымъ движеніемъ броситс
дывать чемоданъ. Наконецъ, чемоданъ и сакъ были готовы:
уже около девяти часовъ, когда Марѳа Игнатьевна взошл
нему съ обычнымъ ежедневнымъ вопросомъ: «Гдѣ изволи
кушать, у себя, аль сойдете внизъ?» Иванъ Ѳедоровичъ с
внизъ, видъ имѣлъ почти что веселый, хотя было въ нем
словахъ и въ жестахъ его, нѣчто какъ-бы раскидывающе
торопливое. Привѣтливо поздоровавшись съ отцомъ, и даж
бенно навѣдавшись о здоровьѣ, онъ, не дождавшись, впро
окончанія отвѣта родителя, разомъ объявилъ, что чрезъ

жаетъ въ Москву, совсѣмъ, и проситъ послать за лошадьми. рикъ выслушалъ сообщеніе безъ малѣйшаго удивленія, пре-рилично позабывъ поскорбѣть объ отъѣздѣ сынка; вмѣсто того угъ чрезвычайно захлопоталъ, вспомнивъ какъ разъ кстати о насущное собственное дѣло.

— Ахъ ты! Экой! Не сказалъ вчера... ну да все равно, и часъ уладимъ. Сдѣлай ты мнѣ милость великую, отецъ ты мой дной, заѣзжай въ Чермашню. Вѣдь тебѣ съ Воловьей станціи его только влѣво свернуть, всего двѣнадцать какихъ-нибудь рсточекъ, и вотъ она, Чермашня.

— Помилуйте, не могу: до желѣзной дороги восемьдесятъ рстъ, а машина уходитъ со станціи въ Москву въ семь часовъ чера—ровно только чтобъ поспѣть.

— Поспѣешь завтра, не то послѣзавтра, а сегодня сверни Чермашню. Чего тебѣ стоитъ родителя успокоить! Если-бы ѣсь не дѣла, я самъ давно слеталъ-бы, потому что штука-то ъ спѣшная и чрезвычайная, а здѣсь у меня... время теперь такое... Видишь, тамъ эта роща моя, въ двухъ участкахъ въ ичевѣ, да въ Дячкинѣ, въ пустошахъ. Масловы, старикъ съ ломъ, купцы, всего восемь тысячъ даютъ на срубъ, а всего ько прошлаго года покупщикъ нарывался, такъ двѣнадцать алъ, да не здѣшній, вотъ гдѣ черта. Потому, у здѣшнихъ ерь сбыту нѣтъ: кулачатъ Масловы отецъ съ сыномъ сто-ячники: что положатъ, то и бери, а изъ здѣшнихъ никто и смѣетъ противъ нихъ тягаться. А Ильинскій батюшка вдругъ исалъ сюда въ прошлый четвергъ, что пріѣхалъ Горсткинъ, е купчишка, знаю я его, только драгоцѣнность-то въ томъ, не здѣшній, а изъ Погребова, значитъ, не боится онъ Мас-ыхъ, потому, не здѣшній. Одиннадцать тысячъ, говоритъ, за у дамъ, слышишь? А пробудетъ онъ здѣсь, пишетъ батюшка, -то всего лишь недѣлю. Такъ вотъ-бы ты поѣхалъ, да съ ъ и сговорился...

— Такъ вы напишите батюшкѣ, тотъ и сговорится.

— Не умѣетъ онъ, тутъ штука. Этотъ батюшка смотрѣть умѣетъ. Золото человѣкъ, я ему сейчасъ двадцать тысячъ ту безъ росписки на сохраненіе, а смотрѣть ничего не умѣетъ, ъ-бы и не человѣкъ вовсе, ворона обманетъ А вѣдь ученый

представь себѣ это. Этотъ Горсткинъ на видъ мужикъ, юддевкѣ, только характеромъ онъ совершенный под-ъ-то и бѣда наша общая: онъ лжетъ, вотъ черта. ъ налжетъ, что только дивишься зачѣмъ это онъ

Налгалъ третьяго года, что жена у него умерла и что
женатъ на другой, и ничего этого не было, представь с
когда жена его не умирала, живетъ и теперь и его бье
дые три дня по разу. Такъ вотъ и теперь надо узнать
аль правду говоритъ, что хочетъ купить и одиннадцать
дать?

— Такъ вѣдь и я тутъ ничего не сдѣлаю, у ме
глазу нѣтъ.

— Стой, подожди, годишься и ты, потому я тебѣ
мѣты его сообщу, Горсткина-то, я съ нимъ дѣла уже дав
Видишь: ему на бороду надо глядѣть: бороденка у него
кая, гаденькая, тоненькая. Коли бороденка трясется, а с
говоритъ да сердится — значитъ, ладно, правду говор
чегъ дѣло дѣлать; а коли бороду гладитъ лѣвою рукой,
посмѣивается,—ну, значитъ, надуть хочетъ, плутуетъ.
ему никогда не гляди, по глазамъ ничего не разбереш
вода, плутъ,—гляди на бороду. Я тебѣ къ нему запис
а ты покажи. Онъ Горсткинъ, только онъ не Горсткин
гавый, такъ ты ему не говори, что онъ Лягавый, обидит
сговоришься съ нимъ и увидишь что ладно, тотчасъ и
сюда. Только это и напиши: «не лжетъ, дескать». Стой
надцати, одну тысячку можешь спустить, больше не
Подумай: восемь и одиннадцать — три тысячи разниц
три тысячи ровно какъ нашелъ, скоро-ли покупщика до
а деньги до зарѣзу нужны. Дашь знать, что серьезно,
самъ ужь отсюда слетаю и кончу, какъ-нибудь урву
теперь чего я туда поскачу, если все это батька выдум
ѣдешь или нѣтъ?

— Э, некогда, избавьте.

— Эхъ, одолжи отца, припомню! Безъ сердца вы
что! Чего тебѣ день или два? Куда ты теперь, въ Вен
развалится твоя Венеція въ два-то дня. Я Алешку пос
да вѣдь что Алешка въ этихъ дѣлахъ? Я вѣдь единств
тому, что ты умный человѣкъ, развѣ я не вижу. Лѣсом
гуешь, а глазъ имѣешь. Тутъ только чтобы видѣть: в
или нѣтъ человѣкъ говоритъ. Говорю, гляди на бороду:
бороденка—значитъ, въ серьезъ.

— Сами-жь вы меня въ Чермашню эту проклятую
а? вскричалъ Иванъ Ѳедоровичъ, злобно усмѣхнувшись

Ѳедоръ Павловичъ злобы не разглядѣлъ или не хот
глядѣть, а усмѣшку подхватилъ:

– Значитъ, ѣдешь, ѣдешь? Сейчасъ тебѣ записку настрочу.
– Не знаю, поѣду-ли, не знаю, дорогой рѣшу.
– Что дорогой, рѣши сейчасъ. Голубчикъ, рѣши! Сгово-
ся, напиши мнѣ двѣ строчки, вручи батюшкѣ и онъ мнѣ
ъ свою цидулку пришлетъ. А затѣмъ и не держу тебя,
й въ Венецію. Тебя обратно на Воловью станцію батюшка
воихъ доставитъ...
тарикъ былъ просто въ восторгѣ, записку настрочил
за лошадьми, подали закуску, коньякъ. Когда старик
радъ, то всегда начиналъ экспансивничать, но на
онъ какъ-бы сдерживался. Про Дмитрія Ѳедорови
ѣръ, не произнесъ ни единаго словечка. Разлукой-ж
ь не былъ тронутъ. Даже какъ-бы и не находилъ о чем
рить; и Иванъ Ѳедоровичъ это очень замѣтилъ: «Надоѣлъ-ж
у, однако», подумалъ онъ про себя. Только провожая сына
съ крыльца, старикъ немного какъ-бы заметался, полѣзъ
лобызаться. Но Иванъ Ѳедоровичъ поскорѣе протянулъ ему
ложатія руку, видимо отстраняя лобзанія. Старикъ тотчасъ
ъ и въ мигъ осадилъ себя.
– Ну, съ Богомъ, съ Богомъ! повторялъ онъ съ крыльца.—
пріѣдешь еще когда въ жизни-то? Ну и пріѣзжай, всегда
радъ. Ну, Христосъ съ тобою!
Иванъ Ѳедоровичъ влѣзъ въ тарантасъ.
– Прощай, Иванъ, очень-то не брани! крикнулъ въ послѣд-
азъ отецъ.
ровожать вышли всѣ домашніе: Смердяковъ, Марѳа и Гри-
Иванъ Ѳедоровичъ подарилъ всѣмъ по десяти рублей.
уже онъ усѣлся въ тарантасъ, Смердяковъ подскочилъ
вить коверъ.
– Видишь... въ Чермашню ѣду... какъ-то вдругъ вырвалось
на Ѳедоровича, опять какъ вчера, такъ само собою сле-
да еще съ какимъ-то нервнымъ смѣшкомъ. Долго онъ это
налъ потомъ.
– Значитъ, правду говорятъ люди, что съ умнымъ челове-
м поговорить любопытно, твердо отвѣтилъ Смердяковъ, про-
венно глянувъ на Ивана Ѳедоровича.
нтасъ тронулся и помчался. Въ душѣ путешественника
ю, но онъ жадно глядѣлъ кругомъ на поля, на холмы,
стаю гусей пролетавшую надъ нимъ высоко по
угъ ему стало такъ хорошо. Онъ попробо-
извощикомъ и его ужасно что-то занима-

Я подлецъ!—прошепталъ онъ про себя.
Ѳедоръ Павловичъ, проводивъ сынка, остался очень дово-
Цѣлые два часа чувствовалъ онъ себя почти счастливымъ
ивалъ коньячекъ; но вдругъ въ домѣ произошло одно пре-
ое и пренепріятное для всѣхъ обстоятельство, мигомъ по-
ге Ѳедора Павловича въ большое смятеніе: Смердяковъ по-
зачѣмъ-то въ погребъ и упалъ внизъ съ верхней ступеньки.
ю еще, что на дворѣ случилась въ то время Марѳа Игнать-
во-время услышала. Паденія она не видѣла, но зато услы-
крикъ, крикъ, особенный, странный, но ей уже давно извѣст-
-крикъ эпилептика, падающаго въ припадкѣ. Приключился-
нимъ припадокъ въ эту минуту, когда онъ сходилъ по
ькамъ внизъ, такъ что онъ, конечно, тотчасъ-же и дол-
былъ слетѣть внизъ въ безчувствіи, или, напротивъ, уже
денія и отъ сотрясенія произошелъ у Смердякова, извѣст-
эпилептика, его припадокъ,—разобрать нельзя было, но
его уже на днѣ погреба, въ корчахъ и судорогахъ, бью-
и съ пѣной у рта. Думали сначала, что онъ навѣрно
ъ себѣ что-нибудь, руку или ногу, и расшибся, но, однако,
гъ Господь», какъ выразилась Марѳа Игнатьевна: ничего
не случилось, а только трудно было достать его и вы-
изъ погреба на свѣтъ Божій. Но попросили у сосѣдей
и и кое-какъ это совершили. Находился при всей этой
ніи и самъ Ѳедоръ Павловичъ, самъ помогалъ, видимо пе-
нный и какъ-бы потерявшійся. Больной, однако, въ чув-
е входилъ: припадки хоть и прекращались на время, но
озобновлялись опять, и всѣ заключили, что произойдетъ
амое, что и въ прошломъ году, когда онъ тоже упалъ
но съ чердака. Вспомнили, что тогда прикладывали ему
мени льду. Ледокъ къ погребъ еще нашелся и Марѳа
евна распорядилась, а Ѳедоръ Павловичъ подъ вечеръ по-
за докторомъ Герценштубе, который и прибылъ немед-
Осмотрѣвъ больнаго тщательно (это былъ самый тща-
й и внимательный докторъ во всей губерніи, пожилой и
нѣйшій старичокъ), онъ заключилъ, что припадокъ чрез-
ый и «можетъ грозить опасностью», что покамѣстъ онъ,
штубе, еще не понимаетъ всего, но что завтра утромъ,
е помогутъ теперешнія средства, онъ рѣшится принять
Больнаго уложили во флигелѣ, въ комнатѣ рядомъ съ
ніемъ Григорія и Марѳы Игнатьевны. Затѣмъ Ѳедоръ
ичъ уже весь день претерпѣвалъ лишь несчастіе

вало
брази.
не по.
ло бы.
ное. М
вановнь
ризраки
нъ. Стан
на Воловь
бопытно,
тило ему
ѣду?» Дос
шелъ изъ
машню, дв
лѣлъ впря
кругомъ, в
обратно на
— Не
самъ на я
— Ка
— Вп
городѣ?
— К
—
отцу
я въ
—
знае

РУССКІЙ ИНОКЪ.

I.

Старецъ Зосима и его гости.

Когда Алеша съ тревогой и съ болью въ сердцѣ вошел
келью старца, то остановился почти въ изумленіи; вмѣст
ящаго больнаго, можетъ быть, уже безъ памяти, каким
ся найдти его, онъ вдругъ его увидалъ сидящимъ въ кресл
съ изможденнымъ отъ слабости, но съ бодрымъ и весе
лицомъ, окруженнаго гостями и ведущаго съ ними тиху
тлую бесѣду. Впрочемъ, всталъ онъ съ постели не болѣ
за четверть часа до прихода Алеши: гости уже собрали
его келью раньше и ждали, пока онъ проснется, по твердом
ренію отца Паисія, что «учитель встанетъ несомнѣнно, чтоб
разъ побесѣдовать съ милыми сердцу его, какъ самъ изрек
акъ самъ пообѣщалъ еще утромъ». Обѣщанію-же этому,
всякому слову отходящаго старца, отецъ Паисій вѣровал
рдо, до того, что если-бы видѣлъ его и совсѣмъ уже без
анія и даже безъ дыханія, но имѣлъ-бы его обѣщаніе, чт
разъ возстанетъ и простится съ нимъ, то не повѣрилъ-бы
етъ быть, и самой смерти. все ожидая, что умирающій очнет
сполнитъ обѣтованное. По утру-же старецъ Зосима положи
но изрекъ ему, отходя ко сну: «Не умру, прежде чѣмъ ещ
не упьюсь бесѣдою съ вами, возлюбленные сердца моег
илые лики ваши погляжу, душу мою вамъ еще разъ изолью
равшіеся на эту послѣднюю, вѣроятно, бесѣду старца, бы
е преданные ему друзья съ давнихъ лѣтъ. Ихъ было че
: іеромонахи отецъ Іосифъ и отецъ Паисій, іеромонахъ отец
ихъ, настоятель скита, человѣкъ не весьма еще стар

далеко не столь ученый, изъ званія простаго, но духомъ тверды
нерушимо и просто вѣрующій, съ виду суровый, но проникно
венный глубокимъ умиленіемъ въ сердцѣ своемъ, хотя видим
скрывалъ свое умиленіе до какого-то даже стыда. Четверты
гость былъ совсѣмъ уже старенькій, простенькій монашекъ, из
бѣднѣйшаго крестьянскаго званія, братъ Анѳимъ, чуть-ли даж
не малограмотный, молчаливый и тихій, рѣдко даже съ кѣм
говорившій, между самыми смиренными смиреннѣйшій и имѣвшій
видъ человѣка какъ-бы на вѣки испуганнаго чѣмъ-то великим
и страшнымъ, не въ подъемъ уму его. Этого какъ-бы трепе
щущаго человѣка старецъ Зосима весьма любилъ и во всю жизн
свою относился къ нему съ необыкновеннымъ уваженіемъ, хотя
можетъ быть, ни съ кѣмъ во всю жизнь свою не сказалъ мень
словъ какъ съ нимъ, не смотря на то, что когда-то многіе годы
провелъ въ странствованіяхъ съ нимъ вдвоемъ по всей свято
Руси. Было это уже очень давно, лѣтъ предъ тѣмъ уже сорок
когда старецъ Зосима впервые началъ иноческій подвигъ сво
въ одномъ бѣдномъ, мало извѣстномъ Костромскомъ монастыр
и когда, вскорѣ послѣ того, пошелъ сопутствовать отцу Анѳим
въ странствіяхъ его для сбора пожертвованій на ихъ бѣдны
Костромской монастырекъ. Всѣ, и хозяинъ, и гости распол
жились во второй комнатѣ старца, въ которой стояла постел
его, комнатѣ, какъ и было указано прежде, весьма тѣсной, так
что всѣ четверо (кромѣ Порфирія послушника, пребывшаго стоя
едва размѣстились вокругъ креселъ старца на принесенныхъ из
первой комнаты стульяхъ. Начало уже смеркаться, комната осв
щалась отъ лампадъ и восковыхъ свѣчъ предъ иконами. Увидав
Алешу, смутившагося при входѣ и ставшаго въ дверяхъ, ста
рецъ радостно улыбнулся ему и протянулъ руку:

— Здравствуй, тихій, здравствуй, милый, вотъ и ты. И зналъ
что прибудешь.

Алеша подошелъ къ нему, склонился предъ нимъ до зем
и заплакалъ. Что-то рвалось изъ его сердца, душа его трепетал
ему хотѣлось рыдать.

— Что ты, подожди оплакивать, улыбнулся старецъ, полож
живъ правую руку свою на его голову,—видишь, сижу и бо
сѣдую, можетъ, и двадцать лѣтъ еще проживу, какъ пожелал
мнѣ вчера та добрая, милая, изъ Вышегорья, съ дѣвочкой
заветой на рукахъ. Помяни Господи и мать и дѣвочку Лиз
(онъ перекрестился). Порфирій, даръ-то ея снесъ, куда я ск

Это онъ припомнилъ о вчерашнихъ шести гривнахъ, к

нныхъ веселою поклонницей, чтобы отдать «той, котора бѣднѣй». Такія жертвы происходятъ какъ эпитеміи добро-ю на себя почему либо наложенныя, и непремѣнно изъ де-собственнымъ трудомъ добытыхъ. Старецъ послалъ Пор-еще съ вечера къ одной, недавно еще погорѣвшей нашей нкѣ, вдовѣ съ дѣтьми, пошедшей послѣ пожара нищенство-Порфирій поспѣшилъ донести, что дѣло уже сдѣлано и что ъ, какъ приказано ему было, «отъ неизвѣстной благотво-ьницы».

– Встань, милый, продолжалъ старикъ Алешѣ,—дай посмо-на тебя. Былъ-ли у своихъ и видѣлъ-ли брата?

лешѣ странно показалось, что онъ спрашиваетъ такъ твердо но, объ одномъ только изъ братьевъ,—но о которомъ-же: тъ, для этого-то брата, можетъ быть, и отсылалъ его отъ и вчера, и сегодня.

– Одного изъ братьевъ видѣлъ, отвѣчалъ Алеша.

– Я про того, вчерашняго, старшаго, которому я до земли нился.

– Того я вчера лишь видѣлъ, а сегодня никакъ не могъ и, сказалъ Алеша.

– Поспѣши найдти, завтра опять ступай и поспѣши, все ь и поспѣши. Можетъ, еще успѣешь что либо ужасное пре-дить. Я вчера великому будущему страданію его поклонился. ъ вдругъ умолкъ и какъ-бы задумался. Слова были стран-Отецъ Іосифъ, свидѣтель вчерашняго земнаго поклона старца, нянулся съ отцемъ Паисіемъ. Алеша не вытерпѣлъ:

– Отецъ и учитель, проговорилъ онъ въ чрезвычайномъ нніи,—слишкомъ неясны слова ваши... Какое это страданіе етъ его?

– Не любопытствуй. Показалось мнѣ вчера нѣчто страш-словно всю судьбу его выразилъ вчера его взглядъ. Былъ у него одинъ взглядъ... такъ что ужаснулся я въ сердцѣ мгновенно тому что уготовляетъ этотъ человѣкъ для себя. или два въ жизни видѣлъ я у нѣкоторыхъ такое-же вы-іе лица... какъ-бы изображавшее всю судьбу тѣхъ людей, ба ихъ, увы, сбылась. Послалъ я тебя къ нему, Алексѣй, малъ, что братскій ликъ твой поможетъ ему. Но все отъ

и всѣ судьбы наши. «Если пшеничное зерно, падши въ е умретъ, то останется одно; а если умретъ, то принего плода». Запомни сіе. А тебя, Алексѣй, много разъ ялъ я мысленно въ жизни моей за ликъ твой, узнай

сіе ъ старецъ съ тихою улыбкой. Мыслю о тебѣ та
гѣнъ сихъ, а въ міру пребудешь, какъ инокъ. Ме
противниковъ, но и самые враги твои будуть
тебя. Много несчастій принесетъ тебѣ жизнь, но ими-то
и счастливъ будешь и жизнь благословишь, и другихъ благос
вить заставишь,—что̀ важнѣе всего. Ну, вотъ ты каковъ. О
и учители мои, умиленно улыбаясь, обратился онъ къ гост
своимъ,—никогда до сего дня не говорилъ я, даже и ему,
что былъ столь милымъ душѣ моей ликъ сего юноши. Тех
лишь скажу: былъ мнѣ ликъ его какъ-бы напоминаніемъ и
рочествомъ. На зарѣ дней моихъ, еще малымъ ребенкомъ, и
я старшаго брата, умершаго юношей, на глазахъ моихъ, в
только семнадцати лѣтъ. И потомъ, проходя жизнь мою, убѣд
я постепенно, что былъ этотъ братъ мой въ судьбѣ моей как
указаніемъ и предназначеніемъ свыше, ибо не явись онъ въ м
моей, не будь его вовсе, и никогда-то, можетъ быть, я такъ мы
не принялъ-бы я иноческаго сана и не вступилъ на драгоцѣ
путь сей. То первое явленіе было еще въ дѣтствѣ моемъ, и
уже на склонѣ пути моего явилось мнѣ воочію какъ-бы и
реніе его. Чудно это, отцы и учители, что не бывъ столь по
на него лицомъ, а лишь нѣсколько, Алексѣй казался мнѣ д
схожимъ съ тѣмъ духовно, что много разъ считалъ я его, ка
прямо за того юношу, брата моего, пришедшаго ко мнѣ на
пути моего таинственно, для нѣкоего воспоминанія и прои
венія, такъ что даже удивлялся себѣ самому и таковой стр
мечтѣ моей. Слышишь-ли сіе, Порфирій, обратился онъ къ
служившему ему послушнику.—Много разъ видѣлъ я на
твоемъ какъ-бы огорченіе, что я Алексѣя больше люблю
тебя. Теперь знаешь почему такъ было, но и тебя люблю,
это, и много разъ горевалъ, что ты огорчаешься. Вамъ-же,
гости, хочу я повѣдать о семъ юношѣ братѣ моемъ, ибо не
въ жизни моей явленія драгоцѣннѣе сего, болѣе пророч
и трогательнаго. Умилилось сердце мое и созерцаю всю
мою въ сію минуту, какъ-бы вновь ее всю изживая...

Здѣсь я долженъ замѣтить, что эта послѣдняя бесѣда
съ посѣтившими его въ послѣдній день его жизни его г
сохранилась отчасти записанною. Записалъ Алексѣй Ѳедор
Карамазовъ нѣкоторое время спустя по смерти старца на
Но была-ли это вполнѣ тогдашняя бесѣда или онъ пр
купилъ къ ней въ запискѣ своей и изъ прежнихъ бесѣ

учителемъ своимъ, этого уже я не могу рѣшить, къ тому-ж
рѣчь старца въ запискѣ этой ведется какъ-бы безпрерывно, с
какъ-бы онъ излагалъ жизнь свою въ видѣ повѣсти, обра
къ друзьямъ своимъ, тогда какъ, безъ сомнѣнія, по послѣд
шимъ разсказамъ, на дѣлѣ, происходило нѣсколько иначе
велась бесѣда въ тотъ вечеръ общая и хотя гости хозяина
кало перебивали, но все-же говорили и отъ себя, вмѣ
въ разговоръ, можетъ быть, даже и отъ себя повѣдали
сказали что либо, къ тому-же и безпрерывности такой
вѣствованіи семъ быть не могло, ибо старецъ иногда з
терялъ голосъ и даже ложился отдохнуть на постель сво
не засыпалъ, а гости не покидали мѣстъ своихъ. Раз
ва бесѣда прерывалась чтеніемъ Евангелія, читалъ отец
сій. Замѣчательно тоже, что никто изъ нихъ, однако-же, н
галъ, что умретъ онъ въ самую эту-же ночь, тѣмъ болѣ
этотъ послѣдній вечеръ жизни своей онъ, послѣ глуб
евнаго сна, вдругъ какъ-бы обрѣлъ въ себѣ новую силу
раживавшую его во всю длинную эту бесѣду съ друзьями
ло какъ-бы послѣднимъ умиленіемъ, поддержавшимъ въ
имолѣрное оживленіе, но на малый лишь срокъ, ибо з
го пресѣклась вдругъ... Но объ этомъ послѣ. Теперь-же
вѣдомить, что предпочелъ, не излагая всѣхъ подробносте
ды, ограничиться лишь разсказомъ старца по рукописи
тья Ѳедоровича Карамазова. Будетъ оно короче, да и не
омительно, хотя, конечно, повторяю это, многое Алеша
изъ прежнихъ бесѣдъ и совокупилъ вмѣстѣ.

II.

Изъ житія въ Бозѣ преставившагося іе
Схимонаха старца Зосимы, составлено
Собственныхъ словъ его Алексѣемъ Ѳе
ровичемъ Карамазовымъ.

Свѣдѣнія біографическія.

а) О юношѣ братѣ старца Зосимы.

ше отцы и учители, родился я въ далеко
въ городѣ В., отъ родителя дворянина,
сьма чиновнаго. Скончался онъ, когда был

всего лишь два года отъ роду и не помню я его вовсе. Оста-
вилъ онъ матушкѣ моей деревянный домъ небольшой и не-
торый капиталъ, не великій, но достаточный, чтобы про-
съ дѣтьми не нуждаясь. А было насъ всего у матушки д
я, Зиновій, и старшій братъ мой, Маркелъ. Былъ онъ ст
меня годовъ на восемь, характера вспыльчиваго и разд
тельнаго, но добрый, не насмѣшливый и странно мол
вый, особенно въ своемъ домѣ, со мной, съ матерью и съ п
слугой. Учился въ гимназіи хорошо, но съ товарищами св
не сходился, хотя и не ссорился, такъ, по крайней мѣрѣ, п
нила о немъ матушка. За полгода до кончины своей, когд
минуло ему семнадцать лѣтъ, повадился онъ ходить къ од
уединенному въ нашемъ городѣ человѣку, какъ-бы полити
скому ссыльному, высланному изъ Москвы въ нашъ город
вольнодумство. Былъ-же этотъ ссыльный не малый учен
знатный философъ въ университетѣ. Почему-то онъ полю
Маркела и сталъ принимать его. Просиживалъ у него ю
цѣлые вечера, и такъ во всю зиму, доколѣ не потребовали обр
ссыльнаго на государственную службу въ Петербургъ, по с
ственной просьбѣ его, ибо имѣлъ покровителей. Начался Вел
кій постъ, а Маркелъ не хочетъ поститься, бранится и над
этимъ смѣется: «все это бредни, говоритъ, и нѣтъ никакого
Бога», такъ что въ ужасъ привелъ и мать и прислугу, да и ме
малаго, ибо хотя былъ и я девяти лѣтъ всего, но, услыш
слова сіи, испугался очень и я. Прислуга-же была у насъ в
крѣпостная, четверо человѣкъ, всѣ купленные на имя знаком
намъ помѣщика. Еще помню какъ изъ сихъ четверыхъ прод
матушка одну, кухарку Афимью, хромую и пожилую за шест
десять рублей ассигнаціями, а на мѣсто ея наняла вольную.
вотъ на шестой недѣли поста стало вдругъ брату хуже, а бы
онъ и всегда нездоровый, грудной, сложенія слабаго и накл
ный къ чахоткѣ, роста-же не малаго, но тонкій и хилый, лицо
же весьма благообразенъ. Простудился онъ, что-ли, но доктор
прибылъ и вскорѣ шепнулъ матушкѣ, что чахотка скоротечн
и что весны не переживетъ. Стала мать плакать, стала прос
брата съ осторожностію (болѣе для того, чтобы не испуга
его), чтобы поговѣлъ и причастился Святыхъ Божіихъ Таи
ибо былъ онъ тогда еще на ногахъ. Услышавъ, разсердился и в
бранилъ храмъ Божій, однако задумался: догадался сразу, ч
боленъ опасно и что потому-то и посылаетъ его мать, пока
силы есть, поговѣть и причаститься. Впрочемъ и самъ у

знал, что давно нездоровъ и еще за годъ предъ тѣмъ п
рилъ разъ за столомъ мнѣ и матери хладнокровно: «не
я на свѣтѣ межъ вами, межетъ, и года не проживу»,
словно и напророчилъ. Прошло дня три и настала Страст
дѣля. И вотъ братъ со вторника утра пошелъ говѣть.
матушка, собственно для васъ дѣлаю, чтобъ обрадовать
успокоить», сказалъ онъ ей. Заплакала мать отъ рад
и съ горя: «знать близка кончина его, коли такая
вдругъ перемѣна». Но не долго походилъ онъ въ церкви
такъ что исповѣдывали и причастили его уже дома. Д
дили свѣтлые, ясные, благоуханные, Пасха была позд
то ночь онъ, я помню, кашляетъ, худо спитъ, а на утр
одѣнется и попробуетъ сѣсть въ мягкія кресла. Такъ и
его: сидитъ тихій, кроткій, улыбается, самъ больной,
веселый, радостный. Измѣнился онъ весь душевно—так
лая началась въ немъ вдругъ перемѣна! Войдетъ къ
комнату старая нянька: «позволь, голубчикъ, я и у те
адку зажгу предъ образомъ». А онъ прежде не допуск
увалъ даже.—«Зажигай, милая, зажигай, извергъ я бы
ретилъ вамъ прежде. Ты Богу лампадку зажигая моли
на тебя радуясь молюсь. Значитъ, одному Богу и мо
Странными казались намъ эти слова, а мать уйдетъ къ
се плачетъ, только къ нему входя обтирала глаза и пр
веселый видъ. «Матушка, не плачь, голубушка, говори
ало, много еще жить мнѣ, много веселиться съ вами, а
го, жизнь-то веселая радостная!».—«Ахъ, милый, ну
тебѣ веселье, когда ночь горишь въ жару да кашляеш
его грудь тебѣ чуть не разорветъ».—«Мама, отвѣча
не плачь, жизнь есть рай, и всѣ мы въ раю, да не
знать того, а если-бы захотѣли узнать, завтра-же и с
на всемъ свѣтѣ рай». И дивились всѣ словамъ его, та
его странно и такъ рѣшительно говорилъ; умилялись и
Приходили къ намъ знакомые: «милые, говоритъ, до
чѣмъ я заслужилъ, что вы меня любите, за что вы меня
любите и какъ я того прежде не зналъ, не цѣнилъ». Вхо
другамъ говорилъ поминутно: «Милые мои, дорогіе, за
мнѣ служите, да и стою-ли я того, чтобы служить-то мн
мы помиловалъ Богъ и оставилъ въ живыхъ, сталъ-б
ъ, ибо всѣ должны одинъ другому служит
ая, качала головой: «дорогой ты мой, отъ
ишь!—«Мама, радость моя, говоритъ, нел

бы не [illegible]юдъ и слугъ, но пусть-же и я буду слугой моих
слугъ, [illegible]ке какимъ и они мнѣ. Да еще скажу тебѣ, ма
тушка, что всякій изъ насъ предъ всѣми во всемъ виноватъ,
я болѣе всѣхъ». Матушка такъ даже тутъ усмѣхнулась, плачет
и усмѣхается:—«Ну и чѣмъ это ты, говоритъ, предъ всѣм
больше всѣхъ виноватъ. Тамъ убійцы, разбойники, а ты чего т
кого успѣлъ нагрѣшить, что себя больше всѣхъ обвиняешь?»—
«Матушка, кровинушка ты моя, говоритъ (сталъ онъ такія л
безныя слова тогда говорить, неожиданныя), кровинушка т
моя милая, радостная, знай, что во истину всякій предъ всѣм
за всѣхъ и за все виноватъ. Не знаю я какъ истолковать теб
это, но чувствую, что это такъ, до мученія. И какъ это мы жил
сердились и ничего не знали тогда?» Такъ онъ вставалъ со сл
каждый день все больше и больше умиляясь и радуясь и в
трепеща любовью. Пріѣдетъ, бывало, докторъ, старикъ, нѣм
Эйзеншмидтъ ѣздилъ: Ну что, докторъ, проживу еще денекъ
на свѣтѣ?» шутитъ, бывало, съ нимъ.—«Не то что день и мно
дней проживете, отвѣтитъ, бывало, докторъ,—и мѣсяцы, и го
еще проживете».—«Да чего годы, чего мѣсяцы! воскликне
бывало,—что тутъ дни-то считать, и одного дня довольно
ловѣку, чтобы все счастіе узнать. Милые мои, чего мы ссорим
другъ предъ другомъ хвалимся, одинъ на другомъ обиды п
нимъ: прямо въ садъ пойдемъ и станемъ гулять и рѣзвить
другъ друга любить и восхвалять, и цѣловать и жизнь на
благословлять».—«Не жилецъ онъ на свѣтѣ, вашъ сынъ», п
молвилъ докторъ матушкѣ, когда провожала она его до кры
ца,—«онъ отъ болѣзни впадаетъ въ помѣшательство». Вы
дили окна его комнаты въ садъ, а садъ у насъ былъ тѣн
стый, съ деревьями старыми, на деревьяхъ завязались весен
почки, прилетѣли раннія птички, гогочутъ, поютъ ему въ ок
И сталъ онъ вдругъ, глядя на нихъ и любуясь, просить и
нихъ прощенія: «Птички Божія, птички радостныя, простите
вы меня, потому что и предъ вами я согрѣшилъ». Этого у
никто тогда у насъ не могъ понять, а онъ отъ радости плаче
«Да, говоритъ, была такая Божія слава кругомъ меня: птич
деревья, луга, небеса, одинъ я жилъ въ позорѣ, одинъ все об
честилъ, а красы и славы не примѣтилъ вовсе».—«Ужь ма
ты на себя грѣховъ берешь», плачетъ, бывало, матушка.—«
тушка, радость моя, я вѣдь отъ веселья, а не отъ горя это пла
мнѣ вѣдь самому хочется предъ ними виноватымъ быть, ра
вать только тебѣ не могу, ибо не знаю какъ ихъ и любить.

крѣпенъ предъ всѣми, да зато и меня всѣ простятъ, во
й. Развѣ я теперь не въ раю?»

И много еще было чего и не припомнить и не вписать.
мню, однажды вошелъ я къ нему одинъ, когда никого у него
было. Часъ былъ вечерній, ясный, солнце закатывалось и
комнату освѣтило косымъ лучомъ. Поманилъ онъ меня
ъ, подошелъ я къ нему; взялъ онъ обѣими руками за
дитъ мнѣ въ лицо умиленно, любовно; ничего не
ько поглядѣлъ такъ съ минуту: «Ну», говоритъ, «
ь, играй, живи за меня!» Вышелъ я тогда и пошелъ
въ жизни потомъ много разъ припоминалъ уже со
ъ онъ велѣлъ мнѣ жить за себя. Много еще говор
ихъ дивныхъ и прекрасныхъ, хотя и непонятныхъ нам
овъ. Скончался-же на третьей недѣлѣ послѣ Пасхи, в
ти, и хотя и говорить уже пересталъ, но не измѣнился до
го послѣдняго своего часа: смотритъ радостно, въ очахъ во
лье, взглядами насъ ищетъ, улыбается намъ, насъ зоветъ.
же въ городѣ много говорили о его кончинѣ. Потрясло меня
е это тогда, но не слишкомъ, хоть и плакалъ я очень, когда
хоронили. Юнъ былъ, ребенокъ, но на сердцѣ осталось все
изгладимо, затаилось чувство. Въ свое время должно было
возстать и откликнуться. Такъ оно и случилось.

б) О Священномъ Писаніи въ жизни отца Зосимы.

Остались мы тогда одни съ матушкой. Посовѣтовали ей скоро
брые знакомые, что вотъ, дескать, остался всего одинъ у васъ
нокъ, и не бѣдные вы, капиталъ имѣете, такъ по примѣру
очихъ, почему-бы сына вашего не отправить вамъ въ Петер-
ргъ, а оставшись здѣсь, знатной, можетъ быть, участи его
шите. И надоумили матушку меня въ Петербургъ, въ кадет-
й корпусъ свезти, чтобы въ императорскую гвардію потомъ
ступить. Матушка долго колебалась: какъ это съ послѣднимъ
номъ разстаться, но, однако, рѣшилась, хотя и не безъ мно-
ъ слезъ, думая счастію моему способствовать. Свезла она
я въ Петербургъ, да и опредѣлила, а съ тѣхъ поръ я ея и
видалъ вовсе; ибо черезъ три года сама скончалась, всѣ три
о насъ обоихъ грустила и трепетала. Изъ дома родитель-
вынесъ я лишь драгоцѣнныя воспоминанія, ибо нѣтъ дра-
оспоминаній у человѣка, какъ отъ перваго дѣтства
родительскомъ, и это почти всегда такъ, если даже

въ семействѣ хоть только чуть-чуть любовь да союзъ. Да
самаго дурнаго семейства могутъ сохраниться воспоминан
гоцѣнныя, если только сама душа твоя способна искать
цѣнное. Къ воспоминаніямъ-же домашнимъ причитаю и
минанія о священной исторіи, которую въ домѣ родитель
хотя и ребенкомъ, я очень любопытствовалъ знать. Была
тогда книга, священная исторія, съ прекрасными карти
подъ названіемъ: «Сто четыре священныя исторіи Вет
Новаго Завѣта», и по ней я и читать учился. И теперь
меня здѣсь на полкѣ лежитъ, какъ драгоцѣнную память
няю. Но и до того еще какъ читать научился, помню, к
первый разъ посѣтило меня нѣкоторое проникновеніе ду
еще восьми лѣтъ отъ роду. Повела матушка меня одн
помню, гдѣ былъ тогда братъ), во храмъ Господень, въ
ную недѣлю въ понедѣльникъ къ обѣднѣ. День былъ я
я, вспоминая теперь, точно вижу вновь, какъ возноси
кадила ѳиміамъ и тихо восходилъ вверхъ, а сверху, въ
въ узенькое окошечко, такъ и льются на насъ въ церковь
лучи и, восходя къ нимъ волнами, какъ-бы таялъ въ ни
міамъ. Смотрѣлъ я умиленно и въ первый разъ отъ род
нялъ я тогда въ душу первое сѣмя Слова Божія осмы
Вышелъ на середину храма отрокъ съ большою книгой,
большою что, показалось мнѣ тогда, съ трудомъ даже и н
и возложилъ на налой, отверзъ и началъ читать, и вд
тогда въ первый разъ нѣчто понялъ, въ первый разъ въ
понялъ, что во храмѣ Божіемъ читаютъ. Былъ мужъ въ
Унъ, правдивый и благочестивый, и было у него столько
гатства, столько-то верблюдовъ, столько-то овецъ и осл
дѣти его веселились, и любилъ онъ ихъ очень и молилъ з
Бога: можетъ, согрѣшили они, веселясь. И вотъ восход
Богу діаволъ вмѣстѣ съ сынами Божьими и говоритъ Г
что прошелъ по всей землѣ и подъ землею. А видѣлъ-л
Моего Іова? спрашиваетъ его Богъ. И похвалился Богъ д
указавъ на великаго святаго раба Своего. И усмѣхнулся
на слова Божіи: «предай его мнѣ и увидишь, что возр
рабъ твой и проклянетъ Твое имя». И предалъ Богъ
праведника, столь имъ любимаго, діаволу и поразилъ
дѣтей его, и скотъ его, и разметалъ богатство его, все
какъ Божіимъ громомъ, и разодралъ Іовъ одежды свои
сился на землю, и возопилъ: «нагъ вышелъ изъ чрева
нагъ и возвращусь въ землю, Богъ далъ, Богъ и взялъ.

Господне благословенно отнынѣ и до вѣка!» Отцы и учители, ...адите теперешнія слезы мои, — ибо все младенчество мое ...ъ-бы вновь возстаетъ предо мною, и дышу теперь какъ ды... ...ъ тогда дѣтскою восьмилѣтнею грудкой моею, и чувствую, ...ь тогда, удивленіе и смятеніе, и радость. И верблюды-то такъ ...а мое воображеніе заняли, и сатана, который такъ съ Бо... ...ъ говоритъ, и Богъ, отдавшій раба Своего на погибель, и ра... ...восклицающій: «Буди имя Твое благословенно, не смотря ...что казнишь меня», — а затѣмъ тихое и сладостное ... ...храмѣ: «Да исправится молитва моя», и снова ѳиміамъ ...ла священника и колѣнопреклоненная молитва! Съ ... ...ъ, — даже вчера еще взялъ ее, и не могу читать эту п... ...тую повѣсть безъ слезъ. А и сколько тутъ великаго, тайнаго, ...ообразимаго! Слышалъ я потомъ слова насмѣшниковъ и ху... ...лей, слова гордыя: «какъ это могъ Господь отдать любимаго ... святыхъ Своихъ на потѣху діаволу, отнять отъ него дѣтей, ...зить его самого болѣзнью и язвами такъ, что черепкомъ ...алъ съ себя гной своихъ ранъ, и для чего: чтобы только ...калиться передъ сатаной: «Вотъ что, дескать, можетъ вытер... ...ъ святой Мой ради Меня!» Но въ томъ и великое, что тутъ ...а, — что мимоидущій ликъ земной и вѣчная истина сопри... ...лись тутъ вмѣстѣ. Предъ правдой земною совершается дѣй... ...вѣчной правды. Тутъ Творецъ какъ и въ первые дни тво... ..., завершая каждый день похвалою: «хорошо то, что я со... ...илъ», смотритъ на Іова и вновь хвалится созданіемъ Сво... А Іовъ, хваля Господа, служитъ не только Ему, но по... ...ятъ и всему созданію Его въ роды и роды и во вѣки вѣ... , ибо къ тому и предназначенъ былъ. Господи, что это за ... и какіе уроки! Что за книга это Священное Писаніе, ...е чудо и какая сила данныя съ нею человѣку! Точно изваяніе ...и человѣка и характеровъ человѣческихъ, и названо все и ...но на вѣки вѣковъ. И сколько тайнъ разрѣшенныхъ и откро... ...ыхъ: возстановляетъ Богъ снова Іова, даетъ ему вновь бо... ...во, проходятъ опять многіе годы, и вотъ у него уже новыя ... другія, и любитъ онъ ихъ,—Господи: «Да какъ могъ-бы ...казалось, возлюбить этихъ новыхъ, когда тѣхъ преж...ихъ ...тда тѣхъ лишился? Вспоминая тѣхъ, развѣ можно быть ...ъ полнотѣ, какъ прежде, съ новыми, какъ-бы ... ему милы? Но можно, можно: старое горе вея... ...ни человѣческой, переходитъ постепенно въ ...адость; вмѣсто юной кипучей крови насту-

паетъ кроткая ясная старость: благословляю восход
ежедневный, и сердце мое по прежнему поетъ ему, но у
люблю закатъ его, длинные косые лучи его, а съ ни
кроткія, умиленныя воспоминанія, милые образы изо
гой и благословенной жизни, — а надо всѣмъ-то прав
умиляющая, примиряющая, всепрощающая! Кончает
моя, знаю и слышу это, но чувствую на каждый о
день мой, какъ жизнь моя земная соприкасается уж
вою, безконечною, невѣдомою, но близко грядущею
отъ предчувствія которой восторгомъ трепещетъ душа м
умъ и радостно плачетъ сердце... Други и учители,
я не разъ, а теперь, въ послѣднее время, еще слыши
о томъ, какъ у насъ іереи Божіи, а пуще всего сельск
ются слезно и повсемѣстно на малое свое содержаніе
женіе свое, и прямо завѣряютъ, даже печатно, — ч
самъ, — что не могутъ они уже теперь будто-бы толк
роду Писаніе, ибо мало у нихъ содержанія, и если прихо
лютеране, и еретики начинаютъ отбивать стадо, то и пу
ваютъ, ибо мало-де у насъ содержанія. Господи! ду
Богъ имъ болѣе сего столь драгоцѣнного для нихъ с
(ибо справедлива и ихъ жалоба), но во истину говорю:
виноватъ сему, то на половину мы сами! Ибо пусть и
мени, пусть онъ справедливо говоритъ, что угнетаетъ
работой и требами, но не все-же вѣдь время, вѣдь есть-же
хоть часъ одинъ во всю-то недѣлю, чтобъ и о Богѣ в
Да и не круглый-же годъ работа. Собери онъ у с
въ недѣлю, въ вечерній часъ, сначала лишь только
токъ, — прослышатъ отцы и отцы приходить начну
не хоромы-же строить для сего дѣла, а просто къ
избу прими: не страшись, не изгадятъ они твою и
всего-то на часъ одинъ собираешь. Разверни-ка онъ
книгу и начни читать безъ премудрыхъ словъ и безъ
безъ возношенія надъ ними, а умиленно и кротко, сам
тому, что читаешь имъ и что они тебя слушаютъ и п
тебя, самъ любя словеса сіи, изрѣдка лишь останови
толкуй иное непонятное простолюдину слово, не безпок
мутъ все, все поймetъ православное сердце! Прочти им
раамѣ и Саррѣ, объ Исаакѣ и Ревеккѣ, о томъ какъ Ia
шелъ въ Лавану и боролся во снѣ съ Господомъ и
«Страшно мѣсто сіе», и поразишь благочестивый умъ
дина. Прочти имъ, а дѣткамъ особенно, о томъ какъ бр

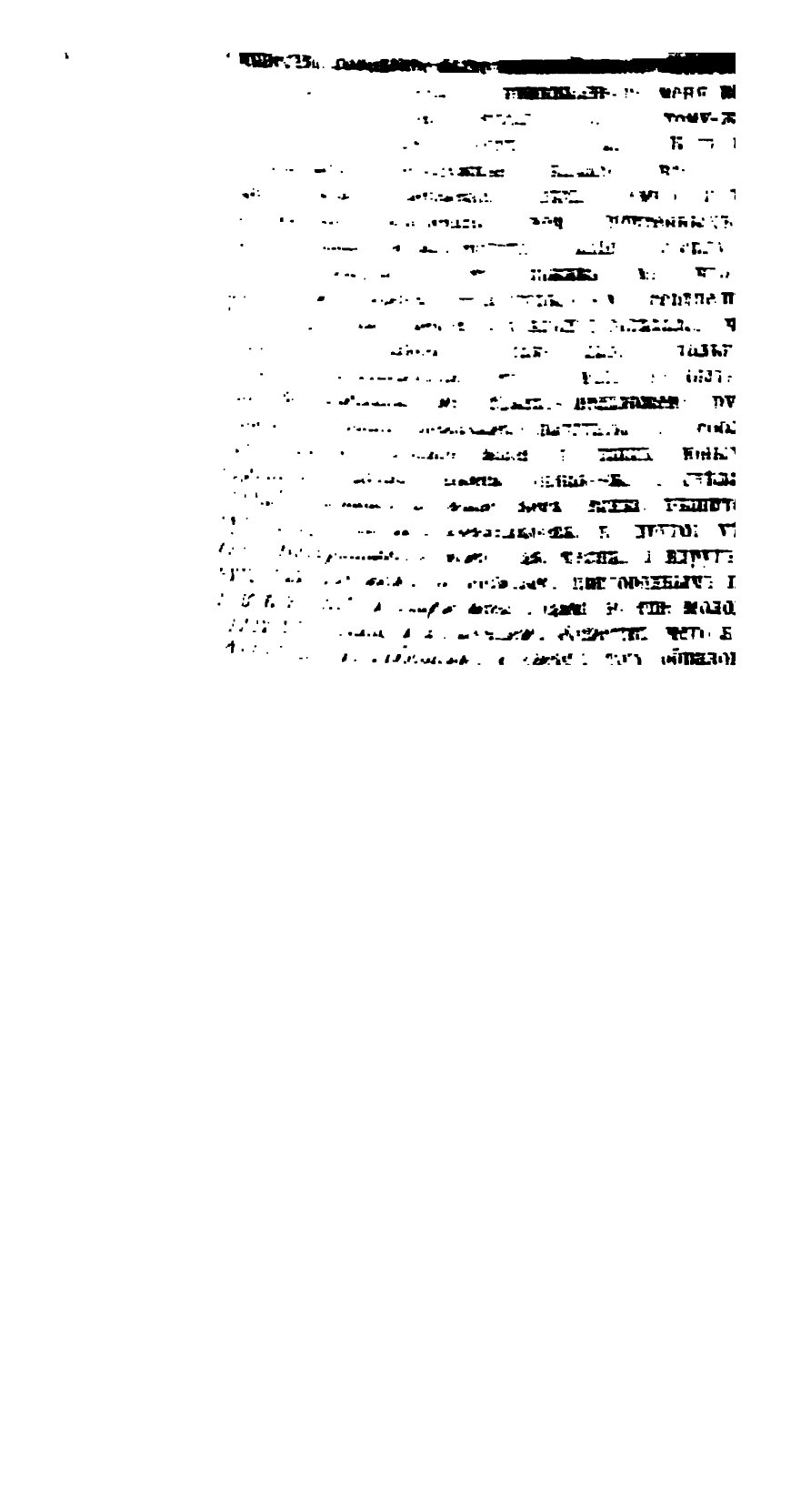
ı въ рабство роднаго брата своего, отрока милаго, Іосифа, с
ца и пророка великаго, а отцу сказали, что звѣрь растерзалъ
сына, показавъ окровавленную одежду его. Прочти, какъ
мъ братья пріѣзжали за хлѣбомъ въ Египетъ, и Іосифъ,
царедворецъ великій, ими не узнанный, мучилъ их обви-
ъ, задержалъ брата Веніамина, и все любя: «Люблı
я мучаю». Ибо вѣдь всю жизнь свою вспоминалъ неу
ъ продали его гдѣ-нибудь тамъ въ горячей степи, у к
щамъ, и какъ онъ, ломая руки, плакалъ и молилъ б
продавать его рабомъ въ чужую землю, и вотъ, уви
лѣ столькихъ лѣтъ, возлюбилъ ихъ вновь безмѣрно,
ъ ихъ и мучилъ ихъ, все любя. Уходитъ, наконец
ъ, не выдержавъ самъ муки сердца своего, бросается на
й и плачетъ; утираетъ потомъ лицо свое и выходитъ сія
вѣтелъ и возвѣщаетъ имъ: «Братья, я Іосифъ, братъ вашъ!»
ть прочтетъ онъ далѣе о томъ, какъ обрадовался старецъ
овъ, узнавъ, что живъ еще его милый мальчикъ, и потянулся
Египетъ, бросивъ даже отчизну, и умеръ въ чужой землѣ,
кши на вѣки вѣковъ въ завѣщаніи своемъ величайшее слово,
щавшееся таинственно въ короткомъ и боязливомъ сердцѣ его
всю его жизнь, о томъ что отъ рода его, отъ Іуды, выйдетъ
кое чаяніе міра, Примиритель и Спаситель его! Отцы и учи-
, простите и не сердитесь, что какъ малый младенецъ тол-
о томъ что давно уже знаете и о чемъ меня-же научите,
ратъ искуснѣе и благолѣпнѣе. Отъ восторга лишь говорю сіе
ростите слезы мои, ибо люблю книгу сію! Пусть заплачетъ и
іерей Божій, и увидитъ, что сотрясутся въ отвѣтъ ему сердца
слушающихъ. Нужно лишь малое сѣмя, крохотное: брось онъ
въ душу простолюдина, и не умретъ оно, будетъ жить въ душѣ
во всю жизнь, таиться въ немъ среди мрака, среди смрада грѣ-
его, какъ свѣтлая точка, какъ великое напоминаніе. И не
не надо, много толковать и учить, все пойметъ онъ просто.
ете-ли вы, что не пойметъ простолюдинъ? Попробуйте, про-
ему далѣе повѣсть, трогательную и умилительную, о пре-
ной Эсѳири и надменной Вастіи; или чудное сказаніе о про-
Іонѣ во чревѣ китовѣ. Не забудьте тоже притчи Господни,
ественно по Евангелію отъ Луки (такъ я дѣлалъ), а потомъ
Апостольскихъ обращеніе Савла (это непремѣнно, не-
наконецъ, и изъ Четьи-Миней хотя-бы житіе Алексѣя
кія и великой изъ великихъ радостной страдалицы,
истоносицы матери Маріи Египтяныни—и прон-

зишь ему сердце его сими простыми сказаніями, и всего-
часъ въ недѣлю, не взирая на малое свое содержаніе, од
сокъ. И увидитъ самъ, что милостивъ народъ нашъ и
ренъ, отблагодаритъ во сто кратъ; помня радѣніе іерея
ленныя слова его, поможетъ ему на нивѣ его доброволь
можетъ и въ дому его, да и уваженіемъ воздастъ ему бо
прежняго,—вотъ уже и увеличится содержаніе его. Дѣ
простодушное, что иной разъ боимся даже и высказать,
тобою-же засмѣются, а между тѣмъ, сколь оно вѣрное!
вѣритъ въ Бога, тотъ и въ народъ Божій не повѣритъ.
увѣровалъ въ народъ Божій, тотъ узритъ и святыню Его,
и самъ не вѣрилъ въ нее до того вовсе. Лишь народъ
ная сила его грядущая обратитъ отторгнувшихся отъ
земли атеистовъ нашихъ. И что за слово Христово бе
мѣра? Гибель народу безъ Слова Божія, ибо жаждетъ
Слова и всякаго прекраснаго воспріятія. Въ юности мое
уже, чуть не сорокъ лѣтъ тому, ходили мы съ отцомъ А
по всей Руси, собирая на монастырь подаяніе, и заночев
на большой рѣкѣ судоходной, на берегу, съ рыбаками,
съ нами присѣлъ одинъ благообразный юноша, крестьянин
уже восемнадцати на видъ, поспѣшалъ онъ къ своему
завтра купеческую барку бичевою тянуть. И вижу я,
онъ предъ собой умиленно и ясно. Ночь свѣтлая, тихая,
іюльская, рѣка широкая, паръ отъ нея поднимается,
насъ, слегка всплеснетъ рыбка, птички замолкли, все т
голѣпно, все Богу молится. И не спимъ мы только о
юноша этотъ, и разговорились мы о красѣ міра сего Бо
о великой тайнѣ его. Всякая-то травка, всякая-то бука
равей, пчела золотая, всѣ-то до изумленія знаютъ путь
имѣя ума, тайну Божію свидѣльствуютъ, безпрерывно сов
ее сами, и, вижу я, разгорѣлось сердце милаго юноши.
онъ мнѣ, что лѣсъ любитъ, птичекъ лѣсныхъ; былъ он
ловъ, каждый ихъ свистъ понималъ, каждую птичку п
умѣлъ: лучше того какъ въ лѣчу ничего я, говоритъ,
да и все хорошо. «Истинно, отвѣчаю ему, все хорошо
колѣпно, по тому что все истина. Посмотри, говорю ему,
животное великое, близь человѣка стоящее, али на
питающаго и работающаго ему, понураго и задумчив
смотри на лики ихъ: какая кротость, какая привязан
человѣку часто бьющему его безжалостно, какая незл
кака довѣрчивость и какая красота въ его ликѣ. Тро

е это и знать, что на немъ нѣтъ никакого грѣха, ибо все ршенно, все кромѣ человѣка безгрѣшно, и съ ними Христосъ раньше нашего». «Да неужто, спрашиваетъ юноша, и у нихъ стосъ?» — «Какъ-же можетъ быть иначе, говорю ему, ибо всѣхъ Слово, все созданіе и вся тварь, каждый листикъ емляется къ Слову, Богу славу поетъ, Христу плачетъ, себѣ домо, тайной житія своего безгрѣшнаго совершаетъ сіе. Вонъ, рю ему, въ лѣсу скитается страшный медвѣдь, грозный и рѣпый, и ничѣмъ-то въ томъ неповинный». И разсказалъ я , какъ приходилъ разъ медвѣдь къ великому святому, спа- емуся въ лѣсу, въ малой келійкѣ, и умилился надъ нимъ кій святой, безстрашно вышелъ къ нему и подалъ ему хлѣба къ: «Ступай, дескать, Христосъ съ тобой», и отошелъ сви- ый звѣрь послушно и кротко, вреда не сдѣлавъ. И умилился ша на то, что отошелъ, вреда не сдѣлавъ, и что и съ нимъ стосъ. «Ахъ, какъ, говоритъ, это хорошо, какъ все Божіе шо и чудесно»! Сидитъ, задумался тихо и сладко. Вижу понялъ. И заснулъ онъ подлѣ меня сномъ легкимъ, без- иннымъ. Благослови Господь юность! И помолился я тутъ за самъ, отходя ко сну. Господи, пошли миръ и свѣтъ Твоимъ имъ!

Воспоминаніе о юности и молодости старца Зосимы еще въ міру. Поединокъ.

Въ Петербургѣ, въ кадетскомъ корпусѣ пробылъ я долго, и восемь лѣтъ, и съ новымъ воспитаніемъ многое заглушилъ впечатлѣній дѣтскихъ, хотя и не забылъ ничего. Взамѣнъ принялъ столько новыхъ привычекъ, и даже мнѣній, что бразился въ существо почти дикое, жестокое и нелѣпое. ъ учтивости и свѣтскаго обращенія вмѣстѣ съ французскимъ омъ пріобрѣлъ, а служившихъ намъ въ корпусѣ солдатъ ли мы всѣ какъ за совершенныхъ скотовъ, и я тоже. Я-то, тъ быть, больше всѣхъ, ибо изо всѣхъ товарищей былъ на воспріимчивѣе. Когда вышли мы офицерами, то готовы были ивать свою кровь за оскорбленную полковую честь нашу, стоящей-же чести почти никто изъ насъ и не зналъ, что ре есть, а узналъ-бы, такъ осмѣялъ-бы ее тотчасъ-же ый. Пьянствомъ, дебоширствомъ и ухарствомъ чуть лись. Не скажу чтобы были скверные; всѣ эти молодые ли хорошіе, да вели-то себя скверно, а пуще всѣхъ я.



мую. Съ краской въ лицѣ началъ вспоминать, какъ много
почти высказывалъ ей любовь мою, а такъ какъ она меня не
вливала, и не предупредила, то, стало быть, вывелъ я, надо
смѣялась. Потомъ, конечно, сообразилъ и припомнилъ, что
лько она не смѣялась, сама-же напротивъ разговоры т
во прерывала, и зачинала на мѣсто ихъ другіе,—но
зить этого я не смогъ, и запылалъ отмщеніемъ. Во
вленіемъ, что отмщеніе сіе и гнѣвъ мой были мн
йности тяжелы и противны, потому что, имѣя харак
е могъ по долгу ни на кого сердиться, а потому какъ
ственно разжигалъ себя, и сталъ, наконецъ, безоб
ъ. Выждалъ я время, и разъ въ большомъ обществѣ уда
другъ «соперника» моего оскорбить будто-бы изъ-за са
ронней причины, подсмѣяться надъ однимъ мнѣніемъ его
ъ важномъ тогда событіи,—въ двадцать шестомъ году о
—и подсмѣяться, говорили люди, удалось остроумно, и ловко.
ъ вынудилъ у него объясненіе, и уже до того обошелся при
неніи грубо, что вызовъ мой онъ принялъ, не смотря на
ную разницу между нами, ибо былъ я и моложе его, незначи-
ъ и чина малаго. Потомъ ужь я твердо узналъ, что принялъ
ызовъ мой какъ-бы тоже изъ ревниваго ко мнѣ чувства: рев-
ъ онъ меня и прежде, немножко, къ женѣ своей, еще тогда
гѣ; теперь-же подумалъ, что если та узнаетъ, что онъ оскорб-
отъ меня перенесъ, а вызвать на поединокъ не рѣшился, то
не стала она невольно презирать его и не поколебалась лю-
ея. Секунданта я досталъ скоро, товарища нашего-же полка
чика. Тогда хоть и преслѣдовались поединки жестоко, но была
ихъ какъ-бы даже мода между военными,—до того дикіе на-
аютъ и укрѣпляются иногда предразсудки. Былъ въ исходѣ
и вотъ встрѣча наша на завтра, за городомъ, въ семь часовъ
—и воистину слу̀чилось тутъ со мной нѣчто какъ-бы роко-
Съ вечера, возвратившись домой, свирѣпый и безобразный,
ердился я на моего деньщика Аѳанасія и ударилъ его изо всей
два раза по лицу, такъ что окровавилъ ему лицо. Служилъ
у меня уже давно и случалось и прежде, что ударялъ его,
никогда съ такою звѣрскою жестокостью. И вѣрите-ли, милые,
тому минуло времени, а припоминаю и теперь о томъ
мукой. Легъ я спать, заснулъ часа три, встаю, уже
ь. Я вдругъ поднялся, спать болѣе не захотѣлъ, по-
у, отворилъ,—отпиралось у меня въ садъ, вижу,
ышко, тепло, прекрасно, зазвенѣли птички. Что-

же [illegible]ю, ощущаю я въ душѣ моей какъ-бы [illegible]
и [illegible] оттого-ли, что кровь иду проливать? Нѣтъ,
[illegible] будто и не оттого. Не оттого-ли, что смерти [illegible]
[illegible] убитымъ? Нѣтъ, совсѣмъ не то, совсѣмъ [illegible]
вдругъ сейчасъ-же и догадался въ чемъ было [illegible]
что я съ вечера избилъ Аѳанасія! Все мнѣ вдругъ [illegible]
ставилось точно вновь повторилось: стоитъ онъ [illegible]
я бью его съ размаху прямо въ лицо, а онъ [illegible]
швамъ, голову прямо, глаза выпучилъ какъ во [illegible]
гиваетъ съ каждымъ ударомъ и даже руки [illegible]
слониться, не смѣетъ,—и это человѣкъ до того [illegible]
человѣкъ бьетъ человѣка! Экое преступленіе! Словно [illegible]
прошла мнѣ всю душу насквозь. Стою я какъ [illegible]
солнышко-то свѣтитъ, листочки-то радуются, [illegible]
ки-то, птички-то Бога хвалятъ... Закрылъ я обѣими [illegible]
лицо, повалился на постель и заплакалъ навзрыдъ. [illegible]
нилъ я тутъ моего брата Маркела и слова его [illegible]
слугамъ: «Милые мои, дорогіе, за что̀ вы мнѣ [illegible]
меня любите, да и сто̀ю-ли я чтобы служить-то [illegible]
сто̀ю-ли», вскочило мнѣ вдругъ въ голову. Въ [illegible]
чѣмъ я такъ стою, чтобы другой человѣкъ, такой-же [illegible]
образъ и подобіе Божіе, мнѣ служилъ? Такъ и [illegible]
въ умъ въ первый разъ въ жизни тогда этотъ [illegible]
«Матушка, кровинушка ты моя, воистину всякій [illegible]
за всѣхъ виноватъ, не знаютъ только этого люди, а [illegible]
узнали—сейчасъ былъ-бы рай!» Господи, да неужто-же [illegible]
неправда» плачу я и думаю,—«воистину я за всѣхъ, [illegible]
быть, всѣхъ виновнѣе, да и хуже всѣхъ на свѣтѣ людей»! [illegible]
ставилась мнѣ вдругъ вся правда, во всемъ просвѣщеніи [illegible]
что я иду дѣлать? Иду убивать человѣка добраго, умна[illegible]
городнаго, ни въ чемъ предо мной неповиннаго, а супр[illegible]
тѣмъ на вѣки счастья лишу, измучаю и убью. Лежалъ [illegible]
на постели ничкомъ, лицомъ въ подушку и не замѣтил[illegible]
какъ и время прошло. Вдругъ входитъ мой товарищъ по[illegible]
за мной, съ пистолетами: «А, говоритъ, вотъ это хоро[illegible]
ты уже всталъ, пора, идемъ». Заметался я тутъ, совсѣ[illegible]
терялся, вышли мы, однако-же, садиться въ коляску: [illegible]
здѣсь время, говорю ему,—я въ одинъ мигъ сбѣгаю, ко[illegible]
забылъ». И вбѣжалъ одинъ въ квартиру обратно, прям[illegible]
морку къ Аѳанасію: «Аѳанасій, говорю,—я вчера тебя [illegible]
два раза по лицу, прости ты меня», говорю. Онъ такъ [illegible]

лъ, точно испугался, глядитъ, — и вижу я, что этого мало, о, да вдругъ, такъ какъ былъ въ эполетахъ, то бухъ ему въ и, лбомъ до земли: «Прости меня!» говорю. Тутъ ужь онъ овсѣмъ обомлѣлъ: «Ваше благородіе, батюшка, баринъ, да ъ вы... да стою-ли я»... и заплакалъ вдругъ самъ, точно ъ давеча я, ладонями обѣими закрылъ лицо, повернулся къ у и весь отъ слезъ такъ и затрясся, я-же выбѣжалъ къ арищу, влетѣлъ въ коляску, «вези» кричу: «Видалъ, кричу , — побѣдителя,—вотъ онъ предъ тобою!» Восторгъ во мнѣ ой, смѣюсь всю дорогу, говорю, говорю, не помню ужь что и орилъ. Смотритъ онъ на меня: «Ну, братъ, молодецъ-же ты, ку, что поддержишь мундиръ». Такъ пріѣхали мы на мѣсто, а уже тамъ, насъ ожидаютъ. Разставили насъ, въ двѣнад- и шагахъ другъ отъ друга, ему первый выстрѣлъ,—стою я дъ ними веселый, прямо лицомъ къ лицу, глазомъ не смигну, бя на него гляжу, знаю что сдѣлаю. Выстрѣлилъ онъ, ка- ьку лишь оцарапало мнѣ щеку да за ухо задѣло, — «слава у, кричу, не убили человѣка!» да свой-то пистолетъ схва- ъ, оборотился назадъ, да швыркомъ, вверхъ, въ лѣсъ и пу- лъ: «Туда, кричу,— тебѣ и дорога!» Оборотился къ против- ку: «Милостивый государь, говорю,—простите меня, глупаго одаго человѣка, что по винѣ моей васъ разобидѣлъ, а теперь ѣлять въ себя заставилъ. Самъ я хуже васъ въ десять ъ, а пожалуй еще и того больше. Передайте это той особѣ, орую чтите больше всѣхъ на свѣтѣ». Только что я это про- орилъ,—такъ всѣ трое они и закричали: «Помилуйте, гово- ъ мой противникъ,—разсердился даже,—если вы не хотѣли ться, къ чему-же безпокоили?»—«Вчера, говорю ему,—еще ъ былъ, а сегодня поумнѣлъ», весело такъ ему отвѣчаю.— рю про вчерашнее, говоритъ, — но про сегодняшнее трудно ючить по вашему мнѣнію».—«Браво, кричу ему, въ ладоши опалъ,—я съ вами и въ этомъ согласенъ, заслужилъ!»— дете-ли, милостивый государь, стрѣлять или нѣтъ?» — «Не , говорю,—а вы, если хотите, стрѣляйте еще разъ, только не-бы вамъ не стрѣлять». Кричатъ и секунданты, особенно «Какъ это срамить полкъ, на барьерѣ стоя прощенія про- ли-бы только я это зналъ!» Сталъ я тутъ предъ ними сѣми и уже не смѣюсь: «Господа мои, говорю, неужели ерь для нашего времени удивительно встрѣтить чело- торый-бы самъ покаялся въ своей глупости и пови- , чемъ самъ виноватъ публично?»—«Да не на барьерѣ-

пистолета испугался и нечего его слушать. Тот
нулъ я вдругъ отъ всего сердца посмотрите кру
Божіи: небо ясное, воздухъ чистый, травка нѣ
природа прекрасная и безгрѣшная, а мы, только
божные и глупые и не понимаемъ, что жизнь
стоитъ только намъ захотѣть понять и тотчасъ-
нетъ во всей красотѣ своей, обнимемся мы и зап
тѣлъ я и еще продолжать, да не смогъ, духъ
захватило, сладостно, юно такъ, а въ сердцѣ
какого и не ощущалъ никогда во всю жизнь.
все это и благочестиво, говоритъ мнѣ противникъ
комъ случаѣ человѣкъ вы оригинальный». — «См
и я ему,—а потомъ сами похвалите».—«Да я гот
говоритъ, похвалить, извольте, я протяну вамъ
кажется, вы дѣйствительно искренній человѣкъ».
ворю, сейчасъ не надо, а потомъ, когда я лучш
уваженіе ваше заслужу, тогда протяните, — хоро
Воротились мы домой, секундантъ мой всю-то до
а я-то его цалую. Тотчасъ всѣ товарищи просл
лись меня судить въ тотъ-же день: «мундиръ, деск
пусть въ отставку подаетъ». Явились и защитни
все же, говорятъ, онъ выдержалъ».—«Да, но поб
выстрѣловъ и попросилъ на барьерѣ прощенія».—
бонцы выстрѣловъ возражаютъ защитники такъ

сказалъ, расхохотались всѣ до единаго: «Да ты-бъ съ са-
начала увѣдомилъ, ну теперь все и объясняется, монаха
ть нельзя», смѣются, не унимаются, да и не насмѣшливо
е, а ласково такъ смѣются, весело, полюбили меня вдругъ
даже самые ярые обвинители, и потомъ весь-то этотъ мѣ-
, пока отставка не вышла, точно на рукахъ меня в
ты, монахъ», говорятъ. И всякій-то мнѣ ласковое
етъ, отговаривать начали, жалѣть даже: «что ты над
дѣлаешь?»—«Нѣтъ, говорятъ, онъ у насъ храбрый, о
лъ выдержалъ и изъ своего пистолета выстрѣлить мо
ему сонъ наканунѣ приснился, чтобъ онъ въ монахъ
ъ, вотъ онъ отчего». Точно тоже почти произошло и въ
дскомъ обществѣ. Прежде особенно-то и не примѣчали м
олько принимали съ радушіемъ, а теперь вдругъ всѣ н
ывъ узнали и стали звать къ себѣ: сами смѣются надо мной,
еня-же любятъ. Замѣчу тутъ, что хотя о поединкѣ нашемъ
вслухъ тогда говорили, но начальство это дѣло закрыло,
противникъ мой былъ генералу нашему близкимъ родствен-
омъ, а такъ какъ дѣло обошлось безъ крови, а какъ-бы въ
ку, да и я, наконецъ, въ отставку подалъ, то и повернули
твительно въ шутку. И сталъ я тогда вслухъ и безбоязн-
но говорить, не смотря на ихъ смѣхъ, потому что все-же
ъ смѣхъ не злобный, а добрый. Происходили-же всѣ эти
оворы больше по вечерамъ въ дамскомъ обществѣ, жен-
ы больше тогда полюбили меня слушать, и мужчинъ за-
ляли. «Да какъ-же это можно чтобъ я за всѣхъ виноватъ
ъ, смѣется мнѣ всякій въ глаза,—ну, развѣ я могу быть за
, напримѣръ, виноватъ?»—«Да гдѣ, отвѣчаю имъ,—вамъ это
знать, когда весь міръ давно уже на другую дорогу вы-
ъ, и когда сущую ложь за правду считаемъ да и отъ дру-
такой-же лжи требуемъ. Вотъ я разъ въ жизни взялъ
поступилъ искренно, и что-же, сталъ для всѣхъ васъ
о юродивый: хоть и полюбили меня, а все-же надо мной,
ю,—смѣетесь». — «Да какъ васъ такого не любить?» —
тся мнѣ вслухъ хозяйка, а собраніе у ней было многолюд-
Вдругъ, смотрю, подымается изъ среди дамъ та самая моло-
, изъ-за которой я тогда на поединокъ вызвалъ и кото-
ъ недавно еще въ невѣсты себѣ прочилъ, а я и не за-
ъ она теперь на вечеръ пріѣхала. Поднялась, подошла
тянула руку: «Позвольте мнѣ, говоритъ, изъяснить
рвая не смѣюсь надъ вами, а, напротивъ, со

зами благодарю васъ и уваженіе мое къ вамъ заявляю за
ній поступокъ вашъ». Подошелъ тутъ и мужъ ея, а
вдругъ и всѣ ко мнѣ потянулись, чуть меня не цалуютъ.
мнѣ такъ стало, но пуще всѣхъ замѣтилъ я вдругъ тог
господина, человѣка уже пожилаго, тоже ко мнѣ подхо
котораго я хотя прежде и зналъ по имени, но никогда
знакомъ не былъ и до сего вечера даже и слова съ
сказалъ.

г) Таинственный посѣтитель.

Былъ онъ въ городѣ нашемъ на службѣ уже давно,
нималъ видное, человѣкъ былъ уважаемый всѣми, бога
вился благотворительностью, пожертвовалъ значительны
талъ на богадѣльню и на сиротскій домъ, и много кр
дѣлалъ благодѣяній тайно, безъ огласки, что все потомъ, п
его, и обнаружилось. Лѣтъ былъ около пятидесяти, и вид
почти строгій, былъ малорѣчивъ; женатъ-же былъ не б
сяти лѣтъ, съ супругой еще молодою, отъ которой имѣл
малолѣтнихъ еще дѣтей. Вотъ я на другой вечеръ сижу
дома, какъ вдругъ отворяется моя дверь и входитъ ко м
самый господинъ.

А надо замѣтить, что жилъ я тогда уже не на прежн
тирѣ, какъ только подалъ въ отставку, съѣхалъ на друг
нялъ у одной старой женщины, вдовы чиновницы, и съ
слугой, ибо и переѣздъ-то мой на сію квартиру про
лишь потому только, что я Аѳанасія въ тотъ-же ден
съ поединка воротился, обратно въ роту препроводи
стыдно было въ глаза ему глядѣть послѣ давешняго
нимъ поступка, — до того наклоненъ стыдиться непра
ный мірской человѣкъ даже иного справедливѣйшаго свое

«Я, говоритъ мнѣ вошедшій ко мнѣ господинъ, —
васъ уже нѣсколько дней въ разныхъ домахъ съ больш
бопытствомъ и пожелалъ, наконецъ, познакомиться лич
поговорить съ вами еще подробнѣе. Можете вы оказать
лостивый государь, таковую великую услугу?» — «Могу,
съ превеликимъ моимъ удовольствіемъ и почту за особу
говорю это ему, а самъ почти испугался. до того онъ
перваго разу тогда поразилъ. Ибо хоть и слушали м
бопытствовали, но никто еще съ такимъ серьезнымъ и с
внутреннимъ видомъ ко мнѣ не подходилъ. А этотъ

ко мнѣ пришелъ. Сѣлъ онъ. «Великую, продол-
—вижу въ васъ силу характера, ибо не побоялись
ужить въ такомъ дѣлѣ, въ какомъ рисковали, за
, общее презрѣніе отъ всѣхъ понести». мо-
очень меня преувеличенно хвалите», го му.
преувеличенно, отвѣчаетъ мнѣ, повѣрьте,
ой поступокъ гораздо труднѣе чѣмъ вы
продолжаетъ онъ, этимъ только и пораз
амъ пришелъ. Опишите мнѣ, если не щ
стойнымъ, можетъ быть, моимъ любопытств
щали вы въ ту минуту, когда на поединкѣ ри
ь прощенія, если только запомните? Не сочтите
за легкомысліе; напротивъ, имѣю, задавая таковы
ою тайную цѣль, которую вѣроятно и объясню вамъ
, если угодно будетъ Богу сблизить насъ еще ко-

мя, какъ онъ говорилъ это, глядѣлъ я ему прямо въ
гъ ощутилъ къ нему сильнѣйшую довѣренность, а
и необычайное и съ моей стороны любопытство, ибо
лъ, что есть у него въ душѣ какая-то своя особая

спрашиваете, что я именно ощущалъ въ ту минуту,
отивника прощенія просилъ, отвѣчаю я ему, — но я
съ самаго начала разскажу, чего другимъ еще не
ъ, и разсказалъ ему все, что произошло у меня съ
и какъ поклонился ему до земли. «Изъ сего сами
ѣть, заключилъ я ему, что уже во время поединка
ыло, ибо началъ я еще дома, и разъ только на эту
пилъ, то все дальнѣйшее пошло не только не трудно,
стно и весело».
алъ онъ, смотритъ такъ хорошо на меня: «Все это,
резвычайно какъ любопытно, я къ вамъ еще и еще
сталъ съ тѣхъ поръ ко мнѣ ходитъ чуть не каждый
сдружились-бы мы очень, если-бъ онъ мнѣ и о себѣ
Но о себѣ онъ не говорилъ почти ни слова, а все
нѣ-же разспрашивалъ. Не смотря на то, я очень его
и совершенно ему довѣрился во всѣхъ моихъ чув-
мыслю: на что мнѣ тайны его, вижу и безъ сего,
нъ человѣкъ. Къ тому-же, еще человѣкъ столь серьез-
вный мнѣ лѣтами, а ходитъ ко мнѣ, юношѣ, и мною
ъ. И многому я отъ него научился полезному,

высокаго ума былъ человѣкъ. «Что жизнь есть рай, вдругъ мнѣ,— объ этомъ я давно уже думаю», и вдр бавилъ: «Только вѣдь объ этомъ и думаю». Смотритъ и улыбается. «Я больше вашего въ этомъ, говоритъ, потомъ узнаете почему». Слушаю я это и думаю про с онъ навѣрно хочетъ мнѣ нѣчто открыть». «Рай, гов каждомъ изъ насъ затаенъ, вотъ онъ теперь и во мн и, захочу,—завтра-же настанетъ онъ для меня въ сам и уже на всю мою жизнь». Гляжу: съ умиленіемъ г таинственно на меня смотритъ, точно вопрошаетъ ме томъ, продолжаетъ, что всякій человѣкъ за всѣхъ и з новатъ, помимо своихъ грѣховъ, о томъ вы соверше вильно разсудили и удивительно какъ вы вдругъ въ т нотѣ могли сію мысль обнять. И во истину вѣрно, люди эту мысль поймутъ, то настанетъ для нихъ цар бесное уже не въ мечтѣ, а въ самомъ дѣлѣ». «А когда нулъ я ему тутъ съ горестію, сіе сбудется, и сбудетс когда-нибудь? Не мечта-ли сіе лишь только?» «А вотъ говоритъ, не вѣруете, проповѣдуете и сами не вѣруете же, что несомнѣнно сія мечта, какъ вы говорите, сбуде вѣрьте, но не теперь, ибо на всякое дѣйствіе свой зак это душевное, психологическое. Чтобы передѣлать мір вому, надо чтобы люди сами психически повернулись н дорогу. Раньше чѣмъ не сдѣлаешься въ самомъ дѣлѣ братомъ, не наступитъ братства. Никогда люди никако и никакою выгодой не съумѣютъ безобидно раздѣлитьс ственности своей и въ правахъ своихъ. Все будетъ для мало и все будутъ роптать, завидовать и истреблять дру Вы спрашиваете, когда сіе сбудется. Сбудется, но сна женъ заключиться періодъ человѣческаго *уединенія*.— это уединенія?» спрашиваю его.—«А такого, какое теп царствуетъ, и особенно въ нашемъ вѣкѣ, но не заключ весь и не пришелъ еще срокъ ему. Ибо всякій-то теп мится отдѣлить свое лицо наиболѣе, хочетъ испытать самомъ полноту жизни, а между тѣмъ выходитъ изо усилій вмѣсто полноты жизни лишь полное самоубій вмѣсто полноты опредѣленія существа своего впадаютъ вершенное уединеніе. Ибо всѣ-то въ нашъ вѣкъ раздѣл единицы, всякій уединяется въ свою нору, всякій отъ отдаляется, прячется и что имѣетъ прячетъ, и кончае что самъ отъ людей отталкивается и самъ людей отъ

аетъ. Копитъ уединенно богатство и думаетъ: сколь си-
ı теперь и сколь обезпеченъ, а и не знаетъ безумный, что
болѣе копитъ, тѣмъ болѣе погружается въ самоубійствен-
зсиліе. Ибо привыкъ надѣяться на себя одного и отъ цѣ-
тдѣлился единицей, пріучилъ свою душу не [illegible] въ
ю помощь, въ людей и въ человѣчество, и тол[illegible]
ого, что пропадутъ его деньги и пріобрѣтенныя [illegible]
овсемѣстно нынѣ умъ человѣческій начинаетъ на[illegible]
имать, что истинное обезпеченіе лица состоитъ
ъ уединенномъ его усиліи, а въ людской общей
Но непремѣнно будетъ такъ, что придетъ срокъ и
юму уединенію, и поймутъ всѣ разомъ, какъ неестеств
лись одинъ отъ другаго. Таково уже будетъ вѣяніе вр
удивятся тому, что такъ долго сидѣли во тьмѣ, а свѣта
ѣли. Тогда и явится знаменіе Сына Человѣческаго на
... Но до тѣхъ поръ надо всетаки знамя беречь и нѣтъ-
а хоть единично долженъ человѣкъ вдругъ примѣръ по-
и вывести душу изъ единенія на подвигъ братолюбиваго
ія, хотя-бы даже и въ чинѣ юродиваго. Это чтобы не
а великая мысль».

гъ въ такихъ-то пламенныхъ и восторгающихъ бесѣдахъ
или вечера наши одинъ за другимъ. Я даже и общество
ъ и гораздо рѣже сталъ появляться въ гостяхъ, кромѣ
то и мода на меня начала проходить. Говорю сіе не въ
ніе, ибо продолжали меня любить и весело ко мнѣ отно-
; но въ томъ, что мода дѣйствительно въ свѣтѣ царица не
въ этомъ все-же надо сознаться. На таинственнаго-же по-
ія моего сталъ я, наконецъ, смотрѣть въ восхищеніи, ибо
наслажденія умомъ его, началъ предчувствовать, что пи-
онъ въ себѣ нѣкій замыселъ и готовится къ великому,
быть, подвигу. Можетъ, и это ему нравилось, что я на-
не любопытствовалъ о секретѣ его, ни прямо, ни наме-
е разспрашивалъ. Но замѣтилъ я, наконецъ, что и самъ
къ-бы началъ уже томиться желаніемъ открыть мнѣ нѣчто.
йней мѣрѣ, это уже очень стало видно, примѣрно, мѣсяцъ
какъ онъ сталъ посѣщать меня. «Знаете-ли вы, спросилъ
ня однажды, что въ городѣ очень о насъ обоихъ любо-
ютъ и дивятся тому, что я къ вамъ столь часто хожу;
ъ ихъ, ибо *скоро все объяснится*». Иногда вдругъ напа-
него чрезвычайное волненіе, и почти всегда въ такихъ
онъ вставалъ и уходилъ. Иногда-же долго и какъ-бы

именно на головную боль жаловался.

— Я... знаете-ли вы... я... человѣка убилъ.

Проговорилъ да улыбается, и самъ бѣлый какъ
это онъ улыбается, — пронзила мнѣ мысль эта в
прежде чѣмъ я еще что-либо сообразилъ. Самъ я

— Что вы это? кричу ему.

— Видите-ли, отвѣчаетъ мнѣ все съ блѣдною
какъ дорого мнѣ стоило сказать первое слово. Тепе
кажется, сталъ на дорогу. Поѣду.

Долго я ему не вѣрилъ, да и не въ одинъ раз
лишь послѣ того, какъ онъ три дня ходилъ ко м
въ подробности разсказалъ. Считалъ его за ном
кончилъ тѣмъ, что убѣдился, наконецъ, явно съ п
рестью и удивленіемъ. Было имъ совершено велик
преступленіе, четырнадцать лѣтъ предъ тѣмъ, надъ
тою госпожой, молодою и прекрасною особой, вдово
имѣвшею въ городѣ нашемъ для пріѣзда собственн
чувствовавъ къ ней любовь великую, сдѣлалъ онъ
въ любви и началъ склонять ее выйдти за него
она отдала уже свое сердце другому, одному знатно
чина военному, бывшему въ то время въ поход
ожидала она, однако, скоро къ себѣ. Предложеніе
вергла, а его попросила къ себѣ не ходить. Пере
онъ, зная расположеніе ея дома, пробрался къ не
сада чрезъ крышу, съ превеликою дерзостью, раск

й горѣла лампада. И какъ нарочно обѣ горничныя ея дѣ-
ушли потихоньку безъ спросу, по сосѣдству, на именин-
пирушку, случившуюся въ той-же улицѣ. Остальные-же
и служанки спали въ людскихъ и въ кухнѣ, въ нижнемъ
. При видѣ спящей, разгорѣлась въ немъ страсть, а за-
захватила его сердце мстительная ревнивая злоба, и, не
себя, какъ пьяный, подошелъ и вонзилъ ей ножъ прямо
рдце, такъ что она и не вскрикнула. Затѣмъ съ адскимъ
преступнѣйшимъ разсчетомъ устроилъ такъ, чтобы поду-
ла слугъ: не побрезгалъ взять ея кошелекъ, отворилъ кли-
которые вынулъ изъ подъ подушки, ея комодъ и захва-
изъ него нѣкоторыя вещи, именно такъ, какъ-бы сдѣлалъ
а-слуга, то есть цѣнныя бумаги оставилъ, а взялъ одѣ
, взялъ нѣсколько золотыхъ вещей покрупнѣе, а драго-
йшими въ десять разъ, но малыми вещами пренебрегъ. За-
ъ и еще кое-что себѣ на память, но о семъ послѣ. Со-
въ сіе ужасное дѣло, вышелъ прежнимъ путемъ. Ни на
день, когда поднялась тревога, и никогда потомъ во всю
, никому и въ голову не пришло заподозрить настоящаго
! Да и о любви его къ ней никто не зналъ, ибо былъ и
характера молчаливаго и несообщительнаго, и друга, ко-
повѣрялъ-бы душу свою, не имѣлъ. Считали-же его про-
акомымъ убитой и даже не столь близкимъ, ибо въ по-
двѣ недѣли онъ и не посѣщалъ ее. Заподозрили-же тот-
рѣпостнаго слугу ея Петра и какъ разъ сошлись всѣ об-
ьства, чтобъ утвердить сіе подозрѣніе, ибо слуга этотъ
и покойница сама не скрывала, что намѣрена его въ сол-
тдать, въ зачетъ слѣдуемаго съ ея крестьянъ рекрута,
акъ былъ одинокъ и дурнаго сверхъ того поведенія. Слы-
какъ онъ въ злобѣ, пьяный, грозился въ питейномъ домѣ
ее. За два-же дня до ея кончины, сбѣжалъ и проживалъ
въ городѣ въ неизвѣстныхъ мѣстахъ. На другой-же день
убійства нашли его на дорогѣ, при выѣздѣ изъ города,
-пьянаго, имѣвшаго въ карманѣ своемъ ножъ, да еще съ
инною почему-то въ крови правою ладонью. Утверждалъ,
овь шла изъ носу, но ему не повѣрили. Служанки-же по-
сь, что были на пирушкѣ, и что входныя двери съ
оставались незапертыми до ихъ возвращенія. Да и мно-
сверхъ того являлось подобныхъ сему признаковъ, по
ъ неповиннаго слугу и захватили. Арестовали его и на-
дъ, но какъ разъ черезъ недѣлю арестованный заболѣлъ

въ горячкѣ и умеръ въ больницѣ безъ памяти. Тѣмъ дѣ
чилось, предали волѣ Божьей, и всѣ, и судья, и нача
все общество, остались убѣждены, что совершилъ пре
никто какъ умершій слуга. А за симъ началось наказ

Таинственный гость, а теперь уже другъ мой, пом
что въ началѣ даже и совсѣмъ не мучился угрызеніями
Мучился долго, но не тѣмъ, а лишь сожалѣніемъ, что у
бимую женщину, что ея нѣтъ уже болѣе, что, убивъ
любовь свою, тогда какъ огонь страсти оставался въ
Но о пролитой неповинной крови, объ убійствѣ чело
почти тогда и не мыслилъ. Мысль-же о томъ, что
могла стать супругой другому, казалась ему невозможн
тому долгое время убѣжденъ былъ въ совѣсти своей,
могъ поступить иначе. Томилъ его нѣсколько въ нача
слуги, но скорая болѣзнь, а потомъ и смерть ареста
конли его, ибо умеръ тотъ, по всей очевидности (ра
онъ тогда) не отъ ареста или испуга, а отъ простудной
пріобрѣтенной именно во дни его бѣговъ, когда онъ
пьяный, валялся цѣлую ночь на сырой землѣ. Краденыя
и деньги мало смущали его, ибо (все также разсужд
сдѣлана кража не для корысти, а для отвода подозрѣні
гую сторону. Сумма-же краденаго была незначительн
въ скорости всю эту сумму, и даже гораздо бо́льшую,
валъ на учредившуюся у насъ въ городѣ богадѣльню.
сдѣлалъ сіе для успокоенія совѣсти на счетъ кражи и
тельно, на время и, даже долгое, дѣйствительно успок
самъ передавалъ мнѣ это. Пустился онъ тогда въ боль
жебную дѣятельность, самъ напросился на хлопотливое
порученіе, занимавшее его года два и, будучи характ
наго, почти забывалъ происшедшее; когда-же вспоминал
рался не думать о немъ вовсе. Пустился и въ благот
ность, много устроилъ и пожертвовалъ въ нашемъ г
явилъ себя и въ столицахъ, былъ избранъ въ Москвѣ
тербургѣ членомъ тамошнихъ благотворительныхъ обш
все-же сталъ, наконецъ, задумываться съ мученіем
подъемъ своимъ силамъ. Тутъ понравилась ему одна п
и благоразумная дѣвица и онъ въ скорости женился
мечтая, что женитьбой прогонитъ уединенную тоску
вступивъ на новую дорогу и исполняя ревностно д
относительно жены и дѣтей, удалится отъ старыхъ вос
вовсе. Но какъ разъ случилось противное сему ожида

ервый мѣсяцъ брака, стала его смущать безпрерывная мысль:
ъ жена любитъ меня, ну что если-бъ она узнала?» Когда
я беременна первымъ ребенкомъ и повѣдала ему это, онъ
гъ смутился: «Даю жизнь, а самъ отнялъ жизнь». Пошли
: «Какъ я смѣю любить, учить и воспитать ихъ, какъ буду
добродѣтель имъ говорить: я кровь пролилъ». Дѣти ростутъ
расныя, хочется ихъ ласкать: «А я не могу смотрѣть на
невинные, ясные лики; не достоинъ того». Наконецъ, начала
грозно и горько мерещиться кровь убитой жертвы, погублен-
молодая жизнь ея, кровь, вопіющая объ отмщеніи. Сталъ
видѣть ужасные сны. Но будучи твердъ сердцемъ, сносилъ
долго. «Искуплю все сею тайною мукой моею». Но напрас-
была и сія надежда: чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе становил-
страданіе. Въ обществѣ за благотворительную дѣятельность
его уважать, хотя и боялись всѣ строгаго и мрачнаго ха-
ра его, но чѣмъ болѣе стали уважать его, тѣмъ становил
ему невыносимѣе. Признавался мнѣ, что думалъ было убить
Но вмѣсто того начала мерещиться ему иная мечта,—
а, которую считалъ онъ въ началѣ невозможною и безум-
но которая такъ присосалась, наконецъ, къ его сердцу,
оторвать нельзя было. Мечталъ онъ такъ: возстать, выйдти
ь народомъ и объявить всѣмъ, что убилъ человѣка. Года три
проходилъ съ этою мечтой, мерещилась она ему все въ раз-
ь видахъ. Наконецъ, увѣровалъ всѣмъ сердцемъ своимъ, что,
явъ свое преступленіе, излѣчитъ душу свою несомнѣнно и
конится разъ навсегда. Но, увѣровавъ, почувствовалъ въ сердцѣ
ъ, ибо какъ исполнить? И вдругъ произошелъ этотъ слу-
на моемъ поединкѣ. «Глядя на васъ, я теперь рѣшился». Я
ю на него.

— И неужели, воскликнулъ я ему, всплеснувъ руками,—
малый случай могъ рѣшимость такую въ васъ породить?

— Рѣшимость моя три года рождалась, отвѣчаетъ мнѣ,—а
й вашъ далъ ей только толчокъ. Глядя на васъ, упрек-
себя и вамъ позавидовалъ, проговорилъ онъ мнѣ это даже
ровостью.

— Да вамъ и не повѣрятъ, замѣтилъ я ему,—четырнадцать
прошло.

— Доказательства имѣю, великія. Представлю.

заплакалъ я тогда, облобызалъ его.

— Одно рѣшите мнѣ, одно! сказалъ онъ мнѣ (точно отъ меня
ь все и зависѣло):—жена, дѣти! Жена умретъ, можетъ быть,

съ горя, а дѣти хоть и не лишатся дворянства и им
дѣти варнака, и на вѣкъ. А память-то, память какую
цахъ ихъ по себѣ оставлю!

Молчу я.

— А разстаться-то съ ними, оставить на вѣки?
вѣкъ, на вѣкъ!

Сижу я, молча про себя молитву шепчу. Всталъ я,
страшно мнѣ стало.

— Что-же? смотритъ на меня.

— Идите, говорю, объявите людямъ. Все минется, од
останется. Дѣти поймутъ, когда выростутъ, сколько в
рѣшимости вашей было великодушія.

Ушелъ онъ тогда отъ меня какъ-бы и впрямь рѣ
Но все-же болѣе двухъ недѣль потомъ ко мнѣ ходилъ
вечеръ сряду, все приготовлялся, все не могъ рѣшить
чилъ онъ мое сердце. То приходитъ твердъ и говоритъ
леніемъ:

— Знаю, что наступитъ рай для меня, тотчасъ-же
питъ, какъ объявлю. Четырнадцать лѣтъ былъ во адѣ
дать хочу. Приму страданіе и жить начну. Неправд
пройдешь, да назадъ не воротишься. Теперь не тол
няго моего, но и дѣтей моихъ любить не смѣю. Го
вѣдь поймутъ-же дѣти, можетъ быть, чего стоило мнѣ
мое, и не осудятъ меня! Господь не въ силѣ, а въ п

— Поймутъ всѣ подвигъ вашъ, говорю ему, — не
такъ потомъ поймутъ, ибо правдѣ послужили, высше
неземной...

И уйдетъ онъ отъ меня какъ-бы утѣшенный; а
вдругъ опять приходитъ злобный, блѣдный, говоритъ
ливо.

— Каждый разъ какъ вхожу къ вамъ, вы смотр
кимъ любопытствомъ: «Опять, дескать, не объявилъ?» П
не презирайте очень. Не такъ вѣдь оно легко сдѣлать
кажется. Я, можетъ быть, еще и не сдѣлаю вовсе. Н
же вы на меня доносить тогда, а?

А я, бывало, не только что смотрѣть съ любопытс
разумнымъ, я и взглянуть-то на него боялся. Измуче
я до болѣзни, и дума моя была полна слезъ. Ночной
потерялъ.

— Я сейчасъ, продолжаетъ, —отъ жены. Понимае
что такое жена? Дѣтки, когда я уходилъ, прокри

папа, приходите скорѣе съ нами *Дѣтское чтеніе*
гъ, вы этого не понимаете! Чужая бѣда не даетъ ума.
зверкалъ глазами, губы запрыгали. Вдругъ стукнулъ
акомъ, такъ что вещи на столѣ вспрыгнули,—такой
вѣкъ, въ первый разъ съ нимъ случилось.
ужно-ли? воскликнулъ, — да надо-ли? Вѣдь никто
з былъ, никого въ каторгу изъ-за меня не сослали,
олѣзни померъ. А за кровь проліянную я мученіями
анъ. Да и не повѣрятъ мнѣ вовсе, никакимъ дока-
ь моимъ не повѣрятъ. Надо-ли объявлять, надо-ли?
юлитую я всю жизнь готовъ еще мучиться, только
и дѣтей не поразить. Будетъ-ли справедливо ихъ
собою? Не ошибаемся-ли мы? Гдѣ тутъ правда? Да
-ли правду эти люди, оцѣнятъ-ли, почтутъ-ли ее?
и! мыслю про себя, о почтеніи людей думаетъ въ
ту!» И до того жалко мнѣ стало его тогда, что,
ъ-бы раздѣлилъ его участь, лишь-бы облегчить его.
какъ изступленный. Ужаснулся я, понявъ уже не
мъ, а живою душой, чего стоитъ такая рѣшимость.
айте-же судьбу! воскликнулъ опять.
е и объявите, прошепталъ я ему. Голосу во мнѣ не
прошепталъ я твердо. Взялъ я тутъ со стола Еван-
ій переводъ, показалъ ему отъ Іоанна, глава XII,

о, истинно говорю вамъ, если пшеничное зерно падши
е умретъ, то останется одно, а если умретъ, то при-
о плода». Я этотъ стихъ только что прочиталъ предъ
мъ.
онъ: «Правда», говоритъ, но усмѣхнулся горько:
ихъ книгахъ, говоритъ, помолчавъ,—ужасъ что такое
Подъ носъ-то ихъ легко совать. И кто это ихъ пи-
ли люди?»
ь Святый писалъ, говорю.
ать-то вамъ легко, усмѣхнулся онъ еще, но уже
истно. Взялъ я книгу опять, развернулъ въ другомъ
казалъ ему къ Евреямъ, глава X, стихъ 31. Про-

ашно впасть въ руки Бога живаго».
онъ, да такъ и отбросилъ книгу. Задрожалъ онъ

шный стихъ, говоритъ,—нечего сказать, подобрали.

[illegible] скорой наступившей и [illegible]

[illegible] на молитвѣ стоялъ. [illegible] дѣвица [illegible]. Вдругъ [illegible] снова. [illegible]

[illegible] страшная [illegible].

[illegible] кажется, что [illegible]...

[illegible] ничего не забылъ [illegible]

[illegible] Я стою надъ нимъ [illegible]

[illegible] Прошли минуты съ [illegible]

[illegible] усмѣхнулся, заплакалъ и [illegible]

[illegible] и поцѣловалъ.

[illegible] говоритъ, — какъ я въ тебѣ въ [illegible], помни это!

[illegible] мнѣ онъ сказалъ. И ушелъ.

[illegible]

[illegible] И не зналъ я въ сей вечеръ [illegible] дни рожденія его. Самъ [illegible] не выходилъ, а потому и узнать н[illegible] у него каждогодно бывал[illegible] весь городъ. Съѣхались и те[illegible] выходитъ онъ на сред[illegible] донесеніе по начальству. [illegible] же, то тутъ-же и прочелъ

[illegible]

ъ о скоромъ прибытіи, и отвѣтъ ея на сіе письмо, который
ла и не дописала, оставила на столѣ, чтобы завтра отослать
почту. Оба письма захватилъ онъ съ собою,—для чего? Для
потомъ сохранялъ четырнадцать лѣтъ вмѣсто того, чтобъ
ебить, какъ улики? И вотъ, что-же случилось: всѣ пришли въ
леніе и въ ужасъ и никто не захотѣлъ повѣрить, хотя всѣ
лушали съ чрезвычайнымъ любопытствомъ, но какъ отъ боль-
, а нѣсколько дней спустя уже совсѣмъ рѣшено было во всѣхъ
хъ и приговорено, что несчастный человѣкъ помѣшался. На-
ство и судъ не могли не дать хода дѣлу, но пріостановились и
хотя представленныя вещи и письма и заставили размышлять,
рѣшено было и тутъ, что если сіи документы и оказались-бы
ными, то все-же окончательное обвиненіе не могло-бы быть
изнесено на основаніи только сихъ документовъ. Да и вещи
онъ могъ имѣть отъ нея самой, какъ знакомый ея, и по
ренности. Слышалъ я, впрочемъ, что подлинность вещей была
мъ провѣрена чрезъ многихъ знакомыхъ и родныхъ убитой,
о сомнѣнія въ томъ не было. Но дѣлу сему опять не суждено
о завершиться. Дней черезъ пять всѣ узнали, что страда-
ъ заболѣлъ и что опасаются за жизнь его. Какою болѣзнію
заболѣлъ,—не могу объяснить, говорили, что разстройствомъ
щебіенія, но извѣстно стало, что совѣтъ докторовъ, по на-
нію супруги его, свидѣтельствовалъ и душевное его состоя-
, и что вынесли заключеніе, что помѣшательство уже есть. Я
его не выдалъ, хотя и бросились разспрашивать меня, но
да пожелалъ его навѣстить, то долго мнѣ возбраняли, главное,
руга его: «Это вы, говоритъ мнѣ, его разстроили, онъ и прежде
ъ мраченъ, а въ послѣдній годъ всѣ замѣчали въ немъ не-
рмовенное волненіе и странные поступки, а тутъ какъ разъ
его погубили, это вы его зачитали, не выходилъ онъ отъ васъ
ый мѣсяцъ». И что-же, не только супруга, но и всѣ въ городѣ
нулись на меня и меня обвинили: «Это все вы», говорятъ.
лчу, да и радъ въ душѣ, ибо узрѣлъ несомнѣнную милость
ю къ возставшему на себя и казнившемуся себя. А помѣша-
ству его я вѣрить не могъ. Допустили, наконецъ, и меня къ
у, самъ потребовалъ того настоятельно, чтобы проститься со
й. Вошелъ я, и какъ разъ увидѣлъ, что не только дни, но
сы его сочтены. Былъ онъ слабъ, желтъ, руки трепещутъ,
задыхается, но смотритъ умиленно и радостно.

— Совершилось!—проговорилъ мнѣ,—давно жажду видѣть
что́ не приходилъ?

Я ему не объявилъ, что меня не допускали къ нему.

— Богъ сжалился надо мной и зоветъ къ себѣ. Зна[illegible] умираю, но радость чувствую и миръ послѣ столькихъ впервые. Разомъ ощутилъ въ душѣ моей рай, только лишь [illegible]нилъ, что надо было. Теперь уже смѣю любить дѣтей [illegible] лобызать ихъ. Мнѣ не вѣрятъ и никто не повѣрилъ, ни [illegible] ни судьи мои; не повѣрятъ никогда и дѣти. Милость Божі[illegible] въ семъ къ дѣтямъ моимъ. Умру и имя мое будетъ для [illegible] незапятнано. А теперь предчувствую Бога, сердце какъ в[illegible] веселится... долгъ исполнилъ...

Говорить не можетъ, задыхается, горячо мнѣ руку [illegible] пламенно глядитъ на меня. Но недолго мы бесѣдовали, с[illegible] его безпрерывно къ намъ заглядывала. Но успѣлъ таки [illegible]нуть мнѣ.

— А помнишь-ли, какъ я къ тебѣ тогда въ другой [illegible] пришелъ, въ полночь? Еще запомнить тебѣ велѣлъ? Знае[illegible] для чего я входилъ? Я вѣдь убить тебя приходилъ!

Я такъ и вздрогнулъ.

— Вышелъ я тогда отъ тебя во мракъ, бродилъ по [illegible] и боролся съ собою. И вдругъ возненавидѣлъ тебя д[illegible] едва сердце вынесло. «Теперь, думаю, онъ единый с[illegible] и судія мой, не могу уже отказаться отъ завтрашней [illegible] ибо онъ все знаетъ». И не то чтобъ я боялся, ч[illegible] (не было и мысли о семъ), но думаю: «Какъ я [illegible] на него, если не донесу на себя?» И хотя-бы ть[illegible] земель, но живъ, все равно, невыносима эта [illegible] и все знаешь, и меня судишь. Возненавидѣлъ [illegible] причиной и всему виноватъ. Воротился [illegible] помню, что у тебя на столѣ лежитъ кинжалъ. [illegible] попросилъ, и цѣлую минуту думалъ. Если [illegible] все равно-бы погибъ за это убійство. х[illegible] прежнемъ преступленіи. Но о семъ я [illegible] думать не хотѣлъ въ эту минуту. Я толь[illegible] [illegible]стить тебѣ желалъ изо всѣхъ силъ за [illegible] [illegible]ралъ діавола въ моемъ сердцѣ. Знай, [illegible] не былъ ближе отъ смерти.

[illegible] померъ. Гробъ его до могилы про[illegible] [illegible] сказалъ прочувствованное слово. [illegible] болѣзнь, прекратившую дни его. Но в[illegible] [illegible], когда похоронили его, и даже [illegible] Правда, нѣкоторые, въ началѣ нем[illegible]

томъ все больше и больше стали вѣровать въ истину его покаяній и очень начали посѣщать меня и разспрашивать съ больнымъ любопытствомъ и радостью: ибо любитъ человѣкъ паденіе ближняго и позоръ его. Но я замолчалъ и въ скорости изъ города совсѣмъ выбылъ, а черезъ пять мѣсяцевъ удостоился Господь Богомъ стать на путь твердый и благолѣпный, благословляя Онъ невидимый мнѣ, столь явно сей путь указавшій. А многострадальнаго раба Божія Михаила памятую въ молитвахъ моихъ до сего дня на каждый день.

III.

Изъ бесѣдъ и поученій старца Зосимы.

Нѣчто объ инокѣ русскомъ и о возможномъ значеніи его.

Отцы и учители, что есть инокъ? Въ просвѣщенномъ мірѣ сіе произносится въ наши дни у иныхъ уже съ насмѣшкой, у нѣкоторыхъ и какъ бранное. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Правда, охъ правда, много и въ монашествѣ тунеядцевъ, плотоядниковъ, сластолюбцевъ и наглыхъ бродягъ. На сіе указываютъ образованные свѣтскіе люди: «Вы, дескать, лѣнтяи и безполезные члены общества, живете чужимъ трудомъ, безстыдные праздные». А между тѣмъ, сколь много въ монашествѣ смиренныхъ кроткихъ, жаждущихъ уединенія и пламенной въ тишинѣ молитвы. На сихъ меньше указываютъ, и даже обходятъ молчаніемъ вовсе, и сколь подивились-бы, если скажу, что отъ сихъ кротких и жаждущихъ уединенной молитвы выйдетъ, можетъ быть, еще разъ спасеніе земли русской! Ибо во истину приготовлены въ тишинѣ «на день и часъ, и мѣсяцъ, и годъ». Образъ Христовъ хранятъ пока въ уединеніи своемъ благолѣпно и неизреченно, въ чистотѣ правды Божіей, отъ древнѣйшихъ отцовъ, апостоловъ и мучениковъ, и когда надо будетъ, явятъ его возлюбившейся правдѣ мірѣ. Сія мысль великая. Отъ востока свѣта сія возсіяетъ.

Такъ мыслю объ инокѣ и неужели ложно, неужели надуто? Посмотрите у мірскихъ и во всемъ превозносящемся надъ міромъ Божіимъ мірѣ, не исказился-ли въ немъ ликъ Божій правда Его? У нихъ наука, а въ наукѣ лишь то, что подвластно чувствамъ. Міръ-же духовный, высшая половина су-

вѣческаго отвергнута вовсе, изгнана съ
даже съ ненавистью. Провозгласилъ міръ
нѣднее время особенно, и что-же видимъ въ этой
одно лишь рабство и самоубійство! Ибо міръ го
ль потребности, а потому и насыщай ихъ, ибо имѣеш
ли-же, какъ и у знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ лю
ются насыщать ихъ, но даже пріумножай», — вотъ вы
ученіе міра. Въ этомъ и видятъ свободу. И что-же выход
сего права на пріумноженіе потребностей? У богатыхъ у
и духовное самоубійство, а у бѣдныхъ — зависть и у
ибо права-то дали, а средствъ насытить потребности
указали. Увѣряютъ, что міръ чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе с
слагается въ братское общеніе, тѣмъ что сокращаетъ раз
передаетъ по воздуху мысли. Увы, не вѣрьте такому е
людей. Понимая свободу какъ пріумноженіе и скорое
потребностей, искажаютъ природу свою, ибо зарождаютъ
много безсмысленныхъ и глупыхъ желаній, привычекъ
пѣйшихъ выдумокъ. Живутъ лишь для зависти другъ к
для плотоугодія и чванства. Имѣть обѣды, выѣзды, э
чины и рабовъ-прислужниковъ—считается уже такою н
мостью, для которой жертвуютъ даже жизнью, честью
вѣколюбіемъ, чтобъ утолить эту необходимость, и даже у
себя, если не могутъ утолить ее. У тѣхъ, которые не
тоже самое видимъ, а у бѣдныхъ неутоленіе потребнос
висть пока заглушаются пьянствомъ. Но вскорѣ вмѣ
упьются и кровью, къ тому ихъ ведутъ. Спрашиваю
свободенъ-ли такой человѣкъ? Я зналъ одного «борца з
который самъ разсказывалъ мнѣ, что, когда лишили его вт
табаку, то онъ до того былъ измученъ лишеніемъ си
чуть не пошелъ и не предалъ свою «идею», чтобы тол
ему табаку. А вѣдь этакой говоритъ: «за человѣчество
иду». Ну, куда такой пойдетъ и на что онъ способенъ?
рый поступокъ развѣ, а долго не вытерпитъ. И не дш
вмѣсто свободы впали въ рабство, а вмѣсто служенія бра
и человѣческому единенію впали, напротивъ, въ *отъед*
уединеніе, какъ говорилъ мнѣ въ юности моей таинс
гость и учитель мой. А потому въ мірѣ все болѣе и бо
саетъ мысль о служеніи человѣчеству, о братствѣ и цѣл
людей и во истину встрѣчается мысль сія даже уже съ
кой, ибо какъ отстать отъ привычекъ своихъ, куда пой
невольникъ, если столь привыкъ утолять безчисленныя

и свои, которыя самъ-же навыдумалъ? Въ уединеніи онъ и
е ему дѣло до цѣлаго. И достигли того, что вещей накопили
ше, а радости стало меньше.
Другое дѣло путь иноческій. Надъ послушаніемъ, постомъ и
твой даже смѣются, а между тѣмъ лишь въ нихъ заклю-
ся путь къ настоящей, истинной уже свободѣ: отсѣкаю отъ
потребности лишнія и ненужныя, самолюбивую и гордую
) мою смиряю и бичую послушаніемъ, и достигаю тѣмъ, съ
шію Божіей, свободы духа, а съ нею и веселья духовнаго!
же изъ нихъ способнѣе вознести великую мысль и пойдти
лужить,—уединенный-ли богачъ или сей *освобожденный* отъ
ства вещей и привычекъ? Инока корятъ его уединеніемъ:
нился ты, чтобъ себя спасти въ монастырскихъ стѣнахъ, а
ое служеніе человѣчеству забылъ». Но посмотримъ еще, кто
братолюбію поусердствуетъ? Ибо уединеніе не у насъ, а у
, но не видятъ сего. А отъ насъ и издревле дѣятели народные
дили, отчего-же не можетъ ихъ быть и теперь? Тѣ-же смирен-
и кроткіе постники и молчальники возстанутъ и пойдутъ на
ое дѣло. Отъ народа спасеніе Руси. Русскій-же монастырь
ни былъ съ народомъ. Если-же народъ въ уединеніи, то и мы
единеніи. Народъ вѣритъ по нашему, а не вѣрующій дѣятель
съ въ Россіи ничего не сдѣлаетъ, даже будь онъ искрененъ
емъ и умомъ геніаленъ. Это помните. Народъ встрѣтитъ
ста и поборетъ его, и станетъ единая православная Русь. Бе-
е-же народъ и оберегайте сердце его. Въ тишинѣ воспитайте
Вотъ вашъ иноческій подвигъ, ибо сей народъ богоносецъ.

Нѣчто о господахъ и слугахъ и о томъ, возможно-ли господамъ и слугамъ стать взаимно по духу братьями.

Іоже, кто говоритъ, и въ народѣ грѣхъ. А пламень растлѣнія
жается даже видно, ежечасно, сверху идетъ. Наступаетъ
народѣ уединеніе: начинаются кулаки и міроѣды; уже ку-
все больше и больше желаетъ почестей, стремится пока-
себя образованнымъ, образованія не имѣя ни мало, а для
гнусно пренебрегаетъ древнимъ обычаемъ и стыдится даже
отповъ. Ѣздитъ ко князьямъ, а всего-то самъ мужикъ пор-
ь. Народъ загноился отъ пьянства и не можетъ уже отстать
него. А сколько жестокости къ семьѣ, къ женѣ, къ дѣтямъ
отъ пьянства все. Видалъ я на фабрикахъ девятилѣтнихъ

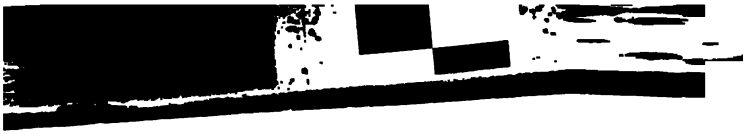
илыхъ, чахлыхъ, согбенныхъ и уже развра
а, стучащая машина, весь Божій день работ
и вино, вино, а то-ли надо душѣ такого
яти? Ему надо солнце, дѣтскія игры и всюду с
ъ и хоть каплю любви къ нему. Да не будетъ-ж
и, да не будетъ истязанія дѣтей, возстаньте и пропов
скорѣе, скорѣе. Но спасетъ Богъ Россію, ибо хоть и р
тенъ простолюдинъ и не можетъ уже отказать себѣ во
номъ грѣхѣ, но все-же знаетъ, что проклятъ Богомъ его
ный грѣхъ, и что поступаетъ онъ худо, грѣша. Такъ ч
устанно еще вѣруетъ народъ нашъ въ правду, Бога при
умилительно плачетъ. Не то у высшихъ. Тѣ во слѣдъ
хотятъ устроиться справедливо однимъ умомъ своимъ, в
безъ Христа, какъ прежде, и уже провозгласили, что нѣ
ступленія, нѣтъ уже грѣха. Да оно и правильно по ихне
если нѣтъ у тебя Бога, то какое-же тогда преступленіе? Въ
возстаетъ народъ на богатыхъ уже силой, и народные
повсемѣстно ведутъ его къ крови и учатъ, что правъ гнѣ
Но «проклятъ гнѣвъ ихъ, ибо жестокъ». А Россію спасет
подь, какъ спасалъ уже много разъ. Изъ народа спасені
детъ, изъ вѣры и смиренія его. Отцы и учители, берегит
народа, и не мечта сіе: поражало меня всю жизнь въ ве
народѣ нашемъ его достоинство благолѣпное и истинное
видѣлъ, самъ свидѣтельствовать могу, видѣлъ и удивлял
дѣлъ, не смотря даже на смрадъ грѣховъ и нищій видъ
нашего. Не раболѣпенъ онъ, и это послѣ рабства двухъ в
Свободенъ видомъ и обращеніемъ, но безо всякой обиды,
мстителенъ и не завистливъ. «Ты знатенъ, ты богатъ, ты
и талантливъ,—и пусть, благослови тебя Богъ. Чту тебя, но
что и я человѣкъ. Тѣмъ, что безъ зависти чту тебя, тѣмъ-т
стоинство мое являю предъ тобой человѣческое». Во истину
не говорятъ сего (ибо не умѣютъ еще сказать сего), то та
ступаютъ, самъ видѣлъ, самъ испытывалъ, и вѣрите-ли
бѣднѣе и ниже человѣкъ нашъ русскій, тѣмъ и болѣе въ не
благолѣпной правды замѣтно, ибо богатые изъ нихъ кулаки
роѣды во множествѣ уже развращены, и много, много тут
нерадѣнія и несмотрѣнія нашего вышло! Но спасетъ Богъ
своихъ, ибо велика Россія смиреніемъ своимъ. Мечтаю ви
какъ-бы уже вижу ясно наше грядущее: ибо будетъ
даже самый развращенный богачъ нашъ кончитъ тѣмъ,
дится богатства своего предъ бѣднымъ, а бѣдный, вид

:, пойметъ и уступитъ ему, съ радостью и лаской отвѣтитъ на аголѣнный стыдъ его. Вѣрьте, что кончится симъ: на то идетъ. ишь въ человѣческомъ духовномъ достоинствѣ равенство, и сіе ймутъ лишь у насъ. Были-бы братья, будетъ и братство, а ньше братства никогда не раздѣлятся. Образъ Христовъ храмъ, и возсіяетъ какъ драгоцѣнный алмазъ всему міру... Будь, ди!

Отцы и учители, произошло разъ со мною умилительное дѣло. ранствуя, встрѣтилъ я однажды, въ губернскомъ городѣ К., быв-го моего деньщика Аѳанасія, а съ тѣхъ поръ какъ я разался съ нимъ, прошло уже тогда восемь лѣтъ. Нечаянно увидѣлъ ня на базарѣ, узналъ, подбѣжалъ ко мнѣ, и, Боже, сколь обрадолся, такъ и кинулся ко мнѣ: «Батюшка, баринъ, вы-ли это? а неужто васъ вижу?» Повелъ меня къ себѣ. Былъ уже онъ ъ отставкѣ, женился, двухъ дѣтей младенцевъ уже прижилъ. роживалъ съ супругой своею мелкимъ торгомъ на рынкѣ съ отка. Комнатка у него бѣдная, но чистенькая, радостная. садилъ меня, самоваръ поставилъ, за женой послалъ, точно я раздникъ какой ему сдѣлалъ, у него появившись. Подвелъ ко мнѣ тока: «благословите, батюшка». «Мнѣ-ли благословлять, отвѣю ему, инокъ я простой и смиренный, Бога о нихъ помолю, а тебѣ, Аѳанасій Павловичъ, и всегда, на всякъ день, съ того аго дня, Бога молю, ибо съ тебя, говорю, все и вышло». И бъяснилъ ему я это, какъ умѣлъ. Такъ что-же человѣкъ: смотритъ на меня и все не можетъ представить, что я, прежній баринъ его, офицеръ, предъ нимъ теперь въ такомъ видѣ и въ такой одеждѣ: заплакалъ даже. «Чего-же ты плачешь, говорю ему, езабвенный ты человѣкъ, лучше повеселись за меня душой, лый, ибо радостенъ и свѣтелъ путь мой». Многаго не говолъ, а все охалъ и качалъ на меня головой умиленно. «Гдѣе ваше, спрашиваетъ, богатство?» Отвѣчаю ему: «Въ монастырь отдалъ, а живемъ мы въ общежитіи». Послѣ чаю сталъ прощаться съ ними и вдругъ вынесъ онъ мнѣ полтину, ертву на монастырь, а другую полтину, смотрю, суетъ мнѣ ъ рубу, торопится: «это ужь вамъ, говоритъ, странному, утешествующему, пригодится вамъ, можетъ, батюшка». Принялъ я его полтину, поклонился ему и супругѣ его и ушелъ радованный, и думаю дорогой: «вотъ мы теперь оба, и онъ себя и я, идущій, охаемъ, должно быть, да усмѣхаемся радостно, въ веселіи сердца нашего покивая головой и вспоминая, акъ Богъ привелъ встрѣтиться». И больше я уже съ тѣхъ

поръ никогда не видалъ его. Былъ я ему господинъ, а он
слуга, а теперь какъ облобызались мы съ нимъ любовно
духовномъ умиленіи, межъ нами великое человѣческое ед
произошло. Думалъ я о семъ много, а теперь мыслю так
ужели такъ недоступно уму, что сіе великое и простое
единеніе могло-бы въ свой срокъ и повсемѣстно про
межъ нашихъ русскихъ людей? Вѣрую, что произойдетъ и
близки.

А про слугъ прибавлю слѣдующее: сердился я прежде,
шею, на слугъ много: «кухарка горячо подала, деньщикъ
не вычистилъ». Но озарила меня тогда вдругъ мысль
милаго брата, которую слышалъ отъ него въ дѣтствѣ
«стою-ли я того и весь-то, чтобы мнѣ другой служилъ, а
я, за нищету и темноту его, имъ помыкалъ?» И подни
тогда-же, сколь самыя простыя мысли, воочію ясныя,
появляются въ умѣ нашемъ. Безъ слугъ невозможно ми
но такъ сдѣлай, чтобы былъ у тебя твой слуга свободн
хомъ, чѣмъ если-бы былъ не слугой. И почему я не мог
слугою слугѣ моему и такъ, чтобы онъ даже видѣлъ это
безо всякой гордости съ моей стороны, а съ его, невѣрі
чему не быть слугѣ моему какъ-бы мнѣ роднымъ, та
приму его, наконецъ, въ семью свою и возрадуюсь сему
и теперь еще это такъ исполнимо, но послужитъ основ
къ будущему уже великолѣпному единенію людей, ко
слугъ будетъ искать себѣ человѣкъ и не въ слугъ пож
обращать себѣ подобныхъ людей, какъ нынѣ, а, напротив
всѣхъ силъ пожелаетъ стать самъ всѣмъ слугой, по Ева
И неужели сіе мечта, чтобы подъ конецъ человѣкъ находил
радости лишь въ подвигахъ просвѣщенія и милосердія, а не
достяхъ жестокихъ, какъ нынѣ,—въ объяденіи, блудѣ, чв
хвастовствѣ и завистливомъ превышеніи одного надъ др
Твердо вѣрую, что нѣтъ и что время близко. Смѣются и с
ваютъ: когда-же сіе время наступитъ и похоже-ли на то,
ступитъ? Я-же мыслю, что мы со Христомъ это великое дѣ
шимъ. И сколько-же было идей на землѣ, въ исторіи чел
ской, которыя даже за десять лѣтъ немыслимы были и в
вдругъ появлялись, когда приходилъ для нихъ таинств
срокъ ихъ, и проносились по всей землѣ? Такъ и у насъ бу
возсіяетъ міру народъ нашъ и скажутъ всѣ люди: «каме
торый отвергли зиждущіе, сталъ главою угла». А насмѣш
вопросить-бы самихъ: если у насъ мечта, то когда-же вы-



существо и его любящее. Да и Богъ мило
ихъ васъ, ибо если уже ты столь пожалѣ
и паче пожалѣетъ Онъ, безконечно болѣе мило
лый, чѣмъ ты. И простить его тебя ради.
атья, не бойтесь грѣха людей, любите человѣка и во
ибо сіе ужь подобіе Божеской любви и есть верхъ
емлѣ. Любите все созданіе Божіе, и цѣлое, и кажду
чанку. Каждый листикъ, каждый лучъ Божій любите. Л
животныхъ, любите растенія, любите всякую вещь. Будеш
бить всякую вещь и тайну Божію постигнешь въ вещах
стигнешь однажды и уже неустанно начнешь ее познава
далѣе и болѣе, на всякъ день. И полюбишь, наконецъ
міръ уже всецѣлою, всемірною любовью. Животныхъ л
имъ Богъ далъ начало мысли и радость безмятежную. Н
мущайте-же ее, не мучьте ихъ, не отнимайте у нихъ радос
противьтесь мысли Божіей. Человѣкъ, не возносись над
вотными: они безгрѣшны, а ты со своимъ величіемъ г
землю своимъ появленіемъ на ней и слѣдъ свой гнойный
ляешь послѣ себя,—увы, почти всякъ изъ насъ!—Дѣток
бите особенно, ибо они тоже безгрѣшны, яко ангелы, и я
для умиленія нашего, для очищенія сердецъ нашихъ и ка
кое указаніе намъ. Горе оскорбившему младенца. А меня
Аѳоимъ училъ дѣтокъ любить: онъ милый и молчащій, во
ствіяхъ нашихъ, на подаянные грошики имъ пряничковъ
денцу, бывало, купитъ и раздастъ; проходить не могъ ми
токъ безъ сотрясенія душевнаго: таковъ человѣкъ.

Предъ иною мыслью станешь въ недоумѣніи, особенно
грѣхъ людей, и спросишь себя: «взять-ли силой али смиренн
бовью?» Всегда рѣшай: «возьму смиренною любовью». Рѣш
такъ разъ навсегда, и весь міръ покорить возможешь. Сл
любовное—страшная сила, изо всѣхъ сильнѣйшая, подоб
торой и нѣтъ ничего. На всякъ день и часъ, на всякую м
ходи около себя и смотри за собой, чтобъ образъ твой былъ
лѣпенъ. Вотъ ты прошелъ мимо малаго ребенка, прошелъ зл
со сквернымъ словомъ, съ гнѣвливою душой; ты и не прим
можетъ, ребенка-то, а онъ видѣлъ тебя и образъ твой, непр
ный и нечестивый, можетъ, въ его беззащитномъ сердечкѣ ос
Ты и не зналъ сего, а, можетъ быть, ты уже тѣмъ въ нем
бросилъ дурное, и возростетъ оно, пожалуй, а все потом
ты не убережся передъ дитятей, потому что любви осмотрите
дѣятельной не воспиталъ въ себѣ. Братья, любовь уч

не нужно умѣть ее пріобрѣсти, ибо она трудно пріобрѣтается, го покупается, долгою работой и черезъ долгій срокъ, ибо на мгновеніе лишь случайное надо любить, а на весь срокъ. случайно-то и всякъ полюбить можетъ, и злодѣй полюбитъ. она, братъ мой, у птичекъ прощенія просилъ: оно какъ-бы и мысленно, а вѣдь правда, ибо все какъ океанъ, все течетъ прикасается, въ одномъ мѣстѣ тронешь, въ другомъ концѣ отдается. Пусть безуміе у птичекъ прощенія проситъ, но и птичкамъ было-бы легче, и ребенку, и всякому живот- около тебя, если-бы ты самъ былъ благолѣпнѣе, чѣмъ ты теперь, хоть на одну каплю да было-бы. Все какъ океанъ, ко вамъ. Тогда и птичкамъ сталъ-бы молиться, всецѣлою ною мучимый, какъ-бы въ восторгѣ какомъ, и молить, чтобъ й грѣхъ твой отпустили тебѣ. Восторгомъ-же симъ дорожи, -бы ни казался онъ людямъ безсмысленнымъ.

Други мои, просите у Бога веселья. Будьте веселы какъ дѣти, птички небесныя. И да не смущаетъ васъ грѣхъ людей въ ихъ дѣланіи, не бойтесь, что затретъ онъ дѣло ваше и не дастъ совершиться, не говорите: «силенъ грѣхъ, сильно нечестіе, ша среда скверная, а мы одиноки и безсильны, затретъ насъ рная среда и не дастъ совершиться благому дѣланію». Бѣгите, сего унынія! Одно тутъ спасеніе себѣ: возьми себя и сдѣлай же отвѣтчикомъ за весь грѣхъ людской. Другъ, да вѣдь это и ду такъ, ибо чуть только сдѣлаешь себя за все и за всѣхъ тчикомъ искренно, то тотчасъ-же увидишь, что оно такъ и въ самомъ дѣлѣ и что ты-то и есть за всѣхъ и за вся вино- А скидывая свою-же лѣнь и свое безсиліе на людей, кон- тѣмъ, что гордости сатанинской пріобщишься и на Бога нищешь. О гордости-же сатанинской мыслю такъ: трудно намъ мѣ ее и постичь, а потому сколь легко впасть въ ошибку общиться ей, да еще полагая, что нѣчто великое и пре- ое дѣлаемъ. Да и многое изъ самыхъ сильныхъ чувствъ женій природы нашей мы пока на землѣ не можемъ по- , не соблазняйся и симъ и не думай, что сіе въ чемъ либо ъ тебѣ служить оправданіемъ, ибо спроситъ съ тебя Судія ій то, что ты могъ постичь, а не то, чего не могъ, самъ шься въ томъ, ибо тогда все узришь правильно и спорить не станешь. На землѣ-же во истину мы какъ-бы блужда- и не было-бы драгоцѣннаго Христова образа предъ нами, ибли-бы мы и заблудились совсѣмъ, какъ родъ человѣче- предъ потопомъ. Многое на землѣ отъ насъ скрыто, но вза-

м ровано намъ тайное сокровенное ощущеніе
с съ міромъ инымъ, съ міромъ горнимъ и вы
нашихъ мыслей и чувствъ не здѣсь, а въ
ь. Вотъ почему и говорятъ философы, что сущност
льзя постичь на землѣ. Богъ взялъ сѣмена изъ міровъ
посѣялъ на сей землѣ и взростилъ садъ Свой, и взош
) могло взойдти, но взрощенное живетъ и живо лиш
ствомъ соприкосновенія своего таинственнымъ мірамъ
если ослабѣваетъ или уничтожается въ тебѣ сіе чувство,
раетъ и взрощенное въ тебѣ. Тогда станешь къ жизни
душенъ и даже возненавидишь ее. Мыслю такъ.

з) Можно-ли быть судіею себѣ подобныхъ? О вѣрѣ до

Помни особенно, что не можешь ничьимъ судіею бы
не можетъ быть на землѣ судья преступника, прежде чѣ
сей судья не познаетъ, что и онъ такой-же точно прест
какъ и стоящій предъ нимъ, и что онъ-то за преступлен
щаго предъ нимъ, можетъ, прежде всѣхъ и виноватъ. К
постигнетъ сіе, то возможетъ стать и судіею. Какъ ни
на видъ, но правда сіе. Ибо былъ-бы я самъ праведенъ,
и преступника, стоящаго предо мною, не было-бы. Если
жешь принять на себя преступленіе стоящаго предъ
судимаго сердцемъ твоимъ преступника, то немедленно
и пострадай за него самъ, его-же безъ укора отпусти.
если-бъ и самый законъ поставилъ тебя его судіею, т
лишь возможно будетъ тебѣ, сотвори и тогда въ духѣ с
уйдетъ и осудитъ себя самъ еще горше суда твоего.
отойдетъ съ цѣлованіемъ твоимъ безчувственный и смѣя
тобою-же, то не соблазняйся и самъ: значитъ, срокъ
не пришелъ, но придетъ въ свое время; а не придетъ, во
не онъ, такъ другой за него познаетъ и пострадаетъ, и
и обвинитъ себя самъ и правда будетъ восполнена. Вѣ
несомнѣнно вѣрь, ибо въ семъ самомъ и лежитъ все у
и вся вѣра святыхъ.

Дѣлай неустанно. Если вспомнишь въ нощи, отходя
«я не исполнилъ что̀ надо было», то немедленно воз
исполни. Если кругомъ тебя люди злобные и безчувстве
не захотятъ тебя слушать, то пади предъ ними и у ни
щенія проси, ибо во истину и ты въ томъ виноватъ,

[redacted] тебя слушать. А если уже не можешь говорить съ озло-[redacted]ыми, то служи имъ молча и въ униженіи, никогда не теряя [redacted]ды. Если-же всѣ оставятъ тебя и уже изгонятъ тебя силой, [redacted]тавшись одинъ, пади на землю и цалуй ее, омочи ее сле-[redacted]твоими, и дастъ плодъ отъ слезъ твоихъ земля, хотя-бы [redacted] видалъ и не слыхалъ тебя никто въ уединеніи твоемъ. [redacted] до конца, хотя-бы даже и случилось такъ, что всѣ-бы на [redacted] совратились, а ты лишь единый вѣренъ остался; принеси [redacted]да жертву и восхвали Бога ты, единый оставшійся. А если [redacted]такихъ двое сойдутся, — то вотъ ужь и весь міръ, міръ [redacted] любви, обнимите другъ друга въ умиленіи и восхвалите [redacted]да: ибо хотя и въ васъ двоихъ, но восполнилась правда Его. [redacted]сли самъ согрѣшишь и будешь скорбенъ даже до смерти о [redacted]хъ твоихъ, или о грѣхѣ твоемъ внезапномъ, то возрадуйся [redacted]другого, возрадуйся за праведнаго, возрадуйся тому, что если [redacted]согрѣшилъ, то онъ зато праведенъ и не согрѣшилъ.

[redacted]сли-же злодѣйство людей возмутитъ тебя негодованіемъ и [redacted]ью уже необоримою, даже до желанія отмщенія злодѣямъ, [redacted]мѣе всего страшись сего чувства; тотчасъ-же иди и ищи [redacted]мукъ такъ какъ бы самъ былъ виновенъ въ семъ злодѣй-[redacted]людей. Пріими сіи муки и вытерпи, и утолится сердце твое [redacted]знешь, что и самъ виновенъ, ибо могъ свѣтить злодѣямъ [redacted]какъ единый безгрѣшный и не свѣтилъ. Если-бы свѣтилъ, [redacted]вѣтомъ своимъ озарилъ-бы и другимъ путь, и тотъ который [redacted]вилъ злодѣйство, можетъ быть, не совершилъ-бы его при [redacted] твоемъ. И даже если ты и свѣтилъ, но увидишь, что не [redacted]отся люди даже и при свѣтѣ твоемъ, то пребудь твердъ и не [redacted]ись въ силѣ свѣта небеснаго; вѣрь тому, что если теперь [redacted]елись, то потомъ спасутся. А не спасутся и потомъ, то [redacted] ихъ спасутся, ибо не умретъ свѣтъ твой, хотя-бы и ты [redacted]умеръ. Праведникъ отходитъ, а свѣтъ его остается. Спа-[redacted]-же и всегда по смерти спасающаго. Не принимаетъ родъ [redacted]ой пророковъ своихъ и избиваетъ ихъ, но любятъ люди [redacted]иковъ своихъ и чтятъ тѣхъ, коихъ замучили. Ты-же для [redacted]о работаешь, для грядущаго дѣлаешь. Награды-же никогда [redacted]ди, ибо и безъ того уже велика тебѣ награда на сей землѣ: [redacted]ая радость твоя, которую лишь праведный обрѣтаетъ. Не [redacted] ни знатныхъ, ни сильныхъ, но будь премудръ и всегда [redacted]ѣненъ. Знай мѣру, знай сроки, научись сему. Въ уедине-[redacted]оставаясь, молись. Люби повергаться не землю и лобы-[redacted]. Землю цѣлуй и неустанно, ненасытимо люби, всѣхъ

люби, все люби, ищи восторга и изступленія сего. Омочи
слезами радости твоея и люби сіи слезы твои. Изступ
сего не стыдись, дорожи имъ, ибо есть даръ Божій, вел
и не многимъ дается, а избраннымъ.

и) О адѣ и адскомъ огнѣ, разсужденіе мистическ

Отцы и учители, мыслю: «что̀ есть адъ?» Разсужд
«Страданіе о томъ, что нельзя уже болѣе любить». Разъ,
конечномъ бытіи, неизмѣримомъ ни временемъ, ни простр
дана была нѣкоему духовному существу, появленіемъ его на
способность сказать себѣ: «я есмь и я люблю». Разъ, тольк
дано было ему мгновеніе любви дѣятельной, *живой*, а д
дана была земная жизнь, а съ нею времена и сроки, и
отвергло сіе счастливое существо даръ безцѣнный, не
его, не возлюбило, взглянуло насмѣшливо и осталось б
ственнымъ. Таковой, уже отошедшій съ земли, видитъ и
Авраамово, и бесѣдуетъ съ Авраамомъ какъ въ притчѣ о б
томъ и Лазарѣ намъ указано, и рай созерцаетъ, и ко Гос
восходить можетъ, но именно тѣмъ-то и мучается, что ко Гос
взойдетъ онъ не любившій, сопрекоснется съ любившими,
бовью ихъ пренебрегшій. Ибо зритъ ясно и говоритъ себѣ
самъ: «нынѣ уже знаніе имѣю и хоть возжаждалъ любить,
уже подвига не будетъ въ любви моей, не будетъ и жер
ибо кончена жизнь земная и не придетъ Авраамъ хоть ка
воды живой (то есть вновь даромъ земной жизни, преж
дѣятельной) прохладить пламень жажды любви духовной,
рою пламенѣю теперь, на землѣ ее пренебрегши; нѣтъ уже ж
и времени болѣе не будетъ! Хоть-бы и жизнь свою радъ б
отдать за другихъ, но уже нельзя, ибо прошла та жизнь,
торую возможно было въ жертву любви принесть, и теперь б
между тою жизнью и симъ бытіемъ». Говорятъ о пламени адск
матеріальномъ: не изслѣдую тайну сію и страшусь, но мыс
что если-бы и былъ пламень матеріальный, то во истину об
довались-бы ему, ибо, мечтаю такъ, въ мученіи матеріаль
хоть на мигъ позабылась-бы ими страшнѣйшая сего мука
ховная. Да и отнять у нихъ эту муку духовную не возм
ибо мученіе сіе не внѣшнее, а внутри ихъ. А если-бъ и
можно было отнять, то мыслю, стали-бы оттого еще горше
счастными. Ибо хоть и простили-бы ихъ праведные изъ р

рцая муки ихъ, и призвали-бы ихъ къ себѣ, любя безко-
ие, но тѣмъ самымъ имъ еще болѣе-бы пріумножили мукъ,
возбудили-бы въ нихъ еще сильнѣе пламень жажды отвѣт-
, дѣятельной и благодарной любви, которая уже невозможна.
робости сердца моего мыслю, однако-же, что самое сознаніе
невозможности послужило-бы имъ, наконецъ, и къ облег-
ію, ибо, принявъ любовь праведныхъ съ невозможностью воз-
ь за нее, въ покорности сей и въ дѣйствіи смиренія сего, обря-
ъ, наконецъ, какъ-бы нѣкій образъ той дѣятельной любви,
рою пренебрегли на землѣ и какъ-бы нѣкое дѣйствіе съ нею
ное... Сожалѣю, братья и други мои, что не умѣю сказать
ясно, но горе самимъ истребившимъ себя на землѣ, горе
убійцамъ! Мыслю, что уже несчастнѣе сихъ и не можетъ
никого. Грѣхъ, рекутъ намъ о сихъ Бога молить и церковь
ижно ихъ какъ-бы и отвергаетъ, но мыслю въ тайнѣ души
, что можно-бы и за сихъ помолиться. За любовь не осер-
ія вѣдь Христосъ. О таковыхъ я внутренно во всю жизнь
лся, исповѣдуюсь вамъ въ томъ, отцы и учители, да и нынѣ
всякъ день молюсь.

О, есть и во адѣ пребывшіе гордыми и свирѣпыми, не смотря
на знаніе безспорное и на созерцаніе правды неотразимой,
страшные, пріобщившіеся сатанѣ и гордому духу его все-
. Для тѣхъ адъ уже добровольный и ненасытимый; тѣ уже
рохотные мученики. Ибо сами прокляли себя, проклявъ Бога
изнь. Злобною гордостью своею питаются, какъ если-бы го-
ный въ пустынѣ кровь собственную свою сосать изъ своего-же
началъ. Но ненасытимы во вѣки вѣковъ и прощеніе отверг-
ъ, Бога, зовущаго ихъ, проклинаютъ. Бога живаго безъ не-
сти созерцать не могутъ и требуютъ, чтобы не было Бога
ни, чтобъ уничтожилъ Себя Богъ и все созданіе Свое. И бу-
ъ горѣть въ огнѣ гнѣва своего вѣчно, жаждать смерти и не-
ти. Но не получатъ смерти...

Здѣсь оканчивается рукопись Алексѣя Ѳедоровича Карамазова.
горяю: она не полна и отрывочна. Біографическія свѣдѣнія,
имѣръ, обнимаютъ лишь первую молодость старца. Изъ по-
ній-же его и мнѣній сведено вмѣстѣ, какъ-бы въ единое цѣлое,
анное очевидно въ разные сроки и вслѣдствіе побужденій
ичныхъ. Все-же то что̀ изречено было старцемъ собственно
ли послѣдніе часы жизни его, не опредѣлено въ точности,

а [illegible] понятіе о духѣ и характерѣ и сей бесѣды,
[illegible] тѣмъ, что приведено въ рукописи Алексѣя
[illegible] изъ прежнихъ поученій. Кончина-же старца произ
[illegible] стину совсѣмъ неожиданно. Ибо хотя всѣ собравшіес
[illegible] въ тотъ послѣдній вечеръ и понимали вполнѣ, что с
[illegible] близка, но все-же нельзя было представить, что насту
она столь внезапно; напротивъ, друзья его, какъ уже и
тилъ я выше, видя его въ ту ночь столь, казалось-бы, бод
и словоохотливымъ, убѣждены были даже, что въ здоровь
произошло замѣтное улучшеніе, хотя-бы и на малое лишь в
Даже за пять минутъ до кончины, какъ съ удивленіемъ
давали потомъ, нельзя было еще ничего предвидѣть. Онъ в
почувствовалъ какъ-бы сильнѣйшую боль въ груди, поблѣ
и крѣпко прижалъ руки къ сердцу. Всѣ тогда встали съ
своихъ и устремились къ нему; но онъ, хоть и страдающі
все еще съ улыбкой взирая на нихъ, тихо опустился съ
селъ на полъ и сталъ на колѣни, затѣмъ склонился лицомъ
къ землѣ, распростеръ свои руки и, какъ-бы въ радос
восторгѣ, цалуя землю и молясь (какъ самъ училъ), тихо
достно отдалъ душу Богу. Извѣстіе о кончинѣ его немед
пронеслось въ скитѣ и достигло монастыря. Ближайшіе к
вопреставленному и кому слѣдовало по чину стали убира
древлему обряду тѣло его, а вся братія собралась въ соб
церковь. И еще до разсвѣта, какъ передавалось потом
слухамъ, вѣсть о новопреставленномъ достигла города. Ка
чуть не весь городъ говорилъ о событіи и множество гра
потекло въ монастырь. Но о семъ скажемъ въ слѣдующей
а теперь лишь прибавимъ впередъ, что не прошелъ еще
какъ совершилось нѣчто до того для всѣхъ неожиданное,
впечатлѣнію, произведенному въ средѣ монастыря и въ г
до того какъ-бы странное, тревожное и сбивчивое, что и д
поръ, послѣ столькихъ лѣтъ, сохраняется въ городѣ
самое живое воспоминаніе о томъ столь для многихъ
номъ днѣ...

Часть третья.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

АЛЕША.

I.

Тлетворный духъ.

ю усопшаго іеросхимонаха отца Зосимы приготовили къ
нію по установленному чину. Умершихъ монаховъ и
ковъ, какъ извѣстно, не омываютъ. «Егда кто отъ мо-
ко Господу отыдетъ (сказано въ Большомъ Требникѣ),
ненный монахъ (то есть для сего назначенный) отираетъ
го теплою водой, творя прежде губою (то есть гречес-
губкой) крестъ на челѣ скончавшагося, на персѣхъ, на
и на ногахъ и на колѣнахъ, вящше-же ничто-же». Все
исполнилъ надъ усопшимъ самъ отецъ Паисій. Послѣ оти-
одѣлъ его въ монашеское одѣяніе и обвилъ мантіею; для
ю правилу, нѣсколько разрѣзалъ ее, чтобъ обвить кресто-
. На голову надѣлъ ему куколь съ осьмиконечнымъ крес-
Куколь оставленъ былъ открытымъ, ликъ-же усопшаго
и чернымъ воздухомъ. Въ руки ему положили икону Спа-
Въ такомъ видѣ къ утру переложили его въ гробъ (уже
давно заготовленный). Гробъ-же вознамѣрились оста-
ь кельѣ (въ первой большой комнатѣ, въ той самой, въ
покойный старецъ принималъ братію и мірскихъ) на
нь. Такъ какъ усопшій по чину былъ іеросхимонахъ, то

ительными, — хотя и не ихъ однихъ можно было замѣ-
ъ этомъ-же смыслѣ. Инокъ обдорскій изо всѣхъ волно-
ся выдавался наиболѣе суетящимся; замѣтить его можно
всюду, во всѣхъ мѣстахъ: вездѣ онъ разспрашивалъ,
прислушивался, вездѣ шептался съ какимъ-то особеннымъ
веннымъ видомъ. Выраженіе-же лица имѣлъ самое нетер-
е и какъ-бы уже раздраженное тѣмъ, что ожидаемое столь
не совершается. А что до Ракитина, то тотъ, какъ она
потомъ, очутился столь рано въ скитѣ по особливому
нію госпожи Хохлаковой. Сія добрая, но безхарактерная
на, которая сама не могла быть допущена въ скитъ, чуть
проснулась и узнала о преставившемся, вдругъ проник-
лась стремительнымъ любопытствомъ, что немедленно отря-
мѣсто себя въ скитъ Ракитина, съ тѣмъ, чтобы тотъ
баводалъ и немедленно доносилъ ей письменно, примѣрно
ждые полчаса, о *всемъ что произойдетъ*. Ракитина-же
а она за самаго благочестиваго и вѣрующаго молодаго че-
— до того онъ умѣлъ со всѣми обойдтись и каждому
авиться сообразно съ желаніемъ того, если только усмат-
въ семъ малѣйшую для себя выгоду. День былъ ясный
лый, и изъ прибывшихъ богомольцевъ многіе толпились
скитскихъ могилъ, наиболѣе скученныхъ кругомъ храма,
какъ и разсыпанныхъ по всему скиту. Обходя скитъ, отецъ
вдругъ вспомянулъ объ Алешѣ и о томъ, что давно онъ
видѣлъ, съ самой почти ночи. И только что вспомнилъ
, какъ тотчасъ-же и примѣтилъ его въ самомъ отдален-
углу скита, у ограды, сидящаго на могильномъ камнѣ
древле почившаго и знаменитаго по подвигамъ своимъ
Онъ сидѣлъ спиной къ скиту, лицомъ къ оградѣ и
ы прятался за памятникъ. Подойдя вплоть, отецъ Паисій
ъ, что онъ, закрывъ обоими ладонями лицо, хотя и без-
, но горько плачетъ, сотрясаясь всѣмъ тѣломъ своимъ отъ
й. Отецъ Паисій постоялъ надъ нимъ нѣсколько.
Полно, сыне милый, полно, другъ, прочувствованно про-
онъ, наконецъ,—чего ты? Радуйся, а не плачь. Или не
, что сей день есть величайшій изъ дней *его*? Гдѣ онъ
въ минуту сію, вспомни-ка лишь о томъ!
ша взглянулъ было на него, открывъ свое распухшее отъ
какъ у малаго ребенка лицо, но тотчасъ-же, ни слова не
ивъ, отвернулся и снова закрылся обѣими ладонями.
А, пожалуй, что и такъ, произнесъ отецъ Паисій вдум-

на лѣдовало іеромонахамъ-же и іеродіаконамъ
не а Евангеліе. Началъ чтеніе, сейчасъ посл
, Іосифъ; отецъ-же Паисій, самъ пожелавшій
тъ весь день и всю ночь, пока еще былъ очень з
ченъ, вмѣстѣ съ отцомъ настоятелемъ скита, ибо
ало обнаруживаться, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе, и въ
тырской братіи, и въ прибывавшихъ изъ монастырскихъ
нищъ и изъ города толпами мірскихъ нѣчто необычай
кое-то неслыханное и «неподобающее» даже волненіе
пѣливое ожиданіе. И настоятель, и отецъ Паисій прилаг
старанія по возможности успокоить столь суетливо волну
Когда уже достаточно ободняло, то изъ города начали
вать нѣкоторые даже такіе, кои захватили съ собою бо
своихъ, особенно дѣтей,—точно ждали для сего наро
минуты, видимо уповая на немедленную силу исцѣленія
по вѣрѣ ихъ, не могла замедлить обнаружиться. И во
только обнаружилось, до какой степени всѣ у насъ пр
считать усопшаго старца, еще при жизни его, за несом
и великаго святаго. И между прибывающими были да
изъ одного лишь простонародья. Это великое ожиданіе
ищихъ, столь поспѣшно и обнаженно выказываемое и
нетерпѣніемъ и чуть не съ требованіемъ, казалось отцу
несомнѣннымъ соблазномъ, и хотя еще и задолго ни
чувствованнымъ, но на самомъ дѣлѣ превысившимъ е
данія. Встрѣчаясь со взволнованными изъ иноковъ, отец
сій сталъ даже выговаривать имъ: «Таковое и столь не
ное ожиданіе чего-то великаго», говорилъ онъ, «есть
мысліе, возможное лишь между свѣтскими, намъ-же
бающее». Но его мало слушали, и отецъ Паисій съ бо
ствомъ замѣчалъ это, не смотря на то, что даже и сам
ужь все вспоминать правдиво), хотя и возмущался сл
нетерпѣливыми ожиданіями и находилъ въ нихъ легком
суету, но потаенно про себя, въ глубинѣ души своей
почти того-же, чего и сіи взволнованные, въ чемъ самъ
могъ не сознаться. Тѣмъ не менѣе ему особенно непріят
иныя встрѣчи, возбуждавшія въ немъ, по нѣкоему предч
большія сомнѣнія. Въ тѣснившейся въ кельѣ усопшаг
замѣтилъ онъ съ отвращеніемъ душевнымъ (за котор
себя тутъ-же и попрекнулъ) присутствіе, напримѣръ, Ра
или далекаго гостя обдорскаго, инока, все еще пребывав
монастырѣ, и обоихъ ихъ отецъ Паисій вдругъ почему-т

ительными, — хотя и не ихъ однихъ можно было замѣ-
ъ этомъ-же смыслѣ. Инокъ обдорскій изо всѣхъ волно-
ся выдавался наиболѣе суетящимся; замѣтить его можно
всюду, во всѣхъ мѣстахъ: вездѣ онъ разспрашивалъ,
прислушивался, вездѣ шептался съ какимъ-то особеннымъ
веннымъ видомъ. Выраженіе-же лица имѣлъ самое нетер-
е и какъ-бы уже раздраженное тѣмъ, что ожидаемое столь
не совершается. А что до Ракитина, то тотъ, какъ она
потомъ, очутился столь рано въ скитѣ по особливому
нію госпожи Хохлаковой. Сія добрая, но безхарактерная
на, которая сама не могла быть допущена въ скитъ, чуть
проснулась и узнала о преставившемся, вдругъ проник-
ось стремительнымъ любопытствомъ, что немедленно отря-
мѣсто себя въ скитъ Ракитина, съ тѣмъ, чтобы тотъ
блюдалъ и немедленно доносилъ ей письменно, примѣрно
ждые полчаса, о *всемъ что произойдетъ*. Ракитина-же
а она за самаго благочестиваго и вѣрующаго молодаго че-
— до того онъ умѣлъ со всѣми обойдтись и каждому
ившться сообразно съ желаніемъ того, если только усмат-
въ семъ малѣйшую для себя выгоду. День былъ ясный
лый, и изъ прибывшихъ богомольцевъ многіе толпились
скитскихъ могилъ, наиболѣе скученныхъ кругомъ храма,
какъ и разсыпанныхъ по всему скиту. Обходя скитъ, отецъ
вдругъ вспомянулъ объ Алешѣ и о томъ, что давно онъ
видѣлъ, съ самой почти ночи. И только что вспомнилъ
, какъ тотчасъ-же и примѣтилъ его въ самомъ отдален-
углу скита, у ограды, сидящаго на могильномъ камнѣ
древле почившаго и знаменитаго по подвигамъ своимъ
Онъ сидѣлъ спиной къ скиту, лицомъ къ оградѣ и
ы прятался за памятникъ. Подойдя вплоть, отецъ Паисій
ъ, что онъ, закрывъ обоими ладонями лицо, хотя и без-
, но горько плачетъ, сотрясаясь всѣмъ тѣломъ своимъ отъ
й. Отецъ Паисій постоялъ надъ нимъ нѣсколько.
Полно, сыне милый, полно, другъ, прочувствованно про-
онъ, наконецъ,—чего ты? Радуйся, а не плачь. Или не
, что сей день есть величайшій изъ дней *его?* Гдѣ онъ
въ минуту сію, вспомни-ка лишь о томъ!
ша взглянулъ было на него, открывъ свое распухшее отъ
какъ у малаго ребенка лицо, но тотчасъ-же, ни слова не
явъ, отвернулся и снова закрылся обѣими ладонями.
А, пожалуй, что и такъ, произнесъ отецъ Паисій вдум-

луй, и плачь, Христосъ тебѣ эти слезы
ыя слезки твои лишь отдыхъ душевный и
да твоего милаго послужатъ», прибавилъ онъ
отходя отъ Алеши и любовно о немъ думая. Отош
емъ, поскорѣе, ибо почувствовалъ, что и самъ, г
дя на него, заплачетъ. Время между тѣмъ шло, мона
жбы и панихиды по усопшемъ продолжались въ
Отецъ Паисій снова замѣтилъ отца Іосифа у гроба
принялъ отъ него чтеніе Евангелія. Но еще не минуло
часовъ по полудни, какъ совершилось нѣчто, о чемъ уп
я еще въ концѣ прошлой книги, нѣчто до того никѣмъ
неожиданное и до того въ разрѣзъ всеобщему упован
повторяю, подробная и суетная повѣсть о семъ прои
даже до сихъ поръ съ чрезвычайною живостію вспомин
нашемъ городѣ и по всей нашей окрестности. Тутъ п
еще разъ отъ себя лично: мнѣ почти противно вспоми
этомъ суетномъ и соблазнительномъ событіи, въ сущ
самомъ пустомъ и естественномъ, и я, конечно, выпус
его въ разсказѣ моемъ вовсе безъ упоминовенія, если-бы
вліяло оно сильнѣйшимъ и извѣстнымъ образомъ на
сердце главнаго, *хотя и будущаго* героя разсказа моего
составивъ въ душѣ его какъ-бы переломъ и перевор
трясшій, но и укрѣпившій его разумъ уже окончате
всю жизнь и къ извѣстной цѣли.

Итакъ къ разсказу: Когда еще до свѣту положили у
ное къ погребенію тѣло старца во гробъ и вынесли его
вую, бывшую пріемную, комнату, то возникъ было м
ходившимися у гроба вопросъ: надо-ли отворить въ
окна? Но вопросъ сей, высказанный кѣмъ-то мимох
мелькомъ, остался безъ отвѣта и почти незамѣченнымъ
лишь замѣтили его, да и то про себя, нѣкоторые изъ
ствующихъ лишь въ томъ смыслѣ, что ожиданіе тлѣні
творнаго духа отъ тѣла такого почившаго есть сущая не
достойная даже сожалѣнія (если не усмѣшки), отно
малой вѣры и легкомыслія изрекшаго вопросъ сей. Ибо
совершенно противоположнаго. И вотъ, въ скорости п
лудня началось нѣчто, сначала принимаемое входившим
ходившими лишь молча и про себя и даже съ видимою
каждаго сообщить кому либо начинающую мысль свою
тремъ часамъ пополудни обнаружившееся уже столь яс
опровержимо, что извѣстіе о семъ мигомъ облетѣло ве

ь богомольцевъ-посѣтителей скита, тотчасъ-же проникло онастырь и повергло въ удивленіе всѣхъ монастырскихъ, ецъ, чрезъ самый малый срокъ, достигло и города и вало въ немъ всѣхъ, и вѣрующихъ и невѣрующихъ. ющіе возрадовались, а что до вѣрующихъ, то нашлись зъ нихъ возрадовавшіеся даже болѣе самихъ невѣрую- ибо «любятъ люди паденіе праведнаго и позоръ его», врекъ самъ покойный старецъ въ одномъ изъ поученій Дѣло въ томъ, что отъ гроба сталъ исходить мало по о чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе замѣчаемый тлетворный духъ, ъ-же часамъ пополудни уже слишкомъ явственно обна- йся и все постепенно усиливавшійся. И давно уже не и даже припомнить невозможно было изъ всей прошлой монастыря нашего такого соблазна, грубо разнузданнаго, ругомъ какомъ случаѣ такъ даже и невозможнаго, какой кился тотчасъ-же вслѣдъ за симъ событіемъ между самими ноками. Потомъ уже, и послѣ многихъ даже лѣтъ, иные ые иноки наши, припоминая весь тотъ день въ подробно- являлись и ужасались тому, какимъ это образомъ соблазнъ остигнуть тогда такой степени. Ибо и прежде сего случа- го умирали иноки весьма праведной жизни и праведность была у всѣхъ на виду, старцы богобоязненные, а между отъ ихъ смиренныхъ гробовъ исходилъ духъ тлетворный, енно какъ и у всѣхъ мертвецовъ появившійся, но сіе не одило-же соблазна, и даже малѣйшаго какого-либо волне- нечно, были нѣкіе и у насъ изъ древле преставившихся, инаніе о коихъ сохранилось еще живо въ монастырѣ, и коихъ, по преданію, не обнаружили тлѣнія, что умили- и таинственно повліяло на братію и сохранилось въ па- и, какъ нѣчто благолѣпное и чудесное и какъ обѣтованіе ущемъ еще бо́льшей славы отъ ихъ гробницъ, если только Божіей придетъ тому время. Изъ таковыхъ особенно со- ась память о дожившемъ до ста пяти лѣтъ старцѣ Іовѣ, итомъ подвижникѣ, великомъ постникѣ и молчальникѣ, ившемся уже давно, еще въ десятыхъ годахъ нынѣшняго я, и могилу котораго съ особымъ и чрезвычайнымъ ува- ь показывали всѣмъ впервые прибывающимъ богомольцамъ, енно упоминая при семъ о нѣкіихъ великихъ надеждахъ. самая могила, на которой отецъ Паисій засталъ утромъ мъ Алешу). Кромѣ сего древле-почившаго старца, жива ковая-же память и о преставившемся сравнительно уже

недавно великомъ отцѣ іеросхимонахѣ, старцѣ Варсонофіи, —
самомъ, отъ котораго отецъ Зосима и принялъ старчество,
котораго, при жизни его, всѣ приходившіе въ монастырь
мольцы считали прямо за юродиваго. О сихъ обоихъ сохр
въ преданіи, что лежали они въ гробахъ своихъ какъ
и погребены были совсѣмъ нетлѣнными и что даже ли
какъ-бы просвѣтлѣли въ гробу. А нѣкіе такъ даже всп
настоятельно, что отъ тѣлесъ ихъ ощущалось явственно б
уханіе. Но не смотря даже и на столь внушительныя вос
нанія сіи, все-же трудно было-бы объяснить ту прямую пр
по которой у гроба старца Зосимы могло произойдти столь л
мысленное, нелѣпое и злобное явленіе. Что до меня лич
полагаю, что тутъ одновременно сошлось и много другаго, м
разныхъ причинъ за-одно повліявшихъ. Изъ таковыхъ, на
мѣръ, была даже самая эта закоренѣлая вражда къ стар
какъ къ зловредному новшеству, глубоко таившаяся въ м
стырѣ, въ умахъ еще многихъ иноковъ. А потомъ, конечн
главное, была зависть къ святости усопшаго, столь сил
установившейся при жизни его, что и возражать какъ б
было воспрещено. Ибо хотя покойный старецъ и привлекъ
себѣ многихъ, и не столько чудесами, сколько любовью, и в
двигъ кругомъ себя какъ-бы цѣлый міръ его любящихъ, т
не менѣе, и даже тѣмъ болѣе, симъ-же самымъ породилъ
себѣ и завистниковъ, а вслѣдъ затѣмъ и ожесточенныхъ враг
и явныхъ, и тайныхъ, и не только между монастырскими,
даже и между свѣтскими. Никому-то, напримѣръ, онъ не сдѣл
вреда, но вотъ: «Зачѣмъ-де его считаютъ столь святымъ?»
одинъ лишь сей вопросъ, повторяясь постепенно, породи
наконецъ, цѣлую бездну самой ненасытимой злобы. Вотъ поч
и думаю я, что многіе, заслышавъ тлетворный духъ отъ тѣ
его, да еще въ такой скорости, — ибо не прошло еще и дн
смерти его, — были безмѣрно обрадованы; равно какъ и
преданныхъ старцу и доселѣ чтившихъ его, нашлись тотчасъ
таковые, что были симъ событіемъ чуть не оскорблены
обижены лично. Постепенность же дѣла происходила слѣду
образомъ.

Лишь только начало обнаруживаться тлѣніе, то уже по одн
виду входившихъ въ келью усопшаго иноковъ можно было
ключить, зачѣмъ они приходятъ. Войдетъ, постоитъ недолго
выходитъ подтвердить скорѣе вѣсть другимъ, толпою ожи
давшихъ вовнѣ. Иные изъ сихъ ожидавшихъ скорбно покивали гл

; но другіе даже и скрывать уже не хотѣли своей радости, сіявшей въ озлобленныхъ взорахъ ихъ. И никто-то ихъ не лъ болѣе, никто-то добраго гласа не подымалъ, что̀ было и чудно, ибо преданныхъ усопшему старцу было въ мо-рѣ все-же большинство: но ужь такъ видно самъ Господь стилъ, чтобы на сей разъ меньшинство временно одержало . Въ скорости стали являться въ келью такими-же соглядa- и свѣтскіе, болѣе изъ образованныхъ посѣтителей. Простаго-роду входило мало, хотя и столпилось много его у воротъ ихъ. Несомнѣнно то, что именно послѣ трехъ часовъ, въ посѣтителей свѣтскихъ весьма усилился, и именно ствіе соблазнительнаго извѣстія. Тѣ, кои-бы, можетъ, и не ли въ сей день вовсе, и не располагали прибыть, теперь но пріѣхали; между ними нѣкоторыя значительнаго чина . Впрочемъ, благочиніе наружно еще не нарушалось, и Паисій твердо и раздѣльно, съ лицомъ строгимъ, продол- читать Евангеліе въ голосъ, какъ-бы не замѣчая совер-агося, хотя давно уже замѣтилъ нѣчто необычайное. Но и до него стали достигать голоса, сперва весьма тихіе, но енно твердѣвшіе и ободрявшіеся. «Знать судъ-то Божій о что̀ человѣческій!» заслышалъ вдругъ отецъ Паисій. Вы-лъ сіе первѣе всѣхъ одинъ свѣтскій, городской чиновникъ, вѣкъ уже пожилой и сколь извѣстно было о немъ весьма жный, но, вымолвивъ вслухъ, повторилъ лишь то, что̀ давно жъ себя повторяли иноки другъ другу на ухо. Тѣ давно вымолвили сіе безнадежное слово, и хуже всего было то, съ каждою почти минутой обнаруживалось и возрастало при словѣ нѣкое торжество. Вскорѣ, однако, и самое даже чиніе начало нарушаться и вотъ точно всѣ почувствовали въ какомъ-то даже правѣ его нарушить. «И почему-бы *сіе* случиться», говорили нѣкоторые изъ иноковъ, сначала -бы и сожалѣя, — «тѣло имѣлъ не великое, сухое, къ ко- присохшее, откуда-бы тутъ духу быть?» «Значитъ, на- хотѣлъ Богъ указать», поспѣшно прибавляли другіе и ихъ принималось безспорно и тотчасъ-же, ибо опять-таки вали, что если-бъ и быть духу естественно, какъ отъ вся- усопшаго грѣшнаго, то все-же изошелъ-бы позднѣе, не съ столь явною поспѣшностью, по крайности, чрезъ сутки- «этотъ естество предупредилъ», стало быть, тутъ никто Богъ и нарочитый перстъ Его. Указать хотѣлъ. Сужденіе оражало неотразимо. Кроткій отецъ іеромонахъ Іосифъ

библіотекарь, любимецъ покойнаго, сталъ было возра
которымъ изъ злословниковъ, что «не вездѣ вѣдь это
и что не догматъ-же какой въ православіи, сія необх
нетлѣнія тѣлесъ праведниковъ, а лишь мнѣніе, и что въ
даже православныхъ странахъ, на Аѳонѣ, напримѣръ,
тлетворнымъ не столь смущаются, и не нетлѣніе тѣлес
тается тамъ главнымъ признакомъ прославленія спасен
цвѣтъ костей ихъ, когда тѣлеса ихъ полежатъ уже мно
въ землѣ и даже истлѣютъ въ ней, и «если обрящутс
желты какъ воскъ, то вотъ и главнѣйшій знакъ, что про
Господь усопшаго праведнаго; если же не желты, а чер
щутся, то значитъ не удостоилъ такого Господь славы,
какъ на Аѳонѣ, мѣстѣ великомъ, гдѣ издревле нерушим
свѣтлѣйшей чистотѣ сохраняется православіе», заключи
Іосифъ. Но рѣчи смиреннаго отца пронеслись безъ вну
даже вызвали отпоръ насмѣшливый: «это все ученост
шества, нечего и слушать»—порѣшили про себя иноки.
по старому; мали-ли новшествъ теперь выходитъ, всѣм
ражать?» прибавляли другіе. «У насъ не менѣе ихняго
отцовъ было. Они тамъ подъ туркой сидятъ и все пер
У нихъ и православіе давно замутилось, да и колоколов
нѣтъ», присоединяли самые насмѣшливые. Отецъ Іосиф
шелъ съ горестію, тѣмъ болѣе, что и самъ-то высказа
мнѣніе не весьма твердо, а какъ-бы и самъ ему мало в
со смущеніемъ провидѣлъ, что начинается нѣчто очень
видное и что возвышаетъ главу даже самое непослушан
по малу, вслѣдъ за отцомъ Іосифомъ, затихли и всѣ
разсудительные. И какъ-то такъ сошлось, что всѣ л
покойнаго старца и съ умиленнымъ послушаніемъ прин
установленіе старчества, страшно чего-то вдругъ испуга
встрѣчаясь другъ съ другомъ, робко лишь заглядывал
другому въ лицо. Враги-же старчества, яко новшества
подняли голову. «Отъ покойнаго старца Варсонофія не
духу не было, но точилось благоуханіе», злорадно нап
они, «но не старчествомъ заслужилъ, а тѣмъ, что и са
веденъ былъ». А вслѣдъ за симъ на новопреставившагося
посыпались уже осужденія и самыя даже обвиненія: «
ведливо училъ; училъ, что жизнь есть великая радост
смиреніе слезное», говорили одни, изъ наиболѣе безтол
«По модному вѣровалъ, огня матеріальнаго во адѣ не
валъ»—присоединяли другіе еще тѣхъ безтолковѣе. «К

не строгъ, сладости себѣ разрѣшалъ, варенiе вишневое
ст, чаемъ, очень любилъ, барыни ему присылали. Схимнику-
распивать?» слышалось отъ иныхъ завистующихъ.
гордясь сидѣлъ, съ жестокостью припоминали самые зло-
—за святаго себя почиталъ, на колѣнки предъ нимъ
лись, яко должное ему принималъ». «Таинствомъ исповѣди
потреблялъ», злобнымъ шепотомъ прибавляли самые ярые
ники старчества, и это даже изъ самыхъ старѣйшихъ и
ыхъ въ богомольи своемъ иноковъ, истинныхъ постниковъ
альниковъ, замолчавшихъ при жизни усопшаго, но вдругъ
отверзшихъ уста свои, что было уже ужасно, ибо сильно
словеса ихъ на молодыхъ и еще неустановившихся ино-
Весьма выслушивалъ все сiе и обдорскiй гость, монашекъ
святаго Сильвестра, глубоко воздыхая и покивая главою:
, видно отецъ-то Ѳерапонтъ справедливо вчера судилъ»,
ывалъ онъ про себя, а тутъ какъ разъ и показался отецъ
понтъ; какъ-бы именно чтобъ усугубить потрясенiе вышелъ.
помянулъ уже я прежде, что выходилъ онъ изъ своей дере-
ой келiйки на пасѣкѣ рѣдко, даже въ церковь по-долгу не
лся и что попущали ему это якобы юродивому, не связывая
правиломъ общимъ для всѣхъ. Но если сказать по всей
ѣ, то попущалось ему все сiе даже и по нѣкоторой необходи-
. Ибо столь великаго постника и молчальника, дни и ночи
шагося (даже и засыпалъ на колѣнкахъ стоя), какъ-то даже
ворно было настоятельно обременять общимъ уставомъ, если
самъ не хотѣлъ подчиниться. «Онъ и всѣхъ-то насъ святѣе и
иняетъ труднѣйшее чѣмъ по уставу», сказали-бы тогда
, «а что въ церковь не ходитъ, то, значитъ, самъ знаетъ
ему ходить, у него свой уставъ». Ради сего-то вѣроятнаго
а и соблазна и оставляли отца Ѳерапонта въ покоѣ. Старца
ну, какъ уже и всѣмъ извѣстно было сiе, не любилъ отецъ
понтъ чрезвычайно; и вотъ и къ нему въ его келiйку до-
сь вдругъ вѣсть о томъ, что «судъ-то Божiй, значитъ, не
что у человѣковъ, и что естество даже предупредилъ». Надо
гать, что изъ первыхъ сбѣгалъ ему передать извѣстiе обдор-
гость, вчера посѣщавшiй его и во ужасѣ отъ него вчера
шiй. Упомянулъ я тоже, что отецъ Паисiй, твердо и незыб-
— стоявшiй и читавшiй надъ гробомъ, хотя и не могъ слышать
ѣть что происходило внѣ кельи, но въ сердцѣ своемъ все
е безошибочно предугадалъ, ибо зналъ среду свою насквозь.
ъ-же не былъ, а ожидалъ всего что еще могло произойдти

пронзающимъ взглядомъ слѣдя за будущим
, уже представлявшимся умственному взо
ь необычайный и уже явно нарушавшій бла
въ сѣняхъ поразилъ слухъ его. Дверь отворилась
порогѣ показался отецъ Ѳерапонтъ. За нимъ, какъ
ь, и даже ясно было видно изъ кельи, столпилось
крылечка много монаховъ, сопровождавшихъ его, а между
свѣтскихъ. Сопровождавшіе, однако, не вошли, и на крыл
поднялись, но, остановясь, ждали что скажетъ и сдѣлает
Ѳерапонтъ далѣе, ибо предчувствовали они, и даже съ нѣко
страхомъ, не смотря на все дерзновеніе свое, что пришелъ
даромъ. Остановясь на порогѣ, отецъ Ѳерапонтъ воздѣлъ
изъ подъ правой руки его выглянули острые и любо
глазки обдорскаго гостя, единаго не утерпѣвшаго и взбѣж
во слѣдъ отцу Ѳерапонту по лѣсенкѣ изъ-за превеликаг
любопытства. Прочіе-же кромѣ него, только что съ шумом
рилась настежъ дверь, напротивъ, потѣснились еще болѣе
отъ внезапнаго страха. Поднявъ руки горѣ, отецъ Ѳер
вдругъ завопилъ:

— Извергая извергну! и тотчасъ-же началъ, обращ
всѣ четыре стороны попеременно, крестить стѣны и всѣ
угла кельи рукой. Это дѣйствіе отца Ѳерапонта тотчасъ-же
сопровождавшіе его; ибо знали, что и всегда такъ дѣлалъ
входилъ, и что и не сядетъ и слова не скажетъ, прежде
изгонитъ нечистую силу.

— Сатана, изыди, сатана, изыди! повторялъ онъ съ к
крестомъ. — Извергая извергну! возопилъ онъ опять.
онъ въ своей грубой рясѣ, подпоясанный вервіемъ. И
посконной рубахи выглядывала обнаженная грудь его,
шая сѣдыми волосами. Ноги-же совсѣмъ были босы. Какъ
сталъ онъ махать руками, стали сотрясаться и звенѣ
стокія вериги, которыя носилъ онъ подъ рясой. Отецъ
прервалъ чтеніе, выступилъ впередъ и сталъ предъ н
ожиданіи.

— Почто пришелъ, честный отче? Почто благочинію
шаешь? Почто стадо смиренное возмущаешь? проговорил
наконецъ, строго смотря на него.

— Чесо ради пришелъ еси? Чесо просиши? Како вѣ
прокричалъ отецъ Ѳерапонтъ, юродствуя, — притекъ здѣ
вашихъ гостей изгонять, чертей поганыхъ. Смотрю, много-
безъ меня накопили. Вѣникомъ ихъ березовымъ вымести

Нечистаго изгоняешь, а, можетъ, самъ ему-же и служишь, [illegible]ненно продолжалъ отецъ Паисій,—и кто про себя сказать [illegible]ъ: «святъ есть?» Не ты-ли, отче?

Погань есмь, а не святъ. Въ кресла не сяду и не восхощу [illegible]ки идолу, поклоненія! загремѣлъ отецъ Ѳерапонтъ.—Нынѣ вѣру святую губятъ. Покойникъ, святой-то вашъ,—оберъ-онъ къ толпѣ, указывая перстомъ на гробъ,—чертей отъ[illegible]ъ. Пурганцу отъ чертей давалъ. Вотъ они и развелись у [illegible]какъ пауки по угламъ. А днесь и самъ провонялъ. Въ семъ [illegible]ие Господне великое видимъ.

Это и дѣйствительно однажды такъ случилось при жизни [illegible]осимы. Единому отъ иноковъ стала сниться, а подъ конецъ [illegible]ну представляться нечистая сила. Когда-же онъ, въ вели-[illegible]мъ страхѣ, открылъ сіе старцу, тотъ посовѣтовалъ ему не-[illegible]нную молитву и усиленный постъ. Но когда и это не по-[illegible]посовѣтовалъ, не оставляя поста и молитвы, принять од-[illegible]ѣкарства. О семъ многіе тогда соблазнялись и говорили межъ [illegible]покивая главами,—пуще-же всѣхъ отецъ Ѳерапонтъ, кото-[illegible]готчасъ-же тогда поспѣшили передать нѣкоторые хулители [illegible]ь «необычайномъ» въ такомъ особливомъ случаѣ распоря-[illegible]старца.

Изыди, отче! повелительно произнесъ отецъ Паисій:—не [illegible]ки судятъ, а Богъ. Можетъ, здѣсь «указаніе» видимъ [illegible]коего не въ силахъ понять ни ты, ни я и никто. Изыди, [illegible]и стадо не возмущай! повторилъ онъ настойчиво.

Постовъ не содержалъ по чину схимы своей, потому и [illegible]не вышло. Сіе ясно есть, а скрывать грѣхъ! не унимался [illegible]вшійся во рвеніи своемъ не по разуму изувѣръ.—Кан-[illegible]прельщался, барыни ему въ карманахъ привозили, ча-[illegible]надобился, чреву жертвовалъ, сладостями его наполняя, [illegible]помышленіемъ надменнымъ... Потому и срамъ потер-

Легкомысленны словеса твои, отче! возвысилъ голосъ и [illegible]Паисій,—посту и подвижничеству твоему удивляюсь, но [illegible]мысленны словеса твои, якобы изрекъ юноша въ міру, непо-[illegible]ный и младоумный. Изыди-же, отче, повелѣваю тебѣ, про-[illegible]ъ въ заключеніе отецъ Паисій.

Я-то изыду! проговорилъ отецъ Ѳерапонтъ, какъ-бы нѣ-[illegible]р и смутившись, но не покидая озлобленія своего,—учи-[illegible]ы! Отъ большаго разума вознеслись надъ моимъ ничтоже-[illegible]ъ. Притекъ я сюда малограмотенъ, а здѣсь что и зналъ за-

былъ, самъ Господь Богъ отъ премудрости вашей меня малень защитилъ...

Отецъ Паисій стоялъ надъ нимъ и ждалъ съ твердостью. От Ѳерапонтъ помолчалъ и вдругъ, пригорюнившись и прилож правую ладонь къ щекѣ, произнесъ нараспѣвъ, взирая на д усопшаго старца.

— Надъ нимъ заутра «Помощника и Покровителя» стан пѣть—канонъ преславный, а надо мною, когда подохну, вс то лишь «Кая житейская сладость»—стихирчикъ малый *), и говорилъ онъ слезно и сожалительно.—Возгордились и возн лись, пусто мѣсто сіе! завопилъ онъ вдругъ какъ безумный и нувъ рукою, быстро повернулся и быстро сошелъ по ступенька съ крылечка внизъ. Ожидавшая внизу толпа заколебалась; н пошли за нимъ тотчасъ-же, но иные замедлили, ибо кель еще была отперта, а отецъ Паисій, выйдя вслѣдъ за отцом рапонтомъ на крылечко, стоя наблюдалъ. Но расходившійся рикъ еще не окончилъ всего: отойдя шаговъ двадцать, онъ вд обратился въ сторону заходящаго солнца, воздѣлъ надъ го обѣ руки и,—какъ-бы кто подкосилъ его,—рухнулся на зе съ превеликимъ крикомъ:

Мой Господь побѣдилъ! Христосъ побѣдилъ захо солнцу! неистово прокричалъ онъ, воздѣвая къ солнцу ру павъ лицомъ ницъ на землю, зарыдалъ въ голосъ, какъ м дитя, весь сотрясаясь отъ слезъ своихъ и распростирая по руки. Тутъ ужь всѣ бросились къ нему, раздались восклиц отвѣтное рыданіе... Изступленіе какое-то всѣхъ обуяло.

— Вотъ кто святъ! Вотъ кто праведенъ! раздавались возг уже не боязненно,—вотъ кому въ старцахъ сидѣть, прибав другіе уже озлобленно.

— Не сядетъ онъ въ старцахъ... Самъ отвергнетъ... не служитъ проклятому новшеству... не станетъ ихнимъ дурачест подражать, тотчасъ-же подхватили другіе голоса, и до чег это дошло, трудно и представить себѣ, но какъ разъ ударил ту минуту колоколъ, призывая къ службѣ. Всѣ вдругъ стали ститься. Поднялся и отецъ Ѳерапонтъ и, ограждая себя кресн знаменіемъ, пошелъ къ своей кельѣ, не оглядываясь, все еще

*) При выносѣ тѣла (изъ келіи въ церковь и послѣ отпѣ изъ церкви на кладбище) монаха и схимонаха, поется ст «Кая житейская сладость»... Если-же почившій былъ іеросх хомъ, то поютъ канонъ «Помощникъ и Покровитель»...

кая восклицать, но уже нѣчто совсѣмъ несвязное. За нимъ
ли было нѣкоторые, въ маломъ числѣ, но большинство стало
одиться, поспѣшая къ службѣ. Отецъ Паисій передалъ чтеніе
Іосифу и сошелъ внизъ. Изступленными кликами изувѣровъ
поколебаться не могъ, но сердце его вдругъ загрустило и
ковало о чемъ-то особливо, и онъ почувствовалъ это. Онъ
вился и вдругъ спросилъ себя: «Отчего сія грусть моя даже
адна духа?» и съ удивленіемъ постигъ тотчасъ-же, что сія
нная грусть его происходитъ, повидимому, отъ самой малой
ливой причины: дѣло въ томъ, что въ толпѣ, тѣснившейся
у входа въ келью, запримѣтилъ онъ между прочими вол-
шагося и Алешу, и вспомнилъ онъ, что, увидавъ его, тотчасъ-
чувствовалъ тогда въ сердцѣ своемъ какъ-бы нѣкую боль.
ужто-же сей младый столь много значитъ нынѣ въ сердцѣ
?» вдругъ съ удивленіемъ вопросилъ онъ себя. Въ эту
у Алеша какъ разъ проходилъ мимо него, какъ-бы поспѣшая
то, но не въ сторону храма. Взоры ихъ встрѣтились. Алеша
ро отвелъ свои глаза и опустилъ ихъ въ землю, и уже по од-
виду юноши отецъ Паисій догадался, какая въ минуту сію
сходитъ въ немъ сильная перемѣна.

— Или и ты соблазнился? воскликнулъ вдругъ отецъ
ій,—да неужто-же и ты съ маловѣрными! прибавилъ онъ
тно.

Алеша остановился и какъ-то неопредѣленно взглянулъ на
Паисія, но снова быстро отвелъ глаза и снова опустилъ ихъ
землѣ. Стоялъ-же бокомъ и не повернулся лицомъ къ вопро-
ему. Отецъ Паисій наблюдалъ внимательно.

— Куда-же поспѣшаешь? Къ службѣ благовѣстятъ, вопросилъ
новь, но Алеша опять отвѣта не далъ.

— Али изъ скита уходишь? Какъ-же не спросясь-то, не
словясь?

Алеша вдругъ криво усмѣхнулся, странно, очень странно
ялъ на вопрошавшаго отца свои очи, на того, кому ввѣрилъ
умирая, бывшій руководитель его, бывшій владыка сердца
его, возлюбленный старецъ его, и вдругъ, все по прежнему,
отвѣта, махнувъ рукой, какъ-бы не заботясь даже и о почти-
сти, и быстрыми шагами пошелъ къ выходнымъ вратамъ
изъ скита.

Возвратишься еще! прошепталъ отецъ Паисій, смотря во
ему съ горестнымъ удивленіемъ.

II.

Такая минутка.

Отецъ Паисій, конечно, не ошибся, рѣшивъ, что его «мальчикъ» снова воротится, и даже, можетъ быть (хотя и вполнѣ, но все-же прозорливо), проникъ въ истинный смыслъ душевнаго настроенія Алеши. Тѣмъ не менѣе, признаюсь откровенно, что самому мнѣ очень было-бы трудно теперь передать ясно точный смыслъ этой странной и неопредѣленной минуты жизни столь излюбленнаго мною и столь еще юнаго героя моего разсказа. На горестный вопросъ отца Паисія, устремленный на Алешѣ: «Или и ты съ маловѣрными?»—я, конечно, могъ-бы съ твердостью отвѣтить за Алешу: «Нѣтъ, онъ не съ маловѣрными». Мало того, тутъ было даже совсѣмъ противоположное: все смущеніе его произошло именно оттого, что онъ не повѣровалъ. Но смущеніе все-же было, все-же произошло и было столь мучительно, что даже и потомъ, уже долго спустя, Алеша считалъ этотъ горестный день однимъ изъ самыхъ тягостныхъ и роковыхъ дней своей жизни. Если-же спросятъ прямо: «Неужели-же вся эта тоска и такая тревога могли въ немъ произойдти лишь потому, что тѣло его старца, вмѣсто того чтобы немедленно начать производить исцѣленія, подверглось, напротивъ того, раннему тлѣнію»,—то отвѣчу на это не обинуясь: «Да, дѣйствительно было такъ». Попросилъ-бы только читателя не спѣшить еще слишкомъ смѣяться надъ чистымъ сердцемъ моего юноши. Самъ-же я не только не намѣренъ просить у него прощенія, или извинять и оправдывать простодушную его вѣру, его юнымъ возрастомъ, напримѣръ, или малыми успѣхами въ пройденныхъ имъ прежде наукахъ и пр., и пр., но сдѣлаю даже напротивъ и твердо заявлю, что чувствую искреннее уваженіе къ природѣ сердца его. Безъ сомнѣнія, иной юноша, принимающій впечатлѣнія сердечныя осторожно, уже умѣющій любить не горячо, а лишь тепло, съ умомъ хотя и вѣрнымъ, но слишкомъ ужь, судя по возрасту, разсудительнымъ (а потому и дешевымъ), такой юноша, говорю я, избѣгъ-бы того, что случилось съ моимъ юношей, но въ иныхъ случаяхъ, право, предпочтеннѣе поддаться иному увлеченію, хотя-бы и неразумному, но все-же отъ великой любви происшедшему, чѣмъ вовсе не поддаться ему. А въ юности тѣмъ паче, ибо неблагонадежно

жъ постоянно разсудительный юноша и дешева цѣна
мое мнѣніе! «Но, — воскликнутъ тутъ, пожалуй,
оди,—нельзя-же всякому юношѣ вѣровать въ такой
ъ и вашъ юноша не указъ остальнымъ». На это я
ь-таки: да, мой юноша вѣровалъ, вѣровалъ свято и
о я всетаки не прошу за него прощенія.
и: хотъ я и заявилъ выше (и, можетъ быть, слишно), что объясняться, извиняться и оправдывать
не стану, но вижу, что нѣчто все-же необходимо
дальнѣйшаго пониманія разсказа. Вотъ что скажу:
чтобы чудеса. Не легкомысленное въ своемъ нетертутъ ожиданіе чудесъ. И не для торжества убѣжь-либо понадобились тогда чудеса Алешѣ (это-то уже
не для идеи какой либо прежней, предвзятой, кости торжествовала поскорѣй надъ другою, — о, нѣтъ,
ъ: тутъ во всемъ этомъ и прежде всего, на первомъ
о предъ нимъ лицо, и только лицо, — лицо возстарца его, лицо того праведника, котораго онъ до
анія чтилъ. То-то и есть, что вся любовь, таившаяся
, и чистомъ сердцѣ его ко «всѣмъ и вся», въ то
весь предшествовавшій тому годъ, какъ-бы вся вреедоточивалась, и, можетъ быть, даже неправильно,
юмъ существѣ преимущественно, по крайней мѣрѣ,
ихъ порывахъ сердца его, — на возлюбленномъ
теперь почившемъ. Правда, это существо столь долго
ь нимъ какъ идеалъ безспорный, что всѣ юныя силы
гремленіе ихъ и не могли уже не направиться къ
у исключительно, а минутами такъ даже и до забве-
и вся». (Онъ вспоминалъ потомъ самъ, что въ тя-
этотъ забылъ совсѣмъ о братѣ Дмитріи, о которомъ
ися и тосковалъ наканунѣ; забылъ тоже снести отцу
вѣсти рублей, что съ такимъ жаромъ намѣревался
оже наканунѣ). Но не чудесъ опять таки ему нужно
ь «высшей справедливости», которая была, по вѣ-
нарушена и чѣмъ такъ жестоко и внезапно было
рдце его. И что въ томъ, что «справедливость» эта,
хъ Алеши, самимъ даже ходомъ дѣла, приняла форму
едленно ожидаемыхъ отъ праха обожаемаго имъ
оводителя его? Но вѣдь такъ мыслили и ожидали и
стырѣ, тѣ даже, предъ умомъ которыхъ преклонялся
, отецъ Паисій, напримѣръ, и вотъ Алеша, не тревожа

сомнѣніями, облекъ и свои мечты въ ту-же
ѣ облекли. Да и давно уже это такъ устроил
его, цѣлымъ годомъ монастырской жизни его, и серд
о уже привычку такъ ожидать. Но справедливости жал
ведливости, а не токмо лишь чудесъ! И вотъ тотъ, ко
женъ-бы былъ, по упованіямъ его, быть вознесенъ пре
ъ въ цѣломъ мірѣ,—тотъ самый, вмѣсто славы ему
ей, вдругъ низверженъ и опозоренъ! За что? Кто су
кто могъ такъ разс ь—вотъ вопросы, которые тотча
измучили неопытное и дѣвственное сердце его. Не могъ он
нести безъ оскорбленія, безъ озлобленія даже сердечнаго
праведнѣйшій изъ праведныхъ преданъ на такое насмѣшли
злобное глумленіе столь легкомысленной и столь ниже его
явшей толпѣ. Ну, и пусть-бы не было чудесъ вовсе, пус
ничего не объявилось чуднаго и не оправдалось немед
ожидаемое, — но зачѣмъ-же объявилось безславіе, зачѣм
пустился позоръ, зачѣмъ это поспѣшное тлѣніе, «предупреди
естество», калъ говорили злобные монахи? Зачѣмъ это «у
ніе», которое они съ такимъ торжествомъ выводятъ т
вмѣстѣ съ отцомъ Ѳерапонтомъ, и зачѣмъ они вѣрятъ, чт
лучили даже право такъ выводить? Гдѣ-же Провидѣніе и п
Его? Къ чему сокрыло Оно Свой перстъ «въ самую нужну
нуту» (думалъ Алеша) и какъ-бы само захотѣло подчинить
слѣпымъ, нѣмымъ, безжалостнымъ законамъ естественны

Вотъ отчего точилось кровью сердце Алеши, и ужь, и
но, какъ я сказалъ уже, прежде всего тутъ стояло лицо
любленное имъ болѣе всего въ мірѣ и оно-же «опозорен
оно-же и «обезславленное!» Пусть этотъ ропотъ юноши
былъ легкомысленъ и безразсуденъ, но опять-таки, въ
разъ повторяю (и согласенъ впередъ, что, можетъ быть,
съ легкомыслiемъ): я радъ, что мой юноша оказался не
разсудительнымъ въ такую минуту, ибо разсудку всегда
детъ время у человѣка неглупаго, а если ужь и въ
исключительную минуту не окажется любви въ сердцѣ
то когда-же придетъ она? Не захочу, однако-же, умолчать
семъ случаѣ и о нѣкоторомъ странномъ явленіи, хотя и
венно, но все-же обнаружившемся въ эту роковую и сбив
для Алеши минуту въ умѣ его. Это новое объявившееся и
кнувшее *нѣчто* состояло въ нѣкоторомъ мучительномъ в
тлѣніи отъ неустанно припоминавшагося теперь Алешей
няго его разговора съ братомъ Иваномъ. Именно т

тобы что-нибудь было поколеблено въ душѣ его изъ основ-
ъ, стихійныхъ, такъ сказать, ея вѣрованій. Бога своего онъ
лъ и вѣровалъ въ Него незыблемо, хотя и возропталъ было
его внезапно. Но все-же какое-то смутное, но мучительное
ое впечатлѣніе отъ припоминанія вчерашняго разговора съ
омъ Иваномъ вдругъ теперь снова зашевелилось въ душѣ
и все болѣе и болѣе просилось выйдти на верхъ ея. Когда
стало сильно смеркаться, проходившій сосновою рощей изъ
къ монастырю Ракитинъ вдругъ замѣтилъ Алешу, лежав-
подъ деревомъ, лицомъ къ землѣ, недвижимаго и какъ-бы
аго. Онъ подошелъ и окликнулъ его.

— Ты здѣсь, Алексѣй? Да неужто-же ты... произнесъ было
удивленный, но, не докончивъ, остановился. Онъ хотѣлъ
ть: «неужто-же ты *до того дошелъ?*» Алеша не взглянулъ
его, но по нѣкоторому движенію его Ракитинъ сейчасъ до-
лся, что онъ его слышитъ и понимаетъ.

— Да что̀ съ тобой? продолжалъ онъ удивляться, но удив-
е уже начало смѣняться въ лицѣ его улыбкой, принимавшею
болѣе и болѣе насмѣшливое выраженіе.

— Послушай, да вѣдь я тебя ищу уже больше двухъ ча-
ъ. Ты вдругъ пропалъ оттудова. Да что̀ ты тутъ дѣлаешь?
ія это съ тобой благоглупости? Да взгляни хоть на ме-
го...

Алеша поднялъ голову, сѣлъ и прислонился спиной къ де-
у. Онъ не плакалъ, но лицо его выражало страданіе, а во
рѣ виднѣлось раздраженіе. Смотрѣлъ онъ, впрочемъ, не на
итина, а куда-то въ сторону.

— Знаешь, ты совсѣмъ перемѣнился въ лицѣ. Никакой этой
гости прежней пресловутой твоей нѣтъ. Осердился на кого,
ли? Обидѣли?

— Отстань! проговорилъ вдругъ Алеша, все по прежнему
глядя на него и устало махнувъ рукой.

— Ого, вотъ мы какъ! Совсѣмъ какъ и прочіе смертные
и покрикивать. Это изъ ангеловъ-то! Ну, Алешка, удивилъ
меня, знаешь ты это, искренно говорю. Давно я ничему
ъ не удивляюсь. Вѣдь я все-же тебя за образованнаго че-
ка почиталъ...

Алеша, наконецъ, поглядѣлъ на него, но какъ-то разсѣянно,
о все еще мало его понимая.

— Да неужель ты только оттого, что твой старикъ прово-
Да неужели-же ты вѣрилъ серьезно, что онъ чудеса отма-

ъ? воскликнулъ Ракитинъ, опять переходя
изумленіе.

— ...лъ, вѣрую и хочу вѣровать, и буду вѣроват
чего тебѣ еще! раздражительно прокричалъ Алеша.

— Да ничего ровно, голубчикъ. Фу, чортъ, да этому
надцатилѣтній школьникъ теперь не вѣритъ. А, впрочемъ, ч
Такъ ты вотъ и разсердился теперь на Бога-то своего,
товался: чиномъ, дескать, обошли, къ празднику ордена не
Эхъ, вы!

Алеша длинно и какъ-то прищуривъ глаза посмотрѣ
Ракитина и въ глазахъ его что-то вдругъ сверкнуло...
озлобленіе на Ракитина.

— Я противъ Бога моего не бунтуюсь, я только «мір
не принимаю», криво усмѣхнулся вдругъ Алеша.

— Какъ это міра не принимаешь? капельку подумалъ
его отвѣтомъ Ракитинъ.—Что за билиберда?

Алеша не отвѣтилъ.

— Ну, довольно о пустякахъ-то, теперь къ дѣлу: ѣ
сегодня?

— Не помню... ѣлъ, кажется.

— Тебѣ надо подкрѣпиться, судя по лицу-то. Сострадан
на тебя глядя беретъ. Вѣдь ты и ночь не спалъ, я слы
засѣданіе у васъ тамъ было. А потомъ вся эта возня и
Всего-то антидорцу кусочекъ, надо быть, пожевалъ. Есть у
съ собою въ карманѣ колбаса, давеча изъ города захват
всякій случай, сюда направляясь, только вѣдь ты колбы
станешь...

— Давай колбасы.

— Эге! Такъ ты вотъ какъ! Значитъ, совсѣмъ ужъ
баррикады! Ну, братъ, этимъ дѣломъ пренебрегать нечег
демъ ко мнѣ... Я-бы водочки самъ теперь тяпнулъ, смерть у
Водки-то небось, не рѣшишься... аль выпьешь?

— Давай и водки.

— Эвона! Чудно, братъ! дико посмотрѣлъ Ракитинъ.
да такъ или этакъ, водка иль колбаса, а дѣло это лихое,
шее и упускать невозможно, идемъ!

Алеша молча поднялся съ земли и пошелъ за Ракит
— Видѣлъ-бы это братъ Ваничка, такъ какъ-бы изу
Кстати, братецъ твой Иванъ Ѳедоровичъ сегодня утро
Москву укатилъ, знаешь ты это?

— Знаю, безучастно произнесъ Алеша, и вдругъ

его въ умѣ образъ брата Дмитрія, но только мелькнулъ, и напомнилъ что-то, какое-то дѣло спѣшное, котораго уже ни болѣе ни на минуту откладывать, какой-то долгъ, обязность страшную, но и это воспоминаніе не произвело никакого на него впечатлѣнія, не достигло сердца его, въ тотъ-же вылетѣло изъ памяти и забылось. Но долго потомъ вспомнилъ объ этомъ Алеша.

— Братецъ твой Ваничка изрекъ про меня единожды, что «бездарный либеральный мѣшокъ». Ты-же одинъ разикъ только утерпѣлъ и далъ мнѣ понять, что я «безчестенъ»... Пусть! Потрю-ка я теперь на вашу даровитость и честность (оконч. это Ракитинъ уже про себя, шепотомъ). Тьфу, слушай!— ворилъ онъ снова громко, — минуемъ-ка монастырь, пойдемъ по тропинкѣ прямо въ городъ... Гм! Мнѣ-бы кстати надо Хохлаковой зайдти. Вообрази: я ей отписалъ о всемъ приключившемся, и, представь, она мнѣ мигомъ отвѣчаетъ запиской, (ндашомъ (ужасно любитъ записки писать эта дама), что какъ она не ожидала отъ такого почтеннаго старца, какъ ъ Зосима — *такого поступка!*» Такъ вѣдь и написала: ступка»! Тоже вѣдь озлилась; эхъ вы всѣ! Постой! — внезапно прокричалъ онъ опять, вдругъ остановился и, придержавъ му за плечо, остановилъ и его:

— Знаешь, Алешка, — пытливо глядѣлъ онъ ему въ глаза, подъ впечатлѣніемъ внезапной новой мысли, вдругъ его явшей, и хотъ самъ и смѣялся наружно, но видимо боясь ворить вслухъ эту новую внезапную мысль свою, до того все еще не могъ повѣрить чудному для него и никакъ не-ванному настроенію, въ которомъ видѣлъ теперь Алешу, — ка, знаешь куда мы всего лучше-бы теперь пошли? выгово-къ онъ, наконецъ, робко и искательно.

— Все равно... куда хочешь.

— Пойдемъ-ка къ Грушенькѣ, а? Пойдешь? весь даже дро-отъ робкаго ожиданія, изрекъ, наконецъ, Ракитинъ.

— Пойдемъ къ Грушенькѣ, спокойно и тотчасъ-же отвѣтилъ ша, и ужь это было до того неожиданно для Ракитина, то такое скорое и спокойное согласіе, что онъ чуть было не гнулъ назадъ.

— Ну-ну!.. Вотъ! прокричалъ было онъ въ изумленіи, но къ, крѣпко подхвативъ Алешу подъ руку, быстро повлекъ тропинкѣ, все еще ужасно опасаясь, что въ томъ исчезновимость. Шли молча, Ракитинъ даже заговорить боялся.

-то какъ она будетъ, рада-то... пробормотал
, но ...ль примолкъ. Да и вовсе не для радости Грушен
влекъ къ ней Алешу; былъ онъ человѣкъ серьезный
одной для себя цѣли ничего не предпринималъ. Цѣл
теперь была двоякая, во первыхъ, мстительная, то ес
дыть «позоръ праведнаго» и вѣроятно «паденіе» Алеш
святыхъ во грѣшники», чѣмъ онъ уже заранѣе упивался
вторыхъ, была у него тутъ въ виду и нѣкоторая матері
весьма для него выгодная цѣль, о которой будетъ сказано
«Значитъ, такая минута вышла, думалъ онъ про себя
и злобно, — вотъ мы, стало быть, и изловимъ ее за ши
минутку-то эту, ибо она намъ весьма подобающая».

III.

Луковка.

Грушенька жила въ самомъ бойкомъ мѣстѣ города,
соборной площади, въ домѣ купеческой вдовы Морозовой
торой нанимала на дворѣ небольшой, деревянный флигель.
же Морозовой былъ большой, каменный, двухъэтажный
рый и очень неприглядный на видъ; въ немъ проживала
ненно сама хозяйка, старая женщина съ двумя своими я
ницами, тоже весьма пожилыми дѣвицами. Отдавать въ
свой флигель на дворѣ она не нуждалась, но всѣ знали, ч
тила къ себѣ жилицей Грушеньку (еще года четыре
единственно въ угоду родственнику своему купцу Сам
Грушенькиному открытому покровителю. Говорили, что ре
старикъ, помѣщая къ Морозовой свою «фаворитку»,
первоначально въ виду зоркій глазъ старухи, чтобы наб
за поведеніемъ новой жилицы. Но зоркій глазъ весьма
оказался ненужнымъ и кончилось тѣмъ, что Морозова
рѣдко встрѣчалась съ Грушенькой и совсѣмъ уже не на
ей подъ конецъ никакимъ надзоромъ. Правда, прошло уже
года съ тѣхъ поръ какъ старикъ привезъ въ этотъ до
губернскаго города восемнадцатилѣтнюю дѣвочку, робкую,
чивую, тоненькую, худенькую, задумчивую и грустную
тѣхъ поръ много утекло воды. Біографію этой дѣвочки
впрочемъ, у насъ въ городѣ мало и сбивчиво; не узнали
и въ послѣднее время, и это даже тогда, когда уже очень

ся интересоваться такою «раскрасавицей», въ какую превра-
ась въ четыре года Аграфена Александровна. Были только
, что семнадцатилѣтнею еще дѣвочкой была она кѣмъ-то
ута, какимъ-то будто-бы офицеромъ, и затѣмъ тотчасъ-же
брошена. Офицеръ-де уѣхалъ и гдѣ-то потомъ женился, а
енька осталась въ позорѣ и нищетѣ. Говорили, впрочемъ,
хотя Грушенька и дѣйствительно была взята своимъ стари-
изъ нищеты, но что семейства была честнаго и происходила
-то изъ духовнаго званія, была дочь какого-то заштатнаго
а или что-то въ этомъ родѣ. И вотъ, въ четыре года, изъ
ительной, обиженной и жалкой сироточки вышла румяная,
отѣлая русская красавица, женщина съ характеромъ смѣ-
и рѣшительнымъ, гордая и наглая, понимавшая толкъ въ
ахъ, пріобрѣтательница, скупая и осторожная, правдами или
авдами, но уже успѣвшая, какъ говорили про нее, сколотить
собственный капиталецъ. Въ одномъ только всѣ были убѣж-
: что къ Грушенькѣ доступъ труденъ, и что кромѣ старика,
окровителя, не было ни единаго еще человѣка, во всѣ четыре
, который-бы могъ похвалиться ея благосклонностью. Фактъ
твердый, потому что на пріобрѣтеніе этой благосклонности
акивало не мало охотниковъ, особливо въ послѣдніе два
. Но всѣ попытки оказались втунѣ, а иные изъ искателей
уждены были отретироваться даже съ комическою и зазор-
развязкой, благодаря твердому и насмѣшливому отпору со
ны характерной молодой особы. Знали еще, что молодая
, особенно въ послѣдній годъ, пустилась въ то что̀ назы-
ся «гешефтомъ», и что съ этой стороны она оказалась съ
ычайными способностями, такъ что подъ конецъ многіе про-
ли ее сущею жидовкой. Не то чтобъ она давала деньги въ
, но извѣстно было, напримѣръ, что въ компаніи съ Ѳедо-
Павловичемъ Карамазовымъ она нѣкоторое время дѣйстви-
но занималась скупкою векселей за безцѣнокъ, по гривен-
за рубль, а потомъ пріобрѣла на иныхъ изъ этихъ векселей
блю на гривенникъ. Больной Самсоновъ, въ послѣдній годъ
вшійся употребленія своихъ распухшихъ ногъ, вдовецъ,
ъ своихъ взрослыхъ сыновей, большой стотысячникъ, че-
ъ скаредный и неумолимый, подпалъ, однако-же, подъ
ное вліяніе своей протеже, которую сначала было держалъ
ковыхъ рукавицахъ и въ черномъ тѣлѣ, «на постномъ
как̀ъ говорили тогда зубоскалы. Но Грушенька успѣла
рваться, внушивъ, однако-же, ему безграничное довѣріе

й ему вѣрности. Этотъ старикъ, большой дѣл
давно покойникъ), былъ тоже характера замѣчательна
, скупъ и твердъ какъ кремень, и хоть Грушень
ила его, такъ что онъ и жить безъ нея не могъ (
дніе два года, напримѣръ, это такъ и было), но капит
шаго, значительнаго, онъ всетаки ей не отдѣлилъ, и да
если-бъ она пригрозила ему совсѣмъ его бросить, то и тогда
остался неумолимъ. Но отдѣлилъ зато капиталъ малый, и кос
узналось это, то и это стало всѣмъ на удивленіе. «Ты сама бы
не промахъ, сказалъ онъ ей, отдѣляя ей тысячъ съ восем
сама и орудуй, но знай, что кромѣ ежегоднаго содержанія
прежнему, до самой смерти моей больше ничего отъ меня
получишь, да и въ завѣщаніи ничего больше тебѣ не отдѣлю
Такъ и сдержалъ слово: умеръ и все оставилъ сыновь
которыхъ всю жизнь держалъ при себѣ, наравнѣ какъ слу
съ ихъ женами и дѣтьми, а о Грушенькѣ даже и не упомину
въ завѣщаніи вовсе. Все это стало извѣстно впослѣдстві
Совѣтами-же какъ орудовать «своимъ собственнымъ капиталом
онъ Грушенькѣ помогалъ не мало и указывалъ ей «дѣла». Кос
Ѳедоръ Павловичъ Карамазовъ, связавшійся первоначально
Грушенькой по поводу одного случайнаго «гешефта», ковчи
совсѣмъ для себя неожиданно тѣмъ, что влюбился въ нее бе
памяти, и какъ-бы даже умъ потерявъ, то старикъ Самсонов
уже дышавшій въ то время на ладонъ, сильно подсмѣивал
Замѣчательно, что Грушенька была со своимъ старикомъ за
время ихъ знакомства вполнѣ и даже какъ-бы сердечно отк
венна, и это, кажется, съ единственнымъ человѣкомъ въ м
Въ самое послѣднее время, когда появился вдругъ съ сво
любовью и Дмитрій Ѳедоровичъ, старикъ пересталъ смѣять
Напротивъ, однажды серьезно и строго посовѣтовалъ Грушень
«Если ужь выбирать изъ обоихъ, отца аль сына, то выбо
старика, но съ тѣмъ, однако-же, чтобы старый подлецъ безъ
мѣнно на тебѣ женился, а предварительно хоть нѣкото
капиталъ отписалъ. А съ капитаномъ не якшайся, пути
будетъ». Вотъ были собственныя слова Грушенькѣ стараго
столюбца, предчувствовавшаго тогда уже близкую смерть сво
впрямь чрезъ пять мѣсяцевъ послѣ совѣта сего умершаго. Зам
еще мелькомъ, что хотя у насъ въ городѣ даже многіе знали т
про нелѣпое и уродливое соперничество Карамазовыхъ
сыномъ, предметомъ котораго была Грушенька, по
смысла ея отношеній къ обоимъ изъ нихъ, къ стар

сто тогда понимадъ. Даже объ служанкѣ Грушенькѣ (послѣ азразившейся катастрофы, о которой еще рѣчь впереди) по- потомъ на судѣ, что Дмитрія Ѳедоровича принимала Агра- Александровна изъ одного лишь страху, потому, будто-бы, убить грозился». Служанокъ у нея было двѣ, одна очень кухарка, еще изъ родительскаго семейства ея, больная и оглохшая, и внучка ея, молоденькая, бойкая дѣвушка лѣтъ ати, Грушенькина горничная. Жила-же Грушенька очень и въ обстановкѣ совсѣмъ небогатой. Было у ней во мѣ всего три комнаты, меблированныя отъ хозяйки древ- краснаго дерева мебелью, фасона двадцатыхъ годовъ. Когда къ ней Ракитинъ и Алеша, были уже полныя сумерки, наты еще не были освѣщены. Сама Грушенька лежала у въ гостиной, на своемъ большомъ, неуклюжемъ диванѣ со ой подъ красное дерево, жесткомъ и обитомъ кожей, давно стершеюся и продырившеюся. Подъ головой у ней были ълыя пуховыя подушки съ ея постели. Она лежала навз- неподвижно протянувшись, заложивъ обѣ руки за голову. она пріодѣта, будто ждала кого, въ шелковомъ черномъ ъ и въ легкой кружевной на головѣ наколкѣ, которая къ ней шла; на плечи была наброшена кружевная ко- , приколотая массивною золотою брошкой. Именно она о ждала, лежала какъ-бы въ тоскѣ и въ нетерпѣніи, съ ько поблѣднѣвшимъ лицомъ, съ горячими губами и глазами, комъ правой ноги нетерпѣливо постукивая по ручкѣ дивана. олько появились Ракитинъ и Алеша, какъ произошелъ маленькій переполохъ: слышно было изъ передней какъ нька быстро вскочила съ дивана и вдругъ испуганно про- а: «Кто тамъ?» Но гостей встрѣтила дѣвушка и тотчасъ- кликнулась барынѣ.

Да не онѣ-съ, это другіе, эти ничего.

то-бы у ней такое?» пробормоталъ Ракитинъ, вводя Алешу ку въ гостиную. Грушенька стояла у дивана, какъ-бы все ъ испугѣ. Густая прядь темнорусой косы ея выбилась ь изъ подъ наколки и упала на ея правое плечо но она нѣтила и не поправила, пока не вглядѣлась въ гостей и не а нихъ.

Ахъ, это ты, Ракитка? Испугалъ было меня всю. Съ ты это? Кто это съ тобой? Господи, вотъ кого привелъ! кнула она, разглядѣвъ Алешу.

Да вели подать свѣчей-то! проговорилъ Ракитинъ съ раз-

ъ самаго короткаго знакомаго и близкаго че
[illegible]о даже право распоряжаться въ домѣ.
овѣчей... конечно, свѣчей... Ѳеня, принеси ему свѣча
шелъ время его привести! воскликнула она опять, к
на Алешу, и, оборотясь къ зеркалу, быстро начала о
руками вправлять свою косу. Она какъ будто была не
вольна.

— Аль не потрафилъ? спросилъ Ракитинъ, мигомъ по
обидѣвшись.

— Испугалъ ты меня, Ракитка, вотъ что, обернулась Г
шенька съ улыбкой къ Алешѣ.—Не бойся ты меня, голубч
Алеша, страхъ какъ я тебѣ рада, гость ты мой неожиданн
А ты меня, Ракитка, испугалъ: Я вѣдь думала, Митя ломи
Видишь, я его давеча надула и съ него честное слово взя
что-бы мнѣ вѣрилъ, а я налгала. Сказала ему, что къ Куз
Кузьмичу, къ старяку моему, на весь вечеръ уйду и буду
нимъ до ночи деньги считать. Я вѣдь каждую недѣлю къ не
ухожу на весь вечеръ счеты сводить. На замокъ запремся: о
на счетахъ постукиваетъ, а я сижу—въ книги вписываю—
ной мнѣ довѣряетъ. Митя-то и повѣрилъ, что я тамъ, а я во
дома заперлась — сижу, одной вѣсти жду. Какъ это васъ Ѳе
впустила! Ѳеня, Ѳеня! Бѣги къ воротамъ, отвори и огляди к
гомъ, нѣтъ-ли гдѣ капитана-то? Можетъ, спрятался и высмат
ваетъ, смерть боюсь!

— Никого нѣтъ, Аграфена Александровна, сейчасъ круго
оглянула, я и въ щелку подхожу гляжу поминутно, сама
страхѣ-трепетѣ.

— Ставни заперты-ли, Ѳеня, да занавѣсъ-бы опустил
вотъ такъ! Она сама опустила тяжелыя занавѣсы, — а то
огонь-то онъ какъ разъ налетитъ. Митю, братца твоего, Але
сегодня боюсь. Грушенька говорила громко, хотя и въ трев
но и какъ будто въ какомъ-то почти восторгѣ.

— Почему такъ сегодня Митеньки боишься? освѣдомился
китинъ,—кажется, съ нимъ не пуглива, по твоей дудкѣ пляш
— Говорю тебѣ, вѣсти жду, золотой одной такой вѣсто
такъ что Митеньки-то и не надо-бы теперь вовсе. Да и не
вѣрилъ онъ мнѣ, это чувствую, что я къ Кузьмѣ Кузьмичу
шла. Должно быть, сидитъ теперь тамъ у себя, у Ѳедота Л
ловича на задахъ въ саду, меня сторожитъ. А кол
сѣлъ, значитъ, сюда не придетъ, тѣмъ и лучше!
Кузьмѣ Кузьмичу я и впрямь сбѣгала, Митя-же

сказала—до полночи просижу и чтобъ онъ-же меня безпремѣнно пришелъ въ полночь домой проводить. Онъ ушелъ, минутъ десять у старика посидѣла, да и опять сюда, ухъ рвись—бѣжала, чтобъ его не повстрѣчать.

— А разрядилась-то куда? Ишь вѣдь какой чепецъ на тебѣ любопытный?

— И ужь какой-же ты самъ любопытный, Ракитинъ! Готовъ тебѣ, такой одной вѣсточки жду. Придетъ вѣсточка, вскакочу, только вы меня здѣсь и видѣли. Для того и разрядилась, чтобъ готовой сидѣть.

— А куда полетишь?

— Много знать будешь—скоро состаришься.

— Ишь вѣдь. Вся въ радости... Никогда еще я тебя не видалъ такую. Разодѣлась какъ на балъ, оглядывалъ ее Ракитинъ.

— Много ты въ балахъ-то понимаешь.

— А ты много?

— Я-то видала балъ. Третьяго года Кузьма Кузьмичъ сына женилъ, такъ я съ хоръ смотрѣла. Что-жь мнѣ, Ракитка, съ тобой что-ли разговаривать, когда тутъ такой князь стоитъ. Ишь такъ гость! Алеша, голубчикъ, гляжу я на тебя и не вѣрю; погоди, какъ это ты у меня появился! По правдѣ тебѣ сказать, не гадала, не гадала, да и прежде никогда тому не вѣрила, что-ты могъ придти. Хоть и не та минутка теперь, а я страхъ какъ рада! Садись на диванъ, вотъ сюда, вотъ такъ, мѣсяцъ ты мой молодой. Право, я еще какъ будто и не соображусь... Эхъ ты, Ракитка, если-бы ты его вчера, али третьяго дня привелъ!.. да рада и такъ. Можетъ, и лучше, что теперь, подъ такую минуту, а не третьяго дня...

Она рѣзво подсѣла къ Алешѣ на диванъ, съ нимъ рядомъ, глядѣла на него рѣшительно съ восхищеніемъ. И дѣйствительно была рада, не лгала, говоря это. Глаза ея горѣли, губы смѣялись, но добродушно, весело смѣялись. Алеша даже и не ожидалъ отъ нея такого добраго выраженія въ лицѣ... Онъ зналъ ее до вчерашняго дня мало, составилъ объ ней устрашающее понятіе, а вчера такъ страшно былъ потрясенъ ея злою и коварною выходкой противъ Катерины Ивановны и очень удивленъ, что теперь вдругъ увидалъ въ ней совсѣмъ другое иное и неожиданное существо. И какъ ни былъ онъ занятъ своимъ собственнымъ горемъ, но глаза его невольно остановились на ней со вниманіемъ. Всѣ манеры ея какъ-бы измѣнились тоже со вчерашняго дня совсѣмъ къ лучшему: не

ерашней слашавости въ выговорѣ почти в
ныхъ и манерныхъ движеній... все было пр
движенія ея были скорыя, прямыя, довѣрчи
она очень возбуждена.

— Господи, экія все вещи сегодня сбываются, право,
ла она опять. — И чего я тебѣ такъ рада, Алеша, сам
знаю. Вотъ спроси, а я не знаю.

— Ну ужь и не знаешь чему рада? усмѣхнулся Ракитин
Прежде-то за чѣмъ нибудь приставала-же ко мнѣ: приведи
приведи его, имѣла-же цѣль.

— Прежде-то я другую цѣль имѣла, а теперь то прошло
такая минута. Подчивать я васъ стану, вотъ что. Я теперь
добрѣла, Ракитка. Да садись и ты, Ракитка, чего стоишь?
ты ужь сѣлъ? Небось, Ракитушка, себя не забудетъ. Вотъ
теперь, Алеша, сидитъ тамъ противъ насъ, да и обижается:
чѣмъ это я его прежде тебя не пригласила садиться. Ухъ о
чивъ у меня Ракитка, обидчивъ! засмѣялась Грушенька. —
злись, Ракитка, нынѣ я добрая. Да чего ты грустенъ сид
Алешечка, аль меня боишься? съ веселою насмѣшкой загля
она ему въ глаза.

— У него горе. Чину не дали, пробасилъ Ракитинъ.

— Какого чину?

— Старецъ его пропахъ.

— Какъ пропахъ? Вздоръ ты какой-нибудь мелешь, ск
ность какую-нибудь хочешь сказать. Молчи, дуракъ. Пуст
меня, Алеша, на колѣни къ себѣ посидѣть, вотъ такъ! И вд
она мигомъ привскочила и прыгнула, смѣясь, ему на кол
какъ ласкающаяся кошечка, нѣжно правою рукой охватив
шею:—развеселю я тебя, мальчикъ ты мой богомольный! В
въ самомъ дѣлѣ, неужто позволишь мнѣ на колѣнкахъ у
посидѣть, не осердишься? Прикажешь—я соскочу.

Алеша молчалъ. Онъ сидѣлъ, боясь шевельнуться, онъ
шалъ ея слова: «прикажешь — я соскочу», но не отвѣ
какъ будто замеръ. Но не то въ немъ было, чего могъ-бы
и что могъ-бы вообразить въ немъ теперь, напримѣръ, хот
китинъ, плотоядно наблюдавшій со своего мѣста. Великое
души его поглощало всѣ ощущенія, какія только могли
диться въ сердцѣ его, и если только могъ-бы онъ въ сію м
дать себѣ полный отчетъ, то и самъ-бы догадался, что он
перь въ крѣпчайшей бронѣ противъ всякаго соблазна и
шенія. Тѣмъ не менѣе, не смотря на всю смутную безот

шевнаго состоянія и на все угнетавшее его горе, онъ дивился невольно одному новому и странному ощущенію, шемуся въ его сердцѣ: эта женщина, эта «страшная» на не только не пугала его теперь прежнимъ страхомъ, мъ, зарождавшимся въ немъ прежде при всякой мечтѣ о нѣ, если мелькала таковая въ его душѣ, но, напротивъ, нщина, которую онъ боялся болѣе всѣхъ, сидѣвшая у него ѣняхъ и его обнимавшая, возбуждала въ немъ вдругъ те-овсѣмъ иное, неожиданное и особливое чувство, чувство -то необыкновеннаго, величайшаго и чистосердечнѣйшаго і любопытства, и все это уже безо всякой боязни, безъ паго прежняго ужаса, — вотъ что было главное и что но удивляло его.

Да полно вздоръ-то вамъ болтать, закричалъ Ракитинъ,— не шампанскаго подавай, долгъ на тебѣ, сама знаешь!

Вправду долгъ. Вѣдь я, Алеша, ему за тебя шампан-сверхъ всего, обѣщала, коль тебя приведетъ. Катай шам-го и я стану пить! Ѳеня, Ѳеня, неси намъ шампанскаго, ылку, которую Митя оставилъ, бѣги скорѣе. Я хоть и , а бутылку подамъ, не тебѣ, Ракитка, ты грибъ, а онъ И хоть не тѣмъ душа моя теперь полна, а, такъ и быть, и я съ вами, дебоширить хочется!

Да что это у тебя за минута, и какая такая тамъ «вѣсть», спросить, аль секретъ? съ любопытствомъ ввернулъ опять нъ, изо всей силы дѣлая видъ, что и вниманія не обра-на щелчки, которые въ него летѣли безпрерывно.

Эхъ, не секретъ, да и самъ ты знаешь, озабоченно про-ла вдругъ Грушенька, повернувъ голову къ Ракитину и ясь немного отъ Алеши, хотя все еще продолжая сидѣть на колѣняхъ, рукой обнявъ его шею, — офицеръ ѣдетъ, нъ, офицеръ мой ѣдетъ!

Слышалъ я, что ѣдетъ, да развѣ ужь такъ близко?

Въ Мокромъ теперь, оттуда сюда эстафетъ пришлетъ, самъ написалъ, давеча письмо получила? Сижу и жду га.

Вона! Почему въ Мокромъ?

Долго разсказывать, да и довольно съ тебя.

То-то Митенька-то теперь, — уй, уй! Онъ-то знаетъ, аль етъ?

Чего знаетъ! Совсѣмъ не знаетъ! Кабы узналъ, такъ бы. Да я этого теперь совсѣмъ не боюсь, не боюсь я те-

перь . Молчи, Ракитка, не поминай мнѣ о Дмит
ви це онъ мнѣ все размозжилъ. Да не хоч
мъ объ этомъ въ эту минуту и думать. Вотъ об
чкѣ могу думать, я на Алешечку гляжу... Да усмѣхн
еня, голубчикъ, развеселись, на глупость-то мою,
-то мою усмѣхнись... А вѣдь улыбнулся, улыбнулся!
ово какъ смотритъ. Я, знаешь, Алеша, все думала,
сердишься за третьеводнишнее, за барышню-т
ка я была, вотъ что... Только, всетаки, хорошо оно, чт
зошло. И дурно оно было, и хорошо оно было, вд
усмѣхнулась вдругъ Грушенька и какая-то жестокая че
мелькнула вдругъ въ ея усмѣшкѣ.—Митя сказывалъ, чт
чала: «Плетьми ее надо!» Разобидѣла я тогда ее ужь
Зазвала меня, побѣдить хотѣла, шоколадомъ своимъ обольс
Нѣтъ, оно хорошо, что такъ произошло, усмѣхнулась она он
Да вотъ боюсь все, что ты осердился...

— А вѣдь и впрямь, съ серьезнымъ удивленіемъ вве
вдругъ Ракитинъ. — Вѣдь она тебя, Алеша, въ самомъ
боится, цыпленка этакого.

— Это для тебя, Ракитка, онъ цыпленокъ, вотъ что
тому что у тебя совѣсти нѣтъ, вотъ что! Я, видишь, я люб
душой, вотъ что! Вѣришь, Алеша, что я люблю тебя всею
— Ахъ ты безстыдница! Это она въ любви тебѣ, Ал
объясняется!

— А что-жь, и люблю.

— А офицеръ? А вѣсточка золотая изъ Мокраго?

— То одно, а это другое.

— Вотъ какъ по бабьему выходитъ!

— Не зли меня, Ракитка, горячо подхватила Грушен
одно, а это другое. Я Алешу по иному люблю. Правда,
была у меня на тебя мысль хитрая прежде. Да вѣдь я и
я вѣдь неистовая, ну, а, въ другую минуту я, бывало,
на тебя какъ на совѣсть мою смотрю. Все думаю: «вѣ
какъ такой меня скверную презирать теперь долженъ». И тр
дня это думала, какъ отъ барышни сюда бѣжала. Давно
замѣтила такъ, Алеша, и Митя знаетъ, ему говорила. Вот
такъ понимаетъ. Вѣришь-ли, иной разъ, право, Алеша,
на тебя и стыжусь, всеё себя стыжусь... И какъ это
тебѣ думать стала и съ которыхъ поръ, не знаю и не по

Вошла Ѳеня и поставила на столъ подносъ, на немъ
поренную бутылку и три налитые бокала.

Шампанское принесли! прокричалъ Ракитинъ,—возбуж-
, Аграфена Александровна, и внѣ себя. Бокалъ выпьешь,
ъ пойдешь. Э-эхъ, и того не съумѣли сдѣлать, приба-
ь, разглядывая шампанское. — Въ кухнѣ старуха роз-
бутылку безъ пробки принесли, и теплое. Ну, давай
ъ.
подошелъ къ столу, взялъ бокалъ, выпилъ залпомъ и
себѣ другой.
[а шампанское-то не часто нарвешься, проговорилъ онъ,
ясь,—нутка, Алеша, бери бокалъ, покажи себя. За что-
пить? За райскія двери? Бери, Груша, бокалъ, пей и
айскія двери?
а какія это райскія двери?
взяла бокалъ, Алеша взялъ свой отпилъ глотокъ и
ъ бокалъ назадъ.
[ѣтъ, ужь лучше не надо! улыбнулся онъ тихо.
хвалился! крикнулъ Ракитинъ.
[у и я, коли такъ, не буду, подхватила Грушенька, —
хочется. Пей, Ракитка, одинъ всю бутылку. Выпьетъ
и я тогда выпью.
Ѣлячьи нѣжности пошли! поддразнилъ Ракитинъ. — А
колѣнкахъ у него сидитъ! У него, положимъ, горе, а
что? Онъ противъ Бога своего взбунтовался, колбасу
я жрать...
что такъ?
тарецъ его померъ сегодня. старецъ Зосима, святой.
акъ умеръ старецъ Зосима, воскликнула Грушенька,—
а я того и не знала!—Она набожно перекрестилась.—
да что-же я, а я-то у него на колѣнкахъ теперь сижу!
ась она вдругъ, какъ въ испугѣ, мигомъ соскочила съ
и пересѣла на диванъ. Алеша длинно съ удивленіемъ
ъ на нее и на лицѣ его какъ будто что засвѣтилось.
акитинъ, проговорилъ онъ вдругъ громко и твердо, —
и ты меня, что я противъ Бога моего взбунтовался. Не
лобы противъ тебя имѣть, а потому будь и ты добрѣе.
лъ такое сокровище, какого ты никогда не имѣлъ, и
ь не можешь судить меня. Посмотри лучше сюда на
ѣлъ, какъ она меня пощадила? Я шелъ сюда злую душу
такъ влекло меня самого къ тому, потому что я былъ
олъ, а нашелъ сестру искреннюю, нашелъ сокровище—
бящую... Она сейчасъ пощадила меня... Аграфена Алек-

сандровна, ро тебя говорю. Ты мою душу сейчасъ воск
новила.

У Алеши затряслись губы и стѣснилось дыханіе. Онъ ос
новился.

— Будто ужь такъ и спасла тебя! засмѣялся Ракит
злобно.—А она тебя проглотить хотѣла, знаешь ты это?

— Стой, Ракитка! вскочила вдругъ Грушенька, — молч
вы оба. Теперь я все скажу: ты, Алеша, молчи, потому что
твоихъ такихъ словъ меня стыдъ беретъ, потому что я зл
а не добрая,—вотъ я какая. А ты, Ракитка, молчи потому,
ты лжешь. Была такая подлая мысль, что хотѣла его прос
тить, а теперь ты лжешь, теперь вовсе не то... и чтобъ я т
больше совсѣмъ не слыхала, Ракитка! Все это Грушенька в
говорила съ необыкновеннымъ волненіемъ.

— Ишь вѣдь оба бѣсятся! прошипѣлъ Ракитинъ, съ уд
леніемъ разсматривая ихъ обоихъ,—какъ помѣшанные, точ
я въ сумасшедшій домъ попалъ. Разслабѣли обоюдно, плак
сейчасъ начнутъ!

— И начну плакать, и начну плакать! приговаривала Г
шенька,—онъ меня сестрой своей назвалъ, и я никогда т
впредь не забуду! Только вотъ что, Ракитка, я хоть и злая
всетаки я луковку подала.

— Каку таку луковку? Фу, чортъ, да и впрямь помѣшал

Ракитинъ удивлялся на ихъ восторженность и обид
злился, хотя и могъ-бы сообразить, что у обоихъ какъ р
сошлось все, что́ могло потрясти ихъ души такъ, какъ с
чается это не часто въ жизни. Но Ракитинъ, умѣвшій вес
чувствительно понимать все, что́ касалось его самого, б
очень грубъ въ пониманіи чувствъ и ощущеній ближнихъ с
ихъ,—отчасти по молодой неопытности своей, а отчасти и
великому своему эгоизму.

— Видишь, Алешечка, нервно разсмѣялась вдругъ Г
шенька, обращаясь къ нему,—это я Ракиткѣ похвалилась,
луковку подала, а тебѣ не похвалюсь, я тебѣ съ иной ст
это скажу. Это только басня, но она хорошая басня, я ее,
дитей была, отъ моей Матрены, что́ теперь у меня въ ку
кахъ служитъ, слышала. Видишь какъ это. «Жила была
баба, злющая-презлющая, и померла. И не осталось
ни одной добродѣтели. Схватили ее черти и кинули в
озеро. А Ангелъ-хранитель ея стоитъ да и думаетъ:
мнѣ такую добродѣтель ея припомнить, чтобы Бог

[illegible]лъ, и говоритъ Богу: она, говоритъ, въ огородѣ луковку [illegible]нула и нищенкѣ подала. И отвѣчаетъ ему Богъ: возьми-жь [illegible]оворитъ, эту самую луковку, протяни ей въ озеро, пусть [illegible]тся и тянется, и коли вытянешь ее вонъ изъ озера, то [illegible] въ рай идетъ, а оборвется луковка, то тамъ и оставаться [illegible] гдѣ теперь. Побѣжалъ Ангелъ къ бабѣ, протянулъ ей лу[illegible]: на, говоритъ, баба, схватись и тянись. И сталъ онъ ее осто[illegible]о тянуть, и ужь всю было вытянулъ, да грѣшники прочіе въ [illegible], какъ увидали, что ее тянутъ вонъ, и стали всѣ за нее хва[illegible]ли, чтобъ и ихъ вмѣстѣ съ нею вытянули. А баба-то была [illegible]ая-презлющая, и почала она ихъ ногами брыкать: «Меня [illegible]ть, а не васъ, моя луковка, а не ваша». Только что она [illegible]говорила, луковка-то и прорвалась. И упала баба въ озеро [illegible]нуть по сей день. А Ангелъ заплакалъ и отошелъ. Вотъ [illegible]та басня, Алеша, наизусть запомнила, потому что сама я [illegible]ть эта самая баба злющая. Ракитѣ я похвалилась, что лу[illegible]у подала, а тебѣ иначе скажу: *всего-то* я луковку какую[illegible]удь во всю жизнь мою подала, всего только на мнѣ и есть [illegible]родѣтели. И не хвали ты меня послѣ того, Алеша, не почитай [illegible] доброю, злая я, злющая презлющая, а будешь хвалить въ [illegible]ъ введешь. Эхъ, да ужь покаюсь совсѣмъ. Слушай, Алеша: [illegible]бя столь желала къ себѣ залучить и столь приставала къ [illegible]ѣ, что ему двадцать пять рублей пообѣщала, если тебя ко [illegible]приведетъ. Стой, Ракитка, жди! Она быстрыми шагами по[illegible]ла къ столу, отворила ящикъ, вынула портмоне, а изъ него [illegible]ати-пятирублевую кредитку.

— Экой вздоръ! Экой вздоръ! восклицалъ озадаченный Ра[illegible]инъ.

— Принимай, Ракитка, долгъ, не бось не откажешься, самъ [illegible]лъ.—И швырнула ему кредитку.

— Еще-бъ отказаться, пробасилъ Ракитинъ, видимо сконфу[illegible]ился, но молодцовато прикрывая стыдъ,—это намъ вельми [illegible]ку будетъ, дураки и существуютъ въ профитъ умному [illegible]ѣку.

— А теперь молчи, Ракитка, теперь все что буду говорить, [illegible]ля твоихъ ушей будетъ. Садись сюда въ уголъ и молчи, не [illegible]шь ты насъ, и молчи.

— Да за что мнѣ любить-то васъ? не скрывая уже злобы, [illegible]улся Ракитинъ. Двадцати-пятирублевую кредитку онъ су[illegible]ъ карманъ и предъ Алешей ему было рѣшительно стыдно. [illegible]есчитывалъ получить плату послѣ, такъ чтобы тотъ и не

ерь отъ стыда озлился. До сей минуты он
лолитичнымъ не очень противорѣчить Гру
смотря на всѣ ея щелчки, ибо видно было, что она
нимъ какую-то власть. Но теперь и онъ разсердя
— Любятъ за что нибудь, а вы что мнѣ сдѣлали о
— А ты ни за что люби, вотъ какъ Алеша любит
— А чѣмъ онъ тебя любитъ, и что онъ тебѣ таког
залъ, что ты носишься?

Грушенька стояла среди комнаты, говорила съ жаро
голосѣ ея слышались истерическія нотки.

— Молчи, Ракитка, не понимаешь ты ничего у нас
смѣй ты мнѣ впредь *ты* говорить, не хочу тебѣ позволя
чего ты такую смѣлость взялъ, вотъ что! Садись въ у
молчи какъ мой лакей! А теперь, Алеша, всю правду
тебѣ одному скажу, чтобы ты видѣлъ какая я тварь!
киткѣ, а тебѣ говорю. Хотѣла я тебя погубить, Алеша,
это великая, совсѣмъ положила; до того хотѣла, что
деньгами подкупила, чтобы тебя привелъ. И изъ чего т
такъ захотѣла? Ты, Алеша, и не зналъ ничего, отъ мен
рачивался, пройдешь—глаза опустишь, а я на тебя ст
до сего глядѣла, всѣхъ спрашивать объ тебѣ начала. Ли
у меня въ сердцѣ осталось: «Презираетъ онъ меня, дум
смотрѣть даже на меня не захочетъ». И такое меня
взяло подъ конецъ, что сама себѣ удивляюсь; чего я
мальчика боюсь? Проглочу его всего и смѣяться буду.
лась совсѣмъ. Вѣришь-ли тому; никто-то здѣсь не смѣе
зать и подумать, чтобъ къ Аграфенѣ Александровнѣ за
этимъ дѣломъ придти; старикъ одинъ только тутъ у ме
зана я ему и продана, сатана насъ вѣнчалъ, зато изъ дру
никто. Но на тебя глядя, положила; его проглочу. Про
смѣяться буду. Видишь, какая я злая собака, которую
строй своею назвалъ! Вотъ теперь пріѣхалъ этотъ обидчи
сижу теперь и жду вѣсти. А знаешь, чѣмъ былъ мнѣ этот
чикъ? Пять лѣтъ тому какъ завезъ меня сюда Кузьма,
я сижу, бывало, отъ людей хоронюсь, чтобъ меня не в
не слыхали, тоненькая, глупенькая, сижу да рыдаю, но
пролетъ не сплю—думаю: «И ужь гдѣ-жь онъ тепер
обидчикъ? Смѣется, должно быть, съ другою надо мной,
я-жь его, думаю только-бы увидѣть его, встрѣтить ко
ужь я-жь ему отплачу, ужь я-жь ему отплачу!» Ночью
нотѣ рыдаю въ подушку и все это передумаю, сердце мо

нарочно, злобой его утоляю: «Ужь я-жь ему, ужь я-жь
утплачу»! Такъ, бывало, и закричу въ темнотѣ. Да какъ
нно вдругъ, что ничего-то я ему не сдѣлаю, а онъ-то надо
смѣется теперь, а, можетъ, и совсѣмъ забылъ и не по-
ть, такъ кинусь съ постели на полъ, зальюсь безсильною
ой и трясусь-трясусь до разсвѣта. Поутру встану злѣе со-
, рада весь свѣтъ проглотить. Потомъ что-жь ты думаешь:
я капиталъ копить, безъ жалости сдѣлалась, растолстѣ-
оумнѣла ты думаешь, а? Такъ вотъ нѣтъ-же, никто того
идитъ и не знаетъ во всей вселенной, а какъ сойдетъ мракъ
ой, все такие какъ и дѣвчонкой, пять лѣтъ тому, лежу
разъ, скрежещу зубами и всю ночь плачу: «Ужь я-жь ему,
ь я-жь ему», думаю! Слышалъ ты это все? Ну такъ какъ
ы теперь понимаешь меня: мѣсяцъ тому приходитъ ко мнѣ
ъ это самое письмо: ѣдетъ онъ, овдовѣлъ, со мной повин-
ся хочетъ. Духъ у меня тогда весь захватило, Господи, да
ъ и подумала; а пріѣдетъ да свиснетъ мнѣ, позоветъ меня,
я какъ собаченка къ нему поползу битая, виноватая! Думаю
и сама себѣ не вѣрю: «Подлая я, аль не подлая, побѣгу я
ему, аль не побѣгу?». И такая меня злость взяла теперь на
себя во весь этотъ мѣсяцъ, что хуже еще чѣмъ пять лѣтъ
. Видишь-ли теперь, Алеша, какая я неистовая, какая я
ная, всю тебѣ правду выразила! Митей забавлялась, чтобы
му не бѣжать. Молчи, Ракитка, не тебѣ меня судить, не тебѣ
ла. Я теперь до вашего прихода лежала здѣсь, ждала,
а, судьбу мою всю разрѣшала, и никогда вамъ не узнать, что у
въ сердцѣ было. Нѣтъ, Алеша, скажи своей барышнѣ, чтобъ
а третьеводнишнее не сердилась!.. И не знаетъ никто во всемъ
каково мнѣ теперь, да и не можетъ знать... Потому я, можетъ
сегодня туда съ собой ножъ возьму, я еще того не рѣшила...
вымолвивъ это «жалкое» слово, Грушенька вдругъ не вы-
ла, не докончила, закрыла лицо руками, бросилась на ди-
въ подушки и зарыдала какъ малое дитя. Алеша всталъ съ
и подошелъ къ Ракитину.

– Миша, проговорилъ онъ, — не сердись. Ты обиженъ ею,
е сердись. Слышалъ ты ее сейчасъ? Нельзя съ души чело-
столько спрашивать, надо быть милосерднѣе.

Алеша проговорилъ это въ неудержимомъ порывѣ сердца. Ему
было высказаться и онъ обратился къ Ракитину. Если-бъ не
Ракитина, онъ сталъ-бы восклицать одинъ. Но Ракитинъ
дѣлъ насмѣшливо и Алеша вдругъ остановился.

го тебя твоимъ старцемъ давеча зарядили и теперь
рцемъ въ меня и выпалилъ, Алешенька Божій чело
ненавистною улыбкой проговорилъ Ракитинъ.
Не смѣйся, Ракитинъ, не усмѣхайся, не говори про
ка: онъ выше всѣхъ кто былъ на землѣ! съ плачемъ въ
прокричалъ Алеша.—Я не какъ судья тебѣ всталъ го
ить, а самъ какъ послѣдній изъ подсудимыхъ. Кто я передъ н
I шелъ сюда чтобы погибнуть и говорилъ: «пусть, пусть!» и
изъ-за моего малодушія, а она, черезъ пять лѣтъ муки, тол
что кто-то первый пришелъ и ей искреннее слово сказалъ —
простила, все забыла и плачетъ! Обидчикъ ея воротился, зов
ее, и она все прощаетъ ему и спѣшитъ къ нему въ радости
не возьметъ ножа, не возьметъ! Нѣтъ, я не таковъ. Я не зн
таковъ-ли ты, Миша, но я не таковъ. Я сегодня, сейчасъ эт
урокъ получилъ... Она выше любовью чѣмъ мы... Слышалъ-ли
отъ нея прежде то, что она разсказала теперь? Нѣтъ, не сл
шалъ; если-бы слышалъ, то давно-бы все понялъ... и другая о
женная третьяго дня, и та пусть проститъ ее! И проститъ к
узнаетъ... и узнаетъ... Эта душа еще не примиренная, надо
дить ее... въ душѣ этой можетъ быть сокровище...
Алеша замолкъ, потому что ему пересѣкло дыханіе. Ра
тинъ, не смотря на всю свою злость, глядѣлъ съ удивленіе
Никогда не ожидалъ онъ отъ тихаго Алеши такой тирады.
— Вотъ адвокатъ проявился! Да ты влюбился въ нее, ч
ли? Аграфена Александровна, вѣдь-то постникъ нашъ и впрямь
тебя влюбился, побѣдила! прокричалъ онъ съ наглымъ смѣхо
Грушенька подняла съ подушки голову и поглядѣла
Алешу съ умиленною улыбкой, засіявшею на ея какъ-то вд
распухшемъ отъ сейчашнихъ слезъ лицѣ.
— Оставь ты его, Алеша, херувимъ ты мой, видишь,
какой, нашелъ кому говорить. Я, Михаилъ Осиповичъ, обр
лась она къ Ракитину,—хотѣла было у тебя прощенія по
сить зато, что обругала тебя, да теперь опять не хочу. Ал
поди ко мнѣ, сядь сюда, манила она его съ радостною улыб
вотъ такъ, вотъ садись сюда, скажи ты мнѣ (она взяла ег
руку и заглядывала ему, улыбаясь, въ лицо),— скажи ты
люблю я того или нѣтъ? Обидчика-то моего, люблю или н
Лежала я до васъ здѣсь въ темнотѣ, все допрашивала се
люблю я того или нѣтъ? Разрѣши ты меня, Алеша
пришло, что положишь, такъ и будетъ. Простить мнѣ
нѣтъ?

— Да вѣдь ужь простила, улыбаясь, проговорилъ Алеша.
— А и впрямь простила, вдумчиво произнесла Грушенька.— вѣдь подлое сердце! За подлое сердце мое! схватила она съ со стола бокалъ, разомъ выпила, подняла его и съ раз- бросила на полъ. Бокалъ разбился и зазвенѣлъ. Какая-то акая черточка мелькнула въ ея улыбкѣ.
— А вѣдь, можетъ, еще и не простила, какъ-то грозно говорила она, опустивъ глаза въ землю, какъ будто одна съ собой говорила.—Можетъ, еще только собирается сердце нить. Поборюсь еще съ сердцемъ-то. Я, видишь, Алеша, я мои пятилѣтнія страхъ полюбила... Я, можетъ, только у мою и полюбила, а не его вовсе!
— Ну, не хотѣлъ-бы я быть въ его кожѣ! прошипѣлъ Ракитинъ.
— И не будешь, Ракитка, никогда въ его кожѣ не будешь. нѣ башмаки будешь шить, Ракитка, вотъ я тебя на какое употреблю, а такой какъ я тебѣ никогда не видать... Да у, можетъ, не увидать...
— Ему-то? А нарядилась-то зачѣмъ? эхидно поддразнилъ гинъ.
— Не кори меня нарядомъ, Ракитка, не знаешь еще ты моего сердца! Захочу и сорву нарядъ, сейчасъ сорву, сію гу, звонко прокричала она.—Не знаешь ты для чего этотъ ъ, Ракитка! Можетъ, выйду къ нему и скажу: «Видалъ еня такую, аль нѣтъ еще?» — Вѣдь онъ меня семнадцати- ю, тоненькую, чахоточную плаксу оставилъ. Да подсяду му, да обольщу, да разожгу его: «Видалъ ты, какова я ь, скажу, ну такъ и оставайся при томъ, милостивый го- ь, по усамъ текло, а въ ротъ не попало!»—вотъ вѣдь къ можетъ, этотъ нарядъ, Ракитка, закончила Грушенька со ымъ смѣшкомъ.—Неистовая я, Алеша, яростная. Сорву я нарядъ, изувѣчу я себя, мою красоту, обожгу себѣ лицо и жу ножомъ, пойду милостыню просить. Захочу и не пойду я ь никуда и ни къ кому, захочу завтра-же отошлю Кузьмѣ го онъ мнѣ подарилъ и всѣ деньги его, а сама на всю жизнь нищей поденной пойду!.. Думаешь, не сдѣлаю я того, Ра- , не посмѣю сдѣлать? Сдѣлаю, сдѣлаю, сейчасъ могу сдѣ- не раздражайте только меня... а того прогоню, тому шишъ у, тому меня не видать!
кѣднія слова она истерически прокричала, но не выдер- опять, закрыла руками лицо, бросилась въ подушку и опять лась отъ рыданій. Ракитинъ всталъ съ мѣста:

сказалъ онъ, — поздно, въ монастырь не
т
...енька такъ и вскочила съ мѣста.

— Да неужто-жь ты уходить, Алеша, хочешь! воск
она въ горестномъ изумленіи:—да что̀-жь ты надо мной
дѣлаешь: всю воззвалъ, истерзалъ и опять теперь эта ноч
мнѣ одной оставаться!

— Не ночевать-же ему у тебя? А коли хочетъ—пус
одинъ уйду! язвительно подшутилъ Ракитинъ.

— Молчи, злая душа, яростно крикнула ему Груше
никогда ты мнѣ такихъ словъ не говорилъ, какія онъ м
шелъ сказать.

— Что̀ онъ такое тебѣ сказалъ? раздражительно про
Ракитинъ.

— Не знаю я, не вѣдаю, ничего не вѣдаю, что̀ онъ
кое сказалъ, сердцу сказалось, сердце онъ мнѣ переве
Пожалѣлъ онъ меня первый, единый, вотъ что! Зачѣмъ ты
вимъ, не приходилъ прежде, упала вдругъ она предъ н
колѣни, какъ-бы въ изступленіи.—Я всю жизнь такого, к
ждала, знала, что кто-то такой придетъ и меня проститъ.
что и меня кто-то полюбитъ, гадкую, не за одинъ только

— Что я тебѣ такого сдѣлалъ, умиленно улыбаясь, о
Алеша, нагнувшись къ ней и нѣжно взявъ ее за руки,—
я тебѣ подалъ, одну самую малую луковку, только, только!

И, проговоривъ, самъ заплакалъ. Въ эту минуту въ
вдругъ раздался шумъ, кто-то вошелъ въ переднюю; Гру
вскочила какъ-бы въ страшномъ испугѣ. Въ комнату съ
и крикомъ вбѣжала Ѳеня.

— Барыня, голубушка, барыня, эстафетъ прискакал
клицала она весело и запыхавшись.—Тарантасъ изъ Мок
вами, Тимоѳей ямщикъ на тройкѣ, сейчасъ новыхъ лошаде
ложатъ... Письмо, письмо, барыня, вотъ письмо!

Письмо было въ ея рукѣ и она все время, пока крича
хала имъ по воздуху. Грушенька выхватила отъ нея ш
поднесла къ свѣчкѣ. Это была только записочка, нѣсколько
въ одинъ мигъ она прочла ее.

— Кликнулъ! прокричала она вся блѣдная, съ перекоси
отъ болѣзненной улыбки лицомъ,—свистнулъ! Ползи, соб

Но только мигъ одинъ простояла какъ-бы въ нерѣш
вдругъ кровь бросилась въ ея голову и залила ея щеки

— Ѣду! воскликнула она вдругъ.—Пять моихъ лѣт

е! Прощай, Алеша, рѣшена судьба,.. Ступайте, ступайте, сту-
отъ меня теперь всѣ, чтобъ я уже васъ не видала!.. Поле-
Грушенька въ новую жизнь... Не поминай меня лихомъ и
акитка. Можетъ, на смерть иду! Ухъ! Словно пьяная!
на вдругъ бросила ихъ и побѣжала въ свою спальню.
Ну, ей теперь не до насъ! проворчалъ Ракитинъ.—Идемъ,
пожалуй, опять этотъ бабій крикъ пойдетъ, надоѣли ужь
эти слезные крики...
леша далъ себя машинально вывести. На дворѣ стоялъ та-
съ, выпрягали лошадей, ходили съ фонаремъ, суетились. Въ
нныя ворота вводили свѣжую тройку. Но только что сошли
и Ракитинъ съ крыльца, какъ вдругъ отворилось окно изъ
ни Грушеньки и она звонкимъ голосомъ прокричала вслѣдъ

Алешечка, поклонись своему братцу Митенькѣ, да скажи
тобы не поминалъ меня, злодѣйку свою, лихомъ. Да переда-
му тоже моими словами: «Подлецу досталась Грушенька, а
ъ, благородному!» Да прибавь ему тоже, что любила его Гру-
ка одинъ часокъ времени, только одинъ часокъ всего и лю-
—такъ чтобъ онъ этотъ часокъ всю жизнь свою отселева
лъ, такъ, дескать, Грушенька на всю жизнь тебѣ заказала!..
на закончила голосомъ полнымъ рыданій. Окно захлопну-

Гм! Гм! промычалъ Ракитинъ, смѣясь,—зарѣзала братца
ьку, да еще велитъ на всю жизнь свою помнить. Экое пло-
!
еша ничего не отвѣтилъ, точно и не слыхалъ; онъ шелъ
Ракитина скоро, какъ-бы ужасно спѣша; онъ былъ какъ-бы
ьянъ, шелъ машинально. Ракитина вдругъ что-то укололо,
ранку его свѣжую тронули пальцемъ. Совсѣмъ не того
онъ давеча, когда сводилъ Грушеньку съ Алешей; совсѣмъ
случилось, а не то чего-бы ему очень хотѣлось.
Полякъ онъ, ея офицеръ этотъ, заговорилъ онъ опять,
ваясь,—да и не офицеръ онъ вовсе теперь, онъ въ та-
чиновникомъ въ Сибири служилъ гдѣ-то тамъ на Китай-
границѣ, должно быть, какой поляченочекъ мозглявенькій.
говорятъ, потерялъ. Прослышалъ теперь, что у Гру-
капиталъ завелся, вотъ и вернулся, — въ томъ и всѣ

на опять точно не слыхалъ. Ракитинъ не выдержалъ:
Что-жь, обратилъ грѣшницу? злобно засмѣялся онъ

удницу на путь истины обратилъ? Семь
Вотъ они гдѣ, наши чудеса-то давешнія, ожи
— Перестань, Ракитинъ, со страданіемъ въ душѣ от
Алеша.
— Это ты теперь за двадцать пять рублей меня дав
«презираешь?» Продалъ, дескать, истиннаго друга. Да в
не Христосъ, а я не Іуда.
— Ахъ, Ракитинъ, увѣряю тебя, я и забылъ объ
воскликнулъ Алеша—самъ ты сейчасъ напомнилъ...
Но Ракитинъ озлился уже окончательно.
— Да чортъ васъ дери всѣхъ и каждаго! завопи
вдругъ,—и зачѣмъ я, чортъ, съ тобою связался! Знать
не хочу больше отселева. Пошелъ одинъ, вонъ твоя до
И онъ круто повернулъ въ другую улицу, оставивъ
одного во мракѣ. Алеша вышелъ изъ города и пошелъ
къ монастырю.

IV.

Кана Галилейская.

Было уже очень поздно по монастырскому, когда
пришелъ въ скитъ; его пропустилъ привратникъ особы
темъ. Пробило уже девять часовъ,—часъ общаго отд
покоя послѣ столь тревожнаго для всѣхъ дня. Алеша
отворилъ дверь и вступилъ въ келью старца, въ котор
перь стоялъ гробъ его. Кромѣ отца Паисія, уединенно
шаго надъ гробомъ Евангеліе, и юноши послушника По
утомленнаго вчерашнею ночною бесѣдой и сегодняшнею
и спавшаго въ другой комнатѣ на полу своимъ крѣпки
лодымъ сномъ, въ кельѣ никого не было. Отецъ Паисій
и слышалъ, что вошелъ Алеша, но даже и не посмотр
его сторону. Алеша повернулъ вправо отъ двери въ
сталъ на колѣни и началъ молиться. Душа его была пе
нена, но какъ-то смутно, и ни одно ощущеніе не выдѣ
слишкомъ сказываясь, напротивъ, одно вытѣсняло дру
какомъ-то тихомъ, ровномъ коловращеніи. Но сердцу
сладко и странно, Алеша не удивлялся тому. Опять
онъ предъ собою этотъ гробъ, этого закрытаго кругомъ,
цѣннаго ему мертвеца, но плачущей, ноющей, мучительн

было въ душѣ его, какъ давеча утромъ. Предъ гройчасъ войдя, онъ палъ какъ предъ святыней, но радость сіяла въ умѣ его и въ сердцѣ его. Одно окно ло отперто, воздухъ стоялъ свѣжій и холодноватый,— , духъ сталъ еще сильнѣе, коли рѣшились отворить одумалъ Алеша. Но и эта мысль о тлетворномъ духѣ, ся ему еще только давеча столь ужасною и безславподняла теперь въ немъ давешней тоски и давешняго ія. Онъ тихо началъ молиться, но вскорѣ самъ полъ, что молится почти машинально. Обрывки мыслей въ душѣ его, загорались какъ звѣздочки и тутъ- , смѣняясь другими, но зато царило въ душѣ что-то ердое, утоляющее, и онъ сознавалъ это самъ. Иногда енно начиналъ молитву, ему такъ хотѣлось благодаюбить... Но, начавъ молитву, переходилъ вдругъ на что-ругое, задумывался, забывалъ и молитву, и то чѣмъ ъ ее. Сталъ было слушать, что читалъ отецъ Паисій, енный очень, мало по малу началъ дремать...

ь третій день бракъ бысть въ Канѣ Галилейстый, гецъ Паисій, *и бѣ Мати Іисусова ту. Званъ-же бысть ученицы его на бракъ*».

ракъ? Что это... бракъ... песлось какъ вихрь въ умѣ – у ней тоже счастье... поѣхала на пиръ... Нѣтъ, она ножа, не взяла ножа... Это было только «жалкое» Іу... жалкія слова надо прощать, непремѣнно. Жалкія пать душу... безъ нихъ горе было-бы слишкомъ тяюдей. Ракитинъ ушелъ въ переулокъ. Пока Ракитинъ умать о своихъ обидахъ, онъ будетъ всегда уходить окъ... А дорога... дорога-то большая, прямая, свѣтлая, ая и солнце въ концѣ ея... А?.. что читаютъ?

не доставшу вина, глагола Мати Іисусова къ Нему: мутъ»... слышалось Алешѣ.

къ да, я тутъ пропустилъ, а не хотѣлъ пропускать, я о люблю: Это Кана Галилейская, первое чудо... Ахъ, ахъ, это милое чудо. Не горе, а радость людскую Христосъ, въ первый разъ сотворяя чудо, радости помогъ... «Кто любитъ людей, тотъ и радость ихъ лю- Это повторялъ покойникъ поминутно, это одна изъ ихъ мыслей его была... Безъ радости жить нельзя, Митя... Да, Митя... Все, что истинно и прекрасно, дно всепрощенія,—это опять-таки онъ говорилъ...

«*....Глаголa сй Іисусъ: что есть Мнѣ и тебѣ, ж у пріиде часъ Мой. Глаголa Мати Его слугамъ: е глаголетъ вамъ, сотворите*»...

— Сотворите... Радость, радость какихъ-нибудь б очень бѣдныхъ людей... Ужь конечно, бѣдныхъ, коли свадьбу вина не достало... Вонъ пишутъ историки, ч озера Генисаретскаго и во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ разселе тогда самое бѣднѣйшее населеніе, какое только можно зить... И знало-же другое великое сердце другаго вели щества, бывшаго тутъ-же, Матери Его, что не для одно великаго страшнаго подвига Своего сошелъ Онъ тогд доступно сердцу Его и простодушное немудрое веселіе нибудь темныхъ, темныхъ и не хитрыхъ существъ, ласк звавшихъ Его на убогій бракъ ихъ. «Не пришелъ еще ча Онъ говоритъ съ тихою улыбкой (непремѣнно улыбн кротко)... Въ самомъ дѣлѣ, неужто для того, чтобъ умнож на бѣдныхъ свадьбахъ, сошелъ Онъ на землю? А вотъ по и сдѣлалъ-же по Ея просьбѣ... Ахъ, онъ опять читает

«*....Глаголa имъ Іисусъ: наполните водоносы воды полниша ихъ до верха.*

«*И глаголa имъ: почерпните нынѣ и принесите архі нови, и принесоша.*

«*Якоже вкуси архітріклінъ віна бывшаго отъ вод вѣдяше откуду есть: слуги-же вѣдяху почерпшіи воду: и жениха архітріклінъ:*

«*И глаголa ему: всякъ человѣкъ прежде доброе ві гаетъ, и егда упіются, тогда хуждшее: ты же соблюлъ ес віно доселѣ*».

— Но что это, что́ это? Почему раздвигается комната да... вѣдь это бракъ, свадьба... да, конечно. Вотъ и гости молодые сидятъ, и веселая толпа и... гдѣ-же премудрый Ар клинъ? Но кто это? Кто? Онять раздвинулась комната... К етъ тамъ изъ-за большаго стола? Какъ... И онъ здѣсь? онъ во гробѣ... Но онъ и здѣсь... всталъ, увидалъ мен сюда... Господи!..

Да, къ нему, къ нему подошелъ онъ, сухенькій старич мелкими морщинками на лицѣ, радостный и тихо смѣ Гроба ужь нѣтъ, и онъ въ той-же одеждѣ, какъ и вчера съ ними, когда собрались къ нему гости. Лицо все открыто сіяютъ. Какъ-же это, онъ, стало быть, тоже на пирѣ, тоже на бракъ въ Канѣ Галилейской...

— Тоже, милый, тоже званъ, званъ и призванъ, раздается
нимъ тихій голосъ.—Зачѣмъ сюда схоронился, что не ви-
тебя... пойдемъ и ты къ намъ.
олосъ его, голосъ старца Зосимы... Да и какъ-же не онъ,
зоветъ? Старецъ приподнялъ Алешу рукой, тотъ поднялся
ѣнъ.
— Веселимся, продолжаетъ сухенькій старичекъ, — цьемъ
новое, вино радости новой, великой; видишь, сколько го-
Вотъ и женихъ и невѣста, вотъ и премудрый Архитриклинъ
новое пробуетъ. Чего дивишься на меня? Я луковку подалъ,
и я здѣсь. И многіе здѣсь только по луковкѣ подали, но
только маленькой луковкѣ... Что наши дѣла? И ты, тихій,
кроткій мой мальчикъ, и ты сегодня луковку съумѣлъ по-
ящущей. Начинай, милый, начинай, кроткій, дѣло свое!..
дишь-ли Солнце наше, видишь-ли ты Его?
— Боюсь... не смѣю глядѣть... прошепталъ Алеша.
— Не бойся Его. Страшенъ величіемъ предъ нами, ужасенъ
тою Своею, но милостивъ безконечно, намъ изъ любви упо-
ился и веселится съ нами, воду въ вино превращаетъ, чтобы
ресѣкалась радость гостей, новыхъ гостей ждетъ, новыхъ
рерывно зоветъ и уже на вѣки вѣковъ. Вонъ и вино несутъ
ое, видишь, сосуды несутъ...
Что-то горѣло въ сердцѣ Алеши, что-то наполнило его вдругъ
оли, слезы восторга рвались изъ души его... Онъ простеръ
, вскрикнулъ и проснулся...
нять гробъ, отворенное окно и тихое, важное, раздѣльное
е Евангелія. Но Алеша уже не слушалъ что читаютъ. Стран-
нъ заснулъ на колѣняхъ, а теперь стоялъ на ногахъ, и
ъ, точно сорвавшись съ мѣста, тремя твердыми скорыми ша-
подошелъ вплоть ко гробу. Даже задѣлъ плечомъ отца Па-
и не замѣтилъ того. Тотъ на мгновеніе поднялъ было на
глаза отъ книги, но тотчасъ-же отвелъ ихъ опять, понявъ
ъ юношей что-то случилось странное. Алеша глядѣлъ съ
нуты на гробъ, на закрытаго, недвижимаго, протянутаго въ
мертвеца, съ иконой на груди и съ куколемъ съ восьми-
нымъ крестомъ на головѣ. Сейчасъ только онъ слышалъ
его и голосъ этотъ еще раздавался въ его ушахъ. Онъ
слушивался, онъ ждалъ еще звуковъ... но вдругъ, круто
вшись, вышелъ изъ кельи.
не остановился и на крылечкѣ, но быстро сошелъ внизъ
восторгомъ душа его жаждала свободы, мѣста, широты

ироко, необозримо опрокинулся небесный
ъ сіяющихъ звѣздъ. Съ зенита до горизонта
несный Млечный путь. Свѣжая и тихая до неподви
облегла землю. Бѣлыя башни и золотыя главы
кали на яхонтовомъ небѣ. Осенніе роскошные цв
клумбахъ около дома заснули до утра. Тишина земная
сливалась съ небесною, тайна земная соприкасалась со
ною... Алеша стоялъ, смотрѣлъ, и вдругъ, какъ подкош
повергся на землю.

Онъ не зналъ, для чего обнималъ ее, онъ не дава
отчета, почему ему такъ неудержимо хотѣлось цаловать
ловать ее всю, но онъ цаловалъ ее плача, рыдая и
своими слезами, и изступленно клялся любить ее, лю
вѣки вѣковъ. «Облей землю слезами радости твоея и л
слезы твои»... прозвенѣло въ душѣ его. О чемъ плака
О, онъ плакалъ въ восторгѣ своемъ даже и объ этихъ зв
которыя сіяли ему изъ бездны и «не стыдился изст
сего». Какъ будто нити ото всѣхъ этихъ безчисленныхъ
Божіихъ сошлись разомъ въ душѣ его и она вся тр
«соприкасаясь мірамъ инымъ». Простить хотѣлось ему
за все, и просить прощенія, о! не себѣ, а за всѣхъ, з
за вся, а «за меня и другіе просятъ», прозвенѣло о
душѣ его. Но съ каждымъ мгновеніемъ онъ чувствовал
и какъ-бы осязательно, какъ что-то твердое и незыблемо
этотъ сводъ небесный, сходило въ душу его. Какая-то
идея воцарялась въ умѣ его—и уже на всю жизнь и
вѣковъ. Палъ онъ на землю слабымъ юношей, а встал
дымъ на всю жизнь бойцомъ, и созналъ и почувствов
вдругъ, въ ту-же минуту своего восторга. И никогда,
не могъ забыть Алеша во всю жизнь свою потомъ этой
«Кто-то посѣтилъ мою душу въ тотъ часъ», говорилъ он
съ твердою вѣрой въ слова свои...

Черезъ три дня онъ вышелъ изъ монастыря, что̀ согла
и со словомъ покойнаго старца его, повелѣвшаго ему «пр
въ міру».

КНИГА ВОСЬМАЯ.

МИТЯ.

I.

Кузьма Самсоновъ.

Дмитрій Ѳедоровичъ, которому Грушенька, улетая въ новую ..., «велѣла» передать свой послѣдній привѣтъ и заказала ... на вѣки часокъ ея любви, былъ въ эту минуту, ничего ... о происшедшемъ съ нею, тоже въ страшномъ смятеніи ...тахъ. Въ послѣдніе два дня онъ былъ въ такомъ невоз... состоянія, что дѣйствительно могъ заболѣть воспа... въ мозгу, какъ самъ потомъ говорилъ. Алеша наканунѣ ... розыскать его утромъ, а братъ Иванъ въ тотъ-же день ... устроить съ нимъ свиданія въ трактирѣ. Хозяева квар..., въ которой онъ квартировалъ, скрыли по его приказу ... его. Онъ-же въ эти два дня буквально метался во всѣ ..., «борясь съ своею судьбой и спасая себя», какъ онъ ...потомъ выразился, и даже на нѣсколько часовъ слетать ...ему горячему дѣлу вонъ изъ города, не смотря на то, что ...но было ему уѣзжать, оставляя Грушеньку хоть на минутку ...ника надъ нею. Все это впослѣдствіи выяснилось въ ... подробномъ и документальномъ видѣ, но теперь мы на... фактически лишь самое необходимое изъ исторіи этихъ ...ыхъ двухъ дней въ его жизни, предшествовавшихъ страш...катастрофѣ, такъ внезапно разразившейся надъ судьбой его. ...шенька хоть и любила его часочекъ истинно и искренно, ..., но и мучила-же его въ тоже время иной разъ дѣй...льно жестоко и безпощадно. Главное въ томъ, что ничего-

то онъ не могъ разгадать изъ ея намѣреній; выманить-л
или силой не было тоже возможности: не далась-бы н
а только-бы разсердилась и отвернулась отъ него вовсе,
ясно тогда понималъ. Онъ подозрѣвалъ тогда весьма в
она и сама находится въ какой-то борьбѣ, въ какой-т
чайной нерѣшительности, на что-то рѣшается и все
не можетъ, а потому и не безъ основанія предполагалъ
сердцемъ, что минутами она должна была просто ненав
съ его страстью. Такъ, можетъ быть, и было, но
именно тосковала Грушенька, того онъ всетаки не
Собственно для него весь вопросъ, его мучившій, сво
лишь въ два опредѣленія: «или онъ, Митя, или Ѳедор
вичъ». Тутъ, кстати, нужно обозначить одинъ тверды
онъ вполнѣ былъ увѣренъ, что Ѳедоръ Павловичъ не
предложитъ (если ужь не предложилъ) Грушенькѣ
бракъ, и не вѣрилъ ни минуты, что старый сластолюбецъ
отдѣлаться лишь тремя тысячами. Это выведъ Митя, з
шеньку и ея характеръ. Вотъ почему ему и могло каза
менами, что вся мука Грушеньки и вся ея нерѣшимость
дитъ тоже лишь оттого, что она не знаетъ кого изъ нихъ
и кто изъ нихъ будетъ ей выгоднѣе. О близкомъ-же воз
«офицера», то есть того роковаго человѣка въ жизни Гр
прибытія котораго она ждала съ такимъ волненіемъ и
онъ—странно это—въ тѣ дни даже и не думалъ думать
что Грушенька съ нимъ объ этомъ въ самые послѣдніе
молчала. Однако ему было вполнѣ извѣстно отъ нея-ж
письмѣ, полученномъ тою мѣсяцъ назадъ отъ этого
ея обольстителя, было извѣстно отчасти и содержані
Тогда, въ одну злую минутку, Грушенька ему это п
казала, но, къ ея удивленію, письму этому онъ не прид
никакой цѣны. И очень было-бы трудно объяснить по
жетъ быть, просто потому, что самъ, угнетенный всѣ
бразіемъ и ужасомъ своей борьбы съ роднымъ отцомъ
женщину, онъ уже и предположить не могъ для себ
страшнѣе и опаснѣе, по крайней мѣрѣ, въ то время.
же, вдругъ выскочившему откуда-то послѣ пятилѣтня
новенія, онъ просто даже не вѣрилъ, и особенно тому,
скоро пріѣдетъ. Да и въ самомъ этомъ первомъ писы
цера», которое показали Митенькѣ, говорилось о пріѣ
новаго соперника весьма неопредѣленно: письмо было с
манное, очень высокопарное и наполнено лишь чув

[redacted]. Надо замѣтить, что Грушенька въ тотъ разъ скрыла отъ [redacted] послѣднія строчки письма, въ которыхъ говорилось нѣ[redacted]ко опредѣленнѣе о возвращеніи. Къ тому-же Митенька вспо[redacted]мнилъ потомъ, что въ ту минуту уловилъ какъ-бы нѣкоторое [redacted]ьное и гордое презрѣніе къ этому посланію изъ Сибири [redacted]щѣ самой Грушеньки. Затѣмъ Грушенька о всѣхъ даль[redacted]нихъ сношеніяхъ съ этимъ новымъ соперникомъ Митенькѣ [redacted]ичего не сообщала. Такимъ образомъ и мало по малу онъ [redacted]мъ даже забылъ объ офицерѣ. Онъ думалъ только о томъ, [redacted]то-бы тамъ ни вышло и какъ-бы дѣло не обернулось, а [redacted]ставшаяся окончательная ошибка его съ Ѳедоромъ Павло[redacted]вичемъ слишкомъ близка и должна разрѣшиться раньше всего [redacted]го. Замирая душой, онъ ежеминутно ждалъ рѣшенія Гру[redacted]ши и все вѣрилъ, что оно произойдетъ какъ-бы внезапно, [redacted]техновенію. Вдругъ она скажетъ ему: «Возьми меня, я на [redacted]твоя»—и все кончится: онъ схватитъ ее и увезетъ на край [redacted] тотчасъ-же. О, тотчасъ-же увезетъ какъ можно, какъ [redacted]го дальше, если не на край свѣта, то куда-нибудь на край [redacted], женится тамъ на ней и поселится съ ней incognito, такъ [redacted]ъ ужь никто не зналъ объ нихъ вовсе, ни здѣсь, ни тамъ [redacted]гдѣ. Тогда, о, тогда, начнется, тотчасъ-же совсѣмъ новая [redacted]ь! Объ этой другой, обновленной и уже «добродѣтельной» [redacted] («непремѣнно, непремѣнно добродѣтельной») онъ мечталъ [redacted]мутно и изступленно. Онъ жаждалъ этого воскресенія и [redacted]ленія. Гнусный омутъ, въ которомъ онъ завязъ самъ своею [redacted], слишкомъ тяготилъ его и онъ, какъ и очень многіе въ [redacted]ъ случаяхъ, всего болѣе вѣрилъ въ перемѣну мѣста: только-[redacted]е эти люди, только-бы не эти обстоятельства, только-бы [redacted]ть изъ этого проклятаго мѣста и—все возродится, пойдетъ [redacted]вому! Вотъ во что онъ вѣрилъ и по чемъ томился.

[redacted]о это было лишь въ случаѣ перваго, *счастливаго* рѣшенія [redacted]оса. Было и другое рѣшеніе, представлялся и другой, но [redacted]ый уже исходъ. Вдругъ она скажетъ ему: «ступай, я по[redacted]ла сейчасъ съ Ѳедоромъ Павловичемъ, и выхожу за него [redacted]ъ, а тебя не надо»—и тогда... но тогда... Митя, впро[redacted], не зналъ что будетъ тогда, до самаго послѣдняго часу [redacted]алъ, въ этомъ надо его оправдать. Намѣреній опредѣлен[redacted]ъ у него не было, преступленіе обдумано не было. Онъ только [redacted]ть, шпіонилъ и мучился, но готовился всетаки лишь къ [redacted]му счастливому исходу судьбы своей. Даже отгонялъ вся[redacted]другую мысль. Но здѣсь уже начиналась совсѣмъ другая

мука, вставало одно совсѣмъ новое и постороннее, но то
ковое и неразрѣшимое обстоятельство.

Именно, въ случаѣ, если она скажетъ ему: «я твоя,
меня», то какъ онъ ее увезетъ? Гдѣ у него на то ср
деньги? У него какъ разъ къ этому сроку изсякли всѣ,
поръ не прерывавшіеся въ продолженіи столькихъ лѣ
доходы отъ подачекъ Ѳедора Павловича. Конечно, у Гру
были деньги, но въ Митѣ на этотъ счетъ вдругъ ок
страшная гордость: онъ хотѣлъ увезти ее самъ и начать
новую жизнь на свои средства, а не на ея, онъ вообрази
не могъ, что возьметъ у нея ея деньги, и страдалъ от
мысли до мучительнаго отвращенія. Не распространяюсь
объ этомъ фактѣ, не анализирую его, а лишь отмѣчаю:
былъ складъ души его въ ту минуту. Могло все это п
дить косвенно и какъ-бы безсознательно даже отъ тайны
его совѣсти за воровски присвоенныя имъ деньги Катери
новны: «предъ одной подлецъ и предъ другой тотчасъ-ж
опять подлецъ», думалъ онъ тогда, какъ самъ потомъ
вался: «да Грушенька коли узнаетъ, такъ и сама не з
такого подлеца». Итакъ, гдѣ-же взять средства, гдѣ вз
роковыя деньги? Иначе все пропадетъ и ничего не со
«и единственно потому, что не хватило денегъ, о, позо

Забѣгаю впередъ: то-то и есть, что онъ, можетъ быть,
гдѣ достать эти деньги, зналъ, можетъ быть, гдѣ и лежа
Подробнѣе на этотъ разъ ничего не скажу, ибо потомъ вс
нится; но вотъ въ чемъ состояла главная для него бѣда
неясно, но я это выскажу: чтобы взять эти лежащія
средства, чтобы *имѣть право* взять ихъ, надо было п
тельно возвратить три тысячи Катеринѣ Ивановнѣ — в
карманный воръ, я подлецъ, а новую жизнь я не хоч
нать подлецомъ», рѣшилъ Митя, а потому рѣшилъ пер
весь міръ, если надо, но непремѣнно эти три тысячи от
теринѣ Ивановнѣ во что-бы то ни стало и *прежде всег*
чательный процессъ этого рѣшенія произошелъ съ ни
сказать, въ самые послѣдніе часы его жизни, именно съ
няго свиданія съ Алешей, два дня тому назадъ вече
дорогѣ, послѣ того какъ Грушенька оскорбила Катери
новну, а Митя, выслушавъ разсказъ о томъ отъ Алеши, с
что онъ подлецъ и велѣлъ передать это Катеринѣ И
«если это можетъ сколько-нибудь ее облегчить». Тогда
ту ночь, разставшись съ братомъ, почувствовалъ онъ въ

ъ, что лучше ему даже «убить и ограбить кого ни-
олгъ Катѣ возвратить». «Пусть ужь лучше я предъ
имъ и ограбленнымъ— убійцей и воромъ выйду, и предъ
ьми, и въ Сибирь пойду, чѣмъ если Катя въ правѣ
зать, что я ей измѣнилъ и у нея-же деньги укралъ,
е деньги съ Грушенькой убѣжалъ добродѣтельную
нать! Этого не могу!» Такъ со скрежетомъ зубовъ
гя и дѣйствительно могъ представлять себѣ время-
кончить воспаленіемъ въ мозгу. Но пока боролся...
ю дѣло: казалось-бы, что тутъ при такомъ рѣшеніи,
янія, ничего уже болѣе для него не оставалось: ибо гдѣ
гъ такія деньги, да еще такому голышу, какъ онъ?
ѣмъ онъ до конца все то время надѣялся, что доста-
ри тысячи, что онѣ придутъ, слетятъ къ нему какъ
и, даже хоть съ неба. Но такъ именно бываетъ съ
рые, какъ и Дмитрій Ѳедоровичъ, всю жизнь свою
шь тратить и мотать доставшіяся по наслѣдству деньги
о томъ, какъ добываются деньги, не имѣютъ никакого
амый фантастическій вихрь поднялся въ головѣ его
слѣ того, какъ онъ третьяго дня разстался съ Але-
талъ всѣ его мысли. Такимъ образомъ вышло, что на-
ъ самаго дикаго предпріятія. Да, можетъ быть, именно
ь положеніяхъ у этакихъ людей самыя невозможныя
ческія предпріятія представляются первыми, возмож-
Онъ вдругъ порѣшилъ пойдти къ купцу Самсонову,
ю Грушеньки, и предложить ему одинъ «планъ», до-
него подъ этотъ «планъ» разомъ всю искомую сумму;
своемъ съ коммерческой стороны онъ не сомнѣвался
а сомнѣвался лишь въ томъ, какъ посмотритъ на его
амъ Самсоновъ, если захочетъ взглянуть не съ одной
мерческой стороны. Митя хоть и зналъ этого купца въ
знакомъ съ нимъ не былъ и даже ни разу не гово-
имъ. Но почему-то въ немъ, и даже уже давно, основа-
леніе, что этотъ старый развратитель, дышащій теперь
, можетъ быть, вовсе не будетъ въ настоящую минуту
я, если Грушенька устроитъ какъ-нибудь свою жизнь
ыйдетъ за «благонадежнаго человѣка» замужъ. И что не
удетъ противиться, но что и самъ желаетъ того и, на-
лько случай, самъ будетъ способствовать. По слухамъ-
, или изъ какихъ-нибудь словъ Грушеньки, но онъ
тоже, что старикъ, можетъ быть, предпочелъ-бы

его для Грушеньки Ѳедору Павловичу. Можетъ быть, изъ читателей нашей повѣсти покажется этотъ разсчетъ добную помощь и намѣреніе взять свою невѣсту, такъ изъ рукъ ея покровителя слишкомъ ужь грубымъ и не вымъ со стороны Дмитрія Ѳедоровича. Могу замѣтить з что прошлое Грушеньки представлялось Митѣ уже окон прошедшимъ. Онъ глядѣлъ на это прошлое съ безко состраданіемъ и рѣшилъ со всѣмъ пламенемъ своей стра разъ Грушенька выговоритъ ему, что его любитъ и идетъ, то тотчасъ-же и начнется совсѣмъ новая Груш вмѣстѣ съ нею и совсѣмъ новый Дмитрій Ѳедоровичъ, б кихъ уже пороковъ, а лишь съ однѣми добродѣтелями: другъ другу простятъ и начнутъ свою жизнь уже сов новому. Что-же до Кузьмы Самсонова, то считалъ онъ этомъ прежнемъ провалившемся прошломъ Грушеньки вѣка въ жизни ея роковаго, котораго она, однако, ни любила и который, это главное, уже тоже «прошелъ», к такъ что и его уже нѣтъ теперь вовсе. Да къ тому-же даже и за человѣка теперь считать не могъ, ибо извѣст всѣмъ и каждому въ городѣ, что это лишь больная ра сохранившая отношенія съ Грушенькой, такъ сказат отеческія, а совсѣмъ не на тѣхъ основаніяхъ, какъ п что это уже давно такъ, уже почти годъ какъ такъ. комъ случаѣ тутъ было много и простодушія со сторон ибо при всѣхъ порокахъ своихъ это былъ очень прост человѣкъ. Вслѣдствіе этого-то простодушія своего он прочимъ, былъ серьезно .убѣжденъ, что старый Кузь раясь отходить въ другой міръ, чувствуетъ искреннее ніе за свое прошлое съ Грушенькой, и что нѣтъ тепе покровителя и друга болѣе преданнаго, какъ этотъ бе уже старикъ.

На другой-же день послѣ разговора своего съ Ал полѣ, послѣ котораго Митя почти не спалъ всю ночь, он въ домъ Самсонова около десяти часовъ утра и велѣл доложить. Домъ этотъ былъ старый, мрачный, очень об двухъ-этажный, съ надворными строеніями и съ флиге нижнемъ этажѣ проживали два женатые сына Самс своими семействами, престарѣлая сестра его и одна нез дочь. Во флигелѣ-же помѣщались два его прикащика, рыхъ одинъ былъ тоже многосемейный. И дѣти, и пр тѣснились въ своихъ помѣщеніяхъ, но верхъ дома зани

не пускалъ къ себѣ жить даже дочь, ухи
, и которая въ опредѣленные часы и въ нем
я его должна была каждый разъ взбѣ ть къ
зу, не смотря на давнишнюю одышку о
ялъ изъ множества большихъ парадны
хъ по купеческой старинѣ, съ длинны
южихъ креселъ и стульевъ красна
рустальными люстрами въ чехла
простѣнкахъ. Всѣ эти комнаты с
обитаемыми, потому что больной с
й комнаткѣ, въ отдаленной маленьк
рислуживала ему старуха-служанка,
да «малый», пребывавшій на залавкѣ в
ъ изъ-за распухшихъ ногъ своихъ по
и только изрѣдка поднимался со свои
, и старуха, придерживая его подъ руки, п
-другой по комнатѣ. Былъ онъ строгъ и неразго-
съ этою старухой. Когда доложили ему о приходѣ
нъ тотчасъ-же велѣлъ отказать. Но Митя настаи-
ился еще разъ. Кузьма Кузьмичъ опросилъ под-
что́, дескать, каковъ съ виду, не пьянъ-ли? Не
I получилъ въ отвѣтъ что «тверезъ», но уходить
Старикъ опять велѣлъ отказать. Тогда Митя, все
шій и нарочно на сей случай захватившій съ со-
карандашъ, четко написалъ на клочкѣ бумаги одну
самонужнѣйшему дѣлу, близко касающемуся Агра-
идровны», и послалъ это старику. Подумавъ нѣ-
къ велѣлъ малому ввести посѣтителя въ залу, а
алъ внизъ съ приказаніемъ къ младшему сыну
иться къ нему на верхъ. Этотъ младшій сынъ,
ковъ двѣнадцати и силы непомѣрной, бривший
вшійся по нѣмецки (самъ Самсоновъ ходилъ въ
бородой), явился немедленно и безмолвно. Всѣ
емъ трепетали. Пригласилъ отецъ этого молодца
изъ страху предъ капитаномъ, характера онъ былъ
каго, а такъ, лишь на всякій случай, болѣе чтобъ
ля. Въ сопровожденіи сына, взявшаго его подъ
о, онъ выплылъ, наконецъ, въ залу. Надо думать,
онъ и нѣкоторое довольно сильное любопытство.
которой ждалъ Митя, была огромная, угрюмая,
ской душу комната, въ два свѣта, съ хорами, со

стѣнами «подъ мраморъ» и съ тремя огромными хрусталь
люстрами въ чехлахъ. Митя сидѣлъ на стульчикѣ у
двери и въ нервномъ нетерпѣніи ждалъ своей участи.
старикъ появился у противоположнаго входа, сажень
отъ стула Митя, то тотъ вдругъ вскочилъ и своими
фронтовыми, аршинными шагами пошелъ къ нему на
Одѣтъ былъ Митя прилично, въ застегнутомъ сюртукѣ,
лою шляпой въ рукахъ и въ черныхъ перчаткахъ,
точь какъ былъ дня три тому назадъ въ монастырѣ, у
на семейномъ свиданіи съ Ѳедоромъ Павловичемъ и съ
Старикъ важно и строго ожидалъ его стоя и Митя
чувствовалъ, что, пока онъ подходилъ, тотъ его всего
рѣлъ. Поразило тоже Митю чрезвычайно опухшее за
время лицо Кузьмы Кузьмича: нижняя и безъ того толста
его казалась теперь какою-то отвисшею лепешкой.
молча поклонился онъ гостю, указалъ ему на кресло
вана, а самъ медленно, опираясь на руку сына и
кряхтя, сталъ усаживаться напротивъ Мити на диванъ,
что тотъ, видя болѣзненныя усилія его, немедленно почувст
валъ въ сердцѣ своемъ раскаяніе и деликатный стыдъ за
теперешнее ничтожество предъ столь важнымъ имъ обезпок
нымъ лицомъ.

— Что вамъ, сударь, отъ меня угодно? проговорилъ, усѣ
наконецъ, старикъ, медленно, раздѣльно, строго, но вѣжливо.

Митя вздрогнулъ, вскочилъ было, но сѣлъ опять. Зат
тотчасъ-же сталъ говорить громко, быстро, нервно, съ жест
и въ рѣшительномъ изступленіи. Видно было, что человѣкъ
шелъ до черты, погибъ и ищетъ послѣдняго выхода, а не удас
то хоть сейчасъ и въ воду. Все это въ одинъ мигъ вѣроятно
нялъ старикъ Самсоновъ, хотя лицо его оставалось неизмѣнны
и холоднымъ, какъ у истукана.

«Благороднѣйшій Кузьма Кузьмичъ вѣроятно слыхалъ уже
разъ о моихъ контрахъ съ отцомъ моимъ, Ѳедоромъ Павло
чемъ Карамазовымъ, ограбившимъ меня по наслѣдству
родной моей матери... такъ какъ весь городъ уже трещитъ
этомъ... потому что здѣсь всѣ трещатъ объ томъ, чего не зна
А кромѣ того, могло дойдти и отъ Грушеньки... виноватъ:
Аграфены Александровны... отъ многоуважаемой и многочт
мною Аграфены Александровны»... такъ началъ и оборва
съ перваго слова Митя. Но мы не будемъ приводить дослов
всю его рѣчь, а представимъ лишь изложеніе. Дѣло, дейст

заключается въ томъ, что онъ, Митя, еще три мѣсяца н
нарочито совѣтовался (онъ именно проговорилъ «наро
а не нарочно) съ адвокатомъ въ губернскомъ городѣ, «с
менитымъ адвокатомъ, Кузьма Кузьмичъ, Павломъ Па
немъ Корнеплодовымъ, изволили вѣроятно слышать? Ло
ширный, почти государственный умъ... васъ тоже зн
отзывался въ лучшемъ видѣ»... оборвался въ другой разъ
Но обрывы его не останавливали, онъ тотчасъ-же чрезъ
перескакивалъ и устремлялся все далѣе и далѣе. Этотъ
мый Корнеплодовъ, опросивъ подробно и разсмотрѣвъ доку
какіе Митя могъ представить ему (о документахъ Митя выр
неясно и особенно спѣша въ этомъ мѣстѣ) отнесся,
ѣть деревни Чермашни, которая должна-бы, дескать
принадлежать ему, Митѣ, по матери, дѣйствительно мо
было начать искъ и тѣмъ старика-безобразника огоро
потому что не всѣ-же двери заперты, а юстиція ужь
да пролѣзть». Однимъ словомъ, можно-бы было над
же-де тысячъ на шесть додачи отъ Ѳедора Павлови
мъ даже, такъ какъ Чермашня все-же стоитъ не менѣе
яти пяти тысячъ, то есть навѣрно двадцати восьми,—
яти, тридцати, Кузьма Кузьмичъ, а я, представьте себѣ
адати отъ этого жестокаго человѣка не выбралъ!..» Так
дескать, Митя, тогда это дѣло бросилъ, ибо не умѣю съ
ей, а пріѣхавъ сюда, поставленъ былъ въ столбнякъ в
мъ искомъ (здѣсь Митя опять запутался и опять круто
кончилъ): такъ вотъ, дескать, не пожелаете-ли вы, благор
Кузьма Кузьмичъ, взять всѣ права мои на этого изв
мнѣ дайте три только тысячи... Вы ни въ какомъ
проиграть вѣдь не можете, въ этомъ честью, честью кля
всѣмъ напротивъ, можете нажить тысячъ шесть или сем
трехъ... А главное дѣло, чтобъ это кончить «даже се
е». «Я тамъ вамъ у нотаріуса, что-ли, или какъ тамъ... С
ловомъ, я готовъ на все, выдамъ всѣ документы, какіе
уете, все подпишу... и мы эту бумагу сейчасъ-же и совер
ы, и если-бы можно, если-бы только можно, то сегодня
ромъ... Вы-бы мнѣ эти три тысячи выдали... какъ как
е противъ васъ капиталистъ въ этомъ городишкѣ... и
бы меня отъ... однимъ словомъ, спасли-бы мою б
ая благороднѣйшаго дѣла, для возвышеннаго
ать... ибо питаю благороднѣйшія чувства къ и
которую слишкомъ знаете и о которой печетес

чески. [illegible]ы и не пришелъ, если-бы не отечески. И, ес
хотите, тутъ [illegible]рое состукнулись лбами, ибо судьба — это стр
шилище, Кузьма Кузьмичъ! Реализмъ, Кузьма Кузьмичъ, ре
лизмъ! А такъ какъ васъ давно уже надо исключить, то ост
нутся два лба, какъ и выразился, можетъ быть, не ловко, но
не литераторъ. То есть одинъ лобъ мой, а другой—этого изверг
Итакъ, выбирайте: или я, или извергъ? Все теперь въ вашихъ
рукахъ—три судьбы и два жребія... Извините, я сбился, но в
понимаете... я вижу по вашимъ почтеннымъ глазамъ, что в
поняли... А если не поняли, то сегодня-же въ воду, вотъ!

Митя оборвалъ свою нелѣпую рѣчь этимъ «вотъ» и, вск
чивъ съ мѣста, ждалъ отвѣта на свое глупое предложеніе. С
послѣднею фразой онъ вдругъ и безнадежно почувствовалъ, ч
все лопнуло, а, главное, что онъ нагородилъ страшной ахин
«Странное дѣло, пока шелъ сюда, все казалось хорошо, а теп
вотъ и ахинея!» вдругъ пронеслось въ его безнадежной голо
Все время, пока онъ говорилъ, старикъ сидѣлъ неподвижно
съ ледянымъ выраженіемъ во взорѣ слѣдилъ за нимъ. Выдержа
его, однако, съ минуту въ ожиданіи, Кузьма Кузьмичъ изре
наконецъ, самымъ рѣшительнымъ и безотраднымъ тономъ:

— Извините-съ, мы этакими дѣлами не занимаемся.

Митя вдругъ почувствовалъ, что подъ нимъ слабѣютъ но

— Какъ-же я теперь, Кузьма Кузьмичъ, пробормоталъ о
блѣдно улыбаясь.—Вѣдь я теперь пропалъ, какъ вы думаете

— Извините-съ...

Митя все стоялъ и все смотрѣлъ неподвижно въ упоръ
вдругъ замѣтилъ, что что-то двинулось въ лицѣ старика. О
вздрогнулъ.

— Видите, сударь, намъ такія дѣла—несподручны, медле
промолвилъ старикъ,—суды пойдутъ, адвокаты, сущая бѣда
если хотите, тутъ есть одинъ человѣкъ, вотъ къ нему и об
титесь...

— Боже мой, кто-же это!.. Вы воскрешаете меня, Куз
Кузьмичъ, залепеталъ вдругъ Митя.

— Не здѣшній онъ, этотъ человѣкъ, да и здѣсь его тепе
не находится. Онъ по крестьянству, лѣсомъ торгуетъ, про
щемъ Лягавый. У Ѳедора Павловича вотъ ужь годъ какъ торгу
въ Чермашнѣ этой вашей рощу, да за цѣной расходятся, може
слышали. Теперь онъ какъ разъ пріѣхалъ опять и стоитъ
перь у батюшки Ильинскаго, отъ Воловьей станціи верстъ
надцать, что-ли, будетъ, въ селѣ Ильинскомъ. Писалъ онъ

ко мнѣ по этому дѣлу, то есть на счетъ этой рощи, совѣта
лъ. Ѳедоръ Павловичъ къ нему самъ хочетъ ѣхать. Такъ
-бы вы Ѳедора Павловича предупредили, да Лягавому пред-
ли вотъ то самое, что мнѣ говорили, то онъ можетъ статься...
— Геніальная мысль! восторженно перебилъ Митя.—Именно
именно ему въ руку! Онъ торгуетъ, съ него дорого про-
, а тутъ ему именно документъ на самое владѣніе, ха-ха-ха!
тя вдругъ захохоталъ своимъ коротким, деревяннымъ
хомъ, совсѣмъ неожиданнымъ, такъ что даже Самсоновъ дрог-
головой.
— Какъ благодарить мнѣ васъ, Кузьма Кузьмичъ, кишѣлъ
.
— Ничего-съ, склонилъ голову Самсоновъ.
— Но вы не знаете, вы спасли меня, о, меня влекло къ вамъ
увствіе... Итакъ, къ этому попу!
— Не стоитъ благодарности-съ.
— Спѣшу и лечу. Злоупотребилъ вашимъ здоровьемъ. Вѣкъ
забуду, русскій человѣкъ говоритъ вамъ это, Кузьма Кузь-
ъ, р-русскій человѣкъ!
— Тэ-эксъ.

Митя схватилъ было старика за руку, чтобы потрясть ее, но
-то злобное промелькнуло въ глазахъ того. Митя отнялъ руку,
тотчасъ-же упрекнулъ себя во мнительности. «Это онъ усталъ»...
кнуло въ умѣ его.

— Для нея! Для нея, Кузьма Кузьмичъ! Вы понимаете, что
для нея! рявкнулъ онъ вдругъ на всю залу, поклонился,
то повернулся и тѣми-же скорыми, аршинными шагами, не
рачиваясь, устремился къ выходу. Онъ трепеталъ отъ восторга.
ѣдь ужь погибало, и вотъ Ангелъ Хранитель спасъ», не-
ь въ умѣ его. «И ужь если такой дѣлецъ, какъ этотъ ста-
(благороднѣйшій старикъ, и какая осанка!) указалъ этотъ
ъ, то... то ужь, конечно, выигранъ путь. Сейчасъ и летѣть.
ночи вернусь, ночью вернусь, но дѣло побѣждено. Неужели-
старикъ могъ надо мной насмѣяться?» Такъ восклицалъ Митя,
ая въ свою квартиру, и ужь, конечно, иначе и не могло
ставляться уму его, то есть: или дѣльный совѣтъ (отъ та-
-то дѣльца)—со знаніемъ дѣла, со знаніемъ этого Лягаваго
анная фамилія!) или—или старикъ надъ нимъ посмѣялся!
послѣдняя-то мысль и была единственно вѣрною. Потомъ,
долго спустя, когда уже совершилась вся катастрофа, ста-
Самсоновъ самъ сознавался, смѣясь, что тогда осмѣялъ

то былъ злобный, холодный и насмѣшливы
му-же съ болѣзненными антипатіями. Восто
капитана, глупое-ли убѣжденіе этого «мота
ла», что онъ, Самсоновъ, можетъ поддаться на такую
его «планъ», ревнивое-ли чувство на счетъ Грушень
которой «этотъ сорванецъ пришелъ къ нему съ ка
ью за деньгами,—не знаю что именно побудило тогд
а, но въ ту минуту, когда Митя стоялъ передъ нимъ, чув
что слабѣютъ его ноги и безмысленно восклицалъ, что он
палъ—въ ту минуту старикъ посмотрѣлъ на него съ
нечною злобой и придумалъ надъ нимъ посмѣяться. Когда
вышелъ, Кузьма Кузьмичъ, блѣдный отъ злобы, обратил
сыну и велѣлъ распорядиться, чтобы впредь этого оборв
духу не было, и на дворъ не впускать, не то...

Онъ не договорилъ того чѣмъ угрожалъ, но даже сынъ
видавшій его во гнѣвѣ, вздрогнулъ отъ страху. Цѣлый
спустя старикъ даже весь трясся отъ злобы, а къ вечеру
лѣлъ и послалъ за «лѣкаремъ».

II.

Лягавый.

Итакъ, надо было «скакать». а денегъ на лошадей в
не было ни копѣйки, то есть были два двугривенныхъ,
все, что оставалось отъ столькихъ лѣтъ прежняго б
стоянія. Но у него лежали дома старые серебряные часы
уже переставшіе ходить. Онъ схватилъ ихъ и снесъ къ
часовщику, помѣщавшемуся въ своей лавчонкѣ на базарѣ
далъ за нихъ шесть рублей. «И того не ожидалъ!» вск
восхищенный Митя (онъ все продолжалъ быть въ восхи
схватилъ свои шесть рублей и побѣжалъ домой. Дома о
полнилъ сумму, взявъ взаймы три рубля отъ хозяевъ, к
дали ему съ удовольствіемъ, не смотря на то, что отдава
слѣднія свои деньги, до того любили его. Митя въ вост
номъ состояніи своемъ открылъ имъ тутъ-же, что рѣ
судьба его и разсказалъ имъ, ужасно спѣша, разумѣется,
весь свой «планъ», который только что представилъ Сам
затѣмъ рѣшеніе Самсонова, будущія надежды свои, и проч.,
Хозяева и допрежь сего были посвящены во многія его

му-то и смотрѣли на него, какъ на *своего* человѣка, совсѣмъ
рдаго барина. Совокупивъ такимъ образомъ девять рублей,
послалъ за почтовыми лошадьми до Воловьей станціи. Но
мъ образомъ запомнился и обозначился фактъ, что «нака-
некотораго событія, въ полдень, у Мити не было ни ко-
и что онъ, чтобы достать денегъ, продалъ часы и занялъ
рубля у хозяевъ, и все при свидѣтеляхъ».
Отмѣчаю этотъ фактъ заранѣе, потомъ разъяснится, для чего
дѣлаю.
Поскакавъ на Воловью станцію, Митя, хоть и сіялъ отъ ра-
аго предчувствія, что, наконецъ-то, кончитъ и развяжетъ
эти дѣла», тѣмъ не менѣе трепеталъ и отъ страху: что
ся теперь съ Грушенькой въ его отсутствіе? Ну, какъ разъ
ня-то и рѣшится, наконецъ, пойдти къ Ѳедору Павловичу?
почему онъ и уѣхалъ, ей не сказавшись и заказавъ хозяе-
отнюдь не открывать, куда онъ дѣлся, если откуда-нибудь
утъ его спрашивать. «Непремѣнно, непремѣнно сегодня къ
ру надо вернуться», повторялъ онъ, трясясь въ телѣгѣ, «а
го Лягаваго, пожалуй, и сюда притащить... для совершенія
го акта»... такъ, замирая душою, мечталъ Митя, но увы, меч-
ямъ его слишкомъ не суждено было совершиться по его
ану».
Во первыхъ, онъ опоздалъ, отправившись съ Воловьей стан-
проселкомъ. Проселокъ оказался не въ двѣнадцать, а въ во-
адцать верстъ. Во вторыхъ, Ильинскаго «батюшки» онъ не
лъ дома, тотъ отлучился въ сосѣднюю деревню. Пока ро-
лъ тамъ его Митя, отправившись въ эту сосѣднюю деревню
на тѣхъ-же, уже измученныхъ лошадяхъ, наступила почти
ночь. «Батюшка», робкій и ласковый на видъ человѣчекъ,
снилъ ему немедленно, что этотъ Лягавый, хоть и остано-
было у него съ первоначалу, но теперь находится въ Су-
Поселкѣ, тамъ у лѣснаго сторожа въ избѣ сегодня ночуетъ,
му что и тамъ тоже лѣсъ торгуетъ. На усиленныя просьбы
сводить его къ Лягавому сейчасъ-же и «тѣмъ, такъ ска-
спасти его», батюшка хоть и заколебался вначалѣ, но со-
ался, однако, проводить его въ Сухой Поселокъ, видимо по-
вавъ любопытство; но на грѣхъ посовѣтовалъ дойдти «пѣ-
комъ», такъ какъ тутъ всего какая-нибудь верста «съ не-
шнимъ излишкомъ» будетъ. Митя, разумѣется, согласился и
съ своими аршинными шагами, такъ что бѣдный батюшка
ѣжалъ за нимъ. Это былъ еще не старый и очень осто-

ькъ. Митя и съ нимъ тотчасъ-же заговорилъ о
чю, нервно требовалъ совѣтовъ на счетъ Ля
проговорилъ всю дорогу. Батюшка слушалъ внимательно,
вѣтовалъ мало. На вопросы Мити отвѣчалъ уклончиво: «н
охъ, не знаю, гдѣ-же мнѣ это знать» и т. д. Когда Митя заг
о своихъ контрахъ съ отцомъ на счетъ наслѣдства, то б
даже испугался, потому что состоялъ съ Ѳедоромъ Павлови
какихъ-то зависимыхъ къ нему отношеніяхъ. Съ удив
впрочемъ, освѣдомился, почему онъ называетъ этого торг
крестьянина Горсткина Лягавымъ, и разъяснилъ обязатель
что хоть тотъ и впрямь Лягавый, но что онъ и не Л
потому что именемъ этимъ жестоко обижается, и что н
его надо непремѣнно Горсткинымъ, «иначе ничего съ
совершите, да и слушать не станетъ», заключилъ батюш
нѣсколько и наскоро удивился и объяснилъ, что такъ н
его самъ Самсоновъ. Услышавъ про это обстоятельство, б
тотчасъ-же этотъ разговоръ замялъ, хотя и хорошо-бы
если-бы разъяснилъ тогда-же Дмитрію Ѳедоровичу догад
что̀ если самъ Самсоновъ послалъ его къ этому мужичку,
Лягавому, то не сдѣлалъ-ли сего почему-либо на смѣх
нѣтъ-ли чего тутъ неладнаго? Но Митѣ некогда было
ливаться «на такихъ мелочахъ». Онъ спѣшилъ, шагалъ,
придя въ Сухой Поселокъ догадался, что прошли они н
и не полторы, а навѣрное три; это его раздосадовало,
стерпѣлъ. Вошли въ избу. Лѣсникъ, знакомый батюшк
щался въ одной половинѣ избы, а въ другой, чистой п
черезъ сѣни, расположился Горсткинъ. Вошли въ эту
избу и засвѣтили сальную свѣчку. Изба была сильно на
На сосновомъ столѣ стоялъ потухшій самоваръ, тутъ-же
съ чашками, допитая бутылка рому, не совсѣмъ допиты
водки и объѣдки пшеничнаго хлѣба. Самъ-же пріѣзжій
протянувшись на скамьѣ, со скомканною верхнею одежен
головами вмѣсто подушки, и грузно храпѣлъ. Митя стал
доумѣніи. «Конечно, надо будить: мое дѣло слишкомъ в
такъ спѣшилъ, я спѣшу сегодня-же воротиться», затре
Митя; но батюшка и сторожъ стояли молча, не высказы
его мнѣнія. Митя подошелъ и принялся будить самъ, п
энергически, но спящій не пробуждался. «Онъ пьянъ,
Митя, но что̀-же мнѣ дѣлать, Господи, что̀-же мнѣ дѣ
вдругъ въ страшномъ нетерпѣніи принялся дергать спя
руки, за ноги, раскачивать его за голову, приподымать

лавку, и всетаки послѣ весьма долгихъ усилій добился лишь , что тотъ началъ нелѣпо мычать и крѣпко, хотя и неясно зваривая, ругаться.

— Нѣтъ, ужь вы лучше повремените, изрекъ, наконецъ, ба-ка,—потому, онъ, видимо, не въ состояніи.

— Весь день пилъ, отозвался сторожъ.

— Боже! вскрикивалъ Митя,—если-бы вы только знали какъ необходимо и въ какомъ я теперь отчаяніи!

— Нѣтъ, ужь лучше-бы вамъ повременить до утра, повто-батюшка.

— До утра? Помилосердуйте, это невозможно! И въ отчаяніи чуть было опять не бросился будить пьяницу, но тотчасъ палъ, понявъ всю безполезность усилій. Батюшка молчалъ, анный сторожъ былъ мраченъ.

— Какія страшныя трагедіи устраиваетъ съ людьми реализмъ! говорилъ Митя въ совершенномъ отчаяніи. Потъ лился съ его . Воспользовавшись минутой, батюшка весьма резонно изло-ъ, что хотя-бы и удалось разбудить спящаго, но, будучи нымъ, онъ все-же не способенъ ни къ какому разговору, «а асъ дѣло важное, такъ ужь вѣрнѣе-бы оставить до утреца»... я развелъ руками и согласился.

— Я, батюшка, останусь здѣсь со свѣчей и буду ловить овеніе. Пробудится и тогда я начну... За свѣчку я тебѣ за-у, обратился онъ къ сторожу, — за постой тоже, будешь нить Дмитрія Карамазова. Вотъ только съ вами, батюшка, не о теперь какъ быть: гдѣ-же вы ляжете?

— Нѣтъ, я ужь къ себѣ-съ. Я вотъ на его кобылкѣ и до-, показалъ онъ на сторожа.—За симъ прощайте-съ, желаю ъ полное удовольствіе получить.

Такъ и порѣшили. Батюшка отправился на кобылкѣ, обра-нный, что, наконецъ, отвязался, но все-же смятенно пока-я головой и раздумывая: не надо-ли будетъ завтра заблаго-енно увѣдомить о семъ любопытномъ случаѣ благодѣтеля ора Павловича, «а то, неравенъ часъ, узнаетъ, осердится и ести прекратитъ». Сторожъ, почесавшись, молча отправился свою избу, а Митя сѣлъ на лавку ловить, какъ онъ выра-я, мгновеніе. Глубокая тоска облегла, какъ тяжелый туманъ, душу. Глубокая, страшная тоска! Онъ сидѣлъ, думалъ, но мать ничего не могъ. Свѣчка нагорала, затрещалъ сверчокъ, натопленной комнатѣ становилось нестерпимо душно. Ему ъ представился садъ, ходъ за садомъ, у отца въ домѣ таин-

...яется дверь, а въ дверь пробѣгаетъ Груше...
...съ лавки.

— Трагедія! проговорилъ онъ, скрежеща зубами, маши...
подошелъ къ спящему и сталъ смотрѣть на его лиц...
былъ сухопарый, еще не старый мужикъ, съ весьма про...
ватымъ лицомъ, въ русыхъ кудряхъ и съ длинною тоне...
рыжеватою бородкой въ ситцевой рубахѣ и въ черномъ ж...
изъ кармана котораго выглядывала цѣпочка отъ серебр...
часовъ. Митя разсматривалъ эту физіономію со страшною...
вистью, и ему почему-то особенно ненавистно было, что с...
кудряхъ. Главное, то было нестерпимо обидно, что вот...
Митя, стоитъ надъ нимъ со своимъ неотложнымъ дѣломъ, с...
пожертвовавъ, столько бросивъ, весь измученный, а это...
неядецъ, «отъ котораго зависитъ теперь вся судьба мо...
питъ какъ ни въ чемъ не бывало, точно съ другой пла...
«О, иронія судьбы!» воскликнулъ Митя и вдругъ, совсѣ...
терявъ голову, бросился опять будить пьянаго мужика. О...
дилъ его съ какимъ-то остервенѣніемъ, рвалъ его, толкалъ...
билъ, но, провозившись минутъ пять и опять ничего...
бившись, въ безсильномъ отчаяніи воротился на свою л...
сѣлъ.

— Глупо, глупо! восклицалъ Митя,—и... какъ это вс...
честно! прибавилъ онъ вдругъ почему-то. У него страшно...
болѣть голова: «бросить развѣ? Уѣхать совсѣмъ», мельк...
умѣ его. «Нѣтъ, ужь до утра. Вотъ нарочно-же останус...
рочно! Зачѣмъ-же я и пріѣхалъ послѣ того? Да и уѣхат...
чѣмъ, какъ теперь отсюда уѣдешь, о, безсмыслица!»

Голова его, однако, разбаливалась все больше и б...
Неподвижно сидѣлъ онъ и уже не помнилъ какъ задре...
вдругъ, сидя, заснулъ. Повидимому, онъ спалъ часа д...
больше. Очнулся-же отъ нестерпимой головной боли, не...
мой до крику. Въ вискахъ его стучало, темя болѣло; очну...
онъ долго еще не могъ войдти въ себя совершенно и осм...
что́ съ нимъ такое произошло. Наконецъ-то, догадался, ...
натопленной комнатѣ страшный угаръ и что онъ, можетъ...
могъ умереть. А пьяный мужикъ все лежалъ и храпѣлъ;...
оплыла и готова была погаснуть. Митя закричалъ и бр...
шатаясь, черезъ сѣни въ избу сторожа. Тотъ скоро про...
но, услыхавъ, что въ другой избѣ угаръ, хотя и пошелъ...
рядиться, но принялъ фактъ до странности равнодушн...
обидно удивило Митю.

— Но онъ умеръ, онъ умеръ, и тогда... что тогда? воскли-
ъ предъ нимъ въ изступленіи Митя.
Двери растворили, отворили окно, открыли трубу. Митя при-
лъ изъ сѣней ведро съ водой, сперва намочилъ голову себѣ,
тѣмъ, найдя какую-то тряпку, окунулъ ее въ воду и при-
лъ къ головѣ Лягаваго. Сторожъ-же продолжалъ относиться
сему событію какъ-то даже презрительно и, отворивъ окно,
знесъ угрюмо: «ладно и такъ», и пошелъ опять спать,
явъ Митѣ зажженный желѣзный фонарь. Митя провозился
горѣвшимъ пьяницей съ полчаса, все намачивая ему голову,
рьезно уже намѣревался не спать всю ночь, но, измучив-
ь, присѣлъ какъ-то на одну минутку, чтобы перевести духъ,
новенно закрылъ глаза, затѣмъ тотчасъ-же безсознательно
янулся на лавкѣ и заснулъ какъ убитый.
Проснулся онъ ужасно поздно. Было, примѣрно, уже часовъ
ть утра. Солнце ярко сіяло въ два оконца избушки. Вче-
ній кудрявый мужикъ сидѣлъ на лавкѣ уже одѣтый въ под-
ку. Предъ нимъ стоялъ новый самоваръ и новый штофъ.
рый, вчерашній, былъ уже допитъ, а новый опорожненъ
ѣе чѣмъ на половину. Митя вскочилъ и мигомъ догадался,
проклятый мужикъ пьянъ опять, пьянъ глубоко и невозвра-
о. Онъ глядѣлъ на него съ минуту, выпучивъ глаза. Мужикъ
оглядывалъ на него молча и лукаво, съ какимъ-то обиднымъ
ойствіемъ, даже съ презрительнымъ какимъ-то высокомѣріемъ,
ь показалось Митѣ. Онъ бросился къ нему.
— Позвольте, видите... я.. вы вѣроятно слышали отъ здѣш-
сторожа въ той избѣ: я поручикъ Дмитрій Карамазовъ,
ь старика Карамазова, у котораго вы изволите рощу тор-
ть.
— Это ты врешь! вдругъ твердо и спокойно отчеканилъ
икъ.
— Какъ вру? Ѳедора Павловича изволите знать?
— Никакого твоего Ѳедора Павловича не изволю знать, какъ-
рузно ворочая языкомъ, проговорилъ мужикъ.
— Рощу, рощу вы у него торгуете: да проснитесь, опомни-
Отецъ Павелъ Ильинскій меня проводилъ сюда... Вы къ
онову писали и онъ меня къ вамъ прислалъ... задыхался
ъ.
— В-врешь! отчеканилъ опять Лягавый. У Мити похолодѣли
.
— Помилосердуйте, вѣдь это не шутка! Вы, можетъ быть,

ствѣ: «Какое отчаяніе, какая смерть кругомъ!» по
ь, все шагая впередъ и впередъ.
спасли проѣзжіе: извощикъ везъ по просе у какого-то
-купца. Когда поровнялись, Митя спросил дорогу
ось, что тѣ тоже ѣдутъ на Воловью. Встуи ь
и посадили Митю попутчикомъ. Часа черезъ
вьей станціи Митя тотчасъ-же заказалъ
самъ вдругъ догадался, что до невозмож
рягали лошадей, ему смастерили яичницу
всю, съѣлъ весь большой ломоть хлѣба,
олбасу и выпилъ три рюмки водки. Под
рился и на душѣ его опять прояснѣло. Онъ
огонялъ ямщика и вдругъ составилъ новый и
ый» планъ какъ достать еще сегодня-же до вечера
я деньги». «И подумать, только подумать, что из-
ичтожныхъ трехъ тысячъ пропадаетъ судьба человѣче
оскликнулъ онъ презрительно. «Сегодня-же порѣшу!» И
только не безпрерывная мысль о Грушенькѣ и о томъ,
лось-ли съ ней чего, то онъ сталъ-бы, можетъ быть,
всѣмъ-веселъ. Но мысль о ней вонзалась въ его душу
ю какъ острый ножъ. Наконецъ, пріѣхали и Митя
же побѣжалъ къ Грушенькѣ.

III.

Золотые пріиски.

было именно то посѣщеніе Мити, про которое Грушенька
ъ страхомъ разсказывала Ракитину. Она тогда ожидала
стафеты» и очень рада была, что Митя ни вчера, ни
не приходилъ, надѣялась, что, авось Богъ дастъ, не при-
ея отъѣзда, а онъ вдругъ и нагрянулъ. Дальнѣйшее
вѣстно: чтобы сбыть его съ рукъ, она мигомъ уговорила
одить ее къ Кузьмѣ Самсонову, куда будто-бы ей ужасно
ю идти «деньги считать», и когда Митя ее тотчасъ-же
ъ, то, прощаясь съ нимъ у воротъ Кузьмы, взяла съ
ціе придти за нею въ двѣнадцатомъ часу, чтобы про-
обратно домой. Митя этому распоряженію тоже былъ
Іросидитъ у Кузьмы, значитъ, не пойдетъ къ Ѳедору
у... если только не лжетъ», прибавилъ онъ тотчасъ-же.

Но на его глазъ, кажется, не лгала. Онъ былъ [illegible] свойства ревнивецъ, что въ разлукѣ съ любимою [illegible] часъ-же навыдумывалъ Богъ знаетъ какихъ ужасовъ о [illegible] съ нею дѣлается и какъ она ему тамъ «измѣняетъ», [illegible] бѣжавъ къ ней опять, потрясенный, убитый, увѣр[illegible] безвозвратно, что она успѣла таки ему измѣнить, съ [illegible] взгляда на ея лицо, на смѣющееся, веселое и ласк[illegible] этой женщины — тотчасъ-же возрождался духомъ, [illegible] терялъ всякое подозрѣніе и съ радостнымъ стыдомъ [illegible] себя самъ за ревность. Проводивъ Грушеньку, онъ броси[illegible] себѣ домой. О, ему столько еще надо было успѣть сегодня с[illegible] Но, по крайней мѣрѣ, отъ сердца отлегло. «Вотъ только [illegible] поскорѣе узнать отъ Смердякова, не было-ли чего тамъ [illegible] ромъ, не приходила-ли она, чего добраго, къ Ѳедору [illegible] ухъ!» пронеслось въ его головѣ. Такъ что не успѣлъ [illegible] добѣжать къ себѣ на квартиру, какъ ревность уже сно[illegible] пошлась въ неугомонномъ сердцѣ его.

Ревность! «Отелло не ревнивъ, онъ довѣрчивъ», [illegible] Пушкинъ, и уже одно это замѣчаніе свидѣтельствуетъ о [illegible] чайной глубинѣ ума нашего великаго поэта. У Отелло просто [illegible] мозжена душа и помутилось все міровоззрѣніе его, потому [illegible] *погибъ его идеалъ*. Но Отелло не станетъ прятаться, шпи[illegible] подглядывать: онъ довѣрчивъ. Напротивъ, его надо было нав[illegible] наталкивать, разжигать съ чрезвычайными усиліями, чтобъ [illegible] только догадался объ измѣнѣ. Не таковъ истинный ревни[illegible] Невозможно даже представить себѣ всего позора и нравст[illegible] наго паденія, съ которыми способенъ ужиться ревнивецъ б[illegible] всякихъ угрызеній совѣсти. И вѣдь не то чтобъ это были [illegible] пошлыя и грязныя души. Напротивъ, съ сердцемъ высок[illegible] съ любовью чистою, полною самопожервованія, можно въ т[illegible] время прятаться подъ столы, подкупать подлѣйшихъ люд[illegible] уживаться съ самою скверною грязью шпіонства и подслу[illegible] ванія. Отелло не могъ-бы, ни за что примириться съ измѣнн[illegible] не простить не могъ-бы, а примириться, — хотя душа его [illegible] злобива и невинна, какъ душа младенца. Не то съ настоя[illegible] ревнивцемъ: трудно представить себѣ съ чѣмъ можетъ ужи[illegible] и примириться и что можетъ простить иной ревнивецъ! Р[illegible] нивцы-то скорѣе всѣхъ и прощаютъ, и это знаютъ всѣ женщ[illegible] Ревнивецъ чрезвычайно скоро (разумѣется, послѣ страшной с[illegible] въ началѣ) можетъ и способенъ простить, напримѣръ, уже [illegible] казанную почти измѣну, уже видѣнные имъ самимъ обла[illegible]

ть, если-бы, напримѣръ, онъ въ тоже время могъ какъ-
увѣриться, что это было «въ послѣдній разъ» и что со-
ъ его съ этого часа уже исчезнетъ, уѣдетъ на край земли,
о самъ онъ увезетъ ее куда-нибудь въ такое мѣсто, куда
льше не придетъ этотъ страшный соперникъ. Разумѣется,
аніе произойдетъ лишь на часъ, потому что если-бы даже
акомъ дѣлѣ исчезъ соперникъ, то завтра-же онъ изобрѣ-
ругаго, новаго и приревнуетъ къ новому. И казалось-бы,
той любви, за которою надо такъ подсматривать, и чего
любовь, которую надобно столь усиленно сторожить? Но
этого-то никогда и не пойметъ настоящій ревнивецъ, а
чѣмъ между ними, право, случаются люди даже съ серд-
высокими. Замѣчательно еще то, что эти самые люди съ
ми сердцами, стоя въ какой-нибудь каморкѣ, подслушивая
ня, хоть и понимаютъ ясно «высокими сердцами своими»
рамъ, въ который они сами добровольно залѣзли, но од-
въ ту минуту, по крайней мѣрѣ, пока стоятъ въ этой ка-
никогда не чувствуютъ угрызеній совѣсти. У Мити, при
рушеньки, пропадала ревность и на мгновеніе онъ ста-
я довѣрчивъ и благороденъ, даже самъ презиралъ себя
ныя чувства. Но это значило только, что въ любви его
й женщинѣ заключалось нѣчто гораздо высшее, чѣмъ онъ
редполагалъ, а не одна лишь страстность, не одинъ лишь
ъ тѣла», о которомъ онъ толковалъ Алешѣ. Но зато, когда
а Грушенька, Митя тотчасъ-же начиналъ опять подозрѣ-
ь ней всѣ низости и коварства измѣны. Угрызеній-же со-
никакихъ при этомъ не чувствовалъ.

акъ ревность закипѣла въ немъ снова. Во всякомъ случаѣ
ыло спѣшить. Первымъ дѣломъ надо было достать хоть
ку денегъ на перехватку. Вчерашніе девять рублей почти
ли на проѣздъ, а совсѣмъ безъ денегъ, извѣстно, никуда
тупить нельзя. Но онъ, вмѣстѣ съ новымъ планомъ сво-
бдумалъ гдѣ достать и на перехватку еще давеча на те-
У него была пара хорошихъ дуэльныхъ пистолетовъ съ
ми, и если до сихъ поръ онъ ея не заложилъ, то по-
го любилъ эту вещь больше всего что́ имѣлъ. Въ трак-
Столичный городъ» онъ уже давно слегка познакомился
имъ молодымъ чиновникомъ и какъ-то узналъ въ трак-
, что этотъ холостой и весьма достаточный чиновникъ
сти любитъ оружіе, покупаетъ пистолеты, револьверы,
ы, развѣшиваетъ у себя по стѣнамъ, показываетъ зна-

ится, мастеръ растолковать систему револьвер
какъ выстрѣлить и проч. Долго не думая
съ къ нему отправился и предложилъ ему взять въ
олеты за десять рублей. Чиновникъ съ радостью ста
вать его совсѣмъ продать, но Митя не согласился,
далъ ему десять рублей, заявивъ, что процентовъ не в
ни за что. Разстались пріятелями. Митя спѣшилъ, онъ
мился къ Ѳедору Павловичу на зады, въ свою бесѣдку.
вызвать поскорѣе Смердякова. Но такимъ образомъ оп
лучился фактъ, что всего за три, за четыре часа до нѣк
приключенія, о которомъ будетъ мною говорено ниже,
не было ни копѣйки денегъ и онъ за десять рублей за
любимую вещь, тогда какъ вдругъ, черезъ три часа, он
въ рукахъ его тысячи... Но я забѣгаю впередъ.

У Марьи Кондратьевны (сосѣдки Ѳедора Павловича) с
дало чрезвычайно поразившее и смутившее его извѣст
лѣзни Смердякова. Онъ выслушалъ исторію о паденіи въ
затѣмъ о падучей, пріѣздѣ доктора, заботахъ Ѳедора Пав
съ любопытствомъ узналъ о томъ, что братъ Иванъ
вичъ уже укатилъ давеча утромъ въ Москву. «Должн
раньше меня проѣхалъ черезъ Воловью», подумалъ Дмитр
ровичъ, но Смердяковъ его безпокоилъ ужасно: «какъ
перь, кто сторожить будетъ, кто мнѣ передастъ? Съ жа
началъ онъ разспрашивать этихъ женщинъ, не замѣтили
чего вчера вечеромъ? Тѣ очень хорошо понимали, о че
разузнаетъ и разувѣрили его вполнѣ: никого не было, н
Иванъ Ѳедоровичъ, «все было въ совершенномъ порядкѣ
задумался. Безъ сомнѣнія, надо и сегодня караулить,
здѣсь или у воротъ Самсонова? Онъ рѣшилъ, что и з
тамъ, все по усмотрѣнію, а пока, пока... Дѣло въ томъ,
перь стоялъ передъ нимъ этотъ «планъ», давешній, новы
вѣрный планъ, выдуманный имъ на телѣгѣ, и отыскать
полненіе котораго было уже невозможно. Митя рѣшилъ
вовать на этотъ часъ: «въ часъ все порѣшу, все узнаю
тогда, во первыхъ, въ домъ къ Самсонову, справлюсь
Грушенька и мигомъ обратно сюда, и до одиннадцати
здѣсь, а потомъ опять за ней къ Самсонову, чтобы пр
ее обратно домой». Вотъ какъ онъ рѣшилъ.

Онъ полетѣлъ домой, умылся, причесался, вычистилъ
одѣлся и отправился къ госпожѣ Хохлаковой. Увы, е
его былъ тутъ. Онъ рѣшился занять три тысячи у этой

вное, у него вдругъ, какъ-то внезапно, явилась необык-
ая увѣренность, что она ему не откажетъ. Можетъ быть,
ося тому, что если была такая увѣренность, то почему-
ъ заранѣе не пошелъ сюда, такъ сказать, въ свое общество,
явился къ Самсонову, человѣку склада чужаго, съ которымъ
же и не зналъ какъ говорить. Но дѣло въ томъ, что съ
ковой онъ въ послѣдній мѣсяцъ совсѣмъ почти разнако-
да и прежде знакомъ былъ мало, и сверхъ того очень
что и сама она его терпѣть не можетъ. Эта дама возне-
ла его съ самаго начала просто за то, что онъ женихъ
ны Ивановны, тогда какъ ей почему-то вдругъ захотѣлось,
Катерина Ивановна его бросила и вышла замужъ за «милаго,
ки образованнаго Ивана Ѳедоровича у котораго такія
ныя манеры». Манеры-же Мити она ненавидѣла. Митя
ѣялся надъ ней и разъ какъ-то выразился про нее, что
на «настолько жива и развязна, насколько не образована».
ъ, давеча утромъ, на телѣгѣ, его озарила самая яркая мысль:
если ужь она такъ не хочетъ, чтобъ я женился на Катеринѣ
внѣ, и не хочетъ до такой степени (онъ зналъ, что почти
горики), то почему-бы ей отказать мнѣ теперь въ этихъ
тысячахъ, именно для того, чтобъ я на эти деньги могъ,
въ Катю, укатить на вѣки отсюдова? Эти избалованныя
ія дамы, если ужь захотятъ чего до капризу, то ужь ничего
ятъ, чтобы вышло по ихнему. Она-же къ тому такъ богата»,
ждалъ Митя. Что-же касается собственно до «плана», то
все тоже самое, что и прежде, то есть предложеніе правъ
ь на Чермашню,—но уже не съ коммерческою цѣлью, какъ
Самсонову, не прельщая эту даму, какъ вчера Самсонова,
ностью стянать вмѣсто трехъ тысячъ кушъ вдвое, тысячъ
сть или семь, а просто какъ благородную гарантію за долгъ.
ая эту новую свою мысль, Митя доходилъ до восторга,
къ съ нимъ и всегда случалось при всѣхъ его начинаніяхъ,
ѣхъ его внезапныхъ рѣшеніяхъ. Всякой новой мысли своей
здавался до страсти. Тѣмъ не менѣе, когда ступилъ на
цо дома госпожи Хохлаковой, вдругъ почувствовалъ на
своей ознобъ ужаса: въ эту только секунду онъ сознадъ
ь и уже математически ясно, что тутъ вѣдь послѣдняя уже
на его, что дальше уже ничего не остается въ мірѣ, если
оборвется, «развѣ зарѣзать и ограбить кого-нибудь изъ-за
тысячъ, а болѣе ничего»... Было часовъ семь съ половиною
онъ позвонилъ въ колокольчикъ.

ѣло какъ-бы улыбнулось: только что онъ доло
ъ-же приняли съ необыкновенною быстротой.
ждала меня», мелькнуло въ умѣ Мити, а затѣмъ
о что ввели его въ гостиную, почти вбѣжала хоз
но объявила ему, что ждала его...

— Ждала, ждала! Вѣдь я не могла даже и думать,
ко мнѣ придете, согласитесь сами, и, однако, я васъ
подивитесь моему инстинкту, Дмитрій Ѳедоровичъ, я в
была увѣрена, что вы сегодня придете.

— Это дѣйствительно, сударыня, удивительно, пр
Митя, мѣшковато усаживаясь,—но... я пришелъ по чрезв
важному дѣлу... наиважнѣйшему изъ важнѣйшихъ, для м
есть, сударыня, для меня одного, и спѣшу...

— Знаю, что по наиважнѣйшему дѣлу, Дмитрій Ѳедо
тутъ не предчувствія какія-нибудь, не ретроградныя поползн
на чудеса (слышали про старца Зосиму?), тутъ, тутъ мате
вы не могли не придти, послѣ того какъ произошло все
Катериной Ивановной, вы не могли, не могли; это мате

— Реализмъ дѣйствительной жизни, сударыня, вотъ
такое! Но позвольте, однако-жь изложить...

— Именно реализмъ, Дмитрій Ѳедоровичъ. Я теперь
реализмъ, я слишкомъ проучена на счетъ чудесъ. Вы сл
что померъ старецъ Зосима?

— Нѣтъ, сударыня, въ первый разъ слышу, удивил
много Митя. Въ умѣ его мелькнулъ образъ Алеши.

— Сегодня въ ночь, и представьте себѣ...

— Сударыня, прервалъ Митя,—я представляю себѣ
то, что я въ отчаяннѣйшемъ положеніи и что если вы
поможете, то все провалится, и я провалюсь первый. Прос
тривіальность выраженія, но я въ жару, я въ горячкѣ...

— Знаю, знаю, что вы въ горячкѣ, все знаю, вы и не
быть въ другомъ состояніи духа, и что-бы вы ни сказали
знаю напередъ. Я давно взяла вашу судьбу въ сообр
Дмитрій Ѳедоровичъ, я слѣжу за нею и изучаю ее... О, по
что я опытный душевный докторъ, Дмитрій Ѳедоровичъ.

— Сударыня, если вы опытный докторъ, то я зато о
больной, злобезничалъ черезъ силу Митя,—и предчувству
если вы ужь такъ слѣдите за судьбой моею то и помо
въ ея гибели, но для этого позвольте мнѣ, наконецъ, из
предъ вами тотъ планъ, съ которымъ я рискнулъ явит
то, чего отъ васъ ожидаю... Я пришелъ, сударыня...

Не излагайте, это второстепенность. А на счетъ помощи, ервому вамъ помогаю, Дмитрій Ѳедоровичъ. Вы вѣроятно ли о моей кузинѣ Бельмесовой, ея мужъ погибалъ, про-ь, какъ вы характерно выразились, Дмитрій Ѳедоровичъ, ке, я указала ему на коннозаводство, и онъ теперь про-ъ. Вы имѣете понятіе о коннозаводствѣ, Дмитрій Ѳедоровичъ?

Ни малѣйшаго, сударыня,—охъ, сударыня, ни малѣйшаго! алъ въ нервномъ нетерпѣніи Митя и даже поднялся было та.—Я только умоляю васъ, сударыня, меня выслушать, инѣ только двѣ минуты свободнаго разговора, чтобъ я могъ изложить вамъ все, весь проэктъ, съ которымъ пришелъ. ну-же мнѣ нужно время, я ужасно спѣшу!.. прокричалъ ѣски Митя, почувствовавъ, что она сейчасъ опять начнетъ ть и въ надеждѣ перекричать ее:—Я пришелъ въ отчаяніи... лѣдней степени отчаянія, чтобы просить у васъ взаймы три тысячи, взаймы, но подъ вѣрный, подъ вѣрнѣйшій , сударыня, подъ вѣрнѣйшее обезпеченіе! Позвольте только ть...

Это вы все потомъ, потомъ! замахала на него рукой въ чередь госпожа Хохлакова,—да и все что-бы вы ни сказали,) все напередъ, я уже говорила вамъ это. Вы просите го суммы, вамъ нужны три тысячи, но я вамъ дамъ больше, но больше, я васъ спасу, Дмитрій Ѳедоровичъ, но надо, вы меня послушались!

гя такъ и прянулъ опять съ мѣста.

Сударыня, неужто вы такъ добры! вскричалъ онъ съ чайнымъ чувствомъ.—Господи, вы спасли меня. Вы спа-еловѣка, сударыня, отъ насильственной смерти, отъ писто-Вѣчная благодарность моя...

Я вамъ дамъ безконечно, безконечно больше, чѣмъ три ! прокричала госпожа Хохлакова, съ сіяющею улыбкой на восторгъ Мити.

Безконечно? Но столько и не надо. Необходимы только овыя для меня три тысячи, а я съ своей стороны пришелъ ировать вамъ эту сумму съ безконечною благодарностью лагаю вамъ планъ, который...

Довольно, Дмитрій Ѳедоровичъ, сказано и сдѣлано, отрѣзала а Хохлакова съ цѣломудреннымъ торжествомъ благодѣ-цы.—Я обѣщала васъ спасти, и спасу. Я васъ спасу, какъ месова. Что думаете вы о золотыхъ пріискахъ, Дмитрій ичъ?

— О золотыхъ пріискахъ, сударыня! Я никогда [illegible] нихъ не думалъ.

— А зато я за васъ думала! Думала и передумала! [illegible] цѣлый мѣсяцъ слѣжу за вами съ этою цѣлью. Я сто разъ [illegible] на васъ, когда вы проходили, и повторяла себѣ: вотъ энер[illegible] человѣкъ, которому надо на пріиски. Я изучила даже [illegible] вашу и рѣшила: этотъ человѣкъ найдетъ много пріиск[illegible]

— По походкѣ, сударыня? улыбнулся Митя.

— А что-жь, и по походкѣ. Что-же, неужели вы от[illegible] что можно по походкѣ узнавать характеръ, Дмитрій Ѳедо[illegible] Естественныя науки подтверждаютъ тоже самое. О, я [illegible] реалистка, Дмитрій Ѳедоровичъ. Я съ сегодняшняго дня, [illegible] всей этой исторіи въ монастырѣ, которая меня такъ раз[illegible] совершенная реалистка и хочу броситься въ практическ[illegible] тельность. Я излѣчена. Довольно! какъ сказалъ Тургенев[illegible]

— Но, сударыня, эти три тысячи, которыми вы так[illegible] кодушно меня обѣщали ссудить...

— Васъ не минуютъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, тотчасъ-же [illegible] рѣзала госпожа Хохлакова,—эти три тысячи все равно [illegible] васъ въ карманѣ, и не три тысячи, а три милліона, Дмитрій [illegible] доровичъ, въ самое короткое время! Я вамъ скажу вашу [illegible] вы отыщете пріиски, наживете милліоны, воротитесь и ст[illegible] дѣятелемъ, будете и насъ двигать, направлять къ добру. [illegible] ужели-же все предоставить жидамъ? Вы будете строить [illegible] и разныя предпріятія. Вы будете помогать бѣднымъ, а тѣ [illegible] благословлять. Ныньче вѣкъ желѣзныхъ дорогъ, Дмитрій Ѳе[illegible] ровичъ. Вы станете извѣстны и необходимы министерству [illegible] нансовъ, которое теперь такъ нуждается. Паденіе нашего [illegible] дитнаго рубля не даетъ мнѣ спать, Дмитрій Ѳедоровичъ, съ [illegible] стороны меня мало знаютъ...

— Сударыня, сударыня! въ какомъ-то безпокойномъ [illegible] чувствіи прервалъ опять Дмитрій Ѳедоровичъ,—я весьма и вес[illegible] можетъ быть, послѣдую вашему совѣту,—умному совѣту ваш[illegible] сударыня,—и я отправлюсь, можетъ быть, туда... на эти [illegible] иски... и еще разъ приду къ вамъ говорить объ этомъ... [illegible] много разъ... но теперь эти три тысячи, которыя вы такъ [illegible] ликодушно... О, онѣ-бы развязали меня, и если можно сегод[illegible] То есть, видите-ли, у меня теперь ни часу, ни часу врем[illegible]

— Довольно, Дмитрій Ѳедоровичъ, довольно! настойчиво [illegible] рвала госпожа Хохлакова:—вопросъ: ѣдете вы на пріиски [illegible] нѣтъ, рѣшились-ли вы вполнѣ, отвѣчайте математически?

— Ѣду, сударыня, потомъ... Я поѣду куда хотите, сударыня... еперь...

— Подождите-же! крикнула госпожа Хохлакова, вскочила и илась къ своему великолѣпному бюро съ безчисленными ками и начала выдвигать одинъ ящикъ за другимъ, что-то кивая и ужасно торопясь.

«Три тысячи!» подумалъ, замирая, Митя, — «и это сейчасъ, всякихъ бумагъ, безъ акта... о, это по джентльменски! Ве лѣпная женщина, и если-бы только не такъ разговорчива»...

— Вотъ! вскрикнула въ радости госпожа Хохлакова, возвра сь къ Митѣ,—вотъ что я искала!

Это былъ крошечный серебряный образокъ на шнуркѣ, изъ , какіе носятъ иногда вмѣстѣ съ натѣльнымъ крестомъ.

— Это изъ Кіева, Дмитрій Ѳедоровичъ, съ благоговѣніемъ олжала она,—отъ мощей Варвары Великомученицы. Позвольте самой вамъ надѣть на шею и тѣмъ благословить васъ на ую жизнь и на новые подвиги.

И она дѣйствительно накинула ему образокъ на шею и стала ю вправлять его. Митя въ большомъ смущеніи припагнулся галъ ей помогать и, наконецъ, вправилъ себѣ образокъ чрезъ ушкъ и воротъ рубашки на грудь.

— Вотъ теперь вы можете ѣхать! произнесла госпожа Хох ова, торжественно садясь опять на мѣсто.

— Сударыня, я такъ тронутъ... и не знаю какъ даже бла рить... за такія чувства, но... если-бы вы знали какъ мнѣ го теперь время!.. Эта сумма, которую я столь жду отъ ва великодушія... О, сударыня, если вы ужь такъ добры, такъ ательно великодушны ко мнѣ (воскликнулъ вдругъ во вдох вніи Митя), — то позвольте мнѣ вамъ открыть... что, впро ь, вы давно уже знаете... что я люблю здѣсь одно существо... мѣнилъ Катѣ... Катеринѣ Ивановнѣ. я хочу сказать... О, я ъ безчеловѣченъ и безчестенъ предъ нею, но я здѣсь полю ь другую... одну женщину, сударыня, можетъ быть, прези ую вами, потому что вы все уже знаете, но которую я ни не могу оставить, никакъ, а потому теперь, эти три тысячи...

— Оставьте все, Дмитрій Ѳедоровичъ! самымъ рѣшительнымъ мъ перебила госпожа Хохлакова. — Оставьте, и особенно инъ. Ваша цѣль—пріиски, а женщинъ туда незачѣмъ везти. мъ, когда вы возвратитесь въ богатствѣ и славѣ, вы най себѣ подругу сердца въ самомъ высшемъ обществѣ. Это ъ дѣвушка современная, съ познаніями и безъ предразсуд-

ковъ. Къ тому времени какъ разъ созрѣетъ теперь наш женскій вопросъ, и явится новая женщина...

— Сударыня, это не то, не то... сложилъ было, у руки Дмитрій Ѳедоровичъ.

— Тѣ самое, Дмитрій Ѳедоровичъ, именно тѣ, что вам чего вы жаждете, сами не зная того. Я вовсе не прочь о перешняго женскаго вопроса, Дмитрій Ѳедоровичъ. Женск витіе и даже политическая роль женщины въ самомъ б шемъ будущемъ—вотъ мой идеалъ. У меня у самой доч трій Ѳедоровичъ, и съ этой стороны меня мало знаютъ. писала по этому поводу писателю Щедрину. Этотъ писат столько указалъ, столько указалъ въ назначеніи женщи я отправила ему прошлаго года анонимное письмо въ дв «Обнимаю и цѣлую васъ, мой писатель, за современну щину, продолжайте». И подписалась: «мать». Я хотѣл подписаться «современная мать», и колебалась, но остан просто на матери: больше красоты нравственной, Дмитрі ровичъ, да и слово «современная» напомнила-бы имъ *менникъ*»,—воспоминаніе для нихъ горькое въ виду нын цензуры... Ахъ, Боже мой, что съ вами?

— Сударыня, вскочилъ, наконецъ, Митя, складывая ней руки ладонями въ безсильной мольбѣ,—вы меня за заплакать, сударыня, если будете откладывать то, что т ликодушно...

— И поплачьте, Дмитрій Ѳедоровичъ, поплачьте! Эт красныя чувства... вамъ предстоитъ такой путь! Слезы об васъ, потомъ возвратитесь и будете радоваться. Нарочно п чете ко мнѣ изъ Сибири, чтобы со мной порадоваться...

— Но позвольте-же и мнѣ, завопилъ вдругъ Митя, послѣдній разъ умоляю васъ, скажите, могу я получить от сегодня эту обѣщанную сумму? Если-же нѣтъ, то когда мнѣ явиться за ней?

— Какую сумму, Дмитрій Ѳедоровичъ?

— Обѣщанныя вами три тысячи... которыя вы такъ д душно ..

— Три тысячи? Это рублей? Охъ, нѣтъ, у меня нѣтъ тысячъ, съ какимъ-то спокойнымъ удивленіемъ произнес пожа Хохлакова. Митя обомлѣлъ...

— Какъ-же вы... сейчасъ.. вы сказали... вы выр даже, что онѣ все равно какъ у меня въ карманѣ...

— Охъ, нѣтъ, вы меня не такъ поняли, Дмитрій Ѳедо

мъ, то вы не поняли меня. Я говорила про пріиски... я вамъ обѣщала больше, безконечно больше, чѣмъ три я теперь все припоминаю, но я имѣла въ виду одни

А деньги? А три тысячи? нелѣпо воскликнулъ Дмитрій ичъ.

О, если вы разумѣли деньги, то у меня ихъ нѣтъ. У меня совсѣмъ нѣтъ денегъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, я какъ разъ еперь съ моимъ управляющимъ и сама на дняхъ заняла ъ рублей у Міусова. Нѣтъ, нѣтъ, денегъ у меня нѣтъ. го, Дмитрій Ѳедоровичъ, если-бъ у меня даже и были, мъ не дала. Во первыхъ, я никому не даю взаймы. Дать значитъ, поссориться. Но вамъ, вамъ я особенно-бы не обя васъ не дала-бы, чтобы спасти васъ не дала-бы, по- о вамъ нужно только одно: пріиски, пріиски и пріиски!.. О, что-бы чортъ!.. взревѣлъ вдругъ Митя и изо всѣхъ арилъ кулакомъ по столу.

Ай, ай! закричала Хохлакова въ испугѣ и отлетѣла въ другецъ гостиной.

я плюнулъ и быстрыми шагами вышелъ изъ комнаты, изъ на улицу, въ темноту! Онъ шелъ какъ помѣшанный, себя по груди, по тому самому мѣсту груди, по кото- дарялъ себя два дня тому назадъ предъ Алешей, когда і съ нимъ въ послѣдній разъ вечеромъ, въ темнотѣ, на Что̀ означало это битье себя по груди *по этому мѣсту* б онъ тѣмъ хотѣлъ указать,—это была пока еще тайна, о не зналъ никто въ мірѣ, которую онъ не открылъ тогда лешѣ, но въ тайнѣ этой заключался для него болѣе чѣмъ заключались гибель и самоубійство, онъ такъ уже рѣ- если не достанетъ тѣхъ трехъ тысячъ, чтобъ уплатить нѣ Ивановнѣ и тѣмъ снять съ своей груди, «*съ того груди*» позоръ, который онъ носилъ на ней, и который авилъ его совѣсть. Все это вполнѣ объяснится читателю ствіи, но теперь, послѣ того какъ исчезла послѣдняя на- его, этотъ столь сильный физически человѣкъ, только что ъ нѣсколько шаговъ отъ дому Хохлаковой, вдругъ за- лезами, какъ малый ребенокъ. Онъ шелъ и, въ забытьи, ъ кулакомъ слезы. Такъ вышелъ онъ на площадь и вдругъ вовалъ, что наткнулся на что-то всѣмъ тѣломъ. Раздался ый вой какой-то старушонки, которую онъ чуть не опро-

— Господи, чуть не убилъ! Чего зря шагаешь, сорванец
— Какъ, это вы? вскричалъ Митя разглядѣвъ въ темн
старушонку. Это была та самая старая служанка, которая
служивала Кузьмѣ Самсонову, и которую слишкомъ замѣтил
вчера Митя.
— А вы сами кто таковы, батюшка? совсѣмъ другимъ г
лосомъ проговорила старушка,—не признать мнѣ васъ въ т
нотѣ-то.
— Вы у Кузьмы Кузьмича живете, ему прислуживаете?
— Точно такъ, батюшка, сейчасъ только къ Прохорыч
сбѣгала... Да чтой-то я васъ все признать не могу?
— Скажите, матушка, Аграфена Александровна у васъ т
перь? внѣ себя отъ ожиданія произнесъ Митя. — Давеча а
самъ проводилъ.
— Была, батюшка, приходила, посидѣла время и ушла.
— Какъ? Ушла? вскричалъ Митя.—Когда ушла?
— Да въ ту пору и ушла-же, минутку только и побыла
насъ. Кузьмѣ Кузьмичу сказку одну разсказала, разсмѣшила е
да и убѣжала.
— Врешь, проклятая! завопилъ Митя.
— А-ай! закричала старушонка, но Мити и слѣдъ простыл
онъ побѣжалъ что было силы въ домъ Морозовой. Это имен
было то время, когда Грушенька укатила въ Мокрое, прошло
болѣе четверти часа послѣ ея отъѣзда. Ѳеня сидѣла со сво
бабушкой, кухаркой Матреной, въ кухнѣ, когда вдругъ вбѣжа
«капитанъ». Увидавъ его, Ѳеня закричала благимъ матомъ.
— Кричишь? завопилъ Митя:—гдѣ она? Но не давъ отвѣти
еще слова обомлѣвшей отъ страху Ѳенѣ, онъ вдругъ повалил
ей въ ноги:
— Ѳеня, ради Господа Христа нашего, скажи, гдѣ она?
— Батюшка, ничего не знаю, голубчикъ Дмитрій Ѳедор
вычъ, ничего не знаю, хоть убейте ничего не знаю, заклялась
забожилась Ѳеня,—сами вы давеча съ ней пошли...
— Она назадъ пришла!..
— Голубчикъ, не приходила, Богомъ клянусь, не приходи
— Врешь, вскричалъ Митя,—ужъ по одному твоему испу
знаю, гдѣ она!..

Онъ бросился вонъ. Испуганная Ѳеня рада была, что дешо
отдѣлалась, но очень хорошо поняла, что ему было только
когда, а то-бы ей, можетъ, не сдобровать. Но, убѣгая, онъ все-
удивилъ и Ѳеню, и старуху Матрену одною самою неожиданно

...кой на столѣ стояла мѣдная ступка, а въ ней пестикъ ...ной мѣдный пестикъ въ четверть аршина всего длиною ..., выбѣгая и уже отворивъ одною рукой дверь, другою ...съ на лету выхватилъ пестикъ изъ ступки и сунулъ себѣ ...овой карманъ, съ нимъ и былъ таковъ.

— Ахъ, Господи, онъ убить его хочетъ! всплеснула руками

IV.

Въ темнотѣ.

Куда побѣжалъ онъ? Извѣстно: «гдѣ-же она могла быть ... не у Ѳедора Павловича? Отъ Самсонова прямо и побѣжалъ ...му, теперь-то ужь это ясно. Вся интрига, весь обманъ ... очевидны»... Все это летѣло какъ вихрь въ головѣ его ...воръ къ Марьѣ Кондратьевнѣ онъ не забѣжалъ: «Туда не ..., отнюдь не надо... чтобы ни малѣйшей тревоги... тотчасъ ...адутъ и предадутъ... Марья Кондратьевна, очевидно, въ за... ...рѣ. Смердяковъ тоже, тоже, всѣ подкуплены!» У него созда... ...другое наитіе: онъ обѣжалъ большимъ крюкомъ, чрезъ ...локъ, домъ Ѳедора Павловича, пробѣжалъ Дмитровскую ..., перебѣжалъ потомъ мостикъ и прямо попалъ въ уединен... ...переулокъ на задахъ, пустой и необитаемый, огороженный ...ной стороны плетнемъ сосѣдскаго огорода, а съ другой ...имъ высокимъ заборомъ, обходившимъ кругомъ сада Ѳедора ...овича. Тутъ онъ выбралъ мѣсто и, кажется, то самое, гдѣ ...преданію, ему извѣстному, Лизавета Смердящая перелѣзла ...-то заборъ. «Если ужь та смогла перелѣзть», Богъ знаетъ ...му мелькнуло въ его головѣ,—«то какъ-же-бы я-то не пе... ...ъ?» И дѣйствительно, онъ подскочилъ и мигомъ снаровился ...ться рукой за верхъ забора, затѣмъ энергически приподъ..., разомъ влѣзъ и сѣлъ на заборѣ верхомъ. Тутъ вблизи ...саду стояла банька, но съ забора видны были и освѣщен... ...окна дома. «Такъ и есть, у старика въ спальнѣ освѣщено ...тамъ!» и онъ прыгнулъ съ забора въ садъ. Хоть онъ и ..., что Григорій боленъ, а, можетъ быть, и Смердяковъ въ ...ъ дѣлѣ боленъ, и что услышать его некому, но инстинк... ...опитался, замеръ на мѣстѣ и сталъ прислушиваться. Но ...мое мертвое молчаніе и какъ нарочно полное затишье ...ка вѣтерка.

шепчетъ тишина», мелькнулъ почему-то
оловѣ его,—«вотъ только не услышалъ-б
ючилъ: кажется, нѣтъ». Постоявъ минутк
шелъ по саду, по травѣ; обходя деревья и
долго, скрадывая каждый шагъ, къ каждому шагу
прислушиваясь. Минутъ съ пять добирался онъ д
наго окна. Онъ помнилъ, что тамъ, подъ самыми
нѣсколько большихъ, высокихъ, густыхъ кустовъ
и калины. Выходная дверь изъ дома въ садъ въ лѣвой
фасада была заперта, и онъ это нарочно и тщательно
трѣлъ, проходя. Наконецъ, достигъ и кустовъ и прита
ними. Онъ не дышалъ. «Переждать теперь надо», подума
«если они слышали мои шаги и теперь прислушиваю
чтобы разувѣрились... какъ-бы только не кашлянуть,
хнуть»...

Онъ переждалъ минуты двѣ, но сердце его билось у
мгновеніями онъ почти задыхался. «Нѣтъ, не пройдетъ
біеніе», подумалъ онъ,—«не могу дольше ждать». Онъ
за кустомъ въ тѣни, передняя половина куста была ос
изъ окна. «Калина, ягоды, какія красныя!» прошепталъ
зная зачѣмъ. Тихо, раздѣльными неслышными шагами по
онъ къ окну и поднялся на цыпочки. Вся спаленка
Павловича предстала предъ нимъ, какъ на ладони. Эт
небольшая комната, вся раздѣленная поперекъ красным
мочками, «китайскими», какъ называлъ ихъ Ѳедоръ Пав
«Китайскія», пронеслось въ умѣ Мити, «а за ширмам
шенька». Онъ сталъ разглядывать Ѳедора Павловича. Тот
въ своемъ новомъ полосатомъ шелковомъ халатикѣ, и
никогда еще не видалъ у него Митя, подпоясанномъ шелк
же шнуркомъ съ кистями. Изъ-подъ ворота халата выгля
чистое щегольское бѣлье, тонкая голландская рубашка с
тыми запонками. На головѣ у Ѳедора Павловича была
красная повязка, которую видѣлъ на немъ Алеша. «Разо
подумалъ Митя. Ѳедоръ Павловичъ стоялъ близь окна,
мому, въ задумчивости, вдругъ онъ вздернулъ голову, чу
прислушался и, ничего не услышавъ, подошелъ къ стол
лилъ изъ графина полрюмочки коньяку и выпилъ.
вздохнулъ всею грудью, опять постоялъ, разсѣянно по
къ зеркалу въ простѣнкѣ, правою рукой приподнялъ
красную повязку со лба и сталъ разглядывать свои сы
болячки, которые еще не прошли. «Онъ одинъ», подумалъ

) всѣмъ вѣроятностямъ одинъ». Ѳедоръ Павловичъ отошелъ
зеркала, вдругъ повернулся къ окну и глянулъ въ него.
гя мигомъ отскочилъ въ тѣнь.
«Она, можетъ быть, у него за ширмами, можетъ быть, уже
тъ», кольнуло его въ сердцѣ. Ѳедоръ Павловичъ отъ окна
шелъ. «Это онъ въ окошко ее высматривалъ, стало быть, ея
ъ: чего ему въ темноту смотрѣть?.. нетерпѣніе, значитъ, по-
аетъ»... Митя тотчасъ подскочилъ и опять сталъ глядѣть въ
о. Старикъ уже сидѣлъ предъ столикомъ, видимо пригорю-
шись. Наконецъ, облокотился и приложилъ правую ладонь
щекѣ. Митя жадно вглядывался.
«Одинъ, одинъ!» твердилъ онъ опять. «Если-бъ она была
ъ, у него было-бы другое лицо». Странное дѣло: въ его сердцѣ
гъ закипѣла какая-то безсмысленная и чудная досада на то,
) ея тутъ нѣтъ. «Не на то, что ея тутъ нѣтъ» осмыслилъ и
ъ отвѣтилъ Митя себѣ тотчасъ-же, — «а на то, что никакъ
рно узнать не могу, тутъ она или нѣтъ». Митя припомни-
ъ потомъ самъ, что умъ его былъ въ ту минуту ясенъ не-
ыкновенно и соображалъ все до послѣдней подробности, схва-
ывалъ каждую черточку. Но тоска, тоска невѣдѣнія и нерѣши-
сти наростала въ сердцѣ его съ быстротой непомѣрною. «Здѣсь
, наконецъ, или не здѣсь?» злобно закипѣло у него въ сердцѣ.
онъ вдругъ рѣшился, протянулъ руку и потихоньку посту-
ъ въ раму окна. Онъ простучалъ условный знакъ старика со
рдяковымъ: два первые раза потише, а потомъ три раза по-
рѣе: тукъ-тукъ-тутъ,—знакъ обозначавшій, что «Грушенька
шла». Старикъ вздрогнулъ, вздернулъ голову, быстро вско-
ъ и бросился къ окну. Митя отскочилъ въ тѣнь. Ѳедоръ Пав-
ичъ отперъ окно и высунулъ всю свою голову.
— Грушенька, ты? Ты, что-ли? проговорилъ онъ какимъ-то
ващимъ полушепотомъ. — Гдѣ ты, маточка, ангелочикъ, гдѣ
Онъ былъ въ страшномъ волненіи, онъ задыхался.
«Одинъ!» рѣшилъ Митя.
— Гдѣ-же ты? крикнулъ опять старикъ и высунулъ еще
ьше голову, высунулъ ее съ плечами, озираясь на всѣ сто-
ы, направо и налѣво;—иди сюда; я гостинчику приготовилъ,
покажу!..
«Это онъ про пакетъ, съ тремя тысячами», мелькнуло у Мити.
— Да гдѣ-же?.. Али у дверей? Сейчасъ отворю..
И старикъ чуть не вылѣзъ изъ окна, заглядывая направо
сторону, гдѣ была дверь въ садъ, и стараясь разглядѣть въ

темнотѣ. Черезъ секунду онъ непремѣнно побѣжалъ-бы
двери, не дождавшись отвѣта Грушеньки. Митя смот
боку и не шевелился. Весь столь противный ему проф
рика, весь отвисшій кадыкъ его, носъ крючкомъ, улыб
въ сладостномъ ожиданіи, губы его, все это ярко бы
щено косымъ свѣтомъ лампы слѣва изъ комнаты. С
неистовая злоба закипѣла вдругъ въ сердцѣ Мити: «В
его соперникъ, его мучитель, мучитель его жизни!» Э
приливъ той самой внезапной, мстительной и неистово
про которую, какъ-бы предчувствуя ее, возвѣстилъ он
въ разговорѣ съ нимъ въ бесѣдкѣ четыре дня назад
отвѣтилъ на вопросъ Алеши: «какъ можешь ты гово
убьешь отца?»

«Я вѣдь не знаю, не знаю, сказалъ онъ тогда; мо
убью, а, можетъ, убью. Боюсь, что ненавистенъ он
мнѣ станетъ *«своимъ лицомъ въ ту самую минуту»*. И
я его кадыкъ, его носъ, его глаза, его безстыжую н
Личное омерзѣніе чувствую. Вотъ этого боюсь, вотъ и
жусь».

Личное омерзѣніе наростало нестерпимо. Митя уже
нилъ себя и вдругъ выхватилъ мѣдный пестикъ изъ

. . . . . .

«Богъ», какъ самъ Митя говорилъ потомъ, «сторож
тогда»: какъ разъ въ то самое время проснулся на од
больной Григорій Васильевичъ. Къ вечеру того-же дня
вершилъ надъ собою извѣстное лѣченіе, о которомъ
ковъ разсказывалъ Ивану Ѳедоровичу, то есть вытерс
помощію супруги водкой съ какимъ-то секретнымъ кре
настоемъ, а остальное выпилъ съ «нѣкоторою молитв
шептанною надъ нимъ супругой, и залегъ спать. М
натьевна вкусила тоже и, какъ не пьющая, заснула
пруга мертвымъ сномъ. Но вотъ совсѣмъ неожиданно
вдругъ проснулся въ ночи, сообразилъ минутку и хоть
же опять почувствовалъ сильную боль въ поясницѣ,
нялся на постели. Затѣмъ опять что-то обдумалъ, вста
скоро одѣлся. Можетъ быть, угрызеніе совѣсти кольну
то, что онъ спитъ, а домъ безъ сторожа «въ такое
время». Разбитый падучею Смердяковъ лежалъ въ д
моркѣ безъ движенія. Марѳа Игнатьевна не шевелилас
бѣла баба», подумалъ, глянувъ на нее Григорій Васи
кряхтя вышелъ на крылечко. Конечно, онъ хотѣлъ т

лечка, потому что ходить былъ не въ силахъ, боль
; и въ правой ногѣ была нестерпимая. Но какъ разъ
омнилъ, что калитку въ садъ онъ съ вечера на за-
еръ. Это былъ человѣкъ аккуратнѣйшій и точнѣй-
къ разъ установившагося порядка и многолѣтнихъ
Хромая и корчась отъ боли, сошелъ онъ съ кры-
равился къ саду. Такъ и есть, калитка совсѣмъ на-
инально ступилъ онъ въ садъ: можетъ быть, ему
илось, можетъ, услыхалъ какой нибудь звукъ, но,
ѣво, увидалъ отворенное окно у барина, пустое уже
то уже изъ него не выглядывалъ. «Почему отво-
не лѣто!» подумалъ Григорій и вдругъ, какъ разъ
мгновеніе, прямо предъ нимъ въ саду замелькало
лчайное. Шагахъ въ сорока предъ нимъ какъ-бы
ъ темнотѣ человѣкъ, очень быстро двигалась какая-
осподи!» проговорилъ Григорій и, не помня себя, за-
зою боль въ поясницѣ, пустился на перерѣзъ бѣгу-
взялъ короче, садъ былъ ему видимо знакомѣе, чѣмъ
отъ-же направлялся къ банѣ, пробѣжалъ за баню,
стѣнѣ... Григорій слѣдилъ его, не теряя изъ виду и
помня себя. Онъ добѣжалъ до забора какъ разъ въ
когда бѣглецъ уже перелѣзалъ заборъ. Внѣ себя
игорій, кинулся и вцѣпился обѣими руками въ его

есть, предчувствіе не обмануло его; онъ узналъ его,
ъ «извергъ-отцеубивецъ!»
убивецъ! прокричалъ старикъ на всю окрестность,
то и успѣлъ прокричать; онъ вдругъ упалъ, какъ
громомъ. Митя соскочилъ опять въ садъ и нагнулся
кеннымъ. Въ рукахъ Мити былъ мѣдный пестикъ и
льно отбросилъ его въ траву. Пестикъ упалъ въ
хъ отъ Григорія, но не на траву, а на тропинку,
дное мѣсто. Нѣсколько секундъ разсматривалъ онъ
редъ нимъ. Голова старика была вся въ крови; Митя
уку и сталъ ее ощупывать. Онъ припомнилъ по-
что ему ужасно захотѣлось въ ту минуту «вполнѣ
проломилъ онъ черепъ старику или только «огоро-
пестикомъ по темени? Но кровь лилась, лилась
игомъ облила горячею струей дрожащіе пальцы Мити.
ъ, что выхватилъ изъ кармана свой бѣлый новый
орымъ запасся идя къ Хохлаковой. и приложилъ

къ головѣ старика, безсмысленно стараясь оттереть к
лба и съ лица. Но и платокъ мигомъ весь намокъ
«Господи, да для чего это я?» очнулся вдругъ Митя
ужь проломилъ, то какъ теперь узнать... Да и не все
перь равно!» прибавилъ онъ вдругъ безнадежно,—убил
убилъ... Попался старикъ и лежи!» громко проговорилъ
вдругъ кинулся на заборъ, перепрыгнулъ въ пере
пустился бѣжать. Намокшій кровью платокъ былъ ско
него въ правомъ кулакѣ и онъ на бѣгу сунулъ его
карманъ сюртука. Онъ бѣжалъ сломя голову, и нѣсколь
кихъ прохожихъ, повстрѣчавшихся ему въ темнотѣ, на
города, запомнили потомъ, какъ встрѣтили они въ
истово бѣгущаго человѣка. Летѣлъ онъ опять въ домъ
вой. Давеча Ѳеня, тотчасъ по уходѣ его, бросилась къ с
дворнику Назару Ивановичу и «Христомъ-Богомъ» мо
лить его, чтобъ онъ «не впускалъ ужь больше капи
сегодня, ни завтра». Назаръ Ивановичъ, выслушавъ, сог
но на грѣхъ отлучился на верхъ къ барынѣ, куда его
позвали, и на ходу, встрѣтивъ своего племянника, пар
двадцати, недавно только прибывшаго изъ деревни, пр
ему побыть на дворѣ, но забылъ приказать о капитанѣ
жавъ до воротъ, Митя постучался. Парень мигомъ узна
Митя не разъ уже давалъ ему на чай. Тотчасъ-же отвор
калитку, впустилъ и, весело улыбаясь, предупредительн
шилъ увѣдомить, что «вѣдь Аграфены Александровны
дома-то и нѣтъ-съ».

— Гдѣ-же она, Прохоръ? вдругъ остановился Митя

— Давеча уѣхала, часа съ два тому, съ Тимоѳеемъ, въ

— Зачѣмъ? крикнулъ Митя.

— Этого знать не могу-съ, къ офицеру какому-то.
ихъ позвалъ, оттудова и лошадей прислали...

Митя бросилъ его и какъ полоумный вбѣжалъ къ

V.

Внезапное рѣшеніе.

Та сидѣла въ кухнѣ съ бабушкой, обѣ собирались
спать. Надѣясь на Назара Ивановича, они изнутри опя
не заперлись. Митя вбѣжалъ, кинулся на Ѳеню и крѣп
тилъ ее за горло.

— Говори сейчасъ, гдѣ она, съ кѣмъ теперь въ Мокромъ? вопилъ онъ въ изступленіи.

Обѣ женщины взвизгнули.

— Ай, скажу, ай, голубчикъ Дмитрій Ѳедоровичъ, сейчасъ все скажу, ничего не потаю, прокричала скороговоркой на смерть испуганная Ѳеня:—она въ Мокрое къ офицеру поѣхала.

— Къ какому офицеру? вопилъ Митя.

— Къ прежнему офицеру, къ тому самому, къ прежнему своему, пять лѣтъ тому который былъ, бросилъ и уѣхалъ, тою-же скороговоркой протрещала Ѳеня.

Дмитрій Ѳедоровичъ отпялъ руки, которыми сжималъ ей горло. Онъ стоялъ предъ нею блѣдный какъ мертвецъ и безгласный, но по глазамъ его было видно, что онъ все разомъ понялъ, все, все разомъ съ полслова понялъ до послѣдней черточки и обо всемъ догадался. Не бѣдной Ѳенѣ, конечно, было наблюдать въ эту секунду, понялъ онъ или нѣтъ. Она какъ была, сидя на сундукѣ, когда онъ вбѣжалъ, такъ и осталась теперь, вся трепещущая и, выставивъ предъ собою руки, какъ-бы желая защититься, такъ и замерла въ этомъ положеніи. Испуганными, расширенными отъ страха зрачками глазъ впилась она въ него неподвижно. А у того какъ разъ къ тому обѣ руки были запачканы въ крови. Дорогой, когда бѣжалъ, онъ, должно быть, дотрогивался ими до своего лба, вытирая съ лица потъ, такъ что и на лбу, и на правой щекѣ остались красныя пятна размазанной крови. Съ Ѳеней могла сейчасъ начаться истерика, старуха-же Кухарка вскочила и глядѣла какъ сумасшедшая, почти потерявъ сознаніе. Дмитрій Ѳедоровичъ простоялъ съ минуту и вдругъ машинально опустился возлѣ Ѳени на стулъ.

Онъ сидѣлъ и не то чтобы соображалъ, а былъ какъ-бы въ испугѣ, точно въ какомъ-то столбнякѣ. Но все было ясно какъ день: этотъ офицеръ—онъ зналъ про него, зналъ вѣдь отлично все, зналъ отъ самой-же Грушеньки, зналъ, что мѣсяцъ назадъ ей письмо прислалъ. Значитъ, мѣсяцъ, цѣлый мѣсяцъ это дѣло велось въ глубокой отъ него тайнѣ до самаго теперешняго пріѣзда этого новаго человѣка, а онъ-то и не думалъ о немъ! Но какъ могъ, какъ могъ онъ не думать о немъ? Почему онъ такъ вдругъ и забылъ тогда про этого офицера, забылъ тотчасъ-же какъ узналъ про него? Вотъ вопросъ, который стоялъ предъ нимъ какъ какое-то чудище. И онъ созерцалъ это чудище дѣйствительно въ испугѣ, похолодѣвъ отъ испуга.

Но вдругъ онъ тихо и кротко, какъ тихій и ласковый ре-

бенокъ, заговорилъ съ Ѳеней, совсѣмъ точно и забывъ, что
часъ ее такъ перепугалъ, обидѣлъ и измучилъ. Онъ вдруг
чрезвычайною и даже удивительною въ его положеніи точно
принялся разспрашивать Ѳеню. А Ѳеня хоть и дико смотр
на окровавленныя руки его, но тоже съ удивительной го
ностью и поспѣшностью принялась отвѣчать ему на каждый
просъ, даже какъ-бы спѣша выложить ему всю «правду
динскую». Мало по малу, даже съ какою-то радостью
излагать всѣ подробности, и вовсе не желая мучить, а как
спѣша изо всѣхъ силъ отъ сердца услужить ему. До посл
подробности разсказала она ему и весь сегодняшній день,
щеніе Ракитина и Алеши, какъ она, Ѳеня, стояла на сторож
какъ барыня поѣхала и что она прокричала въ окошко А
поклонъ ему, Митенькѣ, и чтобы «вѣчно помнилъ какъ л
она его часочекъ». Выслушавъ о поклонѣ, Митя вдругъ уст
нулся и на блѣдныхъ щекахъ его вспыхнулъ румянецъ. О
въ ту-же минуту сказала ему, уже ни крошечки не боя
свое любопытство:

— Руки-то какія у васъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, всѣ-то въ кр

— Да, отвѣтилъ машинально Митя, разсѣянно посмотр
на свои руки, и тотчасъ забылъ про нихъ, и про вопросъ Ѳе
Онъ опять погрузился въ молчаніе. Съ тѣхъ поръ какъ вбѣжа
онъ, прошло уже минутъ двадцать. Давешній испугъ его п
шелъ, но видимо имъ уже овладѣла вполнѣ какая-то новая
преклонная рѣшимость. Онъ вдругъ всталъ съ мѣста и задум
чиво улыбнулся.

— Баринъ, что съ вами это такое было? проговорила Ѳеня,
опять показывая ему на его руки,—проговорила съ сожалѣніем
точно самое близкое теперь къ нему въ горѣ его существо.

Митя опять посмотрѣлъ себѣ на руки.

— Это кровь, Ѳеня, проговорилъ онъ со страннымъ выр
женіемъ смотря на нее,—это кровь человѣческая и, Боже, з
чѣмъ она пролилась! Но... Ѳеня... тутъ одинъ заборъ (онъ гля
дѣлъ на нее какъ-бы загадывая ей загадку), одинъ высокій з
боръ и страшный на видъ, но... завтра на разсвѣтѣ, когда «изл
титъ солнце», Митенька черезъ этотъ заборъ перескочитъ... Ты
понимаешь, Ѳеня, какой заборъ, ну да ничего... все равно, з
тра услышишь и все поймешь... а теперь прощай! Не помѣша
и устранюсь, съумѣю устраниться. Живи, моя радость... люби
меня часокъ, такъ и помни на вѣки Митеньку Карамазова.
Вѣдь она меня все называла Митенькой, помнишь?

И съ этими словами вдругъ вышелъ изъ кухни. А Ѳеня выда этого испугалась чуть не больше еще, чѣмъ когда онъ да-а вбѣжалъ и бросился на нее.

Ровно десять минутъ спустя, Дмитрій Ѳедоровичъ вошелъ къ му молодому чиновнику, Петру Ильичу Перхотину, которому вечa заложилъ пистолеты. Было уже половина девятаго и тръ Ильичъ, напившись дома чаю, только что облекся снова сюртукъ, чтобъ отправиться въ трактиръ «Столичный Городъ» играть на биллiардѣ. Митя захватилъ его на выходѣ. Тотъ, идѣвъ его и его запачканное кровью лицо, такъ и вскрикнулъ.

— Господи! Да что это съ вами?

— А вотъ, быстро проговорилъ Митя,—за пистолетами мои пришелъ и вамъ деньги принесъ. Съ благодарностію. Торопись, Петръ Ильичъ, пожалуйста, поскорѣе.

Петръ Ильичъ все больше и больше удивлялся: въ рукахъ ти онъ вдругъ разсмотрѣлъ кучу денегъ, а, главное, онъ держалъ эту кучу, и вошелъ съ нею, какъ никто деньги не держитъ и никто съ ними не входитъ: всѣ кредитки несъ въ правой рукѣ, точно напоказъ, прямо держа руку предъ собою. Мальчикъ, слуга чиновника, встрѣтившій Митю въ передней, сказывалъ потомъ, что онъ такъ и въ переднюю вошелъ съ деньгами въ рукахъ, стало быть, и по улицѣ все также несъ ихъ предъ собою въ правой рукѣ. Бумажки были все сторублевыя, хрустящія, придерживалъ онъ ихъ окровавленными пальцами. Петръ Ильичъ, потомъ, на позднѣйшіе вопросы интересовавшихся лицъ: сколько было денегъ, заявлялъ, что тогда сосчитать на глазъ трудно было, можетъ быть, двѣ тысячи, можетъ быть, три, но пачка была большая, «плотненькая». Самъ-же Дмитрій Ѳедоровичъ, какъ показывалъ онъ тоже потомъ, «былъ какъ-бы тоже совсѣмъ не въ себѣ, но не пьянъ, а точно въ какомъ-то восторгѣ, очень разсѣянъ, а въ тоже время какъ будто и сосредоточенъ, точно объ чемъ-то думалъ и добивался, и рѣшить не могъ. Очень торопился, отвѣчалъ рѣзко, очень странно, мгновеніями-же былъ какъ будто вовсе не въ горѣ, а даже веселъ».

— Да съ вами-то что, съ вами-то что теперь? прокричалъ опять Петръ Ильичъ, дико разсматривая гостя. — Какъ это вы такъ раскровенились, упали, что-ли, посмотрите!

Онъ схватилъ его за локоть и поставилъ къ зеркалу. Митя, увидавъ свое запачканное кровью лицо, вздрогнулъ и гнѣвно нахмурился.

— Э, чортъ! Этого не доставало, пробормоталъ онъ со злобой

быстро переложилъ изъ правой руки кредитки въ лѣ
судорожно выдернулъ изъ кармана платокъ. Но и платок
зался весь въ крови (этимъ самымъ платкомъ онъ вы
голову и лицо Григорію): ни одного почти мѣстечка не бы
даго, и не то что началъ засыхать, а какъ-то заскорузъ въ
и не хотѣлъ развернуться. Митя злобно шваркнулъ его объ

— Э, чортъ! Нѣтъ-ли у васъ какой тряпки... обтереть

— Такъ вы только запачкались, а не ранены? Так
лучше вымойтесь, отвѣтилъ Петръ Ильичъ.—Вотъ рукомо
я вамъ подамъ.

— Рукомойникъ? Это хорошо... только куда-же я это
въ какомъ-то совсѣмъ ужь странномъ недоумѣніи указал
Петру Ильичу на свою пачку сторублевыхъ, вопросительн
на него, точно тотъ долженъ былъ рѣшить, куда ему дѣва
собственныя деньги.

— Въ карманъ суньте, али на столъ вотъ здѣсь пол
не пропадутъ.

— Въ карманъ? Да, въ карманъ. Это хорошо... Нѣтъ, і
ли, это все вздоръ! вскричалъ онъ, какъ-бы вдругъ выхо
разсѣянности.—Видите: мы сперва это дѣло кончимъ, пист
то, вы мнѣ ихъ отдайте, а вотъ ваши деньги .. потому ч
очень, очень нужно... и времени, времени ни капли...

И, снявъ съ пачки верхнюю сторублевую, онъ протян
чиновнику.

— Да у меня и сдачи не будетъ, замѣтилъ тотъ:—у
мельче нѣтъ?

— Нѣтъ, сказалъ Митя, поглядѣвъ опять на пачку, и к
неувѣренный въ словахъ своихъ попробовалъ пальцами д
бумажки сверху,—нѣтъ, все такія-же, прибавилъ онъ и
вопросительно поглядѣлъ на Петра Ильича.

— Да откуда вы такъ разбогатѣли? спросилъ тотъ
стойте, я мальчика своего пошлю сбѣгать къ Плотник
Они запираютъ поздно, — вотъ не размѣняютъ-ли. Эй,
крикнулъ онъ въ переднюю.

— Въ лавку къ Плотниковымъ — великолѣпнѣйшее
крикнулъ и Митя, какъ-бы осѣненный какою-то мыслью.
ша,—обернулся онъ къ вошедшему мальчику,—видишь, б
Плотниковымъ, и скажи, что Дмитрій Ѳедоровичъ велѣлъ кла
и сейчасъ самъ будетъ... Да слушай, слушай: чтобы къ его п
приготовили шампанскаго, этакъ дюжинки три, да уложил
тогда, когда въ Мокрое ѣздилъ... Я тогда четыре дюжины

ыъ (вдругъ обратился онъ къ Петру Ильичу)—они ужь зна-
ь, не безпокойся, Миша, повернулся онъ опять къ мальчику.—
слушай: чтобы сыру тамъ, пироговъ страсбургскихъ, сиговъ
ченыхъ, ветчины, икры, ну и всего, всего, что только есть у
ъ, рублей этакъ на сто или на сто двадцать, какъ прежде
ю... Да слушай: гостинцевъ чтобы не забыли, конфектъ, грушъ,
уза два или три, аль четыре,—ну нѣтъ, арбуза-то одного до-
ьно, а шоколаду, леденцовъ, монпансье, тягушекъ—ну всего,
тогда со мной въ Мокрое уложили, съ шампанскимъ рублей
триста чтобы было... Ну, вотъ и теперь чтобы также точно.
вспомни ты, Миша, если ты Миша... Вѣдь его Мишей зовутъ?
гь обратился онъ къ Петру Ильичу.

— Да постойте, перебилъ Петръ Ильичъ, съ безпокойствомъ слушая и разсматривая,—вы лучше сами пойдете, тогда и кните, а онъ перевретъ.

— Перевретъ, вижу что перевретъ! Эхъ, Миша, а я было и поцаловать хотѣлъ за коммиссію... Коли не переврешь, ять рублей тебѣ, скачи скорѣй... Шампанское, главное, шам-ское чтобы выкатили, да и коньячку, да и краснаго, и бѣлаго, всего этого какъ тогда... Они ужь знаютъ какъ тогда было.

— Да слушайте вы! съ нетерпѣніемъ уже перебилъ Петръ ьичъ.—Я говорю: пусть онъ только сбѣгаетъ размѣнять, да кажетъ, чтобы не запирали, а вы пойдете и сами скажете... айте вашу кредитку, маршъ, Миша, одна нога тамъ, другая ъ! Петръ Ильичъ, кажется, нарочно поскорѣй прогналъ Мишу, ому что тотъ какъ сталъ предъ гостемъ, выпуча глаза на кровавое лицо и окровавленныя руки съ пучкомъ денегъ въ жащихъ пальцахъ, такъ и стоялъ, разиня ротъ отъ удивле-и страха и, вѣроятно, мало понялъ изъ всего того, что ему азывалъ Митя.

— Ну, теперь пойдемте мыться, сурово сказалъ Петръ Иль-.—Положите деньги на столъ, али суньте въ карманъ...Вотъ ь, идемъ. Да снимите сюртукъ.

И онъ сталъ ему помогать снять сюртукъ и вдругъ опять икнулъ.

— Смотрите, у васъ и сюртукъ въ крови!

— Это... это не сюртукъ. Только немного тутъ у рукава... го вотъ только здѣсь, гдѣ платокъ лежалъ. Изъ кармана очилось. Я на платокъ-то у Ѳени сѣлъ, кровь-то и просочи-, съ какою-то удивительною довѣрчивостью тотчасъ-же объ-ъ Митя. Петръ Ильичъ выслушалъ нахмурившись.

— Угораздило-же васъ; подрались, должно быть, с
пробормоталъ онъ.

Начали мыться. Петръ Ильичъ держалъ кувшинъ и
валъ воду. Митя торопился и плохо было намылилъ рук
у него дрожали, какъ припомнилъ потомъ Петръ Ильичъ
Ильичъ тотчасъ-же велѣлъ намылить больше и тереть
Онъ какъ будто бралъ какой-то верхъ надъ Митей въ
нуту, чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Замѣтимъ кстати:
человѣкъ былъ характера не робкаго.

— Смотрите, не отмыли подъ ногтями; ну, тене
лицо, вотъ тутъ: на вискахъ, у уха... Вы въ этой ру
поѣдете? Куда это вы ѣдете? Смотрите, весь обшлагъ
рукава въ крови.

— Да, въ крови, замѣтилъ Митя, разсматривая
рубашки.

— Такъ перемѣните бѣлье.

— Некогда. А я вотъ, вотъ видите... продолжалъ
же довѣрчивостью Митя, уже вытирая полотенцемъ лиц
и надѣвая сюртукъ,—я вотъ здѣсь край рукава загну.
видно будетъ подъ сюртукомъ... Видите!

— Говорите теперь, гдѣ это васъ угораздило? П
что-ли, съ кѣмъ? Не въ трактирѣ-ли опять, какъ т
опять-ли съ капитаномъ, какъ тогда, били его и таска
бы съ укоризною припомнилъ Петръ Ильичъ. Кого еш
ли... али убили, пожалуй.

— Вздоръ! проговорилъ Митя.

— Какъ вздоръ?

— Не надо, сказалъ Митя и вдругъ усмѣхнулся
старушонку одну на площади сейчасъ раздавилъ.

— Раздавили? Старушонку?

— Старика! крикнулъ Митя, смотря Петру Ильи
въ лицо, смѣясь и крича ему какъ глухому.

— Э, чортъ возьми, старика, старушонку... Убили, что

— Помирились. Сцѣпились—и помирились. Въ одно
Разошлись пріятельски. Одинъ дуракъ... онъ мнѣ пр
теперь ужь навѣрно простилъ... Если-бы всталъ, такъ
стилъ-бы,—подмигнулъ вдругъ Митя,—только знаете
его слышите, Петръ Ильичъ, къ чорту, не надо. Въ
не хочу! рѣшительно отрѣзалъ Митя.

— Я вѣдь къ тому, что охота-же вамъ со всяк
зываться... какъ тогда изъ пустяковъ съ этимъ

...мъ... подрались и кутить теперь мчитесь—весь вашъ характеръ! ...и дюжины шампанскаго,—это куда-же столько!

— Браво! Давайте теперь пистолеты. Ей Богу, нѣтъ времени. ...хотѣлъ-бы съ тобой поговорить, голубчикъ, да времени нѣтъ. ...и не надо вовсе, поздно говорить. А! гдѣ-же деньги, куда я ...ъ дѣлъ? вскрикнулъ онъ и принялся совать по карманамъ руки.

— На столъ положили... сами... вонъ онѣ лежатъ. Забыли? ...длинно деньги у васъ точно соръ аль вода. Вотъ ваши пи...леты. Странно, въ шестомъ часу, давеча заложилъ ихъ за ...ять рублей, а теперь эвона у васъ, тысячъ-то. Двѣ или три, ...бось?

— Три небось, засмѣялся Митя, суя деньги въ боковой ...манъ панталонъ.

— Потеряете этакъ-то. Золотые пріиски у васъ, что-ли?

— Пріиски? Золотые пріиски! изо всей силы закричалъ ...тя и закатился смѣхомъ.—Хотите, Перхотинъ, на пріиски? Тот...съ вамъ одна дама здѣсь три тысячи отсыплетъ, чтобы только ...ли. Мнѣ отсыпала, ужь такъ она пріиски любитъ! Хохлакову ...ете?

— Незнакомъ, а слыхалъ и видалъ. Неужто это она вамъ ...тысячи дала? Такъ и отсыпала? недовѣрчиво глядѣлъ Петръ ...ичъ.

— А вы завтра, какъ солнце взлетитъ, вѣчно юный-то Ѳебъ ...ъ взлетитъ, хваля и славя Бога, вы завтра пойдите къ ней, ...Хохлаковой-то, и спросите у ней сами: отсыпала она мнѣ три ...ячи, али нѣтъ? Справьтесь-ка.

— Я не знаю вашихъ отношеній... коли вы такъ утверди...льно говорите, значитъ дала... А вы денежки-то въ лапки, да, ...сто Сибири-то, по всѣмъ по тремъ... Да куда вы въ самомъ ...дѣ теперь, а?

— Въ Мокрое.

— Въ Мокрое? Да вѣдь ночь!

— Былъ Мастрюкъ во всемъ, сталъ Мастрюкъ ни въ чемъ! ...говорилъ вдругъ Митя.

— Какъ ни въ чемъ? Это съ такими-то тысячами, да ни въ ...ъ?

— Я не про тысячи. Къ чорту тысячи! Я про женскій нравъ ...орю:

„Легковѣренъ женскій нравъ
И измѣнчивъ и пороченъ".

[съ Улиссомъ согласенъ, это онъ говоритъ.

— Не понимаю я васъ?

— Пьянъ что-ли?

— Не пьянъ, а хуже того.

— Я духомъ пьянъ, Петръ Ильичъ, духомъ пьянъ вольно, довольно.

— Что это вы, пистолетъ заряжаете?

— Пистолетъ заряжаю.

Митя, дѣйствительно, раскрывъ ящикъ съ пистолетам кнулъ рожокъ съ порохомъ и тщательно всыпалъ и за рядъ. Затѣмъ взялъ пулю и, передъ тѣмъ какъ вкатить нялъ ее въ двухъ пальцахъ предъ собою надъ свѣчко

— Чего это вы на пулю смотрите? съ безпокойны пытствомъ слѣдилъ Петръ Ильичъ.

— Такъ. Воображеніе. Вотъ если-бы ты вздумалъ всадить себѣ въ мозгъ, то, заряжая пистолетъ, посмотрѣ нее или нѣтъ?

— Зачѣмъ на нее смотрѣть?

— Въ мой мозгъ войдетъ, такъ интересно на нее в какова она есть... А, впрочемъ вздоръ, минутный вздо и кончено, прибавилъ онъ, вкативъ пулю и заколотив лей.—Петръ Ильичъ, милый, вздоръ, все вздоръ и есл зналъ, до какой степени вздоръ! Дай-ка мнѣ теперь бум сочекъ.

— Вотъ бумажка.

— Нѣтъ, гладкой, чистой, на которой пишутъ. Во И Митя, схвативъ со стола перо, быстро написалъ на двѣ строки, сложилъ вчетверо бумажку и сунулъ въ ж карманъ. Пистолеты вложилъ въ ящикъ, заперъ ключи взялъ ящикъ въ руки. Затѣмъ посмотрѣлъ на Петра длинно, вдумчиво улыбнулся.

— Теперь идемъ, сказалъ онъ.

— Куда идемъ? Нѣтъ, постойте... Это вы, пожалуй мозгъ ее хотите послать, пулю-то... съ безпокойствомъ несъ Петръ Ильичъ.

— Пуля вздоръ! Я жить хочу, я жизнь люблю! Зна Я златокудраго Ѳеба и свѣтъ его горячій люблю... Милы Ильичъ, умѣешь ты устраниться?

— Какъ это устраниться?

— Дорогу дать. Милому существу и ненавистному рогу. И чтобъ и ненавистное милымъ стало,—вотъ какъ рогу! И сказать имъ: Богъ съ вами, идите, проходите ми

ьно, идемъ.
гу скажу кому-нибудь (глядѣлъ на него Петръ
ы васъ не пустить туда. Зачѣмъ вамъ теперь въ

ина тамъ, женщина, и довольно съ тебя, Петръ
ибашъ!
пайте, вы хоть и дики, но вы мнѣ всегда какъ-то
і вотъ и безпокоюсь.
ю тебѣ, братъ. Я дикій, говоришь ты. Дикари, ди-
только и твержу: дикари! А, да вотъ Миша, а я-то

ъ попыхахъ Миша съ пачкой размѣненныхъ денегъ
алъ, что у Плотниковыхъ «всѣ заходили» и бутылки
ыбу, и чай—сейчасъ все готово будетъ. Митя схва-
ублевую и подалъ Петру Ильичу, а другую десяти-
улъ Мишѣ.
ть! вскричалъ Петръ Ильичъ.—У меня дома нельзя,
баловство это. Спрячьте ваши деньги, вотъ сюда по-
ихъ сорить-то? Завтра-же пригодятся, ко мнѣ-же
ге десять рублей просить. Что это вы въ боковой
суете? Эй, потеряете!
й, милый человѣкъ, поѣдемъ въ Мокрое вмѣстѣ?
о зачѣмъ туда?
й. хочешь сейчасъ бутылку откупорю, выпьемъ за
хочется выпить, а пуще всего съ тобою выпить.
тобою не пилъ, а?
уй, въ трактирѣ можно, пойдемъ, я туда самъ сей-
яюсь.
а въ трактирѣ, а у Плотниковыхъ въ лавкѣ, въ
гѣ. Хочешь, я тебѣ одну загадку загадаю сейчасъ.
й.
улъ изъ жилета свою бумажку, развернулъ ее и
вимъ и крупнымъ почеркомъ было на ней написано:
ебя за всю жизнь, всю жизнь мою наказую»!
, скажу кому-нибудь. пойду сейчасъ и скажу, про-
очитавъ бумажку, Петръ Ильичъ.
пѣшь, голубчикъ, ядемъ и выпьемъ, маршъ!
отниковыхъ приходилась почти черезъ одинъ только
ра Ильича, на углу улицы. Это былъ самый глав-
ый магазинъ въ нашемъ городѣ, богатыхъ торгов-

— Часомъ только развѣ прежде нашего прибудутъ, да и того будетъ, часомъ всего упредятъ! поспѣшно отозвался Андрей.— Снюхся и снарядилъ, знаю, какъ поѣдутъ. Ихъ ѣзда не наша ь, Дмитрій Ѳедоровичъ, гдѣ имъ до нашего. Часомъ не порятъ раньше! съ жаромъ перебилъ Андрей, еще не старый ыкъ, рыжеватый, сухощавый парень въ поддевкѣ и съ армяь на лѣвой рукѣ.

— Пятьдесятъ рублей на водку, коли только часомъ отешь.

— За часъ времени ручаемся, Дмитрій Ѳедоровичъ, эхъ, часомъ не упредятъ, не то что часомъ.

Митя хоть и засуетился распоряжаясь, но говорилъ и привалъ какъ-то странно, въ разбивку, а не по порядку. Налъ одно и забывалъ окончаніе. Петръ Ильичъ нашелъ необходимымъ ввязаться и помочь дѣлу.

— На четыреста рублей, не менѣе какъ на четыреста, чтобы ь въ точь по тогдашнему, командовалъ Митя.—Четыре дюы шампанскаго, ни одной бутылки меньше.

— Зачѣмъ тебѣ столько, къ чему это? Стой! завопилъ Петръ ичъ.—Это что за ящикъ? Съ чѣмъ? Неужели тутъ на четыта рублей?

Ему тотчасъ-же объяснили суетившіеся прикащики со славою рѣчью, что въ этомъ первомъ ящикѣ всего лишь полдюжины шампанскаго и «всякіе необходимые на первый случай диеты» изъ закусокъ, конфектъ, моншасье и проч. Но что вное «потребленіе» уложится и отправится сей-же часъ особо, ъ и въ тогдашній разъ, въ особой телѣгѣ и тоже тройкой и рафитъ къ сроку, «развѣ всего только часомъ позже Дмитрія оровича къ мѣсту прибудетъ».

— Не болѣе часу, чтобъ не болѣе часу, и какъ можно больше пансье и тягушекъ положите: это тамъ дѣвки любятъ, съ юмъ настаивалъ Митя.

— Тягушекъ—пусть. Да четыре-то дюжины къ чему тебѣ? ой довольно, почти осердился уже Петръ Ильичъ. Онъ сталъ говаться, онъ потребовалъ счетъ, онъ не хотѣлъ успокоиться. съ, однако, всего одну сотню рублей. Остановились на томъ, бы всего товару доставлено было не болѣе какъ на триста лей.

— А, чортъ васъ подери! вскричалъ Петръ Ильичъ, какъ-бы гъ одумавшись,—да мнѣ-то тутъ что? Бросай свои деньги, і даромъ нажилъ!

— Сюда, экономъ, сюда, не сердись, потащилъ его Ми
заднюю комнату лавки:—вотъ здѣсь намъ бутылку сейча
дадутъ, мы и хлебнемъ. Эхъ, Петръ Ильичъ, поѣдемъ к
потому что ты человѣкъ милый, такихъ люблю.

Митя усѣлся на плетеный стульчикъ передъ кроше
столикомъ, накрытымъ грязнѣйшею салфеткой. Петръ И
примостился напротивъ него и мигомъ явилось шампа
Предложили не пожелаютъ-ли господа устрицъ, «первы
устрицъ, самаго послѣдняго полученія».

— Къ чорту устрицъ, я не ѣмъ, да и ничего не надо,
злобно огрызнулся Петръ Ильичъ.

— Некогда устрицъ, замѣтилъ Митя,—да и аппетита
Знаешь, другъ, проговорилъ онъ вдругъ съ чувствомъ,—
билъ я никогда всего этого безпорядка.

— Да кто-жь его любитъ! Три дюжины, помилуй, на
ковъ, это хоть кого взорветъ.

— Я не про это. Я про высшій порядокъ. Порядку
нѣтъ, высшаго порядка... Но... все это закончено, горем
чего. Поздно, и къ чорту! Вся жизнь моя была безпоря
надо положить порядокъ. Каламбурю, а?

— Бредишь, а не каламбуришь.

— Слава Высшему на свѣтѣ,
Слава Высшему во мнѣ!

Этотъ стишокъ у меня изъ души вырвался когда-то, не
а слеза... самъ сочинилъ... не тогда, однако, когда пита
питана за бороденку тащилъ...

— Чего это ты вдругъ о немъ?

— Чего я вдругъ о немъ? Вздоръ! Все кончается, вс
няется, черта—и итогъ.

— Право, мнѣ все твои пистолеты мерещатся.

— И пистолеты вздоръ! Пей и не фантазируй. Жизнь л
слишкомъ ужь жизнь полюбилъ, такъ слишкомъ, что и н
Довольно! За жизнь, голубчикъ за жизнь выпьемъ, за
предлагаю тостъ! Почему я доволенъ собой? Я подлъ, но до
собой. И, однако-жь, я мучусь тѣмъ, что я подлъ, но до
собой. Благословляю твореніе, сейчасъ готовъ. Бога благос
и Его твореніе, но... надо истребить одно смрадное нас
чтобы не ползало, другимъ жизни не портило... Выпьемъ за
милый братъ! Что можетъ быть дороже жизни! Ничего, и
За жизнь и за одну царицу изъ царицъ.

- Выпьемъ за жизнь, а, пожалуй, за твою царицу.
ыпили по стакану. Митя былъ хотя и восторженъ, и раскид-
но какъ-то грустенъ. Точно какая-то непреодолимая и тя-
забота стояла за нимъ.
- Миша... это твой Миша вошелъ? Миша, голубчикъ, Миша,
сюда, выпей ты мнѣ этотъ стаканъ, за Ѳеба златокудраго,
шняго...
- Да зачѣмъ ты ему! крикнулъ Петръ Ильичъ раздражи-
).
- Ну, позволь, ну такъ, ну я хочу.
- Э-эхъ!
ша выпилъ стаканъ, поклонился и убѣжалъ.
- Запомнитъ дольше, замѣтилъ Митя.—Женщину я люблю,
ну! Что̀ есть женщина? Царица земли! Грустно мнѣ, грустно,
Ильичъ. Помнишь Гамлета: «Мнѣ такъ грустно, такъ
ю, Горацію... Ахъ, бѣдный Іорикъ!» Это я, можетъ быть,
ь и есть. Именно теперь я Іорикъ, а черепъ потомъ.
тръ Ильичъ слушалъ и молчалъ, помолчалъ и Митя.
- Это какая у васъ собачка? спросилъ онъ вдругъ разсѣянно
щика, замѣтивъ въ углу маленькую хорошенькую боло-
съ черными глазками.
- Это Варвары Алексѣевны, хозяйки нашей болоночка, отвѣ-
прикащикъ, — сами запесли давеча, да и забыли у насъ.
ги надо будетъ обратно.
- Я одну такую-же видѣлъ... въ полку... вдумчиво произ-
Митя,—только у той задняя ножка была сломана... Петръ
ъ, хотѣлъ я спросить тебя кстати: кралъ ты когда что̀ въ
жизни, аль нѣтъ?
- Это что̀ за вопросъ?
- Нѣтъ, я такъ. Видишь, изъ кармана у кого-нибудь, чужое?
про казну говорю, казну всѣ дерутъ и ты, конечно, тоже...
- Убирайся къ чорту.
- Я про чужое: прямо изъ кармана, изъ кошелька, а?
- Укралъ одинъ разъ у матери двугривенный, девяти лѣтъ
со стола. Взялъ тихонько и зажалъ въ руку.
Ну, и что-же?
- Ну, и ничего. Три дня хранилъ, стыдно стало, признался
лъ.
Ну, и что-же?
Натурально, высѣкли. Да ты чего ужь, ты самъ не
-ли?

— Укралъ, хитро подмигнулъ Митя.

— Что укралъ? залюбопытствовалъ Петръ Ильичъ.

— У матери двугривенный, девяти лѣтъ былъ, черезъ
и отдалъ. Сказавъ это, Митя вдругъ всталъ съ мѣста.

— Дмитрій Ѳедоровичъ, не поспѣшить-ли? крикнулъ
дверей лавки Андрей.

— Готово? Идемъ! всполохнулся Митя. — Еще посл
ванье и... Андрею стаканъ водки на дорогу, сейчас
ньяку ему кромѣ водки рюмку! Этотъ ящикъ (съ пистол
ѣ подъ сидѣнье. Прощай, Петръ Ильичъ, не поминай л

— Да вѣдь завтра воротишься?

— Непремѣнно.

— Разсчетецъ теперь изволите покончить? подскочил
ящикъ.

— А, да, разсчетъ! Непремѣнно!

Онъ опять выхватилъ изъ кармана свою пачку кред
ялъ три радужныхъ, бросилъ на прилавокъ и спѣша в
ъ лавки. Всѣ за нимъ послѣдовали и, кланяясь, провож
ивѣтствіями и пожеланіями. Андрей крякнулъ отъ тол
ыпитаго коньяку и вскочилъ на сидѣнье. Но едва тольк
ачалъ садиться, какъ вдругъ предъ нимъ совсѣмъ неож
утилась Ѳеня. Она прибѣжала вся запыхавшись, съ к
ложила предъ нимъ руки и бухнулась ему въ ноги.

Батюшка, Дмитрій Ѳедоровичъ. голубчикъ, не по
арыню! А я-то вамъ все разсказала!.. И его не погубите,
й вѣдь онъ, ихній! Замужъ теперь Аграфену Алексан
льметъ, съ тѣмъ и изъ Сибири вернулся... Батюшка, Д
едоровичъ, не загубите чужой жизни!

То-те-те, вотъ оно что̀! Ну, надѣлаешь ты тепер
ѣлъ! пробормоталъ про себя Петръ Ильичъ. — Теперь
ятно, теперь какъ не понять. Дмитрій Ѳедоровичъ, о
ѣ сейчасъ пистолеты, если хочешь быть человѣкомъ, в
улъ онъ громко Митѣ,—слышишь, Дмитрій!

Пистолеты? Подожди, голубчикъ, я ихъ дорогой в
ыброшу, отвѣтилъ Митя. — Ѳеня, встань, не лежи ты
ной. Не погубитъ Митя, впредь никого ужь не погубит
лупый человѣкъ. Да вотъ что̀, Ѳеня, крикнулъ онъ е
сѣвшись:—обидѣлъ я тебя давеча, такъ прости меня и
уй, прости подлеца... А не простишь, все равно! Пото
теперь уже все равно! Трогай, Андрей, живо улетай!

Андрей тронулъ; колокольчикъ зазвенѣлъ.

— Прощай, Петръ Ильичъ! Тебѣ послѣдняя слеза!...

«Не пьянъ вѣдь, а какую ахинею поретъ!» подумалъ вслѣдъ Петръ Ильичъ. Онъ расположился было остаться присмотрѣть за тѣмъ, какъ будутъ снаряжать возъ (на тройкѣ-же) съ ильными припасами и винами, предчувствуя, что надуютъ и питаютъ Митю, но вдругъ, самъ на себя разсердившись, плюъ и пошелъ въ свой трактиръ играть на билліардѣ.

— Дуракъ, хоть и хорошій малый... бормоталъ онъ про себя кой. — Про этого какого-то офицера «прежняго» Грушеньова я слыхалъ. Ну, если прибылъ, то... Эхъ, пистолеты эти! ортъ, что я его дядька, что-ли? Пусть ихъ! Да и ничего не тъ. Горланы и больше ничего. Напьются и подерутся, поются и помирятся. Развѣ это люди дѣла? Что это за «устрать, казню себя» — ничего не будетъ! Тысячу разъ кричалъ съ слогомъ пьяный въ трактирѣ. Теперь-то не пьянъ. «Пьянъ омъ»—слогъ любятъ, подлецы. Дядька я ему, что-ли? И не ь не подраться, вся харя въ крови. Съ кѣмъ-бы это? Въ ктирѣ узнаю. И платокъ въ крови... Фу, чортъ, у меня на остался... наплевать!

Пришелъ въ трактиръ онъ въ сквернѣйшемъ расположеніи и тотчасъ-же началъ партію. Партія развеселила его. Сыгралъ рую и вдругъ заговорилъ съ однимъ изъ партнеровъ о томъ, у Дмитрія Карамазова опять деньги появились, тысячъ до къ, самъ видѣлъ, и что онъ опять укатилъ кутить въ Мокрое Грушенькой. Это было принято почти съ неожиданнымъ любопствомъ слушателями. И всѣ они заговорили не смѣясь, а какъ-странно серьезно. Даже игру перервали.

— Три тысячи? Да откуда у него быть тремъ тысячамъ?

Стали разспрашивать дальше. Извѣстіе о Хохлаковой приняли нительно.

— А не ограбилъ-ли старика, вотъ что?

— Три тысячи! Что-то не ладно.

— Похвалялся-же убить отца вслухъ, всѣ здѣсь слышали. анно про три тысячи говорилъ...

Петръ Ильичъ слушалъ и вдругъ сталъ отвѣчать на разспросы о и скупо. Про кровь, которая была на лицѣ и на рукахъ ти, не упомянулъ ни слова, а когда шелъ сюда, хотѣлъ было сказать. Начали третью партію, мало по малу разговоръ о гѣ затихъ; но, докончивъ третью партію, Петръ Ильичъ больше ать не пожелалъ, положилъ кій и, не поужинавъ, какъ сося, вышелъ изъ трактира. Выйдя на площадь, онъ сталъ

въ недоумѣніи и даже дивясь на себя. Онъ вдругъ сооб
что вѣдь онъ хотѣлъ сейчасъ идти въ домъ Ѳедора Пав
узнать, не произошло-ли чего. «Изъ-за вздора, который
разбужу чужой домъ и надѣлаю скандала. Фу, чортъ, д
имъ, что-ли?»

Въ сквернѣйшемъ расположеніи духа, на[illegible]лся онъ
къ себѣ домой и вдругъ вспомнилъ про Ѳеню: «Э, чортъ
бы давеча разспросить ее, подумалъ онъ въ досадѣ, и
зналъ». И до того вдругъ загорѣлось въ немъ самое нетер
и упрямое желаніе поговорить съ нею и разузнать, что съ
роги онъ круто повернулъ къ дому Морозовой, въ которо
тировала Грушенька. Подойдя къ воротамъ, онъ постуч
раздавшійся въ тишинѣ ночи стукъ опять какъ-бы вдруг
вилъ и обозлилъ его. Къ тому-же никто не откликнулся,
домѣ спали. «И тутъ скандалу надѣлаю!» подумалъ онъ
кимъ-то уже страданіемъ въ душѣ, но вмѣсто того, чтоб
окончательно, принялся вдругъ стучать снова и изо всей уж
Поднялся гамъ на всю улицу. «Такъ вотъ, нѣтъ-же, достуч
стучусь!» бормоталъ онъ. съ каждымъ звукомъ злясь на
остервенѣнія, но съ тѣмъ вмѣстѣ и усугубляя удары въ

VI.

Самъ ѣду!

А Дмитрій Ѳедоровичъ летѣлъ по дорогѣ. До Мокра
двадцать верстъ съ небольшимъ, но тройка Андреева скака
что могла поспѣть въ часъ съ четвертью. Быстрая ѣзда
вдругъ освѣжила Митю. Воздухъ былъ свѣжій и холоднова
чистомъ небѣ сіяли крупныя звѣзды. Это была та самая
можетъ, и тотъ самый часъ, когда Алеша, упавъ на землю «
ленно клялся любить ее во вѣки вѣковъ». Но смутно, очень
было въ душѣ Мити, и хоть многое терзало теперь его ду
въ этотъ моментъ все существо его неотразимо устремило
къ ней, къ его царицѣ, къ которой летѣлъ онъ, чтобы вз
на нее въ послѣдній разъ. Скажу лишь одно: даже и не
сердце его ни минуты. Не повѣрятъ мнѣ, можетъ быть, если
что этотъ ревнивецъ не ощущалъ къ этому новому челов
вому сопернику, выскочившему изъ подъ земли, къ этом
церу» ни малѣйшей ревности. Ко всякому другому, явис

ревновалъ-бы тотчасъ-же и, можетъ, вновь-бы намочилъ свои шныя руки кровью,—а къ этому, къ этому «ея первому», не ыслалъ онъ теперь, летя на своей тройкѣ, не только ревнивой зависти, но даже враждебнаго чувства,—правда, еще не видалъ . «Тутъ ужь безспорно, тутъ право ея и его; тутъ ея первая овь, которую она въ пять лѣтъ не забыла: значитъ, только его юбила въ эти пять лѣтъ, а я-то, я зачѣмъ тутъ подвернулся? я-то тутъ и при чемъ? Отстранись, Митя, и дай дорогу! Да и я теперь? Теперь ужь и безъ офицера все кончено, хотя-бы и явился онъ вовсе, то все равно все было-бы кончено»...

Вотъ въ какихъ словахъ онъ-бы могъ приблизительно изло- ь свои ощущенія, если-бы только могъ разсуждать. Но онъ не могъ тогда разсуждать. Вся теперешняя рѣшимость его ылась безъ разсужденій, въ одинъ мигъ, была сразу почув- вана и принята цѣликомъ со всѣми послѣдствіями еще да- , у Ѳени, съ первыхъ словъ ея. И всетаки, не смотря на принятую рѣшимость, было смутно въ душѣ его, смутно до ланія: не дала и рѣшимость спокойствія. Слишкомъ мно- стояло сзади его и мучило. И странно было ему это мгновен- е: вѣдь ужь написанъ былъ имъ самимъ себѣ приговоръ омъ на бумагѣ: «казню себя и наказую»; и бумажка лежала ъ, въ карманѣ его, приготовленная; вѣдь ужь заряженъ писто- ъ, вѣдь ужь рѣшилъ-же онъ, какъ встрѣтитъ онъ завтра пер- й горячій лучъ «Ѳеба златокудраго», а между тѣмъ съ преж- ъ, со всѣмъ стоявшимъ сзади и мучившимъ его, всетаки ъзя было разсчитаться, чувствовалъ онъ это до мученія и ль о томъ впилась въ его душу отчаяніемъ. Было одно мгно- ье въ пути, что ему вдругъ захотѣлось остановить Андрея, скочить изъ телѣги, достать свой заряженный пистолетъ и кончить все, не дождавшись и разсвѣта. Но мгновеніе это про- ѣло какъ искорка. Да и тройка летѣла. «пожирая простран- о», и, по мѣрѣ приближенія къ цѣли, опять таки мысль о , о ней одной, все сильнѣе и сильнѣе захватывала ему духъ итоняла всѣ остальные страшные признаки отъ его сердца. ему такъ хотѣлось поглядѣть на нее хоть мелькомъ, хоть ли! «Она теперь съ *нимъ*, ну вотъ и погляжу какъ она ерь съ нимъ, со своимъ прежнимъ милымъ, и только этого и надо». И никогда еще не подымалось изъ груди его столько ви къ этой роковой въ судьбѣ его женщинѣ, столько новаго, спытаннаго имъ еще никогда чувства, чувства неожиданнаго о для него самаго, чувства нѣжнаго до моленія, до исчезно-

венія предъ ней! «И исчезну!» проговорилъ онъ вдругъ въ
падкѣ какого-то истерическаго восторга.

Скакали уже почти часъ. Митя молчалъ, а Андрей
словоохотливый былъ мужикъ, тоже не вымолвилъ ещ
точно опасаясь заговорить и только живо погонялъ свои
ровъ», свою гнѣдую, сухопарую, но рѣзвую тройку. Вдр
Митя въ страшномъ безпокойствѣ воскликнулъ:

— Андрей! А что если спятъ?

Ему это вдругъ вспало на умъ, а до сихъ поръ онъ
и не подумалъ.

— Надо думать, что ужь легли, Дмитрій Ѳедоровичъ.

Митя болѣзненно нахмурился: что, въ самомъ дѣлѣ, он
летитъ... съ такими чувствами .. а они спятъ... спитъ
можетъ быть, тутъ-же... Злое чувство закипѣло въ его

— Погоняй, Андрей, катай, Андрей, живо! закричал
въ изступленіи.

— А, можетъ, еще и не полегли, разсудилъ, помо
Андрей.—Даве Тимоѳей сказывалъ, что тамъ много ихъ собр

— На станціи?

— Не въ станціи, а у Пластуновыхъ, на постояломъ
вольная, значитъ, станція.

— Знаю; такъ какъ-же ты говоришь, что много?
много? Кто такіе? вскинулся Митя въ страшной трево
неожиданномъ извѣстіи.

— Да сказывалъ Тимоѳей, все господа: изъ города дв
таковы—не знаю, только, сказывалъ Тимоѳей, двое изъ
нихъ господъ, да тѣхъ двое, будто-бы пріѣзжихъ, а, м
и еще кто есть, не спросилъ я его толково. Въ карты, гов
стали играть.

— Въ карты?

— Такъ вотъ, можетъ, и не спятъ, коли въ карты
Думать надо, теперь всего одиннадцатый часъ въ исхо
болѣе того.

— Погоняй, Андрей, погоняй! нервно вскричалъ опять

— Что это, я васъ спрошу, сударь, помолчавъ, началъ
Андрей,—вотъ только-бы не осердить мнѣ васъ, боюсь, б

— Чего тебѣ?

— Давеча Ѳедосья Марковна легла вамъ въ ноги,
барыню чтобы вамъ не сгубить и еще кого... такъ вотъ,
что везу-то я васъ туда... Простите, сударь, меня, так
совѣсти, можетъ, глупо что сказалъ.

Митя вдругъ схватилъ его сзади за плечи.
— Ты ямщикъ? Ямщикъ? началъ онъ изступленно.
— Ямщикъ...
— Знаешь ты, что надо дорогу давать. Что ямщикъ, такъ ь ужь никому и дороги не дать, дави, дескать, я ѣду! Нѣтъ, икъ, не дави! Нельзя давить человѣка, нельзя людямъ жизнь гить; а коли испортилъ жизнь—наказуй себя... если только ортилъ, если только загубилъ кому жизнь—казни себя и уйди. Все это вырвалось у Мити какъ-бы въ совершенной истерикѣ. рей хоть и подивился на барина, но разговоръ поддержалъ.
— Правда это, батюшка Дмитрій Ѳедоровичъ, это вы правы, не надо человѣка давить, тоже и мучить, равно какъ и всякую рь, потому, всякая тварь—она тварь созданная, вотъ хоть-бы ядь, потому другой ломитъ зря, хоша-бы и нашъ ямщикъ... держу ему нѣтъ, такъ онъ и претъ, прямо тебѣ такъ и претъ.
— Во адъ? перебилъ вдругъ Митя и захохоталъ своимъ неданнымъ короткимъ смѣхомъ.—Андрей, простая душа,—схва ъ онъ опять его крѣпко за плечи,—говори: попадетъ Дмитрій оровичъ Карамазовъ во адъ, али нѣтъ, какъ по твоему?
— Не знаю, голубчикъ, отъ васъ зависитъ, потому, вы у съ... Видишь, сударь, когда Сынъ Божій на крестѣ былъ расъ и померъ, то сошелъ Онъ со креста прямо во адъ и освоилъ всѣхъ грѣшниковъ, которые мучились. И застоналъ адъ ь томъ, что ужь больше, думалъ, къ нему никто теперь не детъ, грѣшниковъ-то. И сказалъ тогда аду Господь: «Не стони, , ибо пріидутъ къ тебѣ отселева всякіе вельможи, управи , главные судьи и богачи, и будешь восполненъ такъ-же но, какъ былъ во вѣки вѣковъ, до того времени пока снова ду». Это точно, это было такое слово...
— Народная легенда, великолѣпно! Стегни лѣвую, Андрей!
— Такъ вотъ, сударь, для кого адъ назначенъ,—стегнулъ дрей лѣвую, — а вы у насъ, сударь, все одно какъ малый енокъ... такъ мы васъ почитаемъ... И хоть гнѣвливы вы, су ь, это есть, но за простодушіе ваше проститъ Господь.
— А ты, ты простишь меня, Андрей?
— Мнѣ что-же васъ прощать, вы мнѣ ничего не сдѣлали.
— Нѣтъ, за всѣхъ, за всѣхъ ты одинъ, вотъ теперь, сей съ, здѣсь, на дорогѣ, простишь меня за всѣхъ? Говори, душа столюдина!
— Охъ, сударь! Боязно васъ и везти-то, странный какой-то ъ разговоръ...

е разслышалъ. Онъ изступленно молился себя.

— Господи, прими меня во всемъ моемъ беззаконіи, еня. Пропусти мимо безъ суда твоего... Не суди, самъ осудилъ себя, не суди, потому что люблю Теб поди! Мерзокъ самъ, а люблю Тебя: во адъ пошлешь, и та бить буду, и оттуда буду кричать, что люблю Тебя во вѣки вѣ Но дай и мнѣ долю... здѣсь, теперь долюбить, все часовъ до горячаго луча Твоего... Ибо люблю царицу душ Люблю и не могу не любить. Самъ видишь меня всего. Пр паду предъ нею: права ты, что мимо меня прошла... Пр забудь твою жертву, не тревожь себя никогда!

— Мокрое! крикнулъ Андрей, указывая впередъ кну

Сквозь блѣдный мракъ ночи зачернѣлась вдругъ тверда строеній, раскинутыхъ на огромномъ пространствѣ. Село было въ двѣ тысячи душъ, но въ этотъ часъ все оно уж и лишь кое-гдѣ изъ мрака мелькали еще рѣдкіе огоньки

— Гони, гони, Андрей, ѣду! — воскликнулъ какъ-бы рячкѣ Митя.

— Не спятъ! проговорилъ опять Андрей, указывая на постоялый дворъ Пластуновыхъ, стоящій сейчасъ-же на и въ которомъ всѣ шесть оконъ на улицу были ярко осв

— Не спятъ! радостно подхватилъ Митя, — греми, гони, вскачь, звени, подкати съ трескомъ. Чтобы знали пріѣхалъ! Я ѣду! Самъ ѣду! изступленно восклицалъ М

Андрей пустилъ измученную тройку вскачь и дѣйстви съ трескомъ подкатилъ къ высокому крылечку и осадилъ запаренныхъ, полузадохшихся коней. Митя соскочилъ с и какъ разъ хозяинъ двора, правда, уходившій уже спа любопытствовалъ взглянуть съ крылечка, кто это-такой подкатилъ.

— Трифонъ Борисычъ, ты?

Хозяинъ нагнулся, вглядѣлся, стремглавъ сбѣжалъ с лечка и въ подобострастномъ восторгѣ кинулся къ гост

— Батюшка, Дмитрій Ѳедорычъ! Васъ-ли вновь вид

Этотъ Трифонъ Борисычъ былъ плотный и здоровый средняго роста, съ нѣсколько толстоватымъ лицомъ, ви гаго и непримиримаго, съ Мокринскими мужиками особ имѣвшій даръ быстро измѣнять лицо свое на самое страстное выраженіе, когда чуялъ взять выгоду. Хо русскій, въ рубахѣ съ косымъ воротомъ и въ поддевкѣ,

ьжонки значительныя, но мечталъ и о высшей роли неустанно. овина слишкомъ мужиковъ была у него въ когтяхъ, всѣ были должны кругомъ. Онъ арендовалъ у помѣщиковъ землю и ь покупалъ, а обработывали ему мужики эту землю за долгъ, котораго никогда не могли выйдти. Былъ онъ вдовъ и имѣлъ трехъ взрослыхъ дочерей; одна была уже вдовой, жила у него двумя малолѣтками, ему внучками, и работала на него, какъ ница. Другая дочка-мужичка была замужемъ за чиновни-ь, какимъ-то выслужившимся писаречкомъ, и въ одной изъ атъ постоялаго двора на стѣнкѣ можно было видѣть въ ѣ семейныхъ фотографій, миніатюрнѣйшаго размѣра, фото-ію и этого чиновничка въ мундирѣ и въ чиновныхъ пого-ь. Двѣ младшія дочери, въ храмовой праздникъ, али отправ-ь куда въ гости, надѣвали голубыя или зеленыя платья, тыя по модному, съ обтяжкою сзади и съ аршиннымъ хвос-ь, но на другой-же день утромъ, какъ и во всякій день, поды-ись чѣмъ свѣтъ и съ березовыми вѣнками въ рукахъ выме-горницы, выносили помои и убирали соръ послѣ постояль-ъ. Не смотря на пріобрѣтенныя уже тысячки, Трифонъ Бори-ъ очень любилъ сорвать съ постояльца кутящаго и, помня, еще мѣсяца не прошло, какъ онъ въ одни сутки поживился Дмитрія Ѳедоровича во время кутежа его съ Грушенькой ми сотнями рубликовъ слишкомъ, если не всѣми тремя, встрѣ-ъ его теперь радостно и стремительно уже по тому одному, ъ подкатилъ ко крыльцу его Митя, почуявъ снова добычу.

— Батюшка, Дмитрій Ѳедоровичъ, васъ-ли вновь обрѣтаемъ?

— Стой, Трифонъ Борисычъ,—началъ Митя,—прежде всего ое главное: гдѣ она?

— Аграфена Александровна?—тотчасъ понялъ хозяинъ, зорко дываясь въ лицо Мити,—да здѣсь и она.. пребываетъ...

— Съ кѣмъ, съ кѣмъ?

— Гости проѣзжіе-съ... Одинъ-то чиновникъ, надоть быть поляковъ, по разговору судя, онъ-то за ней и послалъ ло-ей отсюдова; а другой съ нимъ товарищъ его, али попутчикъ, разберетъ: по штатски одѣты...

— Что-же, кутятъ? Богачи?

— Какое кутятъ! Небольшая величина, Дмитрій Ѳедоровичъ.

— Небольшая? Ну, а другіе?

— Изъ города эти, двое господъ... Изъ Черней возвращались, остались. Одинъ-то, молодой, надоть быть родственникъ юдину Міусову, вотъ только какъ звать забылъ... а другаго,

надо полагать, вы тоже знаете: поѣщикъ Максимовъ, [illegible] молье, говоритъ, заѣхалъ въ монастырь нашъ тамъ, [illegible] родственникомъ этимъ молодымъ господина Міусова [illegible]

— Только и всѣхъ?

— Только.

— Стой, молчи, Трифонъ Борисычъ, говори теперь главное: что она, какъ она?

— Да вотъ давеча прибыла и сидитъ съ нимя.

— Весела? Смѣется?

— Нѣтъ, кажись, не очень смѣется... Даже скучная сидитъ, молодому человѣку волосы расчесывала.

— Это поляку, офицеру?

— Да какой-же онъ молодой, да и не офицеръ онъ нѣтъ, сударь, не ему, а Міусовскому племяннику этому дому-то... вотъ только имя забылъ.

— Калгановъ.

— Именно Калгановъ.

— Хорошо, самъ рѣшу. Въ карты играютъ?

— Играли да перестали, чай отпили, наливки чи потребовалъ.

— Стой, Трифонъ Борисычъ, стой, душа, самъ рѣш перь отвѣчай самое главное: нѣтъ цыганъ?

— Цыганъ теперь вовсе не слышно, Дмитрій Ѳедо согнало начальство, а вотъ жиды здѣсь есть, на цы играютъ и на скрипкахъ, въ Рождественской, такъ это м за ними хоша и теперь послать. Прибудутъ.

— Послать, непремѣнно послать! вскричалъ Митя. — вокъ можно поднять, какъ тогда, Марью особенно, Степани Арину. Двѣсти рублей за хоръ!

— Да за этакія деньги я все село тебѣ подыму, хот легли теперь дрыхнуть. Да и стоятъ-ли, батюшка Дмитр ровичъ, здѣшніе мужики такой ласки, али вотъ дѣвки подлости да грубости такую сумму опредѣлять! Ему-ли, мужику, цыгарки курить, а ты имъ давалъ. Вѣдь отъ не дитъ, отъ разбойника. А дѣвки всѣ, сколько ихъ ни ест выя. Да я своихъ дочерей тебѣ даромъ подыму, не то чт кую сумму, полегли только спать теперь, такъ я ихъ н спину напинаю, да для тебя пѣть заставлю. Мужиковъ шампанскимъ поили, э-эхъ!

Трифонъ Борисычъ напрасно сожалѣлъ Митю: онъ него самъ съ полдюжины бутылокъ шампанскаго утаилъ,

ъ сторублевую бумажку поднялъ и зажалъ себѣ въ ку-
Такъ и осталась она у него въ кулакѣ.
Трифонъ Борисычъ, растрясъ я тогда не одну здѣсь ты-
Помнишь?
Растрясли, голубчикъ, какъ васъ не вспомнить, три ты-
у насъ, небось, оставили.
Ну, такъ и теперь съ тѣмъ пріѣхалъ, видишь.
онъ вынулъ и поднесъ къ самому носу хозяина свою пачку
окъ.
Теперь слушай и понимай: черезъ часъ вино придетъ, за-
пироги и конфекты, — все тотчасъ-же туда на верхъ.
ящикъ, что у Андрея, туда тоже сейчасъ на верхъ, рас-
и тотчасъ-же шампанское подавать... А, главное, — дѣ-
дѣвокъ, и Марью чтобы непремѣнно...
ъ повернулся къ телѣгѣ и вытащилъ изъ-подъ сидѣнья
щикъ съ пистолетами.
Разсчетъ, Андрей, принимай! Вотъ тебѣ пятнадцать руб-
тройку, а вотъ пятьдесятъ на водку... за готовность, за
твою... Помни барина Карамазова!
Боюсь я, баринъ!..—заколебался Андрей, — пять рублей
пожалуйте, а больше не приму. Трифонъ Борисычъ сви-
мъ. Ужь простите глупое слово мое...
Чего боишься, обмѣрилъ его взглядомъ Митя, — ну и
съ тобой коли такъ! крикнулъ онъ, бросая ему пять
.—Теперь, Трифонъ Борисычъ, проводи меня тихо и дай
нихъ на всѣхъ перво-на-перво глазкомъ глянуть. такъ.
они меня не замѣтили. Гдѣ они тамъ, въ голубой комнатѣ?
ифонъ Борисычъ опасливо поглядѣлъ на Митю, но тот-
е послушно исполнилъ требуемое: осторожно провелъ его
ни, самъ вошелъ въ большую первую комнату, сосѣднюю
, въ которой сидѣли гости, и вынесъ изъ нея свѣчу. Затѣмъ
ньку ввелъ Митю и поставилъ его въ углу, въ темнотѣ,
бы онъ могъ свободно разглядѣть собесѣдниковъ ими не-
й. Но Митя не долго глядѣлъ, да и не могъ разглядѣ-
онъ увидѣлъ ее и сердце его застучало, въ глазахъ поту-
.Она сидѣла за столомъ сбоку, въ креслахъ, а рядомъ
, на диванѣ, хорошенькій собою и еще очень молодой
овъ; она держала его за руку и, кажется, смѣялась, а
не глядя на нее, что-то громко говорилъ, какъ будто съ
, сидѣвшему черезъ столъ напротивъ Грушеньки. Макси-
Максимовъ-же чему-то очень смѣялся. На диванѣ сидѣлъ

онъ, а подлѣ дивана, на стулѣ, у стѣны, какой-то другой комецъ. Тотъ, который сидѣлъ на диванѣ развалясь трубку, и у Мити лишь промелькнуло, что это какой-то ватый и широколицый человѣчекъ, ростомъ, должно высокій и какъ будто на что-то сердитый. Товарищ другой незнакомецъ, показался Митѣ что-то ужь чре высокаго роста; но болѣе онъ ничего не могъ разглядѣ у него захватило. И минуты онъ не смогъ выстоять, и ящикъ на комодъ и прямо, холодѣя и замирая, направ голубую комнату къ собесѣдникамъ.

— Ай! взвизгнула въ испугѣ Грушенька, заме первая.

VII.

Прежній и безспорный.

Митя скорыми и длинными своими шагами подступил къ столу.

— Господа, началъ онъ громко, почти крича, но на каждомъ словѣ, — я... я ничего! Не бойтесь! вооб онъ,—я вѣдь ничего, ничего, — повернулся онъ вдругъ шенькѣ, которая отклонилась на креслѣ въ сторону Кал крѣпко уцѣпилась за его руку. — Я... Я тоже ѣду. Я Господа, проѣзжему путешественнику... можно съ вами Только до утра, въ послѣдній разъ, въ этой самой ком

Это ужь онъ докончилъ, обращаясь къ толстенько вѣчку, сидѣвшему на диванѣ съ трубкой. Тотъ важно отъ губъ своихъ трубку и строго произнесъ:

— Пане, мы здѣсь приватно. Имѣются иные покои.

— Да это вы, Дмитрій Ѳедоровичъ, да чего это з звался вдругъ Калгановъ:—да садитесь съ нами, здрав

— Здравствуйте, дорогой, человѣкъ... и безцѣнный! Я уважалъ васъ... радостно и стремительно отозвался Митя, же протянувъ ему черезъ столъ свою руку.

— Ай, какъ вы крѣпко пожали! Совсѣмъ сломали засмѣялся Калгановъ.

— Вотъ онъ такъ всегда жметъ, всегда такъ, вес звалась, еще робко улыбаясь, Грушенька, кажется, вдр дившаяся по виду Мити, что тотъ не будетъ буянить, с

› любопытствомъ и все еще съ безпокойствомъ въ него
ываясь. Было что-то въ немъ чрезвычайно ее поразившее,
вовсе не ожидала она отъ него, что въ такую минуту онъ
войдетъ и такъ заговоритъ.
– Здравствуйте-съ, сладко отозвался слѣва и помѣщикъ
имовъ. Митя бросился и къ нему.
– Здравствуйте, и вы тутъ, какъ я радъ, что и вы тутъ!
да, господа, я... (Онъ снова обратился къ пану съ трубкой,
о принимая его за главнаго здѣсь человѣка). Я летѣлъ...
тѣлъ послѣдній день и послѣдній часъ мой провести въ этой
тѣ, въ этой самой комнатѣ... гдѣ и я обожалъ... мою па-
.. Прости, пане! крикнулъ онъ изступленно,—я летѣлъ и
клятву... О, не бойтесь, послѣдняя ночь моя! Выпьемъ,
мировую! Сейчасъ подадутъ вино... Я привезъ вотъ это.
вдругъ для чего-то вытащилъ свою пачку кредитокъ). —
ль, пане! Я хочу музыки, грому, гаму, всего что́ прежде...
ервь, ненужный червь проползетъ по землѣ, и его не бу-
День моей радости помяну въ послѣднюю ночь мою!..
нъ почти задохся; онъ многое, многое хотѣлъ сказать, но
очили одни странныя восклицанія. Панъ неподвижно смо-
ь на него, на пачку его кредитокъ, смотрѣлъ на Грушеньку
лъ въ видимомъ недоумѣніи.
– Ежели поволитъ моя крулева... началъ было онъ.
– Да что́ крулева, это королева, что-ли? перебила вдругъ
енька. — И смѣшно мнѣ на васъ, какъ вы всѣ говорите.
сь, Митя, и что́ это ты говоришь? Не пугай, пожалуйста.
удешь пугать, не будешь? Коли не будешь, такъ я тебѣ
..
– Мнѣ, мнѣ пугать? вскричалъ вдругъ Митя, вскинувъ вверхъ
руки. О, идите мимо, проходите, не помѣшаю!.. И вдругъ
совсѣмъ неожиданно для всѣхъ и, ужь, конечно, для себя
о бросился на стулъ и залился слезами, отвернувъ къ
ивоположной стѣнѣ свою голову, а руками крѣпко обхватив
ку стула, точно обнимая ее.
– Ну вотъ, ну вотъ, экой ты! укоризненно воскликнула
енька.—Вотъ онъ такой точно ходилъ ко мнѣ — [illegible]
оритъ, а я ничего не понимаю. А одинъ [illegible]
лъ, а теперь вотъ въ другой — экой стыдъ [illegible]
шь-то? *Было-бы еще съ чего!* прибавила [illegible]
но и съ какимъ-то раздраженіемъ напирая [illegible]
– Я... я не плачу... Ну, здравствуйте [illegible]

одинъ митъ на стулѣ, и вдругъ засмѣялся, но не дере
своимъ отрывистымъ смѣхомъ, а какимъ-то неслышны
нымъ, нервознымъ и сотрясающимся смѣхомъ.

— Ну, вотъ опять... Ну, развеселись, развеселись! у
вала его Грушенька. — Я очень рада, что ты пріѣхалъ
рада, Митя, слышишь ты, что я очень рада? Я хочу, чт
сидѣлъ здѣсь съ нами, повелительно обратилась она как
всѣмъ, хотя слова ея видимо относились къ сидѣвшему
ванѣ. — Хочу, хочу! А коли онъ уйдетъ, такъ и я уйд
что! прибавила она съ загорѣвшимися вдругъ глазами.

— Что изволитъ моя царица — то законъ! произнес
галантно поцѣловавъ ручку Грушеньки.—Прошу пана д
компанью! обратился онъ любезно къ Митѣ. Митя опя
вскочилъ было съ видимымъ намѣреніемъ снова разрази
радой, но вышло другое:

— Выпьемъ, пане! оборвалъ онъ вдругъ вмѣсто рѣ
разсмѣялись.

— Господи! А я думала, онъ опять говорить хочет
возно воскликнула Грушенька. — Слышишь, Митя, нас
прибавила она,—больше не вскакивай, а что шампанск
везъ, такъ это славно. Я сама пить буду, а наливки я
не могу. А лучше всего, что самъ прикатилъ, а то ск
Да ты кутить, что-ли, пріѣхалъ опять? Да спрячь день
карманъ! Откуда столько досталъ?

Митя, у котораго въ рукѣ все еще скомканы были к
очень всѣми и особенно панами замѣченныя, быстро и кон
сунулъ ихъ въ карманъ. Онъ покраснѣлъ. Въ эту самую
хозяинъ принесъ откупоренную бутылку шампанскаго на
и стаканы. Митя схватилъ было бутылку, но такъ растер
забылъ что съ ней надо дѣлать. Взялъ у него ее уже Ка
и розлилъ за него вино.

— Да еще, еще бутылку! закричалъ Митя хозяину и,
чокнуться съ паномъ, котораго такъ торжественно при
выпить съ нимъ мировую, вдругъ выпилъ весь свой
одинъ, никого не дожидавшись. Все лицо его вдругъ изм
Вмѣсто торжественнаго и трагическаго выраженія, съ ко
онъ вошелъ, въ немъ явилось какъ-бы что-то младенческ
вдругъ какъ-бы весь смирился и принизился. Онъ смотр
всѣхъ робко и радостно, часто и нервно хихикая, съ бл
нымъ видомъ виноватой собачонки, которую опять прим
опять впустили. Онъ какъ будто все забылъ и оглядывал

ъ восхищеніемъ, съ дѣтскою улыбкой. На Грушеньку смотрѣлъ
прерывно смѣясь и придвинулъ свой стулъ вплоть къ самому
креслу. Помаленьку разглядѣлъ и обоихъ пановъ, хотя еще
ло осмысливъ ихъ. Панъ на диванѣ поражалъ его своею осан-
й, польскимъ акцентомъ, а главное—трубкой. «Ну, что̀-же
кое, ну, и хорошо что онъ куритъ трубку», созерцалъ Митя.
ѣсколько обрюзглое, почти уже сорокалѣтнее лицо пана, съ
ень маленькимъ носикомъ, подъ которымъ виднѣлись два пре-
енькіе востренькіе усика, нафабренные и нахальные, не воз-
дило въ Митѣ тоже ни малѣйшихъ пока вопросовъ. Даже очень
инненькій паричекъ пана, сдѣланный въ Сибири, съ преглупо
есанными впередъ височками, не поразилъ особенно Митю:
начитъ, такъ и надо, коли парикъ», блаженно продолжалъ онъ
верцать. Другой-же панъ, сидѣвшій у стѣны, болѣе молодой,
мъ панъ на диванѣ, смотрѣвшій на всю компанію дерзко и за-
рно и съ молчаливымъ презрѣніемъ слушавшій общій разго-
ръ, опять таки поразилъ Митю только очень высокимъ своимъ
стомъ, ужасно непропорціональнымъ съ паномъ сидѣвшимъ на
ванѣ. «Коли встанетъ на ноги, будетъ вершковъ одиннадцати»,
лькнуло въ головѣ Мити. Мелькнуло у него тоже, что этотъ
сокій панъ, вѣроятно, другъ и приспѣшникъ пану на диванѣ,
къ-бы «тѣлохранитель его», и что маленькій панъ съ трубкой,
ечно, командуетъ паномъ высокимъ. Но и это все казалось
тѣ ужасно какъ хорошо и безспорно. Въ маленькой собачкѣ
ерло всякое соперничество. Въ Грушенькѣ и въ загадочномъ
ѣ нѣсколькихъ фразъ ея, онъ еще ничего не понялъ, а пони-
ъ лишь, сотрясаясь всѣмъ сердцемъ своимъ, что она къ нему
кова, что она его «простила», и подлѣ себя посадила. Онъ
ъ внѣ себя отъ восхищенія, увидѣвъ, какъ она хлѣбнула изъ
кана вино. Молчаніе компаніи какъ-бы вдругъ, однако, по-
ало его и онъ сталъ обводить всѣхъ ожидающими чего-то
азами: «что̀-же мы, однако, сидимъ, что-же вы ничего не на-
аете, господа?» какъ-бы говорилъ осклабленный взоръ его
— Да вотъ онъ все вретъ, и мы тутъ все смѣялись, началъ
ругъ Калгановъ, точно угадавъ его мысль и показывая на
ксимова.

Митя стремительно уставился на Калганова и потомъ тот
съ-же на Максимова.

— Вретъ? разсмѣялся онъ своимъ короткимъ деревяннымъ
комъ, тотчасъ-же чему-то обрадовавшись.—ха-ха!

— Да. Представьте, онъ утверждаетъ, что будто-бы вся [illegible]

кавалерія въ двадцатыхъ годахъ переженилась на полькѣ
это ужасный вздоръ, не правда-ли?

— На полькахъ? подхватилъ опять Митя и уже въ
тельномъ восхищеніи.

Калгановъ очень хорошо понималъ отношенія Мити к
шенькѣ, догадывался и о панѣ, но его вовсе это не та
нимало, даже, можетъ быть, вовсе не занимало, а занима
всего болѣе Максимовъ. Попалъ онъ сюда съ Максимовым
чайно и пановъ встрѣтилъ здѣсь на постояломъ дворѣ в
вый разъ въ жизни. Грушеньку-же зналъ прежде и раз
былъ у нея съ кѣмъ-то: тогда онъ ей не понравился. Но
она очень ласково на него поглядывала: до пріѣзда Мити
ласкала его, но онъ какъ-то оставался безчувственным
былъ молодой человѣкъ, лѣтъ не болѣе двадцати, шег
одѣтый, съ очень милымъ бѣленькимъ личикомъ и съ пр
ными густыми русыми волосами. Но на этомъ бѣломъ личик
прелестные свѣтло-голубые глаза, съ умнымъ, а ино
глубокимъ выраженіемъ, не по возрасту даже, не смотря
что молодой человѣкъ иногда говорилъ и смотрѣлъ совсѣм
дитя и нисколько этимъ не стѣснялся, даже самъ это зна
Вообще, онъ былъ очень своеобразенъ, даже капризенъ
всегда ласковъ. Иногда въ выраженіи лица его мелькало
неподвижное и упрямое: онъ глядѣлъ на васъ, слушалъ, и
какъ будто упорно мечталъ о чемъ-то своемъ. То стан
вялъ и лѣнивъ, то вдругъ начиналъ волноваться иногда,
димому, отъ самой пустой причины.

— Вообразите, я его уже четыре дня вожу съ собои
должалъ онъ, немного какъ бы растягивая лѣниво сл
безо всякаго фатовства, а совершенно натурально. — Но
съ тѣхъ поръ, какъ вашъ братъ его тогда изъ коляски в
нулъ и онъ полетѣлъ. Тогда онъ меня очень этимъ заин
валъ и я взялъ его въ деревню, а онъ все теперь врет
что съ нимъ стыдно. Я его назадъ везу...

— Панъ польской пани не видзѣлъ и муви что бы
мо́гло, замѣтилъ панъ съ трубкой Максимову.

Панъ съ трубкой говорилъ по русски порядочно, но н
мѣрѣ, гораздо лучше чѣмъ представлялся. Русскія слова,
употреблялъ ихъ, коверкалъ на польскій ладъ.

— Да вѣдь я и самъ былъ женатъ на польской панн
хихикнулся въ отвѣтъ Максимовъ.

— Ну, такъ вы развѣ служили въ кавалеріи? Вѣдь в

кавалерію говорили. Такъ развѣ вы кавалеристъ? ввязался
съ Калгановъ.
— Да, конечно, развѣ онъ кавалеристъ? Ха-ха! крикнулъ
, жадно слушавшій и быстро переводившій свой вопроси-
ный взглядъ на каждаго кто заговоритъ, точно Богъ знаетъ
ожидалъ отъ каждаго услышать.
— Нѣтъ-съ, видите-съ, повернулся къ нему Максимовъ,—я
то-съ, что этѣ тамъ панѣнки... хорошенькія-съ... какъ оттан-
ъ съ нашимъ уланомъ мазурку... какъ оттанцовала она съ
мазурку, такъ тотчасъ и вскочитъ къ нему на колѣнки, какъ
ечка-съ... бѣленькая-съ... а панъ ойцъ и пани-матка видятъ
позволяютъ... и позволяютъ-съ... а уланъ-то на завтра пой-
и руку предложитъ... вотъ-съ... и предложитъ руку, хи-хи!
крикнулъ закончивъ Максимовъ.
— Панъ лайдакъ! проворчалъ вдругъ высокій панъ на стулѣ
переложилъ ногу на ногу. Митѣ только бросился въ глаза
ный смазной сапогъ его съ толстою и грязною подошвой.
и вообще оба пана были одѣты довольно засаленно.
— Ну, вотъ и лайдакъ! Чего онъ бранится? разсердилась
гъ Грушенька.
— Пани Агриппина, панъ видзѣлъ въ польскомъ краю хло-
въ, а не шляхетныхъ паней, замѣтилъ панъ съ трубкой Гру-
кѣ.
— Можешь на то раховаць! презрительно отрѣзалъ высокій
на стулѣ.
— Вотъ еще! Дайте ему говорить-то! Люди говорятъ, чего
шать! Съ ними весело, огрызнулась Грушенька.
— Я не мѣшаю, пани, значительно замѣтилъ панъ въ па-
кѣ съ продолжительнымъ взглядомъ на Грушеньку и, важно
олчавъ, снова началъ сосать свою трубку.
— Да нѣтъ, нѣтъ, это панъ теперь правду сказалъ, загоря-
ся опять Калгановъ, точно Богъ знаетъ о чемъ шло дѣло.—
ь онъ въ Польшѣ не былъ, какъ-же онъ говоритъ про
шу? Вѣдь вы-же не въ Польшѣ женились, вѣдь нѣтъ?
— Нѣтъ-съ, въ Смоленской губерніи-съ. А только ее уланъ
прежде того вывезъ-съ, супругу-то мою-съ, будущую-съ, и
пани-маткой, и съ тантой, и еще съ одною родственницей со
рослымъ сыномъ, это ужь изъ самой Польши, изъ самой... а
уступилъ. Это одинъ нашъ поручикъ, очень хорошій моло-
человѣкъ. Сначала онъ самъ хотѣлъ жениться, да и не же-
ся, потому что она оказалась хромая...

— Такъ вы на хромой женились! воскликнулъ Ка
— На хромой-съ. Это ужь они меня оба тогда нем
обманули и скрыли. Я думалъ, что она подпрыгиваетъ...
подпрыгивала, я и думалъ, что она это отъ веселости...
— Отъ радости, что за васъ идетъ? завопилъ каким
ски звонкимъ голосомъ Калгановъ.
— Да-съ, отъ радости-съ. А вышло, что совсѣмъ о
причины-съ. Потомъ, когда мы обвѣнчались, она мнѣ пос
въ тотъ-же вечеръ и призналась, и очень чувствитель
ненія просила, чрезъ лужу, говоритъ, въ молодыхъ го
нажды перескочила и ножку тѣмъ повредила, хи-хи!
Калгановъ такъ и залился самымъ дѣтскимъ смѣхом
упалъ на диванъ. Разсмѣялась и Грушенька. Митя-же
верху счастья.
— Знаете, знаете, это онъ теперь уже правду, это
перь не лжетъ, восклицалъ, обращаясь къ Митѣ, Кал
И знаете, онъ вѣдь два раза былъ женатъ,—это онъ
вую жену говоритъ,—а вторая жена его, знаете, сбѣжал
до сихъ поръ, знаете вы это?
— Неужто! быстро повернулся къ Максимову Мит
зивъ необыкновенное изумленіе въ лицѣ.
— Да-съ, сбѣжала-съ, я имѣлъ эту непріятность,
подтвердилъ Максимовъ.—Съ однимъ мусью-съ. А гла
деревушку мою перво-на-перво на одну себя предварит
писала. Ты, говоритъ, человѣкъ образованный, ты и с
дешь себѣ кусокъ. Съ тѣмъ и посадила. Мнѣ разъ один
ный архіерей и замѣтилъ: «у тебя одна супруга была
а другая ужь черезчуръ легконогая», хи-хи!
— Послушайте, послушайте! такъ и кипѣлъ Калга
если онъ и лжетъ,—а онъ часто лжетъ,—то онъ лже
ственно чтобы доставить всѣмъ удовольствіе: это вѣдь
не подло! Знаете, я люблю его иногда. Онъ очень подл
натурально подлъ, а? Какъ вы думаете? Другой подличае
чего-нибудь, чтобы выгоду получить, а онъ просто, он
туры... Вообразите, напримѣръ, онъ претендуетъ (вчер
рогу спорилъ), что Гоголь въ *Мертвыхъ Душахъ* это
сочинилъ. Помните, тамъ есть помѣщикъ Максимовъ,
высѣкъ Ноздревъ и былъ преданъ суду: «за нанесеніе п
Максимову личной обиды розгами въ пьяномъ видѣ»,-
мните! Такъ что-жь, представьте, онъ претендуетъ, что
и былъ, и что это его высѣкли! Ну, можетъ-ли это бы

ѣздилъ, самое позднее, въ двадцатыхъ годахъ, въ началѣ что совсѣмъ годы не сходятся. Не могли его тогда высѣчь не могли, не могли?

Трудно было представить изъ-за чего такъ горячился Кал ъ, но горячился онъ искренно. Митя беззавѣтно входил его интересы.

— Ну, да вѣдь коли высѣкли! крикнулъ онъ, хохоча.

— Не то чтобы высѣкли-съ, а такъ, вставилъ вдругъ Мак ъ.

— Какъ такъ? Или высѣкли, или нѣтъ?

— Ктура годзина, пане? (который часъ?) обратился со ску нимъ видомъ панъ съ трубкой къ высокому пану на стул вскинулъ въ отвѣтъ плечами: часовъ у нихъ у обоих ало.

— Отчего не поговорить? Дайте и другимъ говорить. Коли вам о, такъ другіе и не говори, вскинулась опять Грушенька о нарочно привязываясь. У Мити какъ-бы въ первый раз о промелькнуло въ умѣ. На этотъ разъ панъ отвѣтилъ уж идимою раздражительностью:

— Пани, я ницъ не мувѣнъ противъ, ницъ не повѣдзелем противорѣчу, я ничего не сказалъ).

— Ну да хорошо, а ты разсказывай, крикнула Грушень мову.—Что-жь вы всѣ замолчали?

— Да тутъ и разсказывать-то нечего-съ, потому все это одн сти, подхватилъ тотчасъ Максимовъ съ видимымъ удовол ъ и капельку жеманясь,—да и у Гоголя все это тольк дѣ аллегорическомъ, потому что всѣ фамиліи поставил горическія? Ноздревъ-то вѣдь былъ не Ноздревъ, а Носовъ, инниковъ — это уже совсѣмъ даже и не похоже, потому что он Шкворневъ. А Фенарди дѣйствительно былъ Фенарди, тольк аліянецъ, а русскій, Петровъ-съ, и мамзель Фенарди был енькая-съ, и ножки въ трико, хорошенькія-съ, юбочка коро ая въ блесткахъ, и это она вертѣлась, да только не четыр а всего только четыре минутки-съ... и всѣхъ обольстила.

— Да за что высѣкли-то, высѣкли-то тебя за что? вопил новъ.

— За Пирона-съ, отвѣтилъ Максимовъ.

— За какого Пирона? крикнулъ Митя.

— За французскаго извѣстнаго писателя, Пирона-съ. М всѣ вино пили въ большомъ обществѣ, въ трактирѣ, н амой ярмаркѣ. Они меня и пригласили, а я, перво-на-перв

мы говорить: «Ты-ль это, Буало, какой см
уало-то отвѣчаетъ, что онъ въ маскарадѣ собира
ю есть въ баню-съ, хи-хи, они и приняли на свой счетъ
поскорѣй другую сказалъ, очень извѣстную всѣмъ образован
людямъ, ѣдкую-съ:

Ты Сафо, я Фаонъ, объ этомъ я не спорю,
Но къ моему ты горю
Пути не знаешь къ морю.

Они еще пуще обидѣлись и начали меня неприлично за это р
а я какъ разъ, на бѣду себѣ, чтобы поправить обстоятел
тутъ и разсказалъ очень образованный анекдотъ про П
какъ его не приняли во французскую академію, а онъ,
отмстить, написалъ свою эпитафію для надгробнаго камн

Ci-git Piron qui ne fut rien
Pas même académicien.

Они взяли да меня и высѣкли.

— Да за что-же, за что?

— За образованіе мое. Мало-ли изъ-за чего люди
человѣка высѣчь, кротко и нравоучительно заключилъ Макс

— Э, полно, скверно все это, не хочу слушать, я д
что веселое будетъ, оборвала вдругъ Грушенька. Митя вс
нулся и тотчасъ-же пересталъ смѣяться. Высокій панъ по
съ мѣста и съ высокомѣрнымъ видомъ скучающаго не въ
компаніи человѣка, началъ шагать по комнатѣ изъ угла въ
заложивъ за спину руки.

— Ишь зашагалъ! презрительно поглядѣла на него Гр
ка. Митя забезпокоился, къ тому-же замѣтилъ, что па
диванѣ съ раздражительнымъ видомъ поглядываетъ на м

— Панъ, крикнулъ Митя,—выпьемъ, пане! И съ д
паномъ тоже: выпьемъ, панове! Онъ мигомъ сдвинулъ тр
кана и розлилъ въ нихъ шампанское.

— За Польшу, панове, пью за вашу Польшу, за по
край! воскликнулъ Митя.

— Бардзо ми то мило, пане, выпіемъ (это мнѣ очень п
пане, выпьемъ), важно и благосклонно проговорилъ панъ и
нѣ и взялъ свой стаканъ.

— И другой панъ, какъ его, ей, ясновельможный, бе
канъ! хлопоталъ Митя.

— Панъ Врублевскій, подсказалъ панъ на диванѣ.

Панъ Врублевскій, раскачиваясь, подошелъ къ столу и, стоя, ...ъ свой стаканъ.

— За Польшу, панове, *ура!* прокричалъ Митя, поднявъ стаканъ. ...ѣ трое выпили. Митя схватилъ бутылку и тотчасъ-же налилъ ... три стакана.

— Теперь за Россію, панове, и побратаемся!

— Надей и намъ, сказала Грушенька—за Россію и я хочу пить.

— И я, сказалъ Калгановъ.

— Да и я-бы тоже-съ... за Россеюшку, старую бабусеньку, ...ихнулъ Максимовъ.

— Всѣ, всѣ! воскликнулъ Митя.—Хозяинъ, еще бутылокъ! ...несли всѣ три оставшіяся бутылки изъ привезенныхъ ... Митя розлилъ.

— За Россію, *ура!* провозгласилъ онъ снова. Всѣ, кромѣ ...ъ, выпили, а Грушенька выпила разомъ весь свой стаканъ. ...ве-же и не дотронулись до своихъ.

— Какъ-же вы, панове? воскликнулъ Митя.—Такъ вы такъ-то? Панъ Врублевскій взялъ стаканъ, поднялъ его и зычнымъ ...омъ проговорилъ:

— За Россію въ предѣлахъ до семьсотъ семьдесятъ втораго года!

— Ото бардзо пѣнкне! (Вотъ такъ хорошо!), крикнулъ другой ... и оба разомъ осушили свои стаканы.

— Дурачье-же вы, панове! сорвалось вдругъ у Мити.

— Па-не!! прокричали оба пана съ угрозою, наставившись ...тю какъ пѣтухи. Особенно вскипѣлъ панъ Врублевскій.

— Але не можно не мѣць слабосьци до своего краю? возгласилъ ... (Развѣ можно не любить своей стороны?)

— Молчать! Не ссориться! Чтобы не было ссоръ! крикнула ...тельно Грушенька и стукнула ножкой объ полъ. Лицо ея ...лось, глаза засверкали. Только что выпитый стаканъ ска... Митя страшно испугался.

— Панове, простите! Это я виноватъ, я не буду. Врублевскій, ... Врублевскій, я не буду!..

— Да молчи хоть ты-то, садись, экой глупый! со злобною ...ой огрызнулась на него Грушенька.

...сѣ усѣлись, всѣ примолкли, всѣ смотрѣли другъ на друга.

— Господа, всему я причиной! началъ опять Митя, ничего ...онявшій въ возгласѣ Грушеньки;—ну, чего-же мы сидимъ? ...ѣмъ-же намъ заняться... чтобы было весело, опять весело?

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ ужасно не весело, лѣниво промям... Калгановъ.

— Въ банчикъ-бы-съ сыграть-съ, какъ давеча... хи-хи, вдругъ Максимовъ.

— Банкъ? Великолѣпно! подхватилъ Митя, — если ... панове...

— Пузьно, пане! какъ-бы нехотя отозвался панъ на ...

— То правда, поддакнулъ и панъ Врублевскій.

— Пузьно? Это что такое пузьно? спросила Грушенька.

— То значи поздно, пани, поздно, часъ поздній, разъяс... панъ на диванѣ.

— И все-то имъ поздно, и все-то имъ нельзя! почти ... нула въ досадѣ Грушенька.—Сами скучные сидятъ, так и ... гимъ чтобы скучно было. Предъ тобой, Митя, они все вот... молчали и надо мной фуфырились...

— Богиня моя! крикнулъ панъ на диванѣ,—цо пуши... сень стане. Видзенъ неласкенъ, и естемъ смутны. (Вижу ... положеніе, оттого я и печальный). Естемъ готувъ (я гот... пане, докончилъ онъ, обращаясь къ Митѣ.

— Начинай, пане, подхватилъ Митя, выхватывая изъ кар... свои кредитки и выкладывая изъ нихъ двѣ сторублевыхъ на ст...

— Я тебѣ много, панъ, хочу проиграть. Бери карты, зам... дывай банкъ!

— Карты чтобъ отъ хозяина, пане, настойчиво и серь... произнесъ маленькій панъ.

— То найлѣпши спосубъ (самый лучшій способъ), подд... нулъ панъ Врублевскій.

— Отъ хозяина? Хорошо, понимаю, пусть отъ хозяина, ... вы хорошо, панове! Карты! скомандовалъ Митя хозяину.

Хозяинъ принесъ нераспечатанную игру картъ и объя... Митѣ, что ужь сбираются дѣвки, жидки съ цимбалами при... дутъ тоже вѣроятно скоро, а что тройка съ припасами еще успѣла прибыть. Митя выскочилъ изъ-за стола и побѣжалъ сосѣднюю комнату сейчасъ-же распорядиться. Но дѣвокъ вс... пришло только три, да и Марьи еще не было. Да и самъ онъ зналъ, какъ ему распорядиться и зачѣмъ онъ выбѣжалъ: вед... только достать изъ ящика гостинцевъ, леденцовъ и тягушек... одѣлить дѣвокъ.—«Да Андрею водки, водки Андрею! приказ... онъ на-скоро,—я обидѣлъ Андрея!» Тутъ его вдругъ тронулъ плечо прибѣжавшій вслѣдъ за нимъ Максимовъ.

— Дайте мнѣ пять рублей, прошепталъ онъ Митѣ:—я ... тоже въ банчикъ рискнулъ, хи-хи!

— Прекрасно, великолѣпно! Берите десять, вотъ! Онъ вы...

ть опять всѣ кредитки изъ кармана и отыскалъ десять руб-
.—А проиграешь, еще приходи, еще приходи...
— Хорошо-съ, радостно прошепталъ Максимовъ и побѣжалъ
- залу. Воротился тотчасъ и Митя и извинился, что заставилъ
ть себя. Паны уже усѣлись и распечатали игру. Смотрѣли-же
аздо привѣтливѣе, почти ласково. Панъ на диванѣ закурилъ
зую трубку и приготовился метать; въ лицѣ его изобразилась
е нѣкая торжественность.
— На мѣйсца, панове! провозгласилъ панъ Врублевскій.
— Нѣтъ, я не стану больше играть, отозвался Калгановъ,—
авеча ужь имъ проигралъ пятьдесятъ рублей.
— Панъ былъ нищенсливый, панъ можетъ быть опять щен-
ымъ, замѣтилъ въ его сторону панъ на диванѣ.
— Сколько въ банкѣ? Отвѣтный? горячился Митя.
— Слухамъ, пане, можетъ сто, може двѣсьцѣ, сколько ста-
ь будешь.
— Милліонъ! захохоталъ Митя.
— Панъ капитанъ, можетъ, слышалъ про пана Подвысоц-
?
— Какого Подвысоцкаго?
— Въ Варшавѣ банкъ отвѣтный ставитъ кто идетъ. Прихо-
ъ Подвысоцкій, видитъ тысенцъ злотыхъ, ставитъ: ва́банкъ.
керъ муви: «пане Подвысоцки, ставишь злото, чи на го́-
ъ?»—На го́норъ, пане, муви Подвысоцкій. — «Тѣмъ лѣпѣй,
». Ба́нкеръ мечетъ талью, Подвысоцкій беретъ тысенцъ зло-
ъ.—«Почекай, пане», муви ба́нкеръ, вынулъ ящикъ и даетъ
іонъ, «бери, пане, ото есть твой рахунекъ» (вотъ твой
ъ!). Банкъ былъ милліоннымъ.—Я не зналъ того, муви
ысоцкій.—«Пане Подвысоцки, муви ба́нкеръ, ты ставилэсь
го́норъ, и мы на го́норъ». Подвысоцкій взялъ милліонъ.
— Это не правда, сказалъ Калгановъ.
— Пане Калгановъ, въ шляхетной компаніи такъ мувиць
ржистои (въ порядочномъ обществѣ такъ не говорятъ).
— Такъ и отдастъ тебѣ польскій игрокъ милліонъ! воскли-
ъ Митя, но тотчасъ спохватился:—прости, пане, виновенъ,
ъ виновенъ, отдастъ, отдастъ милліонъ на го́норъ, на поль-
честь! Видишь, какъ я говорю по польски, ха-ха! Вотъ
ію десять рублей, идетъ—валетъ.
— А я рубликъ на дамочку, на червонную, на хорошень-
, на паненочку, хи-хи! прохихикалъ Максимовъ, выдвинувъ
даму, и какъ-бы желая скрыть отъ всѣхъ, придвинулся

ду и наскоро перекрестился подъ столомъ.
выигралъ и рубликъ.
— уголъ! крикнулъ Митя.
— А я опять рубликъ, я семпелечкомъ, я маленькимъ маленькимъ семпелечкомъ, блаженно, бормоталъ Максимовъ въ с ной радости, что выигралъ рубликъ.
— Бита! крикнулъ Митя.—Семерку на *пе*!
Убили и на *пе*.
— Перестаньте, сказалъ вдругъ Калгановъ.
— На *пе*, на *пе*, удваивалъ ставки Митя, и что ни ст на *пе*—все убивалось. А рублики выигрывали.
— На *пе*! рявкнулъ въ ярости Митя.
— Двѣсцѣ проигралъ, пане. Еще ставишь двѣсцѣ? домился панъ на диванѣ.
— Какъ, двѣсти ужь проигралъ? Такъ еще двѣсти! Вс сти на *пе*! И выхвативъ изъ кармана деньги, Митя бросил двѣсти рублей на даму, какъ вдругъ Калгановъ накрылъ ее
— Довольно! крикнулъ онъ своимъ звонкимъ голосом
— Что вы это? уставился на него Митя.
— Довольно, не хочу! Не будете больше играть.
— Почему?
— А потому. Плюньте и уйдите, вотъ почему. Не больше играть!
Митя глядѣлъ на него въ изумленіи.
— Брось, Митя, онъ, можетъ, правду говоритъ; и без много проигралъ, со странною ноткой въ голосѣ произн Грушенька. Оба пана вдругъ поднялись съ мѣста со с обиженнымъ видомъ.
— Жартуешь (шутишь), пане? проговорилъ маленькій строго осматривая Калганова.
— Якъ сѣнъ повожашь то робичь, пане! (Какъ вы это дѣлать!) рявкнулъ на Калганова и панъ Врублевскій
— Не смѣть, не смѣть кричать! крикнула Грушенька. пѣтухи индѣйскіе!
Митя смотрѣлъ на нихъ на всѣхъ поочередно; но вдругъ поразило его въ лицѣ Грушеньки и въ тотъ-же что-то совсѣмъ новое промелькнуло и въ умѣ его,—ст новая мысль!
— Пани Агриппина! началъ было маленькій панъ, весь ный отъ задора, какъ вдругъ Митя, подойдя къ нему, хл его по плечу.

- Ясневельможный, на два слова.
- Чего хцешь, пане? (Что угодно?)
- Въ ту комнату, въ тотъ покой, два сл
ихъ, самыхъ лучшихъ, останешься дов
аленькій панъ удивился и опасливо по
съ-же, однако, согласился, но съ непрем
шелъ съ нимъ и панъ Врублевскій.
- Тѣлохранитель-то? Пусть и онъ, и его надо! Его даже
мѣнно! воскликнулъ Митя. — Маршъ, панове!
- Куда это вы? тревожно спросила Грушенька.
- Въ одинъ мигъ вернемся, отвѣтилъ Митя. Какая-то смѣ-
какая-то неожиданная бодрость засверкала въ лицѣ его;
ъ не съ тѣмъ лицомъ вошелъ онъ часъ назадъ въ эту
ху. Онъ провелъ пановъ въ комнату направо, не въ ту,
ьшую, въ которой собирался хоръ дѣвокъ и накрывался
а въ спальную, въ которой помѣщались сундуки, укладки
большія кровати съ ситцевыми подушками горой на каж-
Сутъ на маленькомъ тесовомъ столикѣ, въ самомъ углу, го-
свѣчка. Панъ и Митя расположились у этого столика другъ
зъ друга, а огромный панъ Врублевскій сбоку ихъ, залоро-
руки за спину. Паны смотрѣли строго, но съ видимымъ
ытствомъ.
- Чемъ могенъ служиць пану? пролепеталъ маленькій панъ.
А вотъ чѣмъ, пане, я много говорить не буду: вотъ тебѣ
, — онъ вытащилъ свои кредитки: — хочешь три тысячи,
и уѣзжай куда знаешь.
нъ смотрѣлъ пытливо, во всѣ глаза, такъ и впился взгля-
въ лицо Мити.
- Тржи тысенцы, пане? Онъ переглянулся съ Врублевскимъ.
- Тржи, панове, тржи! Слушай, пане, вижу, что ты чело-
разумный. Бери три тысячи и убирайся ко всѣмъ чертямъ,
Врублевскаго съ собой захвати—слышишь это? Но сейчасъ-
ію-же минуту, и это на вѣки, понимаешь, пане, на вѣки
въ эту самую дверь и выйдешь. У тебя что тамъ: пальто,
? Я тебѣ вынесу. Сію-же секунду тройку тебѣ заложатъ
) видзѣнья, пане! А!
итя увѣренно ждалъ отвѣта. Онъ не сомнѣвался. Нѣчто чрез-
ію рѣшительное мелькнуло въ лицѣ пана.
- А рубли, пане?
- Рубли-то, вотъ какъ, пане: пятьсотъ рублей сію минуту
извощика и въ задатокъ, а двѣ тысячи пятьсотъ завтра въ

490 годы,

вп[illegible]родѣ—честью клянусь, будутъ, достану изъ подъ [illegible]
нулъ Митя.

Поляки переглянулись опять. Лицо пана стало [illegible]
къ худшему.

— Семьсотъ, семьсотъ, а не пятьсотъ, сейчасъ, [illegible]
въ руки! надбавилъ Митя, почувствовавъ нѣчто нехор[illegible]
Чего ты, панъ? Не вѣришь? Не всѣ-же три тысячи [illegible]
сразу. Я дамъ, а ты и воротишься къ ней завтра-же... [illegible]
и нѣтъ у меня всѣхъ трехъ тысячъ, у меня въ городѣ [illegible]
жатъ, лепеталъ Митя, труся и падая духомъ съ каждымъ [illegible]
имъ словомъ,—ей Богу лежатъ, спрятаны...

Въ одинъ мигъ чувство необыкновеннаго собственнаго [illegible]
стоинства засіяло въ лицѣ маленькаго пана:

— Чи не потшебуешь еще чего? спросилъ онъ ирони[illegible]
Пфе! А пфе! (стыдъ, срамъ!) И онъ плюнулъ. Плюнулъ и [illegible]
Врублевскій.

— Это ты оттого плюешься, пане, проговорилъ Митя [illegible]
отчаянный, понявъ, что все кончилось,—оттого, что отъ Г[illegible]
шеньки думаешь больше тяпнуть. Каплуны вы оба, вотъ [illegible]

— Естемъ до живего доткнентнымъ! (Я оскорбленъ до [illegible]
слѣдней степени!) раскраснѣлся вдругъ маленькій панъ, [illegible]
ракъ, и живо, въ страшномъ негодованіи, какъ-бы не желая бо[illegible]
ничего слушать, вышелъ изъ комнаты. За нимъ, раскачи[illegible]
послѣдовалъ и Врублевскій, а за ними ужь и Митя, ско[illegible]
женный и опѣшенный. Онъ боялся Грушеньки, онъ предч[illegible]
ствовалъ, что панъ сейчасъ раскричится. Такъ и случи[illegible]
Панъ вошелъ въ залу и театрально всталъ передъ Грушень[illegible]

— Пани Агриппина, естемъ до живего доткнентнымъ! [illegible]
кликнулъ было онъ, но Грушенька какъ-бы вдругъ потер[illegible]
всякое терпѣніе, точно тронули ее по самому больному [illegible]

— По русски, говори по русски, чтобы ни одного слова по[illegible]
скаго не было! закричала она на него.—Говорилъ-же прежде по р[illegible]
ски, неужели забылъ въ пять лѣтъ! Она вся покраснѣла отъ гн[illegible]

— Пани Агриппина...

— Я—Аграфена, я—Грушенька, говори по русски или с[illegible]
шать не хочу!—Панъ запыхтѣлъ отъ гонора и, ломая русск[illegible]
рѣчь, быстро и напыщенно произнесъ:

— Пани Аграфена, я пшіѣхалъ забыть старое и простить [illegible]
забыть, что̀ было допрежъ сегодня...

— Какъ простить? Это меня-то ты пріѣхалъ простить? по[illegible]
била Грушенька и вскочила съ мѣста.

акъ есть, пани (точно такъ, пани), я не малодушны, душны. Но я былемъ здивёны (былъ удивленъ) когда воихъ любовниковъ. Панъ Митя въ томъ покоѣ да- тржи тысёнцы, чтобъ я отбылъ. Я плюнулъ пану въ

акъ? Онъ тебѣ деньги за меня давалъ? истерически вскри- пенька.—Правда, Митя? Да какъ ты смѣлъ? Развѣ я про-

ане, пане, возопилъ Митя,—она чиста и сіяетъ, и ни- не былъ ея любовникомъ! Это ты совралъ...
акъ смѣешь ты меня предъ нимъ защищать? вопила Гру- — не изъ добродѣтели я чиста была и не потому, что боялась, а чтобы предъ нимъ гордой быть и чтобы право у подлеца сказать, когда встрѣчу. Да неужто-жь онъ съ егъ не взялъ?
а бралъ-же, бралъ! воскликнулъ Митя, — да только тысячи разомъ захотѣлъ, а я всего семьсотъ задатку

у, и понятно: прослышалъ, что у меня деньги есть, а по- пріѣхалъ вѣнчаться!
ани Агриппина, закричалъ панъ, — я — рыцарь, я— ь, а не лайдакъ! Я пшибылъ взять тебя въ супругу, а ву пани, не ту что прежде, а упарту и безъ встыду ную и безстыдную).
и убирайся откуда пріѣхалъ! Велю сейчасъ прогнать и ъ! крикнула въ изступленіи Грушенька. — Дура, дура ито пять лѣтъ себя мучила! Да и не за него себя мучила со злобы себя мучила! Да и не онъ это вовсе! Развѣ онъ кой? Это отецъ его какой-то! Это гдѣ ты парикъ-то себѣ ? Тотъ былъ соколъ, а это селезень. Тотъ смѣялся и мнѣ ылъ... А я-то, я-то пять лѣтъ слезами заливалась, прокля- ра, низкая я, безстыжая!
пала на свое кресло и закрыла лицо ладонями. Въ эту здругъ раздался въ сосѣдней комнатѣ слѣва хоръ собрав- наконецъ, Мокринскихъ дѣвокъ, — залихватская плясо- ія.
о есть Содомъ!—взревѣлъ вдругъ панъ Врублевскій.— , прогони безстыжихъ!
инъ, который давно уже съ любопытствомъ заглядывалъ , слыша крикъ и чуя, что гости перессорились, тотчасъ гъ комнату.

— Ты чего кричишь, глотку рвешь? — обратился он
Врублевскому съ какою-то непонятною даже невѣжливост
— Скотина! заоралъ было панъ Врублевскій.
— Скотина? А ты въ какія карты сейчасъ игралъ? Я
тебѣ колоду, а ты мои спряталъ! Ты въ поддѣльныя карты
Я тебя за поддѣльныя карты въ Сибирь могу упрятать,
ты это, потому, оно все одно что бумажки поддѣльныя...
дойдя къ дивану, онъ засунулъ пальцы между спинкою
душкой дивана и вытащилъ оттуда нераспечатанную
картъ.
— Вотъ она моя колода, не распечатана! Онъ поднял
показалъ всѣмъ кругомъ:—я вѣдь видѣлъ оттелева какъ он
колоду сунулъ въ щель, а своей подмѣнилъ,—шильникъ т
кой, а не панъ!
— А я видѣлъ, какъ тотъ панъ два раза передернулъ,
нулъ Калгановъ.
— Ахъ, какъ стыдно, ахъ, какъ стыдно! воскликнул
шенька, всплеснувъ руками и во истину покраснѣла отъ сп
Господи, экой, экой сталъ человѣкъ!
— И я это думалъ, крикнулъ Митя. Но не успѣлъ о
выговорить, какъ панъ Врублевскій, сконфуженный и вз
ный, обратясь къ Грушенькѣ и, грозя ей кулакомъ, закр
— Публична шельма! Но не успѣлъ онъ и воскли
какъ Митя бросился на него, обхватилъ его обѣими рука
нялъ на воздухъ и въ одинъ мигъ вынесъ его изъ залы и
нату направо, въ которую сейчасъ только водилъ ихъ
— Я его тамъ на полъ положилъ! возвѣстилъ он
часъ-же возвратившись и задыхаясь отъ волненія,—дерет
налья, небось не придетъ оттуда!.. Онъ заперъ одну пол
двери и, держа настежъ другую, воскликнулъ къ мале
пану:
— Ясневельможный, не угодно-ли туда-же? Пшенр
— Батюшка, Митрій Ѳедоровичъ, возгласилъ Трифо
рисычъ,—да отбери ты у нихъ деньги-то, то что имъ про
Вѣдь все равно что воровствомъ съ тебя взяли.
— Я свои пятьдесятъ рублей не хочу отбирать, от
вдругъ Калгановъ.
— И я свои двѣсти, и я не хочу! воскликнулъ Митя,-
что не отберу, пусть ему въ утѣшеніе останутся.
— Славно, Митя! Молодецъ, Митя! крикнула Груш
страшно-злобная нотка прозвенѣла въ ея воскл[illegible]ніи.

овый отъ ярости, но нисколько не потерявшій
ги, направился было къ двери, но остановился
ворилъ, обращаясь къ Грушенькѣ:
сели хчешь исьць за мною, идзьмы, если не —
(Пани, если хочешь идти за мной — пойдемъ, а
прощай!).
ахтя отъ негодованія и амбиціи, прошелъ въ
былъ съ характеромъ: онъ еще послѣ всего
е терялъ надежды, что пани пойдетъ за нимъ—
себя. Митя прихлопнулъ за нимъ дверь.
ихъ на ключъ, сказалъ Калгановъ. Но замокъ
къ стороны, они заперлись сами.
лобно и безпощадно крикнула опять Грушенька.—
дорога!

VIII.

Бредъ.

чти оргія, пиръ на весь міръ. Грушенька закри-
объ ей дали вина: «Пить хочу, совсѣмъ пьяная
чтобы какъ прежде, помнишь, Митя, помнишь,
тогда спознавались!» Самъ-же Митя былъ какъ
ювствовалъ «свое счастье». Грушенька его, впро-
но отгоняла: «Ступай, веселись, скажи имъ, чтобы
всѣ веселились, «ходи изба, ходи печь», какъ
а!» продолжала она восклицать. Была она ужасно
Митя бросался распоряжаться. Хоръ собрался въ
ѣ. Та-же комната, въ которой до сихъ поръ си-
гому-же и тѣсна, разгорожена на-двое ситцевою
оторою опять-таки помѣщалась огромная кровать
ной и съ такими-же ситцевыми подушками горкой.
четырехъ «чистыхъ» комнатахъ этого дома вездѣ
Грушенька расположилась въ самыхъ дверяхъ.
сюда кресло: также точно сидѣла она и «тогда»,
рваго здѣсь кутежа и смотрѣла отсюда на хоръ
зки собрались всѣ тогдашнія-же. Жидки со скрип-
тоже прибыли, а, наконецъ-то, прибылъ и столь
на тройкѣ съ винами и припасами. Митя суе-
нату входили глядѣть и постороннiе, мужики и

бабы, уже спавшіе, но пробудившіеся и почуявшіе небывалое у
щеніе, какъ и мѣсяцъ назадъ. Митя здоровался и обнимался
знакомыми, припоминалъ лица, откупоривалъ бутылки и п
валъ всѣмъ кому попало. На шампанское зарились очень то
дѣвки, мужикамъ-же нравился больше ромъ и коньякъ и особе
горячій пуншъ. Митя распорядился, чтобы былъ сваренъ ш
ладъ на всѣхъ дѣвокъ и чтобы не переводились всю ночь и
пѣли три самовара для чаю и пунша на всякаго приходя
кто хочетъ пусть и угощается. Однимъ словомъ, началось н
безпорядочное и нелѣпое, но Митя былъ какъ-бы въ своемъ
номъ элементѣ, и чѣмъ нелѣпѣе все становилось, тѣмъ бо
онъ оживлялся духомъ. Попроси у него какой-нибудь муж
въ тѣ минуты денегъ, онъ тотчасъ-же вытащилъ-бы всю с
пачку и сталъ-бы раздавать направо и налѣво безъ счету. В
почему, вѣроятно, чтобъ уберечь Митю, сновалъ кругомъ
почти безотлучно хозяинъ. Трифонъ Борисычъ, совсѣмъ ужа
жется, раздумавшій ложиться спать въ эту ночь, пившій, од
мало (всего только выкушалъ одинъ стаканчикъ пуншу) и з
наблюдавшій по своему за интересами Мити. Въ нужныя мин
онъ ласково и подобострастно останавливалъ его и уговарив
не давалъ ему одѣлять, какъ «тогда», мужиковъ «цыгарка
ренскимъ виномъ» и, Боже сохрани, деньгами, и очень не
валъ на то, что дѣвки пьютъ ликеръ и ѣдятъ конфекты: «В
вость лишь одна, Митрій Ѳедоровичъ, говорилъ онъ;—я
колѣнкомъ всякую напинаю, да еще за честь почитать прика
вотъ онѣ какія!» Митя еще разъ вспомянулъ про Андрея и
лѣлъ послать ему пуншу:—«Я его давеча обидѣлъ», повто
онъ ослабѣвшимъ и умиленнымъ голосомъ. Калгановъ не хо
было пить и хоръ дѣвокъ ему сначала не понравился очень
выпивъ еще бокала два шампанскаго, страшно развеселился,
галъ по комнатамъ, смѣялся и все и всѣхъ хвалилъ, и п
и музыку. Максимовъ, блаженный и пьяненькій, не поки
его. Грушенька, тоже начинавшая хмѣлѣть, указывала на
ганова Митѣ: «Какой онъ миленькій, какой чудесный мальч
И Митя съ восторгомъ бѣжалъ цаловаться съ Калгановы
Максимовымъ. О, онъ многое предчувствовалъ: ничего еще
ему не сказала такого и даже, видимо, нарочно задерживала
зать, изрѣдка только поглядывая на него ласковымъ, но
чимъ глазкомъ. Наконецъ, она вдругъ схватила его крѣпк
руку и съ силой притянула къ себѣ. Сама она сидѣла тог
креслахъ у дверей.

— Какъ это ты давеча вошелъ-то, а? Какъ ты вошелъ-то!.. ъ испугалась. Какъ-же ты меня ему уступить-то хотѣлъ, ужто хотѣлъ?

— Счастье твое губить не хотѣлъ! въ блаженствѣ лепеталъ ся. Но ей и не надо было его отвѣта:

— Ну, ступай... веселись, отгоняла она его опять,—да не опять позову.

онъ убѣгалъ, а она принималась опять слушать пѣсни и ь на пляску, слѣдя за нимъ взглядомъ гдѣ-бы онъ ни былъ, резъ четверть часа опять подзывала его и онъ опять при-

Ну, садись теперь подлѣ, разсказывай, какъ ты вчера обо ышалъ, что я сюда пріѣхала; отъ кого отъ перваго

Митя начиналъ все разсказывать, безсвязно, безпорядочно, но, но странно однако-же разсказывалъ, часто вдругъ хму- брови и обрывался.

— Чего ты хмуришься-то? спрашивала она.

— Ничего... одного больнаго тамъ оставилъ. Кабы выздоро- кабы зналъ, что выздоровѣетъ, десять-бы лѣтъ сейчасъ ъ отдалъ!

— Ну, Богъ съ нимъ, коли больной. Такъ неужто ты хо- завтра застрѣлить себя, экой глупый, да изъ-за чего? Я этакихъ какъ ты безразсудныхъ люблю, лепетала она ему ого отяжелѣвшимъ языкомъ.—Такъ ты для меня на все пой- ? А? И неужто-жь ты, дурачокъ, вправду хотѣлъ завтра за- иться! Нѣтъ, погоди пока, завтра я тебѣ, можетъ, одно чко скажу... не сегодня скажу, а завтра. А ты-бы хотѣлъ ня? Нѣтъ, я сегодня не хочу... Ну, ступай, ступай теперь, ись.

азъ, однако, она подозвала его какъ-бы въ недоумѣніи и ченно.

— Чего тебѣ грустно? Я вижу, тебѣ грустно... Нѣтъ, ужь я , прибавила она, зорко вглядываясь въ его глаза.— Хоть ты и цалуешься съ мужиками и кричишь, а я что-то вижу. Нѣтъ, веселись, я весела и ты веселись... Я кого-то здѣсь люблю, кого?.. Ай, посмотри: мальчикъ-то мой заснулъ, охмѣлѣлъ, ый.

а говорила про Калганова: тотъ дѣйствительно охмѣлѣлъ и ъ на мгновеніе, сидя на диванѣ. И не отъ одного хмѣля за- ему стало вдругъ отчего-то грустно, или, какъ онъ гово-

рил ». Сильно обезкуражили его подъ конецъ
ись, навшія переходить, постепенно съ попойкой, в
слишкомъ уже скоромное и разнузданное. Да и пляски их
двѣ дѣвки переодѣлись въ медвѣдей, а Степанида, бойка
съ палкой въ рукѣ, представляла вожака, стала ихъ «показ
«Веселѣй, Марья, кричала она,—не то палкой!» Медвѣд
нецъ, повалились на полъ какъ-то совсѣмъ ужь неприлич
громкомъ хохотѣ набравшейся, не въ прорѣзъ, всякой
бабъ и мужиковъ.—«Ну, и пусть ихъ, ну и пусть ихъ,
сентенціозно Грушенька съ блаженнымъ видомъ въ лицѣ,
денекъ выйдетъ имъ повеселиться, такъ и не радоваться л
Калгановъ-же смотрѣлъ такъ, какъ будто чѣмъ запачка
«Свинство это все, эта вся народность», замѣтилъ онъ, о
«это у нихъ весеннія игры, когда они солнце берегутъ
лѣтнюю ночь». Но особенно не понравилась ему одна
пѣсенка съ бойкимъ плясовымъ напѣвомъ, пропѣтая о те
ѣхалъ баринъ и дѣвушекъ пыталъ:

Баринъ дѣвушекъ пыталъ,
Дѣвки любятъ али нѣтъ?

Но дѣвкамъ показалось, что нельзя любить барина:

Баринъ будетъ больно бить,
А я его не любить.

Ѣхалъ потомъ цыганъ (произносилось цыганъ) и этот

Цыганъ дѣвушекъ пыталъ,
Дѣвки любятъ али нѣтъ?

Но и цыгана нельзя любить,

Цыганъ будетъ воровать,
А я буду горевать.

И много проѣхало такъ людей, которые пытали дѣ
даже солдатъ:

Солдатъ дѣвушекъ пыталъ,
Дѣвки любятъ али нѣтъ?

Но солдата съ презрѣніемъ отвергли:

Солдатъ будетъ ранецъ несть,
А я за нимъ...

Тутъ слѣдовалъ самый нецензурный стишокъ, проп
вершенно откровенно и произведшій фуроръ въ слушави
ликѣ. Кончилось, наконецъ, дѣло на купцѣ:

Купчикъ дѣвушекъ пыталъ,
Дѣвки любятъ али нѣтъ?

И оказалось, что очень любятъ, потому, дескать, что

Купчикъ будетъ торговать,
А я буду царевать.

Калгановъ даже озлился:

— Это совсѣмъ вчерашняя пѣсня, замѣтилъ онъ вслухъ, — и это имъ сочиняетъ! Не достаетъ, чтобы желѣзнодорожникъ аль ъ проѣхали и дѣвушекъ пытали: эти всѣхъ-бы побѣдили. И, ы обидѣвшись, онъ тутъ-же и объявилъ, что ему скучно, сѣлъ ранъ и вдругъ задремалъ. Хорошенькое личико его нѣсколько ѣдѣло и откинулось на подушку дивана.

— Посмотри, какой онъ хорошенькій, говорила Грушенька, юдя къ нему Митю:—я ему давеча головку расчесывала; во- точно левъ и густые...

И, нагнувшись надъ нимъ въ умиленіи, она поцаловала его ъ. Калгановъ въ одинъ мигъ открылъ глаза, взглянулъ на нее, сталъ и съ самымъ озабоченнымъ видомъ спросилъ: гдѣ Мак- овъ?

— Вотъ ему кого надо, засмѣялась Грушенька;—да посиди ной минутку. Митя, сбѣгай за его Максимовымъ.

Оказалось, что Максимовъ ужь и не отходилъ отъ дѣвокъ, дка только отбѣгалъ налить себѣ ликерчику, шоколаду-же лъ двѣ чашки. Личико его раскраснѣлось, а носъ побагро- ъ, глаза стали влажные, сладостные. Онъ подбѣжалъ и объ- ъ, что сейчасъ «подъ одинъ мотивчикъ» хочетъ протанцовать цъ саботьеру.

— Меня вѣдь маленькаго всѣмъ этимъ благовоспитаннымъ скимъ танцамъ обучали-съ...

— Ну ступай, ступай съ нимъ, Митя, а я отсюда посмотрю, ъ онъ тамъ танцовать будетъ.

— Нѣтъ, и я, и я пойду смотрѣть, воскликнулъ Калгановъ, имъ наивнымъ образомъ отвергая предложеніе Грушеньки по- ть съ нимъ. И всѣ направились смотрѣть. Максимовъ дѣйстви- но свой танецъ протанцовалъ, но кромѣ Мити почти ни въ ъ не произвелъ особеннаго восхищенія. Весь танецъ состоялъ акихъ-то подпрыгиваніяхъ съ вывертываніемъ въ стороны ъ, подошвами кверху, и съ каждымъ прыжкомъ Максимовъ лъ ладонью по подошвѣ. Калганову совсѣмъ не понравилось, тя даже облобызалъ танцора.

— Ну, спасибо, усталъ, можетъ, что̀ глядишь сюда: конфетку шь, а? Цыгарочку, можетъ, хочешь?

— Папиросочку-съ.

— Выпить не хочешь-ли?

— Я тутъ ликерцу-съ... А шоколатныхъ конфеточекъ у нѣтъ-съ?

— Да вотъ на столѣ цѣлый возъ, выбирай любую, голу ты душа!

— Нѣтъ-съ, я такую-съ, чтобы съ ванилью... для с ковъ-съ... Хи-хи!

— Нѣтъ, братъ, такихъ особенныхъ нѣтъ.

— Послушайте! нагнулся вдругъ старичокъ къ самом Мити,—эта вотъ дѣвочка-съ, Марьюшка-съ, хи-хи! Какъ-бы если бы можно, съ нею познакомиться, по добротѣ вашей...

— Ишь ты чего захотѣлъ! Нѣтъ, братъ, врешь.

— Я никому вѣдь зла не дѣлаю-съ, уныло прошепталъ симовъ.

— Ну, хорошо, хорошо. Здѣсь, братъ, только повтъ шутъ, а, впрочемъ, чортъ! Подожди... Кушай пока, ѣшь, пе селись. Денегъ не надо-ли?

— Потомъ-бы развѣ-съ, улыбнулся Максимовъ.

— Хорошо, хорошо...

Голова горѣла у Мити. Онъ вышелъ въ сѣни на дерев верхнюю галлерейку, обходившую и внутри, со двора, часть строенія. Свѣжій воздухъ оживилъ его. Онъ стоялъ одн темнотѣ, въ углу, и вдругъ схватилъ себя обѣими руками лову. Разбросанныя мысли его вдругъ соединились, ощу слились во едино и все дало свѣтъ. Страшный, ужасный «Вотъ, если застрѣлиться, такъ когда-же, какъ не теперь? неслось въ умѣ его. «Сходить за пистолетомъ, принести его и вотъ въ этомъ самомъ, грязномъ и темномъ углу, и покон Почти съ минуту онъ стоялъ въ нерѣшимости. Давеча, летѣлъ сюда, сзади него стоялъ позоръ, совершенное, содѣ уже имъ воровство и эта кровь, кровь!.. Но тогда было о, легче! Вѣдь ужь все тогда было покончено: ее онъ поте уступилъ, она погибла для него, исчезла,—о, приговоръ былъ легче ему, по крайней мѣрѣ, казался неминуемымъ, ходимымъ, ибо для чего-же было оставаться на свѣтѣ? А т Теперь развѣ то что тогда? Теперь съ однимъ, по крайней привидѣніемъ, страшилищемъ, покончено: этотъ ея «прежній безспорный, фатальный человѣкъ этотъ исчезъ, не ост слѣда. Страшное привидѣніе обратилось вдругъ во что-то маленькое, такое комическое; его снесли руками въ спаль заперли на ключъ. Оно никогда не воротится. Ей стыдно,

онъ уже видитъ теперь ясно кого она любитъ. Ну,
рь-бы только и жить, и... нельзя жить, нельзя, о, про-
оже, оживи поверженнаго у забора! Пронеси эту страш-
мимо меня! Вѣдь дѣлалъ-же Ты чудеса, Господи, для
грѣшниковъ какъ и я! Ну что, ну что, если старикъ
тогда срамъ остальнаго позора я уничтожу, я ворочу
ія деньги, я отдамъ ихъ, достану изъ-подъ земли...
позора не останется, кромѣ какъ въ сердцѣ моемъ на
нѣтъ, нѣтъ, о, невозможныя, малодушныя мечты! О,
»

е-же какъ-бы лучъ какой-то свѣтлой надежды блеснулъ
мѣ. Онъ сорвался съ мѣста и бросился въ комнаты—
къ ней опять, къ царицѣ его на вѣки! «Да неужели
съ, одна минута ея любви не стоятъ всей остальной
тя-бы и въ мукахъ позора?» Этотъ дикій вопросъ за-
го сердце. «Къ ней, къ ней одной, ее видѣть, слушать
мъ не думать, обо всемъ забыть, хотя-бы только на
на часъ, на мгновеніе!» Предъ самымъ входомъ въ
на галлерейкѣ, онъ столкнулся съ хозяиномъ Трифо-
исычемъ. Тотъ что-то показался ему мрачнымъ и оза-
ь и, кажется, шелъ его розыскивать.
о ты, Борисычъ, не меня-ли искалъ?
тъ-съ, не васъ, какъ-бы опѣшилъ вдругъ хозяинъ,—
нѣ васъ розыскивать? А вы... гдѣ были-съ?
о ты такой скучный? Не сердишься-ли? Погоди, скоро
дешь... Который часъ-то?
ужь три часа будетъ. Надо быть, даже четвертый.
нчимъ, кончимъ.
милуйте, ничего-съ. Даже сколько угодно-съ...
съ нимъ? мелькомъ подумалъ Митя и вбѣжалъ въ ком-
плясали дѣвки. Но ея тамъ не было. Въ голубой ком-
не было; одинъ лишь Калгановъ дремалъ на диванѣ.
нулъ за занавѣсы—она была тамъ. Она сидѣла въ углу,
сѣ, и, склонившись съ руками и съ головой на подлѣ
кровать, горько плакала, изо всѣхъ силъ крѣпясь и
голосъ, чтобы не услышали. Увидавъ Митю, она по-
о къ себѣ и, когда тотъ подбѣжалъ, крѣпко схватила
ку.
тя, Митя, я вѣдь любила его! начала она ему шепо-
къ любила его, всѣ пять лѣтъ, все, все это время. Ко
а, али только злобу мою? Нѣтъ, его! Охъ, его! Я ви

лгу, что любила только злобу мою, а не его! Митя, вѣдь
всего семнадцати лѣтъ тогда, онъ тогда былъ такой с
ласковый, такой развеселый, мнѣ пѣсни пѣлъ... Иль ужи
зался тогда такимъ дурѣ мнѣ, дѣвчонкѣ... А теперь, Госп
это не тотъ, совсѣмъ и не онъ. Да и лицомъ не онъ,
вовсе. Я и съ лица его не узнала. Ѣхала я сюда съ Ти
и все-то думала, всю дорогу думала: «какъ встрѣчу его,
скажу, какъ глядѣть-то мы другъ на друга будемъ?..» Вс
замирала, и вотъ онъ меня тутъ точно изъ шайки помоя
тилъ. Точно учитель говоритъ: все такое ученое, важное
тилъ такъ важно, такъ я и стала втуникъ. Слова некуд
нуть. Я сначала думала, что онъ этого своего длиннаго не
стыдится. Сижу, смотрю на нихъ и думаю: почему это
ничего съ нимъ говорить теперь не умѣю? Знаешь, это е
испортила, вотъ на которой онъ, бросилъ меня тогда, да же
Это она его тамъ передѣлала. Митя, стыдъ-то какой! Охъ,
мнѣ, Митя, стыдно, охъ, за всю жизнь мою стыдно! Пр
прокляты пусть будутъ эти пять лѣтъ, прокляты! И он
залилась слезами, но Митину руку не выпускала, крѣпко
лась за нее.

— Митя, голубчикъ, постой, не уходи, я тебѣ одно с
хочу сказать, прошептала она и вдругъ подняла къ нему
Слушай, скажи ты мнѣ, кого я люблю? Я здѣсь одного ч
люблю. Который это человѣкъ? вотъ что скажи ты мнѣ.
пухшемъ отъ слезъ лицѣ ея засвѣтилась улыбка, глаза
полутьмѣ.—Вошелъ давеча одинъ соколъ, такъ сердце и у
мнѣ: «Дура ты, вотъ вѣдь кого ты любишь», —такъ сразу
нуло сердце. Вошелъ ты и все освѣтилъ. Да чего онъ бои
маю. А вѣдь ты забоялся, совсѣмъ забоялся, говорить не
Не ихъ-же, думаю, онъ боится,—развѣ ты кого испугат
жешь? Это меня онъ боится, думаю, только меня. Такъ в
сказала-же тебѣ, дурачку, Ѳеня какъ я Алешѣ въ окно
чала, что любила часочекъ Митеньку, а теперь ѣду любит
гаго. Митя, Митя, какъ это я могла, дура, подумать, чт
другаго послѣ тебя! Прощаешь, Митя? Прощаешь меня из
Любишь? Любишь?

Она вскочила и схватила его обѣими руками за плеч
нѣмой отъ восторга, глядѣлъ ей въ глаза, въ лицо, на ул
и вдругъ, крѣпко обнявъ ее, бросился ее цаловать.

— А простишь, что мучила? Я вѣдь со злобы всѣх
мучила. Я вѣдь старикашку того нарочно со злобы

какъ ты разъ у меня пилъ и бокалъ разбилъ? За-
это и сегодня тоже разбила бокалъ, за «подлое сердце
, Митя, соколъ, что-жь ты меня не цалуешь? Разъ
и оторвался, глядитъ, слушаетъ... Что меня слушать!
я, цалуй крѣпче, вотъ такъ. Любитъ, такъ ужь любитъ!
еперь буду, раба на всю жизнь! Сладко рабой быть!.. Ца-
меня, мучай меня, сдѣлай что надо мной...Охъ, да и впрямь
учить... Стой! Подожди, потомъ, не хочу такъ... оттолк-
о вдругъ:—Ступай прочь, Митька, пойду теперь мина на-
на хочу быть, сейчасъ пьяная плясать пойду, хочу, хочу!
рвалась отъ него изъ-за занавѣсокъ. Митя вышелъ
къ пьяный. «Да пусть-же, пусть, что-бы теперь ни
-за минуту одну весь міръ отдамъ», промелькнуло въ
. Грушенька въ самомъ дѣлѣ выпила залномъ еще
ампанскаго и очень вдругъ охмѣлѣла. Она усѣлась въ
прежнемъ мѣстѣ, съ блаженною улыбкой. Щеки ея
губы разгорѣлись, сверкавшіе глаза посоловѣли, стра-
лядъ манилъ. Даже Калганова какъ будто укусило что-
це и онъ подошелъ къ ней.
ы слышалъ, какъ я тебя давеча поцаловала, когда ты
лепетала она ему.—Опьянѣла я теперь, вотъ что... А
янѣлъ? А Митя чего не пьетъ? Что-жь ты не пьешь,
ыпила, а ты не пьешь...
нъ! И такъ пьянъ... отъ тебя пьянъ, а теперь и отъ
Онъ выпилъ еще стаканъ и—странно это ему показа-
у—только отъ этаго послѣдняго стакана и охмѣлѣлъ,
ѣлѣлъ, а до тѣхъ поръ все былъ трезвъ, самъ помнилъ
й минуты все завертѣлось кругомъ него какъ въ бреду.
ъ, смѣялся, заговаривалъ со всѣми и все это какъ-бы
мня себя. Одно лишь неподвижное и жгучее чувство
ь въ немъ поминутно, «точно горячій уголь въ душѣ»,
онъ потомъ. Онъ подходилъ къ ней, садился подлѣ
лъ на нее, слушалъ ее... Она-же стала ужасно какъ
ива, всѣхъ къ себѣ подзывала, манила вдругъ къ себѣ
удь дѣвку изъ хора, та подходила, а она или цаловала
кала, или иногда крестила ее рукой. Еще минутку и
заплакать. Развеселялъ ее очень «старикашка», какъ
она Максимова. Онъ поминутно подбѣгалъ цаловать у
«и всякій пальчикъ», а подъ конецъ проплясалъ еще
ецъ подъ одну старую пѣсенку, которую самъ-же и
ъ особенности съ жаромъ подплясывалъ за припѣвомъ.

Свинушка хрю-хрю, хрю-хрю,
Телочка му-му, му-му,
Уточка ква-ква, ква-ква,
Гусинька га-га, га-га.
Курочка по сѣнюшкамъ похаживала,
Гюрю-рю, рю-рю выговаривала,
Ай, ай выговаривала!

— Дай ему что-нибудь, Митя, говорила Грушенька,— ему, вѣдь онъ бѣдный. Ахъ бѣдные, обиженные!... Знаешь, я въ монастырь пойду. Нѣтъ, вправду, когда-нибудь пойду. Алеша сегодня на всю жизнь слова сказалъ... Да... А сегодня пусть попляшемъ. Завтра въ монастырь, а сегодня попляшемъ. Я шалить хочу, добрые люди, ну и что-жь такое. Богъ прости. Кабы Богомъ была, всѣхъ-бы людей простила: «милые мои нички, съ этого дня прощаю всѣхъ». А я пойду прощенія прости: «Простите, добрые люди, бабу глупую, вотъ что». Звѣрь я, что». А молиться хочу. Я луковку подала. Злодѣйкѣ такой молиться хочется! Митя, пусть пляшутъ, не мѣшай. Всѣ люди на свѣтѣ хороши, всѣ до единаго. Хорошо на свѣтѣ. Хоть и скверные мы, а хорошо на свѣтѣ. Скверные мы и хорошіе, и скверные хорошіе... Нѣтъ, скажите, я васъ спрошу, всѣ подойдите и я спрошу, скажите мнѣ всѣ вотъ что: почему я такая хорошая? Я вѣдь хорошая, я очень хорошая... Ну, такъ вотъ: почему я такая хорошая?—Такъ лепетала Грушенька, хмѣлѣя всѣ больше и больше и, наконецъ, прямо объявила, что сейчасъ сама хочетъ плясать. Встала съ креселъ и пошатнулась:—Митя, не давай мнѣ больше вина, просить буду—не давай. Вино спокойствія не даетъ. И все кружится, и печка, и все кружится. Плясать хочу. Пусть всѣ смотрятъ какъ я пляшу... какъ я хорошо и прекрасно пляшу.

Намѣреніе было серьезное: она вынула изъ кармана бѣленькій батистовый платочекъ и взяла его за кончикъ, въ правую руку, чтобы махать имъ въ пляскѣ. Митя захлопоталъ, дѣвки затихли, приготовясь грянуть хоромъ плясовую по первому мановенію. Максимовъ, узнавъ что Грушенька хочетъ сама плясать, завизжалъ отъ восторга и пошелъ было предъ ней подпрыгивать, припѣвая:

Ножки тонки, бока звонки,
Хвостикъ закорючкой.

Но Грушенька махнула на него платочкомъ и отогнала его.

— Ш-шь! Митя, что-жь нейдутъ? Пусть всѣ придутъ... смотрѣть. Позови и тѣхъ, запертыхъ... За что ты ихъ заперъ? Скажи имъ, что я пляшу, пусть и они смотрятъ какъ я пляшу...

Митя съ пьянымъ размахомъ подошелъ къ запертой двери
чалъ стучать въ панамъ кулакомъ.
— Эй, вы... Подвысоцкіе! Выходите, она плясать хочетъ,
зоветъ.
— Лайдакъ! прокричалъ въ отвѣтъ который-то изъ пановъ.
— А ты лайдакъ! Мелкій ты подлеченочекъ; вотъ ты кто.
— Перестали-бы вы надъ Польшей-то насмѣхаться, сентен-
замѣтилъ Калгановъ, тоже не подъ силу себѣ охмѣлѣвшій.
— Молчи, мальчикъ! Если я ему сказалъ подлеца, не зна-
что я всей Польшѣ сказалъ подлеца. Не составляетъ одинъ
Польши. Молчи, хорошенькій мальчикъ, конфетку, кушай.
Ахъ, какіе! Точно они не люди. Чего они не хотятъ ми-
сказала Грушенька и вышла плясать. Хоръ грянулъ: «Ахъ
мои сѣни». Грушенька закинула было головку, полу-
губки, улыбнулась, махнула было платочкомъ и вдругъ,
покачнувшись на мѣстѣ, стала посреди комнаты въ не-
ніи.
— Слаба... проговорила она измученнымъ какимъ-то голо-
—простите, слаба, не могу... Виновата...
она поклонилась хору, затѣмъ принялась кланяться на всѣ
стороны поочередно:
— Виновата... Простите...
— Подпила, барынька, подпила, хорошенькая барынька, раз-
голоса.
— Онѣ напились-съ, разъяснилъ, хихикая, дѣвушкамъ Мак-
съ.
— Митя, отведи меня... возьми меня, Митя, въ безсиліи про-
ла Грушенька. Митя кинулся къ ней, схватилъ ее за руки
жалъ со своею драгоцѣнною добычей за занавѣски. «Ну,
теперь уйду», подумалъ Калгановъ, и, выйдя изъ голу-
комнаты, притворилъ за собою обѣ половинки дверей. Но
въ залѣ гремѣлъ и продолжался, загремѣлъ еще пуще.
положилъ Грушеньку на кровать и впился въ ея губы
семъ.
— Не трогай меня... молящимъ голосомъ пролепетала она
—не трогай, пока не твоя... Сказала, что твоя, а ты не тро-
пощади... При тѣхъ, подлѣ тѣхъ нельзя. Онъ тутъ. Гнусно
...
Послушенъ! Не мыслю... благоговѣю!.. бормоталъ Митя.—
ное здѣсь, о, презрѣнно.—И, не выпуская ее изъ объя-
опустился подлѣ кровати на полъ, на колѣни.

— [illegible], ты хоть и звѣрь, а ты благородный, т
выговаривала Грушенька:—надо, чтобъ это честно... впред
детъ честно... и чтобъ и мы были честные, чтобъ и мы
добрые, не звѣри, а добрые... Увези меня, увези далеко,
шишь... Я здѣсь не хочу, а чтобы далеко, далеко...

— О, да, да, непремѣнно! сжималъ ее въ объятіяхъ М
увезу тебя, улетимъ... О, всю жизнь за одинъ годъ отдам
часъ чтобы только знать [illegible] кровь!

— Какая кровь? къ [illegible]іи переговорила Грушен
— Ничего! про[illegible]тя.—Груша, ты хочешь
честно, а я воръ. Я у [illegible]ьги укралъ... Позоръ, п
— У Катьки? Это у [illegible]и? Нѣтъ, ты не укралъ.
ей, у меня возьми... Что [illegible]ь? Теперь все мое—твое
намъ деньги? Мы ихъ и безъ [illegible] прокутимъ... Таковскіе
не прокутили. А мы пойдемъ съ тобою лучше землю п
Я землю вотъ этими руками скрести хочу. Трудиться надо
шишь? Алеша приказалъ. Я не любовница тебѣ буду, я
вѣрная буду, раба твоя буду, работать на тебя буду. Мы
рышнѣ сходимъ и поклонимся оба, чтобы простила и у
А не проститъ, мы и такъ уѣдемъ. А ты деньги ей са
меня люби... А ее не люби. Больше ея не люби. А полюби
ее задушу... Я ей оба глаза иголкой выколю...

— Тебя люблю, тебя одну, въ Сибири буду любить...

— Зачѣмъ въ Сибирь? А что-жь, и въ Сибирь коли х
все равно... работать будемъ.. въ Сибири снѣгъ. Я по
люблю ѣхать... и чтобы колокольчикъ былъ... Слышишь, зи
колокольчикъ... Гдѣ это звенитъ колокольчикъ? Ѣдутъ какі
вотъ и пересталъ звенѣть.

Она въ безсиліи закрыла глаза и вдругъ какъ-бы з
на одну минуту. Колокольчикъ въ самомъ дѣлѣ звенѣлъ
въ отдаленіи и вдругъ пересталъ звенѣть. Митя склонился
вою къ ней на грудь. Онъ не замѣтилъ какъ пересталъ з
колокольчикъ, но не замѣтилъ и того какъ вдругъ перес
пѣсни, и на мѣсто пѣсень и пьянаго гама во всемъ домѣ в
лась какъ-бы внезапно мертвая тишина. Грушенька от
глаза.

— Что это, я спала? Да... колокольчикъ... Я спала и
видѣла: будто я ѣду, по снѣгу... колокольчикъ звенитъ
дремлю. Съ милымъ человѣкомъ, съ тобою ѣду будто. И д
далеко. Обнимала-цѣловала тебя, прижималась къ тебѣ, х
будто мнѣ, а снѣгъ-то блеститъ... Знаешь, коли ночью

нитъ, а мѣсяцъ глядитъ, и точно я гдѣ не на землѣ... Проснусь, а милый-то подлѣ, какъ хорошо...

— Подлѣ, бормоталъ Митя, цалуя ея платье, грудь, руки. И ъ ему показалось что-то странное: показалось ему, что она итъ прямо предъ собой, но не на него, не въ лицо ему, а рхъ его головы, пристально, и до странности неподвижно. леніе вдругъ выразилось въ ея лицѣ, почти испугъ.

— Митя, кто это оттуда глядитъ сюда къ намъ? прошептала она ъ. Митя обернулся и увидѣлъ, что въ самомъ дѣлѣ кто-то разулъ занавѣску и ихъ какъ-бы высматриваетъ. Да и не одинъ будто. Онъ вскочилъ и быстро ступилъ къ смотрѣвшему.

— Сюда, пожалуйте къ намъ сюда, не громко, но твердо и йчиво проговорилъ ему чей-то голосъ.

Митя выступилъ изъ-за занавѣски и сталъ неподвижно. Вся ата была полна людьми, но не давешними, а совсѣмъ но-. Мгновенный ознобъ пробѣжалъ по спинѣ его и онъ вздрогъ. Всѣхъ этихъ людей онъ узналъ въ одинъ мигъ. Вотъ этотъ кій и дебелый старикъ, въ пальто и съ фуражкой съ ко-ой—это исправникъ, Михаилъ Макарычъ. А этотъ «чахо-ай» опрятный щеголь, «всегда въ такихъ вычищенныхъ са-ахъ»—это товарищъ прокурора. «У него хронометръ въ че-ста рублей есть, онъ показывалъ». А этотъ молоденькій, ма-кій, въ очкахъ... Митя вотъ только фамилію его позабылъ, онъ знаетъ и его, видѣлъ: это слѣдователь, судебный слѣдова-, «изъ правовѣдѣнія», недавно пріѣхалъ. А этотъ вотъ — овой, Маврикій Маврикичъ, этого-то ужь онъ знаетъ, знако- человѣкъ. Ну, а эти съ бляхами, эти зачѣмъ-же? И еще какихъ-то, мужики... А вотъ тамъ въ дверяхъ Калгановъ ифонъ Борисычъ...

— Господа... Что это вы, господа? проговорилъ было Митя, вдругъ, какъ-бы внѣ себя, какъ-бы не самъ собой, воскликъ громко, во весь голосъ:

— По-ни-маю!

Молодой человѣкъ въ очкахъ вдругъ выдвинулся впередъ и, ступивъ къ Митѣ, началъ, хоть и осанисто, но немного какъ-бы мясь:

— Мы имѣемъ къ вамъ... однимъ словомъ, я васъ попрошу вотъ сюда, къ дивану... Существуетъ настоятельная необность съ вами объясниться.

— Старикъ! вскричалъ Митя въ изступленіи, — старикъ и овъ!.. По-ни-маю!

п одкошенный, сѣлъ, словно упалъ, на подлѣ с

— понимаешь? Понялъ! Отцеубійца и извергъ, кровь сп
отца твоего вопіетъ за тобою! заревѣлъ внезапно, подступа
Митѣ, старикъ исправникъ. Онъ былъ внѣ себя, побагров
весь такъ и трясся.

— Но это невозможно! вскричалъ маленькій молодой
вѣчекъ.—Михаилъ Макарычъ, Михаилъ Макарычъ! Это не
не такъ-съ!.. Прошу позволить мнѣ одному говорить. Я н
не могъ предположить отъ васъ подобнаго эпизода...

— Но вѣдь это-же бредъ, господа, бредъ! восклицалъ ис
никъ,—посмотрите на него: ночью, пьяный, съ безпутной
кой и въ крови отца своего... Бредъ! Бредъ!

— Я васъ изо всѣхъ силъ попрошу, голубчикъ. Ми
Макарычъ, на сей разъ удержать ваши чувства, зашепталъ
скороговоркой старику товарищъ прокурора,—иначе я пр
денъ буду принять...

Но маленькій слѣдователь не далъ докончить; онъ обра
къ Митѣ, и твердо, громко и важно произнесъ:

— Господинъ отставной поручикъ Карамазовъ, я до
вамъ объявить, что вы обвиняетесь въ убійствѣ отца ва
Ѳедора Павловича Карамазова, происшедшемъ въ эту ноч

Онъ что-то и еще сказалъ, тоже и прокуроръ какъ
что-то ввернулъ, но Митя хоть и слушалъ, но уже не пон
ихъ. Онъ дикимъ взглядомъ озиралъ ихъ всѣхъ.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛѢДСТВІЕ.

I.

ачало карьеры чиновника Перхотина.

етръ Ильичъ Перхотинъ, котораго мы оставили стучащимся ей силы въ крѣпкія запертыя ворота дома купчихи Моро- кончилъ, разумѣется, тѣмъ, что, наконецъ, достучался. шавъ такой неистовый стукъ въ ворота, Ѳеня, столь на- ая часа два назадъ и все еще отъ волненія и «думы», авшаяся лечь спать, была испугана теперь вновь почти терики: ей вообразилось, что стучится опять Дмитрій Ѳе- ичъ (не смотря на то, что сама-же видѣла какъ онъ ъ), потому что стучаться такъ «дерзко» никто не могъ, него. Она бросилась къ проснувшемуся дворнику, уже ему на стукъ къ воротамъ, и стала-было молить его, чтобы ускалъ. Но дворникъ опросилъ стучавшагося и, узнавъ кто что хочетъ онъ видѣть Ѳедосью Марковну по весьма важ- дѣлу, отпереть ему, наконецъ, рѣшился. Войдя къ Ѳедосьѣ внѣ все въ ту-же кухню, причемъ «для сумленія» она ла Петра Ильича, чтобы позволилъ войдти и дворнику, Ильичъ началъ ее разспрашивать и въ мигъ попалъ на главное: то есть, что Дмитрій Ѳедоровичъ, убѣгая искать ньку, захватилъ изъ ступки пестикъ, а воротился уже естика, но съ руками окровавленными: «И кровь еще ка- такъ и каплетъ съ нихъ, такъ и каплетъ!» восклицала очевидно, сама создавшая этотъ ужасный фактъ въ своемъ шномъ воображеніи. Но окровавленныя руки видѣлъ и

сам Ильичъ, хотя съ нихъ и не капало, и с
пом отмывать, да и не въ томъ былъ вопросъ,
они высохли, а въ томъ, куда именно бѣгалъ съ не
Дмитрій Ѳедоровичъ, то есть навѣрно-ли къ Ѳедору Па
и изъ чего это можно столь рѣшительно заключить? В
пунктѣ Петръ Ильичъ настаивалъ обстоятельно и хот
зультатѣ твердо ничего не узналъ, но все-же вынес
убѣжденіе, что никуда Дмитрій Ѳедоровичъ и бѣгать
какъ въ домъ родителя, и что, стало быть, тамъ не
должно было *нѣчто* произойти. «А когда онъ воротил
волненіемъ прибавила Ѳеня,—и я призналась ему во в
стала я его разспрашивать: отчего у васъ, голубчикъ,
Ѳедоровичъ, въ крови обѣ руки, то онъ будто-бы ей
отвѣтилъ: что эта кровь человѣческая и что онъ только
часъ человѣка убилъ, — такъ и признался, такъ мнѣ
тутъ и покаялся, да вдругъ и выбѣжалъ, какъ сума
Я сѣла да и стала думать: куда это онъ, теперь, ка
сшедшій побѣжалъ? Поѣдетъ въ Мокрое, думаю, и убье
барыню. Выбѣжала я этта его молить, чтобы барыню
валъ, къ нему на квартиру, да у Плотниковыхъ лавки
и вижу, что онъ ужь отъѣзжаетъ и что руки ужь у
въ крови (Ѳеня это замѣтила и запомнила)». Старуха,
Ѳени, сколько могла, подтвердила всѣ показанія своей
Разспросивъ еще кой о чемъ, Петръ Ильичъ вышелъ
еще въ бо́льшемъ волненіи и безпокойствѣ, чѣмъ какъ
въ него.

Казалось-бы, что всего прямѣе и ближе было-бы ем
отправиться въ домъ Ѳедора Павловича, узнать не случ
тамъ чего, а если случилось, то что̀ именно, и уже убѣ
неоспоримо, тогда только идти къ исправнику, какъ тве
положилъ Петръ Ильичъ. Но ночь была темная, ворота
Павловича крѣпкія, надо опять стучать, съ Ѳедоромъ-же
чемъ знакомъ онъ былъ отдаленно—и вотъ онъ достучи
отворятъ, и вдругъ тамъ ничего не случилось, а наси
Ѳедоръ Павловичъ пойдетъ завтра разсказывать по горо
дотъ, какъ въ полночь ломился къ нему незнакомый чи
Перхотинъ, чтобъ узнать, не убилъ-ли его кто-нибудь. С
Скандала-же Петръ Ильичъ боялся пуще всего на свѣт
не менѣе чувство, увлекавшее его, было столь сильно, ч
злобно топнувъ ногой въ землю и опять себя выбранивъ
ленно бросился въ новый путь, но уже не къ Ѳедору Па

госпожѣ Хохлаковой. Если та, думалъ онъ, отвѣтитъ на
осъ: она-ли дала три тысячи давеча, въ такомъ-то часу,
рію Ѳедоровичу, то въ случаѣ отрицательнаго отвѣта, онъ
же и пойдетъ къ исправнику, не заходя къ Ѳедору Павло-
; въ противномъ-же случаѣ, отложитъ все до завтра и воро-
я къ себѣ домой. Тутъ, конечно, прямо представляется, что
ѣшенія молодаго человѣка идти ночью, почти въ одиннадцать
съ, въ домъ къ совершенно незнакомой ему свѣтской барынѣ,
ять ее, можетъ быть, съ постели съ тѣмъ, чтобы задать ей
нтельный по своей обстановкѣ вопросъ, заключалось, можетъ
, гораздо еще больше шансовъ произвести скандалъ, чѣмъ
къ Ѳедору Павловичу. Но такъ случается иногда, особенно
одобныхъ настоящему случаяхъ, съ рѣшеніями самыхъ точ-
ихъ и флегматическихъ людей. Петръ-же Ильичъ, въ ту
ту, былъ уже совсѣмъ не флегматикомъ! Онъ всю жизнь
ъ вспоминалъ, какъ непреоборимое безпокойство, овладѣв-
имъ постепенно, дошло, наконецъ, въ немъ до муки и
ало его даже противъ воли. Разумѣется, онъ всетаки ругалъ
всю дорогу за то, что идетъ къ этой дамѣ, но «доведу, до-
до конца!» повторялъ онъ въ десятый разъ, скрежеща зу-
, и исполнилъ свое намѣреніе—довелъ.

ыло ровно одиннадцать часовъ, когда онъ вступилъ въ домъ
жи Хохлаковой. Впустили его во дворъ довольно скоро, но
опросъ: почиваетъ-ли уже барыня, или еще не ложилась—
икъ не могъ отвѣтить въ точности, кромѣ того, что въ эту
обыкновенно ложатся.—«Тамъ, на верху, доложитесь: за-
ть васъ принять, то примутъ, а не захотятъ—не примутъ».
Ильичъ поднялся на верхъ, но тутъ пошло потруднѣе.
докладывать не захотѣлъ, вызвалъ, наконецъ, дѣвушку.
Ильичъ вѣжливо, но настоятельно попросилъ ее доложить
ъ, что вотъ, дескать, пришелъ здѣшній одинъ чиновникъ
итинъ, по особому дѣлу, и если-бъ не важное такое дѣло,
не посмѣлъ-бы придти:—«именно, именно въ этихъ словахъ
ните», попросилъ онъ дѣвушку. Та ушла. Онъ остался ждать
ередней. Сама госпожа Хохлакова, хотя еще не започивала,
ыла уже въ своей спальнѣ. Была она разстроена съ самаго
яго посѣщенія Мити и уже предчувствовала, что въ ночь
миновать обыкновеннаго въ такихъ случаяхъ съ нею ми-
Выслушавъ докладъ дѣвушки и удивившись, она, однако,
ительно велѣла отказать, не смотря на то, что неожи-
посѣщеніе въ такой часъ незнакомаго ей «здѣшняго чи-

новника» чрезвычайно заинтересовало ея дамское любопытст
Но Петръ Ильичъ на этотъ разъ уперся какъ мулъ; выслуш
отказъ, онъ чрезвычайно настойчиво попросилъ еще разъ до
жить и передать именно «въ этихъ самыхъ словахъ», что о
«по чрезвычайно важному дѣлу, и онѣ, можетъ быть, сами б
дутъ потомъ сожалѣть, если теперь не примутъ его». «Я то
съ горы тогда летѣлъ», разсказывалъ онъ потомъ самъ. Горн
ная, удивленно оглядѣвъ его, пошла другой разъ докладыв
Госпожа Хохлакова была поражена, подумала, разспросила,
ковъ онъ съ виду и узнала, что «очень прилично одѣты-
молодые и такіе вѣжливые». Замѣтимъ въ скобкахъ и мелько
что Петръ Ильичъ былъ довольно таки красивый молодой че
вѣкъ и самъ это зналъ о себѣ. Госпожа Хохлакова рѣшил
выйдти. Была она уже въ своемъ домашнемъ шлафрокѣ и
туфляхъ, но на плечи она накинула черную шаль. «Чиновни
попросили войдти въ гостиную, въ ту самую, въ которой да
принимали Митю. Хозяйка вышла къ гостю съ строго вопро
тельнымъ видомъ и, не пригласивъ сѣсть, прямо начала съ
проса: «что̀ угодно?»

— Я рѣшился обезпокоить васъ, сударыня, по поводу обш
знакомаго нашего, Дмитрія Ѳедоровича Карамазова, началъ б
Перхотинъ, но только что произнесъ это имя, какъ вдругъ
лицѣ хозяйки изобразилось сильнѣйшее раздраженіе. Она чут
взвизгнула и съ яростью прервала его.

— Долго-ли, долго-ли будутъ меня мучить этимъ ужасны
человѣкомъ! вскричала она изступленно.—Какъ вы смѣли,
лостивый государь, какъ рѣшились обезпокоить незнакомую ва
даму въ ея домѣ и въ такой часъ... и явиться къ ней говор
о человѣкѣ, который здѣсь-же, въ этой самой гостиной, всего
часа тому, приходилъ убить меня, стучалъ ногами и вышелъ и
никто не выходитъ изъ порядочнаго дома. Знайте, милостивый го
дарь, что я на васъ буду жаловаться, что я не спущу вамъ, изво
сей-же часъ оставить меня... Я мать, я сейчасъ-же... я... я

— Убить! Такъ онъ и васъ хотѣлъ убить?

— А развѣ онъ кого-нибудь уже убилъ? стремительно с
сила госпожа Хохлакова.

— Соблаговолите выслушать, сударыня, только полминут
я въ двухъ словахъ разъясню вамъ все, съ твердостью о
тилъ Перхотинъ.—Сегодня, въ пять часовъ пополудни, "
динъ Карамазовъ занялъ у меня, по товарищески, десять
и я положительно знаю, что у него денегъ не было, а сег

[illegible]ять часовъ онъ вошелъ ко мнѣ, неся въ рукахъ на виду [illegible] сторублевыхъ бумажекъ, примѣрно въ двѣ или даже въ [illegible]ьячи рублей. Руки-же у него и лицо были всѣ окровавлены, [illegible]ко казался какъ-бы помѣшаннымъ. На вопросъ мой, откуда [illegible] столько денегъ, онъ съ точностью отвѣтилъ, что взялъ ихъ [illegible]ъ предъ тѣмъ отъ васъ и что вы ссудили его суммою въ [illegible]сячи, чтобъ ѣхать будто-бы на золотые пріиски...

[illegible] лицѣ госпожи Хохлаковой вдругъ выразилось необычай- [illegible] болѣзненное волненіе.

— Боже! Это онъ старика-отца своего убилъ! вскричала она, [illegible]мувъ руками.—Никакихъ я ему денегъ не давала, ника- [illegible] О, бѣгите, бѣгите!.. Не говорите больше ни слова! Спа- [illegible] старика, бѣгите къ отцу его, бѣгите!

— Позвольте, сударыня, итакъ вы не давали ему денегъ? Вы [illegible] помните, что не давали ему никакой суммы?

— Не давала, не давала! Я ему отказала, потому что онъ не [illegible] оцѣнить. Онъ вышелъ въ бѣшенствѣ и затопалъ ногами. [illegible] на меня бросился, а я отскочила... И я вамъ скажу еще, [illegible] человѣку, отъ котораго теперь ужь ничего скрывать не [illegible]рена, что онъ даже въ меня плюнулъ, можете это себѣ пред- [illegible]ть? Но что-же мы стоимъ? Ахъ, сядьте... Извините, я... Или [illegible] бѣгите, бѣгите, вамъ надо бѣжать и спасти несчастнаго [illegible]ка отъ ужасной смерти!

— Но если ужь онъ убилъ его?

— Ахъ, Боже мой, въ самомъ дѣлѣ! Такъ что-же мы теперь [illegible]ъ дѣлать? Какъ вы думаете, что теперь надо дѣлать?

[illegible]жду тѣмъ она усадила Петра Ильича и сѣла сама противъ [illegible]. Петръ Ильичъ вкратцѣ, но довольно ясно изложилъ ей [illegible]-дѣла, по крайней мѣрѣ, ту часть исторіи, которой самъ [illegible] былъ свидѣтелемъ, разсказалъ и о сейчашнемъ своемъ [illegible]ніи Ѳени, и сообщилъ извѣстіе о пестикѣ. Всѣ эти под- [illegible]сти до-нельзя потрясли возбужденную даму, которая вскри- [illegible] и закрывала глаза руками...

— Представьте, я все это предчувствовала! Я одарена этимъ [illegible]вомъ, все что я себѣ ни представлю, то и случится. И [illegible]ко, сколько разъ я смотрѣла на этого ужаснаго человѣка и [illegible] думала: вотъ человѣкъ, который кончитъ тѣмъ, что убьетъ [illegible] вотъ такъ и случилось... То есть, если онъ убилъ те- [illegible] меня, а только отца своего, то навѣрное потому, что [illegible]ий перстъ Божій, меня охранявшій, да и сверхъ того, [illegible] постыдился убить, потому что я ему сама, здѣсь, на этомъ

на шею образокъ съ мощей Варвары Велико
къ-же я была близка въ ту минуту отъ смерт
совсѣмъ подошла къ нему, вплоть, и онъ всю свою
вытянулъ! Знаете, Петръ Ильичъ... (извините, васъ,
, вы сказали, зовутъ Петромъ Ильичемъ), знаете, я не в
въ чудеса, но этотъ образокъ и это явное чудо со мною тепер
это меня потрясаетъ и я начинаю опять вѣрить во все
угодно. Слыхали вы о старцѣ Зосимѣ?.. А, впрочемъ я не з
что говорю... И представьте, вѣдь онъ и съ образкомъ на
въ меня плюнулъ... Конечно, только плюнулъ, а не убилъ,
и вонъ куда поскакалъ! Но куда-жь мы-то, намъ-то теперь к
какъ вы думаете?

Петръ Ильичъ всталъ и объявилъ, что пойдетъ теперь пр
къ исправнику и все ему разскажетъ, а тамъ ужь какъ т
самъ знаетъ.

— Ахъ, это прекрасный, прекрасный человѣкъ, я знав
съ Михаиломъ Макаровичемъ. Непремѣнно, именно къ нему. К
вы находчивы, Петръ Ильичъ, и какъ хорошо это вы все
думали; знаете, я-бы никакъ на вашемъ мѣстѣ этого не придум
— Тѣмъ болѣе, что я и самъ хорошій знакомый исправни
замѣтилъ Петръ Ильичъ, все еще стоя и видимо желая какъ-
будь поскорѣе вырваться отъ стремительной дамы, которая
какъ не давала ему проститься съ ней и отправиться.

— И знаете, знаете, лепетала она, — придите сказать м
что тамъ увидите и узнаете... и что обнаружится... и какъ
рѣшатъ и куда осудятъ... Скажите, вѣдь у насъ нѣтъ смерт
казни? Но непремѣнно придите, хоть въ три часа ночи, хоть
четыре, даже въ половинѣ пятаго... Велите меня разбудить,
будить, растолкать, если вставать не буду... О, Боже, да я н
засну даже. Знаете, не поѣхать-ли мнѣ самой съ вами?..

— Н-нѣтъ-съ, а вотъ если-бы вы написали вашею р
сейчасъ три строки, на всякій случай, о томъ, что денегъ Дмит
Ѳедоровичу никакихъ не давали, то было-бы, можетъ быть,
лишнее... на всякій случай...

— Непремѣнно! восторженно прыгнула къ своему бюро
пожа Хохлакова.—И знаете, вы меня поражаете, вы меня пр
потрясаете вашею находчивостью и вашимъ умѣніемъ въ эт
дѣлахъ... Вы здѣсь служите? Какъ это пріятно услышать, что
здѣсь служите...

И, еще говоря это, она быстро начертала на полу
товой бумаги три крупныя слѣдующія строчки:

«Никогда въ жизни моей я не давала взаймы несчастному
трію Ѳедоровичу Карамазову (такъ какъ онъ все-же теперь
частенъ) трехъ тысячъ рублей сегодня, да и никакихъ дру-
ъ денегъ никогда, никогда! Въ томъ клянусь всѣмъ что̀ есть
таго въ нашемъ мірѣ.

«Хохлакова».

— Вотъ эта записка! быстро обернулась она къ Петру
ичу.—Идите-же, спасайте. Это великій подвигъ съ вашей
роны.

И она три раза его перекрестила. Она выбѣжала провожать
даже до передней.

— Какъ я вамъ благодарна! Вы не повѣрите, какъ я вамъ
рь благодарна за то, что вы зашли ко мнѣ, къ первой. Какъ
ы съ вами не встрѣчались? Мнѣ очень лестно бы было васъ
нимать и впредь въ моемъ домѣ. И какъ это пріятно слы-
ть, что вы здѣсь служите... и съ такою точностью, съ такою
дчивостью... Но васъ они должны цѣнить, васъ должны, на-
цъ, понять, и все что я-бы могла для васъ сдѣлать, то по-
ите... О, я такъ люблю молодежь! Я влюблена въ молодежь.
одые люди—это основаніе всей теперешней страждущей на-
Россіи, вся надежда ея... О, идите, идите!..

Но Петръ Ильичъ уже выбѣжалъ, а то-бы она его такъ скоро
выпустила. Впрочемъ, госпожа Хохлакова произвела на него
льно пріятное впечатлѣніе, даже нѣсколько смягчившее тре-
его о томъ, что онъ втянулся въ такое скверное дѣло. Вкусы
ютъ чрезвычайно многоразличны, это извѣстно. «И вовсе она
акая пожилая», подумалъ онъ съ пріятностью,—«напротивъ,
принялъ ее за ея дочь».

Что̀ же до самой госпожи Хохлаковой, то она была просто
ована молодымъ человѣкомъ. «Столько умѣнья, столько акку-
юсти и въ такомъ молодомъ человѣкѣ въ наше время, и все
при такихъ манерахъ и наружности. Вотъ говорятъ про
менныхъ молодыхъ людей, что они ничего не умѣютъ, вотъ
примѣръ, и т. д. и т. д.» Такъ что объ этомъ «ужасномъ
шествіи» она просто даже позабыла и только ужь ложась
постель и вдругъ вновь вспомнивъ о томъ, «какъ близка была
смерти», она проговорила: «ахъ, это ужасно, ужасно! Но тот-
же заснула самымъ крѣпкимъ и сладкимъ сномъ. Я-бы,
чемъ, и не сталъ распространяться о такихъ мелочныхъ и
одныхъ подробностяхъ, если-бы эта сейчасъ лишь описанная
эксцентрическая встрѣча молодаго чиновника съ вовсе не

старою еще вдовицей не послужила впослѣдствіи основаніе
жизненной карьеры этого точнаго и аккуратнаго молода
вца, о чемъ съ изумленіемъ вспоминаютъ до сихъ
нашемъ городкѣ и о чемъ, можетъ быть, и мы скажем
словечко, когда заключимъ нашъ длинный разсказъ о б
Карамазовыхъ.

II.

Тревога.

Исправникъ нашъ Михаилъ Макаровичъ Макаров
подполковникъ, переименованный въ надворные совѣтни
человѣкъ вдовый и хорошій. Пожаловалъ-же къ намъ
лишь три года, но уже заслужилъ общее сочувствіе тѣм
что «умѣлъ соединить общество». Гости у него не пере
и, казалось, безъ нихъ онъ-бы и самъ прожить не могъ
мѣнно кто-нибудь ежедневно у него обѣдалъ, хоть два, хо
только гость, но безъ гостей и за столъ не садились. Б
званые обѣды, подъ всякими, иногда даже неожиданны
логами. Кушанье подавалось хоть и неизысканное, но о
кулебяки готовились превосходныя, а вина хоть и не
качествомъ, зато брали количествомъ. Во входной комнат
биллiардъ съ весьма приличною обстановкой, то есть
изображеніями скаковыхъ, англійскихъ лошадей въ
рамкахъ по стѣнамъ, что, какъ извѣстно, составляетъ необ
украшеніе всякой биллiардной у холостаго человѣка.
вечеръ играли въ карты, хотя-бы на одномъ только сто
весьма часто собиралось и все лучшее общество нашего
съ маменьками и дѣвицами, потанцовать. Михаилъ Ма
хотя и вдовствовалъ, но жилъ семейно, имѣя при себѣ сво
уже овдовѣвшую дочь, въ свою очередь мать двухъ
внучекъ Михаилу Макаровичу. Дѣвицы были уже взр
окончившія свое воспитаніе, наружности не непріятной,
нрава, и, хотя всѣ знали, что за ними ничего не дадутъ,
привлекавшія въ домъ дѣдушки нашу свѣтскую молод
дѣлахъ Михаилъ Макаровичъ былъ не совсѣмъ далекъ, но до
свою исполнялъ не хуже многихъ другихъ. Если прямо
то былъ онъ человѣкъ довольно-таки необразованный и д
печный въ ясномъ пониманіи предѣловъ своей администр

сти. Иныхъ реформъ современнаго царствованія онъ не то что югъ вполнѣ осмыслить, но понималъ ихъ съ нѣкоторыми, иногда ьма замѣтными ошибками и вовсе не по особенной какой-удь своей неспособности, а просто по безпечности своего харак-а, потому что все некогда было вникнуть. «Души я, господа, ѣе военной, чѣмъ гражданской», выражался онъ самъ о себѣ. ие о точныхъ основаніяхъ крестьянской реформы онъ все еще ъ-бы не пріобрѣлъ окончательнаго и твердаго понятія, и ивалъ о нихъ, такъ сказать, изъ года въ годъ, пріумножая и знанія практически и невольно, а между тѣмъ самъ былъ ѣщикомъ. Петръ Ильичъ съ точностію зналъ, что въ этотъ ъръ онъ непремѣнно у Михаила Макаровича встрѣтитъ кого-удь изъ гостей, но лишь не зналъ, кого именно. А между тѣмъ, ъ разъ у него сидѣли въ эту минуту за ералашемъ прокуъ и нашъ земскій врачъ, Варвинскій, молодой человѣкъ, только ъкъ намъ прибывшій изъ Петербурга, одинъ изъ блистательно ончившихъ курсъ въ петербургской медицинской академіи. журоръ-же, то есть товарищъ прокурора, но котораго у насъ звали прокуроромъ, Ипполитъ Кириллович, былъ у насъ овѣкъ особенный, не старый, всего лишь лѣтъ тридцати пяти, сильно наклонный къ чахоткѣ, при семъ женатый на весьма стой и бездѣтной дамѣ, самолюбивый и раздражительный, при ьма солидномъ, однако, умѣ и даже доброй душѣ. Кажется, бѣда его характера заключалась въ томъ, что думалъ онъ бѣ нѣсколько выше, чѣмъ позволяли его истинныя достоинства. ютъ почему онъ постоянно казался безпокойнымъ. Были въ ъ къ тому-же нѣкоторыя высшія и художественныя даже ызновенія, напримѣръ, на психологичность, на особенное ие души человѣческой, на особенный даръ познаванія пре-ника и его преступленія. Въ этомъ смыслѣ онъ считалъ себя олько обиженнымъ и обойденнымъ по службѣ и всегда увѣъ былъ, что тамъ, въ высшихъ сферахъ, его не съумѣли нять и что у него есть враги. Въ мрачныя минуты грозился ъ перебѣжать въ адвокаты по дѣламъ уголовнымъ. Неожи-ое дѣло Карамазовыхъ объ отцеубійствѣ какъ-бы встряхнуло всего: «Дѣло такое, что всей Россіи могло стать извѣстно». это ужь я говорю забѣгая впередъ.

Въ сосѣдней комнатѣ, съ барышнями, сидѣлъ и нашъ молодой бный слѣдователь, Николай Парѳеновичъ Нелюдовъ, всего два ца тому прибывшій къ намъ изъ Петербурга. Потомъ у насъ ели и даже дивились тому, что всѣ эти лица какъ-будто

нарочно сошлись въ вечеръ «преступленія» вмѣстѣ в
исполнительной власти. А между тѣмъ, дѣло было гораздо
и произошло крайне естественно: у супруги Иполита Кири
другой день какъ болѣли зубы и ему надо-же было куда-
убѣжать отъ ея стоновъ; врачъ-же по существу сво
могъ быть вечеромъ нигдѣ иначе, какъ за картами. Ник
Нарсѣсовичъ Нелюдовъ, даже еще за три дня разсчитыва
быть въ этотъ вечеръ къ Михаилу Макаровичу, такъ
нечаянно, чтобы вдругъ и коварно поразить его старшую
Ольгу Михайловну, тѣмъ, что ему извѣстенъ ея секретъ,
знаетъ, что сегодня день ея рожденія и что она нарочно п
скрыть его отъ нашего общества, съ тѣмъ, чтобы не с
городъ на танцы. Предстояло много смѣху и намековъ
лѣта, что она будто-бы боится ихъ обнаружить, что тепе
какъ онъ владѣтель ея секрета, то завтра-же всѣмъ разск
проч., и проч. Милый, молоденькій человѣкъ былъ на это
большой шалунъ, его такъ и прозвали у насъ дамы ма
и ему, кажется, это очень нравилось. Впрочемъ, онъ был
хорошаго общества, хорошей фамиліи, хорошаго восп
хорошихъ чувствъ, и хотя жуиръ, но весьма невинный
приличный. Съ виду онъ былъ маленькаго роста, слабаго
наго сложенія. На тоненькихъ и блѣдненькихъ пальчик
всегда сверкали нѣсколько чрезвычайно крупныхъ и
Когда-же исполнялъ свою должность, то становился необы
но важенъ, какъ-бы до святыни понимая свое значеніе
обязанности. Особенно умѣлъ онъ озадачивать при до
убійцъ и прочихъ злодѣевъ изъ простонародья и дѣйств
возбуждалъ въ нихъ если не уваженіе къ себѣ, то все
которое удивленіе.

Петръ Ильичъ, войдя къ исправнику, былъ просто ошел
онъ вдругъ увидалъ, что тамъ все уже знаютъ. Дѣйств
карты бросили, всѣ стояли и разсуждали и даже Никол
еновичъ прибѣжалъ отъ барышень и имѣлъ самый б
стремительный видъ. Петра Ильича встрѣтило ошелом
извѣстіе, что старикъ Ѳедоръ Павловичъ дѣйствитель
самомъ дѣлѣ убитъ въ этотъ вечеръ въ своемъ домѣ,
ограбленъ. Узналось-же это только сейчасъ предъ тѣ
дующимъ образомъ.

Марѳа Игнатьевна, супруга поверженнаго у забора Г
хотя и спала крѣпкимъ сномъ на своей постелѣ и н
такъ проспать еще до утра, вдругъ, однако-же, проб

тому страшный эпилептическій вопль Смердякова,
сосѣдней комнаткѣ безъ сознанія,—тотъ вопль,
а начинались его припадки падучей и которые
жизнь, страшно пугали Марѳу Игнатьевну и
нее болѣзненно. Не могла она къ нимъ никогда
просонья она вскочила и почти безъ памяти
горку къ Смердякову. Но тамъ было темно; слышно
го больной началъ страшно храпѣть и биться.
атьевна закричала сама и начала было звать мужа,
разила, что вѣдь Григорія-то на кровати, когда
акъ-бы и не было. Она подбѣжала къ кровати и
вь, но кровать была въ самомъ дѣлѣ пуста. Стало
ъ, куда-же? Она выбѣжала на крылечко и робко
крыльца. Отвѣта, конечно, не получила, но зато
ночной тишины откуда-то какъ-бы далеко изъ
тоны. Она трислушалась; стоны повторились
тало, что они въ самомъ дѣлѣ изъ саду. «Гос-
акъ тогда Лизавета Смердящая!» пронеслось въ
головѣ. Робко сошла она со ступенекъ и раз-
литка въ садъ отворена: «Вѣрно онъ, сердечный,
а она, подошла къ калиткѣ и вдругъ явственно
ее зоветъ Григорій, кличетъ: «Марѳа, Марѳа!»
щимъ, страшнымъ голосомъ. «Господи, сохрани
», прошептала Марѳа Игнатьевна и бросилась на
акимъ-то образомъ и нашла Григорія. Но нашла
на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ поверженъ, а ша-
адцать отъ забора. Потомъ оказалось, что, очнув-
олзъ, и вѣроятно ползъ долго, теряя по нѣсколько
вновь впадая въ безпамятство. Она тотчасъ за-
ь весь въ крови и тутъ ужь закричала благимъ
й-же лепеталъ тихо и безсвязно: «убилъ... отца.
ричишь, дура... бѣги, зови»... Но Марѳа Иг-
малась и все кричала и вдругъ, завидѣвъ, что у
окно и въ окнѣ свѣтъ, побѣжала къ нему и
едора Павловича. Но, взглянувъ въ окно, уви-
зрѣлище: баринъ лежалъ навзничь на полу, безъ
ый халатъ и бѣлая рубашка на груди были за-
свѣчка на столѣ ярко освѣщала кровь и неподъ-
лицо Ѳедора Павловича. Тутъ ужь въ послѣд-
аса Марѳа Игнатьевна бросилась отъ окна, вы-
а, отворила воротный запоръ и побѣжала, слома

голову, да, зады къ сосѣдкѣ Марьѣ Кондратьевнѣ. Обѣ
мать и дочь, тогда уже започивали, но на усиленный и
вый стукъ въ ставни и крики Маѳы Игнатьевны просн
подскочили къ окну. Маѳа Игнатьевна безсвязно, в
крича, передала, однако, главное и звала на помощь. Ка
въ эту ночь заночевалъ у нихъ скитающійся Ѳома. Миг
няли его и всѣ трое побѣжали на мѣсто преступленія.
Марья Кондратьевна успѣла припомнить, что давеча, в
томъ часу слышала страшный и пронзительный вопль
окрестность изъ ихъ сада—и это именно былъ, конеч
самый крикъ Григорія, когда онъ, вцѣпившись руками
сидѣвшаго уже на заборѣ Дмитрія Ѳедоровича, про
«Отцеубивецъ!» «Завопилъ кто-то одинъ и вдругъ пер
показывала, бѣжа, Марья Кондратьевна. Прибѣжавъ на
гдѣ лежалъ Григорій, обѣ женщины съ помощью Ѳом
несли его во флигель. Зажгли огонь и увидали, что Сме
все еще не унимается и бьется въ своей каморкѣ, скосил
а съ губъ его текла пѣна. Голову Григорія обмыли в
уксусомъ и отъ воды онъ совсѣмъ уже опамятовался и
спросилъ: «убитъ аль нѣтъ баринъ?» Обѣ женщины и
шли тогда къ барину и, войдя въ садъ, увидали на это
что не только окно, но и дверь изъ дома въ садъ сто
стежь отпертою, тогда какъ баринъ на-крѣпко запирал
съ вечера каждую ночь вотъ уже всю недѣлю и даже
ни подъ какимъ видомъ не позволялъ стучать къ себ
давъ отворенную эту дверь, всѣ они тотчасъ-же, обѣ ж
и Ѳома забоялись идти къ барину, «чтобы не вышло ч
томъ». А Григорій, когда воротились онѣ, велѣлъ тот
бѣжать къ самому исправнику. Тутъ-то Марья Кондра
побѣжала и всполошила всѣхъ у исправника. Прибытіе-м
Ильича упредила всего только пятью минутами, такъ ч
явился уже не съ однѣми своими догадками и заключе
какъ очевидный свидѣтель, еще болѣе разсказомъ своим
твердившій общую догадку о томъ, кто преступникъ (че
чемъ онъ въ глубинѣ душѣ, до самой этой послѣдней
все еще отказывался вѣрить).

Рѣшили дѣйствовать энергически. Помощнику городов
става тотчасъ-же поручили набрать штукъ до четырех
тыхъ и по всѣмъ правиламъ, которыхъ уже я здѣсь не оп
проникли въ домъ Ѳедора Павловича и слѣдствіе прои
мѣстѣ. Земскій врачъ, человѣкъ горячій и новый, сам

юсился сопровождать исправника, прокурора и слѣдователя. ѣчу лишь вкратцѣ: Ѳедоръ Павловичъ оказался убитымъ нѣ, съ проломленною головой, но чѣмъ? вѣроятнѣе всего -же самымъ оружіемъ, которымъ пораженъ былъ потомъ и орій. И вотъ какъ разъ отыскали и оружіе, выслушавъ отъ орія, которому подана была возможная медицинская помощь, ьно связный, хотя слабымъ и прерывающимся голосомъ пе-ный разсказъ о томъ, какъ онъ былъ поверженъ. Стали ть съ фонаремъ у забора и нашли брошенный прямо на са-ю дорожку, на самомъ виду, мѣдный пестикъ. Въ комнатѣ, въ рой лежалъ Ѳедоръ Павловичъ, никакого особеннаго безпо-а не замѣтили, но за ширмами, у кровати его, подняли съ большой, изъ толстой бумаги, канцелярскихъ размѣровъ ертъ съ надписью: «Гостинчикъ въ три тысячи рублей у моему Грушенькѣ, если захочетъ придти», а внизу было исано, вѣроятно, уже потомъ самимъ Ѳедоромъ Павловичемъ: ыпленочку». На конвертѣ были три большія печати крас-сургуча, но конвертъ былъ уже разорванъ и пустъ: деньги унесены. Нашли на полу и тоненькую розовую ленточку, юю былъ обвязанъ конвертъ. Въ показаніяхъ Петра Ильича, обстоятельство, между прочимъ, произвело чрезвычайное тлѣніе на прокурора и слѣдователя, а именно: догадка о что Дмитрій Ѳедоровичъ непремѣнно къ разсвѣту застрѣ-, что онъ самъ порѣшилъ это, самъ говорилъ объ этомъ Ильичу, пистолетъ зарядилъ при немъ, записочку написалъ, рманъ положилъ и проч., и проч. Когда же-де Петръ Ильичъ, це не хотѣвшій вѣрить ему, пригрозилъ, что онъ пойдетъ и нибудь разскажетъ, чтобы пресѣчь самоубійство, то самъ-де оскабляясь, отвѣтилъ ему: «не успѣешь». Стало быть, надо спѣшить на мѣсто, въ Мокрое, чтобы накрыть преступника е чѣмъ онъ, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ вздумалъ-бы за-ться. «Это ясно, это ясно!» повторялъ прокуроръ въ чрез-номъ возбужденіи, «это точь въ точь у подобныхъ сорван-такъ и дѣлается: завтра убью себя, а предъ смертью ку-. Исторія, какъ онъ забралъ въ лавкѣ вина и товару, только ячила еще больше прокурора. «Помните того парня, гос-что̀ убилъ купца Олсуфьева, ограбилъ на полторы тысячи часъ-же пошелъ, завился, а потомъ, не припрятавъ даже хо-ько денегъ, тоже почти въ рукахъ неся, отправился къ мъ». Задерживало, однако, всѣхъ слѣдствіе, обыскъ въ Ѳедора Павловича, формы и проч. Все это требовало вре-

мени, а потому и отправили часа за два прежде себя въ М
становаго Мавркія Мавркіевича Шмерцова, какъ разъ
нунѣ по утру прибывшаго въ городъ за жалованьемъ. Мав
Мавркіевичу дали инструкцію: прибывъ въ Мокрое и, не и
мая никакой тревоги, слѣдить за «преступникомъ» неус
до прибытія надлежащихъ властей, равно какъ изготовит
нятыхъ, сотскихъ и проч., и проч. Такъ Мавркій Мав
вичъ и поступилъ, сохранилъ incognito и лишь одного т
Трифона Борисовича, стараго своего знакомаго, отчасти ли
святилъ въ тайну дѣла. Время это именно совпадало съ
когда Митя встрѣтилъ въ темнотѣ на галерейкѣ розыс
шаго его хозяина, при чемъ тутъ-же замѣтилъ, что у Тр
Борисовича какая-то въ лицѣ и въ рѣчахъ вдругъ пер
Такимъ образомъ ни Митя и никто не знали, что за ними н
даютъ; ящикъ-же его съ пистолетами былъ давно уже
щенъ Трифономъ Борисовичемъ и припрятанъ въ укромное
И только уже въ пятомъ часу утра, почти на разсвѣтѣ,
было все начальство, исправникъ, прокуроръ и слѣдовате
двухъ экипажахъ и на двухъ тройкахъ. Докторъ-же оста
домѣ Ѳедора Павловича, имѣя въ предметѣ сдѣлать на
вскрытіе трупа убитаго, но, главное, заинтересовался имен
стояніемъ больнаго слуги Смердякова: «Такіе ожесточен
такіе длинные припадки падучей, повторяющіеся безпрерыв
теченіи двухъ сутокъ, рѣдко встрѣтишь и это признал
наукѣ», проговорилъ онъ въ возбужденіи отъѣзжавшимъ с
партнерамъ и тѣ его поздравили, смѣясь, съ находкой. Пр
прокуроръ и слѣдователь очень хорошо запомнили, что д
прибавилъ самымъ рѣшительнымъ тономъ, что Смердяк
утра не доживетъ.

Теперь, послѣ долгаго, но, кажется, необходимаго об
нія, мы возвратились именно къ тому моменту нашего ра
на которомъ остановили его въ предъидущей книгѣ.

III.

Хожденіе души по мытарствамъ. Мыта ство первое.

Итакъ Митя сидѣлъ и дикимъ взглядомъ озиралъ п
ствующихъ, не понимая что ему говорятъ. Вдругъ онъ под
вскинулъ вверхъ руки и громко прокричалъ:

Не повиненъ! Въ этой крови не повиненъ! Въ крови отца
з повиненъ... Хотѣлъ убить, но не повиненъ! Не я!
олько что онъ успѣлъ прокричать это, какъ изъ-за за-
ь выскочила Грушенька и такъ и рухнулась исправнику
ъ ноги.
Это я, я окаянная, я виновата! прокричала она раздир-
ь душу воплемъ, вся въ слезахъ, простирая ко всѣмъ
это изъ-за меня онъ убилъ! Это я его измучила и до
ела. Я и того старичка-покойничка бѣднаго измучила, со
оей, и до того довела! Я виноватая, я первая, я главная,
атая!
(а, ты виноватая! Ты главная преступница! Ты неистовая,
ватная, ты главная виноватая, завопилъ, грозя ей рукой,
къ, но тутъ ужь его быстро и рѣшительно уняли. Про-
даже обхватилъ его руками.
Это ужь совсѣмъ безпорядокъ будетъ, Михаилъ Макаро-
кричалъ онъ, — вы положительно мѣшаете слѣдствію...
ртите... почти задыхался онъ.
Мѣры принять, мѣры принять, мѣры принять! страшно за-
ся и Николай Парѳеновичъ,—иначе положительно невоз-

вмѣстѣ судите насъ! продолжала изступленно восклицать
ка, все еще на колѣняхъ,—вмѣстѣ казните насъ, пойду
теперь хоть на смертную казнь!
Груша, жизнь моя, кровь моя, святыня моя! бросился
я на колѣни и Митя и крѣпко сжалъ ее въ объятіяхъ.—
е ей,—кричалъ онъ,—не виновата она ни въ чемъ, ни въ
рови и ни въ чемъ!
помнилъ потомъ, что его оттащили отъ нея силой нѣ-
человѣкъ, а что ее вдругъ увели, и что опамятовался онъ
и за столомъ. Подлѣ и сзади него стояли люди съ бля-
.противъ него, черезъ столъ, на диванѣ сидѣлъ Николай
вичъ, судебный слѣдователь, и все уговаривалъ его отпить
явшаго на столѣ стакана немного воды: «Это освѣжитъ
о васъ успокоитъ, не бойтесь, не безпокойтесь», при-
онъ чрезвычайно вѣжливо. Митѣ-же вдругъ, онъ пом-
, ужасно любопытны стали его большіе перстни, одинъ
вый, а другой какой-то яркожелтый, прозрачный и та-
краснаго блеска. И долго еще онъ потомъ съ удивле-
поминалъ, что эти перстни привлекали его взглядъ не-
даже во все время этихъ страшныхъ часовъ допроса

такъ что они почему-то все не могъ отъ нихъ отвра
ихъ забыть, какъ совершенно неподходящую къ его по
вещь. Налѣво, сбоку отъ Мити, на мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ въ
вечера Максимовъ, усѣлся теперь прокуроръ, а по праву
Мити, на мѣстѣ гдѣ была тогда Грушенька, расположился
румяный, молодой человѣкъ, въ какомъ-то охотничьемъ к
пиджакѣ и весьма поношенномъ, предъ которымъ очутил
нальница и бумага. Оказалось, что это былъ письмоводите
дователя, котораго привезъ тотъ съ собою. Исправникъ-же
теперь у окна, въ другомъ концѣ комнаты, подлѣ Калган
торый тоже усѣлся на стулѣ у того-же окна.

— Выпейте воды! мягко повторилъ въ десятый разъ
ватель.

— Выпилъ, господа, выпилъ... но... что-жь, господа,
кажите, рѣшайте судьбу! воскликнулъ Митя со страшно
вижнымъ, выпучившимся взглядомъ на слѣдователя.

— Итакъ, вы положительно утверждаете, что въ смер
вашего, Ѳедора Павловича, вы не виновны? мягко, но нас
спросилъ слѣдователь.

— Невиновенъ! Виновенъ въ другой крови, въ кров
гаго старика, но не отца моего. И оплакиваю! Убилъ,
старика, убилъ и повергъ... Но тяжело отвѣчать за эту
другою кровью, страшною кровью, въ которой не пови
Страшное обвиненіе, господа, точно по лбу огорошили! К
же убилъ отца, кто-же убилъ? Кто-же могъ убить если
Чудо, нелѣпость, невозможность!..

— Да, вотъ кто могъ убить... началъ было слѣдовате
прокуроръ Ипполитъ Кириловичъ (товарищъ прокурора,
мы будемъ его называть для краткости прокуроромъ), н
нувшись со слѣдователемъ, произнесъ, обращаясь къ Ми

— Вы напрасно безпокойтесь за старика, слугу Григ
сильева. Узнайте, что онъ живъ, очнулся и, не смотря н
кіе побои, причиненные ему вами, по его и вашему тем
казанію, кажется, останется живъ несомнѣнно, по крайн
по отзыву доктора.

— Живъ? Такъ онъ живъ! завопилъ вдругъ Митя,
нувъ руками. Все лицо его просіяло,—Господи, благодар
за величайшее чудо, содѣянное Тобою мнѣ, грѣшному и
по молитвѣ моей!.. Да. да, это по молитвѣ моей, я моли
ночь!.. и онъ три раза перекрестился. Онъ почти задих

— Такъ вотъ отъ этого-то самаго Григорія мы и

значительныя показанія на вашъ счетъ, что... сталъ было
кать прокуроръ, но Митя вдругъ вскочилъ со стула.
Одну минуту, господа, ради Бога, одну лишь минутку;
ію къ ней...
Позвольте! Въ эту минуту никакъ нельзя! даже чуть
изгнулъ Николай Парѳеновичъ и тоже вскочилъ на ноги.
обхватили люди съ бляхами на груди, впрочемъ, онъ и
ылъ на стулъ...
Господа, какъ жаль! Я хотѣлъ къ ней на одно лишь
ie... хотѣлъ возвѣстить ей, что смыта, исчезла эта кровь,
всю ночь сосала мнѣ сердце, и что я уже не убійца!
ь, вѣдь она невѣста моя! восторженно и благоговѣйно про-
ъ онъ вдругъ, обводя всѣхъ глазами.—О, благодарю васъ,
! О, какъ вы возродили, какъ вы воскресили меня въ
новеніе!.. Этотъ старикъ—вѣдь онъ носилъ меня на ру-
господа, мылъ меня въ корытѣ, когда меня трехлѣтняго
всѣ покинули, былъ отцомъ роднымъ!..
Птакъ, вы... началъ было слѣдователь.
Позвольте, господа, позвольте еще одну минутку, пре-
Митя, поставивъ оба локтя на столъ и закрывъ лицо
и. — дайте-же чуточку сообразиться, дайте вздохнуть,
. Все это ужасно потрясаетъ, ужасно, не барабанная-же
человѣкъ, господа!
Вы-бы опять водицы... пролепеталъ Николай Парѳеновичъ.
я отнялъ отъ лица руки и разсмѣялся. Взглядъ его былъ
онъ весь какъ-бы измѣнился въ одно мгновеніе. Измѣ-
и весь тонъ его: это сидѣлъ уже опять равный всѣмъ
людямъ человѣкъ, всѣмъ этимъ прежнимъ знакомымъ его,
очно такъ какъ если-бы всѣ они сошлись вчера, когда
чего не случилось, гдѣ-нибудь въ свѣтскомъ обществѣ.
къ, однако, кстати, что у исправника Митя, въ началѣ
бытія къ намъ, былъ принятъ радушно, но потомъ, въ
ій мѣсяцъ особенно, Митя почти не посѣщалъ его, а
икъ, встрѣчаясь съ нимъ на улицѣ, напримѣръ, сильно
я и только лишь изъ вѣжливости отдавалъ поклонъ, что
орошо запримѣтилъ Митя. Съ прокуроромъ былъ знакомъ
аленнѣе, но къ супругѣ прокурора, нервной и фантастиче-
ѣ, иногда хаживалъ съ самыми почтительными, однако,
и, и даже самъ не совсѣмъ понимая, зачѣмъ къ ней хо-
она всегда ласково его принимала, почему-то интересуясь
амаго послѣдняго времени. Со слѣдователемъ-же познако-

миться еще не успѣлъ, но, однако, встрѣчалъ и его и дри
рилъ съ нимъ разъ или два, оба раза о женскомъ пол
— Вы, Николай Парѳенычъ, искуснѣйшій, какъ
слѣдователь, весело разсмѣялся вдругъ Митя, — но я и
перь самъ помогу. О, господа, я воскрешенъ... и не пре
на меня, что я такъ запросто и такъ прямо къ вамъ обр
Къ тому-же я немного пьянъ, я это вамъ скажу откров
кается, имѣлъ честь... честь и удовольствіе встрѣчать и
колай Парѳенычъ, у родственника моего Міусова... Госп
пода, я не претендую на равенство, я вѣдь понимаю-ж
такой теперь передъ вами сижу. На мнѣ лежитъ... если
показанія на меня далъ Григорій... то лежитъ,—о, конеч
лежитъ — страшное подозрѣніе! Ужасъ, ужасъ — я вѣд
маю-же это! Но къ дѣлу, господа, я готовъ и мы это в
мигъ теперь и покончимъ, потому что, послушайте, посл
господа. Вѣдь если я знаю, что я не виновенъ, то ужь,
въ одинъ мигъ покончимъ! Такъ-ли? Такъ-ли?

Митя говорилъ скоро и много, нервно и экспансивно
бы рѣшительно принимая своихъ слушателей за лучшихъ
своихъ.

— Итакъ, мы пока запишемъ, что вы отвергаете вз
на васъ обвиненіе радикально, внушительно проговорилъ
Парѳеновичъ и, повернувшись къ писарю, вполголоса п
валъ ему что̀ надо записать.

— Записывать? Вы хотите это записывать? Что̀-ж
сывайте, я согласенъ, даю полное мое согласіе, господа...
видите... Стойте, стойте, запишите такъ: «Въ буйствѣ
новенъ, въ тяжкихъ побояхъ, нанесенныхъ бѣдному стар
новенъ. Ну, тамъ еще про себя, внутри, въ глубинѣ серд
виновенъ,—но это ужь не надо писать (повернулся он
къ писарю) это уже моя частная жизнь, господа, это у
не касается, эти глубины-то сердца, то есть... Но въ
старика отца—не виновенъ! Это дикая мысль! Это сов
дикая мысль!.. Я вамъ докажу и вы убѣдитесь мгновен
будете смѣяться, господа, сами будете хохотать надъ
подозрѣніемъ!..

— Успокойтесь, Дмитрій Ѳедоровичъ, напомнилъ слѣд
какъ-бы видимо желая побѣдить изступленнаго своимъ
ствіемъ.—Прежде чѣмъ будемъ продолжать допросъ, я
лалъ, если вы только согласитесь отвѣтить, слышать от
подтвержденіе того факта, что, кажется, вы не любили

) Ѳедора Павловича, были съ нимъ въ какой-то постоянной
ѣ... Здѣсь, по крайней мѣрѣ, четверть часа назадъ, вы, ка-
ся, изволили произнести, что даже хотѣли убить его: «Не
ъ, воскликнули вы, но хотѣлъ убить!»
— Я это воскликнулъ? Охъ, это можетъ быть, господа! Да,
есчастію, я хотѣлъ убить его, много разъ хотѣлъ... къ не-
тію, къ несчастію!
— Хотѣли. Не согласитесь-ли вы объяснить, какіе собственно
ципы руководствовали васъ въ такой ненависти къ лично-
вашего родителя?
— Что-жь объяснять, господа! угрюмо вскинулъ плечами
я, потупясь.—Я вѣдь не скрывалъ моихъ чувствъ, весь го-
, объ этомъ знаетъ,—знаютъ всѣ въ трактирѣ. Еще недавно
монастырѣ заявилъ въ кельѣ старца Зосимы... Въ тотъ-же
, вечеромъ, билъ и чуть не убилъ отца и поклялся, что
ъ приду и убью, при свидѣтеляхъ... О, тысяча свидѣтелей!
мѣсяцъ кричалъ, всѣ свидѣтели!.. Фактъ на лицо, фактъ
ритъ, кричитъ, но—чувства, господа, чувства, это ужь дру-
Видите, господа (нахмурился Митя), мнѣ кажется, что про
тва вы не имѣете права меня спрашивать. Вы хоть и обле-
, я понимаю это, но это дѣло мое, мое внутреннее дѣло.
мное, но... такъ какъ я ужь не скрывалъ моихъ чувствъ
де... въ трактирѣ, напримѣръ, и говорилъ всѣмъ и каждому,
то не сдѣлаю и теперь изъ этого тайны. Видите, господа,
дь понимаю, что въ этомъ случаѣ на меня улики страшныя:
ъ говорилъ, что его убью, а вдругъ его и убили: какъ-же
въ такомъ случаѣ? Ха-ха! Я васъ извиняю, господа, вполнѣ
няю. Я вѣдь и самъ пораженъ до эпидермы, потому что
ь его убилъ, наконецъ, въ такомъ случаѣ. если не я? Вѣдь
правда-ли? Если не я, такъ кто-же, кто-же? Господа,—вдругъ
икнулъ, онъ,—я хочу знать, я даже требую отъ васъ,
да: гдѣ онъ убитъ? Какъ онъ убитъ, чѣмъ и какъ? Ска-
мнѣ, быстро спросилъ онъ, обводя прокурора и слѣдователя
ми.
— Мы нашли его лежащимъ на полу, навзничь, въ своемъ
етѣ, съ проломленною головой, проговорилъ прокуроръ.
— Страшно, это господа! вздрогнулъ вдругъ Митя и, обло-
вшись на столъ, закрылъ лицо правою рукой.
— Мы будемъ продолжать, прервалъ Николай Парѳеновичъ.—
ь, что-же тогда руководило васъ въ вашихъ чувствахъ не-
сти? Вы, кажется, заявляли публично, что чувство ревности?

— Ну да, ревность, и не одна только ревность.

— Споры изъ за денегъ?

— Ну да, и изъ-за денегъ.

— Кажется, споръ былъ въ трехъ тысячахъ, [illegible] данныхъ вамъ по наслѣдству.

— Какое трехъ! Больше, больше, вскинулся Митя, [illegible] шести, больше десяти, можетъ быть. Я всѣмъ говорилъ, [illegible] кричалъ! Но я рѣшился ужь, такъ и быть, поиграться [illegible] тысячахъ. Мнѣ до зарѣзу нужны были эти три тысячи, [illegible] что тотъ пакетъ съ тремя тысячами, который, я зналъ, [illegible] подъ подушкой, приготовленный для Грушеньки, я считал [illegible] нительно какъ-бы у меня украденнымъ, вотъ что, госпо [illegible] талъ своимъ, все равно какъ моею собственностью...

Прокуроръ значительно переглянулся со слѣдователе успѣлъ незамѣтно мигнуть ему.

— Мы къ этому предмету еще возвратимся, прого тотчасъ слѣдователь,—вы-же позволите намъ теперь отм записать именно этотъ пунктикъ: что вы считали эти день томъ конвертѣ, какъ-бы за свою собственность.

— Пишите, господа, я вѣдь понимаю-же, что это опят на меня улика, но я не боюсь уликъ и самъ говорю на Слышите, самъ! Видите, господа, вы, кажется, принимаете совсѣмъ за иного человѣка, чѣмъ я есть, прибавилъ онъ мрачно и грустно. — Съ вами говоритъ благородный чел благороднѣйшее лицо, главное—этого не упускайте изъ в человѣкъ надѣлавшій бездну подлостей, но всегда бывшій н навшійся благороднѣйшимъ существомъ, какъ существо. и въ глубинѣ, ну, однимъ словомъ, я не умѣю выразиться... Н тѣмъ-то и мучился всю жизнь, что жаждалъ благородства, такъ сказать, страдальцемъ благородства и искателемъ фонаремъ, съ Діогеновымъ фонаремъ, а между тѣмъ всю дѣлалъ однѣ только пакости, какъ и всѣ мы, господа... то какъ я одинъ, господа, не всѣ, а я одинъ, я ошибся, одинъ!.. Господа, у меня голова болитъ,—страдальчески щился онъ,—видите, господа, мнѣ не нравилась его наруж что-то безчестное, похвальба и попираніе всякой святын смѣшка и безвѣріе, гадко, гадко! Но теперь, когда ужа умеръ, я думаю иначе.

Какъ это иначе?

Не иначе, но я жалѣю, что такъ его ненавидѣлъ.

Чувствуете раскаяніе?

— Нѣтъ, не то чтобы раскаяніе, этого не записывайте. Самъ-то нехорошъ, господа, вотъ что, самъ-то я не очень красивъ, потому права не имѣлъ и его считать отвратительнымъ, вотъ Это, пожалуй, запишите.

Проговоривъ это, Митя сталъ вдругъ чрезвычайно грустенъ. давно, постепенно съ отвѣтами на вопросы слѣдователя, становился все мрачнѣе и мрачнѣе. И вдругъ какъ разъ это мгновеніе разразилась опять неожиданная сцена. Дѣло томъ, что Грушеньку хоть давеча и удалили, но увели не ень далеко, всего только въ третью комнату отъ той голубой наты, въ которой происходилъ теперь допросъ. Это была ленькая комнатка въ одно окно, сейчасъ за тою большою натой, въ которой ночью танцовали и шелъ пиръ горой. ъ сидѣла она, а съ ней пока одинъ только Максимовъ, сно пораженный, ужасно струсившій и къ ней прилѣпив-ся, какъ-бы ища около нея спасенія. У нихней двери стоялъ кой-то мужикъ съ бляхой на груди. Грушенька плакала, и къ вдругъ, когда горе ужь слишкомъ подступило къ душѣ ея. вскочила, всплеснула руками и, прокричавъ громкимъ воп-ъ: «горе мое, горе!» бросилась вонъ изъ комнаты къ нему, своему Митѣ, и такъ неожиданно, что ее никто не успѣлъ новить. Митя-же, заслышавъ вопль ея, такъ и задрожалъ, чилъ, завопилъ и стремглавъ бросился къ ней на встрѣчу, ъ-бы не помня себя. Но имъ опять сойдтись не дали, хотя уже увидѣли другъ друга. Его крѣпко схватили за руки: бился, рвался, понадобилось троихъ или четверыхъ, чтобы жать его. Схватили и ее и онъ видѣлъ какъ она съ крикомъ стирала къ нему руки, когда ее увлекали. Когда кончилась на, онъ опомнился опять на прежнемъ мѣстѣ, за столомъ, тивъ слѣдователя, и выкрикивалъ, обращаясь къ нимъ:

— Что вамъ въ ней? Зачѣмъ вы ее мучаете? Она невинна, инна!..

Его уговаривали прокуроръ и слѣдователь. Такъ прошло которое время, минутъ десять: наконецъ, въ комнату поспѣшно шелъ отлучившійся было Михаилъ Макаровичъ, и громко, въ бужденіи, проговорилъ прокурору:

— Она удалена, она внизу, не позволите-ли мнѣ сказать, ода, всего одно слово этому несчастному человѣку? При васъ, ода, при васъ!

— Сдѣлайте милость, Михаилъ Макаровичъ, отвѣтилъ слѣдова-ь, —въ настоящемъ случаѣ мы не имѣемъ ничего сказать противъ.

— Дмитрій Ѳедоровичъ, слушай, батюшка, началъ
шаясь къ Митѣ, Михаилъ Макаровичъ, и все взволн
лицо его выражало горячее отеческое почти сострадані
счастному,—я твою Аграфену Александровну отвелъ вни
и передалъ хозяйскимъ дочерямъ и съ ней тамъ теп
отлично этотъ старичокъ Максимовъ, и я ее уговорилъ,
ты? уговорилъ и успокоилъ, внушилъ, что тебѣ надо-же
даться, такъ чтобъ она не мѣшала, чтобъ не нагоняла
тоски, не то ты можешь смутиться и на себя неправильн
зать, понимаешь? Ну, однимъ словомъ, говорилъ и она
Она, братъ, умница, она добрая, она руки у меня стар
лѣла было цѣловать, за тебя просила. Сама послала ме
сказать тебѣ, чтобъ ты за нее былъ спокоенъ, да и надо,
чикъ, надо, чтобъ я пошелъ и сказалъ ей, что ты спок
за нее утѣшенъ. И такъ успокойся, пойми ты это. Я пре
виноватъ, она христіанская душа, да, господа, это кротка
и ни въ чемъ неповинная. Такъ какъ-же ей сказать,
Ѳедоровичъ, будешь сидѣть спокоенъ аль нѣтъ?

Добрякъ наговорилъ много лишняго, но горе Гру
горе человѣческое, проникло въ его добрую душу и даж
стояли на глазахъ его. Митя вскочилъ и бросился къ н

— Простите, господа, позвольте, о позвольте! вс
онъ,—ангельская, ангельская вы душа, Михаилъ Мака
благодарю за нее! Буду, буду спокоенъ, веселъ буду, пе
ей по безмѣрной добротѣ души вашей, что я веселъ,
сиѣяться даже начну сейчасъ, зная, что съ ней такой
хранитель, какъ вы. Сейчасъ все покончу и только что
жусь, сейчасъ и къ ней, она увидитъ, пусть ждетъ! Гос
оборотился онъ вдругъ къ прокурору и слѣдователю,—
всю вамъ душу мою открою, всю изолью, мы это мигомъ
чимъ, весело покончимъ—подъ конецъ вѣдь будемъ-же см
будемъ? Но, господа, эта женщина—царица души моей!
вольте мнѣ это сказать, это-то я ужь вамъ открою...
вижу-же, что я съ благороднѣйшими людьми: это сви
святыня моя, и если-бъ вы только знали! Слышали см
«съ тобой хоть на казнь!» А что я ей далъ, я, нищій,
за что такая любовь ко мнѣ, стою-ли я, неуклюжая, по
тварь и съ позорнымъ лицомъ, такой любви, чтобъ со мно
каторгу идти? За меня въ ногахъ у васъ давеча валялас
гордая и ни въ чемъ неповинная! Какъ-же мнѣ не обои

ть, не стремиться къ ней, какъ сейчасъ? О, господа,
! Но теперь, теперь я утѣшенъ!
нъ упалъ на стулъ и, закрывъ обѣими ладонями лицо,
ъ заплакалъ. Но это были уже счастливыя слезы. Онъ
опомнился. Старикъ исправникъ былъ очень доволенъ,
ется, и юристы тоже: они почувствовали, что допросъ
ь сейчасъ въ новый фазисъ. Проводивъ исправника,
росто повеселѣлъ.
Ну, господа, теперь вашъ, вашъ вполнѣ. И... Если-бъ
не всѣ эти мелочи, то мы-бы сейчасъ-же и сговорились.
про мелочи. Я вашъ, господа, но, клянусь, нужно взаим-
ріе,—ваше ко мнѣ и мое къ вамъ,—иначе мы никогда
нчимъ. Для васъ-же говорю. Къ дѣлу, господа, къ дѣлу,
ное, не ройтесь вы такъ въ душѣ моей, не терзайте ее
ми, а спрашивайте одно только дѣло и факты, и я васъ
-же удовлетворю. А мелочи къ чорту!
ъ восклицалъ Митя. Допросъ начался вновь.

IV.

Мытарство второе.

Вы не повѣрите, какъ вы насъ самихъ ободряете, Дмитрій
ичъ, вашею этою готовностью... — заговорилъ Николай
вичъ, съ оживленнымъ видомъ и съ видимымъ удоволь-
засіявшимъ въ большихъ свѣтлосѣрыхъ на выкатѣ,
лизорукихъ, впрочемъ, глазахъ его, съ которыхъ онъ, за
передъ тѣмъ, снялъ очки.—И вы справедливо сейчасъ
и на счетъ этой взаимной нашей довѣренности, безъ ко-
огда даже и невозможно въ подобной важности, дѣлахъ
случаѣ и смыслѣ, если подозрѣваемое лицо дѣйствительно
, надѣется и можетъ оправдать себя. Съ нашей стороны
ребимъ все, что отъ насъ зависитъ, и вы сами могли
даже и теперь какъ мы ведемъ это дѣло... Вы одобряете,
ъ Кирилловичъ?—обратился онъ вдругъ къ прокурору.
), безъ сомнѣнія, одобрилъ прокуроръ, хотя и нѣсколько
сравнительно съ порывомъ Николая Парѳеновича.
ічу разъ навсегда: новоприбывшій къ намъ Николай Пар-
ь, съ самаго начала своего у насъ поприща, почувство-
нашему Ипполиту Кирилловичу, прокурору, необыкно-

всякое уваженіе, и почти сердцемъ сошелся съ нимъ. Это бы
почти единственный человѣкъ, который безусловно повѣрилъ
необычайный психологическій и ораторскій талантъ нашего «
женнаго по службѣ» Ипполита Кирилловича и вполнѣ вѣрил
въ то, что тотъ обиженъ. О немъ слышалъ онъ еще въ Пе
бургѣ. Зато, въ свою очередь, молоденькій Николай Парѳенов
оказался единственнымъ тоже человѣкомъ въ цѣломъ мірѣ, к
раго искренно полюбилъ нашъ «обиженный» прокуроръ. Дор
сюда они успѣли кой въ чемъ сговориться и условиться на с
предстоящаго дѣла и теперь, за столомъ, востренькій умъ Ник
Парѳеновича схватывалъ на лету и понималъ всякое указа
всякое движеніе въ лицѣ своего старшаго сотоварища, съ по
слова, со взгляда, съ подмига глазкомъ.

— Господа, предоставьте мнѣ только самому разсказать
не перебивайте пустяками, и я вамъ мигомъ все изложу,—
пятился Митя.

— Прекрасно-съ. Благодарю васъ. Но прежде чѣмъ пер
демъ къ выслушанію вашего сообщенія, вы-бы позволили м
только констатировать еще одинъ фактикъ, для насъ очень
бопытный, именно о тѣхъ десяти рубляхъ, которые вы вы
около пяти часовъ, взяли взаймы подъ закладъ пистолет
вашихъ у пріятеля вашего Петра Ильича Перхотина.

— Заложилъ, господа, заложилъ, за десять рублей, и что
дальше? Вотъ и все, какъ только воротился въ городъ съ
роги, такъ и заложилъ.

— А вы воротились съ дороги? Вы ѣздили за городъ?

— Ѣздилъ, господа, за сорокъ верстъ ѣздилъ, а вы и
знали?

Прокуроръ и Николай Парѳеновичъ переглянулись.

— И вообще, если-бы вы начали вашу повѣсть со систе
тическаго описанія всего вашего вчерашняго дня съ самаго ут
Позвольте, напримѣръ, узнать: зачѣмъ вы отлучались изъ гор
и когда именно уѣхали и пріѣхали... и всѣ эти факты...

— Такъ вы-бы такъ и спросили съ самаго начала, гро
разсмѣялся Митя, — и если хотите, то дѣло надо начать не
вчерашняго, а съ третьегодняшняго дня, съ самаго утра, то
и поймете куда, какъ и почему я пошелъ и поѣхалъ. Пошелъ
господа, третьяго дня утромъ къ здѣшнему купчинѣ Самсон
занимать у него три тысячи денегъ подъ вѣрнѣйшее об
ніе,—это вдругъ приспичило, господа, вдругъ приспичил

— Позвольте прервать васъ, вѣжливо перебилъ проку

у вамъ такъ вдругъ понадобилась, и именно такая сумма, ъ въ три тысячи рублей?

Э, господа, не надо-бы мелочи: какъ, когда и почему, и именно денегъ столько, а не столько, и вся эта гамазня... этакъ въ трехъ томахъ не упишешь, да еще эпилогъ по-тся!

е это проговорилъ Митя съ добродушною, но нетерпѣливою ьярностью человѣка, желающаго сказать всю истину и еннаго самыми добрыми намѣреніями.

Господа, какъ-бы спохватился онъ вдругъ, — вы на меня пщите за мою брыкливость, опять прошу: повѣрьте еще что, я чувствую полную попечительность и понимаю настоложеніе дѣла. Не думайте, что я пьянъ. Я ужь теперь ился. Да и что пьянъ не мѣшало-бы вовсе. У меня вѣдь

Отрезвѣлъ, поумнѣлъ—сталъ глупъ,
Напился, оглупѣлъ—сталъ уменъ.

! А, впрочемъ, я вижу, господа, что мнѣ пока еще неприострить передъ вами, пока то есть не объяснимся. Позвольте сти и собственное достоинство. Понимаю-же я теперешнюю ду: вѣдь я всетаки предъ вами преступникъ сижу, вамъ, быть, въ высшей степени не ровня, а вамъ поручено меня дать: не погладите-же вы меня по головкѣ за Григорія, -же въ самомъ дѣлѣ безнаказанно головы ломать старикамъ, прячете-же вы меня за него по суду, ну на полгода, ну на зъ смирительный, не знаю какъ тамъ у васъ присудятъ, безъ лишенія правъ, вѣдь безъ лишенія правъ, прокуроръ? къ вотъ, господа, понимаю-же я это различіе... Но согласи въ томъ, что вѣдь вы можете самого Бога сбить съ такими вопросами: гдѣ ступилъ, какъ ступилъ, когда ступи во что̀ ступилъ? Вѣдь я собьюсь если такъ, а вы сейыко въ строку и запишите, и что̀-жь выйдетъ? Ничего не гъ! Да, наконецъ, если ужь я началъ теперь врать, то и у, а вы, господа, какъ высшаго образованія и благороде люди, меня простите. Именно закончу просьбой: разучивы, господа, этой казенщинѣ допроса, то есть сперва-де, -ли, начинай съ чего-нибудь мизернаго, съ ничтожнаго: дескать, всталъ, что̀ съѣлъ, какъ плюнулъ, куда плюнулъ, ивъ вниманіе преступника», вдругъ накрывай его ошеющимъ вопросомъ: «кого убилъ, кого обокралъ?» Ха-ха! вотъ ваша казенщина, это вѣдь у васъ правило, вотъ на

чемъ вся ваша хитрость-то зиждется! Да вѣдь это вам
усыпляйте подобными хитростями, а не меня. Я вѣдь
дѣло, самъ служилъ, ха-ха-ха! Не сердитесь, господа,
дерзость? вскинулъ онъ, смотря на нихъ съ удивительны
добродушіемъ. — Вѣдь Митька Карамазовъ сказалъ, что
можно и извинить, потому, умному человѣку не извинит
Митькѣ извинительно! Ха-ха!

Николай Парѳеновичъ слушалъ и тоже смѣялся. Пр
хоть и не смѣялся, но зорко, не спуская глазъ, глядѣ
Митю, какъ-бы не желая упустить ни малѣйшаго слов
малѣйшаго движенія его, ни малѣйшаго сотрясенія и
черточки въ лицѣ его.

— Мы, однако, такъ и начали съ вами первоначал
звался, все продолжая смѣяться, Николай Парѳеновичъ,-
стали сбивать васъ вопросами: какъ вы встали поутр
скушали, а начали даже со слишкомъ существеннаго.

— Понимаю, понялъ и оцѣнилъ, и еще болѣе цѣню
щую вашу доброту со мной, безпримѣрную, достойную б
нѣйшихъ душъ. Мы тутъ трое сошлись люди благор
нусть все у насъ такъ и будетъ на взаимномъ довѣріи
ванныхъ и свѣтскихъ людей, связанныхъ дворянствомъ и
Во всякомъ случаѣ позвольте мнѣ считать васъ за лучши
зей моихъ въ эту минуту жизни моей, въ эту минуту у
чести моей! Вѣдь не обидно это вамъ, господа, не обида

— Напротивъ, вы все это такъ прекрасно выразили,
Ѳедоровичъ, важно и одобрительно согласился Николай
новичъ.

— А мелочи, господа, всѣ эти крючкотворныя мелочи
восторженно воскликнулъ Митя, — а то это просто выйдет
знаетъ что, вѣдь не правда-ли?

— Вполнѣ послѣдую вашимъ благоразумнымъ совѣтам
зался вдругъ прокуроръ, обращаясь къ Митѣ, — но отъ
моего, однако, не откажусь. Намъ слишкомъ существенн
ходимо узнать, для чего именно вамъ понадобилась такая
то есть именно въ три тысячи?

— Для чего понадобилась? Ну, для того, для се
долгъ отдать.

— Кому именно?

— Это положительно отказываюсь сказать, господа!
не потому чтобъ не могъ сказать, или не смѣлъ, или от
потому что все это плевое дѣло и совершенные пустя

кому не скажу, что тутъ принципъ: это моя частная жизнь и не позволю вторгаться въ мою частную жизнь. Вотъ мой принципъ. Вашъ вопросъ до дѣла не относится, а все что до дѣла относится есть моя частная жизнь! Долгъ хотѣлъ отдать, честь хотѣлъ отдать, а кому—не скажу.

— Позвольте намъ записать это, сказалъ прокуроръ.

— Сдѣлайте одолженіе. Такъ и записывайте: что не скажу не скажу. Пишите, господа, что считаю даже безчестнымъ это сказать. Экъ у васъ времени-то много записывать!

— Позвольте васъ, милостивый государь, предупредить и еще разъ вамъ напомнить, если вы только не знали того, съ особенною и весьма строгимъ внушеніемъ проговорилъ прокуроръ,— что вы имѣете полное право не отвѣчать на предлагаемые вамъ теперь вопросы, а мы обратно, никакого не имѣетъ права выпытать у васъ отвѣты, если вы сами уклоняетесь отвѣчать по той или другой причинѣ. Это дѣло личнаго соображенія вашего. Но наше дѣло состоитъ опять-таки въ томъ, чтобы вамъ въ полномъ теперешнемъ случаѣ представить на видъ и разъяснить вамъ ту степень вреда, который вы сами-же себѣ производите, показываясь дать то или другое показаніе. Затѣмъ прошу продолжать.

— Господа, я вѣдь не сержусь... я... забормоталъ было Митя, нѣсколько сконфуженный внушеніемъ,—вотъ-съ, видите, господа, что самый Самсоновъ, къ которому я тогда пошелъ...

Мы, конечно, не станемъ приводить разсказъ его въ подробности о томъ, что уже извѣстно читателю. Разскащикъ нетерпѣливо хотѣлъ разсказать все до малѣйшей черточки и въ тоже время чтобы вышло поскорѣй. Но по мѣрѣ показаній ихъ записывали, а, стало быть, необходимо его останавливали. Дмитрій Ѳоровичъ осуждалъ это, но подчинялся, сердился, но пока еще добродушно. Правда, вскрикивалъ иногда: «господа, это самого господа Бога взбѣситъ» или: «господа, знаете-ли вы, что вы только напрасно меня раздражаете?» но все еще, восклицая это, видно его дружески экспансивнаго настроенія пока не измѣнялъ. Такимъ образомъ онъ разсказалъ какъ «надулъ» его третьяго дня Самсоновъ. (Онъ уже догадывался теперь вполнѣ, что онъ тогда надули). Продажа часовъ за шесть рублей, чтобы имѣть на дорогу денегъ, совсѣмъ еще неизвѣстная слѣдователю и прокурору, возбудила тотчасъ-же все чрезвычайное ихъ вниманіе и уже къ безмѣрному негодованію Мити: нашли нужнымъ фактъ этотъ въ подробности записать, въ виду вторич-

[illegible] пунктъ за Грушенькой
[illegible] Марьи Кондратьевн
[illegible] Смердяковъ: это очен
[illegible] своей говорилъ онъ горя
[illegible] того, что выставля
[illegible] сказать, на «всеобщій
[illegible] чтобы быть правдив
[illegible] пристально на него
[illegible] слѣдователя и особенно про
[illegible] сильно: «Этотъ мальчи
[illegible] я еще всего только нѣс
[illegible] про женщинъ, и этотъ бо
[illegible] я имъ это разсказывалъ
[illegible] «позоръ!» Терпи, смир
[illegible] думу стихомъ, но опять
[illegible] продолжать далѣе. Перейдя къ ра
[illegible] развеселился и даже хотѣ
[illegible] особый недавній анек
[illegible] но слѣдователь остановилъ
[illegible] «къ болѣе существенному»
[illegible] и разсказавъ о той минут
[illegible], онъ даже подумалъ «скорѣе з
[illegible] три тысячи», его вновь остан
[illegible] записали. Митя безмо
[illegible] дошло до той точки въ

ьшой портфель, лежавшій подлѣ него на диванѣ, вынулъ изъ го мѣдный пестикъ.

— Знакомъ вамъ этотъ предметъ? показалъ онъ его Митѣ.

— Ахъ, да! мрачно усмѣхнулся онъ, — какъ не знакомъ! Дте-ка посмотрѣть... А, чортъ, не надо!

— Вы о немъ упомянуть забыли, замѣтилъ слѣдователь.

— А, чортъ! Не скрылъ-бы отъ васъ, небось безъ него-бы обошлось, какъ вы думаете? Изъ памяти только вылетѣло.

— Благоволите-же разсказать обстоятельно, какъ вы имъ оружились.

— Извольте, благоволю, господа.

И Митя разсказалъ, какъ онъ взялъ пестикъ и побѣжалъ.

— Но какую-же цѣль имѣли вы въ предметѣ, вооружаясь имъ орудіемъ?

— Какую цѣль? Никакой цѣли! Захватилъ и побѣжалъ.

— Зачѣмъ-же, если безъ цѣли?

Въ Митѣ кипѣла досада. Онъ пристально посмотрѣлъ на «мальчика» и мрачно и злобно усмѣхнулся. Дѣло въ томъ, что у все стыднѣе и стыднѣе становилось за то, что онъ сейчасъ къ искренно и съ такими изліяніями разсказалъ «такимъ людямъ» исторію своей ревности.

— Наплевать на пестикъ! вырвалось вдругъ у него.

— Однако-же-съ.

— Ну, отъ собакъ схватилъ. Ну, темнота... Ну, на всякій случай.

— А прежде вы тоже брали, выходя ночью со двора, какое-нибудь оружіе. если боялись такъ темноты?

— Э, чортъ, тьфу! Господа, съ вами буквально нельзя говорить! вскрикнулъ Митя въ послѣдней степени раздраженія и, обернувшись къ писарю, весь покраснѣвъ отъ злобы, съ какою-то изступленною ноткой въ голосѣ, быстро проговорилъ ему:

— Запиши сейчасъ... сейчасъ... «что схватилъ съ собой пестикъ, чтобы бѣжать убить отца моего... Ѳедора Павловича... прямо по головѣ!» Ну, довольны-ли вы теперь, господа? Отвели душу? проговорилъ онъ, уставясь съ вызовомъ на слѣдователя и прокурора.

— Мы слишкомъ понимаемъ, что подобное показаніе вы дали сейчасъ въ раздраженіи на насъ и въ досадѣ на вопросы, которые мы вамъ представляемъ, которые вы считаете мелочными и которые въ сущности весьма существенны, сухо проговорилъ ему въ отвѣтъ прокуроръ.

— Да помилуйте-же, господа! Ну, взялъ пестикъ... Ну, ч чего берутъ въ такихъ случаяхъ, что нибудь въ руку? Я знаю для чего. Схватилъ и побѣжалъ. Вотъ и все. Спи господа, passons, а то, клянусь, я перестану разсказывать!

Онъ облокотился на столъ и подперъ рукой голову. сидѣлъ къ нимъ бокомъ и смотрѣлъ на стѣну, пересиливая себѣ дурное чувство. Въ самомъ дѣлѣ, ему ужасно какъ лось встать и объявить, что болѣе не скажетъ ни слова, «ведите на смертную казнь».

— Видите, господа, проговорилъ онъ вдругъ, съ труд пересиливая себя,—видите. Слушаю я васъ и мнѣ мерещит я, видите, вижу иногда во снѣ одинъ сонъ... одинъ такой с и онъ мнѣ часто снится, повторяется, что кто-то за мной нится, кто-то такой, котораго я ужасно боюсь, гонится въ нотѣ, ночью, ищетъ меня, а я прячусь куда-нибудь отъ за дверь, или за шкапъ, прячусь унизительно, а главное, ему отлично извѣстно, куда я отъ него спрятался, но что будто-бы нарочно притворяется, что не знаетъ гдѣ я с чтобы дольше промучить меня, чтобы страхомъ моимъ на диться... Вотъ это и вы теперь дѣлаете! На то похоже!

— Это вы такіе видите сны? освѣдомился прокуроръ.

— Да, такіе вижу сны... А вы ужь не хотите-ли запис криво усмѣхнулся Митя.

— Нѣтъ-съ, не записать, но все-же любопытные у васъ с

— Теперь ужь не сонъ! Реализмъ, господа, реализмъ ствительной жизни! Я волкъ, а вы охотники, ну и тра волка.

— Вы напрасно взяли такое сравненіе... началъ было вычайно мягко Николай Парѳеновичъ.

— Не напрасно, господа, не напрасно! вскипѣлъ опять хотя и видимо облегчивъ душу выходкой внезапнаго гнѣва, чалъ уже опять добрѣть съ каждымъ словомъ:—Вы можете вѣрить преступнику или подсудимому, истязуемому вашими просами, но благороднѣйшему человѣку, господа, благород шимъ порывамъ души (смѣло это кричу!) — нѣтъ! Этому нельзя не вѣрить... права даже не имѣете... но—

молчи сердце,
Терпи, смиряйся и молчи!

Ну, что-же, продолжать? мрачно оборвалъ онъ.

— Какже, сдѣлайте одолженіе, отвѣтилъ Николай новичъ.

V.

Третье мытарство.

Митя хоть и заговорилъ сурово, но видимо еще болѣе сталъ стараться не забыть и не упустить ни одной черточки изъ показаннаго. Онъ разсказалъ, какъ онъ перескочилъ черезъ заборъ въ садъ отца, какъ шелъ до окна и обо всемъ, наконецъ, что было подъ окномъ. Ясно, точно, какъ-бы отчеканивая, говорилъ онъ о чувствахъ, волновавшихъ его въ тѣ мгновенія въ саду, когда ему такъ ужасно хотѣлось узнать: у отца-ли Грушенька или нѣтъ? Но, странно это: и прокуроръ, и слѣдователь слушали на этотъ разъ какъ-то ужасно сдержанно, смотрѣли сухо, вопросовъ дѣлали гораздо меньше. Митя ничего не могъ заключить по ихъ лицамъ. «Разсердились и обидѣлись, подумалъ онъ, ну и чортъ!» Когда-же разсказалъ, какъ онъ рѣшился, наконецъ, дать отцу *знакъ*, что пришла Грушенька и чтобы тотъ открылъ окно, то прокуроръ и слѣдователь совсѣмъ не обратили вниманіе на слово «знакъ», какъ-бы не понявъ вовсе, какое значеніе имѣетъ тутъ это слово, такъ что Митя это даже разсѣрдился. Дойдя, наконецъ, до того мгновенія, когда, увидѣвъ мелькнувшагося изъ окна отца, онъ вскипѣлъ ненавистью и вынулъ изъ кармана пестикъ, онъ вдругъ какъ-бы нарочно остановился. Онъ сидѣлъ и глядѣлъ въ стѣну и зналъ, что тѣ такъ впились въ него глазами.

— Ну-съ, сказалъ слѣдователь, — вы выхватили оружіе и... что-же произошло затѣмъ?

— Затѣмъ? А затѣмъ убилъ... хватилъ его въ темя и разсадилъ ему черепъ... Вѣдь, такъ, по вашему, такъ! засверкалъ вдругъ глазами. Весь потухшій было гнѣвъ его вдругъ поднялся въ его душѣ съ необычайною силой.

— По нашему, переговорилъ Николай Парѳеновичъ,—ну, а по вашему?

Митя опустилъ глаза и долго молчалъ.

— По моему, господа, по моему, вотъ какъ было, тихо заговорилъ онъ:—слезы-ли чьи, мать-ли моя умолила Бога, духъ-ли свѣтлый облобызалъ меня въ то мгновеніе — не знаю, но врагъ былъ побѣжденъ. Я бросился отъ окна и побѣжалъ къ забору... Отецъ испугался, и въ первый разъ тутъ меня разсмотрѣлъ, вскрикнулъ и отскочилъ отъ окна,—я это очень помню.

...черезъ садъ къ забору... вотъ тутъ-то и настигъ меня ... когда уже я сидѣлъ на заборѣ...

Тутъ онъ поднялъ, наконецъ, глаза на слушателей. Тѣ, ... съ совершенно безмятежнымъ вниманіемъ глядѣли на ... ...-то судорога негодованія прошла въ душѣ Мити.

— А вѣдь вы, господа, въ эту минуту надо мной насм... ...! прервалъ онъ вдругъ.

— Почему вы такъ заключаете? замѣтилъ Николай П... ...

— Ни одному слову не вѣрите, вотъ почему! Вѣдь пони... ...же я, что до главной точки дошелъ: старикъ теперь там... ...жилъ съ проломленною головой, а я—трагически описавъ, ...хотѣлъ убить и какъ уже пестикъ выхватилъ, я вдругъ ... окна убѣгаю... Поэма! Въ стихахъ! Можно повѣрить на ... молодцу! Ха-ха! Насмѣшники вы, господа!

И онъ всѣмъ корпусомъ повернулся на стулѣ, такъ что ... затрещалъ.

— А не замѣтили-ли вы, началъ вдругъ прокуроръ, ... будто и вниманія не обративъ на волненіе Мити,—не замѣ... ...ли вы, когда отбѣгали отъ окна: была-ли дверь въ садъ ... ходящаяся въ другомъ концѣ флигеля, отперта или нѣтъ?

— Нѣтъ, не была отперта.

— Не была?

— Была заперта, напротивъ, и кто-жь могъ ее отв... ...Ба, дверь, постойте! какъ-бы опомнился онъ вдругъ и чу... ...вздрогнулъ, а развѣ вы нашли дверь отпертою?

— Отпертою.

— Такъ кто-жь ее могъ отворить, если не сами вы ее ...рили? страшно удивился вдругъ Митя.

— Дверь стояла отпертою и убійца вашего родителя ... ...мнѣнно вошелъ въ эту дверь и, совершивъ убійство, это ... дверью и вышелъ, какъ-бы отчеканивая, медленно и разд... произнесъ прокуроръ. Это намъ совершенно ясно. Убійство ... ...изошло, очевидно, въ комнатѣ, *а не черезъ окно*, что, ...тельно ясно изъ произведеннаго акта осмотра, изъ поло... ...тѣла и по всему. Сомнѣній въ этомъ обстоятельствѣ не мо... быть никакихъ.

Митя былъ страшно пораженъ.

— Да это-же невозможно, господа! вскричалъ онъ, с... ...шенно потерявшись, я... я не входилъ... я положительно, ... точностью вамъ говорю, что дверь была заперта все время,

ъ саду и когда я убѣгалъ изъ сада. Я только подъ
гоялъ и въ окно его видѣлъ, и только, только... До
минуты помню. Да хоть бы и не помнилъ, то все равно
гому что *знаки* только и извѣстны были, что мнѣ, да
зу, да ему, покойнику, а онъ, безъ знаковъ, никому-бы
не отворилъ!
наки? Какіе-же это знаки? съ жаднымъ, почти истери-
любопытствомъ проговорилъ прокуроръ, и въ мигъ по-
сю сдержанную свою осанку. Онъ спросилъ какъ-бы
ползая. Онъ почуялъ важный фактъ, ему еще неизвѣст-
отчасъ-же почувствовалъ величайшій страхъ, что Митя,
ыть, не захочетъ открыть его въ полнотѣ.
вы и не знали! подмигнулъ ему Митя, насмѣшливо и
ыбнувшись.—А что коль не скажу? Отъ кого тогда
знали вѣдь о знакахъ-то покойникъ, я, да Смердяковъ,
сѣ, да еще небо знало, да оно вѣдь вамъ не скажетъ.
ъ-то любопытный, чортъ знаетъ что на немъ можно
. ха-ха! Утѣшьтесь, господа, открою, глупости у васъ
Не знаете вы съ кѣмъ имѣете дѣло! Вы имѣете дѣло
ь подсудимымъ, который самъ на себя показываетъ, во
ѣ показываетъ! Да-съ, ибо я рыцарь чести, а вы —

ръ скушалъ всѣ пилюли, онъ лишь дрожалъ отъ не-
узнать про новый фактъ. Митя точно и пространно
имъ все, что касалось знаковъ, изобрѣтенныхъ Ѳедо-
ловичемъ для Смердякова, разсказалъ, что именно озна-
дый стукъ въ окно, простучалъ даже эти знаки по
на вопросъ Николая Парѳеновича: что, стало быть, и
я, когда стучалъ старику въ окно, то простучалъ именно
къ, который означалъ: «Грушенька пришла»—отвѣтилъ
стью, что именно точно такъ и простучалъ, что, дескать,
ка пришла».
отъ вамъ, теперь сооружайте башню! оборвалъ Митя и
вніемъ опять отъ нихъ отвернулся.
знали про эти знаки только покойный родитель вашъ,
га Смердяковъ? И никто болѣе? еще разъ освѣдомился
Парѳеновичъ.
, слуга Смердяковъ и еще небо. Запишите и про небо;
ъ не лишнимъ записать. Да и вамъ самимъ Богъ по-
.
ь, конечно, стали записывать, но когда записывали, то

прокуроръ вдругъ, какъ-бы совсѣмъ внезапно наткнувш новую мысль, проговорилъ:

— А вѣдь если зналъ про эти знаки и Смердяковъ, радикально отвергаете всякое на себя обвиненіе въ смер шего родителя, то вотъ не онъ-ли, простучавъ услов знаки, заставилъ вашего отца отпереть себѣ, а затѣмъ і вершилъ преступленіе?

Митя глубоко-насмѣшливымъ, но въ тоже время и с ненавистнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на него. Онъ сн долго и молча, такъ что у прокурора глаза замигали.

— Опять поймали лисицу! проговорилъ, наконецъ, М прищемили мерзавку за хвостъ, хе-хе! Я вижу васъ на прокуроръ! Вы вѣдь такъ и думали, что я сейчасъ вскоч плюсь за то, что вы мнѣ подсказываете и закричу во все «Ай, это Смердяковъ, вотъ убійца!» Признайтесь, что і думали, признайтесь, тогда буду продолжать.

Но прокуроръ не признался. Онъ молчалъ и ждалъ.

— Ошиблись, не закричу на Смердякова! сказалъ М

— И даже не подозрѣваете его вовсе?

— А вы подозрѣваете?

— Подозрѣвали и его.

Митя уткнулся глазами въ полъ.

— Шутки въ сторону, проговорилъ онъ мрачно,—слу съ самаго начала, вотъ почти еще тогда, когда я выбѣж вамъ давеча изъ-за этой занавѣски, у меня мелькнула у мысль: «Смердяковъ!» Здѣсь я сидѣлъ за столомъ и вр что невиновенъ въ крови, а самъ все думаю: «Смердяко не отставалъ Смердяковъ отъ души. Наконецъ, теперь по вдругъ тоже, «Смердяковъ», но лишь на секунду: тотч рядомъ подумалъ: «Нѣтъ, не Смердяковъ!» Не его это господа!

— Не подозрѣваете-ли вы въ такомъ случаѣ и еще другое лицо? осторожно спросилъ было Николай Парфен

— Не знаю, кто или какое лицо, рука небесъ или н но . не Смердяковъ! рѣшительно отрѣзалъ Митя.

— Но почему-же вы такъ твердо и съ такою нас восью утверждаете, что не онъ.

— По убѣжденію. По впечатлѣнію. Потому что Смер человѣкъ низшей натуры и трусъ. это не трусъ. это бунтище всѣхъ трусостей въ мірѣ, вмѣстѣ взятыхъ, ходя двухъ ногахъ. Онъ ушелъ отъ бунта. Говоря со мной

ѣталъ каждый разъ, чтобъ я не убилъ его, тогда какъ я п
не подымалъ. Онъ падалъ мнѣ въ ноги и плакалъ, онъ
валъ мнѣ вотъ эти самые сапоги, буквально, умоляя, чтобъ
) «не пугалъ». Слышите: «не пугалъ»—что̀ это за слово та-
А я его даже дарилъ. Это болѣзненная курица въ падучей
ни, со слабымъ умомъ и которую прибьетъ восьмилѣтній
ишка. Развѣ это натура? Не Смердяковъ, господа, да и де-
не любитъ, подарковъ отъ меня вовсе не бралъ... Да и за
му убивать старика? Вѣдь онъ, можетъ быть, сынъ его,
ный сынъ, знаете вы это?
— Мы слышали эту легенду. Но вѣдь вотъ и вы-же сынъ
вашего, а вѣдь говорили-же всѣмъ сами-же вы, что хотѣли
ь его.
— Камень въ огородъ! И камень низкій, скверный! Не боюсь!
оспода, можетъ быть, вамъ слишкомъ подло мнѣ-же въ глаза
рить это! Потому подло, что я это самъ говорилъ вамъ. Не
бо хотѣлъ, но и могъ убить, да еще на себя добровольно
щилъ, что чуть не убилъ! Но вѣдь не убилъ-же его, вѣдь
ъ-же меня ангелъ-хранитель мой,—вотъ этого-то вы и не
и въ соображеніе... А потому вамъ и подло, подло! Потому
я не убилъ, не убилъ! Слышите, прокуроръ: не убилъ!
Онъ чуть не задохся. Во все время допроса онъ еще ни разу
ылъ въ такомъ волненіи.
— А что онъ вамъ сказалъ, господа, Смердяковъ-то? заклю-
онъ вдругъ, помолчавъ.—Могу я про это спросить у васъ?
— Вы обо всемъ насъ можете спрашивать, съ холоднымъ
рогимъ видомъ отвѣтилъ прокуроръ, — обо всемъ, что ка-
ся фактической стороны дѣла, а мы, повторяю это, даже
аны удовлетворять васъ на каждый вопросъ. Мы нашли
у Смердякова, о которомъ вы спрашиваете, лежащимъ безъ
ти на своей постели, въ чрезвычайно сильномъ, можетъ
, въ десятый разъ сряду повторявшемся припадкѣ падучей
зни. Медикъ, бывшій съ нами, освидѣтельствовавъ больнаго,
алъ даже намъ, что онъ не доживетъ, можетъ быть, и до
.
— Ну, въ такомъ случаѣ отца чортъ убилъ! сорвалось вдругъ
ити, какъ будто онъ даже до сей минуты спрашивалъ все
: «Смердяковъ или не Смердяковъ»?
— Мы еще къ этому факту воротимся, порѣшилъ Николай
еновичъ,—теперь-же не пожелаете-ли вы продолжать ваше
заніе далѣе.

Митя попросилъ отдохнуть. Ему вѣжливо позволили. От
нувъ, онъ сталъ продолжать. Но было ему видимо тяжел
былъ измученъ, оскорбленъ и потрясенъ нравственно. Къ т
же прокуроръ, теперь уже точно нарочно, сталъ поминутн
дражать его прицѣпкой къ «мелочамъ». Едва только Мит
салъ, какъ онъ, сидя верхомъ на заборѣ, ударилъ по г
пестикомъ вцѣпившагося въ его лѣвую ногу Григорія и з
тотчасъ-же соскочилъ къ поверженному, какъ прокуроръ
новилъ его и попросилъ описать подробнѣе, какъ онъ сидѣ
заборѣ. Митя удивился.

— Ну, вотъ такъ сидѣлъ, верхомъ сидѣлъ, одна нога
другая тутъ...

— А пестикъ?

— Пестикъ въ рукахъ.

— Не въ карманѣ? Вы это такъ подробно помните? Ч
вы сильно размахнулись рукой.

— Должно быть что сильно, а вамъ это зачѣмъ?

— Если-бъ вы сѣли на стулъ точно такъ, какъ то
заборѣ, и представили-бы намъ наглядно, для уясненія
куда размахнулись, въ какую сторону?

— Да ужь вы не насмѣхаетесь-ли надо мной, спросилъ
высокомѣрно глянувъ на допрощика, но тотъ не мигнулъ
глазомъ. Митя судорожно повернулся, сѣлъ верхомъ на
и размахнулся рукой:

— Вотъ какъ ударилъ! Вотъ какъ убилъ! Чего вамъ

— Благодарю васъ. Не потрудитесь-ли вы теперь
нить: для чего собственно соскочили внизъ, съ какою
и что собственно имѣя въ виду?

— Ну, чортъ... къ поверженному соскочилъ... Не знаю дл

— Бывши въ такомъ волненіи! И убѣгая?

— Да, въ волненіи и убѣгая.

— Помочь ему хотѣли?

— Какое помочь... Да, можетъ, и помочь, не помню.

— Не помнили себя? То есть были даже въ нѣкотором
памятствѣ?

— О, нѣтъ, совсѣмъ не въ безпамятствѣ, все помню.
нитки. Соскочилъ поглядѣть и платкомъ кровь ему обтир

— Мы видѣли вашъ платокъ. Надѣялись возвратить
женнаго вами къ жизни?

— Не знаю, надѣялся-ли? Просто убѣдиться хотѣлъ,
или нѣтъ.

., такъ хотѣли убѣдиться? Ну, и что-жь?
не медикъ, рѣшить не могъ. Убѣжалъ, думая, что убилъ,
онъ очнулся.
рекрасно-съ, закончилъ прокуроръ. — Благодарю васъ.
ько и нужно было. Потрудитесь продолжать далѣе.
Митѣ и въ голову не пришло разсказать, хотя онъ и
это, что соскочилъ онъ изъ жалости, и, ставъ надъ
, произнесъ даже нѣсколько жалкихъ словъ: «попался
нечего дѣлать, ну и лежи». Прокуроръ-же вывелъ лишь
люченіе, что соскакивалъ человѣкъ, «въ такой моментъ
ономъ волненіи» лишь для того только, чтобы навѣрное
я: живъ или нѣтъ *единственный* свидѣтель его преступ-
что, стало быть, какова-же была сила, рѣшимость, хлад-
и разсчетливость человѣка даже въ такой моментъ и...
проч. Прокуроръ былъ доволенъ: «раздражалъ-де бо-
го человѣка «мелочами», онъ и проговорился».
съ мученіемъ продолжалъ далѣе. Но тотчасъ-же оста-
го опять уже Николай Парѳеновичъ:
акимъ-же образомъ могли вы вбѣжать къ служанкѣ Ѳе-
рковой, имѣя столь окровавленныя руки, и, какъ ока-
отомъ, лицо?
а я вовсе тогда и не замѣтилъ, что я въ крови! отвѣ-
гя.
то они правдоподобно, это такъ и бываетъ, перегля-
окуроръ съ Николаемъ Парѳеновичемъ.
менно не замѣтилъ, это вы прекрасно, прокуроръ, одоб-
угъ и Митя. Но далѣе пошла исторія внезапнаго рѣше-
«устраниться» и пропустить счастливыхъ мимо себя».
же никакъ не могъ, какъ давеча, рѣшиться вновь ра-
свое сердце и разсказывать про «царицу души своей».
ило предъ этими холодными, «впивающимися въ него
пы» людьми. А потому на повторенные вопросы, зая-
тко и рѣзко:
у, и рѣшился убить себя. Зачѣмъ было оставаться
само собой въ вопросъ вскакивало. Явился ея преж-
юрный, ея обидчикъ, но пріѣхавшій съ любовью послѣ
ъ завершить законнымъ бракомъ обиду. Ну и понялъ,
для меня пропало... А сзади позоръ, и вотъ эта кровь,
горія... Зачѣмъ-же жить? Ну, и пошелъ выкупать за-
пистолеты, чтобы зарядить и къ разсвѣту себѣ пулю
всадить...

— А ночью пиръ горой?

— Ночью пиръ горой. Э, чортъ, господа кончайте сп... Застрѣлиться я хотѣлъ навѣрно, вотъ тутъ недалеко, за ... цей и распорядился-бы съ собою часовъ въ пять утра, а ... карманѣ бумажку приготовилъ, у Перхотина написалъ, ... пистолеты зарядилъ. Вотъ она бумажка, читайте. Не для ... разсказываю! прибавилъ онъ вдругъ презрительно. Онъ ... силъ имъ на столъ бумажку изъ жилетнаго своего ... слѣдователя прочли съ любопытствомъ и, какъ водится, ... щили къ дѣлу.

— А руки все еще не подумали вымыть даже и входя ... господину Перхотину? Не опасались, стало быть, подозрѣній.

— Какихъ такихъ подозрѣній? Подозрѣвай—хоть нѣтъ, ... равно, я-бы сюда ускакалъ и въ пять часовъ застрѣлился, ... ничего-бы не успѣли сдѣлать. Вѣдь если-бы не случай съ отц... вѣдь вы-бы ничего не узнали и сюда не прибыли. О, это ч... сдѣлалъ, чортъ отца убилъ, черезъ чорта и вы такъ скоро уз... Какъ сюда-то такъ скоро поспѣли? Диво, фантазія!

— Господинъ Перхотинъ передалъ намъ, что вы, войдя ... нему, держали въ рукахъ... въ окровавленныхъ рукахъ... ... деньги... большія деньги... пачку сторублевыхъ бумажекъ, и ... видѣлъ это и служившій ему мальчикъ!

— Такъ, господа, помнится. что такъ.

— Теперь встрѣчается одинъ вопросикъ. Не можете-ли ... сообщить, чрезвычайно мягко началъ Николай Парѳеновичъ, ... откуда вы взяли вдругъ столько денегъ, тогда какъ изъ ... оказывается, по разсчету времени даже, что вы не заход... домой?

Прокуроръ немножко поморщился отъ вопроса, поставленн... такъ ребромъ, но не прервалъ Николая Парѳеновича.

— Нѣтъ, не заходилъ домой, отвѣтилъ Митя, повидимо... очень спокойно, но глядя въ землю.

— Позвольте-же повторить вопросъ въ такомъ случаѣ, ка... то подползая продолжалъ Николай Парѳеновичъ.—Откуда-же ... могли разомъ достать такую сумму, когда по собственному п... знанію вашему, еще въ пять часовъ того дня...

— Нуждался въ десяти рубляхъ и заложилъ пистолеты ... Перхотина. потомъ ходилъ къ Хохлаковой за тремя тысячами, ... та не дала, и проч. и всякая эта. всячина, рѣзко прер... Митя,—да, вотъ, господа, нуждался, а тутъ вдругъ тысячи ... явились, а? Знаете, господа, вѣдь вы оба теперь трусите: а ...

ъ не скажетъ, откуда взялъ? Такъ и есть: не скажу, господа, ,али, не узнаете, отчеканилъ вдругъ Митя съ чрезвычайною имостью. Слѣдователи капельку помолчали.

— Поймите, господинъ Карамазовъ, что намъ это знать существенно необходимо, тихо и смиренно проговорилъ Николай ѳеоновичъ.

— Понимаю, а всетаки не скажу.

Ввязался и прокуроръ и опять напомнилъ, что допрашиваемый, конечно, можетъ не отвѣчать на вопросы, если считаетъ себя это выгоднѣйшимъ и т. д., но въ видахъ того, какой ербъ подозрѣваемый можетъ самъ нанести себѣ своимъ умолемъ и особенно въ виду вопросовъ такой важности, которая...

— И такъ далѣе, господа, и такъ далѣе. Довольно, слышалъ рацею и прежде! опять оборвалъ Митя,—самъ понимаю каважности дѣло, и что тутъ самый существенный пунктъ, а аки не скажу.

— Вѣдь намъ что-съ, это вѣдь не наше дѣло, а ваше, сами повредите, нервно замѣтилъ Николай Парѳеновичъ.

— Видите, господа, шутки въ сторону, вскинулся глазами тя и твердо посмотрѣлъ на нихъ обоихъ.—Я съ самаго на- уже предчувствовалъ, что мы на этомъ пунктѣ сшибемся ми. Но въ началѣ, когда я давеча началъ показывать, все это ло въ дальнѣйшемъ туманѣ, все плавало, и я даже былъ такъ стъ, что началъ съ предложенія «взаимнаго между нами домія». Теперь самъ вижу, что довѣрія этого и быть не могло, ому что все-же-бы мы пришли къ этому проклятому забору! вотъ и пришли! Нельзя, и кончено! Впрочемъ, я вѣдь васъ виню, нельзя-же и вамъ мнѣ вѣрить на слово, я вѣдь это нимаю!

Онъ мрачно замолчалъ.

— А не могли-ли-бы вы, не нарушая нисколько вашей рѣмости умолчать о главнѣйшемъ, не могли-ли-бы вы въ тоже мя дать намъ хоть малѣйшій намекъ на то: какіе именно столь ьные мотивы могли-бы привести васъ къ умолчанію въ столь сный для васъ моментъ настоящихъ показаній?

Митя грустно и какъ-то задумчиво усмѣхнулся.

— Я гораздо добрѣе, чѣмъ вы думаете, господа, я вамъ скаку почему, и дамъ этотъ намекъ, хотя вы того и не стоите. гому, господа, умалчиваю, что тутъ для меня позоръ. Въ отѣ на вопросъ: откуда взялъ эти деньги заключенъ для меня ой позоръ, съ которымъ не могло-бы сравняться даже и убій-

ство, и ограбленіе отца, если-бъ я его убилъ и ограбилъ. почему не могу говорить. Отъ позора не могу. Что вы это пода, записывать хотите?

— Да, мы запишемъ, пролепеталъ Николай Парѳеновичъ

— Вамъ-бы не слѣдовало это записывать, про «позор Это я вамъ по добротѣ только души показалъ, а могъ и казывать, я вамъ, такъ сказать, подарилъ, а вы сейчасъ ли строку. Ну, пишите, пишите, что хотите, презрительно и ливо заключилъ онъ,—не боюсь я васъ и... горжусь предъ

— А не скажете-ли вы какого-бы рода этотъ позоръ лепеталъ было Николай Парѳеновичъ.

Прокуроръ ужасно наморщился.

— Ни-ни, c'est fini, не трудитесь. Да и не стоитъ мар Ужь и такъ объ васъ замарался. Не стоите вы, ни вы и н Довольно, господа, обрываю.

Проговорено было слишкомъ рѣшительно. Николай Па вичъ пересталъ настаивать, но изъ взглядовъ Ипполита Р ловича мигомъ успѣлъ усмотрѣть, что тотъ еще не теря дежды.

— Не можете-ли, по крайней мѣрѣ, объяснить: какой чины была сумма въ рукахъ вашихъ, когда вы вошли съ господину Перхотину, то есть сколько именно рублей?

— Не могу я этого объявить.

— Господину Перхотину вы, кажется, заявляли о трех сячахъ, будто-бы полученныхъ вами отъ госпожи Хохлак

— Можетъ быть, и заявилъ. Довольно, господа, не сколько.

— Потрудитесь въ такомъ случаѣ описать, какъ вы поѣхали и все, что вы сдѣлали, сюда пріѣхавъ?

— Охъ, объ этомъ спросите всѣхъ здѣшнихъ. А, впр пожалуй, и я разскажу.

Онъ разсказалъ, но мы уже приводить разсказа не б Разсказывалъ сухо, бѣгло. О восторгахъ любви своей не го вовсе. Разсказалъ, однако, какъ рѣшимость застрѣлиться и прошла «въ виду новыхъ фактовъ». Онъ разсказывалъ по вируя, не вдаваясь въ подробности. Да и слѣдователи не его на этотъ разъ безпокоили: ясно было, что и для н въ томъ состоитъ теперь главный пунктъ.

— Мы это все повѣримъ, ко всему еще возвратим допросѣ свидѣтелей, который будетъ, конечно, происход вашемъ присутствіи, заключилъ допросъ Николай Парѳенов

ь-же позвольте обратиться къ вамъ съ просьбою, выложить на столъ всѣ ваши вещи, находящіяся при васъ, а, главное, еньги, какія только теперь имѣете.
– Деньги, господа? Извольте, понимаю, что надо. Удивляюсь какъ раньше не полюбопытствовали. Правда, никуда-бы не ъ, на виду сижу. Ну, вотъ онѣ, мои деньги, вотъ считайте, е, всѣ, кажется.
нъ вынулъ все изъ кармановъ, даже мелочь, два двугривен- вытащилъ изъ бокового жилетнаго кармана. Сосчитали и, оказалось восемьсотъ тридцать шесть рублей сорокъ ко-.
– И это все? спросилъ слѣдователь.
– Все.
– Вы изволили сказать сейчасъ, дѣлая показанія ваши, что вкѣ Плотниковыхъ оставили триста рублей. Перхотину дали ъ, ямщику двадцать, здѣсь проиграли двѣсти, потомъ...
Николай Парѳеновичъ пересчиталъ все. Митя помогъ охотно. омнили и включили въ счетъ всякую копѣйку. Николай Пар-ичъ бѣгло свелъ итогъ.
– Съ этими восьмьюстами было, стало быть, всего у васъ начально около полутора тысячъ?
– Стало быть, отрѣзалъ Митя.
– Какъ-же всѣ утверждаютъ, что было гораздо болѣе.
– Пусть утверждаютъ.
– Да и вы сами утверждали.
– И я самъ утверждалъ.
– Мы еще провѣримъ все это свидѣтельствами еще не спро-ыхъ другихъ лицъ; о деньгахъ вашихъ не безпокойтесь, онѣ нятся гдѣ слѣдуетъ и окажутся къ вашимъ услугамъ по аніи всего... начавшагося... если окажется или, такъ ска- докажется, что вы имѣете на нихъ неоспоримое право. ъ, а теперь...
Николай Парѳеновичъ вдругъ всталъ и твердо объявилъ Митѣ, принужденъ и долженъ» учинить самый подробный и точ-ій осмотръ «какъ платья вашего, такъ и всего»...
– Извольте, господа, всѣ карманы выверну, если хотите.
онъ дѣйствительно принялся было вывертывать карманы.
– Необходимо даже снять одежду.
– Какъ? Раздѣться? Фу, чортъ! Да обыщите такъ? Нельзя-къ?
– Ни за что нельзя, Дмитрій Ѳедоровичъ. Надо одежду снять.

— Какъ хотите, мрачно подчинился Митя, — только, жалуйста, не здѣсь, а за занавѣсками. Кто будетъ осматр
— Конечно, за занавѣсками, въ знакъ согласія кив голову Николай Парѳеновичъ. Личико его изобразило особ даже важность.

VI.

Прокуроръ поймалъ Митю.

Началось нѣчто совсѣмъ для Мити неожиданное и удивите Онъ ни за что-бы не могъ прежде, даже за минуту предъ с предположить, чтобы такъ могъ кто-нибудь обойдтись съ съ Митей Карамазовымъ! Главное, явилось нѣчто унизите а съ ихъ стороны «высокомѣрное и къ нему презрительное». ничего-бы снять сюртукъ, но его попросили раздѣться и д И не то что попросили, а въ сущности приказали: онъ это от понялъ. Изъ гордости и презрѣнія онъ подчинился вполнѣ, словъ. За занавѣску вошли, кромѣ Николая Парѳеновича, и р куроръ, присутствовали и нѣсколько мужиковъ, «конечно силы», подумалъ Митя, «а, можетъ, и еще для чего-нибудь».

— Что-жь, неужели и рубашку снимать? рѣзко спросилъ он онъ, но Николай Парѳеновичъ ему не отвѣтилъ: онъ вмѣст прокуроромъ былъ углубленъ въ разсматриваніе сюртука, и талонъ, жилета и фуражки, и, видно было, что оба они о заинтересовались осмотромъ: «Совсѣмъ не церемонятся», мы кнуло у Мити, «даже вѣжливости необходимой не наблюдаю

— Я васъ спрашиваю во второй разъ: надо или нѣтъ сним рубашку?—проговорилъ онъ еще рѣзче и раздражительнѣе.

— Не безпокойтесь, мы васъ увѣдомимъ, какъ-то начал венно даже отвѣтилъ Николай Парѳеновичъ. По крайней м Митѣ такъ показалось.

Между слѣдователемъ и прокуроромъ шло между тѣмъ зам ливое совѣщаніе вполголоса. Оказались на сюртукѣ, особенно лѣвой полѣ, сзади, огромныя пятна крови, засохшія, заскоруз и не очень еще размятыя. На панталонахъ тоже. Николай П ѳеновичъ, кромѣ того, собственноручно, въ присутствіи понят прошелъ пальцами по воротнику, по обшлагамъ и по всѣмъ ш сюртука и панталонъ, очевидно, что-то отыскивая, — конеч денегъ. Главное, не скрывали отъ Мити подозрѣнія, что онъ и

обенъ былъ зашить деньги въ платье. «Это ужь прямо
ъ воромъ, а не какъ съ офицеромъ», проворчалъ онъ про
Сообщали-же другъ другу мысли свои при немъ до стран-
откровенно. Напримѣръ, письмоводитель, очутившійся тоже
вѣской, суетившійся и прислуживавшій, обратилъ вниманіе
я Парѳеновича на фуражку, которую тоже ощупали: «Пом-
риденку писаря-съ, замѣтилъ письмоводитель: лѣтомъ жа-
ѣздилъ получать на всю канцелярію, а вернувшись,
ь, что потерялъ въ пьяномъ видѣ,—такъ гдѣ-же нашли?
ъ этихъ самыхъ кантикахъ, въ фуражкѣ-съ, сторублевыя
вернуты трубочками-съ и въ кантики зашиты». Фактъ съ
кой очень помнили и слѣдователь, и прокуроръ, а потому
ну фуражку отложили и рѣшили, что все это надо будетъ
пересмотрѣть серьезно, да и все платье.

Позвольте, вскрикнулъ вдругъ Николай Парѳеновичъ, за-
ввернутый внутрь правый обшлагъ праваго рукава ру-
Мити, весь залитый кровью, — позвольте-съ, это какъ-
овь?

Кровь, отрѣзалъ Митя.

То есть это какая-же-съ... и почему ввернуто внутрь
?

гя разсказалъ, какъ онъ запачкалъ обшлагъ, возясь съ
іемъ, и ввернулъ его внутрь еще у Перхотина, когда мылъ
руки.

Рубашку вашу тоже придется взять, это очень важно...
цественныхъ доказательствъ. Митя покраснѣлъ и разсви-
».

Что-жь мнѣ голымъ оставаться! крикнулъ онъ.

Не безпокойтесь... мы какъ-нибудь поправимъ это, а пока
итесь снять и носки.

Вы не шутите? Это дѣйствительно такъ необходимо? —
улъ глазами Митя.

Намъ не до шутокъ! строго отпарировалъ Николай Пар-
чъ.

Что-жь, если надо... я... забормоталъ Митя и, сѣвъ на
ь, началъ снимать носки. Ему было нестерпимо конфузно:
ѣты, а онъ раздѣтъ и, странно это,—раздѣтый, онъ какъ-
мъ почувствовалъ себя предъ ними виноватымъ, и, главное,
ылъ почти согласенъ, что дѣйствительно вдругъ сталъ
ихъ ниже и что теперь они уже имѣютъ полное право
зирать. «Коли всѣ раздѣты, такъ не стыдно, а одинъ

раздѣтъ, а всѣ смотрятъ — позоръ!» нелькало [illegible] него въ умѣ! «Точно во снѣ, я во снѣ иногда такіе [illegible] собою видывалъ». Но снять носки ему было даже [illegible] они были очень не чисты, да и нижнее бѣлье тоже, [illegible] это всѣ увидали. А, главное, онъ самъ не любилъ [illegible] почему-то всю жизнь находилъ свои большіе пальцы [illegible] ногахъ уродливыми, особенно одинъ грубый, плоскій, [illegible] загнувшійся внизъ ноготь на правой ногѣ, и вотъ [illegible] они увидятъ. Отъ нестерпимаго стыда онъ вдругъ [illegible] болѣе и уже нарочно грубъ. Онъ самъ сорвалъ съ себя [illegible]

— Не хотите-ли и еще гдѣ поискать, если вамъ [illegible]

— Нѣтъ-съ, пока не надо.

— Что-жь, мнѣ такъ и оставаться голымъ? свирѣпо бавилъ онъ.

— Да, это пока необходимо... Потрудитесь пока здѣ сѣсть, можете взять съ кровати одѣяло и завернуться, это все улажу.

Всѣ вещи показали понятымъ, составили актъ осм наконецъ, Николай Парѳеновичъ вышелъ, а платье выш нимъ. Ипполитъ Кирилловичъ тоже вышелъ. Остались съ одни мужики и стояли молча, не спуская съ него глаз завернулся въ одѣяло, ему стало холодно. Голыя ноги его наружу и онъ все никакъ не могъ такъ напялить на нихъ чтобъ ихъ закрыть. Николай Парѳеновичъ что-то долго вращался, «истязательно долго», «за щенка меня почи скрежеталъ зубами Митя. «Эта дрянь прокуроръ тоже вѣрно изъ презрѣнія, гадко стало смотрѣть на голаго всетаки полагалъ, что платье его тамъ гдѣ-то осмотрятъ несутъ обратно. Но каково-же было его негодованіе, когда Парѳеновичъ вдругъ воротился совсѣмъ съ другимъ п которое несъ за нимъ мужикъ.

— Ну, вотъ вамъ и платье, развязно проговорилъ он димому, очень довольный успѣхомъ своего хожденія. Это го Калгановъ жертвуетъ на сей любопытный случай, равно чистую вамъ рубашку. Съ нимъ все это, къ счастію, какъ р залось въ чемоданѣ. Нижнее бѣлье и носки можете сохрани

Митя страшно вскипѣлъ:

— Не хочу чужаго платья! грозно закричалъ он вайте мое!

— Невозможно.

— Давайте мое, къ чорту Калганова, и его платье, и его

го долго уговаривали. Кое-какъ, однако, успокоили. Ему
или, что платье его, какъ запачканное кровью, должно
кнуть къ собранію вещественныхъ доказательствъ», оста-
же его на немъ они теперь «не имѣютъ даже и права... въ
ъ того, чѣмъ можетъ окончиться дѣло». Митя кое-какъ,
нецъ, это понялъ. Онъ мрачно замолчалъ и сталъ, однако,
ться. Замѣтилъ только, надѣвая платье, что оно богаче его
го платья и что онъ-бы не хотѣлъ «пользоваться». Кромѣ
«унизительно узко. Шута, что-ли, я гороховаго долженъ
емъ розыгрывать... къ вашему наслажденію?»
му опять внушили, что онъ и тутъ преувеличиваетъ, что
динъ Калгановъ, хотя и выше его ростомъ, но лишь немного,
вѣ только вотъ панталоны выйдутъ длинноваты. Но сюр-
оказался дѣйствительно узокъ въ плечахъ.
– Чортъ возьми, и застегнуться трудно, заворчалъ снова
,—сдѣлайте одолженіе, извольте отъ меня сей-же часъ пе-
ъ господину Калганову, что не я просилъ у него его платья,
) меня самого перерядили въ шута.
– Онъ это очень хорошо понимаетъ и сожалѣетъ... то есть
платьѣ своемъ сожалѣетъ, а собственно обо всемъ этомъ
вѣ, промямлилъ было Николай Парѳеновичъ.
– Наплевать на его сожалѣніе! Ну, куда теперь? Или все
ь сидѣть?
Его попросили выйдти опять въ «ту комнату». Митя вышелъ
ый отъ злобы и стараясь ни на кого не глядѣть. Въ чужомъ
ьѣ онъ чувствовалъ себя совсѣмъ опозореннымъ, даже предъ
и мужиками и Трифономъ Борисовичемъ, лицо котораго
гъ зачѣмъ-то мелькнуло въ дверяхъ и исчезло: «На ряже-
взглянуть приходилъ», подумалъ Митя. Онъ усѣлся на
мъ прежнемъ стулѣ. Мерещилось ему что-то кошмарное и
ное, казалось ему, что онъ не въ своемъ умѣ.
— Ну, что-жь теперь, пороть розгами, что-ли, меня нач-
, вѣдь больше-то ничего не осталось, заскрежеталъ онъ,
щаясь къ прокурору. Къ Николаю Парѳеновичу онъ и по-
уться уже не хотѣлъ, какъ-бы и говорить съ нимъ не удо-
вая. «Слишкомъ ужь пристально мои носки осматривалъ, да
велѣлъ, подлецъ, вывороτить, это онъ нарочно, чтобы вы-
ить всѣмъ, какое у меня грязное бѣлье.
— Да вотъ придется теперь перейдти къ вопросу свидѣте-
произнесъ Николай Парѳеновичъ, какъ-бы въ отвѣтъ на
осъ Дмитрія Ѳедоровича.

— Да-съ, вдумчиво проговорилъ прокуроръ, тоже как-то что-то соображая.

— Мы, Дмитрій Ѳедоровичъ, сдѣлали что могли въ вашихъ интересахъ, продолжалъ Николай Парѳеновичъ,—но, получив столь радикальный съ вашей стороны отказъ разъяснить на счетъ происхожденія находившейся при васъ суммы, въ данную минуту...

— Это изъ чего у васъ перстень? перебилъ вдругъ Мит какъ-бы выходя изъ какой-то задумчивости и указывая пальцемъ на одинъ изъ трехъ большихъ перстней, украшавшихъ правую руку Николая Парѳеновича.

— Перстень? переспросилъ съ удивленіемъ Николай Парѳеновичъ.

— Да, вотъ этотъ... вотъ на среднемъ пальцѣ, съ жилками, какой это камень? какъ-то раздражительно, словно упрямый ребенокъ, настаивалъ Митя.

— Это дымчатый топазъ, — улыбнулся Николай Парѳеновичъ,— хотите посмотрѣть, я сниму...

— Нѣтъ, нѣтъ, не снимайте! свирѣпо крикнулъ Митя, вдруг опомнившись и озлившись на себя самого, — не снимайте, не надо... Чортъ... Господа, вы огадили мою душу! Неужели вы думаете, что я сталъ-бы скрывать отъ васъ, если-бы въ самомъ дѣлѣ убилъ отца, вилять, лгать и прятаться! Нѣтъ, не такъ Дмитрій Карамазовъ, онъ-бы этого не вынесъ, и если-бъ я былъ виновенъ, клянусь, не ждалъ-бы вашего сюда прибытія и восхода солнца, какъ намѣревался сначала, а истребилъ-бы себя еще прежде, еще не дожидаясь разсвѣта! Я чувствую это теперь по себѣ. Я въ двадцать лѣтъ жизни не научился-бы стольку, сколько узналъ въ эту проклятую ночь!.. И таковъ-ли таковъ-ли былъ-бы я въ эту ночь, и въ эту минуту теперь сидя съ вами, — такъ-ли-бы я говорилъ, такъ-ли двигался, такъ-ли-бы смотрѣлъ на васъ и на міръ, если-бы въ самомъ дѣлѣ былъ отцеубійцей, когда даже нечаянное это убійство Григорія не давало мнѣ покоя всю ночь,—не отъ страха, о! не отъ одного только страха вашего наказанія! Позоръ! И вы хотите, чтобъ я такимъ насмѣшникамъ какъ вы, ничего не видящимъ и ничему не вѣрящимъ, слѣпымъ кротамъ и насмѣшникамъ, стал открывать и разсказывать еще новую подлость мою, еще и позоръ, хотя-бы это и спасло меня отъ вашего обвин Да лучше въ каторгу! Тотъ, который отперъ къ отцу дв вошелъ этою дверью, тотъ и убилъ его, тотъ и обокралъ

[illegible] и пузырекъ, но это не Дмитрій Карамазовъ.
— Вотъ все, что я могу вамъ сказать, и довольно. [illegible]... Ссылайте, казните, но не раздра[illegible]. И замолчалъ. Зовите вашихъ свидѣтелей [illegible] свой внезапный монологъ, какъ бы [illegible] впредь окончательно замолчать. Прокуроръ [illegible] и, только что онъ замолчалъ, [illegible] съ самымъ спокойнымъ видомъ, вдругъ [illegible] обыкновенную вещь:
[illegible] по поводу этой отворенной двери, о кото[illegible] упомянули, и какъ разъ кстати, можемъ [illegible] теперь одно чрезвычайно любопытное [illegible] для васъ и для насъ, показаніе [illegible] Григорія Васильевича. Онъ ясно и настой[illegible] на вопросы наши, что [illegible] въ садъ и заслышавъ [illegible] въ садъ черезъ [illegible] прежде [illegible] установить, какъ вы сообщили [illegible] Григорій [illegible] въ [illegible]

[illegible]

въ бреду, въ крови, отъ раны, ему померещилось, когда очнулся. Вотъ онъ и бредитъ.

— Да-съ, но вѣдь замѣтилъ онъ отпертую дверь не тогда, очнулся отъ раны, а еще прежде того, когда только онъ вышелъ въ садъ изъ флигеля.

— Да неправда-же, неправда, это не можетъ быть! Это онъ со злобы на меня клевещетъ... Онъ не могъ видѣть... Я не выбѣгалъ изъ двери, задыхался Митя.

Прокуроръ повернулся къ Николаю Парѳеновичу и внушительно проговорилъ ему:

— Предъявите.

— Знакомъ вамъ этотъ предметъ? выложилъ вдругъ Николай Парѳеновичъ на столъ большой, изъ толстой бумаги, канцелярскаго размѣра конвертъ, на которомъ виднѣлись еще три сохранившіяся печати. Самый-же конвертъ былъ пустъ и съ одного бока разорванъ. Митя выпучилъ на него глаза.

— Это... это отцовскій, стало быть, конвертъ, пробормоталъ онъ, — тотъ самый, въ которомъ лежали эти три тысячи... и если надпись, позвольте: «Цыпленочку»... вотъ: три тысячи,— вскричалъ онъ,—три тысячи, видите?

— Какже-съ, видимъ, но мы денегъ уже въ немъ не нашли, онъ былъ пустой и валялся на полу, у кровати за ширмами.

Нѣсколько секундъ Митя стоялъ какъ ошеломленный.

— Господа, это Смердяковъ! закричалъ онъ вдругъ изо всей силы, — это онъ убилъ, онъ ограбилъ! Только онъ одинъ и зналъ, гдѣ спрятанъ у старика конвертъ... Это онъ, теперь ясно.

— Но вѣдь и вы же знали про конвертъ и о томъ, что онъ лежитъ подъ подушкой.

— Никогда не зналъ; я и не видѣлъ никогда его вовсе, я первый разъ теперь вижу, а прежде только отъ Смердякова слышалъ... Онъ одинъ зналъ, гдѣ у старика спрятано, а я не зналъ... совсѣмъ задыхался Митя.

— И, однако-же, вы сами показали намъ давеча, что конвертъ лежалъ у покойнаго родителя подъ подушкой. Вы именно сказали что подъ подушкой, стало быть, знали-же, гдѣ лежалъ.

— Мы такъ и записали! подтвердилъ Николай Парѳеновичъ.

— Вздоръ, нелѣпость! Я совсѣмъ не зналъ, что подъ подушкой. Да, можетъ быть, вовсе и не подъ подушкой... Я наобумъ сказалъ, что подъ подушкой... Что Смердяковъ говоритъ? Васъ спрашивали, гдѣ лежалъ? Что Смердяковъ говоритъ? Это главное. А я нарочно налгалъ на себя... Я вамъ совралъ, не думавши,

[redacted]лъ подъ подушкой, а вы теперь... Ну, знаете, сорвется съ [redacted]ка и соврешь. А зналъ одинъ Смердяковъ, только одинъ Смер[redacted]ковъ и никто больше!.. Онъ и мнѣ не открылъ, гдѣ лежитъ! Но [redacted] онъ, это онъ; это несомнѣнно онъ убилъ, это мнѣ теперь [redacted]ю какъ свѣтъ, восклицалъ все болѣе и болѣе въ изступленіи [redacted]я, безсвязно повторяясь, горячась и ожесточаясь.—Поймите [redacted]это и арестуйте его скорѣе, скорѣй... Онъ именно убилъ, когда я [redacted]жалъ и когда Григорій лежалъ безъ чувствъ, это теперь ясно... [redacted]ъ подалъ знаки и отецъ ему отперъ... Потому что только онъ одинъ [redacted]налъ знаки, а безъ знаковъ отецъ-бы никому не отперъ...

— Но опять вы забываете то обстоятельство, все также сдер[redacted]но, но какъ-бы уже торжествуя, замѣтилъ прокуроръ,—что [redacted]ковъ и подавать было не надо, если дверь уже стояла отпертою, [redacted]при васъ, еще, когда вы находились въ саду...

— Дверь, дверь, бормоталъ Митя и безмолвно уставился на [redacted]курора: онъ въ безсиліи опустился опять на стулъ. Всѣ за[redacted]чали.

— Да, дверь!.. Это фантомъ! Богъ противъ меня! воскликнулъ [redacted], совсѣмъ уже безъ мысли глядя предъ собою.

— Вотъ видите, важно проговорилъ прокуроръ,—и посудите [redacted]рь сами, Дмитрій Ѳедоровичъ: съ одной стороны это показаніе [redacted] отворенной двери, изъ которой вы выбѣжали, подавляющее [redacted]ъ и насъ. Съ другой стороны—непонятное, упорное и почти [redacted]сточенное умолчаніе ваше на счетъ происхожденія денегъ, [redacted]тъ появившихся въ вашихъ рукахъ, тогда какъ еще за три [redacted] до этой суммы вы, по собственному показанію, заложили пи[redacted]столеты ваши, чтобы получить только десять рублей! Въ виду [redacted]го этого рѣшите сами: чему-же намъ вѣрить и на чемъ остано[redacted]ться? И не претендуйте на насъ, что мы «холодные циники и [redacted]вѣшливые люди», которые не въ состояніи вѣрить благород[redacted]нымъ порывамъ вашей души... Вникните, напротивъ, и въ наше [redacted]ложеніе...

[redacted]Митя былъ въ невообразимомъ волненіи, онъ поблѣднѣлъ. [redacted]— Хорошо! воскликнулъ онъ вдругъ,—я открою вамъ мою [redacted]ну, открою, откуда взялъ деньги!.. Открою позоръ, чтобы не [redacted]ить потомъ ни васъ, ни себя.

— И повѣрьте, Дмитрій Ѳедоровичъ, какимъ-то умиленно ра[redacted]нымъ голоскомъ подхватилъ Николай Парѳеновичъ, — что [redacted]ое искреннее и полное сознаніе ваше, сдѣланное именно въ [redacted]шнюю минуту, можетъ впослѣдствіи повліять къ безмѣр[redacted]облегченію участи вашей и даже, кромѣ того...

Но прокуроръ слегка толкнулъ его подъ столомъ и т
успѣлъ во-время остановиться. Митя, правда, его и не слу

VII.

Великая тайна Мити. Освистали.

— Господа, началъ онъ все въ томъ-же волненіи, —
деньги... я хочу признаться вполнѣ... эти деньги были м
У прокурора и слѣдователя даже лица вытянулись, не
совсѣмъ они ожидали.

— Какъ-же ваши, пролепеталъ Николай Парфеновит
тогда какъ еще въ пять часовъ дня, по собственному при
вашему...

— Э, къ чорту пять часовъ того дня и собственное пра
мое, не въ томъ теперь дѣло! Эти деньги были мои, мои, т
краденыя мои... не мои, то есть, а краденыя, мною украден
ихъ было полторы тысячи, и онѣ были со мной, все время со м

— Да откуда-же вы ихъ взяли?

— Съ шеи, господа, взялъ, съ шеи, вотъ съ этой самой
шеи... здѣсь онѣ были, у меня на шеѣ, зашиты въ тряпку
сѣли на шеѣ, уже давно, уже мѣсяцъ, какъ я ихъ на шеѣ с
домъ и съ позоромъ носилъ!

— Но у кого-же вы ихъ... присвоили?

— Вы хотѣли сказать: «украли?» Говорите теперь
прямо. Да, я считаю, что я ихъ все равно что укралъ, а ес
тите, дѣйствительно «присвоилъ». Но, по моему, укралъ. А
вечеромъ, такъ ужь совсѣмъ укралъ.

— Вчера вечеромъ? Но вы сейчасъ сказали, что ужь н
какъ ихъ... достали!

— Да, но не у отца, не у отца, не безпокойтесь, не у
укралъ, а у ней. Дайте разсказать и не перебивайте. Это вѣ
жело. Видите: мѣсяцъ назадъ призываетъ меня Катерина
новна Верховцева, бывшая невѣста моя... Знаете вы ее?

— Какже-съ, помилуйте.

— Знаю, что знаете. Благороднѣйшая душа, благородн
изъ благородныхъ, но меня ненавидѣвшая давно уже, о
давно... и заслуженно, заслуженно ненавидѣвшая!

— Катерина Ивановна? съ удивленіемъ переспросилъ
ватель. Прокуроръ тоже ужасно уставился.

– О, не произносите имени ея всуе! Я подлецъ что ее вы-
. Да, я видѣлъ, что она меня ненавидѣла... давно съ са-
перваго раза, съ самаго того у меня на квартирѣ еще тамъ...
овольно, довольно, это вы даже и знать недостойны, это
до вовсе... А надо лишь то, что она призвала меня мѣсяцъ на-
выдала мнѣ три тысячи, чтобъ отослать своей сестрѣ и
одной родственницѣ въ Москву (и какъ будто сама не могла
ть!), а я... это было именно въ тотъ роковой часъ моей
и когда я... ну, однимъ словомъ, когда я только что по-
къ другую, *ее*, теперешнюю, вонъ она у васъ теперь тамъ
сидитъ, Грушеньку... я схватилъ ее тогда сюда въ Мокрое
ркутилъ здѣсь въ два дня половину этихъ проклятыхъ трехъ
къ, то есть полторы тысячи, а другую половину удержалъ
бѣ. Ну, вотъ эти полторы тысячи, которыя я удержалъ,
носилъ съ собой на шеѣ, вмѣсто ладонки, а вчера распе-
ъ и прокутилъ. Сдача въ восемьсотъ рублей у васъ те-
въ рукахъ, Николай Парѳеновичъ, это сдача со вчераш-
полутора тысячъ.

– Позвольте, какъ-же это, вѣдь вы прокутили тогда здѣсь,
цъ назадъ, три тысячи, а не полторы, всѣ это знаютъ?

– Кто-жь это знаетъ? Кто считалъ? Кому я давалъ считать?

– Помилуйте, да вы сами говорили всѣмъ, что прокутили
. ровно три тысячи.

– Правда, говорилъ, всему городу говорилъ и весь городъ
орилъ, и всѣ такъ считали, и здѣсь, въ Мокромъ, также всѣ
ли, что три тысячи. Только всетаки я прокутилъ не три,
торы тысячи, а другія полторы зашилъ въ ладонку; вотъ
дѣло было, господа, вотъ откуда эти вчерашнія деньги...

– Это почти чудесно... пролепеталъ Николай Парѳеновичъ.

– Позвольте спросить, проговорилъ, наконецъ, прокуроръ,—
бъявили-ли вы хоть кому-нибудь объ этомъ обстоятельствѣ
де... то есть, что полторы эти тысячи оставили тогда-же,
цъ назадъ, при себѣ?

– Никому не говорилъ.

– Это странно. Неужели такъ-таки совсѣмъ никому?

– Совсѣмъ никому. Никому и никому.

– Но почему-же такое умолчаніе? Что побудило васъ сдѣ-
изъ этого такой секретъ! Я объясняюсь точнѣе: вы объявили
, наконецъ, вашу тайну, по словамъ вашимъ, столь «позор-
, хотя въ сущности—то есть, конечно, лишь относительно
ія—этотъ поступокъ, то есть именно присвоеніе чужихъ

трехъ тысячъ рублей, и, безъ сомнѣнія, лишь [illegible] покъ этотъ, на мой взглядъ, по крайней мѣрѣ, [illegible] высшей степени поступокъ легкомысленный, но [illegible] зорный, принимая, кромѣ того, во вниманіе и вашъ [illegible] Ну, положимъ, даже и зазорный, въ высшей степени [illegible] я согласенъ, но зазорный—все-же не позорный... Те [illegible] собственно къ тому, что про растраченныя вами эти [illegible] отъ госпожи Верховцевой, уже многіе догадывались [illegible] мѣсяцъ и безъ вашего признанія, я слышалъ эту легенду Михаилъ Макаровичъ, напримѣръ, тоже слышалъ. Такъ конецъ, это почти уже не легенда, а сплетня всего гор тому-же есть слѣды, что и вы сами, если не ошибаюсь, признавались въ этомъ, то есть именно что деньги эти пожи Верховцевой... А потому и удивляетъ меня слишк вы придавали до сихъ поръ, то есть до самой настоящей такую необычайную тайну этимъ отложеннымъ, по ваши вамъ, полутора тысячамъ, сопрягая съ вашею тайною з кой-то даже ужасъ... Невѣроятно, чтобы подобная тайн стоить вамъ столькихъ мученій къ признанію... потому кричали сейчасъ даже, что лучше на каторгу, чѣмъ призн

Прокуроръ замолкъ. Онъ разгорячился. Онъ не сд своей досады, почти злобы, и выложилъ все накоп даже не заботясь о красотѣ слога, то есть безсвязно и сбивчиво.

— Не въ полутора тысячахъ заключался позоръ, а в что эти полторы тысячи я отдѣлилъ отъ тѣхъ трехъ твердо произнесъ Митя.

— Но что-же, раздражительно усмѣхнулся прокуро именно въ томъ позорнаго, что уже отъ взятыхъ зазор если сами желаете, то и позорно. трехъ тысячъ вы о половину по своему усмотрѣнію? Важнѣе то, что вы три присвоили, а не то какъ съ ними распорядились. Кстати вы именно такъ распорядились, то есть отдѣлили эту по Для чего, для какой цѣли такъ сдѣлали, можете это ни яснить!

— О, господа, да въ цѣли-то и вся сила, воскликнулъ отдѣлилъ по подлости, то есть по разсчету, ибо разсч этомъ случаѣ и есть подлость... И цѣлый мѣсяцъ продо эта подлость!

— Непонятно.

— Удивляюсь вамъ. А, впрочемъ, объяснюсь еще,

но, можетъ быть, непонятно. Видите, слѣдите за мной: Я зоюю три тысячи, ввѣренныя моей чести, кучу на нихъ, про-лъ всѣ, на утро являюсь къ ней и говорю: «Катя, виноватъ, окутилъ твои три тысячи», — ну что, хорошо? Нѣтъ, не шо,—безчестно и малодушно, звѣрь и до звѣрства не умѣю-сдержать себя человѣкъ, такъ-ли, такъ-ли? Но все-же не ? Не прямой-же вѣдь воръ, не прямой, согласитесь! Проку-, но не укралъ! Теперь второй, еще выгоднѣйшій случай; ите за мной, а то я, пожалуй, опять собьюсь—какъ-то голова ится, — итакъ, второй случай: прокучиваю я здѣсь только оры тысячи изъ трехъ, то есть половину. На другой день ожу къ ней и приношу эту половину: «Катя, возьми отъ мерзавца и легкомысленнаго подлеца, эту половину, потому половину я прокутилъ, прокучу, стало быть, и эту, такъ я отъ грѣха долой!» Ну, какъ въ такомъ случаѣ? Все что ло, и звѣрь и подлецъ, но уже не воръ, не воръ окончa-ло, ибо, если-бъ воръ, то навѣрно бы не принесъ назадъ вину сдачи, а присвоилъ-бы и ее. Тутъ-же она видитъ, что скоро принесъ половину, то донесетъ и остальныя, то есть ученныя, всю жизнь искать будетъ, работать будетъ, но отъ и отдастъ. Такимъ образомъ, подлецъ, но не воръ, не , какъ хотите, не воръ!

— Положимъ, что есть нѣкоторая разница, холодно усмѣх-я прокуроръ.—Но странно все-таки, что вы видите въ этомъ ю роковую уже разницу.

— Да, вижу такую роковую разницу! Подлецомъ можетъ всякій, да и есть, пожалуй, всякій, но воромъ можетъ быть якій, а только архиподлецъ. Ну, да я тамъ этимъ тонко-ь не умѣю... А только воръ подлѣе подлеца, вотъ мое убѣж-. Слушайте: я ношу деньги цѣлый мѣсяцъ на себѣ, завтра-могу рѣшиться ихъ отдать, и я уже не подлецъ, но рѣ-ся-то я не могу, вотъ что, хотя и каждый день рѣшаюсь, и каждый день толкаю себя: «рѣшись, рѣшись подлецъ», ъ весь мѣсяцъ не могу рѣшиться, вотъ что! Что, хорошо шему, хорошо?

— Положимъ, не такъ хорошо, это я отлично могу понять этомъ я не спорю, сдержанно отвѣтилъ прокуроръ.—Да и це отложимъ всякое препираніе объ этихъ тонкостяхъ и чіяхъ, а вотъ опять-таки если-бы вамъ угодно было пе-къ дѣлу. А дѣло именно въ томъ, что вы еще не извo-намъ объяснить, хотя мы и спрашивали: для чего перво-

начально сдѣлали такое раздѣленіе въ этихъ трехъ
есть одну половину прокутили, а другую припрятали
для чего собственно припрятали, на что хотѣли себ
отдѣльныя полторы тысячи употребить? Я на этом
настаиваю, Дмитрій Ѳедоровичъ.

— Ахъ, да и въ самомъ дѣлѣ! вскричалъ Митя, удар
по лбу, — простите, я васъ мучаю, а главнаго и не
а то-бы вы въ мигъ поняли, ибо въ цѣли-то, въ цѣли-т
и позоръ! Видите, тутъ все этотъ старикъ, покойникъ,
Аграфену Александровну смущалъ, а я ревновалъ, думалъ
что она колеблется между мною и имъ: вотъ и думаю
день: что если вдругъ съ ея стороны рѣшеніе, что
устанетъ меня мучить, и вдругъ скажетъ мнѣ: «тебя
не его, увози меня на край свѣта». А у меня всего дв
венныхъ; съ чѣмъ увезешь, что тогда дѣлать,—вотъ и
Я вѣдь ее тогда не зналъ и не понималъ, я думалъ, что
негъ надо и что нищеты моей она мнѣ не проститъ. И
ехидно отсчитываю половину отъ трехъ тысячъ и зашива
хладнокровно, зашиваю съ разсчетомъ, еще до пьянства
ваю, а потомъ, какъ ужь зашилъ, на остальную полови
пьянствовать! Нѣтъ-съ, это подлость! Поняли теперь?

Прокуроръ громко разсмѣялся, слѣдователь тоже.

— По моему, даже благоразумно и нравственно, что у
лись и не всѣ прокутили, прохихикалъ Николай Парѳенов
потому что, что-же тутъ такого-съ?

— Да то, что укралъ, вотъ что! О, Боже, вы меня у
непониманіемъ! Все время пока я носилъ эти полторы
зашитыя на груди, я каждый день и каждый часъ го
себѣ: «ты воръ, ты воръ!» Да я оттого и свирѣпствовалъ въ
мѣсяцъ, оттого и дрался въ трактирѣ, оттого и отца изби
чувствовалъ себя воромъ! Я даже Алешѣ, брату моему,
шился и не посмѣлъ открыть про эти полторы тысячи:
чувствовалъ что подлецъ и мазурикъ! Но знайте, что
носилъ, я въ тоже время каждый день и каждый часъ
ворилъ себѣ: «Нѣтъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, ты, можетъ бы
и не воръ». Почему? А именно потому, что ты можешь
пойдти и отдать эти полторы тысячи Катѣ. И вотъ вчера
я рѣшился сорвать мою ладонку съ шеи, идя отъ Ѳени к
хотину, а до той минуты не рѣшался, и только что сорва
туже минуту сталъ уже окончательный и безспорный воръ
и безчестный человѣкъ на всю жизнь. Почему? Потому что

ладонкой и мечту мою пойдти къ Катѣ и сказать: «Я под-
ь, а не воръ» разорвалъ! Понимаете теперь, понимаете?
— Почему-же вы именно вчера вечеромъ на это рѣшились?
рвалъ было Николай Парѳеновичъ.
— Почему? Смѣшно спрашивать: потому что осудилъ себя
смерть, въ пять часовъ утра, здѣсь, на разсвѣтѣ: «Вѣдь все
но, подумалъ, умирать подлецомъ или благороднымъ!» Такъ
ь нѣтъ-же, не все равно оказалось! Вѣрите-ли, господа, не
не то меня мучило больше всего въ эту ночь, что я старика-
гу убилъ, и что грозила Сибирь, и еще когда? когда увѣнча-
ь любовь моя и небо открылось мнѣ снова! О, это мучило,
не такъ; все-же не такъ, какъ это проклятое сознаніе, что я
залъ, наконецъ, съ груди эти проклятыя деньги и ихъ рас-
залъ, а, стало быть, теперь уже воръ окончательный! О,
юда, повторяю вамъ съ кровью сердца: много я узналъ въ
ночь! Узналъ я, что не только жить подлецомъ невозможно,
и умирать подлецомъ невозможно... Нѣтъ, господа, умирать
) честно!..
Митя былъ блѣденъ. Лицо его имѣло изможденный и изму-
ный видъ, не смотря на то, что онъ былъ до крайности
оряченъ.
— Я начинаю васъ понимать, Дмитрій Ѳедоровичъ, мягко
аже какъ-бы сострадательно протянулъ прокуроръ,—но все
, воля ваша, по моему, лишь нервы... болѣзненные нервы
и, вотъ что-съ. И почему-бы, напримѣръ, вамъ, чтобъ изба-
ь себя отъ столькихъ мукъ, почти цѣлаго мѣсяца, не пойдти
и отдать эти полторы тысячи, той особѣ, которая вамъ ихъ
ѣрила, и, уже объяснившись съ нею, почему-бы вамъ, въ
у вашего тогдашняго положенія, столь ужаснаго, какъ вы
рисуете, не испробовать комбинацію, столь естественно пред-
ляющуюся уму, то есть послѣ благороднаго признанія ей
вашихъ ошибкахъ, почему-бы вамъ у ней-же и не попро-
ь потребную на ваши расходы сумму, въ которой она, при
икодушномъ сердцѣ своемъ и видя ваше разстройство, ужь
ечно-бы, вамъ не отказала, особенно, если-бы подъ доку-
ъ, или, наконецъ, хотя-бы подъ такое-же обезпеченіе, ко-
ое вы предлагали купцу Самсонову и госпожѣ Хохлаковой?
ь считаете-же вы даже до сихъ поръ это обезпеченіе цѣн-
ъ?
Митя вдругъ покраснѣлъ:
— Неужто-же вы меня считаете даже до такой ужь сте-

пени подлецомъ? Не можетъ быть, чтобы вы это серьезно
говорилъ онъ съ негодованіемъ, смотря въ глаза прокур
какъ-бы не вѣря, что отъ него слышалъ.

— Увѣряю васъ, что серьезно... Почему вы думаете,
серьезно? удивился въ свою очередь и прокуроръ.

— О, какъ это было-бы подло! Господа, знаете-ли вы
вы меня мучаете! Извольте, я вамъ все скажу, такъ и бы
вамъ теперь уже во всей моей инфернальности признаюс
чтобы васъ-же устыдить, и вы сами удивитесь, до какой
лости можетъ дойдти комбинація чувствъ человѣческихъ.
те-же, что я уже имѣлъ эту комбинацію самъ, вотъ эту с
про которую вы сейчасъ говорили, прокуроръ! Да, госпо
меня была эта мысль, въ этотъ проклятый мѣсяцъ, так
почти уже рѣшался идти къ Катѣ, до того былъ подлъ! Н
къ ней, объявить ей мою измѣну, и на эту-же измѣну
исполненія-же этой измѣны, для предстоящихъ расходовъ
измѣну, у ней-же, у Кати-же, просить денегъ (просить, сл
просить!) и тотчасъ отъ нея-же убѣжать съ другою, съ
перницей, съ ея ненавистницей и обидчицей,—помилуйте,
съума сошли, прокуроръ!

— Съ ума не съ ума, но, конечно, я сгоряча не сообра
на счетъ этой самой вотъ женской ревности... если тутъ,
ствительно, могла быть ревность, какъ вы утверждаете...
жалуй, тутъ есть нѣчто въ этомъ родѣ, усмѣхнулся прок

— Но это была-бы ужь такая мерзость, свирѣпо уд
Митя кулакомъ по столу, — это такъ-бы воняло, что уж
не знаю! Да знаете-ли вы, что она могла-бы мнѣ да
деньги, да и дала-бы, навѣрно дала-бы, изъ отмщенія м
ла-бы, изъ наслажденія мщеніемъ, изъ презрѣнія ко мнѣ
бы, потому что это тоже инфернальная душа и великаго
женщина! Я-то-бы деньги взялъ, о, взялъ-бы, взялъ, и
всю жизнь... о, Боже! Простите, господа, я потому такъ
что у меня была эта мысль еще такъ недавно, еще всего
третьяго дня, именно когда я ночью съ Лягавымъ возв
потомъ вчера, да и вчера, весь день вчера, я помню э
самаго этого случая...

— До какого случая? ввернулъ было Николай Парее
съ любопытствомъ, но Митя не разслышалъ.

— Я сдѣлалъ вамъ страшное признаніе, мрачно зак
онъ.—Оцѣните-же его, господа. Да мало того, мало оц
не оцѣните, а цѣните его, а если нѣтъ, если и это пр

[redacted] вашихъ душъ: то тогда уже вы прямо не уважаете меня, [redacted]года, вотъ что̀ я вамъ говорю, и я умру отъ стыда, что при[redacted]ался такимъ, какъ вы! О, я застрѣлюсь! Да, я уже вижу, вижу, [redacted] вы мнѣ не вѣрите! Какъ, такъ вы и это хотите записывать? [redacted]ричалъ онъ уже въ испугѣ.

— Да вотъ что̀ вы сейчасъ сказали, въ удивленіи смотрѣлъ [redacted]него Николай Парѳеновичъ,—то есть, что вы до самаго послѣд[redacted]го часа все еще располагали идти къ госпожѣ Верховцевой про[redacted]ть у нея эту сумму... Увѣряю васъ, что это очень важное для [redacted]ъ показаніе, Дмитрій Ѳедоровичъ, то есть про весь этотъ [redacted]чай... и особенно для васъ, особенно для васъ важное.

— Помилосердуйте, господа, всплеснулъ руками Митя, — [redacted]ъ этого-то не пишите, постыдитесь! Вѣдь я, такъ сказать, [redacted]ну мою разорвалъ пополамъ предъ вами, а вы воспользовались [redacted]ѳетесь пальцами по разорванному мѣсту въ обѣихъ полови[redacted]ъ... О, Боже!

Онъ закрылся въ отчаяніи руками.

— Не безпокойтесь такъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, заключилъ [redacted]куроръ,—все теперь записанное вы потомъ прослушаете сами [redacted]ъ чѣмъ не согласитесь, мы по вашимъ словамъ измѣнимъ, а [redacted]ерь я вамъ одинъ вопросикъ еще въ третій разъ повторю: [redacted]жто въ самомъ дѣлѣ никто, такъ таки вовсе никто, не слыхалъ [redacted] васъ объ этихъ зашитыхъ вами въ ладонку деньгахъ? Это, [redacted]амъ скажу, почти невозможно представить.

— Никто, никто, я сказалъ, иначе вы ничего не поняли! [redacted]авьте меня въ покоѣ.

— Извольте-съ, это дѣло должно объясниться и еще много [redacted] тому времени впереди, но пока разсудите: у насъ, можетъ [redacted]ть, десятки свидѣтельствъ о томъ, что вы именно сами распро[redacted]аняли, и даже кричали вездѣ о трехъ тысячахъ, истраченныхъ [redacted]и, о трехъ, а не о полутора, да и теперь, при появленіи вче[redacted]шнихъ денегъ, тоже многимъ успѣли дать знать, что денегъ [redacted]ть привезли съ собою три тысячи...

— Не десятки, а сотни свидѣтельствъ у васъ въ рукахъ, двѣ [redacted]ни свидѣтельствъ, двѣ сотни человѣкъ слышали, тысяча слы[redacted]ала! воскликнулъ Митя.

— Ну, вотъ видите-съ, всѣ, всѣ свидѣтельствуютъ. Такъ вѣдь [redacted]начитъ-же что-нибудь слово *всѣ*.

— Ничего не значитъ, я совралъ, а за мной и всѣ стали врать.

— Да зачѣмъ-же вамъ-то такъ надо было «врать», какъ вы [redacted]ъясняетесь?

— А чортъ знаетъ. Изъ похвальбы, можетъ быть, что вотъ такъ много денегъ прокутилъ... Изъ того, можетъ, объ этихъ зашитыхъ деньгахъ забыть... да, это именно чортъ... который разъ вы задаете этотъ вопросъ? Ну, ее кончено, разъ совралъ и не хотѣлъ ужь переправить, чего иной разъ вретъ человѣкъ?

— Это очень трудно рѣшить, Дмитрій Ѳедоровичъ, чего вретъ человѣкъ, внушительно проговорилъ прок Скажите, однако, велика-ли была эта, какъ вы назы ладонка, на вашей шеѣ.

— Нѣтъ, не велика.

— А какой, напримѣръ, величины?

— Бумажку сторублевую пополамъ сложить, вотъ и в

— А лучше-бы вы намъ показали лоскутки? Вѣдь нибудь при васъ.

— Э, чортъ... какія глупости... я не знаю гдѣ они.

— Но позвольте, однако: гдѣ-же и когда вы ее с шеи? Вѣдь вы, какъ сами показываете, домой не захо

— А вотъ какъ отъ Ѳени вышелъ и шелъ къ Пе дорогой и сорвалъ съ шеи и вынулъ деньги.

— Въ темнотѣ?

— Для чего тутъ свѣчка? Я это пальцемъ въ од сдѣлалъ.

— Безъ ножницъ, на улицѣ?

— На площади, кажется; зачѣмъ ножницы? Ветхая сейчасъ разодралась.

— Куда-же вы ее потомъ дѣли?

— Тамъ-же и бросилъ.

— Гдѣ именно?

— Да на площади-же, вообще на площади! Чортъ е гдѣ на площади. Да для чего вамъ это?

— Это чрезвычайно важно, Дмитрій Ѳедоровичъ: ве ныя доказательства въ вашу-же пользу, и какъ это вы н понять? Кто-же вамъ помогалъ зашивать мѣсяцъ наза

— Никто не помогалъ, самъ зашилъ.

— Вы умѣете шить?

— Солдатъ долженъ умѣть шить, а тутъ и умѣн кого не надо.

— Гдѣ-же вы взяли матеріалъ, то есть эту тр которую зашили?

— Неужто вы не смѣетесь?

— Отнюдь нѣтъ, и намъ вовсе не до смѣха, Дмитрій Ѳеодорычъ.
— Не помню, гдѣ взялъ тряпку, гдѣ-нибудь взялъ.
— Какъ-бы, кажется, этого-то ужь не запомнить.
— Да ей Богу-же не помню, можетъ, что-нибудь разодралъ ь бѣлья.
— Это очень интересно: въ вашей квартирѣ могла-бы завтра скаться эта вещь, рубашка, можетъ быть, отъ которой вы отор- ли кусокъ. Изъ чего эта тряпка была, изъ холста, изъ полотна?
— Чортъ ее знаетъ изъ чего. Постойте... Я, кажется, ни чего не отрывалъ. Она была коленкоровая... Я, кажется, хозяйкинъ чепчикъ зашилъ.
— Въ хозяйкинъ чепчикъ?
— Да, я у ней утащилъ.
— Какъ это утащили?
— Видите, я дѣйствительно, помнится, какъ-то утащилъ нъ чепчикъ на тряпки, а, можетъ, перо обтирать. Взялъ ти- ько, потому никуда негодная тряпка, лоскутки у меня валя- ь, а тутъ эти полторы тысячи, я взялъ и зашилъ... Кажется, нно, въ эти тряпки зашилъ. Старая коленкоровая дрянь, ты- у разъ мытая.
— И вы это твердо помните?
— Не знаю, твердо-ли. Кажется, въ чепчикъ. Ну. да наплевать.
— Въ такомъ случаѣ, ваша хозяйка могла-бы, по крайней ѣ, припомнить, что у нея пропала эта вещь?
— Вовсе нѣтъ, она и не хватилась. Старая тряпка, говорю ъ, старая тряпка, гроша не стоитъ.
— А иголку откуда взяли, нитки?
— Я прекращаю, больше не хочу. Довольно! разсердился, онецъ, Митя.
— И странно опять таки, что вы такъ совсѣмъ ужь забыли, какомъ именно мѣстѣ бросили на площади эту... ладонку.
— Да велите завтра площадь выместь, можетъ, найдете, усмѣх- ся Митя.—Довольно, господа, довольно, измученнымъ голо- ъ порѣшилъ онъ.—Вижу ясно: вы мнѣ не повѣрили! Ни въ ъ и ни на грошъ. Вина моя, а не ваша, не надо было со- ься. Зачѣмъ, зачѣмъ я омерзилъ себя признаніемъ въ тайнѣ й! А вамъ это смѣхъ, я по глазамъ вашимъ вижу. Это вы меня, куроръ, довели! Пойте себѣ гимнъ, если можете... Будьте вы кляты, истязатели!
Онъ склонился головой и закрылъ лицо руками. Прокуроръ

[illegible] уголъ [illegible] утро [illegible]

[illegible] сказали [illegible] такъ [illegible]

[illegible]

— [illegible]

[illegible]

— [illegible]

Митя [illegible] маленькія зеленоватыя [illegible] окошекъ. Видне[illegible] окномъ грязная дорога, а тамъ дальше, въ дожд[illegible] ные, бѣдные, неприглядные ряды избъ, еще боле[illegible] почернѣвшихъ и обѣднѣвшихъ отъ дождя. Митя [illegible] «Феба златокудраго» и какъ онъ хотѣлъ застрѣ[illegible] лучемъ его. «Пожалуй, въ такое утро был[illegible] усмѣхнулся онъ и вдругъ, махнувъ сверху вниз[illegible] нулся къ «истязателямъ»:

— Господа! воскликнулъ онъ,—я вѣдь вижу, [illegible] Но она? Скажите мнѣ про нее, умоляю васъ, неу[illegible] падетъ со мной? Вѣдь она невинна, вѣдь она вч[illegible] въ умѣ, что «во всемъ виновата». Она ни въ че[illegible] не виновата! Я всю ночь скорбѣлъ, съ вами си[illegible] не можете-ли мнѣ сказать, что вы съ нею тепе[illegible]

— Рѣшительно успокойтесь на этотъ счетъ, [illegible] ровичъ, тотчасъ-же и съ видимою поспѣшностью [illegible] куроръ, — мы не имѣемъ пока никакихъ значител[illegible]

къ допросу свидѣтелей. Все это должно произойдти не-
но въ вашемъ присутствіи, а потому...
А не выпить-ли сперва чайку? перебилъ Николай Пар-
ъ,—вѣдь ужь, кажется, заслужили!
ѣшили, что если есть готовый чай внизу (въ виду того,
хаилъ Макаровичъ навѣрно ушелъ «почаевать») то вы-
стаканчику и затѣмъ «продолжать и продолжать». Настоя-
чай и «закусочку» отложить до болѣе свободнаго часа.
йствительно нашелся внизу и его въ скорости доставили
къ. Митя сначала отказался отъ стакана, который ему
о предложилъ Николай Парѳеновичъ, но потомъ самъ по-
ь и выпилъ съ жадностью. Вообще-же имѣлъ какой-то
дивительно измученный видъ. Казалось-бы, при его бога-
хъ силахъ, что могла значить одна ночь кутежа и хотя-
ыхъ сильныхъ при томъ ощущеній? Но онъ самъ чувство-
тто едва сидитъ, а по временамъ такъ всѣ предметы на-
какъ-бы ходить и вертѣться у него предъ глазами. «Еще
и, пожалуй, бредить начну», подумалъ онъ про себя.

VIII.

Показаніе свидѣтелей. Дитё.

росъ свидѣтелей начался. Но мы уже не станемъ про-
ь нашъ разсказъ въ такой подробности, въ какой вели
сихъ поръ. А потому и опустимъ о томъ, какъ Николай
овичъ внушалъ каждому призываемому свидѣтелю, что
олженъ показывать по правдѣ и совѣсти и что впослѣд-
олженъ будетъ повторить это показаніе свое подъ при-
Какъ, наконецъ, отъ каждаго свидѣтеля требовалось, чтобъ
писалъ протоколъ своихъ показаній и проч., и проч. Отмѣ
ишь одно, что главнѣйшій пунктъ, на который обраща-
е вниманіе допрашивавшихъ, преимущественно былъ все
самый вопросъ о трехъ тысячахъ, то есть было-ли ихъ
полторы въ первый разъ, то есть въ первый кутежъ
о Ѳедоровича здѣсь въ Мокромъ, мѣсяцъ назадъ, и было-
три или полторы тысячи вчера, во второй кутежъ Дмитрія
ича. Увы, всѣ свидѣтельства, всѣ до единаго, оказались
ь Мити и ни одного въ его пользу, а иные изъ свидѣ-
ъ такъ даже внесли новые, почти ошеломляющіе факты

въ опроверженіе показаній его. Первымъ спрошеннымъ былъ
фонъ Борисычъ. Онъ предсталъ предъ допрашивающими бе
лѣйшаго страха, напротивъ, съ видомъ строгаго и суровог
годованія противъ обвиняемаго и тѣмъ несомнѣнно придал
видъ чрезвычайной правдивости и собственнаго достоинств
ворилъ мало, сдержанно, ждалъ вопросовъ, отвѣчалъ то
обдуманно. Твердо и не обинуясь показалъ, что мѣсяцъ н
не могло быть истрачено менѣе трехъ тысячъ, что здѣс
мужики покажутъ, что слышали о трехъ тысячахъ отъ
«Митрія Ѳедорыча»: «Одинѣмъ цыганкамъ сколько денегъ
бросали. Имъ одинѣмъ небось за тысячу перевалило».

— И пятисотъ, можетъ, не далъ, мрачно замѣтилъ и
Митя,—вотъ только не считалъ тогда, пьянъ былъ, а за

Митя сидѣлъ на этотъ разъ сбоку, спиной къ за
камъ, слушалъ мрачно, имѣлъ видъ грустный и усталый,
бы говорившій: «Э, показывайте, что хотите, теперь все р

— Больше тысячи пошло на нихъ, Митрій Ѳедоровичъ,
опровергъ Трифонъ Борисовичъ,—бросали зря, а онѣ под
Народъ-то вѣдь этотъ воръ и мошенникъ, конокрады они, у
ихъ отселева, а то они сами, можетъ, показали-бы скол
отъ васъ поживились. Самъ я въ рукахъ у васъ тогда
видѣлъ, — считать не считалъ, вы мнѣ не давали, это сп
ливо,—а на глазъ, помню, многимъ больше было, чѣмъ по
тысячи... Куды полторы! Видывали и мы деньги, могимъ су

На счетъ вчерашней-же суммы Трифонъ Борисовичъ пря
казалъ, что Дмитрій Ѳедоровичъ самъ ему, только что вста
лошадей, объявилъ, что привезъ три тысячи.

— Полно, такъ-ли, Трифонъ Борисычъ, возразилъ
Митя,—неужто такъ-таки положительно объявилъ, что п
три тысячи?

— Говорили, Митрій Ѳедоровичъ. При Андреѣ говорили.
онъ тутъ самъ Андрей, еще не уѣхалъ, призовите его. А та
залѣ, когда хоръ подчивали, такъ прямо закричали, что п
тысячу здѣсь оставляете,—съ прежними, то есть, оно такъ
мать надо. Степанъ да Семенъ слышали, да Петръ Ѳомичъ
новъ съ вами тогда рядомъ стоялъ, можетъ, и они тож
помнили...

Показаніе о шестой тысячѣ принято было съ необыкн
нымъ впечатлѣніемъ допрашивающими. Понравилась новая
ція: три да три, значитъ, шесть, стало быть, три тысячи то
три тысячи теперь, вотъ онѣ и всѣ шесть, выходило ясн

Опросили всѣхъ указанныхъ Трифономъ Борисовичемъ мужиковъ, Степана и Семена, ямщика Андрея и Петра Ѳомича Калганова. Мужики и ямщикъ не обинуясь подтвердили показаніе Трифона Борисыча. Кромѣ того особенно записали, со словъ Андрея, о разговорѣ его съ Митей дорогой на счетъ того «куда, молъ, я, Дмитрій Ѳедоровичъ, попаду: на небо аль въ адъ, и не встятъ-ли мнѣ на томъ свѣтѣ аль нѣтъ?» «Психологъ» Ипполитъ Кирилловичъ выслушалъ все это съ тонкою улыбкой и конечно тѣмъ, что и это показаніе о томъ, куда Дмитрій Ѳедоровичъ попадетъ, порекомендовалъ «пріобщить къ дѣлу».

Спрошенный Калгановъ вошелъ нехотя, хмурый, капризный, разговаривалъ съ прокуроромъ и съ Николаемъ Парѳеновичемъ такъ, какъ-бы въ первый разъ увидѣлъ ихъ въ жизни, тогда какъ былъ давній и ежедневный ихъ знакомый. Онъ началъ съ того, что «ничего этого не знаетъ и знать не хочетъ». Но о той тысячѣ, оказалось, слышалъ, и онъ признался, что въ ту минуту подлѣ стоялъ. На его взглядъ денегъ было у Мити въ тѣхъ «не знаю сколько». На счетъ того, что поляки въ карты передернули, показалъ утвердительно. Объяснилъ тоже, на вопросительные разспросы, что по изгнаніи поляковъ дѣйствительно и Митя у Аграфены Александровны поправились и что она ему сказала, что его любитъ. Объ Аграфенѣ Александровнѣ изъяснился сдержанно и почтительно, какъ будто она была самаго лучшаго общества барыня, и даже ни разу не позволилъ себѣ назвать ее «Грушенькой». Не смотря на видимое отвращеніе молодого человѣка показывать, Ипполитъ Кирилловичъ разспрашивалъ его долго и лишь отъ него узналъ всѣ подробности того, что составляло, такъ сказать, «романъ» Мити въ эту ночь. Митя ни разу не остановилъ Калганова. Наконецъ, юношу отпустили и онъ удалился съ нескрываемымъ негодованіемъ.

Допросили и поляковъ. Они въ своей комнаткѣ хоть и легли тотчасъ спать, но во всю ночь не заснули, а съ прибытіемъ властей тотчасъ одѣлись и прибрались, сами понимая, что ихъ непремѣнно потребуютъ. Явились они съ достоинствомъ, хотя и не безъ нѣкотораго страху. Главный, то есть маленькій панъ, оказался отставнымъ коллежскимъ регистраторомъ двѣнадцатаго класса въ отставкѣ, служилъ въ Сибири ветеринаромъ, по фамиліи-же былъ панъ Муссяловичъ. Другой-же Врублевскій оказался вольнопрактикующимъ дантистомъ, попросту русскимъ зубнымъ врачомъ. Оба они какъ вошли въ комнату, такъ и тотчасъ-же, не смотря на вопросы Николая Парѳеновича, стали обращаться съ отвѣтами къ стоявшему въ сторонѣ Михаилу

Макаровичу, принимая его, по невѣдѣнію, за главный
начальствующее здѣсь лицо и называя его съ каждым
вомъ: «пане пулковнику». И только послѣ нѣсколькихъ
и наставленія самого Михаила Макаровича, догадались,
добно обращаться съ отвѣтами лишь къ Николаю Паре
Оказалось, что по русски они умѣли даже весьма и весь
вильно говорить, кромѣ развѣ выговора иныхъ словъ. Объ
шеніяхъ своихъ къ Грушенькѣ, прежнихъ и теперешнихъ,
Мусяловичъ сталъ было заявлять горячо и гордо, так
Митя сразу вышелъ изъ себя и закричалъ, что не поз
«подлецу» при себѣ такъ говорить! Панъ Мусяловичъ тот
жо обратилъ вниманіе на слово «подлецъ» и попросилъ
въ протоколъ. Митя закипѣлъ отъ ярости.

— И подлецъ, подлецъ! Внесите это, и внесите тоже, что,
смотря на протоколъ, я все-таки кричу, что подлецъ! прокричалъ

Николай Парѳеновичъ, хоть и внесъ въ протоколъ, но
явилъ при семъ непріятномъ случаѣ самую похвальную дѣ
тость и умѣніе распорядиться: послѣ строгаго внушенія
онъ самъ тотчасъ-же прекратилъ всѣ дальнѣйшіе разспросы
сательно романической стороны дѣла и поскорѣе перешелъ
существенному. Въ существенномъ-же явилось одно показа
пановъ, возбудившее необыкновенное любопытство слѣдовател
это именно о томъ, какъ подкупалъ Митя, въ той комна
пана Мусяловича и предлагалъ ему три тысячи отступного,
тѣмъ что семьсотъ рублей въ руки, а остальныя двѣ тыс
тристa «завтра-же утромъ въ городѣ», причемъ клялся честны
словомъ, объявляя, что здѣсь, въ Мокромъ, съ нимъ и нѣтъ по
такихъ денегъ а что деньги въ городѣ. Митя замѣтилъ бе
сторяча, что не говорилъ, что навѣрно отдастъ завтра въ
родѣ, но панъ Врубевскій подтвердилъ показаніе, да и са
Митя, подумавъ съ минуту, нахмуренно согласился, что долж
быть такъ и было какъ паны говорятъ, что онъ былъ то
разгорячень, а потому дѣйствительно могъ такъ сказать. П
куроръ такъ и впился въ показаніе: оказывалось для слѣдст
яснымъ (какъ и впрямь потомъ вывели) что половина или чт
трехъ тысячъ, доставшихся въ руки Митѣ, дѣйствительно не
оставаться гдѣ-нибудь припрятанною въ городѣ, а пожа
такъ даже гдѣ-нибудь и тутъ въ Мокромъ, такъ что выш
лось такимъ образомъ и то щекотливое для слѣдствія обст
тельство, что у Мити нашли въ рукахъ всего только восе
сотъ рублей,—обстоятельство, бывшее до сихъ поръ хотя

[redacted]инымъ и довольно ничтожнымъ, но все-же нѣкоторымъ свидѣтельствомъ въ пользу Мити. Теперь-же и это единственное [redacted]ѣтельство въ его пользу разрушалось. На вопросъ прокурора: гдѣ-же-бы онъ взялъ остальныя двѣ тысячи триста, чтобъ [redacted]ть завтра пану, коли самъ утверждаетъ, что у него было [redacted]го только полторы тысячи, а между тѣмъ завѣрялъ пана [redacted]имъ честнымъ словомъ, Митя твердо отвѣтилъ, что хотѣлъ [redacted]ложить «полячишкѣ» на завтра не деньги, а формальный [redacted]съ на права свои по имѣнію Чермашнѣ, тѣ самыя права, которыя предлагалъ Самсонову и Хохлаковой. Прокуроръ даже усмѣ[redacted]лся «невинности выверта».

— И вы думаете, что онъ-бы согласился взять эти «права» [redacted]сто наличныхъ двухъ тысячъ трехсотъ рублей?

— Непремѣнно согласился-бы, горячо отрѣзалъ Митя.—По[redacted]уйте, да тутъ не только двѣ, тутъ четыре, тутъ шесть даже [redacted]ячъ онъ могъ-бы на этомъ тяпнуть! Онъ-бы тотчасъ на[redacted]къ своихъ адвокатишекъ, полячковъ да жидковъ, и не то что [redacted]тысячи, а всю-бы Чермашню отъ старика оттягали.

Разумѣется, показаніе пана Муссяловича внесли въ прото[redacted]ъ въ самой полной подробности. На томъ пановъ и отпустили. [redacted]актѣ-же передержки въ картахъ почти и не упомянули; Ни[redacted]ай Парѳеновичъ имъ слишкомъ былъ и безъ того благода[redacted]ъ и пустяками не хотѣлъ безпокоить; тѣмъ болѣе, что все [redacted]пустая ссора въ пьяномъ видѣ за картами и болѣе ничего. [redacted]о-ли было кутежа и безобразій въ ту ночь... Такъ что [redacted]ги. двѣсти рублей, такъ и остались у пановъ въ карманѣ. [redacted]Призвали затѣмъ старичка Максимова. Онъ явился робѣя, [redacted]шелъ мелкими шажками, видъ имѣлъ растрепанный и очень [redacted]тный. Все время онъ ютился тамъ внизу подлѣ Грушеньки, [redacted]ъ съ нею молча и «нѣтъ-нѣтъ, да и начнетъ надъ нею [redacted]кать, а глаза утираетъ синимъ клѣтчатымъ платочкомъ», [redacted]ъ разсказывалъ потомъ Михаилъ Макаровичъ. Такъ что она [redacted]уже унимала и утѣшала его. Старичокъ тотчасъ-же и со [redacted]ами признался, что виноватъ, что взялъ у Дмитрія Ѳедоро[redacted]а взаймы «десять рублей-съ, по моей бѣдности-съ» и что [redacted]ъ возвратить... На прямой вопросъ Николая Парѳеновича: [redacted]замѣтилъ-ли онъ сколько-же именно денегъ было въ рукахъ [redacted]митрія Ѳедоровича, такъ какъ онъ ближе всѣхъ могъ видѣть [redacted]его въ рукахъ деньги когда получалъ отъ него взаймы,— [redacted]симовъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отвѣтилъ, что де[redacted]ь было «двадцать тысячъ-съ».

— А вы видѣли когда-нибудь двадцать тысячъ гдѣ-нибудь прежде? спросилъ, улыбнувшись, Николай Парѳеновичъ.

— Какъ-же-съ, видѣлъ-съ, только не двадцать-съ, а сем... когда супруга моя деревеньку мою заложила. Дала мнѣ тогда... видали поглядѣть, похвалилась предо мной. Очень крупная бан... пачка-съ, все радужныя. И у Дмитрія Ѳедоровича были все ра... дужныя...

Его скоро отпустили. Наконецъ, дошла очередь и до Гру... шеньки. Слѣдователи видимо опасались того впечатлѣнія, кото... рое могло произвести ея появленіе на Дмитрія Ѳедоровича. Николай Парѳеновичъ пробормоталъ даже нѣсколько словъ въ увѣщаніе, но Митя, въ отвѣтъ ему, молча склонилъ голов... давая тѣмъ знать, что «безпорядка не произойдетъ». Ввелъ Гру... шеньку самъ Михаилъ Макаровичъ. Она вошла со строгимъ и... угрюмымъ лицомъ, съ виду почти спокойнымъ, и тихо сѣла на... указанный ей стулъ напротивъ Николая Парѳеновича. Бы... она очень блѣдна, казалось, что ей холодно и она плотно зак... тывалась въ свою прекрасную, черную шаль. Дѣйствительно у... ней начинался тогда легкій лихорадочный ознобъ—начало дли... ной болѣзни, которую она потомъ съ этой ночи перенесла. Стр... гій видъ ея, прямой и серьезный взглядъ и спокойная мане... произвели весьма благопріятное впечатлѣніе на всѣхъ. Никол... Парѳеновичъ даже сразу нѣсколько «увлекся». Онъ признавал... самъ, разсказывая кое-гдѣ потомъ, что только съ этого раз... постигъ, какъ эта женщина «хороша собой», а прежде хоть и... видывалъ ее, но всегда считалъ чѣмъ-то въ родѣ «уѣздной ба... теры». «У ней манеры какъ у самаго высшаго общества», ... сторженно сболтнулъ онъ какъ-то въ одномъ дамскомъ круж... Но его выслушали съ самимъ полнымъ негодованіемъ и тотча... назвали за это «шалуномъ», чѣмъ онъ и остался очень дов... ленъ. Входя въ комнату, Грушенька лишь какъ-бы мелькомъ... глянула на Митю, въ свою очередь съ безпокойствомъ на н... поглядѣвшаго, но видъ ея въ ту-же минуту и его успокоил... Послѣ первыхъ необходимыхъ вопросовъ и увѣщаній, Никол... Парѳеновичъ, хоть и нѣсколько запинаясь, но сохраняя са... вѣжливый, однако-же, видъ, спросилъ ее: «Въ какихъ отно... ніяхъ состояла она къ отставному поручику Дмитрію Ѳедоров... Карамазову?» На что Грушенька тихо и твердо произнесла:

— Знакомый мой былъ, какъ знакомаго его въ послѣдн... мѣсяцъ принимала.

На дальнѣйшіе любопытствующіе вопросы прямо и съ по...

откровенностью заявила, что хотя онъ ей «часами» и нра-
ся, но что она не любила его, но завлекала изъ «гнусной
ы моей», равно какъ и того «старичка», видѣла, что Митя
чень ревновалъ къ Ѳедору Павловичу и ко всѣмъ, но тѣмъ
ь тѣшилась. Къ Ѳедору-же Павловичу совсѣмъ никогда не
ла идти, а только смѣялась надъ нимъ. «Въ тотъ весь мѣ-
ь не до нихъ мнѣ обоихъ было; я ждала другаго человѣка,
о мной виновнаго... Только, думаю, заключила она, что
ь нечего объ этомъ любопытствовать, а мнѣ нечего вамъ
чать, потому это особливое мое дѣло».

Такъ немедленно и поступилъ Николай Парѳеновичъ: на «ро-
ческихъ» пунктахъ онъ опять пересталъ настаивать, а прямо
шелъ къ серьезному, то есть все къ тому-же и главнѣйшему
юсу о трехъ тысячахъ. Грушенька подтвердила, что въ Мок-
ѣ, мѣсяцъ назадъ, дѣйствительно истрачены были три ты-
рублей, и хоть денегъ сама и не считала, но слышала отъ
го Дмитрія Ѳедоровича, что три тысячи рублей.

— Наединѣ онъ вамъ это говорилъ или при комъ-нибудь,
вы только слышали какъ онъ съ другими при васъ гово-
,? освѣдомился тотъ-же прокуроръ.

На что Грушенька объявила, что слышала и при людяхъ,
пала какъ и съ другими говорилъ, слышала и наединѣ отъ
самого.

— Однажды слышали отъ него наединѣ или неоднократно?
домился опять прокуроръ и узналъ, что Грушенька слышала
нократно.

Ипполитъ Кириллычъ остался очень доволенъ этимъ показа-
ъ. Изъ дальнѣйшихъ вопросовъ выяснилось тоже, что Гру-
кѣ было извѣстно откуда эти деньги и что взялъ ихъ де
трій Ѳедоровичъ отъ Катерины Ивановны.

— А не слыхали-ли вы хоть однажды, что денегъ было про-
но мѣсяцъ назадъ не три тысячи, а меньше, и что Дмитрій
орович уберегъ изъ нихъ цѣлую половину для себя?

— Нѣтъ, никогда этого не слыхала, показала Грушенька.

Дальше выяснилось даже, что Митя, напротивъ, часто гово-
ь ей во весь этотъ мѣсяцъ, что денегъ у него нѣтъ ни ко-
ки. «Съ родителя своего все ждалъ получить», заключила
шенька.

— А не говорилъ-ли когда при васъ... или какъ-нибудь
комъ, или въ раздраженіи, хватилъ вдругъ Николай Парѳе-
чъ, что намѣренъ посягнуть на жизнь своего отца?

слово.

— Скажите, разрѣшилъ Николай

— Аграфена Александровна, пр
вѣрь Богу и мнѣ: въ крови убитаго
винень!

Произнесся это. Митя опять сѣлъ
встала и набожно перекрестилась на

— Слава Тебѣ Господи! проговор
новеннымъ голосомъ и еще не садис
къ Николаю Парѳеновичу, прибавила:
тому и вѣрьте! Знаю его: сболтнуть чт
ли съ упрямства, но если противъ со
нетъ. Прямо правду скажетъ, тому в

— Спасибо, Аграфена Александро
жащимъ голосомъ отозвался Митя.

На вопросы о вчерашнихъ деньг
знаетъ сколько ихъ было, но слыша
разъ говорилъ вчера, что привезъ ст
счетъ того: откуда деньги взялъ, то
Катерины Ивановны «укралъ», а что
что онъ не укралъ и что деньги над
стоичивый вопросъ прокурора: о каки
укралъ у Катерины Ивановны: о вчер
тысячахъ, которыя были истрачены з

ь тѣмъ старичкомъ отправлюсь, съ помѣщикомъ, его до
жа подожду внизу, коль позволите, какъ вы тутъ Дми
оровича порѣшите.
Она вышла. Митя былъ спокоенъ и даже имѣлъ сов
ривш ійся видъ, но лишь на минуту. Все какое-то стра
ическое безсиліе одолѣвало его чѣмъ дальше, тѣмъ бол
а его закрывались отъ усталости. Допросъ свидѣт
онецъ, окончился. Приступили къ окончательной реда
гокола. Митя всталъ и перешелъ съ своего стула въ уг
занавѣскѣ, прилегъ на большой накрытый ковромъ хозя
дукъ и мигомъ заснулъ. Приснился ему какой-то стра
ь, какъ-то совсѣмъ не къ мѣсту и не ко времени. Вотъ
го-бы гдѣ-то ѣдетъ въ степи, тамъ, гдѣ служилъ давно,
кде, и везетъ его въ слякоть на телѣгѣ, на парѣ, муж
ьно холодно будто-бы Митѣ, въ началѣ ноябрь, и снѣгъ ва
ными мокрыми хлопьями, а падая на землю тотчасъ та
ойко везетъ его мужикъ, славно помахиваетъ, русая, дли
ая у него борода, и не то что старикъ, а такъ лѣтъ бу
идесяти, сѣрый мужичій на немъ зипунишко. И вотъ неда
ніе, виднѣются избы черныя-пречерныя, а половина
рѣла, торчатъ только одни обгорѣлыя бревна. А при вх
гроились на дорогѣ бабы, много бабъ, цѣлый рядъ, все ху
тыя, какія-то коричневыя у нихъ лица. Вотъ особенно
краю, такая костлявая, высокаго роста, кажется, ей
ѣтъ, а, можетъ, и всего только двадцать, лицо длинное, х
а рукахъ у нея плачетъ ребеночекъ, и груди-то, должно
ей такія изсохшія, и ни капли въ нихъ молока. И пла
четъ дитя, и ручки протягиваетъ, голенькія, съ кулачен
ь холоду совсѣмъ какія-то сизыя.
— Что они плачутъ? Чего они плачутъ? спрашиваетъ,
бѣгая мимо нихъ, Митя.
— Дитё, отвѣчаетъ ему ямщикъ,—дитё плачетъ. И пора
но то, что онъ сказалъ по своему, по мужицки: дит
дитя. И ему нравится, что мужикъ сказалъ дитё: жа
то больше.
— Да отчего оно плачетъ? домогается, какъ глупый
—Почему ручки голенькія, почему его не закутаютъ?
— А иззябло дитё, промерзла одежонка, вотъ и пла
— Да почему это такъ? Почему? все не отстаетъ глупый
— А бѣдные, погорѣлые, хлѣбушка нѣту-ти, ѣсть
то просятъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, все будто еще не понимаетъ Митя,—за почему это стоятъ погорѣлыя матери, почему бѣдны люди, бѣдно дитё, почему голая степь, почему они не обнима цѣлуются, почему не поютъ пѣсень радостныхъ, почему он нѣли такъ отъ черной бѣды, почему не кормятъ дитё?

И чувствуетъ онъ про себя, что хоть онъ и безум шиваетъ, и безъ толку, но непремѣнно хочется ему имен спросить и что именно такъ и надо спросить. И чувству еще, что подымается въ сердцѣ его какое-то никогда не валое въ немъ умиленіе, что плакать ему хочется, что онъ всѣмъ сдѣлать что-то такое, чтобы не плакало боль не плакала-бы и черная изсохшая мать дити, чтобъ вовсе слезъ отъ сей минуты ни у кого, и чтобы сей сейчасъ-же это сдѣлать не отлагая и не смотря ни на всѣмъ безудержемъ Карамазовскимъ.

— А я съ тобой, я теперь тебя не оставлю, на ве съ тобой иду, раздаются подлѣ него милыя, проникновен ствомъ слова Грушеньки. И вотъ загорѣлось все сердц устремилось къ какому-то свѣту, и хочется ему жить идти и идти въ какой-то путь, къ новому зовущему скорѣе, скорѣе, теперь-же, сейчасъ!

— Что? Куда? восклицаетъ онъ, открывая глаза и с свой сундукъ, совсѣмъ какъ-бы очнувшись отъ обмороки свѣтло улыбаясь. Надъ нимъ стоитъ Николай Парфен приглашаетъ его выслушать и подписать протоколъ. Д Митя, что спалъ онъ часъ или болѣе, но онъ Николая Пар не слушалъ. Его вдругъ поразило, что подъ головой у н тилась подушка, которой, не было, однако, когда онъ с въ безсиліи на сундукъ.

— Кто это мнѣ подъ голову подушку принесъ? Кт такой добрый человѣкъ! воскликнулъ онъ съ какимъ-т женнымъ, благодарнымъ чувствомъ и плачущимъ какимъ сомъ, будто и Богъ знаетъ какое благодѣяніе оказали ему человѣкъ такъ потомъ и остался въ неизвѣстности, кт изъ понятыхъ, а, можетъ быть, и писарекъ Николая Пар распорядились подложить ему подушку изъ состраданія душа его какъ-бы сотряслась отъ слезъ. Онъ подошелъ и объявилъ, что подпишетъ все что угодно.

— Я хорошій сонъ видѣлъ, господа, странно какъ изнесъ онъ, съ какимъ-то новымъ, словно радостью оза лицомъ.

IX.

Увезли Митю.

ъ подписанъ былъ протоколъ, Николай Парѳеновичъ тор-
:о обратился къ обвиняемому и прочелъ ему «Постанов-
ласившее, что такого-то года и такого-то дня, тамъ-то,
і слѣдователь такого-то окружнаго суда, допросивъ такого-
:ть Митю) въ качествѣ обвиняемаго въ томъ-то и въ
(всѣ вины были тщательно прописаны) и принимая во
, что обвиняемый, не признавая себя виновнымъ во взво-
на него преступленіяхъ, ничего въ оправданіе свое не
илъ, а между тѣмъ, свидѣтели (такіе-то) и обстоятельства
) его вполнѣ уличаютъ, руководствуясь такими-то и
о статьями Уложенія о Наказаніяхъ, и т. д. постановилъ:
:ѣченія такому-то (Митѣ), способовъ уклониться отъ
і и суда, заключить его въ такой-то тюремный замокъ,
)винаемому объявить, а копію съ сего постановленія това-
)курора сообщить и т. д., и т. д. Словомъ, Митѣ объявили,
отъ сей минуты арестантъ, и что повезутъ его сейчасъ
ъ, гдѣ и заключатъ въ одно очень непріятное мѣсто.
имательно выслушавъ, вскинулъ только плечами.
то-жь, господа, я васъ не виню, я готовъ... Понимаю,
, ничего болѣе не остается.
лай Парѳеновичъ мягко изъяснилъ ему, что свезетъ его
ке становой приставъ, Маврикій Маврикіевичъ, который
съ теперь тутъ случился...
тойте, перебилъ вдругъ Митя и съ какимъ-то неудер-
чувствомъ произнесъ, обращаясь ко всѣмъ въ комнатѣ:—
всѣ мы жестоки, всѣ мы изверги, всѣ плакать заставляемъ
атерей и грудныхъ дѣтей, но изъ всѣхъ—пусть ужь
етъ рѣшено теперь—изъ всѣхъ я самый подлый гадъ!
аждый день моей жизни я, бія себя въ грудь, обѣщалъ
ься и каждый день творилъ все тѣ-же пакости. Понимаю,
то на такихъ какъ я, нуженъ ударъ, ударъ судьбы,
хватить его какъ въ арканъ и скрутить внѣшнею силой.
никогда не поднялся-бы я самъ собой! Но громъ грянулъ,
о муку обвиненія и всенароднаго позора моего, пострада-
и страданіемъ очищусь! Вѣдь, можетъ быть, и очищусь.

господа, а? Но услышьте, однако, въ послѣдній разъ: [redacted] отца моего не повиненъ! Принимаю казнь не за то, что [redacted] его, а за то, что хотѣлъ убить и, можетъ быть, въ самомъ [redacted] убилъ-бы... Но всетаки я намѣренъ съ вами бороться и [redacted] возвѣщаю. Буду бороться съ вами до послѣдняго конца, а [redacted] рѣшитъ Богъ! Прощайте, господа, не сердитесь, что я [redacted] просомъ кричалъ на васъ, о, я былъ тогда еще такъ [redacted] Чрезъ минуту я арестантъ и теперь, въ послѣдній разъ, [redacted] Карамазовъ, какъ свободный еще человѣкъ, протягиваетъ [redacted] свою руку. Прощаясь съ вами, съ людьми прощусь!...

Голосъ его задрожалъ и онъ дѣйствительно протянул [redacted] руку, но Николай Парѳеновичъ, всѣхъ ближе къ нему и [redacted] шійся, какъ-то вдругъ, почти судорожнымъ какимъ-то [redacted] припряталъ свои руки назадъ. Митя мигомъ замѣтилъ [redacted] вздрогнулъ. Протянутую руку свою тотчасъ-же опустил

— Слѣдствіе еще не заключилось, залепеталъ Никол [redacted] ѳеновичъ, нѣсколько сконфузясь, — продолжать будемъ [redacted] городѣ, и я, конечно, съ моей стороны, готовъ вамъ [redacted] всякой удачи... къ вашему оправданію... Собственно-[redacted] Дмитрій Ѳедоровичъ, я всегда наклоненъ считать за че [redacted] такъ сказать, болѣ несчастнаго чѣмъ виновнаго... Мы в [redacted] здѣсь, если только осмѣлюсь выразиться отъ лица всѣхъ, [redacted] готовы признать васъ за благороднаго въ основѣ своей [redacted] человѣка, но, увы, увлеченнаго нѣкоторыми страстями въ [redacted] нѣсколько излишней...

Маленькая фигурка Николая Парѳеновича выразила [redacted] нецъ рѣчи самую полную сановитость. У Мити мелькну [redacted] вдругъ, что вотъ этотъ «мальчикъ» сейчасъ возьметъ [redacted] руку, уведетъ въ другой уголъ и тамъ возобновитъ съ [redacted] давній еще разговоръ ихъ о «дѣвочкахъ». Но мало-ли [redacted] совсѣмъ постороннихъ и невдущихъ къ дѣлу мыслей [redacted] даже у преступника, ведомаго на смертную казнь.

— Господа, вы добры, вы гуманны,—могу я видѣть [redacted] ститься въ послѣдній разъ? спросилъ Митя.

— Безъ сомнѣнія, но въ видахъ... однимъ словомъ [redacted] ужь нельзя не въ присутствіи...

— Пожалуй, присутствуйте!

Привели Грушенькку, но прощаніе состоялось коротк [redacted] словное и Николая Парѳеновича не удовлетворившее. Гр [redacted] глубоко поклонилась Митѣ.

— Сказала тебѣ, что твоя, и буду твоя, пойду съ

куда-бы тебя ни рѣшили. Прощай, безвинно погубившій человѣкъ!

Губки ея вздрогнули, слезы потекли изъ глазъ.

— Прости, Груша, меня за любовь мою, зато что любовью я и тебя сгубилъ.

Митя хотѣлъ и еще что-то сказать, но вдругъ самъ прервалъ и вышелъ. Кругомъ него тотчасъ-же очутились люди не бывшіе съ него глазъ. Внизу у крылечка, къ которому онъ какимъ громомъ подкатилъ вчера на Андреевой тройкѣ, стояли приготовыя двѣ телѣги. Мавpикій Мавpикіевичъ, приземистый плотный человѣкъ, съ обрюзглымъ лицомъ, былъ чѣмъ-то разгнѣванъ, какимъ-то внезапно случившимся безпорядкомъ, сердился и кричалъ. Какъ-то слишкомъ уже сурово пригласилъ онъ его взлѣзть на телѣгу. «Прежде, какъ я въ трактирѣ пилъ, совсѣмъ было другое лицо у человѣка», подумалъ Митя, вспомнилъ. Съ крылечка спустился внизъ и Трифонъ Борисовичъ. Поперекъ столпились люди, мужики, бабы, ямщики, всѣ устремились на Митю.

— Прощайте, Божьи люди! крикнулъ имъ вдругъ съ телѣги Митя.

— И насъ прости, раздались два—три голоса.

— Прощай и ты, Трифонъ Борисычъ!

Но Трифонъ Борисычъ даже не обернулся, можетъ быть, ужь очень былъ занятъ. Онъ тоже чего-то кричалъ и суетился. Оказалось, что на второй телѣгѣ, на которой должны были сопровождать Мавpикія Мавpикіевича двое сотскихъ, еще не все было въ исправности. Мужиченко, котораго нарядили было на вторую телѣгу, натягивалъ зипунишко и крѣпко спорилъ, что ѣхать не слѣдъ Акиму. Но Акима не было; за нимъ побѣжали; мужиченко ругивалъ и молилъ обождать.

— Вѣдь это народъ-то у насъ, Мавpикій Мавpикіевичъ, совсѣмъ безъ стыда! восклицалъ Трифонъ Борисычъ.—Тебѣ Акимъ третьяго дня далъ четвертакъ денегъ, ты ихъ пропилъ, а теперь вишь. Добротѣ только вашей удивляюсь съ нашимъ подлымъ народомъ, Мавpикій Мавpикіевичъ, только это одно скажу!

— Да зачѣмъ намъ вторую тройку? вступился было Митя,— ѣхать на одной, Мавpикій Мавpикіевичъ. небось не взбунтуетъ, не убѣгу отъ тебя, къ чему конвой?

— А извольте, сударь, умѣть со мной говорить, если еще научены, я вамъ не *ты*. не извольте тыкать-съ, да и совѣты другой разъ сберегите... свирѣпо отрѣзалъ вдругъ Митѣ Мавpикій Мавpикіевичъ, точно обрадовался сердце сорвать.

Митя примолкъ. Онъ весь покраснѣлъ. Черезъ мгнов стало вдругъ очень холодно. Дождь пересталъ, но мутн все было обтянуто облаками, дулъ рѣзкій вѣтеръ прямо «Ознобъ что-ли со мной», подумалъ Митя, передернувъ Наконецъ влѣзъ въ телѣгу и Маврикій Маврикіевичъ, грузно, широко и, какъ-бы не замѣтивъ, крѣпко потѣснивъ Митю. Правда, онъ былъ не въ духѣ и ему сильно не лось возложенное на него порученіе.

— Прощай, Трифонъ Борисычъ! крикнулъ опять самъ почувствовалъ, что не отъ добродушія теперь зак а со злости, противъ воли крикнулъ. Но Трифонъ Борисычъ гордо, заложивъ назадъ обѣ руки и прямо уставясь на глядѣлъ строго и сердито и Митѣ ничего не отвѣтилъ.

— Прощайте, Дмитрій Ѳедоровичъ, прощайте! раздался голосъ Калганова, вдругъ откуда-то выскочившаго. Под къ телѣгѣ, онъ протянулъ Митѣ руку. Былъ онъ безъ фу Митя успѣлъ еще схватить и пожать его руку.

— Прощай, милый человѣкъ, не забуду великодушія! воскликнулъ онъ. Но телѣга тронулась и руки ихъ раз Зазвенѣлъ колокольчикъ—увезли Митю.

А Калгановъ забѣжалъ въ сѣни, сѣлъ въ углу, нагн лову, закрылъ руками лицо и заплакалъ; долго онъ такъ и плакалъ, — плакалъ точно былъ еще маленькій маль не двадцатилѣтній уже молодой человѣкъ. О, онъ вѣрилъ новность Мити почти вполнѣ! «Что-же это за люди, п послѣ того могутъ быть люди!» безсвязно восклицалъ горькомъ унынiи, почти въ отчаяніи. Не хотѣлось даже ему въ ту минуту на свѣтѣ. «Стоитъ-ли, стоитъ-ли!» цалъ огорченный юноша.

Часть четвертая.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

МАЛЬЧИКИ.

I.

Коля Красоткинъ.

ябрь въ началѣ. У насъ сталъ морозъ градусовъ въ дцать, а съ нимъ гололедица. На мерзлую землю упало ь немного сухаго снѣгу, и вѣтеръ «сухой и острый» по-ъ его и мететъ по скучнымъ улицамъ нашего городка и но по базарной площади. Утро мутное, но снѣжокъ пере-

Недалеко отъ площади, по близости отъ лавки Плотни-ь, стоитъ небольшой, очень чистенькій и снаружи, и снутри , вдовы чиновника Красоткиной. Самъ губернскій секре-Красоткинъ померъ уже очень давно, тому назадъ почти адцать лѣтъ, но вдова его, тридцатилѣтняя и до сихъ ще весьма смазливая собою дамочка, жива и живетъ въ чистенькомъ домикѣ «своимъ капиталомъ». Живетъ она и робко, характера нѣжнаго, но довольно веселаго. Оста-на послѣ мужа лѣтъ восемнадцати, проживъ съ нимъ лишь около году и только что родивъ ему сына. Съ тѣхъ съ самой его смерти, она посвятила всю себя воспитанію своего нещечка мальчика Коли, и хоть любила его всѣ адцать лѣтъ безъ памяти, но ужь, конечно, перенесла съ несравненно больше страданій, чѣмъ выжила радостей, тре-

пеща и умирая отъ страха чуть не каждый день, что онъ
болѣетъ, простудится, нашалитъ, полѣзетъ на стулъ и свалит
и проч., и проч. Когда-же Коля сталъ ходить въ школу и
томъ въ нашу прогимназію, то мать бросилась изучать
съ нимъ всѣ науки, чтобы помогать ему и репетировать съ
уроки, бросилась знакомиться съ учителями и съ ихъ
ласкала даже товарищей Коли, школьниковъ, и
ними, чтобы не трогали Колю, не насмѣхались надъ ним
прибили его. Довела до того, что мальчишки и въ самомъ
стали было чрезъ нее надъ нимъ насмѣхаться и начали
нить его тѣмъ, что онъ маменькинъ сынокъ. Но мальчикъ съ
отстоять себя. Былъ онъ смѣлый мальчишка, «ужасно
какъ пронеслась и скоро утвердилась молва о немъ въ
былъ ловокъ, характера упорнаго, духа дерзкаго и
ваго. Учился онъ хорошо, и шла даже молва, что онъ
ариѳметики и изъ всемірной исторіи собьетъ самого
Дарданелова. Но мальчикъ хоть и смотрѣлъ на всѣхъ
вздернувъ носикъ, но товарищемъ былъ хорошимъ и не
возносился. Уваженіе школьниковъ принималъ какъ
но держалъ себя дружелюбно. Главное, зналъ мѣру, умѣлъ
случаѣ сдержать себя самого, а въ отношеніяхъ къ
никогда не переступалъ нѣкоторой послѣдней и замѣтной
за которою уже проступокъ не можетъ быть терпимъ,
щаясь въ безпорядокъ, бунтъ и въ беззаконіе. И, однако,
очень, очень не прочь былъ пошалить при всякомъ
случаѣ, пошалить какъ самый послѣдній мальчишка, и не
пошалить, сколько что нибудь намудрить, начудесить,
«экстрафеферу», шику, порисоваться. Главное, былъ очень
любивъ. Даже свою маму съумѣлъ поставить къ себѣ въ
шенія подчиненныя, дѣйствуя на нее почти деспотически.
и подчинилась, о, давно уже подчинилась, и лишь не
за что перенести одной только мысли, что мальчикъ ее
любитъ». Ей безпрерывно казалось, что Коля къ ней «без
стенъ», и бывали случаи, что она, обливаясь истерическ
слезами, начинала упрекать его въ холодности. Мальчикъ
не любилъ, и чѣмъ болѣе требовали отъ него сердечныхъ
ній, тѣмъ какъ-бы нарочно становился неподатливѣе. Но
дило это у него не нарочно, а невольно, — таковъ ужь
характеръ. Мать ошибалась: маму свою онъ очень любилъ,
любилъ только «телячьихъ нѣжностей», какъ выражал
на своемъ школьническомъ языкѣ. Послѣ отца остался

которомъ хранилось нѣсколько книгъ; Коля любилъ читать
про себя прочелъ уже нѣкоторыя изъ нихъ. Мать этимъ не
шалась и только дивилась иногда, какъ это мальчикъ вмѣсто
о чтобъ идти играть, простаиваетъ у шкапа по цѣлымъ ча-
ъ надъ какою-нибудь книжкой. И такимъ образомъ Коля про-
ъ кое-что чего бы ему нельзя еще было давать читать въ его
растѣ. Впрочемъ, въ послѣднее время хотя мальчикъ и не
лъ переходить въ своихъ шалостяхъ извѣстной черты, но
лись шалости испугавшія мать не на шутку, — правда, не
равственныя какія-нибудь, зато отчаянныя, головорѣзныя.
ъ разъ въ это лѣто, въ іюлѣ мѣсяцѣ, во время вакацій, слу-
ось такъ, что маменька съ сыномъ отправились погостить
недѣльку въ другой уѣздъ, за семьдесятъ верстъ, къ одной
ней родственницѣ, мужъ которой служилъ на станціи желѣз-
дороги (той самой, ближайшей отъ нашего города станціи,
которой Иванъ Ѳедоровичъ Карамазовъ, мѣсяцъ спустя, отпра-
ся въ Москву). Тамъ Коля началъ съ того, что оглядѣлъ
ѣзную дорогу въ подробности, изучилъ распорядки, понимая,
новыми знаніями своими можетъ блеснуть, возвратясь до-
между школьниками своей прогимназіи. Но нашлись тамъ
ъ разъ въ то время и еще нѣсколько мальчиковъ, съ кото-
онъ и сошелся; одни изъ нихъ проживали на станціи,
е по сосѣдству, — всего молодаго народа, отъ двѣнадцати
ятнадцати лѣтъ, сошлось человѣкъ шесть или семь, а изъ
ъ двое случились и изъ нашего городка. Мальчики вмѣстѣ
ли, шалили, и вотъ на четвертый или на пятый день го-
я на станціи состоялось между глупою молодежью одно
евозможное пари въ два рубля, именно: Коля, почти изо
ъ младшій, а потому нѣсколько презираемый старшими, изъ
любія или изъ безпардонной отваги, предложилъ, что онъ,
о, когда придетъ одиннадцатичасовой поѣздъ, ляжетъ между
сами ничкомъ и пролежитъ недвижимо, пока поѣздъ проне-
надъ нимъ на всѣхъ парахъ. Правда, сдѣлано было пред-
тельное изученіе, изъ котораго оказалось, что дѣйствительно
о такъ протянуться и сплющиться вдоль между рельсами,
поѣздъ, конечно, пронесется и не задѣнетъ лежащаго, но,
о-же, каково пролежать! Коля стоялъ твердо, что проле-
. Надъ нимъ сначала смѣялись, звали лгунишкой, фанфа-
ъ, но тѣмъ пуще его подзадорили. Главное, эти пятнадцати-
слишкомъ ужь задирали предъ нимъ носъ и сперва даже
ли считать его товарищемъ, какъ «маленькаго», что было

уже нестерпимо обидно. И вотъ рѣшено было отправи
вечера за версту отъ станціи, чтобы поѣздъ, снявшись о
ціи, успѣлъ уже совсѣмъ разбѣжаться. Мальчишки соб
Ночь настала безлунная, не то что темная, а почти чер
надлежащій часъ Коля легъ между рельсами. Пятеро оста
державшихъ пари, съ замираніемъ сердца, а наконецъ и
и съ раскаяніемъ ждали внизу насыпи подлѣ дороги
стахъ. Наконецъ, загремѣлъ вдали поѣздъ, снявшійся со с
Засверкали изъ тьмы два красные фонаря, загрохотало
жающееся чудовище. «Бѣги, бѣги долой съ рельсовъ!»
чали Колѣ изъ кустовъ умиравшіе отъ страха мальчиш
было уже поздно: поѣздъ наскакалъ и промчался мимо.
чишки бросились къ Колѣ: онъ лежалъ недвижимо. Они
его теребить, начали подымать. Онъ вдругъ поднялся и
сошелъ съ насыпи. Сойдя внизъ, онъ объявилъ, что
лежалъ какъ безъ чувствъ, чтобъ ихъ испугать, но прав
въ томъ, что онъ и въ самомъ дѣлѣ лишился чувствъ,
признался потомъ самъ, уже долго спустя, своей мамѣ.
образомъ, слава «отчаяннаго» за нимъ укрѣпилась на вѣ
ротился онъ домой на станцію блѣдный, какъ полотно.
гой день заболѣлъ слегка нервною лихорадкой, но духом
ужасно веселъ, радъ и доволенъ. Происшествіе огласи
сейчасъ, а уже въ нашемъ городѣ, проникло въ прогим
достигло до ея начальства. Но тутъ маменька Коли бр
молить начальство за своего мальчика и кончила тѣмъ,
отстоялъ и упросилъ за него уважаемый и вліятельны
тель Дарданеловъ, и дѣло оставили втунѣ, какъ не
вовсе. Этотъ Дарданеловъ, человѣкъ холостой и не
былъ страстно и уже многолѣтне влюбленъ въ госпожу
кину, и уже разъ, назадъ тому съ годъ, почтительнѣйш
мирая отъ страха и деликатности, рискнулъ было пре
ей свою руку; но она наотрѣзъ отказала, считая согласі
ной своему мальчику, хотя Дарданеловъ, по нѣкоторым
ственнымъ признакамъ, даже, можетъ быть, имѣлъ-бы
рое право мечтать, что онъ не совсѣмъ противенъ пре
но уже слишкомъ цѣломудренной и нѣжной вдовицѣ.
шедшая шалость Коли, кажется, пробила ледъ, и Дарда
за его заступничество, сдѣланъ былъ намекъ о надеждѣ.
отдаленный, но и самъ Дарданеловъ былъ феноменомъ
и деликатности, а потому съ него и того было покамѣс
вольно для полноты его счастія. Мальчика онъ любилъ

алъ-бы унизительнымъ предъ нимъ заискивать и отно-
ся къ нему въ классахъ строго и требовательно. Но Коля
ъ держалъ его на почтительномъ разстояніи, уроки гото-
л отлично, былъ въ класѣ вторымъ ученикомъ, обращался
Дарданелову сухо, и весь классъ твердо вѣрилъ, что во
ѣрной исторіи Коля такъ силенъ, что «собьетъ» самаго Дар-
нова. И дѣйствительно, Коля задалъ ему разъ вопросъ: кто
ралъ Трою? на что Дарданеловъ отвѣчалъ лишь вообще про
ды, ихъ движенія, и переселенія, про глубину временъ,
баснословіе, но на то, кто именно основалъ Трою, то есть
именно лица, отвѣтить не могъ, и даже вопросъ нашелъ
му-то празднымъ и несостоятельнымъ. Но мальчики такъ и
лись въ увѣренности, что Дарданеловъ не знаетъ, кто осно-
ъ Трою. Коля-же вычиталъ объ основателяхъ Трои у Сма-
ова, хранившагося въ шкапѣ съ книгами, который остался
ѣ родителя. Кончилось тѣмъ, что всѣхъ даже мальчиковъ
о, наконецъ, интересовать: кто-жь именно основалъ Трою,
Красоткинъ своего секрета не открывалъ, и слава знанія
алась за нимъ незыблемо.

Послѣ случая на желѣзной дорогѣ, у Коли въ отношеніяхъ
атери произошла нѣкоторая перемѣна. Когда Анна Ѳедо-
а (вдова Красоткина) узнала о подвигѣ сынка, то чуть не
а съума отъ ужаса. Съ ней сдѣлались такіе страшные
ическіе припадки, продолжавшіеся съ перемежками нѣ-
ко дней, что испуганный уже серьезно Коля, далъ ей чест-
е благородное слово, что подобныхъ шалостей уже никогда
овторится. Онъ поклялся на колѣняхъ предъ образомъ и
лся памятью отца, какъ потребовала сама госпожа Кра-
ина, причемъ «мужественный» Коля самъ расплакался какъ
плѣтній мальчикъ отъ «чувствъ», и мать, и сынъ во весь
день бросались другъ другу въ объятія и плакали сотря-
ь. На другой день Коля проснулся по прежнему «безчув-
нымъ», однако, сталъ молчаливѣе, скромнѣе, строже, задум-
е. Правда, мѣсяца черезъ полтора онъ опять было попался
одной шалости, и имя его сдѣлалось даже извѣстнымъ на-
у мировому судьѣ, но шалость была уже совсѣмъ въ другомъ
, даже смѣшная и глупенькая, да и не самъ онъ, какъ
алось, совершилъ ее, а только очутился въ нее замѣшан-
ъ. Но объ этомъ какъ-нибудь послѣ. Мать продолжала трепе-
и мучиться, а Дарданеловъ по мѣрѣ тревогъ ея все болѣе
лѣе воспринималъ надежду. Надо замѣтить, что Коля пони-

малъ и разгадывалъ съ этой стороны Дарданелова и ужа
мѣется, глубоко презиралъ его за его «чувства»; прежд
имѣлъ неделикатность выказывать это презрѣніе свое пр
терью, отдаленно намекая ей, что понимаетъ, чего добивает
данеловъ. Но послѣ случая на желѣзной дорогѣ онъ и на
счетъ измѣнилъ свое поведеніе: намековъ себѣ уже болѣе не
лялъ, даже самыхъ отдаленныхъ. а о Дарданеловѣ при
сталъ отзываться почтительнѣе, что тотчасъ-же съ безпред
благодарностью въ сердцѣ своемъ поняла чуткая Анна Бед
но зато при малѣйшемъ, самомъ нечаянномъ словѣ даже
сторонняго какого-нибудь гостя о Дарданеловѣ, если при
находился Коля, вдругъ вся вспыхивала отъ стыда как
Коля-же въ эти мгновенія или смотрѣлъ нахмуренно из
или разглядывалъ, не просятъ-ли у него сапоги каши, и
рѣпо звалъ «Перезвона», лохматую, довольно большую и
вую собаку, которую съ мѣсяцъ вдругъ откуда-то при
втащилъ въ домъ и держалъ почему-то въ секретѣ, въ ком
никому ее не показывая изъ товарищей. Тиранилъ-же у
обучая ее всякимъ шуткамъ и наукамъ, и довелъ бѣдную
до того, что та выла безъ него, когда онъ отлучался въ
а когда приходилъ, визжала отъ восторга, скакала как
умная, служила, валилась на землю и притворялась мер
проч., словомъ, показывала всѣ штуки, которымъ ее об
уже не по требованію, а единственно отъ пылкости свои
сторженныхъ чувствъ и благодарнаго сердца.

Кстати: я и забылъ упомянуть, что Коля Красоткин
тотъ самый мальчикъ, котораго знакомый уже читател
чикъ Илюша, сынъ отставнаго штабсъ-капитана Сне
пырнулъ перочиннымъ ножичкомъ въ бедро, заступаясь
котораго школьники задразнили «мочалкой».

II.

Дѣтвора.

Итакъ, въ то морозное и сиверкое ноябрьское утро
чикъ Коля Красоткинъ сидѣлъ дома. Было воскресенье, и в
не было. Но пробило уже одиннадцать часовъ, а ему не
но надо было идти со двора «по одному весьма важному
а между тѣмъ онъ во всемъ домѣ оставался одинъ и рѣш

ь хранитель его, потому что такъ случилось, что всѣ его
ишіе обитатели, по нѣкоторому экстренному и оригинальному
оятельству, отлучились со двора. Въ домѣ вдовы Красоткиной,
ъ сѣни отъ квартиры, которую занимала она сама, отдавалась
одна и единственная въ домѣ квартирка изъ двухъ маленьь комнатъ, въ наймы, и занимала ее докторша съ двумя
алѣтними дѣтьми. Эта докторша была однихъ лѣтъ съ Анной
ровной и большая ея пріятельница, самъ-же докторъ вотъ
съ годъ заѣхалъ куда-то сперва въ Оренбургъ, а потомъ
Ташкентъ, и уже съ полгода какъ отъ него не было ни
ху, ни духу, такъ что если-бы не дружба съ г-жею Красотй, нѣсколько смягчавшая горе оставленной докторши, то
рѣшительно-бы истекла отъ этого горя слезами. И вотъ,
рбно-же было такъ случиться къ довершенію всѣхъ угнетеній
бы, что въ эту-же самую ночь, съ субботы на воскресенье,
рина, единственная служанка докторши, вдругъ и совсѣмъ
жиданно для своей барыни объявила ей, что намѣрена родить
утру ребеночка. Какъ случилось, что никто этого не замѣтилъ
нѣе, было для всѣхъ почти чудомъ. Пораженная докторша
удила, пока есть еще время, свезти Катерину въ одно приособленное къ подобнымъ случаямъ въ нашемъ городкѣ заве-
е у повивальной бабушки. Такъ какъ служанкою этой она
ь дорожила, то немедленно и исполнила свой проэктъ, отвезла
и сверхъ того осталась тамъ при ней. Затѣмъ уже утромъ
адобилось почему-то все дружеское участіе и помощь самой
и Красоткиной, которая при этомъ случаѣ могла кого-то о
ь-то попросить и оказать какое-то покровительство. Такимъ
зомъ обѣ дамы были въ отлучкѣ, служанка-же самой г-жи
соткиной, баба Агаѳья, ушла на базаръ, и Коля очутился
мъ образомъ, на время, хранителемъ и караульщикомъ «пуей», то есть мальчика и дѣвочки докторши, оставшихся
шенькими. Караулить домъ Коля не боялся, съ нимъ къ
у-же былъ Перезвонъ, которому повелѣно было лежать ничкомъ
передней подъ лавкой «безъ движеній», и который именно,
тому каждый разъ, какъ входилъ въ переднюю расхаживавшій
комнатамъ Коля, вздрагивалъ головой и давалъ два твердые
ыскивающіе удара хвостомъ по полу, но увы, призывнаго
га не раздавалось. Коля грозно взглядывалъ на несчастнаго
и тотъ опять замиралъ въ послушномъ оцѣпенѣніи. Но если
смущало Колю, то единственно «пузыри». На нечаянное
ключеніе съ Катериной онъ, разумѣется, смотрѣлъ съ самымъ

чн:
Не
но н..
з Ме..

кочилъ, что это вредитъ дисциплинѣ, и хотъ минуту, а вы-калъ его еще подъ лавкой, и, уже отворивъ только дверь въ ни, вдругъ свистнулъ его. Песъ вскочилъ, какъ сумасшедшій, росился скакать предъ нимъ отъ восторга. Перейдя сѣни, ни отворилъ дверь къ «пузырямъ». Оба по прежнему сидѣли столикомъ, но уже не читали, а жарко о чемъ-то спорили.

Дѣтки часто другъ съ другомъ спорили о разныхъ вызы-ающихъ житейскихъ предметахъ, причемъ Настя, какъ старшая, да одерживала верхъ; Костя-же, если не соглашался съ нею, всегда почти шелъ аппелировать въ Колѣ Красоткину, и ужь ъ тотъ рѣшалъ, такъ оно и оставалось въ видѣ абсолютнаго овора для всѣхъ сторонъ. На этотъ разъ споръ «пузырей» олько заинтересовалъ Красоткина, и онъ остановился въ рахъ послушать. Дѣтки видѣли, что онъ слушаетъ и тѣмъ съ большимъ азартомъ продолжали свое препираніе.

— Никогда, никогда я не повѣрю, горячо лепетала Настя— маленькихъ дѣтокъ повивальныя бабушки находятъ въ ого-ѣ между грядками съ капустой. Теперь ужь зима, и никакихъ докъ нѣтъ, и бабушка не могла принести Катеринѣ дочку.

— Фью! присвистнулъ про себя Коля.

— Или вотъ какъ: онѣ приносятъ откуда нибудь, но только ъ, которыя замужъ выходятъ.

Костя пристально смотрѣлъ на Настю, глубокомысленно слу-ъ и соображалъ.

— Настя, какая ты дура, произнесъ онъ, наконецъ, твердо горячась,—какой-же можетъ быть у Катерины ребеночекъ, а она не замужемъ?

Настя ужасно загорячилась.

— Ты ничего не понимаешь, раздражительно оборвала она,— отъ, у нея мужъ былъ, но только въ тюрьмѣ сидитъ, а она и родила.

— Да развѣ у нея мужъ въ тюрьмѣ сидитъ? важно освѣ-лся положительный Костя.

— Или вотъ что, стремительно перебила Настя, совершенно ывъ и забывъ свою первую гипотезу: у нея нѣтъ мужа, ты правъ, но она хочетъ выйдти замужъ, вотъ и стала ду-ь, какъ выйдетъ замужъ, и все думала, все думала, и до тѣхъ ъ думала, что вотъ онъ у ней и сталъ, не мужъ, а ребеночекъ.

— Ну, развѣ такъ, согласился совершенно побѣжденный ся,—а ты этого раньше не сказала, такъ какъ-же я могъ ть.

— Ну, дѣтвора, произнесъ Коля, шагнувъ къ нимъ въ
нату,—опасный вы, я вижу, народъ!

— И Перезвонъ съ вами? осклабился Костя и началъ
щелкивать пальцами и звать Перезвона.

— Пузыри, я въ затрудненіи, началъ важно Красоткин
и вы должны мнѣ помочь: Агаѳья, конечно, ногу сломала, п
что до сихъ поръ не является, это рѣшено и подписано, и
необходимо со двора. Отпустите вы меня али нѣтъ?

Дѣти озабоченно переглянулись другъ съ другомъ, оск
шіяся лица ихъ стали выражать безпокойство. Они, впро
еще не понимали вполнѣ чего отъ нихъ добиваются.

— Шалить безъ меня не будете? Не полѣзете на п
не сломаете ногъ? Не заплачете отъ страха одни?

На лицахъ дѣтей выразилась страшная тоска.

— А я-бы вамъ зато могъ вещицу одну показать, пу
мѣдную, изъ которой можно стрѣлять настоящимъ порох

Лица дѣтокъ мгновенно прояснились.

— Покажите пушечку, весь просіявшій проговорил К

Красоткинъ запустилъ руку въ свою сумку и, вынув
нея маленькую бронзовую пушечку, поставилъ ее на сто

— То-то покажите! Смотри, на колескахъ,—прокатил
игрушки по столу, — и стрѣлять можно. Дробью заряд
стрѣлять.

— И убьетъ?

— Всѣхъ убьетъ, только стоитъ навести, — и Красо
растолковалъ куда положить порохъ, куда вкатить дро
показалъ на дырочку въ видѣ затравки и разсказалъ, чт
ваетъ откатъ. Дѣти слушали со страшнымъ любопытст
Особенно поразило ихъ воображеніе, что бываетъ откатъ

— А у васъ есть порохъ? освѣдомилась Настя.

— Есть.

— Покажите и порохъ, протянула она съ просящею улы

Красоткинъ опять слазилъ въ сумку и вынулъ изт
маленькій пузырекъ, въ которомъ дѣйствительно было нѣс
нѣсколько настоящаго пороха, а въ свернутой бумажкѣ ока
нѣсколько крупинокъ дроби. Онъ даже откупорилъ пузыр
высыпалъ немножко пороху на ладонь

— Вотъ, только не было-бы гдѣ огня, а то такъ и взо
и насъ всѣхъ перебьетъ, предупредилъ для эффекта Красо

Дѣти разсматривали порохъ съ благоговѣйнымъ страхом
усилившемъ наслажденіе. Но Костѣ больше понравилась

— А дробь не горитъ? освѣдомился онъ.
— Дробь не горитъ.
— Подарите мнѣ немножко дроби, проговорилъ онъ умоляю-
ъ голоскомъ.
— Дроби немножко подарю, вотъ, бери, только мамѣ своей
еня не показывай, пока я не приду обратно, а то подумаетъ,
это порохъ и такъ и умретъ отъ страха, а васъ выпоретъ.
— Мама насъ никогда не сѣчетъ розгой, тотчасъ-же замѣ-
й Настя.
— Знаю, я только для красоты слога сказалъ. И маму вы
огда не обманывайте, но на этотъ разъ—пока я приду.
къ, пузыри, можно мнѣ идти или нѣтъ? Не заплачете безъ
я отъ страха.
За-пла-чемъ, протянулъ Костя, уже приготовляясь плакать.
— Заплачемъ, непремѣнно заплачемъ! подхватила пугливою
оворкой и Настя.
— Охъ дѣти, дѣти, какъ опасны ваши лѣта. Нечего дѣлать,
щы, придется съ вами просидѣть не знаю сколько. А время-
время-то, ухъ!
— А прикажите Перезвону мертвымъ притвориться, попро-
ъ Костя.
— Да ужь нечего дѣлать, придется прибѣгнуть и къ Перезвону.
Перезвонъ! И Коля началъ повелѣвать собакѣ, а та предъ-
лять все что знала. Это была лохматая собака, величиной
обыкновенную дворняшку, какой-то сѣро-лиловой шерсти.
вый глазъ ея былъ кривъ, а лѣвое ухо почему-то съ разрѣзомъ.
взвизгивала и прыгала, служила, ходила на заднихъ лапахъ,
алась на спину всѣми четырьмя лапами вверхъ и лежала
движенія, какъ мертвая. Во время этой послѣдней шутки
рилась дверь и Агаѳья, толстая служанка г-жи Красоткиной,
ая баба лѣтъ сорока, показалась на порогѣ, возвратясь съ
ара съ кулькомъ накупленной провизіи въ рукѣ. Она стала
ержа въ лѣвой рукѣ на отвѣсѣ кулекъ, принялась глядѣть
собаку. Коля, какъ ни ждалъ Агаѳьи, представленія не
ралъ и, выдержавъ Перезвона опредѣленное время мертвымъ,
онецъ-то свистнулъ ему: собака вскочила и пустилась прыгать
радости что исполнила свой долгъ.
— Вишь, песъ! проговорила назидательно Агаѳья.
— А ты чего, женскій полъ, опоздала? спросилъ грозно
откинъ.
— Женскій полъ, ишь, пупырь!

— Пупырь?

— И пупырь. Что тебѣ что я опоздала, значитъ такъ коли опоздала, бормотала Агаѳья, принимаясь возиться печки, но совсѣмъ не недовольнымъ и не сердитымъ го а, напротивъ, очень довольнымъ, какъ будто радуясь с повубоскалить съ веселымъ барченкомъ.

— Слушай, легкомысленная старуха, началъ, встав дивана, Красоткинъ,—можешь ты мнѣ поклясться всѣм есть святаго въ этомъ мірѣ и сверхъ того чѣмъ-нибудь что будешь наблюдать за пузырями въ мое отсутствіе неус Я ухожу со двора.

— А зачѣмъ я тебѣ клястись стану? засмѣялась Агаѳ и такъ присмотрю.

— Нѣтъ, не иначе какъ поклявшись вѣчнымъ спасе души твоей. Иначе не уйду.

— И не уходи. Мнѣ како дѣло, на дворѣ морозъ, сиди

— Пузыри, обратился Коля къ дѣткамъ,—эта жен останется съ вами до моего прихода или до прихода вашей потому что й той давно-бы воротиться надо. Сверхъ того, вамъ позавтракать. Дашь чего-нибудь имъ, Агаѳья?

— Это возможно.

— До свиданія, птенцы, ухожу со спокойнымъ сердцемъ. бабуся,—вполголоса и важно проговорилъ онъ, проходя Агаѳьи,—надѣюсь, не станешь имъ врать обычныя ваши глупости про Катерину, пощадишь дѣтскій возрастъ. Ici, Перез

— Ну тебя къ Богу, огрызнулась уже съ сердцемъ Агаѳ Смѣшной! Выпороть самого-то, вотъ что, за такія слова.

III.

Школьники.

Но Коля уже не слышалъ. Наконецъ-то онъ могъ у Выйдя за ворота, онъ оглядѣлся, передернулъ плечами проговоривъ: «морозъ!» направился прямо по улицѣ и за направо по переулку къ базарной площади. Не доходя д дома до площади, онъ остановился у воротъ, вынулъ карманчика свистульку и свистнулъ изъ всей силы, ви подавая условный знакъ. Ему пришлось ждать не болѣе ми изъ калитки вдругъ выскочилъ къ нему румяненькій мал

, одиннадцати, тоже одѣтый въ теплое, чистенькое и даже
ьское пальтецо. Это былъ мальчикъ Смуровъ, состоявшій
иготовительномъ классѣ (тогда какъ Коля Красоткинъ былъ
двумя классами выше), сынъ зажиточнаго чиновника и
рому, кажется, не позволяли родители водиться съ Красот-
нъ, какъ съ извѣстнѣйшимъ отчаяннымъ шалуномъ, такъ
Смуровъ очевидно выскочилъ теперь украдкой. Этотъ Смуровъ,
не забылъ читатель, былъ одинъ изъ той группы мальчиковъ,
рые два мѣсяца тому назадъ кидали камнями черезъ канаву
Илюшу, и который разсказывалъ тогда про Илюшу Алешѣ
азову.

— Я васъ уже цѣлый часъ жду, Красоткинъ, съ рѣшитель-
ъ видомъ проговорилъ Смуровъ и мальчики зашагали къ
ади.

— Запоздалъ, отвѣтилъ Красоткинъ.—Есть обстоятельства.
не выпорютъ, что ты со мной?

— Ну, полноте, развѣ меня порютъ? И Перезвонъ съ вами?

— И Перезвонъ!

— Вы и его туда?

— И его туда.

— Ахъ, кабы Жучка!

— Нельзя Жучку. Жучка не существуетъ. Жучка исчезла
ракѣ неизвѣстности.

— Ахъ, нельзя-ли-бы такъ, пріостановился вдругъ Смуровъ,—вѣдь Илюша говоритъ, что Жучка тоже была лохматая
же такая-же сѣдая, дымчатая, какъ и Перезвонъ,—нельзя-
казать, что это та самая Жучка и есть, онъ, можетъ быть,
вѣритъ?

— Школьникъ, гнушайся лжи, это разъ; даже для добраго
два. А главное, надѣюсь, ты тамъ не объявлялъ ничего
мъ приходѣ.

— Боже сохрани, я вѣдь понимаю-же. Но Перезвономъ его
гѣшишь, вздохнулъ Смуровъ. Знаешь что: отецъ этотъ,
анъ, мочалка-то, говорилъ намъ, что сегодня щеночка ему
есетъ, настоящаго меделянскаго, съ чернымъ носомъ; онъ
етъ, что этимъ утѣшитъ Илюшу, только врядъ-ли?

— А каковъ онъ самъ, Илюша-то?

— Ахъ, плохъ, плохъ! Я думаю, у него чахотка. Онъ весь
ятый, только такъ дышетъ—дышетъ, нехорошо онъ дышетъ.
ни попросилъ, чтобъ его поводили, обули его въ сапожки,
ъ было, да и валится. «Ахъ, говоритъ, я говорилъ тебѣ,

папа, что это у меня дурные сапожки, прежніе, въ к
прежде было не ловко ходить». Это онъ думалъ, что о
сапожекъ съ ногъ валится, а онъ просто отъ слабости.
не проживетъ. Герценштубе ѣздитъ. Теперь они опять
у нихъ много денегъ.

— Шельмы.

— Кто шельмы?

— Доктора, и вся медицинская сволочь, говоря воо
ужь, разумѣется, въ частности. Я отрицаю медицину. Бе
ное учрежденіе. Я, впрочемъ, все это изслѣдую. Что это
тамъ за сентиментальности, однако, завелись? Вы тамъ
классомъ, кажется, пребываете?

— Не всѣмъ, а такъ человѣкъ десять нашихъ ходит
всегда, всякій день. Это ничего.

— Удивляетъ меня во всемъ этомъ роль Алексѣя К
зова: брата его завтра или послѣзавтра судятъ за тако
ступленіе, а у него столько времени на сентиментальнича
мальчиками?

— Совсѣмъ тутъ никакого нѣтъ сентиментальничанья
же вотъ идешь теперь съ Илюшей мириться.

— Мириться! Смѣшное выраженіе. Я, впрочемъ, ни
позволю анализировать мои поступки.

— А какъ Илюша будетъ тебѣ радъ! Онъ и не вообра
что ты придешь. Почему, почему ты такъ долго не хотѣл
воскликнулъ вдругъ съ жаромъ Смуровъ.

— Милый мальчикъ, это мое дѣло, а не твое. Я ид
по себѣ, потому что такова моя воля, а васъ всѣхъ при
туда Алексѣй Карамазовъ, значитъ, разница. И почемъ ты
я, можетъ, вовсе не мириться иду? Глупое выраженіе.

— Вовсе не Карамазовъ, совсѣмъ не онъ. Просто
сами туда стали ходить, конечно, сперва съ Карамазов
ничего такого не было, никакихъ глупостей. Сначала
потомъ другой. Отецъ былъ ужасно намъ радъ. Ты знае
просто съ ума сойдетъ коль умретъ Илюша. Онъ видя
Илюша умретъ. А самъ-то какъ радъ, что мы съ Илюш
мирились. Илюша о тебѣ спрашивалъ, ничего больше
бавилъ. Спроситъ и замолчитъ. А отецъ съ ума сойде
повѣсится. Онъ вѣдь и прежде держалъ себя какъ помѣ
Знаешь, онъ благородный человѣкъ, и тогда вышла ошиб
этотъ отцеубійца виноватъ, что избилъ его тогда.

— А все-таки Карамазовъ для меня загадка. Я ни

но съ нимъ познакомиться, но я въ иныхъ случаяхъ люблю
ь гордымъ. Притомъ, я составилъ о немъ нѣкоторое мнѣніе,
рое надо еще провѣрить и разъяснить.
Коля важно примолкъ; Смуровъ тоже. Смуровъ, разумѣется,
говѣлъ предъ Колей Красоткинымъ и не смѣлъ и думать
яться съ нимъ. Теперь-же былъ ужасно заинтересованъ,
ому что Коля объяснилъ, что идетъ «самъ по себѣ», и была
ъ, стало быть, непремѣнно какая-то загадка въ томъ, что
и вдругъ вздумалъ теперь и именно сегодня идти? Они шли
базарной площади, на которой на этотъ разъ стояло много
ужихъ возовъ и было много пригнанной птицы. Городскія
торговали подъ своими навѣсами бубликами, нитками и
. Такіе воскресные съѣзды наивно называются у насъ въ
дкѣ ярмарками, и такихъ ярмарокъ бываетъ много въ году.
звонъ бѣжалъ въ веселѣйшемъ настроеніи духа, уклоняясь
рестанно направо и налѣво гдѣ-нибудь что-нибудь поню-
. Встрѣчаясь съ другими собачонками, съ необыкновенною
ой съ ними обнюхивался по всѣмъ собачьимъ правиламъ.
— Я люблю наблюдать реализмъ, Смуровъ, заговорилъ вдругъ
.—Замѣтилъ ты, какъ собаки встрѣчаются и обнюхиваются?
ь какой-то общій у нихъ законъ природы.
— Да, какой-то смѣшной.
— То есть не смѣшной, это ты неправильно. Въ природѣ
го нѣтъ смѣшнаго, какъ-бы тамъ ни казалось человѣку съ
предразсудками. Если-бы собаки могли разсуждать и крити-
ть, то навѣрно-бы нашли столько-же для себя смѣшнаго,
не гораздо больше, въ соціальныхъ отношеніяхъ между
и людей, ихъ повелителей, — если не гораздо больше; это
вторяю потому, что я твердо увѣренъ, что глупостей у насъ
дно больше. Это мысль Ракитина, мысль замѣчательная. Я
листъ, Смуровъ.
— А что такое соціалистъ? спросилъ Смуровъ.
— Это коли всѣ равны, у всѣхъ одно общее мнѣніе, нѣтъ
въ, а религія и всѣ законы какъ кому угодно, ну и тамъ
остальное. Ты еще не доросъ до этого, тебѣ рано. Холодно,
но.
— Да. Двѣнадцать градусовъ. Давеча отецъ смотрѣлъ на
мометрѣ.
— И замѣтилъ ты, Смуровъ, что въ серединѣ зимы, если
усовъ пятнадцать или даже восемнадцать, то кажется не
холодно, какъ, напримѣръ, теперь, въ началѣ зимы, когда

занемѣла отъ мороза.

— У мужика борода замерзла! пуль Коля, проходя мимо него.

— У многихъ замерзла, спокойно въ отвѣтъ мужикъ.

- Не задирай его, замѣтилъ См

— Ничего, не осердится, онъ хо Прощай.

- А ты развѣ Матвѣй?

— Матвѣй. А ты не зналъ?

- Не зналъ: я наугадъ сказалъ

— Ишь вѣдь. Въ школьникахъ Въ школьникахъ.

- Что-жь тебя порютъ?

- Не то чтобы, а такъ.

— Больно?

Не безъ того!

— Эхъ, жисть! вздохнулъ мужик

- Прощай, Матвѣй.

— Прощай Парнишка ты милый.

Мальчики пошли дальше.

- Это хорошій мужикъ, загово люблю поговорить съ народомъ и все ведливость.

впрочемъ, ты этого не понимаешь. Съ народомъ надо умѣючи
рить.
— Только не задирай, пожалуйста, а то опять выйдетъ исто-
какъ тогда съ этимъ гусемъ.
— А ты боишься.
— Не смѣйся, Коля, ей Богу боюсь. Отецъ ужасно разсер-
ся. Мнѣ строго запрещено ходить съ тобой.
— Не безпокойся, нынѣшній разъ ничего не произойдетъ.
авствуй, Наташа, крикнулъ онъ одной изъ торговокъ подъ
сомъ.
— Какая я тебѣ Наташа, я Марья, крикливо отвѣтила тор-
ка, далеко еще не старая женщина.
— Это хорошо, что Марья, прощай.
— Ахъ ты, пострѣленокъ, отъ земли не видать, а туда-же!
— Некогда, некогда мнѣ съ тобой, въ будущее воскресенье
жешь, замахалъ руками Коля, точно она къ нему приста-
, а не онъ къ ней.
— А что мнѣ тебѣ разсказывать въ воскресенье? Самъ при-
лся, а не я къ тебѣ, озорникъ, раскричалась Марья,—вы-
ть тебя, вотъ что, обидчикъ ты извѣстный, вотъ что!
Между другими торговками, торговавшими на своихъ лот-
ь рядомъ съ Марьей, раздался смѣхъ, какъ вдругъ изъ-подъ
ды городскихъ лавокъ выскочилъ ни съ того, ни съ сего,
ъ раздраженный человѣкъ въ родѣ купеческаго прикащика,
нашъ торговецъ, а изъ пріѣзжихъ, въ длиннополомъ си-
кафтанѣ, въ фуражкѣ съ козырькомъ, еще молодой, въ
орусыхъ кудряхъ и съ длиннымъ, блѣднымъ, рябоватымъ
мъ. Онъ былъ въ какомъ-то глупомъ волненіи и тотчасъ
лся грозить Колѣ кулакомъ.
— Я тебя знаю, восклицалъ онъ раздраженно,—я тебя знаю!
Коля пристально поглядѣлъ на него. Онъ что-то не могъ при-
нить, когда онъ съ этимъ человѣкомъ могъ имѣть какую-ни-
схватку. Но мало-ли у него было схватокъ на улицахъ,
ъ и припомнить было нельзя.
— Знаешь? иронически спросилъ онъ его.
— Я тебя знаю! Я тебя знаю! наладилъ, какъ дуракъ, мѣщанинъ.
— Тебѣ-же лучше. Ну, некогда мнѣ, прощай!
— Чего озорничаешь? закричалъ мѣщанинъ.—Ты опять озор-
ть? Я тебя знаю! Ты опять озорничать?
— Это, братъ, не твое теперь дѣло, что я озорничаю, про-
лъ Коля, остановясь и продолжая его разглядывать.

— Какъ не мое?

— Такъ, не твое.

— А чье-же? Чье-же? Ну, чье-же?

— Это, братъ, теперь Трифона Никитича дѣло, а не

— Какого такого Трифона Никитича? съ дурацким леніемъ, хотя все также горячась, уставился на Колю Коля важно обмѣрилъ его взглядомъ.

— Къ Вознесенью ходилъ? строго и настойчиво вдруг силъ онъ его.

— Къ какому Вознесенью? Зачѣмъ? Нѣтъ, не ходи шилъ немного парень.

— Сабанѣева знаешь? еще настойчивѣе и еще стро должалъ Коля.

— Какого тѣ Сабанѣева? Нѣтъ, не знаю.

— Ну, и чортъ съ тобой послѣ этого! отрѣзалъ вдр и, круто повернувъ направо, быстро зашагалъ своей какъ будто и говорить презирая съ такимъ олухомъ, Сабанѣева даже не знаетъ.

— Стой ты, эй! Какого тѣ Сабанѣева? опомнился весь опять заволновавшись. — Это онъ чего такого го повернулся онъ вдругъ къ торговкамъ, глупо смотря н

Бабы разсмѣялись.

— Мудреный мальчишка, проговорила одна.

— Какого, какого это онъ Сабанѣева? все неистов рялъ парень, махая правою рукой.

— А это, надоть быть, Сабанѣева, который у Кузи служилъ, вотъ какъ надоть быть, догадалась вдругъ од

Парень дико на нее уставился.

— Кузь-ми чева? переговорила другая баба, да ка Трифонъ? Тотъ Кузьма, а не Трифонъ, а парнишка Тр Никитычемъ называлъ, стало, не онъ.

— Это, вишь, не Трифонъ и не Сабанѣевъ, это Чижовъ, тила вдругъ третья баба, доселѣ молчавшая и серьезно шая, — Алексѣй Иванычемъ звать его. Чижовъ, Алексѣй Ив

— Это такъ и есть что Чижовъ, настойчиво под четвертая баба.

Ошеломленный парень глядѣлъ то на ту, то на дру

— Да зачѣмъ онъ спрашивалъ, спрашивалъ-то онъ люди добрые! восклицалъ онъ уже почти въ отчаяніи- нѣева знаешь?» А чортъ его знаетъ, какой онъ есть Са банѣевъ?

— Безтолковый ты человѣкъ, говорятъ тѣ не Сабанѣевъ, ковъ, Алексѣй Ивановичъ Чижовъ, вотъ кто! внушительно нула ему одна торговка.
— Какой Чижовъ? Ну, какой? Говори коли знаешь.
— А длинный, возгривый, лѣтось на базарѣ сидѣлъ.
— А на кой лядъ мнѣ твово Чижова, люди добрые, а?
— А я почемъ знаю на кой тѣ лядъ Чижова.
— А кто тебя знаетъ, на что онъ тебѣ, подхватила другая,— ъ долженъ знать, на что его тебѣ надо, коли галдишь. Вѣдь тебѣ говорилъ, а не намъ, глупый ты человѣкъ. Аль вправду знаешь?
— Кого?
— Чижова.
— А чортъ его дери Чижова, съ тобой вмѣстѣ! Отколочу его, ъ что! Смѣялся онъ надо мной!
— Чижова-то отколотишь? Либо онъ тебя! Дуракъ ты вотъ что!
— Не Чижова, не Чижова, баба ты злая, вредная, мальчишку олочу, вотъ что! Давайте его, давайте его сюда, смѣялся онъ о мной!
Бабы хохотали. А Коля шагалъ уже далеко съ побѣдоноснымъ женіемъ въ лицѣ. Смуровъ шелъ подлѣ, оглядываясь на кри-ую вдали группу. Ему тоже было очень весело, хотя онъ еще опасался какъ-бы не попасть съ Колей въ исторію.
— Про какого ты его спросилъ Сабанѣева? спросилъ онъ ю, предчувствуя отвѣтъ.
— А почему я знаю про какого? Теперь у нихъ до вечера ку будетъ. Я люблю расшевелить дураковъ во всѣхъ слояхъ ества. Вотъ и еще стоитъ олухъ, вотъ этотъ мужикъ. Замѣть ь, говорятъ: «Ничего нѣтъ глупѣе глупаго француза», но и ская физіономія выдаетъ себя. Ну, не написано-ль у этого лицѣ, что онъ дуракъ, вотъ у этого мужика, а?
— Оставь его Коля, пойдемъ мимо.
— Ни за что не оставлю, я теперь поѣхалъ. Эй! здравствуй, ъ!
Дюжій мужикъ, медленно проходившій мимо и уже, должно ь, выпивши. съ круглымъ простоватымъ лицомъ и съ бо-ой съ просѣдью, поднялъ голову и посмотрѣлъ на парнишку.
— Ну, здравствуй, коли не шутишь, не торопливо прогово-ъ онъ въ отвѣтъ.
— А коль шучу? засмѣялся Коля.
— А шутишь, такъ и шути, Богъ съ тобой. Ничего, это можно. всегда возможно чтобъ пошутить.

— Виноватъ, братъ, пошутилъ.
— Ну и Богъ тѣ прости.
— Ты-то прощаешь-ли?
— Оченно прощаю. Ступай.
— Вишь вѣдь ты, да ты, пожалуй, мужикъ умный.
— Умнѣй тебя, неожиданно и по прежнему важно от мужикъ.
— Врядъ-ли, опѣшилъ нѣсколько Коля.
— Вѣрно говорю.
— А пожалуй, что и такъ.
— То-то, братъ.
— Прощай, мужикъ.
— Прощай.
— Мужики бываютъ разные, замѣтилъ Коля Смуров нѣкотораго молчанія.—Почемъ-же я зналъ, что нарвусь на Я всегда готовъ признать умъ въ народѣ.

Вдали на соборныхъ часахъ пробило половина двѣна Мальчики заспѣшили, и остальной довольно еще длинн до жилища штабсъ-капитана Снѣгирева прошли быстро уже не разговаривая. За двадцать шаговъ до дома Коля вился и велѣлъ Смурову пойти впередъ и вызвать ему с рамазова.

— Надо предварительно обнюхаться, замѣтилъ онъ С
— Да зачѣмъ вызывать, возразилъ было Смуровъ, - и такъ, тебѣ ужасно обрадуются. А что-же на морозѣ миться?

— Это ужь я знаю, зачѣмъ мнѣ его надо сюда на моро потически отрѣзалъ Коля (что ужасно любилъ дѣлать с «маленькими»), и Смуровъ побѣжалъ исполнять приказа

IV.

Жучка.

Коля съ важною миной въ лицѣ прислонился къ з сталъ ожидать появленія Алеши. Да, съ нимъ ему давно тѣлось встрѣтиться. Онъ много наслышался о немъ отъ ковъ но до сихъ поръ всегда наружно выказывалъ презр равнодушный видъ когда ему о немъ говорили, даже «з вилъ» Алешу, выслушивая то, что о немъ ему передавали

я очень, очень хотѣлъ познакомиться: что-то было во всѣхъ слушанныхъ имъ разсказахъ объ Алешѣ симпатическое и влекущее. Такимъ образомъ теперешняя минута была важная; во первыхъ, надо было себя въ грязь лицомъ не ударить, показать независимость: «А то думаетъ, что мнѣ тринадцать лѣтъ и причтетъ меня за такого-же мальчишку, какъ и эти. И что ему эти мальчишки? Спрошу его когда сойдусь? Скверно однако-же то, что такого маленькаго росту. Тузиковъ моложе меня, а на полголовы выше. Лицо у меня, впрочемъ, умное; я не хорошъ, я знаю, что я уродъ лицомъ, но лицо умное. Тоже надо не очень высказываться, а то сразу-то съ объятіями, онъ и подумаетъ... Тьфу, какая будетъ мерзость, если подумаетъ!..»

Такъ волновался Коля, изо всѣхъ силъ стараясь принять самый независимый видъ. Главное, его мучилъ маленькій его ростъ, не столько «мерзкое» лицо, сколько ростъ. У него дома, въ углу на стѣнѣ, еще съ прошлаго года была сдѣлана карандашомъ черточка, которою онъ отмѣтилъ свой ростъ, и съ тѣхъ поръ каждые два мѣсяца онъ съ волненіемъ подходилъ опять мѣриться: на сколько успѣлъ вырости? Но, увы! Выросталъ онъ весьма мало, и это приводило его порой просто въ отчаяніе. Лицо-же до лица, то было оно вовсе не «мерзкое», напротивъ, довольно миловидное, бѣленькое, блѣдненькое, съ веснушками. Глазки, небольшіе, но живые глазки смотрѣли смѣло и часто вспыхивали чувствомъ. Скулы были нѣсколько широки, губы тоненькія, не очень толстыя, но очень красныя; носъ маленькій рѣшительно вздернутый: «совсѣмъ курносый, совсѣмъ курносый!» бормоталъ про себя Коля, когда смотрѣлся въ зеркало, и всегда отходилъ отъ зеркала съ негодованіемъ. «Да врядъ-ли и лицо умное?» подумывалъ онъ иногда, даже сомнѣваясь и въ умѣ. Впрочемъ, не надо полагать, что забота о лицѣ и о ростѣ поглощала всю его душу. Напротивъ, какъ ни язвительны были минуты предъ зеркаломъ, но онъ быстро забывалъ о нихъ и не надолго, «весь отдаваясь идеямъ и дѣйствительной жизни», въ которыхъ опредѣлялъ онъ самъ свою дѣятельность.

Алеша появился скоро и спѣша подошелъ къ Колѣ: за нѣсколько шаговъ еще тотъ разглядѣлъ, что у Алеши было какое-то новое радостное лицо. «Неужели такъ радъ мнѣ?» съ удовольствіемъ подумалъ Коля. Здѣсь, кстати, замѣтимъ, что Алеша очень измѣнился съ тѣхъ поръ какъ мы его оставили: онъ сбросилъ подрясникъ и носилъ теперь прекрасно сшитый сюртукъ, мягкую круглую шляпу и коротко обстриженные волосы. Все это

очень его скрасило и смотрѣлъ онъ совсѣмъ красавчико
ловидное лицо его имѣло всегда веселый видъ, но весело
была какая-то тихая и спокойная. Къ удивленію Коли,
вышелъ къ нему въ томъ, въ чемъ сидѣлъ въ комнат
пальто, видно что поспѣшилъ. Онъ прямо протянулъ Кол

— Вотъ и вы, наконецъ, какъ мы васъ всѣ ждали.

— Были причины, о которыхъ сейчасъ узнаете. Во в
случаѣ радъ познакомиться. Давно ждалъ случая и мно
шалъ, пробормоталъ, немного задыхаясь, Коля.

— Да мы съ вами и безъ того-бы познакомились,
о васъ много слышалъ, но здѣсь-то, сюда-то вы запозд

— Скажите, какъ здѣсь?

— Илюша очень плохъ, онъ непремѣнно умретъ.

— Что вы! Согласитесь, что медицина подлость, Кара
съ жаромъ воскликнулъ Коля.

— Илюша часто, очень часто поминалъ объ васъ
знаете, во снѣ, въ бреду. Видно, что вы ему очень, очи
дороги прежде... до того случая... съ ножикомъ. Тутъ есп
причина... Скажите, это ваша собака?

— Моя. Перезвонъ.

— А не Жучка? жалостно поглядѣлъ Алеша въ глаза К
Та уже такъ и пропала?

— Знаю, что вамъ хотѣлось-бы всѣмъ Жучку, сл
все-съ, загадочно усмѣхнулся Коля.—Слушайте, Карама
вамъ объясню все дѣло, я, главное, съ тѣмъ и приш
этого васъ и вызвалъ, чтобы вамъ предварительно об
весь пассажъ, прежде чѣмъ мы войдемъ, оживленно началъ
Видите, Карамазовъ, весной Илюша поступаетъ въ пр
тельный классъ. Ну, извѣстно, нашъ приготовительный
мальчишки, дѣтвора. Илюшу тотчасъ-же начали задирать.
классами выше и, разумѣется, смотрю издали, со стороны
мальчикъ маленькій, слабенькій, но не подчиняется, даже
дерется, гордый, глазенки горятъ. Я люблю этакихъ. А
его пуще. Главное, у него тогда было платьишко скверно
нишки на верхъ лѣзутъ, а сапоги каши просятъ. Они с
это. Унижаютъ. Нѣтъ, этого ужь я не люблю, тотчасъ
ступился и экстрафеферу задалъ. Я вѣдь ихъ бью, а он
обожаютъ, вы знаете-ли это, Карамазовъ?—экспансивно
стался Коля.—Да и вообще люблю дѣтвору. У меня и
на шеѣ дома два птенца сидятъ, даже сегодня меня зад
Такимъ образомъ Илюшу перестали бить, и я взялъ е

гекцію. Вижу, мальчикъ гордый, это я вамъ говорю, что
но кончилъ тѣмъ, что предался мнѣ рабски, исполняетъ
мои повелѣнія, слушаетъ меня какъ Бога, лѣзетъ мнѣ
ъ. Въ антрактахъ между классами сейчасъ ко мнѣ, и
гѣ съ нимъ ходимъ. По воскресеньямъ тоже. У насъ въ
смѣются, когда старшій сходится на такую ногу съ
мъ, но это предразсудокъ. Такова моя фантазія, и баста,
да-ли? Я его учу, развиваю, — почему, скажите, я не
развивать, если онъ мнѣ нравится? Вѣдь вотъ вы-же,
въ, сошлись со всѣми этими птенцами, значитъ, хотите
ать на молодое поколѣніе, развивать, быть полезнымъ?
аюсь, эта черта въ вашемъ характерѣ, которую я узналъ
лишкѣ, всего болѣе заинтересовала меня. Впрочемъ, къ
имѣчаю, что въ мальчикѣ развивается какая-то чувстви-
ь, сентиментальность, а я, знаете, рѣшительный врагъ
телячьихъ нѣжностей, съ самаго моего рожденія. И къ
противорѣчія: гордъ, а мнѣ преданъ рабски,—преданъ
а вдругъ засверкаютъ глазенки и не хочетъ даже со-
ся со мной, споритъ, на стѣну лѣзетъ. Я проводилъ
разныя идеи: онъ не то что съ идеями не согласенъ, а
вижу, что онъ лично противъ меня бунтуетъ, потому что
нѣжности отвѣчаю хладнокровіемъ. И вотъ, чтобъ его вы-
я, чѣмъ онъ нѣжнѣе, тѣмъ становлюсь еще хладнокров-
очно такъ поступаю, таково мое убѣжденіе. Я имѣлъ въ
школить характеръ, выровнять, создать человѣка... ну и
ы, разумѣется, меня съ полслова понимаете. Вдругъ за-
онъ день, другой, третій смущенъ, скорбитъ, но ужь не о
яхъ, а о чемъ-то другомъ, сильнѣйшемъ, высшемъ. Ду-
о за трагедія? Наступаю на него, и узнаю штуку: ка-
онъ образомъ сошелся съ лакеемъ покойнаго отца ва-
оторый тогда еще былъ въ живыхъ) Смердяковымъ, а
научи его, дурачка, глупой шуткѣ, то есть звѣрской
подлой шуткѣ,—взять кусокъ хлѣба, мякишу, воткнуть
булавку и бросить какой-нибудь дворовой собакѣ, изъ
которыя съ голодухи кусокъ не жуя глотаютъ, и по-
ъ, что изъ этого выйдетъ. Вотъ и смастерили они такой
и бросили вотъ этой самой лохматой Жучкѣ, о которой
такая исторія, одной дворовой собакѣ изъ такого двора,
просто не кормили, а она-то весь день на вѣтеръ лаетъ.
вы этотъ глупый лай, Карамазовъ? Я терпѣть не могу).
бросилась, проглотила и завизжала, завертѣлась и пу-

сдѣлалъ низкій поступокъ, ты под
но пока прерываю съ тобою сн
дамъ тебѣ знать черезъ Смурова
который теперь со мной пришелъ
преданъ): буду-ли продолжать съ
брошу тебя на вѣки, какъ подлец
Я, признаюсь, тогда-же почувствов
комъ строго отнесся, но что дѣла
няя мысль. День спустя, посыла
него передаю, что я съ нимъ боль
такъ у насъ называется, когда два
собой сношенія. Гайна въ томъ, что
фербантѣ всего только нѣсколько
опять протянуть ему руку. Это бы
что-же вы думаете: выслушалъ отъ
сверкали глаза: «Передай, закричалъ
что я всѣмъ собакамъ буду теперь
всѣмъ, всѣмъ!» «А, думаю, больныи
курить», и сталъ ему выказывать
встрѣчѣ отвертываюсь или ирониче
происходитъ этотъ случай съ его
Поймите, что онъ такимъ образом
довленъ былъ къ страшному
я его оставилъ, накинулся на
чалка». Богъ путь-то у нихъ и
я страшно сожалѣю, потому что

его въ бедро, вотъ тутъ у правой ноги. Я не двинулся, я, знаюсь, иногда бываю храбръ, Карамазовъ, я только по-рѣлъ съ презрѣніемъ, какъ-бы говоря взглядомъ: «Не хо-ли, молъ, еще, за всю мою дружбу, такъ я къ твоимъ гамъ». Но онъ другой разъ не нырнулъ, онъ не выдер-ь, онъ самъ испугался, бросилъ ножикъ, заплакалъ въ го-и пустился бѣжать. Я, разумѣется, не фискалилъ и при-лъ всѣмъ молчать, чтобы не дошло до начальства, даже ма-сказалъ только когда все зажило, да и ранка была пустая, ина. Потомъ, слышу, въ тотъ-же день бросался камнями и палецъ укусилъ, — но, понимаете, въ какомъ онъ былъ ніи! Ну что́ дѣлать, я сдѣлалъ глупо: когда онъ заболѣлъ. пошелъ его простить, то есть помириться, теперь раскаи-ъ. Но тутъ ужь у меня явились особыя цѣли. Ну, вотъ и эта исторія... только, кажется, я сдѣлалъ глупо...

— Ахъ, какъ это жаль, воскликнулъ съ волненіемъ Алеша— я не зналъ, вашихъ этихъ съ нимъ отношеній раньше, а ы я самъ давно уже пришелъ къ вамъ васъ просить пойдти ему со мной вмѣстѣ. Вѣрите-ли, въ жару, въ болѣзни, онъ лъ вами. Я и не зналъ, какъ вы ему дороги! И неужели, ели вы такъ и не отыскали эту Жучку? Отецъ и всѣ маль-по всему городу розыскивали. Вѣрите-ли, онъ, больной, лезахъ, три раза при мнѣ ужь повторялъ: «Это оттого я ъ, папа, что я Жучку тогда убилъ, это меня Богъ нака-»: не собьешь его съ этой мысли! И если-бы только достали ь эту Жучку и показали, что она не умерла, а живая, то, тся, онъ-бы воскресъ отъ радости. Всѣ мы на васъ на-ись.

— Скажите, съ какой-же стати надѣялись, что я отыщу ку, то есть что именно я отыщу?—съ чрезвычайнымъ лю-тствомъ спросилъ Коля, — почему именно на меня разсчи-ли, а не на другаго?

— Какой-то слухъ былъ, что вы ее отыскиваете, и что когда ете ее, то приведете. Смуровъ что-то говорилъ въ этомъ Мы, главное, все стараемся увѣрить, что Жучка жива, е гдѣ-то видѣли. Мальчики ему живаго зайчика откуда-то ли, только онъ посмотрѣлъ, чуть-чуть улыбнулся и попро-чтобы выпустили его въ поле. Такъ мы и сдѣлали. Сію ту отецъ воротился и ему щенка меделянскаго принесъ, досталъ откуда-то, думалъ этимъ утѣшить, только хуже ажется, вышло...

У него все теперь, все на землѣ с
умри Илюша, онъ или съ ума сойде
себя жизни. Я почти убѣжденъ въ а
смотрю!

— Я васъ понимаю, Карамазовъ.
вѣка, прибавилъ проникновенно Коля

— А я какъ увидалъ васъ съ со
вы это привели ту самую Жучку.

— Подождите, Карамазовъ, може
а эта—это Перезвонъ. Я впущу ее
жетъ быть, развеселю Илюшу побе
щенкомъ. Подождите, Карамазовъ, в
Ахъ, Боже мой, что-жь я васъ держу
мительно Коля.—Вы въ одномъ сюр
я васъ задерживаю: видите, видите,
мы эгоисты, Карамазовъ!

— Не безпокойтесь, правда, холо
Пойдемте однако-же. Кстати: какъ в
а дальше.

— Николай, Николай Пановъ К
рять по казенному, сынъ Красоткинъ,
но вдругъ прибавилъ:

— Я, разумѣется, ненавижу мое

— Почему-же?

) я игралъ — это дѣйствительность, но что я для себя
ь, для доставленія себѣ самому удовольствія, то это рѣ-
ьно клевета. Я имѣю основанія думать, что до васъ это
, но я не для себя игралъ, а для дѣтворы игралъ, по-
ято они ничего безъ меня не умѣли выдумать. И вотъ у
всегда вздоръ распустятъ. Это городъ сплетень, увѣряю

А хоть-бы и для своего удовольствія играли что-жь тутъ
)?

Ну для себя... Не станете-же вы въ лошадки играть?

А вы разсуждайте такъ, улыбнулся Алеша:—въ театръ,
мѣръ, ѣздятъ-же взрослые, а въ театрѣ тоже представля-
приключенія всякихъ героевъ, иногда даже съ разбойни-
и съ войной,—такъ развѣ это не то-же самое, въ своемъ,
ается, родѣ? А игра въ войну у молодыхъ людей, въ ре-
ионное время, или тамъ въ разбойники,—это вѣдь тоже за-
ющееся искусство, зарождающаяся потребность искусства
ой душѣ, и эти игры иногда даже сочиняются складнѣе
представленія на театрѣ, только въ томъ разница, что въ
ъ ѣздятъ смотрѣть актеровъ, а тутъ молодежь сами актеры.
о только естественно.

Вы такъ думаете? Таково ваше убѣжденіе? пристально
лъ на него Коля.— Знаете, вы довольно любопытную
сказали; я теперь приду домой и шевельну мозгами на
счетъ. Признаюсь, я такъ и ждалъ, что отъ васъ можно
му поучиться. Я пришелъ у васъ учиться, Карамазовъ,
новеннымъ и экспансивнымъ голосомъ заключилъ Коля.

А я у васъ, улыбнулся Алеша, пожавъ ему руку.

ля былъ чрезвычайно доволенъ Алешей. Его поразило то,
ъ нимъ онъ въ высшей степени на ровной ногѣ и что тотъ
тъ съ нимъ какъ «съ самымъ большимъ».

Я вамъ сейчасъ одинъ фортель покажу, Карамазовъ, тоже
еатральное представленіе, нервно засмѣялся онъ, — я съ
пришелъ.

Зайдемъ сначала налѣво къ хозяевамъ, тамъ всѣ ваши
альто оставляютъ, потому что въ комнатѣ тѣсно и жарко.

О, вѣдь я на мгновеніе, я войду и просижу въ пальто.
онъ останется здѣсь въ сѣняхъ и умретъ: «иси, Перез-
кушъ и умри!» — видите, онъ и умеръ. А я сначала
посмотрю обстановку, и потомъ, когда надо будетъ,
у! «иси Перезвонъ!» и вы увидите, онъ тотчасъ-же вле-

тятъ, какъ угорѣлый. Только надо, чтобы Смуровъ не
отворить въ то мгновеніе дверь. Ужь я распоряжусь и з
дите фортель...

V.

У Илюшиной постельки.

Въ знакомой уже намъ комнатѣ, въ которой обитало
ство извѣстнаго намъ отставнаго штабсъ-капитана Сн
было въ эту минуту и душно и тѣсно отъ многочисленн
бравшейся публики. Нѣсколько мальчиковъ сидѣли въ
разъ у Илюши, и хоть всѣ они готовы были, какъ и С
отрицать, что помирилъ и свелъ ихъ съ Илюшей Але
это было такъ. Все искусство его въ этомъ случаѣ сост
томъ, что свелъ онъ ихъ съ Илюшей, одного за другим
«телячьихъ нѣжностей», а совсѣмъ какъ-бы не нарочн
чаянно. Илюшѣ-же это принесло огромное облегченіе въ м
даніяхъ. Увидѣвъ почти нѣжную дружбу и участіе къ себѣ
этихъ мальчиковъ, прежнихъ враговъ своихъ, онъ былъ
тронутъ. Одного только Красоткина не доставало, и это
на его сердцѣ страшнымъ гнетомъ. Если было въ п
воспоминаніяхъ Илюшечки нѣчто самое горьчайшее, то это
весь этотъ эпизодъ съ Красоткинымъ, бывшимъ одинстве
другомъ его и защитникомъ, на котораго онъ бросился
съ ножикомъ. Такъ думалъ и умненькій мальчикъ Смуров
вый пришедшій помириться съ Илюшей). Но самъ Крас
когда Смуровъ отдаленно сообщилъ ему, что Алеша хоч
нему придти «по одному дѣлу», тотчасъ-же оборвалъ
залъ подходъ, поручивъ Смурову немедленно сообщить
мазову», что онъ самъ знаетъ какъ поступать, что с
ни отъ кого не просить, и что, если пойдетъ къ больн
самъ знаетъ когда пойдти, потому что у него «свой раз
Это было еще недѣли за двѣ до этого воскресенья. Вотъ
Алеша и не пошелъ къ нему самъ, какъ намѣревался
чемъ, онъ хоть и подождалъ, но, однако-же, послалъ
къ Красоткину еще разъ и еще разъ. Но въ оба эти ра
соткинъ отвѣтилъ уже самымъ нетерпѣливымъ и рѣзкимъ
зомъ, передавъ Алешѣ, что, если тотъ придетъ за нимъ
то онъ за это никогда не пойдетъ къ Илюшѣ, и что

ьше не надоѣдали. Даже до самаго этого послѣдняго дня ъ Смуровъ не зналъ, что Коля рѣшилъ отправиться къ ошѣ въ это утро, и только наканунѣ вечеромъ, прощаясь Смуровымъ, Коля вдругъ рѣзко объявилъ ему, чтобъ онъ ылъ его завтра утромъ дома, потому что пойдетъ вмѣстѣ съ гъ къ Снѣгиревымъ, но чтобы не смѣлъ, однако-же, никого домлять о его прибытіи, такъ какъ онъ хочетъ придти нежно. Смуровъ послушался. Мечта-же о томъ, что онъ приетъ пропавшую Жучку, явилась у Смурова на основаніи разъ шенныхъ мелькомъ словъ Красоткинымъ, что «ослы они , коли не могутъ отыскать собаку, если только она жива». да-же Смуровъ робко, выждавъ время, намекнулъ о своей дкѣ на счетъ собаки Красоткину, тотъ вдругъ ужасно озлился: я за оселъ, чтобъ искать чужихъ собакъ по всему городу, а у меня свой Перезвонъ? И можно-ли мечтать, чтобы со-, проглотившая булавку, осталась жива? Телячьи нѣжности, ьше ничего!»

Между тѣмъ Илюша уже недѣли двѣ какъ почти не схо-ъ съ своей постельки, въ углу, у образовъ. Въ классы-же ходилъ съ самаго того случая, когда встрѣтился съ Алешей укусилъ ему палецъ. Впрочемъ, онъ съ того-же дня и захво-ъ, хотя еще съ мѣсяцъ могъ кое-какъ ходить изрѣдка по натѣ и въ сѣняхъ, изрѣдка вставая съ постельки. Наконецъ, тѣмъ обезсилѣлъ, такъ что безъ помощи отца не могъ дви-ься. Отецъ трепеталъ надъ нимъ, пересталъ даже совсѣмъ ъ, почти обезумѣлъ отъ страха, что умретъ его мальчикъ, сто, особенно послѣ того, какъ проведетъ, бывало, его по ком-ѣ подъ руку и уложитъ опять въ постельку, — вдругъ вы-итъ въ сѣни, въ темный уголъ, и, прислонившись лбомъ къ ѣ, начиналъ рыдать какимъ-то заливчатымъ, сотрясающимся емъ, давя свой голосъ, чтобы рыданій его не было слышно люшечки.

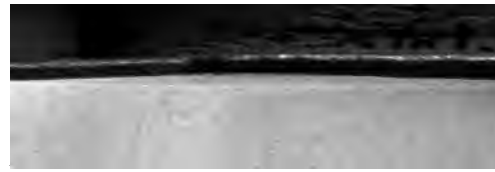
Возвращаясь-же въ комнату, начиналъ обыкновенно чѣмъ удь развлекать и утѣшать своего дорогаго мальчика, разска-ать ему сказки смѣшные анекдоты, или представлялъ изъ разныхъ смѣшныхъ людей, которыхъ ему удавалось встрѣ-, даже подражалъ животнымъ, какъ они смѣшно воютъ кричатъ. Но Илюша очень не любилъ, когда отецъ ковер-ъ и представлялъ изъ себя шута. Мальчикъ хоть и ста-ъ не показывать, что ему это непріятно, но съ болію сердца ималъ, что отецъ въ обществѣ униженъ, и всегда, неотвязно,

вспоминалъ о «мочалкѣ» и о томъ «страшномъ днѣ». И
безногая, тихая и кроткая сестра Илюшечки, тоже
когда отецъ коверкался (что-же до Варвары Никол
она давно уже отправилась въ Петербургъ слушать кур
полоумная маменька очень забавлялась и отъ всего серд
лась, когда ея супругъ начнетъ, бывало, что-нибудь
лять или выдѣлывать какія-нибудь смѣшные жесты.
только ее и можно было утѣшить, во все-же остальн
она безпрерывно брюзжала и плакалась, что теперь вс
были, что ее никто не уважаетъ, что ее обижаютъ и
проч. Но въ самые послѣдніе дни и она вдругъ какъ
перемѣнилась. Она часто начала смотрѣть въ уголокъ на
и стала задумываться. Стала гораздо молчаливѣе, при
если принималась плакать, то тихо, чтобы не слыхали.
капитанъ съ горькимъ недоумѣніемъ замѣтилъ эту въ
мѣну. Посѣщенія мальчиковъ ей сначала не понравились
сердили ее, но потомъ веселые крики и разсказы дѣт
развлекать и ее и до того подъ конецъ ей понравил
перестань ходить эти мальчики, она-бы затосковала
Когда дѣти что разсказывали или начинали играть, он
лась и хлопала въ ладошки. Иныхъ подзывала къ себ
ловала. Мальчика Смурова полюбила особенно. Что-же до
капитана, то появленіе въ его квартирѣ дѣтей, прихо
веселить Илюшу, наполнило душу его съ самаго начала
женною радостью и даже надеждой, что Илюша пер
теперь тосковать и, можетъ быть, отъ того скорѣе
вѣетъ. Онъ ни одной минуты, до самаго послѣдняго
не сомнѣвался, не смотря на весь свой страхъ за Илю
его мальчикъ вдругъ выздоровѣетъ. Онъ встрѣчалъ мал
гостей съ благоговѣніемъ, ходилъ около нихъ, услужив
товъ былъ ихъ на себѣ возить, и даже впрямь начал
возить, но Илюшѣ эти игры не понравились, и были ос
Сталъ для нихъ покупать гостинцевъ, пряничковъ, ор
устраивалъ чай, намазывалъ бутерброды. Надо замѣтить
все это время деньги у него не переводились. Тогдаш
сти рублей отъ Катерины Ивановны онъ принялъ точь
по предсказанію Алеши. А потомъ Катерина Ивановна, р
подробнѣе объ ихъ обстоятельствахъ и о болѣзни Илю
посѣтила ихъ квартиру, познакомилась со всѣмъ семе
и даже съумѣла очаровать полоумную штабсъ-капитан
тѣхъ поръ рука ея не оскудѣвала, а самъ штабсъ-к

ленный ужасомъ при мысли, что умретъ его мальчикъ, лъ свой прежній гоноръ и смиренно принималъ подаяніе. это время докторъ Герценштубе, по приглашенію Катерины овны, ѣздилъ постоянно и аккуратно черезъ день къ боль-, но толку отъ его посѣщеній выходило мало, а пичкалъ его лѣкарствами ужасно. Но зато въ этотъ день, то есть то воскресенье утромъ, у штабсъ-капитана ждали одного но-доктора, пріѣзжаго изъ Москвы и считавшагося въ Москвѣ ентостью. Его нарочно выписала и пригласила изъ Москвы рина Ивановна за большія деньги,—не для Илюшечки, а другой одной цѣли, о которой будетъ сказано ниже и въ ъ мѣстѣ, но ужь такъ какъ онъ прибылъ, то и по-ла его навѣстить и Илюшечку, о чемъ штабсъ-капи-былъ заранѣе предувѣдомленъ. О прибытіи-же Коли Кра-на онъ не имѣлъ никакого предчувствія, хотя уже давно ъ, чтобы пришелъ, наконецъ, этотъ мальчикъ, по кото-такъ мучился его Илюшечка. Въ то самое мгновеніе, когда откинъ отворилъ дверь и появился въ комнатѣ, всѣ, штабсъ-танъ и мальчики, столпились около постельки больнаго и матривали только что принесеннаго крошечнаго меделянскаго а, вчера только родившагося, но еще за недѣлю заказаннаго съ-капитаномъ, чтобы развлечь и утѣшить Илюшечку, все вавшаго объ исчезнувшей и, конечно, уже погибшей Жучкѣ. Илюша, уже слышавшій и знавшій еще за три дня, что ему ятъ маленькую собачку и не простую, а настоящую медe-кую (что, конечно, было ужасно важно), хотя и показывалъ тонкаго и деликатнаго чувства, что радъ подарку, но всѣ, цъ и мальчики, ясно увидѣли, что новая собачка, можетъ только еще сильнѣе шевельнула въ его сердечкѣ воспоми-о несчастной, имъ замученной, Жучкѣ. Шеночекъ лежалъ ошился подлѣ него, и онъ, болѣзненно улыбаясь, гладилъ воею тоненькою, блѣденькою, высохшею ручкой: даже было, что собачка ему понравилась, но... Жучки все-же не все-же это не Жучка, а вотъ если-бы Жучка и шеночекъ ѣ, тогда-бы было полное счастіе!

– Красоткинъ! крикнулъ вдругъ одинъ изъ мальчиковъ, пер-авидѣвшій вошедшаго Колю. Произошло видимое волненіе, ики разступились и стали по обѣ стороны постельки, такъ другъ открыли всего Илюшечку. Штабсъ-капитанъ стреми-о бросился на встрѣчу Колѣ.

– Пожалуйте, пожалуйте... дорогой гость! залепеталъ онъ



ему, — Илюшечка, господинъ Красоткинъ къ тебѣ [illegible] валъ...

Но Красоткинъ, на-скоро подавъ ему руку, мигомъ [illegible] чрезвычайное свое знаніе свѣтскихъ приличій. Онъ тотчас прежде всего обратился къ сидѣвшей въ своемъ креслѣ [illegible] штабсъ-капитана (которая какъ разъ въ ту минуту была [illegible] какъ недовольна и брюзжала на то, что мальчики заслон бою постельку Илюши и не даютъ ей поглядѣть на ни бачку), и чрезвычайно вѣжливо шаркнулъ предъ нею но затѣмъ, повернувшись къ Ниночкѣ, отдалъ и ей, какъ да кой-же поклонъ. Этотъ вѣжливый поступокъ произвелъ в ную даму необыкновенно пріятное впечатлѣніе.

— Вотъ и видно сейчасъ хорошо воспитаннаго моло ловѣка, громко произнесла она, разводя руками,—а то т чіе-то наши гости: одинъ на другомъ пріѣзжаютъ.

— Какъ-же, мамочка, одинъ-то на другомъ, какъ это хотя и ласково, но опасаясь немного за «мамочку», прош штабсъ-капитанъ.

— А такъ и въѣзжаютъ. Сядетъ въ сѣняхъ одинъ д верхомъ на плечи, да въ благородное семейство и въѣдет верхомъ. Какой-же это гость?

— Да кто-же, кто-же, мамочка, такъ въѣзжалъ, кто-

— Да вотъ этотъ мальчикъ на этомъ мальчикѣ сегодн халъ, а вотъ тотъ на томъ...

Но Коля уже стоялъ у постельки Илюши. Больной поблѣднѣлъ. Онъ приподнялся на кроваткѣ и пристальн стально посмотрѣлъ на Колю. Тотъ не видалъ своего пр маленькаго друга уже мѣсяца два, и вдругъ остановился нимъ совсѣмъ пораженный: онъ и вообразить не могъ, ч дитъ такое похудѣвшее и пожелтѣвшее личико, такіе горя лихорадочномъ жару и какъ будто ужасно увеличившіеся такія худенькія ручки. Съ горестнымъ удивленіемъ всматр онъ, что Илюша такъ глубоко и часто дышетъ и что такъ ссохлись губы. Онъ шагнулъ къ нему, подалъ руку и совсѣмъ потерявшись, проговорилъ:

— Ну что, старикъ... какъ поживаешь?

Но голосъ его пресѣкся, развязности не хватило, лицо вдругъ передернулось и что-то задрожало около его губъ. болѣзненно ему улыбался, все еще не въ силахъ сказат Коля вдругъ поднялъ руку и провелъ для чего-то своею [illegible] по волосамъ Илюши.

— Ни-че-го! пролепеталъ онъ ему тихо, — не то ободряя
, не то самъ не зная зачѣмъ это сказалъ. Съ минутку опять
молчали.

— Что это у тебя новый щенокъ? вдругъ самымъ безчув-
венным голосомъ спросилъ Коля.

— Да-а-а! отвѣтилъ Илюша длиннымъ шепотомъ, задыхаясь.

— Черный носъ, значитъ изъ злыхъ, изъ цѣпныхъ, важно
твердо замѣтилъ Коля, какъ будто все дѣло было именно въ
нкѣ и въ его черномъ носѣ. Но главное было въ томъ, что
ъ все еще изо всѣхъ силъ старался побороть въ себѣ чувство,
бы не заплакать какъ «маленькій», и все еще не могъ по-
роть.—Подростетъ, придется посадить на цѣпь, ужь я знаю,

— Онъ огромный будетъ! воскликнулъ одинъ мальчикъ изъ
пы.

— Извѣстно, меделянскій, огромный, вотъ этакій, съ теленка,
здалось вдругъ нѣсколько голосковъ.

— Съ теленка, съ настоящаго теленка-съ, подскочилъ штабсъ-
питанъ,—я нарочно отыскалъ такого, самаго-самаго злющаго,
родители его тоже огромные и самые злющіе, вотъ этакіе отъ
ду ростомъ... Присядьте-съ, вотъ здѣсь на кроваткѣ у Илюши,
не то здѣсь на лавку. Милости просимъ, гость дорогой, гость
го жданный... Съ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ изволили при-
ть-съ?

Красоткинъ присѣлъ на постелькѣ, въ ногахъ у Илюши. Онъ
ть, можетъ быть, и приготовилъ дорогой съ чего развязно
чать разговоръ, но теперь рѣшительно потерялъ нитку.

— Нѣтъ... я съ Перезвономъ... У меня такая собака теперь,
резвонъ. Славянское имя. Тамъ ждетъ... свистну и влетитъ. Я
же съ собакой, — оборотился онъ вдругъ къ Илюшѣ, — пом-
шь, старикъ, Жучку? вдругъ огрѣлъ онъ его вопросомъ.

Личико Илюшечки перекосилось. Онъ страдальчески посмо-
лъ на Колю. Алеша, стоявшій у дверей, нахмурился и кив-
лъ было Колѣ украдкой, чтобъ не заговаривалъ про Жучку,
тотъ не замѣтилъ или не захотѣлъ замѣтить.

— Гдѣ-же... Жучка? надорваннымъ голоскомъ спросилъ
юша.

— Ну, братъ, твоя Жучка—фью! Пропала твоя Жучка.

Илюша смолчалъ, но пристально-пристально посмотрѣлъ еще
ъ на Колю. Алеша, поймавъ взглядъ Коли, изо всѣхъ силъ
ть закивалъ ему, но тотъ снова отвелъ глаза. сдѣлавъ видъ,
и теперь не замѣтилъ.

— Забѣжала куда нибудь и пропала. Какъ не пропасть послѣ такой закуски, безжалостно рѣзалъ Коля, а между тѣмъ, сам какъ будто сталъ отъ чего-то задыхаться.—У меня зато Перезвонъ... Славянское имя... Я къ тебѣ привелъ...

— Не на-до! проговорилъ вдругъ Илюшечка.

— Нѣтъ, нѣтъ, надо, непремѣнно посмотри... Ты разлечешься. Я нарочно привелъ... такая-же лохматая, какъ и та... Вы позволите, сударыня, позвать сюда мою собаку? обратился онъ вдругъ къ г-жѣ Снѣгиревой въ какомъ-то совсѣмъ ужь непостижимомъ волненіи.

— Не надо, не надо! съ горестнымъ надрывомъ въ голосѣ воскликнулъ Илюша. Укоръ загорѣлся въ глазахъ его.

— Вы-бы-съ... рванулся вдругъ штабсъ-капитанъ съ сундука у стѣнки, на которомъ было присѣлъ,—вы-бы-съ... въ другое-то время-съ... пролепеталъ онъ, но Коля неудержимо настаивалъ и спѣша, вдругъ крикнулъ Смурову: «Смуровъ, отвори дверь!» и только что тотъ отворилъ, свистнулъ въ свою свистульку. Перезвонъ стремительно влетѣлъ въ комнату.

— Прыгай, Перезвонъ, служи! Служи! завопилъ Коля, вскочивъ съ мѣста, и собака, ставъ на заднія лапы, вытянулась прямо передъ постелькой Илюши. Произошло нѣчто никѣмъ неожиданное: Илюша вздрогнулъ и вдругъ съ силой двинулся всѣмъ впередъ, нагнулся къ Перезвону и, какъ-бы замирая, смотрѣлъ на него:

— Это... Жучка! прокричалъ онъ вдругъ надтреснутымъ отъ страданія и счастія голоскомъ.

— А ты думалъ кто? звонкимъ, счастливымъ голосомъ изъ всей силы завопилъ Красоткинъ, и, нагнувшись къ собакѣ, обхватилъ ее и приподнялъ къ Илюшѣ.

— Гляди, старикъ, видишь, глазъ кривой и лѣвое ухо надрѣзано, точь въ точь тѣ примѣты какъ ты мнѣ разсказалъ. Я его по этимъ примѣтамъ и розыскалъ. Тогда-же розыскалъ, въ скорости. Она вѣдь ничья была, она вѣдь была ничья!—пояснялъ онъ, быстро оборачиваясь къ штабсъ-капитану, къ супругѣ его, къ Алешѣ и потомъ опять къ Илюшѣ,—она была у бѣдотовыхъ на задворкахъ, прижилась было тамъ, но тѣ ее не кормили, а она бѣглая, она забѣглая изъ деревни... Я ее и разыскалъ... Видишь, старикъ, она тогда твой кусокъ, значитъ, не проглотила. Если-бы проглотила, такъ ужь, конечно-бы, померла, вѣдь ужь конечно! Значитъ, успѣла выплюнуть, коли теперь жива. А ты и не замѣтилъ, что она выплюнула. Выплюнула, а

къ себѣ все-таки уколола, вотъ отчего тогда и завизжала. кала и визжала, а ты и думалъ, что она совсѣмъ проглотила. ь должна была очень визжать, потому что у собаки очень кная кожа во рту... нѣжнѣе, чѣмъ у человѣка, гораздо нѣж-! восклицалъ неистово Коля, съ разгорѣвшимся и съ сіяю-мъ отъ восторга лицомъ.

Илюша-же и говорить не могъ. Онъ смотрѣлъ на Колю своими ьшими и какъ-то ужасно выкатившимися глазами, съ рас-тымъ ртомъ и поблѣднѣвъ какъ полотно. И если-бы только мъ не подозрѣвавшій ничего Красоткинъ, какъ мучительно и ѣственно могла вліять такая минута на здоровье больнаго ьчика, то ни за что-бы не рѣшился выкинуть такую штуку, ую выкинулъ. Но въ комнатѣ понималъ это, можетъ быть, нъ одинъ Алеша. Что-же до штабсъ-капитана, то онъ весь ъ-бы обратился въ самаго маленькаго мальчика.

— Жучка! Такъ это-то Жучка? выкрикивалъ онъ блажен-мъ голосомъ.—Илюшечка, вѣдь это Жучка, твоя Жучка! Ма-ька, вѣдь это Жучка!—Онъ чуть не плакалъ.

— А я-то и не догадался, горестно воскликнулъ Смуровъ.— да Красоткинъ, я говорилъ, что онъ найдетъ Жучку, вотъ шелъ.

— Вотъ и нашелъ! радостно отозвался еще кто-то.

— Молодецъ, Красоткинъ! прозвенѣлъ третій голосокъ.

— Молодецъ, молодецъ! закричали всѣ мальчики и начали лодировать.

— Да стойте, стойте, силился всѣхъ перекричать Красот-ъ:—я вамъ разскажу какъ это было, штука въ томъ, какъ было, а не въ чемъ другомъ! Вѣдь я его розыскалъ, зата-лъ къ себѣ и тотчасъ-же спряталъ, и домъ на замокъ, и ни-му не показывалъ до самаго послѣдняго дня. Только одинъ ровъ узналъ двѣ недѣли назадъ, но я увѣрилъ его, что это резвонъ, и онъ не догадался, а я въ антрактѣ научилъ Жучку мъ наукамъ, вы посмотрите, посмотрите только какія онъ ки знаетъ! Для того и училъ, чтобъ ужь привесть къ тебѣ, рикъ, обученнаго, гладкаго: «Вотъ, дескать, старикъ, какая я Жучка теперь! Да нѣтъ-ли у васъ какого нибудь кусочка ядинки, онъ вамъ сейчасъ одну такую штуку покажетъ, что со смѣху упадете,—говядинки, кусочекъ, ну, неужели-же у ъ нѣтъ?

Штабсъ-капитанъ стремительно кинулся, черезъ сѣни, въ у къ хозяевамъ, гдѣ варилось и штабсъ-капитанское кушанье.

Коля-же, чтобы не терять драгоцѣннаго времени, отчаянно свис... крикнулъ Перезвону: «Умри!» И тотъ вдругъ завертѣлся, ... на спину и замеръ неподвижно всѣми четырьмя своими лапк... вверхъ. Мальчики смѣялись, Илюша смотрѣлъ съ прежнею сер... дальческою своею улыбкой, но всѣхъ больше понравилось, ... умеръ Перезвонъ, «маменькѣ». Она расхохоталась на собаку ... принялась щелкать пальцами и звать:

— Перезвонъ, Перезвонъ!

— Ни за что́ не подымется, ни за что́, побѣдоносно и сер... ведливо гордясь, прокричалъ Коля,—хоть весь свѣтъ крич... вотъ я крикну, и въ одинъ мигъ вскочитъ! Ici, Перезвонъ!

Собака вскочила и принялась прыгать, визжа отъ радости. Штабсъ-капитанъ вбѣжалъ съ кускомъ вареной говядины.

— Не горяча? — торопливо и дѣловито освѣдомился Кол... принимая кусокъ, — нѣтъ, не горяча, а то собаки не любят... горячаго. Смотрите-же всѣ, Илюшечка, смотри, да смотри-ка... смотри, старикъ, что́-же ты не смотришь? Я привелъ, а онъ ... смотритъ!

Новая штука состояла въ томъ, чтобы неподвижно стоящ... и протянувшей свой носъ собакѣ, положить на самый носъ ... комый кусочекъ говядины. Несчастный песъ, не шевелясь, ... женъ былъ простоять съ кускомъ на носу сколько велитъ ... хозяинъ, не двинуться, не шевельнуться, хоть полчаса. Но Пе... звона выдержали только самую маленькую минутку.

— Пиль! крикнулъ Коля, и кусокъ въ одинъ мигъ перес... тѣлъ съ носу въ ротъ Перезвона. Публика, разумѣется, выразил... восторженное удивленіе.

— И неужели, неужели вы изъ-за того только, чтобъ обу... чить собаку, все время не приходили! воскликнулъ съ невы... нымъ укоромъ Алеша.

— Именно для того, прокричалъ простодушнѣйшимъ образом... Коля.—Я хотѣлъ показать его во всемъ блескѣ.

— Перезвонъ! Перезвонъ! — защелкалъ вдругъ своими ху... денькими пальчиками Илюша, маня собаку.

— Да чего тебѣ! Пусть онъ къ тебѣ на постель самъ вско... читъ. Ici, Перезвонъ!—стукнулъ ладонью по постели Коля, ... Перезвонъ, какъ стрѣла, влетѣлъ къ Илюшѣ. Тотъ стремительно ... обнялъ его голову обѣими руками, а Перезвонъ мигомъ облизал... ему за это щеку. Илюшечка прижался къ нему, протянулся ... постелькѣ и спряталъ отъ всѣхъ въ его косматой шерсти ... лицо.

— Господи, Господи! восклицалъ штабсъ-капитанъ. Коля всѣлъ опять на постель къ Илюшѣ.

— Илюша, я тебѣ могу еще одну штуку показать. Я тебѣ шечку принесъ. Помнишь, я тебѣ еще тогда говорилъ про эту шечку, а ты сказалъ: «Ахъ, какъ-бы и мнѣ ее посмотрѣть!» , вотъ я теперь и принесъ.

И Коля, торопясь, вытащилъ изъ своей сумки свою бронзо- пушечку. Торопился онъ потому, что ужь самъ былъ очень стливъ: въ другое время такъ выждалъ-бы, когда пройдетъ ректъ, произведенный Перезвономъ, но теперь поспѣшилъ, пре- я всякую выдержку: «ужь и такъ счастливы, такъ вотъ ъ и еще счастья!» Самъ ужь онъ былъ очень упоенъ.

— Я эту штучку давно уже у чиновника Морозова нагля- ъ,—для тебя, старикъ, для тебя. Она у него стояла даромъ, ъ брата ему досталась, я и вымѣнялъ ему на книжку, изъ шна шкапа: *Родственникъ Магомета или цѣлительное ду- ество*. Сто лѣтъ книжкѣ, забубенная, въ Москвѣ вышла когда ъ цензуры не было, а Морозовъ до этихъ штучекъ охотникъ. це поблагодарилъ...

Пушечку Коля держалъ въ рукѣ предъ всѣми, такъ что всѣ ли видѣть и наслаждаться. Илюша приподнялся и, продолжая свою рукой обнимать Перезвона, съ восхищеніемъ разгляды- ъ игрушку. Эффектъ дошелъ до высокой степени, когда Коля ъявилъ, что у него есть и порохъ, и что можно сейчасъ-же ыстрѣлить, «если это только не обезпокоитъ дамъ». «Маменька» медленно попросила, чтобы ей дали поближе посмотрѣть на рушку, что тотчасъ и было исполнено. Бронзовая пушечка на ескахъ ей ужасно понравилась и она принялась ее катать на ихъ колѣняхъ. На просьбу о позволеніи выстрѣлить отвѣчала ымъ полнымъ согласіемъ, не понимая, впрочемъ, о чемъ ее ашиваютъ. Коля показалъ порохъ и дробь. Штабсъ-капитанъ, ъ бывшій военный человѣкъ, самъ распорядился зарядомъ, ипавъ самую маленькую порцію пороху, дробь-же попросилъ ожить до другаго раза. Пушку поставили на полъ, дуломъ пустое мѣсто, втиснули въ затравку три порошинки и зажгли чкой. Произошелъ самый блистательный выстрѣлъ. «Маменька» рогнула было, но тотчасъ-же засмѣялась отъ радости. Маль- и смотрѣли съ молчаливымъ торжествомъ, но болѣе всего бла- ствовалъ, смотря на Илюшу, штабсъ-капитанъ. Коля поднялъ шечку и немедленно подарилъ ее Илюшѣ, вмѣстѣ съ дробью ъ порохомъ.

— Это я для тебя, для тебя! Давно приготовилъ, повто
онъ еще разъ въ полнотѣ счастья.

— Ахъ, подарите мнѣ! Нѣтъ, подарите пушечку лучше
вдругъ точно маленькая начала просить «маменька». Ли
изобразило горестное безпокойство отъ боязни, что ей не
рятъ. Коля смутился. Штабсъ-капитанъ безпокойно заволно

— Мамочка, мамочка! подскочилъ онъ къ ней, пушечка
твоя, но пусть она будетъ у Илюши, потому что ему пода
но она все равно что твоя. Илюшечка всегда тебѣ даст
играть, она у васъ пусть будетъ общая, общая...

— Нѣтъ, не хочу чтобъ общая, нѣтъ, чтобы совсѣм
была, а не Илюшина, продолжала маменька, приготовляяс
совсѣмъ заплакать.

— Мама, возьми себѣ, вотъ, возьми себѣ! крикнулъ
Илюша.—Красоткинъ, можно мнѣ ее мамѣ подарить? обр
онъ вдругъ съ молящимъ видомъ къ Красоткину, какъ-бы
чтобы тотъ не обидѣлся, что онъ его подарокъ другому д

— Совершенно возможно! тотчасъ-же согласился К
кинъ, и, взявъ пушечку изъ рукъ Илюши, самъ и перед
съ самымъ вѣжливымъ поклономъ «маменькѣ». Та даже р
калась отъ умиленія.

— Илюшечка, милый, вотъ кто мамочку свою любитъ
ленно воскликнула она и немедленно опять принялась
пушечку на своихъ колѣняхъ.

— Маменька, дай я тебѣ ручку поцалую, подскочилъ
супругъ и тотчасъ-же исполнилъ намѣреніе.

— И кто еще самый милый молодой человѣкъ, такъ
этотъ добрый мальчикъ! проговорила благородная дама,
вая на Красоткина.

— А пороху я тебѣ, Илюша, теперь сколько угодно
носить. Мы теперь сами порохъ дѣлаемъ. Боровиковъ узна
ставъ: двадцать четыре части селитры, десять сѣры и шес
резоваго угля, все вмѣстѣ столочь, влить воды, смѣшать
коть и протереть черезъ барабанную шкуру—вотъ и по

— Мнѣ Смуровъ про вашъ порохъ уже говорилъ, а
папа говоритъ, что это не настоящій порохъ, отозвался

— Какъ не настоящій? покраснѣлъ Коля, у насъ
Я, впрочемъ, не знаю...

— Нѣтъ-съ, я ничего-съ, подскочилъ вдругъ съ винов
видомъ штабсъ-капитанъ.—Я, правда, говорилъ, что нас
порохъ не такъ составляется, но это ничего-съ, можно и я

— Не знаю, вы лучше знаете. Мы въ помадной каменной
ікѣ зажгли, славно горѣлъ, весь сгорѣлъ, самая маленькая
ка осталась. Но вѣдь это только мякоть, а если протереть
юзъ шкуру... А, впрочемъ, вы лучше знаете, я не знаю... А
ькина отецъ выдралъ за нашъ порохъ, ты слышалъ? обра-
ися онъ вдругъ къ Илюшѣ.

— Слышалъ, отвѣтилъ Илюша. Онъ съ безконечнымъ ин-
юсомъ и наслажденіемъ слушалъ Колю.

— Мы цѣлую бутылку пороху заготовили, онъ подъ кро-
ью и держалъ. Отецъ увидалъ. Взорвать, говоритъ, можетъ.
и высѣкъ его тутъ-же. Хотѣлъ въ гимназію на меня жало-
ься. Теперь со мной его не пускаютъ, теперь со мной никого
пускаютъ. Смурова тоже не пускаютъ, у всѣхъ прославил-
— говорятъ, что я «отчаянный», презрительно усмѣхнулся
ля.—Это все съ желѣзной дороги здѣсь началось.

— Ахъ, мы слышали и про этотъ вашъ пассажъ! воскли-
ъ штабсъ-капитанъ, — какъ это вы тамъ пролежали? И не-
ли вы такъ ничего совсѣмъ и не испугались, когда лежали
ъ поѣздомъ. Страшно вамъ было-съ?

Штабсъ-капитанъ ужасно лисилъ предъ Колей.

— Н-не особенно! небрежно отозвался Коля. — Репутацію
о пуще всего здѣсь этотъ проклятый гусь подкузмилъ—по-
нулся онъ опять Илюшѣ. Но хоть онъ и корчилъ, разсказы-
, небрежный видъ, а все еще не могъ совладать съ собою и
одолжалъ какъ-бы сбиваться съ тону.

— Ахъ, я и про гуся слышалъ! засмѣялся, весь сіяя, Илю-
;—мнѣ разсказывали, да я не понялъ, неужто тебя у судьи
дили?

— Самая безмозглая штука, самая ничтожная, изъ которой
лаго слона, по обыкновенію, у насъ сочинили, началъ развязно
ля.—Это я разъ тутъ по площади шелъ, а какъ разъ при-
ли гусей. Я остановился и смотрю на гусей. Вдругъ одинъ
шній парень, Вишняковъ, онъ теперь у Плотниковыхъ раз-
льнымъ служитъ, смотритъ на меня, да и говоритъ: «Ты чего
гусей глядишь?» Я смотрю на него: глупая, круглая харя,
рію двадцать лѣтъ, я, знаете, никогда не отвергаю народа.
люблю съ народомъ... Мы отстали отъ народа—это аксіома—
, кажется, изволите смѣяться, Карамазовъ?

— Нѣтъ, Боже сохрани, я васъ очень слушаю, съ самымъ
стодушнѣйшимъ видомъ отозвался Алеша, и мнительный Коля
мъ ободрился.

колесо и зерно клюетъ — видишь?»
говоритъ.—«Ну такъ вотъ, говорю,
точку теперь тронуть впередъ—перер
или нѣтъ?»—«Безпремѣнно, говоритъ,
ухмыляется во весь ротъ, такъ весь
пойдемъ, говорю, парень, давай». —
долго намъ пришлось мастерить: онъ
узды сталъ, а я сбоку, чтобы гуся н
пору зазѣвался, говорилъ съ кѣмъ-то
не пришлось направлять: прямо гусь
нулъ шею за овсомъ, подъ телѣгу,
нулъ парню, онъ дернулъ и—к-крак
шею пополамъ! И вотъ надо-жь та
всѣ мужики увидали насъ, ну, и з
нарочно!» — «Нѣтъ, не нарочно». —
дятъ: «Къ мировому!» захватили и м
былъ, ты подсоблялъ, тебя весь база
ствительно почему-то весь базаръ зн
биво Коля. — Потянулись мы всѣ къ
Смотрю, а парень мой струсилъ и зар
баба. А гуртовщикъ кричитъ: «Этак
сколько угодно передавить можно!»
Мировой мигомъ кончилъ: за гуся от
гуся пусть парень беретъ себѣ. Да вп
отнять не позволит себѣ

товалъ, это шутки, но дѣло дѣйствительно разнеслось и до-
гло ушей начальства: уши-то вѣдь у насъ длинныя! Особенно
нялся классикъ Колбасниковъ, да Дарданеловъ опять отстоялъ.
Колбасниковъ золъ теперь у насъ на всѣхъ, какъ зеленый
мъ. Ты, Илюша, слышалъ, онъ вѣдь женился, взялъ у Ми-
ловыхъ приданаго тысячу рублей, а невѣста рыловоротъ пер-
й руки и послѣдней степени. Третьеклассники тотчасъ-же
грамму сочинили:

Поразила вѣсть третьеклассниковъ,
Что женился неряха Колбасниковъ.

и тамъ дальше, очень смѣшно, я тебѣ потомъ принесу. Я
Дарданелова ничего не говорю: человѣкъ съ познаніями,
рѣшительными познаніями. Этакихъ я уважаю, и вовсе не
-за того, что меня отстоялъ...

— Однако-жь ты сбилъ его на томъ, кто основалъ Трою!
рнулъ вдругъ Смуровъ, рѣшительно гордясь въ эту минуту
соткинымъ. Очень ужь ему понравился разсказъ про гуся.

— Неужто такъ и сбили-съ? льстиво подхватилъ штабсъ-
итанъ; — это про то кто основалъ Трою-съ? Это мы уже
шали что сбили-съ. Илюшечка мнѣ тогда-же и разсказалъ-съ...

— Онъ, папа, все знаетъ, лучше всѣхъ у насъ знаетъ!
хватилъ и Плюшечка, — онъ вѣдь только прикидывается,
онъ такой, а онъ первый у насъ ученикъ по всѣмъ пред-
тамъ...

Илюша съ безпредѣльнымъ счастіемъ смотрѣлъ на Колю.

— Ну, это о Троѣ вздоръ, пустяки. Я самъ этотъ вопросъ
итаю пустымъ, съ горделивою скромностью отозвался Коля.
ъ уже успѣлъ вполнѣ войдти въ тонъ, хотя, впрочемъ, былъ
въ нѣкоторомъ безпокойствѣ: онъ чувствовалъ, что находится
большомъ возбужденіи и что о гусѣ, напримѣръ, разсказалъ
шкомъ ужь отъ всего сердца, а между тѣмъ Алеша молчалъ
время разсказа и былъ серьезенъ, и вотъ самолюбивому
льчику мало по малу начало уже скрести по сердцу: «не
того-ли-де онъ молчитъ, что меня презираетъ, думая, что я
похвалы ищу? Въ такомъ случаѣ, если онъ осмѣливается
думать, то я»...

— Я считаю этотъ вопросъ рѣшительно пустымъ, отрѣзалъ
ь еще разъ горделиво.

— А я знаю кто основалъ Трою, вдругъ проговорилъ совсѣмъ
жиданно одинъ доселѣ ничего почти еще не сказавшій мальчикъ,
чаливый и видимо застѣнчивый, очень собою хорошенькій,

лѣтъ одиннадцати, по фамиліи Карташовъ. Онъ сидѣлъ у с
дверей. Коля съ удивленіемъ и важностію поглядѣлъ на
Дѣло въ томъ, что вопросъ: «Кто именно основалъ Т
рѣшительно обратился во всѣхъ классахъ въ секретъ, и
проникнуть его надо было прочесть у Смарагдова. Но Смар
ни у кого кромѣ Коли не было. И вотъ разъ мальчикъ Карт
потихоньку, когда Коля отвернулся, поскорѣй развернулъ леж
между его книгами Смарагдова и прямо попалъ на то
гдѣ говорилось объ основателяхъ Трои. Случилось это до
уже давно, но онъ все какъ-то конфузился и не рѣшался от
публично, что и онъ знаетъ, кто основалъ Трою, опасаясь
не вышло чего-нибудь и чтобы не сконфузилъ его какъ-
за это Коля. А теперь вдругъ почему-то не утерпѣлъ и ск
Да и давно ему хотѣлось.

— Ну, кто-же основалъ? надменно и свысока поверну
нему Коля, уже по лицу угадавъ, что тотъ дѣйствительно
и, разумѣется, тотчасъ-же приготовившись ко всѣмъ послѣдс
Въ общемъ настроеніи произошелъ, что называется, диссо

— Трою основали Тевкръ, Дарданъ, Иллюсъ и Тросъ,
отчеканилъ мальчикъ и въ одинъ мигъ весь покраснѣл
покраснѣлъ, что на него жалко стало смотрѣть. Но ма
всѣ на него глядѣли въ упоръ, глядѣли цѣлую минуту, и
вдругъ всѣ эти глядящіе въ упоръ глаза разомъ повер
къ Колѣ. Тотъ съ презрительнымъ хладнокровіемъ все ещ
долженъ обмѣривать взглядомъ дерзкаго мальчика:

— То есть какъ-же это они основали? удостоилъ онъ, на
проговорить, — да и что значитъ вообще основать горо
государство? Что-жь они: пришли и по кирпичу положили,

Раздался смѣхъ. Виноватый мальчикъ изъ розоваго
пунцовымъ. Онъ молчалъ, онъ готовъ былъ заплакать
выдержалъ его такъ еще съ минутку.

— Чтобы толковать о такихъ историческихъ событіяхъ
основаніе національности, надо, прежде всего, понимат
это значитъ, строго отчеканилъ онъ въ назиданіе.—Я, вп
не придаю всѣмъ этимъ бабьимъ сказкамъ важности, да и
всемірную исторію не весьма уважаю, прибавилъ онъ
небрежно, обращаясь уже ко всѣмъ вообще.

— Это всемірную-то исторію-съ? съ какимъ-то вдруг
гомъ освѣдомился штабсъ-капитанъ.

— Да, всемірную исторію. Изученіе ряда глупостей
вѣческихъ, и только. Я уважаю одну математику и естест

ерсилъ Коля и мелькомъ глянулъ на Алешу: его только одного нія онъ здѣсь и боялся. Но Алеша все молчалъ и былъ все прежнему серьезенъ. Если-бы сказалъ что-нибудь сейчасъ еша на томъ-бы оно и покончилось, но Алеша смолчалъ, а лчаніе его могло быть презрительнымъ», и Коля раздражился е совсѣмъ.

— Опять эти классическіе теперь у насъ языки: одно сумаствіе и ничего больше... Вы опять, кажется, не согласны со ой, Карамазовъ.

— Не согласенъ, сдержанно улыбнулся Алеша.

— Классическіе языки, если хотите все мое о нихъ мнѣніе— полицейская мѣра, вотъ для чего единственно они заведены, ко по малу началъ вдругъ опять задыхаться Коля,—они заведе- потому, что скучны и потому что отупляютъ способности. ло скучно, такъ вотъ какъ сдѣлать, чтобъ еще больше было уки? Было безтолково, такъ какъ сдѣлать, чтобы стало еще толковѣе? Вотъ и выдумали классическіе языки. Вотъ мое лное о нихъ мнѣніе, и надѣюсь, что я никогда не измѣню его, ако закончилъ Коля. На обѣихъ щекахъ его показалось по асной точкѣ румянца.

— Это правда, звонкимъ и убѣжденнымъ голоскомъ согласился вдругъ прилежно слушавшій Смуровъ.

— А самъ первый по латинскому языку! вдругъ крикнулъ ъ толпы одинъ мальчикъ.

— Да, папа, онъ самъ говоритъ, а самъ у насъ первый по тинскому въ классѣ, отозвался и Илюша.

— Что̀-жь такое? счелъ нужнымъ оборониться Коля, хотя у очень пріятна была и похвала.— Латынь я зубрю, потому о надо, потому что я обѣщался матери кончить курсъ, а, по ему, за что взялся, то ужь дѣлать хорошо, но въ душѣ глубоко езираю классицизмъ и всю эту подлость... Не соглашаетесь, рамазовъ?

— Ну, зачѣмъ-же «подлость?» усмѣхнулся опять Алеша.

— Да помилуйте, вѣдь классики всѣ переведены на всѣ языки, ло быть, вовсе не для изученія классиковъ понадобилась имъ тынь, а единственно для полицейскихъ мѣръ и для отупленія особностей. Какъ-же послѣ того не подлость?

— Ну, кто васъ этому всему научилъ? воскликнулъ, удивный, наконецъ, Алеша.

— Во первыхъ я и самъ могу понимать, безъ наученія, а вторыхъ, знайте, вотъ это-же самое, что я вамъ сейчасъ

толковалъ про переведенныхъ классиковъ, говорилъ вслух всему третьему классу самъ преподаватель Колбасниковъ...

— Докторъ пріѣхалъ! воскликнула вдругъ все время мо чавшая Ниночка.

Дѣйствительно, къ воротамъ дома подъѣхала принадлежавш госпожѣ Хохлаковой карета. Штабсъ-капитанъ, ждавшій все у доктора, сломя голову бросился къ воротамъ встрѣчать «Маменька» подобралась и напустила на себя важности. Алеш подошелъ къ Илюшѣ и сталъ оправлять ему подушку. Ниноч изъ своихъ креселъ, съ безпокойствомъ слѣдила за тѣмъ, как онъ оправляетъ постельку. Мальчики торопливо стали прощатьс нѣкоторые изъ нихъ пообѣщались зайдти вечеромъ. Коля кри нулъ Перезвонова, и тотъ соскочилъ съ постели.

— Я не уйду, не уйду! проговорилъ въ попыхахъ Ко Илюшѣ, — я пережду въ сѣняхъ и приду опять, когда уйд докторъ, приду съ Перезвономъ.

Но ужь докторъ входилъ — важная фигура въ медвѣжь шубѣ съ длинными темными бакенбардами и съ глянцов выбритымъ подбородкомъ. Ступивъ черезъ порогъ, онъ вдру остановился, какъ-бы опѣшивъ: ему вѣрно показалось, что о не туда зашелъ. «Что это? Гдѣ я?» пробормоталъ онъ, не сня съ плечъ шубы и не снимая котиковой фуражки съ котиковы же козырькомъ съ своей головы. Толпа, бѣдность комна развѣшанное въ углу на веревкѣ бѣлье, сбили его съ то Штабсъ-капитанъ согнулся передъ нимъ въ три погибели.

— Вы здѣсь-съ, здѣсь-съ, бормоталъ онъ подобострастно, вы здѣсь-съ, у меня-съ, вамъ ко мнѣ-съ...

— Снѣ-ги-ревъ? произнесъ важно и громко докторъ.—Гос динъ Снѣгиревъ—это вы?

— Это я-съ?

— А!

Докторъ еще разъ брезгливо оглядѣлъ комнату и сброс съ себя шубу. Всѣмъ въ глаза блеснулъ важный орденъ на ш Штабсъ-капитанъ подхватилъ на лету шубу, а докторъ сн фуражку.

— Гдѣ-же паціентъ? спросилъ онъ громко и настоятел

VI.

Раннее развитіе.

— Какъ вы думаете, что ему скажетъ докторъ? скороговорговорилъ Коля; — какая отвратительная, однако-же, харя, ада-ли? Терпѣть не могу медицину!
— Илюша умретъ. Это, мнѣ кажется, ужь навѣрно, грустно лъ Алеша.
— Шельмы! Медицина шельма! Я радъ, однако, что узналъ Карамазовъ. Я давно васъ хотѣлъ узнать. Жаль только, ы такъ грустно встрѣтились...
олѣ очень-бы хотѣлось что-то сказать еще горячѣе, еще нсивнѣе, но какъ-будто что-то его коробило. Алеша это лъ, улыбнулся и пожалъ ему руку.
— Я давно научился уважать въ васъ рѣдкое существо, рмоталъ опять Коля, сбиваясь и путаясь. — Я слышалъ, истикъ и были въ монастырѣ. Я знаю, что вы мистикъ, это меня не остановило. Прикосновеніе къ дѣйствительноасъ излѣчитъ... Съ натурами какъ вы не бываетъ иначе.
— Что вы называете мистикомъ? Отъ чего излѣчитъ? удинемного Алеша.
— Ну, тамъ Богъ и прочее.
— Какъ, да развѣ вы въ Бога не вѣруете?
— Напротивъ, я ничего не имѣю противъ Бога. Конечно, есть только гипотеза... но... я признаю, что Онъ нуженъ, порядка... для міроваго порядка и такъ далѣе... и если-бъ не было, то надо-бы Его выдумать, прибавилъ Коля, начикраснѣть. Ему вдругъ вообразилось, что Алеша сейчасъ аетъ, что онъ хочетъ выставить свои познанія и показакой онъ «большой». «А я вовсе не хочу выставлять нимъ мои познанія», съ негодованіемъ подумалъ Коля. вдругъ стало ужасно досадно.
— Я, признаюсь, терпѣть не могу вступать во всѣ эти преія, отрѣзалъ онъ,—можно вѣдь и не вѣруя въ Бога, лючеловѣчество, какъ вы думаете? Вольтеръ-же не вѣровалъ га, а любилъ человѣчество? (Опять, опять! подумалъ онъ бя!)
Вольтеръ въ Бога вѣрилъ, но, кажется, мало, и, камало любилъ и человѣчество,—тихо, сдержанно и совер-

ьно произнесъ Алеша, какъ-бы разговарива
.. по лѣтамъ, или даже со старшимъ лѣтами
колю именно поразила эта какъ-бы неувѣрен
а въ свое мнѣніе о Вольтерѣ и что онъ какъ будто
маленькому Колѣ, отдаетъ этотъ вопросъ на рѣшеніе.

— А вы развѣ читали Вольтера? заключилъ Алеша.

— Нѣтъ, не то чтобы читалъ... Я, впрочемъ, *Кандида*
ь, въ русскомъ переводѣ... въ старомъ, уродливомъ
водѣ, смѣшномъ... (Опять,

— И поняли?

— О, да, все... то есть... почему-же вы думаете, что
не понялъ? Тамъ, конечно, много сальностей... Я, конечно,
состояніи понять, что это романъ философскій, и напис
чтобы провести идею... запутался уже совсѣмъ Коля.—Я
листъ, Карамазовъ, я неисправимый соціалистъ, вдругъ
валъ онъ ни съ того, ни съ сего.

— Соціалистъ? засмѣялся Алеша,—да когда это вы усп
Вѣдь вамъ еще только тринадцать лѣтъ, кажется?

Колю скрючило.

— Во первыхъ, не тринадцать, а четырнадцать, через
недѣли четырнадцать, такъ и вспыхнулъ онъ,—а во втор
совершенно не понимаю, къ чему тутъ мои лѣта? Дѣло въ
каковы мои убѣжденія, а не который мнѣ годъ, не правда

— Когда вамъ будетъ больше лѣтъ, то вы сами уви
какое значеніе имѣетъ на убѣжденіе возрастъ. Мнѣ показа
тоже, что вы не свои слова говорите, скромно и спокойно
тилъ Алеша, но Коля горячо его прервалъ.

— Помилуйте, вы хотите послушанія и мистицизма. С
ситесь въ томъ, что, напримѣръ, христіанская вѣра послу
лишь богатымъ и знатнымъ, чтобы держать въ рабствѣ ни
классъ, не правда-ли?

— Ахъ, я знаю, гдѣ вы это прочли, и васъ непремѣнно
нибудь научилъ! воскликнулъ Алеша.

— Помилуйте, зачѣмъ-же непремѣнно прочелъ? И никто
не научилъ. Я и самъ могу... И если хотите, я не противъ
ста. Это была вполнѣ гуманная личность и живи Онъ въ
время, Онъ-бы прямо примкнулъ къ революціонерамъ и, мо
быть, игралъ-бы видную роль... Это даже непремѣнно.

— Ну гдѣ, ну гдѣ вы этого нахватались! Съ каки
дуракомъ вы связались? воскликнулъ Алеша.

— Помилуйте, правды не скроешь. Я, конечно, по

аю, часто говорю съ господиномъ Ракитинымъ, но... Это еще рикъ Бѣлинскій тоже, говорятъ, говорилъ.

— Бѣлинскій? Не помню. Онъ этого нигдѣ не написалъ.

— Если не написалъ, то, говорятъ, говорилъ. Я это слы-ъ отъ одного... впрочемъ, чортъ...

— А Бѣлинскаго вы читали?

— Видите-ли... нѣтъ... я не совсѣмъ читалъ, но... мѣсто о ьянѣ, зачѣмъ она не пошла съ Онѣгинымъ, я читалъ.

— Какъ не пошла съ Онѣгинымъ? Да развѣ вы это ужь... имаете?

— Помилуйте, вы, кажется, принимаете меня за мальчика рова, раздражительно осклабился Коля. — Впрочемъ, пожа-га, не думайте, что я ужь такой революціонеръ. Я очень о несогласенъ съ господиномъ Ракитинымъ. Если я о Татьянѣ, вовсе не за эманципацію женщинъ. Я признаю, что жен-а есть существо подчиненное и должна слушаться. Les fem-tricotent, какъ сказалъ Наполеонъ,—усмѣхнулся почему-то я,—и, по крайней мѣрѣ, въ этомъ я совершенно раздѣляю ѣніе этого псевдо-великаго человѣка. Я тоже, напримѣръ, аю, что бѣжать въ Америку изъ отечества—низость, хуже ости—глупость. Зачѣмъ въ Америку, когда и у насъ можно го принести пользы для человѣчества? Именно теперь. Цѣлая са плодотворной дѣятельности. Такъ я и отвѣчалъ.

— Какъ отвѣчали? Кому? Развѣ васъ кто нибудь уже при-лалъ въ Америку?

— Признаюсь, меня подбивали, но я отвергъ. Это, разу-тся, между нами, Карамазовъ, слышите, никому ни слова. я вамъ только. Я совсѣмъ не желаю попасть въ лапки тьяго Отдѣленія и брать уроки у Цѣпнаго моста,

Будешь помнить зданіе
У Цѣпнаго Моста!

шите? Великолѣпно! Чему вы смѣетесь? Ужь не думаете-ли что я вамъ все навралъ? (А что если онъ узнаетъ что у я въ отцовскомъ шкапу всего только и есть одинъ этотъ ну-ъ *Колокола*, а больше я изъ этого ничего не читалъ? мель-ъ, но съ содроганіемъ подумалъ Коля).

— Охъ, нѣтъ, я не смѣюсь и вовсе не думаю, что вы мнѣ гали. Вотъ то-то и есть, что этого не думаю, потому что все увы, сущая правда! Ну, скажите, а Пушкина-то вы читали, *шина*-то... Вотъ вы сейчасъ говорили о Татьянѣ?

— Нѣтъ, еще не читалъ, но хочу прочесть. Я безъ пред-

разсудковъ, Карамазовъ. Я хочу выслушать и ту, и дру
рону. Зачѣмъ вы спросили?

— Такъ.

— Скажите, Карамазовъ, вы ужасно меня презирает
залъ вдругъ Коля и весь вытянулся предъ Алешей,
ставъ въ позицію.—Сдѣлайте одолженіе, безъ обиняков

— Презираю васъ? съ удивленіемъ посмотрѣлъ
Алеша.—Да за что-же? Мнѣ только грустно, что прелес
тура какъ ваша, еще и не начавшая жить, уже из
всѣмъ этимъ грубымъ вздоромъ.

— Объ моей натурѣ не заботьтесь, не безъ самодовол
ребилъ Коля,—а что я мнителенъ, то это такъ. Глупо мн
Грубо мнителенъ. Вы сейчасъ усмѣхнулись, мнѣ и по
что вы какъ-будто...

— Ахъ, я усмѣхнулся совсѣмъ другому. Видите, чему
нулся: я недавно прочелъ одинъ отзывъ одного загр
нѣмца, жившаго въ Россіи, объ нашей теперешней учащ
лодежи: «Покажите вы — онъ пишетъ — русскому ш
карту звѣзднаго неба, о которой онъ до тѣхъ поръ н
никакого понятія, и онъ завтра-же возвратитъ вамъ э
исправленною». Никакихъ знаній и беззавѣтное само
вотъ что хотѣлъ сказать нѣмецъ про русскаго школьни

— Ахъ, да вѣдь это совершенно вѣрно! захохотал
Коля, — вѣрнссимо, точь въ точь! Браво, нѣмецъ! О
чухна не разсмотрѣлъ и хорошей стороны, а, какъ вы
Самомнѣніе—это пусть, это отъ молодости, это исправи
только надо чтобъ это исправилось, но зато и независим
съ самаго чуть не дѣтства, зато смѣлость мысли и убѣжде
духъ ихняго колбасническаго раболѣпства предъ автори
Но всетаки нѣмецъ хорошо сказалъ! Браво, нѣмецъ! Х
таки нѣмцевъ надо душить. Пусть они тамъ сильны въ
а ихъ всетаки надо душить...

— За что-же душить-то? улыбнулся Алеша.

— Ну я совралъ, можетъ быть, соглашаюсь. Я иног
ный ребенокъ, и когда радъ чему, то не удерживаюсь и г
врать вздору. Слушайте, мы съ вами однако-же здѣсь болтае
тякахъ, а этотъ докторъ тамъ что-то долго застрялъ. Впроч
можетъ, тамъ и «мамашу» осмотритъ и эту Ниночку б
Знаете, эта Ниночка мнѣ понравилась. Она вдругъ мнѣ про
когда я выходилъ: «Зачѣмъ вы не приходили раньше?»
голосомъ, съ укоромъ! Мнѣ кажется, она ужасно добрая и

— Да, да! Вотъ вы будете ходить, вы увидите что это за
ство. Вамъ очень полезно узнавать вотъ такія существа,
ъ умѣть цѣнить и еще многое другое что узнаете именно изъ
омства съ этими существами, съ жаромъ замѣтилъ Алеша.—
лучше всего васъ передѣлаетъ.
— О, какъ я жалѣю и браню всего себя, что не приходилъ
ше! съ горькимъ чувствомъ воскликнулъ Коля.
— Да, очень жаль. Вы видѣли сами какое радостное вы про-
ли впечатлѣніе на бѣднаго малютку! И какъ онъ убивался
ожидая!
— Не говорите мнѣ! Вы меня растравляете. А, впрочемъ,
по-дѣломъ: я не приходилъ изъ самолюбія, изъ эгоистиче-
самолюбія и подлаго самовластія, отъ котораго всю жизнь
огу избавиться, хотя всю жизнь ломаю себя. Я теперь это
, я во многомъ подлецъ, Карамазовъ!
— Нѣтъ, вы прелестная натура, хотя и извращенная, и я
комъ понимаю почему вы могли имѣть такое вліяніе на этого
ороднаго и болѣзненно воспріимчиваго мальчика! горячо от-
лъ Алеша.
— И это вы говорите мнѣ! вскричалъ Коля, — а я, пред-
ьте, я думалъ, — я уже нѣсколько разъ, вотъ теперь какъ
ѣсь, думалъ, что вы меня презираете! Если-бъ вы только
, какъ я дорожу вашимъ мнѣніемъ!
— Но неужели вы вправду такъ мнительны? Въ такихъ
хъ! Ну, представьте-же себѣ, я именно подумалъ тамъ въ
атѣ, глядя на васъ, когда вы разсказывали, что вы должны
очень мнительны.
— Ужь и подумали? Какой, однако-же у васъ глазъ, видите,
ге! Бьюсь объ закладъ, что это было на томъ мѣстѣ, когда
о гуся разсказывалъ. Мнѣ именно въ этомъ мѣстѣ вообра-
ь, что вы меня глубоко презираете за то, что я спѣшу
явиться молодцомъ, и я даже вдругъ возненавидѣлъ васъ
о и началъ нести ахинею. Потомъ мнѣ вообразилось (это
сейчасъ здѣсь) на томъ мѣстѣ, когда я говорилъ: «Если-бы
ло Бога, то Его надо выдумать», что я слишкомъ торо-
ь выставить мое образованіе, тѣмъ болѣе, что эту фразу
книгѣ прочелъ. Но клянусь вамъ, я торопился выставить
ъ тщеславія, а такъ, не знаю отчего, отъ радости, ей Богу
будто отъ радости... хотя это глубоко-постыдная черта,
человѣкъ всѣмъ лѣзетъ на шею отъ радости. Я это знаю.
вато убѣжденъ теперь, что вы меня не презираете, а все это

алъ. О, Карамазовъ, я глубоко несчастенъ. Я в
огъ знаетъ что, что надо мной всѣ смѣются, вес
да, я просто готовъ тогда уничтожить весь по
вощей.

— И мучаете окружающихъ, улыбнулся Алеша.

— И мучаю окружающихъ, особенно мать. Карамазов
жите, я очень теперь смѣшонъ?

— Да не думайте-же про это, не думайте объ этомъ со
воскликнулъ Алеша.—Да и что такое смѣшонъ? Мало-ли с
разъ бываетъ или кажется смѣшнымъ человѣкъ? При
нынче почти всѣ люди со способностями ужасно боятс
смѣшными и тѣмъ несчастны. Меня только удивляетъ,
такъ рано стали ощущать это, хотя, впрочемъ, я да
замѣчаю это и не на васъ однихъ. Нынче даже почт
начали ужь этимъ страдать. Это почти сумасшествіе.
самолюбіе воплотился чортъ и залѣзъ во все поколѣніе,
чортъ, — прибавилъ Алеша, вовсе не усмѣхнувшись, как
малъ было глядѣвшій въ упоръ на него Коля.—Вы, какъ
заключилъ Алеша,—то есть какъ очень многіе, только
быть такимъ какъ всѣ, вотъ что.

— Даже не смотря на то, что всѣ такіе?

— Да, не смотря на то, что всѣ такіе. Одинъ вы
не такой. Вы и въ самомъ дѣлѣ не такой какъ всѣ:
теперь не постыдились-же признаться въ дурномъ и
смѣшномъ. А нынче кто въ этомъ сознается? Никто,
требность даже перестали находить въ самоосужденіи. Бу
не такой какъ всѣ; хотя-бы только вы одинъ остава
такой, а всетаки будьте не такой.

— Великолѣпно! Я въ васъ не ошибся. Вы способ
шить. О, какъ я стремился къ вамъ, Карамазовъ, какъ да
нищу встрѣчи съ вами! Неужели и вы обо мнѣ тоже
Давеча вы говорили, что вы обо мнѣ тоже думали?

— Да, я слышалъ объ васъ и объ васъ тоже ду
если отчасти и самолюбіе заставило васъ теперь это с
то это ничего.

— Знаете, Карамазовъ, наше объясненіе похоже н
неніе въ любви, какимъ-то разслабленнымъ и стыдли
лосомъ проговорилъ Коля.—Это не смѣшно, не смѣшно

— Совсѣмъ не смѣшно, да хоть-бы и смѣшно, такъ
чего, потому что хорошо, свѣтло улыбнулся Алеша.

— А знаете, Карамазовъ, согласитесь, что и вамъ

[redacted] немного со мною стыдно... Я вижу по глазамъ, какъ-то [redacted], но и съ какимъ-то почти счастьемъ усмѣхнулся Коля.

— Чего-же это стыдно?

— А зачѣмъ вы покраснѣли?

— Да это вы такъ сдѣлали что я покраснѣлъ! засмѣялся [redacted], и дѣйствительно весь покраснѣлъ.—Ну да, немного стыдно, [redacted] знаетъ отчего, не знаю отчего... бормоталъ онъ, почти даже [redacted]рузившись.

— О, какъ я васъ люблю и цѣню въ эту минуту, именно [redacted], что и вамъ чего-то стыдно со мной! Потому что и вы точно [redacted] рѣшительномъ восторгѣ воскликнулъ Коля. Щеки его пы[redacted] глаза блестѣли.

— Послушайте, Коля, вы между прочимъ будете и очень не[redacted]тный человѣкъ въ жизни, сказалъ вдругъ отчего-то Алеша

— Знаю, знаю. Какъ вы это все знаете впередъ! тотчасъ-же [redacted]рдилъ Коля.

— Но въ цѣломъ всетаки благословите жизнь.

— Именно! Ура! Вы пророкъ! О, мы сойдемся, Карамазовъ. [redacted]е, меня всего болѣе восхищаетъ, что вы со мной совершенно [redacted] съ ровней. А мы не ровня, нѣтъ, не ровня, вы выше! Но мы [redacted]емся. Знаете, я весь послѣдній мѣсяцъ говорилъ себѣ: «Или [redacted]разомъ съ нимъ сойдемся друзьями на вѣки, или съ пер[redacted]же разу разойдемся врагами до гроба!»

— И говоря такъ ужь, конечно, любили меня! весело смѣялся [redacted]па.

— Любилъ, ужасно любилъ, любилъ и мечталъ объ васъ! [redacted]къ это вы знаете все напередъ? Ба, вотъ и докторъ. Гос[redacted], что-то скажетъ, посмотрите какое у него лицо!

VII.

Илюша.

Докторъ выходилъ изъ избы опять уже закутанный въ шубу [redacted] фуражкой на головѣ. Лицо его было почти сердитое и брез[redacted]ое, какъ будто онъ все боялся обо что-то запачкаться. Мель[redacted] окинулъ онъ глазами сѣни и при этомъ строго глянулъ на [redacted]у и Колю. Алеша махнулъ изъ дверей кучеру, и карета, [redacted]ъзжая доктора, подъѣхала къ выходнымъ дверямъ. Штабсъ-[redacted]анъ стремительно выскочилъ вслѣдъ за докторомъ и со-

гнувшись, почти извиняясь предъ нимъ, остановилъ
послѣдняго слова. Лицо бѣдняка было убитое, взгляд
ганный:

— Ваше превосходительство, ваше превосходительст
ужели?.. началъ было онъ, и не договорилъ, а лишь вс
руками въ отчаяніи, хотя все еще съ послѣднею мольбо
на доктора, точно въ самомъ дѣлѣ отъ теперешняго сл
тора могъ измѣниться приговоръ надъ бѣднымъ мальчи

— Что дѣлать! Я не Богъ, небрежнымъ, хотя и пр
внушительнымъ голосомъ отвѣтилъ докторъ.

— Докторъ... Ваше превосходительство... и скоро эт

— При-го-товь-тесь ко всему, отчеканилъ, ударя
дому слогу, докторъ и, склонивъ взоръ, самъ приготови
шагнуть за порогъ къ каретѣ.

— Ваше превосходительство, ради Христа! испугани
новилъ его еще разъ штабсъ-капитанъ,—ваше превосх
ство!.. такъ развѣ ничего, неужели ничего, совсѣмъ ни
перь не спасетъ?..

— Не отъ меня теперь за-ви-ситъ, нетерпѣливо прог
докторъ, — и однако-же, гм, — пріостановился онъ вд
если-бъ вы, напримѣръ, могли... на-править... вашего па
сейчасъ и ни мало не медля (слова «сейчасъ и ни мало н
докторъ произнесъ не то что строго, а почти гнѣвно, т
штабсъ-капитанъ даже вздрогнулъ) въ Си-ра-ку-зы, то.
ствіе новыхъ благо-прі-ятныхъ кли-ма-ти-ческихъ услов
ло-бы, можетъ быть, про-и-зойдти...

— Въ Сиракузы! вскричалъ штабсъ-капитанъ, какъ
чего еще не понимая.

— Сиракузы—это въ Сициліи, отрѣзалъ вдругъ гро
для поясненія. Докторъ поглядѣлъ на него.

— Въ Сицилію! Батюшка, ваше превосходительств
рялся штабсъ-капитанъ, да вѣдь вы видѣли! обвелъ он
руками кругомъ, указывая на свою обстановку,—а мам
а семейство-то?

— Н-нѣтъ, семейство не въ Сицилію, а семейство
Кавказъ, раннею весной... дочь вашу на Кавказъ, а с
продержавъ курсъ водъ тоже на Кав-ка-зѣ въ виду ея р
мовъ... немедленно послѣ того на-пра-вить въ Парижъ,
чебницу доктора пси-хі-атра Ле-пель-летье, я-бы могъ
нему записку, и тогда... могло-бы, можетъ быть, произ

— Докторъ, докторъ! Да вѣдь вы видите! размахнул

[redacted] руками штабсъ-капитанъ, указывая въ отчаяніи на голыя [redacted]ичатыя стѣны сѣней.

— А, это ужь не мое дѣло, усмѣхнулся докторъ,—я лишь [redacted]лъ то, что могла сказать на-у-ка на вашъ вопросъ о по[redacted]ихъ средствахъ, а остальное... къ сожалѣнію моему...

— Не безпокойтесь, лѣкарь, моя собака васъ не укуситъ, [redacted]но отрѣзалъ Коля, замѣтивъ нѣсколько безпокойный взглядъ [redacted]ора на Перезвона, ставшаго на порогѣ. Гнѣвная нотка про[redacted]ла въ голосѣ Коли. Слово-же «лѣкарь» вмѣсто докторъ онъ [redacted]лъ *нарочно* и, какъ самъ объявилъ потомъ, «для оскорб[redacted]и сказалъ».

— Что та-ко-е? вскинулъ головой докторъ, удивленно уста[redacted]ясь на Колю.—Ка-кой это? обратился онъ вдругъ къ Алешѣ, [redacted]о спрашивалъ у того отчета.

— Это хозяинъ Перезвона, лѣкарь, не безпокойтесь о моей [redacted]юсти, отчеканилъ опять Коля.

— Звонъ? переговорилъ докторъ, не понявъ что такое Пе[redacted]онъ.

— Да не знаетъ гдѣ онъ. Прощайте, лѣкарь, увидимся въ [redacted]узахъ.

— Кто эт-то? Кто, кто? вдругъ закипятился ужасно докторъ.

— Это здѣшній школьникъ, докторъ, онъ шалунъ, не обращай[redacted]манія, нахмурившись и скороговоркой проговорилъ Алеша.— [redacted], молчите!—крикнулъ онъ Красоткину.—Не надо обращать [redacted]нія, докторъ, повторилъ онъ уже нѣсколько нетерпѣливѣе.

— Выс-сѣчь, выс-сѣчь, надо, выс-сѣчь! затопалъ было но[redacted] слишкомъ уже почему-то взбѣсившійся докторъ.

— А знаете, лѣкарь, вѣдь Перезвонъ-то у меня, пожалуй, [redacted]и кусается! проговорилъ Коля задрожавшимъ голосомъ, по[redacted]нѣвъ и сверкнувъ глазами.—Іси, Перезвонъ!

— Коля, если вы скажете еще одно только слово, то я съ [redacted] разорву на вѣки! властно крикнулъ Алеша.

— Лѣкарь, есть только одно существо въ цѣломъ мірѣ, ко[redacted]е можетъ приказывать Николаю Красоткину, это вотъ этотъ [redacted]вѣкъ (Коля указалъ На Алешу); ему повинуюсь, прощайте! [redacted]онъ сорвался съ мѣста и, отворивъ дверь, быстро прошелъ [redacted]омнату. Перезвонъ бросился за нимъ. Докторъ постоялъ [redacted] еще секундъ пять, какъ-бы въ столбнякѣ, смотря на Алешу, [redacted]къ вдругъ плюнулъ и быстро пошелъ къ каретѣ, громко [redacted]уря: «Этта, этта, этта, я не знаю, что этта!» Штабсъ-ка[redacted]къ бросился его подсаживать. Алеша прошелъ въ комнату

лей. Тотъ стоялъ уже у постельки Илюши.
за руку и звалъ папу. Чрезъ минуту ворот
капитанъ.

— Папа, папа, поди сюда... мы... пролепеталъ было
въ чрезвычайномъ возбужденіи, но, видимо не въ силах
должать, вдругъ бросилъ свои обѣ исхудалыя ручки вне
крѣпко, какъ только могъ, обнялъ ихъ обоихъ разомъ,
и папу, соединивъ ихъ въ одно объятіе и самъ къ ним
жавшись. Штабсъ-капитанъ вдругъ весь такъ и затрясся
молвныхъ рыданій, а у Коли задрожали губы и подборо

— Папа, папа! Какъ мнѣ жалко тебя, папа! горько
налъ Илюша.

— Илюшечка... голубчикъ... докторъ сказалъ... буде
ровъ... будемъ счастливы... докторъ... заговорилъ было
капитанъ.

— Ахъ, папа! Я вѣдь знаю, что тебѣ новый докт
меня сказалъ... Я вѣдь видѣлъ! воскликнулъ Илюша
крѣпко, изо всей силы, прижалъ ихъ обоихъ къ себѣ, с
на плечѣ у папы свое лицо.

— Папа, не плачь... а какъ я умру, то возьми ты х
мальчика, другаго... самъ выбери изъ нихъ изъ всѣхъ, хо
назови его Илюшей и люби его вмѣсто меня...

— Молчи, старикъ, выздоровѣешь, точно осердившис
нулъ Красоткинъ.

— А меня, папа, меня не забывай никогда, про
Илюша,—ходи ко мнѣ на могилку... да вотъ что, папа, п
ты меня у нашего большаго камня, къ которому мы с
гулять ходили, и ходи ко мнѣ туда съ Красоткинымъ, веч
И Перезвонъ... А я буду васъ ждать... Папа, папа!

Его голосъ пресѣкся, всѣ трое стояли обнявшись и у
чали. Плакала тихо на своемъ креслѣ и Ниночка, и вдру
давъ всѣхъ плачущими, залилась слезами и мамаша.

— Илюшечка! Илюшечка! восклицала она. Красоткинъ
высвободился изъ объятій Илюши:

— Прощай старикъ, меня ждетъ мать къ обѣду, и
рилъ онъ скороговоркой.—Какъ жаль, что я ее не пр
милъ! Очень будетъ безпокоиться... Но послѣ обѣда я
къ тебѣ, на весь день, на весь вечеръ, и столько тебѣ ра
столько разскажу. И Перезвона приведу, а теперь съ собо
потому что онъ безъ меня выть начнетъ и тебѣ мѣшать
до свиданья!

онъ выбѣжалъ въ сѣни. Ему не хотѣлось расплакаться, но ихъ онъ-таки заплакалъ. Въ этомъ состояніи нашелъ его

Коля, вы должны непремѣнно сдержать слово и придти, онъ будетъ въ страшномъ горѣ, настойчиво проговорилъ

Непремѣнно! О, какъ я кляну себя, что не приходилъ , плача и уже не конфузясь что плачетъ, пробормоталъ Въ эту минуту вдругъ словно выскочилъ изъ комнаты -капитанъ и тотчасъ затворилъ за собою дверь. Лицо его изступленное, губы дрожали. Онъ сталъ передъ обоими мо- людьми и вскинулъ вверхъ обѣ руки:

Не хочу хорошаго мальчика! Не хочу другаго мальчика! талъ онъ дикимъ шепотомъ, скрежеща зубами,—аще за- тебе, Іерусалиме, да прильпнетъ...

не договорилъ, какъ-бы захлебнувшись, и опустился въ предъ деревянною лавкой на колѣни. Стиснувъ обоими свою голову, онъ началъ рыдать какъ-то нелѣпо взвиз- изо всей силы крѣпясь, однако, чтобы не услышали его въ избѣ. Коля выскочилъ на улицу.

Прощайте, Карамазовъ! Сами-то придете? рѣзко и сердито лъ онъ Алешѣ.

Вечеромъ непремѣнно буду.

Что онъ это такое про Іерусалимъ... Это что еще такое?

Это изъ Библіи: «Аще забуду тебе, Іерусалиме», — то если забуду все, что есть самаго у меня драгоцѣннаго промѣняю на что, то да поразитъ...

Понимаю, довольно! Сами-то приходите! Ісі, Перезвонъ! уже свирѣпо прокричалъ онъ собакѣ, и большими, ско- ами зашагалъ домой.

[illegible]

ному преступленію, почти въ тотъ самый мигъ, когда она
его невѣстой, не смотря потомъ на болѣзнь и на угро-
ее впереди почти неминуемое рѣшеніе суда, Грушенька
не потеряла прежней своей молодой веселости. Въ гор-
прежде глазахъ ея засіяла теперь какая-то тихость, хотя...
впрочемъ, глаза эти изрѣдка опять таки пламенѣли нѣ-
мъ зловѣщимъ огонькомъ, когда ее посѣщала одна прежняя
, не только не заглохнувшая, но даже и увеличившаяся
сердцѣ. Предметъ этой заботы былъ все тотъ-же: Кате-
Ивановна, о которой Грушенька, когда еще лежала боль-
поминала даже въ бреду. Алеша понималъ, что она страшно
етъ къ ней Митю, арестанта Митю, не смотря на то, что
ина Ивановна ни разу не посѣтила того въ заключеніи,
бы и могла это сдѣлать когда угодно. Все это обратилось
лепи въ нѣкоторую трудную задачу, ибо Грушенька только
у ему довѣряла свое сердце и безпрерывно просила у него
овъ; онъ-же иногда совсѣмъ ничего не въ силахъ былъ
азать.

абоченно вступилъ онъ въ ея квартиру. Она была уже дома;
часа какъ воротилась отъ Мити, и уже по тому быстрому
нію, съ которымъ она вскочила съ креселъ изъ-за стола
му на встрѣчу, онъ заключилъ, что ждала она его съ
мъ нетерпѣніемъ. На столѣ лежали карты и была сдана
въ дурачки. На кожанномъ диванѣ съ другой стороны стола
постлана постель и на ней полулежалъ, въ халатѣ и въ
номъ колпакѣ, Максимовъ, видимо больной и ослабѣвшій,
и сладко улыбавшійся. Этотъ бездомный старичокъ, какъ
лся тогда, еще мѣсяца два тому, съ Грушенькой изъ Мок-
такъ и остался у ней и при ней съ тѣхъ поръ неотлучно.
авъ тогда съ ней въ дождь и слякоть, онъ, промокшій и
анный, сѣлъ на диванъ и уставился на нее молча, съ роб-
просящею улыбкой. Грушенька, бывшая въ страшномъ горѣ
въ начинавшейся лихорадкѣ, почти забывшая о немъ въ
е полчаса по пріѣздѣ за разными хлопотами, вдругъ какъ-то
ально посмотрѣла на него: онъ жалко и потерянно хихик-
ей въ глаза. Она кликнула Ѳеню и велѣла дать ему поку-
. Весь этотъ день онъ просидѣлъ на своемъ мѣстѣ почти не
нувшись; когда-же стемнѣло и заперли ставни, Ѳеня спро-
барыню:

– Что-жь, барыня, развѣ они ночевать останутся?

– Да, постели ему на диванѣ, отвѣтила Грушенька.

его подробнѣе, Грушенька узнала отъ не
ему какъ разъ теперь некуда дѣться сов
нъ Калгановъ, благодѣтель мой, прямо мнѣ
что болѣе меня ужь не примутъ и пять рублей
— «Ну, Богъ съ тобой, оставайся ужь», рѣшила в
ленька, сострадательно ему улыбнувшись. Старика п
отъ ея улыбки и губы его задрожали отъ благо
плача. Такъ съ тѣхъ поръ и остался у ней скитающійся
вальщикъ. Даже въ болѣзни ея онъ не ушелъ изъ дом
и ея мать, кухарка Грушеньки, его не прогнали, а прод
его кормить и стлать ему постель на диванѣ. Впослѣдст
шенька даже привыкла къ нему и, приходя отъ Мити (к
рому, чуть оправившись, тотчасъ-же стала ходить, не
даже хорошенько выздоровѣть), чтобъ убить тоску, сад
начинала разговаривать съ «Максимушкой» о всякихъ
кахъ, только чтобы не думать о своемъ горѣ. Оказалось,
ричокъ умѣлъ иногда кое-что и поразсказать, такъ что ст
наконецъ, даже и необходимъ. Кромѣ Алеши, заходивш
нако, не каждый день, и всегда не на долго, Грушенька
почти и не принимала. Старикъ-же ея, купецъ, лежалъ
время уже страшно больной, «отходилъ», какъ говорили
родѣ, и дѣйствительно умеръ всего недѣлю спустя посл
надъ Митей. За три недѣли до смерти, почувствовавъ
финалъ, онъ кликнулъ къ себѣ, наконецъ, на верхъ сыно
ихъ, съ ихъ женами и дѣтьми, и повелѣлъ имъ уже болѣе не о
отъ себя. Грушеньку-же съ этой самой минуты строго з
слугамъ не принимать вовсе, а коли придетъ, то говор
«Приказываетъ, дескать, вамъ долго въ веселіи жить, а
всѣмъ позабыть». Грушенька, однако-жь, посылала почт
дый день справляться объ его здоровьѣ.

— Наконецъ-то пришелъ! крикнула она, бросивъ
радостно здороваясь съ Алешей, — а Максимушка такъ
что, пожалуй, ужь и не придешь. Ахъ, какъ тебя нуж
дись къ столу; ну, что тебѣ, кофею?

— А, пожалуй, сказалъ Алеша, подсаживаясь къ ст
очень проголодался.

— То-то; Ѳеня, Ѳеня, кофею! крикнула Грушенька,
у меня ужь давно кипитъ, тебя ждетъ, да пирожковъ
да чтобы горячихъ! Нѣтъ, постой, Алеша, у меня съ эти
рогами сегодня громъ вышелъ. Понесла я ихъ къ нему
рогъ, а онъ, вѣришь-ли, назадъ мнѣ ихъ бросилъ, так

Одинъ пирогъ такъ совсѣмъ на полъ кинулъ и растопталъ. сказала: «сторожу оставлю; коли не съѣшь до вечера, зна- тебя злость эхидная кормитъ!» съ тѣмъ и ушла. Опять поссорились, вѣришь тому. Что ни приду, такъ и поссоримся. рушенька проговорила все это залпомъ, въ волненіи. Мак- ъ, тотчасъ-же оробѣвъ, улыбался, потупивъ глазки.

— Этотъ-то разъ за что-же поссорились? спросилъ Алеша.

— Да ужь совсѣмъ и не ожидала! Представь себѣ, къ «преж- приревновалъ: «Зачѣмъ, дескать, ты его содержишь. Ты значитъ, содержать начала?» Все ревнуетъ, все меня рев- ! И спитъ и ѣстъ ревнуетъ. Къ Кузьмѣ даже разъ на шлой недѣлѣ приревновалъ.

— Да вѣдь онъ-же зналъ про «прежняго»-то?

— Ну, вотъ поди. Съ самаго начала до самаго сегодня зналъ, годня вдругъ всталъ и началъ ругать. Срамно только сказать говорилъ. Дуракъ! Ракитка къ нему пришелъ, какъ я вышла. тъ, Ракитка-то его и уськаетъ, а? Какъ ты думаешь? прия она какъ-бы разсѣянно.

— Любитъ онъ тебя, вотъ что, очень любитъ. А теперь какъ и раздраженъ.

— Еще-бы не раздраженъ, завтра судятъ. И шла съ тѣмъ объ завтрашнемъ ему мое слово сказать потому, Алеша, но мнѣ даже и подумать что завтра будетъ! Ты вотъ го- ь что онъ раздраженъ, да я-то какъ раздражена. А онъ объ ! Экой дуракъ! Вотъ къ Максимушкѣ небось не ревнуетъ.

— Меня супруга моя очень тоже ревновала-съ, вставилъ словцо Максимовъ.

— Ну, ужь тебя-то, разсмѣялась нехотя Грушенька, — къ тебя и ревновать-то?

— Къ горничнымъ дѣвушкамъ-съ.

— Э, молчи, Максимушка, не до смѣху мнѣ теперь, даже ъ беретъ. На пирожки-то глазъ не пяль, не дамъ, тебѣ о, и бальзамчику тоже не дамъ. Вотъ съ нимъ тоже во- точно у меня домъ богадѣльный, право, разсмѣялась она.

— Я вашихъ благодѣяній не стою-съ, я ничтоженъ-съ, про- лъ слезящимся голоскомъ Максимовъ.—Лучше-бы вы рас- благодѣянія ваши тѣмъ, которые нужнѣе меня-съ.

— Эхъ, всякій нуженъ, Максимушка, и почему узнать, кто нужнѣй. Хоть-бы и не было этого поляка вовсе, Алеша, вѣдь разболѣться сегодня вздумалъ. Была и у него. Такъ нарочно-же и ему пошлю пироговъ. я не посылала, а Митя

обвинилъ, что посылаю, такъ вотъ нарочно-же теперь по
рочно! Ахъ, вотъ и Ѳеня съ письмомъ! Ну, такъ и ест
отъ поляковъ, опять денегъ просятъ!

Панъ Муссяловичъ дѣйствительно прислалъ чрезвычай
ное и витіеватое по своему обыкновенію письмо, въ к
просилъ ссудить его тремя рублями. Къ письму была пр
росписка въ полученіи съ обязательствомъ уплатить въ
трехъ мѣсяцевъ; подъ роспиской подписался и панъ
скій. Такихъ писемъ и все съ такими-же расписками Гру
уже много получила отъ своего «прежняго». Началось
самаго выздоровленія Грушеньки, недѣли двѣ назадъ. Он
однако, что оба пана и во время болѣзни ея приходил
дываться о ея здоровьѣ. Первое письмо, полученное Гру
было длинное на почтовомъ кистѣ большаго формата,
танное большою фамильною печатью и страшно темное
ватое, такъ что Грушенька прочла только половину и
ровно ничего не понявъ. Да и не до писемъ ей тогда
этимъ первымъ письмомъ послѣдовало на другой день
въ которомъ панъ Муссяловичъ просилъ ссудить его дв
сячами рублей, на самый короткій срокъ. Грушенька и эт
оставила безъ отвѣта. Затѣмъ послѣдовалъ уже цѣлый р
семъ. по письму въ день, все также важныхъ и витіе
но въ которыхъ сумма просимая взаймы, постепенно сп
дошла до ста рублей, до двадцати пяти, до десяти рубл
конецъ, вдругъ Грушенька получила письмо, въ котор
пана просили у ней одинъ только рубль и приложили р
на которой оба и подписались. Тогда Грушенькѣ стало
жалко, и она, въ сумерки, сбѣгала сама къ пану. На
обоихъ поляковъ въ страшной бѣдности, почти въ нище
кушанья, безъ дровъ, безъ папиросъ, задолжавшихъ
Двѣсти рублей, выигранные въ Мокромъ у Мити, куда-то
исчезли. Удивило, однако-же, Грушеньку, что встрѣтил
пана съ заносчивою важностью и независимостью, съ
шимъ этикетомъ, съ раздутыми рѣчами. Грушенька тол
смѣялась и дала своему «прежнему» десять рублей. Т
смѣясь, разсказала объ этомъ Митѣ, и тотъ вовсе не пр
валъ. Но съ тѣхъ поръ паны ухватились за Грушеньку
дый день ее бомбардировали письмами съ просьбой о де
а та каждый разъ посылала по немножку. И вотъ вдру
годня Митя вздумалъ жестоко приревновать.

— Я, дура, къ нему тоже забѣжала, всего только

ку, когда къ Митѣ шла, потому разболѣлся тоже и онъ, панъ-той прежній, начала опять Грушенька, суетливо и торопясь,— ось я это и разсказываю Митѣ-то: представь, говорю, полякъ-мой на гитарѣ прежнія пѣсни мнѣ вздумалъ пѣть, думаетъ, я разчувствуюсь и за него пойду. А Митя-то какъ вскочитъ ругательствами... Такъ вотъ нѣтъ-же, пошлю панамъ пиро-ы! Ѳеня, что они тамъ дѣвчонку эту прислали? Вотъ, отдай три рубля, да съ десятокъ пирожковъ въ бумагу имъ уверни если снести, а ты, Алеша, непремѣнно разскажи Митѣ, что я пироговъ послала.

— Ни за что не разскажу, проговорилъ, улыбнувшись, Алеша.

— Эхъ, ты думаешь, что онъ мучается; вѣдь онъ это на-но приревновалъ, а ему самому все равно, горько прогово-а Грушенька.

— Какъ такъ нарочно? спросилъ Алеша.

— Глупый ты, Алешенька, вотъ что, ничего ты тутъ не по-ешь при всемъ умѣ, вотъ что. Мнѣ не то обидно, что онъ я, такую, приревновалъ, а то стало-бы мнѣ обидно, коли-бы е не ревновалъ. Я такова. Я за ревность не обижусь, у я у самой сердце жестокое, я сама приревную. Только мнѣ обидно, что онъ меня вовсе и не любитъ и теперь *нарочно* при-новалъ, вотъ что. Слѣпая я, что-ли, не вижу? Онъ мнѣ объ , объ Катькѣ, вдругъ сейчасъ и говоритъ: такая-де она и я, доктора изъ Москвы на судъ для меня выписала, чтобы сти меня выписала, адвоката самаго перваго, самаго ученаго выписала. Значитъ ее любитъ, коли мнѣ въ глаза на-хвалить, безстыжіе его глаза! Предо мной самъ виноватъ, ъ вотъ ко мнѣ и привязался, чтобы меня прежде себя ви-той сдѣлать, да на меня на одну и свалить: «ты, дескать, же меня съ полякомъ была, такъ вотъ мнѣ съ Катькой и волительно это стало». Вотъ оно что! На меня на одну всю у свалить хочетъ. Нарочно, онъ привязался, нарочно, говорю , только я...

Грушенька не договорила что она сдѣлаетъ, закрыла глаза платкомъ и ужасно разрыдалась.

— Онъ Катерину Ивановну не любитъ, сказалъ твердо Алеша.

— Ну, любитъ не любитъ, это я сама скоро узнаю, съ грозной ноткой въ голосѣ проговорила Грушенька, отнимая отъ глазъ платокъ. Лицо ея исказилось. Алеша съ горестью увидѣлъ, какъ другъ, изъ кроткаго и тихо-веселаго, лицо ея стало угрюмымъ злымъ.

[illegible] Ан
[illegible] онъ
[illegible] захочет
[illegible]

[illegible]

[illegible] бр
[illegible] вышес
[illegible] въ
[illegible] согла
[illegible] уже знам
[illegible]

Ну и что-жъ? Говорилъ ему? воскликнул
[illegible].

Онъ выслушалъ и ничего не сказалъ. С
уже составилось опредѣленное мнѣніе. Но об
взятъ въ соображеніе.

Какъ это въ соображеніе! Ахъ они мош
они это! Ну, а доктора-то, доктора зачѣмъ та

Какъ эксперта. Хотятъ вывести, что бр
и убилъ въ помѣшательствѣ, себя не помня.

А Григорій-то, Григорій-то Васильичъ, вѣдь стоитъ на что дверь была отперта, ломитъ на своемъ, что видѣлъ, ешь его, я къ нему бѣгала, сама съ нимъ говорила. Ру еще!

Да, это, можетъ быть, самое сильное показаніе противъ проговорилъ Алеша.

А про то, что Митя помѣшанный, такъ онъ и теперь аковъ, съ какимъ-то особенно озабоченнымъ и таин мъ видомъ начала вдругъ Грушенька. — Знаешь, Але давно я хотѣла тебѣ про это сказать: хожу къ нему день и просто дивлюсь. Скажи ты мнѣ, какъ ты ду объ чемъ это онъ теперь началъ все говорить? Заговоговоритъ — ничего понимать не могу, думаю, это онъ ъ умномъ, ну, я глупая, не понять мнѣ, думаю; только нъ мнѣ вдругъ говорить про дитё, то есть про дитятю о, «зачѣмъ, дескать, бѣдно́ дитё? За дитё-то это я теперь и рь пойду, я не убилъ, но мнѣ надо въ Сибирь пойдти!») такое, какое такое дитё — ничевошеньки не поняла. расплакалась какъ онъ говорилъ, потому очень ужь онъ это говорилъ, самъ плачетъ, и я заплакала, онъ меня и поцаловалъ и рукой перекрестилъ. Что это такое, Алеша, и ты мнѣ, какое это «дитё?».

Это къ нему Ракитинъ почему-то повадился ходить, улыб леша,— впрочемъ... это не отъ Ракитина. Я у него вчера ь, сегодня буду.

Нѣтъ, это не Ракитка, это его братъ Иванъ Ѳедоровичъ ъ, это онъ къ нему ходитъ, вотъ что̀... проговорила Гру и вдругъ какъ-бы осѣклась. Алеша уставился на нее раженный.

Какъ ходитъ? Да развѣ онъ ходилъ къ нему? Митя мнѣ ворилъ, что Иванъ ни разу не приходилъ.

Ну... ну, вотъ я какая! Проболталась! воскликнула Гру въ смущеніи, вся вдругъ зарумянившись. — Стой, Алеша, акъ и быть, коль ужь пробормоталась, всю правду скажу: его два раза былъ, первый разъ только что онъ тогда ь — тогда-же вѣдь онъ сейчасъ изъ Москвы и приска еще и слечь не успѣла, а другой разъ приходилъ недѣлю Митѣ-то онъ не велѣлъ объ этомъ тебѣ сказывать, отнюдь ъ, да и никому не велѣлъ сказывать, потаенно приходилъ. на сидѣлъ въ глубокой задумчивости и что-то сообра звѣстіе видимо его поразило.

— Братъ Иванъ объ Митиномъ дѣлѣ со мной не [redacted] проговорилъ онъ медленно,—да и вообще со мною [redacted] эти два мѣсяца очень мало говорилъ, а когда я прих[redacted] нему, то всегда бывалъ недоволенъ, что я пришелъ, [redacted] три недѣли къ нему уже не хожу. Гм... Если онъ былъ [redacted] назадъ, то... за эту недѣлю въ Митѣ дѣйствительно [redacted] какая-то перемѣна...

— Перемѣна, перемѣна! быстро подхватила Грушень[redacted] нихъ секретъ, у нихъ былъ секретъ! Митя мнѣ самъ [redacted] что секретъ и, знаешь, такой секретъ, что Митя и успок[redacted] не можетъ. А вѣдь прежде былъ веселый, да онъ и тепе[redacted] лый, только, знаешь, когда начнетъ этакъ головой мота[redacted] по комнатѣ шагать, а вотъ этимъ правымъ пальцемъ себѣ [redacted] на вискѣ волосы теребитъ, то ужь я и знаю, что у него [redacted] безпокойное на душѣ... я ужь знаю!.. А то былъ весел[redacted] и сегодня веселый!

— А ты сказала: раздраженъ?

— Да онъ и раздраженъ, да веселый. Онъ и все раздр[redacted] да на минутку, а тамъ веселый, а потомъ вдругъ опять р[redacted] женъ. И знаешь, Алеша, все я на него дивлюсь: впереди [redacted] страхъ, а онъ даже иной разъ такимъ пустякамъ хо[redacted] точно самъ-то дитя.

— И это правда, что онъ мнѣ не велѣлъ говорить про [redacted] Такъ и сказалъ: не говори?

— Такъ и сказалъ: не говори. Тебя-то онъ, гла[redacted] боится, Митя-то. Потому тутъ секретъ, самъ сказалъ, [redacted] кретъ... Алеша, голубчикъ, сходи, вывѣдай: какой это т[redacted] нихъ секретъ, да и приходи мнѣ сказать,—вскинулась и [redacted] лась вдругъ Грушенька,—порѣшили ты меня, бѣдную, что[redacted] знала я мою участь проклятую! Съ тѣмъ и звала тебя.

— Ты думаешь, что это про тебя что-нибудь? Так [redacted] тогда-бы онъ не сказалъ при тебѣ про секретъ.

— Не знаю. Можетъ, мнѣ-то онъ и хочетъ сказать [redacted] смѣетъ. Предупреждаетъ. Секретъ, дескать, есть, а как[redacted] ретъ—не сказалъ.

— Ты сама-то что-же думаешь?

— А что думаю? Конецъ мнѣ пришелъ, вотъ что! [redacted] Конецъ мнѣ они всѣ трое приготовили, потому что тутъ [redacted] Все это Катька, отъ нея и идетъ. «Такая она и сякая», з[redacted] это я не такая. Это онъ впередъ говоритъ, впередъ мен[redacted] дупреждаетъ. Бросить онъ меня замыслилъ, вотъ и все

етъ! Втроемъ это и придумали.—Митька, Катька, да Иванъ ровичъ. Алеша, хотѣла я тебя спросить давно: недѣлю на- онъ мнѣ вдругъ и открываетъ, что Иванъ влюбленъ въ ку, потому что часто къ той ходитъ. Правду онъ это мнѣ алъ или нѣтъ? Говори по совѣсти, рѣжь меня.

— Я тебѣ не солгу. Иванъ въ Катерину Ивановну не влюб- ь, такъ я думаю.

— Ну, такъ и я тогда-же подумала! Лжетъ онъ мнѣ, без- жій, вотъ что! И приревновалъ онъ теперь меня, чтобы по- ь на меня свалить. Вѣдь онъ дуракъ, вѣдь онъ не умѣетъ цовъ хоронить, откровенный онъ вѣдь такой... Только я-жь , я-жь ему! «Ты, говоритъ, вѣришь, что я убилъ»—это мнѣ-то говоритъ, мнѣ-то, это меня-то онъ тѣмъ попрекнулъ! Богъ нимъ! Ну, постой, плохо этой Катькѣ будетъ отъ меня на ! Я тамъ одно такое словечко скажу... Я тамъ ужь все скажу!

И опять она горько заплакала.

— Вотъ что я тебѣ могу твердо объявить, Грушенька, ска- , вставая съ мѣста, Алеша:—первое то, что онъ тебя лю- , любитъ болѣе всѣхъ на свѣтѣ, и одну тебя, въ этомъ ты вѣрь. Я знаю. Ужь я знаю. Второе то скажу тебѣ, что я ета выпытывать отъ него не хочу, а если самъ мнѣ скажетъ дня, то прямо скажу ему, что тебѣ обѣщался сказать. Тогда у къ тебѣ сегодня-же и скажу. Только... кажется мнѣ... ь тутъ Катерины Ивановны и въ поминѣ, а это про другое что-нибудь этотъ секретъ. И это навѣрно такъ. И не похоже ѣмъ. чтобы про Катерину Ивановну, такъ мнѣ сдается. А прощай!

Алеша пожалъ ей руку. Грушенька все еще плакала. Онъ алъ, что она его утѣшеніямъ очень мало повѣрила, но и то было ей хорошо, что хоть горе сорвала, высказалась. Жалко было оставлять ее въ такомъ состояніи, но онъ спѣшилъ. стояло ему еще много дѣла.

II.

Больная ножка.

Первое изъ этихъ дѣлъ было въ домѣ г-жи Хохлаковой, и спѣшилъ туда, чтобы покончить тамъ поскорѣе и не опоз- къ Митѣ. Г-жа Хохлакова уже три недѣли какъ прихва-

рывала: у ней отчего-то вспухла нога, и она хоть не
въ постели, но все равно, днемъ, въ привлекательномъ,
стойномъ дезабилье полулежала у себя въ будуарѣ на к
Алеша какъ-то разъ замѣтилъ про себя съ невинною ус
что г-жа Хохлакова, не смотря на болѣзнь свою, стал
щеголять: явились какія-то наколочки, бантики, расшив
и онъ смекалъ почему это такъ, хотя и гналъ эти мыс
праздныя. Въ послѣдніе два мѣсяца г-жу Хохлакову ст
сѣщать, между прочими ея гостями, молодой человѣкъ
тинъ. Алеша не заходилъ уже дня четыре, и, войдя н
поспѣшилъ было прямо пройдти къ Лизѣ, ибо у ней и б
дѣло, такъ какъ Лиза еще вчера прислала къ нему д
съ настоятельною просьбой немедленно къ ней придти «и
важному обстоятельству», что̀ по нѣкоторымъ причинам
тересовало Алешу. Но пока дѣвушка ходила къ Лизѣ д
вать, г-жа Хохлакова уже узнала отъ кого-то о его п
и немедленно прислала попросить его къ себѣ «на одну
минутку». Алеша разсудилъ, что лучше ужь удовлетворит
просьбу мамаши, ибо та будетъ поминутно посылать к
пока онъ будетъ у той сидѣть. Г-жа Хохлакова лежала
шеткѣ, какъ-то особенно празднично одѣтая и видимо в
вычайно нервическомъ возбужденіи. Алешу встрѣтила
восторга.

— Вѣка̀, вѣка̀, цѣлые вѣка̀ не видала васъ! Цѣлую
помилуйте, ахъ, впрочемъ, вы были всего четыре дня
въ среду. Вы къ Lise, я увѣрена, что вы хотѣли про
ней прямо на цыпочкахъ, чтобъ я не слыхала. Милый
Алексѣй Ѳедоровичъ, если-бы вы знали какъ она меня
коитъ! Но это потомъ. Это хоть и самое главное, но это
Милый Алексѣй Ѳедоровичъ я вамъ довѣряю мою Лизу
Послѣ смерти старца Зосимы — упокой Господи его душ
перекрестилась), послѣ него я смотрю на васъ какъ н
ника, хотя вы и премило носите вашъ новый костюмъ.
вы достали здѣсь такого портнаго? Но нѣтъ, нѣтъ, это
ное, это потомъ. Простите, что я васъ называю иногда
я старуха, мнѣ все позволено, — кокетливо улыбнулась
но это тоже потомъ. Главное, мнѣ-бы не забыть про г
Пожалуйста, напомните мнѣ сами, чуть я заговорюсь, а
жите: «а главное?» Ахъ, почему я знаю что̀ теперь гла
Съ тѣхъ поръ какъ Lise взяла у васъ назадъ свое обѣщ
свое дѣтское обѣщаніе, Алексѣй Ѳедоровичъ, — выйдти з

жъ, то вы, конечно, поняли, что все это была лишь дѣтская
вая фантазія больной дѣвочки, долго просидѣвшей въ крес-
,—слава Богу, она теперь уже ходитъ. Этотъ новый док-
, котораго Катя выписала изъ Москвы для этого несчаст-
вашего брата, котораго завтра... Ну, что объ завтрашнемъ!
умираю отъ одной мысли объ завтрашнемъ! Главное-же
любопытства... Однимъ словомъ, этотъ докторъ вчера былъ
асъ и видѣлъ Lise... Я ему пятьдесятъ рублей за визитъ
атила. Но это все не то, опять не то. Видите, я ужь со-
ъ теперь сбилась. Я тороплюсь. Почему я тороплюсь? Я
наю. Я ужасно перестаю теперь знать. Для меня все смѣ-
сь въ какой-то комокъ. Я боюсь, что вы возьмете и вы-
нете отъ меня отъ скуки, и я васъ только и видѣла. Ахъ,
мой! Что-же мы сидимъ, и во первыхъ,—кофе, Юлія, Гла-
, кофе!

Алеша поспѣшно поблагодарилъ и объявилъ, что онъ сей-
только пилъ кофе.

— У кого?

— У Аграѳены Александровны.

— Это... это у этой женщины! Ахъ, это она всѣхъ погубила,
прочемъ, я не знаю, говорятъ, она стала святая, хотя и
но. Лучше-бы прежде, когда надо было, а теперь что-жь,
я-же польза? Молчите, молчите, Алексѣй Ѳедоровичъ, потому
я столько хочу сказать, что, кажется, такъ ничего и не
у. Этотъ ужасный процессъ... я непремѣнно поѣду, я го-
юсь, меня внесутъ въ креслахъ, и притомъ я могу сидѣть,
ной будутъ люди, и вы знаете вѣдь, я въ свидѣтеляхъ.
ь я буду говорить, какъ я буду говорить! Я не знаю что я
говорить. Надо вѣдь присягу принять, вѣдь такъ, такъ?

— Такъ, но не думаю, чтобы вамъ можно было явиться.

— Я могу сидѣть; ахъ, вы меня сбиваете! Этотъ процессъ,
ъ дикій поступокъ, и потомъ всѣ идутъ въ Сибирь, другіе
тся, и все это быстро, быстро, и все мѣняется, и, наконецъ;
го. всѣ старики и въ гробъ смотрятъ. Ну и пусть, я устала.
Катя — cette charmante personne, она разбила всѣ мои на-
ы: теперь она пойдетъ за однимъ вашимъ братомъ въ Си-
а другой вашъ братъ поѣдетъ за ней и будетъ жить въ
немъ городѣ, и всѣ будутъ мучить другъ друга. Меня это
ма сводитъ, а, главное, эта огласка: во всѣхъ газетахъ въ
бургѣ и въ Москвѣ милліонъ разъ писали. Ахъ, да, пред-
ге себѣ, и про меня написали, что я была «милымъ дру-

казанно, чѣмъ тащиться въ Сибирь съ сорокалѣт-
ми своей скучающей дамы. Игривая корреспонден-
и слѣдуетъ, заканчивалась благороднымъ негодо-
ѣетъ безнравственности отцеубійства и бывшаго
ава. Прочтя съ любопытствомъ, Алеша свернулъ
едалъ его обратно г-жѣ Хохлаковой.
ъ-же не я? залепетала она опять,—вѣдь это я, я
предлагала ему золотые пріиски и вдругъ «со-
лести!» Да развѣ я затѣмъ? Это онъ нарочно!
чный Судья за сорокалѣтнія прелести, какъ и я
дь это... вѣдь это знаете кто? Это вашъ другъ,

быть, сказалъ Алеша, хотя я ничего не слы-

ъ, а не можетъ быть! Вѣдь я его выгнала... Вѣдь
эту исторію?
, что вы его пригласили не посѣщать васъ впредь,
но,—этого я... отъ васъ, по крайней мѣрѣ, не

о быть, отъ него слышали! Что-жь, онъ бранитъ
анитъ?
бранитъ, но вѣдь онъ всѣхъ бранитъ. Но за что
ли — я и отъ него не слыхалъ. Да и вообще я
нимъ теперь встрѣчаюсь. Мы не друзья.
ъ я вамъ это все открою и, нечего дѣлать, по-
что тутъ есть одна черта, въ которой я, можетъ
овата. Только маленькая, маленькая черточка, са-
такъ что, можетъ быть, ея и нѣтъ вовсе. Видите,
(г-жа Хохлакова вдругъ приняла какой-то игри-
устахъ ея замелькала милая, хотя и загадочная
ите, я подозрѣваю... вы меня простите, Алеша, я
ъ... о, нѣтъ, нѣтъ, напротивъ, я къ вамъ теперь
отцу... потому что мать тутъ совсѣмъ не идетъ...
какъ къ старцу Зосимѣ на исповѣди, и это самое
ень подходитъ: назвала-же я васъ давеча схим-
акъ вотъ этотъ бѣдный молодой человѣкъ, вашъ
ъ (о, Боже, я просто на него не могу сердиться!
люсь, но не очень), однимъ словомъ, этотъ легко-
одой человѣкъ, вдругъ, представьте себѣ, кажется,
еня влюбиться. Я это потомъ, потомъ только
ла, но въ началѣ, то есть съ мѣсяцъ назадъ, онъ

сталъ бывать у меня чаще, почти каждый день, хотя и мы были знакомы. Я ничего не знаю... и вотъ вдруг какъ-бы озарило, и я начинаю, къ удивленію, примѣча знаете, я уже два мѣсяца тому назадъ начала принимат скромнаго, милаго и достойнаго молодаго человѣка, Петра Перхотина, который здѣсь служитъ. Вы столько разъ его чали сами. И не правда-ли, онъ достойный, серьезный, дитъ онъ въ три дня разъ, а не каждый день (хотя п и каждый день), и всегда такъ хорошо одѣтъ, и вообще молодежь, Алеша, талантливую, скромную, вотъ какъ у него почти государственный умъ, онъ такъ мило говори непремѣнно, непремѣнно буду просить за него. Это будущ ломать. Онъ въ тотъ ужасный день меня почти отъ спасъ, придя ко мнѣ ночью. Ну, а вашъ другъ Ракитин ходитъ всегда въ такихъ сапогахъ и протянетъ ихъ по однимъ словомъ, онъ началъ мнѣ даже что-то намекать, а одинъ разъ, уходя, пожалъ мнѣ ужасно крѣпко руку. Тог онъ мнѣ пожалъ руку, какъ вдругъ у меня разболѣлась но и прежде встрѣчалъ у меня Петра Ильича, и, вѣрите-ли, не няетъ его, все шпыняетъ, такъ и мычитъ на него за чт только смотрю на нихъ обоихъ, какъ они сойдутся, а смѣюсь. Вотъ вдругъ я сижу одна, то есть нѣтъ, я то лежала, вдругъ я лежу одна, Михаилъ Ивановичъ и пр и, представьте, приноситъ свои стишки, самые коротен мою больную ногу, то есть описалъ въ стихахъ мою б ногу. Постойте, какъ это:

Эта ножка, эта ножка
Разболѣлася немножко...

или какъ тамъ,—вотъ никакъ не могу стиховъ запомн меня тутъ лежатъ,—ну, я вамъ потомъ покажу, только п прелесть, и, знаете, не объ одной только ножкѣ, а и ни тельное, съ прелестною идеей, только я ее забыла, одни вомъ, прямо въ альбомъ. Ну, я, разумѣется, поблагода онъ былъ видимо польщенъ. Не успѣла поблагодарит вдругъ входитъ и Петръ Ильичъ, а Михаилъ Ивановичъ насупился какъ ночь. Я ужь вижу, что Петръ Ильичъ чемъ-то помѣшалъ, потому что Михаилъ Ивановичъ нет что-то хотѣлъ сказать сейчасъ послѣ стиховъ, я ужь з ствовала, а Петръ Ильичъ и вошелъ. Я вдругъ Петру стихи и показываю, да и не говорю кто сочинилъ. Но

я увѣрена, что онъ сейчасъ догадался, хотя и до сихъ
не признается, а говоритъ, что не догадался; но это онъ
чно. Петръ Ильичъ тотчасъ захохоталъ и началъ крити-
ть, — дрянные, говоритъ, стишонки, какой-нибудь семина-
ъ написалъ, да знаете, съ такимъ азартомъ, съ такимъ
томъ! Тутъ вашъ другъ вмѣсто того, чтобы разсмѣяться,
гъ совсѣмъ и взбѣсился... Господи, я думала, они подерутся:
я, говоритъ, написалъ. Я, говоритъ, написалъ въ шутку,
му что считаю за низость писать стихи... Только стихи мои
ши. Вашему Пушкину за женскія ножки монументъ хотятъ
ить, а у меня съ направленіемъ, а вы сами, говоритъ, крѣ-
никъ; вы, говоритъ, никакой гуманности не имѣете, вы ни-
къ теперешнихъ просвѣщенныхъ чувствъ не чувствуете,
не коснулось развитіе, вы, говоритъ, чиновникъ и взятки
е!» Тутъ ужь я начала кричать и молить ихъ. А Петръ
чъ, вы знаете, такой не робкій, и вдругъ принялъ самый
родный тонъ: смотритъ на него насмѣшливо, слушаетъ и
ияется: «Я, говоритъ, не зналъ. Если-бы я зналъ, я-бы не
лъ, я-бы, говоритъ, похвалилъ... Поэты, говоритъ, всѣ такъ
ажительны»... Однимъ словомъ, такія насмѣшки подъ ви-
самаго благороднаго тона. Это онъ мнѣ самъ потомъ объ-
ъ, что это все были насмѣшки, а я думала, онъ и въ са-
дѣлѣ. Только вдругъ я лежу, какъ вотъ теперь предъ вами,
аю: будетъ или не будетъ благородно, если я Михаила Пва-
а вдругъ прогоню зато, что неприлично кричитъ у меня въ
на моего гостя? И вотъ, вѣрите-ли: лежу, закрыла глаза и ду-
будетъ или не будетъ благородно, и не могу рѣшить, и му-
ь-мучаюсь, и сердце бьется: крикнуть, аль не крикнуть? Одинъ
съ говоритъ: кричи, а другой говоритъ: нѣтъ, не кричи! Только
этотъ другой голосъ сказалъ. я вдругъ и закричала и вдругъ
а въ обморокъ. Ну, тутъ, разумѣется, шумъ. Я вдругъ встаю
юрю Михаилу Ивановичу: мнѣ горько вамъ объявить, но я не
ю васъ болѣе принимать въ моемъ домѣ. Такъ и выгнала.
Алексѣй Ѳедоровичъ! Я сама знаю, что скверно сдѣлала, я
гала, я вовсе на него не сердилась, но мнѣ вдругъ, глав-
вдругъ, показалось, что это будетъ такъ хорошо, эта сцена...
ко, вѣрите-ли, эта сцена, всетаки была натуральна, потому
и даже расплакалась, и нѣсколько дней потомъ плакала, а
ъ вдругъ послѣ обѣда все и позабыла. Вотъ онъ и пере-
ходить уже двѣ недѣли, я и думаю: да неужто-жь онъ
мъ не придетъ? Это еще вчера, а вдругъ къ вечеру при-

[а зачѣмъ, зачѣмъ?
\ получилъ аффектъ. Какъ Дмитрій Ѳедоровичъ ударилъ
ловѣ, онъ очнулся и получилъ аффектъ, пошелъ и убилъ.
нъ говоритъ самъ, что не убилъ, такъ этого онъ, мо-
не помнитъ. Только видите-ли: лучше, гораздо лучше
если Дмитрій Ѳедоровичъ убилъ. Да это такъ и было,
и говорю, что Григорій, но это навѣрно Дмитрій Ѳедо-
и это гораздо, гораздо лучше! Ахъ, не потому лучше,
ъ отца убилъ, я не хвалю, дѣти, напротивъ, должны по-
одителей, а только всетаки лучше, если это онъ, потому
ь тогда и плакать нечего, такъ какъ онъ убилъ себя не
или лучше сказать, все помня, но не зная, какъ это съ
ылалось. Нѣтъ, пусть они его простятъ; это такъ гуманно,
видѣли благодѣяніе новыхъ судовъ, а я-то и не знала,
ятъ, это уже давно, и какъ я вчера узнала, то меня это
разило, что я тотчасъ-же хотѣла за вами послать; и по-
ли его простятъ, то прямо его изъ суда ко мнѣ обѣдать,
ву знакомыхъ и мы выпьемъ за новые суды. Я не думаю,
нъ былъ опасенъ, притомъ я позову очень много гостей,
о его можно всегда вывести, если онъ что-нибудь, а
онъ можетъ гдѣ-нибудь въ другомъ городѣ быть миро-
дьей или чѣмъ-нибудь, потому что тѣ, которые сами
ли несчастіе, всѣхъ лучше судятъ. А главное, кто-жь
не въ аффектѣ, вы, я, всѣ въ аффектѣ, и сколько при-
сидитъ человѣкъ, поетъ романсъ, вдругъ ему что ни-
понравилось, взялъ пистолетъ и убилъ кого попало, а
ему всѣ прощаютъ. Я это недавно читала, и всѣ док-
твердили. Доктора теперь подтверждаютъ, все подтверж-
Помилуйте, у меня Lise въ аффектѣ, я еще вчера отъ
кала, третьяго дня плакала, а сегодня догадалась, что
ней просто аффектъ. Охъ, Lise меня такъ огорчаетъ!
), она совсѣмъ помѣшалась. Зачѣмъ она васъ позвала?
ь позвала, или вы сами къ ней пришли?
[а, она звала, и я пойду сейчасъ къ ней, всталъ было
ьно Алеша.
Ахъ, милый, милый Алексѣй Ѳедоровичъ, тутъ-то, можетъ
самое главное, вскрикнула госпожа Хохлакова, вдругъ
ъ.—Богъ видитъ, что я вамъ искренно довѣряю Lise,
ичего, что она васъ тайкомъ отъ матери позвала. Но
Ѳедоровичу, вашему брату, простите меня, я не могу до-
очь мою съ такою легкостью, хотя и продолжаю счи-

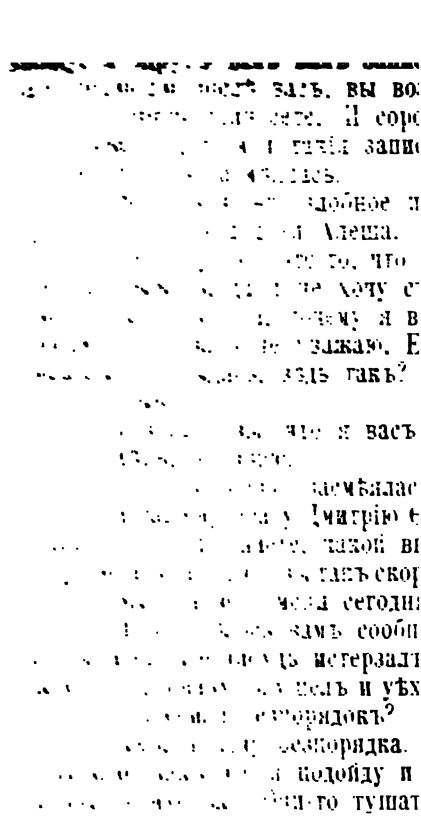
тать его за самаго рыцарскаго молодаго человѣка. А вдруг
онъ вдругъ и былъ у Lise, а я этого ничего и не зна
— Какъ? Что? Когда? ужасно удивился Алеша. Он
садился и слушалъ стоя.
— Я вамъ разскажу, я для этого-то, можетъ быть, все
звала, потому что я ужь и не знаю, для чего васъ позва
что: Иванъ Ѳедоровичъ былъ у меня всего два раза
вращенія своемъ изъ Москвы, первый разъ пришелъ ка
комый сдѣлать визитъ, а въ другой разъ, это уже недавн
у меня сидѣла, онъ и зашелъ, узнавъ, что она у меня. Я
мѣется, и не претендовала на его частые визиты, зная
у него теперь и безъ того хлопотъ, vous comprenez, cell
et la mort terrible de votre papa, только вдругъ узнаю, ч
былъ опять, только не у меня, а у Lise, это уже дней
тому, пришелъ, просидѣлъ пять минутъ и ушелъ. А уз
про это цѣлыхъ три дня спустя отъ Глафиры, такъ что
вдругъ фрапировало. Тотчасъ призываю Lise, а она смѣет
дескать, думалъ, что вы спите и зашелъ ко мнѣ спроси
шемъ здоровьѣ. Конечно, оно такъ и было. Только Lis
о, Боже, какъ она меня огорчаетъ! Вообразите, вдругъ
въ одну ночь—это четыре дня тому, сейчасъ послѣ тог
вы въ послѣдній разъ были и ушли—вдругъ съ ней ноч
падокъ, крикъ, визгъ, истерика! Отчего у меня никогда
ваетъ истерики? Затѣмъ на другой день припадокъ, а по
на третій день, и вчера, и вотъ вчера этотъ аффектъ.
мнѣ вдругъ кричитъ: «Я ненавижу Ивана Ѳедоровича, я
чтобы вы его не принимали, чтобы вы ему отказали отъ
Я обомлѣла при такой неожиданности и возражаю ей: съ ка
стати буду я отказывать такому достойному молодому ч
и притомъ съ такими познаніями и съ такимъ несчастьем
тому что все-таки всѣ эти исторіи — вѣдь это несчастье,
счастіе, не правда-ли? Она вдругъ расхохоталась надъ
словами и такъ, знаете, оскорбительно. Ну, я рада, дум
разсмѣшила ее, и припадки теперь пройдутъ, тѣмъ бол
я сама хотѣла отказать Ивану Ѳедоровичу за странные
безъ моего согласія и потребовать объясненія. Только
сегодня утромъ Лиза проснулась и разсердилась на Юлію
ставьте, ударила ее рукой по лицу. Но вѣдь это монет
я съ моими дѣвушками на *вы*. И вдругъ черезъ часъ о
нимаетъ и цѣлуетъ у Юліи ноги. Ко мнѣ-же прислала с
что не придетъ ко мнѣ вовсе и впредь никогда не хоче

ь, а когда я сама къ ней потащилась, то бросилась меня
овать и плакать и, цалуя, такъ и выпихнула вонъ, ни слова
говоря, такъ что я такъ ничего и не узнала. Теперь, милый
ксѣй Ѳедоровичъ, на васъ всѣ мои надежды и, конечно, судьба
й моей жизни въ вашихъ рукахъ. Я васъ просто прошу пойдти
Lise, разузнать у ней все, какъ вы только одинъ умѣете это
лать, и придти разсказать мнѣ, мнѣ, матери, потому что, вы
маете, я умру, я просто умру, если все это будетъ продол-
ься, или убѣгу изъ дому. Я больше не могу, у меня есть
ѣніе, но я могу его лишиться, и тогда... и тогда будутъ ужасы.
, Боже мой, наконецъ-то, Петръ Ильичъ! вскрикнула, вся
гъ просіявъ, госпожа Хохлакова, завидя входящаго Петра
ича Перхотина. — Опоздали, опоздали! Ну что, садитесь, го-
ите, рѣшайте судьбу, ну что-жь этотъ адвокатъ? Куда-же вы,
ксѣй Ѳедоровичъ?
— Я къ Lise.
— Ахъ, да! Такъ вы не забудете, не забудете о чемъ я васъ
сила? Тутъ судьба, судьба!
— Конечно, не забуду, если только можно... но я такъ опоз-
ь, пробормоталъ, поскорѣе ретируясь, Алеша.
— Нѣтъ навѣрно, навѣрно заходите, а не «если можно»,
е я умру! прокричала вслѣдъ ему госпожа Хохлакова, но
ша уже вышелъ изъ комнаты.

III.

Бѣсенокъ.

Войдя къ Лизѣ, онъ засталъ ее полулежащею въ ея преж-
ь креслѣ, въ которомъ ее возили, когда она еще не могла
ть. Она не тронулась къ нему на встрѣчу, но зоркій, острый
взглядъ такъ и впился въ него. Взглядъ былъ нѣсколько
аленный, лицо блѣдно-желтое. Алеша изумился тому, какъ
измѣнилась въ три дня, даже похудѣла. Она не протянула
руки. Онъ самъ притронулся къ ея тонкимъ, длиннымъ паль-
мъ, неподвижно лежавшимъ на ея платьѣ, затѣмъ молча
ь противъ нея.
— Я знаю, что вы спѣшите въ острогъ, рѣзко проговорила
а,—а васъ два часа задержала мама, сейчасъ вамъ про меня
ро Юлію разсказала.



да. Пусть я богата, а всѣ бѣдные, я буду конфекты ѣсть ливки пить, а тѣмъ никому не дамъ. Ахъ, не говорите, не рите ничего (замахала она ручкой, хотя Алеша и рта не рывалъ), вы мнѣ ужь прежде все это говорили, я все наи-ъ знаю. Скучно. Если я буду бѣдная, я кого-нибудь убью,— богата если буду, можетъ быть, убью,—что сидѣть-то! А те, я хочу жать, рожь жать. Я за васъ выйду, а вы станьте икомъ, настоящимъ мужикомъ; у насъ жеребеночекъ, хотите? Калганова знаете!

— Знаю.

— Онъ все ходитъ и мечтаетъ. Онъ говоритъ: зачѣмъ взаи-у жить, лучше мечтать. Намечтать можно самое веселое, а скука. А вѣдь самъ скоро женится, онъ ужь и мнѣ объ-ился въ любви. Вы умѣете кубари спускать?

— Умѣю.

— Вотъ это онъ какъ кубарь: завертѣть его и спустить, и ать, стегать, стегать кнутикомъ. Выйду за него замужъ, всю ь буду спускать. Вамъ не стыдно со мной сидѣть?

— Нѣтъ.

— Вы ужасно сердитесь, что я не про святое говорю. Я не быть святою. Что сдѣлаютъ на томъ свѣтѣ за самый большой хъ? Вамъ это должно быть въ точности извѣстно.

— Богъ осудитъ, пристально вглядывался въ нее Алеша.

— Вотъ такъ я и хочу. Я-бы пришла, а меня-бы и осудили, бы вдругъ всѣмъ имъ и засмѣялась въ глаза. Я ужасно зажечь домъ, Алеша, нашъ домъ, вы мнѣ все не вѣрите?

— Почему-же? Есть даже дѣти, лѣтъ по двѣнадцати, которымъ ь хочется зажечь что-нибудь и они зажигаютъ. Это въ болѣзни.

— Неправда, неправда, пусть есть дѣти, но я не про то.

— Вы злое принимаете за доброе: это минутный кризисъ, этомъ ваша прежняя болѣзнь, можетъ быть, виновата.

— А вы таки меня презираете! Я просто не хочу дѣлать ое, я хочу дѣлать злое, а никакой тутъ болѣзни нѣтъ.

— Зачѣмъ дѣлать злое?

— А чтобы нигдѣ ничего не осталось. Ахъ, какъ-бы хорошо, ничего не осталось! Знаете, Алеша, я иногда думаю надѣ-ь ужасно много зла и всего скверная, и долго буду тихонько ать, и вдругъ всѣ узнаютъ. Всѣ меня обступятъ и будутъ казывать на меня пальцами, а я буду на всѣхъ смотрѣть. Это ь пріятно. Почему это такъ пріятно, Алеша?

— Такъ. Потребность раздавить что-нибудь хорош вотъ, какъ вы говорили, зажечь. Это тоже бываетъ.

— Я вѣдь не то что говорила, я вѣдь и сдѣлаю.

— Вѣрю.

— Ахъ, какъ я васъ люблю за то, что вы говорите И вѣдь вы вовсе, вовсе не лжете. А, можетъ быть, вы д что я вамъ все это нарочно, чтобы васъ дразнить?

— Нѣтъ, не думаю... хотя, можетъ быть, и есть и этой потребности.

— Немного есть. Никогда предъ вами не солгу, прост она со сверкнувшими какимъ-то огонькомъ глазами.

Алешу всего болѣе поражала ея серьезность: ни тѣни ливости и шутливости не было теперь въ ея лицѣ, хотя и веселость и шутливость не покидали ея въ самыя «серьез ея минуты.

— Есть минуты, когда люди любятъ преступленіе,— чиво проговорилъ Алеша.

— Да, да! Вы мою мысль сказали, любятъ, всѣ люб всегда любятъ, я не то что «минуты». Знаете, въ этом какъ будто когда-то условились лгать и всѣ съ тѣхъ поръ. Всѣ говорятъ, что ненавидятъ дурное, а про себя всѣ его л

— А вы все по прежнему дурныя книги читаете?

— Читаю. Мама читаетъ и подъ подушку прячетъ, а я

— Какъ вамъ не совѣстно разрушать себя?

— Я хочу себя разрушать. Тутъ есть одинъ мальчик подъ рельсами пролежалъ, когда надъ нимъ вагоны ѣхали. ливецъ! Послушайте, теперь вашего брата судятъ за то, ч отца убилъ, и всѣ любятъ, что онъ отца убилъ.

— Любятъ, что отца убилъ?

— Любятъ, всѣ любятъ! Всѣ говорятъ, что это ужас про себя ужасно любятъ. Я первая люблю.

— Въ вашихъ словахъ про всѣхъ есть нѣсколько п проговорилъ тихо Алеша.

— Ахъ, какія у васъ мысли! взвизгнула въ восторгѣ. Л это у монаха-то! Вы не повѣрите, какъ я васъ уважаю, за то что вы никогда не лжете. Ахъ, я вамъ одинъ мой сн сонъ разскажу: мнѣ иногда во снѣ снятся черти, будто я въ моей комнатѣ со свѣчкой, и вдругъ вездѣ черти, во углахъ, и подъ столомъ, и двери отворяются, а тамъ за дверями толпа и имъ хочется войдти и меня схватить. И подходятъ, ужь хватаютъ. А я вдругъ перекрещусь, и он

къ, боятся, только не уходятъ совсѣмъ, а у дверей стоятъ
углам, ждутъ. И вдругъ мнѣ ужасно захочется вслухъ
ъ Бога бранить, вотъ и начну бранить, а они-то вдругъ
ъ толпой ко мнѣ, такъ и обрадуются, вотъ ужь и хватаютъ
опять, а я вдругъ опять перекрещусь—а они всѣ назадъ.
ено весело, духъ замираетъ.
— И у меня бывалъ этотъ самый сонъ, вдругъ сказалъ Алеша.
— Неужто, вскрикнула Лиза въ удивленіи. — Послушайте,
а, не смѣйтесь, это ужасно важно: развѣ можно, чтобы у
ъ разныхъ былъ одинъ и тотъ-же сонъ?
— Вѣрно можно.
— Алеша, говорю вамъ, это ужасно важно, въ какомъ-то
ѣрномъ уже удивленіи, продолжала Лиза.—Не сонъ важенъ,
что вы могли видѣть этотъ-же самый сонъ, какъ и я. Вы
да мнѣ не лжете, не лгите и теперь: это правда? Вы не
есь?
— Правда.
иза была чѣмъ-то ужасно поражена и на полминутку примолкла.
— Алеша, ходите ко мнѣ, ходите ко мнѣ чаще, проговорила
вдругъ молящимъ голосомъ.
— Я всегда, всю жизнь буду къ вамъ приходить, твердо
лъ Алеша.
— Я вѣдь одному вамъ говорю, начала опять Лиза.—Я себѣ
говорю, да еще вамъ. Вамъ одному въ цѣломъ мірѣ. И
охотнѣе чѣмъ самой себѣ говорю. И вамъ совсѣмъ не сты-
, совсѣмъ. Алеша, почему я васъ совсѣмъ не стыжусь,
мъ? Алеша, правда-ли, что жиды на Пасху дѣтей крадутъ
ютъ?
— Не знаю.
— Вотъ у меня одна книга, я читала про какой-то гдѣ-то судъ
жидъ четырехлѣтнему мальчику сначала всѣ пальчики обрѣ-
на обѣихъ ручкахъ, а потомъ распялъ на стѣнѣ, прибилъ
ми и распялъ, и потомъ на судѣ сказалъ, что мальчикъ
ъ скоро, чрезъ четыре часа. Экъ скоро! Говоритъ: стоналъ,
тоналъ, а тотъ стоялъ и на него любовался. Это хорошо!
— Хорошо?
— Хорошо. Я иногда думаю, что это я сама распяла. Онъ
ъ и стонетъ, а я сяду противъ него и буду ананасный
итъ ѣсть. Я очень люблю ананасный компотъ. Вы любите?
леша молчалъ и смотрѣлъ на нее. Блѣдно-желтое лицо ея
ъ исказилось, глаза загорѣлись.

— Знаете, я про жида этого какъ прочла, то всю ночь и тряслась въ слезахъ. Воображаю какъ ребенокъ крестонетъ (вѣдь четырехлѣтніе мальчики понимаютъ), а [illegible] все эта мысль про компотъ не отстаетъ. Утромъ я послала къ одному человѣку, чтобы *непремѣнно* пришелъ ко мнѣ пришелъ, а я ему вдругъ разсказала про мальчика и про потъ, *все* разсказала, *все*, и сказала, что «это хорошо» вдругъ засмѣялся и сказалъ, что это въ самомъ дѣлѣ х Затѣмъ всталъ и ушелъ. Всего пять минутъ сидѣлъ. Пре онъ меня, презиралъ? Говорите, говорите, Алеша, пре онъ меня или нѣтъ? выпрямилась она на кушеткѣ, засв глазами.

— Скажите, проговорилъ въ волненіи Алеша,—вы с позвали, этого человѣка?

— Сама.

— Письмо ему послали?

— Письмо.

— Собственно про это спросить, про ребенка?

— Нѣтъ, совсѣмъ не про это, совсѣмъ. А какъ онъ я сейчасъ про это и спросила. Онъ отвѣтилъ, засмѣялся, и ушелъ.

— Этотъ человѣкъ честно съ вами поступилъ, тихо ворилъ Алеша.

— А меня презиралъ? Смѣялся?

— Нѣтъ, потому что онъ самъ, можетъ, вѣритъ ана компоту. Онъ тоже очень теперь боленъ, Lise.

— Да, вѣритъ! засверкала глазами Лиза.

— Онъ никого не презираетъ, продолжалъ Алеша. только никому не вѣритъ. Коль не вѣритъ, то, конечно, зираетъ.

— Стало быть, и меня? Меня?

— И васъ.

— Это хорошо, какъ-то проскрежетала Лиза. — Ко вышелъ и засмѣялся, я почувствовала, что въ презрѣн хорошо. И мальчикъ съ отрѣзанными пальчиками хорош презрѣніи быть хорошо...

И она какъ-то злобно и воспаленно засмѣялась Ал глаза.

— Знаете, Алеша, знаете, я-бы хотѣла... Алеша, меня! вскочила она вдругъ съ кушетки, бросилась къ крѣпко обхватила его руками.— Спасите меня, — почти

Развѣ я кому нибудь въ мірѣ скажу что̀ вамъ го-
ѣдь я правду, правду, правду говорила! Я убью себя,
мнѣ все гадко! Я не хочу жить, потому что мнѣ все
все гадко, все гадко! Алеша, зачѣмъ вы меня со-
ѣмъ не любите! закончила она въ изступленіи.
, люблю! горячо отвѣтилъ Алеша.
дете обо мнѣ плакать, будете?

.

а то что я вашею женой не захотѣла быть, а просто
кать, просто?

.

ибо! Мнѣ только вашихъ слезъ надо. А всѣ осталь-
азнять меня и раздавять ногой, всѣ, всѣ, не исклю-
Потому что я не люблю никого. Слышите, ни-ко-го!
ненавижу! Ступайте, Алеша, вамъ пора къ брату!
на отъ него вдругъ.
-же вы останетесь? почти въ испугѣ проговорилъ

айте къ брату, острогъ запрутъ, ступайте, вотъ ваша
луйте Митю, ступайте, ступайте!
ь силой почти выпихнула Алешу въ двери. Тотъ
горестнымъ недоумѣніемъ, какъ вдругъ почувство-
ей правой рукѣ письмо, маленькое письмецо, твердо
запечатанное. Онъ взглянулъ и мгновенно прочелъ
ну Ѳедоровичу Карамазову». Онъ быстро поглядѣлъ
цо ея сдѣлалось почти грозно.
айте, непремѣнно передайте! изступленно, вся со-
иказывала она,—сегодня, сейчасъ! Иначе я отрав-
ь затѣмъ и звала!
) захлопнула дверь. Щелкнула щеколда. Алеша по-
мо въ карманъ и пошелъ прямо на лѣстницу, не
оспожѣ Хохлаковой, даже забывъ о ней. А Лиза,
далился Алеша, тотчасъ-же отвернула щеколду,
капельку дверь, вложила въ щель свой палецъ и,
дверь, изо всей силы придавила его. Секундъ че-
высвободивъ руку, она тихо, медленно прошла на
сѣла, вся выпрямившись, и стала пристально смо-
ой почернѣвшій пальчикъ и на выдавившуюся изъ-
кровь. Губы ея дрожали и она быстро-быстро шеп-
ія:
ія, подлая, подлая, подлая!

IV.

Гимнъ и секретъ.

Было уже совсѣмъ поздно (да и великъ-ли ноябрьскій д
когда Алеша позвонилъ у воротъ острога. Начинало даже м
каться. Но Алеша зналъ, что его пропустятъ къ Митѣ без
патственно. Все это у насъ, въ нашемъ городкѣ, какъ и во
Сначала, конечно, по заключеніи всего предварительнаго с
ствія, доступъ къ Митѣ для свиданія съ родственниками и
нѣкоторыми другими лицами все-же былъ обставленъ нѣ
рыми необходимыми формальностями, но впослѣдствіи фор
ности не то что ослабѣли, но для иныхъ лицъ, по кр
мѣрѣ, приходившихъ къ Митѣ, какъ-то сами собой установи
нѣкоторыя исключенія. До того, что иной разъ даже и сл
ія съ заключеннымъ въ назначенной для того комнатѣ
ходили почти между четырехъ глазъ. Впрочемъ, такихъ л
было очень немного: всего только Грушенька, Алеша и Р
ичъ. Но къ Грушенькѣ очень благоволилъ самъ исправн
Михаилъ Макаровичъ. У старика лежалъ на сердцѣ его об
к нее въ Мокромъ. Потомъ, узнавъ всю суть, онъ нач
ъ всѣмъ о ней свои мысли. И, странное дѣло, хотя б
ердцемъ убѣжденъ въ преступленіи Мити, но со времени за
ія его, все какъ-то болѣе и болѣе смотрѣлъ на него м
хорошею, можетъ быть, душой былъ человѣкъ. а
ль, какъ шведъ, отъ пьянства и безпорядка!» Пр
омѣнился въ сердцѣ его какою-то жалостью. Что-н
исправникъ очень любилъ его и давно уже бы
акомъ, а Ракитинъ, повадившійся впослѣдствіи
очь часто къ заключенному, былъ одинъ изъ са
знакомыхъ «исправничьихъ барышень», какъ
ихъ, и ежедневно терся въ ихъ домѣ. У смотр
благодушнаго старика, хотя и крѣпкаго слу
въ домѣ уроки. Алеша-же опять-таки былъ
давній знакомый и смотрителя, любившаг
ъ вообще о «премудрости». Ивана Ѳедоровича
ель не то что уважалъ, а даже боялся.
хотя самъ былъ большимъ фило
мъ умомъ дойдя». Но къ Алешѣ въ
бѣдимая симпатія. Въ послѣдній годъ см

разъ засѣлъ за апокрифическія евангелія и поминутно со-
съ о своихъ впечатлѣніяхъ своему молодому другу. Прежде
заходилъ къ нему въ монастырь и толковалъ съ нимъ и
монахами по цѣлымъ часамъ. Словомъ, Алешѣ, если-бы
онъ и запоздалъ въ острогъ, стоило пройдти къ смотри-
и дѣло всегда улаживалось. Къ тому-же къ Алешѣ всѣ
слѣдняго сторожа въ острогѣ привыкли. Караулъ-же, ко-
, не стѣснялъ, было-бы лишь дозволеніе начальства. Митя
воей каморки, когда вызывали его, сходилъ всегда внизъ,
сто, назначенное для свиданій. Войдя въ комнату, Алеша
разъ столкнулся съ Ракитинымъ, уже уходившимъ отъ
Оба они громко говорили. Митя, провожая его, чему-то
смѣялся, а Ракитинъ какъ будто ворчалъ. Ракитинъ, осо-
въ послѣднее время, не любилъ встрѣчаться съ Алешей,
не говорилъ съ нимъ, даже и раскланивался съ натугой.
я теперь входящаго Алешу, онъ особенно нахмурилъ брови
велъ глаза въ сторону, какъ-бы весь занятый застегива-
своего большаго теплаго съ мѣховымъ воротникомъ пальто.
ъ тотчасъ-же принялся искать свой зонтикъ.

— Своего-бы не забыть чего, пробормоталъ онъ единствен-
обы что-нибудь сказать.

— Ты чужаго-то чего не забудь! сострилъ Митя и тот-
же самъ расхохотался своей остротѣ. Ракитинъ мигомъ
шелъ.

— Ты это своимъ Карамазовымъ рекомендуй, крѣпостничье
отродье, а не Ракитину! крикнулъ онъ вдругъ, такъ и за-
лся отъ злости.

— Чего ты? Я пошутилъ! вскрикнулъ Митя, — фу, чортъ!
они всѣ таковы, — обратился онъ къ Алешѣ, кивая на
о уходившаго Ракитина:—то все сидѣлъ, смѣялся и веселъ
, а тутъ вдругъ и вскипѣлъ! Тебѣ даже и головой не кив-
, совсѣмъ, что-ли, вы разсорились? Что ты такъ поздно? Я
не то что ждалъ, а жаждалъ все утро. Ну, да ничего!
стаемъ.

— Что онъ къ тебѣ такъ часто повадился? Подружился ты
нимъ, что-ли? спросилъ Алеша, кивая тоже на дверь, въ
рую убрался Ракитинъ.

— Съ Михаиломъ-то подружился? Нѣтъ, не то чтобъ. Да и
свинья! Считаетъ, что я... подлецъ. Шутки тоже не по-
ятъ — вотъ что въ нихъ главное. Никогда не поймутъ
ъ. Да и сухо у нихъ въ душѣ, плоско и сухо, точно какъ

[illegible], — сам, ты про судъ! ну, ч
съ тобой о пустякахъ говорили, в
объ самомъ главномъ съ тобою мо
я не про судъ сказалъ, что пропа
пала, а то, что въ головѣ сидѣло,
съ такою критикой въ лицѣ смотр
— Про что ты это, Митя?
— Идеи, идеи, вотъ что! Эѳик
— Эѳика? удивился Алеша.
— Да, наука, что-ли, какая?
— Да, есть такая наука... то
тебѣ объяснить какая наука.
— Ракитинъ знаетъ. Много з
дери! Въ монахи не пойдетъ. Въ
говоритъ, въ отдѣленіе критики, и
ленія. Что-жь, можетъ пользу прин
карьеру они мастера! Чортъ съ эѳ
я-то, Божій ты человѣкъ! Я тебя
сается у меня сердце на тебя. I
Карлъ Бернаръ?
— Карлъ Бернаръ?—удивился
— Нѣтъ, не Карлъ, постой, с
что такое? Химія, что-ли?
— Это, должно быть, ученый
только признаюсь тебѣ, я о нем
Слышалъ только, ученый, а какой
— Ну, и чортъ его тебя и з

ъяснялъ. Съ направленіемъ что-то хочетъ: «дескать, было ему не убить, заѣденъ средой» и прочее, объя-нѣ. Съ оттѣнкомъ соціализма, говоритъ, будетъ. Ну, и о дери, съ оттѣнкомъ, такъ съ оттѣнкомъ, мнѣ все рав-а Ивана не любитъ, ненавидитъ, тебя тоже не жалуетъ. его не гоню, потому что человѣкъ умный. Возносится нако. Я ему сейчасъ вотъ говорилъ: «Карамазовы не а философы, потому что всѣ настоящіе русскіе люди ы, а ты хоть и учился, а не философъ, ты смердъ». злобно такъ. А я ему: де мыслибусъ поп est disputan-роша острота? По крайней мѣрѣ, и я въ классицизмъ ь, захохоталъ вдругъ Митя.

Отчего ты пропалъ-то? Вотъ ты сейчасъ сказалъ? пере-еша.

Отчего пропалъ? Гм! Въ сущности... если все цѣлое Бога жалко, вотъ отчего!

Какъ Бога жалко?

Вообрази себѣ: это тамъ въ нервахъ, въ головѣ, то есть мозгу эти нервы... (ну, чортъ ихъ возьми!) есть такіе востики, у нервовъ этихъ хвостики, ну, и какъ только ь задрожатъ... то есть, видишь, я посмотрю на что-ни-ізами, вотъ такъ, и они задрожатъ, хвостики-то... а какъ гъ, то и является образъ, и не сейчасъ является, тамъ мгновеніе, секунда такая пройдетъ, и является такой і моментъ, то есть не моментъ, — чортъ его дери мо-а образъ, то есть предметъ, али происшествіе, ну тамъ ери—вотъ почему я и созерцаю, а потомъ мыслю... по-о хвостикъ, а вовсе не потому, что у меня душа и что какой-то образъ и подобіе, все это глупости. Это, братъ, ханлъ еще вчера объ нялъ, и меня точно обожгло. Ве-ная, Алеша, эта наука! Новый человѣкъ пойдетъ, это-то наю... А всетаки Бога жалко!

Ну, и то хорошо, сказалъ Алеша.

Что Бога-то жалко? Химія, братъ, химія! Нечего дѣлать, реподобіе, подвиньтесь немножко, химія идетъ! А не лю-ога Ракитинъ, ухъ, не любитъ! Это у нихъ самое боль-сто у всѣхъ! Но скрываютъ. Лгутъ. Представляются. ь, будешь это проводить въ отдѣленіи критики?» спра- — «Ну, явно-то не дадутъ», говоритъ. Смѣется.—Только ь? спрашиваю, послѣ того человѣкъ-то? Безъ Бога-то и дущей жизни? Вѣдь это, стало быть, теперь все позво-

зина, все можно дѣлать?»—«А ты и не зналъ?» Снѣгиревъ.—«Умному, говоритъ, человѣку все можно, у ловкій умѣетъ раковъ ловить, ну, а вотъ ты, говорит и влюбился, и въ тюрьмѣ гніешь!» Это онъ мнѣ-то Сашенька остроственная! Я этакихъ прежде вонъ вышвыр а теперь слушаю. Много вѣдь и дѣльнаго говоритъ. У пишетъ. Онъ мнѣ съ недѣлю назадъ статью одну на тать, я тамъ три строки тогда нарочно выписалъ, вот вотъ здѣсь.

Митя, спѣша, вынулъ изъ жилетнаго кармана бу прочелъ:

«Чтобъ разрѣшить этотъ вопросъ, необходимо пре поставить свою личность въ разрѣзъ со своею дѣй ностью».

— Понимаешь ль нѣтъ?

— Нѣтъ, не понимаю, сказалъ Алеша.

Онъ съ любопытствомъ приглядывался къ Митѣ шалъ его.

— И я не понимаю. Темно и не ясно, зато уми говоритъ, такъ теперь пишутъ, потому что такая ужь Среды боятся. Стихи тоже пишетъ подлецъ, Хохлакову воспѣлъ, ха-ха-ха!

— Я слышалъ, сказалъ Алеша.

— Слышалъ? А стишонки слышалъ?

— Нѣтъ.

— У меня они есть, вотъ, я прочту. Ты не знаешь не разсказывалъ, тутъ цѣлая исторія. Шельма! Три не задъ меня дразнить вздумалъ: «Ты, вотъ, говоритъ, какъ дуракъ, изъ-за трехъ тысячъ, а я полтораста ихъ на вдовицѣ одной женюсь и каменный домъ въ Петербу лю». И разсказалъ мнѣ, что строитъ куры Хохлаковой. съ молоду умна не была, а въ сорокъ-то лѣтъ и совсѣмъ шилась. «Да чувствительна, говоритъ, ужь очень, вотъ гомъ и добью. Женюсь, въ Петербургъ ее отвезу, а там вздавать начну». И такая у него скверная сладострастна на губахъ,—не на Хохлакову слюна, а на полтораста [illegible] И увѣрилъ меня, увѣрилъ, все ко мнѣ ходитъ, [illegible] поддается, говоритъ. Радостью сіялъ. А тутъ вдру [illegible] Перхотинъ, Петръ Ильичъ, взялъ верхъ, колоя [illegible] такъ бы и расцаловалъ эту дурищу за то, что его и [illegible] какъ ходилъ-то ко мнѣ тогда и сочинилъ в

«Въ первый разъ, говоритъ, руки мараю, стихи пишу, льщенія, значитъ, для полезнаго дѣла. Забравъ капиталъ ци, гражданскую пользу потомъ принести могу». У нихъ якой мерзости гражданское оправданіе есть! «А всетаки, ъ, лучше твоего Пушкина написалъ, потому что и въ ой стишокъ съумѣлъ гражданскую скорбь всучить». Это Пушкина-то—я понимаю. Что-же если въ самомъ дѣлѣ ый былъ человѣкъ, а только ножки описывалъ. Да вѣдь я-то стишонками какъ! Самолюбіе-то у нихъ, самолюбіе! здоровленіе больной ножки моего предмета»,—это онъ аглавіе придумалъ,—рѣзвый человѣкъ!

Ужь какая-жь эта ножка,
Ножка, вспухшая немножко!
Доктора къ ней ѣздятъ, лѣчатъ
И бинтуютъ и калѣчатъ.

—

Не по ножкамъ я тоскую,—
Пусть ихъ Пушкинъ воспѣваетъ:
По головкѣ я тоскую
Что идей не понимаетъ.

—

Понимала ужь немножко,
Да вотъ ножка помѣшала!
Пусть же вылѣчится ножка,
Чтобъ головка понимала.

ья, чистая свинья, а игриво у мерзавца вышло! И дѣй- но «гражданскую»-то всучилъ. А какъ разсердился, когда нали. Скрежеталъ!

Онъ уже отомстилъ, сказалъ Алеша.—Онъ про Хохлакову онденцію написалъ.

леша разсказалъ ему наскоро о корреспонденціи въ га- *ухи.*

Это онъ, онъ! подтвердилъ Митя, нахмурившись, — это и корреспонденціи... я вѣдь знаю... то есть сколько ни- было уже написано, про Грушу, напримѣръ!.. И про ту ро Катю... Гм!

озабоченно прошелся по комнатѣ.

Братъ, мнѣ нельзя долго оставаться, сказалъ, помолчавъ, —Завтра ужасный, великій день для тебя: Божій судъ юбой совершится... и вотъ я удивляюсь, ходишь ты и дѣла говоришь Богъ знаетъ о чемъ...

Нѣтъ, не удивляйся, горячо перебилъ Митя. — Что-же мердящемъ этомъ псѣ говорить, что-ли? Объ убійцѣ? До-

[illegible]
[illegible] чтобы [illegible] руду выбить. Боюсь. Я
[illegible]
[illegible]
[illegible]
тъ въ [illegible]
[illegible]
[illegible]
и тамъ, въ [illegible]
комъ-же каторжномъ и убійцѣ [illegible]
съ нимъ, потому что и тамъ можно [illegible]
дать! Можно возродить и воскресить въ э
ловѣкѣ замершее сердце, можно ухаживать
бить, наконецъ, изъ вертепа на свѣтъ уже
дальческое сознаніе, возродить ангела, вос
вѣдь много, ихъ сотни, и всѣ мы за нихъ
мнѣ тогда приснилось «дитё» въ такую ми
дите?» Это пророчество мнѣ было въ ту м
пойду. Потому что всѣ за всѣхъ виноваты.
тому что есть малыя дѣти и большія д
всѣхъ и пойду, потому что надобно-же ком
пойдти. Я не убилъ отца, но мнѣ надо по
это здѣсь все пришло... вотъ въ этихъ об
ихъ вѣдь много, ихъ тамъ сотни, подземны

ки, запоемъ изъ нѣдръ земли трагическій гимнъ Богу, у
го радость! Да здравствуетъ Богъ и Его радость! Люблю

тя, произнося свою дикую рѣчь, почти задыхался. Онъ
нѣлъ, губы его вздрагивали, и изъ глазъ катились слезы.
Нѣтъ, жизнь полна, жизнь есть и подъ землею! началъ
нять. — Ты не повѣришь, Алексѣй, какъ я теперь жить
какая жажда существовать и сознавать, именно въ этихъ
ыхъ стѣнахъ, во мнѣ зародилась! Ракитинъ этого не по-
ть, ему-бы только домъ выстроить да жильцовъ пустить,
ждалъ тебя. Да и что̀ такое страданіе? Не боюсь его,
бы оно было безчисленно. Теперь не боюсь, прежде боялся.
ь, я, можетъ быть, не буду и отвѣчать на судѣ... И, ка-
, столько во мнѣ этой силы теперь, что я все поборю,
раданія, только чтобы сказать и говорить себѣ поминутно:
ы! Въ тысячѣ мукъ — я есмь, въ пыткѣ корчусь — но
Въ столпѣ сижу, но и я существую, солнце вижу, а не
солнца, то знаю, что оно есть. А знать, что есть солнце—
ке вся жизнь. Алеша, херувимъ ты мой, меня убиваютъ
я философіи, чортъ ихъ дери! Братъ Иванъ...
Что̀ братъ Иванъ? перебилъ было Алеша, но Митя не раз-
лъ.
Видишь, я прежде этихъ всѣхъ сомнѣній никакихъ не
, но все во мнѣ это таилось. Именно, можетъ, оттого, что
ушевали во мнѣ неизвѣстныя, я и пьянствовалъ, и дрался,
лся. Чтобъ утолить въ себѣ ихъ дрался, чтобъ ихъ усми-
здавить. Братъ Иванъ не Ракитинъ, онъ таитъ идею. Братъ
сфинксъ, и молчитъ, все молчитъ. А меня Богъ мучитъ.
олько это и мучитъ. А что̀, какъ его нѣтъ? Что̀ если правъ
инъ, что это идея искусственная въ человѣчествѣ? Тогда,
Его нѣтъ, то человѣкъ шефъ земли, міроздапія. Велико-
! Только какъ онъ будетъ добродѣтеленъ безъ Бога-то?
къ! Я все про это. Ибо кого-же онъ будетъ тогда любить,
къ-то? Кому благодаренъ-то будетъ, кому гимнъ-то вос-
? Ракитинъ смѣется. Ракитинъ говоритъ, что можно любить
вество и безъ Бога. Ну, это сморчокъ сопливый можетъ
о такъ утверждать, а я понять не могу. Легко жить Раки-
ты, говоритъ онъ мнѣ сегодня, о расширеніи гражданскихъ
человѣка хлопочи лучше, али хоть о томъ, чтобы цѣна на
ку не возвысилась; этимъ проще и ближе человѣчеству
ь окажешь, чѣмъ философіями». Я ему на это и отмочилъ:

«А[illegible]о, безъ Бога-то, самъ еще на говядину цѣну
ко[illegible]руку попадетъ, и наколотишь рубль на
ку[illegible]ердился. Ибо что такое добродѣтель? Отвѣчай
Алексѣй. У меня одна добродѣтель, а у китайца д
вещь, значитъ, относительная. Или нѣтъ? Или не относи
Вопросъ коварный! Ты не засмѣешься, если скажу, ч
ночи не спалъ отъ этого. Я удивляюсь теперь только то
люди тамъ живутъ и объ этомъ ничего не думаютъ.
Ивана Бога нѣтъ. У него идея. Не въ моихъ размѣр
онъ молчитъ. Я думаю, онъ масонъ. Я его спрашивалъ
читъ. Въ родникѣ у него хотѣлъ водицы испить—молчит
только разъ одно словечко сказалъ.

— Что сказалъ? поспѣшно поднялъ Алеша.

— Я ему говорю: стало быть, все позволено, коли та
нахмурился: «Ѳедоръ Павловичъ, говоритъ, папенька наш
поросенокъ, но мыслилъ онъ правильно». Вотъ вѣдь ч
чилъ. Только всего и сказалъ. Это уже почище Ракити

— Да, горько подтвердилъ Алеша.—Когда онъ у тебѣ

— Объ этомъ послѣ, теперь другое. Я объ Иванѣ
рилъ тебѣ до сихъ поръ почти ничего. Откладывалъ я
Когда эта штука моя здѣсь окончится и скажутъ пригово
тебѣ кое-что разскажу, все разскажу. Странное тутъ дѣл
А ты будешь мнѣ судья въ этомъ дѣлѣ. А теперь и не
объ этомъ, теперь молчокъ. Вотъ ты говоришь объ завтр
о судѣ, а вѣришь-ли, я ничего не знаю.

— Ты съ этимъ адвокатомъ говорилъ?

— Что адвокатъ! Я ему про все говорилъ. Мягкая
столичная, Бернаръ! Только не вѣритъ мнѣ ни на ск
грошъ. Вѣритъ, что я убилъ, вообрази себѣ, — ужь
«Зачѣмъ-же, спрашиваю, въ такомъ случаѣ вы меня и
пріѣхали?» Наплевать на нихъ. Тоже доктора выписал
спецшимъ хотятъ меня показать. Не позволю! Катери
новна «свой долгъ» до конца исполнить хочетъ. Съ
(Митя горько усмѣхнулся). Кошка! Жестокое сердце! А
знаетъ, что я про нее сказалъ тогда въ Мокромъ, что ни
каго гнѣва» женщина! Передали. Да, показанія умножили
песокъ морской! Григорій стоитъ на своемъ; Григорій
но дуракъ. Много людей честныхъ, благодаря тому, что
Это — мысль Ракитина. Григорій мнѣ врагъ. Много и
имѣть въ числѣ враговъ чѣмъ друзей. Говорю это пр
Ивановну. Боюсь, охъ, боюсь, что она на судѣ разо

поклонъ послѣ четырехъ-то тысячъ пятисотъ! До конца
тить, послѣдній кадрантъ. Не хочу ея жертвы! Устыдятъ
меня на судѣ! Какъ-то вытерплю. Сходи къ ней Алеша,
си ее, чтобы не говорила этого на судѣ. Аль нельзя? Да
, все равно, вытерплю! А ея не жаль. Сама желаетъ. По
ть вору мука. Я, Алексѣй, свою рѣчь скажу. (Онъ опять
о усмѣхнулся)! Только... только Груша-то, Груша-то, Гос
Она-то за что такую муку на себя теперь приметъ?—
икнулъ онъ вдругъ со слезами. — Убиваетъ меня Груша,
ь о ней убиваетъ меня, убиваетъ! Она давеча была у меня...
— Она мнѣ разсказывала. Она очень была сегодня тобою
чена.
— Знаю. Чортъ меня дери за характеръ. Приревновалъ
кая раскаялся, цаловалъ ее. Прощенья не попросилъ.
— Почему не попросилъ? воскликнулъ Алеша.
Митя вдругъ почти весело разсмѣялся.
— Боже тебя сохрани, милаго мальчика, когда-нибудь у лю-
женщины за вину свою прощенія просить! У любимой
нно, особенно, какъ-бы ни былъ ты предъ ней виноватъ!
у женщина—это, братъ, чортъ знаетъ что такое, ужь въ
-то я, по крайней мѣрѣ, знаю толкъ! Но попробуй предъ
ознаться въ винѣ, «виноватъ, дескать, прости, извини»:
-то и пойдетъ градъ попрековъ! Ни за что не проститъ прямо и
о, а унизитъ тебя до тряпки, вычитаетъ чего даже не было,
возьметъ, ничего не забудетъ, своего прибавитъ, и тогда
только проститъ. И это еще лучшая, лучшая изъ нихъ!
дніи поскребки выскребетъ и все тебѣ на голову сложитъ—
, я тебѣ скажу, живодерность въ нихъ сидитъ, во всѣхъ
ной, въ этихъ ангелахъ-то, безъ которыхъ жить-то намъ
можно! Видишь, голубчикъ, я откровенно и просто скажу:
порядочный человѣкъ долженъ быть подъ башмакомъ хоть
ой-нибудь женщины. Таково мое убѣжденіе: не убѣжденіе,
ство. Мужчина долженъ быть великодушенъ, и мужчину
замараетъ. Героя даже не замараетъ, Цезаря не зама-
Ну, а прощенія всетаки не проси, никогда и ни за что.
правило: преподалъ тебѣ его братъ твой Митя, отъ жен-
погибшій. Нѣтъ ужь я лучше безъ прощенія Грушѣ чѣмъ
ь заслужу. Благоговѣю я предъ ней, Алексѣй, благоговѣю!
дитъ только она этого, нѣтъ, все ей мало любви. И то-
она меня, любовью томитъ. Что прежде! Прежде меня только
инфернальные томили, а теперь я всю ея душу въ свою

«А ты, говорю, безъ Бога-то, самъ еще на говядину цѣну
коль подъ руку попадетъ, и наколотишь рубль и
ку». Разсердился. Ибо что такое добродѣтель? Отвѣчай
Алексѣй. У меня одна добродѣтель, а у китайца д
вещь, значитъ, относительная. Или нѣтъ? Или не относ
Вопросъ коварный! Ты не засмѣешься, если скажу, т
ночи не спалъ отъ этого. Я удивляюсь теперь только то
люди тамъ живутъ и объ этомъ ничего не думаютъ. (
Ивана Бога нѣтъ. У него идея. Не въ моихъ разсѣр
онъ молчитъ. Я думаю, онъ масонъ. Я его спрашивал
читъ. Въ родникѣ у него хотѣлъ водицы испить—молчит
только разъ одно словечко сказалъ.

— Что сказалъ? поспѣшно поднялъ Алеша.

— Я ему говорю: стало быть, все позволено, коли та
нахмурился: «Ѳедоръ Павловичъ, говоритъ, папенька наш
поросенокъ, но мыслилъ онъ правильно». Вотъ вѣдь т
чилъ. Только всего и сказалъ. Это уже почище Ракит

— Да, горько подтвердилъ Алеша.—Когда онъ у тебѣ

— Объ этомъ послѣ, теперь другое. Я объ Иванѣ
рилъ тебѣ до сихъ поръ почти ничего. Откладывалъ д
Когда эта штука моя здѣсь окончится и скажутъ приговор
тебѣ кое-что разскажу, все разскажу. Странное тутъ дѣл
А ты будешь мнѣ судья въ этомъ дѣлѣ. А теперь и не
объ этомъ, теперь молчокъ. Вотъ ты говоришь объ завтр
о судѣ, а вѣришь-ли, я ничего не знаю.

— Ты съ этимъ адвокатомъ говорилъ?

— Что адвокатъ! Я ему про все говорилъ. Мягкая
столичная, Бернаръ! Только не вѣритъ мнѣ ни на сл
грошъ. Вѣритъ, что я убилъ, вообрази себѣ, — ужь
«Зачѣмъ-же, спрашиваю, въ такомъ случаѣ вы меня из
пріѣхали?» Наплевать на нихъ. Тоже доктора выписали
сшедшимъ хотятъ меня показать. Не позволю! Катери
новна «свой долгъ» до конца исполнить хочетъ. Съ
(Митя горько усмѣхнулся). Кошка! Жестокое сердце! А
знаетъ, что я про нее сказалъ тогда въ Мокромъ, что она
каго гнѣва» женщина! Передали. Да, показанія умножили
песокъ морской! Григорій стоитъ на своемъ; Григорій
но дуракъ. Много людей честныхъ, благодаря тому, что
Это — мысль Ракитина. Григорій мнѣ врагъ. Много и
имѣть въ числѣ враговъ чѣмъ друзей. Говорю это про Е
Ивановну. Боюсь, охъ, боюсь, что она за судѣ разска

ой поклонъ послѣ четырехъ-то тысячъ пятисотъ! До конца
ятитъ, послѣдній кадрантъ. Не хочу ея жертвы! Устыдятъ
меня на судѣ! Какъ-то вытерплю. Сходи къ ней Алеша,
оси ее, чтобы не говорила этого на судѣ. Аль нельзя? Да
ъ, все равно, вытерплю! А ея не жаль. Сама желаетъ. По
мъ вору мука. Я, Алексѣй, свою рѣчь скажу. (Онъ опять
ко усмѣхнулся)! Только... только Груша-то, Груша-то, Гос
! Она-то за что̀ такую муку на себя теперь приметъ?—
икнулъ онъ вдругъ со слезами. — Убиваетъ меня Груша,
ь о ней убиваетъ меня, убиваетъ! Она давеча была у меня...
— Она мнѣ разсказывала. Она очень была сегодня тобою
чена.
— Знаю. Чортъ меня дери за характеръ. Приревновалъ
ская раскаялся, цаловалъ ее. Прощенья не попросилъ.
— Почему не попросилъ? воскликнулъ Алеша.
Митя вдругъ почти весело разсмѣялся.
— Боже тебя сохрани, милаго мальчика, когда-нибудь у лю
женщины за вину свою прощенія просить! У любимой
нно, особенно, какъ-бы ни былъ ты предъ ней виноватъ!
му женщина—это, братъ, чортъ знаетъ что̀ такое, ужь въ
-то я, по крайней мѣрѣ, знаю толкъ! Но попробуй предъ
юзнаться въ винѣ, «виноватъ, дескать, прости, извини»:
то и пойдетъ градъ попрековъ! Ни за что̀ не проститъ прямо и
о, а унизитъ тебя до тряпки, вычитаетъ чего даже не было,
юзьметъ, ничего не забудетъ, своего прибавитъ, и тогда
олько проститъ. И это еще лучшая, лучшая изъ нихъ!
днія поскребки выскребетъ и все тебѣ на голову сложитъ—
, я тебѣ скажу, живодерность въ нихъ сидитъ, во всѣхъ
ной, въ этихъ ангелахъ-то, безъ которыхъ жить-то намъ
ожно! Видишь, голубчикъ, я откровенно и просто скажу:
порядочный человѣкъ долженъ быть подъ башмакомъ хоть
ой-нибудь женщины. Таково мое убѣжденіе: не убѣжденіе,
тво. Мужчина долженъ быть великодушенъ, и мужчину
замараетъ. Героя даже не замараетъ, Цезаря не зама-
Ну, а прощенія всетаки не проси, никогда и ни за что.
правило: преподалъ тебѣ его братъ твой Митя, отъ жен-
погибшій. Нѣтъ ужь я лучше безъ прощенія Грушѣ чѣмъ
ь заслужу. Благоговѣю я предъ ней, Алексѣй, благоговѣю!
итъ только она этого, нѣтъ, все ей мало любви. И то-
на меня, любовью томитъ. Что̀ прежде! Прежде меня только
инфернальные томили, а теперь я всю ея душу въ свою

душу принялъ и черезъ нее самъ человѣкомъ сталъ! Пов
ли насъ? А безъ того я умру отъ ревности. Такъ и сам
нибудь каждый день... Что она тебѣ обо мнѣ говорила?

Алеша повторилъ всѣ давешнія рѣчи Грушеньки. М
слушалъ подробно, многое переспросилъ, и остался дово

— Такъ не сердится, что ревную, воскликнулъ онъ.—
женщина! «У меня у самой жестокое сердце». Ухъ, люб
кихъ жестокихъ-то, хотя и не терплю когда меня ре
не терплю!—Драться будемъ. Но любить—любить ее бу
конечно. Повѣнчаютъ-ли насъ? Каторжныхъ развѣ вѣ
Вопросъ. А безъ нея я жить не могу...

Митя нахмуренно прошелся по комнатѣ. Въ комнатѣ
вилось почти темно. Онъ вдругъ сталъ страшно озабоче

— Такъ секретъ, говоритъ, секретъ? У меня, дескать,
противъ нея заговоръ, и «Катька», дескать, замѣшана?
братъ, Грушенька, это не то. Ты тутъ маху дала, свое
пенькаго женскаго маху! Алеша, голубчикъ, эхъ, куда
Открою я тебѣ нашъ секретъ!

Онъ оглянулся во всѣ стороны, быстро вплоть подо
стоявшему предъ нимъ Алешѣ и зашепталъ ему съ та
нымъ видомъ, хотя по настоящему, ихъ никто не мог
шать: старикъ сторожъ дремалъ въ углу на лавкѣ, а до
ныхъ солдатъ ни слова не долетало.

— Я тебѣ всю нашу тайну открою! зашепталъ.
Митя.—Хотѣлъ потомъ открыть, потому что безъ тебя
могу на что рѣшиться? Ты у меня все. Я хоть и гово
Иванъ надъ нами высшій, но ты у меня херувимъ. Тол
рѣшеніе рѣшитъ. Можетъ ты-то и есть высшій человѣк
Иванъ. Видишь, тутъ дѣло совѣсти, дѣло высшей сов
тайна, столь важная, что я справиться самъ не смогу и все о
до тебя. А всетаки теперь рано рѣшать, потому, надо
приговора: приговоръ выйдетъ, тогда ты и рѣшишь суд
перь не рѣшай: я тебѣ сейчасъ скажу, ты услышишь,
рѣшай. Стой и молчи. Я тебѣ не все открою. Я тебѣ
идею скажу, безъ подробностей, а ты молчи. Ни вопр
движенья, согласенъ? А, впрочемъ, Господи, куда я дѣ
твои? Боюсь, глаза твои скажутъ рѣшеніе, хотя-бы ты
чалъ. Ухъ, боюсь! Алеша, слушай: братъ Иванъ мнѣ
гаетъ бѣжать. Подробностей не говорю: все предупр
все можетъ устроиться. Молчи, не рѣшай. Въ Америку
шей. Вѣдь я безъ Груши жить не могу! Ну, какъ ее ко

пустятъ? Каторжныхъ развѣ вѣнчаютъ? Братъ Иванъ, гово-
, что нѣтъ. А безъ Груши что́ я тамъ подъ землею съ молот-
ъ-то? Я себѣ только голову раздроблю этимъ молоткомъ! А
другой стороны, совѣсть-то? Отъ страданія вѣдь убѣжалъ!
о указаніе—отвергъ указаніе, былъ путь очищенія—пово-
лъ налѣво кругомъ. Иванъ говоритъ, что въ Америкѣ «при
ыхъ наклонностяхъ» можно больше пользы принести, чѣмъ
землей. Ну, а гимнъ-то нашъ подземный гдѣ состоится?
рика что́, Америка опять суета! Да и мошенничества тоже,
маю, много въ Америкѣ-то. Отъ распятья убѣжалъ! Потому
говорю тебѣ, Алексѣй, что ты одинъ понять это можешь,
ольше никто, для другихъ это глупости, бредъ, вотъ все то
я тебѣ про гимнъ говорилъ. Скажутъ съ ума сошелъ, аль
къ. А я не сошелъ съ ума, да и не дуракъ. Понимаетъ про
ъ и Иванъ, ухъ, понимаетъ, только на это не отвѣчаетъ,
итъ. Гимну не вѣритъ. Не говори, не говори: я вѣдь вижу
ъ ты смотришь: Ты ужь рѣшилъ! Не рѣшай, пощади меня,
езъ Груши жить не могу, подожди до суда!

Митя кончилъ какъ изступленный. Онъ держалъ Алешу
ими руками за плечи и такъ и впился въ его глаза своимъ
дущимъ воспаленнымъ взглядомъ.

— Каторжныхъ развѣ вѣнчаютъ? повторилъ онъ въ третій
ъ, молящимъ голосомъ.

Алеша слушалъ съ чрезвычайнымъ удивленіемъ и глубоко
ъ потрясенъ.

— Скажи мнѣ одно, проговорилъ онъ:—Иванъ очень настаи-
ъ, и кто это выдумалъ первый?

— Онъ, онъ выдумалъ, онъ настаиваетъ! Онъ ко мнѣ все
ходилъ, и вдругъ пришелъ, недѣлю назадъ, и прямо съ этого
ъ. Страшно настаиваетъ. Не проситъ, а велитъ. Въ послу-
не сомнѣвается, хотя я ему все мое сердце какъ тебѣ
рнулъ и про гимнъ говорилъ. Онъ мнѣ разсказалъ какъ и
отъ, всѣ свѣдѣнія собралъ, но это потомъ. До истерики
тъ. Главное, деньги: десять тысячъ, говоритъ, тебѣ на по-
, а двадцать тысячъ на Америку, а на десять тысячъ, го-
тъ, мы великолѣпный побѣгъ устроимъ.

— И мнѣ отнюдь не велѣлъ передавать? переспросилъ снова
.

Отнюдь, никому, а главное тебѣ: тебѣ ни за что́! Боится
, что ты какъ совѣсть предо мной станешь. Не говори
что я тебѣ передалъ. Ухъ, не говори!

— Ты правъ, рѣшилъ Алеша,—рѣшить невозможно р
приговора суда. Послѣ суда самъ и рѣшишь; тогда самъ в
новаго человѣка найдешь, онъ и рѣшитъ.

— Новаго человѣка, аль Бернара, тотъ и рѣшитъ по
ровски! Потому, кажется, я и самъ Бернаръ презрѣнный!
оскаблился Митя.

— Но неужели, неужели, братъ, ты такъ ужь совс
надѣешься оправдаться?

Митя судорожно вскинулъ вверхъ плечами и отрани
покачалъ головой.

— Алеша, голубчикъ, тебѣ пора! вдругъ засмѣялся
Смотритель закричалъ на дворѣ, сейчасъ сюда будешь,
поздно, безпорядокъ. Обними меня поскорѣй, поцалуй, пер
меня, голубчикъ, перекрести на завтрашній крестъ...

Они обнялись и поцаловались.

— А Иванъ-то, проговорилъ вдругъ Митя,—бѣжать-м
ложилъ, а самъ вѣдь вѣритъ, что я убилъ!

Грустная насмѣшка выдавилась на его губахъ.

— Ты спрашивалъ его: вѣритъ онъ или нѣтъ? сп
Алеша.

— Нѣтъ, не спрашивалъ. Хотѣлъ спросить, да не смогъ
не хватило. Да все равно я вѣдь по глазамъ вижу. Ну, п

Еще разъ поцаловались наскоро, и Алеша уже было вы
какъ вдругъ Митя кликнулъ его опять:

— Становись предо мной, вотъ такъ.

И онъ опять крѣпко схватилъ Алешу обѣими рук
плечи. Лицо его стало вдругъ совсѣмъ блѣдно, такъ что
въ темнотѣ это было страшно замѣтно. Губы перекос
взглядъ впился въ Алешу.

— Алеша, говори мнѣ полную правду, какъ предъ Гос
Богомъ: вѣришь ты, что я убилъ или не вѣришь? То-то, с
ты вѣришь или нѣтъ? Полную правду, не лги! крикнул
ему изступленно.

Алешу какъ-бы всего покачнуло, а въ сердцѣ его, он
шалъ это, какъ-бы прошло что-то острое.

— Полно, что ты... пролепеталъ было онъ какъ потер

— Всю правду, всю, не лги! повторилъ Митя.

— Ни единой минуты не вѣрилъ, что ты убійца, вдруг
валось дрожащимъ голосомъ изъ груди Алеши, и онъ по
правую руку вверхъ, какъ-бы призывая Бога въ сви
своихъ словъ. Блаженство озарило мгновенно все лиц

— Спасибо тебѣ! выговорилъ онъ протяжно, точно испуская
къ послѣ обморока.—Теперь ты меня возродилъ... Вѣришь-
до сихъ поръ боялся спросить тебя, это тебя-то, тебя! Ну,
иди! Укрѣпилъ ты меня на завтра, благослови тебя Богъ!
ступай, люби Ивана! вырвалось послѣднимъ словомъ у Мити.
Алеша вышелъ весь въ слезахъ. Такая степень мнительности
, такая степень недовѣрія его даже къ нему, къ Алешѣ—
это вдругъ раскрыло предъ Алешей такую бездну безвы-
аго горя и отчаянія въ душѣ его несчастнаго брата, какой
и не подозрѣвалъ прежде. Глубокое, безконечное состраданіе
тъ охватило и измучило его мгновенно. Пронзенное сердце
страшно болѣло. «Люби Ивана!» вспомнились ему вдругъ
шнія слова Мити. Да онъ и шелъ къ Ивану. Ему еще
мъ страшно надо было видѣть Ивана. Не менѣе какъ Митя
мучилъ Иванъ, а теперь, послѣ свиданія съ братомъ, болѣе
ъ когда-нибудь.

V.

Не ты, не ты!

По дорогѣ къ Ивану пришлось ему проходить мимо дома, въ
ромъ квартировала Катерина Ивановна. Въ окнахъ былъ
тъ. Онъ вдругъ остановился и рѣшилъ войти. Катерину
новну онъ не видалъ уже болѣе недѣли. Но ему теперь при-
на умъ, что Иванъ, можетъ быть, сейчасъ у ней, особенно
минутѣ такого дня. Позвонивъ и войдя на лѣстницу, тускло
щенную китайскимъ фонаремъ, онъ увидалъ спускавшагося
ху человѣка, въ которомъ, поровнявшись, узналъ брата.
, стало быть, выходилъ уже отъ Катерины Ивановны.

— Ахъ, это только ты, сказалъ сухо Иванъ Ѳедоровичъ.—
прощай. Ты къ ней.

— Да.

— Не совѣтую, она «въ волненіи», и ты еще пуще ее раз-
ишь.

— Нѣтъ, нѣтъ! прокричалъ вдругъ голосъ сверху изъ отво-
шейся мигомъ двери.—Алексѣй Ѳедоровичъ, вы отъ него?

— Да, я былъ у него.

Мнѣ что-нибудь прислалъ сказать? Войдите, Алеша, и
анъ Ѳедоровичъ, непремѣнно, непремѣнно воротитесь.
и-те!

Въ голосѣ Кати зазвучала такая повелительная нотка, Иванъ Ѳедоровичъ, помедливъ одно мгновеніе, рѣшился, он же, подняться опять, вмѣстѣ съ Алешей.

— Подслушивала! раздражительно прошепталъ онъ про но Алеша разслышалъ.

— Позвольте мнѣ остаться въ пальто, проговорилъ Ѳедоровичъ, вступая въ залу.—Я и не сяду. Я болѣе одно нуты не останусь.

— Садитесь, Алексѣй Ѳедоровичъ, проговорила Ка Ивановна, сама оставаясь стоя. Она измѣнилась мало время, но темные глаза ея сверкали зловѣщимъ огнемъ. помнилъ потомъ, что она показалась ему чрезвычайно собой въ ту минуту.

— Что-жь онъ велѣлъ передать?

— Только одно, сказалъ Алеша, прямо глядя ей въ чтобы вы щадили себя и не показывали ничего на судѣ (онъ нѣсколько замялся)... что было между вами... во самаго перваго вашего знакомства... въ томъ городѣ...

— А, это про земной поклонъ за тѣ деньги! подхватил горько разсмѣявшись.—Что-жь, онъ за себя или за меня б —а? Онъ сказалъ, чтобъ я щадила — кого-же? Его или Говорите, Алексѣй Ѳедоровичъ.

Алеша всматривался пристально, стараясь понять ее.

— И себя, и его, проговорилъ онъ тихо.

— То-то, какъ-то злобно отчеканила она и вдруг краснѣла.

— Вы не знаете еще меня, Алексѣй Ѳедоровичъ, грозн зала она,—да и я еще не знаю себя. Можетъ быть, вы за меня растоптать ногами послѣ завтрашняго допроса.

— Вы покажете честно, сказалъ Алеша, — только и надо.

— Женщина часто безчестна, проскрежетала она. — часъ тому думала, что мнѣ страшно дотронуться до этого изв какъ до гада... и вотъ нѣтъ, онъ все еще для меня чел Да убилъ-ли онъ? Онъ-ли убилъ! воскликнула она вдругъ рически, быстро обращаясь къ Ивану Ѳедоровичу. Алеша п понялъ, что этотъ самый вопросъ она уже задавала Ивану ровичу, можетъ, всего за минуту предъ его приходомъ в первый разъ, а въ сотый, и что кончили они ссорой.

— Я была у Смердякова... Это ты, ты убѣдилъ меня онъ отцеубійца. Я только тебѣ и повѣрила! продолжала он

дяясь къ Ивану Ѳедоровичу. Тотъ какъ-бы съ натуги усмѣх-
л. Алеша вздрогнулъ, услышавъ это *ты*. Онъ и подозрѣвать
отъ такихъ отношеній.
— Ну, однако, довольно, отрѣзалъ Иванъ.—Я пойду. Приду
а. И тотчасъ-же, повернувшись, вышелъ изъ комнаты и
шелъ прямо на лѣстницу. Катерина Ивановна вдругъ съ ка-
-то повелительнымъ жестомъ схватила Алешу за обѣ руки.
— Ступайте за нимъ! Догоните его! Не оставляйте его одного
инуты, быстро зашептала она.—Онъ помѣшанный. Вы не
ѣ, что онъ помѣшался? У него горячка, нервная горячка!
докторъ говорилъ, идите, бѣгите за нимъ...
Алеша вскочилъ и бросился за Иваномъ Ѳедоровичемъ. Тотъ
спѣлъ отойдти и пятидесяти шаговъ.
— Чего тебѣ? вдругъ обернулся онъ къ Алешѣ, видя, что
его догоняетъ:—велѣла тебѣ бѣжать за мною, потому что
асшедшій. Знаю наизусть, раздражительно прибавилъ онъ.
— Она, разумѣется, ошибается, но она права, что ты боленъ,
лъ Алеша. — Я сейчасъ смотрѣлъ у ней на твое лицо; у
очень больное лицо, очень, Иванъ!
ванъ шелъ не останавливаясь. Алеша за нимъ.
— А ты знаешь, Алексѣй Ѳедоровичъ, какъ сходятъ съума?
лъ Иванъ совсѣмъ вдругъ тихимъ, совсѣмъ уже не раз-
тельнымъ голосомъ, въ которомъ внезапно послышалось
простодушное любопытство.
— Нѣтъ, не знаю; полагаю, что много разныхъ видовъ
шествія.
— А надъ самимъ собой можно наблюдать, что сходишь съума?
— Я думаю нельзя ясно слѣдить за собой въ такомъ слу-
ѣ удивленіемъ отвѣчалъ Алеша. Иванъ на полминутки
лкъ.
— Если ты хочешь со мной о чемъ говорить, то перемѣни,
уйста, тему, сказалъ онъ вдругъ.
— А вотъ, чтобы не забыть, къ тебѣ письмо, робко прого-
ъ Алеша и, вынувъ изъ кармана, протянулъ къ нему письмо
Они какъ разъ подошли къ фонарю. Иванъ тотчасъ-же
ъ руку.
— А, это отъ того бѣсенка! разсмѣялся онъ злобно, и, не
чатавъ конверта, вдругъ разорвалъ его на нѣсколько кус-
и бросилъ на вѣтеръ. Клочья разлетѣлись.
— Шестнадцати лѣтъ еще нѣтъ, кажется, и ужь предла-
презрительно проговорилъ онъ, опять зашагавъ по улицѣ.

— Какъ предлагается? робко спросилъ Алеша.

— Извѣстно, какъ развратныя женщины предлагаются.

— Что ты, Иванъ, что ты? горестно и горячо заступ
Алеша.—Это ребенокъ, ты обижаешь ребенка! Она больна,
сама очень больна, она тоже, можетъ быть, съ ума сходи
Я не могъ тебѣ не передать ея письма... Я, напротивъ, отъ
хотѣлъ что услышать... чтобы спасти ее.

— Нечего тебѣ отъ меня слышать. Коль она ребенокъ,
ей не книга. Молчи, Алексѣй. Не продолжай. Я объ этомъ
не думалъ.

Помолчали опять съ минуту.

— Она теперь всю ночь молить Божію Матерь будетъ, ч
указала ей какъ завтра на судѣ поступить, рѣзко и злобн
говорилъ онъ вдругъ опять.

— Ты... ты объ Катеринѣ Ивановнѣ?

— Да. Спасительницей или губительницей Митеньк
явиться! О томъ молить будетъ, чтобъ озарило ея душу.
еще, видите-ли, не знаетъ, приготовиться не успѣла. Тоже
за няньку принимаетъ, хочетъ чтобъ я ее убаюкалъ.

— Катерина Ивановна любитъ тебя, братъ, съ грус
чувствомъ проговорилъ Алеша.

— Можетъ быть. Только я до нея не охотникъ.

— Она страдаетъ. Зачѣмъ-же ты ей говоришь... ин
такія слова, что она надѣется? съ робкимъ упрекомъ пр
жалъ Алеша:—вѣдь я знаю, что ты ей подавалъ надежду,
сти, что я такъ говорю, прибавилъ онъ.

— Не могу я тутъ поступить какъ надо, разорвать
прямо сказать! раздражительно произнесъ Иванъ.—Надо
ждать, пока скажутъ приговоръ убійцѣ. Если я разорву съ
теперь, она изъ мщенія ко мнѣ завтра-же погубитъ этого
дя на судѣ, потому что его ненавидитъ и знаетъ что не
дитъ. Тутъ все ложь, ложь на лжи! Теперь-же, пока я съ
не разорвалъ, она все еще надѣется и не станетъ губить
изверга, зная, какъ я хочу вытащить его изъ бѣды. И
только придетъ этотъ проклятый приговоръ!

Слова «убійца» и «извергъ» больно отозвались въ
Алеши.

— Да чѣмъ такимъ она можетъ погубить брата? спро
онъ, вдумываясь въ слова Ивана.—Что она можетъ
такого, что прямо могло-бы сгубить Митю?

— Ты этого еще не знаешь. У нея въ рукахъ ещ

ть, собственноручный, Митенькинъ, математически дока-
й, что онъ убилъ Ѳедора Павловича.
гого быть не можетъ! воскликнулъ Алеша.
акъ не можетъ? Я самъ читалъ.
акого документа быть не можетъ! съ жаромъ повторилъ
– Не можетъ быть, потому что убійца не онъ. Не онъ
ца, не онъ!
ь Ѳедоровичъ вдругъ остановился.
го-же убійца, по вашему, какъ-то холодно, повидимому,
онъ, и какая-то даже высокомѣрная нотка прозвучала
вопроса.
ы самъ знаешь кто, тихо и проникновенно проговорилъ

го? Эта басня-то объ этомъ помѣшанномъ идіотѣ, эпи-
Объ Смердяковѣ?
а вдругъ почувствовалъ, что весь дрожитъ.
ы самъ знаешь кто, безсильно вырвалось у него. Онъ
я.
і кто, кто? уже почти свирѣпо вскричалъ Иванъ. Вся
ость вдругъ исчезла.
одно только знаю, все также почти шепотомъ прого-
леша:—убилъ отца *не ты*.
Не ты!» Что̀ такое не ты? остолбенѣлъ Иванъ.
ь ты убилъ отца, не ты! твердо повторилъ Алеша.
минуты длилось молчаніе.
я и самъ знаю, что не я, ты бредишь? блѣдно и искрив-
лѣхнувшись, проговорилъ Иванъ. Онъ какъ-бы впился
ъ Алешу. Оба опять стояли у фонаря.
тъ, Иванъ, ты самъ себѣ нѣсколько разъ говорилъ,
ь ты.
гда я говорилъ? Я въ Москвѣ былъ... Когда я гово-
сѣмъ потерянно пролепеталъ Иванъ.
говорилъ это себѣ много разъ, когда оставался одинъ
рашные два мѣсяца, по прежнему тихо и раздѣльно
ъ Алеша. Но говорилъ опъ уже какъ-бы внѣ себя,
е своею волей, повинуясь какому-то непреодолимому
– Ты обвинялъ себя и признавался себѣ, что убійца
ъ ты. Но убилъ не ты, ты ошибаешься, не ты убійца,
меня, не ты! Меня Богъ послалъ тебѣ это сказать.
молчали. Цѣлую длинную минуту протянулось это мол-
стояли и все смотрѣли другъ другу въ глаза. Оба

были бѣдны. Вдругъ Иванъ весь затрясся и крѣпко
Алешу за плечо.

— Ты былъ у меня! скрежущимъ шепотомъ пр
онъ.—Ты былъ у меня ночью, когда онъ приходилъ.
вайся... ты его видѣлъ, видѣлъ?

— Про кого ты говоришь... про Митю? въ недоум
силъ Алеша.

— Не про него, къ чорту изверга! наступлен
Иванъ. Развѣ ты знаешь, что онъ ко мнѣ ходитъ?
узналъ, говори!

— Кто *онъ*? Я не знаю про кого ты говоришь,
Алеша уже въ испугѣ.

— Нѣтъ, ты знаешь... иначе какже-бы ты... не
чтобы ты не зналъ...

Но вдругъ онъ какъ-бы сдержалъ себя. Онъ стоя
бы что-то обдумывалъ. Странная усмѣшка кривила е

— Братъ, дрожащимъ голосомъ началъ опять А
сказалъ тебѣ это потому, что ты моему слову повѣри
это. Я тебѣ на всю жизнь это слово сказалъ: *не ты!*
на всю жизнь. И это Богъ положилъ мнѣ на душу т
зать, хотя-бы ты съ сего часа навсегда возненавидѣ

Но Иванъ Ѳедоровичъ, повидимому, со всѣмъ у
овладѣть собой.

— Алексѣй Ѳедоровичъ, проговорилъ онъ съ холод
кой, — я пророковъ и эпилептиковъ не терплю; пос
Божіихъ особенно, вы это слишкомъ знаете. Съ сей
съ вами разрываю и, кажется, на всегда. Прошу сей
на этомъ-же перекресткѣ, меня оставить. Да вамъ и в
по этому проулку дорога. Особенно поберегитесь за
мнѣ сегодня! Слышите?

Онъ повернулся и, твердо шагая, пошелъ прямо,
чивался.

— Братъ, крикнулъ ему вслѣдъ Алеша, — если
сегодня съ тобой случится, подумай прежде всего об

Но Иванъ не отвѣтилъ. Алеша стоялъ на пере
фонаря, пока Иванъ не скрылся совсѣмъ во мракѣ.
повернулся и медленно направился къ себѣ по переул
и Иванъ Ѳедоровичъ квартировали особо, на разныхъ
рахъ: ни одинъ изъ нихъ не захотѣлъ жить въ ом
домѣ Ѳедора Павловича. Алеша нанималъ меблирован
нату въ семействѣ однихъ мѣщанъ; Иванъ-же Ѳедоро

но отъ него далеко и занималъ просторное и довольно ком-
ое помѣщеніе во флигелѣ одного хорошаго дома, принадле-
го одной небѣдной вдовѣ-чиновницѣ. Но прислуживала ему
омъ флигелѣ всего только одна древняя, совсѣмъ глухая
шонка, вся въ ревматизмахъ, ложившаяся въ шесть часовъ
и вставшая въ шесть часовъ утра. Иванъ Ѳедоровичъ
до странности въ эти два мѣсяца нетребователенъ и очень
ъ оставаться совсѣмъ одинъ. Даже комнату, которую за-
ъ, онъ самъ убиралъ, а въ остальныя комнаты своего по-
нія даже и заходилъ рѣдко. Дойдя до воротъ своего дома и
явшись за ручку звонка, онъ остановился. Онъ почув-
лъ, что весь еще дрожитъ злобною дрожью. Вдругъ онъ
ъ звонокъ, плюнулъ, повернулъ назадъ и быстро по-
опять совсѣмъ на другой, противоположный конецъ го-
версты за двѣ отъ своей квартиры, въ одинъ крошечный,
шійся бревенчатый домикъ, въ которомъ квартировала
Кондратьевна, бывшая сосѣдка Ѳедора Павловича, прихо-
я къ Ѳедору Павловичу на кухню за супомъ, и которой
яковъ пѣлъ тогда свои пѣсни и игралъ на гитарѣ. Прежн-
икъ свой она продала и теперь проживала съ матерью
въ избѣ, а больной, почти умирающій Смердяковъ, съ
смерти Ѳедора Павловича поселился у нихъ. Вотъ къ нему-
направился теперь Иванъ Ѳедоровичъ, влекомый однимъ
нымъ и непобѣдимымъ соображеніемъ.

VI.

Первое свиданіе со Смердяковымъ.

о уже въ третій разъ шелъ Иванъ Ѳедоровичъ говорить
ердяковымъ по возвращеніи своемъ изъ Москвы. Въ пер-
азъ послѣ катастрофы онъ видѣлъ его и говорилъ съ нимъ
ъ-же въ первый день своего пріѣзда, затѣмъ посѣтилъ его
азъ, двѣ недѣли спустя. Но послѣ этого втораго раза
я свои со Смердяковымъ прекратилъ, такъ что теперь
омъ мѣсяцъ, какъ онъ уже не видалъ его и почти ни-
е слыхалъ о немъ. Воротился-же тогда Иванъ Ѳедоро-
ъ Москвы уже на пятый только день послѣ смерти ро-
; такъ что не засталъ и гроба его: погребеніе совершил-
ъ разъ наканунѣ его пріѣзда. Причина замедленія Ивана

что тотъ даже и подозрѣвать не хочетъ ни
[illegible] на Смердякова, какъ на убійцу, чт
[illegible] другимъ мнѣніямъ въ нашемъ городѣ
[illegible] прокурора, узнавъ подробности
[illegible] еще болѣе удивился на Алешу и пр
[illegible] возбужденному до послѣдней степени
[illegible] состраданію къ Митѣ, котораго Алеша, какъ
[illegible] любилъ. Кстати, промолвимъ лишь
[illegible] о чувствахъ Ивана къ брату Дмитрі
[illegible] рѣшительно не любилъ и много-много
[illegible] иногда состраданіе, но и то смѣшанное с
[illegible] доходившимъ до гадливости. Митя ве
[illegible] былъ ему крайне несимпатиченъ.
[illegible] Ивановны Иванъ смотрѣлъ съ нег
[illegible] Митей онъ, однако-же увидѣлся т
[illegible] прибытія, и это свиданіе не только н
[illegible] въ его виновности, а даже усил
[illegible] тогда въ безпокойствѣ, въ болѣзнен
[illegible] многорѣчивъ, но разсѣянъ и раскидчи
[illegible] обвинялъ Смердякова и страшно пу
[illegible] про тѣ-же три тысячи, которыя «
[illegible] «Деньги мои, онѣ были мои, твер
[illegible] даже укралъ ихъ, то былъ-бы правъ».
[illegible] противъ него, почти не оспаривалъ.

ича, рѣзко сказавъ ему, что не тѣмъ его подозрѣвать и
шивать, которые сами утверждаютъ, что «все позволено».
де на этотъ разъ съ Иваномъ Ѳедоровичемъ былъ очень
желюбенъ. Сейчасъ послѣ этого свиданія съ Митей, Иванъ
ровичъ и направился тогда къ Смердякову.
ще въ вагонѣ, летя изъ Москвы, онъ все думалъ про Смер-
а и про послѣдній свой разговоръ съ нимъ вечеромъ на-
нь отъѣзда. Многое смущало его, многое казалось подозри-
ымъ. Но давая свои показанія судебному слѣдователю,
ъ Ѳедоровичъ до времени умолчалъ о томъ разговорѣ. Все
илъ до свиданія со Смердяковымъ. Тотъ находился тогда
ородской больницѣ. Докторъ Герценштубе и встрѣтившійся
у Ѳедоровичу въ больницѣ врачъ Варвинскій на настой-
е вопросы Ивана Ѳедоровича твердо отвѣчали, что падучая
нь Смердякова несомнѣнна, и даже удивились вопросу:
притворялся-ли онъ въ день катострофы?» Они дали ему
ть, что припадокъ этотъ былъ даже необыкновенный, про-
лся и повторялся нѣсколько дней, такъ что жизнь паціента
въ рѣшительной опасности, и что только теперь, послѣ
тыхъ мѣръ, можно уже сказать утвердительно, что боль-
станется въ живыхъ, хотя очень возможно (прибавилъ док-
Герценштубе) что разсудокъ его останется отчасти раз-
нъ, «если не на всю жизнь, то на довольно продолжительное
я». На нетерпѣливый спросъ Ивана Ѳедоровича что, «стало
онъ теперь сумасшедшій?» ему отвѣтили, что этого въ пол-
смыслѣ еще нѣтъ, но что замѣчаются нѣкоторыя ненормаль-
ти. Иванъ Ѳедоровичъ положилъ самъ узнать какія это не-
льности. Въ больницѣ его тотчасъ-же допустили къ свида-
Смердяковъ находился въ отдѣльномъ помѣщеніи и лежалъ
йкѣ. Тутъ-же подлѣ него была еще койка, которую зани-
одинъ разслабленный городской мѣщанинъ, весь распух-
ть водяной, видимо готовый завтра или послѣ завтра уме-
разговору онъ помѣшать не могъ. Смердяковъ осклабился
рчиво, завидѣвъ Ивана Ѳедоровича и въ первое мгновe-
къ будто даже сробѣлъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, мелькъ
у Ивана Ѳедоровича. Но это было лишь мгновеніе, на-
ъ, во все остальное время Смердяковъ почти поразилъ его
ъ спокойствіемъ. Съ самаго перваго взгляда на него Иванъ
ановичъ несомнѣнно убѣдился въ полномъ и чрезвычайномъ
ѣнномъ его состояніи: онъ былъ очень слабъ, говорилъ
но и какъ-бы съ трудомъ ворочая языкомъ; очень похудѣлъ

гъ напередъ узнать, что провалишься именно въ этотъ ъ въ припадкѣ, если не притворился въ падучей нарочно?

Въ погребъ надлежало и безъ того идти-съ, въ день по ьку даже разъ-съ, не спѣша протянулъ Смердяковъ.—Такъ годъ тому назадъ я съ чердака полетѣлъ-съ. Безпремѣнно ого падучую нельзя предсказать впередъ днемъ и часомъ дчувствіе всегда можно имѣть.

А ты предсказалъ день и часъ!

На счетъ моей болѣзни падучей-съ освѣдомьтесь всего , сударь, у докторовъ здѣшнихъ: истинная-ли была со али не истинная, а мнѣ и говорить вамъ больше на сей ъ нечего.

А погребъ? Погребъ-то какъ ты предузналъ?

Дался вамъ этотъ самый погребъ! Я тогда какъ въ этотъ ъ полѣзъ, то въ страхѣ былъ и въ сумлѣніи; потому больше ахѣ, что былъ васъ лишимшись и ни отъ кого уже защиты ылъ въ цѣломъ мірѣ. Лѣзу я тогда въ этотъ самый погребъ ю: «вотъ сейчасъ придетъ, вотъ она ударитъ, провалюсь, ѣтъ?» и отъ самаго этого сумлѣнія вдругъ схватила меня лѣ эта самая неминучая спазма-съ... ну и полетѣлъ. Все мое и весь разговоръ нашъ предъидущій съ вами-съ, накаго дня вечеромъ у воротъ-съ, какъ я вамъ тогда мой , сообщилъ, и про погребъ-съ—все это я въ подробности ъ господину доктору Герценштубе и слѣдователю Николаю ювичу, и все они въ протоколъ записали-съ. А здѣшній ъ, господинъ Варвинскій, такъ предъ всѣми ими особо вали, что такъ именно отъ думы оно и произошло, отъ то есть, той мнительности, «что вотъ, дескать, упаду аль ду?» А она тутъ и подхватила. Такъ и записали-съ, что нѣнно этому такъ и надо было произойдти, отъ единаго, ь, моего страху-съ.

оговоривъ это, Смердяковъ, какъ-бы измученный утомь, глубоко перевелъ дыханіе.

Такъ ты ужь это объявлялъ въ показаніи? спросилъ ько опѣшенный Иванъ Ѳедоровичъ. Онъ именно хотѣлъ пугнуть его тѣмъ, что объявитъ про ихъ тогдашній раз- , а оказалось, что тотъ ужь и самъ объявилъ.

Чего мнѣ бояться? Пускай всю правду истинную запитвердо произнесъ Смердяковъ.

И про нашъ разговоръ съ тобой у воротъ все до слова алъ?

— Нѣтъ, не то чтобы все до слова-съ.

— А что представляться въ падучей умѣешь, какъ мнѣ тогда, тоже сказалъ?

— Нѣтъ, этого тоже не сказалъ-съ.

— Скажи ты мнѣ теперь, для чего ты меня тог машню посылалъ?

— Боялся, что въ Москву уѣдете, въ Чермаш ближе-съ.

— Врешь, ты самъ приглашалъ меня уѣхать: говорилъ, отъ грѣха долой!

— Это я тогда по единому къ вамъ дружеству и ной моей преданности, предчувствуя въ домѣ бѣду-съ лѣючи. Только себя больше вашего сожалѣлъ-съ. Пот рилъ: уѣзжайте отъ грѣха, чтобы вы поняли, что будетъ и остались-бы родителя защитить.

— Такъ ты-бы прямѣе сказалъ, дуракъ! вспыхну Иванъ Ѳедоровичъ.

— Какъ-же-бы я могъ тогда прямѣе сказать-съ? О страхъ во мнѣ говорилъ-съ, да и вы могли осердиться. опасаться могъ, чтобы Дмитрій Ѳедоровичъ не сдѣл скандалу, и самыя эти деньги не унесли, такъ как равно, что за свои почитали, а вотъ кто-же зналъ, убивствомъ кончится? Думалъ, они просто только по три тысячи рублей, что у барина подъ тюфякомъ леж пакетѣ-съ, а они вотъ убили-съ. Гдѣ-же и вамъ уга сударь?

— Такъ если самъ говоришь, что нельзя было уга же я могъ догадаться и остаться? Что ты путаешь? в проговорилъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— А потому и могли догадаться, что я васъ въ направляю вмѣсто этой Москвы-съ.

— Да какъ тутъ догадаться!

Смердяковъ казался очень утомленнымъ и опять съ минуту.

— Тѣмъ самымъ-съ догадаться могли-съ, что бо отъ Москвы въ Чермашню отклоняю, то, значитъ, ш вашего здѣсь желаю ближайшаго, потому что Москва Дмитрій Ѳедоровичъ, знамши что вы недалеко, не столь будутъ. Да и меня могли въ большей скорости, въ сл пріѣхать и защитить, ибо самъ я вамъ на болѣзнь Васильича къ тому-же указывалъ, да и то что падуч

ъяснивъ вамъ про эти стуки, по которымъ къ покойному
о было войдти, и что они Дмитрію Ѳедоровичу черезъ меня
звѣстны, думалъ что вы уже сами тогда догадаетесь, что
что-нибудь непремѣнно совершатъ, и не то что въ Чермашню,
вовсе останетесь.
Онъ очень связно говоритъ, подумалъ Иванъ Ѳедоровичъ,
и мямлитъ; про какое-же Герценштубе говорилъ разстрой-
способностей?»
— Хитришь ты со мной, чортъ тебя дери! воскликнулъ онъ,
ившись.
— А я, признаться, тогда подумалъ, что вы ужь совсѣмъ
лись, съ самымъ простодушнымъ видомъ отпарировалъ
ряковъ.
— Кабы догадался такъ остался-бы! вскричалъ Иванъ Ѳедо-
ичъ опять вспыхнувъ.
— Ну-съ, а я-то думалъ, что вы обо всемъ догадамшись
е какъ можно уѣзжаете лишь отъ грѣха одного, чтобы
о убѣжать куда-нибудь, себя спасая отъ страху-съ.
— Ты думалъ, что всѣ такіе-же трусы какъ ты?
— Простите-съ, подумалъ, что и вы какъ и я.
— Конечно, надо было догадаться, волновался Иванъ,—да
догадывался объ чемъ-нибудь мерзкомъ съ твоей стороны...
о ты врешь, опять врешь, вскричалъ онъ вдругъ припом-
—Помнишь, какъ ты къ тарантасу тогда подошелъ и мнѣ
лъ: «съ умнымъ человѣкомъ и поговорить любопытно».
тъ, радъ былъ, что я уѣзжаю коль похвалилъ?
ердяковъ еще и еще разъ вздохнулъ. Въ лицѣ его какъ-
оказалась краска.
— Если былъ радъ, произнесъ онъ нѣсколько задыхаясь,—
у единственно, что не въ Москву, а въ Чермашню со-
лись. Потому все-же ближе; а только я вамъ тѣ самыя
не въ похвалу тогда произнесъ, а въ попрекъ-съ. Не ра-
ли вы этого-съ.
— Въ какой попрекъ?
— А то что, предчувствуя такую бѣду, собственнаго роди-
оставляете-съ и насъ защитить не хотите, потому что меня
три тысячи всегда могли притянуть, что я ихъ укралъ-съ.
— Чортъ тебя дери! опять обругался Иванъ. — Стой: ты
наки, про стуки эти, слѣдователю и прокурору объявилъ?
— Все какъ есть объявилъ-съ.
Иванъ Ѳедоровичъ опять про себя удивился.

— Если я подумалъ тогда объ чемъ, началъ онъ о... то это про мерзость какую-нибудь единственно съ твоей с... роны. Дмитрій могъ убить, но что онъ украдетъ—я тогда вѣрилъ... А съ твоей стороны всякой мерзости ждалъ. Сам... ты мнѣ сказалъ, что притворяться въ падучей умѣешь, ... чего ты это сказалъ?

— По единому моему простодушію. Да и никогда я ... жизни не представлялся въ падучей нарочно, а такъ ... чтобъ похвалиться предъ вами, сказалъ. Одна глупость-съ. ... любилъ я васъ тогда очень и былъ съ вами по всей прос...

— Братъ прямо тебя обвиняетъ, что ты убилъ и что ... укралъ.

— Да имъ что́-же больше остается? горько осклабился С... дяковъ, — и кто-же имъ повѣритъ послѣ всѣхъ тѣхъ ... Дверь-то Григорій Васильевичъ отпертую видѣли-съ, послѣ ... какъ-же-съ. Да что́ ужь, Богъ съ ними! Себя спасая дрож...

Онъ тихо помолчалъ и вдругъ какъ-бы сообразивъ прибав...

— Вѣдь вотъ-съ, опять это самое: они на меня свали... лаютъ, что это моихъ рукъ дѣло-съ,—это я уже слышалъ-с... а вотъ хоть-бы это самое, что въ я падучей представл... мастеръ: ну сказалъ-ли бы я вамъ напередъ, что представл... умѣю, если-бъ у меня въ самомъ дѣлѣ какой замыселъ ... былъ на родителя вашего? Коль такое убивство ужь я зам... лилъ, то можно-ли быть столь дуракомъ, чтобы впередъ на ... бя такую улику сказать, да еще сыну родному, помилуйте-с... Похоже это на вѣроятіе? Это, чтобъ это могло быть-съ, ... напротивъ, совсѣмъ никогда-съ. Вотъ теперь этого нашего ... вами разговору никто не слышитъ, кромѣ самого этого Пр... дѣнія-съ, а если-бы вы сообщили прокурору и Николаю ... ѳеновичу, такъ тѣмъ самымъ могли-бы меня въ конецъ за... тить-съ: ибо что за злодѣй за такой коли заранѣе столь ... стодушенъ? Все это разсудить очень могутъ.

— Слушай, всталъ съ мѣста Иванъ Ѳедоровичъ, пора... ный послѣднимъ доводомъ Смердякова и прерывая разговоръ, ... я тебя вовсе не подозрѣваю и даже считаю смѣшнымъ об... нять... напротивъ, благодаренъ тебѣ, что ты меня успокоил... Теперь иду, но опять зайду. Пока прощай, выздоравливай ... нуждаешься-ли въ чемъ?

— Во всемъ благодаренъ-съ. Марѳа Игнатьевна не ... ваетъ меня-съ и во всемъ способствуетъ коли что мнѣ ... по прежней своей добротѣ. Ежедневно навѣщаютъ добрые

— До свиданія. Я, впрочемъ, про то, что ты притвориться
шь не скажу... да и тебѣ совѣтую не показывать, прого-
лъ вдругъ почему-то Иванъ.
— Оченно понимаю-съ. А коли вы этого не покажете, то
съ всего нашего съ вами разговору тогда у воротъ не
явлю...
Тутъ случилось такъ, что Иванъ Ѳедоровичъ вдругъ вы-
ъ и, только пройдя уже шаговъ десять по корридору, вдругъ
увствовалъ, что въ послѣдней фразѣ Смердякова заключался
й-то обидный смыслъ. Онъ хотѣлъ было уже вернуться, но
только мелькнуло, и проговоривъ: «глупости!» — онъ по-
ѣе пошелъ изъ больницы. Главное, онъ чувствовалъ, что
ствительно былъ успокоенъ, и именно тѣмъ обстоятельствомъ,
виновенъ не Смердяковъ, а братъ его Митя, хотя каза-
ы должно было выйдти напротивъ. Почему такъ было —
не хотѣлъ тогда разбирать, даже чувствовалъ отвращеніе
аться въ своихъ ощущеніяхъ. Ему поскорѣе хотѣлось какъ-
что-то забыть. Затѣмъ въ слѣдующіе нѣсколько дней онъ
совсѣмъ убѣдился въ виновности Мити, когда ближе и осно-
льнѣе ознакомился со всѣми удручавшими того уликами.
и показанія самыхъ ничтожныхъ людей, но почти потря-
щія, напримѣръ, Ѳени и ея матери. Про Перхотина, про
тиръ, про лавку Плотниковыхъ, про свидѣтелей въ Мокромъ
ворить было нечего. Главное, удручали подробности. Из-
ѣе о тайныхъ «стукахъ» поразило слѣдователя и прокурора
ъ въ той-же степени, какъ и показаніе Григорія объ от-
нной двери. Жена Григорія, Марѳа Игнатьевна, на спросъ
на Ѳедоровича, прямо заявила ему, что Смердяковъ всю ночь
лъ у нихъ за перегородкой, «трехъ шаговъ отъ нашей по-
и не было», и что хоть и спала она сама крѣпко, по много
пробуждалась, слыша, какъ онъ тутъ стонетъ: «все время
алъ, безпрерывно стоналъ». Поговоривъ съ Герценштубе и
щивъ ему свое мнѣніе о томъ, что Смердяковъ вовсе не
ится ему помѣшаннымъ, а только слабымъ, онъ только выз-
у старика тоненькую улыбочку. «А вы знаете, чѣмъ онъ
рь особенно занимается?» спросилъ онъ Ивана Ѳедоровича,—
нцузскія вокабулы наизусть учитъ; у него подъ подушкой
адка лежитъ и французскія слова русскими буквами кѣмъ-
аписаны, хе-хе-хе!» Иванъ Ѳедоровичъ оставилъ, наконецъ,
сомнѣнія. О братѣ Дмитріѣ онъ уже и подумать не могъ
омерзѣнія. Одно было всетаки странно: что Алеша упорно

продолжалъ стоять на томъ, что убилъ не Дмитрій, а [redacted] вѣроятности» Смердяковъ. Иванъ всегда чувствовалъ [redacted] ніе Алеши для него высоко, а потому теперь очень [redacted] на него. Странно было и то, что Алеша не вспоминалъ разговоровъ о Митѣ и самъ не начиналъ никогда, а [redacted] вѣчалъ на вопросы Ивана. Это тоже сильно занѣ[redacted] Ѳедоровичъ. Впрочемъ, въ то время онъ очень былъ [redacted] однимъ совсѣмъ постороннимъ обстоятельствомъ: [redacted] Москвы, онъ въ первые-же дни весь и безповоротно [redacted] пламенной и безумной страсти своей къ Катеринѣ И [redacted] Здѣсь не мѣсто начинать объ этой новой страсти Ив[redacted] ровича, отразившейся потомъ на всей его жизни: это м[redacted] бы послужить канвой уже много разсказа, другаго ро[redacted] торый и не знаю, предприму-ли я еще когда-нибудь. Н[redacted] не могу умолчать и теперь о томъ, что когда Иванъ [redacted] вичъ, идя, какъ уже описалъ я, ночью съ Алешей о[redacted] рины Ивановны, сказалъ ему: «я-то до нея не охот[redacted] то страшно лгалъ въ ту минуту: онъ безумно любилъ [redacted] правда и то, что временами ненавидѣлъ ее до того, [redacted] даже убить. Тутъ сходилось много причинъ: вся пот[redacted] событіемъ съ Митей, она бросилась къ возвратившемуся [redacted] опять Ивану Ѳедоровичу какъ-бы къ какому своему сп[redacted] Она была обижена, оскорблена, унижена въ своихъ чу[redacted] И вотъ явился опять человѣкъ, который ее прежде [redacted] билъ,—о, она слишкомъ это знала,—и котораго умъ [redacted] она всегда ставила столь высоко надъ собой. Но стр[redacted] вушка не отдала себя въ жертву всю, не смотря на [redacted] рамазовскій безудержъ желаній своего возлюбленнаго [redacted] обаяніе его на нее. Въ тоже время мучилась безпреры[redacted] каяніемъ, что измѣнила Митѣ, и въ грозныя ссорныя [redacted] съ Иваномъ (а ихъ было много) прямо высказывала [redacted] Это-то и называлъ онъ, говоря съ Алешей: «ложью и [redacted] Тутъ, конечно, было и въ самомъ дѣлѣ много лжи, и э[redacted] болѣе раздражало Ивана Ѳедоровича... но все это потомъ. [redacted] онъ на время почти забылъ о Смердяковѣ. И, однако, дв[redacted] спустя послѣ перваго къ нему посѣщенія, начали его опят[redacted] всѣ тѣ-же странныя мысли, какъ и прежде. Довольно [redacted] что онъ безпрерывно сталъ себя спрашивать: для чего он[redacted] въ послѣднюю свою ночь, въ домѣ Ѳедора Павлович[redacted] отъѣздомъ своимъ, сходилъ тихонько какъ воръ на лѣ[redacted] прислушивался, что дѣлаетъ внизу отецъ? Почему съ [redacted]

ъ вспомнилъ это потомъ, почему на другой день утромъ въ
ё такъ вдругъ затосковалъ, а, въѣзжая въ Москву, сказалъ
: «я подлецъ»! И вотъ теперь ему однажды подумалось, что
-за всѣхъ этихъ мучительныхъ мыслей онъ, пожалуй, готовъ
ить даже и Катерину Ивановну, до того онѣ сильно имъ вдругъ
ъ овладѣли! Какъ разъ, подумавъ это, онъ встрѣтилъ Алешу
улицѣ. Онъ тотчасъ остановилъ его и вдругъ задалъ ему во-
съ:

— Помнишь ты, когда послѣ обѣда Дмитрій ворвался въ
ь и избилъ отца, и я потомъ сказалъ тебѣ на дворѣ, что
ово желаній» оставляю за собой,—скажи, подумалъ ты тогда,
я желаю смерти отца или нѣтъ?

— Подумалъ, тихо отвѣтилъ Алеша.

— Оно, впрочемъ, такъ и было, тутъ и угадывать было не-
. Но не подумалось-ли тебѣ тогда и то, что я именно же-
, чтобъ «одинъ гадъ съѣлъ другую гадину», то есть чтобъ
но Дмитрій отца убилъ, да еще поскорѣе... и что и самъ я
пособствовать даже не прочь?

Алеша слегка поблѣднѣлъ и молча смотрѣлъ въ глаза брату.

— Говори-же! воскликнулъ Иванъ.—Я изо всей силы хочу
ть, что ты тогда подумалъ. Мнѣ надо правду, правду! Онъ
ало перевелъ духъ, уже заранѣе съ какою-то злобой смотря
Алешу.

— Прости меня, я и это тогда подумалъ, прошепталъ Алеша
молчалъ, не прибавивъ ни одного «облегчающаго обстоя-
ства».

— Спасибо! отрѣзалъ Иванъ и, бросивъ Алешу, быстро по-
ъ своею дорогой. Съ тѣхъ поръ Алеша замѣтилъ, что братъ
нъ какъ-то рѣзко началъ отъ него отдаляться и даже какъ-бы
злюбилъ его, такъ что потомъ и самъ онъ уже пересталъ
ть къ нему. Но въ ту минуту, сейчасъ послѣ той съ нимъ
ѣчи, Иванъ Ѳедоровичъ, не заходя домой, вдругъ направился
ть къ Смердякову.

VII.

Второй визитъ къ Смердякову.

Смердяковъ къ тому времени выписался изъ больницы. Иванъ
ровичъ зналъ его новую квартиру: именно въ этомъ пере-

[illegible] ...ы, прошелъ прямо налѣво
[illegible] ...ковымъ. Въ этой избѣ печ
[illegible] натоплена. По стѣнамъ кр
[illegible] ...дранные, а подъ ними
[illegible] ...-пруссаки въ страшномъ ко
[illegible] ...мый шорохъ. Мебель была
[illegible] стѣнамъ и два стула подлѣ
[illegible] деревянный, былъ накрытъ, одн
[illegible] ...дами. На двухъ маленькихъ о
[illegible] ...ждомъ по горшку съ геранями.
[illegible] столѣ стоялъ небольшой, сильно
[illegible] подносъ съ двумя чашками. Н
[illegible] самоваръ погасъ... Самъ онъ
[illegible] ...мотря въ тетрадь, что-то черти
[illegible] ...ерилами находился подлѣ, равно
[illegible] подсвѣчникъ со стеариновою, впрочем
[illegible] отчасъ заключилъ по лицу Смер
[illegible] ...ъ болѣзни вполнѣ. Лицо его бы
[illegible] ...битъ, височки примазаны. Сидѣлъ
[illegible] ...алатѣ, очень, однако, затасканномъ
[illegible] На носу его были очки, которыхъ
[illegible] ...алъ у него прежде. Это пустѣйш
[illegible] ...ъ-бы вдвое даже озлило Ивана Ѳе
[illegible] въ очкахъ!» Смердяковъ медлен

[illegible]лись, зачѣмъ-же опять пришелъ?» Иванъ Ѳедоровичъ едва [illegible]ржалъ себя;

— Жарко у тебя, сказалъ онъ, еще стоя, и разстегнулъ [illegible]ьто.

— Снимите-съ, позволилъ Смердяковъ.

Иванъ Ѳедоровичъ снялъ пальто и бросилъ его на лавку, [illegible]жащими руками взялъ стулъ, быстро придвинулъ его къ [illegible]лу и сѣлъ. Смердяковъ успѣлъ опуститься на свою лавку [illegible]ньше его.

— Во первыхъ, одни-ли мы? строго и стремительно спро[illegible]лъ Иванъ Ѳедоровичъ.—Не услышатъ насъ оттуда?

— Никто ничего не услышитъ-съ. Сами видѣли: сѣни.

— Слушай, голубчикъ: что ты такое тогда сморозилъ, когда уходилъ отъ тебя изъ больницы, что если я промолчу о томъ, о ты мастеръ представляться въ падучей, то и ты-де не объ[illegible]шь всего слѣдователю о нашемъ разговорѣ съ тобой у воротъ? Что это такое *всего?* Что ты могъ тогда разумѣть? Угрожалъ ты мнѣ, что-ли? Что я въ союзъ, что-ли, въ какой съ тобою вступ[illegible]ть, боюсь тебя, что-ли?

Иванъ Ѳедоровичъ проговорилъ это совсѣмъ въ ярости, ви[illegible]но и нарочно давая знать, что презираетъ всякій обинякъ и [illegible]кій подходъ и играетъ въ открытую. Глаза Смердякова злобно [illegible]еркнули, лѣвый глазокъ замигалъ, и онъ тотчасъ-же хотя по [illegible]ычаю своему сдержанно и мѣрно, далъ и свой отвѣтъ: «Хо[illegible]шь, дескать, на чистоту, такъ вотъ тебѣ и эта самая чистота»:

— А то самое я тогда разумѣлъ и для того я тогда это [illegible]возносилъ, что вы, знавши напередъ про это убивство род[illegible]го родителя вашего, въ жертву его тогда оставили, и чтобы [illegible] заключили послѣ сего люди чего дурнаго объ вашихъ чув[illegible]ахъ, а, можетъ, и объ чемъ иномъ прочемъ,—вотъ что тогда [illegible]ѣшался я начальству не объявлять.

Проговорилъ Смердяковъ хоть и не спѣша и обладая собою, [illegible]видимому, но ужь въ голосѣ его даже послышалось нѣчто [illegible]рдое и настойчивое, злобное и нагло-вызывающее. Дерзко [illegible]тавился онъ въ Ивана Ѳедоровича, а у него въ первую ми[illegible]ту даже въ глазахъ зарябило:

— Какъ? Что? Да ты въ умѣ, али нѣтъ?

— Совершенно въ полномъ своемъ умѣ-съ.

— Да развѣ я *зналъ* тогда про убійство? вскричалъ, нако[illegible]цъ, Иванъ Ѳедоровичъ и крѣпко стукнулъ кулакомъ по столу.— [illegible]о значитъ: «объ чемъ иномъ прочемъ?» — говори, подлецъ!

Смердяковъ молчалъ и все тѣмъ-же наглымъ взглядомъ
долженъ осматривать Ивана Ѳедоровича.

— Говори, смердящая шельма, объ чемъ «иномъ прочемъ»
заронилъ тотъ.

— А объ томъ «иномъ прочемъ» я сею минутой разу
что вы, пожалуй, и сами очень желали тогда смерти род
вашего.

Иванъ Ѳедоровичъ вскочилъ и изъ всей силы ударил
кулакомъ въ плечо, такъ что тотъ откачнулся къ стѣнѣ
одинъ мигъ все лицо его облилось слезами, проговоривъ: «Ст
сударь, слабаго человѣка бить!» онъ вдругъ закрылъ глаз
имъ бумажнымъ съ синими клѣточками и совершенно засм
нымъ носовымъ платкомъ и погрузился въ тихій слезный п
Прошло съ минуту.

— Довольно! Перестань! повелительно сказалъ, наш
Иванъ Ѳедоровичъ, садясь опять на стулъ.—Не выводи мен
послѣдняго терпѣнія.

Смердяковъ отнялъ отъ глазъ свою тряпочку. Всякая чер
его сморщеннаго лица выражала только что перенесенную

Такъ ты, подлецъ, подумалъ тогда, что я за одно съ
ріемъ хочу отца убить?

— Мыслей вашихъ тогдашнихъ не зналъ-съ, обиженно
говорилъ Смердяковъ,—а потому и остановилъ васъ тогда
вы входили въ ворота, чтобы васъ на этомъ самомъ п
испытать-съ.

— Что испытать? Что?

— А вотъ именно это самое обстоятельство: хочется и
хочется вамъ, чтобы вашъ родитель былъ поскорѣе убитъ

Всего болѣе возмущалъ Ивана Ѳедоровича этотъ настой
наглый тонъ, отъ котораго упорно не хотѣлъ отступить Смердя

— Это ты его убилъ! воскликнулъ онъ вдругъ.

Смердяковъ презрительно усмѣхнулся.

— Что не я убилъ, это вы знаете сами доподлинно. I
малъ я, что умному человѣку и говорить о семъ больше не

— Но почему, почему у тебя явилось тогда такое на
подозрѣніе?

— Какъ ужь извѣстно вамъ, отъ единаго страху-съ. Н
такомъ былъ тогда положеніи, что, въ страхѣ сотрясаясь, в
подозрѣвалъ. Васъ тоже положилъ испытать-съ, ибо если
думаю, того-же самаго желаете, что и братецъ вашъ, то и ко
тогда всякому этому дѣлу, а самъ пропаду заодно какъ н

Слушай, ты двѣ недѣли назадъ не то говорилъ.
Тоже самое и въ больницѣ говоря съ вами разумѣлъ, а
полагалъ, что вы и безъ лишнихъ словъ поймете, и пря-
изговора не желаете сами, какъ самый умный человѣкъ-съ.
Ишь вѣдь! Но отвѣчай, отвѣчай, я настаиваю: съ чего
чѣмъ именно я могъ вселить тогда въ твою подлую душу
изкое для меня подозрѣніе?
Чтобъ убить—это вы сами ни за что не могли-съ, да и
ли, а чтобы хотѣть, чтобы другой кто убилъ, это вы хотѣли.
И какъ спокойно, какъ спокойно, вѣдь говоритъ! Да съ
ѣ хотѣть, на кой лядъ мнѣ было хотѣть?
Какъ это такъ на кой лядъ-съ? А наслѣдство-то-съ, ядо-
какъ-то даже отмстительно подхватилъ Смердяковъ.—Вѣдь
огда послѣ родителя вашего на каждаго изъ трехъ братцевъ
лаго по сорока тысячъ могло придтись, а, можетъ, и того
-съ, а женись тогда Ѳедоръ Павловичъ на этой самой
-съ, Аграфенѣ Александровнѣ, такъ ужь та весь-бы капи-
отчасъ-же послѣ вѣнца на себя перевела, ибо онѣ очень
ыя-съ, такъ что вамъ всѣмъ троимъ братцамъ и двухъ
не досталось-бы послѣ родителя. А много-ль тогда до
о оставалось? Одинъ волосокъ-съ: стоило этой барынѣ вотъ
олько мизинчикомъ предъ ними сдѣлать и они-бы тотчасъ
ковь за ними высуня языкъ побѣжали.
нъ Ѳедоровичъ со страданіемъ сдержалъ себя.
Хорошо, проговорилъ онъ, наконецъ,—ты видишь, я не
ъ, не избилъ тебя, не убилъ тебя. Говори дальше: стало
, по твоему, брата Дмитрія къ тому и предназначалъ, на
разсчитывалъ?
Какъ-же вамъ на нихъ не разсчитывать было-съ; вѣдь
и, то тогда всѣхъ правъ дворянства лишатся, чиновъ и
ва, и въ ссылку пойдутъ-съ. Такъ вѣдь тогда ихняя
послѣ родителя вамъ съ братцемъ Алексѣемъ Ѳедоро-
останется, по ровну-съ, значитъ, уже не по сороку, а
идесяти тысячъ вамъ пришлось-бы каждому-съ. Это вы
рія Ѳедоровича безпремѣнно тогда разсчитывали!
Ну, терплю-же я отъ тебя! Слушай, негодяй: если-бъ я
итывалъ тогда на кого нибудь, такъ ужь, конечно-бы, на
не на Дмитрія, и, клянусь, предчувствовалъ даже отъ
кой-нибудь мерзости... тогда... я помню мое впечатлѣніе!
И я тоже подумалъ тогда минутку одну, что и на меня
азсчитываете, насмѣшливо осклабился Смердяковъ,—такъ

что тѣмъ самымъ еще болѣе тогда себя предо мной обличи
если предчувствовали на меня и въ тоже самое время у
значитъ, мнѣ тѣмъ самымъ точно какъ-бы сказали: это ты
убить родителя, а я не препятствую.

— Подлецъ! Ты такъ понялъ.

— А все чрезъ эту самую Чермашню-съ. Помилосердуй
Собираетесь въ Москву и на всѣ просьбы родителя ѣхать
Чермашню отказались-съ! И по одному только глупому
слову вдругъ согласились-съ! И на что вамъ было тогда согласить
на эту Чермашню? Коли не въ Москву, а поѣхали въ Черма
безъ причины, по единому моему слову, то, стало быть, ч
либо отъ меня ожидали.

— Нѣтъ, клянусь, нѣтъ! завопилъ скрежеща зубами Ив

— Какже это нѣтъ-съ? Слѣдовало, напротивъ, за такія
тогдашнія слова вамъ, сыну родителя вашего, меня первым
ломъ въ часть представить и выдрать-съ... по крайности по м
дасамъ тутъ-же на мѣстѣ отколотить, а вы, помилуйте-съ,
противъ, ни мало не разсердившись, тотчасъ дружелюбно
няете въ точности по моему весьма глупому слову-съ и
что было вовсе нелѣпо-съ, ибо вамъ слѣдовало оставаться
хранить жизнь родителя... Какже мнѣ было не заключить?

Иванъ сидѣлъ насупившись, конвульсивно опершись об
кулаками въ свои колѣна.

— Да, жаль что не отколотилъ тебя по мордасамъ, го
усмѣхнулся онъ. — Въ часть тогда тебя тащить нельзя б
кто-жь-бы мнѣ повѣрилъ и на что я могъ указать, ну, а по м
самъ... ухъ, жаль не догадался; хоть и запрещены мордасы, а
лалъ-бы я изъ твоей хари кашу.

Смердяковъ почти съ наслажденіемъ смотрѣлъ на него.

— Въ обыкновенныхъ случаяхъ жизни, проговорилъ
тѣмъ самодовольно-доктринерскимъ тономъ, съ которымъ
рилъ нѣкогда съ Григоріемъ Васильевичемъ о вѣрѣ и дра
его, стоя за столомъ Ѳедора Павловича, — въ обыкновенн
случаяхъ жизни мордасы нонѣ дѣйствительно запрещены по
кону, и всѣ перестали бить-съ, ну а въ отличительныхъ случа
жизни, такъ не то что у насъ, а и на всемъ свѣтѣ, будь хоть
самая полная французская республика, все одно продолжа
бить какъ и при Адамѣ и Евѣ-съ, да и никогда того не пере
нутъ-съ, а вы и въ отличительномъ случаѣ тогда не посмѣли

— Что это ты французскія вокабулы учишь? кивнулъ Ив
на тетрадку лежавшую на столѣ.

— А почему-же-бы мнѣ ихъ не учить-съ, чтобы тѣмъ азованію моему способствовать, думая, что и самому мнѣ да въ тѣхъ счастливыхъ мѣстахъ Европы, можетъ, придется ъ.

— Слушай, извергъ, засверкалъ глазами Иванъ и весь зася,—я не боюсь твоихъ обвиненій, показывай на меня что ешь, и если не избилъ тебя сейчасъ до смерти, то единственно ому, что подозрѣваю тебя въ этомъ преступленіи и притяну суду. Я еще тебя обнаружу.

— А по моему лучше молчите-съ. Ибо что можете вы на я объявить въ моей совершенной невинности, и кто вамъ ѣритъ? А только если начнете, то и я все разскажу-съ, ибо ь-же-бы мнѣ не защитить себя?

— Ты думаешь, я тебя теперь боюсь?

— Пусть этимъ всѣмъ моимъ словамъ, что вамъ теперь гово ь, въ судѣ не повѣрятъ-съ, зато въ публикѣ повѣрятъ-съ, амъ стыдно станетъ-съ.

— Это значитъ опять таки что: «съ умнымъ человѣкомъ и оворить любопытно»,—а? проскрежеталъ Иванъ.

— Въ самую точку изволили-съ. Умнымъ и будьте-съ.

Иванъ Ѳедоровичъ всталъ, весь дрожа отъ негодованія, надѣлъ ьто, и, не отвѣчая болѣе Смердякову, даже не глядя на него, тро вышелъ изъ избы. Свѣжій вечерній воздухъ освѣжилъ . На небѣ ярко свѣтила луна. Страшный кошмаръ мыслей и щеній кипѣлъ въ его душѣ. «Идти объявить сейчасъ на рдякова? Но что-же объявить: онъ всетаки невиненъ. Онъ, ротивъ, меня-же обвинитъ. Въ самомъ дѣлѣ, для чего я тогда халъ въ Чермашню? Для чего, для чего? спрашивалъ Иванъ оровичъ. Да, конечно, я чего-то ожидалъ, и онъ правъ»... му опять въ сотый разъ припомнилось, какъ онъ въ поднюю ночь у отца подслушивалъ къ нему съ лѣстницы, но такимъ уже страданіемъ теперь припомнилось, что онъ даже ановился на мѣстѣ, какъ пронзенный: «Да, я этого тогда лъ, это правда! Я хотѣлъ, я именно хотѣлъ убійства! Хоъ-ли я убійства, хотѣлъ-ли? Надо убить Смердякова!.. Если не смѣю теперь убить Смердякова, то не стоитъ и жить!..» нъ Ѳедоровичъ, не заходя домой, прошелъ тогда прямо къ ринѣ Ивановнѣ и испугалъ ее своимъ появленіемъ: онъ былъ ъ безумный. Онъ передалъ ей весь свой разговоръ со Смеровымъ, весь до черточки. Онъ не могъ успокоиться, сколько ни уговаривала его, все ходилъ по комнатѣ и говорилъ от-

[illegible] Иванъ Федоровичъ потомъ объявилъ Алешѣ и
ческомъ доказательствѣ», что убилъ отца б
было письмо, написанное Митей въ пьяномъ
Ивановичѣ, въ тотъ самый вечеръ, когда онъ в
съ Алешей, уходившимъ въ монастырь. [illegible]
Катерины Ивановны, когда ее оскорбила Гру
ставшись съ Алешей, Митя бросился было въ
вѣстно видѣлъ-ли ее, но къ ночи очутился въ
ный городъ», гдѣ какъ слѣдуетъ и напился.
требовалъ перо и бумагу и начерталъ важн
ментъ. Это было изступленное, многорѣчивое и
именно «пьяное». Похоже было на то, когда
воротясь домой, начинаетъ съ необычайным
зывать женѣ или кому изъ домашнихъ, как
корбили, какой подлецъ его оскорбитель, как
противъ, прекрасный человѣкъ и какъ онъ тому
и все это длинно-длинно, безсвязно и возбуж
кулаками по столу, съ пьяными слезами. Бу
которую ему подали въ трактирѣ, была гря
обыкновенной письменной бумаги, плохаго сор
сторонѣ котораго былъ написанъ какой-то сче
горѣчію, очевидно, не достало мѣста, и Митя у
всѣ поля, но даже послѣднія строчки были и

ь, лучше не прощай: легче и мнѣ и тебѣ! Лучше въ
змъ твоя любовь, ибо другую люблю, а ее слишкомъ
нала, какъ-же ты можешь простить? Убью вора моего!
васъ уйду на Востокъ, чтобъ никого не знать. *Ее*
не ты одна мучительница, а и она. Прощай!
Проклятіе пишу, а тебя обожаю! Слышу въ груди моей.
руна и звенитъ. Лучше сердце пополамъ. Убью себя,
сетаки пса. Вырву у него три и брошу тебѣ. Хоть под-
тобой, а не воръ! Жди трехъ тысячъ. У пса подъ
розовая ленточка. Не я воръ, а вора моего убью.
ляди презрительно: Димитрій не воръ, а убійца! Отца
бя погубилъ чтобы стоять и гордости твоей не вы-
тебя не любить.

Ноги твои цѣлую, прощай!

S. Катя, моли Бога, чтобы дали люди деньги. Тогда
крови, а не дадутъ—въ крови! Убей меня!

«Рабъ и врагъ
Д. Карамазовъ.

Иванъ прочелъ «документъ», то всталъ убѣжденный.
билъ братъ, а не Смердяковъ. Не Смердяковъ, то,
, и не онъ, Иванъ. Письмо это вдругъ получило въ
о смыслъ математическій. Никакихъ сомнѣній въ ви-
ити быть для него не могло уже болѣе. Кстати, по-
томъ, что Митя могъ убить вмѣстѣ со Смердяковымъ,
икогда не было, да это не вязалось и съ фактами.
ъ вполнѣ успокоенъ. На другое утро онъ лишь съ
ь вспоминалъ о Смердяковѣ и о насмѣшкахъ его. Чрезъ
цней даже удивлялся, какъ могъ онъ такъ мучительно
его подозрѣніями. Онъ рѣшился презрѣть его и за-
прошелъ мѣсяцъ. О Смердяковѣ онъ не разспраши-
ие ни у кого, но слышалъ мелькомъ, раза два, что
боленъ и не въ своемъ разсудкѣ. «Кончитъ сумас-
, сказалъ разъ про него молодой врачъ Варвинскій,
го запомнилъ. Въ послѣднюю недѣлю этого мѣсяца
ь началъ чувствовать себя очень худо. Съ пріѣхав-
ь самымъ судомъ докторомъ изъ Москвы, котораго вы-
ерина Ивановна, онъ уже ходилъ совѣтоваться. И
это-же время отношенія его къ Катерины Ивановны
ь до крайней степени. Это были какіе-то два влюб-
тъ въ друга врага. Возвраты Катерины Ивановны
гновенные, но сильные, уже приводили Ивана въ

опустить ей эти слова и не закричать тогда-же. Онъ вонокъ и пустился къ Смердякову. «Я убью его, мо-ь, въ тотъ разъ», подумалъ онъ дорогой.

VIII.

и послѣднее свиданіе со Смердяковымъ.

а полпути поднялся острый, сухой вѣтеръ, такой-же ь въ тотъ день рано утромъ, и посыпалъ мелкій, густой, гъ. Онъ падалъ на землю не прилипая къ ней, вѣтеръ го, и вскорѣ поднялась совершенная метель. Въ той да, гдѣ жилъ Смердяковъ, у насъ почти и нѣтъ фонарей. доровичъ шагалъ во мракѣ, не замѣчая метели, инстинктзбирая дорогу. У него болѣла голова и мучительно ь вискахъ. Въ кистяхъ рукъ, онъ чувствовалъ это, роги. Нѣсколько не доходя до домишка Марьи Кон-, Иванъ Ѳедоровичъ вдругъ повстрѣчалъ одинокаго пьянькаго ростомъ мужиченка, въ заплатанномъ зипунишкѣ, о зигзагами, ворчавшаго и бранившагося и вдругъ бро-браниться и начинавшаго сиплымъ пьянымъ голосомъ

Ахъ, поѣхалъ Ванька въ Питеръ,
Я не буду его ждать.

ъ все прерывалъ на этой второй строчкѣ и опять начи-то бранить, затѣмъ опять вдругъ затягивалъ ту-же ванъ Ѳедоровичъ давно уже чувствовалъ страшную къ висть, объ немъ еще совсѣмъ не думая, и вдругъ его ь. Тотчасъ-же ему неотразимо захотѣлось пришибить лакомъ мужиченку. Какъ разъ въ это мгновеніе они нись рядомъ, и мужиченко, сильно качнувшись, вдругъ изо всей силы объ Ивана. Тотъ бѣшено оттолкнулъ его. о отлетѣлъ и шлепнулся какъ колода объ мерзлую нѣзненно простонавъ только одинъ разъ: о-о! и замолкъ. агнулъ къ нему. Тотъ лежалъ навзничь, совсѣмъ неподзъ чувствъ: «замерзнетъ!» подумалъ Иванъ и зашагалъ Смердякову.

въ сѣняхъ Марья Кондратьевна, выбѣжавшая отворить й въ рукахъ, зашептала ему, что Павелъ Ѳедоровичъ

— Сами кажись больны, ишь осунулись, лица на васъ нѣтъ, ворилъ онъ Ивану.
— Оставь мое здоровье, говоря объ чемъ спрашиваютъ.
— А чего у васъ глаза пожелтѣли, совсѣмъ бѣлки желтые. стесь, что-ли, очень?
нъ презрительно усмѣхнулся и вдругъ совсѣмъ ужь разсмѣялся.
— Слушай, я сказалъ, что не уйду отъ тебя безъ отвѣта! грашномъ раздраженіи крикнулъ Иванъ.
— Чего вы ко мнѣ пристаете съ? Чего меня мучаете? со страмъ проговорилъ Смердяковъ.
— Э, чортъ! Мнѣ до тебя нѣтъ и дѣла. Отвѣть на вопросъ тотчасъ уйду.
— Нечего мнѣ вамъ отвѣчать! опять потупился Смердяковъ.
— Увѣряю тебя, что я заставлю тебѣ отвѣчать!
— Чего вы все безпокоитесь! вдругъ уставился на него Смеръ, но не то что съ презрѣніемъ, а почти съ какою-то уже востью,—это что судъ-то завтра начнется? Такъ вѣдь ничего не будетъ, увѣрьтесь-же, наконецъ! Ступайте домой, ложи спокойно спать, ничего не опасайтесь.
— Не понимаю я тебя... чего мнѣ бояться завтра? удивленно ворилъ Иванъ, и вдругъ въ самомъ дѣлѣ какой-то испугъ домъ пахнулъ на его душу. Смердяковъ обмѣрилъ его гла-

— Не по-ни-маете? протянулъ онъ укоризненно.—Охота-же му человѣку этакую комедь изъ себя представлять!
Иванъ молча глядѣлъ на него. Одинъ ужь этотъ неожиданный , совсѣмъ какой-то небывало высокомѣрный, съ которымъ бывшій его лакей обращался теперь къ нему, былъ необы-Такого тона всетаки не было даже и въ прошлый разъ.
— Говорю вамъ, нечего вамъ бояться. Ничего на васъ не ту, нѣтъ уликъ. Ишь руки трясутся. Съ чего у васъ пальцы-дятъ? Идите домой, *не вы убили.*
Иванъ вздрогнулъ, ему вспомнился Алеша.
— Я знаю, что не я... пролепеталъ было онъ.
— Зна-е-те? опять подхватилъ Смердяковъ.
Иванъ вскочилъ и схватилъ его за плечо.
— Говори все, гадина! Говори все!
Смердяковъ нисколько не испугался. Онъ только съ безумною пью приковался къ нему глазами:
— Ну вотъ вы-то и убили, коль такъ, яростно прошепталъ

— Подождите-съ, проговорилъ онъ, наконецъ, слабымъ го-съ, и вдругъ, вытащивъ изъ-подъ стола свою лѣвую ногу, ъ завертывать на ней на верхъ панталоны. Нога оказа-ъ длинномъ бѣломъ чулкѣ и обута въ туфлю. Не торо-Смердяковъ снялъ подвязку и запустилъ въ чулокъ глу-свои пальцы. Иванъ Ѳедоровичъ глядѣлъ на него и вдругъ сся въ конвульсивномъ испугѣ.

— Сумасшедшій! завопилъ онъ и, быстро вскочивъ съ мѣста, нулся назадъ, такъ что стукнулся спиной объ стѣну и какъ прилипъ къ стѣнѣ, весь вытянувшись въ нитку. Онъ въ номъ ужасѣ смотрѣлъ на Смердякова. Тотъ, ни мало не вшись его испугомъ, все еще копался въ чулкѣ, какъ будто ялясь пальцами что-то въ немъ ухватить и вытащить. На-ъ, ухватилъ и сталъ тащить. Иванъ Ѳедоровичъ видѣлъ, то были какія-то бумаги или какая-то пачка бумагъ. Смер-ъ вытащилъ ее и положилъ на столъ.

— Вотъ-съ! сказалъ онъ тихо.

— Что? отвѣтилъ, трясясь, Иванъ.

— Извольте взглянуть-съ, также тихо произнесъ Смердяковъ. ванъ шагнулъ къ столу, взялся было за пачку и сталъ ее ртывать, но вдругъ отдернулъ пальцы какъ будто отъ при-венія какого-то отвратительнаго, страшнаго гада.

— Пальцы-то у васъ все дрожатъ-съ, въ судорогѣ, замѣ-Смердяковъ и самъ, не спѣша, развернулъ бумагу. Подъ вой оказались три пачки сторублевыхъ радужныхъ кре-ъ.

— Всѣ здѣсь-съ, всѣ три тысячи, хоть не считайте. При-ъ, пригласилъ онъ Ивана, кивая на деньги. Иванъ опу-ся на стулъ. Онъ былъ блѣденъ, какъ платокъ.

— Ты меня испугалъ... съ этимъ чулкомъ... проговорилъ онъ, го странно ухмыляясь.

— Неужто-же, неужто вы до сихъ поръ не знали? спросилъ ъ Смердяковъ.

— Нѣтъ, не зналъ. Я все на Дмитрія думалъ. Братъ! Братъ! Онъ вдругъ схватилъ себя за голову обѣими руками.— ы ты одинъ убилъ? Безъ брата или съ братомъ?

— Всего только вмѣстѣ съ вами-съ; съ вами вмѣстѣ убилъ-съ, рій Ѳедоровичъ какъ есть безвинны-съ.

— Хорошо, хорошо... Обо мнѣ потомъ. Чего это я все дрожу... не могу выговорить.

— Все тогда смѣлы были-съ, «все, дескать, позволено», го-

ворили-съ, а теперь вотъ какъ испугались! прошепталъ, д
Смердяковъ.—Лимонаду не хотите-ли, сейчасъ прикажу-съ
освѣжить можетъ. Только вотъ это-бы прежде закрыть-съ.

И онъ опять кивнулъ на пачки. Онъ двинулся было и
кликнуть въ дверь Марью Кондратьевну, чтобы та сдѣл
принесла лимонаду, но, отыскивая чѣмъ-бы накрыть деньги, т
та не увидѣла ихъ, вынулъ было сперва платокъ, но такъ
тотъ опять оказался совсѣмъ засморканнымъ, то взялъ со с
ту единственную лежавшую на немъ толстую желтую к
которую замѣтилъ войдя Иванъ, и придавилъ ею деньги
званіе книги было: *Святаго отца нашего Исаака Сирина*
Иванъ Ѳедоровичъ успѣлъ машинально прочесть заглавіе.

— Не хочу лимонаду, сказалъ онъ.—Обо мнѣ потомъ
дись и говори: какъ ты это сдѣлалъ? Все говори...

— Вы-бы пальто хоть сняли-съ, а то весь взопрѣете.

Иванъ Ѳедоровичъ, будто теперь только догадавшись
валъ пальто и бросилъ его, не сходя со стула, на лавку.

— Говори-же, пожалуйста говори!

Онъ какъ-бы утихъ. Онъ увѣренно ждалъ, что Смерд
все теперь скажетъ.

— Объ томъ какъ это было сдѣлано-съ? вздохнулъ См
ковъ.—Самымъ естественнымъ манеромъ сдѣлано было-с
вашихъ тѣхъ самыхъ словъ...

— Объ моихъ словахъ потомъ, прервалъ опять Иван
уже не крича какъ прежде, твердо выговаривая слова и ба
совсѣмъ овладѣвъ собою.—Разскажи только въ подробности
ты это сдѣлалъ. Все по порядку. Ничего не забудь. Подроб
главное, подробности. Прошу.

— Вы уѣхали, я упалъ тогда въ погребъ-съ...

— Въ падучей или притворился?

— Понятно что притворился-съ. Во всемъ притворил
лѣстницы спокойно сошелъ-съ, въ самый низъ-съ. и сп
легъ-съ, а какъ легъ, тутъ и завопилъ. И бился пока вы

— Стой! И все время, и потомъ, и въ больницѣ все п
рялся?

— Никакъ нѣтъ-съ. На другой-же день на утро, до
ницы еще, ударила настоящая и столь сильная, что уже
лѣтъ таковой не бывало. Два дня былъ въ совершенномъ
памятствѣ.

— Хорошо, хорошо. Продолжай дальше.

— Положили меня на эту койку-съ. я такъ и зналъ

ородку-съ, потому Марѳа Игнатьевна во всѣ разы какъ я
ъ всегда меня на ночь за эту самую перегородку у себя
омѣщеніи клали-съ. Нѣжныя онѣ всегда ко мнѣ были съ
о моего рожденія-съ. Ночью стоналъ-съ, только тихо. Все ожи-
Дмитрія Ѳедоровича.
– Какъ ждалъ, къ себѣ?
– Зачѣмъ ко мнѣ. Въ домъ ихъ ждалъ, потому сумлѣнія
еня уже не было никакого въ томъ, что они въ эту самую
прибудутъ, ибо имъ, меня лишимшись и никакихъ свѣ-
не имѣвши, безпремѣнно приходилось самимъ въ домъ
ъ черезъ заборъ-съ, какъ они умѣли-съ, и что ни есть со-
ить.
– А если-бы не пришелъ?
– Тогда ничего-бы и не было-съ. Безъ нихъ не рѣшился-бы.
– Хорошо, хорошо... говори понятнѣе, не торопись, главное—
о не пропускай!
– Я ждалъ, что они Ѳедора Павловича убьютъ-съ... это
но-съ. Потому я ихъ уже такъ приготовилъ... въ послѣдніе
ъ... а главное—тѣ знаки имъ стали извѣстны. При ихней
льности и ярости, что въ нихъ за эти дни накопилась,
емѣнно черезъ знаки въ самый домъ должны были про-
ть-съ. Это безпремѣнно. Я такъ ихъ и ожидалъ-съ.
– Стой, прервалъ Иванъ, — вѣдь если-бъ онъ убилъ, то
бы деньги и унесъ; вѣдь ты именно такъ долженъ былъ
ждать? Что-жь тебѣ-то досталось-бы послѣ него? Я не вижу.
– Такъ вѣдь деньги-то-бы они никогда и не нашли-съ.
ѣдь ихъ только я научилъ, что деньги подъ тюфякомъ.
о эта была не правда-съ. Прежде въ шкатункѣ лежали,
какъ было-съ. А потомъ я Ѳедора Павловича, такъ какъ
нѣ единственно во всемъ человѣчествѣ одному довѣряли,
лъ пакетъ этотъ самый съ деньгами въ уголъ за образа
есть, потому что тамъ совсѣмъ никто не догадается, осо-
, коли спѣша придетъ. Такъ онъ тамъ, пакетъ этотъ, у
въ углу за образами и лежалъ-съ. А подъ тюфякомъ такъ
шно-бы ихъ было держать вовсе, въ шкатункѣ, по крайней
подъ ключомъ. А здѣсь всѣ теперь повѣрили, что будто-бы
тюфякомъ лежали. Глупое разсужденіе-съ. Такъ вотъ если-
митрій Ѳедоровичъ совершили это самое убивство, то ни-
не найдя или-бы убѣжали-съ поспѣшно, всякаго шороху
, какъ и всегда бываетъ съ убивцами, или бы арестованы
съ. Такъ я *тогда всегда* могъ-съ, на другой день, или

гда-бы ничего и не произошло, я-бы такъ и зналъ-
а этого не хотите, и ничего-бы не предпринималъ.
оѣхали, то ужь меня, значитъ, завѣрили въ томъ,
ъ судъ заявить не посмѣете и три эти тысячи мнѣ
и не могли вы меня потомъ преслѣдовать вовсе,
тогда все и разсказалъ-бы на судѣ-съ, то есть не
алъ аль убилъ,—этого-бы я не сказалъ-съ,—а то,
сами подбивали къ тому, чтобъ украсть и убить,
согласился. Потому-то мнѣ и надо было тогда ваше
ы вы меня ничѣмъ не могли припереть-съ, потому
васъ къ тому доказательство, я-же васъ всегда
гь-съ, обнаруживъ какую вы жажду имѣли къ
ля, и вотъ вамъ слово—въ публикѣ всѣ-бы тому
амъ было-бы стыдно на всю вашу жизнь.
имѣлъ, такъ имѣлъ я эту жажду, имѣлъ? проскре-
Иванъ.
ѣнно имѣли-съ и согласіемъ своимъ мнѣ это дѣло
разрѣшили-съ, твердо поглядѣлъ Смердяковъ на
ылъ очень слабъ и говорилъ тихо и устало, но
нее и затаенное поджигало его, у него очевидно
намѣреніе. Иванъ это предчувствовалъ.
жай дальше, сказалъ онъ ему,—продолжай про

е что-же-съ! Вотъ я лежу и слышу какъ будто
ринъ. А Григорій Васильичъ предъ тѣмъ вдругъ
вышли, и вдругъ завопили, а потомъ все тихо,
то я, жду, сердце бьется, вытерпѣть не могу. Всталъ,
пошелъ-съ, — вижу налѣво окно въ садъ у нихъ
еще шагнулъ налѣво-то-съ, чтобы прислушаться,
гамъ сидятъ или нѣтъ, и слышу, что баринъ мечется
о быть, живъ-съ. Эхъ, думаю! Подошелъ къ окну,
ну: «Это я, дескать». А онъ мнѣ: «Былъ, былъ, убѣ-
Дмитрій Ѳедоровичъ, значитъ, были-съ.—«Григорія
Ь?» шепчу ему.—«Тамъ, въ углу», указываетъ, самъ
.—«Подождите», говорю. Пошелъ я въ уголъ искать
Григорія Васильевича, лежащаго, и натянулся, весь
итъ, въ безчувствіи. Стало быть, вѣрно, что былъ
ровичъ, вскочило мнѣ тотчасъ въ голову и тотчасъ
пилъ все это покончить внезапно-съ, такъ какъ Гри-
ичъ, если и живы еще, то лежа въ безчувствіи, пока
идятъ. Одинъ только рискъ и былъ-съ, что вдругъ

проснется Марѳа Игнатьевна. Почувствовалъ я это въ ту
только ужь жажда эта меня всего захватила, ажно духъ
Пришелъ опять подъ окно къ барину и говорю: «Он
пришла, Аграфена Александровна пришла, просится». Т
и вздрогнулъ весь какъ младенецъ:—«Гдѣ здѣсь? Гдѣ»?
охаетъ, а самъ еще не вѣритъ.—«Тамъ, говорю, стоит
рите!» Глядитъ на меня въ окно-то, и вѣритъ, и не вѣ
отпереть боится, это ужь меня-то боится, думаю. И сме
вдругъ я эти самые знаки вздумалъ имъ тогда по рамѣ про
что Грушенька, дескать, пришла, при тихъ-же, въ глаза
вамъ-то какъ-бы не вѣрилъ, а какъ знаки я простучал
тотчасъ-же и побѣжали дверь отворить. Отворили. Я
было, а онъ стоитъ, тѣломъ-то меня и не пускаетъ всего
она, гдѣ она»,—смотритъ на меня и трепещетъ. Ну, дум
коль меня такъ боится—плохо! и тутъ у меня даже ноги о
отъ страху у самого, что не пуститъ онъ меня въ комнаты
крикнетъ, али Марѳа Игнатьевна прибѣжитъ, али что
выйдетъ, я ужь не помню тогда, самъ должно быть
предъ ними стоялъ. Шепчу ему:—«Да тамъ, тамъ она подъ
какъ-же вы, говорю, не видѣли?»—«А ты ее приведи.
приведи!»—Да боится, говорю, крику испугалась, въ кус
талась, подите, крикните, говорю, сами изъ кабинета». Н
онъ, подошелъ къ окну, свѣчку на окно поставилъ:—«Гру
кричитъ, Грушенька, здѣсь ты?» Самъ-то это кричитъ, а в
то нагнуться не хочетъ, отъ меня отойдти не хочетъ, от
этого страху, потому забоялся меня ужь очень, а потому
отъ меня не смѣетъ. «Да вотъ она, говорю (подошелъ я б
самъ весь высунулся), вонъ она въ кустѣ-то, смѣетс
видите?» Повѣрилъ вдругъ онъ, такъ и затрясся, боль
они влюблены въ нее были-съ, да весь и высунулся в
И тутъ схватилъ это самое преспанье чугунное, на столѣ
помните-съ, фунта три вѣдь въ немъ будетъ, размахну
сзади его въ самое темя угломъ. Не крикнулъ даже. Тольк
вдругъ осѣлъ, а я въ другой разъ и въ третій. На трет
почувствовалъ, что проломилъ. Они вдругъ навзничь и
лись, лицомъ къ верху, всѣ-то въ крови. Осмотрѣлъ я:
мнѣ крови, не брызнуло, преспанье обтеръ, положилъ, з
сходилъ, изъ пакета деньги вынулъ, а пакетъ бросилъ н
и ленточку эту самую розовую подлѣ. Сошелъ въ сад
трясусь. Прямо къ той яблонкѣ что съ дуплом,—вы э
это знаете, а я его ужь давно наглядѣлъ, въ немъ ужь

умага, давно заготовилъ; обернулъ всю сумму въ
мъ въ тряпку и заткнулъ глубоко. Такъ она тамъ
недѣли оставалась, сумма-то эта самая-съ, потомъ,
ьницы вынулъ. Воротился къ себѣ на кровать, легъ,
ь страхѣ: «вотъ коли убитъ Григорій Васильевичъ
ь тѣмъ самымъ очень худо можетъ произойдти, а
ь и очнется, то оченно хорошо это произойдетъ,
удутъ тогда свидѣтелемъ, что Дмитрій Ѳедоровичъ
стало быть, они и убили и деньги унесли-съ».
а отъ сумлѣнія и нетерпѣнія стонать, чтобы Марѳу
збудить поскорѣй. Встала она, наконецъ, бросилась
ла какъ увидала вдругъ, что нѣтъ Григорія Василь-
кала и, слышу, завопила въ саду. Ну, тутъ-съ все
на всю ночь, я ужь во всемъ успокоенъ былъ.
съ остановился. Иванъ все время слушалъ его въ
молчаніи, не шевелясь, не спуская съ него глазъ.
е, разсказывая, лишь изрѣдка на него поглядывалъ,
сился въ сторону. Кончивъ разсказъ, онъ видимо
вался и тяжело переводилъ духъ. На лицѣ его по-
Нельзя было, однако, угадать, чувствуетъ-ли онъ
что.

подхватилъ, соображаясь, Иванъ.—А дверь-то? Если
дверь только тебѣ, то какъ-же могъ видѣть ее
Григорій отворенною? Потому вѣдь Григорій видѣлъ

ьно, что Иванъ спрашивалъ самымъ мирнымъ го-
совсѣмъ какъ будто другимъ тономъ, совсѣмъ не
къ что если-бы кто-нибудь отворилъ къ нимъ те-
съ порога взглянулъ на нихъ, то непремѣнно за-
нто они сидятъ и миролюбиво разговариваютъ о ка-
обыкновенномъ, хотя и интересномъ предметѣ.
тъ этой двери и что Григорій Васильевичъ будто-
о она отперта, то это ему только такъ почудилось,
смѣхнулся Смердяковъ.—Вѣдь это, я вамъ скажу,
съ, а все равно что упрямый меринъ: и не видалъ,
ему что видѣлъ — вотъ его ужь и не собьете-съ.
, съ вами счастье такое вышло, что онъ это при-
у что Дмитрія Ѳедоровича несомнѣнно послѣ того
ичатъ.

й, проговорилъ Иванъ Ѳедоровичъ, словно опять
ться и что-то усиливаясь сообразить,—слушай... Я

много хотѣлъ спросить тебя еще, но забылъ... Я все з
путаюсь... Да! Скажи ты мнѣ хоть это одно: зачѣмъ п
распечаталъ и тутъ-же на полу оставилъ? Зачѣмъ не и
пакетѣ унесъ... Ты когда разсказывалъ, то мнѣ показа
будто ты такъ говорилъ про этотъ пакетъ, что такъ и н
поступить... а почему такъ надо—не могу понять...

— А это я такъ сдѣлалъ по нѣкоторой причинѣ-съ.
человѣкъ знающій и привычный, вотъ какъ я, напри
торый эти деньги самъ видѣлъ зараньше и, можетъ, и
же въ тотъ пакетъ ввертывалъ и собственными глазами с
какъ его запечатывали и надписывали, то такой челов
какой-же-бы стати, если-бы примѣрно это онъ убилъ,
тогда, послѣ убивства, этотъ пакетъ распечатывать, д
такихъ попыхахъ, зная и безъ того совсѣмъ ужь нав
деньги эти въ томъ пакетѣ безпремѣнно лежатъ-съ? На
будь это похититель какъ-бы я, напримѣръ, то онъ-б
сунулъ этотъ пакетъ въ карманъ, нисколько не распе
и съ нимъ поскорѣе утекъ-съ. Совсѣмъ другое тутъ
Ѳедоровичъ: они объ пакетѣ только по наслышкѣ зн
самого не видѣли, и вотъ какъ достали его, примѣрно, б
подъ тюфяка, то поскорѣе и распечатали его тутъ-
справиться: есть-ли въ немъ въ самомъ дѣлѣ эти самыя
пакетъ тутъ-же бросили, уже не успѣвъ разсудить, что
кой имъ послѣ нихъ останется, потому что они воръ н
ный-съ, и прежде никогда ничего явно не крали, ибо
дворяне-съ, а если теперь украсть и рѣшились, то имен
бы не украсть, а свое собственное только взять обратно
такъ какъ всему городу объ этомъ предварительно пов
даже похвалялись зараньше вслухъ предъ всѣми, что п
собственность свою отъ Ѳедора Павловича отберутъ. Я э
мысль прокурору въ опросѣ моемъ не то что ясно ск
напротивъ, какъ будто намекомъ подвелъ-съ, точно
самъ не понимаючи, и точно какъ-бы это они сами в
а не я имъ подсказалъ-съ,—такъ у господина проку
этого самаго намека моего даже слюнки потекли-съ...

— Такъ неужели, неужели ты все это тогда-же
мѣстѣ и обдумалъ? воскликнулъ Иванъ Ѳедоровичъ внѣ
удивленія. Онъ опять глядѣлъ на Смердякова въ испу

— Помилосердуйте, да можно-ли это все выдумать в
попыхахъ-съ? Заранѣе все обдумано было.

— Ну... ну, тебѣ значитъ самъ чортъ помогалъ!

пять Иванъ Ѳедоровичъ.—Нѣтъ, ты не глупъ, ты гораздо чѣмъ я думалъ...

всталъ съ очевиднымъ намѣреніемъ пройдтись по комнъ былъ въ страшной тоскѣ. Но такъ какъ столъ заголъ дорогу и мимо стола и стѣны почти приходилось прото онъ только повернулся на мѣстѣ и сѣлъ опять. То не успѣлъ пройдтись, можетъ быть, вдругъ и раздрато, такъ что онъ почти въ прежнемъ изступленіи вдругъ ъ:

Слушай, несчастный, презрѣнный ты человѣкъ! Неужели понимаешь, что если я еще не убилъ тебя до сихъ поръ, ому только, что берегу тебя на завтрашній отвѣтъ на Богъ видитъ (поднялъ Иванъ руку къ верху) — можетъ я былъ виновенъ, можетъ быть, дѣйствительно я имѣлъ желаніе, чтобъ... умеръ отецъ, но клянусь тебѣ, я не столь иновенъ, какъ ты думаешь и, можетъ быть, не подбивалъ все. Нѣтъ, нѣтъ, не подбивалъ! Но все равно, я покажу самъ, завтра-же, на судѣ, я рѣшилъ! Я все скажу, все. явимся вмѣстѣ съ тобою! И что-бы ты ни говорилъ на а судѣ, что-бы ты ни свидѣтельствовалъ—принимаю и не гебя; самъ все подтвержу! Но и ты долженъ предъ судомъ ся! Долженъ, долженъ, вмѣстѣ пойдемъ! Такъ и будетъ. нъ проговорилъ это торжественно и энергично, и видно ке по одному сверкающему взгляду его, что такъ и будетъ. Больны вы, я вижу-съ, совсѣмъ больны-съ. Желтые у овсѣмъ глаза-съ, произнесъ Смердяковъ, но совсѣмъ безъ ки, даже какъ будто соболѣзнуя.

Вмѣстѣ пойдемъ! повторилъ Иванъ—а не пойдешь,—все одинъ сознаюсь.

рдяковъ помолчалъ, какъ-бы вдумываясь.

Ничего этого не будетъ-съ, и вы не пойдете-съ, рѣшилъ конецъ, безаппеляціонно.

Не понимаешь ты меня! укоризненно воскликнулъ Иванъ. Слишкомъ стыдно вамъ будетъ-съ, если на себя во всемъ тесь. А пуще того безполезно будетъ, совсѣмъ-съ, потому о вѣдь скажу, что ничего такого я вамъ не говорилъ-съ , а что вы или въ болѣзни какой (а на то и похоже-съ), ь братца такъ своего пожалѣли что собой пожертвовали, еня выдумали, такъ какъ все равно меня какъ за мошку всю вашу жизнь, а не за человѣка. Ну и кто-жь вамъ ъ, ну и какое у васъ есть хоть одно доказательство?

— Слушай, эти деньги ты показалъ мнѣ теперь, вот чтобы меня убѣдить.

Смердяковъ снялъ съ пачекъ Исаака Сирина и отложилъ сторону.

— Эти деньги съ собою возьмите-съ и унесите, возьм Смердяковъ.

— Конечно, унесу! Но почему-же ты мнѣ отдаешь, если за нихъ убилъ? съ большимъ удивленіемъ посмотрѣлъ на Иванъ.

— Не надо мнѣ ихъ вовсе-съ, дрожащимъ голосомъ п ворилъ Смердяковъ, махнувъ рукой. — Была такая пре мысль-съ, что съ такими деньгами жизнь начну, въ Москв лучше того за границей, такая мечта была-съ, а пуще все тому что «все позволено». Это вы вправду меня учили-съ, много вы мнѣ тогда этого говорили: ибо коли Бога без мало нѣтъ, то и нѣтъ никакой добродѣтели, да и не надо тогда вовсе. Это вы вправду. Такъ я и разсудилъ.

— Своимъ умомъ дошелъ? криво усмѣхнулся Иванъ.

— Вашимъ руководствомъ-съ.

— А теперь, стало быть, въ Бога увѣровалъ, коли назадъ отдаешь?

— Нѣтъ-съ, не увѣровалъ-съ, прошепталъ Смердяковъ.

— Такъ зачѣмъ отдаешь?

— Полноте... ничего-съ! махнулъ опять Смердяковъ ру Вы вотъ сами тогда все говорили, что все позволено, а те почему такъ встревожены, сами-то-съ? Показывать на себ ходите идти... Только ничего того не будетъ! Не пойдете зывать! твердо и убѣжденно рѣшилъ опять Смердяковъ.

— Увидишь! проговорилъ Иванъ.

— Не можетъ того быть. Умны вы очень-съ. Деньг бите, это я знаю-съ, почетъ тоже любите, потому что горды, прелесть женскую чрезмѣрно любите, а пуще все покойномъ довольствѣ жить и чтобы никому не кланять ся, пуще всего-съ. Не захотите вы жизнь на вѣки испортить, стыдъ на судѣ принявъ. Вы, какъ Ѳедоръ Павловичъ, наибол изъ всѣхъ дѣтей наиболѣе на него похожи вышли, съ од ними душой-съ.

— Ты не глупъ, проговорилъ Иванъ какъ-бы пораж кровь ударила ему въ лицо:—я прежде думалъ, что ты Ты теперь серьезенъ! замѣтилъ онъ, какъ-то вдругъ по глядя на Смердякова.

— Отъ гордости вашей думали, что я глупъ. Примите ьги-то-съ.

Иванъ взялъ всѣ три пачки кредитокъ и сунулъ въ карманъ, обертывая ихъ ничѣмъ.

— Завтра ихъ на судѣ покажу, сказалъ онъ.

— Никто вамъ тамъ не повѣритъ-съ, благо денегъ-то у васъ своихъ теперь довольно, взяли изъ шкатунки да и при-ли-съ.

Иванъ всталъ съ мѣста.

— Повторяю тебѣ, если не убилъ тебя, то единственно по-у, что ты мнѣ на завтра нуженъ, помни это, не забывай!

— А что-жь, убейте-съ. Убейте теперь, вдругъ странно про-орилъ Смердяковъ, странно смотря на Ивана.—Не посмѣете и то-съ, прибавилъ онъ горько усмѣхнувшись,—ничего не по-ете, прежній смѣлый человѣкъ-съ!

— До завтра! крикнулъ Иванъ и двинулся идти.

— Постойте... покажите мнѣ ихъ еще разъ.

Иванъ вынулъ кредитки и показалъ ему. Смердяковъ погля-ъ на нихъ секундъ десять.

— Ну, ступайте. проговорилъ онъ, махнувъ рукой.—Иванъ оровичъ! крикнулъ онъ вдругъ ему вслѣдъ опять.

— Чего тебѣ? обернулся Иванъ уже на ходу.

— Прощайте-съ!

— До завтра! крикнулъ опять Иванъ, и вышелъ изъ избы. ель все еще продолжалась. Первые шаги прошелъ онъ бодро, вдругъ какъ-бы сталъ шататься. «Это что-то физическое», умалъ онъ, усмѣхнувшись. Какая-то словно радость сошла рь въ его душу. Онъ почувствовалъ въ себѣ какую-то без-ечную твердость: конецъ колебаніямъ его столь ужасно его нившимъ все послѣднее время! Рѣшеніе было взято «и уже измѣнится», со счастьемъ подумалъ онъ. Въ это мгновеніе вдругъ на что-то споткнулся и чуть не упалъ. Остановясь, различилъ въ ногахъ своихъ поверженнаго имъ мужиченку, также лежавшаго на томъ-же самомъ мѣстѣ, безъ чувствъ и движенія. Мятель уже засыпала ему почти все лицо. Иванъ угъ схватилъ его и потащилъ на себѣ. Увидавъ направо въ шкѣ свѣтъ, подошелъ, постучался въ ставни, и откликнув-ося мѣщанина, которому принадлежалъ домишко, попросилъ очь ему дотащить мужика въ частный домъ, обѣщая тутъ-же за то три рубля. Мѣщанинъ собрался и вышелъ. Не стану подробности описывать какъ удалось тогда Ивану Ѳедоровичу

достигнуть цѣли и пристроить мужика въ части съ тѣм
сейчасъ-же учинить и осмотръ его докторомъ, причемъ он
выдалъ и тутъ щедрою рукой «на расходы». Скажу тол
дѣло взяло почти цѣлый часъ времени. Но Иванъ Ѳед
остался очень доволенъ. Мысли его раскидывались и ра
«если-бы не было взято такъ твердо рѣшеніе мое на э
подумалъ онъ вдругъ съ наслажденіемъ,—«то не останов
я на цѣлый часъ пристраивать мужиченку, а прошелъ-б
его и только плюнулъ-бы на то что онъ замерзнетъ...
какъ я въ силахъ наблюдать за собой?» подумалъ онъ в
минуту еще съ большимъ наслажденіемъ: «а они-то
тамъ, что я съ ума схожу!» Дойдя до своего дома, онъ
остановился подъ внезапнымъ вопросомъ: «а не надо-ль
теперь-же, пойдти къ прокурору и все объявить?» Вопр
рѣшилъ, поворотивъ опять къ дому: «завтра все вмѣст
шепталъ онъ про себя, и странно, почти вся радость,
вольство его собою прошли въ одинъ мигъ. Когда-же он
шелъ въ свою комнату, что-то ледяное прикоснулось ид
его сердцу, какъ будто воспоминаніе, вѣрнѣе, навожд
чемъ-то мучительномъ и отвратительномъ, находящемся
въ этой комнатѣ теперь, сейчасъ, да и прежде бывше
устало опустился на свой диванъ. Старуха принесла см
варъ, онъ заварилъ чай, но не прикоснулся къ нему;
отослалъ до завтра. Онъ сидѣлъ на диванѣ и чувствовал
вокруженіе. Онъ чувствовалъ, что боленъ и безсиленъ
было засыпать, но въ безпокойствѣ всталъ и прошелся
натѣ, чтобы прогнать сонъ. Минутами мерещилось ему, ч
будто онъ бредитъ. Но не болѣзнь занимала его всего
усѣвшись опять, онъ началъ изрѣдка оглядываться и
какъ будто что-то высматривая. Такъ было нѣсколь
Наконецъ, взглядъ его пристально направился въ одну
Иванъ усмѣхнулся, но краска гнѣва залила его лицо. Он
сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, крѣпко подперевъ обѣими рукам
и всетаки кося глазами на прежнюю точку, на стоявши
тивоположной стѣны диванъ. Его видимо что-то тамъ
жало, какой-то предметъ, безпокоило, мучило.

IX.

ортъ. Кошмаръ Ивана Ѳедоровича.

не докторъ, а между тѣмъ чувствую, что пришла минута,
инѣ рѣшительно необходимо объяснить хоть что-нибудь
йствѣ болѣзни Ивана Ѳедоровича читателю. Забѣгая впе-
:кажу лишь одно: онъ былъ теперь, въ этотъ вечеръ,
какъ разъ наканунѣ бѣлой горячки, которая, наконецъ,
полнѣ овладѣла его издавна разстроеннымъ, но упорно
являвшимся болѣзни организмомъ. Не зная ничего въ ме-
, рискну высказать предположеніе, что, дѣствительно, мо-
ыть, ужаснымъ напряженіемъ воли своей онъ успѣлъ на
отдалить болѣзнь, мечтая, разумѣется, совсѣмъ преодолѣть
ь зналъ, что нездоровъ, но ему съ отвращеніемъ не хо-
быть больнымъ въ это время, въ эти наступающія ро-
минуты его жизни, когда надо было быть на лицо, вы-
з свое слово смѣло и рѣшительно и самому «оправдать
ередъ собою». Онъ, впрочемъ, сходилъ однажды къ новому
шему изъ Москвы доктору, выписанному Катериной Ива-
вслѣдствіе одной ея фантазіи, о которой я уже упоми-
ыше. Докторъ, выслушавъ и осмотрѣвъ его, заключилъ,
него въ родѣ даже какъ-бы разстройства въ мозгу, и ни-
) не удивился нѣкоторому признанію, которое тотъ съ от-
іемъ, однако, сдѣлалъ ему. «Галлюцинаціи въ вашемъ
ніи очень возможны, рѣшилъ докторъ, хотя надо-бы ихъ
вѣрить... вообще-же необходимо начать лѣченіе серьезно,
яя ни минуты, не то будетъ плохо». Но Иванъ Ѳедоро-
выйдя отъ него, благоразумнаго совѣта не исполнилъ и
ѣчиться пренебрегъ: «Хожу вѣдь, силы есть пока, сва-
– дѣло другое, тогда пусть лѣчитъ кто хочетъ», рѣшилъ
ахнувъ рукой. Итакъ, онъ сидѣлъ теперь почти сознавая
что въ бреду и, какъ уже и сказалъ я, упорно пригля-
я къ какому-то предмету у противоположной стѣны на ди-
Гамъ вдругъ оказался сидящимъ нѣкто Богъ знаетъ какъ
ній, потому что его еще не было въ комнатѣ, когда
Ѳедоровичъ, возвратясь отъ Смердякова, вступилъ въ
го былъ какой-то господинъ или, лучше сказать, извѣст-
орта русскій джентльменъ, лѣтъ уже не молодыхъ, «qui
la cinquantaine, какъ говорятъ французы, съ не очень

сильною просѣдью въ темнымъ, довольно длинныхъ и г
еще волосахъ и въ стриженой бородкѣ клиномъ. Одѣт
былъ въ какой-то коричневый пиджакъ, очевидно, отъ л
портнаго, но уже поношенный, сшитый примѣрно еще т
года и совершенно уже вышедшій изъ моды, такъ ч
свѣтскихъ достаточныхъ людей такихъ уже два года ни
носилъ. Бѣлье, длинный галстухъ въ видѣ шарфа, все было
какъ и у всѣхъ шиковатыхъ джентльменовъ, но бѣлье,
вглядѣться ближе, было грязновато, а широкій шарфъ оче
тертъ. Клѣтчатыя панталоны гостя сидѣли превосходно, но
опять таки слишкомъ свѣтлы и какъ-то слишкомъ узки,
теперь уже перестали носить, равно какъ и мягкая бѣлая
вая шляпа, которую уже слишкомъ не по сезону притащи
собою гость. Словомъ, былъ видъ порядочности при весьм
быхъ карманныхъ средствахъ. Похоже было на то, что дж
менъ принадлежитъ къ разряду бывшихъ бѣлоручекъ-по
ковъ, процвѣтавшихъ еще при крѣпостномъ правѣ; очевидн
давшій свѣтъ и порядочное общество, имѣвшій когда-то св
сохранившій ихъ, пожалуй, и до сихъ поръ, но, мало по
съ обѣдненіемъ послѣ веселой жизни въ молодости и нед
отмѣны крѣпостнаго права, обратившійся въ родѣ какъ-
приживальщика хорошаго тона, скитающагося по добрым
рымъ знакомымъ, которые принимаютъ его за уживчивый
ный характеръ, да еще въ виду того, что все-же поряд
человѣкъ, котораго даже и при комъ угодно можно посад
себя за столъ, хотя, конечно, на скромное мѣсто. Такіе п
вальщики, складнаго характера джентльмены, умѣющіе пор
зать, составить партію въ карты и рѣшительно не любящ
какихъ порученій, если ихъ имъ навязываютъ, — обыкно
одиноки, или холостяки, или вдовцы, можетъ быть, и им
дѣтей, но дѣти ихъ воспитываются всегда гдѣ-то далеко,
кихъ-нибудь тетокъ, о которыхъ джентльменъ никогда поч
упоминаетъ въ порядочномъ обществѣ, какъ-бы нѣсколько
дясь такого родства. Отъ дѣтей-же отвыкаетъ мало по ма
всѣмъ, изрѣдка получая отъ нихъ къ своимъ именинамъ
Рождеству поздравительныя письма и иногда даже отвѣт
нихъ. Физіономія неожиданнаго гостя была не то чтобы
душная, а опять-таки складная и готовая, судя по обстоя
ствамъ, на всякое любезное выраженіе. Часовъ на немъ не
но былъ черепаховый лорнетъ на черной лентѣ. На сре
пальцѣ правой руки красовался массивный золотой перст

рогимъ опаломъ. Иванъ Ѳедоровичъ злобно молчалъ и не
ѣлъ заговаривать. Гость ждалъ и именно сидѣлъ какъ при-
альщикъ, только что сошедшій съ верху изъ отведенной ему
наты внизъ къ чаю, составить хозяину компанію, но смирно
чавшій въ виду того, что хозяинъ занятъ и объ чемъ-то на-
ренно думаетъ; готовый, однако, ко всякому любезному раз-
ору, только лишь хозяинъ начнетъ его. Вдругъ лицо его вы-
ило какъ-бы нѣкоторую внезапную озабоченность.

— Послушай, началъ онъ Ивану Ѳедоровичу,—ты извини,
олько чтобы напомнить: ты вѣдь къ Смердякову пошелъ съ
ъ чтобъ узнать про Катерину Ивановну, а ушелъ ничего объ
не узнавъ, вѣрно забылъ...

— Ахъ, да! вырвалось вдругъ у Ивана, и лицо его омрачи-
ь заботой,—да, я забылъ... Впрочемъ, теперь все равно, все
завтра, пробормоталъ онъ про себя.—А ты, раздражительно
тился онъ къ гостю,—это я самъ сейчасъ долженъ былъ
омнить, потому что именно объ этомъ томило тоской! Что ты
скочилъ, такъ я тебѣ и повѣрю, что это ты подсказалъ, а
я самъ вспомнилъ?

— А не вѣрь, ласково, усмѣхнулся джентльменъ.—Что́ за
а насиліемъ? Притомъ же въ вѣрѣ никакія доказательства не
огаютъ, особенно матеріальныя. Ѳома повѣрилъ не потому,
увидѣлъ воскресшаго Христа, а потому что еще прежде же-
ъ повѣрить. Вотъ, напримѣръ, спириты... я ихъ очень люблю...
брази, они полагаютъ, что полезны для вѣры, потому что имъ
ти съ того свѣта рожки показываютъ. «Это, дескать, дока-
ельство уже, такъ сказать, матеріальное, что есть тотъ свѣтъ».
ъ свѣтъ и матеріальныя доказательства, ай люли! И наконецъ,
и доказанъ чортъ, то еще неизвѣстно, доказанъ-ли Богъ?
хочу въ идеалистическое общество записаться, оппозицію у
хъ буду дѣлать: «дескать, реалистъ, а не матеріалистъ, хе-хе!»

— Слушай, всталъ вдругъ изъ-за стола Иванъ Ѳедоровичъ.—
теперь точно въ бреду... и ужь, конечно, въ бреду, ври что́
чешь, мнѣ все равно! Ты меня не приведешь въ изступленіе
къ въ прошлый разъ. Мнѣ только чего-то стыдно... Я хочу
дить по комнатѣ... Я тебя иногда не вижу и голоса твоего
не слышу, какъ въ прошлый разъ, не всегда угадываю то
ь ты мелешь, потому что *это я, я самъ говорю, не ты*! Не
ю только, спалъ-ли я въ прошлый разъ или видѣлъ тебя на
у? Вотъ я обмочу полотенце холодною водой и приложу къ
ловѣ и авось ты испаришься.

ранишься, а самъ смѣешься,—хорошій знакъ. Ты, впро-
одня гораздо со мной любезнѣе, чѣмъ въ прошлый разъ,
имаю отчего: это великое рѣшеніе...
олчи про рѣшеніе! свирѣпо вскричалъ Иванъ.
онимаю, понимаю, c'est noble, c'est charmant, ты идешь
ь завтра брата и приносишь себя въ жертву... c'est
sque...
олчи, я тебѣ пинковъ надаю!
тчасти буду радъ, ибо тогда моя цѣль достигнута, коли
начитъ, вѣришь въ мой реализмъ, потому что призраку
пинковъ. Шутки въ сторону: мнѣ вѣдь все равно, бра-
ли хочешь, но все-же лучше быть хоть каплю повѣж-
отя-бы даже со мной. А то дуракъ, да лакей, ну что
!
рания тебя—себя браню! опять засмѣялся Иванъ, ты—
я, только съ другой рожей. Ты именно говоришь то,
ке мыслю... и ничего не въ силахъ сказать мнѣ новаго!
сли я схожусь съ тобою въ мысляхъ, то это дѣлаетъ
ко честь, съ деликатностью и достоинствомъ прогово-
ентльменъ.
олько все скверныя мои мысли берешь, а главное —
Ты глупъ и пошлъ. Ты ужасно глупъ. Нѣтъ, я тебя
у! Что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать! проскрежеталъ

ругъ мой, я, всетаки, хочу быть джентльменомъ и чтобы
ъ и принимали,—въ припадкѣ нѣкоторой чисто прижи-
ой и уже впередъ уступчивой и добродушной амбиціи
ость. — Я бѣденъ, но... не скажу, что очень честенъ,
иновенно въ обществѣ принято за аксіому, что я под-
лъ. Ей Богу, не могу представить, какимъ образомъ я
ъ когда-нибудь ангеломъ. Если и былъ когда, то такъ
о не грѣшно и забыть. Теперь я дорожу лишь репута-
дочнаго человѣка и живу какъ придется, стараясь быть
ъ. Я людей люблю искренно,—о, меня во многомъ окле-
Здѣсь, когда временами я къ вамъ переселяюсь, моя
отекаетъ въ родѣ чего-то какъ-бы и въ самомъ дѣлѣ, и
болѣе всего нравится. Вѣдь я и самъ, какъ и ты-же,
отъ фантастическаго, а потому и люблю вашъ земной
. Тутъ у васъ все очерчено, тутъ формула, тутъ гео-
у насъ все какія-то неопредѣленныя уравненія! Я здѣсь
мечтаю. Я люблю мечтать. Къ тому-же на землѣ я ста-

новлюсь суевѣренъ,—не смѣйся, пожалуйста: мнѣ имен
и нравится, что я становлюсь суевѣренъ. Я здѣсь всѣ
вычки принимаю: я въ баню торговую полюбилъ ходить,
ты это представить, и люблю съ купцами и попами
Моя мечта это—воплотиться, но чтобъ ужь окончател
возвратно, въ какую-нибудь толстую семипудовую ку
всему повѣрить, во что̀ она вѣритъ. Мой идеалъ—войдти
ковь и поставить свѣчку отъ чистаго сердца, ей Богу так
предѣлъ моимъ страданіямъ. Вотъ тоже лѣчиться у вас
билъ: весной еспа пошла, я пошелъ и въ воспитательн
себѣ оспу привилъ,—если-бъ ты зналъ, какъ я былъ
день доволенъ: на братьевъ славянъ десять рублей по
валъ!.. Да ты не слушаешь. Знаешь, ты что-то очень
не по себѣ, помолчалъ немного джентльменъ.—Я знаю,
дилъ вчера къ тому доктору... ну, какъ твое здоровье?
докторъ сказалъ?

— Дуракъ! отрѣзалъ Иванъ.

— Зато ты-то какъ уменъ. Ты опять бранишься?
не то, чтобъ изъ участія, а такъ. Пожалуй не отвѣчай.
вотъ ревматизмы опять пошли...

— Дуракъ, повторилъ опять Иванъ.

— Ты все свое, а я вотъ такой ревматизмъ прошл
схватилъ, что до сихъ поръ вспоминаю.

— У чорта ревматизмъ?

— Почему-же и нѣтъ, если я иногда воплощаюсь.
щаюсь, такъ и принимаю послѣдствія. Сатана sum et nih
num a me alienum puto.

— Какъ, какъ? Сатана sum et nihil humanum... это
для чорта!

— Радъ что, наконецъ, угодилъ.

— А вѣдь это ты взялъ не у меня. остановился
Иванъ какъ-бы пораженный,—это мнѣ никогда въ го
приходило, это странно...

— C'est du nouveau, n'est-ce pas? На этотъ разъ я п
честно и объясню тебѣ. Слушай: въ снахъ, и особенно
марахъ, ну, тамъ отъ разстройства желудка или чего
иногда видитъ человѣкъ такіе художественные сны, таку
ную и реальную дѣйствительность, такія событія или
лый міръ событій, связанный такою интригой, съ так
ожиданными подробностями, начиная съ высшихъ ваши
явленій до послѣдней пуговицы на манишкѣ, что, клянус

[illegible] не [illegible]. а между тѣмъ [illegible]
все не [illegible]. [illegible] ду[illegible]. [illegible]
. [illegible]. [illegible]. Въ [illegible] даже [illegible]
[illegible] даже [illegible], что [illegible]
идеи его [illegible]. Ну вотъ
теперь. Я [illegible]. [illegible] и въ [illegible]...
говорю [illegible]. какіе [illegible] до сихъ [illegible]
ву не [illegible]. такъ что уже [illegible] не [illegible]
а между тѣмъ я только твой кошмаръ и больше ничего.
[illegible] [illegible], что ты самъ по себѣ,
[illegible] кошмаръ, и вотъ ты теперь подтверждаешь самъ, что
».

Другъ мой, сегодня я взялъ особую методу, я потомъ
растолкую. Постой, гдѣ же я остановился? Да, вотъ я тогда
[illegible], только не у васъ, а еще тамъ...

— Гдѣ тамъ? Скажи, долго-ли ты у меня пробудешь, не мо-
жешь уйти? почти въ отчаяніи воскликнулъ Иванъ. Онъ оста-
вилъ ходить, сѣлъ на диванъ, опять облокотился на столъ и
обѣими руками голову. Онъ сорвалъ съ себя мокрое
[illegible] и съ досадой отбросилъ его: очевидно, не помогало.

— У тебя разстроены нервы, замѣтилъ джентльменъ съ раз-
небрежнымъ, но совершенно дружелюбнымъ, однако, ви-
[illegible] сердишься на меня даже за то, что я могъ простуд-
а между тѣмъ произошло оно самымъ естественнымъ
[illegible]. Я тогда поспѣшалъ на одинъ дипломатическій вечеръ
и высшей петербургской дамѣ, которая мѣтила въ ми-
Ну, фракъ, бѣлый галстухъ, перчатки, и, однако, я былъ
[illegible] знаетъ гдѣ, и чтобы попасть къ вамъ на землю пред-
[illegible] перелетѣть пространство... конечно, это одинъ только
[illegible] вѣдь и лучъ свѣта отъ солнца идетъ цѣлыхъ восемь
а тутъ, представь, во фракѣ и въ открытомъ жилетѣ.
замерзаютъ, но ужь когда воплотился, то... словомъ,
[illegible]ничалъ, и пустился, а вѣдь въ пространствахъ-то этихъ,
[illegible]-то, въ водѣ-то этой, яже бѣ надъ твердію,—вѣдь это
[illegible]орозъ... то есть какое морозъ, — это ужь и морозомъ
[illegible] нельзя, можешь представить: сто пятьдесятъ градусовъ
[illegible]! Извѣстна забава деревенскихъ дѣвокъ: на тридцати-
[illegible]мъ морозѣ предлагаютъ новичку лизнуть топоръ: языкъ
[illegible] примерзаетъ и олухъ въ кровь сдираетъ съ него кожу;
[illegible] это только на тридцати градусахъ, а на сто-то пяти-
[illegible] тутъ только палецъ, я думаю, приложить къ топору,

и его какъ не бывало, если-бы... только тамъ могъ с
топоръ...

— А тамъ можетъ случиться топоръ?—разсѣянно и
перебилъ вдругъ Иванъ Ѳедоровичъ. Онъ сопротивля
всѣхъ силъ, чтобы не повѣрить своему бреду и не вп
безуміе окончательно.

— Топоръ? переспросилъ гость въ удивленіи.

— Ну да, что станется тамъ съ топоромъ? съ ни
свирѣпымъ и настойчивымъ упорствомъ вдругъ вскричалъ
Ѳедоровичъ.

— Что станется въ пространствѣ съ топоромъ? Qua
Если куда попадетъ подальше, то примется, я думаю, ле
кругъ земли, самъ не зная зачѣмъ, въ видѣ спутника.
номы вычислятъ восхожденіе и захожденіе топора, Гащу
сетъ въ календарь, вотъ и все.

— Ты глупъ, ты ужасно глупъ! строптиво сказалъ Ив
ври умнѣе, а то я не буду слушать. Ты, хочешь побор
реализмомъ, увѣрить меня, что ты есть, но я не хочу
что ты есть! Не повѣрю!!

— Да я не вру, все правда, къ сожалѣнію, правд
всегда бываетъ неостроумна. Ты, я вижу, рѣшительно
отъ меня чего-то великаго, а, можетъ быть, и прекрасн
очень жаль, потому что я даю лишь то, что могу...

— Не философствуй, оселъ!

— Какая тутъ философія, когда вся правая сторон
лась, кряхчу и мычу. Былъ у всей медицины: распознать
отлично, всю болѣзнь разскажутъ тебѣ какъ по пальца
а вылечить не умѣютъ. Студентикъ тутъ одинъ случился
женный: «если вы, говоритъ, и умрете, то зато будете
знать отъ какой болѣзни умерли!» Опять таки эта ихъ
отсылать къ спеціалистамъ: мы, дескать, только распозн
вотъ поѣзжайте къ такому-то спеціалисту, онъ ужь вы
Совсѣмъ, совсѣмъ, я тебѣ скажу исчезъ прежній доктор
рый ото всѣхъ болѣзней лѣчилъ, теперь только одни
листы и все въ газетахъ публикуются. Заболи у тебя но
шлютъ въ Парижъ: тамъ, дескать, европейскій спеціалис
лѣчитъ. Пріѣдешь въ Парижъ, онъ осмотритъ носъ:
скажетъ, только правую ноздрю могу вылѣчить, пото
лѣвыхъ ноздрей не лѣчу, это не моя спеціальность,
жайте послѣ меня въ Вѣну, тамъ вамъ особый спеціали
вую ноздрю долѣчитъ. Что будешь дѣлать? Прибѣгнулъ къ

[redacted] средствамъ, одинъ нѣмецъ-докторъ посовѣтовалъ въ банѣ [redacted]олкѣ медомъ съ солью вытереться. Я единственно, чтобы [redacted]о въ баню лишній разъ сходить, пошелъ: выпачкался весь, [redacted]акой пользы. Съ отчаянія графу Маттеи въ Миланъ на[redacted]ать; прислалъ книгу и капли, Богъ съ нимъ. И вообрази: [redacted]ъ-экстрактъ Гоффа помогъ! Купилъ нечаянно, вышилъ пол[redacted] стклянки, и хоть танцовать, все какъ рукой сняло. Не[redacted]нно положилъ ему «спасибо» въ газетахъ напечатать, чув[redacted] благодарности заговорило, и вотъ, вообрази, тутъ уже дру[redacted] исторія пошла ни въ одной-то редакціи не принимаютъ! [redacted]проградно очень будетъ, говорятъ, никто не повѣритъ, le [redacted]e n'existe point. Вы, совѣтуютъ, напечатайте анонимно». [redacted]акое-же «спасибо», если анонимно. Смѣюсь съ конторщи[redacted]: «это въ Бога, говорю, въ нашъ вѣкъ ретроградно вѣрить, [redacted]дь я чортъ, въ меня можно».—«Понимаемъ, говорятъ, кто[redacted]ъ чорта не вѣритъ, а всетаки нельзя, направленію повре[redacted]ь можетъ. Развѣ въ видѣ шутки?» Ну, въ шутку-то, подумалъ, [redacted]ъ неостроумно. Такъ и не напечатали. И вѣришь-ли, у [redacted] даже на сердцѣ это осталось. Самыя лучшія чувства мои, [redacted], напримѣръ, благодарность, мнѣ формально запрещены един[redacted]нно соціальнымъ моимъ положеніемъ.

— Опять въ философію въѣхалъ? ненавистно проскрежеталъ [redacted]къ.

— Боже меня убереги, но вѣдь нельзя-же иногда не пожа[redacted]ться. Я человѣкъ оклеветанный. Вотъ ты поминутно мнѣ, [redacted] глупъ. Такъ и видно молодаго человѣка. Другъ мой, не [redacted]одномъ умѣ дѣло! У меня отъ природы сердце доброе и весе[redacted]: «я вѣдь тоже разные водевильчики». Ты, кажется, рѣши[redacted]но принимаешь меня за посѣдѣлаго Хлестакова, и, однако, [redacted]ба моя гораздо серьезнѣе. Какимъ-то тамъ довременнымъ [redacted]ченіемъ, котораго я никогда разобрать не могъ, я опредѣ[redacted] «отрицать», между тѣмъ я искренно добръ и къ отрицанію [redacted]мъ неспособенъ. «Нѣтъ, ступай отрицать, безъ отрицанія-де [redacted]удетъ критики, а какой-же журналъ, если нѣтъ «отдѣленія [redacted]тики»? Безъ критики будетъ одна «осанна». Но для жизни [redacted] одной «осанны», надо, чтобъ «осанна»-то эта переходила [redacted]зъ горнило сомнѣній, ну и такъ далѣе, въ этомъ родѣ. Я, [redacted]чемъ, во все это не ввязываюсь, не я сотворялъ, не я и въ [redacted]тѣ. Ну, и выбрали козла отпущенія, заставили писать въ [redacted]ленія критики, и получилась жизнь. Мы эту комедію пони[redacted]мъ: я, напримѣръ, прямо и просто требую себѣ уничтоженія.

Нѣтъ, живи, говорятъ, потому что безъ тебя ничего не
Если-бы на землѣ было все благоразумно, то ничего-б
произошло. Безъ тебя не будетъ никакихъ происшествій,
чтобы были происшествія. Вотъ и служу, скрѣпя сердце,
были происшествія, и творю не разумное по приказу. Лю
нимаютъ всю эту комедію за нѣчто серьезное, даже при
своемъ безспорномъ умѣ. Въ этомъ ихъ и трагедія. Ну
даютъ, конечно, но... все-же зато живутъ, живутъ реал
фантастически; ибо страданіе-то и есть жизнь. Безъ ст
какое было-бы въ ней удовольствіе; все обратилось-бы въ
безконечный молебенъ: оно свято, но скучновато. Ну,
страдаю, а все-же не живу. Я иксъ въ неопредѣленном
неніи. Я какой-то призракъ жизни, который потерялъ вс
и начала, и даже самъ позабылъ, наконецъ, какъ и
себя. Ты смѣешься... нѣтъ, ты не смѣешься, ты оп
дишься. Ты вѣчно сердишься, тебѣ-бы все только ума, а
таки повторю тебѣ, что я отдалъ-бы всю эту надзвѣздную
всѣ чины и почести за то только, чтобы воплотиться в
семипудовой купчихи и Богу свѣчки ставить.

— Ужь и ты въ Бога не вѣришь? ненавистно усмѣхнулся

— То есть какъ тебѣ это сказать, если ты только сер

— Есть Богъ или нѣтъ?—опять со свирѣпою настойч
крикнулъ Иванъ.

— А, такъ ты серьезно? Голубчикъ мой, ей Богу н
вотъ великое слово сказалъ.

— Не знаешь, а Бога видишь? Нѣтъ, ты не самъ
ты—*я*, ты есть *я* и болѣе ничего! Ты—дрянь, ты—моя ф

— То есть, если хочешь, я одной съ тобой философі
это будетъ справедливо. Je pense donc je suis, это я знаю и
остальное-же все, что кругомъ меня, всѣ эти міры, Богъ
самъ сатана, — все это для меня не доказано, существу
оно само по себѣ, или есть только одна моя эманація, п
вательное, развитіе моего *я*, существующаго довременно и
лично... словомъ, я быстро прерываю, потому что ты, и
сейчасъ драться вскочишь.

— Лучше-бы ты какой анекдотъ! болѣзненно прог
Иванъ.

— Анекдотъ есть и именно на нашу тему, то есть,
анекдотъ, а такъ, легенда. Ты вотъ укоряешь меня въ н
«видишь-де, а не вѣришь». Но, другъ мой, вѣдь не я-же
таковъ, у насъ тамъ всѣ теперь помутились, и все отъ

къ. Еще пока были атомы, пять чувствъ, четыре стихіи, ну
а все кое-какъ клеилось. Атомы-то и въ древнемъ мірѣ были.
тъ какъ узнали у насъ, что вы тамъ открыли у себя «хими-
ую молекулу», да «протоплазму», да чортъ знаетъ что еще,—
ь у насъ поджали хвосты. Просто сумбуръ начался; глав-
—суевѣріе, сплетни; сплетень вѣдь и у насъ столько-же,
ько у васъ, даже капельку больше, а, наконецъ, и доносы,
асъ вѣдь тоже есть такое одно отдѣленіе, гдѣ принимаютъ
стныя «свѣдѣнія». Такъ вотъ эта дикая легенда, еще сред-
ъ нашихъ вѣковъ,—не вашихъ, а нашихъ,—и никто-то ей
вѣритъ даже и у насъ, кромѣ семипудовыхъ купчихъ, то есть
ъ-таки не вашихъ, а нашихъ купчихъ. Все что у васъ есть—
и у насъ, это я ужь тебѣ по дружбѣ одну тайну нашу откры-
, хоть и запрещено. Легенда-то эта объ раѣ. Былъ, дескать,
ь у васъ на землѣ одинъ такой мыслитель и философъ, «все
ргалъ, законы, совѣсть, вѣру», а главное—будущую жизнь.
ерръ, думалъ, что прямо во мракъ и смерть, анъ передъ нимъ—
ущая жизнь. Изумился и вознегодовалъ: «Это, говоритъ, про-
рѣчитъ моимъ убѣжденіямъ». Вотъ его за это и присудили...
сть, видишь, ты меня извини, я вѣдь передаю самъ что слы-
ъ, это только легенда... присудили, видишь, его, чтобы про-
ъ, во мракѣ квадрилліонъ киллометровъ (у насъ вѣдь теперь
иллометры), и когда кончитъ этотъ квадрилліонъ, то тогда
отворятъ райскія двери и все простятъ...

— А какія муки у васъ на томъ свѣтѣ кромѣ-то квадрил-
а? съ какимъ-то страннымъ оживленіемъ прервалъ Иванъ.

— Какіи муки? Ахъ, и не спрашивай: прежде было и такъ
акъ, а нынѣ все больше нравственныя пошли, «угрызенія
сти» и весь этотъ вздоръ. Это тоже отъ васъ завелось. отъ
агченія вашихъ правовъ». Ну, и кто-же выигралъ, выиграли
безсовѣстные, потому что-жь ему за угрызенія совѣсти,
а и совѣсти-то нѣтъ вовсе. Зато пострадали люди порядоч-
, у которыхъ еще оставалась совѣсть и честь... То-то вотъ
юрмы-то на неприготовленную-то почву, да еще списанныя
чужихъ учрежденій,—одинъ только вредъ! Древній огонекъ-то
ше-бы. Ну, такъ вотъ этотъ осужденный на квадрилліонъ
тоялъ, посмотрѣлъ и легъ поперекъ дороги: «не хочу идти,
принципа не пойду!» Возьми душу русскаго просвѣщеннаго
ста и смѣшай съ душой пророка Іоны, будировавшаго во
вѣ китовѣ три дня и три ночи,—вотъ тебѣ характеръ этого
гшагося на дорогѣ мыслителя.

— На чемъ-же онъ тамъ улегся?

— Ну, тамъ вѣрно было на чемъ. Ты не смѣешься

— Молодецъ! крикнулъ Иванъ, все въ томъ-же ст оживленіи. Теперь онъ слушалъ съ какимъ-то неосм любопытствомъ.—Ну, что-жь, и теперь лежитъ?

— То-то и есть что нѣтъ. Онъ пролежалъ почти лѣтъ, а потомъ всталъ и пошелъ.

— Вотъ оселъ-то! воскликнулъ Иванъ, нервно захо все какъ-бы что-то усиленно соображая. Не всѐ-ли ра жать-ли вѣчно или идти квадрилліонъ верстъ? Вѣдь это б лѣтъ ходу?

— Даже гораздо больше, вотъ только нѣтъ каранда бумажки, а то-бы разсчитать можно. Да вѣдь онъ дам дошелъ и тутъ-то начинается анекдотъ.

— Какъ дошелъ! Да гдѣ-жь онъ биллiонъ лѣтъ из

— Да вѣдь ты думаешь все про нашу теперешнюю Да вѣдь теперешняя земля, можетъ, сама-то биллiонъ р вторялась; ну отживала, леденѣла, трескалась, разсыпала лагалась на составныя начала, опять вода яже бѣ надъ потомъ опять комета, опять солнце, опять изъ солнца з вѣдь это развитіе, можетъ уже безконечно разъ повторя все въ одномъ и томъ-же видѣ, до черточки. Скучища личнѣйшая...

— Ну-ну, что-же вышло когда дошелъ?

— А только что ему отворили въ рай и онъ вступ не пробывъ еще двухъ секундъ и это по часамъ, по часам часы его, по моему, давно должны были-бы разложит составные элементы у него въ карманѣ дорогой) — не п двухъ секундъ, воскликнулъ, что за эти двѣ секунды не квадрилліонъ, но квадрилліонъ квадрилліоновъ пройдти да еще возвысивъ въ квадрилліонную степень! Словомъ, п «осанну», да и пересолилъ, такъ что иные тамъ, съ об мыслей поблагороднѣе, такъ даже руки ему не хотѣли на первыхъ порахъ: слишкомъ-де ужь стремительно въ ваторы перескочилъ. Русская натура. Повторяю: легенда. купилъ за то и продалъ. Такъ вотъ еще какія тамъ обо всѣхъ этихъ предметахъ понятія ходятъ.

— Я тебя поймалъ! вскричалъ Иванъ съ какою-то дѣтскою радостью, какъ-бы уже окончательно что-то прин этотъ анекдотъ о квадрилліонѣ лѣтъ,—это я самъ со Мнѣ было тогда семнадцать лѣтъ, я былъ въ гимназіи...

[illegible]отъ тогда сочинилъ и разсказалъ одному товарищу! фа[illegible] его Коровкинъ, это было въ Москвѣ... Анекдотъ этотъ [illegible] характеренъ, что я не могъ его ни откуда взять Я его [illegible] забылъ... но онъ мнѣ припомнился теперь безсознательно,— [illegible] самому, а не ты разсказалъ! Какъ тысячи вещей припоми[illegible]тся иногда безсознательно, даже когда казнить везутъ... во [illegible] припомнился. Вотъ ты и есть этотъ сонъ! Ты сонъ, и не [illegible]ствуешь!

— По азарту, съ какимъ ты отвергаешь меня, засмѣялся [illegible]тальменъ, — я убѣждаюсь, что ты всетаки въ меня вѣ[illegible]ь.

— Ни мало! На сотую долю не вѣрю!

— Но на тысячную вѣришь. Гомеопатическія-то доли вѣдь [illegible]ля, можетъ быть, сильныя. Признайся, что вѣришь, ну па [illegible]титысячную...

— Ни одной минуты! яростно вскричалъ Иванъ.—Я, впро[illegible]ь, желалъ-бы въ тебя повѣрить! странно вдругъ прибавилъ онъ.

— Эге! Вотъ, однако, признаніе! Но я добръ, я тебѣ и тутъ [illegible]огу. Слушай: это я тебя поймалъ, а не ты меня! Я нарочно [illegible] твой-же анекдотъ разсказалъ, который ты уже забылъ, [illegible]бы ты окончательно во мнѣ разувѣрился.

— Лжешь! Цѣль твоего появленія увѣрить меня... что ты есмь.

— Именно. Но колебанія, но безпокойство, но борьба вѣры [illegible]невѣрія,—это вѣдь такая иногда мука для совѣстливаго чело[illegible]ка, вотъ какъ ты, что лучше повѣситься. Я именно, зная, [illegible]о ты капельку вѣришь въ меня, подпустилъ тебѣ невѣрія [illegible]о окончательно, разсказавъ этотъ анекдотъ. Я тебя вожу [illegible]ду вѣрой и безвѣріемъ попеременно, и тутъ у меня своя [illegible]ь. Новая метода-съ. Вѣдь когда ты во мнѣ совсѣмъ разувѣ[illegible]ишься, то тотчасъ меня-же въ глаза начнешь увѣрять, что я [illegible]сонъ, а есмь въ самомъ дѣлѣ, я тебя ужь знаю: вотъ я [illegible]да и достигну цѣли, а цѣль моя благородная. Я въ тебя [illegible]лько крохотное сѣмечко вѣры брошу, а изъ этого выростетъ [illegible]бъ,—да еще такой дубъ, что ты, сидя въ дубѣ-то, въ «отцы [illegible]стынники и въ жены непорочны» пожелаешь вступить; ибо [illegible]ѣ оченно, оченно того въ тайнѣ хочется, акриды кушать бу[illegible]шь, спасаться въ пустыню потащишься!

— Такъ ты, негодяй, для спасенія моей души стараешься?

— Надо-же хоть когда-нибудь доброе дѣло сдѣлать. Злишься-[illegible]ты, злишься, какъ я погляжу!

— Шутъ! А искушалъ ты когда-нибудь вотъ этакихъ-то,

— На чемъ-же онъ тамъ улегся?

— Ну, тамъ вѣрно было на чемъ. Ты

— Молодецъ! крикнулъ Иванъ, все
оживленіи. Теперь онъ слушалъ съ
любопытствомъ.—Ну, что-жъ, и теперь

— То-то и есть что нѣтъ. Онъ
лѣтъ, а потомъ всталъ и пошелъ.

— Вотъ оселъ-то! воскликнулъ Иван
все какъ-бы что-то усиленно соображая.
жать-ли вѣчно или идти квадрилліонъ
лѣтъ ходу?

— Даже гораздо больше, хотя только
бумажки, а то-бы разсчитать можно. Да
дошелъ и тутъ-то начинается анекдотъ.

— Какъ дошелъ! Да гдѣ-жъ онъ

— Да вѣдь ты думаешь все про
Да вѣдь теперешняя земля, можетъ, сам
вторялась; ну отживала, леденѣла, тре
лагалась на составныя начала, опять
потомъ опять комета, опять солнце, опять
вѣдь это развитіе, можетъ уже безконечно
все въ одномъ и томъ-же видѣ, до черточ
личнѣйшая...

— Ну-ну, что-же вышло когда дошелъ

— А только что ему отворили въ рай
не пробывъ еще двухъ секундъ и это по
часы его, по моему, давно должны были
составные элементы у него въ карманѣ до
двухъ секундъ, воскликнулъ, что за эти
квадрилліонъ, но квадрилліонъ квадрилліон
да еще возвысивъ въ квадрилліонную степ
«осанну», да и пересолилъ, такъ что
мыслей поблагороднѣе, такъ даже рад
на первыхъ порахъ: слишкомъ-де
ваторы перескочилъ. Русская натура.
купилъ за то и продалъ. Такъ вотъ
обо всѣхъ этихъ предметахъ понятія

— Я тебя поймалъ! вскричалъ Ив
дѣтскою радостью, какъ-бы уже окончив
этотъ анекдотъ о квадрилліонѣ лѣтъ.
Мнѣ было тогда семнадцать лѣтъ, я

жизни. Вотъ тебѣ еще одинъ
ихъ. Приходитъ къ старику патеру
тъ двадцати дѣвушка. Красота, тѣлеса,
Нагнулась, шепчетъ патеру въ дырочку
чь моя, неужели вы опять уже пали?..»
О, Sancta Maria, что я слышу: уже не съ
что продолжится, и какъ вамъ это не стыд-
отвѣчаетъ грѣшница, вся въ покаянныхъ
plaisir et à moi si peu de peine!» Ну,
ответъ! Тутъ ужь я и отступился: это крикъ
если хочешь, лучше самой невинности! Я
хъ и повернулся было идти, но тотчасъ-
и воротиться: слышу, патеръ въ дырочку
своемъ свиданіе,—а вѣдь старикъ—кремень, и
мгновеніе. Природа-то, правда-то природы
воротишь носъ, опять сердишься? Не знаю
тебѣ...

Ты стучишь въ моемъ мозгу какъ неотвязный
простоналъ Иванъ, въ безсиліи предъ своимъ
скучно съ тобою, невыносимо и мучительно!
если-бы могъ прогнать тебя!

умѣрь свои требованія, не требуй отъ меня
красиваго», и увидишь, какъ мы дружно съ
лительно проговорилъ джентльменъ. — Во
на меня за то, что я не явился тебѣ какъ
сіяніи, «гремя и блистая», съ опаленными
въ такомъ скромномъ видѣ. Ты оскор-
эстетическихъ чувствахъ твоихъ, а во
какъ, дескать, къ такому великому че-
ой пошлый чортъ? Нѣтъ, въ тебѣ таки
струйка, столь осмѣянная еще Бѣ-
молодой человѣкъ. Я вотъ думалъ давеча,
шутки предстать въ видѣ отставнаго
совѣтника, служившаго на Кавказѣ,
на фракѣ, но рѣшительно побоялся,
меня только за то, какъ я смѣлъ прицѣпить
, а не прицѣпилъ, по крайней мѣрѣ,
пріуса. И все ты о томъ, что я глупъ.
ній не имѣю равняться съ тобой умомъ.
Фаусту, засвидѣтельствовалъ о себѣ,
желаетъ лишь добро. Но, это какъ ему

вотъ что акриды-то ѣдятъ, да по семнадцати лѣтъ въ пустынѣ молятся, мохомъ обросли?

— Голубчикъ мой, только это и дѣлалъ. Весь міръ забудешь, а къ одному этакому прилѣпишься, потому что ліантъ-то ужь очень драгоцѣненъ; одна вѣдь такая душа иной разъ цѣлаго созвѣздія, — у насъ вѣдь своя ариѳм Побѣда-то драгоцѣнна! А вѣдь иные изъ нихъ, ей Богу, н тебя по развитію, хоть ты этому и не повѣришь: такія вѣры и невѣрія могутъ созерцать въ одинъ и тотъ-же мо что, право, иной разъ кажется только-бы еще одинъ волос и полетитъ человѣкъ «вверхъ тормашки», какъ говоритъ Горбуновъ.

— Ну и что̀-жь, отходилъ съ носомъ?

— Другъ мой, замѣтилъ сентенціозно гость,—съ носом же лучше отойдти, чѣмъ иногда совсѣмъ безъ носа, как давно еще изрекъ одинъ болящій маркизъ (должно быт ціалистъ лѣчилъ) на исповѣди своему духовному отцу і Я присутствовалъ—просто прелесть. «Возвратите мнѣ, го мой носъ!» И бьетъ себя въ грудь.—«Сынъ мой, виляет теръ, по неисповѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія все воспол и великая бѣда влечетъ иногда за собою чрезвычайную, невидимую выгоду. Если строгая судьба лишила васъ но выгода ваша въ томъ, что уже никто во всю вашу жиз осмѣлится вамъ сказать, что вы остались съ носомъ».—« святой, это не утѣшеніе!» восклицаетъ отчаянный,—«я бы напротивъ, въ восторгѣ всю жизнь каждый день остават носомъ, только-бы онъ былъ у меня на надлежащемъ мѣс «Сынъ мой, вздыхаетъ патеръ, всѣхъ благъ нельзя тре разомъ и это уже ропотъ на Провидѣніе, которое даже и ту забыло васъ; ибо если вы вопіете, какъ возопили сейчасъ, радостью готовы-бы всю жизнь оставаться съ носомъ, то уже косвенно исполнено желаніе ваше: ибо, потерявъ но тѣмъ самымъ все-же какъ-бы остались съ носомъ»...

— Фу, какъ глупо! крикнулъ Иванъ.

— Другъ мой, я хотѣлъ только тебя разсмѣшить, но, кл это настоящая іезуитская казуистика, и, клянусь, все это лось буква въ букву, какъ я изложилъ тебѣ. Случай этотъ не, и доставилъ мнѣ много хлопотъ. Несчастный молодой чел возвратясь домой, въ ту-же ночь застрѣлился; я былъ при неотлучно до послѣдняго момента... Что̀-же до исповѣдал этихъ іезуитскихъ будочекъ, то это во истину самое мило

ніе въ грустныя минуты жизни. Вотъ тебѣ еще одинъ
совсѣмъ уже на дняхъ. Приходитъ къ старику патеру
ічка, норманочка, лѣтъ двадцати дѣвушка. Красота, тѣлеса,
-слюнки текутъ. Нагнулась, шепчетъ патеру въ дырочку
хъ.—«Что вы, дочь моя, неужели вы опять уже пали?..»
етъ патеръ.—«О, Sancta Maria, что я слышу: уже не съ
о доколѣ-же это продолжится, и какъ вамъ это не стыд-
Ah mon père», отвѣчаетъ грѣшница, вся въ покаянныхъ
—Ça lui fait tant de plaisir et à moi si peu de peine!» Ну,
ь себѣ такой отвѣтъ! Тутъ ужь я и отступился: это крикъ
ироды, это, если хочешь, лучше самой невинности! Я
отпустилъ ей грѣхъ и повернулся было идти, но тотчасъ-
жденъ былъ и воротиться: слышу, патеръ въ дырочку
чаетъ вечеромъ свиданіе,—а вѣдь старикъ—кремень, и
ъ въ одно мгновеніе. Природа-то, правда-то природы
ое! Что опять воротишь носъ, опять сердишься? Не знаю
ъ и угодить тебѣ...

ставь меня, ты стучишь въ моемъ мозгу какъ неотвязный
, болѣзненно простоналъ Иванъ, въ безсиліи предъ своимъ
ъ, — мнѣ скучно съ тобою, невыносимо и мучительно!
ого далъ, если-бы могъ прогнать тебя!

повторяю, умѣрь свои требованія, не требуй отъ меня
еликаго и прекраснаго», и увидишь, какъ мы дружно съ
кивемся, внушительно проговорилъ джентльменъ. — Во
ы злишься на меня за то, что я не явился тебѣ какъ
ъ красномъ сіяніи, «гремя и блистая», съ опаленными
и, а предсталъ въ такомъ скромномъ видѣ. Ты оскор-
ю первыхъ, въ эстетическихъ чувствахъ твоихъ, а во
, въ гордости: какъ, дескать, къ такому великому че-
огъ войдти такой пошлый чортъ? Нѣтъ, въ тебѣ таки
романтическая струйка, столь осмѣянная еще Бѣ-
ь. Что дѣлать, молодой человѣкъ. Я вотъ думалъ давеча,
ь къ тебѣ, для шутки предстать въ видѣ отставнаго
ельнаго статскаго совѣтника, служившаго на Кавказѣ,
ой Льва и Солнца на фракѣ, но рѣшительно побоялся,
ы избилъ-бы меня только за то, какъ я смѣлъ прицѣпить
ь Льва и Солнце, а не прицѣпилъ, по крайней мѣрѣ,
ю Звѣзду или Сиріуса. И все ты о томъ, что я глупъ.
ь мой, я и претензій не имѣю равняться съ тобой умомъ.
фель, явившись къ Фаусту, засвидѣтельствовалъ о себѣ,
хочетъ зла, а дѣлаетъ лишь добро. Но, это какъ ему

вотъ что акриды-то ѣдятъ, да по семнадцати лѣтъ въ пустынѣ молятся, мохомъ обросли?

— Голубчикъ мой, только это и дѣлать. Весь міръ забудешь, а къ одному этакому прилѣпишься, потому что знаетъ-то ужь очень драгоцѣненъ; одна вѣдь такая душа иной разъ цѣлаго созвѣздія, — у насъ вѣдь своя астрономія. Побѣда-то драгоцѣнна! А вѣдь иные изъ нихъ, ей Богу, тебя по развитію, хоть ты этому и не повѣришь: такія вѣры и невѣрія могутъ созерцать въ одинъ и тотъ-же часъ, что, право, иной разъ кажется только-бы еще одинъ волосъ и полетитъ человѣкъ «вверхъ тормашки», какъ говоритъ Горбуновъ.

— Ну и что-жь, отходилъ съ носомъ?

— Другъ мой, замѣтилъ сентенціозно гость,—съ носомъ же лучше отойдти, чѣмъ иногда совсѣмъ безъ носа, какъ давно еще изрекъ одинъ болящій маркизъ (должно быть піалистъ лѣчилъ) на исповѣди своему духовному отцу іе Я присутствовалъ—просто прелесть. «Возвратите мнѣ, гов мой носъ!» И бьетъ себя въ грудь.—«Сынъ мой, вилят теръ, по неисповѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія все воспол и великая бѣда влечетъ иногда за собою чрезвычайную, невидимую выгоду. Если строгая судьба лишила васъ но выгода ваша въ томъ, что уже никто во всю вашу жиз осмѣлится вамъ сказать, что вы остались съ носомъ».—« святой, это не утѣшеніе!» восклицаетъ отчаянный,—«я бы напротивъ, въ восторгѣ всю жизнь каждый день остават носомъ, только-бы онъ былъ у меня на надлежащемъ мѣс «Сынъ мой, вздыхаетъ патеръ, всѣхъ благъ нельзя тре разомъ и это уже ропотъ на Провидѣніе, которое даже и ту забыло васъ; ибо если вы вопіете, какъ возопили сейчасъ, радостью готовы-бы всю жизнь оставаться съ носомъ, то уже косвенно исполнено желаніе ваше: ибо, потерявъ но тѣмъ самымъ все-же какъ-бы остались съ носомъ»...

— Фу, какъ глупо! крикнулъ Иванъ.

— Другъ мой, я хотѣлъ только тебя разсмѣшить, но, кл это настоящая іезуитская казуистика, и, клянусь, все это лось буква въ букву, какъ я изложилъ тебѣ. Случай этотъ не и доставилъ мнѣ много хлопотъ. Несчастный молодой чело возвратясь домой, въ ту-же ночь застрѣлился; я былъ при неотлучно до послѣдняго момента... Что-же до исповѣдал этихъ іезуитскихъ будочекъ, то это во истину самое пло

ie въ грустныя минуты жизни. Вотъ тебѣ еще одинъ
овсѣмъ уже на дняхъ. Приходитъ къ старику патеру
ика, норманочка, лѣтъ двадцати дѣвушка. Красота, тѣлеса,
слюнки текутъ. Нагнулась, шепчетъ патеру въ дырочку
къ.—«Что вы, дочь моя, неужели вы опять уже пали?..»
тъ патеръ.—«О, Sancta Maria, что я слышу: уже не съ
доколѣ-же это продолжится, и какъ вамъ это не стыд-
h mon père», отвѣчаетъ грѣшница, вся въ покаянныхъ
-Ça lui fait tant de plaisir et à moi si peu de peine!» Ну,
себѣ такой отвѣтъ! Тутъ ужь я и отступился: это крикъ
ироды, это, если хочешь, лучше самой невинности! Я
отпустилъ ей грѣхъ и повернулся было идти, но тотчасъ-
жденъ былъ и воротиться: слышу, патеръ въ дырочку
аетъ вечеромъ свиданіе,—а вѣдь старикъ—кремень, и
ь въ одно мгновеніе. Природа-то, правда-то природы
ie! Что опять воротишь носъ, опять сердишься? Не знаю
ь и угодить тебѣ...
ставь меня, ты стучишь въ моемъ мозгу какъ неотвязный
болѣзненно простоналъ Иванъ, въ безсиліи предъ своимъ
», — мнѣ скучно съ тобою, невыносимо и мучительно!
ого далъ, если-бы могъ прогнать тебя!
овторяю, умѣрь свои требованія, не требуй отъ меня
ликаго и прекраснаго», и увидишь, какъ мы дружно съ
ивемся, внушительно проговорилъ джентльменъ. — Во
ы злишься на меня за то, что я не явился тебѣ какъ
ъ красномъ сіяніи, «гремя и блистая», съ опаленными
, а предсталъ въ такомъ скромномъ видѣ. Ты оскор-
о первыхъ, въ эстетическихъ чувствахъ твоихъ, а во
въ гордости: какъ, дескать, къ такому великому че-
огъ войдти такой пошлый чортъ? Нѣтъ, въ тебѣ таки
романтическая струйка, столь осмѣянная еще Бѣ-
. Что дѣлать, молодой человѣкъ. Я вотъ думалъ давеча,
къ тебѣ, для шутки предстать въ видѣ отставнаго
льнаго статскаго совѣтника, служившаго на Кавказѣ,
ой Льва и Солнца на фракѣ, но рѣшительно побоялся,
ы избилъ-бы меня только за то, какъ я смѣлъ прицѣпить
Льва и Солнце, а не прицѣпилъ, по крайней мѣрѣ,
о Звѣзду или Сиріуса. И все ты о томъ, что я глупъ.
мой, я и претензій не имѣю равняться съ тобой умомъ.
ель, явившись къ Фаусту, засвидѣтельствовалъ о себѣ,
хочетъ зла, а дѣлаетъ лишь добро. Но, это какъ ему

вотъ что̀ акриды-то ѣдятъ, да по семнадцати лѣтъ въ пустынѣ молятся, мохомъ обросли?

— Голубчикъ мой, только это и дѣлалъ. Весь міръ забудешь, а къ одному этакому прилѣпишься, потому что ліантъ-то ужь очень драгоцѣненъ; одна вѣдь такая душа иной разъ цѣлаго созвѣздія, — у насъ вѣдь своя арие Побѣда-то драгоцѣнна! А вѣдь иные изъ нихъ, ей Богу, и тебя по развитію, хоть ты этому и не повѣришь: такіе вѣры и невѣрія могутъ созерцать въ одинъ и тотъ-же мо что, право, иной разъ кажется только-бы еще одинъ волос и полетитъ человѣкъ «вверхъ тормашки», какъ говоритъ Горбуновъ.

— Ну и что̀-жь, отходилъ съ носомъ?

— Другъ мой, замѣтилъ сентенціозно гость,—съ носом же лучше отойдти, чѣмъ иногда совсѣмъ безъ носа, как давно еще изрекъ одинъ болящій маркизъ (должно бытціалистъ лѣчилъ) на исповѣди своему духовному отцу іе Я присутствовалъ—просто прелесть. «Возвратите мнѣ, гов мой носъ!» И бьетъ себя въ грудь.—«Сынъ мой, вилет теръ, по неисповѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія все воспол и великая бѣда влечетъ иногда за собою чрезвычайную, невидимую выгоду. Если строгая судьба лишила васъ но выгода ваша въ томъ, что уже никто во всю вашу жиз осмѣлится вамъ сказать, что вы остались съ носомъ».—« святой, это не утѣшеніе!» восклицаетъ отчаянный,—«я бы напротивъ, въ восторгѣ всю жизнь каждый день остават носомъ, только-бы онъ былъ у меня на надлежащемъ мѣст «Сынъ мой, вздыхаетъ патеръ, всѣхъ благъ нельзя тре разомъ и это уже ропотъ на Провидѣніе, которое даже и ту забыло васъ: ибо если вы вопіете, какъ возопили сейчасъ, радостью готовы-бы всю жизнь оставаться съ носомъ, то уже косвенно исполнено желаніе ваше: ибо, потерявъ но тѣмъ самымъ все-же какъ-бы остались съ носомъ»...

— Фу, какъ глупо! крикнулъ Иванъ.

— Другъ мой, я хотѣлъ только тебя разсмѣшить, но, бл это настоящая іезуитская казуистика, и, клянусь, все это лось буква въ букву, какъ я изложилъ тебѣ. Случай этотъ не и доставилъ мнѣ много хлопотъ. Несчастный молодой чел возвратясь домой, въ ту-же ночь застрѣлился: я былъ пр неотлучно до послѣдняго момента... Что-же до исповѣдал этихъ іезуитскихъ будочекъ, то это во истину самое мил

леченіе въ грустныя минуты жизни. Вотъ тебѣ еще одинъ
ай, совсѣмъ уже на дняхъ. Приходитъ къ старику патеру
диночка, норманочка, лѣтъ двадцати дѣвушка. Красота, тѣлеса,
ра,—слюнки текутъ. Нагнулась, шепчетъ патеру въ дырочку
грѣхъ.—«Что вы, дочь моя, неужели вы опять уже пали?..»
лицаетъ патеръ.—«О, Sancta Maria, что я слышу: уже не съ
. Но доколѣ-же это продолжится, и какъ вамъ это не стыд-
—«Ah mon père», отвѣчаетъ грѣшница, вся въ покаянныхъ
хъ:—Ça lui fait tant de plaisir et à moi si peu de peine!» Ну,
ставь себѣ такой отвѣтъ! Тутъ ужь я и отступился: это крикъ
й природы, это, если хочешь, лучше самой невинности! Я
-же отпустилъ ей грѣхъ и повернулся было идти, но тотчасъ-
принужденъ былъ и воротиться: слышу, патеръ въ дырочку
азначаетъ вечеромъ свиданіе,—а вѣдь старикъ—кремень, и
палъ въ одно мгновеніе. Природа-то, правда-то природы
а свое! Что опять воротишь носъ, опять сердишься? Не знаю
чѣмъ и угодить тебѣ...

— Оставь меня, ты стучишь въ моемъ мозгу какъ неотвязный
аръ, болѣзненно простоналъ Иванъ, въ безсиліи предъ своимъ
ніемъ, — мнѣ скучно съ тобою, невыносимо и мучительно!
и много далъ, если-бы могъ прогнать тебя!

— Повторяю, умѣрь свои требованія, не требуй отъ меня
го великаго и прекраснаго», и увидишь, какъ мы дружно съ
й уживемся, внушительно проговорилъ джентльменъ. — Во
ну ты злишься на меня за то, что я не явился тебѣ какъ
дь въ красномъ сіяніи, «гремя и блистая», съ опаленными
льями, а предсталъ въ такомъ скромномъ видѣ. Ты оскор-
ъ, во первыхъ, въ эстетическихъ чувствахъ твоихъ, а во
ыхъ, въ гордости: какъ, дескать, къ такому великому че-
ку могъ войдти такой пошлый чортъ? Нѣтъ, въ тебѣ таки
эта романтическая струйка, столь осмѣянная еще Бѣ-
кимъ. Что дѣлать, молодой человѣкъ. Я вотъ думалъ давеча,
раясь къ тебѣ, для шутки предстать въ видѣ отставнаго
твительнаго статскаго совѣтника, служившаго на Кавказѣ,
звѣздой Льва и Солнца на фракѣ, но рѣшительно побоялся,
му ты избилъ-бы меня только за то, какъ я смѣлъ прицѣпить
ракъ Льва и Солнце, а не прицѣпилъ, по крайней мѣрѣ,
рную Звѣзду или Сиріуса. И все ты о томъ, что я глупъ.
Богъ мой, я и претензій не имѣю равняться съ тобой умомъ.
ефистофель, явившись къ Фаусту, засвидѣтельствовалъ о себѣ,
онъ хочетъ зла, а дѣлаетъ лишь добро. Но, это какъ ему

вотъ что акриды-то ѣдятъ, да по семнадцати лѣтъ в пустынѣ молятся, мохомъ обросли?

— Голубчикъ мой, только это и дѣлалъ. Весь міръ забудешь, а къ одному этакому прилѣпишься, потому ліантъ-то ужь очень драгоцѣненъ; одна вѣдь такая душ иной разъ цѣлаго созвѣздія, — у насъ вѣдь своя Побѣда-то драгоцѣнна! А вѣдь иные изъ нихъ, ей Богу, тебя по развитію, хоть ты этому и не повѣришь: такія вѣры и невѣрія могутъ созерцать въ одинъ и тотъ-же что, право, иной разъ кажется только-бы еще одинъ и полетитъ человѣкъ «вверхъ тормашки», какъ говоритъ Горбуновъ.

— Ну и что-жь, отходилъ съ носомъ?

— Другъ мой, замѣтилъ сентенціозно гость,—съ носом же лучше отойдти, чѣмъ иногда совсѣмъ безъ носа, давно еще изрекъ одинъ болящій маркизъ (должно быть ціалистъ лѣчилъ) на исповѣди своему духовному отцу іе Я присутствовалъ—просто прелесть. «Возвратите мнѣ, го мой носъ!» И бьетъ себя въ грудь.—«Сынъ мой, виляет теръ, по неисповѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія все воспол и великая бѣда влечетъ иногда за собою чрезвычайную, невидимую выгоду. Если строгая судьба лишила васъ но выгода ваша въ томъ, что уже никто во всю вашу жиз осмѣлится вамъ сказать, что вы остались съ носомъ».—« святой, это не утѣшеніе!» восклицаетъ отчаянный,—«я бы напротивъ, въ восторгѣ всю жизнь каждый день оставать носомъ, только-бы онъ былъ у меня на надлежащемъ мѣст «Сынъ мой, вздыхаетъ патеръ, всѣхъ благъ нельзя тре разомъ и это уже ропотъ на Провидѣніе, которое даже и ту забыло васъ; ибо если вы вопіете, какъ возопили сейчасъ, радостью готовы-бы всю жизнь оставаться съ носомъ, то уже косвенно исполнено желаніе ваше: ибо, потерявъ нос тѣмъ самымъ все-же какъ-бы остались съ носомъ»...

— Фу, какъ глупо! крикнулъ Иванъ.

— Другъ мой, я хотѣлъ только тебя разсмѣшить, но, кл это настоящая іезуитская казуистика, и, клянусь, все это с лось буква въ букву, какъ я изложилъ тебѣ. Случай этотъ не и доставилъ мнѣ много хлопотъ. Несчастный молодой чело возвратясь домой, въ ту-же ночь застрѣлился; я былъ при неотлучно до послѣдняго момента... Что-же до исповѣдал этихъ іезуитскихъ будочекъ, то это во истину самое мило

грустныя минуты жизни. Вотъ тебѣ еще одинъ
ъ уже на дняхъ. Приходитъ къ старику патеру
орманочка, лѣтъ двадцати дѣвушка. Красота, тѣлеса,
ки текутъ. Нагнулась, шепчетъ патеру въ дырочку
«Что вы, дочь моя, неужели вы опять уже пали?..»
атеръ.—«О, Sancta Maria, что я слышу: уже не съ
лѣ-же это продолжится, и какъ вамъ это не стыд-
п père», отвѣчаетъ грѣшница, вся въ покаянныхъ
ui fait tant de plaisir et à moi si peu de peine!» Ну,
такой отвѣтъ! Тутъ ужь я и отступился: это крикъ
, это, если хочешь, лучше самой невинности! Я
гилъ ей грѣхъ и повернулся было идти, но тотчасъ-
ъ былъ и воротиться: слышу, патеръ въ дырочку
вечеромъ свиданіе,—а вѣдь старикъ—кремень, и
одно мгновеніе. Природа-то, правда-то природы
ъ опять воротишь носъ, опять сердишься? Не знаю
годить тебѣ...
меня, ты стучишь въ моемъ мозгу какъ неотвязный
зненно простоналъ Иванъ, въ безсиліи предъ своимъ
мнѣ скучно съ тобою, невыносимо и мучительно!
алъ, если-бы могъ прогнать тебя!
яю, умѣрь свои требованія, не требуй отъ меня
о и прекраснаго», и увидишь, какъ мы дружно съ
я, внушительно проговорилъ джентльменъ. — Во
шься на меня за то, что я не явился тебѣ какъ
сномъ сіяніи, «гремя и блистая», съ опаленными
предсталъ въ такомъ скромномъ видѣ. Ты оскор-
выхъ, въ эстетическихъ чувствахъ твоихъ, а во
ордости: какъ, дескать, къ такому великому че-
ойдти такой пошлый чортъ? Нѣтъ, въ тебѣ таки
нтическая струйка, столь осмѣянная еще Бѣ-
дѣлать, молодой человѣкъ. Я вотъ думалъ давеча,
тебѣ, для шутки предстать въ видѣ отставнаго
о статскаго совѣтника, служившаго на Кавказѣ,
ва и Солнца на фракѣ, но рѣшительно побоялся,
алъ-бы меня только за то, какъ я смѣлъ прицѣпить
а и Солнце, а не прицѣпилъ, по крайней мѣрѣ,
зду или Сиріуса. И все ты о томъ, что я глупъ.
я и претензій не имѣю равняться съ тобой умомъ.
явившись къ Фаусту, засвидѣтельствовалъ о себѣ,
ъ зла, а дѣлаетъ лишь добро. Но, это какъ ему

и спокойно, какъ богъ. Онъ изъ гордости поймет, что
чего роптать за то, что жизнь есть мгновеніе и возлюби
своего уже безо всякой мзды. Любовь будетъ удов
лишь мгновенію жизни, но одно уже сознаніе ея мгно
усилитъ огонь ея настолько, насколько прежде расш
она въ упованіяхъ на любовь загробную и безконечну
и прочее, и прочее, въ томъ-же родѣ. Премило!

Иванъ сидѣлъ, зажавъ себѣ уши руками и смотр
но началъ дрожать всѣмъ тѣломъ. Голосъ продолжал

— Вопросъ теперь въ томъ, думалъ мой юный
возможно-ли, чтобы такой періодъ наступилъ когда-ни
нѣтъ? Если наступитъ, то все рѣшено, и человѣчество р
окончательно. Но такъ какъ, въ виду закоренѣлой глу
ловѣческой, это, пожалуй, еще и въ тысячу лѣтъ не у
то всякому, сознающему уже и теперь истину, позво
устроиться совершенно какъ ему угодно, на новыхъ н
Въ этомъ смыслѣ ему «все позволено». Мало того: ес
періодъ этотъ и никогда не наступитъ, то такъ какъ
безсмертія все-таки нѣтъ, то новому человѣку позво
стать человѣко-богомъ, даже хотя-бы одному въ цѣло
и, ужь конечно, въ новомъ чинѣ, съ легкимъ сердцем
скочить всякую прежнюю нравственную преграду прежня
человѣка, если оно понадобится. Для Бога не существу
кона! Гдѣ станетъ Богъ—тамъ уже мѣсто Божіе! Гдѣ с
тамъ сейчасъ-же будетъ первое мѣсто... «все дозволено»
башъ! Все это очень мило; только если захотѣлъ моше
зачѣмъ-бы еще, кажется, санкція истины? Но ужь такой
русскій современный человѣкъ: безъ санкціи и сошел
не рѣшится, до того ужь истину возлюбилъ...

Гость говорилъ очевидно увлекаясь своимъ красно
все болѣе и болѣе возвышая голосъ и насмѣшливо погл
на хозяина; но ему не удалось докончить: Иванъ вдруг
тилъ со стола стаканъ и съ размаху пустилъ въ ората

— Ah, mais c'est bête enfin! воскликнулъ тотъ, вскак
дивана и смахивая пальцами съ себя брызги чаю,—вся
Лютерову чернильницу! Самъ-же меня считаетъ за сон
дается стаканами въ сонъ! Это по женски! А вѣдь я так
дозрѣвалъ, что ты дѣлалъ только видъ, что заткнулъ ся
а ты слушалъ...

Въ раму окна вдругъ раздался со двора твердый и н
чивый стукъ. Иванъ Ѳедоровичъ вскочилъ съ дивана.

— Слышишь, лучше отвори, вскричалъ гость, — это братъ Алеша, съ самымъ неожиданнымъ и любопытнымъ извѣстіемъ, ужь я тебѣ отвѣчаю!

— Молчи, обманщикъ, я прежде тебя зналъ, что это Алеша, предчувствовалъ, и, ужь конечно, онъ не даромъ, конечно, съ извѣстіемъ!.. воскликнулъ изступленно Иванъ.

— Отопри-же, отопри ему. На дворѣ мятель, а онъ братъ твой. Sait-il le temps qu'il fait? C'est à ne pas mettre un chien dehors... Стукъ продолжался. Иванъ хотѣлъ было кинуться къ окну, что-то какъ-бы вдругъ связало ему ноги и руки. Изо всѣхъ онъ напрягался какъ-бы порвать свои путы, но тщетно. къ въ окно усиливался все больше и громче. Наконецъ, вдругъ ались путы, и Иванъ Ѳедоровичъ вскочилъ на диванѣ. Онъ осмотрѣлся. Обѣ свѣчки почти догорѣли, стаканъ, который только что бросилъ въ своего гостя, стоялъ предъ нимъ на , а на противоположномъ диванѣ никого не было. Стукъ оконную раму хотя и продолжался настойчиво, но совсѣмъ не громко, какъ сейчасъ только мерещилось ему во снѣ, на-ивъ, очень сдержанно.

— Это не сонъ! Нѣтъ, клянусь, это былъ не сонъ, это все асъ было! вскричалъ Иванъ Ѳедоровичъ, бросился къ окну ворилъ форточку.

— Алеша, я вѣдь не велѣлъ приходить! свирѣпо крикнулъ брату.—Въ двухъ словахъ: чего тебѣ надо? Въ двухъ сло-ъ, слышишь?

— Часъ тому назадъ повѣсился Смердяковъ, отвѣтилъ со Алеша.

— Пройди на крыльцо, сейчасъ отворю тебѣ, сказалъ Иванъ, ошелъ отворять Алешѣ.

X.

«Это онъ говорилъ!»

Алеша, войдя, сообщилъ Ивану Ѳедоровичу, что часъ съ неболь-ъ назадъ, прибѣжала къ нему на квартиру Марья Кондрать-и объявила, что Смердяковъ лишилъ себя жизни. «Вхожу къ нему самоваръ прибрать, а онъ у стѣнки на гвоздочкѣ гъ». На вопросъ Алеши: «заявила-ль она кому слѣдуетъ?» тила, что никому не заявляла, а «прямо бросилась къ вамъ

къ первому и всю дорогу бѣжала бѣгомъ». Она была
мѣшанная, передавалъ Алеша, и вся дрожала какъ листъ
же Алеша прибѣжалъ вмѣстѣ съ ней въ ихъ избу, то
Смердякова все еще висѣвшимъ, На столѣ лежала записка:
ляю свою жизнь своею собственною волей и охотой, чтобы
не винить». Алеша такъ и оставилъ эту записку на
пошелъ прямо къ исправнику, у него обо всемъ заяв
оттуда прямо къ тебѣ», заключилъ Алеша, пристально
ваясь въ лицо Ивана. И все время, пока онъ разсказыв
не отводилъ отъ него глазъ, какъ-бы чѣмъ-то очень пора
въ выраженіи его лица.

— Братъ, вскричалъ онъ вдругъ, — ты вѣрно уж
ленъ! Ты смотришь и какъ будто не понимаешь что я

— Это хорошо, что ты пришелъ, проговорилъ какъ-бы
чиво Иванъ и какъ-бы вовсе не слыхавъ восклицанія А
А вѣдь я зналъ, что онъ повѣсился.

— Отъ кого-же?

— Не знаю отъ кого. Но я зналъ. Зналъ-ли я? Да,
сказалъ. Онъ сейчасъ еще мнѣ говорилъ...

Иванъ стоялъ среди комнаты и говорилъ все также за
и смотря въ землю.

— Кто *онъ?* спросилъ Алеша, невольно оглядѣвшись в

— Онъ улизнулъ.

Иванъ поднялъ голову и тихо улыбнулся:

— Онъ тебя испугался, тебя, голубя. Ты «чистый херу
Тебя Дмитрій херувимомъ зоветъ. Херувимъ... Громовы
восторга серафимовъ! Что такое серафимъ? Можетъ быть,
созвѣздіе. А, можетъ быть, все то созвѣздіе есть всего
какая-нибудь химическая молекула... Есть созвѣздіе
Солнца, не знаешь-ли?

— Братъ, сядь! проговорилъ Алеша въ испугѣ,—сяд
Бога, на диванъ. Ты въ бреду, прилягъ на подушку, вот
Хочешь полотенце мокрое къ головѣ? Можетъ, лучше с

— Дай полотенце, вотъ тутъ на стулѣ, я давеча сюда б

— Тутъ нѣтъ его. Не безпокойся, я знаю гдѣ лежит
оно, сказалъ Алеша, сыскавъ въ другомъ углу комнаты, у
наго столика Ивана, чистое, еще сложенное и не употре
полотенце. Иванъ странно посмотрѣлъ на полотенце; памя
бы въ мигъ воротилась къ нему.

— Постой, привсталъ онъ съ дивана,—я давеча, часъ
это самое полотенце взялъ оттуда-же и смочилъ водой.

ывалъ къ головѣ и бросилъ сюда... какже оно сухое? Дру-
не было.
— Ты прикладывалъ это полотенце къ головѣ? спросилъ
ш.
— Да, и ходилъ по комнатѣ, часъ назадъ... Почему такъ
ки сгорѣли? Который часъ?
— Скоро двѣнадцать.
— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! вскричалъ вдругъ Иванъ,—это былъ
онъ! Онъ былъ, онъ тутъ сидѣлъ, вонъ на томъ диванѣ.
ь ты стучалъ въ окно, я бросилъ на него стаканъ... вотъ
ъ... Постой, я и прежде спалъ, но этотъ сонъ не сонъ. И
де было. У меня, Алеша, теперь бываютъ сны... но они не
а на яву: я хожу, говорю и вижу... а сплю. Но онъ тутъ
тъ, онъ былъ, вотъ на этомъ диванѣ... Онъ ужасно глупъ,
ша, ужасно глупъ, засмѣялся вдругъ Иванъ и принялся шагать
омнатѣ.
— Кто глупъ? Про кого ты говоришь, братъ? опять тоскливо
ылъ Алеша.
— Чортъ! Онъ ко мнѣ повадился. Два раза былъ, даже почти
Онъ дразнилъ меня тѣмъ, будто я сержусь, что онъ просто
ъ, а не сатана съ опаленными крыльями, въ громѣ и блескѣ.
нъ не сатана, это онъ лжетъ. Онъ самозванецъ. Онъ просто
ъ, дрянной, мелкій чортъ. Онъ въ баню ходитъ. Раздѣнь его
вѣрно отыщешь хвостъ, длинный, гладкій какъ у датской
ки, въ аршинъ длиной, бурый... Алеша, ты озябъ, ты въ снѣгу
, хочешь чаю? Что? Холодный? Хочешь велю поставить? C'est
pas mettre un chien dehors...
Алеша быстро сбѣгалъ къ рукомойнику, намочилъ полотенце,
орилъ Ивана опять сѣсть и обложилъ ему мокрымъ полотен-
голову. Самъ сѣлъ подлѣ него.
— Что ты мнѣ давеча говорилъ про Лизу? началъ опять Иванъ.
становился очень словоохотливъ).—Мнѣ нравится Лиза. Я
лъ про нее тебѣ что-то скверное. Я солгалъ, мнѣ она нра-
ся... Я боюсь завтра за Катю, больше всего боюсь. За буду-
Она завтра броситъ меня и растопчетъ ногами. Она думаетъ,
я изъ ревности къ ней гублю Митю! Да, она это думаетъ!
ь вотъ нѣтъ-же! Завтра крестъ, но не висѣлица. Нѣтъ, я не
шусь. Знаешь-ли ты, что я никогда не могу лишить себя
зни, Алеша! Отъ подлости, что-ли? Я не трусъ. Отъ жажды
и! Почему это я зналъ, что Смердяковъ повѣсился? Да, это
мнѣ сказалъ...

ka

— И ты твердо увѣренъ, что кто-то тутъ сидѣлъ? спр
Алеша.

— Вонъ на томъ диванѣ, въ углу. Ты-бы его прогналъ
ты-же его и прогналъ: онъ исчезъ какъ ты явился. Я лю
твое лицо, Алеша. Зналъ-ли ты, что я люблю твое лицо? А
это я, Алеша, я самъ. Все мое низкое, все мое подлое и
зрѣнное! Да, я «романтикъ», онъ это подмѣтилъ... хоть э
клевета. Онъ ужасно глупъ, но онъ этимъ беретъ. Онъ хит
животно хитеръ, онъ зналъ чѣмъ взбѣсить меня. Онъ все д
нилъ меня, что я въ него вѣрю и тѣмъ заставилъ меня его слуш
Онъ надулъ меня какъ мальчишку. Онъ мнѣ, впрочемъ, сказалъ
меня много правды. Я-бы никогда этого не сказалъ себѣ. Знае
Алеша, знаешь, — ужасно серьезно и какъ-бы конфиденціаль
прибавилъ Иванъ, — я-бы очень желалъ, чтобъ онъ въ са
дѣлѣ былъ *онъ*, а не я!

— Онъ тебя измучилъ, сказалъ Алеша, съ состраданіе
смотря на брата.

— Дразнилъ меня! И, знаешь, ловко, ловко: «Совѣсть!
совѣсть? Я самъ ее дѣлаю. Зачѣмъ-же я мучаюсь? По привы
По всемірной человѣческой привычкѣ за семь тысячъ лѣтъ.
отвыкнемъ и будемъ боги».—Это онъ говорилъ, это онъ говор

— А не ты, не ты? ясно смотря на брата, неудержимо вск
чалъ Алеша.—Ну и пусть его, брось его и забудь о немъ! Пу
онъ унесетъ съ собою все, что ты теперь проклинаешь, и ни
не приходить!

— Да, но онъ золъ. Онъ надо мной смѣялся. Онъ
дерзокъ, Алеша, съ содраганіемъ обиды проговорилъ Иванъ.
Но онъ клеветалъ на меня, онъ во многомъ клеветалъ. Ег
мнѣ-же на меня-же въ глаза. «О, ты идешь совершить подв
добродѣтели, объявишь, что убилъ отца, что лакей по тво
наущенію убилъ отца»...

— Братъ, прервалъ Алеша,—удержись: не ты убилъ
неправда!

— Это онъ говоритъ, онъ, а онъ это знаетъ. «Ты
совершить подвигъ добродѣтели, а въ добродѣтель-то и не
ришь—вотъ что тебя злитъ и мучаетъ, вотъ отчего ты такой
тельный».—Это онъ мнѣ про меня говорилъ, а онъ знаетъ
говоритъ...

— Это ты говоришь, а не онъ! горестно воскликнулъ
ша,—и говоришь въ болѣзни, въ бреду, себя мучая!

— Нѣтъ, онъ знаетъ что говоритъ. Ты, говоритъ, изъ

ти идешь, ты станешь и скажешь: «это я убилъ, и чего вы
читесь отъ ужаса, вы лжете! Мнѣніе ваше презираю, ужасъ
къ презираю»:—это онъ про меня говоритъ, и вдругъ гово-
ритъ: «А знаешь, тебѣ хочется, чтобъ они тебя похвалили: пре-
ступникъ, дескать, убійца, но какія у него великодушныя чув-
ства, брата спасти захотѣлъ и признался!» Вотъ это такъ ужь
ложь, Алеша! вскричалъ вдругъ Иванъ, засверкавъ глазами.—
Не хочу, чтобы меня смерды хвалили! Это онъ солгалъ, Алеша,
солгалъ, клянусь тебѣ! Я бросилъ въ него за это стаканомъ, и
расшибся объ его морду.

— Братъ, успокойся, перестань! упрашивалъ Алеша.

— Нѣтъ, онъ умѣетъ мучить, онъ жестокъ, продолжалъ не
слушая Иванъ.—Я всегда предчувствовалъ, зачѣмъ онъ прихо-
дитъ. «Пусть, говоритъ, ты шелъ изъ гордости, но вѣдь все-же
была и надежда, что уличатъ Смердякова и сошлютъ въ каторгу,
Митю оправдаютъ, а тебя осудятъ лишь *нравственно* —
слышишь, онъ тутъ смѣялся!)—а другіе такъ и похвалятъ. Но
онъ умеръ Смердяковъ, повѣсился,—ну, и кто-жь тебѣ тамъ на
тебя теперь-то одному повѣритъ? А вѣдь ты идешь, идешь, ты
такъ пойдешь, ты рѣшилъ, что пойдешь. Для чего-же ты
идешь послѣ этого?» Это страшно, Алеша, я не могу выносить
этихъ вопросовъ. Кто смѣетъ мнѣ задавать такіе вопросы?

— Братъ, прервалъ Алеша, замирая отъ страха, но все еще
хотѣлъ-бы надѣясь образумить Ивана, — какъ-же могъ онъ гово-
рить тебѣ про смерть Смердякова до моего прихода, когда еще
никто и не зналъ о ней, да и времени не было никому узнать?

— Онъ говорилъ, твердо произнесъ Иванъ, не допуская и
тѣнія. — Онъ только про это и говорилъ, если хочешь. «И
хоро-бы ты, говоритъ, въ добродѣтель вѣрилъ: пусть не повѣ-
рятъ мнѣ, для принципа иду. Но вѣдь ты поросенокъ, какъ Ѳе-
докъ Павловичъ и что тебѣ добродѣтель? Для чего-же ты туда
рвешься, если жертва твоя ни къ чему не послужитъ? А
знаю, что ты самъ не знаешь для чего идешь! О, ты-бы много
далъ, чтобъ узнать самому для чего идешь! И будто ты рѣ-
шился? Ты еще не рѣшился? Ты всю ночь будешь сидѣть и
ждать: идти или нѣтъ? Но ты все-таки пойдешь и знаешь, что
пойдешь, самъ знаешь, что какъ-бы ты ни рѣшался, а рѣшеніе
твое не отъ тебя зависитъ. Пойдешь, потому что не смѣешь не
пойти. Почему не смѣешь, — это ужь самъ угадай, вотъ тебѣ
загадка!» Всталъ и ушелъ. Ты пришелъ, а онъ ушелъ. Онъ
меня трусомъ назвалъ, Алеша! Le mot de l'enigme, что я трусъ!

«Не такимъ орламъ воспарять надъ землей!» Это онъ прибавилъ, это онъ прибавилъ! И Смердяковъ это-же говорилъ. Его надо убить! Катя меня презираетъ, я уже мѣсяцъ это вижу, да и Лиза презирать начнетъ! «Идешь, чтобъ тебя похвалили»,—«это звѣрская ложь! И ты тоже презираешь меня, Алеша. Теперь я тебя опять возненавижу! И изверга ненавижу, и изверга ненавижу! Не хочу спасать изверга, пусть сгніетъ въ каторгѣ! Гимнъ запѣлъ! О, завтра я пойду, стану предъ ними и плюну имъ всѣмъ въ глаза!

Онъ вскочилъ въ изступленіи, сбросилъ съ себя полотенце и принялся снова шагать по комнатѣ. Алеша вспомнилъ давешнія слова его: «Какъ будто я сплю на яву... Хожу, говорю и вижу, а сплю». Именно какъ будто это совершалось теперь. Алеша не отходилъ отъ него. Мелькнула было у него мысль сбѣжать къ доктору и привесть того, но онъ побоялся оставить брата одного: поручить его совсѣмъ не кому было. Наконецъ Иванъ, мало по малу, сталъ совсѣмъ лишаться памяти. Онъ все продолжалъ говорить, говорилъ не умолкая, но уже совсѣмъ несладно. Даже плохо выговаривалъ слова и вдругъ сильно покачнулся на мѣстѣ. Но Алеша успѣлъ поддержать его. Иванъ далъ себя довести до постели, Алеша кое-какъ раздѣлъ его и уложилъ. Самъ просидѣлъ надъ нимъ еще часа два. Больной спалъ крѣпко, безъ движенія, тихо и ровно дыша. Алеша взялъ подушку и легъ на диванѣ, не раздѣваясь. Засыпая, помолился о Митѣ и объ Иванѣ. Ему становилась понятною болѣзнь Ивана: «Муки гордаго рѣшенія, глубокая совѣсть!» Богъ, которому онъ не вѣрилъ, и правда Его одолѣвали сердце, все еще не хотѣвшее подчиниться. «Да, — неслось въ головѣ Алеши, уже лежавшей на подушкѣ,— да, коль Смердяковъ умеръ, то показанію Ивана никто уже не повѣритъ; но онъ пойдетъ и покажетъ!» Алеша тихо улыбнулся: «Богъ побѣдитъ!» подумалъ онъ. «Или возстанетъ въ свѣтѣ правды, или... погибнетъ въ ненависти, мстя себѣ и всѣмъ за то, что послужилъ тому, во что̀ не вѣритъ», горько прибавилъ Алеша и опять помолился за Ивана.

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ.

СУДЕБНАЯ ОШИБКА.

I.

Роковой день.

На другой день послѣ описанныхъ мною событій, въ десять часовъ утра, открылось засѣданіе нашего окружнаго суда и начался судъ надъ Дмитріемъ Карамазовымъ.

Скажу впередъ и скажу съ настойчивостью: я далеко не считаю себя въ силахъ передать все то, что произошло на судѣ, и не только въ надлежащей полнотѣ, но даже и въ надлежащемъ порядкѣ. Мнѣ все кажется, что если-бы все припомнить и не какъ слѣдуетъ разъяснить, то потребуется цѣлая книга гораздо пребольшая. А потому пусть не посѣтуютъ на меня, что я передамъ лишь то, что̀ меня лично поразило и что я особенно запомнилъ. Я могъ принять второстепенное за главнѣйшее, даже могъ упустить самыя рѣзкія необходимѣйшія черты... А, впрочемъ, вижу, что лучше не извиняться. Сдѣлаю какъ умѣю, и читатели сами поймутъ, что я сдѣлалъ лишь какъ умѣлъ.

И, во первыхъ, прежде чѣмъ мы войдемъ въ залу суда, упомяну о томъ, что̀ меня въ этотъ день особенно удивило. Впрочемъ, удивило не одного меня, а, какъ оказалось впослѣдствіи, всѣхъ. Именно: всѣ знали, что дѣло это заинтересовало слишкомъ многихъ, что всѣ сгорали отъ нетерпѣнія, когда начнется судъ, что въ обществѣ нашемъ много говорили, предполагали, ожидали, мечтали уже цѣлые два мѣсяца. Всѣ знали тоже, что дѣло это получило всероссійскую огласку, но, всетаки, не

представляли себѣ, что оно до такой уже жгучей, до
дражительной степени потрясло всѣхъ и каждаго, да и
только, а повсемѣстно, какъ оказалось это на самомъ
этотъ день. Къ этому дню къ намъ съѣхались гости
изъ нашего губернскаго города, но и изъ нѣкоторыхъ
городовъ Россіи, а, наконецъ, изъ Москвы и изъ Пе
Пріѣхали юристы, пріѣхало даже нѣсколько знатныхъ
также и дамы. Всѣ билеты были расхватаны. Для
почетныхъ и знатныхъ посѣтителей изъ мужчинъ
были даже совсѣмъ уже необыкновенныя мѣста сза
за которымъ помѣщался судъ; тамъ появился цѣлый
нятыхъ разными особами креселъ, чего никогда у насъ
не допускалось. Особенно много оказалось дамъ, —
и пріѣзжихъ, я думаю, даже не менѣе половины всей
Однихъ только съѣхавшихся отовсюду юристовъ оказал
много, что даже не знали ужь гдѣ ихъ помѣстить, та
всѣ билеты давно уже были розданы, выпрошены и вы
Я видѣлъ самъ, какъ въ концѣ залы, за эстрадой, бы
менно и наскоро устроена особая загородка, въ котор
стили всѣхъ этихъ съѣхавшихся юристовъ, и они поч
даже счастливыми, что могли тутъ хоть стоять, пот
стулья, чтобы выгадать мѣсто, были изъ этой загородки
вынесены, и вся набравшаяся толпа простояла все «дѣл
сомкнувшейся кучей, плечомъ къ плечу. Нѣкоторыя из
особенно изъ пріѣзжихъ, явились на хорахъ залы чрез
разряженныя, но большинство дамъ даже и о нарядахъ за
ихъ лицахъ читалось истерическое, жадное, болѣзненно
любопытство. Одна изъ характернѣйшихъ особенност
этого собравшагося въ залѣ общества, и которую нел
отмѣтить, состояла въ томъ, что, какъ и оправдалось по
многимъ наблюденіямъ, почти всѣ дамы, по крайней мѣр
нѣйшее большинство ихъ, стояли за Митю и за оправд
Можетъ быть, главное, потому, что о немъ составилос
ставленіе какъ о покорителѣ женскихъ сердецъ. Зна
явятся двѣ женщины-соперницы. Одна изъ нихъ, то ес
рина Ивановна, особенно всѣхъ интересовала; про нее
зывалось чрезвычайно много необыкновеннаго, про ея
къ Митѣ, не смотря даже на его преступленіе, разсказ
удивительные анекдоты. Особенно упоминалось объ ея
(она почти никому въ нашемъ городѣ не сдѣлала ви
объ «аристократическихъ связяхъ». Говорили, что она

ить правительство, чтобъ ей позволили сопровождать пре-
ника на каторгу и обвѣнчаться съ нимъ гдѣ-нибудь въ
ахъ подъ землей. Съ неменьшимъ волненіемъ ожидали
енія на судѣ и Грушеньки, какъ соперницы Катерины Ива-
ы. Съ мучительнымъ любопытствомъ ожидали встрѣчи предъ
ъ двухъ соперницъ — аристократической гордой дѣвушки
терины»; Грушенька, впрочемъ, была извѣстнѣе нашимъ да-
, чѣмъ Катерина Ивановна. Ее, «погубительницу Ѳедора Пав-
ча и несчастнаго сына его», видали наши дамы и прежде,
, почти до единой, удивлялись, какъ въ такую «самую обыкно-
ую, совсѣмъ даже не красивую собой русскую мѣщанку» могли
кой степени влюбиться отецъ и сынъ. Словомъ, толковъ было
о. Мнѣ положительно извѣстно, что собственно въ нашемъ
дѣ произошло даже нѣсколько серьезныхъ семейныхъ ссоръ
за Мити. Многія дамы горячо поссорились со своими супру-
за разность взглядовъ на все это ужасное дѣло, и есте-
нно послѣ того, что всѣ мужья этихъ дамъ явились въ залу
уже не только нерасположенными къ подсудимому, по даже
ленными противъ него. И вообще положительно можно
сказать, что, въ противоположность дамскому, весь муж-
элементъ былъ настроенъ противъ подсудимаго. Виднѣлись
ія, нахмуренныя лица, другія даже совсѣмъ злобныя, и
о множествѣ. Правда и то, что Митя многихъ изъ нихъ
лъ оскорбить лично во всемя своего у насъ пребыванія.
чно, иные изъ посѣтителей были почти даже веселы и
ьма безучастны собственно къ судьбѣ Мити, но все-же
ь-таки не къ разсматривавшемуся дѣлу; всѣ были заняты
омъ его, и большинство мужчинъ рѣшительно желало кары
упнику, кромѣ развѣ юристовъ, которымъ дорога была не
ственная сторона дѣла, а лишь, такъ сказать, современно-
ическая. Всѣхъ волновалъ пріѣздъ знаменитаго Ѳетюко-
Талантъ его былъ извѣстенъ повсемѣстно, и это уже не
ервый разъ, что онъ являлся въ провинціи защищать гром-
головныя дѣла. И послѣ его защиты таковыя дѣла всегда
вились знаменитыми на всю Россію и надолго памятными.
о нѣсколько анекдотовъ и о нашемъ прокурорѣ и о пред-
телѣ суда. Разсказывалось, что нашъ прокуроръ трепеталъ
чи съ Ѳетюковичемъ, что это были старинные враги еще
етербурга, еще съ начала ихъ карьеры, что самолюбивый
ъ Ипполитъ Кирилловичъ, считавшій себя постоянно кѣмъ-
бженнымъ еще съ Петербурга, за то, что не были надле-

жаше опѣнены его таланты, воскресъ было духомъ надъ
Карамазовыхъ и мечталъ даже воскресить этимъ дѣлом
увядшее поприще, но что пугалъ его лишь Ѳетюковичъ.
счетъ трепета предъ Ѳетюковичемъ сужденія были не сп
справедливы. Прокуроръ нашъ былъ не изъ такихъ храбр
которые падаютъ духомъ предъ опасностью, а, напротив
тѣхъ чье самолюбіе выростаетъ и окрыляется именно по
возростанія опасности. Вообще-же надо замѣтить, что про
нашъ былъ слишкомъ горячъ и болѣзненно воспріимчив
иное дѣло онъ клалъ всю свою душу и велъ его такъ, к
отъ рѣшенія его зависѣла вся его судьба и все его дос
Въ юридическомъ мірѣ надъ этимъ нѣсколько смѣялис
нашъ прокуроръ именно этимъ качествомъ своимъ засл
даже нѣкоторую извѣстность, если далеко не повсемѣст
гораздо бо́льшую чѣмъ можно было предположить въ ви
скромнаго мѣста въ нашемъ судѣ. Особенно смѣялись на
страстью къ психологіи. По моему, всѣ ошибались: наш
куроръ, какъ человѣкъ и характеръ, кажется мнѣ, былъ
серьезнѣе, чѣмъ многіе о немъ думали. Но ужь такъ не
поставить себя этотъ болѣзненный человѣкъ съ самых
выхъ своихъ шаговъ еще въ началѣ поприща, а затѣм
всю свою жизнь.

Что-же до предсѣдателя нашего суда, то о немъ можн
зать лишь то, что это былъ человѣкъ образованный, гум
практически знающій дѣло и самыхъ современныхъ идей
онъ довольно самолюбивъ, но о карьерѣ своей не очен
тился. Главная цѣль его жизни заключалась въ томъ,
быть передовымъ человѣкомъ. Притомъ имѣлъ связи и
ніе. На дѣло Карамазовыхъ, какъ оказалось потомъ, он
рѣлъ довольно горячо, но лишь въ общемъ смыслѣ. Его
мало явленіе, классификація его, взглядъ на него, какъ
дуктъ нашихъ соціальныхъ основъ, какъ на характер
русскаго элемента, и проч., и проч. Къ личному-же ха
дѣла, къ трагедіи его, равно какъ и къ личностямъ уча
щихъ лицъ, начиная съ подсудимаго, онъ относился до
безразлично и отвлеченно, какъ, впрочемъ, можетъ б
слѣдовало.

За долго до появленія суда зала была уже набита бо
У насъ зала суда лучшая въ городѣ, обширная, высокая
ная. Направо отъ членовъ суда, помѣщавшихся на нѣко
возвышеніи, былъ приготовленъ столъ и два ряда к

рисяжныхъ засѣдателей. Налѣво было мѣсто подсудимаго защитника. На срединѣ залы, близь помѣщенія суда, стоялъ съ «вещественными доказательствами». На немъ лежали вленный шелковый бѣлый халатъ Ѳедора Павловича, ромѣдный пестикъ, коимъ было совершено предполагаебійство, рубашка Мити съ запачканнымъ кровью рукаего сюртукъ весь въ кровавыхъ пятнахъ сзади на мѣстѣ на, въ который онъ сунулъ тогда свой весь мокрый отъ платокъ, самый платокъ, весь закорузлый отъ крови, уже совсѣмъ пожелтѣвшій, пистолетъ, заряженный для йства Митей у Перхотина и отобранный у него ти- въ Мокромъ Трифономъ Борисовичемъ, конвертъ съ надъ, въ которомъ были приготовлены для Грушеньки три ты- розовая тоненькая ленточка, которою онъ былъ обвязанъ, іе многіе предметы, которыхъ и не упомню. На нѣкоразстояніи дальше, въ глубь залы, начинались мѣста для и, но еще предъ баллюстрадой стояло нѣсколько креселъ ихъ свидѣтелей, уже давшихъ свое показаніе, которые оставлены въ залѣ. Въ десять часовъ появился судъ ставѣ предсѣдателя, одного члена и одного почетнаго мисудьи. Разумѣется, тотчасъ-же появился и прокуроръ. датель былъ плотный, коренастый человѣкъ, ниже средюста, съ гемороидальнымъ лицомъ, лѣтъ пятидесяти, съ ми съ просѣдью волосами, коротко обстриженными, и въ й лентѣ — не помню ужь какого ордена. Прокуроръ-же лся мнѣ,—да и не мнѣ, а всѣмъ, очень ужь какъ-то блѣдпочти съ зеленымъ лицомъ, почему-то какъ-бы внезапно вшимъ въ одну, можетъ быть, ночь, потому что я всего третьяго дня видѣлъ его совсѣмъ еще въ своемъ видѣ. датель началъ съ вопроса судебному приставу: «всѣ-ли ъ присяжные засѣдатели»?.. Вижу, однако, что такъ болѣе жать не могу, уже потому даже, что многаго не разслыв другое пропустилъ вникнуть, третье забылъ упомнить, вное, потому, что какъ уже и сказалъ я выше, если все инать что было сказано и что произошло, то буквально танетъ у меня ни времени, ни мѣста. Знаю только, что ныхъ засѣдателей, тою и другою стороной, то есть заомъ и прокуроромъ, отведено было не очень много. Соже двѣнадцати присяжныхъ запомнилъ: четыре нашихъ ика, два купца и шесть крестьянъ и мѣщанъ нашего го- у насъ въ обществѣ, я помню, еще задолго до суда, съ

нѣкоторымъ удивленіемъ спрашивали, особенно дамы: «Не
такое тонкое, сложное и психологическое дѣло будетъ от
роковое рѣшеніе какимъ-то чиновникамъ и, наконецъ, мужи
и «что-де пойметъ тутъ какой-нибудь такой чиновникъ, т
лѣе мужикъ?» Въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти четыре чиновника,
давшіе въ составъ присяжныхъ, были люди мелкіе, малочи
ные, сѣдые,—одинъ только изъ нихъ былъ нѣсколько мо
же,—въ обществѣ нашемъ малоизвѣстные, прозябавшіе на
комъ жалованьѣ, имѣвшіе, должно быть, старыхъ женъ, и
рыхъ никуда нельзя показать, и по кучѣ дѣтей, можетъ б
даже босоногихъ, много-много что развлекавшіе свой досугъ
нибудь картишками и, ужь разумѣется, никогда не прочит
ни одной книги. Два-же купца имѣли хоть и степенный в
но были какъ-то странно молчаливы и неподвижны: одинъ
нихъ брилъ бороду и былъ одѣтъ по нѣмецки, другой, с
денькой бородкой, имѣлъ на шеѣ, на красной лентѣ, какую
медаль. Про мѣщанъ и крестьянъ и говорить нечего. Наши с
пригоньевскіе мѣщане почти тѣ же крестьяне, даже пашутъ
изъ нихъ были тоже въ нѣмецкомъ платьѣ и оттого-то, м
быть, грязнѣе и непригляднѣе на видъ, чѣмъ остальные чл
Такъ что дѣйствительно могла зайдти мысль, какъ запла
напримѣръ, только что я ихъ разсмотрѣлъ: «что могутъ
постичь въ такомъ дѣлѣ?» Тѣмъ не менѣе лица ихъ произв
какое-то странно внушительное и почти грозящее впечатл
были строги и нахмурены.

Наконецъ, предсѣдатель объявилъ къ слушанію дѣло
убійствѣ отставнаго титулярнаго совѣтника Ѳедора Пав
Карамазова,—не помню вполнѣ, какъ онъ тогда выразился
дебному приставу велѣно было ввести подсудимаго, и вотъ
явился Митя. Все затихло въ залѣ, муху можно было услы
Не знаю какъ на другихъ, но видъ Митя произвелъ на
самое непріятное впечатлѣніе. Главное, онъ явился ужасн
франтомъ, въ новомъ съ иголочки сюртукѣ. Я узналъ по
что онъ нарочно заказалъ къ этому дню себѣ сюртукъ въ
квѣ, прежнему портному, у котораго сохранилась его м
Былъ онъ въ новешенькихъ черныхъ лайковыхъ перчатк
въ щегольскомъ бѣльѣ. Онъ прошелъ своими длинными н
ными шагами, прямо, до неподвижности, смотря передъ с
и сѣлъ на свое мѣсто съ самымъ безтрепетнымъ видомъ. Тут
сейчасъ-же явился и защитникъ, знаменитый Фетюкови
какъ-бы какой-то подавленный гулъ пронесся въ залѣ. Это

ный, сухой человѣкъ, съ длинными тонкими. ногами, съ чрезвычайно длинными, блѣдными, тонкими пальцами, съ обритымъ ицомъ, со скромно причесанными, довольно короткими волосами, онкими изрѣдка кривившимися, не то насмѣшкой, не то кой, губами. На видъ ему было лѣтъ сорокъ. Лицо его -бы и пріятнымъ, если-бы не глаза его, сами по себѣ не-ше и не выразительные, но до рѣдкости близко одинъ отъ го поставленные, такъ что ихъ раздѣляла всего только одна ая косточка его продолговатаго тонкаго носа. Словомъ, физія эта имѣла въ себѣ что-то рѣзко птичье, что поражало. былъ во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ. Помню первый опросъ предсѣдателемъ, то есть объ имени, званіи и проч. Митя гилъ рѣзко, но какъ-то неожиданно громко, такъ что предсѣдатель встряхнулъ даже головой и почти съ удивленіемъ повѣлъ на него. Затѣмъ былъ прочитанъ списокъ лицъ, вызванныхъ къ судебному слѣдствію, то есть свидѣтелей и экспер-

Списокъ былъ длинный; четверо изъ свидѣтелей не яви-Міусовъ, бывшій въ настоящее время уже въ Парижѣ, но ваніе котораго имѣлось еще въ предварительномъ слѣдствіи, Хохлакова и помѣщикъ Максимовъ по болѣзни и Смердя-за внезапною смертью, причемъ было представлено свидѣтво отъ полиціи. Извѣстіе о Смердяковѣ вызвало сильное женіе и шепотъ въ залѣ. Конечно, въ публикѣ многіе еще не знали объ этомъ внезапномъ эпизодѣ самоубійства. Но особенно поразило, это—внезапная выходка Мити: только донесли о Смердяковѣ, какъ вдругъ онъ со своего мѣста икнулъ на всю залу:

– Собакѣ собачья смерть!

омню, какъ бросился къ нему его защитникъ и какъ предсѣдатель обратился къ нему, съ угрозой принять строгія мѣры, еще разъ повторится подобная этой выходка. Митя отры-и кивая головой, но какъ будто совсѣмъ не раскаиваясь, лько разъ повторилъ вполголоса защитнику:

– Не буду, не буду! Сорвалось! Больше не буду!

, ужь конечно, этотъ коротенькій эпизодъ послужилъ не о пользу во мнѣніи присяжныхъ и публики. Объявлялся теръ и рекомендовалъ себя самъ. Подъ этимъ-то впечатлѣніемъ былъ прочитанъ секретаремъ суда обвинительный актъ. нъ былъ довольно кратокъ, но обстоятеленъ. Излагались главнѣйшія причины, почему привлеченъ такой-то, почему должно было предать суду, и такъ далѣе. Тѣмъ не менѣе онъ

произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Секретарь прочелъ звучно, отчетливо. Вся эта трагедія какъ-бы вновь под предъ всѣми выпукло, концетрично, освѣщенная роковым умолимымъ свѣтомъ. Помню, какъ сейчасъ-же по прочтеніи, сѣдатель громко и внушительно спросилъ Митю:

— Подсудимый, признаете-ли вы себя виновнымъ?

Митя вдругъ всталъ съ мѣста:

— Признаю себя виновнымъ въ пьянствѣ и развратѣ, ликнулъ онъ какимъ-то опять-таки неожиданнымъ, почти ступленнымъ голосомъ,—въ лѣни и въ дебоширствѣ. Хотѣлъ на вѣки честнымъ человѣкомъ именно въ ту секунду, когда сѣкла судьба! Но въ смерти старика, врага моего и отц виновенъ! Но въ ограбленіи его—нѣтъ, нѣтъ, не виновенъ и не могу быть виновнымъ: Дмитрій Карамазовъ подлецъ, но воръ!

Прокричавъ это, онъ сѣлъ на мѣсто, видимо весь дро Предсѣдатель снова обратился къ нему съ краткимъ, но дательнымъ увѣщаніемъ отвѣчать лишь на вопросы, а не ваться въ постороннія и изступленныя восклицанія. Затѣмъ лѣлъ приступить къ судебному слѣдствію. Ввели всѣхъ сви телей для присяги. Тутъ я увидѣлъ ихъ всѣхъ разомъ. Н чемъ, братья подсудимаго были допущены къ свидѣтельству б присяги. Послѣ увѣщанія священника и предсѣдателя, свид лей увели и разсадили по возможности порознь. Затѣмъ с вызывать ихъ по одному.

II.

Опасные свидѣтели.

Не знаю были-ли свидѣтели прокурорскіе и отъ защиты р дѣлены предсѣдателемъ какъ-нибудь на группы и въ каки именно порядкѣ предположено было вызвать ихъ. Должно бы все это было. Знаю только, что первыми стали вызывать с дѣтелей прокурорскихъ. Повторю, я не намѣренъ описы всѣ допросы и шагъ за шагомъ. Къ тому-же, мое описаніе шло-бы отчасти и лишнимъ, потому что въ рѣчахъ проку и защитника, когда приступили къ преніямъ, весь ходъ и сил всѣхъ данныхъ и выслушанныхъ показаній были сведены и бы въ одну точку съ яркимъ и характернымъ освѣщеніе

замѣчательныя рѣчи я, по крайней мѣрѣ, мѣстами за-
въ полнотѣ и передамъ въ свое время, равно какъ и
резвычайный и совсѣмъ неожиданный эпизодъ процесса,
вшійся внезапно еще до судебныхъ преній и несомнѣнно
шій на грозный и роковой исходъ его. Замѣчу только,
самыхъ первыхъ минутъ суда выступила ярко нѣко-
собая характерность этого «дѣла», всѣми замѣченная,
необыкновенная сила обвиненія сравнительно. со сред-
какія имѣла защита. Это всѣ поняли въ первый мигъ,
ь этой грозной залѣ суда начали, концентрируясь, груп-
ься факты и стали постепенно выступать весь этотъ
вся эта кровь наружу. Всѣмъ, можетъ быть, стало
еще съ самыхъ первыхъ шаговъ, что это совсѣмъ даже
орное дѣло, что тутъ нѣтъ сомнѣній, что въ сущности
ъ-бы и преній не надо, что пренія будутъ лишь только
мы, а что преступникъ виновенъ, виновенъ явно, вино-
ончательно. Я думаю даже, что и всѣ дамы, всѣ до еди-
такимъ нетерпѣніемъ жаждавшія оправданія интереснаго
аго, были въ то-же время совершенно увѣрены въ пол-
виновности. Мало того, мнѣ кажется, онѣ-бы даже огор-
если-бы виновность его не столь подтвердилась, ибо
было-бы такого эффекта въ развязкѣ, когда оправ-
реступника. А что его оправдаютъ—въ этомъ, странное
ѣ дамы были окончательно убѣждены почти до самой
ій минуты: «виновенъ, но оправдаютъ изъ гуманности,
ыхъ идей, изъ новыхъ чувствъ, которыя теперь пошли»,
и проч. Для того-то онѣ и сбѣжались сюда съ такимъ
іемъ. Мужчины-же наиболѣе интересовались борьбой
а и славнаго Ѳетюковича. Всѣ удивлялись и спраши-
ія: что можетъ сдѣлать изъ такого потеряннаго дѣла,
ого выѣденнаго яйца даже и такой талантъ какъ Ѳетю-
а потому съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили шагъ
мъ за его подвигами. Но Ѳетюковичъ до самаго конца,
рѣчи своей, остался для всѣхъ загадкой. Опытные люди
твовали, что у него есть система, что у него уже нѣчто
ось, что впереди у него есть цѣль, но какая она—уга-
ло почти невозможно. Его увѣренность и самонадѣян-
юсались, однако-же, въ глаза. Кромѣ того, всѣ съ удо-
ѣмъ сейчасъ-же замѣтили, что онъ, въ такое краткое
ніе у насъ, всего въ какіе нибудь три дня, можетъ быть,
удивительно ознакомиться съ дѣломъ и «до тонкости

изучилъ его». Съ наслажденіемъ разсказывали, напримѣр
томъ, какъ онъ всѣхъ прокурорскихъ свидѣтелей съумѣ
время «подвести» и по возможности сбить, а, главное, под
ихъ нравственную репутацію, а, стало быть, само собой и
рать и ихъ показанія. Полагали, впрочемъ, что онъ дѣлае
много-много, что для игры, такъ сказать, для нѣкотораго
дическаго блеска, чтобъ ужь ничего не было забыто изъ
нятыхъ адвокатскихъ пріемовъ: ибо всѣ были убѣждены
какой нибудь большой и окончательной пользы онъ всѣми
«подмарываніями» не могъ достичь, и, вѣроятно, это самъ
всѣхъ понимаетъ, имѣя какую-то свою идею въ запасѣ, ка
еще пока припрятанное оружіе защиты, которое вдругъ и
ружить, когда придетъ срокъ. Но пока всетаки, сознавая
силу, онъ какъ-бы игралъ и рѣзвился. Такъ, напримѣръ,
опрашивали Григорія Васильевича, бывшаго камердинера
Павловича, дававшаго самое капитальное показаніе объ
ренной въ садъ двери», защитникъ такъ и вцѣпился въ
когда ему, въ свою очередь, пришлось предлагать вопросы
замѣтить, что Григорій Васильевичъ предсталъ въ залу, н
тившись ни мало ни величіемъ суда, ни присутствіемъ огр
слушавшей его публики, съ видомъ спокойнымъ и ч
величавымъ. Онъ давалъ свои показанія съ такою увѣрени
какъ если-бы бесѣдовалъ на единѣ со своею Марѳой Игнать
только развѣ почтительнѣе. Сбить его было невозможно
сначала долго разспрашивалъ прокуроръ о всѣхъ подробно
семейства Карамазовыхъ. Семейная картина ярко выста
наружу. Слышалось, видѣлось, что свидѣтель былъ простод
и безпристрастенъ. При всей глубочайшей почтительност
памяти своего бывшаго барина, онъ всетаки, напримѣръ,
вилъ, что тотъ былъ къ Митѣ несправедливъ и «не такъ
талъ дѣтей. «Его, малаго мальчика, безъ меня вши-бы з
прибавилъ онъ повѣствуя о дѣтскихъ годахъ Мити. «То
годилось отцу сына въ имѣніи его материнскомъ, родовомъ
жать». На вопросъ-же прокурора о томъ, какія у него
ванія утверждать, что Ѳедоръ Павловичъ обидѣлъ въ ра
сына, Григорій Васильевичъ, къ удивленію всѣхъ, основ
ныхъ данныхъ совсѣмъ никакихъ не представилъ, но в
стоялъ на томъ, что разсчетъ съ сыномъ былъ «неправил
и что это точно ему «нѣсколько тысячъ слѣдовало допла
Замѣчу кстати, что этотъ вопросъ — дѣйствительно-ли
Павловичъ не доплатилъ чего Митѣ, прокуроръ съ осо

ойчивостью предлагалъ потомъ и всѣмъ тѣмъ свидѣтелямъ, рымъ могъ его предложить, не исключая ни Алеши, ни Ивана ровича, но ни отъ кого изъ свидѣтелей не получилъ ни- го точнаго свѣдѣнія; всѣ утверждали фактъ и никто не могъ ставить хоть сколько нибудь яснаго доказательства. Послѣ какъ Григорій описалъ сцену за столомъ, когда ворвался грій Ѳедоровичъ и избилъ отца, угрожая воротиться убить —мрачное впечатлѣніе пронеслось по залѣ, тѣмъ болѣе, что ый слуга разсказывалъ спокойно, безъ лишнихъ словъ, образнымъ языкомъ, а вышло страшно краснорѣчиво. За у свою Митей, ударившимъ его тогда по лицу и сбившимъ съ ногъ, онъ замѣтилъ, что не сердится и давно простилъ. окойномъ Смердяковѣ выразился, перекрестясь, что малый ъ со способностью, да глупъ и болѣзнью угнетенъ, а пуще южникъ, и что его безбожеству Ѳедоръ Павловичъ и старшій ъ учили. Но о честности Смердякова подтвердилъ почти съ омъ и тутъ-же передалъ, какъ Смердяковъ, во время оно, дя оброненныя барскія деньги, не утаилъ ихъ, а принесъ ну, и тотъ ему за это «золотой подарилъ» и впредь во всемъ брять началъ. Отворенную-же дверь въ садъ подтвердилъ съ рною настойчивостью. Впрочемъ, его такъ много разспраши- , что я всего и припомнить не могу. Наконецъ, опросы пе- ли къ защитнику, и тотъ первымъ дѣломъ началъ узнавать акетѣ, въ которомъ «будто-бы» спрятаны были Ѳедоромъ ловичемъ три тысячи рублей для «извѣстной особы». «Видѣли- вы его сами—вы, столь многолѣтне-приближенный къ вашему ину человѣкъ?» Григорій отвѣтилъ, что не видѣлъ, да и не халъ о такихъ деньгахъ вовсе ни отъ кого, «до самыхъ тѣхъ ь, какъ вотъ зачали теперь всѣ говорить». Этотъ вопросъ о етѣ Ѳетюковичъ со своей стороны тоже предлагалъ всѣмъ,) могъ объ этомъ спросить изъ свидѣтелей съ такою-же на- ічивостью, какъ и прокуроръ свои вопросъ о раздѣлѣ имѣнія. о всѣхъ тоже получалъ лишь одинъ отвѣтъ, что пакета никто видалъ, хотя очень многіе о немъ слышали. Эту настойчи- ъ защитника на этомъ вопросѣ всѣ съ самаго начала замѣтили. — Теперь могу-ли обратиться къ вамъ съ вопросомъ, если ко позволите, вдругъ и совсѣмъ неожиданно спросилъ Ѳе- овичъ,—изъ чего состоялъ тотъ бальзамъ, или, такъ сказать, настойка, посредствомъ которой вы въ тотъ вечеръ, передъ ъ, какъ извѣстно изъ предварительнаго слѣдствія, вытерли у страдающую поясницу, надѣясь тѣмъ излѣчиться?

Григорій тупо посмотрѣлъ на опросчика и, помолчав сколько, пробормоталъ: «былъ шалфей положенъ».

— Только шалфей? Не припомните-ли еще чего-нибудь

— Подорожникъ былъ тоже.

— И перецъ, можетъ быть? любопытствовалъ Ѳетюк

— И перецъ былъ.

— И такъ далѣе. И все это на водочкѣ?

— На спирту.

Въ залѣ чуть-чуть пронесся смѣшокъ.

— Видите, даже и на спирту. Вытерши спину, вы вы тальное содержаніе бутылки, съ нѣкоею благочестивою по извѣстной лишь вашей супругѣ, изволили выпить, вѣдь т

— Выпилъ.

— Много-ли примѣрно выпили? Примѣрно? Рюмочку, друг

— Со стаканъ будетъ.

— Даже и со стаканъ. Можетъ быть, и полтора стакан

Григорій замолкъ. Онъ какъ-бы что-то понялъ.

— Стаканчика полтора чистенькаго спиртику — оно и очень недурно, какъ вы думаете? Можно и «райскія двери верзты» увидѣть, не то что дверь въ садъ?

Григорій все молчалъ. Опять прошелъ смѣшокъ въ зал Предсѣдатель пошевелился.

— Не знаете-ли вы навѣрно, впился все болѣе и бол Ѳетюковичъ—почивали вы или нѣтъ въ ту минуту, когда уви дѣли отворенную въ садъ дверь?

— На ногахъ стоялъ.

— Это еще не доказательство, что не почивали (еще и см смѣшокъ въ залѣ). Могли-ли, напримѣръ, отвѣтить въ ту минуту, если-бы васъ кто спросилъ о чемъ, — ну, напримѣръ, о том который у насъ теперь годъ?

— Этого не знаю.

— А который у насъ теперь годъ, нашей эры, отъ Рожд ства Христова, не знаете-ли?

Григорій стоялъ со сбитымъ видомъ, въ упоръ смотря своего мучителя. Странно это. казалось. повидимому, что он дѣйствительно не знаетъ какой теперь годъ.

— Можетъ быть, знаете, однако. сколько у васъ на рук пальцевъ?

— Я человѣкъ подневольный. вдругъ громко и раздѣл проговорилъ Григорій, — коли начальству угодно надо мною с смѣхаться, такъ я снести долженъ.

ютюковича какъ-бы немножко осадило, но ввязался и предъ
ль и назидательно напомнилъ защитнику, что слѣдуетъ
ать болѣе подходящіе вопросы. Ѳетюковичъ, выслушавъ, съ
инствомъ поклонился и объявилъ, что разспросы свои кон-
ъ. Конечно, и въ публикѣ, и у присяжныхъ могъ остаться
нькій червячекъ сомнѣнія въ показаніи человѣка, имѣвшаго
ожность «видѣть райскія двери» въ извѣстномъ состояніи
нія, и кромѣ того даже невѣдующаго какой нынѣче годъ отъ
ества Христова; такъ что защитникъ своей цѣли всетаки
игъ. Но предъ уходомъ Григорія произошелъ еще эпизодъ.
ѣдатель, обратившись къ подсудимому, спросилъ: не имѣетъ-
ъ чего замѣтить по поводу данныхъ показаній?

— Кромѣ двери, во всемъ правду сказалъ, громко крикнулъ
.—Что вшей мнѣ вычесывалъ—благодарю, что побои мнѣ
лилъ—благодарю; старикъ былъ честенъ всю жизнь и вѣ-
отцу какъ семьсотъ пуделей.

— Подсудимый, выбирайте ваши слова, строго проговорилъ
ѣдатель.

— Я не пудель, проворчалъ и Григорій.

— Ну, такъ это я пудель, я! крикнулъ Митя.—Коли обидно,
я себя принимаю, а у него прощенія прошу: былъ звѣрь и
имъ жестокъ! Съ Езопомъ былъ жестокъ.

— Съ какимъ Езопомъ? строго поднялъ опять предсѣдатель.

— Ну, съ Пьеро... съ отцемъ, съ Ѳедоромъ Павловичемъ.
редсѣдатель опять и опять внушительно и строжайше уже
ердилъ Митѣ, чтобъ онъ осторожнѣе выбиралъ свои выраженія.

— Вы сами вредите себѣ тѣмъ во мнѣніи судей вашихъ.
очно также весьма ловко распорядился защитникъ и при
ѣ свидѣтеля Ракитина. Замѣчу, что Ракитинъ былъ изъ
съ важныхъ свидѣтелей, и которымъ несомнѣнно дорожилъ
воръ. Оказалось, что онъ все зналъ, удивительно много
, у всѣхъ-то онъ былъ, все-то видѣлъ, со всѣми-то гово-
подробнѣйшимъ образомъ зналъ біографію Ѳедора Павловича
ъ Карамазовыхъ. Правда, про пакетъ съ тремя тысячами
слышалъ лишь отъ самого Мити. Зато подробно описалъ
ти Мити въ трактирѣ «Столичный городъ», всѣ компроме-
щія того слова и жесты и передалъ исторію о «мочалкѣ»
ъ-капитана Снѣгирева. На счетъ-же того особаго пункта,
ли-ли что-нибудь долженъ Ѳедоръ Павловичъ Митѣ при раз-
по имѣнію—даже самъ Ракитинъ не могъ ничего указать
лался лишь общими мѣстами презрительнаго характера:

«кто, дескать, могъ-бы разобрать изъ нихъ виноватаго и
кто кому остался долженъ при безтолковой Карамазовщ
которой никто себя не могъ ни понять, ни опредѣлить
трагедію судимаго преступленія онъ изобразилъ какъ
застарѣлыхъ нравовъ крѣпостнаго права и погруженной
порядокъ Россіи, страдающей безъ соотвѣтственныхъ
Словомъ, ему дали кое-что высказать. Съ этого процесса
динъ Ракитинъ въ первый разъ заявилъ себя и сталъ
прокуроръ зналъ, что свидѣтель готовитъ въ журналъ
о настоящемъ преступленіи и потомъ уже въ рѣчи
увидимъ ниже) цитовалъ нѣсколько мыслей изъ этой
значитъ, уже былъ съ нею знакомъ. Картина, изображенная
дѣтелемъ, вышла мрачною и роковою и сильно подкрѣпила
неніе». Вообще-же изложеніе Ракитина плѣнило публику
висимостію мысли и необыкновеннымъ благородствомъ
Послышались даже два—три внезапно сорвавшіяся рукоплес
именно въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ говорилось о крѣпостномъ
и о страдающей отъ безурядицы Россіи. Но Ракитинъ
какъ молодой человѣкъ, сдѣлалъ маленькій промахъ,
тотчасъ-же отмѣнно успѣлъ воспользоваться защитникъ.
на извѣстные вопросы на счетъ Грушеньки, онъ, увлеченный
имъ успѣхомъ, который, конечно, уже самъ сознавалъ,
высотой благородства, на которую воспарилъ, позволилъ
выразиться объ Аграфенѣ Александровнѣ нѣсколько презрит
какъ о «содержанкѣ купца Самсонова». Дорого далъ-бы
томъ, чтобы воротить свое словечко, ибо на немъ-то и
его тотчасъ-же Ѳетюковичъ. И все потому, что Ракитинъ
не разсчитывалъ, что тотъ въ такой краткій срокъ
нихъ интимныхъ подробностей ознакомиться съ дѣломъ.

— Позвольте узнать, началъ защитникъ съ самою
и даже почтительною улыбкой, когда пришлось ему
очередь задавать вопросы,—вы, конечно, тотъ самый и
динъ Ракитинъ, котораго брошюру, изданную епархіальным
чальствомъ, *Житіе въ Бозѣ почившаго старца отца*
полную глубокихъ и религіозныхъ мыслей, съ превосходн
благочестивымъ посвященіемъ преосвященному, я недавно
съ такимъ удовольствіемъ.

— Я написалъ не для печати... это потомъ напечатал
бормоталъ Ракитинъ, какъ-бы вдругъ чѣмъ-то опѣшенный
со стыдомъ.

— О, это прекрасно! Мыслитель, какъ вы, можетъ

относиться весьма широко по всякому общественному
Покровительствомъ преосвященнаго ваша полезнѣйшая
разошлась и доставила относительную пользу... Но я
емъ, главное, желалъ-бы у васъ полюбопытствовать: вы
то заявили, что были весьма близко знакомы съ госпо-
тловой? (Nota bene. Фамилія Грушеньки оказалась «Свѣт-
то я узналъ въ первый разъ только въ этотъ день, во
да процесса).
не могу отвѣчать за всѣ мои знакомства... Я молодой
... и кто-же можетъ отвѣчать за всѣхъ тѣхъ, кого встрѣ-
къ и вспыхнулъ весь Ракитинъ.
онимаю, слишкомъ понимаю! воскликнулъ Ѳетюковичъ,
самъ сконфуженный и какъ-бы стремительно спѣша изви-
-вы, какъ и всякій другой, могли быть въ свою очередь
ованы знакомствомъ молодой и красивой женщины,
принимавшей къ себѣ цвѣтъ здѣшней молодежи, но... я
ишь освѣдомиться: намъ извѣстно, что Свѣтлова, мѣсяца
дъ, чрезвычайно желала познакомиться съ младшимъ
вымъ, Алексѣемъ Ѳедоровичемъ, и только зато чтобы
ли его къ ней, и именно въ его тогдашнемъ, монастыр-
остюмѣ, она пообѣщала вамъ выдать двадцать пять руб-
ько что вы его къ ней приведете. Это, какъ и извѣстно,
ъ именно въ вечеръ того дня, который закончился тра-
катастрофой, послужившею основаніемъ настоящему
привели Алексѣя Карамазова къ госпожѣ Свѣтловой.—
ли вы тогда эти двадцать пять рублей наградныхъ отъ
й, вотъ что я желалъ-бы отъ васъ услышать?
то была шутка... Я не вижу, почему васъ можетъ инте-
. Я взялъ для шутки... и чтобы потомъ отдать...
тало быть, взяли. Но вѣдь не отдали-же и до сихъ поръ...
ли?
то пустое... бормоталъ Ракитинъ.—я не могу на этакіе
отвѣчать... Я, конечно, отдамъ...
шился предсѣдатель, но защитникъ возвѣстилъ, что онъ
росы господину Ракитину кончилъ. Господинъ Ракитинъ
со сцены нѣсколько подсаленный. Впечатлѣніе отъ выс-
агородства его рѣчи было таки испорчено, и Ѳетюковичъ,
я его глазами, какъ-бы говорилъ, указывая публикѣ:
ескать, каковы ваши благородные обвинители!» Помню,
ю и тутъ безъ эпизода со стороны Мити: взбѣшенный то-
, какимъ Ракитинъ выразился о Грушенькѣ, онъ вдругъ

закричалъ со своего мѣста: «Бернаръ!» Когда-же предс
по окончаніи всего вопроса Ракитина, обратился къ подс
не желаетъ-ли онъ чего замѣтить со своей стороны, то Ми
крикнулъ:

— Онъ у меня уже у подсудимаго деньги таскалъ и
Бернаръ презрѣнный и карьеристъ, и въ Бога не вѣруетъ
священнаго надулъ!

Митю, конечно, опять, образумили за неистовство выра
но господинъ Ракитинъ былъ доконченъ. Не повезло и сна
ству штабсъ-капитана Снѣгирева, но уже совсѣмъ отъ
причины. Онъ предсталъ весь изорванный, въ грязной одеж
грязныхъ сапогахъ, и не смотря на всѣ предосторожности
варительную «экспертизу», вдругъ оказался совсѣмъ пьянъ
На вопросы объ обидѣ нанесенной ему Митей, вдругъ отв
отвѣчать.

— Богъ съ ними-съ. Илюшечка не велѣлъ. Мнѣ Бог
заплатитъ-съ.

— Кто вамъ не велѣлъ говорить? Про кого вы упом

— Илюшечка, сыночекъ мой: «Папочка, папочка, ка
тебя унизилъ!» У камушка произнесъ. Теперь помира

Штабсъ-капитанъ вдругъ зарыдалъ и съ размаху бухну
ноги предсѣдателю. Его поскорѣе вывели, при смѣхѣ публи
готовленное прокуроромъ впечатлѣніе не состоялось вовс

Защитникъ-же продолжалъ пользоваться всѣми средс
все болѣе и болѣе удивлялъ своимъ ознакомленіемъ съ дѣл
мельчайшихъ подробностей. Такъ, напримѣръ, показаніе Тр
Борисовича произвело было весьма сильное впечатлѣніе з
конечно, было чрезвычайно неблагопріятно для Мити. Онъ
чуть не по пальцамъ, высчиталъ, что Митя, въ первый п
свой въ Мокрое, за мѣсяцъ почти предъ катастрофой, м
истратить менѣе трехъ тысячъ или «развѣ безъ самаго
малаго. На однѣхъ этихъ цыганокъ сколько раскидано! Им
то, нашимъ-то вшивымъ мужикамъ не то что «полтинною по
шибали», а по меньшей мѣрѣ двадцатипяти-рублевыми бум
дарили, меньше не давали. А сколько у нихъ тогда просто
ли-съ! Вѣдь кто укралъ, тотъ руки своей не оставилъ, гдѣ
поймать, вора-то-съ, когда сами зря разбрасывали! Вѣдь у
народъ разбойникъ, душу свою не хранятъ. А дѣвкамъ-ци
камъ-то нашимъ деревенскимъ что пошло! Разбогатѣли у н
той поры, вотъ что-съ, прежде бѣдность была». Словомъ
припомнилъ всякую издержку и вывелъ все точно на с

разомъ, предположеніе о томъ, что истрачены были лишь ысячи, а другія отложены въ ладонку, становилось не-ъ. «Самъ видѣлъ, въ рукахъ у нихъ видѣлъ три тысячи копѣечку, глазами созерцалъ, ужь намъ-ли счету не ъ!» восклицалъ Трифонъ Борисовичъ, изо всѣхъ силъ дить «начальству». Но когда опросъ перешелъ къ за-тотъ, почти и не пробуя опровергать показаніе, вдругъ ь о томъ, что ямщикъ Тимофей и другой мужикъ Акимъ ъ Мокромъ, въ этотъ первый кутежъ, еще за мѣсяцъ до о рублей въ сѣняхъ на полу, оброненные Митей въ › видѣ, и представили ихъ Трифону Борисовичу, а тотъ за это по рублю. «Ну, такъ возвратили вы тогда эти й господину Карамазову или нѣтъ?» Трифонъ Борисо-ь ни вилялъ, но, послѣ допроса мужиковъ, въ найденной ой сознался, прибавивъ только, что Дмитрію Ѳедоровичу свято все возвратилъ и вручилъ по «самой честности, и олько онѣ сами будучи въ то время совсѣмъ пьяными-съ, то могутъ припомнить». Но такъ какъ онъ все таки до видѣтелей-мужиковъ въ находкѣ ста рублей отпирался, аніе его о возвратѣ суммы хмельному Митѣ естественно ъ большому сомнѣнію. Такимъ образомъ, одинъ изъ опа-свидѣтелей, выставленныхъ прокуратурой, ушелъ опять озрѣннымъ и въ репутаціи своей сильно ощипаннымъ. случилось и съ поляками: тѣ явились гордо и независи-ко засвидѣтельствовали, что, во первыхъ, оба «служили что «панъ Митя» предлагалъ имъ три тысячи, чтобы ь честь, и что они сами видѣли большія деньги въ ру-Панъ Муссяловичъ вставлялъ страшно много польскихъ вои фразы и видя, что это только возвышаетъ его въ редсѣдателя и прокурора, возвысилъ, наконецъ, свой чательно и сталъ уже совсѣмъ говорить по польски. Но ъ поймалъ и ихъ въ свои тенета: какъ ни вилялъ вы-патъ Трифонъ Борисовичъ, а всетаки долженъ былъ соз-о его колода картъ была подмѣнена паномъ Врублев-ею, и что панъ Муссяловичъ, меча банкъ, передернулъ.) уже подтвердилъ Калгановъ, давая въ свою очередь и оба пана удалились съ нѣкоторымъ срамомъ, даже публики.

› точно такъ произошло почти со всѣми наиболѣе опа-свидѣтелями. Каждаго-то изъ нихъ сумѣлъ Фетюко-ственно размарать и отпустить съ нѣкоторымъ носомъ.

Любители и юристы только любовались и лишь недоумѣва
таки, къ чему такому большому и окончательному все это
послужить, ибо, повторяю, всѣ чувствовали неотразимо
ненія, все болѣе и трагичнѣе нараставшаго. Но по увѣ
«великаго мага» видѣли, что онъ былъ спокоенъ, и з
даромъ-же пріѣхалъ изъ Петербурга таковъ человѣкъ
ковъ и человѣкъ, что-бы ни съ чѣмъ назадъ воротил

III.

Медицинская экспертиза и одинъ ф орѣховъ.

Медицинская экспертиза тоже не очень помогла под
Да и самъ Ѳетюковичъ, кажется, не очень на нее разс
что и оказалось впослѣдствіи. Въ основаніи своемъ она п
единственно по настоянію Катерины Ивановны, вызва
рочно знаменитаго доктора изъ Москвы. Защита, конеч
не могла черезъ нее проиграть, а въ лучшемъ случаѣ м
нибудь и выиграть. Впрочемъ, отчасти вышло даже ка
что комическое, именно по нѣкоторому разногласію д
Экспертиза явилась — пріѣхавшій знаменитый докторъ
нашъ докторъ Герценштубе и, наконецъ, молодой врач
скій. Оба послѣдніе фигурировали тоже и какъ просто
вызванные прокуроромъ. Первымъ спрошенъ былъ въ
эксперта докторъ Герценштубе. Это былъ семидесятил
рикъ, сѣдой и плѣшивый, средняго роста, крѣпкаго слож
всѣ у насъ въ городѣ очень цѣнили и уважали. Былъ
добросовѣстный, человѣкъ прекрасный и благочестивый
гернгутеръ или «Моравскій братъ»—ужь не знаю навѣр
у насъ уже очень давно и держалъ себя съ чрезвычайным
ствомъ. Онъ былъ добръ и человѣколюбивъ, лѣчилъ бѣдн
ныхъ и крестьянъ даромъ, самъ ходилъ въ ихъ конуры
оставлялъ деньги на лѣкарство, но при томъ былъ и упр
мулъ. Сбить его съ его идеи, если она засѣла у него
было невозможно. Кстати, уже всѣмъ почти было изв
городѣ, что пріѣзжій знаменитый врачъ въ какіе-нибу
три дня своего у насъ пребыванія, позволилъ себѣ
чрезвычайно обидныхъ отзывовъ на счетъ даровані
Герценштубе. Дѣло въ томъ, что хоть московскій врач

зиты не менѣе двадцати пяти рублей, но все-же нѣкоторые
ашемъ городѣ обрадовались случаю его пріѣзда, не пожа-
денегъ и кинулись къ нему за совѣтами. Всѣхъ этихъ боль-
ъ лѣчилъ до него, конечно, докторъ Герценштубе, и вотъ
нитый врачъ съ чрезвычайною рѣзкостью окритиковалъ вездѣ
ѣченіе. Подъ конецъ даже, явясь къ больному, прямо спра-
лъ: «Ну, кто васъ здѣсь пачкалъ, Герценштубе? Хе-хе!»
оръ Герценштубе, конечно, все это узналъ. И вотъ всѣ три
а появились одинъ за другимъ для опроса. Докторъ Герцен-
бе прямо заявилъ, что «ненормальность умственныхъ способ-
ей подсудимаго усматривается сама собой» Затѣмъ, пред-
явъ свои соображенія, которыя я здѣсь опускаю, онъ при-
лъ, что ненормальность эта усматривается, главное, не только
прежнихъ многихъ поступковъ подсудимаго, но и теперь, въ
даже минуту, и когда его попросили объяснить, въ чемъ-же
тривается теперь, въ сію-то минуту, то старикъ-докторъ со
прямотой своего простодушія указалъ на то, что подсу-
ый, войдя въ залу, «имѣлъ необыкновенный и чудный по
оятельствамъ видъ, шагалъ впередъ какъ солдатъ и держалъ
а впереди себя, упираясь, тогда какъ вѣрнѣе было ему смо-
ь налѣво, гдѣ въ публикѣ сидятъ дамы, ибо онъ былъ боль-
любитель прекраснаго пола и долженъ былъ очень много
ть о томъ, что теперь о немъ скажутъ дамы», заключилъ
чекъ своимъ своеобразнымъ языкомъ. Надо прибавить, что
говорилъ по русски много и охотно, но какъ-то у него каж-
фраза выходила на нѣмецкій манеръ, что, впрочемъ, никогда
мущало его, ибо онъ всю жизнь имѣлъ слабость считать свою
кую рѣчь за образцовую, «за лучшую чѣмъ даже у русскихъ»,
же очень любилъ прибѣгать къ русскимъ пословицамъ, увѣряя
дый разъ, что русскія пословицы лучшія и выразительнѣйшія
всѣхъ пословицъ въ мірѣ. Замѣчу еще, что онъ, въ разго-
, отъ разсѣянности-ли какой, часто забывалъ слова самыя
чныя, которыя отлично зналъ, но которыя вдругъ почему-то
него изъ ума выскакивали. Тоже самое, впрочемъ, бывало,
да онъ говорилъ по нѣмецки, и при этомъ всегда махалъ рукой
съ лицомъ своимъ, какъ-бы ища ухватить потерянное сло-
во, и ужь никто не могъ-бы принудить его продолжать на-
ную рѣчь, прежде чѣмъ онъ не отыщетъ пропавшаго слова.
ѣчаніе его на счетъ того, что подсудимый, войдя, долженъ
ъ-бы посмотрѣть на дамъ, вызвало игривый шепотъ въ пуб-
ѣ. Старичка нашего очень у насъ любили всѣ дамы, знали

тоже, что онъ, холостой всю жизнь человѣкъ, благочи
цѣломудренный, на женщинъ смотрѣлъ, какъ на высшія
ныя существа. А потому неожиданное замѣчаніе его м
казалось ужасно страннымъ.

Московскій докторъ, спрошенный въ свою очередь,
настойчиво подтвердилъ, что считаетъ умственное состо
судимаго за ненормальное, «даже въ высшей степени». Он
и умно говорилъ про «аффектъ» и «манію» и вывел
по всѣмъ собраннымъ даннымъ подсудимый предъ свои
томъ, за нѣсколько еще дней, находился въ несомнѣнн
лѣзненномъ аффектѣ, и если совершилъ преступленіе,
и сознавая его, но почти невольно, совсѣмъ не имѣя с
роться съ болѣзненнымъ нравственнымъ влеченіемъ, ки
дѣвшимъ. Но кромѣ аффекта, докторъ усматривалъ и на
уже пророчило впереди, по его словамъ, прямую дорогу
вершеному уже помѣшательству. (NB. Я передаю свои
вами, докторъ-же изъяснялся очень ученымъ и специ
языкомъ). «Всѣ дѣйствія его наоборотъ здравому смыс
гикѣ», продолжалъ онъ.—«Уже не говорю о томъ чет
далъ, то есть о самомъ преступленіи и всей этой кат
но даже третьяго дня во время разговора со мной, у не
необъяснимый неподвижный взглядъ. Неожиданный сме
вовсе его не надо. Непонятное постоянное раздраженіе
ныя слова: «Бернаръ, эѳика и другія, которыхъ не на
особенно усматривалъ докторъ эту манію въ томъ, чт
димый даже не можетъ и говорить о тѣхъ трехъ тысячах
въ которыхъ считаетъ себя обманутымъ, безъ какого
обычайнаго раздраженія, тогда какъ обо всѣхъ другихъ
чахъ и обидахъ своихъ говорить и вспоминаетъ довольн
Наконецъ, по справкамъ, онъ точно также и прежде, всяк
когда касалось этихъ трехъ тысячъ, приходилъ въ какое-
изступленіе, а между тѣмъ свидѣтельствуютъ о немъ.
безкорыстенъ и нестяжателенъ. «На счетъ-же мнѣнія
собрата моего,—иронически присовокупилъ московскій
заканчивая свою рѣчь, — что подсудимый, входя въ за
женъ былъ смотрѣть на дамъ, а не прямо предъ собою
лишь то, что, кромѣ игривости подобнаго заключенія, ево
того и радикально ошибочно: ибо, хотя я вполнѣ согл
что подсудимый, входя въ залу суда, въ которой рѣша
участь, не долженъ былъ такъ неподвижно смотрѣть пр
бой и что это дѣйствительно могло-бы считаться признак

ыты не менѣе двадцати пяти рублей, но все-же нѣкоторые
шемъ городѣ обрадовались случаю его пріѣзда, не пожа-
енегъ и кинулись къ нему за совѣтами. Всѣхъ этихъ боль-
лѣчилъ до него, конечно, докторъ Герценштубе, и вотъ
ятый врачъ съ чрезвычайною рѣзкостью окритиковалъ вездѣ
ченіе. Подъ конецъ даже, явясь къ больному, прямо спра-
ъ: «Ну, кто васъ здѣсь пачкалъ, Герценштубе? Хе-хе!»
ръ Герценштубе, конечно, все это узналъ. И вотъ всѣ три
появились одинъ за другимъ для опроса. Докторъ Герцен-
прямо заявилъ, что «ненормальность умственныхъ способ-
подсудимаго усматривается сама собой» Затѣмъ, пред-
ъ свои соображенія, которыя я здѣсь опускаю, онъ при-
ь, что ненормальность эта усматривается, главное, не только
режнихъ многихъ поступковъ подсудимаго, но и теперь, въ
ѣже минуту, и когда его попросили объяснить, въ чемъ-же
ивается теперь, въ сію-то минуту, то старикъ-докторъ со
прямотой своего простодушія указалъ на то, что подсу-
, войдя въ залу, «имѣлъ необыкновенный и чудный по
тельствамъ видъ, шагалъ впередъ какъ солдатъ и держалъ
впереди себя, упираясь, тогда какъ вѣрнѣе было ему смо-
налѣво, гдѣ въ публикѣ сидятъ дамы, ибо онъ былъ боль-
юбитель прекраснаго пола и долженъ былъ очень много
о томъ, что̀ теперь о немъ скажутъ дамы», заключилъ
екъ своимъ своеобразнымъ языкомъ. Надо прибавить, что
оворилъ по русски много и охотно, но какъ-то у него каж-
раза выходила на нѣмецкій манеръ, что̀, впрочемъ, никогда
щало его, ибо онъ всю жизнь имѣлъ слабость считать свою
ю рѣчь за образцовую, «за лучшую чѣмъ даже у русскихъ»,
очень любилъ прибѣгать къ русскимъ пословицамъ, увѣряя
й разъ, что русскія пословицы лучшія и выразительнѣйшія
сѣхъ пословицъ въ мірѣ. Замѣчу еще, что онъ, въ разго-
отъ разсѣянности-ли какой, часто забывалъ слова самыя
ыя, которыя отлично зналъ, но которыя вдругъ почему-то
о изъ ума выскакивали. Тоже самое, впрочемъ, бывало,
онъ говорилъ по нѣмецки, и при этомъ всегда махалъ рукой
лицомъ своимъ, какъ-бы ища ухватить потерянное сло-
, и ужь никто не могъ-бы принудить его продолжать на-
рѣчь, прежде чѣмъ онъ не отыщетъ пропавшаго слова.
аніе его на счетъ того, что подсудимый, войдя, долженъ
бы посмотрѣть на дамъ, вызвало игривый шепотъ въ пуб-
Старичка нашего очень у насъ любили всѣ дамы, знали

— Умъ хорошо, а два — лучше, въ нетерпѣніи подхва
прокуроръ, давно уже знавшій обычай старичка говорить
ленно, растянуто, не смущаясь производимымъ впечатл
и тѣмъ, что заставляетъ себя ждать, а, напротивъ, еще
цѣня свое тугое, картофельное и всегда радостно-самодов
нѣмецкое остроуміе. Старичокъ-же любилъ острить.

— О, д-да, и я тоже говорю, упрямо подхватилъ
одинъ умъ хорошо, а два гораздо лучше. Но къ нему
съ умомъ не пришелъ, а онъ и свой пустилъ... Какъ это,
онъ его пустилъ? Это слово—куда онъ пустилъ свой ум
забылъ,—продолжалъ онъ, вертя рукой предъ своими глаза
ахъ да, шпацирен.

— Гулять?

— Ну да, гулять, и я тоже говорю. Вотъ умъ его и
шелъ прогуливаться и пришелъ въ такое глубокое мѣсто, из
торомъ и потерялъ себя. А между тѣмъ, это былъ благород
и чувствительный юноша, о, я очень помню его еще вотъ
кимъ малюткой, брошеннымъ у отца въ задній дворъ, когд
бѣгалъ по землѣ безъ сапожекъ и съ панталончиками на
пуговкѣ...

Какая-то чувствительная и проникновенная нотка послы
лась вдругъ въ голосѣ честнаго старичка. Ѳетюковичъ та
вздрогнулъ, какъ-бы что-то предчувствуя, и мигомъ привяз

— О, да, я самъ былъ тогда еще молодой человѣкъ... М
ну да, мнѣ было тогда сорокъ пять лѣтъ, а я только-что
пріѣхалъ. И мнѣ стало тогда жаль мальчика, и я спросилъ
почему я не могу купить ему одинъ фунтъ... Ну да, чего фу
Я забылъ, какъ это называется... фунтъ того что дѣти
любятъ, какъ это, — ну, какъ это...—замахалъ опять
руками, — это на деревѣ ростетъ, и его собираютъ и
дарятъ...

— Яблоки?

— О, н-нѣ-ѣ-ѣтъ! Фунтъ, фунтъ, яблоки десятокъ,
фунтъ... нѣтъ, ихъ много и все маленькіе, кладутъ въ
кр-р-рахъ!..

— Орѣхи?

— Ну да, орѣхи, и я тоже говорю, самымъ спокойн
образомъ, какъ-бы вовсе и не искалъ слова, подтвердилъ
торъ, — и я принесъ ему одинъ фунтъ орѣховъ, ибо мальч
никогда и никто еще не приносилъ фунтъ орѣховъ, и я
мой палецъ и сказалъ ему: Мальчикъ! Gott der Vater, от

ся и говоритъ: Gott der Vater. — Gott der Sohn. Онъ еще ялся и лепеталъ: Gott der Sohn. — Gott der heilige Geist. онъ еще засмѣялся и проговорилъ сколько могъ, Gott der e Geist, А я ушелъ, на третій день иду мимо, а онъ кри- мнѣ самъ: «Дядя, Gott der Vater, Gott der Sohn, и только ъ Gott der heilige Geist, но я ему вспомнилъ, и мнѣ опять очень жаль его. Но его увезли, и я болѣе не видалъ его. ъ прошло двадцать три года, я сижу въ одно утро въ кабинетѣ, уже съ бѣлою головой, и вдругъ входитъ цвѣ- молодой человѣкъ, котораго я никакъ не могу узнать, но юднялъ палецъ и смѣясь говоритъ: Gott der Vater, Gott der und Gott der heilige Geist. Я сейчасъ пріѣхалъ и пришелъ поблагодарить за фунтъ орѣховъ, ибо мнѣ никто никогда купалъ тогда фунтъ орѣховъ, а вы одинъ купили мнѣ ъ орѣховъ». И тогда я вспомнилъ мою счастливую моло- и бѣднаго мальчика на дворѣ безъ сапожекъ и у меня нулось сердце, и я сказалъ: Ты благодарный молодой че- къ, ибо всю жизнь помнилъ тотъ фунтъ орѣховъ, который ѣ принесъ въ твоемъ дѣтствѣ. И я обнялъ его и благосло-

И я заплакалъ. Онъ смѣялся, но онъ и плакалъ... ибо й весьма часто смѣется тамъ, гдѣ надо плакать. Но онъ и лъ, я видѣлъ это. А теперь, увы!..

- И теперь плачу, нѣмецъ, и теперь плачу, Божій ты че- къ! крикнулъ вдругъ Митя со своего мѣста.

акъ-бы тамъ ни было, а анекдотикъ произвелъ въ публикѣ орое благопріятное впечатлѣніе. Но главный эффектъ въ у Мити произведенъ былъ показаніемъ Катерины Ивановны, оромъ сейчасъ скажу. Да и вообще, когда начались свидѣ- à decharge, то есть вызванные защитникомъ, то судьба бы вдругъ и даже серьезно улыбнулась Митѣ и что всего ательнѣе — неожиданно даже для самой защиты. Но еще е Катерины Ивановны спрошенъ былъ Алеша, который ъ припомнилъ одинъ фактъ, имѣвшій видъ даже какъ-будто ительнаго уже свидѣтельства противъ одного важнѣйшаго а обвиненія.

IV.

Счастье улыбается Митѣ.

лучилось это вовсе нечаянно даже для самого Алеши. Онъ къ былъ безъ присяги, и, я помню, что къ нему всѣ сто-

роны отнеслись съ самыхъ первыхъ словъ допроса чрезвы
мягко и симпатично. Видно было, что ему предшествовала
рая слава. Алеша показывалъ скромно и сдержанно, но въ
заніяхъ его ясно прорывалась горячая симпатія къ несчастн
брату. Отвѣчая по одному вопросу, онъ очертилъ характ
брата, какъ человѣка, можетъ быть, и неистоваго и увле
наго страстями, но тоже и благороднаго, гордаго и велико
наго, готоваго даже на жертву, если-бъ отъ него потребов
Сознавался, впрочемъ, что братъ былъ въ послѣдніе два м
страсти къ Грушенькѣ, изъ-за соперничества съ отцомъ, въ
ложеніи невыносимомъ. Но онъ съ негодованіемъ отверъ
предположеніе о томъ, что братъ могъ убить съ цѣлью гра
хотя и сознался, что эти три тысячи обратились въ умѣ Мит
какую-то почти манію, что онъ считалъ ихъ за недоданное
обманомъ отца, наслѣдство, и что, будучи вовсе не корыстол
вымъ, даже не могъ заговорить объ этихъ трехъ тыся
безъ вступленія и бѣшенства. Про соперничество-же
«особъ», какъ выразился прокуроръ, то есть Грушеньки и
отвѣчалъ уклончиво и даже на одинъ или два вопроса сов
не пожелалъ отвѣчать.

— Говорилъ-ли вамъ, по крайней мѣрѣ, братъ вашъ,
намѣренъ убить своего отца? спросилъ прокуроръ.—Вы мо
не отвѣчать, если найдете это нужнымъ, прибавилъ онъ.

— Прямо не говорилъ, отвѣтилъ Алеша.

— Какъ-же? Косвенно?

— Онъ говорилъ мнѣ разъ о своей личной ненависти къ
и что боится, что... въ крайнюю минуту... въ минуту отч
нія... можетъ быть, и могъ-бы убить его.

— И вы услышавъ повѣрили тому?

— Боюсь сказать, что повѣрилъ. Но я всегда былъ уб
денъ, что нѣкоторое высшее чувство всегда спасетъ его въ р
вую минуту, какъ и спасло въ самомъ дѣлѣ, потому что не
убилъ отца моего, твердо закончилъ Алеша громкимъ голо
и на всю залу. Прокуроръ вздрогнулъ, какъ боевой конь, ко
шавшій трубный сигналъ.

— Будьте увѣрены, что я совершенно вѣрю самой ис
искренности убѣжденія вашего, не обусловливая и не ассиг
руя его нисколько съ любовью къ вашему несчастному бр
Своеобразный взглядъ вашъ на весь трагическій эпизодъ, р
гравшійся въ вашемъ семействѣ, уже извѣстенъ намъ по
варительному слѣдствію. Не скрою отъ васъ, что онъ въ ни

и противорѣчитъ всѣмъ прочимъ показаніямъ,
ратурою. А потому и нахожу нужнымъ спро-
настойчивостью, какія именно данныя руко-
у и направили ее на окончательное убѣжденіе
ата вашего, и, напротивъ, въ виновности дру-
раго вы уже указали прямо на предваритель-

ительномъ слѣдствіи я отвѣчалъ лишь на во-
койно проговорилъ Алеша,—а не шелъ самъ
Смердякова.
на него указали?
со словъ брата Дмитрія. Мнѣ еще до допроса
что произошло при арестѣ его и какъ онъ самъ
Смердякова. Я вѣрю вполнѣ, что братъ неви-
илъ не онъ, то...
овъ? Почему-же именно Смердяковъ? И почему
кончательно убѣдились въ невиновности вашего

не повѣрить брату. Я знаю, что онъ мнѣ не
цу его видѣлъ, что онъ мнѣ не лжетъ.
лицу? Въ этомъ всѣ ваши доказательства?
имѣю доказательствъ.
ости Смердякова тоже не основываетесь ни на
доказательствѣ кромѣ лишь словъ вашего
лица его?
ю иного доказательства.
уроръ прекратилъ разспросы. Отвѣты Алеши
публику самое разочаровывающее впечатлѣ-
у насъ уже поговаривали еще до суда, кто-
, кто-то на что-то указывалъ, говорили про
накопилъ какія-то чрезвычайныя доказатель-
ата и въ виновности лакея, и вотъ—ничего,
льствъ, кромѣ какихъ-то нравственныхъ убѣж-
венныхъ въ его качествѣ роднаго брата под-

рашивать и Ѳетюковичъ. На вопросъ о томъ:
удимый говорилъ ему, Алешѣ, о своей нена-
томъ, что онъ могъ-бы убить его; и что слы-
отъ него, напримѣръ, при послѣднемъ свида-
ѳой, Алеша, отвѣчая, вдругъ какъ-бы вздрог-
нто, только теперь, припомнивъ и сообразивъ.

— Я припоминаю теперь одно обстоятельство, о к
я было совсѣмъ и самъ позабылъ, но тогда оно было
не ясно, а теперь...

И Алеша съ увлеченіемъ, видимо самъ только что
запно попавъ на идею, припомнилъ, какъ въ послѣдне
ніи съ Митей, вечеромъ, у дерева, по дорогѣ къ
Митя, ударяя себя въ грудь, «въ верхнюю часть
сколько разъ повторилъ ему, что у него есть средство
новить свою честь, что средство это здѣсь, вотъ тутъ
груди... «Я подумалъ тогда, что онъ, ударяя себя
говорилъ о своемъ сердцѣ», продолжалъ Алеша,—
въ сердцѣ своемъ могъ-бы отыскать силы, чтобы
одного какого-то ужаснаго позора, который предстоялъ
о которомъ онъ даже мнѣ не смѣлъ признаться. Прав
именно подумалъ тогда, что онъ говоритъ объ отцѣ
содрагается какъ отъ позора при мысли пойдти къ
вершить съ нимъ какое-нибудь насиліе, а между
именно тогда какъ-бы на что-то указывалъ на своей
что, помню, у меня мелькнула именно тогда-же
что сердце совсѣмъ не въ той сторонѣ груди, а
ударяетъ себя гораздо выше, вотъ тутъ, сейчасъ
все указываетъ въ это мѣсто. Моя мысль мнѣ
глупою, а онъ именно, можетъ быть, тогда
ладонку, въ которой зашиты были эти полторы

— Именно! крикнулъ вдругъ Митя съ мѣста. — Это
Алеша, такъ, я тогда объ нее стучалъ кулакомъ.

Ѳетюковичъ бросился къ нему впопыхахъ, умоля
коиться, и въ тотъ-же мигъ такъ и вцѣпился въ Алешу.
самъ увлеченный своимъ воспоминаніемъ, горячо
предположеніе, что позоръ этотъ вѣроятнѣе всего
въ томъ, что, имѣя на себѣ эти тысячу пятьсотъ
рые-бы могъ возвратить Катеринѣ Ивановнѣ, какъ
ей долга, онъ всетаки рѣшилъ не отдать ей этой
употребить на другое, то есть на увозъ Грушеньки,
она согласилась...

— Это такъ, это именно такъ, восклицалъ во
возбужденіи Алеша,—братъ именно восклицалъ мнѣ
половину, половину позора (онъ нѣсколько разъ
половину!), онъ могъ-бы сейчасъ снять съ себя, но
несчастенъ слабостью своего характера, что этого не
знаетъ заранѣе, что этого не можетъ и не въ

И вы твердо, ясно помните, что онъ ударялъ себя имен-
это мѣсто груди? жадно допрашивалъ Ѳетюковичъ.
Ясно и твердо, потому что именно мнѣ подумалось тогда:
это онъ ударяетъ такъ высоко, когда сердце ниже, и
гда-же показалась моя мысль глупою... я это помню, что
лась глупою... это мелькнуло. Вотъ потому-то я сейчасъ
и вспомнилъ. И какъ я могъ позабыть это до самыхъ
поръ! Именно онъ на эту ладонку указывалъ, какъ на
у него есть средства, но что онъ не отдастъ эти полторы
! А при арестѣ, въ Мокромъ, онъ именно кричалъ—я это
мнѣ передавали,—что считаетъ самымъ позорнымъ дѣломъ
воей жизни, что, имѣя средства отдать половину (именно
ну!) долга Катеринѣ Ивановнѣ и стать предъ ней не во-
онъ всетаки не рѣшился отдать и лучше захотѣлъ остаться
глазахъ воромъ, чѣмъ разстаться съ деньгами! А какъ
учился, какъ онъ мучился этимъ долгомъ! закончилъ,
щая, Алеша.
умѣется, ввязался прокуроръ. Онъ попросилъ Алешу
азъ описать какъ это все было, и нѣсколько разъ настаи-
спрашивая: точно-ли подсудимый, бія себя въ грудь, какъ-
что-то указывалъ? Можетъ быть, просто билъ себя кула-
до груди?
Да и не кулакомъ! воскликнулъ Алеша, а именно указы-
пальцами, и указывалъ сюда, очень высоко... Но какъ я
это такъ совсѣмъ забыть до самой этой минуты!
редсѣдатель обратился къ Митѣ съ вопросомъ, что можетъ
казать на счетъ даннаго показанія. Митя подтвердилъ, что
все такъ и было, что онъ именно указывалъ на свои
ы тысячи, бывшіе у него на груди, сейчасъ пониже шеи
конечно, это былъ позоръ,—«позоръ, отъ котораго не
ось, позорнѣйшій актъ во всей своей жизни!» вскричалъ
«Я могъ отдать и не отдалъ. Захотѣлъ лучше остаться
глазахъ воромъ, но не отдалъ, а самый главный позоръ
въ томъ, что и впередъ зналъ, что не отдамъ! Правъ,
Спасибо, Алеша!»
ъ кончился допросъ Алеши. Важно и характерно было
то обстоятельство, что отыскался хоть одинъ лишь фактъ,
дно лишь, положимъ, самое мелкое доказательство, почти
намекъ на доказательство, но которое все-же хоть капельку
льствовало, что дѣйствительно существовала эта ладонка,
и въ ней полторы тысячи, и подсудимый не лгалъ

на предварительномъ слѣдствіи, когда въ Мокромъ объявил
эти полторы тысячи «были мои». Алеша былъ радъ; вс
краснѣвшись, онъ прослѣдовалъ на указанное ему мѣст
долго еще повторялъ про себя: «Какъ это я забылъ?
могъ я это забыть! И какъ это такъ вдругъ только тепер
помнилось!»

Начался допросъ Катерины Ивановны. Только что она
вилась, въ залѣ пронеслось нѣчто необыкновенное. Дам
тились за лорнеты и бинокли, мужчины зашевелились,
вставали съ мѣстъ, чтобы лучше видѣть. Всѣ утверждал
томъ, что Митя вдругъ поблѣднѣлъ, «какъ платокъ», тольк
она вошла. Вся въ черномъ, скромно и почти робко при
лась она къ указанному ей мѣсту. Нельзя было угадать по
ея, что она была взволнована, но рѣшимость сверкала
темномъ, сумрачномъ взглядѣ. Надо замѣтить, потомъ
многіе утверждали, что она была удивительно хороша
ту минуту. Заговорила она тихо, но ясно, на всю залу.
жалась чрезвычайно спокойно или, по крайней мѣрѣ, усили
быть спокойною. Предсѣдатель началъ вопросы свои остор
чрезвычайно почтительно, какъ-бы боясь коснуться «
струнъ» и уважая великое несчастіе. Но Катерина Ива
сама, съ самыхъ первыхъ словъ, твердо объявила на один
предложенныхъ вопросовъ, что она была помолвленною
стой подсудимаго «до тѣхъ поръ, пока онъ самъ меня не
вилъ»... тихо прибавила она. Когда ее спросили о трехъ
чахъ, ввѣренныхъ Митѣ для отсылки на почту ея родств
камъ, она твердо проговорила: «Я дала ему не прямо на по
я тогда предчувствовала, что ему очень нужны деньги... въ
минуту... Я дала ему эти три тысячи подъ условіемъ, чтоб
отослалъ ихъ, если хочетъ, въ теченіе мѣсяца. Напрасно
такъ потомъ себя мучилъ изъ-за этого долга»...

Я не передаю всѣхъ вопросовъ и въ точности всѣхъ о
товъ, я только передаю существенный смыслъ ея показ

— Я твердо была увѣрена, что онъ всегда успѣетъ
слать эти три тысячи, только что получитъ отъ отца,
жала она, отвѣчая на вопросы.—Я всегда была увѣрена въ
корыстіи и въ его честности... высокой честности... въ
ныхъ дѣлахъ. Онъ твердо былъ увѣренъ, что получитъ от
три тысячи рублей и нѣсколько разъ мнѣ говорилъ про
знала, что у него съ отцомъ распря, и всегда была и до
поръ тоже увѣрена, что онъ былъ обиженъ отцомъ. Я не

кихъ угрозъ отцу съ его стороны. При мнѣ, по крайней
, онъ ничего не говорилъ, никакихъ угрозъ. Если-бъ онъ
елъ тогда ко мнѣ, я тотчасъ успокоила-бы его тревогу изъ-
лжныхъ мнѣ имъ этихъ несчастныхъ трехъ тысячъ, но онъ
риходилъ ко мнѣ болѣе... а я сама... я была поставлена въ
е положеніе... что не могла его звать къ себѣ... Да я и ни-
то права не имѣла быть къ нему требовательна за этотъ
ъ,—прибавила она вдругъ и что-то рѣшительное зазвенѣло
и голосѣ,—я сама однажды получила отъ него денежное
женіе еще бо̀льшее чѣмъ въ три тысячи, и приняла его не
ря на то, что и предвидѣть еще тогда не могла, что хоть
-нибудь въ состояніи буду заплатить ему долгъ мой...
Въ тонѣ голоса ея какъ-бы почувствовался какой-то вызовъ.
но въ эту минуту вопросы перешли къ Ѳетюковичу.
— Это было еще не здѣсь, а въ началѣ вашего знакомства?
ожно подходя подхватилъ Ѳетюковичъ, въ мигъ запредчув-
авъ нѣчто благопріятное. (Замѣчу въ скобкахъ, что онъ,
отря на то что былъ вызванъ изъ Петербурга отчасти и
о Катериною Ивановной,—всетаки не зналъ ничего объ
дѣ о пяти тысячахъ, данныхъ ей Митей еще въ томъ городѣ
«земномъ поклонѣ». Она этого не сказала ему и скрыла! И
ыло удивительно. Можно съ увѣренностію предположить,
на сама, до самой послѣдней минуты, не знала: разскажетъ
тотъ эпизодъ на судѣ или нѣтъ, и ждала какого-то вдох-
ія).
- Нѣтъ, никогда я не могу забыть этихъ минутъ! Она на-
разсказывать, она *все* разсказала, весь этотъ эпизодъ, по-
ный Митей Алешѣ, и «земной поклонъ», и причины, и про
своего, и появленіе свое у Мити, и ни словомъ, ни еди-
намекомъ не упомянула о томъ, что Митя, чрезъ сестру
мъ предложилъ «прислать къ нему Катерину Ивановну за
ами». Это она великодушно утаила и не устыдилась выста-
наружу, что это она, она сама, прибѣжала тогда къ моло-
офицеру, своимъ собственнымъ порывомъ, надѣясь на что-
чтобы выпросить у него денегъ. Это было нѣчто потря-
ее. Я холодѣлъ и дрожалъ, слушая, зала замерла, ловя
ое слово. Тутъ было что-то безпримѣрное, такъ что даже
ъ такой самовластной и презрительно гордой дѣвушки, какъ
почти невозможно было ожидать такого высоко-откровен-
показанія, такой жертвы, такого самозакланія. И для чего,
ого? Чтобы спасти своего измѣнника и обидчика, чтобы

послужить хоть чѣмъ-нибудь, хоть малымъ, къ спасенію произведя въ его пользу хорошее впечатлѣніе! И въ самомъ дѣлѣ: образъ офицера, отдающаго свои послѣднія пять рублей,—все что у него оставалось въ жизни,—и потомъ преклонившагося предъ невиною дѣвушкой, выставлялся симпатично и привлекательно, но... у меня больно сжалось сердце! Я почувствовалъ, что можетъ выйдти потомъ (да и вышла потомъ, вышла!) клевета! Со злобнымъ смѣшкомъ говорили потомъ во всемъ городѣ, что разсказъ, можетъ быть, не совсѣмъ былъ точенъ, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ офицеръ отпустилъ себя дѣвицу «будто-бы только съ почтительнымъ поклономъ». Намекали что тутъ нѣчто «пропущено». «Да если-бъ и не пропущено, если-бъ и все правда была, говорили даже самыя почтенныя наши дамы,—то и тогда еще неизвѣстно: очень благородно такъ поступить было дѣвушкѣ, даже хоть-бы и отца?» И неужели Катерина Ивановна, съ ея умомъ, съ ея жизненною проницательностью, не предчувствовала заранѣе, такъ заговоритъ? Непремѣнно предчувствовала, и вотъ рѣшилась же сказать все! Разумѣется, всѣ эти грязненькія сомнѣнія правдѣ разсказа начались лишь потомъ, а въ первую минуту и всѣ были потрясены. Что-же до членовъ суда, то Катерину Ивановну выслушали въ благоговѣйномъ, такъ сказать, стыдливомъ молчаніи. Прокуроръ не позволилъ себѣ ни одного дальнѣйшаго вопроса на эту тему. Ѳетюковичъ глубоко возмутился ей. О, онъ почти торжествовалъ. Многое было прiобрѣтено: человѣкъ, отдающій, въ благородномъ порывѣ, послѣднія двѣ тысячи, и потомъ тотъ-же человѣкъ убивающій отца ночью съ цѣлью ограбить его на три тысячи,—это было нѣчто отчасти и несвязуемое. По крайней мѣрѣ, хоть грабежъ-то могъ теперь устранить Ѳетюковичъ. «Дѣло» вдругъ облилось какимъ-то новымъ свѣтомъ. Что-то симпатичное пронеслось въ пользу Мити. Онъ-же... про него разсказывали, что онъ разъ или два во время показанія Катерины Ивановны вскочилъ было съ мѣста, но опять упалъ опять на скамью и закрылъ обѣими ладонями лицо. Когда она кончила, онъ вдругъ рыдающимъ голосомъ воскликнулъ, простирая въ ней руки:

— Катя, зачѣмъ меня погубила!

И громко зарыдалъ было на всю залу. Впрочемъ, тотчасъ сдержалъ себя и опять прокричалъ:

— Теперь я приговоренъ!

А затѣмъ какъ-бы закоченѣлъ на мѣстѣ, стиснувъ зубы

[redacted] крестомъ на груди руки. Катерина Ивановна осталась въ [redacted] и сѣла на указанный ей стулъ. Она была блѣдна и сидѣла [redacted]пившись. Разсказывали бывшіе близь нея, что она долго вся [redacted]кала какъ въ лихорадкѣ. Къ допросу явилась Грушенька.
[redacted] подхожу близко къ той катастрофѣ, которая, разразившись [redacted]апно, дѣйствительно, можетъ быть, погубила Митю. Ибо я [redacted]онъ, да и всѣ тоже, всѣ юристы послѣ такъ говорили, что [redacted]шись этого эпизода, преступнику, по крайней мѣрѣ, дали-бы [redacted]хожденіе. Но объ этомъ сейчасъ. Два слова лишь прежде о [redacted]енькѣ.
Она явилась въ залу, тоже вся одѣтая въ черное, въ своей [redacted]расной черной шали на плечахъ. Плавно, своею неслышною [redacted]адкой, съ маленькою раскачкой, какъ ходятъ иногда полныя [redacted]щины, приблизилась она къ балюстрадѣ, пристально смотря [redacted]редсѣдателя и ни разу не взглянувъ ни направо, ни налѣво. [redacted]моему, она была очень хороша собой въ ту минуту и вовсе [redacted]блѣдна, какъ увѣряли потомъ дамы. Увѣряли тоже, что у [redacted] было какое-то сосредоточенное и злое лицо. Я думаю только, [redacted] она была раздражена и тяжело чувствовала на себѣ презри[redacted]но-любопытные взгляды жадной къ скандалу нашей публики. [redacted] былъ характеръ гордый, не выносящій презрѣнія, одинъ изъ [redacted]ихъ, которые, чуть лишь заподозрятъ отъ кого презрѣніе— [redacted]часъ воспламеняются гнѣвомъ и жаждой отпора. При этомъ [redacted]а, конечно, и робость, и внутренній стыдъ за эту робость, [redacted] что не мудрено, что разговоръ ея былъ неровенъ — то [redacted]ливъ, то презрителенъ и усиленно грубъ, то вдругъ звучала [redacted]ренняя сердечная нотка самоосужденія, самообвиненія. Иногда [redacted]говорила такъ, какъ будто летѣла въ какую-то пропасть: [redacted]-де равно, что-бы ни вышло, а я, всетаки, скажу»... На [redacted]ъ знакомства своего съ Ѳедоромъ Павловичемъ она рѣзко [redacted]тила: «Все пустяки, развѣ я виновата, что онъ ко мнѣ при[redacted]лся?» А потомъ черезъ минуту прибавила: «Я во всемъ ви[redacted]та, я смѣялась надъ тѣмъ и другимъ,—и надъ старикомъ, [redacted]адъ этимъ,—и ихъ обоихъ до того довела. Изъ-за меня все [redacted]изошло». Какъ-то коснулось дѣло до Самсонова: «Какое кому [redacted]о,—съ какимъ-то наглымъ вызовомъ тотчасъ-же огрызну[redacted]ъ она,—онъ былъ мой благодѣтель, онъ меня босоногую [redacted]къ, когда меня родные изъ избы вышвырнули». Предсѣда[redacted]ь, впрочемъ, весьма вѣжливо, напомнилъ ей, что надо отвѣ[redacted]ь прямо на вопросы, не вдаваясь въ излишнія подробности. [redacted]енька покраснѣла и глаза ея сверкнули.

Пакета съ деньгами она не видала, а только слышала «злодѣя», что есть у Ѳедора Павловича какой-то пакетъ съ тысячами. «Только это все глупости, я смѣялась, и ни за бы туда не пошла»...

— Про кого вы сейчасъ упомянули какъ о «злодѣѣ?» — домился прокуроръ.

— А про лакея, про Смердякова, что̀ барина своего у а вчера повѣсился.

Конечно, ее мигомъ спросили: какія-же у ней основанія такого рѣшительнаго обвиненія, но основаній не оказалось и у ней никакихъ.

— Такъ Дмитрій Ѳедоровичъ мнѣ самъ говорилъ, ему вѣрьте. Разлучница его погубила, вотъ что̀, всему одна она чиной, вотъ что̀, — вся какъ будто содрагаясь отъ прибавила Грушенька и злобная нотка зазвенѣла въ ея

Освѣдомились на кого она опять намекаетъ.

— А на барышню, на эту вотъ Катерину Ивановну. К меня тогда зазвала, шоколадомъ подчивала, прельстить хо Стыда въ ней мало истиннаго, вотъ что̀...

Тутъ предсѣдатель уже строго остановилъ ее, проси свои выраженія. Но сердце ревнивой женщины уже разгор она готова была полетѣть хоть въ бездну...

— При арестѣ въ селѣ Мокромъ, припоминая, спросилъ куроръ,—всѣ видѣли и слышали какъ вы, выбѣжавъ изъ комнаты, закричали: «Я во всемъ виновата, вмѣстѣ въ ка пойдемъ!» Стало быть, была уже и у васъ въ ту минуту ренность, что онъ отцеубійца?

— Я чувствъ моихъ тогдашнихъ не помню, отвѣтила шенька,—всѣ тогда закричали, что онъ отца убилъ, я и ствовала, что это я виновата, и что изъ-за меня онъ убилъ какъ онъ сказалъ, что неповиненъ, я ему тотчасъ повѣр теперь вѣрю, и всегда буду вѣрить; не таковъ человѣкъ солгалъ.

Вопросы перешли къ Оетюковичу. Между прочимъ, я онъ спросилъ про Ракитина и про двадцать пять рублей что привелъ къ вамъ Алексѣя Ѳедоровича Карамазова».

— А что̀-жь удивительнаго, что онъ деньги взялъ, съ зрительною злобой усмѣхнулась Грушенька,—онъ и все приходилъ деньги канючить, рублей по тридцати, быва мѣсяцъ выберетъ, все больше на баловство: пить-ѣсть ему на что̀ и безъ моего.

На какомъ-же основаніи вы были такъ щедры къ г. Ра-
? подхватилъ Ѳетюковичъ, не смотря на то, что предсѣ-
сильно шевелился.
Да вѣдь онъ-же мнѣ двоюродный братъ. Моя мать съ его
о родныя сестры. Онъ только все молилъ меня никому
здѣсь не сказывать, стыдился меня ужь очень.
тъ новый фактъ оказался совершенною неожиданностью
ѣхъ, никто про него до сихъ поръ не зналъ во всемъ
даже въ монастырѣ, даже не зналъ Митя. Разсказывали,
китинъ побагровѣлъ отъ стыда на своемъ стулѣ. Гру-
ь еще до входа въ залу какъ-то узнала, что онъ показалъ
ъ Мити, а потому и озлилась. Вся давешняя рѣчь госпо-
акитина, все благородство ея, всѣ выходки на крѣпостное
на гражданское неустройство Россіи,—все это уже окон-
ю на этотъ разъ было похерено и уничтожено въ общемъ
. Ѳетюковичъ былъ доволенъ: опять Богъ на шапку по-
Вообще-же Грушеньку допрашивали не очень долго, да
огда она, конечно, сообщить ничего особенно новаго. Оста-
на въ публикѣ весьма непріятное впечатлѣніе. Сотни пре-
ыхъ взглядовъ устремились на нее, когда она, кончивъ
ie, усѣлась въ залѣ довольно далеко отъ Катерины Ива-
Все время, пока ее спрашивали, Митя молчалъ, какъ-бы
явъ, опустивъ глаза въ землю.
ился свидѣтелемъ Иванъ Ѳедоровичъ.

V.

Внезапная катастрофа.

ѣчу, что его вызвали было еще до Алеши. Но судебный
ъ доложилъ тогда предсѣдателю, что, по внезапному не-
ю или какому-то припадку, свидѣтель не можетъ явиться
ь, но только что оправится, то когда угодно готовъ будетъ
ое показаніе. Этого, впрочемъ, какъ-то никто не слы-
узнали уже впослѣдствіи. Появленіе его въ первую ми-
было почти незамѣчено: главные свидѣтели, особенно двѣ
ицы, были уже допрошены; любопытство было пока удов-
но. Въ публикѣ чувствовалось даже утомленіе. Предстояло
слушать нѣсколько свидѣтелей, которые вѣроятно ничего
аго не могли сообщить въ виду всего, что было уже

сообщено. Время-же уходило. Иванъ Ѳедоровичъ прибл
какъ-то удивительно медленно, ни на кого не глядя и ор
даже голову, точно о чемъ-то нахмуренно соображая. Орл
былъ безукоризненно, но лицо его на меня, по крайней
произвело болѣзненное впечатлѣніе: было въ этомъ лиц
какъ-бы тронутое землей, что-то похожее на лицо помир
человѣка. Глаза были мутны, онъ поднялъ ихъ и медленно
ими залу. Алеша вдругъ вскочилъ было со своего стула
стоналъ: ахъ! Я помню это. Но и это мало кто уловилъ.

Предсѣдатель началъ было съ того, что онъ свидѣтел
присяги, что онъ можетъ показывать или умолчать,
конечно, все показанное должно быть по совѣсти, и т. д.
Иванъ Ѳедоровичъ слушалъ и мутно глядѣлъ на него; не
лицо его стало медленно раздвигаться въ улыбку, и тол
предсѣдатель, съ удивленіемъ на него смотрѣвшій, кончи
ворить, онъ вдругъ разсмѣялся.

— Ну и что-же еще? громко спросилъ онъ.

Все затихло въ залѣ, что-то какъ-бы почувствовалось.
сѣдатель забезпокоился.

— Вы... можетъ быть, еще не такъ здоровы? проги
онъ было, ища глазами судебнаго пристава.

— Не безпокойтесь, ваше превосходительство, я дост
здоровъ и могу вамъ кое-что разсказать любопытное, он
вдругъ совсѣмъ спокойно и почтительно Иванъ Ѳедорови

— Вы имѣете предъявить какое-нибудь особое сооб
все еще съ недовѣрчивостью продолжалъ предсѣдатель.

Иванъ Ѳедоровичъ потупился, помедлилъ нѣсколько с
и, поднявъ снова голову, отвѣтилъ какъ-бы запинаясь:

— Нѣтъ... не имѣю. Не имѣю ничего особеннаго.

Ему стали предлагать вопросы. Онъ отвѣчалъ совсѣмъ
то нехотя, какъ-то усиленно кратко, къ какимъ-то даже
щеніемъ, все болѣе и болѣе нароставшимъ, хотя, впрочемъ,
чалъ всетаки толково. На многое отговорился незнаніемъ
счеты отца съ Дмитріемъ Ѳедоровичемъ ничего не зна
не занимался этимъ», произнесъ онъ. Объ угрозахъ убит
слышалъ отъ подсудимаго. Про деньги въ пакетѣ слышал
Смердякова...

— Все одно и тоже, прервалъ онъ вдругъ съ утомле
видомъ:—я ничего не могу сообщить суду особеннаго.

— Я вижу, вы нездоровы, и понимаю ваши чувства
чалъ было предсѣдатель.

обратился было къ сторонамъ, къ прокурору и защит-
риглашая ихъ, если найдутъ нужнымъ, предложить во-
акъ вдругъ Иванъ Ѳедоровичъ изнеможеннымъ голосомъ
ъ.
Отпустите меня, ваше превосходительство, я чувствую
нь нездоровымъ.
ь этимъ словомъ, не дожидаясь позволенія, вдругъ самъ
ся и пошелъ было изъ залы. Но, пройдя шага четыре,
ился, какъ-бы что-то вдругъ обдумавъ, тихо усмѣхнулся
ался опять на прежнее мѣсто.
И, ваше превосходительство, какъ та крестьянская дѣвка...
какъ это: «Захочу—вскочу, захочу—нѣ вскочу», за ней
съ сарафаномъ, али съ панёвой, что-ли, чтобъ она вско-
гобы завязать и вѣнчать везти, а она говоритъ: «За-
скочу, захочу—нѣ вскочу»... Это въ какой-то нашей на-
ы...
Что вы этимъ хотите сказать? строго спросилъ предсѣ-

А вотъ, вынулъ вдругъ Иванъ Ѳедоровичъ пачку денегъ,—
ьги... тѣ самыя, которыя лежали вотъ въ томъ пакетѣ
внулъ на столъ съ вещественными доказательствами) и
которыхъ убили отца. Куда положить? Господинъ судеб-
ставъ, передайте.
бный приставъ взялъ всю пачку и передалъ предсѣда-

Какимъ образомъ могли эти деньги очутиться у васъ...
тѣ самыя деньги? въ удивленіи проговорилъ предсѣдатель.
Получилъ отъ Смердякова, отъ убійцы, вчера... Былъ у
ъдъ тѣмъ какъ онъ повѣсился. Убилъ отца онъ, а не
Онъ убилъ, а я его научилъ убить... Кто не желаетъ
тца?..
Вы въ умѣ или нѣтъ? вырвалось невольно у предсѣдателя.
Со-то и есть что въ умѣ... и въ подломъ умѣ, въ та-
какъ и вы, какъ и всѣ эти... р-рожи! обернулся онъ
на публику.—Убили отца, а притворяются что испуга-
Проскрежеталъ онъ съ яростнымъ презрѣніемъ. — Другъ
другомъ кривляются. Лгуны! Всѣ желаютъ смерти отца.
адъ съѣдаетъ другую гадину... Не будь отцеубійства—
ни разсердились и разошлись злые... Зрѣлищъ! «Хлѣба и
!» Впрочемъ, вѣдь и я хорошъ! Есть у васъ вода или нѣтъ,
питься, Христа ради! схватилъ онъ вдругъ себя за голову.

Судебный приставъ тотчасъ къ нему приблизился. вдругъ вскочилъ и закричалъ: «Онъ боленъ, не вѣрьте въ бѣлой горячкѣ!» Катерина Ивановна стремительно своего стула и, неподвижная отъ ужаса, смотрѣла на доровича. Митя поднялся и съ какою-то дикою искрив улыбкой жадно смотрѣлъ и слушалъ брата.

— Успокойтесь, не помѣшанный, я только убійца! опять Иванъ.—Съ убійцы нельзя-же спрашивать прибавилъ онъ вдругъ для чего-то и искривленно засм

Прокуроръ въ видимомъ смятеніи нагнулся къ предс Члены суда суетливо зашептались между собой. Ѳетюкович навострилъ уши, прислушиваясь. Зала замерла въ Предсѣдатель вдругъ какъ-бы опомнился.

— Свидѣтель, ваши слова непонятны и здѣсь невоз Успокойтесь; если можете, и разскажите... если вправду что сказать. Чѣмъ вы можете подтвердить такое признаніе.. вы только не бредите?

— То-то и есть что не имѣю свидѣтелей. Собака Смер не пришлетъ съ того свѣта вамъ показаніе... въ пакетѣ бы все пакетовъ, довольно и одного. Нѣтъ у меня свидѣт Кромѣ того развѣ одного,—задумчиво усмѣхнулся онъ.

— Кто вашъ свидѣтель?

— Съ хвостомъ, ваше превосходительство, не по форм детъ! Le diable n'existe point! Не обращайте вниманія, д мелкій чортъ, — прибавилъ онъ, вдругъ переставъ сѣ какъ-бы конфиденціально:—онъ навѣрно здѣсь гдѣ нибудь подъ этимъ столомъ съ вещественными доказательствами, ему сидѣть какъ не тамъ? Видите, слушайте меня: я ему залъ: не хочу молчать, а онъ про геологическій перево глупости! Ну, освободите-же изверга... онъ гимнъ запѣ потому, что ему легко! Все равно, что пьяная каналья нитъ какъ «поѣхалъ Ванька въ Питеръ», а я за двѣ се радости отдалъ-бы квадрилліонъ квадрилліоновъ. Не зна меня! О, какъ это все у васъ глупо! Ну, берите-же меня него! Для чего-же я нибудь пришелъ... Отчего, отчего что ни есть какъ глупо?..

И онъ опять сталъ медленно и какъ-бы въ задум оглядывать залу. Но уже все заволновалось. Алеша кинулся къ нему со своего мѣста, но судебный приставъ уже Ивана Ѳедоровича за руку.

— Это что еще такое? вскричалъ тотъ, вглядываясь въ

пристава, и вдругъ, схвативъ его за плечи, яростно ударилъ. Но стража уже подоспѣла, его схватили и тутъ [illegible]илъ неистовымъ воплемъ. И все время, пока его уносили, вопилъ и выкрикивалъ что-то несвязное.

[illegible]лась суматоха. Я не упомню всего въ порядкѣ, самъ [illegible]лнованъ и не могъ услѣдить. Знаю только, что потомъ, [illegible] все успокоилось и всѣ поняли въ чемъ дѣло, судебному [illegible]таки досталось, хотя онъ и основательно объяснилъ [illegible], что свидѣтель былъ все время здоровъ, что его видѣлъ [illegible]огда часъ предъ тѣмъ съ нимъ сдѣлалась легкая дурнота, [illegible] входа въ залу онъ все говорилъ связно, такъ что [illegible] было ничего невозможно; что онъ самъ, напротивъ, [illegible] и непремѣнно хотѣлъ дать показаніе. Но прежде чѣмъ [illegible]ко-нибудь успокоились и пришли въ себя, сейчасъ-же [illegible] этою сценой разразилась и другая: съ Катериной Ивановной [illegible]ѣлалась истерика. Она громко взвизгивая, зарыдала, но [illegible] уйдти, рвалась, молила чтобъ ее не уводили и вдругъ [illegible] председателю:

— [illegible] должна сообщить еще одно показаніе, немедленно... не[illegible]! Вотъ бумага, письмо... возьмите, прочтите скорѣе, ско[illegible] письмо этого изверга, вотъ этого, этого! она указы[illegible]тю. Это онъ убилъ отца, вы увидите сейчасъ. Онъ мнѣ [illegible]къ онъ убьетъ отца! А тотъ больной, больной, тотъ [illegible] горячкѣ! Я уже три дня вижу, что онъ въ горячкѣ! [illegible]скрикивала она внѣ себя. Судебный приставъ взялъ [illegible]торую протягивала председателю, а она, упавъ на свой [illegible]акрывъ лицо, начала конвульсивно и беззвучно рыдать, [illegible]аясь и подавляя малѣйшій стонъ изъ боязни, что ее [illegible] изъ залы. Бумага поданная ею была то самое письмо [illegible] трактира «Столичный Городъ», которое Иванъ Федоро[illegible]зывалъ «математической» важности документомъ. [illegible]

[illegible]

чать, прибавила она, видимо все еще ужасно боясь, что
чему-нибудь не выслушаютъ. Ее попросили объяснить
нѣе: какъ это письмо и при какихъ обстоятельствахъ
получила?

— Я получила его наканунѣ самаго преступленія, а
онъ его еще за день изъ трактира, стало быть, за два
своего преступленія,—посмотрите, оно написано на
счетѣ—прокричала она, задыхаясь.—Онъ меня тогда
потому что самъ сдѣлалъ подлый поступокъ и пошелъ
тварью... и потому еще, что долженъ былъ мнѣ эти три
О, ему было обидно за эти три тысячи изъ-за своей-же
Эти три тысячи вотъ какъ были—я васъ прошу, я
ляю меня выслушать: еще за три недѣли до того какъ
отца, онъ пришелъ ко мнѣ утромъ. Я знала, что ему надо
и знала на что,—вотъ, вотъ именно на то, чтобы соблазнить
тварь и увезти съ собой. Я знала тогда, что ужь онъ мнѣ
нялъ и хочетъ бросить меня, и я, я сама протянула тогда
эти деньги, сама предложила будто-бы для того чтобъ отос
моей сестрѣ въ Москвѣ,—и когда отдавала, то посмотрѣла
въ лицо и сказала, что онъ можетъ когда хочетъ послать
еще черезъ мѣсяцъ». Ну какъ-же, какъ-же-бы онъ не поня
что я въ глаза ему прямо говорила: тебѣ надо денегъ для
мнѣ съ твоею тварью, такъ вотъ тебѣ эти деньги, я сама
ихъ даю, возьми, если ты такъ безчестенъ что возьмешь
уличить его хотѣла, и что-же? Онъ взялъ, онъ ихъ взялъ
унесъ, и истратилъ ихъ съ этою тварью тамъ, въ одну ночь
Но онъ понялъ, онъ понялъ, что я все знаю, увѣряю
что онъ тогда понялъ и то что я, отдавая ему деньги, то
пытаю его: будетъ-ли онъ такъ безчестенъ, что возьметъ
меня, или нѣтъ? Въ глаза ему глядѣла, и онъ мнѣ глядѣлъ
глаза и все понималъ, все понималъ, и взялъ, и взялъ и у
мои деньги!

— Правда, Катя! завопилъ вдругъ Митя,—въ глаза
рѣлъ и понималъ, что безчестишь меня, и все-таки взялъ
деньги! Презирайте подлеца, презирайте всѣ, заслужилъ!

— Подсудимый, вскричалъ предсѣдатель,—еще слово
васъ велю вывесть.

— Эти деньги его мучили, продолжала судорожно тор
Катя,—онъ хотѣлъ мнѣ ихъ отдать, онъ хотѣлъ, это пр
но ему деньги нужны были и для этой твари. Вотъ онъ и у
отца, а денегъ все-таки мнѣ не отдалъ, а уѣхалъ съ ней и

ню гдѣ его схватили. Тамъ онъ опять прокутилъ эти деньги, ыя укралъ у убитаго имъ отца. А за день до того какъ отца, и написалъ мнѣ это письмо, написалъ пьяный, я ъ тогда увидѣла, написалъ изъ злобы и зная, навѣрно что я никому не покажу этого письма, даже если-бъ онъ лъ. А то-бы онъ не написалъ. Онъ зналъ, что я не захочу стить и его погубить! Но прочтите, прочтите внимательно, уйста, внимательнѣе, и вы увидите, что онъ въ письмѣ все ъ, все заранѣе: какъ убьетъ отца и гдѣ у того деньги ъ. Посмотрите, пожалуйста, не пропустите, тамъ есть одна : «убью, только-бы уѣхалъ Иванъ». Значитъ, онъ заранѣе бдумалъ какъ онъ убьетъ,—злорадно и ехидно подсказывала Катерина Ивановна. О, видно было, что она до тонкости лась въ это роковое письмо и изучила въ немъ каждую ку.—Не пьяный онъ-бы мнѣ не написалъ, но посмотрите, все описано впередъ, все точь въ точь, какъ онъ потомъ , вся программа.

къ восклицала она внѣ себя и ужь, конечно, презирая всѣ ебя послѣдствія, хотя, разумѣется, ихъ предвидѣла еще, ъ, за мѣсяцъ тому, потому что и тогда еще, можетъ быть, таясь отъ злобы, мечтала: «не прочесть-ли это суду?» Теперь-къ-бы полетѣла съ горы. Помню, кажется, именно тутъ-исьмо было прочитано вслухъ секретаремъ, и произвело ающее впечатлѣніе. Обратились къ Митѣ съ вопросомъ: аетъ-ли онъ это письмо?

Мое, мое! воскликнулъ Митя. — Не пьяный-бы не напи-. За многое мы другъ друга ненавидѣли, Катя, но, клянусь, сь, я тебя и ненавидя любилъ, а ты меня—нѣтъ!

ъ упалъ на свое мѣсто, ломая руки въ отчаяніи. Проку-и защитникъ стали предлагать перекрестные вопросы, глав-ъ томъ смыслѣ: «что, дескать, побудило васъ давеча утаить документъ и показывать прежде совершенно въ другомъ и тонѣ?

- Да, да, я давеча солгала, все лгала, противъ чести и и, но я хотѣла давеча спасти его, потому что онъ меня ненавидѣлъ и такъ презиралъ, какъ безумная воскликнула — О, онъ презиралъ меня ужасно, презиралъ всегда, и, , знаете—онъ презиралъ меня съ самой той минуты, когда тогда въ ноги за эти деньги поклонилась. Я увидала это.. асъ, тогда-же это почуствовала, но я долго себѣ не вѣрила. ко разъ я читала въ глазахъ его: «всетаки ты сама тогда

ко мнѣ пришла». О, онъ не понялъ, онъ не поняг
зачѣмъ я тогда прибѣжала, онъ способенъ подозрѣва
низость! Онъ мѣрилъ на себя, онъ думалъ, что и всѣ та
онъ,—яростно проскрежетала Катя, совсѣмъ уже въ
ніи.—А жениться онъ на мнѣ захотѣлъ потому тольк
получила наслѣдство, потому, потому! Я всегда подозрѣ
потому! О, это звѣрь! Онъ всю жизнь былъ увѣренъ, ч
жизнь буду предъ нимъ трепетать отъ стыда за то,
приходила, и что онъ можетъ вѣчно за это презирать
потому первенствовать,—вотъ почему онъ на мнѣ захо
ниться! Это такъ, это все такъ! Я пробовала побѣдит
любовью, любовью безъ конца, даже измѣну его хотѣ
но онъ ничего, ничего не понялъ. Да развѣ онъ мо
нибудь понять! Это извергъ! Это письмо я получила
другой день вечеромъ, мнѣ изъ трактира принесли, а ем
еще утромъ въ тотъ день, я хотѣла было все простить
даже его измѣну!

Конечно, предсѣдатель и прокуроръ ее успокоивал
ренъ, что имъ всѣмъ было даже, можетъ быть, самим
такъ пользоваться ея изступленіемъ и выслушивать т
знанія. Я помню, я слышалъ какъ они говорили ей: «
маемъ какъ вамъ тяжело, повѣрьте, мы способны чув
и проч., и проч.,—а показанія-то всетаки вытянули о
мѣвшей женщины въ истерикѣ. Она, наконецъ, описала
вычайною ясностью, которая такъ часто, хотя и мгнове
каетъ даже въ минуты такого напряженнаго состоя
Иванъ Ѳедоровичъ почти сходилъ съ ума во всѣ эти д
на томъ, чтобы спасти «изверга и убійцу», своего бр

— Онъ себя мучилъ, восклицала она,—онъ все хотѣ
шить его вину, признаваясь мнѣ, что онъ и самъ н
отца и, можетъ быть, самъ желалъ его смерти. О, это
глубокая совѣсть! Онъ замучилъ себя совѣстью! Он
открывалъ, все, онъ приходилъ ко мнѣ и говорилъ
каждый день, какъ съ единственнымъ другомъ своимъ
честь быть его единственнымъ другомъ!—воскликнула он
точно какъ-бы съ какимъ-то вызовомъ, засверкавъ г
Онъ ходилъ къ Смердякову два раза. Однажды онъ пр
мнѣ и говоритъ: если убилъ не братъ, а Смердяков
что эту басню пустили здѣсь всѣ, что убилъ Смердя
можетъ быть, виновенъ и я, потому, что Смердяковъ
я не люблю отца и, можетъ быть, думалъ, что я жел

. Тогда я вынула это письмо и показала ему, и онъ ужь ѣмъ убѣдился, что убилъ братъ и это ужь совсѣмъ сразило Онъ не могъ снести, что его родной братъ—отцеубійца! Еще ню назадъ я видѣла, что онъ отъ этого боленъ. Въ послѣдніе онъ, сидя у меня, бредилъ. Я видѣла, что онъ мѣшается въ Онъ ходилъ и бредилъ, его видѣли такъ по улицамъ. Пріѣзкторъ, по моей просьбѣ, его осматривалъ третьяго дня и лъ мнѣ, что онъ близокъ къ горячкѣ,—все чрезъ него, все ь изверга! А вчера онъ узналъ, что Смердяковъ умеръ — его такъ поразило, что онъ сошелъ съ ума... и все отъ изъ, все на томъ чтобы спасти изверга!

), разумѣется, такъ говорить и такъ признаваться можно ко какой-нибудь разъ въ жизни,—въ предсмертную минуту, имѣръ, всходя на эшафотъ. Но Катя именно была въ своемъ ктерѣ и въ своей минутѣ. Это была та-же самая стремитель-Катя, которая кинулась тогда къ молодому развратнику, ы спасти отца: та-же самая Катя, которая давеча, предъ всею публикой, гордая и цѣломудренная, принесла себя и дѣвистыдъ свой въ жертву, разсказавъ про «благородный посту-, Мити», чтобы только лишь сколько-нибудь смягчить ожиную его участь. И вотъ теперь точно также она тоже принесла въ жертву, но уже за другаго, и, можетъ быть, только лишь рь, только въ эту минуту, впервые почувствовавъ и осмыъ вполнѣ, какъ дорогъ ей этотъ другой человѣкъ! Она пожерла собою въ испугѣ за него, вдругъ вообразивъ, что онъ билъ себя своимъ показаніемъ, что это онъ убилъ, а не ь, пожертвовала, чтобы спасти его, его славу, его репутацію! днако, промелькнула страшная вещь: лгала-ли она на Митю, ывая бывшія свои къ нему отношенія.—вотъ вопросъ. Нѣтъ, , она не клеветала намѣренно, крича что Митя презиралъ з земной поклонъ! Она сама вѣрила въ это, она была глубоко ѣдена, съ самаго, можетъ быть, этого поклона, что простоый, обожавшій ее еще тогда Митя смѣется надъ ней и преетъ ее. И только изъ гордости она сама привязалась къ нему ь любовью, истерическою и надорванною, изъ уязвленной рдости, и эта любовь походила не на любовь, а на мщеніе. ожетъ быть, эта надорванная любовь и выродилась-бы въ ящую, можетъ, Катя ничего и не желала, какъ этого, но оскорбилъ ее измѣной до глубины души, и душа не прова. Минута-же мщенія слетѣла неожиданно, и все такъ долго льно скоплявшееся въ груди обиженной женщины разомъ,

и опять таки неожиданно, вырвалось наружу. Она предала
но предала и себя! И, разумѣется, только что успѣла выска
напряженіе порвалось, и стыдъ подавилъ ее. Опять на
истерика, она упала, рыдая и выкрикивая. Ее унесли.
минуту, когда ее выносили, съ воплемъ бросилась къ Мит
шенька со своего мѣста такъ, что ее и удержать не усп
— Митя! завопила она,—погубила тебя твоя змѣя! Во
вамъ себя показала! прокричала она, сотрясаясь отъ злобы.
По мановенію предсѣдателя ее схватили и стали выводит
залы. Она не давалась, билась и рвалась назадъ къ Митѣ
завопилъ и тоже рванулся къ ней. Имъ овладѣли.

Да, полагаю, что наши зрительницы дамы остались дов
зрѣлище было богатое. Затѣмъ, помню, какъ появился п
московскій докторъ. Кажется, предсѣдатель еще и прежд
посылалъ пристава, чтобы распорядиться оказать Ивану
ровичу пособіе. Докторъ доложилъ суду, что больной в
снѣйшемъ припадкѣ горячки и что слѣдовало-бы нем
его увезти. На вопросы прокурора и защитника подтверди
паціентъ самъ приходилъ къ нему третьяго дня и что он
рекъ ему тогда-же скорую горячку, но что лѣчиться онъ н
тѣлъ. «Былъ-же онъ положительно не въ здравомъ состоян
самъ мнѣ признавался, что на яву видитъ видѣнія, встрѣча
улицѣ разныхъ лицъ, которыя уже померли, и что къ нем
дый вечеръ ходитъ въ гости сатана», заключилъ докторъ
свое показаніе, знаменитый врачъ удалился. Представленно
риной Ивановной письмо было присоединено къ веществ
доказательствамъ. По совѣщаніи, судъ постановилъ: прод
судебное слѣдствіе, а оба неожиданныя показанія (Катери
новны и Ивана Ѳедоровича) занести въ протоколъ.

Но уже не буду описывать дальнѣйшаго судебнаго сл
Да и показанія остальныхъ свидѣтелей были лишь повто
и подтвержденіемъ прежнихъ, хотя всѣ со своими характ
особенностями. Но, повторяю, все сведется въ одну точку
прокурора, къ которой и перейду сейчасъ. Всѣ были въ в
деніи, всѣ были наэлектризованы послѣднею катастрофо
жгучимъ нетерпѣніемъ ждали поскорѣе лишь развязки, рѣ
ронъ и приговора. Ѳетюковичъ былъ видимо потрясенъ
ніями Катерины Ивановны. Зато торжествовалъ прокуроръ.
кончилось судебное слѣдствіе, былъ объявленъ перерывъ
нія, продолжавшійся почти часъ. Наконецъ, предсѣдатель о
судебныя пренія. Кажется, было ровно восемь часовъ вечер

прокуроръ, Ипполитъ Кирилловичъ, началъ свою обвини-
ую рѣчь.

VI.

Рѣчь прокурора. Характеристика.

ачалъ Ипполитъ Кирилловичъ свою обвинительную рѣчь, сотрясаясь нервною дрожью, съ холоднымъ, болѣзненнымъ ъ на лбу и вискахъ, чувствуя ознобъ и жаръ во всемъ тѣлѣ емѣнно. Онъ самъ такъ потомъ разсказывалъ. Онъ считалъ ѣчь за свой chef d'oeuvre, за chef d'oeuvre всей своей жизни, бединую цѣснь свою. Правда, девять мѣсяцевъ спустя онъ и ъ отъ злой чахотки, такъ что дѣйствительно, какъ оказа- имѣлъ-бы право сравнить себя съ лебедемъ, поющимъ свою днюю пѣснь, если-бы предчувствовалъ свой конецъ заранѣе. гу рѣчь онъ вложилъ все свое сердце и все сколько было у ума и неожиданно доказалъ, что въ немъ таились и граж- ое чувство, и «проклятые» вопросы, по крайней мѣрѣ, по- ку нашъ бѣдный Ипполитъ Кирилловичъ могъ ихъ вмѣстить бѣ. Главное, тѣмъ взяло его слово, что было искренно: онъ нно вѣрилъ въ виновность подсудимаго; не на заказъ, не по ности только обвинялъ его, и, взывая къ отмщенію», дѣй- ельно сотрясался желаніемъ «спасти общество». Даже дам- наша публика, въ концѣ концовъ враждебная Ипполиту Ки- вичу, сознавалась, однако, въ чрезвычайномъ вынесенномъ тлѣніи. Началъ онъ надтреснутымъ, срывающимся голосомъ, отомъ очень скоро голосъ его окрѣпъ и зазвенѣлъ на всю и такъ до конца рѣчи. Но только что кончилъ ее, то чуть не ь въ обморокъ.

Господа присяжные засѣдатели, началъ обвинитель, — на- щее дѣло прогремѣло по всей Россіи. Но чему-бы, кажется, яться, чего такъ особенно ужасаться? Намъ-то, намъ-то осо- ? Вѣдь мы такіе привычные ко всему этому люди! Въ томъ асъ нашъ, что такія мрачныя дѣла почти перестали для быть ужасными! Вотъ почему надо ужасаться привычкѣ й, а не единичному злодѣянію того или другаго индиви- . Гдѣ-же причины нашего равнодушія, нашего чуть теп- ато отношенія къ такимъ дѣламъ, къ такимъ знаменіямъ ни, пророчествующимъ намъ незавидную будущность? Въ змѣ-ли нашемъ, въ раннемъ-ли истощеніи ума и воображе-

нія столь молодаго еще нашего общества, но столь безв
одряхлѣвшаго? Въ распатанныхъ-ли до основанія нравств
началахъ нашихъ, или въ томъ, наконецъ, что этихъ пра
ныхъ началъ, можетъ быть, у насъ совсѣмъ даже и не
Не разрѣшаю эти вопросы, тѣмъ не менѣе они мучител
всякій гражданинъ, не то что долженъ, а обязанъ страда
Наша начинающаяся, робкая еще наша пресса, оказал
однако, обществу нѣкоторыя услуги, ибо никогда-бы м
нея не узнали, сколько-нибудь въ полнотѣ про тѣ ужас
нузданной воли и нравственнаго паденія, которые безпр
передаетъ она на своихъ страницахъ уже всѣмъ, не одним
посѣщающимъ залы новаго гласнаго суда, дарованнаго н
настоящее царствованіе. И что-же мы читаемъ почти повсе
О, про такія вещи помимутно, предъ которыми даже тепе
дѣло блѣднѣетъ и представляется почти чѣмъ-то уже обы
нымъ. Но важнѣе всего то, что множество нашихъ русски
ціональныхъ нашихъ уголовныхъ дѣлъ, свидѣтельствуютъ
о чемъ-то всеобщемъ, о какой-то общей бѣдѣ, прижившей
нами, и съ которой, какъ со всеобщимъ зломъ, уже труд
роться. Вотъ тамъ молодой блестящій офицеръ высшаго
ства, едва начинающій свою жизнь и карьеру, подло, въ
безо всякаго угрызенія совѣсти зарѣзываетъ мелкаго чино
отчасти бывшаго своего благодѣтеля, и служанку его, что
хитить свой долговой документъ, а вмѣстѣ и остальныя д
чиновника: «пригодятся-де для великосвѣтскихъ моихъ уд
ствій и для карьеры моей впереди». Зарѣзавъ обоихъ, ух
подложивъ обоимъ мертвецамъ подъ головы подушки. Там
лодой герой, обвѣшанный крестами за храбрость, разбойн
умерщвляетъ на большой дорогѣ мать своего вождя и бл
теля, и, подговоривая своихъ товарищей, увѣряетъ, что
любитъ его какъ роднаго сына и потому послѣдуетъ всѣ
совѣтамъ и не приметъ предосторожностей». Пусть это из
но я теперь, въ наше время, не смѣю уже сказать, что это
единичный извергъ. Другой и не зарѣжетъ, но подумаетъ
чувствуетъ точно также какъ онъ, въ душѣ своей безч
точно также какъ онъ. Въ тиши, наединѣ со своею сов
можетъ быть, спрашиваетъ себя. «Да что такое честь и не
разсудокъ-ли кровь?» Можетъ быть, крикнутъ противъ м
скажутъ, что я человѣкъ болѣзненный, истерическій, к
чудовищно, брежу, преувеличиваю. Пусть, пусть, — и,
какъ-бы я былъ радъ тому первый! О, не вѣрьте мнѣ, сч

[redacted] за больнаго, но всетаки запомните слова мои: вѣдь если [redacted]ко хоть десятая, хоть двадцатая доля въ словахъ моихъ [redacted]да,—то вѣдь и тогда ужасно! Посмотрите, господа, посмот[redacted]е какъ у насъ застрѣливаются молодые люди: О, безъ ма[redacted]шихъ гамлетовскихъ вопросовъ о томъ: «Что̀ будетъ *тамъ*?» [redacted]ъ признаковъ этихъ вопросовъ, какъ будто эта статья о духѣ [redacted]емъ и о всемъ, что̀ ждетъ насъ за гробомъ, давно похерена [redacted]ихъ природѣ, похоронена и пескомъ засыпана. Посмотрите, [redacted]онецъ, на нашъ развратъ, на нашихъ сладострастниковъ. [redacted]оръ Павловичъ, несчастная жертва текущаго процесса, есть [redacted]дъ иными изъ нихъ почти невинный младенецъ а вѣдь мы [redacted] его знали, онъ между нами жилъ»... Да, психологіей рус[redacted]го преступленія займутся, можетъ быть когда нибудь пер[redacted]ствующіе умы, и наши и европейскіе, ибо тема сто́итъ того. [redacted]это изученіе произойдетъ когда-нибудь послѣ уже на досугѣ [redacted]огда вся трагическая безалаберщина нашей настоящей ми[redacted]ы отойдетъ на болѣе отдаленный планъ, такъ что ее уже [redacted]но будетъ разсмотрѣть и умнѣе, и безпристрастнѣе чѣмъ, [redacted]примѣръ, люди, какъ я, могутъ сдѣлать. Теперь-же мы или [redacted]асаемся, или притворяемся, что ужасаемся, а сами, напро[redacted]ивъ, смакуемъ зрѣлище, какъ любители ощущеній сильныхъ, [redacted]центрическихъ, шевелящихъ нашу цинически-лѣнивую празд[redacted]ть, или, наконецъ, какъ малыя дѣти отмахиваемъ отъ себя [redacted]ами страшные призраки и прячемъ голову въ подушку пока [redacted]йдетъ страшное видѣніе съ тѣмъ, чтобы потомъ тотчасъ-же [redacted]ыть его въ веселіи и играхъ. Но когда-нибудь надо-же и [redacted]ъ начать нашу жизнь трезво и вдумчиво, надо-же и намъ [redacted]сить взглядъ на себя какъ на общество, надо-же и намъ [redacted]ъ что-нибудь и въ нашемъ общественномъ дѣлѣ осмыслить или [redacted]ько хоть начать осмысленіе наше. Великій писатель предше[redacted]овавшей эпохи, въ финалѣ величайшаго изъ произведеній [redacted]ихъ, олицетворяя всю Россію въ видѣ скачущей къ невѣдо[redacted]ѣли удалой русской тройки, восклицаетъ: «Ахъ тройка, [redacted]ая тройка, кто тебя выдумалъ!» — и въ гордомъ восторгѣ [redacted]бавляетъ что предъ скачающею сломя голову тройкой почти[redacted]но сторонятся всѣ народы. Такъ господа, это пусть, пусть [redacted]онятся почтительно или нѣтъ, но на мой грѣшный взглядъ [redacted]альный художникъ закончилъ такъ или въ припадкѣ мла[redacted]ески невиннаго прекрасномыслія, или просто боясь тогдаш[redacted]цензуры. Ибо, если въ его тройку впрячь только его-же ге[redacted]ъ, Собакевичей, Ноздревыхъ и Чичиковыхъ, то кого-бы ни

посадить ямщикомъ, ни до чего путнаго на такихъ ко
доѣдешь! А это только еще прежніе кони, которымъ да
теперешнихъ, у насъ почище»...

Здѣсь рѣчь Ипполита Кирилловича была прервана р
сканіями. Либерализмъ изображенія русской тройки пон
Правда, сорвалось лишь два—три клака, такъ что предс
не нашелъ даже нужнымъ обратиться къ публикѣ съ
«очистить залу» и лишь строго поглядѣлъ въ сторону
ровъ. Но Ипполитъ Кирилловичъ былъ ободренъ: никогд
до сихъ поръ не апплодировали! Человѣка столько лѣт
тѣли слушать и вдругъ возможность на всю Россію выск

«Въ самомъ дѣлѣ, продолжалъ онъ, что̀ такое это се
Карамазовыхъ, заслужившее вдругъ такую печальную
ность по всей даже Россіи? Можетъ быть, я слишкомъ
личиваю, но мнѣ кажется что въ картинѣ этой семейки
мелькаютъ нѣкоторые общіе основные элементы нашег
меннаго интеллигентнаго общества,—о, не всѣ элементы
мелькнуло лишь въ микроскопическомъ видѣ, «какъ со
малой каплѣ водъ», но все-же нѣчто отразилось, все-ж
сказалось. Посмотрите на этого несчастнаго, разнузда
развратнаго старика, этого отца семейства», столь печал
кончившаго свое существованіе. Рядовой дворянинъ, и
карьеру бѣдненькимъ приживальщикомъ, чрезъ нечаянну
ожиданную женитьбу схватившій въ приданое небольшо
тальчикъ, въ началѣ мелкій плутъ и льстивый шутъ с
дышемъ умственныхъ способностей, довольно, впрочемъ,
быхъ, и прежде всего ростовщикъ. Съ годами, то̀ есть
ростаніемъ капитальчика, онъ ободряется. Приниженност
искиваніе исчезаютъ, остается лишь насмѣшливый и злой
и сладострастникъ. Духовная сторона вся похерена, а
жизни чрезвычайная. Свелось на то, что кромѣ сладостра
наслажденій онъ ничего въ жизни и не видитъ, такъ у
дѣтей своихъ. Отеческихъ духовныхъ какихъ-нибудь об
стей—никакихъ. Онъ надъ ними смѣется, онъ воспит
своихъ маленькихъ дѣтей на заднемъ дворѣ и радъ, что и
него увозятъ. Забываетъ объ нихъ даже вовсе. Всѣ нра
ныя правила старика—aprés moi le déluge. Все что̀ есть
наго понятію о гражданинѣ, полнѣйшее даже враждебн
единеніе отъ общества: «Гори хоть весь свѣтъ огнемъ, б
одному мнѣ хорошо». И ему хорошо, онъ вполнѣ довол
жаждетъ прожить такъ еще двадцать—тридцать лѣтъ. О

ываетъ роднаго сына, и на его-же деньги, на наслѣдство
ри его, которыя не хочетъ отдать ему, отбиваетъ у него, у
-же своего, любовницу. Нѣтъ, я не хочу уступать защиту
удимаго высокоталантливому защитнику, прибывшему изъ
рбурга. Я и самъ скажу правду, я и самъ понимаю ту сумму
дованія, которую онъ накопилъ въ сердцѣ своего сына. Но
ьно, довольно объ этомъ несчастномъ старикѣ, онъ полу-
свою мзду. Вспомнимъ, однако, что это отецъ и одинъ изъ
менныхъ отцовъ. Обману-ли я общество сказавъ, что это
ъ даже изъ многихъ современныхъ отцовъ? Увы, столь
ie изъ современныхъ отцовъ лишь не высказываются столь
ически, какъ этотъ, ибо лучше воспитаны, лучше образованы,
ъ сущности—почти такой-же какъ и онъ философіи. Но пусть
ссемистъ, пусть. Мы уже условились, что вы меня про-
те. Уговоримся заранѣе: вы мнѣ не вѣрьте, не вѣрьте, я
у говорить, а вы не вѣрьте. Но всетаки дайте мнѣ выска-
ся, всетаки кое-что изъ моихъ словъ не забудьте. Но вотъ,
ко, дѣти этого старика, этого отца семейства: одинъ предъ
и на скамьѣ подсудимыхъ, объ немъ вся рѣчь впереди; про
ихъ скажу лишь вскользь. Изъ этихъ другихъ, старшій—
одинъ изъ современныхъ молодыхъ людей съ блестящимъ
зованіемъ, съ умомъ довольно сильнымъ, уже ни во что,
ко, не вѣрующимъ, многое, слишкомъ уже многое въ жизни
ргшимъ и похерившимъ, точь въ точь какъ и родитель его.
всѣ его слышали, онъ въ нашемъ обществѣ былъ принятъ
келюбно. Мнѣній слоихъ онъ не скрывалъ, даже напротивъ,
ѣмъ напротивъ, что и даетъ мнѣ смѣлость говорить теперь
мъ нѣсколько откровенно, конечно, не какъ о частномъ
ѣ, а лишь какъ о членѣ семьи Карамазовыхъ. Здѣсь умеръ
а, самоубійствомъ, на краю города, одинъ болѣзненный идіотъ,
но привлеченный къ настоящему дѣлу, бывшій слуга и, мо-
ь быть, побочный сынъ Ѳедора Павловича, Смердяковъ. Онъ
истерическими слезами разсказывалъ мнѣ на предваритель-
ь слѣдствіи, какъ этотъ молодой Карамазовъ, Иванъ Ѳедоро-
ъ, ужаснулъ его своимъ душевнымъ безудержемъ: «Все, де-
ъ, по ихнему, позволено что ни есть въ мірѣ, и ничего впредь
олжно быть запрещено,—вотъ они меня чему все учили».
ется, идіотъ на этомъ тезисѣ, которому обучили его, и сошелъ съ ума окончательно, хотя, конечно, повліяли на умствен-
разстройство его и падучая болѣзнь, и вся эта страшная,
азившаяся въ ихъ домѣ катастрофа. Но у этого идіота про-

мелькнуло одно весьма и весьма любопытное замѣчаніе
шее-бы честь и помнѣе его наблюдателю, вотъ почему
объ этомъ и заговорилъ. «Если есть, сказалъ онъ мнѣ,
изъ сыновей болѣе похожій на Ѳедора Павловича, по х
такъ это онъ, Иванъ Ѳедоровичъ!» На этомъ замѣчаніи
рываю начатую характеристику, не считая деликатнымъ
жать далѣе. О, я не хочу выводить дальнѣйшихъ заклю
какъ воронъ каркать молодой судьбѣ одну только гн
видѣли еще сегодня здѣсь, въ этой залѣ, что непосред
сила правды еще живетъ въ его молодомъ сердцѣ, что
ства семейной привязанности не заглушены въ немъ бо
и нравственнымъ цинизмомъ, пріобрѣтеннымъ больше п
ству, чѣмъ истиннымъ страданіемъ мысли. Затѣмъ друг
о, это еще юноша, благочестивый и смиренный, въ пр
ложность мрачному растлѣвающему міровоззрѣнію ев
ищущій прилѣпиться, такъ сказать, къ «народнымъ на
или къ тому, что у насъ называютъ этимъ мудрены
комъ въ иныхъ теоретическихъ углахъ мыслящей ин
ціи нашей. Онъ, видите-ли, прилѣпился къ монасты
чуть было самъ не постригся въ монахи. Въ немъ,
мнѣ, какъ-бы безсознательно, и такъ рано, выразилось
кое отчаяніе, съ которымъ столь многіе теперь въ
бѣдномъ обществѣ, убоясь цинизма и разврата его, и
приписывая все зло европейскому просвѣщенію, бросаю
говорятъ они, къ «родной почвѣ», такъ сказать, въ ма
объятія родной земли, какъ дѣти напуганныя призра
изсохшей груди разслабленной матери жаждутъ хотя-б
спокойно заснуть и даже всю жизнь проспать, лишь-б
дѣть ихъ пугающихъ ужасовъ. Съ моей стороны, я же
рому и даровитому юношѣ всего лучшаго, желаю, чтобъ
прекрасподушіе и стремленіе къ народнымъ началамъ
тилось впослѣдствіи, какъ столь часто оно случается, съ
нравственной въ мрачный мистицизмъ, а со стороны
ской въ тупой шовинизмъ—два качества, грозящія, може
еще бо́льшимъ зломъ націи, чѣмъ даже раннее растл
ложно понятаго и даромъ добытаго европейскаго прос
какимъ страдаетъ старшій братъ его».

За шовинизмъ и мистицизмъ опять раздались было
клака. И ужь, конечно, Ипполитъ Кирилловичъ увлек
все это мало подходило къ настоящему дѣлу, не гово
томъ, что вышло довольно неясно, но ужь слишкомъ м

казаться чахоточному и озлобленному человѣку хоть разъ въ ей жизни. У насъ потомъ говорили, что въ характеристикѣ ма Ѳедоровича онъ руководился чувствомъ даже неделикатъ, потому что тотъ разъ или два публично осадилъ его въ рахъ, и Ипполитъ Кирилловичъ, помня это, захотѣлъ теперь стить. Но не знаю, можно-ли было такъ заключить. Во всякъ случаѣ все это было только введеніемъ, затѣмъ рѣчь пошла ѣе и ближе къ дѣлу.

«Но вотъ третій сынъ отца современнаго семейства, прокалъ Ипполитъ Кирилловичъ, онъ на скамьѣ подсудимыхъ, передъ нами. Передъ нами и его подвиги, его жизнь и дѣла пришелъ срокъ и все развернулось, все обнаружилось. Въ гивоположность «европеизму» и «народнымъ началамъ» братьсвоихъ, онъ какъ-бы изображаетъ собою Россію непосредственную,—о, не всю, не всю, и Боже сохрани, если-бы всю! И, ако-же, тутъ она, наша Россеюшка, пахнетъ ею, слышится , матушка. О, мы непосредственны, мы зло и добро въ удивительнѣйшемъ смѣшеніи, мы любители просвѣщенія и Шиллера, и тоже время мы бушуемъ по трактирамъ и вырываемъ у пьянокъ собутыльниковъ нашихъ бороденки. О, и мы бываемъ хоши и прекрасны, но только тогда, когда намъ самимъ хорошо и красно. Напротивъ, мы даже обуреваемы,—именно обуреваемъ,—благороднѣйшими идеалами, но только съ тѣмъ условіемъ, бъ они достигались сами собою, упадали-бы къ намъ на столъ неба и, главное, чтобы даромъ, даромъ, чтобы за нихъ ничего платить. Платить мы ужасно не любимъ, зато получать очень бимъ, и это во всемъ. О, дайте, дайте намъ всевозможныя блага зни (именно всевозможныя, дешевле не помиримся) и особенно препятствуйте нашему нраву ни въ чемъ, и тогда и мы докаъ, что можемъ быть хороши и прекрасны. Мы не жадны, нѣтъ однако-же, подавайте намъ денегъ, больше, больше, какъ можбольше денегъ, и вы увидите какъ великодушно, съ какимъ зрѣніемъ къ презрѣнному металлу мы разбросаемъ ихъ въ одну ь въ безудержномъ кутежѣ. А не дадутъ намъ денегъ, такъ мы ажемъ какъ мы ихъ съумѣемъ достать, когда намъ очень того очется. Но объ этомъ послѣ, будемъ слѣдить по порядку. Прежсего предъ нами бѣдный заброшенный мальчикъ, «на заднемъ рѣ безъ сапожекъ», какъ выразился давеча нашъ почтенный и жаемый согражданинъ, увы, происхожденія иностраннаго! Еще ь повторю,—никому не уступлю защиту подсудимаго! Я обвиель, я и защитникъ. Да-съ, и мы люди, и мы человѣки, и мы

съумѣемъ взвѣсить то какъ могутъ повліять на характеръ
выя впечатлѣнія дѣтства и роднаго гнѣздышка. Но вотъ мальч
уже юноша, уже молодой человѣкъ, офицеръ; за буйные посту
и за вызовъ на поединокъ ссылаютъ его въ одинъ изъ отдал
ныхъ пограничныхъ городковъ нашей благодатной Россіи. Т
онъ служитъ, тамъ и кутитъ, и конечно—большому кораблю бо
ное и плаваніе. Намъ надо средствъ-съ, средствъ прежде
и вотъ, послѣ долгихъ споровъ, порѣшено у него съ отцомъ
послѣднихъ шести тысячахъ рубляхъ и ихъ ему высылаютъ. З
нѣтъте, онъ выдалъ документъ и существуетъ письмо его, въ
торомъ онъ отъ остальнаго почти отрекается и этими шестью т
сячами препираніе съ отцомъ по наслѣдству оканчиваетъ. Т
происходитъ его встрѣча съ молодою, высокаго характера и
витія дѣвушкой. О, я не смѣю повторять подробностей, вы
только что слышали: тутъ честь, тутъ самопожертвованіе,
умолкаю. Образъ молодаго человѣка, легкомысленнаго и разв
наго, но склонившагося предъ истиннымъ благородствомъ, пр
высшею идеей, мелькнулъ предъ нами чрезвычайно симпатич
Но вдругъ послѣ того, въ этой-же самой залѣ суда послѣдов
совсѣмъ неожиданно и оборотная сторона медали. Опять-таки
смѣю пускаться въ догадки и удержусь анализировать—почем
такъ послѣдовало. Но, однако, были-же причины—почему та
послѣдовало. Эта-же самая особа, вся въ слезахъ негодова
долго таившагося, объявляетъ намъ, что онъ-же, онъ-же пер
и презиралъ ее за ея неосторожный, безудержный, можетъ бы
порывъ, но все-же возвышенный, все-же великодушный. У не
же, у жениха этой дѣвушки, и промелькнула прежде всѣхъ т
смѣшливая улыбка, которую она лишь отъ него одного не м
снести. Зная, что онъ уже измѣнилъ ей (измѣнилъ въ убѣжд
что она уже все должна впредь сносить отъ него, даже изм
его), зная это, она нарочно предлагаетъ ему три тысячи рубл
ясно, слишкомъ ясно даетъ ему при этомъ понять, что предлага
ему деньги на измѣну ей-же: «Что-жь, примешь или нѣтъ, будет
ли столь циниченъ», говоритъ она ему молча своимъ судящимъ
испытующимъ взглядомъ. Онъ глядитъ на нее, понимаетъ ея м
сли совершенно (онъ вѣдь самъ сознался здѣсь при васъ, что он
все понималъ) и безусловно присвояетъ себѣ эти три тысячи
прокучиваетъ ихъ въ два дня съ своею новою возлюбленно
Чему-же вѣрить? Первой-ли легендѣ—порыву-ли высокаго бла
родства, отдающаго послѣднія средства для жизни и преклоня
щагося предъ добродѣтелью, или оборотной сторонѣ медали, ст

ительной? Обыкновенно въ жизни бываетъ такъ, что при
ъ противоположностяхъ правду надо искать посрединѣ; въ
ящемъ случаѣ это буквально не такъ. Вѣроятнѣе всего, что
рвомъ случаѣ онъ былъ искренно благороденъ, а во второмъ
ѣ также искренно низокъ. Почему? А вотъ именно потому,
ы натуры широкія, Карамазовскія,—я вѣдь къ тому и веду,—
бныя вмѣщать всевозможныя противоположности и разомъ
цать обѣ бездны, бездну надъ нами, бездну высшихъ идеа-
и бездну подъ нами, бездну самаго низшаго и зловоннаго
ія. Вспомните блестящую мысль, высказанную давеча моло-
наблюдателемъ, глубоко и близко созерцавшимъ всю семью
мазовыхъ, господиномъ Ракитинымъ: «Ощущеніе низости
ія также необходимо этимъ разнузданнымъ, безудержнымъ
амъ, какъ и ощущеніе высшаго благородства»,—и это прав-
менно имъ нужна эта неестественная смѣсь постоянно и без-
ивно. Двѣ бездны, двѣ бездны, господа, въ одинъ и тотъ-же
тъ,—безъ того мы несчастны и неудовлетворены, существо-
наше не полно. Мы широки, широки, какъ вся наша матуш-
ссія, мы все вмѣстимъ и со всѣмъ уживемся! Кстати, господа
жные засѣдатели, мы коснулись теперь этихъ трехъ ты-
рублей, и я позволю себѣ нѣсколько забѣжать впередъ. Во-
ите только, что онъ, этотъ характеръ, получивъ тогда эти
и, да еще такимъ образомъ, чрезъ такой стыдъ, чрезъ такой
ъ, чрезъ послѣдней степени униженіе,—вообразите только,
ъ въ тотъ-же день возмогъ будто-бы отдѣлить изъ нихъ по-
ну, зашить въ ладонку и цѣлый мѣсяцъ потомъ имѣть тверг
носить ихъ у себя на шеѣ, не смотря на всѣ соблазны и
ычайныя нужды! Ни въ пьяномъ кутежѣ по трактирамъ, ни
, когда ему пришлось летѣть изъ города доставать Богъ
ъ у кого деньги, необходимѣйшія ему, чтобъ увезть свою
бленную отъ соблазновъ соперника отца своего,—онъ не
ивается притронуться къ этой ладонкѣ. Да хоть именно для
только, чтобы не оставлять свою возлюбленную на соблазны
ка, къ которому онъ такъ ревновалъ, онъ долженъ-бы былъ
чатать свою ладонку и остаться дома неотступнымъ сторо-
своей возлюбленной, ожидая той минуты, когда она скажетъ
наконецъ: «Я твоя», чтобъ летѣть съ нею куда-нибудь по-
ле изъ теперешней роковой обстановки. Но нѣтъ, онъ не ка-
я своего талисмана и подъ какимъ-же предлогомъ? Первона-
ный предлогъ, мы сказали, былъ именно тотъ, что когда ему
тъ: «я твоя, вези меня куда хочешь»,—то было-бы на что

увезти. Но этотъ первый предлогъ, по собственнымъ словамъ
судимаго, побѣдилъ предъ вторымъ. Поколь, дескать, а
на себѣ эти деньги—«я подлецъ, но не воръ» ибо всегда могу
къ оскорбленной мною невѣстѣ и, выложивъ предъ нею эту
всей обманно присвоенной отъ нея суммы, всегда могу ей
Видишь, я прокутилъ половину твоихъ денегъ и доказалъ
что я слабый и безнравственный человѣкъ и, если хочешь,
денегъ (я выражаюсь языкомъ самого подсудимаго),—но,
подлецъ, а не воръ, ибо если-бы былъ воромъ, то не
бы тебѣ этой половины оставшихся денегъ, а присвоилъ
ее, какъ и первую половину». Удивительное объясненіе
Этотъ самый бѣшеный, но слабый человѣкъ, не могшій
заться отъ соблазна принять три тысячи рублей при
поворѣ,—этотъ самый человѣкъ ощущаетъ вдругъ въ себѣ
стоическую твердость и носитъ на своей шеѣ тысячи
не смѣя до нихъ дотронуться! Сообразно-ли это хоть
нибудь съ разбираемымъ нами характеромъ? Нѣтъ, я
волю себѣ вамъ разсказать, какъ-бы поступилъ въ такомъ
чаѣ настоящій Дмитрій Карамазовъ, если-бы даже и въ
дѣлѣ рѣшился зашить свои деньги въ ладонку При
же соблазнѣ,—ну хоть чтобъ опять чѣмъ потѣшить ту-же
вую возлюбленную, съ которой уже прокутилъ первую
этихъ-же денегъ, онъ-бы расшилъ свою ладонку и отдѣлилъ
нея,—ну, положимъ, на первый случай хоть только сто
лей,—ибо къ чему-де непремѣнно относить половину, то
полторы тысячи, довольно и тысячи четырехсотъ рублей;—
все тоже выйдетъ: «подлецъ, дескать, а не воръ, потому что
же хоть тысячу четыреста рублей да принесъ назадъ, а
бы всѣ взялъ и ничего не принесъ». Затѣмъ еще черезъ
сколько времени опять расшилъ-бы ладонку и опять вынулъ
вторую сотню, затѣмъ третью, затѣмъ четвертую, и не
какъ къ концу мѣсяца вынулъ-бы, наконецъ, предпослѣдн
сотню: дескать, и одну сотню принесу назадъ все тожо
выйдетъ: подлецъ, а не воръ. Двадцать девять сотенъ
тилъ, а все-же одну возвратилъ, воръ-бы и ту не возвратил
И, наконецъ, уже прокутивъ эту предпослѣднюю сотню,
смотрѣлъ-бы на послѣднюю и сказалъ-бы себѣ: «А
впрямь не стоитъ относить одну сотню,—давай и ту прокут
Вотъ какъ-бы поступилъ настоящій Дмитрій Карамазовъ,
кого мы знаемъ! Легенда-же объ ладонкѣ—это такое
ворѣчіе съ дѣйствительностью, какого болѣе и представить

жно предположить все, а не это. Но мы къ этому еще вер-
ся».

Обозначивъ въ порядкѣ все, что̀ извѣстно было судебному
дствію объ имущественныхъ спорахъ и семейныхъ отноше-
ъ отца съ сыномъ и еще, и еще разъ выведя заключеніе,
по извѣстнымъ даннымъ, нѣтъ ни малѣйшей возможности
одѣлить въ этомъ вопросѣ о дѣлежѣ наслѣдства кто кого
читалъ или кто на кого насчиталъ, Ипполитъ Кирилловичъ
поводу этихъ трехъ тысячъ рублей, засѣвшихъ въ умѣ Мити,
ъ неподвижная идея, упомянулъ объ медицинской экспертизѣ.

VII.

Обзоръ историческій.

«Экспертиза медиковъ стремилась доказать намъ, что подсу-
мый не въ своемъ умѣ и маньякъ. Я утверждаю, что онъ
нно въ своемъ умѣ, но что это-то и всего хуже: былъ-бы не въ
емъ, то оказался-бы, можетъ быть, гораздо умнѣе. Что̀-же до
го, что онъ маньякъ, то съ этимъ я-бы и согласился, но именно
одномъ только пунктѣ, — въ томъ самомъ, на который и экс-
ртиза указывала, именно во взглядѣ подсудимаго на эти три
сячи, будто-бы недоплаченныя ему отцомъ. Тѣмъ не менѣе,
жетъ быть, можно найдти несравненно ближайшую точку зрѣ-
я, чтобъ объяснить это всегдашнее изступленіе подсудимаго
поводу этихъ денегъ, чѣмъ наклонность его къ помѣшатель-
ву. Съ своей стороны, я вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ моло-
го врача, находившаго, что подсудимый пользуется и пользо-
ся полными и нормальными умственными способностями, а
лъ лишь раздраженъ и озлобленъ. Вотъ въ этомъ и дѣло: не
трехъ тысячахъ, не въ суммѣ собственно заключался пред-
тъ постояннаго и изступленнаго озлобленія подсудимаго, а въ
мъ, что была тутъ особая причина, возбуждавшая его гнѣвъ.
ичина эта—ревность!»

Здѣсь Ипполитъ Кирилловичъ пространно развернулъ всю
ртину роковой страсти подсудимаго къ Грушенькѣ. Началъ
ъ съ самаго того момента, когда подсудимый отправился къ
олодой особѣ», чтобъ «избить ее», — выражаясь его соб-
венными словами, пояснилъ Ипполитъ Кирилловичъ, — но
ѣсто того, чтобъ избить, остался у ногъ ея, — вотъ начало

этой любви. Въ тоже время бросаетъ взглядъ на ту-же особ
рикъ, отецъ подсудимаго,— совпаденіе удивительное и
ибо оба сердца зажглись вдругъ, въ одно время, хотя
и тотъ и другой знали-же и встрѣчали эту особу, — и з
эти оба сердца самою безудержною, самою Карамазовскою с
Тутъ мы имѣемъ ея собственное признаніе: «Я, говоря
смѣялась надъ тѣмъ и другимъ». Да, ей захотѣлось вдр
смѣяться надъ тѣмъ и другимъ: прежде не хотѣлось,
вдругъ влетѣло ей въ умъ это намѣреніе,— и кончилос
что оба пали передъ ней побѣжденные. Старикъ, поклон
деньгамъ какъ Богу, тотчасъ-же приготовилъ три тысячи
лишь за то только, чтобъ она посѣтила его обитель, но
доведенъ былъ и до того, что за счастье почелъ-бы поло
ногамъ ея свое имя и все свое состояніе, лишь-бы согл
стать законною супругой его. На это мы имѣемъ свидѣ
твердыя. Что-же до подсудимаго, то трагедія его очеви
передъ нами. Но такова была «игра» молодой особы.
ному молодому человѣку обольстительница не подавала
надежды, ибо надежда, настоящая надежда была ему
лишь только въ самый послѣдній моментъ, когда онъ, с
редъ своею мучительницей на колѣняхъ, простираетъ
уже обагренныя кровью своего отца и соперника ру
этомъ именно положеніи онъ и былъ арестованъ. «Мен
вмѣстѣ съ нимъ въ каторгу пошлите, я его до того до
больше всѣхъ виновата!» восклицала эта женщина сама,
искреннемъ раскаяніи, въ минуту его ареста. Талантли
лодой человѣкъ, взявшій на себя описать настоящее дѣл
тотъ-же господинъ Ракитинъ, о которомъ я уже упомин
въ нѣсколькихъ сжатыхъ и характерныхъ фразахъ опре
характеръ этой героини: «Раннее разочарованіе, ранній
и паденіе, измѣна обольстителя жениха, ее бросившаго,
бѣдность, проклятіе честной семьи и, наконецъ, покро
ство одного богатаго старика, котораго она, впрочем
считаетъ и теперь своимъ благодѣтелемъ. Въ молодомъ
можетъ быть, заключавшемъ въ себѣ много хорошаго, з
гнѣвъ еще слишкомъ съ ранней поры. Образовался ха
разсчетливый, копящій капиталъ. Образовалась насмѣш
и мстительность обществу». Послѣ этой характеристи
нятно, что она могла смѣяться надъ тѣмъ и другим
ственно для игры, для злобной игры. И вотъ въ этотъ
безнадежной любви, нравственныхъ паденій, измѣны св

[redacted]ё, присвоенія чужихъ денегъ, ввѣренныхъ его чести, — под[redacted]ый кромѣ того доходитъ почти до изступленія, до бѣшен[redacted], отъ безпрерывной ревности, и къ кому же, къ своему отцу! Главное, безумный старикъ сманиваетъ и прельщаетъ пред[redacted]ъ его страсти—этими-же самыми тремя тысячами, которыя къ его считаетъ своими родовыми, наслѣдствомъ матери, въ орыхъ укоряетъ отца. Да, я согласенъ, это было тяжело снести! Тутъ могла явиться даже и манія. Не въ деньгахъ ло дѣло, а въ томъ, что этими-же деньгами съ такимъ омер[redacted]ьнымъ цинизмомъ разбивалось счастье его!»

Затѣмъ Ипполитъ Кирилловичъ перешелъ къ тому, какъ епенно зарождалась въ подсудимомъ мысль отцеубійства и слѣдилъ ее по фактамъ.

«Сначала мы только кричимъ по трактирамъ, — весь этотъ ядъ кричимъ. О, мы любимъ жить на людяхъ и тотчасъ-же бщать этимъ людямъ всѣ, даже самыя инфернальныя и опас[redacted] наши идеи, мы любимъ дѣлиться съ людьми, и, неизвѣстно ему, тутъ-же, сейчасъ же и требуемъ, чтобъ эти люди тот[redacted]ъ-же отвѣчали намъ полнѣйшею симпатіей, входили во всѣ ши заботы и тревоги, намъ поддакивали и нраву нашему не пятствовали. Не то мы озлимся и разнесемъ весь трактиръ. ѣдовалъ анекдотъ о штабсъ-капитанѣ Снѣгиревѣ). Видѣвшіе лышавшіе подсудимаго въ этотъ мѣсяцъ почувствовали, на[redacted]ецъ, что тутъ уже могутъ быть не одни крики и угрозы ту, но что при такомъ изступленіи угрозы, пожалуй, перей[redacted]ъ и въ дѣло. (Тутъ прокуроръ описалъ семейную встрѣчу монастырѣ, разговоры съ Алешей и безобразную сцену наси[redacted] въ домѣ отца, когда подсудимый ворвался къ нему послѣ да). Не думаю настойчиво утверждать, продолжалъ Ипполитъ рилловичъ,—что до этой сцены подсудимый уже обдуманно и еднамѣренно положилъ покончить съ отцомъ своимъ убійствомъ о. Тѣмъ не менѣе идея эта уже нѣсколько разъ предстояла у и онъ обдуманно созерцалъ ее — на это мы имѣемъ факты, дѣтелей и собственное сознаніе его. Признаюсь, господа при[redacted]ные засѣдатели, присовокупилъ Ипполитъ Кирилловичъ,—я же до сегодня колебался оставить за подсудимымъ полное и мательное преднамѣреніе напрашивавшагося къ нему преступ[redacted]нія. Я твердо былъ убѣжденъ, что душа его уже многократно зерцала роковой моментъ впереди, но лишь созерцала, пред[redacted]ляла его себѣ лишь въ возможности, но еще не опредѣляла срока исполненія, ни обстоятельствъ. Но я колебался лишь

до сегодня, до этого роковаго документа, представленнаг
дня суду госпожею Верховцевой. Вы сами слышали,
ея восклицаніе: «Это планъ, это программа убійства!» во
опредѣляла она несчастное «пьяное» письмо несчастнаго
димаго. И дѣйствительно, за письмомъ этимъ все значе
граммы и преднамѣренія. Оно написано за двое сутокъ
ступленія,—и, такимъ образомъ, намъ твердо теперь и
что за двое сутокъ до исполненія своего страшнаго з
подсудимый съ клятвою объявилъ, что если не достанетъ
денегъ, то убьетъ отца, съ тѣмъ, чтобы взять у него
изъ-подъ подушки «въ пакетѣ съ красною ленточкой,
бы уѣхалъ Иванъ». Слышите: «только-бы уѣхалъ Иванъ»,
стало быть, уже все обдумано, обстоятельства взвѣшен
что-же: все потомъ и исполнено какъ по писанному!
мѣренность и обдуманность несомнѣнны, преступленіе
было совершиться съ цѣлью грабежа, это прямо объявл
написано и подписано. Подсудимый отъ своей подписи
цается. Скажутъ: это писалъ пьяный. Но это ничего не
шаетъ и тѣмъ важнѣе: въ пьяномъ видѣ написалъ то,
думалъ въ трезвомъ. Не было-бы задумано въ трезвомъ
писалось-бы въ пьяномъ. Скажутъ, пожалуй: къ чему-
кричалъ о своемъ намѣреніи по трактирамъ? Кто на та
рѣшается *преднамѣренно*, тотъ молчитъ и таитъ про себя.
но кричалъ онъ тогда, когда еще не было плановъ и пр
ренія, а лишь стояло одно желаніе, созрѣвало лишь стр
Потомъ онъ объ этомъ уже меньше кричитъ. Въ тотъ
когда было написано это письмо, напившись въ трактир
личный Городъ», онъ, противъ обыкновенія, былъ мол
не игралъ на биллiардѣ, сидѣлъ въ сторонѣ, ни съ кѣм
ворилъ и лишь согналъ съ мѣста одного здѣшняго куп
прикащика, но это уже почти безсознательно, по привы
ссорѣ, безъ которой, войдя въ трактиръ, онъ уже не могъ об
Правда, вмѣстѣ съ окончательнымъ рѣшеніемъ, подсу
должно-же было придти въ голову опасеніе, что онъ сл
много накричалъ по городу предварительно и что это
весьма послужить къ его уличенію и его обвиненію, ко
исполнитъ задуманное. Но ужъ что-же дѣлать, фактъ
былъ совершенъ, его не воротишь, и, наконецъ, вывоз
прежде кривая, вывезетъ и теперь. Мы на звѣзду свою
лись, господа! Я долженъ къ тому-же признаться, что он
сдѣлалъ, чтобъ обойдти роковую минуту, что онъ упот

а много усилій, чтобъ избѣжать кроваваго исхода. «Буду
в просить три тысячи у всѣхъ людей, какъ пишетъ онъ
ъ своеобразнымъ языкомъ, а не дадутъ люди, то прольется
». Опять-таки въ пьяномъ видѣ написано и опять-таки въ
ьмъ видѣ какъ по писанному исполнено!»
тъ Ипполитъ Кирилловичъ приступилъ къ подробному опи-
всѣхъ стараній Мити добыть себѣ деньги, чтобъ избѣжать
пленія. Онъ описалъ его похожденія у Самсонова, путе-
іе къ Лягавому—все по документамъ. «Измученный, осмѣян-
олодный, продавшій часы на это путешествіе (имѣя, однако,
ѣ полторы тысячи рублей — и будто, о, будто!), мучаясь
тью по оставленному въ городѣ предмету любви, подозрѣ-
то онъ безъ него уйдетъ къ Ѳедору Павловичу, онъ возвра-
я, наконецъ, въ городъ. Слава Богу! Она у Ѳедора Павло-
не была. Онъ-же самъ ее провожаетъ къ ея покровителю
нову. (Странное дѣло, къ Самсонову мы не ревнивы и это
і характерная психологическая особенность въ этомъ дѣлѣ!)
ъ стремится на наблюдательный постъ «на задахъ» и тамъ—
ъ узнаетъ, что Смердяковъ въ падучей, что другой слуга
ь—поле чисто, а «знаки» въ рукахъ его—какой соблазнъ!
не менѣе онъ всетаки сопротивляется; онъ идетъ къ высоко-
емой всѣми нами временной здѣшней жительницѣ г-жѣ Хох-
ой. Давно уже сострадающая его судьбѣ, эта дама предла-
ему благоразумнѣйшій изъ совѣтовъ: бросить весь этотъ
ъ, эту безобразную любовь, эти праздношатанія по тракти-
, безплодную трату молодыхъ силъ и отправиться въ Сибирь
лотые пріиски: «тамъ исходъ вашимъ бушующимъ силамъ, ва-
раманическому характеру, жаждущему приключеній». Опи-
исходъ бесѣды и тотъ моментъ, когда подсудимый вдругъ
лъ извѣстіе о томъ, что Грушенька совсѣмъ не была у
нова, описавъ мгновенное изступленіе несчастнаго, изму-
го нервами ревниваго человѣка при мысли, что она именно
ула его и теперь у него, у Ѳедора Павловича, Ипполитъ
ловичъ заключилъ, обращая вниманіе на роковое значе-
учая: успѣй ему сказать служанка, что возлюбленная его
окромъ, съ «прежнимъ» и «безспорнымъ»—ничего-бы и не
Но она опѣшила отъ страха, заклялась-забожилась, и,
подсудимый не убилъ ее тутъ-же, то это потому, что сломя
у пустился за своей измѣнницей. Но замѣтьте: какъ ни
онъ внѣ себя, а захватилъ таки съ собою мѣдный пестикъ.
ъ именно пестикъ, зачѣмъ не другое какое оружіе? Но,

если мы уже цѣлый мѣсяцъ созерцали эту картину и
приготовлялись, то чуть мелькнуло намъ что-то въ видѣ
мы и схватываемъ его какъ оружіе. А о томъ, что какой
предметъ въ этомъ родѣ можетъ послужить оружіемъ,—
уже цѣлый мѣсяцъ представляли себѣ. Потому-то так
венно и безспорно и признали его за оружіе! А потому
не безсознательно, все-же не невольно схватилъ онъ
ковой пестикъ. И вотъ онъ въ отцовскомъ саду — поле
свидѣтелей нѣтъ, глубокая ночь, мракъ и ревность. Подоз
что она здѣсь, съ нимъ, съ соперникомъ его, въ его объя
и, можетъ быть, смѣется надъ нимъ въ эту минуту—зах
ваетъ ему духъ. Да и не подозрѣніе только,—какія ужъ
подозрѣнія, обманъ явенъ, очевиденъ: она тутъ, вотъ въ
комнатѣ, откуда свѣтъ, она у него тамъ за ширмами, — и
несчастный подкрадывается къ окну, почтительно въ него
дываетъ, благонравно смиряется и благоразумно уходитъ,
рѣе вонъ отъ бѣды, чтобы чего не произошло, опаснаго и
нравственнаго — и насъ въ этомъ хотятъ увѣрить, насъ,
щихъ характеръ подсудимаго, понимающихъ, въ какомъ онъ
состояніи духа, въ состояніи намъ извѣстномъ по фактам
главное, обладая знаками, которыми тотчасъ-же могъ отп
домъ и войдти!» Здѣсь, по поводу «знаковъ» Ипполитъ К
ловичъ оставилъ на время свое обвиненіе и нашелъ необ
мымъ распространиться о Смердяковѣ, съ тѣмъ, чтобы у
вершенно исчерпать весь этотъ вводный эпизодъ о подоз
Смердякова въ убійствѣ и покончить съ этою мыслію р
всегда. Сдѣлалъ онъ это весьма обстоятельно, и всѣ
что не смотря на все выказываемое имъ презрѣніе къ
предположенію, онъ всетаки считалъ его весьма важнымъ.

VIII.

Трактатъ о Смердяковѣ.

«Во первыхъ, откуда взялась возможность подобнаго
зрѣнія?»—началъ съ этого вопроса Ипполитъ Кириллович
вый, крикнувшій, что убилъ Смердяковъ, былъ самъ подсуд
въ минуту своего ареста и, однако, не представившій съ
перваго крика своего и до самой сей минуты суда ни
факта въ подтвержденіе своего обвиненія,—и не только

ке сколько-нибудь сообразнаго съ человѣческимъ смысломъ
а на какой-нибудь фактъ. Затѣмъ подтверждаютъ обвине-
о только три лица: оба брата подсудимаго и г-жа Свѣт-
Но старшій братъ подсудимаго объявилъ свое подозрѣніе
сегодня, въ болѣзни, въ припадкѣ безспорнаго умоизсту-
и горячки, а прежде, во всѣ два мѣсяца, какъ намъ по-
ельно это извѣстно, совершенно раздѣлялъ убѣжденіе о
ности своего брата, даже не искалъ возражать противъ
идеи. Но мы этимъ займемся особенно еще потомъ. Затѣмъ
ій братъ подсудимаго намъ объявляетъ давеча самъ, что
въ въ подтвержденіе своей мысли о виновности Смердя-
не имѣетъ никакихъ, ни малѣйшихъ, а заключаетъ такъ
со словъ самого подсудимаго и «по выраженію его лица»—
о колоссальное доказательство было дважды произнесено
его братомъ. Г-жа-же Свѣтлова выразилась даже, можетъ
и еще колоссальнѣе: «Что подсудимый вамъ скажетъ, тому
ьте, не таковъ человѣкъ, чтобы солгалъ». Вотъ всѣ факти-
доказательства на Смердякова отъ этихъ трехъ лицъ, слиш-
заинтересованныхъ въ судьбѣ подсудимаго. И, между тѣмъ,
еніе на Смердякова ходило и держалось, и держится,—
этому повѣрить, можно это представить?
тъ Ипполитъ Кирилловичъ нашелъ нужнымъ слегка очер-
характеръ покойнаго Смердякова, «прекратившаго жизнь
въ припадкѣ болѣзненнаго умоизступленія и помѣшатель-
. Онъ представилъ его человѣкомъ слабоумнымъ, съ зачат-
нѣкотораго смутнаго образованія, сбитаго съ толку фило-
ими идеями не подъ силу его уму и испугавшагося иныхъ
енныхъ ученій о долгѣ и обязанности, широко преподан-
ему — практически-безшабашною жизнію покойнаго его
а, а, можетъ быть, и отца—Ѳедора Павловича, а теорети-
—разными странными философскими разговорами съ стар-
сыномъ барина, Иваномъ Ѳедоровичемъ, охотно позволяв-
себѣ это развлеченіе,—вѣроятно, отъ скуки, или отъ по-
ости насмѣшки, не нашедшей лучшаго приложенія. Онъ
амъ разсказывалъ о своемъ душевномъ состояніи въ по-
іе дни своего пребыванія въ домѣ своего барина, — поясн-
Ипполитъ Кирилловичъ,—но свидѣтельствуютъ о томъ-же
тіе: самъ подсудимый, братъ его и даже слуга Григорій,
всѣ тѣ, которые должны были знать его весьма близко.
в того, удрученный падучею болѣзнію, Смердяковъ былъ
ливъ какъ курица». «Онъ падалъ мнѣ въ ноги и цаловалъ

мои ноги», сообщалъ намъ самъ подсудимый въ ту минуту, ещe не сознавалъ нѣкоторой для себя невыгоды въ такомъ щеніи,—«это курица въ падучей болѣзни», выразился его своимъ характернымъ языкомъ. И вотъ его-то подсуд (о чемъ и самъ свидѣтельствуетъ) выбираетъ въ свои ные и запугиваетъ настолько, что тотъ соглашается, служить ему шпіономъ и переносчикомъ. Въ этомъ домашняго соглядатая онъ измѣняетъ своему барину, подсудимому и о существованіи пакета съ деньгами, и про по которымъ можно проникнуть къ барину,—да и какъ могъ не сообщить! «Убьютъ-съ, видѣлъ прямо, что убьютъ говорилъ онъ на слѣдствіи, трясясь и трепеща даже передъ не смотря на то, что запугавшій его мучитель былъ уж тогда подъ арестомъ и не могъ уже придти наказать его. дозрѣвали меня всякую минуту-съ, самъ въ страхѣ и тр чтобы только ихъ гнѣвъ утолить, спѣшилъ сообщать ихъ кую тайну-съ, чтобы тѣмъ самымъ невинность мою перед видѣть могли-съ, и живаго на покаяніе отпустили-съ». собственныя слова его, я ихъ записалъ и запомнилъ. закричитъ, бывало, на меня, я такъ на колѣнки передъ и паду». Будучи высокочестнымъ отъ природы своей моло человѣкомъ и войдя тѣмъ въ довѣренность своего барина, чившаго въ немъ эту честность, когда тотъ возвратил потерянныя имъ деньги, несчастный Смердяковъ, надо д страшно мучился раскаяніемъ въ измѣнѣ своему барину, раго любилъ, какъ своего благодѣтеля. Сильно страдающе падучей болѣзни, по свидѣтельству глубочайшихъ психіатр всегда наклонны къ безпрерывному и, конечно, болѣзнен самообвиненію. Они мучаются отъ своей «виновности» въ то и передъ кѣмъ-то, мучаются угрызеніями совѣсти, часто безо всякаго основанія, преувеличиваютъ и даже сами выду ваютъ на себя разныя вины и преступленія. И вотъ подоб то субъектъ становится дѣйствительно виновнымъ и преступны отъ страху и отъ запугиванія. Кромѣ того, онъ сильно чувствовалъ, что изъ слагающихся на глазахъ его обстоятел можетъ выйдти нѣчто недоброе. Когда старшій сынъ Ѳедора ловича, Иванъ Ѳедоровичъ, передъ самой катастрофой уѣзж въ Москву, Смердяковъ умолялъ его остаться, не смѣя, одна же, по трусливому обычаю своему, высказать ему всѣ опас свои въ видѣ яснымъ и категорическомъ. Онъ лишь удов ствовался намеками, но намековъ не поняли. Надо замѣтить,

Иванѣ Ѳедоровичѣ онъ видѣлъ какъ-бы свою защиту, какъ-
гарантію въ томъ, что пока тотъ дома, то не случится бѣды.
мните выраженіе въ «пьяномъ» письмѣ Дмитрія Карама-
«убью старика, если только уѣдетъ Иванъ», стало быть.
утствіе Ивана Ѳедоровича казалось всѣмъ какъ-бы гарантіей
ины и порядка въ домѣ. И вотъ онъ-то и уѣзжаетъ, а Смер-
въ тотчасъ же, почти черезъ часъ по отъѣздѣ молодаго ба-
, упадаетъ въ падучей болѣзни. Но это совершенно понятно.
ъ надо упомянуть, что, удрученный страхами и своего рода
ніемъ, Смердяковъ въ послѣдніе дни особенно ощущалъ въ
возможность приближенія припадковъ падучей, которая и
де всегда случалась съ нимъ въ минуты нравственнаго на-
женія и потрясенія. День и часъ этихъ припадковъ угадать,
чно, нельзя, но расположеніе къ припадку каждый эпилеп-
ощутить въ себѣ можетъ заранѣе. Такъ говоритъ медицина.
отъ, только что съѣзжаетъ со двора Иванъ Ѳедоровичъ, какъ
рдяковъ, подъ впечатлѣніемъ своего, такъ сказать, сиротства
оей беззащитности, идетъ за домашнимъ дѣломъ въ погребъ,
кается внизъ по лѣстницѣ и думаетъ: «будетъ или не бу-
припадокъ, а что коль сейчасъ придетъ?»—И вотъ именно
этого настроенія, отъ этой мнительности, отъ этихъ вопро-
и схватываетъ его горловая спазма, всегда предшествую-
падучей, и онъ летитъ стремглавъ, безъ сознанія, на дно
ба. И вотъ, въ этой самой естественной случайности, ухищ-
тся видѣть какое-то подозрѣніе, какое-то указаніе, какой-то
къ на то, что онъ *нарочно* притворился больнымъ! Но если
чно, то является тотчасъ вопросъ: для чего-же? Изъ какого
чета, къ какою-же цѣлью? Я уже не говорю про медицину:
ка, дескать, лжетъ, наука ошибается, доктора не съумѣли
чить истины отъ притворства,—пусть, пусть, но отвѣтьте-
нѣ, однако, на вопросъ: для чего ему было притворяться?
для того-ли, чтобы, замысливъ убійство, обратить на себя
вшимся припадкомъ заранѣе и поскорѣе вниманіе въ домѣ?
ите-ли, господа присяжные засѣдатели, въ домѣ Ѳедора Пав-
ча, въ ночь преступленія было и перебывало пять человѣкъ:
ервыхъ, самъ Ѳедоръ Павловичъ,—но вѣдь не онъ-же убилъ
, это ясно; во вторыхъ, слуга его Григорій, но вѣдь того
го чуть не убили,—въ третьихъ, жена Григорія, служанка
ва Игнатьевна, но представить ее убійцей своего барина
го стыдно. Остаются, стало быть, на виду два человѣка:
удимый и Смердяковъ. Но такъ какъ подсудимый увѣряетъ,

что убилъ не онъ, то, стало быть, долженъ былъ убить
ковъ, другаго выхода нѣтъ, ибо никого другаго нельзя
никакого другаго убійцы не подберешь. Вотъ, вотъ, ста
откуда произошло это «хитрое» и колоссальное обви
несчастнаго, вчера покончившаго съ собой, идіота! Имени
потому одному, что другаго некого подобрать! Будь хо
хоть подозрѣніе на кого другаго, на какое-нибудь шест
то, я убѣжденъ, что даже самъ подсудимый постыдился
казать тогда на Смердякова, а показалъ-бы на это шест
ибо обвинять Смердякова въ этомъ убійствѣ есть сове
абсурдъ.

«Господа, оставимъ психологію, оставимъ медицину,
даже самую логику, обратимся лишь къ фактамъ, къ
только фактамъ и посмотримъ, что̀ скажутъ намъ факты
Смердяковъ, но какъ? Одинъ или въ сообществѣ съ
мымъ? Разсмотримъ сперва первый случай, то есть, ч
дяковъ убиваетъ одинъ. Конечно, если убилъ, то для
нибудь, изъ какой-нибудь выгоды. Но, не имѣя ни тѣ
вовъ къ убійству изъ такихъ, какіе имѣлъ подсудимый,
ненависти, ревности и проч., и проч., Смердяковъ, безъ
нія, могъ убить только лишь изъ-за денегъ, чтобы п
себѣ именно эти три тысячи, которыя самъ-же видѣлъ
баринъ его укладывалъ въ пакетъ. И вотъ, замыслив
ство, онъ заранѣе сообщаетъ другому лицу,—и къ том
высочайшей степени заинтересованному лицу, именно
мому,—всѣ обстоятельства о деньгахъ и знакахъ: гдѣ
пакетъ, что̀ именно на пакетѣ написано, чѣмъ онъ обер
главное, главное сообщаетъ про эти «знаки», которыми
рину можно пройдти. Что-жь, онъ прямо чтобы выдать
дѣлаетъ? Или чтобы найдти себѣ соперника, который,
и самъ пожелаетъ войдти и пріобрѣсть пакетъ? Да,
мнѣ, но вѣдь онъ сообщилъ отъ страху. Но какъ-же
ловѣкъ, не смигнувшій задумать такое безстрашное и
дѣло и потомъ исполнить его, — сообщаетъ такія извѣ
торыя знаетъ только онъ въ цѣломъ мірѣ, и о которы
бы только онъ о нихъ умолчалъ, никто и не догадался
когда въ цѣломъ мірѣ. Нѣтъ, ужь какъ-бы ни былъ
человѣкъ, а ужь если такое дѣло задумалъ, то уже ни за
сказалъ никому, по крайней мѣрѣ, про пакетъ и про зн
это значило-бы впередъ всего себя выдать. Что-нибу
малъ-бы нарочно, что-нибудь налгалъ-бы другое, если

непремѣнно требовали извѣстій, а ужь объ этомъ-бы умол-
Напротивъ, повторяю это, если-бъ онъ промолчалъ хоть
о объ деньгахъ, а потомъ убилъ и присвоилъ эти деньги
то никто-бы никогда въ цѣломъ мірѣ не могъ обвинить
по крайней мѣрѣ, въ убійствѣ для грабежа, ибо денегъ
ь вѣдь никто кромѣ него не видалъ, никто не зналъ, что
ществуютъ въ домѣ. Если-бы даже и обвинили его, то
мѣнно сочли-бы, что онъ изъ другаго какого-нибудь мотива
ь. Но такъ какъ мотивовъ этихъ за нимъ никто предвари-
о не примѣтилъ, а всѣ видѣли, напротивъ, что онъ бари-
любимъ, почтенъ бариновою довѣренностью, то, конечно
его послѣдняго и заподозрили, а заподозрили-бы прежде
такого, который-бы имѣлъ эти мотивы, кто самъ кричалъ,
мѣетъ эти мотивы, кто ихъ не скрывалъ, передъ всѣми об-
кивалъ, однимъ словомъ, заподозрили-бы сына убитаго, Дми-
Ѳедоровича. Смердяковъ-бы убилъ и ограбилъ, а сына-бы
или,—вѣдь Смердякову убійцѣ, ужь конечно, было-бы это
но? Ну, такъ вотъ этому-то сыну Дмитрію, Смердяковъ,
сливъ убійство, и сообщаетъ впередъ про деньги, про па-
и про знаки,—какъ это логично, какъ это ясно!!
Приходитъ день замышленнаго Смердяковымъ убійства, и
онъ летитъ съ ногъ, *притворившись*, въ припадкѣ паду-
олѣзни, для чего? Ужь конечно, для того, чтобы, во пер-
, слуга Григорій, замыслившій свое лѣченіе и, видя, что со-
енно некому стеречь домъ, можетъ быть, отложилъ-бы свое
ie и сѣлъ караулить. Во вторыхъ, конечно, для того, чтобы
баринъ, видя, что его никто не караулитъ и страшно
ясь прихода сына, чего не скрывалъ, усугубилъ свою не-
чивость и свою осторожность. Наконецъ, и главное, ко-
, для того, чтобъ его, Смердякова, разбитаго припадкомъ,
съ-же перенесли изъ кухни, гдѣ онъ всегда отдѣльно ото
ночевалъ и гдѣ имѣлъ свой особенный входъ и выходъ,
угой конецъ флигеля, въ комнатку Григорія, къ нимъ обо-
за перегородку, въ трехъ шагахъ отъ ихъ собственной по-
, какъ всегда это бывало, съ поконъ вѣка, чуть только
азбивала падучая, по распоряженіямъ барина и сердобольной
ы Игнатьевны. Тамъ, лежа за перегородкой, онъ вѣроятнѣе
, чтобъ вѣрнѣе изобразиться больнымъ, начнетъ, конечно,
ть, то есть будить ихъ всю ночь — (какъ и было по по-
ію Григорія и жены его) — и все это, все это для того,
тѣмъ удобнѣе вдругъ встать и потомъ убить барина!

«Но, скажутъ мнѣ, можетъ быть, онъ именно прит
чтобы на него, какъ на больнаго, не подумали, а подс
сообщилъ про деньги и про знаки именно для того, что
соблазнился и самъ пришелъ, и убилъ, и когда, видите-л
убивъ, уйдетъ и унесетъ деньги, и при этомъ, пожалуй
митъ, нагремитъ, разбудитъ свидѣтелей, то тогда, ва
встанетъ и Смердяковъ, и пойдетъ,—ну, что-же дѣлать
А вотъ именно пойдетъ въ другой разъ убить барина и
гой разъ унести уже унесенныя деньги. Господа, вы с
Мнѣ самому стыдно дѣлать такія предположенія, а меж
представьте себѣ это, именно вѣдь подсудимый это
утверждаетъ: послѣ меня, дескать, когда я уже выш
дому, поваливъ Григорія и надѣлавъ тревоги, онъ вста
шелъ, убилъ и ограбилъ. Ужь я и не говорю про то,
могъ Смердяковъ разсчитать это все заранѣе и все пре
какъ по пальцамъ, то есть, что раздраженный и бѣшены
придетъ единственно для того только, чтобы почтительн
нутъ въ окно и, обладая знаками, отретироваться, остав
Смердякову, свою добычу! Господа, я серьезно ставлю
гдѣ тотъ моментъ, когда Смердяковъ совершилъ свое пр
ніе? Укажите этотъ моментъ, ибо безъ этого нельзя о

«А, можетъ быть, падучая была настоящая. Больной
очнулся, услыхалъ крикъ, вышелъ,—ну, и что-же? Пос
да и сказалъ себѣ: дай пойду убью барина? А почему онъ
что тутъ было, что тутъ происходило, вѣдь онъ до си
лежалъ въ безпамятствѣ? А, впрочемъ, господа, есть п
фантазіямъ.

«Такъ-съ, скажутъ тонкіе люди, а ну, какъ оба был
гласіи, а ну, какъ это они оба вмѣстѣ убили и денежк
лили, ну, тогда какже?

«Да, дѣйствительно подозрѣніе важное, и во первых
часъ-же колоссальныя улики, его подтверждающія: оди
ваетъ и беретъ всѣ труды на себя, а другой сообщникъ
на боку, притворившись въ падучей,—именно для того
предварительно возбудить во всѣхъ подозрѣніе, тревогу
ринѣ, тревогу въ Григоріѣ. Любопытно, изъ какихъ мотив
сообщника могли-бы выдумать именно такой сумасшедшій
Но, можетъ быть, это было вовсе не активное сообще
стороны Смердякова, а, такъ сказать, пассивное и страдал
можетъ быть, запуганный Смердяковъ согласился лишь
противляться убійству и, предчувствуя, что его-же вѣ

ъ, что онъ далъ убить барина, не кричалъ, не сопротивлялъ—заранѣе выговорилъ себѣ у Дмитрія Карамазова позволеніе ежать это время какъ-бы въ падучей. «а ты тамъ убивай ь какъ угодно, моя изба съ краю». Но если и такъ, то такъ ь и опять-таки эта падучая должна была произвести въ ь переполохъ, предвидя это. Дмитрій Карамазовъ ужь ни-ь не могъ-бы согласиться на такой уговоръ. Но я уступаю, ть онъ согласился: такъ вѣдь, все-таки, вышло-бы тогда, что трій Карамазовъ — убійца, прямой убійца и зачинщикъ, а рдяковъ лишь пассивный участникъ, да и не участникъ даже, лишь попуститель отъ страха и противъ воли, вѣдь судъ-то бы уже непремѣнно могъ различить, и вотъ, что-же мы ви-ь? Только что арестовали подсудимаго, какъ онъ мигомъ сва-етъ все на одного Смердякова и его *одного* обвиняетъ. Не сообщничествѣ съ собой обвиняетъ, а его одного: одинъ, ать, онъ это сдѣлалъ, онъ убилъ и ограбилъ, его рукъ дѣло! что-же это за сообщники, которые тотчасъ-же начинаютъ рить одинъ на другаго. — да этого никогда не бываетъ. И, втьте, какой рискъ для Карамазова: онъ главный убійца, а ь не главный, тотъ только попуститель и пролежалъ за пе-ородкой, и вотъ онъ сваливаетъ на лежачаго. Такъ вѣдь тотъ, ичій-то могъ разсердиться, и изъ-за одного только самосо-ненія поскорѣе объявить правду истинную: оба, дескать, уча-овали, только я не убивалъ, а лишь дозволилъ и попустилъ, ъ страху. Вѣдь онъ-же, Смердяковъ, могъ понять, что судъ асъ-бы различилъ степень его виновности, а, стало быть, ъ и разсчитать, что если его и накажутъ, то несравненно ожнѣе, чѣмъ того, главнаго убійцу, желающаго все свалить него. Но тогда, стало быть, ужь по неволѣ сдѣлалъ-бы при-ніе. Этого мы, однако-же, не видали. Смердяковъ и не за-ался о сообщничествѣ, не смотря на то, что убійца твердо об-ялъ его и все время указывалъ на него, какъ на убійцу ственнаго. Мало того: Смердяковъ-же и открылъ слѣдствію, о пакетѣ съ деньгами и о знакахъ сообщилъ подсудимому *самъ*, и что безъ него тотъ и не узналъ-бы ничего. Если онъ ь былъ дѣйствительно въ сообщничествѣ и виновенъ, сообщилъ-бы онъ такъ легко объ этомъ слѣдствію, то есть, что это все ь самъ сообщилъ подсудимому? Напротивъ, сталъ-бы запи-ться и ужь непремѣнно искажать факты и уменьшать ихъ. Но ь не искажалъ и не уменьшалъ. Такъ можетъ дѣлать только не-ный, не боящійся, что его обвинятъ въ сообщничествѣ. И вотъ

онъ, въ припадкѣ болѣзненной меланхоліи отъ своей п
отъ всей этой разразившейся катастрофы, вчера повѣся
вѣсившись, оставилъ записку, писанную своеобразнымъ
«Истреблю себя своею волей и охотой, чтобы никог
нить». Ну, чтобъ ему прибавить въ запискѣ: убійца
Карамазовъ. Но этого онъ не прибавилъ: на одно сов
гило, а на другое нѣтъ?

«И что-же: давеча сюда, въ судъ, приносятъ деньги
сячи рублей. — «тѣ самыя, дескать, которыя лежали
томъ самомъ пакетѣ, что на столѣ съ вещественны
тельствами, получилъ, дескать, вчера отъ Смердякова»
сюда присяжные засѣдатели, сами помните грустну
чную картину. И не возобновлю подробностей, однако-же
себѣ сказать лишь два—три соображенія, выбирая изъ
чительнѣйшихъ,—именно потому, что онѣ незна
, стало быть, не всякому придутъ въ голову и з
, и опять-таки отъ угрызенія совѣсти См
деньги и самъ повѣсился. (Ибо безъ угры
денегъ не отдалъ). И ужь, конечно, тол
разъ признался Ивану Карамазову
, какъ объявилъ и самъ Иванъ Карамазо
молчалъ до сихъ поръ? Штакъ, онъ п
повторяю это, въ предсмертной запискѣ
правды, зная, что завтра-же для бо
страшный судъ? Однѣ деньги вѣдь не до
, и еще двумъ лицамъ въ этой за
случайно сталъ извѣстенъ, еще недѣлю назад
, что Иванъ Ѳедоровичъ Карамазовъ пос
для размѣна два пятипроцентные
каждый, всего, стало быть, на десять т
тому, что деньги у всѣхъ могутъ случиться
суду и что, принеся три тысячи, нельзя доказат
что это вотъ тѣ самыя деньги, вотъ именно
мика или пакета. Наконецъ, Иванъ Карамазов
вчера такое важное сообщеніе отъ настоящаго убій
покоѣ. Но почему-бы ему не заявить объ э
Почему онъ отложилъ все до утра? Полагаю,
объясняться почему: уже недѣлю, какъ разстро
здоровьѣ, самъ признавшійся доктору и близки
видитъ видѣнія, что встрѣчаетъ уже умершихъ
отъ злой горячки, которая сегодня именно и пора

внезапно узнавъ о кончинѣ Смердякова, вдругъ составляетъ следующее разсужденіе: «Человѣкъ мертвъ, на него сказать но, а брата спасу. Деньги-же есть у меня: возьму пачку м ку, что Смердяковъ предъ смертью мнѣ отдалъ. Вы скажете, нечестно, хоть на мертваго, но нечестно-же лгать, даже и спасенія брата? Такъ, ну, а что если онъ солгалъ безсозна но, если онъ самъ вообразилъ, что такъ и было, именно чательно пораженный въ разсудкѣ своемъ извѣстіемъ объ внезапной смерти лакея? Вы вѣдь видѣли давешнюю сцену, ли въ какомъ положеніи былъ этотъ человѣкъ. Онъ стоялъ ногахъ и говорилъ, но гдѣ былъ умъ его? За давешнимъ по ніемъ горячешнаго послѣдовалъ документъ, письмо подсуди къ г-жѣ Верховцевой, писанное имъ за два дня до совер ія преступленія, съ подробною программой преступленія впе ь. Ну, такъ чего-же мы ищемъ программу и ея составителей? ь въ точь по этой программѣ и совершилось, и совершилось кѣмъ другимъ, какъ ея составителемъ. Да, господа присяж засѣдатели, «свершилось какъ по писанному!» И вовсе. во мы не бѣжали почтительно и боязливо отъ отцова окошка, еще въ твердой увѣренности, что у того теперь наша воз ленная. Нѣтъ, это нелѣпо и неправдоподобно. Онъ вошелъ покончилъ дѣло. Вѣроятно, онъ убилъ въ раздраженіи, разго ившись злобой, только что взглянулъ на своего ненавистника соперника, но убивъ, что сдѣлалъ, можетъ быть, однимъ ра ъ, однимъ взмахомъ руки, вооруженной мѣднымъ пестомъ, и дивши затѣмъ уже послѣ подробнаго обыска, что ея тутъ ъ, онъ, однако-же, не забылъ засунуть руку подъ подушку остать конвертъ съ деньгами, разорванная обложка котораго итъ теперь здѣсь на столѣ съ вещественными доказатель ами. Я говорю къ тому, чтобы вы замѣтили одно обстоятель ьо, по моему, прехарактерное. Будь это опытный убійца и нно убійца съ цѣлью одного грабежа.— ну, оставилъ-ли-бы ъ обложку конверта на полу, въ томъ видѣ, какъ нашли ее дѣ трупа? Ну, будь это, напримѣръ, Смердяковъ, убивающій грабежа, — да онъ-бы просто унесъ весь пакетъ съ собой, се не трудясь распечатывать надъ трупомъ жертвы своей, къ какъ зналъ навѣрно, что въ пакетѣ есть деньги. — вѣдь немъ-же ихъ вкладывали и запечатывали, — а вѣдь унеси ъ пакетъ совсѣмъ и тогда становится неизвѣстнымъ существо ро-ли ограбленіе? Я васъ спрашиваю, господа присяжные, по ялъ-ли бы такъ Смердяковъ, оставилъ-ли-бы онъ конвертъ

стовѣриться, есть-ли деньги, затѣмъ бѣжитъ с
манѣ, даже и подумать забывъ, что оставляет
сальнѣйшее на себя обвиненіе въ видѣ разорва
потому, что Карамазовъ, а не Смердяковъ, не
образилъ; да и гдѣ ему! Онъ убѣгаетъ, онъ с
стигающаго его слуги, слуга хватаетъ его, ост
даетъ, пораженный мѣднымъ пестомъ. Подсуди
къ нему внизъ изъ жалости. Представьте, онъ
насъ, что онъ соскочилъ тогда къ нему внизъ
состраданія, чтобы посмотрѣть, не можетъ-ли
Ну, такова-ли эта минута, чтобы выказать под
Нѣтъ, онъ соскочилъ именно для того, чтобъ у
единственный свидѣтель его злодѣянія? Всякс
всякій другой мотивъ были бы неестественн
надъ Григоріемъ трудится, обтираетъ ему пл
убѣдясь, что онъ мертвъ, какъ потерянный, в
бѣгаетъ опять туда, въ домъ своей возлюблен
подумалъ онъ, что онъ весь въ крови и что
личатъ? Но подсудимый самъ увѣряетъ насъ
вниманія не обратилъ что весь въ крови; это
это очень возможно, это всегда бываетъ въ
преступниками. На одно—адскій разсчетъ, а
таетъ соображенія. Но онъ думалъ въ ту мин

IX.

ихологія на всѣхъ парахъ. Скачущая тройка. Финалъ рѣчи прокурора.

ідя до этого момента въ своей рѣчи Ипполитъ Кирилловичъ, но, избравшій строго историческій методъ изложенія, къ му очень любятъ прибѣгать всѣ нервные ораторы, ищущіе о строго поставленныхъ рамокъ, чтобы сдерживать соб- ое нетерпѣливое увлеченіе,—Ипполитъ Кирилловичъ осо- распространился о «прежнемъ» и «безспорномъ» и вы- ь на эту тему нѣсколько въ своемъ родѣ занимательныхъ . Карамазовъ, ревновавшій ко всѣмъ до бѣшенства, вдругъ мъ какъ-бы падаетъ и исчезаетъ передъ «прежнимъ» и орнымъ». И тѣмъ болѣе это странно, что прежде онъ со- почти и не обращалъ вниманія на эту новую для себя сть, грядущую въ лицѣ неожиданнаго для него соперника. , все представлялъ себѣ, что это еще такъ далеко, а Кара- всегда живетъ лишь настоящею минутой. Вѣроятно, онъ ь его даже фикціей. Но мигомъ понявъ больнымъ серд- вонмъ, что, можетъ быть, потому-то эта женщина и скры- гого новаго соперника, потому-то и обманывала его давеча, тъ вновь прилетѣвшій соперникъ былъ слишкомъ для фантазіей и не фикціей, а составлялъ для нея все, все ваніе въ жизни —мигомъ понявъ это, онъ смирился. Что- оспода присяжные, я не могу обойдти умолчаніемъ эту ую черту въ душѣ подсудимаго, который-бы, казалось, что не способенъ былъ проявить ее, высказалась вдругъ мая потребность правды, уваженія къ женщинѣ, признанія ея сердца, и когда-же — въ тотъ моментъ, когда изъ-за онъ обагрилъ свои руки кровью отца своего! Правда и и пролитая кровь уже закричала въ эту минуту объ іи, ибо онъ, погубившій душу свою и всю земную судьбу онъ невольно долженъ былъ почувствовать и спросить то мгновеніе: «Что значитъ онъ и что можетъ онъ зна- *теперь* для нея, для этого любимаго имъ больше души своей ва въ сравненіи съ этимъ «прежнимъ» и «безспорнымъ», шимся и воротившимся къ этой, когда-то погубленной имъ нѣ, съ новой любовью, съ предложеніями честными, съ ь возрожденной и уже счастливой жизни. А онъ, несча-

стный, что́ дастъ онъ ей *теперь*, что́ ей предложитъ
мазовъ все это понялъ, понялъ что преступленіе его запе
всѣ дороги и что онъ лишь приговоренный къ казни прест
а не человѣкъ которому жить! Эта мысль его раздавила
тожила. И вотъ онъ мгновенно останавливается на од
ступленномъ планѣ, который, при характерѣ, Карамазова,
не представиться ему какъ единственнымъ и фатальны
домъ изъ страшнаго его положенія. Этотъ исходъ—само
Онъ бѣжитъ за своими заложенными чиновнику Перхотин
летами и въ тоже время дорогой, на бѣгу, выхватыва
кармана всѣ свои деньги, изъ-за которыхъ только что
галъ руки свои отцовскою кровью. О, деньги теперь ем
всего: умираетъ Карамазовъ, застрѣливается Карамазов
будутъ помнить! Не даромъ-же мы поэтъ, не даромъ-же
жигали нашу жизнь какъ свѣчку съ обоихъ концовъ.
къ ней,—и тамъ, о, тамъ я задаю пиръ на весь мір
какого еще не бывало, чтобы помнили и долго разск
Среди дикихъ криковъ, безумныхъ цыганскихъ пѣсенъ и
мы подымемъ заздравный бокалъ и поздравимъ обожаем
щину съ ея новымъ счастьемъ, а затѣмъ—тутъ-же, у
размозжимъ передъ нею нашъ черепъ и казнимъ нашу
Вспомнитъ когда-нибудь Митю Карамазова, увидитъ какъ
ее Митя, пожалѣетъ Митю!» Много картинности, роман
изступленія, дикаго Карамазовскаго безудержу и чув
ности,—ну, и еще чего-то другаго, господа присяжные,
что́ кричитъ въ душѣ, стучитъ въ умѣ неустанно и от
его сердце до смерти,—это *что-то*—это совѣсть, госп
сяжные, это судъ ея, это страшныя ея угрызенія! Но ш
все помиритъ, пистолетъ единственный выходъ и нѣтъ
а тамъ—я не знаю, думалъ-ли въ ту минуту Карамазов
будетъ тамъ», и можетъ-ли Карамазовъ по Гамлетовск
о томъ, что́ будетъ тамъ? Нѣтъ, господа присяжные,
Гамлеты, а у насъ еще пока Карамазовы!»

Тутъ Ипполитъ Кирилловичъ развернулъ подробнѣй
тину сборовъ Мити, сцену у Перхотина, въ лавкѣ, съ я
Онъ привелъ массу словъ, изрѣченій, жестовъ, все подт
ныхъ свидѣтелями,—и картина страшно повліяла на у
слушателей. Главное, повліяла совокупность фактовъ. Ви
этого изступленно-мятущагося и уже не берегущаго се
вѣка выставилась неотразимо. Нечего уже ему было бер
говорилъ Ипполитъ Кирилловичъ, —два—три раза онъ

ю не сознавался вполнѣ, почти начекалъ и только развѣ не
варивалъ (здѣсь слѣдовали показанія свидѣтелей). Даже ам-
у въ дорогѣ прибнулъ: «Знаешь-ли, что ты убійцу везешь!»
договорить всетаки ему нельзя было: надо было попасть
ва въ село Мокрое и уже тамъ забончить поэму. Но что-же,
ако, ожидаетъ несчастнаго? Дѣло въ томъ, что почти съ пер-
ъ-же минутъ въ Мокромъ онъ видитъ и, наконецъ, постигаетъ
ршенно, что «безспорный» соперникъ его вовсе, можетъ быть,
не такъ безспоренъ и что поздравленій съ новымъ счасть-
и заздравнаго бокала отъ него не хотятъ и не принимаютъ.
вы уже знаете факты, господа присяжные, по судебному
ствію. Торжество Карамазова надъ соперникомъ оказалось
поримымъ и тутъ—о, тутъ начался совѣмъ уже новый фа-
ъ въ его душѣ, и даже самый страшный фазисъ изо всѣхъ,
в пережила и еще переживетъ когда либо эта душа! Поло-
льно можно признать, господа присяжные, воскликнулъ Пи-
тръ Кирилловичъ, что поруганная природа и преступное
це—сами за себя мстили полнѣе всякаго земнаго правосудія!
з того: правосудіе и земная казнь даже облегчаютъ казнь
оды, даже необходимы душѣ преступника въ эти моменты,
спасеніе ея отъ отчаянія, ибо я и представить себѣ не могу
ужаса и тѣхъ нравственныхъ страданій Карамазова, когда
узналъ, что она его любитъ, что для него отвергаетъ своего
жняго» и «безспорнаго», что его, его, «Митю», зоветъ съ
ю въ обновленную жизнь, обѣщаетъ ему счастье и это когда-
Когда уже все для него покончено и когда уже ничего невозм-
мо! Кстати, сдѣлаю вскользь одну весьма важную для насъ
тку для поясненія настоящей сущности тогдашняго положе-
нія подсудимаго: эта женщина, эта любовь его до самой этой
слѣдней минуты, до самаго даже мига ареста, пребывала для
го существомъ недоступнымъ, страстно желаемымъ, но недо-
жимымъ. Но почему, почему онъ не застрѣлился тогда-же,
чему оставилъ принятое намѣреніе и даже забылъ, гдѣ лежитъ
пистолетъ? А вотъ именно эта страстная жажда любви и
жда ее тогда-же, тутъ-же утолить и удержать его. Въ чаду
и онъ приковался къ своей возлюбленной, тоже вчѣтеръ съ
ъ пирующей, прелестной и обольстительной для него болѣе,
ъ когда либо, — онъ не отходитъ отъ нея, любуется ею,
ѣзаетъ предъ нею. Эта страстная жажда даже могла на мигъ
авить не только страхъ ареста, но и самыя угрызенія со-
сти! На мигъ, о, только на мигъ! Я представляю себѣ тогдаш-

нее состояніе души преступника въ безспорномъ рабскомъ
чиненіи тремъ элементамъ, подавившимъ ее совершенно: м
выхъ, пьяное состояніе, чадъ и гамъ, топотъ пляски,
пѣсенъ, и она, она, раскраснѣвшаяся отъ вина, поющая и
шущая, пьяная и смѣющаяся ему! Во вторыхъ, ободр
отдаленная мечта о томъ, что роковая развязка еще далек
крайней мѣрѣ, не близко,—развѣ на другой только день, ли
утро, придутъ и возьмутъ его. Стало быть, нѣсколько ча
это много, ужасно много! Въ нѣсколько часовъ можно
придумать. Я представляю себѣ, что съ нимъ было нѣчто
жее на то, когда преступника везутъ на смертную казнь
висѣлицу: еще надо проѣхать длинную-длинную улицу, и
шагомъ, мимо тысячъ народа, затѣмъ будетъ поворотъ въ
гую улицу и въ концѣ только этой другой улицы страшная
щадь! Мнѣ именно кажется, что въ началѣ шествія осужден
сидя на позорной своей колесницѣ, долженъ именно чувство
что предъ нимъ еще безконечная жизнь. Но вотъ, однако
уходятъ дома, колесница все подвигается, — о, это ничего.
поворота во вторую улицу еще такъ далеко, и вотъ онъ все
бодро смотритъ направо и налѣво и на эти тысячи безучаст
любопытныхъ людей, приковавшихся къ нему взглядами, и
все еще мерещится, что онъ такой-же, какъ и они, человѣкъ
вотъ уже и поворотъ въ другую улицу, о! это ничего, ничего
еще цѣлая улица. И сколько-бы ни уходило домовъ, онъ
будетъ думать: «Еще осталось много домовъ». Итакъ, до
конца, до самой площади. Такъ, представляю себѣ, было
и съ Карамазовымъ. «Еще тамъ не успѣли, думаетъ онъ,
можно что-нибудь подыскать, о, еще будетъ время
планъ защиты, сообразить отпоръ, а теперь, теперь, —
она такъ прелестна!» Смутно и страшно въ душѣ его. Не
успѣваетъ, однако-же, отложить отъ своихъ денегъ полови
гдѣ-то ихъ спрятать,—иначе я не могу объяснить себѣ,
могла исчезнуть цѣлая половина этихъ трехъ тысячъ.
что взятыхъ имъ у отца изъ-подъ подушки. Онъ въ Мокро
уже не разъ, онъ тамъ уже кутилъ двое сутокъ. Этотъ
большой деревянный домъ ему извѣстенъ, со всѣми
галлереями. Я именно предполагаю, что часть денегъ
тогда-же, и именно въ этомъ домѣ, не задолго предъ
въ какую-нибудь щель, въ расщелину, подъ какую-
половицу, гдѣ-нибудь въ углу, подъ кровлей—для чего
для чего? Катастрофа можетъ совершиться сейчасъ,

ще не обдумали, какъ ее встрѣтить, да и некогда намъ, да
чить у насъ въ головѣ, да и къ *ней-то* тянетъ, ну, а
и,—деньги во всякомъ положеніи необходимы! Человѣкъ съ
ами вездѣ человѣкъ. Можетъ быть, такая разсчетливость
акую минуту вамъ покажется неестественною? Но вѣдь
етъ-же онъ самъ, что еще за мѣсяцъ предъ тѣмъ, въ
ь тоже самый тревожный и роковой для него моментъ, онъ
лъ отъ трехъ тысячъ половину и зашилъ себѣ въ ла-
, и если, конечно, это неправда, что и докажемъ сейчасъ,
е-же эта идея Карамазову знакомая, онъ ее созерцалъ. Мало
когда онъ увѣрялъ потомъ слѣдователя, что отдѣлилъ пол-
тысячи въ ладонку (которой никогда не бывало), то, мо-
быть, и выдумалъ эту ладонку, тутъ-же мгновенно, именно
у, что два часа предъ тѣмъ отдѣлилъ половину денегъ и
алъ куда-нибудь тамъ въ Мокромъ, на всякій случай, до
только чтобы не хранить на себѣ, по внезапно представив-
ся вдохновенію. Двѣ бездны, господа присяжные, вспомните,
арамазовъ можетъ созерцать двѣ бездны, и обѣ разомъ! Въ
домѣ мы искали, но не нашли. Можетъ, эти деньги и те-
еще тамъ, а, можетъ, и на другой день исчезли, и теперь
судимаго. Во всякомъ случаѣ, арестовали его подлѣ нея,
ъ ней на колѣняхъ, она лежала на кровати, онъ простил
къ ней руки и до того забылъ все въ ту минуту, что не
ышалъ и приближенія арестующихъ. Онъ ничего еще не
ъ приготовить въ умѣ своемъ для отвѣта. И онъ, и умъ
ыли взяты въ расплохъ.

И вотъ онъ предъ своими судьями, предъ рѣшителями
ы своей. Господа присяжные засѣдатели, бываютъ моменты,
, при нашей обязанности, намъ самимъ становится почти
но предъ человѣкомъ, страшно и за человѣка! Это минуты
анія того животнаго ужаса, когда преступникъ уже видитъ,
е пропало, но все еще борется, все еще намѣренъ бороться
ми. Это минуты, когда всѣ инстинкты самосохраненія воз-
гъ въ немъ разомъ, и онъ, спасая себя, глядитъ на васъ
зывающимъ взглядомъ, вопрошающимъ и страдающимъ,
гъ и изучаетъ васъ, ваше лицо, ваши мысли, ждетъ, съ кото-
боку вы ударите, и создаетъ мгновенно въ сотрясающемся
своемъ тысячи плановъ, но всетаки боится говорить, боится
ворится! Эти унизительные моменты души человѣческой,
кожденіе ея по мытарствамъ, эта животная жажда самоспа-
—ужасны и вызываютъ иногда содраганіе и состраданіе къ

[illegible] даже въ слѣдствіи! И вотъ мы этому [illegible] [illegible]. Сначала онъ былъ [illegible], и [illegible] у [illegible] вырвалось нѣсколько [illegible], его сильно компроме[illegible] «Кровь! Заслужилъ!» Но онъ быстро сдержалъ [illegible] [illegible] какъ отвѣтить,—все это пока еще у него не г[illegible] [illegible] одно голословное [illegible]: «Въ смерти [illegible] [illegible]!» Вотъ пока намъ заборъ, а тамъ, за забор[illegible] [illegible] еще что и устроимъ, какую-нибудь ба[illegible] [illegible] первыя восклицанія свои онъ спѣши[illegible] [illegible] вопросы наши, объяснилъ тѣмъ, что счита[illegible] [illegible] лишь въ смерти слуги Григорія. «Въ этой к[illegible] [illegible] кто-же убилъ отца, господа, кто убилъ? Кто-[illegible] [illegible], если не *я*?» Слышите это: спрашиваетъ онъ [illegible] [illegible] пришедшихъ къ нему самому съ этимъ самымъ во[illegible] [illegible] это забѣгающее впередъ словечко: «есл[illegible] [illegible] хитрость, эту наивность и эту карамазовс[illegible] [illegible] Не я убилъ и думать не моги, что я: [illegible] [illegible] хотѣлъ убить», признается онъ поскорѣ[illegible] [illegible] ужасно!) «но все-же неповиненъ, не я [illegible] [illegible] намъ, что хотѣлъ убить: видите, дескать [illegible] [illegible] ну, такъ тѣмъ скорѣе повѣрьте, ч[illegible] [illegible], въ этихъ случаяхъ преступникъ становится [illegible] легкомысленъ и легковѣренъ. И вотъ тутъ, [illegible] [illegible] слѣдствіе вдругъ задало ему самый [illegible] «Да не Смердяковъ-ли убилъ?» Такъ и [illegible] [illegible] ожидали: онъ страшно разсердился за то, ч[illegible] [illegible] и поймали въ расплохъ, когда онъ еще не [illegible] выбрать и ухватить тотъ моментъ, когда [illegible] [illegible] всего вѣроятнѣе. По натурѣ своей о[illegible] [illegible] въ крайность и самъ началъ насъ из[illegible] [illegible], что Смердяковъ не могъ убить, не сп[illegible] [illegible] не вѣрьте ему, это лишь его хитрость: онъ [illegible] еще не отказывается отъ Смердякова, напротивъ, [illegible] [illegible], потому что кого-же ему выставить, какъ [illegible] [illegible] это въ другую минуту, потому что те[illegible] [illegible] непорчено. Онъ выставитъ его только, может[illegible] [illegible] или даже черезъ нѣсколько дней, пріискавъ мом[illegible] [illegible] самъ-же крикнетъ намъ: «Видите, я самъ о[illegible] Смердякова больше чѣмъ вы, вы сами это помните, но т[illegible] [illegible] это онъ убилъ, и какъ-же не онъ!» А по[illegible] [illegible] съ нами въ мрачное и раздражительное отрица[illegible]

кѣвъ подсказываютъ ему, однако, самое неумѣлое и
бное объясненіе о томъ, какъ онъ глядѣлъ отцу
акъ онъ почтительно отошелъ отъ окна. Главное,
знаетъ обстоятельствъ, степени показаній очнув-
рія. Мы приступаемъ къ осмотру и обыску. Осмотръ
но и ободряетъ: всѣхъ трехъ тысячъ не розыскали,
олько полторы. И, ужь конечно, лишь въ этотъ мо-
заго молчанія и отрицанія вскакиваетъ ему въ голову
азъ въ жизни идея объ ладонкѣ. Безъ сомнѣнія, онъ
амъ всю невѣроятность выдумки и мучается, страшно
съ-бы сдѣлать ее вѣроятнѣе, такъ сочинить, чтобъ
цѣлый правдоподобный романъ. Въ этихъ случаяхъ
дѣло, самая главная задача слѣдствія — не дать
ь, накрыть неожиданно, чтобы преступникъ выска-
ія идеи свои во всемъ выдающемъ ихъ простодушіи,
бности и противорѣчіи. Заставить-же говорить пре-
жно лишь внезапнымъ и какъ-бы нечаяннымъ
ему какого-нибудь новаго факта, какого-нибудь
а дѣла, которое по значенію своему колоссально,
онъ до сихъ поръ ни за что не предполагалъ и
огъ усмотрѣть. Этотъ фактъ былъ у насъ наготовѣ,
наготовѣ: это показаніе очнувшагося слуги Григорія
ой двери, изъ которой выбѣжалъ подсудимый. Про
совсѣмъ забылъ, а что Григорій могъ ее видѣть, и
алъ. Эффектъ вышелъ колоссальный. Онъ вскочилъ
ричалъ намъ: «Это Смердяковъ убилъ, Смердяковъ!»
ъ свою завѣтную, свою основную мысль, въ самой
бной формѣ ея, ибо Смердяковъ могъ убить лишь
акъ онъ повергъ Григорія и убѣжалъ. Когда-же мы
, что Григорій видѣлъ отпертую дверь раньше своего
ыходя изъ своей спальни, слышалъ стонущаго за пе-
мердякова—Карамазовъ былъ во истину раздавленъ.
мой, нашъ почтенный и остроумный Николай Пар-
ередавалъ мнѣ потомъ, что въ это мгновеніе ему стало
слезъ. И вотъ въ это-то мгновеніе, чтобы поправить
спѣшитъ намъ сообщить объ этой пресловутой ла-
и быть, дескать, услышьте эту повѣсть! Господа при-
ке выразилъ вамъ мои мысли, почему считаю всю эту
зашитыхъ за мѣсяцъ передъ тѣмъ деньгахъ въ ла-
ько нелѣпицей, но и самымъ неправдоподобнымъ
ь, которое только можно было пріискать въ данномъ

минуту не до того. ихъ умъ сосредоточенъ [redacted]
и вотъ смѣютъ имъ предлагать этакую мелоч
ихъ и ловать! Задаютъ подсудимому вопросъ:
или взять матеріалъ для вашей ладонки, кто
Самъ зашилъ.—А полотно гдѣ изволили взять
обижается, онъ считаетъ это почти обидною дл
вѣрите-ли, искренно, искренно! Но таковы всѣ о
моей оторвалъ.—Прекрасно-съ. Стало быть, въ
завтра-же отыщемъ эту рубашку съ вырванн
комъ. И сообразите, господа присяжные, вѣдь
нашли въ самомъ дѣлѣ эту рубашку (а какъ-бы
его чемоданѣ или комодѣ, если-бы такая рубаш
существовала),—то вѣдь это ужь фактъ, факт
пользу справедливости его показаній! Но это
сообразить.—Я не помню, можетъ, не отъ руб
бинъ чепчикъ зашилъ. — Въ какой такой че
взялъ, у нея валялся, старая коленкоровая д
твердо помните?—Нѣтъ, твердо не помню... И
а между тѣмъ представьте: какъ-бы это не по
страшныя минуты человѣческія, ну, на казнь в
эти-то мелочи и запоминаются. Онъ обо всемъ
нибудь зеленую кровлю, мелькнувшую ему по
на крестѣ - вотъ это онъ запомнитъ. Вѣдь онъ

[illegible]

Однимъ словомъ, Ипполитъ Кирилловичъ, хоть и очень у
но кончилъ таки патетически — и дѣйствительно, впеч
произведенное имъ, было чрезвычайное. Самъ онъ, ок
рѣчь свою, поспѣшно вышелъ и, повторяю, почти уш
другой комнатѣ въ обморокъ. Зала не апплодировала, но
ные люди были довольны. Не такъ довольны были толы
дамы, но все-же и имъ понравилось краснорѣчіе, тѣмъ
что за послѣдствія онѣ совсѣмъ не боялись и ждали вс
Ѳетюковича; наконецъ-то, онъ заговоритъ и ужь, н
всѣхъ побѣдитъ!» Всѣ поглядывали на Митю; всю рѣчь
рора онъ просидѣлъ молча, сжавъ руки, стиснувъ зубы
пившись. Изрѣдка только подымалъ голову и прислуш
Особенно когда заговорили о Грушенькѣ. Когда прокур
редавалъ о ней мнѣніе Ракитина, въ лицѣ его выр
презрительная и злобная улыбка и онъ довольно слыш
говорилъ: «Бернары!» Когда-же Ипполитъ Кирилловичъ
щалъ о томъ, какъ онъ допрашивалъ и мучилъ его в
ромъ, Митя поднялъ голову и прислушивался со стр
любопытствомъ. Въ одномъ мѣстѣ рѣчи какъ будто
даже вскочить и что-то крикнуть, но, однако, осилилъ
только презрительно вскинулъ плечами. Про этотъ фин
чи, именно про подвиги прокурора въ Мокромъ, при
преступника, потомъ у насъ въ обществѣ говорили
Ипполитомъ Кирилловичемъ подсмѣивались: «Не утерпѣ
скать, человѣкъ, чтобы не похвастаться своими способно
Засѣданіе было прервано, но на очень короткій срокъ,
верть часа, много на двадцать минутъ. Въ публикѣ раз
разговоры и восклицанія. Я иныя запомнилъ:

— Серьезная рѣчь! нахмуренно замѣтилъ господинъ
группѣ.

— Психологіи навертѣлъ ужь много, раздался другой

— Да вѣдь все правда, неотразимая истина!

— Да, это онъ мастеръ.

— Итогъ подвелъ.

— И намъ, и намъ тоже итогъ подвелъ, присоедини
тій голосъ,—въ началѣ-то рѣчи, помните, что всѣ такіе-
Ѳедоръ Павловичъ

— И въ концѣ тоже. Только онъ это совралъ.

— Да и неясности были.

— Увлекся маленько.

— Несправедливо, несправедливо-съ.

— Ну, нѣтъ, всетаки ловко. Долго ждалъ человѣкъ, а вотъ
залъ, хе-хе!
— Что-то защитникъ скажетъ?
ъ другой группѣ:
— А петербургскаго-то онъ напрасно сейчасъ задѣлъ: «бію-
-то на чувствительность», помните?
— Да, это онъ неловко.
— Поспѣшилъ.
— Нервный человѣкъ-съ.
— Вотъ мы смѣемся, а каково подсудимому?
— Да-съ. Митенькѣ-то каково?
— А вотъ что-то защитникъ скажетъ?
ъ третьей группѣ:
— Это какая такая дама, съ лорнетомъ, толстая, съ краю
ъ.
— Это генеральша одна, разводка, я ее знаю.
— То-то съ лорнетомъ.
— Шушера.
— Ну, нѣтъ, пикантненькая.
— Подлѣ нея черезъ два мѣста сидитъ блондиночка, та лучше.
— А ловко они его тогда въ Мокромъ накрыли, а?
— Ловко-то ловко. Опять разсказалъ. Вѣдь онъ про это
по домамъ ужь сколько разсказывалъ.
— И теперь не утерпѣлъ. Самолюбіе.
— Обиженный человѣкъ, хе-хе!
— И обидчивый. Да и реторики много, фразы длинныя.
— Да и пугаетъ, замѣтьте, все пугаетъ. Про тройку-то пом-
? «Тамъ Гамлеты, а у насъ еще пока Карамазовы!» Это
ловко.
— Это онъ либерализму подкуривалъ. Боится!
— Да и адвоката боится.
— Да, что-то скажетъ господинъ Фетюковичъ?
— Ну, что-бы ни сказалъ, а нашихъ мужичковъ не прошибетъ.
— Вы думаете?
ъ четвертой группѣ:
— А про тройку-то вѣдь у него хорошо, это гдѣ про народы-то.
— И вѣдь правда, помнишь, гдѣ онъ говоритъ, что народы
дутъ ждать.
— А что?
— Да въ англійскомъ парламентѣ ужь одинъ членъ вста-
на прошлой недѣлѣ, по поводу нигилистовъ и спрашивалъ

министерство: не пора-ли ввязаться въ варварскую націю, насъ образовать. Ипполитъ это про него, я знаю, что п Онъ на прошлой недѣлѣ объ этомъ говорилъ.

— Далеко куликамъ.

— Какимъ куликамъ? Почему далеко?

— А мы запремъ Кронштадтъ, да и не дадимъ имъ Гдѣ они возьмутъ?

— А въ Америкѣ? Теперь въ Америкѣ.

— Врешь.

Но зазвонилъ колокольчикъ, все бросилось на мѣст ковичъ взошелъ на каѳедру.

X.

Рѣчь защитника. Палка о двухъ конц

Все затихло, когда раздались первыя слова знаменит тора. Вся зала впилась въ него глазами. Началъ онъ чайно прямо, просто и убѣжденно, но безъ малѣйшей вости. Ни малѣйшей попытки на краснорѣчіе, на пате нотки, на звенящія чувствомъ словечки. Это былъ че заговорившій въ интимномъ кругу сочувствующихъ лю лось у него былъ прекрасный, громкій и симпатичный, въ самомъ голосѣ этомъ какъ будто заслышалось уж искреннее и простодушное. Но всѣмъ тотчасъ-же стало я что ораторъ можетъ вдругъ подняться до истинно и скаго,—и «ударить по сердцамъ съ невѣдомою силой» рилъ онъ, можетъ быть, неправильнѣе Ипполита Кири но безъ длинныхъ фразъ и даже точнѣе. Одно не понр было дамамъ: онъ все какъ-то изгибался спиной, особ началѣ рѣчи, не то что кланяясь, а какъ-бы стремясь к своимъ слушателямъ, причемъ нагибался именно какъ-б виной своей длинной спины, какъ будто въ серединѣ это ной и тонкой спины его былъ устроенъ такой шалнер что она могла сгибаться чуть не подъ прямымъ угломъ. чалѣ рѣчи говорилъ какъ-то раскидчиво, какъ будто б стемы, схватывая факты на разбивъ, а въ концѣ конц шло цѣлое. Рѣчь его можно было-бы раздѣлить на дв вины: первая половина — это критика, это опровержені ненія, иногда злое и саркастическое. Но во второй п

ы вдругъ измѣнилъ и тонъ, и даже пріемъ свой, и лсился до патетическаго, а зала какъ-будто ждала затрепетала отъ восторга. Онъ прямо подошелъ къ пъ съ того, что хотя поприще его и въ Петербургѣ, не первый разъ посѣщаетъ города Россіи для за-имыхъ, но такихъ, въ невинности которыхъ онъ ъ, или предчувствуетъ ее заранѣе. «Тоже самое о мной и въ настоящемъ случаѣ, объяснилъ онъ. изъ однѣхъ первоначальныхъ газетныхъ корреспон-же мелькнуло нѣчто, чрезвычайно меня поразившее подсудимаго. Однимъ словомъ, меня прежде всего лъ нѣкоторый юридическій фактъ, хотя и часто пов-въ судебной практикѣ, но никогда, мнѣ кажется, въ ѣ и съ такими характерными особенностями, какъ мъ дѣлѣ. Фактъ этотъ надо-бы мнѣ формулировать налѣ моей рѣчи, когда я закончу мое слово, но, скажу мою мысль и въ самомъ началѣ, ибо имѣю ступать прямо къ предмету, не припрятывая эффек-кономизируя впечатлѣній. Это, можетъ быть, съ моей зсчетливо, но зато искренно. Эта мысль моя, фор-лѣдующая: подавляющая совокупностьфактовъ про-маго и въ тоже время ни одного факта, выдержи-тику, если разсматривать его единично, самого по далѣе по слухамъ и по газетамъ, я утверждался ли все болѣе и болѣе, и вдругъ я получилъ отъ судимаго приглашеніе защищать его. Я тотчасъ-же юда и здѣсь уже окончательно убѣдился. Вотъ, ь эту страшную совокупность фактовъ и выставить ть и фантастичность каждаго обвиняющаго факта сти, я и взялся защищать это дѣло».

алъ защитникъ и вдругъ возгласилъ:

присяжные засѣдатели, я здѣсь человѣкъ свѣжій. внія легли на меня не предвзято. Подсудимый, буй-ромъ и разнузданный, не обидѣлъ меня предвари-сотню, можетъ быть, лицъ въ этомъ городѣ, отчего дубѣждены противъ него заранѣе. Конечно, и я нравственное чувство здѣшняго общества возбуж-ливо: подсудимый буенъ и необузданъ. Въ здѣшнемъ , однако-же принимали, даже въ семействѣ высоко-обвинителя онъ былъ обласканъ. (Nota bene. При ъ въ публикѣ раздались два—три смѣшка, хотя и

быстро поданныя, но всѣми замѣченныя. Всѣмъ у насъ бы
вѣстно, что прокуроръ допускалъ къ себѣ Митю противъ воли
тому единственно, что его, почему-то, находила любопытным
курорша,—дама въ высшей степени добродѣтельная и почте
фантастическая и своенравная и любившая въ нѣкоторыхъ случа
преимущественно въ мелочахъ, оппонировать своему супругу. К
тя, впрочемъ, посѣщалъ ихъ домъ довольно рѣдко). Тѣмъ не м
я осмѣлюсь допустить, продолжалъ защитникъ,—что даже
такомъ независимомъ умѣ и справедливомъ характерѣ, как
моего оппонента, могло составиться противъ моего несчаст
клиента нѣкоторое ошибочное предубѣжденіе. О, это такъ ес
рально: несчастный слишкомъ заслужилъ, чтобы къ нему
сились даже съ предубѣжденіемъ. Оскорбленное-же нравств
и еще пуще того эстетическое чувство иногда бываетъ не
лино. Конечно, въ высокоталантливой обвинительной рѣчи
услышали всѣ строгій анализъ характера и поступковъ под
димаго, строгое критическое отношеніе къ дѣлу, а, главное, к
ставлены были такія психологическія глубины для объясн
намъ сути дѣла, что проникновеніе въ эти глубины не м
бы вовсе состояться при сколько-нибудь намѣренно и зам
предубѣжденномъ отношеніи къ личности подсудимаго. Но
есть вещи, которыя даже хуже, даже гибельнѣе въ подобны
случаяхъ, чѣмъ самое злостное и преднамѣренное отношеніе
дѣлу. Именно, если насъ, напримѣръ, обуяетъ нѣкоторая, т
сказать, художественная игра, потребность художественнаго т
чества, такъ сказать, созданія романа, особенно при богат
психологическихъ даровъ, которыми Богъ одѣлилъ наши
собности. Еще въ Петербургѣ, еще только собираясь сюда,
былъ предваренъ—да и самъ зналъ безо всякаго предвар
что встрѣчу здѣсь оппонентомъ глубокаго и тончайшаго псих
лога, давно уже заслужившаго этимъ качествомъ своимъ н
торую особливую славу въ нашемъ молодомъ еще юридическ
мірѣ. Но вѣдь психологія, господа, хоть и глубокая вещь,
всетаки, похожа на палку о двухъ концахъ (смѣшокъ въ
ликѣ). О, вы, конечно, простите мнѣ тривіальное сравненіе м
я слишкомъ краснорѣчиво говорить не мастеръ. Но вотъ, о
ко-же, примѣръ—беру первый попавшійся изъ рѣчи обвини
Подсудимый, ночью, въ саду, убѣгая, перелѣзаетъ черезъ з
и повергаетъ мѣднымъ пестомъ вцѣпившагося въ его ногу
Затѣмъ тотчасъ-же соскакиваетъ обратно въ садъ и цѣлыхъ
минутъ хлопочетъ надъ поверженнымъ, стараясь угадать у

ь его или нѣтъ? И вотъ обвинитель ни за что не хочетъ по-
ить въ справедливость показанія подсудимаго, что соскочилъ
къ старику Григорію изъ жалости. «Нѣтъ, дескать, можетъ-
быть такая чувствительность въ такую минуту; это-де не-
ественно, а соскочилъ онъ именно для того, чтобъ убѣдиться:
ъ или убитъ единственный свидѣтель его злодѣянія. а, стало
ть, тѣмъ и засвидѣтельствовалъ. что онъ совершилъ это зло-
ніе, такъ какъ не могъ соскочить въ садъ по какому-нибудь
тому поводу, влеченію или чувству». Вотъ психологія; но
ьмемъ ту-же самую психологію и приложимъ ее къ дѣлу, но
ько съ другаго конца, и выйдетъ совсѣмъ не менѣе правдо-
обно. Убійца соскакиваетъ внизъ изъ предосторожности, чтобъ
ѣдиться, живъ или нѣтъ свидѣтель, а между тѣмъ только что
авилъ въ кабинетѣ убитаго имъ отца своего, по свидѣтельству
ого-же обвинителя. колоссальную на себя улику въ видѣ
орваннаго пакета, на которомъ было написано, что въ немъ
жали три тысячи. «Вѣдь унеси онъ этотъ пакетъ съ собою,
никто-бы и не узналъ въ цѣломъ мірѣ, что былъ и суще-
овалъ пакетъ, а въ немъ деньги, и что, стало быть, деньги
ли ограблены подсудимымъ». Это изрѣченіе самого обвинителя.
, такъ на одно, видите-ли, не хватило предосторожности, по-
ялся человѣкъ. испугался и убѣжалъ, оставивъ на полу улику,
акъ вотъ минуты двѣ спустя ударилъ и убилъ другаго че-
ѣка, то тутъ сейчасъ-же является самое безсердечное и раз-
тливое чувство предосторожности къ нашимъ услугамъ. Но
ть, пусть это такъ и было: въ томъ-то-де и тонкость пси-
огіи, что при такихъ обстоятельствахъ я сейчасъ-же крово-
денъ и зорокъ, какъ кавказскій орелъ, а въ слѣдующую ми-
гу слѣпъ и робокъ какъ ничтожный кротъ. Но если ужь я
къ кровожаденъ и жестоко разсчетливъ, что, убивъ, соско
къ лишь для того, чтобы посмотрѣть живъ-ли на меня сви-
тель или нѣтъ, то къ чему-бы, кажется, возиться надъ этою
вою жертвою моей цѣлыхъ пять минутъ, да еще нажить, по-
луй, новыхъ свидѣтелей? Къ чему мочить платокъ, обтирая
овь съ головы поверженнаго, съ тѣмъ, чтобы платокъ этотъ
лужилъ потомъ противъ меня-же уликой? Нѣтъ, если мы ужь
къ разсчетливы и жестокосерды, то не лучше-ли-бы было,
скочивъ, просто огорошить поверженнаго слугу тѣмъ-же са-
мъ пестомъ еще и еще разъ по головѣ, чтобъ ужь убить его
ончательно и, искоренивъ свидѣтеля. снять съ сердца всякую
оту? И, наконецъ, я соскакиваю, чтобы провѣрить, живъ или

нѣтъ на меня свидѣтель, и тутъ-же на дорожкѣ оставил
гого свидѣтеля, именно этотъ самый пестикъ, который
тилъ у двухъ женщинъ и которыя обѣ всегда могу
знать потомъ этотъ пестикъ за свой и засвидѣтельство
это я у нихъ его захватилъ. И не то что забылъ
рожкѣ, обронилъ въ разсѣянности, въ потерянности:
именно отбросили наше оружіе, потому что нашли его
въ пятнадцати отъ того мѣста, гдѣ былъ поверженъ
Спрашивается, для чего-же мы такъ сдѣлали? А вотъ
потому и сдѣлали, что намъ горько стало, что мы
убили, стараго слугу, а потому въ досадѣ, съ проклят
отбросили пестикъ, какъ оружіе убійства, иначе быть
для чего-же его было бросать съ такого размаху? Если-
почувствовать боль и жалость, что человѣка убили, то,
ужь потому, что отца не убили. Убивъ отца, не соскоч
къ другому поверженному изъ жалости, тогда уже было-
чувство, не до жалости-бы было тогда, а до самосп
это, конечно, такъ. Напротивъ, повторяю, размозжили-
черепъ окончательно, а не возились-бы съ нимъ пять м
Явилось мѣсто жалости и доброму чувству именно потому,
была предъ тѣмъ чиста совѣсть. Вотъ, стало быть, друга
психологія. Я вѣдь нарочно, господа присяжные, при
теперь самъ къ психологіи, чтобы наглядно показать, что
нея можно вывесть все что́ угодно. Все дѣло въ каких
рукахъ. Психологія подзываетъ на романъ даже самыхъ
ныхъ людей, и это совершенно невольно. Я говорю про
нюю психологію, господа присяжные, про нѣкоторое
требленіе ею».

Здѣсь опять послышались одобрительные смѣшки въ пу
и все по адресу прокурора. Не буду приводить всей рѣч
щитника въ подробности, возьму только нѣкоторыя изъ не
ста, нѣкоторые главнѣйшіе пункты.

XI.

Денегъ не было. Грабежа не было.

Былъ одинъ пунктъ, даже всѣхъ поразившій, въ рѣч
щитника,—а именно полное отрицаніе существованія этих
ковыхъ трехъ тысячъ рублей, а, стало быть, и возмож
ихъ грабежа.

Господа присяжные засѣдатели, приступилъ защитникъ, въ
ящемъ дѣлѣ всякаго свѣжаго и непредубѣжденнаго чело-
поражаетъ одна характернѣйшая особенность, а именно:
еніе въ грабежѣ и въ тоже время совершенная невозмож-
ь фактически указать на то: что̀ именно было ограблено?
блены, дескать, деньги, именно три тысячи,—а существо-
ли онѣ въ самомъ дѣлѣ,—этого никто не знаетъ. Разсудите;
рвыхъ, какъ мы узнали, что были три тысячи и кто ихъ
лъ? Видѣлъ ихъ и указалъ на то, что онѣ были уложены
акетъ съ надписью одинъ только слуга Смердяковъ. Онъ-же
лилъ о семъ свѣдѣніи еще до катастрофы подсудимому и его
у Ивану Ѳедоровичу. Дано было тоже знать г-жѣ Свѣтловой.
всѣ эти три лица сами этихъ денегъ, однако, не видали, ви-
ь опять таки лишь Смердяковъ; но тутъ самъ собою во-
ъ: если и правда, что онѣ были и что видѣлъ ихъ Смердя-
ь, то когда онъ ихъ видѣлъ въ послѣдній разъ? А что если
мъ эти деньги изъ-подъ постели вынулъ и опять положилъ въ
улку, ему не сказавши? Замѣтьте, по словамъ Смердякова,
ьги лежали подъ постелью, подъ тюфякомъ; подсудимый дол-
ъ былъ ихъ вырвать изъ подъ тюфяка, и, однако-же, постель
ничуть не помята и объ этомъ старательно записано въ про-
лъ. Какъ могъ подсудимый совсѣмъ таки ничего не помять
ъ постели и вдобавокъ съ окровавленными еще руками не
рать свѣжѣйшаго, тонкаго постельнаго бѣлья, которое нароч-
на этотъ разъ было постлано? Но, скажутъ намъ: а пакетъ-то
полу? Вотъ объ этомъ-то пакетѣ и стóитъ поговорить. Да-
я былъ даже нѣсколько удивленъ: высокоталантливый обви-
ель, заговоривъ объ этомъ пакетѣ, вдругъ самъ,—слышите,
года, самъ,—заявилъ про него въ своей рѣчи, именно въ томъ
тѣ, гдѣ онъ указываетъ на нелѣпость предположенія, что убилъ
рдяковъ: «Не было-бы этого пакета, не останься онъ на полу
ъ улика, унеси его грабитель съ собою, то никто-бы и не
алъ въ цѣломъ мірѣ, что былъ пакетъ, а въ немъ деньги и
, стало быть, деньги были ограблены подсудимымъ». Итакъ
ственно только этотъ разорванный клочекъ бумаги съ над-
сью, даже по признанію самого обвинителя, и послужилъ къ
иненію подсудимаго въ грабежѣ, «иначе-де не узналъ-бы ни-
, что былъ грабежъ, а, можетъ быть, что были и деньги».
неужели одно то, что этотъ клочекъ валялся на полу есть
азательство, что въ немъ были деньги и что деньги эти огра-
ы? «Но, *отвѣчаютъ, вѣдь* видѣлъ ихъ въ пакетѣ Смердяковъ»

но когда, когда онъ ихъ видѣлъ въ послѣдній разъ, во
чемъ я спрашиваю? Я говорилъ съ Смердяковымъ и онъ м
залъ, что видѣлъ ихъ за два дня предъ катастрофой!
чему-же я не могу предположить, напримѣръ, хоть такое
тельство, что старикъ Ѳедоръ Павловичъ, запершись дома,
терпѣливомъ истерическомъ ожиданіи своей возлюбленной,
вздумалъ-бы, отъ нечего дѣлать, вынуть пакетъ и его р
тать: «Что, дескать, пакетъ, еще, пожалуй, и не повѣ
какъ тридцать-то радужныхъ въ одной пачкѣ ей пока
бось сильнѣе подѣйствуетъ, потекутъ слюнки»,—и во
разрываетъ конвертъ, вынимаетъ деньги, а конвертъ б
на полъ властной рукой хозяина и, ужь конечно, не бо
какой улики. Послушайте, господа присяжные, есть-ли ч
можнѣе такого предположенія и такого факта? Почему
возможно? Но вѣдь если хоть что-нибудь подобное могло
мѣсто, то вѣдь тогда обвиненіе въ грабежѣ само собою
жается: не было денегъ, не было, стало быть, и грабеж
пакетъ лежалъ на полу, какъ улика, что въ немъ были
то почему я не могу утверждать обратное, а именно, что
валялся на полу именно потому, что въ немъ уже не бы
негъ, взятыхъ изъ него предварительно самимъ хозяином
но куда-жь, въ такомъ случаѣ, дѣлись деньги, если ихъ в
изъ пакета самъ Ѳедоръ Павловичъ, въ его домѣ при об
нашли?» Во первыхъ, въ шкатулкѣ у него часть денегъ
а во вторыхъ, онъ могъ вынуть ихъ еще утромъ, даже
канунѣ, распорядиться ими иначе, выдать ихъ, отослать
нить, наконецъ, свою мысль, свой планъ дѣйствій въ
основаніи и при этомъ совсѣмъ даже не найдя нужным
дываться объ этомъ предварительно Смердякову? А вѣ
существуетъ хотя-бы даже только возможность такого
ложенія,—то какъ-же можно столь настойчиво и столь
обвинять подсудимаго, что убійство совершено имъ для
и что дѣйствительно существовалъ грабежъ? Вѣдь мы
образомъ вступаемъ въ область романовъ. Вѣдь если утве
что такая-то вещь ограблена, то надобно указать эту ве
по крайней мѣрѣ, доказать непреложно, что она сущест
А ея даже никто и не видалъ. Недавно въ Петербургѣ
молодой человѣкъ, почти мальчикъ, восемнадцати лѣтъ,
разнощикъ съ лотка, вошелъ среди бѣла дня съ топор
мѣняльную лавку и съ необычайною типическою дерзостью
хозяина лавки и унесъ съ собою тысячу пятьсотъ руб

Часовъ черезъ пять онъ былъ арестованъ, на немъ, кромѣ
дцати рублей, которые онъ уже успѣлъ истратить, нашли
ти полторы тысячи. Кромѣ того, воротившійся послѣ убій-
въ лавку прикащикъ сообщилъ полиціи не только объ укра-
й суммѣ, но и изъ какихъ именно денегъ, она состояла,
ъ сколько было кредитокъ радужныхъ, сколько синихъ,
ко красныхъ, сколько золотыхъ монетъ и какихъ именно,
ъ на арестованномъ убійцѣ именно такія-же деньги и мо-
и найдены. Вдобавокъ ко всему послѣдовало полное и
сердечное признаніе убійцы въ томъ, что онъ убилъ и
съ собою эти самыя деньги. Вотъ это господа присяж-
я называю уликой! Вотъ тутъ ужь я знаю, вижу, осязаю
и и не могу сказать, что ихъ нѣтъ или не было. Такъ-ли
стоящемъ случаѣ? А между тѣмъ вѣдь дѣло идетъ о жизни
рти, о судьбѣ человѣка. «Такъ, скажутъ, но вѣдь онъ въ
ночь кутилъ, сорилъ деньгами, у него обнаружено полторы
и рублей,—откуда-же онъ взялъ ихъ?» Но вѣдь именно
у, что обнаружено было всего только полторы тысячи, а
й половины суммы ни за что не могли отыскать и обна-
ъ, именно тѣмъ и доказывается, что эти деньги могли быть
ъ не тѣ, совсѣмъ никогда не бывшія ни въ какомъ па-
По разсчету времени (и уже строжайшему) дознано и до-
о предварительнымъ слѣдствіемъ, что подсудимый, выбѣжавъ
лужанокъ къ чиновнику Перхотину, домой не заходилъ, да
уда не заходилъ, а затѣмъ все время былъ на людяхъ, а,
быть, не могъ отдѣлить отъ трехъ тысячъ половины и
нибудь спрятать въ городѣ. Вотъ именно это соображеніе
ю причиною предположенія обвинителя, что деньги гдѣ-то
аны въ расщелинѣ въ селѣ Мокромъ. Да ужь не въ под-
ъ-ли Удольфскаго замка, господа? Ну не фантастическое-ли,
маническое-ли это предположеніе? И, замѣтьте вѣдь унич-
я только это одно предположеніе, то есть что спрятано въ
мъ—и все обвиненіе въ грабежѣ взлетаетъ на воздухъ,
дѣ-же, куда-же дѣвались тогда эти полторы тысячи? Какимъ
ъ онѣ могли исчезнуть, если доказано, что подсудимый ни-
не заходилъ? И такими-то романами мы готовы погубить
, человѣческую! Скажутъ, всетаки онъ не умѣлъ объяснить
зялъ эти полторы тысячи, которыя на немъ обнаружены;
; того всѣ знали, что до этой ночи у него не было денегъ».
-же это зналъ? Но подсудимый далъ ясное и твердое по-
ie о томъ откуда *взялъ* деньги и если хотите, господа при-

сяжные засѣдатели, если хотите-
можетъ быть вѣроятнѣе этого п
совмѣстнаго съ характеромъ и
понравился собственный романъ:
шившійся взять три тысячи, ст
невѣстой его, не могъ, дескать,
въ ладонку, напротивъ, если-бъ
дые два дня и отколупывалъ-бы
извелъ-бы все въ одинъ мѣсяцъ
жено тономъ, нетерпящимъ ник
дѣло происходило вовсе не такъ
а въ немъ совсѣмъ другое лицо
создали другое лицо! Возразятъ,
онъ прокутилъ въ селѣ Мокром
у г-жи Верховцевой, за мѣсяцъ
одну копѣйку, стало быть, не м
вину». Но кто-же эти свидѣтели
свидѣтелей на судѣ уже обнаруж
рукѣ ломоть всегда больше каж
свидѣтелей денегъ этихъ самъ
свой глазъ. Вѣдь показалъ-же с
судимаго было въ рукахъ двадца
сяжные, такъ какъ психологія о
вольте мнѣ и тутъ другой конец
выйдетъ.

«За мѣсяцъ до катастрофы
отсылки по почтѣ три тысячи
вопросъ: справедливо-ли, что бы
и съ такимъ униженіемъ, какъ
первомъ показаніи о томъ-же п
ходило не такъ, совершенно не
мы слышали лишь крики озлобле
шейся ненависти. Но ужь одно
первомъ показаніи своемъ показ
заключить, что и второе показа
нитель «не хочетъ, не смѣетъ» (
романа. Ну и пусть я тоже не
позволю себѣ лишь замѣтить, ч
ственная особа, какова безспор
Верховцева, если такая особа, г
разомъ, на судѣ, измѣнить перв

...о погубить подсудимаго, то ясно и то, что это показаніе ...ло сдѣлано не безпристрастно, не хладнокровно. Неужели-же ...ъ отнимутъ право заключить, что отмщавшая женщина могла ...е преувеличить? Да, именно преувеличить тотъ стыдъ и ...ъ, съ которымъ были ею предложены деньги. Напротивъ, ...ыли предложены именно такъ, что ихъ еще можно было ...ть, особенно такому легкомысленному человѣку, какъ нашъ ...димый. Главное, онъ имѣлъ тогда въ виду скорое получе...ъ отца этихъ должныхъ ему по разсчету трехъ тысячъ. Это ...мысленно, но именно по легкомыслію своему онъ и былъ ...о увѣренъ, что тотъ ихъ выдастъ ему, что онъ ихъ по...ъ и, стало быть, всегда можетъ отправить ввѣренныя ему ...о Верховцевой деньги по почтѣ и расквитаться съ долгомъ. ...бвинитель ни за что́ не хочетъ допустить, что онъ могъ ...отъ-же день, въ день обвиненія, отдѣлить изъ получен...ъ денегъ половину и зашить въ ладонку: «Не таковъ, дес... это характеръ, не могъ имѣть такихъ чувствъ». Но вѣдь ...же вы кричали, что широкъ Карамазовъ, сами-же вы кри... про двѣ крайнія бездны, которыя можетъ созерцать Кара...въ. Карамазовъ именно такая натура о двухъ сторонахъ, ...ухъ безднахъ, что при самой безудержной потребности ку... можетъ остановиться, если что-нибудь его поразитъ съ ...й стороны. А вѣдь другая-то сторона, любовь, — именно ... эта новая загорѣвшаяся тогда какъ порохъ любовь, а на ...любовь нужны деньги и нужнѣе, о! гораздо нужнѣе, чѣмъ ... на кутежъ съ этою самою возлюбленною. Скажетъ она ему: ...я, не хочу Ѳедора Павловича», и онъ схватитъ ее и уве...,—такъ было-бы на что́ увезти. Это вѣдь важнѣе кутежа. ...мазову-ль этого не понять? Да онъ именно этимъ и боленъ ..., этою заботой, — что-жь невѣроятнаго, что онъ отдѣлилъ ...деньги и припряталъ на всякій случай? Но вотъ, однако, ...я уходитъ, а Ѳедоръ Павловичъ трехъ тысячъ подсудимому ...ыдаетъ, напротивъ, слышно, что опредѣлилъ ихъ именно на ...тобы сманить ими его-же возлюбленную. «Если не отдастъ ...ръ Павловичъ, думаетъ онъ, то вѣдь я передъ Катериной ...овной выйду воромъ». И вотъ у него рождается мысль, что ...е полторы тысячи, которыя онъ продолжаетъ носить на ...ъ этой ладонкѣ, онъ придетъ, положитъ предъ г-жею Вер...вой и скажетъ ей: «Я подлецъ, но не воръ». И вотъ, стало ... уже двойная причина хранить эти полторы тысячи какъ ...у ока, отнюдь не расшивать ладонку и не отколупывать

безумствовалъ такъ, и напивался, и буш
во весь этотъ мѣсяцъ, то это именно, мож
самому было горько, не въ мочь переноси
до того, наконецъ, обострились, что довел
отчаянія. Онъ послалъ было своего младша
сить у него эти три тысячи въ послѣдній
шись отвѣта, ворвался и самъ кончилъ т
рика при свидѣтеляхъ. Послѣ этого получ
у кого, избитый отецъ не дастъ. Въ тотъ-ж
бьетъ себя по груди, именно по верхней
ладонка, и клянется брату, что у него ес
подлецомъ, но что всетаки онъ останется
видитъ, что не воспользуется средствомъ,
шевной, не хватитъ характера. Почему, поч
ритъ показанію Алексѣя Карамазова, данн
искренно, неподготовленно и правдоподобно
заставляетъ меня вѣрить деньгамъ въ как
подвалахъ Удольфскаго замка? Въ тотъ-ж
говора съ братомъ, подсудимый пишетъ э
вотъ это-то письмо и есть самое главное, са
ченіе подсудимаго въ грабежѣ! «Буду про
не дадутъ люди, убью отца и возьму у н
въ пакетѣ съ розовою ленточкой, только-

, — не по программѣ, стало быть, не по написанному
бѣжалъ, то есть не для обдуманнаго грабежа, а побѣжалъ
о, нечаянно, въ ревнивомъ бѣшенствѣ! «Да, скажутъ,
ки, прибѣжавъ и убивъ, захватилъ и деньги». Да, нако-
билъ-ли онъ еще или нѣтъ? Обвиненіе въ грабежѣ я от-
съ негодованіемъ: нельзя обвинять въ грабежѣ, если нельзя
съ точностью что̀ именно ограблено, это аксіома! Но
и еще онъ, безъ грабежа-то убилъ-ли? Это-то дока-
? Ужь не романъ-ли и это?»

XII.

Да и убійства не было.

звольте, господа присяжные, тутъ жизнь человѣческая
быть осторожнѣе. Мы слышали какъ обвиненіе само за-
льствовало, что до самаго послѣдняго дня, до сегодня,
суда, колебалось обвинить подсудимаго въ полной и со-
ной преднамѣренности убійства, колебалось до самаго этого
о «пьянаго» письма, представленнаго сегодня суду. «Со-
ось какъ по писанному!» Но опять-таки повторяю: онъ
ъ къ ней, за ней, единственно только узнать гдѣ она?
о фактъ непреложный. Случись она дома, онъ никуда-бы
жалъ, а остался при ней и не сдержалъ-бы того, что̀ въ
обѣщалъ. Онъ побѣжалъ нечаянно, и внезапно, а о «пья-
письмѣ своемъ онъ, можетъ быть, вовсе тогда и не пом-
Захватилъ, дескать, пестикъ»—и, помните, какъ изъ этого
пестика намъ вывели цѣлую психологію, почему-де онъ
ь былъ принять этотъ пестикъ за оружіе, схватить его
ружіе, и проч., и проч. Тутъ мнѣ приходитъ въ голову
мая обыкновенная мысль: ну, что̀ если-бъ этотъ пестикъ
не на виду, не на полкѣ, съ которой схватилъ его под-
й, а былъ прибранъ въ шкафъ, — вѣдь подсудимому не
лъ-бы онъ тогда въ глаза и онъ-бы убѣжалъ безъ оружія,
ыми руками, и вотъ, можетъ быть, никого-бы тогда и не
Какимъ-же образомъ я могу заключать о пестикѣ, какъ
ательствѣ вооруженія и преднамѣренія? Да, но онъ кри-
о трактирамъ, что убьетъ отца, а за два дня, въ тотъ ве-
огда написалъ свое пьяное письмо, былъ тихъ и поссо-
ъ трактирѣ лишь *съ однимъ* только купеческимъ при-

кашкомъ, «потому-де, что Карамазовъ не могъ не поссч
А я отвѣчу на это, что ужь если замыслилъ такое убій
еще по плану, по написанному, то ужь навѣрно-бы не по
и съ прикащикомъ, да, можетъ быть, и въ трактиръ не зай
вовсе, потому что душа, замыслившая такое дѣло, ищетъ
и отшлевки, ищетъ исчезновенія, чтобы не видали, чтобы
хали: «Забудьте-де обо мнѣ если можете», и это не то
только, а по инстинкту. Господа присяжные, психологія
концахъ и мы тоже умѣемъ понимать психологію. Что же
этихъ трактирныхъ криковъ во весь этотъ мѣсяцъ, то
разъ кричатъ дѣти, или пьяные гуляки, выходя изъ к
и ссорясь другъ съ другомъ: «Я убью тебя», но вѣдь
знаютъ-же. Да и самое это роковое письмо, — ну, не пь
оно раздраженіе тоже, не крикъ-ли изъ кабака вы
«убью, зарѣжу, всѣхъ васъ убью!» Почему не такъ, по
могло быть такъ? Почему это письмо роковое, почему
такъ, оно не смѣшное? А вотъ именно потому, что
душу убитаго отца, потому что свидѣтель видѣлъ
въ саду, вооруженнаго и убѣгающаго, и самъ былъ по
мъ, такъ было, и совершилось все по написанному, а
и письмо не смѣшное, а роковое. Слава Богу, мы дошли
коли былъ въ саду, значитъ, онъ и убилъ». Этими
вочками: коли *былъ* такъ ужь непремѣнно и *значитъ*,
ывается, все обвиненіе — «былъ такъ и значитъ». А
значитъ, хотя-бы и былъ? О, я согласенъ, что совок
фактовъ, совпаденіе фактовъ дѣйствительно довольно
чивы. Но разсмотрите, однако, всѣ эти факты отдѣльно,
шаясь ихъ совокупностью: почему, напримѣръ, обвине
что не хочетъ допустить правдивости показанія подсуди
онъ убѣжалъ отъ отцова окошка? Вспомните даже сара
которые пускается здѣсь обвиненіе на счетъ почтите
«благочестивыхъ» чувствъ, вдругъ обуявшихъ убійцу. А
и въ самомъ дѣлѣ тутъ было нѣчто подобное, то есть
почтительность чувствъ, но благочестивость чувствъ
быть, мать за меня замолила въ эту минуту, показыва
слѣдствіи подсудимый, и вотъ онъ убѣжалъ чуть лишь у
что Свѣтловой у отца въ домѣ нѣтъ. «Но онъ не могъ уб
чрезъ окно», возражаетъ намъ обвиненіе. А почему же н
Вѣдь окно отворилось-же на поданные подсудимымъ зна
могло быть произнесено одно какое-нибудь такое слово ѳ
Павловичемъ, могъ вырваться какой-нибудь такой крик

[redacted]димый могъ вдругъ удостовѣриться, что Свѣтловой тутъ нѣтъ? [redacted]му непремѣнно предполагать такъ, какъ мы воображаемъ, какъ [redacted]ложили воображать? Въ дѣйствительности можетъ мелькн[redacted]тысяча вещей, ускользающихъ отъ наблюденія самаго тон[redacted]романиста. «Да, но Григорій видѣлъ дверь отворенною, а, [redacted]о быть, подсудимый былъ въ домѣ навѣрно, а,, стало быть, [redacted]лъ». Объ этой двери, господа присяжные... Видите-ли, объ [redacted]ренной этой двери свидѣтельствуетъ лишь одно лицо, бывшее, [redacted]ко, въ то время въ такомъ состояніи само, что... Но пусть, [redacted]ь была дверь отворена, пусть подсудимый отперся, солгалъ [redacted]чувства самозащиты, столь понятнаго въ его положеніи, пусть, [redacted]ъ онъ проникъ въ домъ, былъ въ домѣ,—ну и что-же, по[redacted]-же непремѣнно коли былъ, то и убилъ? Онъ могъ ворваться, [redacted]бѣжать по комнатамъ, могъ оттолкнуть отца, могъ даже уда[redacted]ь отца, но, удостовѣрившись, что Свѣтловой нѣтъ у него, убѣ[redacted]ъ, радуясь, что ее нѣтъ и что убѣжалъ отца не убивъ. Именно [redacted]му, можетъ быть, и соскочилъ черезъ минуту съ забора къ [redacted]рженному имъ въ азартѣ Григорію, что въ состояніи былъ [redacted]щать чувство чистое, чувство состраданія и жалости, потому [redacted]убѣжалъ отъ искушенія убить отца, потому что ощущалъ [redacted]себѣ сердцѣ чистое и радость, что не убилъ отца. Краснорѣ[redacted]о до ужаса описываетъ намъ обвинитель страшное состояніе [redacted]судимаго въ селѣ Мокромъ, когда любовь вновь открылась ему, [redacted]и его въ новую жизнь, и когда ему уже нельзя было любить, [redacted]му что сзади былъ окровавленный трупъ отца его, а за тру[redacted]ъ казнь. И однако-же, обвинитель всетаки допустилъ любовь, [redacted]рую и объяснилъ по своей психологіи: «Пьяное, дескать, [redacted]олніе, преступника везутъ на казнь, еще долго ждать, и пр., [redacted]р.» Но не другое-ли вы создали лицо, господинъ обвинитель, [redacted]ъ-таки спрашиваю? Такъ-ли, такъ-ли грубъ и бездушенъ под[redacted]имый, что могъ еще думать въ тотъ моментъ о любви и о [redacted]ніи предъ судомъ, если-бы дѣйствительно на немъ была кровь [redacted]а? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Только что открылось, что она его лю[redacted]ъ, зоветъ съ собою, сулитъ ему новое счастье,— о, клянусь, [redacted]долженъ былъ тогда почувствовать двойную, тройную по[redacted]ность убить себя и убилъ-бы себя непремѣнно, если-бы сзади [redacted]лежалъ трупъ отца! О, нѣтъ, не забылъ-бы гдѣ лежатъ его [redacted]толеты! Я знаю подсудимаго: дикая, деревянная безсердечность, [redacted]веденная на него обвиненіемъ, не совмѣстна съ его характе[redacted]ъ. Онъ-бы убилъ себя, это навѣрно; онъ не убилъ себя именно [redacted]ому, что «*мать замолила о немъ*» и сердце его было непо-

:а какъ убійцы? О, я вполнѣ убѣжденъ вмѣстѣ съ су-
ь прокуратурой, что Иванъ Карамазовъ больной и въ
го показаніе его дѣйствительно могло быть отчаянною
, замышленною притомъ-же въ бреду, спасти брата,
а умершаго. Но однако-же всетаки произнесено имя
л, опять таки какъ-будто слышится что-то загадочное.
къ-будто тутъ не договорено, господа присяжные, и не
. И, можетъ быть, еще договорится. Но объ этомъ пока
это еще впереди. Судъ рѣшилъ давеча продолжать за-
о теперь пока, въ ожиданіи, я-бы могъ кое-что, однако,
напримѣръ, по поводу характеристики покойнаго Смер-
оль тонко и столь талантливо очерченной обвинителемъ.
ясь таланту, не могу, однако-же, вполнѣ согласиться съ
о характеристики. Я былъ у Смердякова, я видѣлъ его
ъ съ нимъ, онъ произвелъ на меня впечатлѣніе совсѣмъ
ровьемъ онъ былъ слабъ, это правда, но характеромъ,
мъ,—о, нѣтъ, это вовсе не столь слабый былъ чело-
ь заключило о немъ обвиненіе. Особенно не нашелъ я въ
ости, той робости, которую такъ характерно описывалъ
нитель. Простодушія-же въ немъ не было вовсе, на-
я нашелъ страшную недовѣрчивость, прячущуюся подъ
ю, и умъ способный весьма многое созерцать. О! обви-
шкомъ простодушно почло его слабоумнымъ. На меня
звелъ впечатлѣніе совершенно опредѣленное: я ушелъ
еніемъ, что существо это рѣшительно злобное, непо-
толюбивое, мстительное и злобно-завистливое. Я со-
ѣ-какія свѣдѣнія: онъ ненавидѣлъ происхожденіе свое,
его и со скрежетомъ зубовъ припоминалъ, что «отъ
й произошелъ». Къ слугѣ Григорію и къ женѣ его,
благодѣтелямъ его дѣтства, онъ былъ непочтите-
ссію проклиналъ и надъ нею смѣялся. Онъ мечталъ
Францію, съ тѣмъ, чтобы передѣлаться во француза.
о и часто толковалъ еще прежде, что на это не до-
у средствъ. Мнѣ кажется, онъ никого не любилъ, кромѣ
калъ-же себя до странности высоко. Просвѣщеніе вн-
хорошемъ платьѣ, въ чистыхъ манишкахъ и въ вы-
ъ сапогахъ. Считая себя самъ (и на это есть факты)
мъ сыномъ Ѳедора Павловича, онъ могъ ненавидѣть
женіе сравнительно съ законными дѣтьми своего госпо-
, дескать, все, а ему ничего, имъ всѣ права, имъ на-
а онъ *только поваръ*. Онъ повѣдалъ мнѣ, что самъ

вмѣстѣ съ Ѳедоромъ Павловичемъ, укладывалъ деньги и
Назначеніе этой суммы, — суммы, которая могла-бы
его карьеру,—было, конечно, ему ненавистно. Къ тому
увидалъ три тысячи рублей въ свѣтленькихъ радужны
дитяхъ (я объ этомъ нарочно спросилъ его). О, не
никогда завистливому и самолюбивому человѣку большим
разомъ, а онъ въ первый разъ увидалъ такую сумму в
рукѣ. Впечатлѣніе радужной пачки могло болѣзненно от
въ его воображеніи, на первый разъ пока безо всякихъ
ствій. Высоковталантливый обвинитель съ необыкновенн
костью очертилъ намъ всѣ pro и contra предположенія
можности обвинить Смердякова въ убійствѣ и особенно
валъ: для чего тому было притворяться въ падучей? Да,
онъ могъ и не притворяться вовсе, припадокъ могъ при
всѣмъ натурально, но вѣдь могъ-же и пройдти совсѣмъ нат
и больной могъ очнуться. Положимъ, не вылѣчиться, но
когда-нибудь придти въ себя и очнуться, какъ и бы
падучей. Обвиненіе спрашиваетъ: гдѣ моментъ совершен
дяковымъ убійства? Но указать этотъ моментъ чрезвычай
Онъ могъ очнуться и встать отъ глубокаго сна (ибо от
только во снѣ: послѣ припадковъ падучей болѣзни всегд
даетъ глубокій сонъ), именно въ то мгновеніе, когда
Григорій, схвативъ за ногу на заборѣ убѣгающаго
маго, завопилъ на всю окрестность: «Отцеубивецъ!» Ц
этотъ необычайный, въ тиши и во мракѣ, и могъ ра
Смердякова, сонъ котораго къ тому времени могъ бы
очень крѣпокъ: онъ естественно могъ уже часъ тому назъ
просыпаться. Встанъ съ постели, онъ отправляется по
сознательно и безо всякаго намѣренія на крикъ посмотр
такое. Въ его головѣ болѣзненный чадъ, соображеніе сп
легъ, но вотъ онъ въ саду, подходитъ къ освѣщеннымъ
и слышитъ страшную вѣсть отъ барина, который, конеч
обрадовался. Соображеніе разомъ загорается въ голо
Отъ испуганнаго барина онъ узнаетъ всѣ подробности.
постепенно, въ разстроенномъ и больномъ мозгу его со
мысль, — страшная, но соблазнительная и неотразимо
ская: убить, взять три тысячи денегъ и свалить все на
барченка: на кого-же подумаютъ теперь, какъ не на
кого-же могутъ обвинить, какъ не барченка, всѣ уз
тутъ былъ? Страшная жажда денегъ, добычи, могла з
ему духъ, вмѣстѣ съ соображеніемъ о безнаказанности

шные и неотразимые порывы такъ часто приходятъ при
тѣ, и, главное, приходятъ внезапно такимъ убійцамъ, ко-
в еще за минуту не знали, что захотятъ убить! И вотъ
яковъ могъ войдти къ барину и исполнить свой планъ,
, какимъ оружіемъ, — а первымъ камнемъ, который онъ
лъ въ саду. Но для чего-же, съ какою-же цѣлью? А три-то
ни, вѣдь это карьера. О! я не противорѣчу себѣ: деньги
быть и существовать. И даже, можетъ быть, Смердя-
то одинъ и зналъ гдѣ ихъ найдти, гдѣ именно онѣ лежатъ
ина. «Ну, а обложка денегъ, а разорванный на полу па-
» Давеча, когда обвинитель, говоря объ этомъ пакетѣ,
илъ чрезвычайно тонкое соображеніе свое о томъ, что оста-
его на полу могъ именно воръ непривычный, именно такой,
Карамазовъ, а совсѣмъ уже не Смердяковъ, который-бы ни
то не оставилъ на себя такую улику — давеча, господа
ажные, я, слушая, вдругъ почувствовалъ, что слышу что-то
ычайно знакомое. И, представьте себѣ, именно это самое
ображеніе, эту догадку о томъ какъ-бы могъ поступить Кара-
съ съ пакетомъ, я уже слышалъ ровно за два дня до того
амого Смердякова, мало того, онъ даже тѣмъ поразилъ меня:
именно показалось, что онъ фальшиво напѣвничаетъ, забѣ-
впередъ, навязываетъ эту мысль мнѣ, чтобъ я самъ вы-
это самое соображеніе и мнѣ его какъ будто подсказываетъ.
одсказалъ-ли онъ это соображеніе и слѣдствію? Не навя-
ли его и высокоталантливому обвинителю? Скажутъ: а
ха жена Григорія? Вѣдь она-же слышала какъ больной
нея стоналъ во всю ночь. Такъ, слышала, но вѣдь сообра-
это чрезвычайно шаткое. Я зналъ одну даму, которая
ю жаловалась, что ее всю ночь будила на дворѣ шавка и
вала ей спать. И, однако, бѣдная собаченка, какъ извѣстно
, тявкнула всего только раза два — три во всю ночь. И
стественно; человѣкъ спитъ и вдругъ слышитъ стонъ, онъ
ывается въ досадѣ, что его разбудили, но засыпаетъ мгно-
снова. Часа черезъ два опять стонъ, опять просыпается и
засыпаетъ, наконецъ, еще разъ стонъ, и опять черезъ
аса, всего въ ночь раза три. На утро спящій встаетъ и жа-
я, что кто-то всю ночь стоналъ и его безпрерывно будилъ.
впремѣнно такъ и должно ему показаться: промежутки сна,
а часа каждый, онъ проспалъ и не помнитъ, а запомнилъ
минуты своего пробужденія, вотъ ему и кажется, что его
ли *всю ночь*. *Но почему*, почему, восклицаетъ обвиненіе,

[illegible]

[illegible] однако. Мое [illegible] предположеніе. У меня [illegible] нѣчто, ибо я предчувствую [illegible] большую борьбу... Простите мнѣ [illegible] о вашихъ сердцахъ. [illegible] правдивымъ и искреннимъ до конца. [illegible]

[illegible]

нтъ. Въ самомъ дѣлѣ, послѣднія слова свои онъ произнесъ кою искренне прозвучавшею нотой, что всѣ почувствовали, можетъ быть, дѣйствительно ему есть что сказать и что то, нъ скажетъ сейчасъ, есть и самое важное. Но предсѣда- заслышавъ аплодисментъ, громко пригрозилъ «очистить» суда, если еще разъ повторится «подобный случай». Все ло, а Фетюковичъ началъ какимъ-то новымъ, проникновен- голосомъ, совсѣмъ не тѣмъ, которымъ говорилъ до сихъ

XIII.

Прелюбодѣй мысли.

Не совокупность только фактовъ губитъ моего кліента, да присяжные засѣдатели, возгласилъ онъ, — нѣтъ, моего та губитъ, по настоящему, одинъ лишь фактъ: это—трупъ ка отца! Будь простое убійство, и вы при ничтожности, при казательности, при фантастичности фактовъ, если разсмат- ть каждый изъ нихъ въ отдѣльности, а не въ совокупно- — отвергли-бы обвиненіе, по крайней мѣрѣ, усумнились-бы ть судьбу человѣка по одному лишь предубѣжденію противъ , которое, увы, онъ такъ заслужилъ! Но тутъ не простое тво, а отцеубійство! Это импонируетъ, и до такой степени, даже самая ничтожность и бездоказательность обвиняющихъ въ становится уже не столь ничтожною и не столь без- ательною, и это въ самомъ предубѣжденномъ даже умѣ. акъ оправдать такого подсудимаго? А ну, какъ онъ убилъ етъ ненаказаннымъ,—вотъ что чувствуетъ каждый въ сердцѣ ъ почти невольно, инстинктивно. Да, страшная вещь про- кровь отца, — кровь родившаго, кровь любившаго, кровь и своей для меня не жалѣвшаго, съ дѣтскихъ лѣтъ моими нями болѣвшаго, всю жизнь за мое счастье страдавшаго, и моими радостями, моими успѣхами жившаго! О, убить та- отца—да это невозможно и помыслить! Господа присяж- что такое отецъ, настоящій отецъ, что это за слово такое ое, какая страшно великая идея въ наименованіи этомъ? Мы съ только указали отчасти что такое и чѣмъ долженъ быть ный отецъ. Въ настоящемъ-же дѣлѣ, которымъ мы такъ ейчасъ заняты, которымъ болятъ наши души,—въ настоя- дѣлѣ *отецъ, покойный* Ѳедоръ Павловичъ Карамазовъ, ни

сколько ни подходилъ подъ то понятіе объ отцѣ, котор
часъ сказалось нашему сердцу. Это бѣда. Да, дѣйствитель
отецъ похожъ на бѣду. Разсмотримъ-же эту бѣду побл
вѣдь ничего не надо бояться, господа присяжные, въ в
ности предстоящаго рѣшенія. Мы даже особенно не
бояться теперь и, такъ сказать, отмахиваться отъ ино
какъ дѣти или пугливыя женщины, по счастливому вы
высокоталантливаго обвинителя. Но въ своей горячей р
жаемый мой противникъ (и противникъ еще прежде чѣмъ
несъ мое первое слово), мой противникъ нѣсколько ра
кликнулъ: «Нѣтъ, я никому не дамъ защищать подсуд
не уступлю его защиту защитнику, пріѣхавшему изъ
бурга, — я обвинитель, я и защитникъ!» Вотъ что
сколько разъ воскликнулъ и, однако-же, забылъ упомя
если страшный подсудимый цѣлые двадцать три года с
годаренъ былъ всего только за одинъ фунтъ орѣховъ,
ныхъ отъ единственнаго человѣка, приласкавшаго ег
комъ въ родительскомъ домѣ, то, обратно, не могъ-же вѣ
человѣкъ и не помнить, всѣ эти двадцать три года, к
бѣгалъ босой у отца «на заднемъ дворѣ, безъ сапожек
панталончикахъ на одной пуговкѣ», по выраженію
любиваго доктора Герценштубе. О, господа присяжные
намъ разсматривать ближе эту «бѣду», повторять то,
уже знаютъ! Что встрѣтилъ мой кліентъ, пріѣхавъ сюда
И зачѣмъ, зачѣмъ изображать моего кліента безчувст
эгоистомъ, чудовищемъ? Онъ безудержень, онъ дикъ
вотъ мы теперь его судимъ за это, а кто виноватъ в
его, кто виноватъ, что при хорошихъ наклонностяхъ, п
дарномъ чувствительномъ сердцѣ, онъ получилъ такое
воспитаніе? Училъ-ли его кто-нибудь уму-разуму, про
ли онъ въ наукахъ, любилъ-ли кто его хоть сколь
въ его дѣтствѣ? Мой кліентъ росъ покровительствомъ
то есть какъ дикій звѣрь. Онъ, можетъ быть, жажд
дѣть отца послѣ долголѣтней разлуки, онъ, можетъ б
сячу разъ передъ тѣмъ, вспоминая какъ сквозь сонъ
ство, отгонялъ отвратительные призраки, приснившіеся
его дѣтствѣ и всею душой жаждалъ оправдать и обн
своего! И что-жъ? Его встрѣчаютъ однѣми циническими
ками, подозрительностью и крючкотворствомъ изъ-за
денегъ; онъ слышитъ лишь разговоры и житейскія пра
которыхъ воротитъ сердце, ежедневно «за коньячкомъ»

жъ, зритъ отца, отбивающаго у него, у сына, на его-же
нія деньги, любовницу.—о, господа присяжные, это отвра-
но и жестоко! И этотъ-же старикъ всѣмъ жалуется на
тительность и жестокость сына, мараетъ его въ обществѣ,
тъ ему, клевещетъ на него, скупаетъ его долговыя рос-
, чтобы посадить его въ тюрьму! Господа присяжные, эти
, эти на видъ жестокосердые, буйные и безудержные люди,
мой кліентъ, бываютъ, и это чаще всего, чрезвычайно
ы сердцемъ, только этого не выказываютъ. Не смѣйтесь,
ѣйтесь надъ моею идеей! Талантливый обвинитель смѣялся
надъ моимъ кліентомъ безжалостно, выставляя, что онъ
тъ Шиллера, любитъ «прекрасное и высокое». Я-бы не
надъ этимъ смѣяться на его мѣстѣ, на мѣстѣ обвинителя!
эти сердца.—о, дайте мнѣ защитить эти сердца, столь рѣдко
ль несправедливо понимаемыя, — эти сердца весьма часто
утъ нѣжнаго, прекраснаго и справедливаго, и именно, какъ-
контрастъ себѣ, своему буйству, своей жестокости, —
утъ безсознательно, и именно жаждутъ. Страстные и же-
е снаружи, они до мученія способны полюбить, напримѣръ,
щину, и непремѣнно духовною и высшею любовью. Опять-
не смѣйтесь надо мной: это именно такъ, всего чаще бы-
въ этихъ натурахъ. Онѣ только не могутъ скрыть свою
тность, подчасъ очень грубую. — вотъ это и поражаетъ,
это и замѣчаютъ, а внутри человѣка не видятъ. Напро-
, всѣ ихъ страсти утоляются быстро, но около благород-
, прекраснаго существа, этотъ, повидимому, грубый и жесто-
человѣкъ ищетъ обновленія, ищетъ возможности исправиться,
лучшимъ, сдѣлаться высокимъ и честнымъ.—«высокимъ
рекраснымъ», какъ ни осмѣяно это слово! Давеча я ска-
, что не позволю себѣ дотронуться до романа моего кліента
-жею Верховцевой! Но, однако, подслова-то можно сказать:
слышали, давеча, не показаніе, а лишь крикъ изступленной
щающей женщины, и не ей, о, не ей, укорять-бы въ измѣнѣ,
му что она сама измѣнила. Если-бъ имѣла хоть сколько-
дь времени, чтобъ одуматься, не дала-бы она такого свин-
ства! О, не вѣрьте ей, нѣтъ, не «извергъ» кліентъ мой,
она его называла! Распятый Человѣколюбецъ, собираясь
ростъ свой, говорилъ: «Азъ есмь пастырь добрый, пастырь
ый полагаетъ душу свою за овцы, да ни одна не погиб-
». Не погубимъ и мы души человѣческой! Я спрашивалъ
всѣ, что *такое отецъ*, и воскликнулъ, что это великое слово,

драгоцѣнное наименованіе. Но со словомъ, господа при
надо обращаться честно, и я позволю назвать предм
ственнымъ его словомъ, собственнымъ наименованіем
отецъ, какъ убитый старикъ Карамазовъ, не можетъ
стоинъ называться отцомъ. Любовь къ отцу, не опр
отцомъ, есть нелѣпость, есть невозможность. Нельзя созда
изъ ничего, изъ ничего только Богъ творитъ. «Отцы, не
дѣтей своихъ», пишетъ изъ пламенѣющаго любовью серд
апостолъ. Не ради моего кліента привожу теперь эти свят
я для всѣхъ отцовъ вспоминаю ихъ. Кто мнѣ далъ эт
чтобъ учить отцовъ? Никто. Но какъ человѣкъ и граждан
ваю—vivos voco! Мы на землѣ не долго, мы дѣлаемъ м
дурныхъ и говоримъ много словъ дурныхъ. А потому буде
ловить удобную минуту совмѣстнаго общенія нашего, чтоб
другъ другу и хорошее слово. Такъ и я: пока я на этом
пользуюсь моею минутой. Не даромъ эта трибуна дарон
высшею волей—съ нея слышитъ насъ вся Россія. Не
нихъ только отцовъ говорю, а ко всѣмъ отцамъ восклица
не огорчайте дѣтей своихъ!» Да, исполнимъ прежде са
Христовъ и тогда только разрѣшимъ себѣ спрашивать и
нашихъ! Иначе мы не отцы, а враги дѣтямъ нашимъ,
дѣти наши, а враги намъ и мы сами себѣ сдѣлали их
«Въ ню-же мѣру мѣрите возмѣрится и вамъ»—это не
ворю, это Евангеліе предписываетъ: мѣрить въ ту мѣр
торую и вамъ мѣряютъ. Какъ-же винить дѣтей, если они
ряютъ въ нашу мѣру? Недавно въ Финляндіи одна дѣ
жанка, была заподозрѣна, что она тайно родила ребе
слѣдить за нею и на чердакѣ дома, въ углу за кирпича
ея сундукъ, про который никто не зналъ, его отперли
изъ него трупикъ новорожденнаго и убитаго ею мла
томъ-же сундукѣ нашли два скелета уже рожденныхъ и
младенцевъ и ею-же убитыхъ въ минуту рожденія. вт
и повинилась. Господа присяжные, это-ли мать дѣтей с
она ихъ родила, но мать-ли она имъ? Осмѣлится-ли кто
произнести надъ ней священное имя матери? Буде
господа присяжные, будемъ дерзки даже, мы даже обя
таковыми въ настоящую минуту и не бояться иныхъ
идей, подобно московскимъ купчихамъ, боящимся «и
«жупела». Нѣтъ, докажемъ, напротивъ, что прогрессъ н
лѣтъ коснулся и нашего развитія и скажемъ прямо: родив
еще отецъ, а отецъ есть—родившій и заслуживший. (

ругое значеніе, другое толкованіе слова отецъ, требующее,
тецъ мой, хотя-бы и извергъ, хотя-бы и злодѣй своимъ
, оставался-бы, всетаки, моимъ отцомъ, потому только, что
илъ меня. Но это значеніе уже, такъ сказать, мистическое,
я не понимаю умомъ, а могу принять лишь вѣрой, или,
сказать, *на вѣру*, подобно многому другому, чего не по-
но чему религія повелѣваетъ мнѣ, однако-же, вѣрить. Но
омъ случаѣ это пусть и останется внѣ области дѣйствитель-
зни. Въ области-же дѣйствительной жизни, которая имѣетъ
ко свои права, но и сама налагаетъ великія обязанности,—
области мы, если хотимъ быть гуманными, христіанами,
цъ, мы должны и обязаны проводить убѣжденія лишь оправ-
разсудкомъ и опытомъ, проведенныя чрезъ горнило ана-
ловомъ, дѣйствовать разумно, а не безумно, какъ во снѣ и
ду, чтобы не нанести вреда человѣку, чтобы не измучить и
убить человѣка. Вотъ, вотъ тогда это и будетъ настоящимъ
инскимъ дѣломъ, не мистическимъ только, а разумнымъ и
тинно человѣколюбивымъ дѣломъ»...

этомъ мѣстѣ сорвались было сильныя рукоплесканія изъ
ъ концовъ залы, но Ѳетюковичъ даже замахалъ руками,
ы умоляя не прерывать и чтобы дали ему договорить. Все
затихло. Ораторъ продолжалъ:

маете-ли вы, господа присяжные, что такіе вопросы мо-
новать дѣтей нашихъ, положимъ, уже юношей, положимъ,
чинающихъ разсуждать? Нѣтъ, не могутъ, и не будемъ
вать отъ нихъ невозможнаго воздержанія! Видъ отца не-
аго, особенно сравнительно съ отцами другими, достой-
у другихъ дѣтей, его сверстниковъ, невольно подсказываетъ
вопросы мучительные. Ему по казенному отвѣчаютъ на
просы: «Онъ родилъ тебя и ты кровь его, а потому ты и
ъ любить его». Юноша невольно задумывается: «Да развѣ
обилъ меня, когда рождалъ, спрашиваетъ онъ, удивляясь
ѣе и болѣе, развѣ для меня онъ родилъ меня: онъ не зналъ
я, ни даже пола моего въ ту минуту, въ минуту страсти,
быть, разгоряченной виномъ, и только развѣ передалъ мнѣ
ость къ пьянству,—вотъ всѣ его благодѣянія... Зачѣмъ-же
енъ любить его, за то только, что онъ родилъ меня, а по-
сю жизнь не любилъ меня». О, вамъ, можетъ быть, пред-
ются эти вопросы грубыми, жестокими, но не требуйте-же
аго ума воздержанія невозможнаго: «Гони природу въ
она *влетитъ въ окно*»,—а главное, главное не будемъ бо

яться «металла» и «жупела» и рѣшимъ вопросъ такъ, ка
писываетъ разумъ и человѣколюбіе, а не такъ, какъ
ваютъ мистическія понятія. Какъ-же рѣшить его? А вм
Пусть сынъ станетъ предъ отцомъ своимъ и осмыслив
его самого: «Отецъ, скажи мнѣ: для чего я долженъ люб
Отецъ, докажи мнѣ, что я долженъ любить тебя?»—и ес
отецъ въ силахъ и въ состояніи будетъ отвѣтить и доказа
то вотъ и настоящая нормальная семья, но на предразсуд
мистическомъ утверждающаяся, а на основаніяхъ разумны
отчетныхъ и строго гуманныхъ. Въ противномъ случаѣ,
докажетъ отецъ—конецъ тотчасъ-же этой семьѣ: онъ н
ему, а сынъ получаетъ свободу и право впредь считать от
го за чужаго себѣ и даже врагомъ своимъ. Наша трибуна,
присяжные, должна быть школой истины и здравыхъ нов

Здѣсь ораторъ былъ прерванъ рукоплесканіями неудер
ми, почти изступленными. Конечно, аплодировала не вс
но половина-то залы всетаки аплодировала. Аплодирова
и матери. Сверху, гдѣ сидѣли дамы, слышались визги и
Махали платками. Предсѣдатель изо всей силы началъ
въ колокольчикъ. Онъ былъ видимо раздраженъ поведеніем
но «очистить» залу, какъ угрожалъ недавно, рѣшительно
смѣлъ: аплодировали и махали платками оратору даже сз
дѣвшія на особыхъ стульяхъ сановныя лица, старички с
дами на фракахъ, такъ что, когда угомонился шумъ, предс
удовольствовался лишь прежнимъ строжайшимъ обѣщаніем
стить» залу, а торжествующій и взволнованный Ѳетю
сталъ опять продолжать свою рѣчь.

«Господа присяжные засѣдатели, вы помните ту стр
ночь, о которой такъ много еще сегодня говорили, когда
черезъ заборъ, проникъ въ домъ отца и сталъ, наконецъ,
къ лицу съ своимъ, родившимъ его, врагомъ и обидчико
всѣхъ силъ настаиваю—не за деньгами онъ прибѣжалъ
минуту: обвиненіе въ грабежѣ есть нелѣпость, какъ я уже
жилъ прежде. И не убить, о нѣтъ, вломился онъ къ нему:
имѣлъ преднамѣренно этотъ умыселъ, то озаботился-бы, п
ней мѣрѣ, заранѣе хоть оружіемъ, а мѣдный пестъ онъ сх
инстинктивно, самъ не зная зачѣмъ. Пусть онъ обманул
знаками, пусть онъ проникъ къ нему,—я сказалъ уже, я
одну минуту не вѣрю этой легендѣ, но пусть, такъ и быт
положимъ ее на одну минуту! Господа присяжные, кляну
всѣмъ, что есть свято, будь это не отецъ ему, а посторонн

[illegible]

родное сердце, господа присяжные. Оно преклонится пр
шимъ подвигомъ, оно жаждетъ великаго акта любви, о
рится и воскреснетъ на вѣки. Есть души, которыя въ
ченности своей обвиняютъ весь свѣтъ. Но подавите эту
милосердіемъ, окажите ей любовь, и она проклянетъ сво
ибо въ ней столько добрыхъ зачатковъ. Душа расши
узритъ, какъ Богъ милосердъ и какъ люди прекрасны
ведливы. Его ужаснетъ, его подавитъ раскаяніе и безчис
долгъ, предстоящій ему отселѣ. И не скажетъ онъ то
сквитался», а скажетъ: «Я виноватъ предъ всѣми лю
всѣхъ людей недостойнѣе». Въ слезахъ раскаянія и
страдальческаго умиленія онъ воскликнетъ: «Люди лучш
я, ибо захотѣли не погубить, а спасти меня!» О, вам
легко это сдѣлать, этотъ актъ милосердія, ибо при от
всякихъ чуть-чуть похожихъ на правду уликъ вамъ сл
тяжело будетъ произнести: «Да, виновенъ». Лучше от
десять виновныхъ, чѣмъ наказать одного невиннаго—слыш
слышите-ли вы этотъ величавый голосъ изъ прошлаго с
нашей славной исторіи? Мнѣ-ли, ничтожному, напоминат
что русскій судъ есть не кара только, но и спасеніе ч
погибшаго! Пусть у другихъ народовъ буква и кара, у н
духъ и смыслъ, спасеніе и возрожденіе погибшихъ. И есл
если дѣйствительно такова Россія и судъ ея, то—внере
сія, и не пугайте, о не пугайте насъ вашими бѣшеными
ками, отъ которыхъ омерзительно сторонятся всѣ наро
бѣшеная тройка, а величавая русская колесница торже
и спокойно прибудетъ къ цѣли. Въ вашихъ рукахъ судьб
кліента, въ вашихъ рукахъ и судьба нашей правды р
Вы спасете ее, вы отстоите ее, вы докажете, что есть
соблюсти, что она въ хорошихъ рукахъ!»

XIV.

Мужички за себя постояли.

Такъ кончилъ Ѳетюковичъ, и разразившійся на этот
восторгъ слушателей былъ неудержимъ, какъ буря. Было
немыслимо сдержать его: женщины плакали, плакали и
изъ мужчинъ, даже два сановника пролили слезы. Предс
покорился и даже помедлилъ звонить въ колокольчикъ.

гакой энтузіазмъ значило-бы посягать на святыню», чали потомъ у насъ дамы. Самъ ораторъ былъ искренно ъ. И вотъ въ такую-то минуту и поднялся еще разъ ься возраженіями» нашъ Ипполитъ Кирилловичъ. Его съ ненавистью: «Какъ? Что̀ это? Это онъ-то смѣетъ ажать?» залепетали дамы. Но если-бы даже залепетали аго міра, и въ ихъ главѣ сама прокурорша, супруга і Кирилловича, то и тогда-бы его нельзя было удержать гновеніе. Онъ былъ блѣденъ, онъ сотрясался отъ вол- рвыя слова, первыя фразы, выговоренныя имъ, были непонятны; онъ задыхался, плохо выговаривалъ, сби- прочемъ, скоро поправился. Но изъ этой второй рѣчи иведу лишь нѣсколько фразъ.

ісъ упрекаютъ, что мы насоздавали романовъ. А что̀-же ика какъ не романъ на романѣ? Не доставало только Ѳедоръ Павловичъ, въ ожиданіи любовницы, разрываетъ и бросаетъ его на полъ. Приводится даже, что̀ онъ при этомъ удивительномъ случаѣ. Да развѣ это не гдѣ доказательство, что онъ вынулъ деньги, кто̀ слы- онъ говорилъ? Слабоумный идіотъ Смердяковъ, пре- ый въ какого-то байроновскаго героя, мстящаго обще- свою незаконнорожденность, — развѣ это не поэма въ скомъ вкусѣ? А сынъ, вломившійся къ отцу, убившій ъ тоже время и не убившій, это ужь даже и не ро- поэма, это сфинксъ, задающій загадки, которыя и самъ ечно, не разрѣшитъ. Коль убилъ, такъ убилъ, а какъ-же убилъ, такъ не убилъ—кто пойметъ это? Затѣмъ воз- намъ, что наша трибуна есть трибуна истины и здра- нятій, и вотъ съ этой трибуны «здравыхъ понятій» съ клятвою аксіома, что называть убійство отца отце- ъ есть только одинъ предразсудокъ! Но если отцеубій- предразсудокъ и если каждый ребенокъ будетъ допра- воего отца: «Отецъ, зачѣмъ я долженъ любить тебя»?— танется съ нами, что станется съ основами общества, ется семья? Отцеубійство, это, видите-ли только «жу- сковской купчихи. Самые драгоцѣнные, самые священ- ты въ назначеніи и въ будущности русскаго суда пред- ся извращенно и легкомысленно, чтобы только добиться биться оправданія того, что̀ нельзя оправдать. О, пода- милосердіемъ, восклицаетъ защитникъ,—а преступника ого *и надо, и завтра*-же увидятъ, какъ онъ будетъ по-

давленъ! Да и не слишкомъ-ли скроменъ защитникъ, требу
оправданія подсудимаго? Отчего-бы не потребовать учр
стипендіи имени отцеубійцы, для увѣковѣченія его под
потомствѣ и въ молодомъ поколѣніи? Исправляются Ева
религія: это, дескать, все мистика, а вотъ у насъ лишь
щее христіанство, уже провѣренное анализомъ разсудка
выхъ понятій. И вотъ воздвигаютъ предъ нами лжеподо
ста! *Въ ню-же мѣру мѣрите возмѣрится и вамъ*, воск
защитникъ и въ тотъ-же мигъ выводитъ, что Христосъ
довалъ мѣрить въ ту мѣру, въ которую и вамъ отмѣря
и это съ трибуны истины и здравыхъ понятій! Мы з
ваемъ въ Евангеліе лишь наканунѣ рѣчей нашихъ д
чтобы блеснуть знакомствомъ всетаки съ довольно ори
нымъ сочиненіемъ, которое можетъ пригодиться и по
для нѣкотораго эффекта, по мѣрѣ надобности, все по
надобности! А Христосъ именно велитъ не такъ дѣлать,
такъ дѣлать, потому что злобный міръ такъ дѣлаетъ,
должны прощать и ланиту свою подставлять, а не въ ту-
отмѣривать, въ которую мѣрятъ намъ наши обидчики. Во
училъ насъ Богъ нашъ, а не тому что запрещать дѣтя
вать отцовъ есть предразсудокъ. И не станемъ мы поп
съ каѳедры истины и здравыхъ понятій Евангеліе Бога
котораго защитникъ удостоиваетъ назвать лишь «ра
человѣколюбцемъ», въ противоположность всей право
Россіи, взывающей къ Нему: «Ты бо еси Богъ нашъ!..

Тутъ предсѣдатель вступился и осадилъ увлекшагося
сивъ его не преувеличивать, оставаться въ должныхъ
цахъ, и пр., и пр., какъ обыкновенно говорятъ въ таки
чаяхъ предсѣдатели. Да и зала была неспокойна. Публ
волилась, даже восклицала въ негодованіи. Ѳетюковичъ
не возражалъ, онъ взошелъ только, чтобы, приложивъ
сердцѣ, обиженнымъ голосомъ проговорить нѣсколько слов
ныхъ достоинства. Онъ слегка только и насмѣшливо оши
нулся «романовъ» и «психологіи» и къ слову ввернулъ въ
мѣстѣ: «Юпитеръ, ты сердишься, стало быть, ты не пр
чѣмъ вызвалъ одобрительный и многочисленный смѣш
публикѣ ибо Ипполитъ Кирилловичъ уже совсѣмъ былъ
хожъ на Юпитера. Затѣмъ на обвиненіе, что будто онъ
шаетъ молодому поколѣнію убивать отцовъ, Ѳетюковичъ
бокимъ достоинствомъ замѣтилъ, что и возражать не с
На счетъ-же «Христова лжеподобія» и того, что онъ

вать Христа Богомъ, а назвалъ лишь «распятымъ
цемъ», что «противно-де православію и не могло быть
ъ трибуны истины и здравыхъ понятій»—Ѳетюко-
улъ на «инсинуацію» и на то, что, собираясь сюда,
ней мѣрѣ, разсчитывалъ, что здѣшняя трибуна обез-
обвиненій, «опасныхъ для моей личности, какъ граж-
рноподданнаго»... Но при этихъ словахъ предсѣда-
ь и его, и Ѳетюковичъ, поклонясь, закончилъ свой
олжаемый всеобщимъ одобрительнымъ говоромъ залы.
е Кирилловичъ, по мнѣнію нашихъ дамъ, былъ «раз-
вѣки».

предоставлено было слово самому подсудимому. Митя
казалъ немного. Онъ былъ страшно утомленъ и тѣ-
овно. Видъ независимости и силы, съ которымъ онъ
ромъ въ залу, почти исчезъ. Онъ какъ будто что-то
ь этотъ день на всю жизнь, научившее и вразумив-
у-то очень важному, чего онъ прежде не понималъ.
ослабѣлъ, онъ уже не кричалъ какъ давеча. Въ
послышалось что-то новое, смирившееся, побѣжден-
шее.

ѣ сказать господа присяжные! Судъ мой пришелъ.
ину Божію на себѣ. Конецъ безпутному человѣку!
ту исповѣдуясь, и вамъ говорю «Въ крови отца
не виновенъ!» Въ послѣдній разъ повторяю «Не
зпутенъ былъ, но добро любилъ. Каждый мигъ стре-
авиться, а жилъ дикому звѣрю подобенъ. Спасибо
многое мнѣ обо мнѣ сказалъ, чего и не зналъ я, но не-
убилъ отца, ошибся прокуроръ! Спасибо и защи-
лъ его слушая, но не правда, что я убилъ отца и
ь не надо было! А докторамъ не вѣрьте, я въ пол-
олько душѣ моей тяжело. Коли пощадите, коль от-
молюсь за васъ. Лучшимъ стану, даю слово, передъ
даю. А коль осудите — самъ сломаю надъ головой
а сломавъ поцѣлую обломки! Но пощадите, не ли-
Бога моего, знаю себя возропшу! Тяжело душѣ моей,
ощадите.»

ъ упалъ на свое мѣсто, голосъ его пресѣкся, по-
азу онъ едва выговорилъ. Затѣмъ судъ приступилъ
вѣ вопросовъ и началъ спрашивать у сторонъ за-
о не описываю подробности. Наконецъ-то присяжные
ъ удалиться для совѣщанія. Предсѣдатель былъ очень

[illegible]

пусть онъ убилъ, но вѣдь отецъ и отецъ! И, нако-
былъ въ такомъ изступленіи... Онъ дѣйствительно
махнуть пестомъ и тотъ повалился. Плохо только,
утъ притянули. Это просто смѣшной эпизодъ. Я-бы
ащитника такъ прямо и сказалъ: убилъ, но не ви-
ъ и чортъ съ вами!
нъ такъ и сдѣлалъ, только чортъ съ вами не сказалъ.
, Михаилъ Семенычъ, почти что сказалъ,—подхва-
голосокъ.
луйте, господа, вѣдь оправдали-же у насъ великимъ
трису, которая законной женѣ своего любовника
ѣзала.
ѣдь не дорѣзала.
равно, все равно, начала рѣзать!
о дѣтей-то какъ онъ? Великолѣпно!
колѣпно.
а про мистику-то, про мистику-то, а?
олноте вы о мистикѣ,—вскричалъ еще кто-то,—вы
Ипполита-то, въ судьбу-то его отселева дня! Вѣдь ему
день его прокурорша за Митеньку глаза выцарапаетъ.
на здѣсь?
здѣсь? Была-бы здѣсь, здѣсь-бы и выцарапала. До-
зубы болятъ. Хе-хе-хе!
е-хе!
ьей группѣ.
ѣдь Митеньку-то, пожалуй, и оправдаютъ.
добраго, завтра весь «Столичный городъ» разне-
ь дней пьянствовать будетъ.
, вѣдь чортъ!
ортъ-то чортъ, безъ чорта не обошлось, гдѣ-жь ему
ъ не тутъ.
юда, положимъ, краснорѣчіе. Но вѣдь нельзя-же и
ать головы безмѣнами. Иначе до чего-же дойдемъ?
есница-то, колесница-то, помните?
изъ телѣги колесницу сдѣлалъ.
автра изъ колесницы телѣгу, «по мѣрѣ надобности,
ѣ надобности».
кій народъ пошелъ. Правда-то есть у насъ на Руси,
и нѣтъ ея вовсе?
зонилъ колокольчикъ. Присяжные совѣщались ровно
ольше, ни меньше. Глубокое молчаніе воцарилось.

только что усѣлась снова публика. Помню, какъ пр
вступили въ залу. Наконецъ-то! Не привожу вопрос
пунктамъ, да я ихъ и забылъ. Я помню лишь отвѣтъ на
и главный вопросъ предсѣдателя, то есть «убилъ-ли съ
грабежа преднамѣренно?» (текста не помню). Все замерло. Ст
присяжныхъ, именно тотъ чиновникъ, который былъ всѣх
же, громко и ясно, при мертвенной тишинѣ залы, провоз
— Да, виновенъ!

И потомъ по всѣмъ пунктамъ пошло все тоже: вино
виновенъ,"и это безъ малѣйшаго снисхожденія! Этого уж
не ожидалъ, въ снисхожденіи-то, по крайней мѣрѣ, по
были увѣрены. Мертвая тишина залы не прерывалась, бу
какъ-бы всѣ окаменѣли—и жаждавшіе осужденія, и жа
оправданія. Но это только въ первыя минуты. Затѣмъ
страшный хаосъ. Изъ мужской публики много оказало
довольныхъ. Иные такъ даже потирали руки, не скрыв
радости. Недовольные были какъ-бы подавлены, пожим
чами, шептались, но какъ будто все еще не сообразивш
Боже мой, что̀ сталось съ нашими дамами. Я думалъ,
сдѣлаютъ бунтъ. Сначала онѣ какъ-бы не вѣрили ушамъ
И вдругъ, на всю залу, послышались восклицанія: «Да что̀ э
Это еще что̀ такое?» Онѣ повскакали съ мѣстъ своихъ. Им
казалось, что все это сейчасъ-же можно опять перем
передѣлать. Въ это мгновеніе вдругъ поднялся Митя и ка
раздирающимъ воплемъ прокричалъ, простирая предъ соб
— Клянусь Богомъ и страшнымъ судомъ Его, въ крови от
не виновенъ! Катя, прощаю тебѣ! Братья, други, пощадите

Онъ не договорилъ и зарыдалъ на всю залу, въ
страшно, какимъ-то не своимъ, а новымъ, неожиданнымъ
то голосомъ, который Богъ знаетъ откуда вдругъ у него
На хорахъ, на верху, въ самомъ заднемъ углу раздалс
зительный женскій вопль: это была Грушенька. Она умоли
то еще давеча и ее вновь пропустили въ залу еще пр
чаломъ судебныхъ преній. Митю увели. Произнесеніе пр
было отложено до завтра. Вся зала поднялась въ сумат
я уже не ждалъ и не слушалъ. Запомнилъ лишь н
восклицаній, уже на крыльцѣ, при выходѣ.

— Двадцать лѣтъ рудничковъ понюхаетъ.

— Не меньше.

— Да-съ, мужички наши за себя постояли.

— И покончили нашего Митеньку!

Эпилогъ.

I.

Проэкты спасти Митю.

ятый день послѣ суда надъ Митей, очень рано утромъ
девятомъ часу, пришелъ къ Катеринѣ Ивановнѣ Алеш
зворитьcя окончательно о нѣкоторомъ важномъ для них
дѣлѣ и имѣя, сверхъ того, къ ней порученіе. Она сидѣ
ла съ нимъ въ той самой комнатѣ, въ которой прин
да-то Грушеньку; рядомъ-же, въ другой комнатѣ, лежал
кѣ и въ безпамятствѣ Иванъ Ѳедоровичъ. Катерин
сейчасъ-же послѣ тогдашней сцены въ судѣ велѣ
и больнаго и потерявшаго сознаніе Ивана Ѳедорович
въ домъ, пренебрегая всякимъ будущимъ и неизбѣжным
общества и его осужденіемъ. Одна изъ двухъ родствен
, которыя съ ней проживали, уѣхала тотчасъ-же посл
ь судѣ въ Москву, другая осталась. Но если-бъ и об
Катерина Ивановна не измѣнила-бы своего рѣшенія
-бы ухаживать за больнымъ и сидѣть надъ нимъ [illegible]
Лѣчили его Варвинскій и Герценштубе; московскій-же
уѣхалъ обратно въ Москву, отказавшись предречь [illegible]
а счетъ возможнаго исхода болѣзни. Оставшіеся [illegible]
ободряли Катерину Ивановну и Алешу, но видно [illegible]
не могли еще подать твердой надежды. Алеша [illegible]
юму брату по два раза въ день. Но въ [illegible]
ю особое, прехлопотливое дѣло и [illegible]
удно ему будетъ заговорить о немъ, а [illegible]
ропился: было у него еще [illegible]
тро, въ другомъ мѣстѣ, и надо [illegible]

съ четверть часа какъ разговаривали. Катерина Иванов
блѣдна, сильно утомлена и въ тоже время въ чрезвы
болѣзненномъ возбужденіи: она предчувствовала зачѣм
прочимъ пришелъ къ ней теперь Алеша.

— О его рѣшеніи не безпокойтесь, проговорила она
дою настойчивостью Алешѣ. Такъ или этакъ, а онъ
придетъ къ этому выходу: онъ долженъ бѣжать! Этот
стный, этотъ герой чести и совѣсти,—не тотъ, не Дми
доровичъ, а тотъ что за этой дверью лежитъ и что
брата пожертвовалъ (съ сверкающими глазами прибавила
онъ давно уже мнѣ сообщилъ весь этотъ планъ побѣга.
онъ уже входилъ въ сношенія... Я вамъ уже кой-что соо
Видите, это произойдетъ по всей вѣроятности на третьем
этапѣ, когда партію ссыльныхъ поведутъ въ Сибирь. О,
еще далеко. Иванъ Ѳедоровичъ уже ѣздилъ къ начальник
яго этапа. Вотъ только неизвѣстно кто будетъ парт
начальникомъ, да и нельзя это такъ заранѣе узнать. Зав
жетъ быть, я вамъ покажу весь планъ въ подробности,
мнѣ оставилъ Иванъ Ѳедоровичъ наканунѣ суда, на слу
нибудь... Это было въ тотъ самый разъ когда, помните,
вечеромъ застали насъ въ ссорѣ: онъ еще сходилъ съ л
а я, увидя васъ, заставила его воротиться — помните? В
изъ-за чего мы тогда поссорились?

— Нѣтъ, не знаю, сказалъ Алеша.

— Конечно, онъ тогда отъ васъ скрылъ: вотъ именно
этого плана о побѣгѣ. Онъ мнѣ еще за три дня передъ
крылъ все главное—вотъ тогда-то мы и начали ссорить
тѣхъ поръ всѣ три дня ссорились. Потому поссорились, ч
онъ объявилъ мнѣ, что въ случаѣ осужденія, Дмитрій Ѳед
убѣжитъ за границу вмѣстѣ съ той тварью, то я вдру
лась,—не скажу вамъ изъ-за чего; сама не знаю изъ-за
конечно, я за тварь, за эту тварь тогда озлилась, и имен
что и она тоже, вмѣстѣ съ Дмитріемъ, бѣжитъ за границу!
нула вдругъ Катерина Ивановна съ задрожавшими от
губами. Иванъ Ѳедоровичъ какъ только увидѣлъ тогд
такъ озлилась за эту тварь, то мигомъ и подумал
къ ней ревную Дмитрія и что, стало быть, все еще
жаю любить Дмитрія. Вотъ и вышла тогда первая с
объясненій дать не захотѣла, просить прощенія не могла
мнѣ было, что такой человѣкъ могъ заподозрить меня въ
любви къ этому... И это тогда, когда я сама, уже

) сказала ему, что не люблю Дмитрія, а люблю только
Я отъ злости только на эту тварь на него озлилась!
дня, вотъ въ тотъ вечеръ, когда вы вошли, онъ при-
запечатанный конвертъ, чтобъ я распечатала тотчасъ,
ъ что случится. О, онъ предвидѣлъ свою болѣзнь! Онъ
ѣ, что въ конвертѣ подробности о побѣгѣ, и что въ
а онъ умретъ или опасно заболѣетъ, то чтобъ я одна
ю. Тутъ-же оставилъ у меня деньги, почти десять ты-
ь тѣ самыя, про которыя прокуроръ, узнавъ отъ кого-
посылалъ ихъ мѣнять, упомянулъ въ своей рѣчи. Меня
ругъ поразило, что Иванъ Ѳедоровичъ, все еще ревнуя
еще убѣжденный, что я люблю Митю, не покинулъ,
ли спасти брата и мнѣ-же, мнѣ самой довѣряетъ это
ія! О, это была жертва! Нѣтъ, вы такого самопожерт-
поймете во всей полнотѣ, Алексѣй Ѳедоровичъ! Я хо-
упасть къ ногамъ его въ благоговѣніи, но какъ поду-
ь, что онъ сочтетъ это только лишь за радость мою,
ъ Митю (а онъ-бы непремѣнно это подумалъ!) то до
раздражена лишь одною только возможностью такой
ивой мысли съ его стороны, что опять раздражилась и
, чтобъ цѣловать его ноги, сдѣлала опять ему сцену! О,
а! Таковъ мой характеръ—ужасный, несчастный ха-
вы еще увидите: я сдѣлаю, я доведу таки до того, что
итъ меня для другой, съ которой легче живется, какъ
тогда... нѣтъ, тогда уже я не перенесу, я убью себя!
вошли тогда, и когда я васъ кликнула, а ему велѣла
то, какъ вошелъ онъ съ вами, меня до того захватилъ
ненавистный, презрительный взглядъ, которымъ онъ
лядѣлъ на меня, что—помните—я вдругъ закричала
то *онъ*, *онъ одинъ* увѣрилъ меня, что братъ его Дмитрій
арочно наклеветала, чтобъ еще разъ уязвить его, онъ-
, никогда не увѣрялъ меня, что братъ—убійца, напро-
омъ я, я сама увѣряла его! О, всему, всему причиною
тво! Это я, я и приготовила эту проклятую сцену въ
захотѣлъ доказать мнѣ, что онъ благороденъ и что
люблю его брата, но онъ все-таки не погубитъ его изъ
вности. Вотъ онъ и вышелъ въ судѣ... Я всему причи-
ла виновата!
когда не дѣлала Катя такихъ признаній Алешѣ, и онъ
алъ, что она теперь именно въ той степени невыноси-
нія, *когда самое* гордое сердце съ болью крушитъ свое

истерикой, съ битьемъ объ полъ. Но онъ боя
желалъ пощадить страдающую. Тѣмъ труднѣ
ченіе, съ которымъ онъ пришелъ. Онъ опять

— Ничего, ничего, за него не бойтесь!
чала опять Катя.—все это у него на минуту,
комъ знаю это сердце. Будьте увѣрены, что
жать. И, главное, это не сейчасъ; будетъ
шиться. Иванъ Ѳедоровичъ къ тому време
самъ все поведетъ, такъ что мнѣ ничего не
безпокойтесь, согласится бѣжать. Да онъ уж
вѣ можетъ онъ свою тварь оставить? А въ
стятъ, такъ какже ему не бѣжать? Онъ, гл
боится, что вы не одобрите побѣга съ нравс
вы должны ему это великодушно *позволит*
необходима тутъ ваша санкція,—съ ядомъ п
помолчала и усмѣхнулась:

— Онъ тамъ толкуетъ, принялась она о
гимны, про крестъ, который онъ долженъ
какой-то, я помню, мнѣ много объ этомъ
тогда передавалъ, и если-бъ вы знали, как
вдругъ съ неудержимымъ чувствомъ воскли
вы знали, какъ онъ любилъ этого несчастнаго

къ словалъ Кати онъ заслышалъ вызовъ, но не под-
го.
Я для того васъ и призвала сегодня, чтобъ вы обѣща-
нѣ сами его уговорить. Или, по вашему тоже, бѣжать
нечестно, не доблестно, или какъ тамъ... не по христіан-
о-ли? еще съ пущимъ вызовомъ прибавила Катя.
Нѣтъ, ничего. Я ему скажу все... пробормоталъ Алеша.—
съ зоветъ сегодня къ себѣ, вдругъ брякнулъ онъ, твердо
ей въ глаза. Она вся вздрогнула и чуть-чуть отшатну-
ъ него на диванѣ.
Меня... развѣ это возможно? пролепетала она, поблѣднѣвъ.
Это возможно и должно! настойчиво и весь оживившись
Алеша. — Ему вы очень нужны, именно теперь. Я не
ы начинать объ этомъ и васъ преждевременно мучить,
ь не необходимость. Онъ боленъ, онъ какъ помѣшанный,
в проситъ васъ. Онъ не мириться васъ къ себѣ проситъ,
ть вы только придете и покажетесь на порогѣ. Съ нимъ
совершилось съ того дня. Онъ понимаетъ, какъ неис-
о передъ вами виновенъ. Не прощенія вашего хочетъ:
нельзя простить»—онъ самъ говоритъ, а только, чтобъ
порогѣ показались...
Вы меня вдругъ... пролепетала Катя,—я всѣ дни предчув-
ла, что вы съ этимъ придете... Я такъ и знала, что онъ
юзоветъ!.. Это невозможно!
Пусть невозможно, но сдѣлайте. Вспомните, онъ въ пер-
зъ пораженъ тѣмъ какъ васъ оскорбилъ, въ первый разъ въ
никогда прежде не постигалъ этого въ такой полнотѣ!
оворитъ: если она откажетъ придти, то я «во всю жизнь
буду несчастливъ». Слышите: каторжный на двадцать лѣтъ
ется еще быть счастливымъ—развѣ это не жалко? Подум
вы безвинно погибшаго посѣтите, съ вызовомъ вырвалось
ли,—его руки чисты, на нихъ крови нѣтъ! Ради безчислен-
го страданія будущаго посѣтите его теперь! Придите, про-
во тьму... станьте на порогѣ и только... Вѣдь вы должны,
е это сдѣлать! заключилъ Алеша, съ неимовѣрною силой
кнувъ слово «должны».
Должна.. но.. не могу.. какъ-бы простонала Катя,—онъ на
удетъ глядѣть... я не могу.
Ваши глаза должны встрѣтиться. Какъ вы будете жить
изнь, если теперь не рѣшитесь?
Лучше *страдать во всю* жизнь.

— Вы должны придти, вы *должны* придти, опять неу
подчеркнулъ Алеша.

— Но почему сегодня, почему сейчасъ... Я не могу ос
больнаго...

— На минуту можете, это вѣдь минута. Если вы не пр
онъ къ ночи заболѣетъ горячкой. Не стану я говорить не п
сжальтесь!

— Надо мной-то сжальтесь, горько упрекнула Катя
плакала.

— Стало быть, придете! твердо проговорилъ Алеша, ул
ея слезы.—Я пойду скажу ему, что вы сейчасъ придете.

— Нѣтъ, ни за что не говорите! испуганно вскрикнула Ка
Я приду, но вы ему впередъ не говорите, потому что я приду
можетъ быть, не войду... Я еще не знаю...

Голосъ ея пресѣкся. Она дышала трудно. Алеша всталъ ух

— А если я съ кѣмъ-нибудь встрѣчусь? вдругъ тихо про
рила она, вся опять поблѣднѣвъ,

— Для того и нужно сейчасъ, чтобы вы тамъ ни съ к
не встрѣтились. Никто не будетъ, вѣрно говорю. Мы бу
ждать,—настойчиво заключилъ онъ и вышелъ изъ комнаты.

II.

На минуту ложь стала правдой.

Онъ поспѣшилъ въ больницу, гдѣ теперь лежалъ Митя. На
рой день послѣ рѣшенія суда онъ заболѣлъ нервною лихорад
былъ отправленъ въ городскую нашу больницу, въ арестантс
дѣленіе. Но врачъ Варвинскій, по просьбѣ Алеши и многихъ др
(Хохлаковой, Лизы и проч.), помѣстилъ Митю не съ арестан
а отдѣльно, въ той самой коморкѣ, въ которой прежде лежалъ
дяковъ. Правда, въ концѣ корридора стоялъ часовой, а окно
рѣшетчатое и Варвинскій могъ быть спокоенъ за свою побѣ
не совсѣмъ законную, но это былъ добрый и сострадательны
лодой человѣкъ. Онъ понималъ, какъ тяжело такому, какъ
прямо вдругъ перешагнуть въ сообщество убійцъ и мошенн
и что къ этому надо сперва привыкнуть. Посѣщеніе-же ро
и знакомыхъ были разрѣшены и докторомъ, и смотрителе
даже и исправникомъ, все подъ рукой. Но въ эти дни по
Митю все только Алеша да Грушенька. Порывался уже дв

я съ нимъ Ракитинъ; но Митя настойчиво просилъ Вар
не впускать того.
ia засталъ его сидящимъ на койкѣ, въ больничномъ ха
много въ жару, съ головою, обернутой полотенцемъ, смо
водою съ уксусомъ. Онъ неопредѣленнымъ взглядомъ по
ь на вошедшаго Алешу, но во взглядѣ всетаки промельк
къ-бы какой-то испугъ.
ще съ самаго суда, онъ сталъ страшно задумчивъ. Иногда
часу молчалъ, казалось что-то туго и мучительно обду
забывая присутствующаго. Если-же выходилъ изъ задум
и начиналъ говорить, то заговаривалъ всегда какъ-то вне
непремѣнно не о томъ, что дѣйствительно ему надо было
Иногда со страданіемъ смотрѣлъ на брата. Съ Грушенькой
о какъ будто легче, чѣмъ съ Алешей. Правда, онъ съ нею
не говорилъ; но чуть только она входила, все лицо его
ъ радостью. Алеша сѣлъ молча подлѣ него на койкѣ. Въ
азъ онъ тревожно ждалъ Алешу но не посмѣлъ ничего
. Онъ считалъ согласіе Кати придти немыслимымъ, и въ
емя чувствовалъ, что если она не придетъ, то будетъ что-то
невозможное. Алеша понималъ его чувства.
Грифонъ-то, заговорилъ суетливо Митя, — Борисычъ-то,
ь, весь свой постоялый дворъ разорилъ: половицы поды
оски отдираетъ, всю «галдарею», говорятъ, въ щепки раз
се клада ищетъ, вотъ тѣхъ самыхъ денегъ, полторы ты
ю которыя прокуроръ сказалъ, что я ихъ тамъ спряталъ.
ѣхалъ, такъ, говорятъ, тотчасъ и пошелъ куралесить. По
мошеннику! Сторожъ мнѣ здѣшній вчера разсказалъ; онъ
.
Слушай, проговорилъ Алеша,—она придетъ, но не знаю
ожетъ, сегодня, можетъ, на дняхъ, этого не знаю, но при
идетъ, это навѣрно. Митя вздрогнулъ, хотѣлъ было что-то
ть, но промолчалъ. Извѣстіе страшно на него подѣйство
ядно было, что ему мучительно хотѣлось-бы узнать подроб
азговора, но что онъ опять боится сейчасъ спросить: что
жестокое и презрительное отъ Кати было-бы ему какъ
ожомъ въ эту минуту.
Вотъ что́ она между прочимъ сказала: чтобъ я непремѣнно
лъ твою совѣсть на счетъ побѣга. Если и не выздоровѣетъ
времени Иванъ, то она сама возьмется за это.
Ты ужь объ этомъ мнѣ говорилъ, раздумчиво замѣтилъ

— А ты уже Грушѣ пересказалъ, замѣтилъ Алеша
— Да, сознался Митя.—Она сегодня утромъ не
робко посмотрѣлъ онъ на брата.—Она придетъ только
Какъ только я ей вчера сказалъ, что Катя орудуетъ,
губы скривились. Прошептала только «пусть ее!» Поняла
важное. Я не посмѣлъ пытать дальше. Понимаетъ вѣдь
жется, теперь что та любитъ не меня, а Ивана?
— Такъ-ли? вырвалось у Алеши.
— Пожалуй, и не такъ. Только она утромъ теперь не
поспѣшилъ еще разъ обозначить Митя, я ей одно порученіе
Слушай, братъ Иванъ всѣхъ превзойдетъ. Ему жить,
Онъ выздоровѣетъ.
— Представь себѣ, Катя хоть и трепещетъ за него,
не сомнѣвается, что онъ выздоровѣетъ, сказалъ Алеша.
— Значитъ, убѣждена, что онъ умретъ. Это она отъ
увѣрена, что выздоровѣетъ.
— Братъ сложенія сильнаго. И я тоже очень надѣюсь,
онъ выздоровѣетъ, тревожно замѣтилъ Алеша.
— Да, онъ выздоровѣетъ. Но та увѣрена, что онъ
Много у ней горя... Наступило молчаніе. Митю мучило
очень важное.
— Алеша, я Грушу люблю ужасно, дрожащимъ,
слезъ голосомъ вдругъ проговорилъ онъ.
— Ее къ тебѣ *туда* не пустятъ, тотчасъ подхватилъ
— И вотъ что еще хотѣлъ тебѣ сказать, продолжалъ
кимъ-то зазвенѣвшимъ вдругъ голосомъ Митя,—если бы
нутъ дорогой, аль *тамъ*, то я не дамся, я убью и меня
ляютъ. И это двадцать вѣдь лѣтъ! Здѣсь ужь *ты* начнешь
говорить. Сторожа мнѣ *ты* говорятъ. Я лежалъ и сегодня
ночь судилъ себя: не готовъ! Не въ силахъ принять! Хотя
«гимнъ» запѣть, а сторожевскаго тыканья не могу осилить.
Грушу-бы все перенесъ, все... кромѣ, впрочемъ, побой... Но
туда не пустятъ.
Алеша тихо улыбнулся.
— Слушай, братъ, разъ навсегда, сказалъ онъ,—вотъ
мои мысли на этотъ счетъ. И вѣдь ты знаешь, что я не
тебѣ. Слушай-же: ты не готовъ и не для тебя такой
Мало того: и не нуженъ тебѣ не готовому, такой велик
ническій крестъ. Если-бы ты убилъ отца, я-бы сожалѣ
ты отвергаешь свой крестъ. Но ты невиненъ и такого
слишкомъ для тебя много. Ты хотѣлъ мукой возродить

ловѣка; по моему, помни только всегда, во всю жизнь
ы ты ни убѣжалъ, объ этомъ другомъ человѣкѣ — и
тебя и довольно. То, что ты не принялъ большой
муки, послужитъ только къ тому, что ты ощутишь въ
бо́льшій долгъ и этимъ безпрерывнымъ ощущеніемъ
ю всю жизнь, поможешь своему возрожденію, можетъ
ѣе чѣмъ если-бъ пошелъ *туда*. Потому что тамъ ты
сешь и возропщешь и, можетъ быть, впрямь, наконецъ,
«Я сквитался». Адвокатъ въ этомъ случаѣ правду ска-
всѣмъ бремена тяжкія, для иныхъ они невозможны...
мысли если онѣ такъ тебѣ нужны. Если-бы за побѣгъ
лись въ отвѣтѣ другіе: офицеры, солдаты, то я-бы тебѣ
олилъ» бѣжать, — улыбнулся Алеша.—Но говорятъ и
(самъ этотъ этапный Ивану говорилъ), что большаго
при умѣніи, можетъ и не быть и что отдѣлаться можно
и. Конечно, подкупать нечестно даже и въ этомъ слу-
гутъ уже я судить ни за что́ не возьмусь, потому соб-
что если-бы мнѣ, напримѣръ, Иванъ и Катя поручили
дѣлѣ для тебя орудовать, то я, знаю это, пошелъ-бы
илъ; это я долженъ тебѣ всю правду сказать. А потому
е судья въ томъ, какъ ты самъ поступишь. Но знай,
тебя не осужу никогда. Да и странно, какъ-бы могъ
въ этомъ дѣлѣ твоимъ судьей? Ну, теперь я, кажется,
мотрѣлъ.
о зато я себя осужу! воскликнулъ Митя. — Я убѣгу,
зъ тебя рѣшено было: Митька Карамазовъ развѣ мо-
убѣжать? Но зато себя осужу и тамъ буду замали-
къ во вѣки! Вѣдь этакъ іезуиты говорятъ, этакъ? Вотъ
теперь съ тобой, а?
такъ, тихо улыбнулся Алеша.
юблю я тебя за то, что ты всегда всю цѣльную правду
, и ничего не утаишь! радостно смѣясь воскликнулъ
Значитъ, я Алешку моего іезуитомъ поймалъ! Расцѣло-
я всего надо за это, вотъ что! Ну, слушай-же теперь и
е, разверну тебѣ и остальную половину души моей. Вотъ
думалъ и рѣшилъ: Если я и убѣгу, даже съ деньгами
томъ, и даже въ Америку, то меня еще ободряетъ та
что не на радость убѣгу, не на счастье, а во истину
ю каторгу не хуже, можетъ быть, этой! Не хуже, Алек-
истину говорю, что не хуже! Я эту Америку, чорту ее
е *теперь ненавижу*. Пусть Груша будетъ со мной, но

посмотри на нее: ну, американка-ль она? Она русская, косточки русская, она по матери родной землѣ затоскуе буду видѣть каждый часъ, что это она для меня тоскуе меня такой крестъ взяла, а чѣмъ она виновата? А я-т вынесу тамошнихъ смердовъ, хоть они, можетъ быть, одного лучше меня? Ненавижу я эту Америку ужь те хоть будь они тамъ всѣ до единаго машинисты необъятн кіе, али что—чортъ съ ними, не мои они люди, не моей Россію люблю, Алексѣй, русскаго Бога люблю, хоть я самъ лецъ! Да я тамъ издохну! воскликнулъ онъ, вдругъ засв глазами. Голосъ его задрожалъ отъ слезъ.

— Ну, такъ вотъ какъ я рѣшилъ, Алексѣй, слушай! онъ опять, подавивъ волненіе:—съ Грушей туда пріѣдем тамъ тотчасъ пахать, работать, съ дикими медвѣдями, въ неніи, гдѣ-нибудь подальше. Вѣдь и тамъ-же найдется нибудь мѣсто подальше! Тамъ, говорятъ, есть еще красно гдѣ-то тамъ у нихъ на краю горизонта, ну, такъ вотъ в край, къ послѣднимъ Могиканамъ. Ну, и тотчасъ за грамм я и Груша. Работа и грамматика, и такъ чтобы года т эти три года аглицкому языку научимся какъ самые что есть англичане. И только что выучимся — конецъ Америк жимъ сюда, въ Россію, американскими гражданами. Не койся, сюда въ городишко не явимся. Спрячемся куда-н подальше, на сѣверъ, али на югъ. Я къ тому времени изи она тоже, тамъ, въ Америкѣ, мнѣ докторъ какую-нибудь давку поддѣлаетъ, не даромъ же они механики. А нѣтъ, я себѣ одинъ глазъ проколю, бороду отпущу въ аршинъ, (по Россіи-то посѣдѣю)—авось не узнаютъ. А узнаютъ, ссылаютъ, все равно, значитъ, не судьба! Здѣсь тоже гдѣ-нибудь въ глуши землю пахать, а я всю жизнь амери изъ себя представлять буду. Зато помремъ на родной Вотъ мой планъ и сіе непреложно. Одобряешь?

— Одобряю, сказалъ Алеша, не желая ему противор

Митя на минуту смолкъ и вдругъ проговорилъ:

— А какъ они въ судѣ-то подвели? Вѣдь какъ подве

— Если-бъ и не подвели, все равно тебя-бъ осудили, говорилъ, вздохнувъ, Алеша.

— Да, надоѣлъ здѣшней публикѣ! Богъ съ ними, а тяжел страданіемъ простоналъ Митя. Опять на минуту смолкл

— Алеша, зарѣжь меня сейчасъ! воскликнулъ онъ вдр придетъ она сейчасъ или нѣтъ, говори! Что сказала? Какъ см

— Сказала, что придетъ, но не знаю сегодня-ли. Трудно вѣд
юбко посмотрѣлъ на брата Алеша.
— Ну, еще-бы-же нѣтъ, еще-бы не трудно! Алеша, я н
ь съ ума сойду. Груша на меня все смотритъ. Понимаетъ
, Господи, смири меня: чего требую? Катю требую! Смыслю
его требую? Безудержъ Карамазовскій, нечестивый! Нѣтъ
граданію я не способенъ! Подлецъ и все сказано!
— Вотъ она! воскликнулъ Алеша.
Въ этотъ мигъ на порогѣ вдругъ появилась Катя. На мгно
, она пріостановилась, какимъ-то потеряннымъ взглядом
ля Митю. Тотъ стремительно вскочилъ на ноги, лицо ег
зило испугъ, онъ поблѣднѣлъ, но тотчасъ-же робкая, про
я улыбка замелькала на его губахъ и онъ вдругъ, неудер
, протянулъ къ Катѣ обѣ руки. Завидѣвъ это, та стреми
ю къ нему бросилась. Она схватила его за руки и почт
и усадила на постель, сама сѣла подлѣ, и, все не выпуска
его, крѣпко, судорожно сжимала ихъ. Нѣсколько разъ об
вались что-то сказать, но останавливались и опять молча
гально, какъ-бы приковавшись, съ странною улыбкой смо
я другъ на друга; такъ прошло минуты двѣ.
— Простила иль нѣтъ? пролепеталъ, наконецъ, Митя, и в
-же мигъ, повернувшись къ Алешѣ, съ искаженнымъ от
:ти лицомъ, прокричалъ ему:
— Слышишь, что спрашиваю, слышишь!
— За то и любила тебя, что ты сердцемъ великодушенъ! выр
:ь вдругъ у Кати.—Да и не надо тебѣ мое прощеніе, а мн
все равно, простишь аль нѣтъ—на всю жизнь въ моей душ
останешься, а я въ твоей—такъ и надо... она остановилас
:ести духъ.
— Я для чего пришла? изступленно и торопливо начала он
:—ноги твои обнять, руки сжать, вотъ такъ, до боли, по
:ь, какъ въ Москвѣ тебѣ сжимала,—опять сказать тебѣ, чт
гъ мой, радость моя, сказать тебѣ, что безумно люблю тебя,—
-бы простонала она въ мукѣ и вдругъ жадно приникла устам
кѣ его. Слезы хлынули изъ ея глазъ. Алеша стоялъ безмолв
я смущенный; онъ никакъ не ожидалъ того что увидѣлъ.
— Любовь прошла, Митя! начала опять Катя,—но дорого д
мнѣ то что прошло. Это узнай на вѣкъ. Но теперь, на одн
:ку, пусть будетъ то, что могло-бы быть,—съ искривленно
той пролепетала она, опять радостно смотря ему въ глаза.—
теперь любишь другую, и я другаго люблю, а все-таки те

я, не смѣй ее упрекать, права не имѣешь! горя
на брата Алеша.
а ея говорили гордыя, а не сердце, съ какимъ-то омер
оизнесла Грушенька. Избавитъ тебя—все прощу...
олкла, какъ-бы что задавивъ въ душѣ. Она еще не
ниться. Вошла она, какъ оказалось потомъ, совсѣмъ
вовсе ничего не подозрѣвая и не ожидая встрѣтить
ила.
ша, бѣги за ней! стремительно обратился къ брату
жи ей... не знаю что... не дай ей такъ уйдти!
ду къ тебѣ передъ вечеромъ! крикнулъ Алеша и по-
Катей. Онъ нагналъ ее уже внѣ больничной ограды.
скоро, спѣшила, но какъ только нагналъ ее Алеша,
говорила ему:
ъ, передъ этой не могу казнить себя! Я сказала ей:
ня» потому, что хотѣла казнить себя до конца. Она
а... Люблю ее за это!—искаженнымъ голосомъ при-
я и глаза ее сверкнули дикою злобой.
тъ совсѣмъ не ожидалъ, пробормоталъ было Алеша,—
увѣренъ, что она не придетъ...
ъ сомнѣнія. Оставимъ это, отрѣзала она.—Слушайте:
туда на похороны идти теперь не могу. Я послала
бикъ цвѣтокъ. Деньги еще есть у нихъ, кажется. Если
ь скажите, что въ будущемъ я никогда ихъ не оста-
теперь оставьте меня, оставьте, пожалуйста. Вы ужь
али, къ поздней обѣднѣ звонятъ... Оставьте меня, по-

III.

ороны Илюшечки. Рѣчь у камня.

ительно онъ опоздалъ. Его ждали и даже ужь рѣши-
его нести хорошенькій, разубранный цвѣтами, гробикъ
. Это былъ гробъ Илюшечки, бѣднаго мальчика. Онъ
ва дня спустя послѣ приговора Мити. Алеша еще у
а былъ встрѣченъ криками мальчиковъ, товарищей
ъ. Они всѣ съ нетерпѣніемъ ждали его и обрадовались,
аконецъ, пришелъ. Всѣхъ ихъ собралось человѣкъ
, всѣ пришли *со своими* ранчиками и сумочками черезъ

плечо. «Папа плакать будетъ, будьте съ папой», —завѣщалъ им
Илюша, умирая, и мальчики это запомнили. Во главѣ ихъ (вм
Коля Красоткинъ.

— Какъ я радъ, что вы пришли, Карамазовъ! воскликну
онъ, протягивая Алешѣ руку. — Здѣсь ужасно. Право, тяже
смотрѣть. Снѣгиревъ не пьянъ, мы знаемъ навѣрно, что онъ ни
чего сегодня не пилъ, а какъ будто пьянъ... Я твердъ всегда
но это ужасно. Карамазовъ, если не задержу васъ, одинъ-б
только еще вопросъ, прежде чѣмъ вы войдете?

— Что такое, Коля? пріостановился Алеша.

— Невиненъ вашъ братъ или виновенъ? Онъ отца убилъ
или лакей? Какъ скажете такъ и будетъ. Я четыре ночи н
спалъ отъ этой идеи.

— Убилъ лакей, а братъ невиненъ, отвѣтилъ Алеша.

— И я тоже говорю! прокричалъ вдругъ мальчикъ. Смуров

— Итакъ онъ погибнетъ невинною жертвой за правду? воскли
нулъ Коля.—Хоть онъ и погибъ, но онъ счастливъ! Я гото
ему завидовать!

— Что вы это, какъ это можно, и зачѣмъ? воскликну
удивленный Алеша.

— О, если-бъ и я могъ хоть когда-нибудь принести себ
въ жертву за правду, съ энтузіазмомъ проговорилъ Коля.

— Но не въ такомъ-же дѣлѣ, не съ такимъ-же позоро
не съ такимъ-же ужасомъ! сказалъ Алеша.

— Конечно... я желалъ-бы умереть за все человѣчество,
что до позора, то все равно: да погибнутъ наши имена. Ваши
брата я уважаю!

— И я тоже! вдругъ и уже совсѣмъ неожиданно выкри
нулъ изъ толпы тотъ самый мальчикъ, который когда-то об
явилъ, что знаетъ кто основалъ Трою, и, крикнувъ, точно таки
какъ и тогда, весь покраснѣлъ до ушей, какъ піонъ.

Алеша вошелъ въ комнату. Въ голубомъ, убранномъ бѣлы
рюшемъ гробѣ лежалъ, сложивъ ручки и закрывъ глазки, Илюш
Черты исхудалаго лица его совсѣмъ почти не измѣнились
странно, отъ трупа почти не было запаху. Выраженіе лица бы
серьезное и какъ бы задумчивое. Особенно хороши были ру
сложенныя на-крестъ, точно вырѣзанныя изъ мрамора. Въ ру
ему вложили цвѣтовъ, да и весь гробъ былъ уже убранъ сн
ружи и снутри цвѣтами, присланными чѣмъ свѣтъ отъ Лиз
Хохлаковой. Но прибыли и еще цвѣты отъ Катерины Ивановн
и когда Алеша отворилъ дверь, штабсъ-капитанъ, съ пучк

вѣтовъ въ дрожащихъ рукахъ своихъ, обсыпалъ ими се
своего дорогаго мальчика. Онъ едва взглянулъ на вошедш
лешу, да и ни на кого не хотѣлъ глядѣть, даже на плачущ
омѣшанную жену свою, свою «мамочку», которая все старал
риподняться на свои больныя ноги и заглянуть поближе
своего мертваго мальчика. Ниночку-же дѣти приподняли съ
гуломъ и придвинули вплоть къ гробу. Она сидѣла прижавши
ъ нему своею головой и тоже, должно быть, тихо плакала
лицо Снѣгирева имѣло видъ оживленный, но какъ-бы растерян
ый, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ожесточенный. Въ жестахъ его, в
ырывавшихся словахъ его было что-то полоумное. «Батюшка,
илый батюшка!» восклицалъ онъ поминутно, смотря на Илюшу.
него была привычка, еще когда Илюша былъ въ живыхъ,
оворить ему ласкаючи: «батюшка, милый батюшка!»

— Папочка, дай и мнѣ цвѣточковъ, возьми изъ его ручки
отъ этотъ бѣленькій, и дай! всхлипывая попросила помѣшанная
мамочка». Или ужь ей такъ понравилась маленькая бѣленькая
оза, бывшая въ рукахъ Илюши, или то, что она изъ его рук
ахотѣла взять цвѣтокъ на память, но она вся такъ и замета-
ась, протягивая за цвѣткомъ руки.

— Никому не дамъ, ничего не дамъ! жестокосердно воскли-
улъ Снѣгиревъ.—Его цвѣточки, а не твои. Все его, ничего
воего!

— Папа, дайте мамѣ цвѣтокъ! подняла вдругъ свое смоченное
езами лицо Ниночка.

— Ничего не дамъ, а ей пуще не дамъ! Она его не любила
на у него тогда пушечку отняла, а онъ ей подарилъ, вдруг
ъ голосъ прорыдалъ штабсъ-капитанъ при воспоминаніи о томъ
акъ Илюша уступилъ тогда свою пушечку мамѣ. Бѣдная помѣ
іанная такъ и залилась вся тихимъ плачемъ, закрывъ лицо
уками. Мальчики, видя, наконецъ, что отецъ не выпускает
робъ отъ себя, а между тѣмъ пора нести, вдругъ обступили
робъ тѣсною кучкой и стали его подымать.

— Не хочу въ оградѣ хоронить! возопилъ вдругъ Снѣгиревъ
камня похороню, у нашего камушка! Такъ Илюша велѣлъ
[е дамъ нести!

Онъ и прежде, всѣ три дня говорилъ, что похоронитъ у
амня; но вступились Алеша, Красоткинъ, квартирная хозяйка
естра ея, всѣ мальчики.

— Вишь что выдумалъ, у камня поганаго хоронить, точно-бы
давленника, строго проговорила старуха-хозяйка. — Тамъ у

оградѣ земля со крестомъ. Тамъ по немъ молиться будут
церкви пѣніе слышно, а дьяконъ такъ чисторѣчиво и с
читаетъ, что все до него каждый разъ долетитъ, точно-б
могилкой его читали.

Штабсъ-капитанъ замахалъ, наконецъ, руками: «Нес
скать, куда хотите!» Дѣти подняли гробъ, но, пронося м
тери, остановились предъ ней на минутку и опустили его
она могла съ Илюшей проститься. Но, увидавъ вдругъ
рогое личико вблизи, на которое всѣ три дня смотрѣла л
нѣкотораго разстоянія, она вдругъ вся затряслась и начал
рически дергать надъ гробомъ своею сѣдою головой в
впередъ.

— Мама, окрести его, благослови его, поцѣлуй его, п
чала ей Ниночка. Но та, какъ автоматъ, все дергалась
головой и безмолвно, съ искривленнымъ отъ жгучаго го
цомъ, вдругъ стала бить себя кулакомъ въ грудь. Гробъ п
дальше. Ниночка въ послѣдній разъ прильнула губами къ
покойнаго брата, когда проносили мимо нея. Алеша, выхо
дому, обратился было къ квартирной хозяйкѣ съ просьбо
смотрѣть за оставшимися, но та и договорить не дала:

— Знамо дѣло, при нихъ буду, христіане и мы тож
руха, говоря это, плакала. Нести до церкви было не далек
говъ триста, не болѣе. День сталъ ясный, тихій, морозн
немного. Благовѣстный звонъ еще раздавался. Снѣгиревъ
ливо и растерянно бѣжалъ за гробомъ въ своемъ старен
коротенькомъ, почти лѣтнемъ пальтишкѣ, съ непокрытою
вой и со старою, широкополою, мягкою шляпой въ рукахъ
былъ въ какой-то неразрѣшимой заботѣ, то вдругъ протяг
руку, чтобъ поддержать изголовье гроба и только мѣшал
сущимъ, то забѣгалъ сбоку и искалъ гдѣ-бы хоть тутъ
строиться. Упалъ одинъ цвѣтокъ на снѣгъ и онъ такъ
сился подымать его, какъ будто отъ потери этого цвѣтка
знаетъ что̀ зависѣло.

— А корочку-то, корочку-то забыли, вдругъ воскли
онъ въ страшномъ испугѣ. Но мальчикитотчасъ напомнили
что корочку хлѣбца онъ уже захватилъ еще давеча и что
у него въ карманѣ. Онъ мигомъ выдернулъ ее изъ карма
удостовѣрившись, успокоился.

— Илюшечка велѣлъ, Илюшечка, — пояснилъ онъ то
Алешѣ;—лежалъ онъ ночью, а я подлѣ сидѣлъ, и вдругъ
сказалъ: «Папочка, когда засыпать мою могилку, покро

лей корочку хлѣбца, чтобъ воробушки прилетали, я услы
ми прилетѣли и мнѣ весело будетъ, что я не одинъ леж
— Это очень хорошо, сказалъ Алеша, — надо чаще н
— Каждый день, каждый день! залепеталъ штабсъ
анъ, какъ-бы весь оживившись.

Прибыли, наконецъ, въ церковь и поставили посре
гробъ. Всѣ мальчики обступили его кругомъ и чинно прос
какъ всю службу. Церковь была древняя и довольно бо
много иконъ стояло совсѣмъ безъ окладовъ, но въ такихъ
нихъ какъ-то лучше молишься. За обѣдней Снѣгиревъ ка
нѣсколько попритихъ, хотя временами все-таки прорывал
немъ та-же безсознательная и какъ-бы сбитая съ толку
ченность: то онъ подходилъ къ гробу оправлять покровъ,
чикъ; то когда упала одна свѣчка изъ подсвѣчника, вдруг
сился вставлять ее и ужасно долго съ ней провозился. З
уже успокоился и сталъ смирно у изголовья съ тупо-оза
нымъ и какъ-бы недоумѣвающимъ лицомъ. Послѣ апостол
вдругъ шепнулъ стоявшему подлѣ него Алешѣ, что апосто
такъ прочитали, но мысли своей, однако, не разъяснилъ
херувимской принялся было подпѣвать, но не докончилъ и
стившись на колѣна, прильнулъ лбомъ къ каменному церко
полу и пролежалъ такъ довольно долго. Наконецъ, прист
къ отпѣванію, роздали свѣчи. Обезумѣвшій отецъ засуе
было опять, но умилительное, потрясающее надгробное
пробудило и сотрясло его душу. Онъ какъ-то вдругъ весь
жился и началъ часто, укороченно рыдать, сначала тая го
а подъ конецъ громко всхлипывая. Когда-же стали прощат
накрывать гробъ, онъ обхватилъ его руками, какъ-бы не
накрыть Илюшечку, и началъ часто, жадно, не отрываясь
ловать въ уста своего мертваго мальчика. Его, наконецъ,
ворили и уже свели было со ступеньки, но онъ вдругъ ст
тельно протянулъ руку и захватилъ изъ гробика нѣсколько
ковъ. Онъ смотрѣлъ на нихъ и какъ-бы новая какая идея
нила его, такъ что о главномъ онъ словно забылъ на ми
Мало по малу онъ какъ-бы впалъ въ задумчивость и уп
сопротивлялся, когда подняли и понесли гробъ къ могилкѣ
была недалеко, въ оградѣ, у самой церкви, дорогая; запл
за нее Катерина Ивановна. Послѣ обычнаго обряда могиль
гробъ опустили. Снѣгиревъ до того нагнулся, съ своими
точками въ рукахъ, надъ открытою могилой, что мальчи
испугѣ, уцѣпились за его пальто и стали тянуть его наза

онъ какъ-бы уже не понималъ хорошо, что совершается. Ког
стали засыпать могилу, онъ вдругъ озабоченно сталъ указыва
на валившуюся землю и начиналъ даже что-то говорить, и
разобрать никто ничего не могъ, да и онъ самъ вдругъ утих
Тутъ напомнили ему, что надо покрошить корочку и онъ ужас
заволновался, выхватилъ корку и началъ щипать ее, разбрас
вая по могилкѣ кусочки: «Вотъ и прилетайте, птички, вотъ
прилетайте, воробушки!»—бормоталъ онъ озабоченно. Кто-то из
мальчиковъ замѣтилъ было ему, что съ цвѣтами въ рукахъ
неловко щипать и чтобъ онъ на время далъ ихъ кому подержа
Но онъ не далъ, даже вдругъ испугался за свои цвѣты, точ
ихъ хотѣли у него совсѣмъ отнять, и, поглядѣвъ на могилку
какъ-бы удостовѣрившись, что все уже сдѣлано, кусочки покр
шены, вдругъ, неожиданно и совсѣмъ даже спокойно повернул
и побрелъ домой. Шагъ его, однако, становился все чаще и уг
ропленнѣе, онъ спѣшилъ, чуть не бѣжалъ. Мальчики и Алеш
отъ него не отставали.

— Мамочкѣ цвѣточковъ, мамочкѣ цвѣточковъ! Обидѣли и
мочку, началъ онъ вдругъ восклицать. Кто-то крикнулъ ем
чтобъ онъ надѣлъ шляпу, а то теперь холодно, но, услышав
онъ какъ-бы въ злобѣ, шваркнулъ шляпу на снѣгъ и стал
приговаривать: «не хочу шляпу, не хочу шляпу!» Мальчик
Смуровъ поднялъ ее и понесъ за нимъ. Всѣ мальчики до сл
наго плакали, а пуще всѣхъ Коля и мальчикъ, открывшій Гр
и хоть Смуровъ, съ капитанскою шляпой въ рукахъ тоже ужас
какъ плакалъ, но успѣлъ таки, чуть не на бѣгу, захватить об
ломокъ кирпичика, краснѣвшій на снѣгу дорожки, чтобъ метну
имъ въ быстро пролетѣвшую стаю воробушковъ... Конечно, н
попалъ и продолжалъ бѣжать, плача. На половинѣ дороги Сн
гиревъ внезапно остановился, постоялъ съ полминуты какъ-б
чѣмъ-то пораженный и вдругъ, поворотивъ назадъ къ церкв
пустился бѣгомъ къ оставленной могилкѣ. Но мальчики мигом
догнали его и уцѣпились за него со всѣхъ сторонъ. Тутъ онъ, как
въ безсиліи, какъ сраженный палъ на снѣгъ и біясь, вопія и рыдая
началъ выкрикивать: «Батюшка, Илюшечка, милый батюшка!»
Алеша и Коля стали поднимать его, упрашивать и уговаривать.

— Капитанъ, полноте, мужественный человѣкъ обязанъ пе
реносить,—бормоталъ Коля.

— Цвѣты-то вы испортите, проговорилъ и Алеша, а «мамочка
ждетъ ихъ, она сидитъ — плачетъ, что вы давеча ей не дали
цвѣтовъ отъ Илюшечки. Тамъ постелька Илюшина еще теплая...

— Да, да, къ мамочкѣ, вспомнилъ вдругъ опять Снѣгир
остельку уберутъ, уберутъ! прибавилъ онъ какъ-бы въ исп
го и въ самомъ дѣлѣ уберутъ, вскочилъ и опять побѣж
ой. Но было уже не далеко и всѣ прибѣжали вмѣстѣ. С
превъ стремительно отворилъ дверь и завопилъ женѣ, съ
рою давеча такъ жестокосердно поссорился.

— Мамочка, дорогая, Илюшечка цвѣточковъ тебѣ присла
ожки твои больныя! прокричалъ онъ, протягивая ей пучеч
вѣтовъ, померзшихъ и поломанныхъ, когда онъ бился сейч
ъ снѣгъ. Но въ это самое мгновеніе увидѣлъ онъ передъ
голькой Илюши, въ уголку, Илюшины сапожки, стоявшіе
ндышкомъ, только что прибранные хозяйкой квартиры,—с
енькіе, порыжѣвшіе, закорузлые сапожки, съ заплатками. У
явъ ихъ, онъ поднялъ руки и такъ и бросился къ нимъ, па
а колѣни, схватилъ одинъ сапожокъ и, прильнувъ къ нему
ами, началъ жадно цѣловать его, выкрикивая: «Батюшка, И
ечка, милый батюшка, ножки-то твои гдѣ?»

— Куда ты его унесъ? Куда ты его унесъ? раздирающи
олосомъ завопила помѣшанная. Тутъ ужь зарыдала и Ниноч
оля выбѣжалъ изъ комнаты, за нимъ стали выходить и ма
ики. Вышелъ, наконецъ, за ними и Алеша: «Пусть переплачу
казалъ онъ Колѣ, тутъ ужь, конечно, нельзя утѣшать. Пе
демъ минутку и воротимся».

— Да, нельзя, это ужасно, подтвердилъ Коля. Знаете,
амазовъ, понизилъ онъ вдругъ голосъ, чтобъ никто не услыша
нѣ очень грустно и если-бъ только можно было его воскреси
о я-бы отдалъ все на свѣтѣ!

— Ахъ, и я тоже, сказалъ Алеша.

— Какъ вы думаете, Карамазовъ, приходить намъ сюда
одня вечеромъ? Вѣдь онъ напьется.

— Можетъ быть, и напьется. Придемъ мы съ вами тол
двоемъ, вотъ и довольно, чтобъ посидѣть съ ними часокъ,
атерью и съ Ниночкой, а если всѣ придемъ разомъ, то
пять все напомнимъ, посовѣтовалъ Алеша.

— Тамъ у нихъ теперь хозяйка столъ накрываетъ, —
ominки что-ли будутъ, попъ придетъ; возвращаться намъ с
асъ туда, Карамазовъ, или нѣтъ?

— Непремѣнно, сказалъ Алеша.

— Странно все это, Карамазовъ, такое горе и вдругъ ка
о блины, какъ это все неестественно по нашей религіи.

— У нихъ тамъ и семга будетъ, громко замѣтилъ
мальчикъ, открывшій Трою.

— Я васъ серьезно прошу, Карташовъ, не вмѣшивать
съ вашими глупостями, особенно когда съ вами не то
не хотятъ даже знать, есть-ли вы на свѣтѣ, раздражит
рѣзалъ въ его сторону Коля. Мальчикъ такъ и вспых
отвѣтить ничего не осмѣлился. Между тѣмъ всѣ тихонь
по тропинкѣ и вдругъ Смуровъ воскликнулъ:

— Вотъ Илюшинъ камень, подъ которымъ его хотѣл
ронить!

Всѣ молча остановились у большаго камня. Алеша посм
и цѣлая картина того, что Снѣгиревъ разсказывалъ когда
Илюшечкѣ, какъ тотъ, плача и обнимая отца, восклицал
почка, папочка, какъ онъ унизилъ тебя!» — разомъ пре
лась его воспоминанію. Что-то какъ-бы сотряслось въ его
Онъ съ серьезнымъ и важнымъ видомъ обвелъ глазами
милыя, свѣтлыя лица школьниковъ, Илюшиныхъ товари
вдругъ сказалъ имъ:

— Господа, мнѣ хотѣлось-бы вамъ сказать здѣсь, на
самомъ мѣстѣ, одно слово.

Мальчики обступили его и тотчасъ устремили на не
стальные, ожидающіе взгляды.

— Господа, мы скоро разстанемся. Я теперь пока нѣ
времени съ двумя братьями, изъ которыхъ одинъ пой
ссылку, а другой лежитъ при смерти. Но скоро я здѣ
родъ покину, можетъ быть, очень надолго. Вотъ мы и
немся, господа. Согласимся-же здѣсь, у Илюшина камн
не будемъ никогда забывать—во первыхъ, Илюшечк
вторыхъ, другъ о другѣ. И что-бы тамъ ни случилось
потомъ въ жизни, хотя-бы мы и двадцать лѣтъ потомъ в
чались, — все-таки будемъ помнить о томъ, какъ мы х
бѣднаго мальчика, въ котораго прежде бросали камни,
тамъ, у мостика-то?—а потомъ такъ всѣ его полюбили. Он
славный мальчикъ, добрый и храбрый мальчикъ, чувствова
и горькую обиду отцовскую, за которую и возсталъ. И
первыхъ, будемъ помнить его, господа, во всю нашу ж
хотя-бы мы были заняты самыми важными дѣлами,
почестей или впали-бы въ какое великое несчастье,—в
не забывайте никогда, какъ намъ было разъ здѣсь хорош
сообща, соединеннымъ такимъ хорошимъ и добрымъ чу
которое и насъ сдѣлало на это время любви нашей къ

— И вѣчная память мертвому мальчику! съ чувствомъ прибавилъ опять Алеша.

— Вѣчная память! подхватили снова мальчики.

— Карамазовъ! крикнулъ Коля,—неужели и взаправду религія говоритъ, что мы всѣ встанемъ изъ мертвыхъ и оживемъ и увидимъ опять другъ друга, и всѣхъ, и Илюшечку?

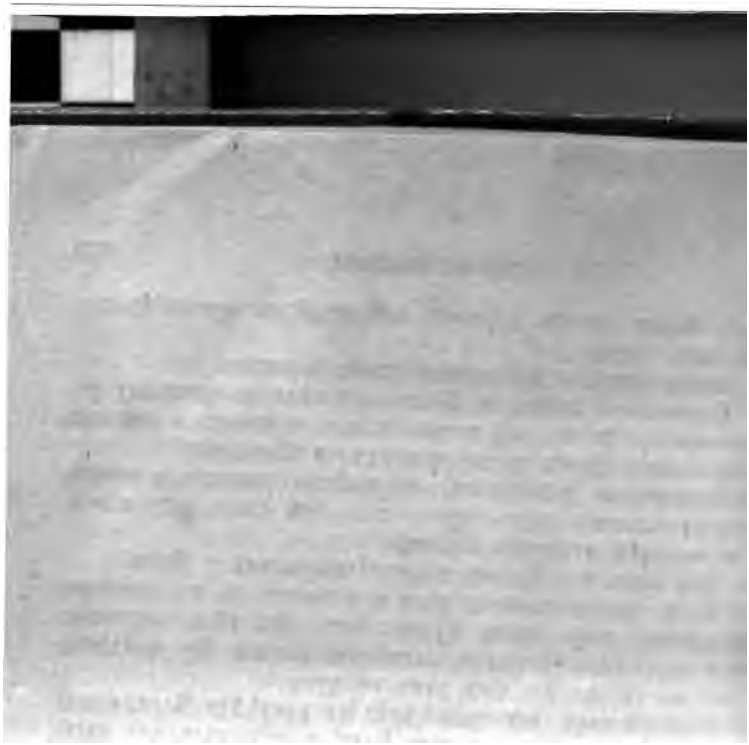
— Непремѣнно возстанемъ, непремѣнно увидимъ и весело, радостно разскажемъ другъ другу все, что было, полусмѣясь, полу въ восторгѣ отвѣтилъ Алеша.

— Ахъ, какъ это будетъ хорошо! вырвалось у Коли.

— Ну, а теперь кончимъ рѣчи и пойдемте на его поминки. Не смущайтесь, что блины будемъ ѣсть. Это вѣдь старинное, вѣчное и тутъ есть хорошее, засмѣялся Алеша. Ну, пойдемте же! Вотъ мы теперь и идемъ рука въ руку.

— И вѣчно такъ, всю жизнь рука въ руку! Ура Карамазову! еще разъ восторженно прокричалъ Коля и еще разъ всѣ мальчики подхватили его восклицаніе.

КОНЕЦЪ ДВѢНАДЦАТАГО И ПОСЛѢДНЯГО ТОМА.



Оглавленіе.

стр.

ъ Автора 9

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

нга первая. Исторія одной семейки.

Глава I. Ѳедоръ Павловичъ Карамазовъ 11
— II. Перваго сына спровадилъ 14
— III. Второй бракъ и вторыя дѣти 18
— IV. Третій сынъ Алеша 24
— V. Старцы 32

га вторая. Неумѣстное собраніе.

Глава I. Пріѣхали въ монастырь 43
— II. Старый шутъ 48
— III. Вѣрующія бабы 57
— IV. Маловѣрная дама 65
— V. Бу́ди, бу́ди! 72
— VI. Зачѣмъ живетъ такой человѣкъ! 82
— VII. Семинаристъ-карьеристъ 92
— VIII. Скандалъ 101

нга третья. Сладострастники.

Глава I. Въ лакейской 110
— II. Лизавета Смердящая 116
— III. Исповѣдь горячаго сердца. Въ стихахъ . . . 120
— IV. Исповѣдь горячаго сердца. Въ анекдотахъ . 129
— V. Исповѣдь горячаго сердца. „Вверхъ пятами“ . 136
— VI. Смердяковъ 145
— VII. Контроверза 150
— VIII. За коньячкомъ 156
— IX. Сладострастники 163
— X. Обѣ вмѣстѣ 169
— XI. Еще одна погибшая репутація 180

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Книга четвертая. Надрывы.

Глава I. Отецъ Ѳерапонтъ . . . . . .
— II. У отца . . . . . .
— III. Связался со школьниками . . . . . .
— IV. У Хохлаковыхъ . . . . . .
— V. Надрывъ въ гостиной . . . . . .
— VI. Надрывъ въ избѣ . . . . . .
— VII. И на чистомъ воздухѣ . . . . . .

Книга пятая. Pro и contra.

Глава I. Сговоръ . . . . . .
— II. Смердяковъ съ гитарой . . . . . .
— III. Братья знакомятся . . . . . .
— IV. Бунтъ . . . . . .
— V. Великій инквизиторъ . . . . . .
— VI. Пока еще очень неясная . . . . . .
— VII. «Съ умнымъ человѣкомъ и поговорить любопытно» . . . . . .

Книга шестая. Русскій инокъ.

Глава I. Старецъ Зосима и гости его . . . . . .
— II. Изъ житія въ Бозѣ преставившагося іеросхимонаха старца Зосимы, составлено съ собственныхъ словъ его Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Карамазовымъ. Свѣдѣнія біографическія.
а) О юношѣ братѣ старца Зосимы . . . .
б) О священномъ Писаніи въ жизни отца Зосимы . . . . . .
в) Воспоминаніе о юности и молодости старца Зосимы еще въ міру. Поединокъ . . . .
г) Таинственный посѣтитель . . . . . .
— III. Изъ бесѣдъ и поученій старца Зосимы.
д) Нѣчто объ инокѣ русскомъ и о возможномъ значеніи его . . . . . .
е) Нѣчто о господахъ и слугахъ и о томъ, возможно-ли господамъ и слугамъ стать въ имено по духу братьями . . . . . .
ж) О молитвѣ, о любви и о соприкосновеніи міромъ инымъ . . . . . .
з) Можно-ли быть судіею себѣ подобныхъ? О вѣрѣ до конца . . . . . .
и) О адѣ и адскомъ огнѣ, разсужденіе мистическое . . . . . .

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Книга седьмая. Алеша.

Глава I. Тлетворный духъ . . . . . .
— II. Такая минутка . . . . . .

стр.
— III. Луковка 394
— IV. Кана Галилейская 412

ига восьмая. Митя.
Глава I. Кузьма Самсоновъ 417
— II. Лягавый 428
— III. Золотые прінски 435
— IV. Въ темнотѣ 447
— V. Внезапное рѣшеніе 452
— VI. Самъ ѣду! 468
— VII. Прежній и безспорный 476
— VIII. Бредъ 493

ига девятая. Предварительное слѣдствіе.
Глава I. Начало карьеры чиновника Перхотина 506
— II. Тревога 514
— III. Хожденіе души по мытарствамъ. Мытарство первое 520
— IV. Мытарство второе 529
— V. Третье мытарство 537
— VI. Прокуроръ поймалъ Митю 548
— VII. Великая тайна Мити. Освистали 556
— VIII. Показаніе свидѣтелей. Дитё 567
— IX. Увезли Митю 577

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ига десятая. Мальчики.
Глава I. Коля Красоткинъ 581
— II. Дѣтвора 586
— III. Школьникъ 592
— IV. Жучка 600
— V. У Илюшиной постели 608
— VI. Раннее развитіе 625
— VII. Илюша 631

ига одиннадцатая. Братъ Иванъ Ѳедоровичъ.
Глава I. У Грушеньки 636
— II. Больная ножка 645
— III. Бѣсенокъ 655
— IV. Гимнъ и секретъ 662
— V. Не ты, не ты! 675
— VI. Первое свиданіе со Смердяковымъ 681
— VII. Второй визитъ къ Смердякову 691
— VIII. Третье и послѣднее свиданіе со Смердяковымъ . 701
— IX. Чортъ. Кошмаръ Ивана Ѳедоровича 717
— X. «Это онъ говорилъ!» 738

[redacted]

ОГЛАВЛЕНІЕ.

нига двѣнадцатая. Судебная ошибка.

Глава I. Роковой день . . . . . .
— II. Опасные свидѣтели . . . . . .
— III. Медицинская экспертиза и одинъ фунтъ орѣхо
— IV. Счастье улыбается Митѣ . . . . . .
— V. Внезапная катастрофа . . . . . .
— VI. Рѣчь прокурора. Характеристика . . . .
— VII. Обзоръ историческій . . . . . .
— VIII. Трактатъ о Смердяковѣ . . . . . .
— IX. Психологія на всѣхъ парахъ. Скачущая трой
Финалъ рѣчи прокурора . . . . . .
— X. Рѣчь защитника. Палка о двухъ концахъ.
— XI. Денегъ не было. Грабежа не было . . . .
— XII. Да и убійства не было . . . . . .
— XIII. Преступной мысли . . . . . .
— XIV. Мужички за себя постояли . . . . . .

ЭПИЛОГЪ.

Глава I. Проэкты спасти Митю . . . . . .
— II. На минутку ложь стала правдой . . .
— III. Похороны Илюшечки. Рѣчь у камня . . .

077-S

Stanford University Libraries
3 6105 012 250 382

HG
330
A11
1871
v. 11-

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

28D APR 1 8 1995

JAN 0 5 2005

JAN 0 5 2004

MAR 2 5 2005

OCT 0 2005